НИВА
ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ,
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.
1879
ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ
НИВА
ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАВАЕМЫЙ
А.Ф. МАРКСОМЪ
На Большой Морской
д. Росмана. № 9
П. МАРКОВ
К. ВЕЙЕРМАНЪ

X годъ — годъ X

№ 27 — 1879

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ «ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ» (отъ 20 до 40 модн. рис.)
Выданъ 2 Іюля 1879 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40). Цѣна этого № „Нивы“ 20 к. съ перес. 25 к.

При этомъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за ІЮЛЬ съ 40 рисунками и отдѣльный листъ съ 25 чертеж. выкроекъ въ натуральн. величин., и съ 47 рис. рукод. дѣтской работы.

Якубъ-ханъ.

Новый эмиръ Авгана.

Новый эмиръ Авганскій, старшій сынъ и наслѣдникъ недавно умершаго эмира Ширъ-Али, —Якубъ-Ханъ, принадлежитъ къ числу (весьма небольшому) тѣхъ даровитыхъ среднеазіатскихъ владѣтелей, которые, время отъ времени, возвышаются надъ ординарнымъ уровнемъ типа этихъ послѣднихъ, проявляя, нерѣдко, замѣчательныя способности. Выступивъ на сцену еще въ очень юныхъ годахъ, Якубъ-Ханъ почти всю первую молодость свою провелъ на поляхъ битвъ, гдѣ съумѣлъ выказать, по своему, недюжинный военный талантъ. Свою карьеру онъ началъ во время борьбы за Гератъ, предпринятой его 92 лѣтнимъ дѣдомъ, Достъ-Магомедомъ и законченной Ширъ-Али. Укрѣпленный и довольно важный въ стратегическомъ отношеніи пунктъ этотъ, расположенный на возвышенности въ равнинѣ, идущей отъ южныхъ склоновъ Паропамирскихъ горъ къ восточной границѣ Персіи—служилъ въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій яблокомъ раздора между авганскими, другими среднеазіатскими владѣтелями и Персіей. Этой послѣдней удалось овладѣть имъ въ 1856 году. Событіе это совпало съ окончаніемъ крымской войны и западныя державы а въ особенности Британія, заподозрили въ немъ косвенное участіе русскихъ, одобрявшихъ, будто бы, завоевательные планы Ирана „по направленію къ Индіи“; немедленно, изъ Бомбея былъ высланъ отрядъ войскъ, высадившійся въ Бендербуширѣ и быстро завоевавшій югъ Персіи. Шахъ поспѣшилъ заключить миръ (въ 1857 г.), но, не желая уступить своимъ побѣдителямъ вполнѣ, а еще болѣе, не имѣя никакого намѣренія порвать всякую связь съ Гератомъ, уступилъ его племяннику Достъ-Магомеда, султану Ахмедъ-Дьяну, жив-

Якубъ-ханъ, новый эмиръ Авгана. Съ фотогр. грав. Е. Шмидтъ.

шему при Тегеранскомъ дворѣ и считавшемуся искреннимъ приверженцемъ шаха. Дѣйствительно, Насръ-Эддинъ не ошибся—поставленный имъ владѣтель Гератскій всегда держалъ себя какъ преданный вассалъ Персіи. Британцы отправили къ нему специальную миссію, имѣвшую своимъ назначеніемъ добиться, тѣмъ или инымъ способомъ, его охлажденія къ шаху, но это не удалось. Вскорѣ, именно въ 1862 году, дипломатовъ королевы смѣнилъ Достъ-Магомедъ, явившійся, какъ говорятъ, по негласному совѣту Британіи, съ своими полчищами къ стѣнамъ Герата. Осада, продолжавшаяся около года, завершилась взятіемъ города. Чрезъ нѣсколько дней послѣ паденія крѣпости, Ахмедъ-Дьянъ умеръ, вслѣдъ за нимъ, наканунѣ своего вступленія въ полуразрушенный городъ, умеръ и Достъ-Магомедъ. По улицамъ, торжественно пронесли тѣло его.

Не смотря на свой, почти дѣтскій возрастъ, Якубъ-Ханъ принималъ участіе въ осадѣ и взятіи Герата и Ширъ-Али даже назначилъ его правителемъ завоеванной области, конечно, приставивъ къ нему опытныхъ руководителей. Вамбери, посѣтившій, нѣсколько времени спустя, Гератъ и видѣвшій юнаго правителя, говоритъ, что онъ поразилъ его своимъ острымъ умомъ. По Средней Азіи Вамбери путешествовалъ въ костюмѣ дервиша и не возбуждалъ сомнѣній ни въ комъ. Такъ явился онъ и передъ принцемъ, который быстро взглянувъ на посѣтителя, смутилъ его словами: „ты иноземецъ“. Вамбери отвѣтилъ стихомъ изъ корана и принцъ сдѣлалъ видъ, что удовлетворился этимъ отвѣтомъ. По словамъ этаго писателя, молодой Якубъ-Ханъ съумѣлъ устроить дѣла въ Гератѣ и во всемъ округѣ и создалъ изъ этой пограничной, на западѣ Авганистана, крѣпости не только оплотъ отъ нападеній Персіи, но и арсеналъ для боевыхъ запасовъ на случай подавленія внутреннихъ безпорядковъ. Скоро, однако, Якубъ-Хану представился случай выказать свои дарованія въ полномъ блескѣ. Ширъ-Али, въ первые годы царствованія, далеко не былъ твердъ на своемъ авганскомъ престолѣ; въ претендентахъ недостатка не было и одинъ изъ нихъ, его племянникъ, ханъ Афцаль, поднялъ возстаніе. Вначалѣ, счастье повернуло въ сторону Афцаля. Эмиръ уже былъ изгнанъ изъ Кабула и потерялъ одинъ за другимъ, важнѣйшіе пункты—Газни, Бальхъ, Кандагаръ. У него остался только Гератъ, и что было еще лучше для него—остался сынъ, Якубъ-Ханъ. Ставъ во главѣ отцовскаго войска, молодой полководецъ повелъ его отъ одной побѣды къ другой, нанося рѣшительныя пораженія претенденту, и быстро и неустанно преслѣдуя его, возвратилъ Ширу-Али все, чѣмъ Афцаль успѣлъ, было, завладѣть. За эту великую услугу Якубъ-Хану было отплачено неблагодарностью, но, мало того—подвигъ этотъ послужилъ причиной гоненій, которымъ Якубъ подвергался со стороны отца своего до послѣдняго времени. Близко знакомые съ новѣйшей исторіей Авганистана объясняютъ это, впрочемъ, весьма просто. Такъ какъ въ отчаянной борьбѣ, которую преемникъ Достъ-Магомеда велъ съ племянникомъ, всюду давали перевѣсъ храбрость и военная ловкость хана Якуба, то имя его вскорѣ сдѣлалось чрезвычайно популярнымъ въ народѣ, во всей странѣ. Отцу это не понравилось—и чѣмъ болѣе росла эта популярность, тѣмъ холоднѣе становился онъ къ сыну и, уже тотчасъ послѣ втораго вступленія Ширъ-Али въ Кабулъ, вездѣ поговаривали, что отецъ и сынъ обмѣнялись между собою нѣсколькими сильными словами по поводу какихъ-то обстоятельствъ. Дѣло, однако, пошло дальше „обмѣна сильными словами“. Ширъ-Али не ограничился одними оскорбленіями, онъ задумалъ назначить наслѣдникомъ одного изъ своихъ младшихъ и любимыхъ сыновей, помимо хана Якуба. Авганцы, вообще, пылкій народъ, о членахъ же фамиліи Достъ-Магомеда говорили даже, что они всѣ—люди чрезвычайно вспыльчиваго, едва ли не бѣшенаго характера. Понятно—какъ должна была на подобную натуру подѣйствовать явная несправедливость. Недовольные есть вездѣ, они окружили молодаго принца и, ожидая, почему-то, многаго отъ счастливаго исхода возстанія, все болѣе и болѣе разжигали пламя раздора. Въ 1869 году отношенія между отцемъ и сыномъ были совершенно разорваны. Оставалось ожидать только минуты вспышки.

Она вскорѣ настала. Якубъ-Ханъ внезапно исчезъ. Сначала не поняли значенія побѣга, не вѣрили, предполагали, что онъ охотится гдѣ нибудь около Газни. Но, неизвѣстность и недоразумѣніе скоро должны были уступить мѣсто достовѣрности. Въ началѣ апрѣля, возмутившійся сынъ обойдя Ферро, явился съ значительнымъ войскомъ передъ Гератомъ и обложилъ укрѣпленіе, запасшись и осадными пушками. Пока Ширъ-Али находился въ полнѣйшемъ заблужденіи (ему говорили, что у хана Якуба нѣтъ въ странѣ никакой партіи, что рано или поздно его поймаютъ и пришлютъ въ Кабулъ)—возмутившемуся оказывали тайную поддержку и слуги его отца—правители Ферро и Кандагара. Въ началѣ мая его войска составляли уже силу въ 6.000 человѣкъ и 8-го онъ овладѣлъ Гератомъ.

Паденіе крѣпости было совершенною неожиданностью для эмира. Положеніе его сдѣлалось чрезвычайно критическимъ, такъ какъ усложнилось новымъ возстаніемъ на сѣверѣ, поднятымъ другимъ членомъ его фамиліи, ханомъ Абдуррахманомъ, къ которому примкнули и два сына послѣдняго владѣтеля Герата, кромѣ того, на югѣ произошло столкновеніе между авганцами и дикими полунезависимыми хайберскими племенами, препятствовавшими британцамъ установить свободный путь чрезъ знаменитый горный проходъ. Посланный эмиромъ противъ этихъ племенъ отрядъ потерпѣлъ пораженіе, при чемъ командовавшій имъ мирахоръ (оберъ-шталмейстеръ) былъ взятъ въ плѣнъ. Получивъ извѣстіе о взятіи Герата, Ширъ-Али поспѣшилъ послать ему приказаніе заключить, во что бы то ни стало, миръ съ горцами и возвратиться въ Кабулъ. Очевидно было, что эмиру не устоять въ этой борьбѣ съ сыномъ, предъ которымъ лежалъ побѣдный, тріумфальный путь на Газни, Кандагаръ и Кабулъ. Но—внезапно, Якубъ-Ханъ, вмѣсто того, чтобы продолжать вражду съ отцомъ, явился, 5-го іюля, къ нему въ Кабулъ. Онъ вошелъ съ кораномъ въ рукахъ; никто не присутствовалъ при свиданіи, окончившемся миромъ. Но—и тутъ Ширъ-Али поступилъ невеликодушно съ своимъ великодушнымъ сыномъ. Тотчасъ же послѣ примиренія—губернаторомъ Герата былъ назначенъ младшій братъ Якуба, а послѣдній заключенъ въ неволю. Въ неволѣ этой Якубъ-Ханъ оставался вплоть до прошлаго, 1878 года, когда британо-индійское правительство объявило Ширъ-Али войну. Эмиръ вспомнилъ о военныхъ талантахъ сына и немедленно освободилъ его. Читателямъ извѣстны, конечно, дальнѣйшія событія—медленное движеніе британо-индійскихъ войскъ внутрь страны, лишь кое-гдѣ пріостанавливавшееся незначительными стычками, „занятіе“ (а не взятіе) нѣсколькихъ городовъ, затѣмъ, удаленіе Ширъ-Али изъ столицы, смерть его, провозглашеніе Якубъ-Хана эмиромъ Авганистана и, наконецъ, недавно заключенный мирный договоръ. Обо всемъ этомъ подробно разсказано, въ свое время, въ политическомъ отдѣлѣ нашего журнала. Здѣсь мы прибавимъ только, что едва ли можемъ сомнѣваться въ тѣхъ чувствахъ, какія онъ, въ дѣйствительности, долженъ питать къ своимъ новымъ „друзьямъ“—британцамъ.

Вотъ что пишетъ одинъ путешественникъ, посѣтившій Авганистанъ въ 1869 году, въ то самое время, когда покойный эмиръ Ширъ-Али, по приглашенію бывшаго индійскаго вице-короля, лорда Майо, ѣздилъ, на свиданіе съ нимъ, въ Омбалло, гдѣ думалъ ближе сойдтись съ британцами. „Ханъ-Якубъ, пишетъ этотъ путешественникъ, съ самаго начала былъ противъ всякаго союза съ британцами, думая, какъ совѣтывала молодая пылкая голова его, держать свое государство только силою собственнаго меча. Въ своей антипатіи, болѣе того, въ своей ненависти къ нимъ, молодой человѣкъ готовъ былъ на все, кромѣ притворства. Я хорошо помню, съ какимъ страстнымъ, восторженнымъ увлеченіемъ говорилъ онъ мнѣ, въ „балаханѣ“ (первый этажъ) своего временнаго дворца въ Гератѣ, о побѣдѣ авганцевъ надъ британцами, объ ихъ пораженіи въ Джеллалабадѣ, о недавней рѣзни въ Лагорѣ. Съ особеннымъ почтеніемъ онъ относился къ личности своего дяди, хана Акбара—убійцы сэра Уилльяма Макноутена, бывшаго британскаго агента въ Авганистанѣ. Онъ ласкалъ мечту о разрывѣ съ Британіей“... Съ возрастомъ, молодой пылъ конечно остылъ не мало, но думаемъ, что недавнія событія способны скорѣе расшевелить, чѣмъ потушить старую ненависть въ душѣ Якубъ-Хана. Прилагаемый рисунокъ весьма вѣрно воспроизводитъ умныя и характерныя черты молодаго эмира.

Сонетъ Петрарки.

Въ тотъ день, когда душа моей мадонны,
Покинувъ плоть, разсталася съ землей,
Вокругъ нея столпился изумленный
Блаженныхъ душъ и свѣтлыхъ духовъ рой.

„Откуда къ намъ сошло красы свѣтило,
„Ужель съ земли?“ шептали всѣ надъ ней,—
„О, никогда въ нашъ міръ не восходило
„Такихъ свѣтилъ изъ той страны скорбей!“

Она блаженна; духъ ея ласкаетъ
Небесный міръ во всей красѣ своей;
Порой она на землю взоръ кидаетъ:

Глядитъ—во слѣдъ иду-ли я за ней,—
А я молюсь, и всей душой моею
Стремлюсь скорѣй, скорѣй во слѣдъ за нею...

П. Гнѣдичъ.

Монастырская питомица.

Быль XVII вѣка.

Историческій разсказъ **М. Романова.**

(Окончаніе).

XI.

Тѣмъ временемъ во дворцѣ царскомъ случился новый переполохъ.

Еще не такъ давно подымана была на дыбу и терпѣла всякія муки старуха, комнатная бабка за то, что была поймана стряпухою на царской кухнѣ и уличена въ томъ, что тайно взяла въ горсть соли и высыпала ее на полъ у самой печи, гдѣ готовились въ то время для государыни кушанья.

Какъ ни увѣряла старуха, что соль взята ею, чтобъ жарить грибы, до которыхъ была она охотница - ей не вѣрили и повели къ допросу, заподозрѣвъ въ намѣреніи учинить „наговоръ надъ кушаньемъ" царицы...

Дѣло этой старухи заронило искру подозрѣнія и дало поводъ злымъ языкамъ раздувать эту искру въ болѣе или менѣе сильное пламя. Всѣ были на сторожѣ, всѣ будто чувствовали, что ежели не успѣютъ предупредить доносомъ, то сами легко могутъ быть оклеветаны. И вотъ ради этой-то боязни выросло новое дѣло, взволновавшее весь дворцовый людъ.

23-го апрѣля 1654 года въ Успенскомъ соборѣ происходило молебствіе по случаю отпуска войскъ въ походъ на Польшу.

Торжество это должно было совершиться въ присутствіи царицы; о немъ-то и говорила Марья Ильинична у себя за обѣдомъ и мысль о немъ до сихъ поръ сильно смущала ее.

Облеченная въ златотканныя одежды, съ короной на головѣ, Марья Ильинична съ замираніемъ сердца ждала минуты, когда откроется шествіе въ соборъ, какъ ни старались ее ободрять приближенныя боярыни.

Весь страхъ и смущеніе ея прошли однако, какъ только вступила она на свое мѣсто въ церкви, гдѣ на сей разъ „запона" была отдернута.

Послѣ литургіи и молебна началась церемонія отпуска полковыхъ воеводъ.

Каждый по очереди подходилъ къ государевой рукѣ и кланялся въ землю, послѣ чего всѣ были приглашены къ царскому столу въ Переднюю Избу. Тамъ царь снова прощался съ полчанами, которые кланялись ему въ землю по семи разъ.

Государыня изъ Собора прямо отправилась со своею свитою во дворецъ. Тутъ во время прохода ея черезъ крытую галлерею и случилось то происшествіе, что надѣлало огромную тревогу.

Не успѣла еще Марья Ильинична снять съ себя царственныя одежды, какъ кто-то спѣшно вызвалъ боярыню Вельяминову, которая только что принялась разспрашивать царицу, какое впечатлѣніе произвелъ на нее первый выходъ.

Боярыня вышла и минуту спустя воротилась съ измѣнившимся, разстроеннымъ лицомъ и дрожью въ голосѣ.

— Анна Михайловна, что съ тобою?

— Ничего... государыня, такъ...

— Ты вся дрожишь, говори ради Бога: кто нибудь испугалъ тебя или можетъ быть согрубили тебѣ?

— Сейчасъ вызвали меня двѣ золотныя мастерицы, видѣть хотѣли тебя государыня, разсказать... охъ и выговорить страшно... о зломъ умыслѣ на твое царское здоровье.

Марья Ильинична поблѣднѣла и опустилась на покрытую шелковою матеріею лавку, стоявшую у стѣны и чуть слышнымъ голосомъ спросила:

— Что это Аннушка? и за что на меня возрились? Что я сдѣлала?

— Злые люди нешто разбираютъ? Можетъ любви государя къ тебѣ позавидовали, можетъ и иное что умыслили. Отъ зла-дѣла не убережешься.

— Что же? что? говори, что тамъ еще затѣяли?

— Матушка государыня, больно мнѣ тебя огорчать а надо говорить. Изволишь-ли видѣть—мастерицы эти Алена и Степанида, забрались въ уголокъ посмотрѣть какъ пойдешь ты въ соборъ и видятъ онѣ, при проходѣ по Святымъ сѣнямъ, идетъ мастерица Дарьянка, откуда ни возьмись и сыпала эта Дарьянка на твой государынинъ слѣдъ песокъ бѣлъ и колдовала.

— Да правда ли это? нельзя всему и вѣрить, Анна Михайловна, недолго клевету взвести а вѣдь это дѣло большое. Надо прежде хорошенько мастерицъ доспросить, не довесть покамѣ до государя. Жалость всегда беретъ когда такія дѣла идутъ—мнѣ зла они ищутъ а на себя все накликаютъ.

— Прикажешь позвать ихъ сюда? или ихъ распросить велишь?

— Погоди, дай мнѣ успокоиться, тогда позови.

Минутъ десять прошло въ совершенномъ безмолвіи; царица сидѣла глубоко задумавшись, опустивъ голову на руки. Наконецъ медленно подняла глаза на Вельяминову и сказала.

— Выйди, Анна Михайловна, позови сперва одну—я порознь ихъ доспрошу.

Вельяминова ввела худенькую, востроносую бабенку Степаниду.

— Подойди, молвила Марья Ильинична.

Степанида съежилась, подошла къ царицѣ и бросилась ей въ ноги.

— Ты, сказываютъ, видѣла, какъ на слѣдъ мой песокъ бѣлъ сыпала Дарья... Какая это Дарья? И правда ли то?

— Вотъ какъ передъ Христомъ Богомъ сама видѣла, какъ Дарья эта Скворцова наклонилась и все стояла надъ твоимъ слѣдомъ и всѣ ужь прошли а она песокъ такъ и сыпетъ, и сыпетъ...

— Можетъ не на мой слѣдъ сыпали то.

— На твой государыня, на твой, какъ передъ Христомъ Богомъ на твой!

— Да ты почему-жь мой-то слѣдъ отличила.

— Гдѣ бы ужь отличить. Колибъ не на твой слѣдъ она песокъ-отъ сыпала, такъ бы не болтала раньше, „только бы говорить мнѣ царицу извести а другія-де мнѣ дешевы"...

— А это ты откуда взяла? И что слова эти значатъ? спросила царица, переглянувшись съ Вельяминовой.

— Это она говорила, какъ еще мы ее урекали, что при ней пропали свѣтличныя полотна. Раздавала она ихъ разнымъ невѣдомымъ людямъ, что къ ней въ Верхъ приходили, и тебя государыня на Москвѣ не было то время.

— Какъ же вы ее урекали? Какими словами?

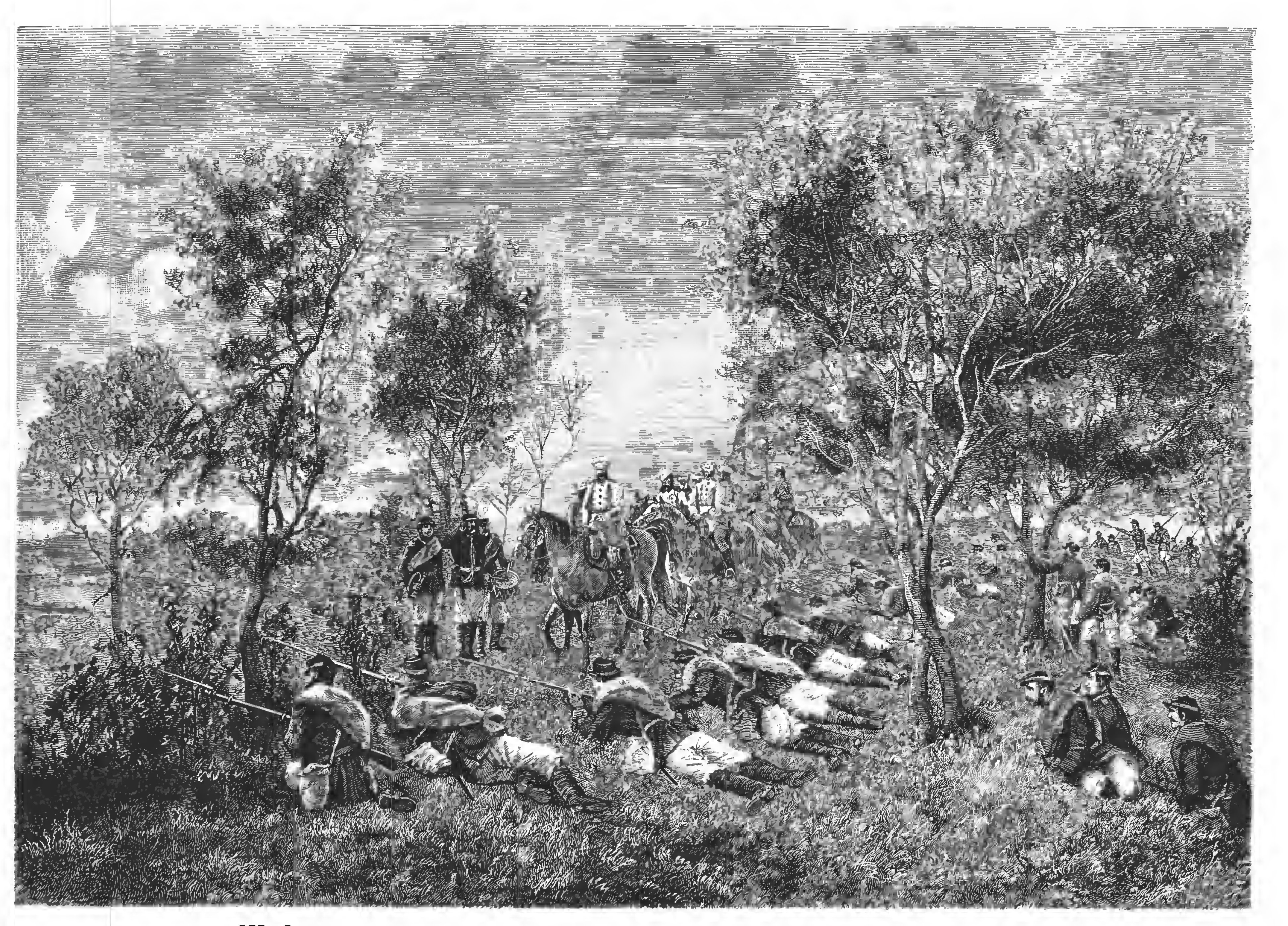
— Грозились довести до тебя государыня.

Марья Ильинична печально улыбнулась и отпустила Степаниду.

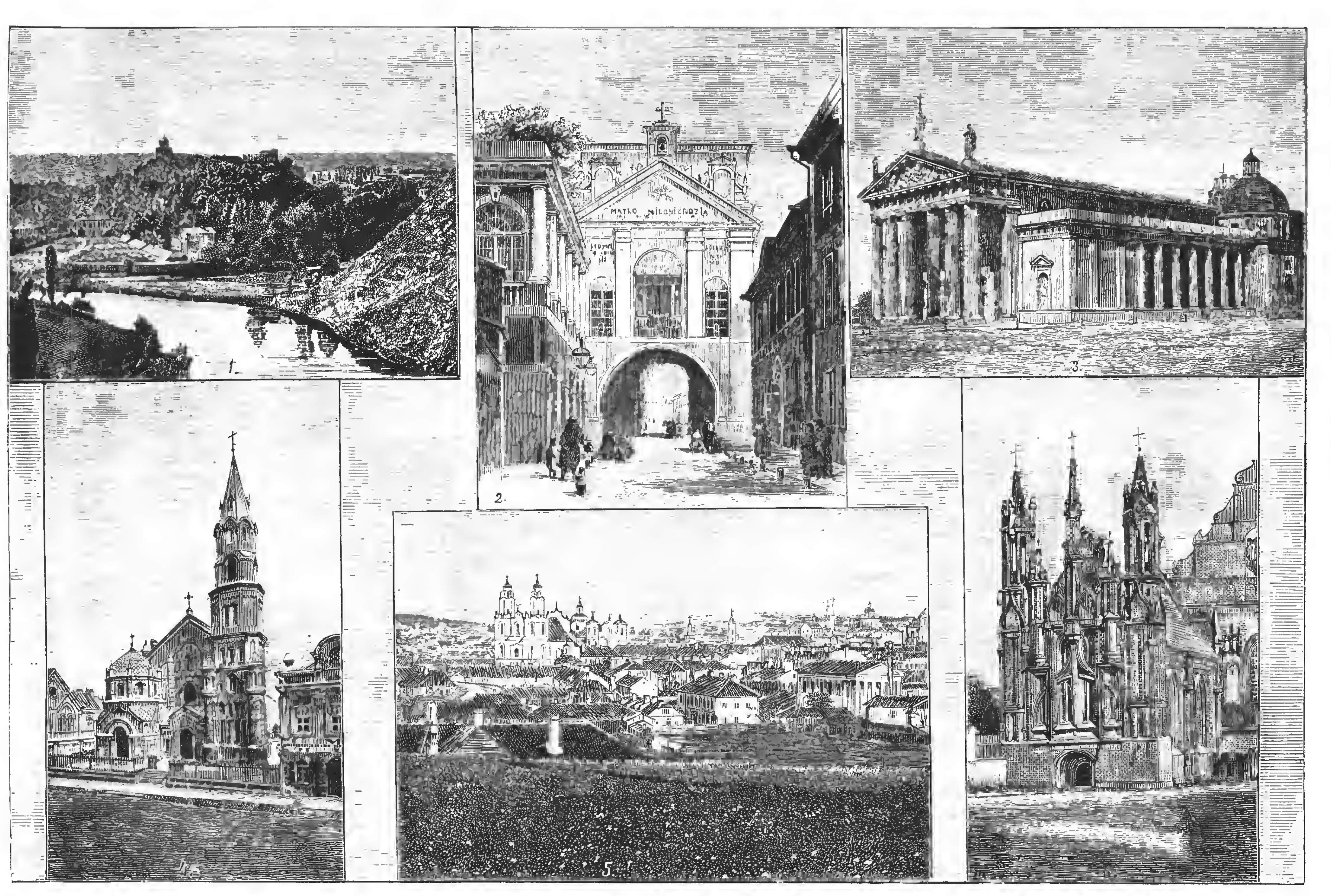
— Подумай-ка Аннушка, изъ-за чего это сыръ боръ то загорѣлся: выходитъ, что я тутъ ни причемъ вовсе, а за что же Дарья эта меня „извести" хочетъ? Приведи-ка другую, что-то та скажетъ? сказала царица.

Вельяминова грустно покачала головой и ввела Алену, молодую черноокую красавицу-дѣвушку.

Марья Ильинична подозвала ее и пытливо взглянула ей въ лицо. Дѣвушка не смутилась, граціозно поклонилась въ поясъ и потомъ смѣло и прямо стали глядѣть, изъ-подъ густыхъ черныхъ рѣсницъ, ея глаза.



СПБ. Весенняя выставка. Объѣздъ линій Е. И. В. Великимъ Княземъ Владиміромъ Александровичемъ,
во время дѣла подъ Трестеникомъ въ Рущукскомъ отрядѣ (Русско-Турецкая война).
Картина В. Ковалевскаго. Съ фотогр. на деревѣ Лаптева, грав. М. Рашевскій.



Виды города Вильны. Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

1) Видъ Замковой горы. 2) Остробрамская часовня. 3) Католическій каѳедральный соборъ. 4) Православная Никольская церковь. 5) Общій видъ Вильны. 6) Древній костелъ Св. Анны

Не запинаясь, подтвердила она видѣнное и слышанное ея подругой.

Царицѣ оставалось признать, что пожалуй что нибудь да было, коли такъ упорно настаиваютъ на извѣтѣ.

Отпустила она и Алену, не давъ ей замѣтить, придаетъ она ей вѣру или нѣтъ.

Оставшись одна съ Вельяминовой, она вдругъ горько заплакала и на утѣшенія Анны Михайловны только и говорила:

— Видно ужь я виновата! Видно ужь!.. Не утѣшай меня, Аннушка, это я должна бы подумать, какъ дѣлать, чтобъ на меня худаго не мыслили.

— Что ты государыня, что ты, помилуй—какая же твоя вина! Вотъ разберутъ это дѣло—увидимъ. Надо довести до государя-батюшки, съ негодованіемъ сказала Вельяминова.

Царица не знала, что возразить и выразила измученнымъ голосомъ только желаніе остаться одной.

— Приди Михайловна часокъ спустя—я къ тому времени оправлюсь, посудимъ съ тобой, какъ чтобы лучше...

Вельяминова должно быть не слыхала этой просьбы, потому что продолжала въ волненіи перекладывать съ мѣста на мѣсто разныя вещи и не собиралась уходить. Царица это замѣтила. Она не повторила приказанія, а только слѣдила за всѣми ея движеніями.

— Нѣтъ, государыня, не въ переносъ мнѣ больше. Ужь который разъ это. Проси Государя построже...

— Не могу, Михайловна. Сказать скажу про это дѣло а ужь дальше какъ Государю-батюшкѣ угодно, пусть такъ и будетъ.

— Испортятъ они тебя своею ворожбою, погляди-ка, вѣдь лица на тебѣ нѣту, того и гляди заболѣешь. Прикажи повѣдать Государю.

— Пожалуй, завтра...

XII.

Удивился царь Алексѣй Михайловичъ когда ему доложили, что царица проситъ его. Случилось что нибудь важное, Марья Ильинична по пустому не потревожитъ. Царь пошелъ въ покои супруги. Онъ нашелъ царицу совершенно измученною тревожно проведенной ночью безъ сна. Она съ вечера долго молилась, а потомъ думала и не могла сомкнуть глазъ. Думала: чѣмъ бы это она могла нажить себѣ столько враговъ, что такъ часто посягаютъ на ея спокойствіе и здоровье. И теперь ей было не по себѣ: „видно чары дѣйствуютъ", думалось ей.

Въ дверяхъ показалась величавая фигура царя.

Царица смутилась, покраснѣла, не знала какъ и начать; она боялась взводить тяжкое обвиненіе на несчастную женщину, виновную въ ворожьбѣ и злоумышленіи противъ ея особы а говорить надо было—вѣдь затѣмъ и просила она своего царственнаго супруга.

— Вчера мнѣ сдѣлали доносъ на одну мастерицу... противъ меня будто злое дѣло затѣяли. Я не вѣрю да извѣтчицы такъ твердо показываютъ, не могла я тебѣ, государь, не повѣдать о томъ.

Государь задумался на минуту.

— Розыскъ сдѣлать, тихо сказалъ онъ, хмурясь.

— Помилуй государь, не вели наказывать, только куда бы увезти ихъ подальше...

Царь, успокоивъ какъ могъ царицу, велѣлъ окольничему и дьяку произвести строгій розыскъ. Тѣ принялись прежде всего за доносчицъ: ихъ разспросили; потомъ привели въ приказную избу и обвиняемую Дарью.

— Про тебя сказываютъ, сыпала ты бѣлъ песокъ на слѣдъ государыни и говорила лихія слова. Правда то? спрашивали Дарью.

Дарья плакала навзрыдъ и ото всего отпиралась. Ей заявили, что если правды не скажетъ, то будутъ ее жечь огнемъ. Она заплакала пуще и призналась:

— Съ государыниной свѣтлицы пропажи стали дѣлаться и на меня поклепъ былъ; боясь государынина гнѣва, ходила къ ворожеѣ за Москву-рѣку и носила ей отъ своей рубашки воротъ; жгла его ворожея и мнѣ пепелъ дала, сыпать его на слѣдъ государыни а отъ того государыня-де ко мнѣ милостива будетъ. А слова тѣ, что только бы мнѣ царицу уходить а другіе де мнѣ дешевы, не говаривала, а было говорила: „только-де государынино бы сердце уходить, а другія мнѣ дешевы".

Окольничій и дьякъ, которымъ было поручено это дѣло, поѣхали за Москву-рѣку. Начались аресты. Привлечено было къ допросу много всякаго люда, начались очныя ставки, пытки. Отыскали бабу-ворожею Настасью, которую подъ страшной пыткой заставили сознаться, что она „людей привораживаетъ, на соль и на мыло наговариваетъ и четвертый годъ тѣмъ дѣломъ искусна".

Когда Настасья повинилась во всемъ этомъ, то ей предложенъ былъ еще вопросъ: „не была ли подкуплена, государя и государыню испортить какими иноземными зельи".

Не взирая на самыя ужасныя пытки, Настасья на этотъ вопросъ не могла отвѣтить утвердительно и вся изможженная и истерзанная, жженая огнемъ и тянутая на дыбѣ, повторяла однѣ и тѣ же рѣчи.

— Оставьте меня, пустите отцы родные. вопила она, все вамъ сказала, все до капельки!

Тогда стали говорить, указала бы она кому давала коренья или другое какое наговорное зелье.

Настасья не пережила пытокъ, но въ послѣднія минуты опутала почти все Замоскворѣчье: чуть ли не всѣ бабы, оказалось, брали у нея зелья и Улька, и Ѳеклуха и многое множество другихъ. Попалась въ томъ числѣ и Авдотья.

XIII.

Ничего не вѣдая, сидѣла Авдотья въ своемъ домишкѣ и строила планы подхода къ Фролу съ цѣлью выманить у него хоть что нибудь, такъ какъ всѣ разсчеты ея и Девули на счетъ совмѣстной торговли съ Фроломъ на Танины деньги, рухнули.

Девуля, былъ золъ какъ звѣрь и она боялась къ нему подступиться. Пробовала она утолить тоску виномъ, да еще горше становилось. Приходилось или вымыслить какое нибудь новое воровство, или положить какъ говорится, зубы на полку.

Она любила хорошо поѣсть, попить а тутъ всякій день являлся вопросъ, откуда взять денегъ.

Девуля съ тѣхъ поръ какъ она потерпѣла неудачу, не давалъ ей ни гроша... Было о чемъ призадуматься. Вдругъ раздался сильный стукъ въ калитку, другой, третій разъ, такъ что доски затрещали. Авдотья вздрогнула и приподнявшись съ лавки, прислушалась.

— Эй, кто тамъ есть, отвори! раздался звучный голосъ.

— Иванъ, громко крикнула Авдотья, поди отвори, или не слышишь.

На ея зовъ никто не откликнулся.

Авдотья перетрусилась, заглянула въ коморку, гдѣ былъ Девуля и увидала открытое окно; въ темнотѣ не видно, былъ онъ тамъ или нѣтъ.

Между тѣмъ въ калитку стучали все сильнѣе; раздавались ругательства и угрозы.

Авдотья накинула тѣлогрѣю, вышла на дворъ и подошла къ калиткѣ.

— Что вамъ надо? спросила она, стуча зубами—ее била лихорадка.

— Авдотья Бѣляева ты что-ли? раздался тотъ же голосъ.

Д...да, что надо?

Тебя и надо. Отворяй.

Авдотья машинально, не сознавая сама что дѣлаетъ, открыла калитку.

На дворъ вошли трое. Двое изъ нихъ, не говоря ни слова, схватили Авдотью, связали и вынесли за ворота а третій вошелъ въ домъ и началъ шарить во всѣхъ углахъ.

На улицѣ стояла телѣга, крытая кожанымъ навѣсомъ; Авдотью посадили въ эту телѣгу, гдѣ она нашла еще двухъ женщинъ, но въ темнотѣ не могла разглядѣть, кто такія были ея сосѣдки.

Скоро вышелъ изъ дома и третій сыщикъ, вскочилъ въ телѣгу и телѣга запрыгала по неровной дорогѣ.

— Нашелъ что нибудь? спросилъ одинъ изъ людей.

— Все тутъ забралъ, послѣ разберемъ, отвѣтилъ сыщикъ.

Авдотья ровно ничего не понимала, чувствовала только боль отъ веревки при каждомъ толчкѣ телѣги.

Все, что происходило съ нею, было такъ загадочно, что она и не пыталась понять, что съ ней дѣлаютъ и куда везутъ, даже не обратилась ни съ однимъ вопросомъ къ сидѣвшимъ рядомъ женщинамъ; тѣ тоже молчали.

Миновавъ нѣсколько улицъ, телѣга остановилась у приказной избы: привезенныхъ женщинъ вытащили изъ телѣги, ввели въ избу и посадили подъ караулъ, освободивъ отъ веревокъ.

Отдохнувъ немного, онѣ оглядѣлись и сначала нерѣшительно, потомъ смѣлѣе заговорили между собою.

Оказалось, что всѣхъ ихъ постигла одна и таже участь. Только первыя двѣ знали нѣсколько побольше, чѣмъ Авдотья: онѣ еще задолго до того, какъ ихъ схватили, знали, что идетъ большой переполохъ за Москвой-рѣкой, что дѣлаютъ обыски и забираютъ много народу по подозрѣнію въ ворожбѣ.

Когда Авдотья узнала это, она схватила себя за голову и застонала—она вспомнила, что, собираясь пугать Таню и Фрола, она запаслась всякими кореньями, травами и т. п. предметами ворожбы. И все это осталось на столѣ, когда она выбѣжала на дворъ, гдѣ ее схватили. Всю ночь она провела въ страшномъ отчаяніи, не сомнѣваясь, что наступилъ часъ кары за всѣ ея продѣлки; къ тому же и Девуля покинулъ ее. Въ минуту опасности онъ выскочилъ въ окно на задворокъ, перелѣзъ черезъ заборъ и скрылся, оставивъ свою пріятельницу на произволъ судьбы.

Рано утромъ пришли за ними и повели къ допросу.

При одномъ взглядѣ на орудія пытки, которыя ей были знакомы раньше, Авдотья затряслась и выказала такое малодушіе и трусливость, что нельзя было узнать въ ней прежнюю ловкую и увертливую женщину.

Какъ ни жалась, какъ ни молила на колѣняхъ о помилованіи Авдотья, ей все же пришлось испытать участь своихъ предшественницъ, покуда она созналась, что получила все найденное у ней отъ той же бабы-колдуньи Настасьи за тѣмъ, будто, чтобы только пугать своихъ недруговъ. Узнавъ, что она прежде была во дворцѣ въ мастерской государыниной палаты мастерицей, не вѣрили, чтобы она не имѣла сношеній съ прежними товарками и подозрѣніе выростало.

— Если не повинишься, испытать тебѣ дыбу, говорилъ дьякъ и дѣйствительно приказалъ палачу пытать ее.

Авдотья замерла на мѣстѣ. Сознаваться она могла бы во многомъ, но не въ томъ, чего отъ нея требовали.

Но палачъ не медлилъ—онъ подошелъ и началъ снимать съ нея платье.

Авдотья вырвалась. Съ страшнымъ воплемъ кинулась она въ ноги приказному дьяку.

— Батюшка, отецъ, смилуйся! вопила она, ползая у его ногъ.

— Нельзя, говори, ходила въ Кисловку-слободу *)? имѣла умыселъ на царицу? и если имѣла, за что?

— Нѣтъ же, не имѣла никакого умысла, клянусь всѣми Святыми и Пресвятой Богородицей, никогда ничего и въ умѣ не было.

— Зачѣмъ же травы держала у себя?

— Надо было, отецъ родной, затѣмъ, чтобы враги не забиждали, отъ нихъ оборониться.

— Нѣтъ врешь, бери ее! крикнулъ дьякъ и сильныя руки палача поволокли ее на дыбу.

— Все скажу, скажу! ой родимые, спасите! не дайте на погибель... отпустите душу... дайте покаяться хоть...

— Ну постой, молвилъ дьякъ. Такъ что же—сказывай.

Авдотья со страху наговорила на себя небылицъ, спуталась и самъ дьякъ ужь велѣлъ ей остановиться.

— Полно тебѣ вздоръ нести, ишь какая голосистая, бумаги на тебя не достанетъ, все записывать, что наболтала.

Авдотья смолкла, получила позволенье снова одѣться и была отведена опять подъ караулъ.

Такъ просидѣли всѣ заключенныя съ мѣсяцъ и можетъ быть все дѣло этимъ и закончилось бы, еслибъ не случилось съ государыней сильнаго нездоровья. Нездоровье ея приписали колдовству, наговорамъ и вспомнили заключенныхъ. Тогда-то вышелъ царскій указъ: „разослать кто на умѣ держалъ портить государя, государыню и царскую семью, по дальнимъ мѣстамъ на жительство, чтобы никогда имъ на Москвѣ вблизи нхъ, государей, не быти“.

А между тѣмъ Таня и Фролъ, возвратившійся уже давно изъ своей поѣздки, невольно какъ-то все поджидали посѣщенія тетки Авдотьи.

Фролъ сразу догадался о цѣли ея посѣщенія и почти съ трепетомъ ждалъ, что вотъ, вотъ она придетъ и разрушитъ его счастье или отниметъ все его благосостояніе, или начнетъ строить козни противъ любимой жены, его самаго или будущаго его семейства. Бѣдный Фролъ голову потерялъ, придумывая какой отпоръ онъ можетъ дать этой алчной, ненавистной женщинѣ.

Но время шло, а она не приходила. Она давно ужь была выслана изъ Москвы но не для торговли персидскими товарами а на житье въ далекій сибирскій городъ Пелымъ.

*) Слобода, гдѣ жили придворныя мастерицы и мастера.

Въ вагонѣ.

Разсказъ В. П—аго.

(Окончаніе).

Въ одинъ прекрасный майскій вечеръ, семья почтмейстера вышла въ садъ, чтобы пить чай на вольномъ воздухѣ; тутъ же были кое-кто изъ гостей.

Благодушествуя за чайнымъ столомъ, общество занималось мирными разговорами и ужъ не разъ удивлялось: что это-де Константинъ Николаевичъ не идетъ?.. Вдругъ отворяется калитка и входитъ женихъ: „Легокъ на поминѣ“ кричитъ весельчакъ-лѣсничій. „Про волка рѣчь — а волкъ въ дверь“, язвительно замѣчаетъ одна барыня, завидующая всѣмъ замужнимъ или готовящимся вступить въ законный бракъ. Любочка пошла было на встрѣчу, но внезапно улыбка ея исчезла, румянецъ сбѣжалъ со щекъ а въ глазахъ выразился ужасъ и отвращеніе: это былъ онъ, ея женихъ, но въ какомъ видѣ?.. Растрепанный, грязный, съ лицомъ распухшимъ и украшеннымъ „фонарями“, бормоча несвязныя рѣчи и пересыпая ихъ невозможными словами. Любочка ахнула и побѣжала, другія дамы вслѣдъ за ней бросились въ разсыпную. Мужчины хотѣли было вытолкать буяна, но его богатырскіе кулаки навели на всѣхъ ужасъ; позвали сторожей, дворниковъ и послѣ упорной борьбы, сокрушившей чайный столъ со всей посудой, соединенныя усилія одержали побѣду. Связавъ молодца, его препроводили къ папашѣ, котораго, какъ послѣ разсказывали въ городѣ, сынъ едва ли не поколотилъ, вслѣдствіе чего и былъ изгнанъ изъ родительскаго имѣнія. Послѣ такой выходки, дверь почтмейстерскаго

дома для Константина была навсегда заперта и сватовство его пошло прахомъ; отъ этой неудачи онъ сильнѣе запилъ и наконецъ совсѣмъ пропалъ изъ виду. Посплетничали тогда, посмѣялись въ уѣздномъ городкѣ и забыли о Константинѣ Николаевичѣ; забыла о немъ и Любовь Терентьевна. Но теперь ей пришло въ голову это сватовство. „Не такой ли женихъ опять?“, улыбаясь, подумала она.

Сѣрый, короткій зимній день подходилъ къ концу, а поѣздъ все катился себѣ, останавливаясь на станціяхъ лишь на нѣсколько минутъ; до той станціи, гдѣ Любови Терентьевнѣ надо было вылѣзть изъ своей клѣтки, оставалось еще на пять часовъ пути и такъ, закусивъ взятыми на дорогу отъ тетки пирожками, она прижалась къ тюкамъ поудобнѣе и задремала, убаюкиваемая медленнымъ ходомъ и мѣрнымъ сотрясеніемъ вагоновъ. Холодный сумракъ зимняго вечера совсѣмъ окуталъ полузанесенный мятелью лѣсъ, на далекое пространство тянувшійся по обѣ стороны желѣзнодорожной насыпи; вѣтеръ уныло гудѣлъ въ густыхъ вѣтвяхъ сосны и перешептывался съ оголенными березами, словно сожалѣлъ о ихъ печальной наготѣ. Гдѣ то вдали раздавался надтреснутый лай собаченки, указывая сосѣдство лѣсной сторожки, да изрѣдка доносился рѣзкій крикъ совы, изъ дупла старой ели.

Прижавшись къ кучкѣ наваленныхъ сучьевъ сосны, приготовленныхъ для защиты пути отъ снѣговыхъ заваловъ, сидѣло нѣсколько неясно отдѣлявшихся человѣческихъ фигуръ. Вглядѣвшись попристальнѣе, можно было различить четырехъ рослыхъ мужиковъ, одѣтыхъ въ полушубки и валеные сапоги, вооруженныхъ длинными палками съ желѣзными крючьями на концахъ. Кромѣ того возлѣ однаго изъ нихъ лежало какое-то странное оружіе: это была чугунная гиря величины весьма внушительной, обернутая ремнями и привязанная къ слегѣ. Пятый изъ этихъ странныхъ субъектовъ, одѣтый въ рваное барашковое пальто и закутанный башлыкомъ, сидѣлъ немного поодаль и курилъ папироску, при вспыхивающемъ свѣтѣ которой лицо его изобличало принадлежность не къ крестьянскому сословію, а по довольно правильнымъ, хотя и искаженнымъ пороками, чертамъ лица ему можно было дать не болѣе 27 лѣтъ.

Бесѣда ихъ происходила въ полъ-голоса.

— Вотъ баринъ ругаетъ, что не такъ сдѣлали, говорилъ мужикъ съ рыжей бородой и самой воровской физіономіей а я какъ ни уговаривалъ Семенъ Ѳедосѣича побросать по дорогѣ товаръ, никакъ не соглашался... нѣтъ, баитъ, я вамъ не отвѣтчикъ, сами управляйтесь; отцѣпить—отцѣплю, тогда забирайте хоть все, только меня не обходите, потому я вамъ и впередъ пригожусь...

— Извѣстно!... для чего обходить... не слѣдуетъ его забывать, потому безъ него ни шиша бы не подѣлали... согласился другой парень съ курчавой черной головой.

— А что баринъ!.. не хватить ли намъ для куража по махонькой?.. обратился третій къ барашковому пальто.

— Не надо!.. проговорилъ сиповатымъ голосомъ господинъ въ пальто. Опять по третьёгоднему налижетесь до чертиковъ и придется мнѣ васъ какъ тогда отлупить...

— А по моему такъ слѣдуетъ фундаментъ заложить, чтобы работка шла ходчѣе, замѣтилъ четвертый.

— Молчать!.. Кто пикнетъ—рыло на сторону сворочу! крикнулъ начальникъ шайки и угроза его тотчасъ подѣйствовала.

— Знаемъ мы твои кулачищи-то.,. у меня надысь двухъ зубовъ съ разу не хватило, какъ смазалъ... проговорилъ себѣ подъ носъ рыжебородый.

— Слушайте дьяволы... Глядите въ оба!.. какъ на зло какая темь... Ты, дядя Лысый, не промахнись... въ другой разъ ударить ужъ не поспѣешь, обратился онъ къ плечистому старику, возлѣ котораго лежала слега съ гирей.

— Стало-ть на себя надѣемся, что не промахнемъ, пробасилъ дядя Лысый, помахивая тяжелой слегой, словно тросточкой.

Справа отъ рельсовъ раздался крикъ филина; товарищи встрепенулись и прислушались; зловѣщій крикъ повторился, затѣмъ далекій свистъ.

Всѣ встали и по приказанію человѣка въ барашковомъ пальто, подойдя къ самымъ рельсамъ, залегли въ бугрѣ снѣга. Одинъ изъ мошенниковъ полѣзъ было въ карманъ и звякнулъ стеклянной посудиной, но начальникъ догадавшись о его намѣреніи хлѣбнуть, такъ сжалъ ему глотку, что тотъ захрипѣлъ и поспѣшно вытащилъ руку изъ кармана.

Лысый прилегъ ухомъ къ землѣ: „Идетъ“... сказалъ онъ.

Вскорѣ послышался мѣрный стукъ идущаго поѣзда и вдали, какъ двѣ огненныхъ звѣздочки, засверкали фонари.

Огненныя точки быстро увеличивались и по мѣрѣ приближенія локомотива, земля замѣтно содрогалась.

Вотъ ближе да ближе и паровикъ, дымясь и пыхтя, прошелъ возлѣ мошенниковъ; потянулся нескончаемый рядъ платформъ, потомъ крытыхъ вагоновъ. Едва прошли передніе вагоны, какъ вся шайка встала а Лысый, сбросивъ полушубокъ, сталъ раскачивать свой таранъ.

— Не зѣвай!.. донесся до нихъ голосъ съ передняго вагона.

— Не прозѣваемъ!.. крикнули въ отвѣтъ...

Послѣдній вагонъ прошелъ мимо.

— Пли!.. скомандовалъ начальникъ.

Таранъ съ быстротою молніи опустился между вагонами и звонъ разорванной цѣпи былъ заглушенъ шумомъ колесъ. Освобожденный вагонъ, прокатившись нѣсколько саженъ, тихо остановился, межъ тѣмъ какъ поѣздъ исчезъ во мглѣ.

— Ловко! одобрилъ начальникъ шайки, зажигая фонарь.

Рыжебородый пронзительно свистнулъ и черезъ нѣсколько минутъ подъѣхало двое саней, запряженныхъ парами, гусемъ. Дверь вагона была заперта, но начальникъ шайки отперъ ее крючкомъ, употребляемымъ слесарями, и вся ватага шумно ввалилась во внутренность вагона.

— Никакъ ситецъ!... обрадовались они.

Въ эту минуту свѣтъ отъ фонаря упалъ на женскую фигуру, дремавшую сидя на тюкахъ—говоръ и шумъ разбудили ее и она вскочила съ испугомъ. Человѣкъ въ барашковомъ пальто поднялъ фонарь къ самому лицу нечаянной пассажирки и отступилъ съ выраженіемъ стыда и изумленія.

— Любовь Терентьевна!.. воскликнулъ онъ.

— Константинъ Николаевичъ!.. удивилась она. Какъ вы сюда попали?.. Вы вѣрно служите теперь на желѣзной дорогѣ?.. Но поѣздъ остановился... мы пріѣхали?.. задавала она вопросы.

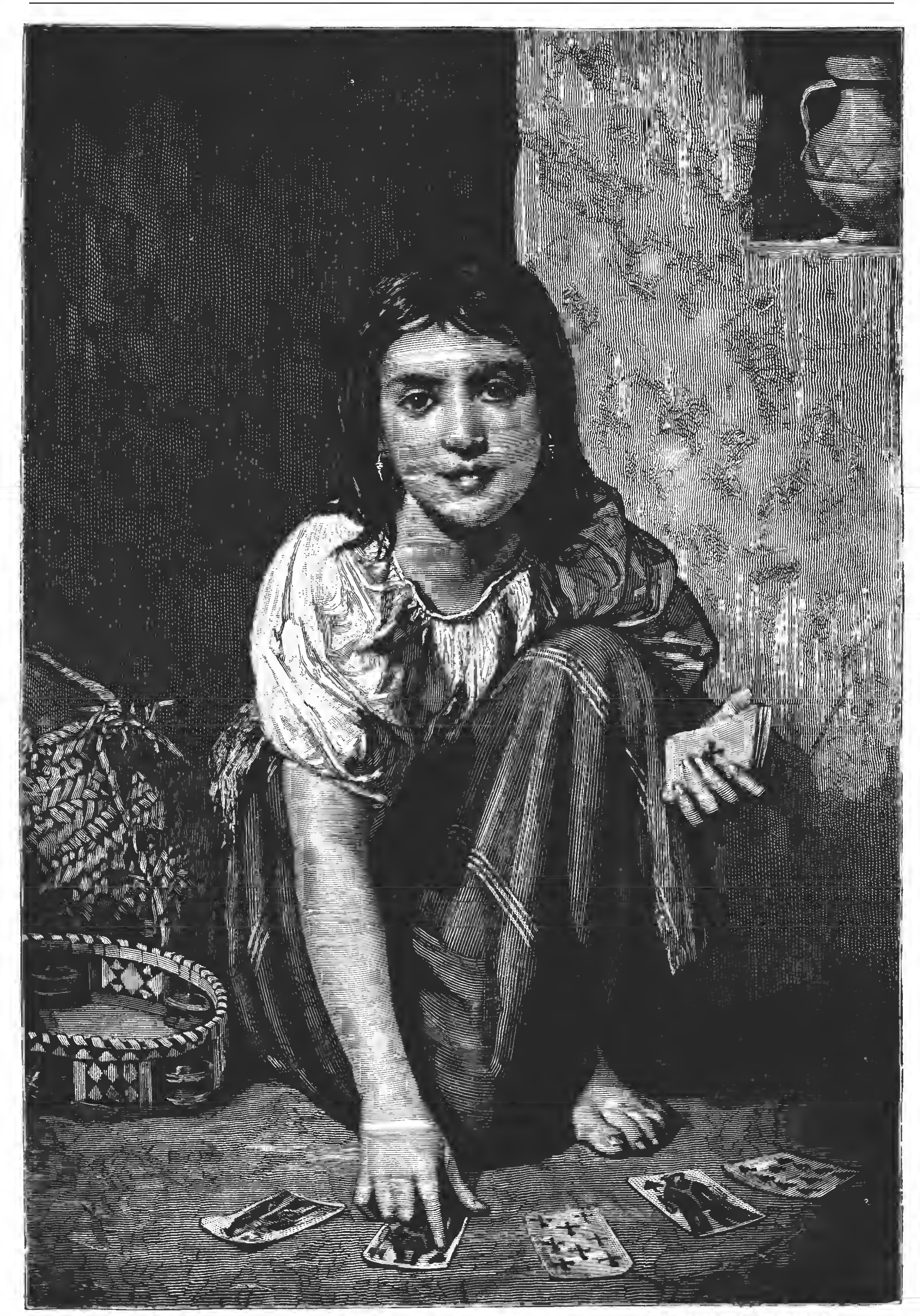
Константинъ Николаевичъ ужь оправился отъ перваго впечатлѣнія стыда и съ самымъ беззаботнымъ видомъ объяснилъ Любови Терентьевнѣ крайнія обстоятельства, которыя заставили его вступить на поприще мошенничества.

Удивленіе въ ней смѣнилось презрѣніемъ и она безъ страха сказала: Константинъ Николаевичъ!.. вы стали разбойникомъ, грабителемъ на большой дорогѣ!.. Боже мой, какой ужасъ, какая гадость, низость!...

— Гмъ... за такія оскорбительныя слова слѣдовало бы васъ стащить къ мировому, но я вамъ извиняю вашу неумѣстную вспыльчивость, насмѣшливо возразилъ Константинъ и обращаясь къ компаніи сообщниковъ, добавилъ: „вы чего бѣльмы-то уставили? Выгружайте, пока сторожъ не захватилъ... живѣе!...“

Мужики принялись вытаскивать тюкъ за тюкомъ, пока вагонъ не опустѣлъ, а на саняхъ нагромоздились горы.

— Ну-съ, Любовь Терентьевна! до свиданья-съ! счастливо оставаться, раскланялся Константинъ. Помня вашу прежнюю ко мнѣ дружбу, я поступаю съ ва-



Цыганка. Съ картины Верне-Лекопта, грав. Паннемакеръ сынъ.

ми великодушно; я бы могъ запереть васъ въ вагонѣ и васъ бы непремѣнно раздавилъ слѣдующій поѣздъ, но успокойтесь... я этаго не сдѣлаю! Слушайте моего совѣта: скоро пойдетъ сторожъ осматривать путь и наткнется на вашу карету... однако вы вылѣзьте и дожидайтесь возлѣ рельсовъ, а я поставлю фонарь, чтобы обратить вниманіе на оторвавшійся вагонъ. Видите— я честно и благородно поступаю.

Послѣ этой рѣчи, онъ влѣзъ на крышку вагона и поставилъ на нее фонарь. „Я ухожу!.. будьте здоровы и помолчите о вашемъ приключеніи, чтобы не подвести подъ отвѣтственность тѣхъ, кто вамъ дозволилъ сѣсть въ товарный вагонъ. Мое почтеніе вашимъ папашѣ и мамашѣ да кстати скажите и моему дражайшему родителю, что я бы съ удовольствіемъ послалъ ему въ подарокъ штуку ситцу, да некогда развязывать тюка... Adieu!..“

Черезъ нѣсколько минутъ скрипъ отъѣзжавшихъ саней постепенно замеръ въ лѣсу.

Любовь Терентьевна тогда только опомнилась.

— Ну какъ налетитъ поѣздъ да раздавитъ меня и съ вагономъ!.. представилась ей ужасная мысль. Она закуталась поплотнѣе и ощупью вылѣзла изъ вагона.

Перейдя черезъ рельсы, она присѣла возлѣ кучки хвороста, гдѣ передъ тѣмъ совѣщались мошенники.

Прошло добрыхъ полчаса и несчастная путешественница успѣла порядочно продрогнуть прежде чѣмъ пришелъ сторожъ, будка котораго находилась съ четверть версты оттуда. Любовь Терентьевна разсказала ему, что заблудилась въ лѣсу и пришла на свѣтъ фонаря; она боялась сказать правду и поневолѣ солгала, чтобы не быть припутанной къ „дѣлу“ объ ограбленіи вагона.

Сторожъ пустилъ ее переночевать въ своей будкѣ, на жарко натопленной печи.

На другой день онъ проводилъ ее пѣшкомъ до сосѣдней деревни, гдѣ она наняла подводу и благополучно прибыла къ своимъ.

Послѣдній актъ маленькой драмы разыгрался въ стѣнахъ Окружнаго Суда. Въ Н. не мало шуму въ свое время надѣлало дѣло Константина Николаевича и его сообщниковъ, которые были переловлены на одномъ изъ своихъ позорныхъ похожденій. Когда началось слѣдствіе и Любовь Терентьевна прочла о немъ въ газетахъ она не на шутку испугалась, чтобы ее, невольно присутствовавшую при одномъ изъ ихъ дѣлъ, не вздумалъ притянуть ея бывшій женихъ въ качествѣ свидѣтельницы, потому что никакъ нельзя впередъ рѣшить какими побужденіями руководствуются люди, потерявшіе честь и совѣсть. Но чаша судебная ее миновала... Что ни говорите о необходимости, о содѣйствіи правосудію, и т. п. но только развѣ пошлый человѣкъ можетъ охотно играть роль свидѣтеля въ этомъ позорномъ зрѣлищѣ. до чего можетъ человѣкъ унизиться.

Былъ дождливый, сѣрый день когда Любовь Терентьевна вошла въ неприглядное помѣщеніе, въ которомъ отдѣленіе Окружнаго Суда вершало дѣла. Было душно и непріятно въ большой низкой, мрачной комнатѣ, биткомъ набитой народомъ. Весь городокъ интересовался дѣломъ. Слышались замѣчанія:

— Хорошо, старикъ то умеръ...

— Да, не дожилъ до такого сраму.

Любовь Терентьевна постаралась забиться въ уголъ. и смущенная и взволнованная, никого и ничего ясно не различала. Передъ ней мелькали дамскія платья и шляпки, мундиры и чуйки... голова кружилась...

Она едва разглядѣла за загородкой Константина съ его сообщниками. Лицо его было такъ нагло, съ такимъ исковерканнымъ выраженіемъ жалкаго удальства и трусости, что она съ невольнымъ отвращеніемъ отвернулась. Но вотъ раздались первыя слова рѣчи защитника.

Будучи въ первый разъ въ судѣ и не слѣдя никогда за процессами, дѣвушка, вслушиваясь въ рѣчь, была глубоко изумлена, слыша какъ горячо оправдывали этаго негодяя, къ которому у нея осталось только чувство гадливости. Сваливали все на среду, на общество... Ей въ голову пришла смѣшная мысль—не учавствуетъ ли въ барышахъ „предпріятій“ Константина этотъ низенькій, горячій. пискливый защитникъ... Его выходки противъ общества были такъ неискусны и грубы, что дѣвушкѣ надоѣло слушать и она стала опять внимательна только тогда, когда мѣщане и крестьяне присяжные, стуча сапогами, вышли для совѣщанія.

Краснорѣчіе защитника на этотъ разъ однако пропало даромъ. Старшина не громко сказалъ роковое слово:

— „Виновенъ.“

Къ рисункамъ.

Объѣздъ линіи Е. И. В. В. Кн. Владиміромъ Александровичемъ.

Въ минувшую Русско-Турецкую войну Великій Князь Владиміръ Александровичъ, какъ извѣстно, имѣлъ назначеніе въ Рущукскомъ отрядѣ, состоя командиромъ 12-го корпуса. Отрядъ этотъ подъ начальствомъ Государя Наслѣдника Цесаревича, сформированный изъ 12 и 13-го армейскихъ корпусовъ, составлялъ лѣвый флангъ операціонной арміи и предназначенъ былъ для дѣйствій противу Рущука, Шумлы, Разграда по линіи рѣки Лома.

По этому немедленно по переходѣ черезъ Дунай, 23 іюня 1877 года, двѣнадцатый корпусъ подъ начальствомъ Великаго Князя Владиміра Александровича двинулся къ Рущуку, заставляя поспѣшно отступать, по всей линіи, непріятеля, который даже не имѣлъ времени уничтожить мостъ чрезъ Янтру близь Бѣлы.

Слѣдуя чрезъ Царевичъ, Чаушкіой, Обертенникъ, Штабъ-квартира 12-го корпуса, 8 іюля, прибыла къ деревнѣ Трестенникъ и на слѣдующій день 9-го іюля, Августѣйшій командиръ, желая лично осмотрѣть операціонную линію на рѣкѣ Ломъ, отправился со свитою, въ сопровожденіи казачьяго полка, состоявшаго при штабѣ корпуса, чрезъ Іованъ-Чифтликъ на Кадыкіой.

Конечно это движеніе не могло укрыться отъ непріятеля, зорко слѣдившаго изъ Рущукскихъ укрѣпленій за движеніемъ вновь прибывшаго корпуса. Немедленно изъ Рущука былъ высланъ отрядъ пѣхоты при артиллеріи, который успѣлъ быстро и скрытно подобраться къ сопровождавшему Великаго Князя отряду и сдѣлать по немъ нѣсколько выстрѣловъ; но находившіяся вблизи двѣ роты Тираспольскаго пѣхотнаго полка открыли по непріятелю огонь, заставившій его остановиться.

Великій Князь Владиміръ Александровичъ, желая ободрить людей, при первой встрѣчѣ ихъ съ непріятелемъ, не обращая вниманія на огонь 2-хъ орудій, отправился къ цѣпи и шагомъ объѣзжая ее, поощрялъ людей своимъ присутствіемъ и словомъ.

Этотъ эпизодъ послужилъ Ковалевскому сюжетомъ для прекрасной картины, находившейся весною на выставкѣ въ Академіи Художествъ, снимокъ съ которой мы помѣщаемъ въ настоящемъ № „Нивы“.

Это первое дѣло было началомъ службы Рущукскаго отряда, который затѣмъ въ теченіи пяти мѣсяцевъ сдерживалъ стотысячную армію Мехмедъ-Али-паши. а потомъ Сулеймана-паши, не допуская ихъ прорваться на выручку обложенной нашими войсками Плевны, что завершилось 14-го и 30-го Ноября.

Строгое выполненіе тактической задачи, выпавшей на долю Рущукскаго отряда, стойкость и мужественное хладнокровіе въ бою, которые столь дороги въ вождѣ и такъ поддерживаютъ духъ войскъ, по заслугамъ оцѣнены были Государемъ Императоромъ и Государю Наслѣднику Цесаревичу пожалованъ былъ орденъ св. Георгія 2 ст., командиру же 12 корпуса Великому Князю Владиміру Александровичу за дѣло 14 Ноября—пожалованъ орденъ св. Георгія 3 ст.. и брилліантовая шпага съ надписью за 14 и 30 Ноября.

Городъ Вильна.

Вильна, одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ, замѣчателенъ по своей исторіи и значенію. Многія важнѣйшія историческія событія древней Руси, новой Россіи, Польши и Литвы неразрывно связаны съ именемъ этаго города. едва-ли не самаго богатаго по разнообразію своихъ историческихъ воспоминаній. Имя Вильны упоминается почти на всѣхъ языкахъ Европы, такъ какъ значится въ безчисленномъ множествѣ актовъ, договоровъ, эдиктовъ, буллъ и пастырскихъ посланій.

Основаніе Вильны теряется во мракѣ вѣковъ, а въ первый

разъ исторически извѣстною она становится около 1320 года, т. е. за 560 лѣтъ до нашего времени, „какъ столица великаго князя литовскаго и русскаго Гедимина.“ Обширныя поселенія существовали тутъ уже съ древнѣйшаго времени, но Гедиминъ построилъ на горѣ, называемой и теперь „Замковою,“ *верхній замокъ*, и *нижній замокъ* въ углу, образуемомъ впаденіемъ рѣчки Вильны (теперь Вилейки) въ Вилію, гдѣ теперь находится католическій кафедральный соборъ, изображенный на нашемъ рисункѣ. На этомъ же самомъ мѣстѣ стояло знаменитое капище литовцевъ-язычниковъ, пылалъ *вѣчный зничъ*, огонь бога Перкуна, главы литовскихъ боговъ, жили священные ужи и шумѣли священные лѣса. Главный жрецъ, *креве-кревейто* и множество второстепенныхъ жрецовъ, *кревейто*, населяли окрестности капища, и тутъ была вѣчная, суетливая и своеобразная жизнь. Толпы молящихся дикарей, многочисленныя жертвы, сжигаемыя на вѣчномъ пламени, судъ и расправа, сборища и ходы — все смѣняло одно другое и происходило заразъ. Отъ всего этаго до нашихъ дней сохранилось немного: остатки стараго замка Гедимина, на „Замковой горѣ,“ которые любопытный можетъ видѣть и теперь. Часть стѣны съ нѣсколькими амбразурами и основаніе угловой башни, достроенной и превращенной въ арестантскую. На мѣстѣ древняго капища построенъ кафедральный соборъ, колокольня котораго, стоящая отдѣльно, по преданію, покоится на *шестисотъ-лѣтнемъ* фундаментѣ. Исконными жителями Вильны были русскіе, какъ то свидѣтельствуютъ историческія данныя. Вигандъ Марбургскій, въ XIV вѣкѣ называетъ Вильну *русскимъ* городомъ. Русскій языкъ былъ господствующимъ въ Вильнѣ. Двѣ изъ трехъ женъ Гедимина были русскія, нѣсколько сыновей были крещены въ православную вѣру, а дочь Анастасія была выдана за сына Ивана Калиты, Московскаго князя. Были и церкви русскія; уже въ 1340 году существовали двѣ церкви: св. Николая и св. Параскевы, или Пятницкая. Церковь св. Николая видна на нашемъ рисункѣ, уже въ обновленномъ въ 1863 году видѣ. Первоначально эта церковь была деревянная— жена Ольгерда, Юліанія Тверская замѣнила ее каменною. Въ 1609 году она была отнята у русскихъ, передана уніатскому митрополиту *Потію* и застроилась кругомъ домами, такъ что только колокольня означала мѣсто ея. Сосѣдніе дома сваливали мусоръ и всякія нечистоты къ самымъ стѣнамъ церкви, и она пришла въ упадокъ и разореніе. Въ 1863 году на этомъ мѣстѣ построена по проэкту проф. Рязанова новая изящная церковь.

Католическая пропаганда началась въ Вильнѣ еще при Гедиминѣ: его увѣряли странствующіе монахи, что только одинъ папа римскій можетъ защитить его отъ разбойничества Тевтонскихъ и Ливонскихъ рыцарей. При Ольгердѣ (1346—1377 г.) русское вліяніе усилилось, но все таки язычники были въ силѣ.

Вильна можетъ назваться многострадальнымъ городомъ. Много разъ подвергалась она раззоренію отъ враговъ, отъ внутреннихъ неурядицъ и отъ всевозможныхъ бѣдствій и пожаровъ. Рыцарскіе ордена ежегодно совершали „прогулки“ во владѣнія *сѣверныхъ язычниковъ*, какъ называли тогда литовцевъ, и, прикрывшись благочестивою цѣлью обращенія невѣрныхъ въ христіанство, грабили и жгли что ни попало. Много разъ замокъ Гедимина гремѣлъ съ своей высоты на встрѣчу закованнымъ въ желѣзо врагамъ и много разъ Вильна предавалась огню и мечу.

Въ 1387 году князь Владиславъ-Ягайло, женился на красавицѣ Ядвигѣ, принялъ титулъ польскаго короля вмѣстѣ съ католическою религіею и, возвратясь въ Вильну, далъ слово крестить свой народъ въ католическую вѣру.

Тотчасъ-же затрещали вырубаемые священные лѣса литвиновъ, священныя животныя были истреблены и *вѣчный огонь Перкуна* навсегда залитъ. Наиболѣе упорныхъ дикарей склоняли на согласіе бѣлыми свитками изъ сукна, и толпами крестили въ рѣкѣ Виліи. На мѣстѣ капища въ 1387 году возникъ кафедральный соборъ св. Станислава, и католическая религія водворилась въ древнемъ русскомъ городѣ и начала хозяйничать по своему: въ 1390 году крестоносцы осадили Вильну, но должны были отложить ея покореніе до другаго раза, и на другой годъ подъ нее подошелъ воспѣтый Мицкевичемъ великій магистръ ордена Конрадъ Валленродъ. Но и эта попытка рыцарей не удалась и, если вѣрить поэту, неудалась потому, что этаго хотѣлъ самъ Конрадъ-Валленродъ. истый литвинъ и по рожденію и по понятіямъ. Черезъ четыре года рыцари опять посѣтили Вильну, а въ 1402 году Свитригайло подошелъ подъ нее съ прусскимъ войскомъ.

Послѣ утвержденія католичества стали возникать и монастыри—первымъ былъ основанъ монастырь *бернардиновъ*, въ 1469 году, существующій и понынѣ. Рядомъ съ этимъ монастыремъ стоитъ древній готическій костелъ св. Анны, изображенный на нашемъ рисункѣ. Время постройки его неизвѣстно и онъ составляетъ одну изъ многихъ достопримѣчательностей Вильны.

Сынъ Казиміра Александръ, въ видахъ политической пользы, женился на дочери московскаго князя Іоанна III Васильевича и думалъ этимъ пріобрѣсти себѣ союзника въ его лицѣ, но ошибся, такъ какъ притѣсненія православныхъ заставили Іоанна III пойти на зятя съ войскомъ и заставить его не принуждать православныхъ къ переходу въ католичество. При Александрѣ и доминиканскій орденъ водворился прочно въ Вильнѣ и своими проповѣдями помогалъ католической миссіи. Вильна долгое время служила ареною ожесточенной борьбы разныхъ вѣръ между собою. Въ ней въ XVI вѣкѣ появились реформаторы и кальвинисты и начали распространять свое ученіе въ католической средѣ. Дѣла ихъ пошли быстро, стали возникать церкви и училища.

Православіе и русскій элементъ совсѣмъ почти затерялись въ жестокой свалкѣ западныхъ вѣроисповѣданій, но всетаки держалось, имѣло свои церкви и отправляло въ нихъ богослуженіе. Въ противовѣсъ иновѣрческому вліянію возникли *братства* съ цѣлью большаго объединенія и скрѣпленія православныхъ. Изъ братствъ особенно замѣчательно своею долговѣчностью и энергіею Свято-Духовское, неустанно боровшееся съ католицизмомъ, протестантствомъ и уніею. Иногда и православные и протестанты соединялись вмѣстѣ, чтобы общими силами противодѣйствовать католичеству, но это не увѣнчивалось успѣхомъ: союзники расходились въ разныя стороны, а католики продолжали дѣйствовать по прежнему успѣшно. Противъ появившагося въ Троицкомъ монастырѣ православнаго проповѣдника Стефана Зизаніи былъ составленъ цѣлый заговоръ и онъ долженъ былъ бѣжать изъ Вильны. Эти немногія строки характеризуютъ ту религіозную борьбу, которая продолжалась до самаго послѣдняго времени и только вмѣшательство русскихъ покончило ее и дало православному вѣроисповѣданію рѣшительный перевѣсъ.

Часовня Остробрамской Богоматери изображенная на нашемъ рисункѣ, играла важную роль во многихъ событіяхъ Виленскихъ, и составляетъ тоже одну изъ достопримѣчательностей города. *Остробрамская*, значитъ островоротная, такъ какъ часовня ея устроена на брамѣ, воротахъ, находящихся въ мѣстности, называвшейся прежде Острымъ концомъ. Появленіе самой иконы одни объясняютъ чудомъ а другіе говорятъ, что ее привезъ Ольгердъ изъ древняго Корсуня и подарилъ монахамъ Свято-Троицкаго монастыря. Прежде при ней была православная часовня, но во время уніи, когда православіе подвергалось гоненію, икону оттягали монахи *кармелиты босые* и построили новую, уже свою часовню. И до сихъ поръ она принадлежитъ римско-католикамъ, которые совершаютъ предъ нею ежедневныя службы. Въ исторіи возмущеній и повстаній она играла видную роль: въ 1794 году русскія войска два дня штурмовали Вильну со стороны Острыхъ воротъ; у воротъ дѣйствовали два орудія, а изъ отверстій, находящихся на верху, стрѣляли по войскамъ изъ ружей. Въ началѣ шестидесятаго года, предъ мятежемъ, у Острой Брамы собирались толпы народа и пѣли революціонные гимны. Въ настоящее время предъ часовнею ежедневно стоятъ на колѣняхъ группы католиковъ, склоняясь и шепча молитвы, посреди улицы и на панеляхъ. Въ 1812 году Острабрамская часовня пострадала отъ французовъ, которые устроили здѣсь казарму.

Кромѣ историческихъ памятниковъ, Вильна замѣчательна еще красотою своихъ окрестностей. Самый городъ расположенъ въ ложбинѣ а кругомъ возвышаются крутыя горы—Замковая, Трехкрестовая, Бекешова. Съ горъ видъ Вильны великолѣпенъ и она видна вся, какъ на ладони. Улицы Вильны узки и кривы, идутъ съ горы на гору и въ иныхъ мѣстахъ совершенно съуживаются вдругъ выступившимъ угломъ древняго костела или контрфорсами древней стѣны. Изъ окрестностей замѣчательны: Верки, Бельмонтъ, Кальварія, Іерусалимъ и Вифлеемъ, Желѣзна Хатка и др. предмѣстья.

Цыганка.

(Къ картинѣ Леконта).

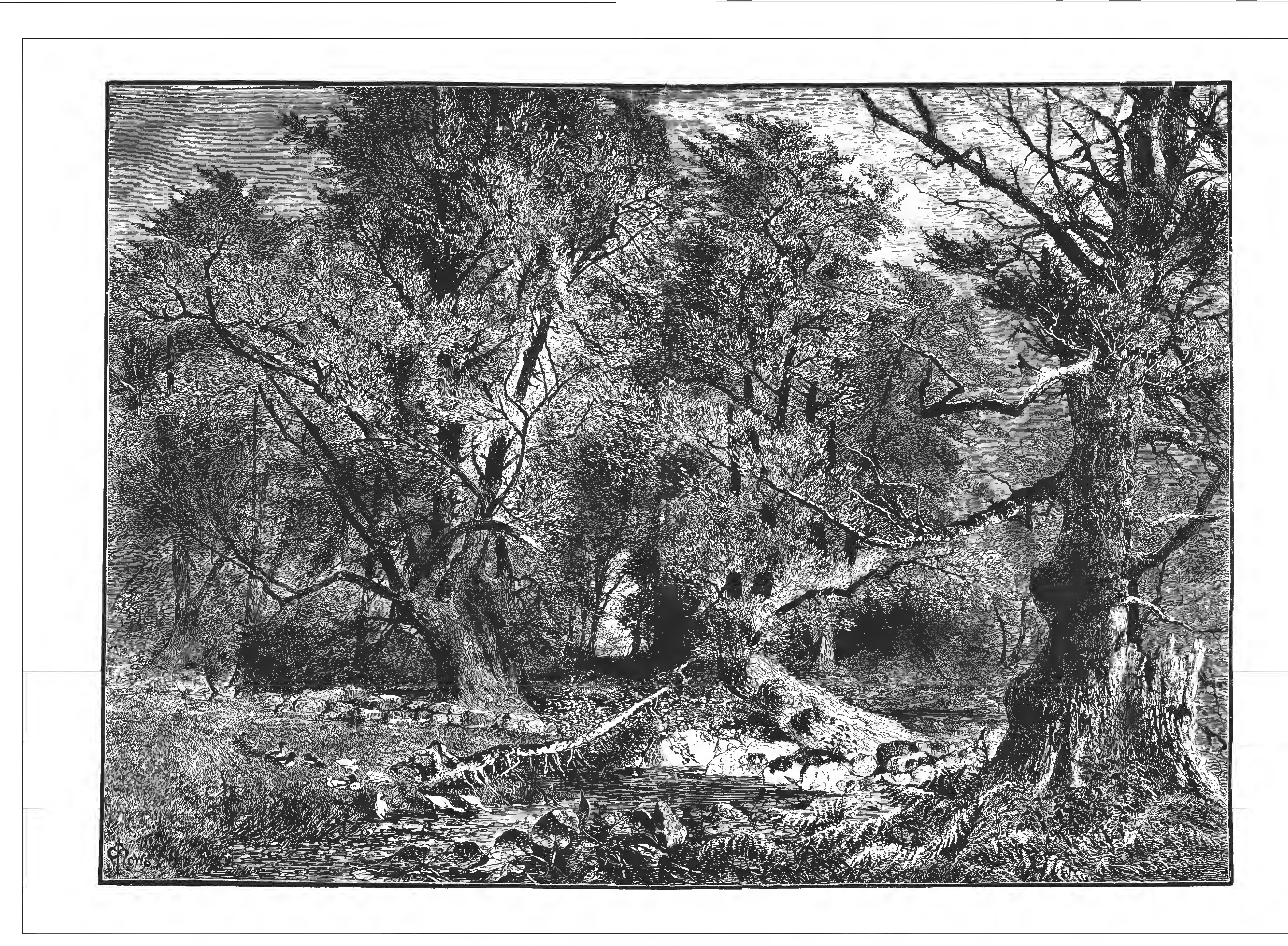
Цыгане шумною толпой
По Бессарабіи кочуютъ,
Они сегодня надъ рѣкой
Въ шатрахъ изодранныхъ ночуютъ.
Какъ вольность веселъ ихъ ночлегъ,
И мирный сонъ подъ небесами
Между колесами телѣгъ
Полузавѣшанныхъ коврами....

Кто не знаетъ чудныя строфы, въ которыхъ нашъ великій писатель поэтизировалъ вольное житье цыганъ. Кто не помнитъ всей потрясающей драмы и мрачнаго Алеко, на образѣ котораго такъ ярко отразилось вѣяніе, тогда всемогущаго, Байронизма....

Цыгане извѣстны однако по всей Россіи не совсѣмъ въ такомъ поэтическомъ представленіи. Они занимаются мелочною торговлею, мѣною лошадей, женщины зарабатываютъ деньги пѣніемъ, пляской, гадаютъ на картахъ, предсказывая будущее. Затѣмъ цыгане извѣстны разными продѣлками неблаговиднаго свойства. Извѣстны также у насъ цыганскіе хоры, которыми когда-то страстно у насъ увлекались, но и увлеченіе это уже прошло и достоинства хоровъ непомѣрно понизились.

Прошлое этаго кочующаго племени таинственно. Происхожденіе его неизвѣстно. Въ языкѣ сохранилось однако много словъ санскритскихъ, индостанскихъ, что указываетъ на индійское происхожденіе.

Теперь цыгане кочуютъ по всей Европѣ, питая отвра-



Чернолѣсье. Картина Гука, грав. В. Линтонъ.

щеніе ко всякой осѣдлости и гражданственности. Прежде всего они показались въ Европѣ, въ Молдавіи въ 1407 году при Александрѣ Добромъ. Отсюда уже потянулись по Валахіи, Венгріи и далѣе. Разбои и воровства, совершавшіяся ими, вынуждали противъ нихъ разныя мѣры, не приводившія къ результатамъ. Изъ Польши конституціею 1557 года они совсѣмъ были изгнаны, но такъ какъ опытъ показалъ что изъ этаго ничего не вышло, то правительство придумало избрать имъ въ 1607 г. *короля*, который назначался отъ королевской канцеляріи и управлялъ деспотически.

Въ Россіи указомъ 1809 г. имъ было воспрещено бродяжничество и предписано ихъ водворить въ казенныхъ селеніяхъ, но все это имѣло мало результатовъ и они бродятъ вездѣ по прежнему. Ихъ у насъ считается свыше 30,000 душъ. Они не исповѣдуютъ никакой религіи, а слѣдуютъ фетишизму, т. е. поклоняются предметамъ; вѣруютъ въ предопредѣленіе. Въ христіанскихъ земляхъ они прикидываются христіанами, въ Турціи—магометанами и т. п. Желающіе вступить въ бракъ разбиваютъ кувшинъ, при пѣніи пѣсенъ и бракъ совершенъ.

Природныя музыкальныя способности, стройность тѣла и ловкость въ движеніяхъ отличаютъ ихъ часто съ красотою и оригинальностью лица, особенно черныхъ, огневыхъ глазъ. Тонано — національная ихъ пляска, очень оригинальная и оживленная.

На нашемъ рисункѣ хорошенькая, молодая цыганочка гадаетъ кому-то на картахъ и ея темные, загадочные, выразительные глаза съ убѣдительнымъ выраженіемъ устремлены на посѣтителя, которому она, повидимому, пророчитъ „счастливое будущее“.

Чернолѣсье.

Вы входите подъ своды густаго зеленаго, стараго лѣса...

Какая то старая полузабытая сказка звучитъ въ сердцѣ! Кто-то въѣзжаетъ въ заколдованный лѣсъ... И лѣсъ долженъ былъ быть непремѣнно такой, русскій, сказочный—вѣковая бреза и сосна. Неподвижно и таинственно долженъ онъ былъ стоять въ прозрачно-росистомъ, туманномъ воздухѣ лѣтняго, ранняго утра. Сказочные богатыри тоже чай выѣзжали пораньше, на зарѣ, по холодку. А то комаръ и паутъ доймутъ, выкормленнаго за ночь, нетерпѣливаго жеребца. И вотъ глухая тропка. Кругомъ великаны-деревья, разлатые кусты, глушь и дичь лѣсная. Вотъ взлетѣлъ тяжелый глухарь. Съ рѣзкимъ крикомъ стая дикихъ, еще никѣмъ не пуганныхъ лебедей протянула надъ лѣсомъ. Не вынимаетъ богатырь своей каленой стрѣлы—онъ въ недоумѣніи—куда ведетъ лѣсная тропа? Прислушивается онъ къ утреннимъ лѣснымъ шумамъ и шорохамъ, птичьимъ всвистамъ и звѣринымъ вскрикамъ, на которые и его соловой подымаетъ уши. Звякнулъ мечь объ стремя, скрипнула дубовая лука сѣдельная. Не покажется ли какой человѣкъ, не будетъ ли какой примѣтины? Куда занесла молодца вражья сила нечистая?

— Есть ли живъ человѣкъ! раздается его могучій голосъ.

А кругомъ какъ бы полусонное, изрѣдка вздрагивая и перебѣгая тѣнями, стоитъ море зелени. Огромныя развѣсистыя березы, переплетаясь надъ тропкой длинными, толстыми, какъ деревья, сучьями и вѣтвями, сквозь прозрачно зеленые своды едва пропускаютъ въ сырой полусумракъ просѣки косые ранніе лучи и въ лучахъ этихъ жужжатъ, сверкаютъ и кишатъ подъ ногами коня легіоны лѣсныхъ жизней. Желтый мохъ сквозитъ какъ легкое золотое облачко вокругъ нестро-черныхъ, могучихъ корней и стволовъ. Стрѣлы травы, листья лѣсныхъ лопуховъ, придорожниковъ, папоротниковъ, среди которыхъ на цвѣтистомъ, зеленомъ кочкарникѣ мелькаютъ красныя ягоды костяники или голубики, или спѣетъ и румянится земляничная головка—все это пестрѣетъ и трепещетъ въ утреннихъ лучахъ внизу, а вдали и вверху это море лѣсу, которому ели и сосны изрѣдка придаютъ сѣверный суровый характеръ....

Принцъ Луи-Наполеонъ.

Двадцать три года тому назадъ, въ одну прекрасную весеннюю ночь, весь Парижъ былъ на ногахъ. Сенатъ, палата депутатовъ, собранные „en permanence“ не расходились, не взирая на разрѣшенія президентовъ, безчисленныя толпы народа сплошными массами занимали улицу „Каррусель“ и всю прилегающую часть великаго города; все было въ ожиданіи—съ минуты на минуту должно было быть возвѣщено Франціи и всему міру о томъ—выполнилось ли завѣтное желаніе императора имѣть наслѣдника престола. И вотъ, ровно въ четверть четвертаго утра, грянулъ первый выстрѣлъ, за нимъ пророкоталъ второй, третій—101 пушечный салютъ разнесъ торжественную вѣсть—родился императорскій принцъ! Тотчасъ же телеграфъ принялся за свою работу, сообщая извѣстіе о знаменательномъ событіи на сѣверъ, на югъ, королевѣ Викторіи, Шведской королевѣ, Пьемонтскому королю, Папѣ. Затѣмъ послѣдовалъ рядъ формальностей—внесеніе новорожденнаго принца въ фамильный списокъ императорскаго французскаго дома, въ присутствіи принцевъ Наполеона и Люціана Мюрата, государственнаго министра и хранителя печатей; чрезвычайное собраніе законодательнаго корпуса для выслушанія радостнаго извѣстія, представленія царственнаго дитяти собраннымъ въ павильонѣ Флоры сенаторамъ, депутатамъ, муниципалитету и представителямъ арміи, флота и національной гвардіи; церемонія поднесенія „добрымъ городомъ Парижемъ“, — согласно древнему обычаю,—нарядной колыбели, осѣненной, на этотъ разъ, наполеоновскими орлами. Принцъ-ребенокъ названъ „дитя Франціи“, Теофилъ Готье подноситъ оду, а въ іюнѣ совершается съ невиданною пышностью, обрядъ крестинъ. Въ этотъ день роздано бѣднымъ 850 тысячъ франковъ.

Дѣтство принца проходило среди заботливыхъ попеченій окружающихъ. Къ нему были приставлены, между прочимъ, присланная королевой Викторіей мистрисъ Шо (Show), воспитательница m-me Брюа и воспитатели Мунье и Башонъ. Девяти мѣсяцевъ отъ роду, онъ уже зачисленъ въ 1-й гвардейскій полкъ. Императоръ старается всячески сближать его съ подданными: однажды въ Біаррицѣ, 5-ти лѣтній гренадеръ далъ молодежи своихъ лѣтъ большой ужинъ, на которомъ Наполеонъ III собственноручно разливалъ юнымъ гостямъ маленькаго принца шампанское пополамъ съ сельтерской водой. Восторгъ былъ неописанный. Но—есть воспоминанія и лучше,—однажды,—это уже было позднѣе и онъ былъ старше—какой-то зуавъ потерялъ 1,500 франковъ, которые собирался отослать старушкѣ-матери; его горе, его отчаяніе были ужасны, но—утромъ онъ получаетъ эти деньги въ пакетѣ, на которомъ стояла надпись „зуаву отъ гренадера“! Излишне говорить, что гренадеръ былъ императорскій принцъ.

Мы здѣсь—не на почвѣ политической, мы разсказываемъ грустную исторію семейства, уничтоженнаго грозными міровыми событіями, и ограничиваемся краткимъ очеркомъ радостей и горя этой семьи, дорого заплатившей за минутный блескъ. Возвращаясь къ предмету, считаемъ необходимымъ сказать, что надо отдать справедливость въ этомъ отношеніи покойному императору и несчастной императрицѣ—они воспитывали въ своемъ наслѣдникѣ сердце. И судя по всѣмъ отзывамъ—вполнѣ успѣли въ этомъ. Такъ, напримѣръ, даже Меримe, извѣстный строгостью и независимостью своихъ сужденій, въ восхищеніи отъ ребенка. Въ 1866 г. (въ этомъ году начались уже серьезныя занятія принца подъ руководствомъ лучшихъ преподавателей различныхъ лицеевъ), Луи-Наполеонъ присутствуетъ при открытіи Императоромъ, отцемъ его, законодательной сессіи, и затѣмъ, въ этомъ же году, назначается почетнымъ президентомъ международной коммисіи Парижской всемірной выставки, (фактическимъ президентомъ былъ Руэръ) посѣщаетъ вмѣстѣ съ родителями Лотарингію, по случаю празднованія годовщины присоединенія этой провинціи къ Франціи. Послѣ возстанія въ Испаніи, королева Изабелла поселилась въ Парижѣ. Между императорскимъ принцемъ и сыномъ Изабеллы возникаетъ тѣсная дружба; въ первые мѣсяцы 1869 г. они не разстаются. Все, что послѣдовало вскорѣ, начиная съ 1870 г., настолько же извѣстно всѣмъ и каждому, что едва ли не было бы излишнимъ повторять здѣсь всѣ превратности несчастной войны, плѣна императора, провозглашеніе республики, переселенія въ Чизльгёрстъ, смерть Наполеона Ш. Въ Великобританіи—изгнанная семья нашла дружескій пріемъ, а принцъ Луи-Наполеонъ—многочисленныхъ друзей среди британской молодежи. Принцъ съумѣлъ еще болѣе усилить къ себѣ это общее чувство расположенія—добрый по природѣ, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, обладалъ большимъ тактомъ въ своихъ отношеніяхъ. Вступивъ въ Вульвичскую военную школу, онъ рѣшительно отказался отъ всякихъ привилегій, на которыя имѣлъ право по своему рожденію и положенію принца крови, подчинившись безусловно всѣмъ требованіямъ дисциплины этаго военно-учебнаго заведенія. Не такъ давно онъ успѣшно окончилъ курсъ, выпущенный изъ 35-ти учениковъ седьмымъ, т. е. однимъ изъ первыхъ. Когда въ Британію пришло извѣстіе объ Изандуэльскомъ погромѣ и рѣшено было отправить лорду Гельмсфорду подкрѣпленія—принцъ Луи-Наполеонъ заявилъ о своемъ намѣреніи принять участіе въ экспедиціи. „До сихъ поръ мое имя связано было только съ одними парадами и смотрами, я желаю быть достойнымъ имени, которое ношу,“ отвѣтилъ онъ на слезы матери и предостереженія друзей. Несмотря на нежеланіе Биконсфильда, герцога Кембриджскаго и многихъ другихъ — молодой принцъ уѣхалъ съ британскимъ отрядомъ, отправленнымъ въ Африку.

Предъ отъѣздомъ, принцъ составилъ завѣщаніе. Удалившись изъ залы, гдѣ собрались почти всѣ друзья семейства, въ свой кабинетъ, онъ вынесъ оттуда ключъ отъ ящика, куда вложилъ это завѣщаніе; ключъ былъ переданъ бывшему при императорѣ префектомъ полиціи, Пьетри.

Долго стояла на берегу императрица, печальная и грустная, долго не могла она оторваться отъ мало по малу скрывавшагося въ водной дали корабля...

Какъ громомъ поразило всѣхъ роковое извѣстіе о смерти принца, 2-го Іюня (новаго стиля) отрядъ изъ восьми или девяти человѣкъ, подъ начальствомъ принца и лейтенанта Кэрэ безпечно и спокойно слѣдовалъ по зулусской территоріи, вопреки всѣмъ военнымъ правиламъ—безъ авангарда и фланговыхъ патрулей. Отрядъ этотъ также безпечно дѣлаетъ привалъ.

Расположились въ маисовомъ полѣ, гдѣ, за высоко и густо растущими стеблями ничего не видно въ двухъ шагахъ. Вдругъ, дикій крикъ—зулусы!.. моментально, принцъ и двое изъ солдатъ окружены, остальные храбрые британскіе воины уже быстро скачутъ, спасаясь отъ страшныхъ воиновъ Сетевайо и ихъ асагайевъ. Несчастный Луи-Наполеонъ палъ, пораженный семнадцатью ударами асагая—асагай—дротикъ, изъ твердаго дерева, съ отравленнымъ наконечникомъ—зулусъ бросаютъ его въ непріятеля, не давая, какъ увѣряютъ, промаху въ 40 шагахъ. На разсвѣтѣ слѣдующаго дня, кавалерійскій разъѣздъ подъ начальствомъ генерала Маршаля отправился изъ лагеря отыскивать принца, тѣло котораго было найдено въ высокой травѣ, въ Донгѣ, въ 300 ярдахъ отъ одного крааля. Никакихъ слѣдовъ пуль на тѣлѣ не оказалось, за то—17 ранъ дротика ясно виднѣлись на тѣлѣ. Вся одежда снята, на шеѣ осталась только цѣпочка съ медальономъ. Изъ копьевъ были устроены носилки и Друри, Лоу, маіоръ Стюартъ и офицеры 17 уланскаго полка перенесли останки принца Луи-Наполеона до перевязочнаго пункта. Тѣло набальзамировано и отправлено въ Европу.

Ужасное извѣстіе было передано императрицѣ стариннымъ другомъ семейства, лордомъ Сиднеемъ. При первыхъ же словахъ она лишилась чувствъ и долго еще не могла придти въ себя. До сихъ поръ еще здоровье ея не возстановлено.

По поводу смерти несчастнаго молодаго принца наложенъ трауръ при дворахъ главныхъ державъ. Бывшіе товарищи собираются поставить ему памятникъ.

Алеко-Паша,

Генералъ-губернаторъ Восточной Румеліи.

Князь Вогоридесъ, извѣстный также подъ турецкимъ офиціальнымъ именемъ Алеко-Паши, по происхожденію болгаринъ. Отецъ его, принадлежавшій къ семейству изъ окрестностей Казанскаго горнаго прохода въ Балканскихъ горахъ, отправился, еще въ молодыхъ годахъ, искать счастія въ Константинополѣ. Надежды его осуществились и здѣсь, въ столицѣ оттоманской имперіи, онъ сдѣлалъ блестящую карьеру. Принятый въ военную школу, молодой человѣкъ, съ успѣхомъ окончилъ въ ней курсъ и, затѣмъ, вступилъ въ военную службу, гдѣ сразу успѣлъ выдти изъ уровня окружавшей его посредственности. Достигнувъ въ относительно непродолжительное время, довольно высокаго положенія въ турецкой іерархіи, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, съумѣлъ понравиться султану и наиболѣе вліятельнымъ лицамъ. Насколько ему это удалось, видно уже изъ того, что когда островъ Самосъ былъ объявленъ автономнымъ княжествомъ, султанъ назначилъ его княземъ этаго острова. Именно, съ тѣхъ только поръ, отецъ нынѣшняго генералъ-губернатора Восточной Румеліи извѣстенъ подъ именемъ князя Вогоридеса. Такъ какъ, въ то время не было самостоятельной болгарской церкви и отношенія между греками и славянами не имѣли того явно-враждебнаго характера, какой они приняли впослѣдствіи, то Вогоридеса считали скорѣе грекомъ, чѣмъ славяниномъ. Отсюда и происходили тѣ сомнѣнія въ болгарскомъ происхожденіи Румелійскаго генералъ-губернатора, которыя существовали одно время въ публикѣ. Алеко-Паша получилъ основательное образованіе, знакомъ какъ съ восточными, такъ и съ европейскими языками, но замѣчательно то, что родной языкъ болгарскій ему извѣстенъ мало. Свое научное образованіе онъ дополнилъ въ Берлинѣ, гдѣ учился нѣсколько лѣтъ. Затѣмъ, онъ посвятилъ себя служебной, преимущественно дипломатической карьерѣ, около 8-ми лѣтъ пробылъ секретаремъ турецкаго посольства въ Лондонѣ, позднѣе занималъ другія различныя, важныя должности и недавно еще былъ посланникомъ въ Вѣнѣ. Но едва не случилось такъ, что этотъ постъ былъ послѣднимъ, какой онъ занималъ на службѣ султану. Дѣло въ томъ, что князь Вогоридесъ поссорился съ Эдхемомъ-Пашею и написавъ султану письмо противъ него, создалъ себѣ въ этомъ сановникѣ злѣйшаго врага. Эдхемъ воспользовался первымъ же случаемъ возстановить падишаха (говорятъ, онъ намекнулъ его величеству, что князь находился въ дружественныхъ сношеніяхъ съ Митхадомъ-Пашей), который немедленно же повелѣлъ отставить своего посланника при Вѣнскомъ дворѣ. Съ тѣхъ поръ, Алеко-Паша, удалившись въ частную жизнь, проживалъ большею частью, въ Парижѣ. Съ теченіемъ времени и частой перемѣной великихъ визирей, гнѣвъ султана давно уже смягчился и бывшій посланникъ не разъ получалъ приглашенія возвратиться въ столицу Турціи, между прочимъ, чрезъ лейбъ-медика султана, Маврогени. Наконецъ, когда на Берлинскомъ конгрессѣ было рѣшено раздѣленіе Болгаріи и учрежденіе отдѣльнаго генералъ-губернаторства, — Порта избрала князя Вогоридеса на этотъ важный и трудный постъ и, получивъ на то одобреніе державъ, обратилась къ нему съ этимъ предложеніемъ,—онъ тотчасъ-же принялъ его. Обстоятельства его пріѣзда въ Румелію, исторія съ феской, неподнятымъ турецкимъ флагомъ и болгарской шапкой извѣстны уже нашимъ читателямъ, изъ политической хроники журнала (Нива №) поэтому мы распространяться объ этомъ не будемъ. Добавимъ только, что до сихъ поръ еще Алеко-Паша не приказывалъ поднять турецкаго флага надъ своимъ конакомъ (т. е. губернаторскимъ дворцомъ). Генералъ-губернаторъ назначенъ на 5 лѣтъ, раньше которыхъ не можетъ быть смѣщенъ или уволенъ Портой, но, въ то же время, вначалѣ онъ управляетъ не самостоятельно, а совмѣстно и подъ контролемъ „международной румелійской коммисіи" (полномочія ея продолжены, теперь, на одинъ годъ). Право и власть коммисіи опредѣлены слѣдующимъ образомъ: она наблюдаетъ за правильнымъ примѣненіемъ органическаго статута, а также высказываетъ свое мнѣніе по всѣмъ вопросамъ, относящимся къ этому вопросу; генералъ-губернаторъ, безъ согласія коммисіи, не имѣетъ права призывать турецкія войска даже и въ томъ случаѣ, если въ румелійской провинціи возникнутъ безпорядки. Рѣшенія, принятыя коммисіею, по большинству голосовъ, обязательны для генералъ-губернатора. Но выборъ административнаго персонала предоставленъ князю Вогоридесу, который и отвѣтствуетъ за составъ его.

Алеко-Паша человѣкъ уже не молодой, нѣкоторые изъ тѣхъ, кто его видѣлъ въ недавнее время, говорятъ о немъ даже какъ о болѣзненномъ старикѣ. Онъ женатъ на княжнѣ Стурдза, сестра которой, какъ извѣстно, замужемъ за младшимъ сыномъ нашего государственнаго канцлера; кромѣ того, онъ находится въ родствѣ со многими вліятельными греческими семействами въ Константинополѣ.

Не смотря на исторію съ болгарской шапкой, не взирая даже на то, что надъ домомъ генералъ-губернатора развѣвается вмѣсто турецкаго, болгарское знамя—едва ли болгарскій народъ найдетъ въ немъ истиннаго поборника своихъ интересовъ.

Изъ всѣхъ свѣдѣній, приходящихъ изъ Румеліи, ясно видно, что Алеко-Паша является вѣрнымъ истолкователемъ желаній Порты, иногда разыгрывая, и то не искусно, роль болгарскаго патріота. По врожденной ли нерѣшительности характера, или, изъ личныхъ разсчетовъ, хранящихся въ желаніи удержать за собой положеніе, онъ не беретъ на себя активной роли въ дѣлахъ, прикрываясь почти во всемъ совѣтниками, не отличающимися народно-болгарскими стремленіями. Всѣ высшія должности замѣщаются британцами, левантинцами, поляками, причемъ русскіе часто устраняются. Что касается русскихъ офицеровъ, находящихся въ рядахъ милиціи, то имъ, повидимому, скоро придется оставить созданное ими войско. Чего же можно ожидать отъ человѣка, не жившаго никогда истинно-патріотическою жизнью, выросшаго и вскормленнаго въ космополитическо-дипломатической сферѣ.

Политическія и внутреннія извѣстія.

Впечатлѣніе, произведенное смертью принца Наполеона.—Укоры англійскихъ газетъ. Положеніе бонапартистовъ.—Волненія Феніевъ.—Смѣщеніе хедива.—Заявленіе Министра Внутреннихъ Дѣлъ.

Смерть принца Луи-Наполеона возбудила почти повсемѣстно, въ Великобританіи, сильное чувство негодованія противъ тѣхъ, кто могъ предотвратить ее. Негодованіе это высказывается во всѣхъ классахъ населенія, въ печати и, даже, въ правительственныхъ сферахъ. „Poor boy!" (бѣдный мальчикъ) слышится въ народѣ; „безполезная гибель молодаго принца..." говоритъ самъ лордъ Биконсфильдъ въ рѣчи, которую произнесъ по этому поводу;—наконецъ,—грозно, безпощадно и вполнѣ справедливо бичуетъ виновныхъ печать. Въ газетахъ выражается то мнѣніе, что невозможно вести войну съ большею безпечностью и большимъ незнаніемъ правилъ войны. При этомъ, о лордѣ Гельмсфордѣ иронически замѣчается, что онъ не усмотритъ въ гибели Луи-Наполеона и въ той обстановкѣ, въ которой она произошла,—ничего ненормальнаго, такъ какъ избіеніе 1,000 солдатъ при Изандуэлѣ онъ приписалъ обыкновенной случайности войны, хотя и тамъ можно было избѣгнуть бѣдствія, принявъ нѣкоторыя предосторожности. Со всѣхъ сторонъ раздаются голоса, требующіе отъ главнокомандующаго британской арміею, герцога Кэмбриджскаго, назначенія строгаго слѣдствія. Въ средѣ военныхъ взгляды на событіе это сходятся съ общимъ чувствомъ. Въ одной газетѣ, между прочимъ, помѣщены два письма британскихъ офицеровъ. Въ первомъ изъ нихъ выражается убѣжденіе, что подробности о смерти императорскаго принца возбудятъ чувство стыда во всей британской арміи, которая никогда не пойметъ того, какимъ образомъ главнокомандующій могъ дозволить молодымъ, неопытнымъ офицерамъ производить, безъ всякой предосторожности, рекогносцировку въ странѣ, гдѣ незадолго предъ тѣмъ тысяча британскихъ солдатъ были убиты въ засадѣ. Еслибы, даже, рекогносцировки въ мѣстностяхъ, покрытыхъ маисомъ и кустарниками, скрывающими непріятеля до той минуты, когда нельзя уже спастись отъ него—и не были чрезвычайно опасны, то, все же, высшіе офицеры обязаны разрѣшать только рекогносцировки, организованныя по военнымъ правиламъ, требующимъ, чтобы часовые постоянно стояли на постахъ и чтобы, по первому знаку, было возможно защищать аванпосты съ помощью войскъ, ра-

сположенныхъ на извѣстномъ другъ отъ друга разстояніи. Сверхъ того, весьма прискорбно, что всѣ сопровождавшіе молодаго принца офицеры и солдаты, увидѣвъ зулусовъ, думали только о спасеніи собственной жизни своей, между тѣмъ, какъ они были обязаны защищаться при внезапномъ нападеніи и, въ особенности, защищать гостя Британіи—императорскаго принца, ввѣреннаго попеченіямъ ихъ.“ Дѣйствительно—элементарный принципъ войны заключается въ томъ, что всякій отрядъ войскъ, а тѣмъ болѣе слабый патруль, можетъ сдѣлать остановку въ непріятельской странѣ только на господствующемъ надъ окружающею мѣстностію пунктѣ; небольшой же отрядъ, которымъ начальствовалъ принцъ, спѣшился при въѣздѣ въ маисовое поле, настолько густо заросшее, что въ полѣ могъ укрыться значительный отрядъ зулусовъ.

Весьма сильно отозвалось извѣстіе это и во Франціи, гдѣ, не смотря на увѣренія антибонапартистскихъ газетъ,—оно подало поводъ къ сочувственнымъ бонапартизму заявленіямъ. Самъ Грэви, какъ сообщаютъ изъ Парижа, написалъ будто бы несчастной императрицѣ письмо, съ выраженіемъ соболѣзнованія. На панихидѣ, совершенной по императорскомъ принцѣ въ церкви св. Августина, присутствовало до 20,000 человѣкъ, размѣстившихся по всѣмъ, прилегавшимъ улицамъ; здѣсь же присутствовалъ и весь дипломатическій корпусъ. Дѣло, наконецъ, дошло до того, что въ арміи произведена бонапартистская демонстрація. Это обстоятельство обратило на себя серьезное вниманіе республиканскаго правительства, которое намѣрено учредить, для военныхъ, торжественную присягу на вѣрность республикѣ.

Въ средѣ самой партіи, оставшейся теперь безъ своего законнаго главы, сообщаютъ, что покойный принцъ, въ припискѣ къ завѣщанію, составленному имъ предъ отъѣздомъ на войну, назначилъ преемникомъ своихъ правъ сына принца Жерома-Наполеона, 17-ти лѣтняго принца Виктора-Наполеона, воспитывающагося въ настоящее время въ лицеѣ Карла Великаго въ Парижѣ; но, повидимому, право, все-таки, признается за самимъ принцемъ Жеромомъ. Что касается положенія, которое онъ намѣренъ занять,—оно характеризуется сдѣланнымъ имъ, чрезъ одно лицо, заявленіемъ президенту Грэви, что онъ не допуститъ никакихъ демонстрацій, противныхъ республикѣ и не намѣренъ создавать никакихъ затрудненій упроченію ея. Полагаютъ, что большая часть бонапартистовъ покорится необходимости признать въ немъ главу императорскаго дома и партіи, но не болѣе. Вмѣстѣ съ тѣмъ увѣряютъ, что принцъ отказывается отъ роли претендента и отъ руководительства партіей, состоящей почти исключительно изъ враговъ какъ его лично, такъ и его воззрѣній. Но, съ другой стороны, онъ поддерживаетъ свое право на положеніе главы фамиліи. Выражая свое уваженіе къ республикѣ, какъ къ существующей формѣ правительства, онъ заявляетъ, что когда произойдетъ столкновеніе между крайними радикалами и монархической реакціей и дѣло приблизится къ развязкѣ, тогда, по его мнѣнію, весьма возможно, что *бонапартизмъ выступитъ въ качествѣ представителя принципа авторитета и защитника современныхъ пріобрѣтеній Франціи*. До тѣхъ же поръ, принцъ намѣренъ употребить свое вліяніе на бонапартистовъ въ либеральномъ смыслѣ. Такъ какъ подобная программа идетъ въ разрѣзъ со взглядами значительной части партіи, то, у нѣкоторыхъ возникла мысль провозгласить (при содѣйствіи императрицы) претендентомъ другаго принца этой фамиліи,—принца Шарля. Но Руэръ высказался рѣшительно противъ такого плана. Увѣряютъ, что онъ намѣренъ сложить съ себя званіе депутата и, отказавшись отъ дальнѣйшаго руководства партіей, удалиться въ частную жизнь, оставаясь довѣреннымъ императрицы. Республиканскія же заявленія „краснаго принца“ (извѣстное прозвище принца Жерома) объясняются его желаніемъ остаться во Франціи, откуда онъ былъ бы приглашенъ выѣхать, если бы открыто объявилъ себя претендентомъ. Кстати, пока мы во Франціи, скажемъ, что, согласно новѣйшимъ свѣдѣніямъ, алжирское возстаніе заканчивается, большинство возмутившихся просятъ помилованія.

Если же заглянемъ къ нашимъ друзьямъ—британцамъ, мы увидимъ тамъ „старую исторію, которая вѣчно нова“—т. е. волненія феніевъ

(Продолженіе на стр. 537, 538, 539 и 540.)

Принцъ Луи-Наполеонъ.
† 2-го іюня (н. с.) 1879 г.

Алеко-Паша (князь Вогоридесъ) генералъ-губернаторъ Восточной Румеліи.

въ Ирландіи, пріобрѣтающіе нынѣ значительные, серьезные размѣры. Подробности сообщимъ въ слѣдующей бесѣдѣ.

Хедивъ смѣщенъ султанскимъ фирманомъ, назначающимъ, на его мѣсто, его старшаго сына, Тевфика-Пашу.

Въ Мексикѣ, противъ президента возсталъ генералъ Негрете, удалившись изъ города съ 3 тысячами сторонниковъ. Президентъ выступилъ вслѣдъ за нимъ.

17-го іюня появилось въ „Правительств. Вѣстникѣ". слѣдующее весьма важное заявленіе отъ министра внутреннихъ дѣлъ:

„Съ нѣкотораго времени между сельскимъ населеніемъ стали ходить лживые слухи и толки о предстоящемъ будто-бы общемъ передѣлѣ земель.

По особому Государя Императора Высочайшему повелѣнію, объявляю, что ни теперь, ни въ послѣдующее время никакихъ дополнительныхъ нарѣзокъ къ крестьянскимъ участкамъ не будетъ и быть не можетъ. При дѣйствіи нашихъ законовъ о правѣ собственности, никогда не можетъ случиться такой неправды и такой обиды, чтобы земля, законнымъ порядкомъ за кѣмъ либо укрѣпленная, была у законнаго владѣльца отнята и отдана другому. Сами крестьяне владѣютъ отведенною имъ землею на основаніи Высочайше утвержденныхъ 19-го февраля 1861 года Положеній. По силѣ закона, они спокойно пользуются и распоряжаются своими надѣлами и имѣютъ право пріобрѣтать новые земельные участки отъ другихъ собственниковъ по добровольному съ ними соглашенію.

Такимъ образомъ законы наши оставляютъ каждаго при своемъ и никому не дозволяютъ посягать на чужое. Чрезъ это вмѣстѣ съ крестьянскою и всякою другою собственностью охраняется и спокойствіе всего государства.

Ложные слухи о земельномъ передѣлѣ и о добавочныхъ въ пользу крестьянъ нарѣзкахъ разносятся по селеніямъ людьми злонамѣренными, для которыхъ нужно только смущать народъ и нарушать общественное спокойствіе. Къ сожалѣнію слухи эти нерѣдко принимаются на вѣру простодушными людьми, которые передаютъ ихъ другимъ, не подозрѣвая обмана и не помышляя о томъ, въ какую бѣду они могутъ чрезъ это попасть сами и ввести другихъ.

Во исполненіе Высочайшей воли Государя Императора, предостерегая сельское населеніе отъ злыхъ и коварныхъ внушеній, вмѣняю въ обязанность сельскому, волостному и полицейскому начальствамъ зорко и неослабно слѣдить за появленіемъ злоумышленныхъ вѣстовщиковъ, а введенныхъ въ обманъ стараться всячески вразумлять и удерживать отъ распространенія вредныхъ вымысловъ.

Магичесий квадратъ задача № 4.

а	а	а	г
г	г	и	и
м	м	р	р
р	р	т	у

Задача ходъ коня № 4.

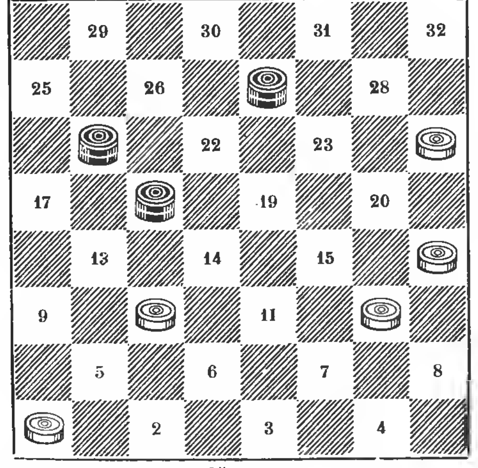
					не	же-					
				ній	иую	те-	встрѣ-				
				бя	скром	зна	дви-				
			пре-	всег-	смерть	роб-	тол-	титъ			
	лесть	же-	тишь	иость	пой	да	ю	бах-	ва-	аз-	
ній	ди	у-	юсь	ща-	на-	скою	вецъ	ся	ка-	бой	вой
иѣ-	бо-	да	сра-	тра-	и	ира-	ра-	кро-	мо-	сай-	ра-
	ты	сре-	по-	ей	вой	мѣ-	не	са-	въ	съ	
	ги	но	бу-	титъ	ю	ной	о	ло-	бро-	илъ	
			и	сла-	детъ	дой	за-	сре-			
				чей	бран-	тво-	не				
				сты-	со-	най-	ди				
			ира-	ся	ме-	да-	ту	плѣ-			

Магическій квадратъ задача № 5.

а	а	а	а
е	е	к	л
м	м	о	о
р	р	р	р

Шашечная задача № 10.

Черныя.



Бѣлыя.

Бѣлыя начинаютъ и выигрываютъ. Какими ходами?

Рѣшеніе задачи слоговъ въ № 24 „Нивы".

Алеатико
Лакмус
Ермолов
Корреджіо
Скалозуб
Аверно
Невод
Давалагири
Ревел
Вороб
Трико
Орел
Рычаг
Одесса
Ингвіомар

Александръ Второй — освободилъ болгаръ

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы: **Спб.**, отъ гг.: Николаева, Елецкаго, Анчуковыхъ. Мазневой. **Москва**—Козырева, Звѣвакина, Чаткина; **Рязань**—Бухвостова, **Орелъ**—Ромера, **Петергофъ** — Нѣвцова, **ст. Прашиа**—Н. Кузнецова, **Тамбовъ**—Н. Астрова.

Рѣшеніе шашечной задачи № 9.

Бѣлыя.	Черныя.
Съ № 4 на 8	Съ № 19 на 1
„ „ 7 „ 12	„ „ 16 „ 14
„ „ 6 „ 10	„ „ 14 „ 5
„ „ 8 „ 12	

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы: **С.-Петербургъ**, отъ гг.: Карева, Геннинга, Перминова, Нельгренъ, Матвѣева; **Москва**, отъ гг.: Вортепъ, Могиленскаго, Звѣвакина, Чашкина; **Сызрань**—Смирнова; **Кронштадтъ**—Дармана; **Урюпино**—Федорова; **Молога**—Неустроева.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Не будутъ напечатаны: 1) Кир. Грев—вѣ «На перепутьи». 2) И. Сокол—ву—нѣтъ надобности въ переводахъ. 3) Нив. Серп—хова „Лѣтомъ". 4) С. Батв—скаго «Б. Я. Э—нъ". 5) Мих. Пасын—ва „1877 годъ". 6) Ив. Знам—скаго «Раздумье», „Зима" и др. 7) О. О. «Житейскій путь». 8) А. Смир—ва „Не старайся попасть". 9) Орелъ. Г. Въ переводахъ не нуждаемся.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива" проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса изъ одного города въ другой присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.

СОДЕРЖАНІЕ: **Якубъ-ханъ. Новый эмиръ Авгана** (съ портр.) — **Сонетъ Петрарки. П. Гнѣдича.**—**Монастырская питомица. Быль XVII вѣка.** Историческій разсказъ **М. Романовой.**—**Въ вагонѣ.** Разсказъ **В. П—аго.**—**Объѣздъ линіи Е. И. В. В. Кн. Владиміромъ Александровичемъ** (съ рис.)—**Городъ Вильна** (съ рис)—**Цыганка** (съ рис.)—**Чернолѣсье** (съ рис.)—**Принцъ Луи-Наполеонъ** (съ портр.)—**Алеко-Паша** (съ портр.)—Политическія и внутреннія извѣстія.—Задача ходъ коня.—Шашечная задача.—Рѣшеніе задачи слоговъ.—Рѣшеніе шашечной задачи.—Почтовый ящикъ.—О перемѣнѣ адреса.—Объявленія.

Издатель **А. Ф. Марксъ**. Редакторъ **Ф. Бергъ**.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

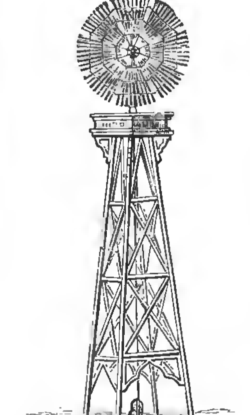
№ 153 5—5

ГЛАВНОЕ ДЕПО
МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ.

Юлія Генриха Циммермана. С,-Петербургъ Б. Морская № 42. рекомендуетъ въ большомъ выборѣ по самымъ дешевымъ цѣнамъ:

скрипки, альты, віолончели, контрабассы, смычки, цитры, гитары, мандолины, корнеты à пистонъ, вальторны, сигнальные и охотничьи рожки, флейты, кларнеты, пиколофлейты, чаканы, флажолеты, барабаны, бубны, тарелки, треугольники, литавры, кастаньеты, металлофоны, дѣтскія гармонифлейты и трубы, музыкальные ящики, шарманки, англійск. и нѣмецк. концертино, бандоніоны, парижскіе гармонифлюты, и фисгармоніи, гармоній больше 100 сортовъ, губныя гармоніи, итальянскія и нѣмецк. струны, каммертоны, метрономы, пюпитры и школы для всѣхъ инструментовъ. **Заказы изъ провинцій исполняются аккуратно и немедленно.**

подробный прейсъ-курантъ по требованію безплатно.



ЗНАМЕНИТЫЙ

ВѢТРЯНЫЙ ДВИГАТЕЛЬ „ЭКЛИПСЪ".

Самый совершенный и наиболѣе производительный изъ вѣтряныхъ двигателей въ настоящее время.

Съ большимъ успѣхомъ примѣняется: къ накачиванью воды, приведенію машинъ въ движеніе, орошенію полей и осушенію болотъ и по всѣмъ подобнымъ цѣлямъ, гдѣ требуется работающая сила.

Посредствомъ **самаго простаго механизма** достигается **саморегулированіе**, вслѣдствіе котораго колесо легко и правильно ставится по направленію вѣтра, защищено отъ опасностей жестокой бури и не требуетъ никакого присмотра за механизмомъ, кромѣ своевременнаго наполненія масляныхъ коробокъ.

Гг. желающимъ предлагаю безплатно **каталогъ** на нѣмецкомъ или на русскомъ языкѣ.

Робертъ Леръ въ Москвѣ,
Мясницкая, рядомъ съ почтамтомъ.
Уполномоченный въ Россіи завода
Eclipse Wind Mill Co, Beloit Wisc.

№ 183 3—3

ДЕГТЯРНЫЯ КАПСЮЛИ ИЗЪ ОЧИЩЕННАГО НОРВЕЖСКАГО ДЕГТЯ

ПРИГОТОВЛЕННЫЯ МОСКОВСКИМЪ АПТЕКАРЕМЪ Я. ГИРШФЕЛЬДЪ.

Несообразно дорогія цѣны извѣстныхъ французскихъ капсюлей Гюйо побудили меня заняться производствомъ ихъ и такъ какъ понятно въ приготовленіи этихъ капсюлей никакого секрета нѣтъ и онѣ кромѣ чистѣйшаго дегтя, ничего другого содержать не должны, то я, предлагая мои безукоризненно выработанныя капсюли

НА 40% ДЕШЕВЛЕ ФРАНЦУЗСКИХЪ,

разсчитываю на благоразумный взглядъ гг. врачей и публики, въ настоящемъ случаѣ не имѣющихъ уже никакого повода поддерживать заграничное производство русскими деньгами.

Цѣна стклянки въ 60 капсюлей 60 к. Мѣста продажи: всѣ аптеки и аптекарскіе магазины въ Россіи. Аптекарямъ и торговцамъ большая скидка; а требованія ихъ прошу адресовать въ главное Депо моихъ капсюлей въ запасномъ аптечномъ маг.

Р. КЁЛЕРЪ и К°, въ Москвѣ на Никольской.

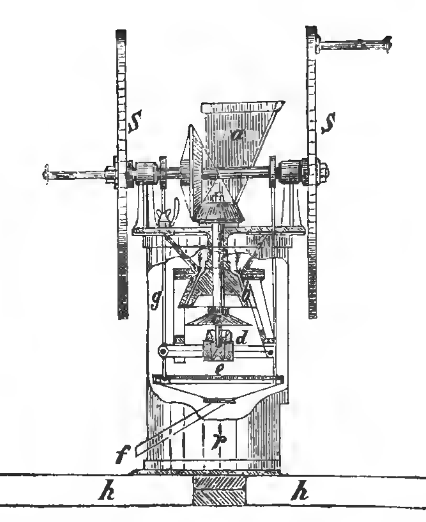
Гг. иногородные розничные покупатели могутъ также обращаться въ мою Лубянскую аптеку, прилагая деньги на пересылку, соразмѣрно требованію.

10—10 *Я. ГИРШФЕЛЬДЪ.*

Мебельный магазинъ Ф. ПАЙКИНА.

Михайловская, д. № 13, рекомендуетъ въ огромномъ выборѣ самую роскошную мебель новѣйшихъ фасоновъ, лучшихъ мастеровъ, по весьма умѣреннымъ цѣнамъ. Принимаетъ заказы на полныя обстановки квартиръ, столярной и обойной работы, по всѣмъ заграничнымъ рисункамъ. № 189 4—2

ЗАСЛУЖИВАЮЩЕЕ ВНИМАНІЯ
ГГ. СЕЛЬСКОХОЗЯЕВЪ.



По порученію техническаго комитета Главнаго Интендантства доставить для **продовольствія войска мельницъ**, я представилъ мною устроенную мельницу которая на многократныхъ испытаніяхъ оказалась наиудобнѣйшей. Результаты эти удостовѣряются протоколами техническаго комитета Главнаго Интендантства, могущіе быть представлены мною во всякое время. Благодаря **простому устройству и устраненію затруднительной насѣчки жернововъ, которые замѣнены стальными конусами, эта мельница, въ особенности рекомендуется для сельскаго хозяйства.**

При ручномъ приводѣ даетъ эта мельница **6 пудовъ**, а при паровомъ или конномъ—не менѣе **12 пудовъ въ часъ** перемолотаго продукта.

Предлагаемыя мельницы можно видѣть у

С. Г. Конфельдъ
Инженеръ.
Большая Московская, № 6.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

8—8 № 141

Въ книжной торговлѣ при редакціи „Собранія Романовъ," въ С.-Петербургѣ, на Михайловской площади, въ домѣ Жербина, продаются слѣдующія книги:

ТАЙНЫЯ ОБЩЕСТВА ВСѢХЪ ВѢКОВЪ И ВСѢХЪ СТРАНЪ, Чарльза Уильяма Гекерторна.

СОДЕРЖАНІЕ: Древнія мистеріи.—Эманаціонисты.—Религія любви — Измаелиты.—Рыцари храма.—Вольные судьи.—Алхимики.—Франк-Масоны.—Мистики.—Иллюминаты.—Разбойники.—Ремесленные союзы.—Карбонари.—Инквизиція.—Второстепенныя итальянскія общества.—Юность.—Разнородныя общества.

Цѣна 2 р.. съ пересылкою 2 р. 25 к.

МЕДВѢЖОНОКЪ и **ЛѢСНИКЪ**, романы Густава Эмара. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

МОРСКІЕ ТИТАНЫ и **КОРОЛЬ ЗОЛОТЫХЪ ПРІИСКОВЪ**, Густава Эмара. Цѣна 1 р. 75 к., съ пересылк. 2 р.

№ 163 **МЕХАНИЧЕСКІЙ ЗАВОДЪ** 6—6

ГУСТАВА ЛИСТЪ ВЪ МОСКВѢ.

по Софійской набережной собств. домъ и по Мясницкой возлѣ почтамта.

учрежденный въ 1863 году

ИЗГОТОВЛЯЕТЪ СПЕЦІАЛЬНО ВСЯКАГО РОДА

ПОЖАРНЫЯ ТРУБЫ

для городовъ, земствъ, фабрикъ и домовъ

ежегодное производство 2000 штукъ.

Иллюстрированные прейсъ-куранты безвозмездно

КАЛЛИГРАФИЧЕСКОЕ ПИСЬМО, рисованіе **плановъ** монограммъ (вензелей), меню, каллиграфическія копіи—дипломовъ, прошеній, писемъ и пр. и пр.. на русскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ и англійскомъ языкахъ, также художественное выполненіе адресовъ, описаній и т. п. Исполняется точно и изящно, по Казанской ул., д. № 8, кв. 30. Просятъ съ заказами приходить утромъ отъ 8—10 и пополудни. отъ 4—6 часовъ. № 177 3—3

ВЫШЛА ІЮЛЬСКАЯ КНИЖКА

«СОБРАНІЯ РОМАНОВЪ».

СОДЕРЖАНІЕ: Померойское аббатство. **мистрисъ Генри Вудъ.** — Замогильная месть, **Бернара Дерона.**—Предостереженіе отъ предостереженія.—Уголовное правосудіе у птицъ.—Двѣ безсонныя ночи.

Въ вышедшихъ первыхъ шести книгахъ нынѣшняго года окончено уже **пять** романовъ: **ПЯТНАДЦАТИЛѢТНІЙ КАПИТАНЪ**, Жюля Верна; **СЫНЪ КОРАЛИИ**, Альбера Дельпи; **ТАЙНЫЙ БРАКЪ**, герцога де-Помара; **ДВОЮРОДНАЯ ПЛЕМЯННИЦА**, Ф. Робинзона; **РОЗАСЪ**, Густава Эмара.

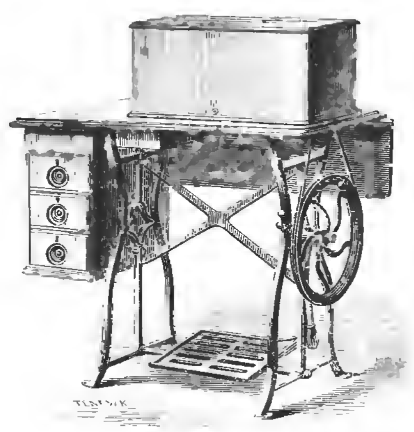
Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 12 книгъ **большаго** формата, выходящихъ всегда въ началѣ мѣсяца, и составляющихъ въ годъ около **пяти тысячъ** страницъ, безъ доставки—**десять руб. пятьдесятъ коп.**, съ доставкою въ С.-Петербургѣ—**одиннадцать рублей**; для иногородныхъ подписчиковъ—**двѣнадцать.** руб.

Подписка принимается **исключительно** на имя издательницы Елисаветы Николаевны Ахматовой, въ редакціи журнала „Собраніе Романовъ", въ домѣ Жербина, на Михайловской площади, въ С.-Петербургѣ.

Подписка продолжается. Выдаются всѣ вышедшія книги съ № 1.

При редакціи открыта книжная торговля, высылаются всѣ книги, публикованныя въ газетахъ, и принимается подписка на всѣ періодическія изданія.

Каталоги высылаются безплатно. № 194



УМЕНЬШЕНІЕ ЦѢНЪ

НАСТОЯЩИХЪ АМЕРИКАНСКИХЪ ШВЕЙНЫХЪ МАШИНЪ

ВИЛЛЕРА И ВИЛЬСОНА

ОБРАЗУЮЩИХЪ ДВОЙНУЮ СТРОЧКУ

Болѣе 1.000.000 находится въ употребленіи.

Вслѣдствіе расширенія круга дѣйствій фабрики; дающаго возможность компаніи Виллеръ и Вильсонъ нынѣ поставлять машины по удешевленному тарифу и отвѣчать на всякій запросъ на оныя (фабрика изготовляетъ болѣе 300 машинъ въ день), Г. М. ХУТТОНЪ и К°., ЕДИНСТВЕННЫЕ АГЕНТЫ ОНОЙ ДЛЯ РОССІИ будутъ отпускать машины съ значительными улучшеніями.

отъ 50 рублей серебромъ.

съ безплатнымъ обученіемъ и письменной гарантіей исправности машины на четыре года.

КАЧЕСТВА, РЕКОМЕНДУЮЩІЯ ЭТИ ЗНАМЕНИТЫЯ МАШИНЫ, СЛѢДУЮЩІЯ:

1) Красивый и превосходный шовъ, имѣющій одинаковый видъ какъ съ одной, такъ и съ другой стороны обшиваемой матеріи.
2) Крѣпость и прочность шва, нераспарывающагося и немахровящагося.
3) Приспособленіе приводовъ и обширное примѣненіе оныхъ къ работамъ и матеріи.
4) Сбереженіе нитокъ.
5) Уборчивость и изящность фасона и отдѣлки.
6) Несложная и прочная конструкція.
7) Быстрый ходъ, легкость въ употребленіи и управленіи и отсутствіе шума во время дѣйствія.

Двойная строчка превосходитъ всѣ другія стежки; машина Виллеръ и Вильсонъ образуетъ эту стежку лучше всѣхъ другихъ машинъ.

Доказательствомъ того, что нѣтъ лучшихъ машинъ въ свѣтѣ, есть то обстоятельство, что настоящія американскія Виллера и Вильсона швейныя машины получили на всѣхъ международныхъ и другихъ выставкахъ высшую награду и множество большихъ золотыхъ медалей. **На Парижской выставкѣ 1878 года Виллеръ и Вильсонъ въ Нью-Іоркѣ получили одну изъ высшихъ наградъ за ихъ** новую швейную машину съ прямой иголкой. ЕДИНСТВЕННАЯ высшая награда, присужденная для швейныхъ машинъ между **восьмидесятью** конкуррирующими. Нѣкоторые послѣдніе получили каждый одну изъ 2600 медалей,

Г. М. ХУТТОНЪ и К°.

ГЛАВНЫЕ АГЕНТЫ и ЕДИНСТВЕННЫЕ ИМПОРТЕРЫ

НАСТОЯЩИХЪ **Виллера и Вильсона** ШВЕЙНЫХЪ МАШИНЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ: 1) Магазинъ и контора; Малая Морская, № 14. 2) Магазинъ: Невскій проспектъ, № 40.

МОСКВА, Большая Лубянка, домъ Мазурина.—ОДЕССА, Полицейская улица, д. Нитче, у Х. Гефти.

НИЖНІЙ-НОВГОРОДЪ, во время ярмарки: въ зданіи Большаго Театра.

ХАРЬКОВЪ, у Н. П. Баллина, Екатеринославская, № 14 и живущихъ въ мѣстахъ гдѣ находится одинъ изъ нашихъ складовъ или агентъ нашихъ машинъ.

ПРИМѢЧАНІЕ. Необладающимъ большими средствами, но желающимъ имѣть швейную машину, можетъ быть сдѣлана разсрочка въ уплатѣ части денегъ, если будетъ представлено обезпеченіе за вѣрную уплату остальныхъ денегъ.

№ 188 **ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ БЕЗПЛАТНЫЙ.** 3—2

СЪ 1-го ІЮЛЯ 1879 ГОДА БУДЕТЪ ВЫХОДИТЬ

НОВАЯ, ДЕШЕВАЯ, БЕЗЦЕНЗУРНАЯ ГАЗЕТА

„РУССКІЙ КУРЬЕРЪ“,

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ.

ГАЗЕТА БУДЕТЪ ВЫХОДИТЬ ЕЖЕДНЕВНО ВЪ ФОРМАТѢ НАШИХЪ «БОЛЬШИХЪ» ГАЗЕТЪ, ВЪ ШЕСТЬ СТОЛБЦОВЪ ПЛОТНАГО, УБОРИСТАГО, НО ЧЕТКАГО ШРИФТА.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ—СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ И ДОСТАВКОЙ: на годъ (съ 1-го іюля 1879 по 1-е іюля 1880 года) 6 рублей; на полгода (съ 1-го іюля 1879 по 1-е января 1880 года) 4 рубля; на три мѣсяца (съ 1-го іюля по 1-е октября 1879 года) 3 рубля; на одинъ мѣсяцъ 1 р. с. *Безъ пересылки и доставки подписка не принимается.*

Приступая къ изданію новой ежедневной газеты, мы имѣемъ въ виду одну цѣль: принести, по мѣрѣ своихъ силъ, пользу нашему обществу. Къ достиженію этой цѣли мы пойдемъ путемъ спокойнаго и безпристрастнаго отношенія къ вопросамъ и явленіямъ современной жизни. Разработка вопросовъ, намѣченныхъ реформами настоящаго царствованія, займетъ одно изъ наиболѣе видныхъ мѣстъ въ нашей газетѣ, столбцы которой мы охотно открываемъ для каждаго честнаго слова и безпристрастнаго мнѣнія. Вопросы городскаго и земскаго самоуправленія, экономическій бытъ и нужды сельскаго и городскаго населеній, народное образованіе, положеніе духовенства—все это будетъ для насъ предметомъ самыхъ серіозныхъ заботъ и вниманія. Словомъ, наша газета будетъ по преимуществу органомъ интересовъ русской жизни. Мы не забудемъ также и нашихъ сектантовъ, знакомство съ которыми въ нашихъ глазахъ имѣетъ большое значеніе. Особенное вниманіе мы обратимъ на провинцію, которая давно и настойчиво заявляетъ о своемъ существованіи, но до сихъ поръ мало находила участія со стороны столичной печати *). Такова въ общихъ чертахъ задача *Русскаго Курьера.*

Скажемъ нѣсколько словъ о внѣшней сторонѣ изданія. Желая сдѣлать газету доступною для большинства русскихъ читателей, мы назначаемъ за годовое изданіе *Русскаго Курьера* съ доставкой на домъ въ столицѣ и пересылкою во всѣ города ШЕСТЬ рублей. ПРОГРАММА *Русскаго Курьера* слѣдующая: Постановленія и распоряженія правительства и движенія по государственной службѣ; придворныя извѣстія; телеграммы; обзоръ политическихъ событій, общественной жизни и обсужденіе «вопросовъ дня»; военныя извѣстія; мнѣнія русской и иностранной печати по данному вопросу и сущность руководящихъ статей; иностранныя извѣстія по русскимъ и заграничнымъ источникамъ; извѣстія изъ славянскихъ земель. Жизнь Россіи; наши домашнія дѣла: корреспонденціи; народное образованіе; внутреннія извѣстія; судебная хроника; научныя извѣстія; литература; искусства и художества; театръ; музыка; историческія свѣдѣнія; мелкія извѣстія, случаи, анекдоты; биржевыя, желѣзно-дорожныя, торговыя и другія свѣдѣнія; справки и проч.

Имена извѣстныхъ уже читающей публикѣ литераторовъ и ученыхъ, изъявившихъ согласіе принять участіе въ нашей газетѣ, мы огласимъ въ непродолжительномъ времени. Считаемъ не лишнимъ упомянуть, что всѣ начинающія молодыя литературныя силы будутъ приняты нами съ полнымъ радушіемъ.

Первый № «РУССКАГО КУРЬЕРА» выйдетъ 26-го іюня.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Москвѣ, въ конторѣ газеты «*РУССКІЙ КУРЬЕРЪ*», на Софійской набережной, въ домѣ *Ланина*, въ ЕГО КОНТОРѢ, и, кромѣ того, во всѣхъ извѣстныхъ столичныхъ книжныхъ магазинахъ.

Отвѣтственный редакторъ **В. Селезневъ.**

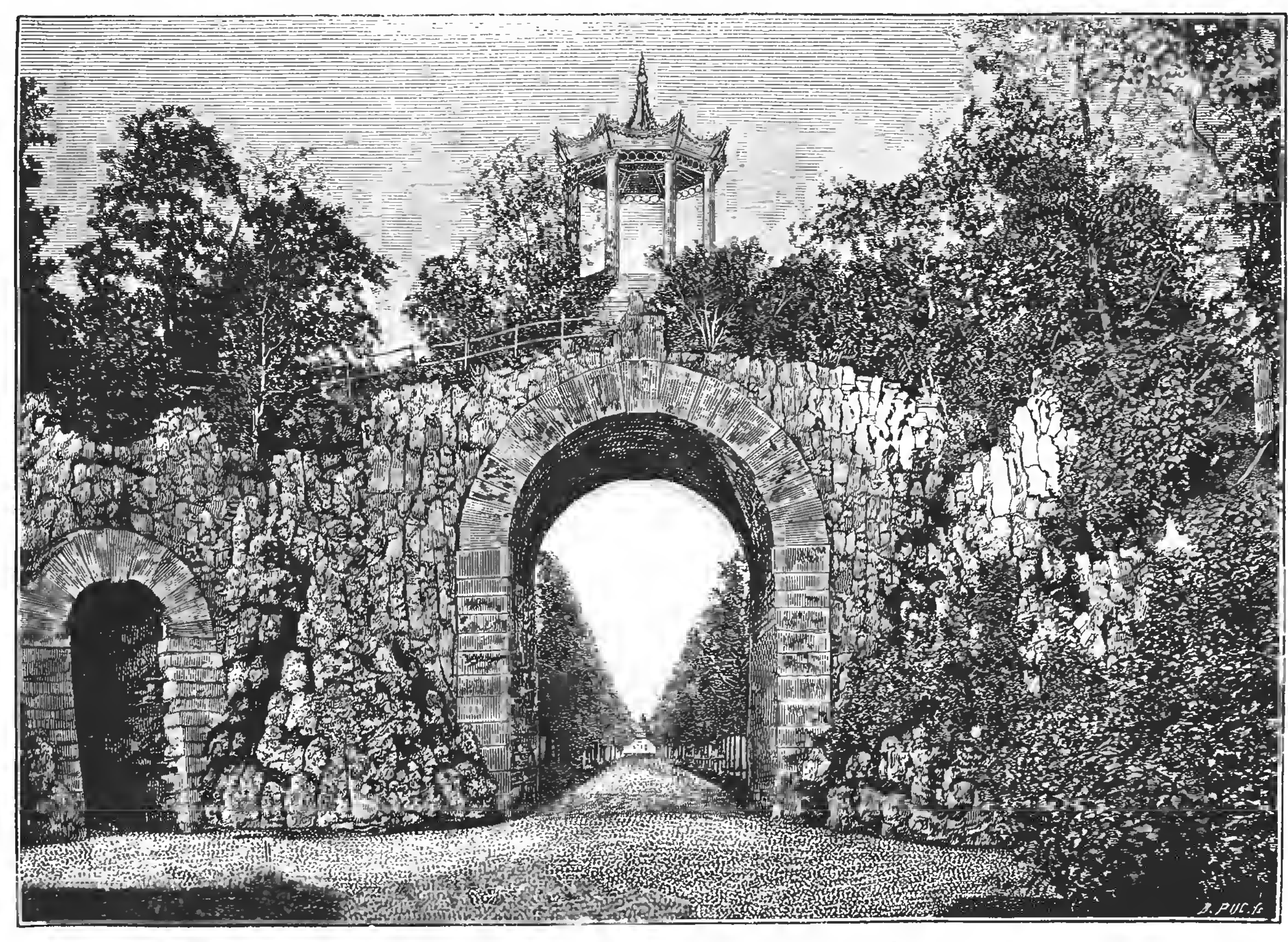
*) Въ виду послѣдняго обстоятельства мы и обращаемся съ усердною просьбой ко всѣмъ провинціальнымъ дѣятелямъ о содѣйствіи. № 187 3—3

Дозволено цензурою СПБ. 28 Іюня 1879 г. № 10.

X годъ — годъ **X**

№ 28 — 1879

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ «ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ» (отъ 20 до 40 моди. рис.)
Выданъ 9 Іюля 1879 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и рази. рис. руиод. работъ (отъ 20 до 40). Цѣна этого № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к



Арка „Капризъ“ въ Царскомъ Селѣ. Рис. и грав. Б. Пуцъ.

Арки „Капризъ“ въ Царскомъ Селѣ.

Царскосельскому саду съ его величественными дворцами и различными художественными украшеніями и декоративными постройками было посвящено уже нѣсколько статей въ нашемъ журналѣ, причемъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ была довольно подробно изложена какъ исторія возникновенія Царскаго Села такъ и дальнѣйшее его развитіе. (См. Ниву 1877 г. № 32).

Въ настоящей же замѣткѣ, мы ограничимся лишь изложеніемъ тѣхъ немногихъ интересныхъ фактовъ, которые прямо и непосредственно относятся къ одной декоративной постройкѣ Царскосельскаго сада, извѣстной подъ именемъ „Большаго Каприза.“ Заговоривъ о „Большомъ Капризѣ“ или другомъ какомъ либо украшеніи царскосельскихъ садовъ, мы по необходимости должны перенестись мыслями къ той отдаленной эпохѣ, когда здѣсь обитала Великая Екатерина и украшала какъ только могла любимые ею сады; это было самое блестящее время для Царскаго Села и прогуливаясь здѣсь, невольно каждому вспоминаются слова поэта:

„И славныхъ лѣтъ передо мною
Являлись вѣчные слѣды.
Еще исполнены Великою женою
Ея любимые сады.“

Дѣйствительно Екатерина неутомимо заботилась объ украшеніи своей любимой лѣтней резиденціи и руководясь совѣтами и вкусомъ графа Сегюра и маркиза де-Линя, этихъ изящнѣйшихъ людей второй половины XVIII вѣка, хотѣла сдѣлать Царское Село вторымъ Версалемъ.

Украшенія сооружались самыя разнообразныя, самыя причудливыя; среди величественныхъ построекъ возникали подъ часъ чисто декоративныя, которыя сама Великая монархиня называла просто „капризами“ и однимъ изъ такихъ капризовъ и была именно та постройка, которая изображена на прилагаемомъ нами рисункѣ. Время ея возникновенія относится къ 1772 году. Тогда около самой дороги рыли новый прудъ и Екатеринѣ неожиданно пришла мысль перекинуть черезъ дорогу, въ видѣ грота, высокую арку, которая служила бы вмѣстѣ съ тѣмъ огромными воротами ведущими ко дворцу. Тотчасъ же утвержденъ былъ чертежъ архитектора Неелова и вскорѣ арка была готова. Между тѣмъ въ то же время повелѣно было Исаакіевской конторѣ заготовить изъ олонецкихъ мраморовъ по данной мѣрѣ, 8 колонъ съ архитравомъ, фризомъ и карнизомъ. Эти колонны были доставлены въ Царское Село въ 1777 году и тогда же начали выкладывать на аркѣ изъ пудожскаго камня фундаментъ и стѣнки, бесѣдки въ китайскомъ вкусѣ съ кровлею съ загнутыми краями. Въ документахъ Царскосельскаго дворцоваго управленія сохранилось свѣдѣніе, что на постройку Большаго Каприза съ двумя арками и съ открытой на верху бесѣдкой было ассигновано по смѣтѣ 4,284 р. 75 к. Іюля 18 1780 года во время сильной грозы молнія ударила въ китайскую бесѣдку, не причинивъ ей большаго вреда, но для предотвращенія подобнаго случая, бесѣдка тотчасъ же была снабжена громовымъ отводомъ въ видѣ шпица. Въ 1786 же году, по представленію архитектора Гваренги, фасадъ Большаго Каприза былъ совершенно измѣненъ и эта работа, порученная каменному мастеру Минчіаки, обошлась въ 5,850 руб.

Теперешній видъ Большаго Каприза представляетъ изъ себя гротообразный проѣздъ съ двумя земляными насыпями, на которыя съ обѣихъ сторонъ ведутъ каменные всходы. Рядомъ съ главнымъ сводомъ умѣстились еще двѣ маленькія арки. На верху же, надъ самой срединой главной арки, красуется изящная китайская бесѣдочка, съ которой открывается великолѣпный видъ на все Царское Село съ его дворцами и обелисками, тонущими въ густой зелени сада; въ дали же виднѣются красивыя возвышенности Дудергофа, которыя служатъ прекраснымъ фономъ для всей этой живописной картины.

Подъ чужимъ именемъ.

Повѣсть В. Штрауса.

I.

„Нужна компаньонка, надзору которой также будетъ порученъ и пятилѣтній ребенокъ“

*Баронесса фонъ-Радау. Зооръ, близъ Л***.*

Это газетное объявленіе, кажется, очень заинтересовало Ренату. Отдавшись охватившимъ ее мыслямъ, она, даже, не замѣчала обращеннаго на нее недобраго и пристальнаго взгляда, сидѣвшей напротивъ за чайнымъ столомъ, тетки фонъ-Кронингъ. Нѣкогда тетушка была красавицей—теперь въ тощей, высохшей муміи трудно было уловить малѣйшій слѣдъ исчезнувшей красоты. За тѣмъ же столомъ сидѣло еще одно лицо — фонъ-Кронингъ, или, лучше сказать, мужъ фонъ-Кронингъ, съ какою-то боязливостью внимавшій неудержимымъ потокамъ рѣчи своей строгой и сухощавой супруги.

— Когда человѣкъ не понимаетъ что дѣлаетъ, надо же ему объяснить, продолжала хозяйка начатый еще прежде разговоръ.—Ты должна бы на колѣняхъ Бога благодарить, что такое лицо какъ камергеръ ищетъ твоей руки. Онъ богатъ, принадлежитъ къ честному, незапятнанному роду и ему нѣтъ еще и сорока лѣтъ. Чего же еще бѣдной дѣвушкѣ? Ужъ не думаешь-ли ты, что твоя миловидность изъ желѣза скована и продержится пока не появится влюбленный принцъ? Бѣдняки должны довольствоваться тѣмъ, что попадается—выбора нѣтъ. А вотъ еслибы твой покойный отецъ былъ бережливъ, или имѣлъ бы удачи, или же съумѣлъ бы сдѣлать богатую партію — ну, тогда, другое дѣло. Но онъ былъ истый Равенсбергъ, — Равенсберги никогда не умѣли устраивать свои дѣла, оттого ваши огромныя помѣстья и все состояніе и растаяло какъ снѣжный комъ въ Апрѣлѣ. Ты, вотъ, до сихъ поръ еще не можешь забыть разныхъ претензій, тебѣ ихъ вбили въ голову воспитаніемъ, а вѣдь, со времени смерти отца твоего, около года ужъ,—живешь у насъ, на нашъ счетъ, т. е., замѣть — на счетъ того, что мы должны для тебя оттягивать отъ нашихъ сыновей. Если же тебѣ такъ ужь очень хочется остаться въ старыхъ дѣвахъ—пусть это, по крайней мѣрѣ, намъ-то денегъ не стоитъ. Я ожидаю, что ты, наконецъ, дашь удовлетворительный отвѣтъ камергеру.

— Фредерика, какъ же можно... нерѣшительно, тихимъ голосомъ, произнесъ г. фонъ-Кронингъ.

— Прошу не мѣшаться, грозно перебила супруга, это дѣло женское, ты ничего въ немъ не смыслишь. Рената! да взгляни же на меня, отвѣчай!

— Тетя, возразила тихо молодая дѣвушка, не отрывая глазъ отъ газеты,—я, съ каждымъ днемъ, все больше и больше вижу и чувствую, что я въ тягость вамъ, не имѣю права долѣе разсчитывать на вашу доброту. Въ то ужасное время, какъ меня постигло несчастье,—вы были единственнымъ моимъ прибѣжищемъ и я глубоко благодарна за все что вы для меня сдѣлали—если, даже, тетя—простите мнѣ за откровенность—вы мнѣ слишкомъ часто давали понимать мое зависимое, безпомощное положеніе, то и это имѣло для меня хорошую сторону. Эти напоминанія вылечили меня отъ претензій, мечтаній. Сейчасъ я вамъ это докажу. Вотъ въ газетѣ напечатано объявленіе баронессы фонъ-Радау. Баронесса ищетъ образованную компаньонку. Если вы ничего не имѣете противъ этого—я возьму это мѣсто.

Тетка не отвѣтила ни слова и ея молчаніе было до того страннымъ для ея мужа и для Ренаты явленіемъ, что оба посмотрѣли на нее, съ ожиданіемъ чего-то необычнаго. Однако минуту спустя, сердитая хозяйка заговорила съ бо́льшимъ жаромъ, чѣмъ прежде.

— Это твое послѣднее слово? Это—твой отвѣтъ камергеру? Прикажешь сказать ему, что послѣдняя изъ Равенсберговъ такъ глупа и сумасбродна, что рѣшилась скорѣе поступить въ горничныя, чѣмъ сдѣлаться его женой? Такъ что ли я должна ему сказать? Говори!

— Нѣтъ, нѣтъ, съ твердостью возразила Рената, я прошу васъ отклонить, отъ моего имени, его предложеніе въ самыхъ вѣжливыхъ выраженіяхъ.

— Ну—можешь порадоваться, что ты не моя дочь! Скажи мнѣ только—что ты имѣешь противъ него?

— Тетя—вы сами хорошо знаете этаго человѣка—въ немъ нѣтъ ни одной серьезной черты... человѣка, который, напримѣръ самъ разсказываетъ, что каждый день по два

часа проводитъ за туалетомъ. Такаго пустаго человѣка, какъ онъ, я не могу уважать, а еще менѣе — любить.

— А ты, крикнула хозяйка мужу, могъ бы не выражать сочувствія своими пошлыми улыбками этимъ бреднямъ!

— Но вѣдь она же говоритъ правду, Фредерика, осмѣлился замѣтить мужъ.

— Очень, очень умно съ твоей стороны поддерживать ея глупости. Но если она сама отклоняетъ счастье, которое я, было, ей устроила, такъ самое лучшее намъ будетъ разстаться какъ можно скорѣе.

— Такъ вы одобряете мое рѣшеніе, тетушка?

— Нѣтъ, я такъ же мало одобряю твой планъ, какъ ты мое предложеніе. Правду сказать, я думаю достаточно дѣлала для дочери моего брата, и,—твоя правда, пора положить этому конецъ. Если ты не можешь оставить нашъ домъ такъ какъ я хотѣла, т. е. — сдѣлавъ приличную партію, то — дѣлай по своему, съ однимъ условіемъ. Я тоже урожденная Равенсбергъ и, ни подъ какимъ видомъ, не желаю, чтобы имя это было унижено, чтобы его носила компаньонка. Ты можешь назваться Ренатой Беккеръ и на это имя я тебѣ дамъ рекомендательное письмо къ фонъ-Радау. Получишь деньги на дорогу и поѣзжай когда хочешь.

Въ эту минуту раздался на дворѣ какой-то шумъ.

— Опять лошадей впустили въ садъ! чего. это, они смотрятъ! неистово вскрикнула хозяйка и поспѣшила изъ комнаты.

— Рената, обратился дядя къ племянницѣ, когда они остались одни и онъ разсчиталъ, что сварливая супруга не можетъ его слышать,—Рената, вѣдь ты останешься, ты не уѣдешь, не правда-ли? Ее сердитъ, что ты не хочешь выйти за нашего сосѣда, въ чемъ ты,— конечно, совершенно права. Но, она вовсе не такъ зла, какъ кажется. Тебѣ это извѣстно. Подожди — дня черезъ два все будетъ забыто. Господи! какъ мнѣ тяжело думать, что ты оставишь насъ! Добрые глаза фонъ-Кронинга наполнились слезами.

— Милый, дорогой дядя, отвѣчала молодая дѣвушка,—мое рѣшеніе принято давно,—сегодня я высказала его. Я приношу такъ мало пользы у васъ въ домѣ, что, понятно, должна быть въ тягость тетушкѣ. Согласитесь дядя,—нечестно жить на чужой счетъ, когда здоровъ, учился чему нибудь и можешь работать. Требованіе тетушки о перемѣнѣ имени вполнѣ справедливо— я выполню ея желаніе.

— Дитя, дитя, возразилъ фонъ-Кронингъ качая головой, по моему, это, просто, невозможно. Подумай—вѣдь ты не знаешь даже кто и что такое фонъ-Радау! да и какъ же такъ — сейчасъ и ѣхать, Рената? А если мѣсто занято?

— Нѣтъ, дядя,—объявленіе только что появилось, а если начать переписку — пожалуй пропустишь время. Мнѣ очень, очень горько. Вы всегда выказывали мнѣ самую искреннюю привязанность, участіе. Вы увидите, что завтра же камергеръ явится сюда съ своими противными улыбками и ужимками и ни за что не повѣритъ, чтобы нашлась на свѣтѣ дѣвушка, которая осмѣлилась бы отказаться отъ чести и счастія назваться его женой.

— Грустно мнѣ будетъ безъ тебя, произнесъ фонъ-Кронингъ.

Двѣ крупныя слезы скатились по блѣднымъ щекамъ дѣвушки.

Шумъ возобновился. Послышались звуки шлепковъ, вѣроятно полученныхъ мальчикомъ, приставленнымъ къ лошадямъ, за ними раздались крики мальчика. Въ комнату быстро вошла запыхавшаяся фонъ-Кронингъ. „Ну, громко заговорила она, довольно вамъ сидѣть за чаемъ. Рената собирай свои пожитки. Іоганнъ отправляется за масломъ въ городъ и возьметъ тебѣ мѣсто въ каретѣ. Завтра въ 8 часовъ мальпостъ проѣдетъ мимо и ты можешь сѣсть тутъ, на шоссе. Или, можетъ быть, образумилась?

— Тетя, я не перемѣню своего намѣренія.

— Ну такъ иди же, укладывайся. Да, вотъ что — прежде всего выпь свою мѣтку изъ бѣлья, а букву *Б* всегда успѣешь вшить въ свои тряпки.

Рената, молча наклонив свою прелестную головку въ знакъ согласія, поспѣшно вышла изъ комнаты.

Сдѣлавъ всѣ распоряженія, энергическая Кронингъ усѣлась на прежнее мѣсто съ своимъ вѣчнымъ вязаньемъ. Она сразу замѣтила огорченное выраженіе лица своего добраго, слабохарактернаго мужа.

— Ты кажется, очень жалѣешь о томъ, что мы избавляемся отъ одного лишняго рта, который цѣлый годъ былъ для насъ большимъ бременемъ. Сначала я думала, что она замѣнитъ мнѣ кого нибудь по хозяйству и что можно будетъ отказать одной изъ нашихъ женщинъ, но съ ея головой, набитой разными ученостями и глупостями, отъ нея столько же пользы, какъ отъ канарейки. Я увѣрена, ты хотѣлъ бы удержать ее у насъ, но—извини—я не имѣю средствъ кормить пѣвчихъ птицъ. Выгнать ее я, конечно, не могла и это меня очень стѣсняло. Я вѣдь то же получила воспитаніе и хорошо знаю общественныя приличія, но умѣю также и вести хозяйство. Еслибы не такъ—хороши бы были наши дѣла, нечего сказать. Пусть эта глупая дѣвчонка сама устраиваетъ судьбу свою. А тебѣ нечего тутъ сидѣть и глазами хлопать—давно пора идти въ поле, посмотрѣть что тамъ рабочіе дѣлаютъ.

— Правда, Фредерика, отвѣчалъ ей мужъ, поднявшись и взявъ шляпу и палку. Но, какъ хочешь, а мнѣ тяжело видѣть дочь твоего брата брошенною въ свѣтъ на чужихъ людей.

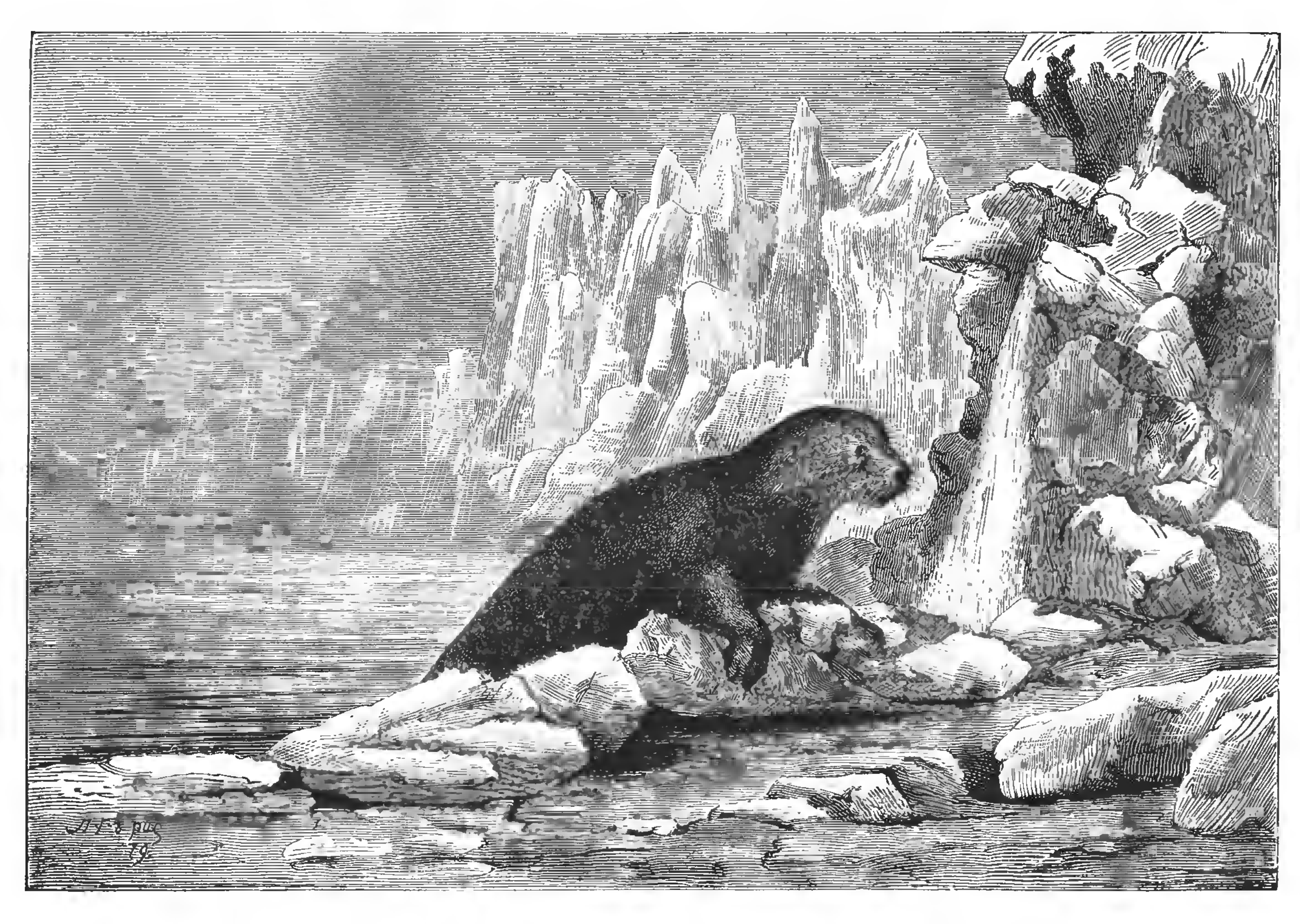
— Не будь же такимъ глупцомъ! Кто ее бросаетъ? Сама хочетъ этого. Мои сыновья мнѣ ближе, чѣмъ дочь моего брата, а воспитаніе ихъ въ пансіонѣ стоитъ страшныхъ денегъ, но, вѣдь ты никогда не научишься разсчитывать и откладывать да и къ тому же—никто не догадается, что какая-то Рената Беккеръ и дочь брата моего, Рената Равенсбергъ—одно и то же лицо.

Фонъ-Кронингъ не отвѣтилъ ни слова на доводы своей пылкой супруги и печально побрелъ въ поле.

Рената ушла въ маленькую комнату, которую занимала въ домѣ тетки. Выдвинувъ небольшой дорожный ящикъ, заключавшій въ себѣ все имущество ея, молодая дѣвушка принялась уничтожать имя свое не только на бѣльѣ, но и на всѣхъ книгахъ и тетрадкахъ, оставшихся у нея еще отъ прежняго времени. Горько было на сердцѣ у нея. Внутренно, она давно уже освоилась съ намѣреніемъ отказаться отъ гостепріимства своей тетки; и теперь глубже, чѣмъ когда нибудь, чувствовала она, что здѣсь ей оставаться невозможно. Но тяжко было ей разставаться съ тѣмъ, что ей живо еще напоминало счастливое прошлое, разставаться даже съ именемъ своимъ. „Я точно умираю и мое имя исчезаетъ со мною,“ думала Рената въ эту минуту. „И такъ же какъ умирающій, не знаю, что ожидаетъ меня впереди; какъ страшно умирающему думать о будущемъ, такъ же страшно и мнѣ, хотя я и оставляю здѣсь жизнь, полную униженій“....

Когда Рената, окончивъ укладку, сошла внизъ къ ужину, тетка встрѣтила ее длинною наставительною рѣчью, въ заключеніе которой, съ какимъ то торжественнымъ видомъ, передала молодой дѣвушкѣ рекомендательное письмо на имя Ренаты Беккеръ, билетъ на одно мѣсто въ дилижансѣ и немного денегъ. За столомъ, фонъ-Кронингъ произнесла вторую рѣчь, заключавшую въ себѣ, на этотъ разъ, совѣтъ—какъ ей беречь полученную сумму и, вообще, въ будущемъ стараться копить, а не тратить, подобно отцу ея, который довелъ свою дочь до такаго положенія. Не обошлось, конечно и безъ колкаго намека на отказъ камергеру.

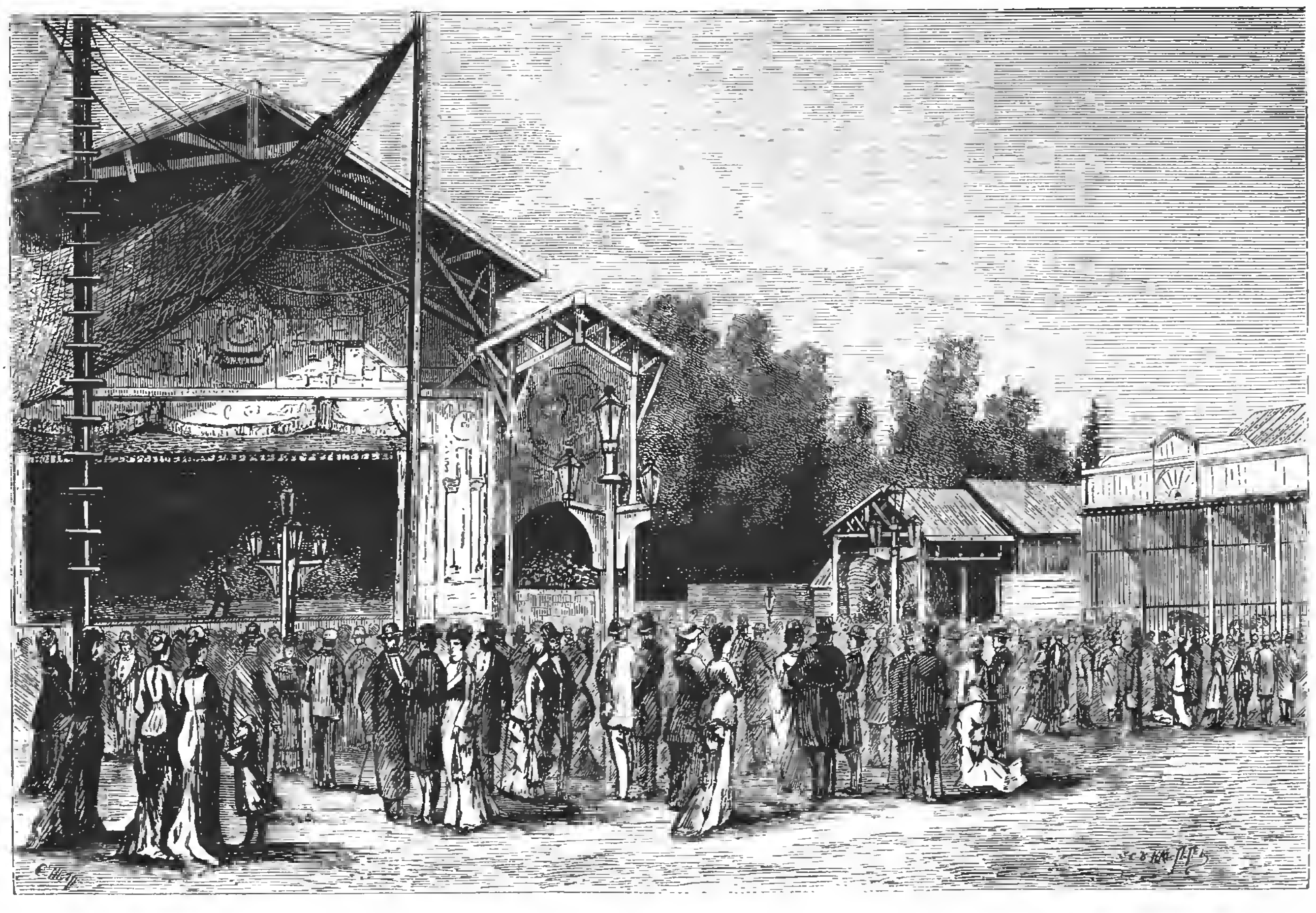
Долго въ ту ночь не могла заснуть Рената. Предъ



СПБ. Зоологическій садъ. Морской левъ. Съ натуры рис. П. Гнѣдичъ, грав. Рашевскій.

СПБ. Зоологическій садъ. Павильонъ дикихъ звѣрей (Львы, Тигры, Пантеры и проч.) Рис. П. Гнѣдичъ, грав. Е. Шмидть.

СПБ. Зоологическій садъ. Павильонъ медвѣдей. Рис. П. Гнѣдичъ, грав. М. Рашевскій.



СПБ. Зоологическій садъ. Открытый театръ въ саду. Рис. П. Гнѣдичъ, грав. Е. Шмидтъ.

нею, какъ въ туманѣ, носились гадательныя, неясныя картины новой жизни, новой обстановки, ожидавшей ее и только уже на зарѣ лихорадочное забытье смѣнило безсонницу. И то не на долго. Рано утромъ, въ ея комнатѣ послышались рѣшительные и быстрые шаги тетушки, вошедшей съ человѣкомъ, которому было поручено снести чемоданъ на шоссе, гдѣ надо было ждать дилижансъ.

Дяди уже не было дома. Тетка, торопя племянницу, пробормотала, что онъ ушелъ въ поле смотрѣть за рабочими и велѣлъ передать ей поклонъ, желая, насмѣшливо прибавила она, избѣгнуть „слезныхъ прощаній съ дорогой Ренатой."

Повторивъ за завтракомъ свои наставленія, фонъ-Кронингъ, наконецъ, встала и произнесла съ нѣкоторою торжественностью: „Ну Рената, до сихъ поръ ты считалась дочерью моего брата. Съ настоящей минуты это прекращается. Но, такъ какъ, въ сущности, ты не можешь перестать быть ею, то я постараюсь объяснить камергеру твое исчезновеніе какъ можно приличнѣе. Ты достаточно умна, чтобы со временемъ убѣдиться въ глупости, которую дѣлаешь. Тогда напиши мнѣ и я все устрою. Но, ни о чемъ другомъ прошу не писать ни мнѣ, ни Кронингу. Надѣюсь и увѣрена, что ты поняла меня и сдѣлаешь, какъ надо.

— Конечно, тетя, будьте спокойны, отвѣчала Рената, поднявшаяся вслѣдъ за теткой.

— Весьма понятно, продолжала та, тебѣ не по вкусу жизнь у насъ, ты, видишь-ли, воспитана на большую ногу, отецъ твой жилъ такъ широко, оттого долги и съѣли ваши деньги. Послѣ вашихъ великолѣпій, нашъ домъ долженъ, конечно, казаться бѣднымъ, пустымъ—я вѣдь не терплю ничего безполезнаго. Столъ у насъ умѣренный—я не допускаю излишества, но, хоть тебѣ и пришлось жить при такой обстановкѣ, все таки, надѣюсь, ты сознаешь—я для тебя кое что сдѣлала.

— Конечно, тетушка, я понимаю, что вы предпочли бы не дѣлать этаго, а потому тѣмъ болѣе вамъ благодарна, замѣтила Рената. Передайте мой теплый привѣтъ милому дядѣ...

— Пора, не пропусти дилижанса, сказала фонъ-Кронингъ и, взявъ племянницу за руку, поцѣловала ее въ лобъ.

Быстрыми, неровными шагами вышла Рената изъ дому и тутъ только долго сдерживаемыя слезы полились градомъ. Воспоминаніе обо всемъ, что она потеряла и выстрадала, сознаніе безпомощности, неизвѣстность будущаго, все это прихлынуло разомъ. Она продолжала поспѣшно и безсознательно подвигаться среди густаго утренняго тумана, когда вдругъ, уже на полдорогѣ къ мѣсту остановки дилижанса, изъ окружающей мглы показалась мужская фигура. То былъ дядя.

— Я былъ увѣренъ, сказалъ онъ, жена пошлетъ тебя одну, и не потрудится проводить—она не любитъ сырости. Она не зла, она любитъ всѣхъ насъ, только не умѣетъ это показать...

Дядя, угадывая что на сердцѣ Ренаты тяжело и мрачно, старался успокоить ее ласковыми словами. Хорошо что сварливая супруга, хотя и обладавшая довольно острымъ зрѣніемъ, не могла, все таки, разсмотрѣть, сквозь бѣлесоватую пелену тумана, какъ Кронингъ сунулъ въ руку дѣвушки туго набитый кошелекъ, какъ она, съ благодарными слезами обняла и поцѣловала его и какъ онъ, устроивъ ее и ея вещи въ дилижансѣ, не ушелъ до тѣхъ поръ съ шоссе, пока грустные глаза его не перестали видѣть экипажъ, исчезнувшій въ туманной дали.

Въ то время еще не было желѣзныхъ дорогъ, еще не катили, съ грохотомъ, звономъ и свистомъ поѣзда, быстро мелькающіе одинъ за другимъ; но и дилижансъ, запряженный четверней здоровыхъ коней, довольно скоро двигался по гладкому шоссе. Утро смѣнилось днемъ и солнце, разогнавъ скопившіяся тучки, озолотило весенній ландшафтъ яркими лучами. Къ счастью Ренаты, общество въ дилижансѣ оказалось приличное и даже, пріятное. Ближайшій сосѣдъ, старикъ, очень почтеннаго вида, завязалъ съ ней разговоръ, заставившій молодую дѣвушку забыть на минуту свое положеніе. День прошелъ хорошо, но къ вечеру нервное раздраженіе, нравственныя волненія послѣдняго времени, дали себя знать и она провела вторую ночь безъ сна. Рано, на слѣдующее утро, ея пожилой собесѣдникъ оставилъ дилижансъ, поручивъ кондуктору высадить Ренату въ деревнѣ „Малый Зооръ", близъ замка того же имени.

Солнце стояло уже высоко, когда почтовая карета остановилась въ хорошенькой, чистенькой деревенькѣ, расположенной въ живописной, гористой мѣстности. Тутъ же, у деревни, шумно и весело билъ водопадъ; вдали гордо высился старинный замокъ, окруженный густымъ паркомъ.

Оставивъ свои вещи въ небольшой гостинницѣ „Малаго Зоора", Рената рѣшилась идти прямо и представиться баронессѣ фонъ-Радау. Чрезъ нѣсколько минутъ ходьбы, молодая дѣвушка вступила въ аллею столѣтнихъ деревьевъ, раскинувшую надъ нею въ ясный день свои прозрачно зеленые своды. Кругомъ было такъ свѣтло и радостно, такъ манило къ себѣ. Дѣвушка старалась идти поскорѣе, но начала чувствовать слабость, оковывавшую члены. Двѣ безсонныя ночи сказались. Едва сдѣлавъ еще нѣсколько шаговъ, Рената пошатнулась. Она ужъ не могла идти дальше и, тихо склонившись на шелковую, зеленую траву, вдругъ погрузилась въ глубокій сонъ.

II.

На широкой террасѣ замка, выходившей прямо въ паркъ, вокругъ изящно сервированнаго для завтрака стола, собралось небольшое общество. Баронесса фонъ-Радау, высокая, стройная, пожилая женщина, съ серьезнымъ и добрымъ лицомъ, ея дочь, гордая красота которой сразу обращала на себя вниманіе, женихъ этой прелестной дѣвушки, молодой графъ фонъ-Арнфельсъ и сосѣдъ и давнившій другъ дома, баронъ фонъ-Гельменъ. Около стола еще два пустые стула. Съ однаго изъ нихъ только что спрыгнула хорошенькая пятилѣтняя дѣвочка, бросившаяся внизъ за бабочкой.

— Бодо нейдетъ? проговорила баронесса. Онъ опять такой грустный, мрачный, это начинаетъ меня безпокоить.

— Совершенно напрасно! замѣтилъ Гельменъ. Не знаете ли вы его меньше, чѣмъ я? Что тутъ страшнаго? Бодо—молодецъ, въ немъ всего много, и физическаго здоровья, и энергіи. Невелика бѣда, если и задумается немного.

— Однако—что же? Что это можетъ быть такое?

— Я думаю онъ и самъ не знаетъ, хотя...

— Ну?

— Мало ли что волнуетъ кровь въ 24 года? Мало-ли приходится въ эти годы испытывать разныхъ тамъ неясныхъ, неопредѣленныхъ желаній и стремленій! Да вонъ онъ идетъ, попробуемъ выпытать у него самаго.

На террасу взошелъ молодой Радау. Высокій и стройный, онъ былъ замѣчательно красивъ собой; правильное, благородное лицо было блѣдно и грустно. Молча поцѣловавъ руку матери и поздоровавшись съ остальными, онъ отошелъ въ сторону.

— Ты не вышелъ къ чаю, Бодо? спросила баронесса.

— Я былъ въ лѣсу.

— Съ лѣсникомъ?

— Нѣтъ, одинъ.

— Что ты тамъ дѣлаешь?

— Ѣздилъ верхомъ.

— Ты вѣрно повѣрялъ тоску души, сказалъ фонъ-Гельменъ, шумящимъ зеленымъ деревьямъ, и они тебѣ сочувственно качали вершинами, какъ у Гейне? Да, продолжалъ онъ, на вопросительный взглядъ Бодо, объясни намъ—насъ безпокоитъ, какой червякъ тебя укусилъ? что такое съ тобой? Что ты такое теперь—Фаустъ, Гамлетъ или Вертеръ?

— Ни то, ни другое, ни третье, отвѣтилъ Бодо.

— Но эта похоронная мина.... Ты молчишь, уединяешься...

Бодо ничего не отвѣтилъ на это замѣчаніе, а схвативъ подвернувшуюся маленькую сестру, взбѣжавшую изъ сада на террасу, сказалъ ей: „Мэри—объясни дядѣ Гельмену—отчего ты всегда такъ весела?

— Я не знаю! воскликнула дѣвочка, стараясь высвободиться.

— Вотъ вамъ и мой отвѣтъ, обратился молодой человѣкъ къ Гельмену.

Фонъ-Гельменъ обернулся къ дѣвочкѣ.

— Мэри, сказалъ онъ, отчего ты всегда здѣсь такъ весела?

— Тутъ хорошо.

— Но что же, именно?

— Все, все хорошо.

— Ну, а вотъ тебѣ мое возраженіе. Образумься. Не сердись на меня—я вѣдь старый другъ, замѣтилъ онъ протянувъ молодому человѣку руку.

— Не могу же я быть веселымъ, когда мнѣ не весело, отвѣтилъ Бодо, крѣпко пожавъ руку Гельмена, но постараюсь.

Женихъ и невѣста давно уже въ оживленномъ разговорѣ гуляли внизу между цвѣточными клумбами. Фонъ-Гельменъ предложилъ послѣдовать ихъ примѣру и все маленькое общество отправилось на прогулку. Графъ фонъ-Арнфельсъ и молодая баронесса Радау открывали шествіе, за ними Бодо съ Мэри, сзади всѣхъ шелъ Гельменъ, взявшій баронессу подъ руку. Онъ нарочно отсталъ, стараясь дорогой успокоить мать относительно сына и его безпричинной грусти. Подвигаясь впередъ, пары далеко ушли одна отъ другой по великолѣпнымъ аллеямъ. Паркъ, которымъ съ любовью и знаніемъ дѣла занимался самъ покойный баронъ, отецъ Бодо, былъ обширенъ и прекрасно устроенъ. Тѣнистыя, темныя аллеи смѣнялись лужайками, съ живописно разбросанными посреди нихъ группами деревьевъ, далѣе серебрились искусственные пруды и ручейки, а изъ густой чащи внезапно выглядывала какая-нибудь фантастическая постройка; въ одномъ мѣстѣ парка гуляющіе прошли мимо мельницы, въ другомъ пріютился хорошенькій домикъ лѣсничаго. Сквозь листву, на прогалины открывался, попеременно, видъ то на деревеньку „Малый Зооръ“, съ ея церковной башней, высившейся надъ хорошенькими домиками, то на гордый замокъ.

Баронесса и Гельменъ, занятые своимъ разговоромъ, подвигались медленно. Бодо шелъ, погруженный въ мечтанія, Мэри беззаботно прыгала около него и далеко впереди были женихъ и невѣста, забывшіе, казалось, весь міръ.

Но изъ этаго очарованнаго міра имъ, совершенно неожиданно, пришлось спуститься на землю. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ, подъ деревьями, лежала, повидимому въ глубокомъ снѣ, молодая, хорошенькая дѣвушка, въ черномъ платьѣ.

— Что это такое? произнесъ графъ, разглядывая дѣвушку.

— Во всякомъ случаѣ—не наше дѣло, я думаю, замѣтила улыбаясь невѣста.

— Однако, посмотри: она хорошо одѣта.

— Но что-жъ особеннаго? возразила молодая баронесса, пожалуйста, пойдемъ, что тутъ стоять, и она увлекла его дальше.

Вскорѣ показался Бодо. Онъ, вѣроятно, ничего бы не замѣтилъ, еслибъ не Мэри, которая оторвала его отъ мечтаній восклицаніемъ: „Бодо! Бодо! посмотри—тамъ дама!“

— Боже мой—что съ ней? Мэри, поди спроси ее.

Громкое восклицаніе ребенка разбудило и Ренату. Она приподнялась, озираясь вокругъ и не вспоминая сразу хорошо гдѣ она. Видя, что Мэри, вмѣсто того, чтобы подойти къ молодой дѣвушкѣ, отбѣжала отъ нея въ ребяческомъ испугѣ, Бодо быстро подошелъ, подалъ сконфуженной Ренатѣ руку и помогъ ей встать.

— Вы дрожите? Вы нездоровы?

— Нѣтъ, отвѣтила она, придя въ себя и быстро опоминаясь, мнѣ только очень совѣстно, что меня застали такъ. Я шла къ баронессѣ фонъ-Радау, но страшно устала отъ дороги и заснула здѣсь.

— Вотъ моя матушка, сказалъ Бодо.

— Что такое? спросила подошедшая съ Гельменомъ баронесса, ты знаешь кто это?...

— Нѣтъ, поспѣшно возразилъ молодой человѣкъ, я не знаю этой дамы. Она говоритъ, что шла къ тебѣ.

— Ко мнѣ? Позвольте узнать ваше имя и цѣль вашего посѣщенія? спросила баронесса Ренату.

— Извините баронесса, отвѣчала дѣвушка, извините—мнѣ невольно пришлось представиться вамъ такъ странно; изъ этаго письма вы увидите лучше всего кто я и зачѣмъ явилась. Она подала рекомендательное письмо своей тетки.

Баронесса, все еще не понимая видитъ ли она предъ собой просительницу, или гостью, взяла письмо и взглянувъ на гербъ, помѣщенный надъ строками, обратилась къ Гельмену: „Это пишетъ фонъ-Кронингъ, рожденная фонъ-Равенсбергъ. Вы знаете весь свѣтъ—не знаете-ли эту даму?“

— Лично не знакомъ, но могу сказать, что обѣ весьма хорошія, древнія фамиліи, особенно Равенсберги.

Рената подавила въ себѣ невольное движеніе. Баронесса, передавъ письмо Гельмену, снова обратилась къ ней. „Такъ васъ зовутъ Рената Беккеръ, вашъ покойный отецъ былъ профессоромъ, и вы желаете поступить ко мнѣ въ компаньонки? Да? Вотъ ребенокъ, о которомъ сказано въ объявленіи—она сирота, моя внучатная племянница. Завтра, самое позднее послѣ завтра, я рѣшу. А пока Мэри—подай руку M-lle Беккеръ.“

(Продолженіе будетъ).

Что случилось съ докторомъ Страттономъ.

Разсказъ изъ американской жизни.

Въ той части штата Пенсильваніи, которая особенно богата неистощимыми каменноугольными залежами, среди дикой, но живописной мѣстности, расположенъ небольшой городокъ Мёчъ-Гёнкъ. Нѣсколько времени тому назадъ, здѣсь поселился молодой докторъ Страттонъ. Ему, на первыхъ же порахъ, повезло. практика его такъ распространилась, что онъ началъ уже смѣло глядѣть въ будущее, радужныя мечты рисовали молодому воображенію заманчивыя картины богатства, славы... Но—сумма счастья и удачъ на землѣ не велика и, въ этомъ пришлось убѣдиться Страттону. Съ нимъ произошло нѣчто такое, что принудило его поспѣшно отказаться и отъ прибыльной практики и отъ мечтаній.

Страттонъ относился всегда добросовѣстно къ своимъ обязанностямъ, но съ особеннымъ усердіемъ лечилъ онъ одного изъ своихъ паціентовъ, жившаго на отдаленной фермѣ и уже нѣсколько недѣль страдавшаго серьезной грудной болѣзнью. Искусство и заботы молодаго доктора начали уже оказывать свое дѣйствіе—недугъ, казалось, принималъ хорошій оборотъ; велико же было удивленіе Страттона, когда въ одинъ прекрасный осенній вечеръ, въ его рабочій кабинетъ было введено совершенно незнакомое ему лицо, объявившее, что больной фермеръ почувствовалъ себя хуже и что присутствіе доктора крайне необходимо. Всегда отзывчивый на просьбы и приглашенія страждущихъ, врачъ и на этотъ разъ, не заставилъ себя долго упрашивать, и чрезъ четверть часа уже ѣхалъ верхомъ по дорогѣ къ фермѣ. Страттонъ ѣхалъ одинъ—незнакомецъ, привезшій извѣстіе, удалился тотчасъ же, какъ только выполнилъ свое порученіе.

Вечеръ былъ необыкновенно хорошъ. Ясно свѣтилъ полный мѣсяцъ, обливая серебристымъ свѣтомъ живописный ланд-

шафтъ, разстилавшійся предъ одинокимъ путникомъ. Напоенный лѣснымъ ароматомъ воздухъ былъ прозраченъ и неподвиженъ. Какъ-то легко и хорошо было на душѣ у молодаго человѣка. Беззаботно ѣхалъ онъ по хорошо знакомому пути, вдоль аллеи густаго сосноваго бора. Онъ весь отдался любимымъ, завѣтнымъ думамъ... Вдругъ лошадь остановилась какъ вкопанная. Страттонъ очнулся. Предъ нимъ точно изъ земли выросъ какой-то человѣкъ, сильной рукой схватившій коня подъ уздцы. Незнакомецъ былъ замаскированъ.

— Не безпокойтесь, докторъ, произнесъ онъ. Вамъ не сдѣлаютъ ничего дурнаго, если вы будете благоразумны и выполните то, что отъ васъ потребуютъ.

Въ ту же минуту, съ обѣихъ сторонъ, обрисовались темные силуэты закутанныхъ въ плащи фигуръ. Страттонъ, выѣхавшій безъ оружія, понялъ, что сопротивленіе напрасно и что спасеніе онъ найдетъ только въ самообладаніи и хладнокровіи.

— Что вамъ надо отъ меня? спросилъ онъ спокойнымъ и твердымъ голосомъ. За мной присылалъ больной и я тороплюсь къ нему. Если вамъ необходимы мои часы и тощій кошелекъ —возьмите ихъ, я вамъ могу сдѣлать этотъ подарокъ, но только съ условіемъ, что сейчасъ же отпустите меня.

— Мы не грабители и требуемъ отъ васъ не денегъ а услуги, отвѣчалъ человѣкъ державшій лошадь.— Недалеко отсюда лежитъ больной, которому необходима быстрая помощь. Вы должны оказать эту помощь бѣднягѣ. Не пробуйте отнѣкиваться! Мы знаемъ, что вы отличный докторъ и съумѣете спасти человѣка еще молодаго и крѣпкаго, если только захотите. Слѣзайте-ка съ коня—вамъ придется часть пути сдѣлать пѣшкомъ. О лошади не безпокойтесь, я позабочусь о ней.

— Ну такъ ведите же меня скорѣе, отвѣтилъ Страттонъ. соскакивая на землю.

Едва успѣлъ онъ произнести эти слова, какъ одна изъ фигуръ, невозмутимо продолжавшихъ стоять по бокамъ. въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ говорившихъ, быстрымъ движеніемъ накинула ему на голову свернутый мѣшокъ и завязала глаза.

— Это что такое! Къ чему это? воскликнулъ докторъ.

— Не спрашивайте больше ни о чемъ, а дѣлайте что вамъ скажутъ. Повторяю—будете безпрекословно повиноваться, такъ и бояться вамъ нечего, послышался короткій и рѣшительный отвѣтъ.

Докторъ замолчалъ. Двое взяли его за руки и повели; сначала онъ почувствовалъ, что его просто кружатъ по лѣсу; вскорѣ, однако, они быстро пошли по какой-то тропинкѣ. Страттонъ не могъ угадать направленія, по которому его вели. Ему минутами казалось, что все это было во снѣ. Добрыхъ полчаса спустя, они остановились. Докторъ услыхалъ, какъ одинъ изъ его спутниковъ постучалъ въ дверь и произнесъ нѣчто въ родѣ лозунга, услыхалъ вслѣдъ затѣмъ визгъ заржавѣвшихъ петель этой двери; они поднялись нѣсколько ступеней вверхъ, прошли комнату, еще одну лѣстницу и снова предъ ними отворилась дверь, изъ-за которой на нихъ пахнуло какой-то теплой и, вмѣстѣ, тяжелой атмосферой. Здѣсь, наконецъ, съ Страттона сняли повязку и онъ увидѣлъ, что его привели въ какой-то погребъ. Въ углу, на деревянной полусломанной кровати, лежалъ блѣдный человѣкъ, въ окровавленной одеждѣ. Онъ уставился на доктора своими лихорадочными глазами. Его взглядъ былъ полонъ недовѣрія. Кромѣ троихъ, приведшихъ сюда Страттона, замаскированныхъ мужчинъ, здѣсь находилось еще двое, и, въ другомъ углу, на развалившейся почти совсѣмъ печи, готовила ужинъ некрасивая, бѣдно и грязно одѣтая женщина. Въ низкой, тѣсной комнатѣ стоялъ страшный, удушливый чадъ, смѣшанный съ табачнымъ дымомъ.

— Ну-съ, докторъ, присядьте-ка поудобнѣе сюда, произнесъ тотъ же, повидимому, начальникъ, или предводитель шайки, подвигая деревянную скамейку къ кровати раненаго.—Вотъ—больной, которому вы должны помочь. Не спрашивайте—какъ и гдѣ влѣпили ему пулю, вамъ до этого нѣтъ никакого дѣла, а хорошенько осмотрите его и начинайте. Да лечите хорошенько, не то—могло бы случиться, что въ могилу вмѣсто однаго—мы положили бы двоихъ. Поняли? Ваши кабуры съ микстурами я сейчасъ принесу самъ, остальное должно быть при васъ; доставимъ вамъ и перевязки и свѣжей воды. Если вылечите этаго человѣка и поклянетесь, что никогда не проболтаетесь—получите отъ насъ хорошенькій талеръ—мы не хотимъ, чтобы вы трудились даромъ.

— Охъ, докторъ избавьте меня скорѣе отъ той адской боли, мочи моей нѣтъ, чрезъ силу проговорилъ раненый, сдвигая слабой рукой мокрыя тряпки, лежавшія на груди, на которой Страттонъ увидѣлъ маленькую ранку, окруженную запекшеюся кровью.

Страттонъ нагнулся и принялся за осмотръ. Рана находилась какъ разъ на нѣсколько дюймовъ надъ сердцемъ и больной, повидимому, былъ сильно истощенъ потерей крови. Жизненная искра его, очевидно, могла скоро погаснуть. А если бы она погасла? Что произошло бы тогда съ нимъ!.. Но—помощь еще возможна, а потому нечего терять дорогихъ минутъ! Молодой докторъ поспѣшно вынулъ хирургическіе инструменты, которые всегда носилъ съ собой, въ особомъ футлярѣ, взялъ зондъ и началъ изслѣдовать рану. Въ комнатѣ воцарилось глубокое молчаніе.

Изслѣдованіе продолжалось не долго и, окончивъ его, докторъ убѣдился, что участь раненаго, а съ нимъ и его судьба, были рѣшены. Но хладнокровіе ему не измѣнило и онъ спокойно сказалъ окружавшимъ:

— Я сдѣлаю все, что могу.

— Можете вы спасти этого человѣка здѣсь? спросилъ одинъ изъ замаскированныхъ, молчавшій до сихъ поръ.

— Здѣсь это будетъ трудно. Но — я попробую. Принесите мнѣ мои кабуры.

— Мнѣ рѣшительно все равно—возьметъ ли меня чортъ теперь или двумя, тремя годами позже, простоналъ больной,—уймите только мнѣ боль и убирайтесь хоть къ дьяволу!

— Да не бойся, Падди, онъ тебя опять на ноги поставитъ, заговорила женщина.—Эдакій докторъ натянетъ носъ всякой болѣзни. А—не такъ я говорю, мистеръ? Э, да вы не гордитесь очень-то со мной. Скажите, пожалуйста, какой городской франтъ, не желаетъ и слова промолвить со мной. Дурно одѣта—такъ и спину поворотилъ. Я такая же лэди, какъ и всякая другая!..

— Замолчи же ты, Бэтси, остановилъ старуху одинъ изъ замаскированныхъ,—и готовь скорѣе кушанье, нечего тебѣ приставать къ доктору. Этакая старая кошка!

— Я—старая кошка! Ахъ ты негодяй! такъ вотъ же тебѣ, и разсвирѣпѣвшая старуха бросила въ него полѣномъ.

Неизвѣстно, чѣмъ бы кончилась сцена, если бы, къ счастію, въ эту минуту, не отворилась дверь, и не вошелъ „начальникъ“, принесшій кабуры съ лекарствами. Онъ тотчасъ же возстановилъ порядокъ, прикрикнувъ на расходившуюся мегеру.

Страттонъ далъ больному облегчающее и сильно дѣйствующее средство, очистилъ рану, наложилъ легкую перевязку. Паціентъ, дѣйствительно, вскорѣ почувствовалъ облегченіе и заснулъ. Такое начало леченія нѣсколько успокоило товарищей раненаго. Начальникъ, тщательно заперевъ входную дверь, ушелъ съ остальными замаскированными въ сосѣднюю комнату, откуда Страттону послышалось оживленное, хотя и негромкое, совѣщаніе. Бетси стояла у плиты, стараясь ускорить ужинъ, что, однако, не мѣшало ей, отъ времени до времени, бросать сердитые взгляды на невѣжливаго, не обращавшаго на нее вниманія, доктора, который теперь сидѣлъ, погруженный въ глубокое раздумье...

Изъ комнаты не было, повидимому, выхода, кромѣ двери туда, гдѣ теперь находились замаскированные и еще той двери, которую заперъ начальникъ, а такъ какъ, понятно, захватившіе его люди (кто они—онъ не могъ угадать) не оставятъ его безъ присмотра, то ясно было, что онъ могъ получить свободу только съ ихъ согласія. Борьба была не мыслима—ихъ было пятеро, вооруженныхъ револьверами, онъ—одинъ и безъ всякаго оружія. Чѣмъ больше думалъ онъ о своемъ положеніи, тѣмъ отчаяннѣе казалось оно ему и онъ рѣшился покориться своей участи и, насколько можно, спокойно ожидать того, что будетъ. Мысли его были внезапно прерваны глухимъ, сдавленнымъ крикомъ. Больной конвульсивно приподнялся, дико озираясь вокругъ, но, тотчасъ же, упалъ навзничь и захрипѣлъ.

— Падди умираетъ! Падди, мой Падди! закричала женщина, бросившись къ сосѣдней комнатѣ, изъ которой въ ту же минуту выбѣжали всѣ замаскированные.

— Да заткните же ему ротъ, докторъ! развѣ вы не видите, какъ у него кровь льетъ изъ горла!

Страттонъ не пошевельнулся.

— Человѣческая помощь уже безполезна. Я не могу болѣе ничего сдѣлать для него, спокойно возразилъ онъ.

— Такъ вотъ какъ! вы оставляете его преспокойно умирать тутъ, на вашихъ глазахъ и не хотите попробовать хоть какое нибудь средство спасти его! Вспомните, что ваша жизнь связана съ его жизнью! произнесъ одинъ изъ окружавшихъ Страттона, хлопнувъ рукой по блестѣвшему за поясомъ револьверу.

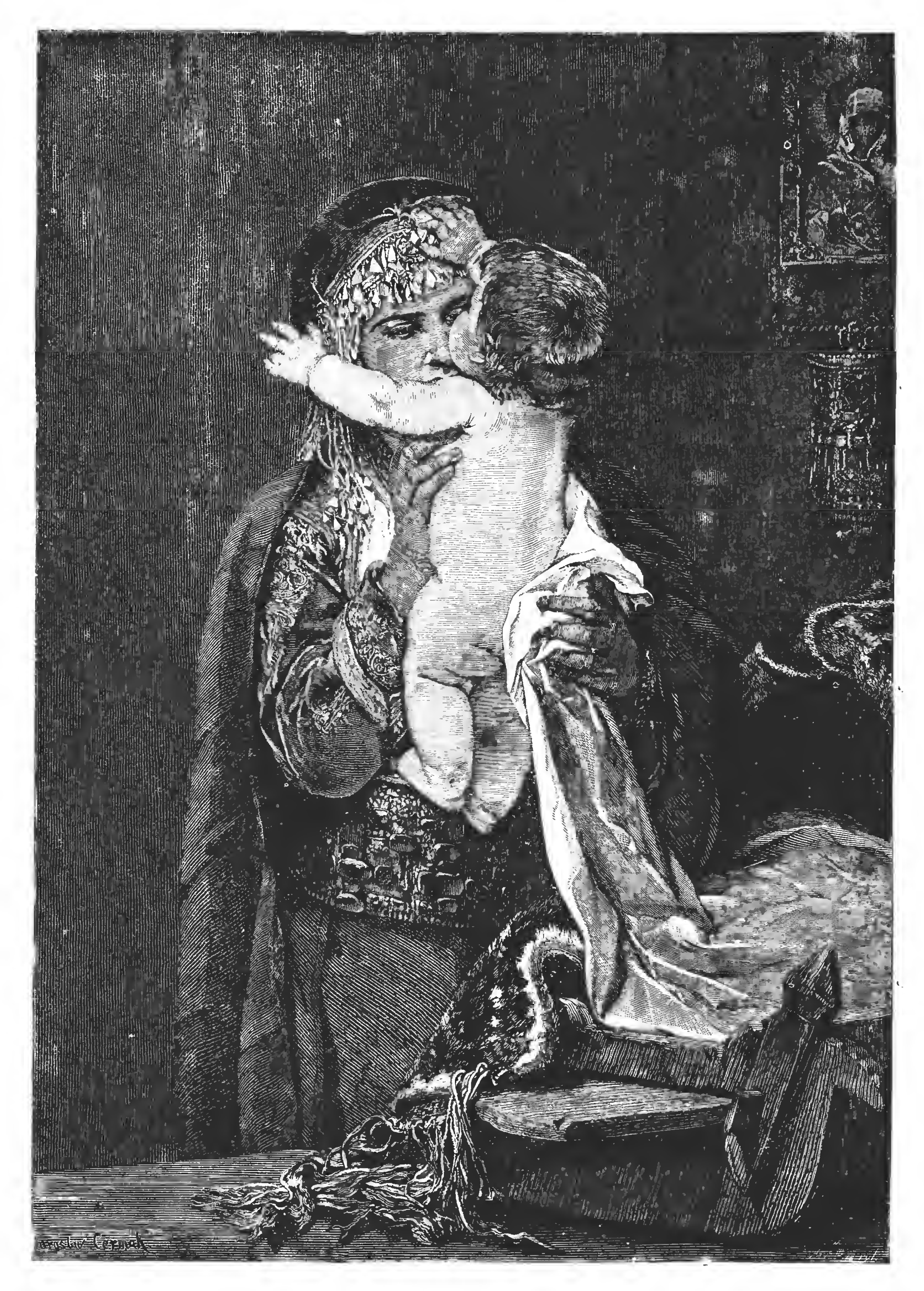
— Угрозы эти излишни, меня онѣ не испугаютъ! возразилъ молодой докторъ, гордо выпрямившись и смѣло глядя своимъ противникамъ въ лицо. Я спасаю человѣка, когда это въ моихъ силахъ, спасаю, никогда не спрашивая о томъ, откуда и что съ нимъ произошло. И этому человѣку я, конечно, помогъ бы, если бы была малѣйшая возможность. Я выполнилъ здѣсь мою обязанность и долженъ теперь подчиниться тому, что вы рѣшили относительно меня. Жизнь моя въ вашихъ рукахъ и если вы захотѣли бы отнять ее,—я не могу оказать вамъ сопротивленія. Отпустите меня и я клянусь вамъ. что никогда никому не скажу слова.

— Тебя, живодера, выпустить! Какъ бы не такъ? Повѣсимъ его! Стой, не трогай, пока Падди живъ еще? Нечего, нечего щадить шарлатана! раздалось вокругъ молодаго человѣка, теперь уже окончательно овладѣвшаго собой и приготовившагося ко всему.

Раненый лежалъ уже въ послѣднихъ конвульсіяхъ, онъ захрипѣлъ, но—кровь снова хлынула горломъ, онъ вытянулся и все было кончено.

Докторъ молча собралъ свои хирургическіе инструменты, сложилъ ихъ и, приведя въ порядокъ кабуры, холодно произнесъ, обращаясь къ окружавшей его шайкѣ:

— Человѣкъ этотъ умеръ и мнѣ нечего болѣе дѣлать здѣсь, отпустите же меня.



Мать-Черногорка. Съ картины Ярослава Чермака, грав. Мора.

— Да, да, отпустимъ тебя, милый докторъ—только отпустимъ по своему: привяжемъ за шейку, да и перекинемъ конецъ чрезъ дубовый сукъ. Дай вамъ лишь поужинать, а тамъ мы твое дѣло живо справимъ, отвѣтилъ начальникъ, слова котораго были встрѣчены общимъ одобреніемъ.

Старуха принялась торопить свою стряпню, а остальные снова удалились въ другую комнату, откуда скоро раздался ихъ, на этотъ разъ, громкій разговоръ, предметомъ котораго служили умершій товарищъ и докторъ, который, по ихъ мнѣнію, могъ спасти раненаго, еслибы захотѣлъ. Теперь Страттонъ слышалъ каждое слово. Они больше не скрывались предъ нимъ.

— Чего теперь бояться этого шарлатана—болтать ужъ не будетъ! произнесъ одинъ изъ говорившихъ.

— Конечно! надо, однако, съ нимъ покончить до пѣтуховъ, замѣтилъ другой. Пусть все-таки знаетъ, что его отправляетъ на тотъ свѣтъ Молли-Магиръ. Ему послужитъ утѣшеніемъ мысль, что онъ попалъ въ руки не разбойниковъ, за которыхъ онъ, кажется, принялъ насъ. Нашъ орденъ преслѣдуетъ высокую цѣль, онъ защищаетъ право сыновъ Эрина, тяжелымъ трудомъ зарабатывающихъ хлѣбъ свой.

— Ну—доктору все равно кто ему петлю на шею надѣнетъ, полно уже, довольно говорить о бѣднягѣ, сказалъ начальникъ, а вотъ, подумаемъ, какъ объяснить изчезновеніе Падди и выполнить полученное нами приказаніе относительно этихъ негодяевъ—горнаго инспектора и его помощника что отказываютъ въ работѣ нашимъ сочленамъ. Съ ними не легко справиться. Днемъ, на работахъ или въ конторѣ ихъ не схватить, вѣдь тамъ всегда много другаго народа, а послѣ вчерашней исторіи, они не скоро уже выйдутъ изъ дому въ вечернее время, да и надо правду сказать, они тоже съ свинцомъ-то умѣютъ обращаться и дѣлятся имъ охотнѣе, чѣмъ своими деньгами.

— По моему, ни одна собака не будетъ выть по Падди Флаганѣ, если мы его тѣло бросимъ въ ту старую шахту, предложилъ четвертый. Мнѣніе это было принято почти тотчасъ же

— Такъ я попалъ въ руки „Молли Магиръ,“ этаго страшнаго, кроваваго ирландскаго братства! Они не знаютъ пощады и не могутъ повѣрить мнѣ, потому что—скажи я слово—всѣхъ ихъ ждетъ веревка. Неужели мнѣ нѣтъ спасенія? Бѣжать невозможно—эта женщина слѣдитъ за каждымъ движеніемъ моимъ. она сейчасъ же подняла бы шумъ и они сбѣжались бы, а мнѣ не справиться съ этими силачами-углекопами. Безполезно. Будь еще у меня хоть какое нибудь оружіе, ножъ, или что нибудь другое, а то... Стой!—моя кабура! Да—можетъ быть!..

Внезапно, счастливая мысль озарила Страттона и онъ быстро сообразилъ свой планъ спасенія, и ждалъ теперь только минуты, въ которую могъ приступить къ выполненію.

Ему пришлось ждать не долго. Собратья „Молли Магиръ“ скоро согласились между собой о способѣ выполненія полученнаго ими приказанія и начальникъ, отворивъ дверь, приказалъ Бэтси принести ему бутылку виски и скорѣе подавать на столъ. Въ ту минуту, когда мегера вышла, Страттонъ быстро досталъ изъ кабуры два пузырька съ какою-то безцвѣтною жидкостью и спряталъ ихъ въ карманъ. Старуха, возвратившаяся почти немедленно вслѣдъ затѣмъ, не замѣтила ничего.

— Видишь, красавчикъ, Бэтси вѣдь вовсе не такая злая, какъ ты думаешь. Сиди только смирно и думай о вѣчности, какъ слѣдуетъ доброму христіанину, когда ему приходится умирать; а я дамъ тебѣ водочки—все по храбрѣе будешь, какъ вѣшать то станутъ тебя.

Съ этими словами, старая ирландка ушла къ углекопамъ. Почтенная компанія, повидимому, слышала рѣчь ея къ доктору, такъ какъ при входѣ ея разразилась шумнымъ одобрительнымъ хохотомъ. Страттонъ, въ одинъ прыжокъ, былъ уже у плиты и мгновенно вылилъ въ готовившееся кушанье всю жидкость пузырьковъ; затѣмъ также быстро вернулся на прежнее мѣсто.

Чрезъ нѣсколько секундъ вошла Бэтси.

— Я держу свое слово, красавчикъ, произнесла она, протягивая доктору стаканъ, до краевъ налитый водкой. Страттонъ, съ отвращеніемъ оттолкнулъ грязную руку мегеры и предложенную виски. „Дуралей принадлежитъ къ обществу трезвости, крикнула она товарищамъ, выпью же я, вмѣсто него, за его здоровье. Ну красавчикъ—пусть будетъ тебѣ петля легка!“

— Готовь скорѣе кушанье и оставь его въ покоѣ, приказалъ начальникъ, входя въ комнату, на этотъ разъ безъ маски. Страттонъ тотчасъ же узналъ въ немъ человѣка, приходившаго къ нему отъ имени больнаго Фермера. Тотъ понялъ что узналъ.

— Да, да, сказалъ онъ, обращаясь къ молодому доктору—не правда-ли, мы вѣдь старые знакомые! Ну—теперь вы знаете, кто васъ спровадитъ на тотъ свѣтъ. Пріятно видѣть разсудительнаго человѣка, да что будешь дѣлать — слишкомъ то ужъ умные люди не живутъ долго. Будьте только похладнокровнѣе въ послѣднюю минуту! По моему, нѣтъ ничего гаже человѣка. который пугается смерти. Вы, впрочемъ, какъ вижу, не изъ трусовъ.

— Я вамъ ничего дурнаго не сдѣлалъ, возразилъ Страттонъ, никогда ни кому не сказалъ бы ни слова о томъ, что тутъ видѣлъ, еслибъ вы отпустили меня. Но вымаливать пощады не стану.

— Напрасно бы и молили—Молли Магиръ, т. е. мы всѣ, все наше братство пощады не знаетъ, отвѣтилъ углекопъ, отвернувшись отъ собесѣдника и принимаясь подвигать на средину комнаты ветхій столъ.

Минута избавленія приближалась. Трудно было Страттону сдерживать овладѣвшее имъ волненіе. Однако, нечеловѣческое усиліе превозмогло, онъ подавилъ внутреннюю тревогу, продолжая неподвижно и безмолвно сидѣть въ своемъ углу.

Наконецъ, Бэтси поставила на столъ дымящійся горшокъ, и кликнула углекоповъ, и все общество усѣлось за ѣду. Съ сильно бьющимся сердцемъ слѣдилъ теперь за ними докторъ. Всѣ сняли съ себя маски и свои револьверы, оставленные въ сосѣдней каморкѣ.

Минуты, слѣдовавшія одна за другою, казались Страттону вѣчностью!... Вотъ, они уже кончаютъ свою трапезу, нѣкоторые, съ довольнымъ видомъ, вытираютъ жирные рты — какъ вдругъ, одинъ вскрикнулъ, схватился за желудокъ и покатился на полъ, за нимъ, въ судорогахъ катался, чрезъ секунду, другой.

— Что за дьявольщина! Что это со мной тоже, что это!!.. неистово закричалъ начальникъ, упавшій на кровать и конвульсивно заметавшійся тамъ. „Докторъ, докторъ помогите!— Ой, голова, желудокъ, все нутро горитъ, помогите!“

Его крикамъ, отвѣтили крики и стоны остальныхъ, на которыхъ также оказали свое магическое дѣйствіе сонныя капли, влитыя докторомъ въ горшокъ съ кушаньемъ.

Не теряя времени, Страттонъ бросился въ другую комнату, схватилъ одинъ изъ револьверовъ, отчаяннымъ ударомъ вышибъ дверь, и, выбѣжавъ изъ блокгауза, кинулся искать лошадь. Онъ скоро нашелъ ее привязанною къ дереву. Секунду спустя, онъ уже мчался по лѣсу къ городку Мёчъ-Генку. Какъ ни былъ онъ взволнованъ, но, по возвращеніи, онъ не сказалъ никому ни слова обо всемъ, что произошло съ нимъ. Докторъ хорошо понималъ, что оставаться здѣсь, въ мѣстности, которую окружали со всѣхъ сторонъ каменноугольныя копи, гдѣ кишѣли члены страшной „Молли-Магиръ,“ возстановленную противъ него — ему уже было невозможно. Быстро собравъ вещи, устроивъ дѣла, Страттонъ приготовился навсегда уѣхать отсюда и поселиться въ Филадельфіи. Только въ день отъѣзда передалъ онъ властямъ о бывшемъ съ нимъ случаѣ.

Немедленно были приняты всѣ мѣры къ отысканію блокгауза и разбойниковъ, но — ихъ слѣдъ простылъ уже и только чрезъ нѣсколько недѣль, уже въ Филадельфіи, Страттонъ получилъ извѣщеніе отъ властей городка Мёчъ-Генкъ, что въ лѣсу найдены обгорѣлые остатки логовища, куда его затащили, а подъ развалинами—обуглившійся трупъ углекопа Падди Флаганана. Остальные же пятеро углекоповъ и Бэтси исчезли совершенно.

Къ рисункамъ.

Зоологическій садъ въ С.-Петербургѣ.

Петербургскій зоологическій садъ, основанный лѣтъ четырнадцать тому назадъ зоологомъ Юліемъ Гебгардтомъ, помѣщается какъ извѣстно каждому петербуржцу, въ такъ называемомъ Александровскомъ паркѣ, на Петербургской сторонѣ, неподалеку отъ Петропавловской крѣпости. Уступая и по своей внѣшности и по богатству коллекцій подобнымъ учрежденіямъ за границей, онъ, за послѣднее время, почти окончательно утратилъ научный характеръ, превратившись въ увеселительное заведеніе. Несочувствіе-ли публики, суровый-ли климатъ, дурно-вліяющій на животныхъ, другое-ли что,—но только теперешній зоологическій садъ—арена клоуновъ, фокусниковъ и канатныхъ плясуновъ. И надо отдать справедливость: съ тѣхъ поръ какъ послѣдніе появились среди клѣтокъ, народъ повалилъ въ садъ толпами, годовой оборотъ сдѣлался громаднымъ—и понятно почему: зоологическій садъ сдѣлался болѣе приличнымъ *семейнымъ* заведеніемъ, чѣмъ прочія увеселительныя мѣста: Крестовскій, Демидовъ садъ, Ливадія и др.

Но какъ бы то ни было, каталогъ настоящаго года, изданный содержателемъ сада, г. Ростомъ, даетъ однако около 107 названій находящихся въ саду животныхъ. Въ программу нашей замѣтки не входитъ подробный перечень и описаніе всѣхъ содержимыхъ въ саду звѣрей, и мы ограничимся только указаніемъ на интереснѣйшіе номера.

Наибольшее вниманіе обращаетъ на себя такъ называемый Морской левъ (Otaria jubata), изображенный на прилагаемомъ рисункѣ. Это ластоногое плаваетъ въ искуственномъ продолговатомъ бассейнѣ съ небольшимъ каскадомъ, сложеннымъ изъ туфа и обрамленнымъ по бокамъ декораціей, представляющей скалы и льды. Экземпляръ морскаго льва достать чрезвычайно трудно,—во первыхъ онъ водится въ южныхъ водахъ Тихаго океана, и чтобы довезти оттуда подобное млекопитающее живымъ надо много хлопотъ и искусства,—а во вторыхъ, и это главное, онъ чрезвычайно силенъ: ударъ его лапы смертеленъ,

поймать его нераненнымъ — дѣло подвига. Другой экземпляръ морскаго льва, подобный настоящему, находится въ берлинскомъ зоологическомъ саду, въ другихъ садахъ его не имѣется.

Затѣмъ привлекаетъ публику слонъ, обмахивающійся отъ мухъ полотенцемъ (конечно съ помощью хобота), звонящій въ колоколъ, дѣлающій разныя штуки, и усердно поѣдающій подносимыя ему булки. Павильонъ слона видѣнъ на прилагаемомъ рисункѣ главной площадки сада, въ глубинѣ, подъ деревьями.

Нѣсколько правѣе его тянется рядъ клѣтокъ *хищныхъ звѣрей*: львовъ, тигровъ, ягуаровъ, пантеръ, леопардовъ, кугуаровъ и пр. Изъ нихъ наибольшее вниманіе обращаетъ превосходный экземпляръ королевскаго тигра (tigris regalis), удивительно красивый и граціозный. Самый интересный моментъ для посѣтителей сада, останавливающихся передъ этими клѣтками, безъ сомнѣнія моментъ кормленія. Когда раздается колоколъ, возвѣщающій часъ обѣда, животными овладѣваетъ такое неудержимое волненіе, что ихъ царственная гордость и солидность мгновенно пропадаетъ; они начинаютъ тревожно визжать, мурлыкать, хрипѣть, прыгать другъ черезъ друга, кидаться на стѣны. Изъ за кусковъ начинается драка, гіены поднимаютъ визгъ, такъ что иногда приходится прибѣгать къ внушительнымъ мѣрамъ: желѣзнымъ крюкамъ и пр.

Далѣе интересны три экземпляра *кэнгуру* (halmaturus giganteus), которымъ до нѣкоторой степени можетъ быть присвоено наименованіе пяти-ногаго, такъ какъ сильный, мускулистый хвостъ замѣняетъ ему недостатокъ недоразвившихся переднихъ лапъ. Маленькія кэнгуру родились въ здѣшнемъ саду, и пользуются вожделѣннымъ здравіемъ. Кому неизвѣстна ихъ оригинальная способность—носить въ сумкѣ подъ брюхомъ недоношенныхъ сорокадневныхъ, но уже рожденныхъ дѣтенышей?

Хороша коллекція медвѣдей, помѣщающаяся въ отдѣльномъ павильонѣ, изображенномъ на нашемъ рисункѣ и изнутри и снаружи. Первое мѣсто занимаетъ между ними *полярный медвѣдь*, живущій въ клѣткѣ, выступающей тремя сквозными сторонами изъ общей прямолинейности фасада. Затѣмъ интересны экземпляры *бураго и малайскаго медвѣдей*. сильно кажется скучающихъ въ своихъ клѣткахъ. Внутри павильона мачта и сучковатое дерево, для эквилибристическихъ упражненій тяжеловѣсныхъ обитателей.

Нельзя не упомянуть еще объ одной драгоцѣнности: остовѣ гренландскаго кита въ десять саженъ длиной, помѣщающемся подъ крытымъ навѣсомъ, въ одномъ изъ отдѣленій сада. Остовъ этотъ принадлежитъ императорской академіи наукъ и стоитъ въ зоологическомъ саду, за неимѣніемъ мѣста въ музеяхъ академіи. Змѣи, олени, обезьяны—всего этаго въ достаточномъ количествѣ и все это размѣщено очень хорошо.

Здѣсь неумѣстно было бы распространяться объ представленіяхъ на открытой сценѣ и въ театрѣ сада, тѣмъ болѣе что публика массами наполняя постоянно учрежденіе, уже сама собою даетъ оцѣнку этому, несомнѣнно удавшемуся, предпріятію. Предприниматель весьма ловко попадаетъ на вкусы посѣтителей, выбирая развлеченія наиболѣе разнообразныя и занимательныя.

Теперь въ саду „показываются“ зулусы, почти совсѣмъ неодѣтые, съ ихъ оригинальнымъ вооруженіемъ и скоро прибудетъ великанъ-китаецъ, говорятъ футовъ 8 ростомъ. Будетъ также статуя Брамы, о которой мы говоримъ отдѣльно, ниже.

Мать-черногорка.

Семейная жизнь въ оригинальномъ, героическомъ „орлиномъ гнѣздѣ“ нравы его и обычаи весьма мало извѣстны и о нихъ существуютъ лишь самыя нелѣпыя представленія. Какъ бы ни была убога матеріальная жизнь народа, какъ, напримѣръ, на непривѣтливыхъ скалахъ Черной Горы—все же внутреннее ея содержаніе имѣетъ свою сложность, которую не съумѣетъ разгадать тотъ, кто съ высоты своихъ „цивилизованныхъ“ воззрѣній смотритъ на эту жизнь. Мы знаемъ черногорцевъ какъ юнаковъ, героевъ, а объ семейной ихъ жизни только и слышимъ, что безсодержательные намеки объ угнетеніи тамъ женщины и объ обремененіи ея работою—точно тамъ не существуетъ чувства любви и точно не вездѣ бѣдная женщина обременена работою.

Обычай не дозволяетъ тамъ, чтобы дѣвушка старше двѣнадцати лѣтъ показывалась чужому мужчинѣ. Это конечно въ болѣе состоятельномъ семействѣ. Первый мужчина, съ которымъ она можетъ свободнѣе говорить—это ея женихъ. Одинъ русскій, посѣтившій черногорское семейство, разсказываетъ, что всѣ дѣвушки быстро отъ него разбѣжались и только послѣ настоятельныхъ просьбъ посѣтителя хозяйка согласилась познакомить съ нимъ своихъ дочерей, которыя потомъ уже и сами выходили при его посѣщеніяхъ. Строжайшее понятіе о чести личной и семейной развило между горцами кровавую месть. Оскорбленіе семьи смывается кровью.

Нѣкоторыя дѣвушки, воспитывавшіяся въ Россіи или побывавшія въ Европѣ, уже начали носить европейскія платья и есть хорошо говорящія порусски. Вообще же народный костюмъ черногорки оригиналенъ и красивъ, что отчасти можно видѣть и на прилагаемомъ рисункѣ. Черногорки обвѣшиваются множествомъ серебряныхъ вызолоченныхъ монетъ.

Во время недавней войны женщины играли дѣятельную и достойную роль, по свидѣтельству очевидцевъ. Онѣ и доставляли провіантъ и работали при перевозкѣ раненыхъ на перевязочные пункты, и доставляли мужьямъ порохъ и оружіе, и сами владѣли имъ не хуже любаго мужчины и не мало враговъ Черной Горы пало отъ мѣткой пули или камня, пущеннаго черногоркою, въ отместку за мужа или за сына. Скорбь ихъ по убитыхъ родичахъ страстна и глубока. „Куку мене мой юнаце, мой отце!“ рыдали онѣ и рвали на себѣ одежду и царапали себя въ кровь...

Вотъ бѣдная, черногорская хата. Сложена она изъ большихъ камней, съ плоскою, поросшею травою, кровлею. Костеръ, разложенный посреди хаты на каменномъ полу, озаряетъ стѣны. Дымъ идетъ въ трубу крыши и стелется по хатѣ, какъ и въ нашихъ курныхъ избахъ. Сидитъ бодрый, могучій старикъ хозяинъ, черный съ просѣдью. Тутъ сидятъ и его сынишки, красивые, быстроглазые мальчуганы. Отецъ тихо гладитъ старшаго по головѣ.

— Дай будешь юнаце! говоритъ онъ.

— Очу (хочу) отвѣчаетъ ребенокъ, сверкнувъ глазенками.

Хозяйка серьезная, черноглазая, смуглая,—варитъ кукурузную похлебку. Семья отужинала, успокоилась. Медленно догораетъ костеръ и снятся спящему богатырю битвы и юрнши. И вздрагиваетъ онъ, и во снѣ хватается за ханджаръ, и бормочетъ воинственный кличъ Черной Горы, которую покрыла черная южная ночь...

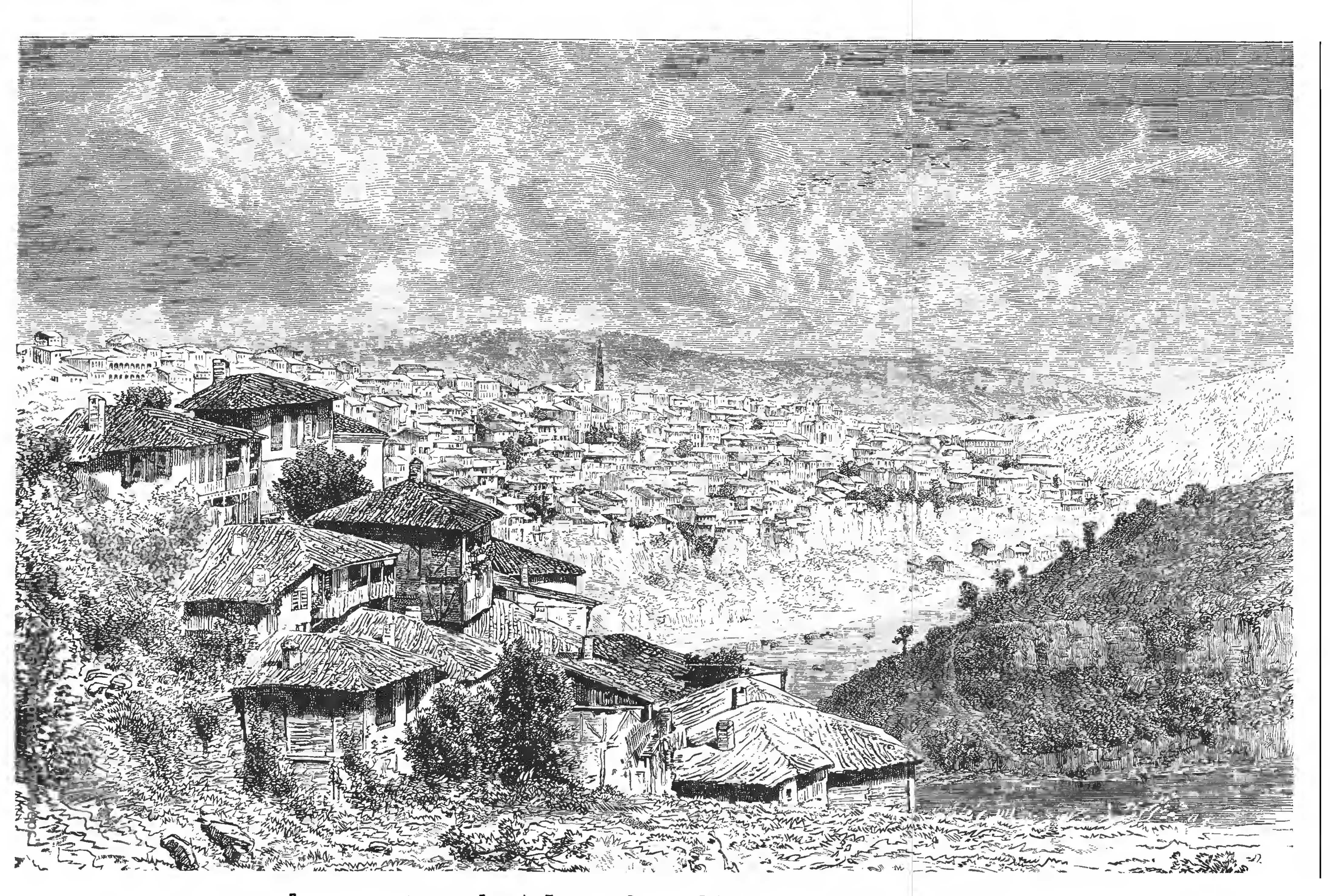
Тырновъ, первопрестольный городъ Болгаріи.

Тырновъ играетъ въ послѣднихъ событіяхъ Болгаріи весьма видную первенствующую роль; въ немъ происходило и избраніе князя и въ немъ же избранный князь получилъ первое, восторженное привѣтствіе своего народа. Эта великая роль выпала на долю Тырнова не случайно; онъ удостоенъ ею какъ городъ престольный древняго болгарскаго царства, съ которымъ соединены лучшія воспоминанія болгарской исторіи.

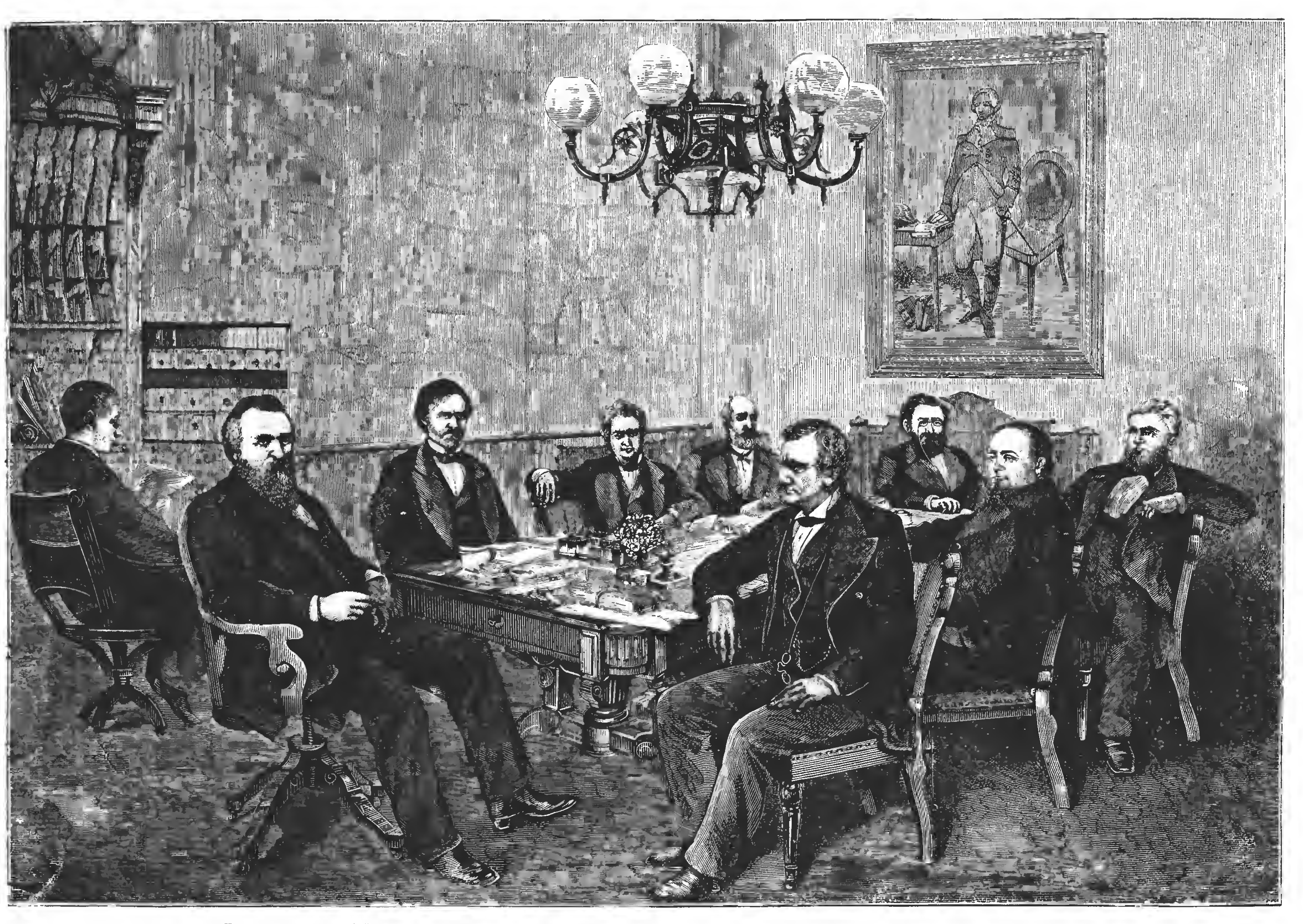
Тырновъ (по болгарски Трново) расположенъ въ горномъ ущельи на берегу рѣки Янтры, изгибающейся между холмами и образующей родъ мыса, вокругъ котораго разстилается довольно обширная, тоже холмистая возвышенность, окруженная почти отвѣсными, скалистыми горами Балкана. Самый городъ прилѣпился къ сторонѣ довольно высокой горы и, спускаясь уступами до самаго берега Янтры, представляется восхитительнымъ по мѣстоположенію.

По внѣшнему виду это чисто восточный городъ; дома здѣсь точно нагромождены одинъ на другой, такъ что нагорный берегъ Янтры кажется издали однимъ сплошнымъ, многоэтажнымъ зданіемъ. Это положеніе города на отвѣсномъ берегу поставило его въ нѣкоторыя особенныя условія; такъ улицы Тырнова иногда не шире нашихъ тротуаровъ и Каницъ даже удивляется какъ люди не задыхаются въ этихъ узкихъ ущельяхъ. Кромѣ того,по недостатку пространства, дома разростаются вверхъ т. е. строятся въ два или три этажа, что не въ обычаѣ востока, но при этомъ безчисленное количество балконовъ и множество минарстовъ все таки напоминаютъ вамъ, что вы находитесь въ восточномъ городѣ. Много народныхъ преданій передаютъ старики о Тырновѣ, о его развалинахъ, о старыхъ болгарскихъ царяхъ. Такъ ходитъ преданіе, что дикая мѣстность Тырнова была покрыта въ глубокой древности колючимъ терномъ отъ котораго и произошло названіе города. Говорятъ, что при царѣ Иванѣ Греки разбили Болгаръ; войско болгарское разсѣялось и самъ царь хотѣлъ бѣжать въ Будинъ-градъ. Но не подалеку отъ границы Сербіи его встрѣтилъ одинъ болгарскій пастухъ, который и сказалъ ему: стыдно царямъ бѣгать отъ врага и оставлять дѣтей своихъ безъ помощи. За это накажетъ Богъ. Я, продолжалъ пастухъ, найду тебѣ мѣстечко, которое терномъ огорожено и тебя оттуда будетъ не достать! Пастухъ повелъ царя на то мѣсто гдѣ нынѣ Тырновъ и тамъ царь Иванъ собралъ войско и спасъ родину. Другое преданіе говоритъ, что первоначальными строителями города были исполины.

Отъ области вымысла перейдемъ къ свидѣтельству исторіи, которая сознается, что время основанія города точно опредѣлить нѣтъ никакой возможности. Блескъ же и извѣстность Тырновъ пріобрѣтаетъ съ того времени, когда братья Асѣнь и Петръ перенесли сюда свою столицу, а также митрополію Архіепископа. Особенно Асѣнь (1218—1241) много заботился объ украшеніи своей любимой резиденціи, представлявшей тогда совершенно другой видъ чѣмъ нынѣшній городъ съ печальными его развалинами. Неудивительно, что во всѣхъ болгарскихъ памятникахъ, этому городу по примѣру византійцевъ даются такія громкія эпитеты какъ напримѣръ: Царьградъ Тырновъ, богоспасаемый царь городовъ, державный, многославный, второй послѣ города Константина. Первоначально Тырновъ состоялъ изъ двухъ кремлей раздѣленныхъ бурнымъ потокомъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ Янтра своими извивами образуетъ полуостровъ, находится горный уступъ окруженный съ трехъ сторонъ рѣкою, а съ четвертой крутыми террасами. На этой то вершинѣ стоялъ собственно замокъ Трновъ градъ (Терновый замокъ) который еще былъ цѣлъ въ XVII столѣтіи. Теперь на вершинѣ горы стоятъ лишь жалкія развали-



Первопрестольный городъ Болгаріи Тырновъ. (Видъ съ Габровской дороги). Рис. Вилге, грав. Дальянсъ.



Президентъ республики Гейсъ. Джонъ Шерманъ. Министръ Финансовъ. Р. В. Томсонъ. Морской Министръ. Шарль Девенсъ. Министръ Юстиціи. В. М. Эвертсъ. Штатсъ-секретарь. К. Шурцъ. Мин. Внутр дѣлъ. Г. В. Макъ-Крэри. Военный Министръ. Д. М. Кей. Мин. Почтъ и Телегр.

Засѣданіе Совѣта Министровъ Сѣверо-Американскихъ штатовъ въ Бѣломъ Домѣ, въ Вашингтонѣ. Рис. Стивенсъ, грав. М. Рашевскій.

ны, но сама гора еще до сихъ поръ называется по болгарски *Царевецъ*. Возлѣ Царевца возвышались дворцы, въ которыхъ жили цари изъ династій Асѣня, Тертерія и Шишмана. Около замка стояла патріархія или каѳедральный соборъ „мать болгарскихъ церквей Царства“ во имя Вознесенія Господня, отъ которой не осталось и слѣда. На правомъ берегу Янтры противъ самаго Царевца поднимается уединенная скала съ крутыми скатами. На вершинѣ ея стоялъ славный замокъ *Трапезица*. Здѣсь же было построено нѣсколько церквей и между прочимъ въ 1195 г. церковь св. Іоанна Рыльскаго, гдѣ и покоились чудотворные мощи Святаго. Теперь пустынная вершина Трапезицы поросла кустарникомъ и на ней мирно пасутся козы и овцы. У подножія Трапезицы прямо противъ нынѣшняго каѳедральнаго собора, стояла, основанная Царями Петромъ и Асѣемъ, церковь св. Дмитрія, гдѣ короновались цари болгарскіе. Отъ нея остались самыя жалкія развалины. Между обоими городскими кремлями былъ переброшенъ мостъ, къ которому вели отъ города ворота. Такимъ образомъ богатый, красивый Тырновъ—столица Царя, Патріарха и бояръ былъ въ XIII и XIV вѣкѣ средоточіемъ всей болгарской жизни. Онъ превосходилъ всѣ другіе города Болгаріи величиною, богатствомъ и своими частью естественными, частью искусственными укрѣпленіями и потому Турки, желая поразить Болгарію въ самое сердце, двинулись прежде всего на Тырновъ и послѣ трехмѣсячной осады овладѣли имъ 17 іюля 1393 г. Послѣдствія турецкаго погрома были ужасны; „тотчасъ же, съ горестью пишетъ Цембланъ, священники были изгнаны изъ церквей, а учители безстыдства введены въ нихъ; Кивотъ Завѣта попалъ въ руки чужеземцевъ, а Св. Дары были брошены собакамъ“ Патріаршая церковь Вознесенія была обращена въ мечеть; другія превращены въ хлѣва и бани; святыя мощи были выброшены изъ церквей и сожжены. Замокъ Трапезица и другіе дворцы у Царевца сгорѣли и оставили послѣ себя лишь одни полуразрушенныя стѣны и башни. Такъ исчезла слава и величіе престольнаго Тырнова; съ этой поры онъ сталъ городомъ болѣе восточнымъ нежели славянскимъ; такъ какъ турецкій гнетъ не дозволялъ никакого проявленія народности. Теперь, по освобожденіи многострадальной Болгаріи и для Тырнова наступаетъ новая, болѣе счастливая эра; этотъ маститый старецъ, дастъ Богъ, залѣчитъ свои вѣковыя раны и его сорокатысячное трудолюбивое и промышленное населеніе можетъ наконецъ свободно вздохнуть подъ охраною своего князя и единовѣрной Россіи.

Послѣ торжественной встрѣчи въ Рущукѣ, 26-го іюня въ 10 часовъ вечера, во вторникъ, въ четыре часа пополудни, прибылъ въ городъ болгарскій князь Александръ. За городомъ, у тріумфальныхъ воротъ, выстроенныхъ по этому случаю, князь былъ встрѣченъ духовенствомъ, депутатами, учениками школъ, во главѣ съ ихъ учителями и массами народа; принявъ отъ депутацій хлѣбъ-соль, князь отвѣчалъ на привѣтствіе нѣсколькими словами и затѣмъ вступилъ въ городъ, среди восторженныхъ криковъ народа, который осыпалъ его путь цвѣтами. Онъ принялъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ и почетный караулъ. Городъ былъ украшенъ иллюминаціей, толпы народа на улицахъ и привѣтственные крики не умолкали.

Президентъ Сѣверо-Американскихъ штатовъ Гейсъ и его министры.

Президентъ Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки живетъ, обыкновенно, въ Вашингтонѣ, въ такъ называемомъ „Бѣломъ Домѣ“,—дворцѣ, выстроенномъ въ греческомъ стилѣ и расположенномъ въ Пенсильванской улицѣ, между зданіями министерствъ финансовъ, внутреннихъ дѣлъ, военнаго и морскаго. Вокругъ дворца разбитъ небольшой, хорошенькій паркъ, украшенный искусственными каскадами, клумбами цвѣтовъ и другими садовыми затѣями. Самый „Бѣлый Домъ“—солидное каменное зданіе, ста семидесяти футъ длины и восьмидесяти шести ширины, выкрашенное въ бѣлый цвѣтъ (отсюда и названіе). Роскошь внутренней отдѣлки, величественные размѣры покоевъ, вполнѣ соотвѣтствуютъ жилищу главы могущественнаго сорокамилліоннаго государства. Большая зала, носящая названіе „восточной залы.“ имѣетъ восемьдесятъ футъ въ длину, сорокъ—въ ширину и 22—въ вышину; къ ней непосредственно примыкаетъ „голубая“ пріемная, изящно отдѣланная въ голубой цвѣтъ съ золотыми украшеніями и предназначенная какъ для пріемовъ вообще, такъ въ особенности, для торжественныхъ дипломатическихъ аудіэнцій; затѣмъ, слѣдуютъ красная и зеленая комнаты, въ 30 футъ длины и 20—ширины, получившія свое названіе отъ цвѣта обоевъ и мебели и также имѣющихъ офиціальное назначеніе. Верхній этажъ отведенъ для жилья президента и его семейства, а также для помѣщенія канцелярій. Президентскій дворецъ, выстроенный въ 1860 году и занимавшійся президентомъ Адамсомъ, сгорѣлъ, нынѣшній же „Бѣлый домъ“ строился около 11-ти лѣтъ — начатъ въ 1818 г. и оконченъ въ 1829 г.

Войдемъ же, въ „Бѣлый домъ,“ войдемъ туда въ одинъ изъ тѣхъ дней, когда президентъ созвалъ всѣхъ главнѣйшихъ сотрудниковъ своихъ, и совѣщается съ ними. На нашемъ рисункѣ можно видѣть совѣтъ министровъ въ полномъ составѣ. Въ сторонѣ сидитъ генеральный секретарь; далѣе на первомъ планѣ, ближе къ зрителю,—нынѣшній президентъ Соединенныхъ Штатовъ Гейсъ. Рутерфордъ-Бэргардъ Гейсъ родился 4-го октября 1822 году, въ Делаверѣ (Огайо); посвятивъ себя, по окончаніи образованія, юриспруденціи, онъ, въ 1849 г., былъ уже извѣстнымъ адвокатомъ; когда вспыхнула война между сѣверными и южными штатами, Гейсъ, какъ пламенный противникъ рабства, вступилъ простымъ солдатомъ-волонтеромъ въ войска Линкольна; энергія, храбрость и дарованія быстро выдвинули его впередъ и доставили чинъ бригаднаго генерала; послѣ войны, онъ сначала былъ избранъ въ члены конгресса, а вскорѣ затѣмъ — на должность губернатора штата Огайо, которую онъ занималъ въ продолженіи пяти лѣтъ.

Въ 1877 году, какъ извѣстно, происходили президентскіе выборы. Гейсъ, бывшій всегда однимъ изъ наиболѣе выдающихся представителей республиканской партіи и пользовавшійся репутаціею высокообразованнаго и безукоризненно честнаго человѣка, былъ выставленъ своею партіей въ кандидатство на президентство, противъ кандидата демократической партіи Тильдена. Не смотря на всѣ усилія демократовъ, страна высказалась за Гейса и ему вручила свои судьбы—4-го марта 1877 г. онъ вступилъ въ „Бѣлый Домъ“ какъ президентъ Сѣвероамериканскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Съ первыхъ же шаговъ новый президентъ показалъ, что намѣренъ дѣйствовать не какъ представитель узкихъ интересовъ партіи, а какъ правитель, имѣющій въ виду только благо государства. Свое министерство онъ составилъ изъ людей различныхъ политическихъ оттѣнковъ и уже не разъ до того игравшихъ видныя роли въ общественныхъ дѣлахъ. Такъ, портфель финансовъ онъ поручилъ умѣренному республиканцу Джону Шерману, изъ Огайо; иностранныхъ дѣлъ—Уильяму Эвертсу, изъ Нью Іорка; военнаго министерства—Макъ-Крэри, изъ Іовы, морскаго—Ричарду Томсону, изъ Индіаны, юстиціи—Чарльзу Девенсу, изъ Массачусетса, внутреннихъ дѣлъ—родившемуся въ Германіи и натурализовавшемуся въ Америкѣ, Карлу Шурцу, извѣстному главѣ партіи реформы, министерство же почтъ ввѣрилъ демократу (изъ Тенесси) Давиду М. Кею. Министръ финансовъ. Джонъ Шерманъ, братъ знаменитаго генерала Шермана, прославившагося въ освободительной войнѣ сѣвера и юга, родился въ 1822 г. и началъ свою карьеру тоже адвокатомъ, а потомъ, долгое время, былъ депутатомъ въ конгрессѣ и сенаторомъ отъ штата Огайо. Томсонъ, Девенсъ, Эвертсъ, Макъ-Крэри и Ки, тоже, въ продолженіи многихъ лѣтъ, состояли членами конгресса и сената и каждый изъ нихъ принадлежитъ къ числу наиболѣе вліятельныхъ вождей своихъ партій. Жизнь министра внутреннихъ дѣлъ, Карла Шурца полна приключеній. Онъ родился въ 1829 г., въ Либлорѣ, близь Кельна и слушалъ лекціи филологіи и исторіи въ Боннѣ. Въ 1849 году онъ принялъ участіе въ происшедшемъ тогда въ Баденѣ возмущеніи, былъ арестованъ въ Раштадтѣ, но успѣлъ бѣжать въ Швейцарію. Узнавъ о томъ, что его другъ и единомышленникъ, Готфридъ Кинкель, приговоренъ къ заключенію въ крѣпость Шпандау, Шурцъ, подъ чужимъ именемъ, въ качествѣ студента медицины, явился въ Берлинъ (въ 1850 г.). Здѣсь онъ подготовилъ освобожденіе Кинкеля, вполнѣ удавшееся и, затѣмъ, черезъ Парижъ пробрался въ Лондонъ, откуда уѣхалъ въ Америку. Сначала онъ поселился въ Филадельфіи, затѣмъ жилъ въ Уотертоунѣ, въ штатѣ Висконсинъ. Въ своемъ новомъ отечествѣ Шурцъ принялъ живое участіе въ борьбѣ партій, примкнувъ къ республиканцамъ; заслуги, оказанныя имъ, обратили на себя вниманіе Линкольна, который назначилъ его, въ 1862 г., посланникомъ къ Испанскому двору. Но, онъ оставался здѣсь не долго—какъ только вспыхнула междоусобная война, онъ немедленно возвратился въ отечество и вступилъ, подобно Гейсу, въ ряды войскъ союза, подобно ему же выказалъ замѣчательныя военныя способности, вскорѣ достигъ чина генерала и, до самаго окончанія войны, со славою водилъ въ сраженіе свою дивизію. Въ 1865 году онъ, по порученію президента Джонстона, посѣтилъ южные штаты, съ цѣлью ознакомить правительство съ положеніемъ дѣлъ тамъ и изыскать средства къ смягченію послѣдствій войны; порученіе это имъ было выполнено съ полнымъ безпристрастіемъ. Затѣмъ нѣкоторое время Шурцъ былъ редакторомъ, а въ 1818 г. избранъ сенаторомъ отъ штата Миссури. Между прочимъ онъ задался цѣлью сблизить республиканскую и демократическую партіи, соединивъ ихъ въ одну, подъ названіемъ партіи реформы, но это ему не удалось и онъ отказался отъ своего плана. Шурцъ горячій сторонникъ Гейса и его безпристрастной политики.

Изверженіе Этны.

Этна принадлежитъ, какъ извѣстно, къ числу наиболѣе значительныхъ волкановъ въ Европѣ. Расположенная въ 16-ти километрахъ отъ Катаны и возвышаясь на 3,313 метровъ надъ уровнемъ моря, она имѣетъ широкое основаніе, приблизительно въ 160 километровъ окружности. Въ глубинѣ кратера находятся три отверстія, изъ которыхъ почти безпрерывно выходитъ дымъ, вырывающійся изъ нѣдръ горы съ глухимъ шумомъ. Прилегающая мѣстность очень плодородна и поэтому, не смотря на страшное сосѣдство—это оживленная, густо заселенная

страна; на относительно небольшомъ пространствѣ разбросано нѣсколько десятковъ живописныхъ городовъ, бурговъ, деревень, общее число жителей которыхъ доходитъ до 300 тысячъ человѣкъ. Но дорого платилось это населеніе—изверженія волкана довольно часты и, нерѣдко, производили ужасныя опустошенія въ окрестностяхъ. При этихъ изверженіяхъ, лава, по большей части, вытекаетъ не изъ главнаго кратера а прокладываетъ себѣ путь на склонахъ горы, откуда медленно, но неудержимо спускается огненнымъ потокомъ, имѣющимъ видъ расплавленнаго металла, неся смерть и разрушеніе въ цвѣтущія поселенія. Часто „совершивъ свое дѣло", лава затѣмъ скопляется въ какомъ нибудь мѣстѣ и образуетъ коническій бугоръ. Скорость потока расплавленной лавы хотя рѣдко превышаетъ 30 или 40 саженъ въ часъ, за то ширина его достигаетъ 7, 8 километровъ, а длина—нѣсколько десятковъ километровъ. Исторія сохранила воспоминаніе объ 11-ти изверженіяхъ, происходившихъ до Р. Х. Изверженіе 1536 года, напримѣръ, разрушило часть Катаны (въ 16-ти километрахъ разстоянія отъ горы!), въ 1669 году гора не переставала посылать лаву въ продолженіи 54 дней; современники и очевидцы говорятъ, что одно изъ теченій, излившись у самаго берега, въ море, образовало на прибрежьи родъ дамбы, на 4 метра вода была горяча, такъ что рука не выдерживала. Изверженіе это между прочимъ, привело населеніе этой части Сициліи къ междоусобному столкновенію. Дѣло въ томъ, что жители Катаны, желая спасти свой городъ отъ одного изъ теченій лавы, приняли мѣры къ тому, чтобы дать его движенію другое направленіе, но окрестное населеніе, опасаясь, естественно, за свою участь, сбѣжалось толпой къ катанейцамъ, съ цѣлью помѣшать ихъ работамъ и между тѣми и другими пр изошла отчаянная схватка—почти въ нѣсколькихъ шагахъ отъ огненнаго потока, продолжавшаго медленно и безстрастно надвигаться на городъ, часть котораго онъ не замедлилъ разрушить. Изверженіе 1683 года стоило жизни многимъ тысячамъ жителей Катаны.

Въ прошломъ году нѣсколько глухихъ подземныхъ ударовъ возвѣстили о томъ, что Этна „принимается за старое". И дѣйствительно, вскорѣ затѣмъ началась волканическая дѣятельность огнедышащей горы. По обыкновенію, какъ уже сказано выше, потокъ лавы вышелъ не изъ главнаго кратера, а изъ боковыхъ. Сначала образовалась скважина на южной сторонѣ, за нею—три новыхъ на сѣверной, позднѣе—опять двѣ на южномъ же склонѣ. Послѣ грознаго начала волканъ, на короткое время, какъ будто нѣсколько притихъ, но, скоро, какъ писалъ профессоръ Катанскаго университета Сильвестрини, изверженіе приняло новую силу, благодаря возникновенію еще одного кратера въ самой глубокой части воронки. Съ страшнымъ гуломъ вырывалось изъ этаго кратера громадное количество густой, тягучей пѣны. Пѣна то образовывала перемежающійся фонтанъ, то принимала форму столба, иногда возвышавшагося надъ поверхностью земли на 7 или 8 метровъ, иногда же она выступала въ видѣ большихъ пузырей, наполненныхъ газами, причемъ пузыри, постепенно расширяясь, лопались съ глухимъ трескомъ. Масса же, вытекающая изъ кратера, образовала огнистую рѣку, которая, питаясь постоянно новыми изверженіями, скоро захватила большое пространство, затопила ближайшія поля, влилась въ разныя вмѣстилища водъ и подвинулась уже на 5—6 километровъ. Въ то же время изверженію продолжали какъ-бы аккомпанировать подземные удары. 28-го мая, въ 11 часовъ утра, подземные удары ощущались на пространствѣ 100 километровъ, а 29-го—потокъ лавы находился уже за Рандаццо (расположеннымъ къ сѣверо-западу отъ горы) и истреблена часть Конебацскаго лѣса. Густыя тучи, нависшія надъ волканомъ, посылали во всѣ стороны такую массу пепла, что жители Рандаццо и Линваглосы начали выбираться, опасаясь быть засыпанными этимъ чернымъ дождемъ. Главный потокъ двинулся съ сѣверной стороны, начинаясь у Монте-Фрументо и по направленію къ деревушкѣ Мойо. Самый видъ изверженія, по словамъ очевидцевъ, эффектнѣе ночью, чѣмъ днемъ. Вотъ что разсказываетъ одинъ изъ туристовъ, посѣтившій мѣсто дѣйствія днемъ.

„Подплывая къ берегу со стороны Таррентскаго моря, вы ничего не видите; кругомъ васъ разстилается гладкая поверхность водъ, а надъ вами—голубое небо. Однако, въ Мессинѣ уже поверхность камней подернута налетомъ чернаго песку. Первый признакъ изверженія, обращающій на себя вниманіе путешественника, пріѣзжающаго съ сѣвера,—это гряда темныхъ облаковъ, тянущихся на югъ; начинается она у Катаны и простирается на востокъ, высоко въ небѣ, по всему протяженію, которое можно обнять глазомъ. Гряда эта—пыль и дымъ доносимые съ волкана постоянно дующимъ западнымъ вѣтромъ. Затѣмъ, когда вы ѣдете предгоріемъ, тамъ и сямъ вамъ попадается на глаза сѣрая масса дыма; а по мѣрѣ того, какъ вы приближаетесь къ горѣ, до васъ доносятся раздѣленные извѣстными промежутками звуки, похожіе на пушечные выстрѣлы. За послѣднимъ предгорьемъ вы видите, наконецъ, картину изверженія. Надъ горой темный навѣсъ дыма и пепла, сквозь который иногда мелькаетъ и пламя. Изъ дымящейся на верху горы точки тянется внизъ, на цѣлыя мили, темно-бурая змѣя; сначала она круто падаетъ къ обрыву, поросшему лѣсомъ, затѣмъ идетъ все медленнѣе, многообразно извиваясь по болѣе пологимъ скатамъ, составляющимъ обитаемую часть горы. Издали она кажется насыпью изъ бураго угля и имѣетъ 70 метровъ въ ширину, отъ 10-ти до 20-ти метровъ въ толщину. Съ поверхности ея поднимаются тяжелые желтоватые пары, которые вѣтеръ гонитъ дальше, а по краямъ ея играютъ синія струйки дыма отъ горящихъ растеній. Лава, повидимому, слѣдовала по направленію высохшаго русла одного изъ горныхъ потоковъ. Вблизи лава является какою-то черною, извилистою грудою шлаковъ и раскаленныхъ обломковъ скалъ. На поверхности этой груды не видно ничего жидкаго, внутри, какъ можно догадаться, она состоитъ изъ густой массы жидкой лавы. Глыбы раскаленныхъ камней, безпорядочно громоздящіяся другъ на друга и принимающія фантастическія очертанія, напоминающія иглы ледниковъ, безпрерывно трескаются и распадаются подъ вліяніемъ быстраго охлажденія и движенія, которое происходитъ подъ ними. Каждый разъ, какъ такая глыба распадается, поверхность свѣжаго излома представляется огненнокраснаго цвѣта, потомъ она постепенно темнѣетъ и въ свою очередь трескается. Движеніе внутренняго потока крайне медленно подвигаетъ всю эту массу впередъ. На переднемъ концѣ потока искрошившіеся камни скатываются внизъ, а сзади, на мѣсто ихъ, надвигаются новыя глыбы.

Ночью картина уже не та, зрѣлище гораздо величественнѣе. Въ томъ мѣстѣ, откуда извергается лава, стоятъ два огромныхъ, огненныхъ столба; среди волнующихся массъ темныхъ облаковъ пепла сверкаетъ молнія, а ниже—течетъ пламенѣющая лента лавы; отъ времени до времени кратеры выбрасываютъ снопы каменныхъ осколковъ, издали свѣтящихся какъ звѣзды.

Политическое обозрѣніе

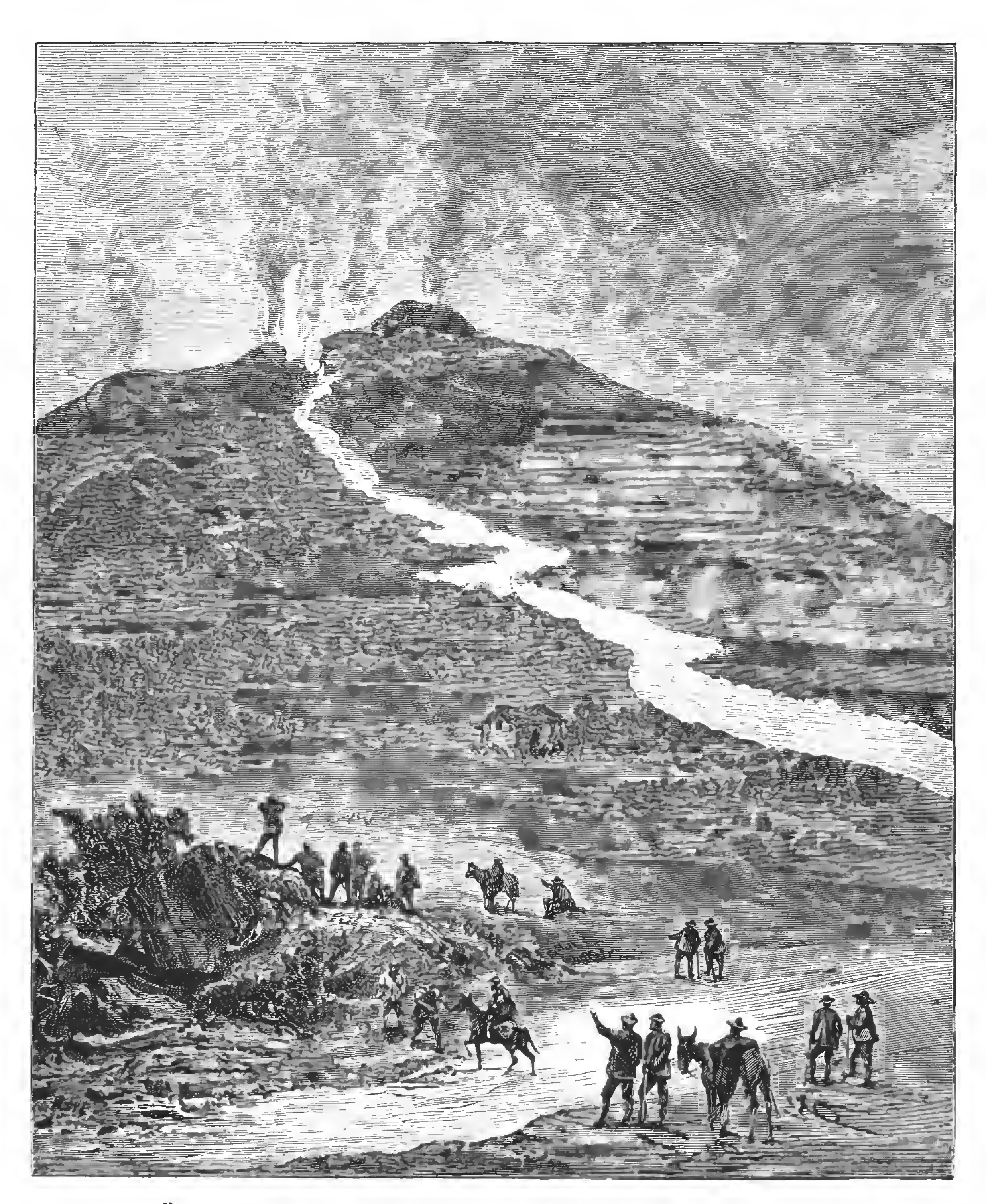
Князь Александръ въ Болгаріи.—Его прокламація.—Встрѣчи.—Волненія въ Ирландіи.—По поводу смерти принца Наполеона.—Дѣла въ Египтѣ.

Александръ I-й, князь Болгарскій, вступилъ, наконецъ, 24-го іюня въ Варнѣ, на почву новаго своего отечества. Князь вышелъ на берегъ, одѣтый въ болгарскій мундиръ и, встрѣченный на пристани княземъ Дондуковымъ-Корсаковымъ, съ его штабомъ, губернаторомъ, городскимъ головой, представителями общинъ и мѣстными дамами, устилавшими путь его цвѣтами, выслушалъ подъ громомъ салютовавшихъ пушекъ, привѣтственныя рѣчи императорскаго комисара, губернатора и городскаго головы. Торжественную картину пріема перваго государя Болгаріи дополняли почетный караулъ, два оркестра музыки, игравшіе народный гимнъ, дѣвочки мѣстныхъ школъ, въ бѣлыхъ платьяхъ и съ шарфами болгарскихъ цвѣтовъ черезъ плечо, и толпы народа, также привѣтствовавшія князя. Его свѣтлость сѣлъ на лошадь и шагомъ поѣхалъ въ соборъ, гдѣ былъ встрѣченъ митрополитомъ со всѣмъ духовенствомъ и выслушалъ молебенъ. Отсюда, по изукрашеннымъ флагами и пестрѣвшимъ вывѣшенными коврами улицамъ, по которымъ стояли шпалерами русскіе солдаты, князь направился въ приготовленный для него домъ, гдѣ принялъ депутаціи отъ разныхъ городовъ. Въ 6 часовъ происходилъ торжественный обѣдъ, послѣ котораго князь катался въ коляскѣ по городу. Варна, еще съ полудня, приняла праздничный видъ; лавки были закрыты, въ разныхъ мѣстахъ играла музыка, слышались частые выстрѣлы, зажигались бенгальскіе огни, освѣщавшіе народную толпу, которая, до поздней ночи, расхаживала по улицамъ, останавливаясь по временамъ, для шумныхъ восторженныхъ демонстрацій, то предъ конакомъ князя, то предъ домомъ, гдѣ остановился князь Дондуковъ-Корсаковъ. Немедленно, по прибытіи въ Варну, князь Александръ обнародовалъ прокламацію, въ которой говорится: „Достолюбезные и дорогіе соотечественники! Избранный единодушно болгарскимъ народомъ на княжескій престолъ, я вступаю теперь на дорогую для меня и любезную болгарскую землю. Въ эту торжественную минуту я преисполненъ сильнымъ желаніемъ высказать какъ можно скорѣе моему новому отечеству, какъ глубоко я сознаю всю святость возложенныхъ народною волею на меня обязанностей. Я готовъ посвятить всецѣло и безгранично всѣ свои силы на счастье болгарской земли, которая съ этихъ поръ становится моимъ отечествомъ. Прежде прибытія въ новую столицу и принятія управленія княжествомъ, я считаю священною обязанностью принести въ Тырновѣ клятву предъ народнымъ собраніемъ, избравшимъ меня на болгарскій престолъ. Объявляя болгарскому народу, что я прибылъ въ княжество, вмѣстѣ съ тѣмъ молю Всевышняго благословить мои начинанія. Укрѣпляю себя надеждою, что въ высокой народной любви къ роднѣ я найду какъ бы опору и содѣйствіе трудамъ своимъ для блага земли, которой, съ этихъ поръ, я такъ горячо и отъ всего сердца посвящаю всю свою жизнь. Да поможетъ мнѣ Господь Вседержитель."

На другой день, согласно программѣ, князь отправился въ Рущукъ по желѣзной дорогѣ, станціи которой также были богато изукрашены. Въ продолженіи всего пути встрѣчали и про-

вожали князя толпы народа, привѣтствуя его восторженными криками „ура". На дебаркадерѣ рущукской станціи князь былъ встрѣченъ снова духовенствомъ, отслужившимъ молебенъ, депутаціями, дамами, усыпавшими и здѣсь цвѣтами путь его, почетнымъ карауломъ отъ русскихъ войскъ и салютомъ изъ пушекъ, и въ самомъ городѣ—учениками турецкихъ и болгарскихъ школъ. Въ этотъ же день, князь долженъ былъ присутствовать при закладкѣ зданій казармы и народной школы. Во вторникъ его свѣтлость прослѣдовалъ въ Тырновъ, а въ среду 27-го, въ 9 часовъ утра, онъ, въ историческомъ соборѣ, послѣ молебна

Александръ долженъ былъ говорить условленнымъ заранѣе языкомъ... Что касается насъ, принесшихъ столь великія жертвы дѣлу освобожденія Болгаріи, мы, изъ уваженія къ этимъ жертвамъ, изъ уваженія къ великому дѣлу, совершенному нами,—не должны относиться съ близорукой щепетильностью, такъ сказать къ *словамъ*, мы должны быть спокойны въ своемъ сознаніи, что не даромъ потрудились на выполненіе исторической задачи и что никто и ничто не можетъ разорвать органической связи, соединяющей Болгарію съ Россіей. Скажемъ здѣсь кстати, что печать много говорила, одно время, о нежеланіи будто



Изверженіе Этны (островъ Сицилія). Съ рисунка I. L. N., грав. Рашевскій.

принялъ присягу. Князь былъ въ русской генеральской формѣ. Слова присяги его свѣтлость произнесъ свободно по болгарски, что, какъ сообщаютъ, было встрѣчено съ живѣйшимъ восторгомъ.

Читатели могли замѣтить, что въ прокламаціи, обнародованной княземъ по прибытіи въ Варну, не говорится о Россіи. Воздерживаясь отъ какихъ бы то ни было поспѣшныхъ заключеній по этому поводу, замѣтимъ, что, при тѣхъ извѣстныхъ всѣмъ обстоятельствахъ, которыми сопровождалось образованіе новаго славянскаго государства на Балканскомъ полуостровѣ, при „общеевропейской подозрительности" ревниво слѣдящей за всѣмъ, что происходитъ теперь въ этомъ княжествѣ, князь

бы, султана принять князя Александра въ Константинополѣ. Мы не торопились заносить эти толки въ нашу хронику, рѣшившись выждать пока не выяснится вполнѣ этотъ слухъ, и, до извѣстной степени, были правы—князь былъ принятъ султаномъ. Выраженіе „до извѣстной степени," мы употребили потому, что наша „Agence générale Russe," сообщающая большей частью, довольно вѣрныя свѣдѣнія, передаетъ странное извѣстіе о томъ, что не взирая на прекрасный пріемъ, оказанный султаномъ, князь (явившійся въ мундирѣ и безъ фески и уѣхавшій въ тотъ же день) *не получилъ берата*, т. е. документа

(Продолженіе на стр. 557, 558, 559 и 560).

объ утвержденіи его на болгарскомъ престолѣ, и подъ тѣмъ предлогомъ, что документъ этотъ не готовъ еще, такъ какъ составленіе и редактированіе его требуетъ слишкомъ много времени и онъ будетъ присланъ князю уже впослѣдствіи, въ Болгарію?!

Полагаемъ, что недоразумѣніе это скоро разъяснится.

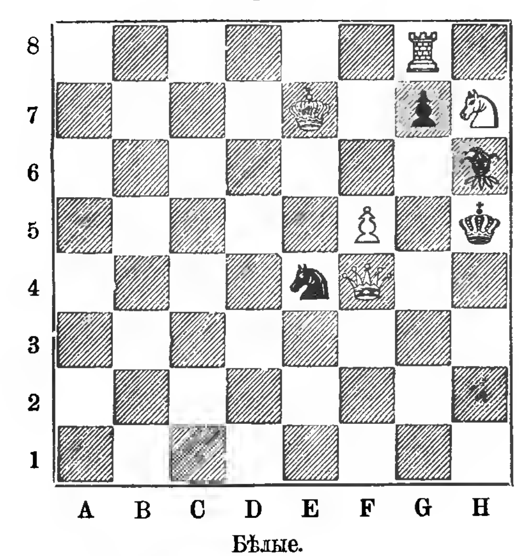
Въ прошлый разъ мы упоминали о волненіи въ Ирландіи. Не смотря на то, что эти волненія, имѣющія періодическій характеръ, по временамъ, какъ бы затихаютъ,—нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что національныя стремленія сыновъ „зеленаго Эрина“ нисколько не ослабѣваютъ. Въ британскомъ парламентѣ стремленія эти представляются партіей „Home ruler’овъ, т. е. приверженцевъ мѣстнаго самоуправленія, съ каждымъ годомъ выигрывающей въ силѣ и значеніи. Но, на ряду съ нею, въ Ирландіи существуетъ еще другая національная партія, несравненно болѣе радикальная и многочисленная, чѣмъ первая. Эта партія обнимаетъ собою всѣ массы ирландскаго населенія, за исключеніемъ, быть можетъ, только населенія небольшой сѣверо-восточной части страны. Ирландскія массы, какъ извѣстно, совершенно лишены избирательнаго права. На почти пять съ половиною милліоновъ жителей тамъ считается всего 230 тысячъ избирателей. Но эти послѣдніе не особенно добиваются права участія въ британскомъ парламентѣ, не обращающемъ обыкновенно, никакого вниманія на голоса представителей Ирландіи. Въ ирландскихъ массахъ ненависть къ британцамъ и владычеству ихъ гораздо сильнѣе развита, нежели въ среднихъ и высшихъ классахъ, такъ какъ британская политика и здѣсь, подобно Индіи, основана на покровительствѣ сжившимся съ британскимъ гнетомъ и обританившимся высшимъ классамъ, въ ущербъ собственно народу. И народъ, по этому, доставляетъ громадный контингентъ партіи феніевъ, которые, не ограничиваясь скромными желаніями „Home ruler’овъ“, стремятся къ полному отдѣленію отъ Британіи. Разсчитывая только на физическую силу, но не чувствуя себя еще въ состояніи начать борьбу, они, съ нетерпѣніемъ, дожидаются того времени, когда Британія приметъ участіе въ какой либо серьезной войнѣ. *Оказывается, что Россія пользовалась необычайною популярностью въ Ирландіи* въ то время, когда съ часу на часъ, ожидался разрывъ между Британіей и нами. Однажды даже случилось, что *въ улицахъ Дублина стотысячная толпа кричала „ура“ русскому Государю.* Случай этотъ, конечно, весьма характеристиченъ и вполнѣ объясняетъ проявившіяся нынѣ новыя волненія.

Поручикъ Керри, сопровождавшій императорскаго принца въ несчастной рекогносцировкѣ и не сдѣлавшій ничего для обороны принца противъ зулусовъ, преданъ суду. Торжественное погребеніе тѣла принца Луи-Наполеона назначено на 30-е іюня (12-го іюля). Французское правительство, не дозволивъ маршаламъ Макъ-Магону, Канроберу и Лебефу и адмиралу Жюрьену-де-ла-Гравьеру присутствовать на этомъ погребеніи, разрѣшило это только тѣмъ изъ служащихъ нынѣ офицеровъ, которые состояли при покойномъ адъютантами, равно и друзьямъ его юности—Эспинасу, Конно, Флери, Бизо и Карвизару, но адъютанты бывшаго императора не получили разрѣшенія, почему генералъ Флери вышелъ въ отставку.

Измаилъ-паша отправляется на житье въ Египетъ. Жены его увезли съ собою драгоцѣнностей на нѣсколько милліоновъ. Ему назначено 50 тысячъ фунтовъ стерлинговъ въ годъ. Изъ Константинополя сообщаютъ, будто положеніе новаго вице-короля Египетскаго, Тевфика-Паши, непрочно и что сэръ Лэйардъ хлопочетъ о назначеніи хедивомъ нынѣшняго великаго визиря, Хейреддина-Паши.

Шахматная задача № 14.

Черные.



Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и выигрываютъ въ 3 хода.

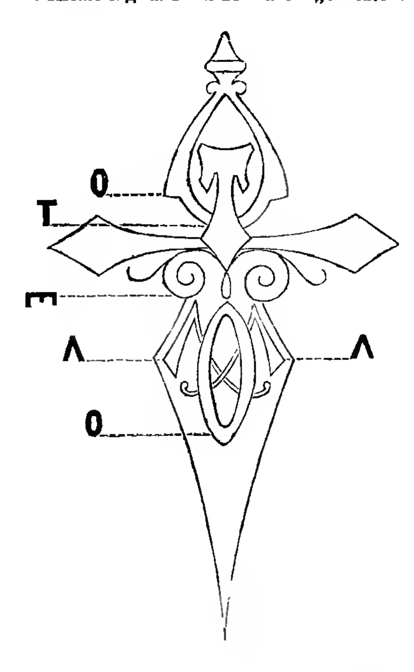
Магическій квадратъ задача № 6.

б	б	б	в	в
д	д	и	и	к
к	л	л	л	л
л	о	о	о	о
о	ы	ы	ю	ю

Рѣшеніе задачи магическаго квадрата № 3.

я	б	л	о	к
б	р	ю	х	о
л	ю	б	о	в
о	х	о	т	а
к	о	в	а	л

Рѣшеніе задачи въ № 23 «Нивы» „ОТЕЛЛО“.



Задача слоговъ

Н. Полева.

Изъ нижеслѣдующихъ 35 слоговъ составить 13 словъ, которыхъ начальныя буквы, читая ихъ сверху внизъ, составятъ начало любимой пѣсни, а послѣднія—конецъ той пѣсни, возбуждающей въ своихъ—восторгъ, а въ чужихъ—трепетъ.

а, а, ам, ба, во, ги, гра, дес, е, жи, зор, им, ка, лав, ним, о, о, он, наг, нет. пис, ра, ре, ри, рос, са, ті, тор, ух, фа, фма, фри, ху, цен, я,

1) Фамилія одного изъ генераловъ отличившихся въ Бородинской битвѣ.
2) Европейскій портовый городъ.
3) Названіе одного изъ родовъ искусства.
4) Страна въ Африкѣ.
5) Особа, исполняющая должность имѣющую связь съ изобрѣтеніемъ Гуттенберга.
6) Одна изъ частей свѣта.
7) Одинъ изъ генераловъ, отличившихся въ послѣднюю турецкую войну.
8) Русскій князь XI столѣтія.
9) Степная постройка.
10) Сочетаніе звуковъ употребляемое въ поэзіи.
11) Древнее греческое судилище.
12) Миѳологическое существо.
13) Магометанская духовная особа.

Вновь поступило въ пользу погорѣльцевъ города Оренбурга:

Отъ гг: Шпилева въ с. Оторицѣ 5 р., А. Лабутина въ Тамбовѣ 1 р., Грекова въ Новочеркаскѣ 3 р., Николаева въ Спб. 1 р., Кс. Балича въ Хлющанахъ 3 р., неизвѣстнаго въ Ивановѣ-Вознесенскѣ 1 р., одного изъ подписчиковъ въ Друзгеникахъ 5 р., Тихонова въ Екатеринодарѣ 1 р., Петрова въ Екатеринодарѣ 1 р., Е. въ Спб. 50 к., Мальцева 1 р. и Мельникова въ Билимбаевскомъ заводѣ 1 р.; итого 23 р. 50 коп.;—а всего съ прежде поступившими 186 руб.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса изъ одного города въ другой присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.

СОДЕРЖАНІЕ: Арии «Капризъ» въ Царскомъ Селѣ (съ рис.)—Подъ чужимъ именемъ. Повѣсть В. Штрауса.—Что случилось съ докторомъ Страттономъ. Разсказъ изъ Американской жизни.—Зоологическій садъ въ С.-Петербургѣ (съ 4 рис.)—Мать-черногорка (съ рис.)—Тырновъ, первопрестольный городъ Болгаріи (съ рис.)—Президентъ Сѣверо-Американскихъ штатовъ Гейсъ и его министры (съ рис.)—Изверженіе Этны (съ рис.)—Политическое обозрѣніе.—Шахматная задача.—Магическіе квадраты.—Кинжалъ съ буквами.—Задача слоговъ.—Вновь поступило въ пользу погорѣвшихъ г. Оренбурга.—Тиражъ выигрышей Государственнаго Банка.—Объявленія.

Издатель А. Ф. Марксъ. Редакторъ Ф. Бергъ.

1-й заемъ 1864 года. 29-й тиражъ 2-го Іюля 1879 г.

ТИРАЖЪ ВЫИГРЫШЕЙ ГОСУДАРСТВЕННАГО БАНКА.

№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.
22	35	500	2584	14	500	5949	48	500	8450	15	500	10885	22	500	13592	43	500	15507	20	1000	17837	48	500
81	1	500	2661	3	500	6081	45	500	8464	33	1000	10893	8	500	13621	34	500	15549	50	500	17841	12	500
88	3	500	2674	37	500	6196	38	500	8629	23	500	10902	20	500	13680	11	500	15675	16	500	17921	44	1000
181	4	500	2677	21	500	6229	4	500	8634	40	500	11089	50	500	13717	40	5000	15813	16	500	17939	30	500
347	42	500	2690	12	500	6280	24	500	8755	13	500	11139	16	500	13805	25	500	15897	47	500	17941	15	500
900	42	500	2790	36	500	6283	6	500	8814	12	5000	11199	50	500	13813	18	500	15965	2	500	18006	40	500
945	3	500	2919	44	500	6323	2	500	8926	38	500	11227	19	500	13874	31	500	15987	42	500	18007	56	500
1054	13	500	2946	10	500	6367	25	500	8065	3	500	11232	3	500	14091	49	5000	16054	24	10000	18061	15	500
1111	8	500	3466	30	500	6387	29	500	8138	34	503	11417	3	500	14166	5	500	16248	33	500	18108	24	500
1163	30	1000	3481	29	500	6412	40	500	8139	25	500	11470	24	8000	14231	12	500	16396	40	500	18244	36	500
1168	11	1000	3600	25	500	6538	5	500	8154	24	500	11540	5	500	14264	49	500	16427	10	500	18254	24	500
1323	15	500	3603	11	500	6541	30	500	8162	47	500	11552	24	500	14275	47	10000	16519	12	500	18287	4	500
1397	9	500	3720	33	500	6564	29	500	8186	10	500	11682	8	500	14358	50	500	16568	24	500	18358	28	500
1416	30	500	3807	18	500	6582	12	500	8214	17	500	11882	28	500	14393	39	8000	16671	8	500	18389	18	500
1453	19	500	3873	38	5000	6854	12	500	8233	37	500	11897	22	500	14415	44	500	16675	31	500	18413	1	500
1454	14	5000	3977	49	500	7016	8	500	8302	46	500	11928	13	500	14468	32	500	16678	22	500	18651	39	500
1480	48	1000	4035	1	1000	7070	13	500	8387	30	500	12004	27	500	14483	1	500	16632	8	1000	18766	15	500
1486	3	1000	4140	11	500	7131	15	500	9071	23	500	12234	49	500	14505	19	500	16687	23	500	18774	20	500
1508	49	500	4237	6	500	7180	38	500	9450	35	1000	12322	20	500	14676	16	500	16705	43	500	18839	48	500
1621	3	500	4268	47	500	7220	12	5000	9536	20	500	12364	19	500	14698	26	500	16771	46	500	18857	18	500
1717	11	500	4464	26	500	7278	3	500	9565	16	500	12412	3	500	14701	42	5000	16779	22	500	18881	2	1000
1726	45	500	4510	5	500	7286	33	1000	9611	12	500	12510	47	500	14814	16	500	16779	27	500	18938	18	500
1963	31	500	4657	38	500	7346	40	500	9633	15	500	12613	12	500	14838	33	500	16885	3	8000	18938	31	500
1985	46	1000	4690	37	500	7386	39	500	9744	37	500	12642	47	500	14860	37	500	16908	14	500	18949	45	500
2079	7	500	4733	38	1000	7391	24	500	9815	8	500	12652	5	500	14961	36	500	16943	22	1000	19015	23	500
2108	3	500	4752	11	500	7472	24	500	9823	48	500	12820	14	500	14976	1	500	16956	6	75000	19153	25	500
2119	27	500	4865	25	500	7613	19	500	9923	8	500	12908	22	503	15026	40	500	16977	11	500	19170	10	500
2208	46	500	4994	6	500	7894	28	200000	10193	10	1000	13120	36	500	15088	42	500	17018	15	1000	19227	16	500
2216	41	500	5035	12	500	7937	18	500	10355	24	00	13240	19	500	15168	41	500	17085	16	500	19349	42	500
2217	7	5000	5077	43	500	8073	1	500	10359	18	500	13327	27	500	15179	25	1000	17125	8	500	19404	12	500
2244	30	500	5364	17	500	8108	1	500	10360	3	500	13415	1	500	15193	50	500	17178	46	10000	19416	5	500
2328	28	500	5435	17	500	8136	19	500	10436	10	500	13422	26	500	15207	25	1000	17344	46	25000	19525	2	500
2355	25	500	5620	7	500	8160	17	500	10456	11	500	13467	9	500	15210	21	500	17413	36	500	19628	24	500
2367	27	500	5622	8	500	8207	50	500	10478	17	500	13535	38	500	15215	45	500	17458	33	500	19631	25	500
2371	9	500	5646	26	500	8248	3	500	10610	37	500	13565	48	1000	15288	1	500	17527	26	500	19786	50	500
2498	8	500	5873	20	500	8264	15	500	10747	40	500	13567	14	500	15290	38	40000	17720	27	500	19891	27	500
2531	22	500	5899	32	500	8445	4	500	10768	50	8000	13590	14	500	15356	11	8000	17803	8	500	19947	20	500
2572	3	500	5907	27	500	8445	9	500	10876	19	500												

№№ серій, вышедшихъ въ тиражъ погашенія.

134, 954, 1395, 1498, 1533, 1595, 1877, 2325, 2866, 3066, 3221, 3620, 3846, 4526, 4690, 4723, 4927, 5106, 5433, 5693, 7157, 7232, 7355, 8046, 8411, 8490, 8664, 9085, 9578, 9582, 9947, 10309, 10401, 10541, 11361, 11393, 11631, 11797, 12077, 12542, 13326, 13804, 13868, 13953, 14069, 14260, 14330, 14955, 15555, 16044, 16705, 17623, 17644, 17855, 17913, 18038 18474, 18861, 19010, 19119, 19365, 19392,

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Изданіе А. Ф. Маркса въ С.П.Бургѣ. Б. Морская, д. № 9.

МИЛЬТОНЪ

ПОТЕРЯННЫЙ и ВОЗВРАЩЕННЫЙ РАЙ.

Съ картинами **ГУСТАВА ДОРЭ.**

Переводъ А. Шульговской

ИЗДАНІЕ IN FOLIO.

Съ подстрочнымъ англійск. текстомъ.

ЦѢНА:

въ прост. коленкор. перепл. 25 р.
съ перес, въ ящикѣ . . . 30 р.
въ красивомъ полшагр. п. съ зол. обр. въ футлярѣ . . 30 р.
съ перес. въ ящикѣ . . . 35 р.

Изданіе *классическихъ авторовъ* въ роскошномъ видѣ есть дань уваженія къ ихъ безсмертнымъ именамъ. Такая роскошно изданная книга, служа украшеніемъ салона, постоянно возобновляетъ въ памяти прекрасныя, не утратившія своей прелести въ теченіи вѣковъ, страницы.

Предпринимая это изданіе, Издатель не жалѣлъ ни труда ни времени, чтобы придать знаменитому творенію *Мильтона*, соединенному съ превосходными рисунками Густава Дорэ, то изящество и роскошь, какую имѣютъ подобныя изданія за границей.

Цѣна этого изданія, по сравненію съ подобными роскошными, заграничными изданіями. очень дешева.

Для **подарковъ** это изданіе, по своему *красивому* и очень *богатому переплету*, исполненному по рис. *И. Панова*, будетъ весьма *удобно*.

КОПИРОВАЛЬНО-МНОЖИТЕЛЬНЫЙ АППАРАТЪ,

патентованный здѣсь и заграницею, производящій изъ однаго оригинала **болѣе 50-ти копій** въ полчаса, цѣна 19 руб. съ пересылкой 21 р. и

КОПИРОВАЛЬНЫЕ ПРЕССЫ,

чугунные и **желѣзные**, изящной отдѣлки изготовленные **въ моемъ машинномъ** заведеніи (прейсъ-куранты по требованіямъ) имѣются у меня:

Въ С.-Петербургѣ, Средняя Мѣщ., собств. домъ, № 20. | **Исидоръ Гольдбергъ.** | **Въ Москвѣ, Б. Никитская, домъ Черневой.**

Содержатель **словолитнаго**, гальванопластическаго, стереотипнаго и **машиннаго** заведеній. № 199 2—1

Изданіе А. Ф. Маркса, въ С.-Петербургѣ.

Большая Морская, д. № 9.

„НИВА“

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ СЕМЕЙНАГО ЧТЕНІЯ

1878 года.

Большой томъ, болѣе 1,000 страницъ текста и 600 художественно выполненныхъ гравюръ, около 20 повѣстей, разсказовъ и до 200 популярно-научныхъ статей по естествознанію, зоологіи, астрономіи и пр., вмѣстѣ съ двумя оригинальными акварельными преміями—картины Алексѣя Кившенко.

1) Бояринъ Борисъ Годуновъ и кудесники, предсказывающіе ему престолъ.

2) Царь Борисъ Годуновъ и его дѣти: Ксенія и Өеодоръ.

ЦѢНА ЭТОГО ГРОМАДНАГО ТОМА:

Брошюр. . . 4 р. — к. Съ перес. . . 5 » 50 » | Въ прост. перепл. . . 4 р. 75 к. Съ перес. . 6 » 25 » | Въ коленкор. перепл. . . 5 р. 50 к. Съ перес. . 7 » — »

ПОСТАВЩИКЪ

ВСѢХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ТЕАТРОВЪ

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ

перчаточный магазинъ и фабрика

по Екатерингофскому пр., у Кашина м., въ д. № 11—9, противъ церкви Николы. Я, Фроманто, ручаюсь за тонкость кожи, а также за отчетливость работы и могу увѣрить публику что подобныя цѣны, какъ въ нижеслѣдующемъ моемъ прейсъ-курантѣ, никогда и нигдѣ еще не бывали.

ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ

лайковымъ и шведскимъ перчаткамъ.

	р.	к.		р.	к.
На 1 пугов. дамск.	—	—	На 6 пуговицъ	1	75
» 2 » »	1	15	» 7 »	1	90
» 3 » »	1	30	» 8 »	2	10
» 4 » »	1	45	мужск. на 1 пугов.	1	15
» 5 » »	1	60	» 2 »	1	30

Фабрика высылаетъ во всѣ города Россіи и принимаетъ почтовый расходъ на свой счетъ ио, не менѣе 3-хъ паръ.

Изданіе А. Ф. Маркса въ Спб.

Большая Морская, д. № 9.

КНЯЖНА ОСТРОЖСКАЯ

Историческая повѣсть

Вс. С. Соловьева.

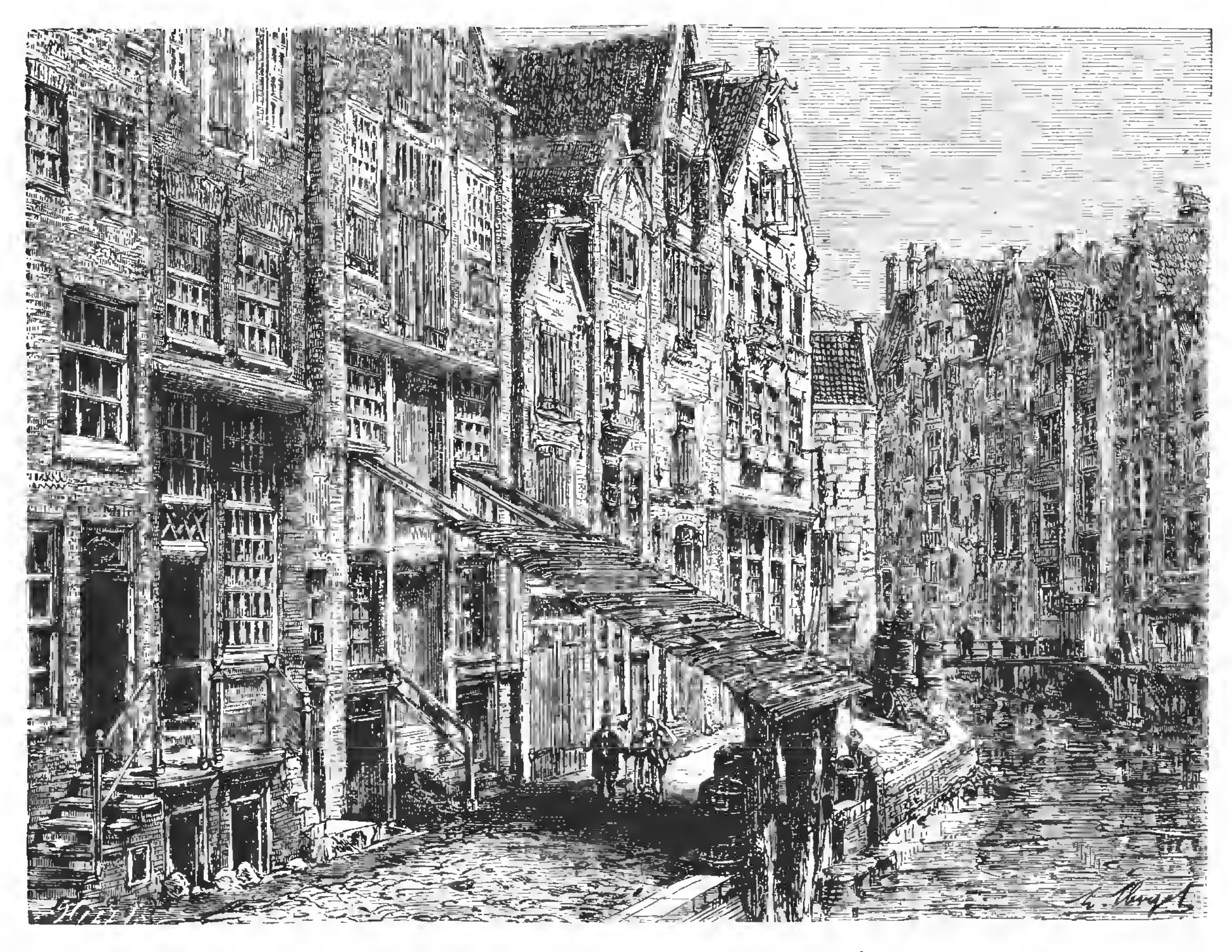
Сюжетъ заимствованъ изъ русской исторіи и въ развитіи своемъ представляетъ большой интересъ. Томъ этотъ украшенъ 20 рисунками художника *И. С. Панова*, и гравиров. лучшими мастерами. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к., для подп. „Нивы“ 1879 г. 1 р. 80 к., съ перес. 2 р.

Дозволено цензурою СПБ. 5 Іюля 1879 г. Типографія А. Ф. Маркса, Б. Итальянская № 10.

X годъ | годъ X

№ 29 | 1879

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ «ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ» (отъ 20 до 40 модн. рис.)
Выданъ 16 Іюля 1879 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40). Цѣна этого № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.



Улица стараго Амстердама. Рис. Клерже, грав. Гильдебрандъ.

Амстердамъ.

Всѣ обширные, знаменитые города имѣютъ какой нибудь одинъ пунктъ, съ котораго путешественнику лучше всего открывается ихъ красота и особенности. Такъ Парижъ развертывается дивной картиной когда къ нему подъѣзжаешь со стороны Елисейскихъ полей; Лондонъ особенно хорошъ съ Темзы, Лиссабонъ съ Таго; Амстердамъ же особенно красивъ, когда къ нему приближаешься со стороны залива Зюдерзее и обширнаго канала или лучше сказать морскаго рукава, называемаго Эй.

Амстердамъ не напрасно носилъ долго названіе Венеціи сѣвера: онъ подобно этой красавицѣ Юга прорѣзанъ во всѣхъ направленіяхъ каналами, которыхъ насчитываютъ до семидесяти; эти каналы, сообщаясь другъ съ другомъ, образуютъ до 88 острововъ; на нихъ то и раскинулся городъ, отдѣльныя части котораго соединяютъ 290 мостовъ. Большой или главный каналъ обстроенъ изящными, высокими домами, построенными изъ краснаго и бѣлаго кирпича, украшенными красивымъ крыльцомъ, а иногда балконами и колоннами въ итальянскомъ вкусѣ. Особенно встрѣчаются оригинальныя постройки на рѣкѣ Амстелѣ, а также въ старой части города въ двухъ пунктахъ изображенныхъ на прилагаемыхъ нами рисункахъ. Глядя на эти высокіе и узкіе дома, съ широкими окнами, составленными изъ множества стеклянныхъ кусочковъ; эти странныя, покатыя, съ уступами крыши, покрытыя классической черепицей, невольно переносишься во времена давно прошедшія и рисуешь передъ собою тѣ кровавыя сцены, которыми такъ богата исторія Амстердама. Главнѣйшіе факты этой замѣчательной исторіи мы позволимъ себѣ напомнить нашимъ читателямъ.

Въ концѣ XII вѣка на мѣстѣ Амстердама стояла лишь куча рыбачьихъ шалашей, но мало по малу это жалкое поселеніе приняло образъ маленькаго городка, который и былъ пожалованъ въ 1290 году графомъ Флорентомъ V своему вассалу Жану Персину. Послѣ насильственной смерти графа Флорента— Амстердамъ былъ выжженъ до тла. Оправившись отъ этого бѣдствія, Амстердамъ тихо, незамѣтно развивался до самаго XIV столѣтія, съ котораго началась новая, счастливая для него эра. Съ этого времени онъ дѣлается соперникомъ Антверпена и служитъ постояннымъ убѣжищемъ купцовъ и другихъ полезныхъ людей эмигрировавшихъ изъ Фландріи и Брабанта; быстрое развитіе торговли даетъ ему силу и значеніе и во время извѣстнаго возстанія Нидерландовъ противъ Испанскаго владычества, Амстердамъ уже играетъ выдающую и первенствующую роль въ событіяхъ. Не особенно процвѣтаетъ Амстердамъ со времени освобожденія отъ испанскаго ига и послѣ войны, окончательно погубившей величіе и славу. Въ Амстердамъ переселилось огромное количество промышленныхъ, трудолюбивыхъ граждан и предпріимчивыхъ купцовъ, положившихъ начало его первенствующему значенію въ торговлѣ и мореходствѣ. Такъ съ 1585 по 1595 годъ территорія города почти удвоилась, а мирный трактатъ 1609 года, основаніе компаніи обѣихъ Индій, расширеніе торговыхъ сношеній—быстро возвысили значеніе города, такъ что даже такія событія какъ попытка въ 1650 году Вильгельма Оранскаго овладѣть имъ въ расплохъ, а также нападеніе въ 1672 году арміи Людовика XIV, не могли остановить его развитія. По уничтоженіи Наполеономъ Батавской республики, въ 1806 году Амстердамъ сталъ резиденціей короля Людовика Наполеона, а въ 1810 былъ объявленъ третьимъ городомъ французской имперіи. Не смотря на всѣ эти превратности судьбы, Амстердамъ до сихъ поръ удержалъ за собою значеніе значительнаго торговаго и морскаго города. Это значеніе является въ грандіозныхъ размѣрахъ лишь только вступишь на почву Амстердама; здѣсь, какъ въ самой гавани, такъ и кругомъ ея, замѣчается всегда самая, живая, самая шумная дѣятельность; два обширные дока или басейна, западный и восточный (Oesterdock и Westerdock) могутъ помѣстить въ себѣ до 1000 судовъ большаго размѣра. Кромѣ того эти сооруженія предохраняютъ городъ отъ опасности наводненій, которыя прежде угрожали ему при малѣйшей бурѣ. Быть въ постоянной борьбѣ съ моремъ, постоянно отъ него огораживаться и обороняться является здѣсь такимъ вопросомъ, отъ котораго зависитъ судьба и даже существованіе Амстердама. Дѣло въ томъ, что весь городъ построенъ на сваяхъ и еще Еразмъ Роттердамскій уподоблялъ его жителей воронамъ сидящимъ на вершинахъ деревъ, а одинъ Голландскій поэтъ представлялъ себѣ картину опрокинутаго верхъ дномъ Амстердама, который по его мнѣнію, въ такомъ положеніи долженъ представить необозримый лѣсъ голой, ободранной ели. Такая гипотеза совершенно впрочемъ соотвѣтствуетъ дѣйствительности; здѣсь верхній пластъ земли исключительно состоитъ изъ ила и зыбкаго песку, такъ что прочность зданій зависитъ вполнѣ отъ крѣпости свай, вбиваемыхъ въ нижніе, твердые песчаные слои. Обвалы зданій здѣсь не рѣдкость; такъ въ 1822 году ушелъ въ илъ огромный хлѣбный магазинъ индійской компаніи, тяжесть котораго не могли сдержать непрочныя сваи. Вообще содержаніе разнаго рода гидравлическихъ сооруженій поглощаетъ значительную часть городскаго бюджета и даже говорятъ, что эти мосты, плоты и каналы обходятся каждый день городу въ 1.000 флориновъ (болѣе 500 р.).

Мы уже сказали выше, что Амстердамъ, кромѣ своего торговаго значенія, имѣетъ значеніе морскаго города; дѣйствительно, моряки здѣсь въ почетѣ и городъ полонъ воспоминаніями ихъ подвиговъ и услугъ на пользу отчизнѣ. При самомъ вступленіи на берегъ вамъ укажутъ небольшое зданіе, носящее названіе угловой башни плакальщиковъ и расположенной на набережной, откуда прежде отправлялись корабли во всѣ части свѣта и гдѣ дѣйствительно не мало пролили слезъ жены и дѣти при уходѣ въ море ихъ мужей и братьевъ. Неподалеку отсюда стоитъ домъ знаменитаго Рюйтера съ портретомъ великаго адмирала на барельефѣ. Уголъ Кальверстрета и главной площади украшаетъ теперь огромное зданіе, принадлежащее обществу попеченія о морякахъ, носящему названіе „Надежды моряковъ“ (Zeemanshop). Это общество учреждено лишь въ 1823 году, но дѣла его идутъ такъ успѣшно, что въ періодъ 1875—86 года оно могло выдать разнаго рода вспомоществованій на сумму 38,700 флориновъ, т. е. болѣе 17,000 рублей. Кромѣ того этимъ же обществомъ построено обширное зданіе, называемое домомъ призрѣнія матросовъ, гдѣ моряки, не имѣющіе занятій, могутъ найти пріютъ и пищу за самую незначительную плату.

Въ числѣ монументальныхъ построекъ Амстердама первое мѣсто занимаетъ дворецъ (hetpaleis), величественное зданіе, прежде вмѣщавшее ратушу и построенное въ 1648 году Яковомъ фонъ-Кампеномъ. Чтобы дать понятіе объ его обширности, довольно сказать, что оно утверждено на 13,659 сваяхъ и обошлось въ 30 милліоновъ флориновъ. Противъ дворца возвышается биржа оконченная въ 1845 году и украшенная перистилемъ изъ іоническихъ колоннъ, надъ которыми поставлена небольшая статуя Меркурія. Съ южной стороны купеческой гавани лежитъ такъ называемая плантація, т. е. мѣстность засаженная деревьями и раздѣленная на двѣ половины каналомъ. Здѣсь помѣщается паркъ для гуляній и концертовъ и ботаническій садъ, особенно замѣчательный своей богатой коллекціей пальмъ всѣхъ разновидностей. Неподалеку отъ ботаническаго сада расположенъ садъ зоологическій, составляющій собственность частной компаніи. Кромѣ множества дорогихъ и рѣдкихъ звѣрей здѣсь показываютъ въ бассейнѣ саламандру, единственную въ Европѣ и найденную въ одной изъ разщелинъ скалы на островѣ Цейлонѣ.

Амстердамъ любитъ свое національное искусство и потому его музеи очень богаты лучшими произведеніями голландской школы. Вслѣдствіе войнъ съ Франціей при Людовикѣ XIV, многія изъ драгоцѣнныхъ картинъ голландскихъ художниковъ были признаны военной добычей и увезены въ Парижъ, откуда возвратили на родину очень небольшое количество. Изъ этаго остатка да еще изъ приношеній частныхъ лицъ и учрежденій король Людовикъ положилъ въ 1808 году основаніе отечественному музею. Въ 1814 году этотъ музей былъ перенесенъ въ домъ бургомистра Триппа и потому называется нынѣ просто Trippenhuis. Какъ въ этомъ музеѣ такъ и въ другихъ частныхъ коллекціяхъ Амстердама можно найти лучшихъ представителей голландской школы и полюбоваться нѣсколькими образцовыми произведеніями кисти Рембрандта, уроженца Амстердама, котораго бронзовая статуя красуется на одной изъ площадей города. Изъ церквей Амстердама есть весьма замѣчательныя, хотя религіозныя войны и лишили ихъ многихъ цѣнныхъ украшеній. Такъ въ новой церкви, построенной въ 1431 году, банды фанатиковъ XVI вѣка истребили 34 алтаря изящной работы и только гробницы, воздвигнутыя въ честь великихъ людей отечества, украшаютъ теперь ея опустѣлую внутренность. Здѣсь же красуется мавзолей знаменитаго адмирала Рюйтера, умершаго какъ извѣстно въ 1676 г. и кромѣ того и другимъ: Фанъ-Галену, Фанъ-Кингебергену и Фанъ-Стенку. Тутъ же пріютился и прахъ стараго голландскаго поэта Жоста Ванделя, умершаго въ 1679 году. Такъ называемая старая церковь (Oude Kirke), стоящая на красивой площади обсаженной деревьями, была построена въ 1300 году и также украшается многими гробницами морскихъ знаменитостей Голландіи. Кромѣ христіанскихъ церквей въ Амстердамѣ существуетъ нѣсколько синагогъ, такъ какъ число евреевъ простирается здѣсь до тридцати пяти тысячъ. Особенно изящна по архитектурѣ синагога португальскихъ евреевъ. Это четыреугольное зданіе построено въ 1870 году въ восточномъ стилѣ, съ плоской крышей и красивой рѣшеткой. Жаль только, что окружающіе синагогу жалкіе домишки мѣшаютъ общему впечатлѣнію и своею мизерною внѣшностью напоминаютъ путешественнику, что онъ находится въ еврейской части города. Впрочемъ и типъ жителей этаго квартала настолько своеобразенъ и характеренъ, что въ принадлежности ихъ къ еврейскому племени не можетъ быть никакого сомнѣнія. Весь этотъ людъ торгуетъ чѣмъ только можно, даже вещами неимѣющими, повидимому, никакой цѣнности; даже пятилѣтнія дѣти уже занимаются торгашествомъ. Кромѣ главнаго промысла—граненія алмазовъ, которымъ въ старину преимущественно занимались евреи Амстердама и Антверпена, держа его въ строгой тайнѣ, сыны Израиля выполняютъ здѣсь самыя разнообразныя работы и не от-

казываются ни отъ какого занятія, обнаруживая самую изумительную дѣятельность. Впрочемъ кромѣ торгашества и погони за барышемъ въ здѣшнемъ еврействѣ есть и великія преданія прошлаго. Найдя въ Голландіи убѣжище отъ преслѣдованій, евреи отплатили за гостепріимство, давъ ей богатство, предпріимчивость, морское владычество и даже великаго человѣка въ лицѣ еврея, уроженца Амстердама, Баруха Спинозы.

Подъ чужимъ именемъ.

Повѣсть В. Штрауса.

(Продолженіе).

III.

Бодо почувствовалъ нѣкоторое разочарованіе, когда „спящая красавица“ оказалась не болѣе, какъ компаньонка, M-lle Беккеръ. Онъ медленно шелъ около матери, по прежнему грустный и задумчивый а Рената шла съ дѣвочкой впереди баронессы и фонъ-Гельмена. Владѣлица Зоорскаго замка, незамѣтно слѣдила за первыми шагами молодой воспитательницы. Она видѣла, какъ та сразу стала внимательно относиться къ ребенку, наклоняясь къ нему съ различными объясненіями и толковыми отвѣтами на дѣтскіе вопросы, видѣла, что Мэри быстро освоилась съ Ренатой, которую довѣрчиво взяла за руку, послушно идя съ нею рядомъ.

— Посмотрите, сказалъ Гельменъ баронессѣ, Мэри успѣла уже подружиться съ M-lle Беккеръ и слушается ее.

— Да, вижу. Признаться, не могу сказать, чтобы она мнѣ не понравилась; въ ея манерахъ есть что то, не похожее на простую компаньонку. Впрочемъ, скоро увижу—подходитъ ли она мнѣ, или нѣтъ: она нужна, нужна больше для меня, чѣмъ для дѣвочки, которой я найму бонну.

— Мнѣ очень понравилось съ какой простотой и достоинствомъ она отрекомендовалась вамъ. Дѣвушка съ хорошимъ воспитаніемъ—что рѣдко встрѣтить теперь. Первое впечатлѣніе положительно въ ея пользу.

— Первое впечатлѣніе часто обманчиво, замѣтилъ Бодо.

— Да, но фальшь скажется сейчасъ-же, возразилъ Гельменъ, и ее сейчасъ чувствуешь.

Къ нимъ подбѣжала Мэри. Дѣвочка запыхавшимся голосомъ и съ восторгомъ, разсказывала о томъ, какія чудесныя исторіи знаетъ Рената.

— Мэри, ее зовутъ не Рената, а M-lle Беккеръ, замѣтила баронесса дѣвочкѣ.

— Нѣтъ—Рената, Рената! воскликнулъ ребенокъ,—она мнѣ сама сказала, что ее такъ зовутъ!

— Мнѣ было бы пріятнѣе если бы называли меня не по фамиліи, а по имени, произнесла Рената, приблизившаяся вслѣдъ за Мэри.

— Я выполню ваше желаніе, когда будетъ рѣшено, что вы остаетесь. Къ столу вы вѣроятно переодѣнетесь—вы обѣдаете съ нами?

Общество поднялось на пригорокъ, ведущій къ замку и, нѣсколько минутъ спустя, вступило на террасу.

Тамъ уже сидѣла молодая баронесса и ея женихъ; около нихъ въ креслѣ сидѣла какая-то пожилая дама, съ сухощавымъ, морщинистымъ и надменнымъ лицомъ. Когда она встала поздороваться съ вошедшими, то оказалась большаго роста, чего никакъ нельзя было ожидать отъ ея сутоловатой, глубоко опустившейся въ кресло фигуры. Дама эта была баронесса фонъ-Гогенгеймъ, канонисса сосѣдняго монастыря благородныхъ дѣвицъ, пріѣхавшая въ гости къ владѣлицѣ Зоорскаго замка. Рената замѣтила, что важной старухѣ оказывалось въ замкѣ особенное уваженіе. Поздоровавшись съ фонъ-Гогенгеймъ, баронесса пригласила Ренату не идти на верхъ вслѣдъ за Мэри, которую увела горничная, а остаться съ ними, и попросила у настоятельницы позволенія прочесть только что поданное ей письмо.

— Кого это ты подобрала тамъ, въ паркѣ? спросила Мелита фонъ-Радау свою мать.

— Молодую дѣвушку, прекрасно рекомендованную. Очень вѣроятно, что я предложу M-lle Беккеръ мѣсто компаньонки, сухо, и съ выраженіемъ нѣкоторой укоризны въ голосѣ, отвѣтила баронесса, отрываясь на минуту отъ письма, которое читала.

Мелита закусила губу и окинула будущую компаньонку надменнымъ взглядомъ.

Рената спокойно выдержала этотъ взглядъ. Существовавшіе въ Германскомъ обществѣ въ средѣ высшихъ классовъ мнѣнія вполнѣ объясняли ей естественность подобнаго обращенія съ M-lle Беккеръ, поступившей въ компаньонки. Хотя она и понимала, что это высокомѣрное пренебреженіе относилось только къ роли, принятой ею на себя, но не къ ней самой, равной по рожденію тѣмъ, кто теперь смотрѣлъ на нее свысока, но все таки не могла отдѣлаться отъ какого то болѣзненнаго чувства. Всѣ присутствующіе давно уже комфортабельно разсѣлись на креслахъ, кушеткахъ или диванахъ, одна Рената продолжала стоять, думая, что можетъ быть, „M-lle Беккеръ“ не имѣетъ даже права послѣдовать общему примѣру.

— Что это вы стоите? Садитесь же! нѣсколько рѣзко произнесъ Бодо обращаясь къ ней.

Молодая дѣвушка хотѣла поблагодарить его хоть взглядомъ, но—онъ уже не обращалъ на нее вниманія, отойдя къ баронессѣ.

Фонъ-Радау, окончивъ чтеніе, сказала, что письмо отъ фонъ-Вейдена, который увѣдомляетъ, что пріѣдетъ представить свою молодую жену. „Конечно—мы ее примемъ, прибавила баронесса и Бодо можетъ, спустя нѣкоторое время, отдать визитъ имъ, но—этимъ дѣло и кончится, потому что мы не можемъ поддерживать никакихъ отношеній съ этой госпожей.

— Вейденъ—мой племянникъ, сказала настоятельница, но—онъ не посмѣетъ привезти ко мнѣ свою супругу.

— Что это за нахальная навязчивость! воскликнула Мелита.

— Позвольте, mesdames, сдѣлать вопросъ, произнесъ молчавшій до сихъ поръ фонъ-Гельменъ. Извѣстно вамъ что нибудь дурное о женѣ Вейдена, или ваше негодованіе вызвано ея происхожденіемъ?

— А этого недостаточно? запальчиво спросила Мелита.

— Мелита! возразилъ Бодо,—можно ли говорить такія вещи! Можно ли ставить женѣ Вейдена въ вину бюргерское происхожденіе? къ этому сословію принадлежитъ много очень почтенныхъ людей. Она не виновата, что родилась въ своей средѣ, какъ не виноваты, напримѣръ, мы, что происходимъ отъ благородныхъ предковъ, чѣмъ такъ гордимся. Ее можно упрекнуть, что она втирается въ кругъ выше ея а это ведетъ только къ смѣшенію сословій, отъ котораго нѣтъ никакой пользы.

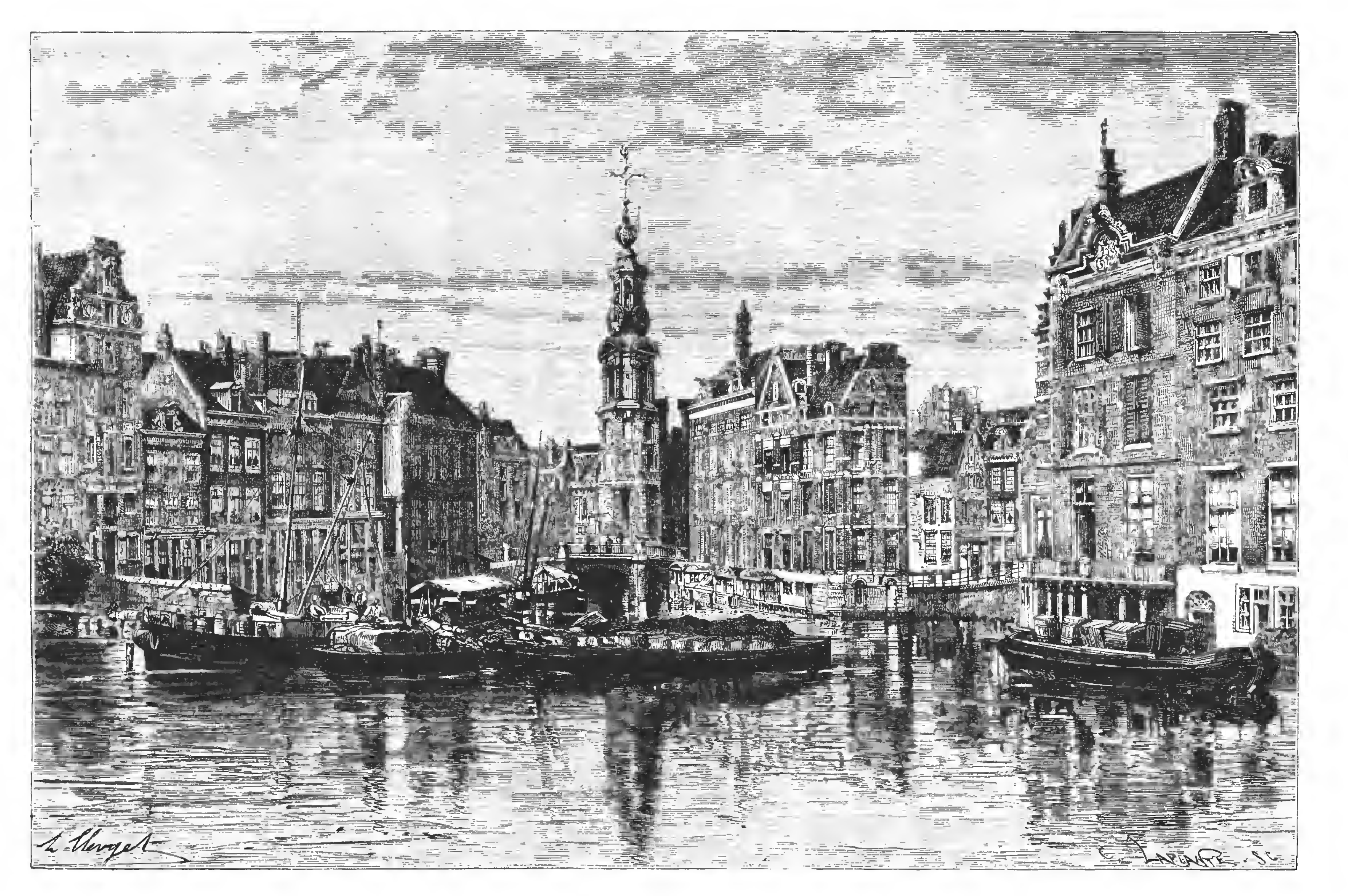
— И ты, Брутъ, противъ меня! шутливо возразилъ Гельменъ, но, вѣдь любовь имѣетъ свои права а ты хочешь одѣть сердце въ какую-то броню!

— Да, сухо замѣтила канонисса,—въ броню, на которой вырѣзанъ гербъ.

— Въ моихъ глазахъ и любовь не оправдываетъ Вейдена, продолжалъ Бодо, неужели онъ не можетъ владѣть собой и подавить свое чувство,—что за безхарактерность! я бы вырвалъ изъ собственной груди сердце, если бы оно требовало, чтобы я шелъ противъ моихъ убѣжденій!

— Не соглашусь съ такими убѣжденіями,—я ставлю благородство души выше благородства происхожденія, сказалъ фонъ-Гельменъ.

Амстердамъ. Набережная Гренбургваль Рис. Тайлоръ, грав. Лапландъ.



Амстердамъ. Видъ съ рѣки Амстель и монетный дворъ. Рис. Клерже, грав. Лаплантъ.

— Можно и слѣдуетъ отдавать справедливость нравственнымъ достоинствамъ дѣвушки, но къ чему же эти неравные браки.

— Какъ ни разсуждайте, сказала баронесса,—а все-таки, у дѣтей Вейдена будетъ прекрасное родство: дѣдъ-купецъ, одинъ дядя—содержатель гостиницы, другой—часовщикъ.

— Это—ужасно! воскликнула канонисса.

— Ужаснаго не много, хотя и не пріятно, конечно, возразилъ фонъ-Гельменъ но, я бы желалъ спросить васъ, mesdames,—что лучше по вашему—чтобы васъ любили за вашихъ предковъ или за васъ самихъ.

— Лучше всего - когда можно любить и за то и за другое, произнесъ графъ, наклонившись къ своей невѣстѣ и поцѣловалъ ея руку.

Въ эту минуту слуга доложилъ о пріѣздѣ молодыхъ Вейденовъ и разговоръ прекратился. Фонъ-Вейденъ, съ довольно красивой и симпатичной наружностью, среднихъ лѣтъ, вошелъ не совсѣмъ увѣренно, за нимъ слѣдовала молоденькая, хорошенькая блондинка. Всѣ взгляды устремились на нее, но, не смотря на то, что очевидно, она была очень сконфужена, самый строгій судья приличій не нашелъ бы въ ней ничего, заслуживающаго порицанія: ея манеры были скромны, нѣсколько робки, но безукоризненны. Баронесса приняла молодую женщину съ холодной вѣжливостью; канонисса, не вставая съ своего мѣста, ограничилась сухимъ и короткимъ наклоненіемъ головы; Мелита слегка приподнялась и поклонилась издали, мужчины встали и встрѣтили вошедшихъ глубокимъ поклономъ. Бодо тотчасъ же подошелъ и обмѣнялся обычными любезностями, но—тепло и искренно привѣтствовалъ Вейдена только одинъ фонъ-Гельменъ. Молодой Радау, замѣтивъ вопросительный взглядъ Вейдена, обращенный на стоявшую въ сторонѣ Ренату, отрекомендовалъ „М-lle Рената Беккеръ, будущая компаньонка матери“ и затѣмъ вскорѣ отошелъ. Всѣ чувствовали большую неловкость и разговоръ, не смотря на усилія баронессы, не клеился.

Родившись въ дворянской семьѣ и средѣ и привыкшая къ извѣстнымъ взглядамъ своего сословія, Рената, все таки, была удивлена такими крайними предразсудками касты, какія высказывались въ Зоорскомъ замкѣ. Справляясь съ своимъ чувствомъ, она сознавала себя довольною тѣмъ, что происходитъ отъ славнаго рода, честное и уважаемое имя котораго обязана сохранять незапятнаннымъ; но, въ то же время, не ставила своего мнѣнія о другихъ въ зависимость отъ ихъ происхожденія. Еще покойный отецъ ея внушилъ ей, что только умъ, сердце и образованіе могутъ служить основаніями общественныхъ различій, могутъ ставить однихъ людей выше другихъ.

Баронесса, желая положить конецъ томительно натянутому и ежеминутно обрывавшемуся разговору, встала и повела канониссу въ назначенную для нея комнату. Молодымъ указывалъ путь фонъ-Гельменъ. Мелита съ женихомъ шли сзади всѣхъ. Ренатѣ показалось, что о ней позабыли, но—въ ту же минуту подошелъ почтенный сѣдой камердинеръ, вѣжливо предложившій молодой дѣвушкѣ проводить ее въ ея комнату. Она поспѣшила за нимъ. Внутреннее убранство замка вполнѣ отвѣчало его грандіозной внѣшности. Большія залы, высокіе, покрытые скульптурными украшеніями потолки, мраморные камины, дорогія картины, собранія рѣдкостей, все указывало на богатство владѣльцевъ. Ренатѣ было отведено небольшое отдѣленіе, состоявшее изъ спальни и веселой, уютной гостиной, окна которой были расположены такъ, что ей открывался прекрасный видъ на три стороны. Въ этой гостиной все было приготовлено для ея встрѣчи.

— Придется, М-lle, одѣться понараднѣе къ обѣду, здѣсь такъ принято, почтительно замѣтилъ добродушный, сѣдой камердинеръ. Сейчасъ явится горничная. И сдѣлавъ глубокій поклонъ, онъ удалился.

Рената, однако не послѣдовала буквально совѣту камердинера. Одѣвшись въ довольно простое шелковое платье, она поспѣшила внизъ. Все общество уже собралось въ большой и богато убранной гостиной и вело оживленный разговоръ. Точно такъ же, какъ давеча, при входѣ Вейденовъ,—такъ теперь ея появленіе подало, какъ бы, сигналъ къ перерыву разговора и едва замѣтно вниманіе всѣхъ сосредоточилось на ней. Сдѣлавъ общій поклонъ, молодая дѣвушка отошла къ сторонѣ; она подумала, что вѣроятно, говорили о ней что нибудь, чего нельзя было повторить при ней. Но она не угадала. Маленькая Мэри сейчасъ же, съ дѣтской наивностью, высказала то, что каждый подумалъ въ гостиной, въ эту минуту: „Рената, какая ты хорошенькая!“ воскликнула дѣвочка, подбѣгая къ ней. Эта выходка ребенка прекратила воцарившееся, на минуту, безмолвіе и разговоръ возобновился съ прежнею живостью, а Рената занялась съ Мэри. Вскорѣ камердинеръ доложилъ, что обѣдъ поданъ; кавалеры подали руки дамамъ и шествіе, замыкаемое компаньонкой и дѣвочкой, направилось въ столовую. Ренатѣ было указано мѣсто на нижнемъ концѣ стола, между М-me Вейденъ и Мэри.

Обѣдъ былъ роскошенъ во всѣхъ отношеніяхъ. Камердинеръ, егерь и три лакея неслышно, ловко и быстро подавали блюда и перемѣняли предъ сидѣвшими за столомъ изящныя тарелки дорогаго сервиза, успѣвая и разливать, послѣ каждаго кушанья, вино въ игравшіе радужными переливами граненые стаканы и рюмки. Разговоръ касался сосѣдей и родственниковъ и, потому не интересовалъ Ренату но—ей было хорошо. Хотя въ домѣ отца ея жизнь была нѣсколько проще, но все, что происходило теперь вокругъ, напоминало ей это уже далекое прошлое. Годъ, проведенный у тетки, этотъ годъ лишеній и постоянной душевной борьбы, казался ей тяжелымъ, мрачнымъ сномъ, а на свое пребываніе въ замкѣ она смотрѣла какъ на интересное приключеніе, маскарадный эпизодъ въ жизни, въ которомъ роль свою она съумѣетъ выдержать, какъ бы долго ни пришлось играть ее. Мысли эти освѣжили ее, къ ней возвратилась ея природная веселость и она стала прислушиваться къ разговору, перемѣнившему теперь направленіе.

Вопросъ шелъ о земледѣліи. Вейденъ, извѣстный за лучшаго сельскаго хозяина во всемъ околоткѣ, настаивалъ на томъ, что, не слѣдуетъ давать почвѣ безполезное назначеніе. „Я, конечно не порицаю разныхъ украшеній вблизи жилищъ,—въ родѣ садовъ, парковъ и т. п., съ жаромъ говорилъ онъ, но, когда я ѣду какимъ нибудь паркомъ—всякій разъ жалѣю о томъ, что даромъ пропадаетъ нѣсколько десятинъ, которыя дали бы отличную пшеницу.“

Рената сдѣлала невольное движеніе, какъ бы желая высказать свое мнѣніе, но, вспомнивъ свое скромное положеніе въ домѣ, остановилась.

Гельменъ замѣтилъ ея движеніе. „Ну—что же, М-lle Рената, вы было открыли свои хорошенькія губки—зачѣмъ закрывать ихъ? Вы, вѣроятно, не согласны съ фонъ-Вейденомъ—говорите!“ весело сказалъ онъ.

Молодая дѣвушка, видя, что всѣ лица повернулись къ ней съ ожиданіемъ и что сама баронесса поощряла ее доброй улыбкой, рѣшилась сказать нѣсколько словъ.

— Я хочу только сказать, произнесла она, что въ жизни вѣдь существуетъ не одно только полезное, что, все прекрасное—поэзія, музыка, искусство, все то, что даетъ жизнь душѣ—безъ всего этаго жизнь была бы такъ бѣдна и печальна...

Она покраснѣла и замолчала, боясь что какъ бы „произнесла рѣчь“ въ высокомѣрномъ обществѣ, въ которое вступила только сегодня. Канонисса, отвернувшись отъ говорившей, спрашивала въ эту минуту Мелиту о фасонѣ новомодныхъ шляпъ. Бодо упорно молчалъ,

уставившись въ тарелку. На одну только баронессу, повидимому, слова Ренаты произвели благопріятное впечатлѣніе. „Да, это просто премилая дѣвушка,“ сказала она, наклоняясь къ своему старому другу,—„она мнѣ очень нравится и я, конечно, ее оставлю у себя.“

Пока въ верхней части стола разговоръ обособился, Вейденъ заговорилъ съ Ренатой, къ нимъ присоединилась его молодая жена, оказавшаяся очень интересной собесѣдницей. Она сразу отнеслась къ Ренатѣ дружелюбно и взяла съ нея обѣщаніе непремѣнно побывать у нея, если баронесса не взяла бы ее. Маленькая Мэри сидѣла смирно между ними, безпрекословно слушаясь ласковыхъ наставленій компаньонки.

Послѣ обѣда, всѣ снова сошли на террасу, гдѣ былъ приготовленъ кофе. Вскорѣ поданы были экипажи. Молодые и Гельменъ уѣхали. Графъ ушелъ въ свою комнату, Мелита отправилась къ себѣ а Бодо, какъ всегда, незамѣтно исчезъ; Мэри давно уже увели на верхъ.

Баронесса, какъ бы продолжая испытанія, которымъ съ утра подвергала Ренату, пригласила ее съ собой на свою половину. Здѣсь, она прямо уже сдѣлала ей легкій экзаменъ, заставивъ прочесть на разныхъ языкахъ и написать французскую записку. Результатъ оказался болѣе чѣмъ удовлетворительный. Вечерній чай было поручено дѣлать ей же. Къ этому времени сошли внизъ графъ и Мелита, занявшіеся съ матерью какимъ-то серьезнымъ, семейнымъ разговоромъ. Рената, сидя въ сторонѣ, за чайнымъ столомъ, снова почувствовала давившую усталость. Ея поблѣднѣвшее лице ясно говорило объ утомленіи.

Это такъ бросалось въ глаза, что когда явился Бодо, то онъ прямо подошелъ къ ней съ вопросомъ—не больна ли она?—„О—нѣтъ, нисколько,“ отвѣчала дѣвушка,—„Отчего это вамъ показалось?“

— Да отчего же вы такъ блѣдны?

„Вѣроятно отъ усталости—я не спала двѣ ночи.“ Баронесса тотчасъ же заставила ее идти къ себѣ.

На слѣдующее утро, Рената, освѣженная крѣпкимъ и здоровымъ сномъ, не успѣла еще достаточно налюбоваться прелестнымъ видомъ парка, лежавшаго прямо подъ ея окнами, и прилегающими живописными гористыми окрестностями, какъ въ комнату вошла баронесса, прямо объявившая ей, что приглашаетъ ее остаться у нея компаньонкой. Условія были очень выгодны и, вмѣстѣ съ тѣмъ, немногосложныя обязанности предоставляли Ренатѣ много свободнаго времени. Занятія съ Мэри (которая непремѣнно обязана была называть ее не иначе, какъ M-lle Рената) предоставлялись, въ отношеніи часовъ и программы, ея усмотрѣнію. Гордая баронесса выказала, въ этомъ разговорѣ, столько доброты и заботливости о молодой дѣвушкѣ, была такъ ласкова съ ней, что растроганная Рената, уже съ давнихъ поръ видѣвшая мало участія въ постороннихъ, едва удержалась отъ слезъ и горячо поцѣловала протянутую ей руку.

На Бодо Рената, съ первой же минуты ихъ оригинальной встрѣчи, произвела довольно сильное впечатлѣніе. Какъ ни старался онъ разувѣрить себя въ этомъ, какъ ни силился подавить въ себѣ неясное чувство, онъ понималъ, что не въ силахъ ничего сдѣлать въ томъ состояніи внутренней неудовлетворенности и какихъ-то смутныхъ для него самаго стремленій, внезапное появленіе Ренаты было какимъ-то свѣтлымъ лучемъ въ томъ мракѣ, въ которомъ онъ бродилъ. Но теперь онъ боролся съ собой, онъ не хотѣлъ поддаваться очарованію. И еслибъ она не осталась въ замкѣ - Бодо успѣлъ бы побѣдить себя, у него было достаточно характера, чтобы владѣть собой, но она не уѣдетъ изъ замка и ему придется видѣть и слышать ее каждый день. Онъ подчинялся не одному впечатлѣнію ея красоты—на него неотразимо дѣйствовало прирожденное благородство, чистота души дѣвушки и ея умъ, такъ ясно написанные на прелестномъ лицѣ. Его удивляло въ ней и то спокойное достоинство, которое она умѣла сохранять въ своемъ подчиненномъ положеніи.

Въ присутствіи Ренаты онъ старался казаться совершенно равнодушнымъ, хотя внутренно сильно досадовалъ на сестру за холодное высокомѣріе, съ какимъ та относилась къ „компаньонкѣ“. Онъ не искалъ ея, но ему всегда было непріятно, если случалось не видѣть ее тамъ, гдѣ онъ думалъ ее встрѣтить. Иногда онъ садился на коня и уѣзжалъ на цѣлый день на фермы, или въ какое либо болѣе отдаленное имѣніе. Быть можетъ, если бы тамъ потребовалась его дѣятельность, онъ нашелъ бы въ ней забвеніе, но не задолго умершій отецъ его, привелъ все въ такой порядокъ, съ такимъ знаніемъ дѣла съумѣлъ выбрать управляющихъ и фермеровъ, что Бодо рѣшительно нечего было дѣлать. И въ его отдаленныхъ и уединенныхъ поѣздкахъ ярко стоялъ въ воображеніи граціозный образъ Ренаты. Онъ былъ очень недоволенъ собой.

Графъ уѣхалъ. Онъ былъ настолько неловокъ, что нѣсколько разъ откровенно хвалилъ Ренату, съ которой, въ послѣднее время, довольно часто велъ оживленные разговоры. Все это раздражало его невѣсту. Она чувствовала, что молодая дѣвушка и умомъ и сердцемъ стоитъ гораздо выше ея. Конечно—надо было отмстить и ограниченная Мелита старалась, при всякомъ удобномъ случаѣ, показать Ренатѣ, насколько велика разница между дочерью баронессы фонъ-Радау и ея компаньонкой.

Баронесса была всегда равна съ Ренатой; ласковая безъ фамильярности, она оказывала ей много довѣрія. Дѣвушка, вполнѣ довольная владѣлицей замка, видѣла въ нѣкоторой сдержанности ея, лежавшей гранью между расположеніемъ и излишней близостью—не отношеніе госпожи, но вѣжливо прикрытое отдаленіе дворянки отъ дочери простаго бюргера. Что касается сухаго пренебреженія къ ней Мелиты—она переносила его хладнокровно, такъ какъ скоро должна была послѣдовать свадьба и отъѣздъ молодыхъ, послѣ чего, естественно, ей уже не приходилось терпѣть этаго высокомѣрія. Маленькая Мэри, переданная, наконецъ, непосредственному надзору молодой особы, еще не понимала кастовыхъ различій, но открыто, конечно, отдавала предпочтеніе Ренатѣ предъ всѣми.

Съ Гельменомъ молодая дѣвушка сблизилась больше, нежели съ остальными обитателями и посѣтителями замка Зооръ. Между ними было много общаго, ихъ взгляды и убѣжденія сходились совершенно, открытый, добрый самъ, онъ цѣнилъ эти качества въ Ренатѣ, сужденія которой онъ всегда ставилъ высоко. Между ними скоро установилась самая близкая, искренняя дружба, скрѣплявшаяся почти ежедневными посѣщеніями Гельмена, часто пріѣзжавшаго изъ своего имѣнія.

Въ замкѣ, сверхъ того, нерѣдко бывалъ молодой пасторъ сосѣдней деревни, приглашавшійся, обыкновенно, по воскресеньямъ къ обѣду. Это былъ человѣкъ симпатичной наружности, съ обширными познаніями и прекрасный проповѣдникъ. Баронесса къ нему обращалась за свѣдѣніями о бѣдныхъ прихода и, такъ какъ, дѣла благотворительности были возложены на Ренату, то онъ видался съ ней и по другимъ днямъ, кромѣ воскресенья, когда онъ бывалъ ея сосѣдомъ за столомъ. Пасторъ откровенно восхищался молодой дѣвушкой; ему доставляло особенное удовольствіе снабжать ее книгами, которыхъ ей случалось не находить въ богатой библіотекѣ замка.

Что касается Бодо, то онъ сталъ появляться среди семьи еще рѣже. Съ Ренатой онъ держалъ себя очень неровно, лишь изрѣдка перекидываясь съ ней словомъ, двумя и церемонно называя ее „m-lle Беккеръ“, тѣмъ, какъ бы, старался показать разстояніе, отдѣлявшее ихъ обоихъ другъ отъ друга. Если кто либо заговаривалъ

съ ней при немъ, онъ показывалъ видъ, что не обращаетъ на нее никакого вниманія, что занятъ совершенно другимъ, между тѣмъ какъ въ сущности, про себя, слѣдилъ за каждымъ ея движеніемъ, вслушивался въ каждое слово, произносимое ею, въ общемъ разговорѣ, въ которомъ принимала участіе Рената, онъ никогда не обращался къ ней, но, въ тоже время, постоянно и энергически отстаивалъ ея мнѣнія. Въ своемъ странномъ поведеніи Бодо доходилъ до того, что равнодушно-холодный съ молодой дѣвушкой, онъ зорко и ревниво оберегалъ ее отъ малѣйшей непріятности, которая могла бы произойти съ ней, избѣгая всякій разъ ея благодарности. Рената угадывала происходившую въ великодушномъ сердцѣ молодаго человѣка борьбу добраго, человѣческаго чувства къ ней съ фамильной гордостью. Она невольно любовалась благороднымъ, нравственнымъ образомъ Бодо...

Не въ одномъ только замкѣ, а всюду, куда Рената ни сопровождала баронессу и ея дочь—встрѣчала она, у сосѣднихъ дворянъ, высокомѣрное отношеніе къ „компаньонкѣ“, къ дѣвушкѣ бюргерскаго происхожденія, которой давали ясно понимать, что ее не считаютъ принадлежащей къ кругу, но лишь „терпятъ“, какъ необходимую принадлежность высокородной баронессы фонъ-Радау. Даже мужчины—преимущественно молодые—обходились съ ней не такъ, какъ съ дамами своего сословія.

Но этихъ послѣднихъ останавливала природная гордость и достоинство манеръ Ренаты.

Все это, конечно, непріятно отзывалось на ней. Но она тщательно скрывала свои впечатлѣнія, довѣряя ихъ одному только своему дневнику, въ которомъ она, отъ времени до времени, отводила душу.

„Какъ тяжело, писала она однажды, какъ душно человѣческому чувству въ этомъ мелкомъ свѣтѣ, который называетъ себя большимъ свѣтомъ! Однако надо быть справедливой: если бы я не оставила случайно этотъ высшій кругъ—можетъ быть и даже навѣрное,—я смотрѣла бы, разсуждала бы точно такъ же, какъ они. И только теперь, когда я добровольно вычеркнула себя изъ этаго класса, я понимаю различіе между вообще человѣкомъ и человѣкомъ „съ положеніемъ“.

„Между ними, конечно, есть прекрасные люди, но всѣ они—каковы бы ни были—выше и дальше своего герба не смотрятъ и не видятъ. А какъ это гордое украшеніе не подходитъ многимъ изъ нихъ, какъ они смѣшны въ своей львиной шкурѣ!“

„А, вѣдь, однаго слова моего достаточно, чтобы заставить ихъ перемѣниться ко мнѣ. Какъ забавны были бы надутыя лица канониссы, Мелиты и многихъ другихъ, такихъ же, какъ онѣ, въ ту минуту, когда я показала бы имъ родословную! На дняхъ еще канонисса, на вопросъ о томъ кто урожденная молодая Вейденъ—отвѣтила, взглянувъ на меня: „о ней нельзя сказать, что она „урожденная“. Меня это очень насмѣшило. Внутренно я хохотала просто“.

„Я могла бы открыть свое настоящее имя и, все-таки остаться здѣсь. Но нѣтъ, нѣтъ, ни за что! Я не желаю эксплоатировать имени моихъ предковъ. Я хочу, чтобы меня любили и уважали именно какъ Ренату Беккеръ. Вѣдь Мэри любитъ меня, а Гельменъ и пасторъ—уважаютъ. И въ тотъ день, когда любовь и уваженіе здѣсь ко мнѣ будутъ уже на столько велики, что открытіе моей тайны ничего къ нимъ не прибавитъ, въ тотъ день пусть вновь воскреснетъ имя Равенсберговъ!“

Большая часть приданаго Мелиты была заказана въ отдаленной столицѣ, гдѣ графъ занималъ одну должность. Все же остальное, относившееся къ устройству домашняго хозяйства и другимъ предметамъ, закуплено было и выписано отъ однаго большаго торговаго дома. Много было, по случаю предстоящей свадьбы, работы и заготовокъ и дома, но Рената, которой поручены были распоряженія по этой части, съумѣла справиться съ своей задачей. Все было сдѣлано раньше, чѣмъ ожидалось и разложено въ видѣ изящной выставки въ одной изъ залъ. Молодая дѣвушка была чрезвычайно рада, что ей удалось быстро окончить порученіе и что она можетъ, наконецъ, уйдти въ свой уголокъ отдохнуть и распорядиться своимъ временемъ какъ хочется.

— Эта Беккеръ преловкая дѣвушка и сколько у нея вкуса! сказала баронесса, вошедшая въ залу осмотрѣть вмѣстѣ съ дочерью, сыномъ и Гельменомъ разложенное приданое. Безъ ея помощи, мы никогда бы не устроили такъ хорошо. Меня поражаетъ въ ней то, что она не только серьезно образована, — она получила и прекрасное свѣтское воспитаніе.

— Меня ничто не удивляетъ въ Ренатѣ, произнесъ Гельменъ. Я увѣренъ, что она все съумѣетъ сдѣлать хорошо. Да, впрочемъ, въ самой крови истинно женственной натуры лежитъ стремленіе ко всему, что касается домашняго обихода и хозяйства. Припомните, баронесса, какъ вы быстро, послѣ замужества, привыкли къ этому дѣлу.

— Пожалуйста не сравнивайте моей матери съ компаньонкой! вставила Мелита.

— Ты, однако, ей очень, очень обязана, сказала баронесса обращаясь къ дочери.—Она сдѣлала то, чего, въ сущности, вовсе и не должна была дѣлать.

— Я не знала, что это одолженіе съ ея стороны, возразила дочь, а полагала, что она работаетъ, потому что нанялась служить намъ. Впрочемъ, конечно, я у нея въ долгу не останусь,—она получитъ отъ меня подарокъ въ награду за свои труды.

— Пожалуйста предоставь это сдѣлать намъ! воскликнулъ Бодо. Ты, Мелита, совершенно не знаешь различія между спѣсью и гордостью и своей манерой непремѣнно оскорбила бы m-lle Беккеръ. Все зависитъ отъ того, какъ даютъ. Можно подарить какую нибудь бездѣлицу, которая покажется дороже брилліантовъ и жемчуговъ, и можно такъ дать подарокъ, что лучшіе брилліанты не будутъ имѣть малѣйшаго значенія въ глазахъ того, кому предложены. Я тебѣ говорю — ты не съумѣешь деликатно предложить подарка m-lle Беккеръ, мы беремъ это на себя!

— Бодо совершенно правъ, сказала баронесса.—И я обязана сдѣлать тебѣ замѣчаніе вообще за твою постоянную невѣжливость съ бѣдной дѣвушкой. Рената—моя компаньонка а не горничная и если я плачу ей жалованье, то она также мало можетъ считаться простой слугой, какъ твой женихъ, получающій жалованье отъ короля.

— Еще одно милое сравненіе! иронически возразила Мелита. Я вовсе и не ищу непремѣнно входить въ сношенія съ ней; чѣмъ рѣже это случается, тѣмъ лучше для меня—предоставляю вамъ все, что желаете.

Здѣсь въ разговоръ вмѣшался фонъ-Гельменъ. Какъ старинный другъ дома, всегда имѣвшій въ семействѣ Радау голосъ, онъ сдѣлалъ Мелитѣ строгое внушеніе и выговоръ за ея, ничѣмъ необъяснимое, высокомѣріе съ Ренатой, за ея рѣзкое обращеніе съ молодой дѣвушкой и свою горячую рѣчь закончилъ восторженными похвалами „компаньонкѣ,“ которая, обладая всѣми достоинствами, служащими украшеніемъ дѣвушки знатнѣйшихъ фамилій, можетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, служить примѣромъ для многихъ.

Мелита молча насупилась. Уваженіе, которымъ пользовался Гельменъ въ ея семействѣ и всюду, не позволило ей возражать ему.

— Я вполнѣ раздѣляю мнѣніе фонъ-Гельмена, произнесла баронесса.

— Говорите что хотите, отвѣтила Мелита матери—а я не забываю кто она и кто я!

— Ты можешь не забывать этого, и, все-таки, должна умѣть быть благодарной и признавать достоинства другихъ, произнесла баронесса.

Лѣтомъ. Силуэты Е. Бема. Грав. М. Рашевскій.

— Мелита, снова продолжалъ фонъ-Гельменъ, ты не сердись на меня, если я высказалъ тебѣ мои замѣчанія. Только твой недоброжелатель съ намѣреніемъ развѣ, не указалъ бы тебѣ твоихъ недостатковъ, которые могутъ замѣнить хорошія качества въ тебѣ, что же касается Ренаты...

— Пожалуйста, дорогой другъ, это уже скучно и довольно уже объ этомъ! возразила молодая дѣвушка, мнѣ вовсе не интересно выслушать вторую хвалебную оду въ честь M-lle Беккеръ. За завтракомъ мы, вѣдь, увидимъ ее и я постараюсь сдѣлать такъ, чтобы вы всѣ остались мною довольны. Съ этими словами она вышла изъ залы.

— Я буду очень рада, сказала баронесса ей вслѣдъ.

— Бодо, продолжала она, обращаясь къ сыну, ты самъ хотѣлъ отправить свой свадебный подарокъ—серебро? такъ вотъ, при этомъ случаѣ, ты бы могъ выбрать что нибудь—только получше и поизящнѣе—и для Ренаты.

— Да, да—я такъ и сдѣлаю, отвѣтилъ молодой человѣкъ, сейчасъ же послѣ завтрака я ѣду и возвращусь послѣзавтра. Поручи ужъ все это мнѣ.

(Продолженіе будетъ).

Стихотворенія.

I.

У опушки лѣса.

Душенъ воздухъ раскаленный...
Силъ нѣтъ далѣе идти—
И сажусь я, утомленный,
Отдыхать на полпути!

Хорошо такъ здѣсь, подъ тѣнью
Густолиственныхъ березъ!..
И разслабленная лѣнью,
Мысль несется въ царство грезъ.

Полусонными очами
Я гляжу то въ даль небесъ,
То въ пронизанный лучами
Пышной зелени навѣсъ.

Слышу гдѣ-то въ отдаленьи
Пахарь пѣсенку поетъ;
Грусть родная въ этомъ пѣньи
Какъ-то за сердце беретъ!

II.

Утро.

На голубыя небеса
Восходитъ солнце краснымъ шаромъ;
Деревня, нивы и лѣса
Какъ бы охвачены пожаромъ;

Глядятся ивы въ ясный прудъ,
Листы задумчиво склоняя;
И быстро ласточки снуютъ,
Надъ гладью водною порхая!

Еще не высохла роса —
Весь лугъ сверкаетъ какъ алмазный...
Мелькаетъ шмель, жужжитъ оса,
Жукъ выползаетъ безобразный...

III.

Блескъ дѣтскихъ глазъ твоихъ даритъ сердца привѣтомъ,
Но взгляды ясные не шевелятъ страстей—
Пока не подошла пора весны твоей!
Такъ солнце зимнее ласкаетъ яркимъ свѣтомъ,
Хоть нѣтъ еще тепла въ сіяніи лучей.

В. Мюръ.

Пигмеи—терзатели человѣка.

Статья И. Вавилова.

Настали долгіе, теплые дни. Все кипитъ жизнію: и лѣсъ, и лужайка, и поле, и канава, и лужа. Даже голый камень, стѣна, утоптанная дорожка пригодны еще для нѣкоторыхъ невзыскательныхъ организмовъ: сорная травка, мохъ, лишайникъ находятъ здѣсь пищу, развиваются и даютъ потомство. Внѣдряется жизнь повсюду, гдѣ есть хоть малѣйшая возможность существовать: вездѣ тысячи тысячъ существъ спѣшатъ жить и наслаждаться.

Жизнь тварей не можетъ протекать мирно: природа того не хочетъ. Велика земля, но желающихъ жить еще больше; и мѣсто и пищу необходимо добыть съ бою. Безъ упорной борьбы невозможно даже самое жалкое существованіе. И растенія и животныя подвержены безпрерывной опасности. Сильный пользуется всякимъ промахомъ, всякой слабой стороной соперника и безжалостно захватываетъ чужое добро. Въ борьбѣ за существованіе пускаются въ ходъ всевозможныя средства: и сила, и ловкость, и сметливость, и способность переносить невзгоду. Кого надѣлила природа лучшимъ оружіемъ, тотъ и правъ; слабому нѣтъ пощады. Крапива глушитъ овощь, гусеница гложетъ крапиву, воробей тащитъ гусеницу на кормъ своимъ дѣтямъ, воробья сторожитъ голодный хищникъ и т. д. Повсюду состязаніе, борьба и захватъ.

И человѣкъ, царь природы, какъ онъ себя величаетъ, не изъятъ изъ общаго закона—и ему приходится постоянно то нападать, то отбиваться. Пусть бы ужъ приходилось намъ имѣть дѣло только съ сильнымъ врагомъ! Нѣтъ,—чуть замѣтная мелюзга тоже знать ничего не хочетъ о верховныхъ правахъ человѣка, и дерзко требуетъ дани; дѣйствуя скопомъ, враги-пигмеи причиняютъ намъ не мало ущерба и досады.

Вотъ съ этими-то врагами-пигмеями, отравителями лучшихъ дней года, мы теперь и познакомимся покороче.

Чудными майскими вечерами приходится намъ наслаждаться въ непрошенномъ сообществѣ *комаровъ*. Всѣ знаютъ, какъ жадны комары до нашей крови, всѣмъ хорошо знакомо жало комара, но не всѣмъ, можетъ быть, извѣстно, что жалитъ только прекрасный полъ этихъ милыхъ созданій. Провѣрить фактъ не трудно, благодаря рѣзкому отличительному признаку комаровъ-самцовъ. У комаровъ-самцовъ голова украшена парой длинныхъ и изящныхъ перистыхъ усиковъ; самки лишены такого украшенія, но за то надѣлены болѣе полезнымъ снарядомъ—хоботкомъ или жаломъ. Въ длинномъ чехоликѣ жала спрятанъ пучекъ ланцетовъ, необыкновенно тонкихъ, но достаточно прочныхъ, чтобы пронзить нашу кожу; нѣкоторые изъ ланцетовъ изогнуты и зазубрены, другіе прямы и похожи на шпагу или копье. Ранка отъ укола чуть замѣтна, однако воспаляется и опухаетъ, вѣроятно отъ ѣдкой слюны комара; опухоль держится дольше и чешется сильнѣе, если комаръ поплатится жизнью, не успѣвъ вытянуть изъ кожи своего жала. Вонзивъ жало, комаръ принимается жадно сосать кровь, и высасываетъ за разъ сравнительно очень много,—больше чѣмъ вѣситъ самъ.

Хотя комары водятся во всѣхъ поясахъ земнаго шара, и во всевозможныхъ климатахъ, нигдѣ однако не встрѣчаются они въ такихъ несмѣтныхъ полчищахъ какъ на далекомъ сѣверѣ, близь полюса. Въ Исландіи, по словамъ К. Фохта, буквально нельзя ни вздохнуть, ни открыть рта, безъ того, чтобы въ носъ и въ ротъ не набились десятки комаровъ. Комары—истинное бѣдствіе въ жизни обитателей сѣвера. Въ Норвегіи и Лапландіи бывали случаи, что комары заѣдали человѣка на смерть, а лихорадка вслѣдствіе чрезмѣрнаго раздраженія кожи, тамъ явленіе весьма обыкновенное. Мы, жители умѣренныхъ странъ страдаемъ поменьше, но и на нашу долю все таки изрядно достается. Приходится иногда запираться въ душной комнатѣ и хорошо еще, если хоть здѣсь назойливые комары оставятъ насъ въ покоѣ.

Откуда являются полчища комаровъ? Всякій знаетъ, что комаровъ сравнительно немного въ сухихъ, гористыхъ мѣстностяхъ; наоборотъ, они особенно обильны близь стоячей воды: озеръ, прудовъ и болотъ. Очевидно, вода необходима для существованія комара; но для чего именно она ему нужна?

Подходя къ пруду или канавѣ вѣроятно случалось вамъ замѣтить, какъ множество мелкихъ животныхъ, иногда сплошь покрывающихъ поверхность воды, вдругъ исчезаетъ при вашемъ приближеніи. Это вы видѣли зародышей или личинокъ комара. Личинка нимало не похожа на комара; отсюда названіе „*личинки*“ т. е. маски, подъ которой скрывается насѣкомое. Комаръ—вполнѣ воздушное насѣкомое—свой первый возрастъ проводитъ въ водѣ. Личинки, изгибая тѣло и работая рѣсничками какъ плавниками, очень быстро то погружаются, то опять всплываютъ на поверхность. Питаются онѣ разной мелюзгой, которую не ловятъ, а дожидаются что та сама влѣзетъ въ ротъ. Дожидаться приходится недолго: кругъ рѣсничекъ, расположенныхъ около рта, производитъ безпрерывный водоворотъ, втягивающій мелкихъ животныхъ. Личинки ѣдятъ необычайно много, быстро растутъ, и смѣнивъ четыре раза

шкурку, становятся похожими на запятую (,). Въ этомъ видѣ онѣ уже ничего не ѣдятъ, и рта у нихъ вовсе нѣтъ: ротъ сброшенъ вмѣстѣ съ послѣдней шкуркой. Недаромъ личинка такъ жадно ѣла прежде: непереработанная пища отложилась въ тѣлѣ, и теперь поддерживаетъ жизнь. Наблюдая личинокъ въ акваріѣ, или просто въ стаканѣ, мы увидимъ, что молодыя личинки выставляютъ наружу длинную трубку, расположенную косвенно на заднемъ концѣ тѣла, а другія, измѣнившіяся послѣ смѣны шкурки, всплывъ на поверхность, высовываютъ изъ воды спинку съ парой короткихъ трубочекъ, похожихъ на рожки. Этими трубочками личинки дышатъ и неизбѣжно задохнутся, если имъ помѣшать запасаться воздухомъ.

Продолжая терпѣливо наблюденія, мы подмѣтимъ чрезвычайно интересное окончательное превращеніе водяного животнаго въ воздушное.

Это превращеніе—самый опасный моментъ въ жизни комара. Всплывъ въ послѣдній разъ на поверхность воды, личинка дольше обыкновеннаго держитъ свою спинку въ соприкосновеніи съ воздухомъ; тонкая кожица сохнетъ и трескается между трубочками. Изъ трещины вылѣзаетъ комаръ постепенно и осторожно: сначала показывается голова, потомъ грудь, потомъ длинныя ноги. Шкурка теперь должна служить комару лодочкой, но лодочка эта очень вертлява и опасна: при малѣйшей неосторожности она опрокидывается, и тогда комару никакъ не спастись. Вода необходима личинкѣ; крылатое насѣкомое, попавъ въ воду, неизбѣжно погибаетъ. Комаръ вытягивается вертикально, старательно уравновѣшиваетъ грузъ, употребляетъ всевозможныя усилія, чтобы какъ нибудь не перевѣситься на одну сторону, и мало по малу наконецъ выползаетъ изъ шкурки. Но не все еще кончено. Надо расправить крылья, а сдѣлать этаго пока невозможно: необходимо имѣть подъ ногами почву болѣе прочную, чѣмъ зыбкая шкурка-лодочка. По счастію, гладкая поверхность воды можетъ доставить достаточную опору легкому комару; онъ осторожно расправляетъ крылья и становится на воду. Теперь остается только подождать еще немножко, чтобы крылья окрѣпли и затѣмъ превращеніе окончено: комаръ поднимается на воздухъ и начинаетъ новую, воздушную жизнь. Въ тихій, теплый вечеръ рои комаровъ одновременно поднимаются съ поверхности воды. При малѣйшемъ вѣтеркѣ происходитъ великое множество крушеній; комару, подмочившему крылья, ужъ не оправиться. Наблюдатель окончательнаго превращенія невольно забываетъ, что охотно убилъ-бы комара въ другое время и теперь боится за его участь, особенно если вѣтерокъ зарябитъ воду. Долговязый комаръ парусить слишкомъ сильно для маленькой шкурки-лодочки: быстро носится она то въ ту сторону, то въ другую, чертитъ круги, и, кажется, вотъ-вотъ опрокинется... По счастію процессъ освобожденія недологъ.

Молодое поколѣніе, поднявшись на воздухъ, тотчасъ же празднуетъ свадьбы. Надъ прудами, канавой, колодцемъ великое множество самцовъ и самокъ скучивается въ высокій столбъ, издали похожій на столбъ дыма; комары кружатся, то взлетаютъ, то быстро падаютъ, и свадебныя пляски продолжаются до глубокой ночи. Вѣкъ самца недологъ; онъ умираетъ вскорѣ послѣ свадьбы. Самка долговѣчнѣе. Ей предстоитъ довольно заботы впереди: надо выбрать удобное мѣстечко для кладки яицъ и затѣмъ положить яички старательно и въ порядкѣ. При помощи заднихъ ножекъ, она осторожно спускаетъ на воду яички одно за другимъ и склеиваетъ ихъ въ красивый плотикъ. Изъ яичекъ, пригрѣтыхъ солнышкомъ скоро вылупляются уже знакомыя намъ личинки, и, если погода стоитъ теплая, недѣли въ четыре завершается полное развитіе. Въ благопріятное для комара лѣто нарождается до пяти поколѣній. Оплодотворенныя самки послѣдняго поколѣнія, забираются въ мѣста, защищенныя отъ чрезмѣрнаго холода и перезимовываютъ. Ранней весной начинается кладка яицъ, и въ первые теплые дни во всѣхъ стоячихъ водахъ показываются личинки, будущіе родоначальники комариныхъ полчищъ, терзателей людей и животныхъ. Надо впрочемъ замѣтить, что далеко не каждому комару удается полакомиться кровью, хоть одинъ разъ въ жизни. Милліоны комаровъ выводятся въ такихъ мѣстностяхъ гдѣ нѣтъ ни людей, ни крупныхъ животныхъ. Тогда приходится или умирать съ голоду или сосать растительный сокъ; по нѣкоторымъ наблюденіямъ, комары дѣйствительно иногда довольствуются такою постною пищею.

Едва поубавится назойливыхъ комаровъ, какъ являются на сцену новыя надоѣдалы—*мухи*.

Мухи очень разнообразны: есть между ними и крупныя и мелкія, и невзрачныя и цвѣтистыя. Намъ всего болѣе знакома обыкновенная комнатная муха; на ней и остановимъ наше вниманіе.

Комнатныя мухи не кусаютъ, не причиняютъ боли, но жужжатъ, щекочатъ, лѣзутъ въ ротъ, въ глаза, въ уши, садятся на все съѣдобное, вездѣ оставляютъ свои противные слѣды,—словомъ надоѣдаютъ неимовѣрно. Всѣ знаютъ, какъ падки мухи до сладкаго; по пословицѣ, „гдѣ медъ тамъ и мухи“,—но еще болѣе нравятся мухамъ разлагающіяся вещества: испорченное мясо, навозъ и т. п. Мухи, подобно комарамъ, не жуютъ твердой пищи и могутъ только сосать. Твердую пищу—напримѣръ хлѣбъ, сахаръ—онѣ предварительно размачиваютъ слюной, которую всасываютъ обратно вмѣстѣ съ растворившимися частицами. Мухи издали слетаются на падаль, даже если она закрыта, слѣдовательно несомнѣнно руководятся обоняніемъ. Но какимъ органомъ онѣ обоняютъ? Существуетъ нѣсколько предположеній и ничего достовѣрнаго; у мухъ, какъ и у прочихъ насѣкомыхъ, носа вовсе не имѣется.

Мухи подобно комарамъ въ раннемъ возрастѣ—въ состояніи личинки—нисколько не похожи на знакомое намъ двукрылое насѣкомое, но зарождаются не въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ комары, и для развитія личинки необходимы другія условія.

Всякая хозяйка знаетъ, какъ трудно лѣтомъ уберечь отъ порчи мясную провизію. Въ непокрытомъ мясѣ заводятся червяки; въ тщательно закрытыхъ сосудахъ мясо сохраняется дольше и червячки въ немъ не показываются. Еще въ недавнее время никому и въ голову не приходилъ вопросъ: откуда берутся эти червячки? Дѣло казалось очень просто: „червачки заводятся въ испорченномъ мясѣ, слѣдовательно мясо производитъ ихъ“. Только въ половинѣ XVII вѣка итальянскому врачу Реди такое простое объясненіе показалось не совсѣмъ простымъ. Какимъ образомъ гніющее мясо можетъ дать начало живому существу—червяку? Реди предпринялъ рядъ наблюденій и скоро открылъ истинную причину явленія. Онъ прослѣдилъ превращеніе червяка въ другую неподвижную форму, похожую на закутанную мумію, или *куколку*, какъ ее называютъ натуралисты, и затѣмъ видѣлъ какъ куколка превратилась въ муху. Муха вскорѣ положила на мясо яички, и изъ яичекъ развились знакомые червяки. Реди такимъ образомъ первый прослѣдилъ полный кругъ развитія мухи, отъ яйца до взрослаго насѣкомаго. Наблюденія Реди не сложны, и повторить ихъ легко. Оставьте непокрытымъ кусочекъ говядины и навѣрное вскорѣ увидите кладку яицъ, затѣмъ наблюдайте развитіе и ростъ личинки и наконецъ превращеніе куколки въ муху. Мясо конечно скоро испортится, и нужно быть очень не брезгливымъ, чтобы довести наблюденія до конца.

Мухи необычайно плодовиты; множество поколѣній нарождается въ теченіи лѣта, и къ августу одна пара мухъ моглабы насчитать нѣсколько тысячъ дѣтей, внуковъ и правнуковъ.

Какъ избавиться отъ этихъ докучливыхъ созданій?

Можно воспользоваться прожорливостью мухъ и поднести имъ отравы, что обыкновенно и дѣлается, только средство это помогаетъ мало, если не принять мѣръ противъ размноженія мухъ и вторженія въ комнату извнѣ. Размноженію мухъ можно воспрепятствовать строгой опрятностью на кухнѣ, на дворѣ и прочихъ мѣстахъ, гдѣ мухи могутъ находить разлагающіяся вещества, необходимые имъ для кладки яицъ. Труднѣе справиться съ вторженіемъ мухъ извнѣ; „выгонятъ въ окно,—я влечу въ другое“ говоритъ Крыловская муха. По словамъ Геродота древніе египтяне защищались отъ мухъ и мошекъ, растягивая рыболовныя сѣти надъ своими постелями. По наблюденіямъ англійскаго энтомолога Спенса, мухи не пролетаютъ сквозь сѣтку, натянутую въ окнѣ, хотя сѣтка связана изъ обыкновенныхъ швейныхъ нитокъ и ячеи довольно крупны,—въ квадратный дюймъ или болѣе,—такъ что сѣтка почти не отнимаетъ свѣта и не мѣшаетъ освѣженію воздуха. Необходимо только, чтобы комната освѣщалась окнами съ одной стороны; при сквозномъ свѣтѣ мухи смѣло пролетаютъ сквозь нетли. Извѣстно какъ скоро находитъ мухи всякую щелку, въ которую только возможно пролѣзть къ съѣдобному. Отчего-же онѣ не пролѣзаютъ сквозь рѣдкую сѣтку? На этотъ вопросъ нѣтъ удовлетворительнаго отвѣта.

Къ концу лѣта и особенно въ дождливую погоду появляются *мухи-жигалки*. Эти еще неотвязчивѣе комнатныхъ мухъ, вдобавокъ очень больно кусаются, и укушенное мѣсто долго чешется. По народному повѣрью „мухи къ концу лѣта становятся злы, съ досады что недолго имъ остается жить“. Внимательно разсмотрѣвъ жигалку, легко убѣдиться, что эта муха значительно отличается отъ комнатной мухи и принадлежитъ совсѣмъ къ другому виду. Она меньше, сѣрѣе, крылья болѣе растопырены, хоботокъ направленъ впередъ а не книзу, притомъ заостренъ, а не оканчивается мягкимъ кружечкомъ, какъ у комнатной мухи, и настолько твердъ, что пронзаетъ нетолько нашу кожу, но даже толстую кожу лошадей, которыя иногда очень страдаютъ отъ этой мухи.

И на осень не оставила насъ природа безъ пигмеевъ-терзателей. Въ августѣ сильно размножаются всѣмъ знакомыя *блохи*, особенно въ деревянныхъ постройкахъ. Эти ночные мучители терзаютъ насъ въ постели, и пользуясь темнотою ночи, часто спасаются отъ заслуженной кары. Природа не одарила блохъ крыльями, но за то снабдила длинными и весьма сильными ногами. Прыжки блохи въ самомъ дѣлѣ изумительны: блоха легко прыгаетъ на высоту разъ въ пятьдесятъ большую своего роста, такъ что еслибъ человѣкъ ухитрился прыгнуть съ мостовой на крышу пятиэтажнаго дома, то, сравнительно говоря, прыжокъ далеко уступалъ бы прыжку блохи.

Блохи хотя не пользуются, конечно, нашимъ расположеніемъ, однако и не возбуждаютъ такого отвращенія какъ другіе паразиты. Недавно у парижскихъ а слѣдовательно и у нашихъ дамъ даже былъ въ модѣ блошиный, или говоря изящнѣе, пюсовый цвѣтъ. Блохъ почему-то считаютъ весьма смышлеными насѣкомыми. Въ такъ называемыхъ „музеяхъ“ заѣз-

Спрятались отъ дождя. Оригинальный рис. Кившенко, грав. Б. Пуцъ.

Сборъ дровъ въ лѣсу. Ориг. рис. И. Земцева, грав. Б. Пущъ.

жихъ иностранцевъ, рядомъ съ великанами и прочими диковинками, иногда даютъ представленіе „дрессированныя“ блохи, причемъ довѣрчивой публикѣ приходится выслушивать пропасть всякихъ небылицъ объ изумительной понятливости и необыкновенной смѣтливости этихъ насѣкомыхъ. Онѣ возятъ телѣжку съ сѣдоками блохами же, дерутся на шпагахъ, т. е. машутъ лучинками и продѣлываютъ другія штуки. Вся заслуга „дрессировщика“ состоитъ развѣ въ томъ, что онъ ловко прикленваетъ ихъ къ телѣжкѣ, но конечно онѣ нисколько не слушаются его приказаній и не заботятся изумлять публику своими талантами, а просто стараются убѣжать.

Блохи очень нѣжно относятся къ своему потомству, по крайней мѣрѣ такъ утверждаютъ нѣкоторые изъ правдивыхъ наблюдателей. Насосавшись нашей крови насѣкомое спѣшитъ къ своимъ дѣтямъ и отдаетъ имъ часть пищи, которой тѣ сами добывать не могутъ. По словамъ Бланшара, одинъ натуралистъ-любитель кормилъ блохъ-матерей своею кровью и наблюдалъ ихъ уходъ за личинками, развившимися изъ яицъ, положенныхъ въ пыльную, открытую коробочку. Бланшаръ безъ сомнѣнія справедливо пользуется большимъ авторитетомъ, но, кажется, наблюденія его все таки не мѣшало бы повторить и провѣрить. Вѣроятно насѣкомымъ часто приходится вмѣстѣ съ бѣльемъ и платьемъ переселяться далеко отъ своихъ дѣтокъ. Неужели личинки въ такомъ случаѣ неизбѣжно погибаютъ? Кромѣ того онѣ часто изобилуютъ въ такихъ мѣстахъ, куда люди заглядываютъ не часто, напримѣръ въ сырыхъ сараяхъ. Чѣмъ же тогда питаются и блохи и ихъ потомство? Вѣроятнѣе, что и взрослыя и личинки питаются не исключительно кровью, но за недостаткомъ крови сосутъ также гніющія вещества.

Блоха кладетъ яйца въ щели пола, въ пыль, опилки, грязное бѣлье и тому подобныя мѣста. Личинки малы и безноги; приблизительно черезъ двѣ недѣли по выходѣ изъ яйца онѣ облекаются шелковистымъ кокономъ, и еще черезъ двѣ недѣли изъ кокона выходитъ насѣкомое.

Для чего существуютъ комары, мухи и прочіе надоѣдалы? Каждое живое существо, безъ сомнѣнія, играетъ извѣстную роль въ общемъ строѣ жизни нашей планеты, но съ достовѣрностью указать роль того или другаго созданія возможно только въ немногихъ и рѣдкихъ случаяхъ. Мухи способствуютъ перекрестному оплодотворенію растеній, перенося цвѣточную пыль съ одного цвѣтка на другой; личинки мухъ быстро пожираютъ падаль, быть можетъ, нѣсколько предохраняютъ атмосферу отъ зараженія вредными газами, но роль мухъ въ природѣ этимъ конечно не ограничивается. О назначеніи, напримѣръ, комаровъ трудно предложить сколько нибудь вѣроятную догадку. Только тѣ догадки заслуживаютъ вниманія, которыя основаны на многихъ и достовѣрныхъ фактахъ, а въ данномъ случаѣ фактическій матеріалъ далеко не обиленъ.

Къ рисункамъ.

Лѣто.

Силуэты Бёма.

Какъ только наступаютъ жаркіе дни, такъ бѣднымъ дѣтямъ, всю зиму сидѣвшимъ взаперти, раздолье. Всю зиму онѣ видѣли цвѣты только въ горшкахъ, на окнахъ, такіе блѣдные, пыльные цвѣты, которые, кажется грустно такъ смотрятъ въ разрисованныя морозомъ причудливыми узорами, стекла оконъ. И солнышко какое то скупое, блѣдное, ходитъ такъ низко и свѣтитъ мало. А теперь золотые лучи такъ ярко и весело врываются въ комнату, свѣжій воздухъ широкою волною льется въ открытое окно и на зеленомъ лугу запестрѣли веселые цвѣты. И бродитъ дѣвочка по лугу и собираетъ цвѣты. Она уже красивымъ вѣнкомъ украсила черноволосую головку и ищетъ краснаго цвѣточка, который видѣла утромъ и который гдѣ то притаился. А другая, совсѣмъ маленькая, очень озабочена. Она набрала въ рощицѣ грибовъ и разсматриваетъ какіе годны и какіе нѣтъ и ножикомъ счищаетъ грязь и мохъ; третьей дѣвочкѣ—забота—надо накормить своихъ маленькихъ друзей, кошечку, дворнягу-собаку и курочку, которые сбѣжались и жадно смотрятъ на чашку съ молокомъ, которую несетъ дѣвочка. И мальчуганамъ работа и раздолье. Кто съ удочкой ловитъ рыбу, кто идетъ на лугъ съ хворостиной за гусями. А вотъ малютка что то строитъ, сидя въ травѣ и разсматриваетъ серьезно годится ли матеріалъ для его постройки.

Спрятались отъ дождя.

Рисунокъ Кившенко.

Какой ливень ударилъ внезапно! Никакъ нельзя было ожидать съ утра, что будетъ дождь. Небо было такое свѣтлое и ясное, такъ было тихо и жарко, что и мамка сама послала Яшу съ сестренкой „по ягоды“ въ лѣсъ. „Идите, молъ, идите въ лѣсъ. Нечего вамъ тутъ баловаться въ казанки. Наберете ягодъ, продадите—отецъ на базаръ поѣдетъ—пряниковъ вамъ купитъ“.

И весело бродили дѣти по лѣсу, аукаясь и перекликаясь и наполняя коробки свѣжей, мелкой душистой ягодой, когда вдругъ ихъ захватилъ дождикъ. Не успѣли дѣтки уйти и прижались къ оградѣ, пережидаютъ ливень. Вымочитъ ихъ сильно, но взойдетъ жаркое солнце и ничего: „дождичекъ вымочитъ—солнышко высушитъ!“

Сборъ хвороста въ лѣсу.

Рисунокъ П. Земцова.

Сборъ хвороста, этой необходимости въ крестьянскомъ обиходѣ, обыкновенно производится всей женской половиной семьи. Дѣти, дѣвушки, бабы заберутся въ ясный, осенній день въ дальній лѣсъ и стаскиваютъ хворостъ въ одно мѣсто, перевязывая пучки и затѣмъ сваливаютъ на двуколески. Сосновый, какой-то пряный запахъ стоитъ въ густомъ зеленомъ лѣсу. который раскинулъ свои еле колышущіяся на тихомъ утреннемъ вѣтрѣ вѣтви. Крошечная дѣвочка весело помогаетъ своей сестренкѣ тащить охапку. И потомъ заплететъ этотъ хворостъ затѣйливыми изгибами жерди деревенскихъ плетней и затрещитъ въ теплыхъ печахъ яркимъ пламенемъ въ долгія и темныя зимнія утра, когда огоньки замелькаютъ по всѣмъ избамъ и принимаются за стряпню прилежныя хозяйки, разбуженныя громкоголосыми, ранними пѣтухами.

Игра природы.

Леонардо-да-Винчи въ своемъ трактатѣ о живописи совѣтуетъ художникамъ обращать вниманіе на грязныя стѣны, пестрые камни, скалы и пр., говоря, что въ нихъ часто усматриваются такія сочетанія линій, изъ которыхъ можно бываетъ создать смѣлый пейзажъ, оригинальныя положенія и повороты головы или тѣла. Это оказываетъ существенное подспорье воображенію и изобрѣтательности художника. Слова Леонардо-да-Винчи весьма интересны. Мы часто замѣчаемъ въ картинахъ формы, поражающія насъ именно тѣмъ, что напоминаютъ что нибудь другое кромѣ того, что изображаютъ, что и приписывается или преднамѣренности со стороны художника, или какъ слѣдствіе игриваго настроенія его духа.

Наибольшій поводъ къ такимъ соображеніямъ подаютъ группы камней; кто не принималъ въ сумерки, или при лунномъ освѣщеніи, или вообще при какомъ нибудь особенномъ освѣщеніи лежащія при дорогѣ глыбы камня за какаго нибудь звѣря, или стоящее въ отдаленіи дерево, или версту, или за идущаго на встрѣчу человѣка? часто самыя названія скалъ или каменныхъ массъ указываютъ, что воображеніе придало имъ опредѣленный живой образъ. Впрочемъ есть люди, которыхъ глаза или совершенно неприспособлены, или непривычны замѣчать такія сочетанія линій, даже если ихъ вниманіе и обращено на нихъ; впрочемъ такихъ людей еще нельзя отнести къ числу вообще равнодушныхъ и непонимающихъ красотъ природы.

Здѣсь представлено нѣсколько эскизовъ, съ натуры снятыхъ скалъ, представляющихъ замѣчательную игру природы. Какой нибудь ученый конечно подраздѣлилъ бы ихъ на изображающія вопервыхъ просто животныхъ, затѣмъ болѣе совершенныя, напоминающія собой человѣческую фигуру и наконецъ высшаго разряда, изображающія профили историческихъ лицъ, или на такія, которыя находятся на поверхности земли и на подземныя, встрѣчающіяся въ сталактитовыхъ пещерахъ, гдѣ сталактиты часто представляютъ удивительныя сочетанія; здѣсь и тамъ видятся львы, танцующіе медвѣди, ящерицы и драконы. Близь Лозанны показываютъ скалу похожую на корову; здѣсь представленъ рисунокъ „лежащаго верблюда,“ образуемаго лѣсистымъ Гогенштоффслемъ въ Гёгау, если смотрѣть на него со стороны Гогентвиля.

Изображенія людей встрѣчаются вообще рѣже, чѣмъ животныхъ; особенно хороша молящаяся монахиня въ Гарцѣ, въ Рюбеландѣ; менѣе извѣстна, но болѣе интересна, въ особенности по чрезвычайно античнымъ формамъ, фигуры—каменная женщина близь Визенштейга, на швабской Альбѣ—каменная фигура вышины около шести футъ и образована кускомъ крѣпкаго юрской формаціи доломита, отлично выдерживающаго всякую перемѣну погоды. По народному преданію эта каменная женщина была графиня, извѣстная своею красотой, но злая, предавшая огню многихъ мужчинъ и женщинъ, обвиненныхъ ею въ колдовствѣ, и за свое жестокосердіе обращенная въ камень. Похожи на каменную женщину при Визенштейнѣ, двѣ каменныя иглы изъ юрскаго доломита Бренцталя, извѣстныя подъ названіемъ „окаменѣлыя дѣвушки изъ Эзельсбурга;“ онѣ находятся на полдорогѣ между Гербрехтингомъ и Эзельсбургомъ, при подошвѣ каменнаго косогора, образующаго берегъ

вышеупомянутой горной рѣчки, долина которой, благодаря своей красотѣ, весьма цѣнится любителями природы. Съ какой бы стороны ни смотрѣть на эти скалы, въ нихъ можно узнать, безъ особаго усилія воображенія, женскія фигуры, какъ бы всходящія на гору; особенно замѣчательно то, что обѣ фигуры совершенно одинаковы.

Нѣкоторыя изъ такихъ сочетаній скалъ принимаютъ особенный видъ лишь при извѣстномъ освѣщеніи, или съ однаго какого либо пункта. Къ такимъ группамъ скалъ принадлежитъ „мертвый монахъ" въ долинѣ рѣки Эчъ, образуемый склонами горъ, тянущихся по рѣкѣ; изображеніе совершенно ясно лишь съ небольшаго пространства дороги между Терланомъ и Боценомъ, и мало по малу скрывается за исключеніемъ лба и носа, видимыхъ еще довольно долго.

Профиль Людовика XVI, представляемый огромной скалой Трауна, видѣнъ съ большей части великолѣпнаго Траунскаго озера. Этотъ профиль чрезвычайно характеренъ по откинутому назадъ лбу, носу и рѣзко очерченными скалой подбородкомъ и шеей; но профиль особенно рельефенъ, когда солнце находится или передъ зрителемъ, или же, еще лучше, когда оно заходитъ за гору, такъ что вся масса находится во мракѣ, или въ одномъ тонѣ и детали дѣлаются незамѣтными.

Профиль Наполеона I находится близъ скалы Лорелеи, надъ ея откосомъ; онъ виднѣе если ѣхать по рѣкѣ внизъ; но гораздо яснѣе этотъ профиль видѣнъ въ находящихся къ востоку отъ Лекко, на озерѣ Комо, горахъ, видныхъ на горизонтѣ, когда находишься на пути изъ Беладжіо къ Лекко. Этотъ профиль видѣнъ уже весьма ясно съ дороги изъ Менаджіо черезъ Кроче въ Порлецу, дороги, идущей по Луганскому озеру, здѣсь онъ появляется какъ разъ надъ полуостровомъ и остается видимымъ въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ пути.

Многіе живописцы-пейзажисты не считаютъ нужнымъ заниматься формами этихъ странностей природы и заносить ихъ въ свои альбомы; но кажется они неправы, такъ какъ наблюденіе надъ такими формами во всякомъ случаѣ представляетъ хорошее упражненіе въ схватываніи характерныхъ чертъ предметовъ, тѣмъ болѣе, что передача особенностей, выходящихъ изъ ряда, неоспоримо выше только лишь вѣрнаго рисунка, равно какъ наблюденіе и возсозданіе прекрасныхъ формъ есть болѣе высокая ступень, чѣмъ воспроизведеніе особенностей, которое впрочемъ можетъ имѣть большое значеніе для чрезвычайно талантливаго художника.

Политическое обозрѣніе.

Возвращеніе въ Константинополь бывшаго великаго визиря Махмеда-Недима-Паши.— Еврейскій вопросъ въ Румыніи.—Похороны принца Луи-Наполеона. Покушеніе Императрицы Евгеніи на самоубійство.—Зулусская война.—Ирландцы въ парламентѣ.—Новый Итальянскій кабинетъ.

Читатели, быть можетъ, помнятъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ то еще время, когда посланникомъ нашимъ въ Константинополѣ былъ графъ Игнатьевъ—„кормило правленія" оттоманской имперіи находилось въ рукахъ великаго визиря Махмуда-Недима-Паши. Не имѣя намѣренія писать здѣсь апологіи этаго турецкаго государственнаго человѣка, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не имѣя полной возможности удостовѣрять насколько безусловно истинны отзывы относительно нечестности или честности вообще лицъ, власть имущихъ въ Турціи, мы, однако, повторимъ за многими, близко знакомыми съ турецкими дѣлами, что Махмудъ-Недимъ-Паша, по честности своей, способностямъ и трезвому взгляду, всегда стоялъ выше другихъ пашей и правителей. Этотъ бывшій визирь, хотя и не имѣлъ слѣпой склонности къ Россіи, но полагалъ, что Турція всегда проиграетъ меньше чрезъ сближеніе съ нею, чѣмъ съ другими державами, такъ какъ и прошлое, и настоящее указывало ему, что наша политика никогда не обманывала Порты, а всегда дѣйствовала прямо и открыто, между тѣмъ какъ оттоманскому правительству часто приходилось раскаиваться въ своемъ довѣріи къ политикѣ западныхъ державъ. И потому, до извѣстной степени, онъ стоялъ за сближеніе съ Россіей, поддерживая хорошія отношенія съ ней, не взирая на враждебное отношеніе къ намъ большинства Константинопольскихъ дѣятелей, опиравшихся, конечно на посланниковъ западныхъ правительствъ. Послѣдствія извѣстны — умный и осторожный Махмудъ былъ удаленъ изъ Константинополя въ ссылку—хотя почетную,—но, все-таки, ссылку. Мѣсто его, послѣдовательно, занялъ цѣлый рядъ смѣнявшихся визирей, бросавшихъ свое отечество въ объятія Биконсфильда и все, что предвидѣлъ опальный Паша—сбылось. Едва ли мы ошибемся, предполагая, что многіе сознаютъ это теперь въ Турціи и, особенно въ ея столицѣ. Въ этомъ отношеніи—приглашеніе Махмуда-Недима-Паши обратно въ Константинополь, куда онъ уже и пріѣхалъ, мы считаемъ весьма характеристическимъ признакомъ въ этомъ отношеніи. О его пребываніи тамъ встрѣчается масса противорѣчивыхъ свѣдѣній. Одни увѣряютъ, что оно возбудило едва ли не общій ропотъ, другіе, напротивъ, сообщаютъ, что прибытіе бывшаго визиря встрѣчено съ восторгомъ, третьи—что онъ не получилъ и не получитъ назначенія и будто, желая добиться его и думая достичь цѣли лестью британцамъ, объявилъ, что становится на ихъ сторону, четвертые, наконецъ, что—ему ввѣренъ постъ президента государственнаго совѣта. Слѣдуя нашему обыкновенному правилу не высказывать сужденій на обумъ—ограничимся и на этотъ разъ только замѣчаніемъ, что можетъ быть, появленіе Махмуда-Недима-Паши кое-что и измѣнитъ въ политикѣ Турецкаго правительства, доселѣ почти рабски слѣдовавшей внушеніямъ изъ Лондона.

Не желаютъ подчиниться этимъ внушеніямъ Румынскія палаты въ еврейскомъ вопросѣ. Румыны всѣми силами стараются не давать требуемаго дозволенія, или обставить его различными затрудненіями, въ родѣ 10-ти лѣтняго срока для натурализаціи и иными ограничивающими условіями. Министерству не удалось сломить упорство палатъ и такъ какъ съ другой стороны, оно знаетъ, что лорду Биконсфильду непремѣнно желательно водвореніе еврейскаго племени среди нежелающихъ того румынъ, то—оно подало князю просьбу объ отставкѣ.

Вѣроятно Биконсфильду удастся, какъ уже удавалось, парушить право чужой страны распоряжаться у себя дома какъ она желаетъ.

Тѣло принца Луи-Наполеона привезено въ Британію (29-го іюня, или 11-го іюля н. с.) и—уже похоронено. Удостовѣреніе тѣла произведено было въ присутствіи принцевъ Уэльскаго, Эдинбургскаго и наслѣднаго Шведскаго. Происходившія 12-го іюля похороны принца имѣли, преимущественно, военный и вообще, оффиціальный характеръ. Стеченіе публики было громадно—кромѣ британцевъ, сюда прибыли 7 тысячъ бонапартистовъ (между прочимъ—депутація рабочихъ) изъ Франціи. Для соблюденія порядка, изъ Лондона командированы были болѣе тысячи полисмэновъ. Военное начальство прислало для отданія воинскихъ почестей, четыре эскадрона уланъ, три баттареи конной артиллеріи, четыре полевыя батареи, двѣ батареи Гемпзона и одинъ пѣхотный полкъ. Королева Викторія прибыла въ сопровожденіи принцессы Беатрисы, а вслѣдъ за нею пріѣхали принцъ и принцесса Уэльскіе, принцы Эдинбургскій, Коннаутскій и Христіанъ. Въ числѣ членовъ дипломатическаго корпуса находился также графъ Шуваловъ. Всѣ принцы и иностранные посланники были въ полной парадной формѣ и глубокомъ траурѣ. Присутствовало также множество высшихъ офицеровъ, въ томъ числѣ значительное число британскихъ—въ мундирахъ.

Королева и принцесса Уэльская немедленно отправились къ императрицѣ, остальные же—въ устроенную въ домѣ усопшаго „Chapelle ardente", гдѣ находились уже кадеты и бывшіе товарищи принца.

Похоронная процессія тронулась въ 12-мъ часу.

Впереди слѣдовали уланы, за ними кадеты, потомъ епископъ и за епископомъ—вмѣсто колесницы—лафетъ съ гробомъ, накрытымъ британскимъ знаменемъ. Двое рядовыхъ несли надъ гробомъ громадный вѣнокъ, присланный королевой. По правую сторону гроба шли принцы Уэльскій, Эдинбургскій и Коннаутскій, по лѣвую—герцогъ Кэмбриджскій, принцъ Жеромъ-Наполеонъ съ сыновьями и принцъ Монакскій. За ними слѣдовали британскій военный министръ и министръ колоній, далѣе множество офицеровъ, французовъ, и въ хвостѣ шествія конная артиллерія. Въ церкви, при отпѣваніи тѣла, пѣла между прочимъ Нильсонъ.

Одному высокопоставленному русскому, находящемуся въ настоящее время на водахъ въ Чехіи, сообщили недавно, что нѣсколько дней послѣ того, какъ получено было свѣдѣніе о смерти принца Луи-Наполеона, и въ то время, какъ газеты разсказывали объ отчаяніи императрицы, изъ Лондона получена была внезапно депеша, что въ Чизльгерстѣ ожидается новое страшное несчастіе, причемъ присовокуплялось, что у императрицы болитъ горло. Оказывается, что въ ночь съ 29-го на 30-е іюня императрица пыталась отравиться посредствомъ белладоны. Въ теченіи трехъ сутокъ императрица была при смерти. Королева Викторія, которой немедленно дали знать объ этомъ, прислала въ Чизльгерстъ своего лейбъ-медика, доктора Уэннера, которому удалось спасти императрицу.

Добавимъ, что корнетъ Кэри уволенъ отъ службы за небрежное отношеніе къ своимъ обязанностямъ по охраненію убитаго принца Луи-Наполеона.

Въ послѣднее время зулусская война была на время пріостановлена, такъ какъ вождю Сетевайо было дано перемиріе. Пріостановка эта, какъ можно предполагать, считалась какъ бы прелюдіей къ миру, потому что королю были предложены условія: онъ долженъ былъ, въ доказательство своей искренности прислать обратно двѣ пушки, взятыя его воинами при Изандуэлѣ и приказать одному изъ своихъ полковъ сложить оружіе предъ британскимъ лагеремъ въ знакъ покорности. Король этого, конечно, не сдѣлалъ и война возобновилась. 12-го (24-го) іюня британскія войска начали, съ трехъ пунктовъ,

наступательное движеніе внутрь страны зулусовъ. Рѣка Умлалази перейдена ими еще нѣсколько раньше. Такимъ образомъ, они заняли уже значительную часть страны и находятся въ разстояніи 40—56 верстъ отъ главнаго поселенія Сетевайо. Зулусы выжигаютъ повсюду предъ наступающими высокую траву, что затрудняетъ для британцевъ прокормленіе вьючнаго скота. Генералъ Уэльслей, прибывшій въ Каптоунъ 23-го іюня, долженъ былъ на слѣдующій же день отплыть въ Наталь на пароходѣ, торопясь принять начальство до рѣшительнаго сраженія. Онъ телеграфировалъ приказаніе собрать туземныхъ вождей колоніи въ Пинормоцбургѣ, въ ожиданіи его пріѣзда, вѣроятно для того, чтобы потребовать отъ нихъ перевозочныхъ средствъ и, въ случаѣ надобности, подвигаться, какъ онъ это дѣлалъ въ странѣ ашантіевъ, при помощи людей, вмѣсто вьючныхъ животныхъ (какъ видимъ—„образованные мореплаватели“ не церемонятся пользоваться всѣми средствами, лишь бы цѣль была достигнута!).

Ирландскіе депутаты въ виду традиціоннаго упорства, съ которымъ британскій парламентъ игнорируетъ ихъ, мстятъ ему скандалами, состоящими, главнымъ образомъ, въ томъ, что они мѣшаютъ говорить своимъ британскимъ собратіямъ—членамъ палаты общинъ. Недавно, въ парламентѣ произошло новое столкновеніе. Одинъ изъ ирландскихъ членовъ, О'Конноръ-Донъ сказалъ въ своей рѣчи, что если палата не согласится съ однимъ предложеніемъ его, то въ Гайдъ-Паркѣ соберутся 500 тысячъ человѣкъ. Министръ Финансовъ, отъ имени правительства, потребовалъ занесенія этой угрозы въ протоколъ, но такъ какъ въ британскомъ парламентѣ нѣтъ оффиціальнаго стенографа, и протоколы ограничиваются точною передачею постановленій парламента, то означенная угроза и не могла быть удостовѣрена. Для предупрежденія подобной случайности, президентъ палаты поручилъ одному чиновнику вести родъ неоффиціальнаго протокола. Появленіе этого чиновника возбудило шумъ со стороны ирландцевъ, требовавшихъ изгнанія „чуждаго человѣка“ изъ парламента, но президентъ объявилъ, что онъ явился по его назначенію. Шумныя заявленія ирландцевъ не привели ни къ какому результату—палата значительнымъ большинствомъ утвердила распоряженіе своего президента.

Разныя извѣстія.

Сѣверо-Американскій національный гимнъ. Извѣстно, что трансатлантическая республика имѣетъ свой національный гимнъ. Чарующее дѣйствіе „Star spangled Banner'a“ съ 1814 года, т. е. со времени происхожденія гимна, нисколько не уменьшилось до сихъ поръ. Доказательствомъ тому служатъ пожертвованные не такъ давно однимъ американцемъ, уроженцемъ Пенсильваніи, Джемсомъ Ликомъ, 250,000 долларовъ на сооруженіе памятника сочинителю сѣверо-американскаго національнаго гимна. Вотъ краткая исторія этого гимна.

Извѣстно, что національный американскій флагъ (съ продольными красными и бѣлыми узкими полосами и въ верхнемъ углу синій квадратъ, усѣянный бѣлыми звѣздами) былъ поднятъ въ первый разъ въ балтиморской гавани въ октябрѣ 1775 года. Собравшійся въ это время въ Филадельфіи колоніальный конгрессъ послалъ новый флагъ командиру шлюпа „Hornel,“ перваго военнаго судна возставшихъ колоній. Командиръ „Hornel'я“ торжественно поднялъ этотъ флагъ при звукахъ музыки и громѣ пушекъ. Нѣсколько недѣль спустя, такъ называемый флагъ бунтовщиковъ сдѣлался ужасомъ Караибскаго моря.

По странному стеченію обстоятельствъ, въ той же балтиморской гавани, тридцать девять лѣтъ спустя, сочиненъ былъ и гимнъ въ честь сѣверо-американскаго флага. Національный гимнъ возникъ въ ночь съ 12 на 13 сентября 1814 года, во время второй войны между Англіей и Соединенными Штатами, при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Англичане, потерпѣвъ пораженіе въ сѣверныхъ штатахъ, вторглись въ Мерилэндъ, одержали побѣду при Влэденсбургѣ и превратили въ пепелъ Вашингтонъ. Британскій адмиралъ Кокбэрнъ отправился со своей эскадрой въ Чизапикскую бухту, съ цѣлью разрушить уже въ то время довольно значительный городъ Бальтиморъ. Бальтиморцы взялись за оружіе. Къ нимъ поспѣшили на помощь мерилэндскіе и пенсильванскіе волонтеры и въ 12 англ. миляхъ отъ города встрѣтились съ веллингтоновскими „непобѣдимыми,“ и разбили ихъ на-голову. Въ то время, какъ это происходило на сушѣ, британскій флотъ обстрѣливалъ фортъ Макъ-Генри, у входа въ бальтиморскую гавань. Гарнизонъ форта отправилъ, вечеромъ 12 сентября, на адмиральскій корабль, въ качествѣ парламентера, молодаго Фрэнсиса С. Кея, племянника судьи Никольсона, бывшаго въ числѣ защитниковъ форта. Англичане задержали этого парламентера и, вслѣдствіе пораженія, понесеннаго ими на сушѣ, продолжали бомбардировать фортъ. Въ плѣну на англійскомъ адмиральскомъ кораблѣ, при безпрерывномъ громѣ орудій, молодой Кей написалъ безсмертный гимнъ. Онъ набросалъ на-скоро слова на конвертѣ письма, и когда на слѣдующее утро былъ отпущенъ и возвратился благополучно въ фортъ, то переписалъ свой гимнъ на-чисто. Никольсонъ послалъ немедленно патріотическое произведеніе Кея въ конторы газеты „American.“ Редакторъ и всѣ наборщики ея находились, однако, въ рядахъ защитниковъ форта; въ типографіи оставался, для присмотра за помѣщеніемъ, одинъ только пятнадцатилѣтній ученикъ, по имени Самуэль Зандсъ. Этотъ юноша доказалъ, что онъ былъ истый американецъ; онъ немедленно набралъ стихотвореніе, отпечаталъ его въ количествѣ нѣсколькихъ сотъ экземпляровъ и роздалъ милиціонерамъ; въ тотъ же вечеръ гимнъ въ честь знамени, усѣяннаго звѣздами, распѣвали на улицахъ и въ фортѣ. Актеръ Чарльзъ Дюрангъ написалъ мелодію къ этому гимну.

Соединенные Штаты обязаны этому національному гимну столько же, сколько Германія своему „Wacht am Rhein.“ Три мѣсяца спустя, онъ помогъ разбить, 8 января 1875 года, англичанъ подъ Новымъ-Орлеаномъ; онъ устрашалъ съ тѣхъ поръ нерѣдко дикія орды индѣйцевъ; подъ звуки его одержаны побѣды при Буэна-Виста, Церро-Гордо, Молино-дель-Реи и Чепультепекѣ; подъ звуки его побѣдоносная армія Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ вступила въ столицу Мексики. Какія чудеса произвелъ онъ во время послѣдней междоусобной войны, у всѣхъ еще на свѣжей памяти.

Майносскіе старообрядцы „Некрасовцы“ (въ Турціи близь Мраморнаго моря), не такъ давно искавшіе союза съ вселенскою церковію на правилахъ единовѣрія и отринутые константинопольскимъ патріархомъ, теперь частію (около „40 номеровъ“, т. е. домовъ) присоединились къ бѣлокриницкой іерархіи и уже снабжены священникомъ отъ этой іерархіи, а частію рѣшились обратиться къ московскому архипастырю высокопреосвященному Макарію. Депутація майносцевъ были въ Москвѣ, въ томъ числѣ и избранный изъ среды майносцевъ человѣкъ для посвященія въ санъ іерея—на правилахъ единовѣрія. Владыка Макарій принялъ на себя устройство этого дѣла; бумаги уже готовы для утвержденія святѣйшимъ синодомъ. Такимъ образомъ майносцы - старообрядцы отнынѣ раздѣлены будутъ на три части: 1) по прежнему бѣглопоповщинскому согласію, 2) по бѣлокриницкому священству и 3) по московскому единовѣрію,—въ одномъ и томъ же предѣлѣ константинопольскаго патріархата.

Електрическую машину, играющую на органѣ по нотамъ и изобрѣтенную братьями Шмэле, показывали въ Филадельфіи, въ павильонѣ общественнаго сада. Роль человѣка ограничивалась только перемѣною нотъ и приведеніемъ машины въ ходъ. Очень маленькая машинка, не больше швейной, разбираетъ ноты на ощупь, какъ дѣлаютъ слѣпые; ноты вырѣзаны на длинной полосѣ бумаги, представляются въ видѣ горизонтальныхъ черточекъ большей или меньшей длины. Для усиленія музыкальнаго эффекта, въ органѣ находятся, кромѣ трубъ, барабаны, цимбалы, колокольчики и проч., на которыхъ играетъ такъ же электрическая машина. Исполненіе музыкальныхъ пьесъ посредствомъ ея выходитъ полнѣе, чѣмъ у живаго органиста, потому что послѣдній обладаетъ только 10-ю пальцами, тогда какъ у аппарата ихъ 200 и онъ можетъ сразу брать по 200 нотъ, въ случаѣ надобности. При этомъ если ноты приготовлены тщательно, то въ автоматической игрѣ не будетъ ни одного фальшиваго звука. Этотъ электрическій органистъ исполняетъ увертюры изъ „Семирамиды“, изъ „Вильгельма Телля“ и другихъ пьесъ такъ хорошо, какъ только можетъ исполнить оркестръ, у котораго отлично выработана техническая сторона, но который лишенъ музыкальнаго одушевленія. Изобрѣтатели надѣются въ скоромъ времени примѣнить свою машину и для игры на фортепіано.

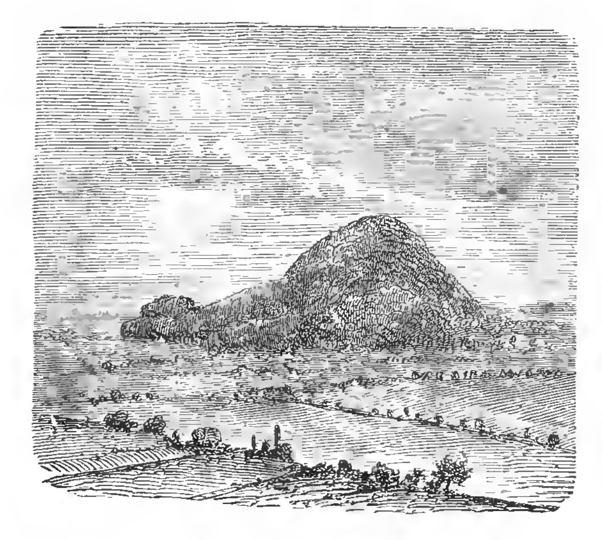
Парижскому общинному совѣту предстоитъ обсужденіе слѣдующаго проекта: Ст. I. Устроить на кладбищѣ Перъ-Лашеза аппаратъ для сжиганія труповъ по системѣ Сименса и Колумбарія. Ст. 2. Совершать за плату сжиганіе труповъ по заявленіи желанія о томъ родственниковъ покойнаго. Урны съ пепломъ умершихъ хранить на кладбищѣ.

Смерть отъ аэролита. Нѣкоторыя иностранныя газеты сообщили на-дняхъ, какъ о „небываломъ фактѣ,“ о смерти одного человѣка въ Америкѣ, убитаго въ полѣ аэролитомъ; это вовсе не безпримѣрный фактъ и Гумбольдъ, въ своемъ „Космосѣ“, упоминаетъ о трехъ такихъ случаяхъ: именно въ 1559 г. 4 сентября, монахъ въ Кремѣ, въ 1650 г., другой монахъ въ Миланѣ и, въ 1674 году, два шведскіе матроса, находясь на кораблѣ, были убиты слетѣвшими съ неба аэролитами.

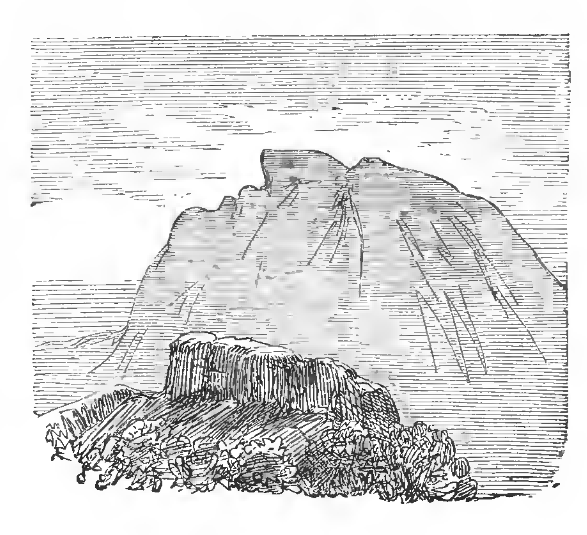
Быстроходная яхта. Въ американскихъ газетахъ сообщается, что одному яхтсмэну нью-йоркскаго яхтъ-клуба удалось построить *такую быстроходную яхту, что онъ предложилъ своимъ товарищамъ пари въ 1.000 долларовъ* на слѣдующихъ условіяхъ: въ назначенный имъ день (это непремѣнное условіе сохраняетъ онъ за собой потому, что никакое парусное судно не можетъ идти скоро при слабомъ

(Продолженіе на стр. 577, 578, 579 и 580).

вѣтрѣ) онъ берется на своей яхтѣ „Catomoran“ обогнать любую паровую яхту, если при этомъ гоночная дистанція будетъ не менѣе 10 морскихъ миль. Окончательно выигравшимъ будетъ считаться тотъ, кто обгонитъ три раза изъ пяти состязаній.

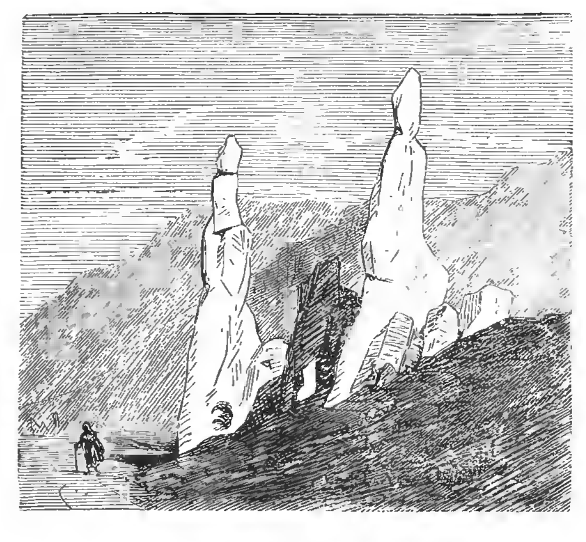


Лежащій верблюдъ.



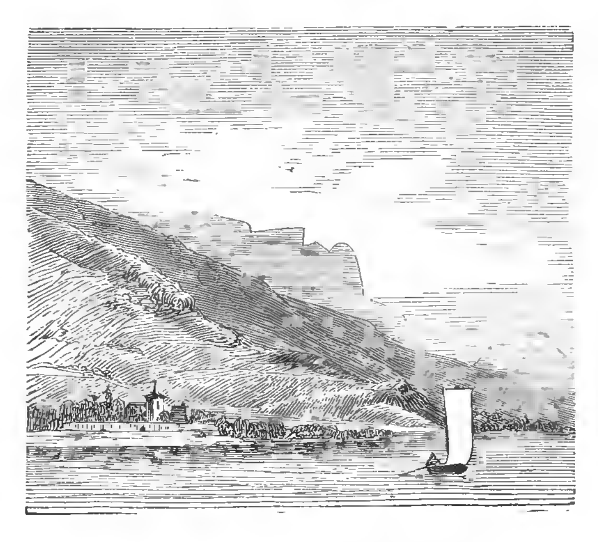
Профиль Людовика XVI въ Траунштейнѣ.

Мертвый монахъ въ долинѣ Этша.



Окаменѣлыя дѣвы въ долинѣ Брентцъ.

Каменная женщина въ Визенштейгѣ.

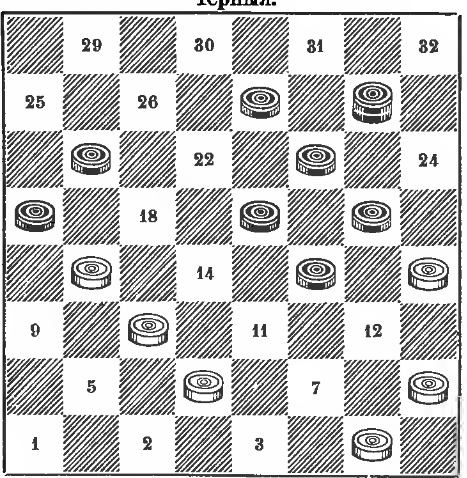


Профиль Наполеона I около озера Комо.

Степень дѣлимости золота. Въ области минералогіи интересны опыты Утербриджа, директора филадельфійскаго монетнаго двора, произведенные съ цѣлью опредѣлить степень дѣлимости золота. Вырѣзавъ изъ тонкой листовой мѣди пластинку въ 20 квадр. дюймовъ и взвѣсивъ ее на чувствительныхъ вѣсахъ, онъ нанесъ на нее затѣмъ, гальванопластическимъ путемъ, тонкій слой золота. Повторивъ взвѣшиваніе, онъ нашелъ, что вѣсъ нанесеннаго слоя не превышаетъ $1^1/_2$ долей, что соотвѣтствовало толщинѣ золотаго слоя всего въ $^1/_{980400}$ часть дюйма. Вытравивъ затѣмъ съ позолоченной пластинки всю мѣдь, Утербриджъ получилъ золотой листокъ, почти совершенно прозрачный и пропускавшій, если смотрѣть его на свѣтъ, характеристическіе зеленые лучи. Тѣмъ же способомъ ему удалось изготовить листъ золота, толщиною всего $^1/_{2796000}$ часть дюйма, т. е. такой толщины, что 10,500 подобныхъ листковъ, положенныхъ одинъ на другой, имѣли бы общую толщину листа обыкновенной газетной бумаги.

Шашечная задача № 11.

Черныя.



Бѣлыя.

Бѣлыя начинаютъ и выигрываютъ. Какими ходами?

Рѣшеніе алгебраической задачи въ № 26 „Нивы“.

$x^2 + y^2 + z^2 - 237 = 862,$

$x^2 + y^2 + z^2 = 1099 \quad y^2 + z^2 = 10$

$y^2 + z^2 = 9 + 1$ и $y^2 = 9;\ z^2 = 1,$

откуда $y = 3,\ z = 1$

изъ соединенія уравненій (1) и (2) мы получимъ:

$x^2 = 1089;\ x = \sqrt{1089} = 33$

и такъ мы нашли, что

$x = 33,\ y = 3,\ z = 1.$

Проискавъ въ алфавитѣ буквы, соотвѣтствующія найденнымъ цифрамъ, мы узнаемъ, что искомое названіе острова „**Ява**“.

Вѣрныя рѣшенія етой задачи присланы: **С.-Петербургъ,** отъ гг.: Орлова, Тюриной, X. Y. Z., Геннинга, Экенберга, Эмануэль; **Москва,** отъ гг.: Живаго, Д—на, Сапѣгина, Стальнова, Ветчинкиной, Звѣвакина, Румянцева, Корешкова; **Шуя**—Щеколдина, **Муромъ**—Смирнова, **Прашки**—Кузнецова, **Могилевъ**—Ландау, **Слупцы**—Шера; **Дубно**—Левицкаго; **Бѣлгородъ**—Гурьева; **Черниговъ**—Робиновича; **Бѣл. Церк.**—Гофмана; **Пруды**—Елкина; **Угличъ**—Шлякова; **Муромцево**—Воронцова; **Пинскъ**—Эпмана; **Вильна**—Газенвинкеля; **Подольскъ**—Молчанова; **Кавровъ**—Инге; **Тамбовъ** — Острова; **Владиміръ**—Боголюбова; **Рогонь**—Кузнецова; **Александрія**—Бурштынскаго; **Сумы**—Дробной; **Кіевъ**—Рамзайцева; **Аксай**—Федорова; **Гжатскъ**—Сѣдова.

Рѣшеніе шашечной задачи № 10.

Бѣлыя.	Черныя.
Съ № 10 на 13	Съ № 18 на 9
„ „ 1 „ 5	„ „ 9 „ 2
„ „ 12 „ 15	„ „ 2 „ 20
„ „ 16 „ 17	

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы: **Спб.,** отъ гг.: Евреинова, Николаева, Валдаева. Таранова, Лазари, Нейягренъ, Перминова, Геннинга, Кузьмина, Тарачкова и Николаева; **Москва:** Могилевскаго, Стальнова, Цапулина, Звѣвакина, Микѣева. Вортепа, Валдаева, Зимина, Никитина; **Медвѣдево**—Лейцингера; **Царское Село**—Митрофанова; **Кронштадтъ**—Даржаяа; **Кусково** Медвѣдева.

Рѣшеніе ребуса помѣщеннаго въ № 26.

Хорошо бьетъ ружье: съ полки упало, семь горшковъ разбило.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

СПБ С. Варг—гъ.

Сижу я въ комнатѣ своей
И поэтическія строфы сочиняю;
Мѣшаетъ крѣпко мнѣ Морфей,
Но отъ себя его я устраняю...

Жаль, что Морфею не удалось такъ помѣшать вамъ.

Тамбовъ г. Самоучкѣ. Не можемъ доставить вамъ удовольствія помѣщеніемъ стиховъ.

Спб. Н—му. Ваши стихи „Русская женщина при большой нуждѣ“ не могутъ быть напечаны, хотя такое положеніе женщины дѣйствительно мрачно и вы старались подражать Некрасову.

Охотскъ. Ф. Я. Вы просите выслать за ваши стихи вознагражденіе.

И мнѣ хотѣлось выхвалять
Безсмертную богиню,
Рукой дрожащей начертать
Ея прелестную картину.

Не легко оцѣнить такіе стихи.

Казань. Кат—у. Вы сами не помните когда и какія прислали стихотвореніе а требуете, чтобы это помнили люди, ежедненно получающіе пачки стиховъ.

Отъ Издателя.

Многіе изъ нашихъ подписчиковъ обращались къ намъ съ просьбою помѣщать портреты важнѣйшихъ **дѣятелей прошлаго нашей литературы.** Въ виду этаго, приготовивъ рядъ портретовъ дѣятелей литературы, мы просили *А. П. Милюкова* (автора „исторіи поэзіи“, имѣвшей такой заслуженный успѣхъ) и *Вс. С. Соловьева* (автора романовъ историческихъ „ЦарьДѣвица,“ „Юный Императоръ“ и друг.) составить очерки жизни и дѣятельности этихъ писателей и имѣя ихъ теперь въ своемъ распоряженіи, будемъ ихъ помѣщать отъ времени до времени.

ПРИЗЫВЪ КЪ ПОЖЕРТВОВАНІЯМЪ

въ пользу погорѣльцевъ г. Иркутска.

Вслѣдствіе Высочайшаго разрѣшенія въ конторѣ „Нивы“ открытъ пріемъ пожертвованій въ пользу пострадавшихъ отъ пожара жителей Иркутска. Имена жертвователей будутъ публиковаться въ текущихъ №№ журнала.

Издатель **А. Марксъ.**

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса изъ одного города въ другой, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.

СОДЕРЖАНІЕ: **Амстердамъ** (съ 3 рис.)—**Подъ чужимъ именемъ.** Повѣсть В. **Штрауса.** — Стихотворенія **В. Мюра.** — **Пигмеи—терзатели человѣка** Статья И. **Вавилова.**—**Лѣто** (съ рис.)—**Спрятались отъ дождя** (съ рис.).—**Сборъ хвороста въ лѣсу** (съ рис.)—**Игра природы** (съ рис.)—Политическое обозрѣніе.—Разныя извѣстія —Шашечная задача.—Рѣшеніе Алгебраической задачи.—Рѣшеніе шашечной задачи.—Рѣшеніе ребуса.—Почтовый ящикъ.—**Отъ издателя.**—**Призывъ къ пожертвованіямъ.** — **О перемѣнѣ адреса.**—Объявленія.

Издатель **А. Ф Марксъ.** Редакторъ **Ф. Бергъ.**

ОПЕЧАТКА.

Въ №№ 27 и 28 „Нивы“ въ объявленіи Г. М. Хуттона и К° о швейныхъ магазинахъ Виллера и Вильсона (стр. 540) послѣ словъ „необладающимъ большими средствами, но желающимъ имѣть швейную машину“ слѣдуетъ строка, помѣщенная по ошибкѣ выше: „**и живущимъ въ мѣстахъ, гдѣ есть одинъ изъ нашихъ складовъ или агентъ нашихъ машинъ,** можетъ быть сдѣлана разсрочка въ уплатѣ части денегъ, если будетъ представлено обезпеченіе за вѣрную уплату остальныхъ денегъ“.

Изданіе А. Ф. Маркса въ С.П.Бургѣ. Б. Морская, д. № 9.

МИЛЬТОНЪ
ПОТЕРЯННЫЙ и ВОЗВРАЩЕННЫЙ
РАЙ.

Съ картинами ГУСТАВА ДОРЭ.

Переводъ А. Шульговской
изданіе in folio.
Съ подстрочнымъ Англійск. текстомъ.
ЦѢНА:
въ прост. коленкор. перепл. 25 р.
съ перес. въ ящикѣ . . 30 р.
въ красивомъ полушагр. п. съ
зол. обр. въ футлярѣ . . 30 р.
съ перес. въ ящикѣ . . . 35 р.

Изданіе *классическихъ авторовъ* въ роскошномъ видѣ есть дань уваженія къ ихъ безсмертнымъ именамъ. Такая роскошно изданная книга, служа украшеніемъ салона, постоянно возобновляетъ въ памяти прекрасныя, не утратившія своей прелести въ теченіи вѣковъ, страницы.

Предпринимая это изданіе, Издатель не жалѣлъ ни труда ни времени, чтобы придать знаменитому творенію *Мильтона,* соединенному съ превосходными рисунками Густава Дорэ, то изящество и роскошь, какую имѣютъ подобныя изданія за границей.

Цѣна этого изданія, по сравненію съ подобными роскошными, заграничными изданіями, очень дешева.

Для подарковъ это изданіе, по своему *красивому* и очень *богатому переплету,* исполненному по рис. *И. Панова,* будетъ весьма *удобно.*

НИЛЬСОНЪ ЭКСТРЕ-ДЕ-ТУАЛЕТЪ.

Уничтожаетъ съ лица пятна, загаръ, угри, прыщи, веснушки, желтизну, пропадаютъ и морщины и лицу придаетъ бѣлизну, мягкость и нѣжность, и можетъ быть употребляемъ съ пользою для втиранія шеи и рукъ. Секретъ этого состава пріобрѣтенъ заграницею и разрѣшенъ с.-петербургскимъ медицинскимъ начальствомъ, онъ превосходитъ всѣ до сихъ поръ извѣстныя косметическія средства и продается въ С.-Петербургѣ—въ гостинномъ дворѣ: у Рузанова, Саблукова, Ушакова, Парикова, Сафронова; въ пассажѣ № 44; Владимірская улица, въ химической лабораторіи: д. № 7; въ Москвѣ—магазинъ «Городъ Парижъ», Дарзансъ, Газетная улица, д. Шевалье, на Тверской, магазинъ и у Гермитта, д. Олсуфьева, по Никольской улицѣ, въ проѣздѣ д. Третьякова, въ химической лабораторіи Козлова. Цѣна флакону 3 р. 25 к., а съ пересылкою 4 р., полъ-флакона 1 р. 75 к., съ пересылкою 2 р. 50 к. Продается пудра «Нильсонъ» самаго высокаго достоинства съ пушкомъ коробка 70, к. безъ пушка 50 к. Складъ въ С.-Петербургѣ, Большая Садовая, д. № 12, кв. № 10. На Нижегородской ярмаркѣ подъ главнымъ домомъ магазинъ Рабона. № 196 3—2

МОЛОЧНАЯ МУКА НЕСТЛЕ 1 РУБ.

ДЛЯ ВСКОРМЛЕНІЯ ГРУДНЫХЪ ДѢТЕЙ Безъ пересылки

и СГУЩЕННОЕ МОЛОКО НЕСТЛЕ. 75 к.

ГЛАВНОЕ ДЕПО для оптовой и розничной продажи въ С.-Петербургѣ у АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ въ зданіи Воспитательнаго дома по Казанской ул. № 3, Магазинъ № 7, а также у Штоль и Шмидтъ —въ Спб. Химической Лабораторіи,—въ Русскомъ Обществѣ Торговли Аптекарскими Товарами и во всѣхъ москательныхъ торговляхъ и аптекахъ Россійской имперіи.

Единственный агентъ для всей Россіи *Александръ Венцель*

☛ Имѣю честь довести до свѣдѣнія публики, что я отвѣчаю только за тѣ жестянки, на которыхъ находится СИНІЙ ШТЕМПЕЛЬ и ПОДПИСЬ Александра Венцеля ЕДИНСТВЕННАГО агента моего для всей Россіи.

№ 51 26—9 ГЕНРИХЪ НЕСТЛЕ въ Веве (Швейцарія).

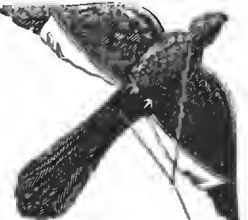
№ 198 2—2

ДЕСЯТИЧНЫЯ ВѢСЫ, отъ 3 до 300 пудовъ изготовленныхъ въ моемъ машинномъ заведеніи имѣются постоянно въ моихъ складахъ:

Въ С.-Петербургѣ, Средняя Мѣщанская соб. д. № 20. ИСИДОРЪ ГОЛЬДБЕРГЪ. Москва, Большая Никитская д. Черневой.

Гостиница Hôtel d'Angleterre въ Берлинѣ.

Давно извѣстное заведеніе. мѣстоположеніе отличное, самыя умѣренныя цѣны. № 125 20—10



Изданія С.-Петербургской Мастерской учебныхъ пособій и игръ. Троицкій пер. д. № 11. См. подробности объявленія въ № 21.

БУМАЖНЫЙ ЯСТРЕБЪ.

Дюжина 3 руб., упаковка 40 к., перес. за 8 фунтовъ.

Иногородн. высылаются только дюжинами. 1 экз. съ подробн. наставлен. 40 к.

☛ ВСЛѢДСТВІЕ ПОДДѢЛКИ ☚

просимъ обращать вниманіе на напечат. фирму: «Большой выборъ учебныхъ пособій игръ и занятій». 6—6 № 178

ГОТОВАЯ ОБУВЬ И РЕЗИНОВЫЯ ИЗДѢЛІЯ

по фабричнымъ цѣнамъ ВЪ МАГАЗИНѢ

ФЕНИКСЪ

Невскій пр. № 54, ПРОТИВЪ ПАМЯТНИКА ЕКАТЕРИНЫ.

№ 200

№ 181 8—5

ВЫШЛО НОВОЕ ИЗДАНІЕ
ДВАДЦАТЬ МѢСЯЦЕВЪ ВЪ ДѢЙСТВУЮЩЕЙ АРМІИ
(1878—1879)

ПИСЬМА ВЪ РЕДАКЦІЮ ГАЗЕТЫ „ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ ВѢСТНИКЪ“ ОТЪ ЕЯ ОФИЦІАЛЬНАГО КОРРЕСПОНДЕНТА, ЛЕЙБЪ-ГВАРДІИ УЛАНСКАГО ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ПОЛКА ШТАБСЪ-РОТМИСТРА

Всеволода Крестовскаго

изданіе исправленное и дополненное, въ двухъ томахъ (1.348 страницъ), съ планами, картами и справочнымъ указателемъ именъ и фамилій.

СОДЕРЖАНІЕ I ТОМА: Санитарная и хирургическая части въ арміи.—Гулевые полки.—Военная жизнь въ Кишиневѣ.—Канунъ и объявленіе войны.—Пребываніе Государя Императора въ Кишиневѣ.—Красный крестъ.—Болгарское ополченіе.—Занятіе Барбошскаго моста.—Дѣйствія въ Браиловѣ.—Отъ Унгеней до Плоештовъ.—Болгарское знамя.—Минныя загражденія.—Кавалерія на Дунаѣ.—Взрывъ турецкаго броненосца.—Пріѣздъ Государя Императора къ арміи.—Пребываніе Его въ Бухарестѣ и Плоештахъ.—Переправа у Галаца и занятіе Мачина.—Окончательныя загражденія Дуная.—Приготовленія къ главной переправѣ.—Переправа у Зимницы.—Дѣятельность врачей на переправѣ.—Пребываніе главныхъ квартиръ въ Зимницѣ.—Зимница и Систовъ.—Занятіе Тырнова.—Занятіе Сельви, Ловчи и Плевны.—Занятіе Шипкинскаго перевала.—Взятіе Никополя.—Первое сраженіе подъ Плевной.—Второе сраженіе подъ Плевной.—Выѣздъ главной квартиры изъ Тырнова.—Систово-зимницкая паника.—Дѣйствія забалканскаго отряда генерала Гурко.

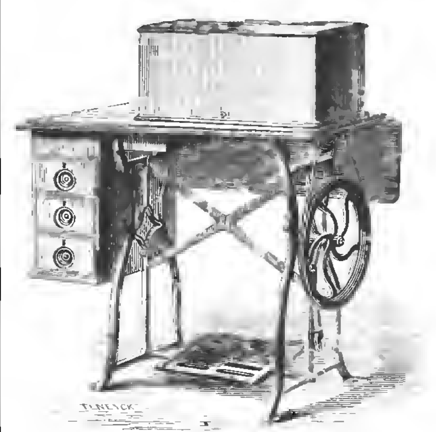
СОДЕРЖАНІЕ II ТОМА: Главная квартира въ Чаушкѣ-Махалѣ.—Пріѣздъ Государя Императора въ Горный-Студень.—Битвы на Шипкѣ.—Подробности о битвахъ первыхъ трехъ дней на Шипкѣ.—Третья Плевна.—Подъ Плевной до пріѣзда генерала Тотлебена.—Дѣйствія кавалеріи за Видомъ.—Дѣйствія Сельви-ловчинскихъ партизановъ.—Преступленія въ арміи.—День на Великокняжеской батареѣ.—Бой подъ Горнымъ-Дубнякомъ и Телишемъ.—Сдача Телиша и плѣнные въ Боготѣ.—Дальнѣйшія дѣйствія на путяхъ сообщеній Османа.—Взятіе перваго гребня Зеленыхъ горъ и жизнь въ траншеяхъ.—Взятіе Врацы.—Нижнедунайскій, рущукскій, еленинскій и шипкинскій отряды.—Подъ Плевной.—Дѣйствія отдѣльнаго западнаго отряда генерала Гурко.—Паденіе Плевны, бой за Видомъ 28-го ноября.—Сдача Османа.—Государь Императоръ въ Плевнѣ.—Османъ и плѣнные паши въ Боготѣ.—Отъѣздъ Государя Императора изъ арміи.—Переходъ черезъ Траянъ.—Въ долинѣ Розъ.—Отъ Карлова до Чирпана.—Переправа черезъ Марицу у Іени-Магале до Адріанополя.—Адріаноль.—Отъ Адріанополя до моря Эгейскаго.—Набѣгъ генерала Струкова.—Набѣгъ на Гюмурджину.—Миръ.—Свиданіе Великаго Князя съ Султаномъ. Прощальный смотръ Великаго Князя.

За два тома цѣна 6 рублей.

На пересылку прилагаются деньги по почтовому тарифу за пять фунтовъ и сверхъ того 20 к. за укупорку. Книгопродавцамъ дѣлается обычная уступка

Лица, обращающіяся съ требованіями непосредственно въ складъ изданія, за пересылку и укупорку ничего не платятъ.

Складъ изданія въ конторѣ редакціи газеты „Правительственный Вѣстникъ“, въ С.-Петербургѣ.



УМЕНЬШЕНІЕ ЦѢНЪ

НАСТОЯЩИХЪ АМЕРИКАНСКИХЪ ШВЕЙНЫХЪ МАШИНЪ

ВИЛЛЕРА И ВИЛЬСОНА

ОБРАЗУЮЩИХЪ ДВОЙНУЮ СТРОЧКУ

Болѣе 1.000.000 находится въ употребленіи.

Вслѣдствіе расширенія круга дѣйствій фабрики; дающаго возможность компаніи Виллеръ и Вильсонъ нынѣ поставлять машины по удешевленному тарифу и отвѣчать на всякій запросъ на оныя (фабрика изготовляетъ болѣе 300 машинъ въ день), Г. М. ХУТТОНЪ и К°., ЕДИНСТВЕННЫЕ АГЕНТЫ ОНОЙ ДЛЯ РОССІИ будутъ отпускать машины съ значительными улучшеніями.

отъ 50 рублей серебромъ.

съ безплатнымъ обученіемъ и письменной гарантіей исправности машины на четыре года.

КАЧЕСТВА, РЕКОМЕНДУЮЩІЯ ЭТИ ЗНАМЕНИТЫЯ МАШИНЫ, СЛѢДУЮЩІЯ:

1) Красивый и превосходный шовъ, имѣющій одинаковый видъ какъ съ одной, такъ и съ другой стороны обшиваемой матеріи.
2) Крѣпость и прочность шва, нераспарывающагося и немахровящагося.
3) Приспособленіе приводовъ и обширное примѣненіе оныхъ къ работамъ и матеріи.
4) Сбереженіе нитокъ.
5) Уборчивость и изящность фасона и отдѣлки.
6) Несложная и прочная конструкція.
7) Быстрый ходъ, легкость въ употребленіи и управленіи и отсутствіе шума во время дѣйствія.

Двойная строчка превосходитъ всѣ другія стежки; машина Виллеръ и Вильсонъ образуетъ эту стежку лучше всѣхъ другихъ машинъ.
Доказательствомъ того, что нѣтъ лучшихъ машинъ въ свѣтѣ, есть то обстоятельство, что настоящія американскія Виллера и Вильсона швейныя машины получили на всѣхъ международныхъ и другихъ выставкахъ высшую награду и множество большихъ золотыхъ медалей. **На Парижской выставкѣ 1878 года Виллеръ и Вильсонъ въ Нью-Іоркѣ получили одну изъ высшихъ наградъ за ихъ** новую швейную машину съ прямой иголкой. ЕДИНСТВЕННАЯ высшая награда, присужденная для швейныхъ машинъ между **восьмидесятью** конкурирующими. Нѣкоторые послѣдніе получили каждый одну изъ 2600 медалей,

Г. М. ХУТТОНЪ и К°.

ГЛАВНЫЕ АГЕНТЫ и ЕДИНСТВЕННЫЕ ИМПОРТЕРЫ

НАСТОЯЩИХЪ **Виллера и Вильсона** ШВЕЙНЫХЪ МАШИНЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ: 1) Магазинъ и контора; Малая Морская, № 14. 2) Магазинъ: Невскій проспектъ, № 40.
МОСКВА, Большая Лубянка, домъ Мазурина.—ОДЕССА, Полицейская улица, д. Нитче, у Х. Гефти.
НИЖНІЙ-НОВГОРОДЪ, во время ярмарки: въ зданіи Большаго Театра.
ХАРЬКОВЪ, у Н. П. Баллина, Екатеринославская, № 14.

ПРИМѢЧАНІЕ. Необладающимъ большими средствами, но желающимъ имѣть швейную машину и живущимъ въ мѣстахъ, гдѣ находится одинъ изъ нашихъ складовъ или агентъ нашихъ машинъ, можетъ быть сдѣлана разсрочка въ уплатѣ части денегъ, если будетъ представлено обезпеченіе за вѣрную уплату остальныхъ денегъ.

№ 188 **ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ БЕЗПЛАТНЫЙ.** 3—3

Мебельный магазинъ Ф. ПАЙКИНА.

Михайловская, д. № 13, рекомендуетъ въ огромномъ выборѣ самую роскошную мебель новѣйшихъ фасоновъ, лучшихъ мастеровъ, по весьма умѣреннымъ цѣнамъ. Принимаетъ заказы на полныя обстановки квартиръ, столярной и обойной работы, по всѣмъ заграничнымъ рисункамъ. № 189 4—4

НОВѢЙШІЯ МОЛОТИЛКИ

по системѣ **ВЕЙЛА,**

СЪ ЧИСТИЛЬЩИКОМЪ И БЕЗЪ ОНАГО.

дешевле всѣхъ прежнихъ конструкцій.

Одноконныя до 4-хъ конныхъ и ручныя съ новѣйшими значительными улучшеніями, предлагаетъ на нынѣшній сезонъ по **чрезвычайно дешевымъ цѣнамъ** и на самыхъ выгодныхъ условіяхъ платежа.

Доставка франкирована на всякую станцію желѣзныхъ дорогъ.

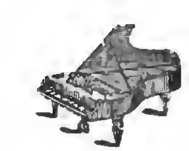
Ищутъ агентовъ. Торговцамъ дѣлаютъ уступки.

Морицъ Вейлъ младш. Машинно-строительный заводчикъ въ Франкфуртѣ-на-Майнѣ.

Первый вводитель штифтовой молотилки.

Moriz Weil jun. Maschin.-Fabrikant Frankfurt a M, Heiligkreuzg. 12, 14, 16 & 16a Landwirthschafts-Vereinshalle.
№ 30 10—8

Ф. В. ШИЛЛЕРЪ.



В. Морская, д. № 17, и Вас. остр., 8-я линія, въ собственномъ домѣ, № 27. Большой выборъ роялей американской конструкціи, какъ и піанино изящной.
НОВОЙ МЕТАЛЛИЧЕСКОЙ КОНСТРУКЦІИ,
съ полнымъ тономъ и держащія особенно хорошо строй.
№ 201 1—1

КОПИРОВАЛЬНО-МНОЖИТЕЛЬНЫЙ АППАРАТЪ,

патентованный здѣсь и заграницею, производящій изъ одного оригинала болѣе **50-ти копій** въ полчаса, цѣна 19 руб. съ пересылкой 21 р. и

КОПИРОВАЛЬНЫЕ ПРЕССЫ,

чугунные и **желѣзные,** изящной отдѣлки изготовленные **въ моемъ машинномъ заведеніи** (прейсъ-куранты по требованіямъ) имѣются у меня:

Въ С.-Петербургѣ, Средняя Мѣщ., собств. домъ, № 20. | **Исидоръ Гольдбергъ.** | **Въ Москвѣ, Б. Никитская, домъ Черневой.**

Содержатель словолитнаго, гальванопластическаго, стереотипнаго и **машиннаго** заведеній. № 199 2—2

Дозволено цензурою СПБ. 12 Іюля 1879 г. Тип. Вейлинга. Англ. пр. № 10.

ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

X годъ — годъ X

№ 30 — 1879

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ «ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ» (отъ 20 до 40 модн. рис.)
Выданъ 23 Іюля 1879 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40). Цѣна этого № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

Тевфикъ паша. Новый Хедивъ Египта.
Съ фотогр. грав. Е. Шмидтъ.

Измаилъ-Паша. Бывшій Хедивъ Египта.
Съ фотогр. грав. Е. Шмидтъ.

Измаилъ и Тевфикъ-паши,

бывшій и нынѣшній хедивы Египта.

Много историческихъ превратностей испыталъ Египетъ. Просуществовавъ долгое время какъ самостоятельное государство, онъ, затѣмъ, становится добычею другихъ государствъ и народовъ. Римское владычество смѣняется въ 616 г. послѣ Р. Х. владычествомъ персовъ, господствовавшихъ, однако, тамъ не долго. Уже въ 640 г., халифъ Омаръ 1-й, воспользовавшись внутренними религіозными распрями между сектой якобитовъ, или туземцами-коптами, и сектой мельхитовъ, состоявшей изъ грековъ и римлянъ, быстро завоевалъ всю страну, осуществивъ, такимъ образомъ, мысль Магомета. Война эта замѣчательна, между прочимъ, геройской обороной Александріи, защищавшейся въ продолженіи 14-ти мѣсяцевъ, по взятіи которой, какъ извѣстно, была сожжена знаменитая библіотека города. До 750 года, когда пресѣклась династія Оміадовъ, Египетъ процвѣталъ подъ властію правителей, усвоившихъ римскую административную систему. Но, счастливая эра окончилась съ воцареніемъ Абасидовъ. Тяжкіе, обременительные налоги и жестокія притѣсненія служили, въ этотъ періодъ исторіи Египта, поводомъ частыхъ возстаній. Затѣмъ, въ 868 г. Египетъ впервые обособляется въ административномъ отношеніи. Ахмедъ-Бекъ-Тулумъ, родомъ турокъ, назначенный намѣстникомъ Египта, вынудилъ у халифа инвеституру на управленіе этой страной и Сиріей. Въ XII столѣтіи, во время неурядицы и волненій, возникшихъ на Востокѣ подъ вліяніемъ крестовыхъ походовъ, одинъ изъ Азіатскихъ владѣтелей, Саладъ-Динъ (Саладинъ) подчинилъ Египетъ своей власти и основалъ династію Эхобидовъ. Они удержали за собой господство до 1254 г., среди постоянныхъ войнъ противъ крестоносцевъ въ Палестинѣ и противъ возстаній мамелюковъ, особаго рода милиціоннаго войска, созданнаго ими же изъ Борджитовъ, или черкесовъ и Богаритовъ — приморскихъ, побережныхъ племенъ. Мамелюки взяли верхъ и, впродолженіи 267 лѣтъ, господствовали въ странѣ, чрезъ посредство выбиравшихся ими правителей. Только въ XVI столѣтіи Египетъ становится частью оттоманской имперіи, къ которой онъ присоединенъ, съ 1517 года, Селимомъ 1, преемникомъ Баязета. Египетскій пашалыкъ былъ ввѣренъ управленію особыхъ губернаторовъ, именовавшихся беями и изъ числа которыхъ особенно выдался Али-бей, получившій, въ силу своего политическаго вліянія, титулъ вице-короля. Ибрагимъ и Мурадъ-бей замѣчательны только тѣмъ, что, раздѣливъ власть между собою, правили во время знаменитой экспедиціи Наполеона, въ 1798 г. Война противъ французовъ вывела на сцену и основателя нынѣшней династіи хедивовъ,—Мегмета-Али, отличившагося, въ качествѣ генерала турецкихъ войскъ и въ борьбѣ съ французами и, затѣмъ, послѣ возвращенія ихъ въ отечество—съ мамелюками. Сумѣвшій проявить, кромѣ того и свои способности какъ губернаторъ Салоникской провинціи, онъ, въ 1806 г., получилъ въ свое управленіе Египетъ. Уже въ 1807 г. ему удалось изгнать британцевъ, и истребить непокорныхъ мамелюковъ. Успокоивъ страну, избавивъ ее отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ, Мегметъ-Али занялся устройствомъ ея, руководствуясь результатами, достигнутыми европейскимъ міромъ, который постоянно, уже тогда, служилъ ему образцомъ. Въ 1824 и 1827 г.г. Порта возложила на него начальство экспедиціей противъ возставшей Греціи, но здѣсь успѣхи его были остановлены знаменитымъ Наваринскимъ морскимъ сраженіемъ, въ которомъ русскій флотъ, при незначительномъ участіи британскаго и французскаго, уничтожилъ оттоманскій и нѣсколько лѣтъ спустя, возгорѣлась война уже между султаномъ и вассаломъ, который сдѣлался гораздо болѣе могущественнымъ, чѣмъ предшественники его. Онъ быстро завоевалъ Софію и неизвѣстно, что ожидало оттоманскую имперію, еслибы не вступилась Россія, остановившая успѣхи Мегмета-Али и принудившая его покориться своему повелителю. Мы видимъ и здѣсь наше отечество—спасителемъ государствъ, не только никогда не платившихъ намъ благодарностью, но и часто не сознававшихъ того, что для нихъ сдѣлано нами. Изъ слѣдовавшихъ за Мегметомъ-Али, вице-королей Египетскихъ, наиболѣе обращаетъ на себя вниманіе только что низложенный—Измаилъ-паша, сынъ Ибрагима-паши и прямой внукъ Мегмета-Али, наслѣдовавшій своему дядѣ, Саидупашѣ, правившему по праву старшинства въ родѣ. Измаилъпаша значительно измѣнилъ и упрочилъ положеніе вице-короля. Вскорѣ, около 3-хъ лѣтъ послѣ вступленія его въ управленіе Египтомъ, въ 1863 г., онъ добился отъ султана фирмана, установившаго новый законъ наслѣдованія престола, который, въ силу этаго закона, переходилъ не къ старшему въ родѣ, а по прямой линіи; затѣмъ, въ 1867 г. Султанъ даровалъ Измаилу и его преемникамъ титулъ хедива, т. е, „царствующаго государя,“ права и преимущества котораго были дополнены позднѣйшими фирманами, и именно: 1872 г.—предоставившимъ ему совершать займы и довести армію и флотъ до численности, которая ему заблагоразсудится, и далѣе,—1873 г.—даровавшимъ ему и права заключать торговые договоры, и полную административную власть въ странѣ, на которую, съ тѣхъ поръ, онъ могъ смотрѣть и смотрѣлъ какъ на свой законный и наслѣдственный удѣлъ. Царствованіе этаго 4-го вице-короля, т. е. намѣстника и перваго хедива, какъ извѣстно, замѣчательно, между прочимъ, прорытіемъ Суэзскаго канала. Исторія этого колоссальнаго предпріятія Лессепса настолько уже знакома всѣмъ и каждому, что мы считаемъ излишнимъ приводить ее здѣсь. Измаилъ-паша, человѣкъ выдающагося ума и европейскаго образованія и въ то же время, извѣстный поклонникъ искусствъ, несомнѣнно сумѣлъ бы принести пользу своему краю, который подарилъ многими реформами и полезными нововведеніями; но, чрезмѣрная страсть его къ роскоши и расточительность обременили и его самаго и страну громадными долгами. Дѣло дошло до того, что, не будучи въ состояніи платить по займамъ, заключеннымъ имъ въ Европѣ и по сдѣланнымъ имъ тамъ, на милліоны, заказамъ, онъ вынудилъ правительства державъ, подданные которыхъ пострадали отъ излишняго довѣрія своего ему,—вступиться за интересы этихъ подданныхъ и прибѣгнуть, сначала къ установленію контроля надъ расточавшимися финансами Египта, а затѣмъ, когда это не помогло—къ низложенію Измаила-паши. Султанъ, внявъ заявленіямъ державъ, издалъ фирманъ о „смѣнѣ“ хедива и назначеніи на его мѣсто старшаго сына его, Тевфика-паши. Недавно низложенный хедивъ уѣхалъ изъ Каира въ Неаполь, гдѣ у него есть роскошная вилла. Ему назначено содержаніе въ 50 тысячъ фунтовъ стерлинговъ и говорятъ онъ и его многочисленныя жены вывезли значительное богатство. Мать Измаила-паши не послѣдовала за нимъ, и поселилась въ прекрасномъ замкѣ, принадлежащемъ ей на островѣ Родосѣ.

Новый хедивъ, Тевфикъ-паша, какъ мы уже сказали, старшій сынъ Измаила-паши—высокій, стройный молодой человѣкъ 28 лѣтъ, съ умнымъ и симпатичнымъ лицомъ. Это—единственный изъ сыновей бывшаго хедива, не получившій образованія своего въ Европѣ; онъ воспитанъ въ Египтѣ подъ руководствомъ французскаго преподавателя Жакэ-бея, по словамъ котораго молодой государь обладаетъ замѣчательными способностями. Частная жизнь его говоритъ въ пользу его умѣренности и благоразумія. Не желая обставлять себя излишнею роскошью и остерегаясь расточительности, Тевфикъ-паша отказался отъ гарема (по крайней мѣрѣ до сихъ поръ) и ограничился одной женой—принцессой Эминэ, отъ которой имѣетъ сына, принца Аббасса-Бея, родившагося 14 іюля 1874 г. Что касается его общественной дѣятельности, то, не смотря на свою молодость, онъ пріобрѣлъ уже извѣстныя знанія и опытность въ дѣлахъ управленія, такъ какъ нерѣдко, по порученію отца, занималъ важныя должности въ государствѣ. Но, въ особенности, онъ проявилъ свою благотворную дѣятельность въ заботахъ объ общественномъ образованіи, въ качествѣ учредителя и попечителя значительнаго числа школъ въ странѣ, изъ числа которыхъ наиболѣе замѣчательны, такъ называемыя свободныя школы, открытыя имъ въ Каирѣ и Александріи для учениковъ всѣхъ націй и религій. Кромѣ того, у Измаила-паши есть еще нѣсколько сыновей, изъ которыхъ наиболѣе выдающимися считаются принцы Гуссейнъ, бывшій министръ финансовъ, воспитавшійся въ Парижѣ, Гассанъ, хорошо знакомый съ Европой и получившій свое военное образованіе въ Пруссіи, занимавшій постъ военнаго министра въ Египтѣ и начальствовавшій египетскими вспомогательными войсками въ войнѣ Турціи съ Россіей 1877—1878 г.г. и 18-ти лѣтній Ибрагимъ, оканчивающій, въ настоящее время, свое образованіе въ Лондонѣ; остальные еще дѣти. Хедивъ Тевфикъ-паша произвелъ, между прочимъ, весьма благопріятное впечатлѣніе тѣмъ, что первымъ дѣломъ его было отказаться отъ половины назначеннаго ему содержанія. Вообще —серьезный, трудолюбивый и просвѣщенный, онъ, согласно отзывамъ многихъ, имѣвшихъ возможность близко знать его, обладаетъ многими задатками правителя, подъ властью котораго изнуренная страна увидитъ, можетъ быть, вновь счастливые дни.

Подъ чужимъ именемъ.

Повѣсть В. Штрауса.

(Продолженіе).

II.

Когда баронесса и оба ея спутника вошли въ столовую, они нашли уже Ренату тамъ. Нѣсколько минутъ спустя явилась Мелита, которая прямо подошла къ Ренатѣ.

— Я вамъ очень обязана, М-lle Беккеръ, за усердіе, съ которымъ вы занимались моимъ приданымъ и желала бы выразить вамъ мою искреннюю признательность, произнесла она довольно-вѣжливымъ тономъ.

— Я не заслуживаю признательности, баронесса, улыбаясь и съ легкимъ поклономъ возразила Рената, — я дѣлала это для баронессы—вашей матушки, отъ которой и получала указанія и наставленія. Не могу, однако не замѣтить: часто бываешь осчастливлена совершенно незаслуженно и неожиданно.

Мелита, не совсѣмъ ясно понявшая иронію Ренаты, гордо отошла на свое мѣсто, а фонъ-Гельменъ, одну минуту не знавшій разсердиться ли ему, или разсмѣяться, поспѣшилъ навести разговоръ на посторонніе предметы.

— Ну, Бодо, шутливо сказала Мелита, настроеніе которой сдѣлалось теперь веселѣе, послѣ моей свадьбы настанетъ твоя очередь ввести въ замокъ молодую баронессу.

— Да, дорогой мой, сказала баронесса, ты знаешь какъ бы это обрадовало меня. Я становлюсь уже стара...

— Нисколько еще, нисколько! воскликнулъ фонъ-Гельменъ, но—если не въ этомъ, то въ остальномъ твоя мать правду говоритъ. Не бери примѣра съ меня. Ты, вѣдь въ прежнее-то время былъ склоненъ поухаживать! И пожалуй гдѣ нибудь стрѣла амура и попала мѣтко? А? Ну—что же ты молчишь?

Лицо Бодо омрачилось.

— На это я могу вамъ сказать, отвѣчалъ онъ, что это можетъ быть и случится когда нибудь, потому что—кто можетъ знать что произойдетъ завтра, чрезъ мѣсяцъ, чрезъ годъ, чрезъ 10 лѣтъ. Но въ угоду вамъ сдѣлать это теперь же, именно теперь—было бы съ моей стороны безуміемъ.

Онъ всталъ, замолчалъ и скоро сдѣлалъ легкій поклонъ и вышелъ изъ комнаты.

Баронесса бросила вопросительный взглядъ на Гельмена.

— У него должно быть какая нибудь тайная забота, проговорилъ фонъ-Гельменъ. Въ одномъ только я увѣренъ—это то, что Бодо, какъ всякій человѣкъ съ характеромъ, не будетъ киснуть предъ какимъ нибудь затрудненіемъ и сумѣетъ поступить рѣшительно.

— Вдова, генеральша фонъ-Кенигсбруннъ пріѣдетъ на свадьбу съ своей дочерью Ирмой и я ее пригласила провести у насъ нѣсколько недѣль. Ирма ему нравилась еще прежде. Она хороша собой, умна и очень живая, веселая дѣвушка. Эти два года онѣ прожили съ матерью въ столицѣ. Я бы очень желала этой партіи для Бодо. Да тамъ, кажется, что-то завязывалось уже...

— Да, это было бы желательно, подтвердилъ фонъ-Гельменъ. Это снова оживило бы его.

Завтракъ окончился. Баронесса встала и Рената ушла къ себѣ.

Послѣдній разговоръ о женитьбѣ Бодо разстроилъ ее... да — разстроилъ, хотя она не могла дать себѣ яснаго отчета—почему!... Загадочныя слова Бодо взволновали ее.

Душевное волненіе, овладѣвшее Ренатой улеглось не скоро. Въ сердцѣ ея говорило какъ бы обидное чувство за Бодо, какъ будто ее самое заставляли вступить въ нежелаемый бракъ. Какъ дорого дала бы она, чтобы защитить его отъ этаго! Рената, однако, не любила отдаваться мрачнымъ мыслямъ. Быстро переломивъ въ себѣ тягостное настроеніе, она вспомнила, что еще утромъ заготовила небольшую записочку о вещахъ, которыя ей надо было закупить въ городѣ. Услыхавъ шумъ колесъ подъѣзжавшаго экипажа, молодая дѣвушка быстро сбѣжала внизъ и отдала записку егерю, который сопровождалъ Бодо. Въ эту самую минуту показался и онъ самъ.

— Что это такое? спросилъ онъ, взявъ свернутый рееструъ изъ рукъ егеря.

— Я желала бы купить въ городѣ эти мелочи, отвѣтила Рената.

— Все уже уложено? спросилъ молодой баронъ, обращаясь къ егерю.

— Все готово-съ.

— Ну, такъ возьми еще вотъ это и иди внизъ.

Егерь побѣжалъ къ экипажу.

— Отчего вы не желаете, чтобы именно я выполнилъ ваши порученія? спросилъ Бодо Ренату, глядя въ сторону.

— Можетъ быть вы нашли бы такое порученіе неприличнымъ, возразила молодая дѣвушка.

— А, такъ вотъ что! вы и во мнѣ тоже предполагаете глупую спѣсь! Очень вамъ благодаренъ. Знаете ли, что иногда словомъ можно гораздо болѣе обидѣть, нежели даже дѣломъ?

— Конечно, баронъ, но...

— Хорошо, хорошо—скажите—эти вещи вамъ необходимы немедленно, или вы можете подождать ихъ недѣли двѣ?

— Я могу ждать ихъ и больше.

— Будетъ сдѣлано—до свиданія, проговорилъ онъ и быстро направился къ лѣстницѣ, до которой они понемногу дошли во время своего разговора. Внизу на порогѣ онъ обернулся и еще разъ взглянулъ на прелестную дѣвушку, продолжавшую стоять тамъ, гдѣ они разстались. Какъ ни мимолетенъ былъ брошенный имъ взглядъ, снова прекрасное лицо дѣвушки отпечатлѣлось въ его воображеніи и уже не оставляло его. Напрасно старался онъ, во всю дорогу, отдѣлаться отъ образа Ренаты, принуждалъ себя думать о другомъ—Рената стояла какъ живая предъ нимъ. И подъ вліяніемъ этаго граціознаго видѣнія, онъ невольно, отъ времени до времени, съ какою-то нѣжностью вглядывался въ оставшійся у него въ рукѣ небольшой листокъ бумаги, на которомъ красивымъ, твердымъ почеркомъ написанъ былъ рэестръ разнымъ принадлежностямъ вязанья, письменнаго стола и туалета.

Припомнивъ разсказы о томъ, что по почерку узнаютъ характеръ писавшаго, онъ, хотя и незнакомый съ этимъ искусствомъ, былъ увѣренъ, что въ этихъ строчкахъ, набросанныхъ смѣлою рукою, видитъ всѣ душевныя сокровища, какими только можетъ обладать дѣвушка. Тяжело отозвалась въ немъ внезапная мысль о различіи общественныхъ положеній. Да!.. ему надо вырвать изъ сердца Ренату—онъ обязанъ это сдѣлать!.. Но чѣмъ болѣе онъ говорилъ себѣ это—тѣмъ лучше еще казалась она ему, тѣмъ „желаннѣе“ она была. Онъ старался убѣдить себя, онъ твердо рѣшился побѣдить все больше и больше охватывавшее его чувство.

Когда Бодо доѣхалъ до станціи, гдѣ надо было кормить лошадей, онъ положилъ списокъ Ренаты въ свою сумку и вышелъ изъ кареты. Онъ велѣлъ каретѣ ѣхать потомъ за нимъ, такъ какъ самъ хочетъ пройтись пѣшкомъ. Онъ пошелъ быстро по гористой мѣстности. Онъ какъ бы хотѣлъ утомить себя. Напряженіе доставляло ему какое-то внутреннее удовольствіе. Дорога шла опять подъ гору узкой, прохладной долиной и потомъ снова поднималась, извиваясь между скалъ, поросшихъ хвойнымъ лѣсомъ.

На вершинѣ этой гористой мѣстности Бодо встрѣтилъ хромаго нищаго, одѣтаго въ лохмотья, за которымъ слѣдовала плачущая дѣвочка, также одѣтая въ ветхое, грязное платье и несущая сумку для подаянія. Нищій снялъ свою шапку и началъ просить милостыню.

— Что же плачетъ дѣвочка, спросилъ Бодо, вынимая свой кошелекъ.

— Отецъ такъ бьетъ меня, всхлипывала дѣвочка.

— Да, господинъ, сказалъ нищій, я это дѣлаю и нахожу что это еще мало. А почему? Она хотѣла убѣжать съ воромъ цыганомъ, только я поймалъ ее.

— Онъ обѣщалъ на мнѣ жениться, проговорила дѣвушка, я знаю, онъ честный мѣдникъ.

Джутунъ Джамбе. Рис Э. Баяръ, грав. Барбанъ.

Арна Августа въ Римини. Рис. Катеначи, грав. Меоль.

— Все таки онъ негодяй-цыганъ, кричалъ отецъ. Человѣкъ родился подъ заборомъ и не знаетъ ни отца, ни матери. А она, господинъ, какъ бы ни было, дочь человѣка хорошаго происхожденія, еще помнящаго своего дѣда и получившаго въ наслѣдство домъ, но который имѣлъ несчастье попасть подъ судъ и теперь долженъ просить милостыню у добрыхъ людей.

Бодо видѣлъ какъ по лицу дѣвушки скользнуло горькое, насмѣшливое выраженіе, когда отецъ упоминалъ о своей судимости и потому сурово посмотрѣлъ въ лице старика и сказалъ:

— Вы получите отъ меня денегъ, если вы только не солжете и скажете мнѣ, когда вы послѣдній разъ отбыли тюремное заключеніе.

Нищій жадно взглянулъ на монеты, которыя держалъ Бодо въ рукѣ и угрюмо проговорилъ: я вообще сидѣлъ въ тюрьмѣ три или четыре раза и все за мелочи и право безо всякой вины. Въ послѣдній разъ я сидѣлъ полгода.

— Я не знаю ничего о вашемъ прошломъ, возразилъ Бодо, но я все же увѣренъ, что вы лжете, когда говорите, что невиновны. Судъ не караетъ невиновныхъ, а даже если бы и произошло однажды. что либо подобное—такъ какъ судьи тоже люди и могутъ заблуждаться и дѣлать ошибки—то все таки это не могло случиться съ однимъ и тѣмъ же человѣкомъ четыре раза. Я не судья и не полицейскій агентъ и потому ни въ какомъ случаѣ не могу ни повредить, ни быть вамъ полезнымъ и въ отношеніи меня вамъ нѣтъ нужды скрывать истину. Не правда ли, что въ дѣйствительности вы все таки не были наказаны совершенно невинно.

— Такъ-то такъ, сударь, но вы вѣдь сами изволили сказать, что всѣ люди способны ошибаться. Я тоже человѣкъ и не хочу отрицать, что много разъ впадалъ въ ошибки.

— Мнѣ болѣе ничего и не нужно, сказалъ Бодо. А между тѣмъ вы такъ строго осуждаете мѣдника за ошибку и погрѣшность?

— Нѣтъ, воскликнула дѣвушка, это неправда. Михель никогда не былъ воромъ; онъ заработываетъ себѣ честный хлѣбъ въ деревняхъ. Я же могу плести сѣти и чинить корзины. Мы обойдемся безъ попрошайства.

— Замолчишь ты! замѣтилъ отецъ.

— Нѣтъ! воскликнула она: скажи, что укралъ Михель, если знаешь!

— Онъ цыганъ, возразилъ нищій, а всѣ цыгане воры.

— Ну это не всегда вѣрно, возразилъ Бодо. Вы не можете его упрекнуть ни въ чемъ хуже этаго?

— Онъ цыганъ, настаивалъ старикъ—этаго довольно.

— И такъ ради этого, продолжалъ Бодо, вы не хотите свадьбы? Какъ? вы, праздный бродяга, завсегдатель остроговъ, жалкій нищій, вы—честнаго работника, до котораго вамъ далеко, упрекаете происхожденіемъ и низостью породы?

Онъ бросилъ ему деньги и хотѣлъ идти дальше.

Нищій поднялъ монеты и злобно сказалъ: Богъ да воздастъ вамъ, господинъ! Не только за деньги, но и за ваши незаслуженные упреки. У меня есть свое самолюбіе...

Въ эту минуту подъѣхала карета. Бодо сѣлъ въ нее, не давъ даже времени егерю соскочить съ козелъ и такъ какъ здѣсь дорога шла подъ гору, то лошади тронулись скорою рысью и помчали экипажъ въ долину. Приключеніе съ нищимъ и его дочерью развлекло тѣ мысли, которыя онъ до того тщетно хотѣлъ отогнать отъ себя. Онъ желалъ помочь бѣдной дѣвушкѣ, хотя ея признаніе и не внушало объ ней особенно благопріятнаго мнѣнія.

Кромѣ того послѣднія слова нищаго даже облегчили его сердце отъ неясной тоски, которая до того времени угнетала его. Хотя дни были длинные, но почти уже стемнѣло, когда Бодо достигъ цѣли своего путешествія.

На слѣдующее утро прежде всего онъ зашелъ къ ювелиру, у котораго купилъ для Ренаты изящный уборъ изъ топазовъ. Въ другихъ же магазинахъ онъ выбралъ разнаго рода новомодныя, нарядныя матеріи для нея же. Ему доставляло особенное удовольствіе покупать всѣ эти мелочи съ строжайшимъ выборомъ.

Такимъ образомъ былъ проведенъ цѣлый день. По всѣмъ этимъ магазинамъ онъ ходилъ одинъ. Слуга не долженъ былъ знать объ этихъ покупкахъ. Когда же все было куплено, то бережно уложено и упаковано и отнесено посыльнымъ въ гостиницу. Съ значительно меньшимъ вниманіемъ Бодо разсматривалъ послѣ обѣда богатый серебряный чайный и столовый сервизъ, предназначенный для Вальбурговъ, какъ ни была прелестна и изящна его отдѣлка. Онъ просилъ мастера также упаковать его и отослать въ гостиницу; остатокъ дня прошелъ для него въ различнаго рода занятіяхъ со своимъ банкиромъ, серебряныхъ дѣлъ мастеромъ и другими торговцами, имѣвшими сношенія съ его семействомъ. Когда же черезъ нѣсколько дней онъ ѣхалъ домой, то ящикъ съ серебрянымъ сервизомъ былъ уложенъ позади кареты, а пачки съ вещами Ренаты внутри экипажа и Бодо не спускалъ съ нихъ глазъ. Прибывъ въ замокъ онъ самъ вынулъ ихъ изъ кареты, отнесъ въ свою комнату и замкнулъ дверь на ключъ, предоставивъ прислугѣ выгружать ящики съ цѣнными вещами.

Для брачнаго торжества, которое готовились отпраздновать самымъ торжественнымъ образомъ, всѣ приготовленія уже были сдѣланы; вскорѣ прибылъ и сіятельный женихъ и всѣ многочисленныя пріемныя комнаты замка наполнились родственниками или просто знакомыми.

Хотя Бодо и не забывалъ требованій общежитія и вѣжливости, но во всѣ эти дни онъ былъ молчаливѣе и мрачнѣе обыкновеннаго; тѣмъ не менѣе онъ никого не оставлялъ безъ вниманія и болѣе всего занимался гостями почтеннаго возраста а двумъ своимъ двоюроднымъ братьямъ, юнымъ офицерамъ, поручилъ занимать и увеселять молодежь какъ имъ угодно. Старый баронъ фонъ-Гельменъ помогалъ баронессѣ въ ея обязанностяхъ хозяйки дома; Рената же старалась найти между гостями знакомыя лица и при этомъ пользовалась каждымъ случаемъ держаться подальше отъ общества и быть незамѣтной.

Скоро она нашла поводъ совсѣмъ удалиться. Молодежь, какъ нарочно, старалась пользоваться всякимъ случаемъ къ ней подойти и относилась къ ней съ самымъ изысканнымъ вниманіемъ; это, какъ ей казалось, могло возбуждать неудовольствіе какъ баронессы такъ и Бодо. Одинъ же изъ офицеровъ, поручикъ фонъ-Цакъ, даже рѣшился сдѣлать ей чуть не признаніе—такъ былъ восхищенъ ею и только свойственный ей строгій видъ, съ которымъ она взглянула на него, оборвалъ его нѣжную рѣчь въ самомъ началѣ. Все это заставило ее просить баронессу избавить ее отъ присутствія на большомъ балѣ, назначенномъ наканунѣ свадьбы и къ которому была приглашена вся мѣстная аристократія. Просьба Ренаты такъ соотвѣтствовала желанію самой баронессы, что та согласилась очень охотно.

Утромъ того дня когда былъ назначенъ балъ, баронъ вошелъ въ комнату Бодо, чтобы немного отдохнуть въ его обществѣ отъ множества хлопотъ, такъ какъ Бодо все устройство празднествъ и увеселеній возложилъ на свою мать и на стараго барона.

— Ну Бодо, сказалъ старикъ, опускаясь въ покойное кресло, дай мнѣ трубку и огня. Это еще очень дешево беру я съ тебя за свои труды. Я хлопочу въ такую жару буквально до поту лица.

Бодо принесъ ему трубку и сѣлъ около него. Старикъ продолжалъ весело болтать.

— Я не обманулся Бодо такъ какъ, собственно говоря, человѣкъ вообще рѣдко обманывается сознательно, чаще самъ себя надуваетъ и хочетъ самъ находить вездѣ то,

что согласно съ его желаніями, но право я не ошибаюсь—я думаю, что общество, которое собралось сюда на празднество, тебѣ не по вкусу.

— Отчасти, да! сказалъ Бодо,—старики отзываются какой-то горечью, молодые слишкомъ приторны; одни мнѣ несносны, другимъ я несносенъ. И то и другое конечно имѣетъ свои основанія.

— Конечно, замѣтилъ старикъ. Это все же добрые люди, но вообще здѣшніе старцы очень обыденны, а дурачества молодыхъ какъ-то безъ вкуса. Не печальное ли явленіе, когда человѣкъ, будь то мущина или женщина, проживъ полсотни лѣтъ на бѣломъ свѣтѣ, дойдетъ только до самыхъ избитыхъ и старыхъ мыслей.

— Странно, продолжалъ Гельменъ, это все дѣйствительно люди въ умственномъ и нравственномъ отношеніи почти невозможные. А между тѣмъ послушай какъ они кичатся и толкуютъ о своемъ происхожденіи. Эта пустая, суетная родовая гордость такъ глубоко вкоренилась въ нихъ, что они не въ силахъ отъ нея освободиться.

Бодо невольно вспомнилъ о хромомъ нищемъ и молчалъ въ задумчивости.

— И какъ сейчасъ видно истинное достоинство. Я съ удовольствіемъ смотрю какъ наша Рената всегда отличается среди этихъ хихикающихъ, толкущихся и вертящихся барышень.

Бодо въ эту минуту думалъ о Ренатѣ и вдругъ ему показалось что мысли его были угаданы барономъ. Щеки его покрылись живымъ румянцемъ, онъ быстро всталъ и подошелъ къ окну.

Старый баронъ удивленно посмотрѣлъ на него и медленно, задумчиво пустилъ клубъ дыма. Потомъ онъ поднялся, поставилъ трубку въ сторону, подошелъ къ Бодо и потрепавъ его по плечу сказалъ:

— Ну что мой милый, что ты задумался? Между гостями все же есть очень почтенные люди и достойныя любви дѣвушки. Посмотри повнимательнѣе, не пробудится ли въ тебѣ нѣжное, тайное чувство. Все равно мой милый—ты знаешь гдѣ другъ, которому ты можешь довѣриться и открыться.

Бодо крѣпко пожалъ руку его и сказалъ: „я знаю что вы самый дорогой другъ нашего семейства, я васъ люблю и глубоко уважаю, но если бы и было такое чувство, то какъ объ немъ говорить съ кѣмъ бы то ни было? Видите ли—можетъ въ сердцѣ происходить тяжелая борьба прежнихъ понятій съ чѣмъ-то новымъ что покорило бы и измѣнило воззрѣнія и чувства. Могъ бы открыться такой свѣтлый и ясный міръ передъ глазами, что все забыть можно....

Старый баронъ весьма основательно не продолжалъ этаго разговора; онъ понялъ болѣе, нежели хотѣлъ и думалъ Бодо и ушелъ, обѣщая себѣ слѣдить за нимъ зорко и внимательно.

Во время обѣда однако не представилось ему удобнаго случая для наблюденія. Бодо сидѣлъ посерединѣ стола, длинный рядъ гостей отдѣлялъ его отъ Ренаты, которая съ молодой Вейденъ сидѣла на другомъ концѣ и по окончаніи обѣда исчезла вмѣстѣ съ дѣтьми.

За тѣмъ она не появлялась ни во время пріема пріѣзжавшихъ во множествѣ гостей, ни тогда, какъ разряженныя дамы собрались въ большую залу и когда подъ звуки оркестра молодежь открыла балъ.

Бодо держался вдалекѣ отъ танцевъ. Обойдя приглашенныхъ гостей, какъ того требовала вѣжливость и каждому сказавъ что нибудь, онъ затѣмъ удалился молчаливый и мрачный въ сторону и наблюдалъ за пестрымъ движеніемъ. Его взоры искали Ренату, но ее нигдѣ не было видно и часъ отъ часу онъ становился безпокойнѣе. Между танцами онъ много разъ обходилъ залъ, тщетно ее отыскивая. Что могло задержать ее? Гдѣ она? Онъ прошелъ въ ближайшія комнаты близь ея помѣщенія въ башнѣ. Окно было отворено, въ комнатѣ виднѣлся свѣтъ, и Бодо казалось, что мимо окна мелькала какая-то тѣнь. Его разгоряченное воображеніе тотчасъ же представило ему страданія, ужасы, опасности всякаго рода, которымъ могла подвергаться Рената. Онъ поспѣшилъ въ корридоръ; тамъ не было никого изъ прислуги, кто могъ бы подстеречь порывъ его страсти. Въ этой части замка была маленькая, боковая лѣстница, которая вела въ верхніе этажи. Не сознавая что дѣлаетъ, онъ быстро поднялся и черезъ нѣсколько минутъ уже стоялъ передъ дверью Ренаты. Онъ постучался и услышавъ ея голосъ, вошелъ порывисто, но остановился въ дверяхъ и не пошелъ дальше.

Рената сидѣла въ томъ же нарядѣ, въ которомъ была на обѣдѣ, у своего письменнаго стола, съ перомъ въ рукѣ. Чрезвычайно взволновалась она, когда обернувшись, увидѣла стоявшаго за нею блѣднаго Бодо; она поднялась и спросила его, не случилось ли какого несчастія.

— Здоровы ли вы? Что съ вами? спросилъ Бодо.

— Совершенно здорова баронъ, возразила она, что прикажете?

— Развѣ я могу вамъ приказывать? перебилъ онъ. Но почему вы не идете въ бальный залъ?

— Баронесса мнѣ разрѣшила уйти.

— Противъ вашего желанія?

— Нѣтъ, баронъ, по моей просьбѣ.

— Но отчего?

— Извините баронъ! Причины своихъ поступковъ не всегда удобно сообщать. Вы понимаете—бываютъ такія положенія, когда стараешься многое скрыть не только отъ другихъ, но даже и отъ себя и не искать посторонней помощи.

— Конечно! сказалъ онъ съ недовольнымъ, почти сердитымъ, выраженіемъ. И такъ, причина вашего отсутствія не должна меня касаться; я не долженъ знать что васъ удерживаетъ въ вашей комнатѣ; нѣтъ, я долженъ это знать—я здѣсь не чужой въ домѣ. Если бы я относился равнодушно къ этому, то мнѣ не зачѣмъ было бы ставить себя въ глупое положеніе, интересоваться вами и даже настолько обезпокоиться, чтобы имѣть безразсудство придти сюда самому.

Онъ вышелъ изъ комнаты также быстро какъ и вошелъ.

Рената смотрѣла ему вслѣдъ долго; не шевелясь смотрѣла она на дверь, въ которую онъ вышелъ. Она не знала, какъ уяснить себѣ противорѣчіе его словъ и поступковъ. Нѣсколько разъ мелькало въ ея сердцѣ какое то предчувствіе, отъ котораго вся она трепетала. Это чувство она хотѣла задавить въ себѣ, принимая его, какъ она рѣшила, за гнетущую, обольщающую силу, готовую ослѣпить ее лучами ложнаго счастія и ввести въ ужасное заблужденіе. Между тѣмъ, какъ она размышляла такимъ образомъ, издалека доносились звуки музыки, звуки живые, увлекающіе; она чувствовала какое то странное томленіе, какъ будто душа ея рвалась куда то. Когда наконецъ оркестръ смолкъ, она пришла въ себя и ею овладѣла какая то дѣтская, наивная мечтательность; она подошла къ окну, откуда виднѣлись деревня и паркъ и подняла глаза къ тихому, звѣздному небу. Она чувствовала что то особое къ Бодо; не смотря на загадочность и непонятную непослѣдовательность его поступковъ, даже эта таинственность его характера имѣла для нея какую то особенную обаятельную прелесть; въ этомъ тихомъ мракѣ, ей казалось, блистали молніи свѣтлыхъ мыслей и благородныхъ порывовъ, навѣвавшихъ на нее какую то сердечную радость и заставлявшую ее чуть не съ наслажденіемъ переносить самую его грубость. Она старалась уяснить себѣ какъ можно лучше все это и сама не замѣчала, что онъ возбуждалъ въ ней чего она не чувствовала ни къ кому другому. Когда снова началась музыка, она затворила окно и подошла къ своему письменному столу, откуда достала свою записную книжку. Ей она можетъ все повѣрить. Но перо не двигалось и Рената не могла пріискать нужнаго

слова. Наконецъ, послѣ долгаго, тщетнаго размышленія, она отложила перо въ сторону и начала прислушиваться къ звукамъ музыки, тихо раздававшимся по прежнему. Наконецъ заперла дверь и стала ложиться спать.

Бодо больно чувствовалъ суровый и жесткій ея пріемъ и подумалъ, что это наказаніе за то, что до сихъ поръ онъ скрывалъ свою страсть къ Ренатѣ. Кромѣ того онъ наказанъ за нелѣпое странное посѣщеніе; но ея образъ и ея слова, ея спокойное обращеніе, полное достоинства, произвели на него новое, сильное впечатлѣніе и досадное чувство, что онъ передъ ней провинился, боролось въ немъ съ тихимъ чувствомъ восторженнаго удивленія къ прелестной и милой дѣвушкѣ.

Когда онъ опять возвратился въ танцовальный залъ, его взглядъ упалъ на фонъ-Вейденъ, которая сидѣла одиноко на диванѣ и смотрѣла на танцующихъ. Послѣ нѣкотораго колебанія, онъ къ ней приблизился, сѣлъ возлѣ и началъ разговоръ. Она сожалѣла, что Рената не присутствуетъ на балѣ, и разсыпалась въ похвалахъ ей. Онъ слушалъ молча и наконецъ сказалъ: позвольте по поводу этой дѣвушки вспомнить застольную пѣсню: „сколько ее ни хвали, все похвалъ для нея мало.“ А скажите мнѣ, какъ вы чувствуете себя въ этомъ обществѣ?

Молодая женщина покраснѣла и сказала: я свыклась съ этимъ положеніемъ, я подготовила себя къ мысли, что и не должна ожидать особеннаго доброжелательства и уваженія. Но хорошо что и безъ этаго можно быть счастливой и дѣйствительно я счастлива. Любовь моего мужа, котораго я такъ уважаю и люблю—какъ не вынести за это что нибудь и непріятное. Простите мою откровенность, но это отвѣтъ на вашъ вопросъ...

— Вы вполнѣ достойны быть счастливой, произнесъ Бодо и отошелъ, такъ какъ танцы окончились.

Балъ и ужинъ тянулись до утра, когда послѣднія кареты разъѣзжающихся по домамъ гостей, прогремѣли по двору замка.

Празднество окончилось и юная парочка въ тотъ же день уѣхала. Днемъ позднѣе и все пестрое общество, до того времени жившее въ замкѣ, разъѣхалось. Одна генеральша съ дочерьми осталась погостить подольше.

Бодо захватилъ въ свою карету двухъ послѣднихъ изъ остававшихся въ замкѣ гостей, поручика Цака и горнозаводчика Рейтлебена, чтобы доставить ихъ въ ближайшій городокъ, гдѣ находилась почтовая станція и гдѣ онъ самъ имѣлъ маленькое дѣло. Недавній дождь придалъ воздуху благоуханную свѣжесть; ѣхали не торопясь, курили и разсказывали всякую всячину, что приходило въ голову. Поручикъ посмѣивался надъ всѣмъ кружкомъ высокопоставленныхъ дамъ, которые присутствовали при бракосочетаніи, а также и надъ другими представительницами прекраснаго пола, старыми, и молодыми. Его сатирическія выходки наконецъ вызвали возраженіе горнозаводчика, человѣка веселаго, много ѣздившаго и много видѣвшаго на своемъ вѣку.

— Но, любезный баронъ, какое милое видѣніе—компаньонка вашей матушки! Только въ Арменіи я встрѣчалъ такой стройный станъ и такія черты лица. Это не нѣмка и не уроженка сѣвера. Мнѣ только разъ случилось съ ней говорить и ни однаго необдуманнаго слова не соскользнуло съ ея прекрасныхъ губокъ.

— Клянусь честью, это несравненная дѣвушка! вскричалъ поручикъ. Я бы въ нее влюбился и даже однажды я ей въ этомъ сознался, но она горда, какъ свѣтская женщина и еще даже надменнѣе—добиться ея расположенія не хватитъ пожалуй всего состоянія...

— Бьюсь объ закладъ, сказалъ смѣясь горнозаводчикъ, что вы предлагали ей свою руку.

— Вотъ еще! отвѣчалъ тотъ. Вступить въ бракъ и просто любить—большая разница. Я не хочу увеличивать число неравныхъ браковъ.

— Ого! возразилъ горнозаводчикъ, вы оказываетесь поклонникъ кастъ, какъ Индійцы. Но вѣдь нерѣдко случается, что роль невѣсты играетъ лишь туго набитый мѣшокъ съ деньгами и этотъ мѣшокъ увлекаетъ людей изъ лучшихъ семействъ или по недостатку состоянія, или по недостатку чего либо другаго. Да, я предсказываю: придетъ время и даже можетъ быть скоро, когда при выборѣ богатой невѣсты на благородство происхожденія будутъ смотрѣть какъ на пріятную прибавку, но не будутъ видѣть въ немъ необходимости.

— Хвалите вы это? спросилъ Бодо?

— Нисколько не хвалю, отвѣчалъ инженеръ. Я скорѣе на сторонѣ тѣхъ народовъ у которыхъ женихъ долженъ покупать невѣсту у родителей и часто платить за нее дорогую цѣну, вмѣсто того чтобы пользоваться ея деньгами. Здѣсь хоть цѣнится во что нибудь личность. Я хочу только сказать: когда уже требованіе благороднаго происхожденія предпочитать деньгамъ и бюджету, зачѣмъ тогда поднимать вопросъ о личныхъ достоинствахъ? Я знаю хорошо дворянъ и бароновъ, изъ которыхъ многіе вступили въ бракъ и получили въ придачу къ деньгамъ уродливую, злую и глупую жену. Я думаю что быть красивымъ, добрымъ и умнымъ стоитъ богатства. Впрочемъ въ любви столько противорѣчій; такое капризное чувство....

— Отлично! отлично! вскричалъ поручикъ. По этому то я и считаю себя въ правѣ вести дѣла съ какой нибудь хорошенькой горничной или бѣлошвейкой. Пусть она зла, напримѣръ, и глупа, это ничего—любовь будетъ еще пикантнѣе—жениться на ней я конечно не женюсь.

— Но что разумѣть подъ любовью, возразилъ горнозаводчикъ. Этимъ словомъ злоупотребляютъ. Любовь, то есть чувство, которое я такъ называю, можетъ только вспыхнуть отъ трехъ горючихъ матеріаловъ: красоты, доброты и ума. Необходимо вѣдь полное сліяніе душъ на цѣлую жизнь, то есть то, что называется *бракомъ*. Какое же значеніе тутъ можетъ имѣть происхожденіе или богатство. Попадись мнѣ подходящая жена—я еще не старъ—я бы ни минуты не думалъ и всѣ эти происхожденія отбросилъ бы въ сторону.

— Да, сказалъ Цакъ, это ужь дѣло вкуса.

Бодо, котораго этотъ разговоръ, понятно, задѣвалъ за живое, рѣшился спросить послѣ нѣкотораго молчанія:

— Значитъ вы не придаете никакаго значенія неравности происхожденія. Не будетъ ли неловко положеніе вашей жены въ этомъ случаѣ въ свѣтѣ?

— Мнѣніе свѣта? Конечно ни малѣйшаго, отвѣчалъ спрашиваемый. Любезный баронъ, уважать можно и даже должно заставить, хоть съ оружіемъ въ рукахъ. Конечно, никто не защищенъ отъ порицанія и злословія самаго дикаго и нелѣпаго, но основывать свои дѣйствія, жизнь, на предразсудкахъ, которыя я не раздѣляю—смѣшно и жалко.

(Продолженіе будетъ).

Въ записную книжку.

(Изъ А. Петёфи).

Вчера съ тобою мы читали
Легенду въ библіи твоей
О томъ сосудѣ, гдѣ хранился
Неизсякаемый елей.

Жизнь наша—тотъ сосудъ съ елеемъ,—
Смѣшны и жалки тѣ изъ насъ,
Кто бережетъ, скупится тратить
Елея этаго запасъ.

И мудрые елей тотъ дивный
Безъ страха, весь до капли пьютъ—
Они всегда и твердо знаютъ:
Съ елеемъ будетъ вновь сосудъ!

П. Быковъ.

Условный знакъ. Картина Гельвига, грав. Моранъ.

Болгарскіе разсказы Л. Каравелова.

Зная много о только что минувшихъ страданіяхъ болгарскаго народа, мы почти вовсе незнакомы съ его домашней жизнью, ея формами, обстановкою, среди которой она идетъ въ селахъ и городахъ, не знакомы съ нравственнымъ складомъ жизни болгаръ, съ ихъ міросозерцаніемъ. Если мы подойдемъ ближе къ этой „домашней жизни" болгарина, мы найдемъ въ ней много патріархальнаго, много привлекательныхъ черть. Туда еще не проникла промышленная сумятица европейскихъ городовъ, отношенія не сложны, интересы незатѣйливы и не многочисленны. Политически Болгарія могла быстро измѣниться подъ вліяніемъ новыхъ условій, но по своимъ нравамъ и обычаямъ болгары останутся, конечно, вѣрны старому укладу еще на долго. Здѣсь, мы въ извлеченіяхъ познакомимъ читателя съ разсказами извѣстнаго болгарскаго писателя Л. Каравелова, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ умершаго. Это талантливое, вѣрное и правдивое изображеніе мѣстной жизни.

I.

Дѣдушка Либенъ.

„Есть что-то странное, рѣзко-своеобразное, говоритъ авторъ, въ сопоставленіи мирно-ютящейся жизни чудесной природы, обработанной страны, съ мрачными картинами кроваваго насилія..."

Но—все это теперь прошло. Вотъ напримѣръ маленькій, чистенькій и теперь свободный, болгарскій городъ. Онъ занимаетъ мѣста всего около полутора часа ходьбы, да и домиковъ въ немъ нѣсколько сотенъ всего. Часть ихъ разбросалась въ небольшой долинѣ, а другая—вскарабкалась на пригорокъ и тамъ закуталась въ роскошной, густой зеленой листвѣ своихъ садовъ. Однако—дома двухъ-этажные, лѣстница идетъ по наружной сторонѣ, прямо подъ крышу; тяжелая черепичная кровля сильно наклонена къ переднему фасу, какъ щитъ отъ вѣтра и непогоды. Большинство домовъ обращено лицомъ къ востоку, съ этой же стороны пристроенъ балконъ, гдѣ, по обыкновенію, хозяева проводятъ лѣтомъ день и ночь. Каждое жилище обнесено каменной стѣной, или высокимъ заборомъ. Таковъ обычный видъ болгарскаго города. Утро. Сейчасъ мы познакомимся съ дѣдушкой Либеномъ. Его домъ стоитъ на горѣ, окруженный цвѣтущими кустами сирени, розъ и другихъ цвѣтовъ, сюда же примыкаетъ фруктовый садъ: яблонь, вишневыхъ деревьевъ, черешень, абрикосовъ и персиковъ—не перечтешь. Богатъ всякимъ добромъ дѣдушка Либенъ. А вотъ онъ и самъ. Только что пришелъ изъ церкви, въ большой бараньей шапкѣ, синемъ кунтушѣ, зеленомъ жилетѣ и широкихъ кофейнаго цвѣта шароварахъ, поверхъ которыхъ надѣтъ широкій бѣлый поясъ. Дѣдушка—видный, еще крѣпкій старикъ. Борода у него обрита, а надъ верхней губой лихо закручены длинные усы. Въ Болгаріи бороду брѣютъ всѣ, исключая поповъ и стариковъ, переставшихъ жить съ женами. Дѣдушкѣ-то пора бы и отпустить бороду-то, да не хочетъ, молодится еще. Жарко—парить начинаетъ. Дѣдушка снялъ баранью шапку и кунтушъ и надѣлъ бѣлую кисейную шапочку.

Балконъ устланъ коврами и подушками домашней работы и Либенъ сидитъ какъ турецкій паша, скрестивъ ноги.

Онъ не одинъ. Тутъ же, рядомъ, помѣщается пришедшій съ нимъ сосѣдъ, мѣстный грамотѣй и школьный учитель Хаджи-Генчо.

Образованный Генчо человѣкъ, ученый. Кромѣ церковно-славянскихъ писаній знаетъ онъ и по молдавански, и по русски, и по турецки, и по гречески. Правда—всего этого по немножку, но все таки никто изъ сосѣдей не сунется тягаться съ нимъ въ этихъ познаніяхъ. Даже, когда, бывало, кади наѣзжалъ, и ему надо было объясниться по какому-либо важному дѣлу—всегда Хаджи-Генчо выступалъ и такъ это онъ говоритъ съ кади, такъ много говоритъ, что кади, обыкновенно прикуситъ губу и скажетъ—„укумуть-адамъ", т. е. ученый человѣкъ! Маленькій грѣшокъ есть за нашимъ ученымъ—полакомиться любитъ на чужой счетъ, очень любитъ. Да вотъ читатели сами увидятъ.

Обоихъ почтенныхъ людей—хозяина и гостя, окружаютъ ребятишки старшаго сына дѣдушки Либена и Хаджи-Генчо раздаетъ имъ печеную кукурузу, *семитъ* (сдобное печенье) и *мѣкаци* (пирогъ), которые купилъ на церковной паперти, чѣмъ привелъ дѣдушку въ немалое удивленіе. Но тутъ дѣло хитрое: угощая дѣтей, Генчо вполнѣ убѣжденъ, что за обѣдомъ ему подадутъ хорошаго стараго винца, а не новую „простоквашу"—такъ онъ называетъ новыя вина—и онъ заранѣе уже предвкушаетъ блаженство ожидающаго угощенія и заговариваетъ, такъ издалека...

— А что, дѣдушка Либенъ, какое вино лучше—Адріанопольское или Салфыковское? спрашиваетъ онъ.

— Салфыковское лучше, Хаджи.

— Ужь извини, дѣдушка Либенъ, я всегда скажу, что Адріанопольское будетъ получше.

— А я тебѣ говорю, что Салфыковское.

— Ну не такъ по моему а чтобы рѣшить споръ—надо попробовать и того и другаго: вѣдь вы, дѣдушка Либенъ, нынѣшній годъ привезли и Адріанопольскаго, и Салфыковскаго.

— Да, Хаджи, я налилъ по бочкѣ обѣихъ.

Хаджи знаетъ чѣмъ взять дѣдушку Либена и начинаетъ расхваливать его виноградникъ, который, по его мнѣнію—лучше виноградника Каны Галилейской.

Дѣдушка не выдерживаетъ, зоветъ сноху, которая помоложе, и шепчетъ ей на ухо: „подите, *букка*, палейте намъ графинъ хорошей водки, подмѣшайте туда медку, медку, эдакъ, побольше, да согрѣйте ее, эдакъ, знаете, на огнѣ; принесите еще кочанъ капусты и обсыпьте его краснымъ перцемъ, да дайте немножко изюмцу, немножко винныхъ ягодъ, изжарьте немного печенки бараньей, нарѣжьте немножко луканки (колбасы)—потонъше—надо угостить Хаджи-Генчо, знаете, букка, это гость дорогой, да и человѣкъ-то ученый". И дѣдушка Либенъ съ достоинствомъ, садится на прежнее мѣсто. Генчо снова начинаетъ говорить дѣдушкѣ льстивыя слова и похваливать, зная, что каждая похвала вытащитъ на балконъ новые запасы вина и кушаній.

Дѣдушка Либенъ и Хаджи-Генчо—болгары старыхъ временъ. Одинъ бывшій юнакъ, другой—представитель прежней „интеллигенціи". Бурно провелъ свою молодость Либенъ. Онъ былъ гайдукомъ, рѣзалъ турокъ, а то бывалъ, подчасъ, вмѣстѣ съ турками, служа у кырджаліевъ, делибашей и янычаръ, бунтовавшихъ противъ султана. Но, сообщество съ турками нисколько не мѣшало ему помнить и любить свой родной городъ, и когда ему грозилъ какой-либо набѣгъ его бусурманъ-товарищей, онъ тотчасъ же ѣхалъ впередъ и предупреждалъ жителей. Всякими дѣлами, дѣдушка Либенъ наживалъ большія деньги. А какъ только онѣ у него заводились —онъ бросалъ кырджаліевъ, ѣхалъ въ свой городокъ и моталъ свою казну, заводя цѣлыя стаи собакъ, лошадей, прислугу, оруженосцевъ (сеизовъ), чубукчіевъ (слугъ, спеціальность которыхъ состоитъ въ набиваніи и подаваніи трубокъ) и т. п. На охотѣ, прогулкѣ, бывало, его сопровождало до пятидесяти слугъ. Возвратясь съ охоты, дѣдушка Либенъ собиралъ на площади молодыхъ цыганокъ и заставлялъ ихъ пѣть и плясать а цыганъ—играть на *зурлѣ* (родъ кларнета) и на барабанахъ; въ это время на площади молодцы разводили огонь и жарили дичь, и дѣдушка, закусивши, садился на лошадь, и съ музыкой и цыганками впереди отправлялся изъ дома въ домъ, требуя вездѣ угощенія. Хозяева выносили ему кружку вина, а онъ приказывалъ молодцамъ стрѣлять изъ ружей за здоровье угощавшихъ, цыганамъ же—пѣть пѣсню. Деньги выходили—исчезалъ и дѣдушка Либенъ. Никто, обыкновенно, не зналъ что онъ дѣлалъ и чѣмъ занимался, никто кромѣ удальцовъ, которыхъ бралъ съ собой, но и тѣ никогда никому, хоть повѣсь ихъ—не разсказывали о похожденіяхъ своего главаря. Дѣдушка Либенъ, и теперь, когда нечего уже опасаться ему, не любитъ, говорить объ этомъ и ужасно сердится, какъ и Генчо вачнетъ разсказывать о томъ, что однажды дѣдушка Либенъ, съ пистолетомъ въ рукахъ, требовалъ причастія.... Дѣдушка Либенъ женился когда ему было уже сорокъ лѣтъ, но и женитьба не угомонила его, онъ, продолжалъ еще долго, отъ времени до времени, исчезать по прежнему и только старость усадила его у домашняго очага, но все-таки не могла совсѣмъ искоренить старыхъ привычекъ. Часто случается и теперь, что дѣдушка Либенъ сидитъ передъ каминомъ, грѣетъ руки и вдругъ громко запоетъ, вскочитъ съ мѣста, схватитъ пистолетъ и выстрѣлитъ въ трубу. Онъ и нынѣ держитъ нѣсколько лошадей, большую прислугу и свору собакъ, и въ одной изъ комнатъ бережетъ свое юнацкое оружіе и одежду.

Дѣдушка Либенъ держитъ себя важно и сановито. Когда онъ ѣдетъ верхомъ въ церковь или куда нибудь въ гости, то двое слугъ поддерживаютъ его, идя пѣшкомъ по обѣимъ сторонамъ. Въ церкви одинъ изъ слугъ ведетъ его, для пущей важности, подъ руки, другой остается при лошади.

Бабушка Либевица у него, какъ съ перваго дня, такъ и до сихъ поръ, въ полномъ подчиненіи. У нихъ трое сыновей: двое женатыхъ, а одинъ, младшій Павлинъ, *ушакъ* (упакъ—кто скоро женится) и Либенъ *оглѣдва* (высматриваетъ) ему дѣвушку.

Дружитъ онъ съ Хаджи-Генчо, ухаживаетъ за нимъ и угощаетъ не даромъ—у ученаго прехорошенькая дочка—совсѣмъ болгарская красавица, самъ Либенъ такъ говоритъ о ней: „румяная какъ макъ, бѣленькая, какъ бумага, бровки, какъ піявки, глаза какъ вишни, губы—какъ жемчугъ, а талія—словно молоденькое деревцо и при томъ же умная, работящая, веселая, славная хозяйка." Надо Либену такую къ себѣ въ домъ, онъ любитъ, чтобы все у него было хорошо, и онъ всегда гордится красотой невѣстокъ. Но, не одинъ онъ думалъ объ этомъ сватовствѣ—бабушка Либеница давно угадывала, что Павлинъ и Лила пришлись по сердцу другъ другу, и давно желала ихъ повѣнчать и, нерѣдко, пилила своего мужа-господина, чтобы онъ переговорилъ съ Хаджи-Генчо.

Сегодня дѣдушка рѣшился начать сватовство. Да вотъ бѣда, говорить-то не мастеръ и не знаетъ какъ и приступиться.

— Послушай, Хаджи, мнѣ кажется, не дурно было бы намъ и поговорить между собою по душѣ, произнесъ онъ послѣ раздумья.

Дѣдушка Либенъ смотрѣлъ пристально на Хаджи и шевелилъ губами, пыхтѣлъ, но—долго ничего не выходило. Наконецъ, дернувъ себя, по старой привычкѣ, за усъ, онъ сказалъ:

— Послушай, Хаджи, я человѣкъ не ученый и говорить по ученому не умѣю, а скажу просто, что у тебя дочка, а у меня сынокъ, и намъ не худо было бы, эдакъ, знаешь,—породниться. Я, тебя, Хаджи, люблю и уважаю за твой умъ и ученость.... И такъ, Хаджи, давай, тряхнемъ по рукамъ и — баста.

Улыбка удовольствія озарила длинное, худощавое лицо Хаджи-Генчо. Ему было чрезвычайно пріятно породниться съ Либеномъ, и въ то же время, и лестно выслушать похвалу отъ Либена, никогда не любившаго хвалить другихъ.

— Вотъ дѣдушка Либенъ, что я думаю—ты просто золотой человѣкъ, сказалъ Генчо, желая, въ свою очередь, похвалить хозяина: я, признаться, никогда не думалъ, что ты такой алмазъ, право—не думалъ! Вотъ удивилъ меня, грѣшнаго, ей-ей удивилъ!

Теперь настала очередь дѣдушки Либена улыбнуться улыбкой удовольствія; онъ думалъ, что Хаджи-Генчо ужъ и согласился на его предложеніе.

— Значитъ, Хаджи—ты доволенъ моимъ предложеніемъ? Эхъ, братику—сыграемъ мы эту свадьбу. Мы съ тобой, Хаджи, удивимъ всѣхъ.

Но—Хаджи-Генчо надо было поломаться.

— Да, произнесъ онъ съ достоинствомъ, это правда—Богъ далъ мнѣ умную и хорошую дочку, голубицу, а вамъ—работящаго, умнаго сына. Но позвольте, позвольте сперва поговорить съ женою и дочерью и тогда уже ударимъ по рукамъ.

— Жена твоя согласна, Хаджи! Она видѣлась съ моей старухой въ церкви и онѣ уже порѣшили объ этомъ!

— Я, вѣдь безъ жены и дочери ничего не дѣлаю, лицемѣрилъ Хаджи-Генчо,—это хорошо извѣстно тебѣ, дѣдушка Либенъ; да и сына Найдена не мѣшаетъ спросить: онъ у меня умница.

Какъ ни настаивалъ дѣдушка Либенъ—не удалось ему вынудить Генчо сказать рѣшительное слово и они разстались до слѣдующаго дня, когда Хаджи-Генчо обѣщалъ опять придти.

— *Прощавай, свате!*

— *Иди, съ Богомъ свате!*

(Окончаніе въ слѣд. №).

Въ странѣ зулусовъ.

(Очеркъ).

Побѣдоносная война съ Англіей и смерть принца Луи-Наполеона выдвинули на историческую сцену мало дотолѣ извѣстный народъ, оригинальную страну и ея энергическаго повелителя. Мы не можемъ знать размѣра успѣховъ и вполнѣ точнаго хода этой войны; извѣстія получаются исключительно черезъ англійскія руки. Внутреннее же устройство и бытъ этой страны такъ любопытны, что мы считаемъ не лишнимъ познакомить съ ними читателей по разсказу г. Миллера, посѣтившаго передъ началомъ зулусской войны лагерь вождя Сетевайо.

„Въ іюлѣ 1877 г., т. е. въ концѣ тамошней зимы, разсказываетъ Миллеръ, въ обществѣ нѣсколькихъ англичанъ и шотландцевъ, я предпринялъ изъ порта Наталя (англійскія владѣнія) поѣздку въ страну зулусовъ. Неразъ приходилось мнѣ видѣть какой ужасъ наводило на туземцевъ имя воинственнаго Сетевайо. Въ то время, только что начали возникать недоразумѣнія между нимъ и правительствомъ колоній. Одно время боялись вторженія зулусовъ, которые уже стянули свои войска на границѣ и доходили почти до самаго берега. Англичане дѣлали иногда экскурсіи за слоновой костью и страусовыми перьями по ту сторону рѣки Тугела, принимали бѣглыхъ подданныхъ опаснаго сосѣда и кромѣ того просто дѣлали нападенія съ цѣлью отбить у зулусовъ пастбища и земли, на которыхъ думали найти алмазы и залежи каменнаго угля. Все это вызвало, разумѣется, вполнѣ справедливое негодованіе вождя Сетевайо. Прежде всего, онъ предложилъ выѣхать миссіонерамъ, ходившимъ въ его владѣніяхъ дотолѣ безпрепятственно. Онъ жаловался, что они вызываютъ волненія и ссоры въ средѣ его народа; затѣмъ запретилъ торговлю съ англичанами и началъ преслѣдовать зулусовъ, принявшихъ христіанство.

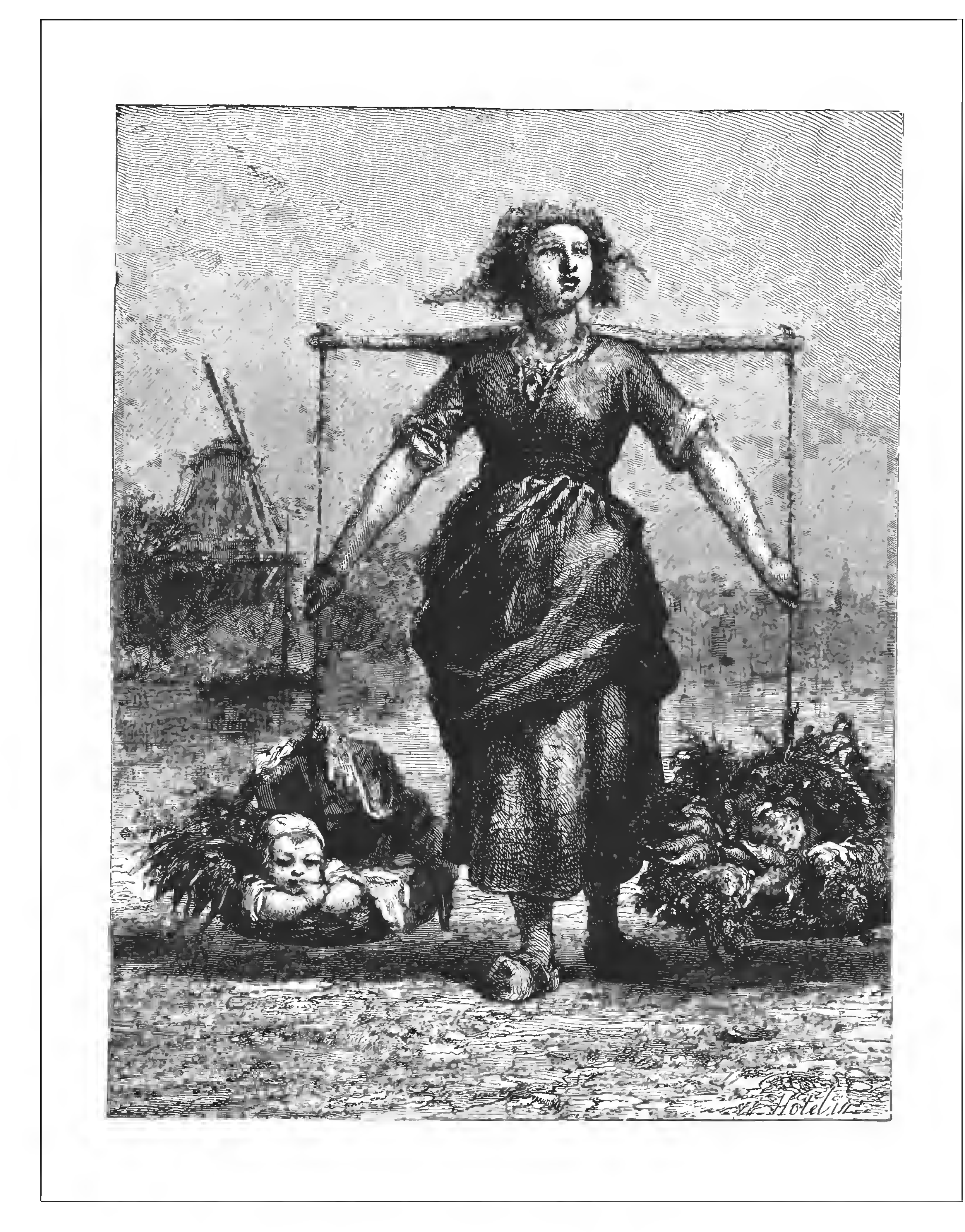
Наша поѣздка была не вполнѣ безопасна; но я былъ пруссакъ а Сетевайо со времени французской войны выказывалъ всегда большое уваженіе къ Германіи. На границѣ, не переѣхавъ даже черезъ Тугелу, насъ встрѣтили англичане и осмотрѣли, не веземъ ли мы съ собою оружія—англійское правительство видимо не очень довѣряло своимъ соотечественникамъ. Мы ѣхали на волахъ и подвигались довольно медленно. Надъ поклажею была еще прикрѣплена опрокинутая лодка, служившая намъ крышею. Спустя двѣнадцать очень скучныхъ дней, которые мы провели по ту сторону границы въ ожиданіи остальныхъ повозокъ, занимаясь довольно безуспѣшно охотой, мы, наконецъ, собрались всѣ и тогда только страна зулусовъ представала намъ во всѣхъ подробностяхъ. У первой же деревни, состоявшей изъ круглыхъ хижинъ, въ родѣ ульевъ, съ любопытствомъ окружили насъ жители; дѣти и женщины выпрашивали у насъ разные красивые предметы, находившіеся на повозкахъ. Мы подарили имъ кое-что, но просили взамѣнъ, чтобы насъ пустили переночевать. Однако Сетевайо очевидно строго слѣдилъ за порядкомъ. Сперва нужно было переговорить съ кѣмъ-то въ родѣ сельскаго судьи, или старшины; затѣмъ онъ явился въ сопровожденіи нѣсколькихъ женщинъ, которые принесли намъ въ крѣпкой скорлупѣ страусовыхъ яицъ кислое молоко и довольно пріятный напитокъ въ родѣ пива. Старшина—высокій, важный и видный зулусъ, понималъ и говорилъ немного по англійски. Онъ жаловался намъ, что слоны много дѣлаютъ опустошеній въ его округѣ. а охотниковъ и ружей мало. Онъ довольно тонко подговаривался, чтобы мы ему подарили (нбо купить имъ де не начто) ружья и патроны. Мы обѣщали принять участіе въ охотѣ на слоновъ и затѣмъ намъ отвели хижину. Однако намъ не дали спать. Приготовленія къ охотѣ продолжались въ деревнѣ всю ночь и гомонъ не умолкалъ. Участвовать собирались очень многіе, повидимому. Мы были не мало поражены зрѣлищемъ, которое представилось намъ, когда утромъ вышли изъ хижины. Вся мужская часть населенія стояла въ полномъ вооруженіи шпалерами передъ нашимъ входомъ. Въ волосы воиновъ были вплетены страусовыя перья, шеи обвязаны коровьими хвостами, фартуки изъ козьей кожи покрывали бедра. Въ лѣвой рукѣ держали они совсѣмъ скрывавшіе ихъ щиты изъ отлично сплетеннаго бамбука, расписанные красной и черной краской; въ правой—ужасныя отравленныя ассагаи, извѣстныя ихъ копья *). Увидѣвъ насъ, воины въ тактъ загремѣли щитами и подняли такой крикъ, что мы невольно вздрогнули отъ неожиданности. Старшина Микатзи объяснилъ намъ, что онъ и всѣ его спутники были присланы сюда Сетевайо только съ полгода тому назадъ и поселены здѣсь какъ отборныя войска для охраны границы, но имъ строго запрещено трогать мирныхъ путешественниковъ. Въ горахъ были другія поселенія, которыя переведены сюда съ далекаго сѣвера. Отборныя войска защищаютъ границы и отличаются отъ другихъ цвѣтомъ рисунка на щитѣ. Въ деревнѣ былъ рядъ хижинъ поменьше, въ которыхъ жили плѣнные кафры—рабы другаго племени, работавшіе на своихъ побѣдителей.

Хижины совершенно круглы и немного выше человѣческаго роста; онѣ строятся обыкновенно женщинами и изъ тростника; хижина начальника не больше другихъ, но у входа прибитъ львиный черепъ и широкая пестрая шкура жирафа. За хижинами отгороженные загоны для скота. Жилища составляютъ одинъ широкій кругъ и обведены крѣпкими бревенчатыми палисадами, въ которыхъ пробиты маленькія круглыя воротца. Воины этой деревни, въ качествѣ отборныхъ, всѣ были женаты и многіе имѣли даже не одну жену, и на это дозволеніе дается за военныя отличія. Женщины ни въ какомъ случаѣ не казались несчастными. По вечерамъ онѣ весело болтали, сидя со своими дѣтьми въ тѣни исполинскихъ, возвышавшихся надъ хижинами, деревьевъ. Онѣ смѣясь и съ любопытствомъ глядѣли на насъ. Костюмъ женщинъ—кольца изъ слоновой кости на рукахъ и ногахъ и кусокъ бѣлой матеріи, замѣняющій передникъ; на спинѣ и на груди были параллельныя татуированныя полосы.

Внутреннее устройство человѣческихъ ульевъ удобно и практично. Постели изъ мягкихъ рогожъ; рядомъ котлы, сковороды, сосуды изъ страусовыхъ яицъ, съѣстные припасы въ корзинахъ и т. и. Угощеніе происходитъ слѣдующимъ образомъ. Одна изъ женъ начальника приноситъ большую корзину съ мелкимъ пескомъ и приглашаетъ сѣсть вокругъ этаго импровизированнаго стола. Затѣмъ ставитъ рисъ, яйца въ коркахъ тыквы и пиво въ страусовыхъ кружкахъ, въ песокъ и они не могутъ упасть. Мы принимались ѣсть и хозяева казались очень радушными и ласковыми людьми. Мы покинули деревню только на слѣдующее утро. Наканунѣ вечеромъ мы присутствовали при военной пляскѣ и сдѣлали лучшимъ плясунамъ подарки, чѣмъ тѣ были очень довольны.

Для удостовѣренія что мы мирные путники, намъ дали проводника и мы потянулись по ухабистымъ дорогамъ въ степи, направляясь къ главному поселенію, мѣстожительству Сетевайо. Чѣмъ дальше мы ѣхали по владѣніямъ его величества, тѣмъ дороги становились хуже, мѣста все глуше и чаще попадались звѣри и хищныя птицы. Солнце жгло насъ все сильнѣе и сильнѣе. Мы поэтому двигались только ночью, не смотря на множество москитовъ, львовъ и буйволовъ, рыскавшихъ по степи. Разразив-

*) Которыми былъ заколотъ принцъ Наполеонъ.



Торговка овощами въ Голландіи. Рис. Готель, грав. Бренд'Амуръ.

Гнѣздо. Ориг. Рис. Н. Джіакомелли, грав. Меоль.

шаяся через нѣсколько дней буря заставила нас опять переночевать въ деревнѣ. Тоже устройство что и въ прежней, такія же жалобы на крокодиловъ, буйволовъ и т. п., отъ которыхъ тщетно пытаются обороняться асагайями. Въ деревнѣ всѣ были заняты приготовленіемъ новыхъ ассагаевъ. Вмѣсто мѣховъ въ кузницахъ употреблялся бычачій пузырь, въ который вставлена длинная глиняная трубка. Накануиѣ только, ночью, въ деревню ворвался левъ, загрызъ нѣсколько козъ и разрушилъ двѣ хижины. Находившійся еще въ этомъ селеніи миссіонеръ отправился къ ближайшему ручью заложить въ воду отраву и умертвить такимъ образомъ опасное животное. Его жена, шотландка, приняла насъ очень радушно и угостила чуэлло — нѣчто въ родѣ пива, мясомъ драхвы и наконецъ пирогомъ изъ кукурузы. Добрая женщина просила чтобы мы помогли охотиться на дикихъ звѣрей и очень была рада нашему обѣщанію содѣйствовать жителямъ при первомъ же нападеніи. Вечеромъ былъ сильный дождь; ночь прошла безъ приключеній, хотя по близости и было слышно рыканіе львовъ и вой волковъ.

Утромъ мы заявили старшинѣ, что готовы участвовать въ охотѣ, хотя, откровенно говоря, охота на львовъ намъ вовсе не казалась очень привлекательной забавой. Но къ нашему удивленію онъ отвѣчалъ:

— Нѣтъ, зачѣмъ убивать львовъ, львы наши друзья, они доставляютъ намъ мясо.

Это было разумѣется справедливо,—ни одинъ левъ не съѣдаетъ свою добычу сполна и всегда бросаетъ свѣжее мясо буйвола, которымъ въ деревняхъ и пользуются.

Въ закрытой, по распоряженію Сетевайо, миссіонерской церкви были развѣшаны разные охотничьи трофеи и оружіе, тутъ же лежали барабаны и свирѣли, употреблявшіеся при богослуженіи. Жители были частью христіане, но не замѣтно ни малѣйшихъ признаковъ ненависти между ними. Женщины-христіанки носили на шеѣ маленькій мѣдный крестикъ или монету. Кромѣ зулусовъ въ деревнѣ была еще колонія аматонговъ, водворенныхъ здѣсь Сетевайо плѣнныхъ, очень усердно работавшихъ въ маисовомъ полѣ. Сами зулусы, презирая полевыя работы, занимаются только военными упражненіями, которыя намъ здѣсь впервые удалось увидѣть. На окруженномъ пальмами мѣстѣ очень ловко боролись, бѣгали, лазили и ползали по землѣ, учась ползти незамѣтно въ травѣ или высокомъ маисѣ. Когда мы на слѣдующее утро отправились въ путь, нѣсколько воиновъ и женщинъ провожали насъ. Вскорѣ мы встрѣтили купцовъ изъ Капской области, сообщившихъ намъ, что Сетевайо выслалъ ихъ изъ страны и запретилъ торговать. Это не указывало на добрыя отношенія вождя зулусовъ къ британскимъ сосѣдямъ. Мы были въ нерѣшительности, продолжать ли путь или вернуться, какъ отрядъ вооруженныхъ зулусовъ, каждый съ двумя копьями въ рукахъ, перьями и кусками шкуры зеленой обезьяны вокругъ головы, задержалъ насъ и сообщилъ нашему проводнику приказъ Сетевайо вернуться немедленно въ только что покинутую нами деревню и ожидать тамъ дальнѣйшихъ его приказаній. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ прислалъ намъ кабанье мясо и жареную, очень вкусную, дичь. Вернулись и намъ отвели по его приказу, хижину, очень красиво расположенную между двумя громадными деревьями. Мы пока проводили время въ охотѣ, и присмотрѣлись нѣсколько къ жизни зулусовъ.

Каждый воинъ получаетъ отъ Сетевайо недвижимое имущество во владѣніе. Онъ не имѣетъ права жениться ранѣе сорока лѣтъ, развѣ совершитъ что нибудь значительное—убьетъ напр. при двухъ свидѣтеляхъ нѣсколькихъ враговъ на войнѣ. Зулусы вообще чрезвычайно гостепріимны и принять и накормить чужеземца считаютъ своимъ священнымъ долгомъ. Я замѣтилъ въ нихъ большую способность къ изученію иностранныхъ языковъ и склонность къ хитрости и интригѣ.

Черезъ десять дней заявилъ намъ наконецъ пикусси (старшина), что мы можемъ приблизиться къ главному поселенію и послѣ двухдневнаго путешествія, однообразіе котораго нарушалось только встрѣчными стадами буйволовъ и слоновъ, мы увидѣли наконецъ цѣпь холмовъ, на которой находилась равнина Аматала съ поселеніемъ вождя зулусовъ. У подножія холмовъ находились двѣ большія деревни, въ которыхъ жили три отборныхъ полка сорока и пятидесятилѣтнихъ зулусовъ, предводитель которыхъ велѣлъ намъ остановиться сказавъ, что доложитъ о насъ кому то въ родѣ перваго совѣтника вождя.

Этотъ „совѣтникъ" скоро пришелъ къ намъ и велѣлъ ждать до слѣдующаго дня, потому что теперь всѣ заняты приготовленіями къ большому смотру. Сетевайо приказалъ передать намъ, что онъ не имѣетъ нужды насъ видѣть и что самъ онъ не бѣлый слонъ, и что въ немъ нечего оглядывать, но что онъ не запрещаетъ намъ, если мы непремѣнно хотимъ, присутствовать на смотру войскъ. Мы замѣтили, что въ отдаленіи за нами былъ поставленъ наблюдать одинъ начальникъ зулусовъ съ 500 воиновъ. Всю ночь мы не имѣли покоя—то выли волки въ лѣсу, то проходили мимо нашей хижины большіе отряды войскъ. Утромъ громкій звукъ роговъ, разбудилъ насъ и старшина предупредилъ, чтобы мы были готовы, если хотимъ видѣть смотръ. Около 8-ми часовъ мы отправились въ путь, взбираясь на дикія, голыя скалы, на которыхъ жилъ повелитель зулусовъ. Мы шли подъ конвоемъ изъ 100 человѣкъ и черезъ какихъ нибудь полчаса мы увидѣли на лѣво за холмами главное поселеніе, состоявшее приблизительно тысячъ изъ трехъ хижинъ. Угрюмо оглядывали насъ проходившіе мимо отряды, направляясь ко входу поселенія, противъ котораго они останавливались, образуя шпалеры. То была часть, такъ сказать, гвардіи „дулваны," которая носила на лбу кусокъ шкуры и два сѣрыхъ орлиныхъ пера, а на головѣ пять страусовыхъ перьевъ; на бедрахъ шкуру зеленой обезьяны и на шеѣ три бѣлыхъ коровьихъ хвоста; въ лѣвой рукѣ у нихъ были ружья и щиты, въ правой—ассагаи. Входъ въ поселеніе былъ воспрещенъ, и такъ какъ его величество еще долго не выходилъ, то мы и могли хорошо осмотрѣть войска.

Около одиннадцати часовъ, когда уже было довольно жарко, раздались внезапно звуки рога. Изъ краала вышла темная группа людей, изъ которыхъ одинъ высокій былъ особенно богато украшенъ алмазами, большими бѣлыми и красными перьями. Въ рукѣ онъ держалъ длинное бѣлое съ блестящимъ наконечникомъ копье, а за поясомъ торчали револьверъ и кинжалъ. Оружіе воиновъ загремѣло, щиты стройно ударились другъ о друга, дикій, многоголосый, несомнѣнно восторженный, крикъ раздался по долинѣ и Сетевайо направился къ возвышенію, съ котораго онъ могъ окинуть взглядомъ все войско. За нимъ шелъ сильный негръ съ широкимъ боевымъ мечомъ, и другой—съ корзинами, наполненными монетами.

Вся страна раздѣлена на 12 корпусовъ, которые всѣ вмѣстѣ составляютъ тридцать три полка. Солдаты 18-ти полковъ женаты, слѣдовательно имъ болѣе сорока лѣтъ. Въ семи полкахъ шестидесятилѣтніе воины, которые несутъ обыкновенно пограничную службу и легко вооружены; холостыхъ—тридцать три тысячи, раздѣлены на пятнадцать полковъ; девятнадцать тысячъ женатыхъ воиновъ заняты въ военныхъ колоніяхъ обученіемъ дѣтей. Вся армія состоитъ приблизительно изъ шестидесяти тысячъ человѣкъ, но въ случаѣ нужды, ея численность можетъ быть доведена до ста тысячъ. Вооруженіе различно, передніе ряды имѣютъ ружья, щиты и ассагаи, между тѣмъ какъ у остальныхъ, кромѣ щитовъ, еще тяжелые кистени и дубины.

Солдаты имѣютъ воинственный и смѣлый видъ и вообще весьма сильнаго сложенія. Они любятъ рукопашный бой и не знаютъ пощады; у начальниковъ частей на головѣ болѣе густые и длинные пуки перьевъ и болѣе пестрые щиты. Войска двигались стройно. Смотръ окончился военной пляской; затѣмъ Сетевайо сталъ раздавать монеты, страусовыя и соколиныя перья. Мы не могли никакъ добиться аудіенціи, не смотря на поднесенные подарки. Намъ сказали, что повелитель не довѣряетъ бѣлымъ, которые такъ лживы, жадны и коварны. Однако въ знакъ благодарности за наше вниманіе мы получили дозволеніе пробыть въ его странѣ еще три дня, въ виду чего мы въ тотъ же день должны были выѣхать, такъ какъ въ три дня едва могли проѣхать полпути до колоніи. Дорогой мы узнали о начавшейся уже войнѣ зулусовъ съ Бетчуанами и Тебелесами, подбитыми англичанами. Мы спѣшили какъ могли, зная, что съ Сетевайо шутить нельзя и что рано или поздно ненависть къ англичанамъ разразится грозой и поставитъ ихъ въ этой странѣ въ затруднительное положеніе.

Къ рисункамъ.

Джутунъ Джамбе.

Предводитель каравана пилигримовъ въ Монголіи.

Монголія—страна весьма своеобразная. Почти ни встрѣчается ни большихъ городовъ, ни обширныхъ селеній, ни воздѣланныхъ полей, ни промысловъ, ни торговли, ни густыхъ лѣсовъ. Повсюду раскинулась лишь одна нескончаемая зеленая степь, мѣстами прерываемая озерами или рѣчками, безпредѣльная равнина, занимающая всю ширь видимаго горизонта.

Степь оживлена тамъ, гдѣ расположится кочующее населеніе, привлеченное хорошими пастбищами и изобиліемъ воды. На такомъ мѣстѣ раскидываются шатры и поселяются кочевники. Эта оживленная картина исчезаетъ, какъ призракъ, съ шатрами и ихъ обитателями, какъ только кормъ для скота истощится и нужна новая перекочевка; опять таже безмолвная, непривѣтливая пустыня; остались только кучи золы да вытоптанныя мѣста, на которыхъ паслись стада; тамъ и сямъ попадаются кости и носящіяся надъ ними хищныя птицы... Все пусто. Нѣсколько разнообразятъ эти пустыни тянущіяся длинной нитью караваны торговыхъ людей или богомольцевъ. Богомольцы ѣдутъ обыкновенно въ какой-нибудь ламайскій монастырь, мѣсто почитаемой святыни. Монголы исповѣдуютъ почти всѣ такъ называемую ламайскую религію, т. е. видоизмѣненный, изуродованный буддизмъ. Все ученіе ламаистовъ отличается неопредѣленностью и сами его послѣдователи смутно

понимаютъ основныя начала своего вѣрованія; предразсудки и обрядности сопровождаютъ ламайца отъ колыбели до могилы и ему вѣчно приходится выносить надъ собою эксплоатацію своихъ ламъ, если онъ самъ не вступитъ въ ихъ сословіе. Особеннымъ, предпочтительнымъ предъ другими, мѣстомъ поклоненія считается священный городъ Ласса (по тибетски „страна духовъ“), гдѣ имѣетъ пребываніе ламайскій первосвященникъ Теле-Лама.

Впереди каждаго каравана направляющагося къ священной мѣстности, шествуетъ вожакъ или предводитель, человѣкъ опытный, извѣстный благочестіемъ и начитанный. Одинъ изъ такихъ типовъ представленъ на нашемъ рисункѣ. Этотъ предводитель каравана называется Джутунъ-Джамбе. Такой предводитель каравана одѣтъ обыкновенно въ самыя грязныя лохмотья, чистота которыхъ противна религіознымъ воззрѣніямъ ламайцевъ. Сидитъ онъ скорчившись на верблюдѣ, бормочетъ молитвы и вертитъ священный валикъ съ молитвами, называемый Чи-коръ.

Такой Чи-коръ можно видѣть въ большомъ количествѣ у прибрежій рѣкъ и ручейковъ, гдѣ они движутся силою воды и денно и нощно молятся за своихъ устроителей. Ихъ также ставятъ на очагъ за благо семейства. Эти валики значительно облегчаютъ религіозныя обязанности ламайца и даже въ большихъ монастырскихъ городахъ поставлены повсюду такіе снаряды большихъ размѣровъ, исписанные молитвами, вертящіеся на оси. Ручные валики дѣлаются по большей части изъ исньки, а иногда и изъ дерева и обвертываются множествомъ склеенныхъ листовъ, на которыхъ написаны тибетскія молитвы. Если вращеніе производится особеннымъ механизмомъ, то оно продолжается очень долго отъ каждаго толчка и въ то время какъ валикъ молится, набожный ламаецъ можетъ совершенно спокойно отправлять свои житейскія нужды и обязанности.

Арка Августа въ Римини.

Римини, нынѣ главный городокъ итальянской провинціи Фари, лежитъ при впаденіи небольшой рѣчки Марехіи, въ Адріатическое море. Теперь Римини очень скроменъ и тихъ не смотря на то, что здѣсь проходитъ желѣзная дорога, соединяющая Анкону съ Болоньей и существуетъ лицей, морская школа и много другихъ общественныхъ учрежденій. Только лѣтомъ здѣшняя жизнь нѣсколько разнообразится пріѣзжающими сюда на морскія купанья, которыя пользуются уже порядочной извѣстностью. Что же касается до торговли и промышленности, то та и другая при всемъ 35000 населеніи города, находится въ довольно жалкомъ состояніи. Очень удобная гавань рѣдко покрывается торговыми судами и большею частью даетъ пріютъ однимъ рыбачьимъ лодкамъ Далмаціи и Истріи.

Римини, какъ и прочіе города адріатическаго побережья, пересѣкается большими, широкими улицами, примыкающими къ воротамъ большею частью античной постройки; одни изъ этихъ воротъ Римини состоятъ изъ арки, извѣстной подъ именемъ арки Августа. Эта арка была воздвигнута въ 727 году до Р. Х. т. е. въ тотъ самый годъ, когда Октавій принялъ имя Августа и такъ какъ здѣсь проходила Via Flamminia, соединявшая Римини съ Римомъ, то весьма вѣроятно, что арка была возведена Сенатомъ и народомъ, какъ дань благодарности Императору за его заботы объ улучшеніи путей сообщенія. Рисунокъ, прилагаемый нами, даетъ достаточное понятіе о грандіозности и красотѣ этой античной постройки. Къ сожалѣнію верхняя часть ея была совершенно обезображена варварами, которые въ XII вѣкѣ сдѣлали на ней зубчатую постройку, очень мало напоминавшую прежнія украшенія и стоявшую когда-то надъ воротами статую Августа, тріумфально шествующаго на побѣдной колесницѣ. Изъ сохранившихся орнаментовъ особенно замѣчательны четыре великолѣпные медальона на бокахъ карниза, изображающіе Юнону, Нептуна, Венеру и Палладу а надъ срединой свода—фигуры головъ коровы и быка, означавшія что городъ былъ римской колоніей.

Изъ другихъ остатковъ древности еще замѣчателенъ мостъ Тиверія, перекинутый чрезъ Марехію и украшенный пятью арками дорическаго ордена. Этотъ мостъ былъ начатъ Августомъ и оконченъ Тиверіемъ, какъ свидѣтельствуетъ надпись на одной изъ арокъ; кромѣ того въ Римини показываютъ такъ называемое подножіе Цезаря, съ котораго будто великій полководецъ объявилъ войскамъ приказаніе перейти черезъ Рубиконъ.

Условный знакъ.

Картина Гельвига.

Въ кругломъ широкомъ окнѣ башни старинпаго замка показалось милое видѣніе—хорошенькая дѣвушка, нетерпѣливо и тревожно поджидающая кого-то. Она глядитъ напряженно внизъ на круто изгибающуюся среди густыхъ деревьевъ парка дорожку, на которой наконецъ показался тотъ, кого она ждетъ. Личико ея озарилось радостью и оживленіемъ и она подаетъ ему условный знакъ.

А тамъ начнется конечно „эта старая и вѣчно новая исторія“, эта усиленная, счастливая жизнь сердца, эти блаженныя лунныя ночи въ паркѣ замка, пронизанномъ лунными лучами....

Тѣнистый садъ...
Люди спятъ, одни лишь звѣзды тамъ глядятъ
Да и тѣ не видятъ ихъ среди вѣтвей
И не слышитъ ихъ никто въ тиши ночей...

Торговка овощами въ Голландіи.

Голландія, какъ извѣстно, страна упорнаго и постояннаго труда; цѣлыя семьи прокармливаются тамъ только тѣмъ, что рачительно обработываютъ свои крохотные участки наносной земли, разводятъ овощи и сбываютъ ихъ для продажи въ города. Въ то время, какъ мужъ возится за своими грядами, жена несетъ продукты на рынокъ, чтобы послужить и своими силами благосостоянію семьи. Дѣйствительно трудъ ихъ тяжелъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ даетъ здоровье, упражняя мускулы и пріучаетъ ко всякаго рода непогодѣ; всѣ эти огородницы сильнаго, крѣпкаго тѣлосложенія, стройны станомъ, а молодыя изъ нихъ могутъ смѣло служить моделью для кисти художника. Ихъ можно видѣть, когда онѣ проходятъ по улицамъ города и крикомъ заявляютъ о своемъ товарѣ. Часто такая торговка, не имѣя на кого оставить дома своего ребенка, помѣщаетъ его тутъ же въ корзинкѣ вмѣстѣ съ овощами; тутъ онъ спокойно спитъ, обложенный разною зеленью, а свекла и другія коренья служатъ ему загородкой, чтобы онъ не упалъ.

Гнѣздо.

Рисунокъ Джіакомелли.

Прелестный, по обыкновенію, рисунокъ извѣстнаго Джіакомелли, который дошелъ въ своей спеціальности до такаго мастерства, что умѣетъ схватить даже разнообразныя выраженія птичьихъ глазокъ и головокъ. И въ настоящемъ рисункѣ—какъ уютно усѣлась и дремлетъ эта крохотная птичка въ маленькомъ гнѣздѣ и какъ зорко и бойко стережетъ ее маленькій хозяинъ дома, готовый защитить ее отъ какого нибудь хищника и поймать букашку или червяка ей на обѣдъ. „Пахнетъ полемъ воздухъ чистый,“ говоритъ поэтъ....

Въ безпредѣльной тишинѣ
Пѣсня птички голосистой
Раздается въ вышинѣ.
Есть у ней своя подруга,
Есть у ней пріютъ ночной,
Средь некошеннаго луга,
Подъ росистою листвой.
И бываетъ какъ то стыдно
И досадно, что порой
Сердцу гордому завидна
Доля птички полевой...

Хлѣбный жукъ (Anisoplia Austriaca).

Въ то самое время, какъ въ нѣкоторыя мѣстности Кавказа вторгнулась, несмѣтными „полчищами“ своими, саранча, наши южныя губерніи страдаютъ отъ другаго хищника. Этотъ новый врагъ нашихъ южно-русскихъ сельскихъ хозяевъ—довольно красивое насѣкомое темносѣраго цвѣта, снабженное прозрачными крылышками розоватаго оттѣнка. Въ теченіи всей осени и зимы, насѣкомое остается въ землѣ, въ довольно глубокихъ норкахъ и тамъ происходитъ весь процессъ превращенія зародыша въ куколку и затѣмъ въ насѣкомое. Свое послѣднее украшеніе — крылышки, оно получаетъ въ концѣ мая. Сначала, несмѣтныя рои жука бросаются на степныя травы; уничтоживъ ихъ, они переходятъ на рожь, высасываютъ молочный, сладкій сокъ стебля и, затѣмъ, обращаются къ полямъ, засѣяннымъ пшеницей, которую и истребляютъ совершенно. Жукъ появляется въ такихъ громадныхъ массахъ, что, въ особенно излюбленной имъ части Россіи,—пространствѣ, идущемъ отъ центра Харьковской губерніи и до мѣстностей, прилегающихъ къ Азовскому морю, онъ уничтожилъ многіе милліоны десятинъ хлѣба. Къ счастью, однако, его разрушительная дѣятельность продолжается недолго—не болѣе одного мѣсяца—іюня—въ началѣ же іюля онъ уже исчезаетъ. Но вредъ, причиненный хлѣбнымъ жукомъ въ 1878 году, достигъ такихъ устрашающихъ размѣровъ, что правительство пришло къ убѣжденію въ необходимости предпринять энергическую борьбу съ нимъ. Созваны были чрезвычайныя земскія собранія и ассигнованы значительныя суммы, съ цѣлью истребленія этаго насѣкомаго, назначены преміи за изобрѣтеніе лучшаго аппарата, предназначеннаго для этого, и, наконецъ, земствами Екатеринославской и Харьковской губерній принята общеобязательная, для всѣхъ сословій въ зараженной мѣстности, натуральная повинность по истребленію жуковъ. Подобная повинность однажды уже принесла рѣшительные результаты въ дѣлѣ истребленія сусликовъ, опустошавшихъ въ прежніе годы милліоны десятинъ хлѣба на югѣ Россіи и за Волгой, повергая земледѣльческое населеніе цѣлой полосы едва не въ поголовную нужду и голодъ. Изъ записокъ Рунича („Русская Старина“, 1870 г. № 2), напримѣръ, видно, что народныя сму-

ты за Волгой, сослужившія службу Пугачеву, въ значительной мѣрѣ были подготовлены тѣмъ, что предъ появленіемъ самозванца, пріуральскій и заволжскій край, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, оставался безъ хлѣба, до тла уничтоженнаго сусликами. При императорахъ Павлѣ и Александрѣ I командировались въ степи войска для истребленія этого звѣрка, но это не привело къ желаемой цѣли. Также безуспѣшны были и различныя, предпринимавшіяся при императорѣ Николаѣ I мѣры. какъ вливаніе кипятка въ норы сусликовъ, особыя машинки въ видѣ лучковъ-самострѣловъ, удушливыя куренія. Въ это же царствованіе изъ Британіи предлагали намъ уничтожить сусликовъ прививкой имъ злокачественной оспы; французы присылали изъ Оверни собакъ, дрессированныхъ на сусликовъ, но это предложеніе не могло быть осуществлено, такъ какъ трудно было бы содержать массу собакъ, необходимыхъ для уничтоженія звѣрковъ, рождавшихся десятками тысячъ на каждой десятинѣ. Но была установлена повинность и объявленъ конкурсъ съ преміей на изобрѣтеніе средствъ противъ сусликовъ — и болѣе десяти лѣтъ этого бича не существуетъ уже.

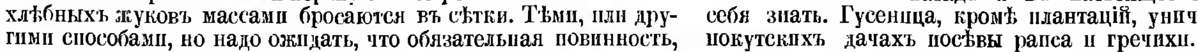
При этомъ, рѣшительную, существенную помощь оказалъ способъ г. Щербачева — двусѣрвый углеродъ, представленный имъ на премію и теперь служащій главнымъ и обыкновеннымъ средствомъ для всѣхъ сельскихъ хозяевъ на югѣ.

Но—побороли одного врага, надо воевать теперь съ другимъ. До сихъ поръ, съ нимъ воевали не особенно затѣйливыми средствами. Такъ напримѣръ, многіе изъ хозяевъ, неуклонно руководящихся правиломъ: „своя рубашка ближе къ тѣлу,“ просто-на-просто сгоняли рои жуковъ къ сосѣду, другіе собирали жуковъ въ мѣшки, изъ которыхъ вытрясали ихъ потомъ въ кипятокъ; одесскіе колонисты изобрѣли свой особый аппаратъ: это — сѣтка, прикрѣпленная къ деревянной рамкѣ на колесахъ, въ которую впрягается лошадь. Сѣтки эти быстро бороздятъ поле по всѣмъ направленіямъ и перепуганные рои хлѣбныхъ жуковъ массами бросаются въ сѣтки. Тѣми, или другими способами, но надо ожидать, что обязательная повинность, избавившая отъ сусликовъ, спасетъ наше южное хозяйство и отъ жуковъ. По распоряженію харьковской губернской земской управы уже напечатана „Инструкція для выполненія обязательной повинности по истребленію жуковъ.“ Земство губерніи ассигновало 100 тысячъ рублей для пріобрѣтенія машинъ и истребленія жуковъ въ 1879 г., изобрѣтателю аппаратовъ назначена премія по 50 к. за каждую конную машину и по 20 коп. за ручную. Аппараты эти, предоставляются хозяевамъ безплатно, но остаются собственностью земства. Рабочіе, наряжаемые, по распоряженію земства, для собиранія и истребленія жуковъ, получаютъ по 20 к. поденной платы изъ спеціальной суммы губернскаго земства. Непосредственное завѣдываніе и руководство работами по истребленію жуковъ возложено на уѣздныя управы, волостныя и сельскія власти, и также на особыхъ уполномоченныхъ. Кромѣ того, губернская управа предприняла, при помощи особой комисіи, изданіе брошюры о хлѣбномъ жукѣ, съ указаніемъ способовъ уничтоженія его.

Хлѣбный жукъ (Anisoplia austriaca).

Съ появленіемъ цвѣта на хлѣбахъ, въ Богодуховскомъ уѣздѣ, напр. дождь прекратился, появился врагъ хлѣбныхъ полей, *жучекъ*, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ массами, и началъ производить свою опустошительную работу. Земство уже было на стражѣ, жучколовныя машинки были уже получены управой, распоряженія, какія слѣдовало, были сдѣланы, и землевладѣльцы, съ рвеніемъ занялись истребленіемъ жучковъ. Оказалось что ручныя машинки, изобрѣтенныя Соковнинымъ работаютъ довольно успѣшно, — конныя же требуютъ усовершенствованія. Простой людъ относится къ ловлѣ жучковъ машинками и руками крайне недовѣрчиво.

Кромѣ жучка оказались и другіе враги посѣвовъ—*гусеницы* и *овражки*; гусеницы буквально опустошали цѣлыя поля свекловичныхъ плантацій до одного корешка и проходили такъ быстро, что всѣ усилія остались почти безуспѣшными. Овражекъ сталъ появляться въ Харьковской губерніи года три назадъ и въ настоящее время уже даетъ себя знать. Гусеница, кромѣ плантацій, уничтожила въ краснокутскихъ дачахъ посѣвы рапса и гречихи.



Политическое обозрѣніе

Евреи въ Румыніи.—Волненія въ Босніи.—Греція.—Во что война обошлась Турціи.—Императрица Евгенія.

Въ исторіи политическихъ договоровъ мало найдется международныхъ соглашеній, которыя составляли бы столь рѣзкое противорѣчіе съ естественными интересами тѣхъ, кого касаются, и, поэтому, такъ туго и медленно приводились бы въ исполненіе,—какъ „соглашеніе“ Берлинское. Такъ, поднятый въ Румыніи „еврейскій вопросъ“ привелъ въ волненіе всю страну и повелъ за собой министерскій кризисъ, окончившійся перемѣной кабинета. Насколько можно судить по доходящимъ изъ Бухареста свѣдѣніямъ, религіозный вопросъ не играетъ при этомъ главной роли. Сопротивленіе румынъ предоставленію правъ гражданства евреямъ объясняется, преимущественно, національными и сельско-хозяйственными соображеніями, которыя конечно имѣютъ много основаній. Дѣло въ томъ, что значительная, если не большая часть землевладѣльцевъ заложили свои земли евреямъ, не имѣющимъ, согласно существующимъ законамъ, права владѣть землею; но—если это право было бы нынѣ же и безусловно предоставлено имъ, то понятно, въ землевладѣніи произошла бы громадная перемѣна, непопулярная въ странѣ и ею отнюдь не желаемая; въ тоже время и въ городахъ, гдѣ нѣтъ румынскаго среднаго сословія, преобладаніе евреевъ сдѣлалось бы господствующимъ. Конечно соціальныя перемѣны влекутъ за собою и соотвѣтствующія измѣненія и въ внутренней, политической жизни княжества. Нельзя не понимать положенія румынъ,—оно слишкомъ серьезно. Возмутительно это хладнокровное и наглое насиліе надъ страной!

Въ Ново-Базарскомъ пашалыкѣ, который Австро-Венгрія готовится, какъ извѣстно, занять, завершая, такимъ образомъ, оккупацію, „возложенную“ на нее Берлинскимъ трактатомъ—едва ли не предстоитъ новое кровопролитіе: тамъ организуется сопротивленіе и, какъ пишутъ, собрано уже оружіе, инсургенты, деньги.

Въ Босніи, 16 іюня, между жителями Гума и мѣстною жандармеріею произошло кровавое столкновеніе. 18-го генералъ Килличъ отправился въ Гумъ для принятія необходимыхъ мѣръ и порядокъ, какъ сообщаютъ, съ тѣхъ поръ нарушаемъ не былъ. Посмотримъ—не будетъ ли онъ нарушаемъ, если въ Ново-Базарѣ начнется что нибудь. Мы постоянно относились съ недовѣріемъ къ свѣдѣніямъ о скоромъ разрѣшеніи „Греческаго вопроса“ онъ и теперь еще не „разрѣшенъ.“ Но, по крайней мѣрѣ, въ немъ видно нѣчто опредѣленное: мало по малу державы соглашаются на оставленіе Янины за Турціей. Что еще останется за нею и чего не досчитаются неугомонные потомки Ѳемистокла и Перикла—мы увидимъ, а пока Аѳинское правительство заказываетъ мониторы и хочетъ напугать Порту своими морскими силами... пока въ проектѣ...

Тѣмъ временемъ въ Константинополѣ едва не разыгралась комедія, которая часто повторялась въ Портѣ—т. е. едва не послѣдовала перемѣна великаго визиря. Хейреддинъ-паша подалъ султану прошеніе объ отставкѣ и нѣсколько дней отказывался взять ее назадъ, не смотря на всѣ убѣжденія Абдулъ-Гамида. Великій визирь поставилъ условіемъ своего вступленія въ министерство образованіе однороднаго кабинета, отвѣтственнаго и избавленнаго отъ вмѣшательства двора въ государственныя дѣла. Султанъ не далъ сразу рѣшительнаго отвѣта, и кризисъ грозилъ затянуться. 6-го іюля Хейреддинъ-паша не принялъ приглашенія султана присутствовать на религіозной церемоніи, но, когда его величество прислалъ къ нему, для сопровожденія его, почетный конвой, то Хейреддинъ согласился явиться. Послѣ церемоніи султанъ увезъ его съ собой во дворецъ. На дняхъ министръ финансовъ подалъ султану докладъ *о расходахъ послѣдней войны съ Россіей*: по слухамъ, война обошлась Турціи (не Британскому ли казначейству скорѣе) въ 4 милліарда 500 милліоновъ франковъ, причемъ сюда не входитъ военная контрибуція, которая слѣдуетъ Россіи.

Передадимъ здѣсь, также какъ слухъ, что будто, при кратковременномъ свиданіи князя Болгарскаго съ Абдулъ-Гамидомъ, ежегодная дань Болгарскаго княжества опредѣлена въ 500 тысячъ франковъ.

Въ Румеліи—не гладко. Международная комисія, нѣсколько времени назадъ, давала понять, что не вполнѣ довольна распоряженіями генералъ-губернатора. Впрочемъ, теперь только что окончательно опредѣлены ихъ взаимныя отношенія—державы рѣшили, что постановленія, принятыя комисіею простымъ большинствомъ, не обязательны для генералъ-губернатора, который подчиняется только единогласнымъ постановленіямъ ея. Что же касается распоряженій другаго высшаго сановника—начальника румелійской милиціи, генерала Виталиса, то онѣ возбудили неудовольствіе среди офицеровъ и 55 офицеровъ подали князю Вогоридесу прошеніе, въ которомъ жалуются на безпорядки и недоразумѣнія въ штабѣ, частыя и ненужныя перемѣщенія другихъ изъ одного мѣста въ другое, неизвѣстность войскъ относительно того—кто ихъ командиры и почти ежедневныя перемѣны въ назначеніи офицеровъ. Это прошеніе считаютъ демонстраціей противъ иностранныхъ офицеровъ и въ особенности, противъ самаго генерала Виталиса.

(Продолженіе на стр. 597, 598, 599 и 600).

Война Англичанъ съ Зулусами. Отдыхъ англійскихъ войскъ въ маисовомъ полѣ.

По рис. Ш. грав. М. Рашевскій.

Въ Брюсселѣ, одно время, начали появляться наклеенныя на стѣны домовъ прокламаціи съ угрозами королю. На дняхъ, по словамъ депеши „международнаго агентства", арестованъ человѣкъ, по имени Вангамме, бывшій избирательнымъ агентомъ клерикальной партіи и оказавшійся именно тѣмъ самымъ лицомъ, которое и наклеивало прокламаціи. Онъ призналъ себя виновнымъ и, сверхъ того, самъ обвиняетъ нѣкоторыхъ лицъ изъ находящейся въ улицѣ „Урсулинокъ" іезуитской коллегіи въ томъ, что они вручили ему эти прокламаціи и дали денегъ. Въ іезуитской коллегіи произведено два обыска и арестованъ іезуитъ-библіотекарь.

Императрица Евгенія, при недавнемъ своемъ свиданіи съ Руэромъ, объявила ему, что она болѣе не желаетъ вмѣшиваться въ дѣло имперіалистовъ и потому прекращаетъ всѣ денежныя вспомоществованія бонапартистской печати. Руэръ не будетъ, съ своей стороны, поддерживать принца Наполеона, хотя не будетъ и противъ него. Газета „Ordre" (Порядокъ) перестаетъ, въ виду этого, быть оффиціознымъ органомъ бонапартистской партіи.

Въ Парижѣ, Гамбетта далъ въ своемъ помѣщеніи президента палаты депутатовъ, великолѣпный праздникъ, въ честь годовщины 14-го іюля 1789 г., т. е. дня взятія Бастиліи. Праздникъ, имѣвшій оффиціальный характеръ, обошелся, говорятъ, въ нѣсколько десятковъ тысячъ франковъ.

Вслѣдствіе выхода кабинета Депретиса въ отставку, король Гумбертъ поручилъ сформированіе новаго министерства графу Кайроли.

Разныя извѣстія.

Долговѣчность животныхъ. Въ Лондонѣ появилось сочиненіе Лорда Вилліама Леннокса „Прежде и теперь" въ которомъ между прочимъ сообщаются свѣдѣнія о долговѣчности животныхъ: медвѣдь весьма рѣдко достигаетъ 20 лѣтъ, собака живетъ иногда до 20 лѣтъ, волкъ также; лисица отъ 14 до 16 лѣтъ. Львы достигаютъ глубокой старости. Одинъ левъ, по имени „Помпей", жилъ около 70 лѣтъ. Кошачій вѣкъ—14 лѣтъ, заячій—7, 8 лѣтъ. Слоны живутъ поразительно долго, иногда до 400 лѣтъ. Когда Александръ Великій одержалъ побѣду надъ Поромъ, побѣдителю достался, между прочимъ, огромный слонъ Пора, храбро защищавшій его. Знаменитый полководецъ назвалъ слона „Аяксомъ" и посвятилъ богу Солнца. На серебряномъ ошейникѣ слона была выбита надпись: „Александръ, сынъ Юпитера, посвящаетъ Аякса богу Солнца." И слона пустили съ этимъ ошейникомъ на свободу. Черезъ 354 года послѣ того, слонъ этотъ былъ вновь пойманъ.

Свиньи живутъ иногда 30 лѣтъ, носороги не болѣе 20. Была лошадь, дожившая до 62 лѣтняго возраста, но обыкновенно ихъ вѣкъ—20, 25 лѣтъ. Верблюды живутъ иногда за 100 лѣтъ. Олени живутъ довольно долго, овцы же не болѣе 10 лѣтъ, коровы рѣдко за 15 лѣтъ. Кювье считаетъ возможнымъ, что китъ живетъ до 1000 лѣтъ. Дельфины живутъ 30 лѣтъ. Одинъ орёлъ умеръ въ Вѣнѣ 104 лѣтъ. Вороны доживаютъ также до 100 лѣтъ. Вѣкъ лебедей считаютъ до 300 лѣтъ. Одинъ англичанинъ по имени Маллертонъ имѣлъ скелетъ лебедя жившаго 290 лѣтъ. Пеликаны достигаютъ глубокой старости. Одна черепаха дожила до 107 лѣтъ.

Оренбургъ, начинаетъ понемногу отстраиваться. До половины іюня, изъ 1,706 сгорѣвшихъ домовъ или, вѣрнѣе, дворовъ возобновлено уже деревянныхъ 37, каменныхъ 23 и землянокъ 87; строятся домовъ каменныхъ 123, деревянныхъ 116 изъ остатковъ 125 и приготовлено матеріала на 39 домовъ каменныхъ и на 47 деревянныхъ; всего будетъ готово къ зимѣ домовъ и землянокъ болѣе 511.

Въ Плоцкой губерніи, близъ деревни Поржень, открыто обширное до-историческое владбище, подъ старымъ, вырубленнымъ теперь крестьянами лѣсомъ. Оно занимаетъ нѣсколько десятинъ земли; къ сожалѣнію, многія изъ найденныхъ тамъ урнъ и другихъ вещей подверглись уничтоженію со стороны крестьянъ, но нѣкоторыя изъ нихъ сохраняются въ рукахъ мѣстнаго ксендза, приглашающаго знатоковъ осматривать ихъ. Замѣчательно, что въ народѣ сохранилось преданіе о существованіи въ этомъ мѣстѣ древняго города.

Дорожный стругъ Для поддержанія въ *порядочномъ состояніи проселочныхъ и полевыхъ дорогъ* германскимъ помѣщикомъ въ Гуммель-Радесѣ, близъ Любека, Веберомъ устроенъ дорожный стругъ, дѣйствующій на подобіе столярнаго струга и долженствующій оказывать большое вліяніе на экономію въ работѣ при исправленіи грунтовыхъ дорогъ. Этотъ стругъ имѣетъ въ ширину 6 футъ, снабженъ прочными желѣзными лезвеемъ и скребкомъ и прикрѣпляется къ передку, везомому двумя лошадьми; срѣзая болѣе возвышенныя части дорожнаго полотна и сваливая эту землю къ срединѣ дороги, стругъ, такимъ образомъ, при повторенныхъ проходахъ, выравниваетъ колеи и придаетъ профилю полотна покатость отъ средины къ краямъ. Весь снарядъ стоитъ у изобрѣтателя 45 марокъ.

Кедровое масло. Есть кедровое масло въ Сибири, которое ничѣмъ не уступаетъ прованскому, будучи съ нимъ сходно во вкусѣ и цвѣтѣ. Его можно добывать сколько угодно, по обилію кедровыхъ орѣховъ; но по наплыву на наши рынки чужаго масла, наше кедровое почти на нихъ не является.

Между тѣмъ въ половинѣ этаго столѣтія нѣкто Савичевскій устроилъ въ Сибири заводъ для добычи кедроваго масла и оно обходилось ему, съ доставкой въ Москву, по 6 руб. пудъ, т. е. по 15 коп. фунтъ; стало быть, если получать отъ него сто на сто барыша, то и тогда можно продавать его по 30 коп. фунтъ, почти вдвое дешевле прованскаго, которому оно, ни въ чемъ не уступаетъ. Смерть Савичевскаго положила конецъ полезному его дѣлу, ибо хотя срокъ данной ему привилегіи давно кончился, но масла его способомъ никто не приготовляетъ.

Какъ узнавать примѣсь воды къ молоку. Англійскія газеты приводятъ самый простой способъ распознаванія, не прибавлено ли къ молоку воды. Нужно обмокнуть въ молоко вязальную, хорошо отполированную иголку. Если на концѣ ея останется капля, значитъ въ молокѣ нѣтъ воды: если же вода есть хоть въ самомъ небольшомъ количествѣ, то жидкость не пристанетъ къ иголкѣ.

Задача слоговъ.

В. Ф. Сускаго.

Изъ нижеслѣдующихъ 40 слоговъ составить 15 словъ, которыхъ начальныя буквы, читая ихъ сверху внизъ, составятъ имена, которыя напомнятъ разгадавшему событіе, недавно интересовавшее всю Европу, а послѣднія буквы, читая ихъ снизу вверхъ,—двѣ фамиліи лицъ, недавно фигурировавшихъ въ одномъ процессѣ.

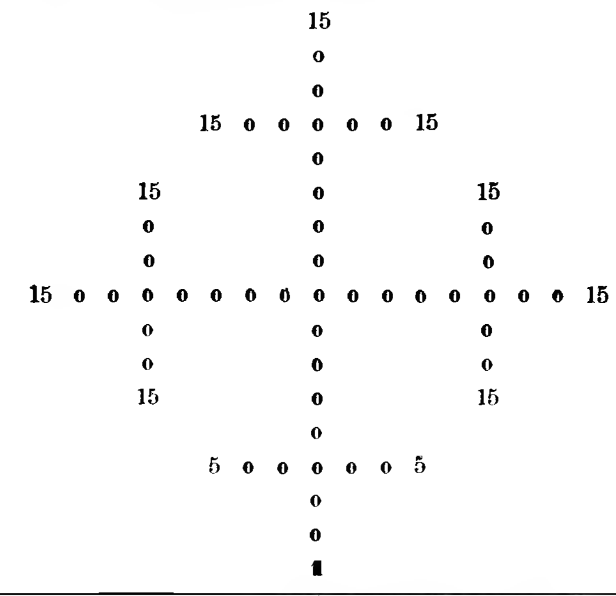
а, а, аб, ан, ар, ві, ви, га, див, дод, е, е, зал, ив, ис, ке, ков, ла, лав, лак, ле, ляп, мус, на, ні, но, о, о, ог, оль, пи, пол, пор, ра, скі, то, у, уг, ух, хилл.

1) Названіе коммерческой сдѣлки.
2) Названіе болѣзни.
3) Острова въ Азіи, принадлежащіе Англичанамъ.
4) Неровность дороги.
5) Химическое вещество, употребляемое въ медицинѣ.
6) Названіе птицы.
7) Мужское имя.
8) Названіе одного водопада.
9) Древній греческій герой.
10) Кушанье.
11) Городъ въ Португаліи.
12) Названіе краски.
13) Женское имя.
14) Городъ Херсонской губерніи.
15) Фамилія одного довольно извѣстнаго современнаго актёра.

Задача.

Владѣлецъ бриліантоваго креста, имѣющаго форму изображенную нолями, желая придать ему новый фасонъ, обратился къ бриліантщику, при чемъ, для предупрежденія утайки камней поставилъ ему условіемъ, чтобы расположеніе камней осталось прежнее; а именно: разстояніе отъ 1 камня до каждой изъ нижнихъ оконечностей вмѣщало бы 5 камней, а до каждой изъ послѣдующихъ оконечностей вмѣщало бы по 15 камней. Мастеръ порученіе исполнилъ, но утаилъ 14 камней.

Узнать, какой видъ имѣлъ передѣланный крестъ.



РЕБУСЪ.

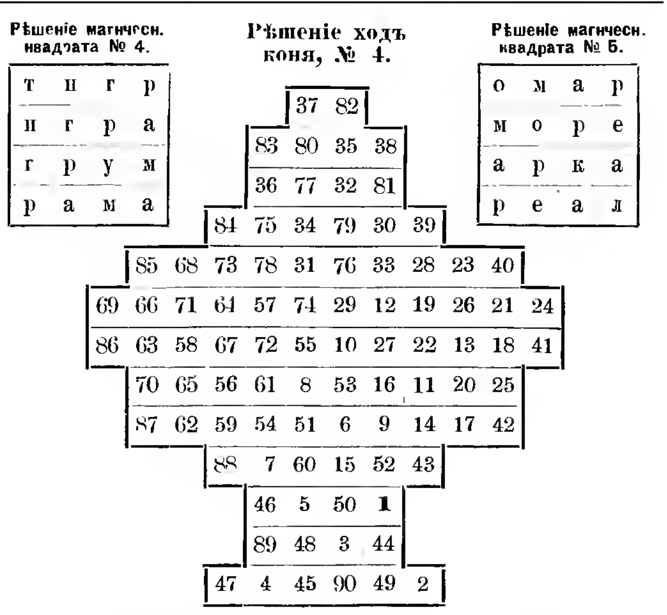
Рѣшеніе задачи слоговъ въ № 28 „Нивы“.

Боже Царя храни

Багратіон
Одесса
Живопис
Египет
Цензор
Африка
Раух
Ярослав
Хутор
Рифма
Ареопаг
Нимфа
Имам

на страхъ врагам

Вѣрныя рѣшенія до 17 Іюля присланы: **Спб.**, отъ гг.: Коринна, Глинскаго, Н. Ожг—нъ, Пашиовскаго, Штира, Лапина, Загребина, Гирмана. М. Тимофѣева, Петрова, Глушкова, Звѣринцева, Бородина, Ашмарова, Тихомирова, Бочагова, Чистовича, Набокова, Перминова, Погина, Функа, Афанасьева, Николаева, М. Кип—скаго, Зафирова, Рейнке, Оумакова, Пиротехника, Малевинскаго, Лакотскаго, Дрешерна, Дмитріева, Монахова, Калетвна, Демина, Назарова, Еевпова, Копѣшкова, Лвдова, Елецкаго, Шевлягиныхъ, В. Н. Королева, Фридрихса, Влинова, М. И—ва, Борнемана, Ляляна, Попова, Хашковскаго, Іогансона, Кайткевича, Заха, Фвлипова, Прихиня, Муромцева, Н. Иванова. Гангелина, Смирнова, Матвтина, Лебедева, В. Сусекаго, Е. Петрова, Н. Дерачъ-Булочиина, Зинина, Домени, Аверина, Гамера и Садовскаго, В. Фохтъ, Двюбенко, Головни, Е. А—ной Лазаренской, А. Давыдова, Готовцова, Зарубина, Попова и Маргисова; **Москва**, отъ гг. С. Н. Иванова, Анже, Миляева, Занина, Лебедева, Калашникова, Соколова, Недохлѣева, Третвиова, Вортепа, Херсонскаго, Есина, Аветова, Корешкова, Соколова, Юрасова ,Зайцевскаго, Муравьева, Барсукова, Звѣакина, Шешкова, Соскова, Мордашова, Шувалова, Ан—ріева, Бс. Иванова, Полянскаго, Горнунга, А. Гаврилова, Четверикова, Попова, Глинскаго, А. Е. Алексѣева и Дробиша, Трубниковой, Коптевой, Войниковой, Шевелквиой, Живаго Константинова, Салтанова, Кононова, Повдиввова и Смирнова; **Царское Село**—г. Павловскаго, **Кронштадтъ**—Даржана, **Петергофъ**—Горошкиной и Кулхой; **ст. Знаменская**—Ольхиной; **Выборгъ**—Тверской, гг. Шмидтъ, Гука и Церетели; **Новый Петергофъ**—Богдановой, Пѣвцова; **Павловскъ**—Кирилова; **Стрѣльнинская**—Сидѣлкина; **Нижній-Новгородъ**: гг. Варбаренко, Корелина и Рыцикова; **Медвѣдево**—Лейцингера; **Старая Русса**—Инкогнито; **Колпино**—Денисова; **Вильна**—А. Невскаго; **Гродно**—Войтковскаго; **Кашинъ**—Жданова; **Кострома**—Солодовникова; **Кохма**—Макарова **ст. Вилковишки**—Андроникова; **Якобштадтъ**—Соколовскаго; **Бѣлая церковь**—Гохмана; **Могилевъ губ.**—Ландау; **Черниговъ**—Рабиновича и Шлепянова; **Александровъ**—П. Зубова; **ст. Курскъ**—Зайцева; **Ярославль**—Утиина, одного изъ подписчиковъ и Преображенскаго; **Рязань**—Трегубона; **Новгородъ**—Левшинскаго; **Воронежъ**—В. М—о; **Орелъ**—В. Орловой, Неизвѣстнаго и Ромера; **Козловъ**—Полонскаго и Д. В. Ш.; **Курскъ**—Хомякова; **Бердичевскаго завода**—Мельникова; **Радзивиловъ**—Олавскаго; **Слуцы**—Шера; **Новый Петергофъ**—Свобнна; **Чернь**—Иванова; **Вязьма**—Колесникова; **Тула**—Чисткова; **Бронницы**—Борвинскаго; **Нижній Новгородъ**—Ливанова; **Шуя**—Щеколдина; **Талица**—Александрова; **Владиміръ**—Невскаго.



Рѣшеніе магическ. квадрата № 4.

т	и	г	р
и	г	р	а
г	р	у	м
р	а	м	а

Рѣшеніе ходъ коня, № 4.

					37	82					
				83	80	35	38				
				36	77	32	81				
			84	75	34	79	30	39			
	85	68	73	78	31	76	33	28	23	40	
69	66	71	64	57	74	29	12	19	26	21	24
86	63	58	67	72	55	10	27	22	13	18	41
	70	65	56	61	8	53	16	11	20	25	
	87	62	59	54	51	6	9	14	17	42	
			88	7	60	15	52	43			
				46	5	50	1				
				89	48	3	44				
			47	4	45	90	49	2			

Рѣшеніе магическ. квадрата № 5.

о	м	а	р
м	о	р	е
а	р	к	а
р	е	а	л

Не плѣняйся бранной славой,
О красавецъ молодой!
Не бросайся въ бой кровавый
Съ Карабахскою толпой!
Знаю: смерть тебя не встрѣтитъ—
Азраилъ, среди мечей

Красоту твою замѣтитъ
И пощада будетъ ей!
Но боюсь: среди сраженій
Ты утратишь навсегда
Скромность робкую движеній,
Прелесть нѣги и стыда.

А. Пушкинъ.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы: **С.-Петербургъ**, отъ гг.: Н. Мевина, Чистовича, Колесова, Максимова, Делицына, Штромберга, Рейнке и г-жи Коломейцевой; **Москва**: г-жи Ковальской и гг. Юрасова, Педыкляеча и Звѣакина; **Кронштадтъ**, Даржана, Павловскаго, **Ченстоховъ**—NN; **ст Савелино**—Монахова; **Пенза**—Орлова; **Нижній Новгородъ**—Весницкаго; **Орелъ**—Ромера; **ст. Казатинъ**—Елатина; **Шуя**—Щеколдина.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Усмань, Н. В—у. Хотя ваши стихи, правда, очень плохи, но все же, кажется, вы слишкомъ строго къ себѣ относитесь, говоря:

Хоть я и маленькій ораторъ
И въ мірѣ мелкая семь тварь!

Курскъ, Б. Хл—у. Вы спрашиваете, какъ полагается поступать въ редакціи при полученіи стиховъ. Если такія какъ ваши, то они уничтожаются безъ послѣдствій.

Кіевъ. Л. Пожалуйста не стѣсняйтесь и пошлите эти стихи въ какую хотите редакцію.

Плыветъ рѣка спокойно и спѣсиво.

Едва ли въ какой нибудь редакціи согласятся съ вашимъ мнѣніемъ что рѣка *плыветъ*.

Вновь поступило въ пользу погорѣльцевъ города Оренбурга.

Отъ гг. Гертруды Реймеръ въ Фельзенталѣ 25 р., П. Антонова въ ст. Пятіизбянской 10 р., Н. Коковкина въ Енисейскѣ 5 р., итого 40 р., а всего съ прежде поступившими 226 руб,

Въ редакцію журнала „Нива“ поступило въ пользу погорѣльцевъ г. Иркутска:

Отъ гг. И. Антопова въ ст. Пятіизбянской 10 р., М. въ Спб. 5 р.; всего 15 руб.

СОДЕРЖАНІЕ: **Измаилъ и Тевфикъ-паши, бывшій и нынѣшній хедивы Египта** (съ 2 портр.) **Подъ чужимъ имением** Повѣсть **В. Штрауса** (продолженіе).—**Въ записную книжку.** Стихотвореніе **П. Быкова.—Болгарскіе разсказы Л. Каравелова.—Въ странѣ зулусовъ** (очеркъ). **Джутунъ Джимбе** (съ рис.)—**Арка Августа въ Римини** (съ рис.).—**Условный знакъ** (съ рис.)—**Торговка овощами въ Голландіи** (съ рисункомъ)—**Гнѣздо** (съ рисункомъ)—**Хлѣбный жукъ** (съ рисункомъ)—Политическое обозрѣніе.—Разныя вавѣстія.—Задача слоговъ.—Задача.—Ребусъ.—Рѣшеніе задачи слоговъ.—Рѣшеніе задачи ходъ коня.—Вновь поступило въ пользу погорѣльцевъ гг. Оренбурга в Иркутска.—Объявленія.

Издатель **А. Ф. Марксъ.** Редакторъ **Ф. Бергъ.**

Дозволено цензурою СПБ. 19 Іюля 1879 г. Тип. Стасюлевича, Англ. пр. № 10,

X годъ | годъ X

№ 31 | 1879

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ «ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ» (отъ 20 до 40 модн. рис.)
Выданъ 30 Іюля 1879 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40). Цѣна этого № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к

Академикъ Федоръ Федоровичъ Брандтъ.

Во вторникъ, 3-го іюля, въ Меррекюлѣ скончался извѣстный естествоиспытатель и академикъ *Федоръ Федоровичъ Брандтъ*. Ф. Ф. Брандтъ родился въ Ютербогѣ и первоначальное воспитавіе получилъ въ гимназіи роднаго города, затѣмъ поступилъ на медицинскій факультетъ берлинскаго университета. Изучая медицину, молодой студентъ находилъ время посѣщать лекціи зоолога и ботаника Гейне. Интересуясь преимущественно естественными науками и руководствуясь убѣжденіемъ, что природы нельзя изучать, сидя постоянно въ кабинетѣ, онъ предпринималъ также естественно-историческія экскурсіи не только въ окрестности Берлива, но и въ отдаленныя мѣстности. Сюда относится его экскурсія на Гарцъ и Исполинскія горы, представлявшія при тогдашнихъ неустроенныхъ сообщеніяхъ довольно значительныя препятствія. Любимымъ предметомъ занятій Федора Федоровича въ теченіе его сту-

Академикъ Федоръ Федоровичъ Брандтъ † 3-го іюля 1879 г.

денчества была ботаника и плодомъ этихъ занятій въ 1824 г. появилась въ свѣтъ его „Flora“ карманная книга, предназначенная главнымъ образомъ для путешествій. Однако, не смотря на преимущественное занятіе ботаникой, Брандтъ не пренебрегалъ и занятіями зоологіей, къ чему поощряли его лекціи Лихтенштейна и частныя его демонстраціи въ музеѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Брандтъ успѣвалъ и въ практическихъ занятіяхъ по анатоміи человѣка у проф. Рудольфа; онъ сдѣлался даже частнымъ помощникомъ этаго профессора, изготовляя въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ препараты для его лекцій и для анатомическаго музея. Эти занятія анатоміей и зоологіей обусловили характеръ его докторской диссертаціи, посвященной сравнительно-анатомическимъ изслѣдованіямъ. Публичная защита диссертаціи состоялась 24-го января 1826 года. Окончивъ вслѣдъ за диспутомъ такъ на-

зываемые государственные экзамены, молодой докторъ пошелъ въ ассистенты къ знаменитому врачу Берлина, старику Гейму. Черезъ 9 мѣсяцевъ онъ промѣнялъ медицинскую практику на скромное мѣсто помощника при анатомическомъ музеѣ университета. Призваніе къ естествовѣдѣнію до того заглушило въ немъ всѣ матеріальные разсчеты, что онъ охотно подчинился необходимости поддерживать свое существованіе учено-литературнымъ трудомъ. Съ 1828 г. начинается преподавательская дѣятельность Брандта, такъ какъ въ этомъ году онъ поступилъ въ приватъ-доценты при берлинскомъ университетѣ. Лекціи его имѣли своимъ предметомъ: медицинскую ботанику, растительную фармакогнозію и фармакологію. Съ этого же времени дѣятельность Федора Федоровича, достигшаго вскорѣ и титула экстраординарнаго профессора, такъ быстро расширилась, что въ 1830 г. наша академія наукъ, по рекомендаціи А. Гумбольдта и проф. Рудольфа, обратила вниманіе на талантливаго труженика и избрала его въ свои адъюнкты по предмету зоологіи; а уже въ слѣдующемъ году онъ покинулъ Берлинъ и окончательно переселился въ Петербургъ. Съ тѣхъ поръ его ученая и преподавательская дѣятельность принадлежала всецѣло нашему отечеству. Годъ спустя по поступленіи въ академію Брандтъ былъ произведенъ въ экстраординарные, а еще спустя, т. е. въ 1833 году и въ ординарные академики. Но кромѣ обязанностей по академіи, Федоръ Федоровичъ простиралъ свою дѣятельность и на учебное поприще. Такъ еще въ тридцатыхъ годахъ онъ состоялъ инспекторомъ петербургскихъ училищъ и также инспекторомъ маріинскаго института, преобразованнаго его стараніями и переведеннаго при немъ въ нынѣ занимаемое имъ зданіе. Позднѣе онъ состоялъ профессоромъ въ педагогическомъ институтѣ вплоть до упраздненія этаго послѣдняго. Затѣмъ онъ продолжалъ профессорскую дѣятельность при императорской медико-хирургической академіи, гдѣ наслѣдовалъ послѣ своего знаменитаго друга и собрата К. М. Бэра каѳедру зоологіи и сравнительной анатоміи. Кафедру эту онъ оставилъ въ 1869 году съ званіемъ заслуженнаго профессора, обращая послѣ этаго уже все свое неутомимое прилежаніе на ученыя изслѣдованія и на попеченіе о зоологическомъ музеѣ академіи. Образъ дѣятельности Брандта по академіи можно подраздѣлить на двѣ категоріи: на изслѣдованія ученыя и на попеченіе о зоологическомъ музеѣ. Число ученыхъ статей и сочиненій, обнародованныхъ Брандтомъ, превышаетъ 300. Такимъ образомъ Федоръ Федоровичъ является однимъ изъ самыхъ плодовитыхъ русскихъ естествоиспытателей какъ нынѣшняго, такъ и прошлаго столѣтія. Заслуги же его по отношенію къ основанному имъ зоологическому музею неоцѣненны. Извѣстно что въ Россіи первое начало публичнымъ коллекціямъ положено было Петромъ I, создавшимъ „кунсткамеру", которая въ царствованіе Екатерины II достигла наибольшаго своего процвѣтанія. Въ это время, благодаря трудамъ нѣкоторыхъ знаменитыхъ русскихъ путешественниковъ, въ особенности Палласа, „кунсткамера" обладала и весьма богатымъ, по тогдашнимъ понятіямъ, зоологическимъ отдѣломъ. Однако, когда этихъ ученыхъ не стало, этотъ отдѣлъ пришелъ въ крайній упадокъ. Въ теченіи полувѣка онъ не только не обогащался новыми пріобрѣтеніями, но и то что уже было въ немъ собрано подверглось сильной порчѣ отъ моли, сырости, свѣта и вообще небрежнаго обращенія. При поступленіи въ Академію, Брандтъ почти немедленно приступилъ къ основанію зоологическаго музея, который настоящимъ своимъ положеніемъ обязанъ исключительно и всецѣло Федору Федоровичу. При музеѣ Брандтомъ основана и спеціальная зоологическая библіотека, составляющая научное подспорье для лицъ, занимающихся зоологіей. Въ 1881 году исполнится 50 лѣтъ со времени основанія музея, но къ несчастью Брандтъ, доживъ въ 1876 году до своего 50 лѣтняго докторскаго юбилея, не дожилъ до юбилея своего любимаго созданія.

Въ виду большихъ заслугъ въ области науки покойнаго Федора Федоровича Брандта, Академія наукъ почтила его дѣятельность учрежденіемъ преміи его имени. Говорятъ, что друзья и знакомые покойнаго озабочиваются разрѣшеніемъ подписки на постановку нашему славному ученому памятника отъ имени его почитателей и на изданіе полнаго собранія его сочиненій, которое особенно желательно, потому что труды его разсѣяны въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ, и притомъ многія изъ нихъ стали библіографическою рѣдкостью, такъ что пріобрѣсти ихъ нѣтъ возможности. Говорятъ, будетъ поставленъ бюстъ Брандта въ зоологическомъ музеѣ и будетъ основана премія или стипендія имени его при медико-хирургической академіи, гдѣ покойный преподавалъ многіе годы.

Въ паркѣ.

Старинныхъ липъ знакомая аллея
По прежнему шумитъ передо мной,
Въ смущеніи невольномъ я, робѣя,
Иду туда несмѣлою стопой.

Запущенъ паркъ... Высокою травою
Все поросло, подернулось кругомъ;
Толпа березъ плакучею семьею
Склонилася надъ высохшимъ прудомъ.

Гдѣ прежде говоръ, смѣхъ межь деревами
Съ зари и до зари не умолкалъ,
Гдѣ сонъ любви воздушными тѣнями
Надъ царствомъ грезъ неслышно пролеталъ.

Гдѣ не смолкали музыка и пѣнье—
Тамъ нынче тишь гнетущая царитъ,
Тамъ царствуетъ нѣмое запустѣнье
И о быломъ ничто не говоритъ.

Лишь по ночамъ про старыя картины
Забытыхъ дней, давноминувшихъ дней,
Свои слагаетъ чудныя былины
Пѣвецъ любви и нѣги—соловей...

П. Гнѣдичъ.

Подъ чужимъ именемъ.

Повѣсть В. Штрауса.

(Продолженіе).

— Меня нисколько, напримѣръ, не удивляло, продолжалъ инженеръ, когда брамины въ Индіи принимали меня за нечистаго и меня избѣгали. Но кто моей женѣ откажетъ въ уваженіи и вниманіи, того я могу принудить потерять всякую охоту повторить это въ другой разъ.

— Прекрасно! прекрасно сказано! подхватилъ поручикъ. Но я думаю, что человѣкъ хорошаго круга не долженъ ставить себя въ такія положенія.

— Сынъ мой! смѣясь сказалъ инженеръ, время то уже прошло, когда мы одни владѣли землей, предводительствовали войсками, творили судъ и расправу, были свободны и стояли, пожалуй, выше закона. Отъ того времени осталось намъ развѣ много? Вы говорите и думаете какъ будто все по старому. Когда я возвратился послѣ десятилѣтняго путешествія по Азіи, то въ Германіи нашелъ большія перемѣны. Но вѣдь кромѣ того, свѣтъ великъ, народовъ въ немъ много и не вездѣ народный разумъ и обычаи такъ ограничены и узки какъ здѣсь. Прежде мнѣ казалось смѣшнымъ и противнымъ здравому смыслу, что въ Китаѣ высшее званіе, котораго кто либо достигнетъ, переходитъ не къ его потомкамъ, а къ его предкамъ, но по строжайшемъ размышленіи я нахожу здѣсь серьезное основаніе и мысль. Развѣ глупѣе это нашего обычая, когда всякій нищій и дуракъ свое единственное достоинство, достоинство происхожденія, оставляетъ въ наслѣдіе такимъ же бѣднякамъ и глупцамъ потомкамъ? Въ великомъ мірѣ многому научишься и на многія предвзятыя понятія начинаешь смотрѣть другими глазами. Домъ Рейтлебеновъ также древенъ и пользуется хорошей репутаціей какъ и всякій другой, но жертвовать моимъ счастьемъ моему дворянскому происхожденію я бы почелъ за безсмыслицу. Да кромѣ того по нашему обычаю мужъ даетъ имя женѣ а не жена мужу.

Тутъ разговоръ долженъ былъ прерваться. Они подъѣзжали къ городу и почтовой станціи, гдѣ гости и остались, а Бодо поспѣшилъ выполнить порученія. Затѣмъ онъ медленно поѣхалъ назадъ. Доводы инженера возбудили въ немъ такія мысли, какія не приходили ему прежде въ голову и указали ему возможность, въ которую онъ до того времени не вѣрилъ. Что онъ услышалъ, не было для него конечно ново, но что казалось ему прежде какимъ-то туманнымъ призракомъ, какимъ то пріятнымъ сномъ, то теперь въ первый разъ приняло осязательную, ясную форму.

Живое воображеніе рисовало уже Бодо Ренату то въ

образѣ какаго то высшаго существа, то въ образѣ прелестной невѣсты, то въ образѣ любящей, заботливой жены. Если бы кучеръ обернулся въ эту минуту, то увидѣлъ бы въ первый разъ съ нѣкотораго времени на лицѣ Бодо веселую улыбку и выраженіе. Въ это время экипажъ выѣхалъ къ проселочной дорогѣ, которая вела къ имѣнію Вейдена. Бодо приказалъ ѣхать по этому направленію быстрѣе. Скоро они подъѣхали къ двору замка. Самъ Вейденъ, только что вернувшійся съ поля, встрѣтилъ Бодо самымъ сердечнымъ образомъ. Не успѣлъ тотъ выскочить изъ экипажа, какъ уже прелестная, милая, молодая жена его вышла на крыльцо и дружески обратилась къ нежданному гостю.

Вейденъ вскорѣ навелъ рѣчь на свое хозяйство, урожаи овса и хотѣлъ вести гостя къ дому.

— Нѣтъ, возразила хозяйка, мой мужъ долженъ прежде всего показать вамъ новыя постройки а потомъ уже пригласить въ нашъ цвѣтникъ.

Мужъ смѣясь согласился и та исчезла въ дверяхъ. Мущины отправились къ саду.

— Вы должно быть здѣсь очень счастливы, сказалъ Бодо.

Здѣсь недурно, возразилъ Вейденъ, почва вообще хороша, большею частью удобна и вознаграждаетъ раціональный за нею уходъ.

— О, я говорю не объ этомъ, сказалъ Бодо, о вашей супружеской жизни, о вашей женѣ.

— А объ ней, отвѣчалъ Вейденъ. Да, тутъ мнѣ очень посчастливилось, не каждому такъ. Я знаю, что нѣкоторые недовѣряли моему выбору, но они судили какъ глухіе о музыкѣ. Да я и самъ, сознаюсь, побаивался; теперь конечно я неизмѣнно счастливъ; я чувствую, что живу спокойно и счастливо съ тѣхъ поръ какъ съ нею; вначалѣ боялся—такая гордая красавица будетъ ли хорошей женой и полезной хозяйкой. Можно ли было думать? Вь двѣ недѣли она совершенно вошла въ свою новую роль и стала управлять домомъ какъ королева. Такъ, она замѣчала каждаго къ чему онъ способенъ; съ кѣмъ нужно совѣтуется, даетъ каждому свойственную ему работу, приказываетъ понятно и дружески, заботится ласково о каждомъ и одинаково держитъ все въ строгомъ повиновеніи и порядкѣ и сумѣла поставить себя такъ, что всѣ уважаютъ ее и вмѣстѣ съ тѣмъ привязаны къ ней какъ дѣти. Даже брюзгливое недовѣріе старой ключницы, которая конечно съ досадой передала хозяйство въ ея руки, она сумѣла превратить въ покорность и почтительность. Словомъ я достигъ счастія, благодаря своей милой женѣ и это счастье, ни градобитіе, ни неурожаи, ни падежи скота не могутъ нарушить. Чего не сдѣлаешь, чтобы угодить такой помощницѣ? Видите ли! Въ одно утро я лучшій плодородный кусокъ земли присоединилъ ей къ старому саду и тутъ она велѣла подѣлать дорожныя клумбѣ, посѣяла цвѣты, насадила деревья; однимъ словомъ сдѣлала все, что можно было сдѣлать по времени года. Конечно здѣсь еще все выглядитъ голо и пустовато, но погодите, осенью или будущею весною разростется и будетъ прелестно. Жена моя сама составила планъ и по этому плану садикъ выйдетъ премилый.

Бодо соглашался съ такими отзывами, внимательно смотрѣлъ все, что ему показывали; наконецъ они подошли къ цвѣтнику, при входѣ въ который ждала ихъ сама хозяйка.

— Вы должны быть снисходительны, сказала она. Все это проэктировано на бумагѣ и многое засажено, но еще не разрослось. Но какая любезность со стороны Вейдена, что онъ мнѣ пожертвовалъ такъ много земли. И знаете ли кому я этимъ обязана? Вашей Ренатѣ.

— Моей Ренатѣ? сказалъ Бодо, какъ бы испугавшись.

— Извините! Я разумѣю, любезную компаньонку вашей матушки. Я сожалѣю, что она не присутствовала на балѣ. Она на меня произвела въ высшей степени пріятное и сильное впечатлѣніе и мнѣ всегда весело вспомнить что именно ея разговоръ при нашемъ первомъ свиданіи принесъ мнѣ столько пользы.

Они вошли въ комнату. Разговоръ зашелъ опять-таки о Ренатѣ, которую такъ полюбила молодая Вейденъ. И мужъ и жена отзывались о ней съ чрезвычайной симпатіей и уваженіемъ. Бодо съ трепетнымъ вниманіемъ прислушивался къ ихъ похваламъ. Семейное счастіе представлялось ему такъ заманчиво...

Но какъ только фонъ-Вейденъ началъ разговоръ о новыхъ способахъ орошенія полей, Бодо былъ такъ разсѣянъ и такъ скоро сталъ прощаться, что возбудилъ нѣкоторое недоумѣніе хозяевъ. Онъ быстро поѣхалъ по гладкой дорогѣ и вскорѣ взмыленные кони остановились у подъѣзда замка.

Бодо засталъ мать въ разговорѣ съ генеральшей. Въ уголку на коврѣ играла Мэри. Ребенокъ плутовски улыбнулся вошедшему и захлопалъ рученками. Дамы прекратили разговоръ и баронесса съ удовольствіемъ замѣтила въ глазахъ сына давно небывалое оживленіе. Она протянула ему руку и сказала: кажется тебѣ было весело. Рейтлебенъ, правда, такой веселый и занимательный. Присядь, разсказывай. Гельменъ и Ирма сейчасъ вернутся. Онъ ей показываетъ твой дѣтскій портретъ—она желала его видѣть.

Ирма и баронъ вошли.

— Вы однако были премиленькимъ мальчикомъ, начала Ирма.

Въ это время вошедшая Рената, поклонившись присутствующимъ, собрала игрушки и увела ребенка. Противъ обыкновенія Бодо не спускалъ глазъ съ Ренаты, пока она была въ комнатѣ. Онъ такъ былъ пораженъ ея красотою и скромнымъ изяществомъ манеръ, что съ трудомъ могъ скрыть свое волненіе.

Бодо даже не замѣтилъ, что Ирма, желая обратить на что то его вниманіе, дотронулась до его плеча, и при видѣ этаго у Ренаты сжалось сердце. Когда она печально и молча шла по лѣстницѣ съ дѣвочкой, та вдругъ сказала: „Рената, а я что-то знаю.“

— Что такое, милочка?

— Дядя Бодо и Ирма будутъ скоро женихъ и невѣста.

Рената вздрогнула.

— Моя тетя и чужая тетя сейчасъ сказали это; онѣ говорили тихонько, думали что я ничего не слышу,—а я все слышала.

— Не хорошо, дитя, что ты подслушала, сказала Рената дрожащимъ голосомъ. Если не хотятъ, чтобы ты слышала, значитъ не надо и слушать, а тѣмъ болѣе пересказывать. Никому милочка объ этомъ не говори.

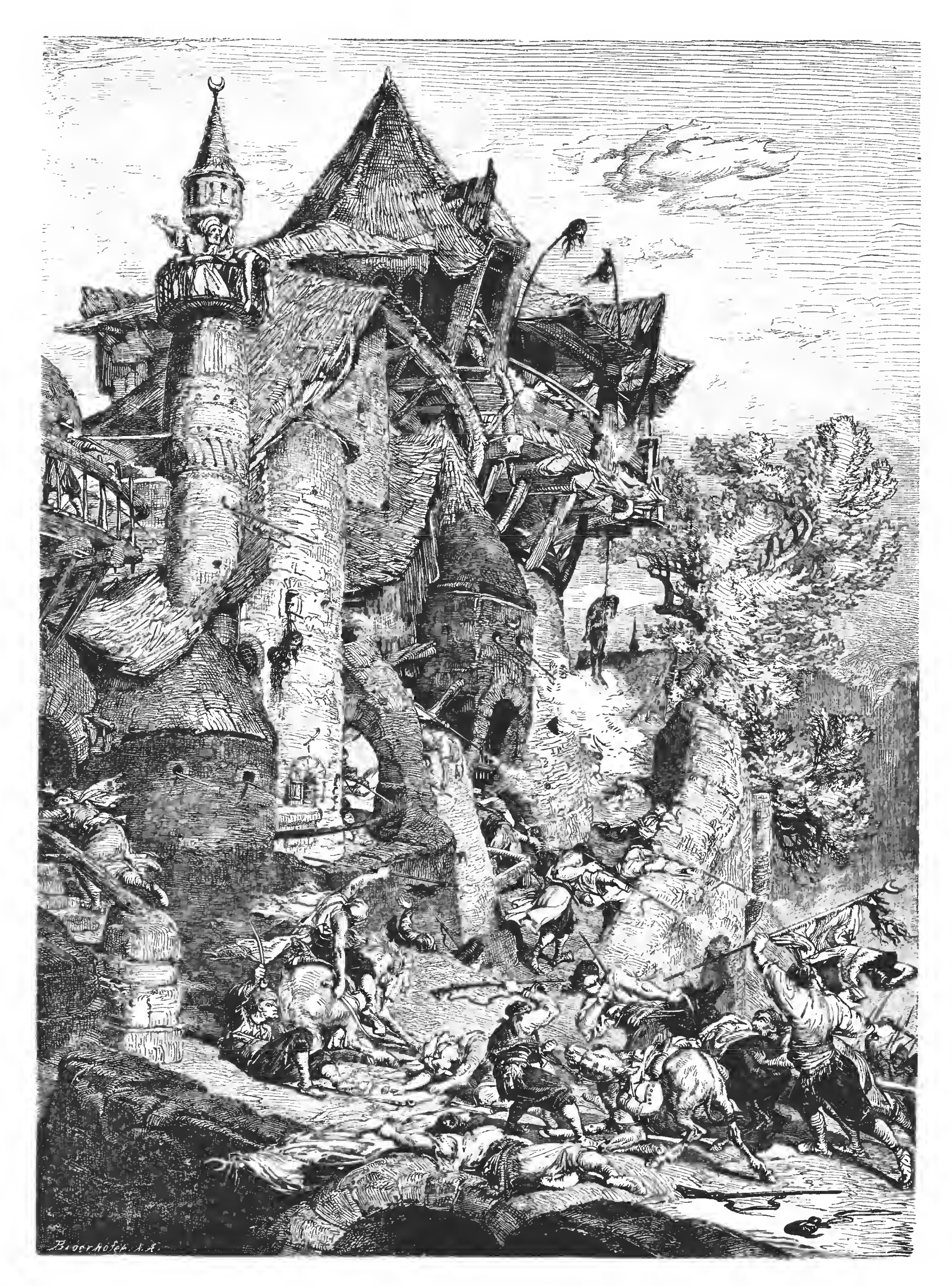
Наверху Рената передала дѣвочку боннѣ и ушла къ себѣ. Сердясь на себя, она старалась удержать непрошеныя слезы. Что это со мною? говорила она себѣ. Я такъ волнуюсь при одной мысли, что онъ будетъ принадлежать другой? Неужели же я его лишаюсь? Онъ— и Ирма! Я бы этому не повѣрила, еслибы сама не видѣла ихъ вмѣстѣ и онъ казался такимъ счастливымъ.... Онъ со мной всегда такъ холоденъ, и я все таки поддалась глупой страсти. Неужели даже такая трудная школа, какую я прошла, не научила еще меня смиренію и сдержанности? Нѣтъ! нѣтъ, этому не бывать! Буду нести свой крестъ, какъ заслуженное наказаніе за свою вину. Кого въ этомъ винить, кромѣ себя?

Таково почти было содержаніе мыслей, проносившихся въ ея головкѣ. Затѣмъ она подошла къ окну, долго стояла тамъ, глядя на сіяющее голубое небо и ушла, какъ бы успокоенная принятымъ рѣшеніемъ.

Вскорѣ явилась горничная, помочь ей одѣться къ обѣду.

— Игуменья здѣсь, сказала она Ренатѣ. Проѣзжая, она хотѣла освѣдомиться только о здоровьѣ баронессы, но та сама вышла къ ней и просила ее остаться обѣдать.

Одѣвшись, Рената еще разъ дала себѣ слово не от-



Взятіе Черной башни. (Герцеговина). Рис. профессоръ Ф. Зверина, грав. Байргоферъ.

На охотѣ. Съ рисунка Брауна, грав. Дево.

ступать отъ принятаго рѣшенія и казаться веселой. Она позвала Мэри и сошла съ нею внизъ.

Все общество было въ сборѣ; недоставало только Ирмы. Вскорѣ однако явилась она, прелестно одѣтая и кокетливая и граціозная, направилась къ игуменьѣ. Бодо взглянулъ на нее пристально и затѣмъ невольно сравнилъ ее съ Ренатой, спокойно стоявшей около Мэри. Никогда не казалась она ему такой миловидной. Между тѣмъ баронесса подала знакъ идти къ столу и Бодо долженъ былъ подать руку Ирмѣ.

За столомъ онъ сидѣлъ около Ирмы, которая старалась его занять. Переходя отъ одного предмета къ другому, она упомянула по какому то поводу о Сократѣ.

— Ахъ да, вмѣшалась въ разговоръ игуменья, мудрый Сократъ! Я что то читала. Это былъ великій человѣкъ и человѣкъ изъ высшаго общества.

— Его отецъ, сказалъ смѣясь Бодо, былъ однако только посредственный скульпторъ, а мать—акушерка.

— О Боже! вскричала удивленная игуменья, Сократъ былъ выскочка!

Присутствующіе и даже сама баронесса должны были употребить усиліе, чтобы не разсмѣяться, а Бодо сказалъ: „Значитъ это судьба, такъ какъ онъ имѣетъ очень много общаго съ нашимъ родоначальникомъ.“

— Что касается моего прадѣда, то я не допускаю подобнаго обвиненія, отвѣтила надменно игуменья.

— Напрасно вы такъ говорите, продолжалъ Бодо, примите во вниманіе, что прежде чѣмъ передать вамъ свое имя онъ долженъ былъ пріобрѣсти его.

— Вы въ шутливомъ настроеніи, замѣтила старуха съ достоинствомъ, такими вещами не шутятъ.

Баронесса сдѣлала Бодо знакъ, чтобы онъ прекратилъ этотъ разговоръ. Хотя ей самой не нравились его слова, но все равно она уже радовалась его оживленію и веселости. Перемѣну эту она приписывала вліянію Ирмы.

Рената думала также, но не обнаруживала своего настроенія.

Бодо перемѣнилъ разговоръ.

— Я былъ у Вейденовъ. Онъ очень счастливъ, у него премилая жена. И знаете ли новость? Вейденъ передалъ лучшую часть земли около дома въ распоряженіе своей жены. Мысль эту ему подала М-lle Рената похвалами нашему парку. Между прочимъ Вейденъ сердечно благодарна вамъ за вашу мысль, прибавилъ онъ обращаясь къ Ренатѣ.

Обѣдъ кончился и Рената обрадовалась, что баронесса услала ее въ деревню съ порученіями для бѣдныхъ.

Бодо ушелъ въ свою комнату, взглянуть предназначенные для Ренаты подарки. Онъ хотѣлъ положить ихъ самъ въ комнаты Ренаты, во время ея отсутствія, хотѣлъ написать ей записку. Но записка не выходила, потомъ ему казалось смѣшно писать.... Онъ говорилъ себѣ, что не знаетъ какъ бы перемѣнить съ ней тонъ и какъ она къ нему относится? Она всегда такая холодная. Онъ въ волненіи ходилъ по ковру своего кабинета.

Не разсказать ли все матери? Нѣтъ, нѣтъ только не теперь. Онъ предвидѣлъ сопротивленіе съ ея стороны. И онъ зналъ что она захочетъ удалить отъ него дѣвушку и помѣшаетъ сближенію. Прежде всего, ему нужно узнать можетъ ли полюбить его Рената. Тогда онъ скажетъ матери, что все счастіе его жизни въ этомъ союзѣ и онъ увѣренъ, старикъ Гельменъ будетъ его сторонникомъ и поможетъ ему въ этомъ дѣлѣ. Теперь же—нужно ей написать.

Онъ подошелъ къ письменному столу, и рвалъ одинъ за другимъ исписанные листки. Наконецъ написалъ:

„Къ моему удовольствію, дорогая Рената, мнѣ поручили выразить вамъ нашу благодарность за ваше участіе въ приготовленіяхъ къ свадьбѣ моей сестры. Не отсылайте назадъ того, что я самъ для васъ выбралъ. Бодо“.

Онъ поспѣшно запечаталъ записку. Съ бьющимся сердцемъ вошелъ онъ въ комнату Ренаты, положилъ пакетъ на столъ и сталъ все разглядывать. Все было необыкновенно чисто и въ порядкѣ. Букеты цвѣтовъ наполняли комнату запахомъ. На письменномъ столѣ было нѣсколько книгъ. Онъ заглянулъ въ нихъ. Это были книги частью серьезнаго содержанія, частью лучшія произведенія — нѣмецкой, англійской и итальянской литературы. Это его поразило, такъ какъ Рената никогда не говорила, что знаетъ языки. На окнѣ лежала начатая работа. Онъ прижалъ ее къ губамъ и положилъ обратно. Послышались шаги. Сердце его замерло—онъ глядѣлъ на дверь и самъ не зналъ хотѣлъ ли онъ, или боялся ея прихода. Но шаги смолкли, гдѣ то хлопнули дверью. Тяжело переводя духъ, сошелъ онъ внизъ. Онъ чувствовалъ, что не долженъ видѣться съ Ренатой сегодня, приказалъ осѣдлать лошадь и сказать баронессѣ, что уѣзжаетъ въ одно изъ имѣній.

Между тѣмъ Рената отъ имени баронессы принесла помощь и утѣшеніе многимъ бѣднымъ и удрученнымъ болѣзнями. Она терпѣливо выслушивала ихъ жалобы и справлялась о ихъ нуждахъ. Такъ какъ она отдавалась всею душою тому что дѣлала, то въ настоящемъ случаѣ, все ее тревожившее отошло на задній планъ. Рената, исполнивъ порученія баронессы, возвращалась домой много успокоенная. Проходя мимо пастората, она увидѣла молодаго пастора, который вышелъ ее проводить немного. Она не могла ему въ этомъ отказать и ей нужно было переговорить о нѣкоторыхъ бѣдныхъ. Окончивъ разговоръ, она простилась.

— Побудьте еще немного, проговорилъ ей пасторъ. Я припадлежу тоже къ нуждающимся. Я такъ одинокъ и такъ несчастливъ.

— Вы? сказала Рената, посреди вашихъ прихожанъ? Васъ любятъ, вы такъ дѣятельно занимаетесь!

— Да, отвѣчалъ онъ.—Я уважаю мой санъ и службу. Но человѣку нужно больше. И между лучшими изъ прихожанъ я не нахожу себѣ товарища.

— Но у васъ столько книгъ....

— Нельзя вѣчно читать и думать, я все это пробовалъ, но еще болѣе чувствуешь свое одиночество и сердце жаждетъ слышать біеніе другаго живаго сердца. Вы и не думаете какъ я всегда счастливъ послѣ встрѣчи съ вами.

Онъ говорилъ съ такимъ жаромъ, что Рената поспѣшила перемѣнить разговоръ. Съ твердымъ намѣреніемъ избѣгать на будущее время встрѣчъ съ нимъ, она пошла въ замокъ, гдѣ дала отчетъ баронессѣ и ушла къ себѣ въ комнату.

Она тотчасъ замѣтила свертки и узнала руку Бодо. Она почувствовала сильное волненіе и положила обратно письмо, не распечатавъ. Она хотѣла вполнѣ владѣть собою. Притворивъ дверь, прошлась она нѣсколько разъ по комнатѣ, и когда нѣсколько успокоилась, сорвала печать. Съ замираніемъ сердца прочла она немногія строки. Полныя чувства слова ошеломили ее. Неужели это писалъ онъ. Но онъ едва ее замѣчалъ? Однако она помнитъ свое положеніе здѣсь. За ея труды, ее просто хотѣли вознаградить! Она могла отказаться отъ подарка, но не отъ дорогихъ для нея словъ. Слова эти убѣдили ее, что Бодо не тотъ, что она думала. Конечно, любовь Ирмы такъ на него подѣйствовала: кто любитъ, тотъ хочетъ всѣхъ видѣть довольными.

Рената не одинъ разъ перечитала записку; затѣмъ спрятала ее на груди. Свертки она хотѣла отослать неразвязанными, но подумала, что съ ея стороны это будетъ неблагодарно и потомъ ее разбирало такое любопытство что она вскрыла свертки.

Сверху, списанная Бодо, лежала копія ея памятнаго листка, который онъ взялъ у егеря. Затѣмъ въ великолѣпномъ футлярѣ уборъ изъ темныхъ топазовъ. Въ сверткахъ—дорогія матеріи, ленты и кружева.

— Такъ вотъ какъ дарятъ здѣсь! Сколько вниманія!

И все это выбралъ онъ самъ! Легкая дрожь пробѣжала по ней. Какъ ни старалась она убѣдить себя, что все это сдѣлала любовь Бодо къ Ирмѣ, но не могла отрѣшиться отъ какаго-то неяснаго предчувствія, наполнявшаго ея юное сердце невыразимымъ счастіемъ.

Старый камердинеръ пришелъ звать ее къ чаю. Она привыкла скрывать свои чувства и спокойная обернулась къ слугѣ. Тотъ однако, противъ своего обыкновенія, подошелъ ближе, взглянулъ на разложенныя вещи и сказалъ: все это значитъ было въ большомъ свертке, который баронъ самъ принесъ сюда.

— Самъ?

— Да, я видѣлъ, отвѣтилъ камердинеръ. Онъ меня не замѣтилъ, но я видѣлъ, какъ онъ входилъ сюда и выходилъ, и пробылъ здѣсь довольно долго.

— Странно! сказала Рената, все еще подъ вліяніемъ предчувствія. Баронъ уже вышелъ къ чаю?

— Нѣтъ, онъ уѣхалъ въ Фрейгофенъ и не вернется раньше завтрашняго дня.

— Прошу васъ никому не говорить объ этомъ до возвращенія барона. Онъ привезъ мнѣ это по порученію баронессы и я прежде должна поблагодарить его за вниманіе.

Старикъ молча и серьезно наклонилъ сѣдую голову.

Дѣла по имѣнію, въ которое отправился Бодо, задержали его тамъ до трехъ дней. О пріѣздѣ его Рената услышала въ одно послѣ-обѣда. Предполагая поблагодарить его за подарки въ присутствіи баронессы и Ирмы, она уже обдумала что сказать. Она боялась этаго свиданія, какъ боятся часто того, чего страстно желаютъ, и чтобы немного успокоиться, пошла пройтись по парку.

На поворотѣ одной аллеи Рената вдругъ увидѣла пастора и уже собиралась вернуться, когда онъ замѣтилъ ее, всталъ со скамейки и задержалъ.

— О Рената! вскричалъ онъ. Какъ вы очутились здѣсь! я, вы не знаете, съ какимъ чувствомъ я смотрѣлъ на ваши окна.

— Прошу васъ, оставьте все это. Я не должна и не хочу слушать ничего подобнаго отъ васъ.

— Рената, продолжалъ онъ, вы знаете, я васъ боготворю—дайте мнѣ все высказать — я васъ люблю. Въ васъ вся моя надежда, все мое земное счастіе. Я знаю, вы достойны не такой участи, но я сдѣлаю все для вашего счастья.

Онъ наклонился и поцѣловалъ ея руку, которую продолжалъ держать въ своей.

— Послушайте, сказала она, несчастное недоразумѣніе какое-то привело васъ къ этому объясненію. Прошу васъ, забудьте все это и выпустите мою руку—добровольно я не могу ее вамъ отдать.

Пасторъ оставилъ руку Ренаты и хотѣлъ что-то отвѣтить, но въ эту минуту показался Бодо.

Онъ переодѣвался въ своей комнатѣ и въ окно видѣлъ пастора и Ренату. Когда онъ замѣтилъ, какъ пасторъ взялъ руку Ренаты, то не помня себя, бросился съ лѣстницы и очутился между ними.

Во всякое другое время пасторъ конечно нашелся бы отвѣтить барону, но теперь видя уничтоженіе самыхъ завѣтныхъ надеждъ—онъ въ замѣшательствѣ удалился.

Бодо съ удивленіемъ и безпокойствомъ посмотрѣлъ ему въ слѣдъ.

— Ради Бога, скажите, что для васъ этотъ человѣкъ?

— То же, что и для всякаго другаго, сказала она тихо, сдерживаясь. Теперь она знала—онъ ее любитъ, но примѣшивались сомнѣнія... Она думала объ Ирмѣ, и не могла же спросить, что для него Ирма?

Успокоенный ея отвѣтомъ, Бодо посмотрѣлъ на Ренату такимъ взглядомъ, что Мэри весьма кстати въ эту критическую минуту подбѣжала къ нимъ, болтая что-то, а вдали показалась ея бонна.

Ребенокъ былъ удивленъ. Ни Рената, ни Бодо не встрѣтили ее съ обычной нѣжностью. Мэри посмотрѣла на нихъ, подошла къ Ренатѣ и взяла ее за руку.

Только тутъ Рената пришла въ себя.

Пройдя молча нѣсколько шаговъ, она наконецъ заговорила.

— Я думала найти васъ, послѣ прогулки, у баронессы и поблагодарить за ваше вниманіе. Теперь я могу сдѣлать это здѣсь. Но что же сказать? Все это такъ хорошо и такъ меня поразило—я разумѣю подарки и письмо,—что не знаю, была ли я больше обрадована или удивлена.

— Я не это хотѣлъ бы теперь знать, сказалъ Бодо, я хотѣлъ бы, чтобы каждая вещица могла вамъ разсказать, съ какимъ чувствомъ я выбиралъ ее для васъ.

Отъ волненія они не могли наконецъ говорить и шли молча. На встрѣчу имъ шла Ирма, которая подала Бодо руку.

— О злой другъ, говорила она, вы пріѣхали и не пришли прежде къ намъ. Мы такъ ждали васъ и хотѣли видѣть!

— Прошу извиненія, отвѣтилъ Бодо, кланяясь ей.

— Что васъ такъ долго удерживало?

— Дѣла—враги вѣжливости и самые требовательные товарищи.

Продолжая болтать и смѣяться, Ирма взяла Бодо подъ руку. Рената передала ребенка приблизившейся боннѣ, а сама пошла въ замокъ.

Она была такъ занята мыслью о своемъ внезапномъ счастіи! Но оно не полное! Теперь только поняла она его прежнее обхожденіе съ нею,—она поняла эту борьбу чувствъ... Ей припоминались случаи, когда его суровость особенно рѣзко проявлялась. Можетъ ли онъ ее предпочесть Ирмѣ? Ее, бѣдную дѣвушку. Мысль же, что онъ хочетъ любить ее, не предлагая руки, ни на минуту не приходила ей въ голову.

Вотъ когда наступила минута бросить принятое ею чужое имя и выступить подъ своимъ именемъ, которое не уступаетъ никакому. Это положило бы конецъ всѣмъ колебаніямъ. Яркими красками рисовала она себѣ послѣдствія такого открытія. Но вскорѣ ея честность и прямота взяли верхъ. Нѣтъ, сказала она, теперь онъ не долженъ этаго знать. Если я не гожусь для него какъ просто Рената и для него непремѣнно нуженъ гербъ и родословная, то любовь его не любовь—а только временное заблужденіе. Если онъ дѣйствительно человѣкъ честный и съ характеромъ и любовь его ко мнѣ пересилитъ его гордость, и онъ объявитъ всему свѣту, что Рената дороже для него чѣмъ всѣ предразсудки и богатство, тогда я подарю ему то, чего онъ не ожидалъ.

Въ размышленіяхъ, Рената не замѣтила, какъ настало время идти внизъ къ чаю.

Все общество было въ сборѣ, не было только старика барона, уѣхавшаго на нѣсколько дней по дѣламъ. Зато присутствовалъ домашній докторъ, который занималъ всѣхъ разговоромъ. Теперь онъ разсказывалъ о старой канониссѣ г-жѣ Вестербрикъ, которая нѣсколько лѣтъ была больна и теперь при смерти. Рената у тетки часто слышала это имя и сѣтованія на долгую жизнь канониссы, наслѣдниками которой были ея дядя съ теткой. Именно это она—докторъ сказалъ, что она оставляетъ большое состояніе.

— Она замѣчательная женщина, продолжалъ докторъ. У нея была племянница, которую она замучила до смерти дурнымъ обращеніемъ. И хотя сама она атеистка и матеріалистка и не вѣритъ ни небу, ни аду, ни существованію души, но убѣждена, что духъ покойной племянницы не отходитъ отъ ея изголовья и грозно на нее смотритъ.

— Но это должно быть ужасно, такъ вѣчно думать, сказала баронесса.

— Но какъ же вѣрить въ существованіе другой души и не вѣрить въ существованіе своей? Это нелѣпо! замѣтила Ирма.

— Конечно, проговорилъ докторъ. Это то и интересно. Это одна изъ тайнъ нашей совѣсти, которую на время только можно успокоить. Говорятъ, она не позволила дѣвушкѣ вступить въ бракъ съ любимымъ человѣкомъ и это повліяло на здоровье бѣдной племянницы.

— Я знаю эту исторію, сказала баронесса, этотъ любимый человѣкъ былъ нашимъ управляющимъ и какого-то невозможнаго происхожденія. Въ принципѣ канонисса была права, можно порицать только способъ ея дѣйствій.

— Права въ принципѣ? замѣтилъ Бодо. Слишкомъ много сказать такъ. Судить и говорить она могла согласно со своими взглядами, но рѣшать она не могла не въ своемъ дѣлѣ, дѣлѣ, отъ котораго зависѣло счастье другихъ. Бракъ безъ любви противенъ природѣ и нравственности и любить человѣкъ можетъ только для себя, а не для другихъ и не по предписанію и распредѣленію.

— Прежде однако ты былъ нѣсколько инаго мнѣнія, замѣтила холодно баронесса. Меня поражаетъ въ тебѣ такая перемѣнчивость.

— Сохрани Богъ, если бы баронъ въ его годы былъ постояненъ, вскричалъ весело докторъ. Тогда ему ничего бы не оставалось, какъ лечь и умереть; только одно стремленіе быть правдивымъ должно оставаться неизмѣннымъ.

Рената съ затаенной радостью прислушивалась къ словамъ Бодо; Ирма между тѣмъ всячески старалась привлечь на себя вниманіе Бодо; однако онъ, къ успокоенію Ренаты, держался только въ границахъ обыкновенной вѣжливости.

Когда общество стало расходиться, Рената нашла случай поблагодарить баронессу за подарки. Прощаясь, Бодо въ первый разъ пожалъ руку Ренаты.

Затѣмъ жизнь въ замкѣ вошла въ обычную колею. Что было съ Ренатой, никто не замѣчалъ. Ни съ кѣмъ обращеніе ея не измѣнилось. Характеръ же Бодо сдѣлался чрезвычайно неровнымъ. Обращеніе его съ Ренатой стало такъ внимательно, что это замѣтила и баронесса. Она не придавала однако этому особеннаго значенія, приписывая это его перемѣнчивому характеру.

Между тѣмъ насталъ день отъѣзда генеральши. Наканунѣ баронесса позвала сына на свою половину.

— Бодо, сказала она, ты знаешь какъ бы я желала, чтобы ты женился, какъ бы мнѣ хотѣлось, чтобы ты ввелъ въ домъ молодую женщину, которая не только была бы мнѣ помощницей, но и, хотя отчасти, замѣнила бы Мелиту. Ты снова встрѣтился съ Ирмой фонъ-Кенигсбруннъ и я съ удовольствіемъ вижу, что ея общество совершенно оживило тебя. Самъ посуди—какъ мнѣ не желать, чтобы ея вліяніе на тебя продолжалось бы? Ирма—добрая, прекрасная дѣвушка и серьезно образованная. Къ тому же она принадлежитъ къ старинной фамиліи. Она какъ разъ подходитъ къ тебѣ. Я вполнѣ увѣрена, что она уѣдетъ отсюда твоей невѣстой; я надѣюсь, что ты сдѣлаешь ей предложеніе, или, хочешь, я сдѣлаю его за тебя?

— Боже сохрани, матушка, ни за что! воскликнулъ Бодо.

— Но отчего же нѣтъ? Къ чему ты хочешь тянуть это? Сдѣлай предложеніе сегодня—и онѣ еще не уѣдутъ завтра, а тамъ какое счастливое время начнется для тебя, Бодо. Не откладывай же надолго, милый мой, ты не знаешь что ты этимъ теряешь! Я тоже была молода и хорошо знаю, какъ тягостно отзывается на двухъ любящихъ сердцахъ всякое даромъ потраченное время, всякое промедленіе. Это все равно, что отнимать у себя свое счастье.

— Да... конечно... отвѣчалъ Бодо, котораго при этихъ словахъ обожгло какъ огнемъ. Сегодня же, сегодня до вечера, онъ рѣшился сказать все Ренатѣ.

— Такъ ты самъ объяснишься съ Ирмой или съ ея матерью, спросила ничего не подозрѣвавшая баронесса.

— Боже мой, милая матушка, возразилъ онъ съ какимъ-то раздраженіемъ, неужели ты думаешь, что я могу чувствовать хоть каплю любви къ этой свѣтской вертушкѣ Ирмѣ? Пожалуйста, не дѣлай такого удивленнаго вида! Ты видѣла только то, что тебѣ хотѣлось видѣть. Я не обманывалъ никого, никому никакихъ надеждъ не подавалъ и Ирма не можетъ сказать, чтобы я, какимъ бы то ни было образомъ, далъ ей понять, что она нравится мнѣ больше, чѣмъ сотни другихъ дѣвушекъ.

— Ну, сказала баронесса, качая головой, я тебя уже совершенно не понимаю, но знай, что ты разрушилъ мои лучшія надежды.

— Матушка, продолжалъ Бодо, въ дѣлѣ женитьбы, отъ которой зависитъ все мое будущее, рѣшеніе и выборъ принадлежатъ мнѣ самому, но будь увѣрена, что я скорѣе самъ разобью свое собственное счастье, чѣмъ потерплю, чтобы моя жена не выказывала тебѣ любви и глубокаго уваженія. Однако, если она въ твоихъ глазахъ будетъ имѣть какой-либо недостатокъ, или будетъ не та, которую ты выбрала бы мнѣ—я твердо вѣрю, что любя меня, ты ее будешь тоже любить, будешь ей матерью.

Баронесса промолчала нѣсколько минутъ: „Какъ трудно отказываться отъ любимой мечты, проговорила она въ раздумьѣ и, подавая руку сыну, продолжала:

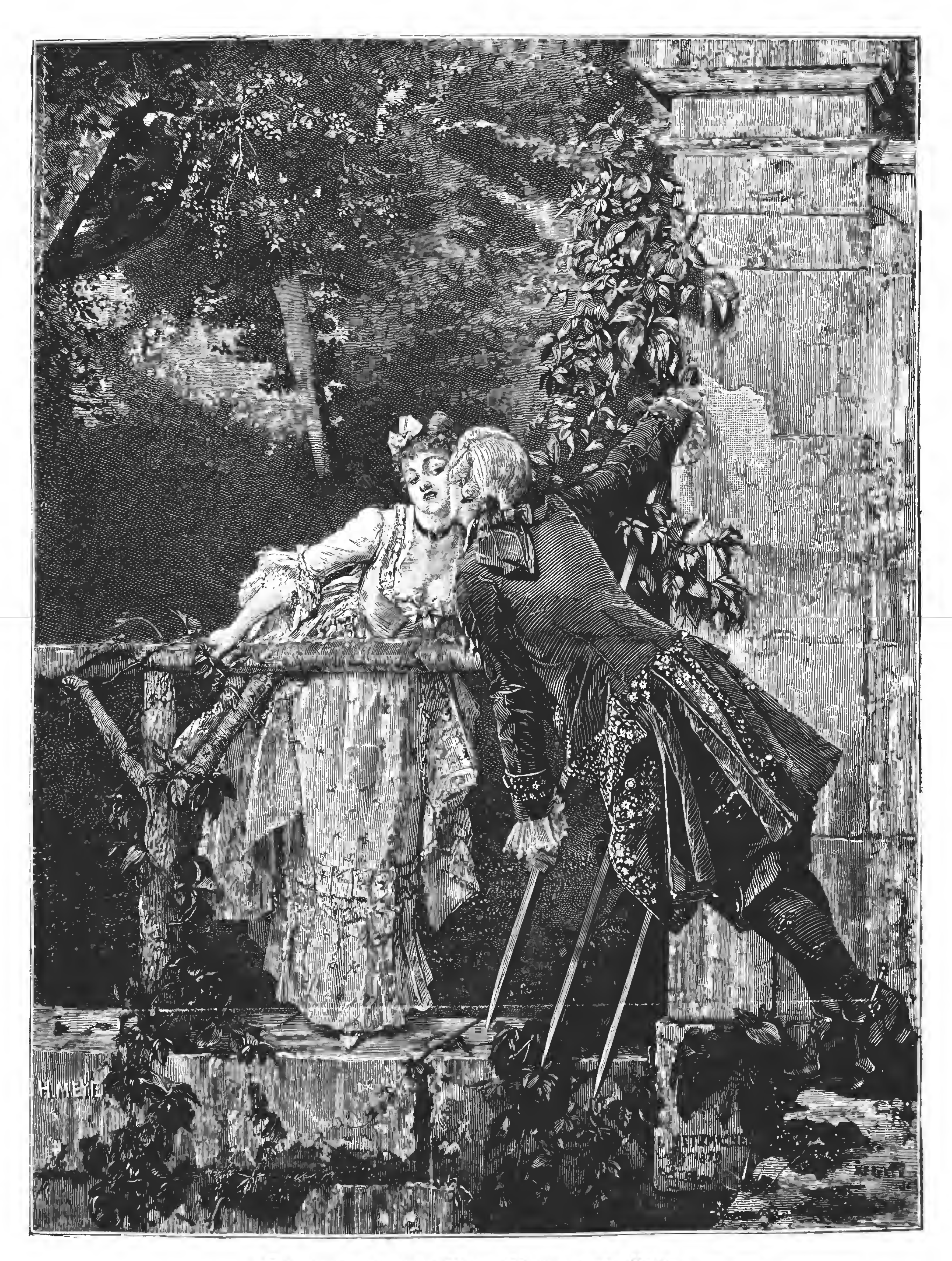
— Ты правъ — выборъ зависитъ отъ тебя. Можетъ быть ты уже его сдѣлалъ. Если такъ—я увѣрена, что она достойна тебя.

Съ минуту Бодо колебался—не сказать ли, не сознаться ли матери во всемъ, но мысль о Ренатѣ остановила его. Онъ имѣлъ полную надежду, но еще не былъ вполнѣ увѣренъ. При томъ же, Гельменъ, поддержка котораго была необходима ему, пріѣдетъ только завтра утромъ. Онъ не сказалъ ничего и молча поцѣловавъ руку матери, поспѣшно вышелъ изъ ея кабинета.

Бодо прямо прошелъ къ Ренатѣ, которую надѣялся найдти на верху въ ея комнатѣ, гдѣ она всегда проводила послѣобѣденное время. На этотъ разъ, однако, молодая дѣвушка не была тамъ и онъ ее встрѣтилъ уже позже, но при постороннихъ нельзя было обмѣняться ни однимъ словомъ. За чаемъ Ирма, все время, дразнила его за его задумчивый видъ. Еле замѣчая эти приставанія, едва отвѣчая на нихъ Бодо все вниманіе свое невольно сосредоточилъ на Ренатѣ, которая, почему-то, именно сегодня, казалась ему прелестнѣе, чѣмъ когда либо. Какъ дорого далъ бы онъ, чтобы сказать ей хоть слово. Но—чай затянулся на долго, потому что и баронесса и генеральша хотѣли провести побольше времени вмѣстѣ наканунѣ разставанья. Когда разошлись, было уже за полночь.

Но Бодо рѣшилъ выполнить свое намѣреніе сегодня же. Съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ дожидался онъ, когда затихнетъ всякій шумъ и движеніе въ домѣ и, наконецъ, вышелъ въ корридоръ, гдѣ только что былъ потушенъ огонь. Въ ту минуту, когда онъ проходилъ мимо комнатъ, занимавшихся генеральшей, неожиданно отворилась дверь и въ ней показалась Ирма. Она тотчасъ же увидѣла молодаго человѣка, на котораго упалъ свѣтъ изъ отворенной двери.—„А—Бодо, какъ я хорошо узнаю ваши шаги!“ воскликнула она, взявъ его за руку. „Вы, навѣрно, хотѣли намъ сказать еще что нибудь. Пойдемте сюда, къ окну, пока мама вернется. О—взгляните, какъ ярко луна освѣщаетъ паркъ и пруды!“

— Э—пусть себѣ ее освѣщаетъ! Что намъ за дѣло! рѣзко возразилъ онъ, но, тотчасъ же смягчился—ему ясно представился весь комизмъ его положенія; онъ все таки послѣдовалъ за молодой дѣвушкой къ окну, высунулся изъ него и взглянулъ въ окна комнаты Ренаты. Въ эту самую минуту тамъ погасъ свѣтъ. „Поздно!...“ произнесъ онъ вслухъ, съ глубокимъ вздохомъ.



Рискованное предпріятіе. Картина Мецмахера, грав. Меоль.

— Нѣтъ, милый, милый другъ! никогда не поздно то, что вы хотите намъ сказать, нѣжно проговорила Ирма, положивъ ему руку на плечо.

— Я не знаю—что именно, возразилъ Бодо, отодвинувшись отъ нея. Но почему же вы думали, что я имѣлъ что либо сказать вамъ? Это не болѣе какъ недоразумѣніе, въ которомъ я совершенно не виноватъ. Если же я, безсознательно, пошелъ сюда за вами, то прошу васъ извинить меня и забыть объ этомъ, какъ забуду я самъ. Спокойной ночи.

Онъ быстро удалился къ себѣ.

(Окончаніе въ слѣд. №).

Болгарскіе разсказы Л. Каравелова.

Дѣдушка Либенъ.

(Окончаніе).

Когда Хаджи Генчо вошелъ къ себѣ въ домъ, бабушка Хаджійка, робко взглянувъ на мужа, увидѣла, что онъ въ хорошемъ расположеніи духа, а потому и осмѣлилась заговорить съ нимъ.

— Что, Хаджи, гдѣ ты былъ сегодня?

— Я, жена, былъ въ гостяхъ и принесъ добрыя вѣсти, вотъ, послушай ка.

— Говори, Хаджи, буду слушать.

— А тебѣ хочется знать?

— Да говори же, говори, не отъ сына ли Костадина получилъ письмо? Что, здоровъ ли онъ? Хаджійка старалась прочесть въ глазахъ мужа.

— Нѣтъ, жена, не то.

— Ну, какъ хочешь, Хаджи, желаешь разсказать—разскажи, а не желаешь—не говори.

— Гдѣ Лила?

— Она пошла за водой.

— Отчего это такъ поздно? Право это не хорошо. Лучше бы послала учениковъ. Эти негодяи ничего не дѣлаютъ, только хлѣбъ жуютъ!

— Развѣ ты забылъ, что сегодня праздникъ, а Лила одна работница у насъ въ домѣ.

Читателю можетъ быть покажется страннымъ, замѣчаетъ авторъ, что дочь Хаджи Генчо пошла за водой на *чичуръ* (фонтанъ), ночью, когда дѣдушка Либенъ и Хаджи (онъ провелъ тамъ весь день) уже поужинали. Въ Болгаріи, гдѣ не было опасности отъ турокъ, „ходить по воду“ было родъ особаго удовольствія для молодыхъ женщинъ и дѣвушекъ. Они всегда отправлялись послѣ заката солнца, оставались тамъ очень долго, весело болтая съ подругами, *посе трымами*, кокетничая, но въ границахъ строгой сдержанности съ парнями, сходившимися сюда же.

Рѣдко происходили случаи нарушенія обычнаго уваженія къ женщинѣ и всегда сопровождались жестокимъ урокомъ для обидчика. Женщина или дѣвушка можетъ прямо обратиться къ прохожему и—„донъ-жуану“ доставалось, иногда не на шутку.

— А вы еще не ужинали? спросилъ Хаджи Генчо жену.

— Нѣтъ еще.

— А я, жена, ужъ поужиналъ и — да вотъ пусть придетъ Лила—скажу хорошую вѣсточку.

Но, самому Генчо не терпѣлось. Очень уже горѣло у него на языкѣ скорѣе подѣлиться съ Хаджійкой пріятнымъ.

— Ну, жена, началъ онъ, послѣ нѣкотораго молчанія, „ты хорошо знаешь, что я человѣкъ умный, ученый и ловкій. Весь свѣтъ знаетъ это.

— Знаютъ, знаютъ—что-жь дальше?

— Дальше то, что наша Лила будетъ женою богача.

— Скажи, Хаджи, кто это такой, кто сватается за нашу Лилу?

— Кто? А вотъ не скажу; люблю я помучить женщину, чтобы она отвыкла отъ любопытства.

— Я мать, Хаджи, я хочу знать, что за судьба предстоитъ дочкѣ нашей.

Какъ разъ въ эту минуту, въ комнату вошла 16-ти лѣтняя Лила. Авторъ уже отчасти познакомилъ насъ съ ея красотой, теперь—послушаемъ, онъ говоритъ о ней подробнѣе. Черные, съ длинными рѣсницами, глаза Лилы, полные выраженія энергіи и душевной теплоты, живо и весело глядѣли изъ подъ темной дуги бровей, а бѣлое, съ розовыми щечками и алыми губками, лицо дѣвушки было обрамлено роскошными бѣлокурыми, мягкими какъ шелкъ, кудрями, сбѣгавшими въ тяжелую, густую, распущенную косу. Прибавьте къ этому высокій ростъ и тонкій станъ, стянутый поясомъ съ металлическими бляхами и—предъ вами болгарская красавица во всемъ разцвѣтѣ своей весны.

Головка красотки была повязана краснымъ, стамбульскимъ маленькимъ, какъ вуаль, платкомъ, а одежду составляло шерстяное платье домашней работы, красный изъ тоненькаго сукна кунтушъ, вышитый *кенетами*. Платье, закрывая шею и плечи, оставляло нѣсколько свободною высокую грудь, которая была прикрыта шелковой рубашкой, монистами и коралловымъ ожерельемъ. Дѣвушка въ обѣихъ рукахъ несла *стовни* (кувшины).

При видѣ дочери, Хаджи всталъ и пошелъ къ ней на встрѣчу. „Э хе-хе, дочка!“ сказалъ онъ съ веселой улыбкой и взявъ ее за подбородокъ,—„поздравляю съ женихомъ. Отецъ нашелъ тебѣ жениха, цѣлуй скорѣе руку и благодари. Идите, растите, плодитесь и множите землю! закончилъ онъ, въ формѣ благословенія.

Молча поцѣловала Лила руку отца, и также молча удалилась.

— Скажи же, наконецъ, Хаджи, за кого это ты выдаешь Лилу? умоляла Хаджійка своего мужа.

— Много будешь знать—скоро состаришься, отвѣтилъ сухой и деспотическій Генчо взволнованной матери, и—завалился спать.

Старушка, прикрывъ мужа голубымъ мохнатымъ одѣяломъ, пошла, глубоко вздыхая, къ дочери, въ другую комнату, гдѣ та готовила ужинать.

— А что мамо, вѣдь тато сегодня что-то веселъ, сказала она, улыбаясь.

— Да, дитятко, онъ тебя замужъ отдаетъ.

Дѣвушка покраснѣла и опустила глаза.

— Да только не знаю за кого, продолжала мать. Упрямый онъ старикъ, не хочетъ говорить, да я догадываюсь сама... Знаешь ли, Лила, за кого?

Дѣвушка молчала.

— Ну, если не знаешь, такъ я тебѣ скажу—что за Павлина, Либенова сына, онъ парень добрый и умный и рода хорошаго.“

Дѣвушка, покраснѣла еще пуще и, внезапнымъ, нервнымъ движеніемъ кинувшись на грудь матери, зарыдала.

— Чего ты плачешь, дитятко, или Павлинъ тебѣ не нравится? Вѣдь ты знаешь его, Лила? Знаешь, а?

— Знаю, мамо, знаю, тихо отвѣчала немного успокоившаяся Лила, онъ часто бралъ у меня съ головы цвѣты и *воду мою попивалъ*...

— Ну и что же, нравится онъ тебѣ, или нѣтъ?

— Нравится, мамочко, очень нравится...

Долго и весело еще болтали дочь и мать. У иныхъ счастье многословно.

Хаджи Генчовица была женщина любящая, мягкая и добрая, какихъ мало найдется. Но всѣ прекрасныя душевныя качества ея выходили наружу только тогда, когда она находилась среди своихъ дѣтей и безъ мужа. Передъ нимъ она была сурова какъ Черное море.

Вотъ такимъ-то образомъ держалъ Хаджи Генчо семейный совѣтъ, которымъ хвастался дѣдушкѣ Либену.

Такая же сцена, рисующая патріархальныя отношенія въ болгарской народной семьѣ, произошла, по поводу сватовства и въ домѣ дѣдушки Либена.

— А что, Павлинъ, пора уже женить тебя, сынко. У братьевъ твоихъ есть уже свои дѣти и матери твоей надо помощницу.

— Что же, тата, коли надо, такъ надо. Я въ твоей волѣ.

У Павлина было умное, выразительное лицо съ высокимъ лбомъ, большими, голубыми и добрыми глазами.

— Вижу, сынко, вижу, что хочешь жениться. Послать тебя въ поле, или велѣть тебѣ переломать мнѣ кунжутъ—вотъ того бы ты не захотѣлъ, а жениться хочешь! Ну, а знаешь-ли, сынко, на чью дочку я мѣчу?

— Нѣтъ того не знаю.

— Ну, такъ, я тебѣ скажу, но, ты сперва долженъ мнѣ поклониться и поцѣловать руку.

Павлинъ отмѣрилъ три поклона и приблизился къ отцу для рукоцѣлованія, но тотъ остановилъ его.

— Постой, сынко, такъ кланяются только турки въ байрамъ а ты кланяйся какъ бѣднякъ предъ чорбаджіемъ (сборщикъ податей), ударь лбомъ объ полъ.

Сынъ сдѣлалъ три земныхъ поклона, и поцѣловавъ руку, скрестилъ свои на груди и молча остановился предъ дѣдушкой Либеномъ, какъ бы ожидая дальнѣйшихъ приказаній.

— Что ты на меня выпучилъ глаза? весело сказалъ отецъ, поди поцѣлуй руку у матери и приходи скорѣе сюда, я скажу ужъ тебѣ—кто невѣста.

— Ну сынко, сказалъ дѣдушка Либенъ возвратившемуся Павлину, встань противъ меня, скрести руки и слушай. Нѣтъ, руки не такъ, не такъ: ты долженъ держать ихъ подъ самымъ поясомъ... Ну, немножко ниже... ну, вотъ такъ, такъ... Жениться хочешь, а рукъ еще скрестить не умѣешь! Ты, пожалуй и предъ кумомъ стоять такъ будешь? Да такъ тебя и въ люди нельзя показать, нельзя! просто медвѣдь медвѣдемъ.

И долго еще дѣдушка Либенъ читалъ своему сыну „параклисъ“, долго еще сынъ стоялъ передъ нимъ съ почтеніемъ, переминаясь отъ усталости, съ ноги на ногу и съ скрытымъ нетерпѣніемъ ожидая выслушать, что обѣщалъ ему отецъ.

— А что, Павлинъ, сказалъ, наконецъ, дѣдушка Либенъ, ты знаешь дѣдушку Хаджи Генчо?

— Какого Хаджи Генчо? спросилъ сынъ, какъ будто въ городѣ ихъ было два. Павлинъ долженъ былъ такъ сдѣлать изъ приличія, чтобы отецъ не думалъ, что сынъ предугадалъ родительскія намѣренія.

— Ну—нашего городскаго учителя, ученаго Хаджи-Генчо?

— Знаю.

— А знаешь, что у него есть дочка?

— Знаю, отвѣтилъ сынъ опустивъ глаза.

— Ну—ладно, сказалъ дѣдушка Либенъ, смѣясь. Что ты сынко, смотришь внизъ? Ты голову не опускай; наше колѣно, ты знаешь, почетно, голову держитъ высоко, спуску не даетъ никому... Таковъ твой отецъ былъ въ молодости — таковъ будь и ты. Ну, пока, довольно. Теперь иди, поработай что нибудь. Дочка Хаджи-Генчо—Лилой, что-ли, ее зовутъ, будетъ твоей женой.

Такъ дѣдушка Либенъ объяснился съ сыномъ, не думая, даже, спросить его—нравится ему невѣста, или нѣтъ; за то любящая мать давно уже передала ему, зачѣмъ Хаджи-Генчо ходитъ пить старое вино и потому Павлинъ зналъ—что ему будетъ сказано, но все таки. надо было соблюсти приличіе, все забыть и рабски выслушивать все, что ему велятъ.

Павлинъ видѣлся съ Лилой почти каждый день и зналъ ее еще въ то время, когда учился въ школѣ у Хаджи-Генчо. Пойдетъ Лила вечеркомъ на Арнаутецъ за водой—Павлинъ тоже выйдетъ на улицу, остановится передъ красильной Никиты Ванціяката, здѣсь онъ дождется Лилу, когда она возвращается домой, остановитъ, и попроситъ *водицы напиться*. Лила подаетъ кувшинъ и, обратясь къ нему бокомъ, поправляетъ платокъ на головѣ, либо свои чудные золотистые волосы, а потомъ—потомъ такъ, не сказавъ другъ другу ни слова и разойдутся по домамъ. Другой разъ Лила идетъ за водой, вся убранная цвѣтами, а Павлинъ подойдетъ къ ней, попроситъ у нея цвѣточекъ и какъ получитъ—прячетъ у себя на груди. Лилѣ также очень нравился Павлинъ и она часто думала о немъ, сидя за работой...

Хаджи Генчо пришелъ на другой день къ дѣдушкѣ Либену, какъ обѣщалъ и конечно, передъ обѣдомъ. на нетерпѣливый вопросъ хозяина: „Что же Хаджи насчетъ дочки скажешь?“— отвѣчалъ: „Что же дѣдушка Либенъ, я согласенъ, приходи и сватай ее, и жена согласна, и сынъ, и родные и сама *дщерь* моя Бога Всевышняго хвалитъ, зане сподобилъ ея обрѣсти такого свекра, якъ ты, дѣдушка Либенъ.“

— Когда же мнѣ придти сватать, Хаджи?

— Да. хоть, сегодня приходи, *свате*!

— Ну, такъ я приду вечеркомъ, а теперь мы пообѣдаемъ и я маленько сосну.

Какъ только дѣдушка Либенъ проснулся—позвалъ бабушку Либеницу.

— Жена—Хаджи Генчо согласенъ отдать намъ дочку, сказалъ онъ—такъ ты поди и скажи Ралевицѣ, чтобы она набрала въ саду цвѣточковъ и связала бы *китку* (букетъ); она у меня невѣстка славная—все умѣетъ сдѣлать; да вотъ тебѣ *желтица* (червонецъ), чтобы привязать къ цвѣтамъ.

И дѣдушка Либенъ бросилъ старинную, огромную турецкую монету.

— Да вели принести фруктовъ: немного яблокъ, виноградныхъ ягодъ, стручковъ, да изюму, продолжалъ онъ,—пожалуй еще сахарныхъ пѣтушковъ, миндальцу и другихъ конфектъ.

Когда все было подано, Либенъ завязалъ фрукты и конфекты въ красный *Лейбцигскій* платокъ, заткнулъ за поясъ букетъ съ червонцемъ и отправился въ походъ.

Хаджи Генчо ждалъ дѣдушку Либена и для того надѣлъ новый кунтушъ и красный поясъ, Только что гость перешагнулъ порогъ—хозяинъ ему на встрѣчу.

— *Добаръ ти день, свате*! произнесъ дѣдушка Либенъ.

— *Далъ ти Богъ добро, свате*! отвѣтилъ Хаджи Генчо,— какъ живется, можется?

— Дай Богъ! какъ можетъ бабушка Хаджи Генчовица?

— Ничего, свате, ничего.

— Дѣтки здоровы ли?

— Ничего, свате, ничего. А твоя Либеница какъ поживаетъ.

— Ничего, свате, Бога хвалимъ.

— Дѣтки какъ могутъ?

— Ничего, свате, ничего.

— Внучата?

— Ничего, свате, хорошо.

Привѣтствуя другъ друга, пріятели вошли въ комнату. Тутъ дѣдушка Либенъ снялъ шапку и положилъ ее на печку. Сдѣлалъ это онъ не по болгарскому обычаю, но онъ почти всегда, вездѣ—въ своемъ домѣ и въ чужихъ—скидаетъ ее,—изъ подражанія. Московцы, говоритъ онъ, всегда снимаютъ шапки, когда входятъ въ какой нибудь домъ, даже и въ кабакъ и при этомъ непремѣнно перекрестятся.

Комната или *соба*, куда вошелъ дѣдушка Либенъ, была похожа на всѣ комнаты болгарскихъ домовъ: четырехугольная, выбѣленная, о двухъ окнахъ, печка въ видѣ самовара, вымазанная известкой и украшенная вдѣланной вверху, опрокинутой зеленой миской. Въ переднемъ углу комнаты прибитъ къ стѣнѣ угольникъ, а на немъ наклеены бумажные образа, да стоитъ еще одинъ деревянный; съ одной стороны деревяннаго образа торчитъ верба, а съ другой—воткнуто нѣсколько свѣчъ отъ праздника Св. Пасхи, тутъ же сбоку на гвоздикѣ и кадильница; передъ образомъ лежатъ красныя яйца тоже пасочныя и виситъ лампада. По всѣмъ четыремъ стѣнамъ комнаты протянуты полки, гдѣ въ порядкѣ разставлена мѣдная глиняная, деревянная и всякая другая посуда, а въ числѣ ея—большая тарелка для пшеницы, приносимой въ церковь. На полу разостланы ковры домашней работы, изъ черной, желтой, бѣлой и синей шерсти; подъ самыми образами растянутъ тюфякъ. покрытый синимъ ковромъ—на немъ Хаджи Генчо отдыхаетъ послѣ обѣда. Стульевъ и столовъ почти нѣтъ совсѣмъ—ихъ найдешь только у самыхъ богатыхъ, какъ напримѣръ,—откупщикъ Петко Догановъ. Нѣтъ также картинъ, или какихъ нибудь другихъ украшеній, кромѣ литографированнаго портрета Юрія Венелина, да зеркала съ расписанной разными красками рамкой. Здѣсь, въ этой нарядной комнатѣ собрались почетные гости Хаджи Генчо. На тюфякѣ усѣлись дѣдушка Либенъ, Тадоръ Радинъ, бывшій горбаджій, любившій—между нами будь сказано—нагрѣть руку около платильщиковъ податей. Въ противоположномъ углу сѣлъ, поджавъ ноги и облокотившись правой рукой на одну изъ подушекъ, Тончо Славей это „дамскій“ портной въ городѣ, съ виду богатырь, роста высокаго, съ большущими рыжими усами и заплывшими жиромъ глаз ми.

Усѣлись и воцарилось глубокое молчаніе. Вошла бабушка Хаджійка и поклонившись дѣдушкѣ Либену, произнесла: „*Добаръ день, дядо Либене, за многая лѣта*“. Послѣднія слова привѣтствія она заимствовала у мужа, который, въ свою очередь, получилъ его, вмѣстѣ съ псалтыремъ, изъ Кіева.

— Здраво и добро! отвѣтилъ дѣдушка Либенъ.

— Какъ живетъ бабушка Либеница?

— Ничего.

— Дай, Боже, и ты, Свѣта Богородице!

И Хаджи Генчовица сѣла и замолчала.

Безмолвіе это, однако, скоро начало тяготить всѣхъ. Тонча, чтобы какъ нибудь прервать его, завелъ разговоръ политическаго оттѣнка. Сейчасъ же возникъ споръ между Хаджи-Генчо, Тончо и дѣдушкой Либеномъ о сравнительныхъ достоинствахъ „Ингелизовъ“, „Френцовъ“ и „Московцевъ“.

— „Ингелизы“ будутъ поумнѣе всѣхъ, замѣтилъ Генчо.

— А я не то скажу, подхватилъ Тончо,— ингелизы и московцы такъ себѣ, а френцы тѣ будутъ куда умнѣе, у-у-у, какіе они бѣдовые всѣ! Одинъ френцъ, право не помню его имя,— хотѣлъ разикъ размахнуться саблей и всѣхъ изрѣзать какъ рѣпу!

Дѣдушка Либенъ громко разсмѣялся.

— Ну, Тончо, ты уморилъ, просто уморилъ! Твоего френца звали Папанартомъ и хоть онъ былъ хватъ, и у него было три сердца, но московскій царь, Кутузинъ и Саваровъ не побоялись его, связали руки молодцу, заковали его въ кандалы и отправили живаго въ адъ. Вотъ какъ было дѣло!

— А кто же вамъ иголки дѣлаетъ, какъ не ингелизы? спросилъ Генчо, а иголка, всѣмъ извѣстно, вещь мудреная.

Но у сторонника московцевъ, дѣдушки Либена и на это былъ отвѣтъ.

— А знаете ли что я вамъ скажу—ингелизы прислали московцу иголку и говорятъ: „смотрите, молъ, какіе чудеса мы умѣемъ дѣлать“. А московцы взяли иголку, сдѣлали изъ нея чубукъ и отослали назадъ имъ ее: „курите, молъ, на здоровье“!

Дѣдушка Либенъ продолжалъ хохотать, отъ души радуясь искусству своихъ любимцевъ.

Наконецъ и этотъ предметъ истощился, надо было приступать къ сватовству. Всѣ ждали какъ онъ начнетъ. Наконецъ, дѣдушка Либенъ рѣшается говорить Хаджи Генчо и его женѣ о цѣли своего посѣщенія. Родители объявляютъ, что они, съ своей стороны, согласны, но надо спросить Лилу нравится ли ей женихъ.

— Лелько! кликнулъ Генчо дочери—приди сюда.

Вошла Лила, разодѣтая по праздничному, вошла, держа руки на поясѣ, одну на другой, и остановилась, потупя глаза.

— Что, чадо мое, спросилъ Хаджи Генчо,— нравится ли тебѣ дѣдушка Либенъ? онъ славный старикъ.

— Нравится, отвѣчала раскраснѣвшаяся дѣвушка.

— А бабушка Либеница нравится?

— Нравится.

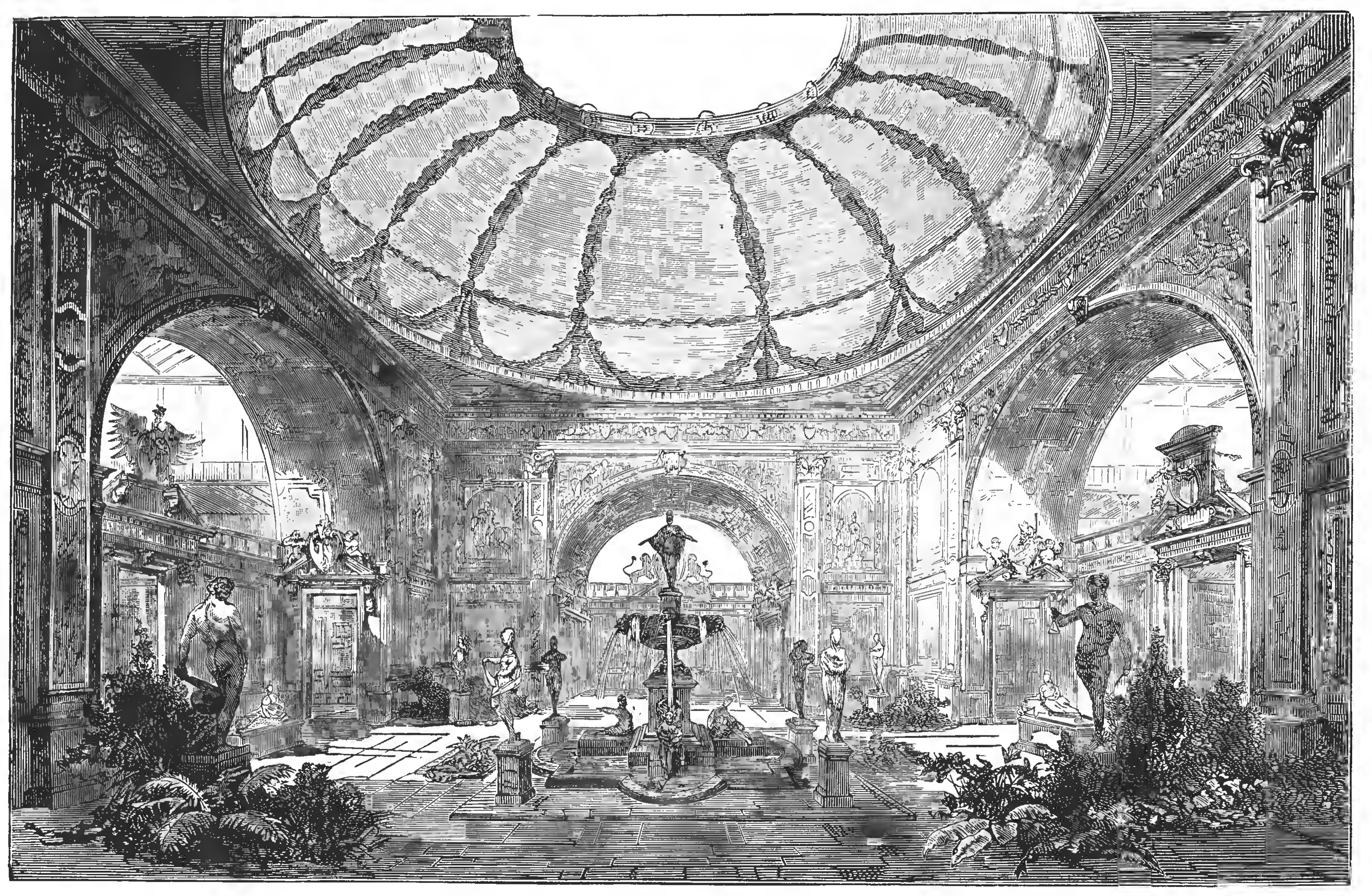
— А ихъ сынъ Павлинъ, нравится?

Лила молчала.

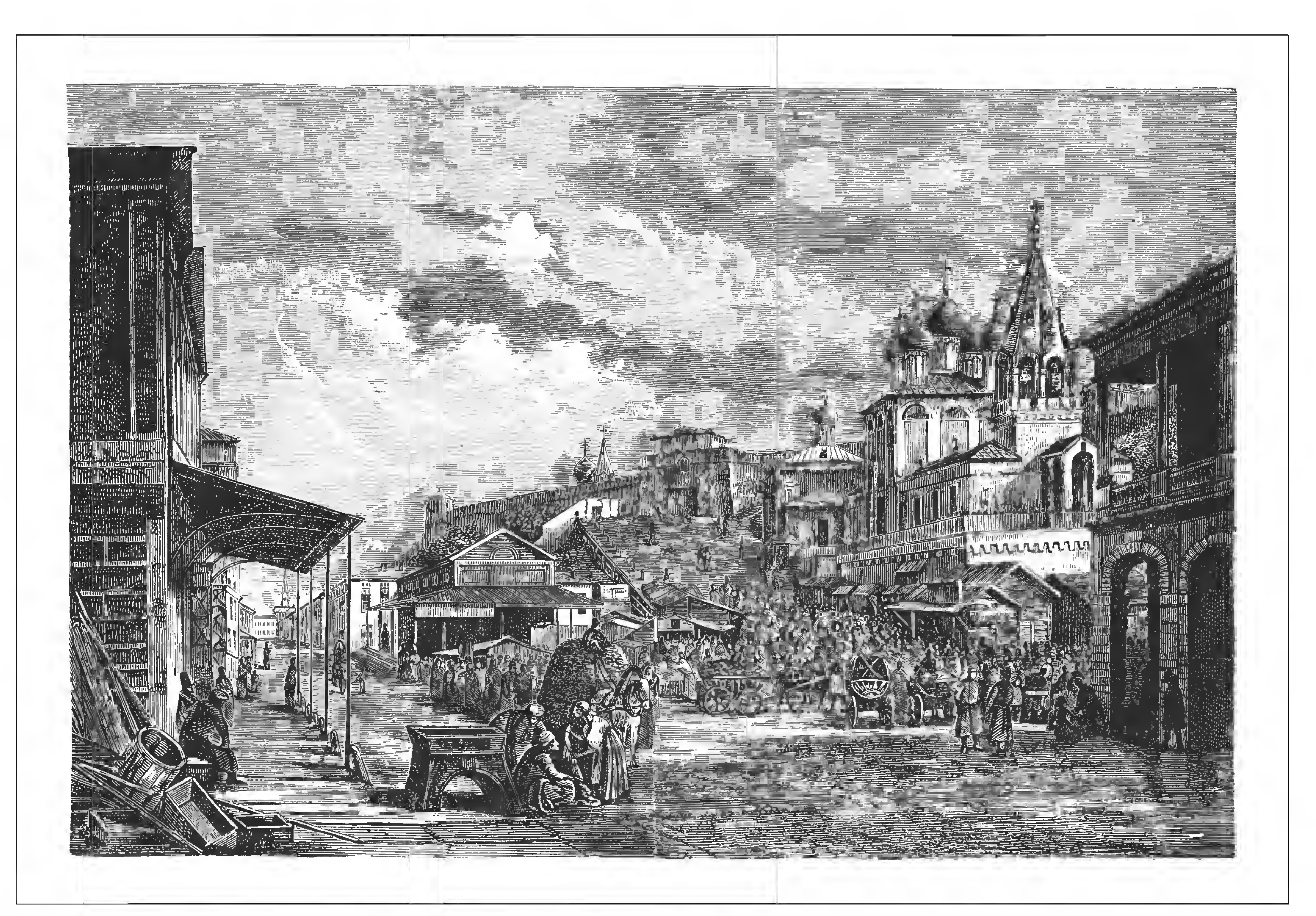
— Ну, скажи, скажи, не стыдись, продолжалъ отецъ,—онъ парень славный и я тебя выдамъ за него, если ты хочешь.

— Какъ ты хочешь, тато, и какъ мамо хочетъ; я васъ буду слушаться.

— Когда такъ, то цѣлуй ручку у своего свекра, да кланяйся какъ *невѣста*, вѣдь ты ужь невѣста.



Международная художественная выставка въ Мюнхенѣ. Главный вестибюль зданія. Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.



Пожаръ въ Нижнемъ Новгородѣ. Улица Нижняго Базара. Съ акварели професс. Боголюбова. рис. Космакъ, грав. Б. Пуцъ.

Лила отвѣсила три поклона и поцѣловала у дѣдушки Либена руку, а дѣдушка, облобызавъ ее въ щеку, подалъ ей букетъ и платокъ съ фруктами. Лила взяла ихъ, положила на печку и снова сдѣлавъ три поклона Либену, выполнила ту же церемонію предъ отцемъ, а затѣмъ перецѣловала мать и гостей. Всѣ дали ей по монетѣ. Въ заключеніе, сбѣгавъ въ садъ и нарвавъ цвѣтовъ, она связала ихъ въ букетъ, привѣсила монету и, съ поклономъ, отдала дѣдушкѣ Либену.

Гости, по заведенному порядку, поужинали, (хотя — ой, ой, какъ не хотѣлось скупому Генчо угощать на свой счетъ) и разошлись уже за полночь.

На другое утро Павлинъ посѣтилъ свою *годеницу*. Хаджи Генчо и Генчовица благословили жениха и невѣсту.

Въ первое воскресенье послѣ сватовства изъ дома дѣдушки Либена вышли трое цыганъ-музыкантовъ, въ бѣлыхъ чалмахъ, синихъ кунтушахъ, стянутыхъ алыми поясами. Играли они на скрыпицахъ и напѣвали какую-то турецкую пѣсню, пѣтую, разсказываютъ старики, еще при взятіи Константинополя; за музыкантами бѣжала толпа ребятишекъ, какъ вездѣ вѣдь, бываетъ, а за этими шли мужчины, съ бклицами, въ фескахъ и шапкахъ, датѣе — женщины въ полутурецкомъ полу-болгарскомъ головномъ уборѣ (чалма на славянской шапочкѣ), сверхъ платья на нихъ накинуты были суконныя, до колѣнъ, шубы на дорогихъ мѣхахъ; наконецъ, сзади всѣхъ шелъ Павлинъ, окруженный своими товарищами, *ергенами*.

У Хаджи Генчо столъ былъ уже накрытъ для гостей. На этотъ разъ угощеніе обошлось скупцу не очень дорого, потому что сваты, по обычаю, принесли съ собой хлѣбъ, вино и жаренаго барашка въ большой мѣдной кострюлѣ. Все общество разсѣлось по порядку и принялось за яства. Женихъ же обѣдалъ въ другой комнатѣ съ своими товарищами и къ гостямъ не выходилъ. За столомъ Хаджи Генчо, желая поддержать свою славу перваго оратора въ городѣ, много и витіевато разсказывалъ внимательно и почтительно слушавшимъ гостямъ, но потокъ его рѣчей былъ остановленъ тѣмъ, что въ комнату вошла *стара-сваха* съ кружкой вина, а за ней показалась невѣста, одѣтая вся въ бѣломъ, и подобно жениху, окруженная своими подругами. Лила—она была краше яснаго дня — подошла къ сватамъ цѣловать у нихъ руку.

Дѣдушка Либенъ всталъ (поднялись и всѣ гости), и взявъ у старой свахи кружку, произнесъ, обращаясь къ невѣстѣ: *„За здраве и добро! Да ви дава дядо Господъ и бабо Богородие долгоденствіе, любовь, миръ и тишину!* Чтобы ваше зерно продолжалось тысячу лѣтъ, чтобы ваши руки не пачкались ничѣмъ другимъ, какъ медомъ и масломъ! Дай вамъ Богъ двѣнадцать сыновей — молодецъ надъ молодцомъ... Пусть свѣти *Ованъ* да ви помога! Здравица!

— Аминь! проговорили гости.

Дѣдушка отпилъ немного вина и возвратилъ кружку старисвахѣ, а Лила подошла и поцѣловала у него руку, получивъ за это золотой. Затѣмъ бабушка Либеница повторила ту же самую церемонію съ поданной ей стари-свахой кружкой, а Лила поцѣловала руку у нея и потомъ у своихъ родителей, всѣхъ другихъ родныхъ и гостей. Каждый давалъ ей, что могъ.

Когда окончилось цѣлованіе рукъ, Хаджи Генчо всталъ и, все-же по обычаю, сказалъ:

— Божею милостію мы обручаемъ нашихъ чадъ, но спрашиваю васъ, *сватовъ*, что вы дадите залогомъ этой обрукп?

Дѣдушка Либенъ сдѣлалъ знакъ бабушкѣ Либеницѣ; она вынула изъ краснаго платка, который держала въ рукахъ, два букета цвѣтовъ, на первомъ былъ привязанъ золотой перстенекъ съ краснымъ камушкомъ, а на второмъ—до пятидесяти золотыхъ монетъ разной величины; перстень, съ благословеніемъ и поцѣлуями, и деньги были переданы Лилѣ.

Затѣмъ всталъ снова дѣдушка Либенъ (Хаджи Генчо сѣлъ) и назвалъ свои свадебные подарки. Всталъ Хаджи Генчо (теперь сѣлъ на свое мѣсто дѣдушка Либенъ) и назвалъ свои.

Вывелъ кумъ, наконецъ и жениха, получившаго въ свою очередь, перстень отъ родителей невѣсты.

Пиръ и пляски, въ которыхъ приняли участіе и старики, продолжались еще очень, очень долго въ эту ночь.

Все шло хорошо и казалось бы, вотъ—ужъ и свадьба, да, нежданно, негадано, выпалъ такой случай, что какъ-то въ переговорахъ, да разговорахъ дѣдушка Либенъ разсердился на Хаджи-Генчо и прогналъ его отъ себя. Если правду сказать, Либенъ скорѣе былъ виноватъ, а не Генчо. Заговорилъ непутный Тончо свату про кума, что онъ, будто, притворяется святошей, а знается съ домовыми и какъ Павлинъ ни уговаривалъ отца, тотъ сталъ на своемъ—не быть его сыну мужемъ Лилы. Вспыхнулъ и кроткій Павлинъ и объявилъ отцу, что—будь, что будетъ,—а отъ Лилы онъ не откажется. Генчо, было, сначала, на мировую. Письмо написалъ — такъ искусно, хитро, что ни слово, то изъ св. писанія. Но—упрямый дѣдушка Либенъ и читать не сталъ. Зло взяло тогда и Хаджи Генчо. Хитрая лисица знала, какъ Павлинъ любитъ Лилу, и онъ запряталъ дочку въ монастырь, въ Самоковѣ. Какъ убитый сдѣлался Павлинъ. Тяжело стало дѣдушкѣ Либену смотрѣть на горе сына.

— Не печалься сынко, я тебѣ помогу въ горѣ твоемъ, это моя святая обязанность, чортъ возьми! Мы, какъ въ старину, соберемъ *отмычарей* и—Лила будетъ наша. Гей! говорю не печалься! Старая юнацкая кровь заговорила.

И вотъ, какъ-то подъ утро лѣтняго Аѳанасьева дня, у самыхъ монастырскихъ стѣнъ, изъ за которыхъ густыя деревья сада, взлелѣяннаго руками монашенокъ, протянули свои зеленыя вѣтви — притаился дѣдушка Либенъ, какъ бывало въ прежнее юнацкое время, съ своими вооруженными *момцами* (молодцами). Въ сторонѣ привязаны къ дереву пять осѣдланныхъ лошадей.

— Который часъ? тихо спросилъ дѣдушка Либенъ одного изъ парней, Благоя,—„старая корга сказала, что монашенки каждый годъ выходятъ на холмъ слушать пѣснь Св. Аѳанасія и что, въ это время, мы можемъ войдти въ садъ и увезти Лилу. Не обманула бы старая шельма, я ей обѣщалъ сто грошей!

Но, „старая шельма“ не обманула и явилась, сообщивъ, что надо пользоваться минутой. Монашенки ушли, а Лила дожидается въ саду.

Чрезъ нѣсколько секундъ Павлинъ велъ уже трепещущую Лилу. Оба и плакали, и смѣялись отъ радости. Дѣдушка Либенъ обнялъ ихъ и отвернулся отъ нихъ: самъ плакалъ, минута ужъ была такая! Поцѣловавъ въ колѣно дѣдушку Либена, дѣти тоже поплакали и затѣмъ маленькая группа всадниковъ вскорѣ скрылась вдали. А тамъ—свадьбу сыграли и Хаджи Генчо ходитъ теперь къ своему свату пить его доброе винцо, которое ему наливаетъ, всякій разъ, его красавица дочка *Павлиница*, т. е. Лила, счастливая жена Павлина.

Къ рисункамъ.

Взятіе Черной башни.

(Сулейманъ-Кула).

Начавшееся четыре года тому назадъ возстаніе герцеговинцевъ и босняковъ противъ турецкаго ига, мало по малу стихло и, затѣмъ, оно было какъ бы поглощено великими событіями 1877—1878 гг. Борьба, такъ сказать, въ принципѣ, можетъ быть, и не могла считаться оконченною, но ее можно было сравнить съ тлѣющимъ костромъ. Изрѣдка показывалась искра, потухавшая почти немедленно, изрѣдка, кое-гдѣ, раздавался выстрѣлъ въ общемъ безмолвіи. Обѣ стороны были утомлены. Наступило относительное спокойствіе. Но это было спокойствіе только внѣшнее. Страна ожидала чего-то. Она ожидала какого-то рѣшенія европейскаго ареопага. Вдругъ среди темныхъ народныхъ массъ пронесся странный слухъ. „Падишахъ отдаетъ Герцеговину и Боснію кесарю!“ Всполошилось опять все—но на этотъ разъ мусульмане и христіане уже не шли другъ противъ друга. У нихъ явился общій врагъ—австрійцы и венгры. Снова засверкало оружіе въ рукахъ герцеговинцевъ и босняковъ—они приготовились встрѣтить иноземцевъ. Если нельзя, конечно, думать, чтобы все христіанское населеніе примкнуло къ мусульманскому, хотя и были отдѣльные случаи, то несомнѣнно, что православные славяне отнеслись къ австро-венгерской оккупаціи съ неменьшею ненавистью, чѣмъ турки. Началась отчаянная борьба. Беги, предводительствуя своими отрядами, наскоро вооруженными и собранными, геройски отстаивали каждый шагъ, каждый домъ, каждое укрѣпленіе. Значительныя потери, понесенныя австрійскими войсками, краснорѣчиво говорятъ объ упорствѣ сопротивленія.

Мы предлагаемъ здѣсь рисунокъ, изображающій одинъ изъ эпизодовъ этой борьбы—взятіе „Сулейманъ-Кулы“ у Клобука. Защитники кулы хотѣли остановить цесарскіе полки тамъ, въ долинѣ; но они сломлены и бѣгутъ сюда, къ своему послѣднему оплоту, чтобы умереть подъ его развалинами. Да, имъ осталось только умереть—сквозь густые клубы пороховаго дыма блеститъ уже недалеко необъятная и грозная щетина австрійскихъ штыковъ, а въ адскомъ шумѣ канонады, ясно слышится тысячеголосный кликъ побѣдителей. А побѣжденные готовятся дорого продать жизнь свою. Вотъ небольшая кучка ихъ ищетъ убѣжища въ старой башнѣ, извѣстной подъ названіемъ „кара-кула“, или „црна кула“ (т. е. черная башня). Она уже ветха, и тамъ, гдѣ камень обвалился, онъ замѣненъ деревянными пристройками. Но и теперь обваливается камень и разщепляется дерево подъ ядрами горныхъ пушекъ наступающаго врага. На самый верхъ взобрался фанатикъ мулла и простираетъ, въ изступленіи руки, а тамъ, въ бойницахъ и на брустверахъ горсть отчаянныхъ защитниковъ стрѣляютъ изъ длинныхъ, прадѣдовскихъ кремневыхъ ружей въ стройно надвигающіеся ряды, но не долго будетъ еще мулла проклинать сверху цесарцевъ, скоро перестанутъ стрѣлять и тѣ, что стоятъ на завалѣ—не видать имъ вечера того дня. Они не давали пощады—австрійскіе штыки не дадутъ пощады и имъ...

„Црна-кула“, согласно преданію, выстроена султаномъ Сулейманомъ II и служила тюрьмой. Страшная то была тюрьма. Вокругъ было 16 дверей, изъ которыхъ выводили осужденныхъ, которыхъ вѣшали тутъ же. Нерѣдко и въ недавнее время ку-

ла украшалась ожерельемъ изъ повѣшенныхъ христіанъ, осмѣливавшихся возставать противъ вѣковыхъ утѣснителей-турокъ. На нашемъ рисункѣ видно, что и въ день отчаянной борьбы, кула сослужила прежнюю службу: на ней повѣшенъ и измѣнникъ дѣлу отечества и воткнуты головы другихъ, забывшихъ родное знамя.

На охотѣ.

Охота на большихъ хищныхъ птицъ обыкновенно начинается осенью или весною. Поступаютъ при этомъ слѣдующимъ образомъ. На открытыхъ возвышенностяхъ строятъ хижины, въ которыхъ скрываются охотники. Чтобы не пугать хищныхъ птицъ, эти хижины покрываются дерномъ. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ такой хижины привязываютъ, къ вбитому въ землю столбу или пню, филина. До разсвѣта охотникъ отправляется въ хижину, вскорѣ прилетаютъ галки, вороны и сороки, громкіе крики которыхъ привлекаютъ большихъ хищныхъ птицъ, и онѣ, плавая въ воздухѣ большими кругами, приближаются къ этому мѣсту, думая нѣтъ ли тутъ какой добычи. Спрятанный въ хижинѣ охотникъ стрѣляетъ по нимъ чрезъ отверстія, сдѣланныя въ стѣнахъ хижины. На нашей картинѣ угрюмый ночной хищникъ сидитъ, привязанный къ дуплу и отбивается отъ разныхъ птицъ, которыя летаютъ вокругъ него, какъ бы пользуясь случаемъ отмстить ему за то, что совершено имъ и его родичами. Филинъ сохраняетъ свое мрачное спокойствіе, и стая маленькихъ дерзкихъ пернатыхъ мало нарушаетъ его. Онъ знаетъ, что все это пропадетъ, улетитъ, испуганно крича, когда покажется соколъ, орелъ, ястребъ или перепелятникъ. Свирѣпо враждуютъ между собою дневные и ночные хищники. Орлы и соколы какъ бы гордятся тѣмъ, что нападаютъ открыто и смѣло, и могутъ раньше быть замѣчены жертвою. Они питаютъ какую-то ненависть къ ночнымъ птицамъ, неслышно плывущимъ въ воздухѣ по лѣсамъ и полямъ, низко, надъ землею, чтобы не выдать себя, и нападающимъ на спящихъ козуль, зайцевъ и куръ; ночные хищники гнѣздятся не на высокихъ деревьяхъ, а прячутся въ дуплахъ и разсѣлинахъ высокихъ скалъ. Бѣда филину, показывающемуся днемъ. На ночнаго хищника бросаются дневные и клювами бьютъ его. Онъ привязанъ къ столбу, чуетъ враговъ и даетъ знать о нихъ приближеніи рѣзкимъ, противнымъ крикомъ. Храбро защищается онъ отъ ихъ ударовъ, пока не подоспѣетъ къ нему на помощь охотникъ и врагъ, обливаясь кровью, съ опущенными крыльми, не падаетъ на землю.

Рискованное предпріятіе.

Картина Мецмахера.

Молодой петиметръ временъ Людовика XV, чтобы поцѣловать хорошенькое личико сосѣдки, къ нему наклоненное, рѣшается стать, такъ сказать, въ рискованное положеніе: высокія каменныя стѣны сосѣднихъ домовъ сходятся подъ угломъ и опираясь только на большія желѣзныя вилы, которыми прегражденъ этотъ уголъ, молодой человѣкъ смѣло свѣшивается надъ пропастью...

Въ обществѣ того времени любовныя приключенія и игра въ любовь имѣли особенное значеніе. До самой смерти короля это было своего рода особое искусство, „галантерейность“ имѣла свои особые законы. Авантюристы и молодые и даже старые, и имѣющіе высокое положеніе общественное, соперничали въ приключеніяхъ. Послѣ смерти Ришелье, напримѣръ, еще оказалось на его столѣ нѣсколько нераспечатанныхъ записокъ, назначавшихъ ему свиданія. Типъ отчаяннаго авантюриста по части любовныхъ похожденій удачнѣе всего воспроизведенъ въ Фоблазѣ. Такой авантюристъ не пренебрегалъ ничѣмъ, чтобы достигнуть цѣли: обманъ, хитрость, дерзость, даже насиліе—не клеймили стыдомъ прибѣгавшаго къ нимъ для любовныхъ цѣлей. Одинъ изъ нихъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ, что ему случалось гримироваться, идя на свиданіе и чтобы произвести впечатлѣніе, притворно плакать и даже изображать на лицѣ слѣды недавнихъ слезъ. Конечно и женщины платили тѣмъ же и искусство притворства, доведенное до замѣчательной степени, давало имъ оружіе для борьбы противъ соблазна, ложныхъ клятвъ, увѣреній и обмана.

Международная, художественная выставка въ Мюнхенѣ.

Нынѣшній Баварскій король Людвигъ, въ виду блестящаго успѣха послѣдней выставки въ кристальномъ мюнхенскомъ дворцѣ, сдѣлалъ распоряженіе, чтобы такія международныя художественныя выставки повторялись непремѣнно каждые четыре года и принялъ это дѣло подъ особое свое покровительство.

Предпріятіе это энергически приведено къ концу и по всѣмъ признакамъ будетъ первою изъ такихъ выставокъ, представляющею германское искусство во всемъ его блескѣ и полнотѣ. Иноземныя искусства также конечно постараются соперничать своими лучшими произведеніями и легко можно себѣ представить какое высокое художественное значеніе, значеніе всемірное, можетъ получить такое блестящее собраніе произведеній. Выставка будетъ продолжаться съ іюля по октябрь настоящаго года.

Въ Мюнхенскомъ кристальномъ дворцѣ, въ которомъ помѣщались обыкновенно прежнія выставки, обращено особое вниманіе на отдѣлку вестибюля, составляющаго центръ всего зданія, въ которомъ будутъ помѣщены художественныя произведенія въ смѣшанномъ родѣ. Изъ него символическими фигурами украшенные выходы въ видѣ тріумфальныхъ арокъ ведутъ—лѣвая въ отдѣленія собственно германскаго искусства, правая въ отдѣленія живописи французской и другихъ націй, третья—въ залы баварскія и четвертая въ архитектурныя и модельныя помѣщенія.

Главная зала расположена какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ сходятся боковые флигеля зданія, которые и прерываются куполообразною залою, съ фонтанами, нишами для статуй и открытымъ потолкомъ купола. Эта центральная круглая зала равно какъ и прилегающія къ ней небольшія залы, предназначены для отдыха публики. Выгоды освѣщенія обусловили одноцвѣтную окраску стѣнъ, чтобы рѣзче выдавались разставленныя здѣсь произведенія искусства. Несомнѣнно, что искусное расположеніе самаго зданія, освѣщенія и окраски стѣнъ могутъ вліять выгодно или невыгодно на эффектъ художественнаго произведенія и тутъ приняты всѣ мѣры, чтобы иноземные экспоненты находили здѣсь все, что выработала въ этомъ отношеніи современная техника.

Что касается средняго великолѣпнаго вестибюля съ открытымъ куполомъ, то во всѣхъ его углубленіяхъ и нишахъ разставлены статуи и группы и массы роскошныхъ цвѣтовъ съ чрезвычайнымъ изяществомъ и вкусомъ.

Декоративная часть, пластическія группы въ нишахъ, и надъ порталомъ, стѣнная живопись и проч. все это выполнено лучшими художниками Мюнхена, которые приложили всѣ старанія, чтобы выставка ихъ роднаго города представляла бы дѣйствительно нѣчто достойное той высокой цѣли—всемірнаго состязанія искусствъ, для которой она предназначена.

Пожаръ въ Нижнемъ Новгородѣ.

Какіе годы переживаемъ мы теперь! Нѣсколько времени тому назадъ свирѣпствовала какая-то безсмысленная и ужасная эпидемія всякихъ „покушеній,“ теперь свирѣпствуетъ эпидемія пожаровъ. Выгораютъ городъ за городомъ. Не успѣло еще улечься волненіе, вызванное пожарами, превратившими въ пепелъ и развалины Оренбургъ, какъ уже Ирбитъ подвергся той же участи. А затѣмъ сгорѣли и Уральскъ, Иркутскъ и наконецъ 7-го іюля вспыхнулъ пожаръ въ Нижнемъ-Новгородѣ. Въ нашемъ журналѣ неоднократно (1870—71 и 75 г.г. №№ 14, 49, 54) были помѣщены виды Нижняго и историческія подробности объ этомъ городѣ.

Пожаръ начался въ москательномъ ряду на Нижнемъ Базарѣ. Этотъ москательный рядъ находится именно въ той части города, гдѣ сосредоточена вся торговля, гдѣ помѣщаются склады, конторы и магазины. Опасность, которою грозилъ пожаръ всему городу, была тѣмъ большая, что въ этой части, какъ древнѣйшей по постройкѣ, улицы и переулки узки и дома очень скучены. Къ тому же многія изъ горѣвшихъ лавокъ были наполнены горючими и даже взрывчатыми матеріалами, не мало способствовавшими усиленію пожара. Было около 14 взрывовъ, изъ которыхъ два настолько были сильны, что разрушили часть стѣны дома, потолки и крышу. Отъ этихъ взрывовъ пострадало не мало народу.

Въ числѣ товаровъ, спасенныхъ отъ пожара, нашли довольно много пороху, принадлежавшаго москательнымъ лавкамъ. Нахожденіемъ этаго пороха здѣсь и объясняются взрывы. Къ счастью, благодаря дѣйствію большихъ паровыхъ трубъ, удалось не дать распространенія пожару; и сгорѣлъ только корпусъ, принадлежащій купеческому обществу; корпусъ же находящійся рядомъ и принадлежащій городу, только сильно обгорѣлъ. Причина пожара еще неизвѣстна, какъ осталась неизвѣстною, къ сожалѣнію, и во всѣхъ несчастныхъ городахъ, подвергшихся ужасному бѣдствію.

Принцъ Жеромъ-Карлъ-Павелъ-Наполеонъ Бонапарте.

По странной игрѣ случая, неожиданная смерть императорскаго принца, Луи-Наполеона, поставила во главѣ фамиліи Бонапарте и бонапартистской партіи принца этого дома, долгое время не только стоявшаго въ сторонѣ отъ семьи покойнаго императора и отъ людей, сгруппировавшихся вокругъ нея, но и находившагося съ ними въ открытой враждѣ. Дѣло, однажды, дошло, какъ извѣстно, до того, что императорскій принцъ какъ бы вычеркнулъ его изъ списковъ своей фамиліи, потребовавъ отъ корсиканцевъ—чтобы они не давали „красному принцу“ избирательныхъ голосовъ, не посылали бы его болѣе депутатомъ въ палату. И дѣйствительно — благодаря тѣмъ убѣжденіямъ, которые принцъ Жеромъ-Карлъ-Павелъ-Наполеонъ Бонапарте слишкомъ часто и слишкомъ громко выдавалъ за свои, онъ долженъ былъ разойдтись съ императрицей Евгеніей, покойнымъ сыномъ ея и главными силами бонапартистской партіи. Принцъ Жеромъ-Наполеонъ, второй сынъ бывшаго короля Вестфальскаго Жерома, брата Наполеона I, родился 9 Сентября 1822 г. въ Тріестѣ, т. е. когда отецъ его

лишился своего королевства. Молодость свою, довольно богатую приключеніями, онъ провелъ преимущественно, въ Вѣнѣ, Флоренціи, Римѣ, Штутгардтѣ и отечество — Францію увидѣлъ только послѣ февральской революціи Родная Корсика избрала его депутатомъ въ „Учредительное собраніе" и молодой принцъ немедленно же, подчиняясь настроенію минуты, охватившему тогда не мало народа, примкнулъ къ радикальнымъ членамъ, къ „горѣ". Есть, конечно, нѣкоторыя основанія предполагать, что едва ли онъ былъ искрененъ въ своихъ крайнихъ убѣжденіяхъ. Такъ, хотя послѣ государственнаго переворота 2 Декабря, онъ и оставался еще на краткій мигъ въ числѣ депутатовъ, объявившихъ „внѣ закона"—„клятвопреступника гражданина Луи-Наполеона", но вскорѣ они помирились съ „клятвопреступникомъ", отъ котораго получилъ званіе сенатора, великолѣпное помѣщеніе въ „Пале-Роялѣ", замокъ Медонъ, 1½ милліонное содержаніе и чинъ дивизіоннаго генерала. Его участіе въ Крымской кампаніи подвергалось кажется однако незаслуженнымъ нареканіямъ.

30 Января 1859 года было знаменательнымъ днемъ въ жизни нынѣшняго главы фамиліи Бонапартовъ, — въ этотъ день онъ вѣнчался съ дочерью короля Виктора-Эммануила, 16-ти лѣтней принцессой Клотильдой. Бракъ этотъ, имѣвшій чисто политическое значеніе, былъ устроенъ Наполеономъ и Кавуромъ, желавшимъ и очень настаивавшимъ въ то время на сближеніи Савойской фамиліи съ могучимъ повелителемъ Франціи, оказывавшимъ столь сильное вліяніе на общій ходъ политики. Принцъ Жеромъ - Наполеонъ сдѣлался горячимъ сторонникомъ итальянцевъ и ихъ короля, своего тестя. До настоящаго времени, принцъ, собственно, не игралъ серьезной роли и потому не имѣлъ случая показать обладаетъ онъ или нѣтъ способностями политическаго, государственнаго дѣятеля. Люди, имѣвшіе возможность судить о немъ ближе, утверждаютъ, что Жеромъ - Наполеонъ — человѣкъ, какъ извѣстно, образованный, обладаетъ и дарованіями. Нѣтъ сомнѣнія, однако, въ томъ, что онъ не пользуется популярностью въ средѣ бонапартистской партіи. Тѣмъ не менѣе, приверженцы фамиліи Бонапарте, подчиняясь династическому закону, признали его главою фамиліи. Что предприметъ принцъ въ будущемъ — не извѣстно еще пока, теперь же онъ ведетъ себя съ чрезвычайною осторожностью, заявивъ президенту республики, что не намѣренъ создавать какія либо затрудненія республикѣ, которую уважаетъ какъ существующее правительство.

Вѣроятно онъ на столько же искренно „уважаетъ существующее правительство Франціи," насколько искренно былъ преданъ своимъ радикальнымъ друзьямъ 1848 года. Какъ ни осторожны его слова, но отчасти бросаютъ свѣтъ на характеръ его будущихъ дѣйствій. Онъ, какъ утверждаютъ, выразился, что „*когда произойдетъ столкновеніе между крайними радикалами и монархической реакціей и дѣло приблизится къ развязкѣ, тогда весьма возможно, что бонапартизмъ выступитъ въ качествѣ представителя принципа авторитета и защитника современныхъ пріобрѣтеній Франціи*"..

Утверждаютъ, какъ извѣстно, что покойный императорскій принцъ назначилъ въ завѣщаніи своемъ, главою фамиліи старшаго сына принца Жерома. У него одна дочь и два сына: 17-ти лѣтній принцъ Викторъ и 14-ти лѣтній Шарль, воспитывающіеся въ лицеѣ Карла Великаго. Оба брюнеты, — въ своего дѣда Наполеона I. Самъ принцъ Жеромъ-Наполеонъ, какъ читатели могутъ видѣть по прилагаемому портрету, напоминаетъ лицемъ великаго полководца-императора.

Генералъ Лазаревъ и Атрекская экспедиція.

На востокъ отъ Каспійскаго моря, начиная съ Чикишлярскаго берега, тянется великая Туркестанская пустыня, часто невѣрно называемая степью. Не орошаемая рѣками, не имѣющая вслѣдствіе этого никакой лѣсной растительности—эта пустыня безжизненна и только рѣдко она оживляется, когда воинственные сыны ея—живущіе на оазисахъ туркмены—своими разбойничьими набѣгами на сосѣднія ханства принуждаютъ сосѣдей взяться за оружіе для огражденія своихъ границъ отъ шаекъ такихъ хищниковъ.

И въ настоящее время дикое племя туркменовъ—теке заставило русское правительство двинуть противъ него войска, въ наказаніе за его набѣги.

Предпринята въ настоящее время экспедиція подъ начальствомъ извѣстнаго боеваго генерала Лазарева, одного изъ героевъ послѣдней нашей войны съ Турціей, свѣденія о дѣятельности котораго уже были помѣщены въ „Нивѣ" 1877 г. № 51. Это уже четвертая экспедиція, отправляемая противъ текинцевъ. Первая экспедиція, князя Бековича, выступившая изъ Красноводска въ 1717 году была неудачна. Вслѣдствіе этой неудачи дальнѣйшія попытки проникнуть въ туркестанскую степь были пріостановлены до 1873 года. Въ 1873 году полковникъ Маркозовъ, начальникъ второй экспедиціи противъ туркменъ долженъ былъ вернуться вслѣдствіе потери 1000 верблюдовъ и множества солдатъ, умершихъ отъ изнуренія.

Третья экспедиція была въ 1875 году. Отрядъ подъ начальствомъ генерала Ломакина выступилъ на этотъ разъ ужъ не изъ Красноводска, какъ это было передъ тѣмъ, а изъ Чикишляра, достигъ туркменскаго селенія и сжегъ фортъ Кизилъ-Арватъ.

Генералу Лазареву, начальствующему нынѣшней экспедиціей, придется преодолѣть множество трудностей, которыя представляетъ война въ пустынной мѣстности, гдѣ жара не рѣдко доходитъ до 40 градусовъ, и гдѣ нѣтъ достаточно воды. Къ тому же непріятель имѣетъ то преимущество, что онъ уже свыкся съ климатомъ, ему нечего бояться ни зноя днемъ, ни холода ночью. Текинцы—превосходные наѣздники; кони ихъ отличаются крайней выносливостью. Текинцы совершаютъ набѣги на персидскія и русскія владѣнія, исчезая также быстро, какъ появляются.

Вотъ въ общихъ чертахъ характеръ туркестанской пустыни и ея дикихъ обитателей.

Уже въ Чикишлярѣ, гдѣ былъ расположенъ текинскій отрядъ, русскимъ пришлось жить не особенно комфортабельно. Такъ напр. всѣ войска за исключеніемъ главныхъ начальниковъ, помѣщались въ низенькихъ палаткахъ, гдѣ можно только лежать. Офицеры тщетно пытались вырывать подъ ними яму, это было еще хуже, потому что вода показывалась уже на глубинѣ аршина.

Войска должны были выступить изъ Чикишляра въ нѣсколькихъ отрядахъ и не одновременно. Въ пятидесяти верстахъ на сѣверо-востокъ отъ Шатта, при сліяніи Атрека съ Сумбаромъ, они соединятся.

Воду въ Чикишляръ предположено доставлять посредствомъ водопроводовъ, а въ настоящее время воду добываютъ изъ вырываемыхъ въ пескѣ ямъ; но это вода, нѣсколько солоноватая, годна только на короткое время: она скоро покрывается отстоемъ и на стѣнкахъ колодцевъ образуется соляной осадокъ.

Главное условіе успѣха этой экспедиціи—достаточное продовольствіе. „Въ этомъ заключаются затрудненія предпринимаемаго нынѣ похода, говоритъ между прочимъ оріенталистъ Вамбери. Въ случаѣ если транспортъ такого громаднаго количества предметовъ продовольствія на 15 — 20 переходовъ окажется невозможнымъ—на это потребуется по крайней мѣрѣ 15,000 верблюдовъ—то горю могло бы помочь только щедрое содѣйствіе со стороны персидскаго правительства, что конечно зависитъ отъ политическихъ комбинацій. Безъ провіанта и содѣйствія Персіи всю эту экспедицію можно считать лишь смѣлымъ наѣздомъ.

Наши войска, сдѣлавшія Хивинскій походъ, перевалившія черезъ Балканы, бившіяся за Кавказомъ и въ Туркестанѣ, столько разъ доказывали свою несравненную отвагу, терпѣніе и силу, что конечно и въ настоящемъ случаѣ выполнятъ доблестно свою задачу, оградивъ такимъ образомъ великое множество людей, страдавшихъ до сихъ поръ отъ постоянныхъ дерзкихъ набѣговъ туркменъ и водворивъ миръ на границѣ странъ намъ подвластныхъ.

Политическое обозрѣніе.

Въѣздъ князя Александра въ Софію.—Срытіе крѣпостей.—Кризисъ въ Константинополѣ.—Авганцы и Зулусы.—Въ Италіи.

1-го іюля происходилъ въѣздъ князя Болгарскаго въ Софію. Улицы, разсказываетъ очевидецъ, были наполнены народомъ, стремившимся за городъ, къ тріумфальной аркѣ. По дорогѣ были разставлены богато убранные значки цеховъ. Около 12-ти часовъ прибыли на мѣсто встрѣчи губернаторъ Бурмовъ, начальникъ военнаго отдѣла, множество чиновниковъ и дамъ. Немного спустя явился городской совѣтъ съ хлѣбомъ-солью на богатомъ и изящномъ серебряномъ блюдѣ ажурной работы. Дѣти, въ бѣлыхъ костюмахъ, выстроились за воротами, по обѣ стороны дороги. Около двухъ часовъ показалось вдали густое облако пыли и все пришло въ движеніе. Конные жандармы выстроились, разговоры замолкли. Чрезъ нѣсколько минутъ, здѣсь остановился экипажъ, съ русскимъ кучеромъ въ красной рубахѣ на козлахъ; изъ экипажа быстро вышелъ князь и подошелъ къ губернатору, привѣтствовавшему его рѣчью. Князь отвѣтилъ по французски, благодаря за радушную встрѣчу. Губернаторъ тотчасъ же сдѣлалъ переводъ на болгарскій языкъ. Грянуло громкое „ура", и при неумолкаемыхъ кликахъ князь верхомъ тихо направился въ соборъ. По пути, у каждой тріумфальной арки, его свѣтлость останавливался для выслушанія привѣтствій. Дамы бросали цвѣты, хлѣбныя зерна и поднесли пару бѣлыхъ голубей. Въ соборѣ, послѣ молебствія, князя привѣтствовалъ рѣчью митрополитъ и во время многолѣтія раздались пушечные салюты. Изъ собора князь отправился въ свой дворецъ, сопровождаемый громадною толпою и раскатистыми „ура"; впереди, въ это время, развѣвалось болгарское знамя и хоругви. Въ аллеѣ шпалерами стояли дѣти. Сосѣдніе улицы тоже были заняты народомъ, а расположенный передъ дворцомъ садъ наполняла болѣе отборная публи-

(Продолженіе на стр. 617, 618, 619 и 620).

ка. Подъѣхавъ ко дворцу, князь поздоровался съ войсками и, принявъ ординарцевъ, пропустилъ въ карьеръ кавалерію и, церемоніальнымъ маршемъ пѣхоту. Затѣмъ генераломъ Паренсовымъ были представлены его свѣтлости военные чины. Во дворцѣ представлялись князю управляющіе отдѣльными частями. Подъ окнами играла военная музыка, народъ продолжалъ кричать „ура". Князь, выйдя на балконъ, снова благодарилъ за привѣтствія. Вечеромъ весь городъ освѣтился иллюминаціей; предъ дворцомъ горѣлъ щитъ, съ надписью „Освободителю Болгаріи Александру II". Въ девять часовъ оркестръ музыки шелъ по главнымъ улицамъ и около 10-ти, съ громадной толпой народа остановился передъ дворцомъ, предводимый группою съ разноцвѣтными факелами и двумя щитами, съ надписью: „Помни, князь, Санъ-Стефанскую Болгарію" и „Кавала и Солунь„. Послѣ продолжительныхъ кликовъ, князь показался на балконѣ и, по болгарски, благодарилъ, еще разъ, за радушную встрѣчу. Въ отвѣтъ начались клики: „Да живіо князь Александръ! Да живіо Болгарія!" а при кликахъ: „Да живіо Александръ II и Россія!"—музыка заиграла русскій гимнъ: „Боже Царя Храни!", пѣлась также и „Марица". Далеко за полночь не расходился народъ, наполняя улицы Софіи шумными выраженіями своей радости. 2-го іюля князь давалъ парадный обѣдъ, на которомъ присутствовали всѣ бывшіе русскіе начальники частей управленія и выдающіеся болгары, изъ числа которыхъ его свѣтлости придется составить министерство. Вечеромъ—тѣ же восторженныя сцены: опять ликующая толпа передъ дворцомъ, опять клики „да живіо" опять выходы князя на балконъ.

Принцъ Жеромъ Наполеонъ.

Трудно вяжется представленіе объ этомъ народномъ энтузіазмѣ болгаръ, привѣтствующихъ новую жизнь, начинающуюся для нихъ, съ мыслью обо всемъ, что имѣетъ своимъ назначеніемъ поставить ей всевозможныя преграды. Дѣло въ томъ, что болгарскому правительству придирчиво и назойливо напоминаютъ о „срытіи крѣпостей". Изъ Тырнова сообщаютъ, что правительство княжества, на которое надаетъ въ настоящее время забота объ этомъ дѣлѣ, приняло на себя задачу эту, съ полною готовностью сообразоваться съ неизбѣжными требованіями берлинскаго трактата, но, что „въ виду значительныхъ расходовъ", съ которыми сопряжены работы по срытію крѣпостей, необходимо будетъ дать Болгаріи извѣстное время для того, чтобы она могла сообразовать свой бюджетъ съ средствами, требующимися для этого. Разсчитываютъ, что срытіе укрѣпленій обойдется въ 6—7 милліоновъ рублей. Само собою понятно, только что возникшее государство едва ли можетъ потратить столь крупную сумму въ угоду подозрительныхъ „наблюдателей". Расходъ этотъ можетъ и будетъ, вѣроятно, производиться исподволь.

Другое послѣдствіе Берлинскаго трактата—занятіе Новобазарскаго санджака—туго еще подвигается впередъ. Гусни-паша и сопровождающій его отрядъ только на дняхъ должны прибыть въ Сераево, откуда они отправятся въ Новобазаръ „для совокупнаго, съ австрійскими комисарами, изслѣдованія положенія дѣлъ на мѣстѣ." Какъ извѣстно, отъ результатовъ этого изслѣдованія будетъ зависѣть рѣшеніе вопроса о занятіи санджака, а также о тѣхъ способахъ, которыми оно должно быть выполнено, согласно съ апрѣльскою конвенціею. Словомъ—австро-венгерское правительство, прежде, чѣмъ спуститься въ рѣку, пробуетъ бродъ. Какъ бы тамъ ни было, но мы вѣримъ въ славянскую звѣзду, мы вѣримъ, что время, когда такъ легко обезпечивались отдѣльныя „семьи" великаго племени—прошло! Проснулось славянское чувство и не подавятъ его никакія оккупаціи!

Недавно мы говорили о „визирскомъ" кризисѣ въ Константинополѣ; кризисъ этотъ, на минуту, по видимому, устраненный тѣмъ, что султанъ, съ одной церемоніи, увезъ Хейреддина-пашу къ себѣ,—всетаки наступилъ и разрѣшился—отставкой Хейреддина.

Генералъ-адъютантъ Лазаревъ, начальникъ Атрекской экспедиціи.

На этотъ разъ визирь уволенъ не по волѣ султана, а по собственному желанію. Дѣло въ томъ, что султанъ, съ паденіемъ Мидхата-паши, почувствовавъ себя свободнымъ отъ вліянія своего перваго министра, вліянія, которымъ онъ чрезвычайно тяготился, — началъ принимать непосредственное участіе въ дѣлахъ и при томъ—не только въ важныхъ, но и въ дѣлахъ и вопросахъ второстепеннаго значенія, издавая нерѣдко распоряженія, совершенно помимо великаго визиря. Не довольствуясь робкими попытками предшествовавшихъ визирей въ отношеніи такаго ненормальнаго положенія вещей, Хейреддинъ-паша предложилъ султану свою програму, въ силу которой власть великаго визиря была значительно расширена. Абдулъ-Гамидъ не согласился и—Хейреддинъ-паша вышелъ въ отставку. На его мѣсто назначенъ Аарифи-паша.

Британцы теперь „совсѣмъ подружились" съ авганцами и ихъ посольство—конечно неутомимый и неизмѣнный маіоръ Каваньяри,—прибыло въ Кабулъ, гдѣ было принято съ большими почестями. Мы когда-то говорили о томъ, что правительство Биконсфильда принялось теперь на востокѣ, по отношенію къ намъ, за „активную политику." Теперь, вотъ что мы читаемъ въ одной остиндской корреспонденціи газеты „Times:" назначеніе маіора С. Джона генеральнымъ консуломъ въ Астрабадѣ произвело въ Остъ-Индіи благопріятное впечатлѣніе, такъ какъ въ этомъ видятъ *признакъ того, что остъ-индское правительство, намѣрено слѣдить за дѣйствіями Россіи на сѣверной границѣ Персіи* и признаетъ значеніе Персіи для тѣхъ дѣйствій, которыя въ будущемъ могутъ быть направлены со стороны Россіи противъ Авганистана." Замѣтимъ здѣсь, кстати, что не всѣ авганцы даже скрываютъ свое неудовольствіе по поводу заключенія мира съ британцами, „политическая честность" которыхъ хорошо извѣстна на Востокѣ. Если вѣрить Бомбейской газетѣ "Times of India"—Якубъ-Ханъ получилъ отъ своего брата, губернатора Гератскаго, Эюбъ-Хана, письмо слѣдующаго содержанія: „Тебѣ не слѣдовало заключать миръ съ британцами, они и тебя низвергнутъ съ престола какъ низвергли отца твоего, Ширъ-Али, когда это найдутъ удобнымъ для себя. Я не стану драться противъ персовъ, которые за многіе годы поступали съ нами честно; во всякомъ случаѣ я буду править Гератомъ не отъ твоего имени."

За то—Сетевайо побѣжденъ! Чельмсфордъ телеграфировалъ, что побѣду онъ одержалъ рѣшительную надъ зулусскими войсками, находившимися подъ начальствомъ самаго короля, потерявшаго 800 ч. убитыми и кромѣ того, еще много и ранеными. Улунди и нѣсколько военныхъ поселеній сожжены. Но—окончена ли война?

Изъ Рима сообщаютъ, что тамъ появились прокламаціи, приглашавшія къ открытому возстанію для учрежденія республики. Произведены аресты. Можно конечно надѣяться, что итальянскій народъ, глубоко уважающій своего короля и привязанный къ нему, только крѣпче сплотится вокругъ него и отвѣтитъ пренебреженіемъ жалкому сброду агитаторовъ.

Библіографія.

Двадцать мѣсяцевъ въ дѣйствующей арміи (1877—1878). В. В. Крестовскаго, 2 тома, съ картами и планами. Спб. 1879 годъ. Это отдѣльное изданіе писемъ извѣстнаго романиста и военнаго писателя изъ дѣйствующей арміи, гдѣ онъ состоялъ при главномъ штабѣ въ качествѣ оффиціальнаго корреспондента. Со многимъ читатели наши знакомы, такъ какъ въ началѣ настоящаго года были помѣщены, съ рисунками Н. Н. Каразина многіе очерки, вошедшіе теперь въ настоящее изданіе (напримѣръ, превосходные очерки „Румынія и Румыны", Систовскіе болгаре", „Дорога крови и смерти", „Плѣнные турки въ русскомъ лагерѣ" и друг.). Блестящее художественное изображеніе, мастерство языка и кромѣ того, обусловливаемая уже самымъ положеніемъ автора, точность, документальность и обиліе свѣдѣній—сдѣлаютъ по всей вѣроятности эту книгу настольною у каждаго интересующагося ходомъ великой войны и такъ какъ неинтересующихся этимъ найдти трудно, то безошибочно можно предсказать (при дешевизнѣ кромѣ того цѣны книги) большой успѣхъ такому изданію.

Фрегатъ „Паллада". И. А. Гончарова, изд. 3-е. съ перемѣнами. Спб. 1879 года.

„Не могу и не умѣю ничего писать иначе какъ образами, картинами, говоритъ нашъ высокоталантливый, симпатичный писатель въ недавно напечатанной своей „Исповѣди". „Я писалъ только то, что видѣлъ близко, зналъ, что любилъ и чувствовалъ".

Правду такаго заявленія можетъ всякій провѣрить, перечитавъ еще разъ эту превосходную и всѣмъ намъ давно и близко знакомую книгу. Болѣе двадцати лѣтъ назадъ наслаждались мы этими тонкими и художественными изображеніями, этими увлекательными описаніями, всѣмъ, что и теперь въ полной свѣжести и неувядаемой прелести передъ читателемъ. Только такая искренность, неизломанность и простота отношенія къ предмету, помимо глубокаго и сильнаго таланта автора — дѣлаютъ то, что пересматриваешь книгу, хорошо знакомую, какъ вчера написанную, съ новымъ, свѣжимъ впечатлѣніемъ, новымъ потому, что и самъ читатель пережилъ съ перваго чтенія этой книги цѣлую жизнь—20 лѣтъ и его настроенія измѣнились. Это классическое произведеніе сдѣлалось въ послѣднее время библіографическою рѣдкостью, что конечно и вызвало новое его изданіе. Трудно придумать лучшее чтеніе, болѣе благородное, художественное и полезное для начинающихъ жизнь, когда книга можетъ быть иногда также вредна, какъ дурное сообщество и примѣры. Кто не помнитъ этихъ превосходныхъ картинъ Японіи, очерковъ посвященныхъ фрегатомъ портовъ, картинъ жизни на фрегатѣ, мѣткихъ и интересныхъ изображеній офицеровъ, команды, японцевъ, наконецъ, прославленнаго авторомъ, русскаго человѣка—матросика Фаддѣева?

Портретъ автора, приложенный къ книгѣ, исполненъ очень удачно; есть еще цѣлая прекрасно написанная глава не бывшая въ прежнихъ изданіяхъ.

Живописная Россія изд. М. О. Вольфа т. 1 вып. 1 и 2 Спб. 1879 г. Новое роскошное изданіе нашего неутомимаго предпринимателя г. Вольфа, изданіе о которомъ давно уже было заявлено, вышло первымъ выпускомъ. Стоитъ назвать имя редактора изданія П. П. Семенова и рядъ именъ извѣстныхъ, какъ С. М. Соловьевъ, Ѳ. И. Буслаевъ, С. Максимовъ, появившихся въ этомъ выпускѣ, чтобы видѣть, что изданіе задумано серьезно и съ самыми лучшими намѣреніями. Нельзя не найти удачною мысль составленія такаго сборника свѣдѣній о Россіи, хотя было бы желательно видѣть болѣе опредѣленный планъ въ такомъ изданіи. Рисунки большею частью исполнены прекрасно (кромѣ нѣкоторыхъ въ текстѣ) и въ отношеніи къ внѣшности книга ничего не оставляетъ желать. Талантливость г. Данченко напр.—какъ бойкаго разсказчика нельзя отрицать (мы не говоримъ уже о С. В. Максимовѣ), но кому понадобятся свѣденія о нашемъ Сѣверѣ, тотъ можетъ быть пожелаетъ обратиться къ болѣе фактическимъ, хотя и не столь бойко написаннымъ источникамъ. Каковъ то будетъ дальнѣйшій планъ изданія, ибо по нѣкоторымъ отдѣламъ авторъ можетъ быть заваленъ матеріаломъ.

Разныя извѣстія.

Новые способы извлеченія изъ воды затонувшихъ судовъ. Нѣкто Диллонъ изобрѣлъ новый способъ извлеченія изъ воды затонувшихъ судовъ. 11-го (23-го) мая онъ производилъ въ Лондонѣ опыты, въ присутствіи герцога Эдинбургскаго, служащихъ при адмиралтействѣ, экспертовъ, присланныхъ различными правительствами и нѣсколькихъ членовъ парламента. Способъ совершенно новый и весьма остроумный. На затонувшее судно набрасывается большихъ размѣровъ колоколъ. Затѣмъ воздухъ выкачивается изъ колокола и онъ поднимается, высасывая съ собой судно. Такимъ образомъ, судно извлекается безъ малѣйшаго къ нему прикосновенія.

Пересылка животныхъ по почтѣ распространяется въ Германіи все болѣе и болѣе. На годъ приходится, напр., не менѣе 40 т. отправленій. Почта не принимаетъ такихъ посылокъ только въ томъ случаѣ, когда онѣ задѣланы не надлежащимъ образомъ. Интересно, что на 20 т. отправленій приходится всего 66 случаевъ побѣговъ или околѣваній препровождаемаго животнаго. Тѣмъ не менѣе, почтовый персоналъ считаетъ аллигаторовъ и леопардовъ крайне неудобными посылками.

Замѣчательная находка.—Въ сибирскомъ отдѣлѣ геогр. общ. получена изъ Якутска добытая изъ вѣчно-мертвыхъ слоевъ земли голова носорога, съ кожей, шерстью и мускулами. Голова эта отрублена отъ цѣлаго животнаго, которое обнажено было обвалившимся берегомъ рѣки. Такъ какъ не было возможности достать все животное, то нашедшій его г. Гороховъ постарался отдѣлить хотя голову животнаго. Когда потомъ, по ходатайству сибирскаго отдѣла, явились для вынутія тѣла, то его уже унесло разливомъ рѣки. А это была бы одна изъ драгоцѣнныхъ находокъ.

Мускатный орѣхъ какъ средство отъ лихорадки.—Г. Максименко рекомендуетъ противъ лихорадки слѣдующее средство: выбрать жирный мускатный орѣхъ (выбрать легко: нужно сдѣлать на поверхности орѣха аколъ иглою и въ скважинѣ покажется масло), воткнуть на вилку, или другое орудіе, и держать на огнѣ, пока огонь будетъ синій, а затѣмъ притушить тряпкой для того, чтобы не дать тлѣть орѣху, иначе онъ будетъ имѣть вкусъ и запахъ гари. Приготовленный такимъ образомъ орѣхъ стереть въ порошокъ и давать больному до начала пароксизма выпить въ рюмкѣ водки, или просто въ рюмкѣ воды.

Средне-азіатская желѣзная дорога. Толки о проведеніи средне-азіатской желѣзной дороги начались уже давно, но до сихъ поръ все дѣло ограничивается лишь предварительными изысканіями. Изысканія эти, какъ сообщаютъ „Туркест. Вѣдомости", будутъ продолжены и въ нынѣшнемъ году. Въ минувшемъ году ученая экспедиція, производящая изысканія, опредѣлила направленіе будущей желѣзной дороги отъ Оренбурга до береговъ Сыръ-Дарьи, именно до станціи Кара-Тугай.

О ловлѣ душъ утопленниковъ въ Абхазіи. (Шелковый мостъ).

Въ журн. „Прир. и Охота“ есть нѣсколько свѣдѣній объ этомъ, весьма интересныхъ.

Ловушка для душъ, употребляемая для сѣверной Абхазіи, представляетъ собой небольшой бурдючекъ изъ цѣльной козьей кожи, очищенной отъ шерсти, шейная дыра задѣлана круглой деревяшкой; подобными же кружечками задѣлываются случайныя дыры. Собираясь ловить душу утопленника, абхазцы кладутъ этотъ бурдючекъ, нѣсколько размоченный водою, возлѣ самой рѣчки на влажномъ мѣстѣ. Открытое отверстіе ковца одной изъ ногъ обращено къ рѣкѣ. Отъ него чрезъ рѣчку протянуты на другой берегъ двѣ шелковыя нити, образующія мостъ, по которому душа могла бы переправиться чрезъ рѣчку.

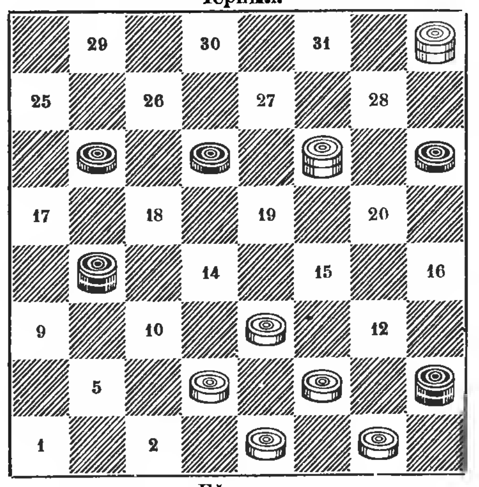
Вокругъ бурдючка на прибрежныхъ голышахъ и пескѣ разстанавливаются кувшинчики и другіе сосуды съ самыми вкусными абхазскими яствами и питьями. Родные, друзья и знакомые утопшаго принимаются за истребленіе тѣхъ и другихъ съ подобающимъ случаю тихимъ весельемъ. Обычай воспрещаетъ малѣйшую печаль, споры или ссоры. Душа приманивается зазывательною пѣснею, подъ звуки абхазской балалайки (со струнами изъ волосъ конскаго хвоста) и свирѣлей. Душа увлекается этимъ тихимъ весельемъ родныхъ и друзей, заслушивается звуковъ зазывательной пѣсни,—направляется по шелковому мосту и попадаетъ чрезъ отверстіе въ ловушку. Бурдючекъ слегка раздулся,—слѣдовательно душа въ ловушкѣ; тогда отверстіе поспѣшно завязываютъ и торжествуя, направляются домой къ мѣсту погребенія души.

Ледяной мостъ черезъ Ніагару. Зимою къ Ніагарскому водопаду привлекало толпу путешественниковъ одно весьма необыкновенное явленіе. Это былъ мостъ, образовавшійся изъ льда и снѣга у подножія водопада и имѣвшій не менѣе одной мили въ длину и 60 футовъ въ ширину. Пѣшеходы могли переходить по этой гигантской аркѣ съ американскаго на канадскій берегъ, подвергаясь только опасности поскользнуться, если они не снабжены заостренными желѣзными палками. Это явленіе произошло отъ скопленія громаднаго количества льда и снѣга, устремившихся въ Ніагару изъ озера Эри, вслѣдствіе зимнихъ бурь, и образовавшихъ плотину, которую потокъ не могъ прорвать. Чтобы расчистить себѣ дорогу, воды поднимали глыбы льда и горы снѣга, образуя надъ собою прочный мостъ, который не обрушился до конца зимы.

Несгораемые овины. Въ числѣ пожарныхъ случаевъ, пожары овиновъ занимаютъ, можно сказать, первое мѣсто. Построить же овинъ, при дороговизнѣ лѣса, для крестьянина дѣло совсѣмъ не маловажное, а потому овинные пожары весьма тяжко отзываются на благосостояніи народа. Для избѣжанія частыхъ овинныхъ пожаровъ, „Архангельскія Губ. Вѣд.“ рекомендуютъ, между прочимъ, способъ дешевыхъ и несгораемыхъ построекъ изъ дерна. Дернъ для построекъ вырѣзывается въ видѣ кирпича, длиною и шириною въ 1 аршинъ и толщиною до аршина. Дерновые кирпичи кладутся также, какъ и обыкновенные. По наложеніи же одного слоя дерна, нужно вбивать, для большей скрѣпы, спицы. Толщина стѣнъ зависитъ болѣе отъ усмотрѣнія, однако же она не должна быть менѣе аршина. Внутри можно штукатурить, или просто обмазывать глиной; снаружи постройки обростаютъ травой.

Шашечная задача № 12.

Черныя.



Бѣлыя.

Бѣлыя начинаютъ и запираютъ черную дамку.

Магическій квадратъ. Задача № 7.

а	а	а	а	а	а
а	а	в	в	п	и
к	к	м	и	о	о
о	о	о	о	р	р
р	р	р	р	р	с
с	т	т	т	т	т

Магическій квадратъ. Задача № 8.

а	а	а	е	и
и	и	к	к	л
л	н	н	о	о
п	р	р	с	с
с	с	с	т	т

Рѣшеніе магическаго квадрата № 6.

о	б	л	и	к
б	л	ю	д	о
л	ю	б	о	в
и	д	о	л	ы
к	о	в	ы	л

Рѣшеніе шашечной задачи № 11.

Бѣлые.	Черные.
Съ № 6 на 11	Съ № 15 на 6
„ „ 10 „ 3	„ „ 17 „ 10
„ „ 3 „ 6	„ „ 10 „ 3
„ „ 4 „ 7	„ „ 3 „ 12
„ „ 8 „ 25	„ „ 23 „ 19
„ „ 25 „ 11	

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы: **Спб.**, отъ гг. Прославина, Леонтьева, Сямакина, Валдаева, Абрикосова, Антонова. Храменкова, Долганова, Курикова, Евреинова, Перминова, Гвининга; **Москва**, отъ гг. Зѣвакина, Зимина, Григорьева, г-жи Могиленсвой, гг. Муравьева, Полонинкина, Ишк—рина, Пелятова, Обухова, Н. Петрова, Цапулина, Крилова; **Царское Село**—Митрофанова, **Кронштадтъ**—Даржана.

Рѣшеніе шахматной задачи № 14.

Бѣлыя.	Черныя.
1) G 8 — H 8	1) H 6 — F 4
2) H 7 — F 6 †	2) H 5 — G 5
3) H 8 — H 5 ††	

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Глушь, А. Ряз—у.

Съ веселой пѣсней *безъ заботы*,
Пойдутъ селяне по домамъ

Какіе беззаботные!

Спб. Ив. Ал—скому.

Какъ мимолетное видѣнье
Передо мной явилась ты и т. д.

Увлекшись, въ свое стихотвореніе вы ввели строфы изъ превосходнаго стихотворенія Пушкина „Я помню чудное мгновенье“.

Воронежъ: Н. И. Пыжевскому; **Москва:** А. Бѣлоногову; **Подольскъ:** А. Молчанову; **Шуя:** П. И. Щапину. Присланныя задачи будутъ помѣщены.

СОДЕРЖАНІЕ: **Академикъ Федоръ Федоровичъ Брандтъ** (съ портр.)—**Подъ чужимъ именемъ** Повѣсть **В. Штрауса** (продолженіе).—**Болгарскіе разсказы Л. Каравелова**. Дѣдушка Либенъ (окончаніе).—**Взятіе Черной башни** (съ рис.) — **На охотѣ** (съ рис.).—**Рискованное предпріятіе** (съ рис.)—**Международная художественная выставка въ Мюнхенѣ** (съ рисункомъ)—**Пожаръ въ Нижнемъ Новгородѣ** (съ рисункомъ) — **Принцъ Жеромъ-Карлъ-Павелъ-Наполеонъ Бонапарте** (съ портр.)—**Генералъ Лазаревъ и Атрекская экспедиція** (съ портр.)—Политическое обозрѣніе.—Библіографія.—Разныя извѣстія.—Шашечная задача. — Магическіе квадраты.—Рѣшеніе магическаго квадрата.—Рѣшеніе шашечной задачи.—Рѣшеніе шахматной задачи.—Почтовый ящикъ.—**О перемѣнѣ адреса**.—Объявленія.

Издатель **А. Ф. Марксъ**. Редакторъ **Ф. Бергъ**.

ХОРОШО СОХРАНИВШІЕСЯ ЗА 1877 г.

полные экземпляры журнала „НИВА“ желаетъ купить редакція журнала „Нива“. Просятъ обращаться въ контору въ С.-Петербургѣ, (Большая Морская, домъ Росмана, № 9).
№ 206 3—2

НОВО! НОВО! НОВО!

Продажа болѣе 500 новѣйшихъ волшебныхъ аппаратовъ для забавы и поученія взрослыхъ и дѣтей. Заказы гг. иногородныхъ исполняются немедленно и добросовѣстно, но не менѣе какъ на 5 рублей. Прейсъ-куранты высылаются безплатно. Литейный проспектъ, № 57, второй домъ отъ Невскаго.

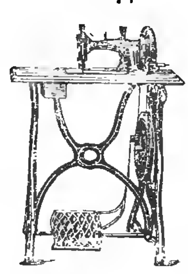
№ 211 1—1 **Германъ Сесіасъ.**

Переведенъ изъ Троицкаго пер: № 13 на

№ 21 ВОЗНЕСЕНСКІЙ ПРОСП. № 21

А. Ф. ШТЕЙНЪ, бывшій Г. ФРЕНКЕЛЬ.

складъ швейныхъ машинъ всѣхъ системъ.



20 разныхъ конструкцій ручныхъ машинъ отъ 12 до 45 руб.

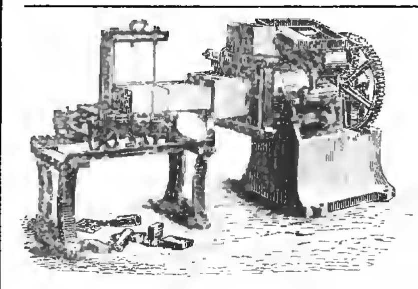
40 разныхъ конструкцій ножныхъ машинъ отъ 40 до 350 руб.

Для семейнаго употребленія, ремесленныхъ и военныхъ мастерскихъ.

Спеціальность машинъ для вязанія, плисе, выметыванія петель, шитья перчатокъ и для шитья варной дратвой.

Письменное ручательство. **Цѣны фабричныя.**

Безплатно: уроки, упаковка, высылка подробнаго иллюстрированнаго **прейсъ-куранта** и подробныхъ работъ въ видѣ обрѣзокъ. № 210 5—1



Ziegelmaschinen

für Dampf-, Pferde- und Handbetrieb zur billigen Herstellung von Mauer-, Façon-, Hohlziegeln, feuerfesten Steinen, Drainröhren, Trottoir-und Flurplatten, Dachziegeln, französ Falzziegeln, Kalk - und Cementsteinen, Kohlenbriquettes, fertigt und versendet Prospecte gratis

LOUIS JÄGER
in Ehrenfeld-Köln.

№ 207 3—2

ВНОВЬ ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ

„СЕЛЬСКІЙ СБОРНИКЪ“

содержащій въ себѣ свѣдѣнія **по опредѣленію дѣтей** въ классическія, военныя и женскія гимназіи, реальныя, земледѣльческія и духовныя училища—съ программами пріемныхъ экзаменовъ, свѣдѣнія для лицъ обоего пола, ищущихъ образованія: объ университетахъ, институтахъ, высшихъ женскихъ курсахъ и пр.; **медицинскія свѣдѣнія**: леченіе болѣзней (до 125) домашними средствами, одобренными врачами; составъ и устройство домашней аптеки. Свѣдѣнія для **сельскихъ учителей**: правила ихъ дѣятельности, программы всѣхъ учительскихъ экзаменовъ; объ учительскихъ институтахъ и семинаріяхъ; каталогъ книгъ, употребляемыхъ въ сельскихъ школахъ. **Законы о духовенствѣ**, его правахъ, обезпеченіи, духовномъ судѣ и о степеняхъ родства. **Судебныя свѣдѣнія**: образцы и формы дѣловыхъ бумагъ, прошеній и пр.; правила, соблюденія которыхъ необходимо при заключеніи договоровъ. Краткія свѣдѣнія по сельскому хозяйству, садоводству, цвѣтоводству и огородничеству. О **ссудосберегательныхъ товариществахъ**: порядокъ ихъ учрежденія, о воинской повинности и другія свѣдѣнія. Цѣна сборнику одинъ рубль, на пересылку 20 к. марками или деньгами; выписывающіе три и болѣе экземпляровъ за пересылку не платятъ. Съ требованіями обращаться въ г. Казань, въ Императорское Экономическое Общество, на имя члена Дмитрія Александровича Соколовскаго.
№ 204 2 2

НОВѢЙШІЯ МОЛОТИЛКИ

ПО СИСТЕМѢ **ВЕЙЛА**,

СЪ ЧИСТИЛЬЩИКОМЪ И БЕЗЪ ОНАГО.

дешевле всѣхъ прежнихъ конструкцій

Одноконныя до 4-хъ конныхъ и ручныя съ новѣйшими значительными улучшеніями, предлагаетъ на нынѣшній сезонъ по **чрезвычайно дешевымъ цѣнамъ** и на самыхъ выгодныхъ условіяхъ платежа.

Доставка франкирована на всякую станцію желѣзныхъ дорогъ. Ищутъ агентовъ. Торговцамъ дѣлаютъ уступки.

Морицъ Вейлъ младш. Машинно-строительный заводчикъ въ Франкфуртѣ-на-Майнѣ.

Первый вводитель штифтовой молотилки.

Moriz Weil jun. Maschin.-Fabrikant Frankfurt a/M, Heiligkreuzg. 12, 14, № 30 16 & 16a Landwirthschafts-Vereinshalle. 10—9

МОЛОЧНАЯ МУКА НЕСТЛЕ

1 РУБ.

ДЛЯ ВСКОРМЛЕНІЯ ГРУДНЫХЪ ДѢТЕЙ

Безъ пересылки

и СГУЩЕННОЕ МОЛОКО НЕСТЛЕ.

75 К.

ГЛАВНОЕ ДЕПО для оптовой и розничной продажи въ С.-Петербургѣ у **АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ** въ зданіи **Воспитательнаго дома по Казанской ул. № 3**, Магазинъ № 7, а также у **Штоль и Шмидтъ**—въ **Спб. Химической Лабораторіи**,—въ **Русскомъ Обществѣ Торговли Аптекарскими Товарами** и во всѣхъ москательныхъ торговляхъ и аптекахъ Россійской имперіи.

Единственный агентъ для всей Россіи *Александръ Венцель*

Имѣю честь довести до свѣдѣнія публики, что я отвѣчаю только за тѣ жестянки, на которыхъ находится СИНІЙ ШТЕМПЕЛЬ и ПОДПИСЬ Александра Венцеля ЕДИНСТВЕННАГО агента моего для всей Россіи.

№ 51 26—10 **ГЕНРИХЪ НЕСТЛЕ въ Веве (Швейцарія).**

ГАЛЬМАНИНЪ.

Послѣ многочисленныхъ опытовъ, мнѣ удалось составить счастливую смѣсь (Гальманинъ), предотвращающую совершенно прѣніе частей тѣла, въ особенности же прѣніе ножныхъ пальцевъ. Въ короткое время средство это сдѣлалось извѣстнымъ во всемъ краѣ. **Въ составъ его входятъ средства совершенно безвредныя; онъ не задерживаетъ потъ, но поглощаетъ его, образуя мелкіе микроскопическіе кристаллы**; эти-то качества и даютъ ему преимущество надъ средствами до сихъ поръ употребляемыми въ Германіи и Франціи.

Гальманинъ своимъ дѣйствіемъ, осушая части тѣла, прѣніе ихъ дѣлаетъ невозможнымъ; по сему лицамъ, принужденнымъ много ходить, средство мною изобрѣтенное можетъ оказать величайшую услугу. Довольно натереть Гальманиномъ разъ въ нѣсколько дней прѣющія части, помощью ваты, полотна или кисточки, чтобъ избѣгнуть тѣхъ непріятныхъ послѣдствій, какимъ бываютъ подвержены лица, принужденныя долго ходить въ лѣтніе, жаркіе дни.

Ручаясь вполнѣ за дѣйствительность изобрѣтеннаго мною Гальманина что подтверждаютъ многочисленные опыты варшавскихъ врачей, **смѣю обратить вниманіе публики, дабы она остерегалась подлоговъ и покупала Гальманинъ только въ коробочкахъ, снабженныхъ моею фирмою.**

СВИДѢТЕЛЬСТВА.

Изобрѣтенный господиномъ владѣльцемъ аптеки, магистромъ фармаціи Карпинскимъ Гальманинъ, отличается преимущественно своимъ совершенно хорошимъ вліяніемъ противъ прѣнія ножныхъ пальцевъ и вполнѣ достигаетъ своей цѣли.

Докторъ *Халубинскій*, б, профессоръ терапевтической клиники въ Варшавѣ

Докторъ *Глищинскій*, б. профессоръ гинекологіи въ Варшавѣ.

Докторъ *Коницъ*.

Симъ удостовѣряю, что въ моей практикѣ очень часто употребляю Гальманинъ (Galmanin) порошокъ, изобрѣтенія г. магистра фармаціи, Викентія Карпинскаго, служащій къ предупрежденію прѣнія между пальцами ногъ, совершенною пользою; поэтому рекомендую его лицамъ, принужденнымъ много ходить, если при этомъ ноги ихъ подвергаются потѣнію.

Профессоръ хирургич. клиники императорскаго варш. универс..
докторъ *Гиршговтъ*.

Склады Гальманина находятся во всѣхъ аптекахъ, а также у дрогистовъ въ значительнѣйшихъ городахъ Европы. Главное депо въ моей аптекѣ въ Варшавѣ. Большая коробочка Гальманина 50 к.; меньшая коробочка 30 к.

В. Карпинскій.

Магистръ фармаціи, владѣл. аптеки въ Варшавѣ,, ул. Електоральная № 25 (новый).

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

„БРАТЬЯ КУЗНЕЦОВЫ“,

на Никольской улицѣ, **въ Москвѣ.**

совершаетъ всѣ банкирскія операціи.

Страхуетъ билеты 1-го и 2-го внутр. съ выигрышами займовъ отъ тиража погашенія.

Продаетъ серебро въ слиткахъ, начиная отъ 10 фунт.
Продаетъ золото въ слиткахъ. № 214 11—1

ПАНСІОНЪ П. П. ГАДЗЯЦКАГО,

учителя гимназіи. Екатерингоф. пр., д. 15, кв. 2 (бель-етажъ). Пріемъ ежедневно.

Пансіонъ приготовляетъ въ гимназіи гражд. и воен., въ реальныя училища, въ Лицей, уч. Правовѣд., Паж. корп., уч. Кавалер., Морск., Коммерч. и др.—При пансіонѣ имѣются: **училище** для приходящихъ учениковъ и **ученическая квартира** для казенныхъ гимназистовъ. № 216 1–1

Вышла изъ печати новая книга:

РУКОВОДСТВО

Волостнымъ и Сельскимъ обществамъ и должностнымъ лицамъ,

заключающее въ себѣ:

а., **Всестороннее изложеніе обязанностей**, какъ сходовъ, такъ и отдѣльно каждаго изъ должностныхъ лицъ по Общему Положенію 19 февраля 1861 г. съ разъясненіями по позднѣйшимъ узаконеніямъ и распоряженіямъ Правительства.

б., **Тринадцать формъ книгъ**, приговоровъ и другихъ документовъ, признаваемыхъ необходимыми по закону въ каждомъ волостномъ Правленіи; при чемъ къ формѣ книги замѣчаніямъ, дѣлаемымъ при ревизіи, изложены самыя замѣчанія,

и в., **Уставъ Сел. Зуд.**, выписки статей изъ уставовъ Врачебн., Гражд. и Уголов. Судопроизв. и другихъ законоположеній по изд. и прод. Св. Зак. 1876 года, непосредственно относящихся до крестьянскаго управленія.

Цѣна книги **три рубля** съ пересылкою.

Желающіе пріобрѣсть книгу могутъ адресоваться непосредственно къ автору и издателю ея Ивану Ивановичу Чулкову—въ Москвѣ, на Арбатѣ, домъ Зернова.
№ 215 1—1

Дозволено цензурою СПБ. 26 Іюля 1879 г.

Тип. … а. Англ. пр. № 10.

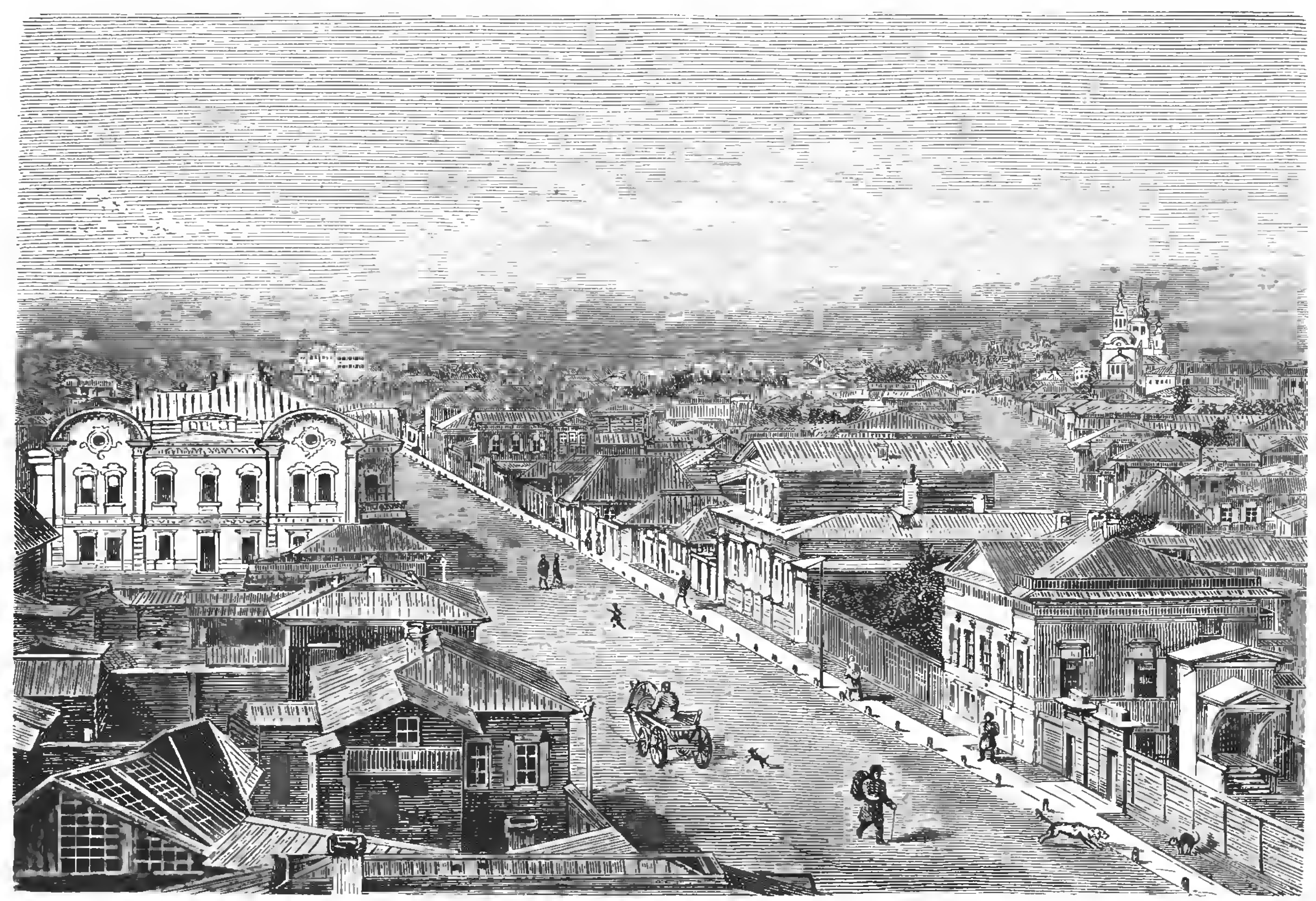
X годъ — годъ X

№ 32 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. 1879

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ «ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ» (отъ 20 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40).

Выданъ 6 Августа 1879 г. Цѣна этого № „Нивы" 20 к. съ перес. 25 к.

При этомъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ" за АВГУСТЪ съ 34 рисунками и отдѣльный листъ съ 25 чертеж. выкроекъ въ натуральн. величин., и съ 48 рис. рукод. работы.



Городъ Иркутскъ до пожара. Часть Большой улицы. Съ фотогр. рис. Грюнеръ, грав. М. Рашевскій.

ВЪ ЭТОМЪ НОМЕРѢ НАХОДИТСЯ 127 РИСУНКОВЪ и ЧЕРТЕЖЕЙ.

Иркутскъ.

Виды Иркутска, помѣщенные въ настоящемъ № (взятые изъ великолѣпнаго альбома фотографій, которымъ мы имѣли случай пользоваться) имѣютъ теперь, такъ сказать, уже историческое значеніе, такъ какъ почти всѣ эти части города стали жертвою пламени. Страшный пожаръ, опустошавшій Иркутскъ 22 и 24 Іюня сего года при, необычайной жарѣ и сильной бурѣ, разрушилъ лучшую, центральную часть города, которымъ гордилась Сибирь и который имѣлъ всѣ задатки къ дальнѣйшему блестящему развитію. Кромѣ того что Иркутскъ служитъ административнымъ центромъ Восточной Сибири а также складочнымъ мѣстомъ казенныхъ заготовленій, въ немъ сосредоточивались оптовые запасы товаровъ и разныхъ потребностей для цѣлаго края, которые, въ продолженіи цѣлаго года, отправлялись длинными вереницами обозовъ по всѣмъ областямъ восточной Сибири. Обозы наполнялись товарами, приходившими съ Нижегородской, Ирбитской и прочихъ ярмарокъ съ одной стороны и транспортами кяхтинскаго чая съ другой. Пожаръ Иркутска, кромѣ страшнаго матерьяльнаго вреда для всего края, можетъ еще вредно повліять и на энергію и предпріимчивость сибирскаго населенія, какъ это было послѣ гибели Енисейска въ 1869 году. когда въ Сибири страхъ овладѣлъ всѣми и торговая жизнь какъ бы замерла на нѣкоторое время. Не вдаваясь въ подробности Иркутскаго пожара и произведеннаго имъ разрушенія, такъ какъ эти подробности извѣстны нашимъ читателямъ изъ газетъ, по корреспонденціямъ и телеграммамъ, мы займемся лишь его прошлымъ, когда онъ такъ быстро развивался и совершенствовался. Иркутскъ лежитъ на правомъ берегу рѣки Ангары, въ мѣстности ровной и плодородной, почти противъ устья рѣки Иркута, давшей названіе городу. Начало Иркутска относится къ 1652 году, когда здѣсь было основано воеводою Иваномъ Пахобовымъ ясачное зимовье, преобразовавшееся въ 1661 году въ острогъ а съ 1669 г. въ укрѣпленіе съ башнями и палисадомъ, причемъ онъ былъ перенесенъ на правый берегъ Ангары, на то мѣсто, гдѣ находится и нынѣ. Укрѣпленіе Иркутска тогда называлось *кремлемъ* и окружено было валомъ и рвомъ. Къ этому же времени относится и событіе, доказавшее, что укрѣпленіе возведено не напрасно, что кромѣ внѣшняго врага еще нужно было опасаться врага внутренняго, который могъ соединиться съ внѣшнимъ. Боярскій сынъ Петрушка Тайшинъ съ нѣсколькими сообщниками затѣяли бунтъ, начали грабить и поспѣшно скрылись съ награбленнымъ добромъ, но иркутскіе казаки настигли ихъ шайку, разбили ее и захвативъ главныхъ зачинщиковъ, казнили своимъ судомъ. Черезъ 27 лѣтъ послѣ этаго событія, а именно въ 1696 году было сдѣлано нападеніе на Иркутскъ Бурятами, но гарнизонъ отбилъ ихъ и съ тѣхъ поръ мирное развитіе города ничѣмъ не нарушалось. Въ настоящее время отъ укрѣпленій остались лишь едва замѣтные слѣды. Въ 1723 году въ Иркутскѣ учредили ратушу; въ 1731 году онъ сдѣланъ провинціальнымъ а въ 1764 году губернскимъ городомъ. Въ немъ же постоянно имѣли резиденцію сначала намѣстники, а потомъ генералъ-губернаторы и онъ всегда считался первымъ городомъ Сибири. Значеніе Иркутска сознавали уже путешественники, по Сибири — Палласъ, Гмелинъ, Георги, Мартосъ. Всѣ они отдавали ему преимущество передъ другими городами и видѣли въ немъ богатые задатки къ дальнѣйшему развитію. Съ лѣваго берега Ангары онъ производилъ самое выгодное впечатлѣніе—общая панорама города очень живописна. Широкой полосой, огибаетъ его Ангара и уходитъ налѣво, тутъ виднѣясь узенькой полоской; изъ-за города сюда же впадаетъ Ушаковка, и городъ отъ того кажется стоящимъ на мысу; сначала вы видите выложенный камнемъ берегъ; далѣе виднѣются церкви, каменные дома, между ними рощи а вдали плоская, невысокая гора. Влѣво, вдалекѣ виднѣется часть Ушаковки съ Знаменскимъ женскимъ монастыремъ; отъ перевоза лѣвѣе—Вознесенскій монастырь, въ которомъ покоятся мощи св. Иннокентія и тутъ же деревня Жилкина.

Вблизи Иркутскъ имѣлъ ординарный видъ обыкновеннаго нашего провинціальнаго города; главная его улица называется *Большою*, снабжена тротуарами, шоссейной мостовой и на ней до пожара красовалось нѣсколько каменныхъ домовъ и сосредоточивались лучшія торговыя заведенія. Это была самая оживленная улица. Другія улицы своими названіями напоминаютъ разныхъ сибирскихъ именитыхъ гражданъ новаго и стараго времени: Сибирякова, Трапезникова, Мыльникова, Саламатова и другихъ. Кромѣ того есть улицы: Лютеранская, Луговая, Амурская, Солдатская, Арсенальная, но всѣ онѣ ничѣмъ особеннымъ не отличаются и были довольно мизерны по постройкамъ. Что же касается до отдаленныхъ улицъ, то онѣ состоятъ изъ низкихъ, вросшихъ въ землю домишекъ и ихъ жителямъ приходится вдыхать цѣлое лѣто болотныя испаренія. Какъ на главной, такъ и на другихъ улицахъ Иркутска тотчасъ же бросается въ глаза немногочисленность вообще каменныхъ построекъ и дѣйствительно въ немъ на 100 домовъ приходится каменныхъ не болѣе трехъ. Напрасно вы будете искать въ Иркутскѣ какіе нибудь остатки древнихъ, замѣчательныхъ построекъ. Древнѣе всего конечно церкви, но и тѣ сооружены не ранѣе конца XVIII вѣка. Вознесевскій монастырь, за Ангарой, построенъ въ 1672 году; Зиминскій въ 1692 году; въ первомъ почиваютъ мощи Иннокентія, а во второмъ прахъ Шелехова—основателя россійско-американской компаніи.

Къ достопримѣчательностямъ города слѣдуетъ отнести еще двое тріумфальныхъ воротъ довольно плохой архитектуры. Стариннѣйшія изъ нихъ стоятъ близь перевоза на Ангарѣ. На нихъ вверху обозначенъ 1811 годъ, но по какому случаю онѣ построены не знаютъ даже городскіе сторожилы. Въ 1819 году въѣхалъ въ Иркутскъ въ ночь на 30 августа М. М. Сперанскій.

Другія ворота воздвигнуты въ честь Н. Н. Муравьева-Амурскаго, по заключеніи имъ Айгунскаго трактата (16 мая 1858 г.). Торговая дѣятельность сосредоточивалась главнымъ образомъ на базарѣ, гдѣ можно было вновь прибывшему человѣку ознакомиться съ мѣстными типами, костюмами, съ мѣстными произведеніями, вкусомъ и нравами. Здѣсь постоянно галдѣла пестрая толпа бурятъ, татаръ и даже китайцевъ, продававшихъ здѣсь свои затѣйные товары. Нечего и говорить, торговля шла здѣсь бойко и оживленно; въ послѣдніе годы въ Иркутскѣ насчитывалось до 32,000 жителей. Чтобы дать понятіе о быстромъ ростѣ и развитіи города, должно сказать, что во времена Гмелина т. е. въ 1735 году въ Иркутскѣ было лишь 939 домовъ, а впослѣдствіи число ихъ доходило до 3,000. Теперь, послѣ постигшаго городъ несчастія, конечно большая часть его построекъ представляетъ собою однѣ обугленныя, печальныя развалины. Впрочемъ бѣднѣйшая часть населенія не пострадала. Пострадала преимущественно средняя часть—у богачей было имущество большею частью застраховано. У одного комерсанта сгорѣло, какъ мы слышали, незастрахованнаго имущества, бумагъ и пропало драгоцѣнностей на сумму болѣе полумилліона.

Подъ чужимъ именемъ.

Повѣсть Р. Штрауса.

(Окончаніе).

VI.

На слѣдующее утро, генеральша уѣхала. При разставаньи, она не скрывала своего недовольнаго вида, но Ирма выдержала лучше. Она была довольно весела, но Бодо удостоился только холоднаго поклона. Баронесса получила письмо отъ Мелиты, въ которомъ молодая графиня извѣщала, что они съ мужемъ отправляются уже въ столицу и, мимоѣздомъ, думаютъ остановиться на нѣсколько дней въ замкѣ. Бодо напрасно искалъ Ренату, ея нигдѣ не было видно. Оказалось, что баронесса послала ее, еще рано утромъ, къ какому то больному въ деревню.

Проводивъ гостей, баронесса вернулась на свою половину, а Бодо пошелъ въ деревню, чтобы встрѣтить Ренату. Сегодня должна была рѣшиться судьба его. Скоро, вдали онъ увидѣлъ пастора, спѣшившаго по направленію къ маленькой деревенской церкви. Онъ понялъ, что тотъ, вѣроятно, тоже хотѣлъ видѣть Ренату. Тѣмъ естественнѣе казалось ему это предположеніе, что пасторъ уже не бывалъ больше по воскресеньямъ въ замкѣ. Онъ вполнѣ объяснялъ себѣ то, что долженъ былъ чувствовать бѣднякъ и спрашивалъ себя какъ бы онъ самъ перенесъ отказъ. Но ему казалось одинаково невозможнымъ и перенести и пережить его.

Дойдя до аллеи дубовъ, онъ пошелъ медленнѣе. Ему хотѣлось дождаться Ренату у стараго дерева, подъ которымъ онъ увидѣлъ ее въ первый разъ. Но вотъ—она сидитъ тамъ на мшистыхъ корняхъ громаднаго дуба.... Увидѣвъ Бодо, молодая дѣвушка встала, ея лицо покрылось густымъ румянцемъ. Она угадывала что онъ будетъ говорить ей.

— Рената, воскликнулъ Бодо, я боролся съ собой,

пытался побѣдить свое сердце, но все это было напрасно, я не могу больше молчать и бороться, я люблю васъ, жизнь безъ васъ—не жизнь для меня!...

Рената была не въ силахъ отвѣчать ему. Сердце было слишкомъ полно, крупныя слезы, одна за другой, полились изъ прекрасныхъ глазъ дѣвушки.

— О, Рената, страстно продолжалъ онъ, взявъ ея руку, моя Рената! я много виноватъ предъ тобой, ты должна простить мнѣ мою рѣзкость, можетъ быть и грубость даже—но я заставлялъ себя не любить тебя... Не можешь любить меня,—такъ скажи! Не твоя вина будетъ, если моя жизнь будетъ безотрадна. Но если ты любишь—хочешь ли быть моей женой?

— Я плачу! прошептала она, плачу отъ счастья...

Тотчасъ послѣ отъѣзда генеральши, пріѣхалъ Гельменъ и, посидѣвъ немного съ баронессой, пошелъ искать Бодо. Ему сказали, что молодаго барона видѣли на дорогѣ изъ парка въ деревню.

Направившись по этому пути, Гельменъ вскорѣ встрѣтился лицомъ къ лицу съ молодыми влюбленными. Умные, опытные глаза старика сразу увидѣли выраженіе какого-то особеннаго счастья, которымы сіяли прекрасныя лица. При видѣ Гельмена они продолжали идти, какъ прежде, рука объ руку; Бодо, съ намѣреніемъ, еще крѣпче прижалъ къ себѣ руку Ренаты.

Съ широко раскрытыми глазами и улыбающимся лицомъ глядѣлъ на нихъ Гельменъ, остановившійся посреди аллеи, пока они подходили къ нему. Это я уже давно предвидѣлъ, предвидѣлъ еще тогда, когда то́, что свершилось теперь, было не болѣе, какъ неизвѣстное будущее, да! Ну, ну я радъ, я отъ всего сердца, отъ всей души радъ. Прекрасная парочка, добавилъ онъ.

— Мы сдѣлались парочкой съ сегодняшняго утра, дорогой другъ. Право никто не можетъ быть счастливѣе меня.

— Дѣти, дѣти! произнесъ растроганнымъ голосомъ добрый Гельменъ, отъ всей души моей желаю вамъ счастія! А, вѣдь тебѣ Бодо, придется еще переговорить съ матерью....

— Ну ужъ тутъ я разсчитываю на васъ, дорогой другъ! воскликнулъ Бодо.

— Пойдемте, пойдемте—обо всемъ этомъ мы поговоримъ дорогой. Ты знаешь, Бодо, насколько я уважаю твою достойную мать. Вамъ Рената, тоже извѣстно это. Мы, обыкновенно, держимся съ нею однихъ и тѣхъ же взглядовъ въ самыхъ важнѣйшихъ случаяхъ жизни и она рѣдко рѣшается на что либо серьезное, не посовѣтовавшись со мной. Однако въ вашемъ дѣлѣ, дѣти, есть одно обстоятельство, очень трудное. Твоя мать, Бодо,—благороднѣйшее, добрѣйшее существо въ мірѣ, но, ты знаешь ея фамильную гордость. Рената, извините, меня, что я откровенно говорю—но, всякимъ препятствіямъ и затрудненіямъ вы должны смотрѣть прямо въ глаза. Собственно о васъ баронесса самаго лучшаго мнѣнія и очень любитъ васъ, но .. но—она не можетъ допустить мысли о томъ, чтобы сынъ ея женился на дѣвушкѣ бюргерскаго сословія.

Рената остановилась на минуту какъ бы подъ вліяніемъ какой-то мысли. Оба спутника взглянули вопросительно на нее, ожидая, что она, можетъ быть, посовѣтуетъ—какъ выдти изъ этого положенія. Нѣтъ, произнесла она послѣ минутнаго раздумья.— Нѣтъ—еслибы я даже была дочерью короля, такъ и тогда я желала бы, чтобы ты, Бодо, и твоя мать любили только меня, чтобы вашею любовью я была обязана только себѣ, а не положенію.

— Это такъ и будетъ. Мать также будетъ побѣждена, какъ побѣжденъ я самъ! сказалъ Бодо.

— Дѣти, не увлекайтесь. Ваша любовь ослѣпляетъ обоихъ васъ. Ты знаешь. Бодо, что не можешь ожидать уступки со стороны матери, но—я требую, чтобы ты сегодня же все открылъ ей. Ты не долженъ скрывать отъ нея ни одного часа, ни одной минуты того, что произошло между тобой и Ренатой. Я требую этого отъ тебя, а не то былъ бы противъ тебя.

Бодо однако, охотно отложилъ бы объясненіе съ матерью, но достаточно было того, что Рената, также какъ Гельменъ, оказалась противъ этого. Ему сначала хотѣлось бы послать впередъ ихъ общаго стараго друга, но онъ вскорѣ понялъ, что надо идти рѣшительно и прямо самому. Гельменъ долженъ былъ быть извѣщенъ объ исходѣ объясненія и, въ случаѣ нужды, явиться на помощь.

Рената ушла къ себѣ, Гельменъ—въ комнаты Бодо, а молодой человѣкъ прошелъ на половину баронессы. Онъ нашелъ ее одну, сидѣвшею въ глубокой задумчивости.

— Матушка, началъ Бодо безъ всякаго вступленія, я пришелъ сказать тебѣ, что готовъ выполнить твое желаніе—готовъ жениться!

Она поднялась съ мѣста, не произнеся ни слова и устремивъ на него пристальный и безпокойный взглядъ.

— Да, продолжалъ онъ, и этотъ выборъ я дѣлаю по любви, съ которой долго боролся, которую хотѣлъ заглушить въ себѣ, но которая, наконецъ, овладѣла мною и я смѣло могу сказать, что мое чувство не мимолетное увлеченіе, а серьезная, глубокая, безпредѣльная привязанность.

— Но.... кто же это? спросила баронесса.

— Матушка, мнѣ нечего расхваливать ее—ты сама высоко ставишь ее...

— Бодо—кто же, кто же это? о комъ же это ты говоришь? воскликнула баронесса, дрожащимъ отъ овладѣвшаго ею волненія, голосомъ.

— Неужели же мнѣ надо называть ее? Развѣ ты не понимаешь, что я говорю о Ренатѣ!

Баронесса страшно поблѣднѣла и безсильно опустилась въ кресло. Она сегодня же оставитъ замокъ, проговорила она, стараясь подавить волненіе и придать твердость голосу.

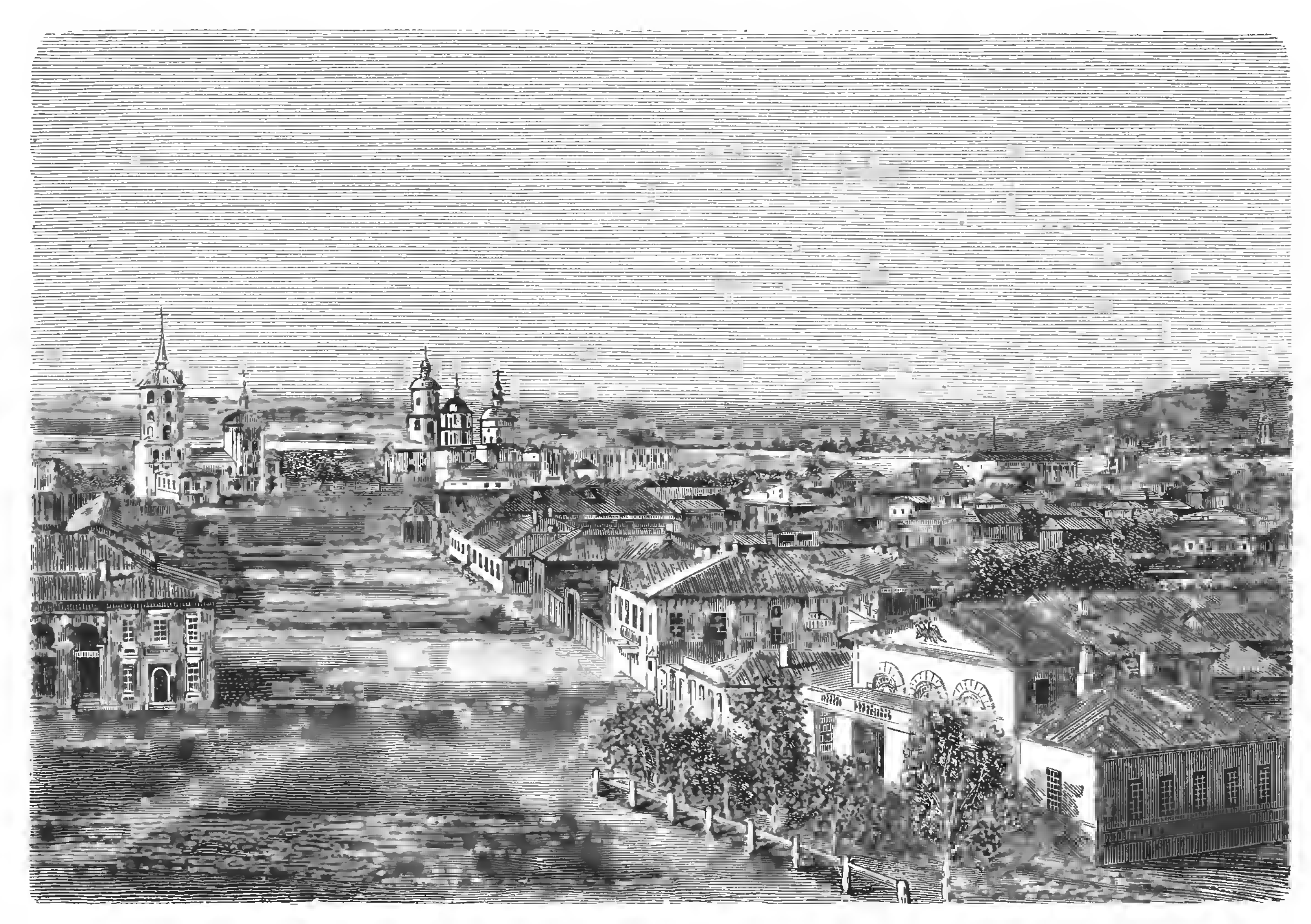
— Милая матушка, возразилъ Бодо, взявъ ея руку въ свою и тоже силясь придать твердость своему голосу, ни ты, ни я не можемъ удалить изъ нашего жилища мою невѣсту.

— Она не должна и не можетъ, не смѣетъ быть твоей невѣстой! Ни одинъ баронъ Радау не вступалъ въ неравный бракъ и я не допущу, чтобы ты былъ первымъ изъ нихъ, который запятналъ наше имя.

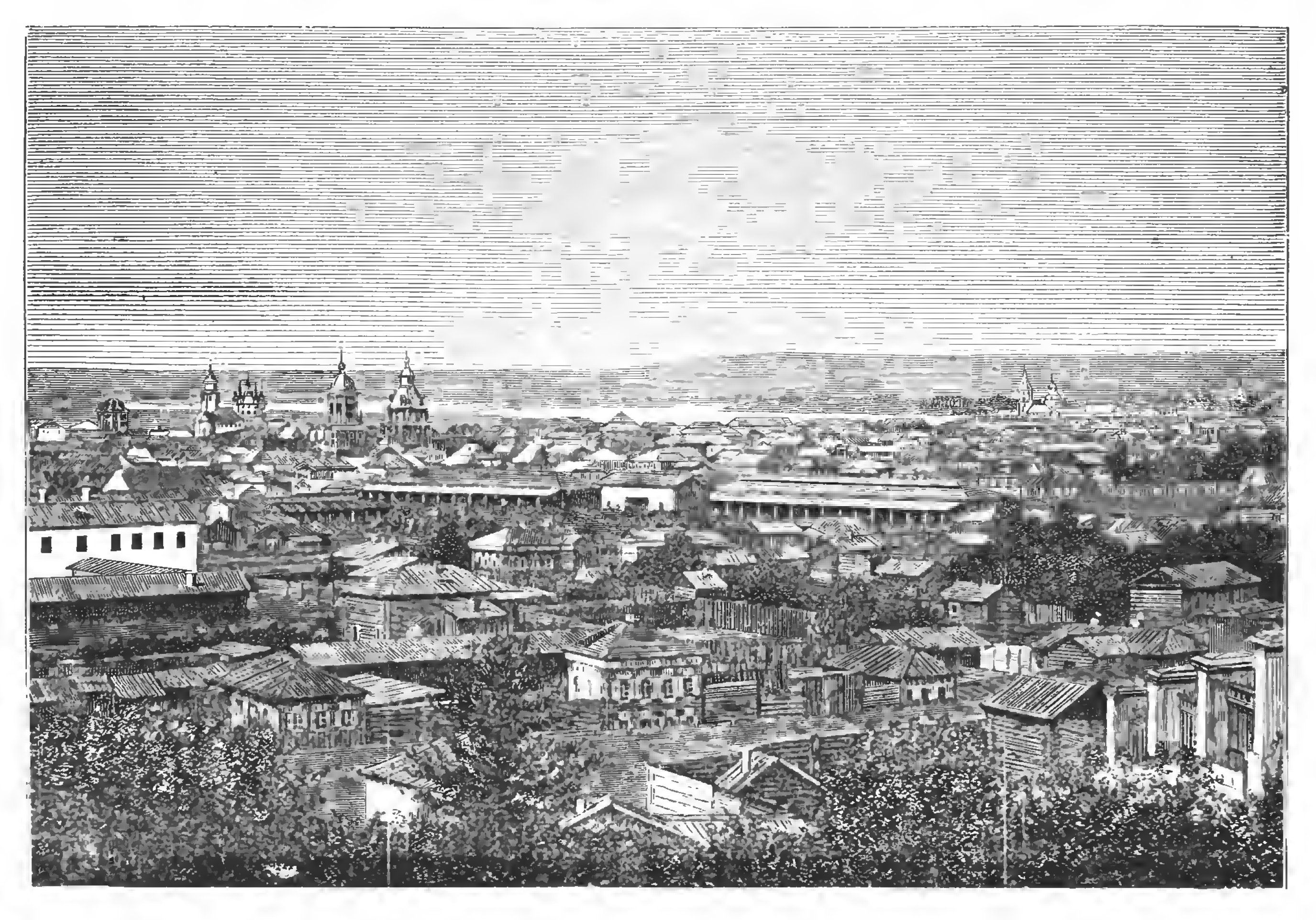
— Нарушеніе даннаго слова было бы худшимъ пятномъ на имени нашемъ. Я взялъ слово у Ренаты и далъ ей свое и къ тому же, она и я соединены на всегда любовью, которая не пройдетъ никогда, соединены на всю жизнь. Неужели же я долженъ былъ бы разбить и ея и свое счастье, только отъ того, что мы не равнаго происхожденія, принести все это въ жертву предразсудку? Или развѣ ты можешь сказать противъ нея что нибудь, кромѣ происхожденія ея? Или находишь, что мое мнѣніе о ней слишкомъ высоко?

— Нѣтъ, я раздѣляю это мнѣніе, потому и не говори мнѣ о предразсудкахъ. Предразсудокъ слѣпъ, а я не говорю, чтобы не признавала Ренату совершенно достойною тебя, если бы только она была равнаго происхожденія съ тобой. Но неужели же ты измѣнишь тому, чему неизмѣнно подчинялись твои предки! Неужели ты не признаешь себя обязаннымъ чтить то, что было свято для всего твоего рода?

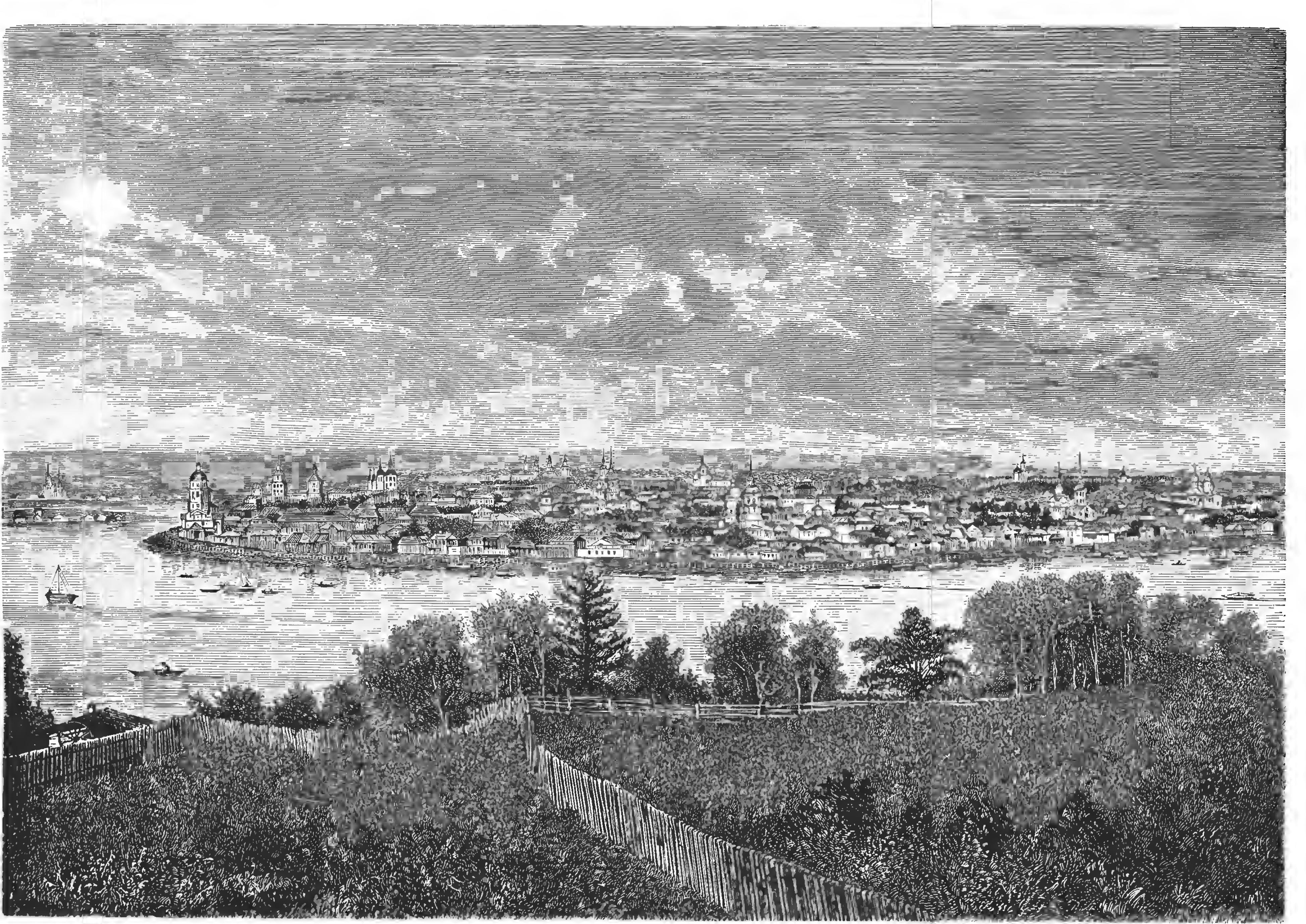
— Нѣтъ, матушка, эту обязанность я признаю за собой и никогда не измѣню ей, напротивъ — она всегда руководила и будетъ руководить мною въ жизни. Но я думаю, что ты не такъ понимаешь требованія нашей фамильной гордости при выборѣ жены. Для насъ выше всего должно быть нравственное благородство дѣвушки, которая должна носить наше имя. А развѣ Рената не такая дѣвушка? Ты сама же, вѣдь, знаешь ее. И конеч-



До пожара въ Иркутскѣ. Часть Тихвинской площади. Съ фотогр. рис. Грюнеръ, грав. М. Рашевскій.



До пожара въ Иркутскѣ. Видъ города съ Знаменскаго предмѣстья. Съ фотогр. рис. Грюнеръ, грав Е. Шмидтъ.



Общій видъ города Иркутска до пожара. Съ фотогр. рис. Грюнеръ, грав. М. Рашевскій.

но, происхожденіе ей ничего не прибавило бы. Наконецъ, не жена составляетъ положеніе мужа, а мужъ даетъ ей и имя, и положеніе. Матушка! безъ Ренаты нѣтъ жизни для меня, я это чувствую.

Баронесса закрыла лицо руками и ничего не отвѣчала.

— Матушка, я пришелъ не для того, чтобы спорить съ тобой, а пришелъ просить твоего благословенія на этотъ бракъ. Отказъ твой причинилъ бы мнѣ глубокое горе, но не могъ бы заставить меня перемѣнить рѣшеніе. Еслибы еще дѣло шло только обо мнѣ одномъ—я бы, изъ любви къ тебѣ, пожертвовалъ своимъ счастіемъ, но—счастіе этой благородной дѣвушки, которая любитъ меня и которая ввѣрила мнѣ всю жизнь, всю будущность свою, я не могу принести въ жертву даже тебѣ!

— Довольно, довольно—слабымъ голосомъ проговорила баронесса, отнимая отъ лица руки, — оставь теперь меня одну. Видя, что онъ не двигается съ мѣста, она встала и прошла мимо него въ другую комнату, дверь которой тотчасъ же заперла.

Бодо, въ сильномъ волненіи, поспѣшилъ къ Гельмену, которому повторилъ свой разговоръ съ матерью.

— Бодо, Бодо, сказалъ онъ, ты я вижу, задѣлъ въ этомъ объясненіи нѣкоторыя вещи, которыхъ трогать не слѣдовало, не взирая на всю правоту дѣла твоего. Посмотрю, что можно будетъ сдѣлать. Подожди меня здѣсь.

Онъ поднялся и пошелъ на половину баронессы, но почти тотчасъ же возвратился, съ извѣстіемъ, что она заперлась у себя, никого сегодня не желаетъ видѣть и не выйдетъ къ обѣду. Гельменъ посовѣтывалъ Бодо уѣхать до другаго дня въ одно изъ имѣній. Что касается Ренаты, то предъ нею надо смягчить послѣдствія сегодняшняго объясненія, а самъ Гельменъ останется на своемъ посту до поздняго вечера и завтра рано утромъ пріѣдетъ опять. Лишь бы завтра ему увидѣться только съ баронессой и онъ убѣжденъ, что силою своихъ доводовъ съумѣетъ склонить ее къ согласію.

Неохотно оставилъ Бодо любимую дѣвушку, но онъ самъ чувствовалъ, что ему надо уединиться, сосредоточиться, чтобы быть готовымъ къ предстоящему новому объясненію съ матерью.

Нѣсколько минутъ спустя, Бодо уже не было въ замкѣ, а Гельменъ сидѣлъ уже у Ренаты, стараясь успокоить ее. Къ удивленію своему, онъ нашелъ дѣвушку довольною и счастливою.

— Бодо, конечно, имѣлъ свои основанія уѣхать на время, сказала Рената. Я его хорошо знаю – вы теперь понимаете, я думаю, съ какимъ интересомъ я изучала его. Мое довѣріе къ нему безгранично. Я вполнѣ понимаю, что баронесса (не могу вамъ выразить—какъ я люблю ее и уважаю) поражена намѣреніемъ Бодо жениться на мнѣ. У меня, можетъ быть, есть средство, которое побѣдило бы теперь же сопротивленіе ея, но я желаю, чтобы она безъ этого средства назвала меня своею дочерью?

— Не могу ли я узнать, въ чемъ оно состоитъ? спросилъ съ любопытствомъ Гельменъ, можетъ быть ваша фамилія отказалась отъ дворянскаго званія, принадлежавшаго ей прежде?

— Она никогда на это права не имѣла, быстро отвѣтила Рената.

— Да, впрочемъ, этого и не могло быть, замѣтилъ Гельменъ, я не знаю ни одной старинной дворянской фамиліи съ именемъ Беккеръ.

Едва замѣтная улыбка скользнула по лицу Ренаты.

— Я вамъ скажу, добрый другъ, откровенно, что если бы не мое нервное состояніе въ эту минуту и не чувствуй я себя такою счастливою, такъ я была бы поосторожнѣе, Но, скажите сами, какъ я могу, въ *такой* день для меня, быть совершенно холодной и разсудительной? Такъ не спрашивайте больше меня и не заставляйте стыдиться самой себя за то, что вашей благородной дружбѣ плачу недовѣріемъ. Забудьте о томъ, что сейчасъ было сказано и постарайтесь примирить баронессу съ неожиданнымъ намѣреніемъ сына ея. А я заставлю себя казаться спокойною, впрочемъ, не только „казаться", но и быть спокойною.

Говорить, пока, больше было не о чемъ. Они встали и взявъ съ собой маленькую Мэри, спустились внизъ въ столовую.

А Бодо, между тѣмъ, уже скакалъ по горамъ и доламъ. Онъ не вынесъ никакой горечи изъ объясненія своего съ матерью. Напротивъ, онъ ощущалъ въ себѣ какую-то бодрость, приливъ новыхъ силъ и былъ готовъ защищать противъ цѣлаго свѣта то, что считалъ своимъ неоцѣненнымъ сокровищемъ. Предъ нимъ все ярче и ярче рисовалась картина предстоящаго счастія. То, о чемъ онъ прежде только мечталъ—принадлежало теперь ему.

Онъ не могъ оставаться долго въ имѣніи, гдѣ провелъ ночь въ нетерпѣніи; лихорадочное ожиданіе неудержимо влекло его назадъ и около полудня онъ уже скакалъ по дорогѣ въ Зооръ.

Сегодня, однако, онъ ѣхалъ не во вчерашнемъ бодромъ настроеніи; чѣмъ ближе подвигался онъ къ замку, тѣмъ болѣе безпокоила его мысль о противодѣйствіи матери. Хотя онъ твердо рѣшился не уступать ей, но, ему грустно было думать о той розни, которая непремѣнно отдалила бы ихъ другъ отъ друга. Дорогой Бодо проѣхалъ мимо кареты, которая, какъ ему показалось, ѣхала изъ монастыря. Онъ очень боялся, чтобы то не была канонисса. Ея посѣщеніе было бы теперь совершенно не кстати. Но взглянувъ внутрь экипажа, молодой человѣкъ увидѣлъ два лица, совсѣмъ незнакомыхъ ему. На дворѣ замка онъ нашелъ другой дорожный экипажъ, который распрягали. Слуга передалъ ему, что пріѣхали графъ и графиня Армфельсъ и что они, въ настоящую минуту, переодѣваются, съ дороги, въ своихъ комнатахъ. Баронесса же заперлась съ Гельменомъ и не велѣла никого принимать къ ней.

Пріѣздъ сестры и ея мужа, на этотъ разъ, былъ очень непріятенъ Бодо. Онъ тотчасъ же поспѣшилъ наверхъ, къ Ренатѣ, но у дверей его встрѣтила Мэри.

— Къ Ренатѣ нельзя, сказала дѣвочка; она одѣвается къ обѣду.

Бодо поднялъ ребенка и поцѣловалъ его. Поди къ Ренатѣ, поцѣлуй ее и скажи, что я кланяюсь.

Бодо только что успѣлъ перемѣнить свой охотничій костюмъ, какъ въ комнату его вошелъ Гельменъ. Глаза добраго старика были еще полны слезъ.

— Она согласилась, произнесъ онъ взволнованнымъ голосомъ, и ты возвратился какъ разъ кстати.

Бодо, безъ словъ, сжалъ друга въ своихъ объятіяхъ.

— Ну я тебѣ скажу — не легкая была задача, продолжалъ Гельменъ. Я, просто, не въ силахъ былъ видѣть въ этой благородной женщинѣ, борьбу фамильной гордости, съ которой она родилась и выросла, съ ея материнскимъ чувствомъ. Если только, Бодо, ты не будешь ей за это благодаренъ во всю жизнь твою—я тебя также буду глубоко ненавидѣть, какъ безконечно люблю теперь. Но хорошо, хорошо, довольно ужь. Твоя сестра съ мужемъ пріѣхали, такъ ужь ты самъ возвѣсти имъ о женитьбѣ.

— Конечно, и сейчасъ же, отвѣчалъ Бодо, гдѣ они?

— Оба отправились къ твоей матери. Но послушай, будь посдержаннѣе съ Мелитой.

— Постараюсь, постараюсь; это будетъ, впрочемъ, зависѣть отъ нея самой, возразилъ онъ и, еще разъ обнявъ Гельмена, поспѣшилъ къ Ренатѣ, чтобы сообщить ей счастливую вѣсть. Онъ непремѣнно началъ бы съ того, что пошелъ бы благодарить свою мать, но теперь, въ присутствіи сестры, это казалось ему невозможнымъ. Онъ боялся Мелиты не за себя, но его смущала мысль о томъ какъ она встрѣтитъ Ренату въ первую минуту послѣ объявленія о ея помолвкѣ съ нимъ.

На лѣстницѣ Бодо встрѣтилъ какихъ-то незнакомыхъ ему даму и господина. Ихъ провожалъ одинъ изъ слугъ, который, при видѣ молодаго человѣка, объявилъ посѣтителямъ, что это „г. баронъ“.

— Извините, баронъ, произнесла дама, выступивъ впередъ и сдѣлавъ глубокій поклонъ, по всѣмъ правиламъ прежняго салоннаго этикета, — извините, что мы появились такъ неожиданно въ вашемъ замкѣ. Мой мужъ — фонъ-Кронингъ. Мы ѣздили въ монастырь, гдѣ надо было получить небольшое наслѣдство послѣ покойной канониссы фонъ-Вестербринкъ. Вы, вѣроятно, знали ее. Наслѣдство она оставила намъ маленькое, да все таки и это не мѣшаетъ. Уважаемая канонисса фонъ-Гогенфельдъ дала намъ монастырскій экипажъ и мы рѣшились воспользоваться имъ, чтобы заѣхать къ вамъ—повидать m-lle Беккеръ, въ которой принимаемъ большое участіе.

—Да, сердечное, большое участіе, г. баронъ, вставилъ фонъ-Кронингъ.

Жена фонъ-Кронингъ толкнула мужа своимъ костлявымъ локтемъ, давая ему понять неумѣстность его разговоровъ тутъ вообще.

— Мы, впрочемъ, не желаемъ стѣснять здѣсь никого и переговоримъ съ Ренатой совершенно наединѣ.

— Теперь это невозможно, возразилъ Бодо, но вы не стѣсняете никого. Прошу васъ пройдти къ моей матери, вы скоро увидите Ренату, и отдавъ приказаніе лакею, онъ поспѣшилъ на верхъ къ своей невѣстѣ.

Молодая дѣвушка была одна и ждала его. Горячо обнявъ и поцѣловавъ ее, онъ сообщилъ, въ нѣсколькихъ словахъ, о согласіи матери. „А теперь пойдемъ внизъ, я представлю тебя, какъ мою дорогую невѣсту. Ты знаешь Мелиту, но я надѣюсь, что она удержитъ свой языкъ при постороннихъ: матушка не одна—я нарочно послалъ туда Кронинговъ, которые пріѣхали, чтобы повидаться съ тобой.

— Кронинги! воскликнула Рената съ удивленіемъ, какъ они сюда попали?

Бодо передалъ ей вкратцѣ разговоръ его съ новопріѣзжими.

— Идемъ, я готова!

Въ гостиной баронессы маленькое общество разбилось на группы. Мелита, приписавшая слезы матери— радости по поводу ея пріѣзда, съ живостью передавала ей о подробностяхъ путешествія, причемъ графъ, отъ времени до времени, поправлялъ ее; въ сторонѣ тетка Ренаты разсказывала Гельмену о наслѣдствѣ, полученномъ ею въ монастырѣ, о своихъ хозяйственныхъ талантахъ, о дорого стоющемъ воспитаніи сыновей, о многихъ другихъ предметахъ, чрезвычайно радуясь, что нашла такого терпѣливаго слушателя и не замѣчая, что этотъ „внимательный слушатель“ занятъ совершенно другимъ и ничего не понимаетъ изъ ея многословныхъ разсказовъ. Не смотря, однако, на все это, и Мелита съ мужемъ, и Кронингъ чувствовали, что тутъ не все въ порядкѣ, чего-то, будто не достаетъ и должно произойдти что то неожиданное.

Велико, все же, было общее удивленіе, когда въ отворившіяся настежь двери вошелъ Бодо подъ руку съ Ренатой и громко произнесъ: „Поздравьте насъ— представляю вамъ мою дорогую невѣсту“.

На минуту воцарилось молчаніе. Оно было прервано Мелитой.

— Я надѣюсь, произнесла она высокомѣрнымъ тономъ, что это не болѣе какъ глупая шутка.

— Я не понимаю, отчего ты видишь здѣсь какую нибудь шутку. При томъ же, подумай прежде, чѣмъ говорить—мы не одни, возразилъ Бодо.

Его глаза сверкали, голосъ дрожалъ.

— Здѣсь, кромѣ одной m-lle Беккеръ — всѣ люди, принадлежащіе къ хорошимъ фамиліямъ. Я не ожидала, что ты запятнаешь нашъ домъ женитьбой на дѣвушкѣ такого происхожденія и...

Такое начало смутило всѣхъ присутствующихъ. Баронесса бросила строгій взглядъ на Мелиту; графъ началъ уговаривать ее успокоиться. Бодо продолжалъ:

— Я вижу теперь, что напрасно разсчитывалъ на твое благоразуміе и сдержанность, хотя и зналъ напередъ, что ты не сумѣешь понять Ренату.

— Я съ самаго начала дала этой госпожѣ понять разницу между нами и ужъ никакъ не могло мнѣ придти въ голову, что ты сдѣлаешь такую глупость. Такъ то ты понимаешь свои обязанности къ своей фамиліи, твоей матери, твоей сестрѣ! Если ты женишься на ней, если матушка это допуститъ, то я совершенно отъ васъ всѣхъ отстраняюсь и ничего общаго съ вами не буду имѣть.

Гордо и спокойно выслушала эти слова Рената. Сердце ея, однако сжалось, когда она увидѣла, что баронесса поблѣднѣла и задрожала. Тетка Кронингъ, у которой удивленіе и неожиданность сцены отняли способность говорить, успѣла придти въ себя и теперь, выпрямившись во весь ростъ, произнесла рѣзкимъ тономъ: „Позвольте, графиня, прошу васъ принять увѣреніе въ уваженіи, которое питаю къ фамиліи Армфельсовъ, хотя еще нѣтъ и столѣтія, что они сдѣлались графами и хотя мы всѣ знаемъ какъ они попали въ графы. Но всѣмъ не менѣе хорошо извѣстно, что Равенсберги нисколько не хуже по происхожденію, чѣмъ Радау и Армфельсы. Я, конечно, должна сознаться, что мой родной братъ раззорился и лишился своихъ старинныхъ родовыхъ помѣстій. А если его единственная дочь, не желая жить на счетъ своихъ родственниковъ, взяла мѣсто компаньонки почтенной дамы—то это даетъ ей, по моему, право на общее уваженіе, не меньшее, чѣмъ то уваженіе, какое заслуживаетъ дѣвушка, выходящая за графа и пользующаяся всѣми благами жизни. Да если, къ тому еще, эта компаньонка, уважая своихъ предковъ и родственниковъ, перемѣняетъ громкое дворянское имя на скромное бюргерское, то это тѣмъ болѣе можетъ быть ей поставлено въ похвалу. Да, графиня, вы, по происхожденію своему, нисколько не выше дочери моего брата, Ренаты фонъ-Равенсбергъ.

— Да, да—это все такъ, это все вѣрно, проговорилъ фонъ-Кронингъ, когда запыхавшаяся отъ волненія жена окончила свою рѣчь,—Господь да благословитъ тебя, моя добрая Рената!

— Но кто же насъ можетъ увѣрить, что все это не комедія? спросилъ графъ.

— Я могу успокоить ваше сіятельство въ этомъ, сказалъ Гельменъ,—такъ какъ у меня хватаетъ разсудка, чтобы понять, что подобная комедія была бы совершенно излишнею, послѣ того, какъ мой уважаемый другъ, баронесса, дала свое согласіе на бракъ Бодо съ Ренатой.

— Рената! дорогая! воскликнулъ Бодо—клянусь тебѣ, что все это нисколько не можетъ увеличить моей любви къ тебѣ. Я слишкомъ люблю!...

Неожиданное открытіе хотя и обрадовало баронессу, но прибавило новое къ тѣмъ волненіямъ, которыя она испытывала въ теченіе двухъ дней; она почувствовала легкую дурноту и обезсиленная, откинулась на спинку своего кресла. Рената бросилась и опустилась около нея на колѣна, испуганный Бодо подбѣжалъ тоже, но минута слабости скоро прошла.

— Ничего, ничего, не безпокойтесь, произнесла она, взявъ руки Ренаты въ свои. Но Рената, милая моя дочь, отчего ты не сказала намъ всего еще вчера, или сегодня—ты избавила бы меня отъ столькихъ мученій.

Слезы брызнули горячимъ потокомъ изъ глазъ дѣвушки „я не достойна такой матери,“ могла она только проговорить сквозь рыданія.

Баронесса подняла Ренату и, среди торжественной тишины, благословила молодыхъ людей.

Вѣрный разсчетъ.

Разсказъ.

Съ трудомъ прорѣзалъ волны рѣки Параны небольшой пароходъ „Тортепа“, поддерживавшій сообщеніе между главнымъ городомъ Аргентинской республики и торговыми пунктами, лежащими вверхъ по рѣкѣ, Розаріо, Санта-Фе, Корріентомъ и т. д.

Часы пробили семь. Прошли ровно сутки со времени отплытія парохода изъ Буэносъ-Айреса. Солнце садилось за лѣсомъ, темнѣвшимъ на правомъ берегу рѣки—легкій вѣтерокъ пробѣгалъ по ровнымъ водамъ Параны, которыя были такъ прозрачны, что виднѣлись вѣтви затонувшихъ на днѣ деревьевъ. Деревья эти образовали въ водѣ цѣлый хаосъ вѣтвей и сучьевъ, неправильное движеніе и трепетаніе которыхъ показывало быстроту теченія.

Однообразная, но грандіозная картина представлялась взору. Виднѣвшiеся вдали лѣса не отличались однако свѣжестью и сочностью зелени нашихъ лѣсовъ. Массы этихъ дѣвственныхъ суровыхъ лѣсовъ, тянулись непрерывною линіею по обоимъ берегамъ рѣки, нерѣдко оставляя небольшія лощины, въ

До пожара въ Иркутскѣ. Городская Дума и Мѣщанскіе ряды на Тихвинской площади. Съ фотогр. рис. Грюнеръ, грав. Э. Шмидтъ.

которыхъ мирно пріютились бѣдныя „ранхо“ *). а за ними виднѣлись необъятныя пространства пампасовъ. По временамъ привѣтливая „эстанція“ **) со своими невысокими бѣлыми постройками и свѣтлозелеными лугами, нарушала наводящую тоску однобразную полосу лѣса.

Такая „эстанція“ показалась на холмикѣ праваго берега рѣки, тотчасъ по миновании пароходомъ устья Аройо-Рамальо. На самомъ берегу мелькалъ огонекъ и развѣвался флагъ—знакъ, что есть пассажиры. Пароходъ остановился. Со свистомъ вырвавшійся паръ на время скрылъ подъѣхавшаго къ пароходу молодаго человѣка, одѣтаго въ пеструю куртку и широкій сомбреро. Перекинулись нѣсколькими словами и затѣмъ пароходъ продолжалъ свой путь. Сумерки сгущались, воздухъ становился холоднѣе и многіе пассажиры предпочли удалиться въ каюту.

Однимъ изъ послѣднихъ ушелъ съ палубы высокій молодой человѣкъ съ черными глазами и такими-же небольшими усами. Это былъ донъ-Рамонъ Геррера, ѣхавшій изъ Буэносъ-Айреса, гдѣ его отецъ владѣлъ большими бойнями въ Санта-Фе, для уплаты долга за недавно купленную эстанцію. Съ нимъ было болѣе

*) Хижина изъ тростника и глины.

**) Хозяйственная постройка для скота.

30,000 пезосъ (60,000 р.) въ портфелѣ, который онъ держалъ въ боковомъ карманѣ.

Донъ-Рамонъ, какъ большая часть его соплеменниковъ, былъ отваженъ и уменъ, но къ сожалѣнію немного хвастливъ и легкомысленъ. Послѣднія качества онъ не замедлилъ обнаружить по приходѣ въ каюту.

— Стевартъ! закричалъ онъ громко, принеси-ка мнѣ пару сигаръ, но только лучшихъ, какія у тебя есть.

— Сейчасъ, сеноръ, отвѣтилъ Стевартъ съ глубокимъ поклономъ, торопливо вынимая изъ ящика нѣсколько сигаръ, обернутыхъ въ олово и подавая ихъ пассажиру на серебряномъ блюдѣ.

Этотъ наполнилъ ими свой портъ-сигаръ и спросилъ потомъ:

— Стоятъ?

— Четыре рэала каждая. Три пезосъ, синьоръ.

Донъ Рамонъ вынулъ кошелекъ, но увидѣвъ, что его расходныя деньги истрачены, взялъ портфель изъ боковаго кармана.

— Можешь ты мнѣ размѣнять этотъ билетъ въ тысячу пезосъ, сказалъ онъ небрежно, вынимая бумагу изъ портфеля и бросая ее на столъ.

— Нѣтъ, сеноръ, но если вы позволите, то я пойду къ капитану, не размѣняетъ ли онъ.

— Хорошо, пожалуй, согласился донъ-Рамонъ.

Стевартъ ушелъ.

Всякій другой, вѣроятно мѣнялъ бы такія большія деньги не такъ открыто. Донъ-Рамонъ, напротивъ, хотѣлъ показать, что при немъ было еще много цѣнныхъ бумагъ. Онъ началъ что-то искать въ портфелѣ, вынималъ оттуда одну связку банковыхъ билетовъ за другою и бросалъ ихъ на столъ.

Многіе изъ ѣдущихъ были заняты на другомъ концѣ стола карточной игрою или наблюденіемъ за играющими и не обращали особеннаго вниманія на молодаго человѣка.

Только пассажиръ въ пестрой курткѣ, недавно прибывшій на пароходъ, прохаживался по каютѣ и поглядывалъ на Донъ Рамона.

Послѣ того, какъ портфель былъ приведенъ опять въ порядокъ, появился Стевартъ съ деньгами, которыя онъ старательно пересчиталъ передъ донъ-Рамономъ. Молодой, легкомысленный человѣкъ, не взглянувъ даже на деньги, спряталъ ихъ

Бывшая Императрица французовъ, Евгенія. По рисунку Е. Морена, грав. Е. Шмидтъ.

вмѣстѣ съ остальными въ портфель, который обратно положилъ въ боковой карманъ. Затѣмъ онъ ушелъ въ курительную комнату, бросился на одинъ изъ бархатныхъ красныхъ дивановъ, закурилъ дорогую сигару и погрузился въ чтеніе передовой статьи газеты „Эль-Комерсіо", одного изъ главныхъ изданій Буэносъ-Айреса.

Однообразный шумъ парохода, удобный диванъ, крѣпкая сигара или же передовая статья были причиною, что вѣки молодаго человѣка отяжелѣли, сигара и газета выпали изъ рукъ, и самъ онъ сладко и крѣпко уснулъ, о чемъ свидѣтельствовало правильное всхрапываніе.

Во снѣ ему казалось, что кто-то надъ нимъ наклоняется Но вскорѣ тяжелое и непріязненное чувство смѣнилось болѣе веселыми видѣніями, гдѣ не малое мѣсто занимала прекрасная Инеса, его невѣста въ Буэносъ-Айресѣ.

Точно также сквозь сонъ чувствовалъ онъ, что пароходъ какъ будто раза два останавливался въ пути, но молодой человѣкъ продолжалъ спать.

Неизвѣстно сколько времени онъ проспалъ бы, если бы не раздался сильный стукъ отъ тяжелаго предмета, упавшаго на палубѣ и заставившаго его проснуться. Въ первую минуту онъ не могъ сообразить, гдѣ онъ находится, но шумъ колесъ парохода вскорѣ привелъ его въ сознаніе; онъ всталъ, взглянулъ на часы. Оказалось, что было уже одиннадцать.

Тогда онъ вышелъ изъ каюты. Справа и слѣва раздавалось храпѣніе уснувшихъ пассажировъ, а потому донъ Рамонъ, возможно тише пробираясь къ своей каютѣ подъ № 11. Вошедши онъ машинально схватился за карманъ. Величайшій ужасъ овладѣлъ имъ: онъ не нашелъ въ карманѣ портфеля. Еще разъ онъ осмотрѣлъ карманъ, уже тщательнѣе, но напрасно. Карманъ былъ пустъ. Съ поспѣшностью донъ Рамонъ сталъ обыскивать другіе карманы, но также безуспѣшно. Тогда онъ возвратился въ курительный кабинетъ, думая, что плоскій кожаный портфель выскользнулъ у него во время сна.

Поиски во всѣхъ углахъ кабинета не привели ни къ чему: исчезнувшихъ денегъ нигдѣ не оказывалось.

Беспомощный, въ отчаяніи, донъ Рамонъ не зналъ что дѣлать. Разнообразныя мысли толпились въ его головѣ и все же онъ не могъ сообразить, какимъ образомъ могли пропасть деньги. Однако инстинктивно онъ чувствовалъ, что не слѣдуетъ терять времени, а потому поспѣшилъ пойти къ капитану, предполагая, что тотъ навѣрное укажетъ что предпринять.

Выходя изъ кабинета онъ встрѣтилъ Стеварта, который отправлялся спать. Торопливо разсказалъ ему донъ-Рамонъ о случившемся и просилъ свести его къ капитану. Стевартъ согласился, замѣтивъ, что въ каютѣ капитана еще есть огонь и вѣроятно онъ, по обыкновенію, сидитъ со штурманомъ за стаканомъ пунша.

На лицѣ американца капитана выразилось удивленіе, когда онъ увидѣлъ поздняго посѣтителя.

— Въ чемъ дѣло? спросилъ онъ Стеварта, не замѣчая вошедшаго донъ Рамона.

Стевартъ молча указалъ не молодаго человѣка.

— О сеньоръ, проговорилъ тотъ жалобно, умоляю васъ, помогите мнѣ. Меня обокрали, безсовѣстно обокрали! Болѣе тридцати тысячъ пезосъ вынули у меня изъ кармана во время сна!

Съ испугомъ и удивленіемъ смотрѣлъ капитанъ, то на смертельно блѣднаго донъ Рамона, то на штурмана. Затѣмъ онъ сказалъ:

— Разскажите подробнѣе, когда у васъ были еще деньги въ карманѣ?

— Около восьми часовъ, когда я мѣнялъ билетъ у васъ, черезъ Стеварта.

— Что же вы потомъ дѣлали?

— Я ушелъ въ курительную, тамъ къ несчастію уснулъ а когда проснулся, денегъ не оказалось.

— Кромѣ васъ никого не было въ каютѣ?

— Я не замѣтилъ.

— Но я, вмѣшался въ разговоръ Стевартъ, я видѣлъ, какъ пассажиръ въ пестрой курткѣ входилъ въ кабинетъ около девяти часовъ.

— Въ пестрой курткѣ! Чортъ возьми! воскликнулъ капитанъ и сдѣлалъ видъ, что понялъ.

— Вы надѣетесь, что можно отыскать деньги? О, скажите! умолялъ донъ Рамонъ, который замѣтилъ перемѣну въ лицѣ капитана.

— Надежды у меня нѣтъ никакой, но теперь я увѣренъ, что деньги дѣйствительно взяты этимъ человѣкомъ.

Глаза донъ-Рамона засверкали.

— Такъ надо арестовать его.

Капитанъ, заложивъ за щеку порцію табаку, проговорилъ.

— Да это было бы хорошо, если бы онъ къ сожалѣнію не сошелъ съ парохода въ Санъ-Николо.

— О Боже, что теперь дѣлать.

— Нѣтъ сомнѣнія, деньги у него, продолжалъ капитанъ, вотъ почему онъ вышелъ на первой же станціи, хотя взялъ билетъ до Коріента. Мнѣ же сказалъ, что ему нужно вернуться, такъ какъ онъ позабылъ что-то весьма важное.

— Прошу васъ, капитанъ, высадите меня на берегъ, можетъ быть мнѣ удастся его догнать.

— На берегъ?! Смѣшно! сказалъ капитанъ и при этомъ съ необыкновенною ловкостью выплюнулъ свою жвачку табаку въ окошко, подъ носомъ перепуганнаго Стеварта. Вамъ не пройти и ста шаговъ по этой трясинѣ, откажитесь отъ этой мысли, она вамъ можетъ стоить жизни.

— Но нужно же мнѣ вернуть свои деньги, помогите капитанъ, обѣщаю вамъ за это одну, двѣ, три тысячи пезосъ!

Глаза капитана нѣсколько разгорѣлись. Весьма заманчивой показалась ему такая сумма; онъ сталъ придумывать способы, но ничего не могъ себѣ представить исполнимаго.

— Стевартъ, проговорилъ до сихъ поръ молчавшій штурманъ, тебѣ не къ чему здѣсь терять времени, ложись спать.

Стевартъ взглянулъ на капитана и когда тотъ утвердительно кивнулъ головою, ушелъ.

— Говорите ли вы по англійски? спросилъ старый штурманъ у донъ Рамона.

— Ни слова, сеньоръ, отвѣчалъ этотъ.

— Садитесь, мы переговоримъ съ капитаномъ, что можно сдѣлать. Это займетъ не много времени.

Донъ Рамонъ, предполагая что тому пришла счастливая мысль, охотно повиновался и съ нетерпѣніемъ ожидалъ окончанія разговора.

— Ну, Томпсонъ! сказалъ капитанъ, котораго также поразило таинственное поведеніе штурмана, что случилось, зачѣмъ вы удалили Стеварта и приняли такой таинственный видъ? Не нашли ли вы средство получить три тысячи пезосъ?

— Конечно, хладнокровно отвѣчалъ старикъ.

— Чортъ возьми! вскричалъ удивленный капитанъ, это невозможно!

Томпсонъ лукаво засмѣялся.

— Сейчасъ я вамъ разъясню, капитанъ. Но раньше вы должны мнѣ обѣщать половину того, что дастъ этотъ юноша.

Капитанъ отвѣтилъ не сразу. Онъ пристально посмотрѣлъ въ глаза старику, точно желая отгадать его мысли. Но такъ какъ ему не приходило въ голову ничего подходящаго, то онъ отвѣтилъ:

— Хорошо, я согласенъ. Вотъ моя рука.

Томпсонъ пожалъ протянутую руку и началъ.

— Видите ли, капитанъ, дѣло просто. Молодецъ навѣрное еще въ Санъ-Николо, гдѣ онъ вышелъ. Эта маленькая станція почти не имѣетъ сообщенія съ материкомъ, и сообщеніе становится еще труднѣе ночью. Пѣшкомъ, конечно, онъ не отважится идти по болоту. Ему еще кромѣ того грозитъ опасность отъ разбойничьихъ шаекъ.

— Это такъ, согласился капитанъ, и я не сомнѣваюсь, что онъ еще тамъ, но не могу понять...

— Поймете, перебилъ его старикъ, дайте кончить. Вы знаете, что черезъ полъ часа мы должны встрѣтиться съ стамеромъ, который идетъ къ Буэносъ-Айресу.

— Совершенно вѣрно, съ „Либертадомъ" капитана Гринвуда, проговорилъ капитанъ, которому казалось, что онъ что-то угадалъ. Вы предполагаете разсказать о случившемся и поручить ему...

— Ничего я не предполагаю, перебилъ нетерпѣливо штурманъ, если вы будете мнѣ постоянно мѣшать, то изъ всей исторіи ничего не выйдетъ. Нечего терять времени. Слушайте, какъ я разсчитываю это сдѣлать. Воръ вѣроятно уже разузналъ, что въ Санъ-Николо приходитъ раньше полуночи пароходъ, на которомъ онъ не преминетъ отправиться въ Буэносъ-Айресъ, гдѣ найдетъ тысячу способовъ укрыться и спрятать деньги. Развѣ вы этого не думаете?

— Конечно, но все же не понимаю.

— Чѣмъ же я виноватъ, что у васъ не хватаетъ мозгу, шутливо сказалъ старикъ. Не сердитесь, капитанъ, но кажется давно можно бы догадаться на что я мѣчу. Мы сами примемъ на себя роль „Либертада", вернемся на нашемъ пароходѣ въ Санъ-Николо, нашъ молодецъ сочтетъ насъ за ожидаемый пароходъ и отправится вмѣстѣ съ нами внизъ по рѣкѣ.

— Клянусь Плутономъ! радостно ударилъ кулакомъ по столу капитанъ, счастливая мысль Томпсонъ. Вы чертовскій парень! Распорядитесь повернуть пароходъ, но осторожно, большою дугою, чтобы пассажиры ничего не замѣтили.

— Прежде всего переговорите съ сеноромъ и заручитесь его разрѣшеніемъ удержать обѣщанную сумму изъ полученныхъ денегъ. Я буду свидѣтелемъ. Но не говорите ему ничего о нашемъ планѣ и кромѣ того, уговорите его оставаться въ своей каютѣ, чтобы своимъ появленіемъ онъ не испортилъ дѣла.

Донъ Рамонъ съ радостью принялъ предложенныя ему условія и ушелъ въ свою каюту, обѣщая не выходить изъ нея до тѣхъ поръ, пока его не позовутъ.

Капитанъ со штурманомъ отправились на палубу распорядиться.

Въ немногихъ словахъ объяснилъ Томпсонъ своему удивленному помощнику въ чемъ дѣло, самъ сталъ на руль и съ возможною осторожностью началъ поворачивать пароходъ. Два другихъ его товарища занялись замѣною краснаго фонаря на передней мачтѣ—зеленымъ. Затѣмъ подошли къ Томпсону, который повернулъ уже пароходъ и пустилъ его съ удвоенной скоростію.

— Ну вотъ и прекрасно все сошло, произнесъ штурманъ,

еще разъ внимательно вглядываясь назадъ въ темное пространство, было бы однако не совсѣмъ хорошо, если бы „Либертадъ“ пошелъ за нами по пятамъ. Теперь намъ нечего его бояться, ха, ха, ха, ха!.. А что если кто нибудь изъ пассажировъ замѣтилъ нашу продѣлку?

— Трудно замѣтить, отвѣтилъ смѣясь капитанъ. Вы сдѣлали удивительно ловко. Къ счастію у насъ оказался такой же зеленый фонарь какъ и у „Либертада“.

— И вѣдь все стеамеры общества пароходства по Паранѣ, другъ на друга похожи какъ двѣ капли воды, прибавилъ Томпсонъ, смѣясь.

— Однако около Санъ-Николо мы должны быть очень осторожны, не подплывать очень близко, чтобы береговые фонари не освѣтили надписи на пароходѣ, замѣтилъ помощникъ штурмана.

— Не безпокойся, Билли, сказалъ капитанъ, машинистъ предупрежденъ. Смотри только, чтобы все обошлось благополучно, когда нашъ воръ взойдетъ на пароходъ.

— Вѣрно, проговорилъ Билли, не оплошаю.

Пока они переговаривались въ полъ-голоса, пароходъ съ необыкновенною быстротою плылъ по рѣкѣ. Кругомъ царило величавое безмолвіе наступившей ночи. Звѣздное небо тысячами огней отражалось въ зеркальной поверхности водъ.

Вдругъ въ отдаленіи показались одна, двѣ, три свѣтлыя точки.

— Вотъ и Санъ-Николо, сказалъ Томпсонъ, черезъ десять минутъ все кончится.

— Удачно-ли кончится, отвѣтилъ капитанъ, право, теперь я сожалѣю, что поддался на такое рискованное дѣло... если общество узнаетъ...

— Пустяки, проговорилъ смѣясь штурманъ, я убѣжденъ, что наша дичь попадется непремѣнно въ сѣти, а потомъ мы наверстаемъ потерянное время — подбросимъ нѣсколько боченковъ смолы въ огонь. Ступайте теперь къ своему посту, капитанъ, и наблюдайте, чтобы машинистъ во время остановилъ пароходъ. Затѣмъ, какъ услышите мой свистокъ, пускайтесь обратно. Вотъ удивится проклятый мошенникъ, какъ увидитъ, что мы плывемъ назадъ.

— Сейчасъ иду, но только ради Бога, будьте осторожны, смотрите чтобы ничего не приключилось непріятнаго, слышите-ли, Томпсонъ, *ничего непріятнаго*, а главное не прибѣгайте ни къ револьверу, ни къ ножу, иначе...

Капитанъ не окончилъ начатой фразы, и ушелъ отдать приказаніе машинисту. Томпсонъ повидимому не обратилъ особеннаго вниманія на угрозу капитана и сказалъ Билли—своему помощнику:

— А пусть его старикъ болтаетъ. Я, Жакъ Томпсонъ, говорю тебѣ, что мы должны поймать молодчика живымъ или мертвымъ и получить денежки. Однако ножъ свой ты держи на готовѣ, я знаю хорошо, что въ такихъ дѣлахъ гуманность неумѣстна. Знай, что если ты обдѣлаешь дѣло ловко, то на твою долю перепадетъ малая толика.

— Попался бы только, а я уже его не выпущу, отвѣчалъ Билли.

Въ это время пароходъ почти совсѣмъ приблизился къ Санъ-Николо и по данному свистку остановился.

— Смотрите, вотъ онъ уже плыветъ сюда, прошепталъ Билли своему начальнику, указывая на небольшую лодку, отдѣлившуюся отъ берега и направлявшуюся къ пароходу.

— Я, по крайней мѣрѣ, замѣчаю пеструю куртку, отвѣчалъ старикъ, право истинное счастіе, что такъ темно какъ въ аду.

Лодка тѣмъ временемъ подплыла къ пароходу. Сидящій въ ней пассажиръ расплатился съ лодочникомъ и поднялся на бортъ, гдѣ его встрѣтилъ помощникъ штурмана.

— Не вы ли кассиръ? спросилъ прибывшій.

— Да сеньоръ, отвѣтилъ Билли, куда вамъ нуженъ билетъ?

— Въ Буэносъ-Айресъ, первую каюту.

— Хорошо,—сойдемте со мной внизъ.

Съ этими словами Билли началъ спускаться въ каюту; за нимъ слѣдовалъ ничего не подозрѣвающій человѣкъ въ курткѣ. Какъ только они спустились, Томпсонъ поспѣшилъ къ караульному матросу.

— Шарлей, помнишь, что я тебѣ сказалъ. Ступай къ рулю, мы будемъ поворачивать. Живѣе!

Матросъ ушелъ.

Затѣмъ Томпсонъ подалъ условленный свистокъ. Накопившійся паръ съ шумомъ вырвался изъ открытыхъ клапановъ, колеса задвигались и пароходъ пошелъ, ускоряя ходъ съ каждой минутой.

Тогда Томпсонъ отправился въ каюту, чтобы помочь, въ случаѣ надобности, Билли. Попавшійся пассажиръ ничего еще не примѣтилъ и спокойно разговаривалъ съ Билли, спрашивая о времени прибытія парохода въ Буэносъ-Айресъ. Съ неописаннымъ восторгомъ прислушивался Томпсонъ къ разговору. Онъ сталъ у входа, ожидая прибытія капитана, и тогда уже хотѣлъ вывести мошенника изъ его пріятнаго заблужденія.

Но еще прежде прихода капитана пассажиръ уже заподозрилъ, что пароходъ идетъ не въ ту сторону. Онъ подбѣжалъ къ окошку, чтобы удостовѣриться въ справедливости своего предположенія. Въ первую минуту онъ не зналъ что подумать, но нечистая совѣсть подсказала ему, что грозитъ опасность.

— Что это такое? закричалъ онъ въ испугѣ, подступая къ Билли. Пароходъ идетъ вверхъ по теченію, зачѣмъ мы плывемъ назадъ.

— Это *я* вамъ объясню, сеньоръ, отвѣтилъ вмѣсто Билли старикъ, подходя къ пассажиру, мы вовсе не ѣдемъ назадъ, но продолжаемъ путь къ Корріенту. Для васъ это и кстати, потому что, если я не ошибаюсь, вы сегодня вечеромъ брали билетъ именно туда. Имѣю честь доложить вамъ, что вы опять попали на „Портену“.

Смертельной блѣдностью покрылось лицо мошенника. Онъ въ страхѣ подался назадъ. Билли, увидѣвъ что настало время дѣйствовать, быстро сталъ около своего начальника.

— Какъ? Это пароходъ „Портева“? вскричалъ тотъ, задыхаясь. Невозможно! Онъ ушелъ отсюда нѣсколько часовъ назадъ.

— И опять вернулся, дружокъ, проговорилъ добродушно старикъ, наблюдая съ видимымъ удовольствіемъ, какъ тотъ озирался въ каютѣ. Я вижу по вашему лицу, что вы узнаете эти мѣста. Хорошенькій курительный кабинетъ, не правда ли, сеньоръ? На этомъ самомъ мѣстѣ недавно украли у одного господина болѣе тридцати тысячъ пезосъ; вотъ мы и повернули пароходъ, чтобы поймать вора. Подлая тварь, воображая, что ѣдетъ въ Буэносъ-Айресъ, попалась къ намъ въ руки. Не думаете ли вы, сеньоръ, что это штука не лишенная остроумія?

Пассажиръ не отвѣчалъ. Онъ заложилъ правую руку подъ распитую куртку и дико глядѣлъ на стоящихъ передъ нимъ. Бѣшенство выражалось въ его взглядѣ.

— Берегись, Билли! закричалъ старикъ, нагибаясь какъ разъ во время, такъ какъ въ туже минуту раздался выстрѣлъ. Незнакомецъ видя, что промахнулся, бросилъ револьверъ и съ такою силою ударилъ Билли, что тотъ растянулся на полу. Въ это время старикъ штурманъ схватилъ преступника за горло, но онъ вырвался изъ рукъ, однимъ прыжкомъ очутился у выхода на лѣстницу, собираясь выбраться на палубу и соскочить въ рѣку.

Но было уже поздно. На верху лѣстницы онъ наткнулся на капитана, который, зная съ кѣмъ имѣетъ дѣло, крѣпко схватилъ его. Началась отчаянная борьба. Капитанъ былъ очень силенъ и пользуясь преимуществомъ своего положенія, такъ какъ онъ стоялъ на верху лѣстницы, онъ налегъ всею тяжестью на убѣгающаго и оба полетѣли внизъ по ступенькамъ. Томпсонъ и Билли, которые старались поймать незнакомца сзади, были тоже увлечены паденіемъ и такъ какъ никто изъ нихъ не хотѣлъ выпустить его, то всѣ вмѣстѣ съ шумомъ вкатились въ каюту.

Перепуганные пассажиры, проснувшіеся и сбѣжавшіеся на шумъ, съ удивленіемъ смотрѣли на неожиданное зрѣлище. Донъ-Рамонъ давно уже прислушивался къ развязкѣ дѣла изъ своей каюты, прибѣжалъ на мѣсто дѣйствія, заперъ дверь кабинета и помогъ связать негодяя.

Двѣ минуты спустя мошенникъ лежалъ уже на диванѣ, связанный по рукамъ и по ногамъ.

Затѣмъ капитанъ вынулъ у него изъ кармана портфель и пригласилъ въ свою каюту штурмана и донъ Рамона. Тамъ онъ отдалъ владѣльцу деньги и получилъ обѣщанныя три тысячи.

Билли, который въ это время сторожилъ пойманнаго, получилъ отъ капитана и Томпсона по пятидесяти пезосъ, въ особенности за то, что носъ его чувствительно пострадалъ при паденіи.

Затѣмъ капитанъ съ Томпсономъ отправились въ машинное отдѣленіе и вскорѣ туча искръ, показавшаяся изъ трубы дала знать, что они стараются наверстать потерянное время. Нѣсколько боченковъ съ смолой не мало этому способствовали. Котелъ былъ новый. Но скопленіе паровъ было такъ сильно, что поминутно приходилось открывать клапанъ.

— Ладно, Томпсонъ! сказалъ капитанъ, протягивая руку штурману, я теперь заваливь спать, а когда мы придемъ въ Розаріо, прикажите разбудить меня, я сдамъ тамъ нашу птичку кому слѣдуетъ.

— Будетъ сдѣлано, капитанъ, отвѣчалъ Томпсонъ, передвигая языкомъ жвачку табаку изъ-за правой щеки въ лѣвую, если мы только не взлетимъ на воздухъ, прибавилъ онъ весело.

— Ну не стоитъ думать объ этомъ, отвѣчалъ смѣясь капитанъ, было бы досадно, если бы это случилось послѣ такого удачнаго вечера. Право, Томпсонъ, я доволенъ.

— Еще бы, чортъ возьми, вѣдь не всякій день можно заработать полторы тысячи пезосъ. Не находите ли нужнымъ поблагодарить меня, капитанъ?

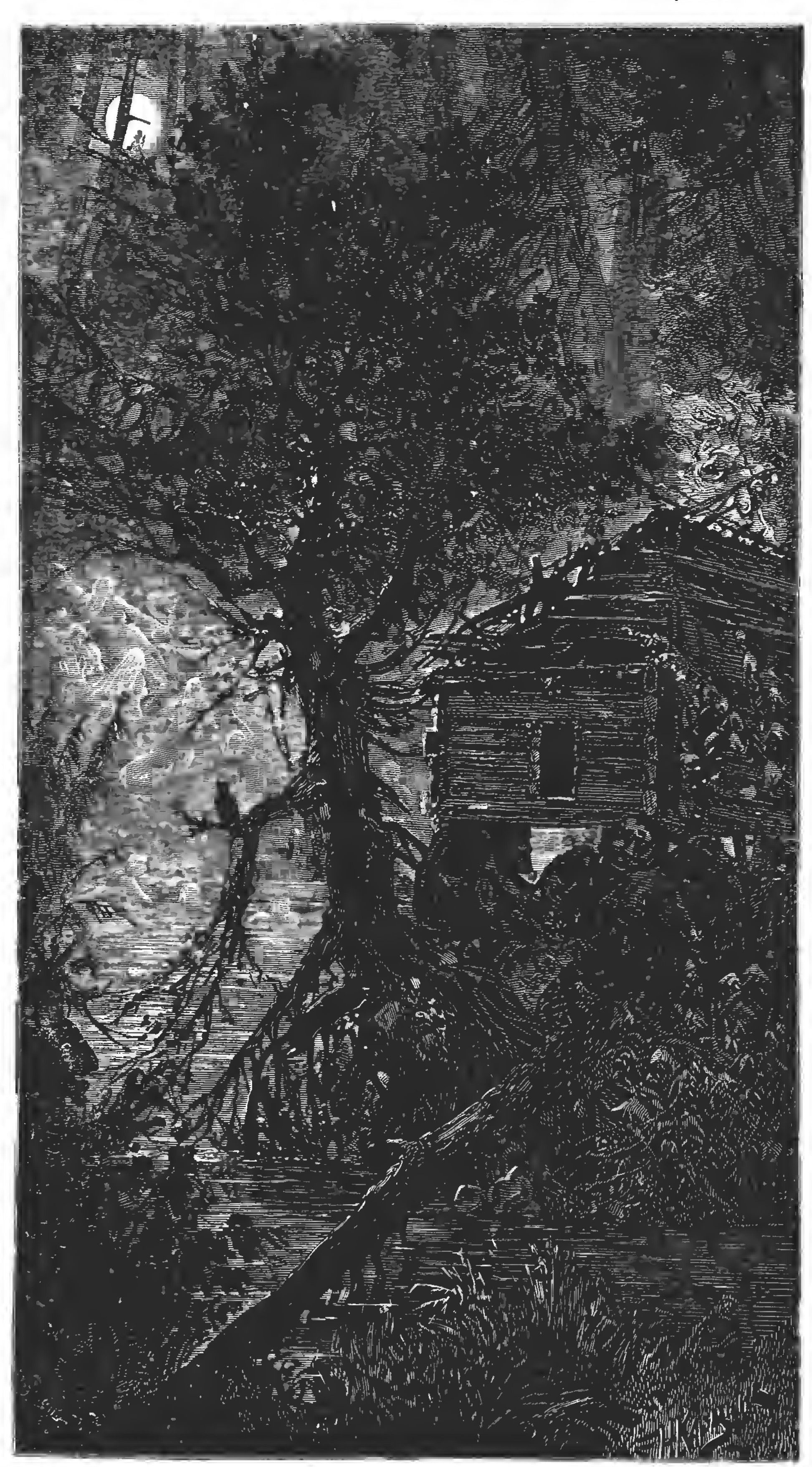
— Конечно да, старая штука. Мы выпьемъ съ тобою еще по стаканчику на сонъ грядущій. Пойдемъ. А ты, Томписъ, обратился онъ къ машинисту, не топи очень, мы не долго будемъ стоять въ Розаріо. Было бы непріятно взлетѣть на воздухъ и падая обратно, попасть прямо въ объятія чертовой бабушки. Покойной ночи!

Затѣмъ онъ увлекъ старика съ собою. Не смотря на шумъ работающей машины, люди еще долго слышали смѣхъ капитана и слова:

— Право Томпсонъ, вы чертовскій парень! Клянусь Плутономъ, это былъ вѣрный разсчетъ! О, очень вѣрный разсчетъ!

Ночью въ лѣсу.

Стихотвореніе К. К. Случевскаго.



Ночью въ лѣсу. Ориг. рисун. Н. Каразина, грав. Е. Шмидтъ.

Въ старый лѣсъ вошелъ я свѣтлой ночью;
Каждый листъ луною озаренъ,
И осыпанъ неподвижнымъ свѣтомъ,
Старый лѣсъ какъ будто-бы зажженъ.
Вижу я въ изгибахъ безобразныхъ,
Своды сучьевъ гнутся до корней,
И блестятъ, покрыты пестрымъ мохомъ,
Груды камней и подгнившихъ пней.

* * *

Ночь роскошная! въ таинственномъ покоѣ,
Ты прекраснѣй сѣвернаго дня...
Вижу я что кто-то темный, темный,
По деревьямъ мчится на меня,
Тихо обнялъ и ушелъ въ деревья...
Это туча, въ небѣ проходя,
Черной тѣнью пронеслась по лѣсу
За другою тучею слѣдя.

* * *

Вонъ колдунъ и великанъ косматый,
Свѣсивъ харю старую свою,
Повалилъ и душитъ подъ собою,
Бѣдныхъ карликовъ безмолвную семью...
Нѣтъ! неправда! нѣтъ тамъ великана:
Это хата сторожа стоитъ,
Съ грузной крышей, на большихъ каменьяхъ,
Въ ней лѣсникъ должно быть крѣпко спитъ...

* * *

Вонъ вдали, надъ озеромъ собрался
Рой русалокъ свѣтлыхъ и нагихъ;
Сколько лицъ мелькаетъ мнѣ знакомыхъ,
Сколько лицъ давно ужъ не живыхъ!
Между нихъ есть очень молодыя,
Есть постарше—матери дѣтей...
Хоть-бы та, что грудь даетъ ребенку,
Грудь сіяющую прелестью своей!

* * *

И она глядитъ мнѣ прямо въ очи.
Взоръ знакомый—какъ позеленѣлъ!
Свѣтъ воды мнѣ въ сердце затекаетъ...
Какъ-бы я уйти, бѣжать хотѣлъ!
Пустяки! русалокъ нѣтъ на свѣтѣ...
Что-жъ что вспомнилась утопленница мнѣ?
Что-жъ что я видалъ ее когда-то,
Какъ гуляла съ кѣмъ-то при лунѣ?

* * *

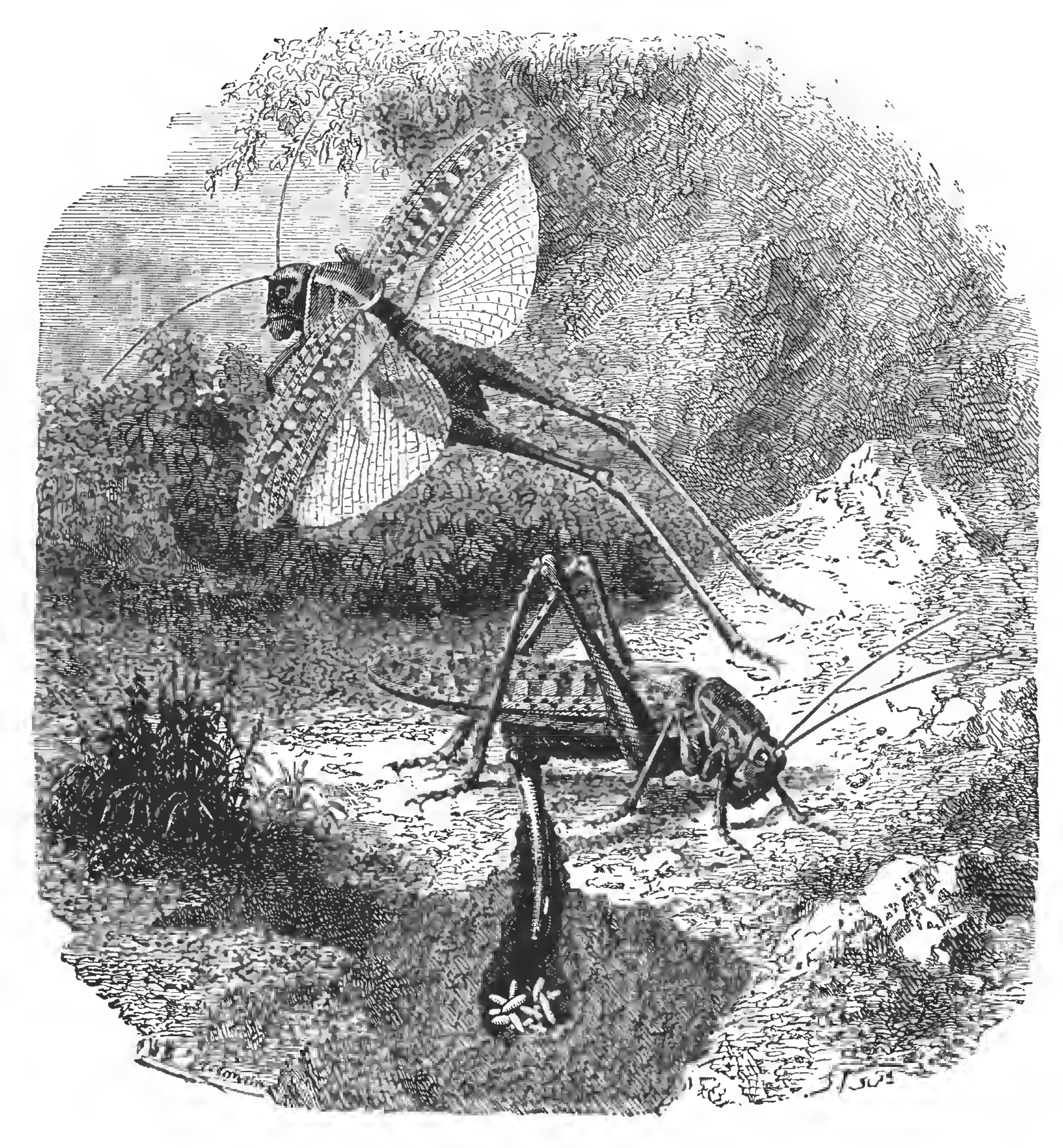
Только нѣтъ! она ко мнѣ подходитъ...
Свѣтлый лѣсъ, погасни поскорѣй!
Ты, заря! что не идешь такъ долго,
Съ жизнью, съ правдой, съ краскою твоей!
Ближе, ближе... раздается хохотъ,
Раздвигаю кущу тростника,
Въ сердцѣ холодъ, а къ ногамъ, дымясь,
Подкатилась сонная рѣка...

Къ рисункамъ.

Императрица Евгенія.

Немного, можетъ быть, найдется, въ наше прозаическое, дѣловое время, людей, судьба которыхъ носила бы на себѣ столь необычный и трагическій оттѣнокъ, такъ ярко окрашивающій жизнь императрицы Евгеніи. Дѣйствительно—мы видимъ, какъ дочь испанскихъ грандовъ, едва ли не первая красавица въ Европѣ, лишенная наслѣдія своего знатнаго, древняго рода, молодая графиня Монтихо-и-Теба, носится блестящимъ метеоромъ изъ столицы въ столицу: затѣмъ, вступаетъ на одинъ изъ первыхъ троновъ въ мірѣ, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ она окружена небывалыми блескомъ и роскошью, короли и королевы спѣшатъ къ ней на поклонъ, всесвѣтная мода ожидаетъ ея приказаній, ея каприза, но—вотъ, пробилъ страшный, роковой часъ!—потерянъ тронъ, смѣнившійся изгнаніемъ въ глухомъ углу Британіи, потерянъ мужъ, потеряно послѣднее утѣшеніе—единственный сынъ, тотъ царственный юноша, на котораго были возложены всѣ надежды, вся жизнь!.. и отъ всего прошлаго остался одинъ разбитый бурею обломокъ—одинокая вдова въ Чизльгёрстѣ...

Эксъ-Императрица Евгенія-Марія, родившаяся 5-го мая 1826 г., въ Гранадѣ (Андалузія), была второю дочерью испанскаго гранда, графа Монтихо и Маріи-Эммануилы Киркпатрикъ-Клозбёрнъ. Монтихо—отпрыскъ древней фамиліи Порто-Корреро, переѣхавшей въ XIV столѣтіи, изъ Генуи въ Эстремадуру и, впослѣдствіи, соединившей въ себѣ, по родственнымъ связямъ, три грандства перваго класса—Теба, Бомосъ и Мора. Со стороны же своей матери, бывшая императрица происходитъ отъ старинной шотландской католической фамиліи, оставившей Британію послѣ паденія Стюартовъ. Графиня Евгенія Монтихо получила свое воспитаніе частью въ Британіи, частью во Франціи и какъ мы сказали выше, большую часть молодости провела въ путешествіяхъ. Появившись на одномъ изъ баловъ, въ 1851 г., во дворцѣ Элизе-Наполеонъ, она произвела глубокое впечатлѣніе на президента французской республики, принца Луи-Наполеона Бонапарте, который, въ январѣ 1853 г. объявилъ ее своею невѣстою, а 30-го того же января, въ соборѣ Notre Dame de Paris, происходило бракосочетаніе, сопровождавшееся рядомъ торжествъ. Императрица Евгенія поселилась въ Тюильри, который съ тѣхъ поръ сдѣлался средоточіемъ блеска, роскоши и пышныхъ праздниковъ. Свое положеніе среди царственныхъ особъ, императрица утвердила посѣщеніемъ королевы Викторіи, принявшей ее съ большимъ радушіемъ и съ самаго начала возникшихъ между ними отношеній до настоящихъ дней, остающейся ей почти другомъ. Говорятъ, что послѣднее несчастіе, обрушившееся на императрицу Евгенію, еще болѣе сблизило ихъ. Сдѣлавшись царицею модъ, красавица-императрица, однако, старалась выказывать вліяніе и на государственныя дѣла. Оно, изрѣдка конечно, — но проглядывало, все таки и, скажемъ мимоходомъ, едва ли съ пользою и для дѣлъ, и для самаго императора. Насколько она имѣла значенія, уже видно изъ того, что еще во время своего царствованія, Наполеонъ III назначилъ ее регентшей, на случай смерти его до наступленія совершеннолѣтія императорскаго принца, а во время итальянской компаніи, она въ отсутствіе императора, вступила въ обязанности регентши, также и во время франко-германской войны.



Сабельная саранча, кладущая яйца. Рис. Фриманъ, грав. Шапонъ.

Сабельная Саранча.

Недавно (№ 30 „Нивы“) мы говорили объ истребителѣ нашихъ посѣвовъ—сѣромъ жучкѣ. Нынѣшнимъ лѣтомъ на нашемъ Закавказьѣ появились тучи саранчи, производившей страшныя опустошенія на поляхъ. Объ саранчѣ столько писано, что мы не будемъ повторять здѣсь всего этаго а укажемъ только на одинъ видъ ея, менѣе извѣстный.

Одинъ изъ самыхъ крупныхъ видовъ саранчи,—это саранча „сабельная.“ Голова у нея большая, продолговатая, наклоненная книзу, напоминающая голову лошади. На головѣ помѣщаются два очень длинныхъ и тонкихъ какъ волосъ усика. Верхняя часть крыла покрыта панцыремъ. Надкрыльники испещрены черными и бѣловатыми пятнами, расположенными вдоль въ перемежку. Надкрыльниками прикрыты сѣтчатыя, прозрачныя крылья, развертывающіяся вѣеромъ во время полета. Брюшко у самки оканчивается плоской, слегка выгнутой какъ сабля, прибавкою, почти такою же длинною какъ все туловище. Эта приставка служитъ для кладки яицъ. Самка вводитъ ее въ узкую и глубокую котловинку, продѣланную ею въ землѣ. Двѣ узкихъ полости, изъ которыхъ состоитъ яйцеводъ и которыя образуютъ пустую трубку,—раскрываются и яйца падаютъ на дно котловинки, гдѣ и образуются изъ нихъ насѣкомыя. Процессъ кладки яицъ и изображенъ на нашемъ рисункѣ.

Образъ жизни этой саранчи такой же, какъ и всѣхъ насѣкомыхъ этаго рода. Она водится въ травѣ, кустарникахъ и на поляхъ. Вечеромъ и ночью трещитъ также громко, какъ и обыкновенный кузнечикъ. Если ее взять за заднія длинныя ножки,—которыя, выдаются угломъ надъ туловищемъ,—то почти всегда эти ножки отрываются и насѣкомое съ трудомъ улетаетъ, такъ какъ не можетъ прыгнуть впередъ, чтобы расправить крылья. Если насѣкомое брать безъ предосторожности, то оно очень больно кусаетъ.

Успѣхи фотографіи.

Въ іюнѣ 1839 года французская палата депутатовъ предложила назначить пожизненную пенсію въ шесть и четыре тысячи франковъ Людовику Дагерру и Ніэпсу за разрѣшеніе сдѣлать ихъ изобрѣтеніе достояніемъ всѣхъ народовъ. Изобрѣтеніе это состояло въ способѣ переводить на серебряную пластинку освѣщенный солнцемъ предметъ, въ томъ видѣ какъ онъ отразился черезъ выпуклое стекло.

Знаменитый математикъ и физикъ Араго предвидѣлъ важное значеніе этаго изобрѣтенія и основывалъ свое предложеніе—пріобрѣсти для государства это открытіе—на слѣдующихъ соображеніяхъ: „Необходимо, чтобы правительство вознаградило г. Дагерра и подарило свѣту изобрѣтеніе, которое окажетъ величайшую пользу при дальнѣйшихъ успѣхахъ науки“.

Постепенно совершенствуясь въ эти 40 лѣтъ, фотографическое искусство въ настоящее время достигло значительнаго развитія.

Въ этомъ мы можемъ наглядно убѣдиться, если сравнимъ нѣсколько снимковъ. Чѣмъ старѣе фотографія, тѣмъ замѣтнѣе ея техническія несовершенства. Въ позднѣйшихъ фотографіяхъ рисунокъ лучше, тѣни расположены мягче и самое изображеніе яснѣе. Постановка самыхъ лицъ естественнѣе. Форматъ снимковъ очень разнообразенъ. Альбомы, наполненные карточками, замѣнили собою прежніе альбомы съ сентиментальными девизами и грустными но плохо исполненными урнами, голубками, плакучими ивами, луною и вѣнками незабудокъ.

Фотографическое искусство способствовало повсемѣстному распространенію стереоскоповъ, съ легкостью воспроизводя предметы и пластически представляя изображенія стереоскопа. Благодаря существующимъ фотографическимъ снимкамъ со всѣхъ замѣчательныхъ по красотѣ своей мѣстностей, мы въ стереоскопъ видимъ ихъ также хорошо, какъ бы въ дѣйствительности.

Въ научномъ примѣненіи фотографія съ успѣхомъ замѣняетъ живопись. При изученіи странъ и народовъ она также приноситъ пользу, что видно изъ послѣднихъ изданій по этимъ предметамъ, при каждомъ изъ которыхъ находятся пояснительные фотографическіе снимки. Астрономіи фотографія оказываетъ неисчислимыя услуги.

Какъ посредствомъ свѣта воспроизводится то, что происходитъ на отдаленнѣйшихъ небесныхъ тѣлахъ, такъ же точно фотографируются увеличенные черезъ микроскопъ маленькіе предметы, чѣмъ значительно облегчается ихъ изслѣдованіе.

Доктору Штейну во Франкфуртѣ удалось фотографировать звуки, т. е. колебанія воздуха, производимыя струнами и камертономъ. Посредствомъ особо устроеннаго, съ медицинской цѣлью, аппарата, докторъ Штейнъ фотографировалъ дрожаніе голосовыхъ связокъ въ горлѣ человѣка, отличавшагося обширнымъ голосомъ, внутреннее устройство слуховаго органа и глаза, чѣмъ было достигнуто отдѣленіе различныхъ болѣзненныхъ явленій.

Для инженернаго искусства, при военныхъ наукахъ и техническихъ производствахъ, фотографія также необходима; съ помощью ея ускоряется выполненіе плановъ, картъ, рисунковъ и полевыхъ съемокъ. Такимъ образомъ фотографическое искусство оправдало возлагаемыя на него надежды.

Какъ ни значительны были результаты достигнутые фотографіей, тѣмъ не менѣе произведенія ея страдали тѣмъ, что изображенія, переведенныя на серебряную пластинку, блѣднѣли и со временемъ исчезали отъ вліянія воздуха и свѣта. Недостатокъ этотъ былъ устраненъ впослѣдствіи. Нерастворяемость въ теплой водѣ желатина, клея и яичнаго бѣлка, независимость отъ вліянія свѣта при соединеніи ихъ съ хромисто-кислыми солями, привела къ употребленію клея при фотографированіи. Если покрыть листъ бумаги желатиномъ съ примѣсью туши и хромисто-кислаго кали и подложить въ сухомъ видѣ подъ негативъ, то въ мѣстахъ, подвергнутыхъ вліянію свѣта, при обмываніи бумаги, тушь удерживается желатиномъ, а мѣста, не подвергавшіяся вліянію свѣта, легко смываются. Такимъ способомъ полученное изображеніе состоитъ изъ чернаго красящаго вещества и клея, которые оба одинаково прочны. Если вмѣсто туши взять красный мѣлъ или графитъ, то возможно произвести рисунки въ тонѣ оригинала, что и удавалось при фотографированіи рисунковъ, писанныхъ графитомъ и краснымъ мѣломъ.

Вышеописанное свойство нерастворимости окисленнаго клея, навело на мысль примѣнить это свойство при печатаніи. Въ 1868 году въ Мюнхенѣ, Альбертомъ достигнуты въ этомъ отношеніи поразительные результаты; оттиски полученные имъ въ прессѣ ни чѣмъ не отличались отъ обыкновенныхъ фотографій. Съ тѣхъ поръ прошло только 10 лѣтъ, а фотографическое тисненіе—одно изъ важнѣйшихъ вспомогательныхъ графическихъ средствъ, много способствовало къ улучшенію иллюстрированныхъ изданій и передачѣ произведеній искусства.

Для книгопечатанія непригодно свѣтовое тисненіе,—для этаго требуются пластинки съ выпуклымъ рисункомъ. Пытались изготовлять такія клише, которыя могли бы собою замѣнить политипажи и какъ только это было достигнуто, то сейчасъ же примѣнено на дѣлѣ. Въ настоящее время въ Нью-Іоркѣ въ фотогравернomъ обществѣ работаетъ не болѣе ста человѣкъ вмѣсто прежнихъ 1000 рѣзчиковъ на деревѣ.

Пластинка, пропитанная іодомъ, бромистымъ серебромъ или колодіемъ, такъ чувствительна подъ вліяніемъ свѣта, что даетъ возможность фотографу въ 8—20 секундъ, смотря по величинѣ формата, сдѣлать совершенно удовлетворительный снимокъ; это дало поводъ доискиваться еще болѣе удовлетворительнаго состава, чтобы по возможности сократить время, нужное для сниманія. Изысканія однако долго не приводили ни къ какому результату. Только въ послѣднее время цѣль была достигнута въ Англіи самымъ блестящимъ образомъ.

Присланные образцы, указываютъ на поразительную свѣтовую воспріимчивость новоизобрѣтеннаго состава. Фотографу удалось снять лошадь, идущую рысью и галопомъ, во всѣхъ ея положеніяхъ въ одну секунду, съ такою легкостью, какъ если бы сниманіе происходило съ моделей, установленныхъ по желанію фотографа. Замѣчательно, что во время бѣга и прыганія, даже самая чистокровная лошадь принимаетъ положенія, совершенно противоположныя составленному нами понятію о лошадиной граціи. Положенія эти незамѣтны нашему глазу, вслѣдствіе ихъ кратковременности, но тѣмъ не менѣе вполнѣ точно переданы фотографомъ и изображены на нашемъ рисункѣ.

Къ этой замѣчательной воспріимчивости вліянія свѣта, присоединяется еще то удобство, что приготовленныя пластинки могутъ быть доставляемы герметически закупоренныя. Отъ продолжительности храненія препарированныхъ пластинокъ, не уменьшается воспріимчивость ихъ. Подобное раздѣленіе труда не можетъ не оказать значительнаго вліянія на фотографію (стр. 637).

Для изготовленія пластинокъ до сихъ поръ требовался извѣстный навыкъ и знаніе фотографическаго процесса, теперь же каждый желающій любитель можетъ легко заниматься сниманіемъ, даже безъ камеры-обскуры, лабораторіи и множества химическихъ препаратовъ. Ученому и изслѣдователю удобно имѣть всегда подъ рукою аппараты для снимковъ природы, звѣрей и растеній, тѣмъ болѣе, что они не будутъ подвержены вліянію ни солнца тропиковъ, ни холода арктическихъ странъ.

Эти „сухія пластинки,“ введенныя впервые въ продажѣ Вратеномъ и Вайритомъ, стеклянныя и покрыты вмѣсто коллодіума — желатиномъ, въ которомъ примѣсь бромистаго серебра играетъ такую важную роль относительно принятія свѣта. Въ послѣднее время Вильде въ Герлицѣ поставляетъ желатиновыя пластинки, не уступающія англійскимъ. Такимъ образомъ клей (разсматривая желатинъ какъ чистый клей) въ совершенствѣ замѣняетъ коллодій.

Здѣсь не мѣсто описывать какъ нужно дѣйствовать этимъ упрощеннымъ аппаратомъ, но слѣдуетъ замѣтить, что аппаратъ для путешествующихъ, который состоитъ изъ камеры-обскуры, подставки, въ видѣ палки и трехъ ящиковъ для 6-ти стереоскопическихъ или 12 одиночныхъ снимковъ; все въ сложности занимаетъ не болѣе мѣста, чѣмъ ящикъ для сигаръ. Устройство этаго аппарата принадлежитъ также г. Вильде въ Герлицѣ, извѣстному фотографу.

Изобрѣтеніе воспріимчивыхъ клеевыхъ сухихъ пластинокъ, которыя довели до минимума время сниманія, значительно расширило предѣлы фотографіи.

Въ 1839 г. Дагерру мы обязаны первымъ открытіемъ, въ 1850 г. Легрэй ввелъ употребленіе коллодія, въ концѣ 1868 г.

Альбертъ примѣнилъ свѣтовое печатаніе, а въ 1879 г. изобрѣтены желатиновыя сухія пластинки, которыя по всей вѣроятности произведутъ переворотъ въ фотографической техникѣ и практикѣ. Въ послѣднее десятилѣтіе на поприщѣ фотографіи сдѣланы значительные успѣхи; быть можетъ въ послѣдующіе десять лѣтъ удастся фотографамъ придавать изображеніямъ ихъ натуральные цвѣта. Надъ разрѣшеніемъ этой послѣдней задачи уже много работаютъ.

Политическое обозрѣніе

Англичане въ Безикской бухтѣ. — Перемѣны въ Портѣ. — Министры князя Александра. — Депутація. — Сербія и Черногорія. — Марокко. — Покушенія въ Римѣ.

Британская броненосная эскадра—вновь въ Безикской бухтѣ, а въ Салоникахъ ожидается французская эскадра! И все это происходитъ въ то самое время, почти въ тотъ самый день, когда послѣдній русскій солдатъ оставляетъ Балканскій полуостровъ! Хотя въ наше печальное время, когда правило „цѣль оправдываетъ средства" нашло себѣ широкое примѣненіе во всѣхъ почти сферахъ человѣческихъ отношеній и можно ожидать многаго, но — нельзя не относить фактъ появленія Британскаго и Французскаго флаговъ у береговъ Турціи къ числу „политическихъ случайностей", совершенно непредвидѣнныхъ для тѣхъ, „кому о томъ вѣдать надлежитъ". Мы еще не имѣемъ осязательныхъ, такъ сказать, основаній видѣть въ этомъ открыто враждебнаго шага, какимъ онъ вполнѣ былъ три года тому назадъ. Какое бы значеніе этотъ шагъ не имѣлъ, мы спокойно смотримъ въ будущее, твердо убѣжденные, что Россія не можетъ допустить и не допуститъ чего либо такого, что,—мы не говоримъ, конечно уничтожало бы—но, хотя бы сколько нибудь умаляло результаты, достигнутые столь значительными пожертвованіями.

Вмѣстѣ съ увольненіемъ Хейреддина-паши отъ должности великаго визиря объявлено объ упраздненіи самаго званія великаго визиря и Аарифи-паша назначенъ первымъ министромъ.

Въ его кабинетѣ портфель министерства иностранныхъ дѣлъ получаетъ Савфетъ-паша, а министерство двора — Риза-паша. Замѣна визирскаго званія должностью перваго министра происходитъ уже, если помнятъ читатели, во второй разъ,—нельзя увѣрять, что это не повторится у перемѣнчивой Порты и въ третій, какъ нельзя увѣрять, что Аарифи-паша продержится долго. Новый глава министерства пользуется извѣстностью ученаго: его переводъ сочиненія Мишо „Исторія крестовыхъ походовъ," изданный въ Константинополѣ подъ заглавіемъ „Тарихъ Ehlealsilehъ," считается замѣчательнымъ трудомъ.

Были уже слухи, замѣтимъ кстати, что постъ перваго министра могъ быть занятъ Нубаромъ-пашей, который одно время занималъ должность президента совѣта министровъ хедива. Хейреддину и Махмуду-Недиму-пашамъ пожалованы ежемѣсячныя пенсіи по 15 тысячъ піастровъ.

Только что составленное министерство князя Александра I издало свою программу. Въ заявленіи этомъ говорится между прочимъ: „Министерство позаботится о томъ, чтобы приготовить къ будущему народному собранію часть законопроектовъ, ведущихъ къ приспособленію и развитію государственнаго устава княжества. Кромѣ того, министерство не забудетъ ввести уже теперь тѣ улучшенія по управленію страною, которыя не терпятъ отлагательства. Оно заявляетъ также, что будетъ принимать всегда во время необходимыя мѣры къ прекращенію смутъ и охраненію порядка и спокойствія въ предѣлахъ княжества; заботясь о внутреннемъ благоустройствѣ княжества, *министерство будетъ считать своею непремѣнною обязанностью, среди глубокой признательности, которою одушевленъ весь болгарскій народъ къ державѣ, его благодѣтельницѣ и освободительницѣ отъ ига,* поддерживать искренне-дружескія отношенія и почтеніе ко всѣмъ другимъ державамъ-покровительницамъ и прочимъ сосѣднимъ и несосѣднимъ странамъ и стараться показать, что болгарскій народъ вполнѣ заслуживаетъ симпатіи всѣхъ европейскихъ правительствъ." Заявленіе это подписали: предсѣдатель совѣта, министръ внутреннихъ дѣлъ и—временно—просвѣщенія, Бурмовъ, министръ иностранныхъ дѣлъ и исповѣданій, Балабановъ—военный министръ, Паренсовъ—министръ юстиціи Грековъ и финансовъ—Наговичъ. Пользуясь случаемъ, сообщимъ здѣсь читателю слѣдующія интересныя свѣдѣнія о денежной единицѣ, государственномъ гербѣ и орденѣ Болгаріи. По слухамъ, денежною единицею будетъ *левъ*, соотвѣтствующій стоимостью одному франку; предполагается пустить въ обращеніе золотыя монеты въ 5, 10 и 20 левовъ и серебряныя въ 1/4, 1/2, 1, 2 и 5 левовъ, а также и мѣдныя, названіе которыхъ не установлено еще. Болгарскій государственный гербъ состоитъ изъ щита, подраздѣленнаго прямолинейнымъ крестомъ на четыре поля, изъ нихъ, первое и четвертое—красныя, съ изображеніемъ золотаго коронованнаго льва, второе и третье—зеленыя, съ изображеніемъ золотаго болгарскаго креста. Поддерживаютъ щитъ два золотыхъ льва. Девизъ: „Deus nobiscum." Крестъ за военныя заслуги состоитъ изъ двухъ степеней—онъ покрытъ красною эмалью и посрединѣ изображенъ болгарскій левъ; подъ крестомъ два скрещенныхъ меча. Кромѣ того, будетъ учрежденъ еще Александровскій орденъ — крестъ, покрытый бѣлою эмалью, съ узкою зеленою полоскою и розанами въ углахъ; орденъ этотъ, 5-ти степеней, носиться будетъ на лентѣ красновишневаго цвѣта, съ узкою бѣло-зеленою каймою.

Въ Петербургъ прибыла болгарская депутація изъ семи лицъ, съ митрополитомъ Анфимомъ во главѣ, присланная для выраженія Государю Императору почтительной признательности болгарскаго народа.

„Пограничныя недоразумѣнія" между Болгаріей и Сербіей окончены и именно тѣмъ путемъ, о которомъ мы говорили. Сербское правительство, чрезъ посредство своего посланника при С.-Петербургскомъ дворѣ, г. Протича, повергло свое заявленіе по этому вопросу на благоусмотрѣніе Его Императорскаго Величества. Государь Императоръ, изволивъ выслушать объясненія посланника, изъявилъ согласіе на его доводы и, нынѣ, пограничный вопросъ рѣшенъ въ пользу Сербіи.

Изъ Бѣлграда сообщаютъ, что князь Петръ Карагеоргіевичъ, затѣвавшій возстаніе въ Сербіи, приговоренъ, заочно, къ смертной казни.

Грустныя вѣсти доносятся изъ Черногоріи. Вотъ что говоритъ корреспондентъ одной изъ большихъ газетъ, находящійся въ настоящую минуту на мѣстѣ: „половина полей остались незасѣянными вслѣдствіе неблагопріятной погоды, помѣшавшей посѣву и озимыхъ хлѣбовъ. Лѣтняя засуха довершила дѣло. Главный продуктъ — кукуруза, можно сказать совсѣмъ пропала... При этомъ не родилось никакихъ плодовъ, виноградъ тоже пострадалъ, вода во многихъ мѣстахъ — иссякла и за нею ходятъ за 2, за 3 часа пути.

Тоже самое угрожаетъ и Цетиньѣ, черпающей воду изъ весьма скудныхъ колодцевъ. Скотъ поѣденъ во время войны. Чѣмъ кормиться? Откуда взять средствъ? Кое-какихъ запасовъ, оставшихся послѣ войны, слишкомъ мало. Надняхъ, князь изъ собственныхъ средствъ велѣлъ выдать на 200 семей по мѣшку кукурузы, но—такихъ семей много вездѣ, *голодаютъ всѣ!.. Народъ, потратившій все, закладываетъ, наконецъ, свое оружіе, чтобы на занятыя деньги купить хлѣба!..* Велика должна быть нужда черногорца, если онъ закладываетъ свою святыню—оружіе! Въ отчаяніи, всѣ ждутъ только помощи изъ Россіи. Что сказать на это, какъ только не то, что *рука дающаго не оскудѣетъ!*

По сосѣдству, въ сѣверной и южной *Албаніи*, самымъ оживленнымъ образомъ дѣйствуетъ *на пользу Италіи* небольшая, но дѣятельная партія, уже пріобрѣвшая многочисленныхъ сторонниковъ среди римско-католической части населенія. Говорятъ, что все мирдитское племя настроено донынѣ вполнѣ въ итальянскомъ духѣ, а нѣкоторые роды, именно Стрели и Гастрали, изъ которыхъ каждое можетъ выставить въ поле 6 тысячъ опытныхъ воиновъ, препроводили итальянскому консулу въ Скутари адресъ, выражающій желаніе о принятіи ихъ въ итальянское подданство.

При взглядѣ на все, происходящее въ предѣлахъ Балканскаго полуострова, съ каждымъ днемъ усиливается сомнѣніе въ томъ, что на Берлинскомъ конгрессѣ найдено, наконецъ, абсолютное средство къ установленію „порядка", соотвѣтствующаго видамъ западно-европейскихъ политическихъ дѣлъ мастеровъ.

А „мастера" не дремлютъ и, отъ времени до времени, то тамъ, то сямъ, даютъ знать о себѣ. Теперь, напримѣръ, оказывается, что Британскіе „интересы" свили себѣ прочное гнѣздо въ Мароккской имперіи. Оказывается, что обладаніе мароккскимъ побережьемъ какимъ-бы то ни было другимъ государствомъ было бы постоянною угрозою Гибралтару, британскимъ позиціямъ на Средиземномъ морѣ, водному пути въ Индію и т. д. и потому, естественно, британцы, обладающіе искусствомъ охранять свои выгоды, утвердили свое вліяніе въ Марокко. Въ слѣдующемъ обозрѣніи мы поговоримъ объ этомъ нѣсколько подробнѣе, а теперь—кстати мы уже въ Британіи—передадимъ читателю, что начальникъ британскихъ силъ въ южной Африкѣ, лордъ Чельмсфордъ, подалъ въ отставку и возвращается въ Европу.

На этихъ дняхъ, нѣкто Доменико Манджоне, покусился на жизнь неаполитанскаго синдика. графа Джуссо. Манджоне, принадлежащій, какъ пишутъ, къ тому же типу, какъ и Насcанавте, былъ сторожемъ при новомъ неаполитанскомъ кладбищѣ: лѣтъ 5 или 6 тому назадъ ему отказали отъ этаго мѣста за одинъ серьезный проступокъ. Съ тѣхъ поръ онъ всюду надоѣдалъ своими жалобами. Услышавъ, что новый неаполитанскій синдикъ прибылъ въ Римъ, онъ отправился дожидаться его. 12-го (24-го) іюля, Манджоне подкараулилъ синдика и бросился на него съ кинжаломъ; два раза оба падали на землю, но къ счастью кинжалъ попадалъ въ мостовую и Джуссо

избѣгнулъ опасности. Преступникъ арестованъ. На другое утро онъ объявилъ, что готовъ повторить свой поступокъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ разнесся слухъ объ анонимномъ письмѣ, предупреждающемъ о готовящемся покушеніи на жизнь короля Гумберта во время его путешествія въ Геную. Приняты мѣры предосторожности.

Руэръ продалъ бонапартистскую газету „Ordre" (Порядокъ) принцу Жерому-Наполеону.

Смѣсь.

Отчего въ этомъ году такъ много дождей? Такой вопросъ задаетъ себѣ одинъ нѣмецкій журналъ и отвѣчаетъ на него слѣдующимъ образомъ: Метеорологія—сравнительно еще очень молодая наука, но ея важное значеніе въ общественной жизни уже теперь понимается всѣми образованными людьми; они внимательно присматриваются къ каждому новому научному факту, добытому этимъ путемъ наблюденій. Одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ, которымъ занимается метеорологія, это изслѣдованіе законовъ управляющихъ погодой, т. е. такимъ жизненнымъ условіемъ, которое близко касается какъ жизни отдѣльныхъ лицъ, такъ и всего человѣческаго общества. Совершенно понятенъ интересъ, который должны возбуждать объясненія такихъ важныхъ и любопытныхъ явленій.

Въ настоящемъ году замѣчается повсюду разительное уклоненіе погоды отъ обычнаго состоянія, уклоненіе весьма чувствительно отзывающееся на всемъ. Невольно возбуждается вопросъ: отъ какихъ причинъ могутъ происходить такія ненормальныя явленія?... Постоянно холодная температура, небо почти неизмѣнно покрытое тучами, каждодневные дожди—этаго не запомнить за очень долгій промежутокъ времени. Конечно все это можетъ происходить обычнымъ порядкомъ въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, въ отдѣльныхъ странахъ, въ какой нибудь одной части свѣта и объясняться направленіемъ вѣтровъ, при отсутствіи подобныхъ явленій въ другихъ мѣстностяхъ и частяхъ свѣта, но въ данномъ случаѣ ненормальность эта замѣчается повсемѣстно; не только въ Европѣ, но и въ Азіи, Африкѣ и Америкѣ. Въ такомъ исключительномъ случаѣ мѣстныя причины не могутъ служить достаточнымъ объясненіемъ и необходимо поискать другихъ космическихъ условій, отъ которыхъ это можетъ зависѣть.

Само собой разумѣется, что вниманіе изслѣдователя должно быть прежде всего обращено на солнце, такъ какъ оно служитъ главнѣйшей дѣйствующей причиной измѣненія температуры воздуха и единственнымъ факторомъ всей органической жизни на землѣ, распространяющимъ свѣтъ и тепло. Наука признаетъ всю земную жизнь результатомъ работы солнца; количество тепла, удѣляемаго имъ нашей планетѣ, представляетъ изумительную цифру. Земля получаетъ въ каждую секунду отъ солнца такое количество тепла, какое можно получить лишь сжигая 30 милліоновъ кубическихъ метровъ каменнаго угля, а въ цѣлый годъ накопляется такая сумма тепла, которая въ состояніи растопить ледяную кору толщиною въ 31 метръ если бы такая покрывала всю землю.

Извѣстно, что образованіе тучъ и происхожденіе дождя зависитъ отъ температуры и влажности атмосфернаго воздуха, при чемъ низшая температура при одинаковомъ содержаніи влажности производитъ больше тучъ и больше дождя. Соображаясь съ этимъ закономъ, объясняютъ проявляющуюся теперь ненормальность температуры, постоянную облачность и дождь неправильностью нагрѣванія земли солнцемъ. Это условіе приводитъ въ связь съ другимъ интереснымъ явленіемъ, замѣчаемымъ въ послѣднее время—уменьшеніемъ количества *пятенъ на солнцѣ*.

Солнечныя пятна, по теоріи Гершеля, представляются воронкообразными отверстіями въ солнечной атмосферѣ и по новѣйшимъ изысканіямъ происходятъ отъ охлажденія газообразнаго солнечнаго вещества. Пятна эти періодически, то увеличиваются, то уменьшаются. Въ теченіи шести лѣтъ мало по малу они доходятъ до максимума количества, а въ слѣдующія шесть лѣтъ до минимума. Если наблюдать ихъ въ годы максимума, то на верхней солнечной поверхности бываетъ видно до 80 пятенъ, при чемъ величина ихъ оказывается въ 16 разъ болѣе всей земной поверхности. Въ годъ же минимума обыкновенно въ продолженіи многихъ мѣсяцевъ не замѣчается совсѣмъ ни одного пятна. Такой періодическій минимумъ долженъ былъ продолжаться съ 1877 года по 1878 годъ, и до сихъ поръ. Но и съ окончаніемъ шестилѣтняго періода, не замѣчается однако обычнаго увеличенія ни въ числѣ, ни въ величинѣ солнечныхъ пятенъ.

Какъ только былъ примѣненъ телескопъ къ астрономическимъ наблюденіямъ—были замѣчены солнечныя пятна. Этими пятнами признали темныя мѣста, не чернаго цвѣта, какой бываетъ при прохожденіи планетъ мимо солнца, но довольно темныя и большею частью окруженныя особенными, какъ бы яркими полосами, какими то свѣтящимися массами, которыя и назвали *солнечными факелами*. Наблюдая солнечныя пятна, пришли къ заключенію, что эти пятна имѣютъ несомнѣнную связь съ состояніемъ температуры на землѣ; эта мысль впервые была выражена въ письмѣ Баптиста Баліони къ Галилею. Но и онъ и его послѣдователи доказывали эту связь очень шаткими доводами и предположеніями. Гершель первый далъ научное основаніе этой догадкѣ въ своей *теоріи фотосферы*, при чемъ обусловилъ большее или меньшее лучеиспусканіе солнца большимъ или меньшимъ количествомъ солнечныхъ пятенъ. По его наблюденію, чѣмъ больше количество пятенъ, тѣмъ обильнѣе бываетъ лучеиспусканіе солнца; отсутствіе же пятенъ обусловливаетъ блѣдность, туманность солнечнаго диска и скудное выдѣленіе солнцемъ тепла и свѣта.

Другіе изслѣдователи (Клейнъ и Вольфъ) подтвердили своими наблюденіями, что въ годы минимума солнечныхъ пятенъ—насчитывается гораздо болѣе насмурныхъ дней чѣмъ въ годы максимума. Такимъ образомъ факелы, выступы, бугры и пятна служатъ признаками большой внутренней дѣятельности солнца и усиленной работы съ его внѣшней стороны; противуположное же этому состояніе выражается однообразіемъ солнечнаго диска и отсутствіемъ на немъ какъ пятенъ, такъ и факеловъ. Фламаріонъ отмѣтилъ два года замѣчательныхъ по минимуму солнечныхъ пятенъ; первый 1856, отличался наводненіями, а другой 1867 количествомъ дождей; годы же максимума 1860 и 1871 были имъ отмѣчены какъ очень теплые и сухіе. Кромѣ того, замѣчательно что время наибольшихъ и наименьшихъ сѣверныхъ сіяній совпадаетъ всегда съ наибольшимъ и наименьшимъ количествомъ солнечныхъ пятенъ. Тоже наблюдается и въ отношеніи колебанія или такъ называемой пертурбаціи магнитной стрѣлки. Конечно есть несомнѣнныя указанія на зависимость отъ максимума и минимума солнечныхъ пятенъ, тепла и сухости, холода и сырости, но все же трудно рѣшить безусловно, что это есть непреложный законъ. Это пока неболѣе какъ интересная гипотеза, которая быть можетъ и получитъ впослѣдствіи неопровержимость научной истины.

Интересная находка. Въ іюлѣ 1875 г. подъ портикомъ одного дома въ Помпеѣ найденъ былъ сундукъ, содержащій въ себѣ 132 росписки или квитанціи, принадлежащія нѣкоему Юкунду. Это были деревянныя дощечки, покрытыя слоемъ воска, на которыхъ были выведены буквы заостреннымъ грифелемъ. Таблички эти были старательно разобраны и затѣмъ эта находка была передана де Петри въ Неаполѣ. Послѣ долгихъ трудовъ этому ученому удалось снять съ пластинокъ покрывавшую ихъ кору, и разобрать надписи на 127 дощечкахъ изъ числа переданныхъ ему 132. Результатъ своихъ изслѣдованій де Петри изложилъ въ особомъ сочиненіи и передалъ въ „Академію надписей". Какъ оказалось изъ этой находки, Каэльусъ Юкундъ былъ закладчикомъ и 116 изъ 127 таблицъ содержать въ себѣ удостовѣренія въ покупкѣ имъ на аукціонахъ по порученію другихъ лицъ, разныхъ цѣнностей. Эти таблички даютъ вѣрное понятіе о коммерческихъ оборотахъ того времени. Повидимому сами покупщики, или не имѣли денегъ или не желали уплатить всю сумму разомъ. Въ этомъ случаѣ являлись маклера,—какимъ вѣроятно и былъ Юкундъ,—которые за проценты давали деньги и совершали куплю отъ имени довѣрителей. При этомъ они, конечно, хорошо наживались, такъ какъ получали коммисію за совершеніе купли и проценты за деньги. Юкундъ, которому мы обязаны ознакомленіемъ съ торговыми оборотами Помпеи, по всей вѣроятности былъ очень ловкимъ торговцемъ. Помимо доходовъ съ оборотовъ, Юкундъ сдавалъ на аренду земли для городскаго управленія. Кромѣ того онъ занимался суконнымъ производствомъ, которое, въ то время, составляло одно изъ самыхъ выгодныхъ предпріятій. Тога, которую носили Римляне, должна была быть всегда хорошо разглажена и безъ пятенъ. Для чистки и глаженія были отдѣльныя заведенія. Въ одномъ изъ такихъ заведеній, стѣны были украшены фресками, изображавшими въ подробностяхъ процесъ чистки тогъ, съ момента поступленія ихъ въ чистку до возвращенія владѣльцу.

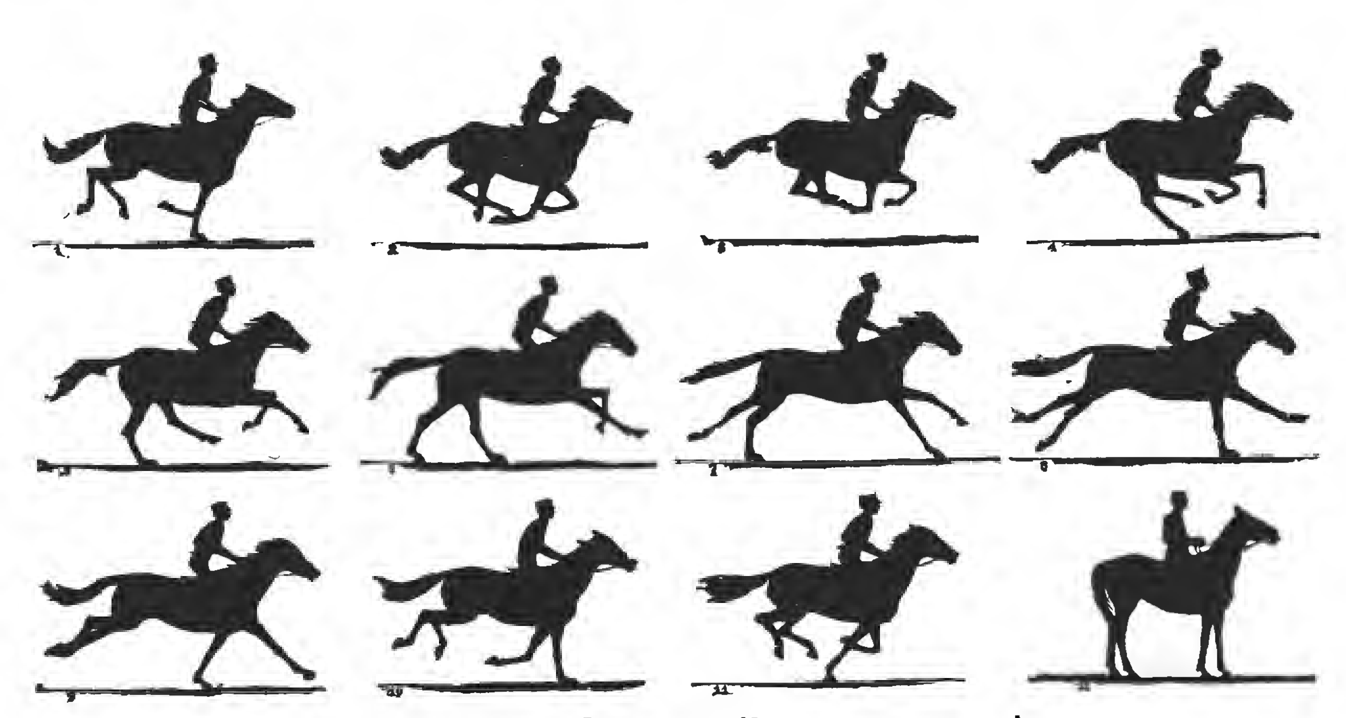
Рѣдкая рыба. Въ Масачусетской бухтѣ около Глочестера, 10 октября 1877 г. была поймана рыба, которая американскими учеными причисляется къ породѣ Alepisaurus ferox. Рыба эта на столько рѣдка, что даже въ британскомъ музеѣ нѣтъ ни одного ея экземпляра и ни одинъ изъ европейскихъ естествоиспытателей не видалъ ея въ натурѣ. Въ послѣднія три столѣтія были пойманы только двѣ такія рыбы, одна въ 1679 г., а другая въ 1833 г. Съ экземпляра рыбы, найденной мертвою, въ 1769 г. въ Атлантическомъ океанѣ, было снято изображеніе, хотя и неточное. Другое описаніе, также съ рисунками, находится въ Лондонѣ, въ зоологическомъ обществѣ и даетъ довольно ясное понятіе объ этой рѣдкой рыбѣ, соединяющей въ себѣ особенности нѣсколькихъ видовъ; болѣе всего она похожа на пеструю акулу. Характеристическій признакъ этой рыбы составляетъ сдавленная, длинная голова, широкій ротъ и крѣпкіе пилообразные зубы, изъ которыхъ нѣкоторые очень

(Продолженіе на стр. 637, 638, 639 и 640).

длинны и сильно загнуты назадъ. Тѣло рыбы длинно, тонко и безъ чешуи, какъ и голова. Одинъ изъ спинныхъ плавниковъ довольно высокъ и идетъ вдоль всей спины,—другой же, подобно брюшнымъ плавникамъ, треугольный и небольшой; грудные плавники выдаются впередъ. Хвостъ широкій, вилообразный и раздѣленъ на шесть лучей.

Глухонѣмая корова. Проф. Гаубнеръ въ своей статьѣ: „О нынѣшнемъ состояніи ветеринарнаго искусства", разсказываетъ слѣдующее любопытное явленіе въ мірѣ животномъ. Помѣщикъ имѣлъ у себя двѣнадцатилѣтнюю корову, альзасской породы, совершенно глухонѣмую. Животное это ничего не слышитъ и когда во время корма видитъ, что другія коровы ревутъ, она тоже дѣлаетъ видъ, какъ будто желаетъ ревѣть, а именно—вытягиваетъ шею и голову, раскрываетъ пасть, но не издаетъ звука.

Вернувшійся аистъ. Органъ вѣнскаго общества покровительства животнымъ, газета „Thier-Freund" сообщаетъ, что года три тому назадъ, венгерскій землевладѣлецъ N., у котораго на крышѣ дома давно уже пріютилось гнѣздо аистовъ, поймалъ одного изъ нихъ и надѣлъ ему желѣзный ошейникъ съ надписью: „Hungaria, colonia N," (Венгрія, фольваркъ N.) Весною прошлаго года, г. N. замѣтилъ какой-то блестящій предметъ на шеѣ у одного изъ сидѣвшихъ на кровлѣ его дома аистовъ. Оказалось, что это было золотое ожерелье съ надписью: „Ex India colonia. Mitto donum cum ciconia" (изъ Индіи въ фольваркъ. Шлю съ аистомъ подарокъ).



Скаковая лошадь Салли Гарднера въ 12 различныхъ положеніяхъ.

Снятая фотографомъ Майбриджемъ въ С. Франциско. На снятіе каждаго отдѣльнаго момента употреблено 1/25 секунды.

Болѣзнь лососей. Весной прошлаго года въ нѣкоторыхъ рѣкахъ Шотландіи показалась между рыбами особая болѣзнь, жертвою которой сдѣлались въ особенности лососи. Въ настоящемъ году болѣзнь эта появилась снова и дѣйствуетъ чрезвычайно опустошительно, преимущественно въ рѣкѣ Твидъ. Причина болѣзни или, вѣрнѣе, самая болѣзнь состоитъ въ развитіи на рыбѣ какого-то особаго вида грибковъ. Произрастаніе ихъ начинается обыкновенно на головѣ и затѣмъ съ изумительною быстротой распространяется по всему тѣлу рыбы. Самъ по себѣ растительный паразитъ этотъ, повидимому, не опасенъ для рыбы. Но онъ вызываетъ такое раздраженіе въ кожѣ, что рыба всячески старается избавиться отъ него усиленнымъ треніемъ о камни, и чрезъ это причиняетъ себѣ сильныя пораненія, которыя имѣютъ послѣдствіемъ смерть. Причина появленія этихъ растительныхъ паразитовъ заключается, вѣроятно, въ засореніи воды; извѣстно, что нѣкоторые химическіе составы чрезвычайно способствуютъ развитію грибковъ. Въ особенности отличаются этимъ свойствомъ осадки искусственнаго удобренія, сносимаго дождемъ съ полей въ рѣки, равно какъ и грязь, смываемая съ овецъ.

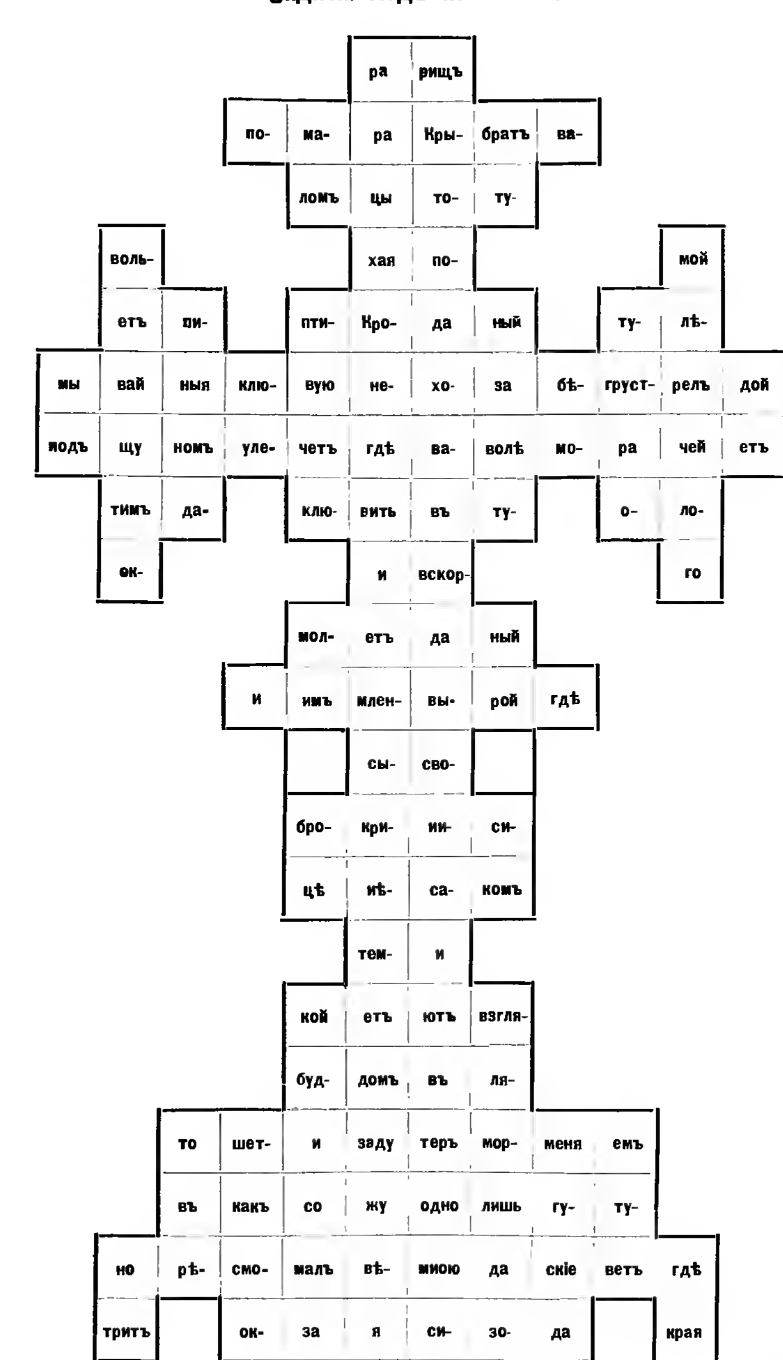
Къ статистикѣ Американской междоусобной войны. Вашингтонское военное министерство довело надняхъ до всеобщаго свѣдѣнія краткое сообщеніе о численности людей, выставленныхъ штатами и территоріями для пополненія сѣверныхъ армій съ 15 апрѣля 1861 года до окончанія междоусобной войны. Оказывается что въ общей сложности ими было выставлено 2,678,967 волонтеровъ.

Отравленіе консервами. „Медицинское Обозрѣніе" указываетъ, что къ употребленію такъ называемыхъ „жестяныхъ консервовъ плодовъ" (т. е. фруктовъ, консервируемыхъ въ жестянкахъ) слѣдуетъ относиться какъ можно осторожнѣе. Какъ извѣстно, обширнымъ приготовленіемъ такаго рода запасовъ ананасовъ, персиковъ, яблокъ, абрикосовъ и т. д. занимается Америка, откуда продукты идутъ въ Англію, Францію, Германію, Швейцарію и Россію. Консервъ помѣщается въ жестянкѣ, изъ которой воздухъ удаляется помощью нагрѣванія. Употребленіе плодовъ зачастую вызываетъ тошноту, съ ея обычными послѣдствіями, и недомоганіе—обстоятельство, на которое недавно обратили вниманіе врачи-спеціалисты.

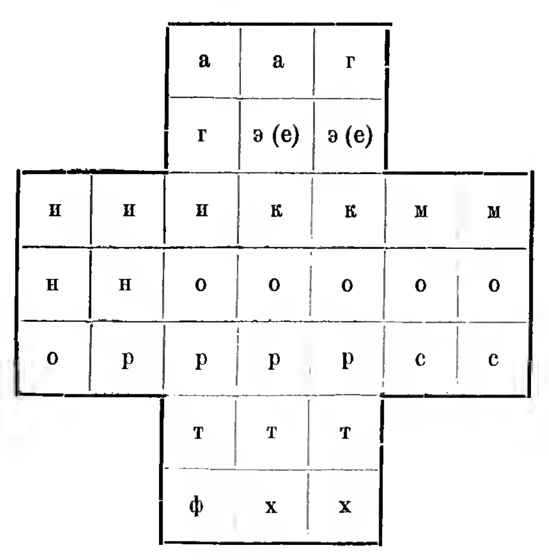
Надгробная надпись Луи-Наполеону, изобрѣтенная „Punch". Лондонскій сатирическій листокъ „Punch" подтруниваетъ довольно жестоко надъ производимою подъ покровительствомъ принца Уэльскаго агитаціею для сооруженія въ Вестминстерскомъ аббатствѣ памятника принцу Луи-Наполеону. Газета предполагаетъ для названнаго памятника слѣдующую надгробную надпись: „Памяти принца Эженя-Луи-Наполеона, сына седанскаго героя, правнука московскаго героя и претендента на французскій престолъ. Будучи любезенъ и благовоспитанъ, онъ пріобрѣлъ себѣ множество друзей, но, къ сожалѣнію лишился жизни въ борьбѣ сомнительной справедливости, до которой ему не было никакого дѣла. Незначительная часть англійскаго народа воздвигла этотъ памятникъ, чтобы заявить предъ всѣмъ міромъ свое неуваженіе къ національнымъ чувствамъ Франціи и свои живѣйшія симпатіи къ дѣлу имперіализма".

Къ жучку, борьба съ которымъ озабочиваетъ въ настоящее время правительство и земства, присоединился новый врагъ. Изъ отчета проф. Линдемана, командированнаго министерствомъ государственныхъ имуществъ въ южныя губерніи, для изслѣдованія хлѣбнаго жучка, оказывается, что въ окрестностяхъ Полтавы истреблено до 1,500 десятинъ пшеницы. Опустошенныя поля имѣютъ такой видъ, какъ будто бы по нимъ гоняли стада скота. Оказалось, что эти повреждения причинены двумя насѣкомыми, именно: „гессенскою мухою" (Cecidomya destructor) и „пшеничнымъ пильщикомъ" (Cephus pygmaeus), которыя подгачиваютъ стебель при его основаніи. Нельзя не признать, говоритъ г. Линдеманъ, здѣсь появленія новаго бѣдствія „угрожающаго южнорусскому земледѣлію." Г. Линдеманъ предложилъ сельскимъ хозяевамъ выжигать жнивье послѣ уборки хлѣба, вывезши на жнивье солому. Произведенные опыты выжиганія дали удовлетворительный результатъ.

Задача. Ходъ коня № 5.



Магическій крестъ. Задача № 9.



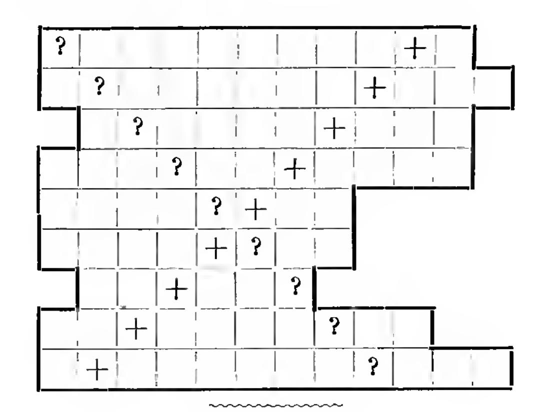
Задача слоговъ.

Ю. Грюнберга.

Изъ нижеслѣдующихъ 38 слоговъ, составить 9 словъ нижепоименованныхъ значеній; размѣстить ихъ въ клѣткахъ фигуры по буквамъ такимъ образомъ: читая по вопросительнымъ знакамъ по направленію сверху внизъ, должно составиться слово означающее имя царствовавшей особы, а читая по крестамъ снизу вверхъ—имя извѣстнаго поэта, этому царствующему лицу современное.

вик, ге, глос, гра, дар, дон, е, е, е, и, и, ка, ка, коп, лон, ми, ні, ни, по, ност, пис, пештъ, ран, рі, ри, ри, ско, со, спій, ство, те, то, фі, фи, цы, я, я, я.

Названіе одного изъ раіоновъ духовной власти.
Областной городъ.
Названіе одного моря въ Европѣ.
Главные города двухъ королевствъ въ Европѣ.
Имя одной царицы изъ Греческой миѳологіи.
Имя царствующаго лица.
Городъ въ Италіи.
Лицо, непринадлежащее данному государству.
Составленіе глоссъ.



Ариѳмогрифъ.

1, 2, 3, 4, 5, 6, 7. Имя греческаго философа.
2, 1, 2, 3, 5. Трава.
3, 5, 1, 6, 2, 4, 7. Сукно
3, 4, 2, 6, 7. Звѣрекъ.
6, 5, 4, 5, 1, 7. Мужское имя.
3, 2, 1, 5. Дѣвичье украшеніе.
3, 4, 5, 1, 3, 5. Принадлежность рисованія.
3, 5, 4, 1, 7. Городъ взятый Русскими у турокъ.
2, 3, 5. Рѣка въ Россіи.
1, 2, 4, 2, 3, 5. Птица.
5, 4. 5, 4, 5, 6, 7. Гора въ Малой Азіи.

РЕБУСЪ.

Рѣшеніе ребуса будетъ помѣщено въ одномъ изъ слѣд. №.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Москва, П. Н—у.

Я хотѣлъ бы хоть стишокъ
Написать на волѣ.

Кто же вамъ мѣшаетъ.

Кострома, В—скому.

Напьюся хересомъ и разобью перо.

Почему же именно хересомъ и какъ вы ухитритесь *разбить* перо?

Спб. Л—ио.

Освѣтило солнце
И Неву и горы.

Какія это горы около Невы?

Отъ редакціи.

Въ слѣдующемъ 33 № „Нивы“ начнется печатаніемъ историческій романъ Вс. Соловьева „Касимовская невѣста.“

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса изъ одного города въ другой, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.

СОДЕРЖАНІЕ: **Иркутскъ** (съ 5 рис.) — **Подъ чужимъ именемъ.** Повѣсть **В. Штрауса** (окончаніе).— **Вѣрный разсчетъ** разсказъ. — **Императрица Евгенія** (съ портр.)—**Ночью въ лѣсу.** Стихотвореніе **К. К. Случевскаго** (съ рис.).—**Сабельная саранча** (съ рис.)—**Успѣхи фотографіи** (съ рисунками)—Политическое обозрѣніе.—Смѣсь.—Задача. Ходъ коня № 5.—Магическій квадратъ.—Задача слоговъ.—Аргемогрифъ.—Ребусъ.—Почтовый ящикъ.—**Отъ редакціи.**— Объявленія.—**При этомъ № прилагаются «Парижскія моды» за Августъ съ 34 рисунками и отдѣльный листъ съ 25 чертеж. выкроекъ въ натуральн. величину и съ 49 рис. рукодѣльн. работъ.**

Издатель **А. Ф. Марксъ.** Редакторъ **Ф. Бергъ.**

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Дозволено цензурою СПБ. 2 Августа 1879 г. Тип. [illegible] № 10.

X годъ — годъ X

№ 33 — 1879

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ «ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ» (отъ 20 до 40 модн. рис.)
Выданъ 13 Августа 1879 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40). Цѣна этого № „Нивы" 15 к. съ перес. 20 к.

Макарій, митрополитъ Московскій и Коломенскій.

Имяннымъ Высочайшимъ указомъ, даннымъ Синоду отъ 8-го апрѣля сего года, архіепископу Литовскому Макарію повелѣно быть митрополитомъ Московскимъ и Коломенскимъ, замѣстителемъ усопшаго преосвященнаго Иннокентія. Такое высокое назначеніе пало на одного изъ наиболѣе выдающихся представителей русской іерархіи. По высокимъ нравственнымъ качествамъ и обширной и многосторонней учености высокопреосвященный Макарій является на высотѣ своего призванія.

Высокопреосвященный Макарій родился 19-го сентября 1816 года въ с. Сурковѣ, Новооскольскаго уѣзда, Курской губерніи. Онъ сынъ бѣднаго сельскаго священника Булгакова и въ міру носилъ имя Михаила. Онъ росъ слабымъ и болѣзненнымъ ребенкомъ, такъ какъ семья его по бѣдности не могла окружить его достаточными попеченіями. Обстоятельства главы семейства, о. Петра, все ухудшались и наконецъ онъ скончался,

Митрополитъ Московскій Высокопреосвященный Макарій.
Съ фотогр. грав. Б. Пуцъ.

оставивъ семьѣ своей пенсію въ размѣрѣ *12 рублей въ годъ.* Мальчикъ, какъ сирота, принятъ былъ въ духовное училище на казенный счетъ. Въ литературѣ нашей много говорилось о прежней бурсѣ, спеціальные очерки которой, быть можетъ, нѣсколько преувеличенные, оставлены намъ покойнымъ талантливымъ Помяловскимъ. И сильныя, не только слабыя и болѣзненныя натуры, тамъ часто не выдерживали. На маленькаго Михаила смотрѣли какъ на неподающаго большихъ надеждъ ученика. Учился онъ худо и отличался слабой памятью, до одного случая, который можно назвать, по справедливости, чудеснымъ. Однажды, когда въ углу двора бурсы ребенокъ училъ уроки, въ голову его попалъ внезапно камень и разсѣкъ кожу головы, произведя вѣроятно какое нибудь благодѣтельное потрясеніе, ибо послѣ этаго случая, здоровье мальчика и способности начали видимо и блестящимъ образомъ улучшаться. Весьма скоро

Булгаковъ сталъ однимъ изъ извѣстныхъ въ школѣ и обратилъ на себя общее вниманіе. Архіепископъ Курскій Илодоръ, пораженный его отвѣтами, пожелалъ помочь его семьѣ и исполнилъ это. Въ Курской семинаріи онъ, еще юноша, пользовался особымъ предпочтительнымъ уваженіемъ товарищей и наставниковъ и отличался способностью къ импровизаціи. Много лѣтъ спустя, когда Макарій сталъ извѣстнымъ ученымъ профессоромъ и знаменитымъ духовнымъ ораторомъ, его способность къ импровизаціи нерѣдко служила предметомъ удивленія многочисленныхъ слушателей. Онъ всегда говорилъ свои лекціи и рѣчи устно, конечно, предварительно, строго обдумавъ планъ и основательно изучивъ тему.

Въ семинаріи же началось знакомство Михаила Булгакова съ свѣтскою литературой. Любимѣйшимъ его поэтомъ былъ В. А. Жуковскій, всѣ сочиненія котораго онъ собственноручно переписалъ и зналъ на память. О другихъ поэтахъ и прозаикахъ того времени Булгаковъ имѣлъ смутное понятіе только по наслышкѣ. О существованіи Пушкина онъ узналъ уже послѣ поступленія въ духовную академію, гдѣ и ознакомился съ характеромъ его произведеній.

Въ 1837 году, 14-го іюля, Михаилъ Булгаковъ окончилъ со степенью студента курсъ семинаріи, гдѣ обучался наукамъ: богословскимъ, философскимъ, словеснымъ, историческимъ, физико-математическимъ и языкамъ: еврейскому, греческому, латинскому и французскому. Вслѣдъ за окончаніемъ курса семинаріи, онъ поступилъ для дальнѣйшаго образованія въ кіевскую духовную академію. Еще въ семинаріи онъ развилъ въ себѣ глубокую любовь къ богословско-философскимъ и историческимъ наукамъ, но полное удовлетвореніе эта любовь могла найти только въ академіи. И дѣйствительно, здѣсь въ полномъ блескѣ проявились богатыя дарованія Михаила Булгакова; силою логическаго мышленія и богатствомъ богословскихъ, философскихъ и историческихъ знаній онъ рѣзко выдѣлялся изъ среды товарищей и ясно давалъ знать о зрѣющихъ въ немъ сѣменахъ научно-литературной дѣятельности. Здѣсь же ученое призваніе молодаго студента получило болѣе опредѣленное направленіе, и онъ серьезно посвятилъ себя изученію богословія и проповѣдническаго пастырскаго краснорѣчія, а чтобы болѣе и всецѣло предаться наукѣ, онъ пожелалъ, еще во время ученія въ академіи, на 25 году жизни, постричься въ монашество, что и исполнилъ 15-го февраля 1841 г., принявъ при постриженіи имя Макарія; 25-го марта того же года онъ былъ посвященъ въ іеродіакона. По окончаніи курса наукъ въ кіевской духовной академіи, 28-го іюня 1841 года, съ причисленіемъ къ первому разряду воспитанниковъ, онъ немедленно былъ посвященъ въ іеромонаха. Ученые труды Макарія скоро были признаны академіею, и онъ 27-го августа того же года, сдѣланъ былъ баккалавромъ русской церковной и гражданской исторіи; а съ 20-го января 1842 г., кромѣ этой должности, исправлялъ должность ректора кіево-подольскихъ училищъ.

Такъ быстро создавалась карьера молодаго ученаго іеромонаха Макарія. Ровно черезъ годъ, 12-го іюля 1842 года, былъ онъ перемѣщенъ въ петербургскую духовную академію баккалавромъ богословскихъ наукъ.

Въ 1843 году онъ утвержденъ въ званіи экстраординарнаго профессора богословскихъ наукъ. Къ этому времени относится его первый учено-литературный трудъ: „Исторія кіевской академіи"—сочиненіе, въ которомъ авторъ освѣтилъ историческіе факты долговременной дѣятельности этаго учрежденія, какъ разсадника духовнаго просвѣщенія въ Россіи. Въ 1846 году появилась вторая книга архимандрита Макарія, подъ заглавіемъ: „Исторія христіанства въ Россіи до равноапостольнаго князя Владиміра," которая служитъ введеніемъ къ исторіи русской церкви, написанной имъ позже. Этотъ трудъ доставилъ ему почетную извѣстность въ ученомъ мірѣ, такъ что въ томъ же году онъ былъ избранъ дѣйствительнымъ членомъ императорскаго общества исторіи и древностей россійскихъ, при московскомъ университетѣ. Въ слѣдующемъ 1847 году была издана его книга, подъ заглавіемъ: „Взглядъ на исторію русской церкви до нашествія татаръ," заключавшая въ себѣ лекціи, читанныя имъ прежде въ кіевской академіи. Въ томъ же году появилось извѣстное его сочиненіе „Введеніе въ православное догматическое богословіе," за которое архимандритъ Макарій былъ возведенъ въ степень доктора богословія, съ возложеніемъ на него докторскаго креста, и отъ Государя пожалованъ наперстнымъ крестомъ, украшеннымъ драгоцѣнными камнями. Этотъ ученый трудъ безъ сомнѣнія слѣдуетъ считать однимъ изъ лучшихъ его сочиненій. Оно было переведено на французскій языкъ подъ редакціею протоіерея І. В. Васильева (Paris, Poel Cherbuliez. 1857).

Съ этаго времени начинается самая многообразная и многотрудная дѣятельность архимандрита Макарія; среди ученыхъ литературныхъ трудовъ, ему еще предстояла дѣятельность административная. Въ 1857 году онъ былъ переведенъ на тамбовскую архіерейскую каѳедру; съ 1859 по 1868 годъ занималъ харьковскую каѳедру, гдѣ и возведенъ въ 1862 году въ санъ архіепископа; 1868 г. ему повелѣно быть архіепископомъ Литовскимъ и Виленскимъ.

Труды по управленію епархіями однако не отвлекли преосвященнаго Макарія отъ его ученой дѣятельности. Въ 1852 г. вышло въ свѣтъ его замѣчательное сочиненіе „Православное догматическое богословіе" въ пяти томахъ 1849—1852 гг., переведенное также на французскій языкъ (Paris, Poel Cherbuliez, 1857—1859), въ двухъ большихъ томахъ. Достоинство этой книги лучше всего опредѣляется громаднымъ запросомъ на нее, потребовавшимъ трехъ послѣдовательныхъ изданій. Послѣ сего иностранный богословъ никакъ не можетъ сказать, что въ восточной церкви привыкли вѣровать въ свои мнѣнія безотчетно; ибо въ новой православной догматикѣ содержится такой отчетъ обо всемъ, подобнаго коему не представляютъ большая часть церквей неправославныхъ." Этотъ капитальный трудъ черезъ два года послѣ его изданія былъ удостоенъ полной демидовской преміи въ 1,428 рублей.

Въ 1853 году Макарій былъ избранъ почетнымъ членомъ императорскаго археологическаго общества и ему поручено начальствомъ преподаваніе исторіи и статистики, а въ 1854 г., онъ былъ утвержденъ въ званіи ординарнаго академика императорской академіи наукъ и въ 1855 году избранъ почетнымъ членомъ московскаго университета, когда и появилось его сочиненіе подъ заглавіемъ „Исторія русскаго раскола, извѣстнаго подъ именемъ старообрядчества." Наконецъ, въ 1857 году, началось изданіе его самаго обширнаго учено-литературнаго труда: „Исторія русской церкви," которая въ девяти вышедшихъ томахъ доведена до учрежденія уніи въ западно-русской церкви и начала патріаршества въ Россіи. Трудъ этотъ, какъ замѣчено уже критикой, совершенно параллеленъ со знаменитой „Исторіей Россіи" академика Соловьева. Въ 1869 году архіепископъ Макарій былъ признанъ с.-петербургскимъ университетомъ докторомъ исторіи.

Въ заключеніе перечня выдающихся сочиненій высокопреосвященнаго Макарія, слѣдуетъ упомянуть о его „Руководствѣ къ изученію православнаго богословія", переведенномъ на нѣмецкій языкъ.

Нельзя также обойдти молчаніемъ „Собранія словъ и рѣчей" архіепископа Макарія, послѣднее изданіе которыхъ сдѣлано въ 1869 году. Въ нихъ лучше всего обрисовывается выдающаяся личность высокопреосвященнаго, какъ государственнаго человѣка и гражданина.

Въ 1870 году высокопреосвященному Макарію пришлось предсѣдательствовать и въ Высочайше утвержденномъ особомъ комитетѣ для составленія основныхъ положеній преобразованія части духовно-судебной. И здѣсь дѣятельность и просвѣщенный взглядъ архіепископа Макарія благотворно отразились на направленіи работъ комитета. Комитетъ призналъ необходимымъ *отдѣлить судебную власть отъ административной*, проектировавъ притомъ состязательную и гласную форму судопроизводства.

Изъ Петрарки.

Шумитъ въ моихъ рыдающихъ сонетахъ
Та буря слезъ, что въ сердцѣ я носилъ,
Кипитъ, въ огнѣ страданій недопѣтыхъ,
Былыхъ надеждъ, былыхъ стремленій пылъ.

* * *

Былыхъ надеждъ и грезъ очарованья,—
Гдѣ рѣетъ ихъ воздушная семья?!
О, только тотъ пойметъ мои страданья,
Кто такъ страдалъ и такъ любилъ какъ я!

Для остальныхъ непонятые звуки
Осталися лишь праздной болтовней...
И горько мнѣ, что выплакалъ я муки
Передъ толпой небрежной и пустой...

* * *

На сердцѣ боль и горькое сомнѣнье:
Вѣдь слава—дымъ, полночное видѣнье!...

П. Гнѣдичъ.

Касимовская невѣста,

Историческій романъ Вс. СОЛОВЬЕВА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Послѣ долгаго осенняго ненастья наконецъ стала зима 1646 года. Два дня и двѣ ночи въ безвѣтряномъ воздухѣ падалъ снѣгъ и выпало его довольно; потомъ прихватило и сковало морозцемъ. Потомъ выглянуло солнце и все загорѣлось, заблестѣло. Глаза слѣпило отъ яркаго свѣта.

Морозъ не прибывалъ но и не уменьшался. Путь установился сразу.

По дорогѣ изъ Москвы въ пригородное село Покровское съ ранняго утра шло и ѣхало много всякаго люду—молодой царь Алексѣй Михайловичъ праздновалъ встрѣчу зимы одною изъ любимыхъ потѣхъ своихъ.

Еще за три дня было объявлено по Москвѣ, что въ селѣ Покровскомъ будетъ львиное зрѣлище и медвѣжья травля и что никому, не токмо что боярамъ и всякимъ дворцовымъ людямъ, но и всѣмъ вообще жителямъ Москвы невозбранно присутствовать на этихъ царскихъ потѣхахъ.

Такое извѣстіе Москва приняла съ большой радостью: ужь очень по нраву всѣмъ была медвѣжья травля, а про львиное зрѣлище и говорить нечего: левъ—звѣрь рѣдкій, многими совсѣмъ невиданный. Привезли вишь его недавно царю въ подарокъ изъ Кизылбаша, изъ Персіи. Помѣстили его въ ямѣ у стѣны Китайгородской. По цѣлымъ часамъ толпы стояли у ямы, видѣть ничего не видѣли, но за то рыканіе львиное слышали и оставались этимъ довольны. А вотъ теперь и самого этаго заморскаго лютаго звѣря видѣть можно: ну—и хлынула вся досужая Москва въ село Покровское.

Колымаги за колымагами, сани за санями такъ и катятся по первопутью. Бояре, весь чинъ дворцовый, дворяне московскіе, служилые люди, изъ купцовъ тоже не мало—всякій разрядился въ праздничное платье, изукрасилъ своихъ кониковъ, понавѣшалъ ковровъ на широкія сани: тоже нужно и себя показать, въ грязь лицомъ не ударить.

Большія были приготовленія къ празднику въ Покровскомъ. Сначала, какъ вѣсть прошла о царской потѣхѣ, отцы и мужья сразу объявили, что бабамъ да дѣвкамъ ѣхать не слѣдуетъ. Но бабы и дѣвки были на это другихъ взглядовъ. Онѣ такъ пристали, такъ улещали, такъ упрашивали своихъ владыкъ домашнихъ, что тѣ наконецъ, въ большинствѣ случаевъ, должны были сдаться.

И вотъ по дорогѣ въ Покровское спѣшатъ не одни добрые молодцы и старцы, а и дебелыя матери семействъ и румяныя, свѣжія, какъ морозное зимнее утро, московскія красавицы. Само собою — лица ихъ прикрыты фатой блестящей, сами онѣ закутаны въ шубки мѣховыя и стороннему человѣку не увидать, не разглядѣть сколько красоты и молодости, сколько разжирѣвшей и высохшей старости заключается въ этихъ огромныхъ грузныхъ колымагахъ. Но все же кое кому поданы вѣсточки, кое-кто съ замираніемъ сердца и съ свѣтлою молодою грезою, бросивъ всѣ дѣла и заботы, спѣшитъ въ Покровское, хорошо зная на какую закутанную, обликъ человѣческій потерявшую фигуру слѣдуетъ глядѣть, глазъ не отрывая, изъ-за какой фаты непроницаемой будутъ выглядывать съ любовью и ласкою молодые глазки. И никакая строгость нравовъ и обычаевъ, никакая зоркость родительскаго присмотра не помѣшаютъ кое кому втихомолку и перешепнуться, и улучить счастливое мгновенье для быстраго, крѣпкаго и сладкаго пожатія нѣжной, бѣлой ручки. Только что послѣ этаго пожатія не придется спрятать за пазуху маленькой записочки—нѣжная бѣлая ручка писать не умѣетъ, да и не нуждается ни въ какомъ писаньи. Шустрая дѣвчонка изъ прислужницъ, а то такъ и сама хитрая старая мамка, падкая до подарочковъ, лучше всякихъ записочекъ передадутъ кому слѣдуетъ и слово нѣжное, и названіе однаго изъ благолѣпныхъ храмовъ московскихъ, гдѣ можно встрѣтиться.

Время близится къ полдню; ноябрьскій день коротокъ —спѣшить нужно. И спѣшатъ, перегоняя другъ друга, колымаги и сани.

Но вотъ по всему широкому пути вдругъ смятеніе: колымаги и сани сворачиваютъ въ сторону и останавливаются. Нѣсколько вершниковъ на лихихъ коняхъ мчатся что есть духу и кричатъ зычнымъ голосомъ: Царь ѣдетъ! И точно, изъ-за поворота дороги, вся въ яркихъ лентахъ и бубенчикахъ, вылетаетъ тройка чудныхъ коней.

Въ разшитыхъ, изукрашенныхъ коврами и причудливой рѣзьбой саняхъ широкихъ, прикрытыхъ богатой медвѣжьей полостью, видны двѣ мужскія фигуры, закутанныя въ собольи шубы и въ высокихъ шапкахъ. Хорошо знакомы Москвѣ два лица эти,—одно ужь не первой молодости, благообразное и разумное, да и не безъ нѣкотораго лукавства во взглядѣ. Другое лицо красоты поразительной, съ ясными небеснаго цвѣта глазами, съ ласковой улыбкой и милыми, совсѣмъ еще дѣтскими, ямочками на румяныхъ щекахъ.

Тройка мчится, обдавая всѣхъ на право и на лѣво снѣжной пылью. Всѣ ломаютъ шапки и низко кланяются.

Красавецъ юноша отвѣчаетъ на поклоны. Его товарищъ съ важной, величественной осанкой тоже раскланивается.

Промчалась тройка и за нею трогаются всѣ остановившіяся колымаги и сани, и идетъ между москвичами всякаго рода и званія, пола и возраста оживленный говоръ.

— Ишь красотою какою надѣлилъ Господь царя нашего, батюшку Алексѣя Михайловича, что дѣвица красная, нашъ голубчикъ!

— А бояринъ-то Борисъ Ивановичъ Морозовъ, замѣчаютъ другіе,—важность-то какая — самъ словно царь раскланивается! Поди чай думаетъ, коли бы одинъ-то ѣхалъ такъ и ему стали бы всѣ кланяться.

— Ну да что тутъ, думай не думай, а тепло ему подъ царскою полостью. Любъ ли онъ кому, нѣтъ-ли, ему и горя мало. Что хочетъ, то и дѣлаетъ, всѣмъ заправляетъ. Государь молодой его какъ отца роднаго почитаетъ. Да и отецъ-то, блаженной памяти государь Михаилъ Ѳеодоровичъ, на смертномъ одрѣ сыну наказывалъ: почитай-де и во всемъ слушайся Морозова боярина, онъ тринадцать-де лѣтъ при тебѣ неотлучно, воспиталъ тебя и такого де слуги и совѣтника тебѣ не сыскать. Счастье боярину, счастье великое, что и говорить, другому такого и во снѣ не приснится!..

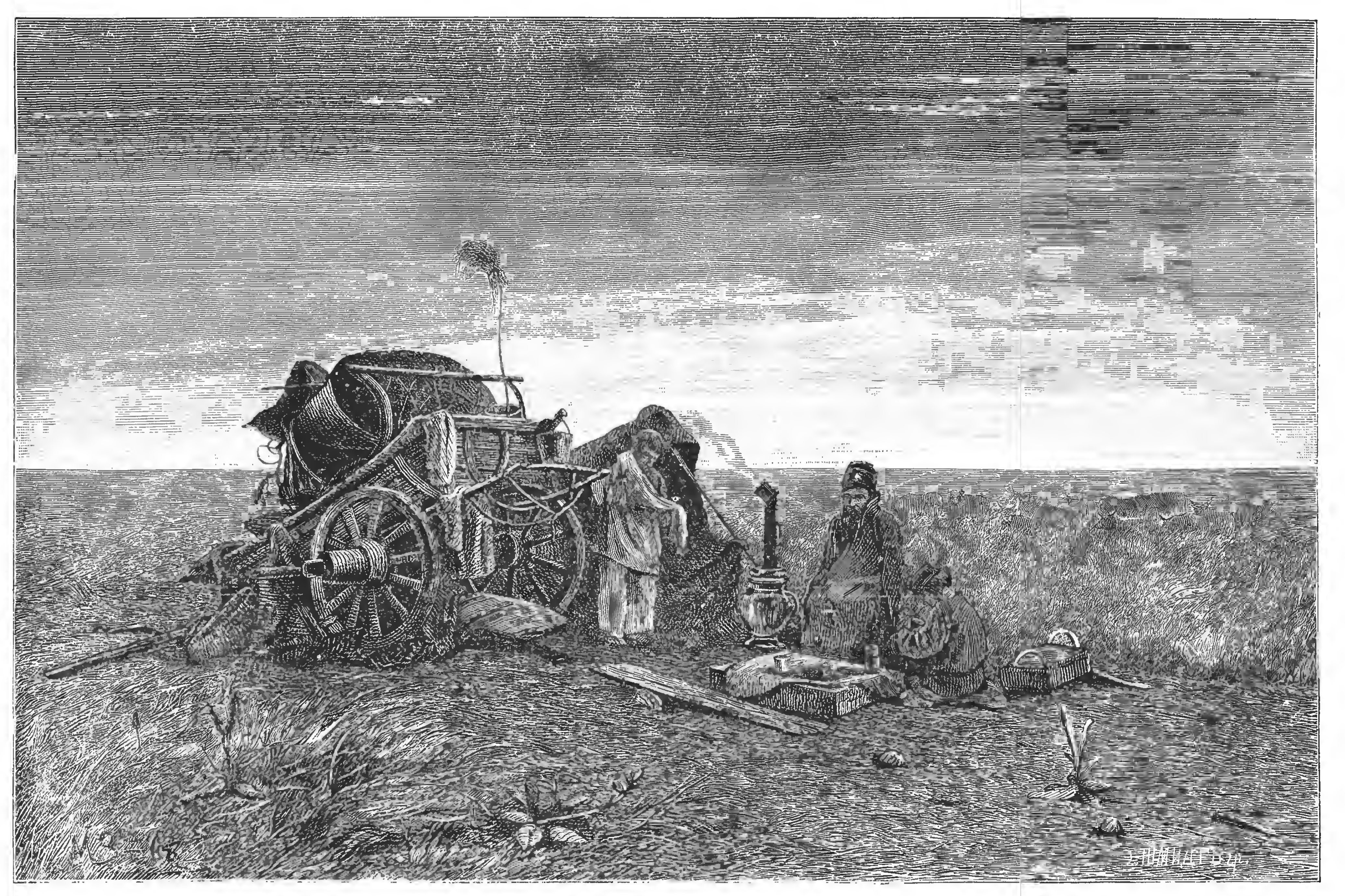
Не красны царскія палаты въ селѣ Покровскомъ, но любилъ бывало покойный царь Михаилъ Ѳеодоровичъ наѣзжать сюда и тѣшиться разными потѣхами.

Передъ палатами дворъ большой устроенъ, а на немъ отгорожено мѣсто для звѣриной травли. Кругомъ того мѣста скамьи для зрителей поставлены. Теперь эти скамьи просто ломятся, такъ много изъ Москвы наѣхало.

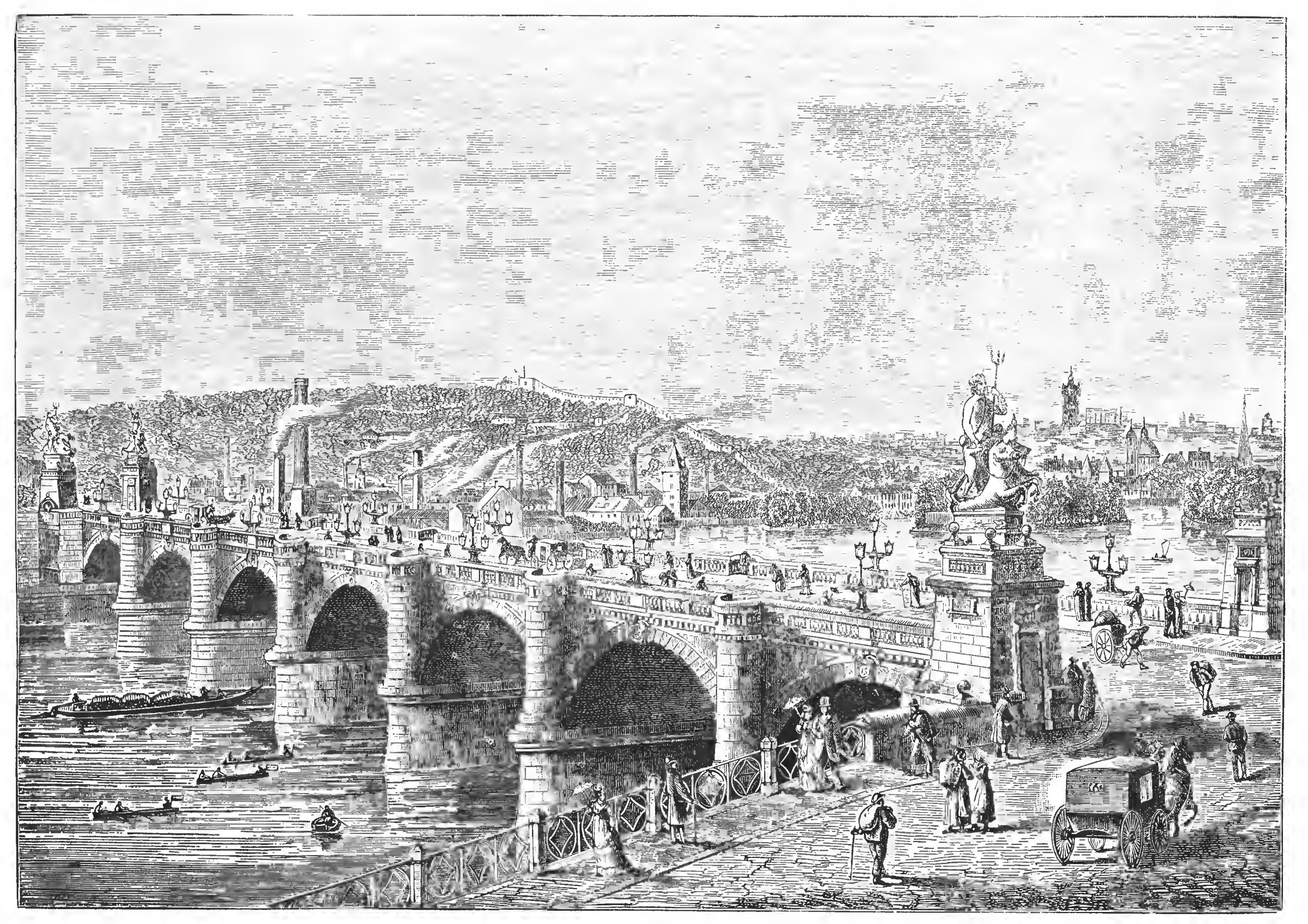
Бояре съ боярынями и боярышнями мѣста заняли, а тѣ люди, что помельче чиномъ, за ихъ спинами тѣснятся, снѣгъ приминаютъ въ ожиданіи потѣхи.

Для государя съ приближенными его на крыльцѣ выставлены скамьи, покрытыя яркимъ сукномъ и парчею.

Къ загороженному для травли мѣсту ведетъ крытый, изъ досокъ сколоченный, переходецъ. По этому то переходцу звѣрей выведутъ. Уже оттуда, съ этой сторо-



Гуртовщики въ степи на Дону. Оригин. рисун. М. Зиновьева, грав. Э. Шмидтъ.



Мостъ Палацкаго въ Прагѣ. Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

ны, раздаются дикіе звѣриные вскрики, заставляющіе вздрагивать женщинъ и подзадоривающіе любопытство мужчинъ.

Ворота заперты. Никого больше во дворъ не пускаютъ да и некуда—и безъ того давка страшная.

Вотъ на крыльцо наконецъ вышелъ молодой царь съ бояриномъ Морозовымъ и толпой царедворцевъ.

Онъ ласково поклонился всѣмъ собравшимся и, весело разговаривая съ окружающими, присѣлъ на свою скамью царскую.

Тучный, сѣдовласый бояринъ, земно кланяясь царю, объявилъ, что все готово для начала потѣхи.

— Ладно, такъ пускай начинаютъ, разслышала присмирѣвшая толпа звонкій, почти еще дѣтскій голосъ.

Гдѣ то въ сѣняхъ, за досчатымъ переходомъ, послышался оглушительный ревъ и черезъ мгновеніе передъ изумленными зрителями въ загороженномъ, но со всѣхъ сторонъ открытомъ для взоровъ мѣстѣ, показался левъ.

Женщины не стерпѣли и ахнули, многія такъ и совсѣмъ завизжали и стали прятаться за отцовскія и мужнины шубы.

„А ну какъ прыгнетъ черезъ загородку, да на насъ!" думала каждая изъ нихъ.

Тоже навѣрное думали и многіе мужчины, но старались конечно казаться спокойными.

Левъ однако и не помышлялъ перепрыгивать черезъ загородку: онъ стоялъ очень смирно на мѣстѣ, дрожа своимъ крѣпкимъ, огромнымъ тѣломъ и медленно встряхивая гривой. Передъ нимъ въ спокойной и непринужденной позѣ, съ длинной плетью въ рукѣ помѣстился его „хозяинъ", привезшій его изъ Кизыльбаша. Это былъ бойкій дѣтина атлетическаго тѣлосложенія съ длинной, черной бородою. Онъ называлъ себя Ильюшкой Микотинымъ, но никто навѣрное не могъ сказать, кто онъ и откуда. Знали только, что привезъ онъ звѣря невиданнаго царю въ подарокъ и царь такъ обрадовался, что наградилъ Микотина сукномъ на однорядку, да на кафтанъ и деньгами пожаловалъ ему три рубля съ полтиною. А затѣмъ онъ былъ оставленъ при львѣ и давался ему „кормъ и помѣщенье".

— Можетъ и разбойникъ какой и душегубецъ, говорили про Микотина, да поневолѣ придется держать его—одинъ де онъ умѣетъ со львомъ управляться. Левъ то, слышь, ему какъ малый ребенокъ покорствуетъ...

Вотъ и теперь—поглядѣлъ онъ нѣсколько мгновеній прямо въ глаза льву, дернулъ своей плеткой, левъ тихонько зарычалъ и легъ передъ нимъ, положивъ прямо на снѣгъ свою громадную, мохнатую голову.

Микотинъ крикнулъ какое то непонятное слово и тихо пошелъ, мѣрно шагая, вокругъ всей изгороди. Левъ послушно поползъ за нимъ. Зрители дивились не мало.

— Этакого то звѣря страшнаго и приручилъ, гляди какъ!—премудрость!

Не долго однако тянулась львиная потѣха. Морозу было около 5 градусовъ и льва жалѣли. Его перевезли въ Покровское въ теплой клѣткѣ только для того, чтобы онъ показался царю и зрителямъ.

Главная потѣха была впереди—медвѣжья травля.

Когда льва увели за загородку, вышло нѣсколько человѣкъ охотниковъ. Ихъ выходъ былъ встрѣченъ громкимъ одобреніемъ со стороны зрителей. Эти охотники по всей Москвѣ славились. Имъ ужь не въ первой приходилось выказывать чудеса ловкости, силы и смѣлости на медвѣжьей травлѣ. Всѣ они были одѣты въ короткіе кафтаны, высокіе сапоги и низкія мѣховыя шапки съ ушами. Вооруженіе ихъ состояло изъ рогатины или ножа. Они подошли ближе къ царскому крыльцу, поклонились царю и ждали кому изъ нихъ онъ назначитъ бороться съ звѣремъ.

Алексѣй Михайловичъ приподнялся съ мѣста и весело кивнулъ имъ головою.

— Всѣ на лицо, сказалъ царь, и ты старина здѣсь, Богданъ Озорной!

Старикъ охотникъ, къ которому обратился царь, еще разъ поклонился въ поясъ и подтолкнулъ двухъ молодцовъ.

— А вотъ, батюшка государь, проговорилъ онъ густымъ басомъ,—привелъ сынковъ двухъ своихъ, Никифора да Якова, прикажи и имъ потѣшить твою царскую милость.

Два рослыхъ, здоровыхъ парня, переминаясь съ ноги на ногу, неловко стояли и поглядывали изъ подлобья, то и дѣло кланяясь.

— Не разъ приводилось мнѣ потѣшить государя батюшку царя Михаила Ѳеодоровича, продолжалъ Богданъ Озорной,—и милость я его государскую къ себѣ не разъ видѣлъ, а вотъ нонѣ старость одолѣвать стала, да и рука вотъ десная, какъ въ позапрошломъ лѣтѣ помялъ ее мохнатый, что-то не ладно ходитъ. Такъ можетъ парни замѣстъ меня теперь потѣшатъ твои царскія очи.

— Ладно! сказалъ Алексѣй Михайловичъ;—который изъ нихъ старше то? пусть онъ и начинаетъ, а мы посмотримъ...

Охотники, одинъ за другимъ, исчезли въ крытомъ переходѣ. На аренѣ остался только Никифоръ Озорной.

Онъ оглядѣлся—кругомъ стѣна, стѣна крѣпкая, которую не сломаешь, черезъ которую не перепрыгнешь въ случаѣ опасности. Но онъ не думалъ объ опасности, онъ спокойно ожидалъ противника и отошелъ на ту сторону круга, которая была какъ разъ противъ дверецъ крытаго перехода.

Прошло нѣсколько мгновеній, зрители притаили дыханіе.

На крыльцѣ царскомъ старые и молодые бояре сидѣли величаво—неподвижно.

Царь Алексѣй Михайловичъ нетерпѣливо, самъ не замѣчая того, слегка притопывалъ ногою и, не мигая, смотрѣлъ прямо на арену.

Вотъ близко, совсѣмъ близко раздался глухой ревъ, дверцы распахнулись и громадный медвѣдь показался оттуда. Медленно качая головою и изумленно оглядываясь по сторонамъ, онъ очевидно сразу не могъ понять—гдѣ онъ и что это дѣется кругомъ него. Но вотъ его маленькіе, злобно горящіе глаза остановились на человѣкѣ, бывшемъ передъ нимъ въ такомъ близкомъ разстояніи. Медвѣдь дрогнулъ, грозно зарычалъ, поднялся на заднія лапы и—прямо пошелъ на человѣка.

Какъ будто электрическая искра пробѣжала между зрителями. Опять раздались женскія взвизгиванья, но уже никто не обращалъ на нихъ вниманія—всѣ глядѣли, раскрывъ рты и затаивъ дыханіе, на арену.

Никифоръ Озорной быстро перекрестился, выставилъ впередъ рогатину, отставилъ ногу и, напрягшись всѣми мускулами, ждалъ противника. Медвѣдь былъ уже совсѣмъ передъ нимъ: неловкое движеніе, дрогнетъ рука, не хватитъ силы—и все пропало. Звѣрь кинется на человѣка и начнетъ на части рвать его... Но Никифоръ не дрогнулъ, только глаза его странно, лихорадочно горѣли. Въ немъ самомъ проснулся звѣрь, проснулась злость и отвага. Ловкимъ движеніемъ онъ направилъ рогатину и сразу всадилъ ее въ грудь медвѣдя, между двумя передними лапами.

Радостный гулъ пронесся по двору.

Царь невольно привсталъ со своего мѣста и перекрестился.

Медвѣдь ревѣлъ отчаянно и напиралъ на охотника. Но тотъ стоялъ неподвижно, не дрогнувъ ни однимъ могучимъ членомъ, крѣпко держалъ рогатину у ноги своей тупымъ концомъ, а острый все глубже и глубже входилъ въ грудь звѣря. Кругомъ бѣлый снѣгъ уже начиналъ обагряться кровью, отъ которой шелъ легкій паръ въ морозномъ воздухѣ.

Медвѣдь еще продолжалъ стоять. Его ревъ раздавался все громче и громче, но теперь въ этомъ ревѣ

слышались совсѣмъ новые звуки. Еще мигъ, еще одно неуловимое движенiе со стороны Никифора—и громадный звѣрь повалился всей своей тушей. Зрители закричали, заволновались. Теперь уже побѣда человѣка рѣшена, самое важное сдѣлано. Бой почти оконченъ, медвѣдь погибъ. И дѣйствительно медвѣдь погибъ и торжествующiй Никифоръ Озорной, забрызганный алой, горячей кровью, съ поблѣднѣвшимъ, но счастливымъ лицомъ стоялъ передъ скамьею царской, и молодой царь говорилъ ему „спасибо."

Побѣдителя охотника повели угощать виномъ и брагой; его ожидала царская награда: портище хорошаго сукна на кафтанъ цѣною въ два рубля.

А на дворѣ и на крыльцѣ царскомъ всѣ опять сидѣли и стояли неподвижно. Потѣха еще не кончилась.

II.

Когда вытащили мертваго звѣря и замели слѣды его крови, смѣшавшейся со снѣгомъ, дверца, на которую нетерпѣливо смотрѣли зрители, снова распахнулась. На арену вышелъ новый охотникъ — старикъ небольшаго роста, но плотный и очевидно необыкновенно сильный. Онъ былъ одѣтъ, какъ и его товарищи, въ короткiй кафтанъ; изъ подъ мѣховой шапки выбивались пряди сѣдыхъ волосъ, небольшая сѣдая бородка торчала клиномъ; но въ выраженiи его благообразнаго лица сразу замѣчалось что то странное.

Выйдя изъ дверцы онъ остановился и потомъ обошелъ всю арену, одной рукою опираясь на свою рогатину, а другою ощупывая стѣну.

— Слѣпой, Слѣпой! пробѣжало между зрителями.

Дѣйствительно, охотникъ этотъ былъ—Слѣпой,—таково было его прозвище, а прозвище такое дали ему потому что онъ былъ слѣпъ на оба глаза. И между тѣмъ Слѣпой былъ однимъ изъ лучшихъ царскихъ охотниковъ. Не разъ, на удивленье всей Москвы, онъ бился съ медвѣдемъ и побѣждалъ его. Его кости однако испытали тяжесть лапъ медвѣжьихъ, но все же вотъ дожилъ онъ до старости и невредимъ остался.

Появленiе слѣпаго на аренѣ было конечно самымъ интереснымъ зрѣлищемъ. На борьбу зрячаго охотника съ медвѣдемъ смотрѣли съ любопытствомъ, но не видѣли въ этой борьбѣ ничего особеннаго: такъ къ ней привыкли; да и сами охотники шли на медвѣдя какъ бы шутя и побѣждая его, не считали это особеннымъ подвигомъ. А помнетъ медвѣдь — не бѣда, мало ли что бываетъ; совсѣмъ убьетъ, разорветъ въ клочья — ну что дѣлать, Божья воля, должно худой охотникъ коли не сумѣлъ справиться со звѣремъ. Но со слѣпымъ выходило совсѣмъ другое дѣло — слѣпой человѣкъ не видитъ врага своего, ужаснаго врага, побѣдить котораго можно только вѣрно и мѣтко расчитаннымъ ударомъ.

Слѣпой такъ-же какъ и его предшественникъ, обойдя арену, остановился на противоположномъ концѣ. Онъ снялъ свою шапку,—выказывая при этомъ огромный красный рубецъ на лысомъ лбу,—подпряталъ длинныя, мѣховыя уши шапки да и опять надѣлъ ее на голову. Онъ не могъ закрывать своихъ ушей—ему нужно было чутко слушать: уши—были его глазами.

Слѣпой стоялъ и ждалъ. И всѣ замѣтили, что онъ держитъ рогатину вовсе не такъ, какъ держалъ ее Никифоръ, а между тѣмъ всѣ хорошо знали какимъ образомъ охотникъ долженъ встрѣчать медвѣдя.

Что же это такое? Неужели старикъ такъ и дастъ себя на растерзанье звѣрю? Звѣрь ужь близко, вотъ у самой дверцы слышенъ ревъ его, вотъ онъ показался—медвѣдь огромный, больше перваго - вотъ онъ увидѣлъ противника, по обычаю поднялся на заднiя лапы и идетъ на него.

Зрители замерли, даже не слышно женскихъ визговъ, даже закутанныя фатою боярыни и боярышни не прячутся и смотрятъ во всѣ глаза: слишкомъ ужь страшно, слишкомъ любопытно.

Медвѣдь подходитъ къ слѣпому охотнику и вдругъ, въ одно мгновенiе ока, охотникъ дѣлаетъ прыжокъ и оказывается совсѣмъ въ другой сторонѣ арены. Зрители ахнули въ одинъ голосъ, даже медвѣдь остановился въ изумленiи, неуклюже поворотился и опять пошелъ на Слѣпаго. Но и тутъ Слѣпой готовъ былъ его встрѣтить. Онъ уже держалъ рогатину, по всѣмъ правиламъ, прямо передъ собою. Онъ стоялъ неподвижно, немного склонивъ голову на правую сторону, очевидно всѣмъ существомъ своимъ прислушиваясь. Вотъ уже почти надъ самымъ ухомъ его раздается свирѣпое рычанiе. Крѣпкой рукой упираетъ онъ передъ собой рогатину и попадаетъ ею въ медвѣдя. Медвѣдь завопилъ,— но что это такое? должно быть старикъ все же не разсчиталъ удара:—одной лапой медвѣдь ударилъ его по плечу и вцѣпился въ него своими крѣпкими когтями. Старикъ даже слабо вскрикнулъ, пошатнулся подъ натискомъ медвѣжьей лапы и присѣлъ на землю.

На крыльцѣ царскомъ произошло движенiе.

Алексѣй Михайловичъ вскочилъ со своего мѣста и закричалъ громкимъ голосомъ:

— Эй! скорѣе, кто нибудь, на помощь къ Слѣпому— вѣдь звѣрь разорветъ его!

Но Слѣпой не потерялъ присутствiя духа. Онъ былъ уже подъ медвѣдемъ; тотъ, разъяренный страшной болью отъ рогатины, которую чувствовалъ въ груди, навалился на него всѣмъ своимъ грузнымъ туловищемъ. Вдругъ Слѣпой, какъ то весь согнувшись кольцомъ, извернулся и высвободился изъ подъ медвѣдя. Быстрымъ движенiемъ выхватилъ онъ ножъ и по самую рукоятку всунулъ его въ горло звѣрю. Медвѣдь завопилъ, кровь такъ и хлынула у него изъ раны, онъ повалился и задергалъ могучими лапами. Слѣпой охотникъ съ разодраннымъ рукавомъ кафтана и окровавленной шеей стоялъ спокойно, высоко поднявъ голову; незрячiе, но открытые глаза его блестѣли на солнцѣ.

Неудержимые, безумные крики поднялись со всѣхъ сторонъ и долго не смолкали.

Царь велѣлъ подвести къ себѣ Слѣпаго, велѣлъ осмотрѣть его рану и поскорѣй перевязать; распрашивалъ гдѣ его помялъ медвѣдь, очень ли больно.

— Пустое, батюшка государь, пустое, повторялъ Слѣпой;—ужь ты не взыщи на мнѣ, старомъ, что чуть было передъ тобою не осрамился я нынѣ. Вѣстимо дѣло, это мнѣ не впервой—я его, гдѣ онъ и съ какой стороны и какъ ко мнѣ подходитъ, не то что ушами, а даже и носомъ чую, а все же иной разъ и промахнешься. Ну, да и силы ужь не тѣ нонѣ стали. Прежде бывало какъ сунешь въ него, это, рогатину, такъ сразу и чувствуешь, что она прошла куда ей слѣдуетъ.

— Да что ты тамъ толкуешь, перебилъ его царь,— „силы нѣтъ," нынѣ показалъ ты намъ какая въ тебѣ сила. Коли бы не видѣлъ своими глазами, что ты такое сдѣлалъ, такъ и не повѣрилъ бы людямъ. Спасибо, старина,—за такую твою службу мы велимъ наградить тебя—а только вотъ что я скажу тебѣ: довольно, не выходи ты больше на травлю—не ровенъ часъ, а я не хочу, чтобы тебя звѣрь да и на моихъ глазахъ растерзалъ.

И царь, ласково и печально улыбаясь Слѣпому, будто тотъ могъ видѣть эту улыбку, положилъ ему на плечо свою женственно нѣжную и бѣлую, но уже крѣпкую руку.

Старикъ почувствовалъ царское прикосновенiе и дрогнувшимъ голосомъ проговорилъ:

— Царь государь, на добромъ твоемъ словѣ тебѣ великое спасибо, но ужь дозволь ты мнѣ, пока силы хватаетъ, ходить на медвѣдя. Почитай, что съ издѣтства охотничалъ, еще какъ глаза видѣли свѣтъ Божiй, а какъ наказалъ меня Господь слѣпотою, покрылъ тьмою кро-

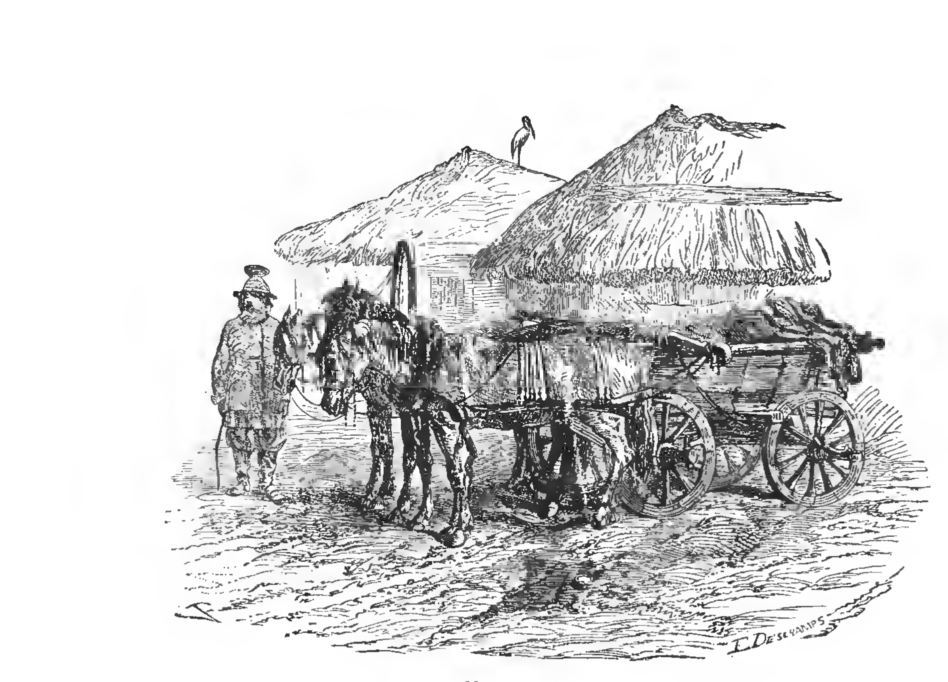
мѣшною очи мои, и то не оставилъ своего дѣла. И нынѣ, какъ ни на есть, а привелось мнѣ потѣшить тебя, царя батюшку, такъ ужь и до конца живота своего мнѣ ходить надобно на медвѣдя... може мнѣ такъ написано и умереть подъ медвѣдемъ, а я только одно вѣдаю, что коли мнѣ запретъ будетъ отъ тебя, такъ я съ одной тоски помру.

— Ну, какъ знаешь, старикъ, какъ знаешь! проговорилъ Алексѣй Михайловичъ и махнувъ рукою, чтобъ увели Слѣпаго, сѣлъ на свое мѣсто и всѣ окружающіе замѣтили какъ словно туманомъ какимъ заволокло свѣтлое и радостное лицо юноши.

Нѣсколько минутъ просидѣлъ онъ неподвижно. На арену выходили новые охотники и должны были появиться сразу три медвѣдя. Но эти охотники и эти медвѣди были уже не чета прежнимъ. Эти медвѣди были ручные и выводились они не для травли, не на смерть, жающіе, и пристальнѣе всѣхъ поглядываетъ бояринъ Морозовъ.

— Что такое сталось съ государемъ? Все былъ веселъ и радошенъ, и такъ ли любопытно глядѣлъ на травлю—извѣстно какъ любитъ онъ эти забавы. Что это, Слѣпой что-ли такъ огорчилъ его? У государя сердце больно мягкое, доброта въ немъ великая... Но хоть и помялъ медвѣдь Слѣпаго, да немного, и самъ Слѣпой, смывъ кровь съ плеча, да обвязавъ его мокрой тряпкой, теперь какъ ни въ чемъ не бывало пируетъ среди товарищей.

— Что бы такое это быть могло? думаетъ бояринъ Морозовъ;—и уже не въ первой я это замѣчаю: все веселъ, веселъ—и вдругъ какъ туча черная найдетъ на него, и глядитъ совсѣмъ иначе. Не дай Богъ, ужь не болѣсть ли какая съ нимъ, не испортилъ ли кто государя?



Изъ прошлаго.

(Кн. П. А. Вяземскаго).

„Такъ лошадей мнѣ нѣтъ у васъ?“
—Смотрите въ книгѣ: счетъ тутъ ясенъ.—
„Ихъ въ книгѣ нѣтъ, я въ томъ согласенъ,
Въ конюшнѣ нѣтъ ли?“—Тройка съ часъ
Послѣдняя съ курьеромъ вышла;
Три клячи на дворѣ и есть
Да ихъ хоть выбылыми счесть:
Не ходитъ ни одна у дышла.
„А долго ли придется мнѣ,
Платя въ избѣ терпѣнью дани,
Исторіи *тьму-таракани*
Учиться ночью по стѣнѣ?“
Да къ ночи кони придутъ, нѣтъ ли,
Тутъ ихъ покормимъ часъ иль два...

Ориг. рисун. Дешана, грав. Паннемакеръ.

а токмо на потѣху христіанскому люду. Охотники встрѣчали ихъ не рогатиной, а словомъ смѣшливымъ да прибаутками. По приказу этихъ охотниковъ медвѣди представляли: и какъ карлы ходятъ престарѣлые, и какъ хромой ногу таскаетъ, и какъ жена милаго мужа приголубливаетъ, и какъ малые ребята горохъ воруютъ и ползаютъ гдѣ сухо—на брюхѣ, а гдѣ мокро—на колѣняхъ, и много разнаго другаго.

Эти медвѣди водку пили изъ стаканчиковъ и потомъ лапой утирались и кланялись православному люду, и людъ православный заливался неудержимымъ хохотомъ.

Царь Алексѣй Михайловичъ особенно любилъ такихъ ученыхъ медвѣдей, но теперь онъ на нихъ и не смотритъ. Сидитъ онъ, опустивъ голову и съ недоумѣніемъ, отводя глаза отъ потѣхи, поглядываютъ на него окру-

— Что это ты, государь, золотой мой, шепчетъ Морозовъ своему питомцу,—али, не дай Богъ, нездоровится тебѣ?

— Нѣтъ, я здоровъ, чего это ты, Иванычъ?! отвѣчаетъ царь и улыбается.

Но какъ то не весела и не радостна его улыбка, какъ то даже поблѣднѣли его румяныя щеки.

— Скучно, Иванычъ,—прибавляетъ царь и зѣваетъ и потягивается,—все одно и тоже, всѣ эти медвѣжьи штуки. Пусть кто хочетъ остается, а мы поѣдемъ-ка въ Москву лучше!

Онъ встаетъ со своей парчевой скамьи и уходитъ съ крыльца въ хоромы.

Морозовъ, переглянувшись кой съ кѣмъ изъ окружающихъ, слѣдуетъ за государемъ.

(Продолженіе будетъ).

Венеціанна. Картина Р. Папперица, грав. Валла.

Кровельщикъ.

Историческій разсказъ.

I.

Въ маѣ 1750 года, общество въ Парижѣ было взволновано нелѣпыми слухами. Говорили, будто король, по совѣту безсовѣстныхъ докторовъ, для возстановленія своего здоровья, принимаетъ ванны изъ крови, для чего потихоньку уводятъ и убиваютъ маленькихъ дѣтей. Дѣйствительно, было нѣсколько случаевъ исчезновенія дѣтей. Людовикъ XV въ то время уже до такой степени потерялъ общее расположеніе, что легкомысленные парижане вѣрили въ возможность такихъ возмутительныхъ явленій. Жертвой народной ярости былъ невинный городской сержантъ, на котораго указывали какъ на „поставщика" такихъ ужасныхъ ваннъ. Парламентъ издалъ 25-го мая эдиктъ: „виновные въ распространеніи такихъ слуховъ, будутъ строго преслѣдоваться, равнымъ образомъ будутъ преслѣдоваться и лица подозрѣваемыя въ убіеніи дѣтей. Король, конечно, согласился съ парламентомъ, и въ его интересѣ было освободиться отъ несправедливаго и страшнаго подозрѣнія. Волненіе имѣло послѣдствіемъ усиленіе королевской стражи и городскаго гарнизона. Полиція давно знала случаи исчезновенія дѣтей, также какъ и виновниковъ этихъ преступленій, объ которыхъ она умалчивала, какъ умалчивала вообще о большей части возмутительныхъ поступковъ, совершавшихся въ то отдаленное и мрачное время. По такъ какъ постановленіе короля и парламента требовало безусловнаго повиновенія, то вскорѣ стало извѣстнымъ имя страшнаго преступника,—то былъ одинъ изъ Бурбоновъ—Кондэ, графъ Шаролэ.

Ему было въ то время около пятидесяти лѣтъ. Отличительнымъ признакомъ его характера была жестокость. Въ своихъ помѣстьяхъ онъ охотился на людей, точно на зайцевъ и разъ, въ припадкѣ кровожадности, пронзилъ кинжаломъ своего пажа. Всѣ эти преступленія оставались пока безнаказанными. Но когда сдѣлалось извѣстнымъ, что по его приказанію было схвачено и убито нѣсколько дѣтей, то думали, что оскорбленное человѣчество наконецъ будетъ удовлетворено. Самъ графъ открыто сознался, что одинъ докторъ, бывшій проѣздомъ въ Парижѣ, сообщилъ ему, будто ванны изъ крови возвращаютъ утерянную молодость. Король не хотѣлъ предавать огласкѣ этаго дѣла и страшное преступленіе осталось ненаказаннымъ. Графъ Шаролэ не боялся однако общей ненависти, чувствуя себя достаточно сильнымъ.

Къ числу лицъ, полагавшихъ что они страдаютъ отъ ужасной затѣи графа Шаролэ, принадлежало семейство кровельщика Петро Николэ, жившаго въ предмѣстьи С.-Антоанъ. Николэ по милости графа лишился своего маленькаго сына.

Понятно, какія чувства этотъ несчастный и его жена могли питать по отношенію къ Шаролэ. Могла ли мать забыть исчезновеніе сына. Мысль о немъ отнимала у нея апетитъ и сонъ и разрушала ея здоровье. Она постоянно упрекала себя въ томъ, что недостаточно внимательно ухаживала и смотрѣла за ребенкомъ. Мужъ всячески старался ее утѣшить.

Но горе свое бѣдный кровельщикъ долженъ былъ скрывать, иначе вѣроятно давно уже былъ бы въ заточеніи. Въ началѣ онъ искалъ правосудія у людей и ходилъ отъ одного къ другому, но все было напрасно. Ему не вѣрили, совѣтовали молчать, во избѣжаніе дальнѣйшихъ несчастій. Онъ принужденъ былъ замолчать, такъ какъ на немъ лежала обязанность содержать семейство и онъ не могъ рисковать своею свободою. Не достигнувъ ничего у людей, онъ тѣмъ съ большимъ жаромъ умолялъ небо отмстить за кровь сына.

У Николэ было еще нѣсколько человѣкъ дѣтей. Старшій изъ нихъ, Матюренъ, былъ также кровельщикомъ, и помогалъ отцу въ его трудныхъ и опасныхъ занятіяхъ.

Въ октябрѣ 1752 года оба они, въ числѣ другихъ, работали во дворцѣ герцогини С.-Лэ. Дворецъ этотъ находился въ улицѣ С.-Оноре, близь Вандомской площади, и отдѣлялся отъ дома графа Шаролэ только узкимъ переулкомъ.

Петръ Николэ и сынъ его Матюренъ перекрывая крышу во дворцѣ герцогини, могли видѣть все происходящее въ домѣ напротивъ. Тамъ въ это время царствовала полнѣйшая тишине—графъ былъ въ отсутствіи.

Такое сосѣдство дало понятное направленіе разговору работающихъ. Съ какою радостью, говорили они, освободили бы мы страну отъ такаго чудовища. Прочіе работники, знавшіе о семейномъ несчастіи Николэ и также полагавшіе, что Шаролэ—виновникъ этого несчастія—раздѣляли чувство негодованія, которое обуревало отца и сына.

Однажды вечеромъ, когда работники разошлись по домамъ, послѣ окончанія дневныхъ работъ, въ улицѣ С.-Оноре послышался шумъ.

Нѣсколько верховыхъ въ блестящихъ ливреяхъ ѣхали впереди прекраснаго экипажа, запряженнаго шестеркой, и грубо гнали съ дороги прохожихъ, что было въ то время въ обычаѣ. Затѣмъ слѣдовали еще нѣсколько экипажей, запряженныхъ четверками.

Всѣ кареты въѣхали въ открытыя ворота дома Бурбоновъ-Кондэ. Лакеи и конюхи занялись вещами и экипажами. Пажи выстроились въ два ряда по обѣимъ сторонамъ лѣстницы, освѣщая входъ во дворецъ своему господину восковыми свѣчами въ серебряныхъ подсвѣчникахъ.

Изъ кареты молча вышелъ богато одѣтый человѣкъ, небольшаго роста, съ маловыразительными, безжизненными чертами лица, но съ отличительными чертами физіономіи Бурбоновъ.

Графъ Шаролэ вернулся въ Парижъ послѣ долгаго пребыванія за границей.

Вѣсть о его пріѣздѣ быстро распространилась по прилегающимъ улицамъ: нелѣпые разсказы снова начались; матери удвоили присмотръ за дѣтьми и не выпускали ихъ никуда безъ провожатыхъ.

На другой день работники во дворцѣ герцогини С.-Лэ узнали о пріѣздѣ Шаролэ. Стукъ молотковъ раздавался по всей улицѣ съ шести часовъ утра.

Отецъ и сынъ Николэ взглядывали иногда на противоположный домъ, гдѣ была совершенная тишина.

Вдругъ съ шумомъ отворилось окно въ бель этажѣ и показалось багровое отъ бѣшенства лицо.

Это былъ Шаролэ, которому только передъ утромъ удалось немного заснуть и котораго вдругъ разбудилъ стукъ работниковъ.

Увидя кровельщиковъ на крышѣ, онъ позвалъ своего камердинера и приказалъ ему идти и тотчасъ же остановить работу, говоря что герцогиня не можетъ желать, чтобы будили ея сосѣдей такъ рано, а что работники могутъ выбирать для работъ другое время, когда его не бываетъ дома.

Слуга ушелъ исполнить приказаніе своего господина. Ничего тутъ не было необыкновеннаго. Передъ волей Шаролэ маленькіе люди должны были преклоняться.

Шаролэ высунулся опять изъ окна, чтобы видѣть послѣдствія своего распоряженія. Со своего мѣста онъ отлично видѣлъ Николэ и Матюрена, которыхъ лично не зналъ, а потому ему не приходило въ голову, что это люди наиболѣе его ненавидѣвшіе.

Кровельщики же, увидя этого человѣка, получившаго такую мрачную извѣстность, остановились работать.

— Негодяй! сказалъ Николэ голосомъ дрожащимъ отъ злобы. Вотъ я могъ бы его теперь убить, если бы захотѣлъ! Стоитъ мнѣ только пустить молотъ ему въ голову! Конечно, тутъ нельзя не попасть! Мой несчастный ребенокъ былъ бы отмщенъ.

— Отецъ, успокойся, остановилъ его Матюренъ. Если ты убьешь этого Шаролэ, тебя колесуютъ на Гревской площади! Подумай, будь остороженъ!

Петръ Николэ пробормоталъ страшное проклятіе и погрозилъ кулакомъ своему врагу.

Графъ Шаролэ увидѣлъ это движеніе. Онъ не зналъ настоящей побудительной причины и вообразилъ, что смѣются надъ его посланнымъ и угрожаютъ ему.

Въ немъ опять проснулся звѣрь...

— Ты мерзавецъ! прокричалъ онъ въ бѣшенствѣ, ты осмѣливаешься угрожать мнѣ! За это ты поплатишься!

Съ этими словами графъ схватилъ одно изъ ружей, которые держалъ всегда заряженными въ своей спальнѣ и прицѣлился. Раздался выстрѣлъ и Петръ Николэ съ раздробленной головой полетѣлъ внизъ на мостовую.

Матюренъ съ ужаснымъ крикомъ сбѣжалъ внизъ.

Люди бывшіе на улицѣ и работники, хотя и слышали выстрѣлъ, но не предполагали ничего общаго съ паденіемъ Николэ, который, по ихъ мнѣнію, оступился и упалъ. Только отъ Матюрена всѣ узнали о новомъ подвигѣ Шаролэ.

Это случилось почти одновременно съ приходомъ посланнаго отъ графа, требованіе котораго подняло бурю неудовольствій; вѣсть же объ убійствѣ привела всѣхъ въ неистовство, отовсюду раздавались крики о мщеніи.

— Какъ, насъ онъ лишаетъ заработка, послѣ того какъ кралъ и убивалъ нашихъ дѣтей! Это значитъ попирать человѣческіе и божескіе законы! Мщеніе, мщеніе!

И съ этимъ ужаснымъ крикомъ поминутно возрастающая толпа вооружилась чѣмъ попало и двинулась къ дому Бурбоновъ-Кондэ.

Прислуга замка, защищавшая доступъ, была перебита толпою; самъ же Шаролэ спрятался въ погребѣ.

На его счастье скоро подоспѣли войска и толпа, несмотря на сильное сопротивленіе была разогнана. Съ обѣихъ сторонъ было много убитыхъ и раненыхъ.

Матюрену удалось унести тѣло отца домой. Несчастная жена Николэ не перенесла новаго горя и недолго пережила своего мужа.

Вскорѣ однако узнали, что король простилъ Шаролэ его новое злодѣяніе. Казалось, что Шаролэ до тѣхъ поръ будетъ безнаказанъ, пока не совершится надъ нимъ судъ Божій.

Происшествіе это возбудило всеобщее вниманіе и многіе приняли горячее участіе въ дѣтяхъ несчастнаго Николэ.

На пожертвованныя деньги Матюренъ пристроилъ своихъ

сестеръ, а самъ по ихъ совѣту, уѣхалъ на нѣкоторое время изъ Парижа.

Королевское прощеніе, о которомъ говорилось выше, было дано однако Шаролэ на особыхъ условіяхъ.

Убійство Николэ среди бѣлаго дня, побудило Людовика XV принять дѣйствительныя мѣры противъ Шаролэ.

Въ мемуарахъ того времени есть слѣдующее любопытное свидѣтельство объ этомъ:

Король позвалъ къ себѣ Шаролэ. Въ кабинетѣ находились еще принцъ Орлеанскій и канцлеръ.

— Графъ! „началъ король“ я рѣшился помиловать васъ хотя вы этаго и не заслуживаете, но я дѣлаю это изъ уваженія къ вашему роду и имени.

Затѣмъ онъ приказалъ канцлеру приготовить вторую грамату, обѣщающую полное прощеніе тому, кто убьетъ графа Шаролэ. Такова была несложная юстиція. Эта вторая грамата была передана на храненіе.

Обращаясь затѣмъ къ графу, король сказалъ: „О, кто бы насъ поскорѣе избавилъ отъ васъ! идите.

Уничтоженный графъ вышелъ изъ дворца, не говоря ни слова, такъ какъ видѣлъ, что рѣшеніе короля неизмѣнно и твердо.

Затѣмъ графъ былъ объявленъ внѣ закона, что довело его чуть не до сумасшествія. Онъ думалъ, что приказаніе короля будетъ извѣстно во всей Франціи. Въ Парижѣ онъ не могъ оставаться болѣе. и уѣхалъ въ свое помѣстье, но и тамъ не былъ спокоенъ. Ему казалось что его стерегутъ на каждомъ шагу и убійцу видѣлъ за каждымъ кустомъ, въ каждомъ углу.

II.

Прошло восемь мѣсяцевъ послѣ описанныхъ событій.

Въ іюнѣ 1753 г. вечеромъ большая барка подвигалась вверхъ по Луарѣ. Она шла въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Тура, въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка красиво и широко разливается, образуя нѣсколько островковъ и обнажая подводныя скалы.

Небо заволакивалось тучами. идущими съ юга. Изрѣдка блистали молніи. Слышались раскаты грома.

Эти предвѣстники приближающейся бури сильно безпокоили хозяина барки.

На палубѣ было немного пассажировъ. между прочими молодой человѣкъ съ блѣднымъ и задумчивымъ лицомъ. Въ каютѣ, по словамъ хозяина барки, находился больной и старый господинъ. Вещи его стояли на передней части барки, тутъ же рядомъ стоялъ великолѣпный его экипажъ.

Молодой человѣкъ вошелъ на барку передъ самымъ ея отплытіемъ и не видѣлъ больнаго, такъ какъ тотъ уже раньше сошелъ въ каюту. Онъ и не спрашивалъ имени богача.

Съ наступленіемъ ночи, буря разразилась съ необыкновенной силой. Барку стало страшно качать. Вдругъ раздался возгласъ испуганнаго хозяина. „Святая Мадонна, мы погибли! Барка не слушаетъ уже руля. Насъ ударитъ о скалу! Боже, сжалься надъ нами!

— Мы погибли, мы погибли! раздавалось со всѣхъ сторонъ. Вскорѣ затѣмъ послышался трескъ. Барка ударилась о скалу и стала наполняться водою.

При свѣтѣ немногихъ ночниковъ и блескѣ молніи, пассажиры въ ужасѣ старались избѣжать смерти. Скала о которую разбилась барка, выступала очень невысоко надъ поверхностью воды и на ней нельзя было удержаться въ такую бурю. Въ отдаленіи виднѣлись маленькіе острова, но добраться до нихъ даже очень хорошимъ пловцамъ, при быстротѣ теченія, было очень трудно.

Потерпѣвшимъ крушеніе нельзя было долго раздумывать, барка все больше погружалась въ воду, а обломки разносились волнами. Всякій старался обхватить бревно или доску, чтобы продержаться на водѣ.

Молодой человѣкъ также схватился за небольшую доску. Съ трудомъ боролся онъ съ волнами. Многіе вокругъ, выбившись изъ силъ, тонули. Вдругъ онъ услышалъ подлѣ себя горячія мольбы о помощи. Молодой человѣкъ, придерживая одной рукой доску, другой схватилъ кого то за волосы и напрягая всѣ силы. вскорѣ почувствовалъ землю подъ ногами. Онъ доплылъ до небольшаго острова, куда и вытащилъ спасеннаго, который спустя нѣкоторое время пришелъ въ себя.

Кругомъ была непроглядная тьма. По временамъ только молнія освѣщала ужасную ночную сцену.

При блескѣ молніи молодому человѣку удалось разсмотрѣть спасеннаго имъ отъ смерти.

Это былъ уже пожилой человѣкъ. Онъ дрожалъ отъ холода и ужаса; съ богатой одежды его стекала вода и грязь. Молодому человѣку казалось, что ему знакомо это лицо, но не могъ припомнить, гдѣ и когда его видѣлъ.

Оба они очутились на маленькомъ островѣ; немного поодаль находился островъ нѣсколько побольше, поросшій деревьями.

— Мы теперь въ безопасности, сказалъ юноша, Богъ спасъ насъ.

— Ты спасъ мнѣ жизнь, отвѣтилъ тотъ. Я тебя вознагражу по княжески! Я богатъ и знатенъ. Я не хочу умирать, о я не хочу умирать!

— Но кто же вы?

— Я несчастный, преслѣдуемый графъ Шаролэ!

— Это ты, чудовище! О, я несчастный! Я тебя спасъ, вмѣсто того, что бы пустить тебя въ преисподнюю!

— Что? такъ ли я слышу? Не навожденіе ли это дьявола. И это говоришь ты—мой спаситель?

— Я Матюренъ Николэ, сынъ кровельщика, котораго ты застрѣлилъ на крышѣ дворца С. Лэ. Вотъ блещетъ молнія, узнаешь ли ты меня, чудовище?

— О, ужасъ! остановись! За что тогда твой отецъ угрожалъ мнѣ?

— За то, что ты укралъ и убилъ его ребенка, моего брата!

— О горе мнѣ! О, я великій грѣшникъ!

— Мать моя умерла съ отчаянія. И такъ, убійца моего брата, отца и матери, готовься къ смерти. Ты умрешь отъ моей руки!

Въ это время молнія освѣтила лезвее ножа, который Матюренъ выхватилъ изъ за пояса.

Шаролэ палъ на колѣни съ крикомъ: „Сжалься, сжалься!

— Нѣтъ у меня къ тебѣ жалости, и съ этими словами Матюренъ замахнулся ножемъ, но не попалъ въ Шаролэ—было слишкомъ темно.

— Гдѣ ты извергъ?

— О сжалься, сжалься!

Въ это время раздался оглушительный ударъ грома и молнія ударила въ близь стоящій одинокій тополь и расщепила его.

Тотъ же ударъ молніи попалъ и въ Шаролэ. Такъ свершился судъ Божій. Матюренъ словно чудомъ избѣгъ ужасной смерти. Онъ былъ невредимъ; его только оглушило, такъ что прошло нѣсколько минутъ, пока онъ опомнился.

— Божій судъ! проговорилъ юноша, Богъ не хотѣлъ, чтобы рука моя обагрилась кровью! Да—это Божій судъ!

Къ утру буря утихла и съ берега подоспѣла помощь. Кромѣ Матюрена спаслось еще нѣсколько лицъ, пріютившихся во время бури на сосѣднихъ островкахъ.

Шаролэ былъ погребенъ въ фамильномъ склепѣ Бурбоновъ-Кондэ.

Къ рисункамъ.

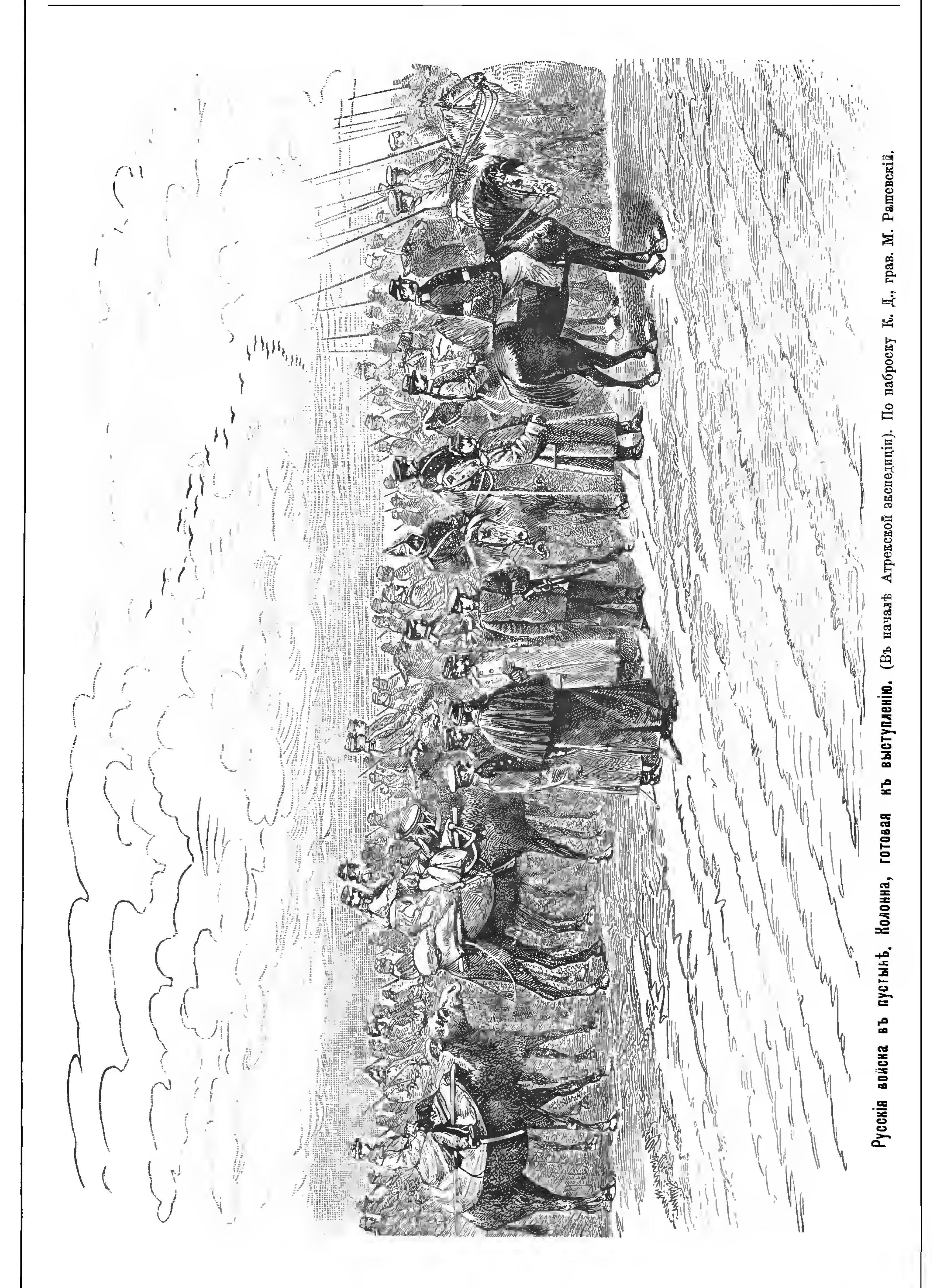
Гуртовщики.

Большая партія скота тянется, истаптывая гуртовые пути, въ громадныя столицы съ юга. Въ степи расположили гуртъ на отдыхъ, почевать. Заря уже меркнетъ далекою полосою, звѣзды кое гдѣ загораются и гуртовщики поставили самоварчикъ и собираются на воздухѣ чайничать и ужинать. Самоварный синій дымокъ тонкой струйкой тянетъ кверху къ темнѣющему, вечернему небу....

И давно ужъ улеглися
И жуютъ волы....
Звѣзды чистыя зажглися
По навѣсу мглы.
Только выше все всплываетъ
Мѣсяцъ золотой,
Только поле обѣгаетъ
Пёсъ сторожевой....

Мостъ Палацкаго въ Прагѣ.

Прага вообще богата замѣчательными постройками всякаго рода и между прочимъ мостами, изъ которыхъ одинъ, древній мостъ Карла IV, былъ подробно описанъ въ одной изъ статей нашего журнала (См. „Нива“ 1876 г. № 38). Въ послѣдніе годы Прага украсилась новымъ, великолѣпнымъ мостомъ, называемымъ мостомъ Палацкаго, представленнымъ на прилагаемомъ нами рисункѣ. Этотъ мостъ соединяетъ одну изъ многолюдныхъ частей Чешской столицы, а именно Подскала съ неменѣе многолюднымъ предмѣстьемъ Смиховымъ, гдѣ процвѣтаетъ заводская промышленность и населеніе котораго достигаетъ до 28,000 жителей, такъ что можетъ конкурировать въ этомъ отношеніи, даже съ многолюднымъ, промышленнымъ Пильзеномъ. Въ этомъ пунктѣ уже давно чувствовалась настоятельная потребность въ постоянномъ мостѣ, но только недавно составилась частная компанія, которая задумала на свои средства выполнить это предпріятіе. Но компаніи не удалось достигнуть своей цѣли, такъ какъ городское общество считало эту постройку національнымъ дѣломъ и рѣшилось произвести ее на свои собственныя средства. Рѣшивъ этотъ вопросъ, городское управленіе, занялось другимъ вопросомъ, а именно строить ли мостъ цѣпной или каменный. Мнѣнія по этому поводу раздѣлились, тѣмъ болѣе, что въ Прагѣ существуютъ мосты какъ того, такъ и другаго рода, могущіе служить прекрасными образцами для подобныхъ сооруженій. Но прекрасный планъ, представленный на конкурсъ инженеромъ Іосифомъ Рейтеромъ, положилъ конецъ разногласію и постройка каменнаго



Русскія войска въ пустынѣ. Колонна, готовая къ выступленію. (Въ началѣ Атрекской экспедиціи). По наброску К. Д., грав. М. Рашевскій.

моста была рѣшена. Теперь, когда мостъ готовъ, можно смѣло сказать, что онъ соединяетъ въ себѣ прочность съ изяществомъ формы и нисколько не уступаетъ другимъ пражскимъ сооруженіямъ подобнаго рода. Длина его съ одного конца до другаго болѣе 112 саженъ, а ширина болѣе 6 саженъ. Семь арокъ идутъ отъ одного берега до другаго, причемъ ширина средняго пролета равняется 16 саженямъ, другихъ же нѣсколько меньше. При постройкѣ, сваи были вколачиваемы посредствомъ паровой силы а дно углублено посредствомъ кессоновъ и машинъ, дѣйствовавшихъ сжатымъ воздухомъ. Работы были начаты въ 1875 году и шли такъ быстро и успѣшно, что въ 1877 году можно было уже приступить къ окончательной отдѣлкѣ моста. Мостъ этотъ очень высокъ сравнительно съ другими мостами Праги и видъ съ него на Градчѣнъ и Вышгородъ можетъ назваться дѣйствительно прелестнымъ. Пражская сторона его украшена гербами города, сторона же Смихова гербами королевства. Группы Нептуновъ съ конями, олицетворяющими рѣки, возвышаются на четырехъ его концахъ. Общая стоимость постройки моста простирается до полутора милліона гульденовъ. Названіе моста также возбуждало не мало споровъ между различными партіями. Многіе желали наименовать мостъ—мостомъ Рудольфа, въ честь короля Рудольфа II, который имѣлъ въ Прагѣ свою резиденцію, а также въ честь кронпринца Рудольфа, также бывшаго въ это время въ Прагѣ, но народная чешская партія одержала верхъ и мостъ былъ названъ мостомъ Палацкаго, въ честь и вѣчную память этаго неутомимаго вождя чешскаго народа и историка его прошлыхъ судебъ.

Донъ Гусманъ Бланко. Президентъ республики Венецуэла.

Донъ Иларіонъ Даза. Президентъ республики Боливія.

Донъ Аннибалъ Пинто. Президентъ республики Чили.

Венеціанка.

(Картина Паннерица).

Венеція любила щеголять своими красавицами; среди общественныхъ праздниковъ и торжественныхъ пріемовъ всегда являлась венеціанка, прекрасная, обаятельная, образъ которой намъ знакомъ изъ картинъ Тиціана, Веронеза и Тинторетто. Выставка красавицъ даже употреблялась республикой съ политическими цѣлями и считалась особенно необходимой при церемоніяхъ и пріемахъ коронованныхъ особъ. При посѣщеніи Венеціи Генрихомъ III въ залѣ совѣта было, напримѣръ, собрано до 200 прелестныхъ патриціанокъ, одѣтыхъ въ бѣлыя роскошныя платья, украшенныя драгоцѣнными каменьями. Онѣ составляли граціозныя группы и танцовали передъ вѣнценоснымъ гостемъ. Помимо подобныхъ чрезвычайныхъ случаевъ, жены и дочери венеціанскихъ патриціевъ не часто появлялись въ общественныхъ собраніяхъ и совершенно не допускались къ вмѣшательству въ политическія дѣла республики. Исключеніемъ была лишь знаменитая Екатерина Карнаро, которая въ XV вѣкѣ своимъ умомъ и красотой служила политическимъ цѣлямъ своего отечества. Подобныя претензіи на политическое вліяніе были вообще чужды венеціанкамъ временъ Возрожденія, и въ ихъ спокойныхъ, тихихъ убѣжищахъ онѣ проводили время въ мирныхъ занятіяхъ изящными искусствами и литературой, рѣдко прислушиваясь къ бурному отголоску народныхъ собраній, къ шопоту сбировъ и къ измышленіямъ тайнаго совѣта. Ихъ замкнутость и уединенность искупалась за то теплотою и прелестью интимной жизни. Сцена, взятая изъ сферъ такихъ нѣжныхъ, интимныхъ отношеній и представлена на картинѣ Паннерица. Это прелестная венеціанка, написавшая сонетъ, обращенный къ любимому человѣку. Красивый, изящный юноша читаетъ этотъ листокъ, на которомъ набросаны пламенныя строки, но лицо его холодно, не выражаетъ ни восторга, ни даже удивленія. Видно, что онъ относится къ сонету даже нѣсколько критически и не въ пользу прелестнаго автора. Но мо-

Карлъ Риттеръ. Столѣтній юбилей со дня его рожденія.
Съ гравюры на мѣди грав. Флюгель.

жетъ быть его холодность не можетъ нарушить въ эту минуту самое талантливое произведеніе и сила поэзіи не властна воскресить потухшее чувство или зажечь новую любовь. Можетъ быть близко то время, когда некому будетъ читать сонетъ прелестной поэтессы; палаццо ея опустѣетъ и она тщетно будетъ ожидать когда тихо скользнетъ къ крыльцу знакомая гондола. Но пока она довольна — онъ еще съ нею. Пока еще горе не пришло и счастьемъ сіяетъ лицо красавицы, обращенное къ пресыщенному, молодому счастливцу.

Русскія войска въ пустынѣ.

(Атрекская экспедиція).

Помѣстивъ въ одномъ изъ предшествующихъ №№ нашего журнала портретъ генералъ-адъютанта Лазарева, мы сообщили вмѣстѣ съ тѣмъ и свѣдѣнія о предпринятой подъ его начальствомъ экспедиціи противъ разбойничьей орды туркменъ Мерва. Спѣшимъ теперь дополнить эти свѣдѣнія нѣкоторыми интересными подробностями какъ о войскахъ экспедиціоннаго корпуса, такъ и о самихъ туркменахъ, „мирныхъ“ и „не мирныхъ“, т. е. о тѣхъ, которые служатъ въ рядахъ нашихъ, и о тѣхъ, съ которыми солдаты наши, можетъ быть, будутъ имѣть дѣло. Насколько извѣстно, до сихъ поръ численность отряда генерала Лазарева опредѣляется, считая нестроевыхъ, въ 30 тысячъ человѣкъ. Кавалерія, на долю которой несомнѣнно должна выпасть въ этомъ походѣ весьма важная роль, собрана здѣсь въ значительномъ количествѣ; она состоитъ изъ восемнадцати казачьихъ сотенъ, двухъ драгунскихъ полковъ и восьми сотенъ волонтеровъ изъ прикаспійскихъ киргизъ и туркменъ. Между ними и мервскими туркменами лежитъ своего рода „канлы“ (кровавая месть). И вотъ теперь сѣдой вождь Неоресъ собралъ родичей и ждетъ не дождется, когда ему придется собственной рукой наказать злодѣевъ своихъ. По просьбѣ его самаго, сотнямъ его данъ значекъ кроваво-краснаго цвѣта, служащій, вѣроятно, символомъ той мести, которую онъ готовитъ текинцамъ. Экспедиція снабжена, на случай продолжительнаго пребыванія въ степи, большими запасами провіанта и военныхъ припасовъ, для перевозки которыхъ заподряжено громадное количество верблюдовъ; предвидѣлось даже и отсутствіе топлива, въ виду чего взяты особые кухонные и хлѣбопекарные приборы, дѣйствующіе нефтью. Красный крестъ, съ своей стороны, снарядилъ при экспедиціи санитарный отрядъ, составленный изъ людей, пріобрѣвшихъ уже опытъ въ минувшую русско-турецкую кампанію; съ ними, кромѣ транспорта съ различными госпитальными принадлежностями, доставлены, между прочимъ, и 500 угольныхъ фильтровъ для очищенія воды, а изъ Вѣны ожидается нѣсколько аппаратовъ, приготовляющихъ ледъ. Что же касается сообщенія экспедиціоннаго отряда съ Россіей, то оно будетъ поддерживаться посредствомъ походнаго электрическаго телеграфа. Въ настоящую минуту нельзя еще сказать ничего вполнѣ опредѣленнаго относительно предстоящихъ дѣйствій экспедиціоннаго корпуса. Не пускаясь въ догадки и предположенія, скажемъ то, что знаемъ. Изъ Чикишляра писали, что если текинцы примутъ сраженіе въ открытомъ полѣ, то сопротивленіе ихъ было бы сломлено однимъ ударомъ, если же они—что, конечно, вѣроятнѣе — станутъ уклоняться отъ рѣшительнаго сраженія, то экспедиціи можетъ быть придется перезимовать въ Теке. Въ отношеніи же Мерва — занятіе и дальнѣйшая судьба его должна рѣшиться обстоятельствами. Но понятно, все это произойдетъ, если только нашъ экспедиціонный корпусъ не перезимуетъ—въ Чикишлярѣ.

Туркмены, говоритъ одинъ путешественникъ, являютъ странную смѣсь нравственныхъ свойствъ. Они безпрекословно повинуются своимъ выборнымъ старшинамъ, строго охраняя у себя порядокъ управленія. Разбойничьи же наклонности развиты сосѣдствомъ съ враждебными племенами и, больше всего, полагаемъ, степнымъ привольемъ. Близъ селенія путники видѣли множество могилъ убитыхъ воиновъ, которыя краснорѣчиво говорили о безпрестанныхъ набѣгахъ безпокойныхъ сосѣдей. Воины, павшіе въ сраженіи, хоронятся обыкновенно одѣтыми и на томъ мѣстѣ, гдѣ пали, могилы ихъ отмѣчаются шестомъ, къ которому близкіе привѣшиваютъ лоскутья различныхъ тканей и другіе предметы. Строенія Гассанъ-Кули напоминаютъ тѣ постройки, на подобіе ульевъ, которыя сохранились еще какъ памятники кельтской архитектуры, въ Испаніи, близъ Бидоссоа. Селеніе состоитъ изъ восьми или девяти сотъ кибитокъ, обитаемыхъ почти исключительно рыбаками племени туркменъ. Вслѣдствіе низменности берега, море, во время приливовъ, часто заливаетъ селеніе, а потому всѣ кибитки устроены на возвышеніяхъ изъ плотно утоптанной земли, а немногія деревянныя постройки — на сваяхъ; мечети здѣсь ничто иное, какъ земляныя насыпи, имѣющія четырехугольную форму; вокругъ насыпи идетъ валъ: для входа въ мечеть перебрасывается доска. Единственнымъ промысломъ жителей служатъ рыбная ловля а также и изготовленіе кибитокъ. До 1859 года Гассанъ-Кули былъ гнѣздомъ морскихъ разбойниковъ; даже и послѣ прекращенія здѣшняго пиратства, туркмены нерѣдко дѣлали набѣги на сосѣднія персидскія селенія и уводили жителей въ неволю; многія изъ персидскихъ плѣнницъ, похищенныхъ такимъ образомъ, и до сихъ поръ проживаютъ въ Гассанъ-Кули, но уже не въ качествѣ невольницъ, а женъ своихъ похитителей; примѣсь персидской крови замѣтна, въ особенности, у молодежи по чернымъ глазамъ, дугообразнымъ бровямъ и женственнымъ чертамъ лица.

Отъ Чикишляра до Мерва насчитывается болѣе 500 миль. Далеко тянется необозримая, безводная степь, среди которой, узкимъ оазисомъ лежитъ плодородная полоса—гнѣздо хищническаго племени Мерва. Типъ этого племени, кажется вслѣдствіе смѣшенія съ (плѣнными, конечно) персіянками, утратилъ татарскія черты и сдѣлался гораздо правильнѣе. Это—по большей части рослые, сильные, стройные люди, съ продолговатымъ сухощавымъ лицомъ, оживленнымъ быстрыми, черными глазами и заканчивающимся небольшой бородкой. Ко тому ихъ состоитъ изъ длиннаго, преимущественно темнаго халата, туго перетянутаго широкимъ поясомъ, барашковой шапки и мягкихъ сафьянныхъ сапогъ, съ острыми, загнутыми вверхъ концами; они вооружены, по большей части шашкой и гладкоствольной двустволкой; къ поясу же прицѣплено нѣсколько узкихъ ремешковъ для привязыванія головъ убитыхъ непріятелей. Набѣги этихъ хищниковъ (всегда неожиданные и быстрые, благодаря, между прочимъ, ихъ великолѣпнымъ лошадямъ, славящимся во всей Азіи), слишкомъ извѣстны, чтобы распространяться о нихъ. Здѣсь изображенъ у насъ русскій отрядъ, готовый къ выступленію въ самомъ началѣ экспедиціи.

„Постороннему зрителю, говоритъ корреспондентъ и любо, и удивительно становится, когда онъ пробудетъ часикъ-другой въ средѣ нашего военнаго люда: народъ все бодрый, здоровый, веселый, усталости или изнуренія рѣшительно незамѣтно, и солдатъ и офицеръ получаютъ одинаково такъ называемую морскую провизію; достаточно указать суточную дачу этой провизіи, чтобы наглядно убѣдиться, что рѣдко солдатъ былъ такъ хорошо обезпеченъ, какъ въ настоящее время. Если къ этому прибавить пособія отъ „Краснаго Креста“ въ видѣ табаку, гребенокъ, кружекъ для чаю, ручныхъ фильтръ, да вспомнить о первоначальномъ снаряженіи людей въ походъ и выдачѣ солдатамъ разныхъ консервовъ, поршней, приспособленныхъ для перехода по пескамъ, и тому подобное, то понятно, что такъ обезпеченный солдатъ доволенъ и трудности для него не трудности, и невозможное для него возможно“. Телеграфируютъ изъ Баку, отъ 13-го августа, что туркмены уходятъ въ пустыню къ сѣверу отъ Мерва. Они послали въ Хиву нѣсколько тысячъ овецъ для обмѣна на хлѣбъ, нужный имъ для предстоящей кампаніи. Сраженій еще не было.

Англійскіе купцы продали туркменамъ теке 1,800 ружей Мартини.

Южно-американскія республики.

Къ портретамъ президентовъ республикъ: Венецуэла, Боливія и Чили.

Въ настоящее десятилѣтіе война, какъ извѣстно, „посѣтила“ почти всѣ части свѣта. Обойдя Европу, Азію, Африку, этотъ новый Минотавръ пожираетъ теперь человѣческія жертвы въ Южной Америкѣ. Нынѣшней весной произошло столкновеніе (продолжающееся и до сихъ поръ) между республиками Чили, съ одной стороны, и Пэру и Боливіей—съ другой. Разрывъ послѣдовалъ, сначала между Чили и Боливіей; Пэру примкнула къ этой послѣдней.

Чили (20°—49° с. ш.) тянется длинной и узкой полосой, по западному берегу Южной Америки, какъ бы придавленной Андскимъ хребтомъ къ Океану. Тутъ же у берега сгруппировался архипелагъ Чилоэ. Территорія республики, расположенная на скатахъ горнаго кряжа, имѣетъ видъ громаднаго амфитеатра, увѣнчаннаго частью снѣговыми, частью дымящимися вершинами. Между послѣдними насчитывается болѣе 14-ти дѣйствующихъ волкановъ, но, такъ какъ они преимущественно, заключены между другихъ горъ, то извѣрженія ихъ причиняютъ мало вреда, за то здѣсь нерѣдки разрушительныя землетрясенія—ихъ насчитываютъ среднимъ числомъ 3—4 въ годъ. Онѣ бываютъ, иногда ужасны по своимъ послѣдствіямъ, какъ напримѣръ,—землетрясенія 1822 г. Внутри страна представляетъ живописное сочетаніе холмовъ и долинъ, орошаемыхъ рѣками, слѣдующими по тому же направленію, что и самыя долины, т. е. съ востока на западъ и впадающими въ Тихій океанъ; но — судоходныхъ мало: на 123 — всего едва-ли только не двѣ, — Моло и Біобіо Климатъ умѣренный и напоминающій Южную Францію. Почва Чили необыкновенно плодородна и богата благородными металлами. Населеніе, католическое и говорящее на испанскомъ языкѣ, мало, однако, еще умѣетъ пользоваться естественными богатствами своей страны; промышленное движеніе весьма слабо и торговля, конечно, не обходится безъ значительнаго участія вездѣсущихъ британцевъ. Первыми европейцами, ступившими на Чилійскую почву, были испанцы, но имъ не дешево обошлась побѣда и завоеваніе. Попытка Альмагро не имѣла успѣха, Вальдивія—въ 1540 г.— завоевалъ было страну, но не могъ справиться съ араукацами: они гдѣ-то захватили его въ плѣнъ и умертвили. Долго еще не везло испанцамъ. Лишь впослѣдствіи Чили, наконецъ, былъ присоединенъ къ Перуанскому вице-королевству и оставался во

власти испанской короны до 1810 г., эпохи войны Наполеона 1-го съ Испаніей. Съ этаго времени началась борьба за независимость и партія, дѣйствовавшая въ этомъ направленіи, на первыхъ же порахъ, имѣла нѣкоторый успѣхъ; но въ 1814 г. правительственныя войска, присланныя изъ Пэру, возстановили прежній порядокъ; однако, чрезъ три года, въ 1817 г., аргентинскій генералъ С. Мартинъ, одержавшій въ нѣсколькихъ сраженіяхъ верхъ надъ испанцами, рѣшительной побѣдой при Майпу доставилъ Чили свободу и независимость.

Съ тѣхъ поръ Чили республика, исполнительная власть въ которой принадлежитъ президенту, избираемому на четыре года, а законодательная—сенату и палатѣ депутатовъ. Страна раздѣлена на пять департаментовъ. Главный городъ—С-тъ Яго. Перу, занимающій обширную территорію на томъ же, западномъ берегу Южной Америки, всегда славился неисчерпаемыми розсыпями драгоцѣнныхъ металловъ. Страна эта, обильная и другими естественными богатствами, представляетъ площадь въ 333 тысячи слишкомъ квадратныхъ километровъ и населена гуще, чѣмъ другіе государства Южной Америки. Двѣ трети населенія—туземцы индійской рассы, среди которыхъ первое мѣсто принадлежитъ, собственно, перуанскому племени „Квишуа,“ составляющему ядро и главную массу обитателей. Перу, какъ извѣстно, открытъ Пизарро, въ 1515 г. Уже онъ нашелъ здѣсь значительно развитую культуру и жителей, у которыхъ процвѣтала архитектура, скульптура, земледѣліе, горное дѣло, а столица—Куцко—поражала своимъ великолѣпіемъ. Перуанцы, отчаянно отстаивавшіе свою свободу, не оставляли своихъ попытокъ свергнуть ненавистное иго почти во все время испанскаго владычества.—такъ, послѣдній потомокъ прежней, туземной царственной фамиліи инкосовъ, погибъ на эшафотѣ въ 1781 г. Въ 1821 г. перуанцы были счастливѣе—въ этомъ году они, побѣдивъ испанцевъ, провозгласили Перу независимой республикой. Главный городъ, Лима—одинъ изъ значительнѣйшихъ и красивѣйшихъ городовъ Южной Америки,—Боливія, называющаяся такъ по имени своего освободителя и основателя, Симона Боливара—образована изъ прежняго „Верхняго Перу.“ Это, страна высокихъ горъ—Атакамскихъ Кордильеровъ, богатая рѣками, плодородными долинами, дѣвственными лѣсами, пампасами и тучными пажитями. Независимой республикой объявлена 1-го апрѣля 1825 года. Главный городъ здѣсь—Потози.

Желая ознакомить читателей съ наиболѣе выдающимися личностями изъ среды политическихъ дѣятелей государствъ Южной Америки, мы прилагаемъ портреты президентовъ трехъ республикъ: генералъ *Антоніо Гусманъ Бланко*, президентъ республики Венецуэла (прежняя испанская провинція Каракасъ), человѣкъ замѣчательныхъ военныхъ и административныхъ дарованій. Въ 1872 г., онъ, своими рѣшительными дѣйствіями, сумѣлъ положить конецъ неурядицѣ, революціи и междоусобной борьбѣ партій — явленію, обычному въ южно-американскихъ республикахъ. Избранный въ президенты, Бланко сумѣлъ сдѣлаться настолько популярнымъ въ странѣ, что, затѣмъ, снова по волѣ населенія, сталъ главой государства; въ 1877 г., по истеченіи втораго срока президентства, онъ былъ назначенъ посланникомъ къ одной изъ Европейскихъ державъ, но, возвратившись въ Венецуэлу по случаю смерти Линареса Алькантара, онъ былъ выбранъ президентомъ въ третій разъ. Онъ—въ настоящую минуту находится въ Европѣ, куда прибылъ для заключенія торговыхъ трактатовъ съ нѣкоторыми европейскими государствами. Власть онъ ввѣрилъ временно нынѣшнему вице-президенту, своему личному другу.

Генералъ *Иларіонъ Даза*, президентъ республики Боливія, родился въ 1840 г. и въ 1864 году, т. е. во время избранія президентомъ Мелегаріо, былъ простымъ офицеромъ; въ 1870 г. онъ способствовалъ паденію Мелегаріо и былъ произведенъ въ полковники, а въ 1876 г. въ чинѣ уже генерала и занимая должность военнаго министра. Даза, при посредствѣ своего рода coup d'état, захватилъ власть въ свои руки и населеніе, подчинившись его энергіи, признало за нимъ званіе президента республики.

Аннибалъ Пинто, президентъ республики Чили, сынъ генерала Ф. А. Пинто, бывшаго Чилійскимъ президентомъ, родился въ Консепсіонѣ въ 1824 г. Въ 1845 г. онъ пріѣхалъ въ Европу, въ качествѣ секретаря посольства и пять лѣтъ, проведенныхъ здѣсь, посвятилъ серьезнымъ научнымъ занятіямъ. По возвращеніи въ отечество, Пинто продолжалъ свои занятія и вмѣстѣ съ тѣмъ, сдѣлался однимъ изъ видныхъ политическихъ писателей. Назначенный, въ 1862 г. префектомъ провинціи Консепсіонъ, онъ оставался на этомъ постѣ до 1871 г. Одною изъ важнѣйшихъ его заслугъ за это время, признается организованіе дароваго начальнаго образованія въ провинціи. По избраніи въ депутаты, онъ уже въ 1870 г. назначенъ сенаторомъ республики. Въ 1871 г. президентъ Федерикъ Эрразурицъ поручилъ Пинто составленіе кабинета, но, отказавшись отъ поста перваго министра, онъ ограничился портфелемъ военнаго министерства, а въ 1876 г.—избранъ въ президенты республики Чили.

Географъ Карлъ Риттеръ.

100 лѣтній юбилей.

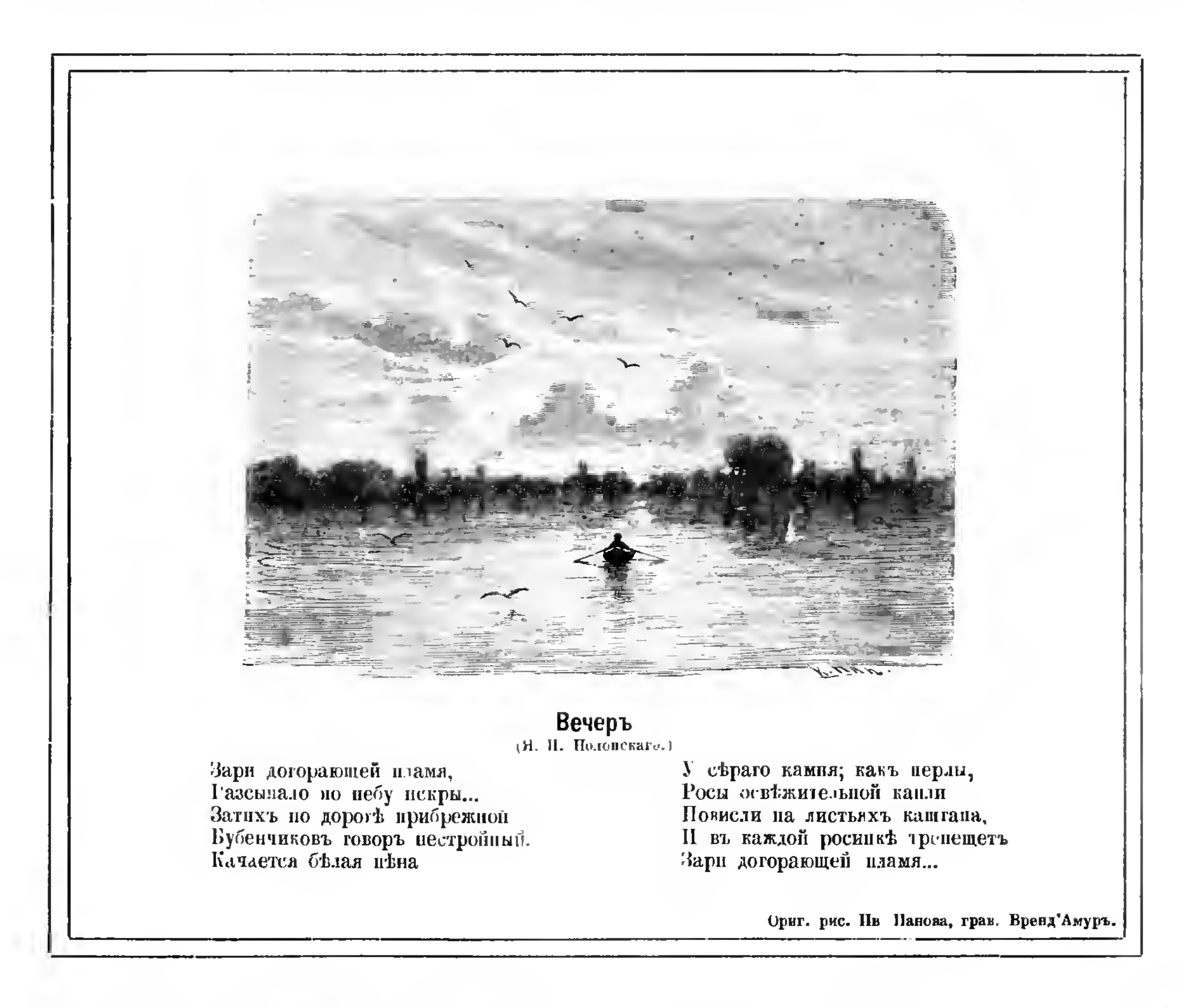
Наука географія достигла своего нынѣшняго развитія въ относительно близкое къ намъ время. Недавно еще эта отрасль человѣческаго знанія оставалась замкнутою въ узкихъ рамкахъ простаго землеописанія. На настоящую свою высоту, географія поставлена знаменитымъ германскимъ ученымъ Карломъ Риттеромъ, столѣтній юбилей котораго наступилъ сего 7 августа. Риттеръ родился 7-го августа 1779 г., въ Кведлинбургѣ, небольшомъ городкѣ, расположенномъ въ Нижнемъ Гарцѣ и составлявшемъ до 1803 года маленькое самостоятельное духовное княжество, которое управлялось аббатиссой лютеранскаго вѣроисповѣданія и находилось подъ покровительствомъ Прусскаго короля. Отецъ Карла Риттера состоялъ въ должности лейбъ-медика при предпослѣдней аббатиссѣ. Это былъ человѣкъ добрый, мягкій и всѣми уважаемый; при жизни онъ не успѣлъ обезпечить семьи и умеръ, оставивъ вдову и пятерыхъ дѣтей (Карлъ былъ третій сынъ его) съ болѣе чѣмъ ограниченными средствами. При такихъ обстоятельствахъ, трудно было, конечно, вдовѣ думать о серьезномъ образованіи дѣтей, но выручилъ случай. Около этаго времени, довольно извѣстный тогда педагогъ Зальцманъ открылъ въ Шнепфенталѣ, въ княжествѣ Гота, учебное заведеніе для мальчиковъ; узнавъ изъ газетъ о смерти лейбъ-медика Риттера, онъ взялъ 6-ти лѣтняго Карла къ себѣ въ школу даромъ. Здѣсь Карлъ Риттеръ пробылъ одиннадцать лѣтъ, до своего поступленія въ Гальскій университетъ. Пребываніе въ Шнепфенталѣ оказало благотворное дѣйствіе на физическую и нравственную природу мальчика и въ Гальскомъ университетѣ онъ, подъ руководствомъ близко ознакомившагося съ нимъ профессора Нимейера, основательно изучилъ педагогію и философію, но уже тамъ опредѣлилась спеціальность Риттера — любимымъ его предметомъ была исторія и, преимущественно, географія. Когда онъ былъ уже на пятомъ курсѣ, одинъ изъ значительнѣйшихъ въ то время банкировъ, во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, Бетманнъ-Голльвегъ, обратился къ Нимейеру съ просьбой рекомендовать ему воспитателя для двухъ сыновей его. Профессоръ прислалъ ему 21 лѣтняго Риттера, который, не смотря на молодость, быстро съумѣлъ заслужить довѣріе банкира и расположеніе, а также и уваженіе обоихъ воспитанниковъ, изъ которыхъ въ особенности съ младшимъ, своимъ любимцемъ, бывшимъ впослѣдствіи министромъ, оставался въ самыхъ тѣсныхъ отношеніяхъ до конца жизни. Замѣтимъ кстати, что въ семействѣ банкира Карлъ Риттеръ занималъ скорѣе положеніе родственника нежели воспитателя. Серьезно относясь къ своимъ обязанностямъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣлъ возможность всей душей отдаться предмету, къ которому относился съ увлеченіемъ. Въ этомъ отношеніи, домъ Бетманнъ-Голльвегъ доставилъ ему большое удобство. У него было много свободнаго времени, такъ какъ когда мальчики подросли, то поступили въ Франкфуртскую гимназію и домашнему наставнику принадлежало только наблюденіе за ихъ занятіями и, такъ сказать, нравственное воспитаніе ихъ. Затѣмъ предпринятыя, по желанію банкира, путешествія молодыхъ людей по Швейцаріи, Германіи, юго-западной Франціи, въ сопровожденіи Риттера, принесли этому послѣднему большую пользу въ его занятіяхъ географіей. Въ 1813 г. воспитаніе братьевъ Бетманнъ-Голльвегъ было окончено. Старшій посвятилъ себя банкирскому дѣлу, младшій же, не чувствовавшій призванія къ торговой дѣятельности, совершилъ съ своимъ наставникомъ большое путешествіе по Сѣверной и Средней Италіи, вступилъ, затѣмъ, въ Геттингенскій университетъ, для изученія права. Сюда за нимъ же послѣдовалъ и Риттеръ. Здѣсь онъ самъ, хотя ему было уже 34 года, слушалъ лекціи по различнымъ предметамъ. По отъѣздѣ своего бывшаго ученика въ Берлинъ, онъ остался въ Геттингенѣ, гдѣ, между прочимъ, получилъ дипломъ доктора философіи. Предназначивъ себя въ доценты по географіи, Риттеръ старался расширить свои познанія по географіи, исторіи и естественнымъ наукамъ.

Первые его ученые труды появились въ 1806 и 1807 гг.—это были 6 картъ Европы и „Европа, въ географическомъ, историческомъ и статистическомъ отношеніяхъ“. Его сочиненіе „Землевѣдѣніе по отношенію къ природѣ и исторіи человѣка“ обратило на него вниманіе всѣхъ ученыхъ и выдающихся людей той эпохи и Риттеръ долженъ былъ оставить свой скромный рабочій кабинетъ для общественной дѣятельности. Принявъ въ 1819 г. мѣсто преподавателя исторіи во Франкфуртской гимназіи, онъ вскорѣ былъ приглашенъ въ Берлинъ, гдѣ сойдясь близко съ Вильгельмомъ фонъ-Гумбольдтомъ, фонъ-Альтенштейномъ и генераломъ фонъ-Бойеномъ, однимъ изъ главныхъ участниковъ преобразованія прусской военной системы, Риттеръ занялъ кафедру исторіи въ высшей военной школѣ и въ университетѣ, въ 1825 году былъ назначенъ директоромъ классовъ кадетскаго корпуса, а затѣмъ избранъ первымъ президентомъ Берлинскаго географическаго общества. Въ числѣ учениковъ его находился принцъ Альбрехтъ, а позднѣе—и тогдашній наслѣдный принцъ, впослѣдствіи король Фридрихъ-Вильгельмъ IV, выказывавшій большое расположеніе къ знаменитому ученому. Капитальное произведеніе Карла Риттера составляетъ его обширное руководство къ общему землевѣдѣнію. Кромѣ того пользуются всеобщею извѣстностью и много другихъ сочиненій по географіи древнихъ и новыхъ временъ. Труды и сочиненія Риттера положили основаніе „сравнительнаго метода“ въ географіи, столь быстро двинувшаго науку впередъ и въ этомъ заключается безсмертная,

великая заслуга его. Карлъ Риттеръ скончался 28-го сентября 1859 г. Въ частной жизни это былъ человѣкъ глубоко религіозный, добрый до самоотверженія.

Ловля млатъ-рыбы.

Безпокойный обитатель морей, извѣстный подъ названіемъ млата-рыбы, изображенный на нашемъ рисункѣ принадлежитъ къ семейству акулъ, въ которыхъ отклоненія отъ общаго типа замѣчаются весьма часто. Эта рыба достигаетъ до значительной величины и вѣса, отличается еще одною характеристическою особенностью, а именно: расширеннымъ въ боковыхъ частяхъ черепомъ особенно костей и хрящей, находящихся около глазныхъ впадинъ, такъ что голова по своей формѣ очень похожа на молотъ. На концахъ обоихъ головныхъ выступовъ находятся глаза, тогда какъ ноздри помѣщаются на нижней части головы, выдаваясь надъ подковообразной челюстью, снабженной 3 или 4 рядами острыхъ зубовъ. Млатъ-рыба, какъ и всѣ подобныя ей акулы, водится исключительно въ моряхъ и илистое морское дно служитъ ей излюбленнымъ мѣстомъ убѣжища, гдѣ оно питается скатами, камболою, и другими рыбами, живущими подобно ей, на морскомъ днѣ. Иногда лишь млатъ-рыба всплываетъ на поверхность, слѣдуетъ за кораблемъ или плаваетъ около мѣстъ купанья, причемъ ея сосѣдство не всегда бываетъ безопаснымъ. Тѣло ея не имѣетъ чешуи и снабжено крѣпкими, трехгранными плавательными перьями. Благодаря этимъ послѣднимъ она отличается чрезвычайнымъ проворствомъ, силой и ловкостью движеній и эти то качества дѣлаютъ ее особенно опасной для ловящихъ жемчугъ, кораллы и губки въ Средиземномъ морѣ, такъ какъ въ этомъ морѣ млатъ-рыба водится преимущественно; но иногда встрѣчается и у береговъ сѣверной Европы. Когда рыбаками бываетъ замѣчено присутствіе млата-рыбы, они тотчасъ же приступаютъ къ устройству особеннаго рода громадной уды снабженной небольшою цѣпью и укрѣпленной длинными канатами. Подобная ловля производится или въ открытомъ морѣ, или на рейдѣ, куда млатъ-рыба входитъ вслѣдъ за судами. Греческіе и итальянскіе матросы убѣждены, что если подобная рыба попробовала человѣческаго мяса, то она становится очень лакомой къ подобнаго рода пищѣ и потому смѣло плаваетъ за кораблемъ и скоро попадается на крюкъ уды, на который навѣшивается огромный кусокъ сала. Овладѣніе подобнымъ чудовищемъ въ 10 или 14 футовъ длины и громаднаго вѣса всегда возбуждаетъ удовольствіе всего экипажа. Пойманную громадную рыбу оставляютъ висѣть нѣсколько времени въ видѣ трофея; затѣмъ убиваютъ ее нѣсколькими ударами или даютъ ей издыхать въ медленной агоніи. Матеріальная польза извлекаемая изъ млата-рыбы ничтожна; мясо ея ѣдятъ мало, изъ печени добываютъ ворвань, а кожа идетъ на приготовленіе шагрена и на другія незначительныя подѣлки.



Вечеръ

(Я. П. Полонскаго.)

Зари догорающей пламя,
Разсыпало по небу искры...
Затихъ по дорогѣ прибрежной
Бубенчиковъ говоръ нестройный.
Качается бѣлая пѣна

У сѣраго камня; какъ перлы,
Росы освѣжительной капли
Повисли на листьяхъ каштана,
И въ каждой росинкѣ трепещетъ
Зари догорающей пламя...

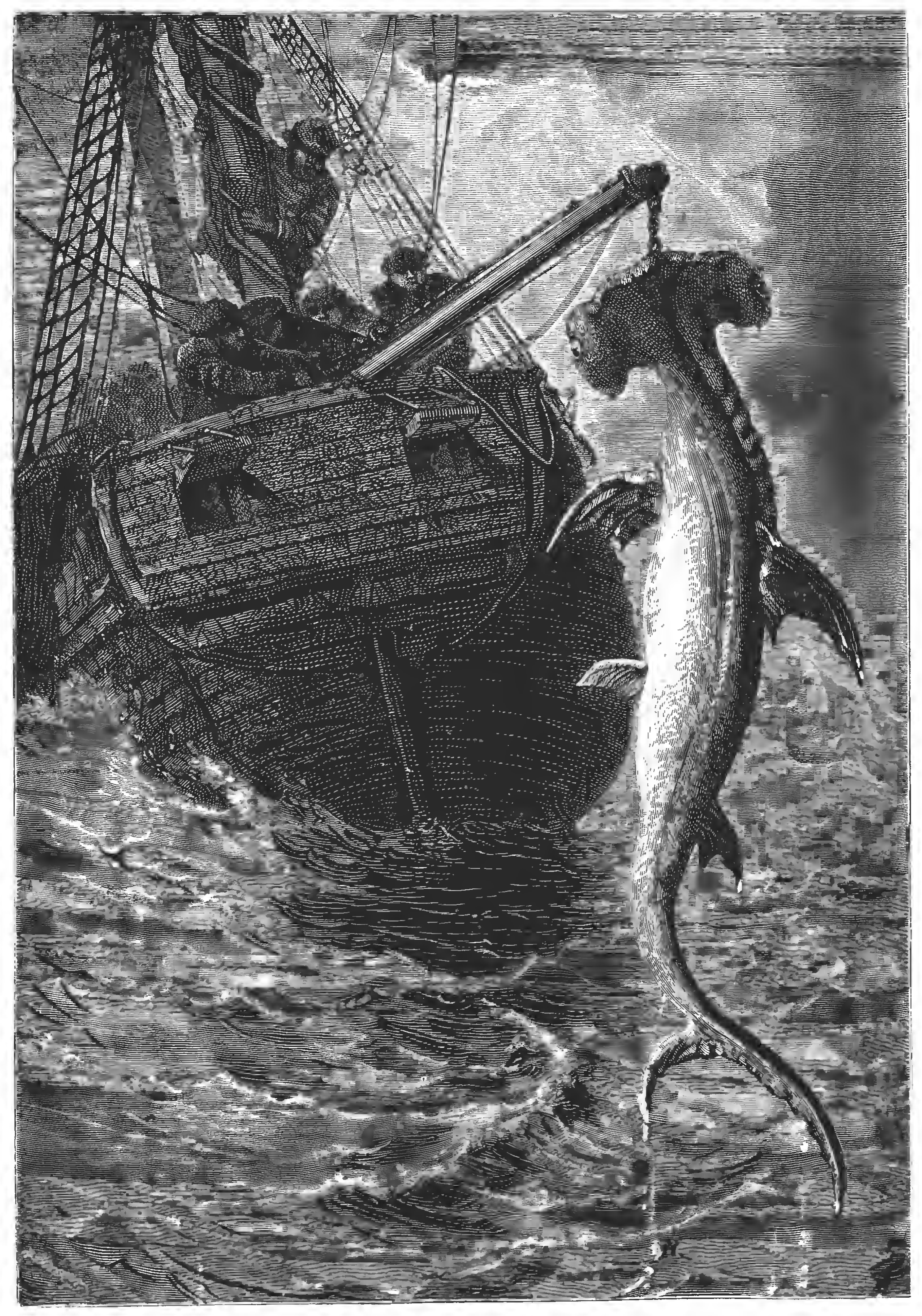
Ориг. рис. Ив. Панова, грав. Вренд'Амуръ.

Политическое обозрѣніе.

Преобразованія въ Оттоманской Имперіи.—Британія въ Марокко.—Открытіе памятника Тьеру.—Война въ Южной Америкѣ.

Изъ Константинополя сообщаютъ, что султанъ утвердилъ судебныя преобразованія, предложенныя Саидомъ-Пашей. Вотъ нѣкоторыя статьи: судебныя учрежденія уполномочиваются принимать непосредственно прошенія, съ которыми къ нимъ обращаются по гражданскимъ дѣламъ. Суды первой инстанціи раздѣляются на двѣ половины: уголовную и гражданскую; при первой состоитъ представитель прокуратуры, въ качествѣ коронпаго обвинителя. Выполненіе приговоровъ въ уголовныхъ дѣлахъ, порučавшееся до сихъ поръ полиціймейстеру и высшимъ административнымъ учрежденіямъ, переходитъ къ министру юстиціи, который дѣйствуетъ чрезъ генералъ-прокурора. Учреждаются должности прокуроровъ и помощниковъ прокуроровъ; апелляціонные суды и суды первой инстанціи въ Константинополѣ и главныхъ городахъ вилайэтовъ выполняютъ свои обязанности подъ контролемъ и руководствомъ генералъ-прокурора кассаціоннаго суда; христіанамъ обезпечивается большая доля участія въ отправленіи правосудія; въ главныхъ городахъ учреждаются юридическія школы; лица, окончившія курсъ въ этихъ школахъ съ дипломами, получаютъ должности въ судебномъ вѣдомствѣ. Вотъ нѣкоторыя черты судебной реформы, которую предположено ввести. Куда, однако, при новомъ законѣ о судопроизводствѣ, дѣнутся исконные судебные кодексы мусульманъ—адатъ и шеріатъ? Здѣсь турецкое правительство могло бы найдти себѣ камень преткновенія. Новый глава министерства, Аарифи-Паша, имѣлъ совѣщаніе съ Савфетомъ-Пашею (недавно прибывшимъ), причемъ рѣшено было ходатайствовать у султана не производить перемѣнъ въ кабинетѣ, до окончанія переговоровъ съ Греціей. Что же касается переговоровъ о турецко-черногорской границѣ, то въ этомъ вопросѣ

(Продолженіе на стр. 657, 658, 659 и 660).



Ловля млатъ-рыбы въ Средиземномъ морѣ. Съ наброска К. Д., грав. М. Рашевскій.

возникли нѣкоторыя затрудненія: британскій, турецкій и австрійскій уполномоченные согласились между собою относительно такой пограничной черты, которую русскій и черногорскій уполномоченные отказываются утвердить, итальянскій уполномоченный еще не высказался. Не скоро еще, кажется, завершатся всѣ эти пограничные вопросы, какъ вообще, едва ли мало пройдетъ времени, пока планы берлинскаго конгресса войдутъ въ колею, чтобы, конечно, не долго и продержаться въ ней... Въ созданной тѣмъ же конгрессомъ Румеліи также не можетъ окончательно установиться все, что желается—то Порта довольна Алеко-Пашей, то недовольна. Такъ, она можетъ одобрить распоряженіе генералъ-губернатора, назначившаго мусульманъ на должность въ тѣхъ округахъ, гдѣ ихъ единовѣрцы составляютъ большинство и допустившаго этихъ послѣднихъ также и въ жандармерію, но въ тоже время высказываетъ крайнее раздраженіе на него за то, что онъ не поднимаетъ надъ своимъ конакомъ турецкаго флага. Въ секретъ этихъ отношеній никакъ до сихъ поръ не проникнешь. Ясно только одно, именно, что раздражая Порту въ вещахъ маловажныхъ, или по крайней мѣрѣ несущественныхъ, князь Вогоридесъ удовлетворяетъ требованія ея тамъ, гдѣ они касаются вопросовъ первой важности! Съ бывшимъ хедивомъ, какъ будто, хотятъ поступить строже, нежели предполагали—есть извѣстіе, что ему „предлагаютъ“ поселиться въ цитадели острова Родоса. Странное предложеніе. Не „предложать-ли ему“, вмѣстѣ съ тѣмъ, уже кстати, заковать себя въ цѣпи? Есть слухъ о томъ, будто *британцы намѣреваются высадить свои войска на островъ Тенедосъ.*

Въ Сераевѣ, 27 іюля (9 августа) послѣ полудня, вспыхнулъ пожаръ, который удалось потушить только на другой день. Весь торговый кварталъ, католическая церковь, нѣсколько мечетей и около тысячи домовъ сгорѣли. 20 тысячъ человѣкъ остались безъ крова.

Бератъ, объ утвержденіи князя Александра султаномъ, наконецъ, доставленъ ему на этихъ дняхъ, въ Софію, Пертефомъ-эффенди.

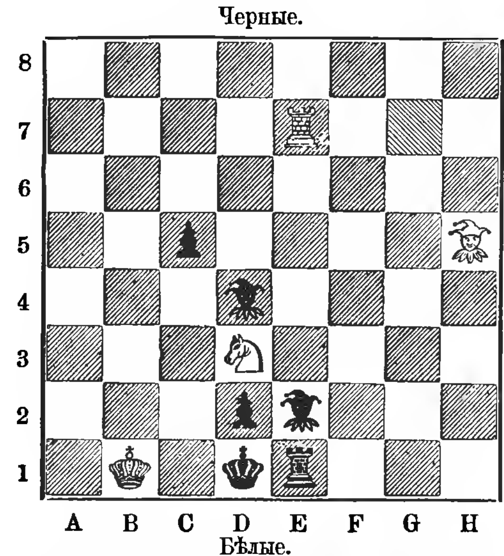
Въ прошлый разъ мы говорили о видахъ той же Британіи на Марокко. Вліяніе ея тамъ уже такъ сильно, что британскій посланникъ при императорѣ, сэръ Джонъ-Дреммонтъ-Гей, прозванъ проживающими въ Марокко европейцами „марокскимъ вице-императоромъ“. По многимъ признакамъ можно видѣть, что Британія намѣревается проводить энергически и тамъ свою „политику интересовъ“. Такъ, напримѣръ, давно уже марокское правительство дѣятельно вооружаетъ свои войска подъ предлогомъ необходимости принятія мѣръ и подавленію мятежа, вспыхнувшаго въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ имперіи. При этомъ оказывается, что марокскіе солдаты обучаются въ Гибралтарѣ, *британскіе офицеры поступаютъ на службу въ марокскую армію, нѣсколько крѣпостей, а особенно Тангеръ, приспособляются къ требованіямъ современной обороны британскими же офицерами и вооружаются полученными изъ Британіи пушками большаго калибра, при которыхъ состоитъ британская же прислуга.* Все это указываетъ довольно ясно на то, что у британскаго правительства готовъ планъ. Въ печати была высказана догадка, будто Биконсфильдъ желаетъ возвратить Гибралтаръ испанцамъ и взамѣнъ того утвердиться на противуположномъ африканскомъ берегу, пріобрѣтя обширную и богатую территорію, и отнюдь при этомъ не выпуская изъ рукъ ключа къ Средиземному морю... Неотступно, назойливо преслѣдуетъ все тотъ же вопросъ—когда же и гдѣ это кончится?

Въ Нанси происходило торжество открытія памятника освободителю французской территоріи—Тьеру. Вдовѣ и сестрѣ его устроена была овація. На банкетѣ французское чувство вырвалось-таки наружу—одинъ изъ ораторовъ, Ланглуа, высказалъ въ своей рѣчи надежду на отмщеніе за пораженіе, нанесенное Франціи Германіей. Президентъ банкета, однако, остановилъ увлекшагося оратора и рѣчь его была прекращена тѣмъ, что всѣ присутствовавшіе встали изъ за стола. Республиканское правительство распорядилось переименованіемъ парижскихъ улицъ на „республиканскіе мотивы“, но Греви отстоялъ улицы „Бонапарте“, и „Камбасереса“, а также и „бульваръ Гаусмана“. Греви собирается совершить поѣздку по нѣкоторымъ мѣстностямъ Франціи. Муниципалитеты многихъ городовъ прислали ему приглашенія посѣтить ихъ.

Съ весны нынѣшняго года въ Южной Америкѣ идетъ ожесточенная борьба соединившихся Перу съ Боливіей противъ Чили. Произошло уже нѣсколько морскихъ сраженій. Теперь сообщаютъ, что перуанскіе броненосцы „Гуаскаръ“ и „Уніонъ“ побывали въ чилійскихъ гаваняхъ и взяли пароходъ „Римакъ“ съ находившимся на немъ цѣлымъ полкомъ кавалеріи, а также три судна, нагруженныя углемъ и мѣдью.

Шахматная задача № 15.

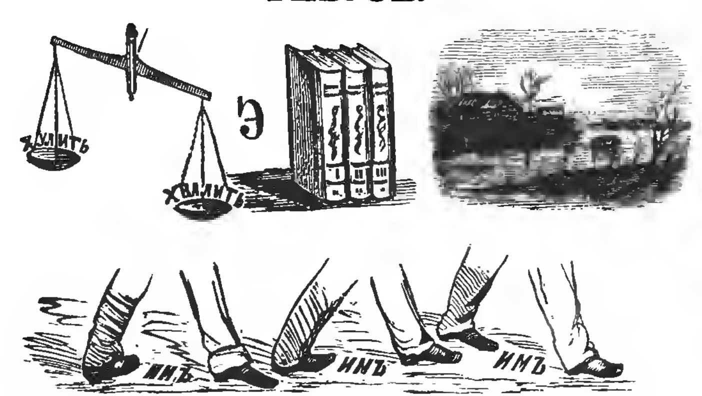
Черные.



Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и выигрываютъ въ 2 хода.

РЕБУСЪ.



Рѣшеніе задачи слоговъ въ № 30 „Нивы“.

Залог
Угар
Лакедивскіе
Ухаб
Ляпис
Удод
Иван
Ніагара
Ахилл
Пилав
Опорто
Лакмус
Елена
Ольвіопол
Новиков

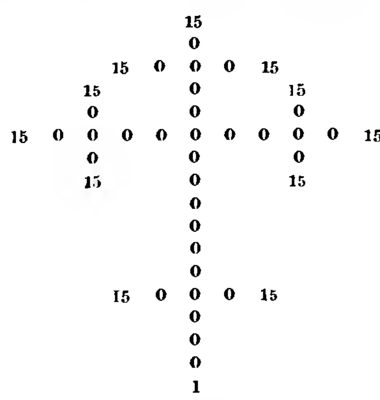
Зулу. Луи Наполеонъ.

Власовъ. Ландсбергъ.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы: **Спб.**, отъ гг.: Нерминова, Ногина, Глушкова, Витлока, Зафирова, Вѣлвена, Пашковскаго, Грасмана, Оношковича, Ольхина, Мейеровича, Набонова, Риля, Егорова, Назарова, Л. Б—ва, Мататина, Воровдана, Крылова, Эссена, Е. В. О., Дзюбенина, Лазаревскаго, Конаева, Калашникова, Лапина. Н. Трифонова, Гаммера, Пономарева, Загребина, И. И. Александрова, Коловайкина, Козьминскаго, Лядова, Дучинскаго, Н. Борвемана, Рейнке, Готовцева, Бочагова, Еаецваго, Копѣйчикова, Ерохина, С. Глинскаго, Харитонова и Г-жи М. Петровской. **Москва** отъ гг.: П. З—ва, Щеаелкина, Клугена, Зѣвакина, Баранова, Нюренберга, NN, Херсонскаго, Юрасова, Коптева, Еремина, Третьякова, Есина, Фосса, Власова, Вайникова, Соскова, Анже, Смирнова, Лебедева, студ. Смирнова, Вавастова, Козырева, Познакова, Сырова, Недохлаева и г-жъ Трубецкой и Савицкой-Васильевой. **Луга**—Целепа, **Мякишево**—Колубовскаго, **Сурвилишки**—Газенвинкеля, **м. Радзивиловъ**—Олавскаго и Винницкаго. **Слуцы**—Шера, **с. Алешино**—Н. З., **Шуя**—Щеколдина, **Merениоль**—Степанова, **ст. Константинова**—Осипова, **Кохма**—Везенова и Манарова, **д. Рождествино**—Котлярова, **Крапивна**—Домохонскаго, **Орелъ**—Раевскаго, Горскаго, Лебедева и Добрынина, **Коломна**—Ад. Кош, **Воронежъ**—В М. О. и Веневитинова, **Ярославль**—одн. изъ подписч., **Вязьма**—Гержбицкаго, **Одесса**—Штульверца, **ст. Болдино**—Рѣшимова, **Павловскъ** З. В. К—ва, **Вильна**— Сер. фонъ-Котсо и А. Неаскаго, **Старая Русса**—Ландау и Чвстовича, **Кострома** — Солодовникова, **Райвола** — Гаранскаго, **Старый Петергофъ**—Нардена, **Кронштадтъ**—Даржана и Михайлова, **с. Останкино**—Живаго, **Гомель**—Рубцова, **ст. Стобилище**—Д. К. Э—ъ и В. К. Ш—ъ, **Свѣнціяны**—Лунскихъ, **Псковъ**—Сладкопѣвцова, **Могилевъ губ.**—Аврнискаго, **Покровъ**—Харитова, **Витебскъ**—Сыцяиво, **Красное Село**—Куницкаго и Дудергофа, **Выборгъ**—Безобразова, Шмидтъ и Цертели, **Ковель**—Смолянинова, **Якобштадтъ**—Соколовскаго, **д. Мишутино** — Е. Т—ва, **Могилевъ Под.** — Е. Коцюбининой, **Минскъ** — Вѣлова, П. Свирже—Савлуна. **Псковъ**—Зуева, **ст. Черное**—Мицкевича, **Воскресенскъ**—Толузаковой, **Петергофъ** — Е. З. и В. Пет—съ и Горошкина, **с. Хомутово**—Наумова, **Стрѣльно**—Ступолкина, **Козловъ**—Д. В. Ш., Полонскаго, **Царское село**—А. и М. Николаевыхъ и Е. Е. Н. Я., **Смѣла**—О. Л., **Бѣлгородъ** — Рокатанскаго, **Иваново-Вознесенскъ**—Ерофѣева, Крашенинникова, **Череповецъ**—Соловьева, **Нижній Новгородъ**—Полтанова и Чмутова. **Бѣлая Церковь**—Линошинской, Здановича. **Кіевъ**—Вербицкаго, Веньяминова и Балабина. **Черкъ** — Сороволетова, **село Знаменское** — Ольхиной.

Рѣшеніе задачи (о брилліантовомъ крестѣ), помѣщенной въ № 30 „Нивы.“

Передѣланный крестъ имѣлъ слѣдующій видъ:



Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы: **С.-Петербургъ,** отъ гг.: Геннинга, Филипова, Ерохина, Шульгина, Зафирова, Графини Турчи, Глинскаго, Друвина, Вурикова, М. Смирнова и Мататина; **Москва**—отъ гг.: Недыхлиева, Цапулина, Ан—ріева, Есина, Гудаковскаго, Зѣвакина и И. З—аа. **Орелъ**—Добрынина; **Луга**—Целепи; **Гатчино**—В. С. Иванова; **Шуя**—Щековдина; **с. Алешино**—Н. З.; **Слупцы**—А. Шера; **ст. Болдино**—Рѣшимова; **Бѣжецкъ**—Васнлева; **Вязьма**—Вержбицкаго; **м. Смѣла**—О. Л. **Мякишево**—Колубовскаго; **п. Свирже**—Саилуна; **Бѣлая церковь**—Здановича; **Чернь**—Сороколетова и **Кіевъ**—Вербицкаго.

Рѣшеніе ребуса, помѣщеннаго въ № 30.

„Языкъ голову кормитъ, онъ же её и до побоевъ доводитъ.“

Вновь поступило въ пользу погорѣльцевъ гор. Иркутска.

Отъ служащихъ П. К. Николаева, въ Спб. 4 р. 10 к., А. и С. Шумаковыхъ въ Воронежѣ 3 р., неизвѣстнаго въ Спб. 2 р.; итого 9 р. 10 к., а всего съ прежде поступившими 24 р. 10 к.

Вновь поступило въ пользу погорѣльцевъ гор. Оренбурга.

Отъ г. Красйкова въ Вѣрномъ 3 р.; служащихъ И. К. Николаева въ Спб. 4 р. 10 к.; Фортунатова въ Колывани 2 р. А. и С. Шумаковыхъ въ Воронежѣ 3 р. Итого 12 р. 10 к., а всего съ прежде поступившими 238 р. 10 к.

СОДЕРЖАНІЕ: **Макарій, митрополитъ Московскій и Коломенскій** (съ портр.)—**Изъ Петрарки.** стих. **П. Гнѣдича.—Касимовская невѣста**. Историческій романъ **Вс. Соловьева.—Изъ прошлаго.** Стихотвор. **Кн. П. А. Вяземскаго.—Кровельщикъ** Историческій разсказъ.—**Гуртовщики** (съ рис.).—**Мостъ Палацкаго въ Прагѣ** (съ рис.)—**Венеціанка** (съ рисункомъ)—**Русскія войска въ пустынѣ** (съ рис.)—**Южно-американскія республики** (съ 3 портр.)—**Географъ Карлъ Риттеръ** (съ портретомъ).—**Ловля млатъ-рыбы** (съ рис.)—Политическое обозрѣніе.—Рѣшеніе задачи слогомъ.—Шахматная задача.—Ребусъ.—Рѣшеніе задачи «брилліантовый крестъ».—Рѣшеніе ребуса.—Вновь поступило въ пользу погорѣльцевъ гг. Иркутска и Оренбурга.—Объявленія.

Издатель **А. Ф. Марксъ.** Редакторъ **Ф. Бергъ.**

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

УМЕНЬШЕННЫЯ ЦѢНЫ.

НАСТОЯЩІЯ АМЕРИКАНСКІЯ ШВЕЙНЫЯ МАШИНЫ

ВИЛЛЕРА И ВИЛЬСОНА,

ВЪ НЬЮ-ІОРКѢ.

ДЛЯ СЕМЕЙСТВЪ, БѢЛОШВЕЙНЫХЪ И ДАМСКИХЪ ПОРТНИХЪ:

Съ кривой иголкой.

	руб. к.
№ 3. На столѣ съ стальнымъ нажимомъ	50 —
„ 2. „ „ „ стекляннымъ „	60 —
„ 1. „ „ „ „ „ высеребряная	65 —
Вышеназванныя машины съ орѣховымъ колпакомъ на 5 рублей дороже.	
„ 2. Въ полуящикѣ	70 —
„ 2. „ „ полированная	75 —
„ 1. „ „	75 —
„ 1. „ „ полированная	80 —
Ручной приводъ къ вышеназваннымъ машинамъ *	**8** —
„ 5. На столѣ, цилиндръ машина	80 —
ВИЛЛЕРА и ВИЛЬСОНА ручныя машины.	
„ 3. На ящикѣ	45 —
„ 2. „ „	50 —
„ 1. „ „	55 —
„ 1, 2 и 3 въ запирающейся шкатулкѣ на 5 руб. дороже.	

Съ прямой иголкой.

Машины новой конструкціи:	
„ 4. На столѣ	70 —
„ 4. „ „ съ маленькой крышкой	75 —
„ 8. „ „	65 —
„ 8. „ „ съ 3-ми ящиками	70 —
„ 8. „ „ „ „ „ и маленькой крышкой	75 —
Ручной приводъ къ вышеназваннымъ машинамъ *	6 50
„ 8. Ручная машина въ шкатулкѣ	45 —

Машины для ремесленниковъ, портныхъ, сапожниковъ и проч.

„ 6. На столѣ, маленькій модель	75 —
„ 7. „ „ большой „	80 —
Орѣховый колпакъ къ вышеназваннымъ машинамъ	6 —

* Посредствомъ этого аппарата дѣлается изъ ножной и ручная машина.

ЛУЧШІЯ НѢМЕЦКІЯ РУЧНЫЯ МАШИНЫ:

Одноиточныя отъ 8 до	15 —
Двуниточныя „ 25 „	45 —

Складъ лучшаго Англійскаго шелку, бумаги, масла, иголокъ и т. д.

М. Г. ХУТТОНЪ и К°.

С.-Петербургъ, Малая Морская, № 14 и Невскій пр., № 40.
Москва, Больш. Лубянка, домъ Мазуриной.
Нижегородская ярмарка, въ зданіи Каменнаго театра.
Одесса, у Х. Гефти, Полицейская ул., домъ Нитче.
Харьковъ, у Н. П. Баллина, Екатеринославская, № 28.
Въ другихъ городахъ у агентовъ.

ПРИМѢЧАНІЕ. Компанія Виллеръ и Вильсона гарантируетъ подлинность только тѣхъ машинъ, которыя куплены у ихъ главныхъ агентовъ Г. М. Хуттонъ и К° или у агентовъ въ провинціи. № 222 3—1

ВЪ „MAGASIN ÈTRANGER"
Иностран. магаз. В. Морская, д. № 30.

ДЛЯ ХОЗЯЕКЪ
!!! НОВОСТЬ !!!
АМЕРИКАНСКАЯ, МЕХАНИЧЕСКАЯ
!ЧУДО-ПРАЧКА!

Это уютнав, прочнав, устройства самаго несложнаго, машинка для стирки бѣлья, кладъ въ каждомъ хозяйствѣ, – она не портитъ, а предохраняетъ бѣлье отъ порчи; дѣлаетъ большую экономію времени и труда и что требовало сильныхъ рукъ и трехдневныхъ трудовъ, можно легко сдѣлать въ одинъ день. Самый неопытный, даже дитя, можетъ ею дѣйствовать, и ни одна домашняя вещь не вознаградитъ такъ щедро покупателя, не принесетъ такую громадную пользу и такой лихвенный процентъ, какъ предлагаемая испытанная американская прачешная машина. Ц. 16 р. иногородн. съ перес. 20 р., въ Азіатскую Россію 22 р.

!!! МАШИНКИ !!!
рубить мясо въ нѣсколько минутъ въ самыя мелкія волокна. Цѣна 7 р. 50 к. и дороже.

АМЕРИКАНСКІЕ КАРМАННЫЕ ВѢСЫ!
съ цифрами безъ гирь, которыми можно мгновенно провѣрить всякій вѣсъ до 12 и 20 фунтовъ. Цѣна 2 р. и 2 р. 50 к., иногородн. съ пересылк. 2 р. 50 к. и 3 р. вѣсы для кухни съ чашкой и тоже безъ гирь до 12 фунт. цѣна 2 р. 25 к. съ перес. 3 р. 50 к.

!!! КАРМАННЫЯ КУХНИ !!!
новаго превосходнаго устройства, спиртовая лампочка съ таганчикомъ въ футлярѣ: цѣна 2 р., иногородн. съ перес. 2 р. 50 к.

!! ЖАРОВНИ !!
Сжарить въ нѣсколько минутъ газетн. листомъ всякую говядину: бифштексъ, котлеты, рыбу и проч. Ц. 3 р., иногороднымъ съ перес. 4 р.

!!!СКОРОВАРКИ!!!
въ нѣсколько минутъ вскипятитъ воду, молоко, сливки. Цѣна 2 р. 50 к., серебряныя 5 р., съ перес. 3 р. и 5 р. 50 к.

!!!НОВОСТЬ ИЗЪ АМЕРИКИ!!!
Ковшики изъ кокосоваго орѣха съ ручкою. Ц. 75 коп., иногор. съ пересылк. 1 р. 25 к.

КРАНЫ
для сельтерской воды; ц. 1 р. изъ накладн серебр. 2 р.; иногороднымъ съ пересылк. 1 р. 50 к. и 2 р. 50 к.

МЕХАНИЧЕСКІЕ
!!!ПРОБОЧНИКИ!!!
которыми можно вытащить безъ малѣйшаго труда самыя тугія пробки. Ц. 1 р. 50 к. 2 р. 50 к. и 3 р., иног. съ пер. 2, 3, и 3 р. 50 к.

!!НОЖИ для ХЛѢБА!!
Цѣна 1 р. 25 к. съ перес. 1 р. 75 к.

НОЖИ ДЛЯ САРДИНОКЪ
которыми всякія жестянки разрѣзываются какъ бумага, не портитъ консервы и сохраняется въ цѣлости масло, цѣна 75 коп. и 1 р. иногородн. съ пер. 1 25 и 1 р. 50 к.

ВСЕОБЩІЙ ИНСТРУМЕНТЪ,
содержащій болѣе 12-ти разныхъ домашнихъ инструментовъ, к. т.: молотокъ, отвертка, клещи, ключъ для винтовъ и пр. Цѣна 4 р. 50 к. иногор. съ перес. 5 р.

!!! ВѢЧНЫЯ ТОЧИЛА !!!
на которыхъ можно точить ножи столовые, всякіе инструменты, ножницы, топоры и пр. Цѣна 40 к. Иногороднымъ съ перес. 1 р.

!!! НОВОСТЬ !
Розетки для свѣчей съ которыми свѣчи стеариновыя и восковыя, не капаютъ, даже если совершенно наклонены, или на ходу. Цѣна 1 р. 50 к. за дюж. съ перес. 2 руб.

ПАРИЖСКІЯ МЫШЕЛОВКИ,
которыми можно выловить мышей до послѣдней. Цѣна 25 коп. штука, для иногородн. съ перес. за 2 штуки 1 р.

ПОРОШОКЪ для МѢДИ
чиститъ скоро и отлично мѣдные самовары, мельхіоръ и проч. предметы изъ полированныхъ металловъ. Серебритъ для чистки накладнаго серебра и порошокъ для стали Цѣна 20 к. за пачку для иногор. съ пер. 3 пачки 1 р.

!!! КРЫСЕЛОВКИ !!!
отличнаго устройства, ею также ловятся всякаго рода хищные звѣрьки: куницы, хорьки и пр. Цѣна 1 р. 50 к. Иногородн. съ перес. 2 р.

!!! НОВОСТЬ !!!
Кольца для салфетокъ съ пружиной, которымъ можно придерживать салфетки около шеи цѣна 75 коп., съ перес. иногороднымъ 1 руб.

!!! СТЕЛЬКИ !!!
входящія въ самую узкую обувь; цѣна 50 коп. 1 р. и 1 р. 25 коп. иногордн. съ пересылкою 1 р. 1 р. 50 к. 1 р. 75 коп.

По громадной разнообразности товаровъ и постоянно мѣняющихся новостей управленіе магазина прейсъ-курантовъ составить не можетъ. Требованія иногороднихъ съ приложенными деньгами исполняются немедленно. Адресовать: въ «MAGASIN ETRANGER», иностранный магазинъ по Большой Морской, домъ № 30, въ С.-Петербургѣ.

КАРЛЪ ИВАНОВИЧЪ ВАГНЕРЪ,
САДОВОЕ ЗАВЕДЕНІЕ ВЪ РИГѢ,
симъ имѣетъ честь довести до свѣдѣнія любителей, что
иллюстрированные каталоги деревамъ, растеніямъ и пр.,
на 1879—1880 г.
изданы и разосланы всѣмъ постояннымъ покупателямъ этой фирмы.
Прочимъ же лицамъ, желающимъ получить таковые, посылаются каталоги, также безплатно, смотря по заявленію на русскомъ языкѣ, или на французскомъ и нѣмецкомъ. № 218 2—2

ГОСТИННИЦА
HOTEL D'ANGLETERRE
ВЪ БЕРЛИНѢ.
Давно извѣстное заведеніе, мѣстоположеніе отличное, самыя умѣренныя цѣны. № 125 20—12

При этомъ № прилагается для гг. иногор. подписч. (за исключеніемъ московскихъ) прейсъ-курантъ отъ чайнаго магазина К. Е. Киселева въ Москвѣ.

Дозволено цензурою СПБ. 9 Августа 1879 г. Тип. [illegible] № 10.

X годъ — годъ X

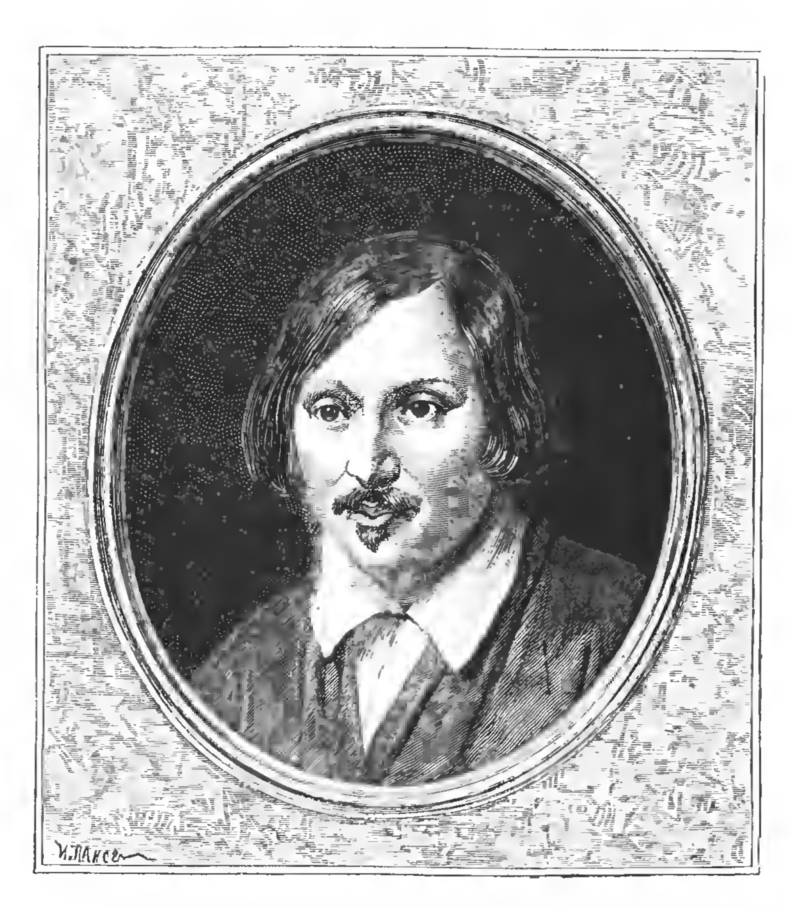
№ 34 — 1879

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ" (отъ 20 до 40 модн. рис.)
Выданъ 20 Августа 1879 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40). Цѣна этого № „Нивы" 15 к. съ перес. 20 к.

Дѣятели Русской литературы.

Н. В. Гоголь.

Николай Васильевичъ Гоголь-Яновскій родился 19 марта 1809 года, въ мѣстечкѣ Сорочинцахъ. Онъ происходилъ отъ стариннаго дворянскаго рода, имя котораго нерѣдко встрѣчается въ исторіи Малороссіи. Дѣтство свое нашъ великій писатель провелъ въ деревнѣ отца, среди обстановки, полной преданій старины. Только два поколѣнія отдѣляли его отъ казачества, разгульнаго, воинственнаго и суевѣрнаго, какимъ оно было и во времена Хмѣльницкаго. Самъ Гоголь зналъ нѣкоторыхъ представителей этаго удалаго времени, и, безъ сомнѣнія, имъ и въ особенности дѣду своему, бывшему полковому писарю, былъ онъ обязанъ многими изъ своихъ разсказовъ, извѣстныхъ подъ названіемъ: „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки". Отецъ его былъ человѣкъ весьма образованный для своего времени; его домъ и домъ его пріятеля Трощинскаго, (бывшаго министра юстиціи) составляли центръ всего мѣстнаго общества. У Трощинскаго былъ домашній театръ, на которомъ нерѣдко давались комедіи на малороссійскомъ языкѣ. Изъ всего этого видно на сколько жизнь маленькаго Гоголя была благопріятна для развитія его таланта.



Николай Васильевичъ Гоголь. Рис. И. Пановъ, грав. Паннемакеръ.

Выучившись грамотѣ дома у семинариста, Гоголь былъ отданъ въ Полтавское повѣтовое училище а оттуда поступилъ въ Полтавскую гимназію. Затѣмъ, черезъ два года, послѣ смерти своего младшаго брата Ивана, его перевели въ гимназію высшихъ наукъ князя Безбородко въ Нѣжинѣ.

Здѣсь, въ гимназіи, онъ уже предался литературнымъ занятіямъ. Первый его опытъ на этомъ поприщѣ была трагедія „Разбойники" написанная пятистопными ямбами. Тогда же, по словамъ его пріятеля Н. Я. Прокоповича, написалъ онъ балладу „Двѣ рыбки." Кромѣ того онъ издавалъ рукописный журналъ „Звѣзда." Но вскорѣ затѣмъ Гоголь увлекся страстью къ театру, сталъ устраивать спектакли въ гимназіи, принималъ въ нихъ самъ дѣятельное участіе и, по разсказамъ очевидцевъ, былъ очень хорошимъ

актеромъ, особенно въ роли Простаковой въ комедіи „Недоросль.“

Въ 1828 году Гоголь кончилъ курсъ по 2-му разряду. Мечты, которымъ онъ предавался еще въ гимназіи, о своей будущей петербургской жизни, о блестящей карьерѣ, разумѣется, не осуществились: пріѣхавъ въ Петербургъ онъ вполнѣ разочаровался въ немъ. Вмѣсто квартиры окнами на Неву, какъ онъ предполагалъ, онъ нанялъ вмѣстѣ съ Прокоповичемъ маленькую квартиру на Мѣщанской улицѣ. Блестящая карьера, о которой онъ мечталъ, также оказалась невозможной, потому что только въ 1830 году удалось ему опредѣлиться на службу, въ Департаментъ Удѣловъ.

До отысканія этаго мѣста Гоголь занимался литературой. Въ „Сынѣ Отечества“ было напечатано безъ подписи его стихотвореніе „Италія,“ а вслѣдъ затѣмъ онъ издалъ, подъ псевдонимомъ В. Алова, написанную имъ еще въ гимназіи поэму: „Гансъ Кюхельгартенъ.“ Рецензія Полеваго, наполненная насмѣшками надъ этой поэмой, заставила автора отобрать у книгопродавцевъ всѣ экземпляры, отданные имъ на коммиссію, и сжечь ихъ. Потерпѣвъ неудачу въ литературѣ, Гоголь хотѣлъ сдѣлаться актеромъ, но послѣ первой же, почему-то неудачной репетиціи, онъ долженъ былъ отказаться отъ этой мысли.

Къ этимъ неудачамъ присоединилось еще новое горе—Гоголь влюбился въ какую-то высокопоставленную даму, ему недоступную. Все это такъ потрясло его, что онъ рѣшился уѣхать за границу. Не имѣя денежныхъ средствъ для этой поѣздки онъ, по собственному признанію, рѣшился на слѣдующій безразсудный поступокъ: удержалъ деньги, присланныя его матерью для уплаты долга по заложенному имѣнію, въ вознагражденіе же за эту сумму, онъ предоставилъ матери право располагать по своему усмотрѣнію его частью отцовскаго наслѣдства. Однако заграничная поѣздка неудалась, какъ и все остальное—пробывъ въ Любекѣ около мѣсяца и взявъ нѣсколько ваннъ въ Травемюнде, Гоголь затосковалъ по родинѣ и вернулся въ Россію.

Въ 1830 году появилась въ „Отечественныхъ Запискахъ“ повѣсть Гоголя: „Басаврюкъ или вечеръ накануне Ивана Купала,“ а годъ спустя въ „Сѣверной Пчелѣ“ глава изъ историческаго романа „Гетманъ“ и кромѣ того два отрывка повѣсти „Страшный Кабанъ,“ подписанные псевдонимомъ „Гнечикъ.“

Эти повѣсти обратили уже на Гоголя вниманіе литературнаго міра и онъ познакомился съ Жуковскимъ, Плетневымъ и Пушкинымъ. Плетневъ исходатайствовалъ ему мѣсто старшаго учителя словесности въ патріотическомъ институтѣ, и доставилъ нѣсколько частныхъ уроковъ. Но Гоголь оказался такимъ же плохимъ наставникомъ какъ и чиновникомъ. Онъ преподавалъ безо всякой системы, бросался отъ одного предмета къ другому и разсказывалъ анекдоты.

Педагогическая дѣятельность не отвлекала однако же его отъ литературы. Къ концу 1831 года у него уже были написаны повѣсти, составляющія первую часть „Вечеровъ на хуторѣ,“ и онъ издалъ ихъ, по совѣту Плетнева, подъ заглавіемъ: „Повѣсти изданныя Пасѣчникомъ Рудымъ Панькомъ близь Диканьки.“ Эти повѣсти имѣли громадный успѣхъ. Вскорѣ появилась 2-ая часть и обѣ части были распроданы въ теченіи года. Затѣмъ Гоголь задумалъ написать исторію Малороссіи и исторію среднихъ вѣковъ. Хотя этимъ планамъ не было суждено осуществиться, но все же подготовленіе къ нимъ имѣло хорошіе результаты. Задуманной исторіи Малороссіи обязаны мы „Тарасомъ Бульбой.“

Въ 1834 году Гоголь получилъ каѳедру исторіи среднихъ вѣковъ въ Петербургскомъ Университетѣ. Но его профессорство было въ высшей степени неудачно: всѣ лекціи, кромѣ первой (о среднихъ вѣкахъ) и затѣмъ еще одной, читанной въ присутствіи Пушкина и Жуковскаго, были вялы и безжизненны. Въ слѣдующемъ году Гоголь вышелъ въ отставку.

Во время своего профессорства онъ издалъ: „Арабески и повѣсти,“ извѣстныя подъ общимъ названіемъ „Миргородъ,“ а въ 1835 году уже ставилъ на сцену „Ревизора.“ Недовольный актерами исполнявшими „Ревизора,“ и превратными толками объ этой комедіи, ходившими въ обществѣ, Гоголь совершенно упалъ духомъ и рѣшился уѣхать заграницу. Съ 1836 года начались его странствованія; онъ жилъ большею частью въ Римѣ и только на короткое время пріѣзжалъ въ Россію.

Въ 1837 году Гоголь началъ свое величайшее произведеніе: „Мертвыя души.“ Съ этаго же времени онъ все болѣе и болѣе сталъ впадать въ мистицизмъ. Ободренный успѣхомъ 1-ой части „Мертвыхъ душъ“ онъ издалъ свои письма подъ заглавіемъ: „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями.“ Но эта книга потерпѣла полную неудачу.

Въ минуты душевнаго спокойствія Гоголь продолжалъ писать „Мертвыя души.“ Неизвѣстно навѣрное, сколько главъ онъ написалъ. Нѣкоторымъ изъ своихъ пріятелей онъ читалъ до семи, но есть основанія думать, что второй томъ былъ уже окончень, когда онъ сжегъ его. Это предсмертное произведеніе Гоголя легко могло бы избѣжать постигшей его участи, если бы графъ Т., которому Гоголь предлагалъ взять его на храненіе и издать послѣ его смерти, не отказался отъ этаго порученія, боясь показать Гоголю, что и другіе считаютъ его безнадежно больнымъ.

Въ 1848 году Гоголь совершилъ путешествіе въ Іерусалимъ. Оттуда онъ вернулся въ Россію и прожилъ до своей смерти въ Москвѣ. Строгій постъ, который онъ, приготовляясь къ говѣнью, принялъ на себя на масляницѣ 1852 года и безсонныя ночи, проведенныя имъ въ молитвѣ, такъ изнурили его, что онъ заболѣлъ нервной горячкой, отъ которой и умеръ 21 февраля 1852 года.

Мы уже говорили, что въ послѣдніе годы своей жизни Гоголь все болѣе и болѣе впадалъ въ мистицизмъ, доводившій его даже до помраченія разсудка. Это настроеніе не было вызвано какой нибудь случайной причиной; обстановка его дѣтства, полная чудесныхъ преданій и суевѣрій, развила въ его нервной и впечатлительной натурѣ страсть къ фантастическому и уже въ его юношескихъ письмахъ проявляется наклонность къ религіозной экзальтаціи и аскетизму, которымъ отличалась вся жизнь его. Знакомство и даже дружба съ нѣкоторыми изъ нашихъ романтиковъ и долгое пребываніе въ древнемъ Римѣ, гдѣ онъ плѣнился католицизмомъ, еще болѣе развили эту наклонность. Экзальтація, въ которой Гоголь почти всегда находился, дѣйствовала разрушительно на его нервы и, къ концу жизни, разстройство нервной системы дошло до того, что онъ началъ слышать голоса, призывавшіе его.

По рядомъ съ этой болѣзненностью, рядомъ съ экзальтаціей, мрачными мыслями, мнительностью, а также и сильнымъ честолюбіемъ, въ характерѣ Гоголя уживались и другія, совершенно повидимому противоположныя черты: природный комизмъ отличавшій его съ самаго дѣтства. Только причина этой веселости лежала въ потребности заглушить невольную тоску, какъ онъ самъ высказывается въ „Авторской Исповѣди.“ „На меня находили, говоритъ Гоголь, припадки тоски, мнѣ самому необъяснимой, которая происходила, можетъ быть, отъ моего болѣзненнаго состоянія. Чтобы развлекать себя самого, я придумывалъ себѣ все смѣшное, что только могъ выдумать. Выдумывалъ цѣликомъ смѣшныя лица и характеры, поставляя ихъ мысленно въ самыя смѣшныя положенія, вовсе не заботясь о томъ, зачѣмъ это, для чего, и кому отъ этого выйдетъ какая польза.“ И такимъ то образомъ произошли его первыя повѣсти. Въ другихъ повѣстяхъ, написанныхъ позднѣе, мы уже не видимъ прежней беззаботной веселости; изъ за нея уже прорывается страданіе, смѣхъ завершается слезами. Припомнимъ окончаніе „Шинели,“ „Повѣсти о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ“ и Записокъ сумасшедшаго.“ Дѣйствующія лица въ повѣстяхъ Гоголя совершенно живы и изображены съ необыкновенной объективностью. Онъ умѣлъ нѣсколькими чертами создать живаго человѣка. Имѣвъ мало случаевъ познакомиться непосредственно съ русскимъ народомъ, онъ однако угадывалъ его, художественный талантъ вѣрно подсказывалъ ему, что каждый человѣкъ сдѣлалъ бы въ томъ или другомъ положеніи. Не смотря на весь комизмъ лицъ и положеній, въ которыхъ они находятся, Гоголь рѣдко впадалъ въ карикатуру, какъ это часто случается съ извѣстными юмористами, напримѣръ Диккенсомъ.

Описанія природы, встрѣчающіяся въ повѣстяхъ Гоголя—поразительны. Они полны лиризма и граціи; такихъ описаній какъ напримѣръ описаніе Днѣпра, Украинской ночи и степи, трудно найти въ какой бы то ни было литературѣ. Гоголь первый указалъ дорогу русскому роману. И до него уже нѣкоторые наши писатели пытались стать въ своихъ произведеніяхъ на твердую почву дѣйствительности, изображать русскую жизнь и русскихъ людей, но у нихъ не было достаточно силы, чтобы отрѣшиться отъ вліянія западной литературы; ихъ герои и героини, въ особенности Марлинскаго, болѣе похожи на средневѣковыхъ рыцарей, французовъ и нѣмцевъ, чѣмъ на русскихъ, съ которыми у нихъ, кромѣ имени, мало общаго. Гоголь впервые изобразилъ намъ русскую жизнь и русскихъ людей, не сантиментальныхъ армейскихъ офицеровъ, не добродѣтельныхъ мужиковъ, преслѣдуемыхъ судьбою а живыя лица, со всѣми ихъ пороками и недостатками.

Въ Маниловѣ онъ чрезвычайно удачно осмѣялъ сантиментальныхъ героевъ нѣкоторыхъ изъ своихъ предшественниковъ.

Гоголь—основатель такъ называемой реальной школы. Нѣкоторые изъ его послѣдователей, невѣрно понявъ реальность въ литературѣ, довели ее до крайности и поэтому ихъ произведенія лишены художественнаго значенія. **В. С—въ.**

Весна и лѣто

I.

Старую пѣсню мнѣ сердце поетъ,
Старая греза опять воскресаетъ—
Гдѣ-то блаженства цвѣтокъ расцвѣтаетъ...
Ласковый голосъ немолчно зоветъ...

Сказка волшебная вьявь предо мной,
Сказкѣ волшебной я вѣрю невольно—
Сердцу такъ сладко и сердцу такъ больно,
На душу вѣетъ безсмертной весной!..

II.

Выхожу я полночной порою:
Замолчали въ саду соловьи,
Не поютъ рыбаки надъ рѣкою
Однозвучныя пѣсни свои.

Тихо, тихо, лишь небо звѣздами
На уснувшую землю глядитъ,
Да ручей, пробираясь кустами,
Непонятныя рѣчи журчитъ...

III.

Липа ужъ цвѣтомъ покрылась душистая,
Ягода спѣетъ малины лѣсной,
И наливается рожь колосистая,
И упадаетъ трава подъ косой.

Съ медомъ хлопочетъ пчела легкокрылая
Тихо подъ ношей ползетъ муравей,
Пѣсня косцовъ раздается унылая
Въ зноѣ и зелени пышныхъ полей.

Церковь открыта, немного молящихся:
Все это старый и дряхлый народъ—
Съ теплою вѣрой за всѣхъ онъ трудящихся
Къ Богу молитву горячую шлетъ...

С.

Касимовская невѣста.

Историческій романъ Вс. СОЛОВЬЕВА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Продолженіе).

III.

Во всю дорогу, до самой Москвы, не могъ развеселиться Алексѣй Михайловичъ. На всѣ разспросы Морозова онъ отвѣчалъ, что чувствуетъ себя совершенно здоровымъ, и что просто ему скучно стало.

— Да вотъ плохо ночью спалъ, наконецъ объяснилъ онъ, такъ можетъ отъ того и скучно: что-то сонъ клонитъ.

Онъ прислонился къ высокой ковровой спинкѣ саней и закрылъ глаза.

Морозовъ рѣшился оставить его въ покоѣ, хоть и сознавалъ, что сонъ—только придирка, что царю вовсе не спать хочется, а этими словами онъ желаетъ просто на просто отвязаться отъ его, Морозова, разспросовъ.

Такъ оно и было: не дремалъ, сидя съ закрытыми глазами, царь молодой.

— Что такое со мною? думалъ онъ. Да ничего, ничего, просто скучно. И откуда скука такая берется? прежде ее не бывало!

Онъ совсѣмъ переставалъ думать и только прислушивался къ скрипу снѣга подъ полозьями саней. Онъ только вдыхалъ въ себя чистый, морозный воздухъ, открывалъ глаза, мгновенно взглядывалъ на озаренную заходящимъ солнцемъ снѣжную поляну и опять закрывалъ ихъ, и слѣдилъ, какъ передъ закрытыми глазами мелькаютъ отраженія солнечнаго свѣта, какъ ходятъ золотые кружки и потомъ отливаются то голубизною, то зеленью, потомъ темнѣютъ, наконецъ исчезаютъ.

Что-то тихое, тихое и тоскливое наплываетъ на сердце, что то звенитъ будто въ ушахъ, какія то слова неясныя, не то пѣсня, не то музыка—и опять ничего, и опять все въ туманѣ.

Потомъ вдругъ мелькнутъ живо и ясно, хоть и на мгновеніе, образы покойнаго отца, покойной матери—и расплывутся. Дрогнетъ сердце при воспоминаніи о недавней утратѣ, но новый неясный образъ, новое ощущеніе жуткое, непонятное, встрепенется въ груди. Мелькнетъ какъ будто радость, какой никогда не бывало, ожиданіе чего то необычайнаго и счастливаго, что близко, вотъ, вотъ сейчасъ будетъ... Но ничего этого нѣту... и снова тоска, снова скука.

Что, ужь и вправь не болѣсть ли это лихая? Не испортилъ ли кто? Не вынулъ ли лиходѣй какой царскаго слѣду? Не подкинулъ ли какую траву негодную на пути царскомъ? Нѣтъ! здоровъ, полонъ силы и свѣжести семнадцатилѣтній царь Алексѣй Михайловичъ. Никто не испортилъ его. Нѣтъ у него лютыхъ вороговъ, нѣтъ въ немъ лихихъ болѣстей. То не болѣсти, а юность, и силы, и здоровье сказываются, и просятъ новой жизни, новаго счастья, и поютъ и шепчутъ сердцу, что есть какая то страна заколдованная и что приспѣло время заглянуть въ страну эту. Вышелъ изъ дѣтства царь Алексѣй Михайловичъ, жить просится, хоть и самъ того не вѣдаетъ.

Да, прошли дѣтскіе годы и какъ прошли-то быстро, и сколько милаго, сколько свѣтлаго прошло съ ними! Какія перемѣны! Давно ли все это было? Давно ли никакой заботы, никакого горя, никакой темной мысли не зналъ счастливый мальчикъ?

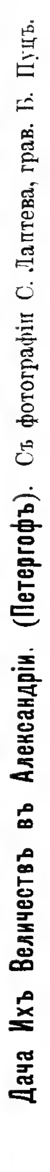
Судьба все дала ему для счастливаго дѣтства: и отца добраго и мать нѣжную, и по сердцу разумнаго воспитателя, и къ ученью большія способности, и къ забавамъ не малую охоту. Не нарадовались, не наглядѣлись на свое дитятко царь Михаилъ Ѳеодоровичъ съ царицею Евдокіей Лукьяновной. Глядя на него, разумнаго, да добраго, да пригожаго—грезили они, что выростятъ его, найдутъ ему невѣсту по мыслямъ, будутъ радоваться на его счастье, нянчить внучатъ будутъ, а потомъ, въ мирной старости, отойдутъ въ лучшій міръ, устроивъ всѣ житейскія дѣла свои и успокоившись духомъ.

Но судьба рѣшила иначе. До срока до времени скончался царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣдовала за нимъ и царица Евдокія Лукьяновна. Государство Московское присягнуло шестнадцатилѣтнему юношѣ. Алексѣй Михайловичъ, едва справясь со своимъ горемъ, едва осушивъ слезы на гробѣ добрыхъ родителей, увидѣлъ себя главою великаго царства.

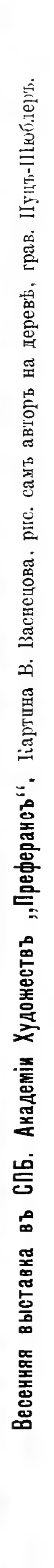
Долго все было передъ нимъ какъ бы въ туманѣ, долго ничего сообразить онъ не могъ, но сообразить нужно было и онъ очнулся отъ своего горя и отъ своего изумленія, понялъ свое новое положеніе и всѣ ближніе люди увидѣли въ немъ необычайную перемѣну. Вчерашній ребенокъ явился разумнымъ юношей и сразу выказалъ свои блестящія способности, и доказалъ всѣмъ, что учился онъ недаромъ и что разумные были у него наставники. Первый изъ нихъ, бояринъ Борисъ Ивановичъ Морозовъ, продолжалъ имѣть на него сильное вліяніе, продолжалъ быть самымъ близкимъ къ нему человѣкомъ. Даже послѣ смерти царя и царицы, эта связь еще болѣе окрѣпла. Борисъ Ивановичъ управлялъ теперь всѣми дѣлами, былъ первымъ лицомъ въ государствѣ. Передъ нимъ всѣ должны были склоняться, сознавая, что силу его поколебать невозможно. Но самъ Борисъ Ивановичъ хорошо видѣлъ, что не можетъ онъ назвать себя самовластнымъ господиномъ. Какъ ни молодъ, какъ ни робокъ еще его воспитанникъ, а все же не дастъ себя въ обиду, не дозволитъ вести дѣла по произволу. Въ каждомъ важномъ дѣлѣ отчета требуетъ, въ каждое важное дѣло своимъ юнымъ умомъ вникаетъ, всѣмъ интересуется, „добрый государь будетъ, добрый и разумный!"

И Борисъ Ивановичъ держитъ ухо востро, каждый шагъ свой обдумываетъ, чтобъ такъ или иначе не повредить себѣ, чтобъ поддержать свою связь съ государемъ, чтобъ увеличить свое на него вліяніе.

— Сегодня все въ моихъ рукахъ, разсуждаетъ про



Дача Ихъ Величествъ въ Александріи. (Петергофъ). Съ фотографіи С. Лаптева, грав. Б. Пуць.



Весенняя выставка въ СПБ. Академіи Художествъ „Преферансъ“. Картина В. Васнецова, рис. самъ авторъ на деревѣ, грав. Пуцъ-Шюблеръ.

себя хитрый бояринъ, но нужно подумать и о завтрашнемъ днѣ.

И сильно онъ объ этомъ думаетъ. Думаетъ онъ и теперь, то и дѣло посматривая на Алексѣя Михайловича и раскидывая въ умѣ своемъ, что бы значило его странное состоянiе, которое ужь не въ первый разъ онъ въ немъ замѣчаетъ. Сегодня особенно это состоянiе въ глаза бросается. Медлить невозможно, нужно узнать въ чемъ дѣло? и какъ помочь этому дѣлу? Нужно переговорить съ разумнымъ человѣкомъ, ибо умъ хорошо, а два — лучше. Разумный человѣкъ есть такой, думный дьякъ Назаръ Чистой, бывшiй купецъ ярославскiй, но теперь видную роль играющiй въ дѣлахъ государственныхъ и во дворцѣ царскомъ.

Молодой царь любитъ Чистáго, хоть еслибы заглянулъ онъ въ душу его лукавую, то разлюбилъ бы. Но душа—невидимка, а на лицѣ думнаго дьяка такое ясное веселье, такая радушная доброта написаны. Такъ умѣетъ онъ разумной и веселой рѣчью развлечь государя, заинтересовать его. Такъ забавно разсказываетъ онъ ему всякiя любопытныя исторiи.

Чистóй теперь ѣдетъ съ двумя боярами за санями государя. Вотъ они въѣхали въ Москву, проѣхали по люднымъ, народомъ кишащимъ улицамъ, въ Кремль въѣхали и остановились передъ царскими палатами.

Царь Алексѣй Михайловичъ открылъ глаза, равнодушно взглянулъ на свое царское жилище и поддерживаемый Морозовымъ вышелъ изъ саней. У крыльца и въ сѣняхъ его ожидали царедворцы. Ожидали они его милостиваго и ласковаго слова, его разсказа о медвѣжьей потѣхѣ, которую всегда такъ любилъ онъ.

Но на этотъ разъ царь молчалъ и только замѣтилъ, что проголодался и что не худо было бы поторопить съ ужиномъ.

— А пока я пройду къ сестрамъ, сказалъ онъ боярину Морозову.

IV.

Въ послѣднее время онъ довольно рѣдко посѣщалъ женскiя хоромы: слишкомъ много было дѣла. Онъ продолжалъ еще и науками заниматься, и интересовался всѣми дѣлами государственными, засѣдалъ съ боярами. Къ тому же его и не тянуло особенно на женскую половину дворца. Связь съ нею рушилась со времени смерти матери, да можетъ быть въ царѣ говорило и молодое самолюбiе: хотѣлось показать, что онъ ужь человѣкъ взрослый, что ему и не слѣдъ и не охота проводить время съ бабами.

Но теперь ему захотѣлось въ теремъ, и шелъ онъ по дворцовымъ коридорчикамъ и разнообразнымъ палатамъ, то поднимаясь на нѣсколько ступенекъ, то спускаясь внизъ, шелъ онъ и представлялось ему, какъ бывало спѣшилъ онъ по этой дорогѣ къ матери, какъ она всегда встрѣчала его лаской и поцѣлуями, какъ всегда у ней готовы были для него всякiя сласти и угощенiя. Невольныя слезинки показались въ глазахъ его.

Вотъ онъ и въ теремѣ. Въ тепло натопленной горницѣ, съ украшенной хитро расписанными изразцами печью и лежанкой, сидятъ его сестры за работою. Кругомъ нихъ больше дюжины молодыхъ дѣвушекъ, а на лежанкѣ старая сказочница, уже много лѣтъ проживающая въ царскомъ теремѣ и забавляющая его обитательницъ своими розсказнями. Она сидитъ, поджавъ старыя ноги, на теплой лежанкѣ и тянетъ что-то дребезжащимъ голосомъ. Царевны и ихъ подруги внимательно слушаютъ.

Алексѣй Михайловичъ остановился у порога.

Сотни разъ слушалъ онъ эту сказку и наизусть ее знаетъ; точно также знаютъ ее и теперешнiя слушательницы. Но имъ интересно слѣдить за разсказомъ, за мастерскими перемѣнами интонацiй старческаго голоса.

О, какъ все это знакомо молодому царю, вся эта горница, каждая въ ней вещица!

Вотъ спокойное, затѣйливое креслице, которое лѣтъ десять тому назадъ государь Михаилъ Өеодоровичъ подарилъ своей супругѣ. Теперь сидитъ на немъ царевна Татьяна.

Она первая увидѣла брата и встала ему на встрѣчу.

Между молодыми дѣвушками произошло движенiе; нѣкоторыя изъ нихъ прикрыли свое лицо фатою, а другiя и такъ остались—онѣ еще не успѣли примириться съ мыслью что Алеша — царь, онѣ все еще называли промежь себя Алешей и передъ нимъ не чинились.

— Что такъ рано, братецъ? сказала царевна Татьяна, здороваясь и цѣлуясь съ царемъ. Мы думали, ты сегодня и не вернешься изъ Покровскаго, ну что—хороша была потѣха?

— Хороша, отвѣтилъ царь, а все таки скучно—все одно и тоже.

— Да оно точно, замѣтила другая царевна, Ирина,—для тебя можетъ и скучно—ты этихъ потѣхъ довольно навидался, а вотъ мы такъ въ кои то вѣки увидимъ, намъ все и вновѣ, все забавно.

— А коли забавно, сказалъ Алексѣй, такъ отчего же вы, сестрицы, не поѣхали—я вамъ въ этомъ не препятствую и ничего тутъ не вижу зазорнаго.

— Нѣтъ, государь батюшка, не говори ты такъ царевнамъ, медленно и съ достоинствомъ замѣтила старая боярыня, входя въ горницу,—негоже царевнамъ часто показываться передъ народомъ. А вотъ коли будетъ твоя милость такъ прикажи въ Покровскомъ, какъ будетъ опять травля, у крылечка такое мѣсто загороженное укромное сдѣлать, чтобъ можно было въ немъ отъ всякихъ взоровъ людскихъ укрыться, тогда и сестрицы твои посмотрятъ на забаву. Ужь ты не взыщи на моихъ словахъ, государь. Великiй тебѣ разумъ далъ Господь, а все же годочковъ тебѣ еще мало, многаго ты еще не вѣдаешь, такъ нечего сестрицъ смущать! Намъ, старухамъ, про то надлежитъ вѣдать, что для нихъ зазорно и что не зазорно.

Боярыня сжала губы, укоризненно покачала головою и плавною походкой опять вышла изъ горницы.

Алексѣй усмѣхнулся ей вслѣдъ и махнулъ рукою. Молодыя боярышни лукаво перемигнулись.

— Ну, разсказывай, братецъ, все по-ряду, какъ и что было? стали приставать къ нему сестры.

Онъ началъ разсказывать, но на этотъ разъ какъ то неохотно. Его мысли были далеко, а гдѣ—онъ и самъ не вѣдалъ.

Начинались сумерки. Въ теремной горницѣ водворился тихiй полусвѣтъ; мѣшались послѣднiе отблески дня, врывавшагося въ маленькiя слюдяныя оконца, да красноватый огонь нѣсколькихъ лампадъ въ углу у дорогаго кiота. И вдругъ начинало казаться Алексѣю, что эта знакомая горница стала измѣняться. Все принимало новыя, причудливыя очертанiя и прежде всего эти знакомыя дѣвичьи лица.

Вотъ глядитъ Алексѣй на одну изъ боярышень, онъ давно ее знаетъ, онъ никогда не обращалъ на нее особеннаго вниманiя, а теперь глядитъ—не отрывается отъ нея жаднымъ взглядомъ, и замираютъ на устахъ его слова, и не слышитъ онъ какъ сестры понуждаютъ его разсказывать.

Боярышня сидитъ на низкой скамеечкѣ прислонясь къ теплымъ изразцамъ печки. На ней сарафанъ алаго цвѣта, легкая дымка фаты обвиваетъ ея плечи. Склонилась голова ея на руки, тяжелая коса свѣсилась и лежитъ на коврѣ, перевитая лентами. Глаза глядятъ задумчиво невѣдомо куда, а на полныхъ румяныхъ губахъ мелькаетъ неопредѣленная улыбка.

— Да вѣдь это Сонюшка! думаетъ Алексѣй Михайловичъ,—что-жь это я такъ смотрю на нее? что въ ней особеннаго? Толстая Сонюшка, она вѣдь у меня леденцы воровала!.. Бывало матушка пошлетъ ее мнѣ за леденцами, она принести-принесетъ на блюдцѣ, а у са-

мой губы и все лицо сладкіе, и карманъ такъ и оттопырится. Бывало матушка опуститъ руку ей въ карманъ и вытащитъ оттуда леденцы, потомъ и журить ее станетъ. Да, это Сонюшка, но вѣдь я никогда ее не видалъ такою—она теперь совсѣмъ особенная: какіе у ней хорошенькіе глазки, какая коса густая да длинная!..

И глядитъ Алексѣй Михайловичъ на дѣвушку, и жутко и сладко ему становится, и самъ онъ не понимаетъ, что все это такое.

Вотъ ему хочется поближе подсѣсть къ ней, взять ее за руки полныя, поцѣловать ея румяныя губы.

Онъ приподнялся тихонько съ мѣста, подошелъ къ Сонюшкѣ и опустился на скамью передъ нею.

— Что это ты задумалась? али тебѣ нездоровится? Ты зачѣмъ же прислонилась къ печкѣ, отъ жару только голова разболится, проговорилъ онъ обрывающимся голосомъ и положилъ руку на плечо дѣвушки.

Рука его вдругъ похолодѣла и дрогнула.

Сонюшка взглянула на него, смутилась, яркая краска разлилась по лицу ея. Она быстро встала на ноги и прошептала:

— Я здорова, государь, что это тебѣ показалось?!

Но онъ уже очнулся. Ему почему-то стало стыдно, онъ былъ недоволенъ собою.

— Пора ужинать, чай бояре заждались меня, сказалъ онъ, и смущенный, съ опущенными глазами, будто провинившійся, вышелъ изъ горницы.

V.

Между тѣмъ уже совсѣмъ стемнѣло. Вокругъ дворца было тихо; впрочемъ и вообще-то, за исключеніемъ развѣ какихъ нибудь особенныхъ случаевъ, здѣсь соблюдалась, по возможности, тишина. Лошади и экипажи не должны были подъѣзжать къ крыльцу, а останавливались на довольно значительномъ разстояніи, и всѣ люди, имѣвшіе доступъ во дворецъ, приближались къ нему пѣшкомъ и снявъ шапки. Бояре, окольничіе, думные и ближніе люди имѣли право входить „въ верхъ" то есть въ жилыя хоромы государя. Здѣсь они обыкновенно дожидались въ „передней". Эта „передняя" была завѣтной мечтою очень многихъ родовитыхъ и заслуженныхъ людей, которые нерѣдко били челомъ государю, униженно моля его за ихъ и родительскія службишки наградить ихъ—дозволить быть въ „передней."

Люди же не столь близкіе къ особѣ государя: стольники, стряпчіе, дворяне, стрѣлецкіе начальники и дьяки—не смѣли и помыслить о „верхѣ" и „передней." Они собирались на „постельномъ крыльцѣ", гдѣ постоянно была изрядная толкотня, и рѣдкій день обходился безъ какой нибудь крупной ссоры, разбирать которую приходилось часто самому государю.

Теперь однако, благодаря вечернему часу, „постельное крыльцо" было почти пусто; на немъ виднѣлись только три, четыре фигуры, мѣрно расхаживающія въ полумракѣ. Это были старые дворяне, имѣвшіе обычай толкаться у дворца до тѣхъ поръ, пока ихъ не попросятъ удалиться. Они хорошо знали, что никакой выгоды не получатъ отъ этого снованія взадъ и передъ по крыльцу „постельному;" но каждый все же держалъ въ мысляхъ: а вдругъ не ровенъ часъ, его и замѣтятъ да и пожалуютъ; а не то, такъ все же придется новость какую нибудь интересную услышать, которую можно будетъ потомъ разнести по городу, со всевозможными прикрасами. И они ждутъ часъ за часомъ, почтительно пропуская мимо себя счастливцевъ, отправляющихся въ „верхъ," переговариваются съ дворцовою прислугою, слѣдятъ за смѣняющимся карауломъ, всюду во дворцѣ разставленнымъ, голодаютъ и дрожатъ отъ холода..

Вотъ зимняя ночь уже совсѣмъ наступила. Мракомъ закуталось причудливое дворцовое зданіе со своими роскошными парадными *палатами*. Вотъ полоса яркаго свѣта блеснула съ лѣстницы, ведущей въ государевы покои. Туда, туда бы пробраться, хоть глазкомъ однимъ взглянуть, что тамъ творится! Но лѣстница заперта мѣдною, золоченою рѣшеткою.

Небольшія, уютныя хоромы царя освѣщены восковыми свѣчами, вставленными въ стѣнные подсвѣчники. Хоромы эти блестятъ новизною—они *наряжены* недавно покойнымъ царемъ Михаиломъ Федоровичемъ, которому такъ и не привелось пожить въ нихъ. Стѣны и потолки обшиты краснымъ тесомъ и изукрашены тонкой столярной рѣзьбой, а нѣкоторые обвѣшаны яркими сукнами, атласами и парчею. Полъ устлалъ мягкими, восточными коврами, а въ сѣняхъ и корридорчикахъ росписанъ красками въ шахматахъ и подъ мраморъ. Маленькія, по большей еще части слюдяныя, окошки, красиво росписаны, но теперь ихъ не видно, такъ какъ время зимнее, морозное и съ наступленіемъ вечера закрыты онѣ изнутри втулками теплыми, стегаными. По угламъ хоромъ жарко натопленныя печи изразцовыя: синія и зеленыя; нѣкоторыя изъ нихъ четырехугольныя, другія круглыя. Всѣ онѣ съ низу до верху по изразцамъ расписаны травами, цвѣтами, людьми, животными и разнымъ узорочьемъ. На стѣнахъ развѣшаны листы *фряжскіе* (гравюры) и *парсуны* (портреты царскіе). Кругомъ стѣнъ разставлены, одна возлѣ другой, лавки, покрытыя шелковыми, стеганными матрасиками. Кой гдѣ видны между лавокъ нѣмецкіе и польскіе столы съ кривыми рѣзными ножками на львиныхъ лапахъ; всѣ они хитро расписаны по золоту и серебру.

Обширнѣе всѣхъ покоевъ *Передняя*, да находящаяся рядомъ съ нею *Комната*, то есть по нынѣшнему кабинетъ царя. Въ Передней, въ углу, большое, обтянутое парчею кресло на возвышеніи—это *царское мѣсто*. Въ Комнатѣ, въ переднемъ углу подъ образами, тоже большое кресло, но уже не на возвышеніи; передъ кресломъ столъ письменный большаго размѣра, покрытый тонкимъ, алымъ сукномъ съ золотою бахрамою. На столѣ: часы заморской работы, изображающіе рыцаря въ полномъ вооруженіи, серебряная чернильница съ песочницею и трубкою, гдѣ перья мочить. Вокругъ чернильницы разложены: перья лебяжьи, серебряный свистокъ съ финифтью, замѣняющій колокольчикъ, перочинный ножикъ, карандаши въ серебряной оправѣ, зубочистка и уховертка. Далѣе—клеельница съ клеемъ: это вещь очень необходимая, такъ какъ бумага въ то время рѣзалась на столбцы, которые, по написаніи, подклеивались одинъ подъ другой. Потомъ, тутъ же на столѣ, „книга уложенная", то есть „Уложеніе". Книга эта довольно истрепана отъ частаго употребленія покойнымъ государемъ и уже хорошо знакома молодому царю Алексѣю Михайловичу. Возлѣ письменнаго стола другой маленькій столъ съ шахматной доскою и костянымъ шахматнымъ ящикомъ. По стѣнамъ Комнаты, гдѣ нѣтъ лавокъ, поставцы съ полками и выдвижными ящиками; тутъ хранятся бумаги, письма и любимыя вещи царя, его нарядныя платья, драгоцѣнныя издѣлія золотыя, иноземная монета. Кромѣ того въ комнатѣ большая книгохранительница со многими книгами, главнымъ образомъ духовнаго содержанія, да нѣсколько длинныхъ, висячихъ полокъ съ золотою и серебряною посудою иноземной работы. Посуда эта, по большей части, дары иностранныхъ государей и пословъ. И какихъ, какихъ фигуръ тутъ нѣту! вотъ *нѣмка* золоченая серебряная; держитъ она въ рукахъ сосудецъ съ крышкою; другая *нѣмка* съ лоханкою въ рукахъ, третья съ ведромъ; кубокъ золотой въ видѣ крылатаго змѣя, росписанъ весь финифтью, а глава змѣина, изумрудъ большой, въ глазахъ яхонтъ, а во рту держитъ змѣй голову человѣчью. Вотъ медвѣдь, вотъ слонъ, корабликъ на колесахъ; и не перечесть всѣхъ фигуръ затѣйливыхъ. Любитъ Алексѣй Михайловичъ, оставшись одинъ въ Комнатѣ и утомившись отъ занятій, разглядывать эти фигуры. Снимаетъ онъ ихъ осторожно съ

полокъ, вертитъ во всѣ стороны, любуется хитрою работой, а заслышитъ шаги чьи, тотчасъ же поставитъ фигуры на полку и зардѣется румянцемъ, боится—скажутъ: „царь еще малолѣтокъ, игрушками, гляди, занимается!“ Да ужъ хитры больно и занятны!

Въ этой же царской Комнатѣ накрытъ теперь небольшой столъ для ужина. Царь очень часто здѣсь даже и обѣдаетъ съ двумя, тремя изъ самыхъ близкихъ. Въ Передней давно его дожидаются: Борисъ Ивановичъ Морозовъ, Назаръ Чистой да князь Прозоровскій.

Показался наконецъ, Алексѣй Михайловичъ все въ томъ же смущенномъ и возбужденномъ состояніи духа, въ какомъ вышелъ изъ сестриныхъ хоромъ.

— Не взыщите, задержалъ васъ, сказалъ онъ обращаясь къ присутствовавшимъ, чай проголодались, да и самому ѣсть хочется—пойдемте!

Морозовъ подалъ знакъ дежурному стольнику, чтобы подавали ужинъ и всѣ вошли въ Комнату. Алексѣй Михайловичъ, еще не подходя къ столу, приблизился къ иконамъ и, опустившись на колѣни, набожно крестясь и кладя земные поклоны, громко произнесъ молитву, слова которой за нимъ повторили и Морозовъ съ товарищами. Потомъ чинно приблизился къ столу, перекрестилъ свой приборъ и усѣлся на лавку. Не смотря на почти еще дѣтскіе годы, Алексѣй Михайловичъ выказывалъ многія черты характера и привычки, которыя впослѣдствіи развились въ немъ и всегда его отличали. Такъ, онъ ужъ и теперь удивлялъ приближенныхъ необыкновеннымъ своимъ благочестіемъ и неизмѣнной акуратностью. Никакія забавы, никакое утомленіе не могли отвлечь его отъ молитвы и только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ отступалъ онъ отъ разъ заведеннаго и утвержденнаго покойными родителями порядка своей повседневной жизни. Никогда не позволялъ онъ себѣ излишества въ пищѣ и питьѣ, строго соблюдалъ всѣ посты, да и во дни скоромные кушалъ очень умѣренно и самыя простыя яства. И теперь стольникъ поставилъ передъ нимъ: кусокъ ржанаго хлѣба съ солью, тарелку съ солеными грибами и огурцомъ и маленькую жареную рыбу. Но прежде чѣмъ царь прикоснулся ко всему этому, подошелъ кравчій и отвѣдалъ всего по кусочку. Безъ этой церемоніи, по издавна заведенному обычаю, царь не могъ приступить къ ѣдѣ. Необходимо требовалось очевидное доказательство, что въ кушанье не было подмѣшано никакой отравы или зелья. Вслѣдъ за кушаньями государя, стали вносить множество блюдъ. Тутъ были: всевозможные пироги, заливныя, разныя тѣльныя, а потомъ и похлебки. Государь равнодушно взглядывалъ на каждое изъ этихъ кушаньевъ и приказывалъ ставить ихъ то передъ бояриномъ Морозовымъ, то передъ Назаромъ Чистымъ, то передъ княземъ Прозоровскимъ. Большинство же блюдъ уносилось нетронутыми и поступали въ распоряженіе дворцовой челяди. Ужинъ продолжался въ глубочайшемъ молчаніи; но вотъ государь насытился и подалъ знакъ стоявшему за нимъ чашнику.

— Государь великій, чего твоей милости угодно? проговорилъ чашникъ.

— А дай-ка мнѣ кваску, да меду сладкаго, сказалъ Алексѣй Михайловичъ.

Чашникъ засуетился, налилъ изъ двухъ кубковъ, съ квасомъ и медомъ—немного въ ковшъ, самъ попробовалъ, а кубки поставилъ передъ государемъ. Собесѣдники же царскіе прихлебывали въ это время старое заморское вино и то и дѣло повторяли: „за здравіе твое, государь!“

Мало по малу Алексѣй Михайловичъ разговорился.

— Что это, никакъ у насъ нынче тихо на крыльцѣ постельномъ? съ улыбкой замѣтилъ онъ; видно никого нѣту, а то ужь навѣрно ссору бы затѣяли.

— Да некому нынче и быть, отвѣтилъ Морозовъ, день не такой да и поздно.

— Ну, а чтоже вчерашній-то шумъ? перебилъ его Алексѣй Михайловичъ, обращаясь къ Прозоровскому.— Что тамъ такое вышло? разскажи на милость. Я еще утромъ хотѣлъ спросить тебя, да со сборами въ Покровское запамятовалъ.

Прозоровскій поставилъ на столъ свой кубокъ, вытеръ усы и бороду и заговорилъ.

— А дѣло все тоже, что и всегда: схватился князь Евфимъ Мышецкій съ Федоромъ Нащокинымъ и Иваномъ Бужаниновымъ... и бьетъ онъ теперь челомъ тебѣ государь и самое то его челобитье со мною.

— Ну, покажи, прочитай за разъ ужь, а мы послушаемъ, сказалъ Алексѣй Михайловичъ и слегка зѣвнулъ, закрывая ротъ своей бѣлой рукою.

Князь Прозоровскій вынулъ изъ кармана свертокъ бумаги и началъ читать:

„Бьетъ челомъ холопъ твой Еуфимка Мышецкій на Ѳедора Васильева сына Нащокина и на Ивана Иванова сына Буженинова, что они насъ, холопей твоихъ, и родителей нашихъ безчестили; Ѳедоръ Нащокинъ называлъ насъ, холопей твоихъ, всѣхъ холопы боярскими и конюховыми дѣтьми на Постельномъ Крыльцѣ, передо всѣми; а Иванъ Бужаниновъ на Постельномъ же Крыльцѣ называлъ меня, холопа твоего, дьякомъ, а дѣтишокъ моихъ подьячими и ворами и подпищиками, будто мы подписывали воровскія грамоты“...

— Довольно! перебилъ государь, — извѣстное дѣло, дальше тоже самое, только на лады разные. Ужъ и какъ мнѣ всѣ эти ссоры да челобитныя надоѣли! Грызутся люди...

— А вотъ что, государь, замѣтилъ Морозовъ, разъ на всегда всѣхъ этихъ молодцовъ, и старыхъ и малыхъ, проучить нужно. Привычны они, что какъ подерутся или погрызутся, такъ сейчасъ и къ государю, а царь ихъ слова дерзкія и срамныя слушай, да мири ихъ. Приказать бы, Государь, князю Семену Васильевичу (онъ указалъ на Прозоровскаго) да еще кому вѣдаешь, сдѣлать обыскъ по этому самому дѣлу, а потомъ повести его по суду, пускай князь Мышецкій ищетъ судомъ свое безчестіе.

Царь задумался.

— Ладно ли такъ? нерѣшительно сказалъ онъ,—больно обидится: вѣдь тутъ онъ что пишетъ? „родительское безчестіе“ говоритъ, такъ въ дѣлахъ такихъ, самъ ты, Иванычъ, не разъ мнѣ сказывалъ, суда не бывало.

— Точно обидится, сказалъ Назаръ Чистой—только на это что же смотрѣть. Это бояринъ Борисъ Иванычъ вѣрно молвилъ, надо бы отучить идти къ Государю со всякой дрянью... пусть себѣ обидится князь Мышецкій—не велика важность, за то другой впередъ будетъ обдумчивѣе.

— Быть по вашему, рѣшилъ Алексѣй Михайловичъ и началъ вставать изъ-за стола.

(Продолженіе будетъ).

Перстень.

Разсказъ.

Самолюбивый по натурѣ, я долженъ признаться, въ молодости, доводилъ это качество до крайней самонадѣянности. Не думаю, чтобы это могло очень нравиться окружающимъ, въ семействѣ мнѣ приходилось часто выслушивать наставленія. Однако, какъ всегда бываетъ въ жизни—опытъ и совѣты другихъ рѣдко служатъ намъ въ пользу—мы вѣримъ лишь тому, что видѣли сами, слушаемся только собственныхъ впечатлѣній. Такъ было и со мной. Жизнь дала мнѣ урокъ. Случай былъ подготовленъ, но—тѣмъ не менѣе, оказалъ свое дѣйствіе.

Въ одно прекрасное, морозное утро, зимой 18**, отецъ мой,

Любимица. Картина Р. Эппа. грав. Бренд'Амуръ.

одинъ изъ значительнѣйшихъ Лондонскихъ ювелировъ, позвалъ меня въ свой кабинетъ. Предъ нимъ, на рабочемъ столѣ, лежалъ небольшой футляръ.

— Вотъ, сказалъ отецъ, вынимая изъ футляра перстень съ чудеснымъ брилліантомъ, отъ лучезарнаго блеска котораго у меня въ глазахъ зарябило,—вотъ перстень, стоющій, по самой умѣренной цѣнѣ, 500 фунтовъ стерлинговъ. Мнѣ надо переслать его моему агенту Хэки въ Парижъ. Довѣряю это порученіе тебѣ—но смотри, береги его какъ свои глаза.

Въ отвѣтъ я только самодовольно улыбнулся, какъ человѣкъ, твердо надѣющійся на себя. Къ чему эти наставленія! говорилъ я себѣ, выходя изъ кабинета, развѣ *я*—допущу, чтобы у меня украли такую вещь, или могу потерять ее?

Наскоро собравшись въ дорогу, бережно вложивъ футляръ въ карманъ моего сюртука и плотно, на всѣ пуговицы, застегнувъ пальто, я черезъ часъ уже сидѣлъ въ углу вагона. Утро тянулось довольно однообразно. Газеты я уже всѣ прочелъ и теперь лѣниво слѣдилъ за голубоватой струйкой дыма моей сигары. Давеча, однако, я видѣлъ перстень только мелькомъ.... Отчего бы мнѣ не ознакомиться ближе съ тѣмъ, что мнѣ поручено?.. Мною овладѣло непреодолимое желаніе взглянуть на прелестный камень. Я вынулъ футляръ и открылъ его. Ослѣпительно хорошъ былъ чудный брилліантъ, горѣвшій всѣми огнями радуги, на оттѣнявшей его красной бархатной подушечкѣ футляра. Не могъ я устоять противъ желанія посмотрѣть—насколько онъ эффектенъ на моемъ пальцѣ. Надѣвъ его, я нашелъ, что онъ точно для меня на заказъ сдѣланъ—пришелся какъ разъ! Не оставить ли его на пальцѣ? Гдѣ же онъ можетъ быть лучше сбереженъ, въ самомъ дѣлѣ? Вѣдь, все время, я буду чувствовать его присутствіе, а для большей вѣрности—можно на руку надѣть перчатку, пусть его себѣ сіяетъ подъ лайкой. Теперь пока и перчатки не надо—никого въ вагонѣ нѣтъ—я одинъ занимаю купэ. Поѣздъ летѣлъ дальше. Мое одиночество продолжалось. Пришлось разсуждать самому съ собой. Кому достанется эта драгоцѣнность? думалось мнѣ, какъ угадать—кто будетъ украшать себя ею?.. Вѣроятно—какая нибудь хорошенькая женщина... Признаться—я забылъ, въ эту минуту, что у хорошенькой женщины руки меньше моей и пальцы—тоньше...

Мечты мои были прерваны приходомъ оберъ-кондуктора. Но отъ желѣзно-дорожнаго чиновника не за чѣмъ было прятать брилліанта—вѣдь это лицо, облеченное довѣріемъ.

Въ Дуврѣ, на пароходъ насъ сѣло не болѣе десяти или двѣнадцати человѣкъ. День былъ холодный и ясный, море сильно волновалось. Продрогнувъ отъ сильнаго и упорнаго вѣтра, разгуливавшаго по сизоватымъ волнамъ, я укутался потеплѣе и, теперь уже, надѣлъ перчатки, скрывшія перстень отъ постороннихъ глазъ. Впрочемъ, понятно, что опасаться тутъ мнѣ было некого и нечего. Да и что, въ самомъ дѣлѣ, все только думать объ опасности, всего страшиться и озираться на каждомъ шагу. Мнѣ дышалось легко и свободно, предо мной лежалъ морской просторъ, а тамъ,—раскинулся другой, широкій океанъ—цѣлая жизнь! Я еще молодъ—сколько ощущеній, сколько заманчиваго еще впереди!.. Какое-то доброе чувство, что то мягкое невольно прокрадывалось въ душу и открывало ее всему хорошему... На палубѣ, недалеко отъ меня, медленно прохаживалась, взадъ и впередъ молодая женщина въ глубокомъ траурѣ. Она была очень хороша собой. Безконечная грусть, ясно написанная въ большихъ голубыхъ глазахъ и прелестныхъ чертахъ очаровательнаго лица, какъ-то особенно располагали въ пользу красавицы, неотразимо влекли къ ней. Отдавшись вполнѣ и охватившему меня настроенію, и впечатлѣнію красоты, я не могъ оторваться отъ хорошенькой путешественницы. Всѣ мои мысли, все вниманіе сосредоточилось на ней. Всякій, я думаю, пойметъ мое волненіе, когда вдругъ она, робко и краснѣя (отчего сдѣлалась еще лучше), обратилась ко мнѣ и своимъ мелодическимъ голосомъ попросила меня велѣть дать ей воды. Моя красотка оказалась француженкой и не умѣла хорошо объясняться съ прислугой британскаго парохода. Она почувствовала себя не совсѣмъ хорошо, но, къ счастью, немедленно принесенный мною самимъ стаканъ воды подкрѣпилъ ее. Я конечно воспользовался случаемъ завязать разговоръ, хотя, можетъ быть, это было и не совсѣмъ хорошо съ моей стороны, могло показаться невѣжливостью, тѣмъ болѣе, что въ ней было столько скромнаго достоинства, какъ-то не допускавшаго ни малѣйшаго намека на ухаживаніе. А все таки я заговорилъ съ нею. Она была такъ молода! Я принялъ ее за дѣвушку.

— Вы ошибаетесь, замѣтила она—я—вдова. Слова эти были произнесены такъ грустно, что я сразу понялъ все горе молодой женщины.

Не смотря на свою сдержанность, она, вѣроятно незамѣтно для нея самой, разговорилась со мной и я узналъ, что она ѣхала изъ Лондона, гдѣ ей надо было видѣть сэра Фитцъ-Эвата, занимавшагося дѣлами ея покойнаго мужа; теперь она возвращалась въ свое маленькое помѣстье близь Парижа, которое не оставляла съ самаго дня вдовства. Въ Кале ей придется остановиться по дѣламъ на нѣсколько часовъ, а потому, къ сожалѣнію своему, она выѣдетъ только съ вечернимъ поѣздомъ.

Само собою разумѣется, что я тотчасъ сообразилъ, что и мнѣ нечего особенно торопиться и потому рѣшилъ тоже дождаться вечерняго поѣзда. Я не видѣлъ необходимости скрыть этого отъ нея, и получилъ въ отвѣтъ, что она очень рада этому. Но какъ ни были пріятны мнѣ эти слова—взглядъ, который ихъ сопровождалъ, былъ еще краснорѣчивѣе. О!—этотъ взглядъ! у меня закружилась голова!

Какъ только мы вышли на берегъ, прелестная вдовушка созналась мнѣ, что голодна и не прочь позавтракать. А потому, она съѣздитъ скорѣе по дѣламъ своимъ и, освободившись, пріѣдетъ уже прямо въ hôtel Дессенъ, куда я долженъ былъ ѣхать впередъ и уже все приготовить. Я нанялъ карету и направился въ указанный hôtel, черезъ какихъ нибудь полчаса пріѣхала и моя хорошенькая спутница. Дорогой я вспомнилъ о перстнѣ. Что мнѣ дѣлать съ нимъ? Завтракать въ перчаткахъ не позволяли правила приличія. Такъ—что же? Оставить ли его на пальцѣ, или благоразумно вложить опять въ футляръ и запрятать подальше въ карманъ? Пусть читатель поставитъ себя на мѣсто 20-ти лѣтняго юноши, готовившагося завтракать съ хорошенькой женщиной и онъ догадается—къ какому рѣшенію долженъ я былъ придти и пришелъ въ этомъ случаѣ. Завтракъ былъ поданъ. Моя прелестная спутница еле касалась кушаній и много болтала. Я любовался ею, съ наслажденіемъ слушалъ мелодическій голосъ и, конечно, ѣлъ очень мало. Забылъ даже закурить папиросу. Но, она была настолько мила, что сама напомнила мнѣ объ этомъ.

— Вы курите? спросила она.

— Да, и если позволите, я сейчасъ схожу за своимъ портсигаромъ—я забылъ его въ пальто.

Но она дотронулась своей маленькой, узенькой ручкой до моей руки.

— Не ходите внизъ—я вамъ дамъ своихъ папиросъ, я, вѣдь, сама курю. Конечно, это не пристало женщинѣ, но я долго пробыла въ Испаніи, а тамъ курятъ всѣ женщины. Я и выучилась. Вамъ не противно будетъ видѣть, если я тоже закурю папиросу?

— Противно? когда вы это дѣлаете? Да развѣ это возможно!

— Ну и прекрасно, съ звонкимъ смѣхомъ отвѣтила красавица. Какъ хороши были эти пунцовыя губки, эти маленькіе жемчужные зубы!.. Она вынула изъ сакъ-вояжа хорошенькій дамскій портсигаръ и протянула его мнѣ.

— Вы, вѣроятно, еще не курили этаго табаку. Онъ надушенъ. Надо къ нему привыкнуть и тогда онъ вамъ понравится, замѣтила она.

Я поспѣшилъ увѣрить, что, напротивъ, уже теперь нахожу превосходнымъ вкусъ этаго ароматическаго табаку, который, мнѣ показался отвратительнымъ въ первую же минуту. Но вдовушка моя была такъ хороша! Могъ ли я найдти недостатокъ въ томъ, что получилъ изъ ея ручки!

Наступила пауза. Мы молча курили. Мною овладѣла какая-то нѣга, по тѣлу разлилось ощущеніе чего-то безмятежнаго, необыкновенно пріятнаго. Я чувствовалъ, что влюбленъ въ мою спутницу и придумывалъ—какъ ей сказать это. По минутамъ мнѣ казалось, что я что-то забывалъ, какъ-то странно чудилось, что прошло уже много времени, потомъ спохватывался, вспоминалъ и снова принимался сочинять слова любви... Вдругъ къ ужасу моему—мнѣ показалось, что хочется спать. Я пріободрился и, къ счастію, тотчасъ же убѣдился, что она не замѣчаетъ этаго, или дѣлаетъ видъ, что не замѣчаетъ. Она вовсе не глядѣла на меня въ эту минуту. Ея большіе, прекрасные глаза смотрѣли куда-то неопредѣленно, въ даль, она, повидимому, забыла все окружающее, ушла въ міръ мечтаній, какъ и я самъ. „Еслибы у меня теперь было двѣ тысячи фунтовъ годоваго дохода и я могъ бы жениться на ней—я былъ бы счастливѣйшимъ человѣкомъ въ свѣтѣ“... думалось мнѣ. Я хотѣлъ говорить—но не былъ въ силахъ преодолѣть того страннаго состоянія оцѣпенѣнія, въ которомъ находился и—снова отдался мечтѣ, рисовавшей предо мной заманчивыя, чудныя картины. Не смотря на эту внезапную и непонятную слабость—я ясно и хорошо видѣлъ граціозную фигуру, сидѣвшую въ задумчивой позѣ противъ меня. Она должна была быть лѣтъ на шесть или на семь старше меня. Но я никогда не чувствовалъ ни малѣйшей склонности къ тѣмъ дѣвчонкамъ, которыя, едва выйдя изъ дѣтскихъ лѣтъ, всѣми силами стараются поскорѣе выскочить замужъ. Напротивъ—меня привлекалъ этотъ спѣлый плодъ. Въ ней было много и внушительнаго, и много природнаго достоинства. Да—я убѣдился, что и прежде уже носилъ въ своемъ сердцѣ и воображеніи это чудное лицо и, наконецъ, встрѣтилъ идеалъ, котораго искалъ такъ давно! Я былъ теперь такъ счастливъ!..

Но Боже мой! что это такое? гдѣ я, что со мной? Я, внезапно, очнулся, или, лучше сказать, проснулся.

Я чувствовалъ дрожь отъ холода, сковавшаго мои члены. Въ комнату, сквозь наполнявшую ее темноту, пробивался слабый лучъ отъ фонаря, горѣвшаго на дворѣ.

Меня какъ будто била лихорадка, пульсъ стучалъ съ удвоенной силой, страшно болѣла голова. Кое какъ я дотащился до окна и тутъ только сталъ припоминать. Гдѣ же моя спутница? Что она подумаетъ о моемъ поведеніи? Я сильно дернулъ за шнурокъ звонка.

— Гдѣ та дама, съ которой я завтракалъ здѣсь? спросилъ я вбѣжавшаго слугу.

— Онѣ вышли часа три тому назадъ, отвѣтилъ онъ и велѣли не безпокоить своего брата, т. е. васъ (здѣсь слуга поклонился мнѣ), такъ какъ вамъ надо было отдохнуть послѣ морской болѣзни, а онѣ пока отправились сдѣлать нѣсколь о закупокъ.

Съ широко раскрытыми отъ удивленія глазами смотрѣлъ я на слугу. Кто изъ насъ сумасшедшій? мысленно спросилъ я себя—онъ или я? Невольно подошелъ я къ зеркалу—не произошло ли со мной какой нибудь перемѣны? Взглядъ мой упалъ на правую руку—перстня на пальцѣ не было!! Сердце страшно сжалось въ груди у меня. Я безъ словъ опустился въ кресло и схватился за голову. Слуга, вѣроятно, думая, что со мной опять припадокъ морской болѣзни, поспѣшилъ ко мнѣ на помощь съ цѣлымъ графиномъ воды.

На другое утро, около девяти часовъ, я стоялъ раскаивающимся и дрожащимъ грѣшникомъ, предъ моимъ отцомъ. Со слезами разсказалъ ему все, что произошло со мною. Отецъ выслушалъ молча исповѣдь мою и только отъ времени до времени, какъ мнѣ казалось, по лицу блуждала что-то въ родѣ сдержанной улыбки.

— Ну произнесъ онъ съ веселымъ смѣхомъ, когда я кончилъ, успокойся—вотъ перстень, цѣлъ и невредимъ, какъ видишь!

Онъ вынулъ изъ ящика своего стола и подалъ мнѣ знакомый футляръ.

— Какъ!? да откуда же, какимъ образомъ онъ у васъ! воскликнулъ я, ничего не понимая.

— Когда ты заснулъ, твоя спутница имѣла еще достаточно времени снять перстень съ твоей руки и возвратиться на пароходъ, уходившій обратно въ Дувръ. Вчера же, въ 10 часовъ вечера, онъ былъ уже у меня.

— Но какъ же она отдала тебѣ его назадъ. Вѣдь легко могло случиться, что онъ остался бы у нея!

— А очень просто. Твоя прелестная незнакомка—ни болѣе, ни менѣе, какъ агентъ секретной полиціи, спеціально занимающаяся поимкой воровъ и я ее нанялъ для того, чтобы она разыграла съ тобой комедію, о которой ты только что мнѣ разсказалъ. Ты былъ такаго высокаго понятія о своихъ достоинствахъ, такъ высоко ставилъ себя, милый Эдуардъ, что я счелъ необходимымъ понизить эту самоувѣренность на нѣсколько градусовъ и если мнѣ это удалось, то я не напрасно потратилъ свои деньги.

Я былъ совершенно уничтоженъ! Урокъ, дѣйствительно, началъ оказывать свое дѣйствіе съ первой же минуты.

— А чтобы ты не думалъ, что отецъ твой поступаетъ необдуманно, скажу тебѣ, что великолѣпный перстень, который ты не сумѣлъ сберечь—фальшивый, добавилъ отецъ.

Индійскія ткани въ Европѣ.

(1778—1878).

Между предметами роскоши самой утонченной, высшаго и богатаго круга общества, значительное мѣсто занимали всегда великолѣпныя, оригинально красивыя и дорогія индійскія ткани, которыя хотя въ настоящее время уже пережили свою „grande epoque“, но еще сохранили цѣнность и успѣшно водворялись въ продолженіи сга лѣтъ на главныхъ европейскихъ рынкахъ, въ Парижѣ, Лондонѣ, Вѣнѣ, Берлинѣ, Мадридѣ и отчасти въ Петербургѣ, гдѣ торговля en gros этими шалями была чрезвычайно развита.

Съ тѣхъ поръ прошло *сто лѣтъ*, какъ нѣкій Гарансье, купецъ изъ Марселя, возвратившись зимою изъ своего путешествія по Индіи, въ 1778 году, *впервые* привезъ въ Парижъ партію шалей изъ чудной индійской ткани; изъ этой партіи нѣсколько шалей были проданы за 420,000 франковъ прекрасной, богатой и расточительной герцогинѣ Д'Аркуръ-Божоле. Послѣ него, бѣдные французскіе офицеры первой имперіи, богатые только славой, возвращаясь изъ похода въ Египетъ, привезли съ собою на родину много этихъ драгоцѣнныхъ шалей въ подарокъ своимъ женамъ, украсивъ ими нѣжныя плечи скромныхъ и небогатыхъ француженокъ средняго класса, къ немалой зависти богатыхъ и знатныхъ дамъ тогдашняго парижскаго beau monde'а...

Мы полагаемъ, не безъинтересна исторія этой промышленности и производства, *секретъ котораго до сихъ поръ сохраняется.* Знаменитый изобрѣтатель ткацкаго станка Жаккардъ не мало трудился, чтобы проникнуть тайну тканья этихъ шалей, но и онъ сошелъ въ могилу, не добившись желаемаго результата.

Заготовка и производство индійской ткани, ведетъ свое начало съ эпохи за 350 лѣтъ до Р. Х, и успѣшно процвѣтало уже во время Александра Македонскаго. Первая приготовленная ткань, изъ которой позже вырабатывались знаменитыя кашемировыя шали, выткана индусскимъ племенемъ Маллисовъ въ Лагорѣ, въ городѣ Мультонъ (древ. Малигарунъ), позже эта ткань была усовершенствована жителями города Серикъ, которые были извѣстны въ старину какъ искуснѣйшіе ткачи шелковыхъ тканей на берегахъ Ганга. Названіе города Серикъ произошло отъ латинскаго слова (sericum) шелкъ.

Это производство, которое теперь наводняетъ главные торговые европейскіе центры своими издѣліями, имѣло въ старину главное мѣстопребываніе въ Лагорѣ (прежде Пенджабъ), между Индусомъ и Сетледжи, а также въ области горной цѣпи Гималая, гдѣ прежде было древнее индусское царство Кашмиръ. Въ городѣ Мультонѣ производятъ преимущественно тѣ ткани, которыя намъ извѣстны. Далѣе къ Умбрицири и въ Лундзири жители заготовляютъ превосходную шелковую ткань „*линккобъ*“, богато изукрашенную золотыми, шелковыми и серебряными вычурными узорами. Самая знаменитая шелковая фабрика въ Индіи, въ Мультонѣ; процвѣтанію ея много способствовалъ знаменитый Рендижтъ-Сингъ, который заботясь о развитіи этой отрасли промышленности, возвелъ Мультонъ на степень большаго торговаго и промышленнаго города. Мультонскіе жители долго славились какъ искусные красильщики. Способъ приготовленія ткани извѣстенъ только жителямъ Лагоры. Ни одинъ иноземецъ, ни одинъ европеецъ до сихъ поръ не могъ приготовить ткани подобной ткани древнихъ Маллисовъ. Французы въ особенности занимались ея поддѣлкою, но неудачно. Въ Парижѣ есть большіе торговые дома, спеціальность которыхъ составляетъ ввозъ шалей изъ Индіи. Эти дома торгуютъ всѣми издѣліями Востока, шалями, тканью, муссельномъ (индійскимъ), золотою парчею и матеріей brocate заготовленной въ Лагорѣ. Главные склады этой торговли въ Парижѣ, находятся на улицахъ: Rivoli, la Paix, въ Palais Royale'ѣ и на Итальянскомъ бульварѣ. Каждый изъ этихъ домовъ имѣетъ свой, роскошно отдѣланный магазинъ съ вывѣской: „Maison NN. Specialité des Châls des Indes“. Эти магазины торгуютъ только настоящей тканью, за доброкачественность которой фирма ручается по желанію покупателя письменно. Намъ приходилось видѣть въ одномъ магазинѣ на улицѣ Rivoli шаль, такъ называемый Châle long, цѣна которой prix fixe, была обозначена въ 150,000 франковъ; шаль эту купилъ богачъ Сапернаклисъ, аоинскій банкиръ, для свадебнаго подарка своей дочери, которая въ то время выходила замужъ за графа Латуръ-де-Морншни. Послѣ Парижа, торговля этими шалями наиболѣе процвѣтаетъ въ Лондонѣ, Вѣнѣ, Берлинѣ и Мадридѣ. Въ Америкѣ эта торговля сосредоточена въ Нью-Іоркѣ, Ріо-Жанейро и Гаваннѣ.

Въ 1876 г., во время всемірной выставки въ Филадельфіи, намъ удалось видѣть между прочими предметами мануфактурныхъ издѣлій въ витринѣ извѣстнаго въ Нью-Іоркѣ, торговаго дома А. Стьюартъ, выставленную тамъ громаднаго размѣра Châle long double, надъ которой была дощечка съ надписью: „Imported by A. T. Stewart, for John B. Hancroft Esq. 25,000 dollars“. (Ввезена А. Т. Стьюартомъ для г. Джона Ганкрофта. Цѣна 25,000 долларовъ).

Торговля въ Англіи индійскими тканями и шалями происходитъ почти въ такихъ же размѣрахъ какъ въ Парижѣ. Рѣдко найдется въ Англіи лэди, будь она аристократка или жена купца изъ Сити, которая не имѣла бы въ своемъ гардеробѣ хоть одну „splendid india shawl“ (прелестную индійскую шаль).

Самая большая коллекція такихъ шалей находилась у извѣстной султанши Валиде, супруги султана Ахмета II, француженки, родомъ изъ французской колоніи на островѣ Мартиникѣ, въ Америкѣ. Эта расточительная султанша и первая модница Востока, въ то время, имѣла ихъ 87 штукъ и цѣнность ихъ превышала 2 милліона рупій.

Въ наше время, лучшую и богатѣйшую коллекцію Châles des Indes имѣетъ императрица Индіи королева Викторія, а также бывшая королева Испаніи Изабелла

Что касается до торговли шалями въ Вѣнѣ, Берлинѣ, Мадридѣ, Петербургѣ и другихъ городахъ, то она не такъ обширна какъ въ Парижѣ или Лондонѣ, потому что богатые люди, сами покупаютъ или выписываютъ шали изъ Парижа или Лондона.

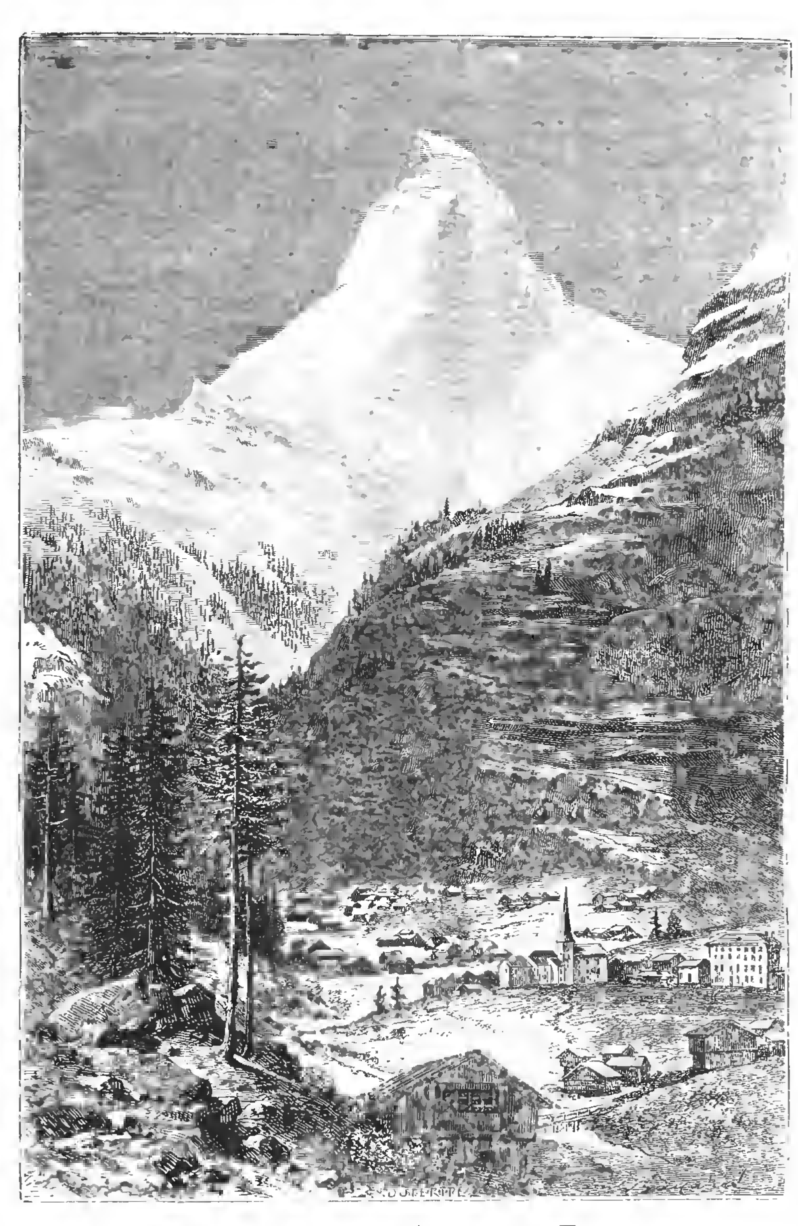
Торговля индійскими тканями и шалями въ Россіи, т. е. въ Петербургѣ, Москвѣ и Одессѣ незначительна и находится въ рукахъ иностранцевъ, а также commis voyageurs'овъ, которые посѣщая Россію ежегодно, поставляютъ русскимъ фирмамъ шали, вывезенныя изъ Индіи большими торговыми домами Парижа и Лондона.

До сихъ поръ еще многіе въ Европѣ полагали и полагаютъ, что слово châle, — французское. Но это не такъ. Слово *шаль* происходитъ отъ китайскаго sahala (сахала) и состоитъ въ тѣсномъ сродствѣ съ словомъ санскритскимъ shala (шала). Это свидѣтельствуетъ древняя китайская рукопись называемая Квангъ-Юки и относящаяся къ 713 году, ко времени царствованія династіи Тангъ; въ этой рукописи впервые упоминается китайскимъ лѣтописцемъ о привозѣ изъ Индіи великолѣпной и чудной ткани боговъ „sahala,“ которая была выткана жителями г. Серика, на рѣкѣ Гангесѣ. Въ XVII и XVIII столѣтіяхъ европейцы впервые узнали о существованіи чудной ткани отъ двухъ путешественниковъ Дезидери и Бернье, которые возвратившись во Францію, разсказывали о существованіи „чудной ткани боговъ“ индусовъ. Въ 1720 году, англичанинъ Фостеръ, также воз-

Лѣсъ. Картина И. Маракп, грав. Павлечскій.

вратившись изъ Индіи въ Лондонъ, читалъ публичную лекцію о выдѣлкѣ этой ткани, тогда извѣстной подъ названіемъ „indian cashmere." Въ 1812, 1824 и 1825 гг., другой англичанинъ докторъ Макрофтъ, сдѣлавшій большія путешествія по Индіи и Кашмиру, познакомилъ подробно англичанъ съ этой промышленностью, издавъ объемистый томъ о выдѣлкѣ ткани. Это сочиненіе, придававшее какую то таинственность и чудесность этому производству вызвало въ свое время движеніе въ Англіи. То было лучшее время сбыта и пріобрѣтенія чудныхъ „кашмировъ," тканей, парчи и платковъ. Все это оплачивалось чуть не на вѣсъ золота. Купцы, торговавшіе шалями, наживали милліоны.

Матерьялъ для выдѣлки ткани, поставляютъ индійскія овцы, называемыя *пурикъ*, которыя разводятся въ Ладакскихъ степяхъ. Эти небольшія овцы, не больше полугодовалаго англійскаго ягненка, пасутся почти въ дикомъ состояніи въ степяхъ, безъ всякаго особеннаго присмотра. Пища этихъ поистинѣ овецъ съ *золотымъ руномъ* — туземное растеніе (трава) „*пранго*," которая разъ акклиматизированная въ Европѣ, скоро теряетъ свою питательную силу. Ткань, идущая на изготовленіе шалей и парчи, выдѣлывается различныхъ сортовъ. Первый сортъ этихъ тканей называется „*шила*" и идетъ на выдѣлку châles longs ou carrés столь извѣстныхъ въ Европѣ. Второй сортъ называется *паттіа*—матерія идущая на выдѣлку тюрбановъ и широкихъ поясовъ и восточныхъ шарфовъ. Третій сортъ „*паюхъ*" родъ мягкаго, тонкаго и превосходнаго легкаго сукна,—которое усердно поддѣлывается европейцами и извѣстно въ торговлѣ подъ именемъ кашмира.



Швейцарія. Церматъ. Рис. Баяръ, грав. Патинъ.

Кромѣ этихъ, наиболѣе извѣстныхъ намъ тканей, приготовляемыхъ въ Лагорѣ, слѣдуетъ еще упомянуть объ оригинальной и дорогой золотой парчѣ „*факухъ*" извѣстной въ Европѣ подъ названіемъ „*Brocate d'or des Indes*". Эта парча идетъ на приготовленіе богатой одежды индійскихъ раджей (князей), сановниковъ и ихъ женъ, а также на мантіи, кушаки и халаты индусскихъ жрецовъ.

Знаменитая промышленность шалями праздновала въ 1878 г. свое столѣтнее существованіе въ Европѣ. Многое—измѣнилось въ странѣ, гдѣ протекаетъ древній, таинственный и священный Гангъ... Владычество алчныхъ сыновъ Альбіона, много, измѣнивъ въ завоеванной странѣ, парализировало искусства и производства индусовъ, которые однако и до нынѣ строго хранятъ тайну выдѣлки тканей, доставшуюся имъ въ наслѣдіе отъ древнихъ ткачей города Маллитаруна.

А. Гиллинъ.

Швейцарія. Интерлакенъ. Рис. Баяръ, грав. Патинъ.

Къ рисункамъ

Дворецъ въ Александріи.

Петергофъ, какъ извѣстно, былъ любимой лѣтней резиденціей Императора Николая Павловича; украшая его сады, Государь обратилъ вниманіе и на его живописныя окрестности и положилъ основаніе Александріи, мѣстности самой ближайшей къ Петергофу и которая нынѣ отдѣляется отъ послѣдняго лишь одною каменною стѣною. Все это мѣсто, въ старину, въ Петровское время, принадлежало свѣтлѣйшему князю Александру Даниловичу Меньшикову. На одной изъ площадокъ сада видны и теперь развалины части стѣны княжескаго дома, который впрочемъ никогда не былъ достроенъ. При императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ въ 1733 году, въ мѣстности, занимаемой нынѣ Александріей, былъ устроенъ звѣринецъ, богато снабженный разнаго рода дикими звѣрями; здѣсь происходили роскошныя охоты, въ которыхъ принимала участіе сама Императрица, стрѣляя звѣрей съ терассы открытой бесѣдки, называвшейся Темплемъ. Звѣринецъ этотъ впослѣдствіи былъ переведенъ въ англійскій садъ, а на мѣстѣ его были разведены огороды. Въ 1826 году Императоръ Николай Павловичъ обратилъ вниманіе на эту красивую, но заброшенную и запущенную мѣстность и повелѣлъ построить здѣсь сельскій дворецъ въ видѣ коттэджа. Дворецъ былъ выстроенъ по проекту архитектора Минеласа и съ 1830 года онъ сдѣлался постояннымъ мѣстомъ лѣтняго пребыванія всего Императорскаго семейства. Дача эта тогда же получила названіе Александріи и ей былъ данъ особый гербъ, которымъ украшены не только всѣ здѣшнія зданія, но также всѣ предметы, принадлежащія дворцу-коттэджу.

Дворецъ-коттэджъ построенъ на открытой, возвышенной мѣстности лежащей вблизи морскаго берега; отсюда открывается дѣйствительно восхитительный видъ на широкорастилающійся заливъ, на которомъ то мелькаютъ пароходы, то бѣлѣютъ вдали паруса судовъ. Самый дворецъ не громаденъ, но всѣ его части носятъ на себѣ отпечатокъ изящества и вкуса. Особенно обращено вниманіе на легкость и грацію архитектурныхъ украшеній: галлереи обвитыхъ плющемъ, открытыхъ балконовъ, мраморныхъ террасъ, барельефовъ и статуй. Противъ самаго морскаго залива устроена мраморная терраса съ красивымъ фонтаномъ и нишей въ стѣнѣ, въ которой поставлено высокохудожественное произведеніе проф. Витали—мраморное изображеніе Божіей Матери съ младенцемъ Іисусомъ. Съ 1867 года запустѣвшій дворецъ-коттэджъ снова оживился, когда былъ назначенъ лѣтней резиденціей Наслѣдника Цесаревича и Государыни Цесаревны.

Вмѣстѣ съ постройкой въ 1826 году Императорской дачи-коттэджа, поставлено было близь него другое, красивое каменное зданіе, предназначаемое для лѣтняго пребыванія Наслѣдника престола. Это зданіе, съ отдѣльными во дворѣ службами и скотнымъ дворомъ, было названо *фермою*. Въ 1841 году сельскій домикъ фермы былъ увеличенъ и перестроенъ. Вновь отдѣланный сельскій дворецъ, совершенно преобразившійся—теперь одно изъ красивѣйшихъ зданій Александріи. Вокругъ всего сельскаго дворца раскинутъ великолѣпный цвѣтникъ съ красивой верандой и со многими мраморными фигурами замѣчательной художественной работы.

Партія въ преферансъ.

(Картина В. М. Васнецова).

Кто хоть нѣсколько знакомъ съ нашими иллюстрированными изданіями послѣднихъ десяти лѣтъ, тому имя В. М Васнецова не можетъ быть неизвѣстнымъ. Его талантливые рисунки появлялись въ нихъ весьма часто и пріобрѣли ему репутацію выдающагося изъ ряда рисовальщика, особенно въ области народнаго жанра.

Викторъ Михайловичъ Васнецовъ родился въ селѣ Рябовскомъ, Вятской губерніи, 3-го мая 1848 года, первоначальное воспитаніе получилъ въ Вятской семинаріи. Дошедши до богословскаго класса юноша почувствовалъ, что въ немъ есть задатки художественнаго таланта, которыми пренебрегать не слѣдуетъ и бросивъ избранную карьеру, рѣшился ѣхать въ Петербургъ и поступить въ Академію Художествъ. Средства для осуществленія этаго плана дали ему его художественныя работы выполненныя имъ еще въ Вяткѣ; то были двѣ картины—„Молочница“ и „Жница“, которыя онъ розыгралъ въ лотерею и на вырученныя деньги отправился въ столицу. Въ Петербургъ пріѣхалъ Васнецовъ въ 1867 году а въ слѣдующемъ поступилъ въ Академію, гдѣ въ 1869 году уже былъ удостоенъ за свои работы двумя серебряными медалями, большой и малой. Въ тоже время В. М. выступилъ и на поприщѣ рисовальщика въ разныхъ иллюстрированныхъ изданіяхъ. Замѣчательные его рисунки перомъ и карандашемъ сдѣлались извѣстны публикѣ по прекраснымъ копіямъ, снятымъ съ нихъ г. Скамони геліографическимъ способомъ и составившимъ отдѣльный альбомъ. Картины Васнецова появлялись почти исключительно на передвижныхъ выставкахъ и всегда обращали на себя вниманіе своей реальностью и вѣрностью схваченныхъ, преимущественно народныхъ типовъ. Такими качествами проникнуты всѣ произведенія нашего молодаго художника, но особенно извѣстны его „Харчевня“, „Лавочка лубочныхъ картинъ“, „Переѣздъ съ квартиры на квартиру“, „Нищіе-слѣпцы“ и еще нѣсколько, въ которыхъ съ фотографическою вѣрностью представлены разныя сцены изъ жизни нашего простаго и бѣднаго люда. Посвятивъ себя отечественному жанру, нашъ художникъ, не смотря на долгое пребываніе въ Парижѣ (гдѣ онъ преимущественно работалъ для издателя Tour du monde) написалъ изъ парижскаго быта только одну небольшую картину. Это его извѣстные „Акробаты“ сценка изъ жизни уличныхъ фигляровъ, написанная бойко и колоритно и кромѣ того отличающаяся особенно старательною, не всегда свойственною Васнецову, законченностью работы. Въ прилагаемой нами картинкѣ нашъ талантливый жанристъ изобразилъ нѣсколько знакомыхъ уѣздныхъ типовъ, взятыхъ изъ столь обширнаго у насъ круга людей, убивающихъ скучное время за картами т. е. играющихъ въ преферансъ скуки ради. Типы этихъ мучениковъ скуки прекрасно схвачены художникомъ.

Любимица.

(Картина Энна).

Балованная рѣзвая кошечка и ея миловидная маленькая хозяйка составляютъ прехорошенькую группу. Какъ на людяхъ отражается проживаемая ими жизнь такъ и по наружному виду животныхъ можно видѣть любятъ ли ихъ, холятъ ли ихъ и хорошо ли съ ними обращаются. Такое рѣзвое, веселое, капризное выраженіе мордочки можетъ быть только у балованной лелѣемой и любимой всѣми кошечки, привыкшей, что ее таскаютъ на рукахъ. А то бы она была робка, подозрительна, пуглива; она пряталась бы подъ стульями и столами и убѣгала бы какъ только къ ней кто подойдетъ...

Лѣсъ.

(Картина Мараки).

Изъ скучнаго и душнаго города, жаркимъ лѣтомъ, отъ скученныхъ домовъ и пыльныхъ улицъ всѣ спѣшатъ и торопятся уѣхать кто куда, только бы была зелень, былъ воздухъ. Кто не можетъ ѣхать далеко, тѣ населяютъ тѣсныя скученныя и неуютныя дачки въ окрестностяхъ города а кто можетъ, тѣ ѣдутъ дальше, въ глубь Руси, гдѣ житье теперь впрочемъ, по разнымъ обстоятельствамъ, тоже не изъ совсѣмъ пріятныхъ. Да, жизнь, обстоятельства—все мѣняется. Одно остается неизмѣннымъ—это наслажденіе, доставляемое усталому, измученному сердцу природой. Чудный запахъ цвѣтовъ и свѣжей листвы вливается въ грудь и тихо въ жаркій полдень стоятъ зеленыя деревья.

Какъ здѣсь свѣжо подъ темною листвою!
Полдневный жаръ сюда не проникалъ—
И тысячи склоненныхъ надо мною
Качаются зеленыхъ опахалъ...

И среди этаго безмолвнаго лѣса, среди этаго немолчнаго жужжанія и трепета лѣсной жизни, среди этаго благоуханія пестрѣющихъ въ густой травѣ цвѣтовъ, забывается на мгновеніе горе и тяжелая хлопотня теперешней тревожной и искалѣченной жизни.

Интерлакенъ и Церматъ.

Интерлакенъ находится въ области Бернскихъ Альповъ,—между озерами Тунскимъ и Бріэнскимъ. Это любимый пунктъ, гдѣ собираются путешественники, ѣдущіе въ Швейцарію. Они выбираютъ его, какъ мѣсто удобное для леченія молокомъ, и для прогулокъ по окрестностямъ, очень богатымъ видами и кромѣ того представляющимъ тѣ выгоды, что различные люди могутъ пользоваться при прогулкахъ различнаго рода дорогами. Въ окрестностяхъ есть тамъ и такіе пункты, какъ вершина *Тубегорна*, куда дорога трудна, или *Гардеръ*, гдѣ необходимъ даже проводникъ, и такіе какъ въ ближайшихъ окрестностяхъ Интерлакена,—гдѣ дорога удобна для людей совершенно непривычныхъ къ горамъ, при чемъ прогулка совершается все таки въ горахъ и среди живописной мѣстности.

Кромѣ того Интерлакенъ красивъ самъ по себѣ; постройки его разнообразны, и онъ расположенъ въ долинѣ между поросшими хвойными деревьями горами. Жизнь для пріѣзжающихъ обставлена всевозможными удобствами: есть нѣсколько гостинницъ, въ которыхъ можно оставаться на короткое время и пансіоновъ, гдѣ можно жить, сколько заблагоразсудится, за довольно низкую плату (6—7 франковъ въ день). Помѣщенія для туристовъ разсчитаны также на то, чтобы дать возможность постоянно пользоваться великолѣпными картинами окружающей природы,—пансіонъ Jungfraublick расположенъ, напримѣръ такимъ образомъ, что изъ него видны Юнгфрау и оба озера, между которыми лежитъ Интерлакенъ.

Вершины этой красивой горы, заслужившей названіе дѣвственницы, по причинѣ необыкновенной чистоты цвѣта ея снѣ-

говъ издали и имѣющей два пика,—Зильбергорнъ (серебрянный рогъ) и Шнеегорнъ (снѣговой рогъ) видны, за долиной, на срединѣ рисунка, первый планъ котораго занимаютъ домики Интерлакена.

Церматъ лежитъ въ области Валлисскихъ Альповъ въ лѣсистой долинѣ Николай-Таль, по которой къ Виспу и Ранѣ течетъ рѣка того же имени, получающая начало изъ ледниковъ Горнеграта. Въ Цермагѣ—мѣстность болѣе богата дикими и грандіозными видами, чѣмъ въ Интерлакенѣ, что по всей вѣроятности и привлекаетъ сюда любителей сильныхъ ощущеній — англичанъ. Въ Церматъ ѣдутъ видѣть горы и ледники, облегающіе горы Горнегратъ и Риффель-Горнъ и соединяющіеся съ ледниками Монъ-Розы, Кима ди Іацци и другихъ горъ, пріобрѣтшихъ всемірную извѣстность красотою и величавостью своихъ пейзажей.

Собственно Церматъ—небольшая деревня съ 400 жителей, расположенная на высотѣ 4927 ф. надъ уровнемъ моря. Въ ней находится памятникъ русскому туристу Э. Гроту, погибшему въ 1859 г. на Финделенскомъ ледникѣ, находящемся вблизи Цермата, на в. отъ него. Монъ-Сервенъ,—гигантъ, достигающій 13798 футовъ въ вышину, виденъ на югѣ уже изъ самаго Цермата. Это та самая гора, которая острымъ пикомъ виднѣется на срединѣ рисунка, — а окрестности представляютъ массу видовъ, еще болѣе грандіозныхъ. Съ Горнеграта открывается единственная въ своемъ родѣ панорама на всю группу горныхъ массъ, возвышающихся отдѣльными остріями надъ ледяными полями глетчеровъ, сѣверной части ледниковой области Монъ-Розы. Отсюда видны на югѣ Монъ-Роза, Касторъ и Полуксъ, Брейтгорнъ; на западѣ—Маттегорнъ; на сѣверѣ—Мишабель, (одна изъ вѣтвей Монъ-Розы), Ротгорнъ, Вейсгорнъ и т. д., при чемъ глазъ обхватываетъ картину на огромномъ протяженіи, и вся система ледниковъ видна вполнѣ.

Темносинее небо разстилается надъ головами зрителей, и края свода упираются въ землю гдѣ-то въ дали,—тамъ за этими, то изумрудно-зелеными, то отливающими глубокою синевою, то бѣлыми, массами льдовъ, ползущими книзу потоками и сливающимися другъ съ другомъ, образуя потоки еще большей ширины и мощности, — потоки, несущіе массы льда и камней. Массы льда, то тамъ, то здѣсь, разрываются гребнями горныхъ породъ, образующихъ ихъ ложе, и которыя высятся надъ льдами. Чѣмъ ниже, тѣмъ чаще вырываются изъ подъ ледяного покрова каменныя массы, пока, наконецъ, они не освобождаются совершенно отъ льда, образуя уже голыя каменныя стѣны по бокамъ долинъ, въ глубинѣ которыхъ является уже зелень лѣсовъ, массы ели.

Путешествіе на Горнегратъ и Рифель-Горнъ составляетъ главную цѣль экскурсій въ окрестности Цермата и по дорогѣ на Риффель есть удобныя гостинницы.

Болгарское войско.

Послѣдній русскій солдатъ оставилъ уже предѣлы Болгаріи и теперь юное княжество должно опираться на собственные силы, „на собственные штыки". Если болгары не сами добыли себѣ свободу, не сами сбросили съ себя иго, то и прошлое ихъ, и настоящее говорятъ въ пользу того, что они сумѣютъ защитить полученную самостоятельность. Еще въ началѣ VI-го столѣтія послѣ Р. Х. они были грозою для Византійской имперіи и не смотря на то, что императоръ Анастасій строилъ для защиты отъ ихъ набѣговъ рядъ укрѣпленій, соединенныхъ между собою стѣною—они нерѣдко доходили до самаго Константинополя. Въ 559 году Юстиніанъ былъ вынужденъ послать противъ отважныхъ сосѣдей великаго Велизарія. Побѣжденные и покоренные, наконецъ, греческими императорами, они въ XII столѣтіи вновь возвратили себѣ независимость и только всесокрушающія полчища Баязета I сломили ихъ. Но не смотря на тяжкое иго, болгарскій народъ не вполнѣ утратилъ духовную мощь. Онъ былъ покоренъ, раздавленъ, но, отъ времени до времени, народные герои, „гайдуки" напоминали и своему народу и туркамъ о вольной жизни отцовъ, о прежнихъ славныхъ дняхъ и жестоко отплачивали угнетателямъ. Народъ, при первой возможности, поднимался и шелъ за ними. Такъ, болгарскія четы геройски дрались съ турками во время греческаго возстанія, во время русско-турецкой кампаніи 1828—29 годовъ и затѣмъ 1853—56 гг., ведя ожесточенную партизанскую войну. Послѣ бомбардированія турками въ 1862 г. Бѣлграда, Панайотъ Гитовъ съ своей четой сражался въ теченіи 60-ти дней, пробился отъ Шипкинскаго перевала до сербской границы. Съ неменьшею храбростью сражался болгарскій легіонъ и въ іюлѣ того же года въ Бѣлградѣ. И позднѣе сербы пользовались мужественнымъ содѣйствіемъ болгарскихъ воиновъ. Четы Панайота и Тоти Филиппа, въ 1867 г. успѣшно бились съ высланнымъ противъ нихъ Митхадомъ-Пашею, черкессами и турецкими регулярными войсками. Организованный въ Бухарестѣ и Бѣлградѣ, хорошо обученный, обмундированный и строго дисциплинированный болгарскій легіонъ, погибшій, въ неравной борьбѣ почти весь, до единаго человѣка (въ 1868 г.), возбудилъ своимъ геройствомъ удивленіе даже турокъ—непримиримыхъ враговъ болгаръ.

Первымъ ядромъ болгарской арміи, какъ конечно читатели знаютъ, послужили болгарскія дружины (въ числѣ 6000 чел.), сформированныя въ Кишиневѣ предъ началомъ минувшей войны нашей съ турками. Торжественна была минута благословенія знамени болгарскихъ дружинъ, которое держалъ въ рукахъ колѣнопреклоненный вождь ихъ, генералъ Столѣтовъ!.. Болгары не посрамили знамени, они оказались вполнѣ достойными его, оказались достойными довѣрія, оказаннаго имъ—всѣмъ и каждому извѣстно ихъ геройское поведеніе въ отрядѣ генерала Гурко и позднѣе Эски-Загра, Шибка—навсегда останутся славными воспоминаніями для обновленнаго народа. Довольно сказать, что въ дружинахъ осталось не болѣе одной трети—остальные пали въ бою за родину.

Болгарскія войска организованы уже вполнѣ. Въ январѣ нынѣшняго года онѣ состояли изъ 4-хъ эскадроновъ кавалеріи, 21 баталіона пѣхоты, 6-ти баттарей и 1 роты піонеровъ, всего численностью 23,350 чел., 2,009 лошадей и 48 пушекъ. Ко дню же прибытія князя Александра (въ началѣ іюля)— численность эта почти удвоилась и достигла 46,500 ч., 4072 лошадей и 96 пушекъ. Высшею боевою единицею является бригада. Кавалерія (1,200 чел., 1192 лошади), составляетъ одну бригаду (два полка, изъ четырехъ сотенъ или эскадроновъ, въ 150 человѣкъ каждая), пѣхота (42 тысячи человѣкъ, 882 лошади) дѣлится на 14 полковъ, состоящіе каждый изъ трехъ дружинъ (баталіоновъ), по четыре роты въ каждой; рота состоитъ изъ 250 чел., баталіонъ—изъ 1 тысячи; полевая артиллерія (3 тысячи человѣкъ, 2088 лошадей) состоитъ изъ двухъ бригадъ, по шести баттарей, въ каждой бригадѣ находится одна девяти—, 4 четырехъ фунтовыя и 1 горная баттарея; вообще же баттарея состоитъ изъ 8 пушекъ, отъ 224 до 300 ч. прислуги и отъ 160 до 214 лошадей; въ піонерной ротѣ числится 300 ч., вскорѣ она будетъ доведена до баталіоннаго состава. Сюда же надо отнести и формируемую нынѣ жандармерію, а также небольшой отрядъ лейбъ-гвардіи князя, содержащей караулы во дворцѣ.

Болгарское княжество имѣетъ также и свою флотилію, состоящую изъ двухъ паровыхъ авизо, 6 панцырныхъ канонирскихъ лодокъ, вооруженныхъ крупповскими пушками (по одной въ каждой лодкѣ) и 6 паровыхъ баркасовъ (бывшихъ нашихъ миноносокъ)—подарка Государя Императора. Согласно новѣйшимъ свѣдѣніямъ, флотилія находится пока еще въ Одессѣ, такъ какъ берлинскій договоръ не допускаетъ на Дунаѣ присутствія военныхъ судовъ, но, вѣроятно, препятствіе это будетъ устранено, потому что извѣстно уже, что болгарскія суда будутъ частью станціонировать въ портахъ княжества, частью же предназначаются для полицейской службы на Дунаѣ.

Форма болгарскихъ войскъ состоитъ изъ національной болгарской шапки (чубара), короткаго мундира темнозеленаго сукна и высокихъ сапогъ, сверхъ шароваръ. Жандармерія носитъ форму свѣтлаго сукна, съ вышивками, цвѣта которыхъ соотвѣтствуютъ различнымъ округамъ, въ которыхъ они состоятъ на службѣ. Ружья—тѣ же, что и у нашихъ войскъ, т. е. двухъ системъ, Бердана и Крнка. Армія организована по территоріальной системѣ и княжество раздѣлено на пять военныхъ округовъ: Софійскій, Виддинскій, Тырновскій, Рущукскій и Варнскій. Гарнизоны расположены въ Софіи, Сливнѣ, Рущукѣ, Тырновѣ, Виддинѣ, Шумлѣ, Систовѣ, Разградѣ, Силистріи, Варнѣ и Козаны. Части расположены въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ набраны. На основаніи органическаго закона, военной повинности подлежитъ всякій болгарскій подданный, безъ различія религіи, достигнувшій 20-ти лѣтняго возраста и нести ее впродолженіи 11 лѣтъ. Пока подъ знамена призваны только христіане. Нынѣ въ строю находится призывной классъ 20 — 22 лѣтъ; наборъ текущаго года далъ 8,246 человѣкъ. Болгарское правительство старается всѣми силами, сколь возможно скорѣе, образовать корпусъ своихъ собственныхъ, туземныхъ офицеровъ. Съ этою цѣлью въ Софіи учреждено военное училище на 350 кадетъ, обучающихся подъ руководствомъ русскихъ и болгарскихъ преподавателей. Кромѣ того около 100 болгарскихъ юношей воспитываются въ русскихъ военно-учебныхъ заведеніяхъ.

Нынѣ назначенный военнымъ министромъ княжества, генералъ-маіоръ *Петръ Дмитріевичъ Паренсовъ*, родился въ 1843 г. въ Вологодской губерніи *). Онъ извѣстенъ какъ одинъ изъ нашихъ лучшихъ и способнѣйшихъ офицеровъ. Уже въ 1870 г. принявъ участіе въ экспедиціяхъ для усмиренія бывшаго среди киргизовъ возстанія, онъ получилъ орденъ Св. Анны 3-й ст. съ мечами. Въ ноябрѣ 1876 г. во время мобилизаціи войскъ, назначенный состоять по порученіямъ при Е. И. В. Главнокомандующемъ, онъ собственно началъ свою боевую дѣятельность.

Первое исполненное имъ съ блестящимъ успѣхомъ порученіе еще до объявленія войны—было собираніе свѣдѣній о непріятелѣ. Затѣмъ въ 1877 г. рекогносцировка береговъ Дуная. По переходѣ черезъ Дунай, онъ участвовалъ въ набѣгѣ л.-гв. Казачьяго полка на Ловчу, затѣмъ дѣйствовалъ въ качествѣ начальника штаба отряда генерала Скобелева 2-го и участвовалъ въ сраженіи 18 іюля подъ Плевною. Въ первыхъ числахъ августа *П. Дм.* былъ назначенъ начальникомъ штаба къ генералу

*) Отецъ его былъ генералъ отъ инфантеріи, принималъ участіе въ Наполеоновскихъ войнахъ, въ Турецкой и въ Польской компаніяхъ.

кн. Имеретинскому. Много содѣйствовалъ взятію Ловчи 21 августа. Съ отрядомъ князя Имеретинскаго двинулся къ Плевнѣ и участвовалъ въ сраженіи 29, 30 и 31-го августа подъ Плевною, въ которыхъ выказалъ энергію и распорядительность. Въ октябрѣ мѣсяцѣ онъ былъ назначенъ начальникомъ штаба 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи къ генералъ-адъютанту графу Шувалову и участвовалъ въ сраженіи подъ Правцемъ 11 ноября. Это было послѣднее его боевое дѣло. По случаю тяжелой болѣзни онъ долженъ былъ на время покинуть ряды арміи.

Во время войны онъ удостоился получить слѣдующія награды: Св. Владиміра 3-й и 4-й степеней съ мечами, золотое оружіе съ надписью „за храбрость“ и чинъ генералъ-маіора.

Такъ мы видимъ, что болгары организуются и, въ тоже время, быстро идутъ впередъ по ново-открытому имъ жизненному пути. Желаемъ имъ дойдти *скорымъ шагомъ* къ цѣли...

Политическое обозрѣніе.

Въ Турціи.—Мусульмане въ Болгаріи и Черногоріи.

Не смотря на весь шумъ, на всѣ толки, возбужденные прибытіемъ въ турецкія воды британскаго флота—до сихъ поръ еще истинное значеніе этаго новаго маневра Биконсфильда не разъяснилось. Но не слѣдуетъ ли съ появленіемъ тамъ британскаго флага сопоставить извѣстіе о томъ, что будто бы въ Германіи сосредоточивается теперь громадный вагонный паркъ, *предназначенный для перевозки турецкихъ войскъ въ Ямболи и Филиппополь.* Въ Константинополѣ говорятъ, что *турки займутъ пока только Шипкинскій и Ихтиманскій горные проходы.* Только! Хотя „ничто не ново подъ луною“, но все „вѣрится съ трудомъ“! Въ виду того, что Россія настояла на недопущеніи оттоманскихъ силъ въ предѣлы Румеліи и въ Балканскіе проходы, на что согласились державы—мы относимъ это извѣстіе, пока, къ области вымысла, такъ близко граничащей съ областью политики.

Мы давно уже не заглядывали въ столицу Турціи. Между тѣмъ много пишутъ о тяжеломъ положеніи тамошнихъ дѣлъ. Отношенія, господствующія въ высшихъ кругахъ, нынѣ хуже и несноснѣе, чѣмъ когда либо, хотя султанъ постоянно заботится объ улучшеніи ихъ. Война съ ся пожертвованіями, уронъ, нанесенный Турціи, страхъ предъ заговорами и возстаніями, печальныя открытія на счетъ своихъ приближенныхъ, вѣчныя придворныя интриги, все это разстроило султана до крайней степени. Абдулъ-Гамидъ никогда не спитъ двѣ ночи сряду на одной и той же постели, всѣ кушанья и напитки, даже курительный табакъ, онъ заставляетъ при себѣ пробовать, во всѣхъ министрахъ видитъ заговорщиковъ и всякій ничтожный знакъ, обмѣниваемый приближенными, принимается имъ за злонамѣренные сигналы, во всякой бумагѣ онъ опасается увидѣть фетву, устраняющую его отъ престола рукой шейхъ-уль-ислама. Кіоскъ „звѣздъ“, гдѣ онъ живетъ, превратился въ настоящую крѣпость, изъ которой онъ выѣзжаетъ только по пятницамъ утромъ, въ закрытой каретѣ, окруженный черкесами, для выполненія обряда селямлыка въ маленькой сосѣдней мечети. Довѣріемъ султана пользуются только главные евнухи и нѣсколько высшихъ придворныхъ, считающихся—всѣ безъ исключенія почти, за людей совершенно безчестныхъ.

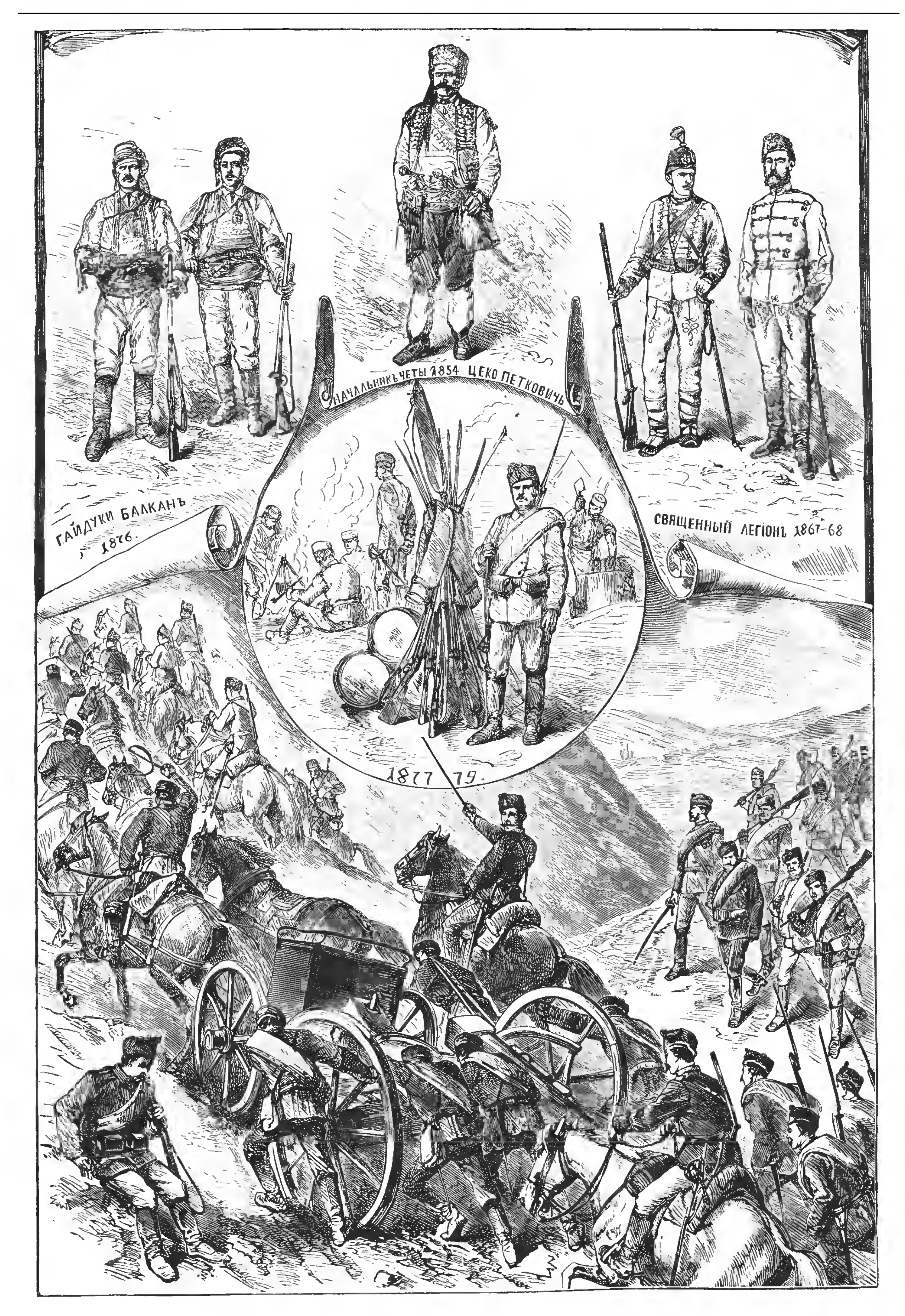
Бывшій султанъ Мурадъ оправился вполнѣ и его умственныя способности находятся въ нормальномъ состояніи, но ходятъ слухи, будто въ отчаяніи отъ заключенія, въ которомъ его держатъ, онъ началъ искать забвенія въ винѣ. Быть можетъ эти слухи распускаются съ намѣреніемъ, такъ какъ въ Стамбулѣ слышны стали разсужденія въ родѣ того, что султанъ Мурадъ здоровъ, а потому его *замѣститель*, Абдулъ-Гамидъ, обязанъ возвратить ему престолъ... Аарифи-Паша сдва ли твердъ въ своей должности, по крайней мѣрѣ, по новѣйшимъ свѣдѣніямъ—во дворцѣ недавно происходилъ семейный совѣтъ, на которомъ присутствовали султанъ и всѣ принцы крови; утверждаютъ, будто большинство пришло къ тому убѣжденію, что при настоящихъ обстоятельствахъ, Махмудъ-Недимъ-Паша—единственный человѣкъ, могущій спасти династію и имперію отъ окончательной гибели. Недавно сообщали, что британскій посланникъ лордъ Дофференъ, будетъ назначенъ въ Константинополь вмѣсто сэра Лейарда, но теперь извѣстіе это не подтверждается. Греческій вопросъ снова начинается сначала—султанскимъ ирадэ назначены комиссары для переговоровъ съ Греціей, и именно: Савфетъ, Али-Саибъ и Савасъ-Паша. 2-го (14-го) августа, въ Каирской цитадели происходило торжественное чтеніе фирмана объ утвержденіи хедива Тевфика-Паши. На церемоніи присутствовали улемы, консулы и высшія гражданскія и военныя власти, а затѣмъ послѣдовалъ пріемъ у новаго хедива, отличавшійся необыкновеннымъ многолюдствомъ. Вечеромъ городъ былъ иллюминованъ. Тевфикъ - Паша, какъ говорятъ, скоро ѣдетъ въ Константинополь для представленія своему сюзерену — султану.

Болгарскій военный министръ, генералъ П. Д. Паренсовъ.
Съ фотографіи грав. Э. Шмидтъ.

По извѣстіямъ изъ Сераева, шайка, состоящая изъ турокъ и христіанъ, пыталась произвести нападеніе на хлѣбный магазинъ, стража сдѣлала нѣсколько выстрѣловъ. Другая шайка собралась вблизи казармъ, гдѣ хранится казна, но часовые предупредили нападеніе, подали сигналъ къ тревогѣ и многіе мятежники были арестованы.

Мусульмане неспокойны и въ Болгарскомъ княжествѣ, и неспокойны до того, что двѣ области объявлены въ осадномъ положеніи. Волненіе выразилось появленіемъ вооруженныхъ отрядовъ. Правительство послало противъ нихъ войска. Теперь сообщаютъ, что, по распоряженію военнаго министра, двинуты были рущукская дружина, двѣ роты разградской, при шести полевыхъ и двухъ горныхъ орудіяхъ. Назначенный начальникомъ этаго отряда, маіоръ Лонгиновъ разбилъ банду Селима-Али, состоявшую изъ 220 ч. Той же участи подверглись и мусульманскіе отряды, настигнутые болгарской милиціей въ другихъ мѣстностяхъ; отрядъ Аракчи уничтоженъ совершенно у самой Силистріи и предводитель взятъ въ плѣнъ, а близь деревни Камаплари—уничтожено скопище Махмута. Для обезпеченія порядка, на будущее время формируются четыре летучія колонны, которыя должны будутъ преимущественно наблюдать за лѣсными и горными ущельями. Въ Шумлѣ іени-базарскій окружный начальникъ схватилъ 14 предводителей, вслѣдствіе чего собранныя ими небольшія скопища разбѣжались. Плѣнные гарамбатисы (атаманы) будутъ преданы военному суду. Министръ внутреннихъ дѣлъ сообщилъ, по телеграфу, властямъ волю Князя о томъ, чтобы всѣ приговоры восходили на его утвержденіе, да бы невинные не пострадали нечаянно отъ строгости военныхъ законовъ. Разградскій военный начальникъ арестовалъ шесть человѣкъ, принадлежащихъ къ составу турецкой арміи. И на в о-

(Продолженіе на стр. 677, 678, 679 и 680).



Княжество Болгарія. Болгарскія войска. Съ рис. F. Z. грав. Рашевскій.

просъ—какъ слѣдуетъ далѣе поступить съ арестованными, ему велѣно было отпустить ихъ, такъ какъ лишеніе свободы допускается только при наличности вѣскихъ доказательствъ противъ подозрѣваемыхъ личностей. Арестованные были немедленно выпущены.

Мусульмане заволновались и въ Черногоріи. Дѣло въ томъ, что во вновь присоединенныхъ областяхъ, населенныхъ, какъ извѣстно, отчасти мусульманами, предполагается произвести народную перепись. Мусульманскіе агитаторы воспользовались этимъ обстоятельствомъ и распустили слухъ, будто эта мѣра имѣетъ цѣлью обложеніе всѣхъ магометанъ непомѣрно тяжелыми налогами и даже — обращеніе въ христіанство. Послѣдствіемъ этаго слуха было то, что выдающіеся мусульмане въ Голубовцѣ и Подгорицѣ оказали сопротивленіе правительственнымъ распоряженіямъ, причемъ было сдѣлано открытое нападеніе на полицейскихъ чиновниковъ. Княжеское правительство немедленно приняло мѣры. Были усилены гарнизоны во вновь присоединенныхъ областяхъ и затѣмъ, распорядились арестовать коноводовъ въ одну и ту же ночь, въ Подгорицѣ и Голубовцѣ. По приказанію князя, они были доставлены подъ конвоемъ въ Цетинье и здѣсь его свѣтлость пожелалъ воспользоваться своимъ правомъ помилованія. Съ этою цѣлью, онъ приказалъ привести всѣхъ арестованныхъ къ конаку и расположить на дворцовомъ дворѣ. Выйдя къ нимъ, въ сопровожденіи адъютантовъ и министровъ, князь произнесъ рѣчь, въ которой, объяснивъ, что „всѣ подданные его равны, что въ его княжествѣ нѣтъ раіи, но и нѣтъ привилегированныхъ, что народная перепись необходима какъ правительственная мѣра, и она непремѣнно будетъ произведена; сопротивленіе ихъ заслужило высшей мѣры наказанія, но—онъ прощаетъ ихъ“ — „ступайте домой, предоставляйте моимъ старшинамъ дѣлать то, что имъ приказано и остерегайтесь вступать на путь, который могъ бы привести васъ къ гибели,“ закончилъ князь.

Пораженные мусульмане бросились цѣловать полы княжеской одежды, обѣщая отнынѣ во всемъ повиноваться князю.

Смѣсь.

О пульзометрахъ. Насосъ-пульзометръ, вслѣдствіе чрезвычайно успѣшнаго примѣненія своего въ самыхъ разнообразныхъ случаяхъ, получилъ обширную извѣстность какъ по своему устройству такъ и дѣйствію.

Съ первыхъ дней употребленія пульзометра, въ его первоначальномъ видѣ, оказалось, что несмотря вообще на удовлетворительность дѣйствія аппарата, онъ не можетъ получить обширнаго примѣненія вслѣдствіе многихъ недостатковъ, изъ коихъ главнѣйшій состоялъ въ томъ, что вопросъ о замѣнѣ изнашивающихся частей не только не былъ разрѣшенъ устройствомъ аппарата, но не былъ даже принятъ во вниманіе.

Въ первыхъ пульзометрахъ, изготовленныхъ въ Америкѣ, были употреблены чугунные всасывающій и выпускной клапаны, какъ формы для отливки тѣхъ частей, въ которыхъ они совершаютъ свое движеніе. Шаровидные клапаны помѣщались въ форму насоса въ пескѣ, вливался металлъ и по увѣренію изобрѣтателя достаточно было остынуть массѣ, удалить песокъ и ядро формы, чтобы въ нѣсколько минутъ (необходимыхъ на вставку пароваго шарика и соединеніе паровыхъ и водяныхъ трубъ) сдѣлать аппаратъ годнымъ для дѣйствія.

Какъ ни остроуменъ изложенный только что способъ приготовленія пульзометровъ, но необходимо также признать, что въ результатѣ аппараты не были прочны и не удовлетворяли своему назначенію. Это обстоятельство заставило подумать объ улучшеніяхъ въ пульзометрѣ. Этими улучшеніями и занялись въ Англіи. Пульзометръ, Енгинсерингъ и К°, Лондонъ.

Прежде всего было обращено вниманіе на необходимость такаго устройства аппарата, при которомъ всѣ части, могущія подвергаться изнашиваемости, могли бы быть легко вынимаемы и замѣняться новыми.

Самая конструкція клапановъ подверглась также измѣненію, имѣвшему преимущественное вліяніе на успѣхъ, которымъ пользуются новые пульзометры. Исключительно примѣнявшіяся прежде деревянныя донышки клапановъ оставлены теперь только въ тѣхъ случаяхъ, когда выкачиваемая пульзометромъ жидкость могла бы вредно дѣйствовать на каучукъ; при всѣхъ же другихъ обстоятельствахъ каучуковые кружки соединенные тѣмъ или другимъ способомъ съ металлическими (металлъ Мунца или чугунъ) пластинками, употребляются въ дѣло съ большимъ успѣхомъ.

На Парижской Всемірной выставкѣ 1878 года былъ выставленъ паровой шарикъ, находившійся въ работѣ въ теченіи 1608 часовъ при выкачиваніи 18,000 галоновъ (около 7000 ведеръ) жидкости въ часъ на высоту 78 футовъ. По изслѣдованіи этаго пароваго шарика съ помощью измѣрительнаго прибора Витворта оказалось, что наибольшее найденное въ немъ отступленіе отъ шарообразной формы не превышало 1/1000 дюйма. Фактъ этотъ можетъ служить блестящимъ доказательствомъ какъ точности выполненія частей прибора, такъ и ихъ значительной прочности. Если упомянуть еще о ножномъ клапанѣ Перро, то всѣ сдѣланныя въ Англіи улучшенія американскаго пульзометра, послужившія къ его повсемѣстному и успѣшному примѣненію, исчерпаны.

Что касается дѣйствія пульзометра, то прежде всего бросается въ глаза его разнообразное примѣненіе. Постепенное употребленіе пульзометровъ въ разныхъ случаяхъ и сопровождавшій его повсюду успѣхъ служили поводомъ примѣненія ихъ въ самыхъ разнообразныхъ обстоятельствахъ. Въ этомъ отношеніи мы не ошибемся если назовемъ самымъ блестящимъ результатомъ достигнутымъ пульзометрами, примѣненіе ихъ къ подъему кирпичнаго и цементнаго тѣста.

При обыкновенныхъ работахъ выкачиванія жидкости и особенно при осушкѣ кессоновъ для мостовыхъ сооруженій—пульзометры получили самое обширное примѣненіе, ибо это весьма легко переносимый аппаратъ. Отсутствіе необходимости фундамента или особой установки аппарата, легкость соединенія его съ паровикомъ, безвредность для аппарата въ случаѣ примѣсей къ выкачиваемой жидкости песку или грязи — вотъ преимущества пульзометра, заслуживающія особаго вниманія. Откачиваніе затопленныхъ шахтъ и каменоломень совершается при помощи пульзометра быстро и дешево и въ этомъ направленіи аппаратъ получилъ повсемѣстное употребленіе. Употребленіе пульзометровъ на заводахъ и фабрикахъ распространяется все болѣе и болѣе, между прочимъ въ послѣднее время они употребляются съ большимъ успѣхомъ для выкачиванія жидкости остающейся послѣ промывки шерсти, при чемъ присутствіе песку и остатковъ шерсти въ жидкости не препятствуетъ правильности дѣйствія аппарата. Упомянемъ еще объ успѣшномъ примѣненіи пульзометра на подъемныхъ докахъ и корабляхъ и мы должны будемъ признать, что аппаратъ этотъ принадлежитъ къ наиболѣе полезнымъ между насосами и вполнѣ оправдываетъ присужденіе на парижской всемірной выставкѣ его изобрѣтателю—золотой, а фабрикантамъ—серебряной медали.

Задача слоговъ.

Изъ нижеслѣдующихъ 55 слоговъ составить 20 словъ, начальныя буквы которыхъ, читаемыя сверху внизъ, дадутъ имя и фамилію современнаго европейскаго композитора и названіе его лучшаго произведенія, послѣднія же буквы, читаемыя также сверху внизъ, составятъ имя и фамилію русскаго извѣстнаго композитора и названіе его лучшаго произведенія.

а, а, бу, ве, вер, виш, ге, ги, га, гла, го, да, до, ди, е, ерш, зе, зе, и, и, ин, ин, ин, изм, ист, кельб, ки, кип, ла, лит, ли, лье, мат, нап, ну, ні, не, о, он, ор, об, орд, пи, ре, ре, рі, ро, рон, рев, се, фан, хор, ці, чі, яч,

1) Названіе цвѣтка.
2) Мужское имя.
3) Участвующій въ хорѣ.
4) Городъ въ Корсикѣ.
5) Названіе иностраннаго вина.
6) Городъ въ Англіи.
7) Верховное божество Индійцевъ.
8) Египетская монета.
9) Поэма Виргилія.
10) Городъ въ Китаѣ.
11) Названіе рыбы.
12) Минералъ розоваго цвѣта.
13) Прежняя путевая мѣра во Франціи.
14) Публичныя обязательства, по которымъ уплата производится по жребію.
15) Городъ Тульской губерніи.
16) Древнее Скандинавское божество, повелѣвающее стихіями.
17) Родъ шелковой матеріи.
18) Названіе болѣзни.
19) Названіе краски.
20) Древній Римскій императоръ.

Рѣшеніе шашечной задачи № 12.

Бѣлые.					Черные.				
Съ	№	7	на	12	Съ	№	8	на	28
„	„	32	„	19	„	„	24	„	20
„	„	19	„	15	„	„	20	„	16
„	„	15	„	24	„	„	16	„	12
„	„	4	„	7	„	„	12	„	8
„	„	24	„	15	„	„	8	„	4
„	„	15	„	8					

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы: **Спб.** отъ гг.: Генинга, Егора Валдаева, Симакина, Успенскаго, Нельгрена, Неніаса, Назарова, Михайлова, Голубева, Перминова, Каняева и Д-я Соловьева; **Москва.** отъ гг: Алексѣева, Трехполѣннаго, Сусенскаго, Кирилова, Ишк—рина, Бѣлоногова, Голубева, Житарева, Неизвѣстнаго, Клокова, Сырова, Зимина, Зѣвакина, Никитина и г-жи Магиленской; **Плесъ**—Новожилова; **Рыбинскъ**—Д. Лобанова; **Кашира**—М. Быкова; **Кронштадтъ**—Даржана; **Ст. Константиново**—Осипова; **Псковъ**—В. П. Колпинскаго; **Новгородъ**—Дорофѣева; **Ораніенбаумъ**—Кокорина; **Ст. Курскъ**—Зайцева.

Магическій квадратъ. Задача № 10.

а	а	а	а
а	г	з	з
л	л	м	м
р	р	у	я

Магическій квадратъ. Задача № 11.

а	а	а	а	а
а	г	г	е	е
к	к	л	л	м
н	п	р	р	с
т	т	т	у	у

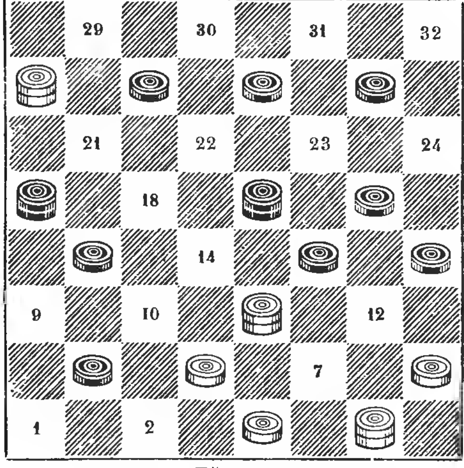
Ходъ коня. Задача № 6.

Въ этомъ квадратѣ заключаются 3 русскія пословицы.

ъ	т	р	м	а	е	д	к
у	ы	о	ъ	а	о	к	в
а	з	я	ы	д	т	і	ъ
л	н	г	г	д	я	а	ъ
и	б	о	к	т	о	я	з
р	ъ	е	о	н	ъ	п	в
е	ъ	а	в	д	л	ы	д
к	ъ	н	т	к	а	е	а

Шашечная задача № 13.

Черныя.



Бѣлыя.

Бѣлыя начинаютъ и выигрываютъ.

Вновь поступило въ пользу погорѣльцевъ гор. Иркутска.

Отъ гг. Антонова въ ст. Пятіизбянской 10 р., Пастухова въ Старицѣ 3 р., Ефименко въ Ростовѣ на Дону 3 р., итого 16 р.; а всего съ прежде поступившими 40 р. 10 к.

Вновь поступило въ пользу погорѣльцевъ гор. Оренбурга.

Отъ гг. Пастухова въ Старицѣ 2 р., Безсонова въ Екатеринбургѣ 1 р., итого 3 р; а всего съ прежде поступившими 241 р. 10 к.

СОДЕРЖАНІЕ: Дѣятели Русской литературы. Н. В Гоголь (съ портр.)—Весна и лѣто. Стихотвореніе С.—Касимовская невѣста. Историческій романъ Вс. Соловьева. (Продолженіе).—Перстень. Разсказъ.—Индійскія ткани въ Европѣ. А. Гиллика.—Дворецъ въ Александріи (съ рис.).—Партія въ преферансъ (съ рис.)—Любимица (съ рис.)—Лѣсъ (съ рисункомъ).—Интерлакенъ и Церматъ (съ рис.)—Болгарское войско (съ рис. и портретомъ)—Политическое обозрѣніе.—Смѣсь.—Задача слоговъ.—Рѣшеніе шашечной задачи.—Магическіе квадраты.—Задача. Ходъ коня № 6.—Шашечная задача.—Вновь поступило въ пользу погорѣльцевъ гг. Иркутска и Оренбурга.—Объявленія.—

Издатель **А. Ф. Марксъ.** Редакторъ **Ф. Бергъ.**

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я.

Дозволено цензурою СПБ. 16 Августа 1879 г.

Тип. Вел...ига. Англ. пр. № 10.

X годъ — годъ X

№ 35 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. 1879

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ «ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ» (отъ 20 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40).
Выданъ 27 Августа 1879 г. Цѣна этого № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

Валерій Ивановичъ Якоби.

Имя В. И. Якоби достаточно знакомо всѣмъ посѣтителямъ нашихъ академическихъ художественныхъ выставокъ; кромѣ того нашимъ читателямъ оно еще извѣстно по тѣмъ рисункамъ съ картинъ талантливаго художника, которые мы помѣщали на страницахъ нашего журнала.

Валерій Ивановичъ Якоби родился въ 1836 году въ деревнѣ Кудряковѣ, Лаишевскаго уѣзда, Казанской губерніи и жилъ въ имѣніи своего отца. Дальнѣйшее воспитаніе онъ получилъ въ Казанской гимназіи, потомъ въ Пензенскомъ дворянскомъ институтѣ и наконецъ слушалъ лекціи въ Казанскомъ университетѣ. Вспыхнувшая тогда Крымская война отвлекла пылкаго юношу отъ мирныхъ, научныхъ занятій. Якоби въ 1854 году бросилъ университетъ и вступилъ въ Симбирское ополченіе, гдѣ и оставался во все продолженіе кампаніи, не выступая впрочемъ изъ предѣловъ губерніи. По выходѣ изъ ополченія В. И. рѣшился посвятить

Профессоръ В. И. Якоби. Рис. Малышицкій, грав. Пуцъ-Шюблеръ.

себя изученію живописи и въ 1857 году поступилъ въ число учениковъ Академіи Художествъ. Здѣсь своими быстрыми успѣхами въ избранномъ искусствѣ онъ постоянно радовалъ своего добраго учителя проф. Маркова и ему единогласно присуждались награда за наградой. Такъ въ 1858 году онъ получаетъ 2-ю серебряную медаль за свою картину „Разносчикъ фруктовъ,“ а въ слѣдующемъ 1-ю серебряную медаль за картину „Татары, продающіе халаты.“ Такимъ образомъ первыя произведенія В. И. Якоби принадлежатъ къ области жанра и съ первыхъ шаговъ его на художественномъ поприщѣ уже проявилась его способность подмѣчать индивидуальный характеръ изображаемаго типа и освѣщать его мыслью и страстью. Въ 1860 году была выставлена его глубоко прочувствованная картина „Свѣтлый праздникъ нищаго“ давшая художнику 2-ю золотую медаль. Оставалось еще получить высшую награду на 1-ю золотую медаль. Якоби

былъ единогласно признанъ достойнымъ ея за выставленное имъ въ 1861 году свое извѣстное произведеніе „Партія арестантовъ на привалѣ.“ Тогда по многимъ обстоятельствамъ, помимо своихъ достоинствъ, эта картина произвела, особенно въ нѣкоторыхъ кружкахъ, сильное впечатлѣніе, которое и заставило забыть нѣкоторые недостатки композиціи, свойственные впрочемъ молодому, начинающему живописцу и сдѣлали картину однимъ изъ крупныхъ явленій на тогдашней академической выставкѣ.

Получивъ высшую академическую награду, молодой артистъ могъ считать свою художественную карьеру обезпеченной; какъ пансіонеръ Академіи онъ могъ отправиться заграницу, посѣтить Италію столь богатую памятниками искусства и тамъ найти обширныя средства для развитія своего, уже признаннаго, таланта. Въ 1862 года Якоби сначала посѣтилъ Германію, а потомъ жилъ нѣсколько времени въ Цюрихѣ, пользуясь уроками проф. Колера. Изъ Швейцаріи онъ переѣхалъ въ Римъ, гдѣ провелъ шесть лѣтъ. Живя въ вѣчномъ городѣ, Якоби присматривался къ итальянской жизни и находилъ въ ней богатый матерьялъ для своихъ картинъ. Къ этому времени относятся его произведенія, сюжеты которыхъ взяты изъ итальянскихъ нравовъ: „Выходъ изъ тратторіи,“ „Политики послѣ завтрака,“ „Тарантелла,“ „Монастырскій дворникъ“ и нѣсколько другихъ. Изъ историческихъ картинъ Якоби, во время пребыванія за границей, написана „Смерть Робеспьера“ (1864) и „Кардиналу Гизу показываютъ голову адмирала Колиньи.“ За послѣднее произведеніе Якоби получилъ званіе Академика. По возвращеніи въ 1869 въ Россію, Якоби всецѣло предался русской исторической живописи, заимствуя сюжеты для своихъ картинъ изъ тревожнаго времени царствованія Императрицы Анны Іоанновны и правленія временщика Бирона; эпохи столь богатой, странными и уродливыми явленіями общественной и придворной жизни. Такъ въ 1870 году появилась картина Якоби „Арестъ Бирона;“ въ 1872 году „Шуты Анны Іоанновны,“ а вслѣдъ затѣмъ извѣстныя произведенія: „Волынскій въ засѣданіи кабинета министровъ,“ (Собств. В. К. Николая Константиновича) и „Ледяной домъ“ картина, одна группа изъ которой была воспроизведена въ 22 № нашего журнала. Всѣ эти историческія картины носятъ на себѣ слѣды самаго добросовѣстнаго изученія данной эпохи, требовавшаго отъ художника серьезнаго, сосредоточеннаго труда. Въ настоящее время В. И. Якоби состоитъ профессоромъ живописи и продолжаетъ заниматься по прежнему страстно и неутомимо. На каждой выставкѣ появляется какая нибудь его новая картина и эти произведенія послѣдняго времени отличаются тѣми же достоинствами, какими отмѣчены его даже незначительныя работы.

Стихотвореніе.

Утро.

Отворилъ я окно свое въ садъ
Утромъ съ проблескомъ первымъ зари...
О, голубка моя, посмотри
Какъ всѣ травы въ росинкахъ горятъ.

Какъ хорошъ липъ кудрявыхъ уборъ
Позлащенный восхода лучемъ,—
Сизый, легкій туманъ надъ селомъ,
Гладь зеркальная дальнихъ озеръ...

О, какой это радостный мигъ
Пробужденья всѣхъ жизней земли—
Пѣсня чья-то раздалась вдали,
Рѣзвыхъ птицъ суета, перекликъ...

Этимъ утромъ природы родной
Всей душой наслаждаюсь, вполнѣ...
Этотъ міръ краше кажется мнѣ
Оттого, что и ты здѣсь со мной!

П. Ол—инъ.

Касимовская невѣста.

Историческій романъ Вс. СОЛОВЬЕВА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Продолженіе).

VI.

Простясь съ Прозоровскимъ, Алексѣй Михайловичъ прошелъ въ *Крестовую*, или моленную, сопровождаемый своими неизмѣнными спутниками: Морозовымъ и Чистымъ. Очередной священникъ давно ужъ поджидалъ государя въ Крестовой и, только что взошелъ онъ, началъ привычнымъ, монотоннымъ голосомъ читать вечернія молитвы.

Алексѣй Михайловичъ, пройдя на свое постоянное мѣсто, сейчасъ же сталъ класть земные поклоны и долго потомъ стоялъ па колѣняхъ на небольшой *поклонной колодочкѣ*, то есть низенькой скамейкѣ, обитой узорчатымъ, восточнымъ бархатомъ и обшитой позументомъ. Никогда никакое утомленіе или разнообразіе дневныхъ впечатлѣній не мѣшало ему проводить, передъ отходомъ ко сну, около часу въ Крестовой. Онъ неустанно и благоговѣйно слушалъ молитвы и чтеніе *Златоустовъ* — сборника учительныхъ словъ, расположенныхъ по днямъ года.

Онъ почти всегда умѣлъ въ этотъ тихій вечерній часъ отдаляться отъ всѣхъ земныхъ помысловъ и находить неизъяснимое блаженство въ горячей молитвѣ. Но теперь что то мѣшало ему молиться, какъ мѣшало и весь день заниматься обычнымъ дѣломъ. Какъ утромъ любимая забава вдругъ показалась ему скучною, такъ и теперь онъ не могъ вникнуть въ смыслъ словъ, произносимыхъ священникомъ. Онъ слышалъ только его однообразный, нѣсколько гнусливый голосъ, и этотъ голосъ какъ будто начиналъ даже раздражать его. Его взоры разсѣянно бродили по сторонамъ и вмѣсто общаго впечатлѣнія тихой, благотворно дѣйствующей на сердце, красоты моленной, слабо освѣщаемой лампадами, онъ замѣчалъ каждый отдѣльный предметъ, и въ то же время всѣ эти священные предметы казались теперь ему чѣмъ то чужимъ, незнакомымъ и неимѣющимъ никакого значенія.

Вотъ прямо передъ нимъ богатый иконостасъ въ нѣсколько ярусовъ, занимающій всю стѣну. Изъ за золота и тонкой рѣзьбы въ полусвѣтѣ выдѣляются лики Спасителя, Богородицы, Крестителя и Угодниковъ. Но они уже не глядятъ на него какъ прежде, не глядятъ прямо въ глаза ему съ кроткой и благословляющей улыбкой. Они блѣдны и туманны. Тусклы и безцвѣтны драгоцѣнные каменья, ихъ украшающіе; странно и некрасиво какъ то висятъ на нихъ длинныя, широкія ленты и пелены шитыя золотомъ, низанныя жемчугомъ, убранные *дробницами*, - мелкими серебряными и золотыми иконами. Причудливыя дикія формы принимаютъ *привѣсы*, то есть крестики, серьги, перстни и золотыя монеты, украшающія кіоты на боковыхъ стѣнахъ...

Устали и дрожатъ колѣни царя молодаго и поднимается онъ съ бархатной скамейки, и переминается съ ноги на ногу, и всѣ силы напрягаетъ, чтобы вслушаться въ слова молитвы. Но слова эти по прежнему, одно за другимъ, мѣрно звучатъ и исчезаютъ. Царь на лету ловитъ нѣкоторыя изъ нихъ, машинально повторяетъ— и забываетъ тотчасъ же. Его рука привычнымъ движеніемъ творитъ крестное знаменіе, а взоры опять бродятъ, и останавливаются на богатыхъ золотыхъ ковчежцахъ, разставленныхъ въ углахъ у самаго иконостаса и по всѣмъ стѣнамъ Крестовой. Въ этихъ ковчежцахъ хранятся: смирна, ливанъ, мѣры Гроба Господня, свѣчи воску яраго, выкрашенныя зеленою краскою и перевитыя сусальнымъ золотомъ. Свѣчи эти были зажжены отъ огня небеснаго въ Іерусалимѣ, въ день Пасхи и погашены вскорѣ, чтобы хранить ихъ какъ святыню. Тутъ же: части мощей, зубъ святаго Антипія, часть камня, павшаго съ неба, камень отъ Голгофы, отъ столпа, у коего Христосъ мучимъ былъ, отъ того мѣста, гдѣ Онъ молился и говорилъ: „Отче нашъ!“ отъ Гроба Господня, песокъ рѣки Іорданской, часть отъ дуба Мамврійскаго, ѳиники съ того мѣста, гдѣ былъ Моисеевъ жезлъ— и многое множество святыни, присланной въ разныя

времена патріархами, и поднесенной царю русскими богомольцами. Рядомъ съ ковчежцами поставлены: сосуды со святой водою и чудотворными монастырскими медами, восковые сосудцы съ водой рѣки Іордана...

Бывало Алексѣй Михайловичъ и въ неурочные часы дня пробирается тихо въ Крестовую и съ великимъ благоговѣніемъ оглядываетъ всю эту Святыню, и жарко молится, и прикладывается устами, а въ мысляхъ одинъ за другимъ проходятъ святые образы, сказанія Ветхаго и Новаго Завѣта. Вспоминаются ему чудные разсказы богомольцевъ, мечтаетъ онъ какъ поѣдетъ ко Святымъ мѣстамъ, какъ самъ зажжетъ свѣчу отъ огня небеснаго. Но теперь всѣ эти ковчежцы ничего не говорятъ его сердцу, а между тѣмъ бьется и трепещетъ сердце. И опять смутное и невѣдомое чувство, которое весь день его преслѣдуетъ, опять ростетъ въ немъ.

„Помилуй мя Господи, Господи помилуй!“ шепчетъ Алексѣй Михайловичъ, содрогаясь;—„что это со мною, бѣсъ меня искушаетъ... и гдѣ же, когда, въ какомъ мѣстѣ!..“

Дрожь пробѣгаетъ по тѣлу государя; со страхомъ оглядывается онъ, словно думаетъ увидѣть за собою бѣса-искусителя. Но все тихо и мирно въ Крестовой. По прежнему льютъ свой теплый, неугасимый свѣтъ лампады. Набожно кладутъ земные поклоны Морозовъ и Чистой въ уголку, у входной двери. И также мѣрно звучатъ непонятныя ему теперь слова священника. Легкій дымокъ душистаго ладана ходитъ по Крестовой и пробирается сѣроватыми струйками по верхамъ лампадокъ, къ самому иконостасу, и еще больше туманитъ святые лики.

Вотъ и опять нѣтъ ничего — исчезаютъ всѣ предметы, откуда то, издалека словно звонъ доносится. Что то бѣлое встаетъ изъ тумана,—какой то образъ.... И онъ яснѣетъ и передъ юношей нѣжный, розовый обликъ, длинныя рѣсницы глазъ опущенныхъ, толстая коса дѣвичья, соскользнувшая съ плечь и упавшая на полъ. Полныя, круглыя плечи въ дымчатыхъ складкахъ фаты прозрачной—это.... Сонюшка?... Нѣтъ, не она, что то далекое, незнакомое и въ то же время близкое, нежданное въ этомъ образѣ — и трепещетъ сердце, и по жиламъ пробѣгаетъ то жаръ, то холодъ....

„Государь!“ раздается надъ самымъ ухомъ Алексѣя Михайловича.

Онъ очнулся—передъ нимъ Морозовъ, зорко и пытливо глядитъ на него.

Вечернія молитвы кончены, слово Златоуста прочитано. Священникъ закрываетъ книгу—тихо щелкаютъ серебряныя застежки.

Алексѣй Михайловичъ, съ пылающей головой, съ холодными, дрожащими руками, идетъ приложиться къ иконамъ и не смѣетъ поднять очей на святые лики. Боится прочесть онъ въ нихъ гнѣвъ и укоризну.

VII.

По выходѣ царя изъ Крестовой, Назаръ Чистой дернулъ Морозова за рукавъ и шепнулъ ему:

— Совсѣмъ нынѣ не въ себѣ и причина тому мнѣ, думаю, вѣдома. Попомни, бояринъ, что я говорилъ тебѣ намедни. Пора ему невѣсту—отрокъ пришелъ въ возрастъ; не худое это дѣло. Заведи-ка съ нимъ рѣчь, бояринъ, и голову руби мнѣ, если самъ онъ тебѣ не тоже скажетъ. Ну, а мнѣ и ко дворишку пора,—дѣлъ много накопилось, и часъ поздній... Прости, государь, обратился онъ къ Алексѣю Михайловичу, медленно и задумчиво шедшему передъ ними по корридорчикамъ и переходамъ дворцовымъ, слабо освѣщеннымъ восковыми свѣчами, усыпаннымъ по полу мелкимъ, просѣяннымъ краснымъ пескомъ.

Коридорчики и переходы эти были почти пустынны, только то тамъ, то здѣсь въ уголкахъ виднѣлись неподвижныя фигуры стражниковъ, съ тускло блестящимъ на огнѣ оружіемъ.

Алексѣй Михайловичъ на мгновеніе остановился, отдалъ разсѣянный поклонъ Чистóму и взглянулъ на Морозова.

— А ты не уходи, Борисъ Иванычъ, сказалъ онъ ему.

— Зачѣмъ уходить, отвѣтилъ Морозовъ съ улыбкой, —я тебя, батюшка, коли хочешь и раздѣну самъ, какъ прежде.

Морозовъ уже не былъ дядькой Алексѣя Михайловича; но молодой царь по привычкѣ часто заставлялъ его присутствовать при своемъ отходѣ ко сну, сажалъ его у кровати и бесѣдовалъ съ нимъ пока не засыпалъ.

Войдя въ опочивальню и замѣтивъ дожидавшагося тамъ спальника, царь сказалъ ему, что онъ можетъ удалиться, что нынче никого не нужно кромѣ Бориса Ивановича.

Спальникъ низко и молча поклонился государю, съ невольною завистью взглянулъ на Морозова и тихо вышелъ изъ опочивальни.

Борисъ Ивановичъ привычнымъ взглядомъ окинувъ знакомую комнату и убѣдясь, что все въ порядкѣ, подошелъ къ огромной царской кровати, бросавшейся въ глаза яркой позолотой точеныхъ столбовъ своихъ. Онъ отдернулъ тяжелыя шелковыя, затканныя золотомъ, занавѣси балдахина и высоко взбилъ подушки.

Алексѣй Михайловичъ въ это время съ усталымъ и разсѣяннымъ видомъ сидѣлъ на низенькомъ мягкомъ табуретѣ и машинально разстегивалъ одну за другою пуговки кафтана. Онъ поднялъ глаза на Морозова, замѣшкавшагося у кровати и увидѣлъ, что тотъ стоитъ и качаетъ головою.

— Что ты, Борисъ Иванычъ, али неладное нашелъ?

— Да и есть, что неладное, отвѣтилъ Морозовъ разглядывая шитый шелкомъ воротъ царской ночной сорочки. Видно опять тебѣ придется меня взять въ дядьки Что за люди! словно глазъ нѣту, воротъ-то вонъ разорвался.

Алексѣй Михайловичъ невольно улыбнулся. Ему вспомнилось многое, вспомнились дѣтскіе годы и показалось ему, что онъ и теперь совсѣмъ маленькій ребенокъ. Вотъ добрый дядька его Борисъ Ивановичъ ворчитъ, какъ это всегда съ нимъ бывало...

— Ну полно, бояринъ, не велика бѣда, дай другую. Да, ключи-то у князя Никиты, а его теперь не догонишь...

— Зачѣмъ мнѣ князя Никиту, ключи со мною! проговорилъ Морозовъ и пошелъ къ большому кипарисовому сундуку, стоявшему въ углу опочивальни.

Въ этомъ сундукѣ хранилось бѣлье царское и онъ составлялъ вещь неприкосновенную, ключи отъ него должны были храниться у самаго довѣреннаго лица, которое, въ случаѣ чего, и было въ отвѣтѣ. А отвѣтъ не разъ случался не малый. Царское бѣлье!—это тоже что ѣда и питье: мало-ли какимъ способомъ посредствомъ бѣлья можно нагнать лихо на человѣка! сорочку заговорить можно, зельемъ осыпать, черезъ нее всякую болѣсть, всякую бѣду пустить на государя.

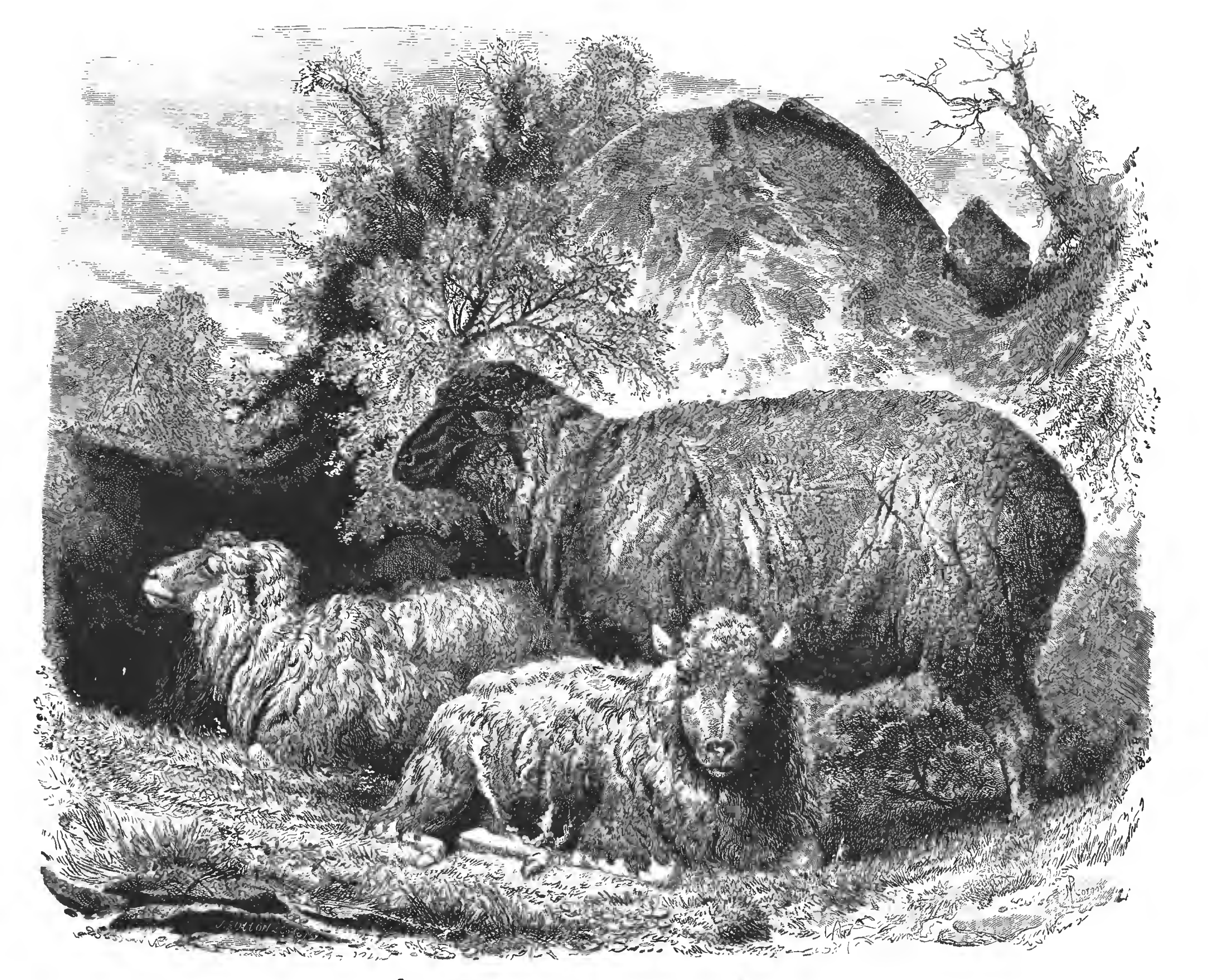
Морозовъ до сихъ поръ не отдавалъ никому ключей отъ бѣлья царскаго и самъ выдавалъ спальникамъ все, что нужно.

Сорочка вынута. Царь перекрестился, приложился къ образу у кровати и началъ раздѣваться съ помощью Морозова. Онъ съ видимымъ удовольствіемъ погрузился въ мягкую перину, вытянулся во всю длину ея, до самаго подбородка укрылся стеганымъ шелковымъ одѣяломъ и нѣсколько минутъ лежалъ неподвижно, съ закрытыми глазами. Мечтательная полуулыбка замерла на розовомъ красивомъ лицѣ его. Морозовъ сложилъ бережно и аккуратно царское платье.

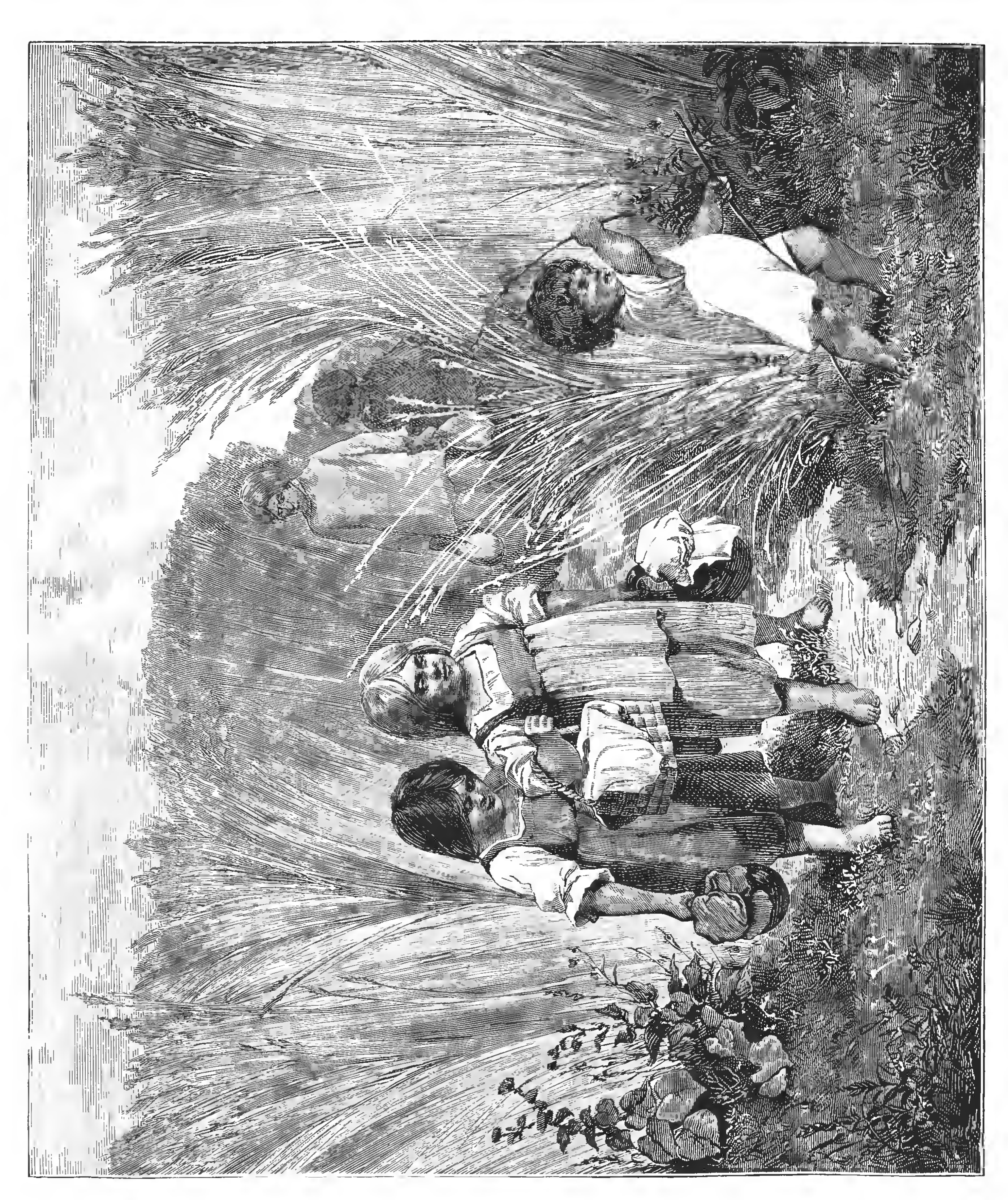
— Что же, государь, сказалъ онъ,—али ужъ и заснулъ?

Алексѣй Михайловичъ открылъ глаза. Вдругъ быстрымъ движеніемъ сбросилъ съ себя одѣяло и сѣлъ на кровати.

— Нѣтъ, я не сплю, Иванычъ, и спать не хочется. Все какія-то думы непонятныя въ головѣ... Иной разъ



Группа овецъ. Картина Петра Морана. грав. Девисъ.



Дѣти, несущія обѣдъ, въ поле. Ориг. рисунокъ А. Кившенко, грав. Холмицкій.

на яву словно сны снятся. Знаешь, мнѣ сейчасъ на умъ взбрело,—хоть глупое оно, а все же на правду похоже. Глянька-ты на столъ, что у кровати, что тамъ такое на крышкѣ?

Морозовъ съ недоумѣніемъ взглянулъ на столъ, хорошо ему знакомый, и ничего на немъ не увидѣлъ. Это былъ столъ большой и роскошный, весь расписанный по темному дереву разноцвѣтными травами, съ мѣднымъ, серебрянымъ и перламутровымъ вставнымъ узоромъ. На срединѣ крышки былъ кругъ съ орломъ двуглавымъ, а по сторонамъ круга двѣ фигуры.

— Ничего на столѣ нѣту, что это ты, государь?

— Знамо на столѣ ничего нѣту, улыбаясь отвѣтилъ Алексѣй Михайловичъ,—да какія такія двѣ фигуры возлѣ орла написаны?

— А это птицы *сирины*, сказалъ Морозовъ.

— Ну вотъ объ этомъ то я тебя и спрашиваю. Намедни Пафнутьичъ-странникъ былъ у меня тутъ въ опочивальнѣ, увидѣлъ столъ этотъ и разсказалъ мнѣ о птицахъ-сиринахъ. Говоритъ онъ, было то въ царствіе Маврикіево, весь народъ вдругъ увидѣлъ какъ въ рѣкѣ Нилѣ явились два животныя человѣкообразныя: до полътѣла мужъ и жена, а отъ полъ тѣла птицы—то и были сладкопѣснивые сирины. И воспѣли они сладко, и кто слушалъ ихъ, тотъ плѣнялся мыслію и, забывъ все, шелъ за ними и умиралъ. Вотъ что разсказалъ мнѣ Пафнутьичъ. Правда то, нѣтъ ли—слается вотъ мнѣ, что иной разъ я и самъ будто слышу такой гласъ сирина.

Алексѣй Михайловичъ оживлялся все больше, а Морозовъ его внимательно слушалъ.

— Нынче ѣхали мы изъ Покровскаго, спрашивалъ ты меня Иванычъ, что со мною? не болѣсть ли какая во мнѣ?.. Здоровъ я, а пожалуй есть и болѣсть во мнѣ. Иной разъ дивное со мною дѣется; говорю — сирина слышу! Вотъ и теперь, и сейчасъ будто пѣніе такое сладкое, и гдѣ оно—не вѣдаю... Что это, Иванычъ? не опоили ли чѣмъ ужъ?

Морозовъ покачалъ головою.

— Ничѣмъ тебя не опоили, государь, сказалъ онъ, мы всегда съ тобою, при тебѣ вѣрные люди, чтобы блюсти твое здоровье. Успокойся, все это пройдетъ, мало ли что бываетъ съ человѣкомъ; а не спится тебѣ, потолкуемъ, благо у меня есть о чемъ и рѣчь держать.

Легкая, лукавая улыбка скользнула по лицу Морозова.

— Ну что? говори, я слушаю, медленно произнесъ Алексѣй Михайловичъ, снова опускаясь на подушки. Его оживленіе пропало.

Морозовъ придвинулъ тяжелое кресло къ самой кровати, покойно усѣлся въ него, погладилъ себѣ бороду и началъ:

— Царь-государь Алексѣй Михайловичъ, питомецъ ты мой дорогой! скоро время идетъ и не видишь, не чуешь, какъ оно проходитъ; только ино, какъ очнешься и вспомянешь старое—и сколько, сколько прошло его! Давно ли былъ ты дитя малое, давно ли у меня на колѣняхъ еще сиживалъ и я тебя величалъ не государемъ батюшкой а Алешей царевичемъ своимъ. Прошло то время—словно въ сказкѣ какой; не по днямъ а по часамъ возросъ ты, возмужалъ и волею Господнею нынѣ ты царь великой земли русской. И по милости Господа и по нашимъ грѣшнымъ молитвамъ долгіе, долгіе годы будешь ты царить и править землей русской. А и къ тебѣ придетъ старость, придетъ и часъ смертный. И кажный-то изъ насъ, и старецъ и юноша, должны помышлять объ этомъ, а ты сугубо помышлять долженъ, ибо смерть государя можетъ великимъ быть бѣдствіемъ для цѣлаго народа. Покойный родитель твой (Морозовъ перекрестился), отходя ко Господу не мало печаловался, что оставляетъ тебя въ столь юномъ возрастѣ. Разумѣешь ли къ чему я рѣчь клоню?

Но Алексѣй Михайловичъ еще не разумѣлъ. Онъ только начиналъ все внимательнѣе и внимательнѣе слушать.

— А рѣчь, продолжалъ Морозовъ, я клоню къ тому, что пора тебѣ, государь, жениться. Раньше женишься—раньше сынокъ у тебя будетъ—наслѣдникъ желанный. Успѣешь самъ ты его и выростить да и внучатъ дождешься. Такъ ли говорю? по нраву ли рѣчь моя?

Морозовъ совсѣмъ ужь теперь улыбнулся и зорко глядѣлъ на юношу. Густая краска залила щеки Алексѣя Михайловича, онъ опять сбросилъ съ себя одѣяло и приподнялся.

Жениться! до сихъ поръ онъ и не думалъ объ этомъ, но теперь это слово показалось ему вдругъ такимъ страннымъ, такимъ волшебнымъ. Онъ почувствовалъ необыкновенное смущеніе и въ то же время и радость.

— Жениться?! прошепталъ онъ, — да на комъ же, Иванычъ?

— На комъ? повторилъ Морозовъ, — я невѣсту еще не припасъ тебѣ, государь. Да за невѣстой дѣло не стало: вся земля русская тебѣ поклонится.—По исконному обычаю повели собрать красныхъ дѣвицъ со всѣхъ мѣстъ русской земли да и выбирай себѣ любую.

— Да вѣдь я... я... вѣдь, пожалуй бояре смѣяться будутъ, скажутъ, что я еще не выросъ, робко и смущенно прошепталъ царь.

— Бояре уже давно толкуютъ, что тебѣ пора жениться.

— Ты это вправду молвишь? оживленно спросилъ Алексѣй Михайловичъ, и, не дождавшись его отвѣта, прибавилъ: такъ какъ же имъ скажу? Мнѣ какъ то неладно да и стыдно сказать, что хочу жениться.

— Чего стыдиться! святое дѣло, Божье дѣло, и не твоя это забота. Коли есть на то твой приказъ, государь, такъ все и будетъ какъ тому слѣдуетъ. Завтра же оповѣщу бояръ о твоемъ изволеніи и отправимъ мы людей надежныхъ по всѣмъ городамъ и мѣстамъ земли русской—звать на Москву лучшихъ дѣвицъ честныхъ родомъ, для твоего, для царскаго выбора. Изволишь ли, государь?

— Да! прошепталъ Алексѣй Михайловичъ, еще больше краснѣя и не глядя на Морозова.

Долго не могъ заснуть въ эту ночь молодой царь подъ наплывомъ неясныхъ и сладкихъ грезъ. Заснулъ, и во снѣ ему привидѣлась чудная птица сиринъ, и пѣла та птица сладкогласныя пѣсни, и звала его и манила...

VIII.

Недалеко отъ города Касимова, въ большомъ селѣ Сытовѣ, на третій день Рождества былъ торгъ.

Съ самаго утра широкая улица, еще наканунѣ вся занесенная снѣгомъ, но теперь почернѣвшая, представляла непривычное въ селѣ движеніе. По обѣимъ сторонамъ ея были настроены шалаши, гдѣ продавались всякіе товары, главное—калачи, мясо и пироги, а также холсты, полотна, сукна, зимніе полушубки и обувь.

Кругомъ этихъ шалашей толпился людъ всякій: крестьяне и крестьянки въ праздничныхъ нарядахъ. На особо устроенномъ мѣстѣ были выведены десятка съ три лошадей, коровъ и другой домашней скотины. Здѣсь женщинъ уже не было видно: толкались и торговались одни мужчины. Торгъ часто заканчивался не только крупной бранью, но и сильнѣйшей потасовкой. Въ теченіи одного утра болѣе десятка мужиковъ были выволочены отсюда по домамъ всѣ въ крови, съ вырванными клочьями бородъ: двое изъ нихъ ужь и померли. Если сдѣлка кончалась мирно, то продавецъ и покупатель направлялись къ стоящему тутъ же невдалекѣ кружечному двору и принимались за хмѣльное.

Но не одни мѣстные обыватели и сосѣдніе крестьяне толкались на торгу въ селѣ Сытовѣ. Среди толпы можно было замѣтить и стрѣльцовъ и подьячихъ касимовскихъ и прикащиковъ нѣкоторыхъ сосѣднихъ вотчинъ. Эти прикащики были на торгу почетными гостями. Встрѣчные имъ низко кланялись; за ними всегда

были цѣлыя толпы народа, всячески выражавшаго свое почтеніе.

Торгъ шелъ хорошо на этотъ разъ: много всякаго товара, худаго и хорошаго, съ обманомъ и безъ обмана перешло въ руки крестьянскія. По закоулкамъ и задворкамъ, съ большой улицы, то и дѣло направлялись то мужикъ, то баба съ довольными лицами и съ покупками въ рукахъ.

Зимній морозный денекъ начиналъ потухать. На деревенской почернѣвшей колокольнѣ сытовской церкви ударили къ вечернѣ. Улица пустѣла и затихала. Даже на конномъ базарѣ вели себя сдержаннѣе; цѣлыя толпы направлялись къ церкви. Только на дворѣ кружечномъ по прежнему лилась брага, по прежнему гулъ стоялъ. И никакіе окрики и затрещины, на право и на лѣво щедро расточаемые руками мѣстной власти, не могли остепенить расходившихся бражниковъ.

Кружечный дворъ села Сытова съ виду ничѣмъ не отличался отъ другихъ избъ, только былъ просторнѣе, да кругомъ него со всѣхъ сторонъ возвышался старый, мѣстами сильно покосившійся и расшатанный заборъ.

Изъ длинныхъ закопченыхъ и натоптанныхъ сѣней дверь вела въ довольно большое помѣщеніе съ широкой жарко натопленной теперь печкой и маленькимъ слюдянымъ оконцемъ.

Кругомъ всего покоя были разставлены столы и лавки и здѣсь то происходило главное пированье. Духота и грязь были невыносимые, но веселый людъ не замѣчалъ, повидимому, этаго: и никому въ голову не приходило, что обстановка эта безобразна. Всѣ пили, кричали, хохотали, обнимались и ругались: всѣ блаженствовали.

За маленькой дверцей, выглядывавшей въ темномъ углу, изъ за печки, былъ другой покойчикъ, поменьше перваго и нѣсколько чище. Это было помѣщеніе для гостей почетныхъ и въ настоящее время тутъ находился Яковъ Осина—прикащикъ большой сосѣдней вотчины, принадлежавшей князю Солнцеву. Съ нимъ пировало нѣсколько стрѣльцовъ и людей невѣдомаго званія. На широкомъ бѣломъ столѣ былъ выставленъ цѣлый жбанъ браги. Объемистыя кружки быстро наполнялись: почти всѣ пирующіе были давно уже навеселѣ.

Самъ Яковъ Осина, человѣкъ среднихъ лѣтъ и крѣпкаго сложенія, былъ трезвѣе другихъ. Онъ оживленно говорилъ и присутствующіе его внимательно слушали.

— Ну что онъ мнѣ можетъ сдѣлать? говорилъ Осина. Диви бы онъ былъ въ силѣ у воеводы, ну тогда вѣстимо опаска нужна—съ воеводой нашимъ шутить не приходится! А то вѣдь этотъ самый Рафъ Всеволодскій давно ужъ хуже горькой рѣдьки надоѣлъ воеводѣ: съ поклонами не ѣздитъ, никакихъ даровъ пристойныхъ не возитъ, воевода за него не заступится, это ужъ вѣрно говорю вамъ. Ровно и не вѣсть что задумали—не впервой вѣдь, сколько разъ съ рукъ сходило!

— Да что-жь, мы вѣдь ничего! Оно точно, дѣло не трудное, разомъ замѣтило нѣсколько голосовъ.

— Такъ чего-жь вы мнетесь! крикнулъ Осина.

— А то что было бы зачѣмъ затѣвать дѣло, проговорилъ высокій стрѣлецкій пятидесятникъ,—зря тоже сбираться нечего. Знаемъ мы Рафа-то, какіе у него достатки, усадьбишка плохенькая, да и все имѣньишко выѣденнаго яйца не стоитъ.

— Ну нѣтъ, этого ты не говори, перебилъ его Осина. Рафъ старикъ хитрый, онъ это только такъ сиротой прикидывается передъ воеводой, а самъ тоже не мало всякаго добра накопилъ,—я это доподлинно знаю. Порыться у него въ сундучишкахъ, такъ и то и другое найдется: на всѣхъ хватитъ.

— Коли дѣлить какъ слѣдуетъ, оно пожалуй и хватитъ, сказалъ юркій и безобразный маленькій старикъ, отставной подьячій Прохоръ Безчастный, единственное занятіе котораго теперь состояло въ томъ, что онъ переѣзжалъ съ торговъ на торги, изъ города въ городъ и высматривалъ себѣ какую ни на есть наживу.—Оно пожалуй и хватитъ, коли дѣлить какъ слѣдуетъ, повторилъ онъ. Да, знаемъ мы тебя, Яковъ Иванычъ, ты вотъ насъ задабриваешь всякими посулами, дѣло то мы сдѣлаемъ, а потомъ и потянешь себѣ, такъ много ли на насъ то всѣхъ останется?

Осина изъ подъ насупленныхъ бровей кинулъ на него злобный взглядъ.

— Ты бы ужь молчалъ, старая ворона, проговорилъ онъ. Кабы не языкъ твой аршинный да кляузный, такъ тебѣ бы совсѣмъ и не мѣсто съ нами—ну что ты за помощникъ? Какая въ тебѣ сила? что ты можешь сдѣлать? А вотъ что я вамъ скажу, братцы, обратился онъ къ собранію,—напередъ говорю вамъ, и мое слово вѣрно, что бы тамъ у Рафа, или у крестьянъ его вы нынче ни нашли, все ваше—себѣ не возьму ни полушки! Я не изъ за корысти, я дѣло на чистоту веду, мнѣ не добро его нужно!

— А чего тебѣ нужно? прошамкалъ отставной подьячій. Али дѣвка какая у Рафа приглянулась?

— Ну, да ужь это мое дѣло! сказалъ Осина.

Нѣсколько мгновеній продолжалось молчаніе, только кружки наполнялись и осушались. Очевидно, хоть и значительно охмѣлѣвшіе, но все же еще не потерявшіе сознанія собесѣдники, обдумывали предложеніе Осины.

Въ этомъ предложеніи не было ровно ничего необыкновеннаго и неожиданнаго: онъ подбивалъ стрѣльцовъ и всякій сбродъ, цѣлый день толпившійся за нимъ на торгу, довершить нынѣшній день нападеніемъ на усадьбу и помѣстье сосѣдняго дворянина Рафа Всеволодскаго. Такіе набѣги въ то время случались зачастую; по всѣмъ городамъ воеводы были завалены жалобами и челобитными; на всемъ пространствѣ русскаго государства производился разбой въ самыхъ ужасающихъ размѣрахъ. Всѣ разбойничали—и помѣщики со своею челядью и прикащики боярскихъ, княжескихъ имѣній съ крестьянами и ратные люди—стрѣльцы.

Наѣдетъ какой нибудь прикащикъ, вродѣ Осины, на торгъ,—да и не то что въ селѣ, а даже и въ городѣ,—за нимъ крестьяне и всякіе люди вооруженные—и начнутъ они колотить до полусмерти, а то и до смерти посадскихъ людишекъ; шалаши поломаютъ, товаръ въ грязь втопчутъ; ограбятъ все до чиста; людей перебьютъ и разгонятъ; женъ и дочерей ихъ опозорятъ, всякіе животы убьютъ или возьмутъ съ собою и уйдутъ. Пойдетъ жалоба воеводѣ, дѣло ясное, доказанное, свидѣтелей сколько угодно; но въ большинствѣ случаевъ ни къ чему не приводитъ жалоба. Зачастую воевода и самъ погрѣетъ руки въ этомъ дѣлѣ, получитъ изъ него свою долю не малую и не выдастъ разбойниковъ. А ужь на воеводу кому пойдетъ жаловаться бѣдный захудалый мірской человѣкъ? Такъ и терпятъ русскіе города, посады и селенія, терпятъ раззоръ конечный, всякую обиду; дрожитъ русскій людъ за добро свое годами, трудомъ и потомъ накопленное, дрожитъ за честь свою семейную, за женъ и дочерей своихъ, дрожитъ за жизнь свою... Далеко ушли времена татарскаго ига, нежданныхъ и безпощадныхъ набѣговъ степныхъ хищниковъ. Прошли и другія недавнія времена, времена смуты и самозванщины, тишина видимая водворилась въ государствѣ, но не многимъ стало лучше русскому люду. Терпитъ онъ бѣды неспосныя, нестерпимыя, но велико его терпѣнье и все терпя, все вынося, обливаясь потомъ и кровью, ждетъ онъ своего избавителя.

Набѣгъ на усадьбу небогатаго Касимовскаго дворянина не страшенъ сотрапезникамъ Якова Осины, все дѣло въ томъ для нихъ: стоитъ ли тревожиться. По Осина говоритъ, что у Рафа Всеволодскаго есть и добро припрятанное, а Осина хитеръ, онъ все знаетъ, все сумѣетъ пронюхать, гдѣ что творится по сосѣдству.

— Да что-жь, отчего не идти? пойдемъ, сказалъ наконецъ одинъ изъ стрѣльцовъ, почесывая себѣ голову.

— Да, ужъ ладно, ладно, подхватилъ другой.

Яркая краска залила лицо Осины, глаза его сверкнули. Онъ глубоко вздохнулъ всею грудью.

— Ну вотъ и ладно! веселымъ голосомъ крикнулъ онъ. А я, опять таки свое слово повторяю, ничего не трону изъ добычи. А потомъ всѣ ко мнѣ на дворъ—угощу на славу.

— Смотри, помни! погрозилъ ему пальцемъ Безчастный.

Осина внимательно оглядѣлъ товарищей. Двое, трое изъ нихъ были уже совсѣмъ пьяны, другихъ тоже очевидно хмѣль разбиралъ.

— Упьются, ничего не выйдетъ! подумалъ онъ и рѣшилъ больше не давать имъ вина.—Да ничего, еще будетъ время—поднять ихъ нужно, на морозцѣ вытрезвятся.

И онъ заговорилъ что нужно сейчасъ, не мѣшкая, все рѣшить, приготовиться, чтобы не упустить времени. А бражничать пока надо оставить—какъ въ карманахъ добро будетъ, такъ и хмѣль выйдетъ веселѣе.

Съ его мнѣніемъ согласились и тутъ же порѣшили собраться въ концѣ села и тамъ ужъ дожидаться его, Осины, который и поведетъ ихъ.

— А сколько же васъ всѣхъ будетъ? спросилъ прикащикъ.

— Да человѣкъ съ тридцать наберется.

— Ладно, съ этакимъ войскомъ не токмо къ Рафу, а и къ Касимовскому воеводѣ идти! потирая себѣ руки и даже облизываясь отъ предвкушенія добычи, шамкалъ беззубымъ ртомъ своимъ отставной подъячій.

— Ахъ ты атаманъ, атаманъ! презрительно покачалъ на него головою Осина и сталъ до ночи прощаться съ товарищами.

Скоро всѣ они, покачиваясь и переругиваясь между собою, выбрались въ сѣни, а оттуда черезъ дворъ и на широкую сельскую улицу.

Совсѣмъ уже стемнѣло; на небо высыпали звѣзды и загорѣлись и заискрились въ морозномъ воздухѣ. На краю горизонта, за безконечными снѣжными полями, готовъ былъ показаться мѣсяцъ.

— Ночь будетъ свѣтлая, мигомъ доберемся до Рафа, подумалъ Осина, проводивъ товарищей и остановись среди улицы. Ну, Рафушка, другъ старый, пришелъ видно и мой день, все тебѣ нынче вспомнится, вспомнится и твоя оплеуха, что до сихъ поръ словно еще горитъ на лицѣ. А!.. я холопъ, я песъ недостойный, а ты дворянинъ. Я прикащикъ, а ты помѣщикъ. А!.. Сударь Рафушка, поплачешь ты нынче надъ своей доченькой, вѣкъ не забудешь Якова Осину! почти громко выговорилъ княжій прикащикъ и медленно пошелъ по темной пустѣющей улицѣ.

IX.

Мѣсяцъ поднялся изъ-за лѣса и серебромъ залилъ снѣжныя поля. Легкій морозъ стоялъ въ воздухѣ. Гулъ села Сытова замиралъ въ отдаленіи. По мало наѣзженной, извивающейся между снѣжными сугробами, дорогѣ весело скользили легкія санки. Бойкая лошадка, нарядно разукрашенная разноцвѣтными суконными покромками, съ привѣшенными къ ихъ концамъ бубенчиками, бѣжала безъ помощи кнута.

Бубенчики звенѣли въ тихомъ прозрачномъ воздухѣ; громкій молодой голосъ выводилъ разудалую, русскую пѣсню. Въ саночкахъ сидѣли два молодыхъ человѣка: Андрей Рафовичъ Всеволодскій, да товарищъ его и другъ закадычный Дмитрій Исаевичъ Сухановъ.

Оба они недавно и изъ дѣтскихъ то лѣтъ вышли; первый пухъ покрываетъ ихъ здоровыя, румяныя лица. На душѣ у нихъ привольно и весело, а эта ясная, морозная ночка только еще больше поддаетъ удали.

Они тоже весь день провели на торгу въ Сытовѣ и теперь возвращаются домой. Сухановъ гоститъ на праздникѣ у Всеволодскаго, да и самъ онъ здѣшній: вотчина его неподалеку, всего верстъ двадцать какихъ-нибудь.

Отправляясь въ это утро съ другомъ Андрюшей на торгъ, Сухановъ былъ не въ духѣ — ему не хотѣлось ѣхать и онъ уступилъ только настоятельной просьбѣ молодаго Всеволодскаго. Весь день онъ равнодушно относился къ окружавшей его толкотнѣ и веселью, отказался пировать съ молодыми знакомцами-сосѣдями, зазывавшими его въ свою компанію. Видно веселье его было не здѣсь, а въ другомъ мѣстѣ. Только когда ему удалось подъ вечеръ отыскать Всеволодскаго и уговорить его немедля ѣхать домой, онъ совсѣмъ преобразился. Тоски и скуки какъ не бывало—поетъ онъ себѣ заливается, будто всю душу молодецкую хочетъ вылить въ этой пѣснѣ.

Андрей тоже веселъ.

— Да полно ты, чего орешь, перестань! говоритъ онъ толкая подъ бокъ пріятеля.

— А что, развѣ худо? отвѣчаетъ Сухановъ, прерывая пѣсню на высокой, словно жемчугъ разсыпавшейся въ воздухѣ, нотѣ. Нѣтъ, братъ, это славная пѣсня. Какъ услышу ее, али запою, ажно за душу хватаетъ!

— Да пѣсня хороша, только видишь ли, хотѣлъ я молвить тебѣ, Митюша: заприметилъ ли ты у обѣдни дѣвушку въ аломъ червленомъ шугаѣ, что стояла не далеко отъ насъ по лѣвую руку?

— Какъ же, братъ, замѣтилъ—ты на нее всю обѣдню молился.

— Хороша? А, скажи, хороша? Видалъ ты когда нибудь такую красавицу?

— Видалъ и получше. Не далеко ходить, твоя сестра Фима—не въ примѣръ лучше ея будетъ, проговорилъ Сухановъ и неизвѣстно почему изо всей силы хлестнулъ лошадку.

Лошадка брыкнула, взметнула цѣлый комъ снѣга прямо въ лицо молодымъ людямъ и помчалась по бѣлой дорогѣ, только полозья санокъ заскрипѣли.

— Нѣтъ, что сестра! медленно разсуждалъ Андрей. Да я про сестру и не говорю. Мнѣ до сестриной красоты что за дѣло, а ужъ эта дѣвушка—Господи! вѣкъ ее не забуду. Вотъ я и хотѣлъ поговорить съ тобою. Думаешь, гдѣ я весь день пробылъ? Не по улицѣ шатался, а все какъ есть доподлинно узналъ: кто она, откуда. и теперь что тамъ ни говори родитель, хоть бранись, хоть нѣтъ, а частенько я буду навѣдываться въ Касимовъ. Слышь ты. касимовская она дворянка, тоже сиротка. То есть мать-то есть у ней, а отецъ года три какъ померъ, а на торгъ она пріѣзжала съ сестрой замужней да съ зятемъ я и свелъ знакомство. Машей зовутъ ее... Барашова Маша... Они тутъ всѣ у Сытовскаго батюшки, отца Николая, остановились, ну и я пошелъ туда же. Попадья кулебякой подчивала. Вотъ и разговорились и завели знакомство. Ахъ Митя, Митя, голубчикъ, что за день нынче для меня праздничный да радошный, съ этаго вотъ дня ровно жить началъ!

Дмитрій взглянулъ въ лицо товарища, освѣщенное луною и улыбнулся.

— Али и впрямь такъ полюбилась эта Маша, проговорилъ онъ, ишь глаза у тебя какіе чудные, будто ты совсѣмъ другой на меня смотришь.

— Ужъ такъ то полюбилась, такъ то полюбилась—и сказать тебѣ не могу! отвѣчалъ пріятель. Одно знаю, какъ бы тамъ ни было, а быть ей моей женой Будешь ты скоро пировать на моей свадьбѣ!

— Ну что-жь, дай тебѣ Богъ! вымолвилъ Дмитрій и опять хлестнулъ лошадку.

Онъ очевидно хотѣлъ сказать еще что-то, но остановился. Его веселье снова какъ будто замерло, снова будто завѣяло на него тоской и грустью.

Всеволодскій пристально взглянулъ ему въ лицо и улыбнулся.

— Эхъ, Митя! сказалъ онъ, а вѣдь ладно бы было,

Въ саду. Картина Бугеро, грав. Жоваръ.

кабы въ одинъ день двѣ свадьбы: ты съ Фимой, а я съ Машей. То-то бы!

— Твоими бы устами да медъ пить, прошепталъ Сухановъ. Во снѣ мнѣ все снится такое счастье, а на яву ему я и не вѣрю. Не любитъ меня Фима, чуетъ сердце мое, не любитъ, а силкомъ не возьму за себя.

И голосъ оборвался и замолчалъ онъ, низко опустивъ голову.

— Пустое, Митя, пустое! ободрительно крикнулъ Андрей и хлопнулъ его по плечу. Богъ тебя знаетъ, ты ужъ такой уродился только, сомущаешь себя, выдумываешь себѣ бѣды. И съ чего это взялъ ты, Фима тебя не любитъ? Да она, я такъ полагаю, сама еще понять ничего не можетъ: любитъ ли, не любитъ ли, совсѣмъ еще ребенокъ малый.

— Ну ребенокъ—ей поди ужь полгода шестнадцать лѣтъ минуло.

— А вотъ увидимъ, опять весело крикнулъ Андрей, увидимъ и помяни ты мое слово, не успѣетъ снѣгъ растаять, быть нашимъ двумъ свадьбамъ!

Сухановъ не отвѣчалъ, но счастье и увѣренность пріятеля подѣйствовали на него ободрительно, да и молодость, полная здоровыхъ силъ, заговорила. Темныя мысли, темныя предчувствія смѣнились снова надеждой. Предвкушеніе счастья заставило горячо биться его сердце. Онъ глянулъ кругомъ себя и бѣлыя поля, переливающіяся голубымъ и серебрянымъ отблескомъ и яркая луна и безчисленныя едва замѣтныя въ ея свѣтѣ, звѣзды, вся эта ширь и тишина здоровой зимней ночи все это будто спѣшило ему на встрѣчу, ласкалось къ его сердцу и сулило ему что-то неразгаданное, волшебное и блаженное.

Снова звуки запросились изъ груди его и онъ, вдохнувъ въ себя свѣжій морозный воздухъ запѣлъ веселую, счастливую пѣсню. Дорога поворотила на право, вотъ промелькнулъ лѣсочекъ, деревья котораго стояли будто хрустальныя, всѣ покрытыя инеемъ. Вотъ по близости звонкимъ лаемъ залились собаки. Молодые люди въѣхали въ усадьбу Рафа Всеволодскаго.

(Продолженіе будетъ).

Болгарскіе разсказы Л. Каравелова *).

II.

Ранняя могила.

Это было до русско-турецкой великой войны. Подъ кровомъ ночи, въ лѣсу, у костра, пылавшаго невѣрнымъ, трепещущимъ, фантастическимъ свѣтомъ, собралась толпа болгарскихъ „гайдуковъ“. Завязался на свободѣ оживленный разговоръ про старое житье-бытье, про подвиги удалые, про нападенія на турокъ и расправу съ ними... Воевода болгаринъ Стоенъ особенно былъ въ ударѣ. Но разсказавъ нѣсколько отчаянныхъ выходокъ, онъ молчаливо-грустно склонивъ голову, началъ крутить свои длинные сѣдые усы. Глаза удальца сдѣлались влажны, и вслѣдъ затѣмъ, по смуглой щекѣ, прокатилась слеза.

— О-охъ, братушки! съ глубокою грустью заговорилъ атаманъ, обращаясь къ толпѣ товарищей, слушавшихъ его съ почтительнымъ вниманіемъ.—Хороша, дѣтки, удалая гайдучья жизнь, а то ли дѣло было жить подъ родной кровлей да у роднаго очага... Охъ, молодость! Золотая моя молодость! прошла ты безповоротно!.. Что я теперь?.. Брожу на чужбинѣ, напрасно ища покоя... Я еще вамъ, дѣтки, никогда не говорилъ о себѣ, гдѣ родился, гдѣ выросъ,—а вѣдь гайдукомъ-то я уже давно. Никто изъ васъ еще не спросилъ меня, отчего я ушелъ въ горы.

— О! Мы желаемъ слышать! Разскажи, атамане, разскажи! послышались дружные голоса преданныхъ ему товарищей.

— Ну, слушайте! началъ Стоенъ, надвигая на лобъ шапку и садясь среди дружно окружившей его кучки.

Родина моя, братья, недалече отъ Софіи. У меня было двое братьевъ. Былъ я самый младшій. Средняго брата звали Прываномъ, а старшаго—Проданомъ. Проданъ уродился весь вылитый въ мать, за то и любила же его старуха безъ памяти. Она не спускала съ него глазъ. Вѣчно онъ копошился при ней, сѣялъ въ полѣ, копалъ въ огородѣ, ухаживалъ за виноградникомъ. И красавецъ же былъ, кровь съ молокомъ. Особенно какъ когда пріодѣнется такъ просто, залюбоваться на него... Особенно по воскресеньямъ, да по праздникамъ! Встанетъ, бывало, рано, вымажетъ сапоги, такъ что они блестятъ какъ зеркало... Надѣнетъ, бывало, бѣлые *банаврецы* (узкіе брюки болгарскаго покроя); надѣнетъ бѣлую сорочку съ узорами изъ краснаго, синяго, зеленаго, желтаго и чернаго шолку, надѣнетъ новую баранью шапку, а усы, черные какъ смоль, закрутитъ—вотъ ужь можно было посмотрѣть, полюбоваться!.. Любовались молодцомъ и старухи, и старики, и парни, и дѣвушки, и женщины.

— Добро утро, Продане! всѣ встрѣчные говорятъ ему.

— Далъ ви Богъ добро! отвѣчаетъ онъ.

— Смотрите, дѣти! будьте и вы такіе работящіе, добрые, какъ Продане! говаривали старики молодежи. А женщины, дѣвушки и старухи, бывало соберутся кучками, да и начинаютъ тараторить на перебой: „Посмотри, тетушка!“ говоритъ одна, „посмотри, дочка!“ говоритъ другая; а дочка, въ свою очередь, говоритъ: „посмотри-ка, маменька!“ Словомъ, всѣ любили молодца Продана. Дѣвушки вздыхали по немъ, женщины любовались имъ; парни всѣ къ нему съ поклономъ и уваженіемъ. И то сказать: всякому то онъ дастъ совѣтъ и всякому-то поможетъ. А ужь никогда-то Проданъ не былъ безъ дѣла, и все-то у него спорилось. Только что придетъ въ хату сдѣлать передышку и пообѣдать, и опять за хозяйство. Воловъ, лошадей, куръ смотритъ... Ужь нашъ *тато* (отецъ) былъ на что работящій, а и тотъ часто говаривалъ. „Ты всю *покъщнину* (хозяйство) смотришь, Продане! Ступай-ко, сынко, отдохни, отдохни.

А Проданъ только рукой махнетъ, да и говоритъ: „Эхъ, тато, тато!.. Ну, что я работаю!.. Это ли работа!.,

Ну вотъ вдругъ съ Проданомъ, братушки, и вышла перемѣна! Всѣ въ семьѣ замѣтили, думаютъ: „Что за притча!“ Не ѣстъ, Продане, не пьетъ, все думаетъ, да думаетъ, все то грустенъ и лицо такое сдѣлалось блѣдное. Мать начала разспрашивать: „Что, сынко? не болитъ-ли что? — Ничего не болитъ мамо, отвѣтитъ онъ, а самъ только вздохнетъ. А мамо часто глядитъ, глядитъ на него, да и заплачетъ. Не могла догадаться старуха въ чемъ дѣло.

Дѣло, однакоже, вотъ какое стало.

Жилъ-былъ въ нашемъ селѣ дѣдушка Кынчъ, а у него была красавица-дочка. Стройная, словно горная сосенка, глаза черные, что твоя ночь, лицомъ кровь съ молокомъ. А ужъ скромница. Звали ее Латинкой. Вотъ въ эту то дѣвочку и влюбись Проданъ и сталъ по ней сохнуть. А тамъ глядишь у нихъ пошли по вечерамъ свиданія. Разъ, вечеромъ этакъ при свиданіи то Проданъ Латинкѣ и говоритъ:

— Ну, Латинке! не послать ли маменьку просить по тебя. Я ужь припасъ 20-ть *жълтицъ* (червонцевъ) и купилъ *чехли* (туфли). Ну, скажи же: прислать ли?

— Пришли, Продане, ой пришли! прерывистымъ голосомъ дѣвушка говоритъ.

— Ну, а Хасанъ? Любитъ онъ тебя... Онъ намъ помѣшать захочетъ.

— Кто! Хасанъ? Онъ помѣшаетъ?.. проговорила дѣвушка и поблѣднѣла какъ полотно. Ну, будь что будетъ, съ волненіемъ произнесла она—а только ты пришли, пришли Продане...

Тутъ Латинка и протягиваетъ Продану *цвѣтокъ любви* *).

Все это подслушалъ, притаившійся невдалекѣ, нашъ средній братъ Прыванъ.

Продана скоро и обручили. Былъ и годежъ (свадебный договоръ). Недѣли черезъ двѣ послѣ праздниковъ, думали сыграть свадьбу. Іюль былъ на исходѣ. Послѣ праздника всѣ пошли на работу: нашъ средній братъ Прыванъ въ виноградникъ. Тамъ встрѣтилъ онъ Хасана, что любилъ Латинку и былъ въ нашей деревушкѣ сторожемъ. Хасанъ былъ по отцу арнаутъ. Онъ все пьянствовалъ и уже пропилъ все свое тряпье, такъ что на немъ трепалась только арнаутская разорванная юбка. Имущества у него осталось только старое ружье да ножъ. Но оборванецъ всегда умѣлъ найдти чего поѣсть-попить, всегда ужъ это.. Такъ вотъ этотъ Хасанъ подходитъ въ виноградникѣ къ Прывану, и кричитъ: „Эй, гяуръ! иди сюда! (*ела туве*).

— Что тебѣ, Хасане, спросилъ благодушно Прыванъ, подойдя къ оборванному арнауту.

— Скажи, болванъ, скажи твоему Продану, чтобы не смѣлъ жениться на Латинкѣ... Она моя посестримка. Не знаетъ этого онъ, что ли? Да я ему черепъ размозжу... Клянусь Аллахомъ... Ахъ, онъ гяуръ! Да я возьму Латинку и увезу на родину.. вѣдь я Османлы, а онъ кто — онъ гяуръ... тараторитъ это Хасанъ и самъ отъ бѣшенства и гнѣва едва и духъ переводитъ.

Прыванъ говоритъ ему, бѣснующемуся арнауту, что есть

*) См. „Нива“, № 30 и 31.

*) Такъ называемый у болгаръ цвѣтокъ „*китка*“.

тензимать—равенство, что было оно обезпечено за гяурами недавно гаттимаюномъ султанскимъ.

— Ну, тензиматъ—пустое! Я бы совѣтовалъ вамъ гаттимаюномъ окна заклеивать! кричитъ арнаутъ.

— Знаешь что, Хассанъ? говоритъ Прыванъ,—вамъ уже не долго пожалуй барабанить по нашей кожѣ!.. Мы примемся барабанить Магометовъ маршъ, и тогда мы скажемъ болгарскую пословицу: *Трай душо! търпи кожо! въ петакъ сиблаго яла* (т. е. выноси душа, терпи кожа! Было время, когда ты въ пятницу скоромное ѣдала).

— Увидимъ!..

— Увидишь!..

Поругавшись эдакъ, разошлись Хасанъ и Прыванъ. Прошло съ три недѣли. Продана уже мы поженили. Латинка была просто какъ писаная, такая хорошая въ вѣнчальномъ платьѣ. Мы только ахаемъ, глядимъ на нее. Волосы заплетены въ нѣсколько косъ, а косы унизаны монистами да старинными деньгами, да раковинками; лицо закрыто краснымъ буломъ (вуалью), на ногахъ желтые адріанопольскіе чехли (туфли), на рукахъ золоченыя *гривны* (браслеты), на бѣлой груди рядъ ожерельевъ... Словомъ, куда какъ хороша... Свадьба веселая была. По всѣмъ обычаямъ, какъ водится... Продолжалась свадьба цѣлую недѣлю. Послѣ какъ отпраздновали, каждый пошелъ по своимъ дѣламъ: кто въ виноградникъ, кто на поле, кто на сѣнокосъ. Молодые Проданъ и Латинка, пошли жать. А въ нашемъ селѣ такой водится обычай, что когда женятся, то на первый четвергъ послѣ свадьбы молодые идутъ къ тестю въ гости, на *„міеніе“*. Невѣста моетъ себѣ въ отцовскомъ домѣ голову. Этотъ обычай въ четвергъ былъ исполненъ молодыми.

А въ этотъ четвергъ, когда молодая съ мужемъ шла къ матери, да вдругъ сдѣлалась скучна, начала бояться. Ой, говорить, чую я недоброе. Мужъ смотритъ—что съ ней такое. Думаетъ, не полегчаетъ ли ей. „Спой, говоритъ, Латинка, пѣсню. Та и выбрала такую пѣсню:

Выстрѣлило ружье изъ-за зеленаго куста,
И убило Гюро—парня молодаго.
Кричитъ Гюро такъ—до Бога слышно:
Охъ, ты Боже, Боже ты мой милый!
Гдѣ матушка? гдѣ жена любезная?
Чтобы они въ крови увидали,
Увидали меня всего въ крови...

Латинка остановилась и не допѣла и такъ то ли грустно поглядѣла на мужа. Тотъ тоже смотритъ на нее, молчитъ—дивится.

— Мнѣ ночью нынче приснился нехорошій сонъ, говоритъ Латинка.

— Что же снилось, милая? спрашиваетъ мужъ.

— А вотъ. Пекла я будто хлѣбъ. Былъ онъ бѣлый и хорошо такъ испекся. А мы, будто, съ тобой сидимъ рядомъ и варимъ мы тыкву и дожидаемся пока сварится. Вдругъ два черные ворона, страшные такіе, спустились съ высоты, схватили хлѣбъ и улетѣли. Я испугалась, спряталась за тебя и что есть мочи закричала. Но ты, будто спишь—и весь въ крови... Я еще больше испугалась, еще пуще закричала и проснулась... Думаю, милый, сонъ не хорошъ, потому когда видишь во снѣ хлѣбъ, то говорятъ, кто-нибудь нездоровъ будетъ—а коли ворона видишь—значитъ умретъ кто-нибудь...

Проданъ поблѣднѣлъ, голову повѣсилъ и задумался. Однако совладалъ съ собою и еще принялся ободрять жену:

— Сонъ не все же сбывается, пташка, и ты не пугайся...

— Слушай, Продане, говоритъ Латинка и голосъ дрожитъ у нее отъ страха—помнишь какъ убили брата Стоена? Тоже было помнится, въ четвергъ; а наканунѣ страшнаго дня мама видѣла во снѣ, что ей выдернули зубъ, а она будто спрятала его за иконами. Но вотъ откуда ни возьмись черной воронъ; влетѣлъ въ комнату, клюнулъ зубъ клювомъ и улетѣлъ... Мама разсказала попу. Тотъ сказалъ: „это *нечистый пошутилъ*“. Видно ты не помолясь Богу легла спать... Мама говоритъ попу, что молилась.—Ну, молилась, сказалъ ей еще попъ, да видно не отъ чистаго сердца“.—„Ну, можетъ быть“, говоритъ мама. Но тутъ жила близко бабушка Нана, ворожея—такъ она сказала, что сонъ этотъ *не спроста*, что изъ родныхъ де вашихъ непремѣнно кто нибудь умретъ... И точно: помнишь, тогда же вечеромъ Стоенъ убитъ былъ...

Продана какъ словно передернуло. Поблѣднѣлъ Проданъ какъ смерть. Ноги подкосились, и онъ сѣлъ...

— Что съ тобой Продане!? кричитъ молодая жена.

— Ничего... такъ... усталъ...

— Ты больной? Вотъ позову Прыване. Отведемъ тебя домой.

— Нѣтъ, не нужно... Мнѣ только не хорошо... говоритъ Проданъ.

— Ну милый! Страшно смотрѣть на тебя... я позову когонибудь?..

— Пожалуй, позови... Мнѣ все хуже да хуже...

Латинка побѣжала за людьми, а изо ржи поднялся арнаутъ Хасанъ, гдѣ онъ притаился и слушалъ разговоры. Хасанъ страшный такой какъ Каинъ. Налились кровью глаза его, дико смотритъ такъ!

Латинка думаетъ—несчастіе! обняла Продана.. .Защити меня, защити! Боже! не дай ты меня въ руки „врколака“ *) вопитъ она.

— А гяуръ! реветъ арнаутъ.— Женился-таки на Латинкѣ... ты теперь въ моихъ рукахъ... Посмотримъ, кто придетъ къ тебѣ... посмотримъ!.. посмотримъ!..

И такъ Проданъ и его жена не возвращались болѣе... Ждали мы да ждали ихъ. Млинъ **) испекся и уже остылъ. И вина, и меду, и сыру—всего наготовили. Ждали-пождали—нѣтъ какъ нѣтъ ни Продана, ни Латинки. Послали Прывана понавѣдаться, поискать, и Прыванъ пропалъ. Потомъ, часа черезъ полтора, онъ явился. Блѣдный, плачетъ.

— Что такое?

— Умерли!.. говоритъ Прыванъ.

— Кто умеръ?

— Проданъ и Латинка!.. Собака-Хасанъ зарѣзалъ ихъ!.. говоритъ Прыванъ и самъ рыдаетъ.

Словно громъ пала на нихъ всѣхъ эта вѣсть. Поднялись всѣ—кричатъ, плачутъ. Мамо грохнулась на-земь. Эхъ... жалость и теперь разбираетъ. Не забуду я этого дня, говоритъ атаманъ, повѣсилъ голову и помолчалъ.

— Другой разъ убиваешь беззащитнаго, безоружнаго турка—началъ снова атаманъ—и жаль иногда... Совѣсть говоритъ: „пожалѣй, пожалѣй, развѣ ты не христіанинъ? Развѣ тебя не училъ батюшка-попъ любви христіанской?. Ну, а какъ вспомнишь этотъ день, какъ зарѣзали Латинку съ Проданомъ! —сердце такъ и закипитъ, не удержишь... Ужъ зарѣжу тогда всякаго безоружнаго турка. Никто не попадайся подъ руку тогда...

— Ну, а судили ли Хасана? спросилъ разсказчика Стоена одинъ.

— Какъ-же! какъ-же!.. Черезъ *шесть* дней паша прислалъ *кавасовъ* ***). Хасана схватили, связали, увели въ городъ. Взяли въ городъ и отца Прыванова и другихъ свидѣтелей. Свидѣтели, кромѣ Прывана, только пожили въ городѣ дня три-четыре. Паша ихъ и не спросилъ. Вотъ Прывана—такъ того допрашивали день-два, а кончили тѣмъ—посадили въ яму, а за что—и не сказали. Какъ вывели его изъ ямы—подставили предъ *кади*. Тотъ сталъ допрашивать его не по дѣлу объ убійствѣ Продана—а объ убійствѣ *Мемита*, т. е. другого, кто былъ при убійствѣ Продана и Латинки, и служилъ у Хасана *вардаремъ* (сторожемъ). Жилъ онъ въ нашемъ селѣ и Проданъ и нашъ отецъ постоянно кормили Мемита, одѣвали и давали табаку, рубашки, полотенца, носки... Разбойникъ-Хасанъ убилъ Мемита за то только, что тотъ былъ раненъ и не могъ бѣжать вмѣстѣ съ нимъ отъ помнщиковъ, могъ выдать его...

— Такъ вотъ, говорилъ атаманъ, по дѣлу-то объ убійствѣ Мемита судья и началъ разспрашивать Прывана. Тотъ показалъ, по чистой совѣсти, что Мемита убилъ Хасанъ. А кади отыскалъ какого-то другаго свидѣтеля изъ правовѣрныхъ, оборвыша-албанца. Тотъ показалъ, что Мемита убилъ Прыванъ. Кончилось дѣло, Прывана обвинили и два раза жестоко пытали да и приговорили къ висѣлицѣ. Я, братушки, видѣлъ какъ вели Прывана на висѣлицу... Кровь вся у меня закипѣла!. Громко закричалъ я: „отомщу за тебя Прыване, за твою смерть“! Мой крикъ услышали жандармы и погнались было за мною, да не могли настичь... Вотъ я, съ тѣхъ поръ, какъ видите, посѣдѣлъ съ горя, а мнѣ только 38 лѣтъ...

— Ну, а Хасанъ? спросилъ кто-то изъ слушателей-удальцовъ.

— Выпустили Хасава черезъ годъ — отвѣчалъ атаманъ. Помните-ли, братушки, когда-то убитъ былъ оборванный албанецъ на Тріунской горѣ... Этотъ и былъ собака-Хасанъ.

— А-а!... крикнули въ одинъ голосъ слушатели-удальцы.

— Ну, а мать что? послышался еще вопросъ изъ кучки слушателей.

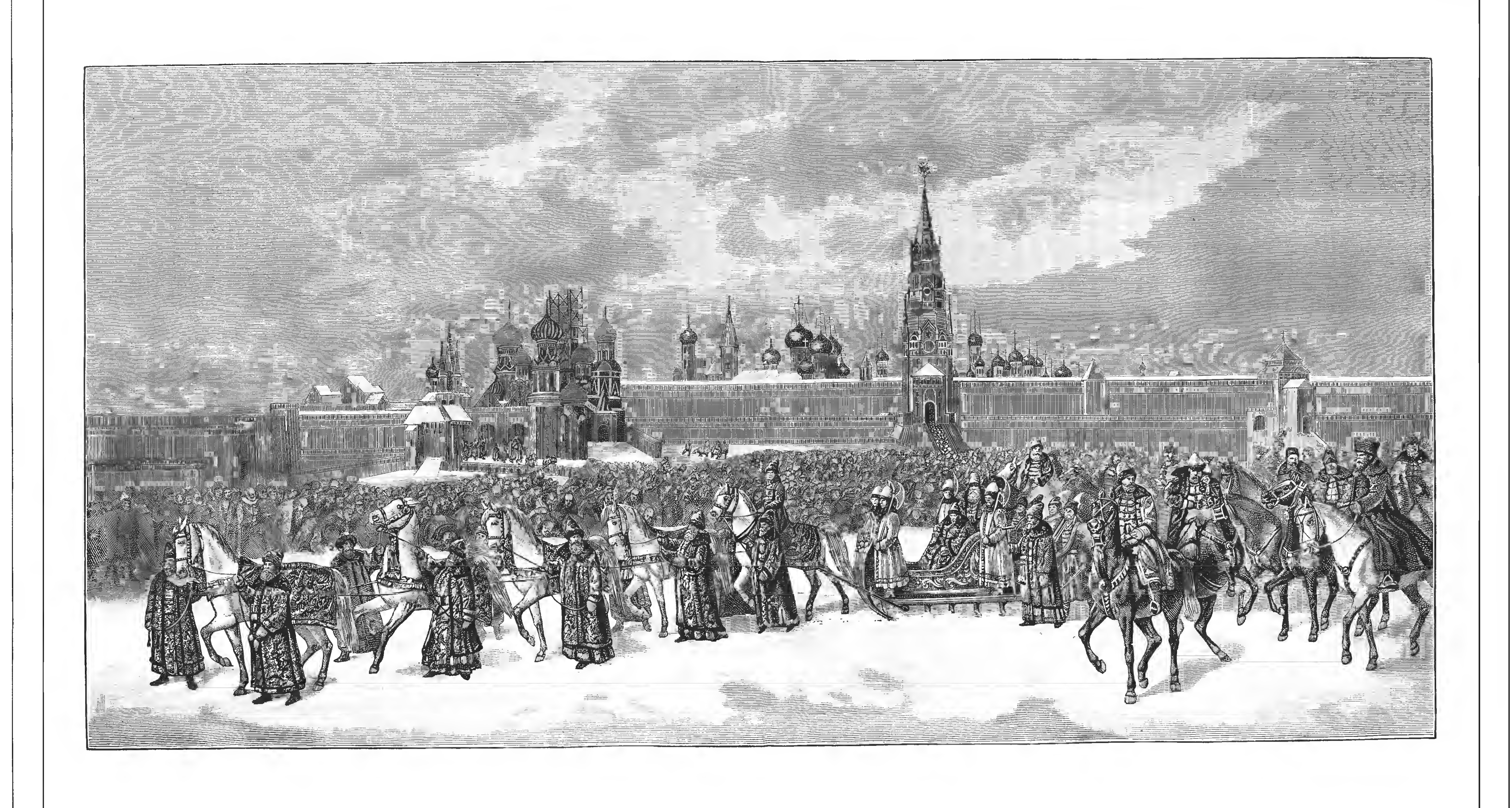
— Бѣдная! Сошла съ ума! — воетъ, плачетъ, говоритъ атаманъ. Все держала мертваго Продана за голову, ровно боится его выпустить. Какъ понесли молодыхъ хоронить, она все держалась за голову Продана и все голосила. Да и страшная такая стала; волосы растрепались совсѣмъ—и посѣдѣли. Только опустили въ могилу Продана да Латинку, только попъ прочиталъ „Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей“ — бѣдная старуха такъ и рухнулась въ могилу,.. Мы ее вынули, а ова такъ дико хохочетъ. Эхъ, жутко и вспомнить.

— Да, братья! *Могила была ранняя!* И съ тѣхъ поръ рѣшилъ я скитаться по лѣсамъ, гайдукомъ! мстить за невинно-убіенныхъ, да за молодыхъ новобрачныхъ, да за Прывана. Вотъ Богъ мнѣ далъ молодцовъ-помощниковъ въ мести... Васъ, братушки... Отомстимъ имъ!.. Дѣло святое—месть нехристямъ-убійцамъ! Помогите!

— Да мы хоть въ огонь за это готовы! громко заревѣла шайка.

Костеръ сталъ гаснуть. Скоро остались только тлѣющіе уголья. Удальцы поговорили еще, да и заснули около потухшаго огнища, бросавшаго свой невѣрный, дрожащій свѣтъ на суровыя, угрюмыя лица...

*) Лѣшаго.
**) Слоеный пирогъ, который болгары пекутъ для званыхъ гостей.
***) Жандармовъ.



Весенняя выставка въ СПБ. Академіи Художествъ 1879 г. Выѣздъ царя Ивана Грознаго. Картина Сверчкова, съ фотогр. Лаптева грав. Б. Пуцъ.

Къ рисункамъ.

Группа овецъ.

Прекрасный рисунокъ этотъ изображаетъ англійскихъ *лейчестерскихъ* овецъ. Количество овецъ въ Англіи, такъ же значительно, какъ и количество рогатаго скота. На Лондонскій рынокъ (Смитфильдъ) выводится ежегодно до 1.500,000 овецъ и это число составляетъ только часть годоваго потребленія овецъ въ Англіи. Число овецъ, содержимыхъ въ Англіи простирается отъ 32—40 милліоновъ головъ (около 7,000 головъ на квадратную милю).

За исключеніемъ сѣверныхъ частей Англіи покрытыхъ горами, имѣющихъ скудную почву и заросшихъ верескомъ, гдѣ пасутся единственно горныя овцы, извѣстныя подъ именемъ *Шевіотъ* англійскіе хозяева разводятъ предпочтительно длинношерстую, *лейчестерскую* породу и короткошерстую, которую зовутъ Судтоунскою. Эти обѣ породы весьма важны для тамошняго хозяина. Цѣль англійскаго овцеводства—во первыхъ въ полученіи мяса, а затѣмъ уже производство шерсти—здѣсь шерсть относится къ мясу, какъ въ земледѣліи солома къ зерну.

Дѣти съ обѣдомъ, въ полѣ.

(Рисунокъ Кившенко).

Не смотря на всю узкую замкнутость быта нашимъ крестьянъ, въ жизни ихъ найдется всегда много поэтическихъ сторонъ. Постоянное общеніе съ природой развиваетъ въ ихъ дѣтяхъ свое внутреннее міросозерцаніе. Писалъ про нихъ Н. А. Некрасовъ.

...Кто часто ихъ видѣлъ,
Тотъ, вѣрю я, любитъ крестьянскихъ дѣтей....
Я часто завидую имъ.
Въ ихъ жизни такъ много съ поэзіей слито,
Какъ дай Богъ балованнымъ дѣткамъ моимъ.
Счастливый народъ! Ни науки, ни нѣги,
Не вѣдаютъ въ дѣтствѣ они...

Кто не помнитъ „Бѣжина Луга“, гдѣ такими симпатичными, поэтическими чертами обрисованы типы подрастающаго крестьянскаго поколѣнія? Именно этотъ поэтическій элементъ и заставляетъ художниковъ часто обращаться къ крестьянскому быту за жанровыми картинками.

Въ саду.

(Картина Бугеро).

Чудесный августовскій день. Въ саду царитъ жара и тишь. Все притаилось въ томящій полдень. Только трещатъ сухимъ трескомъ безчисленные кузнечики, да изрѣдка чиликнетъ бойкая птичка въ вѣтвяхъ разлатаго орѣшника или раздастся стукъ упавшаго яблока. Пахнетъ тѣмъ особымъ, осеннимъ запахомъ сухихъ желтыхъ листьевъ, уже начавшихъ устилать дорожки и спѣлыхъ плодовъ, которые румянясь и наливаясь, недвижно висятъ, тяжело нагибая зеленыя густыя вѣтви. Садовникъ гдѣ нибудь копается въ грядахъ и двѣ его дочки, какъ видно на хорошенькой картинкѣ французскаго художника, занимаются сборомъ плодовъ. Дѣвушка снимаетъ со стѣны свою маленькую сестру, которая ей уже набросала полную корзину крупныхъ, спѣлыхъ яблокъ и абрикосовъ.

Выѣздъ Ивана Грознаго на богомолье.

(Картина профессора Н. Н. Сверчкова.)

Картина профессора Сверчкова, бывшая на весенней выставкѣ въ академіи художествъ, представляетъ довольно точное изображеніе одного изъ старинныхъ обрядовъ старой московской Руси,—такъ называемое *шествіе санми*. Московскіе цари, строгіе приверженцы дѣдовскихъ обрядовъ, не могли шагу ступить безъ церемоніи. Даже дома, у себя, въ своей горницѣ, онъ не былъ свободенъ отъ придворнаго этикета. Едва онъ поднимался съ ложа, что бывало очень рано, часа въ четыре.—его тотчасъ окружали спальники и стряпчіе и убирали его. Затѣмъ слѣдовала молитва съ духовникомъ, здравствованіе съ царицей, заутреня, ранняя обѣдня, пріемъ бояръ. Послѣ пріема, государь шествовалъ къ поздней обѣднѣ, кончавшейся къ одиннадцати часамъ. Послѣ обѣдни—засѣданіе въ боярской думѣ, или пріемъ челобитныхъ. Въ полдень государь обѣдалъ. Домашніе обѣды были удивительно просты, въ противуположность роскоши посольскихъ столовъ. Коллинсъ разсказываетъ, что при царѣ Алексѣѣ, когда роскоши московскаго двора такъ изумлялись иностранцы, и то царскіе обѣды были до крайности просты: царь за обѣдомъ кушалъ самыя простыя блюда,—ржаной хлѣбъ, овсяную брагу и легкое пиво; въ великомъ посту всѣ семь недѣль соблюдались строго и рыбу подавали только два раза во весь постъ; обѣдалъ царь только въ четвергъ, субботу и воскресенье,—въ остальные дни кушалъ кусокъ чернаго хлѣба съ солью, съѣдалъ соленый огурецъ или грибы и выпивалъ стаканъ полпива. Вообще цари постились восемь мѣсяцевъ въ годъ. Но за то процедура подаванія кушаньевъ была крайне сложна, а въ ней принимали участіе: поваръ, дворецкій, стряпчій, ключники, стольники, чашники, кравчіе.—Послѣ стола, государь спалъ часа два. Возставъ отъ сна шелъ къ вечерни; потомъ опять было собраніе думы—если дѣла были важныя; въ противномъ случаѣ царь проводилъ время съ близкими людьми, въ своемъ семействѣ: слушали чтеніе, бесѣдовали, забавлялись съ шутами, наслаждались пѣвцами былинъ, воспѣвавшихъ подъ звуки домры Владиміра Красное Солнышко, играли въ шахматы, тавлеи, саки, бирки, разсматривали сокровища,—или, наконецъ, отправлялись на охоту. Послѣ вечерняго кушанья, государь молился и ложился подъ охраной постельничьяго, ключника, стряпчихъ, спальниковъ, жильцовъ и истопниковъ.

Еще бо́льшей церемоніей окружались выходы государя. Если государь шелъ къ обѣднѣ не въ домовую церковь,—обязательно устроивалось пышное шествіе. Если погода была хорошая, государь шелъ пѣшкомъ, въ противномъ случаѣ — въ каретѣ, или саняхъ, судя по времени года. Нерѣдко на немъ бывало такое тяжелое облаченіе, что близкіе бояре поддерживали его подъ руки. Лѣтомъ онъ выходилъ въ легкомъ опашнѣ, изъ шелковой матеріи и въ золотной шапкѣ; осенью — въ суконной однорядкѣ; зимой—въ шубѣ. Окружающіе его бояре отличались тоже роскошью костюмовъ. Свита царя, при Іоаннѣ, простиралась нерѣдко до 800 человѣкъ. Царь шелъ обыкновенно между четырьмя молодыми людьми, сыновьями знатнѣйшихъ бояръ, одѣтыми въ серебристые кафтаны, подбитые горностаями. На головахъ у нихъ были бѣлыя бархатныя шапки, опушенныя рысьимъ мѣхомъ. Въ рукахъ они несли серебряные топоры, и звались *рындами*. Если выходъ совершался въ отдаленную церковь, или въ монастырь—государь обязательно *шелъ санми*, при чемъ тѣлохранители стояли на такъ называемыхъ *наклесткахъ* саней. Кромѣ свиты, въ такихъ случаяхъ за государемъ слѣдовалъ отрядъ стрѣльцовъ съ батогами „для тѣсноты людской.“ Костюмъ окружающихъ бояръ мѣнялся согласно этикету, впослѣдствіи были составлены даже правила: когда надѣвать какую одежду. Выходы всегда сопровождались колокольнымъ звономъ и массою зрителей.

Картина Н. Н. Сверчкова страдаетъ нѣкоторыми анахронизмами, особенно въ кремлевскихъ постройкахъ: при Іоаннѣ Фроловскія ворота имѣли совсѣмъ другой видъ. Но въ общемъ она несомнѣнно представляетъ интересъ, какъ иллюстрація къ любопытнѣйшимъ страницамъ русской исторіи.

Ф. В. Ригеръ.

Недавнее, надѣлавшее столько шуму, предъявленіе Ригеромъ графу Таафе (см. политическое обозрѣніе этаго №) условій вступленія чешскихъ депутатовъ въ вѣнскій рейхсратъ, снова доказало, что извѣстный вождь чешской народной партіи не устарѣлъ съ годами и снова готовъ вести отчаянную борьбу за попранныя права своего роднаго народа. Ригеръ требуетъ пересмотра существующаго порядка выбора депутатовъ въ рейхсратъ, порядка, въ которомъ кроются вопіющія несправедливости, но онъ самъ сознаетъ, что необходимо новое министерство, которое включило бы это требованіе въ свою программу. Слѣдовательно предстоитъ борьба и борьба серьезная, но Ригеръ не боится ее; онъ привыкъ бороться за правое дѣло съ врагами славянства и въ этомъ прошла вся его, богатая событіями, жизнь.

Францъ Владиславъ Ригеръ родился 10-го декабря 1818 года въ Семиляхъ, близь Гичина. Отецъ его, зажиточный мельникъ, думалъ впослѣдствіи передать сыну семильскую мельницу, которая въ продолженіи почти цѣлаго столѣтія составляла достояніе его рода, но вскорѣ онъ убѣдился, что судя по способностямъ и стремленіямъ молодаго человѣка изъ него выйдетъ плохой хозяинъ мельницы и далъ ему полную свободу дѣйствій. Первоначальное образованіе Ригеръ получилъ въ Гичинѣ, потомъ слушалъ университетскія лекціи въ Вѣнѣ и Прагѣ и, будучи еще студентомъ, много трудился на пользу Чешской народности, бывшей въ то время въ сильномъ загонѣ. Къ этой народности, къ ея языку, литературѣ и обычаямъ относились неблагосклонно сами чехи-аристократы и только небольшой кружокъ чешской интеллигенціи всѣми силами боролся за ея возрожденіе. Для послѣдней цѣли кружокъ устраивалъ народные чешскіе банкъ-бесѣды, основывалъ читальни, хлопоталъ объ устройствѣ народнаго чешскаго театра. Но всѣ эти начинанія часто прекращались въ самомъ зачаткѣ, сокрушаясь о преграды нѣмецкаго абсолютизма. Окончивъ курсъ по юридическому отдѣлу, Ригеръ въ 1846 году выдержалъ блистательно докторскій экзаменъ и защитилъ диссертацію о свободѣ печати, надѣлавшей тогда много шуму. Въ 1847 г., видя постоянное противодѣйствіе своимъ завѣтнымъ цѣлямъ, Ригеръ предпринялъ путешествіе въ Венгрію, Кроацію и Италію, гдѣ и свелъ знакомство со многими видными представителями славянства и другими знаменитостями того времени. Призванный въ отечество бурными событіями 1848 года, онъ вскорѣ вступилъ на

политическое поприще и сдѣлался однимъ изъ самыхъ энергичныхъ и дѣятельныхъ членовъ учрежденнаго тогда народнаго комитета. Но вскорѣ положеніе дѣла измѣнилось; возникли народныя волненія; превосходство силъ и пушки Виндишгреца принудили Прагу сдаться на капитуляцію и долгое время испытывать всѣ тягости военной оккупаціи. Вскорѣ затѣмъ послѣдовала и отмѣна временнаго правленія Чехіи, созваніе общаго государственнаго сейма въ Вѣнѣ, куда были вызваны и чешскіе депутаты. Ригеръ былъ избранъ депутатомъ разомъ шестью округами и въ своихъ дебатахъ на сеймѣ выказалъ замѣчательныя ораторскія и политическія способности, энергически отстаивая интересы Чеховъ отъ интригъ нѣмецкой и венгерской партіи По распущеніи рейхстага Ригеръ снова отправился путешествовать и спеціально занявшись сельской и промышленной экономіей, издалъ на чешскомъ языкѣ нѣсколько сочиненій по этому предмету.

Въ 1867 году Ригеръ побывалъ въ Россіи, пріѣхавъ на Московскую этнографическую выставку, въ числѣ другихъ славянскихъ гостей. Здѣсь онъ убѣдился во очію, по тому уваженію и сочувствію, которые онъ встрѣтилъ во всѣхъ слояхъ русскаго общества, что труды и заботы его по славянскому дѣлу оцѣнены у насъ по достоинству и не только народомъ но и правительствомъ, такъ какъ еще въ 1864 году, по случаю празднованія тысячелѣтія Россіи, онъ удостоился получить отъ Государя Императора орденъ Св. Анны.

Блестящій ораторъ и талантливый политическій писатель, Ригеръ еще замѣчателенъ какъ поэтъ и его знаменитая „Пѣснь кузнеца“ по настоящее время остается любимою народною пѣснью во всей Чехіи.

Отбытіе нашихъ войскъ изъ Румеліи.

На рисункѣ нашемъ видны суда, увозящія по Дунаю наши войска изъ Румеліи...

Берлинскій конгрессъ рѣшилъ, какъ извѣстно, раздѣлить болгарскій народъ на двое и — Болгарія распалась на Болгарское княжество и Восточно-Румелійскую провинцію Турецкой имперіи. Если дѣло освобожденія болгаръ было, такимъ образомъ, пріостановлено,—Россія и при этихъ обстоятельствахъ, сумѣла выполнить свою задачу. Наша администрація и наши войска должны были оставить Балканскій полуостровъ, но они оставили его, организовавъ и княжество и автономную провинцію.

Въ октябрѣ 1878 г. изъ нынѣшней Восточной Румеліи, съ придачей къ ней отошедшей къ Турціи Адріанопольской губерніи, было образовано особое генералъ-губернаторство, во главѣ котораго былъ поставленъ командиръ 9-го корпуса, генералъ-лейтенантъ (нынѣ генералъ адъютантъ) Столыпинъ (съ подчиненіемъ императорскому коммисару). Кромѣ того, согласно постановленію Берлинскаго трактата, учрежденъ былъ Европой и контроль, въ лицѣ такъ называемой международной комисіи.

Не малый трудъ выпалъ на долю русскаго генералъ-губернатора. Ему предстояло и подготовить румелійскихъ болгаръ къ той участи, которую имъ опредѣлила Европа, и, такъ сказать, заложить фундаментъ для будущей организаціи, и, наконецъ, положить основаніе военному устройству болгаръ Румеліи. Надо ли говорить читателямъ, насколько существенно важна эта послѣдняя задача!..

Недоумѣніе болгаръ по поводу постановленій берлинскаго трактата всего яснѣе выразилось въ минуту сильнѣйшаго проявленія неудовольствія, а именно съ прибытіемъ изъ Константинополя „международной комиссіи“. Болгары думали, что власть переходитъ отъ русскихъ къ членамъ этой „коллегіи“ европейскаго изобрѣтенія. Дѣло началось съ заявленій, поданныхъ вожаками, заявленій, въ которыхъ болгары требовали того, что имъ даровалъ санъ-стефанскій трактатъ; затѣмъ произошли волненія. Члена комисіи, директора финансовъ Шмидта, народъ не хотѣлъ допускать (въ Сливнѣ) къ выполненію обязанностей; то же случилось и съ другимъ членомъ комисіи. Но достаточно было русскаго слова, чтобы потушить волненія и, сколько можно было, „пріучить болгаръ къ комисіи“. Самый пріѣздъ и передача Алеко-Пашѣ власти въ провинціи обошлись безъ новыхъ вспышекъ, благодаря только нашему вліянію тамъ. *Любопытно то, что русскія власти увѣрены, что Сливенскіе безпорядки возбуждены подстрекателями, желавшими доказать Европѣ необходимость введенія турецкихъ войскъ, для охраненія порядка, послѣ выступленія русской оккупаціонной арміи!*

Откуда же эти подстрекатели?! Одно уже это обстоятельство бросаетъ особый свѣтъ на подпольную агитацію противъ насъ, противъ самихъ болгаръ... Можно себѣ вообразить—какая масса подобныхъ агентовъ теперь кишитъ на всемъ освобожденномъ нашей кровью и деньгами пространствѣ!

Предѣлы нашей замѣтки не дозволяютъ намъ распространяться болѣе объ этомъ интересномъ предметѣ. Скажемъ только, что настроеніемъ болгаръ Румеліи руководятъ въ настоящее время двѣ партіи: *умѣренная*, ограничивающаяся желаніемъ только осуществленія дарованной странѣ автономіи и недопущеніемъ турецкихъ гарнизоновъ въ Балканы (во главѣ этой партіи стоятъ экзархъ, митрополитъ Панаретъ и Груевы, Чумаковъ, Вулковичъ и другіе), и *передовая*, стремящаяся къ соединенію съ болгарскимъ княжествомъ; здѣсь главными дѣятелями являются священникъ Тилевъ, Лѣцконовъ, Величковъ и нѣкоторые другіе.

Блистательно выполнено и дѣло военной организаціи. Успѣху много способствовало патріотическое чувство болгаръ и этому чувству открыто широкое поле. Народъ получаетъ свою военную подготовку въ организованныхъ нами во всей странѣ гимнастическихъ дружествахъ и вооруженныхъ сельскихъ караулахъ. Собственно милиція устроена на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и болгарское земское войско, причемъ ядромъ служили русскіе кадры и офицеры. Съ разрѣшенія императорскаго комисара, въ румелійскую милицію переведены изъ княжества всѣ румелійцы офицеры, софійское военное училище снабдило ее 60 молодыми офицерами, а генералъ-губернаторомъ назначены, кромѣ того, на службу сюда нѣсколько иностранцевъ, въ томъ числѣ два пруссака, одинъ сербъ и одинъ австріецъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ организована и жандармерія. Милиція состояла при генералѣ Столыпинѣ изъ 2-хъ конныхъ сотенъ, по 150 человѣкъ въ каждой и 9-ти пѣшихъ дружинъ, по одной тысячѣ человѣкъ. Жандармерію составляли 167 конныхъ и 332 пѣшихъ жандарма для Филиппопольской губерніи, 76 конныхъ, 152 пѣшихъ жандармовъ для Сливенской; а всего 727, или приблизительно по одному жандарму на тысячу человѣкъ жителей.

Политическое обозрѣніе.

Государь Наслѣдникъ въ Швеціи.—Отставка Андраши.—Чехи.—Приготовленія Австріи.—Рѣчь Гладстона.—Зулусы.

Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ прибылъ 12 августа въ Стокгольмъ, въ 2 часа 20 минутъ пополудни, на пароходѣ, который вышелъ на встрѣчу Его Высочеству въ Ваксгольмъ съ высшими придворными чинами. Въ Ваксгольмъ отправились также восемь украшенныхъ флагами и переполненныхъ пассажирами пароходовъ, которые и эскортировали русскія суда въ Стокгольмъ. При салютахъ изъ орудій, Его Императорское Высочество, со свитою, изволилъ отправиться, на королевской шлюпкѣ, въ Скепербо, гдѣ для встрѣчи Государя Наслѣдника Цесаревича собрались высшія власти, почетная рота и хоръ военной музыки, игравшій русскій народный гимнъ. Шведскій король, въ сопровожденіи военной свиты, встрѣтилъ Его Высочество на лѣстницѣ, ведущей въ дворцовый садъ. Встрѣча была самая сердечная. Во дворцѣ расположена была гвардейская рота и хоръ военной музыки, игравшій русскій народный гимнъ. Весь путь отъ Скепебро до дворца былъ переполненъ громадною толпой народа, привѣтствовавшей Его Высочество. Его Высочество изволилъ помѣститься во дворцѣ; при особѣ Его Высочества состоитъ генералъ-маіоръ баронъ Лонгфвудъ. Вечеромъ Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ совершилъ прогулку по Тиргартену.

Въ настоящую минуту общимъ предметомъ газетныхъ разговоровъ служитъ выходъ въ отставку австро-венгерскаго имперскаго министра иностранныхъ дѣлъ, графа Андраши. Императоръ Францъ-Іосифъ давалъ ему недавно аудіенцію, продолжавшуюся болѣе часа; затѣмъ министра посѣтилъ эрц-герцогъ Альбрехтъ, но уговорить Андраши онъ не могъ. Даже въ Берлинѣ выразили сожалѣніе о томъ, что Андраши оставляетъ свой постъ, а князь Бисмаркъ просилъ его пріѣхать къ нему въ Гаштейнъ, гдѣ онъ предполагаетъ пробыть около шести недѣль. Разсказываютъ, что будто венгерское министерство получило категорическое обѣщаніе Андраши участвовать въ занятіяхъ венгерскаго сейма въ качествѣ члена палаты магнатовъ и въ рядахъ либеральной партіи поддерживать внутреннюю политику правительства. Въ своемъ дворцѣ въ Пештѣ онъ намѣренъ держать открытый домъ и собирать вокругъ себя лицъ, выдающихся по своей политической или общественной дѣятельности. Предъ тѣмъ онъ отправится въ богатое помѣстье своего брата, Мано Андраши (въ Беллеръ), гдѣ проведетъ нѣсколько недѣль и въ это время будетъ имѣть переговоры съ большею частью деакистовъ, теперь присоединившихся къ оппозиціи противъ правительства; онъ намѣренъ добиться сліянія всѣхъ деакистовъ съ либеральною партіей. Согласно новѣйшимъ свѣдѣніямъ, графъ Андраши совѣтывалъ императору предложить портфель министерства иностранныхъ дѣлъ барону Гаймерле, но какъ слышно, баронъ едва ли приметъ это предложеніе.

Во внутренне-политической жизни Австріи совершилось весьма важное событіе: чехи, не желавшіе подчиняться дѣйствующей въ имперіи дуалистической системѣ, при которой главная политическая роль принадлежитъ австрійцамъ и мадьярамъ—стояли до сихъ поръ въ сторонѣ, отказавшись присутствовать въ рейхсратѣ. Нынѣ, врагъ славянъ—Андраши, вы-

ходитъ въ отставку, сформировано новое министерство, и нѣсколько портфелей предложено чехамъ, которымъ, вообще, сдѣланы еще нѣкоторыя другія уступки; все это имѣло своимъ результатомъ то, что этотъ могучій славянскій элементъ Габсбургской монархіи посылаетъ теперь своихъ депутатовъ въ обще-государственный сеймъ. Новое министерство образовано подъ предсѣдательствомъ графа Таафе.

О занятіи Новобазарскаго санджака корреспондентъ одной изъ газетъ сообщаетъ слѣдующее:

Я только-что узналъ, что въ понедѣльникъ послѣдуетъ приказъ о маршевой готовности 11,000 ч., въ томъ числѣ 6,000 строевыхъ, долженствующихъ образовать оккупаціонный отрядъ. Тыльная служба составляетъ предметъ особенныхъ попеченій и полученныя донесенія заставляютъ предполагать серьезное сопротивленіе. Если не смотря на это, походъ предпринимается съ относительно небольшими средствами, то это объясняется тѣмъ, что болѣе сильныя массы войскъ не въ состояніи развернуться въ тамошнихъ тѣснинахъ и такимъ образомъ будутъ вредить самимъ себѣ, а также тѣмъ, что при каждой части долженъ состоять колоссальныхъ размѣровъ обозъ. Что походъ послѣдуетъ во время кризиса въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ проектъ этотъ долженъ былъ быть приведенъ въ исполненіе при какомъ бы то ни было министерствѣ иностранныхъ дѣлъ; послѣднее даже можетъ теперь оказывать на него лишь второстепенное вліяніе, такъ какъ онъ поступилъ окончательно въ вѣдѣніе военнаго министерства.

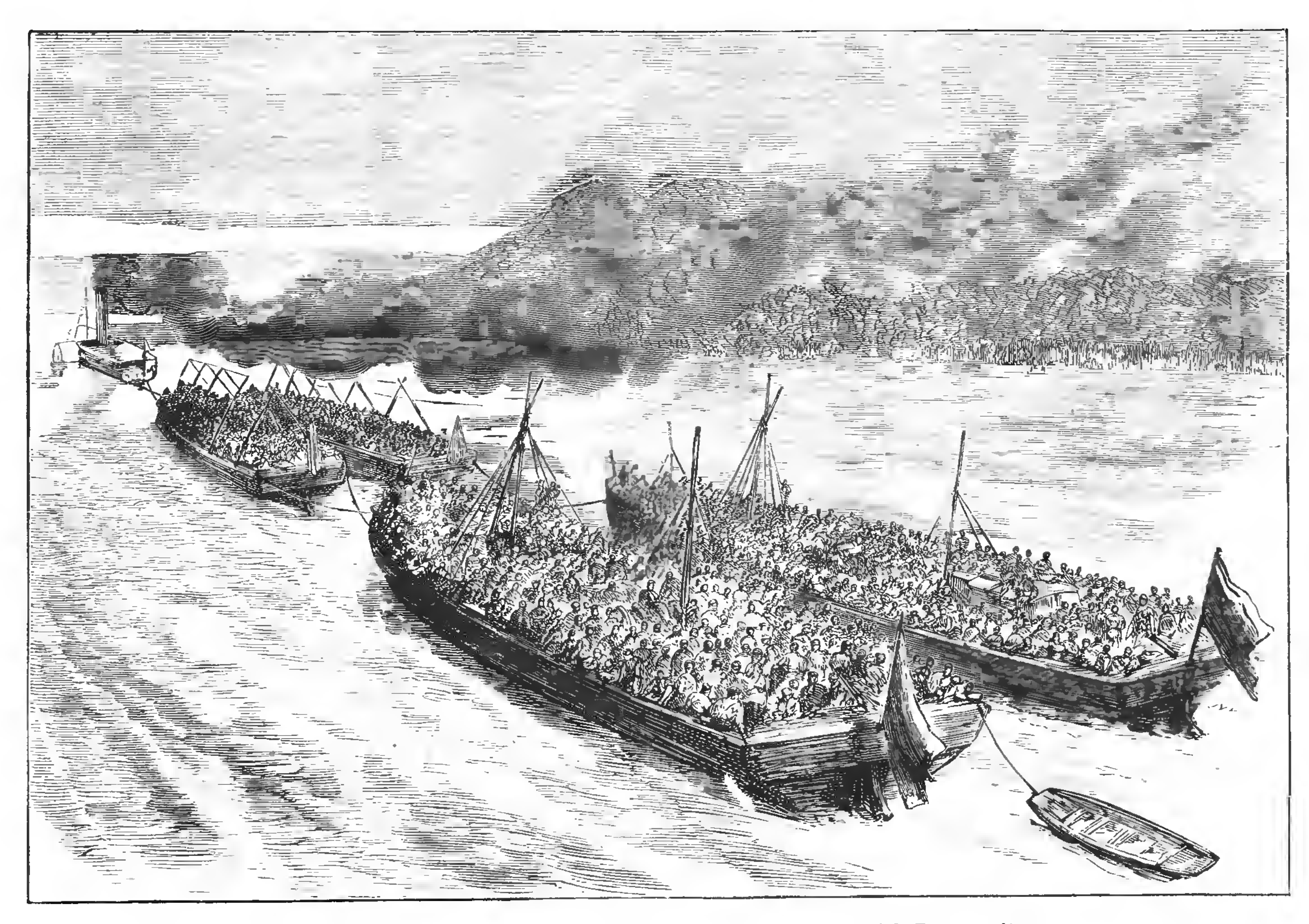
Дѣлежъ Турціи продолжается; при этомъ, если области, острова, города не берутся прямо, какъ это прежде дѣлалось—то захваты обыкновенно, маскируются. Мы только-что прочли, что *общество французскихъ инженеровъ предполагаетъ устроить большой торговый портъ въ Яффѣ, подъ исключительнымъ протекторатомъ Франціи.* Яффа будетъ исходнымъ пунктомъ желѣзнодорожной линіи для транспорта европейскихъ продуктовъ къ Персидскому заливу. Греція призвала подъ знамена второй классъ національной гвардіи, что произвело неблагопріятное впечатлѣніе на Порту,—которая, однако, какъ предполагаютъ, намѣрена сократить еще больше свои уступки. Изъ Константинополя сообщаютъ, что два старшіе сына Абдулъ-Гамида поступаютъ въ британскую военную академію въ Вульвичѣ.

Гладстонъ произнесъ недавно, въ Честерѣ, рѣчь противъ нынѣшняго кабинета; въ ней онъ доказывалъ, что Берлинскій трактатъ сдѣлалъ Россію могущественнѣе прежняго и дозволилъ занять на Востокѣ такое положеніе, котораго Британія давно уже добивается для себя; ораторъ смѣялся надъ оккупаціей Кипра—этой не достигшей своей цѣли—угрозой Россіи. Поручикъ Керэ возвратится въ Британію,—приговоренный судомъ къ довольно серьезному наказанію (нѣкоторые утверждали,—что къ смертной казни), онъ нынѣ признанъ невиновнымъ, останется на службѣ и удержитъ свой чинъ. Сэръ Гарнетъ Уэльслей, пригласивъ зулусскихъ вождей, объявилъ имъ, что Сетевайо не будетъ болѣе королемъ, что военная организація ихъ уничтожается, а страна раздѣлится между нѣсколькими вождями, которые будутъ править въ качествѣ владѣтелей, поставляемыхъ и утверждаемыхъ британскими властями. Мы высказали сомнѣнія о томъ, чтобы война уже вполнѣ была окончена теперь.

По словамъ южно-африканскихъ газетъ, зулусы, обитающіе вдоль морскаго берега, существенно отличаются отъ племенъ, живущихъ далѣе внутри Африки на возвышенностяхъ, а потому покорность береговыхъ зулусовъ не означаетъ вовсе подчиненія всей массы зулусскаго народа. Король Сетевайо все еще располагаетъ значительною арміею и неограниченнымъ прогономъ къ арміи рогатаго скота. Многіе шпіоны и военноплѣнные утверждаютъ, что Сетевайо рѣшился сопротивляться до послѣдней возможности.

Францъ Владиславъ Ригеръ. Съ фотогр. гравир. Цамарскій.

(Продолженіе на стр. 697, 698, 699 и 700).



Отбытіе русскихъ войскъ изъ Румеліи. По наброску Г. грав. М. Рашевскій.

О преміяхъ „Нивы" 1879 г.

Постоянное и значительное увеличеніе числа подписчиковъ на нашъ журналъ, давало намъ возможность развивать дѣло прочно и органически. Кто выписывалъ нашъ журналъ съ самаго его основанія и сравнитъ постепенно года одинъ съ другимъ, тотъ увидитъ какое значительное увеличеніе числа рисунковъ и достоинства премій каждый годъ имѣлъ сравнительно съ предъидущимъ. Въ нынѣшнемъ году, вмѣсто обѣщанныхъ 16, каждый № имѣлъ почти постоянно 20 страницъ, самой убористой печати. Между прочимъ уже не первый годъ наши подписчики получаютъ, въ видѣ преміи, большія, прекрасныя акварели, спеціально исполняемыя для „Нивы." На этотъ разъ, какъ мы уже неоднократно заявляли, извѣстный блестящій нашъ художникъ, профессоръ К. Е. Маковскій исполнилъ для насъ двѣ большія акварели: **„Воскресный вечеръ въ малороссійской деревнѣ"** и историческую жанровую картину **„Мининъ на Кремлевской площади въ Нижнемъ Новгородѣ призывающій народъ къ пожертвованіямъ на государственныя нужды"**, воспоминаніе о томъ замѣчательномъ русскомъ человѣкѣ, которому въ его родномъ городѣ недавно воздвигнутъ памятникъ и воспоминаніе славной эпохи, когда русская земля, съ такимъ великимъ единодушіемъ и геройскимъ усиліемъ сбросила съ себя сама иго безурядицы и вновь сплотилась въ великое цѣлое.

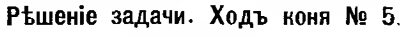
Акварели эти исполнены олеографическимъ способомъ въ одной изъ лучшихъ за границею художественныхъ мастерскихъ.

Цѣна этихъ картинъ въ отдѣльной продажѣ 4 р. т. е. по 2 р. за каждую.—Только г.г. **годовые** подписчики на журналъ „Ниву" 1879 г. имѣютъ право на безплатное полученіе ихъ.

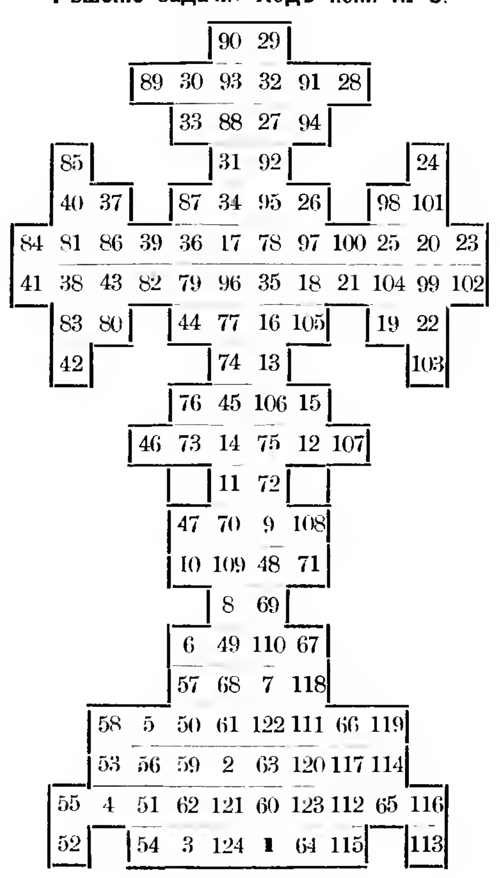
Обѣ эти картины будутъ разосланы всѣмъ г.г. **годовымъ подписчикамъ**, какъ городскимъ, такъ и иногороднымъ (получающимъ журналъ чрезъ почту) въ прочномъ картонномъ футлярѣ, въ **Октябрѣ мѣсяцѣ**, прочимъ же подписчикамъ (получающимъ журналъ безъ доставки) преміи эти будутъ выданы или въ Конторѣ редакціи, или въ тѣхъ книжныхъ магазинахъ, гдѣ они получаютъ журналъ, при томъ же №, при которомъ эти преміи будутъ приложены подписчикамъ, получающимъ журналъ съ доставкою или пересылкою.

Исполняя многочисленныя просьбы своихъ подписчиковъ, желающихъ видѣть эти картины и имѣя уже теперь нѣсколько экземпляровъ означенныхъ картинъ, издатель разослалъ ихъ нижепоименованнымъ книгопродавцамъ, у которыхъ можно видѣть эти будущія преміи „Нивы."

Въ **С.-Петербургѣ**: **Въ Главной Конторѣ Редакціи «Нивы»**, и у книгопродавцевъ: **Я. А. Исакова, Ф. А. Битепажа, Анисимова** и **Мамонтова.**
„ **Москвѣ**: у книгопродавцевъ — **И. Г. Соловьева, Живарева, Лангъ, Васильева** и **Поста.**
„ **Варшавѣ**, въ книжныхъ магазинахъ **Истомина** и **Черкесова.**
„ **Вильнѣ**, въ книжномъ магазинѣ **Сыркина.**
„ **Воронежѣ**, въ книжныхъ магазинахъ **П. Н. Аносова.**
„ **Екатеринбургѣ**, въ библіотекѣ **Е. М. Лагутевой.**
„ **Казани**, въ книжныхъ магазинахъ **Дубровина** и **„Восточная Лира".**
„ **Калугѣ**, въ библіотекѣ **Г. П. Бекъ.**
„ **Кишиневѣ**, въ книжномъ магазинѣ **А. Тараненко.**
„ **Кіевѣ**: въ книжныхъ магазинахъ **Оглоблина, Гюнтера** и **Малецкаго.**
„ **Козловѣ**, въ книжномъ магазинѣ **С. Ф. Муравьева.**
„ **Костромѣ**, въ книжномъ магазинѣ **Бекенева.**
„ **Кронштадтѣ**, въ редакціи **„Кронштадтскаго Вѣстника".**
„ **Курскѣ**, въ книжномъ магазинѣ **А. В. Переплетчико.**
„ **Минскѣ**, въ книжномъ магазинѣ **С. Ф. Савицкой.**



Рѣшеніе задачи. Ходъ коня № 5.



					90	29					
			89	30	93	32	91	28			
				33	88	27	94				
	85				31	92				24	
	40	37		87	34	95	26		98	101	
84	81	86	39	36	17	78	97	100	25	20	23
41	38	43	82	79	96	35	18	21	104	99	102
	83	80		44	77	16	105		19	22	
	42				74	13				103	
				76	45	106	15				
			46	73	14	75	12	107			
					11	72					
				47	70	9	108				
				10	109	48	71				
					8	69					
				6	49	110	67				
				57	68	7	118				
		58	5	50	61	122	111	66	119		
		53	56	59	2	63	120	117	114		
	55	4	51	62	121	60	123	112	65	116	
	52		54	3	124	1	64	115		113	

Узникъ.

Сижу за рѣшеткой въ темницѣ сырой!
Вскормленный въ неволѣ орелъ молодой,
Мой грустный товарищъ, махая крыломъ,
Кровавую пищу клюетъ подъ окномъ.

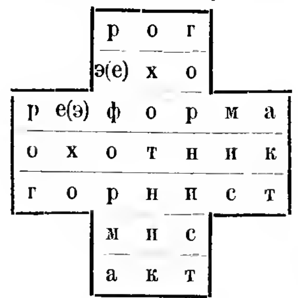
Клюетъ и бросаетъ и смотритъ въ окно,
Какъ будто со мною задумалъ одно;
Зоветъ меня взглядомъ и крикомъ своимъ,
И вымолвить хочетъ: давай улетимъ.

Мы вольныя птицы; пора братъ, пора!
Туда, гдѣ за тучей бѣлѣетъ гора,
Туда, гдѣ синѣютъ морскіе края,
Туда, гдѣ гуляетъ лишь вѣтеръ да я.

А. Пушкинъ.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы: **С.-Петербургъ**, отъ гг.: Зафирова, И, Зимина. Коли Р., Вородефа, Ф. Шустрова, Е. Дырна, А. Коркина, Ягодина и Смирнова, СнТ. В. Шт—ръ, Вани Шибанова, А. Дзюбенко, Праздновремяубивающенскаго, И. де-Лавари, Зечнова, Мейеровича, Мврена, Ворнемана, Н. Гринделя, И. Рябова, Набокова, Ферта, В. Лоренца, А. Крылова, Льва (съ Морской), Копѣйчикова, В. Рейнне, Анцисъ Ифицъ, А. Пушилова, А. Гамера, Анисовъ Р. и Л. Шаха, Святогорскаго, Грасмана, Заплаткина, Крекшина, Чистовича, г-жъ Ляховичъ, Пласиной и Е. Роч—ной и Саманина. **Москва**, отъ гг.: А. Соснова, В. Зѣвакина, И. Николаева, И. Комарова, Н. Красовскаго, М. Юрасова, А. Иванова, С. Кельцева, М. Токарева, Милвева, П. Четунова, А. Шешнова, М. Ковырева, М. Травиной, Монахова, Никитина, Херсонскаго, А. Е. Алексѣева, М. Лебедевой, Горнева, Трубниковой и А. Забѣлла. **Нов. петергофъ**—Попова, **Кронштадтъ**—Н. Даржана, Кондратьева и Лимаревки; **Нижній новгородъ**—Бр. Нарбатенко, **Боровичи**—С. Попова, **Старая Русса**—Ландау, **Петергофъ**—Г—ной, **Вильна**—Томашевскаго, Гаавивинкеля и Стефановича, **с. Останкино**—Л. Живаго, **Малая-Вишера**—Пѣтухова, **Ковне**—Логецкаго, Ситникова, **Бѣлостокъ**—Шера, **Слупцы**—Липко, Гржес. и Кобылян., **с. Оксочи**—Ильвнскаго, **Череповецъ**—Протоіерея Соколова, **Шуя**—Щеколдина, **Якобштадтъ**—Соколова, **Ковель**—Смолянинова, П., **Прашка**—Кузнецова, **Люблинъ**—М. де-Пребыхъ, **Житомиръ**—Трапезникова, **Тамбовъ**—Машнова, **Рязань**—Трегубовой, **Орелъ**—Ремера, **Ярославль**—Уткина, **Рогалева**—С. Ч—ва, Гвоздева, Преображенскаго. **Калуга**—Панѣкова, **Козловъ**—Д. Б. Ш., **Сивелихъ**—Ф. М., **Гатчино**—Н. Эй—ра, **ст. медвѣдево**—Лейцингера, **Елецъ**—Малина, **Серпуховъ**—Ювицкаго, **Глуховъ**—Колубовскаго, **Муромъ**—Герцыка, **Нѣжинъ**—Круглевскаго, **Перехь**—Часовскаго, **Луга**—Целепи, **бѣлая Церковь**—Гофмана, **Кострома**—Солодовникова, **Бердичевъ**—Корсуна, **Волковицы**—Рыжова, **Николаевъ**—Пономарева, **Екатеринославъ**—Макарова, **м. Корецъ**—К. Алексѣева.

Рѣшеніе магическаго креста № 9.



		р	о	г		
		э(е)	х	о		
р	е(э)	ф	о	р	м	а
о	х	о	т	н	и	к
г	о	р	н	и	с	т
		м	и	с		
		а	к	т		

Рѣшеніе магическаго квадрата № 7.

м	о	с	к	в	а
о	р	а	т	о	р
с	а	т	и	р	а
к	т	и	т	о	р
в	о	р	о	н	а
а	р	а	р	а	т

Рѣшеніе ариѳмогрифа въ № 32 „Нивы.“.

„Сократъ.“

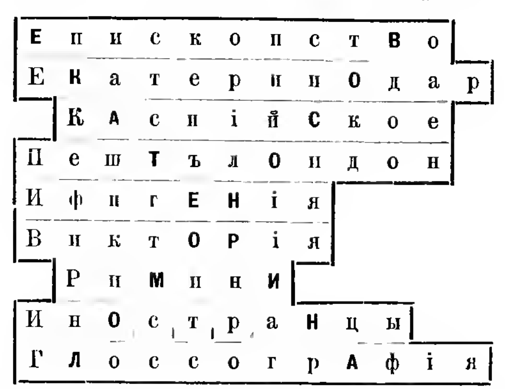
Рѣшеніе ребуса. помѣщеннаго въ № 32 „Нивы“.

„Слава тому, кто такъ заботливо бережетъ наше отечество.“

Рѣшеніе магическаго квадрата № 8.

и	с	к	р	а
с	а	л	о	н
к	л	е	с	т
р	о	с	с	и
а	н	т	и	п

Рѣшеніе задачи слоговъ въ № 32 „Нивы“.



Е	п	и	с	к	о	п	с	т	В	о	
Е	К	а	т	е	р	и	н	О	д	а	р
	К	А	с	п	і	й	С	к	о	е	
П	е	ш	Т	ъ	л	О	н	д	о	н	
И	ф	и	г	Е	Н	і	я				
В	и	к	т	О	Р	і	я				
	Р	и	М	и	н	И					
И	н	О	с	т	р	а	Н	ц	ы		
Г	Л	о	с	с	о	г	р	А	ф	і	я

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы: **Спб.**, отъ гг.: В. Гейнив, Н. Богдановича, Н. Максимова, Меанна, Хаджи-Митовой и г-жи Ляховичъ; **Москва**, отъ гг.: А. Пиянова, С. Кельцева, М. Токарева, Д. Сирина, М. Юрасова, В. Зѣвакина, Еремина, Иоаннянова и Деривкиной; **Кронштадтъ**—Н. Даржана, М. Солодовниковой, **с. Богородицкое**—Храмушенова, **Шуя**—Щеколдина, **Житомиръ**—Трапезникова, **Орелъ**—В. Ремера, **Ярославль**—Уткина. С. Ч—на, **Козловъ**—Д. В. Ш., **Вильна**—Томашевскаго, **ст. Медвѣдево**—Лейцингера, **Тамбовъ**—Алексѣева, **Глуховъ**—Колубовскаго, **Луга**—Целепи, **Пенза**—Орлова; **Казатинъ**—Ф. Елатива и **Бердичевъ**—Корсуна.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногороднихъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса изъ одного города въ другой, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.

СОДЕРЖАНІЕ: **Валерій Ивановичъ Якоби** (съ портр.)—Стихотвореніе. **Утро П. Ол—ина.**—**Касимовская невѣста.** Историческій романъ **Вс. Соловьева.** (Продолженіе).—**Болгарскіе разсказы Л. Каравелова. II. Ранняя могила.**—**Группа овецъ** (съ рис.).—**Дѣти съ обѣдомъ, въ полѣ** (съ рис.)—**Въ саду** (съ рис.)—**Выѣздъ Ивана Грознаго на богомолье** (съ рис.)—**Ригеръ** (съ портретомъ.)—**Отбытіе нашихъ войскъ изъ Румеліи** (съ рис.)—Политическое обозрѣніе.—**О преміяхъ Нивы 1879 г.**—Рѣшеніе задачи. Ходъ коня № 5.—Рѣшеніе магическаго креста.—Рѣшенія ариѳмогрифа.—Рѣшеніе ребуса.—Рѣшеніе магическихъ квадратовъ.—Рѣшенія задачи слоговъ.—О перемѣнѣ адреса.—Объявленія.

Издатель **А. Ф. Марксъ.** Редакторъ **Ф. Бергъ.**

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

РУССКІЙ ОГНЕТУШИТЕЛЬ
ТОВАРИЩЕСТВА
БУРКГАРДТЪ и УРЛАУБЪ,

самый дешевый, простой и прочный пожарный аппаратъ; соединяющій въ себѣ простоту, легкость дѣйствія и удобопереносимость. Онъ примѣнимъ для тушенія пожаровъ въ зачаткахъ, для поливки цвѣтовъ и растеній въ садахъ и оранжереяхъ. Ц. аппарата 20 р. упаковка отдѣльно 40 к. **Склады: въ Петербургѣ, Вас. Остр., 1 линія, № 14; въ Москвѣ, по Мясницкой, домъ Сытова.**
№ 220 4—4

ФАБРИКА МАСЛЯНЫХЪ ЛАКОВЪ И КРАСОКЪ К. ШПИГЕЛЯ.

193 **Въ С.-Петербургѣ, на пескахъ, 9-я ул., собств. домъ. № 5.** 10—8

Вышла новая книга
Кн. В. Мещерскаго:

„ВЪ УЛИКУ ВРЕМЕНИ“.

Содержаніе: Предисловіе. — Размышленія.—Петербургъ и Россія. —Нигилизмъ.—Наша газетная печать.—Народъ и общество. — Богъ и фельетонисты.—Дворянство и дворяне.—Что нужно.—Прихоть.

Посвящается всѣмъ людямъ съ сердцемъ.

Цѣна 1 р. 50 к. Обращающіеся къ автору (Сергіевская, 51), за пересылку ничего не платятъ. № 246 3—1

Настоящіе англійскіе кожаные, машинные ремни высшаго достоинства, ординарные и двойные, имѣются въ складахъ **Густава Листъ въ Москвѣ.** На Софійской наб. въ соб. домѣ и на Мясницкой ул., рядомъ съ почтамтомъ. **На Нижегородской ярмаркѣ** рядомъ съ Волжско - Камскимъ Коммерческимъ Банкомъ, домъ Княжевича, а также у **Федора Ивановича Листъ,** въ г. Сумы, Харьковск. губ. 235 3—1

Съ 1-го сентября 1879 г. будетъ издаваемъ въ Москвѣ

НОВЫЙ ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ:

ТЕАТРАЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА.

Въ журналѣ этомъ будутъ помѣщаемы: 1) правительственныя распоряженія, касающіяся театровъ; 2) драматическія сочиненія, разрѣшенныя цензурою къ представленію на сценѣ; драмы, трагедіи, комедіи, водевили, сцены, либретто оперъ, оперетокъ и балетовъ, ежемѣсячно не менѣе трехъ полныхъ піесъ; 3) статьи научнаго содержанія о театрѣ и драматическомъ искусствѣ; 4) темы для сценическихъ сочиненій; 5) театральная критика; 6) біографіи лицъ, извѣстныхъ въ театральномъ мірѣ; 7) смѣсь; мелкія извѣстія въ предѣлахъ программы изданія; 8) стороннія сообщенія и отвѣты редакціи; 9) театральная хроника: извѣстія объ иногороднихъ представленіяхъ; 10) объявленія отъ артистовъ, желающихъ имѣть мѣста при театрахъ: актеровъ, пѣвцовъ, капельмейстеровъ, музыкантовъ, декораторовъ, гримеровъ и пр.; 11) объявленія приглашеній помянутыхъ лицъ антрепренерами театровъ и 12) объявленія частныя.

Желая служить дѣлу развитія всѣхъ отраслей драматическаго и сценическаго искусства, редакція журнала „ТЕАТРАЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА“ употребитъ все стараніе доставить публикѣ возможность всесторонне знакомиться съ драматическою литературою и научною стороною театральнаго дѣла и озаботится помѣщеніемъ въ журналѣ, сверхъ оригинальныхъ піесъ русскихъ авторовъ, хорошихъ переводовъ какъ древнихъ классическихъ, такъ и современныхъ иностранныхъ драматическихъ произведеній, а равно и научныхъ оригинальныхъ и переводныхъ сочиненій, относящихся до драмы и сцены, начинатель изданія имѣетъ еще въ виду то, что спеціальнаго журнала по драматургіи и сценическому искусству въ Россіи нѣтъ, а всѣ существующіе журналы, имѣя другія цѣли и задачи, весьма рѣдко открываютъ свои страницы для драматическихъ сочиненій и вслѣдствіе сего труды большинства пишущихъ для театра остаются неоглашенными въ печати и пропадаютъ безслѣдно для исторіи драматической литературы и даже безполезно для самихъ авторовъ, тогда какъ журналъ „ТЕАТРАЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА“ легко можетъ устранить это неудобство. Кромѣ того, имѣя возможность помѣщать въ отдѣлѣ правительственныхъ распоряженій списки піесъ, дозволенныхъ къ представленію, какъ безусловно, такъ и съ исключеніями, редакція тѣмъ самымъ облегчитъ антрепренерамъ и актерамъ провинціальныхъ и частныхъ театровъ полученіе отъ мѣстныхъ властей разрѣшеній на постановку тѣхъ піесъ на сцену. А потому редакція надѣется, что лица, смотрящія на драматическое искусство какъ на одно изъ воспитательныхъ средствъ народа и заинтересованныя въ развитіи нравственныхъ силъ его, сочувственно отнесутся къ изданію журнала „ТЕАТРАЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

без доставки:	съ доставкою въ Москвѣ:	съ перес. иногороднымъ:
на 12 мѣсяцевъ . . 12 р.	на 12 мѣсяцевъ 13 р.	на 12 мѣсяцевъ 13 р. 50 к.
на 4 мѣсяца . . . 5 р.	на 4 мѣсяца . 5 р. 50 к.	на 4 мѣсяца. . 5 р. 75 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ МОСКВѢ: **въ редакціи журнала, въ Кремлѣ, въ потѣшномъ дворцѣ,** въ квартирѣ **Николая Львовича Шаповалова,** ежедневно, отъ 10 час. утра до 3 пополудни. **Въ писчебумажномъ магазинѣ Д. Н. Попова,** въ зданіи присутственныхъ мѣстъ, противъ историческаго музея. **Въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева,** на Страстномъ бульварѣ. **Въ типографіи Н. П. Игнаціуса,** на 1-й Мѣщанской, въ собственномъ домѣ. Въ отдѣленіи редакціи при библіотекѣ **С. Ф. Разсохина,** въ домѣ Шаблыкина, по Газетному переулку. **Въ Центральной конторѣ объявленій для всѣхъ европейскихъ газетъ,** Большая Дмитровка, д. Бучумова. ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ: **въ книжномъ магазинѣ И. Ѳ. Тихонова,** по Минскому переулку, въ зданіи Литовскаго рынка, и ВЪ ОДЕССѢ, **при южномъ агентствѣ журналовъ и газетъ,** д. Вагнера, на Ланжероновской улицѣ.

Гг. иногородные подписчики благоволятъ адресоваться непосредственно въ редакцію.

Редакторъ-издатель **Н. Л. Шаповаловъ.**
№ 211. 1—1.

Центральная контора объявленій, для всѣхъ европейскихъ газетъ въ Москвѣ, Большая Дмитровка, домъ Бучумова, принимаетъ объявленія по цѣнамъ Редакцій, во всѣ газеты, русскія и иностранныя, съ большой уступкой. Переводы безплатно. № 242 1—1

ГЕРЦОГСКОЕ ТЕХНИЧЕСКОЕ ВЫСШЕЕ УЧЕБНОЕ УЧИЛИЩЕ
въ БРАУНШВЕЙГѢ

соотвѣтствующее оффиціально Королевскому Прусскому таковому съ полными спеціальными школами архитектуры Инженерно-машинно-строительнаго отдѣла химической техники и фармаціи, начинаетъ учебный годъ 1-го Октября. Спеціальныя программы могутъ быть выписаны изъ Канцеляріи Училища безплатно.
№ 245 1—1

И. Л. Левенсонъ, Галерная № 26.

ПУЛЬЗОМЕТРЪ
ОБЩЕСТВА ИЗГОТОВЛЕНІЯ ПУЛЬЗОМЕТРОВЪ въ ЛОНДОНѢ.

Привилегированный паровой насосъ прямаго дѣйствія, поднимаетъ на какую угодно высоту воду и жидкости. Лучшій изъ всѣхъ существующихъ паровыхъ насосовъ. Единственная награда на Парижской Всемірной Выставкѣ.

Иллюстрированные каталоги съ описаніемъ, высылаемъ по требованію безвозмездно.

И. Л. Левенсонъ, Галерная № 26.

Представитель Общества изготовленія пульзометровъ въ Лондонѣ.
№ 239 3—1

ПОЛУЧЕНЪ НОВЫЙ ТРАНСПОРТЪ АППАРАТА

ДОМАШНІЙ ОГНЕГАСИТЕЛЬ.
(ASSURANS-SPRUTAN)
Г. ЛУДИНА и К°, въ СТОКГОЛЬМѢ.

Отличительныя свойства домашняго огнегасителя слѣдующія: онъ *тушитъ* не слишкомъ распространившееся пламя *въ теченіи* нѣсколькихъ минутъ.—Дѣйствуетъ безъ примѣси химическаго состава, лишь *силою и постояннымъ напоромъ* водяной струи.—Для дѣйствія и *не нужна* никакая предварительная *подготовка*: имъ могутъ тушить огонь безъ малѣйшаго усилія даже *женщины* и средняго возраста дѣти.—Выбрасываетъ воду на разстояніи болѣе *40 футовъ, Всегда готовъ* къ употребленію, потому что *прочность конструкціи* устраняетъ порчу.—По незначительности объема и вѣса доступъ съ этимъ снарядомъ возможенъ *ко всякому мѣсту* куда можетъ проникнуть хотя одинъ человѣкъ.—Домашній огнегаситель былъ подвергнутъ публичному испытанію на Семеновскомъ плацу 30-го марта 1878 г., гдѣ присутствовали многіе спеціалисты по части тушенія пожаровъ и устройству пожарныхъ инструментовъ. Эти лица засвидѣтельствовали о пригодности испытаннаго инструмента особенно у насъ въ Россіи и объ успѣшности его дѣйствій.

Чрезвычайный успѣхъ, достигнутый аппаратомъ какъ заграницею, такъ равно и у насъ въ Россіи, далъ фабрикантамъ возможность расширить предѣлы производства аппаратовъ, и они могли удовлетворить желанію публики, понижая стоимость аппарата до цѣны доступной каждому, т. е. до

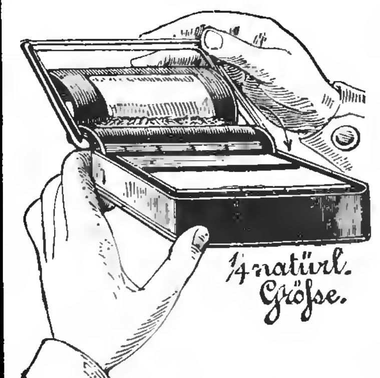
21 РУБ. СЕР.,

по которой цѣнѣ продается «Домашній Огнегаситель» не съ резиновымъ но съ пеньковымъ спиральнымъ рукавомъ, не подлежащимъ порчѣ даже при долговременномъ употребленіи аппарата.

Гг. иногородные благоволятъ обращаться со своими требованіями къ одной изъ нижеуказанныхъ фирмъ, прилагая пересылочныхъ денегъ за одинъ пудъ. Пересылка производится по желѣзнымъ дорогамъ, чрезъ транспортныя конторы и по почтѣ. Съ уплатою переводомъ за товаръ отправляется лишь по полученіи половины стоимости вмѣстѣ съ требованіемъ. Подробное объявленіе, съ рисункомъ аппарата, высылается по почтѣ безплатно, немедленно по полученіи требованія.

Главное агентство для Россіи у А. Ф. Девріена, въ С.-Петербургѣ, на Васильев. Островѣ, Больш. Пр., на углу 3-й линіи д. Юнкера, № 8. Складъ въ С.-Петербургѣ у М. Л. Гицли, Невскій Просп., № 54.

!! НОВО !! ВАЖНО ДЛЯ КУРЯЩИХЪ !! НОВО !!
ПАПИРОСНЫЙ АВТОМАТЪ Мартина Вріе и Комп.
патентованъ во всей Европѣ.



Состоящій изъ ящика для табака **съ самодѣйствующею папиросною машиною въ крышкѣ.** Способъ употребленія очень простъ и моментален и могутъ быть приготовляемы, по желанію, большія и маленькія папиросы. Кладутъ бумагу и табакъ въ аппаратъ, закрываютъ крышку и готовая папироса является на закрытомъ ящикѣ.

ГЛАВНОЕ ДЕПО
ДЛЯ ВСЕЙ РОССІИ
у И. ФОРЪ,
на Больш. Морской д. Тура, № 21, возлѣ магазина Кумберга.

Цѣны 1-го количества:

изъ никеля гладкій . . . 3 р.
тоже грав. или въ ножѣ 3 р. 50 к.
вызолочен. и грав. . . . 4 р.

Торговцамъ дѣлается больш. уступка. Требуютъ агентовъ. Пересылка во всѣ мѣста Россіи за что считаютъ 50 коп. № 248 1

Дозволено цензурою СПБ. 23 Августа 1879 г. Тип. Веллинга. Англ. пр. № 10.

X годъ · № 36 · годъ X · 1879

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ «ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ» (отъ 20 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40).

Выданъ 3 Сентября 1879 г. Цѣна этаго № „Нивы" 20 к. съ перес. 25 к.

При этомъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ" за СЕНТЯБРЬ съ 27 рисунками и отдѣльный листъ съ 25 чертеж. выкроекъ въ натуральн. величин., и съ 39 рис. рукод. работы.

У колодца въ Малороссіи. Съ фотогр. Лаптева, грав. Б. Пудъ.

У колодца въ Малороссіи.

Украйна, или, какъ говорили прежде, Окраина, всегда представляла и будетъ представлять неисчерпаемый матерьялъ для искусства. Лѣнивый, медлительный, лишенный быстроты, по твердый умъ хохла, хитрая догадливость его жинки, свойственное имъ обоимъ добродушіе, наконецъ самый бытъ ихъ, окружающая природа, костюмъ,—все это даетъ обильный матерьялъ для писателя и художника. Достаточно вспомнить прелестные малороссійскіе этюды Гоголя, картины Трутовскаго. У насъ какъ-то слишкомъ игнорировали этотъ чудесный уголокъ нашего отечества, а стоило бы имъ сильно позаняться. Живопись въ этомъ случаѣ оказалась болѣе отзывчивой и рѣдкая выставка проходитъ безъ загорѣлыхъ хохлачекъ, бѣлыхъ мазанокъ, воловъ, тюльпановъ, мальвъ и подсолнечниковъ Малороссіи. Она теперь въ модѣ,—и еще не такъ давно одинъ молодой пейзажистъ составилъ себѣ имя „Украинской ночью."

Недавно жившій въ Малороссіи, нашъ извѣстный художникъ К. Е. Маковскій, вывезъ оттуда много интереснѣйшихъ этюдовъ и матерьяловъ для будущихъ картинъ, которыя конечно не замедлятъ украсить наши выставки. Одна изъ нашихъ премій на этотъ годъ, принадлежащая его кисти (Воскресный вечеръ въ Малороссійской деревнѣ) именно представляетъ прелестную сценку изъ жизни нашего сельскаго Юга.

Рисунокъ нашъ въ этомъ № представляетъ знакомую, обычную сцену. Дѣвушки, женщины собрались къ колодцу, осѣненному высокимъ, затѣйливымъ куполомъ, остаткомъ барской постройки. Онѣ толкуютъ и судачатъ у колодца. А вотъ справа и медлительные волы спокойно стоятъ, обмахиваясь хвостами и быть можетъ готовясь въ какой нибудь дальній, трудный путь, съ своимъ хозяиномъ, который попыхивая люлькой, задумчиво побредетъ около, изрѣдка покрикивая на воловъ и глядя вдаль на зеленую, безграничную степь и синее небо, и мурлыча родную, грустную пѣсенку.

Стихотворенія.

I.

Прогнала ты меня, моя милая, прочь,
Подбираешь къ цвѣтку ты цвѣтокъ,
И съ молчаньемъ глубокимъ, въ Иванову ночь,
Заплетаешь душистый вѣнокъ.

* * *

Ты рѣшилась ни слова со мной не сказать
И улыбки и ласки забыть,
Чтобъ въ Иванову ночь вѣщій сонъ увидать
И судьбу-невидимку открыть.

* * *

Да зачѣмъ тебѣ правда душистыхъ цвѣтовъ,
И зачѣмъ тебѣ вѣщіе сны?!
Вѣдь и такъ мы съ тобой, безъ таинственныхъ сновъ,
И весельемъ и счастьемъ полны!

* * *

Улыбнись же скорѣй, не гони меня прочь,
Ты сними съ себя скучный зарокъ—
Смѣйся, пой, говори и въ Иванову ночь
Подари мнѣ душистый вѣнокъ...

II.

Взгляни—двѣ звѣзды надъ тобою
Такъ ярко и страстно горятъ,
Такъ ярко и страстно—какъ будто
Сойтися и слиться хотятъ...

* * *

Да видно сквозь звѣздъ миріады
Другъ къ другу дороги имъ нѣтъ!
И тихо онѣ замираютъ,
И льютъ онѣ трепетный свѣтъ.

* * *

И вдругъ, отрываясь отъ неба,
Къ горячей и влажной землѣ
Несутся, несутся—и быстро
Въ туманной теряются мглѣ...

W.

Касимовская невѣста.

Историческій романъ Вс. СОЛОВЬЕВА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Продолженіе).

X.

Не обширны владѣнія Рафа Родіоновича Всеволодскаго, не много деревень и всякихъ полевыхъ и лѣсныхъ угодій наслѣдовалъ онъ отъ своихъ предковъ, не въ роскошныхъ палатахъ, не среди многочисленныхъ холопей и челядинцевъ живетъ онъ, а въ укромномъ домикѣ, бревенчатыя стѣны котораго отъ старости уже начинаютъ склоняться на сторону. Всего у него одна деревенька—тутъ же, за лѣскомъ, недалеко отъ усадьбы. Во дворѣ и десятка прислуги не наберется. Живетъ онъ въ своемъ уголку тихо, неслышно; но все же имя его извѣстно всѣмъ и каждому на сотни верстъ въ окружности и инаго богача боярина такъ не знаютъ и не почитаютъ, какъ знаютъ и почитаютъ Рафа Родіоновича Всеволодскаго.

Давно уже, поболѣе четверти вѣка будетъ, безвыѣздно поселился онъ въ своей касимовской вотчинѣ. Зазнали его сосѣди молодымъ воиномъ, отслужившимъ ратную службу, знатно порубившимъ ляховъ и всякихъ воровъ, наводнявшихъ Русь въ смутное ея время, а теперь Рафъ Родіоновичъ уже почти старцемъ сдѣлался; серебромъ подернулись его русыя кудри, согнулся крѣпкій станъ его. Только все по прежнему зорко и ясно глядятъ очи Рафа Родіоновича да изъ подъ усовъ нависшихъ мелькаетъ прежняя благодушная улыбка.

Въ первый же годъ по своемъ переселеніи, Всеволодскій женился на дочери одного изъ ближнихъ сосѣдей и въ неизмѣнномъ согласіи живетъ со своею Настасьей Филипповной. Было у нихъ дѣтей шестеро, да старшіе волею Божьею померли еще въ малолѣтствѣ; остался только сынъ Андрей и младшая дочка Евфимія.

Хорошій хозяинъ Рафъ Родіоновичъ—окольные дворяне-помѣщики не могутъ надивиться его мудрости. Что до него было и что при немъ стало! У другихъ всякія невзгоды да бѣды—хлѣбъ дурно зародится, сѣно отъ дождей погніетъ, къ зимѣ недостатки, бѣдствіе, а у Рафа Родіоновича всѣ амбары полны—зерно къ зерну, трава во-время скошена, сѣно сухое, душистое, пчелы роятся видимо-невидимо, медъ его въ Касимовѣ торговцы съ руками отнимаютъ—лучше, говорятъ, этаго меду и найти невозможно.

Зависть разбираетъ сосѣдей глядя на такую удачу, только знаютъ они, что грѣшно завидовать Рафу Родіоновичу—все ему дается по трудамъ его великимъ и къ тому же надъ нимъ видимое благословеніе Божіе за жизнь его правую и богобоязненную, за сердце его доброе, къ чужой бѣдѣ отзывчивое. Да, рукъ не покладая трудится разумный хозяинъ. Въ лѣтнюю пору ужь не ищи его въ усадьбѣ—до зари проснется, самъ осмотритъ каждую скотину, раздастъ приказанія работникамъ—и въ поле. Все свое владѣніе осмотритъ хозяйскимъ глазомъ; у него чуть ли не каждый колосъ на перечетѣ. И привольно ему дышется подъ знойнымъ солнцемъ среди колыхающейся желтѣющей ржи, или на пасѣкѣ, въ душистой гущинѣ лѣса. Здѣсь онъ у себя дома и чудится ему порою, что весь этотъ міръ Божій, каждый кустикъ, каждая былинка его знаютъ и встрѣчаютъ нѣмымъ привѣтомъ. И ужь особливо на пасѣкѣ ему раз-

долье—пчелы его любимое, сердечное дѣло. Въ ведряные дни и обѣдать не возвращается домой Рафъ Родіоновичъ. Истомится въ полѣ на работахъ, доберется къ своимъ ульямъ и пошлетъ старика пасѣчника въ усадьбу сказать женѣ, чтобы обѣдъ ему прислала, да и сама съ дѣтками пожаловала откушать медку свѣжаго.

А то случалось и такъ, что онъ, придя на пасѣку, заставалъ уже тамъ и Настасью Филипповну, и дѣтокъ и обѣдъ готовый. Сюда же сходились зачастую и сосѣди ближніе и дальніе, которымъ было дѣло до Рафа Родіоновича. Хозяинъ всегда встрѣчалъ ихъ радушно, просилъ раздѣлить съ нимъ трапезу, „а уже потомъ, молъ, и о дѣлѣ поговоримъ—разговоръ то выйдетъ лучше, чѣмъ на тощій желудокъ".

Сидитъ себѣ Рафъ Родіоновичъ, кушаетъ съ удовольствіемъ и поглядываетъ на сосѣда: онъ и безъ словъ, заранѣе, видитъ какое такое у него дѣло.

А дѣла бываютъ разныя. Одинъ пришелъ въ нуждѣ великой: прошлогодній неурожай погубилъ совсѣмъ хлѣбъ, ни зерна—изворотиться нечѣмъ. Рафъ Родіоновичъ поможетъ, иной разъ послѣднимъ подѣлится.

Другому не нужно ни хлѣба ни лѣса,—у него споръ великій съ сосѣдомъ вышелъ, разобидѣли другъ друга, разругались на чемъ свѣтъ стоитъ, и такова взаимная обида, что вотъ вотъ поножовщина у нихъ выйдетъ. Какъ тутъ быть? одно остается—идти на судъ къ Рафу Родіоновичу. Онъ человѣкъ правый, разсудитъ по Божески. И идутъ два врага къ небогатому дворянину Всеволодскому, идутъ помимо воеводы и облеченныхъ властью судей, кланяются ему въ ноги, разсказываютъ свои обиды.

Въ такихъ случаяхъ Рафъ Родіоновичъ совсѣмъ преображался. Добродушное лицо его дѣлалось важнымъ и строгимъ; онъ выслушивалъ спокойно ту и другую сторону и потомъ нѣсколько мгновеній сидѣлъ молча, опустивъ голову. Но вотъ онъ поднимается; глаза его снова сіяютъ, на устахъ опять свѣтлая улыбка! Онъ беретъ враговъ за руки.

„Вотъ то-то люди вы!" говоритъ онъ. „Ну изъ-за чего муки себѣ всякія выдумываете?! Неразумнымъ малолѣткамъ—тѣмъ пристало дразниться да на кулачки идти изъ-за всякой малости, а вы, смотрите, сѣдина вѣдь въ волосахъ, а что задумали! Жили годы дружно и мирно—и вдругъ врагу дьяволу подчинились! А онъ то и радуется! вѣстимо дѣло—исконный супостатъ всякому миру и тишинѣ... Одумайтесь, Бога вспомните... „несите тяготы другъ друга"—великое это слово и николи не слѣдъ забывать его"...

И долго говоритъ Рафъ Родіоновичъ, говоритъ такъ тихо и спокойно и въ то же время съ такой любовью и грустью, что мало по малу сердца противниковъ смиряются и уже не мечутъ они злобныхъ взоровъ, не слышно прежняго раздраженія въ ихъ голосѣ. Взглядъ на дѣло Рафа Родіоновича сообщается и имъ, и они покорно повторяютъ ему: „Что же, мы ничего... вѣстимо... до сей поры промежъ насъ ничего такаго не было... разсуди, Рафъ Родивонычъ, какъ разсудишь, такъ оно и будетъ".

Онъ разсудитъ ихъ дѣла, найдетъ кто правъ, кто виноватъ. Если одинъ сосѣдъ у другаго присвоилъ незаконно земли, или угодье какое, скажетъ онъ, что безпремѣнно возвратить нужно — и присвоившій клянется возвратить. Враги мирятся, лобызаются искренно и, кланяясь въ поясъ судьѣ своему, возвращаются домой успокоенные и довольные.

Случается также, что Рафъ Родіоновичъ вмѣшивается въ дѣла еще болѣе трудныя, въ такія дѣла, которыхъ человѣку и судить-то почти невозможно: жена на мужа ему жалуется, а то и самъ онъ видитъ чью либо жестокость и не въ силахъ стерпѣть этого. Въ такихъ случаяхъ онъ отправляется и безъ зова къ сосѣду и очень часто успѣваетъ добрымъ да разумнымъ словомъ, спокойнымъ взглядомъ на дѣло, вернуть нарушенный миръ въ семействѣ, утишить гнѣвъ жестокаго мужа.

И съ каждымъ годомъ ростетъ добрая слава старика Всеволодскаго и нѣтъ такой дворянской семьи въ сосѣдствѣ, гдѣ его имя не произносилось бы съ уваженіемъ. Но уважая и прославляя Рафа Родіоновича, не забывали добрые сосѣди и его Настасью Филипповну. „Вотъ такъ семейка благодатная!" говорятъ. „Святые люди—дай Богъ имъ всякаго счастья... Вотъ такъ бы привелось и всѣмъ вѣкъ прожить другъ съ другомъ, какъ живутъ Рафъ Родивонычъ да Настасья Филипповна."

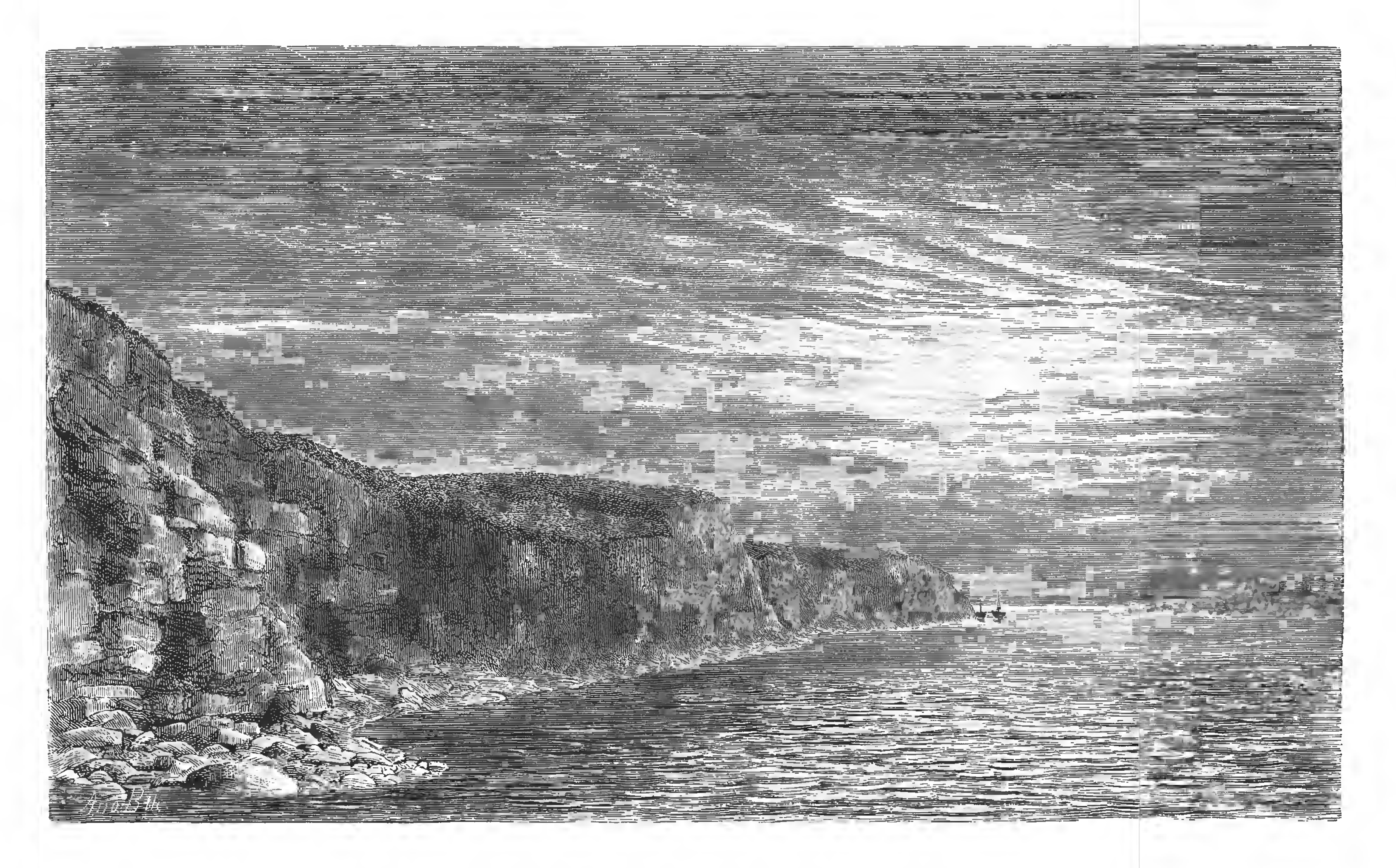
И дѣйствительно, въ двадцать пять лѣтъ семейной жизни, мало было темныхъ дней у Всеволодскихъ. Кругомъ поглядишь—и нивѣсть что творится: иные мужья женъ побоями въ гробъ вгоняютъ, пьянствуютъ и безчинствуютъ, а то и жены мужей добрыхъ да смирныхъ ѣдятъ поѣдомъ. У Всеволодскихъ не то—ни криковъ, ни брани, ни драки. Вѣчно ласка да любовь. И въ этомъ заслуга больше со стороны Настасьи Филипповны. Рафъ Родіоновичъ хоть человѣкъ и справедливый, добрый христіанинъ, но и у него подчасъ нравъ крутенекъ. Онъ знаетъ себя хозяиномъ въ своемъ домѣ, слово его закопъ; противурѣчій не любитъ. Попадись ему жена другая—онъ бы, пожалуй, за неразумность и побилъ исправно—человѣкъ въ гнѣвѣ самъ себя не помнитъ. Только вотъ до гнѣва Настасья Филипповна его никогда не доводила—сразу, съ перваго же дня замужества сумѣла она понять его, отлично знала, по одной ей вѣдомымъ примѣтамъ, въ какой день и часъ можно и поперечить мужу, а въ какой слѣдуетъ безпрекословно творить его волю.

XI.

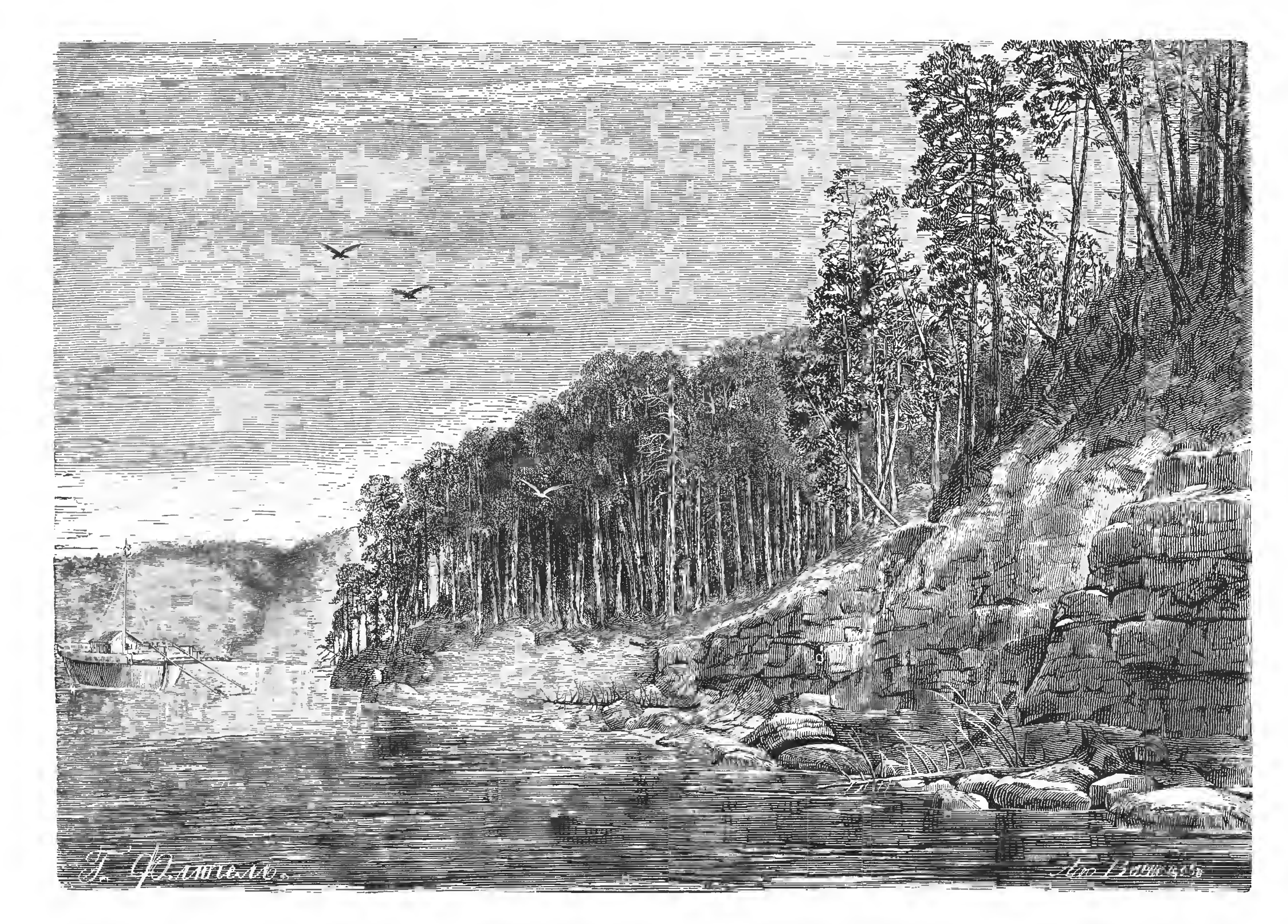
И въ дѣтяхъ были счастливы Всеволодскіе—на радость и на утѣшеніе имъ выросли Андрей да Фима.

Не даромъ вздыхалъ по Фимѣ молодой Сухановъ—молва о красотѣ дочки Рафа Родіоновича разносилась далеко; старики говорили, что и не запомнятъ такой красавицы. Ей только что шестнадцать лѣтъ исполнилось; но она была уже совсѣмъ развившаяся, стройная и высокая дѣвушка. Каждому было любо глядѣть на лицо ея бѣлое да румяное, вѣчно озаренное беззаботной улыбкой, каждому какъ то свѣтлѣе на душѣ становилось отъ взгляда ея глазъ, глубокихъ и нѣжныхъ, окаймленныхъ длинными темными рѣсницами. Но еще краше, еще милѣе становилась Фима, когда звонкій, дѣтскій смѣхъ оживлялъ все существо ея. А смѣялась она часто, потому что вся жизнь ея была полна радости и веселья. Не смотря на стыдливый румянецъ, порою вспыхивавшій уже на щекахъ ея, не смотря на густую свѣтлорусую косу по колѣна, да на высокую грудь дѣвичью—Фима во многомъ была еще совсѣмъ ребенкомъ. Для нея еще не начался тотъ счастливый періодъ жизни, когда весь міръ представляется совсѣмъ не такимъ, каковъ онъ въ дѣйствительности, а чѣмъ-то праздничнымъ и волшебнымъ.

Фима просыпалась каждое утро съ ощущеніемъ свѣжести и силы и какого-то неопредѣленнаго, но добраго и широкаго чувства, которое сейчасъ же и выражалось въ ея безпричинномъ, повидимому, смѣхѣ, въ ея ласкахъ, расточаемыхъ ею всѣмъ, начиная съ отца, матери, старой няни Пафнутьевны и кончая послѣдней дворовой собакой. Если время было лѣтнее и погожее—Фима бѣжала въ поле, въ лѣсъ за васильками, за грибами и ягодами. Ея ноги не знали устали, она не могла успокоиться пока не обѣгаетъ всѣхъ отцовскихъ владѣній, на каждомъ шагу новый предметъ для ея наблюденій и радости—то новое птичье гнѣздышко, то поспѣвшія ягоды, которыя вчера еще были совсѣмъ зелеными, то невиданная, диковинная букашка. Бродитъ себѣ Фима оглашая лѣсъ звонкой пѣсныо, а то вдругъ остановится, долго глядитъ вокругъ себя—и даже всплес-



Лунная ночь на рѣкѣ Камѣ. Ориг. рисунокъ Ап. Васнецова, грав. М. Рашевскій.



Видъ на рѣкѣ Камѣ. Ориг. рис. А. Васнецова, грав. Г. Флюгель.

нетъ руками: такъ все чудно, такъ благодатно устроено Господомъ Богомъ...

Подругъ у Фимы не было, но было два добрыхъ товарища: братъ Андрей да Митя Сухановъ. Росли они вмѣстѣ, вмѣстѣ и забавлялись. Лѣтомъ еще мальчики отъ нея какъ-то отбивались—у нихъ были свои потѣхи: рыбная ловля, всякая охота лѣсная, но за то зимою Фима почти не разставалась съ ними. Митя дѣлалъ для нея салазки, каталъ ее съ горы ледяной, а по вечерамъ забирались они къ Пафнутьевнѣ на теплую лежанку и старуха сказывала имъ сказки. Это было самое блаженное время для Фимы—ждетъ не дождется она вечера. Въ теплѣ и полусвѣтѣ, среди тишины невозмутимой, пестрыя, причудливыя картины выростаютъ и захватываютъ Фиму въ заколдованный міръ свой. Вотъ кончены сказки, она уже въ мягкой постели, но міръ этотъ продолжаетъ жить вокругъ нея и часто преслѣдуетъ ее и въ ночныхъ грезахъ...

Проходили годы, выростала Фима; но все еще медлило оставлять ее дѣтство хоть порою она и начинала уже чувствовать что-то новое, какіе-то неясные вопросы. А между тѣмъ сосѣди начали почитать ее невѣстой и красота ея даже стала причиной большой обиды, нанесенной Рафу Родіоновичу.

Какъ ни велика была добрая слава старика Всеволодскаго, какъ ни много было у него друзей и почитателей, а все же и враги отыскались. Къ числу такихъ враговъ принадлежалъ между прочимъ Касимовскій воевода Обручевъ, да почти всѣ дьяки и подъячіе. Все это начальство привыкло всячески обижать небогатыхъ помѣщиковъ, обирать ихъ по возможности; привыкло видѣть, что эти помѣщики безпрекословно подчиняются такому обиранію, да еще и кланяются въ поясъ. Ну, а у Рафа голова была непоклонная да и обирать его оказывалось труднымъ: за свое добро онъ стоялъ сколько силъ хватало и были у него вѣчныя непріятности съ касимовскимъ воеводой и дьяками: готовы они всѣ были сжить его со свѣта, да не къ чему было придраться—жалобъ на него никакихъ не поступало, въ каждомъ дѣлѣ онъ велъ себя осмотрительно и разумно. Но нигдѣ, ни въ Касимовѣ, ни въ иныхъ мѣстахъ, не было у Рафа Родіоныча такаго кровнаго врага, какъ приказчикъ князя Солнцева, Яковъ Осина.

Обширныя вотчины князя находились недалеко отъ усадьбы Всеволодскаго.

Осина, сумѣвшій обойти и воеводу и всѣхъ вліятельныхъ людей Касимова пользовался не малымъ почетомъ: всѣ позабыли о его худородствѣ. Да и самъ Рафъ Родіоновичъ, въ первое время, то есть года два тому назадъ, принималъ его у себя какъ равнаго и даже любилъ съ нимъ бесѣдовать. Онъ видѣлъ въ немъ человѣка умнаго и ловкаго, понимающаго толкъ въ хозяйствѣ, умѣвшаго подчасъ и развеселить любопытными разсказами изъ своей, полной приключеній, жизни. Даже дружба было завязалась между Всеволодскимъ и Осиной. Но съ годъ тому будетъ времени какъ насталъ конецъ этой дружбѣ и превратилась она во вражду лютую.

Случилось это по тому поводу, что Осина, давно ужъ зорко присматривавшійся къ быстро выроставшей и хорошѣвшей Фимѣ, вдругъ попросилъ у Всеволодскаго руку его дочери.

Рафъ Родіонычъ ушамъ своимъ не повѣрилъ и молча сидѣлъ передъ Осиной, во всѣ глаза глядя на него и не находя словъ для отвѣта. Осина былъ человѣкъ лѣтъ сорока съ некрасивымъ и непріятнымъ краснымъ лицомъ. Фима была красавица и ей въ то время еще и шестьнадцати лѣтъ не исполнилось.

Но дѣло не въ разницѣ лѣтъ, не въ жениховомъ безобразіи—съ лица не воду пить—а сорокъ лѣтъ, что еще за старость для мужчины. Дѣло въ томъ, что Фима дочь, хоть и небогатаго, но столбоваго дворянина, а Осина—холопъ княжескій, только сумѣвшій завладѣть довѣріемъ своего господина и возведенный имъ во всесильную должность приказчика.

Долго не могъ опомниться Рафъ Родіоновичъ, наконецъ вся кровь ударила ему въ голову.

Они въ это время сидѣли у него за столомъ послѣ трапезы и были одни одинешеньки въ горницѣ.

Отшвырнулъ отъ себя скамью Рафъ Родіоновичъ и во весь ростъ поднялся передъ Осиною.

— Что ты сказалъ? повтори, произнесъ онъ упавшимъ голосомъ.

Осина вздрогнулъ, изумленно и какъ то опасливо взглянулъ на лицо Всеволодскаго, но повторилъ твердымъ голосомъ:

— Что-жь я сказалъ? али ты не разслышалъ, государь Рафъ Родіоновичъ? Надоѣла мнѣ холостая жизнь моя, завести добрую хозяйку хочется, такъ вотъ я прошу тебя, отдай ты мнѣ свою доченьку Евфимію Рафовну. Я ее покоить и лелѣять буду—она мнѣ пришлась по мыслямъ.

— Холопъ! закричалъ Всеволодскій, такъ что дрогнули бревенчатыя стѣны. Я тебя въ домъ къ себѣ принималъ, я съ тобой изъ одного ковша пилъ. Я бесѣду съ тобой велъ, какъ съ человѣкомъ, а ты вотъ что задумалъ! Да какъ тебя нелегкая надоумила сказать такое слово? Кто ты, и кто я... и кто дочь моя?

Осина тоже поднялся.

Красное лицо его сдѣлалось совсѣмъ багровымъ, ротъ перекосился.

— Кто ты, и кто я? прошипѣлъ онъ. Ты почти нищій, вонъ домишко то твой еле держится, по угламъ дырья: кулакъ пройти можетъ, а я... у меня сундуки отъ добра ломятся. Передо мною-то вонъ касимовскій воевода шапку ломаетъ, дружкомъ меня своимъ величаетъ, такъ я очень помню—кто ты и кто я. Да и ты не кичись своимъ дворянствомъ. Пожалѣлъ я твою дѣвку, вижу, бѣдная скоро совсѣмъ мерзнуть будетъ въ твоей деревянной лачугѣ...

Онъ хотѣлъ говорить еще, но ему не удалось этаго. Рафъ Родіоновичъ, опрокинувъ тяжелый дубовый столъ, схватилъ Осину одной рукою за шиворотъ, а другою, развернувшись, изъ всей силы ударилъ его по щекѣ.

— Вонъ, собака! крикнулъ онъ и такъ толкнулъ оторопѣвшаго Осину, что тотъ ударился въ притолку.

Едва успѣвъ захватить свою шапку приказчикъ выскочилъ изъ горницы.

— Попомнишь ты это, попомнишь! шепталъ онъ, стуча зубами и опрометью бросаясь къ дожидавшей его телѣжкѣ.

Сразу отплатить Всеволодскому онъ не могъ, ему нужно было хорошенько обдумать мщеніе; наконецъ онъ его обдумалъ.

XII.

Сдавъ лошадь встрѣтившему ихъ у воротъ молодцу, Андрей Всеволодскій и Сухановъ, весело разговаривая, пошли въ домикъ. Пройдя темныя, широкія сѣни, они отворили тяжелую скрипучую дверь и очутились въ просторномъ покоѣ; здѣсь ихъ уже дожидался ужинъ и все семейство было въ сборѣ. Молодые люди набожно помолились передъ иконами и стали здороваться.

— Эхъ вы, шатуны! сдерживая улыбку и будто бы сердясь, молвилъ Рафъ Родіоновичъ подвигаясь на лавкѣ и давая возлѣ себя мѣсто прибывшимъ; сказали засвѣтло безпремѣнно домой будете, а сами на ночь глядя вернулись... Ты, Андрей, не бери примѣръ съ Мити —на того нѣтъ ни суда, ни расправы; я ему чужой, а отца съ матерью Господь прибралъ до времени...

— Я, Рафъ Родивонычъ, всегда твоего слова послушаюсь, перебилъ Сухановъ;—ты мнѣ замѣстъ отца роднаго, такъ ужь если бранишь Андрея, брани и меня—мы вмѣстѣ.

— Ну ладно, ладно, сказалъ Всеволодскій опуская

свою деревянную ложку въ миску съ жирной похлебкой,—ѣсть вотъ хочу, брапить то мнѣ васъ некогда.

Андрей началъ было разсказывать про торгъ, но отецъ перебилъ его:

— Да ты поѣшь сперва, потомъ Богу помолись, поблагодари Его за питье и яству, а затѣмъ ужь и выкладывай свои розсказни.

Андрей замолчалъ и принялся ужинать, но ни онъ, ни его пріятель на этотъ разъ не выказывали большаго аппетита.

— Видно въ Сытовѣ дня на три наѣлись, замѣтила Настасья Филипповна.

Они ничего и не отвѣтили, такъ оба были заняты своими мыслями.

Андрей не могъ позабыть новую знакомку; ему казалось, что онъ все еще видитъ ее, слышитъ ея голосъ.

А Дмитрій Сухановъ, то вспыхивая, то блѣднѣя, поглядывалъ на Фиму; онъ замѣчалъ, что и ей хочется подойти къ нимъ поближе, поболтать, посмѣяться и что она сдерживается только во время ужина, боясь разгнѣвать отца.

Но вотъ незатѣйливый ужинъ покончепъ; всѣ встали изъ-за стола, помолились. Андрей выложилъ свои гостинцы сестрѣ: мѣшочекъ со сластями да яркую ленту въ косу. Фима благодаритъ его, смѣется, разкраснѣлась...

— А я и впрямь думала: ужь не напали ли воры на васъ, али звѣри въ лѣсу! говоритъ она своимъ пѣвучимъ голосомъ, обращаясь къ Дмитрію. Легко ли—чуть свѣтъ выѣхали и до ночи! Право весь день тоска такая, на дворѣ вонъ гора ледяная, а покатать-то и некому...

Сухановъ чуть не плачетъ отъ словъ этихъ. Весь день могъ провести съ нею, съ горы катать ее! И зачѣмъ это послушался Андрея, какъ стѣнь шатался въ Сытовѣ.

Между тѣмъ Рафъ Родіоновичъ распрашиваетъ сына кого онъ видѣлъ на торгу и что тамъ было. Андрей начинаетъ заминаться, потому что весь день только и видѣлъ что Машу Барашову, а остальнаго почти и не примѣтилъ.

„Нужно выручить друга!“.

Сухановъ отходитъ отъ Фимы и подсаживается къ хозяину. Теперь ужь не Андрей, а онъ отвѣчаетъ на разспросы Рафа Родіоновича и Андрей благодаритъ его взглядомъ.

— Ты говоришь—больше десятка до смерти избиты? со вздохомъ переспрашиваетъ старикъ Всеволодскій прослушавъ разсказъ Дмитрія.

— Да пожалуй и больше счесть можно, особливо къ вечеру.

— Ну да, ну да! тихо повторяетъ Рафъ Родіоновичъ, все то же пьянство, совсѣмъ нынче спился народъ, а кто самъ не спился, того добрые люди спаиваютъ; за чарку хмѣльнаго на разбой, на душегубство идти готовы! Вонъ намедни сосѣдъ пріѣзжалъ, сказывалъ: опять по нашимъ мѣстамъ шалить стали—цѣлыя деревни въ раззоръ раззоряютъ и никто не заступится. Воеводы наши... ну да ужь что тутъ и говорить, авось Господь накопецъ и пошлетъ избавленіе намъ, умудритъ царя батюшку, все зло наше лютое сдѣлаетъ ему вѣдомымъ...

Старикъ Всеволодскій совсѣмъ разстроилъ себя мрачными мыслями и простясь съ домочадцами ушелъ въ свою опочивальню. Настасья Филипповна вышла то же зачѣмъ-то по хозяйству. Андрей взглянулъ на сестру, потомъ на Суханова и тряхнулъ головою.

— Пойти-ка на конюшню, посмотрѣть заданъ-ли кормъ Буркѣ, проговорилъ онъ.

Дмитрій слышалъ его шаги въ сѣняхъ, слышалъ потомъ какъ хлопнула наружная дверь. Онъ остался вдвоемъ съ Фимой, онъ глядѣлъ на нее неотрываясь точно видѣлъ ее въ первый разъ и тоскливо становилось у него на сердцѣ. Она не глядитъ на него, видно все равно ей здѣсь онъ или нѣтъ. Крѣпко, всей грудью вздохнулъ Дмитрій и опустилъ голову.

— Что это ты, Митрій Исаичъ, чего вздыхаешь? тихо проговорила Фима.

— А чего же радоваться? вдругъ съ волненіемъ началъ онъ подходя къ ней. Гляжу вотъ я на тебя, ты ли это? бывало, вспомни сама, говорила, ждешь меня не дождешься, а теперь и глазкомъ на меня взглянуть не хочешь, теперь я тебѣ не Митя, а Митрій Исаичъ...

Онъ проговорилъ это съ такой тоскою, что у самой Фимы защемило сердце, ей вдругъ стало жалко Дмитрія, хотя она и не понимала ни его тоски, ни своей къ нему жалости.

— Прости коли я чѣмъ огорчила тебя, сказала она тоже приподнимаясь, только ужь и не знаю чѣмъ это я тебя огорчила, а что Митріемъ Исаичемъ назвала—такъ вѣдь вишь ты какой выросъ, вонъ и усы у тебя и бородка... Да ну ладно, ну Митя...

И она улыбалась ему, ея глаза ласкали его долгимъ и нѣжнымъ взглядомъ; но она не могла прочесть въ лицѣ его прежняго веселья. Грустнымъ и блѣднымъ стоялъ онъ передъ ней, стоялъ такимъ жалкимъ.

— Да что это ты право?! испуганно сказала она, кладя ему на плечо свою руку: али тамъ на торгу тебя испортили? Ну, Митя, да и поздно, спать пора, чай Пафнутьевна уже ждетъ меня. Спи спокойно, а утромъ смотри проснись не такимъ какой нынче, такого я и видѣть не хочу. Завтра съ горъ кататься... слышишь, Митя, безпремѣнно...

Онъ хотѣлъ сказать что-то, но не могъ. Ему казалось, что никогда еще она не была такъ хороша какъ въ этотъ вечеръ и никогда еще такъ не любилъ онъ ее.

— Спокойной ночи, Митя, повторила она, быстрымъ движеніемъ нагнула къ себѣ его голову, крѣпко поцѣловала его и скрылась.

Нѣсколько мгновеній онъ стоялъ не шевелясь, съ блаженнымъ лицомъ и затуманившимися глазами. Что-то мучительное и въ тоже время отрадное стало подниматься въ груди его, дышать становилось тяжко отъ этаго нежданнаго и неизвѣданнаго блаженства. Дмитрій безсильно опустился на скамью и вдругъ зарыдалъ неудержимо и несознавая что онъ громко рыдаетъ.

По счастью Рафъ Родіоновичъ крѣпко спалъ въ сосѣдней горенкѣ и ничего не слышалъ.

— Полоумный! что ты? надъ самымъ ухомъ Суханова раздался голосъ Андрея.

— Ахъ кабы зналъ да вѣдалъ ты—радошно у меня какъ на сердцѣ, Андрюша!..

Внучекъ мамки Пафнутьевны, приставленный ходить за Андреемъ Рафычемъ, принесъ перины, подушки, одѣяла и устроилъ на скамьяхъ подъ образами двѣ постели молодымъ людямъ. Отдѣльной горницы для сына не было въ домѣ Всеволодскаго.

Андрею и Дмитрію хотѣлось бы подольше побесѣдовать, но они боялись разбудить Рафа Родіоновича, который и такъ что-то кряхтѣть сталъ за тонкой стѣною, потому они тотчасъ же раздѣлись, улеглись на перины и замолчали.

Тихій свѣтъ лампады у кіота едва освѣщалъ просторную горницу съ дубовымъ столомъ посрединѣ, съ большой изразцовой печью въ углу, съ единственнымъ и теперь совсѣмъ заледенѣлымъ оконцемъ. За печью трещалъ сверчокъ и эти монотонные звуки мало по малу навели дремоту на Андрея. Розовыя его грезы оборвались и онъ заснулъ крѣпко и сладко.

Но Сухановъ заснуть не могъ и весь въ волненіи и трепетѣ то и дѣло метался подъ своимъ стеганымъ теплымъ одѣяломъ.

Никогда не могъ онъ помыслить, что такъ окончится для него сегодняшній день. Еще недавно, возвращаясь изъ Сытова, онъ былъ полонъ грусти и сомнѣній.... и вдругъ....

Долго, долго дожидался онъ этого счастья, дожидал-

ся его цѣлые годы, потому что не со вчерашняго дня полюбилъ онъ Фиму. Онъ зналъ ее совсѣмъ маленькой дѣвочкой.

Рафъ Родіоновичъ и отецъ Дмитрія по сосѣдству были большими, старыми пріятелями: они еще въ дѣтствѣ бѣгали вмѣстѣ. Потомъ пришлось имъ рука объ руку воевать съ врагами отечества. Время ихъ ратной службы оставило въ нихъ, на всю жизнь, много горькихъ и отрадныхъ воспоминаній. Это было тяжкое и великое время.

Всеволодскій и Сухановъ принадлежали къ числу тѣхъ нѣсколькихъ сотень воиновъ, которые, подъ начальствомъ воеводы князя Рощи-Долгорукова, защищали Святотроицкую Лавру отъ Сапѣги.

Во время долгихъ мѣсяцевъ знаменитой осады, оба они выказали себя истинными героями.

Измученными и зачастую голодными выходили они на вылазки; какъ львы рубились, не разъ были ранены, но все же сохранилъ ихъ Господь, а они, своими руками, не мало ляховъ уложили на вѣчный сонъ подъ стѣнами Святаго Сергія.

Тамъ, въ Святой обители, Исай Сухановъ нашелъ себѣ и жену.

Разъ, во время вылазки, онъ былъ раненъ въ голову. Добрые товарищи подняли его совсѣмъ безчувственнаго и снесли въ монастырскую палату, биткомъ набитую ранеными и больными. Больше сутокъ былъ онъ въ безпамятствѣ, а когда очнулся увидѣлъ надъ собою красивую молодую дѣвушку. Она перевязывала его больную голову. Его мучила жажда. „Пить!“ прошепталъ онъ.

Дѣвушка сейчасъ же принесла ему кружку съ водою, напоила его и въ то время какъ онъ пилъ все повторяла: „Очнулся! ну, слава Богу, теперь живъ будешь, отецъ Михей сказывалъ—коли очнется, такъ все пустое, голова какъ разъ заживетъ.“

И такая радость звучала въ ея голосѣ, такъ ласково она глядѣла. Ничего не сказалъ ей тогда Сухановъ; но съ этой минуты все стало ему казаться инымъ, чѣмъ прежде. Пока лежалъ—минуты считалъ когда войдетъ она къ раненымъ, а войдетъ—оторваться онъ отъ нея не можетъ. Рана скоро зажила и опять онъ сталъ ходить на вылазки; только теперь явилась у него новая забота и радость—его Катерина.

Она была одною изъ приближенныхъ царевны Ксеніи. Полюбился ей храбрый воинъ Сухановъ. Частенько сама не доѣдала, а ему приносила что случалось.

Любовь да ласки еще больше одушевляли воина. Шелъ онъ въ лютую битву съ врагами, а самъ думалъ:

— Дожидается меня Катерина, трепещетъ за меня страхомъ ея сердце!

И удвоивалась сила рукъ его, и любовь счастливая невредимо выносила его изъ битвы.

Но были тяжкіе дни и недѣли. Отъ тѣсноты да всякихъ лишеній началась зараза въ монастырѣ и много мужчинъ, женщинъ и дѣтей помирать стало. Заболѣла и Катерина. Сердце Суханова разрывалось на части. Хотѣлось бы быть при ней—а нельзя этого. Стоитъ онъ на своемъ посту у стѣны каменной, или идетъ на вылазку а самъ все думаетъ:

— Что то теперь Катерина? Можетъ ужь нѣтъ ея! Можетъ не увижу!

Но Катерина выдержала страшную болѣзнь и въ живыхъ осталась.

Прошли тяжелые дни осады. Войска Сапѣги удалились. Въ послѣдней схваткѣ Сухановъ снова былъ раненъ и остался въ монастырѣ на попеченіи своей милой.

Она его выходила и потомъ, когда смуты земли русской улеглись, когда поляки и воры были выгнаны со святой Руси, когда на престолъ царей русскихъ, голосомъ всего народа, былъ избранъ молодой Михаилъ Өедоровичъ, Сухановъ сложилъ съ себя бранные доспѣхи; обвѣнчался у Св. Сергія съ Катериной и вернулся на родину, въ касимовскую свою вотчину.

Къ тому же времени возвратился и Всеволодскій, тоже женился и опять зажили друзья сосѣди мирно и тихо, вспоминая былое за кружкою хмѣльной браги.

Но не долго было семейное счастіе Суханова. Года черезъ четыре послѣ свадьбы, родивъ сына Дмитрія, Катерина умерла.

Сухановъ второй разъ не женился; всю любовь свою и всѣ свои надежды положилъ онъ въ своего сына, никуда не отпускалъ его отъ себя, кромѣ какъ къ сосѣду и другу Всеволодскому: тамъ и Дмитрій, да и самъ Сухановъ часто гащивали. И такъ продолжалось долгіе годы. Когда начала подростать Фима, то невольно мысли старыхъ товарищей останавливались на возможности породниться въ будущемъ.

Года три тому назадъ Сухановъ, неосторожно поѣвши чего то вреднаго, схватилъ лютую болѣзнь и померъ.

Дмитрій на двадцатомъ году остался круглымъ сиротою и распорядителемъ отцовскаго наслѣдія.

Съ этого времени онъ сдѣлался окончательно своимъ въ домѣ Всеволодскаго.

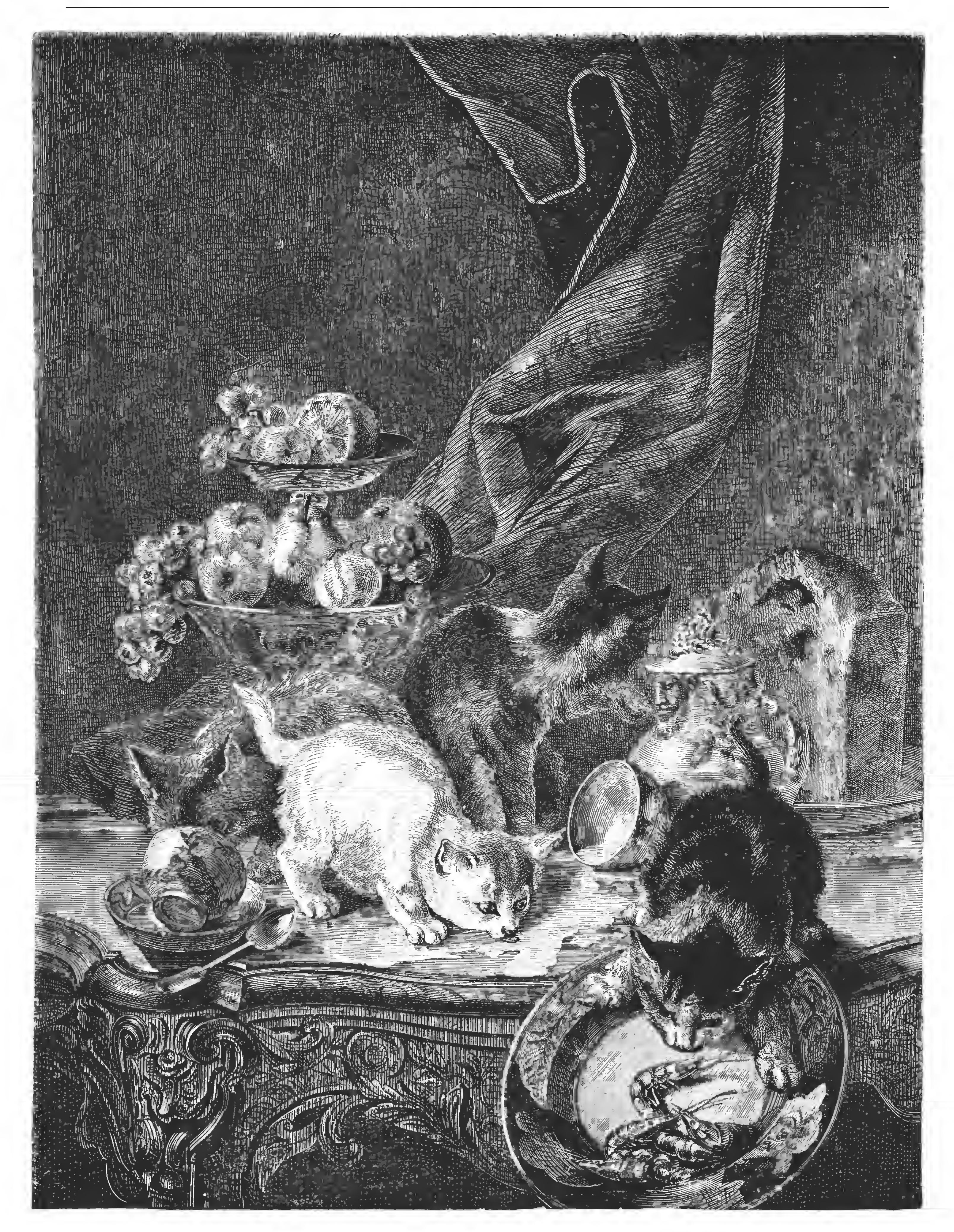
Всѣмъ добрымъ, молодымъ сердцемъ любилъ онъ и товарища своего Андрея и Рафа Родіоновича и Настасью Филипповну, но больше ихъ всѣхъ и больше всего на свѣтѣ любилъ онъ Фиму. На его глазахъ быстро выростала и разцвѣтала красавица. Но не одна красота ея производила на него такое неотразимое впечатлѣніе. Она могла быть и не красавица и онъ все же бы любилъ ее, потому что, какъ ему казалось, никого на свѣтѣ не было добрѣе и милѣе Фимы. Съ каждымъ днемъ любилъ онъ ее больше и больше. Она обращалась съ нимъ какъ съ братомъ; но въ послѣднее время, превратившись во взрослую дѣвушку и уже всецѣло завладѣвъ Дмитріемъ, она вдругъ сдѣлалась, относительно его, какою то странною. Онъ замѣтилъ, что она вдругъ стала отъ него какъ будто отдаляться и говорила съ нимъ и глядѣла на него совсѣмъ иначе, чѣмъ прежде. Иногда будто она забудется и снова превращается въ прежняго веселаго, ласковаго и довѣрчиваго ребенка. Пройдетъ часъ, другой—ее не узнаешь, будто мысль какая то мелькнетъ у ней и она отходитъ отъ Дмитрія, глаза ея потухаютъ. Онъ смотритъ, смотритъ и чувствуетъ, что вотъ онъ сталъ совсѣмъ чужой для нея, что она его не видитъ, не замѣчаетъ, о немъ не думаетъ.

Онъ не смѣлъ съ ней говорить о своемъ чувствѣ, а когда разъ попробовалъ намекнуть ей объ этомъ, она посмотрѣла на него совсѣмъ недоумѣвающимъ, но строгимъ взглядомъ и вышла изъ горницы. У Дмитрія и руки опустились; недѣли съ три не показывался онъ къ Всеволодскимъ, такъ что наконецъ самъ Рафъ Родіоновичъ къ нему заѣхалъ и привезъ его съ собою.

Но вотъ теперь все это кончено, всѣ эти сомнѣнія. Фима его поцѣловала, — никогда онъ не забудетъ этаго поцѣлуя, хоть онъ и не первый. Вѣдь она прежде, и въ дѣтствѣ и даже не такъ давно еще, тому года два, полтора какихъ нибудь, его не разъ цѣловала, но то было совсѣмъ другое, то былъ дѣтскій, братскій поцѣлуй. Этотъ же поцѣлуй — онъ огнемъ ожегъ его, онъ наполнилъ его невыносимымъ блаженствомъ, отъ котораго теперь кружится голова его, отъ котораго не можетъ онъ заснуть и не заснетъ во всю эту долгую, зимнюю ночь.

Онъ глядитъ на блѣдно-мерцающій огонекъ лампадки и то начинаетъ молиться и благодарить Бога за свое благополучіе, то предается счастливымъ мечтаніямъ: „Такъ хорошо жить на свѣтѣ! Что-жь, теперь ждать нечего! Нечего бояться теперь. Нужно переговорить съ Рафомъ Родіоновичемъ и Настасьей Филипповной, а потомъ честнымъ пиркомъ да и за свадебку.“

— Только нѣтъ — прежде всего нужно приготовить



Непрошенные гости. Картина Монгина, грав. Девисъ.

дорогой Фимѣ теплое гнѣздышко. Старый домикъ въ Сухановкѣ, подновить нужно, все устроить...

И размышляетъ Дмитрій о томъ, что нужно сдѣлать и задумываетъ ѣхать въ Касимовъ приторговать тамъ мастеровъ и начать перестройки да поправки:

Не много казны отецъ ему оставилъ, но все же у него есть кое что про запасъ. Теперь самое время тряхнуть мошною. Фима останется довольна.

Такъ скучно, уныло, невыносимо было въ его укромномъ домикѣ со смерти отца—и какъ тамъ все скоро измѣнится! Жизнь съ Фимой, длинные зимніе вечера въ теплой горенкѣ, длинные лѣтніе дни, озаренные солнечнымъ свѣтомъ, въ душистой зелени стараго, заросшаго сада, гдѣ столько грушъ и яблокъ: гдѣ лѣтомъ всегда такъ уютно; гдѣ въ вѣтвяхъ поютъ, заливаются птицы....

Но что это?

Дмитрій остановился среди своихъ мечтаній и вернулся къ дѣйствительности.

Странные звуки поразили его ухо. Что это? какъ будто кони гдѣ то заржали... звуки голосовъ—что-жь это значитъ? Ужь поздно, недалеко и полночь... Ужь не пожаръ ли случился? Нужно встать...

Дмитрій приподнялся на постели, прислушивается. Да, голоса... ближе... какъ будто подъ самыми окнами. Вотъ кто-то стучится въ двери.

Дмитрій вскочилъ и сталъ будить Андрея.

Тотъ долго не могъ ничего понять съ просонья. Но стукъ въ двери повторяется, ужь громкій голосъ кричитъ:

„Отворите!" Ужь Рафъ Родіоновичъ проснулся и кричитъ: Кто тамъ? Что за шумъ такой?

Вдругъ наружная дверь дома подалась подъ чьимъ-то сильнымъ напоромъ и распахнулась.

Въ сѣняхъ шаги многихъ людей.

Дмитрій и Андрей стали быстро одѣваться.

Рафъ Родіоновичъ выглянулъ въ сѣни и попятился.

— Разбойники! крикнулъ онъ. Но вдругъ голосъ его замеръ.

Въ полумракѣ горницы, освѣщенной только лампадкой, Дмитрій едва различилъ, что кто-то навалился на Рафа Родіоновича.

Схвативъ со стѣны первое попавшееся оружіе онъ бросился впередъ, за нимъ Андрей.

Передъ ними нѣсколько неизвѣстныхъ людей. Рафу Родіоновичу зажали ротъ платкомъ, вяжутъ руки. И вотъ, явственно, съ той стороны гдѣ Настасья Филипповна и Фима, доносятся отчаянные крики и вопли.

— Спасай отца! Не робѣй! крикнулъ громкимъ голосомъ Дмитрій Андрею и направо и налѣво махая тяжелымъ топоромъ и заставляя пятиться передъ собою вломившихся разбойниковъ, онъ пробился изъ горницы и кинулся на женскую половину.

(Продолженіе будетъ).

Въ далекой сторонѣ.

Разсказъ Г. Гобино.

I.

Карлъ Каберъ былъ сынъ богатаго, удалившагося отъ дѣлъ, парижскаго негоціанта. Подобно многимъ молодымъ людямъ, Карлъ поступилъ въ коллегію, пробылъ въ ней установленное число лѣтъ и окончилъ курсъ самымъ заурядным образомъ, не пріобрѣвъ тамъ ни особенныхъ познаній и не отличившись никакими выдающимися успѣхами. Но за то, какъ молодой человѣкъ хорошаго тона, онъ немедленно по выходѣ изъ школы, сдѣлался членомъ одного клуба. Пріятели ввели его въ „дамское" общество и, не желая отставать отъ пріятелей и даже превзойти нѣкоторыхъ, онъ, въ одно прекрасное утро, рѣшилъ—жениться на актрисѣ Большой Оперы.

Однако отецъ, имѣвшій для своего единственнаго сына совсѣмъ другіе планы, положительно воспротивился его неожиданному намѣренію. Карлъ объявилъ, что или отравится, или повѣсится, или застрѣлится. Отецъ остался непреклоненъ. Впродолженіи нѣсколькихъ дней молодой человѣкъ, запершись въ своей роскошной квартирѣ въ улицѣ Тэтбу, ерошилъ себѣ волосы, ломалъ руки и—кончилъ тѣмъ, что отказался отъ женитьбы, а согласился на предложеніе отца—совершить заграничное путешествіе. Сказать ли правду—внутренно Карлъ былъ даже какъ будто доволенъ, что отецъ помѣшалъ ему вступить въ законныя узы съ прелестной Кораліей. Сначала его мягкое сердце немного пощемило, но успокоилось очень скоро и теперь онъ былъ занятъ мыслью—куда ѣхать? Совѣтовался онъ съ друзьями (онъ всегда и почти во всемъ совѣтовался съ ними)—какую страну посмотрѣть, какая оригинальнѣе. Телеграфы и желѣзныя дороги сгладили всѣ мѣстныя особенности, одѣли все въ одинъ и тотъ же костюмъ; вездѣ онъ увидѣлъ бы почти тоже самое, что видитъ у себя дома, а онъ хочетъ чего нибудь новаго, невиданнаго, неиспытаннаго еще. Куда же ѣхать?

Онъ вспомнилъ, что недѣли двѣ или три предъ тѣмъ, когда онъ ужиналъ въ веселомъ обществѣ у одного жуира-британца, амфитріонъ занималъ своихъ гостей разсказами объ интересныхъ охотничьихъ поѣздкахъ, въ которыхъ онъ участвовалъ. Особенно любопытны были приключенія его на Ньюфоундлендѣ. Карлъ рѣшилъ ѣхать на Ньюфоунлендъ. Онъ передалъ о своемъ рѣшеніи пріятелямъ. Тѣ чрезвычайно удивились. Никто изъ нихъ хорошо не зналъ—въ какой части свѣта находится Ньюфоунлендъ; но, именно, это еще больше подняло молодаго Кабера въ ихъ глазахъ.

Онъ заказалъ себѣ полный охотничій нарядъ. Сапоги были какіе-то необыкновенные, изъ мягкой кожи на толстыхъ подошвахъ, не пропускавшихъ сырости—да и не могло быть иначе—кожа эта на выставкѣ 1867 года получила премію. Кромѣ того, предполагая, что ему придется совершать обширныя поѣздки верхомъ—онъ велѣлъ придѣлать шпоры. Такъ пріятно позвенѣть ими! Купилъ онъ тоже палатку, и очень замысловатую: въ случаѣ надобности она могла служить и лодкой, и чуть ли не экипажемъ, и чѣмъ то еще—однимъ словомъ—новѣйшее изобрѣтеніе, которымъ нѣтъ предѣла и для которыхъ законъ не писанъ. Его походный чемоданъ былъ тоже удивительно устроенъ—въ немъ помѣщались и охотничьи ножи, и щетки и револьверы, и многія другія принадлежности. Вообще трудно было бы пересчитать все что онъ везъ съ собой; довольно сказать, что клубные пріятели Карла цѣлую недѣлю любовавшіеся вещами, которыя онъ накупилъ, пришли къ тому убѣжденію, что во всѣхъ этихъ покупкахъ ихъ богатый другъ неожиданно выказалъ большую практическую сообразительность.

И вотъ разставшись съ друзьями послѣ тонкаго обѣда, за которымъ было произнесено нѣсколько сочувственныхъ тостовъ, молодой герой сѣлъ въ вагонъ, а тамъ пересѣлъ на пароходъ, и скоро перерѣзавъ океанъ, причалилъ къ главному городу Ньюфоундленда, С.-Джону.

Нашъ юный и интересный путешественникъ имѣлъ рекомендательное письмо къ голландскому генеральному консулу, Антони Гаррисону. Перемѣнивъ дорожный костюмъ на изящное городское платье, Карлъ отправился розыскивать консула, который долженъ былъ служить ему руководителемъ и совѣтникомъ въ его похожденіяхъ охотничьихъ—на Ньюфоундлендѣ. Коммисіонеръ отеля, гдѣ онъ остановился, привелъ его къ какому-то деревянному магазину. Тамъ онъ увидѣлъ высокаго человѣка, сидѣвшаго на соломенномъ стулѣ и заносившаго цифры въ счетную книгу. Вокругъ, всюду были нагромождены бочки съ сушеною и соленою треской — главнымъ продуктомъ страны.

— Консулъ Гаррисонъ? спросилъ Карлъ, снимая шляпу.

— 889, 955, 357, 11, 43, 2, 433, выкликалъ громкій голосъ гдѣ-то въ магазинѣ.

— Могу ли видѣть консула Гаррисона? повторилъ Карлъ свой вопросъ.

— Кто тамъ? грубо крикнулъ толстый человѣкъ съ голубымъ платкомъ на колѣняхъ, что вамъ надо?

— Я желаю видѣть г. Гаррисона, голландскаго генеральнаго консула.

— Это я, что вамъ?

— Я имѣю къ вамъ письмо отъ парижскаго банкира Паттерсона.

— А! давайте, давайте сюда!

— Экой медвѣдь, подумалъ Карлъ, вручая консулу рекомендательное письмо.

— Такъ, такъ, хорошо, вижу что вамъ надо, проговорилъ консулъ, бѣгло прочитавъ посланіе Паттерсона. Приходите сегодня обѣдать ко мнѣ—тамъ увидимъ что можно будетъ сдѣлать. А теперь, пока, прощайте.

Это „прощайте" было произнесено такимъ повелительнымъ тономъ, такъ походило на приказаніе убираться вонъ, что Карлъ почти мгновенно очутился уже на улицѣ. Молодой че-

ловѣкъ былъ шокированъ до крайней степени и, въ первую минуту раздраженія, далъ себѣ слово больше не обращаться къ „грубіяну“. Однако—вѣдь только отъ него одного я могу ожидать содѣйствія здѣсь, подумалъ онъ, нѣсколько успокоившись и если къ нему ужь не идти, такъ что же было бы съ моей охотой, для которой я пріѣхалъ? Пришлось бы сейчасъ же возвращаться въ Парижъ! Соображенія эти заставили Кабера перемѣнить намѣреніе.

— Что это за человѣкъ—этотъ Гаррисонъ? спросилъ онъ у проводника, когда они шли по улицѣ.

— Гаррисонъ? Гм... отвѣчалъ проводникъ-ирландецъ—да такаго другаго, конечно, во всей вашей Европѣ не найдешь—я вамъ отвѣчаю за это. Въ нынѣшнемъ году онъ далъ 500 фунтовъ на постройку собора, и 1,000 фунтовъ на устройство новаго училища. Да кромѣ того, онъ, вонъ, въ своихъ дѣлахъ, даетъ хлѣбъ больше чѣмъ 1500 человѣкамъ. Онъ и епископъ—самые уважаемые люди въ колоніи. Развѣ у васъ ничего неизвѣстно о немъ, ничего не говорятъ о немъ? Такъ о чемъ же и говорятъ тамъ?

— Вы, въ самомъ дѣлѣ, что ли думаете, любезный другъ, что въ Парижѣ только и занимаются вашими ньюфоундлендскими знаменитостями?

— Ну какъ вы ни гордитесь—а мы, вѣдь, хорошо знаемъ, что вся Европа дрожитъ, чуть только наша Америка что заговоритъ! рѣзко возразилъ ирландецъ.

Очень странными показались Карлу генеральные консулы и проводники на Ньюфоундлендѣ, но онъ благоразумно не желалъ затѣвать спора на улицѣ съ лакеемъ.

Въ 6 часовъ молодому парижанину пришли сказать, что у подъѣзда гостинницы его ждетъ экипажъ генеральнаго консула. Карлъ, ожидавшій найдти внизу какой нибудь американскій кэбъ—не мало удивился, когда увидѣлъ прекрасную небольшую карету новѣйшаго фасона, съ выѣзднымъ лакеемъ, одѣтымъ въ богатой ливреѣ коричневаго цвѣта съ золотыми галунами. Лошади, которыхъ онъ, какъ знатокъ, нашелъ великолѣпными, въ нѣсколько минутъ доставили его къ крыльцу изящной виллы. Шесть гранитныхъ ступеней, обставленныхъ цвѣтами и различными растеніями, вели въ веранду изъ зеркальныхъ стеколъ. Здѣсь, посрединѣ, стояла огромная фигура Гаррисона, облеченная въ голубой фракъ со свѣтлыми пуговицами.

— Э, э! мой молодой кавалеръ—поторопитесь же немного! крикнулъ онъ своимъ громовымъ голосомъ Карлу, протягивая ему свою руку. „Поторопитесь же, говорю вамъ, вы, ужь очень поздно пріѣзжаете!“ И, сжавъ правой широкой дланью узкую, затянутую въ перчатку, руку Карла, онъ, своею лѣвою, повернулъ его, какъ на оси и поставилъ лицомъ къ лицу, предъ двумя молодыми дѣвушками и тремя молодыми мужчинами, изъ которыхъ каждый былъ цѣлой головой выше Кабера.

— Мои дѣти—лаконически пояснилъ Гаррисонъ.

Въ гостиной, на диванѣ, важно, будто на тронѣ, возсѣдала пожилая дама. На дамѣ былъ высокій кружевной чепецъ съ краснымъ бантомъ и черное платье изъ моаръ-антика. Вокругъ шеи шла колоссальная золотая часовая цѣпь.

— Моя жена, снова произнесъ консулъ.

У однаго изъ оконъ стоялъ какой-то великанъ съ непомѣрно большой головой, покрытой лѣсомъ сѣдоватыхъ, взъерошенныхъ волосъ. И онъ тоже былъ во фракѣ, въ черномъ, неуклюжемъ фракѣ, въ который свободно влѣзло бы четыре человѣка обыкновенныхъ размѣровъ; костюмъ его завершался свѣтло-голубымъ широкимъ галстукомъ.

— Мой другъ—Джорджъ Бартонъ, вашъ будущій спутникъ, крикнулъ Гаррисонъ. Этимъ представленія закончились.

Карлъ Каберъ не произносилъ ни слова и только раскланивался. Дамы отвѣчали довольно вѣжливо, мужчины же ограничивались короткимъ кивкомъ. Все общество двинулось въ столовую.

За обѣдомъ Карлъ завязалъ разговоръ съ хозяйкой дома. Она тотчасъ же начала ему жаловаться на зубную боль, отъ которой страдала уже нѣсколько лѣтъ. Какія теперь въ Европѣ средства противъ этой боли? Каберъ, принявшій большое участіе въ своей собесѣдницѣ, весьма затруднился сначала отвѣчать на вопросъ, но, желая поддержать довѣріе къ себѣ, смѣло посовѣтывалъ: „Revalescenta arabica“ доктора Дюбарри. Въ то время, какъ онъ, со всѣмъ краснорѣчіемъ, на которое былъ способенъ, объяснялъ магическое дѣйствіе этаго лекарства на болѣзненное состояніе зубныхъ нервовъ,—общій разговоръ за столомъ сдѣлался до такой степени шумнымъ, что молодой парижанинъ, остановившись на пол-словѣ, повернулъ голову въ сторону кричавшихъ, чтобы узнать, въ чемъ дѣло. М-мъ Гаррисонъ, замѣтивъ, что Каберъ слушаетъ ее безъ прежняго вниманія, прекратила свои сѣтованія. Гость, съ интересомъ слѣдилъ, между тѣмъ, за бурей, разыгравшейся между обѣдавшими. Голоса гремѣли перекатнымъ громомъ, глаза блестѣли, а кулаки бѣшено стучали по столу, на которомъ подпрыгивала посуда и звенѣли стаканы.

— Я, я это именно ему и говорилъ! кричалъ Вильямъ! старшій сынъ консула. Я ему нѣсколько разъ говорилъ, что пресвитеріанцы—ослы и что методисты—мало чѣмъ отличаются отъ нихъ. Если мы тогда и подавали голоса за ихъ кандидата Нигбэ,—такъ это еще не значитъ, что теперь сдѣлаемъ тоже самое. Насъ не было на этихъ выборахъ—потому что пуритане тамъ подкупили!

— Я предупреждалъ тебя заранѣе, вставилъ Эдуардъ Гаррисонъ, одинъ изъ младшихъ сыновей,—но Генри увѣрялъ, что нѣтъ никакого риска.

— Ну—да, вѣдь, всѣ знаютъ, что это произошло изъ за Герріетъ Пульзъ, послышался серебристый голосокъ миссъ Луизы.

Это замѣчаніе возбудило взрывъ всеобщаго хохота.

— Герріеттъ Пульзъ тутъ не причемъ, съ сдержанной досадой произнесъ Генри,—а еслибъ и было такъ, то я не вижу, почему это обстоятельство заслуживаетъ большаго вниманія, чѣмъ то, что Луиза по цѣлымъ днямъ пропадаетъ у Виргиніи Бейлэ и все время проводитъ тамъ въ болтовнѣ съ ея братомъ, Томомъ—анабаптистомъ!

— Это не правда, вскрикнула до ушей покраснѣвшая Луиза. Хохотъ усилился.

— Милая Луиза, проговорила въ полголоса другая сестра, Дженни,—не надо опровергать правды.

Здѣсь раздался голосъ генеральнаго консула.

— Хоть я и не большой охотникъ до патеровъ, да—что же тутъ дѣлать, когда приходится заботиться объ интересахъ нашей колоніи и о вывозѣ нашихъ продуктовъ. Надо ужь быть за одно и съ Кодгэмомъ и его друзьями, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока вопросъ не уладился. Ну—довольно объ этомъ, я, вотъ, хочу провозгласить одинъ тостъ.

Въ столовой воцарилась глубокая тишина.

Гаррисонъ всталъ, немного приподнявъ правую руку, въ которой держалъ стаканъ, и оперпись лѣвою на столъ, принялъ позу оратора, готовящагося произнести рѣчь гдѣ нибудь въ палатѣ депутатовъ.

— Лэди и джентльмены! началъ онъ своимъ кричащимъ голосомъ,—философы и разные другіе ученые люди давно уже—и совершенно вѣрно—замѣтили, что водныя теченія служатъ естественными путями, соединяющими разъединенныя между собою далекими разстояніями страны. Что же должны мы сказать о морѣ—величайшемъ изъ всѣхъ теченій—и объ Америкѣ, счастливой тѣмъ, что со всѣхъ сторонъ ее охватываетъ этотъ великій міровой путь?

На этомъ мѣстѣ рѣчь была прервана одобрительнымъ шопотомъ.

— Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что міръ обновляется моремъ и что Америка, по своему могуществу, своей высокой нравственности, генію и богатству, далеко возвышается надъ старымъ свѣтомъ, погрязшимъ въ тупости, бѣдности и отсталости.

Трое сыновей оратора заржали отъ восторга.

— Въ виду всего этого, милые сограждане,—пью здоровье нашего новаго друга, Карла Кабера и привѣтствую его прибытіе въ нашу свободную страну. Убѣжденъ, что онъ найдетъ здѣсь, въ нашихъ учрежденіяхъ и нравахъ, найдетъ много поучительнаго для себя.

Ораторъ сѣлъ на свое мѣсто. Карлъ, сдѣлавъ поклонъ въ знакъ благодарности, осушилъ свой стаканъ. Однако, если онъ думалъ, что тѣмъ дѣло и окончилось, то горько ошибался. Почти въ ту же минуту раздался громкій голосъ обратившагося къ нему Бартона:

— Теперь, сэръ,—очередь за вами—вы должны отвѣтить на привѣтствіе.

Молодой человѣкъ сконфузился отъ общаго вниманія, сосредоточившагося на немъ при словахъ колосса. „Что же я скажу имъ?“ промелькнула у него въ головѣ.

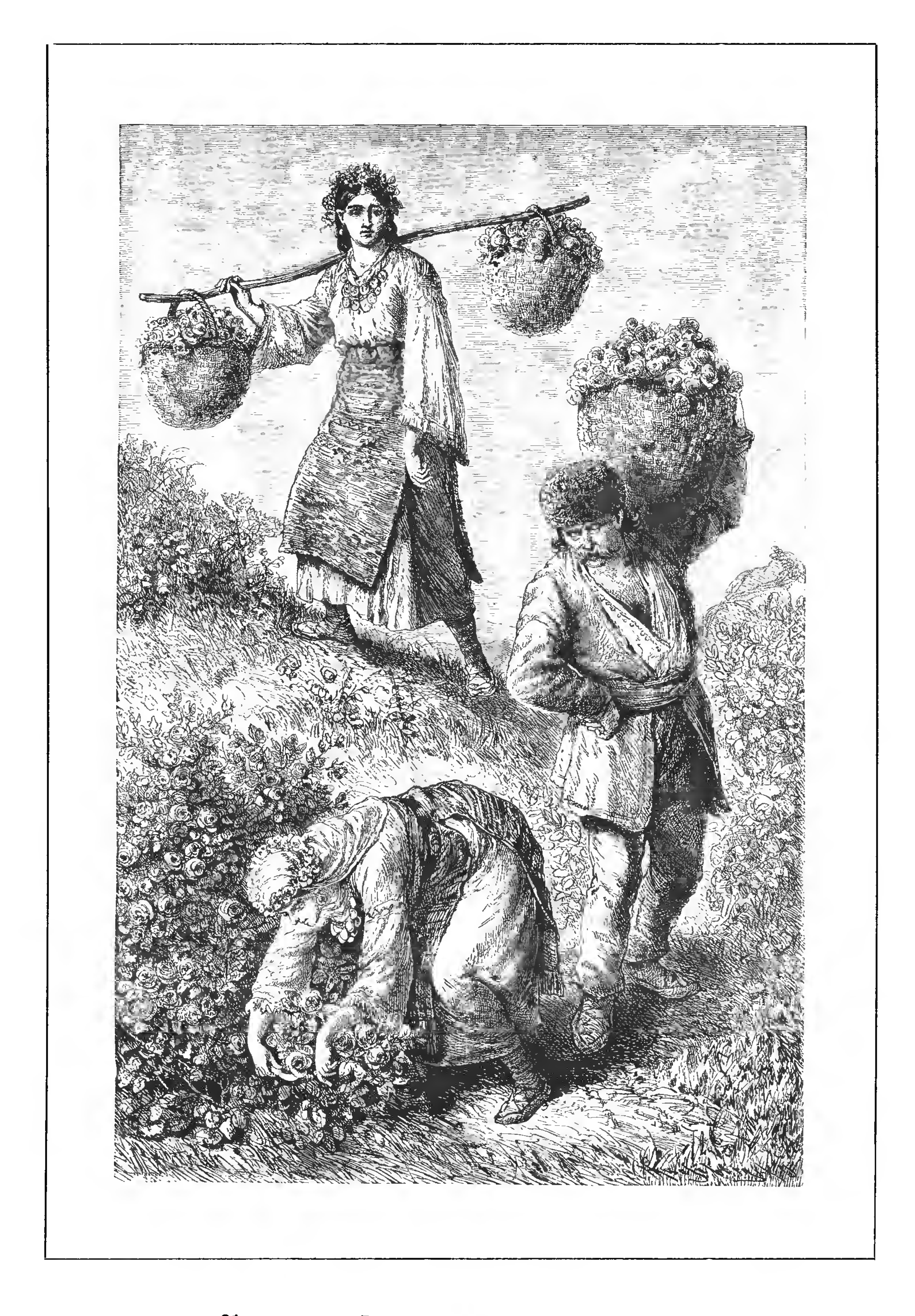
— Лэди и джентльмены, началъ онъ, въ свою очередь,—прошу васъ отнестись снисходительно къ иностранцу, принужденному отвѣчать на языкѣ, чуждомъ ему, хотя, въ наше время прогресса и цивилизаціи, всѣ люди считаются братьями и должны понимать другъ друга.

Начало, повидимому, понравилось, такъ какъ въ средѣ слушателей раздалось два или три восклицанія, выражавшихъ удовольствіе.

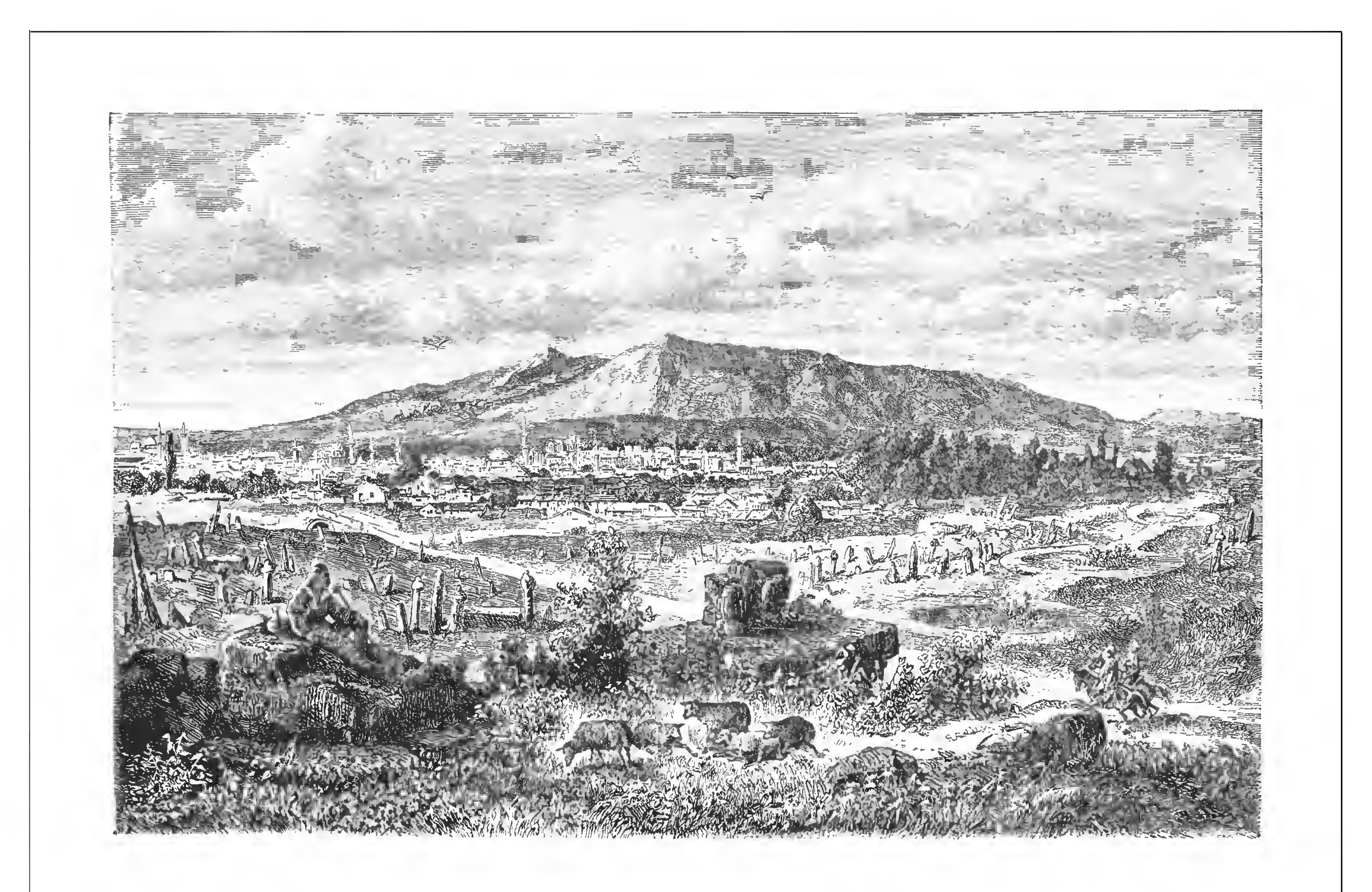
Карлъ, ободренный этими восклицаніями, продолжалъ съ одушевленіемъ:

— Торговля... нѣтъ!.. да!.. т. е. торговля и промышленность, опирающіяся на науку и ежедневно развивающіяся и усиливающіяся открытіями и изобрѣтеніями, составляютъ мощь современнаго общества и я признаю, что Америка опередила всѣхъ! Пью здоровье гостепріимной страны, г. Гаррисона, его супруги, сыновей, дочерей и г. Бартона!

Ура! ура! закричали мужчины, шумя стульями, дѣвицы зазвонили своими ножами по стаканамъ. Карлъ хотѣлъ было сѣсть на свое мѣсто, но это ему не удалось. Мужское общество вскочило и начало душить молодаго француза въ объятіяхъ, перебрасывая его какъ мячикъ другъ другу. Изліянія окончились только тогда, когда Карлъ не могъ уже двигаться и, почти безъ чувствъ, былъ усаженъ на свой стулъ. Понятно, что послѣ обѣда, онъ пожелалъ тотчасъ же ѣхать къ себѣ, но—оказалось, что вещи его перевезены уже изъ гостинницы въ консульскій домъ, гдѣ ему отведена спальня, снабженная всевозможнымъ комфортомъ; хозяинъ самъ проводилъ его и ушелъ не прежде, какъ удостовѣрившись, что гостю приготовлено все, что надо.



Сборъ розъ въ Болгаріи. Рис. Кацлеръ, грав. Г. Кезебергъ.



Видъ города Софіи. Рис. А. Ригеръ, грав. Г. Кезебергъ.

Ночь провелъ Каберъ очень нехорошо. Сонъ былъ какой-то лихорадочный, прерывчатый. Ему чудились странныя видѣнія. То ему казалось, что онъ—Ньюфоундлендскій епископъ, то, вдругъ,—онъ стремглавъ, и рискуя сломать шею, скачетъ по скалистому, обрывистому берегу, за нимъ гонятся какія то чудовища и требуютъ, чтобы онъ говорилъ имъ рѣчь.. заснулъ онъ спокойнѣе только подъ самое утро и то—не на долго. Раздался стукъ и въ комнату вошли Гаррисонъ и Бартонъ.

— Какъ—еще въ постели? произнесъ консулъ. Ну извините, жаль мнѣ васъ безпокоить, а нечего дѣлать, да, къ тому же, теперь и не рано—ужь 6 часовъ и меня призываютъ дѣла мои. Однако, прежде, чѣмъ уйдти, хочу передать вамъ планъ вашего путешествія. Вотъ—мистеръ Бартонъ, владѣлецъ одной изъ первыхъ рыболовень здѣсь. Онъ завтра уѣзжаетъ къ себѣ и беретъ васъ съ собой. Мистеръ Бартонъ устроитъ вамъ такую охоту, что вы можете перестрѣлять всю дичь, какая только водится у насъ. Можете также ловить у него семгу, форелей. Словомъ—ждутъ васъ всякія удовольствія.

Карлъ хотѣлъ поблагодарить, но Гаррисонъ не далъ ему говорить.

— Бартону очень хочется поскорѣе домой, продолжалъ онъ, но мы желаемъ еще хоть немного попользоваться вашимъ обществомъ и онъ согласился ѣхать завтра въ два часа утра. Сегодняшній день вы можете провести съ моими дочерьми, а вечеромъ мы для васъ устраиваемъ маленькій балъ. Ну—живо, вонъ изъ постели, идите къ дочерямъ. Съ этими словами консулъ вышелъ вмѣстѣ съ Бартономъ, молчавшимъ все время, какъ рыба.

Въ гостинной Карлъ нашелъ дамъ, уже элегантно разодѣтыхъ, не смотря на раннюю пору. Трое сыновей, подобно отцу, отсутствовали по дѣламъ. Тотчасъ же подапъ былъ чай, съ аккомпаниментомъ конфектъ, ветчины, холодной дичи и многихъ другихъ блюдъ. Молодой парижанинъ завязалъ разговоръ, но едва только опъ „вошелъ въ ударъ", какъ дверь съ трескомъ растворилась и въ комнату съ шумомъ вбѣжалъ молодой человѣкъ съ смуглымъ лицомъ, черными кудрявыми волосами, бакенбардами и усами, и глазами горѣвшими какъ угли. Миссъ Дженни, краснѣя, встала и пошла на встрѣчу. Молодые люди крѣпко пожали другъ другу руки. Въ ту же минуту вошелъ и консулъ.

— Здравствуйте, здравствуйте, милэди! какъ поживаете? громко и почему то смѣясь, прокричалъ ново-вбѣжавшій.— здравствуйте, Гаррисонъ. Ну, что, старикашка — какъ себя чувствуете? Хорошо! И прекрасно! Да здравствуетъ любовь и зеленый Эринъ! А—это вы, г. французъ! Пріятно, очень пріятно познакомиться. Мы только что говорили о васъ, тамъ, внизу, у гавани... Дженни, мой ангелъ—дай мнѣ чашку чаю и восемь бутербродовъ!

Молодая дѣвушка поспѣшила выполнить желаніе своего жениха. Тотъ, между прочимъ, продолжалъ:

— А я о васъ статью имѣлъ намѣреніе пустить въ моемъ листкѣ, г. французъ и, если васъ интересуетъ—скажу вамъ, въ какихъ именно выраженіяхъ. Слушайте: „Нашъ парижскій корреспондентъ"—вы, г. Руперъ, конечно, понимаете, что у насъ никакого корреспондента въ Парижѣ нѣтъ—и такъ— „нашъ Парижскій корреспондентъ узналъ изъ достовѣрнѣйшаго источника, что одно лицо, по имени Руперъ...

— Каберъ, поправила Дженни.

— Каберъ? Благодарю тебя, Дженни—во всемъ свѣтѣ нѣтъ лучшей дѣвушки, чѣмъ ты!.. Каберъ, Роберъ, Руперъ, Шаберъ —ничто иное какъ темная личность, лѣтъ двадцать путающійся во всѣхъ грязнѣйшихъ политическихъ интригахъ...

— Однако, однако—изволъте, перебилъ Карлъ.

— Стойте, стойте, юноша, дайте же договорить... „Этотъ интриганъ на дняхъ прибылъ въ С.-Джонъ, съ цѣлью войдти въ тайныя сношенія съ врагами нашими. Мы требуемъ у нихъ, чтобы намъ былъ разъясненъ смыслъ секретныхъ совѣщаній ихъ съ этимъ Каберомъ!„ Вотъ это все я готовился писать, какъ внезапно и неожиданно мнѣ говорятъ, что вы приняты другомъ въ домѣ Гаррисона. Съ этой минуты вы сдѣлались и моимъ другомъ. Если у васъ есть процессъ—я буду вашимъ адвокатомъ, поссоритесь съ кѣмъ нибудь—можете разсчитывать на мой кулакъ! Но не просите только одного—денегъ взаймы, потому что у меня ихъ нѣтъ; сами можете дать мнѣ сколько хотите, только я никогда не возвращу. Напередъ обѣщаю вамъ это.

(Окончаніе въ слѣд. №).

Концертъ на пирамидѣ.

Разсказъ.

Какъ странно это звучитъ — „концертъ на пирамидѣ". Концерты бываютъ въ садахъ, въ лѣсу, въ комнатахъ, но о концертѣ на пирамидѣ никто еще не слыхивалъ. 5 февраля 1876 г. такой концертъ однако былъ данъ знаменитымъ артистомъ Оль-Буль въ Ливійской пустынѣ на вершинѣ пирамиды Хеопса. Конечно многіе еще помнятъ его, этаго втораго Паганини, этаго сѣверянина съ длинными свѣтлорусыми кудрями. Въ Парижѣ, вначалѣ онъ очень бѣдствовалъ, такъ что возбуждалъ состраданіе, но потомъ своимъ несравненнымъ искусствомъ — вызвалъ всеобщій восторгъ. Упрочивъ свою славу и состояніе, онъ удалился въ Америку, гдѣ вмѣсто музыки, купивъ имѣніе, сталъ заниматься хозяйствомъ. Но знаменитый скрипачъ оказался плохимъ дѣльцомъ; растративъ все, что пріобрѣлъ, онъ опять принялся за скрипку и вернулся въ свое отечество.

Въ сентябрѣ 1875 г. король и королева Швеціи сидѣли за чайнымъ столомъ на террасѣ замка Дрёттгольмъ. Королева выбрала этотъ замокъ для житья, чтобы окончательно возстановить свое здоровье. Она переѣхала туда послѣ тяжкой и продолжительной болѣзни и жила въ полномъ уединеніи. Послышался шумъ колесъ подъѣхавшаго экипажа и доложили о пріѣздѣ Оль-Буля. Хотя королева никого не принимала, но для артиста сдѣлано было исключеніе.

Оль-Буль пріѣхалъ откланяться передъ отплытіемъ въ далекое артистическое путешествіе. Король поощрялъ его въ этомъ намѣреніи, а королева милостиво расспрашивала его о его послѣднихъ произведеніяхъ, въ особенности объ одной пьсѣ, которую королева просила артиста сыграть теперь. Однако этому воспротивился король: лейбъ-медикъ предписалъ королевѣ полное спокойствіе.

— Мы лишены возможности слушать васъ теперь, сказалъ король, и подождемъ вашего возвращенія. Но знаете дорогой Оль-Буль, вы любите необычныя вещи. Вы будете путешествовать по Европѣ, и еслибы вы вздумали проѣхать въ Египетъ и дать концертъ именно на вершинѣ древней пирамиды Хеопса? Въ этой мѣстности, полной такихъ воспоминаній, на вершинѣ величественнаго памятника, на вольномъ воздухѣ высотъ — это бы имѣло свою оригинальность...

Первую минуту артистъ задумался, ему вспомнилось давно прошедшее счастливое время юности, когда фантастическія сказанія объ его эксцентричностяхъ заинтересовывали, давали ему извѣстность раньше, чѣмъ еще онъ успѣвалъ очаровать своей скрипкой.

— И ничего подобнаго никогда не было, продолжалъ король, одно это должно уже соблазнить такого человѣка какъ вы.

— Да, ваше величество, эта мысль возвышенна и я непремѣнно буду въ Александріи и Каирѣ и постараюсь осуществить ваше предположеніе.

— Но этотъ день концерта на пирамидѣ, прибавилъ король, долженъ быть вашимъ днемъ. 5 февраля, я знаю, день вашего рожденія, и вы должны избрать именно этотъ день для такого необычайнаго концерта...

Оль-Буль проѣхалъ Копенгагенъ, Берлинъ, Штетинъ, Гамбургъ, Любекъ и другіе шумные города Европы, вездѣ пользуясь громаднымъ успѣхомъ.

Въ послѣднихъ числахъ января 1876 г. Оль-Буль сѣлъ на пароходъ въ Бриндизи въ сопровожденіи своего кассира и піаниста Эмиля Баха. Оль-Буль обыкновенно игралъ или въ большихъ концертахъ, или только въ очень уже интимныхъ кружкахъ. Такимъ образомъ пассажиры, въ особенности любопытные англичане, напрасно расточали любезности — имъ не удалось ни разу услышать знаменитаго артиста. Только на второй день пути, поздно ночью, на палубѣ раздались тихіе звуки чудной, меланхолической фантазіи, но дежурный офицеръ былъ единственнымъ слушателемъ.

Вечеромъ 3 февраля пароходъ стоялъ уже въ Александрійскомъ рейдѣ, но не могъ тронуться въ дальнѣйшій путь за наступившей темнотой. Чтобы поспѣть во время, ко дню имянинъ своихъ, какъ было условлено королемъ, Оль-Буль желалъ поторопиться, а потому сошелъ съ парохода и желѣзная дорога черезъ шесть часовъ доставила его въ Каиръ. Заранѣе предупрежденный офиціально, шведскій консулъ принялъ артиста, славу своей родины, особенно любезно. 5 февраля экипажи уже стояли у виллы шведскаго посольства и къ 10 часамъ утра доставили немногочисленныхъ приглашенныхъ на необычайный концертъ къ пирамидамъ.

Взобраться на пирамиду Хеопса вовсе не легко. Какъ извѣстно, тутъ совершенно необходимы услуги ловкихъ бедуиновъ. Но престарѣлый Оль-Буль, самый старшій среди этаго общества—въ этотъ день онъ праздновалъ свою 66-ю весну— отказался отъ помощи проводниковъ. „Мнѣ, сыну горъ, говорилъ онъ, которому ни одна скала никогда не казалась слишкомъ крутой, ни одна гора слишкомъ высокой, было бы стыдно не пройти одному какихъ нибудь сотни двѣ футовъ". Онъ взошелъ первымъ на вершину и съ умиленіемъ привѣтствовалъ родной флагъ, развѣвавшійся въ тотъ день на пирамидѣ Хеопса по распоряженію консула. Скрипку Страдиваріуса — чудо прошлаго столѣтія, бережно внесли наверхъ два бедуина и неподвижно усѣлись на широкихъ камняхъ, скрестивъ ноги.

Между тѣмъ со всѣхъ четырехъ сторонъ на пирамиду ползли, взбирались уже и непрошенные гости. Бедуины, женщины, дѣти, туристы всѣхъ странъ свѣта, въ особенности англичане

и американцы. Слухъ разнесся, что одинъ великій сѣверный король прислалъ артиста дать концертъ на пирамидѣ,—и все заволновалось...

На небольшой площадкѣ, футовъ въ 30 квадратныхъ, собралась самая пестрая публика. Оль-Буль взялъ скрипку и раздались чистые, чудные звуки. На этой 456 футовой высотѣ звуки раздавались какъ-то особенно ясно и нѣжно. Затѣмъ артистъ бросилъ взглядъ кругомъ. Справа простирались широкія долины Нила, среди которыхъ змѣясь серебрилась рѣка, съ лѣва тянулась безконечная, блѣдно-желтая пустыня, окаймленная Ливійскими горами; прямо раскинулся древній городъ калифовъ, съ его мечетями и куполами, дворцами, хижинами и садами пальмъ и акацій, а тамъ, на великомъ полѣ смерти Мемфиса—недвижныя пирамиды, точно привѣтствія изъ далекаго прошлаго—все это простиралось у ногъ артиста, залитое ослѣпительными лучами солнца.

И повернувшись лицомъ къ далекому родному сѣверу, Оль-Булль началъ играть.

Бедуины не могли прійти въ себя отъ изумленія. Эти дѣти природы во все время игры сидѣли неподвижно, какъ каменныя изваянія, не спуская глазъ со скрипача. По окончаніи игры они вскочили съ пламенными криками: „Аллахъ акбаръ! Аллахъ акбаръ! (Великъ Богъ)“. Европейцы разразились бурными, восторженными рукоплесканіями.

Вернувшись въ Каиръ, Оль-Буль телеграфировалъ:

Его Величеству королю Оскару. Стокгольмъ.

„Согласно обѣщанію, данному въ Дрентгольмѣ, въ день шестидесятишести-лѣтней моей годовщины, игралъ на вершинѣ пирамиды Хеопса въ честь моей милой Норвегіи и моего любимаго короля. Оль-Булль“.

Спустя двадцать часовъ былъ полученъ слѣдующій отвѣтъ:

„Благодарю васъ. Я и королева желаемъ вамъ всякаго счастья на землѣ. Оскаръ“.

Вѣсть о необычайномъ концертѣ на пирамидѣ быстро распространилась въ Каирѣ, и привлекла множество слушателей на концертъ, данный потомъ Оль-Булемъ уже въ зданіи оперы. Хедивъ на аудіенціи, данной имъ артисту, говорилъ, что дивится при его годахъ его бодрому виду и оцѣнилъ его чарующую игру.

Къ рисункамъ.

Кама.

Послѣ душнаго городскаго воздуха, такъ отрадно дышать чистымъ воздухомъ полей и луговъ. Обаяніе природы чувствуется сильнѣй, когда она раскрываетъ предъ вами пустынныя, широкія картины горъ, долинъ, рѣкъ и лѣсовъ. Такъ, проѣзжая на пароходѣ по Камѣ—послѣ душныхъ и пыльныхъ городскихъ улицъ и площадей бываешь пораженъ величіемъ и красотой картинъ, открывающихся на этой сѣверной рѣкѣ.

Хороша Волга своими широкими пейзажами, своимъ движеніемъ, многолюдностью и оживленностью береговъ своихъ — поистинѣ — великая русская рѣка; но поражаетъ Кама своей оригинальностью. Ея пустынные берега, то идутъ высокими холмами, покрытыми орѣшникомъ и упадающими къ рѣкѣ каменистыми обрывами заросшими лѣсомъ, то голыми неприступными скалами, на которыхъ гнѣздятся только орлы, а лѣвый же низменный берегъ покрытъ густымъ лиственнымъ лѣсомъ.

Кама широкая,
Кама угрюмая,
Кама глубокая....

Но вотъ наша Кама лунной ночью! Замолкаютъ разговоры, всякій ищетъ поудобнѣе мѣсто и засыпаетъ. Вотъ и звѣзды показались на небѣ и отразились въ водахъ. Повѣялъ съ береговъ ароматъ лиственныхъ лѣсовъ. Береговые утесы причудливыми силуэтами рисуются на прозрачномъ звѣздномъ небѣ. Различаешь по Камѣ огни фонарей, зажженныхъ на мачтахъ судовъ. Тихо, только глухо шумятъ колеса. Вотъ и луна показалась изъ-за лѣсовъ и тихо подымается за облаками, прозрачными какъ пелена. Потянулъ легкій вѣтерокъ съ низовья и зарябилъ воду: заблистала Кама тысячами искръ золотыхъ. Встали изъ сумрака освѣщенныя луной дикія скалы и какъ изваянія какихъ-то древнихъ боговъ, неподвижно глядятъ въ воду. И скалы и луна, и блескъ водяной зыби имѣютъ въ себѣ что-то сѣверное, меланхолическое и величественное.

Непрошенные гости.

(Картина Мангино).

Говорятъ что „непрошенный гость хуже татарина“. Въ данномъ случаѣ, татарскій набѣгъ олицетворяютъ котята, воспользовавшіеся отсутствіемъ хозяевъ приготовленныхъ яствъ и самовольно приступившіе къ исправленію ихъ обязанностей. Хотя маленькіе гости поистинѣ прелестны, но каждое преступленіе должно влечь за собою наказаніе,—они, несомнѣнно, понесутъ заслуженную кару, за всѣ эти разбитые бокалы, хрусталь, за всѣ опрокинутыя блюда съ плодами и кушаньями.

Сборъ розъ въ долинѣ Казанлыка.

Умѣнье извлекать изъ розъ благовонное масло было уже извѣстно въ самой глубокой древности; на берегахъ Тигра и Ефрата культурой розъ занимались уже во времена Геродота. Вавилоняне были первыми обладателями секрета выдѣлывать розовое масло—секрета неизвѣстнаго ни грекамъ, ни римлянамъ. Производство этаго продукта по нынѣ осталось почти исключительно за южной Азіей: въ Шазимпурѣ на Гангѣ розовое масло приготовляется въ огромномъ количествѣ, но оно очень дорого и потому не можетъ войти въ общее употребленіе. Индійское розовое масло преимущественно идетъ лишь на восточные рынки и въ большемъ количествѣ привозится въ Персію гдѣ въ этомъ продуктѣ чувствуется значительный недостатокъ несмотря на всю знаменитость столь воспѣтыхъ поэтами розъ Шираза. Да и вообще на Востокѣ цѣнность розоваго масла такъ высока и употребленіе его такъ обще что всего количества его получаемаго въ Индіи, Персіи и Египтѣ едва хватаетъ на мѣстныя потребности; для европейскихъ же парфюмеровъ добываніе этаго драгоцѣннаго продукта было бы сопряжено съ громадными издержками и трудностью если бы не существовало благословенныхъ уголковъ у подошвы Балкановъ гдѣ находятся обильные разсадники розъ и добывается въ большомъ количествѣ розовое масло. Такихъ мѣстностей въ Болгаріи насчитывается довольно много, а именно округа: Чирпакъ, Караджа-Дагъ, Коюкъ-Тепе, Ески и Ени-Загра, и нѣсколько другихъ, но ни одна изъ этихъ мѣстностей не можетъ равняться въ обиліи розъ съ долиной Казанлыка. Эта долина, вся покрытая розами, представляетъ восхитительное зрѣлище, даже хладнокровный Мольтке пришелъ въ полный восторгъ отъ Казанлыкъ-Текне и называетъ ее Кашмиромъ Европы, турецкимъ Гюлистаномъ, страною розъ. Ѳракійская роза (Rosa damascena, sempervirens и moschata) съ однолиственными, блѣдно-красными цвѣтами ростетъ лучше всего на песчаныхъ покатостяхъ, опаляемыхъ солнцемъ. Посадка ея производится весною и осенью; сборъ же въ маѣ до начала іюня. Сборъ этотъ, представленный на нашей картинкѣ, бываетъ настоящимъ народнымъ праздникомъ: участвующія въ сборѣ дѣвушки одѣваются на эти дни въ лучшія платья и украшаютъ голову тѣми же розами; длинные караваны, нагруженные только что сорванными цвѣтами, медленно тянутся къ городу распространяя повсюду благоуханіе.

Какъ фабрикаціей въ большихъ размѣрахъ такъ и продажей розоваго масла занимается въ Казанлыкѣ извѣстная фирма братьевъ Папасоглу, изъ рукъ которой уже и получаютъ этотъ драгоцѣнный продуктъ европейскіе парфюмеры.

Софія.

Новая столица Болгарскаго княжества.

При выборѣ столицы вновь образованнаго княжества, могли имѣть значеніе только два города Болгаріи: Тырновъ и Софія. Тырновъ какъ городъ знаменитый въ прошлой исторіи Болгарскаго народа, какъ древняя резиденція ея царей имѣлъ большіе шансы на предпочтеніе, но его невыгодное мѣстоположеніе заставило обратить вниманіе на другой знаменитый болгарскій городъ, а именно на Софію. Дѣло въ томъ, что Тырновъ сжатъ между Янтрой и выступами горъ и расширяться ему совершенно некуда; тогда какъ Софія расположена на обширной плодоносной равнинѣ, чрезъ которую пролегаетъ богатый торговый путь и потому имѣетъ всѣ данныя для дальнѣйшаго развитія и распространенія.

При турецкомъ управленіи Софія имѣла до 20,000 жителей, причемъ большинство составляли Болгары (до 8,000); нѣтъ сомнѣнія, что при новомъ, чисто народномъ правительствѣ, будучи столицей княжества, Софія, несмотря на выселеніе мусульманъ (ихъ было въ городѣ до 5,000) сдѣлается городомъ еще болѣе многолюднымъ и благоустроеннымъ. Вообще въ благоустройствѣ Софія, какъ и другія города Болгаріи, сильно нуждается; улицы ея узки и во время дождя представляютъ сплошные мутные потоки. Издали Софія кажется въ высшей степени живописнымъ городомъ; расположенный у подножія грандіознаго Витоша, разукрашенный многочисленными минаретами и куполами, съ домиками, теряющимися въ густой зелени садовъ, онъ производитъ самое пріятное впечатлѣніе. Внутри же хаосъ и самое безпорядочное смѣшеніе грязи, развалинъ, лужъ, цыганскихъ лавокъ и домиковъ самой пестрой архитектуры. Изъ зданій города обращаетъ на себя вниманіе:

каѳедральный соборъ съ помѣщеніемъ для митрополита; конакъ, преобразованный теперь во дворецъ князя, казармы, общественныя бани, обширная и красивая синагога и нѣсколько мечетей, изъ которыхъ изящнѣе другихъ Буюкъ-Джаме съ девятью блестящими куполами. Болѣе всего оживлена бываетъ базарная улица, пересѣкающая весь городъ и на которой идетъ бойкій торгъ произведеніями мѣстной кустарной промышленности. Оптовая торговля ведется въ Софіи въ весьма обширныхъ размѣрахъ; здѣсь поддерживаются постоянныя, имѣвшія начало еще въ древности, торговыя сношенія съ жителями адріатическаго побережья; кромѣ того здѣшніе торговые склады снабжаютъ всѣ европейскіе рынки полотнами, сукнами и шелковыми издѣліями; въ послѣдніе же годы вывозится въ большомъ количествѣ маисъ и хлѣбъ. Одно изъ выдающихся мѣстныхъ производствъ — это производство спиртныхъ напитковъ и преимущественно раки, столь общеизвѣстной во всей европейской Турціи. При турецкомъ владычествѣ въ Софіи было основано двѣ высшихъ школы: одна общая (Рушида) и другая специальная такъ называемая техническая академія, основанная въ 1874 году. Гафизомъ-пашею и которая по отзывамъ посѣщавшихъ ее, стояла по преподаванію не выше самаго элементарнаго училища. Принужденные подчиняться въ своемъ образованіи такимъ поверхностнымъ реформаторамъ какимъ былъ Гафизъ-паша, болгарская молодежь не забывала своей народности и заявляла о своихъ патріотическихъ стремленіяхъ при каждомъ удобномъ случаѣ, за что многіе изъ юныхъ болгаръ и поплатились ссылкою въ Діарбекиръ и другія мѣстности Малой Азіи. Теперь надежды и стремленія софійской молодежи получили свое удовлетвореніе; родной городъ ихъ объявленъ столицей, свободнаго отъ турецкой неволи, болгарскаго княжества, и при дружномъ содѣйствіи лучшей части своихъ гражданъ онъ, конечно, скоро утратитъ свою не совсѣмъ приглядную внѣшность.

Электрическая желѣзная дорога.

Двигательная сила электричества, конечно, уже извѣстна читателямъ, какъ извѣстно и то, что многочисленные опыты примѣненія этой силы дали удовлетворительные результаты. На Берлинской выставкѣ мы видимъ два механизма, приводимыхъ въ дѣйствіе электрическимъ токомъ: это ткацкіе станки фирмы Сименса и Гальске и небольшой локомотивъ той же фирмы, устроившей на выставкѣ модель такой желѣзной дороги, съ полнымъ успѣхомъ выполняющую свое назначеніе.

Этотъ локомотивъ представляется въ видѣ особенной формы невысокаго ящика, обшитаго деревомъ, утвержденнаго на четыреугольной, желѣзной рамкѣ и поставленнаго на колеса. Онъ заключаетъ въ себѣ электрическій двигатель, въ своихъ главныхъ частяхъ напоминающій электро-динамическую машину, выставленную, въ Берлинѣ же, въ машинномъ отдѣлѣ. Отсутствіе огня и дыма, а также простота устройства и легкость остановки—вотъ удобства электрической желѣзной дороги. Около нея толпится постоянно масса публики — охотниковъ прокатиться. Ежедневно (съ начала іюня) поѣздъ, состоящій изъ локомотива и трехъ маленькихъ открытыхъ вагоновъ, въ шесть мѣстъ, по обѣ стороны, каждый (см. нашъ рисунокъ), совершаетъ круговой путь, приблизительно въ 300 метровъ. Раздается звонокъ—сигналъ къ отъѣзду, машинистъ, занявшій свое мѣсто на локомотивѣ, берется, какъ читатели видятъ на нашемъ рисункѣ, за рукоять, отводитъ его назадъ и, такъ какъ токъ приведенъ въ дѣйствіе, то поѣздъ двигается, проходя мимо ресторановъ, бассейновъ, цвѣточныхъ клумбъ, среди веселаго шума и движенія выставки. Все путешествіе продолжается нѣсколько минутъ. Какъ слышно, выставленный локомотивъ, имѣющій силу въ 70 килограммовъ, предназначенъ для горныхъ работъ, и именно—для доставки руды изъ штоленъ. Фирма рѣшила строить эти машины въ болѣе значительныхъ размѣрахъ. Нѣтъ сомнѣнія какъ въ томъ, что въ опытахъ примѣненія динамо-электрической машины къ другимъ цѣлямъ недостатка не будетъ, такъ и въ томъ, что опыты эти будутъ вполнѣ успѣшны. По слухамъ, нѣкто Вестфаль предполагаетъ провести въ Берлинѣ двѣ городскія линіи съ динамо-электрическими локомотивами. Пока, однако, это не болѣе какъ слухъ.

Политическое обозрѣніе.

Положеніе Европы въ настоящую минуту. — Тревожные признаки. — Персія.— Въ Индіи и Африкѣ.

Въ политикѣ рѣдко выдаются минуты, когда появляются яркіе признаки, обнаруживающіе намѣренія и планы тѣхъ или другихъ государствъ. Мы въ правѣ считать настоящую минуту одною изъ такихъ. Недавно происходило свиданіе императоровъ Германіи и Австро-Венгріи. Затѣмъ, къ князю Бисмарку въ Гаштейнъ пріѣхалъ графъ Андраши, который провелъ у германскаго канцлера цѣлый день въ совѣщаніяхъ. Но прежде еще германскій премьеръ видѣлся, гдѣ-то на пути, съ итальянскимъ первымъ министромъ, графомъ Кайроли. Далѣе, мы узнаемъ что-то такое, чего ожидать „именно мы“ не могли: Австрійское правительство заключаетъ съ князьями Черногоріи и Сербіи конвенціи о представленіи ему въ обоихъ княжествахъ этапныхъ путей, необходимыхъ для прохода войскъ! Одна часть сербской печати начинаетъ говорить о преимуществахъ союза съ Австріей предъ союзомъ съ Россіей. Но хорошо что еще находятся въ княжествѣ органы, возражающіе этому удивительному мнѣнію. Неужели славяне забыли пресловутый планъ австро-венгерской гегемоніи на Балканскомъ полуостровѣ? За эти годы громко заговорило славянское чувство, вольной птицей взмахнуло оно своимъ крыломъ и—поднялись коршуны.., Неужели заключютъ? Неужели это возможно? Для чего же приносились жертвы? Для того ли, чтобы потомъ, на обломкахъ славянскихъ надеждъ, среди глубокаго безмолвія, развѣвалось черно-желтое знамя?

Занятіе Новобазарскаго пашалыка готовится къ осуществленію въ самомъ непродолжительномъ времени. Вмѣстѣ съ тѣмъ слышно, что у Адріанополя собрана масса турецкихъ войскъ. Не надо ли ожидать, что одновременно редифы войдутъ въ Восточную Румелію, а гонведы — въ пашалыкъ? Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ дальнѣйшихъ свѣдѣній. А пока скажемъ, что едва ли Италія можетъ примкнуть къ плану, о которомъ мы говорили, едва ли она можетъ сдѣлаться искреннимъ союзникомъ тѣхъ, кто создалъ его и желалъ бы выполнить. Дѣло въ томъ, что партія „Неосвобожденной Италіи“ пустила глубокіе корни въ странѣ, очень глубокіе. Партія эта требуетъ расширенія предѣловъ отечества до естественныхъ границъ, т. е. присоединенія Ниццы, швейцарскаго кантона Тичино, южной части Тироля, Тріеста, Истріи, Далмаціи и острововъ Корсики и Мальты. Стремленіе это уже настолько созрѣло, что въ немъ очертились два теченія: одно, такъ сказать, теоретическое, желающее всѣхъ присоединеній и потому, неосуществимое, такъ какъ пришлось бы имѣть дѣло едва ли не со всей Европой: съ Британіей, Франціей, Австро-Венгріей, Швейцаріей, другое же теченіе—практическое, ищущее выполненія теперь лишь одной части грандіознаго плана — присоединенія итальянскихъ владѣній Австро-Венгріи. Къ этому направлены не только стремленія, но *усилія* итальянскихъ патріотовъ. Свои притязанія на южный Тироль, Тріестъ, Истрію и отчасти Далмацію, они объясняютъ какъ тѣмъ, что провинціи эти населены итальянцами и что Южный Тироль, вдаваясь клиномъ въ долину По, умаляетъ стратегическое значеніе послѣдней и дѣлаетъ крайне затруднительною оборону Венеціанской области, но также и тѣмъ, что Италіи они необходимы какъ *вознагражденіе за пріобрѣтенія Австро-Венгріи на Балканскомъ полуостровѣ* (!), грозящія нарушить равновѣсіе силъ между обоими государствами. Итальянскіе патріоты не скрываютъ, что программа эта будетъ стоить значительныхъ жертвъ, *но они надѣются, что въ борьбѣ съ имперіею Габсбурговъ у итальянцевъ найдется могущественный союзникъ...* Само собою понимается, что при нынѣшнемъ положеніи дѣлъ въ европейской политикѣ, такое настроеніе итальянцевъ, такія ихъ надежды приняты къ свѣдѣнію тамъ, гдѣ надо... насколько сильно развилось это стремленіе, можно судить по словамъ одного австрійскаго военнаго агента при австро-венгерскомъ посольствѣ, барона Геймерле, брата посланника императора Франца-Іосифа при Римскомъ дворѣ. Онъ говоритъ, что благодаря неусыпной пропагандѣ общества „Italia irredente“, проводимыя имъ идеи пустили уже глубокіе корни въ народѣ, который все болѣе и болѣе проникается желаніемъ довершить дѣло объединенія отечества. Въ правительственныхъ сферахъ тоже сочувствуютъ патріотическимъ стремленіямъ громаднаго большинства итальянскаго народа, но тамъ осуществленіе программы считается пока несвоевременнымъ. Полковникъ Геймерле прибавляетъ, что Италія можетъ выставить въ поле 120 эскадроновъ кавалеріи, 440 батальоновъ пѣхоты и 1088 пушекъ *и что большая часть итальянской арміи расположена на сѣверѣ* (изъ 20 кавалерійскихъ полковъ—15, изъ 80 пѣхотныхъ—47, изъ 40 батальоновъ стрѣлковъ, берсальеровъ—23, изъ 10 артиллерійскихъ полковъ—9). Хотя, высказываетъ онъ, численностью войскъ Австро-Венгрія и превосходитъ Италію, *но явись у Италіи союзникъ*, хотя бы и придерживающійся системы „вооруженнаго нейтралитета“—и равновѣсіе между обоими государствами было бы вполнѣ возстановлено.

Отыскивая дальше противовѣсъ тому, что происходитъ теперь—мы видимъ и на другой окраинѣ Европы государство, которое тоже едва ли приметъ на себя роль надежнаго союзника враждебнымъ намъ элементамъ. Мы, конечно, говорили о Франціи. Французы, съ чрезвычайной охотой обучаются военному дѣлу, они и говорятъ, и поступаютъ какъ люди горячо ждущіе дня „отместки.“ Въ будущемъ году новая французская военная организація вступаетъ въ дѣйствіе въ полномъ своемъ объемѣ и Франція будетъ въ состояніи выставить въ поле сухопутную силу въ количествѣ 968,300 человѣкъ.

Добрый сосѣдъ нашъ, Персія тоже принялась дѣятельно за организованіе своихъ войскъ. Шахъ Насръ-Эддинъ, во вре-

(Продолженіе на стр. 717, 718, 719 и 720).

мя пребыванія своего въ Австріи, пригласилъ полковника Шиповскаго и съ нимъ 21 офицера въ качествѣ инструкторовъ. Тотчасъ же по прибытіи въ Персію, этимъ офицерамъ дали 15 тысячъ войска для обученія ихъ по европейскому образцу. Уже есть результаты. Недавно шахъ смотрѣлъ одинъ изъ обучаемыхъ полковъ и солдаты, не смотря на то, что состояли очень не много времени подъ начальствомъ европейскихъ офицеровъ, — маневрировали такъ хорошо и съ такою точностью, что шахъ приказалъ сформировать изъ нихъ кадры для 7-ми новыхъ полковъ: инженернаго, артиллерійскаго, стрѣлковаго и 4-хъ пѣхотныхъ. Кромѣ того, въ Персію приглашены и нѣсколько нашихъ офицеровъ для организаціи кавалеріи на подобіе нашихъ казаковъ. И тутъ, говорятъ, достигнуты уже значительные успѣхи. Шахъ, вообще, занятъ теперь введеніемъ многихъ порядковъ европейскаго міра. Пока,—все ограничивается Тегераномъ. Къ нему ведутся три дороги: отъ Джульфъ, на нашей границѣ, отъ Бендеръ-Бушира и отъ порта Мешедъ-Сару, въ Мазандеранѣ. Чеканка монеты сосредоточена въ Тегеранѣ. Преобразована полиція, устроена городская почта и вводится освѣщеніе газомъ.

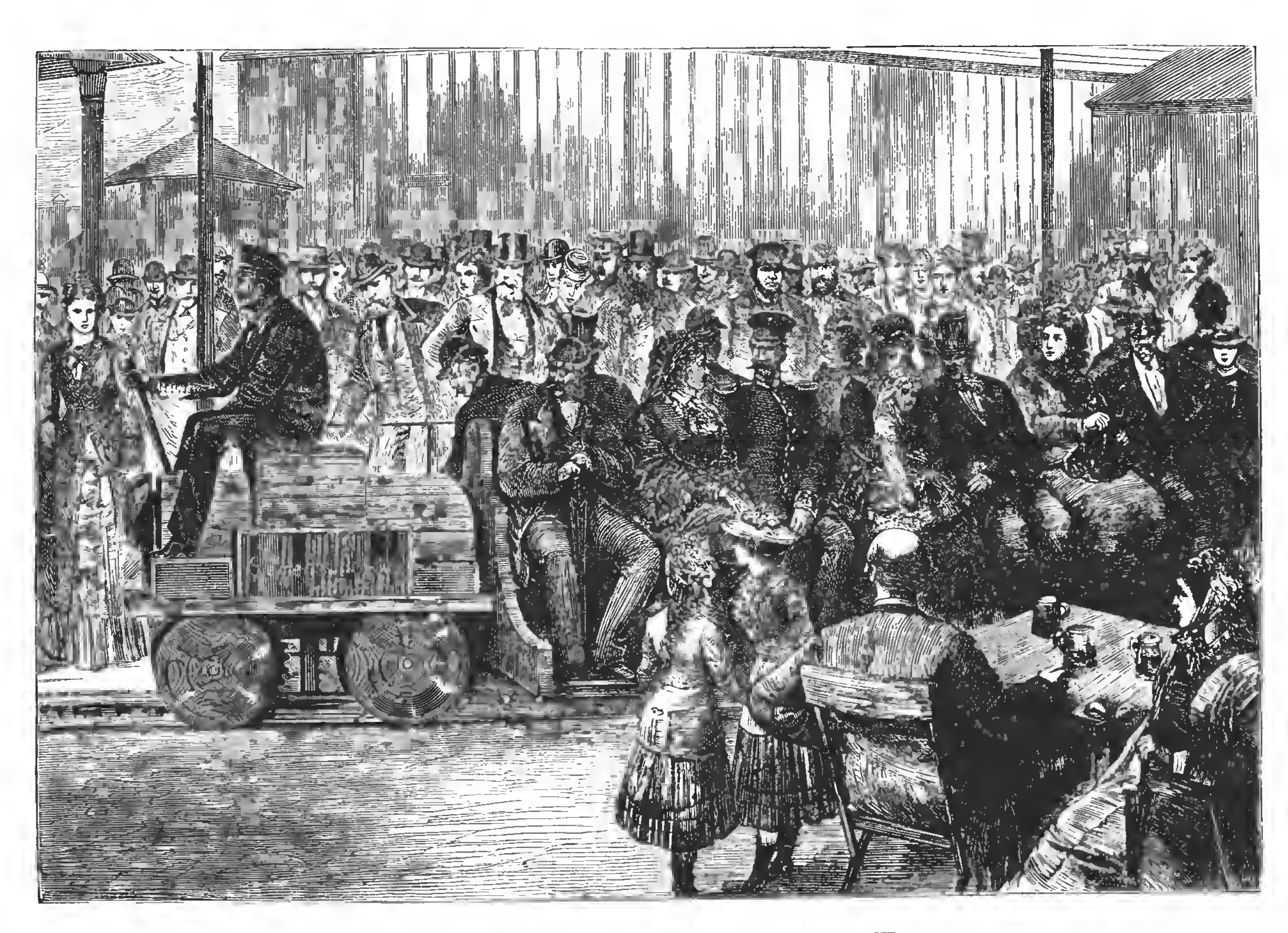
Наслѣдный принцъ Музафаръ-Эддинъ-Мирза, состоящій генералъ-губернаторомъ провинціи Азербейджана, дѣятельно подражаетъ царственному отцу и примѣняетъ тѣ же нововведенія и въ своей провинціи.

Индійскія газеты сообщаютъ, что примирившіеся съ британцами авганы напали на ѣхавшаго въ Кабулъ посланника ея британскаго величества, маіора Каваньяри и ограбили его. Это очень характеристично.

Абиссинскій Императоръ объявилъ войну хедиву и приближается къ границѣ, требуя возвращенія земель, уступленныхъ имъ Измаилу-пашѣ. На встрѣчу ему отправленъ съ войсками Гордонъ-паша. Говорятъ, что Тевфикъ-паша воспользуется этимъ, чтобы довести численность своихъ войскъ до 100 тысячъ человѣкъ, вмѣсто дозволенныхъ портой 16-ть тысячъ человѣкъ.

На островѣ Кубѣ готовится новое возстаніе. Въ Гаити произошла революція, подавленная уже временнымъ правительствомъ.

Въ Чили недавно было нѣчто въ родѣ бунта—народъ, недовольный военными налогами, требовалъ отставки президента. Повидимому воюющія южно-американскія республики примутъ мирное посредничество Соединенныхъ Штатовъ. Война голландцевъ въ Ачинѣ близится къ окончанію, такъ какъ большинство туземныхъ племенъ покорено.



Электрическая желѣзная дорога. Съ фотогр. грав. Э. Шмидтъ.

Разныя извѣстія.

Норденшильдъ въ Полярномъ морѣ. Въ шведскихъ газетахъ напечатано два письма адресованныя руководителемъ полярной экспедиціи доктору Диксону въ Готенбургѣ. Въ первомъ изъ нихъ, помѣченномъ 7-го января и 20-го февраля 1879 года на зимнихъ квартирахъ къ сѣверу отъ Берингова пролива, сообщается слѣдующее: поѣздка лейтенантовъ Бове и Нордквиста въ Нижне-Колымскъ не состоялась, потому что чукчъ, долженствовавшій доставить ихъ туда, хорошо покушавъ и выпивъ полбутылки рома, заявилъ что такое путешествіе невозможно въ темное время года; такъ какъ ему и его собакамъ пришлось бы непосильно страдать отъ холода. Всѣ наши обѣщанія дать ему табаку, ножей, иголокъ, ружей, пороху, свинца, рому и т. п. ни къ чему не привели. Попытки пріобрѣсти другую повозку съ собаками не удались и пришлось отказаться отъ путешествія. Лейтенантъ Нордквистъ, который съ особеннымъ рвеніемъ и любовью занялся изученіемъ языка и нравовъ чукчей, совершилъ нѣсколько небольшихъ экскурсій во внутрь страны. Ему удалось также убѣдить одного туземца доставить его въ Анадырскъ, въ 90 шведскихъ миляхъ (около 980 верстъ) отсюда. Наши отношенія къ чукчамъ хороши насколько возможно. Прежде это былъ опасный народъ, который вступалъ въ бой съ значительными отрядами русскихъ войскъ. Теперь совсѣмъ не то. Все населеніе полуострова не было бы въ состояніи оказать сопротивленія командѣ „Vega,“ еслибы дѣло дошло до этого. Судно въ полной цѣлости. Я имѣю утѣшеніе довести до вашего свѣдѣнія, что мы, быть можетъ, совершили уже важныя открытія для плаванія по Полярному морю и что мы уже теперь имѣемъ столько же шансовъ обойдти Азію, сколько судно, идущее изъ одного изъ портовъ Балтійскаго моря въ Китай имѣетъ шансовъ достигнуть цѣли своего плаванія. Тутъ также выступаетъ вопросъ объ историческомъ значеніи. 2,000 лѣтъ тому назадъ было предпринято по

приказанію Александра Македонскаго морское путешествіе изъ устьевъ Инда къ Персидскому заливу вдоль извѣстной въ то время части Азіи. Благополучный исходъ этаго предпріятія Александръ уподобилъ выигранному сраженію. Удивительно то, что Неархъ во время своего плаванія вдоль югозападнаго берега Азіи встрѣтилъ народъ, который по обычаямъ походитъ на народъ, обитающій въ настоящее время въ сѣверо-восточной Азіи. Чего я теперь пуще всего опасаюсь, это того, что наша зимовка можетъ быть причиною развѣдочной экспедиціи съ отечественной стороны или со стороны иностранцевъ. Это было бы совсѣмъ лишнимъ."

Въ другомъ письмѣ съ затертаго льдами „Vega," между прочимъ сообщается: „Самая низкая температура (25 ноября) — 28°. На сушѣ мы построили ледяной домъ, который долженъ служить магнитною обсерваторіей. Инструменты уже установлены и завтра же начнутся наблюденія. Путь къ сушѣ обозначенъ глыбами льда, соединенными между собою канатомъ, дабы ночью или при здѣшнемъ снѣгѣ не сбиться съ дороги. Начиная отъ мыса Челамскаго по берегу тянутся густою цѣпью группы, состоящія изъ 5—15 палатокъ. Чукчи услужливы и любезны. За рюмку водки они готовы на всевозможныя услуги. Каждое лѣто приходитъ сюда масса американскихъ судовъ для мѣновой торговли съ туземцами. Несмотря на запрещенія со стороны русскаго правительства, эти суда ежегодно привозятъ много водки. Мы же преподносимъ туземцамъ водку только по рюмочкѣ для поддержанія дружественныхъ отношеній. Туземцы питаются рыбою. Перевозочныя средства чукчей состоятъ изъ саней, запряженныхъ собаками, на которыхъ зимою они объѣзжаютъ берега и производятъ мѣновую торговлю. Рождество мы встрѣтили на кораблѣ самымъ восторженнымъ образомъ. Холодъ въ то время доходилъ до 35°, средняя температура въ январѣ—25°, минимумъ—4°, максимумъ—46°. На бортѣ у насъ хорошая пища и около 4,500 куб. фут. угля.

По послѣднимъ извѣстіямъ Норденшильдъ уже благополучно прибылъ въ Японію.

Переносныя печи для нагрѣванія воды. Считаемъ не лишнимъ обратить вниманіе читателей на новое изобрѣтеніе жестяныхъ дѣлъ мастера Адольфа Цвернера. Именно онъ изобрѣлъ аппаратъ, дающій возможность, при маломъ расходѣ, въ любомъ помѣщеніи, имѣть у себя, дома, теплыя ванны. Вода въ приборѣ нагрѣвается въ продолженіи пятнадцати минутъ, время которое и ограничиваетъ вполнѣ промежутокъ между каждымъ отдѣльнымъ купаньемъ. Особенно цѣлесообразнымъ оказывается примѣненіе этихъ приборовъ въ лѣчебницахъ въ провинціи и въ помѣстьяхъ, гдѣ часто, ради избѣжанія излишнихъ хлопотъ, вслѣдствіе неимѣнія водопровода, приходится иногда отказывать себѣ въ купаньи, такъ необходимомъ въ гигіеническомъ отношеніи.

Акваріумъ въ С.-Петербургѣ. Въ С.-Петербургѣ, проектируется общество на акціонерныхъ началахъ, для устройства спеціальнаго акваріума, при которомъ будутъ учреждены зоологическій и ботаническій сады. Предполагается, арендовать Петровскій паркъ, въ настоящее время остающійся почти безъ всякаго производительнаго, для доходовъ города, употребленія. Предполагается также войти въ сношеніе съ лучшими знатоками жизни животныхъ и растеній, съ цѣлью сдѣлать выборъ и тѣхъ и другихъ вполнѣ удовлетворительнымъ. Съ заграничными однородными учрежденіями учредители думаютъ войти въ сношеніе, въ видахъ взаимнаго обмѣна животными и уступки дублетовъ. На лѣтнее время садъ предполагается сдѣлать также увеселительнымъ мѣстомъ.

Операція надъ тигромъ. Во французскій „Journal Officiel" пишутъ изъ Филадельфіи, что недавно, въ тамошнемъ зоологическомъ саду, совершена была операція надъ бенгальскимъ королевскимъ тигромъ, заключавшаяся въ обрѣзаніи когтей; послѣдніе вросли въ тѣло причиняли звѣрю сильныя страданія, которыя могли окончиться бѣшенствомъ. Одинъ укротитель львовъ взялся вылѣчить тигра, несмотря на то, что онъ отличался яростью и незадолго передъ тѣмъ былъ причиной смерти своего сотоварища, откусивъ ему ногу. Къ брусьямъ клѣтки были привязаны пять толстыхъ канатовъ, оканчивавшихся передвижными петлями, и веревка, посредствомъ которой петли стягивались. На звѣря накинули веревки и привязали его къ клѣткѣ; онъ довольно терпѣливо переносилъ приготовленія, но когда ему связали переднія ноги, онъ сталъ неистово биться и ревѣть. Операторъ, нисколько не смущаясь этимъ, вошелъ въ клѣтку и связалъ ему заднія ноги; затѣмъ онъ приступилъ къ дѣлу, обрѣзалъ ему всѣ когти, присыпалъ раны квасцами и полилъ ихъ терпентиномъ. Операція переднихъ ногъ представляла больше трудности, по близости оператора къ ужасной пасти звѣря. Когда все было кончено, по условному знаку сняты были разомъ всѣ веревки, тигръ быстро поднялся, и по его походкѣ видно было, что онъ получилъ облегченіе. Операція длилась двадцать минутъ, но такъ какъ когти будутъ, вѣроятно, рости неправильно, то потребуется вторичная операція.

Замѣчательный охотникъ. Недавно Петербургъ посѣтилъ проѣздомъ англичанинъ Блекъ, направляющійся на Кавказъ, съ спеціальною цѣлью охоты на дикихъ звѣрей. Г. Блекъ пламенный любитель охоты и уже болѣе семи лѣтъ проводитъ въ путешествіи по различнымъ странамъ, исключительно ради охоты; такъ между прочимъ около двухъ лѣтъ онъ провелъ въ Южной Америкѣ. Г. Блекъ ведетъ съ чрезвычайною аккуратностью дневникъ своего путешествія, который предполагаетъ, по возвращеніи съ Кавказа, издать въ свѣтъ.

Охота на сазановъ. „Донскимъ Областнымъ Вѣдомостямъ" изъ Манычской станицы сообщаютъ, что по случаю большаго разлива полой воды, тамъ въ значительномъ количествѣ появилась крупная рыба—сазанъ, которая преимущественно гуляетъ по мелкимъ полоямъ и жители теперь охотятся на нее самыми разнообразными орудіями—сандовьями, желѣзными вилами и даже кольями съ заостренными концами, а недавно одинъ казакъ изъ ружья убилъ болѣе сорока штукъ сазановъ, стоющихъ по меньшей мѣрѣ 20 р. Такой заработокъ для мѣстныхъ жителей считается настоящимъ кладомъ.

Слухи о предстоящей выставкѣ Общества покровительства животнымъ. Предполагавшаяся весною этаго года выставка собакъ и другихъ мелкихъ животныхъ отъ Общества покровительства животнымъ состоится не ранѣе будущаго года, такъ какъ нынѣшнею осенью она не можетъ быть устроена въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ это было бы желательно.

Громадная бѣлуга. Близъ с. Золотаго, на Волгѣ, однимъ рыбакомъ поймана громадныхъ размѣровъ бѣлуга, вѣсомъ приблизительно около 60 пудовъ. По спадѣ водъ, она была захвачена на отмели, такъ что для рыбака не представилось никакихъ затрудненій овладѣть ею.

Появленіе змѣй. Въ „Тифлисскій Вѣстникъ" пишутъ изъ Александрополя, что тамъ появилось особенно много ядовитыхъ змѣй. Въ короткій періодъ времени отъ укушенія ихъ произошло пять смертныхъ случаевъ.

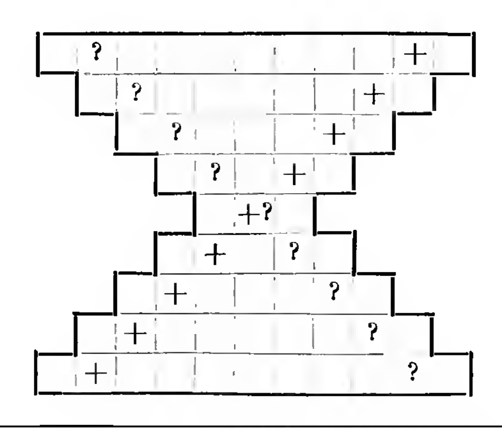
Щука съ серебряною ложкой. Въ финляндскихъ газетахъ сообщаютъ, что недавно жена однаго гельсингфорскаго работника купила на городскомъ рынкѣ щуку, въ желудкѣ которой ею была найдена серебряная чайная ложка, съ выгравированными на ней начальными буквами С. Н.

Задача слоговъ.
Щеколдина.

Изъ нижеслѣдующихъ 29 слоговъ составить 9 словъ, распредѣлить ихъ по буквамъ въ клѣткахъ фигуры такъ, чтобы читая по вопросительнымъ знакамъ сверху внизъ, составить слово, означающее названіе одной русской комедіи, а читая по крестикамъ снизу вверхъ — имя извѣстнаго русскаго поэта.

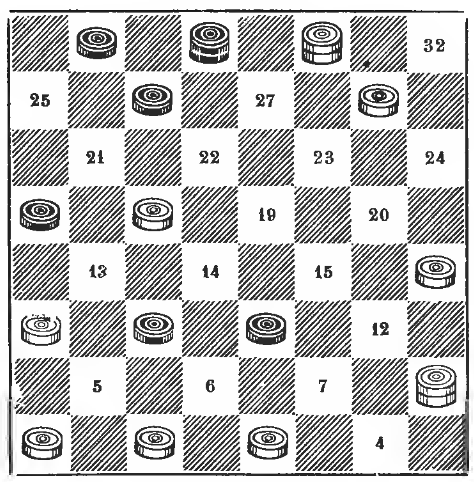
а, а, а, ан, атъ, бо, ва, гур. де, ец, ив, й, лек, ло, мо, на, нос, о, ов, рамм, рар, сер, смѣ, сѣ, та, тык, фран, циг, цуз.

Названіе животнаго.
Извѣстный русскій писатель.
Два мужскихъ имяни.
Французская единица вѣсу.
Одинъ изъ видовъ змѣй.
Предварительное вычисленіе, употребляемое при всѣхъ постройкахъ, заказахъ и т. д.
Названіе двухъ различныхъ плодовъ.
Гора въ Азіи.
Названіе народа.



Шашечная задача № 14.

Черныя.

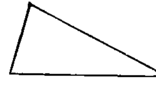


Бѣлыя.

Бѣлыя начинаютъ, выигрываютъ и запираютъ черную дамку.

Задача.

Изъ 20 треугольниковъ, означенной формы, составить квадратъ.



Вновь поступило въ пользу погорѣльцевъ г. Иркутска:

Отъ Д. С. Г. 1 р. 50 к., Кублицкой въ Спб. 80 р., Н. Т. въ Калугѣ 5 р., итого 86 р. 50 к., а всего съ прежде поступившими 126 р. 60 к.

Вновь поступило въ пользу погорѣльцевъ г. Оренбурга.

Отъ Д. С. Г. 1 р. 50 к., Путетина въ Константиновѣ—75 к., Итого 2 р. 25 к., а всего съ прежде поступившими 243 р. 35 к.

РЕБУСЪ.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива" проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса изъ одного города въ другой, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.

СОДЕРЖАНІЕ: У колодца въ Малороссіи (съ рис.).—Стихотворенія W.—Касимовская невѣста. Историческій романъ Вс. Солевьева. (Продолженіе). — Въ далекой сторонѣ. Разсказъ Г. Гобино.—Концертъ на пирамидѣ. Разсказъ — Кама (съ 2 рис.)— Непрошенные гости (съ рис.)—Сборъ розъ въ долинѣ Казанлыка (съ рис.) — Софія (съ рис.)— Электрическая желѣзная дорога (съ рис.)— Политическое обозрѣніе.—Разныя извѣстія.—Задача слоговъ Щеколдина.—Шашечная задача.—Задача.—Вновь поступило въ пользу погорѣльцевъ гг. Иркутска и Оренбурга.—Ребусъ.—О перемѣнѣ адреса.— Объявленія. При этомъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ" за СЕНТЯБРЬ съ 27 рис. и отдѣльный листъ съ 25 чертеж. выкроекъ въ натуральную величину, и съ 39 рис. рукод. работъ.

Издатель А. Ф. Марксъ. Редакторъ Ф. Бергъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

Вышла новая книга
Кн. В. Мещерскаго:

„ВЪ УЛИКУ ВРЕМЕНИ“.

Содержаніе: Предисловіе. — Размышленія.—Петербургъ и Россія.—Нигилизмъ.—Наша газетная печать.—Народъ и общество.—Богъ и фельетонисты.—Дворянство и дворяне.—Что нужно.—Прихоть.

Посвящается всѣмъ людямъ съ сердцемъ.

Цѣна 1 р. 50 к. Обращающіеся къ автору (Сергіевская, 51), за пересылку ничего не платятъ. № 246 3—2

МАГАЗИНЪ ОБУВИ

СКЛАДА

Г. В. БРИЗЕМЕЙСТЕРЪ и К°

Пантелеймонская, д. Крапивки № 8.
въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

ОГРОМНЫЙ ВЫБОРЪ

мужской, дамской и дѣтской обуви, заграничной, Варшавской и собственной работы.

ДЕШЕВАЯ И ПРОЧНАЯ ОБУВЬ.

ПАРОВОЙ ФАБРИКИ
ВОЙЛОЧНАЯ ОБУВЬ
изящныхъ фасоновъ.

ПРИМѢЧАНІЕ: Гг. иногороднихъ, желающихъ почтить магазинъ заказами, просятъ присылать для мѣрки старый сапогъ. № 250 3—1

СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЯ МАШИНЫ и ОРУДІЯ.

Плуги, косильные, жатвенныя и молотильныя машины, соломорѣзки,

КОННЫЕ И ВОЛОВЫЕ ПРИВОДЫ

лучшей конструкціи,
имѣются постоянно въ складахъ

ГУСТАВА ЛИСТЪ въ Москвѣ

Софійская набережная, собственный д. и на Мясницкой ул. рядомъ съ почтамтомъ. **На Нижегородской ярмаркѣ:** рядомъ съ Волжско-Камскимъ коммерческимъ банкомъ въ д. Княжевича; а также у **Федора Ивановича Листъ** въ г. Сумахъ Харьковской губерніи. № 238 3—1

ПАРОВЫЕ КОТЛЫ
ПАРОВЫЯ МАШИНЫ

вертикальные постоянные

ЛОКОМОБИЛИ

ИМѢЮТСЯ ВЪ СКЛАДАХЪ

ГУСТАВА ЛИСТЪ въ москвѣ.

Софійская набережная, въ соб. д. и на Мясницкой ул. рядомъ съ Почтамтомъ **На Нижегородской ярмаркѣ:** рядомъ съ Волжско-Камскимъ Коммерческимъ Банкомъ въ д. Княжевича, а также у **Федора Ивановича Листъ**, г. Сумы, Харьковской губ.
№ 237 3—2

---

60 КОП. ОБЩЕДОСТУПНОЕ 3 ИЗДАНІЕ „АЛЬБОМА МОНОГРАММЪ“, посвящен. Ея Императорскому Высочеству Государынѣ Великой Княгинѣ Александрѣ Петровнѣ. Альбомъ предназначенъ необходимымъ пособіемъ для занятій рукодѣльями въ семействахъ, школахъ, пріютахъ и въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ; заключаетъ въ себѣ болѣе 1000 гравюръ для дамскихъ семейно-рукодѣльныхъ работъ: **17** алфавитовъ азбукъ, т. е. **520** буквъ русскихъ, славянскихъ, готическихъ, французскихъ и нѣмецкихъ, расположенныхъ въ методическомъ порядкѣ, начиная съ самыхъ простыхъ мѣтокъ для вышивки крестикомъ, гладью, русскимъ швомъ и заканчивая самыми нарядными шифрами; **40** коронъ княжескихъ, графскихъ, обще-дворянскихъ и фантастичныхъ; **23** виньетки разнообразныхъ новыхъ рисунковъ, начиная съ простыхъ и до самыхъ роскошныхъ, размѣръ которыхъ приспособленъ для размѣщенія буквъ изъ алфавита въ виньетки; **95** вензелей въ русско-славянскомъ стилѣ новыхъ рисунковъ; **240** вензелей французскихъ всѣ размѣщены по алфавиту; **24** вензели англійскаго шрифта; **Государственный гербъ; 69** гербовъ Россійскихъ губерній. Рисунки изъ альбома могутъ быть полезны не только для дамскихъ рукодѣлій (какъ напр. для вышивокъ левобатистовыхъ платковъ, накидокъ, наволочекъ, простынь, полотенецъ, салфетокъ, скатертей, кофтъ, сорочекъ), но также и для гравировки на мѣди, серебрѣ и золотѣ и для письма на фарфорѣ. О достоинствѣ и практичности этого изданія было одобрено въ газетахъ: (Голосъ) въ № 121—3-го мая. (Новое время) въ № 806—28 го мая. (Петербургскій Листокъ) въ № 89—7 мая. (Петербургская Газета) въ № 87—5 мая. (Сынъ Отечества) въ № 95—26 апр. (Церковно-Общественный Вѣстникъ) въ № 54—7 мая. (Иллюстрированная недѣля) въ № 18—1878 г. Альбомъ напечатанъ на 64 стран. большаго формата. Цѣна: въ цвѣтн. обложкѣ съ перес. **60** к.; (можно почтовыми марками), въ роскош. переп. 1 р. (10 экз.—5 р.; 50 экз.—23 р.; 100 экз.—40 р.; 500 экз.—175 р.; 1000 экз.—300 р. Адресоваться въ торговый домъ модныхъ вещей А. Торочешникова, Караванная, д. 18, въ С.-Петербургѣ. № 252 1—1

ОТЪ ЖЕНСКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ГИМНАЗІИ
С. Н. ФИШЕРЪ.

30 мая сего года произошелъ первый выпускъ ученицъ VIII класса означенной гимназіи. Онѣ выдержали испытаніе зрѣлости на основаніи правилъ утвержденныхъ г. министромъ народнаго просвѣщенія 8 декабря 1872 года для мужскихъ гимназій и получили аттестаты предоставляющіе имъ по Высочайшему повелѣнію отъ 7 марта 1879 года право преподаванія въ четырехъ низшихъ классахъ мужскихъ гимназій и во всѣхъ классахъ женскихъ гимназій вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія.

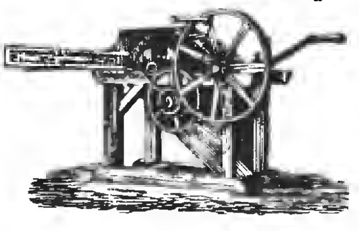
Ученицы съ успѣхомъ окончившія 6 классовъ женской классической гимназіи получаютъ званіе домашнихъ учительницъ и домашнихъ наставницъ.

Программы и подробныя свѣденія, для поступленія въ гимназію можно получить отъ начальницы, Софьи Николаевны Фишеръ, въ помѣщеніи гимназіи: Москва, Стоженка, 2-й Ушаковскій переулокъ, д. княгини Волконской.

Ученицы принимаются приходящими и пансіонерками. № 249 2—1

ГЛАВНОЕ РУССКОЕ ДЕПО МАШИНЪ
ВАС. ВАС. КРЮГЕРЪ.

Вознесенскій проспектъ, домъ № 25.



Рекомендуетъ свой складъ разныхъ земледѣльческихъ машинъ усовершенств. Америк. ручная молотильня, молотящая 200 сноповъ въ часъ, сухой или сыромятный хлѣбъ, не ломаетъ и работаетъ чисто. Цѣна 110 руб. с. Вѣялки, сортировки, ручныя мукомольныя мельницы, конные приводы, плуги отъ 9½ руб., соломорѣзки, дробилки и т. д. Складъ насосовъ, пожарныхъ трубъ всѣхъ сортовъ, машины всякаго рода для заводской промышленности. Дешевая цѣна и солидное исполненіе заказовъ.

ФАБРИКА МАСЛЯНЫХЪ ЛАКОВЪ И КРАСОКЪ
К. ШПИГЕЛЯ.

193 **Въ С.-Петербургѣ, на пескахъ, 9-я ул., собств. домъ. № 5.** 10—9

ПОЖАРНЫЯ ТРУБЫ

всѣхъ возможныхъ видовъ и всякой величины для селъ, деревень, имѣній, заводовъ, колоній и городовъ.

ПАРОВЫЯ И РУЧНЫЯ ПОЖАРНЫЯ ТРУБЫ.

САДОВЫЯ ТРУБЫ И ГИДРОПУЛЬТЫ

а также всякія прочія огнегасительныя принадлежности вообще.

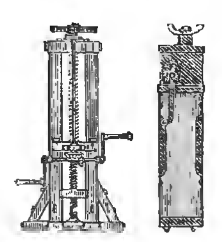
Постоянно громадный выборъ **лучшихъ шотландскихъ пеньковыхъ рукавовъ,** прорезиненныхъ пеньковыхъ рукавовъ, резиновыхъ, кожаныхъ и пріемныхъ спиральныхъ рукавовъ всѣхъ размѣровъ.

Болѣе 2000 пожарныхъ трубъ изготовляются ежегодно на заводѣ

ГУСТАВА ЛИСТЪ ВЪ МОСКВѢ

Софійская набережная, соб. домъ и на Мясницкой рядомъ съ Почтамтомъ. На **Нижегородской ярмаркѣ** рядомъ съ Волжско-Камскимъ Коммерческимъ Банкомъ въ домѣ Княжевича, а также у **Федора Ивановича Листъ** въ г. Сумы, Харьковской губ.
№ 232 3—2

ФАБРИКА ПОДЪЕМНЫХЪ МАШИНЪ



ПИППИГА И ГИРША
въ Берлинѣ
Шоссе-Штрессе № 95.
Винты для подъема локомотивовъ, вагоновъ, кораблей и при постройкахъ.
№ 243 6—2

Тончайшая пудра всѣхъ цвѣтовъ, всѣхъ сортовъ, румяна и бѣлила лучшей доброты для театра и домашняго употребленія. **К. Гербертъ въ Берлинѣ. Мауеръ-Штрассе № 70.** Поставщикъ Королевскихъ придворныхъ театровъ. Существуетъ съ 1871 г. Нейманъ и Пердовъ. Продавцамъ уступка. Агентъ для Россіи К. Вегнеръ, Невск. пр. № 8, въ С.-Петербургѣ. № 244 2—1

ГОСТИННИЦА
HOTEL D'ANGLETERRE
ВЪ БЕРЛИНѢ.

Давно извѣстное заведеніе, мѣстоположеніе отличное, самыя умѣренныя цѣны. № 125 20—14

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
„БРАТЬЯ КУЗНЕЦОВЫ“,
на Никольской улицѣ, **въ Москвѣ.**

совершаетъ всѣ банкирскія операціи.

Страхуетъ билеты 1-го и 2-го внутр. съ выигрышами займовъ отъ тиража погашенія.

Продаетъ серебро въ слиткахъ, начиная отъ 10 фунт.

Продаетъ золото въ слиткахъ. № 214 11—4

ГЕРЦОГСКОЕ ТЕХНИЧЕСКОЕ ВЫСШЕЕ УЧЕБНОЕ УЧИЛИЩЕ
въ БРАУНШВЕЙГѢ

Программы на наступающій учебный годъ могутъ быть выписаны изъ Канцеляріи училища безплатно.
№ 255 2—1

И. Л. Левенсонъ, Галерная № 26.

ПУЛЬЗОМЕТРЪ
ОБЩЕСТВА ИЗГОТОВЛЕНІЯ ПУЛЬЗОМЕТРОВЪ въ ЛОНДОНѢ.

Привилегированный паровой насосъ прямаго дѣйствія, поднимаетъ на какую угодно высоту воду и жидкости. Лучшій изъ всѣхъ существующихъ паровыхъ насосовъ. Единственная награда на Парижской Всемірной Выставкѣ.

Иллюстрированные каталоги съ описаніемъ, высылаемъ по требованію безвозмездно.

И. Л. Левенсонъ, Галерная № 26.

Представитель Общества изготовленія пульзометровъ въ Лондонѣ.
№ 239 3—2

НОВѢЙШІЯ МОЛОТИЛКИ
по системѣ **ВЕЙЛА,**
СЪ ЧИСТИЛЬЩИКОМЪ И БЕЗЪ ОНАГО.

дешевле всѣхъ прежнихъ конструкцій.

Одноконныя до 4-хъ конныхъ и ручныя съ новѣйшими значительными улучшеніями, предлагаетъ на нынѣшній сезонъ по **чрезвычайно дешевымъ цѣнамъ** и на самыхъ выгодныхъ условіяхъ платежа.

Доставка франкирована на всякую станцію желѣзныхъ дорогъ.

Ищутъ агентовъ. Торговцамъ дѣлаютъ уступки.

Морицъ Вейлъ младш. Машинно-строительный заводчикъ въ Франкфуртѣ-на-Майнѣ.

Первый вводитель штифтовой молотилки.

Moriz Weil jun. Maschin.-Fabrikant Frankfurt a/M, Heiligkreuzg. 12, 14, 16 & 16a Landwirthschafts-Vereinshalle
№ 30 1[illegible]—1

Дозволено цензурою СПБ. 31 Августа 1879 г. Тип. Воллинга. Англ. пр. № 10.

X годъ | № 37 — ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. — годъ X | 1879

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ «ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ» (отъ 20 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40).
Выданъ 10 Сентября 1879 г. Цѣна этаго № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

Дѣятели Русской литературы.

Василій Никитичъ Татищевъ.

Василій Никитичъ Татищевъ принадлежитъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ дѣятелей по русскому просвѣщенію въ первой половинѣ XVIII столѣтія. Его служебныя заслуги по разнымъ отраслямъ администраціи, многосторонняя образованность и ея практическое примѣненіе и, наконецъ, важные труды по исторіи и географіи отечества — все это представляетъ въ немъ передоваго человѣка эпохи и однаго изъ ревностныхъ и талантливыхъ послѣдователей Петра Великаго. Потомокъ древняго русскаго рода, В. Н. Татищевъ родился въ 1686 г. въ псковскомъ имѣніи своего отца. О первыхъ годахъ жизни его не сохранилось никакихъ извѣстій, но полагаютъ, что онъ получилъ образованіе въ Московской математической школѣ. Восемнадцати лѣтъ отъ роду поступилъ онъ въ военную службу, былъ при покореніи Нарвы, сражался подъ Полтавой и участвовалъ въ прутскомъ походѣ. Отчисленный потомъ въ гражданскую службу,

В. Н. Татищевъ. Ориг. рис. А. Неймана, грав. А. Нейманъ.

Татищевъ совершилъ нѣсколько поѣздокъ по Россіи и за-границу, и съ цѣлью написать русскую географію и исторію, осматривалъ архивы и библіотеки и собиралъ книги и рукописи. Въ концѣ царствованія Петра 1 былъ онъ командированъ для устройства горнаго дѣла на Уралъ, гдѣ основалъ Екатеринбургъ, построилъ казенные заводы и открывалъ при нихъ школы. Во время государственнаго переворота по смерти Петра II, Татищевъ написалъ и читалъ передъ императрицей Анной Іоанновной знаменитое прошеніе о возстановленіи самодержавной власти. Впослѣдствіи ему поручались важныя государственныя должности: онъ былъ главнымъ начальникомъ сибирскихъ заводовъ, губернаторомъ Астраханской провинціи, улучшилъ положеніе Оренбургскаго края, содѣйствовалъ умиротворенію башкиръ и калмыковъ и постоянно заботился объ открытіи училищъ. Разстроенное здоровье заставило его оставить службу,

и последніе годы жизни онъ провелъ въ своей подмосковной деревнѣ, гдѣ и скончался въ 1750 году.

При обширной административной дѣятельности, Татищевъ неутомимо занимался учеными и литературными трудами. Но замѣчательно, что важнѣйшія его сочиненія при жизни его извѣстны были только въ рукописяхъ и напечатаны уже при императрицѣ Екатеринѣ II и даже позднѣе. Таковы его „Духовная", „Разговоръ о пользѣ наукъ" и наконецъ „Исторія россійская". Между тѣмъ въ этихъ-то сочиненіяхъ и выразилось обширное образованіе и всѣ идеи и убѣжденія этаго просвѣщеннаго и даровитаго дѣятеля своего времени. Укажемъ вкратцѣ на содержаніе и значеніе этихъ характерныхъ произведеній, недавно только оцѣненныхъ нашей критикою.

„Духовная" Татищева, подобно завѣщанію князя Владиміра Мономаха, представляетъ кодексъ религіозныхъ и нравственныхъ правилъ, которыя авторъ передаетъ въ руководство своему сыну. Прежде всего онъ совѣтуетъ ему читать Св. Писаніе, „зане оное просвѣтитъ умъ и наставитъ на путь правды". При этомъ онъ считаетъ полезнымъ изучать и чужія вѣрованія, чтобы умѣть защищать свои, но проситъ отнюдь не перемѣнять вѣры, „ибо никто безъ нарушенія чести того учинить не можетъ". Затѣмъ онъ разсуждаетъ о необходимости учиться и особенно рекомендуетъ математику, законовѣдѣніе и вообще знанія практическія. Переходя къ отношеніямъ семейнымъ, онъ говоритъ объ обязанностяхъ дѣтей къ родителямъ и о брачной жизни. При выборѣ жены онъ совѣтуетъ искать здоровья, ума и сердца, а не богатства и красоты. „Въ краснѣйшемъ яблокѣ, пишетъ онъ, наиболѣе червей, а при лѣпотѣ женщинъ продерзостей находится". Наконецъ онъ разсуждаетъ о службѣ, придворной, военной и гражданской. О дворѣ онъ говоритъ тоже, что фонъ-Визинъ въ лицѣ своего Стародума, замѣчая, что у Петра Великаго не было придворныхъ. Совѣтуя сыну служить государю до послѣдней капли крови, онъ прибавляетъ: „Никогда о себѣ не воображай, чтобы правительству столь много надобенъ былъ, что безъ тебя обойтиться будетъ невозможно".

Если въ этомъ трактатѣ мы видимъ Татищева какъ частнаго человѣка, то его государственныя идеи выразились въ другомъ сочиненіи „Разговоръ двухъ пріятелей о пользѣ науки и училищъ". Здѣсь въ формѣ діалога, какъ самой удобной для сопоставленія противоположныхъ мнѣній авторъ обсуживаетъ важные вопросы, которые въ его время занимали русское общество. Конечно, въ выведенныхъ имъ лицахъ нѣтъ ни малѣйшей типичности и драматизма, но доказательства и возраженія обоихъ оппонентовъ развиты съ полной ясностью. Съ вопроса, нужно ли дѣтямъ для образованія ѣздить за границу, начинается разсужденіе о томъ, что такое истинное знаніе, почему нужно учиться и въ какомъ возрастѣ чему именно. На замѣчаніе пріятеля, что по мнѣнію многихъ почтенныхъ людей „науки человѣку вредительны", собесѣдникъ энергически возражаетъ: „Къ познанію Бога и къ пользѣ человѣка нужная философія не грѣшна; только отвращающая отъ Бога вредительна и губительна... Запрещающіе учить философіи—или самые невѣжды не вѣдающіе въ чемъ истинная философія, или злоковарные нѣкоторые церковнослужители... наиболѣе же всѣхъ архіепископъ римскій". Развивая мысль о пользѣ знаній, авторъ доказываетъ, что усиленіе просвѣщенія въ странѣ усиливаетъ какъ народъ, такъ и правительство. Вмѣстѣ съ науками онъ считаетъ важнымъ и изученіе языковъ, не только европейскихъ, но и нашихъ инородческихъ. Затѣмъ разговоръ пріятелей переходитъ къ тому, гдѣ можно русскимъ хорошо научиться. Показавъ, что при недостаткѣ учителей и гувернеровъ, домашнее образованіе у насъ невозможно, что Шляхетный корпусъ имѣетъ спеціально-военное назначеніе, а Московская Спасская школа отстала отъ европейской науки, Татищевъ настаиваетъ на необходимости открыть училища въ главныхъ городахъ Россіи, безъ чего и Академія Наукъ, по мнѣнію его, совершенно безполезна. При этомъ онъ указываетъ и на средства для содержанія школъ. „Указы Петра Великаго изъявляютъ, говоритъ онъ, что по всѣмъ губерніямъ, провинціямъ и городамъ учредить училища надлежитъ, на которыя онъ всѣ монастырскіе излишніе сверхъ необходимо нужныхъ на церкви, доходы опредѣлилъ и оныхъ весьма достаточно; еще же и Богу пріятно, что такіе туне гибнущіе доходы не на что иное, какъ въ честь Богу и пользу его употребляются". При такихъ свѣтлыхъ понятіяхъ, Татищевъ остался однако вѣренъ своему времени во взглядѣ на крѣпостное право, считая владѣніе крестьянами необходимымъ достояніемъ „шляхетства".

Остается указать на важнѣйшіе, чисто-научные труды Татищева. Въ продолженіе тридцати лѣтъ онъ не оставлялъ своей любимой мысли составить географическое и историческое описаніе Россіи, собиралъ лѣтописи и другіе акты, писалъ записки о затребованіи историческихъ документовъ изъ архивовъ и монастырей, хлопоталъ о разрѣшеніи собирать повсемѣстно оффиціальнымъ путемъ свѣдѣнія по русской исторіи, географіи, этнографіи и археологіи. Самъ онъ работалъ надъ составленіемъ географическаго словаря, объясненіемъ Русской Правды и Русскаго Судебника и наконецъ надъ главнымъ трудомъ своимъ—полной исторіей Россіи.

Если мы вспомнимъ, что въ то время у насъ не было еще извѣстно, гдѣ и какіе сохранились историческіе матеріалы, что до Шлецера не существовало исторической критики и даже Карамзину предстояло еще много черновой, подготовительной работы, то нельзя не признать смѣлою самую мысль Татищева о составленіи Исторіи Россіи. Но любовь его къ предмету и неутомимая дѣятельность не остановились передъ трудностью задачи, и онъ выполнилъ ее такъ, что мы не можемъ не отнестись къ труду его съ полнымъ уваженіемъ.

Сочиненіе Татищева „Исторія Россійская съ самыхъ древнѣйшихъ временъ" состоитъ изъ пяти книгъ. Въ нихъ, кромѣ вступительнаго объясненія значенія исторіи и характеристики русскихъ лѣтописей, представлены сначала свѣдѣнія о скиѳахъ, сарматахъ и славянахъ, а потомъ событія отъ основанія русскаго государства до конца междуцарствія въ XVII вѣкѣ. Позднѣйшія происшествія не вошли въ планъ автора, потому что тутъ, говоритъ онъ, „явятся многихъ знатныхъ родовъ великіе пороки, которые если писать, то ихъ самихъ или ихъ наслѣдниковъ подвигнуть на злобу, а обойти овые — погубить истину и ясность исторіи". Не смотря на то, что сочиненіе имѣетъ характеръ лѣтописнаго свода, въ немъ отражается ясное понятіе автора о значеніи исторической задачи. Знакомый съ произведеніями Локка, Пуффендорфа, Маккіавелли, онъ понимаетъ подъ исторіей не простой разсказъ о достопамятныхъ происшествіяхъ, но изображеніе судебъ народа въ зависимости отъ природныхъ свойствъ страны и происхожденія государственной власти. Какъ широко понималъ Татищевъ исторію, это видно изъ того, что онъ связываетъ ее съ соприкосновенными науками—географіей и этнографіей, политикой и правовѣдѣніемъ, археологіей и филологіей. Въ этомъ отношеніи современная наука должна поставить его выше многихъ позднѣйшихъ историковъ.

Такимъ образомъ имя Татищева останется навсегда памятнымъ, какъ полезнаго государственнаго человѣка, ревностнаго поборника просвѣщенія и наконецъ какъ перваго даровитаго и трудолюбиваго историка, котораго обширный трудъ, мало извѣстный современникамъ и долго заслоненный авторитетомъ Карамзина, справедливо оцѣненъ въ наше время.

А. Милюковъ.

Стихотворенія.

(Изъ Александра Петёфи.)

I.

Шинкарка влюбилась въ красавца бетьяра,
Но парень къ ней холоденъ,—ей онъ не пара:
Сиротка красотка въ корчмѣ у ней служитъ,
Ее онъ и любитъ, объ ней только тужитъ.

Шинкарка отъ ревности злилась, стонала,
И, местью пылая, сиротку прогнала,
Прогнала по свѣту шататься съ сумою—
А дѣло-то было суровой зимою.

Не долго бѣдняжка подъ вьюгой скиталась,
Легла среди поля, да такъ и скончалась...
Дошли до бетьяра о томъ разговоры—
И судъ надъ шинкаркой устроилъ онъ скорый...

Онъ кары не минетъ... Какая жь причина,
Что какъ-то онъ веселъ вдругъ сталъ предъ кончиной?
Затѣмъ, что на свѣтѣ безъ милой, онъ, бѣдный,
За жизнь не отдалъ бы и денежки мѣдной...

II.

Стою на распутьи въ раздумьѣ,
Лежатъ предо мной два пути:
Избрать ли ведущій къ востоку,
Или же на западъ идти.

Но впрочемъ, куда бъ ни пошелъ я,—
Найдетъ меня всюду мой рокъ;
И всюду мнѣ встрѣтится много
И горя, и слезъ, и тревогъ...

Одно лишь узнать я желалъ бы,
Гдѣ смерть отыскать мнѣ скорѣй—
Тогда то прямою дорогой
На встрѣчу пошелъ бы я къ ней.

III.

Весны волшебной появленье
Не будитъ радости во мнѣ,

На первый снѣгъ зимы студеной
Гляжу безстрастно я вполнѣ.

Съ ночами осени ненастной,
Когда царитъ сѣдая мгла—
Въ меня закралось равнодушье,
Холодность въ сердце залегла.

И отношусь я безразлично
Къ друзьямъ и къ недругамъ, ко всѣмъ.
Вражда теперь во мнѣ утихла,
Но для любви я также нѣмъ.

Друзья мнѣ болѣе не нужны,
Всѣ скорби чужды для души,
Лишь одного хочу я жадно:
Забыться крѣпкимъ сномъ въ тиши.

Лишь одного теперь хочу я,
Полна однимъ желаньемъ грудь,
Чтобъ поскорѣе непробудно
Въ землѣ сырой я могъ уснуть!

П. Быковъ.

Касимовская невѣста.

Историческій романъ Вс. СОЛОВЬЕВА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Продолженіе).

XIII.

Дверь въ комнату Настасьи Филипповны и Фимы стояла настежь. Дмитрій вбѣжалъ въ нее и сразу не могъ ничего разглядѣть въ полутьмѣ. Онъ слышалъ только отчаянные вопли, среди которыхъ узнавалъ голосъ Фимы. Онъ видѣлъ, въ двухъ шагахъ отъ себя, какую-то темную массу борющихся, но еще шагъ—и онъ понялъ въ чемъ дѣло. Какой-то рослый человѣкъ одной рукой обхвативъ Фиму за талью крѣпко держалъ ее, а другою отбивался отъ Настасьи Филипповны и Пафнутьевны.

Онѣ старались загородить ему выходъ изъ горницы, старались вырвать у него Фиму.

Но онъ очевидно былъ очень силенъ и долгая борьба съ нимъ для нихъ оказывалась невозможной. Онѣ могли только кричать и звать къ себѣ на помощь.

Вдругъ разбойникъ, заслышавъ шаги вбѣжавшаго Дмитрія, обернулся въ его сторону и Дмитрій разглядѣлъ знакомое лицо—лицо Осины. Онъ зналъ исторію сватовства его и теперь все ему стало ясно. Ужасъ, злоба охватили его, рука съ топоромъ поднялась на мгновеніе и онъ раскроилъ бы голову княжескому приказчику, но тотъ замѣтилъ его движеніе и отбѣжалъ, не выпуская однако Фиму, которая въ длинной бѣлой сорочкѣ съ распущенными волосами, уже не кричала, а только истерично рыдала и слабо билась въ крѣпкихъ рукахъ приказчика.

„Убить! убить злодѣя! положить его тутъ же на мѣстѣ“, мелькнуло въ головѣ Дмитрія.

Но онъ содрогнулся передъ этой мыслью объ убійствѣ.

Собравъ всѣ свои силы онъ кинулся на Осину и въ одно мгновеніе вырвалъ изъ рукъ его Фиму.

Какъ ни крѣпокъ и силенъ былъ приказчикъ, но онъ не ожидалъ нападенія. Онъ былъ ужь утомленъ борьбою. Онъ на мгновеніе опустилъ руки, собираясь ловчѣе сбить съ ногъ нежданнаго противника, но въ то же самое время Дмитрій ударилъ его кулакомъ въ грудь, налегъ на него всѣмъ тѣломъ и повалилъ на полъ.

— Давайте ширинки, скорѣе! скрутимъ ему руки, закричалъ онъ.

Фима сидѣла на полу, дрожа всѣмъ тѣломъ и заливаясь слезами.

Но Настасья Филипповна и Пафнутьевна еще не совсѣмъ обезумѣли отъ ужаса.

Онѣ кинулись за ширинками и черезъ нѣсколько мгновеній подбѣжали съ ними къ Дмитрію.

Какъ ни выбивался, какъ ни кричалъ приказчикъ, а скоро Дмитрій, съ помощію женщинъ, скрутилъ ему руки и ноги, сунулъ въ ротъ кусокъ полотна. Онъ не могъ пошевельнуться, онъ былъ теперь безвреденъ.

„Но вѣдь вотъ можетъ быть сейчасъ вбѣгутъ другіе и сколько ихъ разбойниковъ—кто ихъ тамъ знаетъ? да и что дѣлается на другой половинѣ дома, что съ Андреемъ, съ Рафомъ Родіоновичемъ? Нужно поднять крестьянъ, нужно позвать кого нибудь на помощь!“

Всѣ эти мысли заразъ, одна перегоняя другую, мелькнули въ головѣ Дмитрія. Что-жь ему дѣлать? бѣжать, узнавать, помогать тамъ... а здѣсь оставить одну Фиму—развѣ это возможно?

Однако нужно на что нибудь рѣшиться. Онъ только выйдетъ въ сѣни и сейчасъ вернется. Онъ направился къ двери, но Настасья Филипповна и Пафнутьевна удержали его за полы кафтана.

— Митенька, голубчикъ, не оставляй насъ, ради Христа! всѣхъ насъ разбойники пирѣжутъ! вопили онѣ.

И онъ остался.

А тамъ то что же? Тамъ очевидно было не ладно! Слышно было какъ кричатъ, ругаются, хлопаютъ дверью... Что-то тяжело падаетъ на полъ, такъ что даже трясутся стѣны.

Старая Пафнутьевна пришла въ себя и заикаясь, дрожащимъ отъ страха голосомъ, проговорила:

— Пойду-ка я загляну, а то на дворъ выбѣгу, людей кликну. А встрѣтятъ, убьютъ—ну туда мнѣ, старой, и дорога!

Она, спотыкаясь и шатаясь, вышла въ сѣни. Прошло нѣсколько тревожныхъ минутъ.

Фима все сидѣла на полу, очевидно не понимая, что кругомъ нея творится.

Настасья Филипповна, стуча зубами и захлебываясь отъ рыданій, стояла надъ нею, безумно глядя на дверь и рѣшившись до послѣдней возможности защищать Фиму въ случаѣ нападенія.

Она крѣпко прижала ее къ себѣ, охватила ее руками. Ея материнскія руки такъ и сжались какъ желѣзныя—трудно будетъ вырвать изъ нихъ Фиму.

Осина бьется въ углу горницы. Онъ напрягаетъ всѣ силы, чтобы разорвать свои путы—но это невозможно. Толстое полотно крѣпко всего его стянуло, да и самъ онъ привязанъ къ тяжелой кровати. Трещитъ эта кровать отъ его усилій, трещатъ его кости, но ничего не можетъ сдѣлать онъ и только слабѣетъ отъ борьбы напрасной.

Дмитрій стоитъ у двери съ топоромъ на готовѣ. Будь что будетъ, хоть кровь пролить придется а перваго, кто попробуетъ ворваться въ горницу, онъ уложитъ на мѣстѣ.

Но вотъ въ сѣняхъ слышны шаги Пафнутьевны.

— Ахти намъ! кричитъ она. Разбойниковъ много! Наши съ ними на дворѣ дерутся. Что-то будетъ?

— Голубчикъ Митенька, прошептала Настасья Филипповна, если всѣмъ намъ смерть пришла, такъ ужь значитъ—такова воля Божія! А спаси ты хоть Фиму, выведи ты ее отсюда, укрой хоть на деревнѣ, хоть гдѣ хочешь.

Дмитрій вздрогнулъ.

Какъ это до сихъ поръ не пришла ему такая мысль въ голову, сколько времени даромъ потерялъ. Конечно изъ дому бѣжать нужно! Но на дворѣ дерутся, на дворѣ много разбойниковъ а онъ одинъ.

Настасья Филипповна будто угадала, о чемъ онъ думалъ.

— Тутъ изъ сѣней калиточка на задворки, можетъ тамъ нѣтъ никого, шепнула она. Держи дверь то, я ее сейчасъ одѣну.

Ночью передъ бурей. Картина П. Диксона, грав. Шперъ.

Отправленіе въ школу. Картина А. Е. Корнѣева, рис. на деревѣ Казановскій, грав. Б. Пуцъ.

И она, съ помощью Пафнутьевны, стала кое какъ снаряжать Фиму, которая сама ничего не понимала и машинально подчинялась всему что съ ней дѣлали.

Вотъ на ногахъ ея теплые сапожки, вотъ она сама закутана въ мѣховую шубку: „Пора!“,

— Веди ее, Митя, говоритъ Настасья Филипповна, а съ нами пусть будетъ, что Господу угодно.

Она бросается къ дочери и порывисто креститъ ее.

— Дитятко мое ненаглядное, свижусь ли съ тобою?

Но Фима очнулась отъ этихъ послѣднихъ словъ матери.

— А ты матушка? крикнула она. А ты мамка? Безъ васъ я не пойду отсюда.

И старая мамка и Настасья Филипповна совсѣмъ не одѣты, а минута идетъ за минутой..

Кое какъ похватали они одежу, первое что попалось подъ руку.

— Господи помилуй, авось и удастся!

Вотъ они ужь въ сѣняхъ. Дмитрій заперъ дверь въ опочивальню.

— Кто тутъ еще? раздается надъ ними громкій голосъ.

Чья-то тяжелая рука схватила за плечо Настасью Филипповну. Но Дмитрій ужь рядомъ. Онъ замахнулся топоромъ, невѣдомый человѣкъ крикнулъ и повалился.

Отперта спасительная дверка. Въ душныя сѣни клубами врывается морозный воздухъ; изъ-за тесоваго навѣса глянулъ свѣтъ луны. Они на свободѣ. А за ними въ сѣняхъ уже раздаются крики.

Дмитрій схватилъ на руки Фиму, шепнулъ Настасьѣ Филипповнѣ и мамкѣ: „Не отставайте ради Бога!“ и побѣжалъ, спотыкаясь о снѣжные сугробы, завязая въ хрустящемъ снѣгу и снова выкарабкиваясь со своей дорогой ношей.

Слѣдомъ за нимъ, забывши усталость, подвигались Всеволодская и мамка.

Тутъ на право, еще нѣсколько шаговъ, и начинаются крестьянскія избы. Но большой шумъ и крики слышны изъ деревни: не на одну усадьбу Рафа Родіоновича напали разбойники. Видно ихъ много. Забрались они въ крестьянскія избы.

Но что это такое?

— У частокола привязана лошадь съ санями.

Вотъ оно—спасенье!

Дмитрій едва не крикнулъ отъ радости.

Въ мигъ одинъ былъ онъ около санокъ, бережно положилъ въ нихъ Фиму, махнулъ рукою двумъ женщинамъ и отвязалъ лошадь.

Настасья Филипповна и Пафнутьевна кое какъ дотащились до саней и почти безъ чувствъ упали въ нихъ.

Дмитрій хлестнулъ возжами, выхватилъ колъ изъ загородки и, нещадно колотя имъ по бокамъ лошадь, пустился черезъ снѣжныя поля къ своей усадьбѣ.

— Ну теперь не догонятъ! радостно думалъ онъ. Теперь она спасена! Пріѣду—всѣхъ подниму на ноги и пускай приходятъ разбойники, пусть хоть сотня ихъ, со всѣми управлюсь!“

И онъ продолжалъ колотить несчастную лошадь, не замѣчая что она и такъ летитъ какъ стрѣла и паръ отъ нея идетъ во всѣ стороны.

XIV.

Долго пришлось Суханову кричать и стучаться въ ворота своей усадьбы; все въ ней было темно и тихо, только собаки подняли оглушительный лай. Наконецъ въ щели одной изъ ставенъ мелькнулъ свѣтъ, тяжелые засовы дверей звякнули. Дворовые, узнавъ голосъ своего господина, заспанные и полураздѣтые, кинулись ему на встрѣчу.

Сдавъ Фиму съ матерью и мамкой на руки старой ключницѣ, Дмитрій сейчасъ же кликнулъ старика Прова, своего дядьку, и разсказалъ ему въ чемъ дѣло.

— Что же ты теперь, батюшка Митрій Исаичъ, дѣлать задумалъ? спросилъ Провъ.

— Да что дѣлать? вѣстимо медлить ни минуты нельзя; бѣги ты, Провъ, скорѣй на деревню мужиковъ собирать, да чтобъ шли съ дубьемъ, да топорами, а я дворовыхъ вооружу всѣмъ, что есть въ домѣ, и скорѣй къ Рафу Родивонычу на коняхъ и бѣгомъ...

— Такъ то оно такъ, медленно проговорилъ, почесывая свою сѣдую голову Провъ, само собою, Рафа Родивоныча нельзя въ такой напасти оставить, только мужики то наши... не знаю ужъ какъ и сговорюсь съ ними... Бѣгу, батюшка, бѣгу, быстро прибавилъ онъ, замѣтивъ нетерпѣливое движеніе Суханова.

Захвативъ тулупъ и шапку, онъ кинулся на деревню такъ быстро, какъ только позволяли ему старыя ноги.

Ключница и двѣ сѣнныя дѣвушки хлопотали около пріѣзжихъ, сильно прозябшихъ и находившихся въ состояніи, близкомъ къ помѣшательству.

Настасья Филиповна, обнявши Фиму и не отпуская ее отъ себя, навзрыдъ плакала, причитывала, говорила безсвязныя рѣчи; а то вдругъ начинала поминать мужа и сына и хотѣла бѣжать къ нимъ изъ дому, такъ что ее приходилось удерживать силою. Фима сидѣла на лавкѣ въ полномъ оцѣпенѣніи, дрожа всѣмъ тѣломъ, не плача и не говоря ни слова. Пафнутьевна стояла на одномъ мѣстѣ, какъ то странно разводила руками и все твердила:

— Ахти, батюшка! Охъ, охъ! Царица небесная!

Но вдругъ она пришла въ себя, очнулась и засуетилась вмѣстѣ съ Сухановской ключницей.

— Матушки! крикнула она всплеснувъ руками и опускаясь на полъ передъ Настасьей Филиповной;—что же это такое? вѣдь—зима, морозъ на дворѣ, а она то, голубушка моя, въ одной сорочкѣ подъ шубкою, а на ножкахъ лапотки ночныя, совсѣмъ вѣдь застудится!.. Прости ты меня, окаянную, Настасья Филиповна!.. Фиму снарядила, а тебя то я такъ выпустила... Голубушки мои, дѣвушки, тащите вино скорѣй растирать боярыню!

И говоря это Пафнутьевна не замѣчала, что сама она дрожитъ всѣмъ тѣломъ, что сама она проѣхалась по морозу въ какомъ то старомъ одѣялѣ и съ босыми ногами.

Дѣвушки засуетились: было принесено и вино для растиранія, и горячая вода съ яблочнымъ и малиновымъ пастоемъ.

Между тѣмъ Дмитрій уже собралъ всѣхъ своихъ дворовыхъ, роздалъ имъ старое отцовское оружіе. Изъ конюшни вывели шестерку лошадей и закладывали ихъ въ нѣсколько саней. Дмитрій, съ польской пищалью въ рукахъ и турецкимъ кинжаломъ за поясомъ, былъ уже на крыльцѣ, поджидая Прова.

— Ну что, чего ты такъ долго? закричалъ онъ замѣтивъ подбѣгавшаго дядьку.

— Охъ, силушки моей нѣту! отвѣчалъ старикъ, едва переводя духъ,—и бѣгалъ-то по пустому—не идутъ, и только. Пущай, говорятъ, Митрій Исаичъ на завтра хоть всѣхъ насъ до единаго въ воротахъ повѣситъ, а мы не тронемся.

— Что же это, Господи! отчаянно воскликнулъ Сухановъ, тамъ може Рафа Родивоныча съ Андреемъ убили давно, а они, поганые, хуже звѣря всякаго!

— Батюшка, Митрій Исаичъ! тихо и какъ то печально произнесъ Провъ,—что же имъ и дѣлать то? знамо—каждому своя рубаха къ тѣлу ближе. Вонъ поди, толкуй съ ними! баютъ: пойдемъ мы, это, на разбойниковъ, а тѣ насъ побьютъ до смерти, да на завтра же дворы наши въ раззоръ раззорятъ...

— Какъ же теперь быть, Провъ? отчаянно повторялъ Дмитрій,—вѣдь вотъ насъ всего семь человѣкъ, а другихъ нужно при домѣ оставить,—не ровенъ часъ—сюда тѣ дьяволы нагрянутъ... а туда ихъ вѣдь видимо-не-видимо понаѣхало...

— Авось Господь милостивъ, своимъ спокойнымъ голосомъ проговорилъ Провъ,—чего заранѣе то раздумы-

вать. Ѣдемъ что ли, батюшка Митрій Исаичъ, вотъ только я оружіе какое ни на есть прихвачу и ѣдемъ!

Спокойный видъ и голосъ Прова подѣйствовали не только на Суханова, но и на дворовыхъ. Всѣ знали, что Провъ—старый воинъ, не разъ рубившійся съ врагами, выдержавшій Троицкую осаду вмѣстѣ съ покойнымъ Сухановымъ и побившій собственноручно десятки ляховъ. И тотъ, кто трусилъ теперь идти на невѣдомыхъ разбойниковъ, видя бодрость Прова, вдругъ успокоился.

Минутъ черезъ пять всѣ усѣлись въ пошевни и выѣхали изъ усадьбы. На дворѣ осталась запряженная колымага,—въ ней некому было ѣхать, да и врядъ ли бы она успѣла за пошевнями по глубокому снѣгу.

Нѣсколько человѣкъ оставшихся дворовыхъ поспѣшно ее отпрягали, чтобы вернуться поскорѣе въ домъ и, по наказу господина, наглухо въ немъ заперевшись, приготовить огнестрѣльное оружіе и ждать возможнаго нападенія.

Недалеко была усадьба Рафа Родіоновича, всего верстъ пятнадцать; но пока Сухановъ спасалъ Настасью Филипповну и Фиму, пока вооружалъ дворню, пока то да се—прошло не мало времени. Подъѣхавъ на близкое разстояніе отъ деревни Всеволодскаго онъ по совѣту Прова, велѣлъ остановиться. Всѣ стали прислушиваться. Въ деревнѣ крики слышны; но тамъ ли еще разбойники—узнать надо.

— Послать бы кого, сказалъ Провъ,—вотъ хоть бы Ваньку—онъ мигомъ сбѣгаетъ, а то какъ зря то мы въѣдемъ....

Но Сухановъ не далъ ему договорить.

— Есть когда тутъ мѣшкать! закричалъ онъ—трогать!

Пошевни помчались къ деревнѣ. Разбойниковъ не было видно. Никто не дрался; но въ нѣкоторыхъ избахъ былъ зажженъ огонь, слышались голоса, бабьи вопли, мужская брань и крики. Когда двое пошевней выѣхало на деревенскую улицу, всѣ бывшіе на ней кинулись въ избы, полагая, что это опять наѣзжаютъ разбойники. Сухановъ, съ замирающимъ сердцемъ и вдругъ охватившей его тоскою, завернулъ въ усадьбу.

Вотъ навстрѣчу имъ какая то фигура.

— Кто это, стой, держи! почти безсознательно крикнулъ онъ.

Двое изъ его спутниковъ, пріостановивъ заднія пошевни, выскочили, кинулись на этаго невѣдомаго человѣка и поймали его. Дмитрій обернулся.

— Батюшка, Митрій Исаичъ, разслышалъ онъ знакомый голосъ пойманнаго.—Это я, Федулъ, Федулъ Рафа Родивоныча! по тебя бѣгу!

— Что такое? что, что Рафъ Родивонычъ? Стой! кричалъ Сухановъ.

Его пошевни остановились. Федулъ подбѣжалъ къ нимъ.

— Страсти Господни! испуганнымъ, дрожащимъ голосомъ, размахивая руками забормоталъ онъ,—разбойники всѣхъ насъ разогнали. Охъ! убили Рафа Родивоныча, всѣхъ убили.... по тебя бѣгу, защити милостивецъ!...

Сухановъ боялся вѣрить ушамъ своимъ.

— Убили! всѣхъ! дико повторялъ онъ и помчался къ усадьбѣ.

Ворота стояли настежь, во дворѣ и въ домѣ все тихо, двери выломаны, темень кромѣшная. Кой какъ высѣкли огонь, зажгли лучину. Въ домъ вошли:—покои настужены, все вверхъ дномъ. Ни одной вещи на мѣстѣ нѣтъ: дорогія иконы изъ кивота вытащены, сундуки сломаны и выпростаны—полный грабежъ и раззореніе.

Сухановъ бросился въ опочивальню Рафа Родіоновича и въ первую минуту ничего сообразить не могъ. Но вотъ въ опочивальню внесли зажженую лучину. На полу, крѣпко скрученный толстыми веревками, Рафъ Родіоновичъ. И не убили его, слава Богу, живъ онъ, только лицо страшное, искаженное и болью и отчаяніемъ.

— Развяжите, Христа ради, изъ силъ выбился, ничего не могу сдѣлать! хрипло повторяетъ онъ и дрожатъ его сухія, запекшіяся губы.

Радостный крикъ вырвался изъ груди Суханова. Въ одно мгновеніе кинжаломъ онъ разрѣзалъ веревки и высвободилъ изъ нихъ Всеволодскаго. Тотъ приподнялся было, да и опять сѣлъ на полъ со стономъ. Весь онъ избитъ въ борьбѣ неравной; руки, ноги затекли,—не дѣйствуютъ.

— Митюша! ты это, голубчикъ?! спасибо тебѣ - выручилъ! А жена, дѣти?..

И голосъ его оборвался. Онъ въ ужасѣ ждалъ: а вдругъ Сухановъ скажетъ, что жену и сына его убили, а дочь обезчестили—увезли...

Но вотъ Сухановъ говоритъ, что Настасья Филипповна и Фима у него, въ безопасности...

— Слава тебѣ, Господи!

Руки старика приподнимаются для крестнаго знаменія и опускаются безсильно.

— А Андрей? спросилъ онъ.

Въ эту минуту Провъ уже вводилъ Андрея въ опочивальню, поддерживая его подъ руки.

Когда шайка Осины, ворвавшись къ Рафу Родіоновичу, повалила его и стала вязать, онъ ничего не видѣлъ, что дѣлается кругомъ него. Онъ не видѣлъ какъ Андрей отчаянно боролся, какъ его осилили и поволокли въ сѣни.

Управясь съ старикомъ и его сыномъ, одна часть забравшихся въ домъ разбойниковъ занялась грабежомъ, другая бросилась на женскую половину; но тамъ не нашли никого, кромѣ связаннаго Осины. Женская прислуга сразу разбѣжалась и попряталась, гдѣ кто могъ. Холопи же, послѣ схватки съ разбойниками во дворѣ, тоже убѣжали и одинъ только изъ нихъ, избитый почти до смерти, на крыльцѣ остался.

Въ то время какъ развязывали Осину, домъ былъ уже до чиста разграбленъ и разбойники спѣшили убраться во свояси. Осина, грузно поднимавшійся на ноги, нѣсколько минутъ не могъ придти въ себя—платокъ, засунутый ему въ ротъ Сухановымъ, едва не задушилъ его. Вдругъ кто-то изъ шайки крикнулъ:

— Ну, живѣй, удирать пора! сундуки то очищены.

— Гдѣ она, гдѣ? заоралъ Осина.

— Ты кого же это?

— Гдѣ бабы Рафовы? гдѣ дочка и этотъ Сухановъ проклятый, что связалъ меня? Не ужъ-то вы ихъ выпустили?

Нѣкоторые изъ шайки переглянулись между собою, другіе хохотать стали.

— Такъ это бабы тебя связали? ловко! связать этакаго кабана! И прытокъ же тотъ молодчикъ—видно это онъ такъ оглушилъ нашего Степку въ сѣняхъ. Ну, братцы, ждать нечего, а то молодчикъ то нагонитъ съ собою народу... Отзвонили, да и съ колокольни!..

Стали поспѣшно выбираться изъ дому, таща за собою награбленное.

Осина выбѣжалъ въ сѣни, наткнулся на связаннаго Андрея и перескочилъ черезъ него.

— Старикъ то гдѣ? Старика мнѣ подайте! кричалъ онъ своимъ.

Кто то изъ разбойниковъ отвѣтилъ ему:

— А глянь-ка тамъ, въ опочивальнѣ — дрался онъ шибко, скрутили мы его да никакъ и... того... невзначай и прихлопнули.

Осина распахнулъ дверь опочивальни и въ темнотѣ наткнулся на грузное тѣло Рафа Родіоновича. Старикъ былъ въ забытьи. Осина прислушался, толкнулъ его ногою.

„Все тихо—должно и впрямь прикончили!“ подумалъ онъ:

„Эхъ, скверно: Фиму то изъ рукъ вырвали, надъ Рафкой и надругаться не привелось какъ слѣдуетъ... и какъ еще эту кашу расхлебать придется.—Ну, да вывернусь!..“

Онъ еще разъ толкнулъ ногою Рафа Родіоновича, плюнулъ и пошелъ за своими....

Какъ ни сильно, какъ ни богатырски сложены были Рафъ Родіоновичъ и его Андрюша,—но оба они находились въ ужасномъ положеніи—оба были совершенно избиты. Ихъ закутали въ тулупы, снятые съ Сухановскихъ дворовыхъ, и уложили въ пошевни. Дорогою они оба изрѣдка стонали. Сухановъ молчалъ, озлоблено, почти безсмысленно глядѣлъ передъ собою и ничего не видѣлъ. Все передъ нимъ было какъ будто въ туманѣ. Все что случилось казалось ему безобразнымъ сномъ и онъ ждалъ, что вотъ проснется—и ничего этаго не будетъ.

„А вдругъ и у меня разбойники въ домѣ, вдругъ Фиму уже украли!" приходила ему страшная мысль и онъ гналъ что есть духу лошадей, и ему казалось что онѣ идутъ шагомъ.

Наконецъ показалась усадьба.

Слава Богу — все тихо, ничего подозрительнаго не слышно и не видно.

XV.

Прошло съ недѣлю времени. Бѣда, разразившаяся надъ семьей Всеволодскихъ, по счастью не имѣла всѣхъ тѣхъ послѣдствій, какихъ можно было ожидать. Никто не умеръ и всѣ даже стали видимо поправляться въ своемъ здоровьѣ. Рафъ Родіоновичъ могъ уже ходить и даже владѣлъ одной рукою, другая же все не слушалась—видно больно ее зашибли. Андрей тоже совсѣмъ поправился—только на лицѣ была большая ссадина, да плечо ломило. У Настасьи Филипповны отъ передряги осталось всего на всего какое то странное киваніе головою такъ, что каждому, кто глядѣлъ на нее, непремѣнно казалось, что она его къ себѣ призываетъ и вотъ вотъ сейчасъ скажетъ что нибудь особенно значительное. Одна только Фима какъ была, такъ и осталась: дня два поломило ей руки и ноги послѣ непривычнаго напряженія мускуловъ во время борьбы съ Осиной, да Пафнутьевна натерла ее святымъ масломъ—и все какъ рукой сняло. Но все же грустно какъ-то и смутно было на душѣ у Фимы.

Всеволодскіе конечно остались у Суханова до своего полнаго выздоровленія и до рѣшенія вопроса, что теперь дѣлать имъ. Да и невозможно было думать теперь вернуться къ себѣ домой, такъ какъ и дома почти не было,—однѣ только стѣны, да сломанные столы и лавки остались. Всего имѣньишка, трудомъ не малымъ накопленнаго долгими годами, какъ не бывало. Все раззорили и растащили разбойники. Правда, уцѣлѣло самое важное,—уцѣлѣла кадушечка съ серебрянными деньгами, припрятанная Рафомъ Родіоновичемъ на погребѣ, подъ половицей. Въ ней теперь было все спасеніе. Найди ее разбойники, что было бы дѣлать?! вотчина у Всеволодскаго маленькая, да и крестьянъ всякими поборами да разбоями совсѣмъ раззорили—съ нихъ возьмешь не много. А денежки въ кадушечкѣ копились еще отцомъ Рафа Родіоновича, да и онъ каждый годъ въ нее что могъ складывалъ. И сладко было ему думать, что хватитъ у него и Фимѣ на приданое, и Андрею про день черный. Какъ пришелъ въ себя Рафъ Родіоновичъ, какъ отдохнулъ у Суханова, такъ и вспомнилось ему про кадушечку. „А что, если и ее отрыли разбойники?!"

Призвалъ онъ Суханова, разсказалъ ему все, тотъ немедленно же поѣхалъ въ раззоренный домъ вмѣстѣ съ своимъ вѣрнымъ Провомъ. И не успѣлъ еще Рафъ Родіоновичъ досыта намучиться ожиданіемъ, какъ въ полной сохранности была привезена завѣтная кадушка. Возблагодарилъ старикъ Создателя; но все же успокоиться ему не было никакой возможности. Вся душа его кипѣла гнѣвомъ и обидой, приходили минуты даже полнаго отчаянія и ропота. Домъ, хозяйство раззорили!—съ этимъ можно справиться; но нельзя справиться съ людскою неправдою, съ тѣмъ страхомъ, въ которомъ жить приходится русскому человѣку; а пуще всего нельзя справиться съ неслыханной, позорной обидой, нанесенною звѣремъ Осиной.

— Что это такое?! думалъ Рафъ Родіоновичъ въ безсонныя ночи, что теперь дѣлать? Холопъ негодный пришелъ съ шайкою, раззорилъ, избилъ, дочь чуть не опозорилъ, а самъ живъ остался и торжествуетъ. Да вѣдь его убить мало! Ну что же—встрѣчусь, его убью—и меня же засудятъ. Жаловаться на него? Кому? Воеводѣ—ничего путнаго не выйдетъ, отъ всего отопрется приказчикъ—дѣло не впервой. А потомъ, выждавъ время, опять нападетъ, дочь украдетъ... Господи, да вѣдь этакъ жить невозможно!

Даже слезы муки и безсилія прошибали старика, все его сердце горѣло отъ кровной обиды. И наконецъ, послѣ долгаго думанія и раздумыванія, рѣшилъ онъ, что если Касимовскій воевода сразу не возьметъ его сторону и не велитъ схватить мошенника, онъ, Рафъ Родіоновичъ, на Москву поѣдетъ, обратится сначала къ князю Солнцеву, а то такъ и до самого царя дойдетъ, и не успокоится пока не смоетъ съ себя нанесенную обиду, пока холопъ не приметъ должнаго наказанія за свои злодѣйства.

Это рѣшеніе Рафа Родіоновича скоро стало всѣмъ извѣстно и всѣ его одобрили; только Андрей клялся, что судъ судомъ, а и безъ суда онъ найдетъ Осину и своими руками съ нимъ расправится.

— Эхъ, Митюха, Митюха, говорилъ онъ Суханову,—не въ обиду тебѣ будь сказано, а не ладно ты это сдѣлалъ, что оставилъ тогда проклятаго въ живыхъ!

И Сухановъ теперь внутренно былъ согласенъ съ пріятелемъ. Чѣмъ больше онъ думалъ, тѣмъ яснѣе ему становилось, что пока Осина живъ и на свободѣ, каждое мгновеніе нужно опасаться и за жизнь Рафа Родіоновича, и за честь Фимы. Онъ успокоивалъ себя только тѣмъ, что теперь уже ни на шагъ не отойдетъ отъ Фимы, что пока живъ—сумѣетъ защитить ее.

Рафъ Родіоновичъ и Андрей быстро поправлялись. Дня черезъ три, четыре положено было всѣмъ ѣхать въ Касимовъ и должно было начаться дѣло Всеволодскаго противъ Осины. Фима, наскучивши сидѣть взаперти, попросила Суханова прокатить ее немного, чтобы подышать воздухомъ. Настасья Филипповна воспротивилась было этому.

— Ишь, что вы, что вы! закричала она замахавъ руками и тряся головою;—это чтобы ее украли злодѣи! да ни за что не выпущу... и думать не моги ты, Фима!..

— Да Богъ же съ тобою, Настасья Филипповна, сказалъ Дмитрій,—вѣдь я съ ней поѣду не далеко, тутъ только по полю. Копчикъ мой—лошадь добрая, стрѣлою летитъ, никакіе разбойники не догонятъ, да и не ночь теперь, а день ясный.

Рафъ Родіоновичъ тоже взялъ сторону дочери. Сухановъ заложилъ Копчика въ самодѣльныя маленькія сани и выѣхалъ вдвоемъ съ Фимой. День былъ морозный и ясный: солнце искрилось на снѣгу, въ воздухѣ тишь стояла. Крѣпкая лошадка быстро бѣжала, разбрасывая кругомъ себя комья снѣга. Фима, просидѣвшая нѣсколько дней въ душныхъ хоромахъ, жадно впивала въ себя воздухъ и въ первую минуту даже голова у нея закружилась.

Долго ѣхали молодые люди не говоря ни слова, только Дмитрій не отрываясь глядѣлъ на Фиму. Тревога всѣхъ этихъ послѣднихъ дней, неожиданныя событія поглощали всѣ его мысли. Конечно онъ постоянно думалъ о Фимѣ; но не думалъ о своей любви къ ней. Теперь же, въ первый разъ послѣ того вечера, когда она его поцѣловала, онъ снова почувствовалъ какъ страстно ее любитъ. Онъ глядѣлъ на нее и хотя видѣлъ одни только ея глаза, такъ какъ лицо все было закутано, но и по глазамъ этимъ, взглядывавшимъ на него

Удачливый охотникъ. Картина Рюда, грав. Девисъ.

нѣжно и ласково, онъ чувствовалъ, всѣмъ сердцемъ чувствовалъ, что счастье близко, что всѣ ужасныя событія послѣднихъ дней не только не уничтожили этаго счастія а напротивъ, приблизили его. Только какъ она печальна!

— Ты все грустишь, Фима, тихо сказалъ онъ,—развеселись; мало ли какое горе бываетъ, да оно проходитъ. Нечего гнѣвить Бога, все авось уладится—Рафъ Родивонычъ съ Андреемъ совсѣмъ поправились. Вотъ поѣдемъ въ Касимовъ, злодѣя словятъ, а тамъ и заживемъ всѣ благополучно. А того, что разграбили—чего жалѣть то! дѣло наживное, все вернется.

— Я не горюю, Митя, отвѣчала Фима,—а все у меня какъ то странно на сердцѣ. Да и самъ понимаешь—страху то, страху сколько! мнѣ вотъ каждую ночь этотъ звѣрь снится.... Вѣдь не будь тебя, чтб бы было теперь со мною! Митенька, голубчикъ ты мой, какъ мнѣ и благодарить тебя, я не знаю.

Она невольнымъ движеніемъ прижалась къ нему и положила ему на плечо свою голову. Сердце его забилось шибко, краска алая по лицу разлилась.

— Не за что благодарить тебѣ меня, прошепталъ онъ обрывающимся голосомъ.—Не бѣжать же мнѣ было, видя васъ въ опасности. Да и чтобы со мною подѣлалось кабы я не осилилъ проклятаго, да не связалъ бы его!—Подумать страшно. Кабы захватилъ онъ тебя, такъ я, хоть и грѣхъ великій, кажется на себя руки наложилъ бы...

— Ахъ, что ты говоришь, полно! перебила Фима.

Но онъ ее не слушалъ, онъ продолжалъ обрывающимся голосомъ:

— Фима, и всей-то жизни моей—пока ты живешь да счастлива, а случись съ тобою что нибудь неладное, такъ и мнѣ пропадать. Нельзя мнѣ жить безъ тебя—ужъ такъ ты люба мнѣ, ужъ такъ люба... да что... развѣ словами сказать это!..

— И ты мнѣ всегда милъ былъ какъ братъ родной,, голубчикъ! тихимъ, но твердымъ голосомъ сказала Фима и еще сильнѣе къ нему прижалась.—А ужъ теперь, теперь, Митя...

Ея голосъ оборвался и вдругъ она заплакала.

— Такъ ты меня любишь? Фима, голубка, ты хочешь быть моей женою?

Она вдругъ отшатнулась, ея слезы высохли и нѣсколько мгновеній она молчала.

— Женою?! наконецъ шепнула она,—да я твоей холопкой готова быть за то, что ты для меня сдѣлалъ!

— Ахъ, оставь ты это, отчаянно крикнулъ Дмитрій, а то и впрямь меня не любишь. И если ты говоришь такъ, если ты согласна быть моею только потому, что я отнялъ тебя у злодѣевъ, да и не я одинъ отнималъ то, Настасья Филипповна съ Пафнутьевной больше моего потрудились,—такъ мнѣ тебя не надо—Богъ съ тобою!

— Что ты, Митенька, милый мой, что за рѣчи нескладныя?! испуганно перебила его Фима.—Я люблю тебя пуще отца съ матерью, я всю жизнь буду тебя лелѣять и тебя слушаться, я...

Но она не договорила. Кончикъ летѣлъ какъ стрѣла, не сдерживаемый ничьей рукою. Дмитрій, обезумѣвшій отъ счастья, обхватилъ Фиму обѣими руками будто боясь, что ее у него вырвутъ. У самаго лица ея, передъ ея глазами было его лицо, совсѣмъ новое, преображенное.

Она тихо вскрикнула и съ невѣдомымъ ей доселѣ, сладкимъ и какъ будто грустнымъ чувствомъ, охватила его шею и, сдернувъ съ лица своего фату, прижалась къ его губамъ крѣпкимъ и долгимъ поцѣлуемъ.

(Продолженіе будетъ).

Въ далекой сторонѣ.

Разсказъ Г. Гобино

(Окончаніе).

— Но—настаивалъ Карлъ—это ужe слишкомъ! вы хотѣли очернить меня!..

— Полно, полно—довольно уже объ этомъ. Я, вотъ, очень тороплюсь, мнѣ надо въ судъ, защищаю тамъ дѣло Гогдорна противъ Уатсона. Этотъ болванъ Уатсонъ обратился сначала ко мнѣ со своими бумагами. И какъ вы думаете—не хотѣлъ дать на 50 фунтовъ больше, чѣмъ Гогдорнъ! Ну, понятно, я долженъ былъ перейдти на ту сторону и теперь наступаю на него съ громомъ и молніей.

Уморительная жестикуляція молодаго адвоката разсмѣшила слушателей, громкій хохотъ которыхъ покрылъ слова разсказчика.

— Этотъ О'Лери совершенно сумасшедшій! проговорила миссъ Мэри прерывающимся отъ смѣха голосомъ.

— Олицетворенная веселость, дѣти мои, а нисколько не сумасшедшій. А propos—Дженни. Прежде, чѣмъ отправлюсь, спой мнѣ „Послѣднюю лѣтнюю розу“. Это меня подкрѣпитъ на весь день.

Дѣвушка сѣла за фортепіано и пропѣла ирландскую мелодію. Присутствующіе не выказали особеннаго уваженія къ музыкѣ. Шумъ стоялъ въ комнатѣ страшный и Карлъ не могъ хорошо разслышать пѣнія Дженни. Но онъ все время слѣдилъ за О'Лэри. Ирландецъ, закрывъ лицо руками, казалось, забылъ все окружающее. Когда невѣста его окончила романсъ, онъ всталъ—его глаза были полны слезъ. Горячо прижавъ къ своей груди Дженни, молодой человѣкъ также быстро исчезъ, какъ и вошелъ.

День прошелъ очень пріятно для Кабера. Дѣвицы много занимались имъ, водили его по городу, показывая разныя достопримѣчательности. Обѣдъ, и на этотъ разъ, не оставлялъ желать ничего лучшаго; приглашенныхъ было болѣе 30-ти человѣкъ, въ числѣ которыхъ находились значительнѣйшія лица Ньюфоундленда. Вскорѣ послѣ того какъ встали изъ-за стола, раздалась бальная музыка.

— Позвольте мнѣ дать вамъ совѣтъ, сказала миссъ Джени, приблизившись къ Карлу,—танцуйте только съ моей младшей сестрой и еще съ нѣсколькими дѣвицами, которыхъ я съ вами познакомлю. Онѣ еще не просватаны. Это здѣсь въ обычаѣ.

Въ эту минуту подошелъ О'Лэри.

— Эй, послушайте, Рамберъ, крикнулъ онъ, я позволяю вамъ танцовать, сколько хотите, съ Дженни. Ей это пріятно.

— Очень, очень пріятно, сказала молодая дѣвушка.

— Меня зовутъ Каберъ, слышите—Каберъ, раздраженно произнесъ Карлъ.

— Урра, урра, Каберъ! да здравствуетъ Каберъ, Каберъ, вдругъ закричалъ ирландецъ и схвативъ своими мощными руками парижанина, высоко приподнялъ его, показалъ всѣмъ гостямъ, которые зааплодировали; потомъ поставилъ его на полъ и крѣпко обнялъ.

Дженни избавила Кабера отъ объятій ирландца и увела его танцовать. Карлъ понялъ, что затѣвать „исторію“ съ О'Лэри—значило бы поставить себя въ смѣшное положеніе. Въ первомъ же антрактѣ между танцами, Карлъ вышелъ въ садъ освѣжиться отъ нестерпимой жары, царившей въ комнатахъ. Здѣсь, въ таинственныхъ аллеяхъ, охваченныхъ серебристымъ свѣтомъ луны, расхаживали, то показываясь, то исчезая, молодыя влюбленныя пары. Но не было тутъ ни маменекъ, ни тетенекъ, ни гувернантокъ. Молодыя сердца ворковали здѣсь на свободѣ. Подивившись мѣстнымъ нравамъ, Карлъ вернулся въ залу.

Ему сказали, что Бартонъ (колоссъ на балу разодѣлся во фракъ и красный галстукъ) ждетъ у дверей, чтобы ѣхать. Карлъ поспѣшилъ было отправиться, но Гаррисонъ остановилъ его и велѣлъ дать вина.

— Лэди и джентльмены—тостъ за нашего милаго гостя! Гипъ, гипъ, гипъ—урра Карлъ Каберъ!

— Ура, ура, кричали гости, столпившіеся вокругъ молодаго человѣка. Въ заключеніе все общество, съ консуломъ во главѣ, двинулось провожать его.

О'Лэри протолкался къ нему, опять поднялъ его, посадилъ къ себѣ на плечо и, въ такомъ положеніи донесъ до самой гавани, при оглушительныхъ кликахъ сопутствующихъ. Здѣсь начались было безконечныя объятія, но Бартонъ прекратилъ изліянія, увлекши молодаго путешественника на свою яхту и немедленно велѣвъ отчаливать. Долго еще неслись имъ вслѣдъ, съ берега, крики въ честь Кабера.

Утомленный всѣми этими оваціями, молодой человѣкъ поспѣшилъ въ каюту. Въ маленькой комнатѣ, слабо освѣщенной матовой лампой и уставленной корзинами съ разнородной провизіей и винами, Карлъ едва нашелъ себѣ мѣсто, но, не смотря на то, чрезъ нѣсколько минутъ уже спалъ крѣпкимъ сномъ. Когда онъ проснулся былъ уже день. Яхту страшно качало.

— Вотъ этого еще не доставало! Буря! И еще мы не пріѣхали. Я думалъ, что чрезъ нѣсколько часовъ мы будемъ уже на мѣстѣ. Пойду, посмотрю—гдѣ мы теперь.

Одѣвшись съ большимъ трудомъ, Карлъ кое-какъ, при ужасной качкѣ, взобрался на палубу. Штормъ былъ въ полномъ ходу и лилъ страшный дождь. Бартонъ, одѣтый въ каучуковомъ плащѣ, стоялъ на кормѣ и молча курилъ сигару.

— Хорошо, что мы ѣдемъ при попутномъ вѣтрѣ, сказалъ онъ Каберу,—если только онъ продержится еще три дня, такъ мы скоро и дома.

— Какъ? Что? Куда же это мы ѣдемъ? вскричалъ Каберъ.

— Идемъ къ западному берегу, если только мой островъ не перемѣнилъ своего мѣста, въ бухтѣ, въ 15-ти миляхъ отъ открытаго моря. А вы думали—куда же?

— Да, помилуйте, я думалъ, что ваше помѣстье находится поблизости отъ С.Джона. Еслибъ я зналъ...

— Помѣстье! Что это у васъ все за слова, какія это у васъ понятія! Бросьте вы эти выраженія, къ которымъ привыкли вы вашей гнилой Европѣ! Тутъ нѣтъ никакихъ помѣстій! Да и къ тому же, охоту вы найдете только на западномъ берегу.

Карлъ взялъ манеру не отвѣчать на нѣкоторыя эксцентрическія выходки своихъ новыхъ знакомыхъ, а потому промолчалъ и этотъ разъ. Вѣтеръ продержался три дня, какъ того желалъ Бартонъ, затѣмъ началъ спадать; вмѣстѣ съ тѣмъ сталъ прекращаться и дождь и отъ дурной погоды остался лишь туманъ, дымчатой пеленой прикрывавшій поверхность залива св. Лаврентія и береговыя очертанія материка. Чѣмъ ближе подходила яхта, тѣмъ рельефнѣе обрисовывался выдвигавшійся изъ тумана дикій пейзажъ песчанаго обнаженнаго берега, и уходившихъ вдаль темныхъ хвойныхъ лѣсовъ. Все пустынно, молчаливо и только однообразный шумъ морскаго прибоя нарушалъ здѣсь тишину.

Карлъ былъ въ самомъ невеселомъ настроеніи духа. Ему уже надоѣла эта поѣздка, онъ отказывался отъ всякой мысли, объ охотѣ и злился теперь на отца за то, что тотъ выдумалъ эту экскурсію.

Наконецъ, въ одно свѣтлое, прекрасное утро яхта вошла въ бухту, огороженную, какъ стѣнами, двумя скалистыми мысами. Посрединѣ, въ спокойномъ зеркалѣ воды, отражался небольшой островъ, лишенный всякаго признака растительности. Неподалеку отъ берега возвышался домъ, выстроенный наполовину изъ камня, наполовину изъ дерева.

— А вотъ и Люси! весело произнесъ Бартонъ.

— Кто это Люси? спросилъ Карлъ.

— Люси кто?—моя дочь!

Навстрѣчу яхтѣ, плыла отчалившая отъ берега маленькая лодочка, въ которой сидѣли двѣ молодыя дѣвушки, онѣ же и были гребцами.

Отецъ, между тѣмъ, откровенно выражалъ свой восторгъ предъ достоинствами дочери. „Да, моя Люси! Вотъ дѣвушка, а никто не сравнится съ нею въ смѣлости на морѣ!" Да и ловка же она: во время ловли сельдей—она замѣняетъ уставшихъ мужчинъ и распоряжается не хуже ихъ: нечего сказать, предъ ней можно снять шляпу!

Чрезъ минуту, на палубу яхты легко и граціозно ступила молодая дѣвушка, поразившая Карла и необыкновенною свѣжестью хорошенькаго личика, обрамленнаго густой золотистой волной бѣлокурыхъ волосъ, и стройностью своей фигуры, дышавшей здоровьемъ и силою. Движенія ея были просты и непринужденны.

— Вамъ будетъ скучно у насъ,—были первыя слова ея Каберу.

— Какъ можете вы это думать! воскликнулъ молодой парижанинъ, на котораго граціозное явленіе, въ формѣ этой сѣверной красоты, произвело оживленное дѣйствіе.

Бартонъ поручилъ гостя дочери и миссъ Люси сумѣла тотчасъ же выказать предъ молодымъ человѣкомъ свои таланты хозяйки. Быстро была приведена въ порядокъ просторная комната, вся выложенная полированнымъ сосновымъ деревомъ. Сюда поставили постель и мебель. Люси ввела Карла и тщательно обревизовавъ сдѣланныя приготовленія, молча удалилась.

— Хороша, очень хороша собой, но—нѣма какъ рыба, съ которыми тутъ живетъ и, навѣрно, глуха, проговорилъ съ нѣкоторой досадой Карлъ,—да! Корали—не скоро найдешь такую женщину, какъ ты! онъ сѣлъ къ окну. Предъ нимъ колыхалась бухта, съ обрывистыми скалами по обѣимъ сторонамъ; вправо тянулся пустынный берегъ твердой земли, слѣва высились двѣ одинокія колоссальныя снѣговыя горы, а дальше—широко простерлось безбрежное море... Пусто и уныло сдѣлалось на душѣ парижанина, но онъ подавилъ непріятное чувство, да и надо было торопиться одѣваться къ завтраку. Скоро вошелъ къ нему Бартонъ съ извѣстіемъ, что столъ уже накрытъ и его ждутъ.

— Сегодня воскресенье, добавилъ онъ, такъ я, для васъ, пригласилъ школьнаго учителя, мистера Джона, съ нимъ можете говорить по французски, сколько вашей душѣ будетъ угодно. Мой сынъ Патрикъ тоже будетъ; онъ двѣ недѣли охотился на Лабрадорѣ и поѣдетъ съ вами на охоту.

Гостинная, куда спустились хозяинъ и гость, оказалась, къ удивленію послѣдняго, убранною съ изяществомъ, котораго онъ не ожидалъ встрѣтить въ этомъ глухомъ уголку земнаго шара. Полъ былъ покрытъ дорогимъ ковромъ, на окнахъ висѣли толстыя шелковыя шторы, у стѣнъ красовались два рѣзныхъ шкапа съ книгами въ богатыхъ переплетахъ; прочая мебель, краснаго дерева, была разставлена въ строгомъ порядкѣ; надъ диваномъ висѣла гравюра, изображавшая смерть британскаго генерала Вольфа въ сраженіи подъ Квебекомъ.

Люси пріодѣлась, пріукрасилась и показалась Карлу еще лучше, чѣмъ наканунѣ. Въ ту минуту, когда онъ входилъ съ Бартономъ, она разговаривала съ какимъ-то пожилымъ человѣкомъ, съ худощавымъ, строгимъ лицомъ. Это и былъ школьный учитель, м-ръ Джонъ. Отсюда перешли въ столовую. Каберъ не могъ оторвать глазъ отъ прелестной дѣвушки, онъ чувствовалъ, какъ что-то начинаетъ вспыхивать въ его влюбчивомъ сердцѣ. Съ своей стороны бѣлокурая дочь Бартона была такъ скромно вѣжлива и предупредительна съ нимъ.

За завтракомъ м-ръ Джонъ сидѣлъ какъ статуя. Бартонъ завязалъ разговоръ на любимую, повидимому, въ краѣ тему.

— Къ какой партіи принадлежите вы! спросилъ онъ своего молодаго гостя.

— Я—ни къ какой. Признаюсь—не вѣрю я въ искренность какой либо партіи и потому держусь въ сторонѣ отъ всѣхъ ихъ. Желаю общаго благоденствія, но не мѣшаюсь въ политическую жизнь и предпочитаю изящное общество, изящную среду—всѣмъ этимъ сборищамъ.

Бартонъ вспыхнулъ. По его мнѣнію, г. Каберъ сказалъ чепуху. Человѣчество нашло себѣ идеалъ въ демократизмѣ и—онъ можетъ служить образцомъ демократа. Въ искренности его нельзя сомнѣваться. Бартовы-Соммерсетъ — древняя ирландская фамилія, происхожденіе которой теряется во мракѣ вѣковъ.

— Дѣдъ мой, продолжалъ онъ, оставилъ Ирландію, уходя отъ британскаго ига и европейскихъ порядковъ. Я самъ ненавижу и то и другое. При малѣйшей попыткѣ водворить здѣсь, на моемъ островѣ, эти порядки, я бы ушелъ съ семьей куда нибудь еще дальше на сѣверъ, въ страну вѣчныхъ снѣговъ!

Неизвѣстно чѣмъ бы окончился споръ, еслибъ онъ не былъ прерванъ приходомъ сына Бартона, Патрика.

Молодой ирландецъ по размѣрамъ походилъ на отца, но лицомъ напоминалъ сестру. Не поздоровавшись ни съ кѣмъ, онъ прямо подошелъ къ столу и сѣлъ на свое мѣсто.

Съ этой минуты разговоръ утратилъ свой политическій характеръ и зашелъ о предметахъ, касавшихся преимущественно мѣстныхъ интересовъ и дѣлъ Бартона. Хозяинъ и его сынъ, повидимому, совсѣмъ забыли о гостѣ. Но за то имъ занималась Люси.

При первой же встрѣчѣ французъ произвелъ сильное впечатлѣніе на молодую дѣвушку. Его небольшая, стройная фигура, тонкія черты красиваго лица, манеры, составляли такой разительный контрастъ съ мощными, неуклюжими фигурами ньюфоундлендскихъ молодцовъ, что она сразу отдала ему предпочтеніе, повинуясь въ этомъ врожденному женщинѣ влеченію ко всему изящному. Въ сравненіи съ нимъ, всѣ эти крупные люди казались ей теперь чѣмъ-то грубымъ, обыденнымъ; сдержанность парижанина, то ироническое молчаніе, которымъ онъ, иногда, отвѣчалъ на какую нибудь медвѣжью выходку людей, которыхъ она постоянно видѣла вокругъ себя, дѣвушка приняла за признаки глубокаго и тонкаго ума. Сердце ея не долго боролось съ чувствомъ, которое также быстро развилось, какъ и зародилось. Прошло немного дней и Люси любила Карла со всею горячностью первой любви, беззавѣтно отдавшись своей чистой душой блестящему „идолу", котораго создало ея воображеніе. По цѣлымъ часамъ мечтала она о томъ, что онъ любитъ ее и женится на ней. Почему же нѣтъ? Она хороша, добра... Почему нѣтъ?..

Карлъ очень скоро подмѣтилъ расположеніе дѣвушки. Увы! въ его пустомъ и тщеславномъ сердцѣ заговорило только одно польщенное самолюбіе, а потомъ, потомъ—оно смѣнилось чувствомъ, еще менѣе достойнымъ...

— Нѣтъ, миссъ Люси, отвѣтилъ онъ какъ-то на ея вопросъ, нѣтъ, я обязанъ вамъ сказать откровенно, что не въ моей натурѣ вздыхать и мечтать при лунѣ. Я не поэтъ, а именно то, что въ Америкѣ называется „практическимъ человѣкомъ", такой я во всемъ—и въ жизни вообще, и въ любви. Если во мнѣ заговоритъ искреннее чувство—я отбрасываю всякія ребячества и требую любви!..

— Вы, можетъ быть, любите теперь кого нибудь? спросила дѣвушка съ глубокимъ волненіемъ.

— Неужели вы думаете, что, доживъ до двадцати трехъ лѣтъ, я не знаю, что значитъ любить и страдать. Любовь привела меня сюда, заставила бросить отца, домъ, всѣ удобства и удовольствія парижской жизни! Но то, что я увидѣлъ здѣсь...

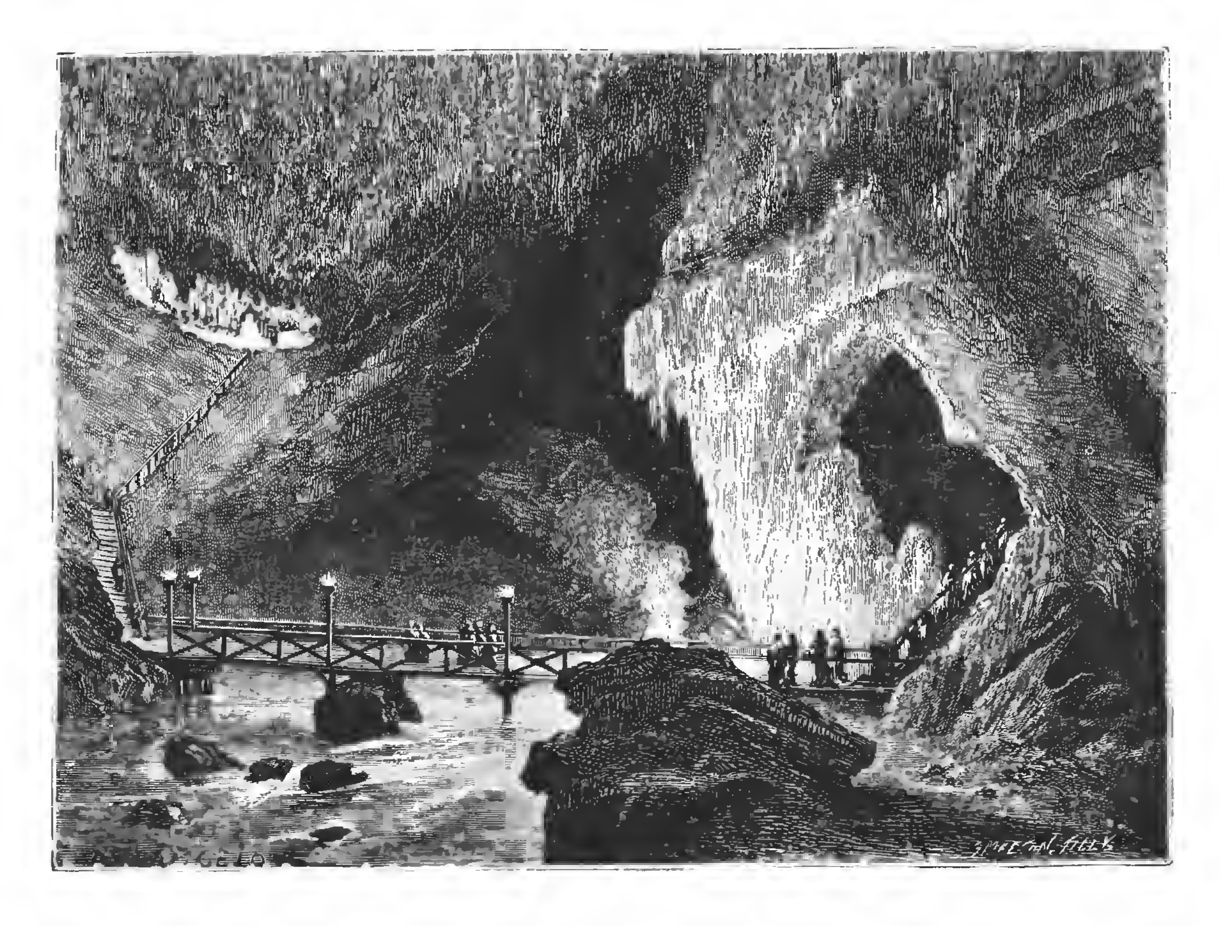
Онъ говорилъ съ напускнымъ жаромъ, искусственность котораго ускользала отъ неопытной дѣвушки, увлекавшейся до ослѣпленія. Слово признанія готово уже было сорваться съ его языка, но—въ эту минуту вошелъ м-ръ Джонъ. Разговоръ прервался.

— Сегодня вечеромъ! успѣлъ только шепнуть Карлъ, въ душѣ проклинавшій учителя.

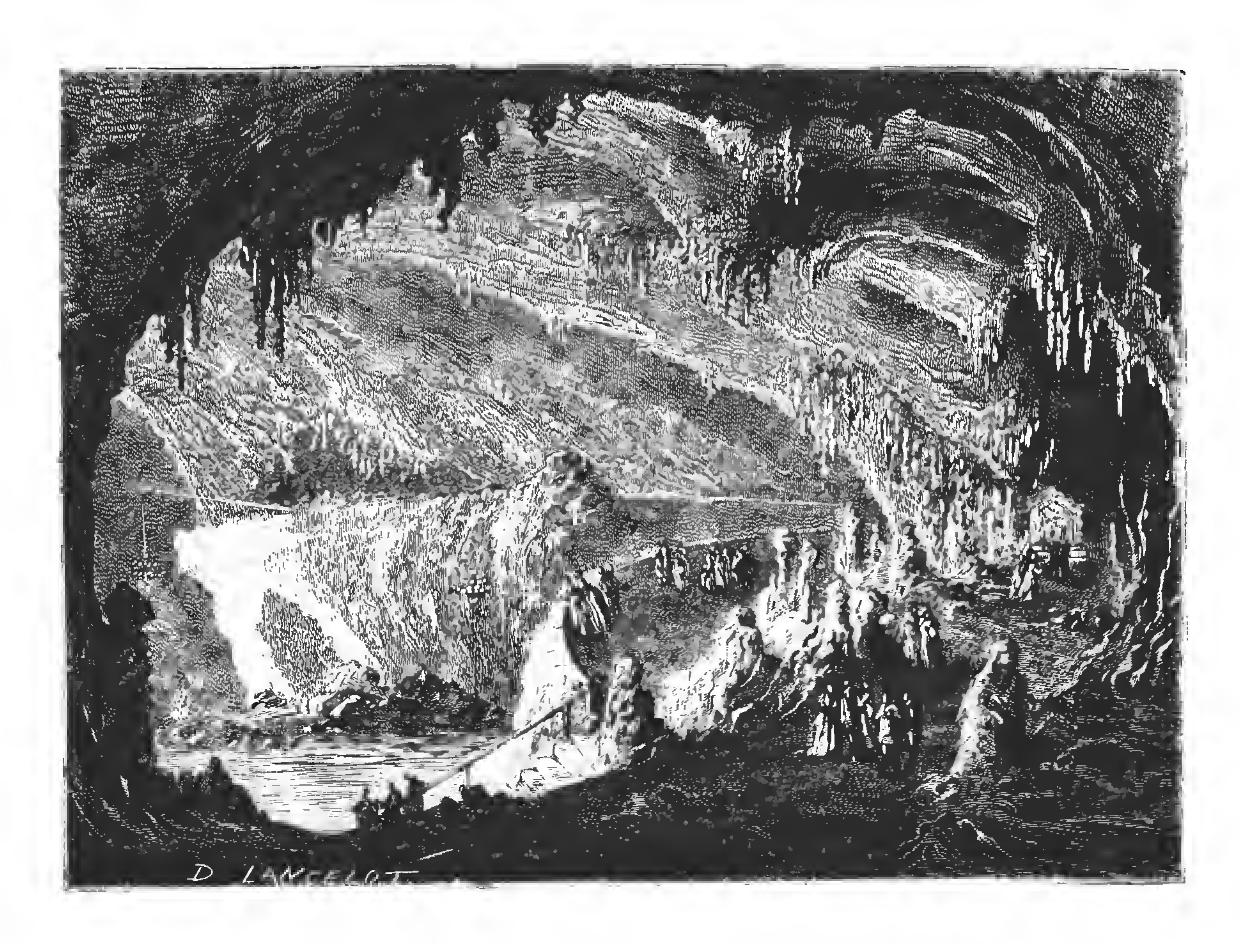
Люси отвѣтила краснорѣчивымъ взглядомъ.

Долго тянулся этотъ день, который молодой парижанинъ про-

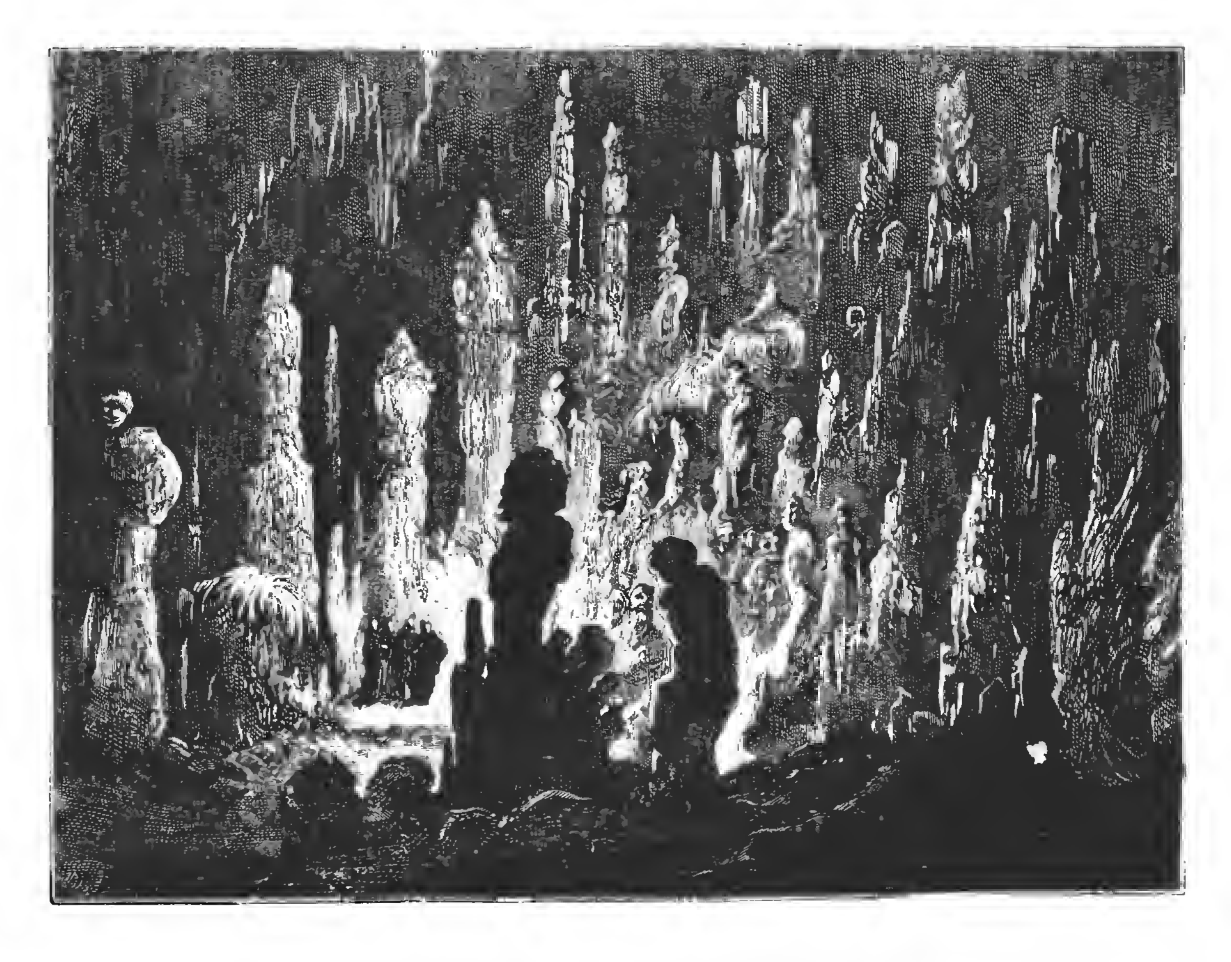
Японская уличная ѣзда. Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.



Адельсбергскій гротъ въ Австріи. Колодезь. Рис. Лансело, грав. Смитонъ.



Адельсбергскій гротъ въ Австріи. Соборъ. Рис. Лансело, грав. Смитонъ.



Адельсбергскій гротъ въ Австріи. Лобное мѣсто. Рис. Лансело, грав. Смитонъ.

велъ въ лихорадочномъ ожиданіи вечера. Все время въ домѣ толклись постороннія лица, къ обѣду откуда-то пріѣхали гости. Наконецъ всѣ разъѣхались и онъ опять остался наединѣ съ Люси.

Боясь, чтобы опять кто нибудь не помѣшалъ объясненію, Карлъ приступилъ прямо, безъ обиняковъ.

— Миссъ Люси, быстро и съ паѳосомъ заговорилъ онъ,—хотите ли заставить меня забыть мучительное прошлое, хотите ли вы открыть мнѣ новую жизнь, жизнь, полную счастья и чистыхъ радостей?

Онъ не вполнѣ сознавалъ все значеніе своихъ громкихъ фразъ. Бѣдная Люси вѣрила имъ, съ блаженствомъ слушая своего возлюбленнаго.

— Я люблю васъ и буду всегда вамъ вѣрна, дрожащимъ голосомъ произнесла она.

— О—Люси!—я отдаю мою судьбу въ ваши руки, навѣки буду вашимъ рабомъ! Клянусь вамъ!

— Я—ваша, ваша навсегда...

На этотъ разъ молодымъ людямъ помѣшалъ Патрикъ. Вскорѣ вошли м-ръ Джонъ и Бартонъ, объявившій, что пора спать.

Всю ночь промечталъ Карлъ.

Онъ мысленно видѣлъ себя—въ Парижѣ, въ своемъ клубѣ, среди друзей, которымъ разсказывалъ о томъ, какъ, вмѣсто сѣверныхъ оленей, на которыхъ ѣхалъ охотиться, онъ подстрѣлилъ прехорошенькую лань... „Пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ!“ думалось ему. Онъ почти не сомкнулъ глазъ и поднявшись съ зарей, одѣлся и вышелъ изъ своей комнаты. На порогѣ гостиной его встрѣтили гигантскія фигуры отца и сына Бартоновъ.

— Вашу руку, вашу руку, честный юноша! произнесъ Бартонъ-отецъ, а другую дайте Патрику. Присядьте-ка вотъ тутъ. Скажу вамъ, что вы мнѣ понравились съ первой же минуты, какъ я васъ увидѣлъ!

— Что такое съ нимъ? мысленно спрашивалъ себя Карлъ во время этихъ изліяній.

— Вообразите, продолжалъ колоссъ,—вчера вечеромъ, когда вы только что ушли, дурочка Люси бросается ко мнѣ въ объятія, плачетъ, смѣется, путаетъ что-то такое. Долго я не могъ разобрать ея билиберды. Наконецъ, насилу понялъ, что вы—женихъ и невѣста!

Карла бросило въ жаръ при этихъ словахъ, но Бартонъ не далъ ему говорить.

— Да, да, продолжалъ онъ, вы сдѣлали прекрасный выборъ—лучшей дѣвушки вамъ не найдти во всемъ свѣтѣ. Это прекрасная для нея партія, ну да и для васъ, оно—хорошее дѣло. Гаррисонъ сказалъ мнѣ, что вашъ отецъ богатъ. Ну, такъ, слушайте же. Мы съ Патрикомъ рѣшили вотъ что. Не хотимъ мы, Бартонъ-Сомерсетъ, чтобы Люси выходила замужъ безприданницей. Завтра мы всѣ ѣдемъ въ С.Джонъ и тамъ епископъ обвѣнчаетъ васъ. Мы отдаемъ вамъ всѣ деньги, которыя отложили въ банкѣ и наши акціи Галифакской желѣзной дороги. Вы можете начать отпускную торговлю рыбой и—я не я, если чрезъ какой-нибудь годъ—вы, я и Патрикъ не будемъ первыми богачами въ колоніи!

— М-ръ Бартонъ! воскликнулъ Каберъ, получившій, наконецъ, возможность заговорить, м-ръ Бартонъ—тутъ, къ моему крайнему сожалѣнію, какое-то недоразумѣніе, увѣряю васъ!

— Какое недоразумѣніе?

— Да, недоразумѣніе!..

— Не хотите ли сказать, что вы не женихъ Люси?

— Могу васъ увѣрить, что я никогда не говорилъ ей, что...

— Чего вы не говорили ей?

— Я не говорилъ ей, что... Да вы сами должны понять, что я не могу рѣшиться на такой важный шагъ безъ согласія отца моего....

— Люси! крикнулъ Бартонъ.

Молодая дѣвушка тотчасъ же вошла.

И теперь, какъ во все время своего ухаживанья, онъ увидалъ выраженіе счастія на ея прекрасномъ лицѣ. Но въ эту минуту ему показалось, что онъ попалъ въ западню и чистую радость, которою свѣтились глаза ея, онъ принялъ за выраженіе удовольствія при видѣ того, что ловко придуманный планъ удался. Подъ вліяніемъ этой мысли онъ спросилъ ее довольно рѣзкимъ тономъ:

— Можете ли вы, по совѣсти, сказать, что я вамъ сдѣлалъ предложеніе? Произнесъ ли я предъ вами это слово?

Люси поблѣднѣла какъ полотно.

— Извините меня, миссъ, продолжалъ онъ съ иронической улыбкой, но мнѣ кажется, что вы придали слишкомъ серьезное значеніе словамъ, которыя его вовсе не имѣли.

Молодая дѣвушка не произнесла ни слова, и, схватившись за грудь, въ изнеможеніи опустилась на диванъ, около котораго стояла.

Патрикъ бросился, было къ Карлу, но отецъ отстранилъ его.

— Г. Каберъ, сказалъ онъ, обращаясь къ парижанину,—вы хотѣли обмануть честную дѣвушку. Этого у насъ не водится и не думаю, чтобы божескіе и человѣческіе законы допускали это въ какой бы ни было другой странѣ. Ну, а если бы, теперь, я, отецъ Люси, и Патрикъ, братъ ея, взяли васъ, Карла Кабера, связали по рукамъ и ногамъ, бросили бы въ лодку и пустили бы ее въ открытое море. А? чтобы на это сказалъ г. Карлъ Каберъ?

Морозъ подралъ по кожѣ юнаго француза; но онъ старался пріободриться и возразилъ слегка дрожащимъ голосомъ:

— Г. Бартонъ—вы очень хорошо знаете, что за это начальникъ французской морской станціи потребовалъ бы суда надъ вами.

— Вы шутите, мой милый Каберъ,—вашъ начальникъ морской станціи будетъ здѣсь только развѣ чрезъ годъ и, конечно, никогда не узнаетъ о вашей судьбѣ. Негодяй—ты въ моихъ рукахъ и я могу раздавить тебя, какъ червяка, слышишь ты это! Но еще не сдѣлалъ этого, потому что...

— Отецъ! отецъ! послышался слабый голосъ и Люси, шатаясь, остановилась, какъ ангелъ милосердія, между обоими.

— Отецъ, продолжала она, прижавъ свою блѣдную, прекрасную головку къ широкой груди Бартона,—я... я не вѣрно... не вѣрно поняла слова, которыя... мнѣ были сказаны... это... правда... да... да... И она горько зарыдала.

— Для этого ангела только прощаю васъ. Чтобы чрезъ часъ духу вашего не было тутъ. Яхта будетъ готова, отправляйтесь.

Ровно часъ спустя, яхта отчаливала отъ берега. Люси была слишкомъ слаба, чтобы хоть украдкой выдти взглянуть на уѣзжавшаго, да и не желала этаго—въ ея сердцѣ уже блеснула искра презрѣнія къ парижанину.

А тотъ съ чувствомъ чего то крайне непріятнаго и вмѣстѣ съ чувствомъ значительнаго облегченія вдыхалъ свѣжій морской воздухъ, и поглядывалъ назадъ на тѣ скалы, къ которымъ его чуть было не приковала судьба...

Къ рисункамъ.

Ночью передъ бурей.

(Картина Диксона).

Въ картинѣ Диксона, рисунокъ которой здѣсь приложенъ, очень удачно схваченъ моментъ надвигающейся бури среди спокойной лунной ночи. Правая сторона неба чиста и полна торжественнаго покоя, а слѣва уже погромыхиваетъ, все приближаясь, отдаленный громъ, вспыхиваютъ изрѣдка зарницы, черныя тучи надвигаются все грознѣе, первыя крупныя капли уже прошумѣли въ листвѣ кустовъ. А медлительные волы задумчиво и спокойно лежатъ въ травѣ, еще не чуя приближенія непогоды.

Отправленіе въ школу.

(Картина А. Е. Карнѣева).

Имя г. Карнѣева, въ свое время, было не безъизвѣстно,—на него даже возлагались большія надежды, какъ на жанриста, черпавшаго свои сюжеты изъ народнаго быта, и притомъ не задававшагося излишней тенденціозностью, столь присущей вообще русской школѣ живописи. Но картинки его, дѣйствительно, написанныя весьма тщательно и обдуманно, всѣхъ надеждъ не оправдали,—обличая въ авторѣ несомнѣнный талантъ, онѣ, въ то же время, стоятъ несравненно ниже напр. работъ Перова, В. Маковскаго и др.—„Отправленіе въ школу,“ копію съ которой мы прилагаемъ, одна изъ лучшихъ его картинъ. Простой сюжетъ трактованъ въ высшей степени натурально. Обстановка избы, капризно-плачущая физіономія парнишки, отецъ-старикъ — все это такъ наглядно, что не нуждается въ комментаріяхъ.

Удачливый охотникъ.

Молодой охотникъ всталъ рано, онъ мечтаетъ сколько набьетъ куликовъ, молодыхъ тетерекъ,—мечтаетъ охотникъ, поселившійся конечно не на окраинѣ Петербурга, а на дѣйствительной, лѣсной дачѣ, вдалекѣ отъ столицы.

Приносятся дробовикъ, пороховница, и начинается набивка патроновъ. Осторожно насыпается мѣрочкой порохъ и дробь въ пустыя зеленыя трубки съ мѣдными наконечниками. Затѣмъ пыжи законопачиваютъ плотно верхъ патрона; машинка закругляетъ ихъ края.

И вотъ въ шестомъ часу утра, охотникъ, облеченный въ легкій изящный костюмъ, уходитъ.

Онъ шагаетъ по росистой травѣ, зорко посматривая вокругъ. „Экой денекъ чудный,“ думаетъ онъ:—„сегодня должно быть много дичи. Недѣли на полторы набить можно будетъ.... Ледникъ у насъ хорошій,—не попортится....“

„Бацъ!“—бѣлое облачко дыма, вспучившись комомъ, ползетъ въ сторону,—и птица кувыркаясь падаетъ въ траву.—„Первая!“ говоритъ охотникъ... „Сегодня я много набью...“

Однако много онъ не набилъ. Встрѣтилось ему премилое препятствіе, изображенное на нашемъ рисункѣ. Охота была повидимому удачна, потому что охотникъ пришелъ домой очень веселый—но ягдташъ пустъ...

Уличный экипажъ въ Японіи.

Въ Японіи, какъ свѣжа растительность этихъ вѣчно зеленыхъ острововъ, такъ еще свѣжа и молода жизнь ихъ обитателей. Какая-то первобытная патріархальность и простота сохранились еще въ обычаяхъ и домашней жизни японца хотя въ тоже время онъ не остается чуждымъ такъ называемой европейской „цивилизаціи“ и воспринимаетъ отъ нея теперь очень усердно фраки, мундиры, пиво, желѣзныя дороги и т. п., а затѣмъ конечно и банки, и крахи и соціальную путаницу. Въ домашней жизни и обстановкѣ японецъ до сихъ поръ являлся строгимъ консерваторомъ и совершенно первобытно понималъ требованія удобства и комфорта. Улицу онъ считаетъ и своей мастерской и своимъ рабочимъ кабинетомъ и безъ всякаго стѣсненія производитъ на открытомъ воздухѣ, у порога своего дома, всякаго рода работы. Шумная, веселая толпа снуетъ около него, не прерывая его занятій и его не безпокоитъ ни топотъ коней, ни шумъ экипажей, такъ какъ экипажи, подобные нашимъ, неизвѣстны въ Японіи, а лошадей большею частью замѣняютъ носильщики. Даже почтовое сообщеніе поддерживается во всей странѣ особыми скороходами, которые, бѣгая во всю прыть, разносятъ письма и посылки. Лишь для дальнихъ путешествій употребляются верховыя лошади и паланкины. Паланкины эти бываютъ двухъ родовъ: *норимонъ*, состоящій изъ большаго ящика, внутренняя сторона котораго отдѣлана лакированнымъ деревомъ и снабжена окномъ и двумя дверцами. Въ норимонѣ можетъ помѣститься цѣлое семейство и его носятъ не менѣе 4-хъ носильщиковъ. *Канго*—легкія, бамбуковыя, открытыя со всѣхъ сторонъ носилки, для управленія которыми достаточно двухъ человѣкъ. Носильщики или кули—дюжіе, атлетически сложенные люди, вся одежда которыхъ часто состоитъ изъ одного узкаго пояса или короткой рубашки. Эти же носильщики замѣняютъ собою на большихъ рѣкахъ въ Японіи мосты и паромы, перенося путешественниковъ съ одного берега на другой на своихъ дюжихъ плечахъ. Иногда на улицахъ японскаго города встрѣчаются колясочки въ родѣ той, которая изображена на нашемъ рисункѣ. Въ нихъ большею частью катаются японскія щеголихи, небрежно играя своимъ вѣеромъ и не обращая никакого вниманія на полунагаго перевозчика, на которомъ лежитъ обязанность возить ихъ элегантныя особы.

Адельсбергскій гротъ въ Австріи.

Карстъ-Грабекъ по славянски и il Carso по итальянски, составляетъ вѣтвь Альповъ, противъ Карніоля, отдѣляетъ его отъ берега Адріатики и простирается отъ Фіуме до Горица.

Таубенлохеры—это многочисленныя пещеры, гдѣ гнѣздятся дикіе голуби, очень глубокія, покрытыя травою, воронкообразныя впадины. Разсказываютъ, что однажды, спустили собаку въ такую впадину съ высоты почти 700 футовъ. Собака нашла тамъ какой то выходъ въ одну пещеру, затѣмъ въ другую и такъ далѣе въ двадцатую. Такимъ образомъ, пробираясь изъ пещеры въ пещеру, изъ грота въ гротъ, собака вышла на открытый воздухъ, сдѣлавъ предварительно нѣсколько десятковъ верстъ.

Это рядъ большихъ гротовъ, состоящихъ изъ сталактитовъ разнообразной формы и перерѣзанныхъ потоками. Какъ велико протяженіе этихъ гротовъ очень трудно рѣшить. Самый обширный находится около города Адельсберга. Рѣдкій путешественникъ отказываетъ себѣ въ удовольствіи осмотрѣть эти поистинѣ замѣчательныя галлереи. Туда идетъ желѣзная дорога, но гораздо пріятнѣе проѣхать въ экипажѣ. Останавливаются обыкновенно въ гостинницѣ Золотой Короны. Гротъ находится въ вѣдѣніи города. По требованію устраиваютъ большое или малое освѣщеніе. Дамы должны запасаться плащами отъ сырости. Для осмотра обыкновенно нужно 3 или 4 часа.

Эти галлереи поразительны по красотѣ. Это самые обширные гроты въ Европѣ.

Войдя въ ворота, расположенныя на высотѣ 60 футовъ надъ поверхностью р. Пожкъ, впадающей въ отверстіе у подошвы скалы, прежде нужно подняться, а затѣмъ спуститься съ 13 ступенекъ, ведущихъ къ мосту, высѣченному въ скалѣ, откуда слышенъ шумъ Пожка. Другой мостъ ведетъ къ балкону, откуда виденъ „Большой Соборъ“, пещера вышиною 80 футовъ. Затѣмъ деревянный мостъ ведетъ къ гроту Фердинанда, открытому рабочимъ случайно въ 1818 г. и представляющимъ восхитительную группу сталактитовъ. Проводники говорятъ названія достопримѣчательностей: Кафедра, Мадонна, Каскадъ и т. п. Затѣмъ входятъ въ „Большую залу“ вышиною 450 футовъ, длиною 175 фут. и шириною 105 футовъ. Здѣсь ежегодно, въ Духовъ день устраивается балъ и собираются до 1000 человѣкъ.

По ту сторону зала начинаются ущелья, съ самыми странными названіями: Простыня, Св. Антоній изъ Падуи и т. д.

Изъ достопримѣчательностей Адельсберга упомянемъ еще гротъ св. Канзіана и озеро Циркнитцъ (lacus Lugens), которое періодически исчезаетъ на нѣсколько недѣль, даже мѣсяцевъ и опять появляется. Воды его постепенно уходятъ въ 20 дней и наполняютъ озеро въ продолженіи 24-хъ дней.

Планета Марсъ.

Многіе, безъ сомнѣнія, помнятъ блестящую звѣзду, обращавшую на себя всеобщее вниманіе лѣтомъ и осенью 1877 года. Это свѣтило—была планета Марсъ. Черезъ каждыя 15 или 17 лѣтъ она бываетъ въ такомъ близкомъ—ближе она не можетъ быть—разстояніи отъ земли. Разстояніе это равняется $^1/_8$ разстоянія между солнцемъ и землей. Благодаря этому обстоятельству были открыты два ея спутника—и удалось сдѣлать наблюденія надъ ея поверхностью и изслѣдовать ее. Лучше всѣхъ изслѣдовалъ ее директоръ обсерваторіи въ Миланѣ, профессоръ Шіапарелли, который и предпринялъ составленіе подробной карты поверхности Марса. Онъ началъ свою работу 12 сентября 1877 года и продолжалъ ее до марта слѣдующаго года. Результаты своихъ наблюденій онъ сообщилъ королевской академіи въ Римѣ. Чтобы получить твердое основаніе для топографіи Марса, онъ отыскалъ опредѣленное число выдающихся и легко узнаваемыхъ точекъ для образованія основной сѣти, опредѣливъ предварительно на сколько возможно точнѣе, ихъ географическую долготу и широту. Такія 62 точки составили основаніе карты, которая была дополнена внесеніемъ соединительныхъ линій и всѣхъ замѣченныхъ частностей.

При наблюденіяхъ надъ Марсомъ бросаются въ глаза два блестящихъ какъ снѣгъ пятна, находящіяся близъ полюсовъ. Замѣтили, что поверхность южнаго изъ этихъ пятенъ, достигнувъ въ ноябрѣ или въ началѣ декабря до минимума своего протяженія, снова увеличивается—явленіе, повторяющееся и у насъ на землѣ. Извѣстно, что не въ началѣ лѣта, но въ концѣ бываютъ доступны полярные океаны. т. е. что время наибольшаго нагрѣванія какъ на нашей землѣ, такъ и на Марсѣ не совпадаетъ съ тѣмъ временемъ, когда солнце находится въ зенитѣ.

Снѣжныхъ массъ на землѣ больше, чѣмъ на Марсѣ. Даже въ самое жаркое время въ Гренландіи, на 62 градусѣ находится вѣчный снѣгъ, между тѣмъ какъ на Марсѣ количество снѣга значительно уменьшается, въ 1877 году снѣжный поясъ такъ съузился, что въ ноябрѣ полюсъ планеты казался совсѣмъ свободнымъ отъ снѣга,—явленіе вѣроятно никогда еще не происходившее на землѣ.

Что касается временъ года, то Марсъ и земля находятся почти въ одинаковыхъ условіяхъ потому что, какъ извѣстно, времена года зависятъ отъ угла, образуемаго путемъ, по которому движется экваторъ, съ эклиптикой,—этотъ уголъ равняется у насъ $23^1/_2$ а на Марсѣ 28 градусамъ. Климатъ на Марсѣ не многимъ только холоднѣе, чѣмъ на землѣ. Принимая во вниманіе незначительное протяженіе полярнаго снѣга лѣтомъ, и то, что онъ никогда не встрѣчается въ мѣстностяхъ близъ экватора, можно почти безошибочно заключить, что температура на Марсѣ въ теченіи большей части года не понижается до точки замерзанія.

Больше всего данныхъ имѣемъ мы о метеорологіи Марса, такъ какъ на основаніи наблюденій и выводовъ, существованіе окружающей планету атмосферы не подлежитъ сомнѣнію. Часто надъ темными пятнами (морями) планеты показываются блестящія массы, по большей части неопредѣленной и болѣе или менѣе быстро мѣняющейся формы: это освѣщенныя солнцемъ облака. Но, когда облака покрываютъ свѣтлыя части (сушу) Марса, то ихъ присутствіе можно констатировать только отрицательно, т. е. не потому, что мы ихъ видимъ, а потому, что видимое до тѣхъ поръ скрылось отъ нашихъ взоровъ. Эти облака двигаются, раздѣляются, удлиняются, распадаются иногда на нѣсколько параллельныхъ полосъ и такимъ образомъ даютъ поводъ заключить о вѣтрахъ, дующихъ на Марсѣ. Часто облака образуются надъ опредѣленными мѣстностями и отдѣльными островами, вполнѣ покрывая ихъ и долгое время скрывая ихъ отъ насъ; иногда они стелются длинными полосами надъ сушею, что особенно часто бываетъ зимой. Когда мало по малу надъ этими мѣстностями поднимается солнце, то покровъ понемногу проясняется, дѣлается прозрачнымъ и наконецъ вовсе исчезаетъ.

Опредѣленіе морей и суши на Марсѣ основывается на соединеніи темныхъ пятенъ посредствомъ крайне сложной сѣти изъ темныхъ полосокъ. Цвѣтъ этихъ полосокъ долженъ имѣть ту же причину, что и цвѣтъ моря, по этому можно заключить, что эти полоски ничто иное какъ проливы. Ихъ постоянная связь съ темными массами, также какъ и расширеніе устья невольно напоминаютъ систему водныхъ сообщеній.

Большая часть суши на Марсѣ сосредоточивается около экватора и окружена большими морями. На южномъ полушаріи находятся другіе материки, распадающіеся на два пояса, параллельные экваторіальному материку. Между экваторіальнымъ поясомъ и южнымъ умѣреннымъ тянутся моря, прерываемыя иногда находящимися подъ водою полуостровами, наклоненными отъ сѣверо-запада къ юго-востоку. Замѣчательно, что это направленіе строго соотвѣтствуетъ тому, которое, вслѣдствіе вращенія планеты, должны бы были имѣть пассатные вѣтры и теченія, почему такое распредѣленіе тверди и нужно приписать дѣйствію водъ и атмосферы.

Большихъ сплошныхъ материковъ на Марсѣ нѣтъ, напротивъ, вся суша раздѣлена множествомъ каналовъ на многіе острова. Это соотношеніе между сушей и водой, столь от-

личительное отъ устройства поверхности на землѣ, хорошо видно на картѣ. Ширина проливовъ различна; самые узкіе, которые вообще можно было различить на Марсѣ, не многимъ больше 100 километровъ. Безъ сомнѣнія, на немъ есть еще болѣе узкіе, но облака, застилавшія ихъ, мѣшали точному опредѣленію, иногда, во время полной прозрачности атмосферы, они были видны, набѣгавшія же тучи снова застилали ихъ и въ памяти наблюдателя оставалось только смутное впечатлѣніе, видѣнной имъ сѣти изъ безчисленнаго множества тонкихъ нитей-проливовъ.

Справедливо указываетъ Шіапарелли на важность изслѣдованій планеты Марсъ для лучшаго ознакомленія со многими непонятными до сихъ поръ явленіями на нашей землѣ. Луна и Марсъ единственныя свѣтила, карты которыхъ мы имѣемъ. Но луна столь отлична отъ земли, что напрасно старались выяснить исторію нашей земли посредствомъ изученія поверхности нашего спутника. Между тѣмъ Марсъ, подобно нашей землѣ, имѣетъ атмосферу, моря, облака, вѣтры и полярный ледъ, и тщательное изученіе его можетъ пролить свѣтъ на явленія, происходящія на нашей землѣ.

Политическое обозрѣніе.

Турецкія войска.—Румелійскій заговоръ.—Князь Николай въ Вѣнѣ.—Истребленіе англійскаго посольства въ Кабулѣ.—Смерть Якубъ-Хана.—Новыя важныя событія.—Свиданіе Государя Императора съ Императоромъ Германскимъ въ Александровѣ.

Положеніе турецкихъ финансовъ не улучшается до сихъ поръ и это тяжело отзывается на служиломъ людѣ. Едва ли не ежедневно осаждаютъ Османа-пашу цѣлыя толпы сиротъ, вдовъ и женъ чиновниковъ и офицеровъ, требуя пенсіи или жалованья, но не получаютъ ничего. Положеніе солдатъ ужасно. „Въ цѣломъ мірѣ нѣтъ арміи въ такомъ плачевномъ состояніи, какъ та, которою теперь командуетъ плевненскій герой, — пишетъ одинъ корреспондентъ. Солдаты давно уже отказались отъ всякой надежды получить свое недоданное жалованье. Если они могутъ получить въ день достаточное количество хлѣба, то они кажутся видимо довольными. Что касается платья, то они носятъ лохмотья той самой формы, которую они носили въ сраженіяхъ во время послѣдней войны. Мнѣ говорили, что въ нѣсколькихъ случаяхъ солдаты находились въ такомъ печальномъ положеніи въ Галлиполи, что уже не могли носить жалкихъ остатковъ своихъ мундировъ; нѣкоторые для замѣны ихъ употребили мучные мѣшки, прорѣзавъ въ днѣ отверстіе для головы и съ боковъ двѣ дыры для рукъ. Недавно почти въ такомъ же плохомъ положеніи я нашелъ солдатъ въ Ванѣ: многіе изъ нихъ давно уже сносили свои башмаки и ходили обмотавъ ноги лоскутьями. Военные поставщики отказались поставлять дальше какіе-либо припасы, такъ какъ у правительства нѣтъ даже денегъ на уплату за поставленный уже хлѣбъ. Поэтому, при видѣ того, какъ мало надежды на расплату, нисколько неудивительно, что поставленные припасы были самаго дурнаго качества. Результатъ тотъ, что госпитали или притоны, называемые этимъ именемъ, переполняются народомъ и много людей мретъ отъ недостатка надлежащаго врачебнаго ухода. Разумѣется, есть врачи, состоящіе при арміи, но они вѣчно жалуются, что остаются почти совершенно безъ медикаментовъ. Можно пользоваться лишь самыми простыми врачебными средствами. Безполезно прописывать надлежащее питаніе страдальцу, если такое питаніе не можетъ быть доставлено. Поэтому во многихъ случаяхъ только одинъ шагъ отъ больницы до кладбища. Турецкіе врачи дѣлаютъ все, что могутъ, но безъ необходимыхъ матеріаловъ они, разумѣется, не могутъ лечить. Въ то же время я не могу сказать, чтобы я вѣрилъ много искусству турецкихъ врачей.

Можно вообразить себѣ, что было бы, еслибъ этихъ несчастныхъ, голодныхъ солдатъ послали усмирять какое нибудь славянское волненіе! Настолько же опасно было бы и занятіе ими Балканскихъ проходовъ. А между тѣмъ изъ Румеліи доходятъ тревожныя вѣсти. Въ Вѣнѣ ходитъ слухъ, будто полиція Восточной Румеліи напала на слѣдъ большаго заговора, главные узлы котораго находятся въ Татаръ-Базарджикѣ, Казанлыкѣ, Эски-Загрѣ и Хаскіойѣ.

Недоброе для австрійцевъ шевелится, повидимому, и въ Новомъ - Базарѣ. Населеніе относится къ комисіи (отправленной, какъ уже мы сообщили въ свое время, впередъ) недружелюбно; а на сербско-албанской границѣ до сихъ поръ не усмиряются безпокойныя племена. Говорятъ что ихъ вожди прямо намѣрены воспрепятствовать осуществленію апрѣльской конвенціи. Юсуфъ-Али изъ Призренда объявилъ таможнему губернатору, что люди его племени прибѣгнутъ къ спасительному средству, никогда имъ не измѣнявшему. У нихъ есть оружіе на 6 тысячъ гражданъ и нѣтъ недостатка въ хорошо вооруженныхъ солдатахъ. Юсуфъ утверждаетъ, что возставшіе въ числѣ отъ 8 до 9 тысячъ, двинутся на Нижній-Ломъ. Въ албано-мусульманскихъ деревняхъ Новобазарскаго пашалыка устроены правильныя бюро для вербовки волонтеровъ и число навербованныхъ уже значительно.

На дняхъ поднятъ болгарскій флагъ на судахъ Дунайской флотиліи, подаренной русскими Болгарскому княжеству. Флотилія состоитъ изъ пяти судовъ: „Опытъ“. „Взрывъ“, „Порадимъ“, „Горный-Студень“ и „Тамань“. Самая церемонія отличалась торжественностью, въ присутствіи массъ народа.

Князь Черногорскій, проведетъ въ Вѣнѣ около двухъ недѣль, такъ какъ предстоитъ рѣшеніе цѣлаго ряда вопросовъ между Австріей и Черногоріей (!). Замѣтимъ, кстати, что, какъ сообщаютъ изъ Одессы, тамъ высадился Божо Петровичъ (близкій родственникъ князя Николая, президентъ черногорскаго сената и бывшій главнокомандующій черногорскими войсками у Подгорицы), пріѣхавшій, чтобы явиться къ Государю Императору съ особымъ порученіемъ отъ своего князя. Въ Вѣну телеграфируютъ изъ Бѣлграда, что туда прибылъ 22-го августа (4-го сентября), чрезъ Оршову, русскій курьеръ съ собственноручнымъ письмомъ Государя къ князю Милану; послѣ разговора съ Ристичемъ и военнымъ министромъ (продолжавшагося два часа), курьеръ выѣхалъ, 24-го августа, на почтовыхъ въ Нишъ.

Изъ Авганистана получена поражающая вѣсть — отважный британскій воинъ-дипломатъ, *маіоръ Каваньяри убитъ* въ Кабулѣ возставшимъ народомъ. Вотъ подробности:

Въ „Kölnische Zeitung“ сообщаютъ изъ Лондона: „Едва англійское посольство прибыло въ Кабулъ, какъ уже простой народъ сталъ вести себя, по отношенію къ нему, съ неудовольствіемъ и вызывающимъ образомъ Впредь до окончанія постройки соотвѣтственнаго зданія, для котораго мѣсто было выбрано, посольство помѣстилось въ деревянномъ строеніи. 3-го сентября мятежники были сперва прогнаны сильнымъ огнемъ, но, ограбивъ арсеналъ и будучи подкрѣплены чернью, появились снова. Нападеніе продолжалось цѣлый день, причемъ обѣ стороны понесли значительныя потери. Къ вечеру авганцы подожгли занимаемый посольствомъ домъ; обитатели его выбѣжали оттуда и, послѣ храброй защиты, были всѣ перебиты. Девятеро—проводниковъ, находившихся, во время нападенія, на фуражировкѣ, успѣли бѣжать въ Шутаргарданъ; говорятъ, они одни только и остались въ живыхъ. Сильно тѣснимый Якубъ-ханъ обратился къ англичанамъ съ просьбою о помощи. Бадеха-ханъ, живущій къ сѣверу отъ Шутаргарданскаго перевала, предложилъ англичанамъ свое содѣйствіе. Войска двинуты со всѣхъ сторонъ въ походъ. Надо ждать—каковы будутъ послѣдствія и для этаго событія и для самаго министерства Биконсфильда. Возстаніе между тѣмъ сильно распространяется и войскъ Робертса недостаточно для его подавленія... Между тѣмъ положеніе дѣлъ приняло еще неожиданнѣйшій оборотъ: есть извѣстіе, будто эмиръ *Якубъ-Ханъ кончилъ жизнь самоубійствомъ.*

О Сетвайо сообщаетъ Уэльслей, что вождь этотъ бѣжалъ съ небольшимъ числомъ приближенныхъ, безъ арміи и будто онъ уничтоженъ окончательно. Такія вѣсти мы читаемъ не впервые. Зулусовъ уже нѣсколько разъ „уничтожали окончательно“.

Добавимъ къ сегодняшней нашей бесѣдѣ еще слѣдующія интересныя свѣдѣнія. Дождавшись выступленія нашихъ войскъ съ Балканскаго полуострова, международная румелійская комисія признала *учрежденныя нами гимнастическія дружества опасными въ политическомъ отношеніи!* Не признаетъ ли она, предъ тѣмъ, чтобы прекратить свои занятія, столь же опаснымъ существованіе самой милиціи, да, уже кстати, и дарованной провинціи автономіи?..

Въ то же время сообщаютъ, что старанія австрійской казенной дороги получить концессію на постройку сербскихъ дорогъ оффиціально поддерживается австро-венгерскимъ правительствомъ. *Говорятъ, будто Австрія угрожаетъ занять княжество и построить сербскія дороги насильно, если Сербія, не дастъ своего добровольнаго согласія на предложенія ея.*

Изъ Стокгольма пишутъ, что король Оскаръ, какъ поэтъ, въ своихъ стихотвореніяхъ, высказываетъ все несочувствіе къ Германіи, ея единенію и побѣдѣ ея надъ Франціей. Къ этому еще прибавилась національная симпатія въ Швеціи къ Даніи. Въ войнѣ за Шлезвигъ-Голштинію, въ рядахъ датскихъ войскъ участвовало много шведовъ. *Въ столицѣ Швеціи вообще не сомнѣваются въ томъ, что шведскій и датскій флоты, въ соединеніи съ русскимъ, могутъ добиться нейтрализаціи Балтійскаго моря.*

22-го произошло, въ Александровѣ, на нашей границѣ, знаменательное свиданіе между Государемъ Императоромъ и Императоромъ Вильгельмомъ, отличавшееся необыкновенною предупредительностью со стороны повелителя Германіи, пріѣхавшаго въ наши предѣлы.

Въ то же время, 29-го—Императрица Августа посѣтила Ея Величество Государыню Императрицу въ Югенгеймѣ.

Узелъ новаго столкновенія завязывается въ Марокко и Тунисѣ. Тамъ пришли въ соприкосновеніе интересы Британіи, Франціи, Испаніи и Италіи. Первая, распустивъ свою паутину въ Марокко, поджигаетъ Испанію, а Франція и Италія протягиваютъ руки къ Тунису. Въ Испаніи начинаетъ все громче и громче говорить патріотическое чувство, давно уже оскорбляющееся присутствіемъ британскаго гарнизона въ Гибралтарѣ... Едва ли все это можетъ разрѣшиться мирнымъ путемъ.

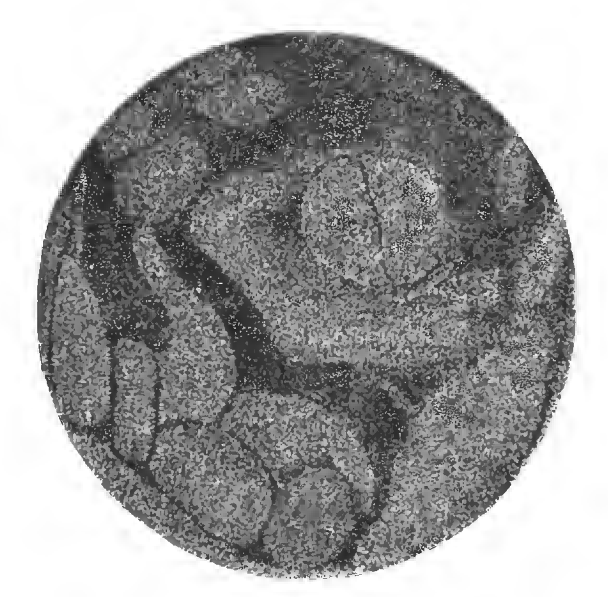
(Продолженіе на стр. 737, 738, 739 и 740).

Русскія минеральныя воды.

Кисловодскъ *).

(Изъ замѣтокъ путешественника).

Начиная отъ Ростова-на-Дону и вплоть до станціи Владикавказской желѣзной дороги „Минеральныя воды", почти на пятисотъ-верстномъ разстояніи, тянется безграничная степь, ровная какъ поверхность моря и покрытая прекрасною травою. Со станціи же „Минеральныя воды" совершенно неожиданно открывается передъ глазами великолѣпное зрѣлище: — вдали возвышается кавказскій горный хребетъ съ своими сѣдыми великанами, а вблизи, среди безбрежной степи, встаетъ группа горъ, замѣчательныхъ по растительности ихъ покрывающей и живописнымъ очертаніямъ. Эти-то горы, во главѣ которыхъ стоятъ Бештау и Машукъ и заключаютъ въ себѣ сѣть „Кавказскихъ минеральныхъ водъ", раздѣленныхъ на четыре группы: *Пятигорскую*, *Желѣзноводскую*, *Ессентукскую* и *Кисловодскую*. Онѣ соединены между собою шоссейными дорогами и діаметръ этой окружности не длиннѣе 50 верстъ. На этомъ, сравнительно небольшомъ, пространствѣ, можно сказать, сосредоточена вся „цѣлебная Европа", т. е. тутъ находятся всѣ безъ исключенія минеральныя воды, разбросанныя по разнымъ мѣстамъ запада: въ Карлсбадѣ, Виши, Эмсѣ и пр. Многіе изъ нашихъ минеральныхъ источниковъ, по своему химическому составу, богаче соотвѣтствующихъ имъ европейскихъ источниковъ, но находящійся въ Кисловодскѣ *Нарзанъ*, въ переводѣ „богатырь-вода", не имѣетъ себѣ подобныхъ.



Планета Марсъ. Грав. М. Рашевскій.

Отъ станціи „Минеральныя воды" до Кисловодска 56 верстъ и дорога идетъ черезъ Пятигорскъ до Ессентуковъ по ровной мѣстности, а за тѣмъ пролегаетъ въ долинѣ рѣки Подкумка по пересѣченной и очень красивой мѣстности. Кисловодскъ лежитъ въ ущельи, огражденномъ со всѣхъ сторонъ возвышенностями. Спустившись по узкой и крутой дорогѣ въ это ущелье, первое зданіе на правой сторонѣ будетъ почтовая контора и станція съ двумя комнатами для пріѣзжихъ; потомъ дорога круто поворачиваетъ налѣво и начинается великолѣпная аллея пирамидальныхъ тополей. Эта аллея длиною почти въ полверсты, упирается въ галлерею и заслуживаетъ того, чтобы остановиться на ней. Она засажена не болѣе 50 лѣтъ тому назадъ, а между тѣмъ тополи разрослись уже въ замѣчательной степени. Впрочемъ, и весь обширный паркъ, начинающійся за галлереею, разведенъ одновременно съ тополями и разросся, благодаря углекислому газу Нарзана до размѣровъ заповѣднаго лѣса, существующаго нѣсколько столѣтій... По правую сторону аллеи (если смотрѣть отъ Нарзана) построены хорошенькіе дома для больныхъ, а по лѣвую пролегаетъ дорога, огибающая галлерею и ведущая въ солдатскую слободку, гдѣ также имѣются помѣщенія для пріѣзжихъ; но объ этомъ будетъ рѣчь ниже, а теперь я поведу читателя въ галлерею, а изъ нея въ паркъ. Галлерея въ Кисловодскѣ (одно изъ обширнѣйшихъ въ этомъ родѣ зданій) построена изъ тесанаго камня въ готическомъ стилѣ, выдержанномъ только со стороны площади. Въ южномъ концѣ галлереи вѣчно кипитъ шипучій *Нарзанъ*, не измѣняя ни зимою, ни лѣтомъ своей температуры въ $11^1/_2$ °. Этотъ дивный источникъ, имѣющій около сажени въ діаметрѣ и глубиною до семи аршинъ, даетъ болѣе 150 ведеръ воды въ минуту; вслѣдствіе чего вода расходуется какъ для внутренняго такъ и для наружнаго употребленія безъ всякаго стѣсненія и мѣстные жители постоянно пьютъ эту *богатырь-воду*, содержащую въ себѣ углекислоту и желѣзо. Въ противоположномъ концѣ галлереи помѣщаются ванны и контора администраціи минеральныхъ водъ, а сзади ихъ, внѣ галлереи, въ особомъ павильонѣ продается козье молоко и сыворотка. Тамъ же былъ прежде кумысъ, но въ послѣдній сезонъ продажа его переведена въ галлерею, занимая маленькое мѣстечко въ проходѣ между мужскими и женскими ваннами. Въ галлереѣ помѣщаются, сверхъ того, газовыя ванны и питье ессентукской № 17 воды изъ бутылокъ; при чемъ остается свободная площадь для прогулокъ саженъ 40 въ длину и до 5 въ ширину. За галлереею начинается тѣнистый паркъ, перерѣзанный горною рѣчкою Ольховкою, которая стремительно несется въ крутыхъ берегахъ по каменистому руслу и образуетъ нѣсколько красивыхъ водопадовъ. Широкая липовая аллея ведетъ отъ галлереи почти до конца парка, гдѣ за деревяннымъ мосткомъ черезъ Ольховку устроена деревянная купальня при *семиградусномъ источникѣ*, и тутъ же весьма красивый каскадъ; а нѣсколько далѣе стоитъ развѣсистая и замѣчательная по своей красотѣ липа, около которой устроена красивая скамейка, называемая *великокняжескою*, а еще далѣе, въ самомъ концѣ парка разбитъ небольшой фруктовый садъ. Сезонъ начинается въ Кисловодскѣ позже чѣмъ на прочихъ группахъ, потому что Кисловодская долина, возвышаясь надъ уровнемъ моря на 2700 фут. и приближаясь къ снѣговому хребту, отличается горнымъ, болѣе прохладнымъ климатомъ; такъ что не только въ маѣ, но даже въ іюнѣ здѣсь бываетъ весьма сыро, а ночи всегда холодны. За то, начиная съ іюля, когда вездѣ духота, въ Кисловодскѣ становится прелестно и воздухъ его, пресыщенный кислородомъ, возбуждаетъ большую дѣятельность легкихъ, способствуя укрѣпленію разстроеннаго здоровья. Здѣсь никогда не бывало никакихъ эпидемій и постоянные мѣстные жители отличаются долголѣтіемъ;—но люди слишкомъ нервные, пріѣзжающіе сюда на время, чувствуютъ себя неумѣренно возбужденными и потому должны пользоваться Нарзаномъ и кисловодскимъ воздухомъ въ душистомъ паркѣ съ осторожностью; другое дѣло въ окрестныхъ горахъ и долинахъ. Большая часть больныхъ пріѣзжаетъ сюда для заключенія своего леченія, т. е. для возстановленія силъ, утраченныхъ при пользованіи на прочихъ группахъ кавказскихъ минеральныхъ водъ; а потому здѣсь уже не преслѣдуется строгость и регулярность въ жизни, обязательныя въ другихъ мѣстахъ. Жизнь начинается здѣсь не въ 6 часовъ утра (какъ вездѣ), а только около 8 часовъ, оканчиваясь иногда въ полночь или даже позднѣе. Кромѣ того тутъ допускаются верховыя прогулки по окрестностямъ и путешествія на *Бермамутскую скалу*, возвышающуюся надъ уровнемъ моря на 9000 фут., откуда открывается живописный видъ на снѣжный кавказскій хребетъ и въ особенности на Эльборусъ, кажущійся оттуда какъ бы на ладони. Но эту послѣднюю поѣздку необходимо предпринимать въ ис-

*) У насъ уже было помѣщено нѣсколько видовъ Кисловодска (Нива 1877 г. № 19) и описаніе города. Теперь сильно увеличивается пріѣздъ на эти воды, и мы помѣщаемъ этотъ очеркъ о состояніи ихъ въ настоящее время.

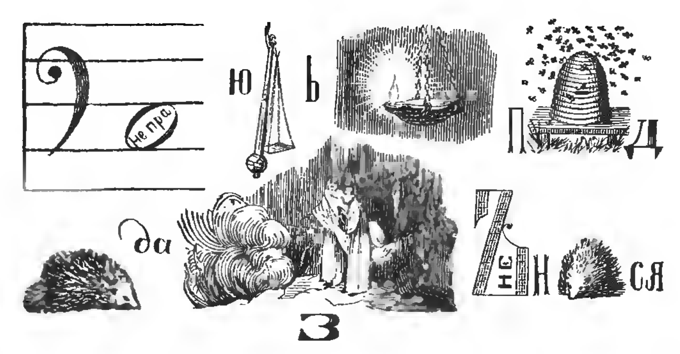
ную погоду, такъ какъ иначе всѣ труды и лишенія, сопряженные съ нею, пропадутъ даромъ; а тѣхъ и другихъ въ этомъ путешествіи не мало... Бармамутъ отъ Кисловодска 40 верстъ и дорога идетъ все въ гору; при этомъ надобно переночевать тамъ на скалѣ, чтобы съ восходомъ солнца полюбоваться чудесною картиною, а для этаго необходимо запасаться провизіею, теплымъ платьемъ и даже дровами, ибо ночью на высокой скалѣ холодно и достать тамъ, въ этой дикой мѣстности, ничего невозможно... Впрочемъ, говорятъ, собираются поставить тамъ для пріюта посѣтителей маленькій домикъ; но это все-таки плохое утѣшеніе для туристовъ.

Что касается квартиръ въ Кисловодскѣ, каждый пріѣзжающій сюда долженъ нанимать ихъ заблаговременно до своего пріѣзда и притомъ съ возможной осторожностію, такъ какъ иначе легко поставить себя въ положеніе человѣка, разсчитывающаго на одно, а получающаго совсѣмъ другое. Въ этомъ случаѣ, надобно имѣть въ виду, во первыхъ, что каменныя постройки, почти всѣ безъ исключенія, отличаются здѣсь сыростью и потому людямъ подверженнымъ простудѣ онѣ не годятся; а во вторыхъ, что удаленныя квартиры отъ парка, не смотря на внутреннія свои достоинства, тоже не годятся, ибо улицы въ Кисловодскѣ не мощеныя и при всякомъ дождѣ обращаются въ непроходимыя. Такимъ образомъ слѣдуетъ выбирать помѣщенія поближе къ парку и въ деревянныхъ домахъ, предпочитая это удобство всѣмъ прочимъ... По тополевой аллеѣ и кругомъ всего парка построено въ настоящее время довольно много прекрасныхъ домовъ, а также имѣются и въ самомъ паркѣ хорошія квартиры; но цѣны на нихъ въ разгаръ сезона (около 10-го іюля) почти недоступныя: отъ 75 до 150 рублей въ мѣсяцъ за комнату средней величины. Потому я укажу на „*курсовую улицу*“ и на другую, безъ названія, ведущую къ рынку:—обѣ онѣ довольно близко отъ парка и на нихъ можно найти порядочную комнату вдвое дешевле. Затѣмъ слѣдуетъ „*солдатская слободка*,“ гдѣ военные поселяне отдаютъ свои домики въ наемъ пріѣзжающимъ. Тамъ, сравнительно, цѣны невысоки, отъ 30 до 50 руб. въ мѣсяцъ за избу въ двѣ комнаты съ сѣнями; но дворы у нихъ всегда, даже въ сухую пору, грязные и навозные, а въ дождливую погоду нельзя пройти чрезъ улицу въ паркъ.

В. Сафоновъ.

(Окончаніе въ слѣд. №).

РЕБУСЪ.



Рѣшеніе задачи. Ходъ коня. № 6.

50	11	24	63	14	37	26	35
23	62	51	12	25	34	15	38
10	49	64	21	40	13	36	27
61	22	9	52	33	28	39	16
48	7	60	1	20	41	54	29
59	4	45	8	53	32	17	42
6	47	2	57	44	19	30	55
3	58	5	46	31	56	43	18

Какъ не богатъ, такъ и алтыну радъ. Языкъ до Кіева доведетъ. Изъ огня да въ полымя.

Вѣрныя рѣшенія присланы: С.-Петербуръ, отъ г: Семенова; **Москва**, отъ г. Макарова; **Рыбинскъ**, отъ г. К. Пущина; **Кронштадтъ**, отъ г. Н. Даржана и **Мозырь** отъ г. Лапина.

Рѣшеніе магическ. квадрата. № 11.

м	а	р	к	а
а	г	е	н	т
р	е	г	у	л
к	н	у	т	а
а	т	л	а	с

Рѣшеніе магическ. квадрата. № 10.

г	л	а	з
л	а	м	а
а	м	у	р
з	а	р	я

Рѣшеніе задачи слоговъ въ № 34.

Рихардъ Вагнеръ, Лоэнгринъ.

1. Резеда.
2. Иларіон
3. Хорист
4. Аяччіо
5. Рейнвейн
6. Довер
7. Вишну
8. Абукельб
9. Георгики
10. Нанкин
11. Ерш
12. Розелит
13. Лье
14. Облигаціи
15. Епифан
16. Ніорд
17. Гласе
18. Ревматизм
19. Индиго
20. Нерон

Антонъ Рубинштейнъ, Демонъ.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы: **С.-Петербургъ**, отъ гг.: Н. Т—ва, Н. Святогорскаго, А. и М. Ипатьевыхъ, Ф. М. Петрова, А. Ерохина, Зафирова и г-жи Ляховичъ, К. Маслова, Надежды Дзюбенко, А Шатца, В. С. Алеліуса, В. Перминова и Н. Ногина, г-жи Е. И. Зотовой; **Москва**, отъ гг.: М. Травиной, А. Баланина, С. Запиной, Свенторжецкаго, А. Сосвова, В. Зѣванина; **Кострома**—Сережи Солодовникова; **ст. Савелино**—Ф. П Монахова; **Новый Петергофъ**—Н. З.; **Лигово**—г-жи Фанстиль; **Мерреноль**—Т. Степановой, **Рыбинскъ**—Е Жуковой; **Кронштадтъ**—Н. Даржана; **Гомель**—Н. Радченко; **Бѣлостокъ**—А. Шерапос. **Колпино**—Ив. Денисова, **Александровъ**—Александровскаго Летуна; **с. Останкино**—А. Живаго; **Минскъ**—Мирона Гинзбурга; **Иваново Вознесенскъ**—А. Крашенинникова.

Рѣшеніе шашечной задачи № 13.

Бѣлые.	Черные.
Съ № 11 на 18	Съ № 13 на 22
„ „ 3 „ 7	„ „ 17 „ 12
„ „ 25 „ 18	„ „ 22 „ 13
„ „ 4 „ 11	„ „ 15 „ 6
„ „ 8 „ 29	„ „ 16 „ 12
„ „ 29 „ 8	

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы: **Спб.** отъ гг.: А. Сергѣева, Геннинга; **Москва**—отъ гг.: Зимина и Кирилова; **Новгородъ**—Дорофѣева; **Рыбинскъ**—Лобанова; **Полтава**—М. Борохова; **Плесъ**—Нивожилова и **Воронежъ**—А. Попова.

Рѣшеніе шахматной задачи № 15.

Бѣлые.	Черные.
1) E 7—E 3	1) C 5—C 4 (или A)
2) D 3—B 2 или D 3—F 2 ††	
A	
1)	
2) H 5—E 2 ††	Куда угодно.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса изъ одного города въ другой, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.

СОДЕРЖАНІЕ: Дѣятели Русской литературы. В. Н Татищевъ (съ портр.)—Стихотворенія. П. Быкова —Касимовская невѣста. Историческій романъ Вс. Соловьева. (Продолженіе).—Въ далекой сторонѣ. Разсказъ Г. Гобино (окончаніе).—Ночью передъ бурей (съ рис.).—Отправленіе въ школу (съ рис.)—Удачливый охотникъ (съ рис.)—Уличный экипажъ въ Японіи (съ рис.)—Адельсбергскій гротъ въ Австріи (съ 3 рис.)—Планета Марсъ (съ 2 рис.)—Политическое обозрѣніе.—Русскія минеральныя воды. Кисловодскъ. В. Сафонова. — Ребусъ. — Рѣшеніе магическихъ квадратовъ.—Рѣшеніе задачи слоговъ.—Рѣшеніе задачи. Ходъ коня.—Рѣшеніе шашечной задачи.—Рѣшеніе шахматной задачи.—О перемѣнѣ адреса.—Тиражъ выигрышей Государственнаго банка.—Объявленія.

Издатель А. Ф. Марксъ. Редакторъ Ф. Бергъ.

2-й заемъ 1866 года. 27-й тиражъ 1-го сентября 1879 г.

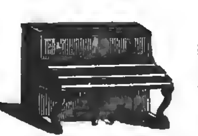
ТИРАЖЪ ВЫИГРЫШЕЙ ГОСУДАРСТВЕННАГО БАНКА.

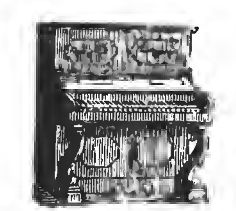
№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.
54	20	500	2203	22	500	4643	3	500	7626	6	500	9531	50	500	12286	35	500	15140	11	25000	17274	19	500
63	5	500	2271	16	500	4655	40	500	7633	30	500	9542	49	500	12304	5	500	15152	36	500	17538	16	500
94	16	5000	2328	45	500	4758	1	500	7644	32	500	9572	10	500	12339	30	500	15260	9	75000	17563	48	500
176	19	8000	2425	19	500	4947	16	500	7654	11	500	9661	3	500	12412	8	500	15287	31	500	17578	28	500
266	27	500	2449	13	500	4950	11	500	7671	18	500	9683	50	500	12581	47	500	15351	6	500	17645	39	500
388	36	500	2469	10	500	5043	4	500	7703	32	500	9765	43	500	12703	17	500	15484	27	500	17671	20	500
422	3	500	2504	44	500	5114	49	500	7771	39	500	9846	8	500	12950	28	500	15498	28	500	17672	31	500
439	32	500	2626	38	500	5276	23	500	7792	32	500	10111	50	500	12960	37	500	15499	9	500	17915	33	500
450	37	500	2671	45	500	5476	9	500	8024	38	500	10154	44	500	12992	29	500	15512	27	500	17975	7	500
458	49	500	2820	31	500	5480	44	500	8063	26	500	10165	46	500	13148	40	500	15563	6	500	17979	21	500
609	10	500	2833	44	500	5515	32	500	8119	6	1000	10247	21	500	13228	50	500	15596	41	500	18073	3	500
609	33	500	2960	19	500	5762	41	1000	8256	22	8000	10306	16	500	13336	42	1000	15607	39	500	18076	32	500
609	46	500	3146	30	500	5850	44	500	8315	29	500	10412	36	1000	13439	30	500	15672	39	500	18119	32	500
659	27	500	3172	23	500	6097	10	500	8327	13	500	10439	32	500	13500	12	500	15840	3	500	18129	46	500
708	31	500	3265	7	500	6122	46	500	8398	41	500	10456	28	1000	13573	19	500	15877	26	5000	18202	37	500
721	24	500	3319	4	1000	6195	35	500	8492	8	500	10613	39	500	13605	4	500	15893	22	500	18259	3	500
821	17	500	3320	36	500	6267	25	500	8506	27	500	10722	31	500	13748	26	500	15912	1	500	18330	40	500
832	5	500	3325	7	500	6345	7	500	8535	33	500	10882	40	500	13947	29	1000	15916	16	500	18526	1	500
1063	46	500	3484	37	500	6383	42	500	8538	30	500	10923	30	500	13952	27	500	15973	22	500	18614	23	500
1209	28	500	3561	19	500	6846	20	8000	8570	34	8000	10926	9	500	14046	47	1000	16030	49	500	18630	46	500
1291	21	500	3596	6	500	6926	5	500	8581	24	500	11112	6	500	14055	3	5000	16087	36	500	18726	13	500
1323	4	500	3618	4	500	6965	25	500	8663	1	500	11123	39	5000	14097	35	500	16087	19	500	18910	36	1000
1346	11	500	3622	40	500	7035	48	200000	8698	17	500	11191	46	500	14129	39	500	16154	21	500	19012	20	1000
1379	31	500	3671	39	500	7089	25	1000	8825	33	500	11245	29	500	14241	27	500	16244	50	500	19145	15	1000
1165	7	40000	3721	14	500	7132	34	500	8860	38	500	11287	25	500	14282	3	500	16284	22	500	19185	34	500
1511	16	500	3802	38	500	7159	24	500	8912	13	500	11437	31	500	14539	27	500	16309	4	500	19217	9	500
1512	22	500	3827	7	500	7195	3	500	8919	39	500	11518	45	500	14623	29	500	16338	18	500	19299	7	500
1600	44	500	3903	11	500	7212	9	500	8947	42	8000	11548	40	500	14650	35	1000	16488	7	500	19340	49	5000
1607	9	500	3909	13	500	7284	28	500	9139	22	500	11595	4	500	14661	29	500	16595	43	1000	19386	16	500
1615	17	500	4062	30	500	7295	29	500	9184	42	500	11709	35	500	14712	21	500	16666	7	5000	19518	20	500
1869	27	500	4103	23	1000	7343	43	500	9249	48	10000	11766	8	500	14713	1	500	16673	42	500	19620	27	500
1898	25	500	4161	25	500	7392	22	500	9253	31	500	11792	26	500	14902	21	500	16755	2	500	19660	39	500
1906	26	1000	4175	22	500	7405	26	500	9281	38	500	11879	22	10000	14970	23	500	16866	32	500	19687	50	5000
1975	24	1000	4176	13	500	7410	30	500	9354	2	500	11919	30	500	15009	6	500	16967	7	500	19842	1	500
1987	23	500	4204	11	500	7420	42	500	9403	31	10000	11953	23	500	15118	15	500	17061	25	500	19842	29	500
2018	42	500	4303	45	500	7470	31	500	9479	16	1000	12030	12	500	15121	14	5000	17193	46	500	19920	42	500
2054	39	500	4525	36	1000	7593	17	500	9480	10	500	12219	49	500	15136	28	500	17264	14	500	19942	45	500
2096	13	500	4544	45	500	7623	26	500	9486	47	1000												

№№ серій, вышедшихъ въ тиражъ погашенія.

553, 1791, 2463, 3666, 3833, 4717, 6023, 7086, 7268, 7565, 7678, 7900, 7961, 8127, 8152, 8542, 8567, 8938, 9090, 9364, 9659, 9806, 9945, 10165, 10193, 10280, 11282, 11526, 11578, 11637, 11759, 12128, 12263, 12454, 12505, 12578, 12763, 13191, 13430, 14408, 14559, 14594, 15533, 16133, 16441, 16624, 16776, 17252, 17347, 17462, 17657, 17694, 17742, 17798, 17929, 18051, 18135, 19112, 19401, 19607.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.



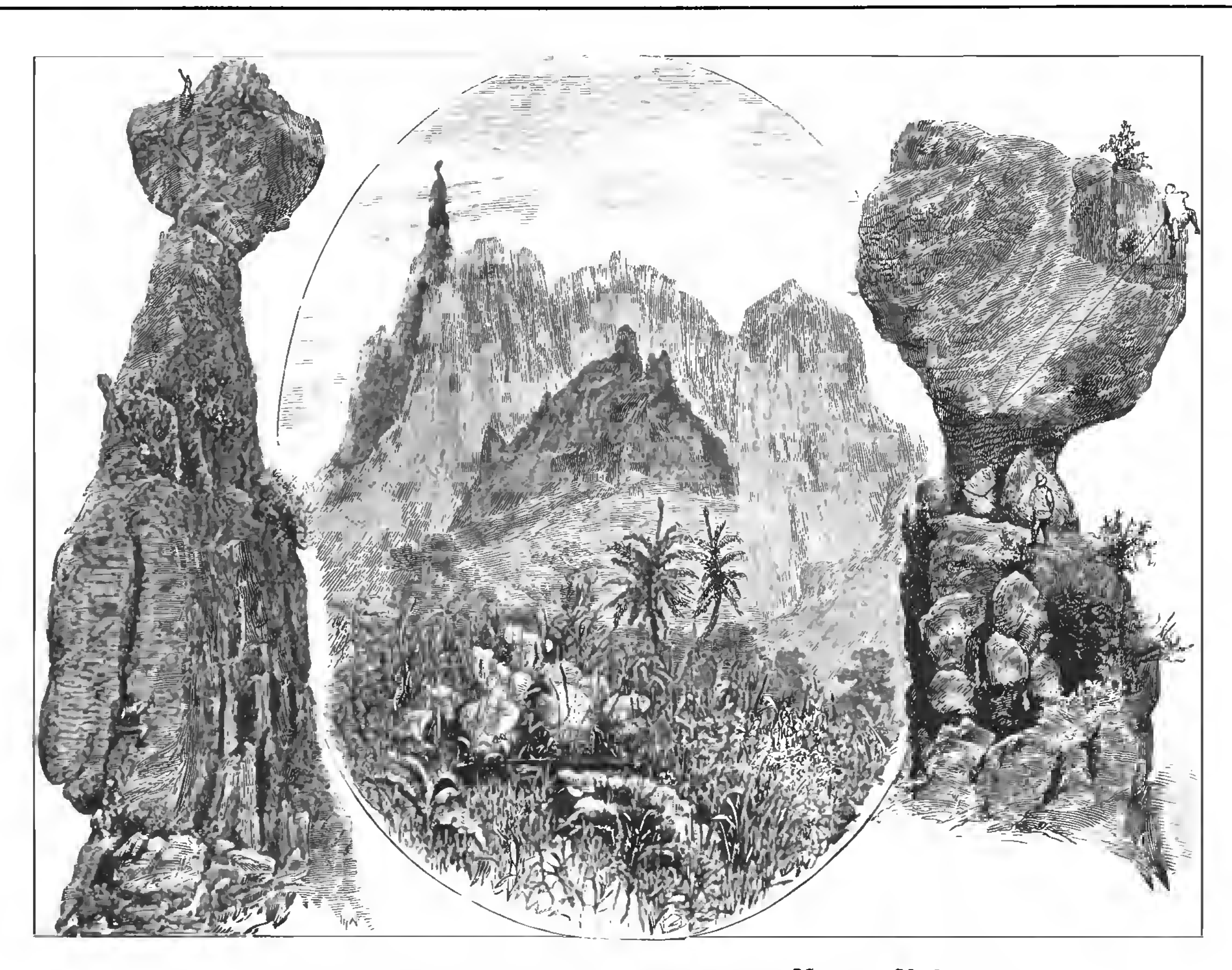


Дозволено цензурою СПБ. 7 Сентября 1879 г. Тип. В. Эвлинга. Англ. пр. № 10.

X годъ | № 38 | годъ X | 1879

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ «ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ» (отъ 20 до 40 моди. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис) и разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40).

Выданъ 17 Сентября 1879 г. Цѣна этаго № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.



Гора „Питеръ-Боотъ“, на островѣ св. Маврикія. По рисунку М., грав. М. Рашевскій.

Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ.

Годъ рожденія и званія Е. И. В.—Личный характеръ Е. И. В.—Покои Е. И. В. въ Аничковомъ дворцѣ.—Пріемы.—Рущукскій отрядъ.—Значеніе отряда.—Пріѣздъ въ отрядъ Государя Императора.—Плѣнные турки.—Простота обстановки и жизни въ Главной Квартирѣ.—Орелъ.—Прощаніе Е. И. В. съ отрядомъ.

Его Императорское Высочество В. К. Александръ Александровичъ родился 26 февраля 1845 года. Въ настоящее время онъ состоитъ начальникомъ гвардейскаго корпуса, атаманомъ всѣхъ казачьихъ войскъ, членомъ государственнаго совѣта, канцлеромъ Финляндскаго Александровскаго университета, Покровителемъ Московскаго Археологическаго Общества любителей древностей, почетнымъ членомъ Императорской академіи наукъ, Московскаго университета, почетнымъ предсѣдателемъ Историческаго Общества и почетнымъ членомъ Русскаго Географическаго Общества. Его Высочество сочетался бракомъ въ 1868 году съ принцессою Маріей Фридерикой Дагмарой, дочерью короля Даніи Христіана IX, родившеюся въ 1847 году. Портреты Августѣйшихъ дѣтей Ихъ Высочествъ, В. В. К. К. Николая, Георгія и Ксеніи, были уже помѣщены въ № 21 „Нивы“.

Каждому, кто имѣетъ случай вблизи видѣть жизнь Цесаревича, хорошо извѣстны обаятельныя стороны характера Его Высочества, который въ каждую сферу своихъ дѣйствій, вноситъ простоту и естественность. Эти качества, симпатичныя сами по себѣ, пріобрѣтаютъ особое значеніе, когда онѣ присущи Лицу, призванному Провидѣніемъ стать во главѣ народа и любящаго этотъ народъ всѣмъ сердцемъ. Русскій народъ знаетъ объ этой любви Его къ Россіи и русскому и имя Цесаревича, на всемъ необъятномъ пространствѣ земли нашей, произносится съ благоговѣніемъ. Когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ дорогой жизни грозила опасность, вся Россія, какъ одинъ человѣкъ, молилась о выздоровленіи Государя Наслѣдника. И велика была всеобщая радость, когда стало извѣстнымъ, что мощный организмъ побѣдилъ болѣзнь и опасность миновала!.. Народъ ликовалъ. Онъ привыкъ чтить въ Цесаревичѣ будущаго продолжателя безсмертныхъ дѣяній Царя-Освободителя.

Весьма понятно, что, даже, малѣйшая подробность, касающаяся высокой личности Наслѣдника, исполнена самаго живаго интереса для каждаго русскаго. Мы далеки отъ мысли сдѣлать попытку воспроизведенія картины частной жизни Его Высочества. Это было бы внѣ нашихъ условій и средствъ. Но мы увѣрены, что окажемъ большую услугу многочисленнымъ нашимъ читателямъ, намѣтивъ рядъ хотя самыхъ общихъ фактовъ и данныхъ, которыя отчасти познакомятъ ихъ съ внѣшнею обстановкою жизни Цесаревича.

Государь Наслѣдникъ съ своею Августѣйшею семьею живетъ, какъ извѣстно, въ Аничковомъ дворцѣ. Дворецъ этотъ, находящійся на Невскомъ проспектѣ, у Аничкина моста, былъ построенъ въ 1744 году по приказанію императрицы Елисаветы Петровны знаменитымъ архитекторомъ Растрелли (видъ дворца того времени былъ уже въ „Нивѣ“ при статьѣ Г. П. Данилевскаго) подаренъ онъ первоначально Государынею графу Разумовскому. Дворецъ впослѣдствіи снова поступилъ въ придворное вѣдомство и по желанію покойной Императрицы Александры Θеодоровны, предназначался для помѣщенія Наслѣдника. Не смотря на значительное пространство, занимаемое дворцомъ, имѣющимъ четыре наружные фасада (съ Невскаго проспекта, Александринской площади, Толмазова переулка и Фонтанки), внутренніе аппартаменты, не отличаются грандіозностію. Даже парадныя залы, поражаютъ скорѣе простотою и изяществомъ отдѣлки, нежели обширностію. Достаточно сказать, что на, такъ называемыхъ „большихъ“ балахъ въ Аничковомъ дворцѣ, когда число приглашенныхъ гостей достигаетъ до 500, тѣснота бываетъ весьма замѣтная, и число танцующихъ паръ въ продолговатой мраморной залѣ незначительно. Къ одной изъ боковыхъ гостинныхъ парадныхъ примыкаетъ зала, въ которой помѣщается библіотека Цесаревича. Огромная масса книгъ, по преимуществу въ простыхъ переплетахъ, наполняющихъ полки шкафовъ, представляетъ живую иллюстрацію русской литературы. Нѣтъ ни однаго сколько нибудь замѣчательнаго произведенія, которое не красовалось бы въ этомъ книгохранилищѣ. Портфели съ рисунками, чертежами, планами и картами частію хранятся въ ящикахъ большаго стола, стоящаго по среди залы. Собственно внутренніе аппартаменты еще менѣе, чѣмъ парадные отличаются роскошью.

Въ большомъ кабинетѣ Цесаревича, выходящемъ шестью окнами на Невскій проспектъ, нѣтъ ничего такаго, что бы поражало съ перваго раза своею особенностію. Большой письменный столъ, кресла, стулья, диванъ самой обыкновенной формы. По стѣнамъ карты, планы; по столамъ книги, и вообще всюду слѣды дѣятельности, во очію свидѣтельствуютъ, что кабинетъ этотъ служитъ мѣстомъ серьезной работы. И работа здѣсь начинается весьма рано. Государь Наслѣдникъ встаетъ обыкновенно между 7-ю и 8-ю часами утра. Послѣ кофе, Его Высочество переходитъ въ кабинетъ и занимается дѣлами часа два, а иногда болѣе; затѣмъ отправляется въ Зимній дворецъ. По возвращеніи оттуда предоставляется аудіенція лицамъ, испросившимъ разрѣшеніе лично быть представленнымъ Цесаревичу. Аудіенціи эти отличаются необыкновенною простотою, и оставляютъ неизгладимое впечатлѣніе въ тѣхъ, которые были ими удостоены. Не было примѣра, чтобы какое либо ходатайство или просьба, если только представлялась возможность къ ихъ выполненію, не были милостиво уважены Государемъ Наслѣдникомъ. Нельзя также не отмѣтить одной особенности. Всѣ желающіе видѣть Наслѣдника, и лично предъявить ему свои просьбы или представиться, если ихъ къ тому уполномочиваетъ ихъ служебное или общественное положеніе, могутъ безъ труда, въ указанное время, отъ 11 часовъ утра до 1 часа, получить просимую аудіенцію. Послѣ завтрака, который бываетъ обыкновенно въ началѣ втораго часа, Его Высочество совершаетъ свои ежедневныя прогулки и затѣмъ, если не присутствуетъ въ высшихъ государственныхъ установленіяхъ, то передъ обѣдомъ занимается дѣлами въ своемъ кабинетѣ. Въ 7 часовъ по полудни бываетъ обѣденный столъ, а около полуночи Государь Наслѣдникъ отходитъ на отдыхъ, чтобы отъ ранняго утра начать вновь свой трудовой день. Весь досугъ Его Высочество посвящаетъ своей Августѣйшей семьѣ.

Съ именемъ Его Императорскаго Высочества въ послѣднее время для каждаго русскаго сердца неизмѣнно связаны драгоцѣнныя воспоминанія о дѣйствіяхъ въ минувшую великую войну славнаго Рущукскаго отряда, имѣвшаго высокую честь состоять въ командованіи Наслѣдника Русскаго Престола, самоотверженно подвергавшаго себя, ради святой цѣли, всѣмъ лишеніямъ и опасностямъ суровой боевой жизни. Важная задача, возложенная на Рущукскій отрядъ, блестящее исполненіе которой дало значительную поддержку послѣдующимъ нашимъ военнымъ успѣхамъ—извѣстна болѣе или менѣе каждому. Незначительное количество войскъ, растянутое по линіи въ 70—80 верстъ не имѣло ни съ тыла, ни по сторонамъ никакихъ базисовъ, на которые могло бы опереться въ случаѣ нужды или получить отъ нихъ подкрѣпленіе. Впереди стоялъ врагъ съ силами, много превышавшими наши силы и имѣвшій подъ рукою свободныя необложенныя крѣпости и открытый путь на югъ къ подкрѣпленіямъ. Въ то время, когда Плевнинскіе, Шипкинскіе и Еленинскіе корпуса получали изъ Россіи подкрѣпленія вновь прибывшими войсками, Рущукскій отрядъ ввиду многочисленнаго непріятеля съ безпокойнымъ Мегметомъ-Али во главѣ или съ безразсчетно-порывистымъ и энергическимъ Сулейманомъ—отдалъ сначала Шипкѣ, а затѣмъ Плевнѣ добрую часть своихъ немногочисленныхъ войскъ. Взявъ на себя роль стража въ тылу главныхъ дѣйствующихъ силъ, Рущукскій отрядъ долженъ былъ разрѣшить такую трудную дилемму: заставить врага думать, что отрядъ достаточно силенъ, что прорваться чрезъ него дѣло невозможное и этимъ страхомъ держать высшаго численностью непріятеля въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ полномъ бездѣйствіи по отношенію къ главнымъ пунктамъ великой борьбы.

И дѣйствительно, частыя и смѣлыя рекогносцировки, ежеминутная готовность встрѣтить врага въ любомъ пунктѣ длинной боевой линіи—заставили сперва Мегемета-Али, а потомъ Сулеймана предполагать, что армія Наслѣдника-Цесаревича обладаетъ громадными силами. Перебѣжчики высказывали полную увѣренность турецкихъ военачальниковъ, что Рущукскій отрядъ многочисленъ и притомъ постоянно усиливается гвардейскими частями съ кавалеріей и артиллеріей. Этому выгодному для насъ убѣжденію способствовали въ высшей степени удачно выбранныя позиціи для нашихъ баттарей и тщательно сохраненная тайна объ истинномъ положеніи и дѣйствительныхъ силахъ отряда. Простая неосторожность, ничтожная стратегическая ошибка могли бы выдать Сулейману истинное положеніе дѣлъ: турецкій полководецъ ударилъ бы своими, сравнительно громадными, силами по всему протяженію отряда. „Надо было видѣть, говоритъ одинъ изъ бывшихъ въ отрядѣ лицъ, надо было видѣть ту энергію, съ которой велись турецкія аттаки противъ XI, XII и XIII корпусовъ. Лишь только начиналась гдѣ нибудь на линіи аванпостная перестрѣлка, тотчасъ подымалась тревога по всему отряду. Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь Владиміръ Александровичъ вскакивали на коней, и въ сопровожденіи начальника штаба, мчались по направленію къ начинающейся схваткѣ. Ихъ присутствіе вносило въ бой, кромѣ правильности и сосредоточенности въ дѣйствіяхъ, нравственную увѣренность сражавшихся, что сзади ихъ всегда готова дѣятельная помощь...“

Турки шли подъ убійственнымъ и мѣткимъ огнемъ нашихъ баттарей съ беззавѣтною храбростью. Начальники ихъ высказывали полное презрѣніе къ жизни своихъ подчиненныхъ и посылали подъ сосредоточенные залпы нашей превосходно-укрытой пѣхоты. Они теряли множество людей—наши потери были сравнительно ничтожны. Замѣчательно, что (по разсказамъ плѣнныхъ) Сулейманъ-паша, руководившій у Мечки и Тресте-

ника боемъ лично, поставилъ за своей пѣхотой артиллерію, угрожая стрѣлять по своимъ, если бы стали отступать. Черкесы были разставлены за пѣхотой—нагайками гнать ее на приступъ — вотъ способъ, которымъ турецкій военачальникъ хотѣлъ себѣ обезпечить успѣхъ отчаянной аттаки на наши позиціи. Этими показаніями плѣнныхъ объясняется, какъ могли турки по шести разъ бросаться безъ успѣха на Мечку и потерять напрасно столько войскъ. Такія средства Сулейманъ и до этого практиковалъ противъ нашихъ войскъ на Шипкѣ, гдѣ напрасно погублено имъ множество людей. Очевидна страшная трудность держаться противъ такаго отчаяннаго, энергическаго непріятеля.

Послѣ славныхъ дѣлъ у Чаркіойя, Церковны, Мечки и Трестеника работа отряда была окончена. Задача была выполнена въ полномъ смыслѣ слова блистательно. Государь Императоръ оцѣнилъ великія заслуги Рущукскаго отряда и пожаловалъ Наслѣднику Цесаревичу и Великому Князю Владиміру Александровичу знаки ордена св. Георгія.

По разсказамъ разныхъ лицъ теперь уже можно возстановить нѣкоторыя подробности о жизни въ главной квартирѣ Наслѣдника Цесаревича, пребываніи въ Рущукскомъ отрядѣ Государя Императора и т. п.

О пріѣздѣ въ Рущукскій отрядъ Государя, осталось у всѣхъ очевидцевъ самое свѣтлое воспоминаніе. Вѣсть о томъ, что Монархъ пожелалъ еще сдѣлать длинный, утомительный путь до Брестовца и посѣтить Рущукскій отрядъ, съ быстротою молніи облетѣла всю линію. Наибольшая дѣятельность и приготовленія замѣтны были въ окрестныхъ болгарскихъ селеніяхъ, ибо, само собою, въ тогдашнихъ обстоятельствахъ извѣстіе о близкомъ пріѣздѣ Государя являлось какъ бы предвѣстникомъ близкаго мира. Поселяне усердно начали исправлять домики и деревеньки, заброшенныя въ виду неувѣренности въ будущемъ, въ виду стѣсненій конечно неизбѣжныхъ для людей, расположенныхъ по боевой линіи. Въ два дня все приняло какой то праздничный видъ и въ лагерѣ и въ деревняхъ. Въ день пріѣзда Государя, болгаре—мужчины, женщины, дѣвушки и дѣти—въ своихъ лучшихъ нарядахъ, пестрою толпой собрались около низенькой хаты—квартиры Наслѣдника Цесаревича. Когда Его Высочество милостиво поздоровался съ народомъ, изъ толпы вышли музыканты и начали родъ концерта на мѣстныхъ инструментахъ. Затѣмъ понемногу, сами собой, перешли къ пѣнью и хороводу. Около двухъ часовъ къ крыльцу главной квартиры подвели коней. Его Высочество, въ сопровожденіи свиты, выѣхалъ изъ села по дорогѣ на встрѣчу Государю Императору. По пути были выстроены войска, за ними нескончаемою линіей тянулись толпы народа. За три версты отъ Брестовца показалась коляска Государя. Цесаревичъ сошелъ съ коня и стоя дожидался приближенія Августѣйшаго Отца. Раздались громкіе крики „ура!“ Государь Императоръ, выйдя изъ коляски, и крѣпко обнявъ и поцѣловавъ Цесаревича, возложилъ на Него знаки ордена св. Георгія 2 й степени. Восторженные крики усилились. Затѣмъ Государь, объявивъ о наградахъ Имъ назначенныхъ, сѣлъ въ коляску съ Цесаревичемъ, и прослѣдовалъ къ главной квартирѣ. Музыка, игравшая нашъ величественный народный гимнъ, пѣсни и крики „ура!“ не переставали. Низенькая болгарская хата служила помѣщеніемъ Августѣйшему командиру Рущукскаго отряда. Она состояла всего изъ трехъ маленькихъ комнатъ, раздѣленныхъ перегородками. Узкія окошки не давали достаточно свѣта, а низкій потолокъ заставлялъ всѣхъ почти посѣтителей нагибаться, чтобъ не достать его головой. Въ одной комнаткѣ помѣстился Государь, во второй Цесаревичъ, а третью заняли придворные камердинеры.

Въ пять часовъ вечера заигралъ рожокъ, призывавшій къ обѣду. Въ другомъ, тоже низенькомъ, деревянномъ домикѣ отыскалась комната поднипнѣе и пообширнѣе. Въ ней былъ приготовленъ столъ для Высочайшихъ особъ. Надо сказать, что въ этомъ глухомъ мѣстѣ даже самая простая и обыденная провизія выписывалась издалека и съ величайшимъ трудомъ доставлялась въ отрядъ изъ Бухареста.

На другой день 4 декабря раннимъ утромъ около домика Цесаревича собралась толпа вдвое большая — тутъ были всѣ мѣстныя власти и населеніе окрестныхъ селъ. Тишина была удивительная: тысячная масса не проронила громкаго слова, чтобы не разбудить Государя Императора. Наконецъ изъ домика вышелъ флигель-адъютантъ...

Раздалось оглушительное „ура!“

Государю между прочимъ былъ представленъ купецъ Оловянниковъ, подарившій колокола болгарскимъ церквамъ въ Свищевѣ, Бѣлѣ и Трновѣ. Болгары очень радовались благовѣсту, такъ какъ турецкое правительство безусловно воспрещало всѣмъ православнымъ церквамъ Турціи имѣть колокола. Исключеніемъ изъ общаго правила были немногія греческія церкви на югѣ Румеліи. Жертвователь прислалъ мѣстной церкви въ Брестовцѣ нѣсколько колоколовъ въ память пребыванія здѣсь Рущукскаго отряда и его Начальника—Наслѣдника Цесаревича.

Болгары окружали и утромъ, и вечеромъ церковь толпами, съ радостью слушая благовѣстъ новыхъ колоколовъ, который какъ бы возвѣщалъ порабощенному вѣками народу, что съ этой поры начинается новая эра его народной независимости.

Завтракъ былъ въ той же скромной столовой. День былъ морозный. Къ дому главной квартиры привели нѣсколько десятковъ плѣнныхъ турецкихъ солдатъ и офицеровъ, взятыхъ при Мечкѣ. Одежда вовсе не соотвѣтствовала ни на тѣхъ, ни на другихъ сезону: ободранныя, коротенькія куртки, тонкія, висящія лохмотьями шаровары и только у бимбаши (маіора) былъ легонькій плащъ. Государь приказалъ, чтобы немедленно были выданы несчастнымъ шинели и чтобы плѣнные были отправлены на жительство въ Россію.

Удивительная простота, которою отличалась обстановка и жизнь въ главной квартирѣ, вспоминается нѣкми съ трогательнымъ чувствомъ. Мы уже говорили, что домикъ, гдѣ помѣщался Цесаревичъ, состоялъ всего изъ трехъ комнатъ. Въ эту низенькую, небольшую турецкую хатку вела маленькая лѣстница въ нѣсколько узкихъ ступенекъ, не совсѣмъ безопасныхъ. Небольшое крыльцо, въ видѣ галлерейки. Затѣмъ узенькая передняя, гдѣ помѣщался камердинеръ и единственная печка въ родѣ очага. Первая комнатка служила пріемной съ болѣе чѣмъ скромной меблировкой; вторая—уборная и спальня Наслѣдника Цесаревича. Крыша домика была Турецкой архитектуры. Подъ домикомъ находилось довольно обширное подземелье, въ которомъ, по восточному обычаю, зажиточные хозяева обыкновенно держатъ весь скотъ. Около домика на высокомъ шестѣ развѣвался флагъ съ гербомъ Государя Наслѣдника.

Одною изъ достопримѣчательныхъ принадлежностей квартиры Августѣйшаго начальника отряда былъ живой орелъ, не покидавшій Его Высочество, чему мѣстное населеніе придавало суевѣрное значеніе. Еще во время стоянки въ Широкомъ на Ломѣ придворная прислуга поймала молодаго орленка и занялась имъ. Орелъ росъ, переѣзжая вмѣстѣ съ главной квартирой; онъ свыкся не только съ военнымъ шумомъ, но даже и съ грохотомъ пушекъ, и трескомъ ружей при частыхъ стычкахъ. Жилъ онъ потомъ совсѣмъ на свободѣ, но такъ привыкъ къ главной квартирѣ и къ всевозможнымъ военнымъ мундирамъ, что не боялся потомъ уже никого. Даже при встрѣчѣ съ нимъ гдѣ нибудь на тропинкѣ онъ и не думалъ посторониться—приходилось вѣжливо обойти стороною гордаго царя птицъ. Орелъ былъ очень красивъ, громадныхъ размѣровъ и бывалъ видѣнъ издалека на низенькой крышѣ главной квартиры—его обычное мѣстопребываніе. Вмѣстѣ съ выступленіемъ нашихъ отрядовъ и орелъ отправлялся съ ними на рекогносцировку. Турки и черкесы, случалось, бѣжали передъ „московомъ“ а вороны и ястреба бросались стремглавъ въ разныя стороны, завидѣвъ издали, плавающаго въ воздухѣ надъ отрядомъ, нашего орла.

Августѣйшій Начальникъ слѣдующими трогательными словами прощался со своимъ доблестнымъ отрядомъ (приказъ по войскамъ Восточнаго Отряда отъ 1 февр.) „Разставаясь съ войсками, которыми я имѣлъ честь командовать, выражаю сердечную мою благодарность всѣмъ чинамъ отряда отъ генерала до солдата, свято и честно исполнившимъ свой долгъ, въ самое тяжелое время боевой службы. Всѣ усилія отчаянно нападавшаго врага сломились о вашу доблестную стойкость и непоколебимое мужество. Кромѣ непріятеля вы вынуждены были неустанно бороться съ невзгодами—знойнымъ жаромъ, холодомъ, ненастьемъ, бездорожьемъ. Борьба невидная и не имѣющая блеска боевыхъ подвиговъ. но выйти изъ нея съ честью могутъ только войска, сильныя духомъ. Никогда не забуду, что высокочтимою мною воинскою наградою я обязанъ славной боевой службѣ воиновъ Рущукскаго отряда, съ которыми я дѣлилъ труды и о которыхъ на всю жизнь сохраню самое отрадное воспоминаніе...“

Стихотворенія.

I.

Зарница.

(Изъ Гервега).

Вспыхнетъ зарница, и небо
Вспышкой охватитъ своею,
Тучи, и горы, и степи
Вмигъ озаряются ею.

* * *

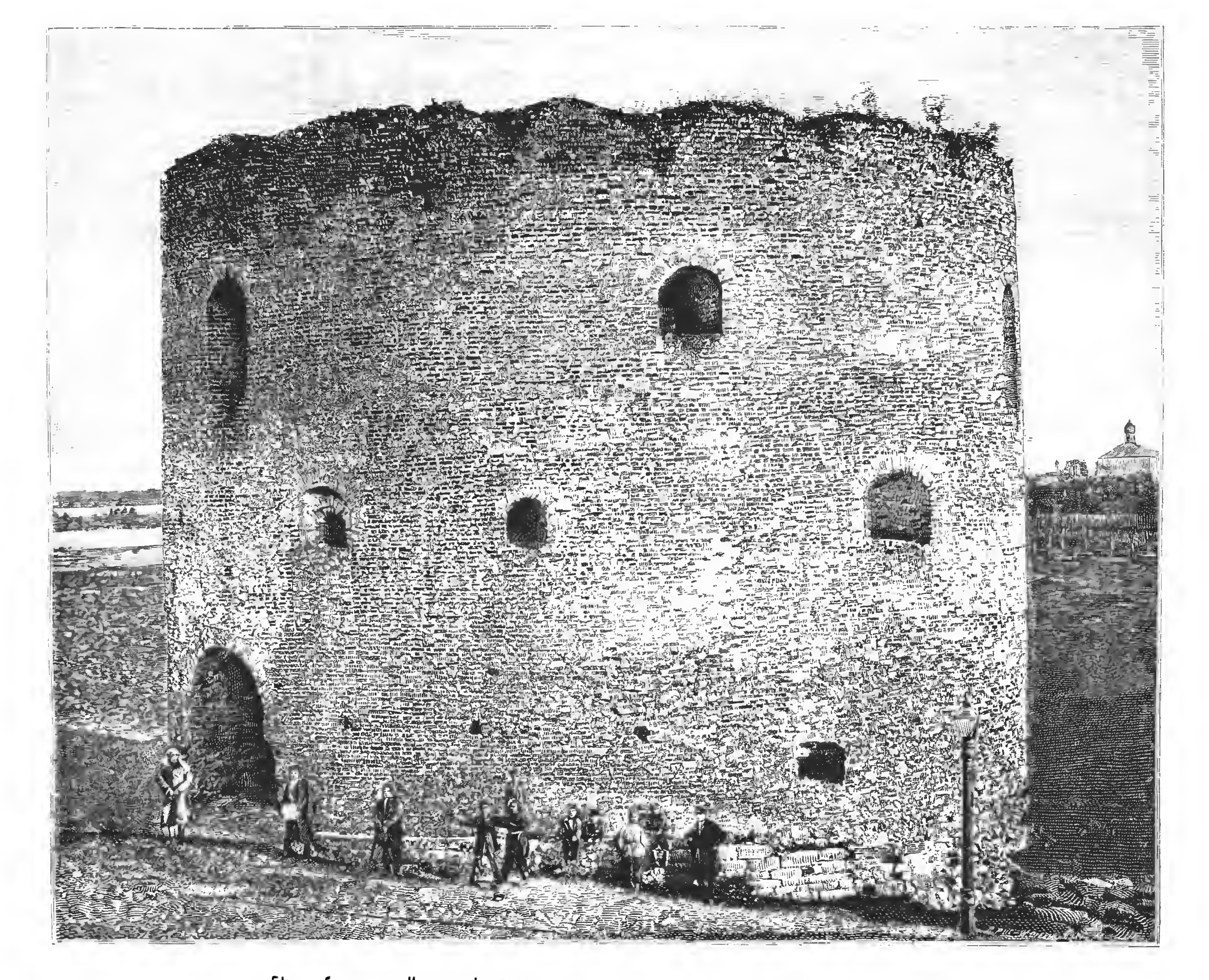
Рѣзко сверкая надъ міромъ,
Неба ночнаго царица
Царствуетъ только мгновенье:—
Вспыхнетъ и гаснетъ зарница.

* * *

Только мгновенье... Но выше
Развѣ бываютъ мгновенья:—
Вѣчности развѣ не стоитъ
Мигъ мироваго владѣнья?..

Г.

Дѣдушка загулялъ. Ориг. рисунокъ на деревѣ для „Нивы", профессора К. Е. Маковскаго, грав. М. Рашевскій.



Бѣлая башня въ Новгородѣ. Съ фотографіи Н. Лядова, грав. Пуцъ-Шюблеръ.

II.

Ледяное море.

Громадныя бѣлыя горы,
Уступы и черныя скалы
Нависшія глыбы утесовъ
И въ пропасти бездны обвалы.

* * *

Отъ вѣка застывшаго моря
Внизу неподвижныя волны,
Въ мерцаніи съ блѣднаго неба
Мертвящимъ величіемъ полны.

* * *

Безъ признаковъ жизни природа
И тишь—до тоски, до страданья!
Глядишь въ изумленьи—и видишь
Торжественный день мірозданья,

* * *

И чуешь прозрѣвшей душою:
„Духъ Божій надъ бездной несется!..“
И гнутся колѣни, и сердце
Объятое трепетомъ, бьется... W.

Касимовская невѣста.

Историческій романъ Вс. СОЛОВЬЕВА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Продолженіе).

XVI.

Касимовскій воевода, Никита Петровичъ Обручевъ, былъ сущимъ наказаніемъ для города и всей окружности. Прежде онъ воеводствовалъ долгое время въ Сибири, и тамъ еще пріучился къ самоуправству. Теперь, переведенный въ Касимовъ, онъ нисколько не измѣнилъ своего образа дѣйствій и считалъ себя полнымъ и единственнымъ хозяиномъ всего, что его окружало.

Нѣкоторые изъ его благопріятелей, слыша про какую нибудь черезъ чуръ уже значительную продѣлку, не разъ замѣчали ему, что онъ плохо кончитъ. „Въ Сибири де на воеводствѣ хоть внизъ головою ходи, хоть весь городъ перевѣшай—все съ рукъ сойдетъ. Кто тамъ разузнавать будетъ! Ну, а Касимовъ не Сибирь, и Москва не за горами; дойдетъ до царя, донесутъ—такъ не вывернешься“.

Но воевода только ухмылялся на такія рѣчи и продолжалъ жить въ свое полное удовольствіе. Нѣсколько лѣтъ прошло—чудеса разсказывали про дѣянія воеводы, а бѣды съ нимъ никакой не случилось, и онъ окончательно увѣровалъ въ свою силу и въ свое право. Подвалы воеводскіе биткомъ были набиты всякимъ добромъ и припасами. Денегъ у Обручева куры не клевали и съ каждымъ годомъ все прибывало и прибывало его благосостояніе—легко оно доставалось.

Всякій торговый или промышленный человѣкъ, не только жившій въ городѣ, но и по дѣламъ въ него заглядывавшій, долженъ былъ идти къ воеводѣ съ большимъ *приносомъ*. Въ мѣсяцъ раза по три, а то и по четыре разсылалъ воевода своихъ подъячихъ къ городскимъ обывателямъ и требовалъ, чтобы они въ такой то день и часъ являлись къ нему и несли дары свои. А кто не придетъ или принесетъ мало, того сейчасъ же схватятъ и въ тюрьму посадятъ, а потомъ и выкупъ съ него потребуютъ. Не дастъ онъ выкупа, такъ въ тюрьмѣ просидитъ хоть до скончанія вѣка.

Люди воеводскіе ежедневно въ гостинный дворъ забирались и брали тамъ товары безъ платы. Наконецъ завелъ воевода близко отъ своего дома корчму и началъ спаивать весь людъ касимовскій, грабя при этомъ каждаго. Развратъ въ воеводскомъ домѣ былъ такой, что о немъ ужь умолчать лучше.

И не одинъ Никита Петровичъ страхъ нагонялъ на Касимовцевъ,—съ нимъ въ этомъ спорила и жена его. Врядъ ли была въ Касимовѣ хоть одна женщина, которая изъ-за нея не убивалась, не плакала и ее не проклинала. Пойдетъ воеводиха въ баню, а городскія женщины должны идти ей челомъ бить, да не съ пустыми руками. Лежитъ она на полкѣ, парятъ ее вѣниками горячими, а горожанки, одна за другою, подходятъ къ ней, низко кланяются и кажутъ ей свои приношенія. Понравится приношеніе—отберутъ и отпустятъ по добру по здорову; не понравится—такъ раздѣнутъ несчастную женщину и запарятъ чуть не до полусмерти.

У такаго-то воеводы приходилось искать суда и правды въ своей обидѣ Рафу Родіоновичу. Дня черезъ два послѣ объясненія Суханова съ Фимой, о которомъ до сей поры никто не вѣдалъ, такъ какъ сватовство нужно было начать по исконнымъ обрядамъ и обычаямъ, а это было невозможно, пока женихъ съ невѣстой жили въ одномъ домѣ—перебрались Всеволодскіе вмѣстѣ съ Сухановымъ въ Касимовъ и остановились у стараго знакомца своего, соборнаго попа, отца Николы.

Рафъ Родіоновичъ тотчасъ же и отправился къ воеводѣ. Онъ хорошо зналъ, что ничего путнаго для него не выйдетъ изъ предстоящаго объясненія; но вѣдь нужно же было дѣло начинать порядкомъ, да и авось хоть разъ то удастся пугнуть Обручева Москвою,—вѣдь дѣло не заурядное.

Битыхъ три часа заставилъ воевода дожидать себя въ грязной заплеванной прихожей. Конечно никакимъ дѣломъ онъ не былъ занятъ; но ему пріятно было поломаться передъ Всеволодскимъ, котораго онъ очень не долюбливалъ и неиначе называлъ какъ козломъ, разумѣя что отъ него, какъ отъ козла, ни шерсти, ни молока. Наконецъ, когда уже терпѣніе Рафа Родіоновича стало совсѣмъ истощаться, полупьяный подьячій объявилъ ему, что онъ можетъ идти въ хоромы къ воеводѣ.

Обручевъ, въ растегнутомъ кафтанѣ и стоптанныхъ сафьянныхъ сапогахъ, валялся на лавкѣ, покрытой пуховиками и подушками. Со вчерашняго перепоя у него голова болѣла. Его старое, обрюзгшее лицо съ маленькими подслѣповатыми глазами и рѣдкой сѣдой бородою было теперь совсѣмъ багроваго цвѣта и видимо припухло.

— Съ чѣмъ пожаловалъ? презрительно проговорилъ онъ, даже не взглянувъ на вошедшаго.

Рафъ Родіоновичъ остановился и вдругъ вся его фигура преобразилась. Онъ выпрямился во весь ростъ свой, голова гордо назадъ откинулась.

— Да ты хоть бы по человѣчески слово сказалъ, Никита Петровичъ, хоть бы на лавку меня посадилъ какъ подобаетъ. Я те не холопъ и не подъячій, а дворянинъ столбовой, исконный.

— Хорошъ дворянинъ! переваливаясь съ боку на бокъ усмѣхнулся Обручевъ;—я твоего дворянства что-то до сихъ поръ не видѣлъ, и нечего мнѣ говорить тутъ съ тобою... Садись на лавку коли усталъ, да отвѣтствуй: зачѣмъ пожаловалъ? чай ябеда? только на ябеды всѣ вы горазды...

— Не ябеда, а жалоба и великая жалоба, упавшимъ голосомъ произнесъ Всеволодскій, садясь на лавку.—И коли ты мнѣ въ моемъ дѣлѣ не поможешь, такъ я...

— Да не расписывай, перебилъ его воевода,—что тамъ у тебя такое?

— Вѣдомо ли тебѣ, что князя Солнцева приказчикъ, Яковъ Осина, набравъ шайку разбойниковъ, напалъ на мою усадьбу, въ конецъ разграбилъ домишко мой и крестьянъ моихъ. Искалѣчилъ меня и сына моего, дочь мою увезти собирался и только по милости Божьей она спаслась, а мы живы остались. Вѣдома ли тебѣ, говорю я, такая несносная обида, мнѣ отъ холопа княжескаго учиненная?!

Лицо Всеволодскаго было блѣдно, губы тряслись, языкъ едва поворачивался.

— Не вѣдомо! сказалъ воевода и пристально взглянулъ на Рафа Родіоновича.—Да и сдается мнѣ, продолжалъ онъ, что ты это со злобы на Якова Осину поклепъ взводишь.

— Что я... поклепъ? прошепталъ Всеволодскій и замолчалъ. Говорить онъ больше не былъ въ силахъ.

— Да, поклепъ, я хорошо знаю Осину, человѣкъ онъ какихъ лучше и не надо, не чета вамъ, касимовскимъ дворянамъ; и на разбой не пойдетъ онъ. Да и какая невидаль? много ли тамъ у тебя пожитковъ—такъ и есть—однѣ пустыя ябеды!

Но Всеволодскій уже сладилъ съ собою. Онъ всталъ и, грозно остановившись передъ воеводой, заговорилъ:

— Ну, такъ я скажу тебѣ мое послѣднее слово... что я не поклепъ взвожу, а что все то истинная правда—свидѣтелей у меня много. И ежели ты, аки воевода, не вступишься въ дѣло мое и того душегубца Осину не захватишь и не накажешь примѣрнымъ образомъ, да не мѣшкая долго, то я и до царя дорогу найду!..

Воевода поднялся съ лавки и остановился передъ Рафомъ Родіоновичемъ, заложивъ руки за спину и злобно усмѣхаясь.

— Такъ это ты что же? стращать меня вздумалъ!.. Али ты о двухъ головахъ?! Прежде бы размыслить слѣдовало... Слушай ты, дворянинъ столбовой, что я скажу тебѣ: Осину ради твоего удовольствія и въ потаканіе твоей злобѣ и ябедамъ, я не трону, а за рѣчи твои дерзкія да нахальныя, да за ябедничество — на Москву отпишу и не ты самъ туда поѣдешь, а силкомъ тебя потащутъ къ допросу. А теперь иди по добру по здорову... проваливай... мнѣ съ тобой говорить нечего...

Затряслись руки и ноги Рафа Родіоновича, шагнулъ онъ впередъ и, не вспомни про жену и дѣтей своихъ, плохо бы пришлось воеводѣ.

— Пиши, пиши, воевода, прошепталъ Рафъ Родіоновичъ,—только поглядимъ еще, что къ царю раньше дорогу найдетъ—твоя ли неправда Иродова, али правда моя... Больно ужь зазнаешься ты, смотри на мнѣ оступишься!..

— Что-то страшное, что-то необычайно могучее послышалось воеводѣ въ словахъ старика Всеволодскаго. Какъ то жутко вдругъ стало ему отъ взгляда этаго оскорбленнаго и измученнаго человѣка, и онъ ни слова не сказалъ ему.

Рафъ Родіоновичъ большими шагами и ничего не видя передъ собою вышелъ отъ воеводы. И выходя не замѣтилъ онъ какъ у воеводскаго дома остановилась большая кибитка, запряженная усталыми конями, какъ изъ кибитки вылѣзало двое пожилыхъ людей въ богатыхъ собольихъ шубахъ, не замѣтилъ какое волненіе въ домѣ произвело ихъ прибытіе.

XVII.

Мрачный и страшный вернулся Рафъ Родіоновичъ въ домикъ отца Николы. Настасья Филипповна какъ увидѣла его, такъ и руками всплеснула—лица на немъ не было. И замерла у нея на губахъ вѣсть радостная, которою хотѣла она его встрѣтить. Дѣло въ томъ, что Сухановъ съ Фимой какъ ни крѣпились, но не могли дольше выдержать и признались во всемъ Настасьѣ Филипповнѣ. Сватовство сватовствомъ, все будетъ въ свое время, какъ по обычаю слѣдуетъ, а къ чему же молчать и таиться, когда отъ родителей отказа быть не можетъ. То безсознательное чувство, которое заставляло молчать Дмитрія у него въ домѣ, теперь исчезло. Теперь все другое: они въ Касимовѣ, у отца Николы и, напротивъ, Дмитрій торопился закрѣпить свое счастіе родительскимъ согласіемъ—тогда ужь конечно никакъ не уйдетъ отъ него Фима.

Этой то вѣсточкой спѣшила порадовать Рафа Родіоновича Настасья Филипповна. Она хорошо знала, что онъ давно уже ждетъ сватовства Дмитрія, давно разсчитываетъ на него для Фимы. Но какъ тутъ съ нимъ говорить станешь, когда она его такимъ во всю жизнь не видывала.

Она все же попробовала говорить.

— А я давно уже тебя поджидаю, начала она,—дѣльце есть такое, Родивонычъ...

Онъ дико взглянулъ на нее и крикнулъ:

— Молчи, отвяжись отъ меня и не трожь меня нынче!.. Всѣ отвяжитесь!..

Онъ ушелъ и заперся въ коморкѣ отца Николы. Настасья Филипповна, охая и тряся головою, стала шептаться съ Сухановымъ и Фимой. Они ее успокоивали и порѣшили на томъ, что видно Рафъ Родіоновичъ не поладилъ съ воеводой, а на завтра онъ самъ имъ все разскажетъ и сообща рѣшатъ они, что имъ теперь дѣлать. А вотъ придетъ отъ вечерни отецъ Никола, такъ онъ поговоритъ съ Рафомъ Родіоновичемъ и успокоитъ его.

Но вечерня отошла, а отецъ Никола не возвращается, попадья не знаетъ, что и подумать. Андрея тоже нѣтъ, онъ съ утра исчезъ куда то. Но Сухановъ зналъ гдѣ онъ—конечно въ домѣ родственниковъ новой своей знакомки Маши, которая такъ ему полюбилась.

Проходятъ часы. Сухановъ ушелъ изъ дому къ одному пріятелю, котораго прочилъ себѣ въ сваты. Андрея все еще нѣту, а Рафъ Родіоновичъ запершись сидитъ. Вотъ и вечеръ. Настасья Филипповна прикурнула въ уголкѣ, да и задремала. Попадья къ сосѣдкѣ пошла поболтать о томъ о семъ, да посудить, куда это попъ нынче дѣвался.

Фима сидитъ одна въ темной горницѣ. Сидитъ тихо, не шелохнется, прислушивается къ однообразному чиканью сверчка за печкой. Какъ то странно у нея на сердцѣ. Ей кажется будто много, много времени прошло съ тѣхъ поръ какъ она въ послѣдній разъ раздѣвалась и укладывалась на постельку въ родномъ домѣ. Ей кажется, что она тогда была совсѣмъ другая, что тогда была молода, а теперь вотъ совсѣмъ постарѣла.

Да, много, много прошло съ тѣхъ поръ времени и все измѣнилось, а главное—измѣнился Митя. Прежде онъ былъ просто Митя, привычный человѣкъ, товарищъ дѣтства, а теперь онъ уже совсѣмъ другое, теперь онъ женихъ, будущій мужъ, будущій властелинъ ея...

Она его любитъ, она всю жизнь будетъ служить ему. Да, она его любитъ, онъ добрый, милый, лучше его не сыскать на всемъ свѣтѣ. Онъ спасъ жизнь и ей и ея матери, онъ благодѣтель всего ея семейства. Какъ же ей не любить его?! И особенно въ эти послѣдніе дни, и особенно съ той минуты какъ онъ сказалъ ей, что онъ ее любитъ! Да, она чувствуетъ въ себѣ что-то новое, что-то—тихое да хорошее такое, сладкое...

Такъ вотъ оно, что значитъ суженый! Вотъ она любовь какая бываетъ на свѣтѣ! А она думала, что все же это что то иное, что то совсѣмъ волшебное... Или, пожалуй, не любитъ она какъ слѣдуетъ Митю? Нѣтъ, какъ можно! любитъ, любитъ его всѣмъ сердцемъ!.. Вотъ и теперь, его нѣтъ—ей скучно, ждетъ его не дождется, слушаетъ не скрипнетъ ли дверью. Войдетъ онъ—она къ нему на встрѣчу бросится и прильнетъ головою на грудь его,—и тепло, и уютно, и спокойно ей на широкой и крѣпкой груди этой.

Вотъ вошла дѣвушка служанка, лампадки у образовъ затеплила, для боярышни свѣчку зажгла восковую и вышла.

И опять все тихо, только въ уголкѣ всхрапываетъ крѣпко заснувшая Настасья Филипповна.

„Гдѣ же это Митя?“ думается Фимѣ и начинаетъ она тревожиться.

Въ это время въ сѣняхъ раздаются шаги, дверь

растворяется. Но это не Митя, а отецъ Никола и за нимъ еще кто-то.

Увидавъ незнакомаго человѣка Фима хотѣла было тотчасъ же закрыть себѣ лицо и выдти изъ комнаты, но отецъ Никола поспѣшно взялъ ее за руку и, обернувшись къ слѣдовавшему за нимъ человѣку, сказалъ:

— А вотъ какъ разъ и она, Рафа то Родивоныча дочка.

Невѣдомый человѣкъ быстро окинулъ ее взглядомъ и поклонился. Фима вся переконфузилась, зардѣлась, отвернулась и, высвободивъ свою руку изъ руки отца Николы, быстро скрылась за дверью.

— Ну что, бояринъ, какъ тебѣ показалась дѣвица моя хваленая? сказалъ священникъ.

— Красавица, что и говорить, отвѣчалъ гость. Многихъ дѣвокъ я нонѣ навидался, а такой, признаться, повстрѣчать еще неприведелось; да врядъ ли у насъ и на Москвѣ такія водятся. Спасибо тебѣ, отче...

— Чѣмъ богаты, тѣмъ и рады, весело улыбаясь и кланяясь проговорилъ священникъ.—Неисповѣдимы пути Господни, можетъ и нашей Фимочкѣ выпадетъ великое счастье... Да гдѣ же отецъ то, Рафъ Радивонычъ,—пойти поискать его.

Священникъ направился къ своей каморкѣ и, увидя что она заперта, крикнулъ:

— Рафъ Родивонычъ, ты что ли тутъ? отомкнись!

Задвижка щелкнула, Всеволодскій впустилъ хозяина, а за священникомъ прошелъ и незнакомецъ. И опять заперлись они втроемъ, и долго о чемъ то толковали.

Митя вернулся тѣмъ временемъ. Настасья Филипповна проснулась. Фима шепотомъ разсказывала, что пришелъ какой то человѣкъ невѣдомый и засталъ ее съ лицомъ открытымъ, а отецъ Никола недалъ ей и скрыться во время—совсѣмъ осрамилъ ее.

— Гдѣ же этотъ человѣкъ? вдругъ блѣднѣя и упавшимъ голосомъ спросилъ Митя.

— Да онъ тамъ, съ батюшкой, долго что то толкуютъ, отвѣтила Фима.

Дмитрій прислонился къ стѣнѣ, у него подкосились ноги.

„Не ужь-то это онъ? Во всѣ дома, сказываютъ, заглядываетъ!“ подумалось ему.

Въ эту минуту дверь каморки отворилась и въ горницу вошелъ невѣдомый гость въ сопровожденіи священника и Всеволодскаго. Дмитрій такъ и впился въ Рафа Родіоновича и еще больнѣе сжалось его сердце.

Старикъ уже не былъ сумраченъ и грозенъ какъ утромъ. Теперь вся его фигура выражала какую то торжественность, лицо было радостное.

Гость молча отвѣсилъ поклонъ всѣмъ присутствовавшимъ, принялъ благословеніе отъ священника и вышелъ.

Всѣ молчали, всѣ ждали чего то. Рафъ Родіоновичъ вернулся изъ сѣней, куда онъ проводилъ гостя, и громкимъ, сильнымъ голосомъ вымолвилъ:

— Филипповна, подь ка сюда! Митя голубчикъ, Фима! Богъ не безъ милости! Получитъ злодѣй Осина должное наказаніе, найду я себѣ защитниковъ... въ Москву ѣдемъ, до царя дойду! Гость то, что вышелъ—бояринъ Пушкинъ, по наказу великаго государя ѣздитъ... Государь нашъ батюшка жениться надумалъ—невѣстъ со всей земли русской сзываетъ. Вотъ и на Фиму указалъ отецъ Никола, да и боярину ты приглянулась, дочка... На Москву ѣдемъ... слава те Господи!..

Настасья Филипповна какъ разинула ротъ, такъ и осталась. Фима вся похолодѣла, застучало ея сердце, голова закружилась, едва на мѣстѣ она устояла.

— Рафъ Родивонычъ, что же это такое? Бога побойся! отчаяннымъ голосомъ закричалъ Дмитрій.

— Что такое? что это ты, Митя? изумленно спросилъ Всеволодскій.

— Да вѣдь мы съ утра тебѣ сказать собираемся, вѣдь я завтра сватовъ къ тебѣ прислать долженъ... Настасья Филипповна почитай что ужь и благословила меня съ Фимой, да и самъ ты, Рафъ Родивонычъ, не ужь то скажешь теперь, что не хотѣлъ породниться со мною?! задыхаясь отъ волненія, отчаяннымъ, обрывающимся голосомъ говорилъ Дмитрій.

— Что же это, Рафъ Родивонычъ?! продолжалъ онъ—я Фиму всей душой моей люблю, съ дѣтства люблю, такъ за что же ты ее будешь отымать у меня? Господи, что же это такое?!..

Всеволодскій сѣлъ на лавку, опустилъ голову и долго не могъ сказать ни слова.

— Такъ вотъ оно что! чего же ты раньше то не сказалъ мнѣ?

— Да вѣдь ты же, Родивонычъ, самъ на весь день заперся, развѣ къ тебѣ можно было приступиться, вымолвила, приходя въ себя, Настасья Филипповна.

— Ну а теперь дѣлать нечего! продолжалъ старикъ. Теперь ужь я все порѣшилъ съ бояриномъ, черезъ два, три дня выѣзжать надо. Какъ тутъ быть? никакимъ образомъ я не могу отказаться—и невѣсть что про насъ подумаютъ... да и Фима опозорена будетъ. Правды то никто не скажетъ, а наплетутъ сраму всякаго... Нѣтъ, теперь нельзя, самъ ты долженъ понимать это, Митя; только ты не бойся, голубчикъ. Не ужто весь свѣтъ клиномъ сошелся на Фимѣ. Слышь ты—со всей земли дѣвки на Москву собраны будутъ, такъ чай много краше Фимы сыщется...

— Не сыщется, не сыщется! пробормоталъ Сухановъ ломая руки.

Но Рафъ Родіоновичъ его не слушалъ. Онъ былъ погруженъ въ свои мысли и высказывалъ ихъ громко. Ему не приходило въ голову, что Фима будетъ избрана государемъ. Того быть не можетъ. Другое, совсѣмъ другое поглощало всѣ чувства Рафа Родіоновича. Эта поѣздка въ Москву, эта возможность свидѣться съ людьми сильными и съ самимъ царемъ сулила ему благое окончаніе его дѣла. А послѣ утрешняго свиданія съ воеводой, послѣ всего, чего онъ натерпѣлся, онъ могъ думать только о своей обидѣ.

Въ Москву, къ царю! твердилъ онъ.—Пиши, воевода, пиши, Иродъ! не долго тебѣ кровь пить человѣчью!..

Дмитрій какъ безумный выбѣжалъ изъ горницы. Фима вскрикнула и скрылась за нимъ слѣдомъ. Она догнала его въ сѣняхъ, за рукавъ его схватила.

— Митя, куда ты, постой, Митя! сквозь рыданія прошептала она.

Дмитрій остановился.

— Отняли! простоналъ онъ.

Фима крѣпко обняла его и не выпускала.

— Успокойся, говорила она, ничего того не будетъ. Государь на меня и не взглянетъ. Охъ какъ страшно! Только ты не бойся, Митя, все это такъ, это не правда, это не то!..

Она сама не знала что говоритъ. Ее тоска давила—она не могла видѣть мученій Дмитрія. Какой то ужасъ ее охватывалъ...

Но что то странное вдругъ произошло съ Сухановымъ. Его безумное отчаяніе исчезло. Онъ прижалъ въ темнотѣ голову Фимы къ груди своей и проговорилъ тихимъ, почти спокойнымъ голосомъ:

— Сердце не обманетъ, чую бѣду великую... Люблю я тебя, Фима, пуще жизни—ты это знаешь; но я не стану тебѣ поперегъ дороги! Богъ съ тобою... Можетъ мнѣ горе, а тебѣ счастіе—можетъ царицей будешь. Одно я скажу тебѣ: никакая судьба лютая, никакія силы не измѣнятъ меня и пока сама ты не прогонишь—всюду пойду за тобою. Тамъ, тамъ—пусть тебѣ счастіе; но вѣдь и бѣды ходятъ нежданныя, бѣды великія... Не дай ихъ тебѣ Боже! А придетъ бѣда, можетъ еще пригожуся...

Фима такъ и замерла на груди его и рыдала горько, неудержимо, словно на вѣки прощалась съ нимъ, словно хоронила молодую жизнь свою.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ.

Ориг. рис. для „Нивы“ А. Неймана, грав. А. Нейманъ.

Справочная контора.

Разсказъ.

Въ Нью-Іоркѣ надъ дверьми лавки повѣшена вывѣска и на ней можно прочесть слова, написанныя большими красными буквами. „Джонъ Снайдеръ. Магазинъ готовой дамской, мужской и дѣтской обуви". Снайдеръ вышелъ на тротуаръ посмотрѣть, какое впечатлѣніе производитъ видъ его магазина на проходящихъ. Стоя, заложивъ руки въ карманы, онъ былъ выведенъ изъ своего наблюдательнаго положенія самыми нелюбезными толчками: Бродвей въ рабочее утреннее время не мѣсто для зѣвакъ. Снайдеръ самъ это хорошо зналъ и потому, не обращая вниманія на толчки, возвратился въ свою лавку. Не успѣлъ просмотрѣть онъ утреннюю газету, какъ къ нему вошелъ весьма прилично одѣтый господинъ.

— Имѣю я честь говорить съ господиномъ Снайдеромъ? обратился вошедшій къ хозяину и вѣжливо снялъ шляпу, довольно безцеремонно оглядывая лавку.

— Да, сэръ. Что вамъ угодно?

— Поговорить съ вами наединѣ. Меня зовутъ Джонсономъ, изъ дома У. З.

Снайдеръ, не говоря ни слова, отворилъ дверь своей конторы. Когда оба вошли и усѣлись, Джонсонъ вынулъ записную книжку, приготовилъ листокъ, держа въ правой рукѣ карандашъ, готовился писать; отодвинувъ шляпу на затылокъ, онъ пристально глядѣлъ на Снайдера.

— Какъ великъ вашъ капиталъ? спросилъ посѣтитель.

— 15,000 долларовъ, отвѣтилъ Снайдеръ съ тѣмъ же хладнокровіемъ, съ какимъ и вопросъ былъ сдѣланъ.

— 15,000. Онъ написалъ. Давно въ Нью-Іоркѣ?

— Семь мѣсяцевъ.

— Хорошо. Откуда вы?

— Изъ Шефильда.

— Чѣмъ занимались тамъ?

— Тѣмъ же чѣмъ и здѣсь.

— Откуда взялись у васъ деньги?

— Наслѣдство.

— Сколько вамъ лѣтъ?

— Двадцать девять.

— Женаты?

— Нѣтъ.

— Ваши связи?

— Берлинъ, Гамбургъ, Лондонъ.

— Благодарю.

Спокойно, какъ будто дѣлалось самое обыкновенное дѣло, онъ закрылъ книжку, спряталъ ее и не перемѣняя выраженія лица, раскланялся съ Снайдеромъ. Выпроводивъ за дверь любопытнаго до странности гостя и закуривъ сигару, не могъ не подумать купецъ нѣсколько минутъ о странности такого приключенія. Лукаво улыбаясь онъ припоминалъ, какъ ловко надулъ навязчиваго нахала совершенно невѣрными указаніями. Это утѣшило его нѣсколько, а то онъ было началъ сожалѣть, что не вытолкалъ нахала въ шею, къ чему онъ съ первой минуты чувствовалъ сильное расположеніе. Когда Снайдеръ въ тотъ же день встрѣтился, по обыкновенію, въ ресторанѣ, съ другомъ своимъ, Горнби, то разсказалъ ему о происшедшемъ.

— Не славная ли это штука, Горнби, что практическій американецъ далъ себя такъ провести? кончилъ онъ свой разсказъ, приготовляясь посмѣяться съ пріятелемъ.

— Да, славная штука, чрезъ которую ты легко можешь потерять свое состояніе.

— Пустяки!

— Еслибъ мы не были старыми друзьями, любезный Джонъ, и еслибъ я тебя не зналъ, какъ хорошаго малаго, я бы тебѣ далъ испытать послѣдствія твоей шутки. Но теперь я этого не могу. Къ счастью я хорошъ съ Джонсономъ и надѣюсь исправить твою глупую продѣлку, которая равносильна объявленію открытой войны американскому коммерческому міру. Мы должны сейчасъ же отправиться къ нему въ контору.

— Но объясни мнѣ началъ было Снайдеръ, котораго серьезный видъ Горнби озадачилъ и началъ пугать.

— Объяснять некогда. Ты знаешь меня и надѣюсь, все, что я скажу будешь дѣлать безъ всякихъ возраженій. Повѣрь, твое коммерческое положеніе въ большой опасности.

Помѣщенія фирмы Джонсона занимаютъ огромный домъ на Бью-Стритѣ. Когда Снайдеръ съ Горнби проходили чрезъ множество залъ въ кабинетъ главы отдѣленія Джонсона, то купецъ мало по малу началъ приходить къ убѣжденію, что имѣлъ дѣло съ уважаемой и значительной силой. Куда онъ ни взглядывалъ, вездѣ видѣлъ молодыхъ людей, прилежно строчившихъ разныя дѣловыя бумаги. По стѣнамъ размѣщены были шкафы, наполненные томами дѣлъ. Двое служащихъ спеціально занимались отправленіемъ справокъ и разносили по всѣмъ комнатамъ корзины въ которыя всѣ бросали письма. Кабинетъ Джонсона былъ убранъ съ роскошью и самымъ изысканнымъ комфортомъ. И совсѣмъ иначе представился теперь Джонсонъ въ этой обстановкѣ Снайдеру.

— Позволь, любезный Джонсонъ, познакомить тебя съ моимъ молодымъ другомъ Снайдеромъ.

Эти слова, какъ бы волшебствомъ, превратили холоднаго янки (какимъ онъ казался утромъ), въ самаго любезнаго хозяина. Лучшая сигара была предложена, хотя это собственно противъ американскихъ обычаевъ и нравовъ.

— Конечно ты мнѣ повѣришь, что безъ причины я такого человѣка, какъ ты не сталъ бы безпокоить, говорилъ Горнби Джонсону. Я бы попросилъ тебя познакомить немного моего друга съ устройствомъ вашего коммерческаго дѣла.

— Вы находитесь здѣсь, Снайдеръ, въ обыкновенной справочной конторѣ: задача ея состоитъ въ томъ, чтобы охранять коммерческихъ людей отъ потери капиталовъ. Какъ вы сообщили сегодня утромъ, вы англичанинъ и потому не имѣете никакого понятія о значеніи такихъ учрежденій, которыя въ такомъ развитіи могутъ считаться чисто американскою спеціальностью. Въ нашей Нью-Іоркской конторѣ занимаются, какъ вы вѣроятно уже замѣтили, около 50 человѣкъ. Кромѣ того мы имѣемъ отдѣленія во всѣхъ большихъ городахъ Штатовъ.

Джонъ Снайдеръ отеръ холодный потъ съ лица. Какъ видно онъ еще не привыкъ къ нью-іоркскому климату.

Лучшія фирмы, какъ напримѣръ Стевартъ и Комп., намъ постоянно и охотно даютъ свѣдѣнія во всякое время о своихъ годовыхъ балансахъ, продолжалъ Джонсонъ.

— Возможно-ли, замѣтилъ Снайдеръ, чтобы фирмы, которыхъ репутація такъ установилась, давали кому бы то ни было отчеты.

Джонсонъ лукаво улыбнулся, подмигивая Горнби.

— Въ томъ-то, возразилъ онъ, и заключается тайна успѣха нашего дѣла. Все дѣлается съ полнаго согласія нашего коммерческаго міра. Насколько Тому необходимъ кредитъ, настолько Дику необходимо давать товары въ кредитъ. Такъ какъ всѣ фирмы, знакомыя съ нашимъ учрежденіемъ, видятъ въ основаніи его вѣрнѣйшій путь къ охраненію капиталовъ, то не только охотно сообщаютъ свѣдѣнія о состояніи ихъ дѣлъ, но исключительно сносятся только съ тѣми домами, которые мы рекомендуемъ и всѣ нуждающіеся въ кредитѣ, конечно, должны намъ давать точный отчетъ о положеніи своихъ дѣлъ, потому что только такимъ образомъ они могутъ получить соразмѣрный съ ходомъ ихъ торговли и ихъ капиталомъ кредитъ.

— Вы ссылаетесь только на своихъ агентовъ, но какое ручательство имѣете вы, что ихъ сообщенія вѣрны? спросилъ Снайдеръ.

— Да, еслибъ мы только ссылались на нашихъ агентовъ! засмѣялся Джонсонъ. Вы не должны забывать, что наше учрежденіе имѣетъ нѣсколько тысячъ соучастниковъ, которые въ виду своихъ личныхъ интересовъ (какъ я вамъ уже сообщалъ) доставляютъ намъ самыя вѣрныя свѣдѣнія. Кромѣ того взносы нашихъ соучастниковъ простираются отъ 50—200 долларовъ на человѣка;—это даетъ намъ такія средства, что мы въ состояніи содержать самыхъ дѣльныхъ агентовъ, которыхъ подкупить никакимъ образомъ нельзя. Какъ видите, заключилъ Джонсонъ, наша сила теперь такъ установилась, что каждый, кто бы вошелъ съ нами въ сношенія, или самъ вступилъ въ наше общество, долженъ быть непремѣнно откровеннымъ. Больше мы ничего и не требуемъ.

— Это все хорошо, сказалъ Снайдеръ, но кому можетъ повредить, если вамъ кто нибудь не захочетъ дать свѣдѣній, или дастъ невѣрныя?

Диксонъ на это ничего не отвѣтилъ, только позвонилъ и велѣлъ подать себѣ изъ конторы нѣсколько книгъ. Первая, которую онъ открылъ, былъ печатный каталогъ всѣхъ фирмъ соединенныхъ Штатовъ; онъ сказалъ, что такой каталогъ находится въ рукахъ каждаго участника. Каждая фирма снабжена нѣсколькими знаками, которые Джонсонъ объяснилъ слѣдующимъ образомъ: „Вы читаете здѣсь: „Джонъ Грэнъ К. З. На первой страницѣ мы найдемъ объясненіе: К—капиталъ отъ 50—60,000 долларовъ. З—дѣльный коммерсантъ, заслуживающій умѣреннаго кредита. Посмотрите сюда: Джаксонъ Френсисъ, †. Значеніе этого креста объяснено на первой страницѣ. Не угодно-ли освѣдомиться въ конторѣ. Посмотримъ, что можемъ мы сообщить относительно Джаксона Френсиса.

Съ этими словами Джонсонъ открылъ другую книгу, нашелъ на опредѣленномъ мѣстѣ обозначенную фирму и прочелъ:

Клевеландъ, О., 1-го апрѣля.

Означенный Френсисъ отказывается давать отчетъ. Онъ пріѣхалъ сюда въ прошломъ мѣсяцѣ изъ Питсбурга, съ желѣзнымъ товаромъ, нанялъ помѣщеніе для торговли на Фронтъ-Стритѣ и, какъ я слышалъ, продаетъ по очень дешевымъ цѣнамъ товаръ.

Питсбургъ, Па., 15 апрѣля.

Френсисъ велъ здѣсь торговлю желѣзнымъ товаромъ въ продолженіи 10 лѣтъ. 1-го января онъ пересталъ здѣсь торговать. О его состояніи ничего достовѣрнаго не извѣстно. Проживалъ большія деньги.

— Послѣ такихъ свѣдѣній, наши довѣрители и отказываются входить въ какія либо сношенія съ Френсисомъ. Вотъ страница 137. Генри Мильсъ †. Объясненіе этаго креста мы находимъ въ слѣдующихъ письмахъ нашего корреспондента:

Сиракузы, Н.—У., 13 января.

„Сперва Генри Мильсъ открылъ табачный магазинъ въ 177 Ройнрондъ-Стрэтъ, далъ о себѣ слѣдующее извѣстіе: родился въ 1826. 10/3., въ Бродфордѣ, Іоркширѣ, въ 1855 г. онъ уѣхалъ въ Мельбурнъ, въ Австраліи; въ 1856 г. переселился въ Калифорнію, гдѣ велъ торговлю въ южныхъ копяхъ съѣстными припасами; до 1861 г., пріобрѣлъ состояніе въ 10,000 долларовъ. Когда мины были истощены, уѣхалъ въ Туолумнъ, пробылъ тамъ до 1873 г., велъ различныя дѣла, потомъ женился, переѣхалъ въ Санъ-Франциско, гдѣ оставался до 1875 г. спекулируя акціями пріисковъ. Въ половинѣ 1875 г. въ первый разъ посѣтилъ свою родину, откуда вернулся на родину своей жены (теперешнее его мѣстопребываніе), и устроилъ себѣ великолѣнный магазинъ въ лучшей мѣстности.

— Далѣе:

„Мы освѣдомились и узнали, что всѣ эти показанія вѣрны, сказалъ Джонсонъ, перебирая письма Мильса. Но нашъ калифорнскій корреспондентъ сообщаетъ намъ, что хотя Мильсъ, переѣзжая въ Суолумнъ, имѣлъ состояніе въ 10,000 долларовъ. но не велъ тамъ честно своихъ дѣлъ и пускался въ подозрительныя спекуляціи. Въ Санъ-Франциско, хотя онъ и спекулировалъ акціями пріисковъ, но и теперь еще долженъ своему маклеру 8,000 долларовъ. Жена его имѣетъ состояніе въ 15,000 долларовъ..“

— Вы видите, заключилъ Джонсонъ, что Генри Мильсъ располагаетъ состояніемъ въ 20,000 долларовъ. Не смотря на это, въ виду характера его дѣйствій, никто не хочетъ давать ему кредита.

Настала тяжелая пауза.

— Я нисколько не сомнѣваюсь, началъ опять Джонсонъ, вѣжливо кланяясь Спайдеру, что ваши показанія были совершенно вѣрны. Вы увидите, что съ нашею помощью вы всегда будете пользоваться такимъ кредитомъ, какимъ вы по своимъ дѣламъ можете располагать.

Спайдеръ до такой степени былъ сконфуженъ, что Горнби долженъ былъ вмѣшаться въ разговоръ и попросить Джонсона остаться еще на минутку. Онъ разсказалъ нелѣпую продѣлку Спайдера, при чемъ лицо послѣдняго приняло жалкій и вмѣстѣ смѣшной видъ.

— Такъ, такъ! сказалъ Джонсонъ, хлопая по плечу пристыженнаго купца. Принимая во вниманіе ваше полнѣйшее незнаніе нашихъ обычаевъ и ходатайство нашего общаго друга, я оставлю безъ вниманія нашъ утренній разговоръ. Надѣюсь, что вы сообщите молодому человѣку, котораго я сейчасъ къ вамъ пошлю, всѣ подробности точно. И такъ, господа, прошу васъ меня извинить; я долженъ васъ теперь оставить. Меня ждутъ.

Къ рисункамъ.

Гора Питеръ-Боотъ.

(Островъ Св. Маврикія),

Господствуя надъ сотнею пиковъ, которые тѣснятся вокругъ центральной долины острова св. Маврикія, волканъ Питеръ-Боотъ возвышается на 2675 футовъ и извѣстенъ какъ своею оригинальною формой, такъ и недоступностью. Названіе свое гора получила отъ первыхъ владѣтелей острова—голландцевъ, давшихъ ей это имя въ честь адмирала Питеръ-Боота д'Амерсфорта, потерпѣвшаго здѣсь крушеніе.

Въ прошломъ году, одинъ британскій офицеръ, лейтенантъ Гэгъ подымался на вершину „Питеръ-Боотъ“. Вотъ какъ онъ разсказываетъ о своемъ смѣломъ восхожденіи.

„Я прибылъ на мѣсто, говоритъ онъ, въ ноябрѣ 1878 года. Насъ было шестеро: два моихъ товарища и трое слугъ-индѣйцевъ. Восхожденіе началось утромъ рано. Мы вышли на зарѣ съ ближайшей сахарной плантаціи, захвативъ съ собой небольшой запасъ провизіи, канатъ въ 150 футовъ длины и полдюйма толщины и толстыя веревки. Тропинка, по которой мы слѣдовали, шла сначала плантаціей, а затѣмъ, сквозь ущелье, углублялась въ дѣвственный лѣсъ. Кругомъ стояла торжественная тишина, нарушавшаяся изрѣдка пронзительнымъ крикомъ какой нибудь птицы. Мало по малу путь нашъ началъ подыматься въ гору и вскорѣ мы очутились на круто шедшемъ вверхъ руслѣ высохшаго потока. Густая растительность постепенно замѣнялась низко-растущею тонкою травою, среди которой изрѣдка возвышались невысокіе кусты. Вскорѣ мы вскарабкались по обрыву ущелья. Здѣсь же можно было видѣть угрюмую, въ формѣ громаднаго кома, вершину „Питеръ-Боота“, но легкій туманъ скрывалъ ее отъ нашихъ глазъ. Нѣкоторые изъ спутниковъ моихъ отказались лѣзть и рисковать, но возвращаться, по моему мнѣнію, не стоило и я рѣшился продолжать путь. Пользуясь неровностями скалы, я началъ быстро карабкаться и скоро уже былъ у самой вершины. Но трудно вообразить себѣ мой ужасъ: оказалось что у самаго края кома „Лэддеръ-рокъ“ мнѣ не за что было ухватиться, и нѣсколько секундъ я висѣлъ надъ бездной, но, потомъ, сдѣлавъ отчаянное усиліе, очутился разомъ на верху. Одинъ изъ товарищей послѣдовалъ моему примѣру и вскорѣ присоединился ко мнѣ. Читатели могутъ видѣть этотъ эпизодъ на приложенномъ рисункѣ. Затѣмъ, перебравшись черезъ „Сѣдло“—узкое, круто обрывистое мѣсто, и далѣе—чрезъ скалу, напоминавшую „Лэддеръ-рокъ“, но нѣсколько меньшую по размѣрамъ, мы, наконецъ, добрались до съуженной части скалы. Болѣе двухъ часовъ бились мы, пока удалось намъ закинуть веревку и укрѣпить ее вокругъ верхушки скалы (см. рисунокъ). Сперва взобрался мой товарищъ, который ослабѣлъ до того, что не могъ уже двигаться, потомъ началъ восхожденье я. Когда я достигъ уже самаго края, то мнѣ сразу сталъ ясенъ весь ужасъ моего положенія: меня держала надъ пропастью тонкая веревка, которая терлась о камни и могла каждую минуту лопнуть. Одну секунду мнѣ показалось, что сердце перестало биться. Настала минута колебанія—спуститься-ли внизъ, или продолжать начатое. Я рѣшился продолжать и скоро уже стоялъ на небольшой площадкѣ вершины, рядомъ съ моимъ товарищемъ, настолько же обезсиленный, какъ и онъ. Когда небо прояснилось и солнце появилось во всемъ блескѣ, передъ нами развернулась чудная панорама острова. На сѣверной сторонѣ тянулись громады горъ, круто спускавшихся къ долинамъ, которыя легкимъ склономъ шли къ морю, а тамъ вдали, на гладкой поверхности моря, обрисовывалась группа небольшихъ островковъ, будто висѣвшихъ въ воздухѣ,—небо и вода такъ сливались на горизонтѣ, что раздѣлявшая ихъ линія была незамѣтна. Къ востоку и югу островъ весь затонулъ въ яркой зелени и казался огромнымъ садомъ, среди котораго, тамъ и сямъ, возвышались дымящіяся трубы сахароварень. Лѣсъ мачтъ и пароходныхъ трубъ указывалъ мѣсто гавани.“

Спускъ любознательныхъ и смѣлыхъ путешественниковъ произошелъ съ меньшею опасностью и быстрѣе, чѣмъ восхожденіе.

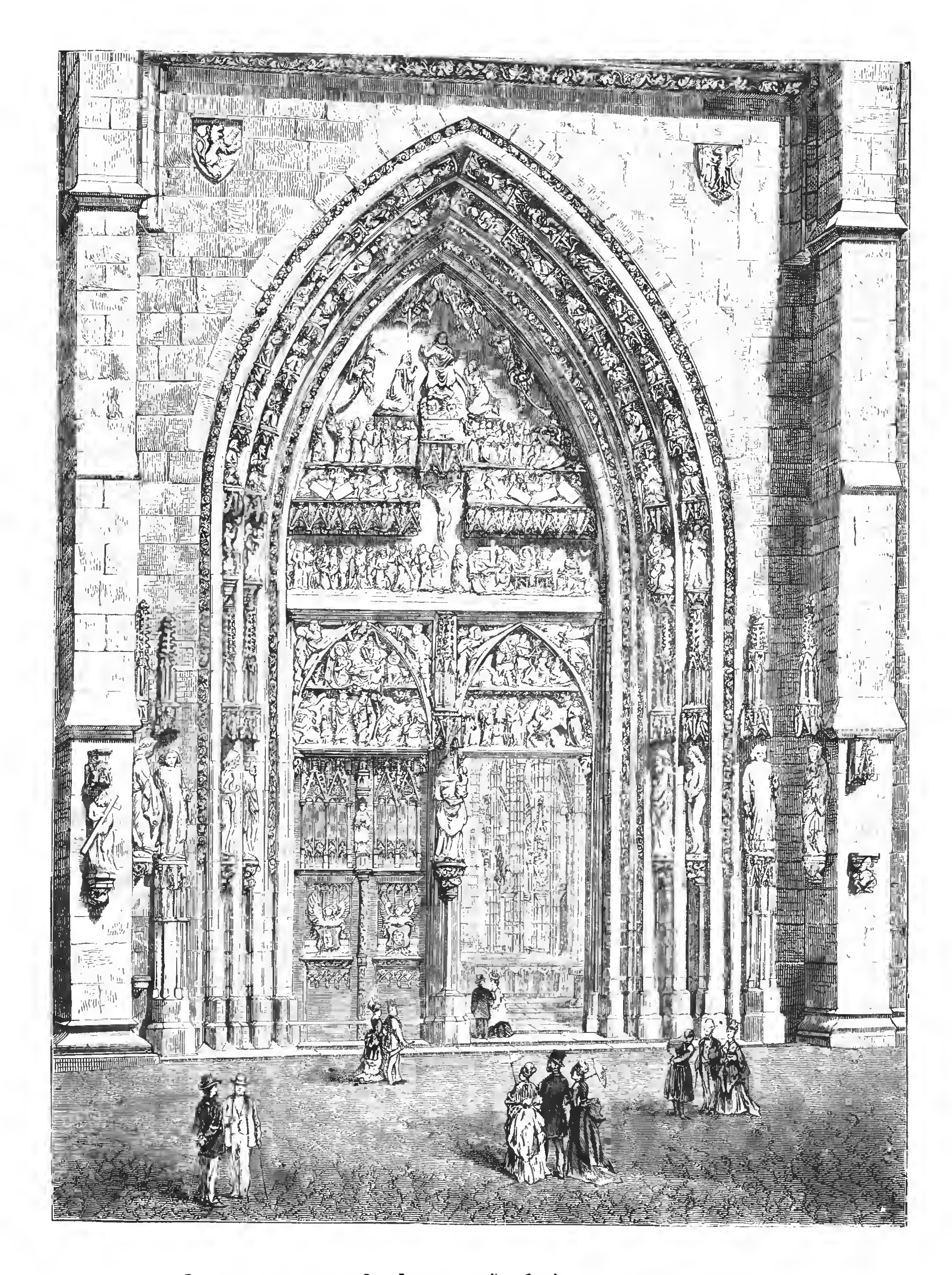
Дѣдушка загулялъ.

(Рисунокъ К. Е. Маковскаго).

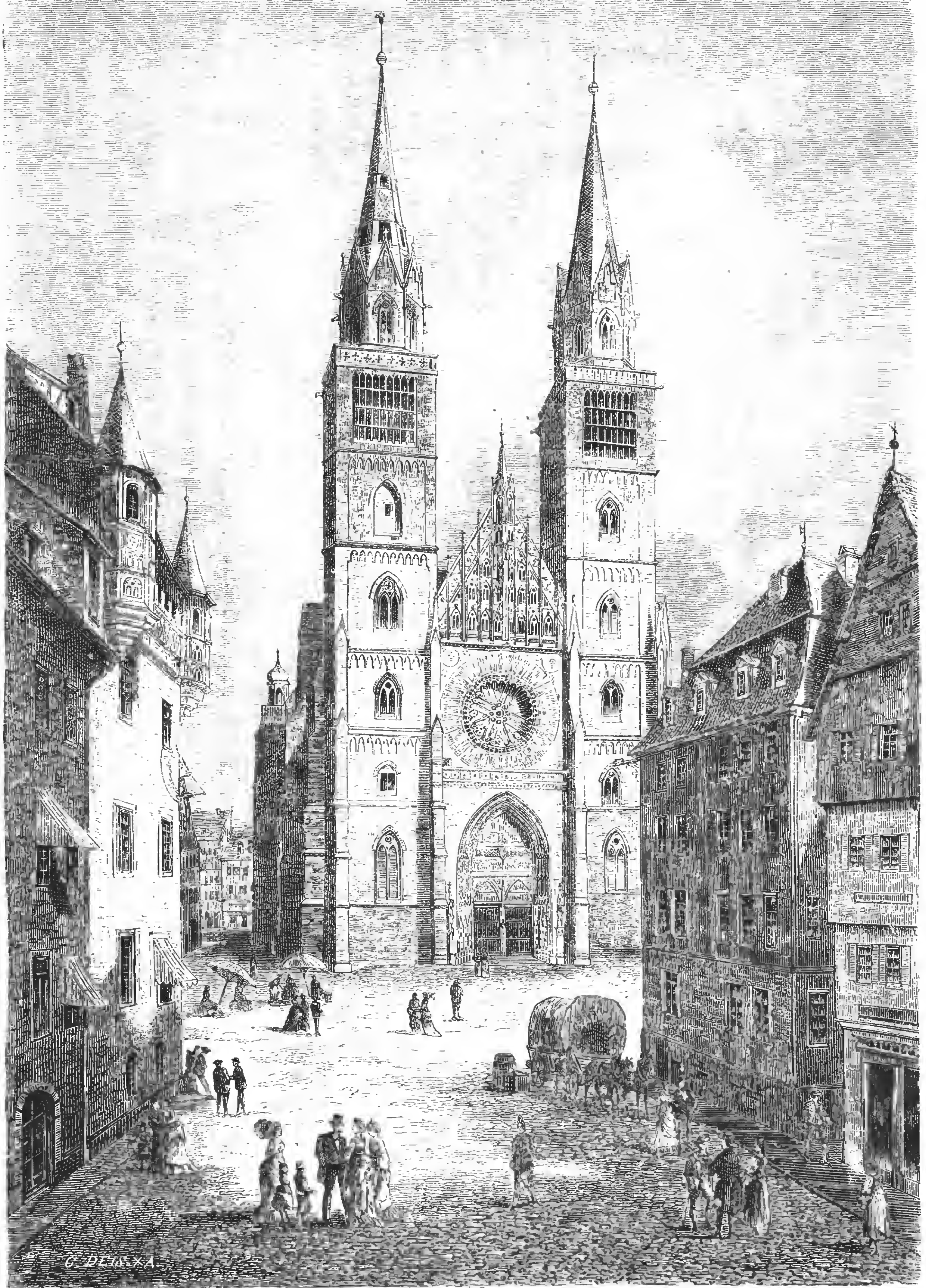
Прелестный рисунокъ профессора К. Маковскаго чрезвычайно жизненно передаетъ нехитрую сценку изъ народнаго быта — дѣдушка загулялъ!.. На дѣдушку находятъ полосы: то совсѣмъ хорошъ нѣсколько недѣль, — бродитъ по двору, постукиваетъ топорикомъ, ковыряетъ лапти, ребятишкамъ коньки вырѣзаетъ,—то вдругъ ни съ того ни съ сего, ни свѣтъ ни заря, ужь ковыляетъ къ знакомому домику, приютившемуся на косогорѣ у рѣчки, да тамъ и сидитъ цѣлое утро. Назадъ плетется онъ—широко разставляетъ ноги, разсуждая самъ съ собою, цѣпляется за заборы, разъ пять теряя шапку. Наконецъ доберется до своего плетня и тутъ-же привалится у него.— Ишь ты угораздило, думается ему, теперь вотъ и не встать, хошь не пробуй!.. Не встать, вотъ что ты хошь. Внучка, что нянчится съ сестренкой, взглянетъ на дѣда. „Ты, внучка, что? спроситъ онъ, — а ты не осуди — первое дѣло... Загулялъ старый... Ну и что жь, и загулялъ!.. А ты ничего. Потому такая линія, и ничего противъ этого не подѣлаешь“... И долго еще онъ бормочетъ, пока глаза совсѣмъ не слипнутся, а губы не станутъ издавать уже совсѣмъ и непонятные звуки.

Бѣлая башня въ Новгородѣ.

Бурный періодъ Новгородской исторіи начался, какъ извѣстно, съ того времени, когда, отдѣляясь отъ власти князей кіевскихъ, новгородцы стали призывать для княженія надъ ними разныхъ удѣльныхъ князей, подчиняя при этомъ всѣ ихъ дѣйствія произволу народнаго вѣча; такой порядокъ самовольнаго, общественнаго управленія сопровождался цѣлымъ рядомъ междоусобицъ и войнъ какъ съ русскими князьями такъ и съ ливонскими рыцарями. Приходилось каждую минуту ожидать нападенія и тогда-то Новгородъ оградился тѣми стѣнами и башнями, отъ которыхъ уцѣлѣли до нашего времени только жалкіе остатки. Расположеніе этаго ряда, огибающихъ весь городъ, укрѣпленій можно еще видѣть на крайне любопытномъ древнемъ изображеніи Новгорода, находящемся подъ образомъ въ Знаменскомъ соборѣ; на этомъ изображеніи видно, что обѣ стороны города, Софійская и Торговая, раздѣленныя Волховымъ, были обнесены стѣною, которая при въѣздахъ въ городъ, по валу и по многимъ другимъ мѣстамъ имѣла большое число башенъ, изъ коихъ 12 служили на Торговой сторонѣ воротами въ улицы, сходившіяся на торговой площади. Основаніе одной изъ сихъ башенъ, извѣстной подъ названіемъ *Бѣлой*, уцѣлѣло и донынѣ. Другія башни вмѣстѣ со стѣною были разрушены по приказанію великаго князя Іоанна Васильевича. По преданію, эта башня была пощажена какъ мѣсто свершившагося чуда; дѣло въ томъ, что здѣсь архіепископъ Іоаннъ вынесъ икону Знаменія Богородицы про пвъ



Входныя двери церкви Св. Лоренца въ Нюрнбергѣ. Рис. Штилерт. грав. Дейсъ.



Храмъ Св. Лоренца въ Нюрнбергѣ. Рис. Штиллеръ, грав. Д...

врага, осаждавшаго Новгородъ и спасъ городъ отъ погибели. На нашемъ рисункѣ видно настоящее состояніе Бѣлой башни; это круглое зданіе—типъ самаго первобытнаго укрѣпленія, съ маленькими узкими окнами и съ почернѣвшими отъ времени стѣнами.

Храмъ св. Лоренца въ Нюрнбергѣ.

Въ Германіи привыкли смотрѣть на Нюрнбергъ какъ на хранилище произведеній нѣмецкаго средневѣковаго искусства. Городъ богатъ, между прочимъ, церквами, которыя являются своего рода музеями, переполненными драгоцѣнными памятниками тѣхъ отдаленныхъ и славныхъ въ исторіи искусства временъ. Самою красивою изъ церквей считается готическаго стиля храмъ св. Лоренца, обладающій и наиболѣе замѣчательными образцами искусства. Главное зданіе и башенвые фасады храма относятся къ концу XIII столѣтія, нѣкоторыя другія части—къ второй половинѣ XV. Между обѣими башнями находится прекрасный порталъ, своими украшеніями напоминающій порталы французскихъ соборовъ и, какъ предполагаютъ, законченный въ 1332 году. Надъ нимъ помѣщается оконная роза, также сдѣланная по французскимъ образцамъ. Надъ розой возвышается фронтонъ (конца XIV-го столѣтія), украшенный кружевными колонками и башенками, и, наконецъ, самый верхъ увѣнчиваютъ двѣ высокія (въ 242 ф.) башни, изъ которыхъ болѣе древняя, сѣверная, была повреждена пожаромъ, произведеннымъ молніей, 6 января 1865 г. (вскорѣ затѣмъ возстановлена). Замѣчательны также, на сѣверной сторонѣ храма такъ называемыя „вѣнчальныя врата“, 1520 г. и солнечные часы, сдѣланные Стобіусомъ въ 1502 году. Внутренность св. Лоренца производитъ, по своей величественности, глубокое впечатлѣніе. Верхній сводъ поддерживается высокими, приблизительно въ 60 футъ, колоннами безъ капителей. И все это таинственно и величаво рисуется въ слабомъ свѣтѣ, пробивающемся сквозь разрисованныя стекла розы, помѣщенной надъ порталомъ. Главное внутреннее украшеніе храма составляетъ часть его, извѣстная подъ названіемъ „храмика Св. Таинъ“, находящагося близъ самаго алтаря. „Храмикъ“ этотъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ образцовъ средневѣковаго искусства рѣзьбы на камнѣ, состоящій изъ необыкновенно тонко выдѣланныхъ колоннокъ и дугъ, идущихъ рядами другъ надъ другомъ, принадлежитъ рѣзцу мастера Адама Крафта изъ Ульма (1430—1507), который посвятилъ ему цѣлые 10 лѣтъ труда—отъ 1496 до 1506 года, и изобразилъ, тутъ же себя съ двумя своими помощниками въ видѣ колѣнопреклоненныхъ фигуръ. Необыкновенно хороши далѣе, по тонкости и изяществу отдѣлки, группа изъ дерева, изображающая Благовѣщеніе, затѣмъ, написанное на золотомъ фонѣ „вѣнчаніе Пресвятой Дѣвы Маріи Христомъ Спасителемъ“, Мадонна Ганса Вольгемута, 1483 г., прекрасная живопись на оконныхъ стеклахъ храма, а также рисунки Ганса фонъ-Кульмбаха на небольшихъ боковыхъ алтаряхъ. На приложенномъ рисункѣ изображенъ главной фасадъ этаго замѣчательнаго готическаго зданія.

Зодіакальный свѣтъ.

Одно изъ любопытнѣйшихъ явленій, которое мы можемъ наблюдать при вращеніи земли вокругъ солнца—свѣтъ зодіака, видимый во время весенняго и осенняго равноденствія.

Въ ясный февральскій или мартовскій вечеръ, когда заря уже меркнетъ и заблистаютъ звѣзды, можно замѣтить на западѣ, близъ того мѣста, гдѣ зашло солнце, бѣловатую, большую пирамиду свѣта, нѣжный блескъ которой почти равняется блеску млечнаго пути, а края его мало по малу сливаются съ окружающимъ его мракомъ. Эта свѣтовая пирамида поднимается довольно высоко, наклонена къ югу, и между тѣмъ какъ ея основаніе приходится искать въ полоскѣ зари вершина ея обращена къ Гіадамъ, группѣ звѣздъ между Плеядами и Альдебараномъ, находящимся въ созвѣздіи Овна, слѣдовательно къ легко находимой части неба. Созвѣздіе Овна принадлежитъ въ такъ называемому „Кругу животныхъ“—зодіаку, широкому небесному пути, по которому движутся солнце, луна и планеты. Внутри этаго измѣняющаго, свое положеніе небеснаго пояса, является постоянно эта свѣтовая пирамида; она восходитъ, заходитъ вмѣстѣ съ созвѣздіями зодіака и въ нашихъ широтахъ видна лучше всего по вечерамъ въ дни весенняго равноденствія. Это любопытное явленіе можно бы было видѣть и чаще въ это время года, еслибъ вечера были яснѣе. Нѣжный свѣтъ этотъ, яркость котораго впрочемъ не каждый годъ одинакова, можно весною увидѣть разъ или два, стоитъ только запомнить его положеніе по отношенію къ Гіадамъ.

Осенью мы вторично встрѣчаемся со свѣтовой пирамидой, но тогда она появляется на восточномъ горизонтѣ и передъ утренней зарей; она тогда болѣе наклонена къ горизонту чѣмъ весною и обращена своей вершиною къ созвѣздію близнецовъ. Свѣтъ зодіака видѣнъ иногда и зимой и лѣтомъ—опытные наблюдатели могутъ видѣть его почти каждый день, но необходимыя три условія (дѣлающія этотъ свѣтъ доступнымъ для нашего глаза) отвѣсное положеніе зодіака, чистый воздухъ и непродолжительная заря—рѣдко совпадаютъ тогда.

По мѣрѣ же нашего приближенія къ тропикамъ, эти три условія благопріятствуютъ все болѣе и болѣе: солнечный путь почти перпендикулярно пересѣкаетъ горизонтъ; воздухъ чище и заря короче; почти отвѣсно поднимающаяся пирамида свѣта зодіака дѣлается постояннымъ украшеніемъ тропическихъ ночей. „Кто нѣсколько лѣтъ прожилъ въ странѣ пальмъ, говоритъ Гумбольдтъ, тотъ навсегда сохранитъ воспоминаніе о нѣжномъ блескѣ, которымъ озаряется, благодаря свѣту зодіака, часть почти всегда ровныхъ тропическихъ ночей. Я видѣлъ его нетолько въ сухой атмосферѣ вершинъ Андъ, но и въ безпредѣльныхъ степяхъ Венецуэлы, и на морскомъ берегу, подъ вѣчно яснымъ небомъ Куманы. Въ особенности прекрасно это явленіе, когда прозрачныя тучки живописно выдѣляются на освѣщенномъ фонѣ. Иногда оно такъ сильно, что отражается на противуположномъ горизонтѣ и даже лунный свѣтъ не умаляетъ его блеска.“

Свѣтъ зодіака впрочемъ иногда въ весенніе вечера и у насъ отлично видѣнъ, такъ что невольно удивляешься, какъ это явленіе не было замѣчено астрономами въ теченіи многихъ столѣтій. Первое описаніе его относится къ 1661 году, и принадлежитъ Чильдрею, духовнику лорда Генри Сомерсета. Знаменитый итальянскій астрономъ Доменикъ Кассини впервые точно изучилъ этотъ феноменъ весною 1683 года, десять лѣтъ спустя французскій ученый Мэранъ (Mairan) нашелъ, что появленіе зодіакальнаго свѣта сдѣлается понятнымъ, если мы допустимъ, что онъ—свѣтящаяся или освѣщенная атмосфера солнца. Вслѣдствіе вращенія солнца вокругъ своей оси, говоритъ онъ, эта газообразная оболочка, разумѣется, должна была принять форму конуса и подняться выше надъ экваторомъ солнца, чѣмъ надъ его полюсами.

Знаменитый Лапласъ однако упорно оспаривалъ справедливость этой гипотезы. Онъ придерживался мнѣнія, высказаннаго уже Доменикомъ Кассини, что между Марсомъ и Венерой вращается вокругъ солнца, состоящее изъ газовъ и паровъ или многихъ маленькихъ метеорныхъ массъ, кольцо, которое, будучи освѣщаемо солнцемъ, можетъ казаться намъ солнечною атмосферой. Но и это объясненіе не могло удовлетворить ученыхъ и было предложено еще нѣсколько гипотезъ, напр., что зодіакальный свѣтъ — явленіе подобное сѣверному сіянію и появляется только въ извѣстное время, но это опровергается тѣмъ, что онъ постоянно свѣтитъ въ тропическихъ странахъ.

При послѣднемъ солнечномъ затмѣніи, которое наблюдали въ Сѣверной Америкѣ, видѣли два свѣтящихся крыла, соотвѣтствующія зодіакальному свѣту.

На основаніи многихъ миѳологическихъ изображеній древнихъ египтянъ можно заключить, что эти солнечныя крылья не разъ были видимы тогда при полныхъ солнечныхъ затмѣніяхъ. Часто изображали египтяне надъ входами въ храмъ и на памятникахъ солнце съ двумя распростертыми крыльями. Кромѣ того древняя рукопись, найденная Гумбольдтомъ и хранящаяся теперь въ Парижской библіотекѣ, сообщаетъ, что царь Монтезума принялъ въ 1509 г. пирамидальный свѣтъ, свѣтившій на востокъ отъ Мехиканскаго плоскогорія, въ теченіи сорока ночей, за зловѣщее предзнаменованіе. По всей вѣроятности это и былъ зодіакальный свѣтъ, и въ такомъ случаѣ рукопись содержитъ самое древнее извѣстіе о немъ.

Русскія минеральныя воды.

Кисловодскъ*).

(Окончаніе).

Неудобства испытываютъ больные и въ своемъ питаніи, такъ какъ даже въ первоклассныхъ здѣшнихъ гостинницахъ, при съѣздѣ большаго общества, ощущается недостатокъ въ столѣ. По крайней мѣрѣ, въ началѣ нынѣшняго сезона (съ 15-го іюня по 1-е іюля), когда насчитывалось во всемъ Кисловодскѣ не болѣе 200 больныхъ, подавали намъ въ лучшихъ гостинницахъ очень хорошо и мы были вполнѣ довольны, не взирая на то, что брали съ насъ за самый скромный обѣдъ отъ 1 р до 1 р. 25 к. съ персоны, но послѣ 1-го іюля мы стали замѣчать разницу въ этихъ обѣдахъ и къ 10-му числу они обратились въ очень плохіе, такъ что большинство больныхъ прибѣгли къ своимъ хозяевамъ, соглашаясь питаться у нихъ хотя

*) См. Нива № 37.

бы однимъ кушаньемъ, лишь бы только оно было свѣжее.... Отсюда, какъ послѣдствіе, вытекаетъ неизбѣжная необходимость привозить съ собою въ Кисловодскъ прислугу и готовить у себя дома. Это будетъ вдвойнѣ удобно, такъ какъ здѣсь прислуги вообще мало и каждый чувствуетъ съ этой стороны большое стѣсненіе; а между тѣмъ, при своей прислугѣ, легче найти квартиру и не быть въ зависимости отъ ресторановъ; тѣмъ болѣе, что на здѣшнемъ рынкѣ можно имѣть всегда хорошіе припасы и дешевизна ихъ вполнѣ окупитъ расходы на путевыя издержки для прислуги.

Всѣ эти неудобства въ помѣщеніи и питаніи больныхъ обнаружились съ особенной рѣзкостью въ послѣдній сезонъ, когда приливъ публики на кавказскія минеральныя воды вообще, а въ Кисловодскъ въ частности превзошелъ ожиданія и достигъ небывалой еще цифры:—на всѣ группы пріѣхало въ 1879 г. до 4,000 человѣкъ, тогда какъ прежде, въ самые бойкіе сезоны, не случалось даже 3,000—а изъ нихъ пребываетъ собственно въ Кисловодскѣ, чтобы подышать горнымъ воздухомъ и покупаться въ Нарзанѣ, болѣе половины... Конечно, тутъ мѣста довольно и кругомъ такъ много богатыхъ казачьихъ станицъ, что можно бы удовлетворить не только двѣ или три тысячи пріѣзжихъ, но вдесятеро больше; а если въ дѣйствительности встрѣчается обратное, то надобно отнести это къ отсутствію у насъ предпріимчивости. И въ самомъ дѣлѣ: въ Кисловодскѣ, напримѣръ, имѣются свободные участки земли и никто ихъ не занимаетъ; тогда какъ эта афера могла бы доставить предпринимателямъ отличный процентъ на затраченный капиталъ и умножить помѣщенія для больныхъ, которые живутъ теперь слишкомъ тѣсно и зачастую съ большими неудобствами.

Въ виду малаго знакомства нашего общества съ оффиціальными распоряженіями, не мѣшаетъ привести нѣкоторыя изъ правилъ для отвода участковъ земли подъ частныя постройки при закавказскихъ минеральныхъ водахъ. Быть можетъ, это привлечетъ лишняго предпринимателя на минеральныя воды, имѣющія большую будущность.

Участки земли подъ частныя постройки, обозначенные на утвержденныхъ Е. И. В. Намѣстникомъ Кавказскимъ планахъ, отводятся съ разрѣшія начальника Терской области за слѣдующую цѣну:—мѣрою до 400 квадр. саж. по 20 коп. за сажень, а большей мѣры по 40 коп. Желающій получить участокъ подъ постройку долженъ взять отъ контрагентства кавказскихъ минеральныхъ водъ, находящагося въ Пятигорскѣ, удостовѣреніе о свободности и величинѣ участка. Затѣмъ, желающій получить участокъ подаетъ прошеніе начальнику Терской области (во Владикавказѣ) объ отводѣ земли, съ представленіемъ проэкта постройки и квитанціи Пятигорскаго уѣзднаго казначейства о взносѣ поземельныхъ денегъ.—На возведеніе разрѣшенныхъ построекъ опредѣляется, считая со дня выдачи обязательства:—для домовъ двухъ-этажныхъ, каменныхъ три года, а деревянныхъ на каменномъ фундаментѣ или одно-этажныхъ каменныхъ и деревянныхъ два года; на возведеніе же зданій большихъ размѣровъ дается особое разрѣшеніе. Если получившій участокъ не начнетъ постройки, въ теченіе года отъ подписки обязательства, то онъ теряетъ право на участокъ, равнымъ образомъ теряетъ свое право и начавшій постройку, но не кончившій ея въ опредѣленный срокъ. Въ этомъ случаѣ, начатая постройка имѣетъ быть снесена, въ продолженіи шести мѣсяцевъ по истеченіи указаннаго срока. Точно также долженъ поступить и тотъ, кто не исправитъ въ назначенный срокъ замѣченныхъ отступленій отъ утвержденнаго плана и фасада въ начатыхъ постройкахъ. А если кто не снесетъ своихъ зданій добровольно, то Областное Правленіе дѣлаетъ о томъ соотвѣтствующее распоряженіе, покрывая изъ вырученныхъ отъ продажи на сносъ зданій свои расходы, а остальныя деньги возвращая неисправнымъ владѣльцамъ проданнаго имущества.

Правила эти, какъ видите, нисколько не стѣснительны и на первый взглядъ кажется удивительнымъ, почему многіе участки земли остаются свободными, тогда какъ застроенные приносятъ владѣльцамъ отъ 30 до 40 и даже до 60 процентовъ въ лѣто на затраченный капиталъ. Положимъ, отсутствіе у насъ предпріимчивости объясняетъ въ этомъ случаѣ многое; но есть и еще одно обстоятельство, отбивающее охоту разбирать участки и сооружать на нихъ капитальныя постройки. Каждый предприниматель, устраивающій здѣсь помѣщеніе для пріѣзжихъ или ресторанъ, или магазинъ, разсчитываетъ исключительно на лѣтній сезонъ и на количество больныхъ, пользующихся минеральными водами: а потому онъ находится въ прямой зависимости отъ репутаціи минеральныхъ водъ и лечебныхъ на нихъ приспособленій: чѣмъ тверже эта репутація, тѣмъ больше пріѣздъ больныхъ и тѣмъ, очевидно, выгоднѣе каждому предпринимателю. Репутація кавказскихъ минеральныхъ водъ, со стороны ихъ цѣлебности, стоитъ очень твердо не только у насъ въ Россіи, но даже заграницей, за то репутація лечебныхъ приспособленій на этихъ водахъ сильно потрясена во мнѣніи публики, которая даже теперь, не смотря на низкій курсъ нашихъ денегъ, предпочитаетъ иностранныя минеральныя воды кавказскимъ. Поэтому пріѣздъ сюда больныхъ никогда нельзя предвидѣть заранѣе, по соображеніи съ прежними годами, и онъ колеблется слишкомъ неравномѣрно: то прибудетъ больныхъ 2000, то вдвое больше, а то и гораздо менѣе. Такимъ образомъ у предпринимателя нѣтъ твердой почвы подъ ногами и онъ старается вернуть свои капитальные расходы въ первое же лѣто, такъ какъ на будущее не смѣетъ разсчитывать. Почему же администрація кавказскихъ минеральныхъ водъ не улучшитъ лечебныхъ приспособленій и не заведетъ вообще иныхъ порядковъ, такъ какъ это обезпечило бы и ея выгоду? А потому, что улучшить порядки со стороны лечебныхъ приспособленій, это значитъ сдѣлать капитальныя исправленія въ существующихъ зданіяхъ и трубахъ, а также воздвигнуть нѣсколько новыхъ; за тѣмъ надо пригласить достаточный медицинскій персоналъ, увеличить число прислуги, обезпечить правильное и удобное сообщеніе между группами и пр. и пр., затративъ на это громадный капиталъ. Для такихъ крупныхъ расходовъ необходима цѣлая компанія и притомъ долгосрочный контрактъ, въ силу котораго затраченные милліоны въ первое десятилѣтіе можно бы было вернуть въ остальные пятьдесятъ или сорокъ лѣтъ. Между тѣмъ кавказскія минеральныя воды находятся въ настоящее время въ арендѣ у г. Байкова, а прежде были въ арендѣ у г. Новосельскаго, по краткосрочнымъ контрактамъ, то на четыре года, то на восемь лѣтъ. Такимъ образомъ каждый арендаторъ долженъ былъ заботиться о своихъ выгодахъ и вести разсчетъ на какіе нибудь восемь лѣтъ. Отсюда происходитъ неподвижность и отсутствіе улучшеній на кавказскихъ минеральныхъ водахъ; но правительство (хозяинъ водъ) замѣтило этотъ корень зла и въ 1882 году, по окончаніи нынѣшняго контракта, радикально измѣнитъ условія аренды. Слухъ этотъ идетъ изъ вѣрныхъ источниковъ.

В. Сафоновъ.

Политическое обозрѣніе.

Маіоръ Каваньяри.—Подробности убійства.—Неудачи Англичанъ.—Плѣнъ Сетевайо.—Въ Турціи.—Покушеніе на жизнь Султана.—Слухи о съѣздѣ славянскихъ князей.

Къ тѣмъ свѣдѣніямъ о смерти маіора Каваньяри, которыя мы уже сообщили, прибавимъ еще слѣдующія подробности: 16-го августа эмиръ Якубъ-Ханъ (извѣстіе о смерти его не подтвердилось) совѣтовалъ маіору отказаться отъ привычки ѣздить верхомъ по улицамъ Кабула и окрестностямъ авганской столицы, такъ какъ при этомъ легко могло быть сдѣлано покушеніе на жизнь его. Британскій посланникъ отвѣчалъ, что если его убьютъ, то въ Индіи найдется много людей готовыхъ занять мѣсто его. Разговоръ этотъ происходилъ за нѣсколько времени до болѣе рѣзкихъ проявленій враждебнаго настроенія жителей города, усилившагося съ прибытіемъ гератскихъ полковъ. Впрочемъ, еще и до того, а именно 13-го августа произошло столкновеніе между нѣсколькими конвойными маіора Каваньяри съ авганскими солдатами; населеніе приняло сторону своихъ и конвойные были побиты. 18-го августа прибыли гератскіе полки и тотчасъ же въ рядахъ ихъ обнаружилось волненіе. Поводомъ послужило неуплаченное жалованье. Требованіе денегъ сопровождалось укорами и угрозами эмиру за дружбу съ британцами и отступленіе отъ „правовѣрія." Якубъ-Ханъ, (какъ передаютъ изъ британскихъ источниковъ) растерялся до того, что плакалъ и обнимался съ офицерами, стараясь успокоить ихъ и убѣдить примириться съ пребываніемъ вражьяго посольства. Жалованье солдаты получили за три мѣсяца, но положить оружіе и разойтись по домамъ, какъ желалъ эмиръ—отказались. Затѣмъ, 3-го сентября послѣдовала извѣстная катастрофа. Роль, которую игралъ во всемъ этомъ эмиръ Якубъ-Ханъ, до сихъ поръ еще не вполнѣ выяснена. По однимъ источникамъ онъ старался защитить гостей своихъ и едва самъ не сдѣлался жертвой народной ненависти къ иноземцамъ; согласно другимъ, онъ велъ себя довольно двусмысленно. Такъ говорятъ, что уже съ начала августа, въ обращеніи его съ маіоромъ Каваньяри произошла замѣтная перемѣна; онъ сдѣлался гораздо холоднѣе и сдержаннѣе съ посланникомъ ея британскаго величества, часто отказывался принимать его, подъ предлогомъ нездоровья, и самыя свиданія приняли характеръ чисто формальныхъ аудіенцій, продолжавшихся всего по нѣскольку минутъ. Наконецъ, новѣйшія свѣдѣнія удостовѣряютъ тотъ фактъ, что Якубъ-Ханъ не только принималъ участіе въ событіи, но теперь будто сбросилъ маску и собравъ значительныя силы, обратился къ своему народу съ воззваніемъ, приглашающимъ его къ священной войнѣ противъ Британіи; вытребованы войска изъ Герата и Балка и племя гильзаевъ; въ Кабулѣ отдано приказаніе прервать всякія прямыя сношенія съ британцами; одно изъ враждебныхъ имъ племенъ занимаетъ Дакку, а дорога на Кабулъ преграждена сильною авганскою арміею. Быть можетъ тутъ есть и преувеличенія, которыя завтра же могутъ быть опровергнуты тѣмъ же телеграфомъ, но—въ самой сущности событій этихъ мы не видимъ ничего невѣроятнаго, такъ какъ враждебность Якубъ-Хана къ Британіи давно уже извѣстна и мы не разъ напоминали о ней читателямъ нашимъ. Скажемъ здѣсь кстати нѣсколько словъ

о главной жертвѣ Биконсфильдовыхъ затѣй — несчастномъ маіорѣ Каваньяри.

Сэръ Луи-Пьеръ-Наполеонъ-Каваньяри былъ сынъ французскаго офицера, состоявшаго секретаремъ при Наполеонѣ I и послѣдовавшаго за нимъ въ изгнаніе на островъ св. Елены. Впослѣдствіи онъ переселился въ Англію и женился на ирландкѣ. Сынъ его, погибшій въ настоящее время, маіоръ Каваньяри, получилъ права англійскаго гражданства и былъ воспитанъ въ одной изъ англійскихъ военныхъ школъ. Шестнадцати лѣтъ отъ роду онъ отправился въ Индію и большую часть времени за послѣднія шестнадцать лѣтъ провелъ въ Пенджабѣ, гдѣ занималъ должность помощника коммисара. Образчикомъ того уваженія, которымъ онъ пользовался среди горныхъ племенъ, можетъ служить тотъ фактъ, что когда онъ въ сопровожденіи всего лишь нѣсколькихъ человѣкъ улан отправился въ авангардѣ того посольства, которое вице-король хотѣлъ послать къ афганистанскому эмиру, комендантъ Али-Мусьида сказалъ, что онъ не сталъ стрѣлять по отряду, какъ то предписывали ему полученныя имъ инструкціи, единственно въ виду того, что отрядомъ командовалъ маіоръ Каваньяри. Сэру Луи было всего 36 лѣтъ отъ роду. Подобно отцу своему, онъ былъ женатъ на ирландкѣ, съ которой вступилъ въ бракъ 18 лѣтъ тому назадъ.

Британское правительство принимаетъ мѣры къ „примѣрному" наказанію кабульцевъ; въ чемъ онѣ будутъ состоять, пока неизвѣстно. Войска стягиваются и частью уже идутъ внутрь „только что побѣжденной страны." Генералъ Робертсъ, какъ слышно, назначенъ, начальникомъ экспедиціоннаго, или лучше сказать—экзекуціоннаго корпуса. Силы свои онъ, однако, считаетъ недостаточными, такъ какъ потребовалъ подкрѣпленія въ 4 полка, но и при всемъ томъ, немедленнаго наступленія на Кабулъ еще не рѣшено дѣлать.

Все гладко шло до сихъ поръ для британцевъ, но, теперь, какъ будто наступилъ кризисъ для ихъ всесвѣтной гегемоніи. Даже все то, что робко подчинилось имъ, или держало себя съ большою осторожностью въ отношеніи ихъ, все это подняло голову. Императоръ Бирманскій, по слухамъ, почти уже рѣшился объявить войну имъ, и со дня на день ожидается отъѣздъ британскаго посольства изъ столицы Бирмы—Мандалая. Что касается войны въ Африкѣ, то оттуда сообщаютъ, что сэръ Гарнетъ Уэльслей ведетъ переговоры съ вождями, объявивъ имъ, между прочимъ, что миръ нельзя заключить, потому что Сетевайо на свободѣ. Переговоры не приводили ни къ чему. Но наконецъ желаніе Уэльслея исполнилось: только что получена депеша о томъ, что будто 28-го августа отважный вождь Сетевайо, столько разъ доблестно отражавшій нападенія англичанъ, взятъ въ плѣнъ. И бѣдный дикарь палъ жертвою всепожирающихъ „англійскихъ интерессовъ". Теперь остается его привезти въ Европу какъ звѣря и мелкимъ газетамъ начать глумиться надъ его привычками и странностями...

Въ самомъ соединенномъ королевствѣ, ко всѣмъ этимъ военнымъ неудачамъ прибавился еще неурожай, какъ послѣдствіе длившихся этимъ лѣтомъ дождей. Во многихъ мѣстностяхъ подгнила жатва. По свѣденіямъ британскихъ газетъ, къ будущей веснѣ огромное количество фермъ будетъ отдаваться внаймы, но не найдетъ съемщиковъ, такъ какъ значительное число фермеровъ переселяется въ Канаду, И изъ этой колоніи идутъ не очень успокоительныя для британскаго правительства вѣсти. Намѣстникъ, маркизъ Лорнъ (женатый, какъ извѣстно, на дочери королевы) возбудилъ противъ себя неудовольствіе мѣстнаго парламента, гдѣ онъ возстановилъ противъ себя сильную оппозицію тѣмъ, что слишкомъ подчиняетъ провинціи метрополіи. Слышны уже опасенія потери Британіей этой колоніи въ Америкѣ. Удержитъ ли, при такихъ обстоятельствахъ, свой постъ маркизъ Лорнъ—неизвѣстно.

Въ настоящее время прошелъ слухъ о томъ, будто сэръ Лэйардъ будетъ скоро замѣненъ въ Константинополѣ британскимъ посланникомъ при нашемъ дворѣ, лордомъ Дофферииомъ.

Въ Чизльгерстѣ, гдѣ жилъ погибшій принцъ, будетъ поставленъ памятникъ ему; для этой цѣли образовалась комисія подъ предсѣдательствомъ лорда Сиднея. Императрица Евгенія выразила намѣреніе удалиться въ монастырь. Руэръ отправился въ резиденцію, чтобы отговорить ее отъ этаго.

Константинопольскій денежный кризисъ дошелъ до того, что во дворцѣ затрудняются въ полученіи какихъ нибудь нѣсколькихъ тысячъ турецкихъ ливровъ. Распущеніе редифовъ перваго призыва пришлось по этой причинѣ отложить, такъ какъ нѣтъ средствъ расплатиться съ солдатами, давно уже не получавшими жалованья. Министръ финансовъ, Зугди-Паша, директора оттоманскаго банка, Фостеръ и Дево, а также и многіе галатскіе банкиры собирались у Аарифи-Паши и два дня къ ряду совѣщались по поводу ссуды въ 500 тысячъ фунтовъ, которая дастъ возможность сократить армію, но говорятъ мало вѣроятія, чтобы заемъ этотъ удался. Оттуда же пишутъ, будто Дервишъ-Паша назначается командиромъ гвардіи. Такъ какъ это одна изъ должностей Османа-Паши, то такое назначеніе считается признакомъ немилости къ Осману. Слухъ этотъ дополняютъ слѣ тѣмъ, что герой бывшей войны не прочень на своемъ мѣстѣ и что его скоро отправятъ въ Эрзерумъ.

5-го (17-го) сентября, вечеромъ, въ Константинополѣ распространились слухи, что на жизнь султана совершено покушеніе. Какой-то человѣкъ пытался силою проникнуть въ садъ Ильдизъ-Кіоска, причемъ ранилъ трехъ солдатъ и самъ былъ тяжело раненъ.

Мы были недавно порадованы извѣстіемъ о долженствовавшемъ произойдти въ Бѣлградѣ свиданіи трехъ славянскихъ государей Балканскаго полуострова. Еще болѣе пріятно было прочесть о томъ, что свиданія эти могли пріобрѣсть періодическій характеръ... Но разочарованіе, конечно, не замедлило. Свиданія этаго не произойдетъ и все сведется къ кратковременному пребыванію князя Александра Болгарскаго въ столицѣ Сербіи. И то хорошо...

Турецкія газеты—у страха глаза велики—успѣли уже объяснить по своему поѣздку молодаго князя Болгаріи къ сосѣду—оба государя свидятся для того, чтобы уговориться относительно однообразнаго проэкта устройства вооруженныхъ силъ Болгаріи и Сербіи, дабы въ случаѣ войны явилась возможность соединить ихъ въ одну армію. Лучшаго и не желали бы. Всѣмъ сердцемъ привѣтствуемъ благое намѣреніе перваго князя Болгаріи посѣтить князя Милана. Пусть этотъ мудрый шагъ молодаго государя составитъ эпоху въ жизни славянъ, да откроетъ онъ великую эру согласія и единства между разрозненными племенами великой семьи!

Примѣненія телефона.

Очеркъ.

За послѣднее время не найдется положительно ни одного открытія, которое въ такое короткое, сравнительно, время получило бы такую общую извѣстность, какъ телефонъ. Въ 1860 году первый телефонъ былъ изобрѣтенъ въ Германіи Филиппомъ Рейсомъ. Десять лѣтъ спустя былъ устроенъ музыкальный телефонъ Кромвелемъ Барлеомъ и затѣмъ въ 1874 г. одновременно въ Копенгагенѣ Ла-Курошемъ и въ Бостонѣ Грейсомъ; ни одинъ изъ этихъ телефоновъ не былъ однако приспособленъ къ электрической передачѣ словъ. Первое практическое примѣненіе телефона было сдѣлано Александромъ Беллемъ, во время филадельфійской выставки въ 1876 г. Дѣйствіе маленькаго, невзрачнаго инструмента было поразительно и приводило въ изумленіе всѣхъ ученыхъ и физиковъ, съѣхавшихся въ то время со всего свѣта. Никто однако не предсказывалъ великой будущности телефону. Въ настоящее же время телефонъ Белля, съ небольшими измѣненіями, въ повсемѣстномъ употребленіи въ Америкѣ. Въ главныхъ городахъ восточной Америки онъ даже угрожалъ телеграфу. Въ Китаѣ телефонъ съ успѣхомъ употребляется для передачи депешъ, несмотря на трудности языка. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ непродолжительномъ времени телефонъ и на европейскомъ континентѣ будетъ сильно конкурировать съ телеграфомъ.

Въ 1876 году, въ Филадельфіи разговаривали въ длинной машинной залѣ. Слова съ одного конца залы, хотя тихо, но явственно доносились на другой конецъ. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, телефонъ Белля установили на разстояніи 10 миль, — между Бостономъ и Салемомъ; посредствомъ телефона слышали говоръ, пѣніе и игру на фортепіано. Затѣмъ телефоны были поставлены въ Нью-Іоркѣ и Филадельфіи, на разстояніи 100 миль, потомъ 200 миль, — между Бостономъ и Нью-Іоркомъ, а въ прошедшемъ году сообщались по телефону между Дувромъ и Кале черезъ подземный телеграфный кабель. Вездѣ результаты въ принципѣ были самые блестящіе. Въ послѣднемъ случаѣ оказалось только то неудобство, что соединительная проволока соприкасалась съ тремя другими телеграфными проволоками въ одномъ кабелѣ, почему вмѣстѣ со словами доносились удары работающихъ аппаратовъ.

Геніальное изобрѣтеніе профессора Белля, во многихъ физическихъ лабораторіяхъ и механическихъ мастерскихъ было упрощено, улучшено и сдѣлано болѣе удобнымъ для практическаго употребленія. Появился цѣлый рядъ новыхъ телефоновъ, изъ которыхъ телефонъ Эдиссона, знаменитаго американскаго изобрѣтателя, оказался совершеннѣйшимъ.

Въ городахъ св. Людовика на Миссисипи, Чикаго, Цинцинати и С.-Франциско употребленіе телефоновъ до извѣстной степени систематизировалось. Устройство городскихъ телефонныхъ аппаратовъ во многомъ схоже съ введеннымъ, въ большихъ американскихъ городахъ, телеграфомъ Франклина, которымъ подаются пожарные сигналы и созывается полиція. Въ городѣ находится центральная станція, куда проведены проволоки отъ всѣхъ домовъ, конторъ и помѣщеній, въ которыхъ установлены телефоны. Если А желаетъ, напримѣръ, передать что нибудь Б, который живетъ на другомъ концѣ города, то

(Продолженіе на стр. 757, 758, 759 и 760).

онъ проситъ центральную станцію соединить его съ Б, и тогда лично и устно передаетъ все что ему нужно, потративъ на это не болѣе нѣсколькихъ минутъ времени. При пожарахъ устройство это неоцѣнимо, такъ какъ даетъ возможность извѣстить въ нѣсколько секундъ пожарную команду о силѣ и положеніи пожара, и помощь можетъ быть доставлена въ теченіи нѣсколькихъ минутъ. Нельзя составить себѣ даже приблизительнаго понятія, на сколько, вслѣдствіе употребленія телефоновъ, уменьшилось уличное, почтовое и телеграфное сообщеніе, а также прекратились многія недоразумѣнія и несчастные случаи, не говоря уже о сбереженіи времени и расходовъ.

Въ послѣднее время Эдисону удалось изолировать телефонную проволоку отъ телеграфной, чѣмъ онъ сдѣлалъ неслышными удары работающихъ телеграфныхъ аппаратовъ. Телефонъ его передаетъ слова совершенно ясно и устройство аппарата чрезвычайно просто.

Телефонъ Белля основанъ на томъ, что приведенная звуками въ колебаніе пластинка возбуждаетъ въ прилегающемъ электромагнитѣ токи, которые совершенно соотвѣтствуютъ звукамъ. Эти токи въ концѣ провода возобновляются другимъ подобнымъ же аппаратомъ.

Аппаратъ Эдисона устроенъ на другихъ основаніяхъ. Весь аппаратъ заключенъ въ деревянномъ ящикѣ въ 5 или 6 футовъ длины и ширины и состоитъ изъ мотка тонкой проволоки и небольшаго цилиндра, химически препарированнаго изъ калька и насаженнаго на горизонтальную ось; эта ось приводитъ въ движеніе цилиндръ посредствомъ особаго пружиннаго механизма. На цилиндръ налегаетъ одинъ конецъ металлической палочки, другой конецъ которой упирается въ середину тонкой пластинки изъ слюды. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ колесо прикасается къ цилиндру, оно подбито тонкимъ слоемъ платины. Проволоки отъ электрической батареи прикрѣпляются къ цилиндру изъ кальки. Если привести въ движеніе цилиндръ, то между послѣднимъ и налегающею на него палочкою начинается треніе, которое отклоняетъ немного палочку въ сторону вращенія. Такъ какъ другой конецъ палочки упирается въ пластинку изъ слюды, то и она отклоняется также въ извѣстной степени, до тѣхъ поръ, пока эластичность ея не сдѣлается равною силѣ тревія; тогда между обѣими силами устанавливается равновѣсіе. Замѣчательно то, что какъ только электрическій токъ закрытъ несвободно проходитъ между цилиндромъ и палочкой,—треніе замѣтно уменьшается. Вращающійся цилиндръ чрезъ это теряетъ силу, и пластинка, отклоненная въ сторону, принимаетъ снова нормальное положеніе. Напримѣръ, если электрическій токъ въ секунду прерванъ 80 разъ, то и треніе между цилиндромъ и палочкой столько же разъ перемѣнится и пластинка столько же разъ покачнется; эти колебанія передадутъ такіе же звуки или слова, какіе были произведены на конечной станціи при открываніи и закрываніи электрическаго тока. Такимъ образомъ слова принимаются и передаются электрическимъ путемъ.

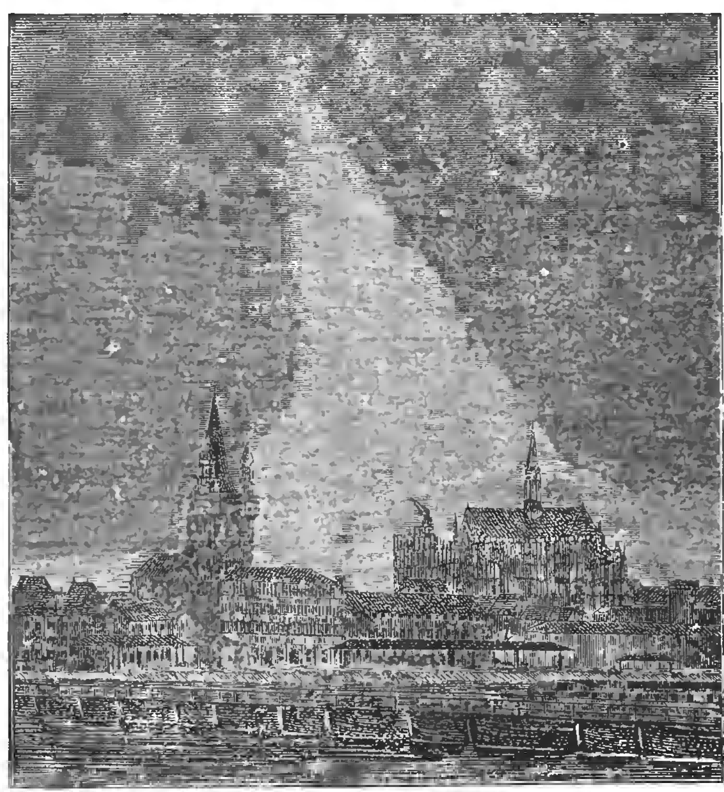
Сверху телефоннаго ящика находится колокольчикъ, въ который подаются сигналы. Весь телефонный аппаратъ можетъ быть удобно помѣщенъ на каждомъ письменномъ столѣ или привинченъ къ стѣнѣ. Если раздается ударъ въ колокольчикъ,—это знакъ, что кто нибудь желаетъ съ вами переговорить. Тогда нажимается пружина, приводится въ дѣйствіе цилиндръ и центральная станція увѣдомляетъ васъ, кто желаетъ говорить. Такимъ образомъ не выходя изъ своего кабинета, можно переговариваться съ лицами, удаленными отъ насъ на большія разстоянія.

До настоящаго времени въ Америкѣ употребленіе телефона практикуется только въ районѣ городовъ. Отдѣльные города до сихъ поръ соединялись между собою въ видѣ исключенія. Примѣры дальнѣйшаго примѣненія телефона есть еще въ городахъ св. Людовика и Чикаго, находящихся уже между собою въ прямомъ телефонномъ сообщеніи.

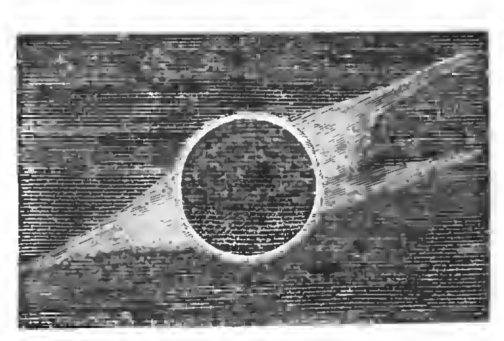
Неутомимый Эдисонъ придумалъ новое усовершенствованіе въ телефонѣ, которое обѣщаетъ превратить его употребленіе во всеобщее. 20 августа (1 сентября) онъ показывалъ въ саратогскомъ обществѣ естествоиспытателей опыты, превысившіе всѣ ожиданія. Безъ помощи слуховаго рожка тысячи присутствующихъ слышали фразы, сказанныя на большомъ разстояніи и пѣсни такъ же ясно и отчетливо, какъ еслибы говорящій или поющій находился въ одной съ ними комнатѣ. Эдисонъ имѣлъ добросовѣстность признаться что онъ еще самъ не знаетъ хорошенько, какимъ способомъ удалось ему произвести этотъ поразительный результатъ.

Пока можно только констатировать явленіе, но онъ приложитъ старанія, чтобы изслѣдовать его подробно.

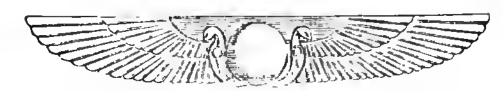
Измѣреніе дѣйствія телефона оказалось также возможнымъ.



Зодіакальный свѣтъ, видѣнный изъ Кельна.



Солнечное затмѣніе 29 Іюля 1878 г.



Изображеніе окриленнаго солнца въ Египтѣ.

Разныя извѣстія.

Вздорожаніе жемчуга. Какъ сообщаетъ одна багдадская газета, ловля жемчуга въ Персидскомъ заливѣ, доставляющемъ жемчугъ высшаго достоинства, не обѣщаетъ въ нынѣшнемъ году хорошихъ результатовъ, что заставило сильно подняться въ цѣнѣ этотъ предметъ роскоши. Ловъ жемчужныхъ устрицъ производится почти исключительно жителями острововъ Барейна, Арада и Керака, платящихъ за это право высокую аренду маскатскому султану, владѣльцу этихъ острововъ. Островитяне имѣютъ для этаго промысла тысячу шестьсотъ лодокъ, снабженныхъ восемью тысячами водолазовъ. Ловъ начинается съ іюня, въ іюлѣ достигаетъ полнаго развитія и оканчивается въ началѣ сентября, потому что вода становится поздиѣе уже слишкомъ холодна для отважныхъ водолазовъ. Въ нынѣшнемъ іюлѣ добыча была очень скудная и вдобавокъ не лучшаго качества, что въ торговлѣ жемчугомъ опредѣляетъ стоимость товара. Нѣкоторыя крупныя жемчужины были немедленно куплены на мѣстѣ агентами шаха персидскаго.

Народонаселеніе Германской имперіи. Императорское германское правительство окончило обширный трудъ по исчисленію народонаселенія въ германскихъ государствахъ, на основаніи переписей, начиная съ 1815 года. Съ цифры 24.831,396, составлявшей общую сложность народонаселенія въ 1816 году, численность возросла въ 1875 г. до 42,727,360 человѣкъ, что со-

ставитъ по 0,90 проц. ежегоднаго прироста. Первое десятилѣтіе послѣ войны освобожденія отмѣчено особеннымъ увеличеніемъ населенія, но затѣмъ долгое время прогрессія продолжаетъ держаться на одномъ уровнѣ.—Эти условія составляютъ общее положеніе всѣхъ государствъ взятыхъ вмѣстѣ. Но разсматриваемыя по отдѣльности, послѣднія представляютъ много особенностей. Въ то время какъ круглымъ числомъ ежегодный приростъ населенія въ Пруссіи составляетъ 1,03 проц., въ Саксоніи приходится 1,43 проц., въ Баваріи всего 0,55, въ Виртембергѣ 0,48, въ Баденѣ 0,66, а въ Эльзасъ-Лотарингіи 0,29 проц.

Виды на урожай въ Англіи и Ирландіи. Виды на урожай въ Англіи и Ирландіи становятся все безнадежнѣе. Согласно извѣстіямъ, полученнымъ въ Лондонѣ, въ графствѣ Кингъ-Коунти въ Ирландіи вслѣдствіе безпрерывнаго дождя, лившаго съ субботы 24-го августа (5-го сентября) до понедѣльника, произошли сильныя наводненія, сѣно съ луговъ и снопы овса съ полей смыло и уносило водой, а также повреждено много зданій и сельскохозяйственныхъ предметовъ. Въ графствѣ Монмутъ въ Англіи послѣдними ливнями тоже причинено много вреда полямъ.

Очищеніе петроля. Петроль (освѣтительное масло) очищается примѣсью простой поваренной соли, истолченной въ мелкій порошокъ, и горитъ еще свѣтлѣе. Этотъ способъ очень распространенъ въ Америкѣ и какъ увѣряютъ, опыты даже были произведены правительствомъ. Опытъ легко повторить, насыпавъ въ стеклянный резервуаръ обыкновенной комнатной лампы отъ одного до трехъ лотовъ поваренной соли. Количество соли должно быть соразмѣряемо съ объемомъ резервуара. Отъ времени до времени, приблизительно черезъ промежутокъ въ три мѣсяца, необходимо возобновлять соль.

Сукна изъ пуха. Изъ Парижа сообщаютъ, что тамъ живо заинтересованы замѣчательнымъ изобрѣтеніемъ, открывающимъ новую отрасль промышленности. Одному заводчику удалось произвести изъ пуха разныхъ птицъ, которымъ до сихъ поръ вовсе не пользовались, новый родъ сукна, которое въ пять разъ легче и въ три раза теплѣе сукна, выдѣланнаго изъ шерсти, обладаетъ качествомъ непромокаемости и отличается необыкновенною прочностью какъ самой матеріи, такъ и краски ея. Изъ 800 граммъ пуха выдѣлывается квадратный метръ сукна. Цѣна его относительно дешева.

Замѣчательный черепъ.—Стэнли привезъ съ собою изъ Африки оригинальный черепъ, который, по мнѣнію профессора Гексли, бросаетъ новый свѣтъ на происхожденіе человѣка и составляетъ давно отыскиваемое „недостающее звено" въ геологической цѣпи изслѣдователя Дарвина. Стенли показываетъ, что въ одномъ мѣстѣ Африки онъ нашелъ много такихъ череповъ, и туземцы, на его разспросы, объяснили, что это смертные останки пойманныхъ лѣсныхъ людей Soko, употребляемыхъ въ пищу Miama. Стенли показывали также куски ихъ кожи, и она, по его словамъ, походитъ на кожу обезьяны. Живаго же лѣснаго человѣка Стенли видѣть не удалось. Привезенный имъ черепъ походитъ на черепъ обезьяны, но профессоръ Гексли считаетъ его за черепъ человѣка.

Республиканское равенство. Недавно президентъ французской республики показалъ наглядный примѣръ республиканскаго равенства. Онъ находился въ числѣ лицъ, дожидавшихся во дворѣ Crédit foncier очереди для полученія облигацій послѣдняго парижскаго городскаго займа. Когда его узнали, то всѣ стали предлагать уступить ему свое мѣсто. Директоръ подошелъ къ президенту и просилъ подождать въ его кабинетѣ, пока для него приготовятъ облигаціи. Но Греви отклонилъ всѣ эти любезности и настоялъ на томъ, чтобы дождаться своей очереди на равнѣ со всѣми.

Бѣлое племя въ Африкѣ.—Весьма интересно бѣлое племя Камбарага, которое г. Стэнли встрѣтилъ у берега озера Альбертъ. Это племя живетъ на горѣ того же названія, отъ 13 до 15 тысячъ футовъ высоты и покрытой на вершинѣ вѣчнымъ снѣгомъ. Всѣ попытки г. Стэнли узнать что-нибудь о происхожденіи этаго бѣлаго племени были тщетны. Оно живетъ здѣсь съ незапамятныхъ временъ; въ случаѣ враждебныхъ нападеній со стороны черныхъ сосѣдей, оно убирается на высоты, на которыя, по случаю холода, другія племена не могутъ за нимъ слѣдовать. Женщины этаго бѣлаго племени очень красивы.

Бумага для распознаванія подкраски винъ. Въ Парижѣ продается теперь, изобрѣтенная однимъ извѣстнымъ французскимъ химикомъ, бумага, посредствомъ которой тотчасъ же можно убѣдиться въ искуственномъ подкрашиваніи винъ. Если бумага опускается въ натуральное красное вино, то она принимаетъ сѣрый цвѣтъ; если же вино подкрашено, то бумага принимаетъ цвѣтъ того матеріала, которымъ пользовались для подкрашиванія.

Новыя примѣненія бумаги. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ доказана возможность производства изъ прессованной бумаги колесъ для желѣзнодорожныхъ вагоновъ. Теперь въ Бреславлѣ приготовляютъ изъ бумаги огнеупорные горшки, а въ Америкѣ производство различныхъ предметовъ изъ бумажной массы имѣетъ широкое примѣненіе, причемъ для бумаги и матерій стали употреблять калифорнскій кактусъ, который растетъ въ изобиліи въ западныхъ штатахъ и въ такихъ безплодныхъ мѣстахъ, гдѣ ничего другаго не можетъ разводиться. Успѣхъ издѣлій изъ кактусовой бумаги обѣщаетъ большое развитіе этой промышленности. Особеннаго вниманія заслуживаетъ также производство изъ бумаги бочекъ для муки. Этимъ дѣломъ занимается одна нью-іоркская фирма; бумажную массу изъ соломы прессуютъ въ тонкіе листы помощью гидравлическихъ прессовъ. Преимущества бумажныхъ бочекъ передъ деревянными заключаются въ ихъ легкости, дешевизнѣ, прочности и способности удерживать муку отъ разсыпки при перевозкѣ. Эти бочки изготовляются исключительно машинною работою, и стоимость ихъ втрое дешевле деревянныхъ бочекъ.

Новое прядильное растеніе. Во Франціи открытъ способъ обработки волоконъ водянаго растенія „Epilobium hirsutum". Растеніе это встрѣчается въ изобиліи въ болотистыхъ странахъ, а также по берегамъ соляныхъ озеръ. Оно весьма долговѣчно и даетъ по два сбора въ годъ. Между корой и древесиной этаго растенія находится слой волоконъ, шелковистыхъ, необычайно упругихъ и прочныхъ, представляющихъ прекрасный матеріалъ для выдѣлки тканей.

Женщина академикъ. При послѣднемъ замѣщеніи вакантнаго кресла въ академіи Lincei въ Римѣ, академія выбрала женщину, графиню Ерсилію Каэтани-Лователли. Новый академикъ благодарилъ ученое собраніе за сдѣланную честь посланіемъ, писаннымъ по латыни. Изъ числа работъ графини Лователли особенно замѣчательны между прочимъ ея работы по этнографіи.

Экспедиція въ полярныя страны. Поручикъ Вейпрехтъ, отважный путешественникъ, открывшій землю Франца-Іосифа около сѣвернаго полюса, задумалъ новую экспедицію въ полярныя страны. Требуемыя для этого предпріятія деньги жертвуетъ графъ Вильчекъ, спутникъ поручика. Они предполагаютъ отправиться въ 1880 году и пробыть годъ на Новой-Землѣ, производя тамъ гидрографическія и метеорологическія наблюденія. Съ этой цѣлью соберется въ нынѣшнемъ году международный метеорологическій конгрессъ въ Римѣ, такъ что, можетъ быть, въ проектируемой экспедиціи примутъ участіе и другія государства кромѣ Австріи.

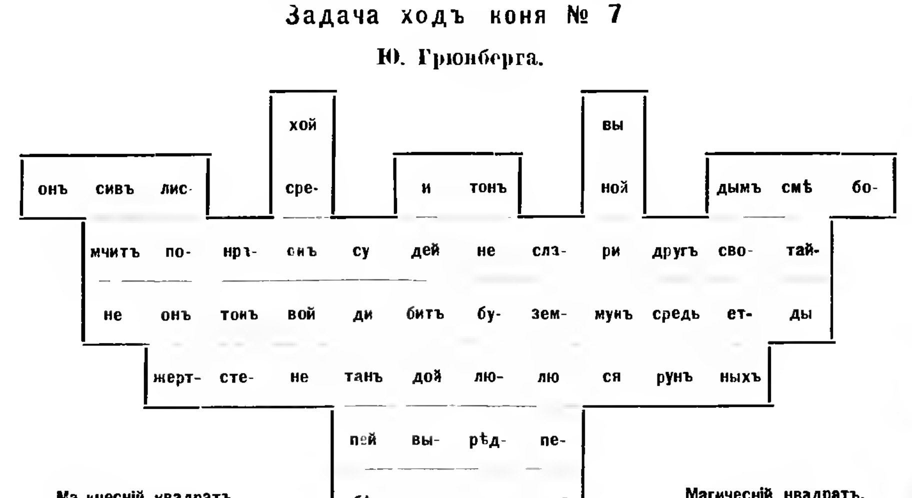
Перелетъ птицъ. Полетъ мелкихъ птицъ чрезъ Средиземное море составляетъ, по мнѣнію натуралистовъ, любопытную, но еще неразрѣшенную загадку въ исторіи малыхъ и, слѣдовательно, слабосильныхъ породъ, птичьяго порядка. Адольфъ Эбелингъ разсказываетъ, что онъ былъ очень удивленъ, замѣтивъ европейскихъ воробьевъ и трясогузокъ въ пальмовыхъ садахъ Каира и у подножія пирамиды Хеопса. Но первый же встрѣчный бедуинъ, не задумавшись, объяснилъ Эбелингу, что „малыхъ птицъ переносятъ на себѣ черезъ море большія". На такое наивное объясненіе Эбелингъ и его спутники отвѣчали невольнымъ смѣхомъ; бывшій же съ ними толмачъ принялъ сторону бедуина и сообщилъ путешественникамъ, что сказанное египетскимъ самоучкою-орнитологомъ извѣстно всѣмъ дѣтямъ въ Египтѣ. „Ассафиръ" (малыя птицы) слабы для долгихъ морскихъ перелетовъ. Поэтому онѣ ожидаютъ аистовъ („абусаадъ"), журавлей и другихъ большихъ птицъ, садятся имъ на спины и вмѣстѣ съ ними перелетаютъ черезъ море; а большія птицы охотно принимаютъ маленькихъ постояльцевъ, которые своимъ пѣніемъ и веселымъ чиликаньемъ нѣсколько развлекаютъ ихъ на пути". Почти дословно тоже повторили путешественникамъ и два спрошенные ими бедуинскіе мальчика.

Оказывается, впрочемъ, что и во второмъ изданіи „Путешествій на Востокѣ" Петермана также приводятся нѣкоторыя подробности объ этой загадкѣ. Въ книгѣ говорится, что, по словамъ профессора Роша, шведскій путешественникъ Геденборгъ, долго жившій на Родосѣ,—часто слыхалъ въ осенніе мѣсяцы пѣніе и щебетаніе разныхъ птичекъ, во время остановокъ аистовъ. Однажды онъ даже прослѣдилъ ихъ полетъ, и когда аисты опустились на землю, замѣтилъ, что съ нихъ спорхнуло множество птичекъ, переселившихся на ихъ хребтахъ въ южныя страны.

Акваріумъ въ Лейпцигѣ. Берлинскою фирмою братьевъ гг. Сассе устроенъ въ Лейпцигѣ громадныхъ размѣровъ акваріумъ съ рѣчной и морской водой. Онъ состоитъ изъ 19 резервуаровъ въ 350 литровъ, изъ трехъ большихъ бассейновъ въ 800 литровъ и изъ обширнаго грота. Въ 9-ти резервуарахъ будутъ помѣщены морскія чудовища, въ 12 другихъ—рѣчные обитатели самыхъ даже неизвѣстныхъ породъ. Въ гротѣ будутъ находиться черепахи и аллигаторы, а также птичникъ.

Задача ходъ коня № 7

Ю. Грюнберга.



но сонъ
онъ зитъ га нимъ
вновь но ча- го
при зналъ чадъ пы-
днилъ нля- нра- ще взоръ безъ ритъ и
зы ро онъ да не бовъ лонъ ютъ
о- нѣтъ вез- сынъ со- словъ ног- зынъ лю- говъ
сле- ды міръ чз- вѣч- и сиръ су онъ лі-
дѣ ный ты хо- дя я- ус- бо-
нуть лѣ гдѣ на но лить но- они
умъ на лод- всег- ты его сонъ та
о- тро блѣд- приз нанъ я тыль вар-
сы средь немъ меч ны нанъ от- вый
не ста- рамъ ны ны смоль ность нну
средь дней вла- мрач- стра онъ нры- лжи все и
думъ вилъ ю- пе- дым- чер- прон- лю- за- сом-
ронъ ныхъ | ныхъ стей лялъ чать нанъ тыль | бовь вистъ

Магическій квадратъ. Задача № 12.

а	а	а	а
а	м	м	м
м	р	р	р
р	с	у	х

Магическій квадратъ. Задача № 13.

в	е	е	к
к	л	л	л
о	о	о	о
п	р	с	с

Шахматная задача № 16

Черные.

8 7 6 5 4 3 2 1

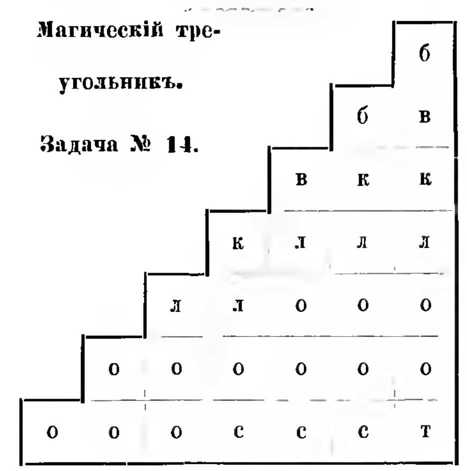
A B C D E F G H

Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и выигрываютъ въ 4 хода.

Магическій треугольникъ.

Задача № 14.



ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

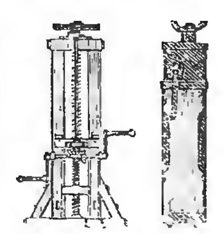
Г.г. Трехполѣнному въ Москвѣ; А. Х—му въ Болховѣ; Бологову въ Веневѣ; Даржану въ Кронштадтѣ; Пыжерскому въ Воронежѣ; Соколову, Онсману, присланныя вами задачи будутъ помѣщены въ ближайшихъ №№ „Нивы".

СОДЕРЖАНІЕ: Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ (съ портр.)—Стихотворенія. I. Зарница Г. II Ледяное море. W.—Касимовская невѣста. Историческій романъ Вс. Соловьева. (Продолженіе).—Справочная контора. Разсказъ Гора «Питеръ-Боотъ» (съ рис.) — Дѣдушка загулялъ (съ рис.)- Бѣлая башня въ Новгородѣ (съ рис.)- Храмъ св. Лоренца въ Нюрнбергѣ (съ рис.)—Зодіакальный свѣтъ (съ 3 рис.)- Русскія минеральныя воды. Кисловодскъ. В Сафонова.—Политическое обозрѣніе.—Примѣненія телефона. Очеркъ.—Разныя извѣстія.—Задачи. Ходъ коня. Шахматная задача.—Задача магическій треугольникъ.—Почтовый ящикъ. Объявленія.

Издатель А. Ф. Марксъ. Редакторъ Ф. Бергъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ФАБРИКА ПОДЪЕМНЫХЪ МАШИНЪ



ПИППИГА И ГИРША

въ Берлинѣ Шоссе-Штрассе № 95.

Винты для подъ'ма локомотивовъ, вагоновъ, кораблей и при постройкахъ.

№ 243 6—4

ОТЪ МНОГАГО НЕСЧАСТІЯ

предохраняетъ оффиціально рекомендованный передвижникъ приводныхъ ремней и смазочный приборъ выбрызгивающій масло.

Цѣна съ пересылкою за каждую 24 марки.

Цѣна съ пересылкою за 3—60 марокъ.

№ 272 5—1 Carl Hoffman, Aue, Sachsen

ТЕХНИЧЕСКОЕ УЧИЛИЩЕ

въ городѣ Рейтѣ (Рейнской провинціи).

Высшее спеціальное училище для **машино-строителей и химико-техниковъ**, а въ особенности промышленности, съ приготовительнымъ училищемъ для спеціальнаго училища и для подготовл-нія къ военной службѣ годичнаго срока.

№ 268 2 1

ПОЖАРНЫЯ ТРУБЫ

всѣхъ возможныхъ видовъ и всякой величины для селъ, деревень, имѣній, заводовъ, коловій и городовъ.

ПАРОВЫЯ И РУЧНЫЯ ПОЖАРНЫЯ ТРУБЫ.

САДОВЫЯ ТРУБЫ И ГИДРОПУЛЬТЫ

а также всякія прочія огнегасительныя принадлежности вообще.

Постоянно громадный выборъ **лучшихъ шотландскихъ пеньковыхъ рукавовъ**, прорезиненныхъ пеньковыхъ рукавовъ, резиновыхъ. кожаныхъ и пріемныхъ спиральныхъ рукавовъ всѣхъ размѣровъ.

Болѣе 2000 пожарныхъ трубъ изготовляются ежегодно на заводѣ

ГУСТАВА ЛИСТЪ ВЪ МОСКВѢ

Софійская набережная, въ соб. д. и на Мясницкой ул. рядомъ съ Почтамтомъ **На Нижегородской ярмаркѣ:** рядомъ съ Волжко-Камскимъ Коммерческимъ Банкомъ въ д. Княжевича, а также у **Федора Ивановича Листъ**, г. Сумы, Харьковской губ.

№ 237 3—3

МАГАЗИНЪ ОБУВИ

СКЛАДА

Г. В. БРИЗЕМЕЙСТЕРЪ и К°.

Пантелеймонская, д. Крапивва № 8.

въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

ОГРОМНЫЙ ВЫБОРЪ

мужской, дамской и дѣтской обуви, заграничной, Варшавской и собственной работы.

ДЕШЕВАЯ И ПРОЧНАЯ ОБУВЬ.

ПАРОВОЙ ФАБРИКИ

ВОЙЛОЧНАЯ ОБУВЬ

изящныхъ фасоновъ.

ПРИМѢЧАНІЕ: Гг. иногороднихъ, желающихъ почтить магазинъ заказами, просятъ присылать для мѣрки старый сапогъ.

№ 250 3—3

НОВОСТЬ:
АМЕРИКАНСКАЯ ГОЛОВНАЯ ЩЕТКА

съ металлической щетиной (чрезвычайно практическое изобрѣтеніе), освѣжающая кожу головы, уничтожающая перхоть и не засоривающаяся, подобно обыкновеннымъ щеткамъ. Получена

въ ШВЕЙЦАРСКОМЪ МАГАЗИНѢ №№ 27 и 29

ВЪ ПАССАЖѢ.

Цѣны за щетки слѣдующія: 3 р., 2 р. 75 к., 2 р. 50 к. и 2 р. 25 к. За пересылку и упаковку 50 к.

Щетки для лошадей 3 р., за пересылку 75. коп

№ 273

МОЛОЧНАЯ МУКА НЕСТЛЕ

ДЛЯ ВСКОРМЛЕНІЯ ГРУДНЫХЪ ДѢТЕЙ

1 РУБ. Безъ пересылки

и СГУЩЕННОЕ МОЛОКО НЕСТЛЕ. **75 К.**

ГЛАВНОЕ ДЕПО для оптовой и розничной продажи въ С.-Петербургѣ у **АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ** въ зданіи Воспитательнаго дома по Казанской ул. № 3, Магазинъ № 7, а также у Штоль и Шмидтъ —въ Спб. Химической Лабораторіи,—въ Русскомъ Обществѣ Торговли Аптекарскими Товарами и во всѣхъ москательныхъ торговляхъ и аптекахъ Россійской имперіи.

Единственный агентъ для всей Россіи *Александръ Венцель*

☞ **Имѣю честь довести до свѣдѣнія публики, что я отвѣчаю только за тѣ жестянки, на которыхъ находится СИНІЙ ШТЕМПЕЛЬ и ПОДПИСЬ Александра Венцеля ЕДИНСТВЕННАГО агента моего для всей Россіи.**

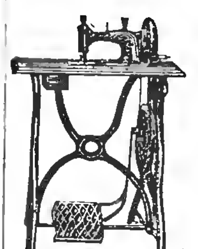
№ 51 26—12 **ГЕНРИХЪ НЕСТЛЕ** въ Веве (Швейцаріи).

Переведенъ изъ Троицкаго пер: № 13 на

№ 21 ВОЗНЕСЕНСКІЙ ПРОСП. № 21

А. ШТЕЙНЪ, бывшій Г. ФРЕНКЕЛЬ.

складъ швейныхъ машинъ всѣхъ системъ.



20 разныхъ конструкцій ручныхъ машинъ отъ 12 до 45 руб.

40 разныхъ конструкцій ножныхъ машинъ отъ 40 до 350 руб.

Для семейнаго употребленія, ремесленныхъ и военныхъ мастерскихъ.

Спеціальность машинъ для вязанія, плиссе, выметыванія петель, шитья перчатокъ и для шитья варной дратвой.

Письменное ручательство. **Цѣны фабричныя.**

Безплатно: уроки, упаковка, высылка подробнаго иллюстрированнаго **прейсъ-куранта** и подробныхъ работъ въ видѣ обрѣзокъ. № 210 5—5

НОВѢЙШІЯ МОЛОТИЛКИ

по системѣ **ВЕЙЛА**,

СЪ ЧИСТИЛЬЩИКОМЪ И БЕЗЪ ОНАГО

дешевле всѣхъ прежнихъ конструкцій.

Одноконныя до 4-хъ конныхъ и ручныя съ новѣйшими значительными улучшеніями, предлагаетъ на нынѣшній сезонъ по чрезвычайно дешевымъ цѣнамъ и на самыхъ выгодныхъ условіяхъ платежа.

Доставка франкирована на всякую станцію желѣзныхъ дорогъ.

Ищутъ агентовъ. Торговцамъ дѣлаютъ уступки.

Морицъ Вейлъ младш. Машинно-строительный заводчикъ въ Франкфуртѣ на-Майнѣ.

Первый вводитель штифтовой молотилки.

Moriz Weil jun. Maschin.-Fabrikant Frankfurt a/M, Heiligkreuzg. 12, 14

№ 30 16 & 16a Landwirthschafts-Vereinshalle. 10 2

СОВѢТЪ ХОРОШИМЪ ХОЗЯЙКАМЪ.

Чтобы сохранить мясо, рыбу, масло совершенно свѣжими, на нѣсколько мѣсяцевъ и придать имъ весьма пріятный вкусъ, стоитъ только употреблять нашу соль для консервовъ. Цѣна 20 к. за фунтъ. Въ фруктовомъ магазинѣ Черепенникова, на Литейной, на углу Симіоновской. № 256 5—2

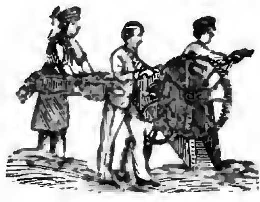
Принимаютъ заказы дамскихъ платьевъ и бѣлья по умѣреннымъ цѣнамъ. Адресоваться: Уголъ Англійскаго проспекта и Торговой улицы, д. № 25 и 27, кв. 12.

№ 257 2—2

ДАЮ уроки по всѣмъ предметамъ классич. гимназій. Петерб. сторона, Кронверкскій пр., д. № 15, кв. № 2; студентъ В. В. Е. № 267 1

РУЧНАЯ ШТИФТОВАЯ МОЛОТИЛКА

ТОВАРИЩЕСТВА БУРКГАРДТЪ и УРЛАУБЪ.



Желѣзная, съ улучшенными приспособленіями для опусканія и подыманія кожуха, столомъ для раскладки сноповъ, ключами и масленками. Производительность 200 сноповъ въ часъ, при 3-хъ мущинахъ и 2-хъ мальчикахъ. Цѣна: въ Петербургѣ 90 р. с., въ Москвѣ 100 р. с.,—изъ нашихъ складовъ въ С.-Петербургѣ, на Васил. Остр., по 1-й линіи, д. № 14, въ Москвѣ, по Мясницкой, домъ Сытова. Кромѣ того имѣются въ наличности: вѣялки, сортировки, конные приводы, дробилки для овса, мельницы, желѣзныя плуги, соломорѣзки, сѣялки, жатвенныя машины, пожарныя трубы и машины всякаго рода. № 269 4—2

Удостоены премій на пяти выставкахъ.

ПАРОВЫЯ ПОЛИРОВАЛЬНИ

С. ОППЕНГЕЙМА и КОМ.

въ Гайнгольцѣ, возлѣ Гановера.

Предлагаютъ повсемѣстно распространенныя ихъ издѣлія, признанныя превосходнаго качества, какъ-то: чистякъ въ смѣси со стекломъ, кремнемъ, бумагою и холстомъ; полированное стекло «Вулканъ» изъ настоящаго чистяка-наксоса, а также всѣ принадлежности точенія чистякомъ. **Образцы и прейсъ-куранты высылаются безплатно.** № 269 5—1

ДЕСЯТИЧНЫЕ ВѢСЫ

всѣхъ размѣровъ для взвѣшиванія отъ 5 до 300 пудовъ

СОТЕННЫЕ ВѢСЫ

ВѢСОВЫЕ ПОМОСТЫ.

ВѢСЫ ДЛЯ ВАГОНОВЪ И ЛОКОМОТИВОВЪ, а также равно и маленькіе столовые вѣсы имѣются постоянно въ складахъ

ГУСТАВА ЛИСТЪ ВЪ МОСКВѢ

Софійская набережная, соб. домъ и на Мясницкой рядомъ съ Почтамтомъ. На **Нижегородской ярмаркѣ** рядомъ съ Волжко-Камскимъ Коммерческимъ Банкомъ въ домѣ Княжевича, а также у **Федора Ивановича Листъ** въ г. Сумы, Харьковской губ.

№ 236 3—3

СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЯ МАШИНЫ и ОРУДІЯ.

Плуги. косильные, жатвенныя и молотильныя машины, соломорѣзки,

КОННЫЕ И ВОЛОВЫЕ ПРИВОДЫ

лучшей конструкціи,

имѣются постоянно въ складахъ

ГУСТАВА ЛИСТЪ въ Москвѣ

Софійская набережная, собственный д. и на Мясницкой ул. рядомъ съ почтамтомъ **На Нижегородской ярмаркѣ.** рядомъ съ Волжско-Камскимъ коммерческимъ банкомъ въ д. Княжевича; а также у **Федора Ивановича Листъ** въ г. Сумахъ Харьковской губерніи.

№ 235 3—3

Изданія ЮРГЕНСОНА.

Дешевое изданіе сочиненій

Ф. ШОПЕНА.

ПЕРЕСМ. **К. КЛИНДВОРТОМЪ.**

Всѣ 14 вальсовъ	in 4°	1 р.	— к.
» тѣже »	in 8°	— »	50 »
19 Ноктюрнъ	in 4°	1 »	— »
» тѣже »	in 8°	— »	50 »
52 Мазурки	in 4°	2 »	— »
» тѣже »	in 8°	1 »	— »
3 Сонаты	in 4°	1 »	50 »
» тѣже »	in 8°	—	75 »
27 Этюдъ	in 4°	1 »	50 »
» тѣже »	in 8°	— »	75 »
4 Баллады	in 4°	— »	75 »
» тѣже »	in 8°	— »	40 »
11 Полонезовъ	in 4°	1 »	50 »
» тѣже »	in 8°	— »	75 »
4 Скерцо	in 4°	1 »	— »
» тѣже »	in 8°	— »	50 »
4 Экспромта (Impromptus)	in 4°	— »	60 »
» тѣже »	in 8°	— »	30 »
25 Прелюдъ	in 4°	1 »	35 »
» тѣже »	in 8°	— »	50 »
4 Рондо	in 4°	1 »	20 »
» тѣже »	in 8°	— »	60 »
2 Концерта	in 4°	1 »	50 »
» тѣже »	in 8°	— »	75 »
2 Варіяціи и 2 фантазіи	in 4°	1 »	50 »
» тѣже »	in 8°	— »	75 »
Всѣ проч. сочин. 19, 43, 46, 57, 60, 72	in 4°	1 р.	
» тѣже »	in 8°	— »	75 »

Продаются въ музыкальн. магазинѣ

П. ЮРГЕНСОНА.

Москва, Неглинная, 10.

Съ 5 сентября.

возобновилось пріостановленное, по распоряженію моск. генералъ-губернатора,

ИЗДАНІЕ

„РУССКІЙ КУРЬЕРЪ“

НОВАЯ

ЕЖЕДНЕВНАЯ, БЕЗЦЕНЗУРНАЯ, БОЛЬШАЯ

ГАЗЕТА

общественная и политическая.

ПОДПИСКА ОТКРЫТА:

въ Москвѣ—въ конторахъ редакціи (Столешниковъ пер., д. Рожнова, и у Москворѣцкаго моста, въ конторѣ И. И. Лапина) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

ЦѢНА СЪ ДОСТАВКОЙ И ПЕРЕСЫЛКОЙ:

на 1 мѣс. . . . . 1 руб.

на 3 мѣс. . . . . 3 руб.

№ 266 2—1

При этомъ № прилагается для гг. иногородн. подписчиковъ, за исключеніемъ московскихъ объявленіе отъ книжнаго магазина С. И. Леухина въ Москвѣ.

Дозволено цензурою СПБ. 14 Сентября 1879 г. Тип. Веллинга. Англ. пр. № 10.

X годъ — № 39 — годъ X — 1879

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ «ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ» (отъ 20 до 40 модн. рис и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40)

Выданъ 24 Сентября 1879 г. Цѣна этого № «Нивы» 15 к. съ перес. 20 к.

Дѣятели Русской литературы.

Михаилъ Матвѣевичъ Херасковъ.

Не многіе изъ русскихъ писателей пользовались такой громкой извѣстностью при жизни и такъ скоро потеряли всякое значеніе по смерти, какъ плодовитый труженикъ Херасковъ. Прославленный своими современниками, какъ великій поэтъ, онъ теперь извѣстенъ только людямъ, спеціально занимающимся исторіей нашей литературы. Это объясняется временемъ, къ которому относится его дѣятельность.

Съ Ломоносова русская литература подчинилась вліянію возникшей во Франціи ложно-классической теоріи съ цѣлымъ кодексомъ условныхъ правилъ для всѣхъ родовъ поэзіи. Всякое уклоненіе отъ этихъ правилъ считалось нарушеніемъ искуства, а кто вполнѣ соблюдалъ ихъ, того признавали поэтомъ и величали какимъ-нибудь классическимъ именемъ. И вотъ у насъ явились свои Пиндары и Гораціи въ лирикѣ, Корнели и Расины въ драмѣ, сочинявшіе свои оды и трагедіи по кодексу Буало и Лагарпа. Не доставало только русскаго Гомера, который по трафарету той же теоріи сложилъ бы героическую поэму. Этотъ-то пробѣлъ на *россійскомъ Парнасѣ* и пополнилъ Херасковъ, къ удовольствію своихъ современниковъ.

Дѣятели Русской литературы. М. М. Херасковъ.
Ориг. рисун. А. Неймана, грав. Нейманъ.

Михаилъ Матвѣевичъ Херасковъ родился въ 1733 году въ Полтавской губерніи и получилъ воспитаніе въ Шляхетномъ Корпусѣ. Тамъ онъ пристрастился къ литературнымъ занятіямъ и писалъ свои первые стихотворные опыты. По выходѣ изъ заведенія, онъ поступилъ на службу при московскомъ университетѣ и впослѣдствіи былъ его кураторомъ, почти до самой кончины своей въ 1807 году. Въ этой важной должности онъ принесъ много пользы наукѣ и литературѣ, какъ заботами объ улучшеніи университета, такъ и поощреніемъ молодыхъ талантовъ. Домъ его долгое время былъ сборнымъ мѣстомъ ученыхъ, писателей и всего образованнаго московскаго общества; тамъ читалось и обсуживалось

все, что только являлось замѣчательнаго въ нашей литературѣ.

Трудолюбіе Хераскова равнялось его любви къ поэзіи. Онъ написалъ массу сочиненій въ разныхъ родахъ, строго придерживаясь во всемъ ложно-классической теоріи и иностранныхъ образцовъ. Его похвальныя и анакреонтическія оды, героическія поэмы и нравоучительныя повѣсти, трагедіи и *слезныя* драмы въ свое время считались образцовыми, хотя въ нихъ нѣтъ ничего жизненнаго и оригинальнаго. Современникамъ нравились даже его тяжелые и полные утомительнаго резонерства романы: „Нума Помпилій" и „Кадмъ и Гармонія". Но всего больше доставили славы Хераскову двѣ эпическія поэмы „Россіада" и „Владиміръ", изъ которыхъ первая явилась въ 1779, а вторая въ 1786 году. За нихъ-то признательные современники и почтили автора титуломъ *россійскаго Гомера.*

Если подъ именемъ героической поэмы разумѣть обширное сочиненіе, въ которомъ какое-нибудь отдаленное историческое событіе смѣшано съ вымысломъ, наполнено чудесами, обставлено идеализированными лицами, не принадлежащими ни какой народности, и все это выражено напыщенными стихами,— то Россіада вполнѣ удовлетворяетъ такому понятію. Сюжетъ выбранъ согласно теоріи. Какъ въ Иліадѣ воспѣваютъ битвы подъ стѣнами Трои, въ Освобожденномъ Іерусалимѣ подвиги крестоносцевъ передъ святымъ городомъ а въ Генріадѣ осада Парижа Генрихомъ IV, такъ и Херасковъ воспѣлъ покореніе Казани царемъ Іоанномъ Грознымъ. Главнымъ образцомъ Хераскова былъ Тассъ. Такъ описаніе казанской дубровы скопировано съ описанія очарованнаго іерусалимскаго лѣса, битвы царскихъ опричниковъ съ татарами напоминаютъ подвиги крестоносцевъ, чары татарскихъ кудесниковъ списаны съ заклинаній сарацинскихъ чародѣевъ. Тоже и въ отношеніи къ лицамъ: царь Іоаннъ играетъ роль Готфрида, Курбскій похожъ на Ринальда, Сумбека—копія съ Армиды. Не мало послужили Хераскову и Гомеръ, и Виргилій, и Вольтеръ: мы находимъ у него и адъ, гдѣ мучатся казанскіе ханы, и кораблекрушеніе на Волгѣ, и явленіе царю Александра Невскаго, въ родѣ того, какъ св. Людовикъ является Генриху. Наконецъ поэма, по законамъ теоріи, начинается неизбѣжнымъ „пою" и воззваніемъ къ „духу стихотворства". Понятно, что Россіада казалась современникамъ стихотворца великимъ произведеніемъ.

Но вотъ понятія о поэзіи измѣнились. На эпосъ стали смотрѣть какъ на картину жизни, во всей ея исторической и народной правдѣ, и требовать отъ него вѣрнаго изображенія мѣстностей, обычаевъ и правовъ и такой же вѣрной характеристики лицъ. При такомъ взглядѣ напыщенныя, искусственныя поэмы, бывшія до тѣхъ поръ образцами, утратили всякое значеніе. Понятно, что и Россіяда Хераскова должна была показаться въ другомъ свѣтѣ: что прежде считали поэзіей, въ томъ увидѣли теперь одну надутую ложь. И въ самомъ дѣлѣ, можно ли найти какую нибудь правду тамъ, гдѣ старая Казань представляется чѣмъ-то въ родѣ Альгамбры, тарары превращены въ какихъ-то рыцарей, царь Іоаннъ Грозный величается *россійскимъ Марсомъ,* а Адашевъ разглагольствуетъ о славѣ, „потомка троянъ" Рюрика. Можно-ли читать безъ смѣха, какъ ханъ Алей разъѣзжаетъ по *стогнамъ* своего великолѣпнаго *града* въ золотой колесницѣ; какъ царица Сумбека, „Киприда красотой, а хитростью Цирцея", гуляетъ подъ Казанью въ миртовой рощѣ съ розовыми кустами, а страстно любимый ею „таврійскій князь" Османъ, играя на золотой лирѣ, воспѣваетъ свою возлюбленную Эмиру? Очевидно, что пресловутая Россіяда оказалась сплетеніемъ всякихъ анахронизмовъ и несообразностей.

Другая поэма Хераскова „Владиміръ", сюжетомъ которой онъ взялъ крещеніе Руси, точно также чужда всякой народной исторической правды и отличается тою же неестественностью и поддѣльнымъ паѳосомъ. Религіозность здѣсь такъ же фальшива и холодна, какъ и патріотизмъ въ Россіядѣ.

Время показало такимъ образомъ, что Херасковъ былъ не поэтъ, а только трудолюбивый и переимчивый стихотворецъ, не лишенный нѣкотораго дарованія во вкусѣ современной ему теоріи. И его сочиненія удовлетворяли тогдашнее общество, какъ фальшиво-патріотическая Генріада удовлетворяла французовъ, а пуритански-скучная Мессіада нѣмцевъ. До чего великъ былъ авторитетъ Хераскова у его современниковъ, видно изъ того, что даже въ карамзинскую эпоху, когда уже ложноклассическая теорія падала подъ вліяніемъ сантиментальнаго романтизма, даровитый И. И. Дмитріевъ посвятилъ автору Россіяды такіе стихи:

> Пускай отъ зависти сердца зоиловъ ноютъ,
> Хераскову они вреда не нанесутъ:
> Владиміръ, Іоаннъ щитомъ его покроютъ
> И въ храмъ безсмертья проведутъ.

Но ни Іоаннъ, ни Владиміръ, ни всѣ другіе герои Хераскова не донесли его поэмъ даже до ближайшаго поколѣнія. И если теперь никто уже не читаетъ этихъ издѣлій отжившаго ложнаго классицизма, все же имя ихъ автора принадлежитъ исторіи нашей литературы, какъ такаго дѣятеля, который пользовался въ свое время громкой извѣстностью, нравился своимъ современникамъ и имѣлъ на нихъ значительное вліяніе.

А. Милюковъ.

Стихотворенія.

I.

Послѣдняя блещетъ зарница,
Послѣдніе призраки лѣта...
Въ листву порѣдѣвшую льются
Потоки алмазнаго свѣта.

* * *

Вся ночь эта горько-блаженна
Какъ ласка любви предъ разлукой,
Какъ страстная боль поцѣлуя
Прожженнаго ревности мукой.

* * *

Но вотъ надвигаются тучи,
Свинцовыя тучи ненастья...
Тревожное сердце, напрасно
Ты просишь и лѣта и счастья!

W.

II.

Вечеръ.

Душистой и ровной прохладой
Наполненный, воздухъ чуть дышетъ,
И трепетомъ ровнымъ колышетъ
Акаціи стараго сада.

* * *

У берега дремлетъ ракита,
Съ какою-то нѣгою сонной
И вечера мглой благовонной
Вся даль за рѣкою обвита...

В. Салтыковъ.

Касимовская невѣста.

Историческій романъ Вс. СОЛОВЬЕВА.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Продолженіе).

I.

Приказомъ изъ Москвы велѣно было торопиться. Посланцы царскіе, Пушкинъ съ княземъ Тенишевымъ, оповѣстивъ окрестныхъ дворянъ, сдѣлали смотръ находившимся въ наличности касимовскимъ дѣвицамъ и составили ихъ списокъ. Не обошлось при этомъ конечно безъ большаго шума и всякой тревоги. Весь городъ волновался. Каждая мать желала видѣть свою дочь царскою невѣстой, и всѣ усилія употребляла для того, чтобы вывести ее на смотръ бояръ московскихъ въ самомъ лучшемъ видѣ. За цѣлый годъ въ Касимовѣ не изводилось столько румянъ, бѣлилъ и сурьмы, сколько извелось въ послѣдніе три, четыре дня.

Но присланные царемъ бояре московскіе, не смотря на всѣ хитрости матерей, очень умѣли отличать хорошій товаръ отъ дурнаго и не мало забраковали невзрачныхъ дѣвушекъ. Матери ихъ и отцы, съ досады и обиды, просто содомъ подняли, такъ и налѣзали на бояръ.

Въ домѣ воеводы, гдѣ происходилъ смотръ, съ утра и до вечера стонъ стоялъ отъ бабьихъ криковъ и воплей.

Пушкинъ съ Тенишевымъ потеряли наконецъ терпѣніе и стали запираться въ отведенныхъ имъ воеводой горницахъ никого къ себѣ не допускали; но волненіе не прекращалось. Обиженыя матери забракованныхъ дочекъ не могли спокойно вынести нанесеннаго имъ оскор-

бленія. Видя, что ничего не подѣлаешь, что московскіе бояре неумолимы, онѣ стали накидываться на своихъ счастливыхъ соперницъ. И еслибы Пушкину съ Тенишевымъ заблагоразсудилось повѣрить хоть сотой долѣ изъ того, что разсказывали въ пріемномъ покоѣ воеводы, такъ пришлось бы разорвать составленные списки и не пускать въ Москву ни одной изъ выбранныхъ уже и записанныхъ дѣвушекъ. Злоба женская хитра на выдумки—чего, чего не наболтали...

Въ одной изъ невѣстъ-красавицъ, по клятвеннымъ увѣреніямъ обиженныхъ сосѣдокъ, семь бѣсовъ сидѣло; другая по ночамъ пѣтухомъ кричала; третья, отъ роду которой было всего пятнадцать лѣтъ, уже успѣла родить двойней; четвертая сама по себѣ бы еще ничего, да мать у ней такая, что ей и показаться передъ царскія очи никакъ невозможно.

Но бояре московскіе были люди благоразумные, хорошо знавшіе цѣну озлобленному языку человѣческому, а наипаче бабьему. Коли красива да стройна была дѣвушка—тотчасъ же и вносили ее въ списокъ, объ остальномъ не заботясь. Есть ли у нее болѣсть какая, али тамъ другія провинности за нею водятся—все то узнаютъ доподлинно дворцовыя бабки да нѣмчинъ дохтуръ...

Не удалось даже самому воеводѣ Обручеву поколебать Пушкина. Узнавъ о томъ, что дочь Всеволодскаго тоже включена въ списокъ, воевода началъ наговаривать на Рафа Родіоновича, убѣждалъ Пушкина, что не только дочь его на Москву везти нечего, но что и самаго-то старика Всеволодскаго слѣдуетъ въ кандалы заковать за его дѣла непотребныя.

Пушкинъ долго молчалъ, слушалъ себѣ рѣчи Обручева и только искоса на него поглядывалъ. Фима Всеволодская поразила его своею красотой и онъ особенно радовался, что доставитъ въ Москву такую невѣсту. Кромѣ того Рафъ Родіоновичъ въ разговорѣ съ нимъ у отца Николы откровенно повѣдалъ ему о своемъ горестномъ положеніи, расказалъ всѣ свои обиды.

Пушкинъ сразу убѣдился въ правотѣ почтеннаго старика. Къ тому же онъ давно уже слышалъ о продѣлкахъ касимовскаго воеводы, а грабежи да разбои и всякое своевольство различныхъ приказчиковъ были тоже не новостью.

Конечно въ другія времена, при другихъ обстоятельствахъ этотъ самый Пушкинъ не сталъ бы держать руку неизвѣстнаго и бѣднаго касимовскаго дворянина, но вѣдь если Фима такъ поразила его своей необычной красотой, такъ она точно также можетъ поразить ею и тамъ, во дворцѣ, самаго царя молодаго. Въ такомъ случаѣ Всеволодскій изъ бѣднаго, обиженнаго человѣка превратится въ силу. Пушкинъ, какъ опытный царедворецъ, сразу обдумалъ все это и рѣшилъ, что старика заранѣе обласкать нужно, нужно сразу сдѣлаться его благодѣтелемъ. А воеводы касимовскаго московскому боярину бояться нечего,—и воевода хорошо это знаетъ, и потому то такъ низко кланяется царскому посланцу, не знаетъ чѣмъ угостить его, какъ задобрить.

— Что же ты, бояринъ, на мои рѣчи ничего не отвѣтствуешь? говоритъ Обручевъ, перебравъ всѣ клеветы, какія только можно было взвести на Всеволодскаго.

— А что же мнѣ отвѣчать тебѣ, воевода?! наконецъ прерываетъ молчаніе Пушкинъ.—Я не властенъ судить Всеволодскаго... Ты на него жалуешься,—онъ на твои обиды плачется! Ну вотъ, какъ придемъ мы на Москву, я это ваше дѣло и доложу государю. Вотъ тебѣ и весь сказъ мой.

И Пушкинъ лукаво усмѣхается, поглядывая на Обручева.

Воевода, позабывъ свою тучность, какъ вьюнъ завертѣлся на мѣстѣ отъ словъ этихъ. Онъ почувствовалъ, что если Пушкинъ говоритъ съ нимъ такимъ образомъ, такъ значитъ нужно держать ухо востро. Бѣда можетъ придти съ той стороны, откуда и ждать то ее было нельзя никоимъ образомъ.

Пушкинъ ушелъ заниматься своими дѣлами, а воевода велѣлъ довѣренному подьячему позвать къ себѣ въ укромный покойчикъ приказчика Осину, который еще со вчерашняго дня тайно находился у него въ домѣ.

Осина вошелъ хмурый и красный больше прежняго, поклонился воеводѣ въ поясъ и молча сталъ передъ нимъ, поглядывая на него изъ подлобья.

— Что же это ты, разбойникъ, сдѣлалъ со мною, аспидъ ты этакой! вдругъ крикнулъ Обручевъ, съ кулаками подступая къ Осинѣ.

Тотъ вздрогнулъ и попятился.

— Что такое, государь воевода? и не вдомекъ мнѣ за что ты меня такъ?!..

— Не вдомекъ! а! не вдомекъ, хамово отродье!.. продолжалъ воевода съ пѣною у рта.

Самыя ужасныя ругательства посыпались съ языка его, и онъ долго не могъ ничего и выговорить кромѣ этихъ ругательствъ. Осина молча слушалъ и ждалъ, что будетъ дальше.

Наконецъ воевода остановился. Онъ сообразилъ, что его крики и брань могутъ очень легко услышать московскіе пріѣзжіе, а главное, что не для одной только брани призвалъ онъ Осину.

— Ты тутъ разбойничаешь, заговорилъ онъ болѣе спокойнымъ голосомъ,—а мнѣ погибать изъ-за тебя!..

Но первое изумленіе и смущеніе Осины уже прошло. Онъ не боялся грознаго воеводы—они были слишкомъ тѣсно связаны общими интересами между собою.

— Не тебѣ бы, Никита Петровичъ, разбоями укорять меня, перебилъ онъ Обручева. Посчитаемъ-ко, на чью долю съ моихъ разбоевъ больше приходится — на мою, али на твою... Кажись до сей поры я былъ передъ тобой въ исправности, такъ нечего тебѣ на меня лаяться. А коли не ладно что вышло, такъ ты толкомъ повѣдай—дѣло то можетъ и поправимъ вмѣстѣ.

— Много ты тутъ поправишь! закричалъ было опять Обручевъ, но тотчасъ же и понизилъ голосъ.—Рафка то можетъ скоро въ силѣ будетъ—вотъ тебѣ—выкуси!.. Слышь ты—московскимъ боярамъ его дѣвка больно приглянулась, царю на показъ везутъ... Чуешь ли чѣмъ это пахнетъ?.,

Осина вздрогнулъ.

— А! вотъ оно что! прорычалъ онъ, да такъ страшно, что теперь уже Обручевъ отъ него попятился.

— Дрянь дѣло, проговорилъ онъ наконецъ обрывающимся голосомъ.—Попадетъ Фима въ Москву, однимъ глазкомъ ее царь увидитъ такъ на другихъ и смотрѣть не станетъ. Краше ея не сыщется дѣвки во всемъ свѣтѣ!

— Не видалъ я этой Фимки Всеволодскаго, перебилъ его воевода, — а коли и впрямь такова она, то вотъ что скажу тебѣ: ежели Рафкѣ, да этакое привалитъ счастье, такъ ты пропалъ, какъ песъ пропалъ—это ужь само собою; да изъ-за тебя, окаяннаго, вѣдь и мнѣ пропадать придется! Ну, и не хочу я этого! Долго я держалъ твою руку, покрывалъ тебя—буде! Выпутывайся самъ какъ знаешь; а на меня не надѣйся... провалиться тебѣ и со всѣми твоими приносами!...

— Что же—ты это меня никакъ выдавать надумалъ? злобно усмѣхнувшись проговорилъ Осина.—Выдать выдашь, а самъ бѣды не минуешь... Рафку-то мы съ тобою вѣдь не со вчерашняго дня знаемъ; подумай-ко—забудетъ онъ что-ли твои всѣ обиды?!.. Пиши-ка ты лучше грамотку къ князю Солнцеву, давнишній тебѣ онъ благопріятель. А я съ той грамоткой на Москву поѣду. Не вѣдаю еще какъ оно будетъ, одно только вѣдаю: не дамъ я Рафкѣ праздновать... такое придумаю! Въ рукахъ онъ будетъ держать свое счастье, а я его у него изъ рукъ вырву. Или пропаду пропадомъ, или и тебѣ сослужу службу великую!..

Осина замолчалъ. Грудь его тяжело дышала, глаза мрачно блестѣли подъ сдвинувшимися бровями.

Воевода задумался. Онъ хорошо и давно зналъ Оси-

Сонъ Іоанна Грознаго. Съ ориг. рисун. П. Говорова, грав. Пуцъ-Барановскій.

Заблудилась. Ориг. рисун. на деревѣ В. Васнецова, грав. М. Рашевскій.

ну, зналъ что на ловкость и хитрость его смѣло положиться можно, что онъ не задумается ни передъ какимъ средствомъ. Къ тому же въ послѣднихъ словахъ его слышалась такая злоба и такая рѣшимость. Да и риску вѣдь не было никакого для воеводы. И правду молвилъ этотъ Осина проклятый—выдать его Всеволодскому, пожалуй хуже будетъ, да и навѣрно хуже. Приказчикъ не вѣсть что наговоритъ на него—воеводу, совсѣмъ его запутаетъ—солонѣе Рафа ему придется...

— Ну, коли такъ, инъ—ладно, сказалъ Обручевъ. Пожди тамъ, я грамотку князю изготовлю. Только смотри ты, Яковъ, помни: головою я могъ тебя выдать врагу твоему лютому, да не выдалъ—помни ты это!..

— Ладно ужъ, я то не забуду, проговорилъ мрачно Осина и, простясь съ воеводой, отъ него вышелъ.

Къ вечеру онъ уже выѣхалъ изъ Касимова. Злоба бушевала въ немъ. Ему представлялось прелестное лицо Фимы. Представлялись тѣ вечера, когда онъ, бывало, сидѣлъ за трапезой въ тихой усадьбѣ Всеволодскихъ и когда милая дѣвушка, еще почти совсѣмъ ребенокъ, врывалась въ горницу съ веселымъ, беззаботнымъ смѣхомъ. Дикая страсть поднималась въ Осинѣ отъ этихъ воспоминаній, кровь бросалась въ голову, сердце усиленно билось. Но вотъ ему припоминалось другое...

„Я хамово отродье! шепталъ онъ, холопъ? Да, Рафъ Родивонычъ, видно правъ ты былъ какъ въ зашеи гналъ меня изъ твоего домишка! Гдѣ же тебѣ было родниться съ Осиной!.. Ишь куда мѣтишь... Ну, да еще посмотримъ... Разъ по глупости моей ушелъ ты изъ рукъ моихъ, а ужъ коли другой разъ уйдешь—такъ меня удавить мало будетъ, аки пса негоднаго... Нѣтъ, такое я теперь придумаю, что люди и не повѣрятъ, коли услышутъ“...

II.

Въ домикѣ отца Николы, гдѣ до сихъ поръ все было тихо и чинно, гдѣ раздавался только вѣчно спокойный голосъ хозяина, да воркотня его попадьи, теперь шла самая тревожная жизнь: немолчный говоръ и движеніе.

На завтра Всеволодскіе должны были тронуться въ путь и уже оканчивали послѣднія приготовленія. Впрочемъ сборы были не долги. Настасья Филипповна не могла снарядить для дочки-красавицы богатыхъ нарядовъ—и средствъ на это не было, да и нужныхъ товаровъ гдѣ взять въ такое короткое время. Единственная ея надежда была на сестру двоюродную, проживавшую въ Москвѣ и имѣвшую большой достатокъ. Не разъ перетолковала Настасья Филипповна объ этомъ дѣлѣ съ Пафнутьевной и онѣ успокоились на томъ, что богатая тетка, да еще вдобавокъ и крестная мать Фимы, не оставитъ въ такихъ нежданныхъ и важныхъ обстоятельствахъ невѣсту-красавицу.

Но хотя и не было особенной поклажи, хотя нечего было укладывать и устраивать, все же Настасья Филипповна и Пафнутьевна съ ранняго утра и до вечера суетились. И имъ обѣимъ казалось, что онѣ что-то дѣлаютъ—какое то важное и необходимое дѣло.

Настасья Филипповна совсѣмъ даже преобразилась. Въ послѣдніе годы она стала нѣсколько тяжела на подъемъ, любила цѣлыми часами сидѣть на мѣстѣ за какой нибудь работой. Рафъ Родіоновичъ частенько, въ минуты хорошаго расположенія духа, подсмѣивался надъ нею и добродушно называлъ ее „квашнею.“ А ужъ послѣ ихъ семейнаго несчастія и совсѣмъ она впала въ апатію. Теперь же вдругъ встрепенулась, не могла усидѣть на мѣстѣ. Будто сила какая то невидимая двигала ее взадъ и впередъ по маленькимъ покойчикамъ поповскаго домика.

И ей необходимо было это движеніе, эта суетня, эти хлопоты о чемъ то несуществующемъ, но какъ будто важномъ.

Въ этой лихорадочной дѣятельности она отвлекалась отъ своихъ мыслей, которыя вдругъ теперь нахлынули на нее. Да такъ нахлынули, что въ головѣ у нея все окончательно спуталось, и никакъ не могла она разобраться. И чудно ей, и страшно, и тревожно. Всѣ стали замѣчать, что она даже руками иной разъ водитъ вокругъ трясущейся головы своей, будто отгоняя отъ себя наплывающія, непосильныя ей мысли. А въ работѣ то, въ бѣготнѣ онѣ и уходятъ.

Но вотъ вечеръ—спать пора. Всѣ легли ужъ и сама она раздѣвается и ложится—бѣгать то и нельзя. И тутъ, какъ ни махай руками, мысли совсѣмъ одолѣваютъ. Ногъ подъ собой не слышитъ Настасья Филипповна отъ усталости—заснуть бы поскорѣе, но не спится: мысли, и опять мысли, конца нѣтъ имъ...

— „Боже мой милостивый, думается Настасьѣ Филипповнѣ,—Фима то, Фима! Вотъ оно какъ вышло—на Москву ѣдемъ. А тамъ что то Господь дастъ?.. съ чѣмъ вернемся, да и вернемся ли?.. Вѣдь вонъ что бояринъ то говорилъ, сказываетъ краше Фимы не видалъ дѣвки. Ну какъ она да приглянется царю-батюшкѣ, ну какъ онъ ее выберетъ въ царицы... Фиму то мою, Фиму! Царица она—что же это такое?!..“

И Настасья Филипповна даже ужъ лежать не можетъ, приподнимается—и опять машетъ передъ собой руками.

Но руки опускаются, приходятъ новыя мысли:

„Какъ бы изо всего этого вмѣсто добра и счастья великаго да горя опять не вышло?! Не лучше ли было бы вернуться въ усадьбишку, устроиться тамъ снова мало по малу, выдать Фиму за Суханова и любоваться на ихъ житье-бытье счастливое да тихое... И впрямь—такъ было бы не въ примѣръ лучше! Бѣдный Митя! лица на немъ совсѣмъ нѣту, ужъ такъ горюетъ, убивается. Да какъ и не убиваться! Знаетъ онъ Фиму съ измальства, крѣпко любитъ, еще съ покойникомъ его у насъ это дѣло было загадано... обѣщана она ему, а тутъ вдругъ такое! Какъ то не ладно оно, какъ будто и передъ Митей на душѣ не спокойно—совѣстно...“

Только нѣтъ, вѣдь все это пустое, одна отсрочка. Съѣздятъ они въ Москву, да и вернутся, тогда и поженятъ Митю съ Фимой.

„Ну что же, что Фима красива уродилась? на Москвѣ не такія есть боярышни—да знатныя, да богатыя; съ ними намъ бѣднымъ не тягаться. Тамъ Фиму навѣрно и до царскихъ то очей не допустятъ, оттрутъ ее сильные люди. Государь то, говорятъ, не всѣхъ вѣдь дѣвицъ видитъ, какія съѣзжаются. Бояре не многихъ ему на показъ выставляютъ. Эхъ, одна только лишняя тревога да сумятица, да траты лишнія и въ такое то тяжкое время. Да вѣдь ужъ ничего не подѣлаешь—Государевъ приказъ, хоть съ голоду потомъ помирай, а ѣхать нужно...“

И на этомъ совсѣмъ почти успокоивается Настасья Филипповна, такъ что даже и дремать начинаетъ. Только не на долго: словно бѣсъ какой издѣвается надъ нею и ее подразниваетъ. Опять закипаетъ ея сердце, кровь стучитъ въ голову.

— „Да нѣтъ же, нѣтъ же! во всемъ свѣтѣ не сыщется краше Фимы! Увидитъ ее царь—и не захочетъ себѣ другую. Фима—царица... Боже милостивый! А Митя... Богъ съ нимъ. Кто же тому виною? видно такова судьба его. Ну, погорюетъ да и утѣшится. Сыщетъ себѣ другую невѣсту, а мы ему пособимъ всячески какъ въ люди выйдемъ... Господи Боже мой, счастье то какое!“

Настасья Филипповна совсѣмъ запутывается. Сидитъ она на постели съ широко раскрытыми глазами и улыбается. Мысли переходятъ въ грезы, въ картины, которыя ярко, ярко среди темноты ночной носятся передъ нею. И не замѣчаетъ она какъ громко говоритъ сама съ собою, не замѣчаетъ что будитъ этимъ разговоромъ Рафа Родіоновича, сонъ котораго теперь такъ чутокъ.

Рафъ Родіоновичъ тоже все раздумываетъ, тоже грезитъ, но иныя его мысли и грезы. Онъ не вѣритъ, что счастье къ нимъ привалило великое, онъ и не думаетъ

совсѣмъ о томъ, что царскій выборъ падетъ на дочь его. Это пустое, этого не будетъ. Мало что ли на Москвѣ невѣстъ для государя—чай давно ужь приготовили, а что съ городовъ-то сбираютъ, такъ это отводъ одинъ...

Онъ радуется и волнуется, готовясь къ поѣздкѣ въ Москву, потому что увидитъ тамъ людей сильныхъ, у которыхъ искать будетъ правды. Онъ такъ, или иначе дойдетъ до государя, онъ выскажетъ ему все, что давно въ немъ накипѣло и наружу просится. Онъ скажетъ царю великому и милостивому о томъ горѣ злосчастьѣ, о тѣхъ бѣдахъ лютыхъ, что по русской землѣ бродятъ и губятъ людей неповинныхъ, жить не даютъ имъ, дышать мѣшаютъ.

Не вѣдаетъ про то горе, про тѣ бѣды государь великій, а узнаетъ про нихъ—и ужаснется онъ, и обольется его сердце кровью за народъ свой, и поможетъ онъ ему.

Вотъ о чемъ думается, о чемъ мечтается Рафу Родіоновичу—и ждетъ онъ не дождется своего выѣзда изъ Касимова.

И не спится ему въ долгія зимнія ночи.

Да кому теперь и спится то?—развѣ одной только Фимѣ. Она не тревожится, она не грезитъ. Она уже совсѣмъ успѣла успокоиться. Поѣздка въ Москву ее занимаетъ какъ новость. А что царь ее смотрѣть будетъ, что царь ее выберетъ, что она будетъ царицей—это, какъ и отцу ея, не приходитъ ей въ голову. Да и наконецъ не тѣмъ и занята она, ей лишь бы успокоить Митю, который все тоскуетъ. Онъ не отходитъ отъ нея, день цѣлый молчаливъ, тяжело такъ вздыхаетъ, такъ странно, такъ жалостливо на нее смотритъ. Она призываетъ на помощь всю свою былую дѣтскую веселость, заигрываетъ съ нимъ, теребитъ его, добивается отъ него смѣху. Вотъ, наконецъ, засмѣялся онъ и она спокойна.

Ея увѣренность въ томъ, что ихъ разлука невозможна, что все это только такъ, и что скоро всего этого не будетъ, а заживутъ они по прежнему, передается и ему мало по малу. Пожатье ея руки, ея откровенная, милая улыбка, ея ласковыя слова пробуждаютъ въ немъ надежду.

Рѣшено, что онъ ѣдетъ съ ними. Онъ уже былъ у себя въ усадьбѣ, распорядился всѣмъ, что нужно и въ путь приготовился. Будь онъ одинъ—тоска бы его заѣла. А тутъ Фима, а нѣтъ Фимы, такъ Андрей, съ которымъ ведутъ они безконечные разговоры.

Оба пріятеля въ одинаковомъ положеніи. Маша Барашева тоже внесена въ списокъ и Андрей трепещетъ за свою участь.

И вотъ они толкуютъ и спорятъ, каждый боится, каждый доказываетъ, что выборъ царя непремѣнно выпадетъ на долю его милой, что царь не можетъ плѣниться другою. Но въ концѣ концовъ они другъ друга успокоиваютъ. Доказательства Дмитрія дѣйствуютъ на Андрея, доказательства Андрея дѣйствуютъ на Дмитрія.

Еще есть одно существо въ домикѣ отца Николы, которое живетъ тоже совсѣмъ новой и полной жизнью—это старая мамка Пафнутьевна. Она суетится вмѣстѣ съ Настасьей Филипповной. Среди суетни, она то и дѣло подбѣгаетъ къ Фимѣ, безъ нужды поправляетъ на ней уборъ, какъ то совсѣмъ особенно, блестящими и странными глазами, глядитъ на нее, едва замѣтно улыбаясь, качаетъ своей старой головою и при этомъ лукаво поджимаетъ губы. А ночью тоже не спится старухѣ; но не отъ грезъ и мыслей, а просто отъ радости.

Она ни въ чемъ не сомнѣвается, какъ есть ничто ее не тревожитъ, во всемъ она увѣрена, все она знаетъ, все уже совершилось—счастье выпало на долю ея ненаглядной Фимы. Фима будетъ царица, иначе и быть не можетъ. И это нисколько не поражаетъ Пафнутьевну. Не даромъ вѣдь она такую красавицу выняньчила. Какъ пріѣдутъ они на Москву, обрядятъ Фиму, повезутъ къ государю, а онъ, батюшка, выйдетъ въ золотой одежѣ, аки солнышко небесное, глянетъ на право, глянетъ на лѣво—увидитъ Фиму, подойдетъ къ ней, возьметъ за ручку бѣлую и скажетъ громкимъ голосомъ таково слово: „Вотъ она моя невѣста, вотъ моя красавица!“ А тѣ, другія, всѣ грибъ съѣли!..

Пафнутьевна ворочается на своей холодной постели, не замѣчая ни холода, ни сырости и хитро подмигиваетъ сама себѣ въ темнотѣ ночной. Все сморщенное лицо ея складывается въ улыбку торжества и радости.

III.

Морознымъ, зимнимъ вечеромъ, по стихающимъ улицамъ Китай-города мчались широкія сани, запряженныя тройкой бойкихъ коней. Въ саняхъ сидѣла закутанная фигура, виднѣлись только широкій соболій воротникъ, да высочайшая шапка. Кучеръ покрикивалъ, посвистывалъ, ловко огибая большіе ухабы, и ради своего удовольствія, хлесталъ длиннымъ кнутомъ запоздавшихъ пѣшеходовъ. Сани промчались по Варваркѣ, миновали стѣну Китай-городскую и направились къ Яузскимъ воротамъ. Не доѣзжая воротъ, онѣ завернули въ узенькій переулокъ и остановились у одного изъ безчисленныхъ и однообразныхъ деревянныхъ домиковъ. Впрочемъ домикъ этотъ былъ нѣсколько пообширнѣе другихъ, и около него даже виднѣлись новыя пристройки.

Закутанный человѣкъ вышелъ изъ саней и сталъ стучаться въ наглухо запертыя ворота. Оглушительный собачій лай поднялся по переулку.

Но долго еще никто не выходилъ встрѣчать гостя. Наконецъ калитка заскрипѣла, со двора высунулась взъерошенная голова сторожа.

— Чего те, кто стучится?

Но на улицѣ было довольно свѣтло отъ полнаго луннаго блеска—сторожъ вдругъ замолчалъ и торопливо началъ отпирать ворота. Сани въѣхали во дворъ. Гость сталъ входить по ступенькамъ высокаго крыльца. Теперь онъ откинулъ воротникъ шубы и изъ за мѣха выглянуло красивое лицо съ густой черной бородой—лицо Бориса Ивановича Морозова.

Онъ цѣлый день провелъ во дворцѣ съ царемъ молодымъ, а къ вечеру отговорился головною болью и ушелъ въ свои, заново отдѣланныя, палаты, помѣщавшіяся въ Кремлѣ, почти у самаго дворца.

Но не сталъ отдыхать Борисъ Иванычъ а забывъ про свою больную голову, велѣлъ заложить сани и покатилъ къ Яузскимъ воротамъ, въ домишко Ильи Даниловича Милославскаго.

Илья Даниловичъ не большой бояринъ, не знатенъ онъ ни богатствомъ, ни чинами. Тотъ же Морозовъ и вывелъ то его въ люди. Не разъ, еще передъ покойнымъ царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, за него говаривалъ. Доставилъ ему небольшой чинъ придворный, довелъ его не только до крыльца Постельнаго, но въ послѣднее время даже и до Передней. А Илья Даниловичъ за все это всячески старался быть полезнымъ своему благодѣтелю.

Находясь при дворѣ, онъ не терялъ даромъ времени. Стараясь быть незамѣченнымъ, держась скромно и даже раболѣпно передъ большими сановниками, льстя и услуживая каждому, онъ чутко слушалъ все, что говорилось вокругъ него, подмѣчалъ все, что дѣлалось и исправно доносилъ о слышанномъ и видѣнномъ благодѣтелю Борису Ивановичу.

У могучаго боярина Морозова не мало было враговъ во дворцѣ, не мало людей ему завидывало, желало такъ или иначе насолить ему, желало хоть немного, тѣмъ или другимъ, способомъ отстранить его вліяніе. И эти люди часто удивлялись, какъ это Борисъ Ивановичъ всѣхъ ихъ насквозь видитъ, каждый ихъ шагъ враждебный своевременно и ловко упреждаетъ. Они колдуномъ его называли промежъ собою, а колдовство почти всегда исходило отъ Ильи Даниловича.

Ради колдовства этого, въ первые же дни воцаренія Алексѣя Михайловича, Милославскій и въ Передней очутился. А теперь еще явились и другія обстоятельства, много обѣщавшія впереди скромному и внимательному Милославскому....

Илья Даниловичъ вышелъ въ сѣни встрѣчать своего высокаго гостя.

Это былъ человѣкъ лѣтъ подъ пятьдесятъ, съ посѣдѣвшими уже волосами и бородою, небольшаго роста и щедушное, правильное, красивое, но не совсѣмъ пріятное лицо его выражало теперь необыкновенное почтеніе и радость. Низко кланяясь Морозову, онъ самъ снялъ съ него шубу и осторожно передалъ ее холопу.

— Милости просимъ, бояринъ, продолжая кланяться, говорилъ онъ;—вотъ сюда, въ свѣтелку, тутъ почище. Не взыщи ужъ,—домишко у меня убогонькій, достатки наши махонькіе—самъ вѣдаешь....

— Да ты не причитывай, Данилычъ, улыбаясь проговорилъ Морозовъ. — Не впервые вѣдь я у тебя.... и на домишко клепать нечего—изрядныя палатки себѣ устроилъ. Вотъ старыя были неказисты, это точно а эти ничего... совсѣмъ, кажись, въ исправности.

Морозовъ, все продолжая улыбаться, оглядѣлъ покойчикъ, въ который ввелъ его хозяинъ.

Это была маленькая комнатка, какія обыкновенно строили себѣ русскіе люди того времени, находя что въ тѣснотѣ—не въ обидѣ, лишь бы тепло было, да все необходимое подъ рукою, а главное, въ избыткѣ. Печка въ углу изразцовая, узорчатая. Тотъ же мастеръ, что во дворцѣ ставилъ печи, и Милославскому, за услугу какую то, изразцы эти по дешевой цѣнѣ продалъ. Стѣны бревенчатыя, на потолкѣ рѣзьба незатѣйливая, образа въ углу, въ довольно богатыхъ ризахъ. По стѣнамъ дубовыя лавки, покрытыя коврами хорошими.

И ковры эти Морозовъ знаетъ: во дворцѣ они были прежде и ужъ Господь вѣдаетъ какъ миновали они царскія кладовыя и попали къ Милославскому.

Печь жарко натоплена. Въ покойчикѣ пахнетъ свѣжимъ деревомъ. Лампадка у образовъ мягкій полусвѣтъ разливаетъ, а тутъ хозяинъ зажегъ и свѣчку въ тяжеломъ мѣдномъ шандалѣ—такъ и совсѣмъ стало свѣтло и уютно.

— Съ чѣмъ пожаловалъ, бояринъ? сказалъ Илья Даниловичъ, усадивъ Морозова подъ образами, на мягкихъ подушкахъ.—Приказать что изволишь? такъ слово лишь молви, самъ вѣдаешь, коли въ силахъ моихъ будетъ—исполню. Я, бояринъ, о твоихъ благодѣяніяхъ не забываю...

— А я вотъ поговорить съ тобой хотѣлъ, Данилычъ, отвѣчалъ Морозовъ,—только слушай ка, нѣтъ ли тутъ ушей лишнихъ за дверями?—дѣло то, вишь, не такое...

Милославскій и рукой махнулъ.

— Говори, бояринъ, не сумлѣвайся, никто не подслушаетъ, у меня на этотъ счетъ строго.

— Ладно, такъ значитъ и потолкуемъ, медленно и какъ то задумчиво проговорилъ Морозовъ, на столъ опираясь.—Невѣсты всѣ на Москву съѣхались, Данилычъ, началъ онъ;—со всѣхъ концовъ съѣхались. Самыя что ни на есть красивыя дѣвки и счетомъ ихъ около полутораста, да болѣе полъ-ста Московскихъ записано. И твои дочки на счету у насъ: Марья Ильинишна, да Анна Ильинишна.

Милославскій привсталъ и поклонился; глаза его такъ и горѣли, такъ и бѣгали. Онъ жадно ловилъ слова боярина.

— Ну и вотъ что, Данилычъ: царь торопитъ—жениться, вишь ему больно захотѣлось. И пойдутъ у насъ теперь дѣла несказанныя. Всѣ изъ за своихъ дочекъ перегрызутся.

— Да чего же грызться, перебилъ Милославскій, тутъ ужъ судьба, да глазъ царскій—какую царь выберетъ.

— Не то, Данилычъ, слушай: гдѣ же это государю изъ двухсотъ выбирать, времена ужъ не тѣ. Вонъ царь Иванъ Васильевичъ, да и послѣ него такъ и точно изъ нѣсколькихъ сотъ сами выбирали. Дѣвокъ то на царскій дворъ ровно стадо барановъ гоняли. И чего, чего при этомъ не бывало!.. Ну... царь намедни и говоритъ намъ съ патріархомъ: „Выбирать, де, мнѣ изъ столькихъ неможно. Поглядите на нихъ вы, бояре мои ближніе, да и выберите нѣсколько самыхъ прекрасныхъ, а ужь на тѣхъ и я погляжу, и скажу вамъ какая мнѣ больше по сердцу.“ Такъ вотъ какъ оно будетъ, Данилычъ. Это нынче въ обѣдъ то сказалъ государь—и всѣ тѣ слова его слышали. Ну и каждый изъ нашихъ то со своею дочкой будетъ соваться — и погрызутся. Да и царю молодому пожалуй подсунутъ какого урода, прости Господи. Красоты то не много въ нашихъ боярскихъ дочкахъ. Иныхъ я самъ видѣлъ, а про иныхъ молва идетъ...

Милославскій не могъ высидѣть на мѣстѣ. Онъ приподнялся съ лавки и такъ и ѣлъ глазами Морозова.

— Да и опять такъ надо сказать, рѣшился онъ вставить свое слово,—какой то еще роденькой наградитъ Господь царя батюшку?! Объ этомъ вѣдь тоже нужно подумать.

— И объ этомъ уже думано, хитро улыбнулся Морозовъ.—Я надумалъ вотъ что: человѣкъ я прямой со своими, хитрить мнѣ передъ тобою нечего. У тебя двѣ дочки красавицы, самъ ты человѣкъ хорошій, другъ мнѣ истинный, а я для тебя не первый годъ что могу то и дѣлаю.

Милославскій ничего не сказалъ на это, только руку приложилъ къ сердцу. Онъ все понялъ, а сила боярина Морозова давно была ему вѣдома.

— Такъ-то Данилычъ, совсѣмъ тихимъ голосомъ опять сказалъ Борисъ Иванычъ. Вотъ изъ этихъ-то невѣстъ, что царь будетъ смотрѣть, должны быть и твои дочки. Это я ужъ устрою. Устрою тоже, что царь заранѣе будетъ знать про старшую твою, Марью Ильинишну, что краше ея нѣтъ на Москвѣ красавицы. Съ помощью Божьей и будетъ она нашей царицей. А за младшей твоей, Анной Ильинишной, ужь дозволь ты мнѣ заслать сватовъ, не побрезгай мной, вдовымъ да старымъ.

Милославскій совсѣмъ растерялся. Мысль достигнуть величайшаго счастья посредствомъ дочерей красавицъ не разъ приходила ему въ голову съ тѣхъ поръ, какъ ихъ внесли въ списокъ.

Но онъ не былъ ни богатъ, ни знатенъ и хотя умѣлъ обдѣлывать свои дѣлишки, но все же хорошо сознавалъ, что ему нечего затѣвать борьбу съ именитыми боярами, къ царю близкими, изъ которыхъ каждый употребитъ всѣ усилія, чтобы породниться съ государемъ. А тутъ вдругъ Морозовъ, самъ Морозовъ берется за это дѣло и не для него берется, а для себя самаго.

И счастье то такое, что у Ильи Даниловича двѣ дочки, а не одна! Одна была бы, не сидѣлъ бы у него Морозовъ. Экое счастье привалило!

Онъ наконецъ пришелъ въ себя.

Онъ сдѣлалъ шагъ впередъ и повалился прямо въ ноги Борису Ивановичу.

— Благодѣтель ты мой! заговорилъ онъ обрывающимся голосомъ.—Былъ я тебѣ слуга вѣрный, а ужъ теперь, теперь... ну да что ужъ тутъ... и словъ то нѣту...

Морозовъ весело улыбался.

— Да встань ты, Данилычъ, поцѣлуемся. И дай-ка ты мнѣ взглянуть на твоихъ дочекъ, вѣдь я ихъ всего раза два мелькомъ видѣлъ.

— Сейчасъ, сейчасъ, бояринъ, повторялъ Милославскій со слезами на глазахъ, троекратно лобызаясь съ Борисомъ Ивановичемъ.

— Откушать бы чарку, да закусить, время то позднее—вотъ дочки и вынесутъ... повремени малость...

Онъ быстрыми шагами вышелъ изъ покойчика. А Морозовъ поднялся съ лавки и стоялъ, статный да красивый, съ веселымъ лицомъ и блестящими глазами.

На зарѣ.

Спи—еще зарею
Холодно и рано,
Звѣзды за горою
Блещутъ средь тумана.

Пѣтухи недавно
Въ третій разъ пропѣли,
Съ колокольни плавно
Звуки пролетѣли...

А. Фетъ.

Ориг. рисун. Фильмера, грав. Жопаръ.

„И сколько теперь головъ умныхъ думаютъ да раздумываютъ, мелькало въ его мысляхъ, ждутъ не дождутся моей гибели. Новую родню царскую, мнѣ враждебную, измышляютъ. Да что же я за дурень буду—такъ и сложить руки! Они думали—я буду тянуть. отговаривать царя жениться, побоюсь новой родни царевой. Да не женатый-то царь мнѣ страшнѣе. Больно разуменъ, изъ дѣтскихъ лѣтъ выходитъ, а слѣдить за нимъ шагъ за шагомъ, минута за минутой, тяжко становится мнѣ. Нужно царя женатаго, да на моей своченѣ. Нужно и царю и мнѣ такую родню, что меня бы одного слушалась, что бы я былъ тутъ первымъ человѣкомъ. Илья вонъ въ ногахъ валяется, а не породнись онъ со мною—того и жди за всѣ мои благодѣянія головою меня врагамъ выдастъ. Ну а теперь не выдастъ. И ужь захвалю же я Алешѣ Марью Ильинишну, во снѣ она ему каждую ночь будетъ сниться. Какъ выбирать придется—на другихъ и не взглянетъ—за это ужь ручаюсь...

Веселыя это были мысли—Борисъ Иванычъ все стоялъ и улыбался, поджидая хозяина съ дочерьми.

Вотъ дверь скрипнула и на порогѣ показалась сперва одна женская фигура, потомъ другая, а за ними Илья Даниловичъ.

Молодыя дѣвушки несли въ рукахъ подносы съ винами и закусками. Остановясь передъ Борисомъ Ивановичемъ и не смѣя поднять на него глаза, онѣ отвѣсили ему по плавному поклону и стояли не шевелясь, какъ статуи, только подносы едва замѣтно дрожали въ рукахъ ихъ.

Борисъ Ивановичъ оглядѣлъ ихъ зоркимъ взглядомъ и на душѣ у него стало еще радостнѣе. Обѣ дѣвушки были погодки. Младшей только шестнадцать лѣтъ исполнилось. Обѣ были красавицы—высокія да стройныя, съ нѣжными, милыми чертами, съ бѣлыми да румяными, горящими краскою юности и стыдливости, лицами. Глазъ опущенныхъ не было видно, но длинныя черныя рѣсницы говорили о томъ, каковы глаза эти.

Трудно было сказать, которая изъ нихъ лучше, но впрочемъ теперь первенство оставалось за старшей, за Марьей Ильинишной. Ея здоровая, милая красота уже окончательно развилась и созрѣла, ея формы были пышнѣе.

Младшая еще смотрѣла полуребенкомъ. Она еще только обѣщала въ близкомъ будущемъ сравняться съ сестрою.

— Вотъ мои дочки, бояринъ, проговорилъ Милославскій суетясь и какъ-то захлебываясь отъ радости. Не взыщи на нихъ; еще совсѣмъ никого не видали, да ужь и ведены строго, изъ теремка ни шагу...

— Помилуй, Илья Даниловичъ, отвѣчалъ Морозовъ почтительно кланяясь дѣвушкамъ,—я такихъ красавицъ почитай что съ роду не видывалъ. А что скромны онѣ—такъ это и тебѣ и имъ честь великая. Одно жалѣю, не хотятъ твои боярышни взглянуть на меня, не хотятъ чтобы я полюбовался ихъ очами...

Дѣвушки еще больше вспыхнули. Марья Ильинишна такъ и не подняла на боярина глазъ своихъ; но младшая не утерпѣла—взглянула. Передъ Борисомъ Ивановичемъ на мгновеніе блеснули два большихъ черныхъ глаза.

— Ты будешь женой моей, рѣшилъ про себя Морозовъ.

И ему вдругъ сдѣлалось такъ легко, такъ привольно на душѣ, какъ будто десятокъ другой лѣтъ спалъ съ плечъ его. Какъ будто онъ снова превратился въ того беззаботнаго, счастливаго юношу, какимъ въ первый разъ увидалъ когда то свою покойную жену, о ранней смерти которой теперь давно ужь пересталъ сокрушаться.

(Продолженіе будетъ).

Цыганка.

Разсказъ Захеръ Мазоха.

Бродскій слылъ такимъ философомъ и „ученымъ,“ что... что когда я познакомился съ нимъ въ домѣ молодой, богатой вдовы Маевской, то моему удивленію не было границъ. Голова сократовскаго типа—не большая рѣдкость въ нашей сторонѣ, и даже можно встрѣтить крестьянъ, поразительно напоминающихъ мужа Ксантиппы.

Въ Бродскомъ я ожидалъ найдти педантизмъ и конечно — небрежный туалетъ, высокомѣрный тонъ и видъ, который свойственъ талантливому человѣку, когда онъ пробуетъ свои силы въ какомъ нибудь глухомъ, заброшенномъ углу, среди небольшаго муравейника „который его не понимаетъ“ и потому преклонятся предъ нимъ. И вдругъ, встрѣчаю красиваго молодаго блондина, съ добродушнымъ выраженіемъ симпатичнаго лица, отъ котораго вѣяло свѣжестью ума и сердца. Онъ былъ, скорѣе скроменъ и даже конфузливъ, чѣмъ надменъ, одѣтъ же былъ по послѣдней модѣ. Я началъ наблюдать за нимъ, чтобы открыть „философа.“

Долго бы я наблюдалъ, да и, пожалуй, никогда не добился бы толку еслибъ не пришла мнѣ на помощь наша прелестная, милая Маевская. Оказалось, что Бродскій не особенно интересовался философами, въ тѣсномъ смыслѣ слова, и даже мало былъ знакомъ съ произведеніями этихъ царей мысли, а предпочиталъ имъ поэтовъ. И Бродскій избѣгалъ женщинъ! Вовсе не потому, чтобы третировалъ ихъ свысока, считалъ бы ихъ существами низшаго порядка, нѣтъ, напротивъ, онъ глядѣлъ на женщинъ какъ на какія-то загадочныя созданія и—опасныя, а потому боялся и сторонился отъ нихъ.

Дѣвушки и молодыя женщины боялись его въ свою очередь. Куда бы онъ ни показывался, ихъ рой разлетался во всѣ стороны, какъ птички при появленіи коршуна: каждая страшилась, что вотъ—вотъ онъ, этотъ страшный философъ и ученый, сейчасъ осмѣетъ ее и сконфузитъ. Пожилыя дамы, впрочемъ, благосклонно пытались обратить его на путь истинный, но напрасно.

Изъ всѣхъ женщинъ, одна только Маевская и сумѣла пріобрѣсть надъ нимъ нѣкоторое вліяніе. Казалось, только эта красавица, съ своими чудными, глубокими глазами, глядѣвшими изъ подъ волнъ черныхъ какъ смоль кудрей, и могла покорить сердце философа. Кокетничала она съ нимъ по совершенно новому способу и пріему. Обращалась съ нимъ, повидимому, какъ съ добрымъ другомъ и часто ставила его на такую интимную ногу у себя въ домѣ, что тотъ приходилъ въ полное замѣшательство. Пріѣзжаютъ, напримѣръ, гости а она даетъ ему ключи и проситъ распорядиться по хозяйству; за обѣдомъ сама накладываетъ ему лучшіе куски. Поѣдетъ она на балъ,—онъ обязанъ сопровождать ее и тамъ, когда кто нибудь пригласитъ ее танцовать, держитъ, по ея приказанію, ея бальную накидку.

Разъ, какъ то вечеромъ, когда всѣ гости Маевской уже разъѣхались, сидѣли мы втроемъ,—красавица вдова, Бродскій и я, въ ея любимой маленькой, голубой гостиной. На улицѣ было холодно, дождь однообразно стучалъ въ ставни, вѣтеръ завывалъ и гнулъ высокіе тополи, которыми былъ обсаженъ широкій дворъ, словомъ, погода—для мирной болтовни у камина. Маевская сидѣла на диванѣ, плотно закутавшись въ голубую, бархатную, кунью накидку. Бродскій хлопоталъ у самовара.

Мы молчали.

— Что это съ вами, милый Анатоль? вы сегодня какой-то странный! вдругъ воскликнула Маевская.

— Я? спросилъ покраснѣвшій Бродскій.

— Да, вы, продолжала она,—вы бросаете на меня непонятные взгляды, а ваша рука...

— Моя рука? Что такое? Онъ совершенно сконфузился.

— Да, я замѣтила, что какъ только ваша рука приближалась къ моей накидкѣ, то вы ее отдергиваете точно пугаетесь чего нибудь, будто отъ змѣи!

— Я, право, не знаю...

— Философъ долженъ обладать мужествомъ всегда говорить правду.

— Ну такъ... онъ перевелъ дыханіе—вотъ я въ прошломъ году, въ Каломеѣ смотрѣлъ звѣринецъ...

— Какое же это имѣетъ отношеніе къ намъ съ вами, съ громкимъ смѣхомъ прервала его Маевская.

— Да позвольте, прошу васъ, дайте мнѣ говорить—это имѣетъ прямое отношеніе, возразилъ Бродскій,—въ этомъ звѣринцѣ была, между прочимъ, пантера; когда я подошелъ къ ея клѣткѣ, она лежала и спала, и такъ спокойно, ну—совсѣмъ простая кошка. Мнѣ очень захотѣлось погладить ея красивую шерсть и я уже протянулъ руку, но владѣлецъ звѣринца остановилъ меня. „Іезусъ-Марія!“—что вы это, какъ можно (онъ закричалъ)—вы думаете она спитъ? только бы вы просунули руку—

она сейчасъ бы ее схватила и разорвала! Я подавилъ въ себѣ желаніе, но долго еще стоялъ и любовался красивымъ звѣремъ Я думаю, что еслибъ не отошелъ, такъ непремѣнно погладилъ бы его.

— И онъ бы разорвалъ вашу руку.

— Конечно.

Въ глазахъ Маевской на минуту блеснуло выраженіе торжества. Она протянула къ нему прелестную бѣлую руку, съ которой мягко соскользнулъ мѣхъ.

— Ну!

— Вы приказываете?

— Погладьте.

Лицо Бродскаго покрылось густой краской. — Но къ чему это... къ чему...

— Не бойтесь, не бойтесь,—дотроньтесь.

Онъ протянулъ свою, отдернулъ ее, но какъ бы повинуясь непреодолимому желанію, приложилъ ладонь къ нѣжной прозрачной ручкѣ красавицы.

— Видите, сказала она,—я не разорвала васъ.

— Почемъ знать, пробормоталъ онъ, въ какомъ-то волненіи.

Но, почти тотчасъ же онъ сдѣлался серьезнымъ. Когда мы, уже довольно поздно, ѣхали вмѣстѣ домой, онъ глубоко вздохнувъ, сказалъ мнѣ:

— Опасная женщина. Я боюсь ее. Въ послѣдній разъ, что я былъ у нея, она просто, могла бы... Онъ не окончилъ и я никогда не узналъ, что могла бы Маевская.

— Я не могу понять этихъ женщинъ, онѣ для меня—загадка, продолжалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія. Если уже мнѣ суждено любить, то я полюблю только простое, безъискуственное дитя природы. Чтобы вы сказали, напримѣръ, о какой нибудь негритянкѣ, которую я купилъ бы и которая сдѣлалась бы моею полною собственностью?

— Полноте—вспомните, что всѣ негритянки пахнутъ сквернымъ масломъ!

— Да, но по натуральной красотѣ формъ онѣ выше и вообразите такую Венеру, точно выточеную изъ чернаго дерева и въ бѣломъ шелковомъ одѣяніи...

Онъ снова замолчалъ.

— Нѣтъ, повторилъ онъ,—эти дамы не по мнѣ...

Наступила осень, на все налагая свой холодный и ясный отпечатокъ. По чистому небу потянулись стаи перелетныхъ птицъ. Бродскій сидѣлъ у себя въ саду и читалъ. Оторвавшись на секунду отъ книги, онъ поднялъ голову и—уже не опускалъ ее. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него стояла точно неожиданное видѣніе—прелестная молоденькая цыганка, во всей дикой и поразительной красотѣ; она остановилась у куста георгинъ и, шаловливо перебирая маленькой темной рукой яркокрасные цвѣты, пугливо смотрѣла, теперь, изподлобья, ва „господина.“ Поймавъ его удивленный взглядъ, она улыбнулась ему. Прелестна была улыбка этаго благородно обрисованнаго рта, между пунцовыхъ губъ котораго будто блеснулъ рядъ ослѣпительно бѣлыхъ зубовъ. Красный платокъ, которымъ была повязана ея головка, едва сдерживалъ непослушную волну чернаго цвѣта вороноваго крыла волосъ, коротенькая юбка голубой матеріи, съ нашитыми на ней пестрыми кусочками, спускалась только до колѣнъ, оставляя обнаженными маленькія голыя ноги замѣчательной формы, поверхъ красной рубашки была наброшена бѣлая безрукавка; шея, грудь, руки, уши—обвѣшаны золотыми монетами, кораллами и перлами. Съ минуту простояла она на мѣстѣ и потомъ быстро подойдя къ Бродскому и, опустившись на колѣни у самыхъ его ногъ, поцѣловала край его сюртука.

— Что тебѣ надо? ласково спросилъ онъ.

— Дайте мнѣ вашу руку, добрый, благородный господинъ, произнесла она,—я скажу вамъ будущее ваше.

— Я не люблю предсказаній.

Цыганка встала.

— Ну такъ, хотите—я вамъ дамъ приворотный корень—самая гордая красавица полюбитъ.

— У тебя онъ съ собой?

— Нѣтъ, господинъ.

— Такъ чѣмъ же ты меня то приворожила? воскликнулъ Бродскій, вскочивъ съ своего мѣста.

Она испуганно отступила назадъ.

— Я?—ничѣмъ—право, ничѣмъ!

— Да я тебѣ говорю, что приворожила! Я въ тебя влюбленъ, понимаешь?

Она поняла, громко засмѣялась, увернулась отъ него и остановилась въ нѣсколькихъ шагахъ. „Подари мнѣ что нибудь, сказала она.“

Онъ далъ ей червонецъ. Она жадно взглянула на блестѣвшую монету, схватила руку Бродскаго, съ намѣреніемъ прижать ее къ своимъ пунцовымъ губкамъ, но онъ отдернулъ руку и обхватилъ ея тонкую талію.

Но—онъ не поцѣловалъ ее. Какой-то специфическій, необыкновенно сильный ароматъ невольно заставилъ его податься назадъ.

Цыганка засмѣялась какимъ-то плутовскимъ смѣхомъ.

— Убирайся вонъ! съ злобой крикнулъ Бродскій.

Онъ былъ взбѣшенъ и охотно ударилъ бы ее. Она легко вспрыгнула на заборъ. Еще одно мгновеніе и—она исчезла.

Явившійся, нѣсколько минутъ спустя, старый кучеръ, которому надо было, зачѣмъ-то, видѣть барина,—какъ-то странно поднялъ голову и потянулъ въ себя воздухъ.

— Здѣсь пахнетъ, будто цыганка была, проговорилъ онъ, качая бѣлой головой.

— Какъ-такъ, да развѣ у нихъ есть какой нибудь запахъ? спросилъ Бродскій.

— Всѣ онѣ негодяйки и воровки, отвѣчалъ кучеръ, но о добродѣтели своей заботятся очень. Большая часть ихъ хороши собой и когда надо идти въ деревню, либо куда нибудь, гдѣ могутъ за ними приволокнуться,—онѣ обмазываются какою то мазью, и навѣрное эту проклятую мазь достаютъ изъ самаго ада. Чертовски скверно пахнетъ.

— Что за вздоръ!

Бродскій однако порадовался, что давеча у него не было плети въ рукахъ. Значитъ этотъ запахъ—не то, что масляный запахъ негритянки, его можно удалить а не смотря на это ужасное средство предохраненія цѣломудрія—цыганка была чудо красоты. Странно—въ одну минуту молодой человѣкъ почувствовалъ, что въ немъ произошла непонятная перемѣна. Пусто какъ-то стало вокругъ. А въ сердцѣ загорѣлось томительное желаніе, желаніе вновь видѣть ту смуглую красавицу, которая, звеня ожерельемъ изъ золотыхъ монетъ, такъ быстро исчезла за садовой изгородью.

Лѣсникъ скоро разыскалъ цыганъ. Они разбили свои шатры въ самой глубинѣ дубоваго лѣса, на зеленой лужайкѣ, близь быстраго и чистаго какъ кристалъ ручья. Бродскій тотчасъ же перекинулъ черезъ плечо двуствольку и велѣлъ лѣснику провести себя къ цыганамъ. Въ таборѣ, повидимому, никого не удивило неожиданное появленіе молодаго „господина.“ Мужчины привѣтствовали его низкимъ поклономъ, женщины—улыбкой, но той, которую онъ хотѣлъ видѣть, той не было здѣсь. Нѣсколько минутъ простоялъ онъ уже, равнодушно глядя на пеструю картину, когда къ нему приблизился молодой цыганъ съ черными космами волосъ и блестящими зубами, какъ у той минутной посѣтительницы.

— Господинъ, произнесъ онъ, обращаясь къ Бродскому,—вы, вѣроятно, желаете видѣть Чингару, мою жену?

— Твою жену? жену?—Я думалъ, что она дѣвушка! почти крикнулъ Бродскій.

— Мнѣ же это въ честь, отвѣтилъ тотъ съ выраженіемъ удовольствія и, вложивъ два пальца въ ротъ, издалъ пронзительный свистъ, рѣзко раздавшійся по лѣсу. Въ ту же минуту откуда-то прибѣжала Чингара.

— Вонъ благородный господинъ и благодѣтель нашъ желаетъ видѣть тебя, сказалъ ей цыганъ.—Повесели его.

Чингара бросила нѣжный, влюбленный взглядъ на Бродскаго.

— Послушай, обратился онъ къ цыгану,—только говори правду. Какъ зовутъ тебя?

— Сабосъ.

— Ну, Сабосъ, хочешь сдѣлать выгодное дѣло?

Глаза цыгана загорѣлись. „Тише, господинъ, тише. Вы хотите купить у меня жену? Что дадите? Только не вслухъ—другимъ незачѣмъ это слышать.“

— Сколько хочешь?

— Сто червонцевъ мнѣ и пятьдесятъ—табору.

— Экъ куда хватилъ!

— Ну такъ—пятьдесятъ.

— Двадцать тебѣ и пять табору.

— Пожалуй, что-жъ, я согласенъ, отвѣтилъ Сабосъ, почесывая себѣ затылокъ, только вотъ что—дайте въ придачу, вонъ, вашу трубку.

— Хорошо, хорошо,—вотъ тебѣ трубка и табакъ. Только, какъ же Чингара? согласна ли она?

— Да развѣ она не жена мнѣ? она не смѣетъ разсуждать, а должна слушаться.

Онъ подмигнулъ ей и оба послѣдовали за Бродскимъ, который повелъ ихъ къ помѣщичьему дому. Чингара не взяла съ собой ничего, кромѣ тамбурина. Дорога прошла въ молчаніи. Чингара побрякивала изрѣдка колокольчиками тамбурина, а Сабосъ затягивался изъ подаренной трубки. Получивъ деньги, онъ обернулся къ женѣ и сказалъ ей просто: „Ты остаешься здѣсь.“ Она безмолвно кивнула головой. „Черезъ часъ мы уходимъ отсюда и никогда больше сюда не возвратимся.“ Затѣмъ онъ поцѣловалъ Бродскаго въ плечо и вышелъ.

Когда онъ скрылся уже совсѣмъ изъ виду,—домашніе открыли пропажу одного гуся и двухъ куръ. Черезъ часъ удалился и весь таборъ, а вмѣстѣ съ нимъ—нѣсколько лошадей, коровъ, барановъ и бричка его благословенія, мѣстнаго священника.

Чингара, это дитя природы, оказалась еще болѣе загадочнымъ созданіемъ, чѣмъ всѣ тѣ женщины, отъ которыхъ Бродскій такъ усердно бѣгалъ.

Прежде всего она забралась на крышу и оттуда ее нельзя было добыть ни угрозой, ни палкой. Ночь она провела на сѣновалѣ. Только на второй день голодъ заставилъ ее появиться въ кухнѣ; здѣсь Бродскій, наконецъ, поймалъ ее и почти силой, отвелъ въ приготовленную для нея и богато убранную

спальню. Она опустилась на коверъ и осталась будто въ оцѣпенѣніи. Бродскій заговорилъ съ ней, она глядѣла на него, не давая никакого отвѣта. Двѣ пожилыя женщины взяли ее подъ руки и приступили къ ея туалету. Черезъ часъ, причесанная по модѣ, одѣтая въ дорогое платье (страшный ароматъ остался въ ваннѣ), она подбѣжала къ зеркалу, захохотала и—поцѣловала у Бродскаго руку.

Съ этаго вечера бѣлокурый философъ и смуглая цыганка полюбили другъ друга. На его нѣжное чувство она отвѣчала со всѣмъ огнемъ дикой страсти. Когда она обнимала его, то, казалось, будто хочетъ задушить. Большую часть дня она проводила совершенно спокойно, тихо сидя на диванѣ и покуривая изъ кальяна. Однако, сквозь жгучую страсть, которой пылали оба, иногда начала проглядывать и скука. Дѣло въ томъ, что Чингару почти невозможно было заставить вести какой бы то ни было разговоръ. Бродскаго это утомляло. Нельзя же все только цѣловаться—это, вѣдь, также можетъ надоѣсть какъ и все другое.

Съ теченіемъ времени дикарка становилась какъ-то откровеннѣе и дружелюбнѣе. Иногда разодѣнется и когда увидитъ, что философъ любуется ею—глаза ея гордо засверкаютъ отъ удовольствія. Но, когда разъ онъ опустился предъ нею на колѣни, она отвѣтила ему громкимъ, неудержимымъ хохотомъ. Чѣмъ болѣе проходила ея природная пугливость, тѣмъ болѣе проявлялись въ ней маленькія страстишки, причинявшія много заботъ Бродскому. Она, напримѣръ, въ своемъ шелковомъ платьѣ, переправлялась чрезъ заборъ и воровала въ садахъ фрукты, или какъ нибудь, поздно вечеромъ, уйдя въ поле, разводила маленькій костеръ, чтобы въ горячемъ пеплѣ испечь картофель или землявыя груши. Однажды, какъ-то утромъ, Чингара убѣжала въ поле, гдѣ пасся скотъ и выгнанъ былъ табунъ; захвативъ по дорогѣ веревку, на которой жена священника сушила бѣлье, она сдѣлала изъ нея родъ лассо и подкравшись къ одной изъ молодыхъ, еще невыѣзжавшихъ лошадей, съ удивительной ловкостью набросила на нее свой арканъ, вскочила ей на спину и. такъ, безъ сѣдла, помчалась по степи..

Бродскому понравилась эта смѣлость и ловкость и онъ началъ учить ее правильной верховой ѣздѣ. Въ первый же день она уже сидѣла въ сѣдлѣ и ѣздила не хуже императрицы Елизаветы Австрійской. Теперь ея первымъ, лучшимъ удовольствіемъ сдѣлалась бѣшеная скачка, на коняхъ, стремя въ стремя съ Бродскимъ, по безконечно разстилавшемуся предъ ними полю, въ травѣ, въ перегонку съ собаками, мчавшимися вихремъ за зайцемъ или лисицей. Въ эти удалыя минуты пунцовыя губы ея были совершенно раскрыты, тонкія ноздри широко раздувались, а глаза, чудные огненные глаза, метали искры... Зима, съ ея сугробами и снѣгомъ, привела ее въ глубокое уныніе. Она мерзла и днемъ, и ночью, дрожала какъ въ лихорадкѣ, въ комнатѣ ли, жарко натопленной, или на прогулкѣ, сидя съ Бродскимъ въ санкахъ. Дома она, по большей части, сидѣла въ шубкѣ предъ каминомъ, молча, задумчиво уставившись на огонь. Но—бывали минуты, когда она вдругъ порывисто сбрасывала все, что навьючивала на себя отъ холода—шубку, шаль, мантилью, шелковое или бархатное платье, ботинки и, схвативъ тамбуринъ, пускалась въ бѣшеный танецъ на большомъ коврѣ. Тогда она переставала быть простой цыганкой, она становилась артисткой. Какъ Листъ передаетъ свои дивныя фантазіи на фортепіано, такъ Чингара фантазировала въ дикой пляскѣ всѣмъ своимъ гибкимъ тѣломъ. Такъ танцуютъ ве женщины, а танцуютъ такъ русалки Юга въ глухой полночный часъ, на залитой лунвымъ свѣтомъ вершинѣ горы, или германскія виллисы, или гуріи магометова рая...

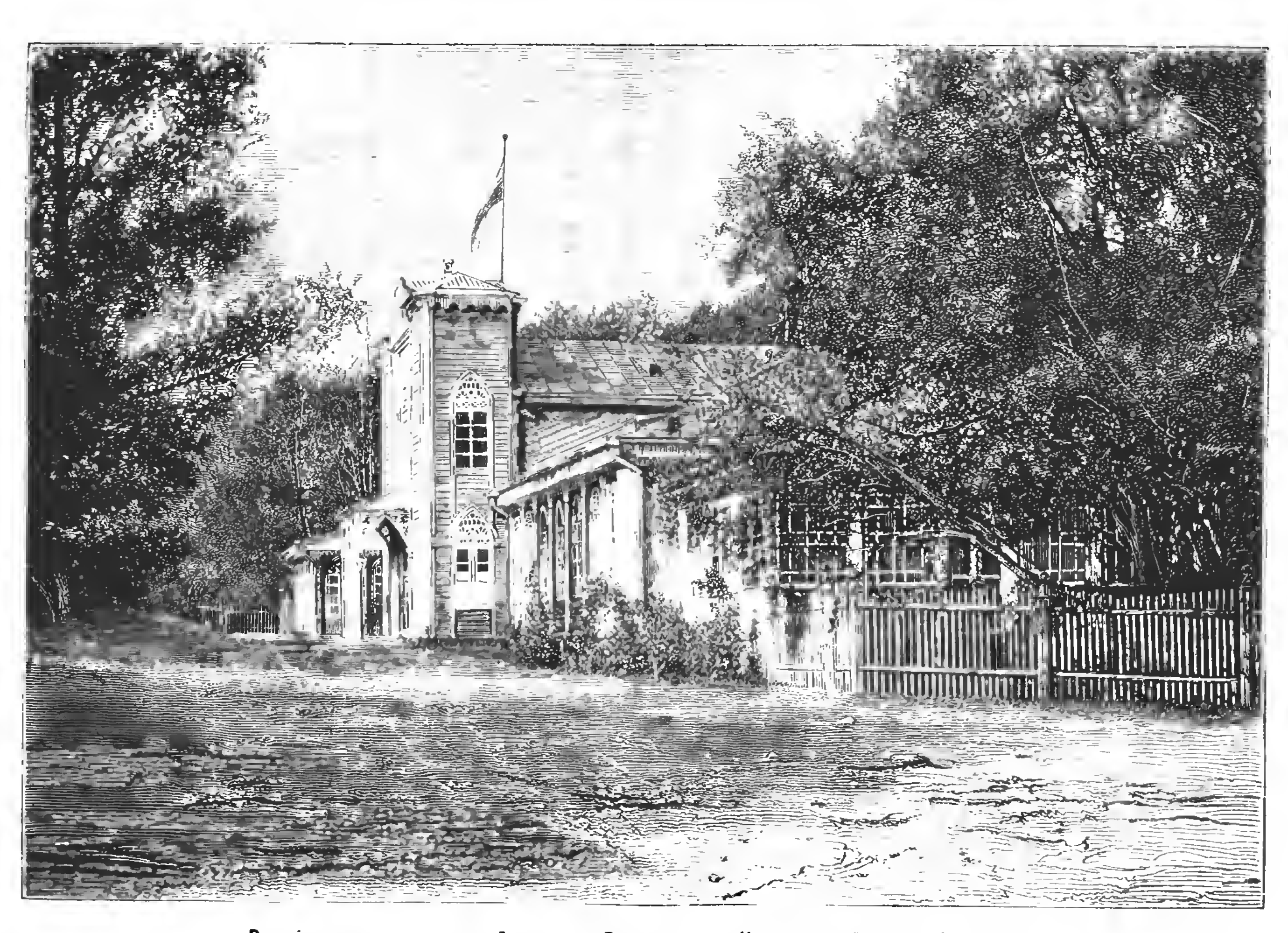
Иногда она пропадала неизвѣстно куда и Бродскій напрасно искалъ ее и звалъ, пока не находилъ, наконецъ, черезъ нѣсколько дней, вечеромъ, въ людской, гдѣ она сидѣла посреди слугъ съ которыми весело и будто ни въ чемъ не бывало болтала и смѣялась.

Наступила весна и она опять начала исчезать изъ дома; никто никогда не могъ узнать, гдѣ она бывала и чѣмъ питалась, а только вернется или поздно ночью, или съ первымъ утреннимъ лучемъ — веселая, свѣжая и прелестная, какъ майская роза.

Однажды, какъ-то на зарѣ, Бродскій услыхалъ пѣніе соловья. То былъ первый соловей въ году, онъ отворилъ окно и кликнулъ Чингару. Отвѣта не было. Онъ вошелъ въ ея комнату—постель была пуста. Началъ онъ опять свои поиски, по всему дому, во дворѣ, въ саду, пока не услыхалъ, наконецъ, звонкаго смѣха, откуда-то сверху, точно съ голубаго, весенняго неба. Оказалось, что Чингара взобралась на тополь и устроилась тамъ, въ вѣтвяхъ. На его ласковый зовъ, она, какъ бѣлка, быстро и ловко спустилась внизъ, прямо въ его объятія и начала его безумно, страстно цѣловать.

— Ты слышала соловья? спросилъ онъ ее.

Она расхохоталась дѣтскимъ смѣхомъ, порхнула отъ него, спряталась за кустъ и, съ удивительнымъ искусствомъ, начала подражать щелканью пернатаго пѣвца.



Русскія минеральныя воды. Друскеники. Видъ вокзала. Съ фотогр. рѣзалъ М. Рашевскій.

— Такъ это ты?..

— Да, я, я умѣю подражать птицѣ и звѣрю. И она сейчасъ же показала ему образцы своего искусства.

Ее никакъ нельзя было пріучить къ полному костюму, усвоенному цивилизованнымъ обществомъ. Какъ только выходила она, или лучше сказать, выбѣгала изъ дома—правая ботинка летѣла въ сторону, лѣвая—въ другую, а за ними слѣдовали и чулки. Быстро уносили ее маленькія смуглыя ножки куда нибудь въ степь, куда глаза глядятъ. Когда стало уже совсѣмъ тепло, она задумала купаться при всѣхъ, столь же мало скрываясь, какъ и Фрина предъ древними греками. На этотъ разъ роль Эгейскаго моря игралъ тихій барскій прудъ, а древнихъ грековъ изображали удивленный уніатскій священникъ, его горячо любимая имъ супруга, двое деревенскихъ мальчишекъ, нѣсколько утокъ и одинъ старый быкъ.

Это удивительное купанье произвело нѣкоторый скандалъ и Бродскій рѣшилъ нанять для Чингары гувернантку. Ему прислали почтенную пожилую даму, которой онъ представилъ цыганку какъ свою невѣсту, которой онъ желалъ дать воспитаніе.

Оставшись на минуту наединѣ съ философомъ, Чингара спросила его: „Ты, развѣ, въ самомъ дѣлѣ, хочешь жениться на мнѣ?

— Какъ?.. Какъ?.. задыхаясь, проговорилъ онъ—это ты подожгла?..

— Конечно, чтобы сдѣлать тебѣ удовольствіе, съ выраженіемъ гордой отваги въ голосѣ отвѣчала она.

И конечно, никому не могло придти въ голову, что поджогъ произведенъ молодой, стройной красавицей, разодѣтой въ шелкъ и кружева.

Мѣсяцъ спустя, въ началѣ осени, въ отсутствіе Бродскаго, уѣхавшаго въ главный городъ округа, Чингара пустила въ ходъ и свои инквизиторскія способности. Анатоль возвратился вечеромъ; за чаемъ, закутанная опять въ мѣховую шубейку, она передала ему какъ все произошло.

— Знаешь ли ты, что мы поймали тутъ вора? начала она.

— Вотъ какъ—что же онъ укралъ? спросилъ онъ.

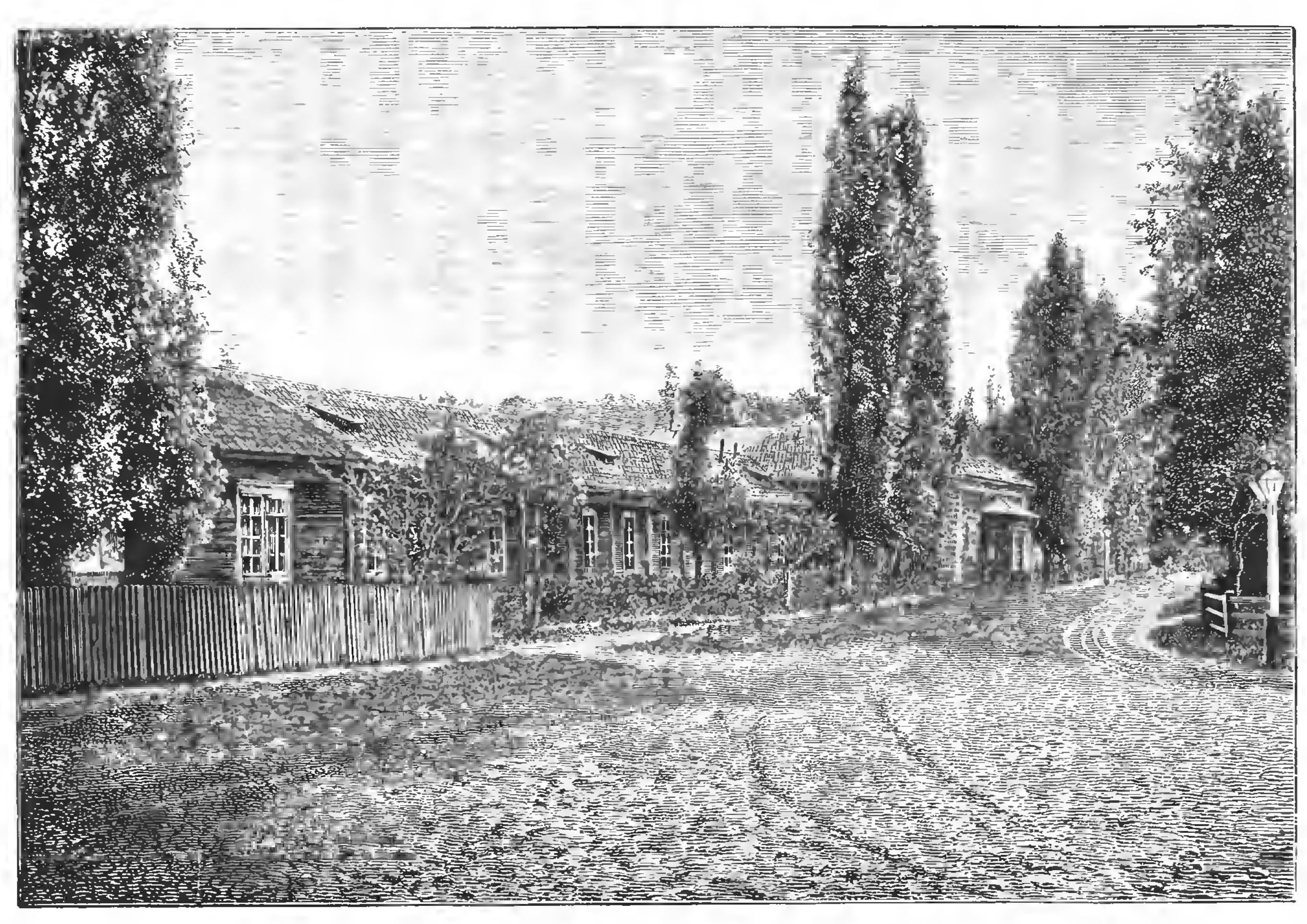
— Все наше серебро.

— О—о!

— Но, будь спокоенъ—мы получимъ все назадъ.

— Такъ онъ сейчасъ же, значитъ, самъ сознался?

— Да—сейчасъ же, отвѣчала она,—мы ужинали, т. е. я и М-lle—граціознымъ наклоненіемъ головки указала она въ сторону своей гувернантки—какъ пришелъ кучеръ и сказалъ, что воръ пойманъ, только не открываетъ, куда спряталъ серебро.



Руссскія минеральныя воды Друсненини. Зданіе минеральныхъ водъ. Съ фотогр. рѣзалъ М. Рашевскій.

— Да, это мое искреннее желаніе.

— Ахъ ты, глупый! воскликнула она, цѣлуя его,—ты заслуживаешь, за это, чтобы я стала твоей женой, заслуживаешь этаго вполнѣ!

Прошелъ годъ. Чингара сдѣлалась приличной дамой. Она больше не выходила босикомъ и не лазила на тополи. Она выучилась прилично сидѣть на диванѣ и сводить съ ума мужчинъ, глотать устрицъ и пить шампанское. Говорила она теперь тихо и даже умѣла объясняться по французски.

Изрѣдка,—очень рѣдко—прорывалась паружу прирожденная дикость ея природы, прорывалась съ какою то необузданною, стихійною силою, пугая тѣхъ, кто видѣлъ ее въ эти минуты. У Бродскаго былъ одинъ придирчивый сосѣдъ, дѣлавшій нерѣдко ему разныя непріятности.

Однажды Бродскій какъ-то излилъ свою досаду при Чингарѣ. Ночью случилось, что у этого недруга произошелъ пожаръ. Бродскій велѣлъ тотчасъ же запрячь свою пожарную трубу и самъ пожелалъ принять участіе въ тушеніи. Но предъ нимъ явилась откуда то Чингара. Она увлекла его въ темный уголъ.

— Глупый! глупый! шепотомъ произнесла она, къ чему ты хочешь тушить—вѣдь подожгла я.

Я, какъ была, сейчасъ внизъ. Воръ—молодой мужикъ, стоитъ связанный на дворѣ, люди—вокругъ него, что-то ему говорятъ. Какъ меня увидалъ, упалъ тутъ-же на колѣни, кричитъ, что не виноватъ. А я ему въ отвѣтъ: признаешься, собака, признаешься, или нѣтъ? а онъ все только плачетъ и клянется и не хочетъ ни за что признаваться. Я и велѣла его положить на спину, и подъ ноги и на руки горячихъ углей...

— Боже мой! что это ты, Чингара!

— Такъ развѣ этого не надо было дѣлать? спросила она съ выраженіемъ дѣтскаго удивленія въ лицѣ,—о, вѣдь, онъ сейчасъ же сознался и указалъ куда припряталъ серебро. Тамъ и нашли...

Бродскій схватился въ отчаяніи за голову и началъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Я, право, не знаю,—что это съ тобой! У насъ это всегда такъ дѣлается, произнесла она съ улыбкой, огонь самое вѣрное средство—заставитъ говорить хоть кого.

Уже падалъ листъ съ дерева и шумѣлъ осенній вѣтеръ, уже каркали вороны, сидя на обнаженныхъ вѣтвяхъ тополей, которыми обставленъ широкій дворъ дома Бродскаго и въ ночи воютъ волки, и опять красавица-цыганка кутается въ мѣхо-

вую шубку и дрожитъ передъ каминомъ. А внизу, въ людской, кучеръ разсказываетъ слугамъ, что въ деревню пришли цыгане и успѣли уже украсть лошадь. Чингара услыхала новость эту, но, повидимому, не обратила на нее никакого вниманія.

Чрезъ два дня Бродскій бурей влетѣлъ ко мнѣ. „Чингара убѣжала! крикнулъ онъ—она убѣжала отъ меня совсѣмъ. Теперь уже нѣтъ сомнѣнія. Неблагодарная!

— Съ другимъ? спросилъ я съ удивленіемъ.

— О, если бы только это! Она убѣжала со всѣми моими дорогими вещами и со всѣми моими деньгами.

По пути въ Афганистанъ.

Очерки.

I.

Первая ночь.—Въ караванъ-сараѣ Зафрани.

Весною 1874 года снаряжался торговый караванъ въ Афганистанъ. Предприниматели его обратились съ предложеніемъ къ географическому обществу, командировать отъ себя кого нибудь изъ членовъ-сотрудниковъ для научныхъ наблюденій, обязуясь при этомъ доставить такому лицу всѣ удобства въ пути. Выборъ палъ на меня. Въ персидскомъ городѣ Сябзаварѣ вполнѣ обнаружились неудобства совмѣстнаго путешествія съ повѣреннымъ каравана, и я вынужденъ былъ далѣе ѣхать одинъ, съ однимъ червадаромъ (погонщикомъ вьючныхъ катеровъ или муловъ).

Было ровно половина осьмаго часа, когда мы съ армяниномъ Нарсесомъ, вызвавшимся проводить меня до городскихъ воротъ, сѣли на коней. На дворикѣ караванъ-сарая — ни души. Все потянуло къ повѣренному каравана, за исключеніемъ арендатора караванъ-сарая, ощупью выступавшаго впереди съ тусклымъ фонаремъ. За нимъ—вьючный катеръ, съ пѣшимъ червадаромъ, за которымъ слѣдовалъ я рядомъ съ Нарсесомъ.

— Не оступитесь—здѣсь яма!.. Канавка! поминутно предостерегалъ онъ меня, когда мы ѣхали по длинному-длинному, темному, пустынному базару, и совершенно напрасно, ибо чуткій конь, насторожившъ уши, осторожно ступалъ, точно пробуя подъ собою почву... Между тѣмъ сквозникъ обсыпалъ насъ пылью, а двое-трое полунагихъ не то нищихъ, не то базарныхъ сторожей, неотступно протягивали руки за подачкой, и лишь добрались мы до площади, что передъ запираемыми на ночь городскими воротами, какъ поднялся ужасный вихрь: пыль засыпала глаза, уши, ротъ, залѣзала холодною струйкой за сорочку; кони фыркая и дрожа всѣмъ тѣломъ, рвались назадъ.

— Что-жъ сторожъ не отворяетъ воротъ?! кричу я маленькому Нарсесу, еле сдерживавшему своего рослаго аргамака, но вѣтеръ заглушилъ голосъ.

— Ворота!.. Ворота отворить!

— Сторожу нужно заплатить! точно плачетъ въ отвѣтъ Нарсесъ. Дайте пожалуйста... Не могу сдержать коня!

Вышаривъ съ трудомъ серебряную монету, сунулъ ее въ чью-то протянутую ко мнѣ руку, и только что ворота отворились—насъ обдало цѣлою тучей стремительно несшейся, крутясь снизу вверхъ, пыли.

— Счастливаго пути! донесся дрожью замирающій голосъ Нарсеса, котораго уже несъ стрѣлой аргамакъ по базару.

— Счастливаго пути, прошептала темная фигура сбоку меня... И ворота затворились за нами.

Смерчъ разгулялся, темь усилилась и моя лошадь пугливо кружится на мѣстѣ, несмотря на безпощадные удары нагайки.

— Гони катера впередъ! кричу червадару, закурнвая носогрѣйку.

— Нейдетъ!.. Онъ пріученъ ходить слѣдомъ за лошадью, чуть не плачетъ тотъ—скверное дѣло!..

— Штука джиновъ?! подшучивалъ я надъ нимъ, вспомнивъ повѣрье персовъ, приписывающихъ эти пыльные смерчи духамъ.

— Джинъ, джинъ!..

Жаль что не принадлежу къ почтенному сословію моллъ, а то-бъ (согласно тому-жъ повѣрью) заговорилъ смерчъ и на мѣстѣ появленія его загребъ бы. вмѣсто пыли, цѣлую пригоршню кроновъ...

Учащенные удары червадарской палки о бока обезумѣвшей отъ страха скотины подвинули дѣло впередъ и мы крупною рысью поскакали по дорогѣ, гдѣ уже не такъ чуствовалась шалость „джиновъ“.

Въ 9 ч. затемнѣлось вправо „масолло“ *), съ садикомъ, обнесеннымъ глиняной стѣнкой; въ 10 ч. выплыла изъ-за горъ блѣдная луна и залила долину слабымъ, болѣзненнымъ свѣтомъ. Вотъ придорожная лачуга; какая-то темная фигура зашевелилась передъ нею и поднявшись предлагаетъ намъ „закурить или выкурить кальянъ“—отказались. Дальше—развалившаяся деревня „Земенджиръ“; еще нѣсколько минутъ ѣзды, и опять „мѣсто благочестія“ съ прахомъ какого-то святаго „Имамъ-Заде“ **), затѣмъ—колодезь и деревушка.

Было 11 час., когда почувствовавъ утомленіе и аппетитъ послѣ треволненій дня, я остановился при дорогѣ на минутный отдыхъ; досталъ яйца, лавашъ, но ѣсть не могъ, и все отдалъ червадару. Взглянулъ кругомъ—безмолвная долина въ полутьмѣ казалась безграничной пустыней: въ сторонкѣ мрачно чернѣлись фантастическія руины башни, шагахъ въ десяти—растянувшійся спутникъ, да кони съ понурыми головами... И безотчетная грусть, безотчетная только въ первый моментъ своего появленія, сдавила мнѣ грудь... Чу! послышался шорохъ въ башнѣ... Тяжелый взмахъ крыльевъ, шумъ падающей глыбы и дикій, пронзительный крикъ, тревогой охвативъ мою душу, нарушилъ страшное безмолвіе ночи. То возплась сова...

Сонъ клонитъ—бодрюсь: вѣдь сію минуту дальше... А какое наслажденіе, хоть на секунду отдаться сну! И я прилегъ, на секунду только: „условія нарушены... Интересъ путешествія потерянъ... Вернуться?..“ блуждали мысли въ головѣ, тщетно ищущей остановиться на чемъ нибудь отрадномъ... Отяжелѣвшія вѣки сладко сомкнулись. Кругомъ мгла, а я сижу въ уютной комнаткѣ, весело освѣщенной огнями рождественской елки и улыбкою весны обновившей мои силы и чувства, сижу упиваясь ею и не замѣчая чинно скучавшихъ гостей... какъ подползла гадина! И ужаленный ею я громко вскрикнулъ... Осматриваюсь: лошади понуро стояли на томъ же мѣстѣ, червадаръ въ растяжку храпѣлъ; сова дико хохотала, часы показывали 8 минутъ отдыха.

— Эй!.. червадаръ!

Тотъ въ перепугѣ вскочилъ, дрожа всѣмъ тѣломъ отъ холода.

— На, выпей, да поѣдемъ дальше, хлебнувъ изъ фляжки подношу ему стаканчикъ—съ наслажденіемъ проглотилъ и затѣмъ въ припрыжку послѣдовалъ за вьючнымъ катеромъ, не отстававшимъ отъ моей лошадки ни на шагъ.

Миновавъ темнѣвшійся въ сторонѣ „Зейдеабадъ“ — укрѣпленное жилье райетовъ, въ видѣ крѣпостцы, мы остановились въ 12 час. передъ высокими стѣнами другаго, такаго же жилья „Джюло“ отстоящаго отъ Сябзавара, приблизительно, на 18 верстъ.

— Червадаръ, здѣсь переночуемъ..

— Кто тамъ? отозвался на его стукъ въ ворота голосъ сверху.

Спустя минуту высунулся въ слуховое окно какой-то субъектъ, и не смотря на то, что тотъ расписалъ меня какъ доктора и купца на славу, отказалъ въ ночлегѣ, однакожъ бросилъ клокъ сѣна, для подстилки мнѣ, и я нераздѣваясь улегся на немъ безъ чаю, котораго мой проводникъ не умѣлъ варить а для утоленія жажды—принесъ съ ближайшаго бахштана неспѣлый арбузъ, и самъ же, пополамъ съ муломъ, и съѣлъ его.

Въ 6 ч. проснулся,—холодно, и опять безъ чаю!

Разсчитавшись за вчерашній арбузъ и клокъ сѣна, глотнулъ съ червадаромъ водки, и дальше въ путь, мимо близълежащаго караванъ-сарайчика того же названія, т. е. „Джюло“, съ тихо журчавшею прозрачною водой.

Пригодная хоть для рессорнаго экипажа дорога сопровождается на нѣкоторое разстояніе холмами, точно курганами, но общій характеръ мѣстности все тотъ же: песчаная долина (индѣ съ верблюжьими колючками), окаймленная на горизонтѣ низкими горами, то стелется скатертью, то слегка волнуется.

Вотъ потянулись куда-то вдаль „канауты“ *), а въ 7 часовъ, когда солнышко уже нѣсколько разогрѣлось, зазеленѣли посѣвы, хлопокъ и, спустя минутъ пять, вправо закраснѣлся караванъ-сарайчикъ „Серпушъ“ (Серпушеде) съ проточною водой, гдѣ весело играла масса рыбокъ, на половину мельче снятка. Далѣе, на часъ разстоянія отсюда, при дорогѣ—восемь свѣжихъ могилокъ, вблизи которыхъ бѣлѣлись кости муловъ; въ отдаленіи сѣрѣются два укрѣпленныхъ жилья „Саудилъ-абадъ“, каждое съ четырьмя башенками по угламъ. Въ такихъ глиняныхъ „кале“ (маленькихъ крѣпостцахъ), проживаетъ по нѣскольку семей райетовъ, обстраивавшихся такъ уже не отъ туркменъ, а отъ своихъ же хищниковъ, еще въ недавнее время хозяйничавшихъ тутъ.

Въ началѣ 9 часа опять показались „канауты“. Вотъ, при дорогѣ кирпичный водоемъ, прямо краснѣется караванъ-сарай *Зафрани*. Мѣстность по сю сторону Сябзавара болѣе оживлена, чѣмъ по ту: жилье и вода чище, и проѣзжіе, все маленькими партіями, встрѣчаются чаще.

Въ 10 час. палимые зноемъ, мы въѣхали въ новый, кирпичный караванъ-сарай *Зафрани* (Зеаферуй) отстоящій отъ Сабзавара, по увѣренію одних—на 5 фарсанговъ, другихъ—на 8 фарс., а по моему разсчету на 42 версты. Напротивъ торчитъ недавній притонъ разбойниковъ—руины стараго караванъ-са-

*) Мѣсто благочестія, по афгански—«мусалла».

**) Сына имама.

*) Бугры колодцевъ подземныхъ водопроводовъ.

рая (имѣвшаго болѣе 1000 комнатъ), постройку котораго относятъ къ VI вѣку Геджры и, судя потому, что въ одномъ мѣстѣ между остатками куфическихъ надписей въ немъ упоминаются имена четырехъ первыхъ халифовъ, строителемъ его былъ суннитъ. Кое-гдѣ замѣтны и слѣды города—какъ говорятъ, еще во времена джагатайскаго хищника Тимура—обширнаго, со множествомъ мечетей, и затѣмъ невѣдомо когда изчезнувшаго съ лица земли.

Караванъ-сарай Зафрани напоминаетъ, по типу, пожалуй и размѣрамъ, Мезинанскій. По сторонамъ единственнаго проѣзда расположено по открытой, на него и во внутренній дворъ, комнаткѣ, въ одной изъ коихъ расположились мы, у другой, пустовавшей,—сѣдой продавецъ лаваша сосредоточенно сучилъ нитку, а его юный товарищъ, продававшій корни степныхъ растеній для топлива и дыни и арбузы, почтительно озиралъ „русскаго гекима", вслушиваясь въ болтовню червадара съ какимъ-то богомольцемъ, усердно помогавшимъ ему разложить костеръ въ низкой нишѣ, замѣняющей каминъ, нарубить сахаръ, принести воды, сварить чай для меня, конечно не забывая и себя, между тѣмъ какъ десятка съ два проѣзжихъ, все почти богомольцевъ, отдыхали по „отагамъ".

— „Хакъ! Хакъ!" *) рѣзко прокричалъ интересный дервишъ, быстро выходя изъ караванъ-сарая, взглянувъ на меня съ оттѣнкомъ тревоги; говорю—интересный, ибо выразительно умное, красивое лицо, утонченные пріемы и бѣлоснѣжная длинная рубаха изобличали въ немъ, конечно не для „Ирани", удачно замаскированнаго француза, странствующаго, вѣроятно, съ ученою цѣлью.

— „Хозяинъ! Хозяинъ!" окликнулъ меня, по уходѣ его, тоже странствующій, но уже туземный артистъ иной масти, лѣтъ подъ тридцать, съ пошлымъ, развратнымъ лицомъ и съ большою обезьяной на плечахъ; рядомъ стоялъ жиденькій осьмилѣтній мальчишка съ барабаномъ въ рукахъ.

— „Хозяинъ! Хозяинъ!" продолжалъ онъ фамильярно кричать послѣ знаковъ привѣтствія, выражая желаніе позабавить меня... И обезьяна заплясала подъ однообразно рѣзкія выкрикиванія его, сопровождаемыя мѣрными ударами въ барабанъ; затѣмъ, вскочивъ на голову червадара — принялась искать... казня пойманныхъ съ гримасами, вызывавшими въ толпѣ взрывы хохота; наконецъ, обѣжала комнату, со страхомъ поглядывая на меня, и я раззорился на бананатъ (15 к.), лишь бы увели ее.

Послѣ скуднаго обѣда, состоявшаго изъ пары сваренныхъ мною яицъ и чашки бульона, я хотѣлъ было уснуть, еслибъ не торчавшая передъ глазами толпа непрошенныхъ гостей, съ паршами на головахъ и чѣмъ нибудь да больныхъ, заискивающе поглядывавшихъ на меня, въ чаяніи медицинской помощи.

Жара спала, и пока червадаръ копотливо кормилъ, поилъ и вьючилъ лошадей, эти безпомощные, забывъ о своихъ недугахъ, мирно любовались нашими вещами, удивлялись револьверамъ, степенно бесѣдуя между собою, причемъ поминутно слышалось слово „бελε" (да, это такъ), произносимое кстати и не кстати.

По словамъ ихъ, отсюда въ г. Нишапуръ ведутъ двѣ дороги: *старая*, доселѣ еще не безопасная отъ разбоевъ, направляется на „Хюсейнъ-абадъ" *), откуда вплоть до него (Нишапура) обитаетъ турецкое племя „беіятъ", и *новая*, болѣе короткая, на селеніе „Шур-абъ", пролегающая южнѣе первой, обходя какое-то „опасное ущелье". По ней-то и выѣхали мы въ 20 мин. 8 часа.

Червадаръ уже не такъ бодро шагалъ, какъ съ Сябзавара, и мнѣ приходилось то поджидать его, то плестись нога за ногу, дѣлая среднимъ числомъ не болѣе $5^1/_2$ верстъ въ часъ.

На осьмой верстѣ отъ Зафрани (40 м. 9 ч.) дорога пошла въ подъемъ, по отлогости постепенно приблизившагося къ ней слѣва волнообразнаго кряжа низкихъ горъ; на десятой зачернѣлись въ темнотѣ стѣны не то руины — не разберешь, какого-то жилья „Калоомонъ"; съ пятнадцатой — началась слегка пересѣченная мѣстность. Червадаръ еле тащитъ ноги; далъ ему водки, мятныхъ лепешекъ — пріободрился, но не на долго и въ 11 часовъ мы наконецъ остановились передъ мрачными стѣнами недавно бывшаго притона разбойниковъ—укрѣпленнаго жилья „Сенги-Кейлидоръ", расположеннаго при ручейкѣ того же названія, въ 19 верстахъ отъ Зафрани и въ стольких же верстахъ отъ селенія съ караванъ-сараемъ „Шур-абъ". Двѣ три темныя фигуры тихо окликнули насъ съ зубчатой стѣны, гдѣ какъ видно спали уже, и мирно переговоривъ съ червадаромъ, опять стушевались.

— Не впускаютъ, пожалъ тотъ плечами, разстилая для меня войлокъ на площадкѣ между какими-то руинами, откуда несло ужаснымъ запахомъ, и я уснулъ, даже не подумавъ о чаѣ, до того усталъ!

(Продолженіе будетъ).

П. Огородниковъ.

*) Арабское „Йо-хакъ!" (о, праведный — нужно разумѣть—Боже!) означаетъ на языкѣ дервишей—„дай денегъ!"

*) Влѣво отъ него остается въ сторонѣ кале „Тузендегонъ", а далѣе впереди, вправѣ дороги, расположено селеніе „Шур-абъ".

Къ рисункамъ.

Тѣни казненныхъ являются Іоанну Грозному.

(Къ рисунку П. Говорова).

Душно въ жарко-натопленной опочивальнѣ царя Іоанна. Слабо мерцаетъ огонекъ лампады передъ драгоцѣннымъ окладомъ образа Богоматери. Строгая, глубокая тишина царитъ кругомъ,—только треснетъ порою сухое дерево, или прошуршитъ что-то въ темномъ углу.

Подъ образами, на низкомъ ложѣ, покоится царь Іоаннъ. Плохо спится ему, онъ тревожно вздрагиваетъ всѣмъ тѣломъ, ворочаетъ головой, слабо стонетъ: должно быть видится ему что неладное, опять адское навожденіе смущаетъ его...

Какія-то цѣпи звенятъ у самаго ложа, глухо ударяясь другъ о друга. Онѣ скручиваютъ кого-то, какія-то тѣла, а поверхъ ихъ сверкаютъ топоры, всѣ въ крови, и кровь та человѣческая. Смотритъ Іоаннъ,— видитъ что это младенцы, изрубленные, изуродованные, посинѣлые, въ корчахъ застывшіе отъ неслыханныхъ мученій. — „Иродъ, младенцевъ избивающій,— слышится чей-то голосъ,—Иродъ, Иродъ!"

Онъ старается оглянуться, понять, откуда идетъ этотъ голосъ, видитъ: стоитъ у самыхъ дѣтскихъ труповъ какая-то женщина, вся въ бѣломъ, корона сверкаетъ на ея головѣ и лицо что-то знакомое.—Марья, узнаетъ ее Іоаннъ, зачѣмъ ты здѣсь, кто тебя звалъ, какъ ты смѣешь?

А Марья все придвигается къ царю ближе и ближе. — Я вѣдь жена твоя, говоритъ она, вѣдь я вѣнчана съ тобою! За что погубилъ ты меня,—за то, что тебѣ показалось что я любила кого-то до брака... Ты затиснулъ меня въ колымагу, забилъ дверцы и велѣлъ пустить бѣшеныхъ коней съ откоса въ рѣку... Я захлебнулась въ водѣ, какъ ни билась въ узкой, тѣсной колымагѣ...

— Сгинь, сгинь,—шепчутъ губы Іоанна.

— А меня погубилъ ты за что,— говоритъ стройная красавица, подвигающаяся за Марьей...

И выступаютъ одна за другою тѣни, безконечной, ужасной вереницей: бояре, князья, ихъ жены, дѣти, холопы, сотнями, тысячами проходятъ мимо...

— Сгиньте, сгиньте,—шепчутъ губы Іоанна;—вѣдь о вашихъ душахъ молятъ всѣ обители, ужли жъ святыя молитвы божьихъ иноковъ не доходятъ до неба... Сгиньте!..

И онъ въ ужасѣ вскакиваетъ, испуганно вперяя взоръ въ видѣнія, что и на яву продолжаютъ грезиться ему... Чуръ меня, чуръ—съ нами крестная сила!..

Но вотъ постепенно слабѣетъ галлюцинація... Холодный потъ выступилъ на лбу Іоанна, но ему легче, свободнѣй... Опять ложится онъ, чтобы забыться сномъ хоть на минуту, — и снова все тихо въ горницѣ, только тихо потрескиваетъ лампада...

Заблудилась.

(Рисунокъ Васнецова).

Рисунокъ г. Васнецова довольно выразительно изображаетъ чувства потерянности и страха, постепенно охватывающія заблудившуюся дѣвочку... На ея ауканье подружки не откликаются, опушки нигдѣ не видно, мѣста незнакомыя... „Лѣшій обошелъ", съ ужасомъ думаетъ она, припоминая страшные разсказы зимними вечерами, которые она слушала съ полатей. И такой страхъ нападаетъ на нее, что она готова принимать муравейникъ за волка, груду хвороста за медвѣдя... Чѣмъ кончится ея странствованіе—Богъ вѣсть!—у насъ есть такіе лѣса, что и конца-краю имъ, кажется, нѣтъ. Эта маленькая исторія можетъ имѣть однако самый печальный исходъ. Просто пропадетъ дѣвочка. И долго потомъ въ деревнѣ будутъ вспоминать о пропавшей Танькѣ и долго дѣвчонки будутъ бояться ходить въ лѣсъ...

Русскія минеральныя воды. Друскеники.

На правомъ берегу рѣки Нѣмана, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ отдѣляетъ Гродненскую губернію отъ Сувалкской, среди глубокихъ песковъ и сосновыхъ и еловыхъ лѣсовъ, раскинулось небольшое мѣстечко Друскеники, по туземному прозываемое Друзгениками. Мѣстечко это славится своими солеными источниками, не уступающими въ доброкачественности Крейцнахскимъ.

Въ былое время на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь красуется живописное мѣстечко Друскеники, среди глубокихъ песковъ, едва виднѣлась крошечная деревушка, населенная нѣсколькими литовскими семействами, а вмѣсто сада и парка вдоль праваго берега Нѣмана тянулось непроходимое болото. Жалкія лачуги этой деревушки во время сильныхъ вѣтровъ до самыхъ оконъ засыпались пескомъ. По всей вѣроятности этотъ уго-

локъ Гродненской губерніи навсегда остался бы въ неизвѣстности, еслибы не цѣлительные источники, открытіе которыхъ приписываютъ кн. Репнину. Сперва число пользовавшихся минеральною водою ограничивалось нѣсколькими семействами, пріѣзжавшими изъ окрестностей и кое какъ съ грѣхомъ пополамъ, размѣщавшимися въ крестьянскихъ лачугахъ. Больные съ трудомъ добирались по глубокому песку до источниковъ, а для ваннъ одинъ мужикъ нагрѣвалъ воду въ маленькомъ котелкѣ, подъ открытымъ небомъ. Такой порядокъ существовалъ до 1838 года. Окончательнымъ своимъ устройствомъ Друскеникскія минеральныя воды обязаны г. Доппельмейеру и доктору Форману, сдѣлавшему первый серьезный анализъ. Въ 1839 году состоялось Высочайшее разрѣшеніе на открытіе Друскеникскихъ минеральныхъ водъ и въ томъ же году было приступлено къ постройкѣ вокзала и зданія для ваннъ,—а черезъ три года, т. е. въ 1842 году воспослѣдовало уже самое открытіе этаго въ высшей степени полезнаго заведенія. Всѣхъ источниковъ пять, всѣ они расположены подъ красивыми бесѣдочками въ саду. Самымъ сильнымъ изъ нихъ считается такъ называемый Константиновскій; но къ несчастію имъ нельзя пользоваться, такъ какъ его часто заливаетъ своими водами Нѣманъ. Въ настоящее время его хотятъ приспособить къ банямъ, къ постройкѣ которыхъ уже приступлено. Для ваннъ минеральныхъ берутъ воду изъ источниковъ №№ 1, 2, 3 и 4, а для питья только изъ первыхъ двухъ. Любители же холодныхъ ваннъ имѣютъ отдѣльныя купальни на маленькой рѣченкѣ, впадающей въ Нѣманъ.

Наиболѣе скорое облегченіе получается отъ всѣхъ простудныхъ болѣзней, золотушныхъ и накожныхъ. Нынѣ Друскеникская соль пріобрѣла не менѣе Крейцнахской извѣстность.

Очень красиво и удобно построено зданіе для ваннъ. Въ первомъ отдѣленіи имѣются ванны (всего 34 номера), въ 75 коп. и 45 коп., во второмъ въ 30 к., а въ третьемъ безплатныя для солдатъ и бѣдныхъ (по преимуществу евреевъ). Ванны частью металлическія, частью кафельныя; повсюду проведены звонки; прислуга мужская и женская въ достаточномъ количествѣ. Докторовъ набирается въ мѣстечко до двадцати; даже изъ Дрездена наѣзжаютъ,—количество, казалось бы, совершенно достаточное, а на дѣлѣ выходитъ иначе. Большинство ихъ, говорятъ, занимается чѣмъ угодно, только не лѣченіемъ. Нѣкоторые (большинство изъ евреевъ) свое занятіе обращаютъ въ настоящій „гандель“ и усиленно, всевозможными „гешефтами“ переводятъ содержаніе кармановъ паціентовъ въ свои собственные, такъ что „настоящихъ“ ревнителей науки не много. Повидимому, самое лучшее пріѣзжать въ Друскеники, впередъ запасшись необходимыми совѣтами для лѣченія.

Рядомъ возвышается вокзалъ съ украшеннымъ мелкою рѣзьбою фронтономъ. Тутъ залъ съ хорами, библіотека, обширное помѣщеніе для столовой и буфета, билліардная, ротонда для оркестра, по обѣимъ сторонамъ которой тянутся открытыя галлереи съ навѣсами и колоннами. Ротонда и галлереи напоминаютъ Павловскъ; зала же для танцевъ и концертовъ немного меньше Павловской.

Мѣстечко Друскеники составляло сперва собственность казны, затѣмъ перешло во владѣніе К. К. Штрандтмана и наконецъ, семь лѣтъ тому назадъ, было пріобрѣтено, говорятъ, на замѣчательно для него выгодныхъ условіяхъ г. Джуліани, нынѣшнимъ его владѣльцемъ.

А. А. Тергукасовъ,

Новый начальникъ Атрекской экспедиціи.

Недавно состоялось назначеніе генерала Тергукасова командующимъ Закаспійскимъ отрядомъ, вмѣсто умершаго генерала Лазарева. Генералъ-адъютантъ, генералъ-лейтенантъ Арзасъ Артемьевичъ Тергукасовъ родился въ 1819 году и воспитывался въ институтѣ корпуса путей сообщенія. Въ 1841 г. Тергукасовъ перешелъ въ Апшеронскій пѣхотный полкъ, командуя которымъ, онъ взялъ въ плѣнъ Шамиля послѣ штурма Гуниба. Въ 1865 году произведенъ въ генералъ-маіоры и назначенъ помощникомъ начальника 19-й пѣхотной дивизіи съ зачисленіемъ въ списки 81-го пѣхотнаго Апшеронскаго Е. И. Высочества Великаго Князя Георгія Михаиловича полка, что дается лицамъ, которые, командуя полкомъ, совершили значительный военный подвигъ. Въ 1868 г. назначенъ начальникомъ средняго отдѣла Терской области, а въ 1869 г.—начальникомъ 38-й пѣхотной дивизіи. До восточной войны онъ командовалъ 38-ю пѣхотною дивизіею и эти полки въ минувшую кампанію пріобрѣли безсмертныя лавры на Аладжинскихъ высотахъ, подъ Авліяромъ, при штурмѣ Карса и въ эпическомъ зимнемъ походѣ ардаганскаго отряда (подъ начальствомъ генерала К. В. Комарова), въ составъ котораго вошла эта дивизія. Тергукасовъ былъ сдѣланъ начальникомъ эриванскаго отряда, а потомъ командиромъ кавказской гренадерской дивизіи. По отзывамъ всѣхъ подчиненныхъ ему офицеровъ видно, что высокій духъ пятигорскаго, владикавказскаго и другихъ полковъ 38 дивизіи, своими проявленіями обязанъ былъ многолѣтнему неусыпному труду и старанію Тергукасова. Его же непосредственная дѣятельность въ минувшую войну сказалась въ блистательномъ освобожденіи Баязета, въ форсированной погонѣ за Османомъ-пашею, подъ Девебойну и при штурмѣ Эрзерума. Наибольшая заслуга Тергукасова сказалась въ крайней бережливости солдата. Несмотря на почтенные года, генералъ на видъ очень крѣпокъ и бодръ. Солдаты его почитаютъ какъ отца. Любовь солдата къ Тергукасову вытекала изъ неусыпной заботы о матеріальномъ и нравственномъ состояніи солдата. Во время командованія дивизіей онъ не пропускалъ ни одного ученія полковъ, лично провѣряя ежедневно дѣятельность командировъ.

Съ назначеніемъ генерала Тергукасова въ Закаспійскій край, измѣнились и взгляды на задачи закаспійской экспедиціи. О походѣ на Мервъ не будетъ рѣчи и цѣли экспедиціи будутъ ограничены занятіемъ мѣстности у подножія горы Заринъ-кухъ (4,000 фут. высоты), которыми оканчивается хребетъ Копетъ-Дагъ, отдѣляющій на большомъ протяженіи (отъ Кизилъ-Арвата до Кабадурма) персидскія владѣнія отъ туркменовъ-Теке.

Табунъ Кулановъ.

Это степной азіатскій куланъ, ишакъ или онагръ, о которомъ не разъ упоминается въ Библіи. По свидѣтельству древнихъ онъ былъ распространенъ по всей Малой Азіи, Сиріи, Персіи и Аравіи.

Куланъ нѣсколько выше обыкновеннаго осла. Шерсть шелковистѣе и нѣжнѣе, чѣмъ у лошади. Образъ жизни его сходенъ съ образомъ жизни дикой лошади. Жеребецъ обыкновенно предводительствуетъ стадомъ. Въ быстротѣ куланъ не уступаетъ джигитаю и опережаетъ хорошую лошадь. Къ нему невозможно подойти въ открытой степи, ибо онъ очень чутокъ и остороженъ. Для жителей степей дикій куланъ нужное животное, Киргизы считаютъ его мясо очень вкуснымъ также какъ и персы, называющіе его *ишакомъ*. Ловятъ ихъ или вырывая ямы, или загоняя въ загородки, и за тѣмъ продаютъ на заводы, потому что это кромѣ того прекрасное вьючное и верховое животное. Палласъ разсказываетъ объ одномъ куланѣ, котораго доставили въ Петербургъ еще въ концѣ прошлаго столѣтія. За нимъ дурно смотрѣли, но тѣмъ не менѣе животное прошло лѣтомъ путь отъ Астрахани до Москвы, постоянно поспѣвая за почтовой каретой и отдохнувъ не болѣе двухъ ночей. Затѣмъ изъ Москвы, послѣ небольшаго отдыха, онъ былъ приведенъ въ Петербургъ гдѣ, нѣсколько оправившись, куланъ казался бодрымъ и крѣпкимъ. Приручить кулана очень легко.

Политическое обозрѣніе.

Покушеніе на жизнь Султана.—Восточная Румелія.—Болгарія.—Сербскія желѣзныя дороги.—Бисмаркъ въ Вѣнѣ.—Австро-Германскій союзъ.—Во Франціи.

На дняхъ мы передали нашимъ читателямъ о томъ, что въ Константинополѣ едва не удалось покушеніе на жизнь султана. Теперь, какъ видно изъ сообщенія Порты, оказывается, что виновникъ покушенія—грекъ, по имени Константинъ Карайнопуло. Въ числѣ найденныхъ при немъ бумагъ находились, между прочимъ, румынскій паспортъ и письмо на греческомъ языкѣ, подписанное его именемъ и носящее явные признаки умопомѣшательства писавшаго: онъ, напримѣръ, ведетъ свое лѣтосчисленіе „отъ смерти Сократа“ и даетъ подробныя инструкціи на счетъ бальзамированія тѣла своего. Въ различныхъ частяхъ города, однако, говорятъ, замѣтно сильное броженіе и враждебное настроеніе къ султану и поговариваютъ о недавно открытомъ тамъ заговорѣ, имѣвшемъ цѣлью низверженіе Абдулъ-Гамида и возведеніе на престолъ сына покойнаго султана, Абдуль-Азиса,—Иеддина.

Изъ „Восточной Румеліи“ также идутъ недобрыя вѣсти. Въ Айдосѣ, между возвратившимися мусульманскими бѣглецами и болгарскимъ населеніемъ произошли кровавыя столкновенія. Восточно-Румелійская жандармерія вмѣшалась въ дѣло, окончившееся избіеніемъ и пораненіемъ большаго числа бѣглецовъ, причемъ убито и 15 жандармовъ. По этому поводу изъ Константинополя пишутъ, что русское правительство обратило вниманіе державъ на эти столкновенія, находя, что Порта выказала недостатокъ предусмотрительности, такъ какъ отослала эмигрантовъ на родину рѣшительно безъ всякихъ средствъ къ существованію. Далѣе, въ русскомъ сообщеніи говорится, что еслибы даже столкновенія между мусульманами и христіанами возобновились, то *это еще не даетъ Портѣ права двинуть свои войска въ Восточную Румелію*.

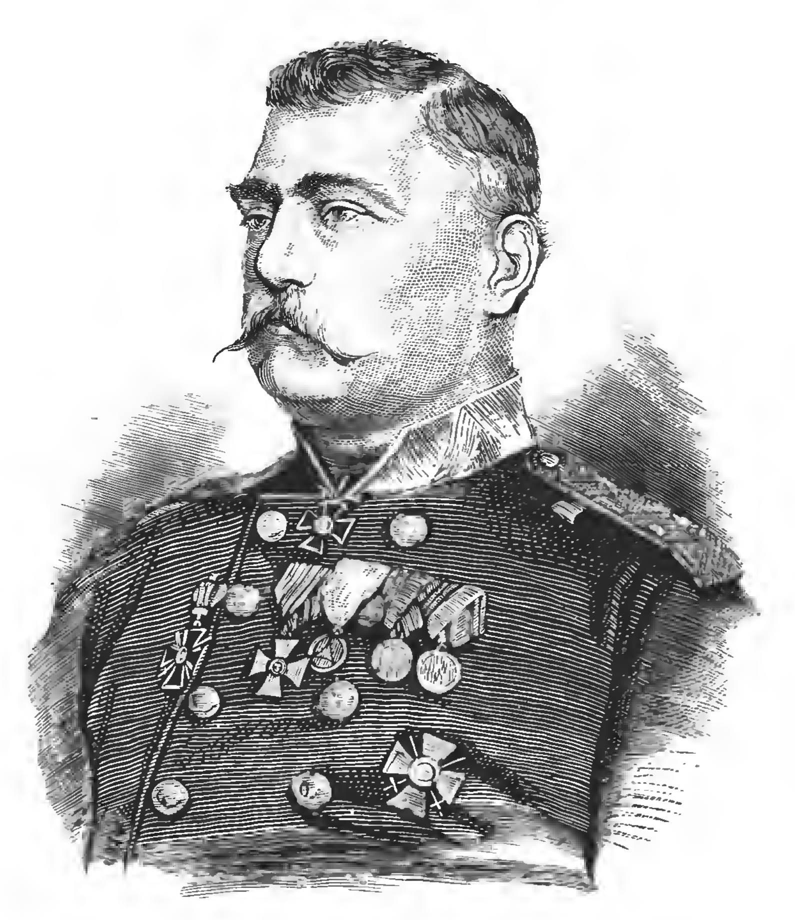
Назначенный вмѣсто Виталиса начальникомъ румелійской милиціи генералъ Штреккеръ скоро выступитъ съ отрядомъ, для возстановленія порядка и съ цѣлью предупрежденія на будущее время подобныхъ сценъ. Оккупація Новобазарскаго санджака происходитъ будто среди какого-то сосредоточеннаго молчанія населенія... Теперешнее спокойствіе его можетъ ли служить ручательствомъ за будущее? Едва ли. Въ Герцеговинѣ блеснула искра и—снова въ той же маленькой и достопамятной *Невесиньи. Тамъ пандуры (стражники) взбунтовались, заня-*

(Продолженіе на стр. 777, 778, 779 и 780).

ли караульни и имѣли столкновеніе съ австрійцами на границахъ Черногоріи. Противъ нихъ высланы войска. Тяжело слышать о новыхъ кровопролитіяхъ, но—да не заглохнетъ славянское чувство!..

Первое болгарское министерство, Балабанова, подало въ отставку, которую князь принялъ и въ настоящее время уже сдѣланы попытки привлечь къ кормилу правленія „либераловъ"—Каравелова и Славейкова. Утверждаютъ, однако, что князь предварительно обратился за совѣтомъ въ Петербургъ. Кабинетъ Балабанова, не смотря на краткое существованіе свое, успѣлъ, однако, принести пользу (хотя и частнаго характера) уже тѣмъ, что возстановилъ порядокъ въ округахъ Шумлы, Разграда и Османъ-Базара, гдѣ мусульмане составляютъ значительный элементъ населенія, почему князь имѣлъ возможность снять 2-го сентября осадное положеніе, объявленное въ этихъ провинціяхъ и вскорѣ приметъ депутацію отъ 34 мусульманскихъ селеній, желающихъ выразить ему свою благодарность „за проявляющійся въ немъ духъ справедливости." На 1880 г. назначенъ даже наборъ изъ среды мусульманскаго населенія Болгаріи.

Сербское правительство занято теперь преобразованіемъ своихъ войскъ, согласно признанному необходимымъ и самимъ берлинскимъ конгрессомъ, и опытомъ послѣдней войны комплекту въ размѣрѣ 17 тысячъ человѣкъ дѣйствительной арміи. Прежній размѣръ военныхъ силъ Сербіи состоялъ, какъ извѣстно, всего изъ двухъ эскадроновъ кавалеріи, 4 батальоновъ пѣхоты и 12 баттарей, а послѣ того какъ милиція не отвѣтила возлагавшимся на нее ожиданіямъ, сербское министерство оказалось вынужденнымъ организовать армію по европейскому образцу. Скупштина утвердила уже расходъ на покупку ружей, заряжающихся съ казенной части и другаго оружія. Сербскій посланникъ въ Константинополѣ недавно сообщилъ Ристичу, что какъ Константинопольскій патріархъ, такъ и Порта дали ходъ ходатайству Сербіи касательно основанія *самостоятельной церкви для княжества.* Вслѣдствіе этаго сербскій митрополитъ Михаилъ, въ будущемъ мѣсяцѣ, созоветъ въ Бѣлградѣ синодъ изъ всѣхъ сербскихъ епископовъ; на этомъ синодѣ будетъ провозглашена независимость сербской церкви отъ Константинопольскаго патріархата, патріархомъ же церкви княжества, на основаніи постановленія созывающагося синода, будетъ назначенъ княземъ Миланомъ митрополитъ Михаилъ.



Новый начальникъ Атрекской экспедиціи, генералъ А. А. Тергукасовъ.
Съ фотогр. грав. К. Вейерманъ.

Вопросъ о сербскихъ желѣзныхъ дорогахъ, повидимому, еще не рѣшенъ и, до сихъ поръ не извѣстно положительно кто будетъ строить ихъ—австрійцы, или мы. Въ Вѣнѣ ожидаютъ прибытія нашего министра-президента при Бѣлградскомъ дворѣ, а также и уполномоченнаго нашего правительства инженера и одного русскаго желѣзнодорожнаго дѣятеля, который ходатайствуетъ о полученіи концессіи на постройку сербскихъ желѣзныхъ дорогъ.

Впрочемъ, въ Вѣнѣ—недавно былъ другой гость, обращавшій на себя, конечно, исключительное вниманіе жителей веселой столицы Австріи. Мы говоримъ о германскомъ имперскомъ канцлерѣ, князѣ Бисмаркѣ, который прибылъ туда 9-го (21-го) сентября, съ вечернимъ поѣздомъ. Къ пріѣзду его (онъ прибылъ съ семействомъ), около станціи собралось довольно много публики, привѣтствовавшей его громкими сочувственными кликами. Въ самомъ воксалѣ онъ былъ встрѣченъ членами германскаго посольства и графомъ Андраши. Поздоровавшись съ этимъ послѣднимъ, князь сказалъ ему: „Видите, я сдержалъ свое слово." — „Посмотрите, ваша свѣтлость, какъ народъ доволенъ," отвѣчалъ ему Андраши.

Министры не теряли времени и на другой же день между ними происходило продолжительное совѣщаніе наединѣ. 10-го въ 3 ч., его посѣтилъ въ гостинницѣ самъ императоръ Францъ-Іосифъ, котораго собравшаяся у отеля густая толпа народа восторженно привѣтствовала. Князь Бисмаркъ ожидалъ высокаго гостя на лѣстницѣ и привѣтствовалъ его глубокимъ поклономъ. Императоръ подалъ князю Бисмарку руку и прослѣдовалъ въ занятые княземъ покои. Визитъ продолжался полчаса.

Послѣ обѣда въ Шенбрунскомъ дворцѣ, императоръ провелъ часъ времени въ кругу гостей и потомъ простился съ княземъ Бисмаркомъ. Въ 9 часовъ вечера императоръ Францъ-Іосифъ уѣхалъ на придворную охоту въ Штирію. Князь Бисмаркъ выѣхалъ обратно 11-го сентября.

Уже обнародовано императорское повелѣніе, которымъ рейхсратъ созывается на 7-е октября.

Мѣстныя газеты дѣлаютъ довольно ясные намеки на то, что пріѣздъ князя Бисмарка въ Вѣну служитъ признакомъ осуществленія плана „грознаго союза". Дѣло шло болѣе, чѣмъ о простой вѣжливости относительно графа Андраши, говорятъ онѣ (по меньшей мѣрѣ—наивно). „Присутствіе князя послужитъ къ новому скрѣпленію союза между Австріей и Германіей".

„Вопросъ о томъ, признаются ли колебанія въ положеніи дѣлъ настолько значительными и внушающими опасенія, чтобы поставить имъ преграду посредствомъ положительнаго соглашенія, укрѣпленнаго договоромъ—это не подлежитъ публичному обсужденію. Дѣло идетъ не о политической демонстраціи (!); задачу государственныхъ людей Австріи и Германіи составляетъ достиженіе дѣйствительныхъ ручательствъ мира. Обмѣнъ мнѣній между ними будетъ прежде всего посвященъ выясненію того, какъ оградить эти интересы"... Въ чемъ состоятъ эти *дѣйствительныя ручательства мира и чѣмъ будутъ ограждены и отъ кого—эти интересы?..*

Невольно снова приходятъ на умъ мысли объ австро-венгерской гегемоніи надъ славянствомъ юго-запада Европы...

Мимоходомъ скажемъ, что и въ Парижѣ отозвалось это усиленіе „дружбы" австро-германской. *Говорятъ, что Гамбетта сдѣлался горячимъ сторонникомъ франко-русскаго союза...*

Толки объ отставкѣ графа Андраши пока совершенно прекратились. Да и выйдетъ ли онъ въ отставку? — сомнительно. Ходятъ слухи, будто существуетъ планъ создать въ будущемъ постъ государственнаго канцлера, который, не имѣя опредѣленнаго вѣдомства, будетъ главою соединеннаго королевства и составитъ, вмѣстѣ съ двумя министрами-президентами, родъ верховнаго совѣта; въ этомъ совѣтѣ на государственномъ канцлерѣ будетъ лежать спеціальная обязанность заботиться во всѣхъ вопросахъ о соблюденіи единства государственнаго управленія. Графъ Андраши, говорятъ, и будетъ первымъ государственнымъ канцлеромъ Австро-Венгріи. Такимъ образомъ онъ будетъ первымъ лицомъ послѣ монарха и снова появится на политической аренѣ, но уже не министромъ, а высшимъ руководителемъ всѣхъ политическихъ дѣлъ, руководителемъ, отъ котораго будетъ исходить главный почииъ.

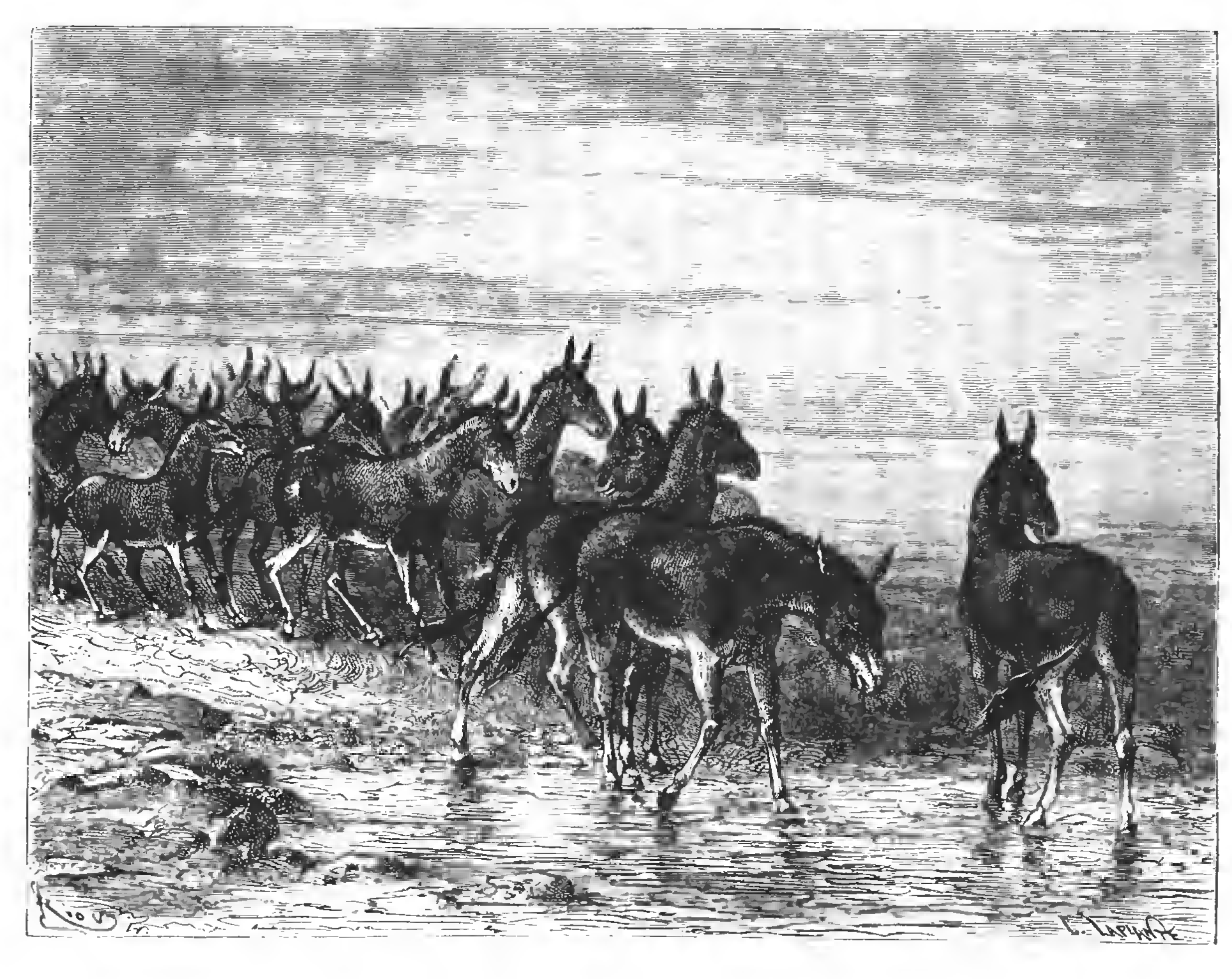
Пока князь Бисмаркъ совѣщается въ Вѣнѣ, его государь навѣщаетъ Эльзасъ и Лотарингію. Пріемъ Императору Вильгельму оказанъ въ Страсбургѣ самый сочувственный. О самомъ прибытіи императора сообщаютъ, 6-го (18-го) сентября. Вскорѣ послѣ 3 часовъ пополудни прибыли сюда императоръ и императрица германскіе, вмѣстѣ съ прочими особами. Въ воксалѣ ихъ величества были встрѣчены генералитетомъ и высшими властями; тамъ же поставленъ былъ почетный караулъ отъ баварскихъ, виртембергскихъ, саксонскихъ и брауншвейгскихъ войскъ. Послѣ привѣтствія со стороны „военнаго союза", вы-

ставленнаго противъ вокзала, ихъ величества проѣхали по торжественно украшеннымъ улицамъ въ префектуру, причемъ они повсюду были привѣтствованы густою ликующею толпою. За ихъ величествами слѣдовали германскій наслѣдный принцъ съ наслѣднымъ принцемъ шведскимъ, баденскій великій герцогъ съ супругою, принцъ Вильгельмъ и прочія особы.

Французскіе офицеры, посланные своимъ правительствомъ на осенніе маневры германской арміи въ различныя мѣстности, не послѣдовали за императоромъ Вильгельмомъ на маневры, которые будутъ происходить въ окрестностяхъ Страсбурга. Они возвратились во Францію. Около Версаля происходятъ теперь маневры французскихъ войскъ даже по ночамъ, съ употребленіемъ новой системы свѣтовыхъ сигналовъ. Въ настоящее время во Францію прибываютъ, отдѣльными и довольно значительными партіями, помилованные коммунары. Сначала, естественно, могъ возникнуть вопросъ о томъ—что будетъ съ ними? но вопросъ этотъ, какъ кажется, разрѣшился самъ собою: такъ какъ значительнѣйшая часть ихъ принадлежитъ къ рабочему классу, то большинство поступило вновь въ прежде оставленныя ими мастерскія. Встрѣчи, оказанныя имъ населеніемъ различныхъ пунктовъ, хотя и отличались сочувствіемъ, объясняющимся положеніемъ ихъ, но не сопровождались нигдѣ выдающимися демонстраціями, сами же помилованные ведутъ себя весьма сдержанно. Принцъ Наполеонъ, понемногу, заводитъ въ значительныхъ городахъ свои органы печати: такъ въ Бордо открылась его газета „Drapeau“ (Знамя).

Разныя извѣстія.

Замораживаніе тропическихъ рыбъ. Въ Марсели составилось акціонерное общество, задавшееся цѣлью снабжать Францію и весь европейскій материкъ разными породами южныхъ рыбъ, которыя, какъ и появившіеся на европейскихъ рынкахъ запасы



Табунъ куллановъ. Рис. Ріу грав. Лапланть.

свѣжаго американскаго мяса, будутъ перевозиться въ замороженномъ видѣ. По поводу этаго проекта докторъ Геккель, издатель марсельскаго журнала „Nature,“ недавно предостерегъ своихъ читателей статьею, въ которой совѣтуетъ имъ быть осторожными въ употребленіи въ пищу рыбъ жаркаго пояса, особенно не совсѣмъ свѣжихъ. Многія изъ породъ этихъ рыбъ—ядовиты. Рыбъ Средиземнаго моря докторъ Геккель считаетъ почти безвредными, за исключеніемъ однако нѣкоторыхъ, хотя и немногихъ породъ, преимущественно водящихся у богатаго рыбою сѣверозападнаго берега Африки. Въ заключеніе своей статьи, издатель „Nature“ предлагаетъ составить ученую коммисію для предварительнаго разсмотрѣнія и одобренія рыбныхъ продуктовъ, которые марсельское общество будетъ ввозить въ Европу.

Моръ лососей. Наше время—время разныхъ бѣдъ, грозящихъ высшимъ породамъ животнаго царства не обошло и его низшихъ и даже микроскопическихъ видовъ. Жукъ-колорадо истребляетъ картофель; трихина заражаетъ свиное мясо и сельдяныя породы рыбъ; филоксера объѣдаетъ виноградныя лозы, а табачный жукъ начинаетъ опустошать табачныя плантаціи. Ко всѣмъ этимъ „язвамъ“ недавно присоединилась и болѣзнь лососей, которой англійская газета „Daily Telegraph“ на дняхъ посвятила очень обстоятельную статью. Оказывается, что въ нѣкоторыхъ рѣкахъ Англіи лососи стали повально вымирать еще съ прошлой весны, причемъ они обыкновенно дѣлались совершенно бѣлыми. Замѣчено, что болѣзнь происходила отъ чужеяднаго грибка, начинавшагося въ зѣвѣ и быстро поражавшаго всю голову; рыба слѣпла, безсознательно металась отъ одного берега къ другому и разбивалась. Такая же смертность между рыбами обнаружилась и въ штатѣ Иллинойсѣ, преимущественно же въ притокѣ рѣки Покъ, Петаконикѣ, покрывавшемся, въ началѣ іюля, множествомъ мертвой рыбы. Американскія газеты своевременно предостерегали и еще предостерегаютъ мѣстныхъ жителей отъ употребленія въ пищу разныхъ рыбъ, замѣтно переселяющихся въ послѣднее время отъ береговъ Европы къ берегамъ Америки. По мнѣнію газетъ, масса такой рыбы уже заражена разными нечистотами, которыхъ она успѣла наглотаться въ европейскихъ водахъ.

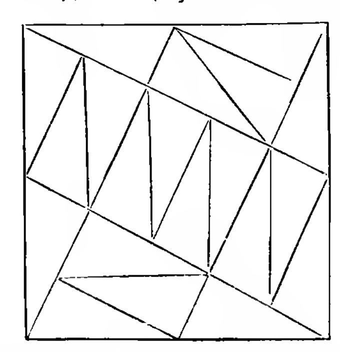
Карта планеты Марса и его спутниковъ.—Знаменитый миланскій астрономъ Скіапарелли издалъ недавно, на основаніи строго научныхъ наблюденій, карту планеты Марса—планеты, о спутникахъ которой въ послѣднее время было много говорено. (См. „Нива“ №37). По этой картѣ, на поверхности Марса находятся очертанія, схожія съ нашею землею. На Марсѣ такъ же, какъ и у насъ, су-

ществуютъ сѣверный и южный полюсы со льдами. Таяніе и возрастаніе ледяныхъ массъ на этой планетѣ вполнѣ удостовѣревы. На Марсѣ точно такъ-же, какъ и у насъ, имѣются материки и океаны. На картѣ изображены даже рѣки, устья которыхъ видны совершенно ясно.

Новое устройство земли зулусовъ. Зулусская территорія, раздѣленная на три отдѣльныя провинціи, будетъ распредѣлена между двѣнадцатью начальниками, избранными сэромъ Гарнеттомъ и обязующимися подписать мирный договоръ. Имъ будетъ воспрещено употребленіе оружія; назначеніе ихъ преемниковъ будетъ исключительно зависѣть отъ утвержденія британскихъ властей, улаженіе же споровъ и разногласій между тремя провинціями предоставлено будетъ Англіи. Судебныя рѣшенія по гражданскимъ дѣламъ будутъ имѣть законную силу въ случаѣ одобренія ихъ со стороны англійскихъ министровъ-резидентовъ. Министровъ же будетъ два и для защиты ихъ будетъ содержаться конвой въ 200 человѣкъ. Каждый начальникъ будетъ управлять независимо отъ другихъ, согласно съ прежними законами и обычаями страны. Кантоунъ назначенъ мѣстомъ, гдѣ будетъ водворенъ на жительство Сетевайо. Съ тѣхъ поръ, какъ его арестовали, король зулусовъ обнаруживаетъ спокойствіе, но держитъ себя съ достоинствомъ. Когда англійскія войска появились передъ его жилищемъ, онъ потребовалъ чтобъ его разстрѣляли. На время его отправятъ въ фортъ Викторію. День, когда Сетевайо попалъ въ плѣнъ британскимъ войскамъ былъ годовщиной вступленія его на престолъ.

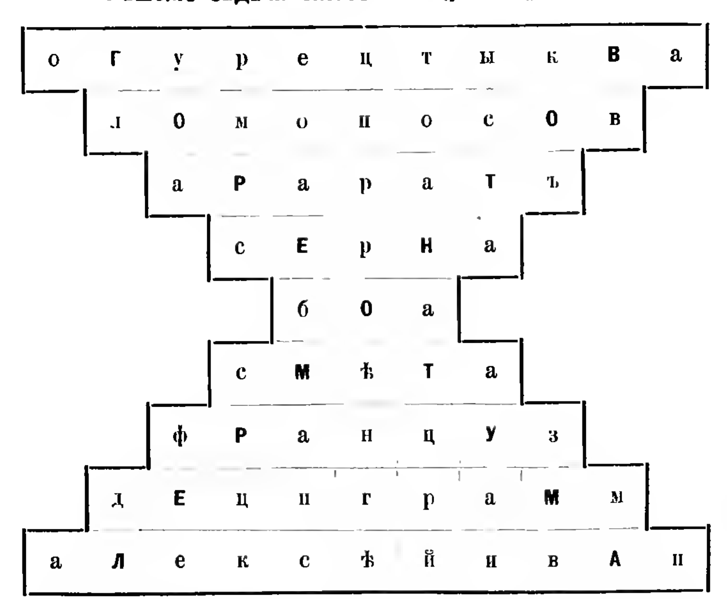
Магистратъ города Вѣны постановилъ, что доколѣ будутъ существовать старыя кладбища, назначить отъ города извѣстную сумму на украшеніе цвѣтами въ продолженіе всего года гробницъ: Моцарта, Глюка, Іосифа Гайдна и Бетховена. Не всѣмъ, можетъ быть, почитателямъ этихъ великихъ композиторовъ извѣстно, что въ Вѣнѣ уже 50 лѣтъ существуетъ фондъ, пущенный въ оборотъ и предназначенный на сооруженіе памятника Моцарту, Глюку и Гайдну. Намъ тоже было бы недурно принять это постановленіе къ свѣдѣнію. Могилы многихъ нашихъ выдающихся людей, заброшены самымъ постыднымъ образомъ. Достаточно сказать, что на могилѣ напр. Сѣрова, имя котораго не забудется, конечно, въ Россіи, стоитъ полуразвалившійся деревянный крестъ, къ которому прибита простая дверная дощечка.

Рѣшеніе задачи: треугольники въ № 36.



Вѣрное рѣшеніе этой задачи прислано: только отъ г. Грасмана въ С.-Петербургѣ.

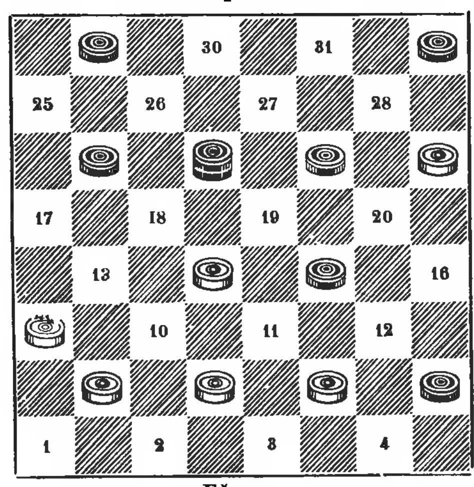
Рѣшеніе задачи слоговъ въ № 30 „Нивы“.



Вѣрныя рѣшенія этой задачи прислали: **Спб.** отъ гг.: А. Молчанова, С. Верещагина и Е. Ро—гина, Вѣры Фохтъ, Елеска, Ф. С., И. С. Романовскаго, В. Масена, А. Воронова, студента Смирнова, В. Козлова, В. Яголина-Смирнова, Маруси-кокетки, М. С. Михайлина, А. Ѳедорова, А. Анасимова, Н. Нанифорова и М. Ковчена, Х. Засарова и г-жи Лиховичъ, Н. Веллинга, М. Корнина, П. Грикурова, Н. Конѣйчикова, Д. Инсарова, С. И. Васальева, А. Даюбенко, князя Залѣин-Гратонокскаго, А. А. Лялина, И. Рябова, В. Смирнова, А. Аксютича, Н. Борнемана, Псевдо-поэта, А. Набилкова, К. Юннера и Н. Герцога, А. Кетчера, К. К., Грузинскаго князьна, Зе—с—ой, Назарова, Неизвѣстнаго, И Тимоѳѣева, О. Грасмана и А. Гумилевскаго. **Москва**—отъ гг.: В. Зѣванина, А. Соскова, П. Ерсинна, М. Травиной, П. Ерина, М. Макарова и Лихачева, М. К., Д. Гусева, Ранга, Е. И. Попова, Н. Зимарева, Н. Навроцкой, И. В. Яно—а, Н. В. Яковлева и В. Повиннова. **Ярославль**—Архангельскаго, одного изъ подписчиковъ, Петра С—ва, Никольской и Утнина. **Кіевъ**—Колубовскаго, Стеукевича. **Шуя**—Терентьева. **Люблинъ**—М-де Пребынъ. **Юрьевъ**—Бѣдняковъ. **ст. Синельниково**—Шамова. **Старая Русса**—Ландау, **Литинъ**—Толпыгина. **Саратовъ**—Болотинскаго. Сташевскаго и Срывалина. **Тамбовъ**—Ситовскаго. **Воронежъ**—Поповыхъ, Дмитріева. **Каменецъ-Подольскъ**—Коцюбинской. **Оранiенбаумъ**—А. и Н. Т. **ст. Константиново**—Осипова. **Рыбинскъ**—Жуковой и Поликовой. **Кронштадтъ**—Доржана. **Екатеринославъ**—Макарова. **Бѣлостокъ**—Шера. **Новый Петергофъ**—Н. З. и Скобиной. **Псковъ**—Успенскаго. **ст. Савелино**—Монахова—**Нарва**—Ефимова. **Опечка**—Трусова. **Якобштадтъ**—Соколовскаго. **Пинскъ**—М—его. **Варшава**—Д—нъ, Савченко. **Ковно**—Теляковскаго. **Нижній Новгородъ**—Гусева, Рябинина. **Ст. Болдино**—Рѣпикмова. **Орѣхово-Зуево**—Покровской. **Рахны**—Жуковскаго. **Вильна**—С. фонъ-Котепъ и Андреева. **Казатинъ**—Денисенки, **Ковель**—Мишеньк—С. и Машенки—Р. **Могилевъ губ.**—Н. Ландау. **Слуцкъ**—Павлиновскаго. **Лугомовичи**—Спиридонова. **Петрозаводскъ**—Куняева. **Харьковъ**—Бубновой. **Бѣжецкъ**—Чернова. **Владимiръ**—Фреденера, Гвоздева. **Дерптъ**—Забѣлло и **Мозырь**—Лапича.

Шашечная задача № 15.

Черныя.



Бѣлыя.

Бѣлыя начинаютъ и выигрываютъ.

Рѣшеніе шашечной задачи № 14.

Бѣлые.		Черные.	
Съ № 16	на 20	Съ № 30	на 16
„ „ 18	„ 22	„ „ 26	„ 19
„ „ 8	„ 26	„ „ 29	„ 22
„ „ 31	„ 20	„ „ 16	„ 32
„ „ 1	„ 5	„ „ 32	„ 1
„ „ 9	„ 13	„ „ 17	„ 10
„ „ 2	„ 5	„ „ 10	„ 6
„ „ 3	„ 10		

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы: **Спб.** отъ гг.: Маты-Чухна, А. Сергѣева, А. Агаѳонова и А. Гумилевскаго; **Москва**—отъ гг.: В. Зѣванина, Я. Давыдова, И. Зимина, И. Цапулина и Еремѣевыхъ; **Рыбинскъ**—отъ Д. Любановая, и **М. Балинъ**—А. Подтягина; **Кронштадтъ**—Н. Даржвна.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала «Нива» покорнѣйше проситъ гг. иногородныхъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.

СОДЕРЖАНІЕ: Дѣятели Русской литературы. М. М. Херасковъ (съ портр.)—Стихотворенія. I W. II Вечеръ. В. Салтыкова.—Касимовская невѣста. Историческій романъ Вс. Соловьева. (Продолжен.)—На зарѣ. Стихотвор. А. Фета (съ рис.)—Цыганка. Разсказъ. Захеръ Мазоха.—По пути въ Афганистанъ. Очерки. П. Огородникова.—Тѣни казненныхъ являются Іоанну Грозному (съ рис.)—Заблудилась (съ рис.) Русскія минеральныя воды. Друскеники (съ 2 рис.)—А. А. Тергукасовъ (съ портр.) Табунъ Куланковъ (съ рис.)—Политическое обозрѣніе.—Разныя извѣстія.—Рѣшеніе задачи: треугольники.—Рѣшеніе задачи слоговъ.—Шашечная задача.—Рѣшеніе шашечной задачи.—О перемѣнѣ адреса.—Объявленія.

Издатель А. Ф. Марксъ. Редакторъ Ф. Бергъ.

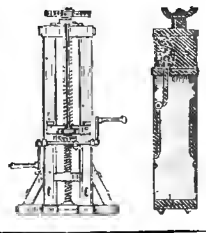
ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ПАРОВЫЕ КОТЛЫ
ПАРОВЫЯ МАШИНЫ
вертикальные постоянные
ЛОКОМОБИЛИ
имѣются въ складахъ
ГУСТАВА ЛИСТЪ въ москвѣ.

Софійская набережная, въ соб. д. и на Мясницкой ул. рядомъ съ Почтамтомъ **На Нижегородской ярмаркѣ:** рядомъ съ Волжско-Камскимъ Коммерческимъ Банкомъ въ д. Княжевича, а также у **Федора Ивановича Листъ**, г. Сумы, Харьковской губ.
№ 237 3—3

Съ 5 сентября.
возобновилось пріостановленное, по распоряженію моск. генералъ-губернатора,
ИЗДАНІЕ
„РУССКІЙ КУРЬЕРЪ“
НОВАЯ
ЕЖЕДНЕВНАЯ, БЕЗЦЕНЗУРНАЯ, БОЛЬШАЯ
ГАЗЕТА
общественная и политическая.
ПОДПИСКА ОТКРЫТА:
въ Москвѣ—въ конторахъ редакціи (Столешниковъ пер., д. Рожнова, и у Москворѣцкаго моста, въ конторѣ Н. Ц. Лапива) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.
ЦѢНА СЪ ДОСТАВКОЙ И ПЕРЕСЫЛКОЙ:
на 1 мѣс. . . . . 1 руб.
на 3 мѣс. . . . . 3 руб.
№ 266 2—2

ФАБРИКА ПОДЪЕМНЫХЪ МАШИНЪ



ПИППИГА И ГИРША
въ Берлинѣ Шоссе-Штрассе № 95.
Винты для подъема локомотивовъ, вагоновъ, кораблей и при постройкахъ.
№ 243 6—[illegible]

ОТЪ МНОГАГО НЕСЧАСТІЯ

предохраняетъ оффиціально рекомендованный передвижникъ приводныхъ ремней и смазочный приборъ выбрызгивающій масло.
Цѣна съ пересылкою за каждую 24 марки.
Цѣна съ пересылкою за 3—60 марокъ.
№ 272 5—2 **Carl Hoffman, Aue, Sachsen**

ТЕХНИЧЕСКОЕ УЧИЛИЩЕ
въ городѣ Рейтѣ (Рейнской провинціи).
Высшее спеціальное училище для **машино-строителей и химико техниковъ**, а въ особенности промышленности, съ приготовительнымъ училищемъ для спеціальнаго училища и для подготовленія къ военной службѣ годичнаго срока.
№ 268 2—2

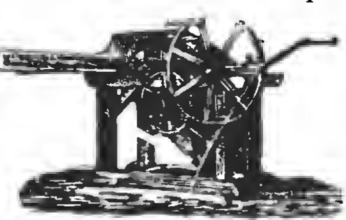
НАСОСЫ
всякаго рода,
для ручнаго, приводнаго и пароваго дѣйствія горизонтальные и вертикальные калифорнскіе **насосы**, вращательные американскіе, бриджпортскіе, лондонскіе, абессинскіе и цѣпные насосы.
НАСОСЫ ЛЕТЕСТЮ,
ЦЕНТРОБѢЖНЫЕ НАСОСЫ
улучшенной конструкціи бр. Гвинъ.
НОВОСТЬ; НАСОСЫ ФАУЛЕРА
постоянно въ большомъ выборѣ въ складахъ:
ГУСТАВА ЛИСТЪ ВЪ МОСКВѢ
Софійская набережная, собственный д. и на Мясницкой ул. рядомъ съ почтамтомъ. **На Нижегородской ярмаркѣ:** рядомъ съ Волжско-Камскимъ коммерческимъ банкомъ въ д. Княжевича; а также у **Федора Ивановича Листъ** въ г. Сумахъ Харьковской губерніи. № 235 3—3

ПРІЕМЪ БОЛЬНЫХЪ ДѢТЕЙ
ежедневно отъ 10 до 12 час. утра, на Николаевской улицѣ, д. № 65, А., кв. № 29.
№ 254 3—3 дѣтскій врачъ **Я. СИМОНОВИЧЪ.**

Гостиница Hôtel d'Angleterre въ Берлинѣ.
Давно извѣстное заведеніе, мѣстоположеніе отличное, самыя умѣренныя цѣны. № 125 20—14

Взамѣнъ всѣхъ помадъ и тому подобныхъ косметикъ.
„МАТЕОТИНЪ“
гигіеническое укрѣпляющее средство для волосъ
ПРОВИЗОРА В. ГАУ.
Въ С.-Петербургѣ: въ аптекахъ, у гг. дрогистовъ, въ косметическихъ магазинахъ: Рузанова, Ушакова, «А ла Реноме» и у первыхъ французскихъ парикмахеровъ. **Въ Москвѣ:** у гг. Келлеръ и Комп., и въ главныхъ аптекахъ. **Въ Одессѣ:** у гг. Лемме и Корнштейнъ складъ аптекарскихъ товаровъ. № 275 2—1
ЦѢНА 1 РУБ. 50 КОП.

ГЛАВНОЕ РУССКОЕ ДЕПО МАШИНЪ
№ 252 3—3
ВАС. ВАС. КРЮГЕРЪ:
Вознесенскій проспектъ, домъ № 25.



Рекомендуетъ свой складъ разныхъ земледѣльческихъ машинъ усовершенств. Америк. ручная молотилка, молотящая 200 сноповъ въ часъ, сухой или сыромятный хлѣбъ, не ломаетъ и работаетъ чисто. Цѣна 100 руб. с. Вѣялки, сортировки, ручныя мукомольныя мельницы, конные приводы, плуги отъ 9½ руб., соломорѣзки, дробилки и т. д. Складъ насосовъ, пожарныхъ трубъ всѣхъ сортовъ, машины всякаго рода для заводской промышленности. Дешевая цѣна и солидное исполненіе заказовъ.

РУЧНАЯ ШТИФТОВАЯ МОЛОТИЛКА
ТОВАРИЩЕСТВА БУРКГАРДТЪ и УРЛАУБЪ.

Желѣзная, съ улучшенными приспособленіями для опусканія и подыманія кожуха, столомъ для раскладки сноповъ, ключами и масленками. Производительность 200 сноповъ въ часъ, при 3-хъ мущинахъ и 2-хъ мальчикахъ. Цѣна: въ Петербургѣ 90 р. с., въ Москвѣ 100 р. с.,—изъ нашихъ складовъ въ С.-Петербургѣ, на Васил. Остр., по 1-й линіи, д. № 14, въ Москвѣ, по Мясницкой, домъ Сытова. Кромѣ того имѣются въ наличности: вѣялки, сортировки, конные приводы, дробилки для овса, мельницы, желѣзныя плуги, соломорѣзки, сѣялки, жатвенныя машины, пожарныя трубы и машины всякаго рода № 269 4—3

Новый двухконный плугъ въ 3 и 4 сошника.
ПРАКТИЧНО и ОЧЕНЬ ПОЛЕЗНО!
Этотъ плугъ пашетъ разомъ три и четыре борозды и силъ требуетъ не болѣе каждаго другаго плуга и сверхъ того не требуетъ чтобы его, какъ обыкновеннаго плуга, водили. Доставка по умѣреннымъ цѣнамъ франкировать до границы. № 162 11—8
Морицъ Вейль младш. Машинная фабрика во Франкфуртѣ на Майнѣ.

ОПТИЧЕСКІЙ МАГАЗИНЪ № 262 4—2
ТРУСЕВИЧА.
Невскій проспектъ, напротивъ памятника Екатерины II, д. № 56.
Спеціальное депо очковъ и биноклей. Кромѣ того большой выборъ: **барометровъ, термометровъ** и прочихъ оптическихъ предметовъ.

ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПЕТЕРБУРГА И МОСКВЫ.
только что отпечатаны и поступили въ продажу:
ОПЫТНЫЙ
ВРАЧЪ СЕКРЕТНЫХЪ БОЛѢЗНЕЙ.
Настольная книга для молодыхъ людей. Общепонятное практическое руководство къ излѣченію венерическихъ болѣзней, онанизма, безплодія мужчинъ и женщинъ, безсилія и прочихъ болѣзней половыхъ органовъ. Составилъ Новиковъ, въ трехъ частяхъ. М. 1880 г. Ц. 1 р. въ колен. пер. съ золот. тисненіемъ 2 р. съ пересылкой.
ЗАКУЛИСНЫЯ ТАЙНЫ.
Очерки и сцены изъ жизни провинціальныхъ актеровъ. Соч. актера **А. П. Морозова**. М. 1880. Цѣна въ отлично-хромолитограф. обертке 1 р., въ коленкор. съ золотымъ тисненіемъ переплетѣ 2 р.
Гг. иногородные за вышеозначенными книгами благоволятъ адресоваться по почтѣ: въ Москву, Новинскій валъ, домъ священника Казанской церкви. **Александру Александровичу Манухину.** № 274 1—1

Изданія А. Ф. Маркса въ Спб.
Большая Морская, д. № 9.

Въ КАМЫШАХЪ, повѣсть **Н. Каразина**, съ 39 рисунками автора, большой томъ in 8—всего 304 стр. Цѣна 2 руб., съ пересылкой 2 руб. 30 к. Подписчики „Нивы“ за пересылку не платятъ.

Повѣсть эта яркими красками рисуетъ жизнь Туркестанскаго края; достоинства ея достаточно доказываются уже тѣмъ, что повѣсть эта переведена на нѣмецкій, французскій и англійскій языки. Нынѣ вышедшее второе изданіе заключаетъ въ себѣ 36 рисунковъ; оно гораздо богаче и лучше, чѣмъ уже распроданное первое изданіе этой повѣсти.

ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ
Всеволода Крестовскаго
(автора „Петербургскихъ Трущобъ“), 3-е изданіе Ц. 1 р. 25 к. съ перес. 1 р. 60 к. для подписч. „Нивы“ 75 к. съ перес. 1 р.

ВТОРАЯ ЖЕНА.
Романъ МАРЛИТТА
перев. съ нѣм. Ц. 1 р. 50 к. съ перес. 2 р. для подписч. „НИВЫ“ 1 р. 25 к. съ перес. 1 р. 50 к.

МАСТЕРСКАЯ БѢЛЬЯ
МАРКА ГАРФЕЛЬДА
Б. Морская д. № 15 въ С.-Петербургѣ
Спеціальность изготовленія мужскаго дамскаго бѣлья и приданаго:
При мастерской имѣется постоянный выборъ полотенъ Голландскаго и Русскаго, столоваго бѣлья, носковъ, чулковъ, полотняныхъ и батистовыхъ носовыхъ платковъ, галстуховъ, воротниковъ, манжетъ и проч.
Заказы изъ провинціи немедленно исполняются, прочная работа и по умѣреннымъ цѣнамъ. № 260 2—2

ИЗДАНІЕ ЮРГЕНСОНА:
Верди Дин. Аида, полная опера въ 4 хъ дѣйствіяхъ для пѣнія съ фортепіано
Переводъ Г. Лишина и Гр. Оливара цѣна 6 руб.
Переводъ Аида, полная опера для фортепіано въ 2 руки—3 р.
Переводъ Аида, Попури 80 к.
Переводъ Аида, фантазія Ф. Листа 2 р.
ПРОДАЕТСЯ ВЪ МУЗЫКАЛЬНОМЪ МАГАЗИНѢ
П. ЮРГЕНСОНА.
Москва, Неглинная № 10.
№ 271 1—1

Настоящіе англійскіе кожаные, машинные ремни высшаго достоинства, ординарные и двойные, имѣются въ складахъ **Густава Листъ въ Москвѣ.** На Софійской наб. въ соб. домѣ и на Мясницкой ул., рядомъ съ почтамтомъ. **На Нижегородской ярмаркѣ** рядомъ съ Волжско-Камскимъ Коммерческимъ Банкомъ, домъ Княжевича, а также у **Федора Ивановича Листъ**, въ г. Сумы, Харьковск. губ. 235 3—3

СОВѢТЪ ХОРОШИМЪ ХОЗЯЙКАМЪ.
Чтобы сохранить мясо, рыбу, масло совершенно свѣжими, на нѣсколько мѣсяцевъ и придать имъ весьма пріятный вкусъ стоитъ только употреблять нашу соль для консервовъ. Цѣна 20 к. за фунтъ. Въ фруктовомъ магазинѣ Черепенникова, на Лвтейной, на углу Симіоновской. № 256 5—3

При этомъ № для гг. иногор. подписч. прилагается прейсъ-курантъ отъ чайнаго магазина И. І. Корещенко въ Москвѣ.

Дозволено цензурою СПБ. 21 Сентября 1879 г. Тип. Беллинга Англ. пр. №10.

X годъ — № 40 — годъ X — 1879

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ «ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ» (отъ 20 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40).
Выданъ 1 Октября 1879 г. Цѣна этаго № „Нивы“ 20 к. съ перес. 25 к.

При этомъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за ОКТЯБРЬ съ 24 рисунками и отдѣльный листъ съ 26 чертеж. выкроекъ въ натуральн. величин., и съ 31 рис. рукод. работы.

Дѣятели Русской литературы.

Иванъ Ивановичъ Хемницеръ.

Если исторія литературы представляетъ не мало примѣровъ того, какъ люди громко прославленные при жизни, низводились по смерти съ своихъ высокихъ пьедесталовъ, то съ другой стороны нерѣдки и такіе случаи, что современники не понимали истиннаго таланта, и только потомство умѣло вполнѣ оцѣнить его. Такъ Херасковъ, прозванный въ свое время русскимъ Гомеромъ, былъ совсѣмъ забытъ въ пережившемъ его поколѣніи, а Хемницеръ, котораго сочиненія долгое время не выходили изъ тѣснаго круга его друзей и немногихъ почитателей, въ наше время только признанъ однимъ изъ самыхъ даровитыхъ поэтовъ прошлаго столѣтія.

Иванъ Ивановичъ Хемницеръ, саксонецъ по происхожденію, но вполнѣ русскій по уму и симпатіямъ, родился въ 1744 г. въ Петербургѣ, гдѣ отецъ его былъ смотрителемъ при Сухопутномъ Госпиталѣ. По окончаніи домашняго воспитанія, молодой Хемницеръ поступилъ въ военную службу, но она была ему не по душѣ, и потому, получивши офицерскій чинъ, онъ перешелъ въ Горный Корпусъ. Чуждый всякаго честолюбія, онъ мало заботился о своей карьерѣ и велъ жизнь очень скромную. Свободное отъ службы время посвящалъ онъ поэзіи и въ 1778 году издалъ небольшой сборникъ своихъ басенъ. При перемѣнѣ начальства въ корпусѣ, Хемницеръ вышелъ въ отставку, но скоро нужда заставила его опять подумать о службѣ, и при помощи княгини Е. Р. Дашковой ему удалось получить видное мѣсто генеральнаго консула въ Смирнѣ. Но разлука съ друзьями и рѣзкая перемѣна климата повліяла на его слабое здоровье, и Хемницеръ скончался въ 1784 году. Тѣло его привезено было въ Россію и погребено въ Николаевѣ.

Кромѣ переводовъ ученыхъ сочиненій по горной части, всѣ литературные труды Хемницера ограничиваются одной

И. И. Хемницеръ. Оригин. рис. А. Неймана, грав. А. Нейманъ.

книжкой стихотвореній. Въ то время, когда у насъ больше всего уважались торжественныя оды и героическія поэмы, онъ избралъ для себя самый скромный родъ поэзіи—басню. Въ нашей литературѣ до тѣхъ поръ были въ этомъ родѣ только пресловутыя притчи Сумарокова, безжизненныя по содержанію и грубыя по языку. Басни Хемницера, отчасти заимствованныя у Лафонтена и Геллерта, но большею частью оригинальныя, представляютъ такіе изящные образцы въ этомъ родѣ, что автора ихъ по справедливости должно признать первымъ по времени русскимъ баснописцемъ. Къ сожалѣнію современники не замѣтили скромной книжки, въ которой было несравненно больше поэзіи, чѣмъ въ тяжеловѣсныхъ фоліантахъ тогдашнихъ знаменитостей.

Достоинство басни, какъ извѣстно, состоитъ въ обработкѣ сюжета,—въ художественномъ сочетаніи фабулы съ сокрытою въ ней мыслію, въ вѣрномъ представленіи человѣческой жизни посредствомъ аллегорическихъ лицъ и наконецъ въ непринужденности разсказа. Всѣ эти условія вполнѣ соединились въ басняхъ Хемницера. По знанію человѣческаго сердца, умѣнью подмѣчать комическія стороны жизни и мѣтко выразить ихъ въ живыхъ образахъ, его можно поставить на ряду съ Крыловымъ. Разница въ томъ только, что Хемницеръ рисуетъ намъ вообще человѣка, а Крыловъ изображаетъ человѣка русскаго, со всѣми особенностями національнаго характера, и потому у одного басни, можно сказать, космополитическія, а у другаго—вполнѣ народныя.

Не смотря на это, въ прелестныхъ апологахъ Хемницера мы находимъ такія вѣрно подмѣченныя и характерныя черты общественнаго быта, которыя до сихъ поръ не утратили своей жизненности. Кто, напримѣръ, не знаетъ его „Метафизика"? Этотъ вѣчный типъ полуобразованнаго враля, готоваго съ чужихъ словъ „давать толкъ неистолкуемымъ вещамъ", и теперь живетъ въ нашемъ обществѣ, только прежнюю свою тему „сыскать начало всѣхъ началъ" онъ замѣнилъ новыми. Не живо ли до сихъ поръ и самое заключеніе баснописца, когда послѣ разсказа о томъ, какъ его мечтатель попалъ въ ровъ, онъ говоритъ:

Что еслибы вралей и остальныхъ собрать
И въ яму къ этому въ товарищи послать?..
Да яма надобна большая!

Отличительная черта таланта Хемницера—неуловимое сочетаніе мѣткой сатиры и тонкой ироніи съ добродушной наивностью, что и составляетъ истинный юморъ. Возьмемъ, напримѣръ маленькую сказку его „Счастливое супружество". Въ прелестной идиллической картинѣ авторъ рисуетъ нѣжную любовь и трогательное согласіе двухъ супруговъ, жизнь которыхъ не смущалась ни малѣйшими размолвками. Эта любящая чета, говоритъ онъ, должна служить живымъ упрекомъ для людей, утверждающихъ будто на свѣтѣ нѣтъ супружескаго счастія, и въ заключеніе прибавляетъ:

А сколько лѣтъ ихъ вѣку было?..
Да сколько лѣтъ—съ недѣлю и всего,
А безъ того
На сказку-бъ походило.

Что касается чистоты языка и легкости стиховъ, то въ этомъ отношеніи Хемницеръ далеко опередилъ всѣхъ своихъ современниковъ. Его рѣчь до сихъ поръ не утратила свѣжести и читая его басни, можно сказать, что онъ предугадалъ тотъ переворотъ въ нашемъ языкѣ и стихосложеніи, который впослѣдствіи совершили Карамзинъ и Дмитріевъ.

Отчего же такой высокій талантъ не былъ замѣченъ современниками и оцѣненъ только въ недавнее время? Это зависѣло отъ обстоятельствъ, неблагопріятныхъ для баснописца. Хемницеръ изъ скромности долго не хотѣлъ издавать своихъ сочиненій, и только по настоянію друзей напечаталъ небольшую книжку, въ которую вошло всего двадцать семь басенъ. Книжка эта, изданная безъ имени автора, прошла незамѣченною при томъ авторитетѣ, какимъ пользовались тогда притчи плодовитаго Сумарокова. Затѣмъ новое, дополненное изданіе сочиненій Хемницера вышло уже въ то время, когда всѣ восхищались талантливыми баснями И. И. Дмитріева, и слѣдовательно также не обратило на себя вниманія. Наконецъ явился нашъ великій баснописецъ Крыловъ и затмилъ рѣшительно всѣхъ своихъ предшественниковъ. Такимъ образомъ басни Хемницера постоянно заслонялись сочиненіями болѣе счастливыхъ его соперниковъ въ этомъ родѣ поэзіи. Но какъ „затерянный алмазъ" Крылова былъ найденъ и сталъ украшеніемъ царскаго вѣнца, такъ наконецъ былъ оцѣненъ и талантъ автора „Метафизика" и теперь имя Хемницера занимаетъ одно изъ видныхъ мѣстъ въ нашей литературѣ.

А. Милюковъ.

Стихотвореніе.

Сонъ.

(Изъ А. Грюна.)

Безбрежнымъ моремъ, ночью
Плыветъ корабль. Темно.
И капитанъ въ каютѣ
Заснулъ уже давно.

Корабль идетъ спокойно,
Тиха гладь водъ морскихъ,
Но сонъ у капитана
Не такъ, какъ море, тихъ:

Гроза ему все снится...
Вотъ мачту шквалъ разнесъ
И бурею все судно
Разбито объ утесъ.

За бортъ и самъ онъ брошенъ
Свирѣпымъ буруномъ,
Кругомъ вскипаетъ море,
Грохочетъ страшный громъ.

Плыветъ, съ волнами бьется...
Вотъ берегъ увидалъ,
Но вихорь такъ бушуетъ,
Такъ грозно мчится валъ!..

Средь молній призракъ дивный
Красавицы стоитъ,
Пловцу вѣнокъ кидаетъ,
Къ себѣ его манитъ.

Плыветъ обломокъ мачты...
Спасенъ теперь, спасенъ!
Но чтожъ—цвѣты иль мачту,
Что схватитъ прежде онъ?

Ослабли руки... Гибнетъ
Онъ въ безднѣ водяной—
И вдругъ его на камень
Бросаетъ шквалъ шальной...

Тутъ капитанъ проснулся,
На декъ взбѣжалъ... Глядитъ:
Корабль все также плавно
Гладь моря бороздитъ.

Журчитъ волна и блещетъ
Въ ней утра дивный свѣтъ—
Нѣтъ бури и ненастья,
Цвѣтовъ... ихъ тоже нѣтъ...

Н. Славинъ.

Касимовская невѣста.

Историческій романъ Вс. СОЛОВЬЕВА.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Продолженіе).

IV.

Съ самаго выѣзда изъ Касимова для Фимы началась новая и волшебная жизнь. Сразу она забыла все пережитое въ послѣднее время. Она не помнила прошлаго, не думала о будущемъ, для нея существовало только настоящее. И это настоящее было такъ необычайно, такъ весело, такъ занимательно—путешествіе, далекая дорога!

Фима ничего не видала кромѣ своей усадьбы да Касимова, а тутъ что ни шагъ, то разнообразіе. Да и само то путешествіе какъ весело! Ѣдутъ они не одни: нѣсколько десятковъ кибитокъ потянулось изъ Касимова—все съ выбранными невѣстами, ихъ родными и прислугою. Впрочемъ избранныхъ невѣстъ немного. Пришлось таки московскимъ боярамъ подъ конецъ забраковать иныхъ, уже внесенныхъ въ списокъ, оставивъ только самыхъ красивыхъ дѣвушекъ изъ старыхъ семей дворянскихъ.

Большинство путешественниковъ были уже давно зна-

комы между собою, а при первой же остановкѣ такъ и остальные перезнакомились. Сначала все шло мирно, дружелюбно; матушки пристально разглядывали чужихъ дочекъ и похваливали ихъ. Но долго не могли это выдержать—закловотала зависть и, на слѣдующій же день, всѣ уже были между собою въ ссорѣ, всѣ ненавидѣли другъ друга. Во время остановокъ шла безконечная перепалка, доходившая иногда до такой крупной брани, что болѣе благоразумные отцы и мужья должны были вмѣшиваться и успокоивать разъяренныхъ женщинъ.

Только семья Всеволодскихъ вела себя скромно. Настасья Филипповна и по характеру то своему не не была способна заводить ссоры, да и зависти въ ней неоткуда было взяться.

Она видѣла и чувствовала, что ея Фима не въ примѣръ краше и лучше другихъ дѣвушекъ. Видѣли это, конечно, и всѣ новыя ея знакомки и этаго было достаточно, чтобъ надъ бѣдною Фимой разразилась вся буря ихъ злобы и зависти.

Подъ конецъ даже многія позабыли свои раздоры, помирились снова, чтобы заодно нападать на Всеволодскихъ. Всячески стали пилить Настасью Филипповну, всячески поднимать ее на смѣхъ.

На все она отмалчивалась и оставалась невозмутимой. Развѣ ужь очень надоѣдятъ, такъ промолвитъ кому нибудь изъ своихъ съ беззлобной усмѣшкой:

— Ну чего онѣ лаются? только время по пусту тратятъ. Вѣдь отъ лаю того Фима моя хуже не станетъ, а ихнія дочки краше не сдѣлаются.

И уйдетъ тихонько въ свою кибитку.

Но несмотря на всю сдержанность и безотвѣтность Настасьи Филипповны не унимаются злыя женщины. Сидитъ она въ кибиткѣ и слышитъ:

— Хороша ты, трясучка старая, только и знаетъ что головой зря мотаетъ! Ну чего ты дочкой своей кичишься, скажи лучше—рубашенка то есть ли на ней? Въ чемъ ты ее на Москву привезешь? время зимнее—замерзнетъ она совсѣмъ у тебя. Ты бы ужь лучше намъ поклонилась, да Христа ради попросила стараго платья съ нашихъ дочекъ.

Заслышавъ такія рѣчи ехидныя, не выдержитъ и Настасья Филипповна. Таково больно и обидно на душѣ у нея сдѣлается, даже всплакнетъ она иной разъ, только чтобы Фима не видѣла.

А тутъ еще Пафнутьевна начинаетъ ее тревожить.

Пафнутьевна страхъ боится чтобы какъ нибудь злыя бабы не сглазили ея Фиму, не нагнали бы на нее съ зависти какого лиха. Объ этомъ она то и дѣло нашептываетъ Настасьѣ Филипповнѣ. На ночлегахъ съ уголька спрыскиваетъ Фиму, глазъ съ нея не спускаетъ, слѣдитъ за каждымъ ея шагомъ, а какъ идетъ она—заметаетъ за нею снѣгъ своимъ подоломъ, чтобы лиходѣйки слѣда ея не вынули.

Фима смѣется надъ своей старой мамкой—Фима не вѣритъ чтобы кто либо могъ сглазить ее да испортить. Она знаетъ одно, что ей весело и радостно жадно глядѣть по сторонамъ, всматриваться въ новые, окружающіе ее предметы.

Проѣзжаютъ они снѣжными равнинами, что какъ море пустынное раскинулись во всѣ стороны и съ небомъ зимнимъ сливаются. Проѣзжаютъ лѣсами густыми да страшными, деревнями и селами, городами. Города какъ и Касимовъ—не хуже, не лучше его; тѣ же улицы ухабистыя, тѣ же черныя закоптѣлыя строенія, приставленныя одно къ другому.

„Боже ты мой Господи, думается Фимѣ, — ѣдемъ, ѣдемъ и все-то новое, и люди новые и сколько ихъ! что звѣздъ на небѣ...“

И начинаетъ она раздумывать объ этихъ незнаемыхъ людяхъ... вотъ прошла сейчасъ дѣвушка—что она, откуда? какъ живетъ? есть ли женихъ у нея и такъ ли она его любитъ какъ Фима Митю?.. Много всякихъ вопросовъ и въ молодомъ воображеніи мигомъ складываются отвѣты на всѣ эти вопросы. Время проходитъ незамѣтно.

Коротокъ день зимній—вотъ ужь и солнце давно закатилось—темнѣетъ. Большинство путешественниковъ, закутавшись въ шубы, дремлютъ.

Но Фимѣ не до сна. Она еще пуще чѣмъ днемъ начинаетъ жить въ это время. Жуткое чувство подступаетъ ей къ сердцу; страшна эта темь ее окружающая, страшна эта тишина снѣжная,—а впереди лѣсъ еще страшнѣе.

Скоро они у его опушки; Фима глядитъ и видитъ ужь въ самую кибитку заглядываютъ бѣлыя, заледенѣвшія вѣтки. А тамъ, за этими вѣтками, въ таинственной непроглядной чащѣ, тамъ быть можетъ звѣрь лютый, люди недобрые...

И это не пустое, не сказка—это правда. Вотъ начинаютъ храпѣть и шарахаются кони; неподалеку, въ темнотѣ лѣсной трескъ раздается. Тамъ что то будто идетъ, что то ломаетъ сучья...

— Что это, что это!? кричитъ Фима и будитъ Настасью Филипповну, Пафнутьевну и Рафа Родіоновича.

— Надо быть ведмѣдь, спокойнымъ голосомъ говоритъ ямщикъ, оборачиваясь на своемъ облучкѣ къ сѣдокамъ и хлещетъ лошадей что есть силы.

Вотъ къ ихъ кибиткѣ подъѣзжаетъ другая, Сухановская.

Митя и Андрюша тоже кричатъ: „ведмѣдь!“

Лошади фыркаютъ все больше и больше. Сучья въ лѣсу трещатъ ближе и ближе. Въ поѣздѣ смятеніе, всѣ начинаютъ кричать благимъ матомъ. Фима закрываетъ глаза, зажимаетъ уши и ничего не видитъ, ничего не слышитъ. А все же, и съ зажмуренными глазами и съ заткнутыми ушами, ей видится и слышится что-то необычайно страшное.

„Что это? ѣдемъ мы или стали?“ думаетъ она. „А что если я открою глаза—и у самаго лица моего большая медвѣжья морда?!“

Она вздрагиваетъ всѣмъ тѣломъ, ужасъ леденитъ ее. Но и самый этотъ ужасъ ей пріятенъ.

Медвѣдь видно самъ напугался, ушелъ въ лѣсъ обратно. Поѣздъ мчится дальше, лѣсъ тянется безъ конца. Огромныя деревья, неподвижныя въ холодномъ, ночномъ воздухѣ, начинаютъ шевелиться, начинаютъ будто переходить съ мѣста на мѣсто, сталкиваясь другъ съ другомъ бѣлыми, оледенѣвшими вершинами. Будто валятся онѣ, со всѣхъ сторонъ обступая дорогу и опять разступаясь.

Вотъ звенитъ что-то вдали. Какъ стрѣла летитъ этотъ звонъ и близко, словно въ самой кибиткѣ, теперь раздается.

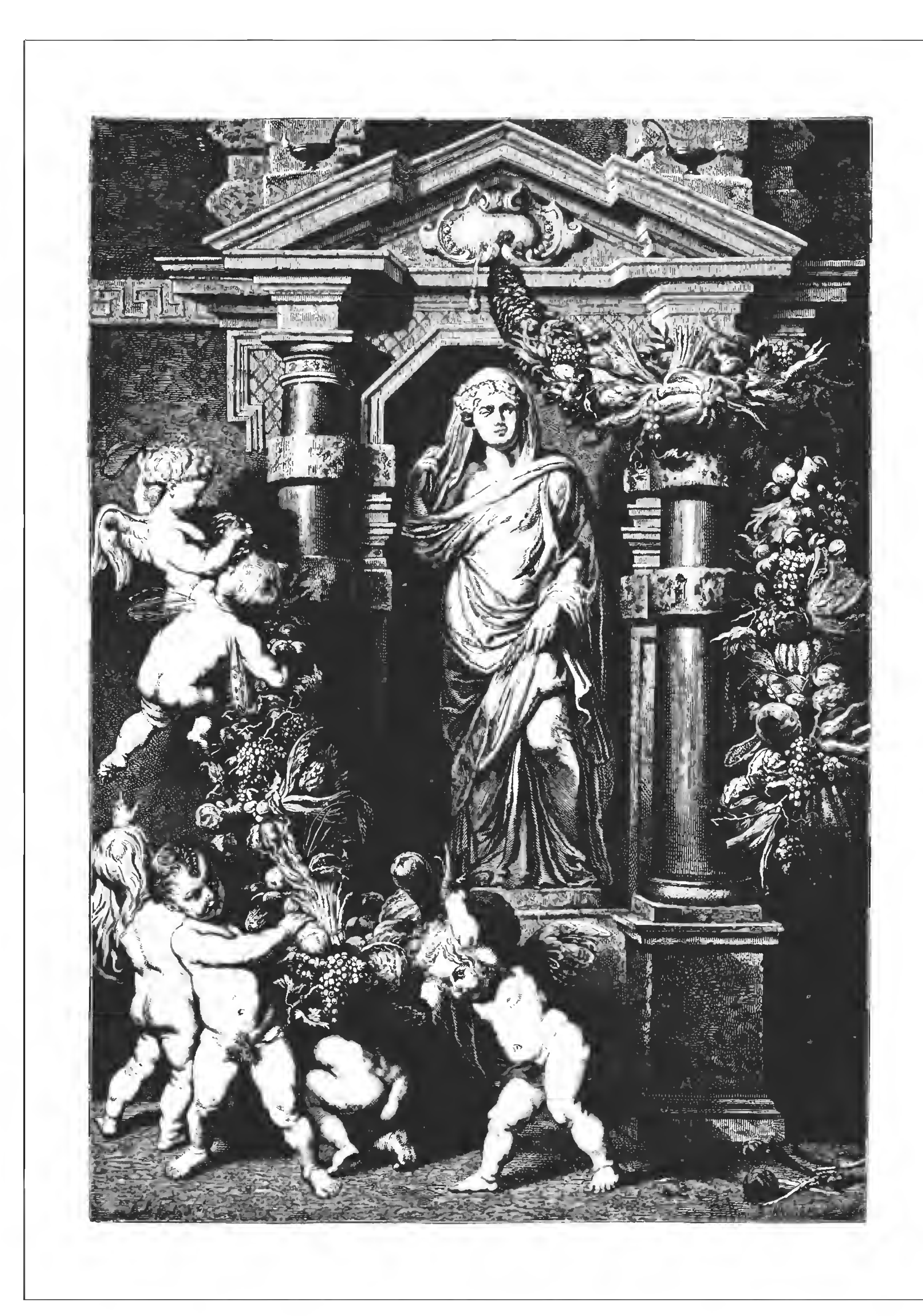
Откуда онъ? Что онъ? Кто его знаетъ...

Вотъ какія то красныя, огненныя точки свѣтятся въ чащѣ. Глазъ ли то волчій или огонечки. А тамъ, тамъ между двухъ огромныхъ мохнатыхъ сосенъ, куда внезапной полосою пробился свѣтъ луны—тамъ что же такое? Кто это оттуда смотритъ? Кто то громадный, съ крючковатымъ носомъ, съ нависшими надо лбомъ рогами. Это онъ, лѣсовикъ, о которомъ такое страшное разсказывала, бывало, Пафнутьевна въ длинные зимніе вечера, у горячей печки.

Охъ, страшно, охъ, сладко!..

Но и лѣсъ, и качающіяся деревья, и лѣсовикъ—все исчезаетъ. Вспоминается Фимѣ многое, позабытое, далекое. Дни дѣтства, минуты... обрывки пережитаго, перегоняя другъ друга, мелькаютъ теперь передъ нею такъ ярко, ярко...

А то вотъ: голубое небо, желтая высокая рожь съ налившимися, спѣлыми колосьями. Васильки... пахнетъ душистымъ зноемъ. Кузнечики немолчно стрекочутъ. А тамъ, за полемъ, рѣчка тихо струится, вода въ ней свѣжая да прозрачная — все песчаное дно видно, малыхъ рыбъ вереницы, длинноногій паукъ чуть трогаетъ воду. Комаръ жужжитъ у самаго уха... Нога осторожно, боязливо скользитъ съ берега...



СПБ. Императорскій Эрмитажъ. Приношеніе Церерѣ. Картина **П. Рубенса.** рис. Лавс, грав. Ансо.

Старый бояринъ. Картина Чистякова, рис. Далькевичъ, грав. М. Рашевскій.

Ухъ!.. Вода прохладная разомъ охватываетъ разгоряченное тѣло и разступается во всѣ стороны, только брызги летятъ и трепещутъ на солнцѣ всѣми цвѣтами... Глубоко дышетъ грудь... Чудная прохлада замѣняетъ зной невыносимый... А на верху голубое небо. Солнце прямо въ глаза свѣтитъ...

И опять ничего этого нѣту... Тихая знакомая горенка, натопленная печка... Сладкая дремота... Однообразный голосъ Пафнутьевны... Все тише и тише... И совсѣмъ засыпаетъ Фима.

V.

Суханову и Андрею Всеволодскому эта дорога казалась невыносимой и безконечной. Тѣ, кого они хотѣли постоянно видѣть, съ кѣмъ хотѣлось имъ говорить—тѣ были отъ нихъ близко и въ тоже время далеко. На глазахъ у зоркихъ и злоязычныхъ кумушекъ молодымъ людямъ нечего было и думать о прежней свободѣ и они хорошо это понимали.

Андрей не смѣлъ даже и подходить къ своей Машѣ Барашевой—онъ только издали глядѣлъ на ея закутанную фигуру.

Дмитрій хотѣлъ было разъ на постояломъ дворѣ заговорить съ Фимой, но Настасья Филипповна и Пафнутьевна такъ его отдѣлали, что онъ тотчасъ же ушелъ въ свою кибитку, даже ничего не поѣвши. Теперь, безъ ободряющаго вліянія Фимы, онъ снова предался своимъ грустнымъ мыслямъ.

И еслибы зпалъ онъ какъ у Фимы хорошо на душѣ, какъ ее радуетъ эта поѣздка, какъ ее все занимаетъ, то, пожалуй, совсѣмъ пришелъ бы въ отчаяніе.

Но настадъ конецъ и этому пути. Въ Москву въѣхали. Всеволодскіе отправились прямо къ двоюродной сестрѣ Настасьи Филипповны, жившей у Арбатскихъ воротъ, а Сухановъ съ Провомъ принялись искать себѣ помѣщеніе. Провъ не разъ бывалъ въ Москвѣ еще съ отцомъ Дмитрія и у него было здѣсь даже довольно знакомыхъ.

Одинъ изъ этихъ знакомыхъ держалъ тутъ же, не подалеку отъ Арбатскихъ воротъ, что то вродѣ заѣзжаго двора, отдавая въ наемъ жилье съ харчами. Къ нему то Провъ и повелъ Суханова.

Мрачный и угрюмый шелъ Дмитрій за своимъ путеводителемъ. Все окружавшее казалось ему такимъ печальнымъ и противнымъ. Когда то онъ думалъ о Москвѣ, хотѣлось ему попасть въ нее. Онъ представлялъ ее себѣ самымъ удивительнымъ, чудеснымъ городомъ. А это что же такое?—грязныя, узкія улицы, почернѣвшіе деревянные дома съ маленькими слюдяными окнами, народу тьма тьмущая—и всѣ то толкаются, бранятся, дерутся. Пьяныхъ, что на торгу Сытовскомъ—необерешься...

Одно только что украшаетъ эту однообразную, неприглядную картину—церкви. Чуть ли не на каждомъ шагу золоченыя ихъ маковки такъ и горятъ на зимнемъ солнцѣ. Но даже и церкви эти хороши только сверху, только и красуются онѣ что маковками золочеными, а снизу и церкви загрязнены и закопчены, и на нихъ плещетъ мутная волна неугомонной, грубой жизни.

Слышитъ Дмитрій—къ вечернѣ заблаговѣстили гдѣ-то далеко, и звонъ колокольный подхватывается со всѣхъ сторонъ и гудитъ въ перезвонахъ отовсюду. Но и эти торжественные, призывающіе къ молитвѣ звуки заглушаются тысячеголоснымъ воемъ толпы.

Русскіе люди, заслышавъ благовѣстъ, снимаютъ шапки, крестятся машинально, а потомъ сейчасъ же продолжаютъ свою брань, свою драку. Многіе ужъ совсѣмъ передрались, кого то избили, волокутъ. Вмѣшались стрѣльцы, наблюдающіе за порядкомъ. Народъ разбѣгается во всѣ стороны, боясь попасть въ такое дѣло, которое очевидно должно разбираться въ разбойномъ приказѣ.

Мимо Суханова проходятъ нѣсколько закутанныхъ женскихъ фигуръ со спущенными, безконечно длинными рукавами шугаевъ и направляются въ ближнюю церковь. Любопытные молодые глаза изъ подъ фаты зорко поглядываютъ на красиваго юношу, но онъ не обращаетъ на нихъ никакаго вниманія и идетъ дальше по слѣдамъ Прова, боясь потерять его среди уличной давки.

Вотъ ѣдетъ избушка диковинная на колесахъ, запряженная шестеркою изукрашенныхъ коней. Изъ оконца ея выглядываетъ важное лицо и высочайшая мѣховая шапка. Народъ почтительно даетъ дорогу избушкѣ. Многіе снимаютъ шапки—видно большой бояринъ!

А это что такое? Что за скоморохъ такой черезъ улицу по рыхлому снѣгу словно цапля перебирается? Человѣкъ въ невиданной широкополой шляпѣ съ перомъ, въ какой-то кургузой бархатной, отороченной мѣхомъ одежѣ, поверхъ которой на плечи накинута епанечка. На ногахъ сапоги высокіе съ раструбами и шпорами, при бедрѣ не то мечъ, не то сабля.

— Митрій Исаичъ, глянька-сь! шепчетъ Провъ, указывая пальцемъ на страннаго человѣка,—глянька-сь—то нѣмецъ. Тьфу ты пропасть! Господи, мерзость то какая! совсѣмъ куцый, а рожа... ну какъ есть вотъ у насъ въ Касимовѣ въ соборѣ чортъ намалеванъ... Носъ горбомъ, усы закорючкой, щеки голы, а подъ губою вмѣсто бороды тоненькая мочалка какая-то мотается...

Сухановъ смотритъ на нѣмца, но даже и нѣмецъ не кажется ему теперь занимательнымъ.

— Куда это ты меня ведешь, Провъ? Ходимъ, ходимъ, а все толку нѣту.

— А вотъ тутъ сейчасъ, только за уголъ свернуть въ переулокъ, тутъ и будетъ домишко Петра Онуфріева.

— Да можетъ твой Онуфріевъ давно уже и померъ. Вѣдь ты когда въ послѣдній разъ на Москвѣ то былъ? Лѣтъ десять тому.

— Ужь и померъ! обиженно проворчалъ Провъ,—зачѣмъ же это живаго человѣка хоронить... Онъ не больно еще старъ, а какой рубака-то былъ бравый. Мы съ нимъ вмѣстѣ ляховъ да воровъ разныхъ колотили. Теперь такихъ людей съ огнемъ ищи—не отыщешь... Такъ-то... а ты, вишь, „померъ!“ Зачѣмъ ему помирать... Живъ надо быть...

Завернули они въ переулокъ. Провъ оглянулся и вдругъ радостно заговорилъ Суханову.

— Ну вотъ онъ и домъ-отъ, только малую пристроечку Онуфріевъ сдѣлалъ—разжился видно деньгою. Ты, Митрій Исаичъ, постой тутъ, обожди маленько, а я мигомъ къ хозяину сбѣгаю и все узнаю. Коли есть у него мѣсто свободное—а какъ чай не быть—я тебя и кликну.

Своимъ предположеніемъ о томъ, что можетъ быть Онуфріевъ и умеръ, Сухановъ сильно смутилъ Прова.

„А что коли и впрямь померъ, введу это я Митрія Исаича, а надъ нами въ домѣ то только надсмѣются.“

— Да, ужь ты обожди лучше, батюшка, повторилъ онъ, я мигомъ!

Не дожидаясь отвѣта своего господина, онъ полѣзъ въ маленькую калитку. На дворѣ ни души, только собаки залаяли.

Провъ подошелъ къ крыльцу, попробовалъ дверь—отперта. Онъ вошелъ въ темныя сѣни и наткнулся на какого-то выходившаго изъ дому человѣка. Что это былъ за человѣкъ—въ полутьмѣ онъ не разглядѣлъ.

— Батюшка, здѣшній что-ли будешь? съ сердечнымъ замираніемъ спросилъ Провъ.

— Тебѣ чего? раздался надъ его ухомъ грубый и какъ будто гдѣ-то прежде слышанный имъ голосъ.

— Да хозяинъ, Петръ Онуфріевъ, въ избѣ что-ли?

— Въ избѣ, постучись—такъ отворитъ, отвѣчалъ тотъ же грубый и знакомый голосъ.

И неизвѣстный человѣкъ поспѣшно вышелъ изъ сѣней на крыльцо.

Провъ сталъ стучать кольцомъ въ двери, ведшія во внутренность дома.

Скоро на стукъ вышелъ хозяинъ и Провъ наконецъ вздохнулъ свободнѣе.

Петръ Онуфріевъ оказался живъ и здоровъ, только посѣдѣлъ немного да сморщился.

Узнавъ стараго товарища, онъ радостно расцѣловался съ Провомъ. Тутъ же, по пріятельски, выбранился съ нимъ крѣпкимъ словцомъ и повелъ его въ домикъ.

— Какими судьбами, старина? говорилъ хозяинъ.— А я такъ и полагалъ, что косточки твои давно прахомъ разсыпались.

Провъ поспѣшно разсказалъ въ чемъ дѣло и спросилъ, есть ли у него помѣщеніе для молодаго господина.

— Какъ не быть—есть. А и не было бы, такъ для сынка покойнаго Исая Митрича всѣхъ постояльцевъ въ зашеи выгналъ бы. Очень вѣдь помню я милости къ намъ покойника, царствіе ему небесное!.. Да вотъ пойдемъ, я тебѣ покажу покойчикъ — тутъ ему удобно будетъ. Ну, и всего постояльцевъ то у меня нонѣ—одинъ. Три дня какъ пріѣхалъ, откуда не упомню. Человѣкъ смирный, не молодой ужь и, кажись, съ деньгою. Шуму доселѣ никакого не заводилъ, да и дома то рѣдко бываетъ. Можетъ ты его и повстрѣчалъ—онъ только что вышелъ.

Но не успѣлъ Провъ ему отвѣтить, какъ невдалекѣ отъ дома послышался крикъ.

— Что такое? началъ прислушиваться хозяинъ,— драка что-ли, али ужь не пожаръ ли?! Ахти, какъ бы бѣды не нажить... Тутъ у насъ пожары то не въ рѣдкость, а загорится гдѣ, такъ глазомъ не успѣешь моргнуть—вся улица и займется. Побѣжимъ, Провъ, посмотримъ что такое!..

Хозяинъ поспѣшно взялъ въ углу съ лавки кафтанъ, натянулъ его на себя и черезъ минуту старики были на дворѣ.

Дыму и огня нигдѣ не было видно, а передъ домомъ Онуфріева собралась густая толпа народа и крики не умолкали. Провъ озирался во всѣ стороны, ища Суханова, но нигдѣ его не замѣтилъ. Онъ протолкался впередъ между столпившимся и невѣдомо на что глядѣвшимъ народомъ, да такъ и всплеснулъ руками.

Посреди улицы на снѣгу лежалъ плотный человѣкъ, на котораго навалился другой. Лежащій отбивался руками и ногами и кричалъ благимъ матомъ. Удары противника такъ на него и сыпались.

— Ахти, никакъ это мой Митрій Исаичъ! крикнулъ Провъ.—Кого же онъ такъ лупитъ? что за притча такая?

Онъ пригдядѣлся, все протискиваясь впередъ и узналъ въ лежащемъ человѣкѣ Осину.

— Да вѣдь то мой постоялецъ! изумленно проговорилъ Петръ Онуфріевъ.

Въ это время съ другой стороны толпа раздалась и къ дравшимся подбѣжало нѣсколько человѣкъ стрѣльцовъ.

— Ратуйте, добрые люди, ратуйте, люди государевы! кричалъ Осина.

Стрѣльцы мигомъ бросились на Суханова, скрутили ему руки и оттащили отъ противника.

— Разбой, душегубство! продолжалъ кричать Осина. Шелъ я спокойно—наскочилъ на меня невѣдомый человѣкъ—вотъ раскровянилъ всего...

Но Осина вдругъ замолчалъ и зорко оглядывался во всѣ стороны. На лицѣ его мелькнуло что-то неуловимое, какъ будто даже радость.

Два стрѣльца, державшіе его за руку, бросили его и кинулись къ Суханову. Тотъ въ первую минуту, какъ его схватили, очевидно не могъ придти въ себя, но потомъ его охватило какое-то бѣшенство. Онъ началъ всѣми силами вырывать свои руки у стрѣльцовъ. Наконецъ вырвался и очевидно себя не помня схватилъ одного стрѣльца за горло. Тутъ то къ нему бросились и остальные.

— Среди бѣла дня разбойничать, да еще и царскихъ слугъ бить! Вязать его! тащи въ губную избу! кричали стрѣльцы.

Сухановъ продолжалъ отбиваться. Но борьба съ нѣсколькими сильными стрѣльцами была невозможна.

Ему черезъ минуту скрутили руки за спину, связали и потащили.

— А того, другаго то что же? и его тащите!

Но другаго нигдѣ не было. Осина, воспользовавшись смятеніемъ и тѣмъ что всеобщее вниманіе было обращено на Суханова, выскользнулъ незамѣтно изъ толпы и исчезъ.

Провъ задыхался отъ отчаянія. Воня, самъ не зная что, побѣжалъ онъ за стрѣльцами.

— Остановитесь, постойте, слуги царскіе! кричалъ онъ имъ.—Это господинъ мой, дворянинъ касимовскій, Сухановъ... отпустите его, онъ невзначай задѣлъ васъ—разгорячился больно съ тѣмъ разбойникомъ, воромъ и душегубцемъ. Думалъ чай, что его бьетъ, такъ вы того разбойника и хватайте... Онъ разбойникъ всѣмъ вѣдомый!..

Стрѣльцы однако его не слушали.

— Не мѣшайся, старина, сказалъ ему одинъ изъ нихъ, а то такъ ступай и ты за нами, въ губную.

— Коли на то пошло, такъ берите и меня, чуть не плача и все продолжая бѣжать, проговорилъ Провъ.

Между тѣмъ Сухановъ уже очнулся. Онъ понялъ свое положеніе.

— Провъ, сказалъ онъ, бѣги ты скорѣй къ Рафу Родивонычу да скажи ему все какъ было. Скажи ему что воръ и разбойникъ Осина на Москвѣ... А ужь со мною пусть будетъ, что будетъ. Какъ я того стрѣльца схватилъ—самъ не вѣдаю, а что на разбойника, на злодѣя нашего накинулся—то иначе не могъ—не стерпѣлъ какъ его встрѣтилъ...

— Бѣгу, батюшка Митрій Исаичъ, бѣгу къ Рафу Родивонычу, сказалъ Провъ, а ты не унывай...

И старикъ, радуясь, что его не задерживаютъ стрѣльцы, быстро, на сколько это позволяли ему старыя ноги и волненіе, направился къ Арбатскимъ воротамъ.

Теперь онъ понималъ, что чуть было не погубилъ своего господина, напрашиваясь вмѣстѣ съ нимъ въ губную избу.

Засудили бы ихъ обоихъ и никто бы даже не домекнулся, куда это запропалъ въ Москвѣ бѣлокаменной касимовскій дворянинъ Сухановъ.

VI.

Всеволодскіе только что успѣли оглядѣться съ дороги.

Двоюродная сестра Настасьи Филипповны, Матрена Ивановна Купріянова, въ домѣ которой они остановились, была очень рада гостямъ своимъ, особенно когда узнала о причинѣ ихъ поѣздки въ Москву.

Это была добродушная, толстая старуха, давно уже вдовѣвшая и жившая со своимъ единственнымъ сыномъ, тоже чрезвычайно добродушнымъ и даже нѣсколько придурковатымъ малымъ. Домъ у старухи былъ—чаша полная. Покойный мужъ оставилъ ей хорошіе достатки.

Купріянова подняла на ноги всю свою прислугу, отвела гостямъ лучшіе покои въ домѣ и, такъ какъ давно уже пообѣдали, то приказала готовить обильный ужинъ. Важно переваливаясь съ боку на бокъ, плавно и не спѣша, ходила она по своему дому, отдавала приказанія тихимъ, какъ будто уставшимъ голосомъ, и затѣмъ возвращалась къ гостямъ.

— Ну, мать моя Настасья Филипповна, говорила она, грузно опускаясь на лавку, одолжила родная — не чаяла я такой радости. А ужь доченька твоя, доченька!.. Ишь вѣдь тебя Господь порадовалъ какой красавицей!.. Пойди ко мнѣ, Фимочка, дай-ко еще разочекъ погляжу на тебя...

Фима подходила, опуская глаза. Матрена Ивановна

брала ее за руки своими пухлыми, заплывшими жиромъ руками и начинала ее оглядывать.

— Краса-девица!! тянула она,—истинно царская невѣста. Съ молоду и мы съ тобой, Настасьюшка, были не уродами, а ужь такой красы, признаться, въ насъ не бывало. Да гдѣ же это Рафъ Родивонычъ, куда это онъ дѣвался?

А Рафъ Родіоновичъ вошелъ въ это время въ комнату. Испугъ и волненіе изображались на лицѣ его.

— Настасья, сказалъ онъ упавшимъ голосомъ,—слышь ты дѣло какое: прибѣжалъ Провъ сухановскій. Митя то въ бѣду попалъ.

— Господи, что же такое?! вскрикнули въ одинъ голосъ Настасья Филипповна и Фима.

Рафъ Родіоновичъ разсказалъ имъ въ чемъ дѣло. Фима не могла удержаться отъ слезъ и поскорѣе вышла изъ покоя, чтобы скрыть свое волненіе отъ тетки.

Настасья Филипповна тряся, по обычаю, головою и испуганно глядя на мужа шептала:

— Что же теперь будетъ, Родивонычъ, съ Митей? Чѣмъ пособить то горю? Нельзя же малаго въ бѣдѣ оставить, изъ-за насъ вѣдь, на нашего врага накинулся.

— Вѣстимо нельзя оставить, медленно и задумчиво проговорилъ Всеволодскій. Да постой, дай сообразить что тутъ дѣлать. Вонъ Андрей какъ услышалъ отъ Прова, такъ тотчасъ же въ эту избу губную бѣжать задумалъ къ Митѣ, только я приказалъ ему обождать. Помочь то не поможетъ, а самъ того и жди попадется. Думаю такъ: пойду я не медля къ бояриму Пушкину, все ему повѣдаю, упрошу довести это дѣло до царя. Авось онъ поможетъ—на него одного надежда.

— Это ты хорошо придумалъ, Рафъ Родивонычъ, неизмѣнно тихимъ и медленнымъ голосомъ проговорила Купріянова,—коли сильный какой человѣкъ не вступится въ такое дѣло, такъ этотъ вашъ Митя (не знаю кто такой) дешево не отдѣлается. У насъ на Москвѣ порядки строгіе, да и подьячіе—народъ нонче ухъ какой озорной сталъ—попался человѣкъ въ бѣду, они съ него семь шкуръ сдерутъ. Такъ-то, родной мой, такъ то!..

Она не успѣла договорить, какъ на порогѣ показалась Фима, вся заплаканная, дрожащая, очевидно забывшая всю свою сдержанность. За Фимою шла Пафнутьевна, старавшаяся удержать ее.

— Что съ тобой, Фимочка, что, красавица? протянула Купріянова съ изумленіемъ поглядывая на дѣвушку.

— Батюшка, подбѣгая къ отцу и захлебываясь слезами заговорила Фима,—послушай какія страсти Пафнутьевна мнѣ насказала! Поспѣши къ царю, проси за Митрія Исаича, не то можетъ къ вечеру его и въ живыхъ то не будетъ.

Голосъ ея оборвался и она рыдая упала на грудь Рафа Родіоновича.

— Охъ! свѣтики мои, ужь не рада что обмолвилась, прошамкала Пафнутьевна.

— Да что ты тамъ наболтала, старая! крикнулъ Всеволодскій. Какъ къ вечеру живъ не будетъ? Пустыя это твои рѣчи.

— Сама знаю, сама знаю—не слѣдъ говорить было, шептала старуха. Только рѣчи мои не пустыя, государь ты мой, Рафъ Родивонычъ. Вѣстимо — пропалъ теперь Митрій Исаичъ, чай ужь давно пытаютъ его, сердечнаго, на дыбу поднимаютъ, рвутъ его тѣло бѣлое клещами желѣзными раскаленными...

При послѣднихъ словахъ старухи Фима пронзительно взвизнула и зарыдала еще пуще прежняго. Настасья Филипповна тоже громко плакала. А глядя на нихъ вдругъ и неожиданно для самой себя взвыла и толстая Купріянова.

Одна Пафнутьевна оставалась повидимому спокойною. Она кажется совсѣмъ позабыла и горе своей Фимочки, и всѣ обстоятельства, вошла совершенно въ роль и наслаждалась впечатлѣніемъ, которое производили ея причитанія.

— А палачи то—мужики ражіе, краснобородые, почти пѣла она какимъ-то особеннымъ тономъ. А въ рукахъ-то у нихъ топорики вострые, а руки то у нихъ въ алой крови человѣческой, а и сидитъ тамъ судья неправедный и какъ возговоритъ онъ зычнымъ голосомъ: „Ведите вы, палачи, раба Божьяго Митрія на казнь лютую, скрутите вы веревочку крѣпкую...

— Да замолчишь ли ты, глупая баба! вскрикнулъ наконецъ приходя въ себя Рафъ Родіоновичъ.—Жена, чего ты смотришь, совсѣмъ набаловали мы съ тобой старуху. Что объ насъ Матрена Ивановна подумаетъ?!

Но Матрена Ивановна ничего не думала. Она стояла передъ Пафнутьевной, пристально слѣдя за каждымъ страшнымъ словомъ, вырывавшимся изъ ея стараго, беззубаго рта и съ наслажденіемъ привывала въ тактъ къ ея причитаніямъ.

— Батюшка, къ тебѣ посланецъ отъ боярина Пушкина, вбѣгая крикнулъ встревоженный Андрей.

Рафъ Родіоновичъ поспѣшно вышелъ и черезъ минуту вернулся совсѣмъ успокоенный.

— Ну вотъ и слава Богу, перестаньте выть то. Бояринъ прислалъ оповѣстить меня, чтобы завтра пораньше утромъ былъ я у него—идетъ вишь онъ со мною во дворецъ. Самъ де царь великій желаетъ меня видѣть... Такъ Господь дастъ Митино дѣло и удастся поправить. А что дура эта старая надумала—тому вы не вѣрьте. Ничего съ Митей не сдѣлаютъ, зря пытать не станутъ—не тѣ времена нонѣ.

Однако успокоить женщинъ было трудно. Пафнутьевна совершенно достигла своей цѣли. Весь вечеръ прошелъ въ слезахъ, самыхъ мрачныхъ предположеніяхъ и страшныхъ разсказахъ.

Пафнутьевна вспомнила всѣ ужасы, какихъ наслышалась еще въ молодости, передавала исторіи временъ царя Ивана и увѣряла, что все это недавно было и что все это она отъ самыхъ вѣрныхъ людей слышала. Матрена Ивановна тоже въ долгу не осталась и, возбужденная примѣромъ Пафнутьевны, къ которой почувствовала большое влеченіе, отрыла изъ своей памяти такія страсти, что сама наконецъ перепугалась больше слушательницъ.

Вотъ и вечеръ. Всѣ разбрелись по кроватямъ. Наболтавшаяся и еще съ утра уставшая Пафнутьевна, спитъ крѣпкимъ сномъ. Настасья Филипповна тоже заснула.

Фимѣ не до сна. Она жарко молится за бѣднаго Митю и горько плачетъ:

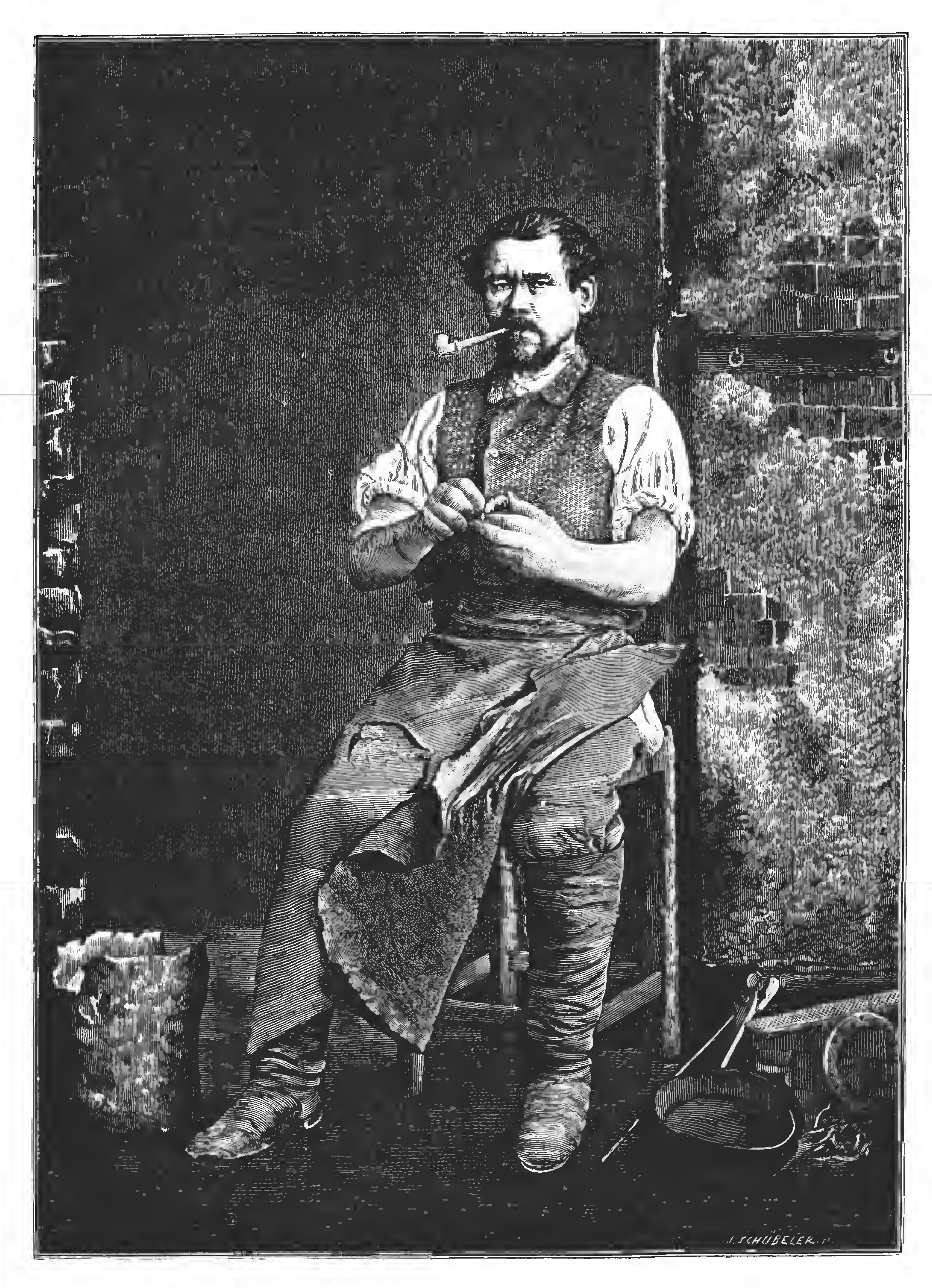
— Что то съ нимъ теперь, голубчикомъ? Отецъ говоритъ что нужно успокоиться, что пытать-де его не станутъ— да Господь вѣдаетъ. А ночь то долгая, долгая, а завтрашній день что скажетъ? Вотъ, такъ радовалась этой поѣздкѣ въ Москву, всему радовалась. А горе ужъ началось. Сердце бьется такъ тоскливо, видно дурное предвѣщаетъ. Охъ! что то будетъ? И зачѣмъ все это? Жить бы въ тишинѣ да покоѣ, въ прежнемъ счастіи.

Страшно, страшно становится Фимѣ и льются ея слезы, и горячо, то съ отчаяніемъ, то съ надеждой, она молится. Не слышитъ она какъ среди тишины ночной въ домѣ вдругъ какая то возня начинается.

То Матрена Ивановна кличетъ къ себѣ своихъ сѣнныхъ дѣвушекъ. Такихъ она ужасовъ наговорилась и наслушалась, что теперь никакъ уснуть не можетъ— чудится ей все что то.

Затеплила она нѣсколько лампадокъ передъ образами, велитъ дѣвушкамъ сидѣть вокругъ ея кровати и тихонько чесать ей пятки и спину—авось это тихое щекотаніе сонъ нагонитъ...

(Продолженіе будетъ).



Закуримъ! Рисунокъ А. Паровлева, рис. самъ авторъ на деревѣ, грав. К. Вейерманъ.

Гонка.

Разсказъ русскаго путешественника.

Мнѣ надо было ѣхать изъ Санъ-Франциско. Я торопливо шелъ по нескончаемымъ пристанямъ города, отыскивая, посреди множества трубъ, колесъ и мачтъ, кожухи парохода „Кюинъ-Сити“, на которомъ я хотѣлъ ѣхать до Сакраменто.

Въ это утро, какъ и всегда, пристани города представляли самую оживленную, пеструю и разнообразную картину. Изъ трубъ окружавшихъ меня громадныхъ пароходовъ вырывались громадные клубы чернаго дыма или звенящаго пара; всюду ревѣли свистки, гудѣли колокола, шипѣла пѣна, взбитая могучими лопастями пароходныхъ колесъ. Одни исполины только что вернулись изъ разныхъ мѣстъ залива Санъ-Франциско и выгружали людей, тюки и бочки. Другіе только что принимали пассажировъ и торопливо набивали свои трюмы грузами, готовясь уходить. Вездѣ и всюду тотъ же шумъ, таже суета...

Во время моего пути, занятый видомъ нескончаемой толпы пѣшеходовъ, экипажей, я незамѣтно добрался до цѣли, т. е. до четырехъ-этажнаго бѣлаго дома, надъ плоской крышей котораго вздымались двѣ чудовищныхъ трубы, осѣненныя черными клубами валившаго изъ нихъ облаками дыма. То былъ „Кюинъ-Сити“, громадный пароходъ, на которомъ я долженъ былъ переплыть заливъ.

Чудное дѣло—американскій рѣчной пароходъ! Въ этомъ, болѣе нежели въ чемъ либо, всецѣло отразился практическій американецъ, сумѣвшій согласовать признанныя несовмѣстимыми условія. Эта громадина должна была не глубоко сидѣть въ водѣ, очень шибко ходить, подымать огромные грузы, быть чуть не безумно-роскошно отдѣланной и стоить недорого.

Все это тутъ достигнуто и устроено. До всего этаго добился человѣкъ и добился умно, просто и практично!

Такой пароходъ дѣйствительно сидитъ мелко,—такъ мелко, что подалъ поводъ совершенно мѣстнаго жаргона хвастовству: когда болтливый капитанъ не знаетъ что еще бы сказать въ похвалу своей посудинѣ, онъ заявляетъ, что его пароходу достаточно сильной утренней росы, чтобы съ той же скоростью пройти хоть по травѣ прерій. А трюмы его между тѣмъ вмѣщаютъ нѣсколько сотенъ тоннъ груза, палубы даютъ пріютъ иногда тысячѣ человѣкъ.

Роскошь отдѣлки парохода поражаетъ. Лучшая мебель, ковры, бронза, растенія, обставляютъ каюты, т. е. рядъ большихъ залъ, зачастую освѣщенныхъ „à giorno“ газомъ.

Ходитъ такой пароходъ очень шибко, нерѣдко достигая скорости 25 верстъ въ часъ, цифра, которая въ устахъ хвастливаго янки-капитана легко удвоивается, а подъ веселую руку и утроивается.

Морякъ, попавшій на какое нибудь судно, первымъ долгомъ пойдетъ по немъ шарить, со всей назойливостью и добросовѣстностью присяжнаго сыщика. И я тамъ пошарилъ и предложу читателю походить со мною—не соскучится!

Кузовъ „Кюинъ-Сити“ очень широкъ, съ совершенно плоскимъ дномъ и имѣетъ только длинную, острую носовую часть. Обладая въ силу этаго громаднымъ водоизмѣщеніемъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣтаетъ способность мелко сидѣть въ водѣ и къ тому всегда очень мало возвышается надъ ея уровнемъ. Топъ-тимберсы прямыхъ его шпангоутовъ*) соединяются тонкими бимсами**), которые, въ свою очередь, подпираются снизу рядами поставленныхъ на днище козелъ. На эти то балки и настлана первая палуба, принятая какъ основаніе. На ней возводится просто двухъ, трехъ и даже четырехъ-этажный домъ, надъ плоской крышей котораго вздымаются обыкновенно двѣ громадныхъ (10 футоваго діаметра и 70 фут. высотой) дымовыхъ трубы, между которыхъ качается колоссальный балансиръ, приводящій въ движеніе могучіе колеса парохода. То, что я назвалъ четырехъ-этажнымъ домомъ, обнесено кругомъ каждаго этажа легкими рѣзными галлереями, и снабжено огромнымъ количествомъ оконъ и дверей. Войдя въ одинъ изъ двухъ верхнихъ этажей этаго дома, васъ поражаетъ большой, до полутораста футъ длины залъ. Изъ него множество дверей ведутъ собственно въ каюты перваго класса, исключительно занимаемыя только ночью, такъ какъ днемъ вся публика находится обыкновенно въ общихъ залахъ, гдѣ, кромѣ мебели для сидѣнья и лежанья, вы непремѣнно найдете: библіотеку, фортепіано и органъ.

Кромѣ этой каюты есть еще особыя, не менѣе роскошныя, исключительно предназначенныя для дамъ, куда чуть ли не подъ страхомъ смертной казни, ни одинъ мужчина не смѣетъ войти,—развѣ въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ, приглашенный дамой, которую онъ сопровождаетъ.

Третья сверху палуба представляетъ огромное, во всю длину и ширину парохода общее помѣщеніе, вдоль боковъ котораго тянутся рундуки или нары. Это для палубныхъ пассажировъ и отчасти для грузовъ громоздкихъ, но легкихъ. Слѣдующая палуба служитъ помѣщеніемъ для машины, котловъ, пароходной прислуги и грузовъ. Еще ниже — трюмъ, исключительно назначенный для грузовъ.

Машины, приводящія въ движеніе такое сооруженіе, обыкновенно высокаго давленія и очень сильны. Громадныхъ размѣровъ котлы всегда помѣщаются на нижней палубѣ, и притомъ топками обращены къ открытому носу парохода. Этотъ обычай, такъ въ разрѣзъ идущій съ тѣмъ, что дѣлается въ Европѣ, здѣсь повсемѣстно практикуется, чтобы утилизировать, для усиленія тяги въ котлахъ, движеніе воздуха, которое возбуждается могучимъ ходомъ парохода. Два узкихъ разобщенныхъ и горизонтально положенныхъ по бокамъ парохода, цилиндра (съ ходомъ поршня до 400 футъ въ минуту) соединяются съ мотылями посредствомъ шатуновъ деревянныхъ,—матеріалъ, изъ котораго на такомъ пароходѣ сдѣланы всѣ части машины, не подвергающіяся тренію или высокой температурѣ. Колеса до 45 ф. діаметра, всегда деревянные, скрѣпленные только желѣзными скобами. Такой пароходъ, обыкновенно на живую руку строенный, не смотря на красоту декоративной его части и роскошную меблировку, разумѣется, стоитъ очень недорого. Правда, и служитъ онъ много четыре, пять лѣтъ. Но какое до того дѣло янки, знающему, что въ первый же годъ затраченный имъ капиталъ ему возвращается цѣликомъ, янки же любитъ барыши только при условіи затраты сравнительно небольшаго основнаго капитала.

„Кюинъ-Сити“, всецѣло принадлежала къ этому типу. Она имѣла 280 футъ длины, 65 ширины, пять этажей и машину въ 600 парицательныхъ силъ. Шла она со скоростію 26 верстъ въ часъ и вмѣщала до 1000 человѣкъ, съ соотвѣтствующимъ количествомъ груза.

Я вышелъ на рѣзной балконъ. Видъ былъ чудесный.

За нами муравейникомъ кипѣлъ кипучей дѣятельностью городъ, уступами раскинувшійся по холмамъ и скатамъ. Впереди рейдъ, съ лѣсомъ мачтъ, парусовъ и снастей, съ цѣлымъ сонмомъ всевозможныхъ шлюпокъ, барокъ и пароходиковъ, по всѣмъ направленіямъ шнырявшихъ между берегомъ и кораблями. Далѣе лазоревой скатертью разстилались воды залива, вправо и влѣво окаймленные причудливымъ очертаніями горъ, изъ коихъ ближайшія пестрѣли дачками, садами и полями;—дальнѣйшія же, кутаясь въ темной зелени лѣсовъ, постепенно теряли рѣзкія краски и черты и сливались съ туманной синевой дали.

Почти рядомъ съ нами стоялъ другой, такой же громадный какъ и „Кюинъ-Сити“ пароходъ „Антилопа“.

На ея палубахъ таже торопливая суета. Ежеминутно подвозившіяся къ ней фургонами грузы съ неимовѣрной быстротой исчезали въ ея трюмахъ. „Антилопа“ также торопилась въ путь.

Суетившіеся на обоихъ пароходахъ матросы, не взирая на тяжелую работу, находили однако время переругиваться и превозносить качества своихъ любимцевъ, или же трунить надъ сосѣдомъ.

И дѣйствительно „Антилопа“ была нетолько нашимъ сосѣдомъ но и соперникомъ; отходилъ пароходъ одновременно съ нашимъ и по тому же направленію. Оба парохода пользовались блестящей репутаціей; оба были подъ начальствомъ одинаково лихихъ капитановъ и какъ говорятъ здѣсь „рѣзались“ между собою, чтобы еще болѣе пріобрѣсть популярности, т. е. *любви публики*, которая достигается здѣсь единственно преимуществомъ быстроты хода.

Любовь публики, къ тому или другому пароходу, вещь весьма выгодная и потому понуждающая капитановъ не останавливаться ни передъ чѣмъ, лишь бы ея достигнуть. Дѣло въ томъ, что излюбленный пароходъ не только всегда полонъ, но его капитанъ можетъ самовольно возвысить даже противъ тарифа цѣны, и быть все таки увѣреннымъ въ большомъ количествѣ пассажировъ и грузовъ.—Американецъ, съ его странностями и выходками, охотно отдаетъ чуть не послѣдній центъ, лишь бы имѣть право похвастать, что онъ прокатился на „модномъ“ пароходѣ.

Но вотъ третій звонокъ, моментально прекращается ревъ вырывавшагося изъ трубъ пара; на пароходѣ усилилась суета работавшей команды, и бѣжавшихъ съ пристани запоздалыхъ пассажировъ. Сходни сняты. Послышался шумъ воды, мгновенно взбитой въ пѣну могучими лопастями исполинскихъ колесъ,—и мы двинулись...

Задѣвъ по пути стоявшихъ два, три парохода, потрещавшихъ немного отъ нашихъ прощальныхъ поцѣлуевъ, вызвавшихъ перекрестную руготню экипажей,—красавица „Кэнъ-Сайти“ выбралась на свободу, и плавно, съ одуряющей быстротой, понеслась по водамъ залива.

Вслѣдъ за нами тотчасъ отвалилъ и нашъ соперникъ „Антилопа.“

*) Шпангоутами называютъ ребра судовъ, къ которымъ снаружи и изнутри прикрѣпляется обшивка, т. е. доски, препятствующія водѣ вливаться внутрь. Шпангоуты составляются изъ нѣсколькихъ частей, верхнія конечности которыхъ называются топъ-тимберсами.

**) Бимсъ,—балки, идущія поперегъ судна и на которыхъ лежитъ палуба или полъ.

— Хотите 50 долларовъ пари противъ „Кюинъ-Сити,“ процѣдилъ подошедшій ко мнѣ какой то довольно угрюмый джентльменъ.

— Я пари никогда не держу, заявилъ я.

Джентльменъ съ удивленіемъ взглянулъ на меня какъ то искоса и отошелъ.

— Сто долларовъ за „Антилопу“ заявилъ онъ снова, обращаясь на этотъ разъ къ толпившейся на палубѣ публикѣ. Кто держитъ? крикнулъ онъ.

— Я!.. я!.. я!.. раздалось отовсюду.—Пари составились значительныя. Я пошелъ въ каюту.

Первое, что непріятно поразило меня были четыре какихъ-то миссъ. Это были до отчаянія некрасивыя, длинныя, черныя и сухія особы. Бѣганьемъ, суетней, хихиканьемъ и неумолчной болтовней, онѣ кажется уже успѣли надоѣсть всѣмъ.

— Очень миленькія! заявилъ однако мнѣ на ухо какой то джентльменъ съ козлиной бородкой и грязными руками, указывая на нихъ.

Въ душѣ я съ нимъ конечно не соглашался, но въ силу принятаго здѣсь обычая находить всякую миссъ непремѣнно „миленькой.“ я, отвѣтилъ:

— Премиленькія!

И придумывалъ, нельзя ли что нибудь сдѣлать, чтобы эти барышни убрались въ дамскую каюту.

Въ залѣ общей каюты, было очень оживлено и пестро. Вотъ группа французовъ, картавя, о чемъ то яростно споритъ, не замѣчая, какъ кругомъ нихъ ходитъ и подслушиваетъ реформатскій пасторъ, съ лицомъ, напоминавшимъ филина. Тамъ поджавъ подъ себя ноги, расположились два господина. Одинъ во фракѣ разсказывалъ что то своему товарищу въ клѣтчатыхъ штанахъ и розовомъ галстухѣ, который, качаясь на качалкѣ, противно сплевывалъ во всѣ стороны табачную жвачку. Здѣсь, чинно толковали между собою нѣмцы, какъ у себя дома, гладко выбритые и чисто одѣтые; а около нихъ сидѣлъ съ газетой Ирландецъ, человѣкъ большаго роста и повидимому силы также большой. Разнообразіе полнѣйшее.

Приглядываясь и прислушиваясь, я и не замѣтилъ, какъ подошла ко мнѣ одна изъ назойливыхъ миссъ и остановившись шагахъ въ трехъ, пристально и упорно начала на меня смотрѣть.

— Я вижу вы иностранецъ! проговорилъ мой сосѣдъ, безцеремонно толкая меня локтемъ въ бокъ.

— Да! возразилъ я не безъ удивленія отъ такого приступа къ разговору. А вамъ осмѣливаюсь спросить, какое до того дѣло?..

— Вотъ какое дѣло! продолжалъ онъ, знай я что вы американецъ,—я весьма вѣроятно вышвырнулъ бы васъ изъ окна.

Я посторонился отъ него. Въ умѣ невольно возникало сомнѣніе не имѣю ли я дѣло, съ вырвавшимся изъ сумасшедшаго дома!.. Онъ продолжалъ однако:

— Миссъ стоитъ передъ вами, ждетъ,—а вы повидимому не намѣрены уступить ей ваше мѣсто.... Неужели, продолжалъ Янки, вы полагаете, что эта дама пришла восхищаться вашими глазами?..

Аргументъ былъ вѣскій. Я всталъ, извинился и отошелъ, не безъ вздоха на сей случай переносясь въ Европу, гдѣ зачастую увидишь, задравъ ноги лежащаго человѣка, передъ стоящей въ ожиданіи мѣста дамой.

Каюта, вмѣстѣ съ ея пассажирами и удобствами, скоро мнѣ надоѣла и я съ трудомъ пробравшись, среди читающей игравшей въ карты публики, вырвался на верхъ.

На палубѣ, иначе говоря на крышѣ, шибко шедшаго парохода я засталъ всѣхъ въ сильномъ возбужденіи. Вся палуба сотредоточенно слѣдила за „Антилопой,“ которая шла за нами въ какой нибудь четверти мили разстоянія, изрыгая изъ своихъ трубъ облака чернаго, густаго дыма. Судя по суетѣ, которая замѣчалась у ея котловъ, можно было заключить, что тамъ дѣятельно подымаютъ *) пары.—И дѣйствительно, нѣсколькихъ минутъ вниманія достаточно было, чтобы замѣтить, что „Антилопа“ настигала насъ.

Вѣсть объ этомъ, съ быстротою молніи пронеслась по всѣмъ закоулкамъ „Кюинъ-Сити“. Карты, книги, работы, газеты,—все мигомъ было брошено, забыто. Изъ всѣхъ люковъ стали вылѣзать пассажиры, торопясь бѣжать къ мѣсту, откуда лучше всего можно-бы было слѣдить за гордо шедшей „Антилопой.“

Уже вечерѣло. Соперникъ все ближе и ближе подходилъ къ намъ. Нашъ капитанъ былъ въ отчаяніи. Онъ нервно и торопливо бѣгалъ по палубѣ, тщетно стараясь отдѣлаться отъ гурьбы преслѣдовавшихъ его мужчинъ и дамъ, требовавшихъ чтобы онъ распорядился приступить къ усиленной топкѣ.

Бѣдный капитанъ упорно отмалчивался, но съ ловкостью отчаянія, силился отвиливать, отъ назойливо наступавшей на него публики. Наконецъ припертый гдѣ то въ уголъ, онъ былъ окруженъ.

— Такъ вы не хотите!.. горланилъ какой то джентльменъ. Ну—ладно!.. Только послѣ этаго, надѣюсь, о гадкой этой „Кюинъ-Сити“ и помину не будетъ.

Капитанъ молча рванулся и перебросившись назадъ на каблукахъ, быстро побѣжалъ къ носу парохода.

*) Подымать паръ—увеличивать его давленіе.

— Что до меня касается! ревѣлъ другой, перерѣзая путь капитану,—я, разумѣется за безчестье сочту даже сознаться, что нога моя была на палубѣ такаго ползуна какъ ваше корыто!.. Попробуйте-ка теперь показать носъ въ заливъ! Черепаха вы этакая!..

Капитану наконецъ удалось куда то нырнуть и скрыться...

Изъ трубъ „Антилопы“ теперь валилъ стлавшійся къ низу сѣрый, жирный дымъ, среди густыхъ клубовъ котораго, стали пошыхивать языки пламени.

— Господа! вдругъ раздалось на палубѣ. Господа! Это чертъ знаетъ что!.. На „Антилопѣ“ жгутъ сало!!.. Это безчестно!.. кричалъ кто-то, не отрывавшій бинокля отъ нагонявшаго насъ парохода

Сблизившіеся соперники, раздѣлялись такимъ узкимъ промежуткомъ, что легко можно было и невооруженымъ глазомъ слѣдить за тѣмъ, какъ кочегары „Антилопы,“ разбивая бочки сала лопатами, швыряли ихъ, въ огненныя пасти котловъ.

Въ это мгновеніе, слегка накренившись на лѣвый бокъ „Антилопа“ очевидно готовилась обойти насъ. Ея офицеры и команда, были всѣ на лицо. Четверо же рулевыхъ, всѣми силами налегли на рукоятки штурвала, со вниманіемъ слѣдили за каждымъ поворотомъ бѣшено вертѣвшихся колесъ. Котлы начали тамъ принимать страшный, гнѣвный оттѣнокъ раскалявшагося желѣза.

Лишній паръ, стремительно вырываясь изъ предохранительныхъ клапановъ, грозно ревѣлъ въ темнѣющемъ воздухѣ; верхушки дымовыхъ трубъ парохода освѣщались время отъ времени цѣлыми столбами пламени, выбрасываемаго изъ нихъ, съ тучами удушливаго, жирнаго дыма.

— Капитанъ!.. Сала въ котлы!.. Сала! общимъ крикомъ раздалось у насъ на палубѣ.

— У меня нѣтъ сала!.. отвѣчалъ тотъ, ломая руки въ самомъ искреннемъ отчаяніи.

Заявленіе это какъ громомъ поразило публику. Раздалась брань, мѣстами угрозы, изъ тѣсно сбившейся толпы. Бѣдный капитанъ переживалъ тяжелыя и не совсѣмъ безопасныя минуты.

Вдругъ прорывается, сквозь эту живую массу бушевавшаго люда, какой-то зонтикомъ махающій человѣкъ въ цилиндрѣ. Безцеремонно растолкавъ локтями публику, онъ бѣжитъ къ капитану.

— Много-ли сала нужно? отрывисто, задыхаясь, спрашиваетъ онъ.

— Пять бочекъ!.. Только пять бочекъ! умоляюще произноситъ тотъ, словно ободренный какой-то надеждой.

— Жгите мои бочки!.. Тамъ будетъ довольно! И вновь вошедшій указалъ на носъ парохода.

— Я за все заплачу! послышался чей-то голосъ, слѣдомъ за бросившимся со всѣхъ ногъ распоряжаться капитаномъ.

— Не надо денегъ! Только не дадимъ себя побить! кричалъ владѣлецъ сала.

Эта фраза была мгновенно покрыта взрывомъ громкихъ „браво“ и бурныхъ рукоплесканій.

Раздались и у насъ удары топоровъ, разбивавшихъ драгоцѣнныя въ эту минуту бочки. И черезъ двѣ, три минуты изъ нашихъ трубъ показалось пламя, зловѣщимъ красноватымъ отблескомъ заигравшее среди желтосѣрыхъ клубовъ сальнаго вонючаго дыма, грузнымъ облакомъ стлавшагося чуть не по самой палубѣ.

Въ это торжественное мгновеніе носъ „Антилопы“ уже заходилъ за корму „Кюинъ-Сити“. Еще минута и она опередила наши кожухи, и точно прыжкомъ поровнялась съ нами.

Необычайное волненіе царствовало на обоихъ пароходахъ. Шумъ, смѣхъ, насмѣшки, брань съ палубы счастливаго соперника увеличивали возбужденіе. „Антилопа“ давала ходу сколько могла. И не успѣли мы оглянуться, какъ ея, окруженный шипящей пѣной, водорѣзъ уже вылѣзъ изъ-за нашего,'

Общій взрывъ крика тріумфа съ „Антилопы“ огласилъ воздухъ. У насъ же отвѣтили криками отчаянія и бѣшенства.

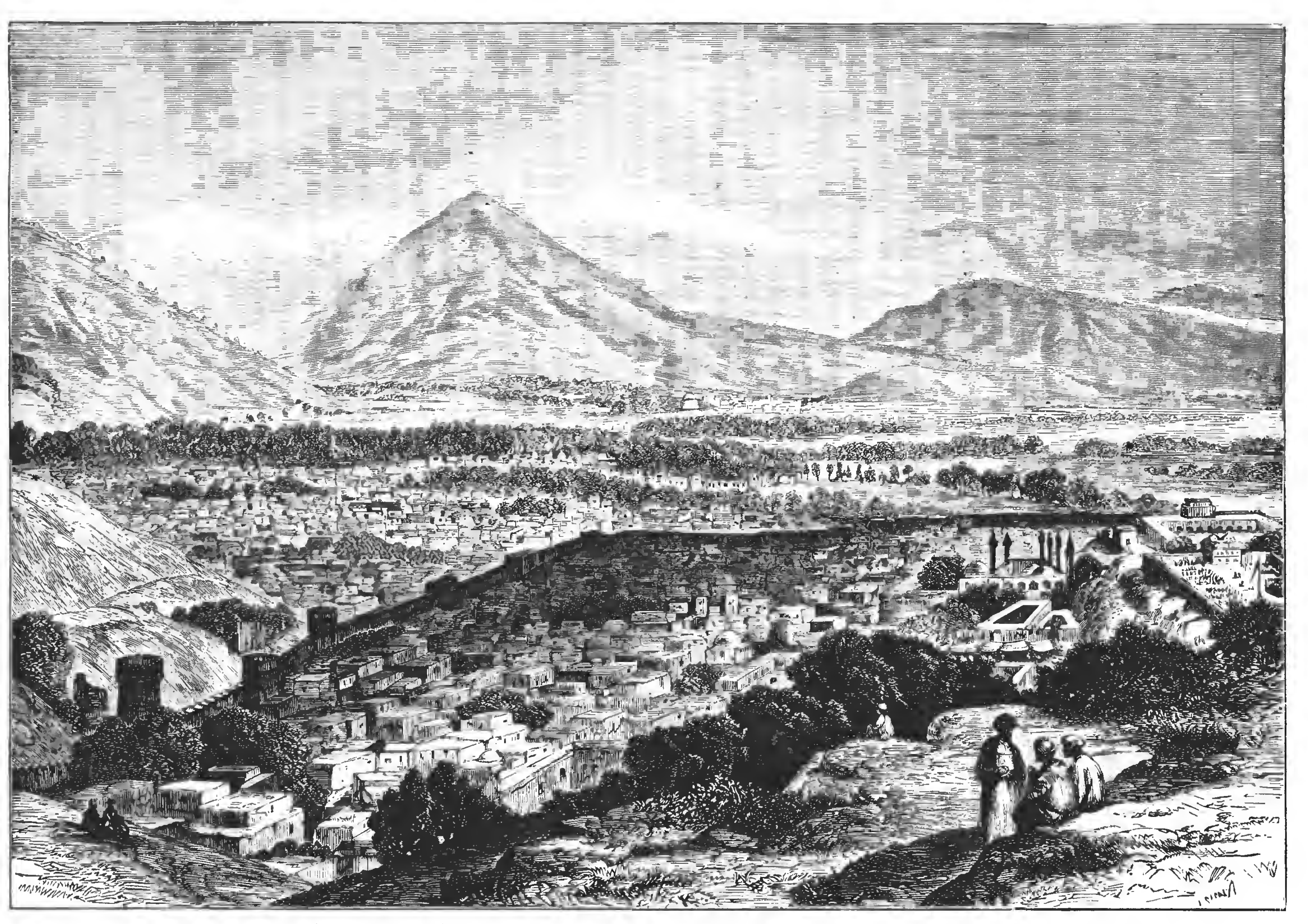
— Бросьте кабельтовъ!.. ревѣли на „Антилопѣ“. Такъ и быть, мы возьмемъ васъ на буксиръ!.. Что передать отъ васъ въ Сакраменто, кричали другіе, въ случаѣ спросятъ, не видали ли мы „Кюинъ-Сити“? Ура!.. горланилъ тамъ экипажъ. Ура „Антилопѣ“!!! Три свиныхъ хвоста „Кюинъ-Сити“!

— Проклятіе „Сити“!! Проклятіе капитану!.. раздавалось у насъ все грознѣе и громче, по мѣрѣ того какъ соперникъ нашъ уходилъ впередъ.

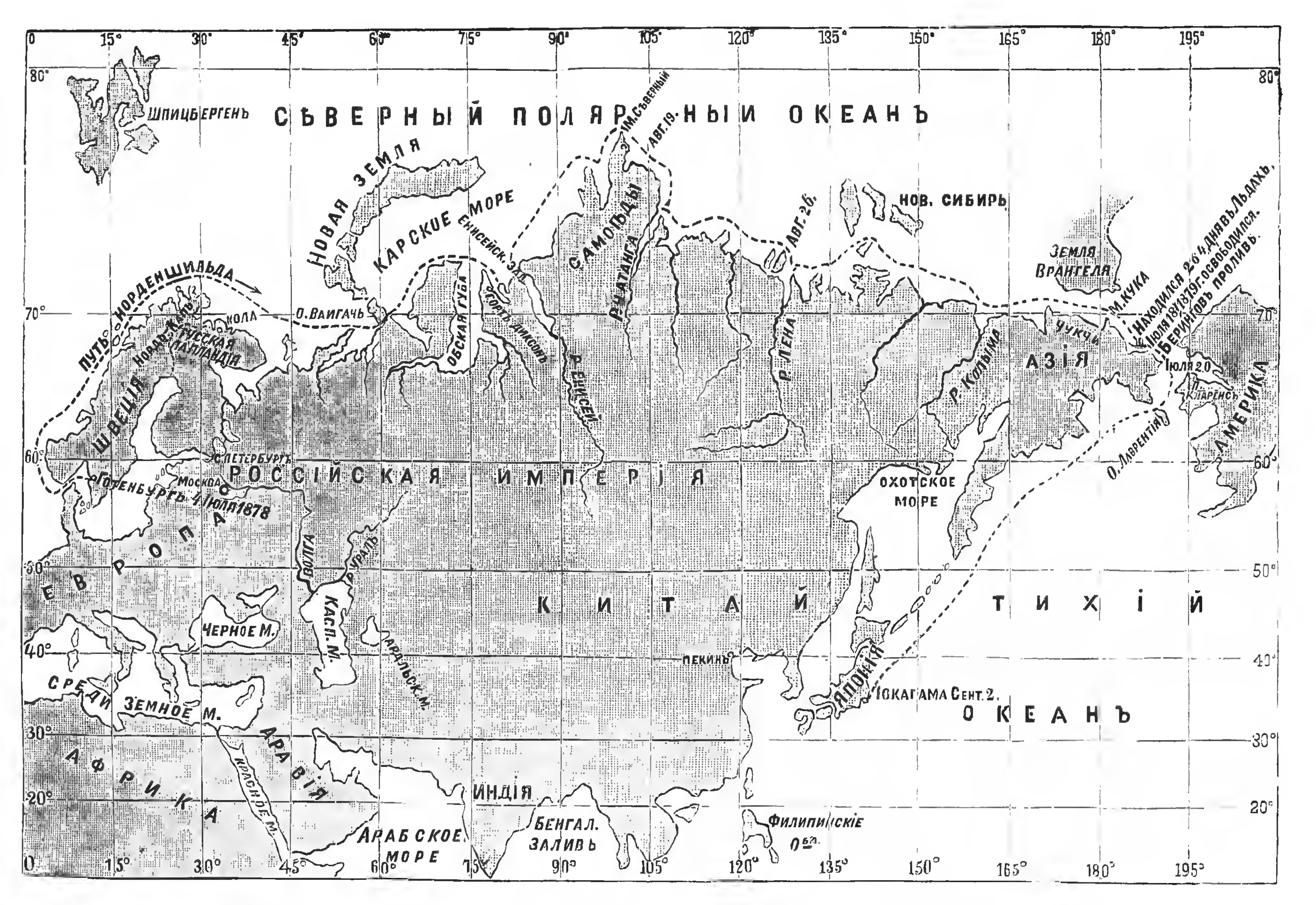
Но и „Кюинъ-Сити“ постепенно прибавляла ходу. Она уже начала съ силою вздрагивать подъ ударами своихъ могучихъ лопастей, взбивавшихъ и вскидывавшихъ чудовищныя массы разбиваемой воды. Улыбка надежды показалась вдругъ у насъ на всѣхъ лицахъ. До цѣли гонки еще оставалось не менѣе 30 миль, а „Антилопа“ опередила насъ всего на какую-нибудь милю.

Забирая все болѣе и болѣе хода, „Кюинъ-Сити“ сначала только не отставала. Затѣмъ, т. е. когда давленіе въ нашихъ багрово-раскаленныхъ котлахъ было доведено до невѣроятной степени—дрожа всѣми частями, пароходъ какъ бы съ отчаяніемъ рванулся впередъ.

Трудно представить себѣ что происходило съ публикой, когда поняли преимущества хода „Сити“, когда увидали, что въ



Видъ города Кабула. (Главный городъ Афгана). Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.



Отъ Готенбурга до Іокагамы. Открытіе Сѣверо-Восточнаго пути Норденшильдомъ. Грав. К. Вейерманъ.

свою очередь мы нагоняемъ противника. Трудно было самому не увлечься этимъ неудержимымъ, бурнымъ настроеніемъ.

Пѣсни, шутки и крики радости, гомерическій смѣхъ раздались со всѣхъ нашихъ палубъ, гдѣ еще такъ недавно слышались крики дикаго бѣшенства и отчаянія. Поздравляли другъ друга. Были люди, которые, обуреваемые восторгомъ, обнимались и цѣловались съ сосѣдями.

Между тѣмъ обратная сторона медали была ужасна: мы ежеминутно рисковали взлетѣть на воздухъ. Но объ этомъ забывалось. Объ этомъ никто не думалъ, ни женщины, ни мужчины.

„Кюинъ-Сити" не шла—она летѣла окруженная тучами дыма, языками пламени, ревущимъ паромъ, со свистомъ машины и могучимъ шипѣньемъ взбураленной воды. Разстояніе раздѣлявшее насъ отъ „Антилопы" точно таяло подъ усиліемъ колесъ и сокращалось ежеминутно. И вотъ мы поровнялись. Тутъ произошло нѣчто похожее на усилія рѣжущихся на послѣднемъ кругу скакуновъ. Каждый изъ противниковъ скорѣе потопилъ бы другаго, скорѣе самъ себя далъ бы потопить, нежели перестать бы напрягать всѣ свои усилія. Къ счастію, конечно и того и другаго парохода, одно изъ колесъ „Антилопы", наскочивъ на плывшій, незамѣченный за темнотою, чурбанъ, переломало лопасти и поставило пароходъ въ невозможность съ нами состязаться. „Антилопа" стала выпускать пары.

Пройдя еще тѣмъ же бѣшенымъ ходомъ мили двѣ впередъ, т. е. обезпечивъ себя отъ возможности быть обойденнымъ, капитанъ приказалъ прекратить безумную гонку саломъ, а черезъ часъ мы уже приставали къ Сакраменто, обогнавъ „Антилопу" на полчаса.

А. Т—скій.

Путь Норденшильда.

Очеркъ.

От Готенбурга до Лены.—Видъ береговъ.—Льды.—Разлука съ „Леной".—Новосибирскіе острова.—Богатство остатковъ ископаемыхъ животныхъ.—Добыча ихъ:—Дальнѣйшій путь: св. Носъ, Медвѣжьи острова, Шелагскій мысъ.—Шалауровъ.—Затрудненія.—Чукчи.—Затерты льдомъ.—Зимовка.—Освобожденіе отъ льда.—Беринговы острова.—Новое морское животное.—Іокагама.

Въ свое время мы сообщали объ экспедиціи, предпринимавшейся Норденшильдомъ съ цѣлью открытія постояннаго пути чрезъ Ледовитый океанъ. Теперь, когда экспедиція эта уже увѣнчалась успѣхомъ, спѣшимъ представить читателямъ очеркъ путешествія, совершеннаго извѣстнымъ профессоромъ. Норденшильдъ вышелъ изъ Готенбурга 4-го іюля 1878 года и, чрезъ четверо сутокъ, прибылъ въ Тромзе. Въ проливѣ между Вайгачемъ и материкомъ команду пришлось одѣть въ шубы. Карское море оказалось свободнымъ отъ льдовъ. Затѣмъ слѣдующіе четверо сутокъ понадобились для переѣзда къ порту Диксона, у устьевъ Енисея. Отсюда направились къ сѣверо-востоку. Ледъ удержалъ пароходъ Норденшильда „Вегу" четыре дня у Таймурскаго мыса; но уже 19-го августа достигли мыса Челюскина,—самой сѣверной оконечности Азіи. Послѣ короткой остановки, Норденшильдъ продолжалъ путь вдоль береговъ полуострова и здѣсь льды попадались въ незначительномъ количествѣ. Наконецъ 26-го экспедиція достигла Лены. Норденшильдъ въ своихъ отчетахъ шведскому морскому министерству слѣдующимъ образомъ рисуетъ картину берега. „Взглядъ на карту Азіи, говоритъ онъ, указываетъ, что Лена заканчивается многочисленными рукавами, текущими по обширной дельтѣ, находящейся приблизительно въ срединѣ сѣвернаго берега Азіи. Разстояніе оттуда до Югорскаго шара почти то же, что и до Берингова пролива. Но береговая полоса моря по ту и другую сторону этой рѣки весьма различна. Западнѣе Лены земля выдается къ сѣверу почти до 78 градуса широты, т. е. до градуса, который перейденъ лишь въ немногихъ мѣстахъ Сѣвернаго Ледовитаго океана и у котораго, но большей части, слѣдуетъ опасаться встрѣчи съ непроницаемыми массами льда. Восточнѣе же, берегъ мало по малу склоняется къ югу, такъ что проливъ, соединяющій воды Тихаго и Ледовитаго океановъ, находится южнѣе полярнаго круга." На западъ береговая страна представляетъ далеко раскинутую безлѣсную пустыню, но между Леной и Беринговымъ проливомъ граница лѣса, во многихъ мѣстахъ, подходитъ почти къ берегу. По словамъ смѣлаго путешественника, „Вега" шла вдоль западной части этаго берега, гдѣ до тѣхъ поръ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, еще не показывалось ни одно судно. Тутъ же (т. е. на западной сторонѣ) профессоръ отмѣтилъ и ошибочныя опредѣленія береговъ на картахъ. Такъ, напримѣръ замѣчаетъ онъ, „мы проплыли пространство почти въ 500 километровъ длины, которое по новѣйшимъ картамъ Сибири показано землею (онъ прибавляетъ, впрочемъ, что не могли найдти ни одной выдающейся ошибки на картахъ восточной береговой полосы). На западной же сторонѣ, берегъ лежитъ открытый и беззащитный противъ ледяныхъ массъ Полярнаго моря, между тѣмъ какъ на восточной это море отдѣлено отъ прибрежья Ново-Сибирскими островами и землей Врангеля. *Собственно о льдахъ*, Норденшильдъ передаетъ, что между Норвегіей и Югорскимъ Шаромъ нѣтъ ихъ, между Югоромъ и Енисеемъ—его встрѣчается мало; почти совсѣмъ нѣтъ; далѣе, на пространствѣ отъ Енисея до Медвѣжьихъ острововъ (71 градусъ сѣверной широты, лежатъ приблизительно въ 1 тысячѣ километровъ за Леной); ледъ становится плотнѣе къ востоку отъ Медвѣжьихъ острововъ. Въ этомъ направленіи Норденшильдъ встрѣчалъ его все больше и больше, пока, какъ пишетъ онъ—его массы, вмѣстѣ со льдомъ, образовавшимся за одну ночь, не сковалъ судно на границѣ водъ Тихаго океана. Но, впрочемъ, объ этомъ мы скажемъ ниже.

Что касается снаряженнаго г. Сибиряковымъ для участія въ этой экспедиціи (до р. Лены), парохода „Лены" (см. „Ниву" 1876 г. № 11 и въ нынѣшнемъ году № 36), то Норденшильдъ разстался съ нею въ 20-ти километрахъ отъ дельты р. Лены. Отсюда „Вега" направилась на сѣверо-востокъ, къ самому южному изъ Новосибирскихъ острововъ, чрезвычайно богатыхъ ископаемою костью и интересныхъ въ научномъ отношеніи. По словамъ профессора, остатки мамонтовъ и множества другихъ одновременныхъ животныхъ формъ, доставившихъ столько неожиданныхъ заключеній о животномъ мірѣ, обитавшемъ въ первобытныя времена въ Сѣверной Азіи, находятся на этихъ островахъ въ гораздо большемъ количествѣ, чѣмъ на материкѣ. Часть отмелей такъ покрыта здѣсь костями и клыками мамонтовъ, что охотники за слоновою костью возвращаются отсюда всегда съ богатою добычею. Весной они пробираются на эти острова съ материка по льду въ саняхъ, запряженныхъ собаками, собираютъ здѣсь все лѣто слоновую кость и осенью по новому льду возвращаются на материкъ. Кость эта собирается на меляхъ, уже прежде отысканныхъ много разъ и потому или наносится осенними бурями и осеннимъ ледоходомъ, или появляется наружу изъ размытаго песка отмелей. Внутри острововъ встрѣчаются цѣлые холмы, покрытые остатками мамонтовъ, носороговъ, лошадей, первобытныхъ быковъ, буйволовъ, овецъ и т. д. Но, вслѣдствіе затруднительности доступа къ этимъ мѣстностямъ, строгаго научнаго изслѣдованія ихъ еще не было произведено, между тѣмъ какъ изученіе это имѣетъ огромную важность для исторіи нашей планеты. Норденшильдъ находился здѣсь въ концѣ августа. Воздухъ былъ спокоенъ, температура $+4^{\circ}$ Цельзія и море свободно ото льда. Но, говоритъ онъ далѣе, когда мы подвинулись впередъ и увидѣли самые западные изъ острововъ: Семеновскій и Столбовой, море стало такъ мелко, что мы значительное пространство вынуждены были плыть при глубинѣ въ $3^{1}/_{2}$—4 сажени. Здѣсь попадалось много совершенно размякшаго льда. Западный берегъ Ляхова острова оказался окруженнымъ массой мелкихъ льдинъ. У Святаго Носа море было также свободно отъ льда (31-го августа) и проливъ пройденъ при прекрасной, тихой погодѣ, безъ всякихъ затрудненій; земля же вокругъ не была покрыта снѣгомъ. Отсюда, далѣе къ востоку, вблизи отъ берега, въ морѣ не было льда, а вода, имѣя мало соленаго вкуса, показывала температуру въ $+3^{\circ}$ Цельзія. 1-го сентября погода также стояла постоянно прекрасная, съ южнымъ вѣтромъ и температурой воздуха въ полдень въ тѣни $+5^{6}/_{10}^{\circ}$. Затѣмъ на слѣдующій день вѣтеръ подулъ уже съ сѣвера. Медвѣжьи острова—группа мелкихъ скалистыхъ острововъ, близъ берега на 71° сѣв. широты, 160° восточнѣе меридіана Гринича и въ разстояніи около $360'$ отъ южной оконечности Ляхова острова. Это разстояніе пройдено Норденшильдомъ въ трое сутокъ (или $120'$ въ сутки), изъ чего видно, насколько мало ледъ мѣшалъ плаванію, если еще при этомъ принять во вниманіе время, необходимое для изслѣдованія морскаго дна, промѣры, наблюденія надъ температурой, надъ содержаніемъ соли въ водѣ на различныхъ глубинахъ. Встрѣчались лишь отдѣльные куски льда и только къ сѣверу показывались сплошныя плавающія ледяныя поля, помѣшавшія профессору Норденшильду выполнить его планъ: пройдти отъ Колымы на сѣверъ, чтобы посмотрѣть—нельзя ли найдти острововъ или земли между Ляховымъ и землей Врангеля. Точно также пришлось ему отказаться отъ попытки направиться отъ восточнаго Медвѣжьяго острова прямо на востокъ, къ мысу Шелагскому, потому что уже въ 40—$50'$ восточнѣе Медвѣжьихъ острововъ путь былъ совершенно прегражденъ непроницаемыми массами льда. Это уже было началомъ тѣхъ преградъ, которыя и привели „Вегу" къ зимовкѣ. Уже здѣсь Норденшильду пришлось искать свободную воду опять у берега, но и тутъ пространство ея становилось все уже и уже. „Мы вынуждены были держаться все ближе къ материку, хотя здѣсь глубина уменьшалась довольно опаснымъ образомъ, разсказываетъ Норденшильдъ. Въ ночь 6-го сентября мы прошли мимо Чаунскаго залива и утромъ, въ 4 часа, достигли Шелагскаго мыса. Разстояніе отъ Медвѣжьихъ острововъ по прямой линіи $180'$—мы прошли въ 60 часовъ, оттого что часто кружились во льду. Въ этомъ мѣ-

стѣ своего отчета Норденшильдъ напоминаетъ намъ славное имя сибирскаго купца Шалаурова, пожертвовавшаго и жизнью и своими богатствами для блага отечества—для изслѣдованія морскаго берега на востокъ отъ устьевъ Лены. Съ 1760 до 1764 г. бился онъ и, наконецъ, погибъ недалеко отъ Шелагскаго мыса, потративъ нѣсколько лѣтъ чтобы пройдти разстояніе, которое теперь, благодаря пароходу, пройдено было въ 4—5 дней! Возвратимся однако къ путешествію Норденшильда. Пловучій ледъ становился столь плотнымъ, а ночи (первая половина сентября) такими темными, что пароходъ проводилъ ихъ на мѣстѣ, обыкновенно бросая якорь у болѣе твердаго, неподвижнаго льда. На разсвѣтѣ 6-го, судно было уже такъ окружено льдомъ, что явилась полная невозможность слѣдовать далѣе на востокъ и къ землѣ удалось пробраться свободнымъ отъ льда мелкимъ пространствомъ у берега. По ту сторону Шелагскаго мыса Норденшильдъ шелъ на парахъ въ узкомъ пространствѣ воды, вдоль берега. Переночевавъ у большой льдины, утромъ 8-го сентября путешественники снова увидѣли себя окруженными льдомъ и туманомъ. Когда мгла разсѣялась—показался непривлекательный, суровый сѣверный пейзажъ. Берегъ имѣлъ видъ невысокаго песчанаго вала, поднимающагося между моремъ и небольшимъ мелководьемъ, а дальше, внутрь страны—земля постепенно поднимаясь, шла до голыхъ, безснѣжныхъ горъ, которыя, по временамъ впрочемъ, покрывались тонкимъ слоемъ свѣжевыпавшаго снѣга. Тутъ же тянулись лагуны, составляющія характеристическій признакъ сѣверо-восточнаго берега Сибири. Норденшильдъ вышелъ на твердую землю и познакомился здѣсь поближе съ чукчами. Деревни ихъ обыкновенно расположены на песчаныхъ холмахъ, отдѣляющихъ лагуны отъ моря. Жилища преимущественно состоятъ изъ большихъ просторныхъ палатокъ, заключающихъ внутри одну или двѣ спальни. Послѣднія, въ свою очередь, составляютъ отдѣльныя внутреннія палатки, устроенныя изъ оленьихъ шкуръ, освѣщаемыя и нагрѣваемыя жировою лампою. Лѣтомъ, посреди́нѣ наружной палатки устраивается, кромѣ того, топка дровами, для чего въ верхушкѣ продѣлывается отверстіе. Объясняться съ чукчами было не совсѣмъ легко: они ни слова не понимали по русски и только одинъ мальчикъ умѣлъ считать по англійски до 10—признакъ посѣщенія этихъ мѣстъ американскими китоловами. Норденшильдъ передаетъ довольно много интересныхъ подробностей объ этомъ народѣ. Его сообщенія по этому предмету, впрочемъ, уже были переданы читателямъ „Нивы“, (№ 36) а потому здѣсь скажемъ только нѣсколько словъ о „кухнѣ“ этаго непритязательнаго племени. Профессоръ разсказываетъ, что во время его посѣщенія запасъ ѣды у чукчей былъ богатый. Въ одной палаткѣ варилось, въ большой чугунной плошкѣ, оленье мясо, въ другой занимались разрѣзываніемъ и потрошеньемъ двухъ только что застрѣленныхъ или убитыхъ оленей, наконецъ, въ третьей пожилая женщина извлекала изъ желудка оленя зеленое, похожее на шпинатъ, содержимое и набивала его въ мѣшокъ, вѣроятно, чтобы сберечь на зиму, въ родѣ запаса овощей. Оказалось, что содержимое оленьяго желудка считается лакомствомъ (тоже самое и у эскимосовъ Гренландіи). Затѣмъ чукчи питаются листьями и стеблями различныхъ растеній, которые, придя въ броженіе и охваченные морозомъ, или съѣдаются съ мясомъ, безъ всякаго приготовленія, или варятся въ видѣ зеленаго супа. Пищей имъ служатъ также корни двухъ родовъ мѣстныхъ растеній, изъ которыхъ одни нѣсколько похожи, видомъ и вкусомъ, на орѣхи; другіе же имѣютъ конусообразную форму.

Дальнѣйшее плаваніе сопровождалось возрастающими затрудненіями. Наконецъ, 28-го сентября (27-го обогнули Колинчинъ носъ) „Вега“ была затерта льдами всего въ 200 километрахъ отъ Берингова пролива, подъ 67°,7′ сѣв. шир. и 173°,24′ запад. долготы. Зазимовали во льду, въ 1½ верстахъ отъ берега. Судно (теплое и удобное) не потерпѣло никакихъ поврежденій, зимняя гавань его, образованная тѣмъ же льдомъ, была вполнѣ безопасна, запасомъ продовольствія и угля экспедиція была богата и состояніе общаго здоровья, во все время, было прекрасное. Въ самый короткій день свѣтлое время продолжалось три часа, отъ солнца же виднѣлся только верхній край. Зимовка была посвящена этнографическимъ и другимъ научнымъ изслѣдованіямъ. По сосѣдству оказалось нѣсколько деревень, въ которыхъ жило до 4-хъ тысячъ чукчей, занимавшихся рыбнымъ и тюленьимъ промыслами и снабжавшихъ экспедицію оленями и медвѣжьимъ мясомъ (морозъ доходилъ до 36° Цельзія). Весною было много дичи, въ особенности водяной птицы. Пребываніе среди льда продолжалось 264 дня; экспедиція освободилась только 18-го іюля 1879 г., а 20-го уже обогнула Восточный мысъ въ Беринговомъ проливѣ и, такимъ образомъ, достигла цѣли, доказавъ на дѣлѣ возможность плаванія сѣверо-восточнымъ проходомъ. Оттуда Норденшильдъ направился въ Лаврентьевскую бухту, у азіатскаго берега, а затѣмъ, придя къ порту Кларенсу, на американскомъ берегу, возвратилась къ азіатскому прибрежью. Здѣсь продолжались изслѣдованія морскаго дна (при чемъ изъ моря вытащено много замѣчательныхъ образчиковъ). Въ первой половинѣ августа экспедиція посѣтила Беринговы острова, гдѣ нашла также громадное количество ископаемыхъ остатковъ животныхъ и растеній и новое морское животное, названное „Rhytina Stellaris“. 19-го августа пошли далѣе (31-го августа, во время бури, ударомъ молніи раскололо верхнюю часть гротъ-мачты и слегка ушибло нѣсколько человѣкъ) и 2-го сентября были уже въ Іокагамѣ. Профессоръ Норденшильдъ считаетъ прослѣдованный имъ сѣверовосточный путь удобнымъ и безопаснымъ, въ особенности при нѣкоторомъ знакомствѣ съ мѣстными условіями. По его словамъ отъ устьевъ Лены и до береговъ Японіи искусные моряки не встрѣтятъ никакихъ затрудненій.

Къ рисункамъ.

Приношенія Церерѣ.

(Картина Рубенса).

Знаменитый Рубенсъ, какъ извѣстно, обладалъ спокойнымъ и ровнымъ характеромъ. Онъ не любилъ ни безплодныхъ споровъ, ни ссоръ, ни военныхъ бурь и битвъ. Большая часть его картинъ, отличающихся могучимъ воображеніемъ, изображаютъ мирныя, спокойныя сцены, эмблемы милосердія, мира. Онъ говорилъ, что не знаетъ ничего выше евангельскаго завѣта: быть всѣмъ полезнымъ по возможности и не вредить никому. Это былъ человѣкъ чрезвычайно добродушный. Его портретъ, писанный имъ же, изображаетъ однако важнаго, знатнаго патриція. Ванъ-Дейкъ также оставилъ намъ его портретъ въ своей картинѣ, гдѣ Рубенсъ изображенъ вмѣстѣ съ его учениками. Рубенсъ безъ шляпы, съ густыми кудрями; здѣсь лицо его кротко и привѣтливо, съ милымъ, простымъ выраженіемъ. Такимъ онъ и былъ въ домашнемъ быту, съ женою, среди своихъ дѣтей, многочисленныхъ друзей и избранныхъ учениковъ.

Его любовь къ мирному и спокойному отразилась и въ его картинахъ. Къ однимъ изъ лучшихъ принадлежитъ и изображенная на нашемъ рисункѣ. Она находится въ нашемъ Императорскомъ Эрмитажѣ подъ № 593.

Мотивъ ея фантастическій: статуя Цереры и вокругъ нея шесть крылатыхъ геніевъ украшаютъ храмъ гирляндами изъ плодовъ и овощей. Одинъ изъ концовъ гирлянды уже привязанъ, другой маленькіе геніи съ трудомъ поднимаютъ и стараются прикрѣпить въ углубленіи ниши, гдѣ помѣщена статуя.

Что послужило поводомъ къ такому изображенію? Можетъ быть желаніе блеснуть мастерствомъ техническихъ подробностей. Постройка флорентинскаго стиля окружаетъ изображеніе Цереры. Покровительница земледѣлія драпирована широкимъ покрываломъ, окутывающимъ ее съ ногъ до головы; правой рукой она отстраняетъ его, открывая свое лицо и верхъ бюста; въ лѣвой она держитъ нѣсколько колосьевъ. Постановка фигуры полна достоинства, лицо благородно, драпировка прекраснаго стиля. Кромѣ того и эти гирлянды яблокъ, грушъ, гранатъ, дынь, винограда, капусты, спаржи и кукурузы—поистинѣ восхитительны.

Но нужно было оживить эту картину. И появились маленькіе геніи, въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ, съ прелестными личиками. Вся картина чрезвычайно эффектна—эти сопоставленія красокъ: бѣлой и сѣрыхъ тѣней камня и блестящихъ плодовъ и овощей и теплаго, гармоничнаго сіянія производятъ сильное впечатлѣніе.

Старый бояринъ.

(Картина П. П. Чистякова).

Павелъ Петровичъ Чистяковъ принадлежитъ къ числу крупныхъ талантовъ молодой русской школы. Прекрасный, задушевный колористъ, безо всякой трескучести и шаржа, строгій знатокъ и выполнитель рисунка, художникъ работающій обдуманно и неторопливо, онъ пользуется солидной репутаціей въ художественныхъ кружкахъ.—Еще по первымъ его работамъ, во время пребыванія его въ академіи, можно было судить о степени его дарованія. Прекрасно разрѣшенная академическая тема на малую золотую медаль „Отказъ патріарха Гермогена вернуть ополченіе Пожарскаго“—была первымъ шагомъ къ упроченію его извѣстности. Другая конкурсная его работа, „Ссора на свадьбѣ Василія Темнаго,“ доставила ему первую медаль и пансіонерство. Эта послѣдняя картина, не вполнѣ оконченная, виситъ въ музеѣ академіи. Прекрасно написанная въ техническомъ отношеніи, она останавливаетъ вниманіе сильной композиціей взаимныхъ отношеній дѣйствующихъ лицъ. Особенно хороша фигура Софьи Витовтовны и Василія Косаго, съ котораго она сорвала поясъ.—Къ сожалѣнію, послѣ своей заграничной поѣздки, Чистяковъ далъ слишкомъ мало,—то есть мало въ количественномъ отношеніи. Грандіозная композиція его „Смерть Мессалины,“ начатая много лѣтъ назадъ, стоитъ до сихъ поръ неоконченная въ его лѣтней мастерской въ Павловскѣ. Но его этюды, появлявшіеся порою на академическихъ выставкахъ, обращали на себя общее вниманіе. Къ числу такихъ можно отнести и „Стараго боярина,“ рисунокъ съ котораго

помѣщается въ этомъ №. Этюдъ этотъ былъ украшеніемъ весенней академической выставки 1876 года, и затѣмъ занималъ далеко не послѣднее мѣсто въ русскомъ отдѣлѣ прошлогодней всемірной парижской выставки. Во взглядѣ боярина читаешь цѣлую эпопею давно минувшаго, давно пережитаго былаго. Тихая грусть, слегка разлитая по его челу, придаетъ драматическій тонъ этюду: невольно вспоминаются опалы, казни времени Іоанна, невольно вспоминается трагическій періодъ московскаго государства, предшествовавшій эпохѣ преобразованій.

П. П. Чистяковъ имѣетъ званіе академика и состоитъ преподавателемъ въ классахъ академіи художествъ.

Закуримъ.

(Рисунокъ Л. Наровлева).

Деревенскій кузнецъ, изображенный на рисункѣ г. Наровлева, послѣ трудной работы высѣкъ огня въ свою трубочку и съ чувствомъ довольства и отдыха говоритъ: „закуримъ“! Только тотъ можетъ вполнѣ оцѣнить все значеніе отдыха, кто такъ трудился, кто столько разъ въ утро подымалъ тяжелый молотъ и билъ имъ горячее желѣзо, разсыпая искры по полутемной кузницѣ. Это серьезное, невольно привлекающее къ себѣ лицо, съ бодрымъ, дышащимъ простотою и силою, выраженіемъ степеннаго, рабочаго русскаго человѣка, эта сильная фигура, которой тяжелая физическая работа придаетъ какую то величавость—все это выполнено весьма вѣрно.

Кабулъ.

(Главный городъ Афгана).

Кабулъ, гдѣ недавно истреблено было англійское посольство съ маіоромъ Каваньяри во главѣ, расположенъ на южномъ берегу рѣки того же имени—это одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ Средней Азіи. Мѣстныя преданія относятъ время его основанія за нѣсколько тысячъ лѣтъ назадъ. На исторической аренѣ нынѣшняя столица Афганистана фигурируетъ уже съ давнихъ поръ. Такъ, сколько извѣстно, въ IX столѣтіи онъ платилъ дань нѣкогда могущественному городу Баміану (господствовавшему надъ Баміанскимъ ущельемъ, открывающимъ, изъ Белуджистана, путь въ Индію), развалины котораго указываютъ на прошлое великолѣпіе. По разрушеніи Баміана, знаменитымъ Махмудомъ Газневидомъ (родился въ Газни, въ 967 году н. Р. Х.), первымъ мусульманскимъ повелителемъ Индіи, Кабулъ, вмѣстѣ съ сосѣдними странами, вошелъ въ составъ обширныхъ владѣній этаго завоевателя. Далѣе, городъ этотъ переходитъ во власть могола Бабера, (умершаго въ 1530 г.), сдѣлавшаго его своею резиденціей, а позднѣе — становится достояніемъ другаго знаменитаго полководца и государя Востока, Персидскаго шаха Надира. Но, собственно столицею Афганистана Кабулъ сдѣлался при Тимуръ-шахѣ, сынѣ великаго Ахмедъ-шаха-Абдаллы, перваго государя нынѣшняго Афганскаго ханства и основателя Суддозайской династіи (умершаго въ 1773 г.) Тимуръ перенесъ сюда свою столицу изъ Кандагара.

Кабулъ, какъ и всѣ, почти, города Средней Азіи, лишенъ серьезныхъ укрѣпленій, это, какъ и вездѣ,—не болѣе какъ ветхія, первобытнаго устройства, городскія стѣны, не имѣющія нынѣ ни малѣйшаго стратегическаго значенія. Тоже самое можно сказать и о „Бала-Гиссарѣ,“ его укрѣпленія уже совершенно негодны. Сооруженіе этаго дворца приписываютъ Баберу, преемники котораго много прибавили къ первоначальному зданію. Одинъ изъ нихъ, Ауренгзебъ, устроилъ обширныя подземелья, для помѣщенія туда, какъ говоритъ преданіе, своихъ сокровищъ. Расположенный на восточной окраинѣ, Бала-Гиссаръ, грозно высится надъ городомъ. Дворецъ состоитъ изъ двухъ частей: внутренней цитадели и наружной ограды; въ первой мало помѣщенія, вторая же довольно просторна, свободно вмѣщая гарнизонъ изъ пяти тысячъ человѣкъ.

Сады города вообще славятся, но между ними, по обширности и богатству растительности, первое мѣсто занимаетъ садъ „Тимура,“ окружающій гробницу Бабера. Садъ этотъ—любимое мѣсто для прогулокъ жителей. Кабулъ — довольно значительный торговый городъ, ведущій, преимущественно, торговлю фруктами и индійскими товарами и продуктами. Всякій родъ торговли имѣетъ здѣсь свой особый, предназначенный спеціально для него, „базаръ“. Наибольшій изъ нихъ—называется „Шаръ-Шукъ“—центральный для всего города; построенный еще въ древнія времена, онъ состоялъ изъ изящныхъ аркадъ, длиною до 200 ярдовъ и шириною въ десять; въ 1842 г., британскій генералъ Поллокъ, явившійся мстить за падшихъ соотечественниковъ своихъ, велѣлъ его сжечь (!) Достъ-Магометъ кое-какъ исправилъ поврежденія, причиненныя цивилизованнымъ вандаломъ, но, говорятъ,—зданіе это даже не напоминаетъ прежняго. Здѣсь, между прочимъ, сосредоточены общественныя кухни (въ родѣ нашихъ ресторановъ). Согласно новѣйшимъ свѣдѣніямъ, Якубъ-Ханъ, въ дни смуты, заперся въ Бала-Гиссарѣ.

Памятникъ Араго.

Доминикъ-Франсуа Араго, одинъ изъ величайшихъ физиковъ и математиковъ нашего времени, родился въ Эсташелѣ, близъ Перпиньяна, 26-го января 1786 года. Еще съ дѣтства выказавъ замѣчательныя способности, онъ уже въ 1804 году вступилъ въ политехническую школу. По окончаніи здѣсь курса, Араго назначенъ былъ секретаремъ „bureau des longitudes“ и вскорѣ посланъ въ Испанію для измѣреній дуги меридіана, опредѣленной Деламберомъ и Меченомъ между Дюнкирхеномъ и Барселоной. Но скоро возвратился Араго въ свое отечество. Возстаніе испанцевъ противъ Наполеона застало его на островѣ Маіоркѣ. Онъ былъ заключенъ въ цитадели Бельвери, по освобожденіи откуда направился въ Алжиръ, чтобы добраться, такимъ путемъ въ Марсель; но алжирское судно, на которомъ онъ плылъ, попалось испанскому крейсеру и тотъ отвелъ его въ фортъ Розасъ; вновь отпущенный, вслѣдствіе настойчивыхъ требованій алжирскаго бея, Араго опять поплылъ въ Марсель и снова неудачно: когда корабль былъ уже въ виду самой гавани, разыгралась страшная буря, пригнавшая судно къ берегамъ Сардиніи, а отсюда—къ Алжирскому побережью. Здѣсь, тѣмъ временемъ, произошла перемѣна: прежній бей, расположенный къ Араго, былъ убитъ, а новый не только не оказалъ Араго никакаго содѣйствія, но велѣлъ считать его рабомъ, опредѣливъ на должность толмача при одномъ изъ своихъ корсарскихъ кораблей. Араго получилъ свободу только въ 1809 году, благодаря энергическимъ настояніямъ французскаго консула. Въ этомъ же году онъ былъ назначенъ членомъ академіи наукъ (на мѣсто Лаланца) и профессоромъ политехнической школы. Теперь онъ могъ уже свободно отдаться наукѣ. Великій ученый обнялъ своимъ мощнымъ умомъ почти всѣ отрасли естественныхъ наукъ. Многочисленныя сдѣланныя имъ открытія извѣстны всѣмъ (его прозвали „церемоніймейстеромъ открытій“). Но не въ одной научной сферѣ проявилъ Араго свои необыкновенныя дарованія. Онъ игралъ видную роль и на политической аренѣ, какъ государственный человѣкъ и краснорѣчивый ораторъ. Въ 1830 году, во дни революціи, онъ направилъ всѣ усилія свои къ предупрежденію дальнѣйшаго кровопролитія. Въ палатѣ депутатовъ онъ былъ представителемъ департамента Восточныхъ Пиринеевъ, въ 1848 году былъ членомъ временнаго правительства, въ качествѣ министра внутреннихъ дѣлъ; послѣ переворота 2-го декабря 1851 года онъ подалъ свой голосъ за высланныхъ. Араго умеръ 3-го октября 1853 года. Въ частной жизни это былъ человѣкъ замѣчательной доброты, не говоря уже объ его высокой честности и благородствѣ. Чистая душа великаго ученаго была чужда малѣйшей доли зависти, всякій молодой талантъ находилъ въ немъ теплаго покровителя, всякое открытіе—горячаго сторонника. На прилагаемомъ рисункѣ читатели могутъ видѣть памятникъ, поставленный городомъ Перпиньяномъ Араго; торжественная церемонія открытія монумента происходила 21-го (9) сентября текущаго года.

Политическое обозрѣніе.

Атрекская экспедиція.—Разрушеніе царства зулусовъ.—Предстоящее занятіе турками Балканъ и Румеліи.—Волненія въ Невесиньѣ.—Неудача кн. Бисмарка въ Вѣнѣ.—Назначеніе Геймерле на мѣсто Андраши.—Недоразумѣнія между Британіей и Голландіей.

Изъ ахалъ-текинскаго отряда генералъ Ломакинъ доноситъ отъ 4-го сентября:

„Съ 22-го по 29-е августа, войсками передоваго отряда произведена была къ сторонѣ Геокъ-тепе усиленная рекогносцировка текинскаго оазиса. 28-го августа нашъ передовой отрядъ встрѣтилъ у Геокъ-тепе огромное скопище текинцевъ, которые нѣсколько разъ бросались на наши колонны, но были отражены съ большою потерею. Подлѣ Геокъ-тепе текинцы устроили сильное укрѣпленіе, людей тамъ до 15,000. Не смотря на отчаянное сопротивленіе, войска нашего авангарда утвердились въ передовыхъ укрѣпленіяхъ. Въ теченіи шести часовъ производилось обстрѣливаніе изъ 12 орудій сильно укрѣпленнаго непріятельскаго селенія, въ которомъ скопилось, съ женами и дѣтьми, почти все населеніе Теке, болѣе 20,000. Плѣнные опредѣляютъ потери текинцевъ въ нѣсколько тысячъ. Въ 5 часовъ вечера войска наши возобновили атаку, смѣло бросились въ штыки и заняли наружные фасы укрѣпленнаго селенія, но, встрѣчая далѣе на каждомъ шагу непреодолимыя препятствія, съ наступленіемъ темноты должны были остановиться, а ночью непріятель бѣжалъ. Преслѣдовать его тогда, при крайнемъ утомленіи войскъ, бывшихъ весь день въ бою, было невозможно. Войска во все время боя вели себя доблестно, но понесли значительныя потери; всего выбыло изъ строя: офицеровъ 7, нижнихъ чиновъ 234. Рекогносцировкою выяснился вполнѣ образъ дальнѣйшихъ нашихъ дѣйствій; сегодня занимаю главными силами укрѣпленіе Беурма, гдѣ устраиваю провіантскій и артиллерійскій склады.

Зулусское царство, повидимому, разрушено окончательно, если руководствоваться свѣдѣніями сообщенными сэромъ Уальслеемъ военному министерству. „28-го августа (н. ст.) Се-

(Продолженіе на стр. 797, 798, 799 и 800).

тивайо взять въ плѣнъ въ Нюмскомъ лѣсу отрядомъ драгунъ подъ начальствомъ маіора Маршера, рапортуетъ онъ, и всѣ главнѣйшіе вожди изъявили покорность.“ Затѣмъ онъ сообщаетъ, что на происходившемъ, 1-го сентября, собраніи вождей, они приняли условія мира. Эти-то именно условія и равносильны полному уничтоженію всего строя зулусскаго царства, достигшаго извѣстной степени силы подъ руководствомъ энергичныхъ, даровитыхъ предковъ Сетивайо,—ихъ достойнаго, въ этомъ отношеніи, потомка. На основаніи договора *вожди обязываются не допускать въ своей территоріи какъ нынѣшней военной системы, такъ и вообще, всякой другой,* они объявятъ каждый въ своихъ владѣніяхъ, что *всѣмъ мужчинамъ дозволяется жениться, когда и на комъ имъ угодно,* какъ-то водилось въ странѣ зулусовъ въ прежнія времена, до введенія военной системы *вожди обязываются* не ввозить сами и не допускать въ своихъ владѣніяхъ ввоза оружія и боевыхъ снарядовъ, а также *не допускать моремъ какихъ бы то ни было товаровъ безъ разрѣшенія британскаго уполномоченнаго* той части территоріи, въ которой находятся владѣнія даннаго вождя (!) Наслѣдники вождей утверждаются въ своемъ званіи британскимъ правительствомъ; всѣ столкновенія разрѣшаются британскими уполномоченными, опредѣленія которыхъ обязательны... Vae victis! Вотъ она—британская петля, надѣваемая на несчастные побѣжденные народы, вотъ оно—желѣзное ярмо новѣйшаго, цивилизованнаго фасона, подъ которымъ „просвѣщенные и гуманные мореплаватели“ и проводятъ, и держатъ эти народы, ярмо, захватывающее ихъ гражданскій, экономическій бытъ и политическія права и отношенія. Нигдѣ ни малѣйшей струи самостоятельнаго существованія, кромѣ какихъ-то жалкихъ обрывковъ призрачной свободы! Понятна теперь та ненависть, которою британцы пользуются въ „завоеванныхъ“ ими странахъ.

Статуя Араго, открыта въ Перпиньялѣ 9/21 Сентября 1879 г.
Съ фотогр. грав. Э. Шмидтъ.

Съ прежнимъ успѣхомъ ведется ихъ политика на Балканскомъ полуостровѣ. Дѣло въ томъ, что планъ занятія Балканскихъ горныхъ проходовъ турецкими войсками и вступленія этихъ войскъ въ Румелію едва ли уже не наканунѣ своего осуществленія. Въ Андріанополь недавно прибылъ принадлежащій къ турецкому генеральному штабу Акифъ-паша, въ сопровожденіи двѣнадцати офицеровъ штаба Онъ немедленно же отправился въ лагерь, на границу, гдѣ произвелъ смотръ войскамъ и осматривалъ занимаемыя ими позиціи. Подъ его непосредственнымъ наблюденіемъ предпринято было раздѣленіе войскъ на два корпуса: *изъ нихъ одинъ назначается для Балканскихъ проходовъ, а другой—для занятія важнѣйшихъ стратегическихъ пунктовъ Восточной Румеліи.*

Говорятъ, будто Реуфъ-паша, не сочувствующій занятію Румеліи сказалъ одному изъ членовъ международной комисіи: „Въ высшей степени непріятно, что намъ придется вновь идти въ осиное гнѣздо, но, повидимому, намъ ничего не остается дѣлать въ видахъ самосохраненія.“ По этому поводу сообщаютъ изъ Константинополя: событія въ Восточной Румеліи внушаютъ Портѣ все болѣе и болѣе опасеній (къ чему это лицемѣріе?) и съ 18-го сентября въ арсеналѣ занимаются вооруженіемъ двухъ большихъ транспортныхъ судовъ, на которыхъ будутъ перевозиться *войска въ Бургасъ.* Къ этому прибавляютъ, что намѣренія Порты одобряются нѣкоторыми членами комисіи, находящимися въ настоящее время въ столицѣ Турецкой имперіи! Понятно, что не надо называть—кто эти члены....

По поводу волненій въ Невесинѣ изъ Пешта пишутъ, что въ правительственныхъ сферахъ (Австро-Венгріи) не придаютъ имъ большаго значенія. Уже два мѣсяца тому назадъ сообщалось, что въ военныхъ кружкахъ этой мѣстности ожидаютъ возстанія и теперь полагаютъ, что возстаніе будетъ скоро усмирено. Происхожденіе и причины волненія объясняютъ тѣмъ, что всѣ недовольны новымъ дѣленіемъ на округа, причемъ особенно сильное неудовольствіе возбудило отдѣленіе нѣкоторыхъ частей Зубцовскаго округа и зачисленіе ихъ въ другой. Народъ требовалъ, чтобы были спрошены старики, а когда этаго не сдѣлали или сдѣлали не очень скоро, то началось волненіе. Во главѣ возставшихъ сталъ сердарь пандуровъ, по имени Спаичъ. Онъ быстро организовалъ отрядъ (200 ч.) изъ мѣстныхъ жителей, и большая часть рядовыхъ принадлежитъ къ тѣмъ 7 ми батальонамъ, которые были выставлены герцеговинцами въ помощь черногорцамъ. Возставшіе начали съ сожженія Котеницы. Вскорѣ затѣмъ послѣдовало столкновеніе съ австрійцами, окончившееся потерею 1 убитаго и 3 раненыхъ со стороны герцеговинцевъ. Можетъ быть, дѣйствительно, эта первая вспышка и будетъ скоро потушена, но могутъ ли австрійцы сказать себѣ, что волненіе болѣе уже не повторится? Едва ли они это себѣ говорятъ; въ „Пештскомъ Ллойдѣ“ прямо выражаются такъ: „второе возстаніе, если оно случится, могло бы быть поддержано черногорцами и надѣлать не мало хлопотъ правительству!“...

Слышно, что герцогъ Виртембергскій скоро будетъ на мѣстѣ безпорядковъ.

Въ той же газетѣ появились статьи, рѣзко выступающія противъ князя Бисмарка и напоминающія Австріи обо всемъ вредѣ, нанесенномъ ей тою самою рукою, которую она такъ усердно пожимаетъ. Съ другой стороны указываютъ на

данныя, говорящія въ пользу предположенія, что миссія германскаго канцлера не имѣла удачи; утверждаютъ, что Тисса прямо высказалъ, что Венгрія не пойдетъ на буксирѣ Германіи, намекнувъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и на симпатіи къ Франціи.

Андраши, если вѣрить газетнымъ толкамъ, уже уступилъ свое мѣсто барону Геймерле, назначеніе котораго, будто бы окончательно состоялось. Королева Викторія прислала императору Францу-Іосифу письмо, въ которомъ выражаетъ свое удовольствіе по поводу избранія именно Геймерле. Избраніе это, какъ высказывается королева, служитъ новымъ залогомъ дружественныхъ отношеній между обоими государствами.

Повидимому, правительство ея величества не особенно дорожитъ такими отношеніями съ Нидерландами, съ которыми у него произошло нѣкоторое недоразумѣніе, наглядно рисующее безцеремонность Альбіона съ слабыми сосѣдями. Дѣло вотъ въ чемъ. Островъ Борнео раздѣляется на двѣ части: одна находится въ зависимости отъ голландцевъ, и образуетъ двѣ области, а другая, независимая, на сѣверѣ острова, населена малайцами, яванцами и др. Недавно испанцы вторгнулись въ нѣкоторые сѣверные округа, съ цѣлью завладѣть ими, но—они забыли о британцахъ, которые, неизвѣстно во имя какого прежняго права, послали въ Борнео небольшую экспедицію изъ двухъ канонерокъ, дабы протестовать противъ этаго мнимаго захвата. Британская выходка конечно встревожила голландцевъ. Они вспомнили, что въ 1824 г. Голландія заключила съ Британіей трактатъ, по которому эта послѣдняя, взамѣнъ громадныхъ уступокъ, обязалась очистить Явансkій архипелагъ и передать голландцамъ всѣ свои права и претензіи на него. Поэтому ясно, что въ виду намѣренія испанцевъ сдѣлать захватъ на Борнео—выступить могутъ никакъ не британцы, а только голландцы. Теперь и выходитъ, что британцы, дѣйствительно, права свои передали голландцамъ, но притязанія оставили за собой!

Пока еще неизвѣстно, какой оборотъ приметъ это политическое событіе.

Задача буквъ.

И. Бологова.

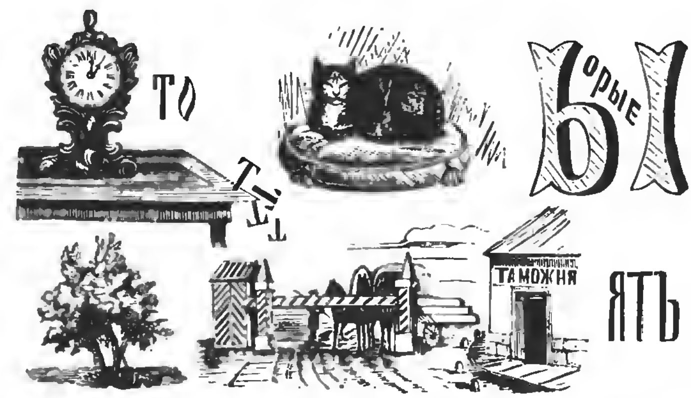
Изъ нижеслѣдующихъ 63 буквъ составить 8 словъ, распредѣливъ ихъ въ клѣткахъ фигуры такъ, чтобы читая по вопросительнымъ знакамъ сверху внизъ, составилась фамилія извѣстнаго русскаго артиста Императорскихъ театровъ, а читая по крестамъ снизу-вверхъ—фамилія извѣстнаго русскаго беллетриста.

а, а, а, а, а, б, в, в, в, г, г, г, д, е, е, е, е, е, е, и, и, и, и, и, і, к, к, к, к, л, л, л, л, м, м, м, н, н, н, н, н, н, о, о, о, о, о, о, о, п, п, р, р, р, с, с, с, т, т, у, ф, ш, я.

?							+
	?					+	
		?			+		
			?	+			
			+	?			
		+			?		
	+					?	
+							?

1. Фамилія русскаго генерала, отличившагося въ минувшую войну.
2. Названіе города древняго міра.
3. Собраніе нѣсколькихъ лицъ.
4. Городъ въ Румыніи.
5. Рукопись, съ которой набираютъ и печатаютъ.
6. Названіе тонкой шелковой ткани.
7. Заливъ въ Сѣверной Америкѣ.
8. Городъ Тамбовской губерніи.

РЕБУСЪ.



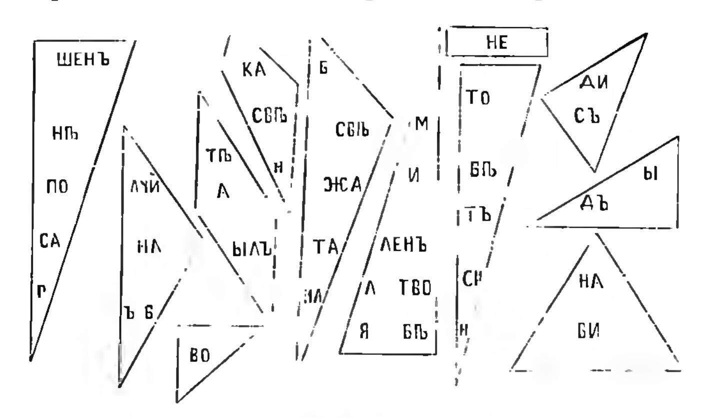
Рѣшеніе ребуса будетъ помѣщено въ одномъ изъ слѣд. №.

Алгебраическая задача.

Имя одного русскаго князя состоитъ изъ 5-ти буквъ. Замѣнивъ буквы числами, соотвѣтствующими мѣстамъ, занимаемымъ этими буквами въ русскомъ алфавитѣ и принявъ сумму чиселъ стоящихъ на мѣстѣ первой и второй буквы, равную 13, за первый членъ; число соотвѣтствующее третьей буквѣ, за второй и соотвѣтствующее четвертой—за послѣдній членъ, составимъ ариѳметическую прогрессію, сумма членовъ которой равна 45. Число соотвѣтствующее пятой буквѣ слова, равно меньшему изъ 2-хъ послѣдовательныхъ чиселъ, разность квадратовъ которыхъ равна 59. Опредѣлить имя князя, если извѣстно еще, что разность между суммою квадратовъ послѣднихъ трехъ чиселъ, увеличенною на 629 и между разностью перваго и втораго числа равняется числу выражающему текущій годъ?

Задача.

12 данныхъ отрѣзковъ съ буквами сложить такъ, чтобы составились изъ этихъ буквъ первыя четыре строки одного изъ стихотвореній Некрасова, вмѣстѣ съ тѣмъ должно образоваться очертаніе соотвѣтствующаго содержанію этихъ строкъ предмета.



Шахматная задача № 17.

Черные.

Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и выигрываютъ въ 2 хода.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Тула, Вар. Сух—ой. На будущій годъ уже пріобрѣтены нами для „Нивы“ нѣсколько капитальныхъ произведеній извѣстныхъ русскихъ авторовъ, о которыхъ подробно будетъ сообщено въ объявленіи объ изданіи „Нивы“ на 1880 годъ.

Рыбинскъ, Н. Роз—у. Столько получается писемъ, что нельзя помнить о чемъ было ваше. Если стихи неудобны къ печати, то уничтожаются просто. Отвѣчать же каждому было бы совершенно невозможно.

Москва, М. Заг—скину. Пришлите что нибудь и тогда видно будетъ. А такъ какъ же судить, можете ли вы быть полезны.

Москва, К. О. Задачи, присланныя безъ рѣшеній, мы не помѣщаемъ и просимъ присылать рѣшенія.

СОДЕРЖАНІЕ: **Дѣятели Русской литературы. И. И. Хемницеръ** (съ портр.)—**Сонъ.** Стихотвореніе. **Н. Славина.—Касимовская невѣста.** Историческій романъ **Вс. Соловьева.** (Продолженіе.)—**Гонка.** Разсказъ русскаго путешественника.—**Путь Норденшильда.** Очеркъ.—**Приношенія Церерѣ** (съ рис.)—**Старый бояринъ** (съ рис.).—**Закуримъ** (съ рис.)—**Кабулъ** (съ рис.)—**Памятникъ Араго** (съ рис.)—Политическое обозрѣніе.—Разныя извѣстія.—Задача буквъ.—Ребусъ.—Алгебраическая задача.—Шахматная задача.—Почтовый ящикъ.—Объявленія.—**При этомъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за ОКТЯБРЬ съ 24 рис. и отдѣльный листъ съ 26 чертеж. выкроекъ въ натуральную величину, и съ 31 рис. рукод. работъ.**

Издатель **А. Ф. Марксъ.** Редакторъ **Ф. Бергъ.**

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Дозволено цензурою СПБ. 28 Сентября 1879 г. Т[illegible] № 10.

X годъ — № 41 — годъ X — 1879

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ «ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ» (отъ 20 до 40 модн. рис. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40).
Выданъ 8 Октября 1879 г. Цѣна этого № «Нивы» 15 к. съ перес. 20 к.

Городъ Омскъ.

Видъ города Омска съ рѣки. Рис. Тайлоръ, грав. Лаплантъ.

Быстрый ростъ и успѣшное развитіе многихъ сибирскихъ поселеній и превращеніе ихъ въ значительные и богатые города зависѣли преимущественно отъ близости ихъ къ главному сибирскому тракту, идущему отъ Тюмени далѣе въ Сибирь до самаго Николаевска, т. е. до устьевъ Амура на Восточномъ океанѣ. Такое счастливое положеніе выпало и на долю Омска и городъ сталъ быстро развиваться и теперь считается однимъ изъ лучшихъ городовъ Сибири по благоустрой-

ству и удобствамъ жизни. Омскъ расположенъ на мѣстности ровной и сухой и въ этомъ отношеніи имѣетъ громадное преимущество передъ болотистымъ Тобольскомъ, гористымъ Томскомъ и засыпаннымъ пескомъ Красноярскомъ. Климатъ его умѣренный и здоровый; зимніе холода непродолжительны и не особенно жестоки; только иногда на городъ налетаютъ снѣжные бураны со стороны лежащихъ по сосѣдству киргизскихъ степей. Въ февралѣ уже вѣетъ здѣсь тепломъ, въ мартѣ обнажается степь а въ апрѣлѣ уже все зеленѣетъ и рѣки Иртышъ и Омь освобождаются отъ ледянаго покрова. Построенный на правомъ берегу Иртыша, при впаденіи въ него Оми, Омскъ нѣсколько возвышается надъ уровнемъ этихъ рѣкъ и видъ его очень красивъ среди этой широкой массы водъ и далеко зеленѣющей степи. Со стороны этой необъятной степи совершались нѣкогда опустошительные набѣги киргизовъ на русскія владѣнія и вынудили правительство учредить здѣсь укрѣпленный пограничный городъ. Старая омская крѣпость была построена въ 1716 лоду полковникомъ Бухольцомъ на лѣвомъ берегу Оми, при самомъ устѣ, а въ 1769 г. было создано новое укрѣпленіе на правомъ берегу по проекту инженера Людвига. Примыкая къ самому Иртышу и находясь на возвышенномъ мѣстѣ, оно окружено валомъ и снабжено четырьмя каменными воротами. Внутри крѣпости находится старинный Воскресенскій соборъ, домъ генералъ-губернатора, корпусный штабъ, лютеранская церковь и еще нѣсколько другихъ каменныхъ казенныхъ зданій. Зданіе Главнаго Управленія находится внѣ крѣпости и замѣчается по своей красотѣ и обширности. Тутъ же кромѣ Главнаго Управленія помѣщается Областное Правленіе Сибирскихъ Киргизовъ и казначейство. Самая лучшая часть города лежитъ на востокъ отъ рѣки Оми; здѣсь находится гостиный дворъ, присутственныя мѣста и большая часть общественной зданій. Изъ площадей въ этой части города самая обширная и красивая Никольская, названная такъ отъ находящейся на ней церкви Св. Николая Чудотворца; здѣсь же возвышается грандіозное зданіе Сибирской военной гимназіи, преобразованной изъ училища Сибирскаго линейнаго казачьяго войска, учрежденнаго въ 1813 году. На Никольской же площади красуется обширная мечеть чисто восточной архитектуры, зданіе казачьихъ присутственныхъ мѣстъ и домъ благороднаго собранія. Внѣ города существуетъ нѣсколько кожевенныхъ, салотопенныхъ и свѣчныхъ заводовъ, а на другой сторонѣ Иртыша находится пограничная таможня съ мѣновымъ дворомъ для торговыхъ сношеній съ азіатцами; изъ послѣднихъ чаще другихъ наѣзжаютъ киргизы, которые сюда пригоняютъ преимущественно рогатый скотъ для салотопенъ. Населеніе Омска въ послѣднія тридцать лѣтъ увеличилось болѣе чѣмъ вдвое; такъ въ 1851 году считалось въ немъ жителей обоего пола 13,233, теперь же число ихъ возрасло до 30,600, съ тѣмъ вмѣстѣ замѣчается въ Омскѣ и быстрое развитіе общественной и умственной жизни и люди знающіе хорошо Сибирь утверждаютъ единогласно, что этотъ городъ имѣетъ всѣ задатки для цвѣтущей и богатой будущности.

Стихотворенія.

Ночь.

Какая ночь!.. въ небесныхъ сводахъ
Исчезъ послѣдній отблескъ дня—
И лунный свѣтъ дрожитъ на водахъ
Снопомъ янтарнаго огня!

Какая тишь!.. въ нѣмомъ покоѣ
Природа чутко замерла,
Какъ будто таинство святое
Въ ночи свершаетъ полумгла!

В. Мюръ.

Слезы.

(Изъ Т. Мура.)

Если слезы ты льешь отъ страданья
Горе лютое въ сердцѣ тая,—
О, тогда полонъ я состраданья,
Дорогая подруга моя...

Если-жъ плачешь отъ мнимой печали,
Отъ ребяческой думы, мечты,—
Слезы эти къ тебѣ такъ пристали,
Такъ пускай бы и плакала ты!

П. О—нъ.

Касимовская невѣста.

Историческій романъ Вс. СОЛОВЬЕВА.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Продолженіе).

VII.

Молодой царь очень жаловалъ Пушкина, какъ разумнаго и пріятнаго собесѣдника, умѣвшаго во время и посмѣяться, во-время подать и совѣтъ добрый. Къ тому же Пушкинъ былъ весьма ловкій царедворецъ. Онъ, какъ и большинство бояръ именитыхъ, всей душой ненавидѣлъ Морозова, но зная его силу и непоколебимую любовь къ нему царя, всѣми мѣрами старался съ нимъ ладить, успѣвая убѣждать его въ своемъ расположеніи. И въ концѣ концовъ достигалъ этимъ многаго. Морозовъ ни однимъ словомъ не вооружалъ противъ него царя,—не становился до сихъ поръ ему поперегъ дороги.

Алексѣй Михайловичъ, узнавъ о возвращеніи Пушкина въ Москву, тотчасъ же пожелалъ его видѣть и въ неурочное время принялъ его въ Комнатѣ.

Морозова небыло, чему Пушкинъ былъ очень доволенъ. Онъ передалъ смущенному государю всѣ болѣе занимательныя подробности своего путешествія. Восхвалялъ красоту дѣвушекъ, собравшихся въ Москву; но пуще всѣхъ расхваливалъ Касимовскую дворянку, Ефимью Всеволодскую.

— Не знатна она, государь, не богата, да за то ужь и красоты невиданной, и нрава кроткаго. Дочь благочестивыхъ родителей, воспитали ее въ страхѣ Божьемъ.

Разсказалъ онъ и о Рафѣ Родіоновичѣ, и о вынесенныхъ имъ обидахъ.

— Господи! неужто это правда, что столь великія несправедливости на Руси чинятся?!—а я про то ничего не вѣдаю, печальнымъ и смущеннымъ голосомъ проговорилъ молодой царь.—Завтра же приведи ко мнѣ этого почтеннаго человѣка, я желаю его видѣть. Да скажи ему отъ моего имени, чтобы онъ говорилъ со мною не смущаясь. И родитель мой всегда любилъ правду слушать, и я, видитъ Богъ, только и желаю одной правды... Не забудь же: завтра пораньше будь у меня съ Всеволодскимъ.

Пушкинъ откланялся и на слѣдующій день рано утромъ везъ Рафа Родіоновича во дворецъ кремлевскій.

По обычаю, оставивъ свои сани далеко отъ жилища царскаго, Пушкинъ проводилъ Рафа Родіоновича на постельное крыльцо и сказалъ ему:

— Пожди здѣсь немного, я пойду, доложу государю.

Старикъ Всеволодскій будто приросъ къ мѣсту —стоялъ неподвижно, съ изумленіемъ и робостью осматриваясь. Постельное крыльцо въ этотъ день было биткомъ набито народомъ. Все люди важные—одинъ видъ чего стоитъ! Кафтаны и шубы богатыя, шапки мѣховыя высокія, поступь гордая. И глядятъ всѣ на Рафа Родіоновича съ презрѣніемъ какъ бы спрашивая:

— Какъ этотъ сюда забрался? Что за птица ощипанная?

И Рафъ Родіоновичъ дѣйствительно чувствовалъ себя ощипанной птицей. Стыдно ему за одежонку плохенькую, и не знаетъ онъ куда ему руки дѣвать. Не знаетъ кому кланяться тутъ. Кончилъ онъ тѣмъ, что сталъ раскланиваться на всѣ четыре стороны. А поклоновъ его или совсѣмъ не замѣчали, или отвѣчали на нихъ едва замѣтнымъ кивкомъ. Одинъ только какой то пожилой человѣкъ, изъ неважныхъ, да видно очень любопытныхъ, подошелъ къ нему и сталъ распрашивать.

Рафъ Родіоновичъ, низко кланяясь своему собесѣднику, на каждый вопросъ отвѣчалъ подробно, съ полнѣйшимъ добродушіемъ.

Только вдругъ на постельномъ крыльцѣ произошло

волненіе. Всѣ засуетелись. Горделивыя фигуры мгновенно какъ то съежились, высокія шапки стали низко кланяться. Мимо Всеволодскаго, по тому же направленію куда исчезъ и Пушкинъ, прошелъ, ни на кого не глядя и слегка отвѣчая на поклоны, красивый чернобородый бояринъ. Вслѣдъ за нимъ поднялся по всему крыльцу постельному шепотъ, среди котораго Всеволодскій разслышалъ только одно слово: „Морозовъ!“

Рафъ Родіоновичъ даже въ глуши своей Касимовской уже много наслышался объ этомъ важномъ бояринѣ—первомъ совѣтникѣ государевомъ и теперь почувствовалъ необыкновенное, доселѣ имъ еще неиспытанное смущеніе.

Долго, днемъ и ночью мечталъ онъ о возможности пробраться во дворецъ царскій, увидать лицомъ къ лицу государя, его ближнихъ и разумныхъ совѣтниковъ и раскрыть передъ ними свою душу. Нежданно негаданно теперь мечта эта осуществилась... такъ что же это страхъ беретъ, ноги трясутся, языкъ нѣмѣетъ.

„Вонъ вѣдь какіе тутъ люди, то не воевода Касимовскій. Какъ къ нимъ приступиться... Да и царь... издали то мы смѣлы... Господи, что то будетъ?! Ну какъ я только совсѣмъ погублю и себя и семью свою...“

Но разсуждать было некогда. Пушкинъ вернулся и, подойдя къ Всеволодскому, сказалъ ему:

— Иди за мною.

Рафъ Родіоновичъ пошелъ, спотыкаясь на каждомъ шагу, боясь задѣть кого нибудь и со страха задѣвая чуть не всякаго встрѣчнаго. Въ глазахъ у него мутилось. Онъ не видѣлъ, не замѣчалъ окружающаго, не зналъ какъ онъ идетъ и по чему идетъ—полъ ли подъ нимъ или что то зыбкое, что, вотъ, вотъ сейчасъ раздвинется, ускользнетъ изъ подъ ногъ и умчитъ его въ пропасть бездонную.

— Смѣлѣе, Рафъ Родивонычъ! государь великій на тебя смотритъ, шепнулъ Пушкинъ.

Рафъ Родіоновичъ очнулся. Взглянулъ передъ собою и увидѣлъ прекрасное молодое лицо, озаренное добродушной, почти дѣтской улыбкой. Страхъ и смущеніе вдругъ пропали. Новое умильное чувство поднялось къ сердцу и, едва удерживая слезы, старикъ упалъ на колѣни передъ государемъ.

— Встань, почтенный человѣкъ, проговорилъ Алексѣй Михайловичъ.—Я пожелалъ тебя видѣть и прошу, повѣдай мнѣ, ничего не скрывая, всѣ свои обиды.

Но Всеволодскій говорить не могъ и долго былъ не въ силахъ подняться, такъ что Пушкинъ долженъ былъ помочь ему.

„Что же это такое? мелькнуло въ его головѣ и сердцѣ.—Молчу, онѣмѣлъ! теперь то молчу, да развѣ это возможно?! Господь услышалъ молитву мою, а я молчу!..“

И онъ заговорилъ.

Онъ стоялъ передъ царемъ, забывъ о своемъ страхѣ и робости, о своемъ ненарядномъ платьѣ. Глаза его горѣли прежнимъ огнемъ. Благообразное и честное лицо сдѣлалось величественнымъ.

— Великій государь, сказалъ онъ,—прости меня коли слово молвлю я неразумное... Старъ я, не обученъ наукамъ. Въ глуши вѣкъ свой прожилъ. Съ молоду рубился съ врагами, а теперь и на то сталъ негоденъ. Но все же повѣдаю тебѣ истину. Ищу у тебя, царь православный, суда во многихъ тяжкихъ обидахъ. И устами моими будутъ тебѣ плакаться многія сотни и тысячи твоихъ вѣрныхъ подданныхъ, несправедливо обижаемыхъ безъ твоего вѣдома...

Его голосъ крѣпъ съ каждымъ словомъ, онъ видѣлъ передъ собою кроткіе глаза молодого царя, устремленные на него съ благосклоннымъ выраженіемъ. Онъ говорилъ какъ еще ни разу не случалось ему говорить въ жизни, говорилъ обо всемъ темномъ и несправедливомъ, чему былъ свидѣтелемъ, о возмутительныхъ злоупотребленіяхъ воеводы, дьяковъ и подъячихъ, о горѣ и нуждахъ народа православнаго. Говорилъ съ такою страстью, съ такимъ краснорѣчіемъ, что молодой царь внимательно и въ волненіи его слушалъ—то вспыхивая, то блѣднѣя.

Внимательно слушалъ его и другой человѣкъ, бывшій рядомъ съ царемъ; но котораго до сихъ поръ совсѣмъ и не примѣтилъ Всеволодскій—слушалъ бояринъ Морозовъ. Только трудно было разобрать на лицѣ боярина его мысли.

— Борисъ Иванычъ, слышалъ ли ты все это? вотъ что на Руси творится, вотъ какихъ воеводъ мы ставимъ! наконецъ вскричалъ Алексѣй Михайловичъ, когда Всеволодскій остановился едва переводя дыханіе.

— И столько беззаконія въ одномъ городѣ, отъ одного человѣка! продолжалъ онъ.—По другимъ мѣстамъ можетъ тоже самое дѣлается, а мы ничего не знаемъ. Какъ намъ быть теперь? Изъ за одного злодѣя льются токи слезные! Цѣлыя семьи, сотни семей терпятъ муку..,. Нѣтъ, не будетъ пощады отъ меня этому воеводѣ! за все онъ мнѣ отвѣтитъ!

— Государь, тихимъ голосомъ проговорилъ Морозовъ,—тебя взволновали рѣчи этого человѣка. Оно понятно; но вѣдь нужно дѣйствовать осмотрительно... не всякому слуху вѣрь. Можетъ все это и правда, и въ такомъ случаѣ, конечно, виновному воеводѣ должно быть строгое наказаніе. Но можетъ быть, что человѣкъ этотъ, своихъ обидъ ради, да по враждѣ своей къ тому воеводѣ, многое и не такъ передалъ. Нужно и воеводу выслушать. Доносовъ то у насъ много—рады жаловаться, благо царь милостиво слушаетъ...

Поблѣднѣлъ и вздрогнулъ Рафъ Родіоновичъ, гнѣвно глянулъ онъ на могучаго боярина.

— Во всю мою жизнь я ложью не осквернилъ языка моего, проговорилъ онъ;—а передъ лицомъ великаго государя могу ли лукавить?!

— Да вѣдь я ни въ чемъ и не виню тебя, спокойно отвѣтилъ Морозовъ,—я не чиню тебѣ никакой обиды. Ты дѣло свое сдѣлалъ, коли правду сказалъ, такъ будь спокоенъ.

Алексѣй Михайловичъ сидѣлъ задумчиво. Онъ не слышалъ словъ Морозова. Очнувшись онъ взглянулъ на Рафа Родіоновича и по прежнему ласково и печально ему улыбнулся. Онъ видѣлъ волненіе этого почтеннаго старика, видѣлъ его сердечную тоску, понялъ ее и инстинктивно постарался его ободрить и успокоить своей милой и дѣтской улыбкой.

— Спасибо тебѣ, сказалъ онъ ему, я тебѣ вѣрю, будь спокоенъ. Мы разберемъ твое дѣло и не дадимъ тебя въ обиду. Когда нужно будетъ, я позову тебя. Приказчика этого, Осину, прикажу безпремѣнно словить, а сосѣдъ твой, Сухановъ, будетъ выпущенъ на свободу, о немъ не тревожься... мнѣ довольно если ты за него ручаешься...

Благоговѣйно опустился Рафъ Родіоновичъ снова на колѣна передъ царемъ и горячо поцѣловалъ милостиво протянутую ему царскую руку. Онъ выходилъ теперь отъ государя спокойный и бодрый. Давнишняя тяжесть спала съ его плечь—онъ сдѣлалъ свое дѣло.

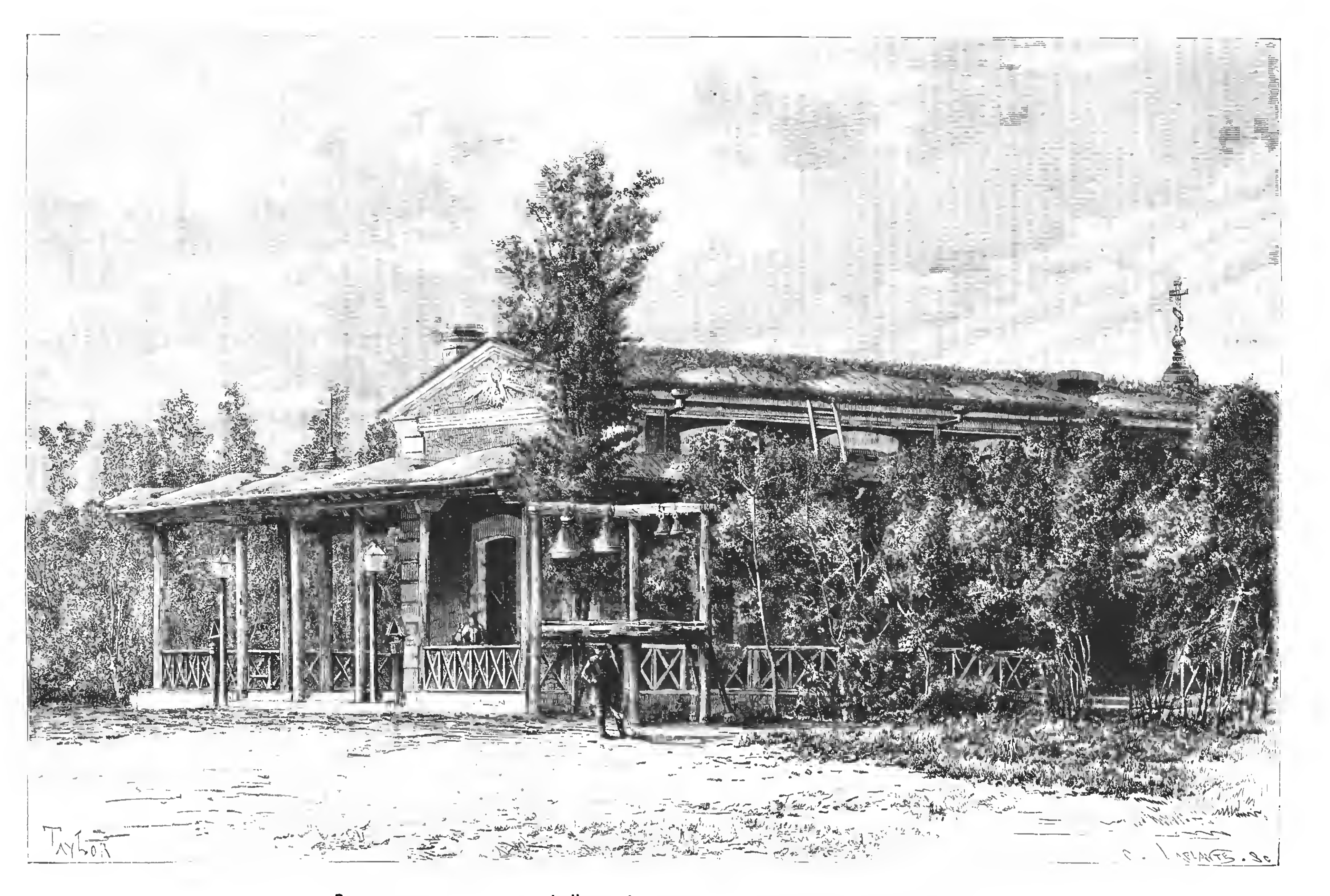
— Напрасно ты, не спросясь, о всякомъ невѣдомомъ человѣкѣ докладываешь, шепнулъ Морозовъ Пушкину—что онъ тебѣ, съ родни что-ли? Разстроить да волновать государя легко, а польза отъ этого какая?! Напрасно, совсѣмъ напрасно ты это сдѣлалъ.

Пушкинъ не отвѣчалъ и не оправдывался въ присутствіи государя, который вотъ, вотъ на нихъ взглянетъ—то было невозможно. Да и чего тутъ было оправдываться. Пушкинъ только соображалъ все о возможности удачи или неудачи той смѣлой игры, которую онъ затѣялъ.

VIII.

То же самое, что происходило въ Касимовѣ по слу-

Общій видъ города Омска. Рис. Тайлоръ, грав. Гильдебрандъ.



Русская церковь въ городѣ Кульджѣ. Съ фотогр. рис. Тайлоръ, грав. Лапландтъ.

чаю выбора царскихъ невѣстъ, то началось теперь и въ Москвѣ, только въ гораздо большихъ размѣрахъ. Всѣ страсти расходились, интриги кипѣли. Двѣсти дѣвушекъ въ сборѣ, изъ нихъ нужно отобрать шесть самыхъ красивыхъ и представить ихъ государю. Прежде всего возникаетъ вопросъ: кого изъ бояръ царь назначитъ для такаго дѣла; отъ кого будетъ зависѣть признать такую-то дѣвицу красивѣйшей, или объявить ее негодной для царскаго выбора. Значитъ нужно понравиться не государю, а судьямъ. Да и не понравиться — на красоту тутъ навѣрно будутъ обращать меньше всего вниманія. Выберутъ своихъ же дочекъ, а не дочекъ такъ родственницъ, а то такъ дочерей своихъ благопріятелей. Дѣло не впервой, дѣло извѣстное.

Кто же эти судьи?

На вопросъ этотъ отвѣтъ былъ ясенъ.

Конечно самые близкіе къ государю люди и, прежде всѣхъ, бояринъ Борисъ Ивановичъ Морозовъ.

Морозовъ опять распорядится всѣмъ по своему. Отъ него только, отъ него однаго будетъ зависѣть выборъ невѣстъ. Другіе судьи замолчатъ передъ нимъ, спорить не станутъ. Да онъ и не допуститъ рядомъ съ собою спорщиковъ, будетъ судить вмѣстѣ со своими товарищами, единомышленниками.

И никогда еще не было такой ненависти къ Морозову, какъ въ эти дни ожиданія, и никогда еще такъ не заискивали передъ нимъ царедворцы.

Вотъ имена судей стали извѣстны, избраны: Борисъ Ивановичъ Морозовъ, братъ его Глѣбъ Ивановичъ, бояринъ Романовъ, Пушкинъ и князь Прозоровскій.

И повалили къ судьямъ отцы и родственники невѣстъ выбираемыхъ. Всѣ клянутся въ дружбѣ великой, высчитываютъ прежнія услуги, въ ногахъ валяются, просятъ не обидѣть дочку или племянницу, сулятъ за услуги горы золотыя. Нѣкоторые такъ даже и заранѣе, тутъ же изъ кармана тащутъ посильное приношеніе. Бояре приношеніями не брезгаютъ, обѣщаютъ сдѣлать все, что только могутъ, но вмѣстѣ съ этимъ у каждаго на языкѣ: „Мы то за васъ будемъ—ужь не сумлѣвайтесь, а вотъ Бориса Иваныча—того хорошенько просите, какъ бы онъ вашего дѣла не испортилъ, а мы что, мы всей душой постараемся“.

Уходятъ отъ бояръ отцы и родственники съ нѣкоторой надеждой, только къ Борису Морозову никто изъ нихъ идти не осмѣливается, его не упросишь, съ нимъ не сторгуешься, лучше ужь и не заикаться, а улуча минуту, до выбора невѣстъ, на Постельномъ крыльцѣ или въ Передней, да поклониться ему пониже.

Однако и не безъ бурныхъ сценъ обходится канунъ выборовъ; не всѣ гости выходятъ отъ бояръ-судей съ миромъ и надеждою. Вотъ сидитъ у Пушкина окольничій князь Троекуровъ и упрашиваетъ его безпремѣнно выбрать на показъ царю его дочку, княжну Ирину.

Пушкинъ давно уже не любитъ Троекурова, давно ужь у него съ нимъ нелады завелись. И онъ теперь, по своему характеру непокладистому и задорному, вовсе не желаетъ обнадеживать князя, напротивъ—радъ онъ случаю насолить Троекурову и подразнить его.

— Не ладное ты дѣло выдумалъ, князь, говоритъ Пушкинъ.—Ну какъ это я могу обѣщать тебѣ выбрать твою дочку? Первое: не я одинъ выбирать буду; коли я и выберу, а другіе то скажутъ: она, молъ, не красива, у нея де одно плечо ниже другаго, да и съ лица не совсѣмъ чиста—на носу рябинки... ну что тогда?!

При этихъ словахъ Троекуровъ забываетъ все. Онъ помнитъ только свою старую вражду и зависть къ Пушкину, чувствуетъ только обиду. И обида тѣмъ сильнѣе, что у дочери дѣйствительно одно плечо ниже другаго и на носу рябинки.

— Что же ты мою дочь хаешь, вдругъ вскакиваетъ онъ съ мѣста и чуть ли не съ кулаками лѣзетъ на Пушкина.

— Ты обижать меня вздумалъ, такой-сякой!.. Видно передо мною ужь кто ни есть, а за свою дочку не мало рублевиковъ отсыпалъ; такъ вѣдь и я къ тебѣ пришелъ не съ пустыми руками...

Пушкинъ началъ было сердиться; но тотчасъ же и пересталъ—смѣхъ его разбираетъ. Отстранилъ онъ отъ себя сильною рукой щедушнаго Троекурова.

— Держи языкъ за зубами, проговорилъ онъ,—не то я эти рѣчи твои доведу до государя—какъ ты вздумалъ искушать меня рублевиками то, чтобы я плохой товаръ подсунулъ государю.

— Плохой товаръ! ахъ ты!

Троекуровъ засучилъ рукава и съ кулаками бросился на Пушкина. Пушкинъ тоже принялъ его въ кулаки и, скоро съ нимъ справившись, вытолкнулъ его въ зашей изъ своего дома.

Троекуровъ остановился на улицѣ и долго стоялъ неподвижно, въ безсильной злобѣ. Что ему дѣлать? Искать съ Пушкина безчестіе нечего и думать. Онъ такаго наскажетъ, что пропадешь совсѣмъ. Съ мечтами о свойствѣ царскомъ тоже видно придется проститься. Еле, еле, всѣми правдами и неправдами дочь попала въ списокъ двухсотъ дѣвушекъ; теперь же ничего не подѣлаешь. И бросился Троекуровъ къ себѣ домой, вымѣщать злобу на женѣ да на дочери-невѣстѣ...

IX.

Боярскіе смотры невѣстъ происходили утромъ въ одной изъ болѣе обширныхъ палатъ дворцовыхъ. Въ назначенный часъ прибыли всѣ двѣсти молодыхъ дѣвушекъ въ закрытыхъ колымагахъ, заранѣе разосланныхъ за ними. Закутанныя фигуры, одна за другой, выходили изъ колымагъ и скрывались въ сѣняхъ. Нѣсколько назначенныхъ для этаго случая боярынь провожали ихъ въ палату. Тамъ онѣ становились одна возлѣ другой длинными рядами. Чудное зрѣлище представляла палата. Верхняя мѣховая одежда снята съ дѣвушекъ. Фата ужь не скрываетъ ихъ лица. Длинными вереницами стоятъ онѣ въ своихъ высокихъ мѣховыхъ шапочкахъ, въ дорогихъ парчевыхъ платьяхъ съ длинными сборчатыми рукавами, на шеѣ у нихъ жемчужныя ожерелья; на ногахъ разноцвѣтные сафьяновые сапожки съ высокими каблуками. Всѣ онѣ молоды, всѣ красивы. А которая изъ нихъ и похуже, такъ сразу разобрать невозможно — лица и шеи набѣлены, щеки нарумянены, брови и глаза подрисованы. Много заботъ было положено, чтобы выставить невѣстъ въ самомъ лучшемъ видѣ.

И стоятъ эти дѣвицы-красавицы въ своихъ дорогихъ тяжелыхъ уборахъ, скрывающихъ подъ широкими складками ихъ молодыя формы, стоятъ не шелохнутся, будто не живыя. На рѣдкихъ лицахъ видно оживленіе. Большинство изъ нихъ просто смущены, испуганы немного; но смущеніе и испугъ скоро переходятъ въ безучастное равнодушіе. Многія изъ нихъ очевидно даже не совсѣмъ хорошо понимаютъ значеніе сегодняшняго дня. Глаза ихъ опущены и только изрѣдка вскидываютъ онѣ ими, поглядывая на сосѣдокъ.

Онѣ всѣ еще слишкомъ молоды для страстей, для зависти, честолюбія. Онѣ еще дѣти. Но дѣтство ихъ какое-то скучное, однообразное.

Конечно между ними есть и исключенія. Нѣкоторыя пріѣхали издалека, нѣкоторыя знакомы съ болѣе широкой, привольной жизнью. Въ иныхъ уже говоритъ и сжимается сердце тоскою и страхомъ, надеждой и сладкой мечтою.

Но ничего этаго не прочтешь на ихъ лицахъ. Имъ строго наказано пристойно держать себя, то есть, казаться какъ можно деревяннѣе, какъ можно мертвеннѣе. Имъ внушено, что если онѣ хоть чѣмъ нибудь

проявятъ свою внутреннюю жизнь, то будутъ бѣды великія и имъ, и ихъ родичамъ.

И вотъ онѣ стоятъ недвижимыми изваяніями.

Среди этихъ дѣвушекъ и Фима. Ея старая тетка, Купріянова, употребила всѣ старанія для того, чтобы племянница не ударила лицомъ въ грязь; она постаралась навѣшать на нее всѣ дорогія украшенія, какія только были у нея. Украшеній этихъ много. Нарядъ Фимы безвкусенъ; но никакое безвкусіе, никакое излишество ненужныхъ побрякушекъ не могутъ затмить красоту ея.

Чудно хороша Фима. Стоитъ она опустивъ голову. Глаза ея закрыты, на лицѣ застыло выраженіе не то тихой тоски, не то усталости. На сердцѣ у нея тяжело и смутно, будто сонъ какой-то. Вопросъ неясный, мучительный стоитъ передъ нею.

Что такое творится съ ней въ послѣднее время? Когда наконецъ все это кончится?

Вотъ вчера отецъ отъ царя вернулся, гордый такой. Радостно объявилъ, что теперь конецъ всѣмъ невзгодамъ. Объявилъ, что теперь Митя будетъ выпущенъ немедленно. А между тѣмъ про Митю ни слуху ни духу. Просила она Андрея узнать о немъ, но Андрей совсѣмъ обезумѣлъ отъ страха, что у него отнимутъ невѣсту. Всю ночь проплакалъ какъ малый ребенокъ; а поѣхали онѣ во дворецъ, такъ онъ побѣжалъ тоже къ Кремлю. Ждетъ вѣрно теперь гдѣ нибудь, чтобы не пропустить ни минутки, чтобы скорѣе узнать—освобождена ли его Маша.

Маша здѣсь, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Фимы. Онѣ улыбнулись другъ другу и снова замерли.

Но что это такое? вдругъ искра какая то пробѣжала между всѣми собранными дѣвушками. Нѣмыя, неподвижныя шеренги дрогнули, даже въ нѣсколькихъ мѣстахъ раздался невольный и тотчасъ же подавленный крикъ испуга.

— Бояре идутъ! послышался робкій шепотъ.

Нѣкоторыя дѣвушки отъ страха едва на ногахъ стояли. Имъ Богъ знаетъ что начинало чудиться. Онѣ точно ожидали какой то невѣдомой и ужасной пытки.

Бояре, и впереди всѣхъ Борисъ Ивановичъ Морозовъ, стали медленно проходить мимо дѣвушекъ, внимательно ихъ разглядывая. Подъ этими пристальными взглядами еще ниже опускались рѣсницы. Испуганно жались дѣвушки одна къ другой; но бояре не обращали никакого вниманія на ихъ смущеніе.

Борисъ Ивановичъ искалъ глазами сестеръ Милославскихъ. Вотъ онъ передъ ними.

Величественно и невозмутимо стоятъ обѣ красавицы. Только около губъ младшей вьется едва замѣтная улыбка. Морозовъ заговорилъ съ ними. Онѣ отвѣчаютъ ему мѣрнымъ, спокойнымъ голосомъ, граціозно кланяются.

— Бояре, обратился Морозовъ къ окружающимъ,— бояре, гляньте-ка—вотъ такъ во истину красавицы—это Ильи Данилыча Милославскаго дочки!

Бояре быстро переглянулись между собою. Теперь они поняли въ чемъ дѣло. Но возражать Морозову во всякомъ случаѣ не приходилось, да и тѣмъ болѣе, что Милославскія были дѣйствительно красивѣе всѣхъ, стоящихъ въ переднемъ ряду.

Пушкинъ взглянулъ на нихъ, вспыхнулъ и закусилъ губы:

— Хороши, хороши, подумалъ онъ,—и Илья Милославскій вѣрнымъ ему холопомъ будетъ... Ловко придумалъ Бориско! Только еще посмотримъ чья возьметъ. Моя то все же краше этихъ писаныхъ скромницъ!..

Онъ отошелъ отъ бояръ, отыскалъ глазами Фиму и затѣмъ, вернувшись, сталъ шептать судьямъ.

— А ну-ка, взгляните вы, бояре, на эту, — что скажете?

Бояре взглянули по тому направленію, куда имъ указывалъ Пушкинъ,—да такъ и остались съ разинутыми ртами. Взглянулъ и Морозовъ—и у него невольно дрогнуло сердце.

„Вотъ такъ красавица! Откуда? Кто такая? Въ жизнь такой красы не видывалъ! Лучше, лучше, всѣхъ лучше!“ мелькнуло въ головѣ его.

Подъ нежданнымъ обаяніемъ красоты Фимы онъ бросилъ свои разговоры съ Милославскими и подошелъ къ ней.

Она все продолжала стоять съ опущенными глазами.

— Какъ зовутъ тебя? Чьихъ ты родомъ, красавица? раздался надъ нею громкій голосъ.

Она вздрогнула, подняла глаза. Статный, чернобородый бояринъ передъ нею. Лицо важное, блѣдное, глаза черные, острые. Будто кольнуло ей что въ сердце. Страшнымъ отчего то показался ей красивый бояринъ.

— Зовутъ меня Ефимьей, я дочь Рафа Родивоныча Всеволодскаго, Касимовскаго дворянина, едва слышно проговорила Фима, какъ приказали ей родные, и низко поклонилась.

Всѣ бояре-судьи были уже около нея. Всѣ глядѣли на нее изумленными глазами, всѣ шептали:

„Красавица! воистину красавица!“

Но Фима не обращала на нихъ никакаго вниманія. Передъ нею былъ одинъ только страшный чернобородый бояринъ и ей хотѣлось только однаго — чтобы онъ отошелъ отъ нея подальше и чтобы никогда ужь больше ей не видѣть его.

Наконецъ судьи, вдоволь налюбовавшись Фимой, начали подходить къ другимъ дѣвушкамъ, а затѣмъ, окончивъ осмотръ, вышли изъ палаты.

— Какъ же мы рѣшимъ, бояре? обратился Морозовъ къ своимъ товарищамъ.

— Да что же тутъ рѣшать, отвѣтили они ему;—дѣло видимое. Всѣ въ добрыя жены годятся, да не царю только. А царскихъ невѣстъ немного...

— Милославскія двѣ, перебилъ Морозовъ;—краше ихъ на всей Москвѣ дѣвицъ нѣту... о нихъ давно ужь молвь идетъ, да и царевнамъ онѣ вѣдомы...

— Ну да, Милославскія—это точно, спору нѣту, заговорили бояре, перебивая другъ друга.—Хилкова княжна взяла тоже и ростомъ и дородствомъ... зубы ровно жемчугъ, а коса-то? замѣтили?—ниже колѣнъ, право слово... хороша дѣвка, больно хороша!..

— Опять и княжна Пронская—грѣхъ охаять—на что же лучше. У ней вонъ и мать и бабка были какія! На весь городъ славились... ихъ ужь родъ такой... безпремѣнно надо ее показать государю...

— Алферьева тоже вотъ...

— Ну а Всеволодская-то! хоть и не изъ нашихъ Московскихъ боярышень, а краше всѣхъ будетъ...

— Это точно... не въ примѣръ краше!

— Ужь и какъ такая красавица уродилася!!..

— Будто она и краше всѣхъ? а Милославскія? вымолвилъ Морозовъ.

— Тамъ какъ царь взглянетъ, это намъ невѣдомо, а на наши глаза она, точно, краше всѣхъ—и неужто спорить объ этомъ станешь, бояринъ? Мы вѣдь это не въ обиду Милославскимъ... ихъ краса при нихъ и останется...

Морозовъ однако не спорилъ. Онъ понималъ, что скрыть отъ царя такую красавицу невозможно.

„Чай ужь заранѣе Пушкинъ доложилъ о ней. Недаромъ этаго старика-отца приволокъ съ его ябедами. Эхъ, Пушкинъ! ногу подставить видно хочешь—только врядъ ли, братъ, удастся... Не все красавицы царицами дѣлаются...“

— Такъ на томъ, значитъ, и порѣшимъ? громко обратился онъ къ боярамъ.—Сегодня же государь, можетъ, дѣвицъ и увидитъ...

Морозовъ простился съ боярами, поручивъ своему

брату, Глѣбу Ивановичу, доложить царю объ окончанiи возложеннаго на нихъ порученiя. А самъ отправился къ царскому духовнику, Благовѣщенскому протопопу, Стефану Вонифатьевичу.

„Хитри себѣ, Пушкинъ, продолжалъ думать онъ дорогой,—подставляй красавицъ. Мы съ протопопомъ тоже не задремлемъ—Алешу изъ рукъ не выпустимъ.

X.

Нигдѣ найти не могъ себѣ покою въ эти послѣднiе дни царь Алексѣй Михайловичъ. Сначала, согласившись на предложенiе Морозова относительно избранiя невѣсты и разославъ своихъ придворныхъ для призыва на Москву дѣвушекъ, онъ вдругъ оживился. И ни Морозовъ, ни другiе ужь не замѣчали въ немъ больше того страннаго состоянiя, которое такъ поразило ихъ въ день поѣздки на медвѣжью травлю и львиное зрѣлище. Алексѣй Михайловичъ снова повеселѣлъ, мечтательное и разсѣянное выраженiе лица его исчезло. Онъ опять сталъ интересоваться всѣмъ, чѣмъ интересовался прежде, „сидѣлъ“ съ боярами, вникалъ въ дѣла, ходилъ на медвѣжью охоту; а во время службъ церковныхъ и вечеромъ въ Крестовой, усердно молился.

Но вотъ дѣвушки-невѣсты въ Москвѣ. Вотъ бояре выбираютъ для него самыхъ лучшихъ, самыхъ прекрасныхъ. Морозовъ расхваливаетъ красоту дочерей Ильи Милославскаго. Пушкинъ толкуетъ о неслыханной красавицѣ Касимовской.

И опять спокойствiе покидаетъ молодаго государя. Опять онъ въ волненiи, разсѣянъ, въ мечтахъ забывается. Онъ знаетъ, что вотъ сегодня бояре уже высмотрѣли для него шесть красавицъ. Теперь и самъ онъ можетъ взглянуть на нихъ. Сегодня, завтра, когда только онъ захочетъ, передъ нимъ явятся эти красавицы и онъ долженъ будетъ изъ нихъ выбрать себѣ жену—царицу.

Страшно и въ то же время какъ то волшебно-сладко становится на душѣ Алексѣя Михайловича. Онъ и торопитъ этотъ часъ завѣтный, и въ то же время страшится этого часа.

Къ обѣду собираются привычные собесѣдники, въ томъ числѣ и Морозовъ да духовникъ царскiй, Стефанъ Вонифатьевичъ. Бояре объявляютъ царю, что выборъ сдѣланъ. Спрашиваютъ когда онъ невѣстъ смотрѣть будетъ. Но онъ только краснѣетъ и не говоритъ имъ ни слова—заминаетъ эти рѣчи. А въ то-же время ему страстно хочется, чтобы кто нибудь поговорилъ объ этихъ красавицахъ.

И самъ онъ не знаетъ, что съ нимъ дѣется, не можетъ усидѣть онъ на мѣстѣ.

Обѣдъ идетъ обычнымъ чередомъ, съ обычными церемонiями. Бояре видятъ смущенiе государя, понимаютъ его и не продолжаютъ разговора о невѣстахъ. Начинается всегдашняя бесѣда; но Алексѣй Михайловичъ разсѣянъ, не слышитъ что говорятъ бояре; даже ѣсть забываетъ—не до ѣды ему теперь.

Обѣдъ конченъ. Бояре съ низкими поклонами выходятъ. Остаются только Морозовъ да духовникъ.

Борисъ Ивановичъ улучилъ первую удобную минуту, подошелъ къ своему воспитаннику и, ласково ему улыбнувшись, сказалъ:

— Такъ какъ же, государь, когда смотрѣть невѣстъ будешь? Коли начато дѣло такъ нужно его и кончить. Да и невѣсты-красавицы совсѣмъ измучаются... Чай у каждой изъ нихъ теперь душа не на мѣстѣ, въ одинъ день истаютъ какъ свѣчи.

— Завтра, опустивъ глаза, проговорилъ Алексѣй Михайловичъ.

— Вотъ это ладно. А теперь я поразскажу тебѣ, государь, о томъ, что было утромъ. Выбрали мы по общему рѣшенiю шесть красавицъ. Краше ихъ, я чаю, и во всемъ свѣтѣ не сыщется. Ну, одно слово—для тебя выбирали! самъ увидишь. А только мнѣ все теперь мысли разныя въ голову приходятъ. Красота красотою, да вѣдь не одна красота для жены доброй, а тѣмъ паче для царицы, нужна. Полюбится тебѣ одна изъ этихъ красавицъ, обвѣнчаешься ты съ нею, а вдругъ она нравомъ окажется дурна, сердцемъ зла?!.. Что тогда дѣлать? Красота то приглядится скоро, да и пройдетъ вмѣстѣ съ молодостью, а сердце останется... Грустно мнѣ, государь, грустно твоему старому дядькѣ помыслить о томъ, что вдругъ, не дай Богъ, изъ нашего выбора выйдетъ тебѣ несчастiе. Будемъ мы передъ тобою въ отвѣтѣ. Зачѣмъ, скажешь, вы мнѣ, бояре мои ближнiе, жену злую указали. Такъ вотъ объ этомъ то я весь день и думаю...

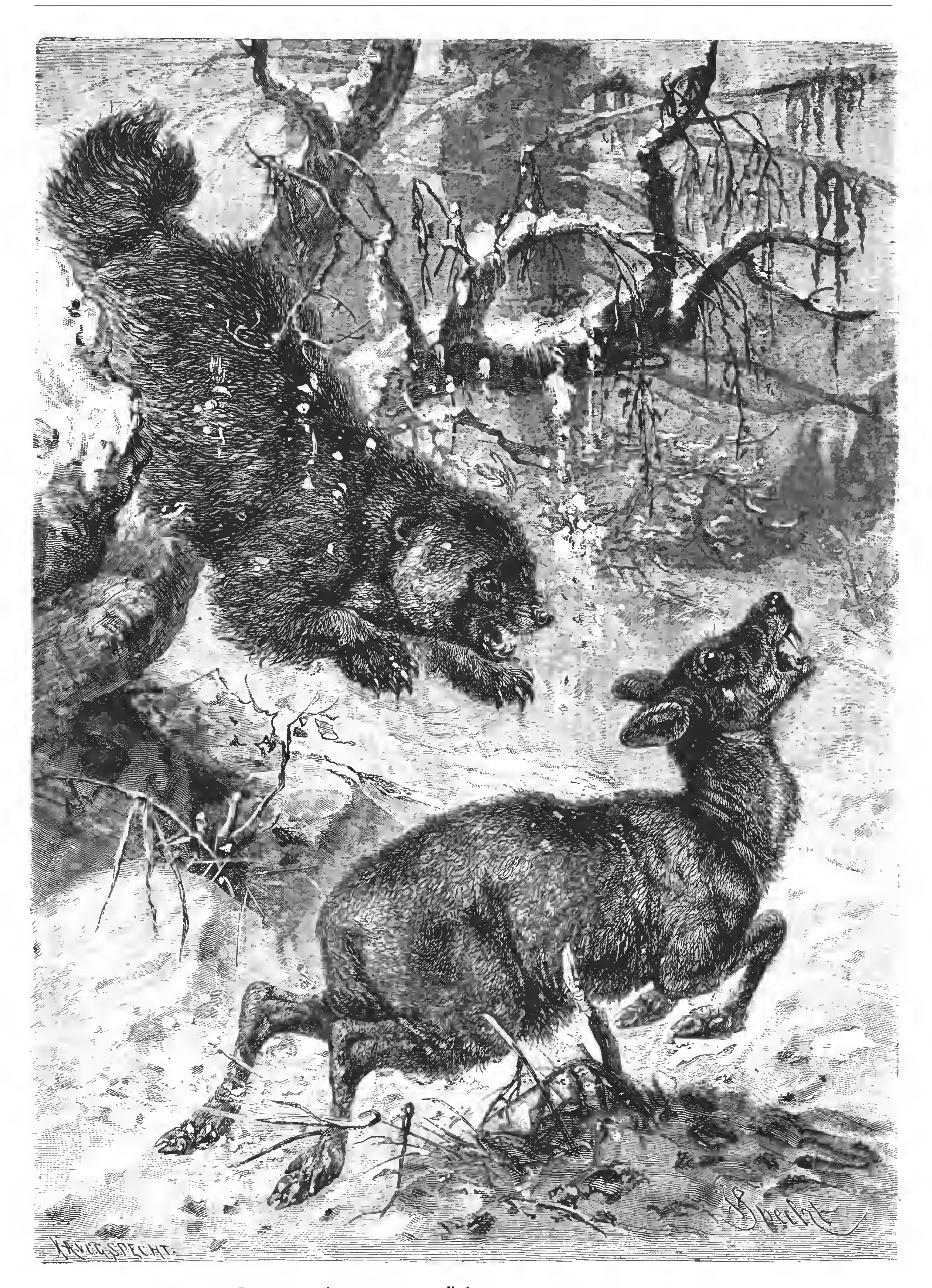
Алексѣй Михайловичъ внимательно слушалъ, положивъ голову на руки и глядя большими, свѣтлыми глазами на своего друга и дядьку. Спокойное, величавое лицо Морозова было грустно; но острые глаза такъ и впивались въ государя. Онъ продолжалъ прежнимъ мѣрнымъ голосомъ:

— Всѣ выбранныя нами дѣвушки—воистину красавицы, которая изъ нихъ краше—сказать мудрено. Одному одна покажется, другому другая; но всякiй про любую изъ нихъ скажетъ: „вотъ, молъ, царица!“ Такъ, стало, по красотѣ онѣ равны. Но которая изъ нихъ нравомъ лучше, сердцемъ добрѣе, которая больше будетъ лелѣять и беречь тебя, которая достойна великаго счастiя, что выпадаетъ ей на долю?.. Темное дѣло—узнать сердце дѣвичье, а особливо при нашихъ обычаяхъ. Дѣвицу въ теремѣ хоронятъ отъ всякаго взгляда. Никто ее не видитъ, не слышитъ, самъ о ней судить не можетъ. Но все же, стоитъ захотѣть только—и кой что узнаешь про каждую дѣвушку. И вотъ я, о тебѣ помышляючи, вызналъ нонѣ все что могъ о выбранныхъ нами невѣстахъ. Княжна Пронская хороша безспорно, да мамушки и нянюшки баютъ—горда больно, въ отца уродилась. Про Хилкову княжну мнѣ повѣдала тетка ея родная, старуха добрая и разумная: „всѣмъ, говоритъ, хороша моя племянница, да слезы у нея больно дешевы, отъ всякаго пустаго дѣла въ три ручья заливается. Ни разу, говоритъ, ея улыбки я не видала. И всего то у нея въ досталь. Родители у нея добрые, горя никакого нѣту, а плачетъ себѣ, да и полно.“ Смутился я какъ услыхалъ эти рѣчи. Оно конечно, плакать—бабье дѣло, только ужь коли часто больно плакать, такъ хуже этаго ничего, кажись, и быть не можетъ.

— Да, это правда, проговорилъ Алексѣй Михайловичъ,—я не люблю плаксивыхъ. Вонъ какъ сестрица Аннушка—что тутъ хорошаго. Ну а про другихъ что скажешь, Борисъ Иванычъ?

— Алферьеву тоже мы выбрали—красивая, статная, здоровая. А признаться я ужь хотѣлъ было спорить съ боярами, чтобы замѣсто нея поискать другую. Ничего про нее дурнаго не знаю,—узнать то мнѣ неоткуда; а смущаетъ она меня. Заговорилъ я съ нею и такъ и эдакъ,—ну и поистинѣ скажу тебѣ, государь: сдается мнѣ, Господь ее разумомъ обидѣлъ:—невпопадъ все какъ-то отвѣчаетъ. И нельзя сказать, что она въ смущенiи, нѣтъ, глядитъ такъ смѣло... Зато есть двѣ другiя, я ужь говорилъ тебѣ про нихъ, сестры Милославскiя. Какъ онѣ красивы самъ увидишь, а про нравъ ихъ я могу сказать тебѣ, знаю хорошо какъ дома то ведены онѣ, дѣвушки добрыя,—скромныя, разумныя, а особливо старшая. Вторая молода еще, ее разпознать труднѣе—почти ребенокъ. Да вотъ пускай про нихъ тебѣ и отецъ Стефанъ скажетъ. Онъ у нихъ въ домѣ бываетъ—духовникъ ихъ тоже.

(Продолженiе будетъ).



Россомаха, бросающаяся на Кабаргу. Рис. и грав. Ф. Шпехтъ.

„Для Георга Вашингтона“.

Разсказъ изъ временъ англо-американской войны.

I.

Солнце американской независимости только что подымалось надъ густыми облаками порохового дыма. Но, лучи этаго солнца освѣщали грустную картину. За знаменательнымъ днемъ 4-го іюля 1776 года, днемъ провозглашенія независимости штатовъ, послѣдовалъ цѣлый рядъ неудачныхъ для генерала Вашингтона сраженій; Нью-іоркская гавань, нижній Гудзонъ и военныя сообщенія въ центральныхъ и южныхъ штатахъ находились въ рукахъ британцевъ, между тѣмъ какъ разстроенные полки Вашингтона были почти совершенно неспособны продолжать войну. За то по городамъ и деревнямъ шла не менѣе упорная война между сторонниками британскаго владычества и „патріотами,“ т. е. сторонниками независимости. Особеннымъ ожесточеніемъ отличалась эта борьба въ Вестчестерскомъ графствѣ.

Дѣла бойцовъ за освобожденіе колоніи шли нехорошо; это можно было видѣть по веселымъ лицамъ „торіевъ“ и вытянутымъ физіономіямъ „патріотовъ.“

Около этого времени, за нѣсколько недѣль до сдачи форта Вашингтона, однажды вечеромъ на фермѣ, близъ большой дороги въ Альбани, сидѣло за ужиномъ маленькое общество, изъ четырехъ лицъ.

Ферма была расположена въ сторонѣ отъ сосѣдей, отъ которыхъ отдѣлялась принадлежавшими къ ней тучными нажитями, лугами и густымъ лѣсомъ, темнымъ кольцомъ охватившимъ все виднѣвшееся пространство. На сѣверозападѣ тянулся хребетъ скалистыхъ горъ, съ мелькавшими въ промежуточныхъ лощинахъ озерами.

Въ просторной комнатѣ фермы, у верхняго конца стола сидѣлъ очевидно самъ владѣлецъ—человѣкъ уже пожилой, съ загорѣлымъ, энергическимъ лицомъ, выражавшимъ рѣшительный характеръ и сильную волю. По правую руку отъ него занималъ мѣсто юноша лѣтъ восемнадцати; въ его умныхъ и не менѣе характерныхъ чертахъ было столько сходства съ первымъ, что въ нихъ сразу можно было узнать отца и сына. Прямо противъ молодаго человѣка помѣщался мужчина въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ и силъ, которыми, казалось, съ избыткомъ было надѣлено его крѣпкое тѣло. Его можно было бы назвать очень красивымъ, еслибы лицо не носило отпечатка какой-то хитрости и скрытности. Теперь, какъ и по большей части, онъ держалъ глаза опущенными. Наконецъ, на другомъ концѣ, противъ владѣльца фермы, сидѣла прелестная блондинка, съ замѣчательно большими голубыми глазами.

— Ну, вотъ, я и пробрался къ вамъ, чтобы васъ предупредить, произнесъ человѣкъ съ опущенными глазами (не подымая ихъ). Никто не можетъ сказать когда они развѣдаютъ объ этомъ, а г. Вашингтонъ, именно теперь, больше всего нуждается въ лошадяхъ.

— Изъ моихъ лошадей онъ не получитъ ни одной, Джо Гарнетъ, не получитъ ни за какія деньги. Здѣсь у меня дюжина превосходныхъ чистокровныхъ коней, кромѣ тѣхъ, которые работаютъ въ полѣ. Но—я отдамъ ихъ только для королевской кавалеріи, и скорѣе зарѣжу или утоплю ихъ, чѣмъ уступлю Вашингтону.

— Такъ, по моему, сквайръ Беррель,—чѣмъ скорѣе вы ихъ припрячете въ какую нибудь скрытую мѣстность, тѣмъ будетъ лучше, а потомъ, если всѣ извѣстія подтвердятся, не трудно будетъ ихъ привести назадъ.

— Развѣ есть какія нибудь вѣсти о войскахъ генерала Вашингтона? съ живостью спросила молодая дѣвушка.

Выраженіе, съ которымъ она произнесла слово „генералъ“ произвело, очевидно, непріятное дѣйствіе на отца; въ его сѣрыхъ, глубокихъ глазахъ мелькнула искра неудовольствія и обратившись къ говорившей, онъ произнесъ строгимъ голосомъ:

— Прюденсъ, Прюденсъ—сколько разъ я уже повторялъ тебѣ, что шайка бунтовщиковъ не можетъ никого произвести въ „генералы.“ Одинъ только патентъ, изъ Лондона даетъ право на этотъ чинъ!

— Мы теперь подчинены не Лондону, а конгрессу, горячо отвѣчала раскраснѣвшаяся Прюденсъ, и во всякомъ случаѣ—генералъ Вашингтонъ командуетъ арміей!

— Не долго уже, кажется, ему остается покомандовать, не взирая, даже, на все ваше сочувствіе къ нему, замѣтилъ Джо Гарнеттъ,—генералъ Гоу уже училъ его и вѣроятно скоро британскія войска пройдутъ и къ верхнему Гудзону.

— А!—значитъ какъ разъ наступаетъ время продажи лошадей, сказалъ сквайръ Беррелль,—но я думаю, что у этаго Вашингтона денегъ-то не хватитъ, чтобъ купить коней и для одного эскадрона.

— Еслибъ онъ слышалъ, какъ ты о немъ говоришь, отецъ, такъ, можетъ быть, не поцеремонился бы взять ихъ даромъ, возразилъ молодой Данъ Беррелль.

— Данъ правъ, замѣтилъ Джо Гарреттъ. Теперь надо быть очень осторожнымъ. Я бы не очень хотѣлъ попасть въ руки стараго Путнама, а съ нимъ-то первымъ намъ, пожалуй, и пришлось бы дѣло имѣть. Признаться, еслибы онъ, или кто нибудь изъ его оборвышей-бунтовщиковъ пришелъ сюда—я бы не задумался под…кнуть ихъ вздору, который они называютъ „патріотизмомъ.“ Что дѣлать?

— А я, воскликнула Прюденсъ,—я прямо и открыто объявляю себя за патріотовъ и даже сказала бы это самому королю!

— Браво! воскликнулъ Данъ.

Отецъ поднялся, съ нѣкоторымъ раздраженіемъ съ своего мѣста.

— Молчи, Прюденсъ, произнесъ онъ,—я не желаю и запрещаю мятежную рѣчь подъ моей крышей и...

Прежде чѣмъ онъ успѣлъ окончить, его взглядъ упалъ на высокую фигуру молодаго человѣка, шедшаго по двору прямо къ крыльцу фермы. Остальные также замѣтили и узнали приближавшагося, такъ какъ еще было довольно свѣтло. Голосъ сквайра зазвучалъ на этотъ разъ съ большимъ гнѣвомъ, чѣмъ прежде.

— Я забываю мою ссору съ отцомъ его, сказалъ онъ, указывая въ сторону прибывшаго, но—никогда не прощу ему того, что онъ возсталъ противъ своего короля и повелителя. Онъ никогда не переступитъ порога моего дома!

— Отецъ!.. начала было Прюденсъ, поблѣднѣвшая какъ полотно, но—не продолжала. Повидимому, какая то особенная, тайная причина остановила молодую дѣвушку, и причина эта была, вѣроятно, дѣйствительнѣе, чѣмъ произнесенное братомъ энергическимъ шопотомъ: „Прюденсъ!“

Это восклицаніе она услыхала, но слышалъ его и Джо Гарнеттъ, медленно поднявшій, наконецъ, свои глаза. Онъ пристально посмотрѣлъ на дѣвушку и что-то злое блеснуло въ его взглядѣ.

Сквайръ, между тѣмъ, быстрымъ и рѣшительнымъ шагомъ подошелъ къ двери и когда онъ былъ уже у самаго порога,—раздалось громкое, веселое привѣтствіе, произнесенное свѣжимъ, мужественнымъ голосомъ:

— Добрый вечеръ, сквайръ Беррель. Какъ поживаютъ Данъ и Прюденсъ?

— Стойте! ни съ мѣста! рѣзко отвѣтилъ сэръ Беррелль. Домъ Силаса Беррелля—его собственность и онъ не допуститъ къ себѣ бунтовщика!

Эти жесткія слова, очевидно, поразили молодаго человѣка неожиданностію своею. Съ минуту онъ простоялъ въ безмолвіи; дрожавшія губы выдали внутреннюю боль, причиненную ему такимъ пріемомъ; но, почти немедленно, отступивъ на одинъ шагъ, онъ поднялъ свою шляпу, высоко взмахнулъ ею надъ головой, громко воскликнулъ: „Да здравствуетъ конгрессъ и генералъ Вашингтонъ!“—и тотчасъ же повернувшись, пошелъ обратно. Поровнявшись съ окномъ, онъ услыхалъ тихій, нѣжный, дѣвическій голосъ, произнесшій ему вслѣдъ: „Аминь!“

Данъ не могъ вытерпѣть выраженія злорадства, которое онъ успѣлъ, на этотъ разъ, замѣтить на лицѣ человѣка, упорно глядѣвшаго въ свою тарелку.—„Джо Гарнеттъ, сказалъ онъ, обращаясь къ нему,—я и Прюденсъ, мы на сторонѣ Гармона Дикса!“

Съ этого вечера, маленькое семейство Сиаса Беррелля явно уже раздѣлилось на два лагеря. До сихъ поръ этотъ открытый разрывъ между отцемъ и дѣтьми, въ великомъ вопросѣ эпохи, сдерживался строгимъ воспитаніемъ, полученнымъ юношей и молодой дѣвушкой, а также глубокимъ уваженіемъ къ родителю.

Мрачный возвратился сквайръ на свое мѣсто.

— Мятежники! возстать противъ своего короля! возстать уже и противъ отца своего! Какъ пережить это!

— Отецъ! отецъ! воскликнула Прюденсъ со слезами на глазахъ и въ голосѣ.

— Э! молчи, Прюденсъ! возразилъ сквайръ,—я хорошо понимаю, откуда бѣда могла придти. По крайней мѣрѣ онъ уже не явится ко мнѣ въ домъ. Пусть доноситъ на меня, если желаетъ...

— Отецъ! перебилъ Данъ,—этого нельзя сказать о Гармонѣ Диксѣ! Ты знаешь, что онъ на это не способенъ!

— Довольно! крикнулъ сквайръ на него,—развѣ онъ можетъ быть мнѣ преданнѣе, чѣмъ родная кровь моя? Джо Гарнеттъ—пойдемте со мной—переговоримъ наединѣ объ извѣстномъ предметѣ.

Оба вышли, снявъ со стѣны ружья, безъ которыхъ, въ то время, рѣдко кто показывался на улицѣ.

— Прорвалось, таки, Прюденсъ, сказалъ Данъ, оставшись съ сестрой.—Отецъ теперь будетъ сердиться нѣсколько дней. Но этаго Джо я ненавижу.

— Никого не надо ненавидѣть, отвѣтила дѣвушка,—я только боюсь—не придумалъ бы онъ чего нибудь злого; у него, навѣрное, есть какой-то планъ.

— Ты думаешь? спросилъ Данъ. Я, все-таки, увѣренъ, что этой головѣ не удастся изобрѣсть чего нибудь важнаго. А? какъ твое мнѣніе? Да, во всякомъ случаѣ имъ не скрыть отъ меня—я узнаю. А тебѣ скажу—мнѣ сдается, что я скоро поступлю подъ начальство капитана Гармона Дикса.

— Вотъ какъ! Я вовсе не знала, что онъ назначенъ командиромъ.

— Я объ этомъ знаю не больше тебя, отвѣтилъ Данъ, но— онъ „патріотъ" и во всей этой сторонѣ не найдется никого достойнѣе его носить эполеты. Вся здѣшняя молодежь сбѣжится къ нему—кликни онъ только!

— Данъ! восторженно произнесла Прюденсъ,—я бы желала быть мужчиной!

— А я желалъ бы, чтобы ты обращалась съ Джо Гарнеттомъ не какъ съ мужчиной!

— Данъ—что ты? воскликнула Прюденсъ.

Пока между братомъ и сестрой происходилъ этотъ разговоръ, сквайръ Беррелль и его собесѣдникъ продолжали свой путь. Джо Гарнеттъ былъ слишкомъ хитеръ, чтобы затрогивать семейныя несогласія, разыгравшіяся при немъ. Гораздо удобнѣе и проще было говорить о лошадяхъ.

— Такъ вы хотите взять лошадей? спросилъ сквайръ.

— Конечно, отвѣтилъ Джо,—надо взять ихъ какъ только *тѣ* прослышатъ о нихъ. Очень ужъ они нужны имъ. Наѣдутъ какіе нибудь квартермистры—ну, и имъ не трудно отвести глаза, они слишкомъ торопятся, некогда имъ разыскивать.

— Да, но, однако, какъ-же?

— Какъ?—за этимъ-то я и пріѣхалъ сюда. Всѣ мои люди бросили меня одного и ушли къ старику Путнаму. Вотъ я и придумалъ своихъ лошадей соединить съ вашими и припрятать вмѣстѣ и тѣхъ и другихъ гдѣ нибудь.

— Да гдѣ же?

— Гдѣ? а тамъ, къ юго-востоку отъ оленьяго озера. Болота тамъ повысохли, есть хорошіе луга, воды въ волю, и, что очень важно для насъ—есть густой лѣсъ, который скроетъ лошадей недѣли на двѣ, а я надѣюсь, что прежде, чѣмъ настанутъ холода—войска Гоу будутъ уже здѣсь и я вамъ посовѣтую тогда воспользоваться случаемъ. Ему необходимо все—и онъ платитъ хорошо.

— Все, что я имѣю, принадлежитъ моему королю, гордо отвѣтилъ сквайръ.

— Да, но король не будетъ грабить васъ, онъ предоставляетъ это бунтовщикамъ.

Дойдя до воротъ, Гармонъ Диксъ остановился на секунду, какъ бы въ нерѣшительности. Но потомъ онъ громко произнесъ:

— Нѣтъ, я знаю стараго Силаса. Съ нимъ чѣмъ меньше разговоровъ—тѣмъ лучше. Я сдѣлалъ уже слишкомъ достаточно, чтобы поддержать миръ между нами. Не зналъ я, что тамъ найду этого негодяя Гарнетта! Ну да, погоди, твое время придетъ еще!

Послѣ этаго монолога, Диксъ вскочилъ на своего гнѣдаго коня и поѣхалъ по направленію къ югу. Но скоро онъ внезапно остановилъ лошадь.

„Съ какой же стати я сдѣлалъ такой длинный путь совершенно напрасно", сказалъ самъ себѣ красавецъ-всадникъ.—Я могу не переступать порога его дома, но это еще не резонъ, чтобы не смѣть напиться изъ того стараго ручья. Ну, добрый Каинъ мой, впередъ, я тебя опять привяжу на минуту, только на минуту.

Нѣсколько секундъ спустя, Каинъ былъ спрятанъ въ лѣсу, за густымъ деревомъ, а Диксъ, взявъ изъ кабуръ сѣдла два тяжелыхъ кавалерійскихъ пистолета и сунувъ ихъ въ широкія карманы своей блузы, быстро зашагалъ по дорогѣ. „Пистолеты то не понадобятся, конечно, но, все таки, въ нынѣшнее время ухо надо держать востро".

Гармонъ Диксъ—типъ тогдашняго молодаго, красиваго фермера западныхъ графствъ—никогда не носилъ эполетъ, которыми его пожаловалъ Данъ, но къ „службѣ" былъ хорошо подготовленъ охотничьей жизнью своею, особенно опасною въ тѣ времена вслѣдствіе близости индійцевъ, охота же пріучила его легко переносить и непогоду и всякія другія неудобства, пріучила умѣнью пользоваться мѣстностью. Ему, поэтому, было не трудно теперь найдти укромное мѣстечко близъ фермы Берреля и наблюдать за тѣмъ, что тамъ происходитъ. Что это такое? развѣ онъ шпіонъ?.. О нѣтъ, нѣтъ, но онъ вдругъ увидѣлъ и услыхалъ нѣчто такое, что вынудило его стать въ положеніе шпіона.

Въ эту минуту солнце уже сѣло и среди вечерней мглы Гармонъ Диксъ увидѣлъ, что сквайръ и Джо Гарнеттъ ведутъ лошадей изъ конюшни.

— Куда это они оба? мысленно спрашивалъ себя Диксъ. Тутъ есть что нибудь особенное, а то старый сквайръ не двинулся бы самъ съ мѣста. Я, однако, тутъ посмотрю. Ничего, ничего, немножко понаблюсти не мѣшаетъ. Скоро выйдутъ уже Данъ и Прюденсъ.

Оба всадника, сквайръ и Джо Гарнеттъ, выѣхали на улицу и повернули къ югу. Гармонъ Диксъ зналъ очень хорошо, что ферма Гарнетта была расположена въ томъ направленіи.

Старый ключъ находился на противоположной сторонѣ наблюдательнаго поста Дикса. Онъ быстро вылѣзъ оттуда, перешелъ дорогу и жадно припалъ къ холодному и чистому какъ кристаллъ ручью.

Едва успѣлъ молодой человѣкъ утолить жажду и хотѣлъ уже подняться, какъ услыхалъ сзади себя мелодичный голосъ, произнесшій его имя.

— Гармонъ Диксъ! вы здѣсь?

— Развѣ вы не позволите мнѣ даже воды напиться у васъ за то только, что я „бунтовщикъ?" спросилъ Диксъ,—я не виноватъ во всѣхъ этихъ ссорахъ, Прюденсъ!

— Да и я на это не обращаю никакого вниманія, отвѣтила дѣвушка, подавая руку Диксу, но какимъ образомъ вы остались, а не уѣхали домой?

— Какъ вашъ другъ, Джо Гарнеттъ?

— Онъ—мой другъ? Это что такое значитъ? вспыхивая, спросила Прюденсъ.

— Домой ѣхать? вспыльчиво продолжалъ молодой человѣкъ, я поѣду. поѣду, если вы этого желаете, но мнѣ хотѣлось бы видѣть Дана, а къ вамъ въ домъ я не могу войдти. Скажите ему, что онъ можетъ найдти меня на улицѣ—да, впрочемъ, пожалуй отецъ вашъ и это запретитъ!

Онъ уже поворачивался чтобы уйдти, но Прюденсъ остановила его, сказавъ спокойно:

— Данъ ошибся въ васъ.

— Какъ такъ?

— Онъ ставитъ васъ такъ высоко, а вы очень дурно обходитесь со мной. Я его сейчасъ пошлю къ вамъ.

Теперь она, въ свою очередь съ сердцемъ, отвернулась отъ него и побѣжала въ комнаты. Вскорѣ оттуда вышелъ Данъ. Разговоръ между молодыми людьми продолжался недолго.

— Знай одно, Гармонъ Диксъ, сказалъ въ заключеніе Данъ, что преданность моя неизмѣнна. Мы—я и Прюденсъ—желали бы избавить отца отъ всякихъ непріятностей, но хотимъ, чтобы эти лошади достались Вашингтону и тебѣ надо было сегодня вечеромъ удалиться отсюда, прежде чѣмъ возвратятся Джо Гарнеттъ и отецъ.

— Хорошо, отвѣтилъ Гармонъ, а теперь пойди и скажи Прюденсъ...

— Что ей сказать? спросилъ Данъ, когда тотъ остановился.

— Э! ничего... скажи только, что я прячусь тутъ, но близости, чтобы хоть домъ-то видѣть.

— Будетъ сказано, отвѣтилъ Данъ и минуту спустя Диксъ снова остался одинъ.

Протекло много долгихъ часовъ ожиданія; наконецъ терпѣливый Гармонъ услыхалъ шумъ шаговъ по дорогѣ.

— Ого! теперь уже больше двухъ лошадей! тихо проговорилъ онъ, отодвинувшись глубже въ тѣнь, и дѣйствительно, скоро мимо него проѣхали Джо Гарнеттъ и Силасъ Беррель, каждый держа на длинномъ ремнѣ по четыре добрыхъ коня.

— Я думаю, что мы уведемъ остальныхъ завтра утромъ, раздался голосъ Джо, только покончимъ съ нашими теперь же и тогда никто не догадается, что мы были здѣсь.

— А! теперь я понимаю, что хотѣлъ сказать Данъ, подумалъ Гармонъ Диксъ.

Прождавъ еще нѣсколько времени, Гармонъ увидѣлъ снова Джо и Баррелля, которые вели за собой, на этотъ разъ, уже лошадей принадлежавшихъ обоимъ. Они направились въ лѣсъ, не замѣчая осторожно слѣдовавшаго за ними Дикса.

— Этихъ лошадей, моихъ и лошадей Джона Брикергоффа хватитъ на цѣлый эскадронъ, мысленно разсуждалъ съ собой Гармонъ Диксъ,—надо во что бы то ни стало, доставить ихъ Вашингтону. Если бы ему пришлось отступать—они ему еще больше понадобятся. Однако я и не подозрѣвалъ, сколько тутъ торіевъ. Данъ принадлежитъ намъ. Прюденсъ тоже и я очень глупо сдѣлалъ, что говорилъ съ ней такъ рѣзко. Сквайръ ужъ очень разсердилъ меня. Ну да мы поправимъ это.

(Окончаніе въ слѣд. №).

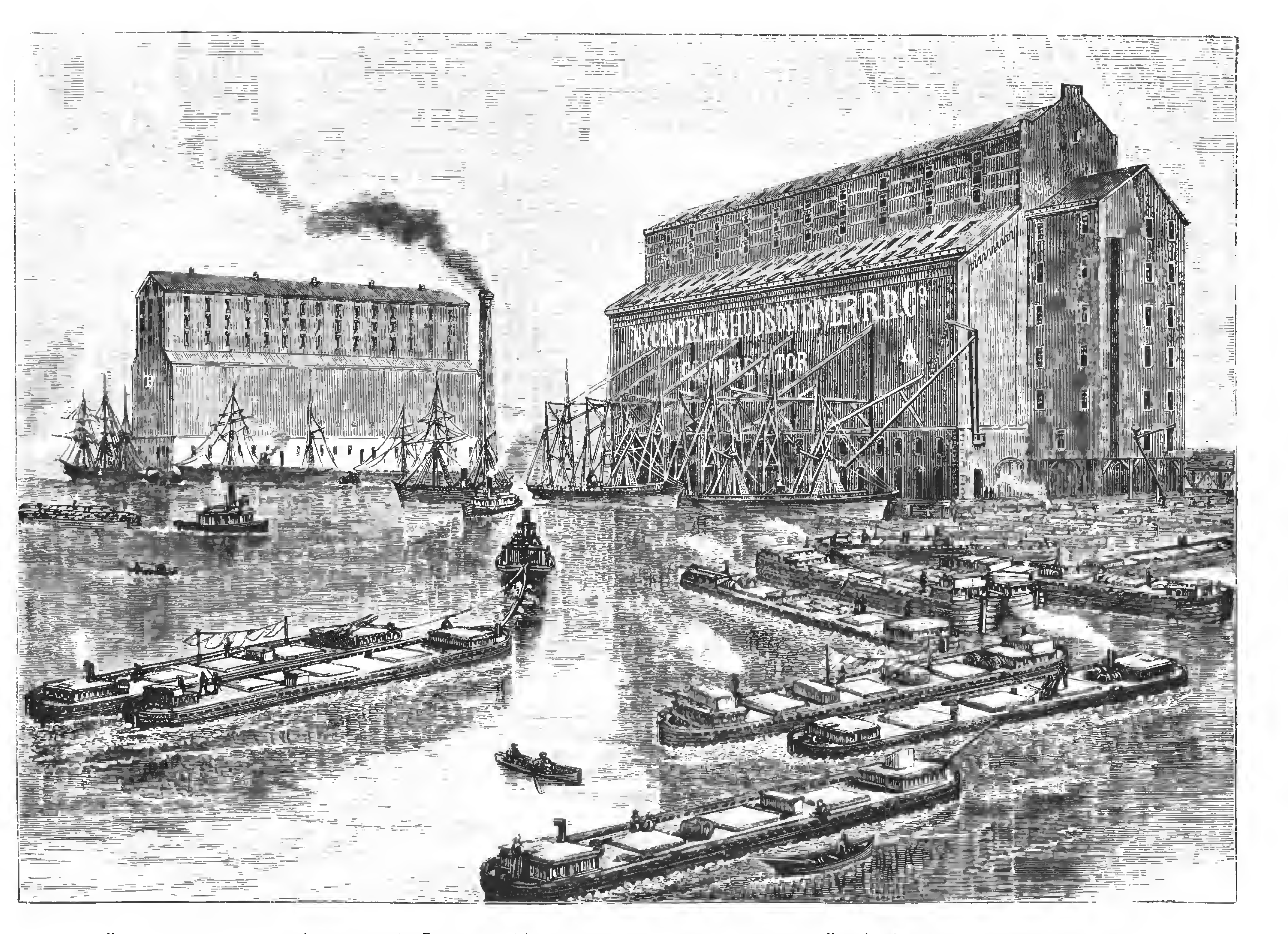
По пути въ Афганистанъ.

Очерки.

(Продолженіе).

Въ 6 ч. утра (22-го августа) червадаръ, уже совсѣмъ готовый въ путь, разбудилъ меня. Бѣдняга какъ листъ дрожалъ отъ холода; да и у меня зубъ на зубъ не попадалъ, а тутъ еще вздумалось помыться въ студеномъ ручьѣ,—чуть не отморозилъ рукъ, такъ кочененли онѣ на замороженномъ воздухѣ! Не хотѣлось разввючиваться для чаю,—обошлись ничѣмъ незамѣнимой при подобныхъ обстоятельствахъ водкой, къ которой мой спутникъ жадно прильнулъ посинѣвшими губами, конечно, тайкомъ, такъ какъ у воротъ негостепріимнаго кале уже толпились оборванные обитатели его, апатично слѣдя за каждымъ нашимъ движеніемъ.

Влѣво желтѣли посѣвы, у ручья зеленѣли арбузы, табакъ, вправо краснѣлся новенькій кирпичный караванъ-сарайчикъ, передъ которымъ группами стояли пѣшіе и конные богомольцы.



Наши конкуренты въ хлѣбной торговлѣ. Погрузка хлѣба посредствомъ насоса-элеватора въ Нью-Іоркѣ. Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

Поднятіе воды и бури 24 Августа въ С.-Петербургѣ.

1). Дровяная барка на Невѣ. 2). На Васильевскомъ Островѣ. 3). Сигнальные выстрѣлы съ крѣпости. 4). Въ Лѣтнемъ саду. 5) Подъемъ Дворцоваго моста. 6). Невскій проспектъ близъ Казанскаго собора. 7). Уличныя потѣхи. 8). Сигнальные фонари на Адмиралтейской башнѣ. 9). Вода въ мелочной лавкѣ. 10). Уличная сцена.

— Александръ Ваначъ, гдѣ твой товарищъ? крикнулъ мнѣ по русски какой-то толстячокъ въ бѣломъ архалукѣ и красныхъ канаусовыхъ шальварахъ, когда мы проѣзжали мимо ихъ.

— Назади, отвѣтилъ я узнавъ въ немъ гязскаго купца, провожавшаго меня съ факторіи до деревни Гязы.

Встрѣча—не случайная, какъ оказалось потомъ.

Отсюда дорога извиваясь направляется вмѣстѣ съ „Сенги-Кейлидоромъ" и еще какою-то, „безъимянною" канавкой, по узенькому дефиле между низкими обнаженными скалами самыхъ странныхъ формъ и преимущественно зеленаго цвѣта. На протяженіи почти семи верстъ она усыпана острыми камнями, даже цѣлыми глыбами; либо прижатая скалами къ ручью, гдѣ окаймленному жалкою травкой и можжевеловымъ кустикомъ—съуживается въ тропинку, и мы съ трудомъ пробираемся гуськомъ; слѣдовательно, о колесной ѣздѣ тутъ и рѣчи быть не можетъ; но дальше—проѣхать можно: скалы, кое гдѣ съ колючимъ кустарникомъ, то ярко-зеленымъ, то выжженнымъ солнцемъ, нѣсколько разступаются, ручеекъ, съ выступившею мѣстами, по краямъ, пленкою соли, постепенно удаляется.

Вскорѣ онъ вовсе скрылся изъ виду. Опять безводно и только соль изморозью бѣлѣетъ по высохшимъ ложамъ (весеннихъ водъ) прорѣзывающимъ все еще волнующуюся дорогу, вправо отъ которой видна между горами мазанка, а передъ нею—всадникъ съ навьюченнымъ осликомъ.

Съ половины осьмаго часа потеплѣло—пріятно было ѣхать живительнымъ утромъ. Но спустя часъ мучительный зной и жажда уже давали себя чувствовать, а разбавленная водкой вода въ моей фляжкѣ на исходѣ.

Въ 9 ч. мы спустились въ котловину или вѣрнѣе, въ замкнутую со всѣхъ сторонъ ровную площадку. „Что за безуміе отдыхать подъ раскаленнымъ небомъ!" подумалъ я, увидѣвъ посреди нея группу богомольцевъ, вблизи которыхъ стояли, понуря головы, катера, валялись узды, курджины.

— Не случилось ли чего? проговорилъ мой спутникъ.

Подъѣзжаю—такъ и есть! Трое мущинъ и двѣ женщины, нагнувшись, поддерживали голову умирающему старику, поднося къ его мертвенно-синимъ устамъ съ запекшеюся пѣной мѣдную чашку съ водой. Слышались глубокіе стоны и тихій всхлипъ.. а солнце безжалостно жгло! Все это привело меня въ крайне-возбужденное состояніе, подготовленное предшествовавшими обстоятельствами: спрыгнуть съ лошади, отстранить растерявшихся женщинъ, ощупать оледенѣвшія руки, ноги умирающаго и достать съ помощью червадара аптеку—было дѣломъ минуты для меня.

Видно престарѣлому астерабадцу — то возвращалась семья астерабадцевъ—путь не по силамъ, либо холерина: всю дорогу питался одними фруктами, спалъ на голой землѣ.

— Раздѣньте его.

— Нельзя, нельзя! воспротивились было женщины, но я чувствовалъ себя тутъ вполнѣ хозяиномъ, и велѣлъ имъ удалиться. Затѣмъ мущины стянули съ него грязнѣйшія шальвары и сорочку—однѣ кости да кожа!—и подложивъ ему подъ голову какіе-то лохмотья, прикрыли его простыней. Насильно влитый черезъ стиснутые зубы глотокъ коньяку и вытираніе всего тѣла, въ особенности конечностей, смачиваемою въ спиртъ гуттаперчевою щеткой—видимо подѣйствовали на умирающаго: въ тѣлѣ появилась теплота, и онъ, полуоткрывъ глаза, прошепталъ: „пить". Далъ ему желудочныхъ капель, потомъ воды съ коньякомъ и, попросивъ женщинъ приготовить чай, опять взялся за щетку и продолжалъ растираніе до тѣхъ поръ, пока не вышла вся бутылка спирту.

— Пить, уже явственно прошепталъ онъ, и съ удовольствіемъ выпилъ чашку чаю и уснулъ.

Женщины сбросивъ съ себя чадры выражали мнѣ горячую благодарность: „Да благословитъ тебя Богъ!" указывали онѣ руками на небо со слезами на глазахъ, и засуетились, приготавливая для меня чай, яйца, между тѣмъ какъ мущины съ просительными минами показывали—кто на свой животъ, кто на голову; очевидно, всѣ они больны, да вѣдь вся Персія больна, и я безсиленъ тутъ, но въ утѣшеніе отпустилъ имъ соды съ кислотою, все таки не безполезными въ знойной пустынѣ.

Черезъ полъ-часа больной проснулся, и немного приподнявшись сказалъ, что теперь чувствуетъ себя настолько хорошо, что можетъ ѣхать дальше. Снабдивъ его чаемъ, лекарствами и совѣтомъ хорошенько отдохнуть въ ближайшемъ караванъ-сараѣ и затѣмъ уже продолжать путь, я понесся за водой къ дорогѣ, гдѣ изъ подъ обрыва сочились рядкомъ три маленькіе ключа, образовавшіе подъ собой маленькія ямки съ водой, такъ и манившею своею зеркальною поверхностью и, какъ думалось, холодомъ; зачерпнулъ въ стаканъ—поднялась ужасная муть, попробовалъ—уже тепла отъ солнца. Наполнилъ этою дряньюо фляжку и, при добрыхъ пожеланіяхъ астрабадцевъ, въ 10 часовъ поѣхалъ дальше... Но немедленно-жь почувствовалъ страшный упадокъ силъ, разразившійся подъ впечатлѣніемъ только что вынесеннаго, и при роѣ воспоминаній о родномъ горѣ, выстраданномъ лично—нервнымъ пароксизмомъ.

Горы отошли въ сторону. За широкимъ, песчанымъ ложемъ весеннихъ водъ дорога пошла то подъемами, то спусками, по волнующейся мѣстности съ рѣдкими колючками.

Проѣхавъ (въ 11 часу) два сухихъ русла рядомъ, влѣво отъ которыхъ въ отдаленіи одиноко стоитъ какое-то деревцо, вѣроятно заповѣдное, а иначе давно бы срубили его въ этой безлѣсной странѣ—мы остановились въ 11 часовъ въ маленькомъ (еще строющемся, напротивъ садовъ прилегающихъ слѣва къ глиняному жилью съ башнями) кирпичномъ караванъ-сараѣ „Шур-абъ" (что значитъ: „Солоноватая вода") или, по здѣшнему „Шарапъ", „Шуропъ" тоже, а по шахрудски: „Шуріобъ", отстоящемъ отъ караванъ-сарая Зафрани на 39 верстъ.

Дворикъ его былъ заваленъ кирпичемъ, известью, глиною и горами мусора, при малѣйшемъ вѣтеркѣ обдававшими облакомъ пыли рабочихъ, чахлыхъ, грязныхъ, съ воспаленными глазами, сонно выводившихъ задній фасадъ. Въ трехъ, уже совсѣмъ отдѣланныхъ отагахъ помѣщалось по семьѣ богомольцевъ; въ темномъ, тѣнистомъ углу четвертаго, еще не отчищеннаго отъ толщи грязи, пѣжился я на своемъ войлокѣ, въ ожиданіи червадаря, ушедшаго раздобыть яицъ и баранины къ обѣду... какъ былъ—этотъ болтунъ уже прозвонилъ о моей помощи умиравшему астерабадцу! — окруженъ всѣмъ скудвымъ населеніемъ „Шур-аба", не исключая и рабочихъ. Съ благоговѣйнымъ страхомъ поглядывая на меня, одни робко указывали на животъ глаза, зубы, язвы свои, другіе тряслись всѣмъ тѣломъ съ выраженіемъ на лицѣ ужасныхъ страданій, и затѣмъ—кто бросился цѣловать у меня руки, кто упавъ на колѣни протягивалъ ихъ ко мнѣ съ мольбами о помощи, или протискиваясь старался прикоснуться къ одеждѣ моей.

— Посторонитесь, посторонитесь! послышались голоса и толпа отхлынувъ дала дорогу „благочестивому строителю" сего убѣжища для богомольцевъ — коротенькому толстячку, точно тумбочкѣ, съ одутловатымъ, глупымъ лицомъ и гноившимися воспаленными глазками. Молча усѣвшись у моихъ ногъ, онъ объяснилъ знаками, что желалъ бы остаться наединѣ со мною, и тогда толпа отошла въ сторону, сталъ говорить озираясь...

Спустя полъ-часа „благочестивый строитель" прислалъ мнѣ, черезъ червадара, незрѣлую дыню въ „пишкешъ", а толпа чающихъ исцѣленія увеличилась женщинами съ робкою настойчивостью умолявшими о помощи, грязными ребятишками, которые терлись, жались ко мнѣ, довѣрчиво заглядывая въ глаза и тремя прохожими (изъ Кандагара въ Тегеравъ) авганцами, красивыя лица которыхъ напоминали нѣмецкій типъ съ русскимъ добродушіемъ: у одного, что въ персидской войлочной шапочкѣ (кула-намоди), большая борода и поверхъ длинной, донельзя загрязненной бѣлой рубахи надѣто нѣчто въ родѣ русской поддевки синяго цвѣта, у остальныхъ въ такихъ же рубахахъ, но съ обмотанными въ грязные полотенца, съ выпущенными концами на бокъ, головами,—бородки клиномъ, усы внизъ и по маленькой серёжкѣ, у одного—въ правомъ ухѣ, у другаго въ лѣвомъ.

Даже дервишъ, неистово горланившій речитативомъ пѣснь во славу какого-то имама, да и тотъ разинулъ ротъ передъ захлебывавшимся своими разсказами червадаромъ, выросшимъ въ глазахъ всей толпы, заискивавшей въ немъ, какъ въ слугѣ моемъ. О, не дай Богъ прослыть здѣсь докторомъ! Замучаютъ васъ, лишь бы самимъ получить помощь.

„Нужно бѣжать", подумалъ я, и раздавъ немощнымъ лекарства, дѣтямъ—гостинца, дружески разстался съ безпомощнымъ населеніемъ Шур-аба въ 6 часовъ вечера, когда солнце еще чувствительно жгло.

Минутъ съ двадцать дорога круто шла въ подъемъ, на обширную возвышенность, по самый горизонтъ представляющую видъ точно застывшаго въ волнахъ моря: всюду обнаженные холмы, холмы и ряды гребней, то съ узкими, то широкими долинами.

При спускѣ съ одной волны, приблизительно въ двухъ верстахъ отъ караванъ-сарая, вправо—колодезь и обнесенные низкими глиняными стѣнами посты съ пятью-шестью тощими тутами, но жилья не видно; дальше, при подъемѣ на густо зеленѣвшую колючками вершину другой такой волны, намъ повстрѣчалось маленькое стадо красивыхъ быковъ и коровъ съ мясистымъ наростомъ на холкѣ.

Пріятная прохлада, и что за чудный воздухъ тутъ! Даже угрюмый червадаръ распѣлся, подъ носъ себѣ, но временамъ лакомясь дыней, которую объѣлъ въ концѣ-концовъ съ такимъ искусствомъ, что отъ нея осталась лишь тончайшая кожица.

Въ 7 часовъ взобрались па ровную верхушку одного изъ гребней, откуда открывался видъ на Нишапурскую долину, какъ казалось, упирающуюся на горизонтѣ въ одну изъ высокихъ горъ главнаго кряжа, круглый годъ покрытую снѣгомъ „Бевалу-ку", гдѣ находятся богатыя руды съ бирюзою и откуда вытекаютъ всѣ притоки, орошающіе эту, принадлежащую къ самымъ богатымъ и прекраснымъ странамъ Ирана, долину, простирающуюся отъ С.-З. къ Ю.-В. на 100—120 вер., а въ ширину на 45—90 в. и возвышающуюся надъ уровнемъ моря, какъ и пріютившійся въ ней Нишапуръ, главный городъ провинціи, приблизительно на 2700 фут. Было 8 часовъ когда мы спустились въ нее; уже стемнѣло. Червадаръ говоритъ, что здѣсь опасно, а потому—по вечерамъ никто не ѣздитъ.

П. Огородниковъ.

(Продолженіе будетъ).

Къ рисункамъ.

Православная церковь въ Кульджѣ.

Судьба Кульджинскаго края рѣшена и часть его уступлена Китайцамъ и съ тѣмъ вмѣстѣ лишенъ того вліянія, которое на него нынѣ оказываетъ русское владычество. Китайское посольство, пребывающее въ Петербургѣ, какъ извѣстно, имѣло своею цѣлію между прочимъ устройство дѣла Кульджинскаго.

Не мѣшаетъ при этомъ вспомнить, что еще въ столь недавнюю эпоху занятія Кульджи русскими а именно въ 1871 году, весь край былъ покрытъ развалинами и залитъ кровью. Дунгане рѣзали китайское населеніе и гибли, въ свою очередь, подъ ножами таранчей и нахлынувшихъ сюда киргизовъ. Такъ, еще передъ самымъ вступленіемъ русскихъ. въ одну ночь было вырѣзано до 2000 дунганъ. Китайское владычество вообще оставило здѣсь, между мирнымъ и трудолюбивымъ населеніемъ, самую дурную память и что будетъ въ Кульджинскомъ краѣ когда Китайцы опять сдѣлаются его хозяевами.

Городъ Кульджа расположенъ на правомъ берегу рѣки Или и обнесенъ кругомъ невысокою глиняною стѣною; постройки въ Кульджѣ весьма тѣсны и какъ во всѣхъ среднеазіатскихъ городахъ, состоятъ изъ лабиринта глиняныхъ мазанокъ, раздѣленныхъ узкими, грязными и кривыми улицами. Лучшія зданія— это мечети и языческія пагоды, построенныя въ китайскомъ вкусѣ съ загнутыми крышами. Главная городская мечеть изъ обожженнаго кирпича, съ фигурными украшеніями и черепичной кровлей.

Русскій кварталъ расположенъ на сѣверо-западѣ отъ цитадели и орошается рѣчкою Пимьчи-Су. Здѣсь помѣщается домъ священника, доктора, казармы семирѣченской казачьей сотни и лазаретъ. Тутъ же на открытой площадкѣ красуется довольно обширная православная церковь, изображенная на нашемъ рисункѣ—единственный христіанскій храмъ во всемъ городѣ. Нынѣ Кульджинскій округъ причисляется къ Туркестанской епархіи и миссіонерская дѣятельность можетъ здѣсь имѣть самое широкое и благотворное развитіе, если только край останется въ русской власти и успѣхамъ православія не будутъ такъ яростно противудѣйствовать туземные ламы и мандзы, которыхъ здѣсь такое множество, что приходится чуть не по нѣскольку ламъ на каждую юрту кочующаго населенія.

Россомаха, бросающаяся на кабаргу.

Въ верхней области азіатскаго плоскогорья, простирающагося отъ Индіи до Китая, водится красивое животное—кабарга, отъ котораго добываютъ драгоцѣнное лекарственное вещество— мускусъ. Кабарга мускусная чрезвычайно доброе и пугливое животное. Она не имѣетъ роговъ, и отличается въ особенности клыками, которые у самцовъ выдаются на $1^1/_2$ и 2 дюйма и загнуты назадъ. Шея короткая и вытянутая, какъ у обыкновенной серны, копыта небольшія, узкія и длинныя съ перепонкой могутъ раздвигаться широко. Кабарга одинаково легко ходитъ по землѣ и лазитъ по крутымъ скаламъ. Животное имѣетъ маленькій, короткій и плотный хвостъ, который у самца не покрытъ волосомъ а только съ маленькимъ пучкомъ шерсти на концѣ. Мускусный мѣшечекъ, есть только у самцовъ, на животѣ. Масса мускуса при высыханіи получаетъ видъ зеренъ или порошка, вначалѣ темнокраснаго цвѣта, а потомъ почти чернаго. Кабарга или „выхухоль" живетъ не стадами, а большею частью одиночками или парами, и питается пахучими травами и мохомъ.

Цѣлый день кабарга лежитъ въ своемъ логовищѣ и лишь къ ночи выходитъ за кормомъ, а къ утру опять возвращается домой. Охота на нее съ ружьемъ очень затруднительна, обыкновенно ставятъ тенета и западни. Но этотъ способъ охоты, неудобенъ—въ капканы больше попадаются самки, и такъ какъ они не сильно размножаются, то эти животныя теперь почти переводятся. Злѣйшій врагъ кабарги—это россомаха, кромѣ того лисицы и вороны очень любятъ ея мясо.

Россомаха ловкое и жадное хищное животное. Это какъ бы переходъ отъ куницы къ медвѣдю. Живетъ она въ тѣхъ же мѣстностяхъ, гдѣ и кабарга, и питается различными грызунами. Особенно преслѣдуетъ кабаргу, на которую нападаетъ или подкрадываясь или же вытягиваясь на вѣтви дерева и тихо подстерегая на пути добычу, на которую кидается сверху, какъ изображено на рисункѣ. Россомаха; падаетъ на кабаргу, попавшую въ капканы и беретъ ее раньше чѣмъ охотникъ, у котораго такъ и пропадаетъ не только дичь, но и мускусъ, представляющій всецѣло главную цѣль охоты.

Наши конкурренты въ хлѣбной торговлѣ. Погрузка хлѣба въ склады.

(Соединенные Сѣверо-Американскіе Штаты).

Въ № 3 „Нивы" за нынѣшній годъ у насъ была помѣщена подробная и обстоятельная статья объ нашихъ конкуррентахъ по хлѣбной торговлѣ, въ особенности объ самыхъ опасныхъ— американцахъ. Все что относится къ производству и эксплоатаціи хлѣба въ Соединенныхъ Штатахъ, составляетъ въ настоящее время вопросъ дня, интересующій всю Европу. Штаты невидимому призваны въ недалекомъ будущемъ пополнять почти весь недостатокъ хлѣба въ Европѣ въ неурожайные годы. Такъ было въ прошломъ году и такъ же будетъ конечно въ нынѣшнемъ.

Землевладѣльцы и хлѣботорговцы Соединенныхъ Штатовъ, приняли всѣ мѣры, чтобы воспользоваться своимъ положеніемъ. Прежде почти весь запасъ хлѣба доставлялся Штатами, лежащими близъ большихъ озеръ, Мичигана, Илинойса и др. Въ настоящее время съ ними начинаетъ конкуррировать территорія Дакота; она прилегаетъ къ восточной сторонѣ озера Миннезота. Тамъ открыли и эксплоатируютъ чрезвычайно плодородныя поля и эти земли, бывшія три года тому назадъ почти необитаемыми, нынѣ могутъ уже доставлять милліоны четвертей хлѣба.

Рабочія руки въ Америкѣ такъ дороги. что ихъ всюду стараются замѣнять машинами, что въ высокой степени удешевляетъ производство хлѣба. Американцы пашутъ, боронятъ, жнутъ, вяжутъ снопы, молотятъ и провѣваютъ хлѣбъ посредствомъ паровой силы. Для провоза хлѣба по желѣзнымъ дорогамъ есть особенные вагоны изъ листоваго желѣза, очень малаго вѣса, приспособленные такъ, что *во время самаго пути зерно провѣтривается* и не горитъ. Для перевозки хлѣба по каналамъ и рѣкамъ здѣсь изобрѣли плоскія барки или баржи, приспособленныя исключительно къ перевозкѣ хлѣба. Баржи эти буксируются пароходами; онѣ и представлены на нашемъ рисункѣ.

Наконецъ въ большихъ имѣніяхъ и на главныхъ хлѣбныхъ рынкахъ какъ напримѣръ въ Чикаго, Буфало и въ Нью-Іоркѣ, устроены громадные склады, *названные элеваторами*. Зерно выгружается, *поднимается*, провѣтривается, чистится, взвѣшивается, потомъ опять погружается особыми автоматическими приборами. Приборы чрезвычайно интересны, и кто видѣлъ какъ работаютъ эти подъемныя машины, цѣпи съ ведрами, вѣялки и механическіе вѣсы, тотъ не можетъ не удивляться результатамъ, которыхъ достигла изобрѣтательность американцевъ.

Все это конечно крайне удешевляетъ перевозку хлѣба. Такимъ образомъ теперь провозъ 2,500 пудовъ зерна изъ Чикаго въ Нью-Іоркъ и Ливерпуль стоитъ около 11-ти рублей. Черезъ озера, каналъ Эріо и Гудзоновъ, или же по желѣзной дорогѣ отъ Чикаго до Нью-Іорка насчитываютъ 1,500 верстъ, а Нью-Іоркскій портъ отстоитъ отъ Ливерпуля на 3000 морскихъ миль или около 5000 верстъ.

Элеваторы въ Чикаго и Буфало удивительны. Это громадныя четыреугольныя зданія изъ краснаго кирпича, въ нѣсколько этажей; въ нихъ работаютъ вышеупомянутые автоматическіе приборы. Корабль или вагонъ съ хлѣбомъ останавливается поперегъ зданія съ одной стороны, зерно выгружается или *всасывающимъ приборомъ*, или подъемной машиной, или бочками на цѣпяхъ. Затѣмъ зерно провѣтриваютъ, взвѣшиваютъ и складываютъ внутри зданія, откуда оно по наклоннымъ трубамъ сбѣгаетъ само собою на другую сторону склада, гдѣ его вновь погружаютъ въ вагоны или на баржи. Все это производится очень быстро и безъ всякихъ затрудненій. Въ нѣсколько часовъ можно выгрузить и нагрузить тысячи тоннъ, т. е. грузъ цѣлаго большаго корабля или иначе нѣсколькихъ желѣзнодорожныхъ поѣздовъ.

На рисункѣ представлены гигантскіе элеваторы Нью-Іорка, на Гудзоновомъ каналѣ, въ концѣ 62-й улицы. Они собственность компаніи Нью-Іоркско-Гудзоновой желѣзной дороги и принадлежатъ къ достопримѣчательнѣйшимъ зданіямъ города. Самые большіе элеваторы въ Чикаго и въ Нью-Іоркѣ (элеваторъ названный Мамонтомъ), можетъ вмѣстить до 375,000 четвертей зерна, другой до 75,000 четвертей. Весь сборъ хлѣба во Франціи, достигающій въ урожайные годы до 100 милліоновъ четвертей можетъ помѣститься въ 200 такихъ элеваторахъ, какъ нью-іоркскій „Мамонтъ".

За послѣдній экономическій годъ, окончившійся 30-го сентября 1878 года, желѣзная дорога Нью-Іоркско-Гудзонова, которой принадлежатъ вышеназванные элеваторы, доставила въ Нью-Іоркъ 8,750,000 четвертей хлѣба, на погрузку котораго потребовалось 81,000 вагоновъ.

Нью-Іоркъ мало по малу дѣлается главнымъ складочнымъ мѣстомъ для произведеній западныхъ штатовъ и не только для хлѣбныхъ продуктовъ, но и для нефти, скота и соленаго мяса. Повсюду погрузка товаровъ производится самыми экономическими способами. Затѣмъ продукты разсылаются въ Ливерпуль, Лондонъ, Глазговъ, Гавръ и пр., гдѣ также есть элеваторы въ родѣ американскихъ.

Наводненіе въ С.-Петербургѣ 24-го августа.

24-го августа Петербургъ былъ на краю—серьезной опасности. Уже 23-го надъ городомъ и окрестностями разразилась

сильная буря. Всесокрушающій вѣтеръ ходилъ по улицамъ, вздувая Неву и предвѣщалъ возможность наводненія. Послышавшіеся на другой же день, съ утра, пушечные выстрѣлы съ Петропавловской крѣпости дали понять жителямъ о томъ, что возможность эта близка къ осуществленію. И дѣйствительно: вода стала быстро прибывать—около двухъ часовъ дня она была уже на $6\frac{1}{2}$ футовъ выше ординара, въ три—на 7, а въ четыре—на $7\frac{1}{2}$ ф. Плавучіе мосты сдѣлались недоступны для проѣзда; наплывъ воды поднялъ и сгорбилъ ихъ до того, что уклонъ горба доходилъ (около 6 часовъ вечера) до 45 градусовъ (см. рисунокъ 5). Вскорѣ вода появилась на площадяхъ и улицахъ, покрывъ набережную у Лѣтняго сада, противъ эрмитажа, у Зимняго дворца, здѣсь поднята торцовая мостовая и торцы плавають по водѣ; далѣе бурная стихія бьетъ ключемъ на Милліонной, противъ Павловскихъ казармъ, найдя себѣ свободный путь чрезъ водопроводныя трубы. Массы народа сновали вдоль набережной, начиная отъ Николаевскаго моста до строющагося, Литейнаго. Особенный наплывъ былъ у Дворцоваго и Троицкаго мостовъ. Мрачная картина рисовалась здѣсь зрителямъ—большія, сѣроватомутныя волны яростно бушевали и пѣнились на всемъ широкомъ пространствѣ рѣки, быстро кружа и унося массу различныхъ обломковъ; а сквозь мглу и пороховой дымъ мелькали красноватые огни пушечныхъ выстрѣловъ съ крѣпости (см. рисунокъ 3); теперь уже стрѣляли по два раза чрезъ каждые $\frac{1}{4}$ часа, увѣдомляя, такимъ сигналомъ, что уровень воды достигъ указаннаго въ правилахъ максимума, а именно выше 7-ми футовъ; суда рвало съ якорей и не всѣмъ удалось устоять: близъ Дворцовой набережной, противъ дома Жеребцова погибла большая дровяная барка (см. рисунокъ 1); плывшія по водѣ дрова образовали движущійся плотъ, часть котораго вогнало въ зимнюю канавку. Въ Лѣтнемъ саду деревья ломались и трещали какъ тростникъ, не мало и повалило ихъ (см. рисунокъ 4). Въ то же время, опасность представляли и улицы, гдѣ вѣтеръ подымалъ и сбрасывалъ желѣзные листы съ крышъ и вывѣски съ магазиновъ, въ особенности, въ этомъ отношеніи, рискованною могла бы оказаться прогулка по Невскому, богатому магазинами (рисунокъ 6.)

Вода проникла въ подвальныя помѣщенія всѣхъ зданій вдоль набережной Васильевскаго острова: между прочимъ на $\frac{1}{2}$ аршина высоты въ зданіи Академіи наукъ, въ Филологическій институтъ, въ 1-е военное Павловское училище, въ зданіе Академіи художествъ и т. д. Улица близъ Академіи, затоплена (см. рисунокъ 2).

Окраины столицы также потерпѣли не мало (см. рис. № 7). Зоологическій садъ былъ совершенно отрѣзанъ отъ города; вокругъ него образовалось огромное озеро, сливавшееся съ Невою, за деревянною церковью Спасителя и тутъ сообщеніе происходило на яликахъ. На островахъ, буря поломала и вырвала съ корнемъ до 500 деревьевъ, водою сорвано много купаленъ и нѣкоторыя изъ нихъ были сильно повреждены.

По набережной Средней Невки, по Надеждинской улицѣ и отъ русскаго трактира до яхтъ-клуба, пѣшеходные мостики чрезъ канавы, противъ дачъ, почти всѣ размыты и разломаны; въ нѣкоторыхъ дачахъ вода проникла въ комнаты перваго этажа; у 2-го Елагина моста подмыло полотно и набережная Средней Невки, со стороны острововъ Крестовскаго и Елагина, также была значительно подмыта.

Сильно разлилась вода на улицахъ Охтенскаго участка Выборгской части, здѣсь почти на всѣхъ улицахъ образовались не лужи, а цѣлые разливы отъ 8 до 15 саженъ; въ саду гр. Мусиной-Пушкиной сломано болѣе 100 березовыхъ деревьевъ и противъ этаго же сада разрушило рыбную тоню съ сушилами на протяженіи 20-ти саж.; перевозную пристань противъ Славянскаго пивовареннаго завода снесло до основанія вмѣстѣ съ будкою и повреждены пожарныя пристани: двѣ на Большой Охтѣ и одна на Малой.

Послѣ 6-ти часовъ вечера вѣтеръ началъ стихать и тотчасъ вода пошла на убыль: въ 6 часовъ 5 минутъ, вода стояла выше ординара на 7 футъ 3 дюйма, въ 7 часовъ — на 7 ф. и 1 дюймъ. Выстрѣлы съ крѣпости стали менѣе часты; сначала черезъ $\frac{1}{4}$ часа по одному, обозначая этимъ, что вода только выше 6-ти футъ,—а затѣмъ они раздавались еще рѣже. Мало по малу стихія успокоивалась, и Нева начала опускаться, не посмѣвъ, къ счастью, на этотъ разъ, коснуться ногъ Того, кто раскинулъ на ея нѣкогда пустынныхъ берегахъ, свою столицу.

Русскіе типы. Сборщикъ на церковь.

Кому не знакомъ типъ этаго степеннаго, смиреннаго сборщика „на церковное строеніе". Кто не помнитъ однаго изъ сильныхъ стихотвореній Некрасова „Власъ", гдѣ величавый образъ сборщика Власа „въ армякѣ, съ открытымъ воротомъ, съ непокрытой головой" рисуется такими крупными чертами.

Къ сожалѣнію, какъ и во всякое человѣческое дѣло, и въ это святое дѣло вошелъ элементъ плутовства и наживы. Сборщики сѣверо-западнаго края, направлявшіеся въ великорусскія губерніи, извѣстные подъ именемъ кубраковъ или лаборей, въ особенности отличались какъ люди, сдѣлавшіе изъ этаго цѣлый промыселъ. Давно уже въ виду разныхъ обмановъ, издано распоряженіе по возможности ограничить выдачу сборныхъ книгъ. Производство сборовъ разрѣшается извѣстному количеству, съ хорошей стороны заявившихъ себя, лицъ, не дозволено выдавать книгъ безъ особаго заявленія о нуждахъ извѣстной церкви и т. п., и всѣ эти распоряженія конечно имѣли свои результаты, но у насъ, гдѣ по деревнямъ грамотность не распространена, эти записыванія въ книгу каждаго пожертвованія представляютъ понятныя затрудненія, даже невозможности. Для многихъ кубраковъ въ губерніяхъ Могилевской и Гродненской въ прежнее время, уже при ограниченіи выдачи книжекъ—эти книжки стали предметомъ спекуляцій: вмѣстѣ съ книжкой стали покупать право, сверхъ оплаты предварительныхъ издержекъ на выправку паспорта, за рекомендацію и т. п. Все это конечно не практикуется въ Великорусскихъ губерніяхъ въ такой степени.

Политическое обозрѣніе.

Британская печать о политикѣ Биконсфильда въ Америкѣ. — Эмиръ Якубъ-Ханъ въ британскомъ лагерѣ. — Слухи о выходѣ Алеко-паши въ отставку. — Штрек керъ-паша и русскіе офицеры.—Ожиданіе возстанія въ Испаніи.—Британія и Испанія.—Разговоръ князя Бисмарка съ французскимъ посланникомъ въ Вѣнѣ.

Начнемъ нынѣшнюю бесѣду нѣсколькими словами по поводу зулусовъ. Царство зулусовъ разрушено, какъ мы уже говорили, и война окончена. Но—много ли прибавила она славы оружію Британіи и политикѣ Биконсфильда? Едва ли. Въ средѣ самихъ британцевъ уже давно, съ самаго начала войны въ Южной Африкѣ, раздавались громкіе голоса, порицавшіе несправедливое вторженіе въ предѣлы владѣній Сетевайо. Голоса эти не умолкли и теперь, напротивъ, они слышатся пожалуй еще громче, разоблачая всю возмутительность закулисной стороны дѣла. Такъ, обнародовано письмо однаго европейца купца, жившаго въ Улунди во время самаго перваго столкновенія между Британіей и бывшимъ королемъ зулусовъ. Торговецъ утверждаетъ самымъ положительнымъ образомъ, что зулусы вовсе и не думали о войнѣ съ британцами и долгое время не могли понять ясно причину сосредоточенія британскихъ войскъ на границѣ. До начала настоящей войны, изъ пограничныхъ британскихъ фортовъ постоянно стрѣляли по мирнымъ зулусамъ, обработывавшимъ свои кукурузныя поля, и нѣкоторые изъ нихъ, при этомъ, были убиты. Сетивайо горько жаловался на такой образъ дѣйствій британскимъ властямъ. Но, конечно, его жалобы оставались безъ послѣдствій; когда же случалось, что его воины подражали британскимъ солдатамъ—то Кантоунскія власти заставляли его платить тяжелые штрафы, считая себѣ дозволеннымъ все. Даже по объявленіи войны, Сетивайо заявилъ, что, съ своей стороны, онъ не желаетъ начинать нападенія. Съ неменьшею откровенностью высказывается „Pall Mall Gazette," характеризуя британскую политику въ отношеніи зулусовъ. „Сетивайо стремился сдѣлать подвластное ему племя—могущественнымъ народомъ, но намъ не хотѣлось имѣть сильнаго сосѣда. Отбросивъ всякое притворство, мы сообщимъ голое изображеніе факта. Сетивайо шелъ къ цѣли, къ которой имѣлъ право идти; мы наказали его и лишили престола не потому, чтобы цѣль его была безнравственна и чтобы онъ стремился къ ней средствами угнетенія, а потому что осуществленіе этой цѣли шло въ разрѣзъ съ нашими видами въ Африкѣ." Добавимъ здѣсь, что вождь зулусовъ находится въ настоящее время въ Каптоунѣ.

Повелитель другаго полудикаго народа, недавно побѣжденнаго (но, не покорившагося) британцами—тоже теперь въ ихъ рукахъ. Впрочемъ, онъ отдался имъ самъ. Мы говоримъ объ авганскомъ эмирѣ Якубъ-Ханѣ. Вице-король Индіи прислалъ изъ Симлы слѣдующую депешу, отъ 28-го сентября: генералъ Бэкеръ, 27-го, получилъ въ Куши письмо отъ эмира съ вопросомъ о томъ—приметъ ли генералъ его и наслѣдника его престола въ своемъ лагерѣ. Бэкеръ послалъ утвердительный отвѣтъ и эмиръ прибылъ вчера, съ сыномъ и конвоемъ въ 45 человѣкъ, въ Куши. Относительно дальнѣйшей судьбы эмира Лондонскія газеты замѣчаютъ, что *на Британіи не лежитъ обязанности возстановлять его на авганскомъ престолѣ.* Тѣ же газеты высказываютъ, что *Персіи не можетъ быть дозволено утвердиться въ Гератѣ прямо или косвенно.* Согласно новѣйшимъ свѣдѣніямъ, британскія войска изъ Кандагара, по всѣмъ вѣроятіямъ, двинутся на Газни, а въ Кабулѣ, будто, все спокойно и тихо.

И на Балканскомъ полуостровѣ Британія, въ лицѣ своихъ агентовъ, не дремлетъ и неуклонно идетъ по намѣченному тамъ ею пути. Въ Румеліи, напримѣръ, консулъ ея величества Митчель нашелъ, что Алеко-Паша слишкомъ держитъ сторону болгаръ. Отдавая, согласно инструкціи своего правительства, предпочтеніе меньшинству населенія импровизированной провинціи (т. е.—всему, что враждебно болгарамъ и ихъ стремленіямъ), Митчель обратился, по этому предмету, съ заявленіями къ генералъ-губернатору. Алеко-паша не вынесъ придирокъ британ-

(Продолженіе на стр. 817, 818, 819 и 820).

скаго агента. „Изъ всѣхъ консуловъ, отвѣчалъ онъ ему,—только одинъ вы обвиняете насъ. Если ваше намѣреніе заключается только въ томъ, чтобъ быть съ нами въ оппозиціи, то отношенія наши не могутъ оставаться дружественными.“ Митчель обидѣлся и—слѣдствіемъ всего этого явился выговоръ Алеко-Пашѣ изъ Константинополя. Говорятъ, даже, будто есть слухи о желаніи Порты смѣстить Вогоридеса, будто она рѣшила войдти къ европейскимъ державамъ съ предложеніемъ о томъ; съ другой стороны, утверждаютъ, что и самъ Алеко-паша обращался уже письменно въ Стамбулъ, выражая намѣреніе оставить постъ свой.

Штреккеръ-паша уволилъ изъ румелійской милиціи всѣхъ русскихъ офицеровъ.

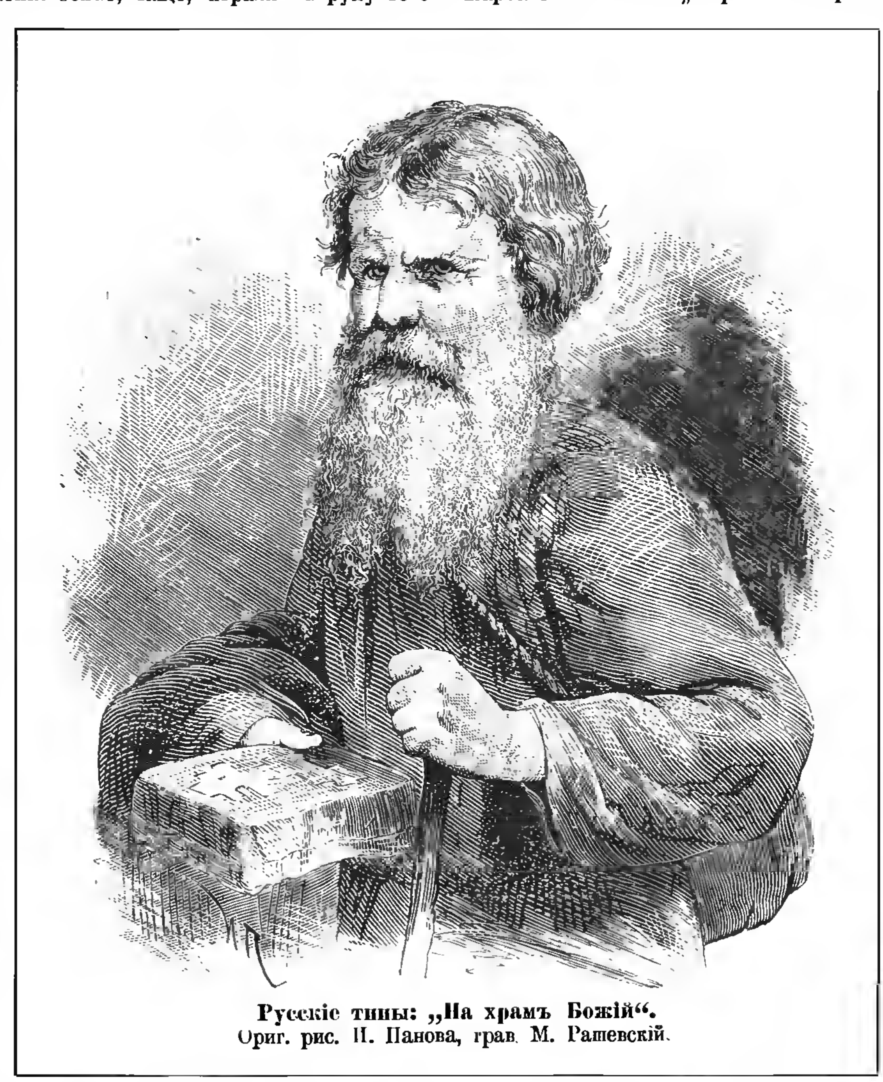
Къ сообщеннымъ нами уже свѣдѣніямъ и подробностямъ о покушеніи Караянопуло, прибавимъ, что онъ, по дорогѣ въ тюрьму, послѣ одного изъ допросовъ, убитъ на улицѣ, а арестованные два родственника его освобождены. Эпизодъ этотъ, однако, подалъ поводъ къ новымъ арестамъ въ Константинополѣ. Аресты—и по подобнымъ же, отчасти, поводамъ—производятся въ Испаніи. Едва ли найдется другая страна, гдѣ всякія политическія движенія болѣе, чаще, играли въ руку того или другаго честолюбца. Немногіе изъ высшихъ лицъ королевства (въ особенности въ предшествовавшее царствованіе) не участвовали, поочередно, въ разныхъ „pronunciamento,“ играя болѣе или менѣе важную въ нихъ роль. Теперь, повидимому, готовится нѣчто подобное. Послѣдній президентъ испанской республики, маршалъ Серрано (добравшійся до почестей, благодаря королевской милости къ нему) намѣревается, какъ слышно, произвести возстаніе. Вотъ что, по крайней мѣрѣ, пишутъ изъ Мадрида:

Враждебное отношеніе Серрано къ молодому королю и происки крайнихъ партій усиливаются съ каждымъ днемъ. Герцогъ де-ла-Торре счелъ нужнымъ окончательно порвать нить, соединявшую его съ реставраціей при посредствѣ конституціонной партіи. Очень можетъ быть, что мы увидимъ его снова во главѣ арміи, какъ и въ сентябрѣ 1868 года. *Въ Каталоніи, Андалузіи и въ центральныхъ провинціяхъ одновременно должны вспыхнуть возстанія.* Подготовляющееся теперь движеніе будетъ совершенно отлично отъ движенія 1808 г., которое сравниваютъ съ іюльской революціей (1830 г.) въ Парижѣ, когда дѣло разрѣшилось перемѣной династіи. На этотъ разъ стремятся къ созданію республики (конечно съ герцогомъ Серрано—де-ла-Торре во главѣ, если не найдется кто-нибудь половчѣе и не вытащитъ куска изъ его рта), на подобіе нынѣшней французской. Преданные королю люди, съ изумленіемъ и огорченіемъ, видятъ, что въ такую минуту, когда враги монархіи готовятся идти противъ нея, правительство ставитъ во главѣ флота адмирала Топете,—того самаго, который въ 1868 г. склонилъ своими происками испанскій флотъ къ возстанію. Заговорщики, которые почти уже не находятъ нужнымъ скрываться, разсчитываютъ на поддержку французскихъ радикаловъ, но не Гамбетты, не одобряющаго вмѣшательства Франціи въ испанскія дѣла. Увѣряютъ, что на сообщенія и заискиванія Мартоса, Гамбетта отвѣчалъ: „въ настоящее время мы обязаны ограничиваться заботой о нашихъ собственныхъ дѣлахъ.“ Подземная агитація въ Испаніи отодвинула на второй планъ бракосочетаніе короля; революціонерамъ было бы желательно помѣшать этому браку, такъ какъ онъ можетъ послужить къ укрѣпленію трона. Они понимаютъ, что коль скоро бракъ съ австрійской эрцъ-герцогиней состоится, вся тяжесть дипломатическаго вліянія Австріи и Германіи обрушится на нихъ, поэтому они намѣрены ускорить развязку, разсчитывая, что даже неудачная попытка возстанія все-таки помѣшаетъ браку короля. Болѣе благоразумные члены партіи возстанія напередъ убѣждены въ томъ, что попытка и окончится таки неудачей. Не на одномъ горизонтѣ внутренней политики Испаніи нависли тучи, въ сферѣ ея внѣшнихъ сношеній также не безъ предвѣстниковъ грозы. Мы уже, впрочемъ, сообщали читателямъ о томъ, что вездѣсущіе *интересы*—конечно—Британіи пришли въ соприкосновеніе съ интересами Испаніи въ Марокко. Испанская печать открыла уже кампанію противъ „коварнаго современнаго Карѳагена“. Газета „Imparcial“ горячо нападаетъ на „Карѳагенъ,“ высказывая, между прочимъ много вѣрнаго. „Страхъ предъ Британіей—ни что иное, какъ нелѣпость, говоритъ газета. Однажды у насъ были уже затрудненія съ Британіей. Что дѣлала Британія? — Грозила. А что дѣлала Испанія? —Не побоялась этихъ угрозъ. И что же вышло?—Ровно ничего!“ Увы! не всѣ подражаютъ, въ этомъ испанцамъ... Газета, въ заключеніе предлагаетъ Британіи не мѣнять своего благороднаго девиза: „Богъ и мое право,“ на торгашескій: „Богъ и моя контора.“ Испанцы тѣмъ временемъ организуютъ въ Сеутѣ батальонъ изъ марокканцевъ, но и британцы не уступаютъ имъ тамъ въ дѣятельности—они укрѣпляютъ Марокскій городъ Рабатъ.

Вообще, Средиземное море и берега его, несомнѣнно послужатъ важнымъ предметомъ раздора въ будущемъ; здѣсь слишкомъ близко сошлись виды Британіи, Франціи, Италіи, Испаніи.

Всѣ привыкли, однако, думать, что прежде, чѣмъ произойдетъ столкновеніе между Британіей и Франціей—эта послѣдняя, конечно, будетъ воевать и именно съ Германіей. Дальновидный канцлеръ Германской имперіи повидимому желаетъ отодвинуть минуту борьбы на сколько возможно далѣе. Въ бытность свою въ Вѣнѣ, онъ посѣтилъ, между прочимъ, тамошняго французскаго посланника, Тиссерана-де-Бора, съ которымъ былъ до нельзя дружелюбенъ.

Городъ Кабулъ взятъ. 30-го сентября (12-го октября) *генералъ Робертсъ долженъ былъ совершить торжественный въѣздъ въ столицу Афганистана.* Его въ высшей степени смѣлое движеніе увѣнчалось успѣхомъ благодаря главнымъ образомъ самимъ афганцамъ, не сумѣвшимъ воспользоваться своими выгодными позиціями. Будь у афганцевъ опытные военачальники, англичане дошли бы до Кабула въ качествѣ военноплѣнныхъ, а никакъ не побѣдителей.



Русскіе типы: „На храмъ Божій“.
Ориг. рис. И. Панова, грав. М. Рашевскій.

Разныя извѣстія.

Биржевыя спекуляціи въ Парижѣ. По части страстности и отчаянной смѣлости при игрѣ на биржѣ самыми удивительными спекулянтами слывутъ въ Парижѣ наиболѣе элегантныя представительницы полусвѣта; онѣ спекулируютъ на фантастическія суммы, невиданныя даже во времена имперіи. На парижской биржѣ всѣмъ извѣстно имя одной изъ „этихъ дамъ“, отличающейся высокимъ положеніемъ и богатствомъ своихъ „покровителей“; недавно она поставила кругленькую сумму въ два

милліона гульденовъ венгерской ренты и реализировала изъ нихъ 8 процентовъ, т. е. приблизительно 400,000 франковъ. Изъ числа новѣйшихъ цѣнныхъ бумагъ, какъ напримѣръ, акцій парижскаго учетнаго банка и „Société de l'union generale" значительныя суммы находятся въ распоряженіи „этихъ дамъ". Дѣлами этихъ львицъ полусвѣта занимаются не только ихъ „друзья", но онѣ сами чрезъ посредство присяжныхъ маклеровъ.

Охота въ Англіи. Англійская газета „Sport" приводитъ интересныя подробности о страсти англичанъ къ охотѣ и объ охотничьемъ сезонѣ въ Англіи:

„Когда охотничій сезонъ въ полномъ разгарѣ, и въ замкахъ празднества слѣдуютъ одно за другимъ. У принца Вельскаго всегда большое стеченіе гостей; лордъ Биконсфильдъ и маркизъ Салисбери также посѣщаютъ его высочество. Охота на лисицъ начинается.

„Мельтонъ-Моубрей, маленькій городокъ въ Лейсестерширѣ, заселяется своими обычными посѣтителями и возвращается къ жизни. Съ ноября мѣсяца до весны онъ служитъ главнымъ сборнымъ мѣстомъ для охотниковъ всѣхъ трехъ королевствъ. Онъ имѣетъ много гостинницъ, и конюшни его вмѣщаютъ болѣе семисотъ лошадей. Каждый охотникъ, живущій въ Мельтонѣ, держитъ не менѣе десяти, а иногда до двадцати лошадей для своего личнаго употребленія. Въ продолженіи одной охоты лошади перемѣняются по два и по три раза. Постоянные жители содержатъ большія охотничьи заведенія, которыя стоютъ громадныхъ денегъ, и зимніе посѣтители оставляютъ тысячи въ городѣ и его окрестностяхъ. Содержаніе одной лошади стоитъ отъ двухсотъ до трехсотъ гиней, а содержаніе конюшни на десять лошадей обходится въ годъ въ тысячу фунтовъ стерлинговъ.

„Страсть англичанъ къ травлѣ доходитъ до того, что флотскіе офицеры, которымъ приходится зимовать въ Средиземномъ морѣ, выписываютъ себѣ собакъ, для охоты за зайцами по сосѣднимъ берегамъ."

Что даетъ человѣку море. Въ появившемся недавно въ Нью-Іоркѣ сочиненіи: *„Продукты моря"* находятся весьма любопытныя данныя, изъ которыхъ видно, въ какомъ значительномъ количествѣ море доставляетъ человѣку средства къ существованію. Въ окрестностяхъ Нью-Фаундленда ловятъ ежегодно болѣе 137 милліоновъ штукъ трески; въ Шотландіи, въ шесть дней наловили сельдей болѣе, чѣмъ на шесть милліоновъ. На британскихъ островахъ лососина даетъ ежегодно до трехъ милліоновъ дохода. Эти цифры только ничтожныя дроби производительности морей. Печень кита содержитъ въ себѣ болѣе 5 тоннъ жира.

Украшенія изъ бычачьей крови. Въ настоящее время изготовляются различные предметы роскоши изъ бычачьей крови. Предметы эти, весьма похожіе на издѣлія изъ лавы или каучука, превосходятъ ихъ великолѣпнымъ видомъ и блескомъ. Дамы въ восторгѣ отъ украшеній, сдѣланныхъ изъ бычачьей крови. Способъ изготовленія ихъ слѣдующій: кровь высушивается и затѣмъ превращается въ порошокъ, изъ котораго потомъ изготовляются разныя бездѣлушки, брошки и серьги, поражающія своею красотою и изящною отдѣлкою.

Простое средство для сверленія стекла. Вотъ крайне простое средство безопасно просверливать въ стеклянныхъ предметахъ отверстія: въ качествѣ сверлящаго инструмента употребляется обыкновенная перка, въ качествѣ же смазывающаго вещества смѣсь терпентина и камфоры. Когда отверстіе просверлено, его можно расширить посредствомъ трехграннаго напилка съ заостренными ребрами, примѣняя въ избыткѣ вышеупомянутое смазывающее вещество. То же вещество весьма пригодно для смазки при сверленіи закаленнаго чугуна и даже закаленной стали.

О мормонахъ. Вашингтонскій кабинетъ обратился къ правительствамъ Англіи, Германіи, Швеціи, Норвегіи и Даніи съ просьбою оказать содѣйствіе правительству союза въ его стремленіи прекратить безобразія мармоновъ. Кабинетъ обсудилъ ноту 29-го іюля и отправилъ ее въ Европу къ американскимъ посланникамъ въ Лондонѣ, Берлинѣ, Стокгольмѣ и Копенгагенѣ. Въ нотѣ говорится, что въ Союзѣ двоеженство считается преступленіемъ, и что мормоны, переселяющіеся въ Утахъ, дѣлаютъ это лишь съ тою цѣлью, чтобы дѣйствовать наперекоръ запрещенію двоеженства, преслѣдуемаго въ Штатахъ обычнымъ уголовнымъ порядкомъ. Депеша уполномочиваетъ посланниковъ сдѣлать правительствамъ державъ дружественныя представленія, чтобы они постарались убѣдить своихъ подданныхъ не увлекаться приглашеніями мормонскихъ миссіонеровъ къ переселенію въ Утахъ. Правительство Союза полагаетъ, что европейскія правительства поступили бы вполнѣ дружественно, если бы взглянули на это движеніе въ томъ же смыслѣ и стали бы дѣйствовать сообразно съ этимъ. Нота считается лишь предварительной мѣрой правительства, за которою послѣдуетъ воспрещеніе высадки мормоновъ въ гаваняхъ Соединенныхъ Штатовъ.

Съ того берега океана, журналы приносятъ еще весьма интересныя свѣдѣнія о состояніи работъ одного изъ монументальнѣйшихъ сооруженій Соединенныхъ Штатовъ въ настоящее время. Тамъ строится между Нью-Іоркомъ и Бруклиномъ огромный мостъ, стоимостью въ 60 милліоновъ франковъ; длина моста, считая въ томъ числѣ и апроши, превосходитъ 1.500 метровъ (почти 703 сажени). Въ срединѣ моста — арка имѣетъ отверстіе въ 450 метровъ (211 саженъ), поддерживаемая двумя башнями высотою 84 метра.

Башни были окончены къ 5 августа; теперь приступлено къ доставкѣ желѣза и стали, необходимыхъ для этой арки.

Стоимость металла до 2½ милліоновъ.

При сооруженіи моста и вообще при всѣхъ въ этомъ случаѣ каменныхъ работахъ было употреблено 120.000 куб. метровъ камня (12.360 кубич. саж.).

Мостъ подвѣшенъ четырьмя стальными канатами, діаметромъ въ 45 сантиметровъ. Каждый канатъ состоитъ изъ 19 цѣпей, изъ которыхъ каждая составлена изъ 280 проволокъ литой стали.

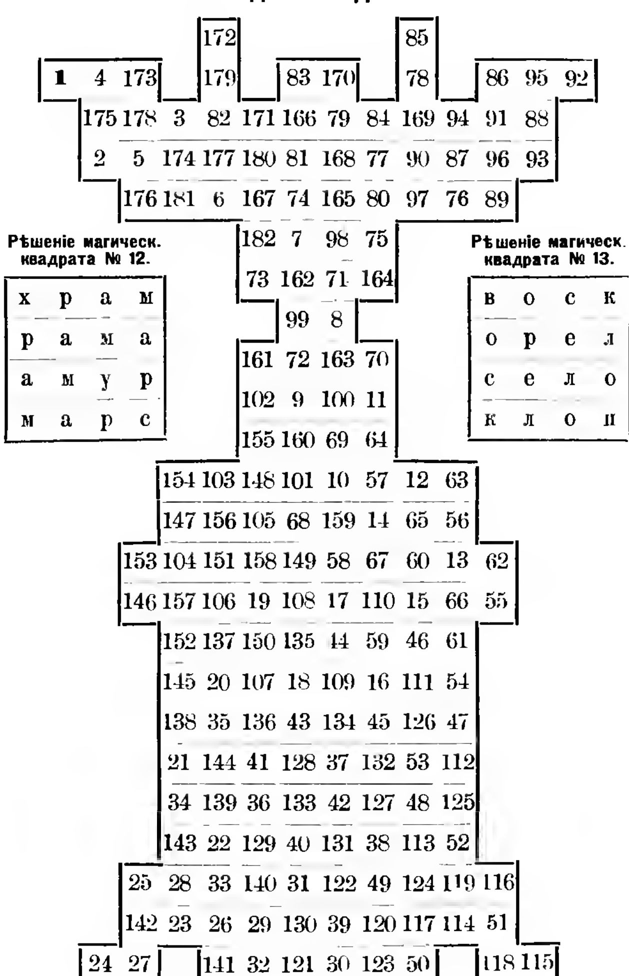
Новыя ткани. Давно уже извѣстно, что клѣтчатка, образующая хлопокъ, писчую бумагу и входящая въ составъ древесины и многихъ другихъ органическихъ веществъ, опущенныя на нѣкоторое время въ смѣсь двухъ частей сѣрной кислоты и одной части воды, разбухаетъ и дѣлается при этомъ крѣпче. На таковомъ измѣненіи клѣтчатки основано приготовленіе, такъ называемаго, растительнаго пергамента, отличающагося значительною крѣпостью сравнительно съ писчею бумагою.

Въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ „Revue scientifique" приведены свѣдѣнія о недавно появившейся въ Америкѣ ткани изъ пергаментированнаго хлопка (coton parcheminé). Приготовленіе этого вида ткани обстоятельно описано въ „Journal of the society of arts." Обыкновенно хлопокъ, хорошо вымытый, опускаютъ на сутки въ смѣсь равныхъ частей сѣрной кислоты, смѣшанной съ сѣрно-глицериновою кислотою. Къ смѣси прибавляются три части воды. Хлопокъ остается въ этой смѣси при температурѣ 17,₃₅° Ц. и пропитывается при этомъ жидкостью. Послѣ отжиманія и хорошей промывки, такъ чтобы не было и слѣдовъ кислоты, получается масса, по всѣмъ качествамъ совершенно похожая на баранью шерсть. Ткани изъ этой массы по прочности и другимъ ихъ качествамъ совершенно сходны съ шерстяными тканями. Это и было поводомъ появленія въ послѣднее время въ Америкѣ шелковыхъ и шерстяныхъ тканей съ значительною примѣсью пергаментированнаго хлопка. Ткани съ такою подмѣсью нисколько не уступаютъ обыкновеннымъ шерстянымъ тканямъ, но стоятъ дешевле ихъ. Распознаваніе примѣси пергаментированнаго хлопка возможно только путемъ точнаго химическаго изслѣдованія.

Вліяніе электричества на прозябаніе сѣмянъ. Произведены были г. Чернскимъ опыты надъ вліяніемъ электричества на прозябаніе сѣмянъ. При этихъ опытахъ испытуемыя сѣмена подвергались предварительно электризаціи при помощи электрической машины, электромагнитной машины и гальванической баттареи. Г. Чернскій пришелъ на основаніи опытовъ къ слѣдующимъ выводамъ: а) электризованныя сѣмена всходятъ быстрѣе неэлектризованныхъ, но получаемыя изъ первыхъ растенія оказываются слабѣйшими сравнительно съ растеніями, даваемыми послѣдними; б) сѣмена, имѣющія твердую кожистую или костяную оболочку, при электризаціи ихъ, не снимая оболочки, остаются нечувствительными къ вліянію электричества, которое оказываетъ на нихъ дѣйствіе только лишь по удаленіи оболочки и, наконецъ, в) сѣмена древесныхъ породъ, подвергавшіяся электризаціи, выходятъ также быстрѣе не подвергавшихся ей, но вышедшія изъ нихъ растенія, при произведенныхъ опытахъ, постоянно вытягивались и погибали.

Вслѣдствіе дождливаго лѣта сего года, въ нѣкоторыхъ волостяхъ Бѣлозерскаго уѣзда въ зернахъ ржи, особенно собранной съ низменныхъ полей, обнаружилось большое количество такъ называемой *спорыньи*, черныхъ рожковъ или быковъ, примѣсь которой въ мукѣ и печеномъ хлѣбѣ производитъ тяжкую болѣзнь, извѣстную подъ именемъ злой корчи или рафаліи. Бѣлозерская земская управа, желая предостеречь жителей уѣзда отъ употребленія хлѣба съ подобною вредною примѣсью, тѣмъ болѣе что земскіе врачи видѣли уже пять случаевъ отравленія хлѣбомъ нынѣшняго года, разослала съ этою цѣлью печатное объявленіе, въ которомъ знакомитъ съ признаками отравленія спорыньей. Эта болѣзнь, сказано въ объявленіи, выражается слѣдующимъ образомъ: является тошнота, рвота, сухость въ горлѣ, боль въ животѣ, поносъ, усталость, головокруженіе, чувство ползанія мурашекъ, судороги въ рукахъ и ногахъ (отчего болѣзнь и называется злая корча), расширеніе зрачковъ, слѣпота, глухота, припадки падучей болѣзни и смерть. Всѣ конечности тѣла, какъ-то: носъ, уши, пальцы рукъ и ногъ багровѣютъ, дѣлаются нечувствительными, холодными и даже омертвѣваютъ.

Рѣшеніе задачи. Ходъ коня № 7.



				172					85				
1	4	173		179		83	170		78		86	95	92
	175	178	3	82	171	166	79	84	169	94	91	88	
	2	5	174	177	180	81	168	77	90	87	96	93	
		176	181	6	167	74	165	80	97	76	89		
					182	7	98	75					
					73	162	71	164					
						99	8						
					161	72	163	70					
					102	9	100	11					
					155	160	69	64					
			154	103	148	101	10	57	12	63			
			147	156	105	68	159	14	65	56			
		153	104	151	158	149	58	67	60	13	62		
		146	157	106	19	108	17	110	15	66	55		
			152	137	150	135	44	59	46	61			
			145	20	107	18	109	16	111	54			
			138	35	136	43	134	45	126	47			
			21	144	41	128	37	132	53	112			
			34	139	36	133	42	127	48	125			
			143	22	129	40	131	38	113	52			
		25	28	33	140	31	122	49	124	119	116		
		142	23	26	29	130	39	120	117	114	51		
	24	27		141	32	121	30	123	50		118	115	

Рѣшеніе магическ. квадрата № 12.

х	р	а	м
р	а	м	а
а	м	у	р
м	а	р	с

Рѣшеніе магическ. квадрата № 13.

в	о	с	к
о	р	е	л
с	е	л	о
к	л	о	н

Онъ не красивъ, онъ не высокъ,
Но взоръ горитъ, любовь сулитъ:
И на челѣ оставилъ рокъ,
Средь юныхъ дней, печать страстей.
Власы на немъ, какъ смоль, черны;
Блѣдны всегда его уста;
Открыты-ль, сомкнуты-ль они,
Ліютъ безъ словъ языкъ боговъ!..
И пылокъ онъ, когда надъ нимъ
Грозитъ бѣдой перунъ земной!
Не любитъ онъ и славы дымъ;
Средь тайныхъ мукъ, свободы другъ,
Смѣется рѣдко; чаще вновь
Клянетъ онъ міръ—гдѣ вѣчно сиръ —
Коварность, зависть и любовь.
Все проклялъ онъ, какъ лживый сонъ,
Какъ призракъ дымныя мечты.
Холодный умъ, средь мрачныхъ думъ,
Не тронутъ слезы красоты.
Вездѣ одинъ, природы сынъ,
Не зналъ онъ друга межъ людей:
Такъ бури токъ сухой листокъ
Мчитъ жертвой посреди степей!

М. Лермонтовъ.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы: Спб: отъ гг.: С. Верещагина и Е. Ро—гиной **Москва**—В. Звѣвкина, Зимарева, М. Юрасова. **Елецъ**—А. Малявина. **Нижній-Новгородъ**—К. Высоковскаго. **Кіевъ**—Я. Колубовскаго. **Кронштадтъ**—Н. Дармана. **Рыбинскъ**—Могилева. **Одесса**—А. Скачкова. **Мозырь**—Ю. Лапина.

Рѣшеніе шашечной задачи № 15.

Бѣлые.		Черные.
Съ № 14 на 19		Съ № 23 на 14
„ „ 6 „ 11		„ „ 11 „ 6
„ „ 7 „ 12		„ „ 8 „ 15
„ „ 24 „ 28		„ „ 32 „ 23
„ „ 5 „ 10		„ „ 14 „ 5
„ „ 9 „ 29		„ „ 29 „ 26

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы: Спб. отъ гг.: Гумиловскаго-Холмецкаго, Оли, Е. Ллипатова, Абрикосова, Ф. Гениинга, М. П. Петрова; **Москва**, отъ гг.: А. Бѣлоногова, Н. Самсонова, И. де-Ручьвина, Е. Ерина, Г. Сырова, В. Звѣвкина, А. Еремѣева; ст. **Константиново**—Осипова, **Кронштадтъ**—Н. Дармана, **Гжатскъ**—А. Каменской. **Бѣжецкъ**—О. Г. Чистякова. **Рыбинскъ**—Н. Ф. Могилева.

Рѣшеніе ребуса помѣщеннаго въ № 33 „Нивы.“

„Хулить легче чѣмъ хвалить—это мы видимъ на каждомъ шагу.“

Рѣшеніе ребуса помѣщеннаго въ № 36 „Нивы.“

„Карамзинъ преобразовалъ нашъ русскій литературный языкъ.“

Рѣшеніе магическаго треугольника № 14.

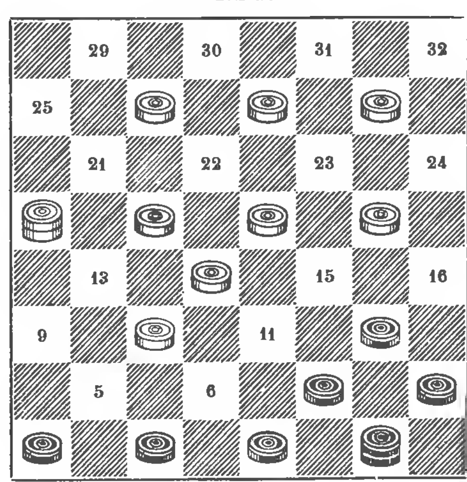
						к
					б	о
				в	о	л
			с	о	л	о
		в	о	л	о	с
	б	о	л	о	т	о
к	о	л	о	с	о	к

Вѣрныя рѣшенія магическихъ квадратовъ и треугольника присланы: Спб. отъ гг.: А. Зулуса, Н. Гуляева, И. Котова, И Рябова, И. Е. Р., С. Верещагина и Е. Р—на, Н. Рулева, В. Алениуса. **Москва**—М. Юрусова, В. Дрягалова, Зевина, И. И. И. **Нижній-Новгородъ**—К. Высоковскаго, А. Гусева. **Село К.**—Владиміренко. **Свеаборгъ**—Неизвѣстнаго.

Шашечная задача № 16.

Трехполѣннаго.

Бѣлыя.



Черныя.

Черныя начинаютъ и выигрываютъ.

ОПЕЧАТКИ.

Въ нѣкоторыхъ экземплярахъ № 40 въ подписи подъ памятникомъ Араго напечатано въ „Перпиньялѣ“, нужно читать въ „Перпиньянѣ“. Въ алгебраической задачѣ напечатано 629, слѣдуетъ 529.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала «Нива» покорнѣйше проситъ гг. иногородныхъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.

СОДЕРЖАНІЕ: **Городъ Омскъ** (съ рис.)—Стихотвореніе **Ночь. В. Мюръ. Слезы. П. О—нъ.—Касимовская невѣста.** Историческій романъ **Вс. Соловьева.** Продолженіе.—**Для Георга Вашингтона.** Разсказъ изъ временъ Англо-Американской войны. **По пути въ Афганистанъ.** Очерки. (Продолженіе). **П. Огородникова.—Православная церковь въ Кульджѣ** (съ рис.)—**Россомаха, бросающаяся на кабаргу** (съ рис.)—**Наши конкуренты въ хлѣбной торговлѣ. Погрузка хлѣба въ склады** (съ рис.)—**Наводненіе въ С.-Петербургѣ 24 Августа** (съ рис.)—**Русскіе типы. Сборщикъ на церковь.** Политическое обозрѣніе.—Разныя извѣстія.—Рѣшеніе задачи. Ходъ коня № 7. Рѣшеніе шашечной задачи № 15.—Рѣшеніе ребуса.—Рѣшеніе магическаго треугольника.—Шашечная задача.—**Опечатка.**—О перемѣнѣ адреса.—Объявленія.

Издатель А. Ф. Марксъ. Редакторъ Ф. Бергъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

X годъ № 42 — годъ X 1879

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ «ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ» (отъ 20 до 40 моди. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40).

Выданъ 15 Октября 1879 г. Цѣна этаго № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

О разсылкѣ премій „Нивы“ на 1879 годъ.

При слѣдующемъ № 43 будутъ разосланы **въ картонномъ футлярѣ** обѣщанныя гг. **ГОДОВЫМЪ** подписчикамъ **„Нивы“** (получающимъ журналъ через почту) **ПРЕМІИ**—двѣ печатанныя красками картины съ акварелей **профессора К. Е. Маковскаго.**

1) Воскресный вечеръ въ Малороссійской деревнѣ.

2) Козьма Мининъ, призывающій народъ къ пожертвованіямъ на государственныя нужды въ Нижнемъ-Новгородѣ.

Въ случаѣ неполученія кѣмъ либо при № 43 такого футляра съ преміями, издатель проситъ увѣдомить о томъ контору журнала немедленно, не позже какъ съ полученіемъ № 44 „Нивы“.

Гг. подписчикамъ, получающимъ журналъ **безъ доставки** въ **Петербургѣ** или **Москвѣ**, будутъ выданы эти преміи при № 43 въ той конторѣ или магазинѣ, черезъ которые они получаютъ „Ниву“.

Работы Соловецкихъ иноковъ.

Соловецкая обитель помимо своего высокаго религіознаго и историческаго значенія представляетъ собою любопытный примѣръ монашеской общины, развившей у себя, безъ всякаго посторонняго вліянія и въ широкихъ размѣрахъ какъ заводскую, такъ и кустарную промышленность. Здѣсь монастырь все производитъ самъ и въ самомъ себѣ находитъ всѣ средства для удовлетворенія нуждъ и потребностей иноковъ, особенно въ глухую, зимнюю пору, когда обитель бываетъ затерта льдами и отдѣлена отъ остальнаго міра. Здѣсь устроены верфи и работаютъ заводы: канатный, кирпичный, прядильный, сѣтной, красильный, сукновальный, салотопенный, лѣсопильный, солодовенный, и кожевенный; въ мастерскихъ же монастыря найдутся представители всѣхъ ремеслъ и даже художества; здѣсь занимаются рѣщики, гравильщики, серебрянники, иконописцы,

Работы Соловецкихъ иноковъ изъ дерева. Съ фотогр. рис. Боннафу грав. Лаплантъ.

мѣдники, плотники, шорники и даже печатники, печатающіе эстампы съ ликами Соловецкихъ угодниковъ, съ планами и видами обители.

Монастырь является такимъ образомъ въ видѣ не только богатаго, благоустроеннаго помѣстья но и цѣлаго обширнаго промышленнаго города. Покупаетъ онъ на сторонѣ только пшеницу, вино, рожь, камлотъ и сукно для одежды монаховъ да соль. Все остальное свое или жертвуется богомольцами въ избыткѣ. Чернорабочіе также даровые; по обѣтамъ трудятся они, особенно на такъ называемыхъ выволочныхъ морскихъ промыслахъ. На продовольствіе этихъ рабочихъ идетъ мясо многочисленныхъ монастырскихъ бараньихъ стадъ; мѣхъ же идетъ на тулупы. Кромѣ того у монастыря ловится громадное количество сельдей, лучшихъ на всемъ Бѣломъ морѣ.

Между кустарными издѣліями Соловецкаго монастыря заслуживаютъ вниманія издѣлія изъ дерева, производство которыхъ вообще развито на нашемъ далекомъ Сѣверѣ, гдѣ работа деревянной посуды поощряется кромѣ того богатыми рыбными промыслами. Такъ напримѣръ въ Архангельской губерніи нѣтъ хозяина, который бы не занимался производствомъ боченковъ подъ сельдь. Кромѣ того работаютъ бочки подъ смолу, а подъ треску такъ называемые обрѣзы. Посуду сколачиваютъ во всѣхъ уѣздахъ и почти въ каждомъ селеніи для себя и для продажи. Соловецкіе монахи преимущественно уроженцы сѣверныхъ губерній и потому въ средѣ ихъ очень много искусныхъ рѣщиковъ изъ дерева, которые дѣлаютъ жбаны, чашки, самую разнообразную утварь. Но особенной извѣстностью пользуются соловецкія ложки, которыя производятся монастыремъ въ огромномъ количествѣ и разбираются на расхватъ богомольцами. На каждой такой ложкѣ, покрытой лакомъ, изображена рыба и надпись: „благословеніе Соловецкой обители“. Нѣкоторыя изъ нихъ заканчиваются точенымъ изображеніемъ благословляющей руки. Съ благоговѣніемъ относится къ такой ложкѣ нашъ поморъ и бережно хранитъ ее въ домѣ, какъ память о святой обители.

Стихотвореніе.

Изъ поэмы Шелли „Alastor“.

Тебѣ надъ могилой, поэтъ вдохновенный,
Людьми мавзолей не воздвигнутъ надменный,
Лишь буйные вѣтры, осенней порой,
Покрыли, забытую, желтой листвой.

Ты умеръ такъ рано—жена молодая
Къ могилѣ твоей не припала, рыдая,
Украсить твой тихій и вѣчный покой
Вѣнкомъ, орошеннымъ горячей слезой.

Ты щедръ былъ и полонъ отваги и рвенья,
Но вызвалъ-ли рокъ твой хоть вздохъ сожалѣнья.
Прославилъ ли кто твой печальный конецъ?..
Ты жилъ и угасъ одинокимъ, пѣвецъ!

Съ восторгомъ межъ тѣмъ твоимъ пѣснямъ внимали,
Съ волненьемъ глубокимъ вездѣ повторяли,
Любили огонь твоихъ блещущихъ глазъ...
И вотъ ужъ твой пламень на вѣки угасъ!

Подсѣчены смертью отважныя крылья,
Ничьи намъ тебя не воротятъ усилья
И намъ не звучитъ голосъ ласковый твой—
Царитъ вкругъ тебя лишь могильный покой...

О. Кавелина.

Касимовская невѣста.

Историческій романъ Вс. СОЛОВЬЕВА.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Продолженіе).

Протопопъ все молча стоялъ въ углу и дѣлалъ видъ, что внимательно разглядывалъ какую то духовную книгу. Теперь, своей тихой походкой, подошелъ онъ къ государю.

Это былъ еще не старый человѣкъ, довольно внушительной наружности, хотя и съ замѣтно красноватымъ носомъ, обличавшимъ его, хорошо всѣмъ извѣстную, слабость къ русскимъ медамъ и дорогимъ иноземнымъ напиткамъ. Отецъ Стефанъ пользовался еще отъ покойнаго царя Михаила Федоровича большимъ почтеніемъ. Молодой же царь, при своемъ всегдашнемъ религіозномъ настроеніи, чрезвычайно уважалъ его и часто слушался его совѣтовъ.

— Это бояринъ про дщерей Милославскаго тебѣ сказываетъ, государь? такъ и я могу тоже засвидѣтельствовать: всѣмъ изрядныя дѣвицы. Господь щедро одарилъ ихъ и красотою тѣлесною, а паче того красою духовною. И коли время тебѣ, государь, приспѣло избрать жену, то лучше сихъ двухъ дѣвицъ не сыщешь ты во всемъ обширномъ государствѣ русскомъ. Бояринъ Борисъ Иванычъ, печася о твоемъ благѣ, указуетъ тебѣ на сихъ двухъ достолюбезныхъ чадъ. Изъ оныхъ же старшая, Марія, пришла уже въ возрастъ и, аки отецъ ея духовный, вѣдая всѣ помышленія и изгибы нелицемѣрнаго и невиннаго сердца ея, азъ глаголю ти: останови, государь, на сей дѣвицѣ твой выборъ!

Протопопъ остановился и обмѣнялся съ Морозовымъ многозначительнымъ взглядомъ: „Видишь ты, молъ, Борисъ Иванычъ, какъ я свое обѣщаніе исполняю—смотри незабудь же этаго!“

Царь сидѣлъ задумчиво и уже не слышалъ дальнѣйшей рѣчи протопопа. А протопопъ продолжалъ говорить долго и все въ томъ же тонѣ, отъ церковнаго языка переходя къ разговорному и наоборотъ, уснащая рѣчь свою текстами священнаго Писанія, которые, какъ онъ хорошо зналъ, всегда сильно дѣйствовали на благочестиваго юношу.

Алексѣй Михаиловичъ думалъ:

„Конечно они правы и добра мнѣ желаютъ. Конечно имъ лучше знать, какая невѣста-дѣвушка будетъ хорошей женой и царицей; но къ чему же тогда я изъ шести выбирать долженъ,—лучше бы мнѣ другихъ и не видѣть... Вотъ они такъ хвалятъ старшую дочь Милославскаго, а вдругъ мнѣ больше понравится какая нибудь другая.—Ахъ! какъ все это трудно, какъ все это страшно!.. Да что же это—а та красавица Касимовская, про которую говорилъ Пушкинъ, они вѣдь про нее ни слова.“

— Борисъ Иванычъ, живо обратился онъ къ Морозову,—ты позабылъ еще одну изъ тѣхъ, которыя вами выбраны—Всеволодскую. Какъ она тебѣ показалась? Пушкинъ мнѣ много говорилъ про красу ея и про правъ ея кроткій.

Морозовъ съ досадою пожалъ плечами и по лицу его скользнуло злобное выраженіе.

— Что она красива—въ томъ спору нѣту; но не знаю я, откуда и какъ могъ Пушкинъ узнать ее. Намъ про нее ничего ровно невѣдомо и сдается мнѣ, что не годится она въ царицы. Выросла въ глуши деревенской, отецъ ея, самъ, государь, знаешь—человѣкъ темный, бѣдный. Тоже опасно вѣдь взять дѣвушку нивѣсть откуда! Нѣтъ, государь, ни я, ни отецъ протопопъ никогда мы тебѣ не посовѣтуемъ увлечься красотой сей дѣвицы—Боже сохрани и избави!

— Чего же ты такъ встревожился, Борисъ Иванычъ, перебилъ его царь,—вѣдь я еще никого изъ нихъ не видалъ; можетъ она мнѣ и не понравится. Да и послѣ того какъ вы съ отцомъ протопопомъ такъ расхваливаете и такъ хорошо знаете дочь Милославскаго,—мнѣ кажется я только на нее и смотрѣть буду—другихъ и не увижу.

Проговоривъ это Алексѣй Михайловичъ всталъ со своего мѣста, улыбнулся, щеки его вспыхнули и онъ ласково взялъ Морозова за руку.

— Охъ, Иванычъ, жутко мнѣ! Коли завтра да прямо выйду я къ нимъ и долженъ буду сейчасъ же выби-

рать—не знаю что со мною и будетъ... Нѣтъ, пускай невѣсты сегодня же вечеромъ соберутся у сестеръ въ теремѣ; я ихъ тамъ тихонько увижу. Распорядись объ этомъ пожалуйста... Помню я, батюшка разсказывалъ, что и онъ такъ-то невѣсту себѣ высматривалъ... вотъ и я хочу тоже—увидѣть ихъ всѣхъ да разглядѣть порядкомъ, да такъ чтобъ онѣ меня невидали, а примѣтятъ, такъ за кого ни на есть сочли, хоть за гусляра что ли...

Рѣшеніе Алексѣя Михайловича очень не понравилось Морозову. Ему гораздо пріятнѣе было не дать жениху возможности разглядѣть дѣвушекъ. Чѣмъ болѣе бы смутился онъ, тѣмъ вѣрнѣе было бы торжество Морозова. Царь навѣрное тогда прямо бы подошелъ къ Милославской, о которой ему заранѣе такъ натолковано. Но отказать государю въ исполненіи его желанія невозможно.

Вдругъ новая мысль пришла въ голову Морозову: ничего, пожалуй даже еще и лучше, если онъ увидитъ ихъ сегодня. Онъ передастъ конечно свое впечатлѣніе ему, Морозову, и если даже приглянется не Марья Милославская, то все же до завтрашняго утра еще будетъ время его настроить, уговорить, и нечего ужь будетъ опасаться внезапнаго и непріятнаго выбора—этотъ выборъ будетъ заранѣе рѣшенъ и обдуманъ.

— Ладно, государь, сказалъ Морозовъ.—И въ прежніе годы, еще и до родителя твоего, цари не разъ также невидимкою невѣстъ высматривали. Это обычай старый. Желаніе твое будетъ исполнено. Тотчасъ же сдѣлаю распоряженіе и доложу царевнамъ. А ты, государь, займись пока чѣмъ нибудь, а то побесѣдуй съ отцомъ протопопомъ—время то еще раннее.

Морозовъ ушелъ. Протопопъ началъ царю поученіе о жизни семейной по „Домострою,“ о качествахъ доброй жены, объ обязанностяхъ мужа.

Но царь на этотъ разъ довольно разсѣянно его слушалъ. Ему опять послышалась, изъ какаго-то волшебнаго далека, сладкозвучная пѣснь птицы-сирина, и опять манила его эта пѣсня, волнуя кровь, поднимая въ сердцѣ неясныя ожиданія. Онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ роковаго часа, въ который должна была рѣшиться судьба его.

XI.

Постельныя хоромы дворца, въ которыхъ жили царевны, со времени смерти царицы сдѣлались еще недоступнѣе для привычныхъ дворцовыхъ посѣтителей. Сюда имѣли право свободнаго входа только боярыни, да и то въ рѣдкіе дни, назначенные для ихъ пріѣзда. Самъ Борисъ Ивановичъ Морозовъ не рѣшался нарушать принятаго обычая и никогда сюда не заглядывалъ.

Здѣсь распоряжались старыя верховыя боярыни и мамы, сновалъ съ дѣломъ и безъ дѣла всякій женскій дворцовый чинъ: казначеи, учительницы, кормилицы, комнатныя бабы и мастерицы. Здѣсь былъ свой собственный, совершенно замкнутый мирокъ, жившій своею жизнью, наполнявшій время всевозможными мелкими интригами, сплетнями, устраивавшій и свои радости и свое горе, драмы и комедіи.

Если кругозоръ и интересы тѣхъ людей, которые вращались на другой, мужской половинѣ дворца должны были показаться заѣзжему образованному человѣку того времени необыкновенно узкими, если именитые бояре поражали въ большинствѣ случаевъ грубостью своихъ нравовъ, безсмысленною, животною жизнью, то женскій міръ дворца представлялъ собою явленіе совершенно ужь безотрадное. Въ плохой школѣ приходилось воспитываться царевнамъ, мало путнаго могли внушить имъ ихъ лицемѣрныя наставницы. О дѣйствительной, живой жизни онѣ не имѣли ровно никакаго понятія, ничего не знали кромѣ своего терема, теремныхъ печалей и радостей.

Послѣдняя великая печаль—смерть матери царицы—отошла, разсѣялась. Удовольствій было немного, да и эти немногія удовольствія давнымъ давно наскучили—всѣ эти потѣшные нѣмцы съ цимбалами, скоморохи, домрачеи, карлы и карлицы, нищіе, дураки и дуры. Такъ не мудрено, что вѣсть о предстоящей женитьбѣ брата живо затронула царевенъ и всѣхъ теремныхъ обитательницъ. Съ утра и до вечера шли у нихъ теперь разговоры объ этомъ великомъ событіи. Когда же Морозовъ объявилъ, что царевны должны принять избранныхъ для государевыхъ смотринъ дѣвушекъ и что царь тихомолкомъ будетъ смотрѣть ихъ,—въ теремѣ все заволновалось. Царевны пришли въ великое восхищеніе и быстро нарядившись какъ подобало для такаго рѣдкаго случая, приготовились къ пріему гостей, изъ которыхъ онѣ до сихъ поръ знали уже четырехъ: Пронскую, Хилкову да сестеръ Милославскихъ.

Пришелъ ранній зимній вечеръ. Теремные покои разсвѣтились многими свѣчами. Всѣ постоянныя обитательницы терема уже собрались и въ волненіи, перешептываясь другъ съ другомъ, ожидали. Вотъ привезли наконецъ и невѣстъ. Онѣ идутъ, робко озираясь во всѣ стороны, представляться царевнамъ.

Но больше всѣхъ робѣетъ и смущается Фима. Она еще съ утра не можетъ придти въ себя. Страшный нынче день задался ей. И такъ ужь всѣ бѣды въ послѣднее время нахлынули, а съ утра сегодняшняго совсѣмъ видно пришла погибель, совсѣмъ сглазилъ ее своими лукавыми глазами чернобородый бояринъ. Какъ узнала она, что ее выбрали вмѣстѣ съ пятью другими—не взвидѣла свѣту, тяжело и горько стало у ней на душѣ, слезы невольныя изъ глазъ брызнули. Со всѣхъ сторонъ на нее глядятъ завистливо. Есть чему завидовать! Домой, домой скорѣе, думалось ей когда окончился смотръ боярскій; но не тутъ-то было: пришлось выдержать новую пытку. Тѣ, счастливыя, неизбранныя по домамъ разъѣхались. Пришлютъ имъ подарки царскіе и отпустятъ ихъ на всѣ четыре стороны. Онѣ свободны. У кого есть женихъ — то-то счастье, то-то радость! А избранныхъ во дворцѣ задержали. Отвели ихъ въ отдѣльный покойчикъ, принесли имъ яства, сласти разныя, угощали ихъ. А потомъ явились бабки дворцовыя, за бабками нѣмецъ дохтуръ.

Не взвидѣли свѣта красавицы—со стыда чуть не померли...

Наконецъ, натерпѣвшись всякой муки, пріѣхала Фима домой. Отецъ, мать, тетка, Пафнутьевна ее окружили.

— Ну что, какъ?? начались разспросы.

Залилась она горькими слезами, кинулась на шею къ Настасьѣ Филипповнѣ. Едва могла выговорить.

— Бѣда моя лютая... выбрали... царю будутъ показывать!..

Перекрестился молча Рафъ Родіоновичъ, сѣлъ на лавку, опустилъ голову. И трудно было разобрать его думы. А женщины голосить стали не отъ горя, а отъ великой своей радости.

Настасья Филипповна въ материнской гордости сама себя не помнила, совсѣмъ стала какъ угорѣлая. Пафнутьевна торжественно оглядывала Фиму и шептала:

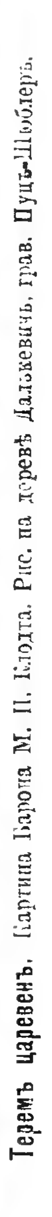
— Что же, я вѣдь говорила, такъ и быть оно должно—развѣ краше Фимочки есть кто на свѣтѣ?..

— Да Митя то, Митя!! гдѣ онъ? заливаясь слезами повторяла Фима.

Ей сказали, что Митя видно ужь теперь выпущенъ на свободу, а коли еще не выпущенъ, такъ нынче къ вечеру безпремѣнно его выпустятъ. Но при этомъ прибавили, что ей о немъ, собираясь предстать передъ царскія очи, нечего думать, чтобы она ни себя, ни родныхъ своихъ не срамила.

Какъ подстрѣленная птичка, пораженная этими словами притихла Фима. Она вдругъ поняла, что съ сегодняшняго дня совсѣмъ рушится связь ея съ прежнею жизнью.

Литературный альбомъ. „Майская ночь“, Гоголя. Картина профессора И. Н. Крамского.
Рис. на деревѣ Далькевичъ, грав. Пуцъ-Шюблеръ.



Теремъ царевенъ. Картина Барона М. П. Клодта. Рис. на деревѣ Далькевичъ, грав. Пуцъ-Шюблеръ.

„Только какъ же это, нѣтъ, что же такого что выбрали—вѣдь насъ шестеро. Другія лучше меня, больше царю понравятся!“ успокоивала она себя и никакъ не могла успокоить.

Какой-то внутренній, невѣдомо откуда звучавшій голосъ говорилъ ей, что все кончено и пропало, что въ конецъ испортили ее лукавые глаза чернаго боярина.

„Да гдѣ же Андрюша? хоть бы съ нимъ словомъ перемолвиться. Упросить его добыть Митю. Они бы тогда можетъ и рѣшили, какъ имъ быть теперь. Только нѣтъ Андрюши—съ утра онъ домой не возвращался. Ей горе—ему радость.

Не выбрана его Маша... Онъ тамъ теперь—съ нею, забылъ и думать о сестренкѣ, о другѣ своемъ Митѣ!“

Какъ въ туманѣ какомъ пробыла нѣсколько часовъ Фима, ѣсть ничего не могла, ни о чемъ не думала. А тутъ вотъ опять изъ дворца посланный съ колымагою. Въ колымагѣ боярыня верховая, во дворецъ зовутъ, къ царевнамъ.

Вотъ и пріѣхала Фима.

Тошно на душѣ у нея. Дикимъ ей все кажется—весь этотъ блескъ никогда не виданный, вся эта роскошь въ теремѣ царевенъ. Словно въ бреду ей все это чудится.

Помнится ей, нѣсколько лѣтъ тому назадъ больна очень была она, въ жару лежала, такъ чудилось ей все такое дивное. Вотъ теперь тоже самое. И не разберешь—явь ли то, или сонъ—пестро все такъ, перепутано... Огни горятъ... и конца этимъ огнямъ нѣту. Въ глаза такъ и кидаются: хитрая рѣзьба, парча, ковры яркіе. Со всѣхъ сторонъ выростаютъ чудныя лица, карлики, уродцы. Вотъ прямо на нее смотритъ черная морда. И не разберешь, что это: звѣрь ли заморскій, или человѣкъ. Носъ расплюснутый, лба совсѣмъ почти нѣту, на головѣ тюрбанъ огромный. Ротъ почитай до самыхъ ушей, губы толстыя, красныя, а изо рта глядятъ зубы бѣлые—злобно такъ скалятся...

Вотъ кричитъ что-то дикимъ голосомъ, птица какая то сѣро-красно-зеленая на золотомъ кольцѣ качается. И говоритъ та птица человѣчьимъ голосомъ...

Все чуднѣе и чуднѣе Фимѣ—ужь не сознаетъ гдѣ она. Ей кажется будто она летитъ въ пространствѣ и на нее со всѣхъ сторонъ надвигаются всякія дива.

И опять она будто падаетъ, и опять различаетъ: жарко натопленные, изукрашенные покойчики, тѣ же молодыя и старыя, прекрасныя и уродливыя лица. Тѣже чертенята и карлы, та же говорящая человѣческимъ голосомъ птица... Красивыя, нарядныя дѣвушки ее окружаютъ, улыбаются ей, заговариваютъ съ нею. Но она не знаетъ какъ и отвѣчать имъ, говоритъ безсознательно. Ее усаживаютъ на мягкую скамью парчевую, угощаютъ сластями. Вдругъ раздаются тихіе музыкальные звуки. Нѣсколько мужскихъ фигуръ показываются у порога. То музыканты. Тихіе звуки разростаются, переходятъ въ громкую плясовую пьесу.

Но эта веселая музыка не радуетъ, а только поднимаетъ новую боль въ сердцѣ Фимы. Ее душатъ слезы...

И вдругъ она совсѣмъ очнулась, туманъ разсѣялся. Теперь она ужь можетъ отчетливо различать все, что ее окружаетъ. Она видитъ себя среди молодыхъ красавицъ. Рядомъ съ нею одна изъ царевенъ. Въ ногахъ у нихъ, посреди комнаты, на мягкомъ коврѣ, сидятъ двѣ уродливыя карлицы и арапка. Музыканты продолжаютъ играть у порога. Фима взглянула на нихъ и внезапно вздрогнула. Прямо на нее, прямо въ глаза ей, устремлены глаза однаго изъ музыкантовъ.

И что же это съ ней такое? Отчего не можетъ она оторваться отъ глазъ этихъ? Отчего лицо этаго музыканта не уходитъ отъ нея. Онъ молодъ, очень молодъ. И никогда еще въ жизнь свою не видѣла она такаго красавца. Странная улыбка на лицѣ его, на щекахъ нѣжный, то вспыхивающій, то потухающій румянецъ. Все глядитъ онъ на нее, не отрывается.

Фима опустила глаза, но такъ и тянетъ ее взглянуть снова. Что-то совсѣмъ необычайное примѣтила она въ лицѣ этомъ. Оно ей кажется чуднѣе непонятнѣе всего, что вокругъ нея творится. Гдѣ же прежде видѣла она лицо это? Оно ей такъ знакомо. Только нѣтъ, нигдѣ она его не видала. Какъ можетъ онъ такъ смотрѣть на нее? Зачѣмъ онъ такъ смотритъ, ей досадно, ей обидно, и въ то же время ей опять хочется взглянуть на него. И она боится, что онъ ужь на нее не смотритъ.

Зачѣмъ же все это? Что съ нею? Она вся дрожитъ, она чувствуетъ, что вотъ вотъ зарыдаетъ.

Но въ эту самую минуту снова прежній туманъ ее охватываетъ и она перестаетъ различать предметы. Прежній сонъ, пестрый, причудливый, снова начинается подъ звуки то замирающей, то съ новою силой раздающейся музыки. Только въ этомъ новомъ снѣ, среди чудесъ и разнородныхъ причудливыхъ образовъ, теперь рядомъ съ нею непонятное лицо волшебнаго музыканта, его тихіе глаза, умильно и ласково смотрящіе ей прямо въ душу.

XII.

Фима была права когда думала про Андрея, что онъ теперь забылъ и о ней, и о Сухановѣ. Дѣйствительно, онъ не могъ въ этотъ день ни о комъ и ни о чемъ думать, кромѣ своего собственнаго благополучія. Маша Барашева не приглянулась боярамъ; то, что казалось Андрею невозможнымъ, невѣроятнымъ—между тѣмъ случилось. Андрей воображалъ, что какъ только увидятъ бояре Машу, такъ на другихъ красавицъ и смотрѣть не захотятъ. Онъ былъ въ этомъ совершенно увѣренъ и несчастный, отчаянный ожидалъ у воротъ кремлевскихъ того времени, когда невѣсты поѣдутъ изъ дворца, когда ему придется окончательно убѣдиться въ своемъ горѣ.

Самыя дикія, ужасныя мысли мелькали въ головѣ его. То онъ внезапно рѣшался идти во дворецъ и силою вырвать оттуда Машу. Онъ мысленно уже выходилъ на бой со всѣми боярами, которые ее выбрали. Потомъ его рѣшимость пропадала, имъ овладѣвало отчаяніе и онъ помышлялъ даже о проруби, которую замѣтилъ переходя Москву-рѣку.

Проходитъ два мучительныхъ часа ожиданія и вотъ наконецъ колымаги начинаютъ выѣзжать изъ Кремля. Андрей бросается чуть не подъ колеса, пристально всматривается—и въ одной изъ закутанныхъ женскихъ фигуръ узнаетъ Машу. Можетъ онъ ошибся—только нѣтъ, ему-ль не узнать ее, какъ бы она ни была закутана!

Какъ сумасшедшій побѣжалъ онъ за колымагами на Покровку, гдѣ остановилась Маша съ матерью, замужней сестрою и зятемъ.

Добѣжалъ онъ едва переводя дыханіе, едва вырвавшись изъ рукъ встрѣчнаго стрѣльца, который было принялъ его за убѣгавшаго вора.

У Барашевыхъ, къ великому своему изумленію и ужасу, онъ засталъ всѣхъ въ смущеніи и печали.

„Машу вернули назадъ, не выбрали, царь ее не увидитъ—экое несчастіе!“ повторялось на всякіе лады домашними.

Андрей только съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на родныхъ Маши, которые, вмѣсто того чтобы радоваться и веселиться, такъ повѣсили головы. Онъ началъ обо всемъ распрашивать, изумлялся слѣпотѣ бояръ... „Видно затмѣніе нашло на нихъ! ну какъ же могли они предпочесть Машѣ кого бы то ни было!“ Онъ не могъ усидѣть на мѣстѣ отъ восторга и нетерпѣнія увидать свою красавицу.

Но красавица не выходила въ горницу — она переодѣвалась. И Андрею приходилось бесѣдовать съ мужемъ Машиной сестры, котораго онъ не особенно долюбливалъ.

Да и вообще то вся эта семья не приходилась ему по сердцу. Онъ всегда удивлялся, какимъ образомъ такая золотая дѣвушка какъ его Маша могла имѣть подобныхъ родственниковъ.

Еще въ Касимовѣ Андрей не мало дурнаго наслышался о семьѣ этой. Да вотъ хоть бы замужество старшей сестры Маши... Дѣло было на виду у всѣхъ и о немъ въ свое время много говорили въ Касимовѣ:

Дворянинъ Артемьевъ, человѣкъ зажиточный и уже не первой молодости, овдовѣлъ и задумалъ вторично жениться, тѣмъ болѣе, что отъ первой жены дѣтей у него не было. Зналъ онъ что у Барашева двѣ дочери, изъ которыхъ одна красива, а другая уродлива, да вдобавокъ еще и съ изрядной хромотою. Было это дѣло года четыре тому назадъ. Старшей Барашевой, Софьѣ, тогда восемнадцать лѣтъ исполнилось, а младшая была всего по пятнадцатому году, но вышла она изъ себя такая рослая да полная, что и всѣхъ семнадцать лѣтъ можно ей дать было.

Старикъ Барашевъ охотно принялъ сватовство Артемьева; сказалъ что его дочь Софья красивѣе другой уродилась. Назначили, по обычаю, смотрины, а на смотринахъ и вывелъ онъ передъ Артемьевымъ не Софью, а Машу. Жениху невѣста сильно приглянулась. Ударили по рукамъ, потолковали, какъ слѣдуетъ, о приданомъ и обо всемъ прочемъ, составили запись, назначили день вѣнчанья.

Въ церкви было довольно темно, невѣсту, окутанную фатою, ввели подъ руки двѣ женщины-родственницы. Простодушный Артемьевъ не всматривался въ лицо невѣсты, онъ ее такъ хорошо разглядѣлъ во время смотринъ. Къ тому же человѣкъ онъ былъ набожный, понималъ важность таинства и усердно молился. Обвѣнчались благополучно, и только по возвращеніи домой, когда новобрачная сняла передъ мужемъ фату, онъ увидѣлъ совсѣмъ незнакомое ему, некрасивое лицо.

Можно себѣ представить его ужасъ и бѣшенство. Онъ накинулся на старика Барашева, но тотъ спокойно отвѣчалъ ему, что вѣдь онъ сватался за его старшую дочь, Софью, и что Софья теперь съ нимъ обвѣнчана и будетъ ему вѣрной и послушной женою.

Затѣялъ было Артемьевъ дѣло, но и воевода касимовскій, и духовное начальство тянули сторону Барашева. Артемьевъ подумалъ, подумалъ —да вдругъ присмирѣлъ. Человѣкъ онъ былъ, какъ уже сказано, далеко не молодой, нрава мягкаго, обиды долго не помнилъ. Надумалъ онъ, что съ некрасивой женой оно, пожалуй, и лучше, спокойнѣе, да и къ хозяйству она, какъ старшая, пріучена больше—а вѣдь для хозяйства-то онъ, главнымъ образомъ, и женился.

Взялъ онъ себѣ некрасивую жену и зажилъ съ нею мирно, только конечно, для порядку, изрѣдка колотилъ и попрекалъ ее. Но она, не смотря на свою хромоту, была очень крѣпкаго сложенія, побои выносила легко и на попреки не обижалась. Поосмотрѣвшись и изучивши бурливый, но въ то же время совершенно слабый характеръ мужа, Софья сама стала давать ему сдачу. Барашевъ скоро умеръ. Вдова его, вмѣстѣ съ Машей, переселилась къ зятю, который уже не засматривался больше на красавицу Машу. Онъ оказался теперь совсѣмъ въ рукахъ жены и тещи, и онѣ, какъ говорится, вили изъ него веревки.

Исторіи, подобныя Артемьевской, случались въ то время очень часто и никого не удивляли. Всѣмъ казалось совершенно понятнымъ и естественнымъ, что родители употребляли все возможное для того, чтобы сначала выдать замужъ старшую дочь, а тѣмъ болѣе некрасивую. Кому же пріятно остаться съ залежавшимся или плохимъ товаромъ на рукахъ. Въ просакъ попадались обыкновенно люди, придерживавшіеся стародавнихъ, исконныхъ понятій и обычаевъ, требовавшихъ чтобы женихъ не зналъ своей невѣсты, чтобы дѣвушка до самаго брака жила затворницей, не попадалась на глаза мужчинамъ. Только конечно большинство подобныхъ исторій не такъ благополучно оканчивалось какъ Артемьевская. Обманутые мужья судились и иногда выигрывали дѣло. Имъ разрѣшалось развестись съ женою, выданною имъ съ обманомъ. Если же не находили они удовлетворенія по суду, что случалось гораздо чаще, то справлялись собственною силою, силою своихъ друзей и холопей—побоищемъ и раззореніемъ мстили отцу невѣсты.

Самую же плачевную роль конечно приходилось играть некрасивой женѣ.

Мужъ хорошо понималъ, что она невинна, что она не могла идти противъ родительской воли, да часто и не подозрѣвала дѣйствительности; но пожалѣть несчастную жертву никому не приходило въ голову. Мужъ, видя что законными путями ему нельзя отдѣлаться отъ жены, рѣшался какъ можно поскорѣе извести ее. И изводилъ побоями и всякими терзаніями, и считалъ себя при этомъ въ своемъ правѣ.

Выдавши старшую дочь обманомъ и взявъ зятя въ руки, старуха Барашева уже давно думала о томъ, какъ бы ей повыгоднѣе и получше устроить младшую, красивую Машу. Она очень высоко цѣнила красоту ея, которая конечно еще больше обращала на себя вниманія отъ постояннаго сравненія съ безобразіемъ старшей сестры.

„Машу нужно хорошенько пристроить, и про себя думала и пріятельницамъ своимъ поговаривала старуха,—ей не такой женихъ подъ пару какъ Артемьевъ... Ну а гдѣ ты тутъ, у насъ въ Касимовѣ, жениха настоящаго достанешь?! коли человѣкъ богатый да родовитый, такъ живетъ въ своемъ помѣстьѣ, не то въ Москвѣ, а здѣсь только подъячіе!!..“

Поэтому старуха и обрадовалась впечатлѣнію, произведенному Машей на Андрея Всеволодскаго. Она тотчасъ же доподлинно о немъ узнала и рѣшила, что онъ женихъ подходящій. Не изъ богатыхъ—это точно, да только люди поговариваютъ у отца все же не малая деньга накоплена. Рода стараго, дворянскаго, парень молодой, видный. Самъ собою не Богъ вѣсть что, да на безрыбьи и ракъ рыба. Кого еще ждать-то, а годы проходятъ—Машѣ ужь восемнадцать лѣтъ исполнилось. Только какъ бы не проглядѣть его, не упустить...

И Барышева всячески обласкала Андрея. Теперь скрывать невѣсту было нечего, напротивъ жениха нужно было всячески забрать въ руки, чтобы не отступился. Поэтому молодымъ людямъ была разрѣшена нѣкоторая свобода. Они могли видѣться и говорить другъ съ другомъ, конечно при свидѣтеляхъ. Но въ такихъ случаяхъ никакой глазъ не усмотритъ: Андрей успѣлъ уже перешепнуться съ Машей, успѣлъ сорвать поцѣлуй съ ея губъ румяныхъ.

А тутъ вдругъ бояре московскіе... кличъ царскій по невѣстамъ, поѣздка на Москву. Старуха Барашева была баба хитрая, разсудительная. Сначала не очень то она вѣрила въ такое несбыточное счастье и попридерживала Андрея.

„Конечно, думалось ей,—въ Москвѣ можетъ быть коли даже и не царь, это то врядъ ли, такъ другіе хорошіе женихи найдутся. Ну такъ тамъ будетъ видно. А и то: вонъ у Всеволодскихъ дѣвка-то какая, Афимья, кто ее знаетъ—можетъ ей судьба выйдетъ, такъ Андрюшка нашъ въ ту пору важнымъ женихомъ сдѣлается. Ничего, пускай себѣ приходитъ—мѣста не отсидитъ“.

Однако хотя и благоразумно въ первое время разсуждала Барашева, все же она невольно питала надежду: „а вдругъ и выпадетъ счастье на долю Машѣ, будетъ она царицей—что-жь, не хуже другихъ вѣдь!“

И надежда эта была такого рода, что разъ пришла она, такъ ужь и не уходила, а напротивъ, по мѣрѣ приближенія къ роковому дню избранія, увеличивалась все больше и больше.

Пріѣхавъ въ Москву Барашева тотчасъ же принялась совершать походы по всѣмъ церквамъ. Служила молебны всѣмъ московскимъ угодникамъ; горячо молилась передъ мощами, прося у Бога и у чудотворцевъ счастья для своей Маши.

И кончилось все это тѣмъ, что вдругъ, наканунѣ смотра боярскаго, она окончательно позабыла всю свою прежнюю разсудительность, увѣровала всѣмъ сердцемъ въ то, что Маша будетъ избрана царемъ. Она только никому, ни зятю, ни дочерямъ, не повѣряла своихъ мыслей. Она сама про себя знала.—Не могутъ же даромъ пройти всѣ молебны, всѣ свѣчи, поставленныя ею передъ мощами и чудотворными иконами. Она отпускала во дворецъ дочь свою и внутри себя торжествовала.

А тутъ вотъ дочь вернулась ни съ чѣмъ: не только что царь не избралъ ее, но даже и бояре забраковали. Совсѣмъ взбѣленилась старуха, чуть что не отреклась отъ святыхъ угодниковъ, которые, не смотря на всѣ свѣчи и молебны, такъ жестоко поступили съ нею.

Однако, въ то время какъ прибѣжалъ запыхавшійся Андрей Всеволодскій, она уже справилась съ собою и неподвижно сидѣла въ углу, хмурая и непривѣтная.

„Кого же выберутъ? кто эта счастливица-раскрасавица? Навѣрно хуже моей дочки—такую не найдешь другую... Да ну ихъ совсѣмъ!.. Авось хоть подарки царь пришлетъ хорошіе. А то легко-ль сказать—изъ Касимова сюда притащились, дѣла всѣ бросили, исхарчились совсѣмъ. Ну а Машуткѣ все же таки жениха надо хорошаго. Какъ тамъ ни на есть: царская невѣста!—дурную бы вѣдь не поволокли въ Москву.“

— А сестрица твоя, батюшка Андрей Рафычъ, тоже домой ни съ чѣмъ вернулась? у Машуты то я спросить забыла, обратилась старуха къ Всеволодскому.

— Кажись нѣтъ, отвѣтилъ онъ,—Марья Дмитревна изъ послѣднихъ была, я во всѣ колымаги заглядывалъ—сестры не видалъ.

„Не ужь то Всеволодскимъ такое счастье?!.“ со злобой и завистью подумала Барашева. „Такъ чтобы хоть Андрюшка то не отсталъ, хоть за него уцѣпиться...“

— Что же мудренаго, сдерживая свои чувства ласковымъ голосомъ заговорила она,—сестрица твоя вѣдь ужь извѣстно—писаная красавица, не чета моей дочуркѣ. Можетъ царицей будетъ, тогда и ты въ гору пойдешь, такъ смотри, не забывай насъ, бѣдныхъ, помяни, голубчикъ, нашу ласку. Такъ то, сударь ты мой, Андрей Рафычъ! А мы тебя отъ всего сердца полюбили, какъ родного... Право слово—иной разъ гляжу я на тебя и таково тягостно мнѣ станетъ—сыночка-то мнѣ не послалъ Господь... вотъ такого бы какъ ты...то то сердце бы мое радовалось...

Она встала, вышла изъ горницы и кликнула Машу. Та, уже переодѣтая въ свое обыкновенное платье, вошла, поклонилась Андрею и молча сѣла въ уголочекъ.

Андрей замеръ отъ счастья при входѣ своей возлюбленной; только, по пристальнѣе взглянувши на нее, нежданно смутился. Въ ея лицѣ онъ не прочелъ никакой радости; напротивъ: красивое, румяное лицо Маши показалось ему очень поблѣднѣвшимъ, вѣки глазъ покраснѣли.

Она очевидно плакала.

„Боже! о чемъ ей теперь плакать?!..“

Онъ подсѣлъ къ ней.

— Что это ты пригорюнилась, Марья Митревна?

Маша взглянула на него и на глазахъ ея помимо воли блеснули слезы. Совсѣмъ упало сердце у Андрея.

— Маша, что же это? Не ужь-то обманула меня, не ужь-то не любишь? тихо, тихо шепталъ онъ.

— Нѣтъ, я ничего, что же? отвѣтила она.—А срамно больно... чѣмъ же я хуже другихъ?..

Ея голосъ порвался и изъ красивыхъ глазъ брызнули слезы, которыя она уже не могла сдерживать.

— Осрамили совсѣмъ.... забраковали словно урода какого!..

Артемьевъ, бывшій въ горницѣ, вышелъ. Андрей остался одинъ съ Машей. Онъ быстро кинулся къ ней, схватилъ ее за руки.

— Маша, голубка моя, не терзай мнѣ сердце! Или впрямь не любишь, такъ скажи; лучше убей разомъ... Самъ Богъ пожалѣлъ насъ, не знаю какъ и благодарить Его. Отвелъ Онъ глаза боярамъ, не разглядѣли они тебя. Разглядѣли бы—такъ не выпустили бы. Коли была у меня надежда, такъ единственно на то, что бояре своихъ сродственницъ выбирать станутъ, такъ оно и сдѣлалось. А ужь кабы на глаза царю ты попалась, такъ не миновать намъ гибели—онъ бы на другихъ и смотрѣть не захотѣлъ...

Но при этихъ словахъ Андрея, Маша заплакала еще горьче прежняго.

— Бояре своихъ сродственницъ... захлебываясь слезами шептала она,—а вѣдь вотъ же сестру твою выбрали, за красоту выбрали!

Она зарыдала и вдругъ поднявшись выбѣжала изъ горницы.

Андрей остался одинъ; долго сидѣлъ онъ повѣся голову. Счастья, которое онъ еще за полчаса испытывалъ, теперь какъ небывало.

Вошла старуха Барашева, вошла Софья Артемьева; онѣ говорили ему что то. Онъ отвѣчалъ имъ самъ не сознавая того, что говоритъ.

Какъ полоумный вышелъ онъ отъ нихъ и побрелъ по улицамъ московскимъ, ничего и никого вокругъ себя не видя. Маша не отказала ему. Она плачетъ только отъ обиды, что не оцѣнили, не признали красоту ея, о которой самъ же онъ ей прожужжалъ всѣ уши. Она ничѣмъ не виновата; но счастья все же нѣту! Тоска въ сердцѣ Андрея, тошно ему глядѣть на свѣтъ Божій.

XIII.

Алексѣй Михайловичъ въ волненіи ходилъ скорыми шагами по своей опочевальнѣ. Въ большомъ покойномъ креслѣ, у царской кровати, сидѣлъ Морозовъ, и зорко слѣдилъ за всѣми движеніями своего воспитанника. Онъ хорошо видѣлъ его волненіе и думалъ, что понимаетъ состояніе его духа.

Молодой царь былъ все еще въ одеждѣ музыканта, въ которой онъ пробрался къ сестрамъ, чтобы, оставаясь неузнаннымъ, хорошенько разглядѣть красавицъ, изъ которыхъ на слѣдующее утро онъ долженъ былъ выбрать себѣ невѣсту.

Борисъ Ивановичъ, сопровождавшій царя и въ покои царевенъ, имѣлъ при этомъ, конечно, цѣль уловить впечатлѣніе, произведенное на него какою либо изъ привезенныхъ дѣвушекъ. Однако хитрый бояринъ остался очень недоволенъ — какъ ни слѣдилъ онъ—ничего не выслѣдилъ. Царь, какъ нарочно, постоянно становился такимъ образомъ въ дверяхъ царевнинаго покоя, у котораго играли музыканты, что Морозовъ никакъ не могъ разглядѣть лица его; онъ замѣтилъ только его волненіе, которое вотъ и теперь продолжается. Конечно эти дѣвушки, изъ которыхъ каждая могла сдѣлаться его подругой, должны были особенно поразить его. Вѣдь до сихъ поръ онъ былъ совсѣмъ ребенкомъ, до сихъ поръ онъ ни на одну женщину не глядѣлъ съ такими мыслями. Но которая изъ нихъ ему больше понравилась? И успѣла ли которая нибудь ему больше понравиться, сдѣлалъ ли онъ выборъ? Вѣдь всѣ хороши... а та то, та... касимовская... ухъ, какъ хороша она... проклятый Пушкинъ—зналъ какъ подставить ногу!..

„Ну да не вытерпитъ царь,—все скажетъ, что теперь на душѣ у него—ему ли отъ меня таиться!...“

Морозовъ все пристальнѣе и внимательнѣе вглядывался въ юношу, а тотъ, какъ будто совсѣмъ забывшись, безсознательно и порывисто ходилъ изъ угла въ уголъ по своей опочивальнѣ. На лицѣ его было самое необычное и странное выраженіе, въ которомъ мелькали

Старушка съ тюльпаномъ. Факсимиле старинной гравюры Вилля. Грав. И. Лефманъ.

по временамъ—то восторгъ какой то, то грусть непонятная...

— Что же, государь, время позднее, наконецъ сказалъ Морозовъ,—чай и отдохнуть пора. А на завтра пораньше подняться да Богу помолившись принарядиться, молодцомъ выйти къ невѣстамъ-красавицамъ...

Царь вздрогнулъ, заслышавъ голосъ Морозова и остановился. Его мысли, его грезы, очевидно, были далеко—онъ только что пришелъ въ себя.

— Да, пора, проговорилъ онъ и началъ раздѣваться съ помощью подошедшаго къ нему Морозова.

— А что же это ты ничего не скажешь мнѣ, государь? Али не доволенъ невѣстами, недоволенъ нашимъ выборомъ, али мы тебѣ не угодили?..

Царь опустилъ глаза и не зналъ что отвѣчать на слова эти. Онъ не могъ, не хотѣлъ высказывать того, что было теперь у него на душѣ. Ему хотѣлось одного: поскорѣе остаться наединѣ со своими мыслями, грезами и тѣми новыми чувствами, которыя теперь наполняли его сердце. Можетъ быть въ первый разъ въ жизни присутствіе Морозова казалось ему надоѣдливымъ, несноснымъ.

— Зачѣмъ ты такъ говоришь, Иванычъ? шепнулъ онъ.—Я никогда сроду не видывалъ такихъ красавицъ, какихъ вы мнѣ выбрали!..

— Но какая же, какая изъ нихъ тебѣ больше по нраву?

Царь молчалъ.

— Ну что же, продолжалъ Морозовъ;—али передо мной, старымъ дядькой, скрываться хочешь? Али ужь, видно, прошло то золотое времячко, когда передъ отходомъ ко сну всѣ свои думки мнѣ сказывалъ? Повѣдай что у тебя на душѣ, повѣдай, золотой государь мой! У всѣхъ у насъ, вѣрныхъ слугъ твоихъ, сердце дрожитъ; не заснемъ мы спокойно пока не свѣдаемъ о твоемъ выборѣ...

Онъ съ доброй и ласковой улыбкой заглядывалъ въ глаза царя и вдругъ, словно не въ силахъ будучи удержаться, опустился передъ нимъ на колѣни и своими сильными, твердыми руками обвилъ станъ его.

— Дитятко мое ненаглядное, говорилъ онъ, — соколикъ ты мой! да взгляни же ласково на стараго дядьку!.. Скоро ужь не осмѣлюсь я такъ обнять тебя, не осмѣлюсь такъ говорить съ тобой... А теперь, въ послѣдній хоть разокъ то, позволь назвать мнѣ тебя дитяткой... Солнышко мое красное, обними меня какъ бывало, скажи что по прежнему любишь твоего Иваныча, открой мнѣ свою душу. Заполонила чтоль тебя краса дѣвичья? Нестыдися—признайся... въ томъ нѣтъ худаго, а вотъ было бы худо, если бы ни одна не пришлась тебѣ по нраву... Кто-жь такая? о комъ мнѣ нынче помолиться, кого почитать мнѣ, вѣрному твоему холопу, прикажешь?..

Ласки Морозова, его задушевный, дрожащій отъ волненія голосъ, мягкій блескъ его глазъ, словно даже затуманившихся слезами, подѣйствовали на Алексѣя Михайловича. Онъ склонился къ боярину и крѣпко поцѣловалъ его.

— Что это ты говоришь такое, Иванычъ? я люблю тебя по прежнему и никогда не измѣнюсь къ тебѣ. Развѣ я забылъ что мнѣ наказывалъ покойный батюшка?.. ты мнѣ теперь замѣсто него, я тебя какъ отца почитаю... Только право нечего сказать тебѣ,—самъ я какъ въ туманѣ, таково смутно на сердцѣ... и словно усталъ я... ужь и не знаю что такое!.. Оставь меня, Иванычъ,—дай заснуть—самъ вѣдь сказывалъ—утромъ раньше встать надо...

Но боляринъ не могъ такъ оставить своего воспитанника. Для него теперь рѣшался вопросъ жизни или смерти. Ему во что бы то ни стало нужно теперь все вывѣдать и подготовить царя къ завтрашнему выбору. Видя что обиняками ничего нельзя добиться, онъ рѣшился говорить прямо.

— Ну что же ты скажешь, государь, про Марью Ильиничну Милославскую, какова дѣвица? Или мы съ отцомъ Стефаномъ не правду тебѣ сказывали, не хороша что ли она?

— Правду сказывали, прошепталъ Алексѣй Михайловичъ, — совсѣмъ красавица, глядитъ такъ умильно, скромно... И самому мнѣ, какъ взглянулъ я на нее, вѣдомо стало, что должно быть она дѣвица добрая и кроткая.

Морозовъ такъ весь и впился въ лицо царя.

— Да ужь поистинѣ лучше этой дѣвицы и найти невозможно! воскликнулъ онъ.—Значитъ угадало мое сердце, значитъ она тебѣ по нраву пришлась. Ахъ, еслибы такъ—мнѣ нечего было бы и тревожиться за тебя. Я бы зналъ, что ты сдѣлалъ достойный выборъ, что тебя ждетъ въ домѣ твоемъ царскомъ истинное счастіе. Отгадалъ я что ли? скажи, золотой мой, скажи, батюшка!..

Но Алексѣй Михайловичъ ничего не могъ сказать ему, да врядъ ли онъ и слышалъ слова его. Милославская вышла изъ его памяти—не о ней онъ думалъ.

„Зачѣмъ онъ меня мучитъ? мелькало въ головѣ его,— не понять ему меня... охъ, ушелъ бы поскорѣе!..“

Онъ былъ уже раздѣтъ и вдругъ склонился на подушки, прикрылся одѣяломъ и махнулъ рукой боярину.

— Завтра, Борисъ Иванычъ, оставь меня—спать хочется!..

Дѣлать было нечего—Морозовъ подавилъ свою досаду и все же нѣсколько успокоился. Онъ вышелъ изъ опочивальни и позвалъ спальника. Возвращаясь къ себѣ онъ думалъ:

„Авось такъ, авось все будетъ по нашему, видно онъ все же хорошо запримѣтилъ Милославскую коли такъ говоритъ о ней! А коли прямо не сказалъ что выбираетъ ее, такъ это отъ смущенія. Молодъ больно, скроменъ, самъ какъ дѣвица затворница—краснѣетъ отъ каждаго слова... стыдно ему признаться. О Господи! да чего мнѣ тревожиться. Не можетъ быть иначе. Развѣ мы съ попомъ мало его вразумляли, развѣ онъ когда былъ намъ непослушенъ.

(Продолженіе будетъ).

Помпея.

Въ память 18-ти столѣтій, истекшихъ со дня ея гибели (24 августа 79 года)

Подъ темносинимъ сводомъ южноитальянскаго неба, въ волнахъ Неаполитанскаго залива отражается живописнѣйшій изъ городовъ Европы, Неаполь, увѣнчанный виллами скалистый Позилиппа, отражается прибрежье Портичи и восхитительный Сорренто.

Но среди этой роскошной природы дремлетъ и страшная подземная сила, которая вѣками покоилась въ нѣдрахъ Везувія, и затѣмъ неожиданно превратила этотъ рай въ пустыню и разомъ уничтожила всю кипѣвшую здѣсь жизнь.

Никто теперь и не думаетъ при взглядѣ на мрачнаго сѣдаго старика Везувія, что 19 столѣтій тому назадъ, когда одна изъ его вершинъ, дикая зубчатая Сомма, еще не существовала, весь онъ былъ покрытъ роскошными фруктовыми садами и виноградниками. Въ то время у подошвы Везувія живописно раскидывались города Геркуланумъ, Помпея и Стабія, которые (подобно другимъ прибрежнымъ городамъ Кампаньи) были любимыми убѣжищами знатныхъ римлянъ, временно уединявшихся сюда отдохнуть отъ шумной жизни столицы.

Большаго историческаго значенія не достигъ ни одинъ изъ этихъ незначительныхъ городовъ, но Помпея во времена римскихъ императоровъ дошла до такого развитія, что могла бы разростись въ обширный городъ.

Остановимся на прошедшемъ этого интереснаго города. По словамъ нѣмецкаго историка-археолога Моммзена, Помпея не была греческой колоніей, какъ многіе другіе прибрежные города Италіи. Она была, какъ и Геркуланумъ, основана оскскими самнитянами; по крайней мѣрѣ многія развалины, какъ напримѣръ нижняя городская стѣна и такъ назы-

ваемый храмъ Геркулеса на Forum triangulare указываютъ на до римскій періодъ. Овербекъ говоритъ, что имя города произошло отъ греческаго слова πόμπη (экспедиція) и дано помпейцами, которые, благодаря удобному положенію города при заливѣ, вели значительную торговлю хлѣбомъ и растительными маслами.

О древней и послѣдующей исторіи Помпеи имѣется богатая литература; есть много свѣдѣній у древнихъ римскихъ историковъ, а также въ многочисленныхъ и большею частію замѣчательныхъ сочиненіяхъ современныхъ ученыхъ и писателей, напр. Винкельмана, Моммзена, Мазоа (Mazois), Гервинуса, Бретона, Велкера, О. Мюлера, д-ра Овербека, Фіорелли и др. Римскіе историки говорятъ, что основатели города, Самнитяне, долго защищались противъ нападеній римлянъ, пока въ 290 году до Р. Х. Самніумъ вмѣстѣ съ Кампаньей не подпалъ подъ римское владычество. Затѣмъ Помпея сдѣлалась провинціальнымъ муниципальнымъ городомъ (но безъ права голоса въ римскомъ народномъ собраніи) и поднялась во всѣхъ отношеніяхъ. Для Рима Помпея служила своего рода Эльдорадо и сдѣлалась однимъ изъ модныхъ купаній, гдѣ напримѣръ Цицеронъ, императоры Августъ и Клавдій имѣли собственныя прекрасныя виллы. Это былъ настоящій пріютъ богатства, искусства и торговли. При незначительности своей (Овербекъ насчитываетъ, что въ Помпеѣ было не болѣе 12,000—18,000 жителей), городъ не могъ имѣть политическаго значенія, и не стремился къ тому. Напротивъ, жители ревностно занимались промышленностью, торговлей и искусствомъ и предавались развлеченіямъ. Великолѣпныя общественныя зданія, прелестные частные дома, роскошно отдѣланныя купальни, въ которыхъ были собраны всевозможныя драгоцѣнности, украшали городъ; картины и скульптурныя произведенія знаменитыхъ художниковъ красовались внутри и снаружи домовъ.

Такимъ образомъ городъ достигъ высшей степени процвѣтанія, когда въ 63 году по Р. Х. 5 февраля надъ нимъ разразилось страшное бѣдствіе: большая часть прелестныхъ зданій была уничтожена сильнымъ землетрясеніемъ. Погибло множество великолѣпныхъ памятниковъ греческаго искусства, римской роскоши, древне-окской архитектуры. Римскій сенатъ сомнѣвался, слѣдуетъ ли возстановить городъ вновь на прежнемъ мѣстѣ и не безъ основанія, но любовь къ роднымъ мѣстамъ дѣйствовала помимо всякихъ соображеній осторожности и всякихъ опасеній. Городъ былъ вновь выстроенъ въ чисто-римскомъ стилѣ временъ Нерона,—то былъ настоящій римскій муниципальный городъ. Все красивѣе и лучше отстраивался городъ въ послѣдующее десятилѣтіе и по истеченіи 16 лѣтъ окончательно устроился. Но подземныя силы грозно зарокотали вновь и при императорѣ Титѣ страшное изверженіе Везувія уничтожило прелестную Помпею въ одинъ день. 24 августа 79 года по Р. Х. (по другимъ источникамъ уже 23-го), около часу пополудни, когда веселыя праздничныя толпы народа наполняли обширныя залы амфитеатра, ясный день вдругъ померкъ. Стала темная ночь, вмѣсто празднества раздались вопли, крики ужаса и отчаянія. Засверкала молнія, повсюду горячій пепелъ, глыбы скалъ, дымъ — все превратилось въ какой-то ужасный хаосъ. Изъ знаменитаго письма Плинія Младшаго нагляднѣе всего можно видѣть картину этого невообразимо-ужаснаго пира смерти.

Темная, лишь зловѣщими молніями освѣщаемая ночь покрывала землю. Когда послѣ трехъ ужасныхъ дней и ночей облака пыли и пепла наконецъ пропустили солнечные лучи въ эту темную бездну, то и развалины прежде разрушеннаго города Стабіи и цвѣтущіе города Геркуланумъ и Помпея съ Оплонтисомъ и Тегланой исчезли съ лица земли. Все было похоронено болѣе, чѣмъ на полторы тысячи лѣтъ въ страшной массѣ лавы. Затѣмъ долго о погибшихъ городахъ не вспоминали, точно они никогда и не существовали. Архитекторъ Фонтана въ 1592 году при проведеніи подземнаго канала черезъ бывшую Помпею натолкнулся на развалины стѣнъ съ надписями. Однако тогда на это не обратили вниманія пока въ 1748 году (въ царствованіе Карла III Испанскаго) нѣсколько рабочихъ не открыли подъ виноградниками существованія Помпеи съ ея сокровищами. Тогда инженерный офицеръ Донъ Рокко Алькуберъ началъ раскопки. Раскопки эти пошли успѣшнѣе при Мюратѣ, но только геніальный Фіорелли, во славу единой Италіи, такъ подвинулъ дѣло, что теперь уже болѣе трети Помпеи отрыта.

Раскопки главнымъ образомъ производились въ Помпеѣ, такъ какъ она расположена выше другихъ, т. е. была построена на древней уже образованной изъ лавы возвышенности. Приходится вырывать массу не толще 5—6 метровъ, состоящую изъ вулканическаго пепла, смѣшаннаго съ осколками пемзы. Геркуланумъ же гораздо ниже метровъ на 30 подъ твердой стеклообразной лавой и кромѣ того какъ разъ надъ нимъ выстроены города Портичи и Резина. Древнему Геркулануму и его драгоцѣннымъ для искусства и науки сокровищамъ вѣроятно придется вѣчно пребывать въ глубинахъ земли.

Теперь осмотръ и изученіе помпейскихъ раскопокъ удобны для всякаго. Туристъ отправляется изъ центральнаго вокзала въ Неаполѣ въ Ноцера (линія желѣзной дороги проходитъ по самому берегу залива), и черезъ часъ подъѣзжаетъ къ небольшому вокзалу съ надписью „*Pompei*". Тутъ онъ можетъ отдохнуть въ одномъ изъ отелей, устроенныхъ близъ города, а затѣмъ, заплативъ за входъ два франка, начинаетъ свои странствованія. Входитъ онъ въ Помпею съ западной стороны черезъ Геркуланскія ворота. Невольно дивишься, что эти римляне-завоеватели жили въ такихъ маленькихъ, низенькихъ хотя и миловидныхъ домикахъ, въ которыхъ повидимому было тѣсно и неудобно. Отъ древнихъ прекрасныхъ храмовъ и болѣе обширныхъ домовъ остались только стѣны, массивные нижніе этажи, такъ какъ стропила и верхніе этажи (большею частію изъ сосноваго дерева) сгорѣли и разрушились въ огненной массѣ. Затѣмъ всѣ удобопереносимые памятники, въ особенности металлическая и глиняная утварь, скульптурныя издѣлія, украшенія, стѣнная живопись, мозаика и т. п. все перенесено, во избѣжаніе новаго несчастія, въ Неаполь, въ національный музей.

(Окончаніе въ слѣд. №).

Для Георга Вашингтона.

Разсказъ изъ временъ англо-американской войны.

(Окончаніе).

II.

Молча ѣхали Гарнетъ и сквайръ, не подозрѣвая, что за ними, шагъ за шагомъ, слѣдуетъ Гармонъ. Мѣсяцъ высоко стоялъ въ небѣ, обливая мягкимъ серебристымъ свѣтомъ путь и окрестные лѣса.

— Да! тихо произнесъ Гармонъ, говоря самъ съ собой,—лучшаго мѣста не найдешь въ цѣломъ свѣтѣ! Здѣсь никто не нашелъ бы лошадей, оставайся они здѣсь всю зиму. Вѣдь тутъ на сотни верстъ кругомъ идутъ лѣса, а по близости море. Ну, наконецъ, они пустили коней. А все посмотрю что они будутъ дѣлать теперь. Да и возвращаться то удобнѣе сзади ихъ, чѣмъ впереди".

Въ эту минуту раздался выстрѣлъ.

— Э! что это такое? Ужь не для меня ли гостинецъ? мелькнуло въ головѣ Гармона.

Выстрѣлилъ Джо Гарнеттъ, который издали увидѣлъ человѣческую фигуру, обрисовавшуюся на опушкѣ лѣса, ярко освѣщенной луннымъ сіяніемъ.

— Сквайръ, сказалъ онъ какъ бы въ оправданіе себя,—наше дѣло—дѣло службы королю и я не допущу шпіонить насъ, не дамъ Путнаму дешево своей головы!

Оба поскакали къ группѣ буковыхъ деревьевъ, гдѣ показался неизвѣстный путникъ.

— Джо! воскликнулъ сквайръ,—какая ужасная ошибка! Смотрите—это индіецъ изъ племени Могавковъ и, навѣрное, изъ людей сэра Уильяма Джонсона, значитъ служилъ королю! Что же теперь дѣлать?

— На ферму—за лопатами, вотъ что! крикнулъ Джо Гарнетъ. Некогда теперь возиться съ нимъ, тащить его къ морю. Ихъ пожалуй тутъ много. Намъ надо скорѣе отсюда, а завтра рано мы уберемъ его.

Джо Гарнеттъ и сквайръ быстро помчались по дорогѣ. Гармонъ, въ свою очередь поспѣшилъ къ подстрѣленному и, секунду спустя, опустился на колѣни около распростертаго на землѣ индійскаго воина, изъ груди котораго медленно сочилась кровь.

— Онъ въ боевомъ убранствѣ и разрисованъ для войны, проговорилъ Диксъ Гармонъ, разглядывая лежавшаго. Англичане всѣхъ ихъ завербовали и, надо признаться,—это самые опасные враги наши.

Раненый открылъ глаза.

— Зачѣмъ... ты... стрѣлять въ Каноэ? спросилъ онъ слабымъ голосомъ.

— Это не я стрѣлялъ въ тебя.

— Воды... застоналъ индіецъ. Хорошо... хорошо! произнесъ онъ, осушивъ до дна поднесенную фляжку, Каноэ умретъ—но другъ хорошо.

Почти вслѣдъ за этими словами, надъ самымъ ухомъ Гармона внезапно раздался пронзительный крикъ и прежде чѣмъ онъ успѣлъ вскочить на ноги, его охватили сзади сильныя руки, а передъ глазами блеснулъ скальпировальный ножъ. Сопротивляться было невозможно. Судьба его, казалось, была рѣшена, но Каноэ заговорилъ съ лихорадочной быстротой. Очевидно было, что онъ вступился за молодаго человѣка предъ своими соплеменниками,

— Хорошо! хорошо! кликнуло въ отвѣтъ нѣсколько голосовъ поочередно.

Ножи тотчасъ же исчезли.

— Нѣтъ ружья. Не онъ убидъ Каноэ. Другъ далъ воды. Хорошо. Ему ничего дурнаго не дѣлать. Двое другіе уѣхали впередъ. Индѣйцы умѣютъ знать друга!

Освобожденный Гармонъ отдалъ остатокъ воды съ водкой обоимъ индѣйцамъ Могавкамъ, чѣмъ, конечно, еще болѣе расположилъ ихъ къ себѣ. Прошло немного минутъ и несчастный подстрѣленный индіецъ превратился въ трупъ.

— Жаль мнѣ Каноэ, произнесъ Гармонъ, протянувъ краснокожимъ руки въ знакъ прощанія. Онъ былъ великій воинъ и добрый другъ, передаю вамъ его.

Диксъ слишкомъ хорошо былъ знакомъ съ нравами могавковъ и потому зналъ, что его дальнѣйшее присутствіе теперь нарушило бы обычай дикарей.

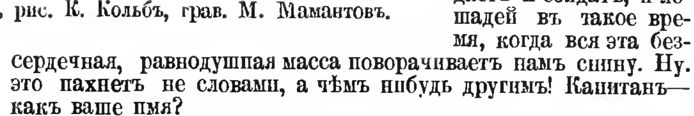
— Однако, думалось ему, когда онъ уже ѣхалъ по лѣсу, индійцы знаютъ, кто застрѣлилъ Каноэ; будетъ вѣдь не хорошо и я то ничѣмъ тутъ не могу помочь. Во всякомъ случаѣ, надо лошадей въ вѣрное мѣсто загнать — чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Когда Гармонъ возвратился къ дому Берреля, тамъ уже было все темно. Онъ не остановился здѣсь и погналъ коня но направленію къ югу.

Молодой „патріотъ", конечно, заранѣе предугадывалъ это, но на фермѣ сквайра никто не подозрѣвалъ — что въ эту самую тихую, свѣтлую ночь, вокругъ фермы осторожно и неслышно, была произведена однимъ изъ могавковъ тщательная рекогносцировка.

На другой день Силасъ Беррель и Джо Гарнеттъ не нашли у буковыхъ деревьевъ тѣла индійца.

— Они ужь унесли его, сказалъ Гарнеттъ, указывая на слѣды. Это вотъ мокассины, но здѣсь былъ и бѣлый. Я очень радъ, что они насъ не видѣли. Ну да ужь лошади то хорошо запрятаны.



Императоръ Японіи Муцхито. Съ фотогр. рис. К. Кольбъ, грав. М. Мамантовъ.

Три дня спустя у крыльца одной фермы расположенной близь рѣки Гарлемъ, стоялъ высокій мужчина съ загорѣлымъ лицомъ, одѣтый въ мундиръ генерала континентальной арміи. Тутъ же, въ нѣсколькихъ шагахъ столпилась группа офицеровъ, въ болѣе или менѣе поношенныхъ мундирахъ, между ними сразу можно было замѣтить красиваго молодаго фермера,

— Что? кто это? торговецъ лошадьми!? громко воскликнулъ генералъ. Конечно, конечно, квартирмейстеръ — намъ лошади нужны, да зачѣмъ вы маклака-то ко мнѣ привели? вѣдь у насъ денегъ нѣтъ, не на что купить лошадей!

— Вотъ потому то и привелъ его къ вамъ, генералъ, произнесъ сѣдой ветеранъ, отдѣлившійся отъ группы офицеровъ, вы говорите торговецъ лошадьми! Нѣтъ, генералъ Путнамъ, онъ не торговецъ, — онъ доставилъ намъ тридцать превосходныхъ коней, въ видѣ подарка отъ себя и своихъ сосѣдей, а теперь проситъ, чтобы ему дали взводъ солдатъ, чтобы привесть намъ еще столько же—возьметъ ихъ у нашихъ непріятелей —тори. Да еще хочетъ набрать для насъ эскадронъ кавалеристовъ. Ну такъ я и думалъ, что вы ему скажете за это два, три слова.

— Два, три слова! крикнулъ генералъ Путнамъ. Два, три слова человѣку, который даетъ и солдатъ, и лошадей въ такое время, когда вся эта безсердечная, равнодушная масса поворачиваетъ намъ спину. Ну. это пахнетъ не словами, а чѣмъ нибудь другимъ! Капитанъ— какъ ваше имя?

— Гармонъ Диксъ.

Въ эту минуту вблизи показалась небольшая кучка всадниковъ въ военной формѣ.

— Ну-съ, капитанъ Гармонъ Диксъ, нѣсколько оффиціальнымъ тономъ продолжалъ старый Путнамъ—вотъ ѣдетъ его

превосходительство и сейчасъ будетъ подписанъ вашъ патентъ.

Группа всадниковъ остановилась и всѣ присутствующіе сняли шляпы. Путнамъ поспѣшилъ къ одному изъ всадниковъ, благородная осанка котораго произвела неотразимое впечатлѣніе на молодаго фермера. Старый генералъ въ двухъ словахъ передалъ объ услугѣ, оказанной Гармономъ.

— Молодой другъ, произнесъ Вашингтонъ, обращаясь къ Гармону и коснувшись, по военному, своей шляпы,—намъ нужны такіе люди. Вашъ патентъ будетъ сейчасъ готовъ. Вы выполняете только вашу патріотическую обязанность, но кто выполняетъ ее въ наше время, заслуживаетъ признательность отечества. Примите мою благодарность!

Генералъ Вашингтонъ, сойдя съ коня, вошелъ съ Путнамомъ въ зданіе фермы, а черезъ часъ Гармонъ ѣхалъ уже на сѣверъ во главѣ кавалерійскаго взвода арміи конгресса.

Однообразно тянулся на фермѣ Герреля день за днемъ. Дану и Прюденсъ время казалось безконечнымъ. Джо Гарнеттъ уже переправилъ своихъ лошадей и теперь сдѣлался, какъ будто, постояннымъ жильцомъ въ домѣ сквайра. Однако ни тотъ, ни другой не упоминали о предметѣ, близко интересовавшемъ обитателей фермы. Ни слова тоже не было произнесено и о событіяхъ, происходившихъ на югѣ.

Можетъ быть молодые люди менѣе удивлялись бы упорному молчанію своего отца, еслибы знали что нибудь о трагедіи, разыгравшейся, въ одну лунную ночь, въ лѣсу, близь Оленьяго озера. Они тогда поняли бы тоже, почему было приведено въ порядокъ все оружіе, какое только находилось въ домѣ. Джо Гарнеттъ привезъ съ собой много снарядовъ, такъ что теперь здѣсь было въ изобиліи и порохъ, и свинецъ, въ то время очень рѣдкій и почти равнявшійся, по цѣнности, съ благородными металлами.

Императрица Японіи Гару-Ко. Съ фотогр. рис К. Кольбъ, грав. М. Мамантовъ.

— Что это, отецъ, ты изъ фермы цѣлую крѣпость сдѣлалъ, сказалъ однажды вечеромъ Данъ, обращаясь къ сквайру, осматривавшему громадные засовы и запоры, которыми онъ свабдилъ ворота, двери и окна зданія. Уже не собирается ли Путнамъ навѣстить насъ?

— Я служилъ подъ начальствомъ Путнама, когда у него былъ королевскій патентъ, мягко отвѣтилъ отецъ, и знаю его, а потому его бояться нечего. Я за собой не помню никакаго нечестнаго дѣла.

— Конечно нѣтъ, отецъ! съ благороднымъ восторгомъ воскликнулъ Данъ. Ты сохраняешь вѣрность тому, что считаешь правымъ, но развѣ ты не считаешь такими же честными Гармона Дикса, Прюденсъ и меня?

Почтенный старый сквайръ глянулъ въ честное, открытое лицо сына и въ его глазахъ выразилось смущеніе и озабоченность.

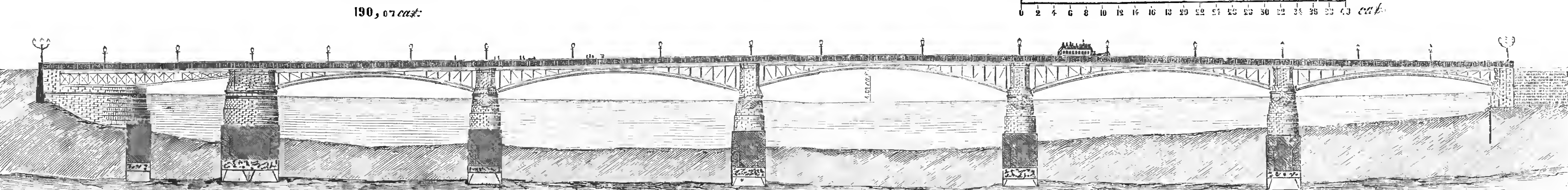
— Данъ, мой милый, произнесъ онъ, не произноси ты имени Гармона Дикса въ моемъ присутствіи. Мнѣ больно слышать это имя. Его отецъ былъ когда-то моимъ другомъ. Я родился англичаниномъ и уже становлюсь старъ. Иногда мнѣ кажется, будто открывается какой-то новый міръ, но онъ не для меня, я съ нимъ не могу имѣть ничего общаго.

— Почему же нѣтъ, отецъ? Ты правду говоришь: возрождается новый міръ и генералъ Вашингтонъ указываетъ намъ туда дорогу. Отчего же ты не хочешь идти по ней?

— И этаго имени я не желаю слышать. Во время войны съ французами оно звучало дружески для меня. Въ тѣ дни мы гордились имъ.

— Отчего же теперь ты не гордишься имъ, отецъ? раздался голосъ Прюденсъ, развѣ теперь онъ не сталъ еще болѣе великимъ?

— Прюденсъ! Прюденсъ! съ горечью воскликнулъ сквайръ, ты и Данъ, вы разбиваете сердце отца вашего! Довольно, до-



Новый мостъ Александровскій (бывшій Литейный) черезъ Неву. Открытъ сентября 1879 года. Фасадъ и размѣръ. Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

вольно объ этомъ. Да, я превратилъ ферму въ крѣпость, Данъ, потому что наши времена—тяжелыя времена. Иди въ лѣсъ, загони скотину. Сегодня будетъ темная ночь.

На сердцѣ у Прюденсъ сдѣлалось очень тяжело, она почувствовала, что у отца есть какая-то тайная забота. Силасъ Беррелль заслуживалъ вполнѣ любовь своихъ дѣтей.

Данъ поспѣшилъ выполнить приказаніе отца. Ему на дорогѣ попался Джо Гарнетъ, шедшій со своимъ мушкетомъ, съ которымъ тотъ не разставался теперь.

— Данъ, вы идете безъ оружія? Не дѣлайте этого, слушайте моего совѣта, не дѣлайте этаго.

Молодой человѣкъ молча возвратился въ домъ и, взявъ топоръ и ружье, пошелъ къ лѣсу. Разстояніе было не малое и со скотиной пришлось ему повозиться довольно долго. На обратномъ пути его застала ночь. Тихо шелъ Данъ, погруженный въ мысли, навѣянныя на него разговоромъ съ отцемъ и свѣдѣніями, полученными изъ арміи. Вдругъ огненный лучъ блеснулъ впереди его, по направленію къ дому и, тотчасъ же, среди окружающаго безмолвія, рѣзко пророкотало съ дюжину выстрѣловъ, за которыми раздался страшный боевой крикъ индійцевъ-могавковъ.

— Индійцы, индійцы! воскликнулъ Данъ и стремглавъ бросился къ фермѣ, боясь опоздать на помощь къ своимъ. Онъ уже былъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ воротъ, когда ему преградили путь трое краснокожихъ, въ боевомъ убранствѣ, съ скальпировальными ножами и томагавками въ рукахъ. Заряды они уже всѣ изстрѣляли.

Данъ остановился на минуту, затѣмъ, быстро вскинувъ мушкетъ, выстрѣломъ повалилъ одного изъ индійцовъ и съ топоромъ въ рукѣ кинулся на дикаря стоявшаго ближе. Данъ былъ силенъ и ловокъ, съ малыхъ лѣтъ онъ умѣлъ владѣть этимъ страшнымъ оружіемъ, оружіемъ—которое было свойственно англо-саксамъ еще со временъ Генгиста.

Теперь, при красноватомъ свѣтѣ пожара, онъ отчаянно напиралъ на двухъ могавковъ; во время схватки одинъ изъ индѣйцевъ едва не закололъ Дана, но, ловко направленный изъ фермы выстрѣлъ во время уложилъ врага и спасъ молодаго человѣка. Очистивъ себѣ путь, онъ однимъ прыжкомъ былъ у воротъ.

Нападеніе краснокожихъ было неудачно задумано и выполнено. Подожженное неподалеку зданіе скорѣе принесло пользу осажденнымъ, ловко пользовавшимся свѣтомъ пожара и мѣтко стрѣлявшимъ по нападающимъ. Не мало уже легло ихъ съ первой минуты аттаки.

— Они катятъ къ намъ возъ съ сухимъ сѣномъ! воскликнулъ вдругъ Джо Гарнеттъ, наблюдавшій за врагомъ,—мы пропали! Тоже самое сдѣлали индійцы при нападеніи на Сейбрукъ, но сегодня нѣтъ дождя.

Маленькій гарнизонъ сразу понялъ угрожавшую ему опасность.

— Дѣти, дѣти мои! вполголоса проговорилъ сквайръ, продолжая, скрѣпя сердце, заряжать мушкетъ.

Данъ началъ усердно стрѣлять въ медленно приближавшійся возъ, на которомъ уже показывались огненныя змѣйки. Прюденсъ безсильно опустилась на колѣни въ темномъ углу, и никто не замѣтилъ, какъ Джо Гарнеттъ осторожно вынулъ засовъ изъ переднихъ воротъ.

— Мнѣ надо скорѣе въ лѣсъ, тамъ я въ безопасности. Жаль Прюденсъ, да что же дѣлать, надо о лошадяхъ и скотѣ позаботиться.

Громко раздавались военные крики индійцевъ, заглушая еле доносившійся издали конскій топотъ. Красное зарево подымалось все выше и выше, и все ближе надвигался горѣвшій возъ къ дому сквайра. Теперь уже оставалось не болѣе десятка шаговъ. Данъ выпустилъ послѣднюю пулю. Этой минутой воспользовался Джо Гарнеттъ. Отворивъ ворота, онъ бросился на дорогу, но въ ту же минуту упалъ, наповалъ застрѣленный однимъ изъ индѣйцевъ. А въ открытыя настежъ ворота внезапно влетѣли во дворъ фермы двѣнадцать всадниковъ, съ обнаженными саблями, впереди несся Гармонъ Диксъ...

Пораженные неожиданностью могавки и не думали защищаться—они исчезли также быстро, какъ и появились. Солдаты соскочили съ лошадей и послѣдовали за своимъ начальникомъ въ домъ сквайра.

Гармонъ переступилъ чрезъ запретный порогъ и остановился.

— Данъ, Прюденсъ! задыхаясь произнесъ онъ черезъ силу—гдѣ вы? Живы-ли вы?

— Да, Гармонъ, оба живы, упавшимъ голосомъ отвѣтилъ Данъ Беррелль, но смотри, видишь, и онъ указалъ на безжизненное тѣло отца. Они стрѣляли въ открытыя ворота, а до тѣхъ поръ никто изъ насъ не былъ раненъ.

Сквайръ былъ убитъ когда Джо Гарнеттъ отворилъ ворота и выбѣжалъ. Силасъ Беррелль лежалъ съ простреленной головой, съ полузаряженнымъ мушкетомъ въ рукахъ.

— Да какимъ же образомъ ворота то были открыты? вѣдь вы не могли знать, что мы явимся къ вамъ на помощь.

— Конечно нѣтъ, отвѣчалъ Данъ. Развѣ не Джо ли Гарнеттъ; да гдѣ же онъ?

Молодой Беррелль, а за нимъ Гармонъ и Прюденсъ направились къ воротамъ.

Имъ пришлось искать недолго. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ воротъ они увидѣли группу солдатъ, стоявшихъ надъ двумя тѣлами, лежавшими тутъ же, въ травѣ.

— Что это! Джо Гарнеттъ! Убитъ! Скальпированъ! воскликнула Прюденсъ.

Другой, рядомъ лежавшій, былъ трупъ индѣйца, убившаго Силаса Беррелля и державшаго въ рукѣ послѣдній скальпъ, который ему удалось снять въ жизни своей.

Новаго нападенія индѣйцевъ ожидать уже было нельзя и Гармонъ Диксъ немедленно же отправился за добычей, скрытой у Оленьяго озера.

Еще до утренней зари лошади и весь скотъ были уже пригнаны къ фермѣ. Отсюда они должны были быть направлены прямо въ лагерь Путнама.

Что было теперь дѣлать съ Даномъ и Прюденсъ?

Но читатели сами догадаются какъ распорядился молодой капитанъ.

Сначала онъ переговорилъ съ Прюденсъ. Разговоръ былъ короткій. Оба сначала блѣдные, подъ конецъ сильно раскраснѣлись. Затѣмъ онъ обратился къ Дану.

— Ну, Данъ, все устроено! Мистриссъ Диксъ отправится въ нашъ, т. е. ея и мой домъ, а мы съ тобой послѣдуемъ за генераломъ Вашингтономъ!

Къ рисункамъ.

Литературный альбомъ: „Майская ночь", Гоголя.

Одна изъ „молодыхъ" повѣстей Гоголя, именно та, вторая глава которой начинается знаменитымъ описаніемъ Украинской ночи, вдохновила нашего извѣстнаго художника И. Н. Крамскаго и на прошлогодней выставкѣ появилась его картина, рисунокъ которой помѣщается въ настоящемъ № „Нивы".

Содержаніе ея взято изъ извѣстнаго разсказа паробка Левко въ первой главѣ повѣсти о молоденькой панночкѣ, которую извела вѣдьма мачиха и отецъ выгналъ изъ дому. „Съ этаго берега кинулась панночка въ воду. Съ той поры утопленница выходила въ лунныя ночи, въ панскій садъ, грѣться на мѣсяцѣ. Говорятъ панночка собираетъ всякую ночь утопленницъ и заглядываетъ по одиночкѣ каждой въ лицо, хочетъ узнать которая вѣдьма, да до сихъ поръ не узнала"...

Такъ разсказываетъ Левко.

Теремъ царевенъ.

(Картина барона М. Т. Клодта.)

Жизнь въ теремѣ, замкнутая, отчужденная отъ всего остальнаго міра была удѣломъ каждой, сколько нибудь знатной и родовитой, русской женщины допетровскаго времени. Съ какой именно поры возникъ въ русскомъ бытѣ этотъ таинственный теремъ какъ отдѣльная постройка и какъ особенное жизненное условіе—опредѣлить довольно трудно. Въ началѣ, въ первыя вѣка теремная жизнь не была распространена такъ повсемѣстно и не считалась такимъ необходимымъ условіемъ „честнаго и незазорнаго житія" какъ то было въ XVI и XVII столѣтіяхъ: въ первые вѣка женщина пользовалась значительной свободой. Жизнь еще не выработала ту пожизненную узницу, о которой говорится въ народной пѣснѣ:

„Сидитъ она за тридевятью замками,
Да сидитъ она за тридевятью ключами.
Чтобы и вѣтеръ незавѣлъ да и солнце не запекло,
Да и добрые молодцы не завидѣли....

Съ начала XIII вѣка затворничество женщинъ сдѣлалось на Руси обычнымъ, повсемѣстнымъ явленіемъ. По словамъ Герберштейна, женщина жила честно и незазорно лишь тогда, когда находилась постоянно въ заперти и никуда не выходила. Въ теремѣ вѣчно толклись юродивые, черницы.

При такихъ же условіяхъ шла жизнь царицы и царевенъ, но теремъ ихъ еще былъ недоступнѣе, а количество разнаго монашествующаго и юродствующаго персонала былъ гораздо значительнѣе нежели у частныхъ лицъ. Одинъ иностранецъ бывшій въ Россіи говоритъ, что изъ тысячи придворныхъ едва ли найдется одинъ, который можетъ похвастать, что видѣлъ царицу или кого либо изъ сестеръ и дочерей Государя. Царица и царевны вели келейную жизнь въ самомъ тѣсномъ кругу приближенныхъ лицъ; кругъ ихъ дѣятельности ограничивался лишь чтеніемъ духовныхъ книгъ да подвигами благотворенія.

Яркая картина теремной жизни, въ романѣ талантливаго Вс. С. Соловьева „Царь-Дѣвица" еще памятна конечно нашимъ читателямъ. Жизнь терема тогда уже нѣсколько измѣнилась. Такъ помимо инокинь и нищихъ появились здѣсь дурки, шутихи; слѣпые игрецы-домрачеи, пѣвшіе старинныя былины подъ звуки домръ и бахерки, разсказывавшія сказки. Карлы и карлицы принадлежали также къ необходимымъ членамъ дворцоваго потѣшнаго общества. Все это было уже значительнымъ отступле-

піемъ отъ древляго благочестія, но вскорѣ теремъ пошелъ еще далѣе и началъ вмѣшиваться въ дѣла государственныя. Правительницей стала Царевна Софья.

Старушка съ тюльпаномъ.

(Факсимиле гравюры Іоганна Георга Вилля).

Произведенія знаменитаго гравера конца прошлаго столѣтія, Вилля, до сихъ поръ высоко цѣнятся знатоками по образцовой тонкости и законченности работы и по необыкновенной чистотѣ и правильности штриха.

Іоганнъ Георгъ Вилль родился въ 1717 году въ Кенигсбергѣ и страсть къ рисованію проявилась въ немъ еще въ самомъ раннемъ дѣтскомъ возрастѣ; по семейнымъ преданіямъ, любимыми его игрушками были куски мѣла или угля, которыми онъ рисовалъ на чемъ попало, не щадя даже домашней посуды, которую онъ исчерчивалъ разными фантастическими орнаментами.

Но вскорѣ Вилль угадалъ свое истинное призваніе и началъ серьезно заниматься изученіемъ гравировальнаго искуства подъ руководствомъ извѣстнаго тогда гравера Шмидта. Еще очень молодымъ Вилль пріѣхалъ въ Парижъ, гдѣ встрѣтилъ художника Гіацинта Риго, помогшаго ему проложить себѣ путь къ извѣстности и славѣ. Его произведенія вскорѣ обратили на себя вниманіе знатоковъ и цѣнителей искуства; многіе портреты разныхъ знаменитостей этой эпохи (какъ напр. портретъ Маршала Фуко де Белиля) сдѣланные его рѣзцомъ, возбуждали удивленіе современниковъ, по умѣнью придавать каждому изображаемому лицу характерную своеобразность и по мастерской неподражаемой отдѣлкѣ всѣхъ аксесуаровъ и особенно тканей и бархата. Переживъ въ Парижѣ бурную эпоху революціи, столь невыгодную для художествъ, Вилль подъ конецъ жизни ослѣпъ и умеръ въ крайней бѣдности въ 1808 г.

Однимъ изъ извѣстнѣйшихъ произведеній Вилля считается и прилагаемая нами въ факсимиле гравюра, изображающая старушку съ тюльпаномъ въ рукѣ; эта гравюра сдѣлана имъ въ 1774 г. съ картины его сына Петра Вилля и извѣстна болѣе подъ названіемъ „Soeur de la bonne femme de Normandie“ такъ какъ она составляетъ пандантъ другой гравюрѣ Вилля, на которой изображена также женщина въ нормандскомъ костюмѣ.

Японскій императоръ Муцхито и императрица Японіи Гару-Ко.

Нынѣшній императоръ Японіи, микадо *Муцхито*, портретъ котораго наши читатели видятъ въ сегодняшнемъ номерѣ „Нивы“; отличается большими реформаторскими наклонностями. Въ настоящее время микадо около 24 лѣтъ. Кромѣ своего роднаго языка и китайскаго, онъ пишетъ и читаетъ по французски и по англійски. Необыкновенная способность японцевъ къ быстрому изученію иностранныхъ языковъ, ихъ смѣтливость и умѣнье живо схватывать все новое, выказались въ микадо во всей силѣ. Нужно замѣтить, впрочемъ, что еще во время несовершеннолѣтія микадо, въ правленіе его предшественника, произошла часть реформъ, напримѣръ низверженіе сіогуна или свѣтскаго императора и утвержденіе единодержавія микадо. Молодой микадо былъ подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ своихъ знатныхъ родственниковъ, бывавшихъ въ Европѣ и Америкѣ. Между ними былъ и братъ прежняго микадо, посѣтившій, какъ извѣстно, въ 1867 г. парижскую выставку и побывавшій въ разныхъ столицахъ Европы. Нынѣ царствующій микадо, вступивъ на престолъ въ 1869 году, назначилъ его своимъ *сасаемъ*, то есть первымъ министромъ. Реформы уже были тогда начаты и микадо старался дать имъ болѣе широкое развитіе. Онъ уничтожилъ томительный церемоніалъ, обязывавшій прежнихъ микадо чуть не каждый день, въ царственной одеждѣ, по нѣскольку часовъ дѣлать ненужные пріемы и выходы и занялся дѣлами управленія. Микадо, замѣнивъ прежнее ненадежное вассальное войско, правильнымъ постояннымъ войскомъ съ европейскимъ вооруженіемъ, организовалъ его по прусской системѣ. Устроены оружейные заводы, пароходныя и желѣзно-дорожныя мастерскія, и проч. Первый микадо укрѣпилъ и централизировалъ свою власть внутри государства, усиливъ вмѣстѣ съ тѣмъ и внѣшнее ея значеніе. Установилось пароходное сообщеніе съ Европой черезъ Гонконгъ, Сингапуръ и Калькутту и съ Сѣверной Америкой черезъ Санъ-Франциско, заключены новые морскіе и торговые договоры съ европейскими державами и съ Сѣверной Америкой, которымъ открыты неприступные до тѣхъ поръ гавани государства. Убѣдившись, что власть его достаточно сильна, онъ въ 1871 г. уничтожилъ власть дайміосовъ, главныхъ феодальныхъ князей, и владѣнія ихъ обратилъ въ государственныя имущества. Страна имѣетъ теперь конституцію, основанную на системѣ двухъ палатъ: государственнаго совѣта или джійіо, состоящаго изъ бывшихъ дайміосовъ, и палаты, состоящей изъ низшаго дворянства „саніо“. Молодые японцы посылаются въ Сѣверную Америку и Европу въ университеты и Академіи. Такъ у насъ въ Петербургѣ есть нѣсколько молодыхъ людей, посланныхъ японскимъ правительствомъ для слушанія курса въ петербургскомъ университетѣ. Европейскія моды и всѣ утонченности цивилизованнаго запада уже начинаютъ проникать въ Японію. Все это можетъ принести много пользы странѣ, но своею поспѣшностью и невниманіемъ къ исторически сложившемуся быту можетъ быть и вредно и возбуждаетъ, теперь энергическое противодѣйствіе.

Нѣсколько лѣтъ назадъ микадо рѣшился смѣло отбросить еще одинъ обычай, именно, онъ не только публично въ европейскомъ мундирѣ сталъ показываться съ своей супругой, въ экипажѣ, но велѣлъ наконецъ сдѣлать ся и свой фотографическій портретъ. Въ глазахъ народа, нововведенія эти возмутительны. Микадо никогда не показывался публично. Онъ былъ постоянно стѣсненъ требованіями самаго строгаго этикета. Подданные могли видѣть его только во время торжественныхъ аудіенцій. Императрица Японіи (портретъ которой помѣщенъ въ этомъ №) теперь принимаетъ дамъ, членовъ дипломатическаго корпуса, и дѣлаетъ у себя даже пріемы. Императрица японская, принцесса дома Ихійо, ей около 24 лѣтъ отъ роду; въ 1869 г. она вступила въ бракъ съ нынѣшнимъ микадо. Императрица носитъ отчасти національный костюмъ, но европейскія перчатки и обувь. Народный обычай воспрещаетъ членамъ императорской фамиліи носить драгоцѣнныя украшенія.

Новый Александровскій мостъ черезъ р. Неву *).

День 30-го сентября 1879 года не пройдетъ незамѣченнымъ въ исторіи города Петербурга, какъ день, въ который, можно сказать, завершена задача соединенія зарѣчныхъ частей съ главнымъ центромъ, что несомнѣнно подниметъ значеніе этихъ частей и поведетъ къ дальнѣйшему развитію жизни столицы.

30 сентября, послѣдовало торжественное открытіе моста. У въѣзда на мостъ, со стороны Литейнаго проспекта, на особомъ возвышеніи поставлена была зеленая обширная палатка, въ коей и произошло торжественное богослуженіе, предшествовавшее открытію моста. Съ 12 часовъ дня, начали съѣзжаться представители города: гг. гласные Думы, члены городской управы, г. городской голова и его товарищъ. Вслѣдъ за ними, стали прибывать лица высокопоставленныя и высшее духовенство.

Въ началѣ 2-го часа, прибылъ его высокопреосвященство митрополитъ Исидоръ, и началось торжественное молебствіе.

По окончаніи молебствія, г. городской голова сказалъ рѣчь, въ коей изложилъ исторію сооруженія моста.

Г. министръ внутреннихъ дѣлъ, Л. С. Маковъ, объявилъ Высочайшее соизволеніе на наименованіе моста „мостомъ Императора Александра II,“ встрѣченное громкимъ „ура,“ а затѣмъ поздравилъ строителя Струве съ Высочайшею милостію — съ пожалованіемъ его чиномъ генералъ-маіора.

Затѣмъ, впродолженіи пяти минутъ, въ теченіи которыхъ гремѣлъ гимнъ „Боже, Царя храни,“ совершилось наведеніе разводной части моста, и, при пѣніи „Спаси Господи люди Твоя“, тронулся крестный ходъ. Митрополитъ Исидоръ совершилъ окропленіе моста святою водою. За крестнымъ ходомъ пошли всѣ лица, находившіяся при богослуженіи, а затѣмъ вошла на мостъ и масса народа, стоявшая, съ одиннадцатаго часа, близъ моста, по Литейному проспекту.

Весь мостъ былъ украшенъ флагами.

По переходѣ крестнаго хода черезъ мостъ, духовныя лица отправились обратно, а строитель, въ сопровожденіи всѣхъ остальныхъ лицъ, подошелъ къ собраннымъ на набережной рабочимъ, помѣстившимся за приготовленными для обѣда столами и, поблагодарилъ ихъ за труды.

Начались тосты и крики „ура!“ Затѣмъ всѣ направились обратно въ экипажахъ. Публика встрѣтила ѣхавшихъ строителя и городскаго голову криками „ура!“

Самый широкій пролетъ средній въ 35 саж. но бокамъ его два пролета по 30 саж. и разводная часть шириною 10 саж. Пролетъ примыкающій къ противуположному берегу имѣетъ 25 саженъ. Высота пролета какъ видно и на нашемъ чертежѣ отъ уровня воды болѣе 4 саженъ въ среднемъ пролетѣ, и по 3 сажени въ крайнихъ пролетахъ моста.

Вопросъ о соединеніи зарѣчныхъ частей съ городомъ—вопросъ, имѣющій свою исторію, въ которой первымъ важнымъ событіемъ было сооруженіе Николаевскаго моста. Вскорѣ послѣ открытія его, возникло предположеніе о постройкѣ и постояннаго моста въ томъ пунктѣ Невы, гдѣ былъ перекинутъ прежній плавучій Литейный мостъ. Предположеніе это долгое время разсматривалось въ нашей Думѣ, отклонившей нѣсколько проектовъ и отложившей самый вопросъ о сооруженіи. Наконецъ, въ 1874 году была образована особая комисія, въ которую былъ приглашенъ извѣстный строитель желѣзнодорожныхъ мостовъ, инженеръ-полковникъ Струве. Скажемъ здѣсь, кстати, что авторитетъ г. Струве прочно опирался на такія сооруженія по этой части, какъ: первый мостъ чрезъ Москву рѣку у впаденія ея въ Оку, близъ Коломны (1863 г.), чрезъ Оку, у того же города (1865 г.), третій мостъ чрезъ эту рѣку у Серпухова, на линіи Курской желѣзной дороги (1867 г.) и два громадныхъ желѣзнодорожныхъ моста на Днѣпрѣ, у Кіева

*) Въ слѣдующемъ № мы помѣстимъ видъ моста съ зарѣчной стороны, сдѣланный съ фотографіи г. Левицкаго.

(1870 г.) и между Кременчугомъ и Крюковымъ (1872 г.), кромѣ того—большой туннель у Севастополя и другія сооруженія.

Вопросъ о постоянномъ мостѣ на мѣсто Литейнаго, былъ рѣшенъ, въ 1875 г. въ коммиссіи подъ предсѣдательствомъ генерала Трепова и удостоился Высочайшаго утвержденія поданный нашимъ извѣстнымъ инженеромъ проектъ. Время, назначенное строителемъ, было опредѣлено четыре года, хотя г. Струве разсчитывалъ окончить въ три. Первоначальная стоимость всѣхъ работъ исчислена въ 3.650,000 руб. (2.650,000—на счетъ города, 1 милліонъ—на счетъ правительства, въ видѣ субсидіи).

Начались работы. Много всякаго рода затрудненій пришлось побѣдить строителю, прежде, чѣмъ удалось ему, наконецъ, силою труда и энергіи, довести до конца предпринятую задачу. Не говоря уже обо всемъ томъ, съ чѣмъ приходится, обыкновенно, бороться человѣку, поднявшему значительное дѣло, дѣло, имѣющее общественное значеніе, скажемъ здѣсь, что встрѣтились большія трудности и со стороны технической, при постановкѣ быка для разводной части, *самаго громаднаго, по размѣрамъ, изо всѣхъ существующихъ мостовъ*, а также и при устройствѣ другаго быка (№ 4). Къ этому всему присоединились еще и военныя обстоятельства, произведшія почти небывалое паденіе кредитнаго рубля и отвлеченіе массы рабочихъ рукъ на театръ войны (плата рабочимъ достигла, въ это время, до 3 рублей въ сутки). Сооруженіе было поставлено въ затруднительное положеніе. Но—пришла на помощь новая правительственная субсидія въ 1,450.000 р. Такимъ образомъ Александровскій мостъ обошелся въ 5,100,000 рублей, (2.650,000 р.—городъ, 2.450,000 р.—правительство.)

Александровскій мостъ имѣетъ 200 саж. длины и 11 ширины (т. е. площадь въ 2,200 квадратныхъ саженъ). Особенною прочностью отличаются, по удостовѣренію знатоковъ дѣла,—быки (ихъ пять). Мостъ поднятъ настолько высоко, что закрываетъ своимъ подъемомъ и Выборгскую сторону, и Литейный проспектъ; но высота и самое направленіе его непосредственно связаны съ условіями теченія Невы, этимъ разрѣшена важная задача—не стѣснять русла рѣки и не увеличивать теченія. Въ отношеніи удобства для судовъ,—значительность высоты пролетовъ въ аркахъ даетъ возможность, какъ разсчитано,—80° судамъ съ высокимъ грузомъ свободно проходить между быками и только 20°—чрезъ разводную часть. Разводка ручная, при помощи воротовъ. Освѣщеніе будетъ по системѣ Яблочкова. Жители Выборгской стороны намѣрены поставить на мосту, въ честь Государя Императора, часовню во имя Св. Александра Невскаго.

Русскія серебряныя издѣлія.

Статуэтка, поднесенная князю Владиміру Андреевичу Долгорукову.

Извѣстно что наша первопрестольная столица праздновала пятидесятилѣтнее служеніе въ офицерскихъ чинахъ своего всѣми любимаго и уважаемаго генералъ-губернатора князя Владиміра Андреевича Долгорукова.

Кромѣ безчисленныхъ адресовъ князю были поднесены многіе высокоцѣнные, художественные дары, такъ что въ его пріемныхъ залахъ образовалась цѣлая художественная выставка разныхъ предметовъ самой артистической, тонкой работы, выполненныхъ нашими извѣстными мастерами серебряныхъ издѣлій въ изумительно короткое время. Здѣсь среди поднесенныхъ драгоцѣнностей обращали на себя особое вниманіе: изящная серебряная модель дома гдѣ родился князь; прекрасно исполненный мозаичный образъ Нерукотвореннаго Спаса; высокохудожественной работы складень поднесенный старообрядцами; большой эмалированный кубокъ; нѣсколько изящныхъ альбомовъ; цѣлый чайный серебряный сервизъ и нѣсколько другихъ предметовъ артистически выполненныхъ также изъ серебра. Почти каждая депутація представляя адресъ вручала его князю въ портъ-бюварѣ часто очень цѣнной и художественной отдѣлки.

Представленная на нашемъ рисункѣ серебряная статуэтка поднесена юбиляру отъ попечительства Преображенскаго богадѣленнаго дома. Эта статуэтка работы извѣстнаго фабриканта Сазикова изображаетъ князя Владиміра Андреевича молодымъ кавалерійскимъ офицеромъ; въ ту раннюю эпоху его жизни, когда онъ, окончивъ курсъ въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ онъ былъ выпущенъ 14-го апрѣля 1829 года въ корнеты лейбъ-гвардіи Коннаго полка и такимъ образомъ началъ свою блестящую военную карьеру. Статуэтка превосходно выполнена художникомъ Лансере.

Политическое обозрѣніе.

Государыня Императрица въ Каннѣ. — Положеніе Греціи.—Князь Болгарскій въ Румыніи. — Новый министръ въ Австріи. — Личность Геймерле. — Англичане въ Афганѣ.

Изъ города Каннъ (въ южной Франціи) пишутъ, что со стороны французскаго правительства, также какъ и мѣстныхъ властей были сдѣланы всѣ распоряженія для того, чтобы сдѣлать Ея Величеству Государынѣ Императрицѣ пребываніе на французской землѣ наиболѣе пріятнымъ. „Ville des Dunes“, отведенная для Ея Величества, будетъ соединена телеграфною проволокою съ Каннскою станціею, отъ которой будетъ устроенъ прямой телеграфъ до дома русскаго посольства въ Парижѣ. Въ распоряженіе Августѣйшихъ путешественниковъ будетъ предоставленъ роскошный салонный вагонъ, который будетъ храниться въ вагонномъ сараѣ Каннской станціи на случай желанія Ихъ Величествъ совершить поѣздку на берегъ. Кромѣ того носятся слухи, что во все время пребыванія Ихъ Величествъ въ Каннѣ, въ Санъ-Жуанской бухтѣ, рядомъ съ русскою эскадрою, будетъ стоять на якорѣ французская Средиземная флотилія, состоящая изъ паровыхъ судовъ „Фридландъ“, „Реваншъ“, Сюффранъ“, „Кольберъ“ и „Дезэ“.

Въ качествѣ почетной стражи будетъ находиться въ Каннѣ рота егерьскаго полка.

Положеніе въ Өессаліи и Эпирѣ едва ли можетъ служить указаніемъ на скорое упроченіе спокойствія и порядка въ предѣлахъ Турецкой имперіи. Турецкіе корпуса, сосредоточенные между Воло, Артою и Превезою постоянно пополняются; въ число этихъ войскъ войдетъ 12-ти тысячный отрядъ иррегулярныхъ солдатъ (!). За послѣднее время ревностно и съ усиленнымъ комплектомъ рабочихъ, трудились надъ укрѣпленіемъ Порты. На дняхъ въ Воло прибылъ адъютантъ султана Бари-бей, съ цѣлью уплатить квартирующимъ въ Өессаліи и Эпирѣ войскамъ жалованье за три мѣсяца и объявить имъ, что въ *скоромъ времени предстоятъ военныя дѣйствія* и что султанъ надѣется на ихъ преданность. Съ своей стороны греческая агитація пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе энергіи. Во многихъ мѣстностяхъ формируются новыя банды. Особенно отличаются какъ по своей организаціи, такъ и по прекрасному вооруженію, двѣ изъ нихъ, состоящія подъ предводительствомъ вождя Кастопуло. Шайки эти заняли весьма выгодныя стратегическія позиціи недалеко отъ Булбуда и Макриницы. Почти ежедневно молодые греки и поселянинъ къ рядамъ инсургентовъ. Изъ Воло было отправлено противъ обѣихъ, ежедневно растущихъ въ числѣ бандъ Костопуло всего шесть ротъ; начальствующій ими полковникъ Османъ-Бей, приблизившись на нѣсколько километровъ къ Макроницѣ, не рѣшился идти прямо на врага. Али-Паша, съ двумя батальонами, предполагаетъ аттаковать Балбудъ, такъ чтобы нападеніе было произведено съ двухъ сторонъ. Этимъ пока и ограничились военныя движенія турецкихъ войскъ. А тѣмъ временемъ и греки, и турки продолжаютъ производить грабежи и опустошенія, такъ что нищета населенія доходитъ до ужасающихъ размѣровъ и многія семейства бѣгутъ за границу; въ теченіе этихъ трехъ недѣль ихъ ушло до 440.

Волненія, однако, ограничиваются одними этими провинціями. Изъ Цетиньи сообщаютъ, что албанцы сбираются значительными массами по направленію къ Андреевицѣ и, повидимому, намѣрены силою воспротивиться занятію черногорцами передаваемыхъ имъ, съ согласія Турціи, округовъ Гусинья и Плавы. Черногорцы, съ своей стороны, принимаютъ всѣ необходимыя мѣры для предстоящей имъ борьбы; между прочимъ въ Андреевицѣ учреждены уже провіантскій и аммуниціонные склады.

Пограничныя столкновенія на Балканскомъ полуостровѣ никакъ не могутъ установиться безъ насилій. Такъ начальникъ турецкихъ войскъ въ Царевомъ Селѣ, не предупредивъ болгарское правительство, насильственно занялъ селеніе Мелехтинъ, Кореевицу и Сосанъ, находящіяся въ Кюстендильскомъ округѣ и уступленныя Турціи на основаніи рѣшенія коммиссіи по проведенію болгарской границы.

Князь Болгарскій посѣтилъ князя Румынскаго (18-го сентября нашего стиля князь Карлъ встрѣтилъ князя Александра въ Петрочени, пріемъ былъ оказанъ блестящій и дружелюбный). Поѣздка эта толкуется различно. Одни увѣряютъ, что князь предпринялъ свое путешествіе по желанію русскаго правительства, а цѣль поѣздки будто заключалась въ склоненіи румынскаго князя къ большей уступчивости въ извѣстномъ вопросѣ объ Арабъ-Табіи. Изъ австро-венгерскихъ источниковъ идетъ слухъ, что свиданіе это имѣло цѣлью установленіе союза христіанскихъ государствъ на Балканскомъ полуостровѣ. Этимъ вопросомъ занималась даже офиціозная газета „Romanie“. Вотъ что пишутъ по этому поводу изъ Бухареста: Судя по свѣдѣніямъ изъ достовѣрныхъ источниковъ, *пріѣздъ князя Александра сюда положительно имѣетъ скрытую цѣль, а именно обсужденіе союза между Румыніей и Болгаріей* и установленіе дальнѣйшихъ шаговъ на этомъ пути, пока въ общихъ чертахъ. *Имѣется въ виду федерація мелкихъ балканскихъ государствъ.*

Авторъ оккупаціи Босніи и Герцеговины, графъ Андраши, удостоился на дняхъ весьма лестнаго рескрипта отъ императора Франца-Іосифа, выразившаго ему, между прочимъ, увѣренность, что службу бывшаго канцлера онъ не считаетъ оконченною. Новый австро-венгерскій министръ иностранныхъ дѣлъ, баронъ Геймерле уже вступилъ въ должность.

(Продолженіе на стр. 837, 838, 839 и 840).

Русскія серебрянныя издѣлія. Статуэтка, поднесенная Кн. В. А. Долгорукову.
Работа фабр. серебр. изд. Сазикова въ Спб. Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

Замѣчательна общая черта въ жизни обоихъ высшихъ сановниковъ этой пестрой имперіи. Въ 1848 году во время возстанія въ Вѣнѣ, баронъ Геймерле былъ студентомъ и, по примѣру остальныхъ товарищей, присталъ къ бунту. Захваченный съ оружіемъ въ рукахъ, онъ былъ приговоренъ военнымъ судомъ къ разстрѣлянію.

Главнокомандующій князь Виндишгрецъ готовился утвердить приговоръ, когда, случайно, къ нему вошелъ баронъ Гюбнеръ (впослѣдствіи посланникъ въ Парижѣ), присланный къ князю съ особымъ порученіемъ отъ императора. Зная Геймерле, баронъ Гюбнеръ успѣлъ убѣдить Виндишгреца отмѣнить приговоръ военнаго суда. Что же касается графа Андраши, то онъ, какъ извѣстно, былъ приговоренъ въ 1850 году военнымъ судомъ къ повѣшенію и казнь была выполнена заочно (онъ бѣжалъ) надъ куклою, изображавшую венгерскаго магната.

Императоръ Францъ открылъ на дняхъ лично сессію рейхсрата, высказавъ, въ тронной рѣчи особое удовольствіе свое по поводу вступленія чеховъ. „Депутаты моего возлюбленнаго королевства Богеміи, внявъ моему призыву,—сказалъ императоръ, между прочимъ,—не поступаясь своими правыми убѣжденіями, не взирая на различіе своихъ мнѣній, вступили всѣ въ совокупности на почву общихъ переговоровъ.

Совершился весьма важный шагъ къ общему примиренію и соглашенію, бывшему всегда цѣлью моихъ желаній и я льщу себя заранѣе надеждой, что при общей умѣренности и уваженія къ праву со всѣхъ сторонъ, удастся достигнуть дѣйствительно прочной цѣли.

Въ Вѣнѣ недавно былъ интересный, хотя и невольный „гость“—извѣстный боснійскій мусульманскій патріотъ *Хаджи-Лойа*, приговоренный военнымъ судомъ (австро-венгерскимъ конечно) къ 5-тилѣтнему тюремному заключенію въ Терезіенштадтской крѣпости, въ Богеміи.

Въ Парижѣ кровавой памяти Гумберъ, амнистированный коммунаръ, бывшій редакторъ „Pére Duchesne“ на парижскихъ муниципальныхъ выборахъ избранъ депутатомъ (!!).

Въ Германіи отношеніе партій на выборахъ сказалось замѣчательнымъ образомъ преобладаніемъ консервативнаго элемента. Отношеніе партій выразилось напр. такими цифрами: консервативовъ на 94 человѣка болѣе противъ прежняго и національ-либераловъ на 63 менѣе. Фактъ знаменательный! Пресловутый Ласкеръ также не выбранъ.

Бракосочетаніе австрійской эрцъ-герцогини Христины съ испанскимъ королемъ назначено на 29-е ноября. При королевѣ, изъ австрійской свиты ея, останутся только одна статсъ-дама, графиня Коппи и ея лейбъ-медики. Царственный женихъ, какъ говорятъ, послалъ своей невѣстѣ учителя испанскаго языка (Палансіоса); эрцъ-герцогиня, впрочемъ, уже немного знакома съ этимъ языкомъ. Въ одномъ изъ ближайшихъ №№ мы дадимъ портреты царственой четы.

Расправа англичанъ съ афганцами, повидимому, скоро уже воспослѣдуетъ. По крайней мѣрѣ, вотъ рядъ извѣстій изъ Симлы: генералъ Робертсъ уже взялъ Кабулъ. Генералъ Масси, посланный, чтобы отрѣзать афганцамъ обходъ на Баміакъ, захватилъ близь Шальнура 78 пушекъ. Фреръ и Мавферсонъ отряжены, съ значительными силами къ Бала-Гиссару.

Изъ Вальпарайсо телеграфируютъ, что чилійцы захватили весь перуанскій флотъ.

Японія присоединила къ своимъ владѣніямъ полувассальное королевство Ліу-Кіу; но, такъ какъ, королевство это имѣло нѣкоторыя отношенія и къ Китаю, то поговариваютъ о столкновеніи между Поднебесною Имперіею и Японіей.

НЕКРОЛОГЪ.

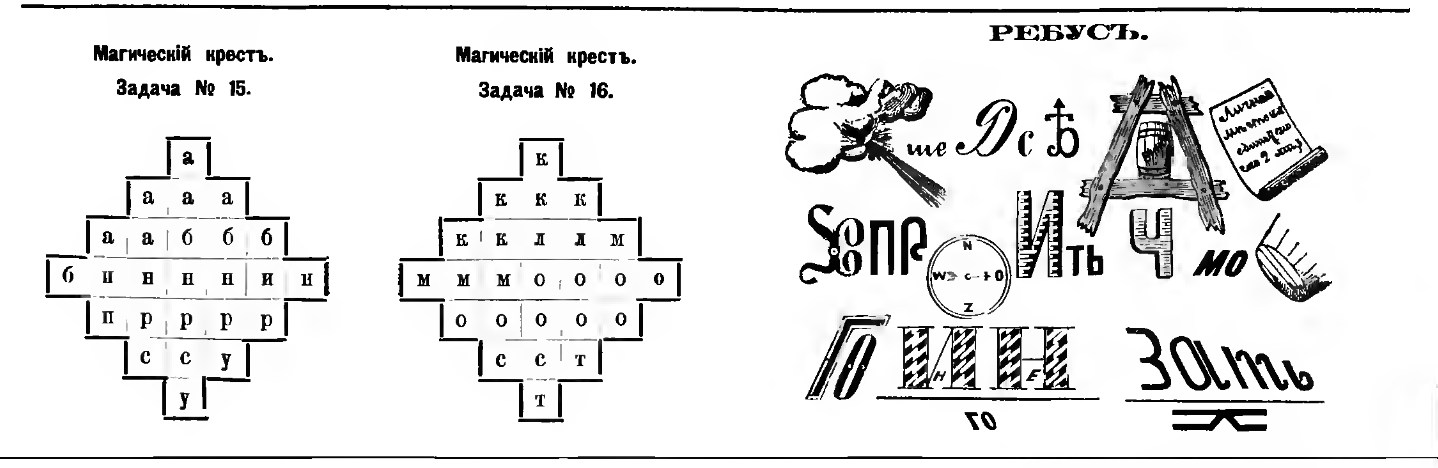
Русская историческая наука и литература понесли невознаградимую утрату: 4 октября скончался на шестидесятомъ году жизни, послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни, бывшій профессоръ и ректоръ московскаго университета, директоръ московской Оружейной палаты, знаменитый историкъ **Сергѣй Михайловичъ Соловьевъ**, (отецъ автора ром. „Касимовская невѣста“ и другихъ извѣстныхъ историческихъ романовъ). На долю немногихъ русскихъ ученыхъ выпало оставить по себѣ такой великій памятникъ, какъ „*Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ*,“ первый томъ которой появился въ августѣ 1851 г. Съ тѣхъ поръ ежегодно, въ неизмѣнный почти срокъ, появлялось, томъ за томомъ, продолженіе громаднаго труда, прославившаго своего автора, сдѣлавшагося настольною книгой каждаго занимающагося русскою исторіей и доведеннаго въ двадцать восьмомъ, послѣднемъ появившемся томѣ до событій конца 1772 года.

При крѣпкомъ, повидимому, сложеніи, удивительно правильный и воздержный образъ жизни обѣщалъ, казалось, покойному долгіе годы, но уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ стали замѣчать зловѣщіе признаки разстройства организма, въ послѣдній годъ быстро развившіеся въ форму тяжкой болѣзни, которая и свела Сергѣя Михайловича въ могилу. Сергѣй Михайловичъ родился въ 1820 г. и былъ сынъ протоіерея, законоучителя въ московскомъ коммерческомъ училищѣ. Воспитывался онъ въ московской 1-й гимназіи, въ 1839 году поступилъ въ московскій университетъ на филологическій факультетъ. По окончаніи курса, два года пробылъ заграницей, занимаясь историческими науками, къ которымъ имѣлъ страсть съ ранней юности. Назначеніемъ Соловьева на кафедру русской исторіи, московскій университетъ обязанъ бывшему попечителю графу С. Г. Строганову, угадавшему въ молодомъ ученомъ, авторѣ диссертаціи: „*Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ*“, будущаго преемника Карамзина.

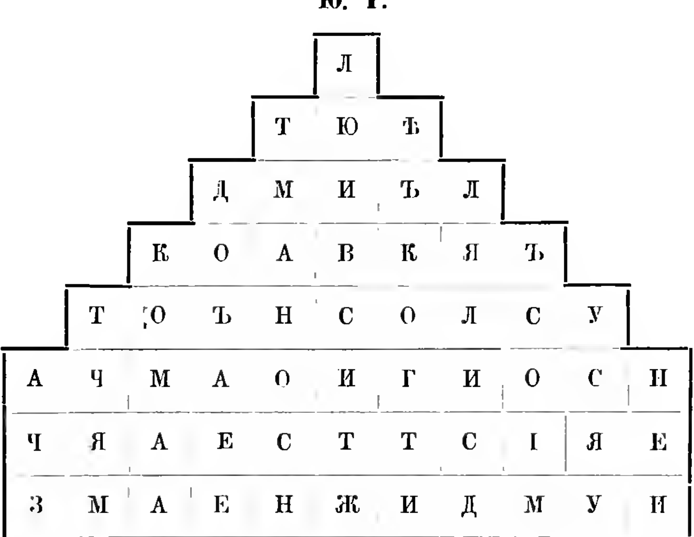
Погребеніе Сергѣя Михайловича совершалось въ Новодѣвичьемъ монастырѣ въ воскресенье, 7-го октября. Отпѣваніе происходило въ церкви московскаго университета. Панихиды совершались ежедневно въ 12½ час. дня и 7 час. вечера.

Рамки для премій „Нивы.“

Вслѣдствіе просьбы многихъ нашихъ подписчиковъ, мы заказали на **фабрикѣ багетовъ Э. Г. ДЕЗЛЕРА**, весьма красивыя черныя, полированныя рамки, съ золотымъ узоромъ а ла грекъ, для **премій** на **1879** годъ, величиною на 16½ и 13½ вершковъ, **по размѣру картинъ съ бѣлыми полями**. Благодаря огромному размѣру заказа мы можемъ выдавать **пару** такихъ рамъ со стеклами для обѣихъ картинъ, за весьма низкую цѣну: именно **за 4 руб.** Во время выдачи (при № 43-мъ „Нивы“) **въ конторѣ редакціи**, гг. подписчики, преміи эти могутъ получить уже готовыя въ рамкахъ, съ платою за рамки по 4 руб. за обѣ вмѣстѣ.

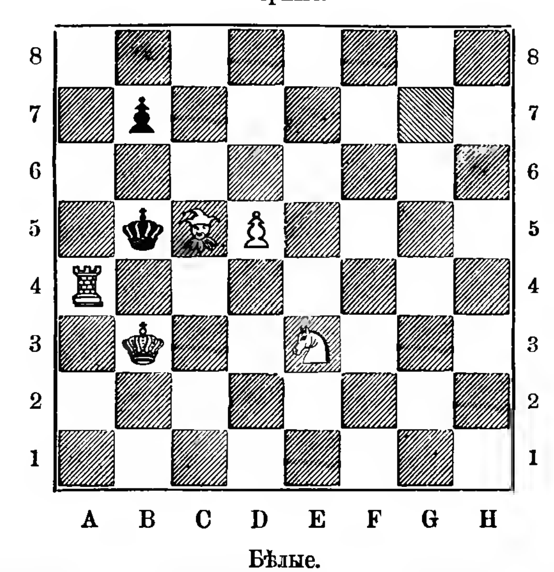


Загадка — Пирамида.
Ю. Г.



Шахматная задача № 18

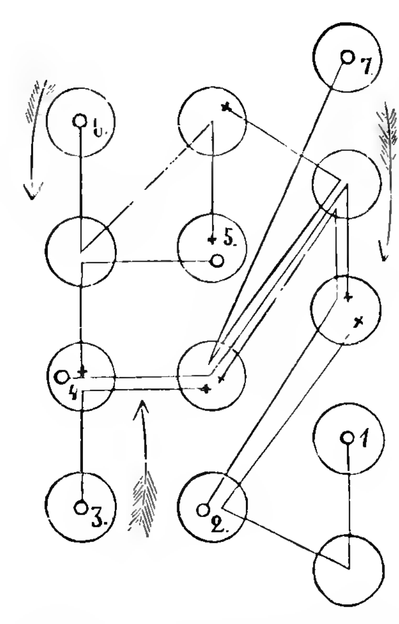
Черные.



Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и выигрываютъ въ 3 хода.

Задача.



Каждый большой кругъ есть мѣсто буквы. Соединеніе буквъ, или большихъ круговъ, посредствомъ линій составляетъ отдѣльныя слова; маленькій кружочекъ показываетъ начало каждаго слова, а крестикъ—конецъ.

1-е Соединеніе должно составить названіе французскаго приморскаго города.
2-е Названіе города въ Далмаціи.
3-е Названіе растенія, одной изъ лучшихъ кормовыхъ травъ.
4-е Названіе состоянія погоды.
5-е Названіе хлѣбнаго растенія.
6-е Древнерусское званіе въ винительномъ падежѣ множественнаго числа.
7-е Бранное слово, относящееся къ человѣческому лицу.

Если же читать буквы по направленіямъ указанными стрѣлками, то получаются три слова, содержаніе которыхъ составитъ—пожеланіе 80 милліоновъ человѣкъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Работы Соловецкихъ иноковъ (съ рис.)—Стихотвореніе. Изъ поэмы Шелли «Alastor». О Кавелиной.—Касимовская невѣста. Историческій романъ Вс. Соловьева. Продолженіе.—Помпея. Въ память 18 столѣтій, истекшихъ со дня ея гибели (24 августа 79 г.)—Для Георга Вашингтона. Разсказъ изъ временъ Англо-Американской войны. (Окончаніе)—Литературный альбомъ: «Майская ночь», Гоголя (съ рис.).—Теремъ царевенъ (съ рис.)—Старушка съ тюльпаномъ (съ рис.)—Японскій императоръ Муцхито и императрица Японіи Гару Ко (съ 2 рис.)—Новый Александровскій мостъ черезъ р. Неву. (съ рис.)—Русскія издѣлія (съ рис.)—Политическое обозрѣніе.—Некрологъ.—Рамки для премій «Нивы».—Магическіе кресты.—Загадка—Пирамида.—Шахматная задача.—Задача.—Объявленія.

Издатель А. Ф. Марксъ. Редакторъ Ф. Бергъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВЪ „MAGASIN ÈTRANGER“
Иностран. магаз. Б. Морская, д. № 30.

ДЛЯ ХОЗЯЕКЪ

ВНОВЬ ПОЛУЧЕНО
АМЕРИКАНСКАЯ, МЕХАНИЧЕСКАЯ

!ЧУДО-ПРАЧКА!

Это уютная, прочнав, устройства самаго несложнаго, машинка для стирки бѣлья, кладъ въ каждомъ хозяйствѣ,—она не портитъ, а предохраняетъ бѣлье отъ порчи; дѣлаетъ большую экономію времени и труда и что требовало сильныхъ рукъ в трехдневныхъ трудовъ, можно легко сдѣлать въ одинъ день. Самый неопытный, даже дитя, можетъ ею дѣйствовать, и ни одна домашняя вещь не вознаградитъ такъ щедро покупателя, не принесетъ такую громадную пользу и такой лахвенный процентъ, какъ предлагаемая испытанная американская прачешная машина. Ц. 16 р. иногородн. съ перес. 20 р., въ Азіатскую Россію 22 р.

УТЮГИ.

новаго оч-нь удобнаго устройства 3 штуки съ ручкой и подставкой цѣна 8 р.

!!!СКОРОВАРКИ!!!

въ нѣсколько минутъ вскипятить воду, молоко, сливки. Цѣна 2 р. 50 к., серебряныя 5 р., съ перес. 3 р. и 5 р. 50 к.

!!! МАШИНКИ !!!

рубить мясо въ нѣсколько минутъ въ самыя мелкія волокна. Цѣна 10 р., съ перес. 12 р.

АМЕРИКАНСКІЕ КАРМАННЫЕ ВѢСЫ

съ цифрами безъ гирь, которыми можно мгновенно провѣрить всякій вѣсъ до 12 в 20 фунтовъ. Цѣна 2 р. и 2 р. 50 к., иногородн. съ пересылк. 2 р. 50 к. и 3 р. вѣсы для кухни съ чашкой в тоже безъ гирь до 12 фунт. цѣна 2 р. 25 к. съ перес. 3 р. 50 к.

!!! КАРМАННЫЯ КУХНИ !!!

новаго превосходнаго устройства, спиртовая лампочка съ таганчикомъ въ футлярѣ; цѣна 2 р., иногородн. съ перес. 2 р. 50 к.

!!!НОВОСТЬ ИЗЪ АМЕРИКИ!!!

Ковшики изъ кокосоваго орѣха съ ручкою. Ц. 75 коп., иногор. съ пересылк. 1 р. 25 к.

МЕХАНИЧЕСКІЕ
!!!ПРОБОЧНИКИ!!!

которыми можно вытащить безъ малѣйшаго труда самыя тугія пробки. Ц 1 р. 50 к. 2 р. 50 к. в 3 р., иног. съ пер. 2, 3, и 3 р. 50 к.

!!НОЖИ для ХЛѢБА!!

Цѣна 1 р. 25 к. съ перес. 1 р. 75 к.

НОЖИ ДЛЯ САРДИНОКЪ

которыми всякія жестянки разрѣзываются какъ бумага, не портитъ консервы и сохранится въ цѣлости масло, цѣна 75 коп. и 1 р. иногор. съ пер. 1 р. 25 и 1 р. 50 к.

ВСЕОБЩІЙ ИНСТРУМЕНТЪ,

содержащій болѣе 12-ти разныхъ домашнихъ инструментовъ, и. т.: молотокъ, отвертка, клещи, ключъ для винтовъ и пр. Цѣна 4 р. 50 к. иногор. съ перес. 5 р.

!!! ВѢЧНЫЯ ТОЧИЛА !!!

на которыхъ можно точить ножи столовые, всякіе инструменты, ножницы, топоры и пр. Цѣна 40 к. Иногороднымъ съ перес. 1 р.

!!! ВНОВЬ ПОЛУЧЕНО !!!

Розетки для свѣчей съ которыми свѣчи стеариновыя и восковыя, не капаютъ, даже если совершенно наклонены, или на ходу. Цѣна 1 р. 50 к. за дюж съ перес. 2 руб.

ПАРИЖСКІЯ МЫШЕЛОВКИ,

которыми можно выловить мышей до послѣдней. Цѣна 25 коп. штука, для иногородн. съ перес. за 2 штуки 1 р.

ПОРОШОКЪ для МѢДИ

чиститъ скоро и отлично мѣдные самовары, мельхіоръ и проч. предметы изъ полированныхъ металловъ. Серебритъ для чистки накладнаго серебра и порошокъ для стали Цѣна 20 к. за пачку для иногор. съ пер. 3 пачки 1 р.

!!! КРЫСЕЛОВКИ !!!

отличнаго устройства. Цѣна 1 р. 50 к. Иногородн. съ перес. 2 р.

!!! НОВОСТЬ !!!

Кольца для салфетокъ съ пружиной, которымъ можно придерживать салфетки о кругъ шеи цѣна 75 коп., съ перес. иногороднымъ 1 руб.

!!! ОТЪ ХОЛОДНЫХЪ НОГЪ !!!
!!! СТЕЛЬКИ !!!

Въ видѣ башмака
входящія въ самую узкую обувь; цѣна 50 коп. 1 р. и 1 р. 25 коп. иногородн. съ пересылкою 1 р. 1 р. 50 к. 1 р. 75 коп.

По громадной разнообразности товаровъ и постоянно мѣняющихся новостей управленіе магазина прейсъ-курантовъ составить не можетъ. Требованія иногородныхъ съ приложенными деньгами исполняются немедленно. Адресовать: въ «MAGASIN ÉTRANGER», иностранный магазинъ по Большой Морской, домъ № 30, въ С.-Петербургѣ.

МОЛОЧНАЯ МУКА НЕСТЛЕ

ДЛЯ ВСКОРМЛЕНІЯ ГРУДНЫХЪ ДѢТЕЙ — 1 РУБ.

и **СГУЩЕННОЕ МОЛОКО НЕСТЛЕ.** — Безъ пересылки 75 К.

ГЛАВНОЕ ДЕПО для оптовой и розничной продажи въ С.-Петербургѣ у **АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ** въ зданіи Воспитательнаго дома по Казанской ул. № 3, Магазинъ № 7, а также у Штоль и Шмидтъ — въ Спб. Химической Лабораторіи,—въ Русскомъ Обществѣ Торговли Аптекарскими Товарами и во всѣхъ москательныхъ торговляхъ и аптекахъ Россійской имперіи.

Единственный агентъ для всей Россіи *Александръ Венцель*

☞ Имѣю честь довести до свѣдѣнія публики, что я отвѣчаю только за тѣ жестянки, на которыхъ находится **СИНІЙ ШТЕМПЕЛЬ** и **ПОДПИСЬ** Александра Венцеля **ЕДИНСТВЕННАГО** агента моего для всей Россіи.

№ 51 26—14 **ГЕНРИХЪ НЕСТЛЕ** въ Веве (Швейцарія).

НОВѢЙШІЯ МОЛОТИЛКИ

по системѣ **ВЕЙЛА,**
СЪ ЧИСТИЛЬЩИКОМЪ И БЕЗЪ ОНАГО.
дешевле всѣхъ прежнихъ конструкцій.

Однононныя до 4-хъ нонныхъ и ручныя съ новѣйшими значительными улучшеніями, предлагаетъ на нынѣшній сезонъ по чрезвычайно дешевымъ цѣнамъ и на самыхъ выгодныхъ условіяхъ платежа.

Доставка франкирована на всякую станцію желѣзныхъ дорогъ.
Ищутъ агентовъ. Торговцамъ дѣлаютъ уступки.

Морицъ Вейлъ младш. Машинно-строительный заводчикъ въ Франкфуртѣ-на-Майнѣ.

Первый вводитель штифтовой молотилки.

Moriz Weil jun. Maschin.-Fabrikant Frankfurt a/M, Heiligkreuzg. 12, 14
№ 30 16 & 16a Landwirthschafts-Vereinshalle. 10-4

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

„БРАТЬЯ КУЗНЕЦОВЫ“,

на Никольской улицѣ, **въ Москвѣ.**

совершаетъ всѣ банкирскія операціи.

Страхуетъ билеты 1-го и 2-го внутр. съ выигрышами займовъ отъ тиража погашенія.

Продаетъ серебро въ слиткахъ, начиная отъ 10 фунт.
Продаетъ золото въ слиткахъ. № 214 11-6

Патентованный дезинфекціонный порошокъ и дезинфекціонные аппараты

МАКСА ФРИДРИХА,

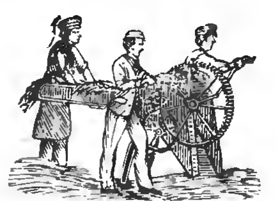
введенные въ Россійскую Имперію **А. ВЕНДТОМЪ.**

ГЛАВНОЕ ДЕПО: Демидовъ переулокъ, № 5, на углу Казанской.

При примѣненіи этихъ дезинфекціонныхъ средствъ исчезаетъ мгновенно всякое зловоніе, уничтожаются всѣ зародыши заразы и очищается совершенно воздухъ.
Дезинфекціонные аппараты для 1 до 20 клозетовъ имѣются въ запасѣ.
Дезинфекціонный порошокъ цѣною 10 коп. за фунтъ.
Продавцамъ и агентамъ предлагаются выгодныя условія. № 276 3—3

РУЧНАЯ ШТИФТОВАЯ МОЛОТИЛКА

ТОВАРИЩЕСТВА БУРКГАРДТЪ и УРЛАУБЪ.



Желѣзная, съ улучшенными приспособленіями для опусканія и подыманія кожуха, столомъ для раскладки сноповъ, ключами и масленками. Производительность 200 сноповъ въ часъ, при 3-хъ мущинахъ и 2-хъ мальчикахъ. Цѣна: въ Петербургѣ 90 р. с., въ Москвѣ 100 р. с.,—изъ нашихъ складовъ въ С.-Петербургѣ, на Васил. Остр., по 1-й линіи, д. № 14, въ Москвѣ, по Мясницкой, домъ Сытова. Кромѣ того имѣются въ наличности: вѣялки сортировки, конные приводы, дробилки для овса, мельницы, желѣзныя плуги, соломорѣзки, сѣялки, жатвенныя машины, пожарныя трубы и машины всякаго рода. № 269 4-4

КРЫМСКОЕ ВИНО

НОВѢЙШАГО ВИНОДѢЛЬЯ,

изъ виноградниковъ Е. И. В. Константина Николаевича. Рекомендуется фирма для продажи Крымскихъ винъ. Малая Морская д. № 14. А. БЕРЕНТЪ бывшая ВОРОНЦОВА.
№ 285 2—2

ШВЕЙЦАРСКІЙ МАГАЗИНЪ

№ 27 И 29 ПАССАЖЪ № 27 И 29.
ОСНОВАНЪ ВЪ 1857 г.

ВНОВЬ ПОЛУЧЕНО:

!!! ПАРИЖСКІЕ ВѢЕРА !!!

въ огромномъ выборѣ: бѣлый вѣера отъ 1 р. 25 к., 2 р., 3 р., 4 р., 5 р., 6 р. и дороже, а также и черные.
За пересылку 50 коп.

ШНУРКИ ДЛЯ ВѢЕРОВЪ

разноцвѣтные въ 1 р., 2 р. и 3 р.
За пересылку 25 к.

!!! ПАЖИ !!!

для поддерживанія платья въ 75 к., 1 р., 2 р. и 3 р.
За пересылку 25 к.

РУЧКА ДЛЯ ЦВѢТОВЪ

(Porte Bouquet) 1 50 к., 2 р., 3 р. 4 р. 5 р., 6 р. и дороже.
За пересылку 50 к.

!! ЯЩИКЪ !!

для перчатокъ очень изящной работы 3 р. 50 к., **съ перес. 4 р. 50 к.**

ЯЩИКЪ

для носовыхъ платковъ 3 р. 50 к., **съ пересылкой 4 р. 50 к.**

РАБОЧІЙ ЯЩИКЪ.

съ нессесоаромъ въ 3 р., 4 р., 5 р., 6 р., 7 р., 8 р. до 40 руб.
За пересылку 1 р.

Молодая дѣвица, нѣмка изъ Вюртенберга, съ хорошими рекомендаціями, любящая очень дѣтей, съ хорошими манерами, желаетъ получить мѣсто первой бонны-воспитательницы. Владѣетъ основательно французскимъ и англійскимъ языками, хорошо знаетъ музыку и пѣніе. Можетъ обучать всѣмъ научнымъ предметамъ въ программѣ училища и знакома съ хозяйствомъ. Съ предложеніями благоволятъ обращаться подъ лит. П. № 17299 въ Центральную контору объявленій G. L. Daube & C° въ Штутгатдтѣ. 2—2 № 295

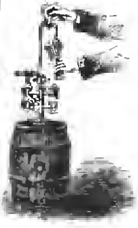
ОТЪ МНОГИХЪ НЕСЧАСТІЙ

предохраняетъ оффиціально рекомендованный передвижникъ приводныхъ ремней и смазочный приборъ выбрызгивающій масло.

Цѣна съ пересылкою за каждую 24 марки.

Цѣна съ пересылкою за 3 - 60 марокъ.
№ 272 5—5 **Carl Heffman, Aue, Sachsen**

НОВЫЙ ПИВНОЙ АППАРАТЪ



Лѣтомъ не требуется ледянаго шкафа: въ откупоренномъ боченкѣ пиво не подвергается никакой порчѣ въ теченіи одной недѣли.

Необходимъ для каждой портерной, трактировъ, ресторановъ, кухмистерскихъ, кондитерскихъ, питейныхъ домовъ и кегельбановъ.

Съ Октября 1876 г уже продано болѣе 18,000 шт., въ С.-Петербургѣ около 400 шт.

Большіе аппараты разныхъ фасоновъ съ колоннами на буфетѣ съ большими насосами и котлами, отъ 60 р. с., съ мраморными досками для крановъ отъ 75 р. сер. Машины для укупорки бутылокъ, для наливанія и чистки бутылокъ.

ГЛАВНОЕ РУССКОЕ ДЕПО МАШИНЪ
Вас. Вас. КРЮГЕРЪ

По Вознесенскому пр., на углу Екатерингофскаго, д. № 25.
№ 281 2—2

При этомъ № для гг. иногородн. подписчиковъ (за исключеніемъ Московскихъ) прилагается объявленіе отъ книжн. магазина С. И. Леухина въ Москвѣ.

Дозволено цензурою СПБ. 12 Октября 1879 г. Тип. Вольфа. ... пр. № 10.

ЛИТЕРАТУРЫ

X ГОДЪ | ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. | ГОДЪ X

№ 43 | 1879

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ «ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ» (отъ 20 до 40 модк. рис. Выданъ 22 Октября 1879 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40). Цѣна этого № «Нивы» 15 съ перес. 20 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1880 г.

Просимъ гг. иногородныхъ подписчиковъ поспѣшить возобновленіемъ подписки на будущій годъ, такъ какъ приготовленіе около 30,000 печатныхъ адресовъ для однихъ иногородныхъ требуетъ весьма много времени.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ на 1880 г.		
Безъ доставки въ С.-П.-Бургѣ . . 4 р.	Безъ доставки въ Москвѣ чрезъ книжные магазины г. Живарева, Соловьева и Лангъ . . 5 р.
Съ доставкою . . . . . . 5 р.	Съ пересылкою въ Москву и другіе города Россійской Имперіи. . . . . . 6 „

Подписка на 1879 г. продолжается. Подписавшійся получаетъ журналъ съ перваго номера со всѣми преміями.

КОНТОРА ЖУРНАЛА ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ, ВЪ Д. № 9.

При этомъ № высылается всѣмъ годовымъ подписчикамъ **ПРЕМІЯ „Нивы“ на 1879 годъ: двѣ большія печатанныя красками картины, съ акварелей профессора К. Е. МАКОВСКАГО исключительно для „Нивы“ имъ исполненныя** (въ отдѣльной продажѣ стоющія 4 руб., особо каждая по 2 руб. съ пересылкою).

Картины эти, какъ могутъ видѣть гг. подписч., почти въ два съ половиною раза болѣе размѣромъ нашихъ прошлогоднихъ премій.

По самому характеру картинъ онѣ могутъ быть прямо вставлены въ рамки, какъ вставляются масляныя картины, но мы рекомендуемъ накладывать ихъ на большой бѣлый листъ, оставляя широкія поля. Картины тогда будутъ эффектнѣе. Содержаніе картинъ:

1) Воскресный вечеръ въ Малороссійской деревнѣ.

2) Козьма Мининъ, призывающій народъ къ пожертвованіямъ на государственныя нужды, въ Нижнемъ-Новгородѣ.

Преміи такихъ размѣровъ и такой стоимости не предлагалъ никогда ни одинъ иллюстрированный журналъ, ни у насъ, ни заграницей, гдѣ подобныя картины не выдаются даромъ а только уступаются издателями своимъ подписчикамъ дешевле противъ продажной цѣны.

Мальчики-таранчи въ школѣ (Кульджа). Рис. Ронья, грав. Гильдебрантъ.

Кульджинские Таранчи.

Мальчики-таранчи въ школѣ.

Среди племеннаго разнообразія Кульджинской области, Таранчи составляють самую трудовую и полезную часть ея населенія. Таранчи по религіи мусульмане а по происхожденію сарты, были выселены на плодородную долину верхней Или китайцами съ цѣлью сдѣлать изъ нихъ хлѣбопашцевъ, а также въ наказаніе за мятежъ 1765 года. Дѣйствительно съ тѣхъ поръ Таранчи остаются понынѣ по преимуществу осѣдлымъ и земледѣльческимъ населеніемъ во всемъ краѣ и на цвѣтущихъ и плодородныхъ берегахъ Или и Коша, то и дѣло встрѣчаются ихъ *кенты* или деревни, состоящія изъ нѣсколькихъ десятковъ и рѣдко сотни домовъ. Таранчи сами себя называють сартами, такъ какъ слово таранча (работникъ) напоминаетъ имъ ненавистное китайское владычество, съ которымъ они, до самаго прихода русскихъ вели жестокую и отчаянную борьбу. Въ самомъ характерѣ Таранчей много общаго съ сартами; въ нихъ замѣтно тоже лицемѣріе и лукавство, но за то они несравненно умнѣе, энергичнѣе, храбрѣе и нравственнѣе въ своей домашней жизни. Женщина здѣсь пользуется большей свободой чѣмъ у Ташкентцевъ и большимъ значеніемъ въ семействѣ. Дѣти получають воспитаніе въ общественныхъ школахъ, большею частью устроенныхъ при мечетяхъ, какъ это водится на всемъ мусульманскомъ востокѣ, такъ что и школа таранчей, ученики которой представлевы на нашемъ рисункѣ, ничѣмъ не отличаются отъ другихъ школъ Средней Азіи: ея внутренность, какъ и вся домашняя обстановка правовѣрнаго, до крайности проста и незатѣйлива. Школу составляетъ большею частью комната съ нѣсколькими дверьми, замѣняющими въ то же время и окна; въ стѣнахъ обыкновенно бывають устроены ниши для храненія обуви, платья и тому подобныхъ вещей. Для освѣщенія же комнаты, въ потолкѣ находится небольшое квадратное отверстіе называемое *табуданъ*, открытое лѣтомъ, а зимой закрытое фонаремъ, состоящимъ изъ деревянныхъ палокъ обклеенныхъ бумагой. Ученики садятся прямо на полъ, устланный плетенками изъ камыша или просто соломой, столы же замѣняются связками брусьевъ. Въ туземной педагогіи длинный прутъ часто служитъ наставнику лучшимъ средствомъ для поддержанія въ ученикахъ достодолжнаго вниманія къ наукѣ. Самое преподаваніе имѣетъ здѣсь свои обычныя формы и правила; такъ отецъ мальчика, приводя его къ учителю и условившись съ послѣднимъ въ платѣ за обученіе сына всей мусульманской премудрости, вручаетъ ему такъ называемый *тарханъ*, т. е. гостинецъ, состоящій изъ изюма и лепешекъ. Этотъ тарханъ дѣлится поровну между всѣми учениками школы и учитель, посадивъ новичка возлѣ себя, даетъ ему первый урокъ, заставляя повторять слѣдующую молитву:

„Боже милосердый, просвѣти сердце раба твоего!
„Рабъ этотъ мусульманинъ,
„Жаждущій читать коранъ.
„Онъ ищетъ Твоего покровительства,
„Ибо много согрѣшилъ".

Заучиваніе такихъ молитвъ на память продолжается нѣсколько дней а потомъ слѣдуетъ обученіе арабской азбукѣ, *абжида*, т. е. сочетаній буквъ, имѣющихъ цифирное значеніе и наконецъ изученіе корана съ первой его главы: кораномъ начинается ученіе, кораномъ же оно и кончается, такъ какъ по убѣжденію правовѣрныхъ въ этой книгѣ находится полнѣйшее разрѣшеніе всевозможныхъ вопросовъ и задачъ, какъ ихъ религіозной, такъ и общественной жизни.

Стихотворенія.

I.

Въ горнихъ селеніяхъ.

Въ селеньяхъ, гдѣ свѣтъ невечерній горитъ
Гдѣ нѣту печалей, гдѣ нѣтъ воздыханій,
Гдѣ вѣчная радость для чистыхъ созданій,
Окрѣпшихъ въ горнилѣ земныхъ испытаній
Такъ много, такъ много покою сулитъ—
Въ селеніяхъ этихъ, въ торжественный часъ,
Забывши томленье съ землею разлуки,
Забывши земныя печали и муки
Душа человѣка свободно неслась.

* * *

И вотъ, вѣковѣчной красою сіяя,
Спѣшитъ къ ней навстрѣчу душа ей родная
Съ горячимъ привѣтомъ, съ любовью святой.
И души смутились, и чудно имъ стало:—
Какъ часто въ земной оболочкѣ, бывало,
Встрѣчались онѣ межъ людскою толпой...
Ихъ рѣчи земныя другъ другу звучали,
Но все же себя въ нихъ онѣ не узнали
И, будто чужія, онѣ разошлись...
А какъ онѣ жадно другъ друга искали;
Какъ счастія много другъ другу бы дали
Во мглѣ, гдѣ печальные дни извились!..
Теперь онѣ были вдали отъ сомнѣній,
Имъ свѣтъ безконечный все краше сіялъ,
И міръ горькой лжи и тоски заблужденій
Далеко, далеко отъ нихъ отстоялъ.
Онѣ на него изъ сіянья взглянули
Какъ онъ передъ ними скрывался и гасъ
И, къ Свѣту зовущій заслышавши гласъ,—
Въ безбрежномъ блаженствѣ навѣкъ потонули...

В. С.

II.

Послѣ бури.

Буря затихла. Рѣка улеглась,
Рябью, что сѣткой покрылася,
Тучка послѣдняя вдаль унеслась,
Зорька вечерняя пышно зажглась—
Въ зеркалѣ водъ отразилася.

* * *

Миръ и покой уже въ сердцѣ царитъ—
Стихнули страсти мятежныя,
Послѣ грозы, безпокойное, спитъ,
Бьется такъ ровно... Ужель имъ забыть
Взоръ твой, черты твои нѣжныя!?

Д. Дмитріевъ.

Касимовская невѣста.

Историческій романъ Вс. СОЛОВЬЕВА.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Продолженіе).

Между тѣмъ царь молодой и не думалъ спать. Лежалъ онъ съ открытыми глазами и блаженная улыбка мелькала на губахъ его.

— Сказать! думалось ему,—да развѣ могу я сказать?!. Не скажу я никому въ мірѣ... И что они пристали ко мнѣ съ Милославской! Зачѣмъ, зачѣмъ мнѣ ее? не надо!.. Красива она, добра, скромна, доброй женой будетъ... они ее знаютъ хорошо и конечно она такая. Но та, развѣ... она не добра... развѣ не можетъ доброй женой быть?.. и развѣ на всемъ свѣтѣ найдется другая краше ея, добрѣе, скромнѣе?!. Боже мой, что это со мною"!?

Онъ закрылъ глаза и снова во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ, предстало передъ нимъ все, что было въ сестриномъ теремѣ:

Вошелъ онъ туда нарочно вмѣстѣ съ музыкантами, чтобы его не узнали. Ему было неловко, стыдно; ему казалось что всѣ глядятъ на него и внутренно посмѣиваются, хотя именно всѣ окружающіе, по наказу Морозова, старались не обращать на него ни малѣйшаго вниманія.

Онъ подошелъ къ низенькой двери ярко освѣщеннаго покоя, взглянулъ—разомъ бросились въ глаза десятки молодыхъ лицъ женскихъ. Лица все знакомыя, но среди нихъ шесть новыхъ, никогда доселѣ еще имъ невиданныхъ.

— Смотри, рядомъ съ царевной Татьяной, въ аломъ атласѣ, то Марья Ильинична Милославская, шепнулъ ему Морозовъ.

Онъ взглянулъ и увидѣлъ красавицу-дѣвушку съ роскошными формами, съ нѣжнымъ, прекраснымъ лицомъ и большими кроткими глазами.

„Хороша, подумалъ онъ,—лучше всѣхъ сестеръ, лучше сестриныхъ боярышень—хороша!“

Но не забилось въ немъ сердце при видѣ этой красавицы. Онъ спѣшилъ глазами дальше... Что это? въ самомъ дальнемъ углу покоя вотъ еще одна незнакомая женская фигура. Ея голова опущена, видѣнъ только уборъ низанный жемчугомъ. Но вдругъ, словно передъ бѣдой какой или радостью нежданной-негаданной забилось сердце Алексѣя Михайловича.

„Да подыми же, подыми голову!“ мысленно повторялъ онъ въ непонятномъ страхѣ и непонятномъ блаженствѣ.

И она подняла голову и встрѣтились глаза ихъ.

Ничего и никого съ этаго мгновенія не видѣлъ онъ. Глядѣлъ—не могъ наглядѣться. И теперь онъ все понялъ.

Вотъ она, вотъ кого такъ долго, во всѣ эти тревожные дни и ночи, съ такой истомой и тоскою ждалъ онъ... вотъ та, что грезилась ему и днемъ и ночью... вотъ кто являлся ему всюду и смущалъ и томилъ его. Она... она мѣшала ему жить какъ жилъ онъ прежде. Безъ нея тосковалъ онъ среди забавъ своихъ любимыхъ. Безъ нея тошно было ему глядѣть на свѣтъ Божій. Она, ея ожиданіе, ея чудный свѣтлый образъ мѣшалъ ему молиться!.. Да, это она, онъ узналъ ее!..

И онъ все глядѣлъ—и все милѣе, все роднѣе она ему становилась. Ему хотѣлось плакать, хотѣлось смѣяться. Еще мигъ—и онъ выбѣжалъ бы изъ среды музыкантовъ прямо къ ней и бросился бы передъ ней на колѣни, и плача и смѣясь цѣловалъ бы ей руки и ноги.

Но онъ удержался, онъ стоялъ неподвижно и только смотрѣлъ на нее. А потомъ, вернувшись въ свою опочивальню, какъ святыню, какъ кладъ завѣтный держалъ при себѣ все это новое, все это волшебное, что на него нахлынуло; онъ не сказалъ, не проговорился ни о чемъ своему пѣстуну. И теперь еще безсознательно повторялъ, стараясь рукою удержать біеніе своего сердца, которое такъ и стучало, такъ и стучало въ сладкой истомѣ, то и дѣло повторялъ: „сказать! никогда, никому не скажу!“

Но вдругъ, среди самыхъ счастливыхъ и волшебныхъ мечтаній, онъ приподнялся съ подушки, на лицѣ его мгновенно выразился ужасъ.

„А если она не полюбитъ меня?! если я не буду никогда милъ ей?!.. Что же тогда—смерть! Но нѣтъ, этого быть не можетъ. Какъ же ей не полюбить меня, когда я такъ люблю ее, когда такъ чудно хороша она!“..

Онъ успокоился снова. Онъ вспомнилъ снова взглядъ ея. Онъ не ошибся, онъ не ошибся—она взглянула на него съ той же любовью, съ той же нѣгой и лаской съ какими и онъ смотрѣлъ на нее. Она его замѣтила, онъ былъ увѣренъ въ этомъ.

Завтра, завтра онъ ее опять увидитъ... а потомъ... Боже!.. нѣтъ, ни за что, никому не отдастъ онъ ее!

XIV.

Бывало весною, послѣ долгихъ дней завернувшаго ненастья, вдругъ разступятся во всѣ стороны гонимыя вѣтромъ тучи, ярко загорится солнце, высушитъ землю и тепло и свѣтъ его ворвутся въ тихую уединенную горенку Фимы. И вдругъ, вмѣстѣ съ этимъ солнцемъ, ворвется въ душу Фимы нежданная радость, восторгъ непонятный. И спѣшитъ она изъ домика на крыльцо, а оттуда въ рощу. Бѣжитъ какъ звѣрекъ рѣзвый, вся сіяя беззавѣтнымъ счастьемъ. Не видитъ она, что далеко ужъ отбѣжала отъ дома; не видитъ что кругомъ нея древесная чаща. И вдругъ остановится она, очнется, глядитъ съ изумленіемъ и трепетомъ.

Давно ли была она здѣсь, съ трудомъ пробираясь, по сухой прошлогодней травѣ и чернымъ слежавшимся листьямъ, между бѣлыми яркими пятнами тающаго снѣга. Далеко тогда было видно кругомъ. Изъ-за черныхъ голыхъ деревьевъ видна была отсюда крыша усадьбы, а съ другой стороны сельскія избы. А теперь вотъ и ничего ужь не видно! заслонили и крышу роднаго дома, и сельскія избы нѣжныя, блѣдныя, зеленыя вѣтки. Подъ ногами ужь не шуршатъ сухіе листья, а сочная трава поднимается и горятъ на солнцѣ бѣлые подснѣжники, желтые „крестики“ такъ и высыпали. Иныя деревья еще безъ листьевъ, но уже налились ихъ темныя вѣтки, ужь прорываются блѣдныя почки. А надъ головой, вверху, хлопотливо перелетая съ мѣста на мѣсто, голосятъ веселыя птицы.

Фима стоитъ какъ очарованная и не смѣетъ шелохнуться, боясь помять бархатистую травку, первый цвѣтокъ нѣжный. Солнце такъ и горитъ, такъ и искрится —и почти что видно, почти слышно, какъ отъ лучей его ростутъ и распускаются почки.

Вотъ съ темнокоричневыхъ назрѣвшихъ вѣтокъ тополей понесло теплымъ смолистымъ запахомъ. Фима всей грудью, жадно впиваетъ въ себя этотъ запахъ и онъ туманитъ ей голову и сердце. Что такое творится съ нею—она не знаетъ, но безконечно ея счастье и жизнь вся кажется такой волшебной, радостной.

И долго, долго стоитъ она въ блаженномъ забытьи, боится только одного—чтобы кто нибудь не помѣшалъ ей, не вывелъ бы ее изъ этой сладкой дремоты...

Бывало, въ концѣ лѣта, когда ужь желтѣетъ и клонится подъ тяжестью крупныхъ зеренъ рожь высокая, а между стеблями ея выглядываютъ тысячи васильковъ, Фима въ знойный полдень, послѣ долгаго рѣчнаго купанья бродитъ по узкой межѣ. Собираетъ она васильки и макъ, устанетъ и ляжетъ, склонивъ къ землѣ и примявъ высокіе колосья. Кругомъ нея тихо, только шуршатъ ржаные усики и со всѣхъ сторонъ стрекочутъ кузнечики. Высоко въ темноголубомъ небѣ плывутъ одно за другимъ облака. Прозрачный душистый зной пышетъ въ лицо и ей чудится, что каждый колосъ, каждая былинка, вся земля подъ нею знойно дышетъ. Мало по малу что-то начинаетъ ее убаюкивать, разбредутся мысли и опять забытье блаженное на нее находитъ, и опять непонятная радость съ тихой будто тоскою, и опять она боится очнуться.

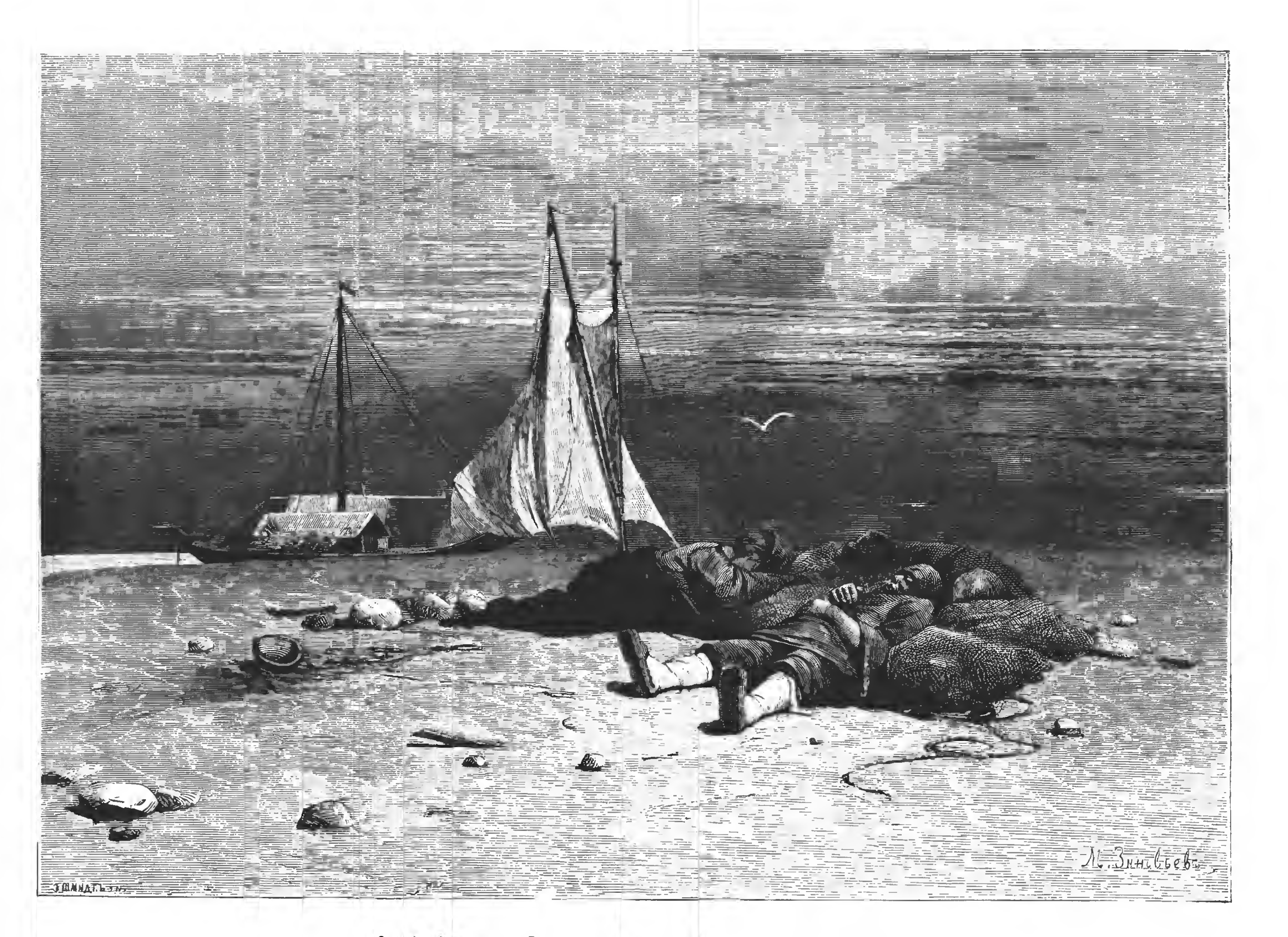
Бывало, темною зимнею ночью, среди сна спокойнаго, вдругъ мелькнетъ какая-то неясная, безформенная греза и принесетъ съ собою это обаяніе весны и лѣта, и шепчетъ что-то мучительно сладкое, несказанное. Проснется Фима вся полна тревоги и блаженства — и нѣтъ ничего, и напрасно зоветъ она снова эту мимолетную, мгновенную грезу—она не возвращается и долго тоскуетъ по ней Фима.

Старая касимовская роща, желтая шумящая нива, ветхій пологъ ея дѣвической постели—все это теперь такъ далеко... Кругомъ невѣдомыя мѣста, незнаемые люди, зима морозная, а ей чудится... весна, дни все ей чудятся ясные, пѣсни.... Весь зной лѣтняго солнца, всѣ грезы, все былое и сладкое вдругъ нежданно вернулось—и принесло съ собою столько блаженства, столько сладкой грусти и трепету, что никакъ не можетъ очнуться Фима.

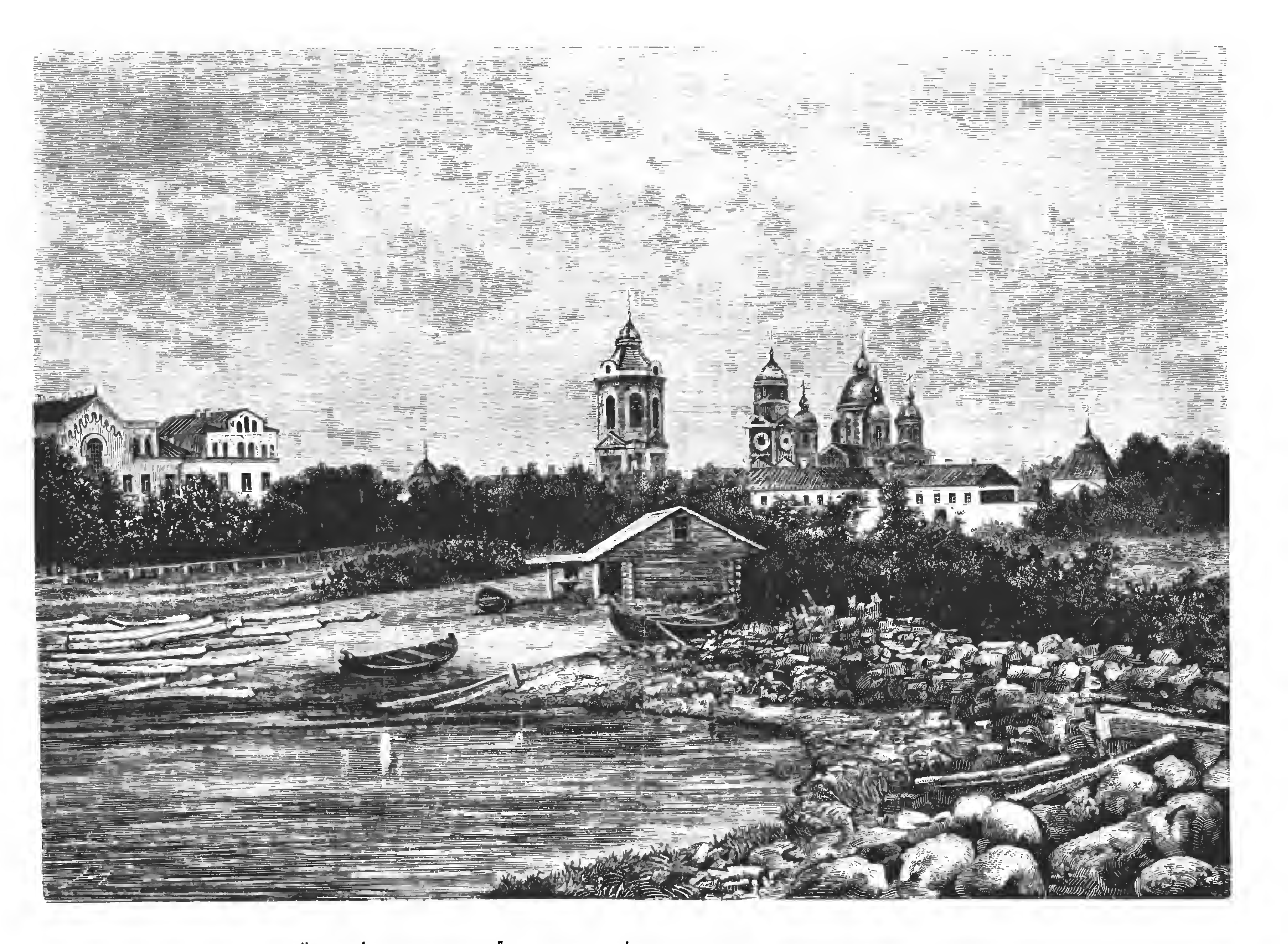
Давно покинула она теремъ царевенъ, домой вернулась—а все то же забытье, все тотъ же туманъ, та же волшебная сказка ее окружаютъ. Безучастно и спокойно встрѣчаетъ она родныхъ, едва слышитъ что вокругъ нея говорится, безсознательно отвѣчаетъ на задаваемые вопросы. А расправиваютъ ее со всѣхъ сторонъ, волнуются....

Тетка Купріянова таинственнымъ и многозначительнымъ шопотомъ объявляетъ, что она не разъ слыхала, какъ въ такихъ же случаяхъ, когда царь выбираетъ невѣсту, онъ невидимкою высматриваетъ привозимыхъ во дворецъ дѣвушекъ. Навѣрно и теперь царь видѣлъ Фиму, хоть и говоритъ она что его не было въ теремѣ.

Настасья Филипповна все крестится и шепчетъ мо-



Спящіе бурлаки на Волгѣ. Ориг. рис. М. Зиновьева, грав. Э. Шмидтъ.



Коневецкій монастырь на Ладожскомъ озерѣ. Ориг. рисун. П. Гнѣдича. грав. М. Рашевскій.

литву. Ей чего то страшно и чуетъ она всѣмъ сердцемъ, что готово совершиться для нихъ великое событіе. Гафъ Родіоновичъ молча ходитъ по горницѣ. Трудно рѣшить что у него въ мысляхъ и въ сердцѣ, только видъ его такой важный, торжественный. Одна Пафнутьевна спокойна и радостна; опять она хитро ухмыляется въ свой старый дрожащій кулакъ и сама себѣ бормочетъ:

— Да чего ужъ тутъ, дѣло видимое—быть Фимочкѣ царицей, давно я про то вѣдаю!..

— Да что же мы ей про Митю то не скажемъ?! вдругъ выходя изъ своего раздумья проговорилъ Гафъ Родіоновичъ. Фима, слышь ты, выпустили вѣдь Митюто; забѣгалъ сюда онъ съ часъ тому будетъ времени—хотѣлъ все тебя дожидаться, да вотъ онѣ его отослали... Оно и точно—время позднее, завтра съ позаранку здѣсь онъ быть обѣщался...

— Митя! проговорила Фима и замолчала.

И всѣ на нее изумленно взглянули—такое равнодушіе слышалось въ ея голосѣ.

Она не думала о Митѣ. Она не понимала даже, что это говорятъ о другѣ ея дѣтства, о ея женихѣ, которому она обѣщалась еще такъ недавно отдать всю жизнь свою. Какъ въ чаду прошла она въ опочивальню, раздѣлась. Странный, внезапный сонъ, какъ послѣ какой нибудь особенной усталости, охватилъ ее. Ея потрясенный необычайными ощущеніями, организмъ требовалъ отдыха.

И она заснула. На время разступились и отошли отъ нея всѣ грезы, все волшебство дивной сказки, что въявь совершалась теперь надъ нею...

XV.

Въ большой изукрашенной палатѣ государевой собралось не мало бояръ сановитыхъ, которые получили приглашеніе присутствовать при долженствовавшемъ совершиться важномъ событіи. Большинство бояръ этихъ были очень не въ духѣ. Ихъ мечты и планы не осуществились. Не удалось имъ побороть Морозова, не выбраны ихъ дочки и сродницы. Шепчутся бояре другъ съ другомъ, зорко озираясь во всѣ стороны, чтобы не быть подслушанными. Бранятъ они всячески Бориса Ивановича и шлютъ ему такія пожеланія, что если бы хоть малая доля изъ нихъ могла сбыться, то пропалъ бы царскій пѣстунъ и совѣтникъ лютою и позорною смертью.

Но пока безвредна злоба боярская для Бориса Ивановича, только на сердцѣ у него все же какъ будто кошки скребутся. Съ позаранку онъ во дворцѣ, не отходитъ отъ государя. И духовника притащилъ съ собою. Твердятъ они оба Алексѣю Михайловичу все ту же сказку про жену добрую, про важность царскаго выбора, про красоту тѣлесную и душевную Марьи Ильичны Милославской.

А царь все отмалчивается; онъ ихъ не слушаетъ, онъ весь погруженъ въ себя, никакъ не можетъ справиться съ своимъ волненіемъ.

Страшный день, страшный часъ пришелъ. Прямо съ постели почти бѣгомъ спѣшитъ онъ въ Крестовую, бросается на колѣни передъ иконостасомъ и жарко молится, со слезами и рыданіями. Давно онъ такъ не молился, всю душу свою дѣтскую выливаетъ онъ въ эту молитву. А о чемъ молится, чего проситъ у Бога, за что благодаритъ его—про то и самъ не знаетъ, только горяча и долга его молитва.

И ободренный ею онъ поднимается съ лицомъ просвѣтленнымъ и яснымъ, вытираетъ свои слезы и спрашиваетъ: всѣ ли съѣхались, тутъ ли невѣсты?..

Невѣсты давно уже въ палатѣ царской, едва на ногахъ держутся отъ страху и ожиданія. Безсонную ночь провели онѣ, тоже молились не мало и теперь стоятъ будто къ смерти приговоренныя, ожидая выхода государя.

Одна только Фима какъ истуканъ какой—ничего не страшится, ничего не боится. Послѣ сна глубокаго очнулась она освѣженная. Мысли ея прояснились, туманъ расплылся и горько, горько она заплакала.

— Боже мой! обливаясь слезами шептала она,—что же мнѣ теперь дѣлать? Видно врагъ лютый, видно самъ дьяволъ обошелъ меня. Царь выбирать насъ будетъ, можетъ меня выберетъ... а я... что же это?.. вѣдь женихъ у меня, Митя, а мнѣ его и не жалко—хоть пропадай онъ... Со мною, во мнѣ на вѣки остались тѣ глаза, что вчера на меня глядѣли. Чьи они? не самъ ли то дьяволъ, принявшій ликъ ангела. Ну что коли и въ заправду царь выберетъ?!. Боже? да не могу я, не могу!.. Я убьюсь, я что ни на есть подѣлаю съ собою...

И въ отчаяніи она ломала руки, рыдала какъ безумная.

Ее обступили со всѣхъ сторонъ: мать, Пафнутьевна, тетка.

— Фима, что ты, родная?! опомнись, голубка, пора вѣдь и одѣваться, скоро во дворецъ ѣхать!..

Но она еще пуще заливалась слезами.

— Не могу, не могу, не стану одѣваться, не поѣду—хоть убейте на мѣстѣ!..

Напрасно старались онѣ ее уговорить, успокоить. Напрасно сами въ отчаяніи твердили ей, что нельзя сегодня такъ плакать, что глаза отъ слезъ покраснѣютъ, лицо опухнетъ... Ничего не помогало.

Больше часу металась и рыдала Фима. Наконецъ совсѣмъ измученную кой-какъ успѣли нарядить ее и со страхомъ и трепетомъ во дворецъ отпустили.

И вотъ она опять съ избранными царскими невѣстами, окруженная боярами, среди роскоши царской. Ея порывъ прошелъ. Снова туманъ прежній наплываетъ на нее; но въ туманѣ этомъ уже нѣтъ прежняго блаженства, только тоска лютая сосетъ ея сердце.

Все пропало, вся жизнь ея кончена, не взглянуть на нее тѣ глаза милые, которые взяли и унесли съ собою ея душу. Она стоитъ безъучастная ко всему и ко всѣмъ. Не глядитъ на подругъ-красавицъ, не замѣчаетъ ихъ волненія, не замѣчаетъ со всѣхъ сторонъ обращенныхъ на нее взоровъ.

А между тѣмъ всѣ собравшіеся въ палатѣ глядятъ на нее и дивятся красотѣ ея неслыханной. Напрасно домашніе боялись что глаза покраснѣютъ и лицо опухнетъ.

Ну что же, вотъ и видно что глаза заплаканы, видно что не ладное что то творится на душѣ у дѣвушки, а все таки, и съ заплаканными глазами, съ помертвѣвшимъ лицомъ она еще прекраснѣе—и нѣтъ силъ отъ нея оторваться.

— Государь идетъ, государь идетъ! проносится вдругъ по палатѣ.

Невѣсты вздрагиваютъ какъ листочки осенніе, а Фима и не слышитъ ничего. Машинально поднимаетъ она глаза по направленію къ дверямъ. И видитъ: выходятъ бояре важные а между ними, въ парчевой золототканной одеждѣ, въ дорогой сверкающей камнями шапкѣ—самъ государь видно. Но лица его разглядѣть она не можетъ, онъ отвернулся. За нимъ вчерашній страшный бояринъ съ черной бородой.

Тоска сильнѣе на душѣ у Фимы и къ тоскѣ этой теперь примѣшивается злоба. Не можетъ она видѣть чернобородаго боярина!

Это онъ, колдунъ проклятый, съ вчерашняго утра такъ заворожилъ ее; онъ ее сглазилъ. Опускаетъ она глаза свои въ землю и никого ужъ не видитъ.

А мысли, одна за другою, вихремъ мчатся въ головѣ ея.

„Да нѣтъ, думаетъ она, не ко мнѣ подойдетъ царь, не меня выберетъ; меня, можетъ, и не замѣтитъ совсѣмъ... Ну а коли подойдетъ ко мнѣ, коли выберетъ?! Брошусь я при всѣхъ ему въ ноги и скажу ему: не

беря меня, царь батюшка, не буду любить тебя. Убью себя коли силой возьмешь меня. Послѣ рѣчей такихъ неужто же не отойдетъ онъ?.. а тамъ, послѣ, пусть будетъ что будетъ—за одно вѣдь ужь пропадать-то....“

Алексѣй Михайловичъ остановился посреди палаты, отвѣтилъ на всеобщій поклонъ.

— Вотъ она, вотъ Марья Ильинична, шепнулъ ему на ухо Морозовъ, подавая на серебряномъ блюдѣ кольцо и ширинку.

Молодой царь дрожащей рукой взялъ кольцо, взялъ ширинку и нѣсколько мгновеній стоялъ не трогаясь съ мѣста. Вдругъ онъ поднялъ глаза, щеки его вспыхнули стыдливымъ румянцемъ и онъ быстро сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по направленію къ дѣвушкамъ-невѣстамъ.

У Морозова такъ забилось сердце, что онъ даже рукой за бокъ схватился. Какъ коршунъ слѣдилъ онъ за каждымъ движеніемъ своего воспитанника....

Что же это? что же царь даже не глядитъ на Милославскую, не глядитъ и на сестру ея—онъ глядитъ не отрываясь на другую...

Поблѣднѣлъ, похолодѣлъ весь Морозовъ, — сразу все понялъ онъ. Закипѣло злобой и болью его сердце.

„Увести его! увести нельзя... но вѣдь нельзя же допускать... вѣдь это погибель!“ мелькнуло въ головѣ его.

Всесильный бояринъ опустилъ руки и стоялъ нѣмой и пораженный.

А царь между тѣмъ остановился передъ Фимой. Она была все также неподвижна, все также глядѣла въ землю. Прошло нѣсколько мгновеній. Царь хотѣлъ говорить—и не могъ, только смотрѣлъ на красавицу, только любовался ею. Наконецъ онъ пересилилъ свое волненіе. Его губы шевельнулись и, подавая Фимѣ кольцо и ширинку, онъ шепнулъ ей:

— Тебя я выбираю, будь моею женою, будь царицей!...

Притихнувшая палата мгновенно будто вздрогнула: всѣ задвигались.

Фима отшатнулась, взглянула на царя, узнала его... Все лицо ея мгновенно преобразилось. Съ выраженіемъ безконечнаго счастья кинулась она было впередъ, но у нея подкашивались ноги и, еслибы царь не поддержалъ ее, она навѣрно бы упала. Царь взялъ ее за руку. Всѣ находившіеся въ палатѣ бросились поздравлять ихъ. Но оба они ничего не видѣли, ничего не слышали. Они чувствовали только милое прикосновеніе и пораженные своимъ нежданнымъ, великимъ счастіемъ глядѣли другъ на друга.

Нетвердою поступью подошелъ Морозовъ къ жениху и невѣстѣ, поклонился имъ низкимъ поклономъ, поздравилъ съ радостью.

Вздрогнула Фима и чуть не вскрикнула, когда взглянула на блѣдное помертвѣвшее лицо его. Страшнымъ, страшнымъ казался ей этотъ колдунъ чернобородый.

И дѣйствительно онъ былъ страшенъ. Онъ чувствовалъ на себѣ глаза враговъ и завистниковъ, чувствовалъ все ихъ злорадство. Ненависть и злоба душили его.

„Такъ не бывать же этому! вдругъ мысленно рѣшилъ онъ,—не бывать этому.... Невѣста царская не будетъ царицей!..“

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Зимняя вьюга стучалась и жалобно выла въ маленькія окна, изнутри плотно прикрытыя шелковыми стеганными подушками. Въ углу небольшаго покоя, у богатаго кіота, теплилась лампада. Посреди стоялъ тяжелый дубовый рѣзной столъ; за столомъ, почти у самой стѣны, обитой алымъ сукномъ и увѣшанной всякимъ оружіемъ, виднѣлась широкая лавка, покрытая пушистымъ персидскимъ ковромъ. На столѣ горѣла толстая восковая свѣча въ серебрянномъ шандалѣ, тонкой нѣмецкой работы. Тутъ же, рядомъ со свѣчею, стоялъ вычурный жбанъ съ романеей и золоченая стопка. На лавкѣ, примявъ парчевыя подушки, полулежалъ Борисъ Ивановичъ Морозовъ. Слабый двойной свѣтъ свѣчи и лампады озаряли его блѣдное лицо, еще болѣе выдѣляя его мрачную красоту, которая произвела такое страшное впечатлѣніе на Фиму. Густыя брови сдвинуты, на высокомъ лбу двѣ, три рѣдкія морщины, глаза закрыты. Но не спитъ бояринъ. Онъ время отъ времени медленно протягиваетъ руку къ столу, наливаетъ стопку вина и залпомъ ее выпиваетъ.

Все тихо въ новомъ богатомъ домѣ вдовца боярина,—только и слышатся заунывные взвизги вьюги.

„Хоть бы забыться!“ думается Морозову.

Но даже и крѣпкая заморская романея въ этотъ долгій, мучительный вечеръ не приноситъ обычнаго забвенія. Темно и страшно на душѣ у боярина. Хмурый вернулся онъ изъ дворца къ себѣ, строго на строго приказалъ холопямъ никого не впускать и весь вечеръ думаетъ свои мучительныя, черныя думы. Одурачили его, въ конецъ одурачили! И такъ все это вышло нежданно негаданно, словно бѣсъ подшутилъ—совсѣмъ глаза отвелъ ему. Касимовская, бѣдная дворяночка посмѣялась надъ нимъ, всѣ его завѣтные планы разрушила, всю его силу въ ничто обратила.... Она царемъ выбрана, завтра царевной ее объявятъ; новые люди войдутъ въ силу, а съ ними вмѣстѣ и ихъ благодѣтель, Пушкинъ... „Предатель Пушкинъ!“ почти вслухъ произнесъ бояринъ и еще крѣпче сдвинулись его брови, и еще сумрачнѣе стало лицо его. „Предатель, змѣя подколодная! И гдѣ это были глаза мои? кто отнялъ у меня разумъ! зачѣмъ я допустилъ его къ государю, вѣдь видно было... а я, я на одного себя понадѣялся, стыдно было испугаться этого червя негоднаго, а раздавить его во время не пришло въ голову... И вотъ теперь онъ ужь и не червь—съ нимъ ладятъ всѣ Стрѣшневы.... поднялись враги старые!..“ Совсѣмъ было извелъ всѣхъ враговъ этихъ Борисъ Ивановичъ, а вотъ, въ концѣ концовъ, они все же его и подсидѣли! Что теперь дѣлать? За что уцѣпиться? И вѣдь не на кого плакаться, не на кого вину свалить—самъ во всемъ виноватъ, самъ себѣ вырылъ яму, погибель приготовилъ.... Дѣло то видимо—все это конечно они заранѣе подстроили у него подъ носомъ, а онъ и не домекнулся... Царь весь день какъ въ туманѣ, совсѣмъ заворожила его красота невѣсты—дѣло сдѣлано...

— Да нѣтъ же, нѣтъ! уже совсѣмъ громко крикнулъ Морозовъ, вскакивая съ лавки и снова опоражнивая стопку;—невѣста не жена еще, царевна не царица! Вѣдь не сейчасъ же свадьба, времени то остается довольно, а нужный и надежный человѣкъ найдется...

И словно какъ въ сказкѣ, словно по щучьему велѣнію, нужный и надежный человѣкъ уже былъ тутъ. Этотъ человѣкъ не первый день подъ разными личинами бродилъ вокругъ Кремля, сходился съ дворцовою челядью, высматривалъ да выслушивалъ и доподлинно узналъ все, что ему знать хотѣлось... Тихій, робкій стукъ раздался у запертой двери.

— Кто тутъ? крикнулъ Морозовъ. Вѣдь я сказалъ не впускать никого—чего тамъ еще?..

Стукъ повторился. Бояринъ, весь дрожа отъ гнѣва, отперъ дверь и увидѣлъ своего стараго ключника.

— Чего тебѣ? Чего лѣзешь? Шутить что ли со мною задумалъ, собака!

Онъ уже былъ готовъ ударить вѣрнаго и испытаннаго раба своего и рабъ уже спокойно ждалъ удара.

— Бей, бояринъ, проговорилъ ключникъ,—только, воля твоя, я тутъ ничего не могъ подѣлать!.. Вотъ какой

то человѣкъ невѣдомый лѣзетъ, не даетъ покоя, говоритъ, что ты самъ приказалъ придти ему и его дожидаешься... Коли лжетъ онъ — мы его въ минуту скрутимъ... видно онъ о двухъ головахъ...

Морозовъ остановился.

— Это еще что такое?! Никому ничего я не приказывалъ. Какой еще человѣкъ? — веди его — что за притча?!.

Черезъ минуту на порогѣ слабо освѣщенной комнаты, показалась рослая, плотная фигура. Морозовъ взглянулъ — человѣкъ ему невѣдомый, только все же что то какъ будто знакомое есть въ этомъ толстомъ, красномъ лицѣ. Какое то далекое и неясное воспоминаніе промелькнуло передъ бояриномъ.

— Кто ты? чего тебѣ отъ меня надо? спросилъ онъ.

Неизвѣстный человѣкъ быстро затворилъ за собою двери и упалъ Морозову въ ноги.

— Не гнѣвись, великій бояринъ, выслушай... Кто я тебѣ и знать нечего, не во мнѣ дѣло. А коли вспомнишь давнишнее времячко, годы свои молодые, Настю изъ слободы стрѣлецкой, — такъ и меня вспомнишь....

Бояринъ отступилъ, пристально вглядѣлся въ человѣка, все еще стоящаго передъ нимъ на колѣняхъ.

— Яшка? такъ это ты?! проговорилъ онъ и что-то дрогнуло въ его голосѣ.

Онъ дѣйствительно вспомнилъ свои молодые годы, вспомнилъ Настю изъ слободы стрѣлецкой, Настю красавицу и скромницу, сиротку, жившую у однаго стрѣльца пятидесятника. Вспомнилъ онъ, какъ за нѣсколько рублевиковъ да за шубу съ плеча боярскаго выкралъ ему эту Настасью холопъ Яшка, и какъ онъ же потомъ ее и спровадилъ невѣдомо куда, когда молодому боярину прискучила красота ея, ея неосушимыя слезы. Опять мрачно насупились густыя брови боярина — неприятное то было воспоминаніе.

— Чего же тебѣ нужно, холопъ? сказалъ онъ. — Служилъ ты мнѣ, я платилъ тебѣ за твою службу — ну и все тутъ. А ты теперь, послѣ столькихъ то лѣтъ лѣзешь ко мнѣ, ложью слугъ моихъ одурачиваешь. Вонъ! не то, гляди, шкурой поплатишься за свою дерзость неслыханную! Я до озорства не охотникъ...

Но холопъ Яшка не смутился отъ грозныхъ рѣчей боярина. Онъ продолжалъ стоять неподвижно на колѣняхъ.

— Новую службу могу сослужить тебѣ, бояринъ, твердымъ и рѣшительнымъ голосомъ проговорилъ онъ, — и не малая та видно служба, коли я всякой неправдой дошелъ до тебя — выслушай только...

Морозовъ на мгновеніе остановился. Холопъ поднялся на ноги и, прямо глядя въ глаза всесильному боярину, выговорилъ:

— Нонѣ государь Алексѣй Михайловичъ выбралъ себѣ въ невѣсты дѣвицу Ефимью Всеволодскую. Она изъ Касимова — и я изъ Касимова. Давно знаю отца ея, онъ врагъ мнѣ лютый... и даже теперь вотъ, по его наговорамъ, великій государь приказалъ отыскать меня. Казни я жду себѣ — такъ вели же схватить меня, бояринъ, бить батоги нещадно и казнить лютою смертью.

Но Морозовъ стоялъ неподвижно, онъ сразу все сообразилъ. Нужный человѣкъ, о которомъ онъ думалъ нѣсколько минутъ тому назадъ, — нашелся. Сама судьба посылаетъ ему этаго помощника, этаго врага старика Всеволодскаго, этаго холопа Яшку, смѣлость котораго ему давно и хорошо извѣстна. Яшка хитеръ, ловокъ, не остановится ни передъ какимъ преступленіемъ... Яшку розыскиваютъ по приказу государя — а онъ вотъ самъ пришелъ къ нему, ближнему государеву боярину. Именно такаго-то человѣка ему теперь и надобно. Только ему и можно поручить великое и тайное дѣло. Яшка отвѣчаетъ своей головою... для себя будетъ работать...

И всѣ эти мысли ясно прочелъ Яковъ Осина въ черныхъ глазахъ боярина.

— Говори дальше — я слушаю, шепнулъ Морозовъ, присаживаясь на лавку.

— А и весь сказъ мой таковъ будетъ, почтительно тихимъ и совершенно уже самоувѣреннымъ голосомъ началъ Осина. — Не добро великому государю сочетаться бракомъ съ сею дщерью Рафа Всеволодскаго, ибо одинъ обманъ тутъ и погибель царская. Дѣвица сія съ издѣтства испорчена.

— Какъ испорчена? вскрикнулъ Морозовъ, не ужъ то это правда?

Осина усмѣхнулся и покачалъ головою.

— Эхъ, бояринъ, вѣстимо испорчена, да вишь ты, про порчу-то ту я одинъ только знаю и коли ты прикроешь меня отъ враговъ моихъ, мы съ тобою надумаемъ какъ это дѣло устроить...

Морозовъ подошелъ къ двери, заперъ ее на ключъ, самъ налилъ и подалъ стопку съ романеей Якову Осинѣ, а потомъ велѣлъ сѣсть ему на лавку.

И началась у нихъ оживленная бесѣда, и длилась та бесѣда до глухой полночи. А разстались они, хорошо сговорившись другъ съ другомъ... Просвѣтлѣло мрачное лицо боярина, да и приказчикъ Осина, выбравшись изъ его дома, имѣлъ видъ человѣка, держащаго въ рукахъ вѣрную и богатую добычу.

(Продолженіе будетъ).

Къ преміямъ „Нивы“ на 1879 годъ.

I.

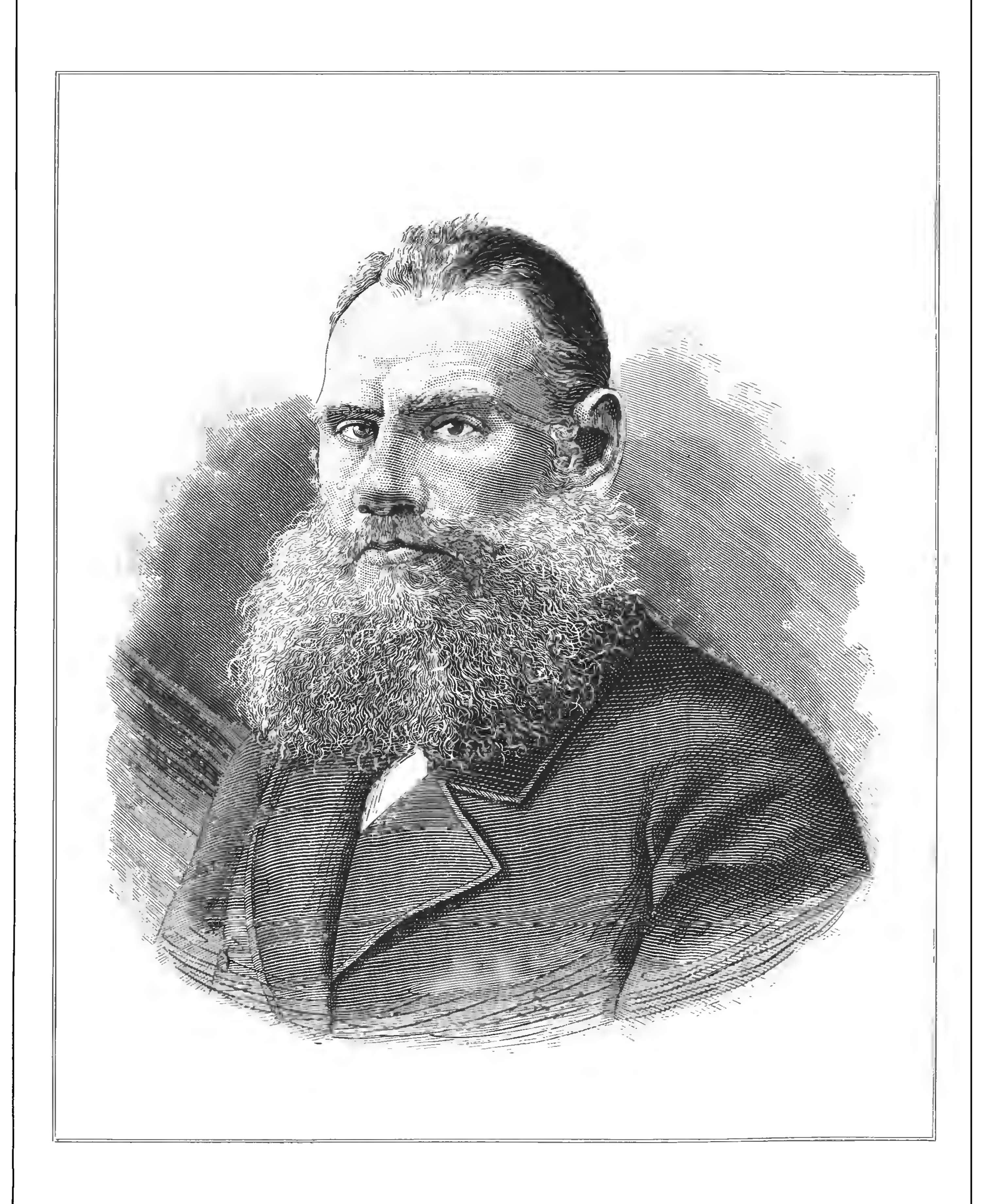
Воскресный вечеръ въ Малороссійской деревнѣ.

Прелестная акварель нашего блестящаго художника К. Е. Маковскаго переноситъ насъ подъ южное темно-голубое небо Украйны. Жаркое вечернее солнце заливаетъ картину. Тѣни становятся длиннѣе. Тихо стоятъ зеленые сады въ вечернемъ неподвижномъ воздухѣ. Стройный тополь подымаетъ свою вершину, подсолнухи выглядываютъ изъ-за плетня садика, гдѣ уже синѣетъ мгла вечера. Четыре прехорошенькихъ дѣвушки собрались въ кружокъ поплясать. Вглядитесь въ каждое лицо — каждое имѣетъ свой характеръ, свое выраженіе. Эти прелестныя дѣти, которыхъ такъ любитъ и мастерски изображаетъ нашъ художникъ, съ любопытствомъ присматриваются къ танцамъ. Старикъ и мальчикъ усердно наигрываютъ на скрипицахъ и должно быть темпъ идетъ все быстрѣе и быстрѣе, потому что мальчикъ уже бойко щиплетъ струны а сидящій рядомъ съ старикомъ парень бьетъ въ бубенъ съ самымъ залихватскимъ пріемомъ, сидя въ молодецкой, свободной позѣ. Разнообразіе лицъ, умѣнье схватить особое выраженіе каждаго въ такомъ маленькомъ размѣрѣ, поистинѣ достойны замѣчанія. Такъ и кажется что слышишь стройный напѣвъ бойкой пѣсни:

И шумить и гуде
Дробенъ дождикъ иде!
А ктожъ мене молодую
Да до дому проведе?...

И возстаетъ въ воображеніи наша благословенная Украйна съ ея задумчивыми, мелодическими пѣснями, черноглазыми смуглыми паробками, съ ея чудными, лунными, звѣздными ночами, тополями и безпредѣльными степями. Возстаетъ это царство степи, чумачества, той оригинальной, могучей поэзіи, которую такъ понималъ и такъ удивительно изображалъ нашъ великій Гоголь. И при этомъ имени потянутся въ воображеніи вереницы всѣмъ намъ съ дѣтства знакомыхъ и любимыхъ образовъ. Вотъ идетъ бурсакъ Халява, покуривая трубочку, вотъ ѣдутъ изъ Сѣчи на боевыхъ степныхъ коняхъ своихъ Тарасъ Бульба съ молодцами сыновьями, вотъ ночью выплываютъ въ затишьи темнаго пруда среди бѣлаго тумана утопленницы и бѣдная панночка ищетъ и не находитъ вѣдьмы мачихи, вотъ кузнецъ Вакула толкуетъ съ красавицей Ганной...

Если направиться въ Малороссію такъ называемой южной дорогой, т. е. Курско-Харьковской линіей, сразу чувствуешь переходъ отъ Великороссіи къ Украйнѣ: онъ скажется во всемъ — и въ типѣ жителей, и въ типѣ построекъ, и въ пирамидальныхъ тополяхъ, и въ аистахъ, и въ волахъ, и въ раздольѣ безконечныхъ степей. Вашъ взглядъ пріятно ласкается живописно разбросанными по холмамъ хуторками, затонувшими въ тѣни черемухъ и черешенъ. Низенькія, начисто выбѣленныя стѣны мазанокъ съ маленькими, несимметрично прорѣзанными окнами,



Графъ Левъ Николаевичъ Толстой. Авторъ романовъ: „Война и миръ“ и „Анна Каренина“.

Съ фотогр. грав. К. Вейерманъ.

придавленными огромными крытыми соломой и очеретомъ крышами. Мальвы, тюльпаны, подсолнечники обступаютъ ихъ со всѣхъ сторонъ. Сѣдые какъ лунь старики, щурясь, на прилекѣ сидятъ у своихъ шалашиковъ на пасѣкахъ. Высокореберныя скрипучія телѣги ползутъ по дорогамъ; бѣлые волы лѣниво качаютъ головами; ихъ хозяева, еще болѣе лѣнивые, недвижно лежатъ на возахъ или бредутъ тихонько рядомъ съ неизмѣнной люлькой въ зубахъ. Вдалекѣ, на холмахъ, вѣтряки едва пошевеливаютъ своими крыльями. Порою мелькнетъ въ зелени молодое, смуглое личико, подернутое золотымъ загаромъ; блеснетъ на головкѣ вѣнокъ, бѣлая рубаха сверкнетъ на солнцѣ,—на жгучемъ, горячемъ солнцѣ, такомъ жгучемъ, что сѣверному жителю, оно уже становится и слишкомъ замѣтнымъ.

Прислушайтесь къ пѣснямъ. Теперь рѣже вы встрѣтите записнаго бандуриста, но все же кое гдѣ найдете ходячихъ Гомеровъ, воспѣвающихъ историческія судьбы Украйны. Въ пѣсняхъ вы найдете цѣлую эпопею былаго, массу данныхъ для опредѣленія гражданскихъ и семейныхъ отношеній. Это, какъ выразился Гоголь, говорящая, звучащая о прошломъ лѣтопись, предъ которой ничто всѣ краснорѣчивые каменные рельефы съ исторической надписью. Много грусти, горя слышится въ нихъ, горя семейнаго, вызваннаго порубежными безурядицами.

Недавно бывшій въ Малороссіи К. Е. Маковскій вывезъ оттуда много интереснѣйшихъ и разнообразнѣйшихъ этюдовъ и матерьяловъ для будущихъ картинъ, съ которыми понемногу начинаетъ знакомить публику. И заранѣе можно представить себѣ, какія прелестныя сцены изъ жизни этаго поэтическаго края мы увидимъ и какія ожидаютъ насъ произведенія, прелестный образчикъ которыхъ намъ посчастливилось предложить нашимъ читателямъ.

II.

Козьма Захарьичъ召Мининъ-Сухорукъ.

Къ концу 1611 года воровская „разруха“ достигла своего апогея. Московское государство, сплоченное въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ трудами цѣлаго поколѣнія государей, внезапно разсыпалось на множество мелкихъ округовъ, съ утратой всякаго чиноначалія и порядка. Народъ утратилъ сразу всѣ свои идеалы: и гражданскіе, и нравственные, и религіозные. Спасая отъ конечной гибели свои животы, женъ и дѣтишекъ, онъ забирался въ глушь лѣсныхъ трущобъ, въ такую дичь, гдѣ прежде развѣ одинъ медвѣдь продирался черезъ непролазные кусты,—и тамъ пугливо притаившись, люди кощунствовали надъ тѣмъ, во что прежде вѣровали, кому молились. Вѣшали отупѣвшіе отъ холоду, голоду и несчастій люди на деревьяхъ образа внизъ головою и ругались надъ ними: „мы вамъ молились, а вы насъ не спасаете“. Весь тотъ край, что былъ извѣстенъ подъ именемъ Царства Московскаго, — вплоть до окраинскихъ границъ на югѣ, литовскихъ на западѣ, захватывая Ладожское озеро на сѣверѣ, — кипѣлъ междоусобицей, страшной, безпощадной. И только одинъ небольшой уголъ русской земли оставался спокойнымъ и чистымъ: это Нижегородская область,—небольшой поволжскій округъ, издавна славный торговлей, прямая дорога изъ Москвы въ Казань и безконечную Сибирь, только за нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ завоеванаую казацкой вольницей. Оттуда, изъ этого „чистаго“ края, только и можно было ждать сильнаго протеста незваному *лихолѣтью*,—туда преимущественно и направлялись грамоты Троице-Сергіевской Лавры съ увѣщаніемъ подняться за Русь и православную вѣру, идти на еретиковъ, поправшихъ все, что дорого было народу. Вдобавокъ по рукамъ, въ московскомъ ополченіи, ходилъ свитокъ, унавшій, согласно молвѣ, съ неба; въ немъ разсказывалось слѣдующее: — Въ Нижнемъ Новгородѣ, нѣкоему Григорію, было въ ночи видѣніе. Видитъ онъ, что снялся верхъ избы, и въ чудномъ сіяніи предстали передъ нимъ два мужа; одинъ сѣлъ у груди его, другой сталъ въ головахъ и промолвилъ своему спутнику: „Господи, что сидишь и не повѣдаешь ему“. Тогда сидѣвшій сказалъ: „Если вся Русь, и старцы, и юноши, и младенцы станутъ поститься, и соблюдутъ трехдневный постъ, — очистится земля отъ поруганія. Если жъ не покаются и поститься не будутъ, — погибнутъ всѣ и царство разсорится. Пусть поставятъ новый храмъ Троицы на рву и хартію на престолъ положатъ: въ той хартіи будетъ написано имя того, кому надлежитъ быть царемъ надъ Русью“. — Свитокъ этотъ еще болѣе упрочилъ надежду, что ужь если ждать откуда спасенія, — такъ изъ Нижняго, а не изъ другаго мѣста.

Въ октябрѣ 1611 года на воеводскомъ дворѣ собрались нижегородскія власти. Наканунѣ пришла отъ Троицкой Лавры грамота, писанная быть можетъ нѣсколько витіевато и кудревато, но во всякомъ случаѣ задушевно,—въ иныхъ мѣстахъ искренно звучали наболѣвшіе вопли души. Прочли грамоту. Подѣйствовала она на всѣхъ: и на воеводъ, и на приказныхъ, и на выборныхъ и на духовенство. Но пуще всѣхъ воодушевленъ былъ одинъ изъ старостъ: Кузьма Захарьичъ Мининъ-Сухорукъ.

— Спимъ мы здѣсь,—сказалъ онъ,—спимъ какъ ребята малые, а такое ли теперь время? Надо сбирать войско да казну. Прикажите завтра прочесть народу въ соборѣ троицкую грамоту, а тамъ кликнемъ кличъ послѣ обѣдни,—можетъ и наберемъ что.

Нѣкоторые вспомнили предъидущіе неудачные походы противъ голытьбы: рязанцевъ, муромцевъ, галичанъ, суздальцевъ, тѣхъ же нижегородцевъ. Мининъ все стоялъ на своемъ.

— Было мнѣ видѣніе, — сказалъ онъ: явился преподобный Сергій и велѣлъ будить спящихъ. Святое дѣло я поднимаю: не отъ себя, а отъ Бога.

— Врешь ты все, никакого видѣнія тебѣ не было, — возразилъ ему стряпчій Биркинъ, большой недоброхотъ его, — только народъ смущаешь...

— Не тебѣ бы это говорить,—крикнулъ Мининъ,—кто, какъ не ты, тушинскому вору служилъ, и здѣсь, въ Нижнемъ, черный людъ смущаешь. Да коли ужъ на то пошло, я такое слово про тебя скажу, такъ выявлю передъ православными, что языкъ-отъ прикусишь...

Мининъ настоялъ, чтобы кличъ дозволили сдѣлать.

* * *

Рано утромъ на слѣдующій день, на соборной звонницѣ св. Спаса зазвонили въ большой праздничный колоколъ. Городъ всполошился на необычайный звонъ, — и всѣ густыми толпами повалили къ собору.

— Поляковъ побили! говорили въ толпѣ, благодарственное молебствіе служатъ.

Впрочемъ такихъ легковѣрныхъ нашлось немного: большинство было увѣрено, что добра чаять нечего и не откуда. Соборъ не вмѣстилъ всѣхъ: толпы остались на площади. Литургія прошла своимъ чередомъ. Подъ конецъ обѣдни вышелъ къ аналою протопопъ Савва съ хартіей, перекрестился и началъ.

— Православные христіане, братія! Горе намъ!.. Пришли дни конечной гибели нашей: гибнетъ государство Московское, гибнетъ православная вѣра. Горе намъ, горе великое, лютое! Поляковъ и литовцевъ совѣтъ нечестивый умыслилъ царство наше раззорить, а истинную нашу вѣру Христову обратить въ многопрелестную латинскую ересь. Кто не заплачетъ,— кто удержится отъ слезъ. По грѣхамъ нашимъ, вознесъ надъ нами Господь супостата. Горе женамъ нашимъ и дѣтямъ! Еретики до тла богохранимую Москву раззоривши—чадъ ея предали мечу... А намъ что творить? Не утвердиться ли въ единеніи, не постоять ли сообща за непорочную, чистую вѣру Христову, за соборы кремлевскіе, за многоцѣлебныя мощи московскихъ чудотворцевъ!.. Се грамота отъ властей Сергіева монастыря живоначальныя Троицы: призываетъ она насъ на святое дѣло освобожденія...

Савва развернулъ свитокъ и началъ читать:

„Не разъ писали мы вамъ о раззореніи и гибели нашей. Не забудьте, что родились вы въ православной вѣрѣ, крещены святымъ крещеніемъ. Вы сами видите конечную гибель нашу. Всюду, гдѣ городами литовскіе люди завладѣли, какое раззореніе! Гдѣ святыя церкви? Гдѣ образа Божіи? Гдѣ иноки, многолѣтними сѣдинами цвѣтущіе, инокини, добродѣтелью украшенныя? Не все-ли до конца раззорено и поругано? Гдѣ безчисленное населеніе селъ и городовъ? Не всѣ-ли погибли лютыми, горькими смертями, пострадали немилосердно, разведены въ плѣнъ? Не пощадили престарѣлыхъ возрастомъ, не сжалились надъ грудными, незлобивыми младенцами. Всѣ испили чашу ярости и гнѣва Божія? Вспомните, смилуйтесь надъ нами, надъ погибелью смертною, чтобы и васъ самихъ лютая смерть не постигла. Положите же подвигъ страданія вашего за братій вашихъ: молите ратныхъ людей быть въ единеніи, поспѣшать къ Москвѣ безъ всякаго мѣшканья. Сами знаете: всякому дѣлу свое время, а безвременное начинаніе суетно и бездѣльно; коли будетъ у васъ недовольство какое, отложите Бога ради то на время: всѣмъ бы вамъ быть во едино, во едино пострадать и положить подвигъ за избавленіе вѣры. Дайте казны и людей, чтобы боярамъ и людямъ служилымъ никакой порухи или глада не учинилось. И молимъ мы васъ о томъ слезно и ото всего народа челомъ бьемъ“...

Слезы, даже рыданія, были отвѣтомъ народа на это воззваніе. „Всему пришелъ конецъ, — раздавались голоса, — гибнетъ государство московское, гибнетъ царствующій градъ!“.

Вышелъ народъ изъ собора, — и еще болѣе столпилось его на площади. Кто-то шепнулъ въ толпѣ, что Кузьма Захарьичъ, съ дозволенія воеводы, что-то говорить будетъ. Всѣ притихли. Кузьма вышелъ изъ собора, перекрестился на кремль, окинулъ привычнымъ взглядомъ столпившееся море головъ, — не впервой было ему говорить передъ народомъ: онъ выросъ на сходкахъ, съ юныхъ лѣтъ служа земству, далъ говору стихнуть, и началъ говорить. Сперва нарисовалъ онъ вкратцѣ картину ужасовъ лихолѣтья; напомнилъ необходимость стоять за вѣру Христову, потомъ перешелъ собственно къ нижегородцамъ и напомнилъ имъ ихъ долгъ.

— Пожалѣемъ ли мы, братія, животы наши для спасенія святой Руси? проносилси по площади его громовой голосъ. — А коли животовъ не пожалѣемъ, — неужто казны пожалѣемъ для людей ратныхъ? Дворы, дома продадимъ,—женъ, дѣтей заложимъ, пойдемъ бить челомъ, чтобъ кто нибудь вступился за вѣру, былъ начальникомъ у насъ... Неужто воеводы не сыщемъ?..

Ревъ толпы былъ ему одобрительнымъ отвѣтомъ. — „Пожарскаго воеводой!“ слышались громче другихъ голоса.

— Дѣло великое! продолжалъ Мининъ. И коли совершимъ его, по милости Божіей, — какая хвала будетъ намъ отъ всей земли: отъ такаго малаго города изойдетъ такое великое дѣло! Мы поднимемся,—и другіе города пристанутъ,—одни не будемъ...

И опять слезы въ толпѣ, также какъ и въ соборѣ.

— Чего жалѣть на дѣло земское, — вотъ вся моя казна, воодушевлялъ народъ Мининъ, кидая на лобное мѣсто мѣшки съ серебромъ. Сносите сюда деньги, утварь, ризы, украшенья, все что подороже, валите въ кучу...

И полились безконечною волною драгоцѣнныя вещи на лобное: жемчугъ, атласы, парча, соболи, золото, серебро,—изъ кучекъ разростаясь въ цѣлыя горы...

* * *

Кузьма Захарьичъ былъ *говядарь*, торговецъ скотомъ, даже быть можетъ и мясникъ, пользовался въ Нижнемъ всеобщей извѣстностью, славился какъ человѣкъ неподкупной честности, всегда готовый послужить міру, человѣкъ, для котораго не существовало ни личнаго *я*, ни тѣмъ болѣе другихъ личностей, который признавалъ одно только дѣло. Ничего нѣтъ мудренаго, что послѣ воззванія на площади, авторитетъ его еще болѣе поднялся. На частыхъ сходкахъ нижегородцы говорили ему: „будь ты старшой надъ нами, отдаемся во всемъ на твою волю“.—Мининъ предложилъ имъ отправиться въ вотчину князя Пожарскаго, въ Линдеху,—въ ста двадцати верстахъ отъ Нижняго, — бить ему челомъ, просить въ воеводы ополченія. Кузьма зналъ, что народъ князя любитъ, что князь всегда вѣрой и правдой служилъ землѣ, не перебѣгалъ изъ Тушина къ Шуйскому, а отъ Шуйскаго къ полякамъ,—да милостей у всѣхъ ихъ сразу не выпрашивалъ. Зналъ онъ, что князь лежитъ еле оправившійся отъ ранъ, полученныхъ имъ въ недавнемъ, неудачномъ походѣ противъ поляковъ, а главное зналъ Кузьма, что его-то князь знаетъ, и что если имъ двоимъ попадетъ въ руки кормило похода — дѣло на половину слажено.

Въ Линдеху отправилось торжественное посольство съ печорскимъ архимандритомъ Ѳеодосіемъ во главѣ. Мининъ остался въ городѣ. Князь Димитрій Михайловичъ посланныхъ принялъ ласково; подошелъ къ архимандриту подъ благословеніе, спросилъ — какую требу до него имѣютъ.— Посадскіе изложили ему съ обычнымъ витійствомъ и цитатами изъ священнаго писанія свое челобитье. Князь прослезился и сказалъ: „Передайте пославшимъ васъ, что за православную вѣру я готовъ пострадать до смерти. Только изберите изъ посадскихъ людей такого человѣка, чтобы могъ быть со мною у великаго дѣла, вѣдалъ бы казну да жалованье ратнымъ людямъ“. Посланцы было замялись, не зная, кого бы имъ выбрать,—но князь прямо предложилъ имъ: „Есть у васъ Кузьма Захарьичъ Сухорукъ, онъ человѣкъ бывалый, ему такое дѣло за обычай. Онъ согласится, тогда и за мной дѣло не станетъ“.

Нижегородцы двинулись къ Минину—просить послужить землѣ русской. Но слишкомъ былъ остороженъ Кузьма, слишкомъ много было у него недруговъ тайныхъ и явныхъ, чтобы можно было согласиться принять званіе выборнаго безъ гарантіи. Онъ отказался на отрѣзъ, зная, что къ нему придутъ еще не разъ и не два, что кромѣ его служить некому. Ему нужно было полную неограниченную власть и надъ людьми и надъ ихъ имуществами. Онъ объявилъ, что только тогда приметъ должность, когда выборные подпишутъ приговоръ, который онъ имъ постановитъ. Выборные согласились.

— Ну, коли такъ, — сказалъ онъ, — прикладайте руки въ томъ, что быти намъ де послушнымъ Кузьмѣ и князю Михайлѣ, ни въ чемъ не противиться, безпрекословно имать у насъ деньги на жалованье ратнымъ людямъ, а буде денегъ не хватитъ—силою брать у насъ животы, животовъ не хватитъ,—женъ и дѣтей въ кабалу отдавать, но чтобъ ратнымъ людямъ скудости не было.

Едва приговоръ былъ готовъ, Мининъ отослалъ его къ Пожарскому: онъ боялся, что нижегородцы передумаютъ и приговоръ отымутъ. Дѣло поднималось не шуточное. Того, что снесли охочіе люди на площади, воодушевленные воззваніемъ, было безконечно мало для похода. Нужна была правильная оцѣнка имущества, съ отобраніемъ пятой доли въ казну безо всякихъ льготъ и отсрочекъ: за неимѣющихъ платили богатые, и брали ихъ за это себѣ въ кабалу. Даже церковные причты и монастыри должны были нести тяжелую дань. Кто протестовалъ, у того отнимали силой. Но находились и такіе, которые давали гораздо болѣе требуемой части. Хронографы упоминаютъ объ одной вдовѣ, приславшей сборщикамъ десять тысячъ (колоссальная цифра по тому времени), а себѣ оставившей на прожитокъ только двѣ. „Этимъ во многихъ людей она страхъ вложила“— замѣчаетъ по этому поводу лѣтописецъ.

* * *

Движеніе въ Нижнемъ росло. Со всѣхъ концовъ прибывали отряды,—дорогобужане, вязьмичи, арзамасцы. Нижній разсылалъ повсюду гонцовъ съ возбудительными грамотами, отъ имени Пожарскаго, боярскихъ дѣтей, служилыхъ и посадскихъ людей,—звалъ къ себѣ ополченія, чтобы дружно грянуть на врага и сломить его соединенными силами. Въ Нижній стали стекаться деньги, драгоцѣнности,—рать увеличивалась, принимала угрожающій видъ, и вѣсть о ней сильно покоробила поляковъ, завладѣвшихъ Москвою: они чуяли съ востока дурной вѣтеръ.

Гонсѣвскій, главный начальникъ Москвы, потребовалъ отъ патріарха Гермогена, заключеннаго въ тюрьму, чтобы онъ подписалъ увѣщаніе начальникамъ земскаго ополченія о распущеніи войска. Патріархъ отказался на отрѣзъ, сказавъ: „Да будетъ надъ ними милость Божія и наше смиренное благословеніе, а на измѣнниковъ гнѣвъ Божій да изліется, — и да будутъ они прокляты въ семъ вѣкѣ и будущемъ“. За этотъ отказъ Гермогенъ поплатился жизнью: его уморили голодомъ въ подвалѣ Чудова монастыря.

Въ мартѣ 1612 года двинулось изъ Нижняго ополченіе. Черезъ Балахны, Юрьевецъ, Рѣшму, Кинешму и Кострому, прямо на Ярославль медленно ползло оно, богатѣя въ каждомъ городѣ и ратнымъ людомъ и казною. Въ Ярославлѣ, желая прочнѣе укрѣпить дѣло ополченія, Пожарскій разослалъ грамоты съ приглашеніемъ пожаловать на общій совѣтъ выборныхъ отъ всѣхъ областей, ото всякихъ чиновъ человѣка по два. Выборные стали съѣзжаться: боярскія дѣти, бояре, окольничіе, князья, стольники, дворяне, — а главой среди нихъ значился Мининъ, съ небывалымъ званіемъ выборнаго отъ всей земли русской, бывшій душою всего предпріятія, хранителемъ всей казны, не умѣвшій подписать даже своего имени,—и въ крайнихъ случаяхъ прибѣгавшій къ Пожарскому для подписи. Войско крѣпло, но все таки слаба была еще рать для борьбы съ безчисленнымъ врагомъ.

Пожарскій положилъ сидѣть въ Ярославлѣ, пока не соберется съ силами. Сносился онъ оттуда со Швеціей, Австріей, Новгородомъ. Медлительность его возбуждала недовольство; — троицкія власти умоляли его идти на врага, но князь медлилъ. Онъ самостоятельно правилъ изъ Ярославля всѣмъ государствомъ: раздавалъ помѣстья, требовалъ дани, судилъ, утверждалъ тарханныя грамоты. Но порядка въ самомъ ополченіи было мало: мятежники, ласкатели, трапезолюбцы гнѣвъ и своры воздвигали между воеводами. Тщетно старались водворить миръ въ ихъ станѣ посланные отъ Лавры. Даже самъ Авраамій Палицынъ, пресловутый келарь Сергіевскаго монастыря, пріѣхалъ къ войску. Не было денегъ,—этой главной пружины каждаго похода, безъ которой рушится все, какъ бы оно хорошо и свято не было задумано. Денежная скудость порождала даже насиліе: хватали и грабили торговыхъ людей тѣхъ областей, которыя неисправно вносили сборы.

Безпорядокъ въ ополченіи росъ. Однажды, когда Пожарскій вышелъ изъ съѣзжей избы, чтобы осмотрѣть годныя для города пушки и сталъ у разрядныхъ дверей, какой-то казакъ кинулся съ ножемъ на князя, но промахнулся и поранилъ другаго. На пыткѣ онъ сознался, что былъ подосланъ атаманомъ Заруцкимъ для убійства князя. Пожарскій велѣлъ, для обличенія Заруцкаго, везти казака подъ Москву, а самъ приготовился къ выступленію.

Только въ августѣ мѣсяцѣ подошло ополченіе къ нашей опозоренной столицѣ. Станъ раскинулся въ сторонѣ отъ казаковъ: слишкомъ памятенъ былъ у всѣхъ Ляпуновъ, слишкомъ трудно было примириться съ казачествомъ. Начались окопы. Осажденные сумѣли искусно провести черезъ слабое кольцо ополченія себѣ подмогу. А у осаждавшихъ опять начались раздоры и непріязнь.

Мы не можемъ останавливаться здѣсь на подробностяхъ осады. Да и главнѣйшая цѣль нашего очерка—дать понятіе о дѣлѣ, свершенномъ Мининымъ.

24 августа была рѣшительная битва. Даже Мининъ, человѣкъ совсѣмъ неискусный въ ратномъ дѣлѣ, и тотъ ринулся въ сѣчу. На его глазахъ палъ его племянникъ, отправившійся вмѣстѣ съ нимъ въ походъ.

Но 24 августа еще не рѣшило судьбу Москвы: только въ октябрѣ поддалась она дружному напору ополченія. 22 числа взяли Китай-городъ, а 23-го Кремль. Только войдя торжественно съ духовенствомъ и колокольнымъ звономъ въ опозоренныя святыни, поняло ополченіе, какимъ ужасамъ подвергались заключенные. Всюду стоны и вопли умиравшихъ отъ голода людей, всюду бочки съ человѣческимъ мясомъ; казна расхищена и опустошена.

* * *

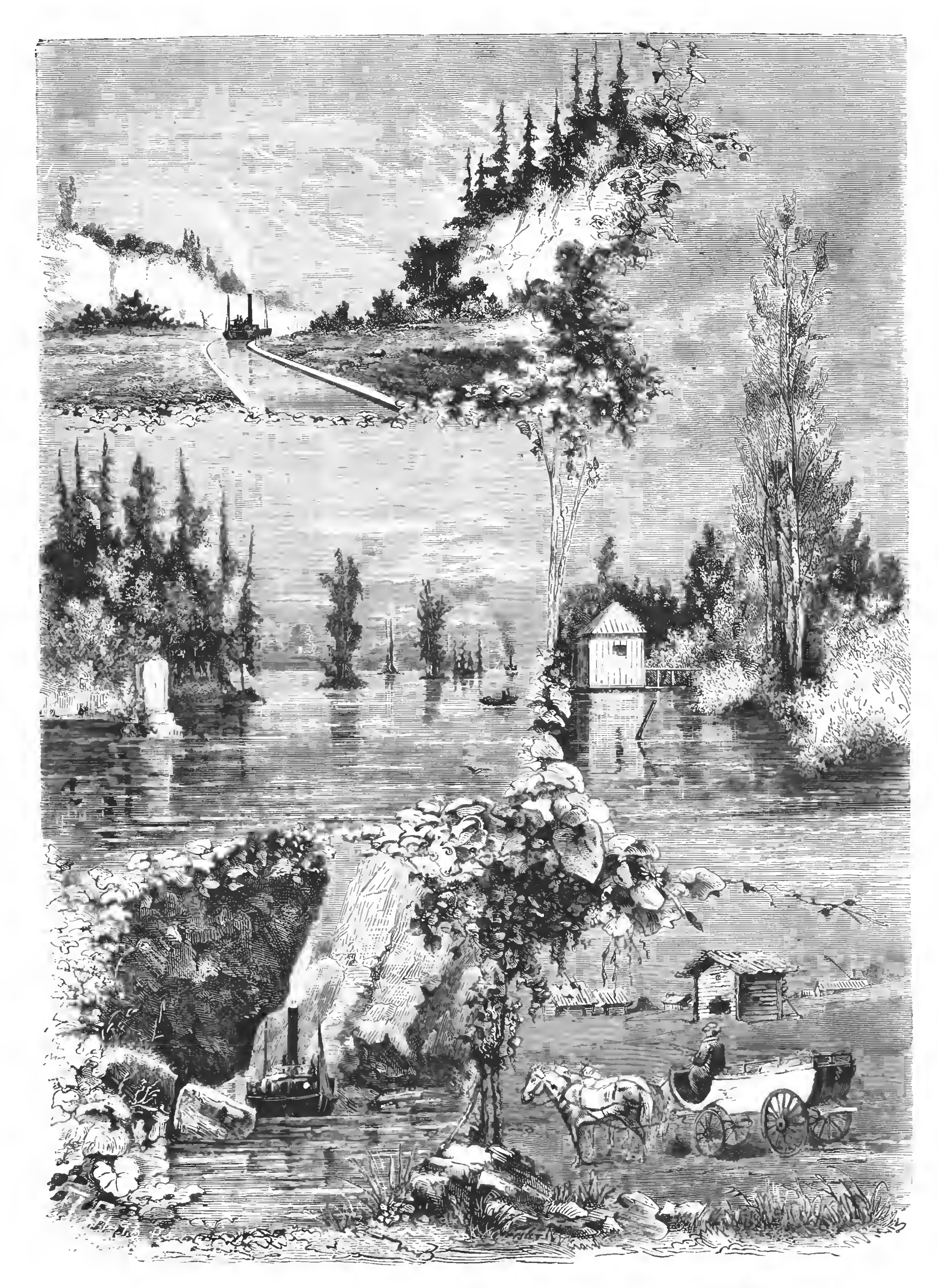
21 декабря было грамотами оповѣщено объ избавленіи Москвы отъ враговъ. Пожарскій созывалъ выборныхъ отъ всей земли для избранія царя. 11-го іюля слѣдующаго года совершилось вѣнчаніе на царство юнаго Михаила Романова.

Князь Дмитрій Михайловичъ былъ въ этотъ день пожалованъ бояриномъ, а Мининъ—думнымъ дворяниномъ.

Съ этаго дня начинаетъ стихать бурная зыбь лихолѣтья. Дѣятели смутнаго времени отходятъ на задній планъ, стушевываются,—а вмѣстѣ съ ними блѣднѣютъ и фигуры Минина и Пожарскаго. Молва объ нихъ стихаетъ, и болѣе они уже не выступаютъ ни разу въ томъ ореолѣ силы, какъ въ 1612 г.

Вторая акварель нашего художника, Константина Егоровича Маковскаго, разсылаемая при этомъ № „Нивы“, весьма живо передаетъ разсказанную выше сцену пожертвованій на нижегородской площади.

Народы Россіи: Уральскіе башкиры. Съ фотогр. рис. Баяръ, грав. Гильдебрандъ.



Виды на Саймскихъ озерахъ и каналѣ (Финляндія). Ориг. рис. П. Гнѣдича. грав. М. Рашевскій.

Графъ Л. Н. Толстой.

(Очеркъ).

Графъ Левъ Николаевичъ Толстой родился 28 августа 1828 г. въ Тульской губерніи, въ сельцѣ Ясная Поляна. Лишившись матери на второмъ году отъ рожденія, онъ, вмѣстѣ со своими старшими братьями и младшей сестрою, остался на рукахъ двухъ тетокъ, которыя и были его первыми воспитательницами. Все дѣтство свое онъ провелъ въ деревнѣ.

Въ 1837 году скончался и отецъ Льва Николаевича. Деревенская жизнь продолжалась до 1840 г., когда Толстые переѣхали въ Казань, въ домъ ихъ опекунши—тетки Юшковой.

Въ 1843 году Левъ Николаевичъ поступилъ на факультетъ восточныхъ языковъ Казанскаго университета. Впрочемъ пребываніе его въ университетѣ было недолгое, онъ не окончилъ курса и уѣхалъ съ братьями, уже кончившими курсъ, въ доставшееся ему по раздѣлу сельцо Ясная-Поляна.

Здѣсь прожилъ онъ почти безвыѣздно до 1851 года, когда отправился со своимъ старшимъ братомъ на Кавказъ. Поѣхалъ онъ туда безъ всякой опредѣленной цѣли; но Кавказъ ему понравился и въ томъ же году онъ поступилъ въ военную службу, въ 4-ю батарею 20-й артиллерійской бригады, стоявшую въ станицѣ Старогладовской на Терекѣ.

1852 годъ былъ знаменателенъ въ жизни графа Л. Н. Толстаго—въ этомъ году онъ окончилъ свое первое художественное произведеніе „Дѣтство" и отослалъ его въ журналъ „Современникъ". Затѣмъ на Кавказѣ имъ были написаны: „Набѣгъ", „Отрочество", „Утро Помѣщика" и повѣсть „Казаки".

Въ 1853 году Левъ Николаевичъ былъ переведенъ въ Дунайскую армію, въ штабъ князя Горчакова и участвовалъ въ кампаніи 1854 года.

По отступленіи русской арміи изъ Яссъ, онъ перешелъ въ Севастополь и принималъ участіе въ его оборонѣ, служа въ легкой артиллеріи. Въ маѣ 1855 года, онъ былъ назначенъ командиромъ горнаго дивизіона и находился въ сраженіи при Черной-Рѣчкѣ 4 августа, а 27 августа при штурмѣ Севастополя, послѣ котораго былъ посланъ курьеромъ въ Петербургъ.

Въ это время (1853—1855) имъ были написаны: „Севастополь въ Декабрѣ", „Севастополь въ Маѣ", „Рубка лѣса".

Въ 1855 году графъ Л. Н. Толстой вышелъ въ отставку и жилъ зимою въ Петербургѣ и Москвѣ, а лѣтомъ въ Ясной-Полянѣ. Съ 1861 года послѣ двухъ поѣздокъ за границу, онъ совершенно переселился въ деревню; былъ мировымъ посредникомъ, занимался школами и издавалъ педагогическій журналъ подъ названіемъ „Ясная-Поляна". Къ этому періоду относятся слѣдующія его произведенія: „Юность", „Севастополь въ августѣ", „Два гусара", „Альбертъ", Люцернъ, „Три смерти", „Семейное счастіе", „Поликушка".

Въ послѣднія 17 лѣтъ имъ написаны его два капитальнѣйшихъ романа „Война и Миръ" и „Анна Каренина", а также составлена „Азбука" и „Книги для чтенія".

До настоящаго времени онъ живетъ почти безвыѣздно въ Ясной Полянѣ, занимаясь воспитаніемъ своихъ дѣтей.

Графъ Л. Н. Толстой принадлежитъ къ числу самыхъ блестящихъ представителей нашей реально-художественной школы. Уже первое его произведеніе „Дѣтство", указало на его крупный талантъ и обличило тѣ прекрасныя свойства этого таланта, которыя въ дальнѣйшихъ, болѣе зрѣлыхъ твореніяхъ его, получили самое широкое развитіе. Онъ съумѣлъ сразу, съ первыхъ же шаговъ своей литературной дѣятельности стать на истинную дорогу. Въ немъ не было замѣтно никакихъ шатаній, никакой подражательности; онъ не выработался въ самобытнаго, оригинальнаго писателя, — онъ былъ имъ съ самаго начала. Жизнь, какъ она есть, безъ всякихъ идеализацій въ ту или другую сторону, человѣкъ во всѣхъ тончайшихъ своихъ внѣшнихъ и внутреннихъ проявленіяхъ — вотъ что постоянно выливалось и выливается изъ подъ пера Толстаго. Ничего дѣланнаго, надуманнаго, тенденціознаго нельзя найдти въ его произведеніяхъ. Читая его, сразу переносишься въ описываемую имъ жизнь и чувствуешь ея полную реальность. Трудно найдти въ произведеніяхъ Толстаго характеры необыкновенные, эфектныя сцены, освѣщенныя бенгальскими огнями, удивительныя лица, оригинальныя позы,—однимъ словомъ все то, производство чего становится все легче и легче, все, что очень дешево продается на литературномъ рынкѣ. Вмѣсто всего этого въ его произведеніяхъ заключается то, что составляетъ большую рѣдкость въ наше время — простота неподдѣльнаго искусства; полнота жизненной правды и удивительно тонкое чувство мѣры—одно изъ главнѣйшихъ основаній художественности произведенія и совсѣмъ почти затерявшееся въ современной литературѣ.

Огромную важность и настоятельную необходимость чувства мѣры очень хорошо сознаютъ наши писатели и многіе изъ нихъ постоянно объ этомъ толкуютъ, а между тѣмъ въ собственныхъ ихъ твореніяхъ почти всегда много лишняго, ненужнаго и много пропущеннаго, недоговореннаго. Дѣло въ томъ, что выработать въ себѣ чувство мѣры чрезвычайно трудно — оно приходитъ само и легко дается только высокому таланту. Пушкинъ обладалъ имъ въ высшей степени; его повѣсти, эти незабвенныя, простыя повѣсти, до сихъ поръ остаются образцами величайшей художественности...

Л. Н. Толстой обыкновенно вводитъ читателей въ такой міръ, гдѣ каждому почти все вѣдомо, а потому еще съ большей очевидностью выступаетъ художественная и жизненная правда произведенія. Почти всѣ дѣйствующія лица — это простые обыкновенные, дюжинные люди, которые насъ всю жизнь окружаютъ, составляютъ наше общество, съ которыми мы дружимся, роднимся и ссоримся. Передъ нами ясно и отчетливо проходитъ все то, изъ чего состоитъ ежедневная жизнь наша, что хранится въ нашей памяти и составляетъ наши семейныя, домашнія воспоминанія. Мы видимъ тутъ всѣ качества нашихъ присныхъ друзей и знакомыхъ, за которыя мы ихъ любимъ; видимъ ихъ недостатки, слабости, надъ которыми подшучиваемъ.

Авторъ разсказываетъ намъ все это съ той ясной и твердой высоты, съ которой только и можно вполнѣ вѣрно, безпристрастно и художественно рисовать цѣльныя картины. Именно эта высота и позволяетъ ему спокойно-добродушное отношеніе къ выводимымъ лицамъ. И эта высокая объективность соединяется съ необыкновенной тонкостью психическаго анализа.

Таковы качества всѣхъ произведеній графа Л. Н. Толстаго, начиная съ „Дѣтства и Отрочества" и кончая „Анной Карениной. Но у него есть романъ, который соединяя въ себѣ всѣ эти качества, имѣетъ кромѣ того еще особенное, огромное значеніе. Романъ этотъ—„Война и Миръ", извѣстный всей читающей Россіи и завоевавшій автору первое мѣсто среди современныхъ русскихъ писателей.

Много было въ свое время толковъ о „Войнѣ и Мирѣ", много было высказано въ нашей печати различныхъ мнѣній объ этомъ произведеніи. Но всѣ эти толки, всѣ эти мнѣнія теперь забылись, потому что на такіе романы какъ „Война и Миръ" критика не можетъ имѣть вліянія, она не въ силахъ умалить ихъ значеніе, они говорятъ сами за себя, понятны и близки каждому, ихъ нечего объяснять читателямъ. Въ настоящее время „Война и Миръ"—любимая книга въ каждомъ образованномъ русскомъ семействѣ и значеніе этой книги не временное, она не можетъ надоѣсть, не можетъ быть забытой.

Что же такое „Война и Миръ"? Значеніе романа двойственное: во первыхъ—это широкая, необыкновенно художественно исполненная картина великаго возбужденія народнаго духа въ эпоху 1812 года, во вторыхъ—это эпопея русскаго дворянства того дворянства, которое, со времени крестьянской реформы измѣнилось во всѣхъ главныхъ чертахъ своего быта и теперь уже представляетъ собою явленіе прошлое, историческое.

Широка была задача автора „Войны и Мира"? и одного художественнаго таланта, хотя бы и самаго крупнаго, было бы недостаточно для исполненія такой задачи; для этого нужно было еще и многое другое. Для того, чтобы вѣрно изобразить, напримѣръ кампанію 1812 года недостаточно было знакомства съ историческими матеріалами; нужно было переиспытать всѣ впечатлѣнія войны самому.

Графъ Л. Н. Толстой былъ участникомъ другой войны. Онъ видѣлъ сраженіе при Черной Рѣчкѣ, находился при осадѣ Севастополя, прожилъ нѣсколько лѣтъ посреди военной обстановки, изучилъ типы русскаго солдата и русскаго офицера,— и только съ помощью всего этаго могъ изобразить кампанію 1812 года. Русскій солдатъ и русскій офицеръ остались неизмѣнными, что доказала намъ и послѣдняя война. Всѣ ощущенія военнаго времени, сраженія, характеристическія подробности военныхъ движеній — все это тоже общее и не принадлежитъ какой нибудь одной кампаніи. Описывая 1812 годъ по наблюденіямъ и впечатлѣніямъ пережитаго имъ 1854 года, Толстой не впадалъ въ ошибку, не уменьшилъ историческаго значенія своего романа.

Что же касается до того, былъ ли имъ понятъ 1812 годъ, вѣрно ли изображено въ романѣ то, что исключительно должно относиться къ этому году — въ отвѣтъ на такой вопросъ мы можемъ привести слова очень компетентнаго въ этомъ дѣлѣ человѣка. Покойный А. Н. Поповъ, авторъ замѣчательной, но къ сожалѣнію до сихъ поръ еще не появившейся въ печати, „Исторіи отечественной войны 1812 года", сказалъ однажды въ разговорѣ съ пишущимъ эти строки:

„Въ числѣ очень важныхъ историческихъ матеріаловъ, найденныхъ мною, заключается и „Война и Миръ" Толстаго; конечно, я не пишу исторію по роману; но очень часто, при освѣщеніи извѣстнаго событія, совѣтуюсь съ „Войной и Миромъ". Въ моихъ рукахъ много совершенно никому неизвѣстныхъ, новыхъ документовъ, о которыхъ очевидно не имѣлъ понятія и Толстой. Документы эти проливаютъ новый свѣтъ на очень важныя минуты, на основаніи ихъ я объясняю событія совершенно иначе, чѣмъ объясняли ихъ мои предшест-

венники — военные историки. И въ „Войнѣ и Мирѣ“ нахожу описаніе этаго событія и объясненія его совершенно тождественными съ моими описаніями и объясненіями. Очень часто — я разсказываю на основаніи неизслѣдованныхъ историческихъ данныхъ; графъ Толстой, незнакомый съ этими данными, разсказывалъ на основаніи своего творческаго прозрѣнія, а выводы наши выходятъ одни и тѣже — такъ какъ же мнѣ не совѣтоваться съ „Войной и Миромъ“.

Мы привели эти знаменательныя слова потому, что они ясно показываютъ, до какой высоты можетъ дойти истинный художникъ въ своемъ творчествѣ, какъ на основаніи глубокаго знанія и пониманія души человѣческой, можно дойти до точнаго, реальнаго воспроизведенія прошедшей дѣйствительности. Другая сторона „Войны и Мира“, то есть собственно *романъ*, представляетъ, какъ мы уже сказали, эпопею русскаго дворянства дореформеннаго времени. И здѣсь таже ширина задачи, и здѣсь тѣ же исключительныя средства, которыя оказались въ распоряженіи графа Л. Н. Толстаго. Онъ описывалъ то, что ему хорошо было извѣстно—„Война и Миръ“, какъ романъ — это почти семейная хроника автора. Всѣ дѣйствующія лица—его родные и близкіе или друзья его семейства, о которыхъ сохранились въ этомъ семействѣ многочисленныя воспоминанія. На этихъ воспоминаніяхъ, на этихъ лицахъ и выросъ самъ авторъ. Что же касается до характеристическихъ подробностей нынѣ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе исчезающаго быта, графъ Толстой еще засталъ ихъ и онѣ тоже являются воспоминаніями его дѣтства.

Такимъ образомъ, обладая самымъ драгоцѣннымъ и огромнымъ запасомъ матеріала, онъ только долженъ былъ оживить весь этотъ матеріалъ силою таланта—въ талантѣ же у него не оказалось недостатка. Всѣ дѣйствующія лица „Войны и Мира“— самые живые люди, тонкость и реальность отдѣлки образовъ и характеровъ—изумительны. Пройдутъ десятки лѣтъ, подростутъ новыя поколѣнія, жизнь которыхъ будетъ имѣть мало общаго съ жизнью, описанной въ „Войнѣ и Мирѣ;“ но интересъ, возбуждаемый этимъ романомъ нетолько не уменьшится, но увеличится еще болѣе. Всѣ дѣйствующія лица романа останутся живыми и даже одна ужъ эта ихъ живость для новыхъ читателей будетъ служить доказательствомъ правдивости всей исторической картины. Признавая Л. Н. Толстаго однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ современныхъ художниковъ и указывая на блестящія стороны его таланта, мы однако должны быть вполнѣ безпристрастными. И это безпристрастіе заставляетъ насъ указать и на слабыя его стороны. Слабыхъ сторонъ, какъ въ *художникѣ*, въ авторѣ „Войны и Мира,“ мы найти не можемъ, но дѣло въ томъ, что онъ иногда не ограничивается ролью художника и хочетъ быть мыслителемъ, въ этомъ большая его ошибка. Послѣдняя часть „Войны и Мира“ полна отвлеченныхъ разсужденій, значеніе которыхъ совершенно не гармонируетъ съ значеніемъ всего произведенія. Разсужденія эти иногда поражаютъ своею странностью. Тоже самое должны сказать и о заключительныхъ главахъ романа „Анна Каренина“ гдѣ авторъ выражаетъ свой взглядъ на восточный вопросъ.

Въ заключеніе намъ остается упомянуть, что недавно появился во Франціи переводъ „Войны и Мира.“ Французы почти незнакомы съ нашей художественной литературой и весьма любопытно какъ отнесутся они къ самому значительному ея произведенію, сознаются ли они что всѣ ихъ прославленные современные писатели-романисты стоятъ несравненно ниже нашего могучаго художника, или даже и теперь, со свойственнымъ имъ самообожаніемъ, отнесутся слегка къ „Войнѣ и Миру.“

В. Соловьевъ.

Къ рисункамъ.

Спящіе бурлаки.

Въ жаркій, палящій день на Волгу надвигаются черныя тучи. Притомившіеся бурлаки развалились и крѣпко спятъ на мягкомъ, горячемъ пескѣ...

Большими партіями, ежегодно, со вскрытіемъ рѣкъ шли они, судорабочіе бурлаки, въ низовыя волжскія губерніи съ лямками для подъема судовъ бичевою. Теперь баржевикъ совсѣмъ почти устранилъ это зрѣлище и тянетъ громадныя баржи уже не толпа крестьянъ, не падающіе и спотыкающіеся кони, а сильный пароходъ, волнуя шумящія волны нашей великой рѣки.

Бурлаки обыкновенно составляютъ артель. Старшій называется *водоливъ*, затѣмъ лоцманъ, правящій судномъ, *передовой* на лямкѣ и двое *косныхъ* къ хвосту, которые обязаны лазить на мачты а при тягѣ ссаживать бичеву. *Коренные* взятые на весь путь и *добавочные*, взятые временно, гдѣ понадобятся, безъ сроку и задатковъ.

Коневецкій Монастырь на Ладожскомъ озерѣ.

Въ № 10 „Нивы“ за 1878 годъ мы уже дали нѣсколько видовъ острова Коневца на которомъ расположенъ Коневецкій, Рождественскій, третьеклассный мужской монастырь. Островъ имѣетъ около 14 верстъ въ окружности и въ видѣ продолговатой излучины тянется по озеру отъ юго-запада къ сѣверовостоку, отдѣляясь отъ материка глубокимъ и довольно широкимъ проливомъ. Коневская обитель, построенная на юго-западномъ берегу озера, получила свое начало въ XIV вѣкѣ и, по свидѣтельству новгородскихъ лѣтописей и по мѣстному преданію, основателемъ здѣсь скита былъ уроженецъ Великаго Новгорода инокъ Арсеній, прибывшій сюда въ 1393 г. и нашедшій здѣшнихъ жителей въ состояніи самаго грубаго язычества Со времени основанія здѣсь обители цѣлыя 177 лѣтъ прошли тихо и безмятежно; но впослѣдствіи монастырь часто терпѣлъ полнѣйшее раззореніе отъ войнъ русскихъ со шведами и даже нѣсколько разъ долженъ былъ выселяться со всею братіею въ Новгородскій Деревяницкій монастырь спасаясь отъ безпощаднаго непріятеля. Въ 1718 г. появился указъ Петра I, повелѣвавшій устроить на Коневцѣ—обитель по прежнему и обезпечивавшій ея дальнѣйшее существованіе. Соборный храмъ монастыря очень красивой архитектуры былъ оконченъ въ 1809 году; въ нижней его церкви почиваютъ въ богатой ракѣ, подъ спудомъ, мощи основателя монастыря, Преподобнаго Арсенія Коневскаго. Возлѣ монастыря съ права и съ лѣва возвышаются двѣ изящныя постройки: одна деревянная, другая каменная; это монастырскія гостинницы для пріѣзжающихъ богомольцевъ.

Самый островъ довольно высокъ, а въ срединѣ его есть возвышенность, называемая св. Горой, гдѣ находится скитъ. Лѣсъ повсюду здѣсь хвойный, но встрѣчается и чернолѣсье. Почва на островѣ не одинакова; на одной половинѣ болѣе песчаная, на другой же глинистая, покрытая многочисленными валунами. Нѣкоторые изъ этихъ валуновъ громадной величины, какъ напримѣръ такъ называемые: Горбунъ-камень и Конь-камень. Послѣдній лежитъ среди густой сосновой рощи и на немъ выстроена часовня. Преданіе гласитъ, что этотъ громадный, семисаженной высоты валунъ былъ нѣкогда мѣстомъ жертвоприношеній язычниковъ острова, которые здѣсь приносили коней въ жертву духамъ-покровителямъ ихъ скотоводства, а потому и самый валунъ получилъ названіе Коня-камня. Преподобный Арсеній, поселившись на островѣ, какъ говоритъ преданіе, силою молитвы отогналъ отъ этаго камня нечистыхъ духовъ, которые, принявъ видъ вороновъ, перелетѣли на материкъ, въ бухту противуположную монастырю, которая и была названа Чортовой Лахтой, а самый островъ Коневцемъ.

Уральскіе башкиры.

Ко многому „нетронутому, втунѣ лежащему“ у насъ на Руси принадлежитъ—какъ ни странно сказать—одна изъ большихъ, судоходныхъ рѣкъ нашего отечества—р. Уралъ. Недавно въ засѣданіи „Общества для содѣйствія русской промышленности и торговли“, передавалъ свои соображенія членъ общества, купецъ П. Е. Ванюшинъ, въ своемъ докладѣ о „пароходствѣ по р. Уралу“. Онъ сообщилъ, между прочимъ, что неудобство сообщенія съ другими городами порождаетъ тамъ страшную дороговизну на всѣ предметы ввоза и баснословную дешевизну мѣстныхъ продуктовъ (пудъ проса—10 копѣекъ). Понятно отсюда—отсутствіе переселенія изъ другихъ мѣстностей и бѣдность немногихъ, рѣдкихъ обитателей края.

Главный элементъ края и населенія киргизы и башкиры (живущіе въ нѣсколько лучшихъ условіяхъ, чѣмъ первые). Чистокровные Уральскіе башкиры, по большей части, роста нѣсколько выше средняго, съ каштановыми волосами, прямымъ (а не косымъ, какъ у киргизовъ) поставомъ глазъ, и довольно правильнымъ окладомъ лица, безъ выдающихся скулъ. Женскій полъ также не дуренъ; онѣ, по обыкновенію, подобно мужчинамъ, крѣпкаго тѣлосложенія и полны. Народъ исповѣдуетъ исламъ; молодые башкиры, оставаясь вѣрными религіи, менѣе строго придерживаются нынѣ ея крайнихъ требованій и не съ тѣмъ уже усердіемъ слѣдуютъ обычаямъ, не брѣютъ, напримѣръ, головы и проч. Когда башкиръ умираетъ, тѣло, предъ погребеніемъ, обмываютъ на самыхъ похоронахъ его, несутъ очень скоро, подчиняясь повѣрью, что Богъ ждетъ умершаго какъ можно скорѣе. Тѣло обыкновенно завернуто въ мѣшокъ, положено на грубо сколоченныя носилки, головой впередъ, въ могилу его опускаютъ лицомъ къ югу. Впродолженіи трехъ дней послѣ смерти покойнаго, родственники справляютъ тризну, отличающуюся большимъ количествомъ яства и питія, затѣмъ слѣдуютъ поминки въ 40 день и въ годовщину. Какъ и всякій народъ, живущій еще патріархально, башкиры богаты преданіями и легендами. Легенды ихъ, преимущественно, имѣютъ своимъ предметомъ подвиги разбойниковъ и удальцовъ. Но народъ, въ массѣ, честенъ.

Мужчины носятъ широкую полотняную рубаху и такіе же шаровары, поверхъ надѣваютъ халатъ — лѣтомъ полотняный, а зимой болѣе теплый; у богатыхъ онъ подбитъ мѣхомъ. Нарядъ женщинъ тоже состоитъ изъ халата, голову накры-

ваютъ платкомъ и украшеніемъ изъ монетъ. Особый родъ женскаго украшенія составляютъ головной уборъ и нагрудникъ, собранные изъ монетъ (преимущественно серебряныхъ) и краснаго коралла. Головной уборъ имѣетъ видъ шапочки, съ привѣсками, затѣмъ отъ нея, сзади головы, ниспадаетъ длинная и широкая полоса бархата, вся вышитая коралломъ и ракушками и спускающаяся ниже пояса; нагрудникъ же—сплошь усѣянъ кораллами, на которыхъ нашиты старинные рубли и другія монеты и привѣски.

На Саймѣ.

За послѣднее время туристы стали чаще и чаще заглядывать въ Финляндію, особенно со времени проведенія желѣзной дороги изъ Петербурга на Выборгъ, Гельсингфорсъ, къ сѣверу—до Тамерфорса и къ западу—до Або. Желѣзная дорога упростила доступъ на Сайму—въ одинъ изъ самыхъ живописныхъ уголковъ нашего отечества. Теперь—поѣздка въ Финляндію не путешествіе, а скорѣе прогулка. Превосходные пути сообщенія внутри страны, помимо желѣзной дороги, дѣлаютъ прогулку настолько заманчивой, что петербужцу можно шутя, въ самый короткій срокъ, совершить эту прелестную partie de plaisir. Грандіозность картинъ, которыя развернутся передъ его глазами, вполнѣ вознаградятъ расходы путешествія. Дикая, оригинальная, первобытной красы природа, что ни шагъ — даритъ путника новымъ впечатлѣніемъ, поражаетъ своей могучей силой. Сѣверные, холодные тоны, разлитые по пейзажамъ, придаютъ имъ нѣчто совершенно отличное отъ знакомыхъ намъ горныхъ пейзажей Швейцаріи или Крыма. Здѣсь нѣтъ ни зеленовато-голубыхъ озеръ, ни розовыхъ вершинъ горъ, дубовъ, ни пирамидальныхъ тополей, —но за то какъ легка, прозрачна здѣсь вода, какъ роскошны вѣковыя ели, какой игры свѣта не встрѣтитъ художникъ на гранитныхъ откосахъ скалъ! На озерахъ тамъ и сямъ раскиданы десятками, стаями крохотные островки, на которыхъ ютятся двѣ-три березы или ели. Береговые горные обрывы поросли тѣмъ густымъ, зеленовато-синимъ, хвойнымъ покровомъ лѣсовъ, въ красотѣ съ которыми напрасно бы стали тягаться наши южныя рощи. Пароходъ нашъ, скользя по узкимъ каналамъ, вздымаясь по шлюзамъ все выше и выше, порою словно въ туннелѣ проходитъ подъ нависшими скалами, порою мчится по усѣянному цвѣтами полю, и тогда кажется, что подъ вами нѣтъ воды, а судно, какою то волшебною силой несетъ васъ прямо по землѣ, по этой колыхающейся, залитой солнцемъ, травѣ. Нерѣдко шлюзы такъ высоки, что гораздо удобнѣе подняться пѣшкомъ въ гору, и тамъ, на верху, пересѣсть на новый пароходъ. Вы смотрите наверхъ,—и взглядъ вашъ пораженъ небывалой картиной. Высоко, высоко на горѣ межъ деревьевъ бѣлѣетъ, брошенный на край откоса, домикъ, вокругъ разрослись прозрачными группами деревья, а возлѣ дымится большой пароходъ, слабо рѣя своими флагами по вѣтру, отчетливо вырисовывая свой контуръ на блѣдно-голубомъ фонѣ сѣвернаго неба.—Удивительныя почтовыя дороги, гладкія какъ скатерть, не стѣсняющіяся никакими законными радіусами поворотовъ и углами подъемовъ, не испугаютъ туриста той адской ѣздой, съ которой слишкомъ хорошо знакомы тѣ, кто ѣздилъ на перекладныхъ въ нашихъ центральныхъ губерніяхъ. Привычныя лошадки превосходно управляются со спусками и подъемами; телѣжки малы, но прочны, не тряски. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть дилижансы, удобствъ еще больше. Длинный кузовъ посаженъ на мягкія рессоры; закладка дѣлается *въ два дышла* тройкой, съ тою цѣлью, чтобы трудность спуска не легла всею тяжестью на холку одного коренника, а равномѣрно распредѣлилась бы на всѣхъ лошадей. Объ этихъ дилижансахъ и характерѣ финляндскихъ дорогъ, нами было уже говорено въ 30 № „Нивы“ 1877 года, въ статьѣ объ Иматрѣ, довольно подробно.

Повторяемъ, Саймскія озера—одинъ изъ самыхъ прелестныхъ уголковъ Россіи. Представляя своимъ бассейномъ пространство не меньше бассейна „Великихъ озеръ“ въ Сѣверной Америкѣ, Сайма и природой своей чрезвычайно подходитъ къ американскимъ озерамъ. У насъ слишкомъ мало еще оцѣнили Финляндію, а Сайму въ особенности, но будетъ время, когда на берега ея протоковъ и каналовъ устремятся и Петербургскіе дачники. А пока—тамъ еще полная идиллія, — дикія птицы выпархиваютъ изъ подъ ногъ и безбоязненно садятся въ двухъ—трехъ саженяхъ отъ путника, не подозрѣвая о существованіи всевозможныхъ смертоносныхъ орудій; дачи еще самой примитивной постройки, и только мѣстами, въ видѣ исключенія, мелькнетъ купальня вродѣ той, что изображена на прилагаемомъ рисункѣ.

Нагрудникъ и головной уборъ богатыхъ башкиръ.
Рис. съ натуры Б. Шмидтъ, грав. Гильдебрандтъ.

„Маленькій купальщикъ“.

(Статуя С. И. Иванова).

Помѣщая снимки съ произведеній нашихъ лучшихъ скульпторовъ, мы не разъ уже имѣли случай говорить объ ихъ стремленіяхъ и цѣляхъ. У всѣхъ этихъ художниковъ, между разными Нарциссами, Амурами и Сатирами, навязанными имъ академической программой, всегда можно отыскать произведенія, въ которыхъ они старались быть по возможности оригинальными и народными. Такъ умѣли иногда съ этой стороны заинтересовать общественное вниманіе Пименовъ, Логановскій, Ставассеръ и другіе корифеи нашей скульптуры; за ними ли второстепенные таланты и также старались создать что нибудь живое и оригинальное. Такимъ явленіемъ была и граціозная статуя Сергѣя Ивановича Иванова

(Продолженіе на стр. 857, 858, 859 и 860).

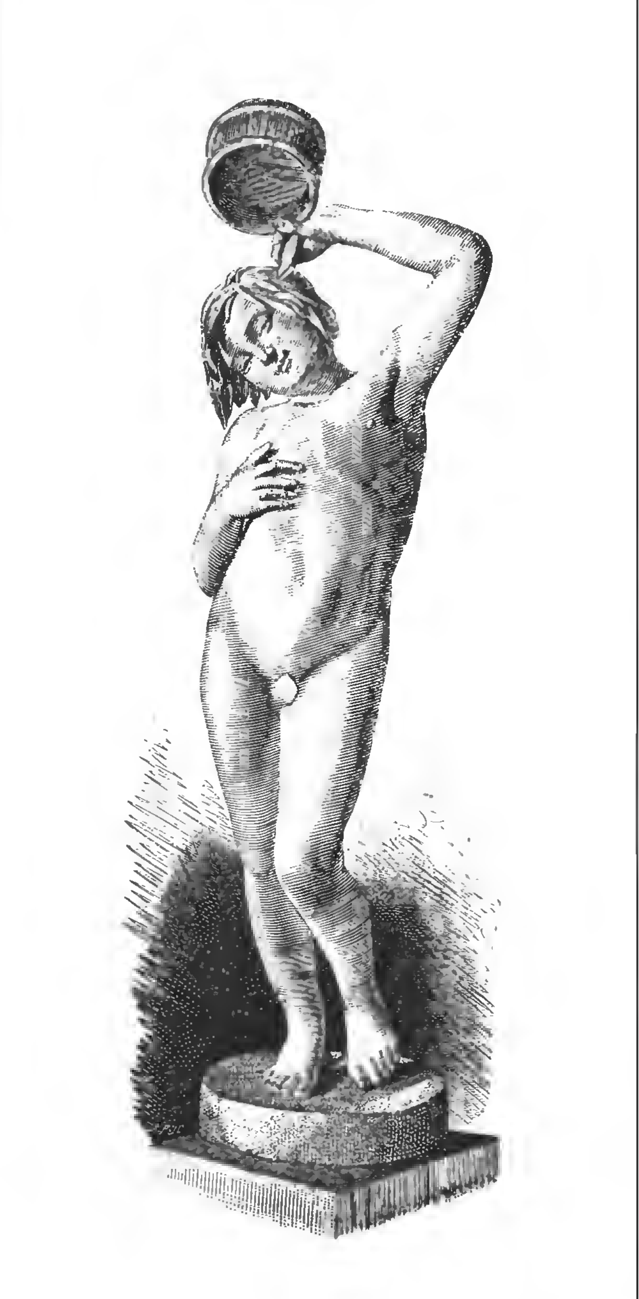
„Мальчикъ окачивающійся изъ шайки“, за которую онъ получилъ въ 1854 году званіе академика. Награда была вполнѣ заслужена художникомъ; вся фигура мальчика, положеніе руки, поднятой надъ головою въ высшей степени естественно и красиво. Статуя какъ будто создана для изящнаго фонтана и дѣйствительно, при ея появленіи, зародилась было мысль устроить такой фонтанъ въ Москвѣ, на бульварѣ, ведущемъ къ Чистому пруду, но проектъ не былъ выполненъ. Статуя сдѣлана изъ мрамора по заказу В. А. Кокорева; гипсовая же находится въ одной изъ галлерей Академіи Художествъ. Сергѣй Ивановичъ Ивановъ уроженецъ Москвы (род. въ 1828 году) воспитывался въ Московскомъ училищѣ живописи и ваянія, гдѣ изучалъ скульптуру подъ руководствомъ извѣстнаго Рамазанова. Первыми его работами, за которыя онъ удостоился званія художника, были барельефы: „Илія пророкъ“ „Сатиръ, обучающій Аполлона играть на флейтѣ“ и др. Изъ работъ его послѣдняго времени можно отмѣтить выполненный имъ въ 1875 году проектъ памятника Пушкину.

Политическое обозрѣніе.

Англійскія интриги въ Восточной Румеліи.—Новое министерство въ Турціи.—Австрія среди балканскихъ славянъ.—Рѣчь маркиза Салисбэри.—Мантейфель въ Кольмарѣ.

Насколько можно судить по новѣйшимъ свѣдѣніямъ, приходящимъ изъ Восточной Румеліи, всѣ толки и слухи о происходившихъ тамъ столкновеніяхъ между турками и болгарами оказываются сильно преувеличенными. Къ тому же, при ближайшемъ знакомствѣ съ фактами обнаруживается вся закулисная сторона дѣла. Такъ изъ Константинополя сообщаютъ, что нынѣшній начальникъ румелійской милиціи, Штрекеръ-Паша, прибывъ туда изъ Бургаса, имѣлъ продолжительное совѣщаніе съ Савфетомъ-Пашей и изъ совѣщанія этаго убѣдился, что Савфетъ также считаетъ необходимымъ занятіе турецкими войсками Балканскихъ горныхъ проходовъ. Генералъ Штрекеръ заявилъ, съ своей стороны, что Порта поступила бы благоразумнѣе, если бы отказалась отъ этаго намѣренія, такъ какъ мусульмане и болгары живутъ дружно между собою и что одни *англичане, интригами своими, желаютъ ускорить катастрофу*. При объѣздѣ Алеко-Пашею выяснилось, что турецкіе эмигранты и болгарское населеніе терпятъ одинаковую нужду, а во многихъ мѣстностяхъ нужда ощущается даже сильнѣе христіанами, какъ напримѣръ въ Эски-Загрѣ и Іени Загрѣ. Турки довольны обращеніемъ съ ними румелійскихъ властей и населенія и жалуются только на крайность свою. На эти слова Штрекера Савфетъ отвѣчалъ намекомъ на то, что не сочувствуя мысли о занятіи султанскими войсками Балканскихъ дефелей, онъ, тѣмъ не менѣе, вынужденъ идти по теченію *турецкаго общественнаго мнѣнія, возбужденнаго англичанами*. Выходя изъ кабинета Савфета-Паши, Штрекеръ встрѣтилъ въ пріемной г. Малета, англійскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, завѣдывающаго англійскимъ посольствомъ во время отсутствія Лейарда. Генералъ тутъ же сказалъ Малету, что англійскіе консулы присылаютъ ему весьма неточныя свѣдѣнія о событіяхъ въ Восточной Румеліи. „Если они дѣйствуютъ по даннымъ имъ инструкціямъ, сказалъ онъ, то, въ такомъ случаѣ, они, дѣйствительно, удачно вводятъ въ заблужденіе общественное мнѣніе. Г. Митчель и его агенты говорятъ, въ донесеніяхъ своихъ, объ избіеніяхъ и поджогахъ, на дѣлѣ же они днемъ раздаютъ вспомоществованія деньгами, съѣстными припасами и одеждою, а ночью люди, подкупленные Митчелемъ и подчиненными его, поджигаютъ дома мусульманъ. Эти послѣдніе, приписывая поджоги болгарамъ, избиваютъ ихъ, затѣмъ идутъ жаловаться къ Митчелю, который раздаетъ новыя вспомоществованія, съ тѣмъ, чтобы почью опять повторить сцены грабежа и поджоговъ. Результаты понятны. Корреспондентъ, передающій этотъ разговоръ, прибавляетъ, что онъ „уполномоченъ“ предать гласности факты эти. Нѣкоторое облегченіе нужды, которую терпитъ и христіанское, и мусульманское населенія, можно ожидать отъ постройки проектируемой правительствомъ Восточной Румеліи желѣзной дороги отъ Ямболи въ Бургасъ. Впослѣдствіи предполагается соединеніе линіи Ямболи-Бургасъ, чрезъ Эски-Загру, съ Филиппополемъ. Для осуществленія этихъ проектовъ не достаетъ, однако-же, денежныхъ средствъ и въ настоящее время правительство Восточной Румеліи, съ этою цѣлью, ведетъ переговоры о заключеніи займа въ милліонъ турецкихъ ливровъ. Пока, къ сожалѣнію, еще усилія его не увѣнчались успѣхомъ.

Не такъ давно еще, при паденіи министерства Хейреддина паши, мы высказали сомнѣніе въ томъ, чтобы смѣнившій его кабинетъ продержался долго— теперь слова эти оправдались: изъ Константинополя получена офиціальная депеша, извѣщающая о новомъ кабинетѣ, составленномъ изъ слѣдующихъ лицъ: Саидъ-паша—первый министръ, *Махмудъ-Недимъ-паша* — министръ внутреннихъ дѣлъ, Аарифи-паша — президентъ государственнаго совѣта, Савасъ-паша —министръ иностранныхъ дѣлъ, Джевдетъ-паша — министръ юстиціи, Кабри-паша — министръ общественныхъ работъ, Хайдеръ-Суби-паша—смотритель вакуфовъ, Эдибъ-Эффенди — министръ финансовъ. Савфетъ-па-



Русская скульптура въ С.-Петерб. Академіи Художествъ: Маленькій купальщикъ. Статуя С. И. Иванова. Рисов. на деревѣ Благовѣщенскій, грав. Пуцъ.

па — главный инспекторъ по части реформъ. Роль Махмуда-Недима наши, пользующагося теперь, какъ мы уже сообщали читателямъ, особеннымъ вниманіемъ и расположеніемъ султана,— весьма важно, въ виду принятой Портой въ Берлинѣ обязанности ввести реформы—главнѣйшее значеніе, при этомъ, конечно, можетъ выпасть на долю министра внутреннихъ дѣлъ, если реформы будутъ вводиться. Замѣтимъ, что, можетъ быть и новый кабинетъ не устоитъ долго, по крайней мѣрѣ, во всемъ своемъ составѣ, если портфель внутреннихъ дѣлъ для Махмуда-Недима-наши—не болѣе какъ ступень къ креслу президента совѣта министровъ.

Недавно въ Цетинью сдѣлалъ наѣздъ намѣстникъ Императора Франца въ Босніи и Герцеговинѣ, герцогъ Вертембергскій и результатомъ визита было то, *что въ отданномъ Черногорскому княжеству портѣ Антивари, морская полиція будетъ принадлежать Австріи!* Дѣло ведется систематически, ловко—чисто англійская работа.

Англійское правительство и не скрываетъ теперь своей полной солидарности съ Австріей, въ ея политикѣ на Балканскомъ полуостровѣ. Недавно, маркизъ Салисбэри произнесъ въ Манчестерѣ рѣчь, въ которой сказалъ, между прочимъ что Англія заняла Кипръ, чтобы указать, что британское правительство считало обязанностью своею воспрепятствовать новому захвату со стороны Россіи, что же касается защиты Балкановъ, то—какую опасную политику ни вела бы Турція,— это не можетъ удержать Британію отъ того, чтобы помѣшать Россіи идти на Константинополь *задача, состоящая въ недопущеніи славянской имперіи распространиться отъ одного моря до другаго лежитъ на Австріи* (это ли не откровенно!) Если Англія не имѣетъ болѣе довѣрія къ турецкимъ солдатамъ то *она можетъ довѣрять солдатамъ австрійскимъ, стоящимъ карауломъ у Порты* (!) Россія не можетъ подвинуться далѣе, потому что Австрія сильна (?) Далѣе—намекъ на посѣщеніе Бисмаркомъ Вѣны: *„событія этихъ недѣль даютъ британскому правительству основаніе думать, что если Австрія подвергнется нападенію, то она будетъ не одна.* Извѣстіе о заключеніи наступательнаго и оборонительнаго союза между Германіей и Австріей возбудило оживленную радость.“

Кого же мы то видимъ около себя?

Фельдмаршалъ Мантейфель, вступившій въ должность намѣстника Эльзаса-Лотарингіи, принимая въ Кольмарѣ депутацію отъ сословій и чиновъ, произнесъ рѣчь, которую, съ большимъ тактомъ—началъ съ увѣренія въ томъ, что онъ „уважаетъ чувство привязанности, питаемое эльзасцами къ великому государству, къ которому они принадлежали втеченіи 200 лѣтъ.“ Смыслъ рѣчи былъ, однако, тотъ, что Эльзасъ и Лотарингія—страны чисто нѣмецкія и въ нихъ никакая связь политическаго оттѣнка съ иностраннымъ государствомъ допущена не будетъ.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Издатель журнала „**Нива**“ имѣетъ честь заявить, что тѣмъ изъ гг. подписчиковъ, которые подписались **только на второе полугодіе „Нивы“, преміи ея: Воскресный вечеръ въ малороссійской деревнѣ и „Мининъ на Кремлевской площади въ Нижнемъ Новгородѣ призывающій народъ къ пожертвованіямъ на государственныя нужды“**, высланы не будутъ, какъ объ этомъ не разъ заявлялось. Подписавшіеся на второе полугодіе могутъ доплатить **2 руб. безъ пересылки, или 3 руб. съ пересылкою за первое полугодіе** и тѣмъ самымъ получить право на пріобрѣтеніе **№№ перваго полугодія съ преміями.**

Рѣшеніе задачи буквъ въ № 40 „Нивы“.

С	к	о	б	е	л	е	В
к	А	р	ф	а	г	Е	н
к	а	М	и	а	Н	і	я
	н	л	О	Е	щ	т	н
о	р	и	Г	И	н	а	л
м	о	Р	с	е	Л	и	н
г	У	д	с	о	н	О	в
Т	е	м	н	и	к	о	В

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы: **Спб.**, отъ гг.: Э И. Ваншейдта, А. Нольде-Старченко, княгини Бебутовой, Ефремова изъ Камвяки. А. Анисимова, И. И. Лазаревскаго, В. Волкова, Никрока, И Рябова, Е. Дрешерна, М. Полкана, М. Филипова, семейства В., Ночныхъ сторожей, В. Лукина, С. Тю—ина, О. Бушъ; **Москва**, отъ гг.: С. Н Придорогина. Миляева, В. Зѣвакина. Н. Свенторжецкаго, Н. Квасникова, А. Осипова, Б. Дрягалова, А. Монахова, Щеколдина, А. Дробиша, М. Травиной, В В., П. Еремина. М. Юрасова, С. Рупвевскаго, С. Гульковской; **Кронштадтъ** — Н. Даржана, **Череповецъ**—прот. Соловьева, **Владиміръ**—братьевъ Гвоздевыхъ, Сильверстова, **Касимовъ**—С. А , **Моршанскъ**—Н. М. Доброва, **Гдовъ**— О. Св. и И. Леб , **Рыбинскъ**—А Соловьева, Чудакова, **Нижній Новгородъ**—И. Павлова, **Царское село**—Н. Дѣдова, Ол. Грѣ Т—й и А. и К. Васильевыхъ, **Ломжа**—М. С. Новицкаго, **Старая Русса**—Е. Лавдау, **ст. Черная**—С. Лебедева, **Рязань**—И. Мшанина. Е. Н. Д. и Н. А. Н., **Ковель**—Рудницкаго и Смоленкова, **Якобштадтъ**—І. Соколовскаго, **Козловъ**—Д. В Ш., **Харьковъ**—М. Крона и Н. Рата, **Гатчино**—Ильютовича и Карпова, **Сосница** — Малашевича, **Кіевъ**—Я. Колубовскаго.

Рѣшеніе алгебраической задачи въ № 41 „Нивы“.

Обозначивъ неизвѣстныя черезъ x, y, z, t, w, получимъ:

$$\text{I) } x + y = 13; \quad \text{II) } 13 + z + t = 45$$

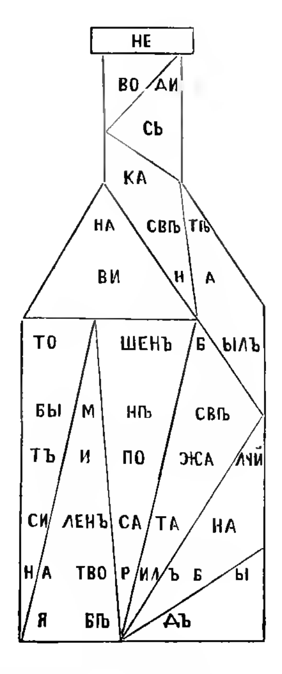
$$\text{III) } (u + t)^2 - u^2 = 59; \quad \text{IV) } x^2 + t^2 + y^2 + 529 - x + y = 1879.$$

Рѣшивъ уравненія и замѣнивъ искомыя цыфрами, соотвѣтствующими ихъ мѣсту въ алфавитѣ—получимъ:

$x = 9;\ y = 4;\ z = 15;\ t = 17;\ w = 29$ = **Игорь.**

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы: **С.-Петербургъ**, отъ гг.: А. Екенберга, В. Волкова, патріарха № 1, Н. Иванова, Леонт. Мих. Щербанова, А. Спарро, Крылова, Е. Тюрина, Ф. Петрова, В. Безпалова; **Москва**, отъ гг.: Зимарева, В. Зѣвакина, Л. Леонтьевой, М. Травиной, В. Румянцева, А Красовскаго, Ѳеоктистова, П. Крынина; **Владиміръ**—братьевъ Гвоздевыхъ; **Иваново-Вознесенскъ**—Егора Баля; **Моршанскъ**—Н. М. Доброва; **Царское Село**—Ол. Грѣ—пій; **Бѣлевъ**—Н. С. Яцова; **Ярославль**—Алексѣева; **Тула**—Н Сахарова, **Бѣжецкъ**—Бутенева; **ст. Черная**—С. Лебедева; **Рязань**—И. Мшанина; **Козловъ**—Д. В. Ш ; **Витебскъ**—І. Буйницкаго; **Кіевъ**—Я Колубовскаго.

Рѣшеніе задачи, помѣщенной въ № 40 „Нивы“.



Не водись-ка на свѣтѣ вина
Тошенъ былъ бы мнѣ свѣтъ,
И пожалуй—силенъ сатана—
Натворилъ бы я бѣдъ!

Н. Некрасовъ.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи прислали: **Спб.**, отъ гг.: Ф. Генвинга, П. Семенова, Кости и К°, М Филипова, д-ра Подкопалова, И. Рябова, Н. Иванова. В. Петровскаго, Ал. Макарова, П. Сберег—ва, Жанома У. съ Кл. Пр ; **Москва**, отъ гг.: В. Б., А. Вишневскаго, В. Елагина, Н. Рымарева, П. Еремина, Е. Н. Д. я Н. А. Н., В. Дрягалова, Стрѣлки Д А. Красовскаго, В. Зѣвакина, П. Зандгагена; **Псковъ**—Сулимо Самуйлы; **Вязники** — Потоловскаго; **Орѣхово-Зуево** — Е. А. Покровской; **Петергофъ**—Кудлая; **Юхновъ** — В Смирягина; **Моршанскъ**—Н. М. Доброва; **Владиміръ**—братьевъ Гвоздевыхъ; **Гдовъ**—И Лебедева; **Ярославль**—А. Ѳедотовскаго; **Козловъ**—Д. В Ш ; **Царское Село**—Н Дѣдова; **Вологда**—А. Ровье; **Кашинъ**—В. Струнниковой.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала «Нива» покорнѣйше проситъ гг. иногородныхъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

„По неимѣнію мѣста въ этомъ №, продолженіе статьи „Помпея“ помѣстимъ въ слѣдующемъ № 44.

СОДЕРЖАНІЕ: Кульджинскіе таранчи (съ рис.)—Стихотворенія: I. Въ горнихъ селеніяхъ. В. С. II. Послѣ бури. Д. Дмитріевъ.—Касимовская невѣста. Историческій романъ Вс. Соловьева. Продолженіе.—Къ преміямъ «Нивы» на 1879 годъ I. Воскресный вечеръ въ Малороссійской деревнѣ. II. Козьма Захарьичъ Мининъ Сухорукъ.—Графъ Л. Н. Толстой. (Очеркъ съ портр.)—В. Соловьева.—Спящіе бурлаки (съ рис.)—Коневецкій монастырь на Ладожскомъ озерѣ (съ рис.)—Уральскіе башкиры (съ рис.)—На Саймѣ (съ рис.)—Маленькій купальщикъ (съ рис.).—Политическое обозрѣніе.—Отъ издателя.—Заявленіе.—Рѣшеніе задачи буквъ.—Рѣшеніе алгебраической задачи.—Рѣшеніе задачи.—О перемѣнѣ адреса. Объявленія.

Издатель А. Ф. Марксъ. Редакторъ Ф. Бергъ.

X годъ | № 44

годъ X | 1879

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ «ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ» (отъ 20 до 40 модн. рис.)
Выданъ 29 Октября 1879 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40). Цѣна этаго № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

Открыта подписка на 1880 годъ.

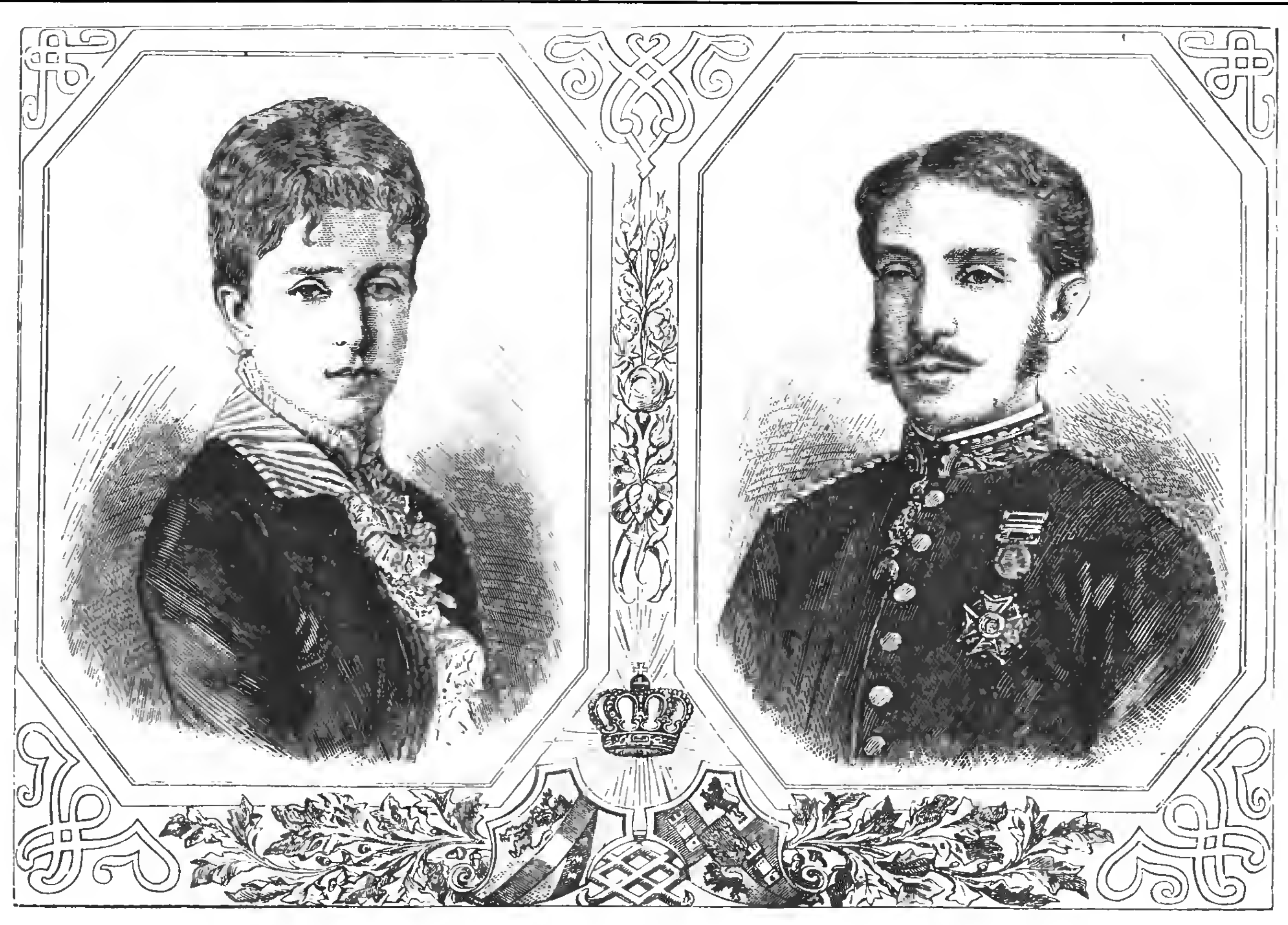
Подписная цѣна на годовое изданіе „НИВЫ“.

Безъ доставки въ Петербургѣ . . . . . . **4 р.** Съ доставкою въ Петербургѣ . . . . . . **5 р.** Безъ доставки въ Москвѣ чрезъ кн. магазины Живарева, Соловьева и Лакгъ . . **5 р.** Съ пересылкою въ Москву и другіе города Россіи . . . . . . **6 р.**

Просимъ гг. иногороднихъ подписчиковъ не замедлить возобновленіемъ подписки, такъ какъ, при общемъ числѣ 45,000 подписчиковъ, приготовленіе печатныхъ адресовъ требуетъ много времени.

Подписка на 1879 г. продолжается. Подписавшійся получаетъ журналъ съ перваго номера со всѣми преміями.

КОНТОРА ЖУРНАЛА «НИВА» ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ, ВЪ Д. № 9.



Альфонсъ XII, Король Испаніи и его невѣста, Эрцгерцогиня Христина. Грав. Э. Шмидтъ.

Король Испанскій, Альфонсъ XII и его невѣста, эрцгерцогиня Марія Христина.

Въ концѣ 1874 года, какъ извѣстно, генералъ Павіа, во главѣ своихъ войскъ, торжественно провозгласилъ упраздненіе въ Испаніи республиканской формы правленія и возстановленіе монархіи, въ лицѣ юнаго сына бывшей королевы Изабеллы и принца Франциска Ассиза,—короля Альфонса XII (род. 12-го ноября 1857 года). Не много времени протекло съ тѣхъ поръ, но за то не мало уже пришлось молодому государю перенести тяжкихъ испытаній и въ частной, и въ политической жизни своей. Потеря любимой молодой жены, посягательство Монкаси, упорная борьба съ карлистами, съ возставшими кубанцами (продолжающаяся, отчасти, и нынѣ), болѣе или менѣе постоянное броженіе въ средѣ республиканскихъ элементовъ, а также и въ странѣ древнихъ фуэросовъ—въ Баскской провинціи—все это составляетъ тотъ трудный путь, по которому юный вѣнценосецъ началъ первые шаги въ дѣлѣ управленія своимъ народомъ. Однако обстоятельства эти какъ бы закалили короля Альфонса; врожденный тактъ обогатился пріобрѣтеннымъ, правда дорогою цѣною, опытомъ. Мы видимъ сколько прозорливости выказалъ онъ въ выборѣ людей, сколько благоразумія въ системѣ управленія, системѣ, основанной на близкомъ знакомствѣ со страной.

Король Альфонсъ—стройный молодой человѣкъ, кажущійся нѣсколько старше своихъ лѣтъ (въ настоящее время ему около 22-хъ лѣтъ). Прекрасное воспитаніе и серьезное образованіе, полученныя имъ за границей (между прочимъ, онъ въ совершенствѣ владѣетъ, кромѣ родного языка, еще англійскимъ, нѣмецкимъ и французскимъ), его мужество, физическая сила и ловкость, высокія дарованія и основательное знакомство съ истиннымъ положеніемъ дѣлъ Испаніи—слишкомъ извѣстны всѣмъ и признаны, чтобы распространяться о томъ. Если не все идетъ такъ хорошо, какъ бы надобно было, то это приписываютъ не ему, а политическимъ партіямъ.

Альфонсъ XII, какъ уже возвѣщено, вступаетъ во второй бракъ. Невѣста—Эрцъ-герцогиня австрійская Марія-Христина, дочь покойнаго эрцъ-герцога Карла-Фердинанда, родилась 21-го іюля 1858 года, слѣдовательно почти одного возраста съ своимъ царственнымъ женихомъ. Принцесса—высокая стройная блондинка, прелестное лицо которой оживлено умными большими, голубыми глазами; габсбургскій фамильный типъ ясно выказывается, подобно тому, какъ почти у всѣхъ членовъ этого дома, въ очертаніи рта. Чрезвычайно привѣтливая, простая въ обращеніи, эрцъ-герцогиня Христина отличается живымъ и веселымъ характеромъ. Получивъ, подъ руководствомъ матери своей, строгое воспитаніе и многостороннее образованіе, она основательно знакома съ пятью языками; любознательность принцессы доходитъ до того, что она, вмѣстѣ съ братьями, изучала даже латинскій языкъ; кромѣ того будущая супруга испанскаго короля прекрасно рисуетъ и обладаетъ недюжиннымъ музыкальнымъ талантомъ. О качествахъ сердца эрцъ-герцогини достаточно будетъ сказать, что бо́льшую часть свободнаго времени она посвящаетъ благотворительности, выказывая особенную заботливость о дѣтяхъ.

Альфонсъ XII и эрцгерцогиня Христина недавно встрѣтились въ Аркашонѣ (на южномъ берегу Франціи), далѣе котораго испанскій этикетъ не дозволилъ молодому королю выѣхать для привѣтствованія невѣсты своей. Согласно новѣйшимъ свѣдѣніямъ, бракосочетаніе произойдетъ 5-го декабря нынѣшняго года.

Послѣ того какъ герцогъ Байленъ заявитъ отъ имени своего монарха формальную просьбу о рукѣ эрцъ-герцогини Маріи-Христины, ея высочество торжественно отречется въ присутствіи императорской фамиліи и герцога Байлена отъ правъ на австрійское престолонаслѣдіе. Эрцгерцогиня съ своею матерью выѣдетъ изъ Вѣны около 20-го ноября; къ этому сроку кортесы успѣютъ утвердить законъ о приданомъ будущей королевы. Эрцгерцогиня съ своей свитой пробудетъ два дня въ Парижѣ для свиданія съ королемъ Францискомъ и королевой Изабеллой; полагаютъ, что королева Изабелла не будетъ присутствовать при бракосочетаніи. Затѣмъ эрцгерцогиня отправится въ Испанію черезъ Прунъ и министры военный и иностранныхъ дѣлъ съ королевскими почестями проводятъ ее до дворца Прадо, близъ Мадрида, гдѣ она проведетъ недѣлю передъ бракосочетаніемъ, которое произойдетъ въ Мадридѣ, въ церкви Агоха. Придворныя празднества въ Мадридѣ будутъ отличаться большою пышностью; въ программу ихъ включенъ цѣлый рядъ торжественныхъ пріемовъ, процессій, парадныхъ спектаклей въ оперѣ, обѣдовъ, боевъ быковъ и національныхъ танцевъ,—словомъ все будетъ происходить такъ же, какъ и при первомъ бракосочетаніи короля Альфонса въ 1878 г. Эрцгерцогиня и мать ея явятся въ сопровожденіи нѣсколькихъ австрійскихъ и баварскихъ принцевъ, гофмаршаловъ, графовъ Бельгарда и Валькусти, графинь Фюрстенбергъ, Випа и Андраши, и доктора Капип. Большая часть этихъ лицъ послѣ бракосочетанія возвратится впрочемъ въ Австрію. Отъ иностранныхъ дворовъ для присутствія при бракосочетаніи будутъ присланы чрезвычайные послы.

Касимовская невѣста.

Историческій романъ Вс. СОЛОВЬЕВА.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

(Продолженіе).

II.

Тѣмъ же самымъ темнымъ зимнимъ вечеромъ одиноко сидѣлъ Дмитрій Сухановъ въ грязной горенкѣ заѣзжаго двора. Сильно измѣнился онъ за послѣднее время, будто постарѣлъ годовъ на десять. Лицо блѣдное, осунувшееся, подъ глазами круги темные; сидитъ онъ словно въ забытьи и тоска неотвязная сосетъ ему сердце.

За что все это? Жизнь была такая тихая, свѣтлая—и вдругъ будто буря налетѣла, все разметала, все перевернула и ничего-то, какъ есть ничего прежняго не осталось... Вѣдь послѣдніе деньки только и оставалось повидаться съ Фимой, отчаянно думаетъ онъ,—хоть всласть наглядѣться на нее передъ вѣчной разлукой. Но даже и тутъ опять незадача!“... Схватили его безталаннаго, потащили въ избу губную, да и засадили на нѣсколько дней вмѣстѣ съ ворами всякими и разбойниками. Что это за дни такіе были?!. Кругомъ грязь, смрадъ, мерзость всякая, богохульныя и непотребныя рѣчи раздаются, голодъ, холодъ... По нѣскольку разъ на день таскаютъ, задаютъ вопросы разные, къ дѣлу не идущіе, вынуждаютъ отвѣты несообразные, пугаютъ пыткою, казнью. Люди то, али звѣри, али совсѣмъ полоумные, которыхъ на цѣпь да за желѣзную рѣшетку посадить надо? Такимъ ли безбожнымъ жестокосердіемъ судей неразумныхъ правда явной становится, дѣла худыя да грѣхъ смертный наружу выступаютъ?!.

И не зналъ бѣдный Дмитрій долго ли такая пытка продлится, когда и прійдетъ избавленіе. До него никого не допускали. Не зналъ онъ, что Провъ цѣлые дни около избы торчитъ, какъ вѣрная собака. Не зналъ онъ, что за него царя проситъ Рафъ Родіоновичъ.

Вотъ наконецъ пришло избавленіе по указу царскому. Выпущенъ Сухановъ. Провъ съ радостными слезами кидается къ нему на встрѣчу; но онъ почти не замѣчаетъ своего преданнаго дядьку, онъ торопится скорѣй къ Всеволодскимъ. Вѣдь чуть съума не сошелъ, думая о Фимѣ и обо всемъ что тамъ творится. Жадно распрашиваетъ онъ Прова, но тотъ ничего путнаго сказать ему не можетъ. Не думалъ онъ о Фимѣ, когда бѣгалъ къ Рафу Родіоновичу, думалъ только объ избавленіи своего господина.

Наконецъ Дмитрій и у Всеволодскихъ. Фимы нѣту, она во дворцѣ—ихъ судьба рѣшается.

— Господи! да когда же, когда она вернется? дождусь ли ее?! отчаянно спрашиваетъ онъ Настасью Филипповну.

Но та на него поглядываетъ какъ то робко и смущенно.

— Вотъ что, Митенька, ты бы теперь, голубчикъ, къ себѣ отправился, время то ужъ позднее. Не гоже какъ-то, того и жди—ни вѣсть что говорить про насъ будутъ. Теперь ухъ какъ опасливо. Знамо дѣло—ничего дурнаго нѣту, а коли, неровенъ часъ, обнесутъ какимъ злымъ словомъ Фимочку,—такъ вѣдь и ей, и намъ всѣмъ сущая погибель... Такъ ужъ ты, Митенька, потерпи до завтраго... не въ обиду я это говорю тебѣ, а что дѣлать-то, родной мой, понимаю я какъ тебѣ горь-

ко оно... да нечего тутъ... не мы тому виною—такъ ужь знать самъ Господь... судьба такая. Ну да вѣдь и то сказать надо—невѣдомо еще что завтра то случится: можетъ Фима и ни съ чѣмъ отъ царя вернется, тогда на твоей улицѣ праздникъ, а ныньче то не взыщи на насъ—самъ понимаешь...

И жалко-то Настасьѣ Филипповнѣ Митю, и неловко какъ-то ей передъ нимъ, и досадно ей, что онъ нежданно-негаданно поперегъ дороги имъ всталъ.

— Ну чего торчитъ право, шепчетъ сидя въ уголку Пафнутьевна,—право, прости Госпоци, его еще день другой тамотко продержали бы, а то, какъ па зло, въ такое время выпустили—тошно глядѣть на него, да и Фиму, того и жди, смутитъ онъ...

Рафъ Родіоновичъ молчитъ, лицо у него хмурое, не въ духѣ онъ, глазъ не можетъ поднять на Митю, будто виноватъ передъ нимъ.

„Да виноватъ ли? думается ему.—Пріѣзжай Пушкинъ недѣлей позже, была бы рѣшена какъ слѣдуетъ свадьба—ну дѣло другое. А то какъ тутъ отказать было?!—погубить и себя и семью. Вѣдь не черезъ меня про Фиму узнали—отецъ Никола проболтался. Ну, а въ указѣ государевомъ прямо сказано, что кто будетъ дѣвку утаивать, да сткажетъ на Москву везти „того бить батоги нещадно.“ Да опять вотъ и теперь — вѣдь изъ двадцати десятковъ красавицъ въ числѣ шести она выбрана. Можетъ въ самую минуту эту, тамъ, во дворцѣ, государь ее видитъ, можетъ... Только нѣтъ, Господи, и къ чему эти мысли опять въ голову приходятъ... не надо ихъ... не о томъ я помышлять долженъ.... Фима моя, Фима, дочка любимая!.. А кабы и свершилось оно... было бы ей счастье? Можетъ горе одно, можетъ, ее жалѣючи, объ одномъ и надо молить Господа Бога, чтобъ того не свершилось, чтобъ вернулась она къ намъ, въ тишину нашу и бѣдность... хорошо бы зажила она съ Митей, а мы бы, старые, на нихъ радовались... И отъ чего это такъ тяжко на сердцѣ, словно передъ бѣдою? Ужь и впрямь—не бѣда ли... Создатель, не оставь насъ!.. А все же Митѣ нельзя здѣсь оставаться до рѣшенія. Завистниковъ много—оклевещутъ... Охъ, что-то будетъ?!. Рафъ Родіоновичъ присоединился къ Настасьѣ Филипповнѣ и уговаривалъ Митю дождаться до слѣдующаго утра, а теперь идти домой съ Богомъ, да хорошенько выспаться, а пуще всего не унывать духомъ.“

Грустно вздохнулъ Дмитрій, съ невольнымъ упрекомъ взглянулъ онъ на старыхъ друзей своихъ, которыхъ всегда такъ почиталъ и которые теперь его покинули въ такое тяжкое время. Уныло вышелъ онъ изъ дома Купріяновой и поплелся къ себѣ. Что-то странное и непонятное происходило въ душѣ его и если бы кто спросилъ у него, чего онъ ждетъ, осталась ли въ немъ надежда или онъ знаетъ, что судьба на вѣки разлучила его съ Фимой—онъ не могъ бы ничего на это отвѣтить. Онъ какъ то даже не думалъ о томъ, что будетъ завтра. Онъ просто тоскливо ждалъ и безумно хотѣлось ему увидѣть Фиму.

Послѣ безсонной мучительной ночи отправился онъ опять къ Всеволодскимъ. Отправился рано, съ намѣреніемъ у воротъ дождаться, взглянуть какъ повезутъ Фиму во дворецъ. И онъ дождался, увидѣлъ какъ вышла она съ крыльца, какъ ее посадили въ колымагу. Онъ едва не бросился вслѣдъ за нею, едва не закричалъ отъ тоски и боли, разрывавшихъ его сердце. Онъ вошелъ въ домъ Купріяновой и сразу почувствовалъ,—что всѣмъ, еще болѣе чѣмъ вчера, неловко въ его присутствіи, что онъ здѣсь совсѣмъ лишній. А между тѣмъ у него силъ не хватало уйти. По счастью Андрей былъ дома и хотя, занятой своимъ собственнымъ горемъ, онъ не могъ теперь думать о чужомъ горѣ; но все же немного разогналъ его мысли разсказывая о своей бѣдѣ-кручинѣ. Однако Дмитрій, внимательно его слушая, все же не понималъ его, ему странно казалось, что есть на свѣтѣ чья нибудь тоска кромѣ его тоски, чье нибудь горе кромѣ его горя.

Между тѣмъ время шло. Вдругъ Дмитрію показалось, что какъ то особенно забѣгали въ домѣ, на крыльцо всѣ кинулись. Кинулся и онъ вслѣдъ за другими, но что это было такое—онъ сообразить не могъ... Поднялись вопли, но не вопли горя, а всеобщей радости. Рафъ Родіоновичъ обнимался съ женою, съ Купріяновой, даже съ Пафнутьевной.

Какъ сквозь сонъ разслышалъ Дмитрій: „Царь выбралъ Фиму, она не вернется больше, она во дворцѣ осталась, она уже царевна!..“

Онъ стоялъ прислонясь къ стѣнѣ и опустивъ руки; лицо его было безсмысленно, въ головѣ не было ни одной мысли, сердце какъ будто перестало биться. Очнувшись немного, онъ увидѣлъ, что передъ нимъ стоитъ Рафъ Родіоновичъ съ Настасьей Филипповной. Оба они торжественно и степенно ему поклонились въ поясъ.

— Дмитрій Исаичъ, началъ старикъ Всеволодскій дрожащимъ голосомъ,—великое счастіе выпало намъ на долю—государь нынѣ избралъ себѣ въ супруги дочь нашу, Ефимью. Такова воля Господня. Смирись и ты передъ его волею... Не взыщи на насъ, безъ вины виноваты мы. Любили мы тебя съ измальства какъ сына роднаго—самъ знаешь не того ожидали. А теперь, коли точно ты добрый человѣкъ, забудь былое, словно никогда и не было, а мы тебѣ, какъ и всегда, однаго добра желаемъ. И коли что можемъ для тебя, видитъ Богъ, скажи только слово—все готовы сдѣлать...

— Да, ужь не взыщи, Митенька, сквозь слезы проговорила и Настасья Филипповна.—Невѣсту ты себѣ найдешь по сердцу; молодъ ты, Митя, а тутъ что ужь...

Она не договорила. Дмитрій взглянулъ на нихъ и вдругъ они оба, эти добрые люди, показались ему кровными врагами, показались отвратительными. Но онъ не сказалъ имъ ни слова, онъ только махнулъ рукою и кинулся вонъ изъ дому. За нимъ побѣжалъ Андрей — и хорошо сдѣлалъ.

Въ первую минуту, въ припадкѣ почти безумія, Дмитрій, можетъ быть, Богъ знаетъ чего надѣлалъ бы съ собою. Андрей крѣпко держалъ его за руку, привелъ въ заѣзжій дворъ и началъ его уговаривать, но чѣмъ онъ могъ его успокоить!?

— Оставь меня, Андрей, проговорилъ наконецъ Сухановъ,—оставь, никого теперь не могу видѣть!

— Да какъ тебя такого оставить? вѣдь ты на себя руки наложишь, вѣдь точно порченый, на тебѣ лица нѣту...

— Оставь, ничего я съ собою не сдѣлаю, только уйди, только не мучь меня,—не могу тебя видѣть. Потомъ... завтра... оставь меня... пробормоталъ Дмитрій.

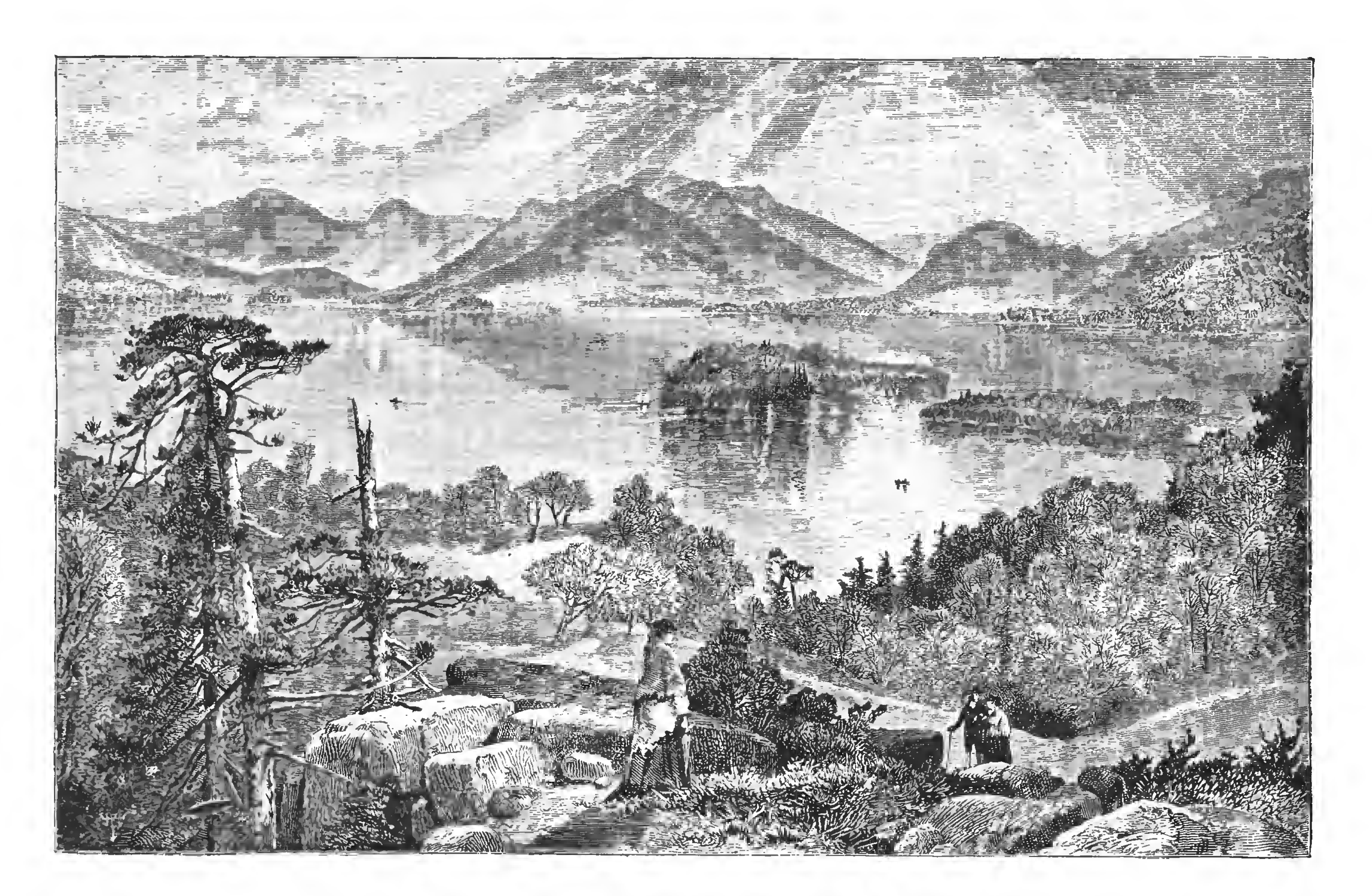
Андрей вышелъ, но остался тутъ же, въ сосѣдней горенкѣ, боясь чтобы другъ его не погубилъ свою душу.

Дмитрій сидѣлъ неподвижно, ему казалось, что онъ уже умеръ и что кругомъ его ничего нѣту—одно пустое пространство, одинъ мракъ непроглядный. Но вдругъ изъ этаго мрака ярко выдѣлялась какая нибудь минута прошлаго, ихъ общей жизни съ Фимой.

Вотъ вспомнилась ему она еще ребенкомъ... онъ ѣдетъ къ нимъ въ усадьбу, знойный день, пылитъ и громыхаетъ по дорогѣ его таратайка. Поле ужь позади осталось, онъ въѣзжаетъ въ рощу и ему на встрѣчу, мелькая межъ зелеными кустами, спѣшитъ Фима. Коса ея расплелась, на головѣ вѣнокъ изъ васильковъ, загорѣлыя щеки пылаютъ отъ зноя. Она весело смѣется.

— Подсади меня, Митя, умаялась больно—всю рощу обѣгала. Глядька-съ!..

Она показываетъ ему кузовокъ, верхомъ полный темнокрасными, душистыми ягодами лѣсной малины. Онъ подсаживаетъ ее въ таратайку, хлещетъ своего гнѣдка и лихо подкатываетъ къ усадьбѣ. А Фима все смѣется. И у него на душѣ становится ясно и весело отъ этаго ея звонкаго, беззаботнаго смѣха...



Видъ озера Георгія въ штатѣ Нью-Іоркъ (Америка). Съ фотогр. рис. и грав. Т. Мекензи.

Сваха. Ориг. рис. Тимоѳеева, грав. Флюгель.

Потомъ... потомъ недавно, послѣ нападенія Осины, въ его домѣ, эти тихіе, блаженные дни, эта поѣздка съ Фимой, ихъ любовь, счастье, что какъ сонъ мгновенный—мелькнуло и пропало...

Какъ ужаленный вскакиваетъ Дмитрій и начинаетъ рыдать и метаться.

— Да чего же я, вѣдь я зналъ, вѣдь я зналъ все заранѣе, еще передъ отъѣздомъ въ Москву. И развѣ я тогда не сказалъ ей, что не отойду отъ нея, что буду охранять ее ото всякой бѣды, отъ тайнаго лиха?!. такъ чего же я?!.. Моя жизнь—она кончена, да... я умеръ, на вѣки; но вѣдь она-то еще жива и я долженъ сдержать свою великую клятву!..

Что-то могучее, отрадное выростаетъ для него изъ этой мысли. Но это только мигъ одинъ, опять тоска, опять отчаяніе. И вмѣстѣ съ этой тоской, вмѣстѣ съ отчаяніемъ, полное безсиліе...

Вошелъ Провъ.

— Батюшка, Митрій Исаичъ, опомнись, Христа ради, не гнѣви ты Господа Бога, съ кѣмъ горе не случается, да и кто того горя не забываетъ! Прійдутъ еще наши красные деньки, поживемъ еще, порадуемся... Такъ-то, государь мой батюшка, Митрій Исаичъ... тряхни-ка головкой—вѣдь и горя то всего съ полгоря...

Ничего новаго, ничего особенно успокоивающаго не заключали въ себѣ слова Прова, но онъ съумѣлъ ихъ сказать съ такой лаской, что Дмитрій бросился къ нему и какъ малый ребенокъ тихо и долго плакалъ на груди его.

— А я съ вѣсточкой, сказалъ Провъ, когда замѣтилъ, что волненіе юноши нѣсколько стихаетъ. Онъ инстинктивно понималъ, что всего лучше теперь навести на новый предметъ мысли Дмитрія.

— Какъ бы ты думалъ, Митрій Исаичъ, кого я нонѣ подкараулилъ?.. Ну ка, скажи, отгадай! кого бы? да того самаго злодѣя Осипу! Вотъ те Христосъ—его самаго видѣлъ!..

— Что ты? гдѣ? внезапно встрепенувшись, спросилъ Сухановъ.

— Да не далече отъ Кремля. Сначала я было думалъ—опознался, да потомъ гляжу, нѣтъ—онъ! никто иной, какъ онъ! Пошелъ я за нимъ слѣдомъ и знаю теперь гдѣ и въ какомъ домѣ онъ прячется. Полагаю такъ, опять недоброе затѣваетъ и намъ нужно его выслѣдить; нынче поздно было, а завтра чѣмъ свѣтъ отправлюсь-ка я къ тому дому и разузнаю кто тамъ проживаетъ—все разузнаю.

— Да, да, конечно, сходи, проговорилъ Дмитрій уже нѣсколько оживленнымъ голосомъ,—нельзя же вѣдь такъ оставлять разбойника, пока онъ не въ надежномъ мѣстѣ, отъ него того и жди новыхъ напастей...

На томъ они и порѣшили.

III.

Въ слободѣ стрѣлецкой, на самомъ выѣздѣ, притаился маленькій домикъ. Домикъ этотъ принадлежалъ Михайлу Иванову, крестьянину боярина Никиты Ивановича Романова. Какимъ образомъ Михаилъ Ивановъ первоначально разжился—никому не было извѣстно. Поговаривали: то что онъ кладъ нашелъ гдѣ-то, то что ограбилъ кого-то на большой дорогѣ, а доподлинно ничего не знали. Одно только и было очевидно—это что у „Мишки“ дѣла идутъ самымъ лучшимъ образомъ. Обзавелся онъ и домкомъ, и огородомъ; держитъ работницу старуху нѣмую, которая на всѣ распросы только и знаетъ, что мычитъ да дико поводитъ своими косыми глазами. Стрѣльцы и ихъ жены частенько таки заглядываютъ къ Мишкѣ. У него вишь всегда можно выгодно купить какую нибудь вещь хорошую, съ его помощью можно устроить какую угодно сдѣлку—на всѣ руки Мишка.

Но продажа случайныхъ, а вѣрнѣе того—краденыхъ, вещей далеко не единственное его занятіе, у него совсѣмъ другой промыселъ, промыселъ тайный и выгодный: Мишка знахарь, да и какой еще!—всѣхъ знахарокъ на Москвѣ за поясъ заткнулъ. Онѣ со злости и досады лопнуть готовы, какъ только про него вспомнятъ. Мужикъ молодой, ражій, а у старыхъ бабъ хлѣбъ отнимать вздумалъ!

Но Мишка ровно никакого вниманія не обращаетъ на вражду знахарокъ. Съ каждымъ годомъ ростетъ и ростетъ его извѣстность, а съ нею вмѣстѣ и его достояніе; видимо-невидимо всякаго люду, начиная съ важныхъ бояръ и бояринь и кончая ихъ холопями, съ нимъ знакомство ведутъ. И къ себѣ на домъ его зазываютъ, и къ нему тайнымъ образомъ подъ вечерокъ навѣдываются.

Все онъ можетъ, все умѣетъ, всякое вѣдовство, всякая ворожба ему знаемы. Приключится ли съ ребенкомъ какимъ родимчикъ, али во рту жаба, онъ только побормочетъ что-то, обольетъ ребенка водицей, настоя травнаго дастъ ему выпить—не успѣютъ оглянуться—всякая хворость и проходитъ. Обиженъ ли кто, напраслину ли несетъ человѣкъ безвинный — только посовѣтуется съ нимъ, заплатитъ ему щедро, онъ ему поворожитъ и—смотришь—дѣло то и разъяснилось—обиженный человѣкъ свою правду доказалъ передъ добрыми людьми, отъ безчестья избавленъ. Случится ли гдѣ покража и въ такомъ дѣлѣ, какъ ни бейся, а тоже безъ Мишки обойтись невозможно. Онъ и вора укажетъ, и научитъ гдѣ отыскать вещь украденую; а то и такъ бываетъ, что по слову его, какъ по щучьему велѣнію, пропащее добро само собою вдругъ опять у хозяина окажется... Да и развѣ только это! — много и другихъ чудесъ разныхъ творитъ знахарь—Мишка.

Вотъ темнымъ вечеркомъ, вся закутанная, боязливо озираясь и прячась отъ людскаго глаза, пробирается къ нему въ домикъ молодица. Дрожащей рукою стучитъ она въ калитку. Выходитъ къ ней баба нѣмая, сказать ничего не можетъ, а только рычитъ, словно звѣрь лютый. Совсѣмъ уходитъ душа въ пятки у молодицы, но она подавляетъ свой ужасъ, едва слышнымъ голосомъ спрашиваетъ: „дома ли хозяинъ?“ Старуха грубымъ движеніемъ схватываетъ прибывшую за плечи и вталкиваетъ ее въ маленькій дворикъ, а ужъ оттуда въ темныя сѣни. Старая, нѣмая баба исчезаетъ. Молодица ни жива ни мертва стоитъ въ сѣняхъ, въ темнотѣ кромѣшной. Вдругъ дверь передъ нею отворяется и привѣтливый голосъ Михайлы Иванова говоритъ ей:

— Милости просимъ!

Она входитъ въ свѣтелку и переводитъ духъ. Свѣтелка довольно чисто прибрана, никакихъ въ ней нѣтъ ужасовъ, да и самъ знахарь-то молодецъ молодцомъ: рослый, румяный да чернобородый, глаза такіе зоркіе, рѣчи умильныя, ласковыя, такъ прямо въ душу и просятся.

— Чѣмъ твоему горю пособить могу? вкрадчиво спрашиваетъ онъ прибывшую.

Но та долго молчитъ, словъ не находитъ, только робко поглядываетъ на красавца знахаря. Онъ усаживаетъ ее на лавку и спокойно ждетъ. Наконецъ молодица мало по малу оправляется. Взволнованнымъ голосомъ, часто прерываемымъ рыданіями, начинаетъ она разсказъ свой. Разсказъ этотъ такого рода:

У молодицы, вотъ уже нѣсколько лѣтъ, мужъ да дѣточки малые; съ мужемъ жила она любовно, по заповѣди Божьей, и ничего дурнаго у нихъ въ семьѣ не случалось—одно слово: тишь да гладь, да Божья благодать—сосѣдямъ на зависть и удивленье. Только вдругъ около зимняго Николы, и нагрянула бѣда невѣдомо откуда. Сталъ мужъ чаще и чаще отбиваться отъ дома, совсѣмъ не тотъ, что прежде, сдѣлался. Не ласкаетъ больше ни жены, ни ребятъ малыхъ, ровно чужой въ домѣ, серчать началъ, да зря все, безъ всякой причи-

ны. Что ни день то бьетъ онъ ее горемычную, бьетъ чѣмъ попало и ругательски ругается. И такъ то идетъ у нихъ—что ни день, то хуже. Совсѣмъ нѣтъ житья ей, слезы всѣ выплакала. Думала, думала—откуда ей такое горе пришло, а вотъ старая тетка, спасибо ей, и надоумила: „Видно, говоритъ, у Парамона Петровича зазноба какая завелась, лиходѣйка тебѣ, змѣя подколодная оказалась!“... Въ такомъ горѣ лютомъ, въ такой обидѣ несносной и пришла она къ нему, знахарю; онъ, говорятъ, все можетъ, авось и въ ея дѣлѣ помощь ей окажетъ. При словахъ этихъ вынимаетъ молодица дары свои. Зорко посматриваетъ Мишка на добро принесенное, взвѣшиваетъ его цѣну. Подумавши хорошенько такъ начинаетъ онъ отвѣтъ держать молодицѣ:

— Твоему дѣлу, красавица, пособить я могу, дѣло не трудное!..

У нея духъ замираетъ отъ ожиданія и надежды. Колдунъ подходитъ къ печуркѣ, вынимаетъ оттуда что то завернутое въ тряпочку и подаетъ молодицѣ...

— Вотъ тебѣ соль, говоритъ онъ,—соль та не простая. Возьми-ка ты ее и храни крѣпко на крѣпко, а прійдетъ ночь, станешь ты спать ложиться, возьми въ ту пору эту соль, потри себя ею, только какъ будешь терсть-то, такъ приговаривай: „Какъ не могу я безъ своего живота быть, такъ и онъ (мужнино ты имя назови) не моги безъ меня жить; питьемъ меня не запивай, ѣдой не заѣдай, гульбой не загуливай и сномъ не засыпай; не моги часу часовать, минуты миновать и на ветху, и на молоду, аминь.“ Повтори ты слова эти три раза и такъ дѣлай три ночи къ ряду, а потомъ ту соль и всыпь мужу въ похлебку. Какъ поѣстъ онъ, такъ опять къ тебѣ и вернется, всякую зазнобу свою забудетъ.

Молодица начинаетъ твердить слова волшебныя и вытвердивъ ихъ наизусть, съ глубокими поклонами и причитаніями уходитъ отъ Мишки. Спѣшитъ она, полная вѣры, къ себѣ домой и все твердитъ: „какъ не могу я безъ своего живота быть...“

Три ночи до красна натирается она заговоренной солью... Всѣ дни сама не своя ходитъ, то краснѣя, то блѣднѣя какъ преступница. Съ сердечнымъ замираніемъ всыпаетъ соль въ похлебку, а когда мужъ ѣстъ — такъ она не смѣетъ и взглянуть на него; перекреститься хочетъ, да вó-время одумается, знаетъ: дѣло-то вѣдь нечистое, колдовское —крестъ святой весь заговоръ уничтожитъ. Ну а потомъ что нибудь да случится: или мужъ за умъ возьмется, перестанетъ жену бить напрасно, перестанетъ гулять да пьянствовать, или въ конецъ забьетъ ее.

Но чтó бы ни случилось, хоть въ гробъ уложи мужъ жену неповинную, а славѣ Мишки-знахаря ущербу все же не будетъ. Вѣдь въ такомъ дѣлѣ нужно быть очень осторожнымъ, можетъ одно слово не такъ сказала,—вотъ и потеряла ворожба свою силу—колдунъ тутъ, знамо дѣло, ни причемъ, не его вина.

Приходили къ Мишкѣ-знахарю и со двора государева разные люди просили его помощи: какъ царскій гнѣвъ обратить на милость, какъ получить расположеніе людей нужныхъ и сильныхъ. Мишка ни отъ чего не отказывался, все по плечу ему было и жилъ онъ весело, въ свое полное удовольствіе. Не одна молодица, прійдя къ нему за совѣтами, въ концѣ концовъ плѣнялась его красотою румяною, его рѣчами хитрыми да умильными, и потомъ ужъ не за совѣтами, а за весельемъ къ нему возвращались. Многое могла бы поразсказать Мишкина старуха кабы языкъ ее слушался. У Мишки было не мало пріятелей, старыхъ товарищей, которые являлись откуда то издалека и по большей части хоронились отъ свѣта денного, да отъ глаза людскаго. Онъ тѣхъ пріятелей, тоже не даромъ конечно, въ домикѣ своемъ укрывалъ, изъ бѣды выручалъ всякихъ. Одно слово—колдунъ былъ и на эти дѣла опасныя...

IV.

Яковъ Осина, выйдя отъ боярина Морозова темною ночью, не обращалъ никакаго вниманія на метель и вьюгу и скорымъ шагомъ, порою чуть не по колѣна уходя въ снѣжные сугробы, спѣшилъ по Московскимъ улицамъ и переулкамъ. Перебрался онъ черезъ Москву-рѣку, очутился въ слободѣ стрѣлецкой и наконецъ благополучно добрался до домика Михайлы Иванова. Три раза ударилъ онъ въ ворота и свиснулъ. Самъ хозяинъ отворилъ ему и ввелъ въ свѣтлицу.

— Ишь ты, полуночникъ, ворчалъ Мишка,—а я ужь думалъ совсѣмъ не вернешься, думалъ тебя сцапали... Гдѣ шатался?

Осина скинулъ свой овчинный тулупъ, пообчистился отъ снѣгу, подошелъ къ Мишкѣ и весело хлопнулъ его по плечу своей тяжелой рукой.

— Не ворчи ты, красная рожа, ухмыляясь сказалъ онъ,—еще може и не народился тотъ человѣкъ, который меня сцапаетъ. Дѣло я нонѣ сдѣлалъ — вотъ что! не шатался, не слонялся, а у нашего Мороза по сю пору въ боярскихъ его хоромахъ за хозяйскою романеей просидѣлъ—вотъ оно что! Ну, братъ, раскрывай карманъ—и на твою долю не мало рублевиковъ выпадетъ. Понагрѣемся, а я и животы свои спасу, да и сердце облегчу не мало... Дѣло ухъ какое! золотое дѣло!

Мишка повозился у печки, высѣкъ огня, поставилъ на столъ зажженную лучину и сѣлъ на лавкѣ вмѣстѣ съ Яковомъ.

— Да ужь коли съ Морозомъ поладилъ — дѣло настоящее; отъ этого обмана не будетъ, я его не впервые знаю, онъ нашимъ братомъ не гнушается и коли вѣрно служить ему, такъ не обидитъ. Говори-ка, Осинушка, что у васъ такое? по какого звѣря охота будетъ? Кажись, намедни ты болталъ что-то да я не вслушался.

Осина началъ передавать колдуну подробности своего дѣла, часть котораго впрочемъ была ему уже извѣстна. Мишка внимательно слушалъ и наконецъ проговорилъ:

— А безъ меня тебѣ тутъ никакъ обойтись невозможно!

— Я и самъ про то знаю. Такъ и боярину докладывалъ, что мы съ тобою сообща орудовать будемъ.

— Что же, это пожалуй можно, опять подумавши проговорилъ Мишка.—Только надо намъ будетъ одну тутъ бабенку провѣдать, безъ нее и мы съ тобой, старые волки, ровнехонько ничего не подѣлаемъ. Ты можетъ думаешь, что я какъ въ лѣсныхъ скитахъ таился, такъ и взаправду колдовствамъ разнымъ и чертовщинѣ, прости Господи, выучился?! Не велика, братъ моя чертовщина! только бабъ да дураковъ тою чертовщиной морочить можно; мы же съ тобой не таковскіе—самаго чорта заткнемъ за поясъ; такъ что намъ въ этой чертовщинѣ. А испортить дѣвку, въ гробъ вогнать—это и безъ вѣдовства можно,—дѣло немудреное...

— Стой, что ты? вдругъ перебилъ Осина — али ты не разслышалъ? Зачѣмъ въ гробъ вгонять—не того мнѣ надо! Я тебѣ, братъ Мишка, какъ на духу всю душу выложилъ, говорю—не жизнь мнѣ, пока не сорву обиду свою съ того Рафа, а дѣвку нужно только пустить за порченную, а потомъ она и мнѣ пригодится. Эхъ! да ты и не видалъ еще такой дѣвки!

Мишка сидѣлъ да усмѣхался.

— Прытокъ больно, Яшка, какъ посмотрю, видно сѣдина въ бороду, а бѣсъ въ ребро. Ну да ладно, и безъ порчи обойдемся, только бабу все же намъ нужно. Есть у меня такая напримѣръ, вдовица честная, Манкой Харитоновой прозывается, второй годъ ее знаю... Не наша, не изъ крестьянства, подымай выше! Мужъ то ейный изъ дворянскихъ дѣтей былъ, а сама она до сей поры во дворцѣ служитъ, въ постельницахъ тамъ была у покойной царицы, не мало добра всякаго изъ дворца вы-

несла; баба, говорю, шустрая, себя не забываетъ.... а нонѣ ей дѣла особеннаго пока не положено, только живетъ она все же въ Кисловкѣ и кормы царскіе получаетъ. Не больно молода, да изъ себя красивая—одно слово бѣсъ баба. Хитрости въ ней этой—и не сочтешь. Ну вотъ, какъ ни ловка, какъ ни шустра, а все же баба и полюбился ей хоть бы нашъ братъ... И частенько она ко мнѣ заглядываетъ, по одному моему слову на всякое дѣло пойдетъ, къ тому же и до денегъ жадна больно.

— Ну, а коли выдастъ? опасливо спросилъ Яковъ Осипа.

— Да что же, на вѣтеръ я лаять не стану—шкуры мнѣ своей не жаль что-ли? Ужь коли я говорю что—значитъ знаю... Завалимся-ка, братъ, спать теперь, а завтра поранѣе въ Кисловку, самъ увидишь какая баба, она насъ вокругъ пальца обведетъ. Да нѣтъ, что тутъ толковать! безъ нее никакъ въ этомъ дѣлѣ обойтись невозможно. Она всѣ ходы во дворцѣ знаетъ, всякіе тамошіе порядки да свычаи...

— Ну, коли такъ—инъ ладно! проговорилъ Осипа,—только бы поскорѣе все это, мѣшкать то часу нельзя, день пропустимъ, все пропало—и Морозовъ нашъ пропалъ, и мы пропали. А ужь мнѣ тогда что же? только руки на себя наложить останется...

Мишка затушилъ лучину и оба они, раздѣвшись, завалились на полати.

V.

Возлѣ Никитскаго дѣвичьяго монастыря, между улицами Никитской и Смоленской, которая впослѣдствіи названа Воздвиженской, помѣщалась царицына слобода Кисловка. Еще съ XV вѣка здѣсь обыкновенно жили служители и служительницы великихъ княгинь Московскихъ, а потомъ и царицъ—люди младшаго царицына женскаго и мужскаго чина, то есть: постельницы, мастерицы, мастеровые люди, дѣти боярскіе и такъ далѣе. Кисловка занимала большую улицу и пять переулковъ; строенія здѣсь, какъ и во всей почти тогдашней Москвѣ, были очень скучены и представлялись однообразнымъ темнымъ рядомъ высокихъ избъ съ маленькими оконцами. Дворовъ было больше сотни и каждый занималъ пространство отъ 4 до 6 саженъ. Владѣлецъ двора, въ случаѣ отставки—выбытія изъ чина, свозилъ обыкновенно свои хоромы, а то продавалъ ихъ тому, кто заступалъ его мѣсто. Случалось и такъ, что дворъ отдавался жильцамъ за плату по три алтына и двѣ деньги съ сажени. Своимъ внутреннимъ устройствомъ Кисловка разнилась отъ другихъ Московскихъ слободъ. Въ ней не было ни старосты, ни сотскаго, ни десятскихъ; она управлялась приказомъ царицыной мастерской палаты, откуда въ нее назначался особый управитель-приказчикъ изъ дѣтей боярскихъ. Такому приказчику выдавалась „Наказная память“, т. е. инструкція, въ которой говорилось, что приказчикъ ставится надъ дѣтьми боярскими и всякихъ чиновъ людьми, проживающими въ Кисловкѣ своими дворами. Ему поручалось наблюдать, чтобы слободскіе жители „виномъ и табакомъ не торговали, корчемъ не заводили, никакаго воровства не чинили, пріѣзжихъ и пришлыхъ всякихъ чиновъ людей, не сродичей къ себѣ во дворы никого не принимали и изъ дворовъ своихъ на улицу всякаго помету не метали, а винопродавцевъ, и питуховъ, и корчемниковъ, и воровскихъ людей приводили бы въ Приказъ царицыной мастерской палаты къ дворецкому и дьякамъ. А буде ихъ оплошкою и нерадѣніемъ что объявится, и учинится великому государю вѣдомо мимо ихъ, и имъ, приказчикамъ, за то быти въ опалѣ и въ жестокомъ наказаньи безо всякія пощады“.

Для того чтобы приказчики могли въ точности исполнять такіе указы и охранять слободу отъ всякихъ воровскихъ людей, Кисловка, въ концѣ четырехъ своихъ переулковъ, была заставлена рѣшетками, а пятая улица съ переулкомъ наглухо загорожена бревнами. Въ серединѣ рѣшетки, для проѣзда, была устроена широкая брусяная калитка; днемъ она отворялась, а на ночь задвигалась желѣзными замками. У каждой рѣшетки была поставлена сторожевая изба, въ которой жилъ рѣшеточный сторожъ, рачительно наблюдавшій за порядкомъ въ своемъ участкѣ. Рѣшетки Кисловской слободы по своему мѣстоположенію носили слѣдующія названія: Воздвиженская, Никитская, Ивановская,—названіе четвертой не дошло до насъ.

Такое устройство царицыной слободы дѣлало ее образцовой относительно порядка, и она въ этомъ отношеніи не имѣла ничего общаго съ остальными частями города. Но если въ ней и царствовало постоянное спокойствіе, если на улицѣ не слышно было ни криковъ, ни драки, не валялись пьяные, если случаи воровства и разбоя были рѣдки, то жители Кисловки все же находили возможность зачастую отравлять спокойствіе этаго завѣтнаго уголка всякими тайными, недобрыми дѣлами. Иногда бывало и такъ, что они, даже безо всякой вины со своей стороны, подвергались различнымъ невзгодамъ. Рѣдкій годъ проходилъ безъ того, чтобы въ Кисловкѣ не производилось какого нибудь строжайшаго слѣдствія, не исполнялась казнь надъ кѣмъ нибудь изъ ея жителей, а преимущественно жительницъ.

Дворъ русскихъ царей того времени пуще всего на свѣтѣ боялся однаго призрака, и въ то же время всюду искалъ его. Призракъ этотъ былъ—порча, отрава, ворожба всякаго рода, направляемыя яко бы на кого либо изъ членовъ царскаго семейства и ихъ приближенныхъ. Мы уже видѣли, съ какими предосторожностями царь принималъ пищу и питье и одѣвался; тѣ же самыя предосторожности принимались и въ отношеніи царицы, царевичей и царевенъ. Кажется трудно было при всемъ этомъ допустить возможность какой нибудь бѣды; но съ одной стороны у страха глаза велики и бѣду искали и видѣли тамъ, гдѣ ея вовсе не было, съ другой стороны призракъ порчи давалъ возможность всякимъ недобросовѣстнымъ и злымъ людямъ пользоваться имъ для своихъ собственныхъ цѣлей. Призракъ порчи дѣлался орудіемъ мести, самымъ легкимъ и безопаснымъ орудіемъ. Прійдетъ какая нибудь верховая боярыня, а то и прислужница изъ низшаго разряда и доноситъ царицѣ, что у нихъ „на Верху не ладно“, такая-то, молъ, злоумышляетъ противъ царскаго здравія—слѣдъ вынимаетъ, зелье разное при себѣ держитъ“.

Царица пугается, въ свою очередь спѣшитъ доложить царю о такой опасности.

И вотъ начинается сыскное дѣло. Призывается царицынъ дьякъ и поручается ему хорошенько разспросить оговоренную злоумышленницу. Схватываютъ несчастную женщину. Она теряется отъ страха, наговариваетъ на своихъ товарокъ и вся Кисловка приводится въ движеніе — во всѣхъ дворахъ обыски. Открывается цѣлый рядъ невѣроятныхъ для нашего времени отношеній, поступковъ и понятій, выходятъ на сцену разныя знахарки, колдуньи и колдуны вродѣ Мишки Иванова. Доподлинно дѣлается извѣстно, что такая то Степанида или Катерина носитъ съ собою въ Верхъ мышьякъ, что мышьякъ тотъ получила она отъ сестры своей Онтониды, а та въ свою очередь добыла его отъ знахарки Окулины; съ знахаркою познакомила-де ее тетка Палагея и такъ далѣе.

Потомъ мышьякъ оказывается вовсе не мышьякомъ, а простою солью, невиннымъ приворотнымъ зельемъ, необходимымъ для возвращенія любви или мужа, или возлюбленнаго. А между тѣмъ десятки оговоренныхъ и причастныхъ къ дѣлу подвергаются пыткѣ. Пытка страшная: снимутъ съ обвиненнаго или обвиненной рубашку, руки подлѣ кисти скрутятъ позади веревкою, ноги свя-

Кормленіе голубей. Картина А. Эхтлера, грав. Фоминъ.

жутъ ремнями, подымутъ на дыбу, палачъ станетъ въ ноги на ремни и оттягиваетъ. Руки изъ суставовъ вонъ выйдутъ а палачъ начинаетъ бить кнутомъ, да такъ, что черезъ часъ мясо со спины клочьями валится. И много всякихъ пытокъ, одна другой страшнѣе.

Присмирѣетъ Кисловка послѣ такого дѣла, всѣ другъ отъ дружки сторонятся, сестра сестрѣ, братъ брату не довѣряютъ. А смотришь—прошло немного времени и опять кто нибудь носитъ въ карманѣ соль заговоренную, съ знахарями да знахарками водится, вынимаетъ слѣдъ царскій. И идетъ сыскное дѣло одно вслѣдъ другому, и стоитъ надъ всѣми, разростаясь все больше и больше, чудовищный призракъ колдовства и порчи, противъ котораго безсильны всѣ наказы мастерской палаты, всѣ рѣшетки съ желѣзными запорами...

Въ эту-то самую, тщательно охраняемую и злополучную Кисловку раннимъ утромъ направлялся Яковъ Осина со своимъ пріятелемъ Мишкой. У Никитской рѣшетки остановилъ ихъ сторожъ и спросилъ къ кому и по какому дѣлу идутъ они. Назвали они себя купцами и сказали, что идутъ къ Манкѣ Харитоновой, несутъ ей для продажи мѣху на шапку, что она вчера у нихъ сторговала. Сторожъ пропустилъ и пріятели пошли дальше.

Манка встрѣтила ихъ очень радушно и взглянувъ на нее Осина сразу убѣдился, что она именно такая баба, какую имъ нужно. Въ какіе нибудь десять минутъ она успѣла показаться ему и скромницей, и глупенькой, и въ концѣ концовъ, узнавъ въ чемъ дѣло, вдругъ развернулась во всемъ своемъ блескѣ. Ее нечего было уговаривать и доказывать выгодность предпріятія,—она хорошо знала, что Морозовъ въ долгу не останется, что дѣло прибыльное, и поэтому тотчасъ же взялась за него.

— И въ самое вы время подошли, сказала она,—еще съ вечера насъ оповѣстили, что будутъ собирать изъ бывшихъ царицыныхъ постельницъ опять въ Верхъ для службы новой царевнѣ. Въ полдень я въ Кремлѣ буду и ужъ какъ ни на есть, а доберусь до царевны—я не я, коли не съумѣю обойти ее. На меня то положитесь, да и сами не плошайте.

Затѣмъ она обратилась къ Мишкѣ.

— А тебѣ, чай, нечего росписывать какъ до меня въ теремѣ добраться, коли что нужно всегда сговоримся, теперь же вамъ засиживаться нечего, отваливайте по добру по здорову. Опаска то не мѣшаетъ, чтобы насъ не очень то люди вмѣстѣ видѣли....

Осина вышелъ первый отъ своей новой знакомой. Онъ не хотѣлъ мѣшать товарищу, у котораго съ Манкой могли быть и другаго рода объясненія. Онъ нахлобучилъ на самые глаза себѣ шапку, ушелъ весь въ овчинный воротникъ своего тулупа и самодовольно думалъ:

— А ну ка, сыщи теперь Осину! пускай они себѣ, голубчики, по всей Москвѣ рыщутъ, а мы вотъ какъ, среди бѣла дня, по Московскимъ улицамъ похаживаемъ.

Нѣтъ, только не унывать, только смѣлѣе—и все въ рукахъ моихъ будетъ. Они чаяли—приказъ отданъ, такъ Осина, какъ заяцъ, самъ имъ въ руки дастся! какже! Больно скоро—обождите малое время... Отслужу я тебѣ, Рафъ Родіоновичъ, отслужу родимый!.. да и Фиму то, голубку, можетъ еще цѣловать да миловать придется... „Царевна!“—шутка ли!.. то то лафа будетъ!..

(Продолженіе будетъ).

Среди облаковъ.

(Очеркъ)

Къ рисунку А. Тиссандье.

30-го іюля сего года съ газоваго завода Ла Вилета поднялся аэростатъ „Насіональ.“ Въ лодкѣ были Альбертъ и Гастонъ Тиссандье, молоденькая жена А. Тиссандье и Арманъ Пети устроитель и собственникъ аэростата. Поднятіе, предпринятое съ научными цѣлями, было въ высшей степени удачно. Тянулъ слабый сѣверо-восточный вѣтеръ и не ощущалось холода. На 600 метрахъ высоты они прошли сквозь гряду мелкихъ, густыхъ облаковъ и тутъ ихъ охватило сыростью—что производило ощущеніе въ родѣ того, какъ входишь въ теплый день въ сырой погребъ. Затѣмъ уже на высотѣ 1700 метровъ (около 1½ версты) предъ воздухоплавателями открылось несравненное, величественное зрѣлище. Съ одной стороны солнце, окруженное широкимъ кольцомъ, садилось среди массы пурпуровыхъ облаковъ; съ другой—горизонтъ пересѣкался радугой среди облаковъ блѣдно-палевыхъ дымчатыхъ. А. Тиссандье срисовалъ на мѣстѣ эти чудныя сочетанія облаковъ и здѣсь на нашемъ рисункѣ воспроизведенъ мастерской набросокъ его, сдѣланный на такой высотѣ. Спустились путники близь Ципапа (деп. Сены и Марны) при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, проведя три часа среди облаковъ. Тиссандье смѣлый и опытный воздухоплаватель, но не всегда его путешествія такъ счастливо кончались. Прежде чѣмъ мы приступимъ къ изложенію любопытныхъ подробностей воздушныхъ путешествій, скажемъ предварительно нѣсколько словъ.

„Воздушный шаръ представляетъ, говоритъ Глешеръ—лишь зачатокъ болѣе совершеннаго летательнаго снаряда, который будетъ изобрѣтенъ впослѣдствіи, когда мы ближе познакомимся съ условіями движенія въ высокихъ слояхъ атмосферы. Аэростаты начали въ послѣднее время получать нѣкоторое примѣненіе во время войны, но въ жизни будущихъ поколѣній, я не сомнѣваюсь, имъ суждено играть первостепенную роль“ (Gleschег p. 13).

До изобрѣтенія воздушныхъ шаровъ, не было средствъ изучать свойства атмосферы въ значительномъ разстояніи отъ земли—даже при самыхъ высокихъ восхожденіяхъ на горы, все же мы остаемся на земной поверхности. Первыя научныя наблюденія на значительной высотѣ (4800 м.) сдѣланы Соссюромъ на вершинѣ Монблана въ 1789 г. уже черезъ четыре года послѣ перваго воздушнаго путешествія Шарля. Франція подарила міру аэростаты, Шарль и Монгольфьеръ сдѣлали первыя примѣненія. 21 октября 1783 г. было предпринято *первое воздушное путешествіе*—впервые люди рѣшились отважно ввѣрить себя неизвѣданному пространству атмосферы. Они поднялись изъ парка замка Ла Мюэтъ въ 1 часъ пополудни. Людовикъ XVI съ трудомъ далъ позволеніе на это предпріятіе. Онъ боялся чтобы ученые не погибли въ невѣдомомъ мірѣ метеоровъ, отъ какой нибудь таинственной причины; чтобы огонь Монгольфьера не надѣлалъ бы пожаровъ по пути. Король дозволилъ сначала пустить шаръ лишь съ двумя преступниками, приговоренными къ казни. Пилатръ де Розье, первый аэронавтъ, возмущается отъ одной мысли, что „слава перваго поднятія на воздухъ достанется отребью человѣчества.“ Онъ убѣждаетъ, умоляетъ и благодаря герцогинѣ Полиньякъ, получаетъ разрѣшеніе и совершаетъ первое поднятіе, въ сопровожденіи друга своего маркиза д'Арланда. Поднялся первый шаръ съ пассажирами, пролетѣвшій надъ Парижемъ; протоколъ объ этомъ событіи подписанъ Веніаминомъ Франклиномъ. Первый же шаръ безъ людей пущенъ въ Парижѣ съ Марсова поля 27 августа 1783 г. Когда, наполнивъ газомъ, несли шаръ при факельномъ освѣщеніи ночью черезъ столицу, публика была глубоко поражена невиданнымъ зрѣлищемъ. Великъ былъ энтузіазмъ, когда шаръ поднялся и скрылся за облаками и опять появился. Шелъ сильный дождь, была гроза, но толпа не расходилась. Поднявшись высоко, шаръ треснулъ отъ напора газа, началъ опускаться и упалъ близь д. Гонессъ. Жители толпами сбѣжались къ чудовищу. Оно упало съ неба, говорили они, говорили что это кожа какого то апокалипсическаго звѣря, били шаръ цѣпами, кололи вилами. Разсказывали, что мѣстный кюре вышелъ съ крестнымъ ходомъ противъ необыкновенной массы, какъ бы живой, вздрагивавшей отъ порывовъ вѣтра. Процессія медленно приближалась къ чудовищу, кто то выстрѣлилъ, пробилъ оболочку и газъ вышелъ. Чудовище испустило духъ, къ нему бросились но—чуть не задохлись отъ ядовитаго газа. Останки жертвы привязали къ хвосту лошади и погнали ее по полю. Обнародовано было вслѣдствіе этаго правительственное заявленіе, „что шары эти не звѣри, что это просто тафтяная оболочка, наполненная газомъ, что пускаются они для изученія ихъ полета, чтобы потомъ для науки извлечь пользу“.

Аэронавты съ восторгомъ припоминаютъ впечатлѣнія своихъ путешествій. „9 октября 1863 г. говоритъ Глешеръ, мы поднялись на высоту 7000 ф. надъ уровнемъ Темзы. Мы отчетливо видѣли громадную массу городскихъ домовъ и предмѣстья. Но вотъ шаръ быстро поднимается все выше и выше. Жители земли никогда не увидятъ тѣхъ чудныхъ золотистыхъ оттѣнковъ, которые все болѣе усиливались, чѣмъ больше мы поднимались. Никогда и не подозрѣвалъ я о такомъ правильномъ гармоническомъ распредѣленіи оттѣнковъ, концентрически исходящихъ отъ свѣтящаго центра—солнца. Металлическій блескъ

оттѣнковъ все ослабѣвалъ, и вдругъ подъ угломъ къ солнцу появилось облако удивительнаго нѣжно-розоваго цвѣта. Чтобы оцѣнить всю красоту облачныхъ оттѣнковъ надо подняться на ту высоту, гдѣ облака эти наполняютъ всю сцену.“

„А ночью! Носиться невидимкою во мракѣ, скрытно и безмолвно проходить цѣлыя царства, города, мелькающіе одинъ за другимъ съ волшебной быстротою. Холодъ и тишина. Странное сознаніе, что виснешь одинъ въ разстояніи 5000—6000 ф. надъ землею. И случается, что вдругъ во время самаго глубокаго молчанія и мрака, слышишь надъ головою ужасающій шумъ, словно лопнула ткань и газъ съ силой рвется изъ шара—но то просто шумитъ сѣть по поверхности шара; по контрасту съ тишиною, звукъ кажется гораздо громче.

„Послѣ полуночи время идетъ еще скорѣе. Въ 1 ч. 30 м. уже замѣтно начинаетъ алѣть утренняя заря, хотя пространство все еще затянуто туманомъ. Когда шаръ летитъ надъ облаками—луна освѣщаетъ его во всемъ блескѣ и царитъ надъ всею волшебною панорамою. Но вотъ загорается заря. Разноцвѣтныя облака волшебно мѣняются, точно долины, горы и ущелья живописно-раскиданныя въ пространствѣ. Зрѣлище напоминаетъ рисунки на агатовыхъ камняхъ. Иногда вдругъ на высокихъ сѣдыхъ горахъ покажется угрюмый городъ со своими башнями и укрѣпленіями, точно какой нибудь старинный городокъ на Альпахъ.“

Странное, необычайное впечатлѣніе производятъ звуки земли, долетающіе на такую высоту.

„Мы были на высотѣ 2,400 метровъ, подъ нами лежала равнина облаковъ, разсказываетъ Фламаріонъ (de Paris en Prusse), когда до насъ вдругъ донеслись звуки Angelus. То были первые звуки въ этотъ полетъ, донесшіеся до насъ съ земли. Раздался, чрезвычайно пріятный здѣсь, звонъ колоколовъ и затѣмъ пушечный выстрѣлъ. На высотѣ 1,600 метровъ до насъ донесился лай собакъ и бой барабана. Въ 6 ч. 25 м. мы слышали какъ вышелъ поѣздъ со станціи; въ этомъ мы убѣдились по характерному звуку колесъ у стрѣлки. Справились съ указателемъ желѣзныхъ дорогъ—оказалось что это идетъ поѣздъ изъ Бретиньи“.

„На высотѣ 700 метровъ, въ густомъ слоѣ бѣлыхъ облаковъ до насъ доносились, разсказываетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, звуки прекраснаго инструментальнаго оркестра. Казалось, что *концертъ исполнялся въ самомъ облакѣ*, всего въ нѣсколькихъ метрахъ разстоянія. А вверху, и внизу, и по сторонамъ лежали только массы бѣлаго, молочнаго, недвижнаго тумана“...

„Мнѣ случалось наблюдать Лондонъ ночью, говоритъ Глешеръ, случалось также пролетать надъ нимъ днемъ на высотѣ четырехъ миль и ничто не могло сравнится съ чудеснымъ зрѣлищемъ, которое открывалось передо мною. Лондонскій шумъ, до меня доносившійся, отличался полнотою, густотою и какою-то странною правильностью и точно разумностью—если можно такъ выразиться“.

„Въ 6 часовъ, говоритъ Фонвьель (2-е пут. 9-го іюня) мы уже были на высотѣ 370 метровъ. Монжеронъ выростаетъ у насъ слѣва и вскорѣ исчезаетъ. Молчаніе нарушается только крикомъ птицъ. Мы пересѣкли Сену. Вдругъ мы услышали замѣчательно явственно голосъ, кричавшій: „спуститесь, господа, здѣсь, приглашаю васъ обѣдать къ себѣ, въ замокъ!“ Мы въ рупоръ поблагодарили неизвѣстнаго и пролетѣли надъ замкомъ Фрайе, держась въ теченіи нѣсколькихъ минутъ на одной и той же высотѣ. Бабочки порхаютъ вокругъ насъ. Я всегда думалъ, что эти маленькія существа проводятъ свою кратковременную жизнь среди любимыхъ ими цвѣтовъ, не подымаясь высоко въ воздухѣ. Но онѣ подымаются выше чѣмъ всѣ наши лѣсныя птицы, тысячи на двѣ метровъ, какъ мы убѣдились во время нашихъ путешествій. Онѣ вовсе не боятся нашего аэростата, между тѣмъ какъ птицы въ испугѣ шарахаются отъ него...“

Движеніе шара, для находящихся на немъ, *безусловно незамѣтно*. Кажется что *шаръ неподвиженъ* а земля *быстро уходитъ внизъ* и это ощущеніе собственной неподвижности вначалѣ наиболѣе поражаетъ поднимающагося, въ особенности потому, что готовишься совсѣмъ къ другому. Это испытывали и всѣ поднимавшіеся на Парижской выставкѣ въ знаменитомъ аэростатѣ Жиффара.

Однажды (въ Вознесенье 1867 г.) Фламаріона настигла гроза. Разсказъ объ этомъ—одинъ изъ интереснѣйшихъ эпизодовъ его книги.

„Въ 7 час. вечера мы пересѣкли Сену ниже Мелюна, разсказываетъ онъ, впереди насъ грохочетъ громъ и молніи бороздятъ тучи. Вокругъ же насъ атмосфера остается ясною и чистою. Солнце золотитъ шаръ своими лучами; воздушный корабль нашъ молчаливо скользитъ по воздушнымъ волнамъ. Мы несемся надъ Фонтенблосскимъ лѣсомъ. Насъ еще окружаетъ величавое и поразительное безмолвіе и тишина. Изрѣдка до насъ доносятся крики птицъ и отдаленные раскаты грома, къ сферѣ котораго мы приближаемся. Отдаленныя облака идутъ намъ на встрѣчу, мы же, казалось, были въ совершенной неподвижности — если закрыть глаза или смотрѣть только на шаръ, нельзя никакъ отдать себѣ отчета въ движеніи. Между тѣмъ скорость этаго движенія дошла до 9 лье (до 36 верс.) въ часъ. Гроза очевидно разражается въ томъ самомъ воздушномъ слоѣ, въ которомъ мы находимся въ настоящую минуту. Она притягиваетъ насъ къ себѣ и мы стремимся другъ къ другу какъ два встрѣчные поѣзда. Мы все ближе и ближе подходимъ къ грозовымъ облакамъ. Громъ глухо гремитъ; молніи вспыхиваютъ и гаснутъ въ сѣрыхъ тучахъ. Подъ нами лѣсъ имѣетъ странный видъ сверху и развертываетъ свои мрачныя декораціи. Огромные утесы, выглядывающіе мѣстами изъ чащи деревьевъ, видимые съ аэростата, имѣютъ видъ какъ будто какихъ-то лунныхъ горъ. Гроза настигаетъ насъ съ быстротою, къ какой мы вовсе не приготовились. Въ нѣсколько минутъ мы были окружены ею. Намъ остается или подняться вверхъ за предѣлы грозы или немедленно спуститься внизъ. Мы опускаемся. Но насъ уже втянуло въ область дождя. Мелкія капли, застучавшія по оболочкѣ шара, заставляютъ насъ опуститься чуть не до верхушекъ дубовъ. Мы слышимъ шумъ вѣтра, завывающаго въ лѣсу. Шаръ несется какъ стрѣла—намъ грозитъ опасность разбиться объ крыши домовъ Фонтенебло, которые приближаются къ намъ съ ужасающею быстротою. До насъ уже достигаетъ гулъ тысячеголосной толпы... Трескъ вѣтвей показалъ намъ, что мы достигли верхушекъ деревьевъ... Шаръ неподвижно упалъ на опушкѣ аллеи и мы вышли. Громадная толпа народа, не смотря на грозу, ждала насъ“...

Тиссандье, авторъ приложеннаго въ этомъ № „Нивы“ рисунка, попалъ однажды въ снѣжныя облака. Но собственный разсказъ его объ этомъ поднятіи такъ живописенъ, что мы предоставляемъ слово самому воздухоплавателю.

„... Утромъ, въ воскресенье 8-го ноября (1868 г.) небо было задернуто туманомъ—я не хотѣлъ откладывать, боясь наступленія непогоды. Я уже хотѣлъ дать сигналъ „въ путь“—когда всѣ стали кричать что-то. Это оказалась депеша изъ Лондона отъ Фонвьеля, который прислалъ мнѣніе гриничскихъ астрономовъ о состояніи погоды. „Направленіе вѣтра (такъ стояло въ депешѣ) къ сѣверо-западу. Европа покрыта густыми облаками. Туманная погода. Будетъ снѣгъ“.

„Не успѣлъ я окончить депешу, какъ повалилъ снѣгъ густыми хлопьями. Этотъ снѣгъ, явившійся какъ бы по командѣ, вызвалъ бы рукоплесканія знаменитымъ астрономамъ, но всѣ боялись не погибнемъ ли мы въ этомъ безбрежномъ океанѣ снѣга. Послѣ намъ разсказывали, что мы сами представляли снизу замѣчательное зрѣлище: шаръ, несясь по воздуху, притягиваетъ къ себѣ снѣжинки, которыя сталкиваются на его поверхности. Кажется будто онъ окруженъ блестящимъ бѣлымъ ореоломъ. Нашъ шаръ—какъ бы огромная льдина, несущаяся среди свѣжнаго вихря“.

„Этотъ ледяной сводъ увеличилъ вѣсъ аэростата и мы поднимаемся, только выбрасывая мѣшки балласта; такимъ образомъ мы достигли высоты 1800 метровъ. Передъ нами одна изъ удивительнѣйшихъ картинъ, какія можетъ видѣть когда либо глазъ человѣческій: мы находимся въ самомъ *мѣстѣ образованія снѣга!*“

„Вокругъ насъ до этаго носились крупные хлопья, образуя тысячи неправильныхъ вихрей отъ вѣтра. Но теперь кругомъ насъ мелкія блестки почти радужнаго цвѣта: они притягиваютъ другъ друга, соединяются вмѣстѣ и ростутъ каждый мигъ. Надъ ними воздухъ болѣе прозраченъ, въ той сторонѣ должно быть солнце, но нашъ шаръ, обремененный ледяныхъ череномъ, не можетъ болѣе подниматься. Температура ниже нуля только на 1°. Эта игра кристаллизаціи изумительна... Въ полдень мы различаемъ человѣческіе голоса и стукъ экипажей. Никогда еще земной шумъ не достигалъ до меня на такой высотѣ (1800 метр.). Снѣгъ освободилъ воздухъ отъ влажности и сдѣлалъ его лучшимъ проводникомъ звуковыхъ волнъ...“

Разсказы ученыхъ воздухоплавателей переполнены такими высоко-интересными подробностями. Мы привели только очень немного, чтобы дать понятіе объ этихъ разсказахъ, о томъ, какъ живетъ и что чувствуетъ человѣкъ, отдѣленный отъ земли, среди пугающаго, величественнаго безмолвія природы, несясь высоко надъ пропадающею изъ глазъ землею.

Помпея.*)

Въ память 18-ти столѣтій, истекшихъ со дня ея гибели (24 августа 79 года).

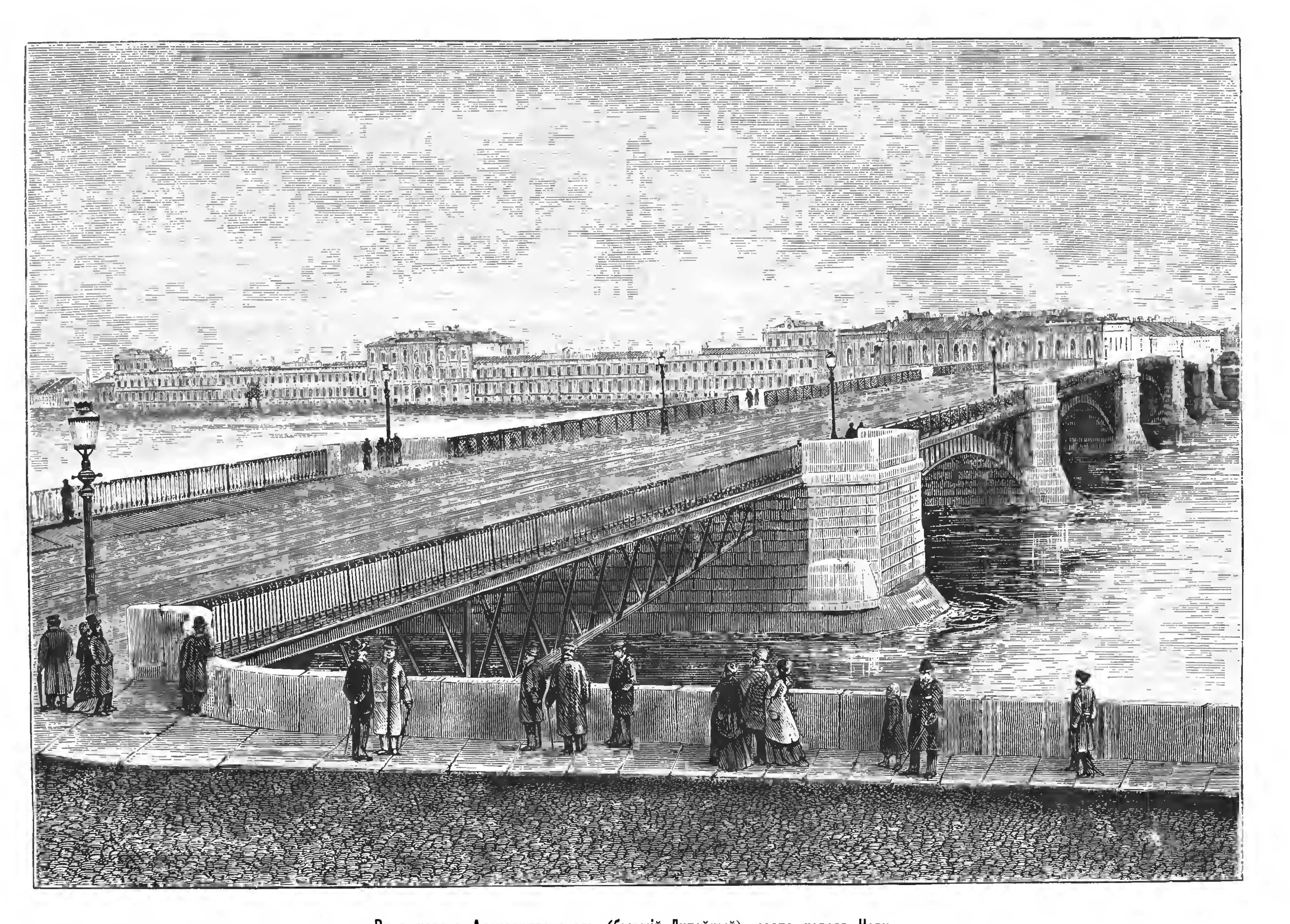
(Окончаніе).

Очертаніе Помпеи представляетъ неправильный овалъ, около 3,000 метровъ въ окружности. До сихъ поръ открыто 8 входовъ или воротъ, изъ которыхъ Геркуланскія красивой архитектуры, должны были быть главныя. Близъ этихъ воротъ интересные надгробные памятники знаменитѣйшимъ гражданамъ Помпеи.

Геркуланскія ворота имѣютъ три различныхъ входа: средній для экипажей и боковыя для пѣшеходовъ. Особенно интересны

*) См. „Нива“ № 42.

Среди облаковъ, (5.000 футовъ надъ землею). Рисунокъ съ натуры воздухоплавателя Альб. Тиссандье, грав. Меоль.



Видъ новаго Александровскаго (бывшій Литейный) моста черезъ Неву.
(Наканунѣ открытія. Видъ на зданіе Импер. Медико-Хирургической Академіи съ лѣваго берега Невы). Рис. и грав. М. Рашевскій.

бѣлыя столбы воротъ, называвшіеся „альбомами“. Они служили для начертанія на нихъ различныхъ объявленій и замѣняли такимъ образомъ отдѣлъ объявленій въ современныхъ газетахъ. Писались эти объявленія черной и красной краской и по истеченіи извѣстнаго времени, когда весь столбъ былъ уже исписанъ, закрашивались вновь бѣлой. Подобнаго рода „альбомы“ (оттуда и взято наше слово „альбомъ“), находились на площадяхъ и перекресткахъ. Направо отъ воротъ есть ниша, въ которой при раскопкахъ найденъ былъ скелетъ въ стальномъ шлемѣ и съ оружіемъ—часовой, котораго ужасная смерть застигла на посту. Особеннымъ оживленіемъ отличалась повидимому, улица ведущая отъ воротъ къ центру города; на ней находились: таможня, почта, гостинницы, лавки, товарные склады и т. п. Улица эта упиралась въ главную улицу, проходящую съ сѣверо-запада къ сѣверо-востоку черезъ весь городъ до Ноланскихъ воротъ; отъ нея улица Меркурія, самая элегантная, вела черезъ тріумфальныя ворота, къ форуму. Южнѣе—храмы, общественныя зданія; влѣво, на самомъ краю города, знаменитый амфитеатръ. Подобно вообще улицамъ городовъ южной Европы и здѣсь улицы удивительно узки, иногда не шире 2—3 метровъ. Мостовая повидимому вездѣ была отличная, сложенная изъ огромныхъ глыбъ лавы. Высокіе тротуары для пѣшеходовъ, очень удобные, выложены мозаикой изъ кирпичей, песчаника и мрамора. На перекресткахъ были устроены великолѣпные водоемы; для стоковъ — трубы, ведущія въ подземные каналы.

Древній, главный форумъ Помпеи первоначально служилъ центромъ города; тутъ были ратуша, судебныя учрежденія и сосредоточивалась торговля. Впослѣдствіи же тамъ только рѣшались государственныя дѣла, а для торговли этотъ форумъ былъ закрытъ. Главнымъ входомъ служили большія тріумфальныя ворота, а за ними — великолѣпный храмъ Юпитера, базилика (зданіе суда), богатый картинами Пантеонъ съ мѣняльными лавками, внизу залъ засѣданія декуріоновъ, биржа, храмъ Венеры, возлѣ котораго находился столбъ съ обозначеніемъ законами установленныхъ мѣръ и вѣсовъ. Въ таможнѣ при раскопкахъ найдено нѣсколько гирь, нормальные вѣсы и два человѣческихъ скелета, сидящихъ на лошадиныхъ скелетахъ.

Форумъ „triangulare“ относится къ еще болѣе древнему періоду, т. е. времени независимости Помпеи. Здѣсь самая древняя постройка Помпеи—греческій храмъ. Между храмами, особенно интересны храмы Фортуны и Изиды, сохранившіеся лучше всѣхъ. Въ нихъ найдены были остатки жертвоприношеній (хлѣбъ, вино, кости птицъ и рыбъ) и скелетъ жреца съ широкимъ ножомъ въ рукѣ.—Очень любопытны три раскопанные театра. Одинъ могъ вмѣщать въ себѣ до 5000 зрителей, имѣлъ сцену и оркестръ, а другой—„Одеумъ“ не болѣе какъ на 1,600 человѣкъ. Величественный амфитеатръ на восточномъ краю города—одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ архитектурныхъ памятниковъ классической древности и сохранился лучше другихъ. Съ большою роскошью были устроены городскія бани, большею частью теплыя; въ 1824 г. при раскопкахъ нашли очень хорошо сохранившуюся баню, богато разукрашенную живописью и лѣпною работою. Фасадъ дома обыкновенно представляетъ гладкія стѣны; окна небольшихъ размѣровъ есть только въ верхнихъ этажахъ; подъѣзды безъ всякихъ украшеній. Въ противуположность древнимъ храмовымъ постройкамъ, гдѣ всѣ украшенія архитектурныя и живописныя главнымъ образомъ были на внѣшней сторонѣ — въ жилыхъ домахъ преимущественное вниманіе обращалось на внутреннюю отдѣлку. Наиболѣе изящные частные дома довольно однообразнаго устройства. Входная дверь и корридоръ (vestibulum) ведутъ въ переднія сѣни (prothyrum), затѣмъ во внутреннія сѣни (ostium), рядомъ съ которыми помѣщалась келья раба-привратника (ostiarius), отсюда вы идете въ атріумъ (соотвѣтствующій современному залу), выложенный мраморными плитами съ открытымъ потолкомъ. Къ этому залу съ обѣихъ сторонъ примыкали собственно покои домохозяина, гдѣ онъ принималъ друзей и кліентовъ, а на заднемъ планѣ находилось такъ называемое tablinum, т. е. архивъ и хранилище портретовъ предковъ. Болѣе близкіе люди допускались и въ прочія комнаты, семейное отдѣленіе; узкій корридоръ (fauces) велетъ въ перистиль (также портикъ), около котораго группировались: спальни (cubicula), столовыя (triclinia) и наконецъ кухня, баня и родъ домашней часовни (sacellum), царство домашнихъ боговъ — пенатовъ. Колонны перистиля, аркады, окаймлявшія прелестный садикъ, внутри котораго всегда былъ рыбный садокъ съ фонтаномъ, группы мраморныхъ статуй—придавали цѣлому еще большее изящество. Стѣны атріума почти всегда украшены живописью (al fresco и восковыми красками), которая по прекрасному сочетанію цвѣтовъ до сихъ поръ ставится очень высоко. — Нѣкоторыя частныя зданія Помпеи заслуживаютъ подробнаго разсмотрѣнія, напр. прелестная вилла Марка Діомеда съ широкой террасой, откуда открывается восхитительный видъ на Неаполитанскій заливъ *).

При раскопкахъ нашли у дверей сада два скелета: одинъ, судя по богатому перстню на пальцѣ, вѣроятно—печальные останки когда-то счастливаго владѣльца виллы. Онъ очевидно хотѣлъ спастись съ своими сокровищами на морѣ, но на пути былъ задушенъ дождемъ пепла. Въ погребѣ было найдено 20 скелетовъ: они сидѣли скорчившись и тѣсно прижавшись другъ къ другу и одна изъ женщинъ, лежала близко у стѣны—въ сырой золѣ остался отпечатокъ формъ ея тѣла. У Фіорелли явилась счастливая мысль вылить изъ гипса разные оттиски формъ, напр. одного классически-прекраснаго тѣла молодой дѣвушки. Такимъ образомъ получились и сохранились точныя пластическія изображенія давно погибшей жизни. Еще интереснѣе находящійся въ улицѣ Фортуны домъ драматическаго писателя, домъ, въ которомъ существуетъ положительно знаменитѣйшая изъ картинъ Помпеи: „Передача Ахилломъ Бризеи Агамемнону“ и изображеніе собаки на мозаичномъ полу съ надписью: „Cave canem“ (Берегись собака!)

Много есть еще интересныхъ частныхъ домовъ, но перечисленіе ихъ не можетъ войти въ предѣлы краткаго очерка. Но видно какъ шла промышленная жизнь, какія были мастерскія ремесленниковъ и лавки, которыя какъ у насъ, были въ нижнихъ этажахъ домовъ большихъ улицъ. Какъ и у насъ, лавки имѣли вывѣски, но весьма своеобразныя, такъ напр. передъ молочной лавкой, мы находимъ вылѣпленную фигуру козы и т. п. Прилавки обыкновенно выведены изъ камня и сверху имѣютъ мраморную доску. По нѣкоторымъ углубленіямъ, имѣющимъ форму большихъ амфоръ (чаша для вина съ двумя ручками) можно заключить, гдѣ были винные погреба. Мастерскія можно узнать по оставшимся въ нихъ орудіямъ: молоткамъ, щипцамъ, осямъ, подковамъ и проч. Найдены стклянки съ духами, благовонными смолами и пр. косметиками; это указываетъ на существованіе парикмахерскихъ и вообще на торговлю предметами роскоши. Открыто нѣсколько пекаренъ; при одной были четыре мельницы, приводимыя въ движеніе лошадьми; въ печкѣ найдены 80 объуглившихся, но еще хорошо сохранившихся клейменыхъ хлѣбовъ, а въ кондитерской нашли два древнихъ торта.

Большой интересъ представляютъ писанныя на „альбомахъ“ объявленія, частію дѣловаго, частію частнаго, даже обличительнаго характера. Эти-же альбомы служили руководящими органами при выборахъ. Тутъ кліенты приносили свои прошенія патронамъ. Объявленія о различныхъ зрѣлищахъ и увеселеніяхъ, жалобы на городскіе безпорядки и т. п., все находило здѣсь мѣсто. Очень забавны частныя замѣтки, въ родѣ нескромнаго заявленія, напр, что „дѣвица Окула влюблена въ Арабія,“ принадлежащее вѣроятно рукѣ разсерженнаго несчастнаго соперника. Наконецъ тутъ можно встрѣтить и злую сатиру, какъ напр. въ надписи: „почемъ здѣсь правосудіе?“

Менѣе всего Помпея, какъ городъ провинціальный, богата образцовыми, классическими произведеніями искусства. Всѣ сохранившіеся памятники отличаются не болѣе, какъ среднимъ достоинствомъ.

Найденныя произведенія свидѣтельствуютъ о необыкновенномъ развитіи у жителей древней Помпеи чувства изящнаго, которое проглядываетъ у нихъ въ каждомъ самомъ обыденномъ издѣліи: съ какимъ вкусомъ сдѣланы эти вазы, посуда, бронзовыя и глиняныя украшенія. Сколько тонкости въ обработкѣ, сколько изящества въ стилѣ! Большая часть этихъ драгоцѣнныхъ издѣлій хранится въ Неаполитанскомъ національномъ музеѣ и между прочимъ найденная въ одной могилѣ прелестная амфора изъ голубаго и бѣлаго стекла.

И такъ Помпея воскресла въ нашемъ воображеніи—вся жизнь былаго возстала передъ нами во всѣхъ подробностяхъ.

Земля бережно сохранила все, ничто не пропало и не ускользнуло отъ пытливаго изученія.

Хотя пока открыта только часть памятниковъ, но и эта часть неоцѣнима. Съ помощью какихъ преданій, лѣтописей и проч. пособій, можно такъ полно возстановить картину былаго?

Грустныя мысли наводятъ эти печальные памятники на вѣки исчезнувшаго величія и минувшей жизни. Но утѣшительно, что великое и прекрасное, созданное древними, сохранится навсегда въ памяти грядущихъ поколѣній.

*) Снимокъ съ Діомедовой виллы или «Casa del questore», вѣрной до мельчайшихъ потребностей, находящійся въ Ашаффенбургѣ, исполненъ архитекторомъ Гертнеромъ въ 1842—1849 гг. по порученію короля Людовика I.

Къ рисункамъ.

Озеро Георгія въ штатѣ Нью-Іоркъ.

Природа Сѣверной Америки вообще изобилуетъ величественными и прекрасными ландшафтами, не уступающими въ красотѣ самымъ живописнымъ мѣстностямъ Швейцаріи, Италіи и Пириней. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательно озеро Георгія въ штатѣ Нью-Іоркъ, къ сѣверу отъ Албани, въ которомъ американцы находятъ разительное сходство съ знаменитыми озерами верхней Италіи; это сходство дѣйствительно существуетъ по множеству мелкихъ острововъ, лежащихъ въ срединѣ озера и по эффектному отраженію ихъ горъ и возвы-

шенностей въ чистой, зеркальной поверхности воды. Недаромъ индійцы называли это озеро иначе какъ серебрянымъ, чаруемые блескомъ и прозрачностью его волнъ. Озеро обширно; оно имѣетъ 70 верстъ длины и почти 7 верстъ ширины, свое настоящее названіе оно получило отъ генерала Джонсона, назвавшаго его въ честь англійскаго короля Георга. Одно, что даетъ преимущество озерамъ Германіи, Швейцаріи и Италіи, это ихъ большая населенность и множество деревенъ и маленькихъ городковъ, оживляющихъ ихъ берега. На озерѣ же Георгія все тихо и безмолвно; но эта дикая, пустынная природа имѣетъ свою долю прелести; здѣсь въ лонѣ водъ отражаются лишь суровыя, уединенныя горы, а по берегамъ шумятъ вѣковые дремучіе лѣса. Красивые отели построены въ различныхъ мѣстахъ на озерѣ и въ этихъ то пунктахъ высаживаютъ пароходы толпы туристовъ и преимущественно жителей Нью-Іорка, бѣгущихъ сюда въ лѣтніе мѣсяцы, изъ шумнаго, душнаго города подышать свѣжимъ, роскошнымъ воздухомъ и насладиться картинами дикой, дѣвственной природы. На нашемъ рисункѣ видна та часть озера, гдѣ возвышаются два живописныхъ острова, одинъ называемый Длиннымъ, а другой Алмазнымъ, по изобилію на немъ чернаго хрусталя.

Сваха.

(Къ рисунку Тимофеева).

На кухнѣ какой нибудь самой средней петербургской квартиры сидитъ, распивая чай, молодая кухарка и къ ней является съ своими соблазнительными предложеніями такъ назыв. „чердачная сваха.“ Очень она расхваливаетъ жениха: и уменъто онъ и пьетъ мало, и во хмѣлю смиренъ и ее-то будетъ холить да голубить. А тамъ придетъ на другой день знакомиться и самъ женихъ, маркеръ изъ сосѣдняго трактира, обѣщавшій свахѣ за ея хлопоты платокъ да деньгами десятку. Онъ уже не въ сапогахъ со сборами, какъ хаживали прежде, а въ длинномъ „пальтѣ“ и порыжѣлой низкой, круглой шляпѣ на затылкѣ, въ крахмальной рубашкѣ и не съ гармоникой а съ „пѣсенникомъ“ въ рукѣ—тотъ противный, развращенный типъ, который сталъ образовываться среди распущенности столицы, наглый и вороватый и—достанется же ей за такимъ мужемъ.

Кормленіе голубей.

Дѣвушка каждое утро выходитъ кормить своихъ пернатыхъ любимцевъ и они такъ къ ней привыкли, что смѣло налетаютъ ей, прямо на лицо и на плечи. Кругомъ раздается хлопанье крыльевъ, вѣтромъ вѣющихъ дѣвушкѣ въ лицо. Она защищается отъ нихъ и пригибаетъ голову. Нѣтъ, это уже слишкомъ много привязанности!.. И между тѣмъ ей пріятно, что ее такъ любятъ и она съ удовольствіемъ и ночью грезитъ иногда какъ налетаютъ на нее голуби и вѣютъ крыльями. Она еще такая молоденькая. Болѣе бурныя грёзы ее не волнуютъ и у ней только такіе невинные любимцы. А будетъ время когда голуби будутъ напрасно прилетать на опустѣлое крыльцо и грустно искать своими круглыми, кроткими глазками свою молоденькую любимицу... ее уже не то будетъ занимать...

Видъ Александровскаго моста черезъ р. Неву.

Недавно, (№ 42 „Нивы“) при рисункѣ изображавшемъ фасадъ и разрѣзъ вновь-открытаго моста черезъ Неву, мы сообщили нѣкоторыя подробности объ этомъ открытіи. Теперь мы помѣщаемъ видъ новаго моста наканунѣ открытія, нарочно очиститъ его отъ толпы народа и экипажей, чтобы яснѣе былъ виденъ весь мостъ и открылся видъ на противуположный берегъ и грандіозное зданіе Медико-Хирургической академіи.

Свойство грунта дна Невы требовало заложенія фундамента быковъ на значительной глубинѣ дна рѣки. Ставили эти фундаменты помощью сжатаго воздуха посредствомъ сплошныхъ желѣзныхъ кессоновъ, подъ которыми должна была производиться выемка земли, чтобы быки стояли прямо на грунтѣ.

Эти гигантскія работы были произведены съ полнымъ успѣхомъ. Способъ этотъ былъ употребленъ въ Россіи въ первый разъ г. Струве въ 1867 г. при сооруженіи имъ моста черезъ Днѣпръ у Кіева. Толстый или крайній опорный быкъ у лѣваго берега со стороны Литейнаго проспекта, длиною въ 115 ф. при ширинѣ въ 51 ф. и плоскости основанія въ 5880 кв. ф. Сообразно этимъ размѣрамъ можно судить о грандіозности всего сооруженія. Исторія построенія моста, размѣры его и разныя другія подробности уже сообщены нами въ 42 № „Нивы.“

Прочность быковъ новаго моста выражается тѣмъ, что они выдерживали нагрузку до трехсотъ тысячъ пудовъ на каждомъ. Перила на мосту двухъ родовъ: легкія, краснаго рисунка, на разводной части, и массивныя, на неподвижныхъ частяхъ моста. Перила эти сдѣланы по рисунку академика Рахау и отлиты на заводѣ Кахуна. Устройство моста на пяти быкахъ, занимающихъ собою въ сложности 25 саженъ.

Разводка моста дѣлается въ ручную помощью воротовъ, приводимыхъ въ движеніе въ началѣ четырьмя, а въ концѣ работы восемью рабочими. Ручную работу предполагается замѣнить работою тюрбинъ, приводимыхъ въ движеніе водою, доставляемою изъ городскаго водопровода. Тюрбины и особая для нихъ труба, идущая отъ магистральной трубы со Шпалерной улицы, уже установлены. По мосту проходитъ двойной рельсовый путь, проложенный на счетъ товарищества конно-желѣзныхъ дорогъ. Такъ какъ мостъ освѣщается электрическимъ свѣтомъ по системѣ г. Яблочкова, то, для предупрежденія всякой случайности со стороны перерыва освѣщенія, внизу, вдоль мостоваго тротуара проложены газопроводныя трубы, а фонари снабжены также трубками для газа. Такъ что въ случаѣ пріостановки электрическаго освѣщенія, втеченіи дня можетъ быть установлено на мосту газовое освѣщеніе.

Александровскій мостъ имѣетъ 200 саж. длины при 11 саж. ширины, Николаевскій мостъ имѣетъ 135 саж. длины и 9 саж. ширины, такъ что площадь одного равняется 2,100 квадр. саженъ, а площадь другаго только 1,215 квад. саж.

С. М. Соловьевъ.

Въ прошломъ 43 № мы сообщили некрологъ нашего извѣстнаго ученаго, скончавшагося 4 октября сего года. Хотя въ свое время у насъ была подробная, обстоятельная біографія покойнаго, но мы находимъ умѣстнымъ теперь напомнить нѣкоторые факты изъ жизни этаго замѣчательнаго человѣка.

Многочисленные ученые труды по русской исторіи профессора Московскаго университета С. М. Соловьева болѣе или менѣе извѣстны каждому образованному русскому; своими строго-научными сочиненіями, а также цѣлымъ рядомъ популярныхъ изданій, внеся обильный вкладъ въ литературу нашей отечественной исторіи, онъ пріобрѣлъ себѣ вполнѣ заслуженную извѣстность и уваженіе всѣхъ, кто дорожитъ русскою наукою и русскимъ просвѣщеніемъ.

Заслуженный профессоръ Московскаго Университета по каѳедрѣ русской исторіи, Академикъ Императорской Академіи Наукъ, докторъ историческихъ наукъ, политической экономіи и статистики, Сергѣй Михайловичъ Соловьевъ, родился 5 го мая 1820 года, въ Москвѣ. До тринадцатилѣтняго возраста воспитывался онъ дома, потомъ поступилъ въ первую московскую гимназію въ третій классъ. По окончаніи, въ 1839 году, гимназическаго курса, онъ поступилъ въ Московскій Университетъ на 1-е отдѣленіе философскаго факультета (что теперь историко-филологическій факультетъ). И дома, и въ гимназіи любимымъ чтеніемъ его были книги историческаго содержанія, въ университетѣ же онъ посвятилъ себя окончательно историческимъ занятіямъ и преимущественно занятіямъ русскою исторіею. Немедленно по окончаніи университетскаго курса въ 1842 году, Сергѣй Михайловичъ отправился, для дальнѣйшаго образованія за границу, гдѣ во время двухлѣтняго пребыванія продолжалъ историческія занятія, разработывая преимущественно тѣ предметы, которые имѣли ближайшее отношеніе къ его главному предмету—отечественной исторіи.

Въ 1844 г., возвратясь изъ-за границы, онъ сталъ приготовляться къ магистерскому экзамену, который выдержалъ въ январѣ 1845 года, а въ мартѣ того же года представилъ диссертацію на ученую степень „Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ“. 27-го іюля онъ избранъ былъ въ преподаватели русской исторіи въ Московскомъ университетѣ, въ октябрѣ защищалъ свою магистерскую диссертацію и затѣмъ въ ноябрѣ 1845 года утвержденъ исправляющимъ должность адъюнкта по каѳедрѣ русской исторіи.

Диссертацію свою на степень доктора, подъ заглавіемъ „Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома“ онъ защищалъ въ іюнѣ 1847 года и вслѣдъ затѣмъ утвержденъ былъ въ званіи экстраординарнаго профессора; въ іюлѣ 1850 года былъ утвержденъ ординарнымъ профессоромъ. Къ этому времени относится начало его большаго труда и первый томъ „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ“ вышелъ въ августѣ 1851 года, а въ 1875 году изданъ имъ 25-й томъ этаго сочиненія, въ которомъ изложено царствованіе императора Петра III и начало царствованія императрицы Екатерины II.

Въ воскресенье, 7-го октября, совершились похороны С. М. Соловьева. Въ исходѣ 9 часа утра, гробъ покойнаго на рукахъ его почитателей вынесенъ былъ изъ дома дворцоваго вѣдомства къ университету. На пути, противъ зданія первой гимназіи, гдѣ Сергѣй Михайловичъ получилъ первоначальное образованіе, шествіе было встрѣчено директоромъ, служащими и учащимися гимназіи. Гробъ былъ принятъ учениками гимназіи и на рукахъ донесенъ до университетской церкви. На выносѣ присутствовалъ попечитель учебнаго округа князь Н. П. Мещерскій. Стеченіе желавшихъ отдать послѣдній долгъ почившему было многочисленно. Божественную литургію, а затѣмъ панихиду совершалъ высокопреосвященный митрополитъ московскій Макарій въ сослуженіи преосвященнаго Алексія, епископа можайскаго, архимандритовъ и протоіереевъ. При богослуженіи присутствовали Его Императорское Высочество принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій, московскій генералъ-губернаторъ князь В. А. Долгоруковъ, командующій войсками московскаго военнаго округа, генералъ-адъютантъ графъ А. И. Бреверинъ-Делагарди, московскій комендантъ генералъ-отъ-инфантеріи А. К. Фридрихсъ, многія почетныя лица, де-

путаты: отъ императорской академіи наукъ и петербургскаго университета, отъ московской духовной академіи, демидовскаго лицея, профессора университета и служащіе въ оружейной палатѣ. Въ числѣ присутствовавшихъ былъ генералъ-маіоръ М. Г. Черняевъ. Студенты университета плотными рядами окружали гробъ почившаго, убранный цвѣтами и лавровыми вѣнками. Въ концѣ литургіи высокопреосвященный митрополитъ Макарій произнесъ слово, произведшее на присутствовавшихъ глубокое впечатлѣніе.

Гробъ былъ вынесенъ изъ церкви профессорами университета, затѣмъ отъ церкви до Новодѣвичьяго монастыря гробъ несли студенты, чередуясь съ воспитанниками гимназій и другихъ учебныхъ заведеній. Впереди погребальнаго шествія несли украшенные разноцвѣтными лентами громадные лавровые вѣнки. Во вратахъ Новодѣвичьяго монастыря гробъ былъ встрѣченъ епископомъ можайскимъ Алексіемъ съ духовенствомъ. Противъ самыхъ воротъ, впереди кладбища, гробъ былъ опущенъ въ могилу.

Политическое обозрѣніе.

Финансовые проекты Порты.—Настоящее положеніе дѣлъ въ Болгаріи.—Столкновеніе черногорцевъ съ албанцами: тревожные слухи.—Протоколъ вѣнскаго соглашенія.—Генералъ Чальдини.—Грантъ.

Главнымъ предметомъ заботъ Порты являются въ настоящее время вопросы финансоваго свойства. Турецкая государственная касса находится въ чрезвычайно затруднительномъ положеніи. Вслѣдствіе ущерба, нанесеннаго благосостоянію страны послѣдними политическими бурями, а также полнымъ обезцѣненіемъ бумажныхъ денегъ, финансовое управленіе получаетъ теперь только часть того, что вносилось ему, обыкновенно, ранѣе. Исключеніе составляютъ только таможенные доходы, т. е. пошлины съ ввозной и отпускной торговли, которые, впрочемъ, за эти годы, сократились до крайняго minimum'а. Всѣ новѣйшія комбинаціи, имѣвшія въ виду преобразованіе турецкихъ финансовъ, были, главнымъ образомъ, даже исключительно, основаны на этой важной статьѣ доходовъ (между прочимъ —проектъ Токвилля). И въ настоящую минуту, когда имѣется на лицо два проекта устройства турецкихъ финансовъ, таможенныя пошлины составляютъ, по прежнему, ихъ главную основу. Одинъ изъ проектовъ, уже почти устраненный — исходилъ изъ парижскаго „comptoir d'escompte" и предлагалъ новое обложеніе процентами для погашенія турецкаго государственнаго долга, между тѣмъ какъ другой проектъ — проектъ группы константинопольскихъ банкировъ — предлагаетъ это обложеніе только въ то время, когда Турція успѣетъ поправиться и окрѣпнуть. Различіе между проектами весьма значительно и дѣлитъ спекулянтовъ, занимающихся турецкими финансами, на два почти враждебныхъ лагеря. Пока Хейреддинъ-Паша стоялъ во главѣ турецкаго кабинета, въ немъ преобладало первое воззрѣніе, а именно, что Турція должна была стремиться къ возстановленію своего кредита въ Европѣ, заботиться о погашеніи и уплатѣ процентовъ по прежнимъ долгамъ своимъ, хотя бы до нѣкоторой степени и сдѣлать это главнымъ пунктомъ финансовой программы своей.

Сергѣй Михайловичъ Соловьевъ. † 4 октября 1879 г. Рис. и грав. А. Нейманъ.

О нынѣшнемъ положеніи дѣлъ въ Болгарскомъ княжествѣ и дѣятельности правительства мы находимъ слѣдующія свѣдѣнія. Министръ иностранныхъ дѣлъ, Балабановъ, пользующійся репутаціей человѣка, на котораго можно положиться въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ—придерживается крайне осторожной политики, близко согласующейся съ желаніями державъ, подписавшихъ берлинскій трактатъ. Министру внутреннихъ дѣлъ, Бурмову, на первыхъ же порахъ, пришлось имѣть дѣло съ неопытными чиновниками—неудобство весьма естественное въ юномъ государствѣ, гдѣ, къ тому же, сошлись элементы населенія, столь враждебные, какъ турки и болгары, но, какъ пишутъ, Бурмову уже удалось во многомъ установить необходимую дисциплину въ средѣ должностныхъ лицъ и внести въ дѣятельность администраціи, вообще, духъ справедливости и уваженія къ правамъ другихъ національностей. Изъ прочихъ отраслей управленія всего больше оставляетъ желать судебное вѣдомство. Министру юстиціи съ трудомъ удается подобрать соотвѣтственный персоналъ, при помощи котораго возможно было бы искоренить слишкомъ первобытныя воззрѣнія болгаръ на судебную практику. Что касается народнаго образованія, то завѣдываніе имъ сначала было принято министромъ внутреннихъ дѣлъ, но затѣмъ оно было возложено на приглашеннаго изъ Бухареста извѣстнаго болгарскаго ученаго Атанасевича, которому въ качествѣ товарища министра былъ назначенъ авторъ „Исторіи болгарскаго народа", чешскій ученый Иречекъ.

Князь Александръ, при вступленіи своемъ на престолъ, объявилъ, какъ извѣстно, что „болгарскій народъ такъ же мало можетъ обходиться безъ книги, какъ и безъ меча"—и слова эти послужили сигналомъ къ обширной и разносторонней дѣятельности. Ближайшей скупштинѣ предстоитъ разсмотрѣть и утвердить проекты различныхъ учебныхъ заведеній. До сихъ поръ извѣстны слѣдующіе проекты по этому важному предмету: элементарное обученіе должно быть безплатное и обязательное для каждаго болгарина; періодъ школьнаго обученія равняется шести годамъ въ сельскихъ и восьми — въ городскихъ школахъ; каждая сельская община обязана учредить по меньшей мѣрѣ одно трехклассное училище и оплачивать одного учителя, правительство же принимаетъ на себя обязанность учредить во всѣхъ городахъ среднія учебныя заведенія: гимназіи, прогимназіи, реальныя и торговыя училища; городскія общества также приглашаются основать, сообразно средствамъ своимъ, среднія, ремесленныя и земледѣльческія школы; правительство, съ своей стороны заявило еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ о намѣреніи своемъ учредить университетъ, два лицея, четыре учительскія и четыре духовныя семинаріи. Болгарскими финансами завѣдываетъ Начвичъ, человѣкъ, близко знакомый съ потребностями страны. Замѣтимъ здѣсь кстати что, согласно отчетамъ, составленнымъ пять лѣтъ тому назадъ, экономическій инвентарь Болгаріи является въ слѣдующемъ видѣ: 73 тысячи гектаровъ лѣса, до 60-ти милліоновъ килограммовъ ежегоднаго производства хлѣба и овощей (въ томъ числѣ 120 тысячъ отъ винограда;) богатое скотоводство, и развитая кустарная промышленность. Въ настоящее время доходы княжества равняются нѣсколько болѣе 21 милліона франковъ.

Мы еще недавно указывали на то, что пограничные вопросы на Балканскомъ полуостровѣ не могутъ быть разрѣшены до сихъ поръ мирнымъ путемъ; на дняхъ, какъ телеграфируютъ изъ Цетиньи, горсть албанцевъ произвела нападеніе на черногорцевъ между Оршаницей и Великой. Но—къ этому прибавляютъ свѣдѣніе, наводящее на серьезное раздумье: *во всемъ Арнаутлукъ идутъ обширныя вооруженія противъ Черногоріи и Сербіи...*

(Продолженіе на стр. 877, 878, 879 и 880).

Невесинское недавнее возстаніе „потушено“—но оно смѣнилось сопротивленіемъ пассивнымъ. Населеніе слушается съ большой и явной неохотой новыхъ властелиновъ, часто вовсе ихъ не слушается. Не пламя ли то тлѣетъ...

Относительно договора между Германіей и Австро-Венгріей изъ Берлина сообщаютъ. что послѣ того, какъ между княземъ Бисмаркомъ и графомъ Андраши состоялось полное соглашеніе, въ присутствіи Императора Франца-Іосифа былъ составленъ протоколъ, въ которомъ изложена политика, условленная между обоими канцлерами. Протоколъ былъ изготовленъ въ двухъ экземплярахъ, каждый изъ которыхъ долженъ былъ быть подписанъ однимъ изъ императоровъ. Графъ Штольбергъ отправился въ Баденъ-Баденъ, чтобы испросить согласіе императора Вильгельма и на случай, если бы это согласіе не было дано,—въ кабинетѣ императора уже лежало на готовѣ прошеніе имперскаго канцлера объ отставкѣ. Штольбергу удалось убѣдить Императора, который, какъ говорятъ, подписалъ протоколъ совершенно противъ своего желанія.

Итальянскій посланникъ въ Парижѣ, генералъ Чальдини, имѣвшій недавно разговоръ съ однимъ изъ кореспондентовъ, высказалъ слишкомъ откровенно свое недружелюбіе къ Германіи. Разговоръ этотъ, и конечно, съ прикрасами и преувеличеніями, былъ напечатанъ. Обстоятельство это поставило генерала въ весьма затруднительное положеніе и теперь ходятъ слухи о томъ, что онъ оставляетъ свой постъ.

На банкетѣ въ Нью-Іоркѣ, одинъ изъ членовъ нынѣшняго американскаго министерства, Эвертсъ, произнесъ горячую рѣчь въ пользу новаго избранія генерала Гранта въ президенты Соединенныхъ Штатовъ.

КЪ НАШИМЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1880 Г. ЖУРНАЛА „НИВА“.

„Нива“ будетъ издаваться въ будущемъ 1880 году по той же программѣ и той же цѣнѣ, какъ и въ прошедшіе годы и, какъ уже и было втеченіи 10 лѣтъ, издатель будетъ постоянно расширять программу и улучшать достоинство премій и вообще помѣщаемаго матеріала.

Наши постоянные читатели знакомы съ нашимъ журналомъ. и знаютъ какую массу чтенія даемъ мы, какъ художественно выполняются гравюры и какія цѣнныя преміи „Нива“ въ этомъ наприм. году дала своимъ подписчикамъ; цѣна изданія при всѣхъ этихъ капитальныхъ улучшеніяхъ остается таже. Нашимъ постояннымъ читателямъ нечего повторять, что **„Нива“**—соображая массу даваемаго матеріала—**самый дешевый журналъ въ Россіи**.

Что касается матеріала вообще и произведеній, имѣющихся въ нашихъ рукахъ **для помѣщенія въ „Нивѣ“ въ будущемъ 1880 г.** у насъ есть **кромѣ массы художественно выполненныхъ гравюръ**, цѣлый рядъ капитальныхъ **литературныхъ** произведеній какъ: **большой романъ** изъ современной жизни въ 2-хъ частяхъ: **Купленное счастье“ Н. Морскаго** (автора романа „Аристократія Гостиннаго двора“). **„Иванъ да Марья“**, большая повѣсть извѣстнаго **А. А. Потѣхина**. — **„Лѣсникъ“**, большая повѣсть въ 2 частяхъ **Б. Маркевича**.—**Кара-Джигитъ** разсказъ **Н. Н. Каразина**, съ большими рисунками самаго автора;—**„Королевичъ Владиславъ“** и **„Зарница“** двѣ историческія повѣсти **В. Политковскаго**;—**„Ночь“** повѣсть **Н. Морскаго**;—четыре разсказа **Н. Боева**: **„Божья воля“**, **„Близь желѣзной дороги“**, **„Три тысячи“**, **„На крайнемъ востокѣ“**;—разсказы изъ исторіи русскаго искуства: **„Горькое горе“**, **„Лемтюжниковъ“**, и **„Гашишъ“ П. П. Гнѣдича**;—рядъ очерковъ изъ исторіи русской литературы **А. П. Милюкова**, **В. С. Соловьева** и многія другія.

Какъ преміи на будущій 1880 годъ мы дадимъ **двѣ превосходныя, исключительно для „Нивы“ исполненныя и составляющія нашу собственность, большія акварели знаменитаго М. Зичи**, придворнаго художника Е. И. Величества. Содержаніе картинъ взято изъ того же чуднаго, фантастическаго „Демона“ Лермонтова, къ которому уже не разъ обращалась мысль художника. Наши картины изображаютъ два момента поэмы: **1) Пляска Тамары и 2) Умершая Тамара въ цвѣтахъ, окруженная родными.** Достоинства блестящаго таланта **М. Зичи** слишкомъ извѣстны. **Прелесть лицъ, блескъ красокъ живописныхъ восточныхъ костюмовъ, переданы художникомъ съ его обычнымъ мастерствомъ.** Такимъ образомъ „Нива“ и въ будущемъ 1880 г. будетъ стремиться дать своимъ подписчикамъ оригинальныя произведенія самыхъ талантливыхъ писателей и художниковъ.

Подробное объявленіе о подписныхъ цѣнахъ можно видѣть на 1-ой страницѣ номера подъ титуломъ.

Желающихъ **подписаться** на будущій 1880 г. „Нивы“ просятъ **заблаговременно** обращаться въ **Главную Контору редакціи журнала „Нива“, помѣщающуюся въ С.-Петербургѣ, Большая Морская ул., д. № 9.**

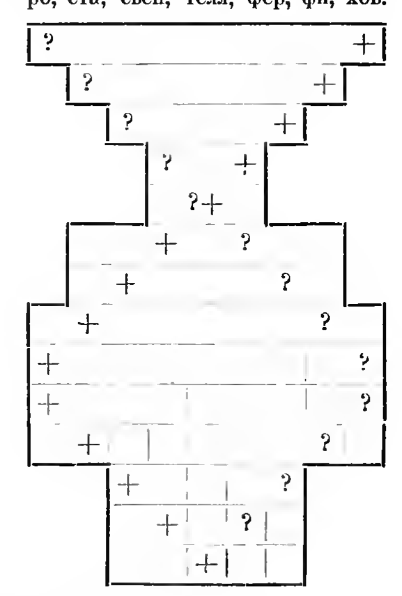
Издатель „Нивы“ А. Ф. Марксъ.

Задача слоговъ.

И. Бологова.

Изъ нижеслѣдующихъ 37 слоговъ составить 14 словъ, распредѣлить ихъ по буквамъ въ клѣткахъ фигуры такъ, чтобы читая по вопросительнымъ знакамъ сверху внизъ, составить слова, означающія имя одного знаменитаго англійскаго писателя XIX вѣка и названіе одного его произведенія, а читая по крестамъ тоже сверху внизъ — фамилію извѣстнаго русскаго поэта и названіе одного его произведенія.

а, а, бир, бо, бо, бро, буж, бук, ва, ве, го, го, до, ду, пи, ка. ка, ков, лан, мар, медь, на, нам, не, нев, нир, но, но. ня, рим, ро, ста, сьен, телл, фер, фи, ховъ.



1. Названіе полушелковой матеріи.
2. Названіе древняго народа.
3. Пряный индійскій корень.
4. Городъ въ Италіи.
5. Одинъ изъ видовъ змѣй.
6. Нижній артиллерійскій чинъ.
7. Рѣдкая, легкая шерстяная матерія.
8. Городъ Харьковской губерніи.
9. Родъ дорогихъ французскихъ кружевъ.
10. Городъ Смоленской губерніи.
11. Дерево въ Бразиліи, дающее пурпуровую краску.
12. Рѣка во Франціи.
13. Губернскій городъ.
14. Городъ Тульской губерніи.

Задача.

Подобрать десять словъ, начинающихся и оканчивающихся одною и тою же буквой, притомъ такихъ, чтобъ ихъ можно было прочитать какъ слѣва на право, такъ и справа на лѣво, и въ обоихъ случахъ они должны имѣть одинаковое значеніе.

1. Голландскій пейзажистъ.
2. Островъ въ Персидскомъ заливѣ.
3) Монахъ, русскій доместикъ XII ст.
4. Знаменитый, древній городъ Мизіи; съ его названіемъ связаны имена Лукулла и Митридата.
5. Русскій подданный, пользующійся нѣкоторыми бытовыми привилегіями и обязанный особыми повинностями.
6. Слово, употребляемое, напримѣръ, при игрѣ въ „снѣжки“.
7. Округъ и городъ при Бенгальскомъ заливѣ.
8. Торговое заведеніе.
9. Французскій беллетристъ.
10. Знаменитый мореплаватель.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Издатель журнала „Нива“ имѣетъ честь заявить, что тѣ изъ гг. подписчиковъ, которые подписались **только на второе полугодіе** и желаютъ получить преміи, могутъ доплатить **2 руб. безъ пересылки**, или **3 руб. съ пересылкою** за первое полугодіе и тѣмъ самымъ получить право на пріобрѣтеніе №№ перваго полугодія съ двумя преміями: **„Воскресный вечеръ въ Малороссійской деревнѣ“** и **„Мининъ на Кремлевской площади въ Нижнемъ-Новгородѣ, призывающій народъ къ пожертвованіямъ на государственныя нужды.“**

СОДЕРЖАНІЕ: Король Испанскій Альфонсъ XII и его невѣста, Эрцгерцогиня Марія-Христина (съ портр.)—Касимовская невѣста Историческій романъ Вс. Соловьева. Продолженіе.—Среди облаковъ. Очеркъ (съ рис.)—Помпея. Въ память 18-ти столѣтій, истекшихъ со дня ея гибели (24 августа 79 г). Окончаніе.—Озеро Георгія въ Штатѣ Нью-Іоркъ (съ рис.)—Сваха (съ рис.)—Кормленіе голубей (съ рис.).—Видъ Александровскаго моста черезъ р. Неву, (съ рис.)— С. М. Соловьевъ (съ портр.)—Политическое обозрѣніе.—Къ нашимъ читателямъ.—Задача слоговъ.— Заявленіе.—Объявленія.

Издатель А. Ф. Марксъ. Редакторъ Ф. Бергъ.

Производенія разсмотрѣны и разрѣшены Опв Врачебнымъ Управленіемъ.

КРАСОТА И СОХРАНЕНІЕ КОЖИ.

Вода де Лисъ де Нинонъ придаетъ кожѣ бѣлизну и прозрачность, предохраняетъ ее отъ загара, красноты, прыщей и проч. Необходима зимою противъ накожныхъ трещинъ и для освѣженія кожи разгоряченной газомъ и дурнымъ воздухомъ, лѣтомъ оно лучшее средство отъ загара и воспаленія вызваннаго пылью и солнцемъ. Цѣна больш. флак. 1 р. 50 к. съ пересылкою 2 р.

Кремъ де Лисъ де Нинонъ имѣетъ тѣ же свойства какъ вода де Нинонъ и рекомендуется преимущественно лицамъ употребляющимъ Кольдъ-Кремъ, котораго онъ превышаетъ качествомъ. Цѣна за банку 1 р. съ пересылкою 1 р. 50 к.

Пудра де Нинонъ. Необходимое дополненіе къ Водѣ или Кремъ де Лисъ де Нинонъ и замѣняющая всѣ другія пудры.

Цѣна за коробку 75 к. съ пересылкою 1 руб.

Цѣна за коробку съ пуховкою 1 р. съ пересылкою 1 р. 25 коп.

ВЪ ПРОДАЖѢ:

На Невскомъ просп., въ Депо С.-Петербургской Химической Лабораторіи, домъ Католической церкви, № 32, маг. 3, и у *Аничкова моста*, домъ № 66.

На Вознесенскомъ проспектѣ, уголъ Казанской ул., № 51—18, домъ Шредера.

Оптовая продажа и отправка почтовая въ Конторѣ С.-Петерб. Химической Лабораторіи, по *Екатерининскому каналу, у Вознесенскаго моста*, № 80.—Описаніе и способъ употребленія высылается по желанію безплатно. № 313 3—1

ГЛАВНАЯ ПРОДАЖА ПЕРВАГО СОРТА РЕЗИНОВЫХЪ КАЛОШЪ И САПОГОВЪ

удостоенныя на Парижской выставкѣ

ЗОЛОТОЙ МЕДАЛИ

(высшая награда для резинов. фабрикат.)

Продаются по фабричнымъ цѣнамъ

ВЪ СКЛАДѢ ТОВАРИЩЕСТВА

Русско-Американской резиновой мануфактуры.

КОНСТАНТИНА МАЛЬМЪ

БОЛЬШАЯ МОРСКАЯ Д. № 36, рядомъ съ магазиномъ Штавге. Постоянный выборъ новѣйшихъ резиновыхъ товаровъ, продаются по рѣшительнымъ цѣнамъ безъ запроса.

По Воскресеньямъ складъ закрытъ. № 325 10—1

ГЕРМАНЪ ВЕЙСЕНБУРГЕРЪ и К°

Канштатъ, Вюртенбергъ.

Фабрика *жестяныхъ* издѣлій и *пожарныхъ* снарядовъ —Поставляетъ всѣ нужные, при организаціи пожарныхъ командъ, принадлежности, *весьма прочно* и *дешево*.

Приглашаютъ агентовъ для Россіи.

№ 320 2—1

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ

ВСЕОБЩІЙ КАЛЕНДАРЬ на 1880 г. Цѣна въ бум. 1 р., съ перес. 1 р. 30 к.; въ папкѣ 1 р. 30 к., съ перес. 1 р. 60 к.; въ переплетѣ 1 р. 50 к. съ перес. 2 р.

Изданіе Германа Гоппе въ С.-Петербургѣ.

№ 322 3—1

Главное депо для Россіи (основ. 1864 г.).

ОЛЕОГРАФИЧЕСКИХЪ КАРТИНЪ

рекоменд. 7 чрезвыч. эффектн. пейзажей 19×13 вершк. по 5 руб.

на моей ФАБРИКѢ РАМЪ и БАГЕТОВЪ

имѣются въ запасѣ для премій и картинъ всякаго рода

16,000 БАГЕТОВЪ

вызолоч., черныхъ и орѣхов. въ 88 нумеровъ и предлагаю

ГГ. ПОДПИСЧИКАМЪ „НИВЫ"

вставить въ рамки съ бѣлымъ фономъ подъ стекло обѣ преміи **„Нивы"** за **1879** годъ (красивыя черныя **рамы** съ золотымъ узоромъ а ла грекъ, величина рамы для картинъ съ фономъ 16½×13½ вершк) **за 4 руб.** Для гг. иногороднихъ подписчиковъ **„Нивы"** берусь **высылать эти рамы въ восьми частяхъ** (легко склеить на мѣстѣ), сдѣланныя **по размѣру картинъ съ бѣлымъ фономъ** на 16½ и 13½ вершк. **съ упаковной и пересылной** (но безъ стекла) **3 р. 75 к.**

Прошу обратить вниманіе на то, что болѣе ста посылокъ съ рамками въ день отправить по почтѣ нельзя и потому прошу обращаться съ заказами заблаговременно.

С.-Петербургъ. Э. Г. ДЕЗЛЕРЪ.

Угловой магазинъ по Гороховой и Мойкѣ у Краснаго моста. 292 4—3

Вышла и раздается подписчикамъ **ОКТЯБРЬСКАЯ КНИЖКА ЖУРНАЛА:**

ТЕАТРАЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА.

СОДЕРЖАНІЕ: 1) **Преступница**, драма въ 4 дѣйств. Чуйкова-Оверина. **Граждане**, ком. въ 1 д. П. Л. Леонтьева. 3) **Роковое увлеченіе**, др. въ 4 д. Θеофлистова. 4) **Заграничная школа**, (изъ воспоминаній русской) продолженіе, гл. XII—XVIII. 5) **Искусство чтенія**, Эрнеста Легувэ (переводъ съ французск.) часть вторая, гл. I—VI. 6) **Записки актера**, (продолж.) гл. IV—VIII. Стружкина. 7) **Талантъ и школа въ драматическомъ искусствѣ**, Оскара Гутмана, переводъ съ нѣмецкаго Ю—вой, съ предисловіемъ отъ редакціи. 8) **Мизантропъ Мольера въ новой оцѣнкѣ.** 9) **Французъ о русскомъ театрѣ**, переводъ съ французскаго, съ предисловіемъ редакціи. 10) **Русскій театръ:** а) порядки на столичныхъ театрахъ, б) театральные курсы въ Москвѣ, в) хроника малаго театра, г) некрологъ П. А. Каратыгина 11) **Западныя сцены**, Новости Парижск. театровъ. 12) **Списокъ пьесъ** игранныхъ на провинціальн. театрахъ, за февраль. 1878 г. 13) **Частныя Объявленія.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

безъ доставки:	съ доставкою въ Москвѣ:	съ перес. иногороднымъ:
на 12 мѣсяцевъ . . 12 р.	на 12 мѣсяцевъ 13 р.	на 12 мѣсяцевъ 13 р. 50 к.
на 4 мѣсяца . . . 5 р.	на 4 мѣсяца . 5 р. 50 к.	на 4 мѣсяца. . 5 р. 75 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ МОСКВѢ: **въ редакціи журнала, въ Кремлѣ, въ Потѣшномъ дворцѣ,** въ квартирѣ **Николая Львовича Шаповалова**, ежедневно, отъ 10 час. утра до 3 пополудни. **Въ книжныхъ магазинахъ И. Г. Соловьева и А. Васильева**, на Страстномъ бульварѣ. При библіотекѣ **С. Θ. Разсохина**, въ домѣ Шабликина, по Газетному переулку. **Въ Центральной конторѣ объявленій для всѣхъ европейскихъ газетъ**, Большая Дмитровка д. Бучумова. ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ: **въ книжномъ магазинѣ И. О. Тихонова**, по Минскому переулку, въ зданіи Литовскаго рынка. **Въ магазинѣ Невской книжной торговли**, Васильевскій Островъ 5 линія, домъ № 6, **Воронина**. ВЪ ОДЕССѢ: **при южномъ агентствѣ журналовъ и газетъ**, д. Вагнера, на Ланжероновской улицѣ. ВЪ КАЗАНИ: въ книжно-музыкальномъ магазинѣ **«Восточная Лира»**.

№ 318 **ЦѢНА ОТДѢЛЬНАГО НОМЕРА 2 РУБЛЯ.** 1—1

FÜR WÄSCHE-FABRIKEN.

Gewebte waschächte Etiquetten liefern in jeder Ausführung.

Mirus & Lengerich, Crefeld.

№ 319 4—1

ПУТЕЕЦЪ,

получившій университетское образованіе ищетъ уроковъ (до іюня здѣсь, а потомъ на выѣздъ). В. Садовая д. № 49—2 кв. № 6. № 331 1—1

МАСТЕРСКАЯ БѢЛЬЯ

МАРКА ГАРФЕЛЬДА

Б. Морская д. № 15 въ С.-Петербургѣ.

Спеціальность изготовленія мужскаго дамскаго бѣлья и приданаго:

При мастерской имѣется постоянный выборъ полотенъ Голландскаго и Русскаго, столоваго бѣлья, носковъ, чулковъ, полотняныхъ и батистовыхъ носовыхъ платковъ, галстуховъ, воротниковъ, манжетъ и проч.

Заказы изъ провинціи немедленно исполняются, прочная работа и по умѣреннымъ цѣнамъ. № 260 2—2

МУЗЕЙ ЛЕНТА

ИСКУССТВА И НАУКЪ

ПАССАЖЪ 2-я ГАЛЛЕРЕЯ

РАЙСКАЯ ПТИЦА.

Громадное великолѣпно-исполненное механическое искусственное произведеніе, поетъ натуральнымъ голосомъ, а также двигаетъ головою и крыльями правдоподобно. Тысяча новыхъ достойныхъ произведеній составляющихъ пріятную и поучительную бесѣду. Открыто ежедневно отъ 10-ти часовъ утра до 10-ти ч. вечера.

№ 330 1—1

CANNES

Dep. Alpes maritimes, France.

Съ 15-го Октября, я вновь принимаю паціентовъ, моя вилла Моваръ (Mauvare) находящаяся въ признанной лучшей мѣстности Канна, постоянно къ услугамъ почтеннѣйшей публики.

Д-ръ Т. Тритшлеръ.

РЕКОМЕНДАЦІИ:

Профессоръ Д-ръ фонъ Брунсъ, Тюбингенъ.
" " Юргенсенъ, Тюбингенъ.
" " фонъ Либермейстеръ, Тюбингенъ.
Д-ръ, Кохъ, Штудгартъ.
" Штоль, Штуогардтъ.
Д-ра Ф. и Т. Фейль, Канштатъ.
Пасторъ Шмидъ, Каннъ.

№ 321 1—1

№ 269 **ПАРОВЫЯ ПОЛИРОВАЛЬНИ** 5—4

С. ОППЕНГЕЙМА и КОМ.

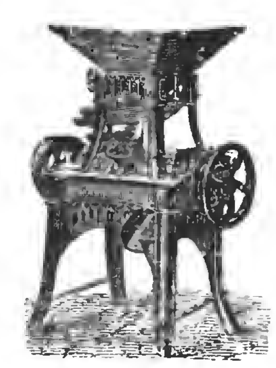
въ Гайнгольцѣ, возлѣ Гановера.

Предлагаютъ повсемѣстно распространенныя ихъ издѣлія, признанныя превосходнаго качества, какъ-то: чистякъ въ смѣси со стекломъ, кремнемъ, бумагою и холстомъ; полированное стекло «Вулканъ» изъ настоящаго чистика-наксоса, а также всѣ принадлежности точенія чистикомъ. **Образцы и прейсъ-курант. высылаются безплатно.**

ГЛАВНОЕ РУССКОЕ ДЕПО МАШИНЪ

Вас. Вас. КРЮГЕРЪ.

Вознесенскій проспектъ, домъ № 25.



Малая американская мукомольная мельница № 1, мелитъ 20 фунт. мелкой муки въ часъ.

Большая американская мукомольная мельница № 2, мелитъ 90 фунт. мелкой муки въ часъ.

Улучшенная американская универсальная мукомольная мельница для коннаго привода для двухъ лошадей, мелитъ 9 пудовъ мелкой муки въ часъ.

Тоже для коннаго привода для четырехъ лошадей мелитъ мелкой муки 15 пудовъ въ часъ.

Улучшенная американская ручная молотилка молотитъ 250 снопов въ часъ, цѣна 90 р. с. Улучшенный прессъ для прессованія сѣна.

Кромѣ того имѣются: вѣялки, сортировки, конные приводы, дробилки для овса, желѣзные плуги, соломорѣзка, вѣялки, жатвенныя машины, пожарныя трубы и машины всякаго рода, которыя можно, по желанію, видѣть въ дѣйствіи.

№ 309 5—2

НОВОЕ ПАТЕНТОВАННОЕ ПЕРЕНОСНОЕ ГАЗОВОЕ ОСВѢЩЕНІЕ, БЕЗЪ ГАЗОПРОВОДНЫХЪ ТРУБЪ.

Наши газоосвѣтительные приборы **НЕ ТРЕБУЮЩІЕ газопроводныхъ трубъ**, такъ какъ каждый изъ нихъ **САМЪ ПРОИЗВОДИТЪ свой газъ**, можно приспособить безъ затрудненій вездѣ, и не требуютъ ни **фитиля** ни **цилиндра**.

Пламя ихъ **прекрасное бѣлое и изумительной силы свѣта**, не распространяя запаха и чада; по силѣ свѣта оно **ПРЕВОСХОДИТЪ** каменноугольный газовый свѣтъ и притомъ ЗНАЧИТЕЛЬНО ДЕШЕВЛЕ ЕГО (одно пламя замѣняетъ 4 большихъ керосинныхъ пламени.)

Наши газоосвѣтительные приборы приготовляются въ формѣ рабочихъ лампъ, фонарей, бкр., люстровъ, рукавовъ двойныхъ стѣнныхъ и потолочныхъ и пр. **СМОТРЯ ПО ПОТРЕБНОСТИ** и примѣнимы для домовъ, улицъ, фабрикъ, магазиновъ, лѣстницъ, ресторановъ, булочныхъ и пр. и пр. Они **НЕ ПРИЧИНЯЮТЪ ВЗРЫВОВЪ** какъ керосиновыя лампы, такъ какъ резервуаръ не находится въ непосредственной связи съ пламенемъ и тѣмъ не нагрѣвается; его наполняютъ очищеннымъ керосиномъ.

Исключительная продажа для всей Россіи.

А. ЮНГЪ и К°.

Екатерининскій каналъ д. № 12 у Казанскаго моста, между Невскимъ проспектомъ и большой Итальянской.

Въ внутреннія губерніи мы высылаемъ:

образцовыя лампы со всѣми принадлежностями уложенныхъ въ деревянный ящикъ **ПО ЦѢНѢ, СЪ ДОСТАВКОЙ**, на всѣ почтовыя станціи **въ 10 рублей.**

Иллюстрированный прейсъ-курантъ мы высылаемъ **безплатно.**

№ 327 Оптовымъ покупщикамъ соразмѣрная уступка. 1—1

Aelteste deutsche Zeitung Russlands!

Probe-Nummern gratis und franco!

St. Petersburger Zeitung.

Verantwortlicher Redacteur und Herausgeber: P. v. Kügelgen.
Erscheint taglich in grossem Royal-Format. Bringt das Beste auf allen Gebieten. Abonnementspreis: für St. Petersburg mit Zustellung ins Haus 13 Rbl. (1 Jahr)—7 Rbl. (1/2 Jahr)—3 3/4 Rbl (1/4 Jahr). — Für das übrige Russland 14 Rbl. (1 Jahr)—7 1/2 Rbl. (1/2 Jahr)—4 Rbl. (1/4 Jahr).—Für's Ausland: 56 Mark (1/2 Jahr)—28 Mark (1/2 Jahr)—14 Mark (1/4 Jahr).

Insertionen finden die weiteste und nützlichste Verbreitung.

328 Erscheint ohne Präventiv-Censur! 3—1

„ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННЫЙ ВѢСТНИКЪ"

ВЪ 1880 ГОДУ.

будетъ издаваться на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ предыдущія шесть лѣтъ своего существованія, т. е. будетъ заключать въ себѣ отдѣлы церковный, общественный, политическій и библіографическій, и выходить три раза въ недѣлю, безъ предварительной цензуры.

По примѣру прежнихъ лѣтъ *годовымъ* подписчикамъ будетъ разослано безплатное приложеніе подъ названіемъ **«Календарь для духовенства»** на 1880 годъ. Въ составъ его, между прочими необходимыми для духовенства свѣдѣніями, войдутъ: 1) Полный текстъ устава духовныхъ консисторій, со всѣми дополненіями и измѣненіями, какія узаконены въ немъ правительственною властію (въ такомъ видѣ уставъ этотъ появится въ печати въ первый разъ); 2) полный сводъ постановленій о церковномъ причтѣ, составленный покойнымъ Филаретомъ, архіепископомъ черниговскимъ; 3) полный сводъ постановленій Св. Синода, касающихся съѣздовъ духовенства и многія другія.

Въ числѣ статей, которыя имѣется въ виду напечатать въ **«Церковно-Общественномъ Вѣстникѣ»** 1880 года, редакціею пріобрѣтено обширное изслѣдованіе покойнаго Д. И. Ростисланова «Объ ученомъ монашествѣ». Печатаніе его начнется съ первыхъ же №№ **«Церковно-Общественнаго Вѣстника»** на 1880 годъ.

Условія подписки на будущій годъ, съ доставкою и пересылкою, слѣдующія: въ Россіи—на годъ **7** рублей, на полгода **4** рубля; за границей—на годъ **10** рублей.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ Редакціи **«Церковно-Общественнаго Вѣстника»**, на Пескахъ, по Конно-Гвардейской улицѣ, № 59. Редакторъ-издатель **А. Поповицкій.**

№ 314 3—1

ВЕНЦЕЛЬ. МОЛОЧНАЯ МУКА ГЕНРИХА НЕСТЛЕ

МОЛОЧНАЯ МУКА НЕСТЛЕ 1 РУБ.

ДЛЯ ВСКОРМЛЕНІЯ ГРУДНЫХЪ ДѢТЕЙ Безъ пересылки

и СГУЩЕННОЕ МОЛОКО НЕСТЛЕ. 75 К.

ГЛАВНОЕ ДЕПО для оптовой и розничной продажи въ С.-Петербургѣ у **АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ** въ зданіи Воспитательнаго дома по Казанской ул. № 3, Магазинъ № 7, а также у Штоль и Шмидтъ—въ Спб. Химической Лабораторіи,—въ Русскомъ Обществѣ Торговли Аптекарскими Товарами и во всѣхъ москательныхъ торговляхъ и аптекахъ Россійской имперіи.

Единственный агентъ для всей Россіи *Александръ Венцель*

Имѣю честь довести до свѣдѣнія публики, что я отвѣчаю только за тѣ жестянки, на которыхъ находится **СИНІЙ ШТЕМПЕЛЬ** и **ПОДПИСЬ** Александра Венцеля **ЕДИНСТВЕННАГО** агента моего для всей Россіи.

№ 51 26—15 **ГЕНРИХЪ НЕСТЛЕ** въ Веве (Швейцарія).

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ

американскихъ швейныхъ и вязательныхъ машинъ и машинъ для закладыванія плиссэ

Г. ТИЛЕ.

СПБ. Невскій проспектъ № 56.

СПЕЦІАЛИСТЪ И ИЗОБРѢТАТЕЛЬ ПАТЕНТОВАННОЙ ВЪ Европѣ и Америкѣ швейной машины

ПАТЕНТЪ ТИЛЕ.

Машины для ремесленниковъ, отъ мелкихъ до самыхъ сильныхъ заботъ, какъ-то: для портныхъ, сапожниковъ, сѣдельниковъ, шорниковъ, корсетниковъ и др.

СЕМЕЙНЫЕ РУЧНЫЕ И НОЖНЫЕ ВСѢХЪ СИСТЕМЪ:

Зингеръ, Гау, Виллеръ и Вильсонъ, Дэвисъ, Гроверъ, Бэкеръ, Сансонія, Бруннонія, Принцесъ, Линкольнъ, Суперіоръ, Литль Ванцеръ, Литль Краунъ и др. пріобрѣтенія изъ *лучшихъ* фабрикъ и при *дешевыхъ цѣнахъ* дается самая *обширная* гарантія,

Иллюстрированные прейсъ-куранты высылаются желающимъ безплатно.

Машинныя части всѣхъ системъ въ запасѣ и на заказъ.

Большой выборъ и складъ шелка бумаги и нитокъ, иголокъ, масла и т. п. самаго лучшаго качества.

Примѣчаніе: (**Подержанныя машины обратно не принимаются**).

Магазинъ и контора въ С.-Петербургѣ, уголъ Невскаго просп. и Малой Садовой, д. № 56, противъ памятника Екатерины II.

МЕЖДУНАРОДНАЯ

ЦЕНТРАЛЬНАЯ КОНТОРА ПУБЛИКАЦІЙ

Н. МАТИСЕНА,

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,

28—21. Невскій проспектъ, у Казанскаго моста, 28—21.

принимаетъ публикаціи во всѣ газеты, подписка на оныя, какъ въ С.-Петербургѣ, такъ и по всей Россіи и за границей по цѣнамъ редакціи, дѣлаетъ также переводы и переписки на всѣхъ языкахъ, копіи весьма скоро, составляетъ прошенія, черченіе плановъ, помѣщаетъ объявленія въ главныхъ гостинницахъ С.-Петербурга и на желѣзныя дороги.

№ 315 3—1

ОПТИКЪ И МЕХАНИКЪ

Г. ШТРАУСЪ.

44. Невскій просп., противъ Гостиннаго двора, домъ Лопатиной. 44.

Съ ручательствомъ за вѣрность!

предлагаю почтеннѣйшимъ гг. покупателямъ только что вновь полученные изъ-за границы **наружные, комнатные, ванные, медицинскіе** и т. п.

═ ТЕРМОМЕТРЫ ═

со ртутью и со спиртомъ, въ самыхъ разнообразныхъ оправахъ и въ громадномъ выборѣ, по весьма умѣреннымъ цѣнамъ, начиная съ 40 коп.

№ 317 1—1 Преемникъ **И. Я. Урлаубъ.**

Принято къ употребленію въ канцеляріяхъ всѣхъ **Министерствъ и др. казенныхъ учрежденій, въ правленіяхъ жел. дорогъ, банкахъ нотаріальныхъ и коммерческихъ конторахъ и т. п.**

Эмиль Гартье Невскій, 27, Спб. **ГЕКТОГРАФЪ** Единств. складъ для всей Россіи.

Привиллегированный копировально-множительный аппаратъ.

50 КОПІЙ безукоризненно чистыхъ менѣе чѣмъ въ **5 МИНУТЪ.**

Во избѣжаніе пріобрѣтенія публикой худыхъ поддѣлокъ Гектографа продающихся другими фирмами въ С.-Петербургѣ, фабрикантъ рѣшился уменьшить цѣну, сдѣлавъ ее общедоступною.

№ 1 in 4°, размѣръ почтов. листа, вел. 5 1/2 × 7 1/4 верш. ц. 7 р., перес. за 9 ф. № 11. in folio; разм. листа писчей бумаги, вел. 6 × 9 верш., ц. 10 р., пер. за 13 ф. № 111. разм. развернутаго листа писч. бум., вел. 9 × 11 1/2 верш. ц. 15 р., пер за 18 ф. Къ каждому аппарату прилагается 2 стклянки разноцвѣтн. чернилъ. Масса отдѣльно по 1 р. 50 к. за ф., чернила по 40 к. за стклянку.

Каждый настоящій Гектографъ Леватуса снабженъ наставленіемъ отъ фирмы.

ЕДИНСТВЕННАГО КОНТРАГЕНТА ДЛЯ ВСЕЙ РОССІИ ЭМИЛЬ ГАРТЬЕ. Издателя «Россійской библіографіи» (Вѣстника Русской Печати) Невскій пр., 27, между Думою и Казанск. мостомъ, въ С.-Петербургѣ (бывшій до 1-го Октября въ Больш. Конюшенной, д. № 6).

№ 316 1—1

НОВѢЙШІЯ МОЛОТИЛКИ

по системѣ **ВЕЙЛА,**

СЪ ЧИСТИЛЬЩИКОМЪ И БЕЗЪ ОНАГО.

ДЕШЕВЛЕ ВСѢХЪ ПРЕЖНИХЪ КОНСТРУКЦІЙ.

Одноконныя до 4-хъ конныхъ и ручныя съ новѣйшими значительными улучшеніями, предлагаетъ на нынѣшній сезонъ по **чрезвычайно дешевымъ цѣнамъ** и на самыхъ выгодныхъ условіяхъ платежа.

Доставка франкирована на всякую станцію желѣзныхъ дорогъ.

Ищутъ агентовъ. Торговцамъ дѣлаютъ уступки.

Морицъ Вейлъ младш. **Машинно-строительный заводчикъ въ Франкфуртѣ-на Майнѣ.**

═ Первый вводитель штифтовой молотилки. ═

Moriz Weil jun. **Maschin Fabrikant Frankfurt a/M,** Heiligkreuzg. 12, 14, 16 & 16a Landwirthschafts-Vereinshalle.

№ 30 10—5

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

„БРАТЬЯ КУЗНЕЦОВЫ",

на Никольской улицѣ, **въ Москвѣ.**

совершаетъ всѣ банкирскія операціи.

Страхуетъ билеты 1-го и 2-го внутр. съ выигрышами займовъ отъ тиража погашенія.

Продаетъ серебро въ слиткахъ, начиная отъ 10 фунт.

Продаетъ золото въ слиткахъ.

№ 214 11—7

НОВЫЯ АМЕРИКАНСКІЯ

керосиновыя лампы безъ стеколъ.

Пламя этихъ лампъ превосходитъ по яркости своей значительно пламя лампъ другихъ системъ, и не смотря на то содержаніе нашихъ лампъ обходится на

30% дешевле. Взрывы невозможны,

такъ какъ согрѣваніе частей подъ пламенемъ значительно слабѣе, чѣмъ у лампъ со стеклами; керосиновый сосудъ вслѣдствіе особаго приспособленія остается всегда сухимъ и холоднымъ. Зажиганіе и тушеніе лампы удобно и безопасно, также какъ и чистка ея. Пламя чистое и бѣлое, безъ дыма и запаха.

Патентована во всѣхъ штатахъ **Америки и Европы. Поддѣлки будутъ преслѣдоваться судебнымъ порядкомъ.**

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ ДЛЯ ВСЕЙ РОССІИ

А. Юнгъ и Комп.

Екатерининскій каналъ, № 12; у Казанскаго моста, между Невскимъ проспектомъ и большою Итальянскою улицею.

Цѣны лампъ съ красивыми украшеніями

4 1/2 руб. — 6 руб. — 7 руб., смотря по величинѣ.

Высылаются во всякія мѣста Россійской имперіи, тщательно упакованныя въ деревянные ящики.

№ 326. По цѣнѣ 7 руб.—8 1/2 руб.—10 руб. **съ постановкой.** 1—1

При этомъ № для гг. иногородн. подписч. (за исключен. Московск, прилаг. прейсъ-курантъ отъ чайн. маг. Ф. Аплаксина въ Москвѣ.

Дозволено цензурою СПБ. 26 Октября 1879 г.

Тип. **Веллинга.** Англ. пр. № 10.

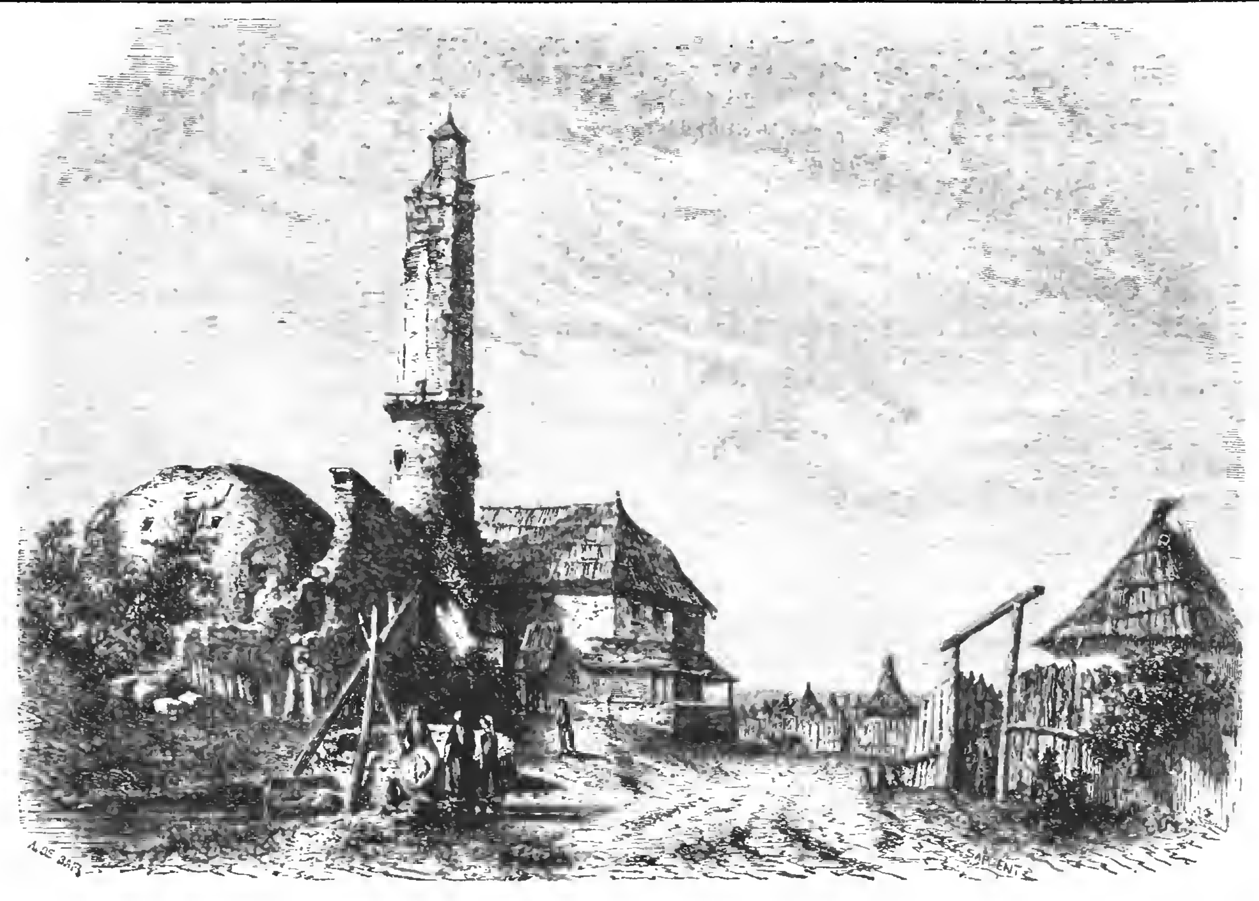
X годъ | годъ X

№ 45 | 1879

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ «ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ» (отъ 20 до 40 модн. рис.) И ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40).

Выданъ 5 Ноября 1879 г. Цѣна этаго № „Нивы“ 20 к. съ перес. 25 к.

При этомъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за НОЯБРЬ съ 31 рисункамъ и отдѣльный листъ съ 27 чертеж. выкроекъ въ натуральн. величин., и съ 40 рис. рукод. работы.



Татарская деревня въ Казанской губерніи. Рис. А. Баръ, грав. Саржанъ.

Татарская деревня.

Послѣ русскихъ, самую значительную часть населенія Казанской губерніи составляютъ татары. Въ количествѣ до 500,000 чел. они расположены почти по всѣмъ уѣздамъ губерніи. Казанскіе татары по физическимъ своимъ особенностямъ принадлежатъ къ числу красивыхъ породъ. Монгольскій элементъ проявляется въ нихъ весьма слабо; они до сихъ поръ сохраняютъ много характеристическаго; живутъ отдѣльно отъ другихъ племенъ и крѣпко держатся своихъ преданій и обыкновеній.

Въ старину они ставили дома свои по восточному, среди двора, обнесеннаго со всѣхъ сторонъ заборомъ; теперь не только въ городахъ, но и въ деревняхъ строятся по планамъ, и есть деревни правильно выстроенныя, но и тутъ татаринъ старается, на сколько возможно, скрыть свое жилище отъ глазъ прохожаго; обыкновенно передъ окнами низенькой своей избы онъ садитъ ярыжовникъ или вообще густые кусты.

Домъ зажиточнаго татарина дѣлится на двѣ половины: переднюю и заднюю. Между ними сѣни, предназначенныя для домашнихъ моленій. Передняя изба также дѣлится на два отдѣленія: мужское и женское и въ каждое особая дверь. Вмѣсто стульевъ и скамеекъ, по стѣнамъ, какъ и у русскихъ, широкія нары, на которыхъ за занавѣсками пышныя перины. Въ печь вмазывается котелъ для варки пищи. На печи же стоятъ мѣдные луженые или жестяные кувшины: одинъ для мужа, другой для жены — законъ запрещаетъ имъ омовеніе изъ одного кувшина. Татары любятъ ярко раскрашенный фарфоръ. Сундуки окованные жестью и бухарскіе ковры дополняютъ, у татаръ побогаче, убранство горницы. Большинство татаръ нельзя однако похвалить за чистоту, хотя на видъ и кажется все чисто. Случается, что въ той же посудѣ и стираютъ бѣлье и подаютъ кушанье. Накожныя болѣзни, не взирая на омовенія, у нихъ довольно часты. Здѣсь изображенъ видъ татарской деревни, уже отживающаго типа, съ красивыми развалинами старинной мечети и неправильно разбросанными домиками.

Касимовская невѣста.

Историческій романъ Вс. СОЛОВЬЕВА.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

(Продолженіе).

VI.

Постоянно однообразная и скучная жизнь царскаго терема оживилась. Въ этотъ теремъ вступила новая жилица, которая, не смотря на свою молодость, должна была въ скоромъ времени сдѣлаться его главною хозяйкой.

Послѣ того какъ молодой царь подошелъ къ Фимѣ Всеволодской и вручилъ ей кольцо и ширинку, послѣ того какъ затихло первое движеніе, вызванное этимъ событіемъ, Алексѣй Михайловичъ самъ взялъ за руки свою взволнованную и дрожащую невѣсту и провелъ ее въ теремъ къ сестрамъ. Царскій выборъ очень изумилъ какъ царевенъ, такъ и всѣхъ теремныхъ обитательницъ. Онѣ ожидали совсѣмъ другаго.

Откуда и какимъ образомъ—неизвѣстно, но въ послѣдніе три дня имя Марьи Ильинишны Милославской было у всѣхъ на устахъ. Никто не сомнѣвался въ томъ, что именно ей предназначено быть царицей и наканунѣ вечеромъ, когда невѣсты были привезены въ теремъ для тайныхъ смотринъ, царевны все свое вниманіе сосредоточили на Марьѣ Милославской, какъ на будущей своей сестрѣ и государынѣ. Онѣ почти весь вечеръ ее окружали, наперерывъ старались выказать ей свое вниманіе, для того чтобы заранѣе задобрить ее въ свою пользу. Поэтому то онѣ даже и не разглядѣли, какъ должно, красоту Фимы. Теперь же вдругъ не Милославская, а Всеволодская царемъ избрана! Ее ожидаетъ уже заранѣе приготовленное для новой царевны помѣщеніе... Царственный женихъ, весь преображенный, сіяющій новымъ счастьемъ, подводитъ невѣсту къ сестрамъ, проситъ ихъ любить ее да жаловать.

Царевны постарались скрыть свое изумленіе и сначала съ большими церемонными поклонами, а затѣмъ съ поцѣлуями и объятіями, привѣтствовали Фиму. Онѣ наперерывъ другъ передъ дружкой спѣшили выразить ей свою любовь, расхваливали ея красоту, даже взяли маленькій грѣхъ на душу: всѣ въ одинъ голосъ объявили брату, что именно и ожидали этаго, что краше и милѣе такой невѣсты ему и найти было невозможно. Еще вчера, де, какъ были у нихъ невѣсты въ сборѣ, она всѣхъ своею красой затмила. Разокъ на нее взглянешь—такъ на другихъ и глядѣть не захочется... Царь краснѣлъ, улыбался и радовался. Фима, въ чаду счастья, не находила словъ, чтобы достойно отвѣчать царевнамъ и только плакала. Но всѣ хорошо видѣли и понимали, что иначе и быть не можетъ, что бѣдная дѣвушка, вдругъ такъ возвеличенная, должна плакать.

Обласкавъ и успокоивъ ее на сколько было возможно, царевны объявили ей, что она должна теперь сѣсть въ особое для нея приготовленное кресло и принять поздравленія отъ всего женскаго теремнаго чина.

Фима повиновалась; но она еще совсѣмъ не сознавала той необычайной перемѣны, которая произошла въ ея положеніи, она вся еще была потрясена счастіемъ своего новаго чувства, которое внезапно охватило ее всю и наполнило блаженнымъ трепетомъ. Она еще чувствовала милое прикосновеніе, стремилась къ юношѣ-красавцу, который взглянулъ на нее среди волшебнаго сна и однимъ взглядомъ навѣки взялъ ея сердце.

Двери царицыной палаты, гдѣ теперь находилась Фима съ царевнами, растворились и одна за другой, по старшинству и значенію своему, начали представляться новой царевнѣ женщины ея будущаго придворнаго штата. Прежде всѣхъ явились верховыя боярыни и первою изъ нихъ—важная, степенная, мама царя, Ирина Никитична Годунова. Она вошла гордой поступью, съ строгимъ и въ то же время равнодушнымъ взглядомъ, остановилась передъ Фимой, поклонилась ей съ достоинствомъ, поцѣловала у нея руку и стала пристально ее оглядывать. Первое, приличное случаю, привѣтствіе произнесла она мѣрнымъ, спокойнымъ голосомъ. Она сознавала, что ей нечего заискивать передъ этой молоденькой дѣвушкой, которая скоро будетъ ея царицей. Она сознавала, что ея твердо установившееся положеніе никто не можетъ пошатнуть, что напротивъ, передъ нею должна заискивать будущая царица. Кто же какъ не она будетъ вводить ее въ трудное и обширное царское хозяйство.

„Еще наклоняешься передо мною, матушка, самодовольно подумала боярыня.

Окончивъ свое первое привѣтствіе, Годунова нашла нужнымъ сказать нѣсколько словъ и отъ себя царской невѣстѣ, для того чтобы ободрить и приласкать ее.

— Государыня царевна, сказала она горделиво закинувъ свою старую, красивую голову,—великое счастіе послалъ Господь на твою долю, царь нашъ батюшка на тебѣ остановилъ свой выборъ; да поможетъ тебѣ Господь быть ему доброю и достойною женою, а для всѣхъ насъ справедливою и милосердною царицей. Не взыщи на мнѣ, старой бабѣ, коли скажу тебѣ какое слово не по сердцу, говорю то я безъ лести, какъ Богъ на душу положилъ. Не мало годовъ живу я милостями государскими, и покойная царица, Евдокія Лукьяновна, царствіе ей небесное, завсегда меня жаловала... И царя нашего батюшку приняла я на свое попеченіе новорожденнымъ младенцемъ, выходила и выхолила его на славу, такъ и ты мнѣ за это скажи спасибо—такъ-то государыня царевна!.. Служить тебѣ буду вѣрою и правдою; молода ты и неопытна, годковъ тебѣ еще не много, да надѣлилъ тебя Господь красотою великою, надѣлилъ онъ тебя всѣми благами и ждемъ мы отъ

тебя многихъ милостей, а ужь мы то всѣ, опять говорю, твои слуги по гробъ вѣрныя!..

Боярыня снова плавно и торжественно поклонилась и почтительно поцѣловала руку Фимы.

Фима почувствовала, что должна что нибудь отвѣтить ей, почувствовала она тоже, что сильно робѣетъ передъ этой властной и горделивой женщиной. Поднялась она со своего кресла и поклонилась въ свою очередь бояринѣ Годуновой. Да вдругъ, безо всякого чина, заплакала и обняла ее — этими слезами, этимъ поцѣлуемъ робкимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ довѣрчивымъ какъ бы признавая свою слабость и прося защиты и помощи. Такое невольное движеніе дѣвической души произвело благопріятное впечатлѣніе на старуху. Первое недружелюбное чувство, почти всегда возникающее въ сердцѣ гордаго человѣка при видѣ чрезмѣрнаго счастья, выпадающаго на чью либо долю, исчезло и замѣнилось добрымъ чувствомъ. Боярыня, даже нѣсколько растроганная и умиленная, въ свою очередь крѣпко поцѣловала Фиму, ободрительно кивнула ей головою, а потомъ отошла и остановилась въ сторонкѣ.

Вслѣдъ за нею подошла ея соперница по вліянію въ теремѣ—Ульяна Степановна Собакина, потомъ мама царевны Ирины—княгиня Хованская, царевны Анны—княгиня Троекурова, царевны Татьяны—княгиня Пронская. Всѣ онѣ, тоже съ большимъ знаніемъ дѣла, привѣтствовали Фиму; но ихъ рѣчи были другаго рода. Въ нихъ незамѣтно было той прямоты, независимости, съ какими говорила Годунова. Эти важныя боярыни сразу начали лестью, изъ подъ которой для привычнаго глаза сквозили—зависть, неопредѣленный страхъ за будущее и многія другія недобрыя чувства. Послѣ боярынь-мамъ представлялись остальныя дворовыя или верховыя боярыни, имѣвшія каждая по своей должности большое вліяніе въ царицыномъ домашнемъ быту: кравчая—правая рука царицы во всѣхъ домашнихъ дѣлахъ ея обихода; боярыня казначея — завѣдующая царицыной казной; свѣтличная — управлявшая рукодѣліями женскаго дворцоваго чина; боярыня постельница—вѣдавшая весь постельный обиходъ царицынъ; боярыня судья—разбиравшая всѣ споры и ссоры между теремными жительницами; наконецъ боярыня приказная—вѣдавшая хамовный дворъ, на которомъ изготовлялась всякая бѣлая казна, то есть полотна, скатерти и такъ далѣе. Все это были жены важныхъ людей, приближенныхъ къ государю и отличавшихся родовитостью. Фима, въ томъ состояніи, въ какомъ она находилась, конечно не могла наблюдать и вглядываться въ эти новыя лица, къ которымъ сразу чувствовала страхъ безотчетный. Но если бы она могла заглянуть въ ихъ душу, то пришла бы въ ужасъ и захотѣлось бы ей бѣжать подальше отъ этаго роскошнаго, волшебнаго терема. Прекрасная, смущенная, и ни въ чемъ неповинная Фима была уже смертельнымъ, кровнымъ врагомъ почти всѣхъ этихъ женщинъ. Почти всѣ онѣ радовались бы ея несчастью какъ свѣтлому празднику. Всѣмъ она стала поперегъ дороги, у всѣхъ отняла возможность породниться съ царской семьей посредствомъ дочерей, племянницъ и другихъ сродницъ...

За боярынями длинной вереницей стали проходить въ палату менѣе знатныя женщины — вторая степень царицыныхъ чиновъ: младшія казначеи,ларешница, учительницы и мастерицы и наконецъ боярышни-дѣвицы или сѣнныя боярышни, жившія въ теремѣ для разныхъ услугъ. Боярышни эти уже принадлежали къ третьей степени царицына чина. Онѣ зачастую обѣдали вмѣстѣ съ царевнами, были подругами ихъ, играли съ ними, собесѣдничали. Все это были по большей части родственницы верховыхъ боярынь.

У Фимы голова кружилась отъ этой вереницы, проходившей передъ нею, почти земно ей кланявшейся и цѣловавшей ея руку. Ей хотѣлось бы всѣхъ обласкать, всѣхъ увѣрить въ томъ, что она будетъ любить ихъ и у всѣхъ, въ свою очередь, попросить для себя любви и участія. Видя передъ собою чье нибудь доброе и милое лицо, она ужь готова была высказать все, что чувствовала; но вдругъ ея рѣшимость пропадала, ея ощущенія измѣнялись; всѣ старыя и молодыя, добрыя и непріятныя лица становились ей совсѣмъ чужими, далекими, неимѣющими съ нею ничего общаго. Ей казалось, что вотъ теперь онѣ тутъ, а что черезъ минуту онѣ будутъ далеко и она ихъ никогда больше не увидитъ. Ей становилось вдругъ какъ то холодно, тяжело, жутко и она вся съеживалась на своемъ огромномъ, роскошномъ креслѣ, расписанномъ травами и птицами. Какъ загнанный, запуганный звѣрокъ поглядывала она вокругъ себя усталыми, почти безсмысленными глазами и на прелестномъ молодомъ лицѣ ея разливалось выраженіе тоски и страданія....

VII.

Царевны и боярыни торжественно проводили Фиму въ предназначенные для нея покои. Замѣтивъ что она едва на ногахъ держится отъ усталости боярыня Годунова тотчасъ же сказала объ этомъ царевнамъ:

— Оставимъ-ка ее голубушку, съ часокъ времени, а то притомилась больно—да и какъ быть иначе?!.

— Поспи, поспи, голубка, сказала царевна Татьяна обнимая Фиму и подводя ее къ пышной кровати. Какъ время будетъ—мы прійдемъ, тебя разбудимъ. Да что это ты такая печальная будто? можетъ о родныхъ вспомнила, такъ и ихъ нынче же увидишь—ужь за ними послано.

Фима ничего даже отвѣтить не могла на всѣ эти слова ласковыя и какъ только всѣ вышли—она кинулась на кровать и крѣпко заснула.

Долго и глубоко спала она, такъ глубоко, что царевны, приходившія звать ее обѣдать, не рѣшились потревожить ея сна и положено было дать ей хорошенько отдохнуть и выспаться.

„Послѣ сна и покушаетъ съ охотой, да и веселѣе будетъ!“—такъ порѣшила боярыня Годунова и всѣ согласились съ ея мнѣніемъ. Фима проспала вплоть до вечерень. Открыла глаза, съ изумленіемъ поглядѣла вокругъ себя и сѣла на своей новой богатой кровати. Сразу она все вспомнила, прежній туманъ, прежнее забытье исчезли, мысли прояснились. Всѣ эти два послѣднихъ дня представились ей сномъ, подробности котораго она однако же отлично помнила. И понимала она теперь, что этотъ мучительный и въ то же время блаженный сонъ—явь настоящая, что прежняя жизнь навсегда окончена и теперь наступила новая. Горячо забилось сердце Фимы при мысли о молодомъ царѣ, который одинъ былъ виновникомъ всего этого сна волшебнаго, этой яви чудной и таинственной.

— Охъ какъ любить она его будетъ, какъ она ужь его любитъ, какъ безконечно онъ ей дорогъ!

И въ этомъ новомъ прекрасномъ чувствѣ она не думала о блескѣ своего положенія, обо всемъ томъ величіи, которое ее окружало и о которомъ до сихъ поръ она не имѣла никакого понятія. Но вдругъ что то тоскливое опять закралось ей въ сердце.

— „Митя! прошептали ея губы,—бѣдный Митя!“

Она заплакала.

„Я счастлива... а онъ?.. Чѣмъ заслужилъ онъ это?.. не я ли тому причиной?!. Что то онъ теперь? чай ужь знаетъ... Охъ тошно, тошно... и зачѣмъ это, зачѣмъ все такъ вышло, зачѣмъ сказала я ему тогда, что люблю его... вѣдь я не любила... я ничего не понимала... вотъ я и теперь его люблю... люблю наравнѣ съ Андрюшей... да это не то... совсѣмъ не то!“

Ей страстно захотѣлось увидѣть его, приласкать, успокоить, попросить у него прощенія въ винѣ невольной; объяснить ему все, что съ ней сталось.

Продавецъ масокъ въ древней Помпеѣ. Картина профессора Маріани. Рис. Минетти, грав. Барбери.

Маленькій желѣзно-дорожный сторожъ. Рис. Сазинъ, грав. Вейерманъ.

„Онъ добрый, добрѣе его нѣтъ на свѣтѣ... онъ пойметъ все... проститъ...“

Но она тутъ же вспомнила, что теперь ей нечего и думать о свиданіи съ нимъ, что теперь ужъ навсегда все должно быть съ нимъ порвано. И опять слезы полились изъ глазъ ея.

„Видно нѣтъ на свѣтѣ полнаго счастья, всегда и вездѣ-то, даже и въ счастьѣ—горе!“

Ей вспомнились всѣ ея дѣтскіе годы и потомъ послѣднее время. Вспомнился Касимовъ, жизнь въ глухой усадьбѣ, ея дѣтскія радости, дѣтскія забавы. Вѣдь всегда и во всемъ былъ участникомъ Митя и ничего этого никогда то ужъ не будетъ!

Но вотъ милый, прекрасный образъ вновь мелькнулъ передъ нею и высохли слезы, и навернулась на лицо улыбка. Радостнымъ и лучезарнымъ взглядомъ окинула она горницу, уже потемнѣвшую въ вечернихъ сумеркахъ; увидѣла она въ углу большой кіотъ съ образами, бросилась къ этому кіоту, встала на колѣни и начала горячо молиться. Полились новыя, успокоивающія, благодатныя слезы. Она благодарила Бога за великое счастье, ей ниспосланное, просила Его простить вину ея передъ женихомъ прежнимъ, просила спасти его и послать и на его долю радость и счастье. Молитва ее ободрила и она поднялась обновленная и измѣненная. Въ ней уже не было прежней робости, прежняго смущенія. Въ этой спокойной, озаренной какимъ то внутреннимъ свѣтомъ дѣвушкѣ трудно было узнать Фиму...

Дверь ея опочивальни тихо отворилась и къ ней вошла боярыня, за которой сѣнныя дѣвушки несли новый нарядъ для царевны. Она встрѣтила ихъ граціознымъ поклономъ, исполненнымъ достоинства и неспѣшно стала одѣваться.

Потомъ, выйдя къ царевнамъ, гдѣ уже дожидалась ее трапеза, она всѣхъ изумила перемѣной, происшедшей съ нею. Она нашла въ себѣ умѣніе сказать всѣмъ и каждой ласковое и милое слово, держала себя съ полнымъ достоинствомъ, какъ будто всю жизнь провела въ царскомъ теремѣ. Никто не научилъ ее этому, научило одно, вдругъ явившееся сознаніе своего положенія; научила внезапно родившаяся и наполнившая все существо ея, любовь къ молодому царю, достойной невѣстой котораго она должна была всѣмъ казаться. Боярыня Годунова внимательно въ нее всматривалась и одобрительно кивала на каждое ея слово.

„Вонъ она какая! думала боярыня,—сразу то я ее не разглядѣла, подумала—такъ себѣ, деревенщина, анъ нѣтъ, знатная будетъ царица!.. и откуда все это берется, подумаешь?!. О Господи, неисповѣдимы пути твои!..

Фимѣ доложили, что ея отецъ и мать прибыли въ теремъ и ждутъ свиданія съ нею.

— Гдѣ они, гдѣ? вся вспыхнувъ крикнула она и побѣжала сама не зная куда, что едва могли догнать ее и указать ей дорогу.

Рафъ Родіоновичъ и Настасья Филипповна, одѣтые въ самые дорогіе свои наряды, взволнованные и даже испуганные робко озирались вокругъ себя, поджидая свиданія съ дочерью. Увидѣвъ ее, они кинулись было къ ней съ радостными объятіями; но тутъ же руки у нихъ опустились и они остались неподвижными. Они не знали какъ имъ быть, они боялись сказать или сдѣлать что нибудь неладное, боялись осрамить себя, а еще пуще того дочь свою.

Войдя въ комнату, Фима тотчасъ же сдѣлала знакъ шедшимъ за нею, чтобы ея оставили одну съ родителями, заперла за собою дверь и обливаясь слезами упала на колѣни передъ отцомъ съ матерью. Она обнимала ихъ ноги, цѣловала руки и долго не могла произнести ни слова.

— Фима, Фимочка, голубка! шептали старики, то же захлебываясь радостными слезами, поднимая ее, цѣлуя, обнимая.

Долго въ богатомъ, уютномъ покоѣ царскаго терема раздавались только тихія рыданія и долго никто изъ этихъ людей, всю жизнь прожившихъ вмѣстѣ и разставшихся только нѣсколько часовъ тому назадъ, не могъ сказать ни слова—они будто свидѣлись послѣ многолѣтней разлуки, будто не узнавали другъ друга.

Первый очнулся Рафъ Родіоновичъ и почувствовалъ что къ его радости великой примѣшивается какое-то странное, неловкое ощущеніе. Вдругъ ему какъ-то стало тяжело. Онъ глядѣлъ на Фиму и ему казалось, что Фимы, его Фимы, его дорогой, балованной дочки уже нѣту, что онъ никогда ее не увидитъ. Эта нарядная, сіявшая жемчугомъ и изумрудами красавица была не она, это была царевна, невѣста великаго государя, которая должна черезъ нѣсколько дней сдѣлаться царицей.

Царицей! что-то недосягаемо далекое и высокое звучало ему въ этомъ словѣ и никакъ не могъ онъ соединить понятіе о великой государынѣ съ Фимой. И это мучило его, и онъ вдругъ сталъ совсѣмъ не тѣмъ, какимъ всегда привыкли видѣть его домашніе.

Фима глядѣла на него, не понимала, что такое съ нимъ творится, отчего онъ сталъ такимъ, какимъ она его ни разу въ жизнь не видала. Онъ вдругъ, будто спохватившись, отошелъ отъ нея, весь выпрямился, опустилъ руки и потомъ съ смиреніемъ и благоговѣніемъ наклонилъ голову.

— Дочь моя, сказалъ онъ,—государыня царевна...

Онъ почему-то вообразилъ, что долженъ говорить съ ней какъ съ царицей, но никакъ не могъ этаго и опять подошелъ къ ней и опять ее обнялъ и шепталъ крестя ее, благословляя ее и цѣлуя:

— Богу молись, Фима, Богу молись, будь достойна такого счастья... Эхъ... да совсѣмъ я одурѣлъ... словъ не найду, не знаю что творится со мною, боюсь, какъ бы не рехнуться... въ головѣ туманъ... Фима, голубка моя!..

Онъ махнулъ рукою. Красивое старое лицо его какъ то совсѣмъ по дѣтски сморщилось и онъ громко заплакалъ. А Настасья Филипповна сидѣла тутъ же, на парчевой скамейкѣ, трясла головою, не отрываясь глядя на свою Фиму и не плакала только потому, что ужъ не могла плакать—для такой минуты слезъ не хватало. Она совсѣмъ почти обезумѣла, она весь день не могла сообразиться съ тѣмъ, что это такое случилось; говорила разумно, а между тѣмъ внутри ея, въ головѣ ея и сердцѣ было какъ-то не совсѣмъ ладно... будто порвалось что-то, потерялось и никакъ не могло сыскаться... Она говорила:

„Дочь наша Фима—царевна, будетъ царицей“, а въ то же время никакъ не понимала, что это значитъ. И вотъ теперь только, когда Рафъ Родіоновичъ всталъ передъ дочерью, поклонился ей и сказалъ: „государыня царевна!“—она вдругъ такъ таки все и поняла. „Государыня царевна!“—это двойственное понятіе о дочкѣ и о царевнѣ, которое испытывалъ Рафъ Родіоновичъ нахлынуло вдругъ и на нее и совсѣмъ ее подавило. Ея материнское сердце вдругъ отчего то сильно, сильно и мучительно забилось, ноги подкосились, голова тряслась пуще и пуще, будто подвѣшенная на проволокѣ, а глаза безсмысленно глядѣли на Фиму. Ей вспоминалось, будто сейчасъ оно было, то далекое время когда долго жданная, у Бога вымоленная дочка, милымъ и беззащитнымъ ребенкомъ, лежала на груди ея. Она видѣла ея крохотный, розовый ротикъ, жадно искавшій материнской груди, чувствовала снова приливъ той несказанной нѣжности, которая влекла ее къ этому хрупкому созданію...

Потомъ видѣлась ей Фима уже подросшей дѣвочкой... какъ вслушивалась она въ ея бойкій лепетъ, какъ безсознательно радовалась каждому новому понятію, возникавшему въ ея головкѣ, дивилась откуда все это берется: „давно ли была крошкой, на четвереньках ползала—а теперь—на поди—съ матерью ужъ и спорить

начинаетъ!“ Потомъ... опять Фима... рослая, стройная красавица, гордость материнскаго сердца... мечты о судьбѣ ея, о Митиномъ хозяйствѣ, про которое она украдкой все доподлинно разузнавала, мечты о внучатахъ... А то опять—эта ночь страшная... Борьба съ Осиной, ужасъ леденящій... Фима, эта самая Фима, дитя милое и жалкое, плоть отъ плоти ея, кость отъ кости ея—Фима—царица!.. Она ли то, или ея и взаправду, больше нѣту, и все это одно только сонное видѣніе?!.

Страхъ и робость въ сердцѣ Настасьи Филипповны, и чего то ей вдругъ жалко, жалко до страданія, а чего—она и сама не вѣдаетъ...

VIII.

Фима первая подавила свое волненіе. Она должна была воспользоваться этимъ свиданіемъ съ отцомъ и матерью чтобы порѣшить главный вопросъ, смущавшій ее и отравлявшій ея счастье.

— Успокойся, батюшка, сказала она,—вотъ того и жди войдутъ и намъ помѣшаютъ, а много еще сказать нужно. Я и сама то еще не могу очнуться. Буду непрестанно молить Бога, чтобы Онъ вразумилъ меня, глупую; умолю государя, чтобы онъ не разлучалъ меня съ вами, чтобы дозволилъ намъ часто видѣться. Коли бы знали вы какъ добръ онъ—царь то, словно ангелъ Божій, съ небесъ сошедшій... чего я трепетала... чего боялась... помните... то стало моимъ счастьемъ. До гроба объ одномъ помышлять буду—какъ бы ублажить моего государя... ахъ, разумъ мутится. Все прежнее кончено... и не жаль мнѣ какъ-то этаго прежняго... одно сосетъ сердце—Митя...

Настасья Филипповна при этомъ имени очнулась и замахала руками.

— Шш!.. Шш!.. Фимочка! испуганно шепнула она. Что ты! развѣ можно теперь думать о немъ, говорить о немъ?! все это кончено... совсѣмъ забыть надо, будто никогда его и не бывало, не ровенъ часъ—услышутъ.., Охъ, страсти какія!.. и такъ ужь этимъ напугала меня совсѣмъ тетка...

У Рафа Родіоновича тоже мелькнула мысль, что ихъ могутъ подслушать и онъ многозначительно посмотрѣлъ на дверь. Фима заговорила тише.

— Да, нужно такъ, чтобы его какъ будто совсѣмъ и не бывало... повторила она слова матери,—сама я это знаю, только вѣдь какъ же быть то... вѣдь жаль его... и онъ чѣмъ виноватъ?.. онъ скажетъ—обманула я его... какъ быть-то теперь.

— Ничего этаго не посмѣетъ онъ сказать, проговорилъ Рафъ Родіоновичъ.—Что же—онъ противъ Бога, да противъ царя пойдетъ? съ царемъ тягаться будетъ? отъ насъ зла никакаго не видалъ, а теперь ты ему и добро еще великое по времени можешь сдѣлать... такъ о чемъ тутъ... Успокойся родная...

— Не то, не то, батюшка, съ тоскою перебила Фима,—это со стороны такъ сказать можно, а передъ Богомъ то... въ сердцѣ-то своемъ—совсѣмъ вѣдь другое. Я не могу его видѣть... не должна—и прошу я васъ: скажите вы ему, что Фима, молъ, проситъ тебя простить ее, не питать къ ней въ душѣ злобу, не считать ее обманщицей... Какъ на духу, какъ передъ Богомъ самимъ говорю—сама себя обманула... ровно братъ родной былъ мнѣ Митя, сами знаете, съ дѣтства привыкла къ нему, а ужь послѣ того какъ онъ спасъ насъ, что же могла я ему отвѣтить?! Думала, любви другой и не бываетъ на свѣтѣ и обѣщалась ему на всю жизнь... а какъ увидѣла царя и поняла все... Его, его одного люблю и буду любить вѣчно... и никогда и никого другаго не любила... скажите вы это Митѣ... пусть, если можетъ, забудетъ меня, а я и теперь его за брата почитаю...

Едва договорила она слова эти какъ въ двери стали стучаться. Вошла боярыня постельница и объявила, что изъ Кисловки прибыли женщины, изъ которыхъ царевна должна избрать для себя младшую прислугу. Сказавши это, она обратилась къ старикамъ Всеволодскимъ и поклонилась имъ большимъ поклономъ.

— А тебя, государь Рафъ Родивоныч, и тебя, государыня Настасья Филипповна, царь къ себѣ приказалъ звать—вотъ тутъ и стольникъ его дожидается, онъ проведетъ васъ.

Всеволодскіе наскоро простились съ дочерью и поспѣшили отправиться вслѣдъ за стольникомъ. А Фима сказала боярынѣ:

— Пусть войдутъ, только какъ же я выбирать буду? никого изъ нихъ не знаю... мнѣ все равно—ужь ты сама выбери—за что же я буду безо всякой вины отказывать? можетъ откажу такой, которая бы мнѣ вѣрно служила.

— Никакъ этаго нельзя, съ поклономъ отвѣтила боярыня,—такъ ужь заведено испоконъ вѣку. Да ты не смущайся государыня: какая баба али дѣвка приглянется—ту и укажи мнѣ... какъ это можно обижаться—развѣ онѣ смѣютъ!

Фима замолчала.

Десятка съ три молодыхъ и пожилыхъ женщинъ вошли къ ней, земно ей кланяясь. Она отвѣтила на поклонъ ихъ и думала:

„Ну зачѣмъ все это?“

И опять тоска безпричинная схватила ее за сердце, ей вдругъ тяжело стало, захотѣлось прежней жизни, свободной и понятной, а тутъ для нея уже начиналось все непонятное и тревожное. Первый незначительный шагъ на новомъ пути уже сильно смутилъ ее. Впрочемъ боярыня постельница постаралась вывести ее изъ затрудненія. По мѣрѣ того какъ женщины, одна за другой, подходили и то робко, то бойко, смотря по характеру каждой, объявляли какимъ дѣломъ онѣ занимаются, боярыня быстро говорила:

— Вотъ эта тебѣ пригодится, царевна... ну безъ этой и обойтись возможно...

Выбранныя отходили по одну сторону съ довольными лицами. Забракованныя снова земно кланялись и выходили изъ палаты. Между прочими подошла къ Фимѣ и Манка Харитонова. Стройная и красивая, скромно и хорошо одѣтая, безъ всякой робости но и безъ излишней бойкости, она сразу приглянулась Фимѣ.

— А, это ты, Манка! кивнула ей головою боярыня.—Эту я знаю давно, обратилась она къ Фимѣ, при покойной царицѣ годовъ восемь была. Она ни въ чемъ дурномъ не замѣчена, дѣло свое знаетъ...

— Ну и ладно, шепнула Фима, она мнѣ нравится.

Манка, услышавъ слова эти, очень ловко представилась необыкновенно растроганной: слезы брызнули изъ большихъ, черныхъ глазъ ея и, будто не въ силахъ удержаться, она упала на колѣни передъ Фимой и стала цѣловать ея платье.

— Государыня-царевна, говорила она,—солнышко ты небесное, распрекрасное.!. Господи милостивый! ужь и гдѣ же, гдѣ такая красота уродилася?! въ жизнь такаго ангела Божьяго не видѣла. Да прикажи только, матушка,—на смерть пойду за тебя, дозволь только постельку тебѣ оправлять, такъ я пушинки подбирать буду, какъ на облакѣ небесномъ заснешь ты, лебедушка бѣлокрылая!..

Она, все не вставая съ колѣнъ, подняла глаза свои на Фиму и глядѣла на нее съ обожаніемъ, Ея пѣвучій, нѣжный голосъ, мягкій свѣтъ глазъ ея обманули царскую невѣсту; съ добрымъ чувствомъ протянула она ей руку, которую Манка поцѣловала какъ святыню.

— Коли она тебѣ по нраву, царевна, сказала боярыня—такъ я и назначу ее въ твою опочивальню—прикажешь?

— Хорошо, отвѣтила Фима.

Манка разсыпалась въ благодарностяхъ и всякихъ льстивыхъ причитаніяхъ; но даже и этимъ причитаніямъ

она съумѣла придать тонъ искренности. А потомъ, выйдя изъ палаты и самодовольно переговариваясь съ товарками, она думала:

„Вѣдь говорила Мишкѣ, что лицомъ въ грязь не ударю! не впервой, только пусть раскошеливается Борисъ Иванычъ—птичка то изъ моихъ рукъ не вылетитъ—и не такихъ заманивала, а эта что? проста больно, податлива... а ужь красота-то! Господи! да съ этакой красотой только и быть царицей!.. Да не будетъ—Манка того не хочетъ!..

IX.

Прошло три дня. Фима начинала свыкаться съ царскимъ теремомъ и своимъ новымъ положеніемъ. Царя въ эти дни она не видѣла ни разу. Согласно неизмѣнному обычаю онъ не долженъ былъ видѣться съ невѣстой до тѣхъ поръ пока она не будетъ торжественно наречена царевной и обручена съ нимъ. Обрученіе это должно было совершиться черезъ два дня.

Царь всей душой рвался въ теремъ, но все же не осмѣливался навѣстить Фиму. Дни казались ему томительно долгими и ни въ чемъ не могъ онъ найти развлеченія. Да и всѣ какъ то вокругъ него измѣнились, онъ не узнавалъ прежнихъ, близкихъ людей своихъ, чувствовалъ что почему то они не тѣ. Особенно поражала его перемѣна, происшедшая въ Морозовѣ. Между воспитателемъ и воспитанникомъ, не смотря на всѣ усилія боярина скрывать свои мысли и чувства, легло теперь многое.

Алексѣй Михайловичъ не разъ пристально вглядывался въ Бориса Ивановича и съ изумленіемъ замѣчалъ что тотъ какъ будто даже избѣгаетъ его взглядовъ. Наконецъ, это стало его мучить—онъ всегда такъ горячо любилъ Морозова и особенно теперь, во дни своего счастія, ему было тяжело видѣть отдаленіе воспитателя, ему напротивъ хотѣлось бы чтобъ и тотъ радовался его радостью.

Онъ рѣшился прямо заговорить съ нимъ.

— Иванычъ, сказалъ онъ кладя свою руку на плечо Морозова и ласково заглядывая ему въ глаза,—чѣмъ я огорчилъ тебя? Или виноватъ, что не тебя послушался, а послушался своего сердца?.. Ахъ, Иванычъ, да какже тутъ.... разбери самъ... долженъ я былъ избрать себѣ жену по сердцу,—ну, и избралъ ту, что краше для меня солнца небеснаго... неужто-жь мнѣ было уйти отъ нея, отвернуться?!.. да мнѣ смерть безъ нея—вотъ что!..

Морозовъ отвѣчалъ на это мѣрнымъ и спокойнымъ голосомъ:

— Коли ты такъ ее любишь, государь,—ну и ладно! да будетъ надъ вами благословеніе Божіе... и не то мнѣ горько, что избралъ ты Евфимію Рафовну — не слѣдъ тебѣ такъ думать—выкинь ты это изъ мыслей, а то мнѣ горько, что ты скрывался передъ дядькой своимъ вѣрнымъ, не захотѣлъ повѣдать своихъ мыслей, открыть сердца какъ бывало... счелъ меня недостойнымъ...

Алексѣй Михайловичъ не далъ договорить ему, бросился ему на шею и только повторялъ:

— Не кори меня, Иванычъ; видитъ Богъ—люблю тебя по прежнему!..

Морозовъ постарался казаться довольнымъ этимъ объясненіемъ и только больше съ этой минуты наблюдалъ за собою, скрывая свои ощущенія.

По вечерамъ царь спѣшилъ къ сестрамъ; онъ зналъ что тамъ нѣтъ Фимы, что ее поспѣшно удаляютъ при его приближеніи; но онъ зналъ также, что съ сестрами можно поговорить о ней, узнать что она въ этотъ день дѣлала, что сказала, что велѣла передать ему. И онъ распрашивалъ сестеръ о каждой мелочи, заставлялъ ихъ по нѣскольку разъ повторять одно и тоже, и возвращался къ себѣ все болѣе и болѣе очарованный своей невидимкой невѣстой.

А по его уходѣ царевны проходили въ покои Фимы и тамъ опять начинались тѣ-же разговоры. Царевны уже сдружились съ Фимой. Въ ихъ скучной, однообразной жизни она являлась новымъ развлеченіемъ. Имъ интересно было нераспросить ее о томъ, о другомъ, о ея прежней жизни, о томъ, чего она навидалась, что вынесла въ послѣднее время. Ничего то онѣ не знали, ни о чемъ не имѣли понятія. При жизни матери всѣ чрезвычайно бережно обращались съ ними, потому что царица строго оберегала дочерей отъ всякаго лишняго слова, а со смерти царицы прошло еще не много времени и хоть въ теремѣ стало свободнѣе, но все же еще некогда было многаго наслышаться. Особенно поразилъ и заинтересовалъ царевенъ откровенный разсказъ Фимы о нападеніи на усадьбу, о бѣгствѣ отъ разбойниковъ. Царевны слушали этотъ разсказъ какъ самую интересную сказку,—старыя сказки уже всѣ давно надоѣли, а эта была новая.

Царевны были молоды, имъ еще и въ голову не приходило завидовать Фимѣ, завидовать ея будущему первостепенному положенію въ теремѣ. Напротивъ, онѣ радовались, что у нихъ будетъ новая молодая хозяйка, которая навѣрно разрѣшитъ многое такое, чего теперь не позволяютъ старыя, суровыя боярыни. И онѣ привязались къ Фимѣ, какъ будто давно уже знали ее; онѣ съ дѣтскою радостью принялись за многотрудное дѣло—снаряженія приданаго царской невѣстѣ.

Но кромѣ царевенъ, да отчасти боярыни Годуновой, у Фимы не оказалось друзей въ теремѣ. Напротивъ, всѣ боярыни съ каждымъ часомъ вооружались противъ нея больше и больше. Никакъ онѣ не могли примириться съ мыслью, что дочь бѣднаго Касимовскаго дворянина будетъ ихъ царицей. Многое бы дали онѣ чтобы эта свадьба разстроилась, чтобы въ новой царевнѣ оказался какой нибудь изъянъ. Да и отчего же и не быть этому? Многія еще помнили судьбу невѣсты царя Михаила Федоровича, Марьи Хлоповой. Эта Марья Хлопова, какъ теперь и Фима, была изъ незнатнаго рода и ея избраніе пришлось очень не по вкусу тогдашнимъ сильнымъ боярамъ. Они опасались новой родни царской и тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ Хлоповыхъ отличались нравственными достоинствами и сразу полюбились молодому государю.

Царская невѣста была уже наречена царевной и жила въ теремѣ. Случилось такъ, что ея родной дядя крупно поговорилъ съ однимъ изъ самыхъ сильныхъ бояръ, Михайлой Салтыковымъ, а черезъ нѣсколько дней послѣ того „царевна“ вдругъ заболѣла. Болѣзнь ея была странная: „рвало и ломало нутрь и опухль была...“

Государь поручилъ наблюдать за леченьемъ своей возлюбленной невѣсты тому же крайчему Михайлѣ Салтыкову. Лечилъ сначала дохтуръ Валентинъ Бильсъ, затѣмъ показывали ее лекарю Балсырю,—они объявили болѣзнь дѣвушки незначительной и увѣряли, что отъ той болѣзни „порухи чадородію быть не можетъ.“

Салтыковъ отстранилъ дохтура и лѣкаря, а разсказывалъ будто они признали болѣзнь его невѣсты неизлечимой и жизнь ея ненадежной. Вмѣстѣ съ этимъ онъ успѣлъ вооружить противъ царевны и ея родныхъ мать государя, великую старицу Марѳу Ивановну, имѣвшую очень сильное вліяніе на сына.

Какъ ни боролись Хлоповы съ боярской интригой, но осилить ее не могли. Назначенъ былъ соборъ, который и рѣшилъ, что „невѣста къ государевой радости непрочна, а потому ее слѣдуетъ сослать съ Верху.“

И сослали несчастную Марью Хлопову, хоть она и совершенно оправилась отъ своей болѣзни, отправили ее въ Тобольскъ, разлучивъ при этомъ съ отцомъ и матерью.

Долго молодой царь Михаилъ Федоровичъ не могъ забыть своей милой невѣсты; но съ матерью, строгой и властной старухой, да съ боярами лукавыми онъ не въ силахъ былъ бороться и наконецъ покорился своей уча-

Дуэтъ. Картина С. Якоби. Рис. на деревѣ Гарнеръ, грав. Берсофъ.

сти—выбралъ себѣ такую царицу, которая была по мыслямъ всѣмъ окружающимъ...

„Эхъ, кабы и съ этой болѣзнь какая лихая случилась! думали обиженныя боярыни;—можетъ и ее бы сослали съ Верху, а царь выбралъ бы другую, кого нибудь изъ нашихъ...“ А тутъ вдругъ, будто въ отвѣтъ этимъ злобнымъ желаніямъ, прошелъ по терему глухой слухъ, къ которому жадно стали прислушиваться боярыни. Одна изъ постельницъ царевны, Манка Харитонова, будто бы разсказывала сѣннымъ дѣвушкамъ что съ царевною нынѣшнею ночью случилось что то неладное. Спала она тихо и спокойно, и вдругъ стало ее метать по постели, поднимало ее вверхъ на аршинъ, а то и болѣе, а у рта пѣна! И будто бы видѣла все это своими глазами Харитонова. Боярыни тотчасъ же стали допрашивать Манку; но та ото всѣхъ своихъ словъ отперлась и какъ ни искали кто пустилъ по терему слухъ недобрый про новую царевну; а розыскать ничего не могли. Въ другое время, конечно, розыски такъ не прекратились бы. Пустили бы въ ходъ пытку, такъ и тѣ, кто ни слова не говорилъ, наплели бы на себя, со страху да муки, всякія небылицы. Но теперь боярыни для себя самихъ розыскивали, и въ сущности потушили это дѣло, не донесли о немъ кому слѣдовало. Одному онѣ всѣ печалились, что царевны не на ихъ сторонѣ и ни малѣйшему дурному слову не хотятъ вѣрить про братнину невѣсту. Будь это иначе—онѣ ловко бы и скоро повернули дѣло.

„А теперь какъ быть? и ума не приложишь...“

— Да что тутъ думать то! порѣшила наконецъ княгиня Пронская, болѣе всѣхъ ненавидѣвшая Фиму изъ за своей дочки,—правда ли то, али нѣтъ, а боярину Морозову нужно про все доложить немедля. Онъ царскій дядька, онъ первый человѣкъ... коли что, такъ онъ и въ отвѣтѣ будетъ.... на насъ поклепъ взведетъ, что мы де утаили....

Собесѣдницы княгини въ одинъ голосъ согласились съ нею. Онѣ знали, что Морозовъ подставлялъ Милославскихъ и нежданный царскій выборъ ему острый ножъ въ сердце.

Въ тотъ же день князь Пронскій побывалъ у Морозова и передалъ ему, со словъ жены, о томъ, что въ теремѣ носятся недобрые слухи, будто бы царская невѣста испорчена.

Морозовъ выслушалъ внимательно, задумался и потомъ проговорилъ спокойнымъ голосомъ:

— А не всякому слуху вѣрь, князь, да и княгинѣ своей закажи тоже... Мало ли что бабій языкъ наболтаетъ!.. вѣдь царевну дохтуръ-нѣмецъ осматривалъ и нашелъ ее въ полномъ здоровьѣ. Это теремныя бабы съ досады да съ зависти надумали, я такъ полагаю. Такъ скажи-ка ты княгинѣ, чтобы она о тѣхъ рѣчахъ пустяшныхъ лучше помалчивала, о себѣ бы подумала; съ такимъ дѣломъ шутить не слѣдъ—избави Богъ царь узнаетъ.... сыскъ пойдетъ, такъ многимъ тогда плохо придется... Ишь вѣдь, право, что надумали!..

Пронскій съ изумленіемъ глядѣлъ на Бориса Ивановича. Совсѣмъ онъ его спуталъ этими словами.

„Охъ, хитеръ же ты, Бориско! подумалъ онъ,—кажись чорта и того проведешь, а ужь намъ то, грѣшнымъ, гдѣ тебя раскусить...“

Такъ вотъ и остались пока ни съ чѣмъ теремныя завистницы.

Между тѣмъ слухъ все же былъ пущенъ; онъ шепотомъ повторялся во всѣхъ углахъ терема. И если бы Фима была внимательнѣе, она бы замѣтила странные и подозрительные, обращаемые на нее взгляды; но ни она, ни царевны, въ своихъ хлопотахъ и радости, ничего не замѣтили.

(Продолженіе будетъ).

Случай изъ практики.

(Разсказъ.)

Пріѣхавъ въ Лондонъ, я пошелъ навѣстить своего стариннаго школьнаго товарища, котораго давно уже не видалъ. По выходѣ изъ школы, онъ принялся за изученіе медицины и теперь уже былъ однимъ изъ извѣстнѣйшихъ докторовъ. Я всегда радовался успѣхамъ моего пріятеля. Когда мы свидѣлись—я нашелъ въ немъ прежняго, „хорошаго малаго.“ Богатство и слава нисколько не перемѣнили его.

Въ этотъ вечеръ я долго просидѣлъ у него. И понятно—послѣ продолжительной разлуки много было о чемъ поговорить. Вспомнили прежнихъ товарищей, школьное время, перебрали все, что за это время произошло и съ нами.

— Вы, доктора, сказалъ я ему, между прочимъ,—встрѣчаете въ вашей жизни и практикѣ гораздо болѣе трагическаго и интереснаго, чѣмъ кто либо другой. Я увѣренъ, что вамъ случается, вообще, чаще проникать въ различныя семейныя тайны, нежели, даже, напримѣръ, священникамъ или судьямъ.

— Да, дѣйствительно. Паціенты нерѣдко исповѣдываютъ предъ нами свои секреты, но—мы не выдаемъ такой исповѣди.

— Но, скажи мнѣ, пожалуйста—часто ли тебѣ приходилось быть свидѣтелемъ чего нибудь преступнаго, или романическаго, или и того и другаго вмѣстѣ?

— Со мной ни разу не происходило ничего чрезвычайнаго, но.... впрочемъ.... могу разсказать тебѣ что случилось на моихъ глазахъ. Тутъ, дѣйствительно, сколько помню, было что-то таинственное, но мнѣ не удалось добиться разгадки.

— Какъ-то разъ, довольно поздно уже, меня пригласили къ одной внезапно заболѣвшей лэди,—началъ мой пріятель-докторъ. Люди благоразумные имѣютъ обыкновеніе сообщать врачу, по крайней мѣрѣ, о главныхъ признакахъ болѣзни и, такимъ образомъ, даютъ ему возможность хоть сколько нибудь приготовиться заранѣе, что, какъ ты самъ понимаешь,—очень важно. Въ передней я нашелъ глуповатаго на видъ лакея въ ливреѣ, сумѣвшаго мнѣ сказать только, что „лэди трясется какъ осиновый листъ.“ Больше я нечего отъ него не могъ добиться.

Дѣло уже было къ вечеру, какъ я сказалъ. Я былъ разбитъ отъ усталости: цѣлый день ѣздилъ къ больнымъ—и уже расположился по домашнему, надѣлъ халатъ, туфли, усѣлся въ удобное кресло, и принялся за вечернюю газету. Но—что же было дѣлать: докторъ не имѣетъ права отказывать больному и, наскоро одѣвшись, отправился пѣшкомъ. На улицѣ было темно, вѣтеръ завывалъ, гоня по небу низко нависшія, черныя тучи.

Посланный скоро привелъ меня къ большому дому, выходившему на широкую площадь. Я еще прежде обращалъ вниманіе на это зданіе, поражавшее своимъ угрюмымъ видомъ; въ немъ никогда не было замѣтно ни малѣйшаго признака жилья. Когда я, какъ-то, спросилъ—кому онъ принадлежитъ, то получилъ въ отвѣтъ, что тамъ живетъ сама владѣлица, „старая миссъ Бринкмэнъ.“ Эту миссъ Бринкмэнъ я прежде никогда не зналъ и не встрѣчалъ. Только теперь пришлось мнѣ увидѣть ее и я нашелъ пожилую, болѣзненную женщину, страннаго, причудливаго вида. У нея не было, повидимому, ни родственниковъ, ни друзей.

Поднявшись по лѣстницѣ и войдя въ комнаты, я вынужденъ былъ, въ извѣстной степени перемѣнить мое мнѣніе о жилищѣ старой миссъ. Предо мной открылась анфилада великолѣпно-убранныхъ покоевъ. Но—все было также безмолвно тутъ, какъ и снаружи. Даже собственныхъ шаговъ нельзя было слышать: нога тонула въ мягкихъ дорогихъ коврахъ. Я нашелъ больную въ ея спальнѣ. Ея искаженное лицо ясно говорило о мукахъ, которыя она терпѣла въ эту минуту; она была очень слаба и казалась въ какомъ то страхѣ. Констатировавъ внутреннее страданіе, я, однако, не нашелъ ничего опаснаго и тотчасъ же прописалъ лекарство, которое должно было, при обыкновенномъ теченіи болѣзни, быстро повести къ хорошему результату. Я замѣтилъ, однако, что спальня была меньше другихъ комнатъ и далеко уступала имъ въ убранствѣ, но находившаяся уже тутъ сидѣлка, сказала мнѣ, что это любимая комната миссъ Бринкмэнъ. Такъ какъ о вкусахъ не спорятъ и мнѣ хотѣлось поскорѣе домой, то я и поспѣшилъ удалиться.

Обыкновенно я дѣлаю свои объѣзды послѣ утреннихъ пріемовъ у себя на дому,—около полудня. Я настолько былъ увѣренъ въ благопріятномъ исходѣ болѣзни миссъ Бринкмэнъ, что не особенно торопился къ ней и заѣхалъ уже послѣ всѣхъ. Я ожидалъ найдти не только значительную перемѣну къ лучшему, но и признаки поворота къ выздоровленію; но—къ удивленію моему, нашелъ совершенно противоположное. Паціентка моя была еще слабѣе, ее била лихорадка и она чувствовала жажду. Такіе симптомы могли указывать на отравленіе мышьякомъ, однако, подобное предположеніе не могло имѣть мѣста, и, не зная самой натуры больной, которую лечилъ въ первый

еще разъ, долженъ былъ искать другаго объясненія. Мнѣ оставалось сдѣлать нѣкоторое измѣненіе въ рецептѣ, чтобы усилить средство и добиться улучшенія.

Помѣстившись за маленькій столикъ у постели, чтобы прописать лекарство, я, случайно бросилъ взглядъ вокругъ себя, и—мои глаза встрѣтились съ глазами сидѣлки. Она тотчасъ же опустила свои, но, однако, я успѣлъ уловить ихъ выраженіе, произведшее на меня очень непріятное впечатлѣніе. Мнѣ показалось, что эти глаза смотрѣли на меня съ презрительной насмѣшкой... Но—мы, доктора, привыкли къ невѣжливости заслуженныхъ профессіональныхъ сидѣлокъ-спеціалистокъ, хотя, впрочемъ, это случается не часто. Этой сидѣлкой я не могъ быть недоволенъ—она была крайне предупредительна и вѣжлива. Понятно, что я въ этотъ же вечеръ, забылъ о маленькомъ проявленіи неудовольствія ея какимъ нибудь, можетъ быть рѣзкимъ жестомъ моимъ, или приказаніемъ.

На слѣдующій день мой первый визитъ былъ къ миссъ Бринкмэнъ. И на этотъ разъ я разсчитывалъ найдти улучшеніе, но, точно также и теперь—ей было хуже. Болѣзнь успѣла уже замѣтно пріобрѣсть тяжелый характеръ. Я терялся въ догадкахъ, сталъ въ совершенный тупикъ предъ непонятнымъ патологическимъ процессомъ, противорѣчившимъ и моей опытности и моимъ ожиданіямъ. Съ минуту я колебался—не обратиться ли мнѣ за помощью къ другому доктору, но, обыкновенно считая такой шагъ слабостью,—я, тотчасъ же, отказался отъ этой мысли и прописавъ „героическое средство,“ рѣшился ждать что скажетъ завтрашній день.

По своей привычкѣ я старался, всегда среди своего семейства отдыхать отъ дневныхъ трудовъ, старался забывать о медицинѣ. Но теперь, сидя за обѣдомъ, я не обращалъ вниманія на домашнихъ, я былъ погруженъ въ мысли о моей новой паціенткѣ. Какъ ни силился я отогнать эти мысли—они неотвязчиво преслѣдовали меня. Наконецъ, не будучи въ состояніи владѣть далѣе собой, я, уже довольно поздно вечеромъ—это было около 10 часовъ—быстро одѣлся и поспѣшилъ къ миссъ Бринкмэнъ.

И хорошо сдѣлалъ? Иначе миссъ Бринкмэнъ не пережила бы этой ночи. Опасные симптомы значительно усилились. Лицо ея совершенно посинѣло уже, она была безъ чувствъ. Въ первую минуту я не былъ увѣренъ даже въ возможности возвратить ей сознаніе. Но—вливъ ей въ ротъ смѣсь изъ шампанскаго и водки—я, однако, успѣлъ оживить больную. Вдругъ—я увидѣлъ на каминѣ стклянку прописаннаго мною лекарства. Она была почти полна и я понялъ, что больной не давали дозъ, которыя требовались рецептомъ. Не знаю какъ и почему, но - я почувствовалъ, что глаза сидѣлки слѣдятъ за моими. Я тотчасъ же убѣдился въ этомъ. Поймавъ мой взглядъ, обращенный на лекарство, она немедленно встала съ намѣреніемъ убрать его.

— Сидѣлка, обратился я къ ней съ нѣкоторою рѣзкостью,— какъ васъ зовутъ?

— Квиллимейнъ.

— Замужняя или дѣвица?

— Я не замужемъ.

— Говорите мнѣ правду—почему лекарство не было подано въ томъ количествѣ, въ какомъ прописано?

— Миссъ Бринкмэнъ не могла принять лекарства, сэръ. Ее тошнило отъ него. Она запретила подавать его ей.

Очевидно, она лгала, но я не могъ спросить бѣдную полумертвую миссъ Бринкмэнъ.

— Вы были обязаны немедленно послать за мной, продолжалъ я.

Сидѣлка молчала. Мнѣ пришла въ голову внезапная мысль.

— Такъ. Теперь, слушайте же, Квиллимейнъ! сказалъ я.— Если завтра утромъ миссъ Бринкмэнъ не будетъ лучше—я немедленно пошлю за полицейскимъ комисаромъ.

На слѣдующее утро въ моей больной произошелъ необыкновенно быстрый поворотъ къ лучшему и чрезъ нѣсколько дней она была совершенно здорова. Теперь она—крѣпче прежняго и ведетъ болѣе здоровую жизнь. Меня считаетъ своимъ спасителемъ (что, отчасти, и правда) и требуетъ, чтобы я посѣщалъ ее два, или три раза въ недѣлю.

— Ты ей не разсказалъ о поведеніи сидѣлки?

— Нѣтъ,—я не думалъ, чтобы это могло послужить къ чему либо. Я только сказалъ, что былъ недоволенъ ею и выразилъ надежду, что миссъ Бринкмэнъ никогда больше не пуститъ ее въ домъ къ себѣ. На мой вопросъ о томъ — какимъ образомъ она пригласила ее, миссъ Бринкмэнъ отвѣчала, что ее рекомендовалъ одинъ родственникъ. Но, когда я началъ разспрашивать объ этомъ лицѣ, она сдѣлалась очень сдержанною и, даже, мнѣ показалось, что ей это было непріятно. Я прекратилъ разспросы и—такъ, до сихъ поръ и не знаю ничего ни о ней самой, ни о ея роднѣ. Думаю, однако, что ее хотѣлъ отравить какой-нибудь наслѣдникъ, но я не имѣлъ возможности удостовѣриться въ этомъ.

— Странная исторія!

— Тебѣ она кажется странною? Такъ вотъ и продолженіе: „Около года спустя, меня пригласили къ одному не менѣе, чѣмъ миссъ Бринкмэнъ, пожилому джентльмену жаловавшемуся на простуду. Случай былъ обыкновенный и простое средство, прописанное мною, должно было сразу поправить его. Велико было мое удивленіе, когда меня разбудили въ эту же ночь, (этого признаться, я терпѣть не могу) и позвали къ нему. Мистеръ Уильсонъ оказался теперь, сверхъ всякаго ожиданія, серьезно больнымъ, и даже—въ опасности. Я посовѣтывалъ тотчасъ же послать за сидѣлкой; но онъ отвѣчалъ, что за нимъ ходитъ экономка, недавно только поступившая къ нему. Я въ этотъ день, еще не видалъ ея, но нашелъ, что она, вѣроятно, болѣе занята своими обязанностями по хозяйству, чѣмъ уходомъ за больнымъ. Прописавъ новое лекарство и объяснивъ бывшему тутъ груму—какъ надо подавать его, я отправился къ себѣ.

Но, на слѣдующій день, паціенту было еще хуже. Значитъ, мое лекарство, если онъ и принималъ его, не помогло ему. Странно—на этотъ разъ я замѣтилъ признаки отравленія мышьякомъ и, невольно, вспомнилъ о случаѣ миссъ Бринкмэнъ.

Болѣзнь шла совершенно тѣмъ же путемъ.

Я потребовалъ сидѣлку. Ее нашли не сразу, однако, все-таки, нашли. Еслибы уже предъ тѣмъ я не вспомнилъ о миссъ Бринкмэнъ, то непремѣнно вспомнилъ бы теперь: когда вошла сидѣлка—мнѣ показалось, что предо мной стоитъ Квиллимейнъ! Впрочемъ, при болѣе внимательномъ взглядѣ, я увидѣлъ, что ошибся. Нѣкоторыя черты поражали своимъ сходствомъ съ бывшей сидѣлкой старой миссъ, за то въ другихъ это сходство исчезало. Но, въ то же время, я убѣдился, что между обѣими женщинами должно было быть близкое родство.

— Вы, вѣроятно, родственница миссъ Квиллимейнъ, которая была недавно сидѣлкой въ Недертонѣ?

Вопросъ этотъ, очевидно, поразилъ и, какъ будто, испугалъ ее неожиданностью своею. Она помолчала съ минуту, прежде, чѣмъ отвѣчать.

— Да, сэръ, сказаза она, наконецъ, сидѣлка Квиллимейнъ— сестра мнѣ.

— Я замѣтилъ сходство между вами. Какъ ваше имя? То-же Квиллимейнъ?

— Нѣтъ, меня зовутъ Сара Моунтъ, сэръ.

— Сара Моунтъ, мнѣ надо съ вами переговорить наединѣ.

Она положительно была блѣдна какъ полотно и дрожала— это я замѣтилъ ясно—когда послѣдовала за мной въ небольшую боковую гостинную. Тайное чувство говорило мнѣ, что я попалъ на прямую дорогу къ истинѣ. Однако, не имѣя опредѣленныхъ основаній къ подозрѣнію именно ея, я не зналъ еще, какъ поступить. Отступать было невозможно и я рѣшился повторить съ этой женщиной пріемъ, удавшійся мнѣ съ сестрой ея.

— Сара Моунтъ, сказалъ я,—мой паціентъ, вопреки ожиданіямъ моимъ, не поправился. Я убѣжденъ, что обстоятельство это касается не одного меня, доктора, но и полиціи.

Сомнѣнія мои исчезли. Ужасъ слишкомъ ясно выразился на лицѣ сидѣлки, во всей ея фигурѣ. Она едва держалась на ногахъ.

— Завтра утромъ я приведу сюда полисмэна и предамъ васъ въ руки правосудія.

Окончательно уничтоженная, Моунтъ опустилась предо мною на колѣни.

— Но, если я найду, что моему паціенту лучше, то потребую отъ васъ, чтобы вы оставили этотъ домъ, но—не раньше недѣли, не прежде, чѣмъ мистеръ Уильсонъ поправится совершенно. А потомъ—ни одного дня. Слышите! грозно прикрикнулъ я.

— Я сдѣлаю все, что прикажете, сэръ, униженно отвѣчала она.

Войдя снова къ мистеру Уильсону и давъ ему лекарство, я удалился, тщательно осмотрѣвъ въ спальнѣ все, до мелочей; но обязанъ сказать, что не нашелъ рѣшительно ничего, чтобы подтвердило мои подозрѣнія.

На другое же утро мистеру Уильсону было гораздо лучше. Чрезъ недѣлю онъ уже выходилъ изъ дома. Къ концу той же недѣли Сара Моунтъ отказалась и исчезла.

— Чѣмъ же ты объясняешь все это?

— Я не нашелъ полнаго разъясненія и считаю эти два случая—два дѣйствительныхъ факта изъ моей практики—медицинскими секретами, проблемой, еще не разрѣшенной. Могу только сказать, что имѣлъ не разъ случай наблюдать, что въ нѣкоторыхъ семействахъ, изъ рода въ родъ, сохраняются и передаются различныя медицинскія секретныя средства. Иныя изъ нихъ совершенно невинны и составляютъ секретъ только для профановъ, другія же болѣе серьезны и я самъ иногда наблюдалъ случаи излеченія. Нѣкоторыя же изъ этихъ секретныхъ лекарствъ имѣютъ и болѣе мрачную исторію. Не въ одной средневѣковой Италіи, но—въ глухихъ углахъ Англіи существуетъ повѣрье что въ нѣкоторыхъ семействахъ, изстари сохраняется секретъ приготовлять снадобья, причиняющія смерть. Понятно, современная наука легко можетъ открыть секретъ, но—злые люди одинаковы во всѣ столѣтія и времена и точно также могутъ воспользоваться какимъ нибудь домашнимъ ядомъ для отравленія кого нибудь, какъ пользовались предки ихъ. Что же касается двухъ случаевъ, разсказанныхъ мной— то можно предположить, что въ этой мѣстности было извѣстно, что сестры Квиллимейнъ обладаютъ такимъ семейнымъ ядомъ и что какіе нибудь родственники миссъ Бринкмэнъ, съ одной стороны,—и мастера Уильсона, съ другой, обратились къ этимъ сестрамъ за „помощью,“ а я былъ призванъ провидѣніемъ помѣшать преступленію.

Учитель въ греческой школѣ. Картина А. Бида. Съ форогр. рис. Браунъ, грав. Бренл'Амуръ.

Софійскій соборъ въ Новгородѣ. Съ фотогр. Н. Лядова, грав. Б. Пуцъ.

По пути въ Афганистанъ.

Очерки.

(Продолженіе).

Въ 9 часовъ зачернѣлась во тьмѣ какая-то масса, точно обнесенная рвомъ: „Замонъ-абатъ“, шепчетъ мой спутникъ; минутъ черезъ двадцать—опять такая же масса: „Замонъ-абатъ“ повторяетъ онъ, переходя узенькій мостикъ черезъ ручеекъ, не то канавку, въ четырехъ-пяти верстахъ, отъ которой впервые на моемъ пути встрѣтился дѣйствительно уже протокъ, безшумно текущій на днѣ глубокаго, мѣстами обрывистаго, глинистаго ложа. Рѣка ли то „Калуше-рузъ“, или только ручеекъ ея? я не добился отъ червадара, все повторявшаго, слѣдуя за мною по перекинутому черезъ него выпуклому мосту на четырехъ каменныхъ устояхъ: „пули Замонъ-абатъ“,—„пули Замонъ-абатъ“.

Свернувъ влѣво, дорога пошла въ параллель этому протоку.

Темь—хоть глазъ выколи! Зажжешь спичку — вспыхнетъ и потухнетъ и выводишь, точно съ зажмуренными глазами, гигантскія каракули въ записной книжкѣ, или при красноватомъ отблескѣ курящейся трубочки—пишешь по два, по три слова на страничкѣ ея, не разъ пожалѣвъ, что нѣтъ съ собою закрытаго фонаря.

Утомились же мы! Ужъ я и закидывалъ правую ногу за луку, клалъ ее на шею измученной лошади, садился бокомъ,—ничего не помогаетъ: точно избитъ. Наконецъ — слѣзъ съ лошади и, посадивъ на нее еле переступавшего ногами червадара, поплелся, подгоняя вьючнаго катера...

Гдѣ-то въ мрачной дали сверкнулъ пламенемъ два три раза огонь, точно отъ факела,—послышался лай собаки и опять могильная тишина.

Спустя часъ (11 ч.) зачернѣлись руины при поселеніи „Меджеабатъ“. Жажда мучитъ, а фляжка пуста, и мы остановились у какой-то лачуги, вблизи мелкой канавки съ мутною, теплою водой, отъ которой даже лошади отворачивались; червадаръ разбудилъ спавшихъ тутъ въ повалку съ женщиной какихъ-то субъектовъ, переговорилъ, и одинъ изъ нихъ, старикъ, подалъ ему дыню, нѣсколько утолившую нашу жажду. Заплативъ за нее полъ банапата—поѣхали дальше, по мѣстности крайне изрытой. Въ 12 часовъ (конечно, по моимъ часамъ) показалась изъ-за дальнихъ горъ блѣдная луна, пріободрившая даже моего умнаго коня, точно ощупывавшаго тропинку, чтобы не сбиться съ знакомаго пути. Спустя полъ часа, за двумя караванъ-сараями, старымъ и новымъ, обрисовались въ полумракѣ „канауты“; жилье встрѣчается чаще и чаще—вотъ и придорожное кладбище. Въ 2 часа опять жилье, уже съ садами, а вправо—канавка или ручеекъ, за которымъ дорога—точно отполированная.

Въ отдаленіи послышались неясные голоса. Прибавили шагу, и перегнали три маленькія партіи нашихъ райетовъ съ ѣхавшими на осликахъ женами, изъ турецкаго племени „Беіятъ“, коимъ почти исключительно населены окрестности Нишапура.

Съ двухъ часовъ пошли посѣвы, плантаціи, сады, пересѣкаемые во всѣхъ направленіяхъ оросительными канавками и все это, смѣняясь одно другимъ, тянется вплоть до городскаго кладбища съ чернѣвшимъ домикомъ для омовенія усопшихъ, миновавъ которое, мы остановились ровно въ 3 часа ночи, передъ запертыми воротами Нишапура, отстоящаго отъ караванъ-сарая Шур-абъ на 43 версты, а отъ Сябзавара—по моему разсчету на 124 вер., а по разнорѣчивымъ персидскимъ показаніямъ—на 15, 17 и даже 20 фарсанговъ.

По турецкой географіи Джихань-Нуме, древнѣйшее названіе Нишапура (Нисаі'и, Нисапм'а). этого главнаго города прежней Медіи, которая здѣсь кончалась и начинался Хорассанъ, было „Иранъ-Шехрь“ („Иранъ—городъ“), что опровергается, но древность его не подлежитъ сомнѣнію, ибо зендскій текстъ упоминаетъ объ семъ благословенномъ Ормуздомъ мѣстѣ. Основанный Тамурасомъ-Дивбендомъ, онъ былъ возобновленъ по новому плану и увеличенъ Шапуромъ, сыномъ Ардешира Бабягана, и съ тѣхъ поръ именовался „Аммубеладп-Хорассанъ“ („матерью хорассанскихъ городовъ“). Въ 605 г. Геджры (1818 года), землетрясеніе уничтожило его до основанія; обыватели обстроились на другомъ мѣстѣ и опять пострадали отъ землетрясенія. Не мало терпѣли они и отъ монголовъ и туркменъ; такъ, по преданію, сохранившемуся въ устахъ народа, Чингисъ-ханъ умертвилъ тутъ въ теченіи двѣнадцати дней до милліона жителей. Но еще и въ XIII столѣтіи Нишапуръ, славившійся вмѣстѣ съ Гератомъ, какъ самые цвѣтущіе и населенные города во всемъ Хорассанѣ, считался столицею этаго обширнаго края; собственно въ его махалл'ахъ (уѣздахъ) насчитывалось до 14,000 селеній, орошавшихся 18 протоками и 12,000 канавокъ. Затѣмъ упало его значеніе и его мѣсто, какъ столицы, занялъ Тусъ, потомъ Мешхедъ. Въ Нишапурѣ жилъ, правя Хорассаномъ, Меамунъ, сынъ Гарунъ-Аль-Решида. Тутъ находится гробъ знаменитаго математика Омара-Хейями и тутъ же умеръ Гомезъ де-Салазоръ, спутникъ посланника Генриха III Кастильскаго, Рюи Гонзалеса Клавихо, къ Тамерлану, въ 1403—1406 г.

На нашъ стукъ въ городскіе ворота глухо отозвалось эхо, да удивленно приподнялось нѣсколько головъ, расположившихся тутъ, въ ожиданіи разсвѣта, богомольцевъ, не то райетовъ.

— Привратника нѣтъ, уныло взглянувъ на меня, сказалъ червадаръ.

Къ счастью, какой-то чахлый субъектъ, гнавшій въ это время нѣсколько барановъ, вѣроятно на бойню или продажу, указалъ намъ вправо на обширную брешь въ стѣнѣ, и мы, спѣшившись, вошли въ спавшій городъ, съ затхлымъ запахомъ душной конюшни, съ примѣсью бьющей въ носъ струи сѣрнисто-водороднаго глаза.—„И зачѣмъ запирать ворота, когда городскія стѣны на половину развалились!? Во всемъ одна лишь наша, то бишь—персидская формальность!“ подумалъ я пробираясь по загаженнымъ переулкамъ къ крытому базарику, пройдя который очутился на маленькой площадкѣ съ спавшими парами обывателями, при нашихъ неосторожныхъ толчкахъ удивленно высовывавшими изъ-подъ одѣялъ свои головы въ ермолкахъ. Тутъ по жесту червадара опять сѣлъ на лошадь и поѣхалъ по главному базару, съ тремя чуть мерцавшими чираками. Пробужденный шумомъ сторожъ вскочилъ, какъ былъ въ костюмѣ Адама, зажегъ свѣтильникъ и, накинувъ на себя нѣчто въ родѣ испанскаго плаща, проводилъ насъ, конечно за обѣщанный банапатъ, въ караванъ-сарай „Мустафи“. Ужъ стучалъ онъ, стучалъ въ ворота его, наконецъ-то отворили, и я, чуть кубаремъ не слетѣлъ вмѣстѣ съ лошадью, споткнувшеюся съ проклятыхъ ступенекъ внизъ, завалился въ отведенномъ атагѣ спать...

А въ 9 ч. (23-го августа) проснулся бодрымъ, и въ наиприятнѣйшемъ настроеніи духа озиралъ свое помѣщеніе (состоявшее всего изъ одной комнатки съ кирпичнымъ поломъ, каминомъ для варки пищи и нишами въ почернѣвшихъ стѣнахъ), какъ входитъ червадаръ и говоритъ, что купецъ, къ которому Нарсесъ далъ мнѣ рекомендательное письмо, уѣхалъ въ Мешхедъ, слѣдовательно, разсчеты на него, какъ на толмача, и на самоваръ его, изъ котораго такъ и тянуло меня напиться чаю (ибо сваренный въ чайникѣ теряетъ много своихъ хорошихъ качествъ)—лопнуло,—досадно!

Просилъ позвать полиціймейстера,—является и, не стѣсняясь толпою зѣвакъ, принявшихъ было меня за „инглиза“ (англичанина), сразу предлагаетъ мнѣ знаками выпить „араки“ (водки)...

Еще молодой, пожалуй красивый, съ открытымъ, не злымъ выраженіемъ, степенно-развязный Мамедъ-Али (такъ звали его) оказался вообще „славнымъ“ малымъ.

— Передай губернатору, подалъ ему я письма изъ консульства.

— Хорошо, хорошо, сунулъ онъ ихъ бережно за пазуху.

— И покажи мнѣ городъ.

— Хорошо, хорошо...

Отправились, а такъ какъ молва объ „исцѣленіи умиравшаго Мешхеди“ уже облетѣла Нишапуръ, то меня всюду встрѣчали съ знаками почтенія,—это, впрочемъ, благодаря присутствію полиціймейстера, котораго повидимому, всѣ любятъ здѣсь—не осмѣливались даже слѣдовать за мною и только издали удивленно поглядывали на „уруса“.

Цѣлые кварталы въ развалинахъ краснорѣчиво свидѣтельствовали, что послѣдній голодъ много поубавилъ населенія, такъ что въ этомъ отношеніи Нишапуръ, если не меньше, то никакъ не больше Шахруда, хотя мой чичероне и насчитываетъ въ немъ до 7,000 жителей (слѣдовательно на 3,000 больше); полагаю—даже меньше, ибо здѣшніе базары, вообще сосредоточивающіе въ себѣ дневную дѣятельность мужской половины населенія въ персидскихъ городахъ — размѣрами меньше, а простору въ нихъ больше; нѣтъ той давки, какая тамъ или въ Сабзкварѣ. Вообще здѣсь тише, чище: базаръ и улицы, по которымъ мы проходили, политы отъ пыли водой, и обыватели выглядятъ достаточнѣе, добродушнѣе; даже дѣти, больше въ ситцевыхъ остроконечныхъ колпакахъ, одѣты опрятно, и только голодные сарбазы буквально въ лохмотьяхъ.

Ситцы на здѣшнемъ базарѣ—преимущественно *пунцовые* и *полосатые*; вата (хлопокъ)—исключительно своя, наилучшая во всемъ персидскомъ Хорассанѣ (1-й сортъ по 50 к. за батманъ, въ розничной продажѣ); коконы и шелкъ тоже свои, но сравнительно низшаго качества, какъ и рисъ, воздѣлываемый тутъ въ ничтожномъ количествѣ. Въ довольно опрятномъ фруктовомъ ряду горами навалены, на деревянныхъ нарахъ подъ навѣсами и на подстилкахъ на землѣ груши, яблоки, виноградъ и разные другіе свѣжіе и сухіе фрукты; дальше—овощи и между ними, Богъ вѣсть для чего—крѣпкій, крупный тростникъ (камышъ), доставляемый сюда съ какой-то „ближайшей“ рѣченки.

— Что-жъ бирюзы не видно? спрашиваю у полиціймейстера.

— „Фирюзи—Мешедъ“, „фирюзи — Мешедъ“, силится онъ объяснить мнѣ руками, что не смотря на близость отсюда бирюзовыхъ копей, здѣсь ее не встрѣтите въ продажѣ, а въ Мешхедѣ—пропасть. И ему можно повѣрить... ибо, передъ

чѣмъ бы я ни остановился, положимъ передъ рисомъ,—онъ съ предупредительностью любезнаго хозяина бралъ нѣсколько пригоршней на обѣдъ для меня, передъ ситцемъ или сукномъ —показывалъ купцу оторвать кусочекъ для образца мнѣ (что тотъ и исполнялъ съ покорностью подчиненнаго) и все это немедленно отправлялъ ко мнѣ съ первымъ попавшимся ему подъ руку прохожимъ (и все это я нашелъ у себя потомъ въ порядкѣ).

Заглянувъ съ базара въ чистенькую, красивенькую мечеть (съ высшимъ медрессе и „сундукомъ справедливости“ охраняемымъ жалкимъ сарбазомъ), гдѣ меня привѣтливо встрѣтили двое моллъ, я пожелалъ видѣть губернатора.

— Мешедъ, Мешедъ, опять замахалъ Мамедъ-Али руками, изъ чего явствовало, что тотъ уѣхалъ въ столицу Хорассана, и всеконечно съ дарами... не къ Имаму-Ризы, а непосредственно къ своему повелителю „эмиру“, какъ слыветъ тутъ правитель Хорассана.

Губернаторъ живетъ теперь на дачѣ, въ двухъ верстахъ отъ города, за полуразвалившуюся высокую глиняную стѣну котораго, съ примыкавшими къ ней массами руинъ, мы вышли было, чтобы осмотрѣть эту лѣтнюю резиденцію его, но солнце обжигало открытую окрестность, точно съ замками среди зелени въ отдаленіи, немилосердно жгло и насъ, и мы вернулись назадъ.

— Пойдемъ къ наибу (городничему).

— Хорошо, хорошо, кивнулъ Мамедъ-Али и, горячо жестикулируя что-то непонятное, съ озабоченнымъ видомъ, торопливо повелъ меня пустынными закоулками, по кварталамъ, почти сплошь обратившимся въ груды развалинъ и пустыри. При поворотѣ въ узенькій, жилой переулокъ, съ проваломъ обнажавшимъ глиняную трубу (вѣроятно, стараго водопровода), гдѣ въ сметьѣ и прахѣ копошились двое крошечныхъ ребятишекъ, къ намъ примкнулъ рослый дѣтина, какъ потомъ оказалось—родственникъ и помощникъ его (полиціймейстера) и затѣмъ мы втроемъ прошли длиннымъ, сводчатымъ, темнымъ и прохладнымъ проходомъ (точно крытою галлереею) въ залитой солнцемъ внутренній дворикъ, съ клумбами цвѣтовъ посерединѣ и низенькими мазанками съ трехъ сторонъ.

Мамедъ-Али сдѣлалъ намъ знакъ обождать, а самъ юркнулъ въ полуотворенную дверь одной изъ нихъ, что вправо отъ прохода,—послышался шорохъ, шопотъ... и спустя минуту онъ ввелъ меня—вотъ неожиданность-то! въ низенькую комнатку съ глинянымъ поломъ, посрединѣ котораго сидѣла на коврахъ жена его—лѣтъ осьмнадцати—судя по миловидному матово-оливковому личику, обрамленному синею чадрою, изъ подъ которой высовывались красивыя руки съ браслетами изъ простыхъ бусъ. Не шелохнувшись, она томно привѣтствовала меня: „селямъ“ и я понялъ наконецъ, что меня привели тайкомъ въ недоступный для посторонняго мужчины гаремъ, какъ доктора, въ пособіяхъ котораго сильно нуждалась она, что ясно показывали жесты усѣвшагося у ногъ ея мужа со слезами на глазахъ—видно, страстно любитъ ее!

Рослый дѣтина—то былъ братъ ея—подставивъ мнѣ откуда-то раздобытый стулъ съ сломанною спинкой, почтительно сталъ у входа, на стѣнѣ противъ котораго висѣли амулеты или талисманы и молитвы, какія носятся „благочестивыми“ повыше локтей, въ нишѣ красовался мѣдный дорожный кофейникъ, вѣроятно пожалованный какимъ-нибудь европейскимъ туристомъ его зятю за заслуги, въ смежныхъ углахъ стояло по прибитскому сундучку,—вотъ и вся обстановка залы, сообщающейся низенькою дверью, съ крошечною темною конуркой, гдѣ виднѣлись тазы, кувшинъ, постельный свертокъ и рисъ въ посудинѣ.

„Коли принимаютъ за доктора — приходится и войдти въ роль его (хоть ради успокоенія чающихъ исцѣленія), иначе—утратишь обаяніе, и тогда вмѣсто вниманія жди непріятностей, подумалъ я, и рѣшился извлечь возможную пользу изъ своего положенія: внести въ дневникъ (который я стѣснялся вынимать въ городѣ) все, что видѣлъ на базарѣ и увижу тутъ.

Я далъ ей кое какія простыя лекарства, которыхъ здѣсь конечно все таки и въ поминѣ нѣтъ.

П. Огородниковъ.

Къ рисункамъ.

Продавецъ масокъ въ Помпеѣ.

(Картина профессора Маріани въ Римѣ.)

Профессоръ Цезарь Маріани, оригинальностью своего таланта, широтою замысла и композиціи давно обратилъ на себя вниманіе серьезныхъ цѣнителей искусства. Ему было поручено расписываніе громадной залы дворца Министерства Финансовъ въ Римѣ. Онъ исполнилъ свою задачу съ замѣчательнымъ успѣхомъ—особенно удалась по могуществу замысла и исполненія грандіозная картина „Законодательная Италія,“ отличающаяся мастерствомъ компоновки, жизненностью громаднаго количества фигуръ, и воздушностью перспективы.

Въ числѣ картинъ болѣе умѣренныхъ по размѣру, но тѣмъ не менѣе превосходныхъ по исполненію, имѣвшихъ предметомъ сцены изъ жизни древней Помпеи, обратила на себя особое вниманіе картина „Продавецъ масокъ въ Помпеѣ,“ рисунокъ которой мы помѣщаемъ.

Въ №№ 42 и 44 „Нивы“ въ память 1800-лѣтія истекшаго со дня гибели Помпеи, у насъ были подробныя статьи о раскопкахъ и свѣдѣнія о жизни въ этомъ городѣ, на которыя мы и обращаемъ вниманіе читателей. Типы того времени и характеръ сцены воспроизведены съ замѣчательной точностью. Картина сразу знакомитъ насъ съ степенью развитія драматическаго искусства въ древней Помпеѣ.

Мы видимъ молодую красавицу-актрису, покупающую себѣ маски для вечерняго представленія въ театрѣ.

Странно можетъ показаться намъ это теперь, когда маски въ театрѣ могутъ встрѣтиться только если на сценѣ маскарадъ. Въ то же далекое время даже лучшіе сценическіе артисты, какъ бы не довѣряя выразительности своей мимики и не знакомые съ искусствомъ гримировки, для произведенія болѣе сильнаго впечатлѣнія надѣвали маски, выражавшія по мѣрѣ надобности разныя душевныя проявленія,—горе, радость, смѣхъ, слезы, отчаяніе и т. п., или соотвѣтствовавшія исполняемымъ ими ролямъ—и замѣнявшія, такимъ образомъ, гримировку. Иногда, въ комедіяхъ, надѣвались даже двойныя маски: одна половина представляла лице плачащаго, другая—смѣющагося. Интересно какъ тогда смотрѣли на драматическое искусство: до насъ дошло напр. свѣденіе, что одна изъ извѣстныхъ актрисъ того времени, исполняя роль дочери Агамемнона, оплакивающей своего умершаго брата Ореста—декламируя стихи Софокла, для произведенія истиннаго впечатлѣнія, обнимала урну, въ которой находился дѣйствительно пепелъ ея, только что передъ тѣмъ умершаго, единственнаго сына.

Маленькій сторожъ.

(Рисунокъ Сазина).

Поѣздъ съ грохотомъ и свистомъ, мелькая своими безчисленными окнами и сыпля искрами, проносится мимо сторожки. Головы пассажировъ выглядываютъ изъ открытыхъ оконъ и киваютъ маленькому шалуну, который бѣжитъ къ сарайчику, бросивъ играть съ своей черной собакой, Жучкой и вытянулся, отдавая честь поѣзду, прикладывая по военному рученку къ лохматой головѣ и едва сдерживая лукавую улыбку на своемъ дѣтскомъ личикѣ. Жучка, которая никакъ не можетъ привыкнуть къ поѣздамъ, съ громкимъ лаемъ кидается вслѣдъ, перепрыгивая черезъ шпалы. Но вотъ поѣздъ уносится и едва мелькаетъ вдали черными точками, пуская клубы чернаго дыма, а шалунъ разсказываетъ своему отцу, какъ онъ хорошо встрѣтилъ поѣздъ и отдалъ ему честь.

Дуэтъ.

(Сцена изъ итальянской жизни XV в.).

Мессиръ Умберто вернулся домой очень сердитый. Большими шагами расхаживалъ онъ у себя по комнатѣ; его прекрасное юношеское лицо было сурово, брови нахмурены, губы крѣпко сжаты, а волосы взъерошены. Умберто разгнѣвался именно за то, что мудрый совѣтъ Вероны запретилъ, подъ страхомъ смерти, поединки на улицѣ, мотивируя свое распоряженіе тѣмъ, что сыны патриціевъ должны беречь свою кровь для служенія отечеству, а не проливать ее изъ за хорошенькихъ глазокъ или пустыхъ недоразумѣній. До сихъ поръ Умберто не имѣлъ повода жаловаться на подобное заботливое распоряженіе; веселый собесѣдникъ, добрый малый, не завистливый и не мстительный, относящійся ко всѣмъ дружелюбно, онъ не имѣлъ ни съ кѣмъ неудовольствій. Сегодня впервые онъ чувствовалъ себя сильно оскорбленнымъ. Съ толпою товарищей шелъ онъ по городу разговаривая. Умберто началъ говорить о счастіи и блаженствѣ любви; рѣчь его перебилъ его товарищъ Парденоне шутливымъ замѣчаніемъ: „Ну, Умберто, ты можешь ждать слѣдующаго поколѣнія, а для теперешнихъ дѣвушекъ ты слишкомъ молодъ.“ Это было страшное оскорбленіе для Умберто, который, хотя въ въ дѣйствительности и былъ мальчикъ, но чувствовалъ себя очень возмужалымъ. Умберто выхватилъ шпагу, но друзья успѣли остановить спорившихъ и убѣдить ихъ, что нельзя безнаказанно ослушаться Совѣта. Это то и было причиной гнѣва Умберто. Вдругъ онъ услышалъ пѣніе и игру въ сосѣдней комнатѣ. Онъ перестал ходить и началъ вслушиваться; музыка немного его успокоила и онъ направился туда, откуда раздавались звуки. Это была комната его сестры Бьянки, которая въ это время напѣвала новую пѣсенку, стараясь подобрать къ ней акомпаниментъ. Маленькая ручка нерѣдко брала фальшивую ноту, за которою слѣдовало нетерпѣливое движеніе. При входѣ Умберто пѣніе прекратилось.—Бьянка, это что-то новое, я не слыхалъ еще этой пѣсни. Еще бы, я только сегодня ее получила, мнѣ ее поднесъ какой-то незнакомецъ, отвѣчала Бьянка краснѣя. Но акомпанируй мнѣ, а то трудно пѣть, когда приходится справляться съ непослушной лютней.“ Умберто сталъ играть и пѣть вмѣстѣ съ сестрою. Пѣсня ему очень

поправилась и онъ уже рѣшилъ пропѣть ее свое возлюбленной. Окончивъ пѣніе, оба задумались.—О комъ ты думаешь? спросилъ Умберто сестру.—А ты о комъ?—Откройся мнѣ прежде, тогда и самъ узнаешь мою тайну.—Нѣтъ, ты должна прежде сказать, иначе я не скажу ни слова.—Еще нѣсколько минутъ длился споръ, наконецъ Умберто сказалъ:—Еще сегодня я пропою эту пѣсенку прекрасной Беттинѣ, и надѣюсь, она вознаградитъ меня нѣжвымъ взглядомъ.—Какъ, Бетинѣ? Этой маленькой черной вѣдьмѣ?... Гдѣ у тебя были глаза? Я не допущу, чтобы эту пѣсню ты пѣлъ передъ этой... этой...—Бьянка сжала маленькую ручку и прибавила: — я ненавижу ее!—Съ удивленіемъ смотрѣлъ Умберто на свою сестру, раздраженіе ея противъ избранницы его сердца вовсе ему не нравилось.—Откуда такая ненависть, что она тебѣ сдѣлала?—Что она мнѣ сдѣлала? Развѣ это чудовище не сказало мнѣ, чтобы я не заглядывалась на молодыхъ сеньоровъ, что я уже стара для нихъ и чтобы я поискала себѣ жениха между старикамн-судьями.—При воспоминаніи о нанесенномъ ей оскорбленіи Бьянка готова была заплакать. Умберто помолчалъ немного, затѣмъ проговорилъ:—Не придавай этому значенія—Бетина просто насмѣшница.—Конечно ты въ нее влюбленъ и принимаешь ея сторону. Ты вовсе не заботишься о чести твоей сестры. Уйди, уйди къ своей Бетинѣ и не показывайся ко мнѣ на глаза.—Но Бьянка..."Сестра въ раздраженіи отвернулась отъ него. Нечего дѣлать, нужно было уходить, но въ дверяхъ онъ остановился: Ну, а объ комъ же ты думала, ты позабыла мнѣ это сказать?—Развѣ это тебя интересуетъ?—Вѣдь ты мнѣ обѣщала сказать!—Спустя минуту она проговорила:—О томъ, кто принесъ мнѣ пѣсенку.—А его имя?—Месиръ Парденоне.—Теперь въ свою очередь Умберто подбѣжалъ къ сестрѣ и схватилъ ее за руку.—Какъ Парденоне, я не ослышался? И ты осмѣливаешься думать объ этомъ негодяѣ? Бьянка въ удивленіи смотрѣла на брата, который никогда еще не говорилъ съ нею такъ сердито.—За что ты имъ недоволенъ?—Чѣмъ недоволенъ! Тутъ Умберто разсказалъ сестрѣ какъ его опозорилъ Парденоне. Бьянка невольно засмѣялась и отвѣтила:—Не придавай этому значенія, Парденоне просто насмѣшникъ.—Умберто сталъ также смѣяться, когда услышалъ свои собственныя слова.

Учитель Греческой школы.

Знаменитый иллюстраторъ Библіи Александръ Бида, извѣстный знатокъ Востока древняго, не менѣе хорошо знакомъ и съ современнымъ Востокомъ. Въ данномъ случаѣ передъ нами монахъ-учитель греческой школы, объясняющій Гомера своимъ внимательнымъ ученикамъ. Фигуры превосходно поставлены и чрезвычайно выразительны.

Со времени своего освобожденія, Греція ни въ чемъ не сдѣлала такихъ успѣховъ, какъ въ народномъ образованіи; это доказывается уже и тѣмъ, что при населеніи въ полтора милліона, учащихся насчитывается здѣсь до 82,000, такъ что приходится одинъ ученикъ на 18 жителей. Такое развитіе народнаго образованія маленькой страны объясняется лишь сочувствіемъ всѣхъ ея гражданъ къ этому дѣлу. Еще во времена турецкаго владычества, чтобы избѣгнуть преслѣдованій своихъ гонителей турокъ, греческія дѣти и ихъ родители ночью, тайкомъ прокрадывались къ дому учителя и такимъ образомъ деревенская школа и дома народныхъ учителей дѣлались мѣстомъ тайныхъ собраній съ цѣлью взаимнаго просвѣщенія. Послѣ 1828 г., когда поля Греціи еще дымились кровью и среди самыхъ грековъ еще продолжалась междоусобная расиря, правительство уже заботилось объ открытіи школъ и народъ уже громко требовалъ основанія высшихъ учебныхъ заведеній.

И въ настоящее время, въ какомъ нибудь отдаленномъ и глухомъ уголкѣ можно еще увидѣть стараго монаха или священника, исполняющаго обязанности педагога а кругомъ его цѣлую толпу дѣтей внимательвыхъ и прилежныхъ, жадно прислушивающихся къ каждому слову своего наставника.

Софійскій Соборъ въ Новгородѣ.

Кіевъ, Москва и Новгородъ, три города, куда со всѣхъ сторонъ обширнаго царства русскаго стремятся благочестивые поклонники отечественной святыни.

Городъ Новгородъ, по положенію своему на обоихъ берегахъ р. Волхова, раздѣляется на двѣ части: первая часть Новгорода, лежащая, считая отъ истеченія р. Волхова изъ озера Ильменя, на лѣвомъ его берегу, называется Софійскою, по имени Софійскаго собора. Къ этой части города принадлежитъ древняя крѣпость, кремль или „дѣтинецъ", въ которой помѣщаются Софійскій соборъ, три церкви, часовня и архіерейскій домъ. Софійская часть съ трехъ сторонъ окружена древнимъ землянымъ валомъ.

Соборъ этотъ основанъ и построенъ съ 1045 по 1052 годъ, княземъ Владиміромъ Новгородскимъ, сыномъ великаго князя Ярослава Владиміровича, законодателя древней Руси. Новгородскій князь, побѣдитель Грековъ, воздвигъ храмъ въ благодареніе за дарованіе блистательныхъ побѣдъ и употребилъ на это сооруженіе большую часть дани, взятой предъ вратами Царьграда. Но и прежде здѣсь былъ деревянный храмъ святой Софіи о 13 главахъ или верхахъ, построенный Іоакимомъ, первымъ епископомъ Новгорода, только на другомъ мѣстѣ: близь нынѣшнихъ присутственныхъ мѣстъ и церкви святаго Андрея Стратилата; онъ сгорѣлъ въ 1041 году; нынѣшній же соборъ освященъ въ 1052 году, 14-го сентября, епископомъ Лукою, преемникомъ Іоакима, и съ этого времени соборъ Софійскій сталъ кафедрою владыкъ Великаго Новгорода. Въ продолженіи вѣковъ, послѣ двухъ пожаровъ, пристроекъ и починокъ, соборъ этотъ хотя и измѣнилъ свой наружный видъ, но удержалъ древній, величественный Византійскій характеръ. При исправленіи поврежденій, при стройкѣ придѣловъ и папертей старались придать ему прочность и сохранить его древнее внутреннее расположеніе, по образцу Византійскаго и Кіевскаго Софійскихъ соборовъ.

Престолъ украшенъ серебряною одеждою, даромъ Государя Императора Николая Павловича. Одежда эта превосходной работы, представляетъ барельефы страданій Господа нашего Іисуса Христа и святыхъ апостоловъ. Надъ престоломъ бархатный балдахинъ, шитый золотомъ, съ вензелемъ императрицы Елисаветы Петровны. На южной сторонѣ собора десять большихъ столбовъ, поддерживаютъ сводъ храма и хоры, устроенные на западѣ, сѣверѣ и югѣ. Столбы стоятъ въ два ряда по обѣ стороны храма. Посреди собора амвонъ, для облаченія архіерейскаго, въ двѣ ступени, надъ нимъ висятъ въ аркахъ три большія паникадила. Среднее, такъ называемое Годуновское, отличной работы; на придѣланномъ къ нему яблокѣ надпись, въ которой сказано, что оно дѣлано при митрополитѣ Макаріи, въ пятый годъ его святительства, въ царствованіе царя Бориса. По южную сторону архіерейскаго амвона, у двухъ переднихъ столбовъ, мѣста царское и святительское, сдѣланныя на подобіе троновъ съ остроконечными башенками, украшенныя колоннами, рѣзьбою, позолотою и иконами; это тѣ самыя мѣста, которыя устроены при Грозномъ въ 1579 году и при архіепископѣ Пименѣ. На западной сторонѣ притворъ собора; большія арки отдѣляютъ его отъ настоящаго храма, стѣны его украшены иковописью. Этотъ притворъ называется Корсуньскою папертью; тамъ находилась прежде чудотворная икона Пресвятыя Богородицы Корсунскія; но нынѣ она стоитъ на стѣнѣ у входа въ Мартиріевскую паперть. Въ придѣлѣ Рождества Пресвятыя Богородицы достойны примѣчанія боковыя двери, называемыя шведскими, украшенныя чеканными крестами и рѣзными арабесками; лѣтописи говорятъ, что онѣ привезены изъ Швеціи въ 1156 году.

Г. К. Геймерле.

Новый австро-венгерскій министръ иностранныхъ дѣлъ Генрихъ-Карлъ Геймерле родился въ Вѣнѣ 7-го декабря 1828 г. и происходитъ изъ древней нѣмецко-чешской дворянской фамиліи, переселившейся въ 1560 году изъ Штиріи въ Богемію. Онъ кончилъ курсъ наукъ въ Вѣнской восточной академіи и съ 1850 года началъ свою дипломатическую карьеру въ Константинополѣ. Исполнивъ весьма удачно во время Крымской компаніи, сопряженное съ опасностью, довольно трудное въ дипломатическомъ отношеніи порученіе, въ 1857 г. онъ былъ назначенъ секретаремъ посольства въ Аѳины. Переведенный въ 1861 году совѣтникомъ посольства въ Дрезденъ, онъ въ 1862 году былъ назначенъ во Франкфуртъ на Майнѣ, принимая дѣятельное участіе въ конгрессѣ.

Вслѣдъ затѣмъ, въ виду желанія австро-венгерскаго правительства возстановить хорошія отношенія между Вѣной и Копенгагеномъ, послѣ войны съ Даніей, Геймерле былъ посланъ въ 1864 году повѣреннымъ въ Копенгагенъ, гдѣ и оставался до 1866 г., успѣвъ вполнѣ въ возложенномъ на него порученіи. Возвратившись затѣмъ снова во Франкфуртъ, онъ принималъ дѣятельное участіе въ переговорахъ о пражскомъ мирѣ и затѣмъ былъ назначенъ въ Берлинѣ, временнымъ повѣреннымъ, гдѣ и оставался на своемъ посту до 1868 г., успѣвъ какъ нельзя лучше завязать дружескія сношенія съ Пруссіей, разстроенныя австро-прусской войною. Вызванный затѣмъ графомъ Бейстомъ для исполненія разныхъ дипломатическихъ порученій, онъ былъ посланъ вскорѣ повѣреннымъ въ Константинополь, а послѣ путешествія на востокъ Франца-Іосифа, во время котораго онъ имѣлъ не разъ случай обратить на себя вниманіе императора, Геймерле былъ назначенъ въ 1869 году посланникомъ въ Аѳины. Послѣдующія его назначенія были: въ 1872 году посланникомъ въ Гагу и въ 1877 году посломъ при Итальянскомъ дворѣ съ возведеніемъ въ баронское достоинство. Въ 1878 г. баронъ Геймерле принималъ участіе въ совѣщаніяхъ берлинскаго конгресса, въ качествѣ третьяго австрійскаго уполномоченнаго, когда же графъ Андраши подалъ прошеніе объ отставкѣ, то было признано желательнымъ замѣстить постъ министра иностранныхъ дѣлъ однимъ изъ участвовавшихъ въ Берлинскомъ конгрессѣ австрійскихъ уполномоченныхъ; за отказомъ графа Карольи, втораго австрійскаго уполномоченнаго въ преемники Андраши былъ избранъ баронъ Геймерле.

(Продолженіе на стр. 897, 898, 899 и 900).

Быстротой своей карьеры Геймерле обязанъ исключительно, выдающимся способностямъ и серьезному образованію. Новый министръ иностранныхъ дѣлъ замѣчательный лингвистъ. Онъ говоритъ, кромѣ нѣмецкаго языка, по французски, по англійски, по турецки, по персидски, по голландски, по датски, по арабски и владѣетъ также новогреческимъ языкомъ. Кромѣ того онъ много занимался санскритскимъ языкомъ.

По возстановленіи системы дуализма въ Австро-Венгріи, баронъ Геймерле, первый изъ министровъ иностранныхъ дѣлъ уроженецъ Австріи: Бейстъ былъ иностранецъ, Андраши венгерецъ.

Политическое обозрѣніе.

Цѣли новаго турецкаго министерства.—Англійскій ультиматумъ.—Мидхатъ-паша.—Союзъ Болгаріи и Сербіи.—Якубъ-Ханъ отказывается отъ престола.—Индійцы и Литтонъ.—Боэры и Уэльслей.—Франція.—Германія.

Новое турецкое министерство поставило себѣ цѣлью выполнить три главныя задачи: заключеніе займа, осуществленіе реформъ въ Азіи и окончаніе греческаго вопроса. Мы еще недавно говорили о финансовыхъ затрудненіяхъ Порты и различныхъ комбинаціяхъ. Теперь сообщаютъ, что правительство уже ведетъ переговоры по этому предмету, но рѣшило не объявлять о проектѣ займа до тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ одобренъ англійскимъ и французскимъ правительствами. Что касается реформъ въ Малой Азіи, то медленность, происходящая ли отъ обычныхъ увертокъ Порты, или отъ какихъ либо иныхъ причинъ—навлекла, повидимому, на Турцію серьезный гнѣвъ Англіи. Правительство королевы Викторіи обратилось къ правительству Султана съ своего рода ультиматумомъ, въ которомъ, требуя немедленнаго введенія реформъ тамъ, грозитъ, въ противномъ случаѣ, приступить къ ихъ осуществленію собственною властью и низложить Абдулъ-Гамида, съ возведеніемъ на престолъ брата его.

Насколько все населеніе Малой Азіи подготовлено къ реформамъ, мы не возмемся сказать съ точностью, но за то, конечно, офиціальный, заправляющій турецкій міръ—противъ нихъ. Правда это происходитъ отъ косвенныхъ причинъ, какъ напр. нерасположенія къ нынѣшнему генералъ-губернатору Сиріи. Мидхатъ-паша пользуется ненавистью высшихъ должностныхъ лицъ въ Константинополѣ, отчасти вслѣдствіе личныхъ качествъ своихъ, отчасти потому, что въ немъ видятъ олицствореніе вліянія западныхъ учрежденій и понятій на внутреннія отношенія Турціи. Такъ какъ сверхъ того Мидхатъ былъ назначенъ англичанами, помимо султана и вліятельныхъ сановниковъ, то эти послѣдніе стараются теперь доказать, что опытъ реформъ съ Мидхатомъ не удался. Къ этому добавимъ, что средства провинціи истощены. Кто же и какъ будетъ вводить реформы въ Азіи?

Греческій вопросъ... но, къ чему повторять то, что мы уже говорили такъ много разъ!

Между тѣмъ борьба черногорцевъ съ албанцами идетъ своимъ чередомъ. Черногорцы, какъ мы говорили, заняли безъ боя Оршаницу. При дальнѣйшемъ движеніи въ глубь плавскаго и гусинскаго округовъ, они встрѣтили вооруженное сопротивленіе со стороны арнаутовъ, засѣвшихъ въ кулахъ, (укрѣпленныхъ блокгаузахъ), очищенныхъ турецкими низамами. Черногорцамъ пришлось брать штурмомъ Пенскскую кулу, Великую кулу, послѣ чего они отбросили арнаутовъ за рѣчку Березовицу, на турецкую территорію.

Изъ Бѣлграда сообщаютъ слухъ *о заключеніи между Сербіей и Болгаріей оборонительнаго и наступательнаго союза* и что, будто бы, скоро будетъ подписанъ формальный договоръ въ Бѣлградѣ Ристичемъ и д-ромъ Кировичемъ (уполномоченнымъ князя Александра при сербскомъ дворѣ)...

Быть можетъ... быть можетъ, хотя бы мало по малу, и будутъ нарождаться факты, совокупность которыхъ поставитъ непреоборимую преграду балканской, или лучше сказать, славянофобской политикѣ Австріи и Англіи.

Авганская политика Англіи сдѣлала большіе успѣхи. Кабулъ взятъ, повсюду въ странѣ кишатъ англо-индійскіе мундиры и, наконецъ, эмиръ Якубъ-Ханъ отказывается, *вопреки желанію англичанъ (!)*, отъ престола. Сначала говорили, что эмиръ уступаетъ мѣсто малолѣтнему сыну своему, затѣмъ стали называть другихъ кандидатовъ. Такъ или иначе, Англія въ этомъ „непредвидѣнномъ" случаѣ видитъ себя въ необходимости взять будущаго повелителя непокорныхъ афганъ и страну ихъ, подъ свое покровительство и надзоръ! И тутъ, какъ въ Турціи—просто и солидно!

За то—въ Индіи не гладко. Англійскій комисаръ въ Нага Гильсѣ, въ странѣ Ассамъ, убитъ племенемъ надема-наговъ. Провинція эта составляетъ участокъ бенгальской резиденціи и граничитъ съ Бирмой. Она подраздѣлена на восемь округовъ, управляемыхъ англичанами и въ составъ ея, кромѣ того, входитъ нѣсколько независимыхъ владѣній. Самое значительное изъ нихъ—Манимуръ, находящееся въ гористой мѣстности и обитаемое почти дикими племенами. Тамъ-то и расположена мѣстность „Нагай". Согласно новѣйшимъ свѣдѣніямъ ожидалось нападеніе племенъ. Убійству комисара придаютъ важное значеніе и еще въ другомъ отношеніи. Дѣло въ томъ, что провинція Ассамъ и страна Манипуръ принадлежали прежде Бирманской имперіи и въ Мандалаѣ никогда не мирились съ мыслью объ утратѣ этихъ владѣній. Въ настоящее время между Бирманскимъ и Англо-индійскимъ правительствомъ довольно сильная непріязнь и убіеніе англійскаго агента приписываютъ интригамъ бирманскихъ властей. Лордъ Литтонъ отозвалъ своего уполномоченнаго изъ Мандалая.

Въ Южной Африкѣ, хотя зулусы и побѣждены—Англіи не скоро еще придется успокоиться на лаврахъ. Боэры помѣшаютъ этому. Недавно произошелъ въ Преторіи любопытный эпизодъ, показывающій съ какимъ чувствомъ тамъ смотрятъ на англійскихъ чиновниковъ. Въ одно изъ воскресеній въ преторію съѣхалось множество сосѣднихъ фермеровъ, чтобы присутствовать при обрядѣ причащенія, по заведенному обычаю. Сэръ Гарнеттъ Уэльслей, желая угодить населенію, послалъ оркестръ военныхъ музыкантовъ для увеселенія непокорныхъ боэровъ и отправился самъ въ то мѣсто, гдѣ приказано было оркестру играть. По прибытіи туда, однако, онъ былъ встрѣченъ толпою недовольныхъ, которые не въ особенно деликатныхъ выраженіяхъ начали спрашивать—по какому праву позволяютъ себѣ оскорблять ихъ игрой военной музыки. Слово за слово, разговоръ принялъ весьма недружелюбный оборотъ и уже стали раздаваться голоса, грозившіе стащить сэра Гарнета съ лошади! Но дѣло уладилось тѣмъ, что оркестръ удалился во свояси.

Въ настоящее время начали ходить слухи относительно распущенія англійскаго парламента. Мы не останавливаемся на нихъ, такъ какъ пока въ нихъ много разнорѣчій: изъ однихъ источниковъ утверждаютъ, что распущеніе послѣдуетъ, по дру-

Г. К. Геймерле. Новый Австро-Венгерскій министръ иностранныхъ дѣлъ.
Съ фотогр. грав. Э. Шмидтъ.

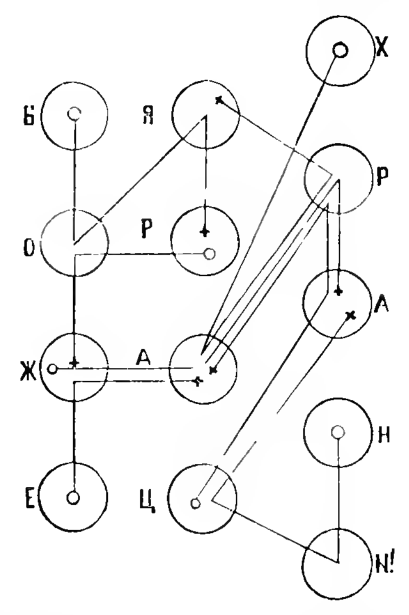
гимъ же, лордъ Биконсфильдъ намѣренъ отложить это распущеніе до будущаго года.

Во Франціи мы видимъ довольно значительную агитацію въ пользу полной амнистіи. Едва ли не замѣчается броженіе элементовъ, вырвавшихся наружу при коммунѣ. По крайней мѣрѣ, нерѣдко уже раздаются и въ извѣстной части печати, и въ нѣкоторыхъ публичныхъ рѣчахъ, слова, выраженія, давно уже не произносившіяся. Поговариваютъ и о перемѣнѣ министерства Ваддингтона, на мѣсто котораго прочатъ нѣсколькихъ кандидатовъ, — Дюфора, Жюля Симона, Фрейсинэ, Гамбетту, Шалемель-Лакура.

Въ дополненіе ко всему, что было сообщаемо о германо-австрійскомъ соглашеніи, скажемъ, что, согласно заявленію германскаго министерства иностранныхъ дѣлъ—никакого формальнаго союза заключено не было, но что, дѣйствительно, между обѣими правительствами существуетъ полная гармонія въ воззрѣніяхъ и полное согласіе. Есть, однако, основательная причина предполагать, что *императоръ Вильгельмъ отклонилъ отъ себя политику, могущую поставить Германію во враждебное отношеніе къ Россіи.*

Во многихъ мѣстностяхъ Испаніи наводненіе причинило не мало убытковъ населенію...

Рѣшеніе задачи круговъ въ № 42 „Нивы".



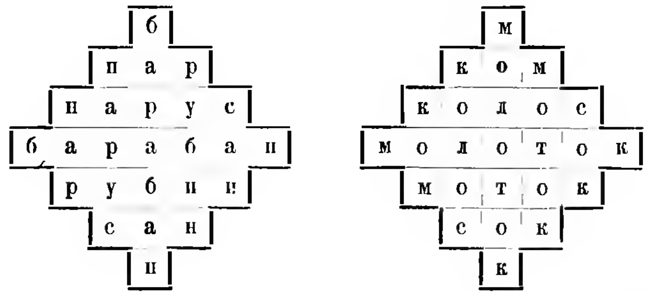
Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы: **Спб.**, отъ гг.: Павшина, Н. Сулейкина, А. Сберегаева, Хр. Митова и К. Лиховичъ, М. Васильева, Ф. Л. Петрова, Леши Бочагова, Ив Рябова, Посѣтителя трактира Одесса, Л. Дучинскаго, Кунильмевта, В. Перминова, В. Платонова, Корсакова, Н. Борнемана, I А. Брж , И. Лазаревскаго, Я. Ф., Е. Гел—мера, Недоѣзжай Корыто, Трезваго Классика, Молодого Рыжика и Милослава К. **Москва**, отъ гг.: М. Герцберга, И. Елина, Богословскаго младшаго, А. Миляева, И. Зѣвакина, А. Шипока, М. Иконникова, Н. Порошина, П. Еремина, Б. Григорьева, В. Адамовича, В. Погорѣлова, Цыпривнока, Θеоктистова, М. Юрасова, В. В., Е. Циплинга, Н. Евграфова. **Кронштадтъ** — Н. Даржана, А. Н. Ф. и Комп. **Ниж.-Новгородъ** — И Аваньина. **Динабургъ** — Папкова. **Тверь** Н. Левиса, А. Собріевскаго, Приклонскаго. **Гатчино**—Н. К. Е **Вильманстрандъ**—Клемма. **Серпуховъ**—В. Иванова, К—ъ, **Александровское село**—Иванова. **Ковель**—Лизавик Р. и Мишенин С. **Ярославль**—Н. Уткина, В. Рогалева. **Подольскъ**—А. Молчанова. **Варшава**—В. А. Байера, **Бобруйскъ**—А. И. Крицкаго **Валдай** Е. Ахмуметева. **Серпуховъ**—Юавицкаго. **Вологда**—Доброумова. **Вильна**—Рубцова. **Царское село**—Огр. Т—я. **Ст Болдино**—Рѣшимова. **Воронежъ**—Пыжевскаго. **Одесса**—Нины Р. **Череповецъ**—Протоіерея Соловьева. **Ст. Диканьки**—Будальской, **Конинъ**—Шумилина **Бѣлая Церковь**—Липошинской. **Орѣхово-Зуево**—Е. Покровской. **Тамбовъ**—Старика. **Холмъ** Бринкена, Шенгелидзе. **Владиміръ**—Андріевича. **Балта**—Н. Комарницкаго. **Рига**—А С—ва. **Харьковъ**—А. В. Ов—кова. **Касимовъ**—В. Умнова. **Плессъ**—Н. Комарова. **Ст. Чириново**—Малявина. **Можайскъ**—Тютина. **Люблинъ**—М. де Прибихъ. **Сиоаинъ**—Каплана. **Ст. Калиуны**—I Н. Пшеничнаго. **Кострома** — Солодовникова. **Одесса**—Киввева и **Мозырь**—Ю. Лапича.

Рѣшеніе шашечной задачи № 16.

Черные.				Бѣлые.			
Съ	№	1	на 5	Съ	№	10	на 1
„	„	3	„ 6	„	„	17	„ 3
„	„	2	„ 5	„	„	1	„ 10
„	„	12	„ 16	„	„	3	„ 12
„	„	8	„ 29	„	„	14	„ 10
„	„	4	„ 11	„	„	10	„ 19
„	„	29	„ 15				

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы: **Спб.**, отъ гг.: Ф. Геннинга, Ев. Ав Лялин, Матвѣева, Т. Алферова, А. Гумилевскаго-Холмецкаго; **Москва**—Θеоктистова, В. Зѣвакина, Ерина, Кирилова и Мещерскаго, Трусакова, В. Погорѣлова, **Кронштадтъ**—Н. Даржана, **Кузнецкъ**—Д. Кочетова, **ст. Дмитровка**—Я. Е. Вѣтрова, **Пенза**—Магнитова, **ст. Курскъ**—Зайцева, **Зубцовъ**—А. Г. Семыкиоа.

Рѣшеніе магическихъ крестовъ № 15 и № 16.



Вѣрныя рѣшенія этихъ задачъ присланы: **Спб.** отъ гг.: Алевіуса, D. Грикурова, Л. Бочагова, И. Рябова. **Москва**—И. Зѣвакина, Миляева. **Н. Уральскъ**—Кирбатова. **Серпуховъ**—К ъ. **Бѣжецкъ**—А. Потапова. **Царское село**—Огр. Т я. **Воронежъ**—Силина. **Ст. Барсуки**—Архангельскаго. **Орѣхово-Зуево**—Покровской. **Можайскъ**—Тютина.

Рѣшеніе ребуса помѣщеннаго въ № 37 „Нивы."

„Неправдою весь свѣтъ пройдешь, да назадъ не вернешься."

Рѣшеніе ребуса помѣщеннаго въ № 40 „Нивы."

„Часто тѣ падаютъ, которые высоко смотрятъ."

СОДЕРЖАНІЕ: **Татарская деревня** (съ рис.)—**Касимовская невѣста**. Историческій романъ **Вс. Соловьева**. Продолженіе.—**Случай изъ практики**. (Разсказъ).—**По пути въ Афганистанъ**. Очерки. (Продолженіе). **П. Огородникова**.—**Продавецъ масокъ въ Помпеѣ** (съ рис.)—**Маленькій сторожъ** (съ рис.)—**Дуэтъ** (съ рис.).—**Учитель Греческой школы** (съ рис.)—**Софійскій Соборъ въ Новгородѣ** (съ рис.)—**Г. К. Геймерле** (съ портр.)—Политическое обозрѣніе.—Рѣшеніе задачи круговъ.—Рѣшеніе шашечной задачи.—Рѣшеніе магическихъ крестовъ.—Рѣшенія ребусовъ.—Объявленія.—**При этомъ № прилагаются «Парижскія моды» за НОЯБРЬ съ 31 рисункомъ и отдѣльный листъ съ 27 чертеж. выкроекъ въ натуральн. величину и съ 40 рис. рукодѣльн. работъ.**

Издатель **А. Ф. Марксъ**. Редакторъ **Ф. Бергъ**.

ГЛАВНАЯ ПРОДАЖА ПЕРВАГО СОРТА РЕЗИНОВЫХЪ КАЛОШЪ И САПОГОВЪ удостоенныя на Парижской выставкѣ

ЗОЛОТОЙ МЕДАЛИ

(высшая награда для резинов. фабрикат.) Продаются по фабричнымъ цѣнамъ

ВЪ СКЛАДѢ ТОВАРИЩЕСТВА

Русско-Американской резиновой мануфактуры.

КОНСТАНТИНА МАЛЬМЪ

БОЛЬШАЯ МОРСКАЯ Д. № 36, рядомъ съ магазиномъ Штанге. Постоянный выборъ новѣйшихъ резиновыхъ товаровъ, продаются по рѣшительнымъ цѣнамъ безъ запроса.

По Воскресеньямъ складъ закрытъ.

№ 325 10—2

ГЕРМАНЪ ВЕЙСЕНБУРГЕРЪ и К°

Канштатъ, Вюртенбергъ.

Фабрика *жестяныхъ* издѣлій и *пожарныхъ* снарядовъ.—Поставляетъ всѣ нужные, при организаціи пожарныхъ командъ, принадлежности, *весьма прочно* и *дешево*.

Приглашаютъ агентовъ для Россіи.

№ 320 2—2

КУНЕРТЪ, ЛЁБТАУ-ДРЕЗДЕНЪ

доставляетъ спеціально

турбины, собственной системы, приспособленныя для соотвѣтствующаго назначенія. Устройство полированой кухонной посуды изъ черной жести, эмалированная. Искусственныя издѣлія изъ камни (терраццо-плиты) Молотильныя и рѣзательныя мельницы. Всевозможныя приспособленія для пивовареннаго и винокуреннаго заводовъ равной величины и формы. Требуются агенты. № 338 1

!! НОВОСТЬ !!

Визитныя карточки съ фотографическими медальйонами, снимаемыми съ натуры въ разныхъ позахъ, а также съ фот. портретовъ и карточекъ, присылаемыхъ по почтѣ. Шрифтъ по выбору заказчика. Цѣна визитныхъ карточекъ съ фот. медальйономъ и печатаніемъ имени, отчества, фамиліи и адреса 5 р. за сотню. Образчики даются и посылаются безплатно. Заказы принимаются въ фототр. К. Андерсона: Невскій, д. № 76; Невскій, д. № 56; Англійскій пр. д. № 29; Офицерская ул., д. № 4; Гороховая ул. д. № 36. № 345 2—1

FÜR WÄSCHE-FABRIKEN.

Gewebte waschächte Etiquetten liefern in jeder Ausführung.

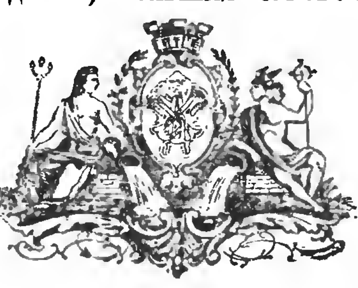
Mirus & Lengerich, Crefeld.

№ 319 4—2

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ № 118,

ГОСТИНЫЙ ДВОРЪ, БОЛЬШАЯ СУРОВСКАЯ ЛИНІЯ,

СЪ 1-ГО НОЯБРЯ 1879 ГОДА ПО 25-Е ДЕКАБРЯ ОТКРЫВАЕТЪ



ДЕШЕВУЮ ПРОДАЖУ

ШЕЛКОВЫХЪ, ШЕРСТЯНЫХЪ, ПОЛОТНЯНЫХЪ И БУМАЖНЫХЪ ТКАНЕЙ.

ДЛЯ СЕЗОНА.

Драпъ sublime по 1 р. 40 к. арш. **Batavia** по 1 р. арш. **Craise** raye по 1 р. арш.

Сатинъ Имперіаль по 1 р. арш.

Кашемиръ Foulé по 80 к. арш.

Velours Relief по 1 р. 50 к. арш.

Дра-Велюръ (ширина 2 арш.) вмѣсто 2 р. 75 к. по 1 р. 40 к. арш.

Вигонь (ширина 2 арш.), вмѣсто 1 р. 50 к., 1 р. 10 к. арш.

Пледъ Confection, вмѣсто 1 р. 25 к. по 70 к. арш.

Брокаръ à soie, вмѣсто 2 р., по 1 р. арш.

СМѢШАННЫЯ ТКАНИ

(шерсть съ пенькою).

Для подарковъ и домашнихъ платьевъ отъ 20, до 50 к. аршинъ.

БУМАЖНЫЯ ТКАНИ.

Ситцы по крученымъ миткалямъ, прочныхъ красокъ, отъ 13 коп. арш.

Шертингъ бѣлый и крашеный отъ 13 коп. арш.

ДЛЯ ПОКРЫШКИ ШУБОКЪ:

Драпъ матласе отъ 1 р. 75 к., до 8 р. арш.

Армюръ, отъ 1 р. 25 к., до 4 р. арш.

Репсъ, отъ 1 р., до 3 р. арш.

ШЕЛКОВЫЯ ТКАНИ:

Фай цвѣтной, русскій, отъ 1 р. 60 к. арш.

Фай цвѣтной, ліонскій, отъ 2 р. 50 к. арш.

Фай черный, отъ 1 р. 40 к. до 4 р. арш.

Бархатъ черный, шелковый, отъ 2 р. 50 к. арш.

2-Й ЭТАЖЪ.

ГРОМАДНЫЙ СКЛАДЪ

голландскаго и русскаго полотна, столоваго бѣлья и приданаго.

Примѣчаніе: Торговый домъ по воскресеньямъ закрытъ.

Со 2-го января 1880 года будутъ продаваться остатки шелковыхъ, шерстяныхъ и бумажныхъ матерій отъ 2-хъ до 15 арш., полотняныхъ отъ одного до 8 арш. съ большою уступкою.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ ОСВѢЩАЕТСЯ ЭЛЕКТРИЧЕСТВОМЪ ПО СПОСОБУ Г-на ЯБЛОЧКОВА.

Въ торговомъ домѣ Н. ФЕНУ и К°

(С.-Петербургъ. Невскій пр. домъ Армянской церкви).

ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ НОВОЕ ИЗДАНІЕ:

ЗАПИСНАЯ И ПАМЯТНАЯ КНИЖКА НА 1879—80 г.

для учениковъ гимназій и прогимназій Минист. Народ Просв.

СОДЕРЖАНІЕ:

Календарь (Учебный).—Праздники.—Росс. Императорскій домъ.—Историческая таблица русскихъ Великихъ Князей, Государей, Императоровъ и Императрицъ.—Практическія замѣтки по русскому правописанію.—Свѣдѣнія изъ арифметики.—Пріемы быстраго перемноженія чиселъ.—Изготовленіе геометрическихъ моделей.—Правила для учениковъ гимназій и прогимназій.—Правила для спеціальныхъ испытаній на званіе сельскаго, приходскаго, начальнаго, народнаго и частнаго учителя.—Таблицы: Росписаніе уроковъ, отмѣтки по четвертямъ года, списки преподавателей и росписаніе экзаменовъ.—Дневникъ (на каждый учебный день имѣется отдѣльный листочекъ съ обозначеніемъ: дня, числа, мѣсяца и года.)—Каталогъ всѣхъ необходимыхъ учебныхъ книгъ и пособій съ указаніемъ цѣнъ,—Ц. 40 к., съ перес. 50 к.

№ 836 1—1

С.-ПЕТЕРБУРГСК. ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ.

ГЛИЦЕРИНОВОЕ МЫЛО.
Розовое, въ оловянной оберткѣ 25 коп.
Бѣлое, высшаго качества, для дамъ и дѣтей, 35 коп.
Прозрачное, по разнымъ цѣнамъ, отъ 10 коп.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ ПРОТИВЪ ПОДРАЖАНІЯ

№ 304 1

къ которому прибѣгаютъ нѣкоторые фабриканты, принявшіе названія фирмъ, близко подходящихъ къ фирмѣ С.-Петербургской Химической Лабораторіи, и копирующіе наружный видъ произведенія ея.

Обратить вниманіе при покупкѣ на точность фирмы: «С.-Петербургская Химическая Лабораторія.»

ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ:

1). Невскій просп., домъ Католической церкви № 32.
2). Невскій проспектъ у Аничкова моста № 66.
3). Вознесен. пр., уг. Казанск. ул. д. Шредера, № 48/54.

Всѣ прочіе магазины и лавки, имѣющіе вывѣски, похожія на вывѣски С.-Петерб. Химическ. Лабораторіи и выдающіе себя за ея депо, ей не принадлежатъ.

№ 324 **ТВЕРДОСТЬ ХАРАКТЕРА.** 6—2

Ром. изъ современной жизни, съ событіями послѣдней войны 1876—77 гг.

Сочиненіе **В. Марьина**. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 25 к. Книгопродавцамъ обычная уступка.

Складъ изданія въ книжной торговлѣ при редакціи «Собранія Романовъ», въ д. Жербина, на Михайловской площ., въ С.-Петербургѣ.

УСОВЕРШЕНСТВОВАННЫЙ

Центральное Бюро объявленій. **ГЕКТОГРАФЪ*)** I. Зегимель. Невскій пр. № 4, въ СПБ.

или копировально-множительный аппаратъ, которымъ даже ребенокъ можетъ, на любой бумагѣ безъ всякаго пресса, производить въ 5 минутъ до 100 копій съ писемъ, циркуляровъ, счетовъ, приглашеній, нарядовъ, приказовъ, бланокъ, адресовъ, правилъ, муз. нотъ, лекцій, чертежей и пр. Цѣна съ двумя банками чернилъ: № 1 для почтов. бум. 3 р., № 2 для почт. бум. большаго формата 6 р., № 3 для канц. бум. 8 р., № 5 для развернутаго большаго листа 15 р. Пересылка № 1 за 5 ф., № 2 за 8 ф., № 3 за 10 ф., № 5 за 15 ф.; Чернила отд. 25 к. стклянка. Масса 1 р. 25 к. фунтъ.

ПЕРЕПЛЕТЫ ЗЕГИМЕЛЯ для книгъ и бумагъ копированныхъ Гектографомъ или коп. прессомъ, а также для иллюстрированныхъ газетъ. Переплести можно по мѣрѣ накопленія листовъ. Ц. 1 р. 50 к. съ пересылкою 2 р.

АППАРАТЫ безусловно полезны для взрослыхъ и особенно для дѣтей:

РИСОВАЛЬНЫЙ АППАРАТЪ. Всякій, даже не умѣющій рисовать, можетъ имъ копировать въ натуральн. увеличен. и уменьшен. видѣ, любые рисунки, гравюры, узоры, дамскія рукодѣлія и пр. Цѣна (съ прил. Новаго способа умноженія посредствомъ сложенія) 1 р., съ пересылкою 2 р.

ФОТОКОПИРОВАТЕЛЬ. Домашній фотографическій аппаратъ, копирующій помощію свѣта, безъ рукъ, всякія фотограф. карты, рисунки и проч. въ любомъ количествѣ. При солнцѣ копіи получаются въ 4 минуты. Цѣна (съ прил. визитныхъ карточекъ сдѣланныхъ этимъ аппаратомъ) 2 р. 50 к., съ перес. 4 р.

ФОТОГРАФ. КАРТОЧКИ отдѣльно всѣхъ знаменитостей, актрисъ, видовъ Петерб. и пр. за дюжину 1 р. за сотню 5 р. съ пересылкою.

КАМЕРА ОБСКУРЫ для рисованія съ натуры. Ц. 1 р., съ перес. 2 р.

САМОУЧИТЕЛЬ ЧИСТОПИСАНІЯ. Съ прил. школы чистописанія русскаго, французскаго и нѣмецкихъ яз. Этимъ аппаратомъ дѣти могутъ скоро выучиться чистописанію безъ затраты бумаги. Ц. 1 р. 20 к., съ перес. 2. р.

Адресъ: въ **Центральное Бюро объявленій I. ЗЕГИМЕЛЯ, Невскій пр., д. № 4**, въ С.-Петербургъ.

*) Преимущество его состоитъ въ томъ, что старыя надписи смываются съ него моментально водою, или особымъ составомъ.

№ 335 1—1

При этомъ № для гг. иногородн. подписч. (за исключеніемъ Московскихъ) прилаг. объявленіе отъ кн. маг. Земскаго въ Москвѣ.

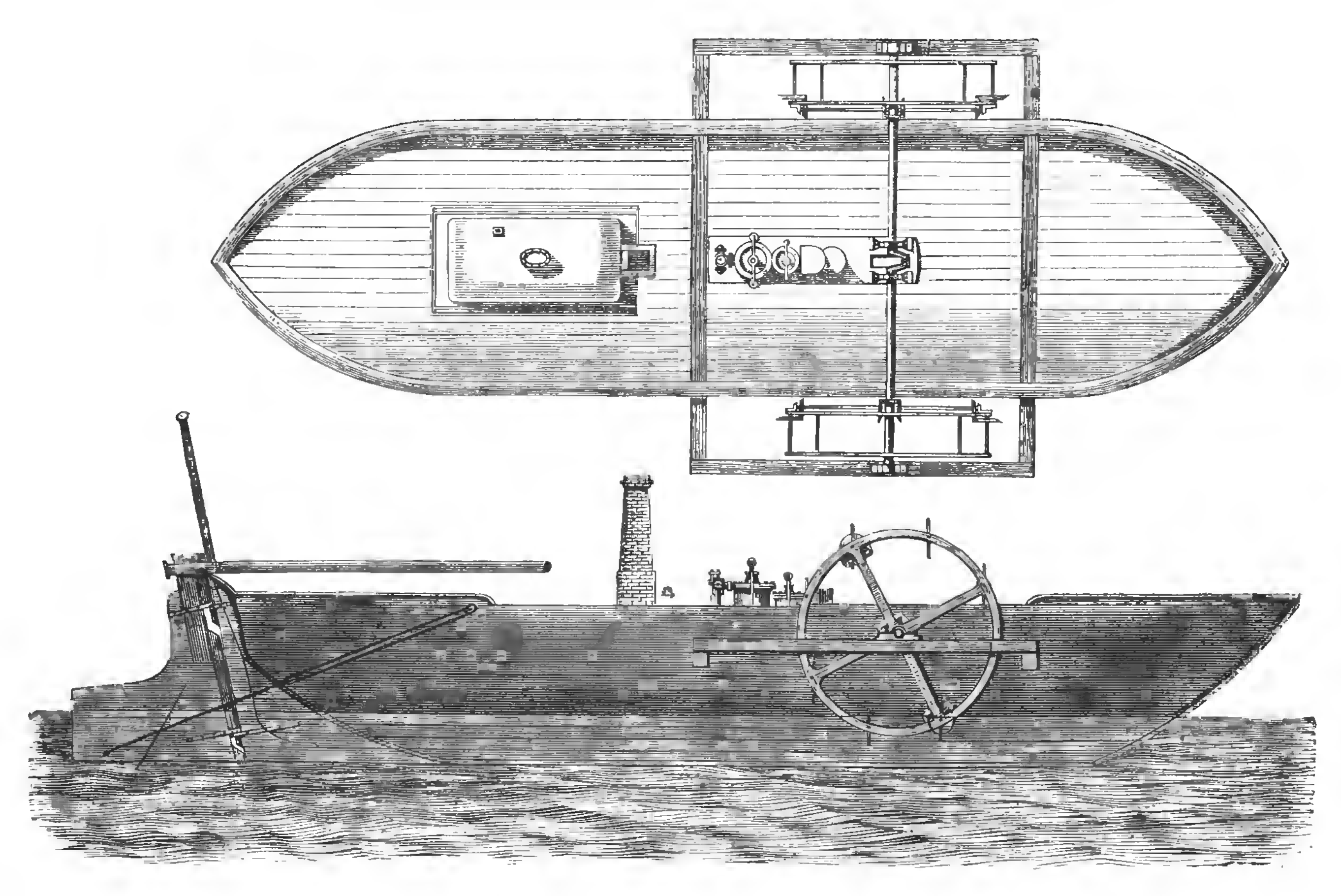
ЛИТЕРАТУРЫ

X годъ | годъ X

№ 46 | ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. | 1879

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ «ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ» (отъ 20 до 40 модн. рис. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40).

Выданъ 12 Ноября 1879 г. Цѣна этого № «Нивы» 15 съ перес. 20 к.



Первый пароходъ въ Россіи, построенный на заводѣ Берда въ СПБургѣ 1815 г. (Видъ и планъ).
Съ рисунка того же года, грав. Э. Шмидтъ.

Первый русскій пароходъ.

Здѣсь читатели могутъ видѣть на прилагаемомъ рисункѣ изображеніе *перваго русскаго парохода*, построеннаго на заводѣ Бэрда въ Петербургѣ въ 1815 году и названнаго въ честь Государыни „Елисаветой." Кирпичная труба и весь остальной незатѣйливый механизмъ судна, ясно показываютъ, что то былъ первый опытъ, первый робкій шагъ по пути примѣненія пара къ движенію на водѣ.

Заводъ Бэрда—одинъ изъ стариннѣйшихъ въ нашей столицѣ. Основатель его, Чарльзъ Бэрдъ (Charles Baird), родился въ 1766 г., въ Уэстертоунѣ, и съ юныхъ лѣтъ, посвятивъ себя инженерному дѣлу, прибылъ въ 1786 въ Россію, въ качествѣ уполномоченнаго отъ англійской Карронской торговой компаніи, поставлявшей въ то время пушки для нашей артиллеріи. Пріѣхавъ въ ваше отечество, онъ уже не оставлялъ его; въ промежутокъ времени между 1786 и 1789 г.г., онъ устроилъ Александровскій пушечный заводъ; а затѣмъ основалъ свой заводъ, пріобрѣвшій столь громкую извѣстность. Построенный на окраинѣ тогдашняго Петербурга, въ пустынной, болотистой мѣстности, заводъ Бэрда, благодаря энергіи, глубокому знанію инженернаго искусства и добросовѣстному отношенію къ своему дѣлу владѣльцевъ, а также и благодаря поощренію правительства—достигъ значительнаго развитія и сталъ въ уровень съ замѣчательнѣйшими предпріятіями этаго рода.

Имя завода Бэрда не пройдетъ незамѣтнымъ въ исторіи машиннаго дѣла у насъ; оно тѣсно связано съ многими, наиболѣе выдающимися работами по этой отрасли отечественнаго производства.

Бэрду же обязаны своими главными машинами: нашъ арсеналъ, Императорскій стеклянный заводъ, масса другихъ фабрикъ, мануфактуръ, паровыхъ мельницъ; изъ того же завода вышло множество паровыхъ судовъ—конечно, уже вполнѣ совершенной конструкціи.

Заводъ Бэрда принималъ главное участіе въ литейныхъ работахъ при сооруженіи двухъ великолѣпнѣйшихъ памятниковъ Петербурга—Александровской колонны и Исаакіевскаго собора. (Замѣтимъ, кстати, что колонна эта—выше Вандомской колонны въ Парижѣ и колоннъ Антонина въ Римѣ и Помпея въ Александріи). Самый ходъ работъ этихъ на заводѣ даетъ намъ понятіе о тогдашнихъ уже его средствахъ и размѣрахъ. Для плавки бронзы была устроена плавильня въ 80 футъ длины, съ двумя громадными очагами, соединенными съ трубой, имѣвшей 120 футъ вышины. Въ каждомъ изъ очаговъ вмѣщалось 600 пудъ металла, при чемъ все это количество расплавлялось въ теченіи всего только $2\frac{1}{2}$ часовъ, съ боковъ установлены были два гигантскихъ крана, поднимавшихъ по 1 тысячѣ пудъ. Четыре барельефа Александровской колонны, четыре большіе канделябра-фонаря, бронзовая рѣшетка и колоссальная фигура ангела, держащаго на вершинѣ колонны крестъ—все это произведеніе завода Бэрда. На томъ же заводѣ отлиты и барельефы четырехъ фронтоновъ Исакіевскаго собора, вѣсомъ въ 20 тысячъ пудъ, фигуры апостоловъ (каждая въ 15 футъ 2 дюйма вышины), бронзовыя статуи, окружающія внѣшнюю колоннаду купола, желѣзная обшивка купола (130 футъ въ діаметрѣ) и прочее.

Наконецъ и литейныя работы Николаевскаго моста—выполнены на томъ же заводѣ.

Касимовская невѣста.

Историческій романъ Вс. СОЛОВЬЕВА.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

(Продолженіе).

X.

Было послѣ-обѣденное время, въ которое обыкновенно тишина находила на теремъ. Плотно покушавши и царевны и всѣ теремныя жительницы позволяли себѣ соснуть на часокъ.

Фима, по примѣру другихъ, прошла въ свою опочивальню и уже готова была прилечь на кровать, не для того чтобы заснуть, а чтобы среди тишины да покоя подумать о своемъ счастьѣ, подумать о томъ, кто такъ близокъ отъ нея и кого между тѣмъ она все еще не можетъ видѣть. Вдругъ двери опочивальни тихонько отворились и пропустили существо очень страннаго вида. Фигура сухощавая и длинная, на головѣ большая кика, вся ушитая бисеромъ и мѣдными погремушками; черный суконный, такъ называемый вдовій опашень; тѣлогрѣя лазоревая на зайцахъ, сапоги красные, золотомъ шитые на каблукахъ высокихъ. Лицо сухое, съ большими огненными глазами, само по себѣ ни чуть не смѣшное, а даже скорѣе печальное; но въ то же время самымъ потѣшнымъ образомъ размалеванное бѣлилами, румянами и сурьмою. Брови кольцомъ выведены, щеки бѣлыя, а носъ, лобъ и подбородокъ красные. Странная эта женщина притворила за собою дверь, сдѣлала дикій прыжокъ къ Фимѣ, тряхнула кикою, отчего зазвенѣли всѣ привѣшенныя къ ней бубенчики, и неестественно засмѣялась.

Фима уже знала ее—не разъ видала. Это была дурка-шутиха царевны Ирины, по имени Катеринка.

— Чего тебѣ? изумленно спросила Фима.—Царевна зачѣмъ нибудь прислала?

Шутиха перестала смѣяться и вдругъ лицо ея, даже несмотря на размалевку, сдѣлалось очень серьезнымъ.

— Царевна спитъ,—всѣ спятъ, заговорила она,—а ты не спишь, вотъ я и пришла. Не гони, все равно не уснешь, а я тебѣ забавное скажу что нибудь... Нѣтъ—вру, ничего не скажу забавнаго, скажу другое... Ты думаешь, ты кто? небось скажешь: царевна,—невѣста царская! небось скажешь? Анъ и соврешь. Ты самая, что ни на есть, несчастная и бѣдная дѣвка—и мнѣ тебя жалко!..

Фима сѣла на кровать и съ изумленіемъ и даже страхомъ посматривала на шутиху; а та продолжала подсаживаясь на полъ у ногъ ея, подперши обѣими руками свою голову и глядя на нее черными, выразительными глазами:

— Я дурка-шутиха, потѣшная баба, я день деньской языкомъ болтаю, а все же подчасъ вижу то, чего никто не видитъ... Эхъ-ма, сорокъ шестовъ, собачьихъ хвостовъ, да сорокъ кадушекъ соленыхъ лягушекъ!.. Нешто не видала я какъ тебя горемычную сюда притащили? каждую думку я на лицѣ твоемъ читала; а потомъ видѣла какъ ты на царя воззрилась, а онъ на тебя. Ты небось тогда думала, что это гусляръ молодой, а я ужь знала какъ оно все будетъ. Говорили: Марья Милославская, а я знала, что не она, а ты; а вотъ теперь и опять сбилась. Теперь ужь онѣ говорятъ: ты, а не Марья Милославская, а мнѣ сдается не ты,—а она....

Фима вздрогнула; ей сдѣлалось совсѣмъ страшно, она ужь хотѣла выбѣжать и позвать кого нибудь, чтобы увели эту сумасшедшую, которая такъ глядитъ на нее и говоритъ ей такія непонятныя рѣчи. Шутиха замѣтила ея движеніе и продержала ее.

— А, испужалась!? ну такъ не бойся, царевна, я не такъ говорить буду.

Она дѣйствительно измѣнилась—ея голосъ сдѣлался нѣжнымъ, глаза кротко смотрѣли.

— Да, не такъ говорить стану, жалко мнѣ тебя—вотъ что. Не мало я на свѣтѣ навидалась горя и чую, что стоитъ теперь и надъ тобою горе. Бѣдная пташечка, улетѣть бы въ родное гнѣздышко, да остаться тамъ на вѣки, а прилетѣла ты, вольная, лѣсная пташечка, въ золотую клѣтку—боюсь какъ бы не заѣла тебя злая кошка!... Видѣла ты его... видѣла? онъ стоялъ тогда за нимъ, за царемъ, бѣлый такой, съ черной бородой—онъ и есть самая та злая кошка!.. Бояриномъ Морозовымъ прозывается! шепнула она совсѣмъ уже на ухо Фимѣ.

— Да не томи меня, не мучь! со слезами сказала дѣвушка,—Что ты пугаешь меня?! что терзаешь мнѣ душу?! замѣтила я Морозова—охъ какъ замѣтила! какъ въ

первый разъ глянула на него, такъ сердце во мнѣ и замерло... Страшенъ онъ мнѣ очень, а теперь вотъ и ты говоришь... что же это такое?!!

Шутиха вскочила, подошла къ двери, тихо отворила ее, прислушалась и затѣмъ вернулась на свое мѣсто, къ ногамъ Фимы.

— Ну вотъ и чую я—недоброе что-то противъ тебя замышляется. Морозовъ хитеръ, да и не одинъ Морозовъ, многіе обижены, что тебя царь выбралъ. Имъ нужно извести тебя—понимаешь? Такъ вотъ я пришла сказать тебѣ это,—будь осторожна,—не вѣрь никому.... Охъ! не вѣрь никому! Каждый кусокъ ѣшь, каждый глотокъ пей съ опаскою—всяко бываетъ...

У Фимы сердце заныло, тоска и ужасъ охватывали ее все больше и больше. Въ словахъ этой страшной женщины, въ лицѣ ея было что то, что говорило теперь Фимѣ о серьозности, о правдивости этихъ словъ ея. Не пугать она пришла, не злую шутку шутить, а видно въ заправду уберечь хочетъ. Но что же дѣлать? Фима почувствовала себя совсѣмъ одинокой, окруженной чужими, страшными людьми и ни одной то близкой души нѣтъ возлѣ. Она горько заплакала.

— Да ты не плачь, царевна, сказала шутиха,—а подумаемъ ка лучше какъ помочь горю. Я то за всѣмъ слѣдить буду и коли что—тотчасъ же доложу тебѣ. А ты пуще всего берегись постельницы своей—Манки... Охъ! скверная баба! я ее ужь и допрежъ того, при покойной еще царицѣ, примѣтила. Она тебѣ врагъ лютый, не допускай ее до себя, прогони прочь скорѣе.

— Она? не ужь-то? не ошиблась ли ты?! Она кажется такая добрая, такъ мнѣ угождаетъ.

Не вѣрь ей, голубушка. Дьяволъ, прости Господи, изпоконъ вѣковъ ласковыя личины принимаетъ, да сладкія рѣчи придумываетъ, когда хочетъ погубить человѣка. Да, вотъ что скажи ты мнѣ,—чай была у тебя мамка, что дома то, у родителей, ходила за тобой. Жива ли та мамка твоя? на Москвѣ ли она?

— На Москвѣ, отвѣтила Фима.

— Такъ вотъ и попроси ты черезъ царевенъ государя, чтобы тебѣ дали твою мамку. Скажи, что соскучилась по старухѣ, что она привыкла угождать тебѣ—царь не откажетъ. И близкій человѣкъ у тебя будетъ, да и легче тогда уберечься.

— Ахъ! спасибо тебѣ, Катеринушка!

Фима вся такъ и встрепенулась при мысли о Пафнутьевнѣ.

— Спасибо тебѣ за слово твое разумное! Не медля же буду просить царевенъ, чтобы доложили государю... съ Пафнутьевной мнѣ не такъ страшно будетъ!

— Такъ какъ же это ты, голубушка, меня гнать хотѣла отъ себя, а вотъ мы и додумались, ласково проговорила шутиха и поднялась, чтобы уходить, но Фима ее остановила.

— Побудь со мною, сказала она,—я полюбила тебя, поговоримъ-ка. Скажи мнѣ, Катеринушка, много я тутъ не понимаю—чудесъ много въ теремѣ. Да вотъ хоть бы ты сама, зачѣмъ ты такая? Зачѣмъ тебя всѣ шутихой-дуркой называютъ? Зачѣмъ ты кривляешься. На кикѣ бубенчики носишь. Слова разныя потѣшныя приговариваешь?

Шутиха горько вздохнула и покачала головой, отъ чего опять на всѣ лады залились-зазвенѣли ея бубенчики.

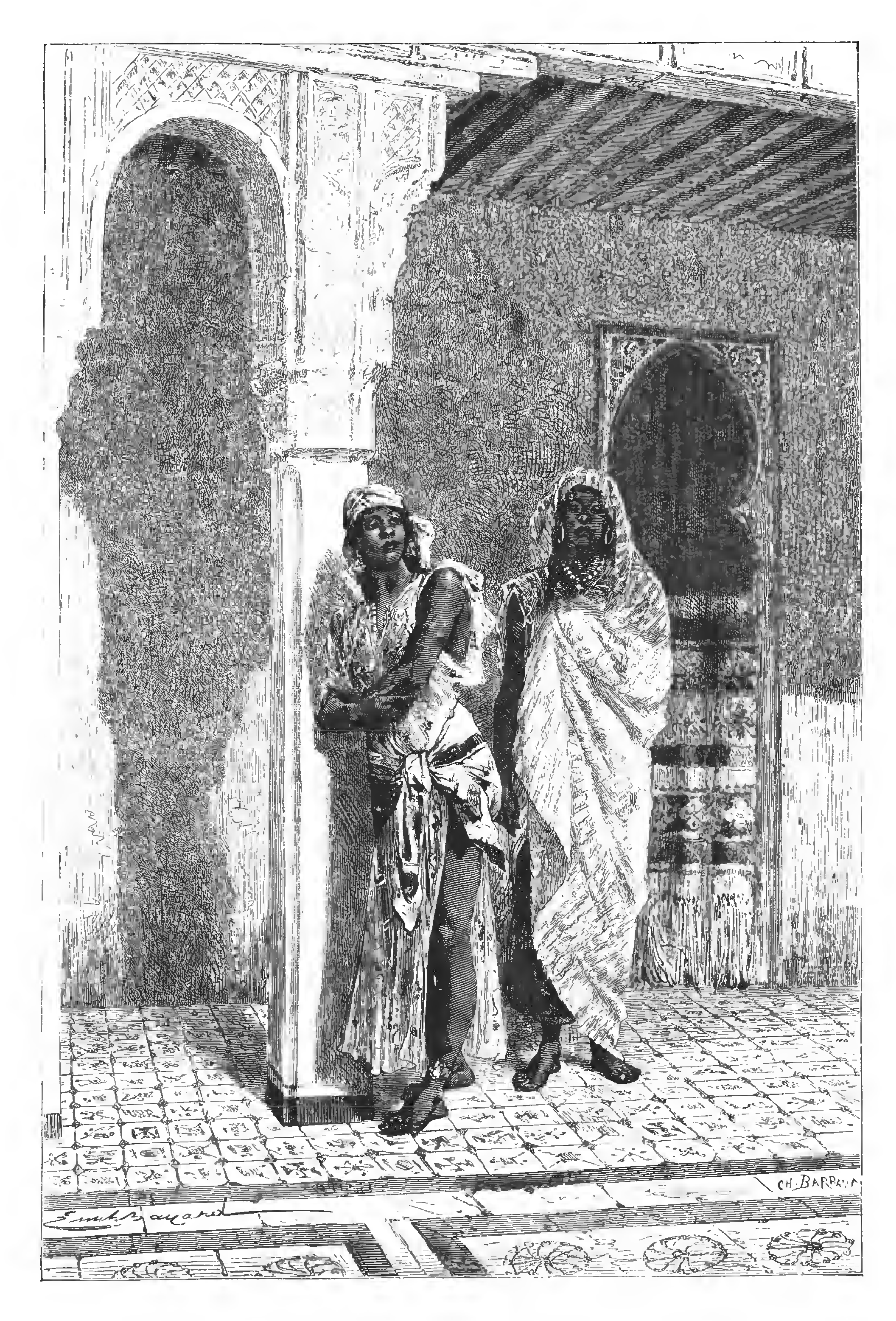
— Да ужь какъ и сказать тебѣ, царевна,—не знаю. Годовъ восемь тому жила я счастливо, припѣваючи. Мужъ былъ, дѣтки были; только и пришла бѣда нежданная: болѣсть лихая забралась къ намъ въ Суздаль—моръ пошелъ. Въ одну недѣлю и мужъ и дѣтки померли. Обезумѣла я совсѣмъ, весь день и ночь въ голосъ голосила, головой объ стѣну билась. Ну, а потомъ слезы вдругъ и пропали, да и жалость будто пропала, тошно только было глядѣть на свѣтъ Божій. Зло вдругъ стало разбирать меня, зло на всѣхъ. Бывало, день деньской сижу на одномъ мѣстѣ и все думаю, думаю, перебираю въ памяти всю то жизнь мою, а я то многаго навидалась, всякой неправды людской, всякой дурости. Опротивѣли мнѣ люди, а зло такъ и кипитъ во мнѣ,—и хохочу я сама съ собою... Помню, день праздничный выдался, на базаръ я вышла, вижу мужики дерутся, мужъ жену бьетъ, воръ бѣжитъ съ покражею, подъячіе народъ пугаютъ воеводою, послѣднюю шкуру сдираютъ, народъ въ кабакъ валитъ. Такъ и покатилась я со смѣху! Что ужь имъ всѣмъ говорила—сама не помню, откуда только слова явились, присказки...

И пошла я съ того дня слыть шутихой, провѣдалъ про меня воевода, на Москву отписалъ. А въ ту пору царевна Ирина, еще дитей она почти была, у матушки своей царицы новую дурку запросила—вотъ и привезли меня. И не первый годъ, а четыре года живу я въ царскомъ теремѣ. Многому уже и здѣсь научилась, многаго навидалась, о чемъ прежде и не грезилось. И все пуще меня разбираетъ хохотъ. Не разъ ночью проснусь въ коморкѣ своей, сяду на лавку, да и хохочу себѣ. Ну да не все же смѣхъ, не все шутовство одно, тяжело бываетъ,—тогда плачу. Вотъ и о тебѣ поплакала, да и притащилась сюда. Спасибо что шутиху не выгнала.... Боязно и внимательно слушала Фима эти странныя рѣчи и долго онѣ бесѣдовали, и много новаго и удивительнаго поразсказала царской невѣстѣ Катеринка. Говорила она ей про царевенъ и про царицу покойную. Говорила о томъ, что небольно то радостна жизнь царевенъ.

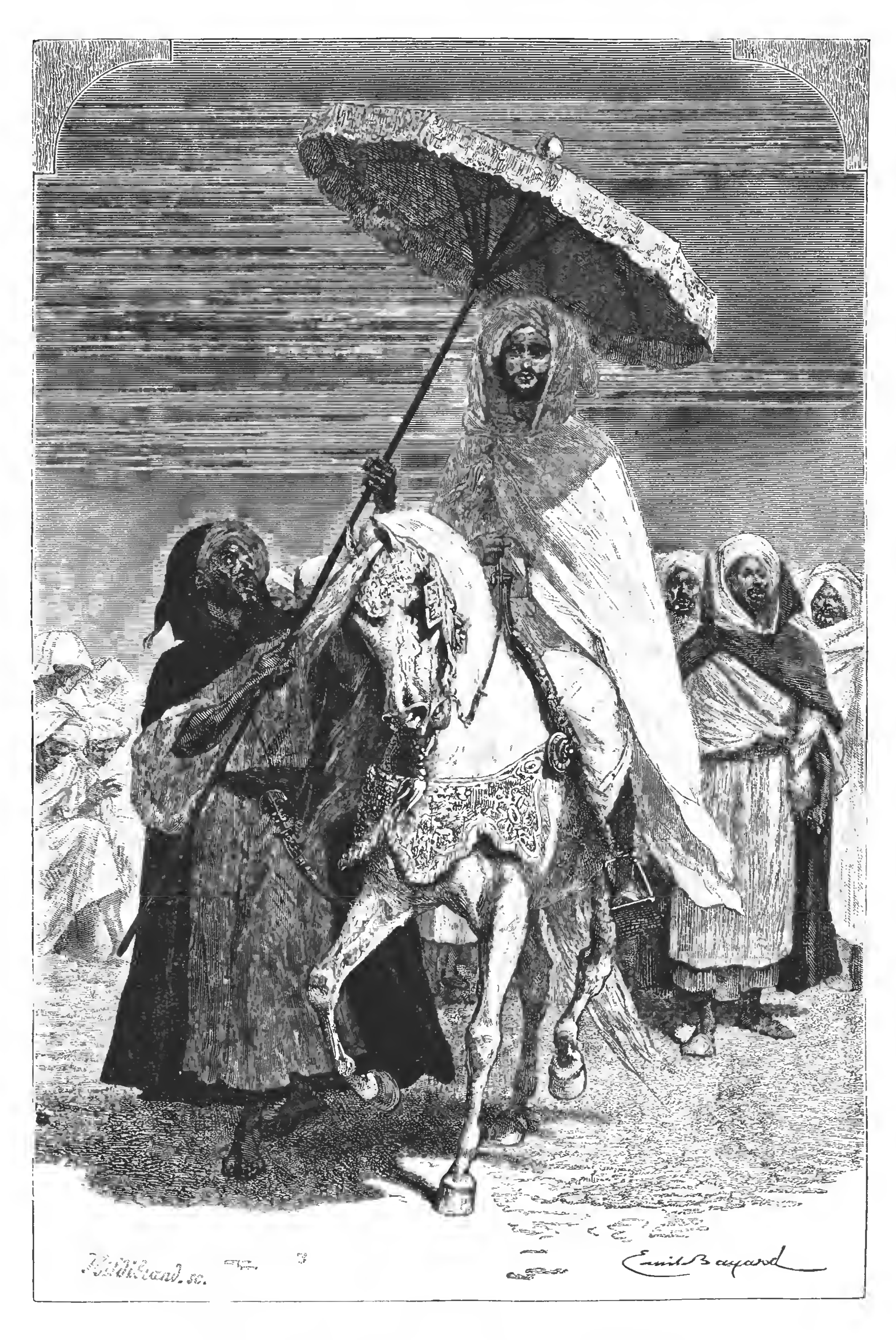
— Глупые люди завидуютъ, говорила она,—а того не размыслятъ чему завидуютъ! Весь то вѣкъ въ терему, не видаютъ свѣта Божьяго... родилась царевной и умретъ царевной. Не будетъ у нее семьи, не будетъ ни мужа, ни дѣточекъ. Она царскаго рода—откуда ей мужа добудешь? Вотъ хоть бы и моя царевна, Ирина,—давно уже невѣста, да и женихъ даже былъ, былъ да и сплылъ, и поминай его какъ звали.

— Ахъ, Катеринушка! разскажи мнѣ объ этомъ пожалуйста, слышала вѣдь я что то, только спросить царевну все какъ то боязно, а сама не говоритъ.

— Да вотъ какъ дѣло то было: отвѣтила шутиха.—Царь то покойный крѣпко любилъ свою доченьку старшую и не хотѣлось ему, чтобы оставалась она въ дѣвкахъ. Задумалъ найти ей онъ мужа, изъ чужаго государства королевича. Прослышалъ это онъ. что въ нѣмецкой землѣ, Данія она прозывается, есть у царя тамошняго сынокъ молодой—и послалъ онъ туда пословъ. Такъ, де, и такъ! чтобы прислали того королевича. Ну, королевича не прислали,—по слыни съ чѣмъ вернулись. Погодя, государь Михаилъ Федоровичъ посылаетъ опять туда, только ужь не пословъ, а нѣмца Марселиса. Нѣмецъ тотъ по сю пору у насъ на Москвѣ живетъ. Вернулся нѣмецъ, говоритъ: прибудетъ королевичъ. И точно,—прибылъ, да не одинъ, а со многими людьми ратными. Принимали его, чествовали. Вольмаромъ тотъ королевичъ прозывался, собою красавецъ писанный, говорятъ, да разумный такой, увѣтливый. Государь и говоритъ ему: „Возьми за себя дочку нашу, царевну Ирину, и живи съ нами; много городовъ и вотчинъ разныхъ мы тебѣ пожалуемъ, только такъ какъ ты, значитъ, въ басурманскую вѣру крещенъ, то долженъ отъ той вѣры отказаться и креститься въ нашу вѣру истинную, православную.“ Королевичъ на слова эти государевы такую рѣчь держалъ: „Царевну я возьму за себя и города и вотчины тоже, жить буду у васъ въ послушаніи, а вѣры своей басурманской мѣнять не стану.“ И тутъ же попрекнулъ государя: „Ты, говоритъ, моему отцу обѣщалъ не нудить меня въ вѣрѣ, съ тѣмъ я только и поѣхалъ;—какъ же теперь то?—не ладно оно выходитъ!“ Осерчалъ нашъ царь: „Безпремѣнно долженъ ты перемѣнить вѣру!“ Тотъ твердитъ свое: „Не могу я того сдѣлать и коли такъ, — отпусти меня въ



Черныя невольницы въ богатомъ маронскомъ домѣ. Рис. Баяръ, грав. Барбанъ.



Выѣздъ Мароккскаго султана. Рис. Э. Баяръ, грав Гильдебрандъ.

мою землю!“ А царь все не отпускаетъ. Приставилъ стражу къ королевичу, патріарху приказалъ его уговаривать, да ничего изъ того не вышло—сталъ басурманъ на своемъ. Подъ конецъ освирѣпѣлъ совсѣмъ, бѣжать хотѣлъ, а какъ его остановили, такъ онъ со своими людьми басурманскими нашихъ стрѣльцовъ видимо невидимо побилъ. Пуще прежняго караулить его стали—бѣжать ему ужь и нельзя было; закручинился нѣмецъ, сна лишился, пищуересталъ принимать. Говорятъ царю: „того и жди помретъ.“ А царь все одно твердитъ: „Пусть крестится въ вѣру православную, тогда мы ему всякія почитанія окажемъ, а не хочетъ, такъ въ заперти держать будемъ и домой не отпустимъ.“ А у самаго то у царя кошки скребутся на сердцѣ... видала я его тогда... какъ приходилъ онъ къ царицѣ... хмурый такой, пасмурный... на себя не похожъ сталъ—такъ то ему было обидно... И что же бы ты думала!—чѣмъ все это кончилось?! Хворалъ царь, хворалъ, да и померъ, а за нимъ скончалась и царица. Такъ вотъ мѣсяца съ два тому времени что ли, отпустилъ государь Алексѣй Михаиловичъ того королевича Вольмара по добру по здорову, а царевна Ирина ни съ чѣмъ и осталась... жениха своего ни разу и не видала... Вотъ какія дѣла у насъ дѣлаются!..

Между тѣмъ въ теремѣ началось движеніе—всѣ проснулись. Шутиха первая заслышала это движеніе своимъ чуткимъ ухомъ и, еще разъ увѣривъ Фиму въ томъ, что будетъ наблюдать за всѣмъ и за всѣми, поспѣшно вышла изъ опочивальни.

И долго неподвижно сидѣла Фима, — новый міръ, страшный и чудовищный, возсталъ передъ нею и заслонилъ собою ея молодое счастье.

XI.

Царь конечно немедленно и съ радостью согласился на просьбу Фимы относительно переселенія въ теремъ Пафнутьевны и за старою мамкою тотчасъ же было послано.

Не прошло и часу какъ ее уже ввели въ покои царской невѣсты. Пафнутьевну нисколько это не удивляло—она была заранѣе увѣрена, что Фимочка вспомнитъ о ней и потребуетъ ее къ себѣ безпремѣнно. Кто же такъ можетъ услужить ей, какъ ея старая мамка, вѣдь со дня рожденья она ходила за нею! Каждую ночку, втеченіи почти семнадцати лѣтъ, спать ее укладывала, сказки ей на сонъ грядущій говаривала...

Войдя въ царскій теремъ, Пафнутьевна не испытывала никакого смущенія. Ея ощущенія были совершенно различны съ ощущеніями стариковъ Всеволодскихъ. Она была уже слишкомъ стара и равнодушна къ внѣшней обстановкѣ жизни, чтобы поразиться невиданной ею до сихъ поръ роскошью. А на счетъ того, что ея Фимочка такъ внезапно сдѣлалась хозяйкой всей этой роскоши,—вѣдь она ужь давно порѣшила, что такъ оно и должно, и будетъ непремѣнно. Не смущали ее также встрѣчи съ разными важными боярынями, а глядя на попугаевъ въ золоченыхъ клѣткахъ, па обезьянъ, да на карлъ съ арапками она только отплевывалась и про себя шептала: „Тьфу ты мерзость какая, прости Господи!“

Войдя въ опочивальню царской невѣсты и поджидая Фиму, которой пошли о ней докладывать, она внимательно осмотрѣла все убранство, тотчасъ же подошла къ кровати, перещупала перины и подушки, одѣяло, перестлала живо постель какъ ей показалось удобнѣе и, окончивъ эту работу, одобрительно кивнула головою. Особенно понравился ей большой кіотъ съ драгоцѣнными образами. Положила она набожно три земныхъ поклона за здравіе Фимы и поправила лампадку.

— Здравствуй, Пафнутьевна! звонко крикнула вбѣгая и бросаясь къ старухѣ Фима.

— Здравствуй, дитятко! радостно и въ то же время спокойно отвѣтила старуха.

Фима плакала обнимаясь съ мамкой, но та не проронила и слезинки.

— Что ты это, зачѣмъ плакать? шептала она, — грѣшно плакать на такой радости. Покажись-ка, дитятко!...

— Такъ, такъ, повторяла она, разглядывая нарядъ Фимы,—все какъ слѣдуетъ.... Хорошо! Царевна!... Ну, слава те Господи! закончила она перекрестившись,—дождалась таки я радости!

— Ахъ, Пафнутьевна, садись, садись скорѣй! Чѣмъ мнѣ угостить тебя? Чего хочешь, скажи только, тутъ все есть, всего вдоволь.

— И, что ты, родная, до ѣды ли мнѣ! да я ужь и отобѣдала.

— Ну такъ разсказывай скорѣе, что тамъ у насъ дѣлается? Всѣ ли здоровы? Что батюшка, матушка?... Андрюша?.. Вѣдь Андрюшу то я совсѣмъ не видала.

— Все разскажу, дай время.

И еще разъ оглядѣвшись, погладивъ Фиму по головѣ и поправивъ на ея шеѣ нитку крупнаго жемчугу Пафнутьевна своимъ мѣрнымъ голосомъ стала разсказывать.

— Все у насъ, слава те Господи, благополучно, только шуму много—наѣзжаютъ бояре, кланяются твоему батюшкѣ, твоей матушкѣ—почетъ вѣдь имъ теперь такой, что на поди! А Андрюши весь день дома нѣтъ, у невѣсты своей, чай слышала? Вечерось у родителей спросился, завтра сватовъ засылать будетъ. Да только мнѣ не совсѣмъ по сердцу это дѣло.

— Отчего такъ, мамушка? перебила Фима,—кажись Машенька дѣвушка хорошая.

— Ну, какъ кому! первое—что-то еще скажетъ приданое, а второе—все какъ-то не по божески дѣлается. Гдѣ это видано, чтобы парень еще до сватовства торчалъ такъ въ домѣ.

— А у насъ-то, невольно блѣднѣя прошептала Фима, развѣ не то же съ Митей было?

Старуха строго поглядѣла на свою питомицу.

— Ты бы, матушка, теперича о Митѣ то и не говорила — совсѣмъ не кстати! Забудь и думать о немъ. Вотъ и Настасья Филипповна мнѣ наказывала какъ отпускала сюда: скажи, молъ, Фимѣ: ни гу-гу! какъ разъ еще бѣда выйдетъ.

— Сама знаю, отвѣтила Фима, да я о немъ и не думаю—о другомъ теперь всѣ мои мысли—а все же мнѣ его жаль, мамушка! Не слышала ли чего о немъ, не видала ли?

— Какъ не видать! сходила, провѣдала... Хмурый онъ, молчаливый, только ничего, обойдется. Онъ парень разумный, понять долженъ, что ничего тутъ не подѣлаешь. Все перемелется, не тужи ты объ этомъ, совсѣмъ изъ головы выкинь! А вотъ что я скажу тебѣ: старикъ-отъ, Провъ, шепнулъ мнѣ—вишь ты Осина проклятый отыскался... Они его выслѣдили, говоритъ Провъ: „не уйдетъ онъ отъ меня—не нынѣ, завтра словлю его и куда слѣдъ предоставлю“.

— Ну, слава Богу, сказала Фима и перекрестилась а то я не разъ ужь объ этомъ помышляла. Я то здѣсь, батюшки не вижу день, другой, не слышу о немъ и думается: ну какъ тотъ разбойникъ гдѣ нибудь повстрѣчался!.. Охъ, страшно! Сама ты, мамушка, знаешь, отъ него всего ждать можно. Такъ это ты хорошую вѣсть принесла мнѣ. Только бы узнать скорѣй когда Провъ его словитъ, вздохну я тогда спокойно.

Долго онѣ толковали о дѣлахъ своихъ домашнихъ. Фима повѣрила старой мамкѣ все свое душевное состояніе, разсказала о страхахъ своихъ, о свиданіи съ шутихой Катеринкой.

Пафнутьевна задумалась и долго сидѣла молча, поджимая губы и какъ-то особенно жуя беззубымъ ртомъ.

— Такъ вотъ оно что! наконецъ тихо и печально проговорила она. Ахъ они злодѣи! Вотъ этого то въ

мысляхъ моихъ и не было. Какъ же это они на невѣсту то царскую злоумышлять смѣютъ. Нѣтъ тутъ не лацно что-то, можетъ еще наврала тебѣ эта шутиха-то, кто ее вѣдь знаетъ, какая она! Да вотъ теперь не отойду отъ тебя, ну что они тутъ сдѣлаютъ!.. Да скоро-ли обрученье-то?

— Черезъ два дня, Пафнутьевна.

— Дай-то Господи поскорѣй! Нагляжусь я на тебя дитятко, въ вѣнцѣ-то царскомъ, золотая моя пташечка! Ну а потомъ какъ же, меня у себя навсегда оставишь что-ли?

— Еще бы! Неужто прогоню тебя?

— То-то, родимая, то-то! А теперича ты, дитятко, ступай себѣ съ Богомъ—говорила вѣдь царевны ждутъ тебя, такъ ступай къ нимъ, а я тутъ останусь. Стара, стара, а все же не совсѣмъ разума меня Господь лишилъ, поразгляжу всѣхъ, все вывѣдаю, въ обиду не дамъ тебя, будь покойна!

Фима отправилась къ царевнамъ, а Пафнутьевна стала мало по малу знакомиться съ новой обстановкой и тутъ для нея былъ трудъ не малый: слишкомъ велика, слишкомъ запутана для ея старой, непривычной головы оказалась теремная машина, да къ тому же какими то хитрыми, двуличными показались ей Фимины прислужницы. Изъ-за ихъ ласковаго обращенія и вниманія, которое ей оказывали, какъ царевниной мамкѣ, она замѣчала что-то неладное, и дѣйствительно неладнаго было много. Слухъ, пущенный постельницей Харитоновой, не затихъ а напротивъ, съ каждымъ часомъ разростался.

— Видно и взаправду болѣсть какая съ царевною, шептались между собою теремныя женщины младшаго чина,—вонъ, вишь ты, и мамку свою она сюда перетащила. Это отводъ одинъ—извѣстное дѣло мамка ее не выдастъ и коли взаправду съ ней по ночамъ родимчикъ приключается, такъ старуха все скроетъ. Ну, да вѣдь, мы ужь выслѣдимъ, такого дѣла не оставимъ. Какъ можно молчать на такое дѣло глядючи!..

А когда пришелъ вечеръ и Фима объявила, что она будетъ спать вмѣстѣ съ Пафнутьевной и когда Пафнутьевна крѣпко заперла дверь опочивальни, недобрый слухъ пошелъ еще пуще по терему. Шептались и толковали не только младшія постельницы, но и верховыя боярыни.

XII.

Царь не въ силахъ былъ дольше откладывать торжественнаго обрученья, да и не было къ тому никакой помѣхи.

На слѣдующее утро во дворецъ снова были созваны всѣ высшіе сановники. Съ вечера уже былъ приготовленъ пышный нарядъ для невѣсты. Царевны сами снесли его къ ней въ опочивальню. Принесли туда и тяжелый вѣнецъ царскій, въ которомъ она должна была выйти къ царю.

Пафнутьевна весь этотъ вечеръ не отходила отъ Фимы. Она сама теперь чего-то боялась, чуяла что-то недоброе. Она рѣшилась никого не впускать къ Фимѣ, всю ночь не спать, сторожить ее, чтобы чего не случилось. „Охъ, жутко! думалось ей,—похвалилась это я Фимушкѣ, что уберегу ее, а какъ тутъ убережешь, въ этакомъ-то содомѣ!.. Ну, ужь и теремокъ! и куда это столько покойчиковъ понастроено... а стѣны то всѣ обвѣшаны сукнами да атласомъ—и не видно подъ тѣмъ сукномъ и атласомъ,—можетъ гдѣ и дверка потаенная прячется, можетъ гдѣ и глазъ человѣческій въ щелку глядитъ на тебя, все видитъ, а ты то его и незамѣтишь... Вездѣ половики толстые да мягкіе разложены—подкрадется къ тебѣ человѣкъ—что хошь съ тобой сдѣлаетъ—и глазомъ не моргнешь... А ужь люди то здѣсь, люди! упаси Господи—ровно на разбойниковъ въ темномъ лѣсу на всѣхъ озираешься... Мало ли что могутъ придумать злые люди, мало ли какое колдовство пустить могутъ“. Она тщательно перестлала, пересмотрѣла постель и не нашла ничего подозрительнаго. Сама сходила на колодецъ за водою для умыванья. Нѣсколько разъ Манка Харитонова, всѣ эти дни очень къ ней подбивавшаяся и никакъ не могшая достигнуть своей цѣли, просила у ней позволенія помочь ей въ чемъ нибудь. Пафнутьевна рѣшительно отстраняла всѣ ея услуги, а также услуги другихъ постельницъ.

Наконецъ Харитонова изъ силъ выбилась и съ озабоченнымъ видомъ бродила по теремнымъ корридорчикамъ и переходамъ, очевидно что-то важное обдумывая.

Когда всѣ въ теремѣ стали засыпать, она, незамѣтнымъ образомъ, одѣлась и вышла на одинъ изъ дворовъ кремлевскихъ. Въ укромномъ, заранѣе условленномъ мѣстѣ, дожидался ее Мишка.

— Ну что? спросилъ онъ,—кокъ дѣло идетъ? Дала ли ты ей того зелья?

— Вотъ оно, вотъ, бери! злобнымъ голосомъ сказала Харитонова, подавая какой-то маленькій сверточекъ Мишкѣ. Не пригодилось твое зелье—никакаго нѣтъ доступа! Старуха проклятая какъ собака отъ нея не отходитъ—ничего не подѣлаешь. Другое придумать надо.

— Эхъ, что-жь это ты, Марья, опростоволосилась, смущеннымъ голосомъ выговорилъ Мишка,—а мы на тебя въ крѣпкой надежѣ были... Что-жь теперь-то? Другаго ничего не придумаешь!

— Тебѣ не придумать, а я, можетъ и придумаю, огрызнулась Манка. Поди теперь, доложи боярину, что съ зельемъ ничего нельзя было подѣлать—да можетъ оно еще и лучше. Утро вечера мудренѣе, придумала я кое что—и безъ зелья справимся.

— Ну, что такое? говори, передамъ боярину.

— Анъ нѣтъ, не скажу — коли взялась я за дѣло, такъ одна его и сдѣлаю. Останетесь довольны. Только смотри, чтобъ уговоръ въ точности соблюденъ былъ, сто рублевъ отъ боярина, да соболью шапку, да у новой царицы мѣсто казначеи. И скажи ты ему, чтобы онъ никакъ не отступался, ты меня знаешь—коли обманете, себя не пожалѣю—на пытку, на казнь пойду, а ужь выведу наружу все дѣло.

Манка поспѣшно простилась съ знахаремъ и вернулась въ теремъ. Ночь прошла благополучно.

Фима долго не могла заснуть отъ волненія, отъ разнообразныхъ мыслей, но потомъ все же заснула.

Пафнутьевна на войлокѣ, въ ногахъ ея постели, не спала, сидѣла и не сводила глазъ съ нея, только временами вставала она, чтобы поправить лампадку и опять садилась на войлокъ и опять глядѣла на свою Фиму.

Тихо было въ теремѣ.

Сонъ начиналъ клонить Пафнутьевну, но она ему не поддавалась.

Между тѣмъ сонъ Фимы сдѣлался тревоженъ; очевидно ей грезилось что-то страшное. Она вся раскинулась на постели, произносила слова непонятныя, вздрагивала. Пафнутьевна достала у кіота святой водицы, окропила ею Фиму и та стихла. Свѣтлый сонъ наплывалъ на нее; ей снился лѣсъ зеленый, весь залитый солнечнымъ блескомъ, весь усыпанный яркими цвѣтами и сочными, спѣлыми ягодами земляники. И вотъ идетъ она по этому лѣсу, какъ въ прежніе дѣтскіе годы, но не одна—съ нею онъ, государь молодой, такой какимъ былъ въ ту минуту, какъ впервые глянулъ на нее своими чудными очами изъ-за двери царевниной палаты. Нѣтъ на немъ златотканной царской одежи, простой кафтанъ суконный, да черная смушковая шапочка. Но такъ онъ милѣе еще, въ этомъ простомъ нарядѣ, такимъ она его полюбила. И бредутъ они по лѣсу зеленому, сбирая цвѣты да ягоды. Крѣпко прижимаетъ онъ ее къ сердцу, шепчетъ на ухо рѣчи любовныя, а солнце такъ ласково, такъ привѣтно свѣтитъ и птицы надъ головами ихъ поютъ, заливаются... Но кто это идетъ имъ на встрѣчу? Кто идетъ понуривъ голову?.. Это онъ...

Митя... Вотъ онъ подошелъ къ нимъ, вотъ глянули на нее его очи знакомые, глянули съ несказанной укоризной,—и сжалось ея сердце тоскою... И что же... глядитъ она, анъ у него на шеѣ полоса кровавая...

Не своимъ голосомъ вскрикнула Фима и опять заметалась на постелѣ, и опять кропитъ ее святой водою Пафнутьевна. Но мѣняясь, одна за другою уплываютъ и страшныя и свѣтлыя грезы, глубокій сонъ обуялъ Фиму. Дыханіе ея ровно. Успокоилась было и Пафнутьевна, да вдругъ слышитъ—подбирается кто-то къ дверямъ опочивальни; вотъ скрипнула дверь, выглянуло лицо чье-то, да сейчасъ же и пропало. Вскочила Пафнутьевна, въ корридорчикъ выглянула — никого нѣту, тьма кромѣшная....

— Изверги! изверги! шепчетъ старуха и садится опять сторожить свое ненаглядное дитятко.

XIII.

Утромъ рано проснулась Фима бодрая и веселая. Всѣ ночные страхи пронеслись безслѣдно. Она думала теперь только объ одномъ, что вотъ скоро, скоро увидитъ жениха своего, а потомъ пройдетъ еще нѣсколько дней и настанетъ жизнь райская, блаженная.

Царевны, боярыни и служанки Фимы собрались въ ея опочивальню, для того, чтобы присутствовать при ея нарядѣ.

Прежде всего нужно было убрать голову.

Сама боярыня Годунова взялась причесать Фиму, но дѣло это какъ-то не спорилось въ ея старыхъ, дрожащихъ рукахъ. Она должна была отказаться.

— Кто тутъ изъ всѣхъ изъ васъ искусница косу заплетать да перевивать жемчугомъ? спросила она, обращаясь къ постельницамъ.

Изъ среды ихъ, скромно опуская глаза, вышла Манка Харитонова.

— Не разъ я покойную государыню причесывала, да и царевенъ тоже, проговорила Манка,—и за искуство мое государыня къ рукѣ меня жаловала... Прошу дозволить мнѣ причесать красавицу-царевну; такъ ужь сдѣлаю—любо дорого посмотрѣть будетъ!

Всѣ припомнили, что дѣйствительно постельница Харитонова мастерица этаго дѣла, только Фима, предупрежденная шутихой относительно Манки, вопросительно взглянула на Пафнутьевну.

— Да ужь позвольте мнѣ, боярыни, причесать мое дитятко. Съ дѣтства ее кажинное утро причесывала, авось справлюсь, проговорила старая мамка.

Она уже взялась за гребень, но Годунова ея отстранила.

— Не суйся, старуха, сказала она,—гдѣ же тебѣ знать какъ съ жемчугомъ управляться, ты его небось никогда не видывала.

Годунова взяла изъ ея рукъ гребень и передала его Манкѣ.

Та, вся вспыхнувъ и блеснувъ глазами, принялась за дѣло. Живо расплела она длинные и густые волосы Фимы, взяла нѣсколько нитокъ жемчугу и начала плести косу, искусно вплетая въ нее жемчугъ. Волосы Фимы такъ и извивались, будто живые, подъ ловкими пальцами постельницы, но вдругъ царская невѣста слабо вскрикнула.

— Ой! какъ ты мнѣ стянула волосы, отпусти немного!

— Что-жь это, государыня-царевна, никакъ нельзя иначе. Гляньте-ка, боярыни, развѣ плохо я дѣлаю косу?

И она продолжала свою работу.

Фима молчала. Отъ прикосновенія гребня и горячихъ рукъ Манки на нее находило какое-то полузабытье. Она отдалась не то мыслямъ, не то грезамъ и уже не замѣчала какъ сильно стянуты ея волосы, какъ кровьна чинаетъ приливать къ головѣ, и на вискахъ бьются жилы.

Вотъ коса готова. Ниже колѣнъ она падаетъ, отливаясь золотомъ и сверкая жемчугомъ. На лобъ красавицы надѣта тяжелая повязка, вся шитая золотомъ, съ падающими внизъ большими бляхами и съ сѣтчатыми длинными золотыми подвѣсями, унизанными жемчугомъ.

Затѣмъ съ большою торжественностью стали одѣвать Фиму. Надѣли на нее длинную, тонкую бѣлую сорочку, а потомъ другую изъ алой шелковой матеріи, шитой золотомъ и унизанной опять жемчугомъ и дорогими каменьями. Затѣмъ наконецъ принесли тѣлогрѣю распашную съ широкими рукавами. Но нарядъ невѣсты былъ еще далеко не конченъ. Принесли нѣсколько ларцевъ со всякими тяжелыми, увѣшанными многоцѣнными большими каменьями, ожерельями, серги, запоны, перстни...

Мало по малу Фима начала чувствовать, что ей и стоять то тяжело въ этомъ торжественномъ, дорогомъ нарядѣ. Массивная повязка сжимала ей лобъ, огромное ожерелье давило горло и оттягивало плечи, а между тѣмъ царевнамъ и боярынямъ все казалось еще мало, онѣ не знали чѣмъ ужь и украсить Фиму.

Никогда еще неиспытанная головная боль усиливалась съ каждой минутой; какъ свинцомъ была голова налита, а тутъ еще принесли вѣнецъ тяжелый и чтобъ какъ нибудь не упалъ онъ, плотно надѣли его.

— Я головы повернуть не могу, у меня въ глазахъ рябитъ! сказала Фима.

— Ну что это ты государыня-царевна, наперерывъ другъ за другомъ вскричали боярыни—ужь и тяжело!.. А хотя бы и такъ, потерпи немного, за то и нарядъ же! однихъ камней да жемчугу—цѣлыхъ два ларца опростали!

Манка Харитонова неподвижно стояла, будто любуясь Фимой. Глаза ея блестѣли, на губахъ время отъ времени мелькала какая-то странная, торжествующая усмѣшка.

Пафнутьевна ходила кругомъ своей царевны, любовалась ею, и въ то же время на сердцѣ у нея было какъ то тоскливо, будто она чего боялась, а чего—и сама не знала...

Фиму повели въ палату, гдѣ ужь дожидались ее и царь, и бояре. Она глянула назадъ, на Пафнутьевну, которая стояла и крестила ее вслѣдъ дрожащей рукою. Ей захотѣлось сбросить съ себя всю эту мучительную роскошь, растоптать эти камни, этотъ жемчугъ, это пудовое золото.... Ей захотѣлось броситься на шею мамкѣ и умолять ее, чтобы она унесла ее куда нибудь, дальше, дальше...

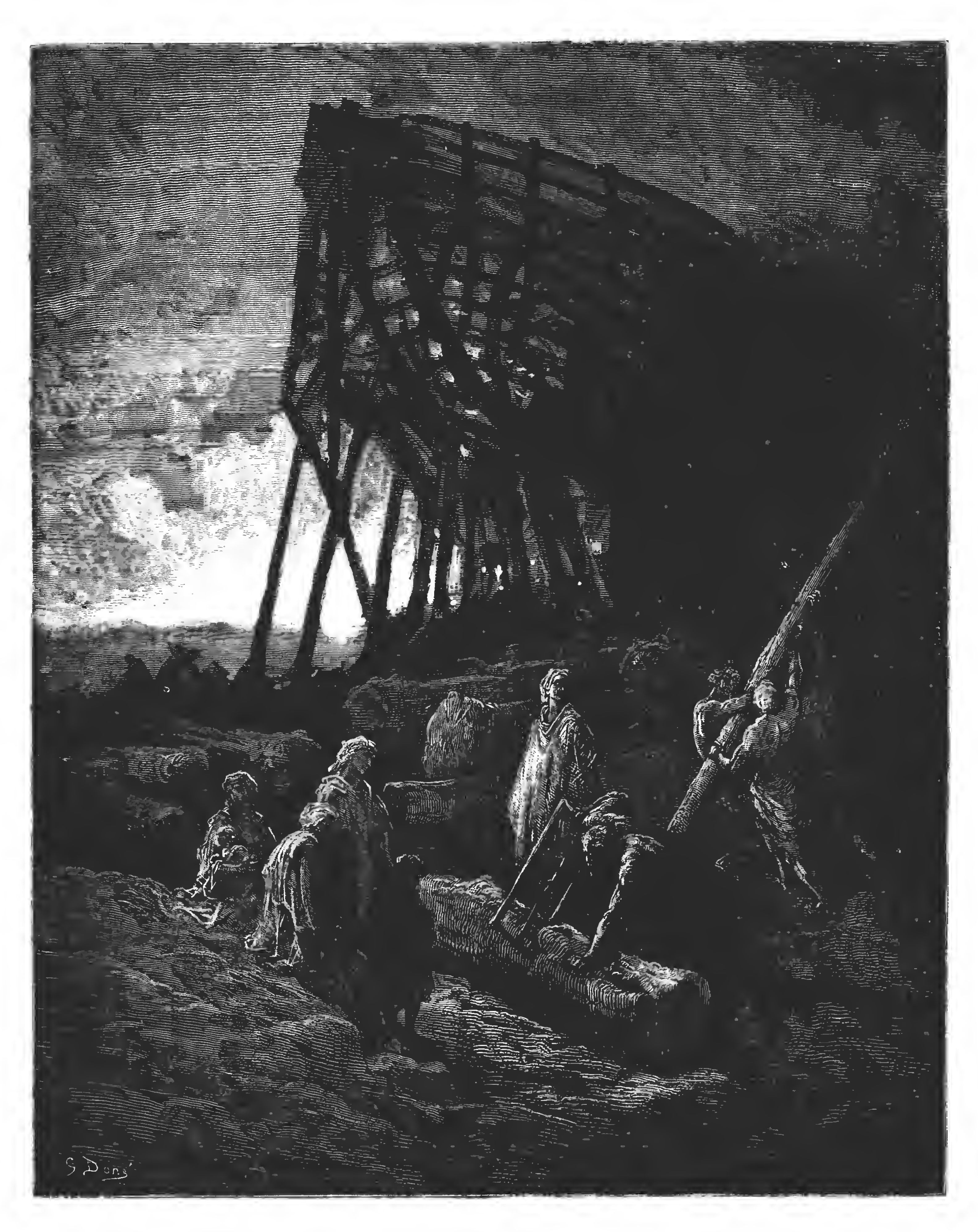
Что это? отчего такъ страшно? Отчего такое мученье? Передъ глазами ходятъ зеленые круги... Она шатается..,.

Двѣ боярыни ведутъ ее подъ руки. Вотъ и палата. Народу видимо, невидимо, но она никого и ничего ужь не видитъ—въ голову стучитъ точно молоткомъ, совсѣмъ отяжелѣла голова, такъ сама и клонится; а между тѣмъ держать ее нужно прямо, не то, того и жди, упадетъ вѣнецъ—что тогда будетъ!.. Голова горитъ, а руки, ноги и все тѣло леденѣютъ, что-то сосетъ подъ сердцемъ, что-то подступаетъ къ горлу, и на шеѣ жилы надуваются.

— Гдѣ же онъ, гдѣ? думаетъ Фима и ищетъ глазами царя. Вотъ онъ... онъ направляется къ ней. Вотъ пришла торжественная минута... Она различаетъ ризы собравшагося духовенства... Онъ здѣсь... Онъ возлѣ нея. Онъ протягиваетъ ей руку, а за нимъ опять это ненавистное блѣдное лицо съ черной бородою. О, съ какой страшной злобой глядятъ на нее пронзительные глаза боярина Морозова!.. Вдругъ свѣтъ меркнетъ передъ нею, все сливается... Зеленые круги дѣлаются красными, потомъ желтыми—и ничего не видно...

Фима пошатнулась и съ громкимъ крикомъ упала на полъ.

Трудно передать то впечатлѣніе, какое произвелъ этотъ крикъ, это паденіе царской невѣсты на всѣхъ



Построеніе Ковчега. Рисунокъ Густава Дорэ. (Изъ поэмы Мильтона „Потерянный и возвращенный Рай“. Изданіе А. Ф. Маркса въ С.-Петербургѣ).

собравшихся въ палатѣ. Молодой царь, за минуту передъ тѣмъ съ обожаніемъ и восторгомъ глядѣвшій на свою Фиму, самъ вскрикнулъ и бросился къ ней, сталъ поднимать ее.

Она лежала въ своемъ тяжеломъ царственномъ нарядѣ совсѣмъ почти бездыханная. Вѣнецъ спалъ съ головы ея, все лицо и въ особенности лобъ налились кровью.

Бояринъ Морозовъ подалъ знакъ, чтобъ призвали женщинъ и унесли царевну.

— Вотъ горе! громкимъ голосомъ сказалъ онъ, недаромъ въ теремѣ поговаривали будто царевна испорчена.., а я тѣмъ слухамъ вѣры не далъ... думалъ—то бабьи выдумки... анъ нѣтъ! Только Богъ милостивъ—не допустилъ онъ конечнаго несчастья и погибели! Во время оказалось, что у царевны немочь падучая!

Онъ оглянулъ собравшихся торжествующимъ и зоркимъ взглядомъ.

„Немочь падучая!“ это слово мигомъ облетѣло всю палату, повторилось всѣми и не нашлось ни одного человѣка, который бы высказалъ сомнѣніе, который рѣшился бы объяснить обморокъ царской невѣсты какой нибудь случайной причиной, который обратилъ бы вниманіе на то, до какой степени затянуты ея волосы, какъ тяжелъ головной уборъ ея; всѣ были рады найденному слову, всѣ были рады этой падучей немочи, которая обѣщала новое избраніе, новую возможность поправить дѣла и тѣхъ и другихъ. Одинъ только человѣкъ, долго неподвижно стоявшій въ углу палаты и безсмысленно озиравшійся, вдругъ вскрикнулъ:

— Немочь падучая! Лжете вы всѣ! здорова дочь моя—никогда никакой за ней не бывало немочи!

Рафъ Родіоновичъ съ искаженнымъ отчаяньемъ лицомъ, расталкивая всѣхъ, кинулся къ Фимѣ, наклонился надъ нею и быстро сорвалъ повязку съ головы ея. Онъ увидѣлъ на лбу ея яркую красную полосу; а Фима въ тоже время вздохнула и открыла глаза. Подбѣжали взволнованныя боярыни и, прежде чѣмъ Рафъ Родіоновичъ вымолвилъ слово, схватили ее и унесли въ теремъ.

Царь закрылъ лицо руками и зарыдалъ какъ малый ребенокъ.

(Продолженіе будетъ).

На днѣ шахты.

Разсказъ.

„Староаллеганская, Ботефордская мина“ въ Сѣверной Америкѣ оказалась предпріятіемъ неудавшимся. Но въ этомъ убѣдились только тогда, когда уже на нее было затрачено нѣсколько десятковъ тысячъ долларовъ. Конечно о такой потерѣ мало кто заботится въ Америкѣ, въ надеждѣ вознаградить ее вскорѣ какимъ нибудь новымъ болѣе выгоднымъ дѣломъ.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ уже никто не вспоминалъ о Ботефордской минѣ, а спустя годъ, многіе изъ ближайшихъ даже сосѣдей и не подозрѣвали о ея существованіи. Отъ всѣхъ работъ осталась только яма, глубиною до двухсотъ футовъ, да длинный тунель ведущій въ шахту. Кто жилъ когда нибудь въ Америкѣ, тому не покажется страннымъ, что никто не озаботился огородить шахту перилами, для предупрежденія несчастнаго случая.

Осенью прошлаго года, четверо молодыхъ людей—студенты Колумбійской коллегіи пошли въ Аллеганскія горы, съ цѣлью ознакомленія съ мѣстной флорой и фауной. Они достигли Ботефордскихъ горъ; на экскурсіи они ходили не вмѣстѣ, но каждый шелъ по своему направленію; вечеромъ всѣ они сходились въ гостинницѣ „Бѣлаго Креста“ и тутъ разсматривали и сортировали найденныя растенія. Одинъ изъ студентовъ Гигборнъ, направился къ мѣсту, гдѣ была шахта. Онъ и не подозрѣвалъ о существованіи ямы. Около шахты замѣтилъ онъ нѣсколько рѣдкихъ экземпляровъ растеній и сталъ къ нимъ пробираться. Наклоняясь сорвать растенія онъ вдругъ почувствовалъ, что подъ нимъ заколебалась почва, рухнула и онъ полетѣлъ въ шахту. Къ счастію при паденіи, цѣпляясь за выдавшіеся камни шахты и упавъ на размякшій грунтъ, онъ не разшибся до смерти, хотя и лишился чувствъ. Придя въ сознаніе, онъ ощупалъ себя и постарался встать, чего однако сразу не могъ сдѣлать. Оказалось, что онъ сильно ушибъ ногу. Изъ головы текла кровь, хотя рана была неопасная, во всемъ тѣлѣ чувствовалъ онъ страшную боль,—отъ ушибовъ. Въ сущности онъ еще очень счастливо отдѣлался и возблагодарилъ Бога за спасеніе. Однако какъ онъ ни вглядывался кругомъ, ничего въ темнотѣ не могъ различить, а въ вышинѣ надъ нимъ виднѣлся клочокъ неба; тамъ какъ бы купаясь въ чистой синевѣ изрѣдка рѣяли птицы. Онъ пробовалъ кричать, но кромѣ его голоса, не раздалось ни одного звука. Конечно онъ былъ живъ, но какъ выбраться изъ этой ямы, кто придетъ къ нему на помощь и кто узнаетъ въ какомъ онъ положеніи? Неужели онъ заживо погребенъ? Имъ овладѣлъ ужасъ и отчаяніе и онъ вновь лишился чувствъ.

Придя въ себя онъ опять началъ обдумывать свое положеніе. Найдя спички въ карманѣ, онъ сталъ ихъ зажигать одну за другою, и при этомъ свѣтѣ увидѣлъ входъ въ тунель. Тутъ у него явилась мысль, что тунель этотъ конечно имѣетъ сообщеніе съ поверхности земли и не смотря на боль въ ушибенной ногѣ, на четвереинькахъ поползъ впередъ. Вскорѣ однако силы его истощились; пришлось снова лечь—отдохнуть. Въ этомъ положеніи его застигла ночь; часы тянулись нескончаемо долго и съ нетерпѣніемъ ожидалъ онъ дня, когда снова могъ видѣть хоть свѣтлую полоску неба вверху.

Наконецъ насталъ день. Къ мучительной боли присоединились голодъ и жажда. Къ счастію нашлась въ карманѣ корка хлѣба, а нѣсколькими каплями съ сырыхъ стѣнъ онъ хотя съ отвращеніемъ, но немного освѣжилъ себя. Такъ просидѣлъ онъ двое сутокъ, почти не смыкая глазъ и не придумавъ никакого исхода изъ своего ужаснаго положенія. Наконецъ выбившись изъ силъ онъ уснулъ. Ему приснилась странная исторія. Еще давно въ дѣтствѣ мать ему разсказывала исторію *о шерстяномъ чулкѣ*. Въ городкѣ, гдѣ жили его родители, была выведена на фабрикѣ высокая труба. Когда каменьщики окончили постройку, то на верху оставалось только придѣлать желѣзный поясъ, и туда влѣзъ для этой работы слесарь. Но поднялась страшная буря, сломала и снесла всѣ лѣса и несчастный работникъ остался на краю трубы, безъ малѣйшей возможности спуститься внизъ. Собравшіеся внизу начали придумывать средства какъ подать помощь. Пока они судили и рядили, отважному работнику на верху пришла счастливая мысль. Все сидя на краю огромной трубы, онъ сбросилъ сапоги, потомъ снялъ чулокъ и сталъ его распускать. Когда вытянулась длинная нитка, онъ привязалъ къ концу ея небольшой желѣзный винтикъ, бывшій у него въ карманѣ и сталъ опускать нитку внизъ. Стоящіе внизу поняли планъ работника, привязали къ ниткѣ тонкую веревку, которую тотъ втащилъ на верхъ и такимъ же порядкомъ, къ концу тонкой веревки, былъ привязанъ толстый канатъ, по которому работникъ и спустился невредимо внизъ, обвязавъ одинъ конецъ каната вокругъ трубы. Такимъ образомъ былъ спасенъ слесарь; и эта исторія цѣлую ночь мерещилась несчастному страдальцу.

Проснувшись, онъ сталъ сравнивать свое положеніе съ приключеніемъ слесаря. Началъ рыться въ карманѣ и нашелъ большой мотокъ тонкаго шнура для упаковки коллекцій. И имъ опять овладѣло отчаяніе. Еслибы онъ находился на высотѣ трехсотъ футовъ надъ землею, тогда могъ бы легко съ этимъ шнуромъ послѣдовать примѣру слесаря, но здѣсь, въ этой мрачной глубинѣ, оставалось только погибнуть. Онъ опять началъ безцѣльно смотрѣть вверхъ. Онъ увидѣлъ высоко надъ собою стаю ласточекъ спасавшихся отъ преслѣдованія коршуна. Одна изъ нихъ, должно быть самая пугливая, въ ужасѣ порхнула въ шахту и стремительно упала и забилась возлѣ несчастнаго. Моментально вызванная отчаяннымъ положеніемъ, у него блеснула мысль, онъ быстро прикрылъ птичку шапкой; при свѣтѣ спичекъ написалъ на лоскуткѣ бумаги: „Я упалъ въ Ботефордскую шахту, подайте скорѣе помощь. Гигборнъ.“ Затѣмъ онъ, распустилъ клубокъ, прикрѣпилъ къ концу шнура записку, другой конецъ привязалъ къ ласточкѣ и выпустилъ птичку на волю. Она полетѣла, унося съ собою записку. Надежда на спасеніе вернулась къ несчастному: ласточки вообще водятся вблизи людскихъ жилищъ.

Товарищи студента, собравшись въ „Красномъ Крестѣ,“ не очень безпокоились не дождавшись въ первый вечеръ возвращенія своего друга. Они думали что онъ зашелъ такъ далеко, что не успѣлъ вернуться къ ночи. Но когда и на другой вечеръ его не оказалось на условленномъ мѣстѣ, и никто изъ посѣтителей не встрѣчалъ его за эти два дня, они стали думать, что съ нимъ случилось какое нибудь несчастіе и рѣшили отправиться утромъ на поиски. На другой день, взявъ съ собою еще нѣсколько человѣкъ, они разошлись въ разныя стороны, предварительно условившись гдѣ сойтись. Долго бродили они; поиски не привели ни къ какому результату и когда они собрались подъ большимъ кленомъ, на лицахъ ихъ выражалось уже сильнѣйшее безпокойство.

Они усѣлись, собираясь пообѣдать и вниманіе ихъ было вдругъ привлечено бѣлой ниткой, тянувшейся по кустарнику, и когда одинъ изъ товарищей схватилъ нитку, то къ удивленію притянулъ къ себѣ ласточку, которая стала сильно трепетать и биться. Думая, что это злая шутка какого нибудь шалуна-мальчика, они обрѣзали нитку и пташка улетѣла радуясь свободѣ. Каково же было удивленіе всѣхъ, когда они замѣтили бумажку, привязанную къ ниткѣ. То была извѣстная уже намъ записка. Ему тотчасъ была подана помощь. Однако выздоровѣлъ онъ только черезъ шесть недѣль и тогда, вмѣстѣ съ товарищами, озаботился устроить перила около злополучной шахты.

Исторія Суэзскаго канала *).

Статья Ф. Лессепса.

Когда въ началѣ нынѣшняго столѣтія экспедиція генерала Бонапарта подтвердила, что Нилъ былъ нѣкогда соединенъ съ Чермнымъ моремъ посредствомъ канала,—древняго канала Фараоновъ,—то не оставалось сомнѣнія, что этотъ каналъ соединялся съ бассейномъ Горькихъ озеръ. Геродотъ, путешествовавшій по Египту во времена персидской династіи, считалъ его въ 70 аршинъ ширины, указаніе, въ вѣрности котораго мы достаточно убѣдились. Арабскіе писатели относятъ проведеніе этаго канала ко временамъ Авраама. Царствовавшій тогда Фараонъ хотѣлъ, въ угоду женѣ патріарха, соединить Египетъ съ Аравіей воднымъ путемъ. Въ такомъ положеніи были свѣдѣнія по этому дѣлу, когда я, вслѣдствіе политическихъ обстоятельствъ, принудившихъ меня оставить министерскій портфель, нашелъ время основательно изучить исторію этаго канала, заключающуюся въ большомъ сочиненіи объ египетской экспедиціи.

Сперва я хотѣлъ убѣдиться въ развитіи, которое должна была получить торговля съ Индіей и Китаемъ и нашелъ, что торговый оборотъ съ каждымъ десятилѣтіемъ значительно увеличивался. Когда въ 1854 году Саидъ-паша достигъ власти, я уже свободно располагалъ своимъ временемъ. Въ началѣ своего правленія онъ пригласилъ меня къ себѣ. Сопровождая его въ поѣздкѣ по Ливійской пустынѣ отъ Александріи до Каира, я изложилъ ему мою мысль и посвятилъ его въ свои планы. Онъ согласился на мое предложеніе и далъ мнѣ концессію, основанія которой уже были опредѣлены нами. Но вмѣсто того, чтобы согласно моей просьбѣ, не разглашать моего плана, онъ, по пріѣздѣ въ Каиръ, созвалъ всѣхъ генеральныхъ консуловъ и сообщилъ имъ нашъ проектъ. Онъ былъ встрѣченъ сочувственно всѣми правительствами, кромѣ англійскаго, дѣлавшаго противъ него возраженія. Саидъ поблагодарилъ представителей державъ и объявилъ англійскому агенту, что онъ соберетъ всѣ документы, относящіеся къ каналу, сопоставитъ всѣ мотивы за и противъ его проведенія и предоставитъ рѣшеніе вопроса цивилизованному міру.

Саидъ-Паша предложилъ мнѣ поселиться близъ его дворца въ бывшемъ „Египетскомъ институтѣ", домъ, въ которомъ обыкновенно останавливались пріѣзжіе. Въ этомъ же самомъ дворцѣ изложилъ Монжъ свой проектъ, о которомъ инженеръ Леперъ оставилъ записки. Саидъ-паша сообщилъ мнѣ о волненіи, вызванномъ въ Англіи извѣстіемъ о нашемъ соглашеніи и какъ онъ указывалъ представителю Англіи на то, что онъ, Саидъ-Паша самъ, поручилъ мнѣ сдѣлать предварительныя изысканія и что на основаніи ихъ можно будетъ убѣдиться въ осуществимости проекта.

Англія обратилась тогда къ французскому правительству и отвѣтъ, полученный въ Лондонѣ отъ Валевскаго, министра иностранныхъ дѣлъ, былъ такъ категориченъ, что кабинетъ лорда Пальмерстона рѣшился принять выжидательное положеніе.

Такимъ образомъ могъ я и два французскихъ инженера, Линанъ-де-Бельфонъ и Мужель, состоявшіе на египетской службѣ, приступить къ осмотру перешейка и составленію плана. Выѣхавъ изъ Каира, мы остановились тамъ, гдѣ обыкновенно соединяются караваны богомольцевъ идущихъ въ Мекку. Оттуда мы отправились въ Суэцъ, куда мы прибыли 31-го декабря 1854 года. 1-го декабря мы снова выѣхали и продолжали нашъ путь вдоль русла древняго канала, соединявшаго Чермное море съ Горькими озерами. Съ нами было стадо барановъ и тридцать нагруженныхъ мѣшками съ водою верблюдовъ. Особенно тщательно сохраняли мы воду; составляли же имѣвшіеся у насъ запасы единственные наши средства къ пропитанію въ теченіи трехъ недѣль.

На слѣдующее утро увидѣли мы воздушное явленіе. Почва нынѣ совсѣмъ сухихъ Горькихъ озеръ, была согрѣта солнечными лучами и отражала всѣ предметы, находившіеся на горизонтѣ. То же зрѣлище представилось нашимъ взорамъ 15 лѣтъ спустя, 19-го ноября 1869 года, когда флотъ изъ 80-ти судовъ вошелъ въ Горькія озера, въ которыя мы въ шесть мѣсяцевъ впустили два милліарда кубическихъ метровъ воды.

Нашъ первый караванъ расположился у колодца Биръ-Абу-Баллахъ, въ плодородномъ мѣстѣ среди пустыни. По разсказамъ тамошнихъ пастуховъ въ этомъ мѣстѣ сходятся сирійцы съ египтянами для промѣна сирійскихъ произведеній на египетскіе финики. Биръ-Абу-Баллахъ значитъ по арабски: колодезь отца финиковъ. Преданіе указываетъ также, что здѣсь встрѣтился Іаковъ, шедшій изъ Сиріи, со своимъ сыномъ Іосифомъ, который пришелъ сюда изъ Цане, находившейся у Менцалійскаго озера резиденціи фараоновъ. Затѣмъ мы отправились къ развалинамъ Пелузіи. Путешествіе по нѣкогда столь хорошо обработанной Пелузійской долинѣ было теперь очень затруднительно вслѣдствіе трещинъ, поглотившихъ уже многіе караваны. Мы послали инженера для измѣренія берега впередъ, чтобы найдти ближайшее мѣсто въ морѣ, имѣющее восемь метровъ глубины. Въ Пелузійскомъ заливѣ глубина достигала иногда только шести метровъ. Инженеръ Ларуссъ указалъ намъ впослѣдствіи мѣсто, гдѣ было бы достаточно плотины въ два или три метра вышины. Большая западная плотина у Портъ-Саида имѣетъ три метра вышины и вполнѣ предохраняетъ отъ вторженія песка.

Было ясно, что можно приступить къ работѣ. Но теперь то заговорила враждебная намъ политика. Собирая капиталъ для какого-нибудь предпріятія, необходимо сперва тщательно изучить дѣло, чтобы не ввести въ заблужденіе ни себя, ни другихъ. Вице-король назначилъ намъ изъ своей кассы тридцать тысячъ франковъ въ мѣсяцъ. Эту сумму получали мы въ теченіи четырехъ лѣтъ. На изученіе вопроса и предварительныя работы получили мы 500,000 франковъ отъ нашихъ доброжелателей и друзей и эти деньги мы могли въ случаѣ неудачи не возвратить. Такъ образовалась первая група учредителей и на этомъ основаніи хедивъ, которому данный намъ авансъ въ 2,500,000 франковъ возвращенъ обществомъ, имѣлъ право на 15% изъ чистой прибыли.

Пять лѣтъ провели мы въ нашихъ палаткахъ надъ изученіемъ перешейка; но намъ бы слѣдовало изучать года четыре каналъ во Франціи, въ нашемъ кабинетѣ, раньше чѣмъ приняться за работу. Когда предварительныя работы были окончены, я обратился ко всѣмъ правительствамъ съ просьбой прислать лучшаго инженера изъ каждаго государства. Двѣнадцать знаменитыхъ инженеровъ собралось у меня въ квартирѣ, въ улицѣ Ришансъ. Ни одинъ изъ нихъ не принялъ вознагражденія. Предпріятіе стало осуществляться.

Послѣ обсужденія плановъ, коммисія пришла къ соглашенію и относительно научной точки зрѣнія. То было въ концѣ 1855 г. Назначили подкоммисію, которой поручили объѣхать Египетъ. Мы отправились по тому же пути, какъ и въ 1854 году. У Портъ-Саида мы опредѣлили мѣсто, гдѣ могли приставать суда. Тамъ болѣе отлогій берегъ. Даммьетскій рукавъ Нила совсѣмъ не приноситъ песку съ собой, хотя и утверждали противное; нашъ инженеръ Ларуссъ подтвердилъ это. Песокъ осаждается на своемъ пути, имѣющемъ 4,000 метровъ длины. Песокъ, осаждающійся на берегахъ, приносится волнами, которыя уже милліоны лѣтъ, съ самаго сотворенія міра, омываютъ берега. Солнце сушитъ этотъ песокъ и образуетъ дюны, мелкій же песокъ уносится вѣтромъ въ глубь страны.

Испытательная коммисія представила блестящій отчетъ, въ которомъ признавалась полная возможность прорыть каналъ безъ шлюзовъ отъ одного моря къ другому.

Нужно было дѣйствовать въ пользу проекта въ Англіи, гдѣ общество уже мало по малу стало сочувствовать нашему предпріятію.

Лордъ Пальмерстонъ сказалъ мнѣ однажды: „Вы затѣваете войну въ моей странѣ".

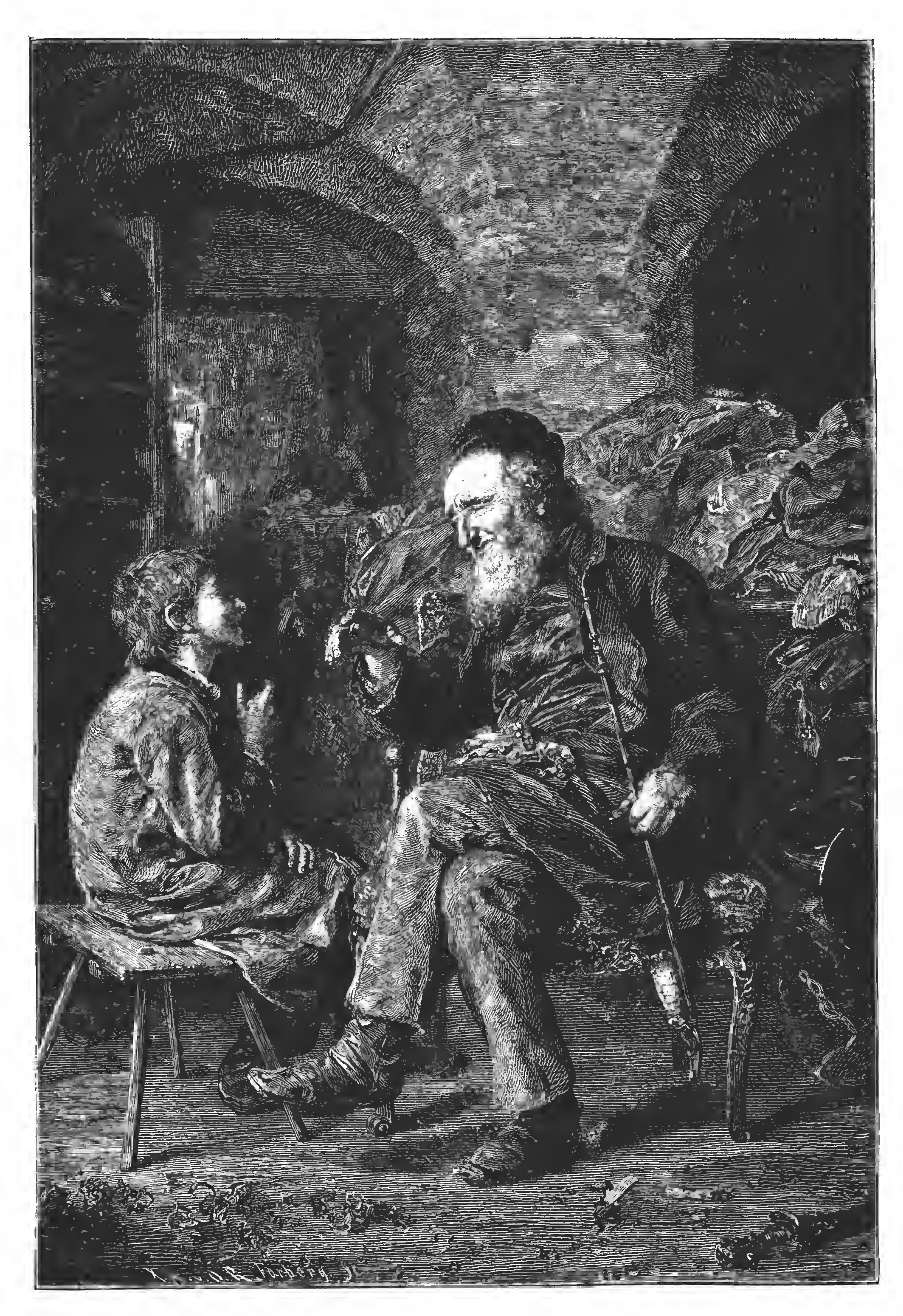
— Я пріѣхалъ, возразилъ я, — къ вашимъ соотечественникамъ, чтобы извлечь пользу изъ ихъ свободнаго отношенія къ дѣлу: мое предпріятіе пользуется успѣхомъ и я прошу ихъ содѣйствія. Я знаю, что меня ожидаютъ нападки свыше, но онѣ будутъ только способствовать моимъ планамъ. Вы сами, какъ и всѣ великіе министры Англіи, уступали всегда прогрессу лишь послѣ самаго энергическаго сопротивленія. Въ Англіи не боятся нападокъ.

Лордъ Пальмерстонъ пожалъ мнѣ руку и сказалъ: „Я радъ, что вы на меня за это не сердитесь".

— Напротивъ, вы говорили мнѣ о пропагандѣ, которую я веду противъ вашей политики въ вашемъ же отечествѣ, и я обнародую теперь, какъ я поступалъ при этомъ въ 22-хъ собраніяхъ въ Англіи, Шотландіи и Ирландіи". По поводу этаго я обратился къ лучшему лондонскому издателю и попросилъ его составить смѣту изданія. На слѣдующій день онъ представилъ мнѣ записку, заглавіе которой было: „субсидія для изданія". Я былъ внѣ себя отъ радости; онъ отвѣчалъ мнѣ:

*) Эта статья геніальнаго французскаго инженера напоминаетъ любопытныя историческія подробности хода этаго грандіознаго предпріятія, которое важно и для нашего мореходства и недавно еще проследовалъ Суэзскимъ каналомъ нашъ «Новгородъ» съ ссыльными на о. Сахалинъ. И теперь, началъ Лессепсъ не менѣе грандіозное дѣло о прорытіи канала на Панамскомъ перешейкѣ, которое впрочемъ пока не осуществляется.

Корсунскія Врата Софійскаго собора въ Новгородѣ. Съ фотогр. И. Лядова, грав. Б. Пуцъ.



Житейская мудрость. Съ картины Л. Кнауса, грав. Форбергъ.

„Вы вѣдь обратились ко мнѣ, надѣясь на успѣхъ. Такимъ образомъ я составлю свое счастье".

Затѣмъ я сказалъ Пальмерстону: „Знаете ли, каждая ваша рѣчь, направленная противъ меня, принесетъ мнѣ милліоны, когда я открою подписку во Франціи. Еслибъ у меня было достаточно средствъ, чтобы оплачивать ваши рѣчи по 100,000 франковъ и вы принимали бы взятки, то я давалъ бы вамъ".

Во Франціи министры слишкомъ заботятся о нападкахъ, которымъ ихъ подвергаютъ, вмѣсто того, чтобы обращать вниманіе на народныя нужды. Еслибъ они поступили иначе, народъ былъ бы на ихъ сторонѣ.

Затѣмъ я побывалъ въ Россіи, Венеціи, Тріестѣ, Барселонѣ и вездѣ встрѣтилъ самый радушный пріемъ: въ Марселѣ устроили мнѣ даже оваціи. Эта пропаганда доставила моему предпріятію популярность, которая обезпечила его успѣхъ.

Я рѣшился воспользоваться всеобщимъ сочувствіемъ и открыть подписку. Мнѣ совѣтовали обратиться къ банкирамъ. Я послѣдовалъ этому совѣту, но послѣ радушной встрѣчи съ ихъ стороны оказалось, что я долженъ обѣщать имъ пять процентовъ изъ подписной суммы, т. е. десять милліоновъ, за право пользованія ихъ конторами. Въ виду такихъ условій я предпочелъ нанять на одинъ мѣсяцъ квартиру за 1,200 франковъ на Вандомской площади. Черезъ двѣ недѣли подписка была окончена.

По окончаніи подписки мы приступили къ учрежденію общества. Въ началѣ 1859 года была отправлена коммисія изъ пяти совѣтниковъ, трехъ инженеровъ и одного изъ предпринимателей, чтобы принять въ свое вѣдѣніе Портъ Саидъ и всю линію проектированнаго канала.

Мы пріѣхали къ вице-королю въ Александрію въ ту минуту, когда онъ уже собирался въ верхній Египетъ, чтобы избѣжать англійскихъ агентовъ, не дававшихъ ему покоя своими протестами.

Пріѣхавъ въ Каиръ, мнѣ донесли, что инженеры, посланные впередъ, не могли найти верблюдовъ.

— Неслыханно, воскликнулъ я, въ Египтѣ нельзя найти верблюдовъ! Намъ ихъ нужно было головъ восемьдесятъ. Я былъ въ одномъ изъ залъ „Hôtel d'Orient и посовѣтовалъ инженерамъ обождать немного. „Нельзя же, сказалъ я имъ,—угрожать побоями египтянамъ". Между тѣмъ мнѣ доложили о приходѣ главнаго погонщика верблюдовъ. Онъ повторилъ и мнѣ, что верблюдовъ нѣтъ. Я былъ взбѣшенъ этимъ отвѣтомъ и жаловался губернатору.

Губернаторъ Каира издалъ приказъ, которому проводникъ верблюдовъ подчинился и даже самъ хотѣлъ идти съ нами и сдѣлался впослѣдствіи нашимъ лучшимъ проводникомъ.

Мы отправились въ путь. Выѣхавъ изъ Каира мы постоянно держались близь обработанныхъ мѣстностей и переѣхали черезъ богатое рыбою Менцалійское озеро. Это озеро приносило правительству 1,000,000 франк. ежегодно.

Если когда нибудь превратятъ въ море мѣстность, лежащую на югѣ отъ Алжира, то при помощи рыболовства можно будетъ вернуть часть затраченнаго капитала. Прежде всего мы воздвигли маякъ на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится гавань, и заложили городъ, главнымъ основателемъ котораго былъ инженеръ Ларошъ со своимъ товарищемъ Ларуссъ.

Послѣ необходимыхъ изысканій, мы оставили нашу администрацію въ Дамьетѣ подъ начальствомъ Воазенъ-бея, главнаго начальника общественныхъ работъ, и перенесли центръ нашихъ работъ между озеро Тимзя и Горькія озера.

Предварительныя работы продолжались до 1860 года. Намъ оставалось только девять лѣтъ до открытія канала.

У Портъ-Саида было невозможно остановить движеніе песка съ востока на западъ, и когда большая часть его стала осаждаться въ углу, образовавшемся между плотиной и берегомъ, мы убѣдились, что придется увеличить плотину или найти какія нибудь другія средства, чтобы помѣшать его осадкѣ у самаго входа въ каналъ. Послѣ долгихъ опытовъ мы убѣдились, что углубленіе моря—лучшее средство противъ вторженія песка.

Съ 1869 года берегъ, считая съ самаго начала плотины, увеличился на триста метровъ. Плотина стоила 25,000 милліоновъ франковъ. Намъ удалось приспособить машины для углубленія фарватера для работъ на морѣ и такимъ образомъ мы избѣжали еще большихъ издержекъ на увеличеніе плотины.

Благодаря этимъ машинамъ входъ въ фарватеръ у Портъ-Саида совершенно свободенъ и ведетъ теперь въ огромный бассейнъ, въ которомъ пристаютъ большія суда съ углемъ.

При проведеніи канала черезъ Менцалійское озеро оказалось чрезвычайно труднымъ устраненіе ила въ два метра вышиною. Къ счастью тамошнее населеніе привыкло жить въ водѣ и, не имѣя никакихъ инструментовъ, рыбаки носили илъ на спинѣ и очистили такимъ образомъ очень узкій каналъ, въ который мы сперва ввели наши барки, а затѣмъ и машины.

Ширина судовъ не превышаетъ 14 метровъ. Ширина поверхности канала равняется 100 метрамъ, а его дно—26 метрамъ. фарватеръ имѣетъ 44 м.

Черезъ каждые десять километровъ каналъ образуетъ заливъ, въ которомъ достаточно мѣста для встрѣчныхъ судовъ, и такъ какъ корабль проходитъ въ одинъ часъ 10 километровъ, то такая остановка длится обыкновенно только полчаса. Это однако не имѣетъ значенія, принимая во вниманіе, что корабль идущій черезъ Суэзскій каналъ сокращаетъ свой путь на нѣсколько тысячъ миль.

У исхода Менцалійскаго озера находится Кантарскій заливъ; это обычная дорога изъ Сиріи въ Египетъ, путь, по которому шли греческіе философы и историки Пиѳагоръ, Геродотъ, Платонъ и Аристотель, также патріархи, Іосифъ, Святое Семейство—и великіе завоеватели: Александръ, Цезарь и Наполеонъ.

Большой бассейнъ Горькихъ озеръ еще за шесть мѣсяцевъ до открытія канала въ ноябрѣ 1869 года представлялъ совершенно сухую равнину. Мало по малу однако наполнили его двумя миллiардами кубическихъ метровъ воды, проведенной частью изъ Средиземнаго, частью изъ Чермнаго моря.

Для устраненія перешейка между Горькими озерами и Чермнымъ моремъ намъ понадобились мины и паровыя машины, ибо нужно было взорвать чрезвычайно твердую скалу, занимавшую нѣсколько миль. Земля отрытая при помощи землечерпальныхъ машинъ образовала у входа въ гавань твердую землю, на которой теперь находится поселеніе, мастерскія, набережная, обсаженная деревьями и сады, окружающіе дома служащихъ и лоцмановъ.

Таковъ Суэзскій каналъ. Онъ имѣетъ 162 километра длины и самыя большія суда проходятъ чрезъ него въ 16 или 18 часовъ.

Къ рисункамъ.

Марокскій султанъ. Черныя невольницы.

(Рисунки Баяра.)

Марокко (отъ арабскаго „Могребъ-эль-Акса," т. е. крайній западъ), сѣверной, приморской части Африки, граничитъ съ Алжиромъ, съ сѣвера—Средиземнымъ моремъ и Гибралтарскимъ проливомъ, съ запада—Атлантическимъ океаномъ, а съ юга—отпавшимъ отъ Марокккской имперіи, въ 1810 г., туземнымъ государствомъ Сиди-Гешамъ. Страна, богатая растительностью, производитъ, главнымъ образомъ, пшеницу, оливки, миндаль, финики и кромѣ того, имѣетъ мѣдь, золото, серебро и желѣзо. Марокко отпускаетъ въ Европу (почти на 27 милл. франковъ)—кожи, шерсть, медъ, индиго, рисъ, дерево, миндаль, финики, масло и проч.

Численность населенія весьма трудно опредѣлить съ точностью, его принимаютъ, обыкновенно въ $8^{1}/_{2}$ милліоновъ, тутъ чистые берберы, или, какъ еще называютъ—амацирги, смѣшанные арабы, евреи, чистокровные арабы, затѣмъ негры и небольшое число европейцевъ. Глава государства—Шерифъ, султанъ, неограниченный повелитель страны и вмѣстѣ съ тѣмъ—глава церкви, съ титуломъ „Эмиръ-эль-Мослемина и калифа.

Шерифъ Мулей-Солиманъ первый завязываетъ правильныя отношенія съ европейскими государствами, отправивъ своего посланника въ Парижъ. Но, съ 30 годовъ нашего столѣтія, отношенія Марокко съ Франціей портятся, изъ за части Оранской провинціи; Марокко принимаетъ участіе даже въ борьбѣ Абд-эль-Кадера противъ Франціи, при чемъ, конечно, становится на сторону перваго. Мало по малу, преимущественно, конечно, силой оружія, Марокко вынуждено было стать въ нормальныя отношенія къ государствамъ Европы, заключить торговые трактаты и принять консуловъ, такъ что въ настоящее время уже пребываніе въ Марокко сдѣлалось возможнымъ для европейцевъ. Главный городъ имперіи—Марокко („Маракешъ") лежитъ среди плодородной равнины. Столица эта напоминаетъ общій типъ восточныхъ городовъ,—высокая стѣна (40 футъ) съ башнями, узкія извилистыя улицы, дома съ плоскими крышами и роскошные сады.

Въ 1875 году нѣкто Эдмондъ Амицисъ былъ въ Марокко въ числѣ сопровождавшихъ Итальянское посольство; вотъ выдержки изъ его интереснаго дневника:

„Съ первыхъ же дней нашего пріѣзда въ Фецъ, говоритъ онъ—султанъ Мулай-эль-Гассанъ насъ интересовалъ болѣе всего. Для насъ былъ просто праздникъ, когда посланникъ нашъ сказалъ намъ, что на завтра назначена торжественная аудіенція. Хотѣлось взглянуть на послѣдняго представителя страшной памяти этого ряда шерифовъ Филлели, которые изъ всѣхъ властителей Марокко получили наиболѣе ужасную извѣстность своими жестокостями и фанатизмомъ. Въ 8 часовъ утра мы всѣ собрались на дворѣ въ полной формѣ, верхами, и тронулись въ путь."

Затѣмъ на Амицписа султанъ производитъ слѣдующее, неожиданное имъ впечатлѣніе:

„Мы ждали минутъ десять, говоритъ онъ. Вдругъ какъ будто дрожь пробѣжала по войскамъ. Раздались глухіе удары большаго барабана, звуки трубъ. Чины двора пали ницъ, гвардія, прислуга и войска преклонили одно колѣно и раздались громкіе привѣтственные клики."

„Султанъ подъѣхалъ къ намъ. Онъ былъ верхомъ, сопровождаемый толпою пѣшихъ прислужниковъ и свиты, изъ которыхъ одинъ держалъ надъ головою султана огромный зонтъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ посла султанъ остановилъ коня. Свита окружила его. Посолъ нашъ съ переводчикомъ выступилъ впередъ съ покрытой головой; султанъ привѣтствовалъ его важнымъ и граціознымъ наклоненіемъ головы и по арабски спросилъ черезъ переводчика хорошо ли онъ совершилъ путь и доволенъ ли онъ встрѣчею губернаторовъ и давали ли вездѣ провожатыхъ. Но онъ говорилъ такъ тихо, что мы не слышали его голоса. Этотъ султанъ, котораго мы представляли себѣ въ образѣ жестокаго, суроваго восточнаго деспота,—былъ чрезвычайно симпатичный молодой красавецъ: высокій и стройный, съ большими добрыми, темными глазами, тонкимъ и благороднымъ очертаніемъ лица, смуглый, съ короткой, темной бородой, важный и серьезный. Снѣжно-бѣлый бурнусъ изъ легкой тонкой матеріи ниспадалъ съ головы до ногъ. Тюрбанъ покрытъ капюшономъ; на ногахъ желтые небольшіе сафьянные сапоги. Бѣлый и высокій кровный конь былъ покрытъ зеленымъ чапракомъ, густо расшитымъ золотомъ. Длинная, бѣлая одежда придавала ему видъ лица духовнаго; царственная грація и величавая простота какъ нельзя болѣе гармонировали съ выраженіемъ его лица. Взглядъ нѣсколько грустный и мечтательный, голосъ тихій и пріятный. На видъ ему было неболѣе 30 лѣтъ..."

Послѣ посѣщеній и представленій разнымъ важнымъ лицамъ страны, члены посольства были между прочимъ приглашены къ одному знатному и богатому Мароканцу Шеллели.

„Шеллели пригласилъ насъ къ себѣ пить чай. Мы вошли узкимъ корридоромъ на маленькій темный дворъ, очень красивый, но очень грязный. Кромѣ превосходной мозаики пола и пилястровъ все остальное было довольно безвкусно отдѣлано. Внизу были маленькія темныя комнатки. Кругомъ втораго этажа шла открытая галлерея, а крыша служила также и террасой.

„Толстый Шеллели пригласилъ насъ садиться на коверъ у дверей своей опочивальни. Намъ подали чай и варенье. Хозяинъ представилъ намъ своихъ дѣтей, прелестныхъ и граціозныхъ мальчиковъ, которые поблѣднѣли въ испугѣ и вздрагивали когда мы ихъ приласкали. Со стороны же двора показалась молоденькая 15 лѣтняя негритянка. Это была невольница. Она стояла, прислонясь къ колонкѣ, скрестивъ руки на груди и глядя на насъ съ равнодушнымъ и скучающимъ видомъ. Нѣсколько позади ея показалась другая невольница лѣтъ 30-ти, высокаго роста, стройная и полная. И поднявъ голову мы вдругъ увидѣли, что вся галлерея втораго этажа унизана женскими головами, которыя тотчасъ начали прятаться и закрываться, когда мы ихъ увидѣли. Это сосѣдки Шеллели, которыя вѣроятно упросили женъ его дозволить имъ поглядѣть на такое необычное зрѣлище, какъ европейскіе гости..."

Къ этимъ двумъ эпизодамъ и относятся прекрасные рисунки Баяра, помѣщенные въ настоящемъ № „Нивы."

Построеніе Ковчега.

(Рисунокъ Г. Дорэ. Изъ книги „Потерянный Рай" Мильтона, изданіе А. Ф. Маркса).

Помѣщенный въ этомъ № рисунокъ „царя рисовальщиковъ", знаменитаго Густава Дорэ, взятъ изъ роскошнаго изданія „Потеряннаго Рая" Мильтона. Рисунокъ относится къ одной изъ вдохновеннѣйшихъ пѣсенъ поэмы—одиннадцатой—„Появленіе Архангела Михаила", когда вождь небесныхъ силъ, низойдя къ Адаму, говоритъ, что онъ посланъ открыть нашему праотцу „что будетъ въ грядущіе дни". Они восходятъ на гору и взору Адама представилась великая картина будущаго, картина борьбы добра и зла, преступленія и порока съ добродѣтелью, горе и отчаяніе кровавой Войны и торжества ликующей Смерти...

„О, у кого каменное сердце, кто могъ бы безъ слезъ смотрѣть на эти ужасы! Горячая жалоба рвалась изъ груди перваго человѣка: „О несчастный родъ человѣческій! до какаго униженія доведенъ ты, какое печальное будущее предстоитъ тебѣ! О, лучше бы тебѣ не родиться. Кто, зная что онъ получаетъ, согласился бы взять такой ужасный даръ—жизнь! И кто не предпочелъ бы вновь погрузиться въ вѣчный покой!"

Передъ нимъ развертывается далѣе великая картина. Вотъ нечестіе, порокъ, развратъ, насиліе прогнѣвили Господа и видитъ Адамъ, что одинъ праведный мужъ удаляется отъ людей съ своею благочестивою семьею.

„Срубивъ на горѣ великія дерева, онъ строитъ съ своими сыновьями громадный ковчегъ. И дивное чудо! Всякія животныя и птицы и гады идутъ въ двери ковчега попарно и потомъ вошелъ самъ патріархъ и его семья"...

„И тогда понесся на черныхъ крылахъ своихъ вѣтеръ, гоня безпредѣльныя тучи. Съ вершинъ горъ поползли туманы и пары, мрачные и влажные. И хлынулъ ливень и лилъ, пока не покрылась водою грѣшная земля"...

(„Потер. Рай" Мильтона. Пѣснь 11-я, стр. 239).

Врата Софійскаго Собора въ Новгородѣ.

Въ прошломъ № мы помѣстили видъ древняго Софійскаго Новгородскаго собора. На южной сторонѣ собора боковыя двери, такъ называемыя „Златыя врата", достойны замѣчанія по фигурному ихъ украшенію: здѣсь вмѣсто гладкихъ колоннъ, по обѣ стороны по три столба, какъ бы выходящихъ одинъ изъ другаго; они фигурные, искусно точеные; посреди ихъ, ниже къ подножію и капители—шары; все это украшено фигурными филенками. Такими же столбиками украшены окна въ придѣлѣ Рождества Богородицы. На западной сторонѣ, подлѣ вратъ находится придѣлъ Святыхъ Исповѣдниковъ Гурія, Симона и Авива, устроенный въ 1445 году архіепископомъ Евфиміемъ въ память чуда иконы ихъ, въ открытіи похитителей церковнаго соборнаго имущества. Въ придѣлъ этотъ входъ снаружи и самый придѣлъ очень малъ; два окна освѣщаютъ его съ Запада и подлѣ него къ наружной стѣнѣ придѣлана каменный большой крестъ, называемый Бѣлымъ; онъ устроенъ въ XIV вѣкѣ, при архіепископѣ Алексіѣ, что видно изъ надписи на немъ. Подлѣ Бѣлаго креста входъ въ Корсунскую паперть, гдѣ замѣчательны мѣдныя Корсунскія ворота, украшенныя барельефами, заимствованными частію изъ Священной Исторіи. Врата эти служатъ предметомъ ученыхъ споровъ; но Аделунгъ въ сочиненіи своемъ доказываетъ, что онѣ сдѣланы въ Германіи, въ гор. Магдебургѣ, а тамъ куплены или заказаны въ XIV вѣкѣ архіепископомъ Василіемъ. Надъ этими вратами окно и надъ нимъ изображенія иконъ: Спаса Нерукотвореннаго, Святыя Троицы, Софіи Премудрости Божьей и Знаменія Божіей Матери: онѣ писаны въ XVI вѣкѣ, при архіепископѣ Макаріѣ.

Житейская мудрость.

Л. Кнаусъ, разнообразный и замѣчательно талантливый художникъ. У насъ были не разъ рисунки съ его картинъ. И та что мы помѣщаемъ, какъ хороша и выразительна!... Вотъ сидитъ старый Соломонъ посреди своихъ сокровищъ, а противъ него его лучшее, любимое сокровище, его гордость — бойкій, смѣтливый маленькій Гершке и слушаетъ со вниманіемъ и съ любопытствомъ совѣты отца. Какъ они оба оживлены и „папыньке" и „дитю"!... И должно быть старый Соломонъ разсказываетъ своему Гершке самую хитрую, самую замысловатую и тонкую штуку, самую поучительную исторію. И его наука принесетъ плоды. Плутоватый Гершке запомнитъ отеческія наставленія и пойдетъ впослѣдствіи далеко. Если онъ не добьется какихъ нибудь подрядовъ и поставокъ (ибо не всѣмъ же Гершкамъ такой рай), то пожалуй проползетъ въ помощники какого нибудь присяжнаго повѣреннаго и будетъ взыскивать и защищать и получать на право и на лѣво и дѣлать хорошіе гешефты. О, онъ будетъ дѣлать хорошіе гешефты! Свѣтлая головка этотъ Гершке!...

Д. А. Орловъ.

Дмитрій Александровичъ Орловъ, хорошо извѣстный петербургской публикѣ, талантливый артистъ столичной нашей оперы, родился во Владимірской губерніи въ 1842 г. Онъ сынъ сельскаго священника и воспитывался въ Духовной Семинаріи. Затѣмъ служилъ въ Петербургской Придворной капеллѣ. Въ первый разъ дебютировалъ Д. А. въ Москвѣ въ 1867 году въ роли Сабинина въ „Жизни за Царя," въ которой и доселѣ появляется съ неизмѣннымъ успѣхомъ. Года черезъ два послѣ того, былъ онъ переведенъ въ Петербургъ, гдѣ съ 1869 года создалъ множество ролей, изъ которыхъ назовемъ наиболѣе любимыя и извѣстныя публикѣ: въ „Пророкѣ," въ „Жизни за Царя," въ „Русланѣ," въ „Тангейзерѣ." Исполненіе Д. А. роли Руальда въ оперѣ покойнаго Сѣрова „Рогнѣда" и „Лоэнгринѣ" Вагнера также съ большими достоинствами. Голосъ г. Орлова отличается большою звучностью и объемомъ. Безъ преувеличенія можно считать мощныя голосовыя средства нашего тенора, выходящими изъ ряда обыкновенныхъ. Несмотря на чрезвычайные акустическіе недостатки Маріинскаго театра, голосъ Д. А. раздается такъ сильно и звучно, что забываешь объ недостаткахъ театра. Главное достоинство исполненія Д. А. искренность и естественность. Нашъ артистъ далекъ отъ всякаго напускнаго пафоса. Въ продолженіи десяти лѣтъ Д. А. являлся украшеніемъ нашей оперной сцены, и въ настоящее время онъ является единственнымъ сильнымъ теноромъ, на которомъ держится репертуаръ.

А. Г. Меньшикова.

Примадонна-сопрано нашей русской оперной труппы, Александра Григорьевна Меньшикова дебютировала въ первый разъ на сценѣ Маріинскаго театра въ октябрѣ 1869 года въ роли Антониды въ „Жизни за Царя," съ разу завоевавъ себѣ успѣхъ. Довольно сильный, пріятный и обработанный голосъ, оживленная и осмысленная игра—не могли не понравиться публикѣ и съ тѣхъ поръ А. Г. ея неизмѣнная любимица.

Послѣ поѣздки въ Парижъ, гдѣ даровитая артистка довольно долго пользовалась уроками и совѣтами знаменитаго Вартеля, она конечно очень выиграла, какъ въ манерѣ пѣнія такъ и въ игрѣ.

До появленія своего на Императорской сценѣ г-жа Меньшикова дебютировала въ Москвѣ, гдѣ ея руководителемъ былъ І. Я. Сѣтовъ. Въ 1875 году А. Г. оставила временно сцену и взяла на себя антрепризу Одесскаго театра, но предпріятіе оказалось неудачнымъ и артистка въ ноябрѣ того же года уѣхала въ Кіевъ, куда была приглашена г. Сѣтовымъ. Тамъ она поя-

влялась въ „Жизни за Царя,“ „Трубадурѣ,“ „Галькѣ,“ Манюшки и въ „Фаустѣ.“ Затѣмъ появилась въ Харьковѣ и каждое такое ея появленіе на сценѣ или въ концертахъ сопровождалось большимъ успѣхомъ. Репертуаръ г-жи Меньшиковой обширенъ: „Жизнь за Царя, „Русланъ,“ „Аскольдова могила,“ „Русалка,“ „Юдифь,“ „Галька,“ „Трубадуръ,“ „Гугеноты,“ “Пророкъ,“ „Тайнгейзеръ,“ „Лоэнгринъ,“ „Фаустъ“, „Аида“ и др.

Къ числу заслугъ г-жи Меньшиковой въ области русскаго искусства, слѣдуетъ отнести также то живое участіе, которое артистка принимала въ постановкѣ нашей „Жизни за Царя“ въ Миланѣ, на итальянскомъ языкѣ. Опера, какъ извѣстно, имѣла успѣхъ, и тѣмъ, что музыка знаменитаго нашего композитора была понята итальянской публикой, мы обязаны конечно прекрасному исполненію А. Г. въ этотъ разъ роли Антониды.

Во льдахъ.

Послѣднее донесеніе Норденшильда.

I.

Въ шведскихъ газетахъ напечатано подробное донесеніе Норденшильда, которое начинается тамъ, гдѣ оканчивается прежнее донесеніе, отправленное имъ прежде чѣмъ „Вегу“ затерло льдомъ. „15 (27) сентября 1878 г. по 1 апрѣля 1879 г. Этого 15 сентября „Вега“ достигла внутренней стороны мыса у Колючинской бухты его восточной окраины. Погода стояла хорошая и тихая, температура немного ниже точки замерзанія. Небыло никакихъ признаковъ, которые бы дали право предполагать что мы будемъ затерты льдомъ, такъ близко отъ Берингова пролива. Мы видѣли, что очень небольшое пространство остается свободнымъ отъ льда. Былъ уже вечеръ и мы рѣшились провести ночь на мѣстѣ и бросили якорь. Катеръ, который мы отправили впередъ, чтобы изслѣдовать глубину, привезъ намъ извѣстія благопріятныя т. е. что глубина вездѣ достаточная для парохода. Утромъ вода покрылась тонкимъ слоемъ льда, но мы все таки снялись съ якоря и продолжали путешествіе. Въ нѣсколькихъ верстахъ на востокъ отъ мыса глубина вдругъ уменьшилась. Мы пробовали пробиться сквозь льды, но неудачно и рѣшили, что подождемъ южнаго вѣтра, который можетъ ихъ разогнать. Все это пока никого не тревожило на „Вегѣ“ ибо китоловы не раньше среднихъ чиселъ октября уходятъ отсюда.

„Между тѣмъ время шло, и скоро я убѣдился, говоритъ далѣе Норденшильдъ, что я ошибся въ своихъ соображеніяхъ и что зиму придется здѣсь зимовать. Положеніе „Веги“ однако не представляло никакой опасности. „Вега“ не была заперта въ какомъ нибудь портѣ, а была прикрѣплена къ громадной ледяной массѣ въ 1400 м. отъ берега; въ сѣверномъ же направленіи море передъ нами было совершенно свободно. Противъ сильнаго напора льдинъ во время зимнихъ бурь насъ охраняла эта ледяная масса. Эта ледяная масса имѣла 45 метровъ длины и 25 м. ширины, высшій пунктъ ея—6 метр. надъ поверхностью воды. Эта плотная масса льду, когда начались осенніе штурмы, придвинулась подъ ихъ давленіемъ ближе къ берегу. „Вега“ зимовала подъ 76°,7' сѣверной широты и 173 западной долготы отъ Гринича на азіатскомъ берегу самой сѣверной части Берингова пролива. Прилегающая земля—была обширная равнина; на югѣ ея возвышались горы, большая же часть этой равнины занята лагунами, отдѣленными отъ моря низкими песчаными холмами. На этихъ то холмахъ и были расположены поселенія чукчей; то которое было ближе къ „Вегѣ“ носило названіе „Питкелай“. Второе поселеніе называлось „Иргитленъ“ и было ближе къ сѣверу Колючинской бухты. Оба селенія состояли всего изъ 20 кибитокъ, дальше въ глубину равнины были разбросаны еще нѣсколько селеній, кибитокъ по 5, по 10. Чукчи, когда наступаетъ зима, перебираются ближе къ Берингову заливу, гдѣ побольше рыбы, поэтому зимою поселенія не такъ велики. Сперва, какъ мы выше говорили, море было покрыто между берегомъ и „Вегою“ топкимъ слоемъ льду и сообщеніе съ чукчами было очень трудно. Когда появился пароходъ, то все въ побережныхъ селеніяхъ пришло въ сильное движеніе: женщины, мущины, дѣти бѣгали по берегу и изыскивали всѣ средства добраться до насъ. Мы думали, что имъ поскорѣе хотѣлось добраться до водки. Нѣсколько чукчей наконецъ рѣшились на очень плохомъ челнокѣ, чуть ли не съ опасностью жизни, пуститься въ путь. Они добрались благополучно до парохода и обратились къ экипажу съ самыми сердечными и добродушными привѣтствіями. Все время зимовки „Веги“ между ея экипажемъ и туземцами были самыя лучшія и дружескія отношенія. Но вотъ зимній путь окончательно сталъ и чукчи очень часто стали показываться на своихъ собакахъ и залѣзать на пароходъ. Они всегда были очень добродушны и привѣтливы и отличались всегда замѣчательною честностью, которая у нихъ, какъ у Лапландцевъ, качество врожденное. Никогда ничего не пропадало на пароходѣ. Они привозили что могли съ собой,—шкуры, дичь—чтобы обмѣнять на горячее что-нибудь, на табакъ и особенно на водку, которую называли „ромъ“. Но выпрашивать очень надоѣдливо они умѣютъ и иные изъ нихъ не прочь даже надуть при мѣнѣ товаровъ, но очень наивно. Вмѣсто зайцевъ приносили они бѣлыхъ лисицъ, отрѣзая имъ голову и ноги, чтобы матросы не узнали что это такое и очень дивились, что ихъ попытки такъ скоро открывались. Понятія о деньгахъ чукчи не имѣютъ совсѣмъ и производятъ только мѣновой торгъ. Чукчи очень удивлялись, что на пароходѣ принимали неохотно сало и мѣха, чѣмъ они обыкновенно здѣсь торгуютъ, а берутъ у нихъ ихъ оружіе, кострюли и домашнюю утварь, изъ которой Норденшильдъ составилъ себѣ прекрасныя коллекціи. Вскорѣ имъ чрезвычайно понравились наши кушанья и имъ раздавали много горячей пищи — супу, щей и хлѣба“.

Замѣчательно что всѣ чукчи, которыхъ поселенія были расположены близь зимовки „Веги“, не имѣли понятія о христіанствѣ и не говорили ни на какомъ европейскомъ языкѣ. Было двое-трое, которые знали по нѣскольку русскихъ или англійскихъ словъ. Одинъ изъ экипажа, лейтенантъ Нордквистъ, началъ заниматься языкомъ чукчей и въ нѣсколько недѣль такъ успѣлъ въ этомъ занятіи, что могъ нѣсколько объясняться съ посѣтителями, чему тѣ дивились и радовались.

1-го (13-го) октября докторъ Альмквистъ поѣхалъ на саняхъ въ сѣверномъ направленіи и изслѣдовалъ положеніе „Веги“. Онъ привезъ извѣстіе, что „Вега“ на 30 верстъ кругомъ окружена сплошною массою льдовъ и что отъ надежды достигнуть Берингова пролива надо отказаться.

(Продолженіе будетъ).

Политическое обозрѣніе.

Англія и Турція.—Англійскій портъ въ Черномъ морѣ.—Возстаніе въ Курдистанѣ.—Сопротивленіе бояровъ.—Эмиръ Якубъ-Ханъ подъ присмотромъ у британцевъ.—Новое помѣщеніе французской палаты.—Республиканская партія въ Соединенныхъ Штатахъ.—Гибель „Гуаскара.“

Мы уже высказывали нашъ взглядъ на истинный смыслъ, на истинное значеніе давленія, оказаннаго и оказываемаго Англіей на Турцію и въ настоящую минуту. Такое дѣйствіе британскаго правительства, находящееся въ строго-логической связи съ восточной политикой его, конечно не можетъ быть разсматриваемо какъ нѣчто неожиданное. И дѣйствительно—оно было подготовлено заранѣе и имѣетъ свою прямую, непосредственную цѣль, осуществленіе которой состоитъ въ полной гармоніи съ общими видами правительства Великобританской королевы. Нѣсколько времени назадъ, сэръ Лэйардъ ѣздилъ въ Сирію и посѣтилъ Мидхада-пашу. Теперь узнаемъ, что сэръ Лэйардъ весьма интересовался узнать у Порты—*какой изъ пунктовъ на берегу Малой Азіи могла бы удобнѣе пріобрѣсти Англія* для устройства. конечно, сильной морской станціи! Султанъ, узнавъ о такомъ запросѣ британскаго посланника, чрезвычайно разгнѣвался и уволилъ министерство Аарифипаши, замѣнивъ его новымъ кабинетомъ, (составъ котораго уже извѣстенъ нашимъ читателямъ) и очень холодно принялъ Лэйарда, по возвращеніи его изъ Сиріи. Мидхадъ-паша подалъ прошеніе объ отставкѣ.

Обо всемъ этомъ, британскій посланникъ немедленно же сообщилъ своему правительству, посовѣтовавъ ему принять энергическія мѣры для поддержанія обаянія Великобританіи на Востокѣ. Маркизъ Салисбэри препроводилъ Портѣ ноту, въ которой настаивалъ на выполненіи реформъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, замѣтилъ, что увольненіе Мидхада-паши произвело бы на англійское правительство крайне непріятное впечатлѣніе. Въ то же время, адмиралъ Горнби, съ четырьмя броненосцами, отплылъ отъ береговъ Мальты къ Сирійскимъ берегамъ, въ заливъ Вурлу. Послѣ такой ноты, Махмудъ-Недимъ-паша (назначенный министромъ внутреннихъ дѣлъ, а не первымъ министромъ, можетъ быть изъ предосторожности относительно Британіи) попросилъ Мидхада-пашу взять обратно свое прошеніе и новый кабинетъ поспѣшилъ заявить о своемъ намѣреніи тотчасъ же приступить къ выполненію реформъ. Но на это заявленіе англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ объявилъ, что правительство ея величества не довѣряетъ Портѣ, хотя морской маневръ былъ остановленъ и броненосцы Горнби не дошли до Сирійскихъ береговъ.

Что касается „реформъ,“ то, по слухамъ, Англія требуетъ отъ Порты *только*: англійскихъ начальниковъ жандармской стражи, сборщиковъ податей и финансовыхъ инспекторовъ, требуетъ, какъ выше сказано, одинъ изъ пунктовъ на Азіатскомъ прибрежьѣ—въ Сиріи, или на Черномъ морѣ: Архаву, *у Батума* (!), или *Тенедосъ, близь Дарданеллъ*, или же Селевкію, или что нибудь еще...

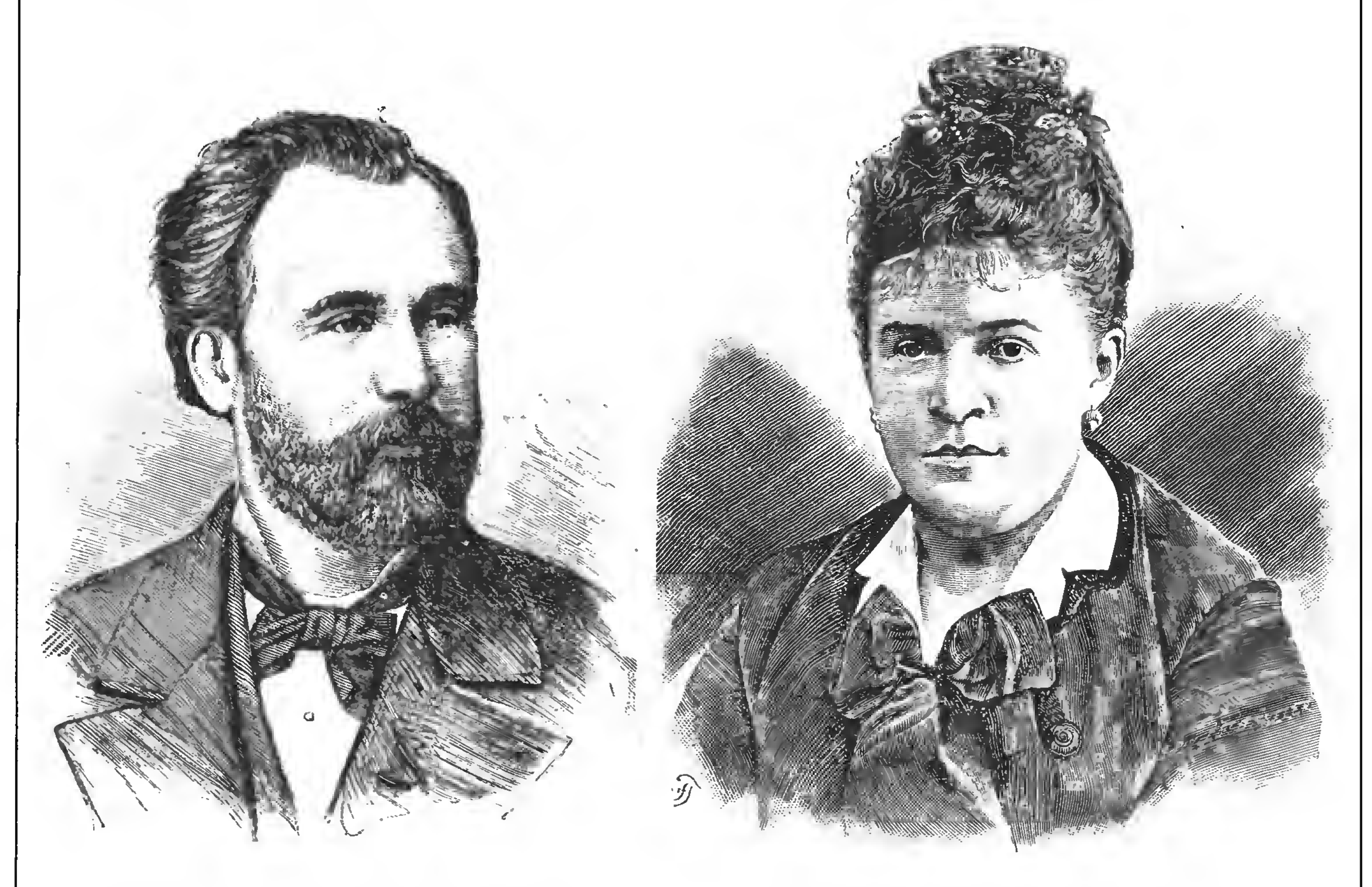
(Продолженіе на стр. 917, 918, 919, 920, 921, 922, 923 и 924).

Говорятъ, будто Порта согласна уже на назначенie Бекера-паши начальникомъ жандармерiи, согласна на уступку одного изъ портовъ. Да развѣ Порта можетъ не согласиться на какое нибудь требованie Биконсфильда? Но—доколѣ же, наконецъ, будетъ допускаема возможность этихъ требованiй, ультиматумовъ и выдавленныхъ согласiй Порты!.. Это время, эту минуту трудно предвидѣть. Что мы предвидѣли, то видимъ нынѣ: Великобританiя прикрыла свое насилie надъ Турцieй личиной интересовъ цивилизацiи—какъ-же: она требуетъ, вѣдь, реформы, во имя гуманности и прогресса! и вся западная печать привѣтствуетъ ея „энергическую" выходку противъ Порты, прибавляя, впрочемъ, что Европа не допуститъ Англiю идти далѣе этаго требованiя. Что могутъ значить эти платоническiя угрозы и отъ кого онѣ исходятъ, и кто ополчится на Англiю, продолжающую ежедневно свою политику захватовъ?! Австрiя и Германiя выразили одобренie британскому кабинету, а первая заявила о своемъ недовѣрiи новому турецкому министерству.

Прибавимъ ко всему этому, что изъ Константинополя сообщаютъ, будто Лэйардъ прямо, оффицiально, заявилъ турецкому министру иностранныхъ дѣлъ, что Англiя подозрѣваетъ, что Порта дѣйствуетъ подъ влiянieмъ Россiи.

неизвѣстны. Въ Гриквалэндѣ происходила сходка, на которой отъ имени населенiя Даiамондъ-Фильдсъ, была выражена готовность содѣйствовать образованiю такой конфедерацiи, которая сохранитъ за этою мѣстностью характеръ самостоятельной области. Утверждаютъ, что боэры оказывали нѣкоторую помощь Сетивайо.

Новѣйшiя свѣдѣнiя изъ Индiи не оставляютъ никакаго сомнѣнiя относительно того, что Англiя заботится не о поддержанiи Афганскаго царства, а о томъ, чтобы согласно ея интересамъ и видамъ, Афганистанъ распался на отдѣльныя части, подъ управленieмъ различныхъ владѣтелей и, конечно, подъ покровительствомъ Англiи. Якубъ-Ханъ въ положительномъ и строгомъ плѣну у своихъ друзей-британцевъ, которые боясь, чтобы онъ не убѣжалъ изъ англiйскаго лагеря, окружили его бдительнымъ надзоромъ. Недавно одинъ изъ его приближенныхъ, Абдулъ-Гафизъ, арестованъ по подозрѣнiю въ тайныхъ сношенiяхъ съ враждебными афганскими племенами. Вотъ, между прочимъ, образчикъ деликатности, съ которою британцы обходятся съ „покровительствуемымъ" ими Якубъ-Ханомъ. Не желая чтобы англичане напали на слѣдъ зарытыхъ имъ въ Кабулѣ сокровищъ и тайно увезли бы ихъ, онъ сообщилъ генералу Робертсу, что въ Кабулѣ скрыто 109 тысячъ рупiй (200 тысячъ марокъ), принадлежащихъ, по словамъ Якуба, одной изъ женъ Ширъ-Али и матери любимаго сына его, Абдулла-Хана; англiйскiе солдаты открыли этотъ кладъ, который и конфискованъ въ пользу британской казны. Якубъ не хотѣлъ, чтобы англичане увезли тайно его деньги—они увезли ихъ явно.



Русская Императорская Опера въ Спб. **Д. А. Орловъ.** Съ фотогр. рис. Бурмейстеръ, грав. Б. Пуцъ.

Русская Императорская Опера въ Спб. **А. Г. Меньшикова.** Съ фотогр. рис. Тегаццо, грав. Б. Пуцъ.

Признаться, мы мало понимаемъ, чего бояться посланникамъ Англiи или Францiи того или другаго государственнаго человѣка Турцiи у кормила правленiя, когда въ каждую минуту возможны маневры Горнби и тому подобныя средства...

Портой получены тревожныя свѣдѣнiя о возстанiи въ Курдистанѣ. Предводитель инсургентовъ, Шейхъ-Абдулла собралъ до 15 тысячъ человѣкъ и правительство поспѣшно отправило въ Эрзерумъ пашу, съ порученieмъ сформировать три колонны войскъ для нападенiя на возставшихъ съ трехъ сторонъ.

Легко справляясь съ турками, Англiя никакъ еще не можетъ управиться съ боэрами. Вотъ что сообщаютъ по этому поводу изъ Кэптоуна: недавна была издана прокламацiя, которою постановляется, что всякiй желающiй получить разрѣшенie на покупку оружiя, обязанъ предварительно подать квитанцiю, удостовѣряющую, что онъ уплатилъ подати. Прокламацiя эта объясняется между прочимъ тѣмъ, что боэры не хотятъ платить податей Британiи. Въ Миддльборгѣ, находящемся между Преторieй и страною Секокени, боэры рѣшились нарушить это запрещенie и насильно овладѣли оружieмъ и порохомъ въ лавкѣ одного торговца, заплативъ, однако, за все взятое. Генералъ Уэльслей отправилъ въ Миддльборгскiй округъ отрядъ драгунъ; пока инструкцiи, данныя этому отряду, еще

Изъ Парижа сообщаютъ, что 7-го ноября комисiя палаты депутатовъ оффицiально приняла въ свое вѣдѣнie новое помѣщенie палаты. Вице-президенты палаты, секретарь и квесторы, а также значительное число депутатовъ, собрались въ залѣ засѣданiй около 1 часа пополудни. Президентъ явился съ соблюденieмъ установленнаго церемонiала (ему были отданы военныя почести). Затѣмъ послѣдовалъ подробный осмотръ, продолжавшiйся около двухъ часовъ. Гамбетта поздравилъ архитектора Жоли съ успѣшнымъ окончанieмъ работъ его.

Въ Соединенныхъ Штатахъ усиливается преобладанie республиканской партiи.

Отважный перуанскiй броненосецъ „Гуаскаръ", мужественно и удачно сражавшiйся, до сихъ поръ, съ чилiйскими судами,—погибъ въ сраженiи, въ которомъ ему пришлось имѣть дѣло со всѣмъ чилiйскимъ флотомъ. „Гуаскаръ" не спустилъ своего флага и былъ совершенно уничтоженъ.

Новыя изобрѣтенія.

I.

Составъ для предохраненія отъ порчи труповъ.

Докторъ Викерсгеймеръ, препараторъ при анатомико-зоологической коллекціи королевскаго университета въ Берлинѣ, изобрѣлъ новый составъ для предохраненія отъ порчи труповъ, растеній и отдѣльныхъ частей животныхъ.

Предметы, предназначенные для сохраненія, напитываются, или держатся въ изобрѣтенномъ докторомъ жидкомъ составѣ, который имѣетъ то преимущество, что трупы людей и животныхъ, препарированные съ помощью этой жидкости, прекрасно удерживаютъ свою форму, цвѣтъ и гибкость членовъ. По истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ, надъ ними могутъ производиться научныя или уголовно-судебныя изслѣдованія; они не разлагаются, а потому не издаютъ обычнаго запаха; мускулы при надрѣзахъ ничѣмъ не отличаются отъ мускуловъ свѣжаго трупа, а препарированныя легкія и кишки могутъ быть даже надуты. Жуки, раки, черви и др. прекрасно сохраняются, не вынимая изъ нихъ внутренностей. Цвѣтъ частей не измѣняется ни у животныхъ, ни у растительныхъ тѣлъ.

Для приготовленія этой жидкости берется на 3000 гранъ кипяченой воды, 100 гр. квасцовъ, 25 гр. поваренной соли, 12 гр. селитры, 60 гр. щелочи и 10 гр. мышьяковой кислоты. Растворъ этотъ охлаждается и фильтруется. Затѣмъ на 10 литръ безцвѣтной, чистой, безъ запаха, жидкости вливается 4 литра глицерину и одинъ литръ алкоголю.

Для сохраненія тѣлъ, обыкновенно ихъ напитываютъ этою жидкостью или же погружаютъ въ жидкость, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ поступаютъ и иначе. Такъ напримѣръ, если трупъ животнаго требуется сохранять въ сухомъ видѣ, то прежде всего, смотря по величинѣ тѣла, его вымачиваютъ отъ 6 до 12 дней въ жидкости, и затѣмъ уже просушиваютъ на воздухѣ. Изготовленнымъ такимъ образомъ трупамъ всегда можно придать свойственную имъ гибкость.

Пустые органы, какъ то, легкія, кишки и др. слѣдуетъ наполнить жидкостью, потомъ вылить ее, высушить пропитавшійся органъ и надуть.

Если желательно сохранить настоящій цвѣтъ членовъ маленькихъ животныхъ, ящерицъ, лягушекъ или же растеній, то ихъ не слѣдуетъ сушить, но держать въ жидкости.

Чтобы сохранить трупъ на болѣе продолжительное время, дѣлается впрыскиваніе жидкостью, для чего надо взять 1¼ литра для трупа двухлѣтняго ребенка и около 5 литровъ для взрослаго человѣка. Препарированный такимъ образомъ трупъ, подъ вліяніемъ воздуха, со временемъ начинаетъ темнѣть, что однако устраняется если трупъ хорошо натереть жидкостью и сохранять герметически закупореннымъ. Этотъ способъ предпочтительно примѣняется къ трупамъ, предназначеннымъ для выставокъ, такъ какъ имъ устраняется запахъ и сохраняется цвѣтъ и неизмѣнность чертъ лица.

Для бальзамированія, трупъ спрыскивается жидкостью, затѣмъ нѣсколько дней въ ней вымачивается, потомъ вытирается, сушится, обертывается полотномъ или клеенкой, намоченной въ той же жидкости и сохраняется въ сосудахъ, куда не проникаетъ воздухъ.

Въ различныхъ случаяхъ, смотря по надобности, употребляются различные способы, но составъ жидкости постоянно остается одинъ и тотъ-же.

Недавно въ зоологическомъ саду въ Берлинѣ выставлено было чучело анаконды (удава), привлекавшее къ себѣ толпу любопытныхъ. Анаконда эта была вывезена изъ Нубіи Карломъ Гагенбекомъ, но какъ большая часть исполинскихъ змѣй не прожила долго. Препарированная Викерсгеймеромъ — она самымъ нагляднымъ образомъ доказываетъ совершенство изобрѣтеннаго состава. Очевидцы разсказываютъ, что видѣнныя ими въ лабораторіи Викерсгеймера чучела змѣй, между которыми замѣчательнѣйшее—чучело Боа-Констриктора, сдѣланное уже два съ половиною года тому назадъ, ничѣмъ по виду не отличаются отъ живаго. Моржъ, препарированный девять мѣсяцевъ тому назадъ, издавалъ запахъ ворвани, а надрѣзанные его мускулы были ярко-краснаго цвѣта. Самыя маленькія насѣкомыя прекрасно сохраняются въ новомъ составѣ. Замѣчательно то, что высохшія части членовъ, намоченныя въ жидкости, снова дѣлаются мягкими, эластичными и снова принимаютъ надлежащую форму. Такъ напр. скорпіонъ десять лѣтъ лежавшій въ спиртѣ, снова пріобрѣлъ гибкость. Но самое большое значеніе новый этотъ способъ пріобрѣтаетъ въ приготовленіи скелетовъ. До сихъ поръ отдѣльныя кости соединялись тонкою проволокою. Теперь же, такъ какъ жидкость сохраняетъ эластичность связокъ и сухожилья, то скелеты держатся сами собою. Человѣческую руку, препарированную новымъ способомъ, можно сгибать по суставамъ.

Приведенныхъ примѣровъ совершенно достаточно, чтобы убѣдиться въ высокой важности новаго изобрѣтенія.

Германское правительство, пріобрѣтя за значительную цѣну секретъ важнаго изобрѣтенія Викерсгеймера, *тотчасъ опубликовало его къ свѣдѣнію* всего цивилизованнаго міра посредствомъ оффиціальнаго сообщенія. Консервированіе труповъ можетъ производиться, какъ выше сказано, или посредствомъ впрыскиванія, или посредствомъ вымачиванія. Чтобы сказанную жидкость имѣть всегда на готовѣ, уже основаны химическіе заводы для ея приготовленія.

II.

Новая американская прачешная машина.

Америку можно назвать самою практическою страною. Нигдѣ нѣтъ столько изобрѣтеній, имѣющихъ цѣлью облегчить трудъ, нигдѣ такъ дорожатъ временемъ. Особенно замѣчательны всѣ приспособленія въ домашнемъ хозяйствѣ; гдѣ только возможно, дѣйствуютъ машинки, до того ускоряющія работу, что американская хозяйка, благодаря этому, успѣваетъ кончить всѣ домашнія работы одна, безъ помощницы, еще до обѣда.

Многія изъ этихъ машинъ извѣстны и у насъ; упомянемъ, напримѣръ, швейныя, вязальныя и т. п. Менѣе извѣстны и мало употребляемы у насъ машины для стирки бѣлья, безъ которыхъ ни одна хорошая американская хозяйка не обходится. Причина этому вѣроятно та, что привозимыя сюда машинки не удовлетворяютъ всѣмъ требованіямъ.

Новая Американская прачешная машина.

Въ Петербургъ привезена на дняхъ американская машина фирмы М. Н. *Ловель* и *Комп.*, которая въ Америкѣ пользуется репутаціею наилучшей машины *для стирки бѣлья.* Мы даемъ въ этомъ № рисунокъ этой полезной машины.

По отзывамъ газетъ она моетъ бѣлье *въ пять разъ скорѣе*, чѣмъ ручной работой, *не рветъ, моетъ одинаково хорошо* и *тюлевыя вещи*, и *толстыя шерстяныя одѣяла*, даже *ковры* и *ватныя вещи.* Приводится она въ движеніе хоть бы 15-ти лѣтнею дѣвочкою. Машина эта была на всемірной выставкѣ въ Филадельфіи, удостоилась вниманія всѣхъ посѣтителей и теперь очень распространена въ Америкѣ.

Разныя извѣстія.

Приложеніе электричества къ навигаціи. Въ Англіи сдѣлали весьма полезное примѣненіе электричества къ навигаціи. Нѣкто Генрихъ Северинъ, англичанинъ, устроилъ приборъ, посредствомъ котораго капитанъ извѣщаетъ звонкомъ о томъ, что судно не слѣдуетъ принятому направленію. Звонокъ производится автоматически, при всякомъ уклоненіи отъ того направленія, котораго командиръ желаетъ держаться. Рулевой слѣдовательно не можетъ безъ вѣдома капитана измѣнить курса.

Капитанъ, сходя съ мостика и отдавая приказъ, придерживается извѣстнаго направленія, ставитъ стрѣлку инструмента подъ опредѣленнымъ угломъ и вполнѣ спокоенъ, что будетъ знать, если его приказаніе не исполняется. Вмѣсто того, чтобы постоянно слѣдить, какъ въ настоящее время за буссолью, онъ преспокойно занимается другимъ дѣломъ, вполнѣ увѣренный, что инструментъ зазвонитъ, какъ скоро рулевой отклонится отъ опредѣленнаго курса. Инструментъ перестаетъ звонить только тогда, когда корабль приметъ вѣрное направленіе.

Катастрофа въ звѣринцѣ. Въ „Daily Cronicle" сообщаютъ о слѣдующемъ происшествіи, случившемся въ звѣринцѣ близъ Лондона. Нѣсколько дней уже звѣринецъ Сенджерса основался въ Маргатѣ. Однажды посреди толпы, тѣснившейся, чтобы посмотрѣть кормленіе животныхъ, находилась шестилѣтняя дѣвочка, въ сопровожденіи своей матери. Несчастное дитя имѣло неосторожность подать черезъ рѣшетку клѣтки пирогъ леопарду; звѣрь схватилъ ея руку и изгрызъ до самаго плеча. Зрители испустили крикъ ужаса; хозяинъ звѣринца и два его служителя бросились къ клѣткѣ и ударами желѣзныхъ прутьевъ заставили леопарда выпустить изъ зубовъ руку дѣвочки. Бѣдная малютка лишилась чувствъ, она была покрыта кровью

и рука у нея обратилась въ лохмотья. Руку немедленно ампутировали.

Подземная рѣка и подземное озеро. Въ Алжирѣ недавно, по близости одного водопада, сдѣлано было замѣчательное открытіе. Двое рудокоповъ, работавшихъ вблизи этаго водопада, выломавъ большой камень и расчищая шахту, замѣтили, что дальше идетъ проходъ въ пещеру, дно котораго покрыто водой. Они сколотили наскоро плотъ, взяли съ собой фонари и поплыли по подземной рѣкѣ; проплывъ 60 метровъ, онѣ въѣхали въ большое озеро съ чистой, прозрачной водой. Пещера была очень высока и потолокъ ея покрытъ былъ великолѣпными сталактитами. Дальше имъ приходилось мѣстами проходить между гигантскими столбами изъ сталактитовъ и сталагмитовъ. Отъ другаго края озера шелъ каналъ къ югу. Каналъ этотъ представляетъ, вѣроятно, широкую разщелину, оканчивающуюся у Себдона, но съ того конца до сихъ поръ не удавалось въ нее попасть.

Орангъ-утангъ въ акклиматизаціонномъ саду въ Парижѣ.—Зоологическій садъ въ Булонскомъ лѣсу пріобрѣлъ недавно весьма крупнаго орангъ-утанга. Родомъ онъ съ острова Борнео, гдѣ наносилъ много вреда жителямъ одной деревни. Наконецъ послѣдніе не вытерпѣли и рѣшились во что бы то ни стало избавиться отъ него. Началась охота, которая оказалась весьма опасною, такъ какъ восемь человѣкъ поплатились жизнью въ этой борьбѣ съ животнымъ, представлявшимъ собою подобіе дикаго, безобразнаго человѣка. Орангъ-утангъ однихъ загрызъ, другихъ удушилъ въ своихъ сильныхъ объятіяхъ, и многимъ нанесъ значительныя увѣчья. Послѣ долгой борьбы удалось однако загнать орангъ-утанга въ глубокую яму, приготовленную для ловли дикихъ слоновъ. Обезьяны упали въ эту яму, и такъ какъ стѣны послѣдней были отвѣсны и въ пять саженъ вышиною, то онѣ не могли выдти оттуда. Утомленныя и истощенныя голодомъ, онѣ сдались: ихъ связали и посадили въ крѣпкую клѣтку. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ плѣненія, самка сдѣлалась матерью, но при этомъ околѣла. Отецъ съ истинною любовью относился къ своему сыну, который вскорѣ привыкъ пить молоко съ соски: онъ обладаетъ хорошимъ здоровьемъ. Орангъ-утангъ-отецъ весьма большаго роста: вышина его одинъ метръ съ третью, а когда онъ вытянетъ руки вверхъ, то два съ половиною метра. Подобный экземпляръ въ первый разъ привезенъ въ Европу. Ихъ помѣстили въ обезьянье отдѣленіе зоологическаго сада для акклиматизаціи животныхъ въ Булонскомъ лѣсу.

Стѣнные календари на 1880 г.

Э. Гоппе издалъ очень красивые **стѣнные календари на 1880 г.**, съ отрывающимися на каждый день листками, съ приложеніемъ **„Справочной книжки“**, которая содержитъ въ себѣ сроки полученія 0/0 по купонамъ, полученіе капитала по вышедшимъ въ тиражъ процентнымъ бумагамъ и тиражи. Календари имѣютъ обычный видъ, къ которому уже привыкли постоянные многочисленные покупатели его за прошлые годы. Цѣна 75 к. съ пересылкою 1 р.

Книжный магазинъ С. Глазенапа также издалъ три календаря на 1880 годъ: 1) *Семейный календарь* съ росписаніемъ обѣдовъ на каждый день, составленныхъ по сезонамъ. Объясненіе, какъ приготовлять обѣды, помѣщено въ особой книжкѣ *Домашній столъ*, А. Толивѣровой и А. Сальниковой, которую покупающіе „Семейный календарь“ пріобрѣтаютъ по удешевленной цѣнѣ—75 коп. Папка съ изящнымъ термометромъ стоитъ не дорого—1 р. 2) *Календарь-термометръ* (годъ 2-й), уже извѣстный публикѣ по прошлому году. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 20 к. и наконецъ 3) *Военный календарь*, ц. 1 р., на красивой папкѣ. Въ этомъ календарѣ помѣщены праздники полковъ, форма одежды на разные дни и проч. необходимыя свѣдѣнія для гг. военныхъ. Календари Глазенапа вообще отличаются полнотою свѣдѣній, особенно астрономическихъ.

РЕБУСЪ.

Магическій квадратъ. Задача № 17.

а	а	а	а	б
б	д	і	і	п
п	п	п	п	о
о	о	о	п	п
р	с	ф	ф	ш

Магическій квадратъ. Задача № 18.

а	а	а	а	к
к	о	о	о	о
о	о	о	п	п
п	п	р	р	р
р	с	с	т	т

Задача ходъ коня № 2. (Фигура представляетъ очертаніе буквъ слова „конь“.)

				ны	ла	вхо-	
			вы	дитъ		въ	ды
		гу-	пѣ-				рабль
бн	я	за-	какъ	на	ко-	мясь	кы
	гель	тель	ны	самъ	безд	нинъ	
го	ря	ру-	ан	рат-	стѣ-	кн-	нзъ

бу-	же-	и	рукъ	ро-	пу-	ня-	го
	изъ	совъ	ствен-	лгсь	ра	мат-	
тор-	но	ва-	ви	у	снить	чей	под-
			н	лись			
ет-	стонъ	верь-	выр-	со-	вѣ-	шу-	шу-
	и	да-	зло-	ны	ютъ	на-	
раз-	ся	вол-	совъ	щихъ	терь	бу-	и

			ре-	ки-			
	веть	рею	и	кро-	ско-	вѣ-	
гро-	лось	ва-	н	туя	гить	дой	мор-
	за-					ю	
ми-	ма-	надъ	вой	съ	бун-	ной	деж-
	и	зат-	да	безд-	на-	по-	
			солн-	слѣд-			

са	це					ией	кор-
		до-			ма		
зву-			са	го-			за-
	тять	чать	хля-	ща-	ру-	во-	
	би	ла	па-	встре-	ной	тре-	
де-							жен-

КЪ НАШИМЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.

Объ изданіи въ 1880 г. журнала „Нива“.

„Нива“ будетъ издаваться въ будущемъ 1880 году по той же программѣ и той же цѣнѣ, какъ и въ прошедшіе годы и, какъ уже и было втеченіи 10 лѣтъ, издатель будетъ постоянно расширять программу и улучшать достоинство премій и вообще помѣщаемаго матеріала.

Наши постоянные читатели знакомы съ нашимъ журналомъ, и знаютъ какую массу чтенія даемъ мы, какъ художественно выполняются гравюры и какія цѣнныя преміи „Нива“ въ этомъ наприм. году дала своимъ подписчикамъ; цѣна изданія при всѣхъ этихъ капитальныхъ улучшеніяхъ остается таже. Нашимъ постояннымъ читателямъ нечего повторять, что „**Нива**“—соображая массу даваемаго матеріала—**самый дешевый журналъ въ Россіи**.

Что касается матеріала вообще и произведеній, имѣющихся въ нашихъ рукахъ **для помѣщенія въ „Нивѣ“ въ будущемъ 1880 г.** у насъ есть **кромѣ массы художественно выполненныхъ гравюръ**, цѣлый рядъ капитальныхъ **литературныхъ** произведеній какъ: **большой романъ** изъ современной жизни въ 2-хъ частяхъ: **Купленное счастье“ Н. Морскаго** (автора романа „Аристократія Гостиннаго двора“). **„Иванъ да Марья“**, большая повѣсть извѣстнаго **А. А. Потѣхина**. —**„Лѣсникъ“**, большая повѣсть въ 2 частяхъ **Б. Маркевича**. —**Кара-Джигитъ** разсказъ **Н. Н. Каразина**, съ большими рисунками самаго автора; —**„Королевичъ Владиславъ“** и **„Зарница“** двѣ историческія повѣсти **В. Политковскаго**; —**„Ночь“** повѣсть **Н. Морскаго**; —четыре разсказа **Н. Боева**: **„Божья воля“**, **„Близь желѣзной дороги“**, **„Три тысячи“**, **„На крайнемъ востокѣ“**; —разсказы изъ исторіи русскаго искуства: **„Горькое горе“**, **„Лемтюжниковъ“**, и **„Гашишъ“ П. П. Гнѣдича**; —рядъ очерковъ изъ исторіи русской литературы **А. П. Милюкова**, **В. С. Соловьева** и многія другія.

Какъ преміи на будущій 1880 годъ мы дадимъ **двѣ превосходныя, исключительно для „Нивы“ исполненныя и составляющія нашу собственность, большія акварели знаменитаго М. Зичи**, придворнаго художника Е. И. Величества. Содержаніе картинъ взято изъ того же чуднаго, фантастическаго „Демона“ Лермонтова, къ которому уже не разъ обращалась мысль художника. Наши картины изображаютъ два момента поэмы: **1) Пляска Тамары и 2) Умершая Тамара въ цвѣтахъ, окруженная родными.** Достоинства блестящаго таланта **М. Зичи** слишкомъ извѣстны. **Прелесть лицъ, блескъ красокъ живописныхъ восточныхъ костюмовъ, переданы художникомъ съ его обычнымъ мастерствомъ.** Такимъ образомъ „Нива“ и въ будущемъ 1880 г. будетъ стремиться дать своимъ подписчикамъ оригинальныя произведенія самыхъ талантливыхъ писателей и художниковъ.

Подробное объявленіе о подписныхъ цѣнахъ можно видѣть на 1-ой страницѣ помера подъ титуломъ.

Желающихъ **подписаться** на будущій 1880 г. „Нивы“ просятъ **заблаговременно** обращаться въ **Главную Контору редакціи журнала „Нива“, помѣщающуюся въ С.-Петербургѣ, Большая Морская ул., д. № 9.**

Издатель „Нивы“ А. Ф. Марксъ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Фаустово, В. С—кову. Въ присланныхъ вами на этотъ разъ строчкахъ нѣтъ даже размѣра.

Архангельскъ, Nemo. Ваше подражаніе Гуду, переложенное на русскіе нравы, неудачно. Сообщаемое нами желвніе:

Ты рубашку для меня
Стойка поскорѣй!

Одно отличается энергіей выраженія.

Спб. А. Си—цыну.

Океанъ! Твоя вода
Бываетъ въ солнышкѣ смѣятся...

Высоко же вода забралась смѣяться.

Спб. М. И—ну. Первый вашъ опытъ *Ошибка* въ фальшь вамъ не ставится, но въ другой разъ лучше не ошибайтесь.

С.-Петербургъ. Паншину, П. Грикуксву; Мозырь—Юл. Лапичу, Болховъ - Хупцкому. Присланныя вами задачи будутъ помѣщены въ ближайшихъ №№.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала «Нива» покорнѣйше проситъ гг. иногородныхъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.

СОДЕРЖАНІЕ: Первый русскій пароходъ (съ рис.)—Касимовская невѣста. Историческій романъ Вс. Соловьева (Продолженіе)—На днѣ шахты. (Разсказъ). Исторія Суэзскаго канала. Статья Ф. Лессепса. Марокскій султанъ. Черныя невольницы (съ 2 рис.)—Построеніе ковчега (съ рис.)—Врата Софійскаго Собора въ Новгородѣ (съ рис.).—Житейская мудрость (съ рис.)—Д. А. Орловъ (съ портр.) А. Г. Меньшикова (съ портр.)—Во льдахъ. Послѣднее донесеніе Норденшильда.—Политическое обозрѣніе.—Новыя изобрѣтенія: I. Составъ для предохраненія отъ порчи труповъ. II. Американская прачешная машина (съ рис.)—Разныя извѣстія.—Стѣнные календари на 1880 г.—Ребусъ.—Магическіе квадраты.—Задача ходъ коня.—Къ нашимъ читателямъ.—Почтовый ящикъ.—О перемѣнѣ адреса.—Объявленіе.

Издатель А. Ф. Марксъ. Редакторъ Ф. Бергъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

АМЕРИКАНСКАЯ МУКОМОЛЬНАЯ МЕЛЬНИЦА

съ коннымъ приводомъ въ 2 и 4 лошади мелятъ въ часъ 9 и 15 пудовъ.

Улучшенный прессъ для прессованія сѣна, вѣялки, сортировки, конные приводы, дробилки для овса, желѣзные плуги, соломорѣзки, жатвенныя машины, пожарныя трубы и машины всякаго рода, продаются за умѣренныя цѣны.

Депо машинъ Эд. Флугъ.

Вознесенскій просп. № 11.

№ 356 2—1

!! НОВО !! ВАЖНО ДЛЯ КУРЯЩИХЪ !! НОВО !!

ПАПИРОСНЫЙ АВТОМАТЪ Мартина Вріе и Комп.

патентованъ во взей Европѣ.

Состоящій изъ ящика для табака съ самодѣйствующею папиросною машиною въ крышкѣ. Способъ употребленія очень простъ в моментаденъ и могутъ быть приготовляемы, по желанію, большія и маленькія папиросы. Кладутъ бумагу и табакъ въ аппаратъ, закрываютъ крышку и готовая папироса является на закрытомъ пщикѣ.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ДЛЯ ВСЕЙ РОССІИ у И. ФОРЪ,

на Больш. Морской д. Тура, № 21, возлѣ магазина Кумберга.

Цѣны 1-го количества:

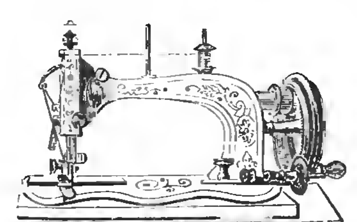
изъ никеля гладкій . . . 3 р.
тоже грав. или въ кожѣ 3 р. 50 к.
вызолочен. и грав. . . . 4 р.

Торговцамъ дѣлается больш. уступка. Требуютъ агентовъ. Пересылка во всѣ мѣста Россіи за что считаютъ 50 коп. № 360 1

Гостинница Hotel d'Angleterre въ Берлинѣ.

Давно извѣстное заведеніе, мѣстоположеніе отличное, самыя умѣренныя цѣны. № 125 20—19

Невскій проспектъ, домъ № 80. **ГЕНРИХЪ ГЕТЦЪ** между Литейной и Надеждинской.



Рекомендуетъ новѣйшую усовершенствованную швейную машину системы

ЗИНГЕРЪ

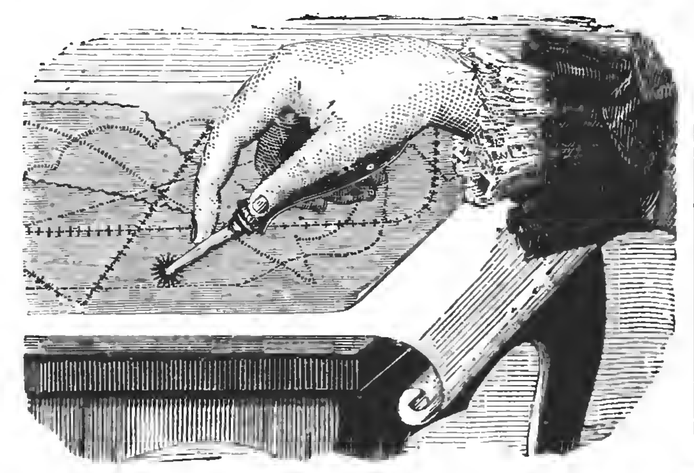
съ ручнымъ и ножнымъ ходомъ.

Большой складъ швейныхъ машинъ всѣхъ системъ, для семействъ, бѣлошвеекъ и ремесленниковъ.

Ручныя машины отъ . . . 12 руб.
Ножныя « « . . . 40 «

Ручательство на нѣсколько лѣтъ, собственное механическое заведеніе для починки машинъ. Заказы гг. иногородныхъ исполняются точно и со строгою аккуратностью. № 296 1—1

РѢЗЦЫ ДЛЯ СНЯТІЯ ВЫКРОЕКЪ.



Рѣзцы подобнаго образца необходимы при снятіи выкроекъ; цѣна безъ футляра 75 к., съ перес. 1 р. 25 к; съ футляромъ 1 р. съ перес. 1 р. 50 к., можно получить въ Конторѣ Редакціи „Нива", въ СПБургѣ, Б. Морская, № 9.

ОПТИКЪ И МЕХАНИКЪ Г. ШТРАУСЪ.

44. Невскій просп., противъ Гостиннаго двора, домъ Лонгиновой. 44.

Съ ручательствомъ за вѣрность!

предлагаю почтеннѣйшимъ гг. покупателямъ только что вновь полученные изъ-за границы наружные, комнатные, ванные, медицинскіе и т. п.

= ТЕРМОМЕТРЫ =

со ртутью и со спиртомъ, въ самыхъ разнообразныхъ оправахъ и въ громадномъ выборѣ, по весьма умѣреннымъ цѣнамъ, начиная съ 40 коп.

№ 317 1—1 Преемникъ И. Я. Урлаубъ.

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ

американскихъ швейныхъ и вязательныхъ машинъ и машинъ для закладыванія плиссэ

Г. ТИЛЕ.

СПБ. Невскій проспектъ № 56.

СПЕЦІАЛИСТЪ И ИЗОБРѢТАТЕЛЬ ПАТЕНТОВАННОЙ ВЪ Европѣ и Америкѣ швейной машины

ПАТЕНТЪ ТИЛЕ.

Машины для ремесленниковъ, отъ мелкихъ до самыхъ сильныхъ работъ, какъ-то: для портныхъ, сапожниковъ, сѣдельниковъ, шорниковъ, корсетниковъ и др.

СЕМЕЙНЫЕ РУЧНЫЕ И НОЖНЫЕ ВСѢХЪ СИСТЕМЪ:

Зингеръ, Гау, Виллеръ и Вильсонъ, Дэвисъ, Гроверъ, Бэкеръ, Саксонія, Бруннонія, Принцесъ, Линкольнъ, Суперіоръ, ЛитльВанцеръ, Литль Краунъ Гамильтонъ и др. пріобрѣтенія изъ *лучшихъ* фабрикъ и при *дешевыхъ цѣнахъ* дается самая *обширная* гарантія,

Иллюстрированные прейсъ-куранты высылаются желающимъ безплатно.

Машинныя части всѣхъ системъ въ запасѣ и на заказъ.

Большой выборъ и складъ шелка бумаги и нитокъ, иголокъ, масла и т. п. самаго лучшаго качества.

Примѣчаніе: (Подержанныя машины обратно не принимаются).

Магазинъ и контора въ С.-Петербургѣ, уголъ Невскаго просп. и Малой Садовой, д. № 56, противъ памятника Екатерины II.

Изданіе А. Ф. Маркса, въ С.-Петербургѣ,

Большая Морская, д. № 9.

„НИВА"

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ СЕМЕЙНАГО ЧТЕНІЯ.

1878 года.

Большой томъ, болѣе 1,000 страницъ текста и 600 художественно выполненныхъ гравюръ, около 20 повѣстей, разсказовъ и до 200 популярно-научныхъ статей по естествознанію, зоологіи, астрономіи и пр., вмѣстѣ съ двумя оригинальными акварельными преміями—картины Алексѣя **Кившенко:**

1) Бояринъ Борисъ Годуновъ и кудесники, предсказывающіе ему престолъ.
2) Царь Борисъ Годуновъ и его дѣти: Ксенія и Ѳеодоръ.

ЦѢНА ЭТАГО БОЛЬШАГО ТОМА:

Брошюр. . 4 р. — к.	Въ прост.	Въ каленк.
Съ перес. 5 „ 50 „	перепл. 4 р. 75 к.	перепл. . 5 р. 50 к.
	Съ перес. 6 „ 25 „	Съ перес. . 7 „ — „

Изданіе А. Ф. Маркса въ С.-Петербургѣ.

Большая Морская, д. № 9.

ДВУНОГІЙ ВОЛКЪ, романъ въ 2-хъ част. *Н. Каразина съ 20 рисунками автора*, печатанъ на лучшей альбомной бумагѣ. Романъ этотъ знакомитъ читателя съ туркестанскимъ краемъ и переведенъ на нѣм. и англ. языки, что краснорѣчиво говоритъ въ его пользу. Ц. 2 р. съ перес. 2 р. 30 к. Для подписч. „Нивы" 1 р. 80 к. съ перес. 2 р.

КНЯЖНА ОСТРОЖСКАЯ. Историческая повѣсть *Вс. Соловьева.* Сюжетъ заимствованъ изъ русской исторіи и въ развитіи своемъ представляетъ большой интересъ. Томъ этотъ украшенъ 20 рисунками художника *И. С. Панова*, и гравиров. лучшими мастерами. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к., для подп. „Нивы" 1 р. 80 к., съ перес. 2 р.

ВЪ КАМЫШАХЪ, повѣсть **Н. Каразина**, съ 89 рисунками автора, большой томъ in 8—всего 304 стр. Цѣна **2 руб.**, съ пересылкой **2 руб. 30 к. Подписчики „Нивы" за пересылку не платятъ.**

Повѣсть эта яркими красками рисуетъ жизнь Туркестанскаго края; достоинства ея достаточно доказываются уже тѣмъ, что повѣсть эта переведена на нѣмецкій, французскій и англійскій языки. Нынѣ вышедшее второе изданіе заключаетъ въ себѣ 36 рисунковъ; оно гораздо богаче и лучше, чѣмъ, уже распроданное, первое изданіе этой повѣсти.

ВЪ РЕДАКЦІИ ЖУРАЛА „НИВА"

продается иллюстрированный журналъ „Нива" 1875 и 1876 годовъ

ЦѢНА КАЖДОМУ ТОМУ, Т. Е. ГОДОВОМУ ИЗДАНІЮ, СЪ ПРЕМІЯМИ

Брошюрованному	Въ простомъ переп.	Въ каленкор. перепл.
Безъ перес. 4 р. —	Безъ перес. . 4 р. 75	Безъ перес. 5 р. 50
съ перес. . 5 р. 50	съ перес. . . 6 р. 25	съ перес. . 7 р. —

Пріобрѣтающіе оба тома разомъ получаютъ 25% уступки (но только съ книги, а не съ переплета или съ пересылки).

Каждый томъ „Нивы" заключаетъ въ себѣ 20—25 повѣстей, нѣсколько большихъ романовъ, до 200 статей по всѣмъ отраслямъ наукъ, искусствъ, современной жизни и проч. и до 700 художественно выполненныхъ рисунковъ. Помѣщенныя въ каждомъ томѣ повѣсти въ отдѣльной продажѣ стоили бы болѣе 20 рублей. Каждый покупатель тома „Нивы" имѣетъ право на полученіе всѣхъ къ нему приложенныхъ безплатныхъ премій. Приложенія къ „Нивѣ" 1875 года 2 картины 1) **Смерть Юлія Цезаря**, картина профессора Пилоти 2) **Мадонна Севильская**, картина Севастіана Мурильо,—Приложенія къ „Нивѣ" 1876 года; **Спящая Красавица**, картина Э. Велэ, печатана масляными красками въ 20 тонахъ. № 186

ПРОДАВЦЕВЪ КАРТИНЪ

олеографическихъ съ рамками и безъ оныхъ приглашаютъ для Россіи. За подробностями и образцами просятъ обращаться въ художественое заведеніе **В. Мундерса, въ г. Канштатѣ на р. Некарѣ, въ Вюртембергѣ.**

№ 303 4-4

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ

ВСЕОБЩІЙ КАЛЕНДАРЬ на 1880 г. Цѣна въ бум. 1 р., съ перес. 1 р. 30 к.; въ папкѣ 1 р. 30 к., съ перес. 1 р. 60 к.; въ переплетѣ 1 р. 50 к. съ перес. 2 р.

Изданіе Германа Гоппе въ С.-Петербургѣ.

№ 322 3—3

№ 324 **ТВЕРДОСТЬ ХАРАКТЕРА.** 6—3

Ром. изъ современной жизни, съ событіями послѣдней войны 1876—77 гг. Сочиненіе **В. Марьина.** Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 25 к. Книгопродавцамъ обычная уступка.

Складъ изданія въ книжной торговлѣ при редакціи «Собранія Романовъ», въ д. Жербина, на Михайловской площ., въ С.-Петербургѣ.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ „РОССІЙСКОЙ БИБЛІОГРАФІИ“ (ЭМИЛЬ ГАРТЬЕ).

27. Невскій просп. у Казанск. моста. 27, въ С.-Петербургѣ.

1, принимаетъ подписку на всѣ журналы и газеты русскія и иностранныя.

2, высылаетъ по требованію всякія книги, музыкальныя ноты, географическія карты, учебныя пособія и пр.; какъ русскія, такъ и заграничныя изданія.

3, принимаетъ на складъ провинціальныя изданія.

Всѣ порученія исполняются съ строгою аккуратностью. **Постоянные покупатели получаютъ безплатно ежемѣсячные систематические каталоги новыхъ русскихъ и иностранныхъ книгъ** № 329 4—3

КНИЖНАГО СКЛАДА „РОССІЙСКОЙ БИБЛІОГРАФІИ“.

МЕЖДУНАРОДНАЯ

ЦЕНТРАЛЬНАЯ КОНТОРА ПУБЛИКАЦІЙ

Н. МАТИСЕНА,

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,

28—21. Невскій проспектъ, у Казанскаго моста, **28—21.**

принимаетъ публикаціи во всѣ газеты, подписка на оныя, какъ въ С.-Петербургѣ, такъ и во всей Россіи и за границей по цѣнамъ редакцій, дѣлаетъ также переводы и переписки на всѣхъ языкахъ, копіи весьма скоро, составляетъ прошенія, черченіе плановъ, помѣщаетъ объявленія въ главныхъ гостинницахъ С.-Петербурга и на желѣзныя дороги.

№ 315 3—3

Съ 1-го января 1880 года будетъ выходить въ Москвѣ, безъ предварительной цензуры, книгами отъ 20 до 30 листовъ ежемѣсячно,

ЖУРНАЛЪ

УЧЕНЫЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Заглавіе нашего журнала опредѣляетъ его цѣль.

Народъ русскій сложился подъ вліяніемъ равнины, имъ населенной, и только на маломъ протяженіи ея границъ, омываемой моремъ. Онъ не зналъ ни феодальнаго права, ни права городовъ, отличнаго отъ права остальной земли, расчленявшихъ тѣла западныхъ народовъ на части, враждебныя другъ другу. Онъ воспитанъ тою христіанскою церковью, въ основу которой положено начало соборнаго, свободнаго единенія въ любви, церковью, вызвавшей и воспитавшей много неоцѣнимо-драгоцѣнныхъ, христіанскихъ сторонъ въ общенародной русской душѣ, но недостаточно содѣйствовавшей развитію сознанія личности, вслѣдствіе особыхъ условій русской исторіи.

Потому въ народѣ русскомъ, укрѣпленномъ многострадальною его исторіей въ силѣ долготерпѣливаго подвига, развилось и окрѣпло нерзрывное, внутреннее единство, нравственные инстинкты, добродѣтели и пороки, отличные отъ нравственныхъ инстинктовъ, достоинствъ и недостатковъ другихъ народовъ, воспитанныхъ другими христіанскими церквами, другою мѣстною природою и другими историческими судьбами.

При такихъ условіяхъ иныя данныя представляетъ русскій народъ для рѣшенія общечеловѣческихъ вопросовъ общественной и политической жизни, не тѣ, которыя даетъ жизнь другихъ народовъ; иначе ставятся для него такіе вопросы и иной открывается предъ нимъ самостоятельный путь къ общей для всего человѣчества цѣли,—къ осуществленію лучшихъ формъ жизни,—къ царству правды на землѣ.

На русскомъ народѣ, пришедшемъ на поприще исторіи позднѣе другихъ народовъ и начавшемъ свое внутреннее развитіе послѣ нихъ, лежитъ обязанность, усвоивъ умственныя сокровища, добытыя ихъ опытомъ и мыслію, продолжать творческое дѣло человѣчества, стремясь рѣшить общія для всѣхъ народовъ задачи жизни и примирить тѣ противорѣчія, возникающія въ ней, передъ которыми со страхомъ и недоумѣніемъ останавливается жизнь другихъ просвѣщенныхъ народовъ въ силу особыхъ затрудненій, представляемыхъ ихъ бытомъ, и рѣшеніе которыхъ доступнѣе для быта русскаго народа. На великомъ поприщѣ исторіи, гдѣ могутъ свободно жить и дѣйствовать лишь умныя силы человѣчества, будущность за тѣмъ только народомъ, который, сознавъ самаго себя, какъ самобытную нравственную личность и свое историческое призваніе, неуклонно и самостоятельно идетъ къ осуществленію въ жизни законовъ правды и свободы, какъ воплощенію любви.

Здѣсь—обширное поле для работы русской мысли и этой работѣ открываемъ мы страницы нашего журнала.

Убѣжденные, что историческія судьбы русскаго народа тѣсно связаны съ судьбами единоплеменныхъ съ нами славянскихъ народовъ, что только въ хорѣ всѣхъ, братски между собою соединенныхъ, независимыхъ и свободныхъ членовъ славянской земли обрѣтетъ русскій народъ возможность раскрыть всю мощь и полноту своихъ творческихъ силъ, мы приглашаемъ всѣхъ, раздѣляющихъ съ нами такое воззрѣніе, къ участію въ нашемъ журналѣ своими трудами по этому вопросу. Ни одна мысль, ни одинъ фактъ, способные выяснить идею о славянскомъ единеніи и пути къ осуществленію ея, не должны исчезнуть безслѣдно для русскаго сознанія.

Изъ предыдущаго ясно, что мы, назвавъ нашъ журналъ „Русскою Мыслію“ далеки отъ самонадѣяннаго мнѣнія, что русская мысль, подобно Минервѣ, явится во всеоружіи на страницахъ нашего журнала. Само собою разумѣется, мы также далеки отъ того, чтобы приписывать исключительно себѣ призваніе или нравственное право работать на русскую мысль: вся русская печать положительно или отрицательно, сознательно или несознательно работаетъ на нее. Нашимъ заглавіемъ мы хотѣли только сказать, что это дѣло станимъ для себя главною и первою задачей.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

1) Изящная словесность; 2) Науки и искусства; 3) Русская жизнь; 4) Славянскіе народы; 5) Иноплеменные народы; 6) Критика; 7) Русская и иностранная журналистика; 8) Политическое обозрѣніе; 9) Внутреннее обозрѣніе; 10) Разныя извѣстія; 11) Библіографія; 12) Смѣсь.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Москвѣ, въ книжныхъ магазинахъ—*Мамонтова*, на Кузнецкомъ мосту, *Соловьева* и *Васильева*, на Страстномъ бульварѣ, въ типографіи *Погодиной*, близъ Больш. Каменнаго моста, въ домѣ Котельниковой, въ книжномъ и картинномъ магазинѣ журнала «*Свѣтъ и Тѣни*» на Петровкѣ, Петровскія торговыя линіи *магазинъ № 15*, и въ **конторѣ редакціи,** на Малой Дмитровкѣ, въ домѣ Ролседеръ; для иногородныхъ исключительно въ конторѣ редакціи; **въ Петербургѣ:** въ книжныхъ магазинахъ—*Исакова*, «для иногородныхъ» и *Мамонтова*. **Плата за годъ,** съ 1-го января 1880 г. по 1-е января 1881 года: безъ доставки—15 рублей, съ доставкою—16 руб. съ пересылкою—17 руб. Книжные магазины пользуются обычной уступкой.

Издатель **В. Лавровъ.**
Редакторъ **С. Юрьевъ.**

№ 351. 1—1

„ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННЫЙ ВѢСТНИКЪ“

ВЪ 1880 ГОДУ.

будетъ издаваться на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ предыдущія шесть лѣтъ своего существованія, т. е. будетъ заключать въ себѣ отдѣлы церковный, общественный, политическій и библіографическій, и выходить три раза въ недѣлю, безъ предварительной цензуры.

По примѣру прежнихъ лѣтъ *годовымъ* подписчикамъ будетъ разослано безплатное приложеніе подъ названіемъ **«Календарь для духовенства»** на 1880 годъ. Въ составъ его, между прочими необходимыми для духовенства свѣдѣніями, войдутъ: 1) Полный текстъ устава духовныхъ консисторій, со всѣми дополненіями и измѣненіями, какія узаконены въ немъ правительственною властію (въ такомъ видѣ уставъ этотъ появится въ печати въ первый разъ); 2) полный сводъ постановленій о церковномъ причтѣ, составленный покойнымъ Филаретомъ, архіепископомъ черниговскимъ; 3) полный сводъ постановленій Св. Синода, касающихся съѣздовъ духовенства и многія другія.

Въ числѣ статей, которыя имѣется въ виду напечатать въ **«Церковно Общественномъ Вѣстникѣ»** 1880 года, редакціею пріобрѣтено обширное изслѣдованіе покойнаго Д. И. Ростиславова «Объ ученомъ монашествѣ». Печатаніе его начнется съ первыхъ же №№ **«Церковно Общественнаго Вѣстника»** на 1880 годъ.

Условія подписки на будущій годъ, съ доставкою и пересылкою, слѣдующія: въ Россіи—на годъ **7** рублей, на полгода **4** рубля; за границей—на годъ **10** рублей.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ Редакціи **«Церковно-Общественнаго Вѣстника»**, на Пескахъ, по Конно-Гвардейской улицѣ, № 59. Редакторъ-издатель **А. Поповицкій.**

№ 314 3—2

МЕТОДА ОЛЛЕНДОРФА.

КНИГА ДЛЯ ИЗУЧЕНІЯ ФРАНЦУЗСКАГО ЯЗЫКА ВЪ 5½ МѢСЯЦЕВЪ.

САМОУЧИТЕЛЬ ФРАНЦУЗСКАГО ЯЗЫКА.

Предлагаемый русскимъ, желающимъ выучиться безъ помощи учителя въ 5½ мѣсяцевъ правильно читать, писать и говорить по французски. Составленъ по новѣйшему усовершенствованному методу извѣстнаго проф. г. ОЛЛЕНДОРФА, съ дополненіемъ въономъ учебникѣ для учащагося новаго легчайшаго способа научать французскія слова и цѣлую рѣчь необриженными русскими буквами.—Обработанъ подъ редакціею учителей французскаго языка ЮЛ. АЛЬБЕРТА и А. В. СВѢТЛОВСКАГО.—Съ дополненіемъ особой части, въ которой помѣщены легкіе французскіе разговоры, необходимые въ особенности для путешествующихъ русскихъ за границей.

Москва 1879—1880. Ц. 2 р. съ пересылкою.

Примѣчаніе. Приступивъ къ изданію настоящаго французскаго учебника, мы составители, первымъ долгомъ признали крайне необходимымъ собрать лучшія руководства, какъ вспомогательные матеріалы, какія только были до сего времени изданы для изученія французскаго языка, и при этомъ сочли святою обязанностью дать публикѣ не какую либо жалкую компиляцію, изъ среды которой и безъ того уже не мало развивается такихъ популярныхъ изданій между русскаго люда, того русскаго люда, который съ стремящейся жаждою любознательности старается изыскать средство изучить французскій языкъ, по необходимости, безъ помощи учителя, то есть найдти то дѣльное руководство, которое было бы составлено толково и просто и могло вполнѣ удовлетворить цѣлесообразному требованію. Рекомендуемъ нашу книгу желающимъ ее имѣть, въ которой мы даемъ вѣрный и новый пріемъ выучиться по-французски говорить, писать и правильно читать безъ малѣйшей помощи учителя въ самое кратчайшее время. При составленіи онаго самоучителя, нами были пересмотрѣны всѣ лучшіе учебники со всѣми упрощенными методами, изъ которыхъ мы и составили полный и ясный толковый конспектъ преимущественно изъ статей легкихъ разговоровъ и фразъ съ легкой, простоизложенной французской грамматикой. Кромѣ того, мы нашъ учебникъ для самоучекъ обработали, дополнили и усовершенствовали по новой системѣ, еще до сего времени небывалой ни въ одномъ изъ лучшихъ учебниковъ, за исключеніемъ въ своемъ родѣ прекраснаго изданія доктора Хана, который былъ одобренъ учебнымъ комитетомъ и распродался съ поразительной быстротой въ самое короткое время, а новымъ изданіемъ до сего времени не появлялся; но этому-то прекрасному методу и по системѣ извѣстнаго всей Европѣ профессора Оллендорфа и другихъ знаменитостей и составлена наша книга для самоучекъ, но уже съ большими дополненіями и измѣненіями и съ указаніемъ новыхъ пріемовъ, которые даютъ полную возможность и вѣрный способъ въ кратчайшее время, какъ было выше сказано, научиться правильно говорить по-французски, а также читать и писать. Въ настоящее время это сдѣлалось почти необходимымъ, такъ какъ французскій языкъ, при знаніи котораго, безъ затрудненія можно изъѣздить всю Европу, потому что онъ сдѣлался, безъ преувеличенія скажемъ, обще-европейскимъ, преимущественно необходимъ торговому сословію. Важныя преимущества нашъ учебникъ имѣетъ еще въ томъ отношеніи, что мы помѣстили въ него новый пріемъ: выговоръ по-французски здѣсь же подъ каждымъ словомъ объясненъ по-русски, то есть русскими буквами, такъ что эта система даетъ полную возможность самоучкѣ, при занятіи только одного часа въ сутки, въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ, слегка объясняться въ обществѣ, на балахъ, въ прогулкахъ на французскомъ языкѣ и писать дружескія и коммерческія письма. Мы уже сказали, что въ продажѣ популярныхъ изданій французскихъ самоучителей имѣется много, но какъ они составлены и какому языку по нимъ можно научиться, про это знаетъ одинъ Аллахъ. Должно принять къ свѣдѣнію, что здѣсь не говорится о французскихъ учебникахъ, которые спеціально преподаются въ учебныхъ заведеніяхъ и про другія учебныя руководства, составители которыхъ извѣстны въ учебномъ педагогическомъ мірѣ. Примите увѣреніе и пр.

ЮЛ. АЛЬБЕРТЪ и В. СВѢТЛОВСКІЙ.

КНИГА продается у книгопродавца ПОПОВА, рядомъ съ Пассажемъ, на Невскомъ, куда могутъ обращатся и книгопродавцы. Гг. же иногородныхъ и московскихъ покупателей исключительно просимъ обращаться въ МОСКВУ, въ главный складъ къ книгопродавцу и издателю ЗЕМСКОМУ, на Никольскую улицу, въ д. Московской Ремесленной Управы.

№ 249 1—1

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА
С.-ПЕТЕРБУРГСКІЯ ВѢДОМОСТИ 1880 ГОДА:

„С.-Петербургскія Вѣдомости“ въ 1880 году будутъ выходить, какъ выходятъ и нынѣ. ежедневно, листами большаго формата подъ прежнею редакціей.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:	На годъ	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м
Безъ доставки	14 р. 50 к.	13 р. 75 к.	13 р. — к.	12 р. — к.	10 р. 50 к.	9 р. 50 к.	8 р. 50 к.	7 р. — к.	5 р. 50 к.	4 р. 50 к.	2 р. 80 к.	1 р. 50 к.
Съ дост. по гор. почтѣ . . .	16 « — »	15 » — »	14 » — »	13 » — »	11 » 50 »	10 » 50 »	9 » 50 »	8 » — »	6 » 50 »	4 » 80 »	3 » 30 »	1 » 80 »
Съ пересылкою иногор. . .	17 » — »	16 » — »	15 » — »	14 » — »	13 » — »	12 » — »	10 » — »	9 » — »	7 » — »	5 » 50 »	4 » — »	2 » 30 »
Съ пересылкою за границу	24 » — »	22 » — »	20 » — »	18 » — »	16 » — »	14 » — »	13 » — »	12 » — »	10 » — »	7 » — »	5 » — »	3 » — »

Съ казенными прибавленіями въ годъ 19 р. 50 к., съ пересылкою и доставкою 18 р 50 к.

Подписываться можно на всѣ сроки не иначе, какъ съ 1-го числа каждаго мѣсяца, съ доставкою по городской почтѣ въ Петербургѣ и пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи, и безъ доставки, съ полученіемъ нумеровъ въ конторѣ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ С. Петербургѣ—въ конторахъ газеты: 1) на углу Невскаго и Литейной, д. № 59–62, и 2) на Владимірской ул., д № 14.

Допускается разсрочка платежа подписныхъ денегъ для служащихъ—по третямъ, черезъ ихъ казначеевъ; неслужащіе же могутъ обращаться со своими заявленіями въ Петербургѣ—въ главную контору редакціи.

Подписчики, которымъ допускается разсрочка въ платежѣ за годовой экземпляръ съ пересылкою, доставляютъ деньги въ слѣдующіе сроки: при самой подпискѣ 7 р., въ концѣ марта 7 р. и въ началѣ августа 3 р., съ доставкой въ Петербургѣ—уплачиваютъ конторѣ при самой подпискѣ 5 р. 50 к., въ концѣ марта 5 р. 50 к. и въ концѣ іюля 5 р.

Главная контора проситъ гг. иногороднихъ подписчиковъ обозначать тѣ ближайшія станціи, гдѣ есть почтовыя учрежденія. въ противномъ случаѣ С.-Петербургскій почтамтъ за правильную доставку газеты не отвѣчаетъ.

№ 352 2-1

№ 350 2—1

ДВА ИЗДАНІЯ
(ГАЗЕТА И ЖУРНАЛЪ)
ЗА 8 РУБ. ВЪ ГОДЪ СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ.

Въ 1880 году газета

„НЕДѢЛЯ“

БУДЕТЪ ВЫХОДИТЬ СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

ЖУРНАЛА
РОМАНОВЪ и ПОВѢСТЕЙ“.

ГОДОВАЯ ЦѢНА ЗА ОБА ИЗДАНІЯ

8 Р. СЪ ПЕРЕС.

«НЕДѢЛЯ» выходитъ еженедѣльно, тетрадями, въ 2 большихъ печатныхъ листа всего въ количествѣ 52 №№ въ годъ, Содержаніе ея: передовыя статьи по русскимъ и иностраннымъ текущимъ вопросамъ; внутренняя и политическая хроника; очерки, разсказы и стихотворенія; статьи историческія, экономическія и общественныя, литературно критическія и др.; письма изъ провинціи и за-границы; разныя извѣстія, фельетонъ и проч.

«ЖУРНАЛЪ РОМАНОВЪ и ПОВѢСТЕЙ» выходитъ ежемѣсячно, книжками отъ 12 до 15 листовъ каждая, всего 12 книжекъ въ годъ. Въ немъ помѣщаются исключительно романы и повѣсти, какъ русскіе, такъ и переводные.

Въ вышедшихъ книжкахъ „Журнала Романовъ и Повѣстей“ напечатаны слѣдующія произведенія: «НЕЧАЯННО», повѣсть въ двухъ частяхъ **Я. П. Полонскаго**; «ПОДЪ ГРОЗОЙ», повѣсть (изъ временъ прошедшей войны). «ЧЕЛОВѢКЪ БО ЕСМЬ», историческій романъ **Георга Эберса**. «АРІАДНА», повѣсть **Уиды**. «ДОРОГОЙ ЦѢНОЙ», романъ **Вернера**. „НИЗИНА“, романъ **Фр. Шпильгагена**. «ДОЧЬ ЕЯ ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВА», повѣсть **Поля Гейзе**. «ТАНКРЕДЪ», романъ **лорда Биконсфильда**. „ОТОМСТИЛА“, изъ разсказовъ **Миссъ Кавенегъ** «ПРОСВѢТИТЕЛЬ», (изъ дневника педагога). «ДВѢНАДЦАТЫЙ ГОДЪ», историческій романъ **Д. Л Мордовцева**. „НЕ ДЛЯ ВСЯКАГО“, разсказъ **А Н.** «НА ПОРОГѢ ЖИЗНИ» романъ **Ольги Шапиръ**. ВЪ ЦАРСТВѢ ЧЕРТОЧЕКЪ И ТОЧЕКЪ», изъ жизни русскихъ телеграфистовъ. «ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ СВѢТА», романъ **Этт Пн съ**. «ОНА ПРИДЕТЪ», романъ изъ монастырской жизни. «СЕМЕЙНЫЙ РАЙ», быль **Л. Рускина**. «БЛУЖДАЮЩІЯ ЗВѢЗДЫ», повѣсть. «ЛѢСНАЯ И ВОДЯНАЯ УСЛАДА», разсказъ **Теодора Шторма** «ИСКУПЛЕНІЕ», романъ **Эмиля Золя**. ПРИКЛЮЧЕНІЯ КИТАЙЦА“, повѣсть **Жюля Верна**. «ПРОЖИТЬ НА ВѢКЪ», романъ **Родье Бротонъ** „ДВА ДОМА“, романъ **Марлита**.

ПОДПИСКА НА 1880 ГОДЪ ОТКРЫТА

Подписка принимается: въ СПБ. въ редакціи «Недѣли», на углу Ивановской и Кабинетской, № 6—12.

Редакторъ-издатель **П. А. Гайдебуровъ**.

КРЫШКИ

для переплета „НИВЫ“ 1879 и также 1880 гг. по вышепоказанному образцу 1 р., съ пересылкою 1 р. 50 к. Каждый простой переплетчикъ въ губернскомъ городѣ легко можетъ переплесть „Ниву“ въ такую коленкоровую крышку.

Въ книжномъ магазинѣ **С. П. ГЛАЗЕНАПА** (Поварск. пер., 15, СПБ).

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЕ ОТРЫВНЫЕ КАЛЕНДАРИ на 1880 г.:

КАЛЕНДАРЬ-ТЕРМОМЕТРЪ.

Ц. **1 р.**, съ перес. **1 р. 50 к.**, безъ термометра **75 к.**, съ перес. **1 р. 20 к.**

ВОЕННЫЙ КАЛЕНДАРЬ

съ необходим. свѣд. для гг. военныхъ. Ц. **1 р.**, съ перес. **1 р. 50 к.**, съ терм. **1 р. 25 к.**, съ перес. **1 р. 75 к.**

СЕМЕЙНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

съ росписаніемъ обѣдовъ на кажд. день. Ц. **75 к.**, съ пер. **1 р. 20 к.**, съ термом. **1 р.**, съ перес. **1 р. 50 к.**

Тамъ же продается самая полная

НОВАЯ ПОВАРЕННАЯ КНИГА ДЛЯ МОЛОДЫХЪ ХОЗЯЕКЪ
СКОРОМНЫЙ И ПОСТНЫЙ
„ДОМАШНІЙ СТОЛЪ“.

Составл. А. Толивѣровой и А. Сальниковой.

Ц. 1 р,, съ перес. 1 р. 25 к., въ перепл. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р, 75 к.

Въ книгѣ **„Домашній столъ“** кромѣ объясненія, какъ приготовлять 366 обѣдовъ, помѣщенныхъ въ „Семейномъ календарѣ“, находятся рецепты приготовленія: куличей, пасокъ, кваса, соленія и копченія рыбы и **мяса, а** также средства предохраненія провизіи отъ порчи и проч.

Покупающіе **„Семейный календарь“**, пріобрѣтаютъ **«Домашній столъ»** за **75** к., а въ перепл. за **1** р **25** к. Всѣ требованія иногороднихъ исполняются немедленно.

№ 353 1

1880 г. **Х-й г. изданія.**

СЕМЬЯ и ШКОЛА
ПЕДАГ. и ИЛЛЮСТР. ДѢТСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

I) **Полное изданіе**, сост. изъ **22** книгъ и **40** №№ «Педагог. Хроники». Подписная цѣна съ перес. **12** руб. **Отдѣльно:**

II) **Семейное чтеніе въ Семьѣ и Школѣ** (отдѣлъ для дѣтскаго чтенія. **12** книгъ. въ годъ. Подписная цѣна съ перес. **10** руб.

III) **Воспитаніе и обученіе въ Семьѣ и Школѣ съ педагог.** хрон. **10** книгъ и 40 №№ педаг. хрон. въ годъ. Подписная цѣна съ перес. **5** руб.

Подписка адресуется. въ Спб., въ редакцію журнала **«Семья и Школа»** (Васильевскій Островъ, 15 лин. № 8).

№ 348 10-1

НАСТОЯЩІЯ ПОЧТОВЫЯ МАРКИ

для собирающихъ марки и торгующихъ ими дешево рекомендуетъ

А. БЕСТЕЛЬМЕЙЕРЪ. Гамбургъ. Новый прейсъ-курантъ № 12 высылается безплатно.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ:

КАЛЕНДАРИ НА 1880 г. ИЗД. А. ГАТЦУКА:

КРЕСТОВЫЙ
цѣна **15** коп.

Съ большимъ количествомъ рисунковъ, съ картами «Европейской Россіи» и «Средней Азіи». **Съ преміею** хромолитогравюров. стѣнной календарь.

КРЕСТОВЫЙ
цѣна **10** коп.

Съ рисунками и картой «Европейской Россіи». Предупреждаемъ отъ поддѣлокъ. Въ Крестовомъ смотрите фамилію редактора А. Гатцука.

Чрезъ почту иногороднымъ высылается:

До 1,000 вер. на 1 р —6 экз. 2 р —13 экз. 3 р. —20 экз. 7 р.—52 экз. 15 р.—112 экз.
Свыше 1,000 вер. на 1 р —5 экз. 2 р —11 э. 3 р.—18 экз. 7 р.—45 экз. 15 р.—100 экз.

До 1,000 вер. на 1 р.—9 экз. 2 р.—20 э. 3 р.—30 экз. 5 р.—55 экз. 10 р.—115 экз.
Свыше 1,000 вер. на 1 р.—7 э. 2 р —17 э. 3 р.—26 э. 5 р.—50 э. 10 р.—100 экз.

Гг торговцамъ дѣлается уступка отъ 20 до 25% съ руб. Перес. на счетъ покупателя.
Адресъ редакціи: Москва. близь Никитск. вор., уголъ Столоваго пер. д Долинской.
Складъ календарей въ Москвѣ у книгопродавца **Алексѣя Дм. Ступина**, на Никольской улицѣ. домъ Заиконоспасскаго монастыря.

1-1 № 362

Дозволено цензурою СПБ. 9 Ноября 1879 г. Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБургѣ. Тип. Веллинга. Англ. пр. № 10.

X годъ — № 47 — годъ X — 1879

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ «ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ» (отъ 20 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40).

Выданъ 19 Ноября 1879 г. Цѣна этаго № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

Дѣятели Русской литературы.

Фонвизинъ.

Русская жизнь во второй половинѣ прошлаго вѣка представляла богатый матеріалъ, какъ для хвалебныхъ пѣсенъ поэта патріота, такъ и для наблюдательнаго пера патріота-сатирика. И въ молодой литературѣ нашей, оживленной покровительствомъ и личной дѣятельностью Императрицы Екатерины II, явился рядъ писателей, которые выразили и блестящія черты этой славной эпохи, и темныя стороны нравовъ потрясеннаго петровской реформой русскаго общества. Въ главѣ этихъ писателей стоялъ— Державинъ, пѣвецъ Фемиды и „екатерининскихъ орловъ“, и Фонвизинъ, представитель высокихъ идей императрицы и живописецъ-сатирикъ тогдашняго общественнаго быта.

Денисъ Ивановичъ Фонвизинъ принадлежалъ къ давно обрусѣвшему нѣмецкому роду, но какъ по вѣрѣ, такъ по убѣжденіямъ и складу ума былъ человѣкъ вполнѣ русскій. Онъ родился въ 1744 году въ Москвѣ, гдѣ отецъ его былъ на государственной службѣ. Дѣтскіе годы его протекли въ родительскомъ домѣ, и первыми нравственными впечатлѣніями ребенка были русскія сказки, слышанныя имъ отъ однаго деревенскаго мужика, и исторія Іосифа Прекраснаго, которую разсказывалъ ему отецъ. Научась читать по-славянски, онъ полюбилъ церковную службу и часто за домашней всенощною замѣнялъ причетника. По недостатку средствъ для домашняго образованія, маленькаго Фонвизина съ братомъ опредѣлили въ открытую тогда въ Москвѣ университетскую гимназію. Патріархальное ученіе въ ней Денисъ Ивановичъ впослѣдствіи мѣтко изобразилъ въ своей автобіографіи. Онъ разсказываетъ, какъ на экзаменѣ, на вопросъ—куда течетъ Волга, одинъ ученикъ отвѣчалъ—въ Черное море, другой — въ Бѣлое, а Фонвизинъ отозвался незнаніемъ и за откровен-

Денисъ Ивановичъ Фонвизинъ. Рис. и грав. А. Нейманъ.

ность получилъ медаль. Въ гимназіи онъ однако пріобрѣлъ кой какія свѣдѣнія въ латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ и въ русской словесности.

Въ 1758 году кончившихъ курсъ учениковъ повезли въ Петербургъ для представленія куратору университета И. И. Шувалову, и въ его домѣ молодой Фонвизинъ былъ представленъ Ломоносову. Въ столицѣ больше всего поразилъ юношу спектакль, который онъ видѣлъ въ первый разъ въ жизни. „Дѣйствія, произведеннаго на меня театромъ, говоритъ онъ, почти описать невозможно: комедію, видѣнную мною, довольно глупую, считалъ я произведеніемъ величайшаго разума, а актеровъ великими людьми". Возвратясь въ Москву, Фонвизинъ началъ слушать лекціи въ университетѣ по философскому факультету и въ то же время учился французскому языку и переводилъ статьи для журналовъ. Здѣсь обнаружился въ немъ тотъ наблюдательно-сатирическій умъ, который впослѣдствіи былъ преобладающею чертою его таланта: злыя эпиграммы студента сдѣлались извѣстными всей образованной Москвѣ.

По окончаніи университетскаго курса въ 1762 году Фонвизинъ опредѣлился на службу и болѣе шести лѣтъ состоялъ чиновникомъ при кабинетъ-министрѣ И. П. Елагинѣ. Въ это время онъ попалъ въ общество той русской молодежи, которая подъ вліяніемъ Вольтера и энциклопедистовъ, заразилось религіознымъ скептицизмомъ, и самъ увлекся легкомысленнымъ кощунствомъ, плодомъ чего было извѣстное его „Посланіе слугамъ". Но увлеченіе это было непродолжительно: воспоминанія дѣтства и здравый умъ отрезвили его, а любовь къ искусству дала ему правильное направленіе: въ 1766 году онъ окончилъ переводъ „Іосифа" Битобэ и оригинальную комедію „Бригадиръ", которая послужила началомъ громкой извѣстности автора. Фонвизинъ удостоился прочесть ее императрицѣ въ Петергофѣ, послѣ чего даровитаго комика наперерывъ начали приглашать во всѣ петербургскіе салоны. Это доставило ему знакомство со многими петербургскими вельможами и сблизило съ извѣстными литераторами, Херасковымъ, Богдановичемъ и др. Но свѣтскія развлеченія мало привлекали Фонвизина: онъ больше дорожилъ прочными связями, чѣмъ обширнымъ знакомствомъ. Въ концѣ 1769 года перешелъ онъ въ Иностранную коллегію, къ графу Н. И. Панину и до конца жизни сохранилъ къ нему искреннюю преданность, пользуясь съ своей стороны полной довѣренностью знаменитаго дипломата. Благодаря этому онъ вступилъ въ переписку съ братомъ его, П. И. Панинымъ, который послѣ усмиренія пугачевскаго бунта жилъ въ отставкѣ въ Москвѣ.

Въ 1774 году Фонвизинъ женился на вдовѣ Хлоповой, урожденной Роговиковой, и получилъ за нею порядочное приданое, что доставило ему средства на путешествія за границу. Въ первый разъ онъ ѣздилъ для поправленія здоровья жены въ 1777—8 годахъ, черезъ Польшу и Германію въ Монпелье, а оттуда въ Парижъ, и писалъ путевыя письма къ П. И. Панину и любимой своей сестрѣ, Θедосьѣ Ивановнѣ Аргамаковой. По нерасположенію къ французамъ и врожденной склонности къ сатирѣ, Фонвизинъ не могъ остаться безпристрастнымъ къ тому, что видѣлъ. Въ сужденіяхъ своихъ о Франціи онъ выставляетъ на видъ однѣ темныя стороны націи, подмѣчаетъ только смѣшное и пошлое, притомъ большею частію въ каррикатурѣ, и повально унижаетъ все французское общество, не исключая и такихъ людей какъ Дидро, Д'Аламберъ, Мармонтель, которыхъ онъ называетъ шарлатанами.

Въ 1782 году явилась на сценѣ комедія Фонвизина „Недоросль", которая вызвала въ русскомъ обществѣ еще большій восторгъ, чѣмъ „Бригадиръ". Извѣстно, что при первомъ представленіи восхищенные зрители бросали на сцену кошельки съ деньгами, а Потемкинъ, увидя автора, сказалъ ему: „умри Денисъ, лучше ничего не напишешь!" Слова эти къ сожалѣнію оправдались, потому что позднѣйшія сочиненія Фонвизина были уже далеко ниже его „Бригадира" и „Недоросля". Въ 1784—5 годахъ онъ снова былъ съ женою заграницей, объѣхалъ важнѣйшіе города Италіи и въ письмахъ къ сестрѣ также односторонне рисуетъ эту страну, какъ и Францію. Отдавая справедливость ея художественнымъ сокровищамъ, онъ безпощадно чернитъ итальянскій народъ и находитъ въ немъ только черты низкія и презрительныя.

При возвращеніи въ Москву Фонвизинъ былъ пораженъ параличемъ, отчего лишился употребленія языка, лѣвой руки и ноги. При быстромъ упадкѣ тѣлесныхъ и душевныхъ силъ, прежняя веселость остроумнаго и любезнаго собесѣдника смѣнилась уныніемъ и хандрою. По совѣту врачей, Денисъ Ивановичъ поѣхалъ въ 1786 году въ Карлсбадъ, но воды нисколько не помогли ему. Также безполезна была и поѣздка въ 1789 г. въ Ригу и Митаву: здоровье Фонвизина было утрачено безвозвратно. Послѣдняя искра таланта его сверкнула за годъ передъ этимъ послѣднимъ путешествіемъ, когда онъ задумалъ планъ сатирическаго журнала „Другъ честныхъ людей или Стародумъ", и приготовилъ для него нѣсколько статей. Но изданіе это не было разрѣшено. Императрица Екатерина, благоволившая прежде автору „Бригадира", въ послѣдніе годы видимо охладѣла къ этому прямому человѣку, который былъ слишкомъ непрактиченъ и рѣзокъ въ своихъ мнѣніяхъ и не владѣлъ уклончивостью нѣмца Ѳемиды. Денисъ Ивановичъ умеръ 1-го декабря 1792 года въ Петербургѣ.

Чтобы выяснить литературное значеніе Фонвизина, необходимо представить себѣ состояніе тогдашняго русскаго общества и отношеніе его къ западной Европѣ. Съ одной стороны въ среднемъ сословіи и мелкомъ дворянствѣ, при низкомъ уровнѣ образованія, господствовали непріязнь къ наукѣ, грубость нравовъ и предразсудки, и къ этимъ стариннымъ порокамъ примѣшалось еще занесенное къ намъ съ запада вольнодумство и превратныя понятія объ условіяхъ цивилизованной жизни. Съ другой стороны просвѣщенные люди, во главѣ которыхъ стояла сама императрица, стремились къ усвоенію для народа истинныхъ началъ образованія и разумному обновленію русскаго общественнаго строя. Философскія, законодательныя и педагогическія идеи, выработанныя великими представителями европейской мысли и раздѣляемыя государыней, проникли въ Россію, нашли горячее сочувствіе во всѣхъ свѣтлыхъ умахъ и отразились на нашей литературѣ и журналистикѣ.

Фонвизинъ былъ самымъ полнымъ представителемъ этой эпохи. Съ живымъ увлеченіемъ отзывался онъ на гуманныя реформы императрицы и смѣло высказывался по всѣмъ вопросамъ, возникавшимъ по ея иниціативѣ въ русскомъ обществѣ. При независимости характера, онъ открыто и рѣзко выражалъ даже мнѣнія, которыя не могли нравиться ни государынѣ, ни людямъ къ ней близкимъ, тѣмъ болѣе, что обличеніе выходило у него нерѣдко за предѣлы литературнаго приличія. Это можно видѣть изъ его „Вопросовъ" и изъ „Придворной Грамматики", гдѣ онъ съ крайней рѣзкостью коснулся такихъ недостатковъ тогдашняго двора, которые могли бросить тѣнь на саму императрицу. Вотъ почему въ своихъ „Отвѣтахъ" автору она, не смотря на свойственную ей деликатность, прямо обвинила его въ злоязычіи. Рѣзкость языка его происходила однакоже не изъ злаго сердца, а изъ сатирическаго склада ума, прямаго и насмѣшливаго.

Это сатирическое настроеніе выразилось почти во всѣхъ сочиненіяхъ Фонвизина, даже въ такихъ, которыя повидимому не имѣютъ ничего общаго съ сатирою. Мы замѣтили уже, что въ письмахъ изъ Франціи и Италіи подмѣчены только темныя стороны и смѣшныя особенности въ нравахъ и образѣ жизни той и другой страны. Кажется, авторъ затѣмъ только и путешествуетъ, чтобъ осмѣивать пошлыя и комическія черты новаго для него быта. Въ небольшой статьѣ „Поученіе въ Духовъ день" онъ очевидно хотѣлъ показать образецъ доступной понятію простаго народа сельской проповѣди, а между тѣмъ у него вышла только забавная сатира на деревенскіе нравы. Даже въ статьяхъ чисто-научнаго содержанія Фонвизинъ не можетъ удержаться отъ насмѣшки и сатирическихъ выходокъ. Такъ въ „Опытѣ россійскаго Сословника," при опредѣленіи значенія синонимовъ *скотъ* и *животное*, онъ пишетъ: „люди и скоты, составляющіе родъ животныхъ, имѣютъ между собою ту разницу, что скотъ никогда человѣкомъ сдѣлаться не можетъ, но человѣкъ иногда добровольно становится скотомъ." Въ „Письмѣ къ Козодавлеву о планѣ Россійскаго Словаря," возражая на предположеніе допустить въ Словарь имена собственныя и происходящія отъ нихъ уменьшительныя, онъ говоритъ: „собственныя имена не составляютъ существа языка, а уменьшительныя ихъ еще меньше, и если *Ивану* нѣтъ мѣста въ Лексиконѣ, тѣмъ менѣе *Ванькѣ* такая претензія прилична." Понятно, что при такомъ складѣ ума все, что вышло изъ подъ пера Фонвизина, болѣе или менѣе проникнуто сатирическимъ тономъ.

Но нигдѣ этотъ умъ, съ одной стороны направленный къ истинѣ и добру, а съ другой способный мѣтко схватывать все пошлое и смѣшное, не отразился съ такой полнотою и блескомъ, какъ въ двухъ комедіяхъ „Бригадиръ" и „Недоросль" которыя исключительно доставили громкую извѣстность автору и даютъ ему высокое значеніе въ нашей литературѣ.

Обѣ эти комедіи, по формѣ не чуждыя тяжелыхъ пріемовъ тогдашней ложно-классической теоріи, въ основной идеѣ и выведенныхъ въ нихъ типахъ вполнѣ жизненны и проникнуты общей цѣлью—противодѣйствія невѣжеству, которое съ одной стороны упорно отстаивало обветшалую старину противъ гуманныхъ нововведеній, а съ другой слѣпо перенимало одинъ внѣшній лоскъ и пороки западной цивилизаціи. Въ „Недорослѣ" цѣлый рядъ типическихъ лицъ, каковы Простакова, Митрофанъ, Скотининъ, представляетъ старое невѣжество, враждебное наукѣ и общественному развитію; въ „Бригадирѣ" другаго рода невѣжды. Совѣтница, Иванушка, рисуютъ тѣхъ невѣждъ, которые отшатнувшись отъ всего русскаго, корчили образованныхъ европейцевъ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ ими усвоены только чужіе пороки. Трудно сказать, которыя изъ этихъ лицъ болѣе смѣшны и отталкивающи. „Безъ наукъ люди живутъ и жили, говоритъ помѣщица Простакова; покойникъ батюшка воеводою былъ пятнадцать лѣтъ, не умѣлъ грамотѣ, а умѣлъ достаточекъ нажить." Бригадирскій сынокъ Иванушка, возвратясь изъ Парижа, говоритъ своей любезной: „все мое несчастіе въ томъ только, что ты русская", а Совѣтница отвѣчаетъ: „это, ангелъ мой, конечно для меня ужасная погибель." Балованный недоросль Митрофанъ видитъ во снѣ, какъ мать его бьетъ отца, и замѣчаетъ на другой день, что ему „жаль

было матушку, которая очень устала, колотя батюшку.“ Фатъ Иванушка съ своей стороны прямо сознается: „я индиферанъ во всемъ, что надлежитъ до моего отца и матери.“

Такія уродливыя лица очевидно были продуктомъ уродливаго воспитанія, которое ввѣрялось у однихъ крѣпостнымъ людямъ и безграмотнымъ Кутейкинымъ, у другихъ заѣзжимъ проходимцамъ Вральманамъ и шевалье Какаду. Эту-то идею о необходимости основательнаго воспитанія проводитъ авторъ „Недоросля“ и „Бригадира“ въ своихъ характерныхъ комедіяхъ, доказывая, что если нормальное воспитаніе не должно ограничиваться „однимъ питаніемъ,“ то оно не можетъ допускать и прививки чужихъ пороковъ.

Но клеймя такимъ образомъ какъ наши застарѣлые, такъ и вновь усвоенные недуги, въ своихъ комическихъ типахъ, Фонвизинъ вмѣстѣ съ тѣмъ выводитъ и другой рядъ лицъ положительныхъ: это Стародумъ, Правдинъ, Добролюбовъ, въ которыхъ онъ выражаетъ свое собственное воззрѣніе на общественную и семейную жизнь. Лица эти не представляютъ правды живыхъ типовъ, какъ его комическіе персонажи, и скорѣе похожи на какія-то искуственныя фигуры, но черезъ нихъ Фонвизинъ высказывалъ идеи императрицы Екатерины и свои собственныя мысли о правосудіи, законности, воспитаніи юношества, положеніи крестьянъ, человѣческой личности, семейной жизни, нравственности и проч. Въ уста своихъ резонеровъ влагаетъ онъ либеральныя идеи передовыхъ людей того времени. Вотъ какія мысли слышатся постоянно въ ихъ разговорахъ: „Угнетать рабствомъ себѣ подобныхъ—беззаконно.... Люди выбираются для мѣстъ, а не мѣста похищаются людьми... Безъ знатныхъ дѣлъ знатное состояніе ничто... Воспитаніе—залогъ благосостоянія государства... При наукахъ не должна забываться главная цѣль всѣхъ знаній—благонравіе... Наука въ развращенномъ человѣкѣ есть лютое оружіе дѣлать зло... Просвѣщеніе возвышаетъ одну добродѣтельную душу... Великій государь есть государь премудрый... слава премудрости его та, чтобъ править людьми, потому что управляться съ истуканами нѣтъ премудрости.“

Очевидно, что всѣ эти политическіе и педагогическіе афоризмы Фонвизинъ заимствовалъ или изъ сочиненій императрицы Екатерины, или у французскихъ энциклопедистовъ. И необходимо замѣтить, что нравственныя правила его, не смотря на временное увлеченіе его скептицизмомъ въ кружкѣ петербургскихъ „вольтерьянцевъ“, основаны на началѣ религіозномъ. Такимъ образомъ въ Фонвизинѣ мы видимъ передоваго человѣка и важнѣйшаго дѣятеля эпохи, который въ своихъ характерныхъ произведеніяхъ затронулъ самые живые интерсы современнаго ему общества, показавъ въ вѣрной и яркой картинѣ его больныя стороны и смѣло высказавъ его идеалы и надежды.

А. Милюковъ.

Касимовская невѣста.

Историческій романъ Вс. СОЛОВЬЕВА.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

(Окончаніе).

XIV.

Въ тотъ же день слухъ о происшествіи съ царской невѣстой разнесся по всей Москвѣ. Одни толковали, что Всеволодскіе своими хитростями скрыли отъ царя болѣзнь дочери, что она давно уже испорчена, другіе не вѣрили этому и вспоминали давно позабытую исторію Марьи Хлоповой. „Все это бояре злодѣи, должно полагать опоили, отравили дѣвицу неповинную!“...

Всюду тихонько, на ухо другъ другу, передавалось имя боярина Морозова, какъ главнаго виновника этаго событія. Московскіе жители давно не любили его.

Вѣсть о печальномъ происшествіи дошла и до Дмитрія Суханова, который всѣ эти дни не выходилъ изъ дому и не смѣлъ показываться на глаза къ Всеволодскимъ послѣ ихъ послѣдняго, сдѣланнаго ему пріема. Но услыхавъ отъ своего хозяина про то, что толкуютъ въ народѣ, онъ какъ сумасшедшій бросился въ домъ Купріяновой.

Тамъ встрѣтила его сама Купріянова и, взглянувъ на ея отчаянную фигуру и заплаканные глаза, онъ сразу убѣдился, что дѣйствительно съ Фимой случилось что нибудь неладное.

— Что, что такое? повторялъ онъ прерывающимся голосомъ, ради Христа не мучь, скажи...

— Ахъ, батюшка, завопила Купріянова, такое стряслось, что ажно разумъ мутится... Фиму-то опоили что-ль чѣмъ, передъ царемъ и боярами крикомъ закричала и упала какъ мертвая. Ну, сейчасъ это по всему дворцу говорить стали: „порченая!“... будто бы Рафъ-то Родивонычъ да Настасья Филипповна знали про это давно да скрыли... Набѣжали это ко мнѣ сюда люди ратные—Рафъ-то Родивонычъ въ Кремлѣ былъ—такъ Настасью Филипповну схватили да потащили. Что ужъ тамъ такое теперича съ ними—я и не вѣдаю? Хотѣла бѣжать да спрятаться, анъ нѣтъ—гдѣ ужъ тутъ, не спрячешься, а и меня потянутъ, чуетъ сердце мое, что потянутъ, пытать станутъ... Вотъ времена-то... И за что-жь это?

Она заломила руки и громко завопила.

— Меня то за что-же? я ихъ по родству, да по добротѣ моей пріютила, а изъ за нихъ вотъ теперь пропадать мнѣ и со всѣмъ домомъ—что-жь это за напасть такая! батюшки!..

Сухановъ ее ужь не слушалъ. Онъ бросился вонъ изъ дому. Въ Кремлѣ распрашивалъ всѣхъ, кого могъ и всѣ ему повторяли одно и тоже: „Родителевъ дѣвицы той пытать будутъ—знамо дѣло, обманъ государя—не шутка... вина великая, а съ ней что станется, того никому не вѣдомо“.

Пробовалъ было Сухановъ пробиться дальше, во дворецъ, но объ этомъ нечего было и думать. При первомъ неосторожномъ словѣ его схватили бы и тогда ничѣмъ ужь и никому онъ не могъ бы помочь. И побѣжалъ онъ обратно къ себѣ, чтобъ посовѣтоваться съ Провомъ. А Провъ его дожидался съ новой вѣстью.

— Не вѣдаю, говорилъ Провъ, кто зачинщикъ въ томъ дѣлѣ, кто нашу боярышню испортилъ, а знаю одно—причастенъ тутъ не мало Осина. Вывѣдалъ я гдѣ онъ скрывается. У знахаря въ слободѣ стрѣлецкой! И вмѣстѣ съ тѣмъ знахаремъ кажный день они то въ Кисловку, то въ Кремль ходятъ—все разузналъ.

Не долго думая, Дмитрій заставилъ Прова вести себя въ Стрѣлецкую слободу и указать, гдѣ тамъ живетъ знахарь. Дѣло было ужь къ вечеру какъ дошли они до избы Мишки Иванова. По всѣмъ признакамъ, хозяина не было дома. Нѣмая старуха видно тоже ушла куданибудь, или спала крѣпко. Какъ ни стучался Дмитрій, никто изнутри не отзывался.

— Такъ подождемъ, сказалъ Провъ,—вернутся же они... Ужь теперь не уйдетъ онъ изъ нашихъ рукъ, хоть и заколдовалъ себя, а не уйдетъ...

Они стали бродить по опустѣвшимъ, темнымъ улицамъ. Прошло съ полчаса времени. И вотъ различили они во мракѣ какъ будто двѣ фигуры. Два человѣка дѣйствительно направлялись къ избѣ знахаря. Дмитрій и Провъ прокрались за ними. Вотъ они у калитки, стучатъ въ нее, но имъ никто не отпираетъ.

— Экъ чортова баба, говоритъ одинъ изъ стучащихъ,—напилась видно да и дрыхнетъ, что съ ней станешь дѣлать. Придется черезъ заборъ лѣзть, не ломать же калитку.

— Да постой, постучи еще, можетъ откликнется.

Дмитій и Провъ такъ и вздрогнули—они узнали голосъ Осины! Дмитрій ужь хотѣлъ броситься на врага своего, но Провъ его удержалъ.

— Постой, шепнулъ онъ, постой, время терпитъ, теперь не уйдутъ ужь. Слушай...

— Право слово черезъ заборъ полѣзу, говорилъ Мишка,—прозябъ больно, морозъ вишь ты какой!

— Ишь, прозябъ! перебилъ его Осина,—а мнѣ нынче хоть всю ночь простоять на морозѣ, такъ не замѣчу—сердце согрѣлось, вотъ что! Вся душа кипитъ, радуется. Вѣдь я ужь, признаться, думалъ—пропало на-

Среди туркменъ-теке. Туркменъ-батырь во время аттаки. Ориг. рис. члена ученой экспедиціи въ Средней Азіи Н. Н. Каразина, грав. М. Рашевскій.

Среди туркменъ-теке. Мулла-проповѣдникъ. Ориг. рис. члена ученой экспедиціи въ средней Азіи Н. Н. Каразина, грав. М. Рашевскій.

ше дѣло,—анъ нѣтъ, вывезла кривая!.. Большой ты братъ знахарь да и со своею знахаркою, кумою Манкой. Можетъ ужъ винится теперь на дыбѣ Рафъ Всеволодскій, плететъ околесную про немочь своей доченьки...

Все стало ясно для Дмитрія. Не помня себя, выхватилъ онъ ножъ и, прежде чѣмъ Осина успѣлъ произнести слово, навалился на него и запустилъ этотъ ножъ ему въ грудь по самую рукоятку.

Провъ между тѣмъ въ свою очередь кинулся на Мишку и, не давая ему опомниться, крѣпко на крѣпко стянулъ ему кушакомъ руки за спиною. Мишка завопилъ благимъ матомъ, но Дмитрій, бросивъ заколотаго на смерть и только слабо хрипѣвшаго Осину, приспѣлъ на помощь Прову и оба они всунули цѣлую рукавицу въ ротъ Мишкѣ.

— Что теперь дѣлать? спросилъ Провъ.

— Вѣстимо что, одно и осталось: потащимъ его, потащимъ въ Кремль, а коли словятъ насъ дорогой, такъ все одно, повинимся, хоть умремъ лютою смертью, а доведемъ до государя это дѣло...

Но ихъ планъ не могъ удаться—отчаянный крикъ Мишки былъ услышанъ. Изъ сосѣднихъ домовъ выбѣжали люди. Сухановъ и Провъ не стали отбиваться, а дали себя связать и разсказали собравшимся въ чемъ дѣло. Дмитрій повинился въ убійствѣ вѣдомаго бѣглаго вора и разбойника Якова Осины, а знахаря Михайлу Иванова, котораго сосѣди тотчасъ же признали, обвинилъ въ порчѣ царской невѣсты. Сбѣжавшіеся люди, услыхавъ про такія дѣла, только развели руками.

XV.

Царемъ овладѣло такое горе, что его приближенные не знали что съ нимъ и дѣлать. Онъ заперся у себя въ опочивальнѣ, не принималъ нищи, рыдалъ и рвалъ на себѣ волосы. И въ этомъ отчаяніи онъ былъ уже не тѣмъ разумнымъ, почти окончательно созрѣвшимъ юношей, какимъ его до сихъ поръ всѣ знали. Онъ снова превратился въ ребенка, совсѣмъ потерялъ волю, чувствовалъ себя какимъ-то придавленнымъ, безсильнымъ предъ разразившимся надъ нимъ несчастіемъ. Въ сознаніи этаго безсилія, въ сознаніи полной неисправимости случившагося его постарались утвердить и Борисъ Иванычъ Морозовъ и духовникъ. Только они одни среди придворныхъ не растерялись, а напротивъ, болѣе чѣмъ когда либо владѣли всѣми своими поступками и словами.

Морозовъ въ послѣднее время, то есть со дня избранія невѣсты, какъ то стушевавшійся и въ глубокой тайнѣ ведшій свою интригу, теперь опять выступилъ на первый планъ, опять явился полноправнымъ хозяиномъ во всемъ дворцѣ. Царь не хотѣлъ никого видѣть—всѣхъ гналъ отъ себя. Но Морозовъ его не слушался, оставался въ опочивальнѣ, приводилъ съ собою духовника и они кончали тѣмъ, что царь поневолѣ долженъ былъ ихъ слушать. И онъ ихъ слушалъ, хотя конечно многаго не могъ разобрать въ томъ, что они ему говорили. Всѣ его мысли, всѣ его чувства были заняты однимъ, его любовью, еще болѣе выросшей и окрѣпшей за эти тяжелые дни.

Послѣ нѣсколькихъ часовъ нѣмаго отчаянія онъ вдругъ вскакивалъ и кричалъ:

„Нѣтъ, хочу ее видѣть! Пустите меня къ ней... зачѣмъ вы меня удерживаете, какъ смѣете удерживать?!. Я хочу... что тамъ съ нею?.! хочу ее видѣть непремѣнно!..“

Несмотря однако на грозныя слова его, Морозовъ и протопопъ все же продолжали его удерживать силой, запирали передъ нимъ двери, говорили что это никакъ не возможно. И бѣдный царь превращался въ несчастнаго и послушнаго ребенка, почему то вдругъ убѣждался, что они правы, что ему дѣйствительно никакъ нельзя ее видѣть, что ему нечѣмъ бороться съ тѣмъ страшнымъ врагомъ, который нежданно-негаданно его сломилъ и осилилъ—съ мнимой болѣзнью Фимы.

Такъ прошло три дня. Бояре не дремали. Теперь всѣ уже дѣйствовали за одно съ Морозовымъ, для всѣхъ новая царевна и родня ея была ненавистна. Морозовъ съ протопопомъ держали царя въ заперти, лишили его всякой возможности разобрать дѣло и убѣдиться въ обманѣ, убѣдиться въ томъ, что Фима совсѣмъ какъ есть здорова и что никакой падучей немочи нѣтъ въ ней и никогда не было.

Бояре, подъ руководствомъ того же, теперь болѣе чѣмъ когда либо энергичнаго Морозова, дѣлали свое дѣло, уже не первое въ лѣтописяхъ царскаго семейства—чинили спросъ и расправу Всеволодскимъ. Съ этимъ дѣломъ нельзя было медлить—невольно являлось опасеніе—а вдругъ царь не выдержитъ, вдругъ въ немъ опять проявится та сила, на которую не смотря на свою молодость, онъ уже не разъ оказывалъ себя способнымъ.

У Всеволодскихъ было мало защитниковъ, но все же они были. Пушкинъ съ друзьями своими и единомышленниками сдѣлали все, что могли для несчастнаго семейства—они избавили Рафа Родіоновича и Настасью Филипповну отъ жестокой пытки, которая имъ грозила и о неизбѣжности и необходимости которой шла рѣчь между боярами. Пушкинъ съумѣлъ найти доступъ къ царю, не смотря на всю зоркость Морозова и протопопа; онъ не смѣлъ открыть ему правды, да и самъ можетъ быть не зналъ ее; къ тому же онъ еще разъ убѣдился въ силѣ и хитрости Морозова и опасался, слишкомъ ужъ явно вредя ему, навлечь на себя большія бѣды. Но онъ все же сдѣлалъ многое—онъ прямо спросилъ царя: пытать ли Всеволодскихъ и что дѣлать съ дѣвицей?

— Бога побойтесь, изверги! закричалъ весь въ слезахъ Алексѣй Михайловичъ,—чтобы не было никакой пытки, а коли будетъ, коли кто осмѣлится безъ моего вѣдома сдѣлать хоть малѣйшее зло Всеволодскимъ, такъ вы мнѣ головами за это отвѣтите!

Если бы не вошелъ въ ту минуту къ царю Морозовъ, если бы тутъ не было протопопа, то быть можетъ и все дѣло Всеволодскихъ повернулось бы иначе; но Морозовъ успѣлъ зажать ротъ Пушкину, успѣлъ заставить выйти его отъ царя. Однако государево слово было произнесено, имъ нельзя было пренебречь—и Всеволодскіе были спасены. Ихъ не пытали, только спѣшили сослать подальше и назначили опальному семейству въ жительство сибирскій городъ Тюмень. Невѣстѣ царской, именемъ государя, пожаловали весь приготовленный къ свадьбѣ постельный уборъ: пуховикъ въ камчатной червчатой наволокѣ, подушку, коверъ подъ постелю, скамейку сафьянную и богатое одѣяло изъ кизылбашской золотной камки на соболяхъ съ горностаевою опушкою. Оставили ей и перстень царскій и ширинку...

Прошло еще нѣсколько дней и вдругъ Пушкинъ снова явился къ государю съ очень важнымъ извѣстіемъ.

— Всеволодскіе невинны, сказалъ онъ,—никакой немочи, никакихъ припадковъ у ихъ дочери не было, это здѣсь, въ теремѣ, ее испортили!

И онъ разсказалъ царю все, что узналъ изъ показаній Дмитрія Суханова. Съ изумленіемъ глядѣлъ Пушкинъ на царя, онъ ждалъ, что послѣ этаго разсказа юноша встрепенется, велитъ удержать на слѣдующій день уѣзжавшихъ Всеволодскихъ; но царь не встрепенулся—онъ находился въ состояніи полнѣйшей апатіи. Онъ былъ снова и уже совершенно въ рукахъ Морозова, онъ увѣровалъ въ невозможность мелькнувшаго ему счастья, зналъ что теперь ужъ никто не допуститъ его соединиться съ больною или порченою дѣвушкой, что противъ такаго неслыханнаго брака возстанетъ вся земля русская, что патріархъ откажется вѣнчать его. Все это хорошо и ловко было ему натолковано. Онъ примирился съ своимъ несчастіемъ, началъ искать утѣшенія

въ молитвѣ и навсегда отказался отo всякой борьбы. Въ томъ подавленномъ, безпомощномъ состояніи, въ которомъ онъ былъ теперь, только однимъ и могъ онъ выказать передъ Пушкинымъ свою всегдашнюю разумность и справедливость: выслушавъ внимательно разсказъ его онъ сказалъ: „Дмитрія Суханова за убійство тайно скрывавшагося, отъявленнаго разбойника Осипы не судить и немедленно же выпустить на волю; крестьянина Никиты Ивановича Романова—Мишку Иванова за чародѣйство, косный разводъ и наговоръ пытать накрѣпко.

Но и это рѣшеніе царское съумѣлъ значительно переиначить всесильный Морозовъ.

Сухановъ и Цровъ, не обвинявшійся въ убійствѣ Осипы, дѣйствительно были выпущены на всѣ четыре стороны, но Мишку Иванова не пытали а только сослали въ Кириловъ монастырь и велѣли тамъ держать его подъ крѣпкимъ началомъ, съ великимъ береженьемъ. Кириловъ монастырь очень жаловалъ Бориса Ивановича Морозова за его богатыя пожертвованія, настоятель и братія были его истинными благопріятелями. Мишка Ивановъ тамъ ничѣмъ не могъ повредить боярину.

Что же касается исполнительницы гнуснаго заговора, погубившаго царскую невѣсту—Манки Харитоновой—ей посчастливилось еще больше, чѣмъ знахарю. Какимъ образомъ и съ чьей помощью Мишка „испортилъ“ бывшую царевну—не выяснилось на слѣдствіи, которое велъ, главнымъ образомъ, самъ Морозовъ. Манка еще нѣкоторое время оставалась въ теремѣ, а затѣмъ, конечно богато одаренная, выѣхала изъ Москвы. Дальнѣйшая судьба ея осталась неизвѣстной.

XVI.

Опальная семья Всеволодскихъ готовилась, въ сопровожденіи назначенной стражи, выѣхать въ дальнюю, тяжелую дорогу. Пушкинъ до конца оказался вѣрнымъ своему расположенію къ Рафу Родіоновичу. Надѣялся ли онъ еще какъ нибудь поправить дѣло, повліять современемъ на царя, надѣялся ли на возвращеніе царской невѣсты съ дороги опять въ Москву — Богъ его знаетъ, только онъ испросилъ разрѣшеніе держать Всеволодскихъ у себя на дому и избавилъ ихъ отъ многихъ униженій и оскорбленій.

Рафъ Родіоновичъ, сгорбившійся и одряхлѣвшій, какъ послѣ долгой и тяжкой болѣзни, всѣ дни и ночи молился Богу и этимъ только спасъ себя отъ полнаго отчаянія. Фима послѣ своего несчастнаго обморока пришла въ такое отчаяніе, что можно было бояться за ея разсудокъ. Но отъ сумасшествія ее избавило новое горе,—избавила болѣзнь и помѣшательство Настасьи Филипповны, которая не могла вынести семейнаго несчастія. Ухаживая за ослабѣвшей, заговаривающейся матерью, Фима нашла въ себѣ новыя силы. Она невольно должна была забывать свои страданія. Пафнутьевна вмѣстѣ съ нею неустанно ухаживала за своей госпожей и шептала Фимѣ:

— Терпи, терпи, дитятко! Господь посылаетъ, Господь отнимаетъ—терпи, не ропщи—такъ Богу знать угодно!

И Фима терпѣла и не роптала. Въ рѣдкіе часы, отходя отъ матери, которая стонала и произносила непонятныя, дикія рѣчи, Фима начинала думать. И вотъ все чаще и чаще приходило ей въ голову, что это послано ей наказаніе за то, что она обманула Митю, за то, что полюбила другаго. Видно она всей жизнью должна будетъ искупить этотъ тяжкій грѣхъ свой. Но Боже! что же ей было дѣлать?!

Передъ нею мелькалъ образъ на вѣки потеряннаго для нея, молодого царя. Поднималась вся сила, все блаженство любви, всѣ мученія, ее душили слезы, ее давило отчаяніе.

Но некогда было ей думать о своемъ горѣ, — мать стонала снова, мать металась, тамъ нужна была ея помощь, потому что только одинъ ея голосъ успокоивалъ несчастную старуху, только ея прикосновеніе видимо утоляло ея муки.

Что касается Андрея Всеволодскаго, онъ спокойнѣе всѣхъ отнесся къ семейному несчастію. Его горе не заключалось въ томъ, что сестра и отецъ подверглись опалѣ, что вмѣсто роскоши, блеска, всякихъ почестей—всѣхъ ихъ ожидаетъ тяжелая ссылка, всякаго рода лишенія, полное бѣдствій житье въ дальнемъ Сибирскомъ городѣ. Его горе еще прежде этого стряслось надъ нимъ.—Онъ обманулся въ своей возлюбленной, въ Машѣ Барашевой. Невольно подслушалъ онъ одинъ ея разговоръ съ матерью, изъ котораго ясно увидѣлъ, что она его не любитъ и что если и желаетъ быть его женою, то только ради свойства съ царскимъ семействомъ. Это было наканунѣ обморока Фимы. Услышавъ изъ сосѣдней горницы слова ужасныя, онъ убѣжалъ тогда, даже не показавшись Барашевымъ и рѣшилъ, что больше къ нимъ уже не вернется. Такъ что же ему было въ томъ, что теперь предстояло въ Сибирь ѣхать?! Чѣмъ хуже, тѣмъ лучше, только бы скорѣе и подальше отсюда! Онъ дѣятельно приготовлялся къ отъѣзду и выказалъ доброе чувство, всѣми мѣрами старался успокоить старика отца и вмѣстѣ съ Фимой и Пафнутьевной ухаживалъ за матерью.

Срокъ, назначенный для отъѣзда Всеволодскихъ, приближался. Страданія Настасьи Филипповны утихли—она по временамъ уже вставала съ постели и довольно бодро ходила по горницѣ, только разсудокъ къ ней не возвращался. Попрежнему говорила она непонятныя рѣчи, видѣла передъ собою то, чего не было въ дѣйствительности. То ей представлялось, что она у себя въ деревнѣ — и она отдавала приказанія по хозяйству; то вдругъ чудилось ей, что она ѣдетъ во дворецъ къ своей дочери-царицѣ. Она называла Фиму государыней, цѣловала у нея руку и съ важнымъ видомъ толковала о боярахъ и боярыняхъ, пріѣзжавшихъ къ ней на поклонъ во дни кратковременнаго ихъ счастія. И Фима, и Рафъ Родіоновичъ, и Андрей съ нетерпѣніемъ ждали отъѣзда. Теперешняя жизнь, здѣсь, въ Москвѣ, была невыносима; скорѣе хотѣлось вырваться отсюда, хотѣлось дальней, хотя бы и мучительной дороги: она все же, поможетъ забыться. Къ тому же у всѣхъ мелькала надежда, что быть можетъ новая обстановка благодѣтельно повліяетъ на Настасью Филипповну, вернетъ ей разсудокъ. Но не суждено было Всеволодскимъ благополучно выѣхать—ихъ подкарауливала еще новая утрата.

Хотя Пафнутьевна, послѣ переѣзда царской невѣсты изъ дворца, и казалась довольно спокойной, хотя она всячески уговаривала Фиму и помогала ей ухаживать за матерью—эта бодрость и спокойствіе старухи была только кажущимися. Никто не зналъ какой ударъ она вынесла и чего онъ ей стоилъ. Она давно уже, не первый десятокъ лѣтъ, положила всѣ свои силы въ господъ своихъ, а Фима была всегда ея самымъ завѣтнымъ сокровищемъ. Она будто помолодѣла, будто возродилась когда увидѣла свое ненаглядное дитятко на верху земныхъ почестей. Вѣдь она заранѣе прочила ей такую долю, вѣрила, знала и ждала когда всѣ сомнѣвались — и вотъ ея вѣра оправдалась—Фима будетъ царицей! Да что—царицей!—Фима будетъ счастлива. Старуха видѣла и чувствовала все, что произошло съ Фимой, она поняла ея любовь къ царю молодому... Ей оставалось только сохранить свое дитятко до завѣтнаго часу.... а она не сохранила, не уберегла отъ злыхъ людей... Ни одной минуты съ тѣхъ поръ не могла заснуть старуха, не могла проглотить куска хлѣба. На людяхъ крѣпилась, особливо передъ Фимой, а какъ останется одна—зальется слезами, все себя винитъ, себя проклинаетъ въ несчастьи Фимы. Такая жизнь не могла продолжаться,

и безъ того уже дряхлый организмъ не выдержалъ. За три дня до предполагавшагося отъѣзда Пафнутьевна почувствовала приближеніе смерти. Когда она объявила объ этомъ Рафу Родіоновичу и Фимѣ, тѣ не хотѣли ей вѣрить; но пристальный взглядъ на нее сказалъ имъ все. Послали скорѣе за священникомъ. Съ полнымъ сознаніемъ и торжественностью исповѣдалась и пріобщилась Пафнутьевна, а затѣмъ слабымъ голосомъ кликнула: „Фима!“

Та подошла къ ея постели.

— Прости меня, моя золотая, не уберегла я тебя.... погубила! едва слышно прошептала старуха.

Фима наклонилась къ ней, хотѣла ее успокоить; но она уже была бездыханна. Горько, горько зарыдала Фима. Она не думала, что у нея можетъ быть еще новое горе, которое такъ потрясетъ ее...

Пришелъ наконецъ день отъѣзда; черезъ часъ они тронутся. Вдругъ дверь покоя, въ которомъ находилась Фима, только что похоронившая Пафнутьевну, отворилась и на порогѣ показался Сухановъ. Нетвердымъ шагомъ подошелъ онъ къ Фимѣ и вдругъ изъ глазъ его брызнули слезы, и онъ упалъ ей въ ноги.

— Митя! Господи, что съ тобой?! проговорила грустнымъ голосомъ Фима. При видѣ стараго друга и перваго жениха она не испытала новаго волненія, ни одно новое чувство, ни одна новая мысль не пробудилась въ ней, — ей только жаль было смотрѣть на его блѣдное, исхудавшее лицо, ей тяжело было видѣть эти его слезы.

— Митя не плачь, встань, что съ тобой?

Онъ поднялся на ноги и остановился передъ нею, жадно въ нее вглядываясь. Его слезы высохли, онъ стоялъ молча и только смотрѣлъ на нее.

Послѣ всѣхъ мученій, послѣ горя и отчаянія пришло таки счастіе. И это счастіе заключалось въ томъ только, чтобы ее видѣть.

— Фима! прошепталъ онъ наконецъ, я свободенъ, я ѣду за вами.

Она вздрогнула.

— Зачѣмъ? не надо! Нѣтъ, Боже сохрани тебя ѣхать... вернись къ себѣ... забудь меня... забудь... я не то думала... о Господи... проклинай меня... ненавидь меня... можетъ я точно преступница... можетъ за грѣхи мои несу наказанія... но знай... знай — навсегда, на всю жизнь... чтобы ни случилось со мною — я люблю его одного, отнятаго у меня.... люблю и буду любить до смерти!..

Она взглянула на царское кольцо, которое никогда не снимала съ пальца, подняла свою руку, какъ къ святынѣ прижалась губами къ кольцу этому и горько, безнадежно заплакала.

Дмитрій по прежнему съ любовью глядѣлъ на нее.

— Я давно это знаю, сказалъ онъ, — давно все понялъ. Зачѣмъ стану я проклинать тебя... но вотъ и опять говорю тебѣ: позволь мнѣ только всю жизнь быть близь тебя... позволь мнѣ служить тебѣ по моимъ силамъ... Не ужь-то откажешь мнѣ въ этомъ?.. я знаю доброту твою... Фима, взгляни на меня... пожалѣй меня хоть немного... не гони меня... не гони отъ себя, Фима!

Она подняла глаза свои, увидѣла доброе, съ дѣтства близкое, съ дѣтства родное лицо. Она слабо махнула рукою и произнесла едва слышно;

— Дѣлай какъ знаешь, Митя... награди тебя Господь за доброту твою...

Черезъ часъ Всеволодскихъ вывезли изъ Москвы. Сухановъ съ Провомъ въ тотъ же день отправился въ Касимовъ, устроилъ тамъ дѣла свои и ранней весною уже нагонялъ Всеволодскихъ по Сибирской дорогѣ.

XVII.

Прошелъ годъ. Глубоко горевалъ государь; но молодость взяла свое—мало по малу высохли сердечныя слезы. Неудержимо, хоть и безсознательно хотѣлось жизни и радости. Морозовъ изощрялъ весь свой разумъ, всю свою ловкость, чтобы удалять царя отъ печальныхъ мыслей. Онъ тотчасъ же послѣ высылки изъ Москвы Всеволодскихъ почти насильно увезъ его на медвѣжью охоту. Онъ очень вѣрно соображалъ, что эта любимая царская забава лучше всего разсѣетъ его.

Дѣйствительно, Алексѣй Михайловичъ при первой же облавѣ оживился. И прежде смѣлый и безстрашный, теперь онъ даже съ наслажденіемъ страстнымъ искалъ опасности, шелъ на звѣря безъ оглядки. Но отъ всякой бѣды охраняли царя зоркіе охотники. И одна облава смѣнялась другою.

Пришла весна, а съ нею и другія забавы—охоты соколиныя да походы по подмосковнымъ монастырямъ и вотчинамъ.

Морозовъ былъ при царѣ неотлучно и уступалъ свое мѣсто только духовнику—протопопу. Оба они теперь рѣшили, что пришло время напомнить Алексѣю Михайловичу о необходимости его скорой женитьбы. При первомъ же словѣ объ этомъ царь заплакалъ и отвѣчалъ имъ, что онъ не можетъ и подумать о такомъ дѣлѣ, что судьба и злые люди отняли у него любимую невѣсту—и если нельзя ей вернуться, то другой онъ не хочетъ.

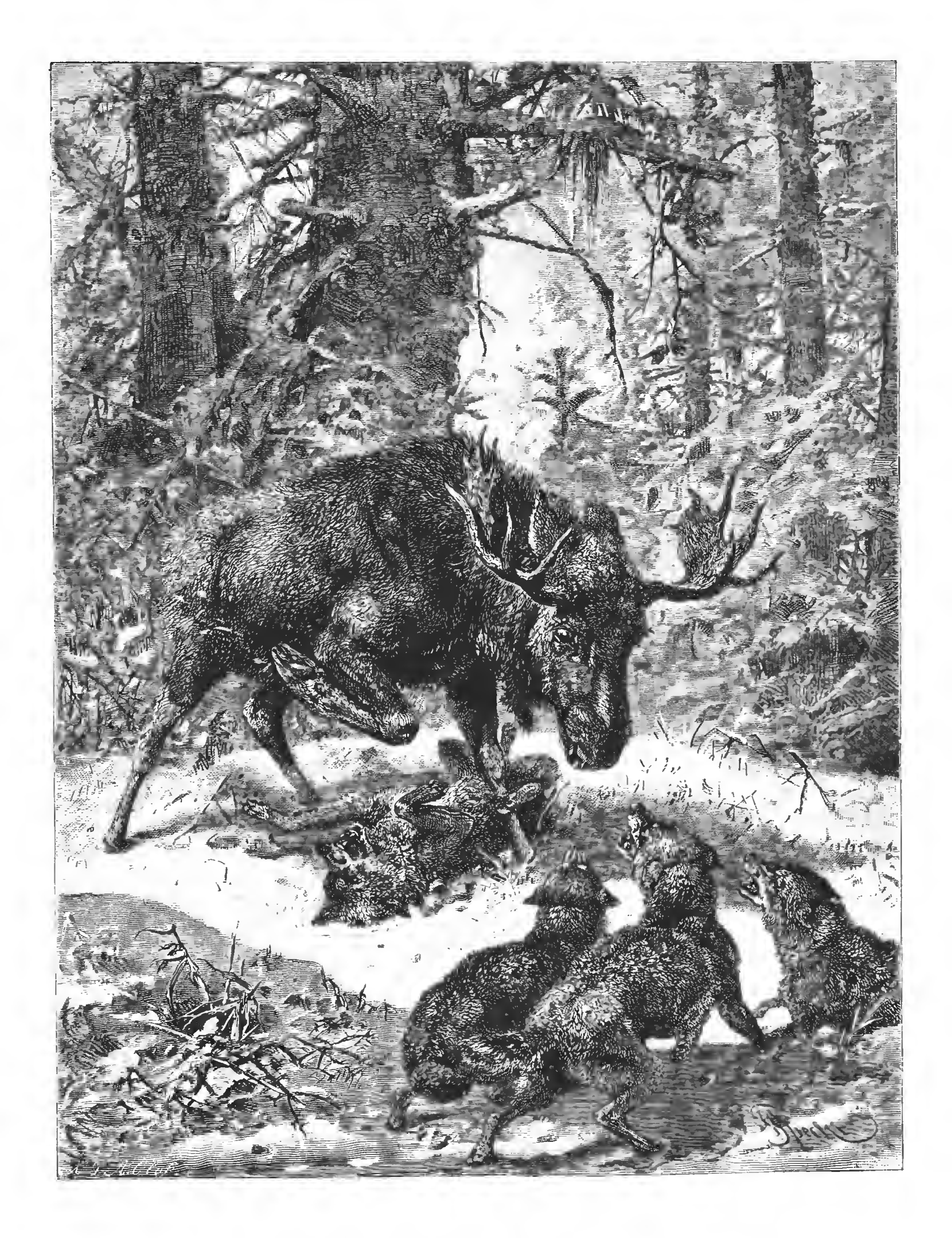
Морозовъ и протопопъ ничуть не смутились такимъ отвѣтомъ—они его конечно ожидали — и продолжали свои увѣщанія. Противъ ихъ неопровержимыхъ доказательствъ царю возражать было нечего, а насчетъ бѣдной Фимы они увѣрили его, что болѣзнь ея неизлечима и что о возвращеніи ея нечего и думать.

Почти каждый день возвращались царскіе совѣтники къ этому разговору и кончили тѣмъ, что снова начали восхвалять красоту и добродѣтели Марьи Ильинишны Милославской. Долго крѣпился Алексѣй Михайловичъ, но наконецъ счелъ себя вынужденнымъ дать согласіе на объявленіе своей царской радости, то есть женитьбы.

И опять, словно улей пчелиный, зажужжалъ и засуетился теремъ, и опять разгорѣлися страсти царедворцевъ. Но царедворцы, несмотря на всѣ свои интриги, были теперь болѣе, чѣмъ когда либо, безсильны передъ Морозовымъ. Онъ чуть было не погубилъ себя своею оплошностью при первомъ выборѣ царской невѣсты и теперь глядѣлъ въ оба, былъ во всеоружіи.

Недогадливые бояре, узнавъ о томъ, что царь выбралъ Марью Милославскую, поговаривали между собою: „Хитеръ Бориско, ловко устроилъ дѣло—породнитъ съ государемъ близкаго себѣ человѣка... Ну да еще посмотримъ—Илью-то Милославскаго мы знаемъ—кто ему больше дастъ, тотъ и другъ его, такъ мы то, дружно взявшись, Илью еще, можетъ, и перетянемъ на свою сторону...“

Но вотъ, вслѣдъ за извѣстіемъ о царской женитьбѣ, по дворцу разнеслась и другая новость: Борисъ Ивановичъ Морозовъ женится на младшей сестрѣ будущей царицы, Аннѣ Ильинишнѣ и свадьба его будетъ черезъ десять дней послѣ государевой. Бояре ударили себя по лбу, почесали затылки и грустно опустили головы. Они наконецъ поняли, что ихъ дѣло проиграно окончательно, что имъ не приходится тягаться съ Морозовымъ... Новая прекрасная невѣста, новая „царица“ поселилась въ покояхъ, гдѣ такъ недолго довелось погостить Фимѣ. Опять съ тайной завистью и льстивыми рѣчами кланялись красавицѣ верховыя боярыни, цѣловали и миловали ее царевны. И можетъ быть, среди суматохи этихъ шумныхъ дней, никому и на мысль не пришло вздохнуть по бѣдной Касимовской невѣстѣ. Вздохнула по ней одна только дурка-шутиха Катеринка — вздохнула она, капнули изъ глазъ ея черныхъ горячія слезинки и тихо покатились онѣ по изсохшей щекѣ, смывая съ нея бѣлилы да румяна. А потомъ тряхнула шу-



Лось, защищающійся отъ волковъ. Ориг. рисунокъ Ф. Шпехта, грав. А. Клосъ.

тиха своею высокой кикой, зазвенѣла бубенчиками и по всему терему промчался ея дикій хохотъ... „Царская радость“ происходила въ великой тишинѣ и благолѣпіи. Теперь уже самъ Борисъ Ивановичъ озаботился, чтобы не случилось какого нибудь новаго несчастія, измышленнаго его врагами. Теперь въ теремѣ повсюду были „морозовскіе глаза и уши“—и онъ зналъ каждое слово, каждое движеніе своихъ противниковъ.

Пришелъ день вѣнчанія. Не сурны и не трубы, какъ это бывало въ прежніе годы, раздавались во дворцѣ кремлевскомъ, а пѣніе церковное.—И сотворена была такая перемѣна по приказу благочестиваго и „тишайшаго“ государя.

Наступилъ часъ вечерній. Съ обычными церемоніями и обрядами отвели новобрачныхъ въ опочивальню. Оставшись наединѣ, они прежде всего упали на колѣни передъ иконами и помолились; затѣмъ молодой государь въ первый разъ пристально всмотрѣлся въ свою новую подругу. Онъ увидѣлъ нѣжное, прекрасное лицо съ полуопущенными, стыдливо избѣгающими его взглядовъ, глазами. Роскошный, но неуклюжій нарядъ уже и не скрывалъ пышно развившихся формъ ея дѣвственнаго тѣла.

Шибко забилось сердце царя-юноши, новое чувство проникло въ него, щеки зардѣлись румянцемъ и страстнымъ движеніемъ привлекъ онъ къ себѣ невѣсту. Она вздрогнула, спрятала на груди его лицо свое. Горячими поцѣлуями осушилъ онъ сладкія дѣвическія слезы...

Ночь глубокая. На богатомъ мягкомъ ложѣ заснули новобрачные. Тихъ и крѣпокъ сонъ государыни Марьи Ильиничны; но царю не спится спокойно. Невѣдомо откуда налетѣла нежданная греза, и ростетъ она самовластно... Фима... Фима! снова явилась она какъ живая, во всемъ блескѣ красоты своей несказанной, и первая любовь юная, со всѣми своими завѣтными чарами, съ блаженствомъ и мукой опять воскресла въ душѣ юноши. „Фима желанная!“ шепчутъ его губы. И дальше, дальше несетъ его греза, и чудится ему страна суровая, далекая, вьюга и морозъ лютый. И среди этого холоднаго мрака опять тотъ же милый образъ... Она, все такъ же прекрасна; но поблѣднѣли ея нѣжныя щеки, померкли отъ слезъ горючихъ ея свѣтлыя очи.... цѣлуетъ она перстень золотой, цѣлуетъ ширинку царскую... и опять плачетъ... До конца жизни безрадостной не разстанется она съ ними и умретъ вѣрною первой и послѣдней любви своей...

Просыпается государь въ тоскѣ великой. Съ изумленіемъ и страхомъ глядитъ вокругъ себя. Рядомъ съ нимъ молодая подруга; расплелись и черными змѣями вьются ея косы по пуховой подушкѣ, высоко поднимается грудь лебяжья бѣлоснѣжная и ждетъ поцѣлуевъ...

Но чужой и далекой кажется теперь государю эта на вѣки данная ему красавица. Не ея имя онъ шепчетъ, не по ней льются его слезы въ тихую ночь „его государевой радости...“

По историческимъ документамъ, относящимся къ царствованію Алексѣя Михайловича, можно прослѣдить дальнѣйшую судьбу Всеволодскихъ. Въ 1649 году, по царскому указу, Рафъ Родіоновичъ былъ пожалованъ съ Тюмени изъ опалы на воеводство въ Верхотурье; но не прошло и года какъ ему велѣно было снова вернуться въ Тюмень и ждать тамъ государева указу. Несчастный старикъ однако ничего не дождался—онъ умеръ въ 1652 году и уже послѣ его смерти пришелъ указъ, чтобы быть ему въ Тюмени воеводою.

Затѣмъ сохранилась грамота отъ 17 іюля 1653 года, въ которой значится: „Рафову жену Всеволодскаго и дѣтей ея, сына Андрея и дочь Евфимію и съ людьми отпустить съ Тюмени въ Касимовъ и быти ей и съ дѣтьми и съ людьми въ Касимовскомъ уѣздѣ въ дальней ихъ деревнѣ; а изъ деревни ихъ къ Москвѣ и никуда не отпущать безъ государева указа.“

Собственно же о Фимѣ можно найти извѣстіе въ запискахъ современника всѣхъ этихъ событій Самуила Коллинса. Около 1660 года онъ писалъ: „Развѣнчанная царская невѣста еще жива; со времени высылки ея изъ дворца никто не зналъ за нею никакихъ припадковъ. У ней было много жениховъ изъ высшаго сословія; но она отказывала всѣмъ и берегла платокъ и кольцо, какъ память ея обрученія съ царемъ. Она, говорятъ, и теперь еще сохранила необыкновенную красоту.“

Таковы послѣднія слова, записанныя исторіей, о безвинно и безвременно испорченной жизни Касимовской красавицы.

КОНЕЦЪ.

Среди Туркменъ „Теке“*).

Бытовой очеркъ.

Н. Н. Каразина.

(Къ рисункамъ автора на стр. 928 и 929).

I.

Расширяя мало по малу наши владѣнія въ центральной Азіи, мы столкнулись, наконецъ, непосредственно съ многочисленнымъ и сильнымъ, воинственнымъ народомъ, извѣстнымъ намъ и раньше подъ общимъ именемъ туркменъ. Еще въ 1873 г., въ хивинскій походъ, мы вошли въ предѣлы этаго полуосѣдлаго, полукочеваго племени—мы тогда имѣли дѣло только съ авангардными родами туркменъ: Соллары, Чодоры, Іомуды, Кара и др. Мы скоро наложили на эти роды довольно прочную узду, упрочили, до того весьма слабую, почти номинальную власть надъ ними хивинскаго, нынѣ царствующаго хана, Сеида-Богадура и возстановили относительное спокойствіе на нашихъ границахъ, а занятый нами оазисъ дельты Аму, построенные сильные форты-поселки: Петро-Александровскъ и Нукусъ—позволяли надѣяться, что это, временное пока, спокойствіе перейдетъ въ постоянное. Тогда началось и болѣе подробное знакомство съ воинственными полуномадами, съ ихъ бытомъ, общественною и семейною обстановкою, нравами и обычаями, а съ этимъ знакомствомъ началось и цивилизующее вліяніе, выразившееся пока только, впрочемъ, въ томъ, что ближайшіе къ намъ туркменскіе роды волею-неволею должны были посерьезнѣе заняться садами и полями и постараться добыть изъ земли то, что прежде веселѣй и легче добывалось остріемъ кривой сабли, кускомъ свинца фальконетной пули. Дѣлать обычные разбойничьи набѣги для туркменъ стало просто невыгодно; барышъ не соотвѣтствовалъ расходамъ, чаще же полный дефицитъ. Русскіе летучіе отряды жестоко наказывали барантачей, не гоняясь за ними безплодно въ полѣ, а прямо являясь, какъ громъ небесный, на мѣсто ихъ постоянныхъ зимовокъ, встрѣчая вернувшихся съ набѣга батырей грудами пепла, полнымъ раззореніемъ. Сравнивалась привезенная съ набѣга добыча съ потерею на мѣстѣ и туркмены убѣждались воочію, что сидѣть дома и копать гряды—было бы гораздо выгоднѣе. Прошло такимъ образомъ нѣсколько лѣтъ, какъ я уже выразился, относительнаго спокойствія. Но, основываясь на туркменской же поговоркѣ: „*безполезно чистить колодезь сверху, когда на его днѣ лежитъ заражающая падаль*“ безполезно было и обуздывать передовые роды, когда за ними, какъ нравственная, такъ и матерьяльная поддержка—стояла еще никѣмъ не тронутая, грозная сила,—Мервъ и, населяющее обширную территорію, съ плодороднѣйшими оазисами,—многочисленное текинское племя.

Сама природа явилась здѣсь на помощь текинцамъ,—она окружила ихъ поля и постоянныя жилища безводными, песчаными пустынями, она какъ естественными брустверами окаймила ихъ съ юго-запада—скалистыми горными кряжами, она (т. е. природа) щедрая для своихъ дѣтей, грозна и безпощадна для всякаго чужаго, кто только осмѣлится прорываться сквозь ея оплоты.

*) Н. Н. Каразинъ, одинъ изъ нашихъ постоянныхъ сотрудниковъ, возвратился изъ своего большаго путешествія въ Среднюю Азію, гдѣ онъ состоялъ членомъ экспедиціи «для изслѣдованія направленія Средне-Азіатской желѣзной дороги и бассейна рѣки Аму-Дарьи», и отдалъ въ распоряженіе редакціи «Нивы» нѣсколько художественно-литературныхъ очерковъ природы и быта этихъ интересныхъ и почти неизвѣстныхъ странъ.

Всѣ данныя о численности этаго племени и близкихъ къ нему родовъ до сихъ поръ гадательны, неточны и далеко даже до приблизительности опредѣленій. Приводить здѣсь какія нибудь цифры было бы совершенно безполезно. Теке населяютъ обширную территорію съ полуопредѣленными границами, все пространство между владѣніями Герата. Бухары, Хивы и Персіи, все занято Текинцами и мелкими родами, находящимися съ первыми въ самой тѣсной солидарности. Центромъ всего этаго пространства, и политическимъ и жизненнымъ, является Мервъ, столица Теке, Мекка и Медина номадовъ. Говорятъ, что почти полумилліонное населеніе стекается сюда къ зимѣ, окружая городъ и крѣпостныя стѣны безконечнымъ, шумнымъ станомъ кибитокъ и шалашей. Къ лѣту все это расходится на свои поля и пастбища, но и тогда постоянное городское населеніе Мерва все таки еще настолько велико, чтобы заставить считать Мервъ однимъ изъ значительнѣйшихъ городовъ центральной Азіи.

Туркмены-теке, не смотря на свой полукочевой, разбойничій характеръ, отличные землевоздѣлыватели; они искусно пользуются ирригаціею; помощью чигирей и сложной системы арыковъ (водопроводныхъ канавъ) они подымаютъ воду рѣкъ на значительныя высоты, заливаютъ на время свои плантаціи и эти клочки разработанной земли приносятъ имъ за ихъ трудъ сторицею. Урожаи текинскихъ полей баснословны: рисъ и пшеница часто даютъ самъ пятьдесятъ и даже болѣе, текинскія дыни, арбузы и виноградъ славятся своею величиною и вкусомъ. Зимовки ихъ и кибитки стоятъ въ оазисахъ защищенные отъ палящихъ лучей солнца вѣковыми, раскидистыми карагачами и тутовыми деревьями—здѣсь все дышетъ довольствомъ и избыткомъ, а разбойничьи набѣги являются уже не какъ необходимое средство добыванія хлѣба, а какъ избытокъ силы, какъ благородное занятіе, возведенное на высоту рыцарскихъ доблестей. Теке какъ и большинство номадовъ управляются своими старшинами и родоначальниками, въ назначеніи же вождей въ военное время—у нихъ держится какъ и въ нашемъ бывшемъ запорожьи, выборное начало.

Теке—отличные скотоводы: они не заботятся только о численности приплода, они, кромѣ того, тщательно улучшаютъ и создаютъ породы животныхъ—туркменская лошадь давно пользуется славою лучшей лошади въ Азіи. Рослая, красивая—съ своею маленькою кровною головою, съ тонкими эластичными ногами—она легко переноситъ своего всадника черезъ мертвыя, несчаныя пространства; она вынослива и не требуетъ много корму и питья—необходимое условіе во время пути въ пустынѣ, гдѣ по нѣскольку дней можно не найти ни былинки, ни капли. Туркменскій аргамакъ не боится ни блеска оружія, ни грома выстрѣловъ; онъ съ молоду пріученъ и къ тому и къ другому; туркменскій наѣздникъ любитъ, бережетъ и холитъ своего боеваго товарища—лѣтомъ онъ покрываетъ его съ головы до ногъ легкими, кролевыми попонами, защищая этимъ отъ жара и докучливыхъ мухъ, зимою онъ кутаетъ коня въ ковры и войлоки, отчего шерсть лошадей дѣлается тонкою и блестящею; особенно тщательно ухаживаетъ онъ за лошадьми своихъ любимыхъ мастей: золотисто-рыжими и вороными. Узда и сѣдло туркмена блещутъ золотомъ, серебромъ, бирюзою и сердоликами и часто отрепья костюма самаго всадника составляютъ рѣзкій, оригинальный контрастъ съ убранствомъ лошади. (См. рисунокъ).

Туркменская овца—тоже считается лучше киргизской, хотя и близка къ ней по своей основной породѣ. Она меньше ростомъ, но вкуснѣе мясомъ несравненно и шерсть ея составляетъ лучшій матерьялъ для выдѣлки ковровъ и ткапей.

Туркменскій верблюдъ — „наръ“ — одногорбый, высокій и сильный, цѣнится почти вдвое противъ двугорбаго киргизскаго; сравнительно съ послѣднимъ — первый несетъ полуторную тяжесть—когда киргизскій верблюдъ не проходитъ, даже по хорошей дорогѣ (подъ вьюкомъ конечно) болѣе четырехъ верстъ въ часъ, наръ подъ большимъ вьюкомъ идетъ шесть верстъ и болѣе. Туркменъ человѣчнѣе киргиза относится къ своему „кораблю пустыни“—онъ варварски не прорываетъ веревкою животному ноздри,—легкая кролевая уздечка, украшенная кистями и погремушками и тонкій поводъ достаточны для того, чтобы колоссальное животное покорно повиновалось даже рукѣ ребенка. Киргизы никогда не чистятъ верблюда и по мѣсяцамъ не снимаютъ съ его наболѣвшей избитой спины тяжелаго, неуклюжаго сѣдла, туркменъ относится къ верблюду также внимательно какъ и къ своему коню—и какую громадную разницу представляетъ караванъ „наровъ“ здѣсь, сравнительно съ такимъ же караваномъ, тянущимся по пескамъ киргизской степи.

Туркмены-мужчины не любятъ пестроты и яркости въ своей одеждѣ; они носятъ на головахъ громадныя бараньи шапки, преимущественно черпаго цвѣта и только привиллегированныя семьи обвиваютъ поверхъ шапки бѣлую или блѣдно-зеленую ткань, послѣднюю только муллы или ученые. Традиціонный костюмъ туркмена это халатъ изъ буро-красной матеріи, съ черными тонкими полосками, мѣстнаго производства; только въ высокоторжественныхъ случаяхъ онъ надѣваетъ сверху еще такой же халатъ, но свѣтло-зеленаго цвѣта. Туркменъ рѣдко разстается съ своимъ оружіемъ; холодное оружіе туркмена всегда превосходнаго качества и исправно содержится; оно состоитъ изъ ножа, иногда двухъ, и кривой шашки въ кожаныхъ ножнахъ. Огнестрѣльное же оружіе туркменъ находится въ самомъ первобытномъ видѣ, оно состоитъ изъ кремневыхъ долгоствольныхъ пистолетовъ и мултука съ подсошками и фитильнымъ крючкомъ, мултука чрезвычайно трудно и медленно заряжаемаго, почему туркменъ, сдѣлавъ разъ выстрѣлъ по врагу, предпочитаетъ тотчасъ же броситься на него съ кинжаломъ и шашкою. На этомъ маневрѣ построена вся ихъ боевая тактика. Въ послѣднее время текинцы, благодаря дружественнымъ намъ англичанамъ, получили черезъ Гератъ и Персію оружіе новѣйшихъ системъ и въ послѣднюю экспедицію противъ насъ гремѣли въ Геокъ-Тепе ружья усовершенствованныхъ системъ англійскихъ фабрикъ. Благодаря судьбѣ, такаго оружія у нихъ пока еще немного, но это *пока только*; Англія, вѣроятно, позаботится и впредь объ улучшеніи вооруженія разбойничьихъ шаекъ.

Въ мирное время, когда нѣтъ однаго опредѣленнаго врага, когда никто изъ сосѣдей не вторгается въ ихъ предѣлы, туркменская молодежь время отъ времени предпринимаетъ легкіе набѣги на сосѣдей, преимущественно или на наши границы, или на персидскія, послѣднія чаще, благодаря большей легкости и безнаказанности предпріятій. Тогда формирующаяся шайка выбираетъ себѣ вождя, составляетъ планъ кампаніи и трогается въ путь, сопровождаемая благими пожеланіями своихъ родныхъ и друзей. При возвращеніи съ набѣга, удаченъ онъ былъ или неудаченъ, всегда собирается судъ старшинъ, и этотъ судъ уже распредѣляетъ добычу и разсматриваетъ всѣ обстоятельства дѣла—виновникъ неудачи, если таковый есть, всегда будетъ наказанъ—особенно отличившіеся почтены должными почестями, а добыча подѣлена ровно между всѣми, но преимущество предъ другими имѣютъ раненые, искалѣченные, или же члены семьи убитаго—вознагражденіе послѣднихъ изъ добычи называется куномъ; размѣры этаго „куна“ бываютъ настолько значительны, что составляютъ всегда львиную долю, вотъ почему набѣгъ всегда предпринимается обдуманно и осмотрительно, взвѣшиваются всѣ шансы успѣха и неуспѣха и каждый въ дѣлѣ думаетъ не объ одномъ себѣ, но и о другихъ товарищахъ—взаимно выручая и поддерживая другъ друга. Самый большой позоръ для шайки—это оставить въ рукахъ непріятеля не только раненаго, но даже трупъ товарища. Туркмены храбры до изступленія, особенно когда между ними уже есть убитые и раненые; сначала они очень осторожны, но едва завидѣли свою кровь, имъ уже терять нечего и большинство предпочитаетъ лучше лечь въ полѣ, чѣмъ вернуться домой живымъ, опозореннымъ.

У туркменъ существуетъ богатый героическій эпосъ, ихъ пѣсни передаются изъ рода въ родъ, вдохновенные пѣвцы поодиночкѣ и хоромъ бродятъ по селеньямъ и кочевьямъ, являются всвдѣ, гдѣ только существуетъ какое-нибудь сборище—старые муллы, которыхъ уже отказываются носить ихъ одряхлѣвшія ноги—путешествуютъ на осликахъ (см. рис.) иногда осѣненные какимъ нибудь, непремѣнно чудодѣйствующимъ, знаменемъ; эти старцы располагаются на площадяхъ и начинаютъ на распѣвъ свою фанатическую проповѣдь, доходя до экстаза, до пѣны у рта, до скрежета желтыхъ, старческихъ зубовъ. Они поютъ громкую славу героямъ прошедшаго и настоящаго, обѣщаютъ имъ словами корана тьму наслажденій тамъ, въ загробномъ мірѣ и сыплютъ градъ проклятій на головы враговъ, невѣрныхъ. Слушатели буквально наэлектризовываются этими проповѣдями, особенно женщины. Эти послѣднія, въ данномъ случаѣ, походятъ на нашихъ полекъ своею способностью быстро и легко наэлектризоваться какою нибудь фанатическою проповѣдью и потомъ въ свою очередь электризовать мужчинъ, пуская въ ходъ кокетство, нѣжность чувствъ, злую, безпощадную насмѣшку надъ неподатливыми и суровую, презрительную холодность къ трусамъ.

(Окончаніе въ слѣд. №).

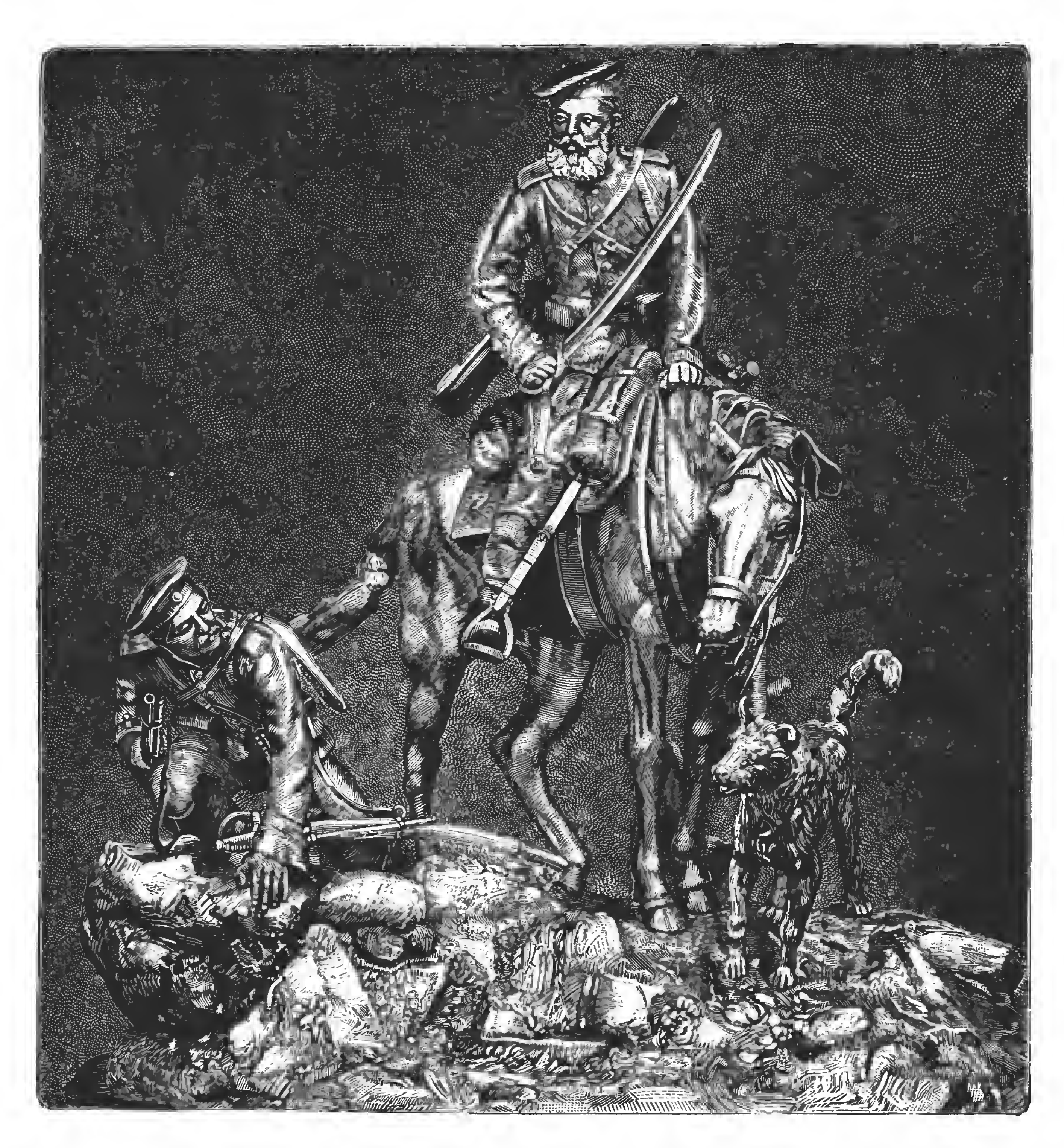
Къ рисункамъ.

Погоня волковъ за лосемъ.

Лось, какъ извѣстно, теперь вырождающееся животное; водится и у насъ въ Финляндіи, по раіонъ его распространенія становится все меньше и меньше и только еще въ непроходимыхъ, обширныхъ лѣсахъ Азіи находитъ онъ любимый просторъ и въ непроходимыхъ тамошнихъ дебряхъ, скрывается отъ преслѣдованія человѣка и нападенія постоянныхъ своихъ враговъ—волка, рыси, медвѣдя и россомахи.

Лось—огромное животное, достигающее до 8 и болѣе футовъ вышины, съ короткимъ и толстымъ туловищемъ, широкою грудью, высокими и сильными ногами, съ рогами плоскими

и лопатообразными. Пугливо прячется онъ среди дикаго, уединеннаго лѣса, гдѣ много топей и недоступныхъ болотъ, особенно гдѣ растетъ ива, береза, осина и другія лиственныя деревья. Топь и болото преграждаютъ доступъ въ его убѣжище и лишь крайняя нужда заставитъ выдти лося изъ своего уединенія, чтобы пробраться съ опасностью жизни на далекія пастбища. Чутко слышитъ онъ за собою погоню волка или россомахи, но средства для спасенія и обороны у него весьма ограничены; движенія его далеко не такъ равномѣрны и легки, какъ дви-



Русскія серебряныя издѣлія. Статуэтка Лансере, работы фабриканта Сазикова, поднесенная генералу А. М. Лермонтову 13 Драгунскимъ воен. ордена полкомъ. Съ фотогр. рѣзалъ М. Гашевскій.

женія оленей; да и бѣгаетъ онъ не особенно быстро, хотя замѣчательно выносливо, такъ что разъ пустившись бѣжать не останавливается ни передъ какою преградой—будь то лѣсная чаща, озеро, рѣка или болото. При нападеніи онъ отбивается рогами и копытами, но противъ волка такія средства обороны большею частію оказываются безсильными; хищникъ по профессіи—волкъ какъ бы созданъ для грабежа и насилія и при одномъ сравненіи его съ пугливымъ, *неуклюжимъ* лосемъ можно предугадать кто въ этой борьбѣ будетъ побѣдителемъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ волкъ достигаетъ громаднаго размѣра; силу онъ проявляетъ иногда также большую и ему нипочемъ перепрыгнуть съ бараномъ средней величины въ зубахъ черезъ высокую изгородь и оттащить его въ лѣсъ. По силѣ ногъ, какъ полагаютъ, ему и Римляне дали кличку lupus т. е. львиная нога отъ словъ leo и pes. Волкъ наноситъ страшный вредъ нашему сельскому хозяину; нѣтъ того поселка гдѣ бы не встрѣчали волка и неплатились бы ему бараномъ или коровой. Такъ по свѣдѣніямъ собраннымъ напр. въ 1873 году оказывается, что въ 45 нашихъ губерніяхъ истреблено было въ этотъ годъ волками 179,000 крупнаго и 562,900 мелкаго скота, а сумма убытковъ простиралась до 7.573 рублей. Эта краснорѣчивая цифра наглядно обрисовываетъ хищныя наклонности волка и его вредъ для народнаго хозяйства.

Русскія серебряныя издѣлія.

Прилагаемые рисунки—снимки съ серебряныхъ группъ работы талантливаго художника Лансере. Одна изображаетъ драгун-

скій постъ. Группа эта поднесена 13-мъ Драгунскимъ Военнаго Ордена полкомъ, бывшему полковому командиру своему Александру Михайловичу Лермонтову, командовавшему въ минувшую войну Маренскимъ передовымъ отрядомъ, впереди Елены, въ Балканахъ, въ составъ котораго входилъ и его полкъ.

Чтобы дать лицу невоенному понятіе о мысли художника, приведемъ краткое объясненіе. Сторожевой постъ состоитъ изъ трехъ всадниковъ, изъ которыхъ одинъ часовой, оставаясь на костью, такъ что на каждомъ посту было по собакѣ. Лошадь тоже отличный сторожъ ночью и, движеніемъ головы и навастриваньемъ ушей, предупреждаетъ хозяина о малѣйшемъ шорохѣ неуловимомъ для человѣческаго уха. Здѣсь художникомъ схваченъ моментъ, когда такой сборный постъ— два человѣка, лошадь и собака—что то подмѣтилъ и насторожился, а пѣшій, повернувъ голову къ часовому, что то ему передаетъ. Мысль превосходно выражена художникомъ; это какъ бы страница изъ многотрудной, славной боевой жизни

Русскія серебряныя издѣлія. Статуэтка Лансере, работы фабриканта Сазикова, поднесенная офицерами 4-го Драгунскаго полка, командиру полка А. М. Ребиндеру. Съ фотогр. рѣзалъ М. Рашевскій.

конѣ, занимаетъ такое мѣсто, съ котораго онъ можетъ видѣть какъ можно дальше вокругъ себя, а другіе два, припадая за закрытіемъ, спѣшиваются. Обыкновенно, въ сумерки, подходилъ къ часовому пѣшкомъ одинъ изъ людей, составляющихъ постъ и, лежа на землѣ, наблюдалъ линію горизонта, не появится ли чего нибудь на ней. Голодныя собаки изъ брошенныхъ турецкихъ и выжженныхъ болгарскихъ деревень, цѣлыми стаями осаждали бивуакъ, вырывали изъ земли трупы убитыхъ турокъ и питались ими. И вотъ такихъ собакъ солдаты поста прикармливали и пользовались свойственною имъ чут- полка въ минувшую войну. Александръ Михайловичъ командовалъ полкомъ съ 25 апрѣля 1872 года. Полкъ имѣлъ возможность узнать А. М. и выразилъ ему свое глубокое уваженіе и любовь поднесеніемъ изображеннаго здѣсь подарка.

Вторая статуэтка также Лансере и также работы фабрики Сазикова, поднесена офицерами 4-го Драгунскаго Екатеринославскаго полка Александру Максимовичу Ребиндеру, командиру полка, въ память общихъ боевыхъ трудовъ, понесенныхъ въ великую минувшую восточную войну.

П. А. Радонежскій.

(† 19 Сент. 1879).

Даровитый пѣвецъ, артистъ Императорской русской оперы въ Москвѣ П. А. Радонежскій родился въ 1828 году въ Ярославской губерніи, Рыбинскаго уѣзда въ селѣ Копринѣ, расположенномъ на живописномъ берегу Волги. Къ артистическому поприщу вела его сама судьба. Сельскій просторъ, оглашаемый пѣснями рыбаковъ, косарей, святочныя посидѣнки, игры, лѣтніе хороводы, пѣніе на крылосѣ съ 6-ти лѣтняго возраста, музыкальность его отца, игравшаго на гусляхъ и любившаго поэзію, — все это будило и воспитывало будущаго пѣвца. Отданный на 9-мъ году въ Ярославское духовное училище, мальчикъ, какъ обладающій прекраснымъ голосомъ (альтомъ) зачисленъ въ семинарскій хоръ. На 18-мъ году открылся у него прекрасный баритонъ. Во время ученья въ семинаріи, Радонежскій, не взирая на строгія запрещенія начальства училищнаго, посѣщаетъ театръ. У „пѣвца“ является гитара, подъ акомпаниментъ которой онъ и распѣвалъ въ кругу товарищей, перенятые въ театрѣ, чувствительные *романсы* и множество ходившихъ между семинаристами по преданію, пѣсенъ

По окончаніи курса въ семинаріи, Радонежскій поступилъ на службу въ Ярославское Губернское Правленіе и, сдѣлавшись чиновникомъ, не покидалъ пѣнія. Слава его, какъ пѣвца, распространилась въ Ярославлѣ и его начали приглашать на вечеринки къ разнымъ чиновникамъ и помѣщикамъ. На одномъ изъ такихъ вечеровъ услышалъ Радонежскаго, пріѣхавшій изъ Москвы въ Ярославль, пѣвецъ Московской оперы Бантышевъ; онъ похвалилъ голосъ, и посовѣтывалъ ѣхать въ Москву учиться.

Очутившись въ Москвѣ безъ всякихъ средствъ къ жизни, Радонежскій заработывалъ пропитаніе перепиской второй части „Мертвыхъ Душъ“ Гоголя. Изъ Москвы, съ гитарою подъ мышкой, дѣлалъ наѣзды въ разные уѣздные города и давалъ „*концерты*.“ Исполненная всякихъ лишеній, „ради любви къ искусству“, жизнь въ Москвѣ, частію въ Петербургѣ, продолжалась до 1857 года, когда представилась возможность уѣхать во Флоренцію, гдѣ онъ и пробылъ, учась у различныхъ маэстро до 1863 г. Съ 1865 г. до самой смерти Радонежскій пѣлъ на Московской сценѣ. Пѣніе его, какъ извѣстно, отличалось необыкновенною задушевностію; исполняемыя имъ въ концертахъ пѣсни напр. „Травушка“, „Морозъ-морозецъ“! всегда производили сильное впечатлѣніе.

Къ числу лучшихъ ролей его принадлежали: Сусанина въ „Жизни за Царя,“ „Руслана“ „Неизвѣстнаго“, въ „Аскольдовой могилѣ,“ князя Владиміра въ „Рогнѣдѣ“. Радонежскій былъ поэтъ въ душѣ: онъ писалъ стихи—элегіи, романсы. Нѣкоторые изъ нихъ вошли даже въ хрестоматіи; иныя имъ самимъ положены на музыку. Между знакомыми покойный артистъ слылъ за человѣка правдиваго и съ прекраснымъ сердцемъ.

Замѣчательна была его кончина (19 сентября 1879 г.) по тому удивительному спокойствію и твердости, съ которыми онъ встрѣчалъ предчувствуемую имъ и ожидаемую смерть.

Радонежскій завѣщалъ похоронить себя *на родинѣ*, на берегу Волги, столь имъ любимой.

И хоть безчувственному тѣлу
Равно повсюду истлѣвать—
Но ближе къ *милому предѣлу*
Мнѣ бъ все хотѣлось *почивать*....

Воля пѣвца была исполнена: тѣло его перевезено въ родное село и погребено на берегу Волги, близь алтаря деревенской церкви, подъ сводами которой впервые раздался его дѣтскій голосъ.

Наводненіе въ Мурсіи.

14 октября надъ испанскими провинціями Малагой, Альмеріей, Гренадой и Севильей пронеслась страшная буря съ дождемъ и градомъ. Въ бассейнѣ рѣкъ Сегуро и Мундо, долинѣ Вега въ Мурсіи и Аликанте, буря разразилась съ особенною силой.

Мы уже говорили въ Полит. Обозр. № 45, что наводненіе это причинило много бѣдствій въ Испаніи. Послѣдствія наводненія въ Мурсіи такъ ужасны, что съ ними не могутъ идти въ сравненіе послѣдствія наводненія въ Сегединѣ въ Австріи. Тамъ погибъ одинъ городъ—здѣсь же полное разрушеніе цѣлой цвѣтущей провинціи, ужасы котораго превосходятъ все что можно себѣ представить. Одна изъ плодороднѣйшихъ и красивѣйшихъ мѣстностей страны съ 200 деревнями, нѣсколькими городами—совершенно разрушена и такъ сказать стерта съ лица земли. и мѣста, гдѣ кипѣла жизнь, представляютъ только груды развалинъ.

Рисунокъ, помѣщенный въ этомъ №, представляетъ одинъ изъ эпизодовъ страшной катастрофы въ г. Санъ-Бенито, въ Мурсіи, гдѣ отрядъ конныхъ жандармовъ дѣйствовалъ геройски, спасая погибающихъ и потерявъ нѣсколькихъ изъ своихъ доблестныхъ товарищей, при этомъ святомъ дѣлѣ помощи несчастнымъ. Рисунокъ принадлежитъ г. Дику, бывшему на мѣстѣ катастрофы въ этомъ городѣ.

Король Альфонсъ выѣхалъ на мѣста захваченныя наводненіемъ. Высшее общество Испаніи, купцы, народъ, безъ различія партій, которыми страна кишитъ—все напрягло усилія для облегченія участи несчастныхъ, пострадавшихъ отъ великаго бѣдствія. По Мадридско-Картагенской линіи желѣзной дороги, начиная отъ селенія Алькантарилла, путника поражаютъ страшные слѣды разрушенія. Съ Беніажана уже останавливаются поѣзды совсѣмъ, потому что тутъ полотно дороги совершенно смыто, такъ что и слѣдовъ его не осталось. Среди этихъ смытыхъ волнами хлѣбовъ, пустынныхъ, окруженныхъ развалинами, когда-то плодородныхъ полей, одиноко чернѣются на высокихъ мѣстахъ домики желѣзнодорожныхъ сторожей, выстроенные болѣе прочно изъ большихъ камней. Телеграфные столбы, снесенные водою, валяются въ разныхъ мѣстахъ. Деревенскія постройки, которыя въ этой южной сторонѣ неособенно солидны, снесены какъ картонные домики. Между Алькантарильей и Мурсіей наскоро возстановлено полотно и рельсы для королевскаго поѣзда. Ноидуэрмасъ, богатое и торговое, какъ большая часть селъ Мурсіи, теперь представляетъ груду развалинъ. Одна ея старая церковь угрюмо возвышается среди долины, съ своими старинными, крѣпкими стѣнами. Во время наводненія многіе спасались на ея величественной колокольнѣ.

Политическое обозрѣніе.

Англія и Турція.—Алеко-Паша въ Константинополѣ.—Союзъ балканскихъ княжествъ.—Рѣчь Биконсфильда.—Англичане въ Афганистанѣ и Южной Африкѣ.—Чальдини.—Англичане на «Гуаскарѣ».

Въ массѣ разъясненій, которыми теперь западная журналистика пополняетъ свѣдѣнія о столкновеніи между Англіей и Турціей, для насъ, конечно, можетъ имѣть значеніе только одно извѣстіе, переданное на дняхъ по телеграфу, и именно то, въ которомъ говорится, что „Мусурусъ-паша (посланникъ Порты въ Лондонѣ) полагаетъ, что маркизъ Салисбэри убѣдился въ ложности слуха о мнимомъ сближеніи между Россіей и Турціей. Не лежитъ ли здѣсь, главнымъ образомъ, ключъ къ объясненію тревоги, поднятой Англіей, убоявшейся помѣхи планамъ ея. Повидимому, въ настоящую минуту, у Лондона съ Константинополемъ все уладилось, такъ какъ султанъ принялъ на себя обязанность постепенно провести обѣщанныя реформы (какъ это ново!) и назначилъ Бэкера-Пашу своимъ особымъ уполномоченнымъ при введеніи преобразованій въ Малой Азіи.

Неужели не ясно, что и требованіе Англіи и лицемѣрное довѣріе, съ которымъ она относится къ возобновленнымъ обѣщаніямъ Султана—чистѣйшая комедія.

Алеко-Паша приглашенъ въ Константинополь, гдѣ уже и находится теперь. Многіе полагаютъ, что генералъ-губернаторъ Румеліи рѣшился отправиться туда, только благодаря поѣздкѣ князя Лобанова-Ростовскаго въ Ливадію, имѣвшей цѣлью убѣдить Порту, что если она желаетъ преодолѣть затрудненія, встрѣчаемыя ею въ этой провинціи, то Россія является единственнымъ другомъ, могущимъ оказать ей существенную помощь.

Провинціальный румелійскій сеймъ постановилъ, что для преній и протоколовъ его будетъ употребляться болгарскій языкъ, причемъ всѣ законы, издаваемые сеймомъ, будутъ переводиться на турецкій и греческій языки. Согласно новѣйшимъ свѣдѣніямъ, въ Румеліи загорается борьба между греками и болгарами, чего, понятно, давно уже надо было ожидать.

Нѣсколько времени тому назадъ мы горячо привѣтствовали извѣстіе о предполагавшемся союзѣ между славянскими государствами Балканскаго полуострова. Не смотря на всѣ опроверженія, извѣстіе настойчиво подтверждалось изъ самыхъ разнородныхъ источниковъ. Теперь, мы спѣшимъ передать нашимъ читателямъ слѣдующій слухъ. Изъ Вѣны сообщаютъ, что 6-го числа *между балканскими княжествами заключенъ союзъ*, съ виду—противъ всякаго иностраннаго вмѣшательства, но въ сущности же *направленный исключительно противъ Австріи*. Договоръ этотъ, какъ говорятъ, содержитъ въ себѣ точно опредѣленныя условія на тотъ случай, еслибы Австрія распространила районъ дѣйствій своихъ за предѣлы Новаго Базара: при этомъ Сербія поставляетъ для союзной арміи контингентъ въ 120 тысячъ человѣкъ, Черногорія—въ 20 тысячъ и Болгарія—въ 90 тысячъ. Кромѣ того, Сербія ссужаетъ Черногоріи 75 тысячъ дукатовъ на покрытіе расходовъ по вооруженію.

Предполагалось пригласить къ участію въ союзѣ и Порту, но, до времени, вопросъ этотъ еще оставленъ открытымъ. Приводимъ это извѣстіе съ чувствомъ, понятнымъ для всякаго истиннаго русскаго. Пускай оно и окажется преждевременнымъ, но и не смотря на то, оно достаточно характеристично, указывая на громадный шагъ впередъ, сдѣланный недавно еще безгласными славянами.

Въ Лондонѣ происходилъ недавно обычный ежегодный банкетъ по поводу избранія новаго лорда-мэра. На этомъ банке-

тѣ говорилъ, между прочимъ, какъ всегда, рѣчь лордъ Биконсфильдъ. Обойдя щекотливые вопросы минуты и распространившись, преимущественно, объ экономическомъ положеніи Британіи и отношеніяхъ Ирландіи къ Англіи, премьеръ, въ заключеніе рѣчи своей, далъ слушателямъ объясненіе внѣшней политики своего кабинета, стараясь выставить необходимость сохраненія его во главѣ страны. Вотъ его слова:

„...Еслибы какое нибудь государство, обладающее наиболѣе обширными владѣніями и наибольшими богатствами въ мірѣ, вслѣдствіе превратнаго пониманія особенностей своего географическаго положенія, какъ острова, стало равнодушно относиться къ судьбамъ континентальной Европы—я сказалъ бы, что сохраненію мира грозитъ опасность (?). Въ этомъ равнодушіи я вижу причину многихъ войнъ (!). Но если вліяніе и голосъ Англіи получатъ надлежащее мѣсто въ совѣтахъ Европы, я убѣжденъ, что миръ будетъ упроченъ на многіе годы (!). Я абсолютно увѣренъ въ томъ, что если Англія покинетъ подобающее ей мѣсто въ Европѣ, то война сдѣлается лишь слишкомъ вѣроятною, хотя и не говорю, что миръ не можетъ быть нарушенъ ни въ какомъ случаѣ."

Рѣдко можно слышать, чтобы какой нибудь министръ съ такою безцеремонностью, увѣрялъ въ томъ, что онъ необходимъ.

Изъ Кабула пишутъ, что учрежденные тамъ военные суды надъ виновниками убіенія маіора Каваньяри и посольства (трупы ихъ не найдены), уже повѣсили 11 человѣкъ, въ томъ числѣ одного полицейскаго, уличеннаго въ томъ, что онъ совершилъ поруганіе надъ тѣлами убитыхъ.

Подозрѣніе, падавшее на Якубъ-Хана и временно разсѣянное его появленіемъ въ лагерѣ Робертса, снова усиливается: оказывается, что въ ночь передъ однимъ сраженіемъ, происходившимъ между англичанами и взбунтовавшимися афганцами,—къ эмиру въ палатку приходилъ одинъ изъ вліятельныхъ туземцевъ Наибъ-Магометъ, начальствовавшій на другой день афганскими войсками. Къ этому прибавляютъ слухъ объ открытомъ недавно заговорѣ, имѣвшемъ цѣлью устроить побѣгъ Якубъ-Хана изъ англійскаго лагеря. Якубъ, содержащійся уже въ качествѣ плѣнника, перевезенъ изъ Сіа-Санта въ Шурпуръ, подъ конвоемъ 9-го уланскаго полка и всѣ приближенные, состоявшіе при немъ, удалены, за исключеніемъ четырехъ человѣкъ а въ помѣщеніи, занимаемомъ имъ, постоянно находится сильный караулъ. По всѣмъ вѣроятіямъ, бывшій эмиръ скоро будетъ отосланъ въ Индію, въ качествѣ государственнаго плѣнника. Англичане разсказываютъ, будто Якубъ-Ханъ, говоря генералу Робертсу о своемъ намѣреніи отрѣчься отъ престола, выразился, что скорѣе согласится косить сѣно на англійскій лагерь, чѣмъ быть эмиромъ въ Афганистанѣ, что охотно отправится въ Индію, на островъ Мальту, въ Англію—словомъ, куда бы его не послали. Теперь думаютъ, что это была не болѣе, какъ уловка, чтобы заставить генерала Робертса довѣриться и не принимать предосторожностей. Уловка эта, какъ видимъ, не имѣла успѣха.

Англичане постоянно телеграфируютъ, что дѣла ихъ въ Афганистанѣ идутъ прекрасно. Весьма вѣроятно. Но — только для того, чтобы онѣ шли такъ прекрасно, имъ приходится безпрестанно совершать экспедиціи и рекогносцировки въ разныя части „покоренной" страны...

Въ Южной Африкѣ—тоже прекрасно. Только, оказывается, что не всѣ зулусы покорны. Вождь Секопени никакъ не хочетъ прекратить борьбы, начатой Сетевайо, и боэры отказались выдать оружіе свое. Секонени отправленъ ультиматумъ, а къ боэрамъ—какъ мы сообщали уже—драгуны.

Изъ Рима сообщаютъ, что въ официальной газетѣ напечатано, что просьба генерала Чальдини объ отставкѣ его отъ должности итальянскаго посланника въ Парижѣ принята правительствомъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, оффиціально же возвѣщено, что онъ назначенъ королемъ чрезвычайнымъ посланникомъ при бракосочетаніи короля Альфонса.

Испанское правительство занято, въ настоящую минуту, вопросомъ о реформахъ на островѣ Кубѣ.

Въ Вальпарайсо недавно прибыли 128 человѣкъ военно-плѣнныхъ, взятыхъ чилійцами на геройскомъ перуанскомъ броненосцѣ „Гуаскарѣ." Населеніе обошлось съ ними почтительно.

Говорятъ, что 85 человѣкъ изъ экипажа этаго броненосца—англичане (рѣшительно всюду !).

Взятіе „Гуаскара" произвело глубокое впечатлѣніе въ Пэру, но—населеніе жертвуетъ суммы на сооруженіе новаго броненосца, требуя продолженія войны, во что бы то ни стало.

Новыя изобрѣтенія и открытія.

Усовершенствованныя очки. Стекла въ очкахъ обыкновенно располагаются подъ прямымъ угломъ къ оправѣ и неподвижно передъ глазами, поэтому, при смотрѣніи внизъ, т. е. во время чтенія, письма или другаго занятія, глазъ не попадаетъ въ средину стекла и зрительная линія идетъ косо и падаетъ на нижній край послѣдняго, отчего предметы представляются неясными и искривленными. Продолжительное употребленіе подобныхъ очковъ очень вредно для глазъ.

Неудобство это устранено оптикомъ Шлеми-Штролейномъ во Франкфуртѣ на Майнѣ. Онъ приспособилъ очки съ подвижными шарнирами, помощью которыхъ стекло можно повернуть такъ, что глазъ постоянно будетъ попадать въ центръ стекла.

Барометръ. Въ засѣданіи Парижской академіи наукъ 20 октября этаго года очень много разсуждалось объ упрощенномъ устройствѣ барометра. Для такаго барометра берутъ стеклянную колбу или бутылку, вливаютъ туда немного воды съ глицериномъ, и черезъ пробку, затыкающую ее герметически вставляютъ тоже стеклянную трубку, конецъ которой опускается до дна бутылки. Трубка эта также до половины наполняется такою жидкостью, какая находится въ бутылкѣ. Большее или меньшее давленіе воздуха въ бутылкѣ заставляетъ то подниматься, то опускаться жидкость, находящуюся въ трубкѣ. Если давленіе наружнаго воздуха сильно, то жидкость въ трубкѣ опускается, такъ какъ давленіе воздуха въ бутылкѣ осталось прежнее и напротивъ, если давленіе наружнаго воздуха слабѣе давленія воздуха въ бутылкѣ то жидкость въ трубкѣ начинаетъ подниматься. Тутъ наоборотъ, чѣмъ въ ртутномъ барометрѣ, поднятіе жидкости указываетъ на увеличеніе давленія воздуха.

Но такъ какъ въ этомъ случаѣ давленіе измѣряется жидкостью въ 13½ разъ легче ртути, то соотвѣтственно съ этимъ распредѣляются единицы измѣренія. Встрѣчается только то неудобство, что различная температура наружнаго воздуха дѣйствуетъ на воздухъ въ бутылкѣ и можетъ вліять на подниманіе и опусканіе жидкости въ трубкѣ, такъ что становится труднымъ опредѣлить собственно барометрическія дѣйствія. Но этого можно избѣгнуть, если поставить барометръ въ мѣсто, гдѣ постоянно бываетъ ровная температура, какъ напр. въ погребѣ. Глицеринъ прибавляется къ водѣ съ цѣлію предохранить ее отъ замерзанія.

Аудифонъ Грейдона. Изъ Цинцинати сообщаютъ, что профессоръ Грейдонъ изобрѣлъ слуховой аппаратъ — аудифонъ, не имѣющій ничего общаго съ другими подобными ему приспособленіями. Аудифонъ Грейдона состоитъ изъ небольшаго электро-микрофона, къ полости котораго придѣлывается шнуръ произвольной длины, прикрѣпленный другимъ концомъ къ деревянной пластинкѣ. Аппаратъ этотъ назначается для глухихъ и употребленіе его очень просто. Глухой, беретъ деревянную пластинку въ зубы, а желающій съ нимъ говорить произноситъ слова черезъ электро-микрофонъ, при чемъ слѣдуетъ наблюдать, чтобы шнуръ былъ натянутъ. По теоріи изобрѣтателя, глухой человѣкъ воспринимаетъ звуки зубами, въ томъ предположеніи, что звукъ черезъ зубные нервы и лицевыя кости передается слуховымъ нервамъ, а затѣмъ мозгу. Аппаратъ этотъ, однако, не дѣйствителенъ въ томъ случаѣ, если слуховые нервы повреждены или совершенно ослабли. Интересные опыты были произведены въ заведеніи глухонѣмыхъ въ Цинцинатѣ. Совершенно глухая дѣвочка, съ которою профессоръ говорилъ на разстояніи 25 футовъ, повторяла каждое слово, передаваемое ей черезъ этотъ аппаратъ. Другая дѣвочка, глухая отъ рожденія, показывала мимикой, что она слышитъ звуки въ то время, когда съ нею говорилъ профессоръ.

По видимому, аудифонъ въ будущемъ будетъ играть не маловажную роль. Съ уничтоженіемъ глухоты, уничтожится и нѣмота, какъ вытекающая изъ первой. Изъ всѣхъ изобрѣтеній нынѣшняго столѣтія. конечно, великимъ по справедливости должно быть признано то, которое возвратитъ глухонѣмымъ слухъ и употребленіе слова.

Хлѣбъ и дифтеритъ. Въ то время какъ причины дифтерита ищутъ въ порчѣ воздуха и разныхъ другихъ общихъ причинахъ, докторъ Г. Эйтманъ, Линнигскій врачъ (близь Ахена), находитъ, что болѣзнь зарождается просто въ кишечномъ каналѣ и происходитъ отъ нѣкоторыхъ видовъ порченой пищи, которую мы принимаемъ. Болѣзнь обыкновенно оказывается въ горлѣ черезъ 5 — 8 дней послѣ принятія такой пищи. Эйтманъ въ основаніе своего мнѣнія ставитъ слѣдующія главныя положенія: 1) причины дифтерита кроются вовсе не въ воздухѣ, а въ нашей кухнѣ. 2) Дѣти, пока питаются исключительно молокомъ матери или вообще какимъ либо молокомъ, и не смотря на соприкосновеніе съ тяжело-больными дифтеритомъ, не заражаются. 3) Что вообще дифтеритъ неосложненный незаразителенъ. 4) Что производитъ дифтеритъ содержимое нашей ежедневной пищи. 5) Что во всякомъ случаѣ первоначальное зараженіе уничтожается посредствомъ очищенія кишечнаго канала. 6) Посредствомъ холодныхъ клистировъ и слабительнаго здоровыя дѣти вполнѣ предохраняются отъ зараженія въ семействѣ, гдѣ есть больные. 7) Что санитарная полиція, если захочетъ, можетъ оказать помощь при этой болѣзни, бичѣ дѣтей. Причины зараженія докторъ усматриваетъ въ обыкновенно употребляемой зелени, вареной и сырой, если она испорчена, въ водѣ остающейся послѣ обмыванія масла и сыра. Но главнымъ образомъ докторъ Эйтманъ обращаетъ вниманіе на хлѣбъ, не хо-

рошо испеченый или, какъ говорится, „не дошедшій", въ которомъ не исчезла еще дрожжевая кислота. Почтенный докторъ сдѣлалъ эти важныя наблюденія во время ужасной эпидеміи дифтерита, разразившейся надъ деревней Брахеленомъ, гдѣ онъ былъ врачемъ для бѣдныхъ. Его замѣчательная брошюра объ этомъ предметѣ вышла подъ заглавіемъ: „Нашъ хлѣбъ и дифтеритъ" (Unser tägliches Brod als Ursache der Diphteritis) въ Лейпцигѣ.

Разныя извѣстія.

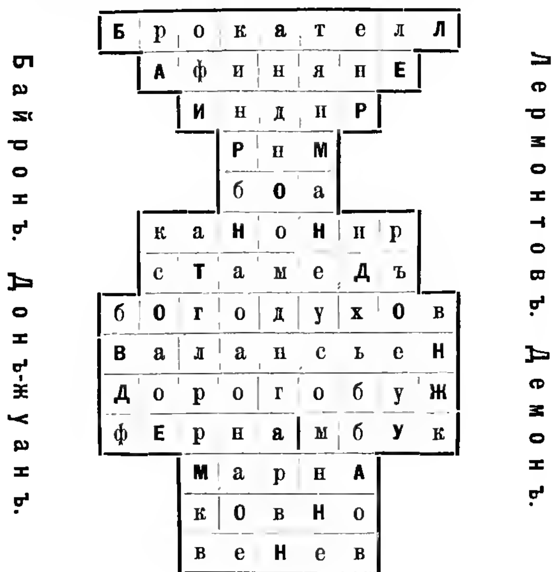
Китайское изобрѣтеніе. Въ оффиціальной пекинской газетѣ напечатанъ императорскій декретъ приблизительно слѣдующаго содержанія: „Вѣдомство цензоровъ довело до нашего свѣдѣнія, что вице-губернаторъ провинціи Анхвуй, Тунсъ-ю-Чисъ изобрѣлъ судно, двигающееся *безъ посредства пара*. Судно это почти готово, и чтобы довести постройку его до конца, требуется лишь сумма въ 3,000 тавловъ (около 9,000 руб.). Въ виду этого мы повелѣваемъ Шенъ-Пао-Шену выдать ассигновки на эту сумму и вмѣстѣ съ Тингъ-Ихъ-Шангомъ присутствовать при опытахъ. Коль скоро изобрѣтенная помянутымъ чиновникомъ машина дѣйствительно въ состояніи приводить въ движеніе судно и окажется практичною, ее слѣдуетъ ввести въ употребленіе".

Лѣтній ледяной катокъ. Фабрикантъ льда въ Нью-Іоркѣ — Ранкинъ устроилъ нынѣшнимъ лѣтомъ, къ услугамъ любителей, лѣтній ледяной катокъ, длиною въ 200 и шириною въ 80 фут. и — что всего замѣчательнѣе — составленный изъ одного цѣльнаго куска льда. Для этаго устроена крытая зала съ совершенно герметическимъ паркетнымъ поломъ. По полу проложена цѣлая сѣть трубъ, длиною въ 16 верстъ, а поверхъ трубъ налита вода, которая потомъ и заморожена въ видѣ сплошнаго зеркала, толщиною въ три дюйма. Какъ замораживаніе воды, такъ и поддержаніе льда въ неизмѣняемомъ состояніи, несмотря на окружающую жару, производится услугами охлаждающей жидкости, которая циркулируетъ въ вышеупомянутыхъ трубахъ. Чтобы катающимся, одѣтымъ въ легкія лѣтнія платья, не было холодно. въ залѣ топится постоянно 12 печей. Не смотря однако же на это, ледъ не оказываетъ ни малѣйшаго стремленія растаять и самая охлаждающая жидкость, пробѣжавъ по трубамъ цѣлыхъ 16 верстъ, согрѣвается лишь на нѣсколько градусовъ.

Русская Имп. Опера въ Москвѣ. П. А. Радонежскій † 19 сентября 1879 г.
Съ фотогр. грав. Э. Шмидтъ.

Голуби. Даже такое невинное занятіе, какъ голубиная охота, можетъ сдѣляться преступнымъ, разъ оно обращается въ страсть. Примѣромъ этому можетъ служить дѣло, по которому утвержденъ не такъ давно судебною палатою обвинительный актъ о преданіи суду саратовскаго окружнаго суда, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, пстыхъ аматеровъ голубей; страсть къ собиранію голубиной коллекціи довела *до кражи со взломомъ*, въ городѣ Саратовѣ, у Шарова *11-ти голубей*. Въ Англіи производились интересные опыты съ почтовыми голубями для передачи метеорологическихъ наблюденій на большихъ разстояніяхъ. Нѣсколько голубей было пущено изъ порта Пензанса на берегахъ Корнвалиса, въ 12 миляхъ отъ мыса Финистерре; они пролетѣли разстояніе въ 270 миль, отдѣляющее этотъ портъ отъ Лондона, въ 6 часовъ, т. е. со скоростью 45 миль въ часъ. Бури въ этой долготѣ рѣдко имѣютъ скорость свыше 30 миль въ часъ; среднимъ числомъ разсчитываютъ, что центръ бури пробѣгаетъ въ часъ отъ 16 до 17 миль; слѣдовательно, почтовый голубь всегда можетъ возвѣстить объ опасности тѣ пункты, которымъ она угрожаетъ.

Рѣшеніе задачи слоговъ въ № 44 „Нивы".


Б р о к а т е л Л
А ф и н я н Е
И н д и Р
Р н М
б О а
к а Н о Н и р
с Т а м е Д ъ
б О г о д у х О в
В а л а н с ь е Н
Д о р о г о б у Ж
ф Е р н а м б у к
М а р н А
к О в н О
в е Н е в

Байронъ. Донъ-Жуанъ. — Лермонтовъ. Демонъ.

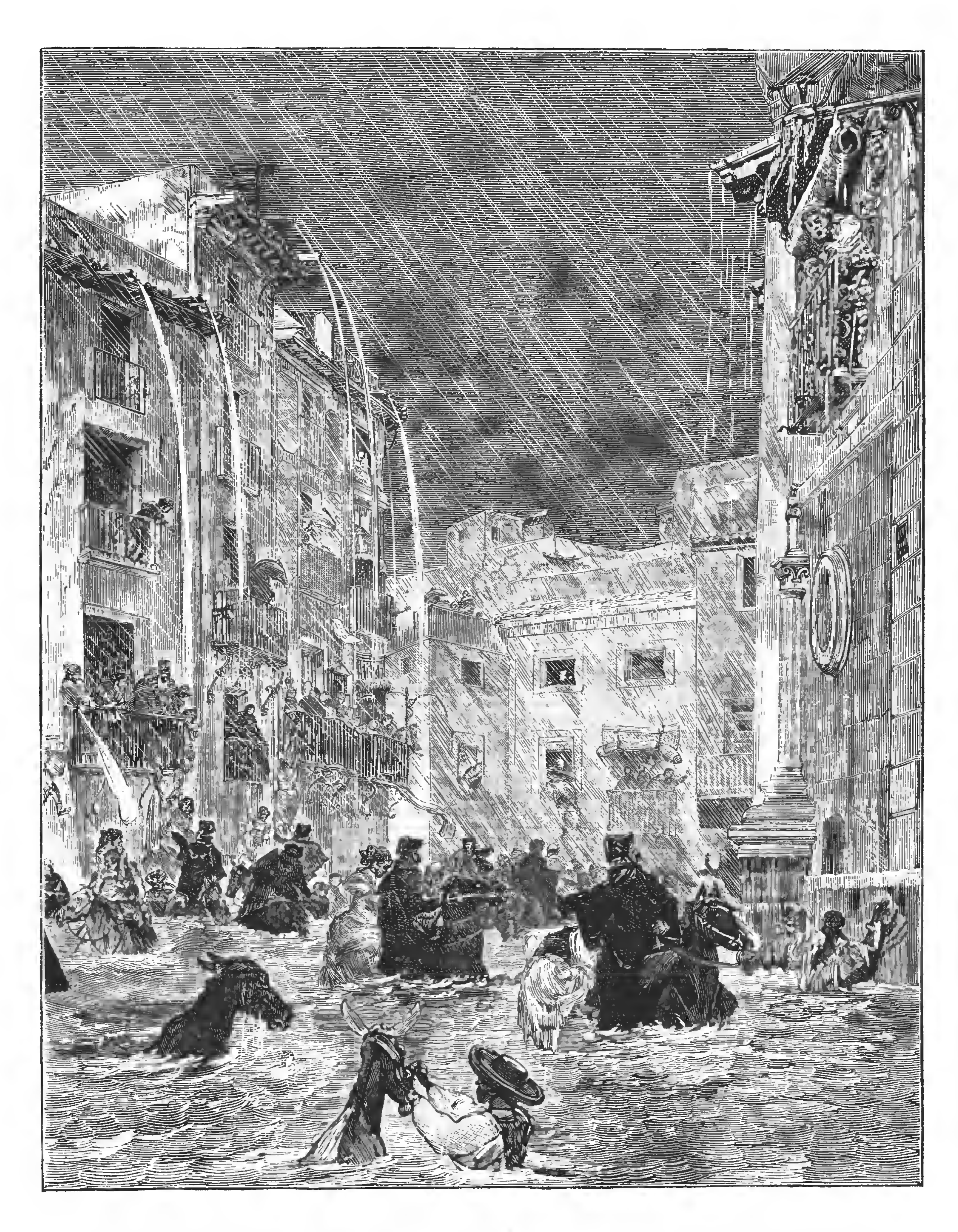
Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы: Спб., отъ гг.: В. П. фонъ Адельбергъ, Звивлингъ, Лешв Бочаговъ, Л. Л. Ивановъ, Смирдинъ и Александровы, А Ильина, Андрей Перъ, С. Венто, Мстиславъ, Лысенко-Калашниковскій, фонъ-Пимперле, Н. Т. Чернецкій, Астрофила. Бебутова. Ученикъ первой гимназіи, Е. Г—ва, Н. М. Поснова, Шаферъ, М. Морской, Е. Веберъ, С Тюлинъ, Ив. Гибовъ, Генрихсенъ, М Константиновъ, Н. Ивановъ, М. и Я. Кальиновы, Битловъ, М. Монаховъ, П. Грикуровъ, А Коринъ, М. Конченъ и Рыжко, Х. З. Митовъ, С Верещагинъ, В. Лукинъ, Пвпшинъ, Н. З ва, Н В. Потоцкій; Москва, гг.: И. Клугевъ, А. Шипковъ, В. Найденовъ, П. Г Гол цинъ, М. Трввина, И. Звъванивъ, Милиевъ, П. Еринъ, С. Н. Войникова, В Андріановъ, Д. С Гавриловъ, М. Авже, Горяевъ, Бас—о, Н. Яковлевъ, Е. Постникова. А. Аверьянова. С. М. Ивановъ, П. Ереминъ, Пупыриниковъ, А. Сосковъ, Е. Щегловъ, А. Дробишъ, А. Шешковъ, Котъ-Васька; Ярославль—Елисѣевъ, Бѣжецкъ—В. Черновъ, Московская Славянка—А. А Фрейгангъ, Царское Село—А. и К. Васильевы, А. и М. Бобрскіе, Кронштадтъ: Н. Воронцовъ, Прокофьевъ, Н. Даржанъ; Нижній Новгородъ—Аввиьинъ, Старая Русса—Е. Ландау, Гатчино—Ольга, Ковно—М. Третескій, Бѣлостокъ—А. Шеръ, Брянскъ—Н. Чвмовъ, Симбирскъ—Л. Епифан ва, Тула—М Никольскихъ, Одесса Ртутшная, Могилевъ—Ласточка, Южицкая, Кіевъ—Ольга Б—ъ; Проскуровъ—Волошиновъ, Савелинская—Монаховъ, Бобруйскъ—Карпенко.

Рѣшеніе задачи, помѣщенной въ № 44 „Нивы".

Кукук — Комок
Карак — Каттак
Кирик — Кабак
Кизик — Кок
Казак — Кук

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы: Спб., отъ Гейнрихсона, Череповецъ—Ковьмы Соловьева.

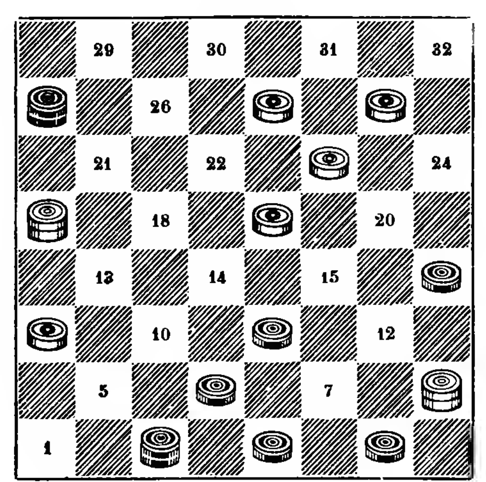
(Продолженіе на стр. 941, 942, 943 и 944).



Испанія. Наводненіе въ провинціи Мурсіи. Спасеніе погибающихъ жителей города Санъ-Бенито жандармами.
По рисунку М. Дика, грав. М. Рашевскій.

Шашечная задача № 17.

Бѣлыя.



Черныя.

Черныя начинаютъ, выигрываютъ и запираютъ двухъ простыхъ и 1 дамку.

Рѣшеніе задачи-пирамиды, въ № 42 „Нивы“.

Начиная читать съ вершины пирамиды, т. е. съ буквы „Л“ по строкамъ и пропуская при этомъ по одной буквѣ, и дойдя до конца продолжать такимъ же образомъ читать сначала по строкамъ же пропущенныя буквы—получимъ русскую поговорку: „Люди ловятъ случай и счастіе, между тѣмъ какъ оно само гонятся за ними“.

Рѣшеніе ребуса, помѣщеннаго въ № 42 „Нивы“.

„Лучше десять виноватыхъ простить, чѣмъ одного невиннаго наказать“.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Ярославль. А. П. Өедотовскому Задачи., помѣщенныя въ № 42, вами рѣшены вѣрно. Относительно изданія журнала „Сѣверная Звѣзда“ намъ ничего неизвѣстно.

П—у. Ярославль. Стихи ваши не могутъ быть напечатаны и обратно не высылаются.

СОДЕРЖАНІЕ: Дѣятели Русской литературы. Фонвизинъ (съ портр.)—**Касимовская невѣста** Историческій романъ **Вс. Соловьева** (Окончаніе).—**Средн Туркменъ «Теке».** (Бытовый очеркъ съ 2 рис.). **Н. Н. Каразина.—Погоня волковъ за лосемь** (съ рис.) — **Русскія серебряныя издѣлія** (съ 2 рис.) — **П. А. Радонежскій** (съ портр.)—**Наводненіе въ Мурсіи** (съ рис.)—Политическое обозрѣніе.—Новыя изобрѣтенія и открытія.—Разныя извѣстія.—Рѣшеніе задачи слоговъ.—Рѣшеніе задачи, помѣщенной въ № 44 «Нивы».—Шашечная задача.—Рѣшеніе задачи-пирамиды.—Рѣшеніе ребуса. — Почтовый ящикъ.—Къ нашимъ читателямъ.—Объявленія.

Издатель **А. Ф. Марксъ.** Редакторъ **Ф. Бергъ.**

КЪ НАШИМЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1880 Г. ЖУРНАЛА „НИВА“.

„Нива“ будетъ издаваться въ будущемъ 1880 году по той же программѣ и той же цѣнѣ, какъ и въ прошедшіе годы и, какъ уже и было втеченіи 10 лѣтъ, издатель будетъ постоянно расширять программу и улучшать достоинство премій и вообще помѣщаемаго матеріала.

Наши постоянные читатели знакомы съ нашимъ журналомъ, и знаютъ какую массу чтенія даемъ мы, какъ художественно исполняются гравюры и какія цѣнныя преміи „Нива“ въ этомъ наприм. году дала своимъ подписчикамъ: цѣна изданія при всѣхъ этихъ капитальныхъ улучшеніяхъ остается таже. Нашимъ постояннымъ читателямъ нечего повторять что „Нива“—соображая массу даваемаго матеріала—**самый дешевый журналъ въ Россіи.**

Что касается матеріала вообще и произведеній, имѣющихся въ нашихъ рукахъ **для помѣщенія въ „Нивѣ“ въ будущемъ 1880 г.**, у насъ есть **кромѣ массы художественно выполненныхъ гравюръ,** цѣлый рядъ капитальныхъ **литературныхъ** произведеній какъ: **большой романъ** изъ современной жизни въ 2-хъ частяхъ: **„Купленное счастье“** **Н. Морскаго** (автора романа „Аристократія Гостиннаго двора“). **„Иванъ да Марья“**, большая повѣсть извѣстнаго **А. А. Потѣхина.**—**„Лѣсникъ“**, большая повѣсть въ 2 частяхъ **Б. Маркевича,—Кара-Джигитъ.** разсказъ **Н. Н. Каразина,** съ большими рисунками самаго автора;—**„Королевичъ Владиславъ“** и **„Зарница“** двѣ историческія повѣсти **В. Политковскаго;**—**„Ночь“** повѣсть **Н. Морскаго;**—четыре разсказа **Н. Боева: „Божья воля“, „Близь желѣзной дороги“, „Три тысячи“, „На крайнемъ востокѣ“;**—разсказы изъ исторіи русскаго искусства: **„Горькое горе“, „Лемтюжниковъ“** и **„Гашишъ“ П. П. Гнѣдича;**—рядъ очерковъ изъ исторіи русской литературы **А. П. Милюкова, В. С. Соловьева** и многія другія.

Какъ преміи на будущій 1880 годъ. мы дадимъ **двѣ превосходныя, исключительно для „Нивы“ исполненныя и составляющія нашу собственность, большія акварели знаменитаго М. Зичи,** придворнаго художника Е. И. Величества. Содержаніе картинъ взято изъ того же чуднаго, фантастическаго „Демона“ Лермонтова, къ которому уже не разъ обращалась мысль художника. Наши картины изображаютъ два момента поэмы: 1) **Пляска Тамары.** 2) **Умершая Тамара въ цвѣтахъ, окруженная родными.** Достоинства блестящаго таланта **М. Зичи** слишкомъ извѣстны. **Прелесть лицъ, блескъ красокъ живописныхъ восточныхъ костюмовъ, переданы художникомъ съ его обычнымъ мастерствомъ.** Такимъ образомъ „Нива“ и въ будущемъ 1880 г. будетъ стремиться дать своимъ подписчикамъ оригинальныя произведенія самыхъ талантливыхъ писателей и художниковъ.

Подробное объявленіе о подписныхъ цѣнахъ можно видѣть на 1-ой страницѣ номера подъ титуломъ.

Желающихъ подписаться на будущій 1880 г. „Нивы“ просятъ заблаговременно обращаться **въ Главную Контору редакціи журнала „Нива“, помѣщающуюся въ С.-Петербургѣ. Большая Морская, д. № 9.**

Издатель „Нивы“ **А. Ф. Марксъ.**

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

FÜR WÄSCHE-FABRIKEN.
Gewebte waschächte Etiquetten liefern in jeder Ausführung.
Mirus & Lengerich, Crefeld.
№ 319 4—4

КРЫШКИ

для переплета „НИВЫ“ 1879 и также 1880 гг. по вышепоказанному образцу 1 р., съ пересылкою 1 р. 50 к. Каждый простой переплетчикъ въ губернскомъ городѣ легко можетъ переплесть „Ниву“ въ такую коленкоровую крышку.

ДРЕЗДЕНЪ.

КОРОЛЕВСТВО САКСОНІЯ
ПАНСІОНЪ

для окончательнаго образованія молодыхъ дѣвицъ. Обращается особое вниманіе на изученіе живыхъ языковъ, музыки и живописи. Программы высылаетъ Г-жа Lina Kummer Dresden, Ammon-strasse 73.

Рекомандаціи: Г.-нъ Суперинтендентъ д-ръ Мейеръ Dresden. an der Kreuzkirche 5. Г. Тайный совѣтникъ Баронъ фонъ Тейберн. Dresden Carolastr и

№ 21. Вознесенскій проспектъ № 21.

СКЛАДЪ ШВЕЙНЫХЪ МАШИНЪ ВСѢХЪ СИСТЕМЪ.
американскихъ, англійскихъ и нѣмецкихъ конструкцій

А. ШТЕЙНЪ, бывш. Г. Френкель.

ПРОДАЖА ОПТОМЪ И ВЪ РОЗНИЦУ.

Ручныя машины, 20 разныхъ констр., отъ 12 до 45 р.
Ножныя » 40 » » » 35 » 350 »
Системы: Зингеръ отъ 40, Виллеръ и Вильсонъ отъ 35, Гау отъ 45, Гроверъ и Беккеръ отъ 40 р.

СПЕЦІАЛЬНОСТЬ МАШИНЪ для выметыванія петель, вязанія плиссе, вышиванія, шитья перчатокъ и для шитья варной дратвой.

ЦѢНЫ ФАБРИЧНЫЯ.

БЕЗПЛАТНО высылка подробнаго иллюстрированнаго прейсъ-куранта и пробныхъ работъ, въ видѣ образовъ спеціальныхъ машинъ. № 341 10—2

ОБЪ ИЗДАНІИ ГАЗЕТЫ „СОВРЕМЕННОСТЬ“

СЪ ОСОБЫМЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

СЕМЕЙНОЕ ЧТЕНІЕ

ВЪ 1880 ГОДУ.

Газета **«Современность»** издается безъ предварительной цензуры. Въ ней будутъ помѣщаться: I. Передовыя статьи по вопросамъ политическимъ, учебно-воспитательнымъ, церковно-общественнымъ, юридическимъ, литературнымъ и др. Обозрѣнія: внутреннее, имѣющее предметомъ обсужденіе болѣе крупныхъ фактовъ изъ современной общественной жизни, иностранное и политическое. II. Правительственныя распоряженія, касающіяся всѣхъ вообще вѣдомствъ. III. Хроника, въ которую войдутъ разные слухи и свѣдѣнія о событіяхъ, преимущественно столичной жизни. IV. Журнальные и газетные толки, или выдержки изъ статей, заслуживающихъ почему-либо особеннаго общественнаго вниманія. V. Внутреннія извѣстія, гдѣ первое мѣсто будетъ предоставлено разнаго рода корреспонденціямъ, чуждымъ личныхъ личностей и провинціальныхъ дрязгъ, а также интересныя, въ какомъ бы то ни было отношеніи, извѣстія, заимствованныя изъ другихъ газетъ. VI. Судебный отдѣлъ, въ которомъ будутъ печататься обстоятельные отчеты о болѣе или менѣе замѣчательныхъ и поглощающихъ общественное вниманіе судебныхъ процессахъ. VII. Иностранныя извѣстія, касающіяся политической и внутренней жизни разныхъ чужеземныхъ народовъ. VIII. Разныя мелкія извѣстія изъ внутренней и иностранной жизни. IX. Фельетонъ, въ которомъ, между прочимъ, будетъ помѣщаться обзоръ текущей журналистики, какъ свѣтской, такъ и духовной, а равно и статьи ученаго и беллетристическаго характера. X. Биржевыя свѣдѣнія.

Въ будущемъ 1880 году **«Современность»** будетъ выходить пять разъ въ недѣлю за исключеніемъ дней, слѣдующихъ за праздниками.

Семейное чтеніе будетъ заключать въ себѣ: статьи о современныхъ событіяхъ, романы, повѣсти, разсказы и т. д., будетъ выходить разъ въ недѣлю въ объемѣ двухъ печатныхъ листовъ въ четвертую долю, въ три столбца.

Подписная годичная цѣна съ пересылкою и доставкою на домъ — **6 руб.**

Подписка принимается въ редакціи газеты въ С.-Петербургѣ, уголъ Ямской и Свѣчнаго пер., въ д. № 9, кв. № 18.

№ 376 2—1 Издатель **А. А. Старченскій.**

ГЛАВНАЯ ПРОДАЖА ПЕРВАГО СОРТА РЕЗИНОВЫХЪ КАЛОШЪ И САПОГОВЪ

удостоенныя на Парижской выставкѣ

ЗОЛОТОЙ МЕДАЛИ

(высшая награда для резинов. фабрикат.)
Продаются по фабричнымъ цѣнамъ

ВЪ СКЛАДѢ ТОВАРИЩЕСТВА

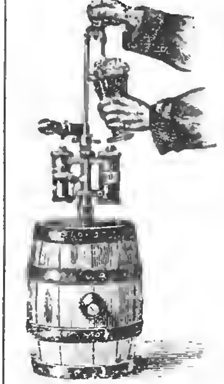
Русско-Американской резиновой мануфактуры.

КОНСТАНТИНА МАЛЬМЪ

БОЛЬШАЯ МОРСКАЯ Д. № 36, рядомъ съ магазиномъ Штанге. Постоянный выборъ новѣйшихъ резиновыхъ товаровъ, продаются по рѣшительнымъ цѣнамъ безъ запроса.

По Воскресеньямъ складъ закрытъ.
№ 325 10—4

НОВЫЙ ПИВНОЙ АППАРАТЪ.



Лѣтомъ не требуется ледяного шкафа. Въ откупоренномъ боченкѣ пиво не подвергается никакой порчѣ.

Необходимъ для портерной, трактировъ, ресторановъ, кухмистерскихъ, питейныхъ домовъ, продается по 18 рублей за штуку.

Въ короткое время уже продано болѣе 600 штукъ въ Петербургѣ.

Депо машинъ Эд. Флугъ.
Вознесенскій проспектъ, № 11.
№ 355 2—2

ИНОГОРОДНЫХЪ

покупателей магаз. Забава и Дѣло, д. № 57 Литейная, въ С.-Петербургѣ,

проситъ сдѣлать рождественскіе заказы заблаговременно, чтобы получить требуемое къ сроку.

25 елочныхъ украшеній 1 р. 25 к., 2, 3, 4 и 5 р., 50 елочн. украш. 2 р. 50 к., 3, 4 до 10 р.; елочные подсвѣчники 15 к., 25 к. до 1 руб. за дюжину; пачка елочныхъ свѣчей 35 к. и прочія принадлежности для елки. Игры, игрушки и разные другіе предметы для подарковъ въ большомъ выборѣ.
№ 368 1—1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

Годъ 3 на 1880 г. на Годъ 3

ОБЗОРЪ ГРАФИЧЕСКИХЪ ИСКУССТВЪ

Единственный техническій журналъ въ Россіи.

ПО ЧАСТИ ТИПОГРАФСК., ФОТОГРАФСК., ЛИТОГРАФСК. И Т. П. ПЕЧАТНЫХЪ ДѢЛЪ.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ, въ размѣрѣ 4—8 in-4°
со многими художественными приложеніями и конкурсными графическими работами.

Цѣна 4 рубля, съ пересылкою 5 рублей.

Журналъ этотъ знакомитъ всѣхъ занимающихся или интересующихся графическими искусствами со всякаго рода новѣйшими изслѣдованіями, открытіями и изобрѣтеніями, появляющимися въ области этихъ искусствъ во всѣхъ странахъ свѣта, въ общедоступныхъ статьяхъ, описаніяхъ, извѣстіяхъ, рисункахъ и объявленіяхъ. Назначая премія за лучшія работы, представленныя на объявленный редакціею конкурсъ, онъ стремится всѣми силами и средствами способствовать развитію графическихъ искусствъ въ Россіи, и за сравнительно небольшую подписную плату, даетъ своимъ подписчикамъ массу спеціальныхъ полезныхъ свѣдѣній.

Подписка принимается у Р. К. Шнейдера въ С.-Петербургѣ. Невскій пр. № 5.
№ 379 1—1

Вышла и раздается подписчикамъ 11-я книжка журнала

ПЕРЕВОДЫ
ОТДѢЛЬНЫХЪ РОМАНОВЪ
ИЗД. М. Н. ЛЬВОВОЙ.

ОБЪ ИЗДАНІИ ЖУРНАЛА ВЪ 1880 ГОДУ.

Начиная 11-й годъ своего существованія, журналъ будетъ издаваться по той же программѣ, какъ и предшествующіе годы, помѣщая на своихъ страницахъ лучшія произведенія заграничныхъ писателей.

Каждый нумеръ журнала будетъ заключать въ себѣ **одинъ законченный романъ** и только въ тѣхъ случаяхъ, когда таковой по объему своему не вмѣстится въ одной книгѣ, будетъ помѣщаемъ въ 2-хъ или въ 3-хъ книгахъ.

Годовое изданіе состоитъ изъ **двѣнадцати книгъ** отъ 20 до 30 печатныхъ листовъ, выходящихъ въ началѣ каждаго мѣсяца.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

На годъ: безъ доставки 8 р., съ доставкою на домъ 8 р. 50 к. съ пересылкою во всѣ города Имперіи 9 рублей.

На полгода: безъ доставки 4 р. 25 к., съ доставкою на домъ 4 р. 50 к., съ пересылкою во всѣ города Имперіи 5 рублей.

Разсрочка допускается: при подпискѣ 5 и остальныя къ 1-му іюля.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ, въ книжномъ магазинѣ Исакова, въ Гостинномъ дворѣ и въ конторѣ Редакціи, близь Загороднаго пр., по Серпуховской улицѣ, № 19.

Иногородные адресуютъ въ С.-Петербургъ, въ Редакцію Отдѣльныхъ Романовъ М. Н. Львовой (адресъ Почтамту извѣстенъ). № 375. 1—1.

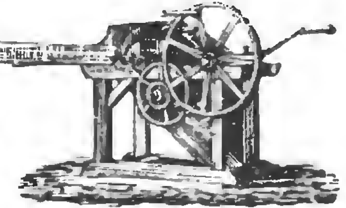
ОПТИКЪ и МЕХАНИКЪ
Г. ШТРАУСЪ.

№ 44. Невскій пр., противъ Гостиннаго двора **№ 44.**

Патентованные Очки и Пенс-не, съ золотою и серебряною отдѣлкою (т. е. безъ ободочковъ) съ наилучшими оптическими стеклами бѣлыхъ, синихъ, дымчатыхъ всѣхъ цвѣтовъ и номеровъ рекомендуются мною какъ однѣ изъ самыхъ лучшихъ очковъ и пенс-не сего времени; а кромѣ того имѣю при магазинѣ;

Стекло-шлифовальную мастерскую, въ которой производится заготовка всѣхъ очковыхъ оптическихъ стеколъ **здѣсь,** почему и въ состояніи продавать вышеозначенные очки и пенс-не по крайне дешевымъ цѣнамъ.

Преемникъ **И. Я. УРЛАУБЪ.**
№ 347 1—1



Желѣзныя ручныя молотилки молотятъ 250 сноповъ въ часъ, со столомъ для раскладки сноповъ. Цѣна 85 р. Молотилки съ коннымъ приводомъ въ 1, 2 и 4 лошади, вѣялки, сортировки, конные приводы, дробилки для овса, мельницы, желѣзные плуги, соломорѣзки, сѣялки, пожарныя трубы и машины всякаго рода, продаются за умѣренныя цѣны.

Депо машинъ **ЭД. ФЛУГЪ.**
Вознесенскій просп. № 11.

ДЕПО КОСМЕТИЧЕСКИХЪ ЛАБОРАТОРІЙ

А. ШТЕЙНБЕРГЪ.

Невскій проспектъ, № 25.

ВСѢ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ДЛЯ ЕЛКИ.

Бонбоньерки, картонажи, фонари, свѣчи парафиновыя и восковыя, подсвѣчники, зажигательная нитка, свѣтъ магніумъ, волшебныя звѣзды и комнатные безопасные бенгальскіе огни и проч. и проч. Иногородные заказы исполняются въ самое короткое время. Полный комплектъ украшеній для елки отъ 8 р до 70 р.; большой выборъ французскихъ и Англійскихъ духовъ, помада, мыло, и О-де-колонъ Рига отъ 25, 35, 50 и 1 руб. и полный складъ косметическихъ и благовонныхъ товаровъ С.-Петербургской Химической Лабораторіи по прейсъ-куранту. № 369 1

У всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ продаются слѣдующія книги:

Руководство для Духовенства и мірянъ,

СОБРАНІЕ ЗАКОНОВЪ ДЛЯ ПРАВОСЛАВНАГО ДУХОВЕНСТВА.

Составлено по Своду Законовъ и Уставу Духовныхъ Консисторій, съ разъясненіями Кассаціонныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената и другимъ оффиціальнымъ источникамъ. Съ приложеніемъ систематическаго и алфавитнаго указателей.

Цѣна 1 руб. 75 коп.

УСТАВЪ О ПРЕДУПРЕЖДЕНІИ И ПРЕСѢЧЕНІИ ПРЕСТУПЛЕНІЙ.

Съ разъясненіями по рѣшеніямъ Кассаціонныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената. Съ приложеніемъ **Инструкціи Полицейскимъ Урядникамъ**

Цѣна 75 коп.

Складъ этихъ книгъ при типографіи Ѳ. Б. Миллера, МОСКВА, Машковъ пер., домъ Миллера.

Выписывающіе изъ склада, за пересылку не прилагаютъ. № 371 2—1

Продаются во всѣхъ книжныхъ магазинахъ новыя книги

Вл. Михневича:

1) МЫ, ВЫ, ОНИ, ОНѢ.

Юмористическіе очерки и шаржи, въ трехъ серіяхъ: I) «Отголоски изъ временъ войны»; II) „Всѣмъ сестрамъ по серьгамъ; III) Дачныя картинки.

Изд. 1879 г. 415 стр. in 8°. Ц. 1 р. 60 к., съ перес. 1 р. 85 к.

2). Историческіе этюды Русской жизни.

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ МУЗЫКИ ВЪ РОССІИ.

въ культурно-общественномъ отношеніи.

Изд. 1879 г. 370 стр. in 8° Ц. 2 р. 25 к., въ изящномъ перепл. 3 р.

3) ВЪ ПЕТЕРБУРГСКОМЪ ОМУТѢ!

Романъ-фельетонъ изъ временъ войны 1877 г.

Второе изданіе, дополненное и исправленное (1-е изданіе разошлось все въ 3 мѣсяца). 1879 г. 420 стр. in 16°: ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

№ 378 1—1

Къ извѣстнымъ книгопродавцамъ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ поступилъ въ продажу учебникъ по новой практически провѣренной методѣ:

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ КУРСЪ

АРИѲМЕТИКИ

Составилъ Ѳ. 8, Геде. въ 2-хъ частяхъ, по 45 коп. 1-ая часть, цѣлыя числа, можетъ служить при первоначальномъ обученіи дѣтей, съ какою цѣлью помѣщены въ книгѣ указанія для учащихъ.

№ 373 2—1

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

„МОСКОВСКИХЪ ФАБРИКАНТОВЪ"

№ 127 ГОСТИННЫЙ ДВОРЪ БОЛЬШАЯ СУРОВСКАЯ ЛИНІЯ **№ 127**

Съ 1-го Ноября по 25-е Декабря назначаетъ дешевую продажу для подарковъ и домашнихъ платьевъ по фабричнымъ цѣнамъ:

Большая партія шерстяныхъ тканей отъ 18, 20, 25, 30, 35 к. арш.

Матлясе пике всѣ цвѣта отъ 30, 35, 40, 45 к. арш.

Круазе „ „ „ „ 30, 35, 40, 45 „ „

Поплинъ рез „ „ „ 35, 40, 45, 50 „ „

Шерстяныя ткани съ шелковымъ украшеніемъ отъ 40, 45, 50, 55 к. арш.

Пледъ конфексіонъ отъ 60, 90, 1 р. 40 к. арш.

Сержъ ранфорсе отъ 45, 50, 60, 65, 85 к. арш.

Брокаръ-а-суа, вмѣсто 85, по 45 к. арш.

Сатинъ Имперіаль отъ 65 к. до 1 р. арш.

Понаша, вмѣсто 90 по 45, 50 к. арш.

Батавія всѣ цвѣта по 1 р. арш.

Велюръ ришъ отъ 1 р., 1 р. 30 к. арш.

Матлясе-де-Веръ. вмѣсто 1 руб. 40 коп. по 90 к. арш.

Поплинъ лэнь всѣ цвѣта 65, 70, 80 к. арш.

Вигонь, 2 арш. ширины, отъ 1 р. 10 к. до 1 р. 60 к. арш.

Фай шелковый. цвѣтной отъ 1 р. 70 к. до 2 р. арш.

Фай шелковый, черный отъ 1 р. 60 к. до 3 р. арш.

Бархатъ черный отъ 2 р. 50 к. до 8 р. арш.

Ситцы Петербургскихъ фабрикъ отъ 13 к.

2-й ЭТАЖЪ.

Громадный складъ голландскаго и русскаго полотна, столоваго бѣлья и приданаго.

Оставшіяся шерстяныя ткани отъ прошедшаго сезона назначены въ продажу съ уступкою 40%.

ПРИМѢЧАНІЕ. Со 2-го Января 1880 г. будутъ продаваться ОСТАТКИ шерстяныхъ и бумажныхъ тканей отъ 2-хъ до 15-ти арш., полотняные отъ 1-го до 8-ми арш. съ большой уступкой. № 380 1—1

„ГЕКТОГРАФЫ" дающія до 100 чистыхъ копій | **„ПАПИРОГРАФЫ"** дающіе до 500 чистыхъ копій

съ однажды написаннаго оригинала

Принятые въ употребленіе во всѣхъ Министерствахъ, полковыхъ канцеляріяхъ, казенныхъ учрежд. земскихъ управахъ, правленіяхъ ж. д., банкахъ, конторахъ и проч. для копированія писемъ, приказовъ, циркуляровъ, отношеній, плановъ, рисунковъ, вѣдомостей и проч. Одинарные по 5, 7, 10 и 15 р. Двойные по 8, 13, 18 и 28 руб.

ПОЛНЫЯ ПЕРЕНОСНЫЯ ТИПО-ЛИТО-**АВТОГРАФІИ** дѣйствующія на любомъ столѣ и состоящія изъ Типо-Лито-или Автографской машинки, шрифтовъ, камней и всѣхъ аппаратовъ и принадлежностей для печатанія самому, всякаго рода типографск. литографск. и автобіографск. работъ.

Продаются въ **Технической Конторѣ ГЕНРИ ХАНКОВСКАГО и К°.**

Въ СПБургѣ, Англійскій просп., № 29.

Подробные прейсъ-куранты и проспекты съ описаніями высылаются по востребованію

Требуются агенты для всѣхъ городовъ Россіи.

Гостинница Hotel d'Angleterre въ Берлинѣ.

Давно извѣстное заведеніе, мѣстоположеніе отличное, самыя умѣренныя цѣны № 125 20—20

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ **„РОССІЙСКОЙ БИБЛІОГРАФІИ"** (ЭМИЛЬ ГАРТЬЕ).

27. Невскій просп. у Казанск. моста. 27, въ С.-Петербургѣ.

1, принимаетъ подписку на всѣ журналы и газеты русскія и иностранныя.
2, высылаетъ по требованію всякія книги, музыкальныя ноты, географическія карты, учебныя пособія и пр.; какъ русскія, такъ и заграничныя изданія
3, принимаетъ на складъ провинціальныя изданія.

Всѣ порученія исполняются съ строгою аккуратностью. Постоянные покупатели получаютъ безплатно ежемѣсячные систематическіе каталоги новыхъ русскихъ и иностранныхъ книгъ № 329 4—4

книжнаго склада „РОССІЙСКОЙ БИБЛІОГРАФІИ".

Воспитаніе какъ предметъ науки, соч. А. Бэна, перев. съ англійскаго Ф Резенера. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 3 рубля.

О самовоспитаніи умственномъ, физическомъ и нравственномъ. Соч. Д. С. Блекки. Перев. съ 11-го англійскаго изданія 1. Паульсона. Ц: 75 к., съ перес. 1 руб.

Записная книга на 1880 г., въ 4-хъ издан., въ англійскомъ переп. I изд. 1 р. 20 к. II и III-е по 1 р., IV-е 80 к., за пересылку каждой книжки 20 к.

Календарь для врачей на 1880 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 70 к.

Техническій календарь на 1880 г., съ прилож. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

Продаются въ книжномъ магазинѣ **Карла Риккера**, въ С.-Петербургѣ, Невскій проспектъ, № 14. № 372. 1—1

AU BON MARCHÉ

M-me FOUQUET COURBAYRE

№ 21, — Grande Morskaïa, maison Tour, — № 21.

Robes, Confections, Manteaux, Lingerie haute nouveauté. Modes modèles des premières Maisons de Parie, Tissus nouveautés soie et cachemire. Dentelles, Bas soie et feutre, Trousseaux. Layettes

№ 381. La Maison se charge des robes à façon. 1—1

При этомъ № прилагается для гг. иногородныхъ подписчиковъ 1) прейсъ-курантъ отъ чайнаго магазина О. Корещенко въ Москвѣ: и 2) объявленіе отъ книжнаго магазина А. Ѳедорова въ СПБ. (послѣднее за исключеніемъ Московскихъ подписчиковъ).

Дозволено цензурою СПБ. 16 Ноября 1879 г. Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБургѣ. Тип. [illegible] № 10,

X годъ | годъ X

№ 48 | 1879

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ «ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ» (отъ 20 до 40 модн. рис и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 де 30 рис.) и разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40).

Выданъ 26 Ноября 1879 г. Цѣна этого № «Нивы» 15 с. съ перес. 20 к.

Семья остяковъ. Рис. Ронжа, грав. Лаплантъ.

Семья Остяковъ.

Остяки принадлежатъ къ Финскому племени и живутъ въ разныхъ мѣстахъ Тобольской губерніи. Нрава они кроткаго, и добродушнаго; они честны, услужливы и гостепріимны, но очень неопрятны и лѣнивы. Ростъ ихъ средній, лицо съ выдавшимися скулами желто-блѣднаго цвѣта. Они раздѣляются на нѣсколько племенъ. Вѣра, языкъ и образъ жизни этихъ племенъ различны. Частью занимаются они рыболовствомъ и звѣриными промыслами и живутъ въ юртахъ, частью же перекочевываютъ по тундрамъ съ однаго мѣста на другое со стадами оленей и живутъ въ шатрахъ. Питаются остяки рыбой и мясомъ оленей, и все это ѣдятъ въ сыромъ видѣ. Они такъ искусно умѣютъ разрѣзать сырую рыбу, что видъ такаго блюда не возбуждаетъ отвращенія. Не рѣдко увидишь нѣжную мать, набивающую ротъ своихъ маленькихъ дѣтей сырою рыбою. Приготовленіемъ оленьяго мяса остяки занимаются съ особеннымъ умѣньемъ и тщаніемъ. Ударомъ топора въ лобъ и затылокъ остякъ кладетъ оленя на мѣстѣ, затѣмъ всаживаетъ ножъ въ его сердце, гдѣ и оставляетъ ножъ для того, чтобы не вытекала кровь. Удивительно быстро и ловко снимаетъ онъ съ оленя шкуру, вынимаетъ внутренности и затѣмъ начинается угощеніе. Каждый самъ себѣ рѣжетъ кусокъ мяса, обмакиваетъ въ теплую кровь и ѣстъ. Собственно ѣдой нельзя назвать этаго дикаго пожиранія мяса. Все искуство состоитъ въ томъ, чтобы захватить кусокъ зубами, какъ можно дальше, его втянуть и затѣмъ отдѣлить ножомъ у самаго рта. Нужно изумляться съ какою ловкостью продѣлываютъ это остяки. Самыми лакомыми кусками считаются: горло, хрящъ, ухо, сальникъ, губы, а болѣе всего мозговыя кости. Сердце, легкія и почки также цѣнятся; грудина въ пищу не идетъ. Недостатокъ лѣса на тундрахъ для дровъ конечно обусловливаетъ такой способъ питанія. Остяковъ насчитываютъ до 25,000; изъ нихъ большая часть язычники. Иногда попадаются идолы, грубо высѣченные изъ дерева, которымъ они приносятъ въ жертву рыбу.

На далекомъ востокѣ.

Разсказы А. Максимова.

I.

Китобои.

Тихое, ясное, раннее утро; востокъ румянится первыми лучами восходящаго солнца; море не шелохнется—точно замерло; высокіе, утесистые берега Гижигинской бухты смотрятся въ тихую гладь темнозеленыхъ, прозрачныхъ водъ океана... Кругомъ тишина, мертвая тишина... Чуя разсвѣтъ, жалобно свистнулъ гдѣ-то куликъ, и опять все замерло и стихло.

Въ глубинѣ бухты недвижно стоитъ небольшая, китобойная, парусная шхуна, рисуясь въ водѣ, какъ въ зеркалѣ; излизанные волнами борта ея сплошь покрыты кровяными и жирными пятнами: видно давно ужь не касалась ихъ ни щетка, ни кисть... Все спитъ на шхунѣ: даже кудластый Шарикъ, этотъ вѣрный и неутомимый стражъ, и тотъ забился подъ полубакъ, предаваясь сладкой, предразсвѣтной дремотѣ...

Востокъ румянился все больше и больше; уже полнеба обхвачено утреннимъ нѣжнымъ румянцемъ... Съ прибрежныхъ камней поднялась ранняя чайка и огласила воздухъ рѣзкими, пронзительными криками; проголодавшаяся послѣ ночнаго сна, зорко всматривается она въ поверхность спокойнаго моря и жадно ищетъ добычи... Вотъ въ одномъ мѣстѣ зарябила воду мелкая рыба; камнемъ упала чайка въ средину ряби и быстро поднялась въ небо, оглашая воздухъ нетерпѣливымъ, жалобнымъ крикомъ; рябь исчезла, и рыба бросилась въ глубину—искать спасенія отъ страшнаго, прожорливаго врага. Вотъ показалась изъ-за горизонта золотая макушка солнца, какъ будто исподтишка высматривающаго: не пора ли ему подняться съ ночнаго его ложа. Еще нѣсколько минутъ, и яркое свѣтило, отдѣлившись отъ кругозора, обдало тихую гладь спокойнаго моря цѣлымъ снопомъ свѣтлыхъ, играющихъ въ водѣ лучей... Проснулось все; стаи чаекъ заволновались въ воздухѣ, оглашая его невыносимо-рѣзкими, непріятными криками... Съ ближняго озерка поднялись утки и длинной вереницей потянулись къ бухтѣ; грузно шлепнулись онѣ въ воду и важно поплыли, тщательно обчищая широкими носами крылья и хвосты... Тучи мелкихъ куликовъ заметались вдоль песчанаго берега, спѣша подобрать, выброшенныя услужливымъ приливомъ, ракушки и мелкую рыбу. Вотъ выплыла на бухту гагара; безпокойно озирается она во всѣ стороны и при каждомъ подозрительномъ шумѣ и всплескѣ моментально исчезаетъ въ водѣ и опять спокойна гладь моря...

Проснулись и на шхунѣ; съ грязной, пропитанной кровью и жиромъ, палубы стали подниматься китобои, осѣняя грудь широкимъ крестомъ. Почесываясь и позевывая, пробираются они на бакъ, къ „братскому“ котлу, уже наполненному „кокомъ“ (судовымъ поваромъ) дымящимся, неизмѣннымъ горохомъ; ихъ загорѣлыя, обвѣтрившіяся, суровыя лица дышатъ отвагой и силой. Молча усѣлись они вокругъ котла, молча разобрали ложки и стали ѣсть, лѣниво и какъ-то не хотя: трудно пережевывался крѣпкій, затхлый сухарь... Позавтракали; обтерли ложки; кокъ прибралъ котелъ, отлилъ въ корыто порцію для голоднаго Шарика, а остальное выплеснулъ за бортъ. Чайки, какъ безумныя, заметались надъ плавающими остатками завтрака и жадно стали отбивать одна у другой крохотные кусочки еще не размокшаго сухаря.

Солнце поднялось уже довольно высоко; съ берега потянулъ легкій вѣтерокъ, едва зарябившій ясную гладь спокойнаго моря. Изъ кормоваго люда показалась плечистая, здоровая фигура, съ окладистой, темнорусой бородой, и пристально стала всматриваться въ горизонтъ, прикрывая глаза широкою ладонью. Это былъ хозяинъ судна, Савелій Никитичъ Зайцевъ, охотскій мѣщанинъ.

Прошло уже три мѣсяца съ тѣхъ поръ, какъ вышелъ Зайцевъ со своей шхуной изъ Аяна, а между тѣмъ ему удалось распластовать только одного небольшаго кита да нѣсколько десятковъ тюленей. Заходилъ онъ для промысла чуть ли ни во всѣ бухты Охотскаго моря, но все безуспѣшно: американскіе китобои опередили его и успѣли переловить или разогнать китовъ, собравшихся было въ бухты для метанія дѣтенышей. И пришлось Савелію, что называется, пользоваться объѣдками иностранныхъ, непрошенныхъ гостей, назойливыхъ пришельцевъ, распоряжающихся въ нашихъ водахъ, какъ у себя дома... Досадно это, правда; а ничего не подѣлаешь, потому что начальство смотритъ на чужеземный промыселъ у нашихъ береговъ сквозь пальцы.

Съ Савеліемъ вышелъ въ первый разъ на промыселъ его четырнадцатилѣтній сынъ Иванъ; ужь какъ не хотѣла мать отпускать милаго Ванюшу, да не смѣла просить мужа оставить его дома.

— Довольно молодцу баловать—не пришитъ къ твоей юбкѣ, говорилъ Савелій, надобно ему и море показать, и съ промысломъ познакомить... Старъ буду, ему же придется на шхунѣ-то ходить, да погуливать. Шхуна не лошадь: сядешь да не поѣдешь...

Савелій былъ мужикъ суровый, строгій и бѣда какой разсчетливый: лишней копѣйки даромъ не пропуститъ. Работниковъ держалъ въ ежовыхъ рукавицахъ.

— Распустить легко, а скрутить придется и не скрутишь, говаривалъ Зайцевъ.—Пойдешь въ море съ вольной-то командой, того и смотри, что съ жиру сбѣсятся и меня же при случаѣ укокошатъ.

Савелій чувствовалъ слабость только къ двумъ лицамъ на шхунѣ: къ своему Ванюшѣ и старому, ловкому гарпунщику Якову Матвѣичу, какъ величали его всѣ шхунскіе.

Охотскій мѣщанинъ, Яковъ Матвѣичъ Ряжевъ былъ на шхунѣ, что называется, воротилой всего дѣла; никто не зналъ лучше его мѣстъ, гдѣ чаще всего попадаются киты, гдѣ водятся тюлени; никто не зналъ лучше какъ добывать изъ этихъ громадныхъ млекопитающихъ спермацетъ, ворвань и китовый усъ.

Гарпуномъ своимъ Яковъ Матвѣичъ дѣйствовалъ мастерски: куда намѣтитъ—ни на дюймъ выше, ни ниже не возьметъ. Ряжевъ былъ также лучшій пловецъ на всемъ Охотскомъ морѣ... Внѣшность стараго гарпунщика совершенно не согласовалась съ его внутренними качествами. Кто только ни взглянетъ бывало на его коренастую, плечистую фигуру въ парусинныхъ брюкахъ и рубашкѣ, пропитанныхъ дегтемъ и кровью, кто только ни взглянетъ бывало на его всклокоченную, сѣдую бороду, на нависшія брови, изъ-подъ которыхъ сверкали всегда суровые, твердые глаза, тотъ непремѣнно говаривалъ: „эге, Яковъ-то Матвѣичъ, видно, шутить не любитъ; неровенъ часъ—пожалуй и узелъ изъ тебя завяжетъ“... Ряжеву между тѣмъ никогда и въ голову не приходило вязать изъ кого нибудь узлы; добродушнѣе и мягче человѣка трудно было найти. Никто не видѣлъ никогда не только его улыбки, но даже легкой усмѣшки; лицо его, при всѣхъ условіяхъ жизни, выражало одно: „берегись!“... Не смотря на такую видимую суровость Якова Матвѣича, всѣ шхунскіе души не чаяли въ немъ; каждаго слова его слушались больше, чѣмъ здоровыхъ кулаковъ Савелія...

* * *

Долго всматривался Савелій въ горизонтъ, какъ бы выжидая, не блеснетъ ли гдѣ высокая струя играющаго кита; наконецъ онъ глубоко вздохнулъ, отвелъ глаза отъ моря и оглядѣлъ шхуну. Китобои сидѣли на палубѣ, каждый за своимъ дѣломъ: кто остропливалъ блокъ, кто ставилъ на парусъ заплату, а кто сплескивалъ порвавшуюся снасть. Яковъ Матвѣичъ сердито подтачивалъ свой вѣрный гарпунъ, точно досадуя, что на его долю пришлось въ это лѣто такъ мало работы.

— Эй, Яковъ Матвѣичъ!.. А Яковъ Матвѣичъ, крикнулъ Савелій, полно тебѣ съ гарпуномъ-то возиться; пойдемъ въ каюту чай пить...

Яковъ Матвѣичъ нехотя поднялся съ своего мѣста, отложилъ гарпунъ въ сторону и, переваливаясь, подошелъ къ люку.

— Утро-то какое, продолжалъ Савелій, благодать, да и только... Не дастъ ли Господь намъ добычки?..

— Утро хорошое, проворчалъ Яковъ Матвѣичъ, спускаясь за хозяиномъ въ каютку.

На столикѣ шипѣлъ уже самоваръ; Ванюша, русый, румяный, стройный мальчикъ, устанавливалъ посуду.

Молча усѣлся Ряжевъ на табуретъ и принялся за чай, упорно и угрюмо поглядывая на кончикъ своего носа, такъ же молча взялись за свои стаканы Савелій и Ваня. Уже показались на лбахъ первыя капли пота, а никто не нарушилъ еще безмолвія: молча наливали въ кружки чай, молча пили... Прошло еще съ четверть часа въ такомъ молчаніи...

Вдругъ послышалась на палубѣ суетливая бѣготня и глухой говоръ; одинъ изъ матросовъ перегнулся черезъ люкъ и какъ-то задыхаясь прокричалъ:

— Савелій Никитичъ, а, Савелій Никитичъ, киты идутъ...

Прокричалъ и скрылся.

— Услышалъ мою молитву Господь, проговорилъ Савелій Никитичъ, набожно осѣняя себя широкимъ крестомъ.—Ну, Иванъ, скоро, значитъ, и домой къ мамкѣ, обратился онъ къ сыну и опрометью бросился на верхъ.

Хладнокровно допилъ Яковъ Матвѣичъ свою кружку чаю, неторопливо вышелъ за хозяиномъ на палубу и спокойно, безъ суеты, началъ дѣлать необходимыя распоряженія. Ванюша дѣятельно помогалъ ему, весь розовый отъ волненія и нетерпѣнія... Савелій пристально всматривался въ двухъ плывущихъ гигантовъ, направляющихся въ глубь бухты, и торопилъ работниковъ снаряжать баркасъ... Не чуя опасности, киты плыли въ двухъ стахъ саженяхъ отъ шхуны, могучими взмахами играли на спокойной, ясной поверхности моря... Играющіе киты—картина восхитительная, поразительная!. Трудно описать эти удивительно сильныя и вмѣстѣ съ тѣмъ граціозныя движенія гигантовъ; вода волновалась вокругъ нихъ, кипя какъ въ котлѣ и, казалось, боролась съ ними... Величественныя, высокія струи воды, вылетающіе съ необыкновеннымъ шумомъ фонтанами изъ ноздрей китовъ, разсыпались на воздухѣ въ милліоны изумрудныхъ капель... Широкіе, могучіе хвосты ихъ то высоко вздымались надъ поверхностью моря, то усиленно рѣзали темнозеленыя воды бухты, разбрасывая въ обѣ стороны массу радужныхъ брызгъ...

Но вотъ барказъ уже снаряженъ; Савелій сидитъ на рулѣ и горящими глазами жадно всматривается въ добычу; Яковъ Матвѣичъ неторопливо разбираетъ снасть отъ гарпуна и складываетъ ее въ чистую бухту. Ванюша, дрожа отъ нетерпѣнія, съ топоромъ въ рукѣ, примостился рядомъ съ гарпунщикомъ; четверо сильныхъ гребцовъ сидятъ по банкамъ (скамьи въ шлюбкѣ) и ждутъ только команды ударить въ весла.

— Отваливай! Съ Богомъ, скомандовалъ Савелій.

— Благослови Господи, проговорилъ Яковъ Матвѣичъ, набожно крестясь.

Быстро несется барказъ, разсѣкая воду широкою грудью; съ каждымъ взмахомъ веселъ, онъ все ближе и ближе къ безпечно играющимъ китамъ; только пятьдесятъ уже саженъ отдѣляютъ промышленниковъ отъ ихъ добычи. Гребцы усиленно, дружно гребутъ; Яковъ Матвѣичъ уже держитъ гарпунъ на готовѣ... еще минута, и онъ глубоко вопьется въ мясистую, жирную спину гиганта... Но нѣтъ, Савелій слишкомъ погорячился, и киты во время замѣтили приближающихся враговъ; быстро поворотили они въ море, взмахнули могучими хвостами и скрылись въ неизмѣримой глубинѣ...

— Шабашъ, переводи духъ! скомандовалъ Савелій, а тамъ и въ погоню...

Гребцы подняли весла и, тяжело дыша, стали отирать запотѣвшія лица. Яковъ Матвѣичъ положилъ гарпунъ на дно барказа и пристально вглядывался вдаль на сѣверъ... Дувшій съ берега вѣтеръ совершенно стихъ; вокругъ разлилась какая-то непонятная, что-то предвѣщающая, тишина; въ воздухѣ чувствовалось что-то неясное, удушливое... На сѣверѣ, на самомъ почти горизонтѣ, показался небольшой клочекъ темной тучи... Солнце сильно пекло и сдѣлалось какимъ-то маленькимъ, съежившимся, краснымъ...

— Быть непогодѣ, проворчалъ Яковъ Матвѣичъ.

Савелій взглянулъ на сѣверъ и мотнулъ головой.

— Ничего, пробормоталъ онъ себѣ подъ носъ, до непогоды успѣемъ загарпунить хоть одного китишку... Эй, молодцы, крикнулъ онъ гребцамъ, разбирай весла, давай ходъ.

Онъ поворотилъ барказъ вслѣдъ за китами, которые опять показались на поверхности моря и быстро шли все дальше и дальше отъ берега.

— Навались, молодцы, дай ходъ, поощряетъ Савелій.

Барказъ несется стрѣлою; разстояніе до китовъ замѣтно уменьшается. Прошло съ полъ-часа: шхуна едва виднѣется въ прибрежной мглѣ, не имѣя возможности слѣдовать за отважными промышленниками... Киты уже совсѣмъ близко; еще двадцать, тридцать взмаховъ и Яковъ Матвѣичъ заработаетъ... Савелій не горячится и ловко скрывается отъ безпечно несущихся гигантовъ...

Среди Туркменъ-теке. Туркменка на сторожевомъ посту. Ориг. рис. члена ученой экспедиціи въ Средней Азіи. Н. Н. Каразина, грав. М. Рашевскій.

Среди Туркменъ-теке. Каракчи (хищчикъ). Ориг. рис. члена ученой экспедиціи въ Средней Азіи. Н. Н. Каразина, грав. М. Рашевскій.

Еще минута и старый промышленникъ высоко взмахиваетъ гарпуномъ и крѣпкой рукой съ силой бросаетъ его въ ближайшаго кита. Со свистомъ прорѣзаетъ гарпунъ воздухъ и глубоко вонзается въ мясистую, жирную спину гиганта. Судорожно вздрагиваетъ китъ, почуявъ въ своемъ тѣлѣ холодное желѣзо, съ силой ударяетъ могучимъ хвостомъ и молніей скрывается въ глубинѣ: взволновавшаяся поверхность моря окрасилась алою кровью... Быстро сматывается снасть съ вьюшки; быстро несется баркасъ вслѣдъ за убѣгающей добычей, несется безъ устали и уже безъ человѣческой помощи. Вотъ показался опять на поверхности моря раненый гигантъ, слабо взмахнулъ хвостомъ и скрылся, таща за собой своихъ враговъ. Еще разъ показался и недвижно остановился на поверхности моря: гарпунъ, брошенный ловкой, сильной рукой, сдѣлалъ свое трудное дѣло...

Раздалось дружное, радостное „ура“ промышленниковъ. Только одинъ Яковъ Матвѣичъ продолжаетъ сурово посматривать на сѣверъ и глазъ не можетъ оторвать отъ подозрительной, постоянно увеличивающейся темной тучи... Шхуны уже не видно; высокій берегъ едва синѣетъ вдали, выдѣляясь на горизонтѣ легкой полосой...

— Быть непогодѣ, ворчитъ Яковъ Матвѣичъ угрюмо.

Савелій быстро взглянулъ на сѣверъ и заторопилъ гребцовъ.

Въ воздухѣ дѣлалось между тѣмъ все удушливѣе и удушливѣе: темная туча уже закрыла полнеба и опускается все ниже и ниже, точно чтобы придавить море... Блеснула молнія, раздался сильный ударъ грома... Съ сѣверо-запада налетѣлъ сразу страшный порывъ,и опять какое-то ужасающее, страшное безмолвіе... Темныя тучи быстро несутся какъ толпы демоновъ, клубясь съ какимъ-то страннымъ, непріятнымъ шумомъ... Море вдали пѣнилось уже и бурлило какъ въ котлѣ и наконецъ застонало; сильный вѣтеръ разметывалъ по воздуху тучи брызгъ и съ ревомъ несъ ихъ къ баркасу... Еще минута—и море заволновалось кругомъ; длинныя молніи прорѣзаютъ мрачное, страшное небо... Баркасъ судорожно бѣжитъ съ волны на волну, содрогаясь отъ сильныхъ ударовъ грома. Начали падать сперва отдѣльныя, очень крупныя дождевыя капли, затѣмъ все скорѣе и скорѣе, все гуще и чаще, и наконецъ разразился страшный ливень... Громъ, молнія, вихрь и какой-то необъяснимый шумъ все усиливаются и усиливаются; становится холодно. Вотъ упали, едва замѣтными зернами, первыя градины; вотъ градъ бьетъ по волнамъ все чаще и чаще, все крупнѣе и крупнѣе, и наконецъ сыплется съ страшною трескотнею такъ густо, что среди градинъ едва можно различить дождевыя капли... Разразилась во всей своей силѣ буря съ градомъ!.. Море вспѣнилось; волны вздымаются напоромъ страшнаго вѣтра и обрушиваются на слабый баркасъ... Напрасно поощряетъ Савелій гребцовъ: измученные, промокшіе, они уже не въ силахъ бороться съ разсвирѣпѣвшей стихіей...

Яковъ Матвѣичъ и Ванюша садятся также въ весла, но безуспѣшно: баркасъ продолжаетъ неистово прыгать на одномъ мѣстѣ и скрипитъ во всѣхъ своихъ частяхъ... Вотъ бѣжитъ на баркасъ высокая, бурливая волна; бѣлый гребень ея сердито завернулся впередъ и шипитъ съ какимъ-то роковымъ клокотаніемъ; бурно подбѣгаетъ волна подъ днище и словно къ небу подбрасываетъ легкую скорлупу... Не выдержали страшнаго удара двое изъ гребцовъ и выпустили весла изъ онѣмѣвшихъ, въ кровь натертыхъ рукъ... Набѣжала вторая, не менѣе грозная, волна и поставила баркасъ поперегъ.

Нѣтъ больше силъ бороться съ постоянно свѣжѣющей непогодой; промышленники измучились до того, что едва шевелятъ окоченѣвшими руками... Наступила ночь, страшная, темная ночь; положеніе китобоевъ стало еще безнадежнѣе, безвыходнѣе; среди окружающаго мрака опасность казалась несравненно страшнѣе и грознѣе... Баркасъ безпомощно то взлеталъ на бѣлѣющія, рокочущія вершины валовъ, то съ ужасающею стремительностью бросался въ бурныя, холодныя объятья негостепріимнаго моря. Китобои безъ слова, безъ вздоха, безъ крика угрюмо встрѣчали ежеминутную смертельную опасность и, казалось, замерли въ ожиданіи чего-то невыносимо ужаснаго и неотвратимаго... Жизнь ихъ въ рукахъ Божіихъ; они сознавали, что только Провидѣніе можетъ отстранить отъ нихъ близко-стоящую, суровую смерть!..

Около полуночи, вѣтеръ почти моментально повернулъ къ юго-западу и заревѣлъ еще съ большею силою. Небо очистилось и осыпалось мерцающими звѣздами... Валы уже не бѣжали, а неистово, грозно прыгали на одномъ мѣстѣ... Баркасъ трещалъ въ этой ужасной толчеѣ и, казалось, былъ въ предсмертной, судорожной агоніи... Съ отчаянною энергіею отливали китобои постоянно прибывающую воду; напрасный трудъ, напрасная энергія: минуты барказа уже сочтены... Грозно набѣжалъ на него остервенѣлый валъ и накрылъ своимъ страшнымъ, фосфорически горящимъ гребнемъ; содрогнулся баркасъ всѣмъ расшатаннымъ своимъ корпусомъ и пошелъ ко дну... Ни вопля, ни крика о помощи: волна точно накрыла неодушевленный предметъ...

Вторая волна разбросала китобоевъ въ разныя стороны; облегченный баркасъ вынырнулъ и повернулся вверхъ килемъ... Судорожно бьются промышленники среди бушующихъ валовъ, стараясь добраться до опрокинутой шлюбки... Савелій уже вцѣпился въ киль и воспаленными глазами ищетъ своего милаго Ванюши... За нимъ подплыли къ барказу два гребца и Яковъ Матвѣичъ.

— Ванюши нѣтъ! хрипло прокричалъ ему Савелій и судорожно зарыдалъ. Яковъ Матвѣичъ безъ слова оставилъ баркасъ и опять бросился въ воду и поплылъ среди громоздящихся одна на другую волнъ... Вотъ показался на вершинѣ волны какой-то темный предметъ; борется до изнеможенія старый гарпунщикъ, чтобы только добраться до этого предмета: не Иванъ-ли? Гарпунщикъ уже близко, но онъ ясно различаетъ только колыхающееся ведро; сердце его болѣзненно сжалось... Страшно стало ему; ему вдругъ представилось, что бѣдный мальчикъ можетъ быть въ десяти шагахъ отъ него растрачиваетъ въ борьбѣ съ волнами свои послѣднія слабыя силы, можетъ быть уже гибнетъ, и нѣтъ около никого, кто бы протянулъ ему руку... Яковъ Матвѣичъ отчаянно глянулъ вокругъ себя: вонъ колышется опрокинутый баркасъ съ торчащими около него тремя головами, вонъ и ведро, къ которому онъ только что подплывалъ... а это что? Старый гарпунщикъ всмотрѣлся и вздрогнулъ; почти около него тяжело колыхался барказный люкъ, на которомъ лежалъ, обхвативъ его руками, Ванюша...

Онъ былъ еще въ памяти и, увидѣвъ около себя Якова Матвѣича, закричалъ о помощи молящимъ, дѣтскимъ голосомъ уже охрипшимъ и надорваннымъ. Не теряя времени, подплылъ къ нему гарпунщикъ, снялъ съ люка и поплылъ съ нимъ къ баркасу. Долго боролся Яковъ Матвѣичъ съ крутыми волнами пока не достигъ цѣли; не разъ волна накрывала его съ головой, но онъ бодро выплывалъ опять на поверхность моря, поддерживая одной рукой совершенно ослабѣвшаго мальчика. Но вотъ и баркасъ!.. Старый гарпунщикъ поборолъ волны и примкнулъ къ своимъ товарищамъ...

Трудно описать неизъяснимое чувство, съ которымъ принялъ Савелій Никитичъ въ свои объятья сына, котораго считалъ уже погребеннымъ въ ужасной холодной пучинѣ; изъ его надорванной груди вырвался какой-то неуловимый крикъ, въ которомъ одновременно слышались: и счастіе, и сомнѣніе, и надежда...

Измученный Ванюша ухватился за барказный киль и, поддерживаемый отцомъ, боролся съ налетающими волнами, силящимися оторвать промышленниковъ отъ единственнаго якоря спасенія; не менѣе измученный

долгой борьбой съ разсвирѣпѣвшимъ моремъ, вцѣпился старый гарпунщикъ крѣпкими руками въ барказъ и молча, угрюмо сносилъ удары валовъ..

Жутко промышленникамъ среди холоднаго, бушующаго моря; надежды на спасеніе мало, почти нѣтъ; мѣсто глухое, рѣдко посѣщаемое; берегъ слишкомъ далекъ. На помощь шхуны надѣяться трудно; она сама пожалуй разбилась съ оставшимися промышленниками, сама нуждается въ помощи... Господи Боже! и впереди еще ночь, безконечно-длинная, страшная ночь; судорожно ухватившись окоченѣвшими руками за барказъ, промышленники съ нетерпѣніемъ, жадно ждутъ утра, жадно ждутъ благодѣтельнаго солнца, хоть осмотрѣться да поискать средства спасенія... Ослабѣвшій Ванюша поочереди поддерживается то отцемъ, то старымъ гарпунщикомъ; безъ слова передаютъ они одинъ другому несчастнаго, дорогаго мальчика; они боятся высказать другъ другу свои сомнѣнія и надежды, стараются даже избѣжать намека на возможность или невозможность спасенія. Медленно идетъ ночь. Каждая минута кажется часомъ... О Господи, скоро-ли утро?...

* * *

Ярко выглянуло солнце изъ за горизонта и залило необъятную поверхность моря; непогода стихла; слабый юго-западный вѣтеръ гонитъ передъ собой ровную, небольшую волну; грузно колышется въ волнахъ громадное тѣло кита, уже сплошь усѣянное сотнями прожорливыхъ чаекъ; еще тысячи голодныхъ чаекъ—кружатся съ пронзительными криками въ воздухѣ и стаями нападаютъ на своихъ счастливыхъ соперницъ, долбящихъ кривыми клювами крѣпкій трупъ гиганта. Сбитыя съ позиціи чайки подымаются въ небо и оглашаютъ воздухъ раздраженными, рѣзкими, жалобными криками; черезъ минуту вступаютъ онѣ опять въ борьбу и съ бою занимаютъ свое мѣсто на жирномъ хребтѣ кита.—Идетъ шумная, безконечная борьба. Почти рядомъ, всего въ полумилѣ разстоянія, идетъ борьба другаго рода, страшная, отчаянная борьба пяти человѣкъ съ неумолимою смертью, охватывающею уже ихъ своими цѣпкими руками... Тяжелая, бурная, невыносимая ночь отняла послѣднія силы; едва держатся они за печальный остовъ барказа, съ нѣмымъ отчаяніемъ вглядываясь въ безграничный горизонтъ... Вмѣсто надежды и радости, утро принесло имъ, полную безнадежность; кругомъ необъятное море, море уже спокойное, тихое, и въ то-же время страшное своею пустынностью. Напрасно обѣгаютъ воспаленные взоры горизонтъ, напрасно ищутъ они нѣтъ ли гдѣ спасенія и помощи: кругомъ одно блестящее море, слившееся нераздѣльно съ чистымъ, ярко-синимъ небосклономъ. Умереть въ хаосѣ, среди страшной непогоды еще легче; но ждать близящейся, неумолимой смерти при полномъ блескѣ солнца, и Божьяго дня, на лонѣ спокойнаго, почти уснувшаго, моря...

Изможденныя, истрадавшіяся лица промышленниковъ выражаютъ одно безпредѣльное отчаяніе и безнадежность; одна ночь сдѣлала ихъ дряхлыми, немощными стариками; глубокія морщины изрыли лица; глубоко впавшіе глаза смотрятъ дико и воспаленно. Ванюша давно ужъ безъ сознанія; съ нечеловѣческими усиліями поддерживается онъ уже ослабѣвшимъ, истомленнымъ Савеліемъ, изрѣдка передающимъ его на руки не менѣе измученному гарпунщику.... И наступилъ полдень. Палящее солнце поднялось почти до зенита и горячо жжетъ воспаленныя головы несчастныхъ страдальцевъ; жгучая, нестерпимая жажда томитъ промышленниковъ, и нечѣмъ утолить ее; невыносимыя мученія Тантала! по плечи погруженные въ освѣжающую, прозрачную влагу, они не могутъ пить ее. Каждый глотокъ этой горько-соленой воды возбуждаетъ нестерпимую рвоту и спазмы.

— Простите, братцы! хрипло пробормоталъ одинъ изъ промышленниковъ и, какъ камень, пошелъ ко дну.

Невыдержали закоченѣлыя руки, не въ моготу было дольше держаться. Однимъ страдальцемъ стало меньше.

Смерть товарища приняли апатично, какъ-то тупо. Все равно; рано или поздно, и имъ придется послѣдовать за товарищемъ въ холодную, влажную могилу... Къ вечеру также тихо, сорвался второй промышленникъ; у барказа остались: Савелій и гарпунщикъ, попеременно поддерживающіе безпамятнаго Ивана.... Любовь и привязанность къ несчастному мальчику утроивали ихъ силы; но и этой возбужденной, нервной силѣ пришелъ конецъ. Гарпунщикъ, передавъ Ивана Савелію, впалъ отъ истомленія въ тупое забытье... Савелій чувствовалъ тоже, что онъ уже не въ силахъ поддерживать дорогое для него существо и съ необъяснимымъ страхомъ взглянулъ въ помертвѣвшее лицо сына. „Живъ или мертвъ?“ мелькнуло вдругъ въ его напряженномъ мозгу.

— Живъ, подсказало ему сердце, живъ, но собственными ли руками опустить полуживаго сына въ холодную могилу!..

— Нѣтъ, нѣтъ, такому страшному дѣлу не бывать; есть еще силы: продержу его до утра, а тамъ Господь пошлетъ милосердную помощь!.. И Савелій съ судорожнымъ, нервнымъ усиліемъ старался поддержать сына еще нѣсколько, невыносимо тяжелыхъ, страдальческихъ минутъ...

— Возьми Ивана!.. простоналъ ослабѣвшій Савелій, по истеченіи этихъ тяжелыхъ минутъ...

Ни слова въ отвѣтъ; старый гарпунщикъ слышитъ страшный стонъ своего друга и товарища, но не въ силахъ помочь ему: онъ самъ находится уже въ состояніи полнаго, конечнаго изнеможенія... Безпомощно взглянулъ онъ въ сторону Савелія, и двѣ крупныя, можетъ быть первыя въ жизни, слезы скатились по его закорузлымъ щекамъ и затерялись въ склоченной, сѣдой бородѣ... Судорожно, крѣпко поцѣловалъ Савелій сына и... опустилъ его въ давно ожидающую могилу... Безумно смотритъ онъ въ неизмѣримую глубину, точно желая провидѣть, на какое ложе опустится трупъ дорогаго существа... Его воспаленные, сухіе глаза блестятъ какимъ-то лихорадочнымъ, безумнымъ огнемъ; онъ хочетъ рыдать, но рыданія эти только клокочутъ внутри, разрываютъ грудь, терзаютъ сердце... Онъ страдаетъ невыносимо; ему кажется, что кто-то бьетъ его по головѣ тяжелымъ молотомъ, бьетъ безъ конца: немилосердно, безъ устали; ему кажется, что мозгъ его постепенно увеличивается и разорветъ на части черепъ... Въ глазахъ радужные круги; ростутъ они все шире и шире, и... наконецъ Савелій впалъ въ странное, тяжелое забытье...

* * *

Тихое, ясное, раннее утро; дальній востокъ румянится первыми лучами восходящаго солнца; море не шелохнется—точно замерло... Отважный орочонъ плыветъ въ своей легкой, берестянной скорлупѣ и зорко высматриваетъ на прибрежныхъ камняхъ уснувшихъ тюленей... Случайно взглядываетъ онъ на горизонтъ и вздрагиваетъ: въ полумилѣ отъ берега увидѣлъ онъ какой-то темный, большой предметъ, похожій на опрокинутую шлюбку... Ловко взмахнулъ орочонъ весломъ и стрѣлой понесся къ случайной добычѣ; съ каждымъ ударомъ весла онъ ближе и ближе къ неизвѣстному еще предмету; но вотъ уже совершенно ясно можно различить, что на поверхности моря колышется опрокинутый, разбитый барказъ. Еще нѣсколько сильныхъ гребковъ, и орочонъ около него; онъ радуется богатой добычѣ; сколько необходимой, дорогой для дикаря, мѣди и желѣза добудетъ орочонъ съ этой разбитой шлюбки!.. Вдругъ взоръ его поражается двумя безпомощными тѣлами, крѣпко, судорожно прильнувшими къ противоположной сторонѣ барказа... Въ недоумѣніи остановился орочонъ, крѣпко сжавъ въ рукахъ тонкое весло; съ дикимъ любопытствомъ осматриваетъ онъ, повидимому, безжизненные трупы кито-

боевъ... Орочонъ хочетъ уже оставить страшную добычу, какъ одинъ изъ труповъ зашевелился и глухо застоналъ; осторожно оборотился дикарь къ очнувшемуся гарпунщику.

— Однаго могу взять: онорочка не выдержитъ больше, проговорилъ орочонъ, садись ты, а тамъ и за товарищемъ заѣду!..

— Возьми товарища раньше, простоналъ Яковъ Матвѣичъ, а меня потомъ...

Осторожно склонился орочонъ къ Савелію, ловко подхватилъ его подъ мышки и бережно перевалилъ въ свою берестяную, валкую скорлупу...

Стрѣлой несется орочонъ къ берегу, торопится сдать въ вѣрныя руки несчастнаго китобоя и спѣшитъ обратно къ барказу,.. Вотъ онъ уже близко, онъ уже почти у барказа, около котораго за часъ передъ тѣмъ оставилъ другаго китобоя... Но гдѣ-же старый, честный гарпунщикъ?...

Не вѣря глазамъ своимъ, нѣсколько разъ объѣзжаетъ орочонъ барказъ и тщетно ищетъ оставленнаго страдальца; тихо колышется вокругъ барказа прозрачная вода, точно зализывая его избитые, израненные бока; ни слѣда, ни признака, что можетъ быть всего только нѣсколько минутъ тому назадъ боролся здѣсь со смертью отважный китобой, боролся отчаянно, безнадежно, и... смерть его одолѣла именно когда спасеніе было близко и возможно... что случилось съ самоотверженнымъ гарпунщикомъ въ теченіи истекшаго часа — никому не извѣстно; тайну своей страшной смерти онъ унесъ на дно глубокаго, безграничнаго моря.... Миръ праху твоему честный, отважный труженикъ!

***

Ждетъ—не дождется Наталья Зайцева своего милаго Ванюши; кажется и время быть ему уже дома, а между тѣмъ нѣтъ его да нѣтъ... Невыносимо болитъ сердце у бѣдной, измученной ожиданіями, женщины; ее то терзаютъ какія-то страшныя сомнѣнія, то, словно бальзамъ, вливается въ сердце надежда... Одно время ей кажется, что Ванюшу ужь больше не увидитъ, что онъ ужь схороненъ на днѣ глубокаго моря—и она плачетъ, плачетъ безъ конца, сама не зная о комъ и о чемъ... Черезъ минуту ей ужь чудится, что Ванюша близко, что завтра, много—послѣ завтра, она прижметъ его къ своей наболѣвшей, изнывшей груди—и Наталья улыбается, радостно, съ надеждой смотритъ на горизонтъ полными еще слезъ глазами.... И такъ безъ конца, изо дня въ день!..

Наступила глубокая осень; грустно, тяжело проводитъ свои дни измученная, истрадавшаяся мать; съутра до вечера, съ вечера до утра поджидаетъ она милыхъ сердцу, чутко прислушиваясь къ каждому шуму, шороху и раздавшемуся слову; сотни разъ на дню выбѣгаетъ она изъ дому, заслышавъ какъ будто знакомые шаги, знакомый голосъ....

***

Зимній, темный вечеръ; съ отчаянной мольбой упала Наталья передъ образомъ Николая Чудотворца и проситъ его святаго заступничества; нѣтъ словъ для молитвы, но сердце ея полно самыми трогательными слезами; пытливо смотритъ она воспаленными глазами на образъ, точно ожидая отъ Чудотворца отвѣта на свои сердечные вопросы... Вотъ скрипнула въ сѣняхъ дверь и по корридору раздались чьи-то незнакомые, тяжелые шаги; сердце бѣдной женщины кольнуло какое-то невѣдомое, неизъяснимое чувство... Бросилась Наталья къ дверямъ и отшатнулась, широко раскрывъ свои, когда-то свѣтлые, красивые, теперь выплаканные, глаза: передъ ней стоялъ Савелій, но не тотъ темнорусый, сильный Савелій, котораго полъ-года тому назадъ она провожала со слезами на промыселъ, а Савелій сѣдой, сгорбленный, съ изможденнымъ, истрадавшимся лицемъ.... Нѣсколько секундъ она стояла передъ мужемъ безъ слова, безъ движенія, точно собираясь съ мыслями, точно вдумываясь: видитъ-ли она передъ собой страшный призракъ или живаго человѣка... Наталья пытливо смотрѣла въ глаза истрадавшагося мужа, точно требуя отъ него отвѣта на страшный, нѣмой вопросъ... Вдругъ какъ молніей прорѣзало все ея существо; съ воплемъ глубокаго, безграничнаго отчаянія упала она на руки изможденнаго Савелія и поняла все, поняла ясно, что Ванюши уже нѣтъ, что дорогой Ванюша ея тамъ, глубоко и ужь никогда больше не увидитъ она его румянаго, милаго лица, его кудрявой, русой головки!.. Лежитъ онъ въ холодной, великой могилѣ...

У стараго фонтана.

(Разсказъ.)

Уединенно и гордо высился старинный замокъ Стрэнджъ среди окружавшихъ его лѣсовъ. Издали вся эта лѣсистая мѣстность казалась заброшенною, запущенною, но вблизи можно было разсмотрѣть, что съ трехъ сторонъ древнее зданіе окружали правильно разбитые и содержимые въ полномъ порядкѣ сады и парки и только съ четвертой—природѣ предоставлена полная свобода. Здѣсь нѣкогда тоже былъ садъ, но теперь давно уже все заросло и заглохло и лишь одинъ мраморный бассейнъ стараго фонтана напоминалъ о прошломъ. Макъ, вьющіяся, ползучія растенія, высокая трава, стоячая вода, съ медленно покачивавшимися на поверхности водяными лиліями, а надъ всѣмъ этимъ густо и широко разросшіеся кусты и вѣтвистыя деревья—вотъ что можно было видѣть на мѣстѣ прежняго сада.

Кругомъ царствовали тишина и безмолвіе, нарушавшіяся чириканіемъ и пѣніемъ безчисленныхъ птичекъ, порхавшихъ здѣсь несмѣтными стаями. Заходившее солнце, исчезая за этимъ зеленымъ горизонтомъ, часто бросало послѣдній лучъ свой въ разрисованное окно древней капеллы замка. Стекла вспыхивали красноватымъ пламенемъ и казалось тогда, будто въ дремучемъ лѣсу теплится, зажженная невидимою рукою, лампада предъ святыней... Въ свѣтлыя лѣтнія ночи аллеи вокругъ замка оглашались звонкимъ пѣніемъ соловьевъ, такъ что Грэсъ, единственное молодое созданіе между обитателями Стрэнджа, всегда лѣтомъ спала съ открытыми окнами. Она очень любила соловьевъ.

Въ замкѣ теперь жили только полковникъ Л'Эстренджъ, его жена, леди Л'Эстренджъ, уже старики, и съ ними—какъ майскій цвѣтокъ—17-ти лѣтняя миссъ Грэсъ, племянница владѣтельницы и послѣдній, какъ было извѣстно, отпрыскъ угасшаго древняго дома.

— Отчего это господа наши не везутъ миссъ Грэсъ въ Лондонъ, ко двору? толковали промежъ себя старые слуги, сидя вечеромъ за ужиномъ, внизу, въ высокой, выложенной орѣховой рѣзьбой людской столовой.—Держутъ здѣсь точно мушку на булавкѣ. А барышня была такъ хороша, такъ хороша, что по убѣжденію прислуги, непремѣнно бы вышла за какого нибудь принца.

— Да вѣдь это было бы противъ закона, отвѣтила какъ-то разъ на это замѣчаніе мистриссъ Стречлей, главная экономка и оракулъ кухни. Съ тѣхъ поръ люди перестали спрашивать, отчего миссъ Грэсъ не ѣдетъ, вся осыпанная брилліантами, ко двору, а одиноко скачетъ на своей лошадкѣ по лѣсамъ замка Стрэнджъ, или скучаетъ въ своей комнатѣ, среди палитръ, мольбертовъ и книгъ.

Было время однако, когда замокъ переполнялся гостями, и сама Л'Эстренджи много и часто выѣзжала. Маленькая еще тогда Грэсъ была общей любимицей всѣхъ посѣтителей. Странно—все опустѣло, заглохло и заросло мохомъ и ползучими растеніями какъ разъ въ то время, когда она сама такъ пышно разцвѣла!

Можетъ быть, такая перемѣна въ замкѣ произошла и отъ того, что съ годами полковникъ сдѣлался болѣзненнымъ. Старшая горничная миледи высказывала не мало предположеній по поводу того глубокаго вздоха, который вырвался у мистриссъ Л'Эстренджъ, когда она увидѣла миссъ Грэсъ, въ первый разъ, въ длинномъ платьѣ. Какъ жаль, что тетка и дядя не были хоть немного помоложе! Какъ хороша была бѣлокурая миссъ въ этомъ самомъ платьѣ! Отчего этотъ вздохъ при видѣ ея?

Грэсъ не слышала вздоховъ и чувствовала себя счастливой. Ее занимало теперь, что она уже „большая"; ей было непривычно и такъ пріятно видѣть, какъ платье касается земли и волосы не распущены по плечамъ, какъ у маленькихъ; она

Поймалъ! (Сцена изъ древне-греческой жизни). Картина Б. Джуліани, грав. Шредеръ.

столько разъ подбѣгала то къ зеркалу, у себя въ дѣтской комнаткѣ, то къ спокойной, свѣтлой поверхности пруда и глядѣлась туда, любуясь на свою тяжелую, густую косу, граціозно облегавшую юную, прелестную головку. Какое счастье быть уже „женщиной“. Какъ хороши это солнце, эта зелень! Какъ все весело вокругъ!.. Семнадцать лѣтъ!.. Днемъ Грэсъ порхала среди цвѣтовъ, но вечерамъ заслушивалась соловьевъ и вторила имъ своимъ молодымъ, звонкимъ голоскомъ. Больше всего она любила заглохшее и уединенное мѣсто у стараго фонтана. Здѣсь она была полновластной, хотя и одинокой, царицей своихъ соловьевъ, тоже излюбившихъ этотъ дикій, заброшенный уголокъ. Сюда то она и прибѣжала въ первый ясный день своихъ семнадцати лѣтъ. Она быстро шла, но минутамъ оглядываясь на тащившійся сзади шлейфъ. Сегодня, къ своему удивленію, она оказалась не одна въ своемъ маленькомъ владѣніи. Отстранивъ рукой густую вѣтвь, заграждавшую ей путь, Грэсъ вступила въ площадку, среди которой стоялъ фонтанъ и увидѣла, что мѣсто ея у бассейна занято. Какой-то, вѣроятно, художникъ, сидя тамъ, спиной къ ней, срисовывалъ на походномъ мольбертѣ ея любимыя деревья.

Молодая дѣвушка сама, разъ съ десятокъ, рисовала эти деревья и—почти неудачно. Ее сильно заинтересовало посмотрѣть—какъ это выходитъ у незнакомца, и она прямо, безъ малѣйшаго колебанія, направилась къ нему. Грэсъ вовсе не хотѣла подкрадываться потихоньку, но высокая трава не выдала ея легкихъ шаговъ. Остановившись позади художника, она на минуту совсѣмъ забылась, любуясь искуствомъ, съ которымъ природа была передана на полотно. Артистъ, наконецъ, совершенно невольно повернулъ голову и, неожиданно увидѣвъ надъ своимъ плечомъ розовое личико, обрамленное золотистыми волосами, такъ быстро вскочилъ съ своего мѣста, что мольбертъ перевернулся и упалъ вмѣстѣ съ этюдомъ на траву.

Грэсъ, съ легкимъ крикомъ, бросилась подымать рисунокъ, но незнакомецъ успѣлъ предупредить ее. Съ минуту молодые люди молча смотрѣли другъ на друга.

— Надѣюсь, что рисунокъ не испортился, заговорила Грэсъ первая. Извините, что я помѣшала вамъ. Я сама пробовала срисовывать эти деревья и мнѣ очень хотѣлось видѣть—какъ это удалось вамъ.

— Напротивъ, я обязанъ просить у васъ извиненія въ томъ, что явился сюда, отвѣчалъ онъ, но я думалъ, что я никого не встрѣчу и не потревожу. Вотъ уже нѣсколько ночей я брожу здѣсь и слушаю соловьевъ. Я случайно попалъ въ эту сторону и хозяйка гостинницы, гдѣ я остановился, сказала мнѣ, что тутъ соловьи. Я пришелъ и влюбился въ это очаровательное мѣсто, потомъ,—потомъ я сдѣлался смѣлѣе и явился днемъ. Меня увѣрили, что владѣльцы замка никогда не показываются внѣ садовой рѣшотки.

— Да, только за исключеніемъ меня. Но это ничего не значитъ. Не бойтесь меня и не обращайте на меня никакаго вниманія. Я очень рада, что это мѣсто понравилось вамъ. Пожалуйста, продолжайте вашу работу и позвольте мнѣ остаться смотрѣть. Я буду учиться.

Незнакомецъ повиновался, но такъ какъ онъ не рѣшился сѣсть пока Грэсъ стояла, то и она присѣла на край бассейна, немного наклонившись къ этюду. Онъ теперь могъ хорошо разсмотрѣть свою собесѣдницу и убѣдиться, что предъ нимъ не дріада, готовая въ минуту порхнуть и исчезнуть въ вѣтвяхъ сосѣдняго дерева, а молодая золотокудрая красотка съ выраженіемъ ума и доброты на очаровательномъ личикѣ, и такая же жительница земли, какъ и онъ самъ; что касается Грэсъ, то на нее произвели впечатлѣніе благородныя черты мужественно-красиваго лица, энергическое выраженіе котораго смягчалось какимъ-то оттѣнкомъ меланхоліи и необыкновенно изящныя манеры художника.

Оба не замѣчали времени, а между тѣмъ одинъ часъ смѣнялся другимъ; молодая дѣвушка съ живымъ интересомъ слѣдила за искуснымъ воспроизведеніемъ на полотнѣ ея друзей—деревьевъ. Продолжая опытной рукой накладывать штрихъ за штрихомъ, художникъ, нечувствительно для Грэсъ, втянулъ ее въ разговоръ. Чѣмъ то новымъ, освѣжающимъ казались ему естественная простота и откровенность дѣвушки, большіе, чудесные глаза которой прямо и честно смотрѣли въ его лицо, отражая всѣ движенія юной души.

Солнце, наконецъ, склонилось къ закату и художникъ, собравъ всѣ свои артистическія принадлежности, приготовился, съ очевидной неохотой, уходить.

— Какъ скоро прошелъ день, сказалъ онъ.

— Да, очень, очень скоро, отвѣтила Грэсъ, подавая ему руку на прощанье.

Медленно возвращалась на этотъ разъ молодая дѣвушка въ замокъ, идя среди окрашенной въ пурпуръ аллеи. Она долго простояла на мосту, глядя безотчетно вдаль. Что занимало ея мысли теперь? Непривычный шлейфъ или что либо другое?.. Она не могла бы объяснить себѣ, но чувствовала, что все какъ то не по прежнему...

— Покажется ли тетѣ страннымъ, что я такъ долго разговаривала съ этимъ незнакомымъ? спрашивала она себя. Но какъ же было не оказать ему гостепріимство, сразу видно что онъ—джентльменъ. Но я обязана теперь же разсказать обо всемъ, добавила она.

Когда она пришла въ замокъ, то оказалось, что у полковника былъ припадокъ подагры и все время за обѣдомъ тетушка исключительно говорила о болѣзни мужа своего. Мыслямъ Грэсъ было дано другое направленіе и хотя она отлично и ясно помнила всю сцену у фонтана, но ей не удалось найдти удобной минуты, чтобы вставить свой разсказъ, тѣмъ болѣе, что сегодня тетушка не сдѣлала ей обычнаго вопроса о томъ, гдѣ она была.

— Я ей скажу послѣ обѣда, успокоила себя Грэсъ; но послѣ обѣда она провела цѣлый часъ въ комнатѣ дяди, а возвратившись въ гостинную, увидѣла, что тетушка погрузилась въ какую-то книгу. Молодая дѣвушка сѣла за фортепіано, пропѣла въ полголоса одинъ изъ своихъ любимыхъ романсовъ и кончила тѣмъ, что ушла къ себѣ наверхъ. Тамъ она отворила окно. Все было теперь залито луннымъ свѣтомъ, на которомъ тяжелыми, массивными силуэтами выступали окружающіе лѣса; безмолвіе нарушалось пѣніемъ соловьевъ, теплый воздухъ доносилъ сюда ароматъ розъ и издали, еле слышно, журчала струя въ старомъ фонтанѣ. Пришелъ ли ея новый, неизвѣстный другъ и въ эту ночь слушать соловьевъ? Можетъ быть онъ теперь тутъ, близко, внизу? Вдали, изъ-за лѣса виднѣлся рядъ огней, обозначавшихъ мѣсто деревни, которую Грэсъ почти совсѣмъ не знала. Она рѣдко выходила за черту обычныхъ своихъ прогулокъ по парку и лѣсамъ, прилегавшимъ къ замку.

— Долли, сказала она, обратившись къ вошедшей горничной—есть въ деревнѣ какая нибудь гостинница для пріѣзжихъ?

— Какъ же, миссъ, гостинница мистриссъ Диксонъ.

— И мистриссъ Диксонъ заботится о тѣхъ, кто у нея останавливается?

— Конечно, миссъ, заботится.

— А сколько времени путешественники остаются у нея? довольно долго, или нѣтъ?

— Нѣтъ, миссъ, недолго—два, три дня, не больше. Пріѣзжаютъ все больше артисты, которые рисуютъ по окрестностямъ, или джентльмэны съ длинными волосами: эти пишутъ стихи о птицахъ. И они никогда не платятъ. Недавно она при мнѣ жаловалась на одного джентльмэна: онъ всякому встрѣчному читалъ свои стихи, въ которыхъ много говоритъ, что долженъ сказать что-то соловью и ни слова не упомянулъ о томъ, что долженъ ей, мистриссъ Диксонъ.

Грэсъ сильно покраснѣла. Ея другъ не можетъ, вѣдь, быть однимъ изъ этихъ людей? Однако и онъ пріѣхалъ сюда рисовать и слушать соловьевъ.

Она вдругъ захлопнула окно. Ей стало досадно на самое себя. Съ какой стати было такъ дружески встрѣчать человѣка, совершенно незнакомаго? Отчего она не разсказала обо всемъ тетушкѣ. Молодая дѣвушка оставила на эту ночь окно запертымъ, чтобы не слышать пернатыхъ пѣвцовъ.

Слѣдующій день Грэсъ, почти весь, провела въ комнатахъ и занимала выздоравливавшаго дядю; но хотя часы тянулись чрезвычайно долго, времени и случаевъ было достаточно, однако она ни слова не сказала никому о незнакомцѣ. На одну минуту она взбѣжала на верхъ и бросила взглядъ внизъ, въ лѣсъ—но не могла разсмотрѣть—былъ ли тамъ кто-нибудь, кто бы рисовалъ или слушалъ соловьевъ.

Наступилъ и другой день. Сегодня ей надо же было побывать на воздухѣ. Она быстро завернула свою работу и надѣла шляпку. Она чувствовала что-то лихорадочно-пріятное.

Прежде, однако, чѣмъ спуститься въ паркъ, она опять вбѣжала наверхъ и снова окинувъ зоркимъ глазомъ всѣ аллеи и прогалины—убѣдилась, что тамъ не было никакого незнакомца.

— Что это такое сдѣлалось съ миссъ Грэсъ? мысленно спрашивала себя горничная. Съ чего это она все бѣгаетъ къ окну? точно ждетъ своего возлюбленнаго! Бѣдная птичка—нѣтъ у нея обожателя, да и едва ли когда тутъ будетъ!

Грэсъ задумчиво стояла теперь у стараго фонтана, глядя какъ будто съ чувствомъ раскаянія на то мѣсто, гдѣ недавно помѣщался походный мольбертъ.

— Какъ было весело, а все таки мнѣ кажется, что я поступила неприлично! Я очень рада, что онъ не пришелъ опять!

И она тихо пошла дальше, въ тѣнь большихъ деревьевъ, сквозь листву которыхъ проскальзывали солнечные лучи, обдавая свѣтомъ и тепломъ примыкавшую къ этой чащѣ зеленую прогалину, по близости которой такъ любили собираться, въ тихія лѣтнія ночи, здѣшніе соловьи. Войдя въ прогалину, Грэсъ увидѣла того, о комъ такъ много думала въ эти дни. Въ первую минуту она сильно покраснѣла и сдѣлала движеніе чтобы бѣжать, но овладѣвъ собой, ласково, хотя нѣсколько сконфуженно, поздоровалась съ незнакомцемъ.

Художникъ замѣтилъ ея смущеніе.

— Я боюсь, что вы раскаиваетесь теперь въ томъ, что позволили мнѣ приходить сюда, произнесъ онъ мягкимъ голосомъ;—скажите мнѣ и если это такъ, то я сейчасъ же исчезну.

— О нѣтъ, нѣтъ, быстро отвѣтила Грэсъ, мнѣ такъ же пріятно предложить вамъ гостепріимство, какъ и въ тотъ разъ, но я не желаю мѣшать вамъ, какъ помѣшала тогда, а потому, потому... желаю вамъ добраго утра и—оставляю васъ занятіямъ вашимъ.

— Извините, но я попрошу васъ не уходить, не взглянувъ на мои этюды. Я принесъ ихъ съ собой, въ этомъ портфелѣ именно, чтобы показать вамъ.

При словѣ „этюды" Грэсъ забыла свою напускную сдержанность и достоинство, которыми задумала вооружиться при встрѣчѣ съ художникомъ и протянула руку къ портфелю.

Это было цѣлымъ сокровищемъ для неопытной дѣвочки: наброски деревенскихъ пейзажей, видовъ незнакомыхъ ей, далекихъ странъ, живописныхъ мѣстностей, этюды оригинальныхъ типовъ, всего, всего—такъ много интереснаго. А интереснѣе было еще то, что художникъ объяснялъ ей и сопровождалъ различными разсказами почти всякій рисунокъ, всякій эскизъ и этюдъ. Грэсъ любовалась картинками, слушала разсказчика и, понемногу, въ ея дѣвическое сердце вновь вернулось прежнее довѣріе къ красивому незнакомцу. Какъ хороши эти рисунки, сколько въ нихъ таланта! Конечно, ихъ могъ создать только человѣкъ съ благородной мыслью и сердцемъ. Что касается мистриссъ Диксонъ, то онъ, можетъ быть, просто, былъ такъ бѣденъ, что не имѣлъ возможности заплатить ей. Вдругъ въ головкѣ Грэсъ мелькнула блестящая мысль.

— Сэръ, сказала она,—ваши этюды такъ прекрасны, что мнѣ хотѣлось бы взять хоть одинъ изъ нихъ. Вотъ вамъ мой кошелекъ, хоть извините, въ немъ денегъ далеко не столько, сколько бы стоилъ рисунокъ.

Художникъ съ изумленіемъ взглянулъ на молодую дѣвушку.

— Возьмите всѣ ихъ даромъ и вы сдѣлаете мнѣ величайшее удовольствіе, а если желаете непремѣнно мнѣ заплатить, то высыпьте деньги и отдайте мнѣ кошелекъ вашъ, я не разстанусь съ нимъ во всю жизнь мою.

Грэсъ снова сконфузилась, почувствовавъ, что сдѣлала навѣрное неловкость, оскорбившую гордость его.

Какъ все странно въ этомъ человѣкѣ—и этотъ блескъ таланта, и эти манеры придворнаго! Кто онъ? Она отказалась отъ обмѣна, предложеннаго имъ.

— Лучше уже мы оставимъ это такъ, произнесла она, возвращая ему портфель.

— Какъ вамъ угодно, отвѣчалъ художникъ съ низкимъ, вѣжливымъ поклономъ. Но по крайней мѣрѣ, скажите имя той, которая оказала мнѣ такой дружескій пріемъ.

— Я—миссъ Л'Эстренджъ. Я думала, что вамъ уже извѣстно это.

— Миссъ Л'Эстренджъ! воскликнулъ съ удивленіемъ незнакомецъ.

— Да. За кого же вы принимали меня?

— Я... не знаю—за прелестную, но менѣе знатную обитательницу замка.

— Понимаю, возразила Грэсъ, съ волненіемъ, блѣднѣя и краснѣя,—вы, конечно, думали, что миссъ Л'Эстренджъ держитъ себя съ большимъ достоинствомъ и не такъ доступна незнакомымъ людямъ, но, повѣрьте мнѣ, сэръ... Голосъ ея оборвался, она не могла продолжать отъ волненія, охватившаго ее.

— Миссъ—я думаю, что вы прелестны, что лучше и прекраснѣе васъ нѣтъ ничего и никого на свѣтѣ.

— Вы очень добры, благодарю васъ. Прощайте, намъ надо разстаться.

— Миссъ Л'Эстренджъ, прежде чѣмъ вы уйдете, примите отъ меня этотъ цвѣтокъ. Молодой человѣкъ сорвалъ большой розанъ, поцѣловалъ его и подалъ ей.

Грэсъ машинально взяла цвѣтокъ.

— Мы увидимся снова, прибавилъ онъ и, поклонившись съ своей обычной вѣжливостью, быстро исчезъ въ чащѣ.

Мистриссъ Л'Эстренджъ сразу замѣтила задумчивый, разсѣянный видъ своей племянницы.

— Грэсъ, милая, тебя не было дома цѣлый день, куда ты уходила? спросила тетка.

— Я все время была на воздухѣ, тетя, отвѣчала поблѣднѣвшая Грэсъ.

— Что это съ тобой? ты нездорова?

— Да... нѣтъ, нѣтъ, тетя, я здорова, но... мнѣ... мнѣ надо вамъ сказать одну вещь. Не пугайтесь, тетя, ничего важнаго нѣтъ. Тетя—третьяго дня—развѣ это было третьяго дня? да, кажется, такъ, я пришла къ фонтану и... и тамъ... рисовалъ какой-то художникъ...

— Большая смѣлость съ его стороны, но, милая, онъ, надѣюсь, не позволилъ себѣ никакой невѣжливости?

— О нѣтъ, тетя. Онъ такой прелестный, какого я еще никогда въ жизни не видала! Совершенный джентльмэнъ, такой вѣжливый, умный. Я съ нимъ очень долго разговаривала и онъ далъ мнѣ урокъ рисованья.

— Грэсъ—отчего ты не разсказала все это раньше?

— Вотъ, въ томъ-то и дѣло, тетушка. Отчего это я не могла? Я старалась, старалась и, все-таки не могла.

Выслушавъ до конца и сдѣлавъ племянницѣ строгое замѣчаніе, мистриссъ Л'Эстренджъ прибавила, что распорядится, чтобы дерзкій незнакомецъ больше не былъ допущенъ близко къ замку.

Бѣдная Грэсъ не спала всю ночь. Ее мучила мысль, что этого новаго друга, образъ котораго такъ уже наполнилъ ея сердце, и ея воображеніе, что его, такаго красиваго, какъ-то царски вѣжливаго, изящнаго—прогонятъ какъ бродягу. Но она надѣялась, что все таки, тетушка перемѣнитъ свое рѣшеніе, она надѣялась и—заснула только подъ самое утро.

(Окончаніе въ слѣд. №).

Среди Туркменъ „Теке".

Бытовой очеркъ.

Н. Н. Каразина.

(Къ рисункамъ автора на стр. 956 и 957).

(Окончаніе).

II.

Женщина туркменка очень охотно и сама берется за оружіе—обычай и сила необходимости присутствія дома, въ семьѣ удерживаютъ ее отъ участія въ набѣгахъ, но за то если врагъ у дверей—онѣ также точно неудержимо рвутся въ ряды защитниковъ, щеголяя передъ своими мужьями и братьями запальчивою храбростью.

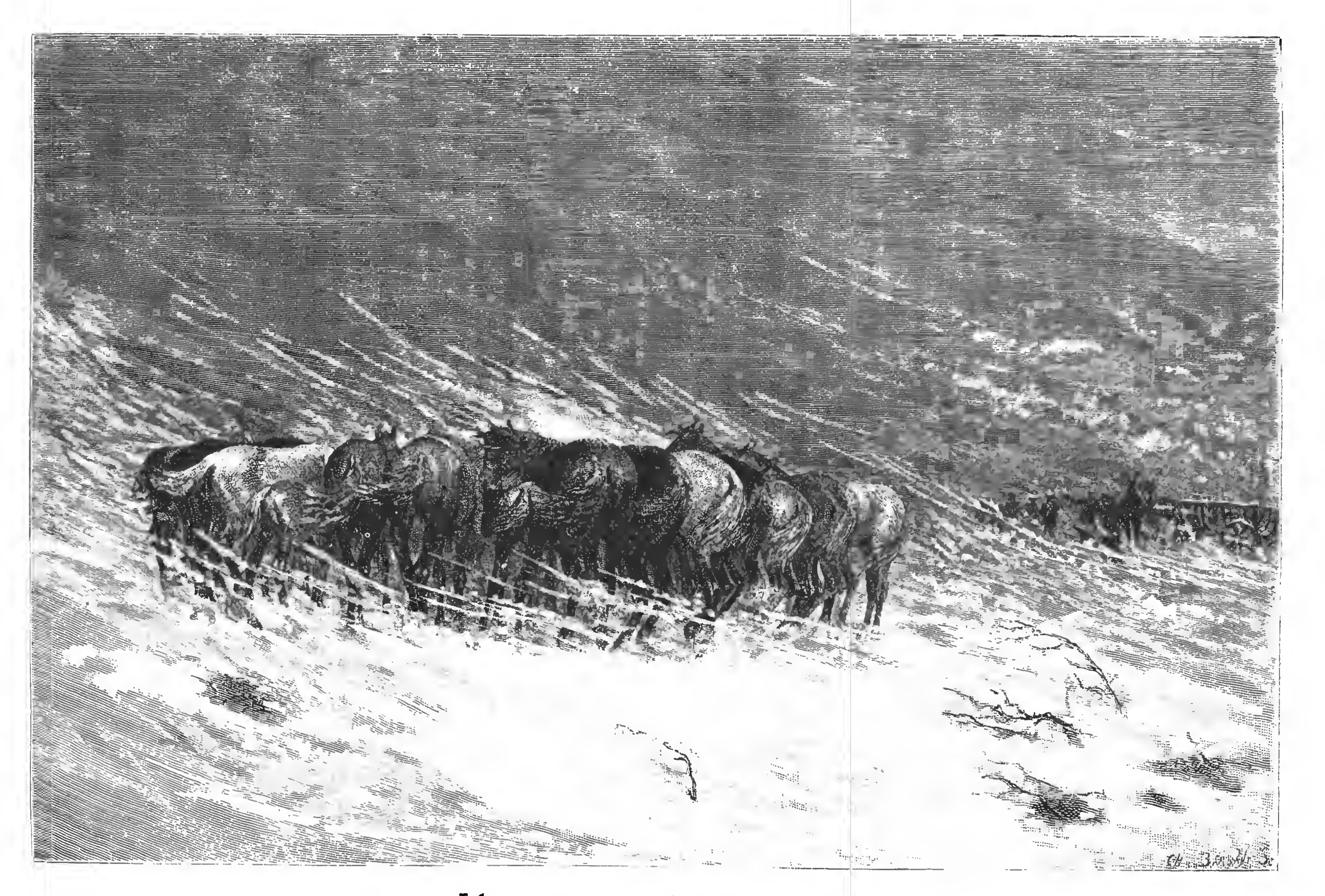
Туркменки безспорно очень красивы—это выдающійся рѣзко, лучшій типъ женщинъ Центральной Азіи, но красота эта суровая и далеко не привлекательная; между туркменками рѣдко можно встрѣтить, даже между дѣвочками, миловидное личико... Сухощавыя, стройныя, почти всегда высокаго роста, съ холоднымъ, злымъ блескомъ въ черныхъ глазахъ съ тонкими сжатыми губами, съ рѣзкою порывистостью движеній, онѣ словно возсоздаютъ собою типъ древнихъ классическихъ амазонокъ. Обыденный костюмъ текинокъ очень простъ и скроменъ, онъ состоитъ изъ бѣлаго тюрбана на головѣ, нѣсколько меньшаго размѣрами чѣмъ у киргизокъ, хотя совершенно такъ же повязаннаго, длинной синей рубахи и такаго же халата, накинутаго небрежно на плечи, но за то праздничный нарядъ амазонки блещетъ своею яркостью и роскошью уборовъ... Золотой налобникъ, украшенный бирюзою, жемчужными подвѣсками, цвѣтными камнями и монетами, свѣшивается на самыя брови, эффектно отѣняя черные глаза, длинныя серьги въ ушахъ доходятъ до плечь, изъ подъ платка покрывающаго голову висятъ до колѣнъ черныя косы, унизанныя и обвитыя нитками бусъ и кораллов, вся грудь покрыта рядами монетъ и ожерельями... Каждый шагъ, каждое движеніе красавицы сопровождается тихимъ серебристымъ звукомъ. На плечахъ у ней хорошій бешметъ изъ яркой шелковой матеріи, рукава красной рубахи широкими складками выбиваются изъ-подъ рукавовъ башмета. Поверхъ всего костюма набрасывается темнокрасный халатъ, вышитый серебромъ и золотыми блестками. (См. рисунокъ 1).

Помимо своихъ воинственныхъ наклонностей — туркменки занимаются выдѣлкою чудныхъ, несносимыхъ ковровъ, отличающихся рѣзко отъ такихъ же подѣлокъ бухарскихъ и киргизскихъ, какъ своею прочностью, такъ и болѣе скромнымъ, болѣе изящнымъ подборомъ красокъ и узоровъ. Кромѣ ковровъ, здѣсь выдѣлываются тонкіе войлоки и особый родъ матеріи изъ верблюжьей крученой шерсти, называемой „піассъ".

Туркменская дѣвушка до замужества пользуется большою, почти полною свободою и независимостью, но разъ она выбрана,—или правильнѣе. ее выбралъ мужъ, она становится неподкупно строга къ себѣ въ нравственномъ отношеніи, хотя бы и не раздѣляла чувствъ своего супруга.

Говоря о женщинѣ, невольно входишь въ ея жилище, касаешься ея домашняго очага, гдѣ она уже царитъ всецѣло, гдѣ все должно отражать какъ въ зеркалѣ характеръ обитательницы. И здѣсь, какъ въ самой хозяйкѣ, все сурово, строго чинно... Глинобитная сакля, высокая, просторная, устлана ковромъ или войлоками, въ дальнемъ углу сложена въ порядкѣ груда ватныхъ одѣялъ и круглыхъ подушекъ-валиковъ, вдоль стѣны рядъ эктановъ (переметныхъ сундуковъ), гдѣ хранятся наряды и бѣлье; посреди сакли мѣсто для угольевъ, въ видѣ четыреугольнаго укрѣпленія, смазаннаго глиною или же выстланнаго плитнымъ степнымъ кирпичемъ; плоскій, круглый котелъ на тагалѣ, два-три чугунныхъ, или мѣдныхъ, чеканенныхъ кунгановъ (родъ высокихъ чайниковъ), нѣсколько точеныхъ деревянныхъ чашекъ и массивная, въ полъ-человѣческаго роста, деревянная долбленая ступа для растиранія джугары и проса—вотъ и вся утварь туркменскаго хозяйства. На мужской половинѣ еще бѣднѣе и проще,—тамъ уже только оружіе, развѣшанное по стѣнамъ, украшаетъ эти шаршавыя, грязно-сѣрыя, небѣленыя стѣны, гдѣ въ мелкихъ трещинахъ гнѣздятся скорпіоны и сороконожки. Лѣтнія жилища туркменъ—легкія войлочныя кибитки обыкновенной конструкціи,—здѣсь уже рука искусства щедрѣе касается до всѣхъ предметовъ обстановки. Должно быть туркмену, какъ исконному кочевнику, милѣе это жилище, чѣмъ сырая, темная, мрачная сакля, куда невольно загоняетъ его суровость зимняго времени. Войлоки, покрывающіе остовъ кибитки испещрены нашитыми яркоцвѣтными узорами, широкія ковровыя тесьмы обвивають какъ двойнымъ поясомъ стѣны кибитки, на перекрестокъ стелятся че-

На распутіи. Съ картины профессора Шпангенберга, грав. О. Ротъ.



Табунъ въ мятель. Рис. К. Делоръ, грав. Барбанъ.

резъ всю ея сферическую крышу. Надъ входомъ спущенъ особенный узорный коверъ, изнутри войлоки часто бываютъ подшиты полосами бухарскаго цвѣтнаго канауса и адрасса. — Вокругъ такой хозяйской кибитки просторно разставляются другія кибитки, попроще, для второстепенныхъ членовъ семьи и рабовъ. Весь станъ обнесенъ кругомъ глинобитною стѣною; изъ-за массъ густой зелени—плантацій—выглядываютъ еще оригинальныя формы строеній, въ видѣ усѣченныхъ пирамидъ, гдѣ потолокъ на жердяхъ и подпорахъ раздѣляетъ постройки на два этажа: верхній предназначается для ссыпанія зерна, а нижній для скота... Вокругъ всего этаго клочка нѣтъ земли необработанной, все сплошь маленькія плантаціи, окаймленныя низенькими глинобитными стѣнками; а между ними вьется постоянно пересѣкаясь, цѣлый лабиринтъ узкихъ пѣшеходныхъ тропинокъ и дорогъ, гдѣ при встрѣчѣ, съ трудомъ разъѣзжаются два всадника—за плантаціями опять чернѣютъ крыши кибитокъ, опять высоко поднимаются нагрѣтые солнцемъ амбары и опять зеленыя поля... Такъ сплошь на нѣсколько десятковъ и болѣе верстъ—пока только есть вода, пока только желтый, сыпучій, горячій песокъ не подступаетъ вплоть къ границамъ орошеннаго оазиса.

Второй рисунокъ этаго № изображаетъ хищника-туркмена, притаившагося съ награбленной добычей.

Къ рисункамъ.

„Поймалъ!"

(Сцена изъ древне-греческой жизни).

Кто хочетъ ознакомиться съ древнимъ, патріархальнымъ бытомъ древней Эллады, тотъ найдетъ у Гомера громадный запасъ свѣдѣній объ этой ранней эпохѣ развитія человѣчества. Поэтъ у него сливается съ историкомъ и въ его разсказахъ возстаетъ передъ вами во всей своей полнотѣ эта древне-греческая жизнь, еще не тронутая чужеземнымъ вліяніемъ и еще ненадломленная безпрерывною междоусобицей. Философія въ этотъ періодъ еще не враждовала съ религіей и Грекъ еще съ дѣтской вѣрой относился къ многочисленному сонму своихъ боговъ и богинь, чувствуя всегда ихъ близкое присутствіе.

И не было тамъ мѣста грустной мглѣ,
Гдѣ боги, нисходя—себѣ второе небо
Творили на землѣ...

Стада составляли главное богатство этаго пастушескаго періода и по Гомеру многіе герои пали при защитѣ стадъ своихъ отъ нападеній врага и цари предпринимали далекіе походы чтобы овладѣть такой именно добычей. Даже самъ Геркулесъ совершилъ экспедицію, чтобы завладѣть стадами Геріона. Тогда смиренные пастухи въ случаѣ надобности дѣлались воинами и героями, и Парису дѣйствительно не было странно явиться въ одеждѣ пастуха передъ очи Елены. У Гомера пастухи обходятся запросто съ царями и знаменитыми героями. Чувства любви и преданности изображаются у Гомера самыми живыми красками и среди описаній битвъ и военныхъ подвиговъ у него встрѣчаются сцены самаго идиллическаго характера, въ родѣ той, которая изображена на прилагаемой нами картинкѣ. Поэтъ изображаетъ таинственныя свиданія молодыхъ дѣвушекъ и юношей въ укромныхъ мѣстахъ у источниковъ и ихъ игры, шутки и смѣхъ какъ будто слышатся ему иногда среди бряцанія оружія его героевъ. Въ Одиссеѣ, Ахилъ сошедшій въ царство тѣней, сокрушается о земномъ существованіи и желаетъ продлить его хотя бы въ скромной долѣ простаго, бѣднаго поденьщика. Эта жизнь шла среди прекраснаго климата и чудной природы греческихъ островов. Идиллія тогда была въ самой жизни и немудрено, что до сихъ поръ поэты и художники обращаются къ древне-греческой жизни—этому неизсякаемому источнику вдохновенія и поэзіи.

„На распутіи".

(Картина профессора Шпангенберга).

Къ числу немногихъ картинъ, обратившихъ на себя особенное вниманіе на прошлогодней Берлинской художественной выставкѣ, необходимо отнести безспорно картину профессора Шпангенберга „На распутіи", отличающуюся, какъ и всѣ произведенія этаго художника, не только своею жизненною и въ тоже время художественной правдою, но и глубиною мысли и мастерствомъ отдѣлки.

Какъ въ своей знаменитой картинѣ „Блуждающіе огни", такъ и въ помѣщаемой нами „На распутіи", Шпангенбергъ задался серьезной жизненной идеей.

Вы видите молодую дѣвушку, неиспорченное невинное дитя природы, идущее изъ деревни въ городъ, искать работы.

Блѣднѣетъ молодой мѣсяцъ, свершивъ свой ночной дозоръ и уступаетъ онъ мѣсто красавицѣ зорькѣ—остаются позади молодой дѣвушки ея дѣтскіе, привольные годы, среди полей и цвѣтовъ, и вмѣстѣ съ встающимъ солнцемъ вступаетъ она въ новую жизнь, полная надеждъ, но полная также и тревогъ и неизвѣстности...

Бодро прошла она полями и проселочной дорогой, вотъ и мостикъ черезъ болото, а тамъ за болотомъ большая дорога, широкая, длинная, прямо въ городъ, а въ городѣ—новая жизнь..

И вотъ тутъ-то, на этомъ мостикѣ, сойдя съ котораго нужно идти уже по *большой* дорогѣ, тутъ на этомъ „распутіи", пока мѣсяцъ спорить съ зорькой, пока земля окутанная туманомъ, какъ мягкимъ покрываломъ, какъ бы лѣнится сбросить его и вполнѣ проснуться,—подходятъ къ молодой дѣвушкѣ двѣ фигуры. Одна, олицетвореніе труда—скромная, чистая, невинная, предлагаетъ ей веретено, какъ символъ работы, другая пышная, роскошная, красивая, нарядная, олицетвореніе страстей, роскоши и тщеславія, предлагаетъ ей богатыя ожерелья. Что-то выберетъ бѣдная, предоставленная самой себѣ, молодая дѣвушка? Что-то ожидаетъ ее тамъ за распутіемъ, на большой жизненной дорогѣ?!.

Табунъ въ мятель.

Мятели въ степяхъ бываютъ ужасны. Не встрѣчая себѣ сопротивленія ни въ лѣсахъ, ни въ горахъ, носится и воетъ она порывая полосами снѣгу, представляя какое-то хаотическое, адскиволнующееся пространство—волны снѣгу какъ вихри носятся отъ темнаго неба до бѣлой земли. Табунъ, застигнутый мятелью, собирается обыкновенно и сбивается въ плотную кучу головами внутрь, загоняя жеребятъ въ середину. Вдали виднѣются въ темнотѣ телѣги и люди—табунщики, которымъ снѣгъ застилаетъ глаза и крутитъ кругомъ нихъ—ни двинуться, ни увидать ничего впереди. Остается пока переждать ея ужасные порывы и топтать и похаживать, чтобы не замерзнуть и укрываясь тулупами и телѣгами ждать когда она утихнетъ, когда засѣрѣетъ холодное зимное утро и тусклое солнышко освѣтитъ безконечные сугробы нанесенные кругомъ за ночь.

Джіакомо Мейерберъ.

Очеркъ

Н. Ѳ. Соловьева.

Изъ обширнаго ряда композиторовъ немного найдется такихъ, которыхъ произведенія пользовались бы въ настоящее время популярностью равносильною популярности произведеній Мейербера. Мейерберъ всемірный извѣстный композиторъ, его мелодіи поются на далекомъ сѣверѣ, въ жгучей Африкѣ, въ Новомъ Свѣтѣ и т. д. и т. д. Нѣтъ, я думаю, тенора болѣе или менѣе выдающагося, который бы не сроднился съ партіями Рауля, Роберта, Іоанна Лейденскаго и Васко де Гама. Вообще всѣ трудности оперъ Мейербера никогда не служатъ препятствіемъ для ихъ постановки, онѣ выкупаются массою музыкальныхъ красотъ, благодарныхъ ситуацій и вообще капитальными достоинствами. Оперы, благодаря которымъ слава Мейербера разрослась до такихъ предѣловъ, а именно: „Робертъ," „Гугеноты," „Пророкъ," написаны имъ уже въ зрѣломъ возрастѣ. Этимъ операмъ предшествовалъ цѣлый рядъ, объемистыхъ произведеній, который такъ сказать былъ убитъ результатами его послѣдующихъ произведеній. О томъ, что было сдѣлано Мейерберомъ до „Роберта" никто и не думаетъ, а между тѣмъ его композиторская дѣятельность началась весьма рано—Мейерберу было 18 лѣтъ, когда онъ дебютировалъ въ Мюнхенѣ со своей оперой „Дочь Іефая." Первое его сценическое произведеніе хотя носило на себѣ печать большаго дарованія, но страдало тяжеловѣсностью и не сценичностью, его опера походила скорѣе на ораторію. Этотъ недостатокъ можно отнести на столько же къ неопытности Мейербера, насколько и къ вліянію его учителя, аббата Фоглера, знаменитаго контрапунктиста. Подъ наблюденіемъ Фоглера Мейерберъ скорѣе поборолъ трудную техническую сторону искусства, но еще такъ сказать не вникъ въ великую психологическую задачу музыки передавать настроеніе души. Но нельзя сказать, чтобы школа Фоглера совершенно пагубно подѣйствовала на его ученика, напротивъ солидная музыкальная техническая подготовка дала ему возможность съ удивительною легкостью и мастерствомъ передавать все то, что создавало воображеніе этаго замѣчательнаго композитора. Эти результаты школы Фоглера мы видимъ и на знаменитомъ Веберѣ, который былъ одновременно съ Мейерберомъ ученикомъ Фоглера. Холодный пріемъ, который былъ сдѣланъ какъ первой такъ и второй оперѣ „Два Калифа," очевидно не понравился молодому композитору. „Ваша музыка слишкомъ непорочна и дѣвственна. Въ Италіи подъ

сѣнью цвѣтущихъ лимонныхъ деревьевъ вы найдете музу, которую вамъ нужно обнять.“ Эти слова стараго композитора Салiерн и вообще его неуспѣхи въ Германiи склонили его покинуть *эту* страну. Въ Испанiи онъ былъ счастливѣе, успѣхи его оперъ „Маргарита Анжуйская,“ „Эмма Росбургская“ и „Крестоносецъ въ Египтѣ“ удовлетворили самолюбiю молодаго маэстро. Но въ этихъ успѣхахъ онъ не видалъ апогея своей славы, онъ сознавалъ, что не Италiя, а Парижъ, новѣйшая французская опера, представляетъ тотъ уголокъ, который для достиженiя своихъ артистическихъ цѣлей ему слѣдовало завоевать. Съ перенесенiемъ своей дѣятельности въ Парижъ, Мейерберъ перемѣнилъ и свою манеру сочиненiя. Въ Германiи въ первый перiодъ своей дѣятельности онъ прiобрѣлъ солидное музыкальное образованiе, Италiя во второй перiодъ его дѣятельности сдѣлала изъ него мелодиста, но замѣчательно музыкальнымъ драматическимъ творцомъ онъ сталъ благодаря влiянiю французской школы.

Въ своихъ письмахъ Мейерберъ высказываетъ слѣдующiе взгляды на собственную свою дѣятельность: „Не станутъ вѣроятно порицать меня за то, что во второй перiодъ своего творчества, я болѣе склонялся къ итальянской мелодичности, если только принять въ соображенiе, что учителя мои держали меня въ слишкомъ сильныхъ узахъ строгаго контрапункта. Оборотъ этотъ въ моемъ направленiи былъ не болѣе какъ эволюцiей моей природы, лирическая, сентиментальная сторона жизни, подавленная строгими полифоническими работами, была нетолько пробуждена итальянскою зефирною, соловьиною мелодичностью, но даже возбуждена ею къ дѣятельности, къ самовыраженiю; конечно, я бросился въ противоположную крайность, но это было слѣдствiемъ предшествовавшаго ей одностороняго развитiя моего. Къ счастiю я пережилъ уже и эту переходную фазу развитiя и сталъ слѣдовать высшей цѣли. Необыкновенно счастливо было для меня и имѣло громадное значенiе знакомство мое съ Скрибомъ и Делавинемъ, создавшими мнѣ текстъ „Роберта,“ при сочиненiи котораго я могъ музыкально излить всю внутреннюю жизнь свою и сталъ достигать высшей драматической формы. Успѣхъ „Роберта“ даннаго въ 1832 г. въ Парижѣ былъ блестящiй, въ 1836 году были поставлены „Гугеноты,“ въ 1849 году „Пророкъ,“ въ 1854 году „Сѣверная Звѣзда“ и пр. Россини былъ до того раздраженъ первоначальными успѣхами Мейербера, что собирался уѣхать изъ Парижа въ Италiю. „Я уѣзжаю въ Италiю и возвращусь въ Парижъ только тогда, когда жиды окончатъ свой шабашъ,“ говорилъ огорченный маэстро. Вообще отношенiя Россини къ Мейерберу послужили матерiаломъ для разнообразныхъ толковъ. Говорятъ, Мейерберъ, чтобы заставить апплодировать Россини на первомъ представленiи своей оперы и зная характеръ итальянскаго маэстро, очень тонко завелъ разговоръ съ Россини о своемъ произведенiи. „Не имѣть моей оперѣ успѣха,“ говорилъ Мейерберъ. „Отчего же, можетъ быть вы и ошибаетесь,“ лукаво отвѣчаетъ Россини. Разговоръ становится все горячѣе и горячѣе. Мейерберъ все доказываетъ, что успѣхъ для него невозможенъ, Россини говоритъ ему противное, наконецъ Мейерберъ предлагаетъ пари: крупную сумму долженъ заплатить тотъ изъ нихъ, который останется правъ. Россини, не желая потерять своихъ денегъ, изъ всѣхъ силъ апплодировалъ на первомъ представленiи оперы Мейербера и такимъ образомъ невольно поддержалъ своего находчиваго соперника.

Кромѣ этихъ капитальныхъ произведенiй Мейерберъ написалъ комическую оперу „Плоэрмельскiй праздникъ,“ музыку къ трагедiи „Струензе“ своего брата, музыку къ драмѣ Blaz de Bury „La jeunesse de Goethe“ романсы, духовныя произведенiя: псалмы, Stabat, Miserere, Te Deum и пр.

Для оперы „Африканка“ Скрибъ написалъ либретто еще въ 1840 году; болѣе двадцати лѣтъ Мейерберъ не желалъ знакомить публику со своимъ произведенiемъ. Наконецъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ начались репетицiи Африканки и Мейерберъ лично наблюдалъ за ними.

Но автору не было суждено видѣть свое произведенiе поставленнымъ на сценѣ Большой парижской оперы—онъ скончался 2-го мая 1864 года еще до ея постановки. Согласно желанiю умершаго тѣло его стерегли два человѣка въ теченiи четырехъ дней, за симъ его перевезли изъ Парижа въ Берлинъ, гдѣ великолѣпное погребенiе происходило 9-го мая. Останки знаменитаго композитора провезли мимо опернаго театра, у котораго театральные пѣвцы встрѣтили шествiе пѣнiемъ. На зданiи театра развѣвался черный флагъ и представленiе въ этотъ день было отмѣнено.

Мейерберъ родился въ 1819 году въ Берлинѣ. Отецъ его Беръ былъ богатый банкиръ. Другъ семейства Мейеръ полюбилъ молодаго Бера, видя въ немъ необыкновенныя способности, завѣщалъ ему все свое состоянiе съ условiемъ, чтобы онъ къ своей фамилiи присоединилъ и его имя, такимъ образомъ молодой Беръ принялъ на себя фамилiю Мейербера. Мейерберъ, еврей по происхожденiю, не страдалъ сребролюбiемъ, свойственнымъ этой нацiи, но за то обладалъ двумя характеристичными его качествами: терпѣнiемъ и настойчивостью. Онъ былъ настолько не сребролюбивъ, такъ сорилъ деньгами для успѣха своихъ произведенiй, что какая то знаменитость выразилась, что она желала бы, чтобы ея сочиненiя приносили хоть половину того, что стоятъ Мейерберу его произведенiя. Трудолюбiе Мейербера было поразительно, онъ вставалъ въ 6 часовъ утра и иногда цѣлый день и весь вечеръ проводилъ въ работѣ позволяя себѣ лишь небольшiе перерывы для отдыха. Но причиною этаго нельзя считать медленность сочиненiя, напротивъ того Мейерберъ сочинялъ съ удивительной быстротой, напр. знаменитый любовный дуэтъ четвертаго дѣйствiя „Гугенотъ“ былъ написанъ въ четыре часа.

Къ постановкѣ своихъ произведенiй Мейерберъ относился чрезвычайно педантично, разучиванье оперы безъ его присутствiя были для него немыслимо. Когда разъ ему пришлось покинуть Парижъ, вслѣдствiе семейныхъ обстоятельствъ, въ разгарѣ репетицiй „Гугенотовъ,“ то чтобы опера не была поставлена безъ него, онъ забралъ всѣ ноты, отвѣчая растерявшемуся директору: „Моя музыка и я—мы нераздѣльны (Ma musique et moi nous sommes inséparables) и не поскупился заплатить 30,000 франковъ неустойки. Его заботливость при постановкѣ своихъ произведенiй доходила до того, что не только музыканты и артисты, но и суфлеръ и машинистъ не оставались имъ забытыми. Авторъ и къ нимъ обращался за совѣтами.

Въ Парижѣ уже издавна существуетъ кляка—это рота хлопальщиковъ, коихъ специальность заключается въ апплодированьи во время представленiя. Многочисленные клакеры подчиняются своему предводителю, но данному знаку котораго они принимаются изъявлять свое одобренiе. Одинъ изъ такихъ предводителей Огюстъ съ удивительной энергiей велъ дѣло клаки; не только пѣвцы, балерины, но и композиторы обязаны были успѣхомъ прежде всего ему. „Какой прекрасный успѣхъ я имѣлъ вчера!“ восклицалъ Огюстъ, когда какая нибудь пьеса имѣла большой успѣхъ. Странно, что Мейерберъ, человѣкъ съ образованiемъ, дарованiемъ выходящимъ изъ ряду вонъ, обращался за совѣтомъ и къ такому цѣнителю: если Огюсту заблагоразсудилось дать не вполнѣ похвальный отзывъ о какомъ нибудь нумерѣ новой оперы Мейербера, то такой нумеръ выбрасывался. Жажда успѣха у Мейербера доходила до болѣзненности, вотъ почему онъ, ради успѣха, дѣлалъ въ своихъ произведенiяхъ уступки толпѣ, уступки недостойныя его дарованiя. Въ произведенiяхъ Мейербера встрѣчаются отдѣльныя сцены, какъ напр. сцена въ церкви въ „Пророкѣ,“ сцена заговора въ „Гугенотахъ“ и многiя другiя, которыя могутъ считаться образцами въ области оперной музыки и которыя свидѣтельствуютъ о генiальности композитора. И на ряду съ ними въ тѣхъ же операхъ встрѣчаются morceaux самого сомнительнаго свойства, написанныя для удовлетворенiя вкуса грубой толпы подъ которыми несравненно менѣе даровитый композиторъ не рѣшился бы подписать своего имени. Но не смотря на нѣкоторые недостатки, произведенiя Мейербера кишатъ достоинствами: богатыя, своеобразныя мелодiи, разнообразныя и въ самомъ дѣлѣ оригинальныя формы, огонь и полетъ, красота гармоническая и удивительная колоритность оркестровки ставятъ Мейербера въ рядъ первоклассныхъ композиторовъ. Мейерберъ въ молодости былъ замѣчательнымъ пiанистомъ его учителями были Лаусека, ученикъ Клементи, и самъ Клементи. Мошелессъ говорилъ, что еслибы Мейерберъ остался пiанистомъ, то онъ не имѣлъ бы соперника.

Во льдахъ.

Послѣднее донесенiе Норденшильда*).

(Продолженiе).

По возвращенiи доктора Альмквиста всѣ пришли окончательно къ убѣжденiю, что „Вегѣ“ придется провести зиму на берегахъ Сибири, такъ какъ докторъ заявилъ, что пароходъ окруженъ сплошною массою льда на протяженiи 30-ти верстъ. „Сплошная масса“ выраженiе, впрочемъ, несовсѣмъ точное, потому что, какъ случалось неоднократно наблюдать во время зимовки, вслѣдствiе сильныхъ вѣтровъ или значительнаго пониженiя температуры, во льдѣ образуются, сопровождаемыя большимъ трескомъ, длинныя скважины шириною отъ двухъ до трехъ футовъ. Поэтому даже при самомъ сильномъ холодѣ съ виду сплошная ледяная масса состоитъ въ сущности изъ множества льдинъ, отдѣленныхъ одна отъ другой узкими канавами, покрытыми тонкою ледяною корою. До 6-ти верстъ приблизительно отъ берега, ледъ казался совсѣмъ неподвижнымъ, но далѣе, по направленiю къ морю, онъ находился въ постоянномъ движенiи. Еще далѣе, въ свѣтлую погоду, можно было разглядѣть на горизонтѣ тонкую голубую ленту — открытое море. Подъ влiянiемъ вѣявшихъ нѣкоторое время вѣтровъ образовалась въ недалекомъ разстоянiи отъ судна обширная

*) См. «Нивы» № 46, стр. 916.

полынья, буквально кишѣвшая тюленями—доказательство, что они находились въ прямомъ сообщеніи съ открытымъ моремъ. Чукчи воспользовались случаемъ и стали ловить тюленей массами. Въ одной только кибиткѣ путешественники нашли 44 тюленя. Дѣти, значительно исхудавшія за послѣднее время, опять пополнѣли. Здоровье чукчей совсѣмъ поправилось и о нуждѣ не было и рѣчи. Тѣмъ не менѣе палуба „Веги“ оставалась по прежнему сборнымъ пунктомъ для множества мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Нѣкоторые изъ нихъ проводили здѣсь въ пріятномъ dolce far niente цѣлыя сутки при 40 градусахъ мороза! Не смотря на то, что имъ теперь было ѣсть вдоволь, они все таки были не прочь полакомиться произведеніями европейскаго кулинарнаго искусства. За любое кушанье они готовы были охотно исполнять не особенно тяжелыя работы или обмѣнивать на него туземныя художественныя произведенія. Такимъ образомъ, Норденшильду удалось пріобрѣсти въ значительномъ количествѣ рисунки и рѣзанные изъ дерева предметы, свидѣтельствующіе объ эстетическихъ понятіяхъ народа, принадлежащаго еще во многихъ отношеніяхъ къ каменному періоду; по крайней мѣрѣ у чукчей еще въ употребленіи множество предметовъ домашняго обихода изъ камня. Норденшильду удалось также собрать не мало данныхъ для правильнаго сужденія о палеолитическихъ рисункахъ, надѣлавшихъ такъ много шуму въ ученомъ мірѣ въ прошломъ столѣтіи. Онъ предполагаетъ представить впослѣдствіи шведскому географическому обществу подробный и снабженный рисунками отчетъ о собранной имъ коллекціи и о правахъ полярныхъ жителей, съ которыми такъ основательно познакомились путешественники во время продолжительной зимней стоянки.

Лейтенантъ Нордквистъ собралъ зимою отъ проживающихъ на протяженіи отъ Колючиной бухты до Берингова пролива чукчей драгоцѣнныя свѣдѣнія о возможности плаванія въ этой части Полярнаго моря. Большая часть показаній сводится къ тому, что Колючина бухта совсѣмъ свободна отъ льдовъ лѣтомъ и что плаваніе по Берингову проливу возможно съ маія по октябрь.

Утромъ 6-го октября путешественники были пріятно поражены посѣщеніемъ старосты чукчей, промышляющихъ извозомъ на сѣверныхъ оленяхъ, Василія Менки. Это былъ маленькаго роста человѣкъ съ смуглымъ цвѣтомъ лица; на немъ былъ бѣлый тулупъ изъ кожи сѣвернаго оленя, изъ подъ котораго виднѣлась синяя фланелевая рубашка. Для того чтобы вселить путешественникамъ уваженіе къ своей особѣ, онъ подъѣхалъ къ пароходу не на собакахъ, а въ лодкѣ, которую съ трудомъ тащили его подчиненные. Взойдя на бортъ, онъ немедленно вручилъ Норденшильду нѣчто въ родѣ диплома на занимаемую имъ должность и различныя квитанціи уплаченныхъ имъ налоговъ, состоявшихъ изъ нѣсколькихъ красныхъ лисьихъ мѣховъ, оцѣненныхъ по 1 р. 80 к. и нѣсколькихъ бѣлыхъ лисьихъ мѣховъ, оцѣненныхъ по 40 к. за штуку. Почтенный староста не имѣлъ понятія о грамотѣ и говорилъ на страшно ломаномъ русскомъ языкѣ. За то онъ тотчасъ же съумѣлъ оріентироваться на показанной ему картѣ и указалъ пальцемъ на множество извѣстныхъ пунктовъ сѣверо-восточной Сибири. О существованіи Императора Всероссійскаго это первое въ околодкѣ должностное лицо и не подозрѣвало, за то ему было извѣстно, что въ Иркутскѣ живетъ весьма могущественный человѣкъ. При входѣ онъ сталъ креститься предъ висѣвшими тамъ фотографіями и гравюрами, но замѣтивъ, что хозяева не слѣдуютъ его примѣру, немедленно пріостановился. Менка сопровождали двое туземцевъ, казавшихся его рабами.

Менка поздравилъ путешественниковъ съ новосельемъ и поднесъ имъ два изжаренныхъ по правиламъ мѣстнаго кулинарнаго искусства сѣверныхъ оленя. Норденшильдъ съ своей стороны подарилъ старостѣ фланелевую рубашку и немного табаку. Менка сказалъ, между прочимъ, путешественникамъ, что онъ предполагаетъ отправиться въ скоромъ времени въ русское селеніе въ верховьяхъ Анадыра, называемое Маркова. Норденшильдъ съ радостью воспользовался случаемъ увѣдомить всѣхъ интересующихся экспедиціей о положеніи, въ которомъ находилась „Вега“. Написано было открытое письмо на русскомъ языкѣ иркутскому генералъ-губернатору съ просьбою передать содержаніе его королю шведскому. Письмо это вмѣстѣ съ нѣсколькими другими запечатанными письмами было вручено Менкѣ, который обѣщался передать ихъ въ Марковѣ русскому начальству. Сначала казалось, будто Менка подумалъ, что врученное ему письмо расширяетъ сферу его власти. Сойдя на берегъ, онъ дѣйствительно собралъ вокругъ себя чукчей, и дѣлая видъ, будто онъ понимаетъ, что написано въ письмѣ, произнесъ длинную рѣчь, причемъ земляки Менки казались, повидимому, пораженными его ученостью и краснорѣчіемъ. На слѣдующій день староста опять удостоилъ своимъ посѣщеніемъ „Вегу“. Онъ былъ въ веселомъ настроеніи и въ заключеніе сталъ танцовать, то одинъ, то съ кѣмъ нибудь изъ экипажа, къ вящшему удовольствію европейцевъ и чукчей.

18-го октября, въ то время, какъ Норденшильдъ думалъ, что Менка давно уже находится въ Марковѣ, послѣдній, къ великому удивленію путешественниковъ, опять явился на „Вегу“ и заявилъ, что для путешествія ему не достаетъ водки. На этотъ разъ свиданіе съ Менкою не имѣло прежняго сердечнаго характера. Норденшильдъ былъ огорченъ такою потерею времени и Менка оставилъ пароходъ съ недовольнымъ видомъ, такъ какъ водки ему не дали и предлагали въ обмѣнъ принесенныхъ имъ трехъ сѣверныхъ оленей полуимперіалы или серебряные рубли. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, однакожъ, а именно 9-го февраля 1879 года, прибылъ на пароходъ слуга Менки и разсказалъ, что Менка былъ въ Иркутскѣ и исполнилъ данное ему порученіе. Въ этотъ промежутокъ времени Норденшильдъ имѣлъ много хлопотъ съ чукчами, чтобы убѣдить ихъ доставить его или кого нибудь изъ его товарищей въ Маркову или Нижній-Колымскъ. Чукчи охотно брали задатокъ, но не исполняли данныхъ обѣщаній и не возвращали денегъ. Единственный результатъ этихъ переговоровъ былъ тотъ, что путешественники познакомились съ одною изъ непріятныхъ чертъ характера чукчей, а именно съ пренебреженіемъ ихъ къ данному слову и чисто талейрановскимъ умѣньемъ скрывать подъ массою фразъ свои настоящія мысли.

5-го февраля лейтенантъ Нордквистъ предпринялъ поѣздку на собакахъ, съ цѣлью розыскать чукча, обѣщавшаго доставить его въ Анадырскъ. Ѣзда на собакахъ не отличается особенною быстротою, не смотря на то, что весьма легкія сани везутъ шесть собакъ. Объясняется это отчасти и недостаточнымъ кормомъ этихъ животныхъ. Дорога, по которой ѣхалъ Нордквистъ, пролегала главнымъ образомъ по берегу моря, причемъ часто встрѣчались довольно обширныя болота. На горизонтѣ тянулись высокія горы. Селеніе Цидлинъ, гдѣ проживалъ Ченча (розыскивавшійся Нврдквистомъ чукчъ), состояло всего изъ четырехъ кибитокъ; населеніе его не превышало двадцати душъ. Ченча принялъ лейтенанта радушно и обѣщалъ поѣхать съ нимъ въ Анадырскъ въ фавралѣ. Нордквистъ провелъ ночь въ кибиткѣ. У Ченчи была жена и трое дѣтей. На ночь дѣтей совсѣмъ раздѣвали, но мужъ и жена надѣвали короткія штаны. Вслѣдствіе невыносимой жары, причиняемой двумя лампами, трудно спать въ такой теплой одеждѣ, какъ одежда изъ шкуръ сѣвернаго оленя. Тѣмъ не менѣе все семейство Ченчи спало прикрываясь въ видѣ одѣялъ олеными шкурами. Такъ какъ кромѣ жары въ кибиткѣ стояла страшная вонь—чукчи удовлетворяютъ всѣ свои естественныя потребности въ спальнѣ—то бѣдному Нордквисту приходилось ночью выходить нѣсколько разъ изъ кибитки, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ. Утромъ хозяинъ угостилъ его завтракомъ, состоявшимъ изъ куска тюленьяго мяса и жиру съ чѣмъ-то въ родѣ кислой капусты изъ ивовыхъ листьевъ, затѣмъ изъ тюленьей печенки и чашки тюленьей крови. Въ 8 часовъ утра Нордквистъ пустился въ обратный путь. По дорогѣ возница его то и дѣло пѣлъ чукскія пѣсни. Пѣсни эти состоятъ большею частью изъ звуковъ, подражающихъ крику разныхъ животныхъ, или же импровизацій безъ всякаго размѣра, безъ рифмъ и безъ малѣйшей перемѣны тона; только раза два Нордквистъ услышалъ что-то немного похожее на мелодію. Вечеромъ чукчъ сказалъ Нордквисту какъ зовутъ на его нарѣчіи нѣкоторыя звѣзды.

(Окончаніе въ слѣд. №).

Политическое обозрѣніе.

Англичане на Босфорѣ.—Князь Вогоридесъ у Султана.—Слухи о замѣнѣ Вогоридеса Каратеодори Пашей.—Скупштина въ Болгаріи.—Арабъ-Табія.—Эрц-Герцогиня Марія-Христина.—Императрица Евгенія.—Ирландія.—Отозваніе австрійскихъ офицеровъ изъ Персіи.

Англичане, мало по малу, осуществляютъ свой планъ основаться гдѣ нибудь на берегу Чернаго моря. Они, пока еще не пріобрѣли порта, за то, недавно, по словамъ газеты „Daily News“, у бывшаго уполномоченнаго экс-хедива Измаила-Паши при султанѣ, Абраама-Паши (извѣстнаго своимъ богатствомъ) *одна англійская кампанія арендовала, на 25 лѣтъ, за 2 тысячи фунтовъ стерлинговъ ежегодной платы, участокъ земли* въ 15 километровъ, именно на азіатскомъ берегу Чернаго моря, *простирающійся отъ Босфора до селенія Рива*; на этомъ участкѣ существуютъ слѣды укрѣпленій, воздвигнутыхъ генуэзцами и господствовавшихъ надъ верхнимъ Босфоромъ и тою его частью, гдѣ онъ переходитъ въ Черное море. Этаго мало. Изъ Константинополя сообщаютъ, что *нѣсколько англійскихъ инженеровъ вели, тоже недавно, переговоры о пріобрѣтеніи двухъ большихъ помѣщеній на европейскомъ берегу Чернаго моря, какъ разъ насупротивъ участка, принадлежащаго Абраму-Пашѣ*; эти два помѣстья принадлежатъ Виталису-Пашѣ и греческому семейству Банетацци, находящемуся въ австрійскомъ подданствѣ. Какъ слышно эта продажа и временныя уступки частныхъ имѣній въ окрестностяхъ Константинополя тревожатъ султана. Съ другой стороны финансовое положеніе Порты до такой степени стѣснено, что она намѣрена, какъ увѣряютъ, продать коронныя земли въ Месопотаміи, съ цѣлью добыть денегъ на удовлетвореніе текущихъ нуждъ своихъ... Это свѣдѣніе какъ нельзя лучше дополняетъ тѣ, о которыхъ сказано нѣсколько выше.

(Продолженіе на стр. 961, 962, 963, 964, 965, 966, 967 и 968).

Недостаетъ только, чтобы англичане, отбросивъ уже церемоніи, выстроили на участкахъ Абраама-Паши, Виталиса и Банетацци, подъ видомъ фабрикъ или какихъ либо иныхъ промышленныхъ учрежденій, два огромныхъ форта съ машинами въ формѣ сильныхъ баттарей... Далеко заведетъ Порту англійская дружба! Но—что же можетъ Порта и сдѣлать, одна, безъ поддержки, въ стальныхъ и золотыхъ объятіяхъ Джонъ-Булля?! Мы убѣждены, однако, что сколько бы англійскіе инженеры ни покупали участковъ на Черномъ морѣ — форты имъ будетъ не легко выстроить. Развѣ, впрочемъ, для султана, которому, изъ дружбы, дадутъ „на время“ и англійскіе гарнизоны...

Султанъ оказалъ хорошій пріемъ Вогоридесу, который вслѣдъ затѣмъ, обѣдалъ у его величества съ французскимъ посланникомъ. Не смотря, однако, на такой пріемъ, ходятъ слухи о замѣщеніи нынѣшняго генералъ-губернатора Восточной Румеліи Каратеодори-Пашей. Пока эти слухи еще не подтвердились, а Алеко-Паша, вѣроятно, чтобы понравиться своему государю, закрылъ гимнастическія общества Румеліи. Въ Сиріи начались, было, волненія, но турецкое правительство сообщило оффиціально, что волненія эти произошли между друзами и гауранцами по поводу похищенія одной молодой дѣвушки, за которымъ послѣдовало убійство; готовившееся столкновеніе было предупреждено строгими мѣрами генералъ-губернатора (Мидхада-Паши) противъ виновныхъ и порядокъ возстановленъ.

Въ Софіи состоялось открытіе перваго парламента болгарскаго. Городъ былъ разукрашенъ флагами, а улицы чрезвычайно оживлены. Послѣ торжественнаго богослуженія въ соборѣ, совершеннаго софійскимъ митрополитомъ Мелетіемъ, въ присутствіи князя Александра, депутаты отправились въ импровизированное зданіе собранія, когда въ $11^1/_2$ часовъ явились дипломатическіе агенты великихъ державъ и Сербіи. Принявъ изъ рукъ Балабанова тронную рѣчь, князь прочиталъ ее громко и выразительнымъ голосомъ и притомъ, съ совершенно правильнымъ болгарскимъ произношеніемъ. Депутаты „привѣтствовали князя кликами „живіо!“. Когда князь оставилъ залу, 18 депутатовъ, съ президентомъ по старшинству во главѣ, проводили его до самой улицы, гдѣ въ свою очередь, его свѣтлость восторженно привѣтствовала толпа. По предложенію депутата Петко Словейко (редактора оппозиціонной газеты „Цѣлокупна Болгарія“), собраніе немедленно приступило къ избранію бюро. Глава болгарской національно-либеральной партіи, профессоръ Каравеловъ, былъ выбранъ въ президенты; вице-президентами же избраны предсѣдатель высшаго суда, Стояновъ, также противникъ нынѣшняго министерства, и Тышевъ. Такимъ образомъ, съ первой же минуты сессіи собранія, оппозиція восторжествовала и, въ виду этого, а въ особенности избранія Стоянова, кабинетъ Балабанова подалъ, въ тотъ же день, въ отставку. Говорятъ, что князь намѣренъ составить новое консервативное министерство, главою котораго будетъ болгарскій дипломатическій агентъ при портѣ, Цанковъ, котораго ожидаютъ скоро въ Софіи. Болгарская скупштина постановила отправить слѣдующее заявленіе восточно-румелійскому національному собранію: депутаты перваго сѣверо-болгарскаго національнаго собранія, которое только что сформировалось, привѣтствуютъ васъ, какъ братьевъ и увѣдомляютъ, что они симпатизируютъ съ своими братьями въ южной Болгаріи. Да благословитъ Господь всѣ наши начинанія и да послужатъ онѣ на пользу нашего общаго отечества“.

Джіакомо Мейерберъ. Рис. и грав. А. Нейманъ.

Читатели наши, вѣроятно, не забыли поднятаго въ свое время вопроса объ Арабъ-Табіи. Вопросъ этотъ, переданный на рѣшеніе международной европейской комисіи, еще не рѣшенъ. Тянется онъ уже, какъ видимъ, давно и, въ настоящее время, комисія имѣетъ въ виду приступить къ обозрѣнію берега Дуная къ востоку отъ Силистріи. Сначала было постановлено, что сообщеніе между Румыніей и Добруджей будетъ происходить при помощи моста чрезъ Дунай, въ 1170 метровъ длины и 11 ширины, къ югу отъ Калараша и востоку отъ Силистріи, близь того пункта, гдѣ Дунай дѣлится на рукава, у Горы Бурзеи. Наши комиссары предложили начать пограничную линію въ 27 километрахъ отъ Силистріи, но это предложеніе создастъ нѣкоторыя неудобства для сооруженія моста, который, въ такомъ случаѣ, пришлось бы строить въ другомъ пунктѣ и обошелся бы дороже. Пока вопросъ остановился на этомъ.

Въ Сербіи, консервативная партія сильно возбуждена противъ министра-президента Ристича.

15-го ноября, при вѣнскомъ дворѣ происходила церемонія, по которой отъ каждой выходящей замужъ эрцгерцогини требуется отреченіе, подъ клятвой, отъ всѣхъ наслѣдственныхъ правъ на престолъ въ пользу мужской эрц-герцогской линіи. Императоръ обратился къ эрцгерцогинѣ Христинѣ съ краткой рѣчью, послѣ которой министръ иностранныхъ дѣлъ и императорскаго двора, баронъ Геймерле, прочелъ законъ объ отреченіи и формулу его. Марія-Христина произнесла слова отреченія предъ архіепископомъ вѣнскимъ, кардиналомъ Кучкеромъ и подписала актъ, подъ которымъ также подписался и уполномоченный короля испанскаго. Согласно новѣйшимъ свѣдѣніямъ, принцесса уже прибыла въ Мадридъ, гдѣ также находится теперь и бывшая императрица Евгенія, по случаю смерти матери своей, графини Монтихо и Теба.

Въ то время, что Англія хозяйничаетъ и распоряжается въ предѣлахъ чужихъ государствъ, у нея дома не все въ порядкѣ. Не разъ уже сообщали мы о безпорядкахъ въ Ирландіи. Волненіе тамъ значительно усилилось, агитацію ведетъ энергическій ирландецъ—патріотъ Парнель. Дѣло дошло уже до арестовъ. Подробности въ свое время.

Австрійское правительство отозвало изъ Персіи своихъ офицеровъ-инструкторовъ.

Правительственное сообщенiе.

Московскiй генералъ-губернаторъ сообщилъ по телеграфу, что 19-го сего ноября, въ 11 часовъ вечера, по Курской желѣзной дорогѣ, при слѣдованiи въ районѣ 7-го квартала Рогожской части дополнительнаго поѣзда съ конвоемъ, прислугою и багажемъ Его Императорскаго Величества, произошелъ взрывъ, отъ котораго поѣздъ сошелъ съ рельсовъ, причемъ багажный вагонъ опрокинулся, а два пассажирскихъ встали поперегъ пути. Отъ взрыва на полотнѣ дороги образовалась яма, глубиною два аршина, длиною 7 и шириною 8 аршинъ. Несчастiя съ людьми не произошло.

Домъ, изъ котораго ведена была мина, обнаруженъ, и къ розыску скрывшихся изъ него злоумышленниковъ немедленно приступлено.

(„Правительственный Вѣстникъ" № 261).

Разныя извѣстiя.

Зоологъ Фрицъ Мюллеръ въ прошломъ году сообщалъ изъ южной Бразилiи о существованiи тамъ гигантскаго животнаго—однаго изъ видовъ змѣй. Разсказы многихъ очевидцевъ объ этомъ животномъ можно было бы принять за вымыселъ, еслибы они не подтверждались фактами. Такъ напр. многiе и въ различныхъ мѣстахъ видѣли животное не особенно длинное, сравнительно, круглое тѣло котораго было чрезвычайно толсто. Гдѣ ни появлялось это животное, вездѣ оставляло за собою борозду, иногда такой глубины, которая была достаточна для новаго русла небольшой рѣки. Большiя деревья, во многихъ мѣстахъ были вырваны съ корнями, а поля на большомъ пространствѣ взрыты и изборождены. Изслѣдованiя привели къ заключенiю, что животныя эти выходятъ по преимуществу изъ болотистыхъ мѣстностей и водятся вблизи рѣкъ. Но такъ какъ никому не удавалось ближе разглядѣть животное, то данныя объ немъ очень неполны. Туземцы прозвали его мингокао. По измѣренiямъ слѣдовъ можно опредѣлить, что длина мингокао около 15 арш., вышина около 4-хъ, а толщина около 2-хъ аршинъ. Сила его чрезвычайна, такъ какъ онъ сдвигаетъ скалы большаго размѣра. Тѣло его покрыто бронею, рыло продолговатое а на головѣ онъ имѣетъ рога. Чаще всего мингокао появлялся близъ Урагвая и Параны, и многiе подтверждаютъ, что оно водилось тамъ съ незапамятныхъ временъ. Достать такое животное было бы неоцѣненнымъ прiобрѣтенiемъ для науки.

Замѣчательная черепаха. Какъ извѣстно—черепахи живутъ очень долго; бывали примѣры, что многiя изъ этихъ животныхъ достигали возраста двухсотъ лѣтъ. Подтвержденiе этаго факта недавно было во Флоридѣ. Въ iюлѣ этаго года одинъ изъ тамошнихъ колонистовъ поймалъ въ рѣкѣ Ст. Жанъ черепаху, на спинѣ которой была слѣдующая надпись: „Поймана въ 1700 г. Гернандо Гомсцомъ въ рѣкѣ Себастiана; перенесена индѣйцемъ въ Матанцосъ, а оттуда въ большую Векиву." Большая Векива, это прежнее названiе рѣки Ст. Жанъ. Надъ надписью ясно виденъ гербъ Испанiи и 1700 годъ. Въ это время Испанцы владѣли Флоридой, которая отошла къ Соединеннымъ Штатамъ только въ 1821 г. Показавъ многимъ свою находку, упомянутый колонистъ, пустилъ черепаху опять въ рѣку, прибавивъ къ прежней надписи еще „1879 годъ."

Бумажныя пушки. По случаю разрыва 38-ми-тоннаго орудiя на броненосцѣ „Thunderer", во время холостаго выстрѣла, въ англiйскомъ парламентѣ возбужденъ вопросъ *о замѣнѣ нынѣ существующихъ орудiй* орудiями прежней старой системы, заряжающимися съ дула. Отъ имени правительства, военный министръ сообщилъ, что разсмотрѣнiе этого вопроса поручено уже спецiально для этого составленной комисiи, но предупреждаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ палаты, что перемѣна системы орудiй повлекла бы за собой весьма крупные расходы, потому что запасныя орудiя стоятъ громадныхъ денегъ. Во время бывшаго недавно въ Лондонѣ засѣданiя гражданскихъ инженеровъ, одинъ изъ ораторовъ доказывалъ, что сталь лучше всего могла бы быть замѣнена при выдѣлкѣ орудiй—пресованной бумагой, изъ которой въ Америкѣ давно уже выдѣлываютъ не только прекрасный матерiалъ для построекъ, но даже колеса желѣзнодорожныхъ вагоновъ. По мнѣнiю лондонскаго инженера, бумага съ помощью гидравлическаго давленiя спресовывается такъ хорошо, что принимаетъ всѣ свойства стали, не уступая даже ей въ упругости и имѣетъ то преимущество предъ послѣдней, что несравненно легче ея. Проэктъ „бумажныхъ орудiй" сперва удивилъ всѣхъ присутствующихъ на этомъ собранiи, но послѣ продолжительныхъ пренiй и горячихъ споровъ, нашелъ многихъ сторонниковъ.

Кауанъ. По прибрежiямъ Австралiи и внутри континента водится интересный экземпляръ птицъ изъ породы лѣсныхъ куръ. Отъ прочихъ видовъ эта послѣдняя отличается особеннымъ способомъ кладки и высиживанiя яицъ.

На востокѣ южнаго Валлиса птица эта прозвана „Кауанъ." Устройствомъ гнѣзда Кауанъ всегда, сколько замѣчено, занимается одинъ. Для этаго онъ избираетъ дупло дерева или разщелину, которую выстилаетъ опавшими листьями, корой дерева и сухой колючей травой, для чего обыкновенно избираетъ время послѣ сильнаго дождя, когда листья сыры. Тогда то птица начинаетъ класть яйца и заканчиваетъ устройство гнѣзда. Въ случаѣ сухой погоды, птица оставляетъ гнѣздо и выжидаетъ дождя. Въ года совершенной засухи она совсѣмъ не кладетъ яицъ, какъ это и было въ 1868 году, когда нельзя было найти ни одного яйца Кауана. Если время благопрiятствуетъ, то выждавъ нѣсколько дней, когда наложенная масса листьевъ начинаетъ согрѣваться, Кауанъ покрываетъ логовище пескомъ на 3 дюйма толщины и затѣмъ кладетъ одно яйцо острымъ концомъ внизъ, и снова все гнѣздо засыпаетъ слоемъ песку. Послѣдующiя яйца кладутся на равномъ разстоянiи въ кружокъ отъ четырехъ до шести, при чемъ всякiй разъ гнѣздо пересыпается пескомъ. Затѣмъ начинается второй рядъ яицъ и третiй.

Конечно при такомъ устройствѣ гнѣзда нижнiй рядъ яицъ вылупливается прежде верхнихъ рядовъ, такъ что въ одномъ и томъ-же гнѣздѣ птенцы бываютъ въ разныхъ перiодахъ развитiя.

Замѣчательно, что самка, положивъ яйца, перестаетъ заботиться о гнѣздѣ и предоставляетъ народившимся птенцамъ заботиться самимъ о себѣ. Это происходитъ отъ того, что яйцо вообще очень велико, на подобiе лебединаго. Птенцы находятъ въ немъ достаточно мѣста для полнаго развитiя, выходятъ совершенно окрѣпшими, и легко стряхиваютъ съ себя слой песку, начиная тотчасъ бѣгать и летать; такъ что не смотря на преслѣдованiя естественныхъ своихъ враговъ, дикихъ собакъ и вороновъ, отлично умѣютъ избѣгать опасности.

Кауанъ легко дѣлается ручнымъ и тогда безъ боязни дается въ руки и принимаетъ кормъ отъ человѣка.

Свойствомъ передвиженiя обладаетъ, съ нѣкоторыхъ поръ, американскiй городъ Виргинiя, въ штатѣ Невада; замѣчаютъ, что положенiе его измѣнилось, городъ сдвинулся на нѣкоторое разстоянiе, по направленiю отъ запада къ востоку. Феноменъ этотъ объясняютъ расположенiемъ города по скату горы: нижнiй слой почвы, глинистаго свойства, уступаетъ давленiю, производимому на него массою зданiй; къ тому же, въ послѣднее время сдѣланы были въ окружности города обширныя раскопки для добыванiя серебряной руды. Всѣ зданiя Виргинiи одинаково обладаютъ способностью двигаться; явленiе это замѣчено особенно наглядно компанiею водопроводовъ и газовымъ обществомъ по часто повторяющейся ломкѣ свинцовыхъ трубъ, ихъ сплющиванiю, по уничтоженiю спаекъ въ резервуарахъ и т. д. Замѣчено также перемѣщенiе недавно отстроеннаго дома, который, впродолженiе только двухъ мѣсяцевъ, подвинулся къ востоку на 15 центиметровъ. Въ одномъ изъ центральныхъ кварталовъ города показалась въ землѣ трещина, изъ которой бьетъ ключемъ вода. Въ западной части города болѣе глубокая разщелина заставила обратить на себя серьезное вниманiе; но трещину задѣлали и никто о ней болѣе не думаетъ. Вообще, виргинцы относятся съ замѣчательнымъ равнодушiемъ къ необычайнымъ свойствамъ почвы своего города.

Новый видъ спорта. Новѣйшiй видъ спорта—сдѣлать кошекъ соперницами почтовыхъ голубей. Въ городѣ Люттихѣ 37 кошекъ недавно были посажены въ мѣшки, увезены далеко отъ города и выпущены потомъ на свободу ровно въ 2 часа пополудни. Въ 6 часовъ 48 минутъ вечера первая кошка явилась опять домой, а въ продолженiи сутокъ возвратились и всѣ остальныя. Разстоянiе, на которое онѣ были отвезены отъ берега, составляло около четырехъ миль.

Нубiйцы. Въ Берлинскомъ зоологическомъ саду показывали въ настоящее время нѣсколько семействъ нубiйцевъ, которые привлекали громадное количество публики; но особенно публика интересуется ихъ скачками на горячихъ абиссинскихъ коняхъ, съ быстротой которыхъ, однако, съ успѣхомъ соперничаетъ стадо страусовъ. Быстрый бѣгъ послѣднихъ, рядомъ съ кучкой полуодѣтыхъ въ бѣлые плащи чернокожихъ всадниковъ, производитъ необыкновенный эффектъ.

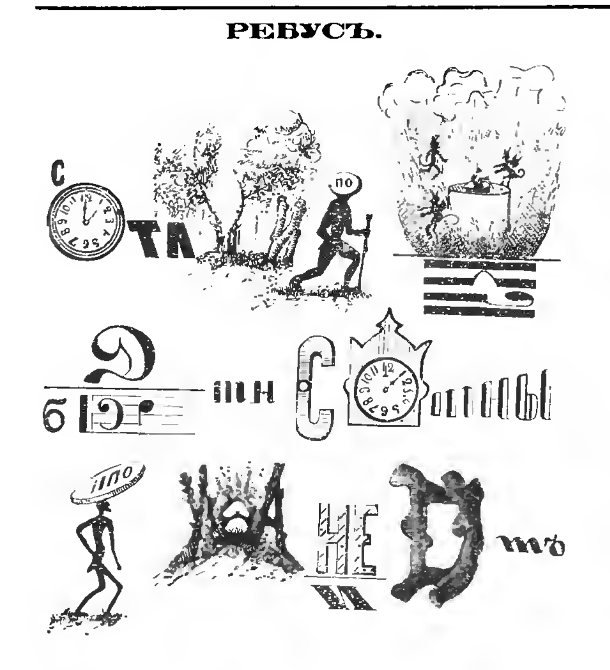
Книжныя новости

Русскій календарь А Суворина на 1880 г. уже вышелъ. Онъ заключаетъ въ себѣ всѣ тѣ достоинства, которыя въ немъ были и въ прежніе годы и съ каждымъ годомъ увеличивается и становится полнѣе.—Для каждой семьи, также какъ и для каждаго коммерческаго человѣка необходимъ такой календарь для ежедневныхъ справокъ, во всѣхъ отношеніяхъ.—Содержаніе календаря такъ богато, что здѣсь напр. мы не могли бы перечислить хоть только главные его отдѣлы. Роскошный переплетъ съ золочеными штемпелями прекрасной работы. При громадной массѣ матеріала. цѣна календаря не повышена.

Обзоръ графическихъ искусствъ. Еженедѣльный журналъ для типографій. Изданіе Р. Шнейдера, въ С.-Петербургѣ.

Уже два года выходитъ этотъ журналъ и находитъ среди типографовъ и литографовъ—многихъ интересующихся предметомъ. Такой спеціальный, для типографовъ издаваемый, журналъ давно былъ необходимъ. Изданія такаго рода распространены въ Германіи и Америкѣ. Постоянныя измѣненія и важнѣйшія улучшенія дѣла, новыя изобрѣтенія, рисунки новыхъ машинъ, почти при каждомъ нумерѣ какое нибудь художественно выполненное приложеніе. составленное изъ набора, образчиковъ шрифтовъ и т. п. дѣлаютъ все это настолько интереснымъ, что нельзя не рекомендовать изданіе всѣмъ интересующимся типографскимся дѣломъ.

РЕБУСЪ.



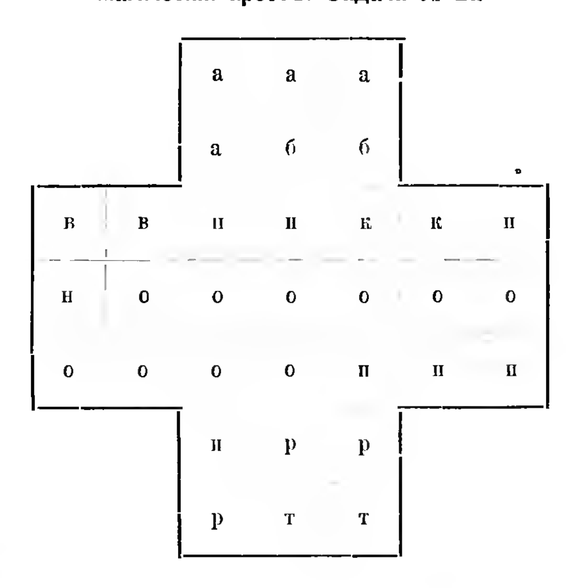
Магическій квадратъ задача № 19.

а	а	а	а	а
а	в	п	к	к
л	м	м	н	н
о	о	с	с	т
т	т	т	у	у

Магическій квадратъ. Задача № 20.

а	а	а	а	а
а	а	а	а	е
е	з	к	к	к
к	к	м	н	н
о	р	р	т	т

Магическій крестъ. Задача № 21.

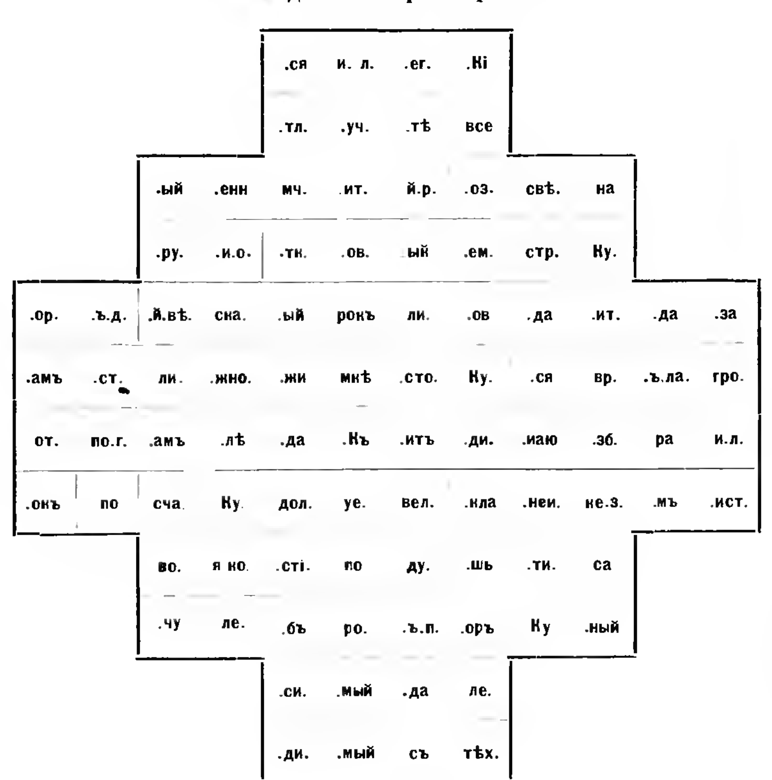


		а	а	а		
		а	б	б		
в	в	п	п	к	к	п
н	о	о	о	о	о	о
о	о	о	о	п	п	п
		п	р	р		
		р	т	т		

КРИПТОГРАМЪ

рѣшаемый посредствомъ хода коня и хода короля (ходы почти постоянно мѣняются).

Задача Ю. Грюнберга.

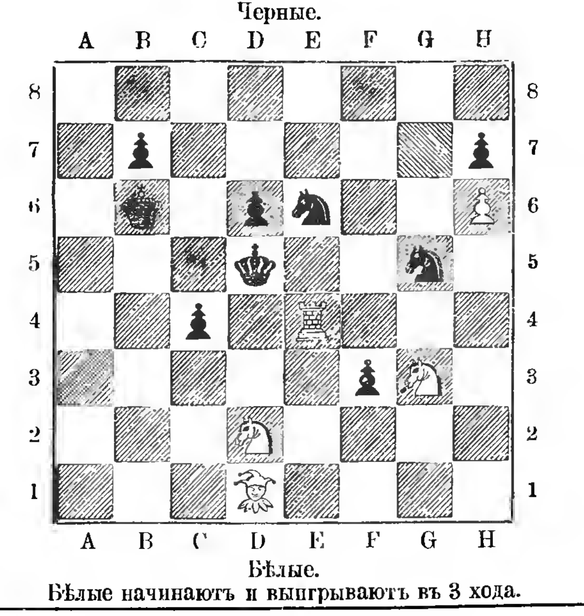


				.ся	и. л.	.ег.	.Ki				
				.тл.	.уч.	.тѣ	все				
		.ый	.енн	мч.	.ит.	й.р.	.оз.	свѣ.	на		
		.ру.	.и.о.	.тк.	.ов.	ый	.ем.	стр.	Ку.		
.ор.	.ъ.д.	.й.вѣ.	ска.	.ый	рокъ	ли.	.ов	.да	.ит.	.да	.за
.амъ	.ст.	ли.	.жно.	.жи	мкѣ	.сто.	Ку.	.ся	вр.	.ъ.ла.	гро.
от.	по.г.	.амъ	.лѣ	.да	.Къ	.итъ	.ди.	.иаю	.зб.	ра	и.л.
.окъ	по	сча	Ку	дол.	уе.	вел.	.кла	.неи.	ке.з.	.мъ	.ист.
		во.	я ко.	.сті.	по	ду.	.шь	.ти.	са		
		.чу	ле.	.бъ	ро.	.ъ.п.	.оръ	Ку	.ный		
				.си.	.мый	.да	ле.				
				.ди.	.мый	съ	тѣх.				

ПРИМѢЧАНІЕ. Читателей просятъ обратить вниманіе на точки въ клѣткахъ. Если точка стоитъ съ лѣвой стороны клѣтки то это означаетъ, что слово или не начато или не кончено. Если точка посреди клѣтки—то предъидущее слово кончено; точка же съ правой стороны клѣтки означаетъ, что слово, стоящее передъ нею, имѣетъ продолженіе.

Шахматная задача № 19

Черные.



Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и выигрываютъ въ 3 хода.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала «Нива» покорнѣйше проситъ гг. иногородныхъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.

ОПЕЧАТКИ: Въ статьѣ оФонвизинѣ (№ 47) въ 1-мъ столбцѣ и въ 4-мъ столбцѣ надо читать «Пѣвецъ Фелицы» а въ 2-мъ столбцѣ 22 стр. снизу «Мармонтель».

СОДЕРЖАНІЕ: **Семья Остяковъ** (съ рис.)—**На далекомъ востокѣ.** Разсказы **А. Максимова. I. Китобои.**—**У стараго фонтана.** (Разсказъ).—**Среди Туркменъ «Теке».** (Бытовой очеркъ съ 2 рис.). **Н. Н. Каразина.** (Окончаніе).—**Поймалъ** (съ рис.)—**«На распутіи** (съ рис.)—**Табунъ въ мятель** (съ рис.)—**Джіакомо Мейерберъ.** (Очеркъ съ портр.) **Н. Ѳ Соловьева.**—**Во льдахъ.** Послѣднее донесеніе Норденшильда. Продолженіе.—Политическое обозрѣніе.—Правительственное сообщеніе.—Разныя извѣстія.—Ребусъ.—Магическіе квадраты.—Магическій крестъ.—Криптограммъ, задача **Ю. Грюнберга.**—Шахматная задача.—Къ нашимъ читателямъ.—Объявленія.

Издатель **А. Ф. Марксъ.** Редакторъ **Ф. Бергъ.**

КЪ НАШИМЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1880 Г. ЖУРНАЛА „НИВА“.

„Нива“ будетъ издаваться въ будущемъ 1880 году по той же программѣ и той же цѣнѣ, какъ и въ прошедшіе годы и, какъ уже и было втеченіи 10 лѣтъ, издатель будетъ постоянно расширять программу и улучшать достоинство премій и вообще помѣщаемаго матеріала.

Наши постоянные читатели знакомы съ нашимъ журналомъ, и знаютъ какую массу чтенія даемъ мы, какъ художественно исполняются гравюры и какія цѣнныя преміи „Нива“ въ этомъ наприм. году дала своимъ подписчикамъ; цѣна изданія при всѣхъ этихъ капитальныхъ улучшеніяхъ остается таже. Нашимъ постояннымъ читателямъ нечего повторять что „Нива“—соображая массу даваемаго матеріала—**самый дешевый журналъ въ Россіи.**

Что касается матеріала вообще и произведеній, имѣющихся въ нашихъ рукахъ **для помѣщенія въ „Нивѣ“ въ будущемъ 1880 г.**, у насъ есть кромѣ массы художественно выполненныхъ гравюръ, цѣлый рядъ капитальныхъ литературныхъ произведеній какъ: большой романъ изъ современной жизни въ 2-хъ частяхъ: „**Купленное счастье**“ Н. Морскаго (автора романа „Аристократія Гостиннаго двора“). „**Иванъ да Марья**“, большая повѣсть извѣстнаго А. А. Потѣхина.—„**Лѣсникъ**“, большая повѣсть въ 2 частяхъ Б. Маркевича,—Кара-Джигитъ, разсказъ Н. Н. Каразина, съ большими рисунками самаго автора;—„Королевичъ Владиславъ“ и „Зарница“ двѣ историческія повѣсти В. Политковскаго;—„Ночь“ повѣсть Н. Морскаго;—четыре разсказа Н. Боева: „Божья воля“, „Близь желѣзной дороги“, „Три тысячи“, „На крайнемъ востокѣ“;—разсказы изъ исторіи русскаго искусства: „Горькое горе“, „Лемтюжниковъ“ и „Гашишъ“ П. П. Гнѣдича;—рядъ очерковъ изъ исторіи русской литературы А. П. Милюкова, В. С. Соловьева и многія другія.

Какъ **преміи** на будущій 1880 годъ. мы дадимъ двѣ превосходныя, исключительно для „Нивы“ исполненныя и составляющія нашу собственность, большія акварели знаменитаго **М. Зичи**, придворнаго художника Е. И. Величества. Содержаніе картинъ взято изъ того же чуднаго, фантастическаго „Демона“ Лермонтова. къ которому уже не разъ обращалась мысль художника. Наши картины изображаютъ два момента поэмы: 1) Пляска Тамары. 2) Умершая Тамара въ цвѣтахъ, окруженная родными. Достоинства блестящаго таланта М. Зичи слишкомъ извѣстны. Прелесть лицъ, блескъ красокъ живописныхъ восточныхъ костюмовъ, переданы художникомъ съ его обычнымъ мастерствомъ. Такимъ образомъ „Нива“ и въ будущемъ 1880 г. будетъ стремиться дать своимъ подписчикамъ оригинальныя произведенія самыхъ талантливыхъ писателей и художниковъ.

Подробное объявленіе о подписныхъ цѣнахъ можно видѣть на 1-ой страницѣ номера подъ титуломъ.

Желающихъ подписаться на будущій 1880 г. „Нивы“ просятъ заблаговременно обращаться въ Главную Контору редакціи журнала „Нива“, помѣщающуюся въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, д. № 9.

Издатель „Нивы“ **А. Ф. Марксъ.**

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ГЛАВНАЯ ПРОДАЖА ПЕРВАГО СОРТА РЕЗИНОВЫХЪ КАЛОШЪ И САПОГОВЪ

удостоенныя на Парижской выставкѣ

ЗОЛОТОЙ МЕДАЛИ

(высшая награда для резинов. фабрикат.)
Продаются по фабричнымъ цѣнамъ

ВЪ СКЛАДѢ ТОВАРИЩЕСТВА

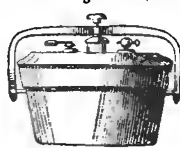
Русско-Американской резиновой мануфактуры.

КОНСТАНТИНА МАЛЬМЪ

БОЛЬШАЯ МОРСКАЯ Д. № 36, рядомъ съ магазиномъ Штанге. Постоянный выборъ новѣйшихъ резиновыхъ товаровъ, продаются по рѣшительнымъ цѣнамъ безъ запроса.

По Воскресеньямъ складъ закрытъ.
№ 325 10—5

К. УМБАХЪ.
Bietigheim a/E. Вюртембергъ.



Рекомендуетъ свои извѣстные котелки изъ чугуна, мѣди и изъ желѣза и жести эмальированные или луженые съ герметической укупоркой для душенія говядины, рыбы и т. п. Вмѣстимостью котелки отъ 2 до 100 литр. Продаются по очень умѣреннымъ цѣнамъ. Выгоды доставляемыя герметическимъ котелкомъ: сбереженіе времени и топлива. Продавцамъ дѣлается соотвѣтствующая уступка. Иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается безплатно. № 390 3—1

Д-ра КЛЕСА ЛЕЧЕБНИЦА ЖЕЛУДОЧНЫХЪ БОЛѢЗНЕЙ.

посредствомъ назначенія особыхъ родовъ пищи.

Пріемъ больныхъ зимой и лѣтомъ. Вѣрнѣйшее излеченіе, всѣхъ хроническихъ болѣзней, всѣхъ страданій нервовъ, кишечнаго канала, желудка и т. п.
Нуждающіеся въ врачебномъ пособіи, могутъ обращаться ко мнѣ письменно. Цѣны умѣренныя — Объявленія высылаются безплатно. Новое изданіе Д-ра Клеса: Diätet-Kuren, Schroth'sche Kur etc. Цѣна 2 марки. № 391 15—1

РУССКАЯ ЧАСОВАЯ ФАБРИКА.

С.-Петербургъ, Фурштадтская, № 5.

Единственная въ Россіи. Розничная и оптовая продажа часовъ. Починка. Всѣ часы продаются съ ручательствомъ.
№ 385 Осматривать фабрику можно по Субботамъ отъ 2½ до 4 ч. 1—1

АМЕРИКАНСКІЯ КАПЛИ И ЭЛИКСИРЪ

противъ зубной боли.

ИППОЛИТА МАЕВСКАГО.

Главное депо у дрогистовъ
Рульковіусъ и Гольмъ.

Казанская, уголъ Демидова переулка, № 27.

а продажа у Штоль и Шмидтъ, Оскаръ Гертхенъ, Рувакова, Саблукова, Сафронова, Линде, въ С.-Петербургской Химической Лабораторіи, русскомъ обществѣ торговли аптекарскими товарами и у всѣхъ аптекарей. Цѣны каплямъ, безъ запроса, № 386 напечатаны на каждомъ флаконѣ эликсиръ. 5—1

Покупающіе оптомъ получаютъ соотвѣтственную скидку.

AU BON MARCHÉ
M-me Fouquet Courbayre

№ 21. Большая Морская, домъ Тура. № 21

Платья, Накидки, Бѣлье новѣйшаго фасона, Моды первыхъ торговыхъ домовъ Парижа, Матеріи, шелковыя и кашемировыя послѣдней моды, Кружева, Чулки, фетръ и изъ шелка, Приданое и дѣтское бѣлье.
№ 404 Рекомендую платья моего фасона. 1—1

Къ извѣстнымъ книгопродавцамъ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ поступилъ въ продажу учебникъ по новой практически провѣренной методѣ:

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ КУРСЪ

АРИѲМЕТИКИ

Составилъ Ѳ. В. Геде. въ 2-хъ частяхъ, по 45 коп. 1-ая часть, цѣлыя числа, можетъ служить при первоначальномъ обученіи дѣтей, съ какою цѣлью помѣщены въ книгѣ указанія для учащихъ.
№ 373 2—2

МУЗЕЙ ЛЕНТА

ДЛЯ ИСКУССТВА И НАУКЪ,

ПАССАЖЪ 2-я ГАЛЛЕРЕЯ

! НОВОСТЬ ! НАПОЛЕОНЪ ! НОВОСТЬ !

Только что получено изъ за границы, фигура въ человѣческій ростъ, изображающая въ поразительномъ сходствѣ принца Луи, сына Наполеона III-го, убитаго въ этомъ году, въ войну Англичанъ съ Зулуссами въ Южной Африкѣ и болѣе 1000 другихъ замѣчательныхъ предметовъ искусства и наукъ.

Открытъ ежедневно отъ 10 часовъ утра до 10 часовъ вечера.
№ 398 1—1

ВЕСЬМА ВАЖНОЕ

ДЛЯ ДОМОВЛАДѢЛЬЦЕВЪ И АРХИТЕКТОРОВЪ

ново-изобрѣтенныя, патентованныя въ Германіи, Австріи и Венгріи,

ПАНЦЫРНЫЯ ПЛАСТИНКИ

изъ желѣза и стекла для крышъ.

Непропускающія сырости и не расплавляющіеся даже въ самомъ сильномъ огнѣ, не передаютъ ни холода ни жару, не требуютъ ни починки ни окраски. Кроется такая крыша очень просто и быстро.
Двадцать штукъ такихъ пластинокъ покрываютъ площадь въ одинъ квадр. метръ; квадратный метръ стоитъ 6 марокъ и вѣситъ около 10 фунтовъ.
Удобство и преимущество этихъ пластинокъ передъ другими матеріалами для крышъ тѣ, что ихъ прямо получаютъ уже, синяго, зеленаго, краснаго коричневаго или сѣраго цвѣта.
Желающимъ высылаю маленькіе образцы и принимаю заказы Изобрѣтатель
№ 393 3—1 Leipzig Weststr. 53. Ф. А. Рейхель.

Симъ увѣдомляемъ что мы передали нашу

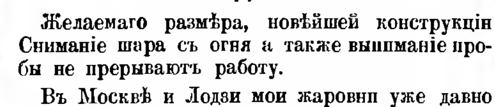
ГЛАВНУЮ АГЕНТУРУ

на продажу

ГАЗОВЫХЪ ДВИГАТЕЛЕЙ

системы **Отто** въ Петербургѣ съ окрестностями, Техническому Бюро Г. Виберингъ, Казанская ул., д. № 46.

Фабрика газовыхъ двигателей въ Дейцѣ при Кёльнѣ.
№ 387 1—1



ПАТЕНТОВАННАЯ ШАРООБРАЗНАЯ ЖАРОВНЯ ДЛЯ КОФЕ.

Желаемаго размѣра, новѣйшей конструкціи Сниманіе шара съ огня а также вынимание пробы не прерываютъ работу.

Въ Москвѣ и Лодзи мои жаровни уже давно въ употребленіи и пользуются большимъ успѣхомъ.

ЭММЕРИХСКАЯ МАШИННАЯ И ЛИТЕЙНАЯ ФАБРИКА.
№ 389 1—1
Въ Эммерихѣ на Рейнѣ (Германія).

НОВѢЙШІЯ МОЛОТИЛКИ

по системѣ **ВЕЙЛА,**

СЪ ЧИСТИЛЬЩИКОМЪ И БЕЗЪ ОНАГО.

ДЕШЕВЛЕ ВСѢХЪ ПРЕЖНИХЪ КОНСТРУКЦІЙ.

Одноконныя до 4-хъ конныхъ и ручныя съ новѣйшими значительными улучшеніями, предлагаетъ на нынѣшній сезонъ по чрезвычайно дешевымъ цѣнамъ и на самыхъ выгодныхъ условіяхъ платежа.
Доставка франкирована на всякую станцію желѣзныхъ дорогъ.
Ищутъ агентовъ. Торговцамъ дѣлаютъ уступки.

Морицъ Вейль младш. Машинно-строительный заводчикъ въ Франкфуртѣ-на-Майнѣ.

Первый вводитель штифтовой молотилки.

Moriz Weil jun. Maschin.-Fabrikant Frankfurt a/M, Heiligkreuzg. 12, 14, 16 & 16a Landwirthschafts-Vereinshalle.
№ 30 19—8

СКЛАДЪ ЧЕШСКАГО ХРУСТАЛЯ

ГРАФА ГАРРАХА,

С.-Петербургъ, Большая Морская № 36,

рекомендуетъ большой выборъ хрустальныхъ сервизовъ по умѣреннымъ цѣнамъ.

Вновь получены Стаканчики Ваньки съ интересными поговорками, и разные туалетные предметы.

№ 399 1—1

Новые патентованные

ПЕРЕНОСНЫЕ ТАГАНЫ ДЛЯ ВАРКИ, СКОРОКИПЯЩІЕСЯ САМООБРАЗУЮЩИМСЯ ГАЗОМЪ.

Эти аппараты отличаются отъ всѣхъ другихъ системъ: во 1-хъ своею опрятностію, не распространяютъ ни дыма, ни запаха; во 2-хъ, экономіею матеріала и въ 3-хъ, быстрымъ дѣйствіемъ, такъ что можетъ закипаетъ вода въ нѣсколько минутъ.
Цѣна 7 р. 50 коп. Съ укупоркою и пересылкою въ провинціи 10 руб.
Единственная продажа для всей Россіи; I. Юнгъ и К°. по Екатерининскому каналу, № 12; между Невскимъ просп. и Большой Итальянской ул., въ С.-Петербургѣ
№ 406

НАШИ

НОВЫЕ ПАТЕНТОВАННЫЕ ПЕРЕНОСНЫЕ САМОПРОИЗВОДЯЩІЕ ОСВѢТИТЕЛЬНЫЕ ГАЗОВЫЕ ПРИБОРЫ,

посредствомъ которыхъ каждый можетъ самолично образовать газъ для своего употребленія. Мы имѣемъ ихъ на складѣ въ видѣ: стѣнныхъ лампъ, фонарей, люстръ одинарныхъ и двойныхъ бра, лиръ, и т. д. для домовъ, мастерскихъ, магазиновъ, фабрикъ, заводовъ, улицъ и пр.
Освѣщеніе наше свѣтлѣе и дешевле, чѣмъ обыкновенный газъ, образованный изъ каменнаго угля, при томъ безъ дыма и запаха аппараты наши можно придѣлать вездѣ безъ всякаго особеннаго устройства, притомъ нашъ газъ горитъ безъ свѣтилекъ и безъ стеколъ.

Гг. Иногороднымъ покупателямъ мы присылаемъ иллюстрированные прейсъ-куранты безплатно. Образцовыя лампы со всѣми принадлежностями мы посылаемъ по 6, 10 и 15-ти руб. во всѣ мѣста Россіи

I. ЮНГЪ и К°

По Екатерининскому каналу, д. № 12. между Невскимъ проспектомъ и большой Итальянской улицей, въ **С.-Петербургѣ.** № 405

ВЪ „MAGASIN ÉTRANGER“
Иностран. магаз. Б. Морская, д. № 30
ДЛЯ ХОЗЯЕКЪ
ВНОВЬ ПОЛУЧЕНО
АМЕРИКАНСКАЯ, МЕХАНИЧЕСКАЯ
!ЧУДО-ПРАЧКА!

Эта несложная, прочная, устройства самаго простаго, машинка для стирки бѣлья—кладъ въ каждомъ хозяйствѣ; она, дѣйствуя давленіемъ а не треніемъ, предохраняетъ бѣлье отъ порчи. Дѣлаетъ большую экономію времени и труда и что требовало сильныхъ рукъ и пятидневныхъ трудовъ, можно легко сдѣлать въ одинъ день; ее легко придѣлать во всякую большую или малую лоханку, даже въ корыто. Самый неопытный, хотя дитя, можетъ ею дѣйствовать, и ни одна домашняя вещь не вознаградитъ такъ щедро покупателя, не принесетъ такую громадную пользу и такой лихвенный процентъ, какъ предлагаемая испытанная неоцѣнимая американская прачешная машина. Ц. 16 р. иногородн. съ перес. 20 р., по жел. дор. 19 р., въ Азіатскую Россію 22 р.

МЕХАНИЧЕСКІЯ ВЫЖИМАЛКИ
сохраняютъ бѣлье, превосходны для батиста, кружевъ и занавѣсей и такъ ускоряютъ сушку, что можно гладить сейчасъ послѣ стирки; цѣна 22 руб., за пересылку чрезъ транспорт. контору платится по доставкѣ въ городахъ, гдѣ находится отд. трансп. конт.

!!! УТЮГИ !!!
Американскіе новаго очень удобнаго устройства содержащіе особ. составъ сохраняющій очень долго жаръ. Комплектъ изъ 3 штукъ съ ручкой и подставкой цѣна 8 р. иногор. съ перес. 12 р.

!!!СКОРОВАРКИ!!!
въ нѣсколько минутъ вскипятятъ воду, молоко, сливки. Цѣна 2 р. 50 к., наклад. серебра 5 р., съ перес. 3 р. и 5 р. 50 к.

!!! МАШИНКИ !!!
рубитъ мясо въ нѣсколько минутъ въ самыя мелкія волокна. Цѣна 7 р. 50 к. и дороже.

АМЕРИКАНСКІЕ КАРМАННЫЕ ВѢСЫ
съ пружинами безъ гирь, которыми можно мгновенно провѣрить всякій вѣсъ до 12 и 20 фунтовъ. Цѣна 2 р. и 2 р. 50 к., иногородн. съ пересыл. 2 р. 50 к. и 3 р.

!!! МАШИНКИ !!!
сбивать яйца или сливки въ нѣсколько минутъ. Ц. 1 р. 50 к., иногор. съ перес. 2 р.

!!!НОВОСТЬ ИЗЪ АМЕРИКИ!!!
Ковшики изъ кокосоваго орѣха съ ручкою. Ц. 75 коп., иногор. съ пересыл. 1 р. 25 к.

МЕХАНИЧЕСКІЕ !!!ПРОБОЧНИКИ!!!
которыми можно вытащить безъ малѣйшаго труда самыя тугія пробки. Ц. 1 р. 50 к. 2 р. 50 к. и 3 р., иног. съ пер. 2, 3, и 3 р. 50 к.

!!НОЖИ ДЛЯ ХЛѢБА!!
Цѣна 1 р. 25 к. съ перес. 1 р. 75 к.

НОЖИ ДЛЯ САРДИНОКЪ
которыми всякія жестянки разрѣзываются какъ бумага, цѣна 75 коп. и 1 р. иногор. съ пер. 1 р. 25 и 1 р. 50 к.

ВСЕОБЩІЙ ИНСТРУМЕНТЪ,
содержащій болѣе 12-ти разныхъ домашнихъ инструментовъ, к. т.: молотокъ, отвертка, клещи, ключъ для винтовъ и пр. Цѣна—3 р., иногор. съ перес. 4 р.

!!! ВѢЧНЫЯ ТОЧИЛА !!!
на которыхъ можно точить ножи столовые, всякіе инструменты, ножницы, топоры и пр. Цѣна 40 к. Иногороднимъ съ перес. 1 р

ПАРИЖСКІЯ МЫШЕЛОВКИ,
которыми можно выловить мышей до послѣдней. Цѣна 25 коп. штука, для иногородн. съ перес. за 2 штуки 1 р. Новыя крысоловки для ловли мелкихъ хищныхъ животныхъ; ц. 1 р. 50 к. 2 р., иногор. съ перес. 2 р. и 2 р. 50 к.

!!! ОТЪ ХОЛОДНЫХЪ НОГЪ !!!
!!! СТЕЛЬКИ !!!
Въ видѣ башмака изъ тонкаго и мягкаго какъ бархатъ войлока. входящія въ самую узкую обувь и на всякую ногу. Цѣна 1 р. 25 к., иногор. съ перес. 1 р. 50 к.
Требованія иногороднихъ съ приложенными деньгами исполняются немедленно. Адресовать: въ «MAGASIN ÉTRANGER», иностранный магазинъ К. Бартольда по Большой Морской, домъ № 30, въ С.-Петербургѣ.

6—5 № 384

ТВЕРДОСТЬ ХАРАКТЕРА.

Ром. изъ современной жизни, съ событіями послѣдней войны 1876—77 гг.

Сочиненіе **В. Марьина**. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 25 к. Книгопродавцамъ обычная уступка.

Складъ изданія въ книжной торговлѣ при редакціи «Собранія Романовъ», въ д. Жербина, на Михайловской площ., въ С.-Петербургѣ.

Съ 1-го Января 1880 года

БУДЕТЪ ВЫХОДИТЬ ВЪ МОСКВѢ.

безъ предварительной цензуры книгами отъ 20 до 30 листовъ, ежемѣсячный журналъ ученый, литературный и политическій:

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

1). **Изящная словесность.** Произведенія русскихъ писателей въ стихахъ и прозѣ переводы и изложенія произведеній иностранныхъ писателей.
2). **Наука и искусства.** Статьи по разнымъ вопросамъ наукъ и искусствъ.
3). **Русская жизнь.** Движеніе русскаго законодательства, земство, городское и крестьянское управленіе; судъ; народное образованіе; всестороннее изученіе русской жизни; статьи по вопросамъ, относящимся къ умственному, нравственному и общественному развитію и экономическому состоянію Россіи, статьи по всѣмъ отдѣламъ Русской исторіи.
4) **Славянскіе народы.** Исторія славянскихъ народовъ; ихъ бытъ; дѣятельность умственная, политическая, общественная и вопросы, возбуждаемые ихъ современнымъ положеніемъ.
5). **Иноплеменные народы.** Ихъ историческое развитіе; современное состояніе ихъ умственной, религіозной, общественной, политической жизни и вопросы занимающіе ихъ въ настоящее время.
6). **Критика**, произведеній русской и иностранной литературы.
7). **Русская** и иностранная журналистика.
8) **Политическое обозрѣніе.**
9). **Обозрѣніе** замѣчательныхъ явленій въ научной и художественной дѣятельности, въ религіозной, государственной, общественной, торговой, промышленной и вообще экономической жизни, какъ въ Россіи и славянскихъ земляхъ, такъ и у иноплеменныхъ народовъ.
10). Внутреннее обозрѣніе. 11). **Разныя извѣстія.** 12). **Библіографія.** 13). **Смѣсь.**

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ **Москвѣ**, въ книжныхъ магазинахъ—Мамонтова, на Кузнецкомъ мосту, Соловьева и Васильева на Страстномъ бульварѣ, Улитиныхъ на Неглинномъ проѣздѣ, въ книжномъ и картинномъ магазинѣ журнала «Свѣтъ и Тѣни» на Петровкѣ, Петровскія торговыя линіи № 15, въ Типографіи Погодиной близъ Большаго каменнаго моста, въ д. Котельниковой и въ **Конторѣ Редакціи**, на Малой Дмитровкѣ, въ домѣ Ролёдеръ; для иногородныхъ исключительно въ Конторѣ Редакціи; въ **С.-Петербургѣ**: въ книжныхъ магазинахъ—Исакова «Для иногородныхъ» и Мамонтова. Плата за годъ съ 1-го Января 1880 года по 1-е Января 1881 года безъ доставки—15 руб. съ доставкою 16 р., съ пересылкою внутри Россіи 17 р. и за границу 19 р. Книжные магазины пользуются обычной уступкой.
№ 384 1—1

У всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ продаются слѣдующія книги:

Руководство для Духовенства и мірянъ
СОБРАНІЕ ЗАКОНОВЪ ДЛЯ ПРАВОСЛАВНАГО ДУХОВЕНСТВА.
Составлено по Своду Законовъ и Уставу Духовныхъ Консисторій, съ разъясненіями Кассаціонныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената и другимъ оффиціальнымъ источникамъ. Съ приложеніемъ систематическаго и алфавитнаго указателей.
Цѣна 1 руб. 75 коп.

УСТАВЪ О ПРЕДУПРЕЖДЕНІИ И ПРЕСѢЧЕНІИ ПРЕСТУПЛЕНІЙ.
Съ разъясненіями по рѣшеніямъ Кассаціонныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената. Съ приложеніемъ **Инструкціи Полицейскимъ Урядникамъ**
Цѣна 75 коп.

Складъ этихъ книгъ при типографіи Ѳ. Б. Миллера, МОСКВА, Машковъ пер., домъ Миллера.
Выписывающіе изъ склада, за пересылку не прилагаютъ. № 371 2—2

КРЫШКИ

для переплета „НИВЫ“ 1879 и также 1880 гг. по вышепоказанному образцу 1 р., съ пересылкою 1 р. 50 к. Каждый простой переплетчикъ въ губернскомъ городѣ легко можетъ переплесть „Ниву“ въ такую коленкоровую крышку.

№ 350 2—2

ДВА ИЗДАНІЯ
(ГАЗЕТА И ЖУРНАЛЪ)
ЗА 8 РУБ. ВЪ ГОДЪ СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ.

Въ 1880 году газета

„НЕДѢЛЯ“

БУДЕТЪ ВЫХОДИТЬ СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

ЖУРНАЛА РОМАНОВЪ и ПОВѢСТЕЙ“.

ГОДОВАЯ ЦѢНА ЗА ОБА ИЗДАНІЯ
8 Р. СЪ ПЕРЕС.

«НЕДѢЛЯ» выходитъ еженедѣльно, тетрадами, въ 2 большихъ печатныхъ листа всего въ количествѣ 52 №№ въ годъ. Содержаніе ея: передовыя статьи по русскимъ и иностраннымъ текущимъ вопросамъ; внутренняя и политическая хроника; очерки, разсказы и стихотворенія; статьи историческія, экономическія и общественныя, литературно критическія и др.; письма изъ провинціи и за-границы; разныя извѣстія, фельетонъ и проч.

«ЖУРНАЛЪ РОМАНОВЪ и ПОВѢСТЕЙ» выходитъ ежемѣсячно, книжками отъ 12 до 15 листовъ каждая, всего 12 книжекъ въ годъ. Въ немъ помѣщаются исключительно романы и повѣсти, какъ русскіе. такъ и переводные.

Въ вышедшихъ книжкахъ „Журнала Романовъ и Повѣстей“ напечатаны слѣдующія произведенія: «НЕЧАЯННО», повѣсть въ двухъ частяхъ **Я. П. Полонскаго**; «ПОДЪ ГРОЗОЙ», повѣсть (изъ временъ прошедшей войны). «ЧЕЛОВѢКЪ БО ЕСМЬ», историческій романъ **Георга Эберса**. «АРІАДНА», повѣсть **Уиды**. «ДОРОГОЙ ЦѢНОЙ». романъ **Вернера**. „НИЗИНА“, романъ **Фр. Шпильгагена**. «ДОЧЬ ЕЯ ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВА», повѣсть **Поля Гейзе**. «ТАНКРЕДЪ», романъ **лорда Биконсфильда**. „ОТОМСТИЛА“, изъ разсказовъ **Миссъ Кавенегъ**. «ПРОСВѢТИТЕЛЬ», (изъ дневника педагога). «ДВѢНАДЦАТЫЙ ГОДЪ», историческій романъ **Д. Л. Мордовцева**. „НЕ ДЛЯ ВСЯКАГО“, разсказъ **А. Н.** «НА ПОРОГѢ ЖИЗНИ» романъ **Ольги Шапиръ**. ВЪ ЦАРСТВѢ ЧЕРТОЧЕКЪ И ТОЧЕКЪ». изъ жизни русскихъ телеграфистовъ. «ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ СВѢТА», романъ **Этть Пирсъ**. «ОНА ПРИДЕТЪ», романъ изъ монастырской жизни. «СЕМЕЙНЫЙ РАЙ», быль **Л. Русинна**. «БЛУЖДАЮЩІЯ ЗВѢЗДЫ», повѣсть. «ЛѢСНАЯ И ВОДЯНАЯ УСЛАДА», разсказъ **Теодора Шторма** «ИСКУПЛЕНІЕ», романъ **Эмиля Золя**. ПРИКЛЮЧЕНІЯ КИТАЙЦА“, повѣсть **Жюля Верна**. «ПРОСТИ НА ВѢКЪ», романъ **Родье Броутонъ** „ДВА ДОМА“, романъ **Марлита**.

ПОДПИСКА НА 1880 ГОДЪ ОТКРЫТА
Подписка принимается: въ СПБ. въ редакціи «Недѣли», на углу Ивановской и Кабинетской, № 6—12.
Редакторъ-издатель **П. А. Гайдебуровъ**.

Сборникъ рѣшеній Правительствующаго Сената

по вопросамъ о привлеченіи къ отвѣтственности должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства за неправильныя дѣйствія по службѣ

и

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ СВОДЪ

ОПРЕДѢЛЕНІИ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА

по вопросамъ о производствѣ слѣдствій и преданіи суду должностныхъ лицъ всѣхъ административныхъ вѣдомствъ, а также учрежденій земскихъ и по крестьянскимъ дѣламъ за 1868—1877 годы.

Сост. Н. Рычковъ, товарищъ оберъ-прокурора 1-го департамента Правительствующаго Сената.

ИЗДАНІЯ РАЗРѢШЕНЫ МИНИСТЕРСТВОМЪ ЮСТИЦІИ.

Цѣна 2 рубля. № 403 2 1

Обращающіеся непосредственно къ составителю (С.-Петербургъ, Надеждинская улица, д. № 34, Николаю Дмитріевичу Рычкову) за пересылку не платитъ.

„РУССКАЯ РѢЧЬ“

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ И НАУКИ

въ будущемъ 1880 году будетъ издаваться въ С.-Петербургѣ безъ предварительной цензуры, ежемѣсячно, книжками отъ 20 до 30 листовъ по той-же программѣ и при участіи тѣхъ же постоянныхъ сотрудниковъ: **Н. А. Вроцкаго, профессора А. Д. Градовскаго, Евгенія Маркова, Л. К. Попова.** и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДЪ:

Безъ доставки	15 р
Съ доставкой	16 „
Съ пересылкой	17 „
За границу: въ Европу, Сѣв. Америку и Египетъ	18 „

Въ прочія мѣста по соглашенію съ Редакціей.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА ПЛАТЫ ПО ТРЕТЯМЪ:

	При подпискѣ.	Къ 1 Мая.	Къ 1 Сент.
Безъ достав.	7 р.	5 р.	4 р
Съ доставк.	8 »	5 »	4 р.
Съ перес.	9 »	5 »	4 »

Редакція.— Прачешный пер. № 5. Главная контора.—Максимиліановскій пер., № 14. № 383

О ПОДПИСКѢ НА 1880 ГОДЪ.

БУДИЛЬНИКЪ

сатирическій журналъ съ каррикатурами.

будетъ выходить въ 1880 году (XVI-й годъ изданія), на прежнихъ основаніяхъ, **еженедѣльно** (50 нумеровъ въ годъ), тетрадями въ 4 ю долю листа большаго формата. **ПРОГРАММА** политическая жизнь иностранныхъ государствъ, въ юмористическихъ очеркахъ, фельетонахъ, стихотвореніяхъ и каррикатурахъ; очередные вопросы и выдающіяся событія русской общественой жизни: столичная хроника, вѣсти и правоописательныя корреспонденціи изъ провинціи; литературная лѣтопись: журнальные и газетные курьозы, обзоръ новыхъ книгъ, статьи палемическія; художественная хроника; музыка и театръ; беллетристика: повѣсти, разсказы, стихотворенія, бытовые очерки и картинки, драматическія сцены; смѣсь («звонки»): памфлеты, пародіи, шаржи, анекдоты, каламбуры и проч.; каррикатуры (гг. Лебедева, Виноградова, Малышева, Кланга, Любовникова, Чичагова, Богданова, Залѣсскаго и друг.); рекламы и объявленія, среди которыхъ постоянно печатаются мелкія каррикатуры, стихотворенія, анекдоты и т. п. ☛ Годовое изданіе состоитъ изъ двухъ томовъ, содержащихъ въ себѣ до 1,000 столбцовъ текста, 100 хромолитографій и болѣе 100 стр. мелкихъ рисунковъ и каррикатуръ ☛ **Безплатныя художественныя преміи:** 12 большихъ, роскошно исполненныхъ рисунковъ В. Е. Маковскаго. Н. Е. Рачкова, С. И. Грибкова, Н. Е. Коренева, М. А. Виноградова, И. И. Кланга, К. Н. Чичагова, Сиг. Залѣсскаго и друг. Преміи эти будутъ разсылаться гг. подписчикамъ **ежемѣсячно**, черезъ каждые три нумера. ☛ Альманахъ «Будильника» на 1880 г. выйдетъ въ свѣтъ въ декабрѣ текущаго 1879 года; въ немъ помѣщенъ будетъ, между прочимъ, ребусъ, за разгадку котораго 1-го марта 1880 г. редакція «Будильника» платитъ **300 рублей. Цѣна** «Альманаха» въ отдѣльной продажѣ 1 р., съ перес. 1 р. 20 коп.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА „БУДИЛЬНИКЪ“:

	На годъ.	На полгода.
Съ перес. и „Альманахомъ“	8 р. — к.	5 р. — к.
“ “ безъ „Альманаха“	7 „ 50 „	4 „ 50 „
Въ Москвѣ, съ дост. и „Альманахомъ“	7 „ 50 „	4 „ 50 „
„ „ „ „ безъ „Альманаха“	7 „ — „	4 „ — „
„ „ безъ доставки	6 „ — „	3 „ 50 „

☛ На иные сроки подписка не принимается; деньги высылаются на имя издательницы, Л. Н. Уткиной (Москва, Леонтьевскій пер., домъ Мичинера); контора покорнѣйше проситъ заявлять требованія **заблаговременно.** № 400. 4—1

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬБОМЪ.

роскошно изданный съ текстомъ.

№ 383 Рисунки **ЛЕБЕДЕВА.**

11 большихъ рисунковъ и портретъ поэта.

Цѣна 2 рубля: перес. за 2 ф. Съ требованіемъ обращаться въ **картографическое заведеніе г. Ильина въ С.-Петербургѣ.**

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1880 ГОДУ

СОБРАНІЯ

ИНОСТРАННЫХЪ

РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ И РАЗСКАЗОВЪ

ВЪ ПЕРЕВОДѢ НА РУССКІЙ ЯЗЫКЪ.

Въ продолженіи двадцати-четырех.лѣтняго существованія этаго журнала, Редакція поставила себѣ задачей, кромѣ авторовъ, уже извѣстныхъ нашей публикѣ, постоянно знакомить своихъ читателей съ наиболѣе интересными произведеніями писателей, еще неизвѣстныхъ у насъ, но заслуживающихъ вниманія. Имѣя въ рукахъ огромный выборъ иностранныхъ періодическихъ изданій и книгъ, преимущественно англійскихъ и французскихъ, Редакція выбираетъ изъ нихъ самое лучшее, интересное и талантливое въ той увѣренности, что титатели съ бо́льшимъ удовольствіемъ встрѣтятъ въ „Собраніи“ произведеніе автора, хотя еще не достигшаго извѣстности, но интересное, и которое они могутъ найти только въ одномъ „Собраніи“ чѣмъ романъ автора съ громкимъ именемъ, печатающійся одновременно въ нѣсколькихъ журналахъ. Къ печати приготовлены слѣдующіе романы:

СЛѢДЫ НА СНѢГУ, уголовный романъ *Доры Россель.* НАМѢРЕНІЯ МИСТЕРА СТЮАРТА, *Ф. Робинсона*, автора ДВОЮРОДНОЙ ПЛЕМЯННИЦЫ ГВАРАНІСЪ, *Густава Эмара.* ДѢТИ ГЕРЦОГА, *Энтони Троллопа.* ЧТО ВЪ ИМЕНИ ТЕБѢ МОЕМЪ? Какія еще романы будутъ помѣщены въ теченіи 1880 года, читатели увидятъ въ объявленіяхъ, печатаемыхъ въ газетахъ.

Годовое изданіе „Собранія романовъ“ состоитъ изъ двѣнадцати книгъ большаго формата, въ которыхъ помѣщается отъ десяти до двѣнадцати романовъ, и столько повѣстей и разсказовъ, сколько позволитъ объемъ книжекъ, составляющихъ въ годъ около *трехсотъ* печатныхъ листовъ, или около *пяти тысячъ* страницъ. Цѣна за всѣ 12-ть книгъ, выходящихъ всегда въ началѣ мѣсяца—*десять рублей пятьдесятъ копѣекъ*, Съ доставкою въ С.-Петербургѣ—*одиннадцать*, для иногородныхъ подписчиковъ—*двѣнадцать рублей.* Подписка принимается *исключительно* на имя издательницы, Елисаветы Николаевны Ахматовой, въ домѣ Жербина, на Михайловской Площади, въ С.-Петербургѣ. № 382 2—1

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА

С.-ПЕТЕРБУРГСКІЯ ВѢДОМОСТИ 1880 ГОДА:

„С.-Петербургскія Вѣдомости“ въ 1880 году будутъ выходить, какъ выходятъ и нынѣ. ежедневно, листами большаго формата подъ прежнею редакціей.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:	На годъ	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м
Безъ доставки	14 р. 50 к.	13 р. 75 к.	13 р. — к.	12 р. — к.	10 р 50 к.	9 р. 50 к.	8 р. 50 к.	7 р. — к.	5 р. 50 к.	4 р. 50 к.	2 р. 80 к.	1 р. 50 к.
Съ дост. по гор. почтѣ	16 » — »	15 » — »	14 » — »	13 » — »	11 » 50 »	10 » 50 »	9 » 50 »	8 » — »	6 » 50 »	4 » 80 »	3 » 30 »	1 » 80 »
Съ пересылкою иногор.	17 » — »	16 » — »	15 » — »	14 » — »	13 » — »	12 » — »	10 » — »	9 » — »	7 » — »	5 » 50 »	4 » — »	2 » 30 »
Съ пересылкою за границу	24 » — »	22 » — »	20 » — »	18 » — »	16 » — »	14 » — »	13 » — »	12 » — »	10 » — »	7 » — »	5 » — »	3 » — »

Съ казенными прибавленіями въ годъ 19 р. 50 к., съ пересылкою и доставкою 18 р 50 к.

Подписываться можно на всѣ сроки не иначе, какъ съ 1-го числа каждаго мѣсяца, съ доставкою по городской почтѣ въ Петербургѣ и пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи, и безъ доставки, съ полученіемъ нумеровъ въ конторѣ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ С. Петербургѣ—въ конторахъ газеты: 1) на углу Невскаго и Литейной, д. № 59—62, и 2) на Владимірской ул., д. № 14.

Допускается разсрочка платежа подписныхъ денегъ для служащихъ—по третямъ, черезъ ихъ казначеевъ; неслужащіе же могутъ обращаться со своими заявленіями въ Петербургѣ—въ главную контору редакціи.

Подписчики, которымъ допускается разсрочка въ платежѣ за годовой экземпляръ съ пересылкою, доставляютъ деньги въ слѣдующіе сроки: при самой подпискѣ 7 р., въ концѣ марта 7 р. и въ началѣ августа 3 р., съ доставкой въ Петербургѣ—уплачиваютъ конторѣ при самой подпискѣ 5 р. 50 к., въ концѣ марта 5 р. 50 к. и въ концѣ іюля 5 р.

Главная контора проситъ гг. иногороднихъ подписчиковъ обозначать тѣ ближайшія станціи, гдѣ есть почтовыя учрежденія. въ противномъ случаѣ С.-Петербургскій почтамтъ за правильную доставку газеты не отвѣчаетъ.

№ 352 2—2

При этомъ № прилагаются для гг. иногородн. подписчик.: 1) прейсъ-курантъ отъ чайнаго магазина К. Е. Кисилева въ Москвѣ. 2) Объявленіе отъ книжнаго магазина И. Л. Тузова въ СПБ. 3) Объявленіе отъ редакціи журнала „Библіотека для чтенія". 4) Отъ редакціи газеты „Новости" (послѣднее за исключеніемъ Московскихъ подписчиковъ.

Дозволено цензурою СПБ. 23 Ноября 1879 г. Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБургѣ. Тип. [illegible] № 10.

X годъ | № 49 | 1879 | X годъ

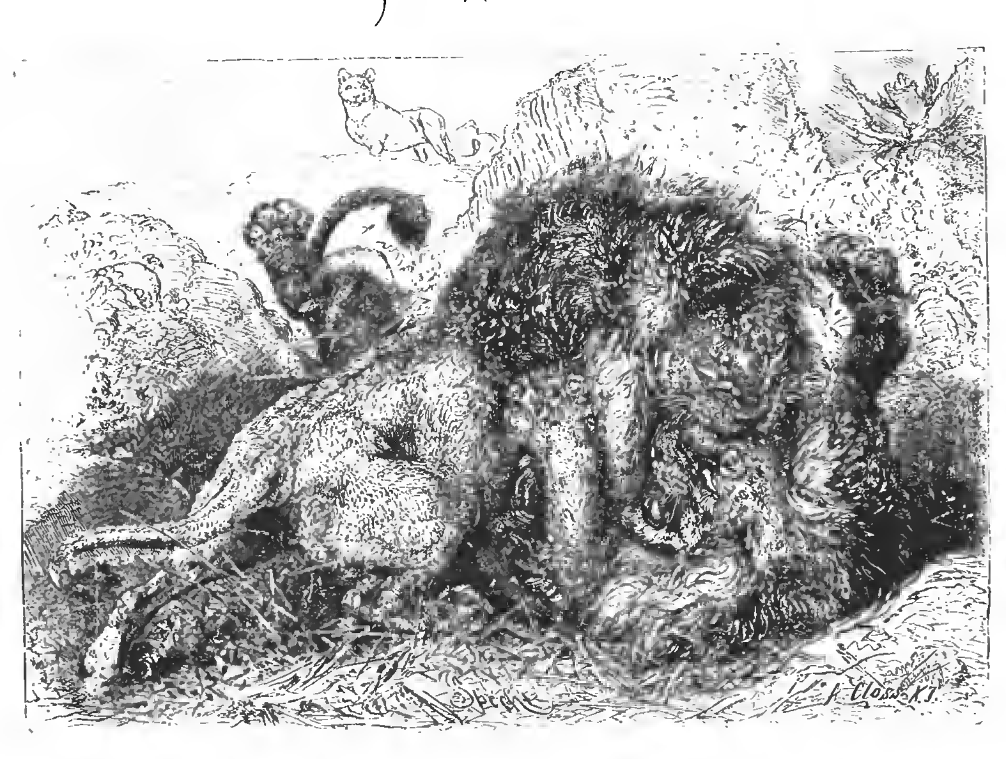
ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ «ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ» (отъ 20 до 40 моди. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40).

Выданъ 3 Декабря 1879 г. Цѣна этаго № „Нивы“ 20 к. съ перес. 25 к.

При этомъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за ДЕКАБРЬ съ 24 рисунками и отдѣльный листъ съ 25 чертеж. выкроекъ въ натуральн. величину и съ 24 рисунками рукодѣльныхъ работъ.

Поединокъ

Помѣщенный здѣсь, прекрасный рис. Шпехта изображаетъ борьбу двухъ благородныхъ животныхъ, львовъ, которыхъ преимущественно передъ всѣми другими животными, можно назвать „рыцарственными“ звѣрьми. У насъ не разъ было помѣщено изображеніе великолѣпнаго царя звѣрей (см. напр. „Нива“ №№ 44 и 2, годъ 1875) и сообщались подробности объ немъ, такъ что теперь мы только будемъ говорить объ томъ, что касается настоящаго—предмета. Какъ велика сила льва можно



Поединокъ. Оригин. рис. Ф. Шпехта, грав. А. Клосъ.

судить потому, что ему ничего, напримѣръ, перескочить высокую ограду, таща цѣлаго быка. Вообще левъ ведетъ жизнь одинокую—лѣсъ и степь даютъ ему довольно поживы.

Всѣ естествоиспытатели признаютъ въ характерѣ льва черты благородства. Уже одно то, что левъ живетъ съ своей львицей постоянно, какъ бы въ бракѣ, ставитъ уже его неизмѣримо выше другихъ животныхъ. Левъ очень преданъ семьѣ, любитъ ее и защищаетъ и когда львица кормитъ дѣтенышей онъ пи

на шагъ не отходитъ отъ логовища и чутко прислушивается день и ночь нѣтъ ли гдѣ опасности.

Нападая, левъ обыкновенно кидается прямо съ головы, могучимъ, граціознымъ и смѣлымъ прыжкомъ, однимъ ударомъ сваливаетъ даже большое животное, мгновенно своими ужасными челюстями раздробляетъ ему шейные позвонки, ложится на добычу и устремляетъ на нее грозные, неподвижные глаза, слѣдя за каждымъ движеніемъ своей жертвы и все глубже при каждой ея судорогѣ впиваясь зубами въ мясо и кости. Сопротивленіе такой ужасной силѣ и ловкости немыслимо. Можно же себѣ представить зрѣлище схватки такихъ двухъ чудовищъ. Арабы, знакомые съ жизнью царя пустыни, разсказываютъ, что между львами бываютъ ужасныя кровавыя схватки изъ-за львицы, которая стоя вдали (какъ изображено и на рисункѣ Шпехта) наблюдаетъ за ходомъ турнира. Зрѣлище такого поединка, по разсказамъ очевидцевъ, грозное и величественное. Воинственные сыны степей съ восторгомъ повѣствуютъ о такихъ схваткахъ, если кому нибудь изъ нихъ случайно доводилось ихъ видѣть. Клочья шерсти съ кровью летятъ на песокъ, могучій, бѣшеный ревъ потрясаетъ воздухъ, далеко разносясь по пустынѣ.

На далекомъ востокѣ.

Разсказы А. Максимова.

II.

Піонеры.

I.

Угрюмы и пустынны берега Татарскаго пролива; куда ни взглянешь—высятся къ небу песчанниковыя скалы, прикрытыя мохнатой, вѣчно зеленѣющей, шапкой сосенъ, кедровъ и елей. Высокій, неизслѣдованный еще, хребетъ Сихотъ-Алинъ тянется съ юга на сѣверъ, отдѣляя отъ прибрежья злосчастную долину рѣки Уссури; мрачно смотритъ хребетъ своими неизвѣданными, глубокими лощинами, своими таинственными, темными пропастями, падями и щетинистыми вершинами...

Вѣчный, неумолчный бурунъ бьетъ у этихъ грустныхъ, непривлекательныхъ береговъ, оттѣняя ихъ бѣлой, блестящей пѣной; тысячи разнородныхъ морскихъ птицъ, не пуганныхъ еще громомъ ружейнаго выстрѣла, таятся на этихъ дикихъ скалахъ, оглашая воздухъ разнообразными, рѣзкими криками. На плоскихъ прибрежныхъ камняхъ лѣниво грѣются на лѣтнемъ, тепломъ солнцѣ десятки тюленей и моржей, зорко охраняемые выставленными часовыми; часовые не дремлютъ и при первомъ подозрительномъ движеніи или шумѣ извѣщаютъ своихъ товарищей объ угрожающей имъ опасности; разомъ просыпается стадо и кубаремъ скатывается съ камней въ море... Рѣдко, рѣдко пройдетъ въ виду этого неизвѣданнаго берега какое нибудь судно и нарушитъ на короткое время своимъ движеніемъ общее спокойствіе.

Полдень; жаркое іюльское солнце стоитъ въ небѣ раскаленнымъ шаромъ; въ воздухѣ душно, не смотря на легкій, морской вѣтерокъ; коробится листъ, грустно приникаетъ къ землѣ трава и склоняютъ цвѣты свои граціозныя головки подъ жгучими лучами; птица и звѣрь попрятались въ прохладныя, густо заросшія, лощины, въ таинственныя, недоступныя для человѣка убѣжища, подъ вѣчную тѣнь неизвѣданной, непроходимой тайги... Природа погружена въ тяжелый, полуденный сонъ...

На крутомъ, возвышенномъ мысу, въ тѣни кудрявой, дубовой рощи, мирно притаились двѣ небольшія, ветхія палатки, едва колышется надъ одной изъ нихъ порванный, грязный флагъ, прибитый къ необтесанному, сучковатому шесту. Полы этой палатки раскрыты; въ одномъ углу, на постланной кошмѣ, раскинулся человѣкъ среднихъ лѣтъ весьма симпатичной наружности; открытое, загорѣлое, давно уже небритое, лицо его дышетъ энергіей и отвагой; небольшіе, русые усы придаютъ ему воинственный, бравый видъ; высокій, выпуклый лобъ обрамленъ густыми, зачесанными назадъ, волосами...

Передъ нами одинъ изъ піонеровъ нашего дальняго востока — классный топографъ Ниловъ, передъ нами одинъ изъ неизвѣстныхъ, упорныхъ тружениковъ, постепенно освѣщающихъ своими работами и изслѣдованіями самые таинственные, сокровенные, уголки нашего обширнаго отечества; передъ нами одинъ изъ „подчиненныхъ,“ пробирающихся, по указанію „начальствующихъ“ въ дикія, глухія, ненаселенныя мѣста.

Прошло уже больше мѣсяца, какъ Ниловъ былъ высаженъ съ десятью солдатами сибирскаго батальона на непривѣтливый, дикій берегъ и предоставленъ своимъ слабымъ, плохо разсчитаннымъ силамъ. Выброшенный съ трехъ-мѣсячнымъ запасомъ сухарей и солонины, безъ всякихъ средствъ передвиженія по глухой, непроходимой тайгѣ, онъ находился въ положеніи безвыходномъ. Для него предстояла трудная, нечеловѣческая задача: съ людьми, незнакомыми съ самыми элементарными пріемами топографическихъ работъ, онъ долженъ былъ въ трехъ-мѣсячный срокъ произвести инструментальную съемку береговой полосы на протяженіи ста слишкомъ верстъ, долженъ былъ изслѣдовать мѣстность въ топографическомъ, геологическомъ и метеорологическомъ отношеніяхъ, собрать коллекціи растеній, насѣкомыхъ и морскихъ животныхъ, добыть экземпляры неизвѣстныхъ еще натуралистамъ красныхъ волковъ, полную коллекцію пластовыхъ породъ и т. д. и т. д. безъ конца.

Обстоятельно составленная въ кабинетѣ программа изслѣдованій и работъ была переполнена такой массой научныхъ вопросовъ, надъ разрѣшеніемъ которыхъ даже хорошо снаряженной, ученой экспедиціи пришлось бы работать не менѣе года. Между тѣмъ, по высшимъ соображеніямъ всю эту гигантскую работу обязанъ былъ выполнить одинъ человѣкъ, снабженный плохими, только крайне необходимыми инструментами, и при помощи десятка негодяевъ и лѣнтяевъ, откомандированныхъ батальономъ, чтобы сбыть никуда негодный, въ конецъ испорченный элементъ...

Истекшіе полтора мѣсяца были для Нилова однимъ нескончаемымъ рядомъ лишеній и страданій, какъ нравственныхъ, такъ и физическихъ.... Съ перваго-же дня работы онъ началъ хлопотать о перевозочныхъ средствахъ; съ большимъ трудомъ удалось ему наконецъ добыть отъ встрѣчныхъ гиляковъ неуклюжую, валкую лодку, выдолбленную изъ большаго, толстаго дуба. Сложилъ онъ на дѣвственную эту ладью инструменты и провизію, далъ своей неумѣлой командѣ въ руки весла и поѣхалъ вдоль неизвѣстнаго, опаснаго берега. Все шло благополучно, пока не явилась надобность пристать къ берегу; незнакомый съ условіями приставанія, при бурунахъ, Ниловъ съ перваго же раза едва не отправился ко дну со всей командой, инструментами и провизіей. Благодаря только счастливой случайности, все ограничилось страхомъ и подмочкой провизіи.

Маленькое крушеніе это не осталось однако безъ дальнѣйшихъ послѣдствій: смоченная морской водой крупа оказалась негодною къ употребленію, сухари начали плѣсневѣть и гнить, солонина портиться. Достать свѣжей провизіи неоткуда: самыя близкія гиляцкія и тунгузскія юрты находились въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ, а высадившее топографическую партію судно ожидалось не ранѣе трехъ мѣсяцевъ.

Такимъ образомъ, чуть-ли не съ перваго-же дня пришлось партіи питаться тухлой солониной и затхлыми, гнилыми сухарями. Между тѣмъ данныя инструкціи требовала немедленной работы, и... работа началась; трудно описать всѣ малѣйшія подробности полуторамѣсячныхъ похожденій голодающей по непроходимымъ тай-

гамъ партіи. Съ каждымъ шагомъ приходилось прорубать дорогу топоромъ, приходилось бороться съ массой всевозможныхъ, тяжелыхъ лишеній, передъ которыми затмѣваются фантастическія лишенія всевозможныхъ изслѣдователей центральной Африки, совершающихъ свои комфортабельныя путешествія при громадныхъ матерьяльныхъ средствахъ... Послѣ неизъяснимыхъ мытарствъ и страданій, Ниловъ добрался наконецъ до той дубовой рощи, въ которой мы застали его отдыхающимъ послѣ тяжелой, утренней работы...

* * *

Солнце едва начало склоняться, когда проснулся Ниловъ, быстро вскочилъ на ноги въ длинныхъ сапогахъ со сбитыми каблуками и драными подошвами. Сапоги эти давно уже отказывались служить бравому топографу, но, за неимѣніемъ другихъ, отставки не получали и продолжали хлябать на изнывшихъ ногахъ; морская вода и грязь, острые камни и ежедневныя, почти тридцативерстныя, прогулки по скаламъ, хребтамъ, оврагамъ и долинамъ превратили ихъ въ какіе-то закорузлые чоботы; сапоги эти пропускали воду, жидкую грязь и песокъ, даже кусочки дерева и камня. Ниловъ не унывалъ и считалъ себя счастливымъ, что у него есть еще на ногахъ подобіе сапогъ, которые все таки нѣсколько предохраняли его ноги отъ раненій и ушибовъ. Расположеніе духа его впрочемъ постоянно омрачалось видомъ оборванной, необутой команды... Дѣйствительно, она была обмундирована съ такимъ безстыдствомъ, съ какимъ не рѣшались даже обмундировывать подонки турецкой иррегулярной арміи разные бимъ-баши, въ самые критическіе, финансовые моменты Порты; одѣяніе нѣкоторыхъ піонеровъ состояло только изъ рваной ситцевой рубахи и холщевыхъ брюкъ; головы большинства, за неимѣніемъ фуражекъ или шапокъ, были повязаны грязными тряпицами... Всѣ безъ исключенія страдали полнымъ отсутствіемъ обуви.

Ниловъ вышелъ изъ палатки.

— Корневъ, крикнулъ онъ, буди команду на работу!.. Пора!..

Нехотя, лѣниво поднялся съ своего послѣобѣденнаго ложа сутуловатый, неказистый солдатъ и сталъ расталкивать спящихъ товарищей.

— Вставай, приговаривалъ онъ каждому, полно-те дрыхать-то...

Лѣниво почесываясь, громогласно зѣвая и причитывая, стали подниматься оборванные піонеры.

— Видно не спится, проворчалъ одинъ изъ нихъ, вишь въ какую рань поднялъ... Чтобъ ему пусто было!..

— Эй, неразговаривай, Поздѣевъ, проговорилъ внушительно Корневъ, неровенъ часъ—услышитъ...

— Наплевать мнѣ!..

Поздѣевъ считался наиболѣе испорченною личностью въ партіи. Наружность его производила отталкивающее, непріятное впечатлѣніе: узкій лобъ, обрамленный густой шапкой жесткихъ, торчащихъ волосъ, вѣчно бѣгающіе, глядящіе изъ подлобья, косые, пронзительные глаза, острый, немного загнутый внизъ, носъ придавали его лицу какое-то своеобразное, хищническое выраженіе. Тонкія, злыя губы, обрамленныя торчащими щетинистыми усами, едва прикрывали грязные, рѣдкіе, зубы; небольшая, темная, всклокоченная борода скрывала большую часть его лица, обезображеннаго оспой и покрытаго красными пятнами. Постоянно недовольный, постоянно хмурый и сунившійся, Поздѣевъ отличался большою нелюбовью къ какой бы то ни было работѣ, хотя-бы самой легкой; глубоко развращенный еще въ средѣ своего семейства, поселеннаго въ Сибири за мошенническія продѣлки, онъ успѣлъ уже, въ теченіи короткаго пребыванія въ батальонѣ, пройти сквозь огонь, воду и мѣдныя трубы. Начальство его приходило въ тупикъ, какія принять мѣры для исправленія этаго нравственнаго урода; прежде всего пробовали-было кротостью и ласкою обратить его на истинный путь—ничуть не помогло; пробовали бить, сѣчь—еще хуже; отправили наконецъ въ арестантскія роты—еще хуже.... Окончилъ Поздѣевъ свою арестантскую службу и вернулся въ батальонъ такимъ образцовымъ негодяемъ, что начальство поджидало только случая, чтобы хоть на время избавить батальонъ отъ этой заразы. Случай подвертывался не разъ, подвернулся и въ послѣднее лѣто: понадобились люди для топографическихъ работъ, и Поздѣевъ попалъ „въ командировку“ въ числѣ первыхъ.

Поздѣевъ любилъ выпить, и пилъ безъ мѣры, безъ счету; ради возможности пропустить бутылку водки, онъ не останавливался ни передъ чѣмъ; промѣнять на водку казенное обмундированіе—считалось у него обыденнымъ дѣломъ, за которое былъ онъ сѣченъ безъ мѣры. Собственности онъ не признавалъ; все, что лежало плохо, Поздѣевъ считалъ своей законной добычей, которую и песъ при первомъ случаѣ въ ближайшій кабакъ... Изъ боязни, чтобы Поздѣевъ не пропилъ даннаго ему обмундированія, начальство отправило его въ „командировку“ въ собственныхъ рубищахъ, выдавъ ему только одну пару казенныхъ, гнилыхъ бродней. Получивъ подобную обувь, Поздѣевъ пришелъ къ заключенію, что гнилые бродни хватятъ ненадолго: все равно, рано или поздно, придется ходить босикомъ; а потому и рѣшилъ ходить безъ обуви съ перваго же дня: наканунѣ отправленія въ „командировку“ онъ успѣлъ промѣнять свои бродни на полъ-бутылки водки... Все, что было въ настоящую минуту на Поздѣевѣ, принадлежало не ему: мѣховую, лисью шапку онъ стащилъ у какаго то китайца, а полотняные брюки и ситцевую рубаху взялъ самовольно „на память“ у своего, оставшагося въ батальонѣ, товарища, такого-же впрочемъ негодяя и пьяницы...

* * *

Медленно, лѣниво собиралась команда на тяжелую работу; наконецъ палатки были свернуты и сложены на плоскодонную ладью, выдолбленную изъ цѣльнаго, тяжелаго дуба.

— Поздѣевъ и Барминъ останутся при лодкѣ, распорядился Ниловъ, а остальные пойдутъ со мной... Ты, Поздѣевъ, обратился онъ къ нашему знакомцу, пользуйся хорошей, тихой погодой и вмѣстѣ съ Барминымъ пробирайся вдоль берега дальше: ночевать будемъ въ пяти верстахъ отсюда“...

— Слушаю, проворчалъ Поздѣевъ и хмуро направился къ порученной ему лодкѣ.

Ниловъ захватилъ съ собой необходимые инструменты и зашагалъ дальше, постепенно нанося на планшетъ всѣ требуемыя детали береговой полосы... До солнечнаго заката ходилъ онъ отъ одного примѣтнаго мѣста къ другому, исходилъ много верстъ, измучился и сталъ подумывать объ отдыхѣ, чаѣ и сухаряхъ.

— А что братцы, не видали-ли: приходила наша лодка или нѣтъ? обратился Ниловъ къ своимъ уставшимъ помощникамъ.

— Никакъ нѣтъ, не приходила...

— Странно; Корневъ, ступай, братецъ, вдоль берега и узнай, отчего до сихъ поръ Поздѣевъ не прибылъ, распорядился Ниловъ, котораго начало уже волновать понятное безпокойство.

Уставшій Корневъ отправился къ старой стоянкѣ, до которой было не болѣе пяти верстъ. Ниловъ расположился съ командой на мягкой лужайкѣ, развелъ отъ нечего дѣлать костеръ и сталъ поджидать лодку со всѣмъ имуществомъ, инструментами, предъидущими работами и провизіей. Проходитъ часъ—ни лодки, ни Корнева; проходитъ другой и Нилова начинаетъ пронимать сильное нетерпѣніе; ему вдругъ представилась возможность погибели лодки, и его покоробило отъ этой неясной мысли. Съ каждой минутой мысль эта дѣла-

Первая горечь жизни. Картина Ф. Флейшера, грав. Нейне.

Вечеръ въ деревнѣ. Ориг. рис. А. Кившенко, грав. А. Смирновъ.

лась все назойливѣе и назойливѣе, и наконецъ перешла въ положительную увѣренность; изрѣдка только являлась легкая надежда, легкое сомнѣніе, и опять какъ кошмаръ продолжала давить настойчивая, неотступная, тяжелая мысль. Десятки уже разъ посылалъ Ниловъ команду посмотрѣть: не идетъ ли лодка?.. Десятки разъ вскакивалъ онъ съ тою же цѣлью самъ, но все напрасно...

Но вотъ раздались въ чащѣ чьи-то тяжелые, усталые шаги...

— Корневъ идетъ, вскрикнула команда, встрепенувшись.

Ниловъ вскочилъ, какъ ужаленный, бросился къ посланному и отшатнулся: передъ нимъ стоялъ Корневъ, блѣдный какъ смерть, съ налившимися кровью глазами, весь трепещущій и задыхающійся...

— Что съ тобой, братецъ?! спросилъ испуганный Ниловъ.

— Усталъ... Шелъ шибко... едва проговорилъ Корневъ и повалился на траву.

— Гдѣ лодка?!. Гдѣ люди?!.

— Разбилась... утонули...

Всѣ поражены этимъ страшнымъ извѣстіемъ; для каждаго ясна вся безъисходность положенія безъ провизіи, среди глухой тайги, вдали отъ человѣческаго жилья...

Ниловъ выдержалъ себя съ необыкновеннымъ самообладаніемъ.

— Ожидайте меня здѣсь, обратился онъ хладнокровно къ испуганной, растерявшейся командѣ, я пойду самъ удостовѣриться въ справедливости донесенія...

Была уже глубокая ночь, когда оставилъ Ниловъ своихъ людей; быстро шагалъ онъ по едва замѣтной тропинкѣ, и съ каждымъ шагомъ сердце его сжималось все болѣзненнѣе и болѣзненнѣе. Холодный потъ выступалъ на его высокомъ лбу каждый разъ, какъ только начиналъ онъ перебирать въ головѣ всѣ тяжелыя, возможныя послѣдствія неожиданной, страшной потери всего наличнаго имущества и провизіи...

Уже востокъ окрасился первыми лучами восходящаго солнца, когда Ниловъ достигъ мѣста крушенія лодки; все окружающее свидѣтельствовало о недавно совершившейся, ужасной катастрофѣ... На песчаномъ, узкомъ прибрежьѣ разбросаны были въ безпорядкѣ, выброшенные бурунами, всѣ изломанные разбитые ящики изъ-подъ инструментовъ, клочья палатки и наконецъ печальные остатки нищенскаго имущества солдатъ... Внимательно-грустно, съ тяжелымъ чувствомъ осматривалъ Ниловъ слѣды невознаградимаго крушенія, точно ища среди обломковъ тѣла дорогихъ, любимыхъ существъ; долго ходилъ онъ по узкому побережью тихо рокочущаго моря, точно требуя отъ него отвѣта на свой нѣмой, душевный вопросъ; страшная дума, какъ кошмаръ, назойливо давила все его разбитое существо... Не выдержалъ Ниловъ и зарыдалъ, глухо, судорожно, какъ только можетъ рыдать, подъ давленіемъ жестокихъ страданій, энергичный, сильный мужчина; невыносимо жалко стало ему своей полуторамѣсячной, страдальческой работы, своихъ собранныхъ съ неимовѣрнымъ трудомъ коллекцій. Объ остальномъ онъ не думалъ; все остальное казалось ему недостойнымъ его тяжелыхъ сожалѣній; онъ готовъ былъ бы пожертвовать всѣмъ своимъ имуществомъ, нѣсколькими годами своей жизни, чтобы только имѣть опять въ своихъ рукахъ то, что онъ создалъ, что онъ добылъ съ такими лишеніями, невзгодами, трудами... Его планшеты, планы, журналы и замѣтки, его насѣкомыя, минералы и растенія облеклись вдругъ въ его глазахъ въ форму одушевленныхъ, дорогихъ существъ, потеря которыхъ казалась ему такой же ужасною, какъ потеря любимаго, обожаемаго ребенка. Съ особенною отчетливостью ему вдругъ стали вспоминаться мельчайшія детали его работъ, разнообразныя цвѣта и формы каждой отдѣльной бабочки и насѣкомаго, каждаго отдѣльнаго цвѣтка и растенія...

Рыданія облегчили несчастнаго и уже съ болѣе спокойнымъ сердцемъ возвратился онъ къ своей, нетерпѣливо ожидавшей его командѣ...

На возвратномъ пути онъ успѣлъ довольно обстоятельно обдумать свое трудное положеніе; онъ зналъ, что въ сорока верстахъ къ сѣверу находится большое тунгузское селеніе и потому рѣшилъ спѣшить со своей командой къ этому единственному мѣсту спасенія. Ниловъ вполнѣ сознавалъ, что на этотъ переходъ сквозь непроходимую тайгу надо будетъ употребить не менѣе трехъ сутокъ, онъ сознавалъ, что надо обречь и себя, и команду на трехсуточную голодовку; но другаго исхода не предвидѣлось, и надо было покориться всѣмъ послѣдствіямъ предстоящаго, тяжелаго путешествія...

Одно непредвидѣнное обстоятельство особенно сильно обезпокоило Нилова—это внезапная болѣзнь Корнева; по возвращеніи къ партіи, онъ засталъ послѣдняго безъ памяти, въ сильномъ жару и бреду; судя по признакамъ, Корневъ былъ въ тифѣ... Такимъ образомъ предстоявшее тяжелое путешествіе значительно усложнялось: предстояло нести Корнева на рукахъ!..

Около полудня двинулось въ путь печальное шествіе: четыре піонера несли Корнева въ наскоро сбитыхъ изъ жердей носилкахъ; трое остальныхъ шли позади, готовые каждую минуту смѣнить своихъ уставшихъ товарищей; Ниловъ открывалъ шествіе съ топоромъ въ рукахъ и расчищалъ дорогу... Трудно описать все, что вытерпѣли наши піонеры въ теченіи слишкомъ четырехсуточнаго путешествія по неизвѣданнымъ, глухимъ, трущобнымъ мѣстамъ; питаясь ягодами и сырыми грибами, они едва, едва доплелись до тунгузскаго селенія, въ конецъ измученные, изможденные невыносимо тяжелыми переходами; это были живые мертвецы съ изодранными, окровавленными ногами, руками и лицами, мертвецы, едва прикрытые клочьями грязныхъ рубищъ...

Корневъ всю дорогу метался, бредилъ и находился въ полномъ безпамятствѣ; страшно осунувшееся лицо его глядѣло безжизненно и безпомощно; четверо сутокъ не принималъ онъ никакой пищи и близокъ былъ къ смерти отъ голода...

Съ большимъ трудомъ досталъ Ниловъ въ селеніи курицу, сварилъ бульонъ и сталъ кормить имъ насильно изможденнаго страдальца... Черезъ двое сутокъ Корнева не стало; сколотили ему товарищи убогій, неотесанный гробъ, прочитали молитву и схоронили его въ рубищахъ на далекой, дикой чужбинѣ...

II.

Товарищъ Поздѣева, Барминъ былъ совершенно другаго закала, хотя въ глазахъ ближайшаго начальства считался почти такимъ же неисправимымъ негодяемъ. Наружность его дышала добродушіемъ; глядя на его толстое, лоснящееся, вѣчно улыбающееся, глуповатое лицо, на его телячьи, безъ всякаго выраженія глаза, никто бы никогда не подумалъ, что этотъ добродушно-глупый на видъ человѣкъ былъ бы способенъ на какое нибудь серьезное, дерзкое преступленіе... Прибывъ въ батальонъ, Барминъ считался въ первое время дѣльнымъ, трезвымъ, нравственнымъ солдатомъ; исполнительный, аккуратный, услужливый, онъ пріобрѣлъ даже расположеніе ближайшаго начальника — фельдфебеля Кряжева, который и взялъ его подъ свое покровительство. Кряжевъ разгадалъ слабую, податливую натуру Бармина и незамедлилъ воспользоваться имъ для своихъ затаенныхъ цѣлей.

При первомъ выборѣ въ ротные артельщики, онъ съумѣлъ настроить роту такъ, что она выбрала на эту доходную должность подсунутаго ей Бармина. Ловко и систематически Кряжевъ началъ обворовывать роту, при

помощи покорнаго, слабохарактернаго артельщика. Барминъ, мошенничая и обворовывая товарищей, по указанію Кряжева, даже и не сознавалъ гнусности своихъ поступковъ; онъ твердо зналъ азбуку дисциплины, требующую безпрекословнаго исполненія приказаній начальства, а потому и слѣдовалъ указанію своего фельдфебеля тупо, безсмысленно, автоматически. Кряжевъ, пользуясь доходами съ роты, даже не считалъ нужнымъ дѣлиться со своимъ исполнительнымъ помощникомъ; рѣдко, рѣдко, бросалъ онъ ему мелкую подачку, и тотъ вполнѣ былъ доволенъ этимъ благосклоннымъ вниманіемъ своего начальника. Воровали они долго и воровали бы можетъ быть безъ конца, если бы вдругъ дѣло не приняло непріятный для Бармина оборотъ.

Команда давно уже стала замѣчать, что между фельдфебелемъ и артельщикомъ ведутся какія-то шашни, давно уже стала она замѣчать, что ее обворовываютъ съ самымъ безстыднымъ нахальствомъ, но боялась высказать явное неудовольствіе, такъ какъ полагала, что Кряжевъ воруетъ не безъ вѣдома ротнаго командира, получающаго свою долю съ нищенскихъ, солдатскихъ пайковъ...

Скрыть отъ солдатскаго глаза нельзя ничего; какъ бы тонко ни воровали, солдатъ не можетъ же во время не замѣтить этаго—замѣтитъ и молчитъ, потому что другаго исхода нѣтъ. Попробуй онъ хоть видомъ показать, что ему извѣстны эти продѣлки, попробуй онъ высказать свое неудовольствіе по поводу существующаго воровства, и арестантскихъ ротъ ему не миновать, хотя бы онъ считался до того времени лучшимъ солдатомъ цѣлаго батальона. Систематическія придирки и преслѣдованія ротнаго командира и фельдфебеля непремѣнно доведутъ его до арестантскаго омута, въ которомъ нерѣдко гибнутъ безвинные и честные люди.

Кряжевъ съ Барминымъ воровали, команда молчала и терпѣливо ждала только случая высказать свой протестъ противъ беззаконныхъ дѣйствій фельдфебеля. Случай наконецъ подвернулся: пріѣзжаетъ въ батальонъ инспекторъ и, послѣ обычныхъ угощеній, начинаетъ инспектировать. Обходитъ онъ роты и вездѣ задаетъ вопросы: „довольны-ли пищей, фельдфебелемъ, ротнымъ командиромъ? Получили-ли сполна обмундированіе? Не имѣете-ли какихъ-либо претензій?.. Вездѣ единогласное: „Довольны, ваше превосходительство“! „Получили все, ваше превосходительство“!... „Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство“!..

— Спасибо ребята, говоритъ генералъ уже съ довольной улыбкой.

— Рады стараться, ваше превосходительство! такъ же заученно кричатъ солдаты.

Идетъ инспекторъ въ роту Кряжева, проходитъ вдоль стройныхъ рядовъ.

— Гг. батальонный и ротный командиры, прошу удалиться: я буду опрашивать претензіи.

Начальствующія лица удалились вмѣстѣ съ Кряжевымъ.

— Довольны ли фельдфебелемъ?!

Рота молчитъ. Инспекторъ сталъ подергивать плечами... Изъ-за полуоткрытыхъ дверей грозно смотритъ на роту батальонный командиръ; на заднемъ планѣ притаилась блѣдная, съежившаяся фигура Кряжева...

— Довольны-ли фельдфебелемъ?

Рота вздрогнула и молчитъ.

— Недовольны! послышался вдругъ изъ заднихъ рядовъ, среди полной тишины, чей-то глухой, едва слышный голосъ.

Этотъ слабый протестъ возъимѣлъ на роту магическое дѣйствіе.

— Недовольны, ваше превосходительство, раздался глухой отвѣтъ.

Инспекторъ нѣсколько поблѣднѣлъ и уставился на протестующихъ солдатъ.

Батальонный командиръ отскочилъ отъ дверей, точно кто толкнулъ его и набросился на ротнаго.

— А... такъ вотъ какъ, капитанъ? говоритъ онъ, наступая, хорошо-съ, хорошо-съ. . я вамъ этаго не прощу-съ... Да-съ, этаго я не забуду-съ... Вы-съ ротный командиръ или нѣтъ?.. Отвѣчайте, васъ спрашиваю: вы ротный командиръ или нѣтъ?..

— Я-съ, пролепеталъ капитанъ, не зная, что отвѣтить.

— Знаю, что вы-съ, милостивый государь!.. Такъ почему же вы, капитанъ, не позаботились о томъ, чтобы рота отвѣчала инспектору какъ слѣдуетъ? Почему, почему?.. Я васъ спрашиваю, капитанъ, извольте отвѣчать!..

— Я старался, господинъ полковникъ... пролепеталъ растерявшійся капитанъ.

— Кто васъ просилъ, сударь, стараться?.. Вотъ до чего довело ваше стараніе, слышите?.. Лучше бы вы не старались, капитанъ, а исполняли бы, что вамъ приказываютъ...

— Кряжевъ, я тебя еще проберу за то, что не умѣлъ команду въ рукахъ держать, обратился батальонный къ блѣдному фельдфебелю. Я тебя!.. Нашивки спорю!

— Гг. батальонный и ротный командиры, пожалуйте сюда, раздался голосъ инспектора.

Оба отправились и вытянувшись въ струнку, какъ ни въ чемъ не бывало, приблизились къ инспектору.

— Въ вашей ротѣ, капитанъ, обратился генералъ къ ротному командиру, вышло какое-то недоразумѣніе: рота, видите-ли, недовольна фельдфебелемъ... Потрудитесь разобрать дѣло...

— Я васъ прошу о томъ же, обратился онъ къ батальонному. Затѣмъ я не нахожу нужнымъ опрашивать больше роту.

Инспекторъ уѣхалъ

Между тѣмъ послѣ его отъѣзда, батальонный съ ротнымъ начали разбирать „возникшее недоразумѣніе“... Прежде всего розыскали того, кто осмѣлился первый крикнуть: недовольны“ и засадили его на мѣсяцъ въ карцеръ. Затѣмъ распекли роту за то, что она позволила себѣ высказать неудовольствіе; а въ концѣ концовъ батальонный отдалъ артельщика Бармина подъ судъ за воровство и мошенничество, потому что Кряжевъ совмѣстно съ ротнымъ обстоятельно доказали, что рота была недовольна только потому, что артельщикъ нахально ее обворовывалъ.

Барминъ, получивъ отъ фельдфебеля десять рублей, а также увѣреніе, что судъ кончится ничѣмъ, такъ какъ за него хлопочетъ „самъ“ ротный, вполнѣ сознался въ мошенничествѣ и воровствѣ, ни словомъ не оговоривъ Кряжева.

Судъ приговорилъ Бармина въ арестантскія роты на полтора года; срѣзали съ его шинели передъ фронтомъ погоны и пуговицы, ошельмовали его и втиснули въ развращенную среду... Нуженъ былъ агнецъ отпущенія и онъ былъ найденъ въ лицѣ слабохарактернаго, безсловеснаго Бармина...

Восковая натура его поддалась въ арестантскихъ ротахъ развращающему вліянію всевозможныхъ преступниковъ и онъ возвратился въ батальонъ почти негодяемъ, хотя съ тѣмъ же добродушно глупымъ выраженіемъ лица. Не проходило мѣсяца, чтобы онъ не сотворилъ какого нибудь преступленія, болѣе или менѣе важнаго, но при всемъ томъ Бармина нельзя было назвать преступникомъ: онъ былъ только покорнымъ орудіемъ. Стоило только сказать ему: „поди и украдь то-то и такъ-то“, и онъ шелъ, кралъ и приносилъ украденное пославшему, съ которымъ и дѣлился за науку; и при дѣлежѣ его обыкновенно сильно обсчитывали и надували. Если бы эта слабохарактерная натура попала въ хрошую среду, то изъ нея выработался бы непремѣнно человѣкъ честный и добрый. Между тѣмъ начальство махнуло на Бармина рукой и не принимало ни-

какихъ мѣръ къ его исправленію, а только сѣкло безъ устали. Розги, иногда несправедливыя, только ожесточали Бармина и окончательно забивали въ немъ хорошіе задатки...

Барминъ, несмотря на окружающее почти повальное пьянство, никакъ не могъ научиться пить, хотя просвѣтителей на этомъ поприщѣ было не мало. Бывало предложатъ ему выпить—онъ выпьетъ по своей безхарактерности, но выпьетъ съ отвращеніемъ, чтобы только отдѣлаться отъ назойливыхъ подчивателей. Его натура не переносила спиртныхъ напитковъ; каждая чарка водки возбуждала у него нестерпимую тошноту; онъ не нуждался особенно въ деньгахъ или вещахъ; онъ совершалъ преступленія безсознательно, безъ всякихъ видовъ, соглашался на нихъ почти безпрекословно. По своей личной иниціативѣ Барминъ не укралъ куринаго яйца, а руководимый другими былъ способенъ на серьезное преступленіе. Это былъ человѣкъ, управлять которымъ могъ каждый по усмотрѣнію...

Послѣ многихъ мытарствъ въ батальонѣ, Барминъ попалъ наконецъ въ топографическую командировку; какъ нарочно, случай столкнулъ его съ Поздѣевымъ, который, съ перваго же момента, подобно Кряжеву, разгадалъ натуру своего товарища и въ короткое время забралъ его въ свои безчестныя руки. Поздѣевъ давно уже замышлялъ бѣжать изъ партіи, но до послѣдняго дня не находилъ удобнаго случая. Оставляя его хранителемъ лодки съ имуществомъ и давая ему въ помощники Бармина, Ниловъ никакъ не думалъ о возможности съ ихъ стороны какаго-либо преступленія.

Между тѣмъ по уходѣ партіи на работу, у Поздѣева тотчасъ же явилась мысль воспользоваться неожиданно сложившимися благопріятными обстоятельствами и выполнить давно задуманное бѣгство. Оставалось склонить на преступленіе Бармина, а въ этомъ онъ не видѣлъ особеннаго труда, такъ какъ зналъ податливость и безхарактерность товарища. Поздѣевъ объяснился съ нимъ прямо и рѣшительно, не теряя времени.

— Послушай, Барминъ, что я задумалъ, обратился онъ къ товарищу тотчасъ же по уходѣ партіи.

— А что такое? спросилъ тотъ безучастно.

— Мы остались одни, а съ нами, видишь ли, и все имущество... Давно задумалъ я бѣжать на китайскую границу, да все случай не подвертывался, а теперь подвернулся... Такъ вотъ что мы сдѣлаемъ: имущество то раздѣлимъ, дрянь повыбросаемъ въ воду, а сами спустимся до той рѣчки, съ которой начали работу... Лодку тамъ бросимъ и пойдемъ пѣшкомъ на Уссури...

— Ладно, согласился Барминъ, нисколько не удивляясь рѣшенію товарища, шататься здѣсь впроголодь ужь больно надоѣло.

— Чтобы не было за нами погони, устроимъ штуку, продолжалъ Поздѣевъ развивать свой планъ бѣгства, поломаемъ два весла, ящики и разбросаемъ все это по берегу вмѣстѣ съ разнымъ лохмотьемъ товарищей... Будутъ они насъ искать—придутъ сюды, увидятъ все и подумаютъ, что мы утопли вмѣстѣ съ лодкой; ну, искать то насъ и перестанутъ, а пойдутъ себѣ своей дорогой, голодать... А мы тѣмъ временемъ дальше, да дальше, смотришь и слѣдъ простылъ... Дивно или нѣтъ?..

— Дивно, право дивно! Ай, Поздѣевъ, молодецъ... Только вотъ что: не оставить ли товарищамъ кулька два сухарей: все таки товарищи, а то съ голоду сдохнутъ они въ глуши-то здѣшней...

— Дурень, ты дурень, Барминъ, это дѣло ты говоришь... Оставимъ имъ сухарей, а они и догадаются, что все это только наша продѣлка и штуки, да за нами и пустятся. Нѣтъ, ужь пущай лучше голодаютъ...

— И то правда; я и не подумалъ, согласился Барминъ.

— Я одѣну пальто партіоннаго съ погонами, фуражку, а ты его шинель, продолжалъ Поздѣевъ. Я буду дохтуръ, а ты фельдшеръ...

— Какой дохтуръ, какой фельдшеръ? удивился Барминъ.

— Ты не перебивай, а слушай; безъ меня пропалъ бы ты въ этой глуши, а я тебя выведу, накормлю, да на всякій случай и рублишко въ карманѣ будешь имѣть. Дѣло вотъ какое; я буду величаться дохтуромъ, что посланъ молъ, начальствомъ лечить всякихъ этихъ тунгузовъ да гиляковъ отъ разныхъ болѣстей; а ты будешь моимъ помощникомъ, фельдшеромъ значитъ. Лекарства у партіоннаго въ ящикѣ много—лечить будетъ чѣмъ; окромя того оспу станемъ прививать, и деньги еще брать.

— Ишь ты!?

— Главное дѣло оспа; тутъ дѣло будетъ легкое и прибыльное... Придемъ, къ примѣру, въ селеніе, призовемъ старшину, а я и прикажу ему: „сзывай, молъ, старыхъ, молодыхъ и малыхъ дѣтей; прислали насъ, молъ, всѣмъ вамъ оспу привить отъ всѣхъ болѣстей!“ Какъ соберется передъ нами все поселеніе, разведемъ огонь и станемъ накалывать прутъ, и прутомъ этимъ руки будемъ прижигать... Кто захочетъ откупиться, пущай откупается; а кто заартачится, тому и прижжемъ, да такъ прижжемъ, что всѣмъ закажетъ откупаться.

— Ай, важно, Поздѣевъ; вотъ-то почетъ намъ будетъ!

— Будетъ ли почетъ не будетъ ли—не знаю; а на всякій случай и ружья захватимъ — неровенъ часъ и пригодятся... А теперь къ дѣлу, да живо у меня!..

Черезъ полчаса все было сдѣлано по указанію Поздѣева; по песчаному прибрежью они разбросали весла, ящики и разную ветошь; часть провизіи и вещей побросали въ воду; сами усѣлись въ лодку и усиленно загребли вдоль берега, къ югу. Къ вечеру они зашли въ закрытую бухточку и приступили къ дѣлежу добычи; въ первый разъ въ жизни Барминъ получилъ такую львиную долю: Поздѣевъ былъ настолько „великодушенъ,“ что взялъ себѣ только деньги, а все остальное, платье, бѣлье, книги, свѣчи, лекарство и провизію, отдалъ своему товарищу. Барминъ былъ въ восторгѣ и до поздней ночи пересматривалъ свое новое имущество...

Рано по утру негодяи отправились дальше; черезъ недѣлю они достигли рѣчки, съ которой началъ Ниловъ съемку. Здѣсь имъ приходилось разстаться съ лодкой и идти дальше пѣшкомъ. Поздѣевъ нарядился въ форменное пальто, а Барминъ въ шинель; первый захватилъ съ собой только ружье, лекарство и немного провизіи, а второй — навалилъ на широкія плечи цѣлый тюкъ своего новаго имущества. Импровизированные оспопрививатели пошли вглубь материка, въ неизвѣданную, глухую тайгу, пошли искать счастья и практики: Поздѣевъ идетъ на легкѣ, весело побрякивая полсотней серебряныхъ рублей; Барминъ едва плетется, пыхтитъ и кряхтитъ подъ тяжестью захваченныхъ вещей; нѣсколько разъ пытался онъ бросить свою непосильную ношу, но каждый разъ жалко было разстаться съ своимъ богатымъ имуществомъ. Поздѣевъ только усмѣхается, что ему удалось такъ ловко провести своего глуповатаго товарища. Прошли уже не мало; вдругъ Барминъ оступился и покатился вмѣстѣ съ тюкомъ въ оврагъ; случай этотъ до такой степени обезкуражилъ его, что онъ тотчасъ-же рѣшился разстаться съ своей ношей. Такимъ образомъ, Барминъ оказался въ результатѣ обиженнымъ дѣлежемъ больше, чѣмъ когда либо; но онъ нисколько не претендовалъ на своего товарища и шелъ за нимъ какъ вѣрный песъ...

Черезъ сутки они увидѣли юрты гиляковъ, разбросанныя на берегу небольшой рѣчки.

— Ну, Барминъ, проговорилъ Поздѣевъ, будетъ намъ скоро работа; станемъ здѣсь оспу прививать—деньги на дорогу собирать. Ты смотри не робѣй, не зѣвай: дѣлай, что буду приказывать.

— Ладно, промычалъ Барминъ совершенно безучастно.

Черезъ часъ подошли они къ юртамъ; собрались ги-

Товій, возвращающій зрѣніе своему отцу. Барельефъ Фажеля, грав. Бодъ.

ляки глазѣть на незванныхъ гостей и подняли невообразимое галдѣнье, но, всмотрѣвшись хорошенько, смолкли и съ подобострастіемъ закланялись: кокарды и погоны произвели свое дѣйствіе.

Поздѣевъ съ начальническою осанкою вошелъ въ кругъ дикарей и, окинувъ грознымъ взоромъ окружающую толпу, крикнулъ такъ, что дѣти попрятались въ юбки матерей:

— Гдѣ старшина?!.. Послать сюды ракалію!.. Отчего съ поклономъ къ начальству не явился?...

— Руска, руска, зашептали гиляки, боязливо переминаясь съ ноги на ногу.

— Кто у васъ тутъ по русски говоритъ, загремѣлъ опять Поздѣевъ, послать его ко мнѣ!

Гиляки засуетились и вытолкали изъ толпы невзрачнаго, сгорбленнаго старика, исподлобья поглядывавшаго на форменное пальто Поздѣева.

— Говоришь по русски? обратился къ нему негодяй.

— Мало—мало, угрюмо пробормоталъ старикъ.

— Знаешь, кто я таковъ?!..

— Мой видитъ—капитанъ, а какой капитанъ — не знай.

— Я дохтуръ, и присланъ сюды васъ лечить: оспу прививать... Понимаешь?!..

— Мало—мало понимай.

— Гдѣ старшина?!..

— За соболь уходилъ...

— Ахъ онъ, мерзавецъ; какъ смѣлъ онъ уйтить безъ моего разрѣшенія?

— Онъ не знай, что твоя придетъ....

— Слушай-же ты хорошенько, что я тебѣ скажу, а потомъ слова мои передай своимъ.... Присланъ я начальствомъ лечить васъ отъ всякихъ болѣстей: стапу всѣмъ оспу прививать... Скажи своимъ, чтобъ сейчасъ же собрались здѣсь всѣ: старики и малыя дѣти, мужики и бабы... Кто не придетъ и станетъ отлынивать, съ тѣмъ я распоряжусь по своему... Понимаешь?...

— Мало—мало понимай...

— Ну и передавай своимъ, что я тебѣ сейчасъ сказалъ!...

Старикъ обернулся къ толпѣ и что-то оживленно затараторилъ на своемъ непонятномъ языкѣ; гиляки было зашумѣли, но громогласное „молчать“ Поздѣева заставило ихъ сразу присмирѣть.

— Наши спрашивай твоя, обратился старикъ къ Поздѣеву, какой оспа станешь намъ давать?

— Не давать, а прививать, олухъ ты вяленный.... Оспу прививать значитъ—возьму я желѣзный, раскаленный прутъ и стану имъ вамъ всѣмъ руки прижигать... Прижгу, и никакая болѣсть васъ не возьметъ....

Старикъ опять обернулся къ толпѣ, засучилъ на одной рукѣ рукавъ и сталъ имъ говорить о предстоящей операціи. Гиляки загалдѣли такъ, что даже грозное „молчать“ не возъимѣло своего дѣйствія; наконецъ всѣ смолкли и старикъ обратился къ Поздѣеву со слѣдующею рѣчью:

— Наши просятъ, капитанъ—оспа не надо; всѣ наши здоровъ какъ добрый олень... Наши подарятъ твоя соболь—только оспа не надо... это худо, совсѣмъ худо...

— Я согласенъ, съ важностью проговорилъ негодяй. Кто не желаетъ прививать оспу, тотъ сейчасъ-же пускай несетъ мнѣ соболя или серебряный рубль.... Да чтобъ живо дѣло было сдѣлано: мнѣ нѣкогда съ вами тутъ возиться!

Черезъ часъ, Поздѣевъ и Барминъ, нагруженные соболями и десяткомъ серебряныхъ рублей, шли уже дальше, сами не зная куда... Поздно вечеромъ они неожиданно вышли къ морю и опалѣли: отъ моря шли, чтобы быть подальше отъ топографическихъ партій, а тутъ самъ чортъ вывелъ ихъ, послѣ такого продолжительнаго путешествія, на побережье... Измученные ходьбой по непроходимой тайгѣ, они рѣшились провести ночь на томъ мѣстѣ, куда привела ихъ судьба... Развели костеръ и начали варить себѣ кашицу, совершенно не чая, что ихъ ждетъ очень скоро.

Въ полуверстѣ отъ нихъ заночевала одна изъ топографическихъ партій, слѣдовавшая съ юга на сѣверъ... Около полуночи, вышелъ одинъ изъ піонеровъ изъ палатки на чистый воздухъ и неожиданно былъ пораженъ яркимъ свѣтомъ разведеннаго не вдалекѣ костра. Немедля бросился онъ къ палаткѣ партіоннаго начальника и началъ торопливо будить его:

— Ваше благородіе, а, ваше благородіе, никакъ наши поблизости заночевали: вонъ и костеръ виденъ!..

Извѣстіе это было электрической искрой для заспавшагося и уставшаго труженика; надежда встрѣтиться съ товарищами послѣ двухъ-мѣсячной, тяжелой работы въ глухой тайгѣ сразу разогнала его крѣпкій сонъ. Вскочивъ на ноги и набросивъ на себя пальто, топографъ вышелъ изъ палатки и сталъ всматриваться въ пылающій костеръ, точно силясь разсмотрѣть около него знакомые силуэты.... Черезъ минуту онъ встрепенулся и крикнулъ:

— Ижоровъ, назначь четырехъ человѣкъ: я схожу посмотрѣть—не наши ли у костра?

Черезъ четверть часа небольшая партія была уже готова къ непродолжительному походу; осторожно зашагали піонеры въ темнотѣ черезъ повалившіеся стволы деревьевъ и медленно приближались къ ярко горящему костру... Поздѣевъ и Барминъ спали какъ убитые, совершенно не предчувствуя ожидающей ихъ участи; неожиданно, сильно хруснувшая у самаго уха, хворостина разбудила ихъ, но поздно; осовѣвшими глазами всматривались они въ окружающихъ ихъ солдатъ и никакъ не могли сообразить, гдѣ они и что творится вокругъ ихъ....

— Ваше благородіе, это наши солдаты изъ партіи господина Нилова—ишь какъ нарядились, проговорилъ одинъ изъ солдатъ, разобравъ физіономіи лежащихъ негодяевъ...

Поздѣевъ и Барминъ разомъ вскочили и бросились въ кусты; но тотчасъ-же были схвачены и связаны своими товарищами, догадавшимися, что тутъ что-то неладно. Импровизированные оспопрививатели оказались въ неожиданной западнѣ. Барминъ не сопротивлялся и безпрекословно позволилъ связать себя; Поздѣевъ рычалъ какъ дикій звѣрь, кусался и съ пѣной у рта старался освободиться отъ рѣжущихъ руки веревокъ. Наконецъ угомонился и склонился въ изнеможеніи на сырую траву....

Импровизированные оспопрививатели закончили свою короткую карьеру и практику въ арестантскихъ ротахъ...

У стараго фонтана.

Разсказъ.

Окончаніе.

Въ полдень, въ ту самую минуту, когда мистриссъ Л'Эстренджъ, съ строгимъ видомъ, дѣлала новое внушеніе расплакавшейся на этотъ разъ Грэсъ, — вошелъ лакей и подалъ на подносѣ визитную карточку.

— Лордъ Арлингтонъ-Дервентъ! прочла мистриссъ Л'Эстренджъ. Я была знакома съ его отцомъ, но его я не знаю. Что ему надо? Ну—Грэсъ, пока прекратимъ нашъ разговоръ— мнѣ надо идти принимать гостя.

Въ гостинной лэди увидѣла высокаго, замѣчательно краснваго молодаго человѣка, встрѣтившаго ее поклономъ, по которому сразу можно было угадать человѣка высшаго общества.

— Сколько мнѣ извѣстно, миледи, вы знали моего отца?

спросилъ онъ послѣ обмѣна первыхъ вѣжливостей.

— Да, я была знакома съ нимъ и мнѣ очень пріятно видѣть сына.

— Миледи, произнесъ лордъ Арлингтонъ, я не хочу обманывать васъ. Я пришелъ къ вамъ не по одной этой причинѣ. Я желаю извиниться предъ вами въ томъ, что позволилъ себѣ познакомиться съ вашей племянницей не такъ, какъ это принято дѣлать.

— Съ моей племянницей, Грэсъ! воскликнула мистриссъ Л'Эстренджъ, вспомнившая разсказъ молодой дѣвушки.

— Она, конечно, передала вамъ, съ какой добротой приняла у себя, въ паркѣ, неизвѣстнаго художника. Миледи—я глубоко полюбилъ ее и явился просить ея руки.

Мистриссъ Л'Эстренджъ какъ-то не сразу поняла эти слова; но когда смыслъ ихъ сдѣлался яснымъ для нея—на ея лицѣ отпечатлѣлись внезапно охватившіе ее удивленіе, радость, страхъ глубокое волненіе.

— Лордъ Арлингтонъ, слабымъ голосомъ произнесла она,—моя племянница еще очень молода. Мы желали бы...

— Дорогая лэди, я очень хорошо понимаю—какъ вамъ трудно было бы разставаться съ такимъ прелестнымъ созданіемъ.

— Извините меня, лордъ Арлингтонъ. Я, конечно, не въ силахъ отказать вамъ... но это такая неожиданность...

— Я буду просить васъ еще объ одномъ, продолжалъ гость,—не выдавайте меня, пусть она думаетъ, что я тотъ бѣдный артистъ, за котораго она меня приняла. Позвольте мнѣ написать вашъ и ея портреты—это будетъ для меня предлогомъ къ посѣщеніямъ. Вы можете счесть меня за полоумнаго—но я непремѣнно желаю продолжать этотъ маленькій романъ такъ, какъ онъ начался. Называйте меня мистеромъ Уинномъ. Можетъ быть вы разрѣшите мнѣ давать ей уроки?

— Пусть будетъ какъ вы желаете, отвѣчала мистриссъ Л'Эстренджъ, въ какомъ-то глубокомъ раздумьи.

— Когда можно мнѣ видѣть ее?

— Сію же минуту, сказала лэди, позвонивъ.

— Передайте миссъ Л'Эстренджъ, приказала она вошедшему слугѣ, что я жду ее сюда.

Грэсъ вошла съ лицомъ, сохранившимъ еще слѣды недавнихъ слезъ. Думая встрѣтить въ гостинной незнакомаго гостя-она молча поклонилась и—вдругъ, узнавъ художника, любителя соловьевъ, съ легкимъ крикомъ подошла къ нему, протянувъ руку.

— Я думала, что это кто нибудь чужой, сказала она, я такъ рада, что вы пріѣхали къ тетѣ.

— Мистриссъ Л'Эстренджъ подтвердила ваше позволеніе мнѣ рисовать здѣсь, по окрестностямъ, отвѣчалъ мистеръ Уиннъ, съ своей меланхолической улыбкой и даже разрѣшила мнѣ сдѣлать свой портретъ и вашъ тоже.

— Тетя будетъ хорошо сидѣть на сеансѣ, сказала зарумянившаяся отъ удовольствія Грэсъ, а я не сумѣю. Я не знаю какъ сидѣть, когда съ васъ рисуютъ.

Мистеръ Уиннъ принялся за работу. Обыкновенно съ утра онъ уже былъ въ замкѣ. Медленнымъ шагомъ возвращался онъ по вечерамъ обратно въ деревню, полный ощущеній, накопившихся за день. Каждый часъ, каждую минуту слѣдилъ онъ за борьбой, происходившей въ чистой, невинной душѣ Грэсъ. Онъ видѣлъ, какъ она, сначала, силясь побѣдить въ себѣ зарождавшееся чувство, старалась обходиться съ нимъ какъ съ другомъ. По минутамъ, когда его взглядъ или слово слишкомъ сильно дѣйствовали на это юное сердце, бѣдная дѣвочка искала глазами тетю свою, какъ бы ожидая отъ нея защиты, или отдаться этимъ новымъ и непонятнымъ, но сладкимъ ощущеніямъ... Онъ видѣлъ, наконецъ, что она его любитъ и рѣшился открыться ей.

Объясненіе произошло въ картинной галлереѣ. Переходя отъ одного фамильнаго портрета къ другому, онъ замѣтилъ, что Грэсъ не напоминаетъ своимъ типомъ ни одного изъ своихъ предковъ.

— Да, это правда—я не похожа ни на кого изъ моей фамиліи. Они всѣ такіе могучіе красавцы, съ черными, черными волосами, а я...

— Похожа на одного изъ ангеловъ съ картины Фра Анджелико, перебилъ мистеръ Уиннъ.

— Это—фантазія художника, возразила она, съ сильно покраснѣвшимъ личикомъ.

— Вы, вы—и есть фантазія, мечта художника, вы—его идеалъ! Грэсъ—согласились ли бы быть женой бѣднаго артиста?

Молодая дѣвушка задрожала всѣмъ тѣломъ. Ясно было видно, что ей трудно овладѣть волненіемъ.

— Я была бы согласна, но только... только... это слишкомъ большое счастье для меня...

— Моя голубка, моя радость! Но—какъ вы перенесете жизнь, полную лишеній?

— Я буду стараться привыкнуть.

— Ну, а если вамъ скажутъ, что я—незнатнаго происхожденія?

— Это мнѣ все равно. Я знаю васъ, я знаю—какой вы, что мнѣ за дѣло до вашего происхожденія.

Въ своемъ восторгѣ лордъ Арлингтонъ едва не выдалъ себя. Но, на этотъ разъ, онъ еще успѣлъ овладѣть собой.

— Тетя, тетя, какую новость я скажу вамъ! воскликнула она вбѣгая къ мистриссъ Л'Эстренджъ,—тетя, мистеръ Уиннъ сказалъ мнѣ... сдѣлалъ... О, тетя, я обѣщала ему быть женой его!

— Дитя! дитя! произнесла тетушка, всплеснувъ руками.

— Милая тетя—вы, вѣдь, не будете противъ этаго! Онъ бѣденъ, это правда, но что же такое?

— Голубка моя—я уже согласилась.

— Вы такая добрая! Я знала, что вы согласитесь. Мнѣ, вѣдь, не надо многаго, я могу жить въ маленькомъ домикѣ и я ѣмъ очень мало.

— Милая, милая моя!

— Какой онъ добрый, красивый, умный. Знаете тетя, я не стою его.

Старая тетя горячо прижала дѣвочку къ груди своей.

— Ты стоишь его, мое сокровище, ты лучше и его, и всѣхъ насъ. О еслибъ и онъ всегда думалъ это и зналъ! прибавила она мысленно, съ глубокой грустью глядя на Грэсъ, лежавшую въ ея объятіяхъ.

Прошло нѣсколько счастливыхъ, счастливыхъ дней; лордъ Арлингтонъ, съ какимъ-то особеннымъ наслажденіемъ, анализировалъ простое, глубокое чувство своей невѣсты. Съ радостной улыбкой выслушивалъ онъ ея наивные планы будущей жизни ихъ—„жизни труда и скромнаго, тихаго счастья".

— У меня будетъ только одно парадное, хорошее платье, говорила Грэсъ, а въ волосахъ буду иногда носить розанъ. Денегъ мнѣ совсѣмъ никогда не будетъ надо. Конечно—никогда.

— Это такъ, милая, возразилъ онъ,—но, однако, вообрази, если бы у насъ не хватило на обѣдъ?

— О, я не люблю обѣда, съ меня довольно было бы чашки чая.

Такъ разсуждали они, сидя около стараго фонтана. Въ одинъ вечеръ, послѣ долгой бесѣды на эту тэму, онъ внезапно вынулъ изъ кармана великолѣпный браслетъ и быстро надѣлъ его на ея руку.

Она приподнялась, съ изумленіемъ глядя на жениха.

— Гдѣ это вы достали? тревожно спросила она.

— Не безпокойтесь, со смѣхомъ отвѣчалъ Арлингтонъ,—эти брильянты куплены и заплачены.

— Но это ужасно! подумайте,—вѣдь вы заплатили столько, что этихъ денегъ довольно для устройства всего нашего дома. Я спрячу его и, когда надо будетъ, продамъ.

— Грэсъ, Грэсъ—я не хочу болѣе играть комедіи. Милая,—простите меня, я немножко обманулъ васъ.

— Вы?!.

— Я, поспѣшно, продолжалъ молодой человѣкъ, я—не бѣдный артистъ, я англійскій лордъ—Арлингтонъ-Дервентъ.

Грэсъ поблѣднѣла, но не произнесла ни слова.

— Моя голубка будетъ графиней, прибавилъ Арлингтонъ.

— Вы теперь правду говорите? какимъ-то серьезнымъ тономъ спросила она.

— Клянусь вамъ моею честью въ томъ, отвѣтилъ его сіятельство.

Грэсъ вздохнула. „Дайте мнѣ подумать обо всемъ этомъ", задумчиво произнесла она.

— Вамъ это, какъ будто, не нравится, спросилъ Арлингтонъ, довольный, счастливый,—но, это скоро пройдетъ, моя дѣвочка.

Мистриссъ Л'Эстренджъ также замѣтила разсѣянный видъ Грэсъ. „Дитя—неужели такое открытіе не произвело на тебя пріятнаго впечатлѣнія? Мнѣ кажется, что...

— Я, конечно, очень рада за него, отвѣчала молодая дѣвушка, но мнѣ жаль того будущаго, о которомъ я такъ много мечтала. Я бы сумѣла показать ему мою привязанность, еслибы онъ, въ самомъ дѣлѣ, былъ бѣдный. Всякая, вѣдь, съумѣетъ носить брилліанты... Въ чемъ же теперь онъ увидитъ мою любовь...

— Это все романическія бредни, милая дѣвочка моя,—брось ихъ и поблагодари Бога за судьбу, которая послана тебѣ, возразила старая лэди. Только бы, подумала она, только бы никакое облако не нависло надъ этимъ счастьемъ твоимъ!

День свадьбы былъ назначенъ и Грэсъ съ грустью замѣтила, что тетя ея сдѣлалась какъ-то особенно печальна. Дядя былъ здоровѣе, чѣмъ когда либо, онъ далъ свое согласіе на бракъ. Зачѣмъ же было печалиться тетѣ?

Грэсъ не знала, не могла знать, что въ душѣ мистриссъ Л'Эстренджъ поднялась давнишняя тревога, тревога, которая заговорила съ прежней силой въ одинъ вечеръ, когда Арлингтонъ возвратился изъ кратковременной поѣздки въ городъ. Молодая дѣвушка, нарочно для него, одѣлась въ великолѣпное новое платье, украсивъ себя всѣми своими брильянтами. Граціозная головка, грудь, руки сіяли драгоцѣнными каменьями.

— Графиня Грэсъ! произнесла тетушка, нѣжно цѣлуя молодую дѣвушку и крѣпко прижимая ее къ себѣ. Старой лэди показалось, что милордъ менѣе, въ этотъ разъ, любуется своей прелестной невѣстой, чѣмъ слѣдовало, что лицо его выражаетъ какое-то неудовольствіе.

— Развѣ случилось что нибудь непріятное съ вами? спросила Грэсъ, тоже замѣтившая, что Арлингтону какъ то не по себѣ. Вы не веселы сегодня.

— Да, голубка моя,—я не веселъ, но нехорошое случилось не со мной, а съ моимъ лучшимъ другомъ. Онъ расходится съ своей женой. Оказалось, что она скрыла отъ него, что она не такаго высокаго происхожденія, какъ онъ думалъ. И онъ узналъ обо всемъ этомъ не отъ нея, а стороной.

— Я думаю, все таки, что онъ жестокій, злой человѣкъ, если бросаетъ свою жену изъ-за такой причины, сказала мистриссъ Л'Эстренджъ.

— Зависитъ отъ взгляда на вещи, возразилъ Арлингтонъ.

Во время этаго короткаго разговора, Грэсъ, съ нѣкоторымъ страхомъ, глядѣла на своего будущаго мужа. Какъ я рада, что у меня нѣтъ секретовъ, прошептала она.

— Тетя, сказала она, обращаясь къ мистриссъ Л'Эстренджъ, когда онѣ остались вдвоемъ,—какое счастье, что я, какъ говорится, хорошаго происхожденія.

Мистриссъ Л'Эстренджъ поднялась съ своего мѣста и взявъ молодую дѣвушку за руку, просила проводить ее къ ней, въ ея будуаръ.—Мнѣ надо переговорить съ тобой, сказала она.

— Что это съ вами, тетя? вы нездоровы? съ безпокойствомъ спросила Грэсъ, слѣдуя за теткой.

— Да—не совсѣмъ. Садись, голубка и слушай.

Грэсъ постаралась припомнить все свое поведеніе за эти дни. Можетъ быть она заслужила какое-нибудь замѣчаніе отъ тети?

— Я, можетъ быть, виновата въ чемъ-нибудь? спросила она.

— Ты, мое дорогое дитя, ты? Ты не можешь быть виновата ни въ чемъ, ты никогда не сдѣлала ничего дурнаго.

— Да что же можетъ васъ такъ озабочивать!

— Меня, дитя, милое дитя мое, меня озабочиваетъ одно обстоятельство, которое относится къ тебѣ и ко всей жизни твоей.

— Я слушаю, тетя...

— Лордъ Арлингтонъ только что при тебѣ разсказалъ о другѣ своемъ, который разводится съ женой. Съ тобой могло бы случиться то же самое, если ты не послушаешься совѣта, который я хочу дать тебѣ, Грэсъ.

— Какъ?.. что такое?

— Грэсъ—ты тоже не дворянскаго происхожденія. Дитя, дитя—не пугайся такъ... Ты—не моя племянница и не приходишься вовсе родственницей ни мнѣ, ни мужу моему. Мы любимъ тебя и называемъ племянницей. Пусть это останется такъ и въ глазахъ его. И если какіе нибудь злые люди не откроютъ ему тайны этой—не открывай ея и ты.

— Продолжайте, тетя...

— Вотъ почему я не вывозила тебя въ свѣтъ. Я, именно, боялась, что тебѣ сдѣлаетъ предложеніе кто нибудь въ родѣ лорда Арлингтона. Судьба устроила то, чего я такъ боялась. Я надѣялась, что разъ ты будешь замужемъ за человѣкомъ, который такъ сильно любитъ тебя, то бояться уже будетъ нечего. Но сегодншнія слова Арлингтона опять пугаютъ меня за твое будущее. Еслу бы онъ когда нибудь открылъ, что ты дочь людей простаго происхожденія, и нехорошихъ людей,—онъ, подобно другу своему, могъ бы сдѣлать тебя несчастной на всю жизнь. Тебѣ придется быть на сторожѣ и всѣми силами стараться отклонить подобную случайность Я говорю тебѣ все это, чтобы предупредить тебя и чтобы это не произошло бы какъ нибудь неожиданно. Мнѣ очень, очень тяжело печалить тебя, но я слишкомъ дорожу твоимъ счастіемъ и меня вынуждаетъ страхъ за тебя.

— Тетя—я все скажу ему, я не могу, не могу обманывать!

— Грэсъ—ты не можешь рѣшиться сказать ему это. Лордъ Арлингтонъ любитъ тебя, но онъ свѣтскій человѣкъ. Онъ гордится своимъ происхожденіемъ и тѣмъ, что въ его фамиліи никогда не было неравнаго брака. Онъ дорожитъ въ тебѣ не только твоею красотой и всѣмъ другимъ, что любитъ въ тебѣ, ему также дорого и то, что ты принадлежишь къ древней и благородной фамиліи.

— О, тетя, неужели же вы думаете, что онъ броситъ меня изъ-за причины, въ которой я не виновата!

— Я не знаю, но боюсь, очень боюсь! Сегодня въ его лицѣ, въ его голосѣ было что-то такое, что заставляетъ меня бояться открыть ему то, что я сказала тебѣ.

— Тетя—вспомните, въ какомъ восторгѣ онъ былъ, когда я согласилась выдти за него замужъ, когда считала его не дворяниномъ, а бѣднымъ артистомъ. О, нѣтъ, нѣтъ, я увѣрена, что онъ будетъ радъ поступить такъ со мной, какъ я хотѣла поступить съ нимъ! Вѣдь и ничего не перемѣнится—я останусь вашей племянницей, вы меня будете любить также, какъ и всегда любили. Кто же можетъ потребовать своихъ правъ на меня?

— Погоди, погоди, моя Грэсъ—я вижу, что мнѣ надо ужь докончить то, что я начала и разсказать тебѣ все о происхожденіи твоемъ.

Разговоръ продолжался далеко за полночь. Когда онъ окончился, бѣдная дѣвушка горько заплакала. Старая лэди старалась успокоить свою любимицу. По всей вѣроятности секретъ никогда не откроется, никогда никто не скажетъ лорду Арлингтону, но надо только быть осторожнымъ...

— Нѣтъ, нѣтъ—я никогда, ни за что не буду лгать ему, съ глубокой грустью произнесла молодая дѣвушка.

— О! зачѣмъ я сказала, зачѣмъ я это сдѣлала! проговорила старая лэди, закрывая лицо руками.

Пастухъ и змѣя. Тюрингская народная легенда. Съ акварели Р. Кеплера, рис. и грав. Ангереръ.

— Вы сдѣлали то, что надо было сдѣлать, тетя, возразила Грэсъ, нѣсколько болѣе твердымъ голосомъ. И къ чему этотъ страхъ, прибавила она, чрезъ минуту, почти уже весело—онъ любитъ меня, я его невѣста и ничто не оттолкнетъ его отъ меня!

Мистриссъ Л'Эстренджъ была настолько разстроена событіями вечера, что на другое утро почувствовала себя нездоровой и осталась въ постели. Полковникъ, которому они передали о своемъ разговорѣ съ Грэсъ, принялъ сторону племянницы.

— Она права, сказалъ онъ, но не бойся—кто же можетъ устоять противъ нашей Грэсъ!

Дѣвочка, между тѣмъ, быстрыми, нервными шагами, пошла къ старому фонтану, на встрѣчу Арлингтону. Она была вся въ бѣломъ. „Бѣлый цвѣтъ надѣваютъ какъ трауръ и для веселья, думала она,—одно изъ двухъ и будетъ сегодня для меня...“

Сильно билось ея сердце, когда она пришла къ завѣтному, любимому мѣстечку. Она сорвала красный и бѣлый розаны.

— Прежде, чѣмъ начну говорить, дамъ ему выбрать розаны: если онъ возьметъ красный—у меня будетъ надежда, а если бѣлый...

Въ ту же минуту показалась высокая, изящная фигура того, кого Грэсъ ждала со страхомъ и надеждой.

При видѣ ея, онъ ускорилъ шаги и скоро уже былъ около нея. Молодая дѣвушка протянула ему цвѣты. „Выберите только одинъ изъ двухъ. Который хотите?“

— Тотъ, который всего больше похожъ на васъ, весело сказалъ онъ, взявъ бѣлый. — И взгляните, теперь между вами обѣими нѣтъ никакой разницы! прибавилъ онъ, замѣтивъ внезапную блѣдность, разлившуюся по ея нѣжному личику.

Грэсъ на минуту отвернулась отъ него.—Лордъ Арлингтонъ—произнесла она потомъ, овладѣвъ собой, прямо глядя ему въ глаза, мнѣ надо сказать вамъ два слова.

— Украдены брильянты, или что-нибудь случилось съ вашимъ любимымъ платьемъ? спросилъ онъ, улыбаясь серьезному виду дѣвочки.

— Не шутите, проговорила она умоляющимъ тономъ и бросая на него взглядъ, полный тоски и тревоги.

— Ну такъ говорите сейчасъ же и сразу, въ чемъ дѣло, отвѣчалъ онъ, взявъ ея холодныя, маленькія ручки въ свои.

— Милордъ—скажите мнѣ, любилъ ли вашъ другъ свою жену до свадьбы?

— Конечно.

— А какъ вы думаете—чтобы онъ сдѣлалъ, еслибы узналъ тайну до вѣнчанія?

— Право, не знаю. Да—зачѣмъ ваша головка занята такъ этимъ?

— Лордъ Арлингтонъ, быстро проговорила она—только вчера вечеромъ я узнала, что вы ошибались на мой счетъ. Я не то, за что вы принимали меня, я—не миссъ Л'Эстренджъ и, даже, не родственница моимъ милымъ тетѣ и дядѣ. Мои родители—какіе-то неизвѣстные люди, на моемъ происхожденіи лежитъ тѣнь... Я не могу говорить вамъ о подробностяхъ. Вы ихъ услышите отъ мистриссъ Л'Эстренджъ.

Арлингтонъ провелъ рукой по глазамъ.

— Грэсъ! произнесъ онъ измѣнившимся голосомъ—Грэсъ—вы нездоровы. Пойдемте въ замокъ, къ вашей тетушкѣ.

— Моя тетушка! Развѣ вы не слышите то, что я вамъ сейчасъ сказала? Лордъ Арлингтонъ, я пришла сюда, чтобы возвратить вамъ ваше слово—если... если вы хотите...

— Грэсъ, Грэсъ,—ради Бога! вы сами не понимаете, что говорите!

— Идите къ полковнику Л'Эстренджу.

— Да, сказалъ онъ и повернувшись, быстро направился въ замокъ.

Молодую дѣвушку поразили и горечь, съ которою онъ произнесъ это короткое слово и, еще болѣе, то—что онъ не прибавилъ ничего, даже, даже не взглянулъ на нее—она напрасно хотѣла поймать его взглядъ...

Долго ждала здѣсь молодая дѣвушка одна, съ невыносимой мукой сомнѣній—и не дождалась его. Она наконецъ, оторвалась отъ поглотившихъ и измучившихъ ее мыслей. Ей стало стыдно самое себя, и она бросилась почти бѣгомъ въ замокъ къ себѣ, но, около библіотеки, она остановилась какъ вкопанная. Оттуда доносились голоса полковника Л'Эстренджа и Арлингтона. Разговоръ, очевидно, оканчивался уже.

— Мы сознаемъ вину нашу, слышался серьезный и грустный голосъ полковника,—вину, за которую будетъ страдать она.... Наказаніе это слишкомъ превышаетъ вину!

— А развѣ я не наказанъ! воскликнулъ Арлингтонъ,—и за что же. Я пришелъ сюда съ полнымъ довѣріемъ и, въ награду за это, мнѣ разбили всю жизнь, всѣ надежды!.. Она молода, прелестна, она сумѣетъ забыть меня и быть счастливой!

— Я надѣюсь, лордъ Арлингтонъ, я надѣюсь, что она забудетъ васъ. Довольно о ней. Идите—вы свободны. Вы—человѣкъ свѣтскій и настолько умѣете владѣть своими чувствами, что, вѣроятно, и теперь не будете долго тревожиться. Къ чему волноваться такъ.

— Сэръ—я никогда не прощу вамъ мои страданія! снова воскликнулъ Арлингтонъ. Затѣмъ, послышался звукъ отворившейся и захлопнувшейся двери.

Грэсъ быстро вошла въ библіотеку и подошла къ Л'Эстренджу.

— Не огорчайтесь, дядя, забудемъ его, постараемся быть счастливыми и безъ него, тихо проговорила она, судорожно прижавъ руку къ груди и склоняясь къ дядѣ.

— Богъ да поможетъ намъ въ этомъ, мое милое дитя, произнесъ старый джентльменъ.

Не сразу, однако, молодая дѣвушка привыкла къ мысли о своемъ разбитомъ счастіи. У нея еще была слабая надежда, что онъ еще возвратится... Но—онъ не возвратился. Л'Эстренджи поняли, что надо было развлечь ее и, забывъ о своихъ болѣзняхъ, повезли свою бѣдную дѣвочку путешествовать.

Посѣтивъ Швейцарію, объѣхавъ Испанію, они устроились на зиму въ Парижѣ. Грэсъ попала въ водоворотъ свѣтской жизни всемірной столицы. Необыкновенная красота и естественная, какая-то, казалось, свойственная ей только одной, особенная прелесть—сразу поставили ее на одно изъ первыхъ мѣстъ въ свѣтѣ.

Ее постоянно окружала толпа блестящихъ поклонниковъ. Но среди веселій, среди баловъ, среди шумныхъ удовольствій, она была не въ силахъ забыть то, что ей было такъ дорого.... что уже вернуть ей казалось невозможно. Не разъ по ночамъ, оставаясь одна—горько, горько рыдало бѣдное дитя.

Наконецъ, не смотря на свои геройскія усилія, Грэсъ уступила гнетущему горю своему. Она начала таять какъ свѣча.

— Я хочу домой, хочу видѣть паркъ, слушать соловьевъ, хочу видѣть старый фонтанъ! слабымъ голосомъ произнесла она однажды.

Настала осень. Все еще цвѣло и благоухало и соловьи пѣли по прежнему у стараго фонтана. Быстрыми шагами шелъ опять къ замку Стрэнджъ лордъ Арлингтонъ. Онъ, очевидно, былъ въ сильномъ волненіи и говорилъ самъ съ собой.

— Какъ-то она встрѣтитъ меня? Милая, милая моя Грэсъ! Я не могу жить безъ нея. Я упаду къ ея ногамъ, буду умолять ее, она проститъ меня.

Нѣсколько минутъ спустя онъ уже стоялъ на балконѣ, у кушетки, въ которой лежала—больная и грустная—мистриссъ Л'Эстренджъ.

— Милэди, заговорилъ онъ, прерываясь на каждомъ словѣ,— моя жизнь теперь ужасна! Я не могу жить безъ Грэсъ! Милэди— скажите мнѣ—гдѣ она, я хочу видѣть ее сію же минуту, гдѣ Грэсъ? гдѣ Грэсъ?

— Грэсъ? Грэсъ — у стараго фонтана..... слабо отвѣтила милэди.

Онъ еле дослушалъ. Вотъ онъ уже у стараго фонтана! Онъ зоветъ. Но она не отзывается. Онъ кричитъ — никакого отвѣта..

Онъ началъ искать ее между окружающими деревьями, случайно нога его ударилась обо что-то твердое въ кустахъ, у самаго фонтана.

То была низенькая ограда, скрытая кустарникомъ и высокой травой. Посреди ограды стоялъ крестъ, а на крестѣ написано было только одно слово: „Грэсъ."

Къ рисункамъ.

Первая жизненная горечь.

(Рисунокъ Флейшера).

Видно, что малютка знаетъ уже какое это горькое, гадкое лекарство. Онъ дѣлаетъ такую отчаянную рожицу и такъ энергически отбивается; дѣдушка взялъ на себя дать внучку лекарство. Молодые отецъ и мать смотрятъ съ любовью и любопытствомъ, смѣшаннымъ съ сожалѣніемъ, что ихъ крошкѣ необходимо пить такое гадкое питье. Маленькая сестренка капризника смотритъ на него полусмѣясь. И если бы зналъ крошка какія еще лекарства ему быть можетъ придется принимать и какія испытать въ жизни горечи, передъ которыми эта первая маленькая горечь покажется сладкимъ нектаромъ.

Вечеръ въ селѣ.

(Рисунокъ Кившенко).

Знакомая картина. Солнце заходитъ и косымъ яркимъ красноватымъ лучемъ перерѣзаетъ облако пыли, поднятое идущимъ съ поля домой стадомъ.

Жаръ свалилъ. Повѣяла прохлада,
Заскрипѣли связки у воротъ
И съ полей домой идетъ ужъ стадо,
И косцы вернулися съ работъ.

Ревутъ, поднимая уши, коровы, ржутъ жеребята, блѣютъ овцы, отыскивая свои ворота. Тутъ особенно милы дѣти. Какая-нибудь толстая бѣлоголовая крошка-дѣвочка съ хворостиной тоже съ серьезнѣйшей миной загоняетъ свою козочку; другія, побольше, заталкиваютъ въ ворота, ласково подзывая, толпящихся овецъ; бабы гуторятъ и загоняютъ коровъ. Скоро все успокоится, хозяйки уберутся, скотъ разбредется на ночь по хлѣвамъ. На небѣ загорятся ранніе, серебристые, дрожащіе огоньки звѣздъ а по окошкамъ замелькаетъ яркое пламя лучины или тусклыхъ свѣчекъ и семьи, крестясь, сядутъ за ужинъ.

Товій, возвращающій зрѣніе своему отцу.

(Барельефъ Фажеля).

Французская художественная критика въ послѣднее время очень часто жалуется на упадокъ отечественной скульптуры и по ея мнѣнію послѣднія работы скульпторовъ рѣдко выходятъ изъ ряда посредственности. Подобное явленіе цѣнители искусства объясняютъ различными причинами, но главная по ихъ мнѣнію та, что при затишьи въ общественныхъ сооруженіяхъ, скульптура, какъ главная помощница архитектуры, остается безъ дѣла и должна поневолѣ пробавляться разными академическими фигурами, выполненными на заданныя темы и преміи. Въ настоящемъ году на соисканіе такъ называемой большой римской преміи, Парижская академія искусствъ назначила барельефъ и избрала сюжетомъ его библейскую сцену: „Товій, возвращающій зрѣніе своему отцу".

Какъ извѣстно, трогательное, полное глубокаго чувства, сказаніе о Товіи, составляющее содержаніе одной изъ книгъ Ветхаго Завѣта, много разъ служило сюжетомъ художественныхъ произведеній и особенно его прекрасная, заключительная сцена. Предложенный барельефъ былъ выполненъ десятью конкуррентами, но пальма первенства досталась на долю молодаго художника Фажеля. Онъ дѣйствительно сладилъ удачно съ избраннымъ сюжетомъ; у него несчастный изгнанникъ отецъ Товія изображенъ въ сидячей позѣ, только что прозрѣвшій и поднимающій руку къ небу, полный благодарности Господу; передъ нимъ стоитъ жена его, въ какомъ то нѣмомъ, благочестивомъ изумленіи, въ виду совершившагося чуда; у ногъ отца видна стоящая на колѣняхъ, прекрасно выполненная, фигура юнаго Товія; въ фонѣ барельефа изображенъ Архангелъ Гавріилъ, простирающій руки и крылья и какъ бы готовый унестись на небо.

Барельефъ прекрасно выполненъ во всѣхъ своихъ подробностяхъ и можетъ служить ручательствомъ за дальнѣйшіе успѣхи молодаго художника въ избранномъ имъ родѣ искусства.

Пастухъ и змѣя.

Тюрингская народная легенда.

„Молоденькій пастухъ нашелъ въ лѣсу чудесное, уединенное мѣстечко: подъ раскидистымъ деревомъ было тѣнисто, свѣжо; свѣтлая вода ключемъ била изъ подъ угрюмой скалы. Хорошенькій пастушокъ такъ чудно умѣлъ играть на своей свирѣли. Въ одинъ жаркій день, сидя въ своемъ излюбленномъ уголку и разливаясь въ мелодіяхъ, онъ вдругъ вскочилъ въ ужасѣ: предъ нимъ, шипя, поднимала голову большая бѣлая змѣя и какъ бы съ напряженнымъ вниманіемъ, какъ очарованная, прислушивалась къ звукамъ его свирѣли. Она такими казалось страдальческими, умоляющими глазами смотрѣла на него, что юноша успокоился и продолжалъ свои трели. Съ этаго дня змѣя уже каждый день выползала изъ разщелины скалы и пастушокъ такъ привыкъ къ ея обществу, что мѣсто у ключа онъ полюбилъ еще больше а появленія змѣи ждалъ съ какимъ-то тоскливымъ нетерпѣніемъ. Разставался онъ съ нею грустный и время казалось ему нескончаемо долгимъ до слѣдующаго утра, когда онъ снова могъ увидѣть свою странную гостью. Люди дивились, какъ это онъ живетъ въ лѣсу, чуждается всякаго общества?"

„Въ Ивановъ день пастушокъ по обыкновенію поджидалъ змѣю; но каково было его удивленіе, когда вмѣсто нея, изъ широкой разщелины выступила дѣвушка чудной красоты съ золотистой, широкой косой, въ сіяющей одеждѣ! Изумленный юноша услышалъ нѣжный, очаровательный голосъ. Она открыла ему, что злой чародѣй заколдовалъ ее—Царицу Горъ—превративъ въ змѣю. Прежній образъ свой она можетъ принимать только разъ въ годъ—въ Ивановъ день. Уничтожить очарованіе и возвратить ей человѣческій образъ на всегда, можетъ только отважный юноша, который согласится принять отъ нея— змѣи—три поцѣлуя. Пастушокъ, смущенный, однако согласился на это, чтобы снять съ нея заклятіе. На слѣдующій день онъ съ утра уже ждалъ у источника. Бѣлая змѣя явилась; она крѣпко обвилась вокругъ его тѣла. Въ страхѣ и смущеніи пастушокъ закрылъ глаза, но выдержалъ поцѣлуи. За третьимъ—отъ страшнаго громоваго удара дрогнула земля; синія молніи одна за другой раздирали внезапно померкшее небо, а скала, съ ужаснымъ грохотомъ, распалась пополамъ. Открывъ глаза, пастушокъ увидѣлъ себя въ обширной галлереѣ; все блистало золотомъ, серебромъ и драгоцѣнными камнями. На сіяющемъ тронѣ возсѣдала Царица Горъ, окруженная гномами, которые несли уборы и вооруженіе. Когда пастушокъ въ изумленіи и восторгѣ глядѣлъ на прелестную царицу, она встала и обняла его, привѣтствуя какъ своего супруга. Гномы облачили его въ пышныя одежды и свадьба была полна блеска и пышности. И такъ жилъ юноша въ счастьи и радости съ Царицей Горъ; а люди думали, что онъ, бѣдный, погребенъ подъ обломками

распавшейся скалы; и въ память хорошенькому пастушку поставили крестъ".

Такова старинная Тюрингская легенда, такъ удачно переданная Кеплеромъ въ его прелестной виньеткѣ.

Обдѣлка бриллiантовъ въ Амстердамѣ.

Если алмазъ имѣлъ значительную цѣнность вслѣдствiе своей рѣдкости, то еще большую цѣну придаетъ ему отдѣлка, шлифовка, увеличивающая блескъ и, вообще, красоту этого камня. Самое дѣло шлифованiя, доведенное въ наше время до высокой степени совершенства—происхожденiя довольно древняго. Въ Индiи и Китаѣ, уже тысячелѣтiе тому назадъ, умѣли гранить алмазы и другiе драгоцѣнные камни, въ Европѣ же гранильщики и шлифованные алмазы извѣстны еще въ половинѣ 14-го столѣтiя (ювелиръ Людовикъ Анжу 1360—1368 г.г.); однако, лишь съ 15-го столѣтiя искусство это поставлено на правильный путь Людовикомъ-ванъ-Бергеномъ (въ Брюгге), (который, въ 1465—1475 г.г., изобрѣлъ полировальное колесо и впервые сталъ примѣнять къ шлифованiю алмазную пыль, а также установилъ систематическое расположенiе фацетовъ. Долгое время, еще и послѣ него, Брюгге считался мѣстопребыванiемъ лучшихъ гранильщиковъ въ Европѣ; съ теченiемъ времени и развитiемъ искусства, Брюггенъ прiобрѣлъ много соперниковъ на этомъ поприщѣ—между прочимъ, Лондонъ, Амстердамъ, Парижъ, Антверпенъ, Бостонъ; въ настоящее время, преимущество въ дѣлѣ шлифованiя отдаютъ Амстердамскимъ рѣзчикамъ и гранильщикамъ, и имъ-то, именно, и была поручена отдѣлка двухъ самыхъ большихъ изъ извѣстныхъ алмазовъ - „Коинура" и „Южной звѣзды." Шлифованiе начинается съ очистки камня, при посредствѣ которой удаляются пятна и другiе замѣчаемые въ немъ недостатки и ему придается желаемая форма. Процедура эта, представляющая наибольшiя трудности во всемъ дѣлѣ, заключается въ слѣдующемъ: сначала опредѣляется точка, съ которой должно начаться шлифованiе, а затѣмъ камень прикрѣпляется на оконечности деревянной палочки особаго устройства; положивъ, такимъ образомъ, начало, мастеръ дѣлаетъ въ камнѣ, острымъ краемъ другаго алмаза, надрѣзъ, куда влагаетъ тупой конецъ гранильнаго ножа и наноситъ молоточкомъ легкiй ударъ — удаляемая частица шлифуемаго алмаза тотчасъ отскакиваетъ. Прiемъ этотъ повторяется до тѣхъ поръ, пока камень не приметъ вида, который ему должно придать. Отбитые же кусочки превращаются, въ свою очередь, въ маленькiе бриллiантики и такъ называемыя „розы." Только по окончанiи этой первой процедуры, алмазъ передается въ руки гранильщика. При шлифованiи большихъ алмазовъ, на оконечности деревянной машинки, о коей говорено выше, укрѣпляются, согласно новѣйшему, американскому способу, два камня, между ними помѣщается вращающiйся кружокъ, который своимъ движенiемъ намѣчаетъ и вышлифовываетъ фацеты, получаемая при этомъ алмазная пыль собирается, смѣшивается съ масломъ и служитъ, въ такомъ видѣ, для полированiя. Алмазы меньшихъ размѣровъ шлифуются не по двое, какъ большiе, а отдѣльно, по одному. Наконецъ камень получилъ свою форму, т. е. ту форму, въ какой мы привыкли его видѣть вдѣланнымъ въ перстняхъ, ожерельяхъ и другихъ украшенiяхъ,—но, онъ еще не имѣетъ вполнѣ блеска, которымъ озаренъ отъ природы и котораго доискивается человѣкъ; для этой конечной цѣли выграненный алмазъ вручается полировальщицамъ (по преимуществу этою частью дѣла занимаются женщины)—онѣ обмазываютъ его смѣсью изъ алмазной пыли и масла и прижимаютъ къ полирующему колесу, дѣлающему до 2-хъ тысячъ оборотовъ въ минуту. Много надо человѣку труда и искусства, чтобы превратить тусклый, безформенный камень въ сiяющiй чуднымъ блескомъ алмазъ.

Абхазцы.

Абхазiя занимаетъ узкое пространство земли на сѣверо-восточномъ берегу Чернаго моря и считается, по справедливости, однимъ изъ прелестнѣйшихъ уголковъ Закавказья по богатству и разнообразiю своей природы. Горы покрытыя вѣчнымъ снѣгомъ смѣняются здѣсь вѣчно зелеными долинами, глубокими пропастями и дремучими лѣсами; на берегу же Сухумъ-Кальской бухты въ апрѣлѣ уже цвѣтутъ чайныя деревья и другiя тропическiя растенiя. Благодаря равномѣрному распредѣленiю и обилiю влажности, почва здѣсь чрезвычайно плодоносная и покрыта самою разнообразною и роскошною растительностью. Рядомъ съ сосною въ Абхазiи растетъ масличное, шелковичное и буковое дерево и вѣчно-зеленый лавръ, а лѣса перевитые виноградными лозами, колючкой и другими вьющимися растенiями буквально непроходимы и сквозь ихъ густую, непроницаемую чащу можно пробраться лишь съ помощью топора или кинжала. Среди этихъ дѣвственныхъ лѣсовъ протекаетъ множество горныхъ ручьевъ и рѣчекъ (переправа черезъ которыя по быстротѣ ихъ теченiя не всегда безопасна.) Неудивительно, что Абхазецъ работаетъ въ теченiе года много-много дней 20 или 30, а остальное время проводитъ въ постоянномъ шатанiи по горамъ или въ сладкой безпечной лѣни. Какъ на главные здѣшнiе промыслы можно указать на винодѣлiе, рыболовство и шелководство.

Въ религiозномъ отношенiи Абхазцы хотя и дѣлятся на православныхъ христiанъ, магометанъ и язычниковъ, но на самомъ дѣлѣ христiанство здѣсь смѣшано съ магометанскими и языческими обрядами и вообще господствуетъ полнѣйшiй хаосъ религiозныхъ понятiй.

Абхазцы охотно приняли новое ученiе и въ перiодъ отдѣленiя Абхазiи отъ Грузiи въ XIV вѣкѣ имѣли даже своего отдѣльнаго католикоса пребывавшаго въ Пицундскомъ монастырѣ. Съ паденiемъ Генуэзскихъ и Византiйскихъ колонiй на восточномъ берегу Чернаго моря, Абхазiя подпала подъ власть Турокъ и магометанство нѣсколько поколебало успѣхи христiанской религiи.

Деревень въ европейскомъ смыслѣ не встрѣчается въ Абхазiи; населенiе никогда здѣсь не живетъ скученно, а напротивъ того каждая сакля стоитъ особнякомъ. Эта сакля не болѣе какъ мизерная клѣтушка квадратной или круглой формы, сплетенная изъ хвороста и покрытая сверху камышемъ, кукурузными листьями или папоротникомъ. Жилище Абхазца бѣдно и грязно и эта же грязь и нечистота проявляется и въ его домашней обстановкѣ и въ одеждѣ.

Замѣчательно что женщина, стоитъ здѣсь гораздо выше въ нравственномъ отношенiи нежели мужчина. Ни рабство, ни тяжкiй трудъ не могутъ заставить жену забыть свой долгъ и измѣнить мужу. Сравнительно съ печальной долей замужней женщины, жизнь дѣвушки здѣсь болѣе свободна и даже не лишена поэзiи; дѣвушки принимаютъ дѣятельное участiе во всѣхъ праздникахъ и увеселенiяхъ и ихъ пѣсни, обрядовыя игры и гаданья исполнены какой-то дикой прелести.

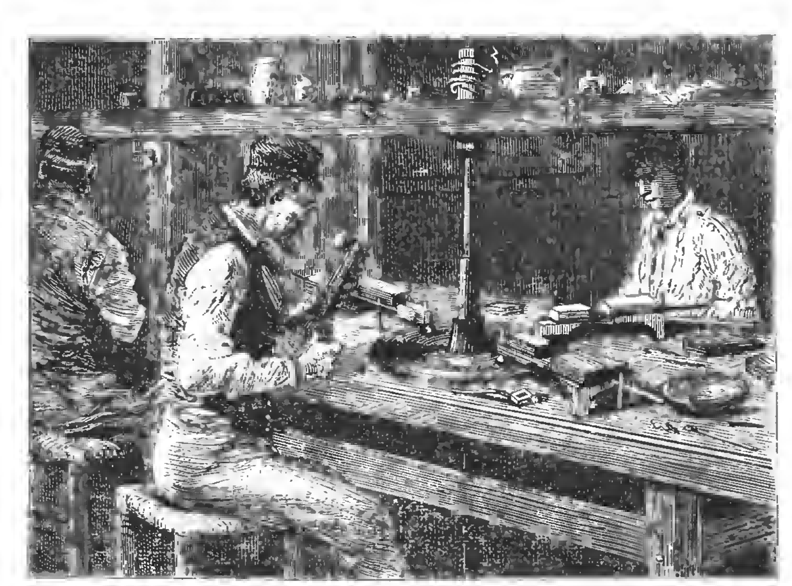
Порча комнатнаго воздуха.

Много есть вещей, которыя прямо влiяютъ на наше здоровье и отъ правильнаго примѣненiя которыхъ нерѣдко зависитъ ваше существованiе, но съ непостижимымъ легкомыслiемъ мы не придаемъ имъ никакого значенiя. Къ этой категорiи слѣдуетъ, прежде всего, отнести комнатный воздухъ, чистота котораго легко достигается соотвѣтственной вентиляцiей. Какъ, гдѣ и въ какихъ размѣрахъ должны быть приспособлены вентиляторы—это задача и обязанность архитектора. Почему нужно освѣжать воздухъ, отчего онъ портится и становится вреднымъ для здоровья, если долго въ немъ оставаться?

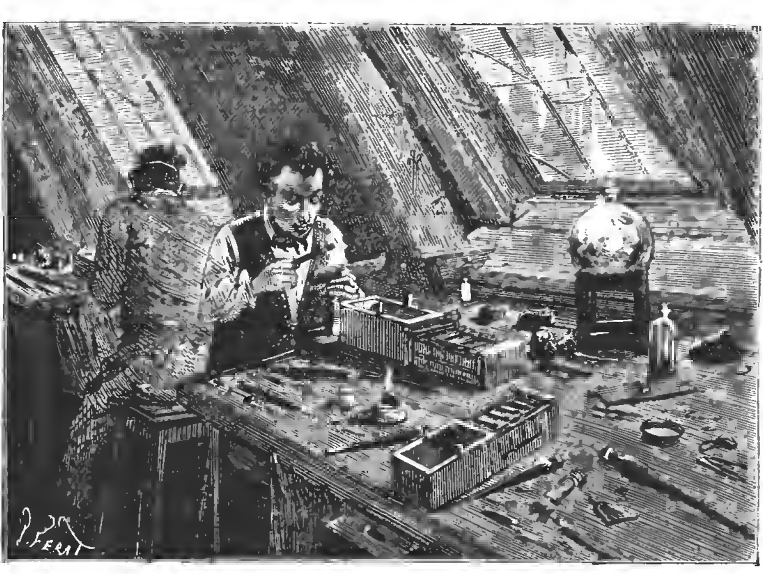
Угольная кислота въ чистомъ видѣ и даже при нахожденiи ея въ воздухѣ (какъ это бываетъ, напримѣръ, въ погребахъ, въ видѣ удушливаго газа) безусловно вредна для здоровья. Угольная кислота однако образуется не отъ одного броженiя винъ, пива и т. п., но и вообще отъ всякаго горѣнiя. Человѣческое дыханiе составляетъ одинъ изъ процессовъ сгаранiя: сахаръ и жиръ употребленной пищи перегораютъ въ нашемъ организмѣ и образуютъ воду и угольную кислоту. Первая испаряется изъ тѣла черезъ поры, послѣдняя же выносится дыханiемъ. Точно такъ же, какъ человѣческое тѣло, всякiй освѣтительный матерьялъ, какъ газъ, петроль, стеаринъ и др. выдѣляютъ при горѣнiи угольную кислоту. И такъ въ запертой комнатѣ, въ которой вечеромъ при лампѣ сидятъ нѣсколько лицъ, воздухъ постепенно будетъ насыщаться угольной кислотой, какъ отъ дыханiя людей, такъ и отъ горѣнiя лампы. Воздухъ лѣсовъ и полей обыкновенно содержитъ на 10,000 частей чистаго воздуха отъ 4 до 5 процентовъ угольной кислоты. Въ дурномъ комнатномъ воздухѣ, т. е. въ такомъ, въ которомъ преобладаетъ угольная кислота, пульсъ нашъ замедляется, а дыханiе учащается. Такъ, число вдыханiй достигаетъ 18, 19 разъ въ минуту при увеличенiи количества угольной кислоты съ 0,5 до 1. Если содержанiе угольной кислоты составляетъ $2^1/_2$, т. е. 5 частей на 10,000, то дыханiе учащается до 21 раза. Воздухъ въ которомъ мы находимся не долженъ содержать болѣе 0,8 на 10,000 частей. При 25 процентахъ угольной кислоты, воздухъ не въ состоянiи поддерживать горѣнiе, а при 30 процентахъ онъ становится безусловно удушливымъ. Всякiй воздухъ, содержащiй большее противъ нормы, количество угольной кислоты чрезвычайно непрiятенъ и при долгомъ вдыханiи рѣшительно вреденъ. Блѣдныя лица дѣтей, а затѣмъ и чахотка и другiя болѣзни, все это послѣдствiя того, дѣйствительно ужаснаго воздуха, который наполняетъ большею частью помѣщенiя училищъ, казармъ и госпиталей. Достаточно указать на нѣкоторые примѣры: классвая комната въ Базелѣ, по изслѣдованiю въ началѣ урока содержала 22 части угольной кислоты на 10,000 частей воздуха; въ 11 часовъ въ воздухѣ было уже 80 частей кислоты, а въ 4 часа $93^1/_2$ части, т. е. въ 12 разъ болѣе противъ максимума, не вредящаго дыханiю (8 ч. въ 10,000 ч.). Если три лица проспятъ 8 часовъ въ совершенно закрытой комнатѣ, то къ утру въ воздухѣ будетъ $2^1/_2$ фунта испаренiй и 20 кубическихъ футовъ угольной кислоты. Въ спальняхъ училищъ и казармъ, гдѣ ночуетъ по 80 человѣкъ,

къ концу восьмаго часа воздухъ содержитъ 36 футовъ испареній и 530 кубическихъ футовъ угольной кислоты. Такъ какъ взрослый человѣкъ требуетъ въ сутки до 500 футовъ кислорода, то изъ этого выходитъ, что изъ помѣщенія переполненнаго людьми поглощается кислородъ, а выдѣляемая угольная кислота заражаетъ воздухъ; такимъ образомъ находящіяся въ этомъ помѣщеніи люди или животныя непремѣнно должны задохнуться. Въ 1756 году при завоеваніи Калькутты, 146 плѣнныхъ англичанъ, по приказанію безчеловѣчнаго бенгальскаго набаба Сератши Даула, были заключены въ маленькую тюрьму, только въ 18 квадратныхъ футовъ и въ два небольшихъ окошечка. Вскорѣ послѣ закрытія дверей плѣнные почувствовали сильнѣйшія страданія; между ними завязалась отчаянная борьба, чтобы достигнуть окошка. По истеченіи шести часовъ 96 человѣкъ умерли въ мученіяхъ, остальные же впали въ обморокъ. Къ утру въ живыхъ осталось только 23 человѣка. Отъ горѣнія масляной лампы или газоваго пламени воздухъ заражается еще гораздо болѣе, чѣмъ отъ дыханія. Одна стеариновая свѣча въ часъ выдѣляетъ количество угольной кислоты равное тремъ четвертямъ того количества, какое выдѣляетъ человѣкъ неработающій; масляная лампа выдѣляетъ въ три раза болѣе, а газовое пламя почти въ четыре раза болѣе. Свѣжій воздухъ проходитъ однако постоянно въ наши жилища черезъ поры стѣнъ и скважины въ окнахъ и дверяхъ. Этимъ способомъ воздухъ сдѣлавшійся негоднымъ для дыханія замѣняется. Во всякомъ случаѣ желательно наступленіе того времени, когда станутъ обращать особенное вниманіе на содержаніе воздуха вообще, а тѣмъ болѣе въ классахъ и госпиталяхъ.

Рѣзаніе алмазовъ.



Граненіе алмазовъ.



Шлифованіе алмазовъ.

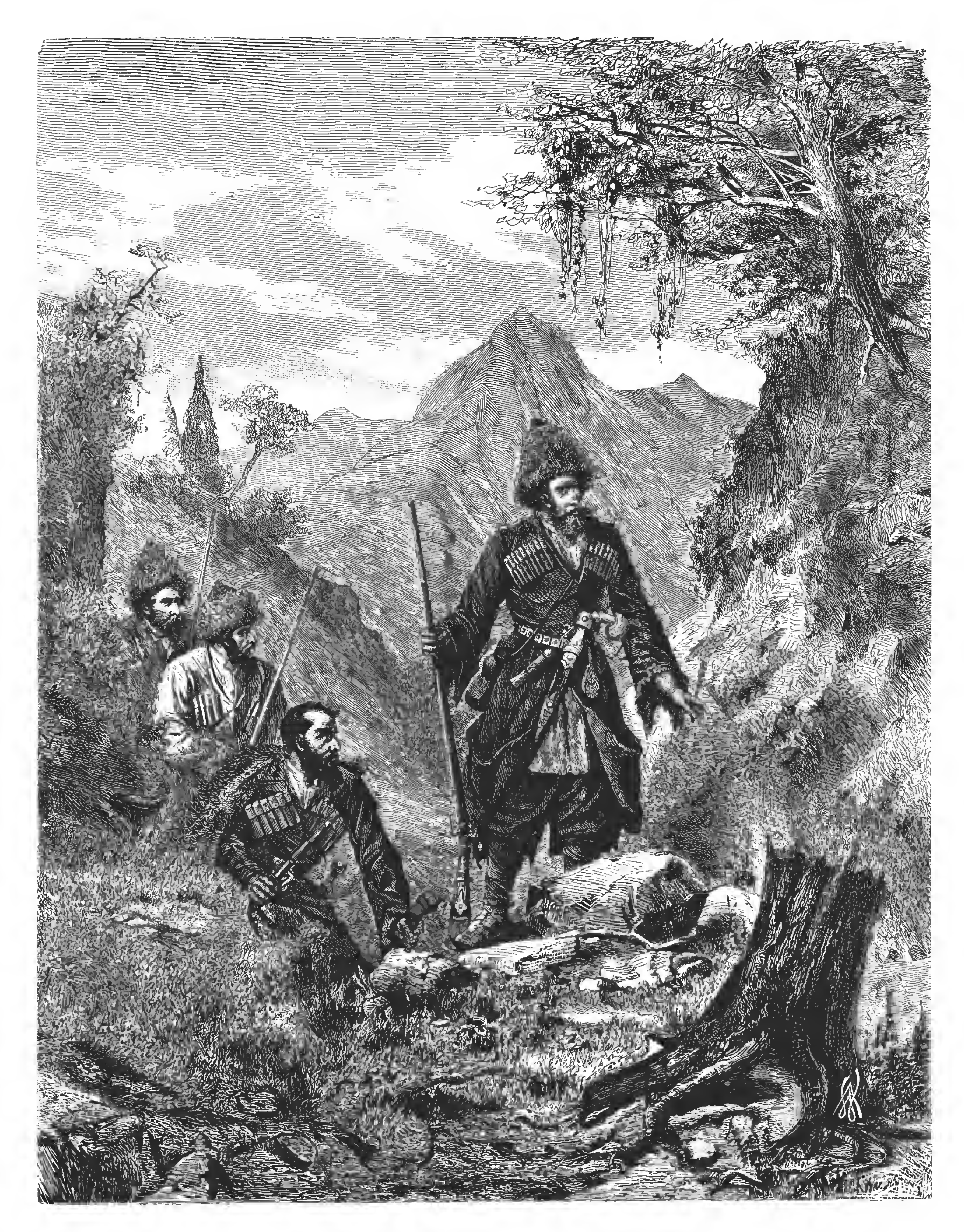
Политическое обозрѣніе.

Вѣсти изъ Турціи. — Ирландское движеніе — Союзъ Англіи съ Персіей. — Разногласіе во французскомъ министерствѣ. — Бывшая Императрица Евгенія и принцъ Наполеонъ. — Похороны графини Монтихо. — Свадьба короля Альфонса. — Кубанское возстаніе. — Побѣда Чилійцевъ.

По свѣдѣніямъ полученнымъ изъ Константинополя, нынѣшнее турецкое министерство не пользуется уже расположеніемъ Англіи. Положеніе Махмуда-Недима-паши сдѣлалось, въ настоящую минуту весьма шаткимъ. Говорятъ, что Лэйардъ постоянно твердитъ султану, что въ Англіи смотрятъ на Махмуда, какъ на врага реформъ и что присутствіе его въ кабинетѣ будетъ всегда служить препятствіемъ къ доброму согласію между обоими правительствами. Эти новости англійскаго посланника, повидимому, не остались безъ вліянія на султана, который, будто уже готовъ пожертвовать Махмудомъ, съ тѣмъ, чтобы удержать Саида-пашу. Что касается этого послѣдняго, англичане хотя и не любятъ его, но ничего не предпринимаютъ противъ него. Судя по тону турецкой прессы, общественное мнѣніе въ Турціи весьма враждебно настроено къ Англіи. Особенное вниманіе обратили на себя рѣзкія выходки дворцовой газеты „Терджюманъ и Хакикатъ.“ Съ своей стороны и англійское посольство ведетъ чернильную войну противъ турокъ. Недавно оно напечатало весьма рѣзкую статью противъ трехъ членовъ нынѣшняго министерства — Османа, Саида и Джевдета-пашей. Статья эта даже грозитъ революціей султану. Въ столицѣ снова ходятъ слухи о скоромъ низложеніи султана, приписываемые англійскимъ агентамъ. Въ мѣстной англійской газетѣ намекаютъ на опасность, грозящую трону, въ томъ случаѣ, если враждебные реформамъ министры останутся въ должностяхъ своихъ. Гуснія все еще не передана черногорцамъ. Для содѣйствія имъ, а можетъ быть и для противодѣйствія, туда посланъ Мухтаръ-паша съ войсками. На дняхъ распространился слухъ о томъ, будто онъ убитъ, подобно Мехмеду-Али-пашѣ, но слухъ этотъ теперь опровергнутъ. Алеко-паша настолько успѣлъ сойдтись съ турками и понравиться султану, что получилъ Османіэ 1-й степени, за что какая-то черная кошка пробѣжала между нимъ и Штрекеръ-пашей, который даже вызвалъ на дуэль генералъ-губернатора Румеліи Но — Богоридесъ не принялъ вызова. О теперешнемъ турецкомъ министрѣ иностранныхъ дѣлъ, Савасъ-пашѣ, сообщаютъ, что онъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, былъ коронннымъ врачемъ въ Константинополѣ. Въ то время, когда лордъ Литтонъ-Бульверъ былъ посланникомъ при Портѣ, Савасъ состоялъ у него домашнимъ докторомъ. Съумѣвъ, какимъ-то образомъ (чего въ Турціи не бываетъ) заявить себя хорошимъ организаторомъ, онъ получилъ должность губернатора одной изъ провинцій и мало по малу, достигъ настоящаго своего высокаго положенія.

Волненія въ Ирландіи принимаютъ все болѣе и болѣе обширные размѣры. Въ нынѣшнемъ движеніи сильнѣе, чѣмъ прежде выступили наружу соціальныя причины. Безземельное сельское населеніе доведено до отчаянія своимъ тяжелымъ экономическимъ поло-

(Продолженіе на стр. 985, 986, 987, 988, 989, 990, 991 и 992).



Абхазцы въ засадѣ. Ориг. рисун. А. Ваньюра, грав. Цамарскій.

женіемъ. Едва ли на этотъ разъ удастся Биконсфильду такъ легко справиться съ ирландцами. Произведенныя недавно имъ аресты нѣкоторыхъ изъ вожаковъ, именно, феція Микеля Девита, адвоката Джемса Киллена и издателя одной ирландской газеты, Джемса Дели, только усиливаютъ возбужденіе умовъ. Въ Баллѣ и Суинфордѣ происходили громадные митинги, для заявленій противъ мѣропріятій англійскаго правительства, нарушающихъ, по мнѣнію агитаторовъ, актъ „Habeas Corpus.“ На митингѣ въ Суинфордѣ участвовало до 20 тысячъ человѣкъ. Дошло уже до того, что военныя власти опасаются нападенія на казармы и принимаютъ мѣры предосторожности. Населеніе Ирландіи сильно уменьшается отъ переселеній. По народной переписи 1871 г. населеніе этой страны составляло 5.412,377 д., а въ срединѣ 1878 г.—она уже понизилась до 5.350,950 д. Съ 1853 по 1877 г. выселилось 2 милліона, въ томъ числѣ $1^1/_2$ милліона—въ Соединенные Штаты. Ежегодно отечество оставляетъ отъ 15 до 20 тысячъ д. Привязанность ирландцевъ къ своему Зеленому Эрину поддерживается въ Америкѣ чувствомъ ненависти къ Англіи. Всякому движенію въ Ирландіи противъ англійскаго владычества доставляется отъ ирландскаго населенія Соединенныхъ Штатовъ свѣжій матеріалъ, и необходимыя при этомъ денежныя средства. Извѣстно, что феніанское движеніе шестидесятыхъ годовъ имѣло своимъ главнымъ базисомъ Америку, откуда оно получало оружіе и деньги.

Въ „Daily News“ мы находимъ слухъ, хотя и не могущій удивить насъ, тѣмъ не менѣе заслуживающій серьезнаго вниманія. Газетѣ сообщаютъ, что *англійское правительство намѣревается въ будущемъ году, въ союзѣ съ Персіей* (!), *занять Гератъ*. Что Англія дѣятельно поработала надъ усиленіемъ своего вліянія въ Иранѣ,—ясно видно уже изъ того, что персы недавно еще расположенные къ намъ, выказываютъ теперь къ намъ чувство противоположное, особенно обнаружившееся во время нашей ахалъ-текинской экспедиціи, гдѣ они отказались отъ всякаго содѣйствія нашимъ войскамъ и едва ли не относились сочувственно къ туркменамъ. Понятно, что съ нашей стороны не дадутся врасплохъ.

Во Франціи замѣтны проявленія борьбы между крайнимъ и консервативными элементами. Борьба эта отчасти отозвалась и на отношеніяхъ въ средѣ министерства. Дѣло въ томъ, что недавно радикалъ Жантъ былъ назначенъ губернаторомъ острова Мартиники. Морской министръ потребовалъ отмѣны этаго назначенія и когда Грэви согласился и предложилъ Жанту отказаться отъ должности, то министръ внутреннихъ дѣлъ, Лепэръ, съ своей стороны объявилъ, что выходитъ въ отставку, но президенту республики удалось уговорить Лепэра взять отставку назадъ.

Герцогъ Омальскій устраиваетъ въ своемъ замкѣ, Шантильи, охоты, на которыя приглашены его товарищи по французской академіи. Въ числѣ приглашенныхъ находятся также маршалъ Макъ-Магонъ и бывшій военный министръ Баррайль. Легитимистъ Бодри-д'Ассонъ устроилъ 20-го ноября банкетъ въ честь уволенныхъ вандейскихъ мэровъ. На банкетѣ, въ которомъ предсѣдательствовалъ генералъ Шарретъ, участвовало 800 лицъ. Произнесено конечно было много рѣчей, направленныхъ противъ республики, за что, какъ слышно, правительство намѣрено привлечь къ суду Бодри.

Мы сообщали уже, что чрезъ Парижъ недавно проѣхала бывшая императрица Евгенія, по пути въ Мадридъ, гдѣ скончалась мать ея, графиня Монтихо. Императрица остановилась у герцога и герцогини Муши. Принцъ Наполеонъ явился къ ней и свиданіе, вопреки всѣмъ распускавшимся до сихъ поръ слухамъ о ссорѣ между ними, имѣло видъ довольно дружественный. Разговоръ шелъ преимущественно о фамильныхъ дѣлахъ, причемъ принцъ много говорилъ о бѣдствіяхъ, обрушившихся на Бонапартовъ вообще и на императрицу въ особенности. Въ Мадридѣ, на станціи, Императрица была встрѣчена королемъ Альфонсомъ, сообщившимъ ей о кончинѣ матери ея. Похороны графини Монтихо происходили 25-го и сопровождались большою торжественностью и великолѣпіемъ. Во главѣ процессіи слѣдовало множество дѣтей, воспитывающихся въ тѣхъ школахъ и благотворительныхъ учрежденіяхъ, которыя состояли подъ покровительствомъ покойной графини, затѣмъ—около 40 патеровъ, пѣвшихъ „Miserere.“ Погребальную колесницу везли 6 лошадей, богато убранныхъ, за колесницей ѣхало болѣе 300 экипажей, въ числѣ которыхъ находилась и карета короля, а также и экипажи грандовъ Испаніи. Императрица живетъ теперь у своего родственника герцога Альба.

17-го совершена въ церкви Атосской Божьей Матери, церемонія брокосочетанія короля Альфонса и эрц-герцогини Христины. На церемоніи присутствовали члены дипломатическаго корпуса и высшіе сановники. Король вступилъ въ церковь въ сопровожденіи бывшей королевы Изабеллы, а эрц-герцогиня—въ сопровожденіи своей матери. Съ о. Кубы получено извѣстіе о новомъ возстаніи. Правительство принимаетъ мѣры.

Война въ Южной Америкѣ продолжается съ прежнимъ ожесточеніемъ, при перевѣсѣ на сторонѣ чилійцевъ, которые вступили уже въ предѣлы Пэру; они взяли городъ Иквикэ.

Покушеніе 19 Ноября.

Въ прошломъ № мы сообщили правительственную телеграмму о новомъ покушеніи, которому нѣтъ въ языкѣ достаточно сильнаго слова, чтобы достойнымъ образомъ заклеймить это позорное безумное дѣяніе. Теперь мы представимъ нѣкоторыя подробности сообщенныя нашими газетами и сводъ нѣкоторыхъ мнѣній ими высказанныхъ по этому поводу, Свѣдѣнія доселѣ появившіяся даютъ возможность представить довольно полную картину ужаснаго событія.

Слѣдуя въ Москву, Государь Императоръ прибылъ въ Симферополь раньше времени, назначеннаго въ маршрутѣ. 17 ноября, согласно утвержденному маршруту, Государь Императоръ имѣлъ отбыть изъ Симферополя въ 12 часовъ ночи, предшествуемый въ получасовомъ разстояніи такъ-называемымъ свитскимъ поѣздомъ, въ которомъ помѣщался и багажъ Его Величества, всего 14 вагоновъ при двухъ паровозахъ. По чистой случайности, ускорившей прибытіе Императорскаго поѣзда въ Симферополь и оказавшейся впослѣдствіи столь счастливою, первымъ пущенъ былъ изъ Симферополя Императорскій поѣздъ, который уже шелъ по росписанію свитскаго, т. е. на полчаса впереди маршрутнаго назначенія, и прибылъ такимъ образомъ благополучно въ Москву въ часъ, назначенный для прибытія свитскаго поѣзда.

Послѣдній шелъ въ разстояніи одной станціи отъ Императорскаго поѣзда и также безпрепятственно достигъ товарной станціи Москвы; въ немъ помѣщалось, въ 14 вагонахъ, до 50 человѣкъ, въ томъ числѣ военно-походная канцелярія Его Величества, секретари, офицеры, инженеры вѣдомства путей сообщенія, фельдъегеря и случайно ѣхавшій на поѣздѣ шталмейстеръ высочайшаго двора князь Оболенскій. Для свитскаго поѣзда были приняты всѣ тѣ же предосторожности, какъ и для Императорскаго поѣзда. Мѣсто взрыва находится отъ станціи мосвовско-курской желѣзной дороги въ трехъ верстахъ, но оно въ чертѣ города, въ Рогожской части, тамъ, гдѣ полотно желѣзной дороги, подходя къ станціи, проходитъ близь обывательскихъ, большею частью деревянныхъ домовъ. Это недалеко отъ Андроньева монастыря, въ такъ называемой „Новой Деревнѣ“. О самой катастрофѣ очевидецъ событія разсказываетъ: „Пройдя товарную станцію въ Москвѣ, мы могли изъ оконъ видѣть толпы народа, которыя только что проводили радостными восклицаніями Государя и смотрѣли на нашъ поѣздъ. Иллюминація Москвы также представлялась намъ издали. Мы уже начали надѣвать шинели, такъ какъ оставалось около $2^1/_2$ верстъ до пассажирской станціи, то-есть 5 минутъ ходу, какъ вдругъ страшный трескъ поразилъ нашъ слухъ, и моментально начало бросать вагонъ изъ стороны въ сторону, что ясно показывало, что мы сошли съ рельсовъ. Предполагая простой сходъ, многіе стали пробираться къ двери; сзади напиравшіе вагоны заставляли бояться, какъ бы не быть задавленнымъ. Наконецъ сильный толчекъ остановилъ нашъ вагонъ. Я выскочилъ почти первый и побѣжалъ къ двумъ стоявшимъ около поѣзда людямъ. Сбѣжалась полиція и масса народа. У всѣхъ вырвалось: „Боже, какое счастіе, что Царь проѣхалъ благополучно“! Выбѣжали фабричные изъ сосѣднихъ фабрикъ; но никому не пришло сразу въ голову, какого ужаснаго замысла были мы всѣ свидѣтели. Большинство вообразило, что лопнулъ паровозъ, — такъ силенъ былъ взрывъ. Я бросился къ ближайшей казармѣ, чтобы телеграфировать на станцію о случившемся, но отъ взрыва повалило телеграфный столбъ, и проволоки перервались; передать депешу о случившемся не было возможности. Негодованіе народа было велико, и всѣ подбѣгавшіе не переставали креститься, благодаря промыслъ Божій, который вновь спасъ драгоцѣнную жизнь Государя. Стрѣлочникъ и городовой пострадали, кажется, значительно: они находились около самаго мѣста взрыва. Въ поѣздѣ всѣ отдѣлались одними толчками и испугомъ. Ясно, что злодѣи предполагали, что Государь находится во второмъ поѣздѣ, такъ какъ нашъ поѣздъ прибылъ во время, назначенное для Императорскаго. Насъ также спасла случайность: мы шли по другому пути, а не по минированному. Но и при этомъ отъ сотрясенія багажный вагонъ выкинуло изъ поѣзда,—что же было бы, если-бы взрывъ случился подъ нашимъ поѣздомъ? *Ни кто не остался бы въ живыхъ*“.

Въ 2 часа ночи прокуроръ, слѣдователи и пр. прибыли на мѣсто происшествія, въ Рогожскую часть. Разрушеніе, сдѣланное взрывомъ, прямо повело по слѣду къ ближайшему дому. Домъ оказался пустой; ни на дворѣ, ни въ домѣ никого. На дворѣ разрыхленная земля указала путь мины, и порывшись немного въ снѣгу, слѣдователь нашелъ проволоки, по которымъ скоро добрались до батареи, помѣщавшейся въ сараѣ. Оттуда злодѣи могли слѣдить за проходомъ поѣздовъ и произвести взрывъ въ любую минуту. Дознаніе выяснило, что еще въ минувшемъ сентябрѣ домъ купленъ какимъ-то молодымъ человѣкомъ, назвавшимся мѣщаниномъ Самарскимъ, который и поселился тамъ съ какою-то женщиной. Всѣ сосѣди видали хозяевъ этого дома, которые, купивъ домъ, вырыли подвалъ и неоднократно показывали, какой славный песокъ нашли они

въ подвалѣ. Подъ предлогомъ вывоза песку, вывозилась земля, вырываемая при копаніи мины. Мина оказалась въ 22 сажени длины. Заложена она совершенно правильно и доведена до путей московско-курской желѣзной дороги на трехсаженной глубинѣ. Внутренняя обстановка самаго дома отличалась простотою и даже тою русскою религіозностью, которая украшаетъ углы иконами и лампадами; стѣны были украшены портретами Государя Императора и лицъ Императорской фамиліи. Очевидно, все это сдѣлано было для того, чтобъ отклонить всякое подозрѣніе. Квартира злодѣевъ совершенно мѣщанская, обои плохія, но подъ ними тщательно проведены проволоки для гальваническихъ токовъ; самыя батареи помѣщались въ простыхъ красныхъ сундукахъ, такъ что приди полиція въ самый домъ наканунѣ, она не нашла бы ничего подозрительнаго. Рабочія платья, оставленныя въ домѣ, свидѣтельствуютъ, что надъ миной работало нѣсколько человѣкъ, ибо платья на разный ростъ. Слѣдователи нашли слѣды только-что бывшаго ужина, но хозаевъ и слѣдъ простылъ. Вѣроятно скоро нападутъ на слѣдъ злодѣевъ, такъ какъ лица ихъ извѣстны всѣмъ сосѣдямъ.

Мѣсто взрыва было 20 ноября осажено массой москвичей, причемъ на самомъ мѣстѣ рѣшено было устроить въ память чудеснаго спасенія часовню. Слышно, что къ дѣлу о взрывѣ привлеченъ московскій нотаріусъ Е—въ, удостовѣрившій, при совершеніи купчей, личность покупателя, что безъ сомнѣнія очень важно.

Объ энергической дѣятельности властей и говорить нечего. Разслѣдованіе производится при непосредственномъ участіи прокурора московской судебной палаты, графа Капниста. На одной изъ станцій нижегородско-московской желѣзной дороги арестованы двѣ какія то личности. Говорятъ что этотъ арестъ имѣетъ связь съ покушеніемъ 19 ноября. Въ Москвѣ, за тотъ день, произведено было нѣсколько арестовъ, относящихся до покушенія. 20-го числа около четырехъ часовъ вечера, вокругъ домика, изъ двора котораго подведенъ подкопъ, образовалась мало помалу огромная толпа. Народъ продолжалъ прибывать и возбужденіе росло съ каждою минутою. Наконецъ, около седьмаго часа, толпа бросилась на домишко, охраняемый двумятремя чинами полиціи, и стала разносить его. Въ мигъ окна были выбиты, двери высажены, Народъ, ворвавшись во внутрь, сталъ выкидывать изъ оконъ и дверей все находившееся внутри. Затѣмъ принялись за рамы, за двери, за заборъ. Все это было разметано въ нѣсколько минутъ. Подкрѣпленіе, явившееся на помощь полиціи, остановило это разгромленіе. Домишко ничтожный хоть и въ два этажа, деревянный, но не ветхій. Онъ недавно былъ выстроенъ (года четыре назадъ) мѣщанкою Сухоруковою и проданъ ею, какъ мы сообщили вчера, три мѣсяца назадъ (въ началѣ сентября) какому-то очень молодому человѣку, блондину, съ жидкой рыжеватой бородкой. Лица, при посредствѣ которыхъ состоялась эта купля, уже найдены и допрошены. Говорятъ, что ихъ указанія очень опредѣлительны и важны относительно личности покупщика. Домъ проданъ былъ за несоразмѣрно высокую цѣну (свыше двухъ тысячъ рублей). Колодезь, вырытый на дворѣ, имѣетъ три съ половиной сажени глубины. Подземная галлерея, выведенная отъ него подъ желѣзную дорогу, сдѣлана очень хорошо, по всѣмъ правиламъ минернаго искуства, и выложена досками, чтобы предотвратить обвалы. Отъ колодца проволока проводника проложена подъ снѣгомъ прямо въ сарайчикъ, находящійся на дворѣ у наружнаго забора. Въ наружной стѣнѣ сарайчика продѣлано незначительное отверстіе, чрезъ которое державшій приводъ могъ слѣдить за движеніемъ поѣзда. Въ домикѣ съ ноября жило двое жильцовъ: молодой человѣкъ не высокаго роста, слабый, болѣзненный, худощавый, съ жиденькою, бѣлесоватою бородкою (купившій домъ), и женщина молодая. Она была всегда одѣта въ черное, его же, чаще видѣли въ сѣромъ пальто и мягкой шляпѣ. Обѣ личности постоянно пребывали въ домѣ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Къ этому № прилагается для всѣхъ гг. подписчиковъ объявленіе о подпискѣ на „Ниву" въ 1880 г., заключающее въ себѣ образцы гравюръ и рисунковъ, помѣщаемыхъ въ „Нивѣ", и объясняющее тѣ цѣли и направленія, которыхъ въ теченіи десятилѣтняго существованія неуклонно держался нашъ журналъ.

Подписчики „Нивы" достаточно знакомы съ художественными и литературными ея достоинствами. Мы просимъ ихъ, какъ друзей изданія, сдѣлать ему дружескую услугу, распространяя между своими знакомыми, не подписавшимися еще на журналъ, наши объявленія о подпискѣ на „Ниву" 1880 г.

Обращаемъ за симъ вниманіе на наши изданія, перечисленныя въ томъ же объявленіи, и уступаемыя подписчикамъ „Нивы" съ значительной сбавкой цѣны.

☞ Контора редакціи проситъ обратить вниманіе на то, что типографія не въ состояніи набирать, корректировать и печатать въ теченіи дня и ночи болѣе 600 адресовъ, почему покорнѣйше проситъ ПОСПѢШИТЬ возобновленіемъ подписки, на „Ниву" чтобы при высылкѣ первыхъ номеровъ 1880 г. не случилось задержки. ☜

Рѣшеніе задачи ходъ коня № 8.

Б у р я.

Корма затрещала, летятъ паруса,
Встревоженной хляби звучатъ голоса
И солнце затмилось надъ бездной морскою,
Съ послѣдней надеждой, кровавой зарею.

Громада, бунтуя, реветъ и кипитъ,
И волны бушуютъ, и вѣтеръ шумитъ,
И стонъ раздается зловѣщихъ насосовъ,
И вырвались верьви изъ рукъ у матросовъ.

Торжественно буря завыла, дымясь,
Изъ бездны кипучей гора поднялась
И ангелъ губитель по ярусамъ пѣны
Въ корабль выступаетъ какъ ратникъ на стѣны..

Козловъ.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи прислали: **Спб.** гг. С. Верещагинъ и Е. М. П., Н. Меенъ, С. Зен—ева, П. Грикуровъ, Н. Ивановъ, П. Будановъ; **Москва**—Иванъ Елинъ, П. Титовъ; **Кронштадтъ** — Реалестъ, Н. Держанъ; **Пенза**—Д. Орловъ; **Серпуховъ**—И. Костяковъ; **Елисаветградъ**—Н. Баумгартенъ.

Рѣшеніе магическаго квадрата № 17.

ш	п	і	о	н
н	р	о	б	а
і	о	с	п	ф
о	б	н	д	а
н	а	ф	а	н

Рѣшеніе магическаго квадрата № 18.

с	т	о	п	а
т	о	п	о	р
о	п	о	р	а
п	о	р	о	к
а	р	а	к	с

Вѣрныя рѣшенія магическихъ квадратовъ прислали, **Серпуховъ**—г. И. Костяковъ и **Мозырь**—г. Юр. Лапичъ.

Рѣшеніе шашечной задачи № 17.

Черныя.	Бѣлыя.
Съ № 16 на 20	Съ № 23 на 16
„ „ 11 „ 15	„ „ 19 „ 12
„ „ 6 „ 10	„ „ 17 „ 6
„ „ 2 „ 13	„ „ 9 „ 18
„ „ 25 „ 7	

Вѣрныя рѣшенія этой задачи прислали: **Спб.**, гг.: Е. А. Лилипаровъ, Ф. И. Кручининъ, Г Гатлихъ, И. М. Тисовъ, Степанычъ, П. Грикуровъ, В. Лунинъ; **Москва**, гг. В. Сидѣльниковъ, В. Андріановъ, А. Медвѣдевъ. В. Звѣванинъ, М. Самсоновъ; **Гжатскъ**—М. Өита; **Кронштадтъ**—Н. Держанъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Поединокъ (съ рис.)—На далекомъ востокѣ. Разсказы А. Максимова. II. Піонеры.—У стараго фонтана. (Разсказъ. Окончаніе).—Первая жизненная горечь (съ рис.)—Товій, возвращающій зрѣніе своему отцу (съ рис.).—Пастухъ и змѣя (съ рис.)—Обдѣлка брилліантовъ въ Амстердамѣ (съ рис.)—Абхазцы (съ рис.)—Порча комнатнаго воздуха.—Политическое обозрѣніе.—Покушеніе 19 Ноября.—Отъ редакціи.—Рѣшеніе задачи ходъ коня.—Рѣшеніе магическихъ квадратовъ.—Рѣшеніе шашечной задачи.— Объявленія.—При этомъ № прилагаются «Парижскія моды» за ДЕКАБРЬ съ 24 рисунками и отдѣльный листъ съ 25 чертеж. выкроекъ въ натуральн. величину и съ 24 рис. рукодѣльн. работъ.

Издатель А. Ф. Марксъ. Редакторъ Ф. Бергъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ПОЛЕЗНЫЙ ПОДАРОКЪ НА ЁЛКУ.

Буквы-картинки рисовалъ **В. Шпакъ** по мысли **Ф. Резекера.** Наклеен. на 36 картон. табличекъ въ 8 кв. верш. раскрашен. въ коробкѣ **1 р. 50 к.** нераскраш. **1 р.** (упак. 10 к. перес. за 4 ф.) въ листахъ **40 к.** перес. 1 ф.

☞ Изданіе это не слѣдуетъ смѣшивать съ старинными азбуками въ картин.: это совершенно новое и оригинальное пособіе, облегчающее начало обученія, связующее печатное начертаніе буквы съ обознач. ею звукомъ посредствомъ рисунковъ, предметовъ, схожихъ по начертанію съ начальною буквой ихъ названія, такъ напр. рис. Обруча изображаетъ букву О, Серпа С, Жука—Ж и т. д.

Складъ въ **С.-Петербургской мастерской учебныхъ пособій и игръ.**

☞ Уголъ Графскаго и Троицкаго переулка 18—3. ☜

☞ **Справочный каталогъ (четвертой) мастерской** высылается за почтовыя марки на 14 коп. ☜ № 421 3—1

Въ г. Таганрогѣ у Протоіерея Василія **Бандакова** продается 7 томовъ, заключающихъ въ себѣ 925 простыхъ и общевразумительныхъ

БЕСѢДЪ И ПОУЧЕНІЙ,

за всѣ семь томовъ съ пересылкою **семь** рублей, отдѣльно каждый томъ 1 р. 30 к. съ пересылкою.

Выписывающимъ отъ 5 до 10-ти томовъ, дѣлается уступка 7%, а отъ 10 до 20-ти 15%.

ПРИМѢЧАНІЕ: Отзывы о сихъ поученіяхъ были помѣщены въ „Нивѣ" за 1876 годъ, въ „Странникѣ" за 1876 годъ стр. 158, въ „Одесскомъ Воскресномъ листкѣ" за 1876 годъ № 38 и „Иркутскихъ Епархіальныхъ вѣдомостяхъ за 1875 г. № 40 и въ прочихъ Епарх. вѣд. № 415

Поступила въ продажу новая книга:

ПРАКТИЧЕСКОЕ РУКОВОДСТВО КЪ ВЕДЕНІЮ

МОЛОЧНАГО ХОЗЯЙСТВА.

Соч. К. Петерсена.

Переводъ со II-го нѣм. изданія П. Костычева, съ 26-ю политипаж. въ текстѣ. Цѣна **1 руб. 25** коп.

Д-ра ПРИБЫЛЯ

ДОМАШНЕЕ и ЗАВОДСКОЕ

ПТИЦЕВОДСТВО.

Съ 14-ю политип.—Перев. съ нѣм. Н. Ольгина. Цѣна 1 р. 25 коп.

Эти книги составляютъ томы I и II издаваемой теперь и состоящей изъ 6 томовъ, первой серіи «Сельско-Хозяйствен. Библіотеки», на которую открыта подписка за цѣну 6 руб. Требованія адресования «Книгопродавцу-издателю А. Ф. Девріену», С.-Петербургъ, исполняются безъ уплаты за пересылку. № 423 1—1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1880 г.

НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ и ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„ВОСТОКЪ".

(еженедѣльно, безъ предварительной цензуры).

Въ газетѣ принимаютъ участіе многіе изъ русскихъ, греческихъ и славянскихъ литераторовъ и публицистовъ и нѣкоторые изъ представителей православнаго духовенства на Востокѣ. Корреспондентовъ «Востокъ» имѣетъ: въ Европейской и Азіатской Турціи, Австро-Венгріи, Греціи, Румыніи, Сербіи, Болгаріи, Черногоріи и Босніи. Въ литературномъ отдѣлѣ будутъ помѣщаемы романы, повѣсти, разсказы и другіе произведенія русской, славянской и иностранной беллетристики, также и историческіе, этнографическіе и статистическіе очерки, преимущественно греко-славянскаго міра.

За годъ съ доставкою и пересылкою въ Россіи и заграницей **8 р.,** на полгода **4 р. 50** коп.

Подписка принимается: въ Москвѣ, въ редакціи газ. «Востокъ», на Остоженкѣ, въ домѣ Алексѣевскаго монастыря, въ Одессѣ, у И. Ю. Вучины, на Итальянской ул.; въ Сербіи, въ Бѣлградѣ при митрополіи, въ Аѳинахъ, въ редакціи Journal d'Athènes. № 425. 1—1

Поступила въ продажу новая книга:

КАРТОФЕЛЬ,

его культура, сохраненіе, болѣзни и сорта. составилъ

В. А. ПОГГЕНПОЛЬ.

Препод. Уманск. училища землед. и садовод. Съ 27 рис. Цѣна 2 р.

Гг. иногородн., адресующіе свои требов. на имя книгопр.-издателя А. Ф. Девріена, въ Спб., В.-О., Большой пр., № 8, за перес. не платятъ. № 422 1—1

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

„БРАТЬЯ КУЗНЕЦОВЫ",

на Никольской улицѣ, въ **Москвѣ.**

совершаетъ всѣ банкирскія операціи.

Страхуетъ билеты 1-го и 2-го внутр. съ выигрышами займовъ отъ тиража погашенія.

Продаетъ серебро въ слиткахъ, начиная отъ 10 фунт.

Продаетъ золото въ слиткахъ. № 214 11—9

ВЕСЬМА ВАЖНОЕ

ДЛЯ ДОМОВЛАДѢЛЬЦЕВЪ И АРХИТЕКТОРОВЪ

ново-изобрѣтенныя, патентованныя въ Германіи, Австріи и Венгріи,

ПАНЦЫРНЫЯ ПЛАСТИНКИ

изъ желѣза и стекла для крышъ.

Непропускающія сырости и не расплавляющіеся даже въ самомъ сильномъ огнѣ, не передаютъ ни холода ни жару, не требуютъ ни починки ни окраски. Кроется такая крыша очень просто и быстро.

Двадцать штукъ такихъ пластинокъ покрываютъ площадь въ одинъ квадр. метръ; квадратный метръ стоитъ 6 марокъ и вѣситъ около 10 фунтовъ.

Удобство и преимущество этихъ пластинокъ передъ другими матеріалами для крышъ тѣ, что ихъ прямо получаютъ уже, синяго, зеленаго, краснаго коричневаго или сѣраго цвѣта.

Желающимъ высылаю маленькіе образцы и принимаю заказы. Изобрѣтатель

№ 393 3—2 Leipzig Weststr. 53. Ф. А. Рейхель.

☞ Aelteste deutsche Zeitung Russlands! ☜

St. Petersburger Zeitung.

Verantwortlicher Redacteur und Herausgeber: P. v. Kügelgen. Erscheint täglich in grossem Royal-Format. Bringt das Beste auf allen Gebieten. Abonnementspreis: für St. Petersburg mit Zustellung ins Haus 13 Rbl. (1 Jahr)—7 Rbl. (1/2 Jahr)—3 3/4 Rbl (1/4 Jahr). — Für das übrige Russland 14 Rbl. (1 Jahr)—7 1/2 Rbl. (1/2 Jahr)—4 Rbl. (1/4 Jahr).—Für's Ausland: 56 Mark (1/2 Jahr)—28 Mark (1/2 Jahr)—14 Mark (1/4 Jahr).

☞ Insertionen finden die weiteste und nützlichste Verbreitung. ☜

328 ☞ Erscheint ohne Präventiv-Censur! ☜ 3—2

Probe-Nummern gratis und franco!

СЪ ВЫСОЧАЙШАГО РАЗРѢШЕНІЯ

БУДЕТЪ РОЗЫГРАНА

V-я ЛОТЕРЕЯ

ВЪ ПОЛЬЗУ ШКОЛЪ

С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО

ЖЕНСКАГО ПАТРІОТИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

ВСЕГО 600 ВЫИГРЫШЕЙ.

Въ составъ выигрышей войдутъ вещи, пожертвованныя Особами Императорской Фамиліи, и за симъ слѣдующіе предметы.

Первый выигрышъ: полный, чайный и столовый сервизы, 200 фунтовъ серебра 84 пробы	8,000 р
Три выигрыша: различные серебряные сервизы по 1000 руб. каждый	3,000 р
Шесть выигрышей: различныя цѣнныя вещи всего на	1 000 р
Остальные выигрыши состоятъ исключительно изъ золотыхъ и серебряныхъ вещей стоимостью на сумму	15.000 р

БИЛЕТОВЪ НА ЛОТЕРЕЮ НАЗНАЧЕНО 50,000.

ЦѢНА БИЛЕТА 1 РУБЛЬ.

Билеты можно получать въ Канцеляріи Совѣта С.-Петербургскаго Женскаго Патріотическаго Общества по Казанской улицѣ, въ зданіи Опекунскаго Совѣта. Иногороднихъ проситъ обращаться въ С.-Петербургъ по сему адресу. № 412

О днѣ розыгрыша лотереи въ свое время будетъ объявлено въ семъ же журналѣ

КОНТОРСКІЯ И СЧЕТОВОДНЫЯ КНИГИ

ПРОДАЮТСЯ ГОТОВЫЯ и ДѢЛАЮТСЯ ПО ЗАКАЗАМЪ,

по всѣмъ системамъ счетоводства, по самымъ умѣреннымъ цѣнамъ. Иногороднымъ высылаются по почтѣ и чрезъ транспортныя конторы.

№ 413 Адресоваться: въ **«Фирму Счетоводъ»**, Невскій пр., д. № 27. 1

„ПОДАРКИ ДѢТЯМЪ".

Новое—періодическое изданіе.

Цѣль изданія—дать возможность родителямъ, безъ всякихъ хлопотъ и за сравнительно дешевую цѣну, пріобрѣтать для подарка дѣтямъ новыя **игры и игрушки,** которыя, служа забавою, по существу, будутъ въ тоже время развивать въ дѣтяхъ охоту учиться искусствамъ, рукомесламъ и т. п., а также пріучать ихъ къ порядку, правильному взгляду на трудъ и проч. Первый выпускъ изданія будетъ состоять изъ четырехъ деревянныхъ **музыкальныхъ инструментовъ,** 4-хъ тетрадей нотъ, печатнаго подробнаго объясненія ихъ употребленія и самаго популярнаго изложенія первоначальныхъ понятій о музыкѣ съ присоединеніемъ различныхъ полезныхъ свѣдѣній и наставленій. Приложенныя къ инструментамъ, ноты такъ составлены, что участвующіе въ квартетѣ, **не зная вовсе музыки,** будутъ исполнять до 30 музыкальныхъ піесъ.

Въ теченіи года будетъ четыре выпуска **„ПОДАРКОВЪ ДѢТЯМЪ».**

Подписная цѣна:	*На годъ.*	*На 1/2 года*	*На 1/4 года.*
Безъ доставки	7 р	4 р. — к.	2 р. 25 к.
Съ доставкою и пересылкою	8 »	4 » 50 »	2 » 50 »

Съ требованіями просятъ адресоваться въ редакцію журнала «Подарки Дѣтямъ», въ С.-Петербургѣ, Ивановская улица, домъ № 15.

Гг. попавшіе въ число первой тысячи подписчиковъ получатъ первый выпускъ, то есть **квартетъ,** къ празднику Рождества Христова.

№ 417. 2—1 Редакторъ-издатель **И. Горбуновъ.**

КРЫШКИ для переплета «Нивы» 1879 и также 1880 гг. по вышеоказанному образцу 1 р. съ пересылкою 1 р. 50 к. Каждый простой переплетчикъ въ губернскомъ городѣ легко можетъ переплесть «НИВУ» въ такую коленкоровую крышку.

Произведенія разсмотрѣны и разрѣшены Спб Врачебнымъ Управленіемъ.

КРАСОТА И СОХРАНЕНІЕ КОЖИ.

Вода де Лисъ де Нинонъ придаетъ кожѣ бѣлизну и прозрачность, предохраняетъ ее отъ загара, красноты, прыщей и проч. Необходима зимою противъ наножныхъ трещинъ и для освѣженія кожи разгоряченной газомъ и дурнымъ воздухомъ, лѣтомъ оно лучшее средство отъ загара и воспаленія вызваннаго пылью и солнцемъ. Цѣна больш. фляк. 1 р. 50 к. съ пересылкою 2 р.

Кремъ де Лисъ де Нинонъ имѣетъ тѣ же свойства какъ вода де Нинонъ и рекомендуется преимущественно лицамъ употребляющимъ Кольдъ-Кремъ, котораго онъ превышаетъ качествомъ. Цѣна за банку 1 р. съ пересылкою 1 р. 50 к.

Пудра де Нинонъ. Необходимое дополненіе къ Водѣ или Кремъ де Лисъ де Нинонъ и замѣняющая всѣ другія пудры.

Цѣна за коробку 75 к. съ пересылкою 1 руб.

Цѣна за коробку съ пуховкою 1 р. съ пересылкою 1 р. 25 коп.

ВЪ ПРОДАЖѢ:

На Невскомъ просп., въ Депо С.-Петербургской Химической Лабораторіи, домъ Католической церкви, № 32, маг. 3, и у *Аничкова моста*, домъ № 66.

На Вознесенскомъ проспектѣ, уголъ Казанской ул., № 51—18, домъ Шредера.

Оптовая продажа и отправка почтовая въ Конторѣ С.-Петерб. Химической Лабораторіи, по *Екатерининскому каналу, у Вознесенскаго моста*, № 80.—Описаніе и способъ употребленія высылается по желанію безплатно. № 313 3—2

Изданіе А. Ф. Маркса въ С.-Петербургѣ.

Большая Морская, д. № 9.

КНЯЖНА ОСТРОЖСКАЯ. Историческая повѣсть *Вс. Соловьева.* Сюжетъ заимствованъ изъ русской исторіи и въ развитіи своемъ представляетъ большой интересъ. Томъ этотъ украшенъ 20 рисунками художника *И. С. Панова*, и гравиров. лучшими мастерами. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к., для подп. „Нивы" 1 р. 80 к., съ перес. 2 р.

ВЪ КАМЫШАХЪ, повѣсть **Н. Каразина,** съ 39 рисунками автора, большой томъ in 8—всего 304 стр. Цѣна **2 руб.,** съ пересылкой **2 руб. 30 к.** Подписчики „Нивы" за пересылку не платятъ.

Повѣсть эта яркими красками рисуетъ жизнь Туркестанскаго края; достоинства ея достаточно доказываются уже тѣмъ, что повѣсть эта переведена на нѣмецкій, французскій и англійскій языки. Нынѣ вышедшее второе изданіе заключаетъ въ себѣ 36 рисунковъ; оно гораздо богаче и лучше чѣмъ, уже распроданное, первое изданіе этой повѣсти.

ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ
Е. Н. ВОДОВОЗОВОЙ,

1. **Жизнь Европейснихъ народовъ.** Часть I. Жители юга. Подробное описаніе жизни, нравовъ и обычаевъ: **сербовъ, черногорцевъ, болгаръ, герцеговинцевъ, босняковъ, турокъ, албанцевъ, румынъ, грековъ, итальянцевъ, испанцевъ, португальцевъ, французовъ и швейцарцевъ.** Вмѣстѣ съ характеристиками народныхъ нравовъ даны описанія мѣстной природы и государственнаго устройства· Къ книгѣ приложено 26 оригинальныхъ рисунковъ, представляющихъ типы названныхъ народовъ. (Книга въ 570 стр. большаго формата). Цѣна книги 3 р. 75 коп. Въ изящномъ переплетѣ 4 р. 55 к. Эта книга *одобрена Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и главнымъ управленіемъ военно-учебныхъ заведеній.*

2. **Жизнь Европейснихъ народовъ.** Часть вторая Жители сѣвера. Содержаніе книги: подробное описаніе жизни, нравовъ и обычаевъ: **англичанъ, шотландцевъ, ирландцевъ, голандцевъ, бельгійцевъ, норвежцевъ, шведовъ и датчанъ.** Вмѣстѣ съ характеристиками народныхъ нравовъ даны описанія мѣстной природы и государственнаго устройства, Къ книгѣ приложено 24 оригинальныхъ рисунка, представляющихъ типы названныхъ народовъ. Цѣна книги 3 р. 75 к. Въ изящн. переплетѣ 4 р. 55 к. *Одобрена Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и главнымъ управленіемъ военно-учебныхъ заведеній.*

3. **Изъ русской жизни и природы,** разсказы для дѣтей, съ 15-ю картинками. Содержаніе книги: разсказы о животныхъ, растеніяхъ, явленіяхъ природы, временахъ года, промыслахъ, повѣсти и очерки изъ народной жизни. *Эта книга одобрена Мин. Нар. Просвѣщ.* Цѣна книги 1 р. 50 к. Въ изящномъ переплетѣ 2 рубля.

4 **Умственное развитіе дѣтей** отъ перваго проявленія сознанія до восьмилѣтняго возраста. Содержаніе книги: Нравственное и умственное развитіе дѣтей; работы, игры, физическія упражненія на воздухѣ и въ комнатѣ, разсказы, сказки, пословицы, ариѳметическія задачи и наблюденія надъ явленіями природы. Изд 3-е. Ц. кн. 2 р.

5. **Одноголосныя пѣсни** съ русскими народными мелодіями. Съ акомпаниментомъ для фортепіано. Музыка А. И. Рубца. Изд. 3-е. Ц. 1 р. Эта книга *одобрена Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для употребленія въ школахъ.* № 417. 1—1

Подходящій подарокъ для дѣтей на ЕЛКУ есть:

ИГРА ИСТОРИЧЕСКО-ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ

подъ названіемъ:

„ПУТЕШЕСТВІЕ ПО ЕВРОПѢ СЪ НАУЧНОЮ ЦѢЛІЮ"

Цѣна игры въ коробкѣ со всѣми принадлежностями **1 руб. съ пересылкою;** выписывающимъ 10 экземпляровъ и болѣе—**15% уступки. Адресоваться къ издателю А. Е. Ковалевскому, въ губ. г. Владиміръ.**

Игра эта, появившись въ семействѣ, способна замѣнить съ пользою разныя другія безполезныя игры; она занятна даже для взрослыхъ, а дѣти, занимаясь ею въ часы досуга, пріобрѣтаютъ незамѣтно много географическихъ и другихъ свѣдѣній. Въ вѣрности сказаннаго убѣдили издателя частыя одобрительные отзывы. № 411 2—1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ, ИЗДАВАЕМЫЙ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

„РУССКАЯ СТАРИНА"

изд. **1880** г.

ОДИННАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

«Русская Старина» будетъ выходить въ 1880 году въ томъ-же объемѣ, по той же программѣ, въ тѣ же сроки (съ 1-го числа каждаго мѣсяца) и съ портретами столь же художественно выполненными академикомъ **Л. А. Сѣряковымъ,**—какъ выходила и выходитъ въ теченіи перваго десятилѣтія 1870—1879 гг,

Между нѣкоторыми другими историческими изслѣдованіями, очерками и статьями—какъ изъ отечественной исторіи, такъ а изъ исторіи литературы, искусствъ и художествъ въ Россіи,—въ «РУССКОЙ СТАРИНѢ», въ **1880**-мъ году, будутъ помѣщены: обширныя записки бывшаго профессора С.-Петербургской Академіи **Дм. Ив. Ростиславова**—составителя весьма замѣчательныхъ трудовъ «О черномъ и бѣломъ духовенствѣ въ Россіи», Опытъ изслѣдованія о богатствѣ монастырей въ Россіи», и пр. (умеръ въ 1877 году);—Записки **А. И. Бѣляева**—(однаго изъ немногихъ оставшихся въ живыхъ декабристовъ);—Петербургское общество въ 1826-мъ году, по донесеніямъ **фонъ-Фока** Записки бывшаго жандармскаго штабъ-офицера **С. Р. Бараковича;** — Записки **князя Яшвиля;**—Письма севастопольца **А. П. Хрущева;**—Записки (въ письмахъ) одной изъ **сестеръ Милосердія;**—Записки **сельскаго священника** (автора статей о колоніяхъ изъ питомцевъ Воспитательнаго Дома, напечатанныхъ въ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» изд. 1879 года); Неизданныя обширныя Записки московскаго **митрополита Филарета** по нѣкоторымъ церковнымъ вопросамъ;—Біографія, по неизданнымъ матеріаламъ, протоіерея Герасима Петровича **Павскаго:**—Духовные поэзіи и всѣ случаи жизни священника **Ѳеодосія Левицкаго**—имъ самимъ описанные;—Князь **Суворовъ** и гр. **Растопчинъ;**—Кн, Паскевичъ и кн **Горчаковъ** въ Царствѣ польскомъ—въ 1833—1853 гг.;—Кн. **И. Ѳ. Паскевичъ** въ Венгріи въ 1849 г.

Разсказы изъ исторіи Тайной Канцеляріи;—Пугачевцы—разсказы изъ розыскныхъ дѣлъ;—Расколъ и раскольники;—Русскіе писатели и артисты въ неизданныхъ письмахъ и матеріалахъ для ихъ біографій: **Асенкова, Г. С. Батенковъ,—Батюшковъ.—Бестужевъ,—Грибоѣдовъ,—Даль,—А. М. Колосова и Катенинъ,—Кюхельбекеръ,—Ленскій,—Милоновъ;—Озеровъ** (авторъ трагедій),—кн. **Одоевскій,—А. С. Пушкинъ,—Сосницкій,—А. С. и Дм. Ив. Хвостовы,—Шевыревъ,—М. С.—Щепкинъ** и друг.

Цѣна «РУССКОЙ СТАРИНЫ» въ 1880-мъ году остается прежняя. А именно: за **двѣнадцать** книгъ, составляющихъ **три** тома, при чемъ каждый томъ не менѣе сорока печатныхъ листовъ, всего же въ годъ—болѣе 2000 страницъ, съ гравированными **портретами и снимками.**

ЦѢНА **ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ** СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ.

Иногородные подписчики благоволятъ обращаться **исключительно** въ редакцію «РУССКОЙ СТАРИНЫ», въ С.-Петербургѣ, Большая Подъяческая, д. № 7.

Городскіе подписчики обращаются въ конторы редакціи: въ С.-Петербургѣ магазинъ **Мамонтова** (Невскій проспектъ, д. № 46); въ Москвѣ, въ книжные магазины **Соловьева и Мамонтова.**

№ 407 1 Изд.-ред. **М. И. Семевскій.**

Изданіе А. Ф. Маркса, въ С.-Петербургѣ,
Большая Морская, д. № 9.

„НИВА"

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ СЕМЕЙНАГО ЧТЕНІЯ

1878 ГОДА.

ПО УМЕНЬШЕННОЙ ЦѢНѢ.

Большой томъ, болѣе 1,000 страницъ текста и 600 художественно выполненныхъ гравюръ, около 20 повѣстей, разсказовъ и до 200 популярно-научныхъ статей по естествознанію, зоологіи, астрономіи и пр., вмѣстѣ съ двумя оригинальными акварельными преміями—картины Алексѣя **Кившенко:**

1) **Бояринъ Борисъ Годуновъ и кудесники, предсказывающіе ему престолъ.**
2) **Царь Борисъ Годуновъ и его дѣти: Ксенія и Ѳеодоръ.**

ЦѢНА ЭТАГО БОЛЬШАГО ТОМА:

Брошюр. . **3** р. — к.	Въ прост.	Въ каленк.
Съ перес. **4** „ **50** „	перепл. **3** р. **75** к.	перепл. . **4** р. **50** к.
	Съ перес. **5** „ **25** „	Съ перес. . **6** „ — „

ОБЪ ИЗДАНІИ

ГАЗЕТЫ

„СОВРЕМЕННОСТЬ"

СЪ ОСОБЫМЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

СЕМЕЙНОЕ ЧТЕНІЕ

ВЪ 1880 ГОДУ.

Газета **«Современность»** издается безъ предварительной цензуры. Въ ней будутъ помѣщаться: I. Передовыя статьи по вопросамъ политическимъ, учебно-воспитательнымъ, церковно-общественнымъ, юридическимъ, литературнымъ и др. Обозрѣнія: внутреннее, имѣющее предметомъ обсужденіе болѣе крупныхъ фактовъ изъ современной общественной жизни, иностранное и политическое. II. Правительственныя распоряженія, касающіяся всѣхъ вообще вѣдомствъ. III. Хроника, въ которую войдутъ разные слухи и свѣдѣнія о событіяхъ, преимущественно столичной жизни. IV. Журнальные и газетные толки, или выдержки изъ статей, заслуживающихъ почему-либо особеннаго общественнаго вниманія. V. Внутреннія извѣстія, гдѣ первое мѣсто будетъ предоставлено разнаго рода корреспонденціямъ, чуждымъ личныхъ личностей и провинціальныхъ дрязгъ, а также интересныя, въ какомъ бы то ни было отношеніи, извѣстія, заимствованныя изъ другихъ газетъ. VI. Судебный отдѣлъ, въ которомъ будутъ печататься обстоятельные отчеты о болѣе или менѣе замѣчательныхъ и поглощающихъ общественное вниманіе судебныхъ процессахъ. VII. Иностранныя извѣстія, касающіяся политической и внутренней жизни разныхъ чужеземныхъ народовъ. VIII. Разныя мелкія извѣстія изъ внутренней и иностранной жизни. IX. Фельетонъ, въ которомъ, между прочимъ, будетъ помѣщаться обзоръ текущей журналистики, какъ свѣтской, такъ и духовной, а равно и статьи ученаго и беллетристическаго характера. X. Биржевыя свѣдѣнія.

Въ будущемъ 1880 году **«Современность»** будетъ выходить пять разъ въ недѣлю за исключеніемъ дней, слѣдующихъ за праздниками.

Семейное чтеніе будетъ заключать въ себѣ: статьи о современныхъ событіяхъ, романы, повѣсти, разсказы и т. д., будетъ выходить разъ въ недѣлю въ объемѣ двухъ печатныхъ листовъ въ четвертую долю, въ три столбца.

Подписная годичная цѣна съ пересылкою и доставкою на домъ—**6 руб.**

Подписка принимается въ редакціи газеты въ С.-Петербургѣ, уголъ Ямской и Свѣчнаго пер., въ д. № 9, кв. № 18.

№ 376 2—2 Издатель **А. А. Старчевскій.**

ПОДПИСКА НА

„БИРЖЕВОЙ УКАЗАТЕЛЬ"

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ КАПИТАЛИСТОВЪ И АКЦІОНЕРОВЪ.

ПЕРВЫЙ НУМЕРЪ ЖУРНАЛА ВЫЙДЕТЪ ПОДЪ НОВОЙ РЕДАКЦІЕЙ 2-го ДЕКАБРЯ т. г.

Всѣмъ извѣстно, что хотя въ Петербургѣ нѣсколько разъ уже была попытки изданія биржевыхъ органовъ, но таковыя до сихъ поръ не достигали успѣха по большей части вслѣдствіе непрактичныхъ пріемовъ прежнихъ редакцій.

Если мы, не смотря на всѣ прежніе неудачные примѣры изданія биржевыхъ органовъ, беремся за изданіе *„Биржеваго Указателя"* пріобрѣтеннаго нами отъ прежняго его издателя, то мы это дѣлаемъ въ виду того, что желаемъ принести существенную пользу *купечеству, биржевому и торговому міру,* равно какъ и всякому крупному и мелкому

КАПИТАЛИСТУ И АКЦІОНЕРУ,

пополнивъ нашимъ органомъ существующій до сего времени пробѣлъ, добросовѣстно отнесясь къ исполненію нашей обширной и практичной программы.

Всякій сознаетъ въ настоящее время болѣе чѣмъ когда либо необходимость изданія

СПЕЦІАЛЬНО БИРЖЕВАГО ОРГАНА,

и мы приступая къ таковому, не щадя ни трудовъ ни издержекъ, постараемся быть вполнѣ спеціальнымъ органомъ для всѣхъ *русскихъ кредитныхъ учрежденій и русскаго биржеваго купечества.*

Въ *„Биржевомъ Указателѣ"* будутъ помѣщаться между прочимъ:

Еженедѣльные отчеты о положеніи, оборотахъ, дѣлахъ и цѣнахъ всѣхъ русскихъ и главныхъ иностранныхъ биржъ, равно какъ и *денежнаго* рынка.

Отчеты о положеніи банковаго, желѣзнодорожнаго, страховаго, пароходнаго и ипотечнаго *акціонернаго* дѣла въ Россіи и за границею.

Данныя, собранныя редакціей „Биржеваго Указателя» о сборахъ, доходахъ и операціяхъ всѣхъ акціонерныхъ *обществъ,* обществъ взаимнаго кредита, дворянскихъ, городскихъ и общественныхъ банковъ, ссудо-сберегательныхъ и сельскихъ кассъ и пр. и пр.

Отчеты правленій и ревизіонныхъ коммиссій, докладныя записки и пр. предназначенныя для общихъ собраній, отчеты объ общихъ собраніяхъ.

Разборъ и критика упомянутыхъ *отчетовъ,* равно какъ и полугодовыхъ и мѣсячныхъ балансовъ всѣхъ названныхъ выше обществъ и кредитныхъ учрежденій.

Биржевые слухи и вѣсти.

Полнѣйшій биржевой календарь, одна изъ спеціальностей журнала.

Полныя тиражныя таблицы всѣхъ русскихъ, финляндскихъ, польскихъ и остзейскихъ процентныхъ и дивидендныхъ бумагъ, сейчасъ послѣ производства тиража.

Отвѣты на вопросы, касающіеся биржевыхъ дѣлъ, процентныхъ и дивидендныхъ бумагъ, тиражей и пр и пр.

Редакція «Биржеваго Указателя» съ удовольствіемъ отвѣчаетъ своимъ подписчикамъ на всѣ запросы, касающіеся биржевыхъ дѣлъ и биржевыхъ бумагъ въ почтовомъ ящикѣ журнала и предоставляетъ кромѣ того своимъ подписчикамъ право присылки нумеровъ своихъ бумагъ, которые будутъ при каждомъ тиражѣ, а именно въ теченіи всего срока подписки просматриваться въ редакціи. Въ случаѣ выхода въ тиражъ какого либо нумера, подписчикъ будетъ о томъ извѣщенъ въ журналѣ немедленно.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: для *городскихъ подписчиковъ* въ книжныхъ магазинахъ Мамонтова, въ С.-Петербургѣ (Невскій пр. № 46) и въ Москвѣ (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова); *для иногородныхъ подписчиковъ исключительно въ конторѣ редакціи,* С. Петербургъ, Малая Морская, д. 19 кв 9.

Подписная цѣна съ доставкою въ Петербургѣ и съ пересылкою въ другіе города:

За годъ 7 р. 50 к.	Со 2-го декабря 1879 г. по 1-е января 1881 г. 8 р. — к.
За ½ года 4 » — к.	Со 2 го декабря 1879 г. по 1-е іюля 1880 г. 4 » — к.

Объявленія принимаются въ редакціи по 10 к. за строку.

Первые нумера журнала будутъ разосланы въ количествѣ 20,000 экземпляровъ.

Издатель журнала **„Биржевой Указатель" П. П. Пропперъ.**

Сборникъ рѣшеній Правительствующаго Сената

по вопросамъ о привлеченіи къ отвѣтственности должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства за неправильныя дѣйствія по службѣ

и

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ СВОДЪ ОПРЕДѢЛЕНІЙ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА

по вопросамъ о производствѣ слѣдствій и преданіи суду должностныхъ лицъ всѣхъ административныхъ вѣдомствъ, а также учрежденій земскихъ и по крестьянскимъ дѣламъ за 1868—1877 годы.

Сост. **Н. Рычковъ**, товарищъ оберъ-прокурора 1-го департамента Правительствующаго Сената.

ИЗДАНІЯ РАЗРѢШЕНЫ МИНИСТЕРСТВОМЪ ЮСТИЦІИ.

Цѣна по 2 рубля. № 403 2—2

Обращающіеся непосредственно къ составителю (С.-Петербургъ, Надеждинская улица, д. № 34, Николаю Дмитріевичу Рычкову) за пересылку не платятъ.

„НУВЕЛЛИСТЪ“

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ФОРТЕПІАНО СЪ МУЗЫКАЛЬНО-ТЕАТРАЛЬНОЮ ГАЗЕТОЮ.

Съ 1-го Января 1880 года «НУВЕЛИСТЪ» вступая въ 41-й годъ своего существованія, будетъ выходить какъ и прежде перваго числа каждаго мѣсяца, тетрадями отъ 30—35 страницъ набранной музыки. Каждая тетрадь будетъ содержать въ себѣ: 1) Четыре или пять салонныхъ пьесъ. 2) Одинъ или два новыхъ танца. 3) Русскій романсъ. Сверхъ того въ «НУВЕЛЛИСТѢ» будутъ помѣщены двѣ пьесы въ четыре руки.

«НУВЕЛЛИСТЪ» Музыкально-Театральная Газета, будетъ выходить ежемѣсячно въ продолженіи музыкальнаго сезона и состоять изъ слѣдующихъ отдѣловъ: 1) Руководящія статьи посвящены обзору всего примѣчательнаго въ области музыки и театра, какъ въ Россіи, такъ и за границей. 2) Музыкальная хроника: отчеты о новыхъ операхъ и концертахъ. 3) Возможно полный сводъ статей, касающихся музыки и сценическаго искусства. 4) Фельетонъ.

Кромѣ огромнаго количества музыкальныхъ пьесъ и Музыкально-Театральной Газеты, подписчики «НУВЕЛЛИСТА» получатъ въ концѣ года ПРЕМІИ—полную оперу въ двѣ руки, или другія сочиненія по ихъ выбору изъ 70-ти нумеровъ (указанныхъ Редакціею.

Цѣна годовому изданію музыкальнаго журнала «НУВЕЛЛИСТЪ» съ Музыкально Театральною Газетою и преміею 5 рублей. Съ доставкою и пересылкою 6 руб.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ: въ главной конторѣ «НУВЕЛЛИСТА» при музыкальномъ магазинѣ *М. Бернарди* Поставщика Двора Его Величества, Невскій проспектъ, № 10.

Все изданіе „НУВЕЛЛИСТА“ за текущій 1879 годъ разошлось окончательно по этому подписка на него превращена. № 409 3—1

6—6 **ТВЕРДОСТЬ ХАРАКТЕРА.** № 324

Ром. изъ современной жизни, съ событіями послѣдней войны 1876—77 гг.

Сочиненіе **В. Марьина**. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 25 к. Книгопродавцамъ обычная уступка.

Складъ изданія въ книжной торговлѣ при редакціи «Собранія Романовъ», въ д. Жербина, на Михайловской площ., въ С.-Петербургѣ.

„ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННЫЙ ВѢСТНИКЪ“

ВЪ 1880 ГОДУ.

будетъ издаваться на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ предыдущія шесть лѣтъ своего существованія, т. е. будетъ заключать въ себѣ отдѣлы церковный, общественный, политическій и библіографическій, и выходить три раза въ недѣлю, безъ предварительной цензуры.

По примѣру прежнихъ лѣтъ *годовымъ* подписчикамъ будетъ разослано безплатное приложеніе подъ названіемъ **«Календарь для духовенства»** на 1880 годъ. Въ составъ его, между прочими необходимыми для духовенства свѣдѣніями, войдутъ: 1) Полный текстъ устава духовныхъ консисторій, со всѣми дополненіями и измѣненіями, какія узаконены въ немъ правительственною властію (въ такомъ видѣ уставъ этотъ появится въ печати въ первый разъ); 2) полный сводъ постановленій о церковномъ причтѣ, составленный покойнымъ Филаретомъ, архіепископомъ черниговскимъ; 3) полный сводъ постановленій Св. Синода, касающихся съѣздовъ духовенства и многія другія.

Въ числѣ статей, которыя имѣется въ виду напечатать въ **«Церковно-Общественномъ Вѣстникѣ»** 1880 года, редакціею пріобрѣтено обширное изслѣдованіе покойнаго Д. И. Ростиславова «Объ ученомъ монашествѣ». Печатаніе его начнется съ первыхъ же **№№ «Церковно-Общественнаго Вѣстника»** на 1880 годъ.

Условія подписки на будущій годъ, съ доставкою и пересылкою, слѣдующія: въ Россіи—на годъ **7** рублей, на полгода **4** рубля; за границей—на годъ **10** рублей.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ Редакціи **«Церковно-Общественнаго Вѣстника»**, на Пескахъ, по Конно-Гвардейской улицѣ, № 59.

Редакторъ-издатель **А. Поповицкій.**

№ 314 3—3

1880 г. **X-й г. изданія.**

1) **Полное изданіе**, сост. изъ **22** книгъ и **40 №№** «Педагог. Хроники». Подписная цѣна съ перес. **12** руб. **Отдѣльно:**

II) **Семейное чтеніе въ Семьѣ и Школѣ** (отдѣлъ для дѣтскаго чтенія. 12 книгъ. въ годъ. Подписная цѣна съ перес. **10** руб.

III) **Воспитаніе и обученіе въ Семьѣ и Школѣ съ педагог. хрон. 10** книгъ и **40 №№** педаг. хрон. въ годъ. Подписная цѣна съ перес. **5** руб.

Подписка адресуется: въ Спб., въ редакцію журнала **«Семья и Школа»** (Васильевскій Островъ, 15 лин. № 8). № 348 10—4

ОБЪ ИЗДАНІИ ВѢСТНИКА САДОВОДСТВА

въ 1880 году.

Программа Вѣстника остается та же,—служить практическимъ руководствомъ къ успѣшному воспитанію и разведенію садовыхъ и огородныхъ растеній въ Россіи. Для ближайшаго ознакомленія съ новыми красивыми и полезными растеніями, описанія ихъ сопровождаются въ Вѣстникѣ рисунками, большею частію въ натуральную величину. Такихъ рисунковъ при восьми книжкахъ, составляющихъ годовое изданіе, будетъ приложено, какъ и въ прошломъ году, *сорокъ восемь*, изъ нихъ двадцать четыре *хромолитографированные* въ лучшихъ заграничныхъ заведеніяхъ. Растенія, избираемыя для такихъ рисунковъ, будутъ принадлежать частію къ наиболѣе любимымъ и замѣчательнымъ садовымъ породамъ, частію же къ красивымъ видамъ и разновидностямъ, вводимымъ въ европейскіе сады нашимъ Императорскимъ ботаническимъ садомъ. Кромѣ рисунковъ, къ Вѣстнику, тоже какъ въ прошлыхъ годахъ, будутъ приложены *семена цвѣточныхъ и огородныхъ растеній, объявленія и прейсъ куранты* по предметамъ садоводства. Свѣдѣнія о дѣятельности Императорскаго Россійскаго Общества Садоводства и его отдѣловъ войдутъ въ составъ Вѣстника, какъ особыя приложенія.

Единственно въ видахъ распространенія садоводства въ отечествѣ и облегченія лицъ, занимающихся имъ, несмотря на значительность издержекъ на такое иллюстрированное изданіе, какъ Вѣстникъ, Общество Садоводства назначаетъ за него самую дешевую цѣну, а именно *пять рублей* въ годъ съ доставкою и пересылкою книжекъ и всѣхъ къ нимъ приложеній.

Подписка на «Вѣстникъ» принимается ПРЕИМУЩЕСТВЕННО въ С.-*Петербургѣ, въ Конторѣ Редакціи* (Стремянная ул., д. № 22, кв. № 19) и въ Обществѣ (по адресу: въ «Императорское Россійское Общество Садоводства»), а въ Москвѣ: *въ Сѣменномъ Депо коммиссіонера Общества Л Л Риттера* (Петровка, № 18).

Кромѣ означенныхъ мѣстъ, можно выписывать „Вѣстникъ» чрезъ сѣмянные магазины гг. Бука и Сима и книгопродавцевъ А. Девріена (Вас. остр., Больш. пр., № 8) и Я. А. Исакова (въ Гостинномъ дворѣ, № 24).

«Вѣстникъ» прежнихъ лѣтъ (1871, 1875, 1876 и 1877 гг.) можно получать *по три рубля* за экземпляръ. № 408 1—1

„СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО и ЛѢСОВОДСТВО“

ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ИМУЩЕСТВЪ

и

„ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКАЯ ГАЗЕТА“

Въ 1880 г., какъ и въ предшествующіе годы, **Журналъ** будетъ выходить ежемѣсячно книжками каждая не менѣе 10 листовъ, а **Газета** еженедѣльно въ 4 д. л. большаго формата, въ 16 стран или 32 столбца.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: НА ГОДЪ съ пересылкою (или доставкою въ С.-Петербургѣ): **Журналъ** 4 р. 50 к. (4 р. 50 к.); **Газета** 3 р. 90 к. (4 р.); **Журналъ съ Газетою** 8 р. 15 к. (8 р. 50 к.). **НА ПОЛГОДА: Журналъ** 2 р. 50 к. (2 р. 45 к.); **Газета** 2 р. 20 к. (2 р. 20 к.); **Журналъ съ Газетою** 4 р. 35 к. (4 р. 45 к.). Безъ пересылки и доставки: **НА ГОДЪ: Журналъ** 4 р., **Газета** 3 р. **НА ПОЛГОДА: Журналъ** 2 р. 20 к., **Газета** 1 р. 70 к., **Журналъ съ Газетою** 3 р. 70 к.

ПРІЕМЪ ПОДПИСКИ: въ Конторѣ Редакціи, (С.-Петербургъ, Большая Садовая ул., домъ № 44).

ВЪ КОНЦѢ НОЯБРЯ ТЕКУЩАГО ГОДА ПОСТУПИТЪ ВЪ ПРОДАЖУ:

КАЛЕНДАРЬ и СПРАВОЧНАЯ КНИЖКА

ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ХОЗЯЕВЪ НА 1880 ГОДЪ.

Редактирована **Ѳ. А. Баталинымъ**, при содѣйствіи Ѳ. К. Арнольда, А. Ѳ. Баталина, Ѳ. Ѳ. Баталина, А. М. Бутлерова, К. К. Бебера, А. С Ермолова, В. Э. Иверсена, Н. Л Карасевича, В. И. Ковалевскаго, Э. Л. Регеля, А. И. Шекуна, Д. Д. Шилова, Г. В Штрика, В. В. Черняева, В. К, Хлюдзинскаго и др.

ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА ИЗДАТЕЛЯ **А. Ф. ДЕВРІЕНА.**

Свыше 35 печатныхъ листовъ въ 8 д. л. самаго мелкаго шрифта. Въ коленкоровомъ переплетѣ **Цѣна:** для *подписчиковъ* на журналъ „Сел. Хоз. и Лѣс.“ или „Земл. Газету“ 1 р. 75 к. съ пересылкою или доставкою; въ *отдѣльной продажѣ* 1 р. 75 к. безъ пересылки или доставки и 2 руб. съ пересылкою. № 426 1—1

О ПОДПИСКѢ НА 1880 ГОДЪ.

БУДИЛЬНИКЪ

сатирическій журналъ съ каррикатурами.

будетъ выходить въ 1880 году (XVI-й годъ изданія), на прежнихъ основаніяхъ, **еженедѣльно** (50 нумеровъ въ годъ), тетрадями въ 4-ю долю листа большаго формата. **ПРОГРАММА:** политическая жизнь иностранныхъ государствъ, въ юмористическихъ очеркахъ, фельетонахъ, стихотвореніяхъ и каррикатурахъ; очередные вопросы и выдающіеся событія русской общественной жизни: столичная хроника, вѣсти и нравоописательныя корреспонденціи изъ провинціи; литературная лѣтопись: журнальные и газетные курьозы, обзоръ новыхъ книгъ, статьи полемическія; художественная хроника; музыка и театръ; беллетристика: повѣсти, разсказы, стихотворенія, бытовые очерки и картинки, драматическія сцены; смѣсь («звонки»): памфлеты, пародіи, шаржи, анекдоты, каламбуры и проч.; каррикатуры (гг. Лебедева, Виноградова, Малышева, Кланга, Любовникова Чичагова, Богданова, Залѣсскаго и друг.); рекламы и объявленія, среди которыхъ постоянно печатаются мелкія каррикатуры, стихотворенія, анекдоты и т. п. ☛ Годовое изданіе состоитъ изъ двухъ томовъ, содержащихъ въ себѣ до 1,000 столбцовъ текста, 100 хромолитографій и болѣе 100 стр. мелкихъ рисунковъ и каррикатуръ ☛ **Безплатныя художественныя преміи:** 12 большихъ, роскошно исполненныхъ рисунковъ В. Е. Маковскаго. Н. Е. Рачкова, С. И. Грибкова, Н. Е. Коренева, М. А. Виноградова, И. И. Кланга, К. Н. Чичагова, Сиг. Залѣсскаго и друг. Преміи эти будутъ разсылаться гг. подписчикамъ **ежемѣсячно**, черезъ каждые три нумера. ☛ Альманахъ «Будильника» на 1880 г. выйдетъ въ свѣтъ въ декабрѣ текущаго 1879 года; въ немъ помѣщенъ будетъ, между прочимъ, ребусъ, за разгадку котораго 1-го марта 1880 г. редакція «Будильника» платитъ **300** рублей. Цѣна «Альманаха» въ отдѣльной продажѣ 1 р., съ перес. 1 р. 20 коп.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА „БУДИЛЬНИКЪ“:

	На годъ.	На полгода.
Съ перес. и „Альманахомъ“	8 р. — к.	5 р. — к.
„ „ безъ „Альманаха“	7 „ 50 „	4 „ 50 „
Въ Москвѣ, съ дост. и „Альманахомъ“	7 „ 50 „	4 „ 50 „
„ „ „ „ безъ „Альманаха“	7 „ — „	4 „ — „
„ „ безъ доставки	6 „ — „	3 „ 50 „

☛ На иные сроки подписка не принимается; деньги высылаются на имя издательницы, Л. Н. Уткиной (Москва, Леонтьевскій пер., домъ Мичинера); контора покорнѣйше проситъ заявлять требованія **заблаговременно**. № 400. 4—2

При этомъ № прилагаются пять объявленій: 1) отъ редакціи „Нивы“ (для гг. городскихъ и иногородныхъ подписчиковъ; 2) отъ редакціи „Собранія Романовъ“; 3) отъ книжнаго магазина „Новаго Времени“; 4) отъ редакціи „Русская Мысль“ въ Москвѣ; 5) отъ редакціи журнала „Воскресный Листокъ музыки“ (послѣднія 4 объявленія исключительно для иногородныхъ подписчиковъ).

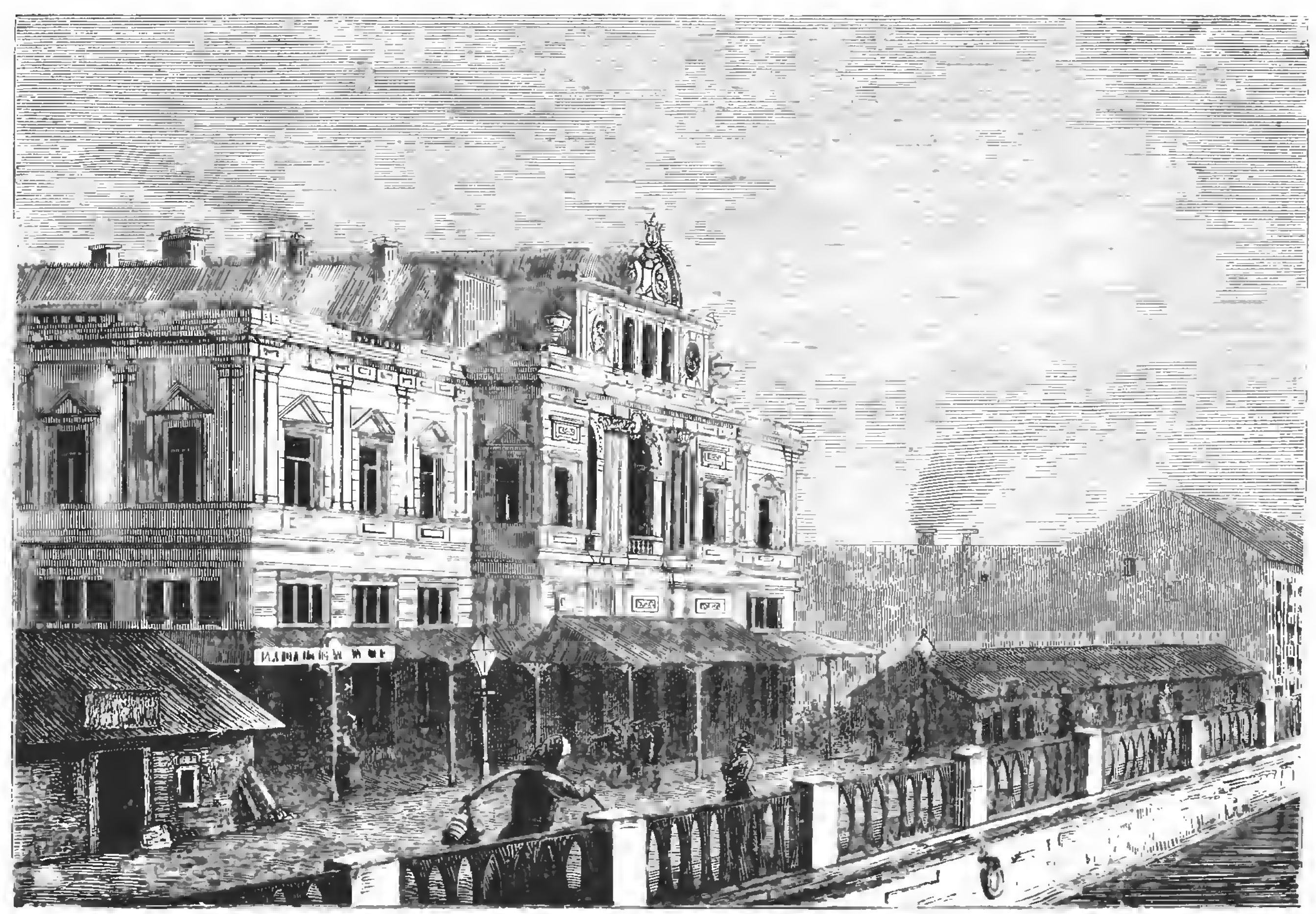
Дозволено цензурою СПБ. 30 Ноября 1879 г. Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБургѣ. Тип. [illegible] № 10.

X годъ | годъ X

№ 50 | 1879

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6-10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ «ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ» (отъ 20 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40).

Выдавъ 10 Декабря 1879 г. Цѣва этаго № „Нивы" 15 к. съ перес. 20 к.



Вновь открытый Малый театръ на Апраксиномъ рынкѣ въ СПБургѣ. Съ натуры рис. Зиновьевъ, грав. Э. Шмидтъ.

Новый Малый театръ въ С.-Петербургѣ.

Послѣ столь долгаго запустѣнія, отстроенный на частныя средства еще въ сентябрѣ 1877 года, на землѣ графа Апраксина, на берегу рѣки Фонтанки, новый каменный театръ наконецъ открылъ свои двери для публики. Принявъ его въ свое вѣдѣніе, Дирекція Императорскихъ театровъ назначила его торжественное открытіе на 7 ноября текущаго года; самое избранное общество приняло участіе въ этомъ торжествѣ. Великій князь Алексѣй Александровичъ и Ихъ Высочества Принцы Ольденбургскіе также удостоили его своимъ присутствіемъ. Спектакль начался ровно въ 8 часовъ гимномъ „Боже Царя Храни", повтореннымъ по требованію публики и исполненнымъ оркестромъ и артистами и артистками всѣхъ труппъ: русской, французской, нѣмецкой, не исключая русской оперы и балета.

Самый театръ произвелъ на публику пріятное впечатлѣніе и этой постройкой, нашъ извѣстный архитекторъ Фонтанъ дѣйствительно выказалъ себя мастеромъ своего дѣла. Театръ оказался не роскошный, но, въ высшей степени красивый, уютный и обладающій такимъ комфортомъ и удобствами, которымъ могутъ позавидовать даже наши большіе театры. Уже при самомъ входѣ въ театральное зданіе, посѣтитель убѣждается, что сквозной вѣтеръ здѣсь устраненъ совершенно и нигдѣ не ощущается тѣхъ токовъ холоднаго воздуха, которые такъ свободно гуляютъ по корридорамъ и заламъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ театровъ. Зрительная зала овальной формы, не особенно обширна (7 саж. длины и 8 ширины) но очень уютна и убрана съ большимъ вкусомъ, безъ излишнихъ украшеній и безъ всякой пестроты. Въ залѣ четыре яруса ложъ и тридцать рядовъ креселъ. Всѣ ложи съ аванложами и весьма просторны; каждый рядъ креселъ отдѣленъ отъ другаго достаточно широкимъ проходомъ. Кромѣ того въ театрѣ имѣются мѣста за креслами, балконъ и галлерея. Словомъ, въ отношеніи удобствъ новый театръ удовлетворяетъ самымъ строгимъ требованіямъ. Освѣщеніе мягко, пріятно для глазъ и красиво, такъ какъ зала освѣщена à giorno съ потолка газовыми рожками, прикрытыми широкими матовыми стеклами; кромѣ того этотъ способъ освѣщенія не мѣшаетъ ни одному зрителю видѣть сцену. Къ сожалѣнію сцена не особенно обширна (всего 6²/₃ саж. и 9 саж. ширины) и потому мало пригодна для постановки на ней роскошныхъ спектаклей, требующихъ ширины и простора. Корридоры, фойе, будуаръ и курительныя комнаты весьма достаточны по объему. Въ фойе ведетъ двойная, бѣлая, мраморная лѣстница а самое фойе украшено большими, широкими зеркалами. На сценѣ есть еще маленькій фойе для артистовъ и по двумъ лѣстницамъ цѣлый рядъ просторныхъ мужскихъ и дамскихъ уборныхъ. Вентиляція устроена отлично; въ театрѣ биткомъ набитомъ публикою не замѣтно ни малѣйшаго жара, ни духоты. Акустическія условія тоже не оставлены безъ вниманія и конечно артисты, которымъ не придется здѣсь особенно надрывать свою грудь, скажутъ за это строителю большое спасибо. Театръ, извѣстный больше въ публикѣ подъ именемъ Апраксинскаго, теперь переименованъ Дирекціею въ Малый и на немъ предполагается давать такіе спектакли, въ которыхъ бы молодые артисты могли пробовать свои силы и способности прежде своего вступленія на болѣе обширную сцену, хотя по настоящему его репертуару и трудно судить о его прямомъ назначеніи.

На далекомъ востокѣ.

Разсказы А. Максимова.

III.

Корейка Маша.

I.

Жаркій, августовскій день; солнце тихо плыветъ по ясному, лазуревому небосклону и обдаетъ жгучими блестящими лучами окружающія поля и голые, безлѣсные холмы. Все замерло подъ этими жгучими лучами; вокругъ ни единаго живаго звука: все приникло, притаилось и смолкло. На холмахъ лежатъ прелестныя тѣни; каждая впадина, каждый изгибъ и линія рѣзко выдѣляются на лазуревомъ фонѣ небесъ; узорчатый, гигантскій коверъ роскошной травы прикрываетъ наготу холмовъ, складками спускается къ ихъ подошвамъ и сливается съ зеленымъ покровомъ необъятной, ровной долины. То тамъ, то сямъ выбивается изъ подъ этаго ковра обожженный солнцемъ и отшлифованный дождемъ песчаникъ, имѣющій издали видъ темно-коричневыхъ, бархатныхъ выпушекъ. Изрѣдка пробѣжитъ по склону холмовъ темная тѣнь пронесшагося въ выси легкаго облачка и все опять принимаетъ прежніе цвѣта и прежніе оттѣнки.

Отъ одной цѣпи холмовъ до другой тянутся прекрасныя, тщательно обработанныя, поля, засѣянныя просомъ, ячменемъ, кукурузой, гречихой и овсомъ. Хлѣба уже поспѣли и ждутъ только трудолюбивой, хозяйской руки, чтобы пасть подъ ловкими взмахами серповъ... Поля прорѣзываетъ, свѣтлой, извилистой лентой глухожурчащій ручей, въ настоящую минуту тихій, почти высохшій, но грозный и бурный во время сильныхъ дождей, когда окружающіе холмы даютъ ему обильную пищу. Высокіе, отвѣсные берега рѣчки, густо прикрытые роскошною, древесною растительностью, изрыты и истерзаны; дно ея завалено безпорядочно разбросанными камнями, разнообразной величины и формы, вынесенными бурными потоками изъ окружающихъ холмовъ.

Въ тѣни небольшой кущи пробковыхъ и ясеневыхъ деревьевъ ревниво скрывается чистенькая, какъ снѣгъ бѣлая фанза *), окруженная высокимъ, крѣпкимъ частоколомъ; куда ни взглянешь, всюду образцовая, пріятная чистота; прилегающій къ частоколу огородъ, сплошь засѣянный огурцами, арбузами, тыквой, салатомъ и другими овощами, поражаетъ взоръ своимъ удивительнымъ порядкомъ и тщательной обработкой; во всемъ огородѣ нельзя найти ни одной сорной травки: все вычищено, выполото заботливой, трудолюбивой хозяйской рукой...

Вокругъ фанзы царствовало большое оживленіе; въ открытыхъ дверяхъ стояла стройная, прелестная дѣвушка, съ черными огнеными глазами, и съ веселымъ хохотомъ бросала изъ большой, деревянной чашки просо въ суетящуюся стаю домашней птицы. Полное, круглое лицо дѣвушки дышало здоровьемъ и свѣжестью невинности; ея длинныя, туго заплетенныя косы, краса корейскихъ женщинъ, висѣла черною змѣею. Оригинальный костюмъ дѣвушки состоялъ только изъ чистой, бѣлой юбки, съ разрѣзами по бокамъ, и коротенькой, той же бумажной матеріи, кофты, едва прикрывавшей дѣвственную грудь и полныя античныя плечи.

Передъ нами—корейка Маша, лучшій цвѣтокъ всей корейской границы; пятилѣтней дѣвочкой бѣжала она съ отцемъ и матерью въ русскіе предѣлы отъ притѣсненій корейскихъ чиновниковъ, и уже въ эти младенческіе годы вынесла массу лишеній и тяжелыхъ испытаній. Изъ нѣсколькихъ сотъ бѣжавшихъ семействъ достигли русскихъ предѣловъ только десятки; часть погибла на глазахъ дѣвочки въ дорогѣ, отъ всевозможныхъ лишеній и голода, другая была настигнута посланной погоней и водворена на старыхъ мѣстахъ, послѣ примѣрнаго, суроваго наказанія. У Маши отлично запечатлѣлись всѣ мельчайшія подробности этого ужаснаго бѣгства съ родины и она всегда вспоминала о немъ съ глубокимъ ужасомъ и содроганіемъ.

Въ русскихъ предѣлахъ, въ кругу своихъ любимыхъ родителей, она считала себя вполнѣ счастливой, безопасной и никогда не вспоминала о своей закабаленной, приниженной родинѣ.

На седьмомъ году дѣвочка была окрещена и названа въ честь своей крестной матери, жены одного изъ линейныхъ офицеровъ, Маріей; любознательная, способ-

*) Фанза—домъ; стѣны фанзы около четверти аршина толщиной и дѣлаются изъ глины, которою обмазанъ плетень, служащій ея основаніемъ; наружныя и внутреннія стѣны бѣлятся известью, что придаетъ фанзѣ необыкновенно привѣтливый, чистенькій видъ; крыша обыкновенно соломенная.

ная, она быстро научилась говорить по русски, а затѣмъ читать и писать; крестная мать искренно полюбила ее и не разъ предлагала ей перебраться къ себѣ, предлагала перемѣнить простую, сельскую жизнь на болѣе комфортабельную; но Маша всегда рѣшительно отказывалась оставить своихъ дряхлыхъ родителей, не чаявшихъ въ ней души. Она была единственнымъ утѣшеніемъ, единственною радостью стариковъ; они лелѣяли ее, какъ нѣжный цвѣтокъ, обожали какъ высшее, неземное существо. Старики были счастливы и довольны только тогда, когда видѣли около себя Машу; лишь только выходила она изъ фанзы, по своимъ ли дѣламъ или же посѣтить крестную мать, они начинали уже безпокоиться, разсчитывали время, когда она должна вернуться и нетерпѣливо ждали ее съ минуты на минуту. Въ отсутствіи Маши все валилось изъ рукъ: не спорилась никакая работа; усядутся обыкновенно старики у калитки, пригорюнятся и ждутъ не дождутся своей ненаглядной. Но стоило ей бывало только показаться вдали, какъ старики сразу веселѣли и издали уже радостно кричали ей: „Маша!.. Маша!“... Маша легкою козочкою пробѣгала отдѣляющее ее отъ стариковъ разстояніе и вся запыхавшаяся, пылающая, бросалась въ ихъ объятія.

Кудахтающія куры, рѣзко кричащіе гуси и кривоногія утки окружали Машу съ такимъ нахальствомъ, что она положительно терялась чей алчный аппетитъ удовлетворить раньше; особенно надоѣдали ей гуси; съ рѣзкими криками тянули они своими широкими носами ее за юбку и назойливо требовали себѣ подачки; одинъ изъ гусей былъ такъ безцеремоненъ, что забрался даже на опрокинутую кадушку и полѣзъ носомъ прямо въ кадку съ просомъ, которую держала Маша въ рукахъ... Маша отбивалась отъ назойливой птицы и звонко смѣялась; вся душа ея, казалось, изливалась въ этомъ невинномъ, веселомъ смѣхѣ...

Но вотъ скрипнула калитка и во дворъ вошелъ высокій, важный старикъ; онъ былъ одѣтъ въ просторный бѣлый халатъ, съ чрезвычайно широкими рукавами, и въ бѣлые же, широкіе панталоны, схваченные у лодыжки. Большая, высокая, волосяная шляпа, съ широкими полями и узкою верхушкою и соломенныя сандаліи довершали простой, но замѣчательно чистый костюмъ старика. Рѣдкіе, сѣдые усы едва прикрывали немного выдающуюся верхнюю губу и терялись въ длинной, сѣдой бородѣ клиномъ, обрамлявшей его симпатичное, доброе, энергичное лицо.

Маша, увидѣвъ старика, тотчасъ же поставила чашку съ просомъ на расхищеніе птицѣ и бросилась на встрѣчу.

— Здравствуй, проговорила она, ласкаясь къ старику и цѣлуя его въ щеки.

— Здравствуй, Маша, здравствуй, дочка... Отецъ цѣловалъ Машу и ласково гладилъ ее по головѣ, точно ребенка.

— Гдѣ мать? спросилъ старикъ, направляясь къ двери.

— Все работаетъ: шьетъ тебѣ халатъ.

Старикъ важно вошелъ въ фанзу и проговорилъ:

— Здравствуй, жена *).

— Здравствуй, Цун-унъ, прошамкала небольшая, ветхая старушка, приближаясь къ мужу и цѣлуя его въ щеки...

Цун-унъ уже два дня какъ находился въ отлучкѣ по своимъ дѣламъ и потому особенно былъ радъ и доволенъ, что попалъ опять въ кругъ своего семейства. Онъ усѣлся на нары, расположенныя вдоль стѣны, вытащилъ изъ-за пазухи небольшую, мѣдную трубку, набилъ ее и закурилъ изъ стоящаго посреди фанзы очага съ тлѣющими углями. Покуривъ немного, Цун-унъ передалъ трубку женѣ, которая съ своей стороны подала ее, послѣ нѣсколькихъ затяжекъ, Машѣ. Эта, докуривъ трубку, вытряхнула пепелъ и передала отцу.

Такимъ образомъ, семейный обычай былъ исполненъ и всѣ принялись за свое дѣло, какъ будто и не разставались: Маша побѣжала докармливать домашнюю птицу, мать усѣлась за шитье халата, а старикъ принялся за приготовленіе кунжутнаго масла.

Смолотыя жерновомъ и свареннычя сѣмяна кунжута онъ сложилъ въ крѣпкій мѣшокъ и началъ давить его тяжелымъ камнемъ; медленно стекало масло въ подставленный сосудъ, распространяя вокругъ сильный, непріятный, одуряющій запахъ. Впрочемъ, запахъ этотъ не поражалъ присутствующихъ: они привыкли къ нему съ пеленъ и считаютъ кунжутное масло весьма вкусной приправой.

Маша, покормивъ птицу, вернулась въ фанзу и принялась за тканье бѣлой, бумажной матеріи; въ фанзѣ царствовала полная тишина, изрѣдка только нарушаемая сухимъ стукомъ ручнаго ткацкаго станка.

Въ работѣ время прошло незамѣтно, и наступили сумерки; старушка захлопотала и стала готовить для своей семьи незатѣйливый ужинъ. Она сварила въ чугунномъ котлѣ, вдѣланномъ въ низенькую, глиняную печь, просо, вывалила его въ большую глиняную чашку, облила водой и поставила кушанье на низенькій, небольшой столикъ, стоящій на нарахъ.

Маша помогла матери и съ особеннымъ стараніемъ раскладывала на маленькія глиняныя блюдца тонко нарѣзанные кусочки свинины и сушеной рыбы, разставляла на столѣ предназначенныя для проса небольшія, глиняныя чашки и клала каждому по парѣ тоненькихъ палочекъ, замѣняющихъ корейцамъ ножи, вилки и ложки. Какъ приправу къ просу, она подала ѣдкій, крѣпкій соусъ изъ стручковаго перца; тутъ же поставила на столъ глиняный кувшинъ съ любимымъ напиткомъ корейцевъ—нагрѣтой водкой съ медомъ.

— Цун-унъ, готово! прошамкала старушка, перенося на столъ ночникъ съ саломъ.

Старикъ неторопливо убралъ свою работу и съ важностью подошелъ къ столу. Исполняя завѣщанный прадѣдами обычай, онъ налилъ въ небольшую чашечку, съ наперстокъ величиной, водку и плеснулъ ее на землю, пробормотавъ: „Это тебѣ Путэ-Ними! **) Съ тѣми же словами бросилъ онъ на полъ щепотку проса и кусочекъ рыбы.

Затѣмъ вся семья молча усѣлась на нары и принялась за ужинъ. Наложивъ просо въ глиняныя чашки, они подносили ихъ ко рту и ловко работали своими оригинальными палочками; изрѣдка брали они тѣми же палочками кусочекъ рыбы или свинины; ѣду эту запивали изъ чашечекъ сладкой водкой.

II.

Семья уже кончала ужинъ, какъ раздался на дворѣ сильный стукъ; кто-то неистово барабанилъ въ калитку, точно желая сорвать ее съ петель. Старикъ хладнокровно поднялся съ наръ и вышелъ на дворъ; медленно подошелъ онъ къ калиткѣ, взялся за щеколду и спросилъ:

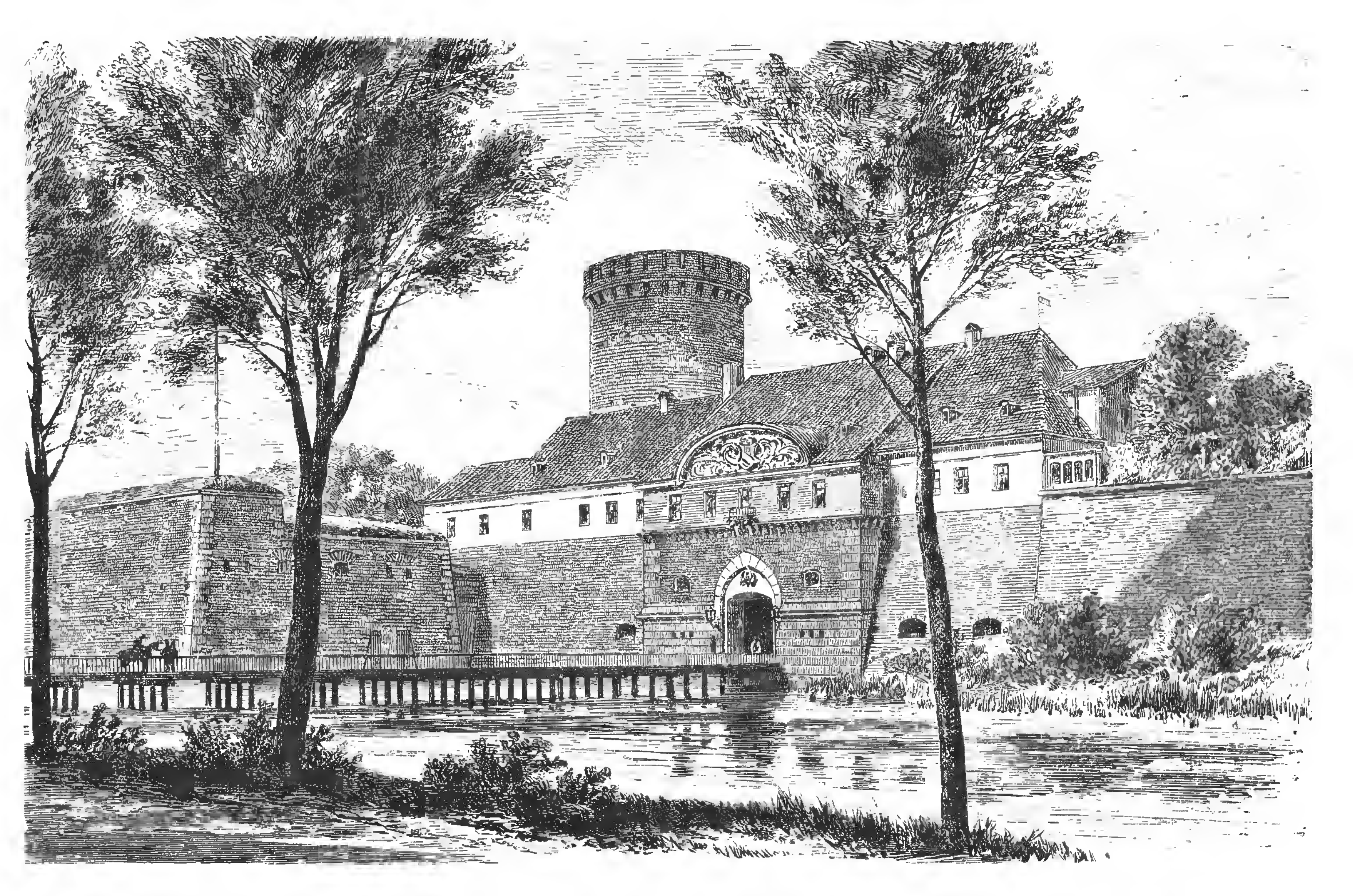
— Кто тамъ?

— Свои, знакомые, отворяй, старикъ! раздались насмѣшливые голоса и кто-то опять застучалъ въ калитку, застучалъ нетерпѣливо и сильно.

Старикъ приподнялъ щеколду. Во дворъ ввалились два солдата линейнаго батальона, расположеннаго въ пяти верстахъ отъ фанзы, ввалились съ грохотомъ, съ шумомъ, точно въ собственныя хоромы. Съ однимъ изъ

*) Женщины у корейцевъ не по именамъ называются а по роднѣ, напримѣръ: жена, мать, бабушка, тетка и т. п.

**) Корейцы имѣютъ понятіе о высшемъ существѣ—Богѣ, котораго они называютъ Путэ-Ними; ни одинъ кореецъ не сядетъ ѣсть раньше, пока не совершитъ возліяніе своему божеству.



Юліева башня въ Шпандау. Мѣсто храненія неприкосновеннаго фонда (120,000,000 марокъ золотой монеты) Германской имперіи.
Рис. Тейеркауфъ, грав. Э. Гальбергеръ.

На бахчѣ. Ориг. рис. изъ малороссійской жизни М. Далькевича, грав. Э. Шмидтъ.

нихъ Цун-унъ былъ уже знакомъ и не разъ принималъ его въ своей фанзѣ, другаго видѣлъ въ первый разъ.

— Ну, старикъ, мы думали, что ты уже и не отворишь намъ, проговорилъ знакомый солдатъ, высокій, здоровый парень, съ какимъ-то хищническимъ, отталкивающимъ выраженіемъ лица.

— Не отворилъ-бы, такъ и калитку бы съ нетель сорвали; чего съ собаками церемониться, сердито проворчалъ другой, рябоватый, неказистый солдатъ, входя въ фанзу и съ наглымъ цинизмомъ оглядывая испуганную, трепещущую Машу.

Старикъ не слыхалъ этой угрозы и съ радушіемъ и гостепріимствомъ предложилъ гостямъ сѣсть на нары. Солдаты усѣлись, при чемъ рябоватый не переставалъ оглядывать Машу, которая, повидимому, была причиной его поздняго посѣщенія.

Цун-унъ закурилъ трубку, поднесъ ее незнакомцу *) и проговорилъ:

— Будь дорогимъ гостемъ!

„Дорогой гость“ грубо оттолкнулъ отъ себя протянутую руку старика и дерзко прорычалъ:

— Не трубкой изъ поганаго рта угощай насъ, а давай водки!..

Цун-унъ съ гордымъ видомъ отошелъ отъ дерзкаго гостя и поднесъ трубку своему знакомцу; тотъ затянулся и передалъ ее старику.

— Жена, подай гостямъ водки и ѣсть, проговорилъ Цун-унъ и съ важностью усѣлся на нары, окружая себя облаками табачнаго дыма и сосредоточенно, пристально всматриваясь въ незнакомаго, дерзкаго гостя.

Двѣнадцать уже лѣтъ прожилъ онъ въ русскихъ предѣлахъ, и въ первый разъ пришлось ему встрѣтить такое неуваженіе къ обычаю и гостепріимству хозяина. Чѣмъ больше онъ всматривался въ незнакомца, тѣмъ больше тотъ возбуждалъ въ немъ недовѣріе. Особенно не нравился старику циничный, нахальный видъ, съ которымъ не переставалъ гость оглядывать забившуюся въ уголъ Машу. Въ сердцѣ Цун-уна поднималось къ незнакомцу враждебное чувство; нѣсколько разъ хотѣлъ онъ напомнить гостю объ уваженіи къ крову хозяина, но каждый разъ его отталкивало отъ этого шага чувство радушнаго гостепріимства, столь свойственнаго корейцамъ: своимъ напоминаніемъ онъ боялся обидѣть гостя, лицо, въ глазахъ корейцевъ священное и неприкосновенное.

Маша, забившись въ уголъ, осматривала гостей съ нескрываемымъ страхомъ; циничные глаза рябоватаго солдата жгли ее и возбуждали къ нему непріязнь. Она чувствовала, что онъ любуется ея полуоткрытымъ станомъ и грудью, и дѣвушка, до сихъ поръ не стыдившаяся въ своемъ національномъ, домашнемъ костюмѣ, старалась скрыться отъ назойливыхъ взоровъ; ей сдѣлалось вдругъ стыдно подъ этими циничными взорами; она глубоко оскорблялась, что возбуждаетъ въ гостѣ такое грубое, назойливое вниманіе. Маша чувствовала, что гости говорятъ про нее: ихъ двухсмысленныя миганья и кивки головой возбуждали въ ней непреодолимое отвращеніе. Дѣйствительно, гости бесѣдовали о Машѣ, не переставая оглядывать ее.

— Что, Растеряевъ, правда моя? проговорилъ высокій солдатъ на ухо товарищу.

— Хороша дѣвочка, нечего сказать, пробормоталъ Растеряевъ, наливая себѣ водку и не спуская съ Маши глазъ.

— То-то, а ты мнѣ говорилъ, что я все вру, что у собачьяго отродья кромѣ паршивыхъ щенятъ и быть ничего не можетъ.

— Говорилъ-то я тебѣ говорилъ, Ласкинъ, а теперь скажу—такой дѣвочки я и въ жисть свою не видалъ... А одежа-то ихъ хороша: что ни на есть все почти видно—такъ бы глазъ и не спускалъ... Вишь какая красотка!.. Только что она все прячется и конфузится?..

— А ты спроси...

Растеряевъ откашлянулся и проговорилъ вкрадчивымъ голосомъ, обращаясь къ Машѣ:

— Что ты, красотка, въ уголъ забилась?.. Насъ бояться нечего—мы люди добрые... Подойди сюда, милая да выпей съ нами по рюмочкѣ...

Маша вздрогнула, точно ужаленная, и гордо осмотрѣла назойливаго гостя. Цун-унъ встрепенулся и съ важностью заговорилъ; въ его голосѣ послышалась едва замѣтная, дрожащая нотка:

— Пей водку, а дѣвушку оставь—она тебѣ не мѣшаетъ.

И старикъ съ важностью закурилъ опять трубку, враждебно посматривая на Растеряева.

Послѣдній нисколько не сконфузился отъ сдѣланнаго замѣчанія и продолжалъ въ томъ же заискивающемъ тонѣ:

— Полно стыдиться, красавица, выдь изъ потемокъ-то да дай на тебя налюбоваться... Будешь прятаться—жениха никогда не будетъ, а у меня есть на примѣтѣ хорошій парень...

Старикъ опять вступился за Машу:

— Понадобится женихъ — сами найдемъ: тебя въ сваты не попросимъ...

— А ты товарища уйми, обратился онъ затѣмъ къ Ласкину, пусть мѣру знаетъ и къ фанзѣ моей уваженіе имѣетъ... Я принялъ его какъ добраго гостя — думалъ: зломъ онъ мнѣ не отплатитъ.

Растеряевъ, отуманенный водкой, не унимался.

— Ты, старикъ, въ наши дѣла не мѣшайся, прорычалъ онъ злобно, мнѣ дочка твоя нравится—я съ нею и бесѣду веду... Ради нея и къ тебѣ въ гости пришелъ... А будешь много разговаривать—возьму за твой сѣдой чупъ и, какъ собаку, изъ фанзы вышвырну.

Оскорбленный старикъ поднялся съ наръ и съ гордымъ презрѣніемъ осмотрѣлъ подвыпившаго Растеряева.

— Ты дурной человѣкъ, проговорилъ онъ дрожащимъ голосомъ, за добро ты отвѣчаешь такъ. Не будь я хозяинъ, я бы сдѣлалъ съ тобой то, чѣмъ ты меня стращаешь... Оставь мою фанзу и уйди съ Богомъ домой!..

— Ахъ ты собака поганая, крикнулъ Растеряевъ и бросился на старика съ поднятыми кулаками.

Ласкинъ ухватился за разгорячившаго товарища, насильно усадилъ его на нары и началъ успокоивать.

Цун-унъ вздрогнулъ отъ новаго, тяжкаго оскорбленія и двинулся на встрѣчу Растеряеву; Маша стремительно бросилась къ отцу и ухватилась за халатъ.

— Не ходи, отецъ, умоляла она по корейски со слезами на глазахъ, онъ, ты видишь, пьянъ, онъ, тебя прибьетъ... Онъ дурной, злой человѣкъ.

— Оставь его, Цун-унъ, просила старушка, до сихъ поръ безмолвно смотрѣвшая на все происходившее вокругъ нея, это злой солдатъ — онъ тебя убьетъ... Посмотри, какіе у него страшные, кровавые глаза... Онъ смотритъ на тебя какъ дикій звѣрь...

Дѣйствительно, Растеряевъ находился въ состояніи крайняго бѣшенства; онъ рвался изъ сильныхъ рукъ Ласкина и испускалъ какія-то непонятныя рычанія. Наконецъ онъ успокоился, выпивъ залпомъ большую чашку водки.

— Счастливъ твой Богъ, что товарищъ удержалъ, промычалъ Растеряевъ, изъ подлобья поглядывая на осанистую, гордую фигуру Цун-уна, а то бы не сдобровать тебѣ за твои слова...

— Успокойся, старикъ, проговорилъ заискивающимъ тономъ Ласкинъ, мы сейчасъ уйдемъ: выпили и довольно съ насъ.

Цун-унъ молча усѣлся на нары, отирая рукавомъ халата свой высокій, омраченный гнѣвомъ лобъ; Маша опять притаилась въ глубинѣ фанзы, ожидая съ нетер-

*) По корейскому обычаю, хозяинъ прежде всего угощаетъ гостя, въ знакъ дружбы, трубкой и затѣмъ уже предлагаетъ остальныя угощенія.

пѣніемъ ухода непрошенныхъ гостей; старушка прильнула къ нарамъ и всхлипывала...

Наконецъ гости взялись за шапки и начали собираться. Тяжело поднялся Растеряевъ съ нар и невѣрной походкой направился къ Машѣ; глаза его горѣли тупою страстью.

— Прощай, красотка, пробормоталъ онъ полупьянымъ голосомъ и съ безстыдствомъ ухватилъ Машу грязными руками, силясь поцѣловать ее.

Маша отшатнулась отъ него всѣмъ своимъ граціознымъ станомъ и отчаянно вскрикнула, стараясь защититься отъ циничныхъ ласкъ и вырваться изъ рукъ Растеряева:

— Отецъ, помоги мнѣ!..

Цун-унъ звѣремъ вскочилъ съ наръ и однимъ прыжкомъ очутился возлѣ дочери; съ бѣшеною силою схватилъ онъ за шиворотъ негодяя и отбросилъ его далеко въ сторону... Видъ старика былъ грозенъ: глаза его метали молніи и горѣли зловѣщимъ, суровымъ огнемъ; поблѣднѣвшія губы его сильно дрожали; въ углахъ рта показалась пѣна... Это былъ уже не прежній тихій, важный, гостепріимный Цун-унъ, а разъяренный, дикій звѣрь, защищавшій свое дѣтище... Старушка, услышавъ отчаянный вопль дочери, страшно испугалась и впала въ тупое, тяжелое безпамятство...

Подвыпившій Ласкинъ былъ, повидимому, очень доволенъ финаломъ посѣщенія и самъ было полѣзъ къ трепещущей, растерявшейся Машѣ, но пылающій взоръ старика и его приковалъ къ мѣсту.

Растеряевъ между тѣмъ, ослѣпленный страстью и взбѣшенный несвоевременнымъ вмѣшательствомъ Цун-уна, схватилъ стоявшій въ углу ломъ и съ дикимъ рычаніемъ ринулся на старика.

Маша пронзительно вскрикнула и бросилась между отцомъ и негодяемъ; она хотѣла принять ударъ своимъ нѣжнымъ тѣломъ, хотѣла спасти отца отъ грозившей ему опасности, но поздно... Тяжело опустился желѣзный ломъ на сѣдую голову; обливаясь кровью, съ глухимъ стономъ упалъ старикъ на холодную землю... Маша дико вскрикнула и бросилась на тѣло отца; съ нѣжностью, горькими, тяжкими рыданіями, безсознательно отирала она своей одеждой его окровавленное лицо, цѣловала его руки и призывала къ жизни того, кто былъ ея единственной опорой и счастьемъ. Она рыдала не зная, какую оказать помощь своему окровавленному, несчастному отцу; съ глубокимъ отчаяніемъ всматривалась она въ любимыя, дорогія черты, стараясь подмѣтить въ нихъ хоть слабые признаки жизни..: Широко раскрытые глаза старика смотрѣли безжизненно, грозно уставившись въ пространство; сдвинутыя сѣдыя брови, крѣпко сжатыя губы выражали невыносимыя страданія...

Тупо, безсмысленно смотрѣлъ Растеряевъ на окровавленный трупъ старика, судорожно сжимая въ рукахъ смертоносное орудіе; съ упорною, дикою сосредоточенностью всматривался онъ въ рыдающую Машу и, повидимому не сознавалъ, что совершается вокругъ него.

Ласкинъ взялъ убійцу за руку и отвелъ въ сторону.

— Ты убилъ старика, Растеряевъ, надо скрыть концы, а то будетъ плохо, проговорилъ онъ зловѣщимъ шопотомъ.

Растеряевъ встрепенулся и сразу вышелъ изъ своего тупаго, сосредоточеннаго состоянія; мысли его прояснились, хмѣль вылетѣлъ изъ головы и онъ съ ужасомъ взглянулъ на свою распростертую жертву. Ему вдругъ ясно представилось ожидающее его суровое, тяжелое наказаніе и тотчасъ же блеснула мысль избѣжать этаго наказанія во что бы то ни стало.

— Надо скрыть концы, повторилъ Ласкинъ тѣмъ же зловѣщимъ шепотомъ.

— Непремѣнно слѣды надо скрыть, пробормоталъ Растеряевъ дрожащимъ голосомъ, да какъ?.. И въ его головѣ начали тѣсниться бурнымъ роемъ самыя разнообразныя мысли, одна другой противуположнѣе—несообразныя и даже совершенно неподходящія къ дѣлу. Мысли эти кружились, сталкивались, быстро смѣнялись одна другой и приходили въ концѣ концовъ къ одному безотрадному, тупому: „но какъ, какъ скрыть слѣды?..

— Вотъ что мы сдѣлаемъ, едва слышно проговорилъ Ласкинъ, послѣ короткаго раздумья, съ злымъ выраженіемъ своего хищническаго лица: свяжемъ ихъ всѣхъ, да подожжемъ фанзу; фанза сгоритъ, а тамъ и концы въ воду...

Растеряевъ вздрогнулъ отъ такого страшнаго предложенія; онъ никакъ не ожидалъ, что товарищъ предложитъ ему такое ужасное преступленіе. Первую минуту онъ хотѣлъ отказаться отъ выполненія такаго гнуснаго плана, у него явилось даже искреннее, рѣшительное желаніе отдаться въ руки правосудія; но страхъ тяжкаго наказанія тотчасъ же отклонилъ отъ него это минутное раскаяніе, и онъ съ рѣшимостью согласился на предложеніе Ласкина къ одной жертвѣ прибавить еще двѣ другія.

— Ладно, пробормоталъ онъ, невольно поблѣднѣвъ, сдѣлаемъ какъ ты сказалъ!

— Надо обдѣлать живо, а то слышь какъ голоситъ дѣвчонка-то: того и смотри, кто нибудь въ фанзу на крикъ завернетъ. — Свяжемъ прежде ее, а тамъ на всякій случай и стариковъ прихватимъ, чтобъ въ огнѣ не ожили, проговорилъ Ласкинъ съ страшной улыбкой.

Негодяи быстро сорвали висѣвшія на жердяхъ веревки и бросились къ рыдающей Машѣ; не успѣла она еще сообразить, что хотятъ они съ нею сдѣлать, какъ была уже на крѣпко связана. Чтобы заглушить крики несчастной жертвы, негодяи набили ей въ ротъ холста и плотно завязали его. Маша задыхалась подъ душною повязкою и конвульсивно билась, чтобы избавиться отъ нея; она хотѣла вздохнуть, вздохнуть глубоко, чтобы облегчить свою надорванную рыданіями грудь, повязка мѣшала ей, и она дышала тяжело и отрывисто, постоянно захлебываясь обильно льющимися слезами. Маша не могла отвести глазъ отъ негодяевъ, которые съ звѣрскою жестокостью связывали окровавленный трупъ отца и безпамятную мать; она слѣдила за ихъ торопливыми, лихорадочными движеніями дикимъ, воспаленнымъ взоромъ, пытливо стараясь разгадать ихъ дальнѣйшія намѣренія. Она никакъ не могла связать рядъ пережитыхъ ею тяжелыхъ впечатлѣній; все перепуталось въ ея головѣ въ какой-то невообразимый хаосъ. Съ особенною пытливостью всматривалась Маша въ Растеряева, выгребавшаго изъ печи уголья въ большой, плоскій, чугунный котелъ; она никакъ не могла сообразить, для чего ему уголья, что хочетъ онъ съ ними дѣлать. Впрочемъ, она въ это особенно и не вдумывалась; она смотрѣла больше на самого Растеряева, не имѣя силъ отвести отъ него глазъ, смотрѣла съ такимъ сосредоточеннымъ вниманіемъ, точно желая запечатлѣть въ своей памяти его ненавистныя, страшныя черты.... Но вотъ запахло дымомъ; Маша съ ужасомъ увидѣла, что Растеряевъ накладываетъ на уголья солому и усиленно раздуваетъ ихъ вмѣстѣ съ Ласкинымъ. Она смутно начала предчувствовать, что ее ожидаетъ что-то очень ужасное, но что именно—не могла дать себѣ яснаго отчета; она съ невыразимой мукой всматривалась въ звѣрскія лица негодяевъ, освѣщенныя яркимъ отблескомъ разгорающихся угольевъ... Прошла тяжелая, невыносимая минута; солома вспыхнула и разомъ освѣтила всю фанзу; Растеряевъ быстро поставилъ котелъ съ угольями подъ нары и навалилъ на него циновки и разное тряпье... Повалилъ удушливый, густой дымъ; красные языки пламени стали вырываться наружу и обхватывать нары, на которыхъ безпомощно лежала жена Цун-уна....

Маша безумнымъ взоромъ смотрѣла на быстро разра-

стающійся огонь и отчетливо, ясно сообразила страшное намѣреніе злодѣевъ... Она хотѣла вскрикнуть, вскрикнуть страшно, пронзительно, но крѣпкая повязка сдавила ей грудь, и Маша застонала глухо, отчаянно, безнадежно... Негодяи бросились изъ фанзы и, неоглядываясь на страшное дѣло рукъ своихъ, побѣжали домой, точно ихъ преслѣдовали ужасныя привидѣнія; они спотыкались въ темнотѣ на неровной, кочковатой дорогѣ, падали, подымались и опять бѣжали, бѣжали безъ оглядки, безъ отдыху. Имъ казалось, что они слышатъ невыносимо ужасные стоны жертвъ, казалось, что жертвы эти, объятыя пламенемъ, несутся вслѣдъ за ними, хватаютъ ихъ своими обгорѣлыми руками и жалобно молятъ спасти ихъ отъ невыносимо страшной смерти....

Облитые холоднымъ потомъ, негодяи бѣжали все быстрѣе и быстрѣе... Но вотъ и казармы; вонъ прохаживается передъ воротами часовой, который можетъ обратить вниманіе на ихъ разстроенное, безумное бѣгство. Негодяи разомъ опомнились и пріостановились; къ нимъ вернулось хладнокровіе и они со вниманіемъ оглядѣлись вокругъ; кругомъ было тихо, спокойно; никто не былъ свидѣтелемъ ихъ страшнаго дѣла, никто не видѣлъ ихъ бѣгства; надъ ними висѣло темное, глубокое небо, сплошь усѣянное миліонами звѣздъ; на самомъ горизонтѣ виднѣлось едва замѣтное зарево далекаго пожара....

III.

Съ жадностью пожираетъ огонь груды наваленной соломы и тряпья; съ зловѣщимъ шумомъ лижетъ онъ сухія нары и длинными языками приближается къ безпомощной, дряхлой женѣ Цун-уна; нестерпимый жаръ приводитъ ее въ чувство: съ глухимъ крикомъ оглядываетъ она ужасную картину и неистово силится разорвать связывающія ее веревки. Видъ окровавленнаго, безжизненнаго трупа мужа, видъ связанной Маши, бьющейся на землѣ, производятъ на нее могущественное дѣйствіе электрическаго удара, придаетъ ей нечеловѣческія, сверхъестественныя силы... Быстро перебираетъ она въ своей, сразу просвѣтлѣвшей, головѣ десятки плановъ спасенія, если не себя и мужа, то хоть дочери....

Но вотъ осѣнила ее сразу новая мысль: рѣшительнымъ, энергичнымъ движеніемъ подкатывается она къ самому пламени и смѣло кладетъ въ него свои ноги, стараясь пережечь стягивающія ихъ веревки... Жадно лижетъ огонь старческія, дряхлыя ноги; запахъ тлѣющей веревки перебивается тяжелымъ запахомъ горѣлаго мяса. Съ невыразимымъ мужествомъ выноситъ старуха страшную пытку, поддерживая себя надеждой спасти дочь.... Но вотъ ноги свободны: первая половина пытки вынесена; старуха садится на нары и старается сунуть въ пламя связанныя назадъ руки... Быстро охватилъ огонь ея кофту и юбку; на ней горитъ все, но въ то-же время горятъ и веревки; она чувствуетъ, какъ лопаются постепенно прядь за прядью и съ стоическимъ равнодушіемъ выноситъ нестерпимыя мученія.... Еще одна невыразимо тяжелая, безконечная минута и старуха свободна... Страшно обожженная, обезображенная, бросается она на землю и ползкомъ пробирается къ Машѣ, уже задыхающейся въ дыму...

Огонь быстро пробирается по нарамъ, лижетъ стѣны и обхватываетъ уже соломенную крышу фанзы; еще минута и нѣтъ ни для кого спасенія....

Старуха съ страшными усиліями старается развязать у Маши руки и ноги; измученная невыразимыми страданіями, почти обуглившаяся, спѣшитъ она дать свободу своему любимому, обожаемому дѣтищу, спѣшитъ избавить дочь отъ ужасной, близкой смерти.... Огонь растетъ между тѣмъ съ ужасающею быстротою; на Машѣ начала уже тлѣться одежда; бѣлое, нѣжное тѣло чувствовало первые, страшные обжоги...

Лихорадочно работаетъ мать около дочери; руки дѣвушки уже свободны и она помогаетъ матери развязывать ноги... Работа идетъ какъ-то медленно; не могутъ найти узла, не могутъ сорвать съ ногъ крѣпкія путы...

— Маша, не могу больше, глухо бормочетъ старуха, безпомощно падая на землю, ползи вонъ изъ фанзы... Укажи убійцъ твоего отца и матери... Ползи, родная, скорѣй, скорѣй... Прощай!!! Крѣпко поцѣловала Маша безъ чувствъ упавшую мать, обняла безжизненный трупъ отца и поползла изъ пылающей фанзы на дворъ, а со двора въ поле; обожженная, измученная притаилась она въ ближайшихъ кустахъ, боясь попасть опять въ руки злодѣевъ. Съ трудомъ развязала она себѣ ноги и со страхомъ, съ сердечной болью стала смотрѣть на горящую фанзу, чутко прислушиваясь къ каждому звуку, стараясь разслышать стонъ или крикъ своей страдалицы-матери...

Сухая фанза пылала какъ свѣча; огонь началъ уже переходить на пристройки и частоколъ; домашняя птица съ тревожнымъ шумомъ и крикомъ летала по двору, кружилась среди бушующаго пламени и погибала въ хаосѣ разрушенія; только часть ея находила случайное спасеніе въ полѣ. Среди этого шума Машѣ чудились иногда крики матери; съ отчаянными рыданіями падала она тогда на землю и молила Бога принять поскорѣй душу страдалицы...

Пламя разросталось все больше и больше; подгорѣвшія стропила не выдержали, и пылающая крыша съ шумомъ обрушилась во внутрь фанзы; тысячи искръ взвились къ небу и потухли гдѣ-то далеко, въ пространствѣ... Маша дико вскрикнула и потеряла сознаніе...

* * *

Къ полуночи отъ фанзы осталась безобразная, тлѣющая груда; Маша давно уже пришла въ себя, но боялась выйти изъ своей засады; минуты проходили за минутами, а она, какъ безумная, сидѣла все въ кустахъ, не чувствуя на себѣ страшныхъ ожоговъ; слезы, безъ перерыва лившіяся изъ воспаленныхъ глазъ въ теченіи нѣсколькихъ часовъ, уже изсякли; рыданія надорвали уже ея молодую грудь, но она не переставала оплакивать своихъ милыхъ стариковъ, оплакивать безъ слезъ, рыданія ея превратились въ какіе-то отчаянные, хриплые стоны....

Еще было очень темно, когда Маша рѣшилась наконецъ выйти изъ своей засады и бѣжать въ батальонъ, чтобы дать знать о преступленіи; быстрымъ, рѣшительнымъ движеніемъ встала она на ноги, но въ ту-же минуту со стономъ опустилась опять на сырую землю: теперь только она почувствовала, что ноги ея страшно обожжены... На ней не было никакихъ слѣдовъ одежды; все сгорѣло въ то время, когда она пробиралась изъ пылающей фанзы на дворъ; ея обнаженное тѣло было покрыто сплошными ожогами; когда-то прекрасныя, длинныя косы ея обгорѣли и висѣли безобразными космами...

Маша еще разъ попробовала было встать на ноги, сдѣлала нѣсколько тяжелыхъ шаговъ и упала опять... Страшная мысль охватила все ея существо.... Неужели не хватитъ у нея силъ добраться до батальона и объявить о преступленіи, неужели убійцы отца и матери останутся безнаказанными?... Нѣтъ, она должна исполнить послѣднее завѣщаніе матери-страдалицы, должна во чтобы то ни стало указать безчеловѣчныхъ убійцъ... Съ неестественными усиліями встала Маша на колѣни и поползла по неровной, кочковатой дорогѣ; острые камни рвали ея обгорѣлыя руки и ноги, но она не чувствовала боли и ползла все дальше и дальше. Нѣсколько разъ силы оставляли ее и она въ изнеможеніи ложилась на холодную землю; нѣсколько разъ ей казалось, что она не выполнитъ послѣдняго желанія своей матери, но каждый разъ Маша дѣлала сверхъестественныя усилія и ползла еще нѣсколько тяжелыхъ, невыразимо страдальческихъ саженъ...

Уже стало свѣтать, когда Маша доползла до первыхъ

У лѣснаго ручья. Картина Виктора Тиріона, грав. г. Кохъ.

построекъ батальона, въ конецъ измученная и истерзанная; кругомъ не видно было живой души; все спало крѣпкимъ, утреннимъ сномъ; напрасно искала она взорами хоть одну свѣтлую точку, къ которой могла бы направить свой страдальческій путь—окружающіе плохенькіе дома смотрѣли своими темными окнами какъ-то угрюмо и непривѣтливо. Съ отчаяніемъ подползла Маша къ первой двери, ударила въ нее ослабѣвшей рукой и застонала, протяжно, страдальчески; въ изнеможеніи приложила она къ двери свое горячее лицо и стала прислушиваться: ни звука, ни слова, ни шороха въ отвѣтъ; всѣ спятъ слишкомъ крѣпко, чтобы разслышать слабый стонъ страдалицы.

Съ невѣроятными усиліями приподнялась Маша на ноги, ухватилась за ручку двери и потрясла ею съ отчаянною, дикою рѣшимостью.... Вотъ скрипнула половица и раздались чьи-то спѣшные шаги.... Наконецъ-то!... И Маша какъ снопъ повалилась на порогъ...

— Кто тамъ? послышался недовольный, заспанный, лѣнивый голосъ.

— Отворите, прошептала Маша едва слышно и теряя сознаніе.

Дверь отворилась, и въ ней показалась какая-то женская фигура, босоногая, закутанная въ большой, шерстяной платокъ. Увидѣвъ обнаженную и обожженную Машу, женщина дико вскрикнула и стремглавъ бросилась въ комнату, точно слѣдомъ за ней неслось какое-то страшное привидѣніе.

Черезъ минуту, всѣ живущіе въ домѣ были уже на ногахъ: капитанъ Бѣлкинъ, жена его, прислуга съ соболѣзнованіями окружили несчастную дѣвушку и внесли ее въ комнату. Добрѣйшая Настасья Семеновна, жена Бѣлкина, сбросила съ себя платокъ и прикрыла Машу; черезъ нѣсколько минутъ вошелъ и докторъ, за которымъ распорядился послать гонца добродушный Бѣлкинъ. Внимательно, серьезно осмотрѣлъ докторъ страдалицу и печально покачалъ головой.

— Откуда эта дѣвушка? спросилъ онъ.

— Это корейка Маша, дочь Цун-уна, а нашла я ее у нашихъ дверей, проговорила Настасья Семеновна, отирая невольно катившіяся слезы. Она не могла безъ сердечной боли смотрѣть на несчастную, обезображенную дѣвушку, которую еще такъ недавно видѣла такою веселою и хорошенькою.

— Она безнадежна, проговорилъ докторъ, окончивъ свой осмотръ, болѣе трехъ, четырехъ дней ей не прожить... Но что съ нею случилось, какъ попала она въ такомъ ужасномъ видѣ къ вамъ?

— Ахъ, докторъ, я сама и ума не могу приложить... Только что я начала засыпать послѣ четвертаго часа, вдругъ слышу стукъ, а затѣмъ не то плачъ, не то стонъ; я накинула платокъ и къ дверямъ... Отворяю и глазамъ не вѣрю: лежитъ она, бѣдняжка, на порогѣ совсѣмъ голая и опаленная; я такъ испугалась, что даже бросилась бѣжать...

— Не кроется-ли тутъ какое преступленіе?..

— Самое лучшее подождать, когда Маша придетъ въ себя и опросить ее, вмѣшался капитанъ Бѣлкинъ, она можетъ быть что нибудь и разъяснитъ.

— И то правда, согласился докторъ, а теперь я васъ попрошу послать за фельдшеромъ, дайте мнѣ ваты и прикажите растереть картофель... Черезъ полчаса, Маша была забинтована какъ мумія.... Съ тяжелымъ вздохомъ открыла она свои воспаленные глаза и съ недоумѣніемъ осмотрѣлась; первое время, незнакомая комната, незнакомыя лица произвели на нее какое-то странное впечатлѣніе: ей показалось, что она видитъ сонъ; но черезъ минуту она ясно сознала свое положеніе, вспомнила ужасную смерть отца и матери, и залилась опять горькими, неудержимыми слезами.

— Маша, милая, родная, перестань, утѣшала добрая Настасья Семеновна, скажи намъ, что случилось, что съ тобой?...

— Они убили отца.... убили мать.... сожгли ихъ въ фанзѣ, простонала Маша, горько рыдая.

— Кто они?!..

— Солдаты... одинъ высокій... другой низенькій, рябой... Рябой убилъ отца ломомъ... Потомъ они связали насъ всѣхъ, зажгли фанзу и убѣжали... разсказывала Маша сквозь неудержимыя, отчаянныя рыданія... Мать и отецъ сгорѣли... Я выползла изъ фанзы, указать убійцъ... Мнѣ завѣщала это мать...

— Боже мой, какое страшное преступленіе! проговорила Настасья Семеновна, въ изнеможеніи падая на стулъ. И наши солдаты сдѣлали его.... Какъ это ужасно!...

— Успокойся, Маша, мы разъищемъ убійцъ, твердо проговорилъ Бѣлкинъ и быстро вышелъ изъ комнаты.

IV.

Не смотря на раннее утро, весь батальонъ былъ поднятъ на ноги; вѣсть о страшномъ преступленіи переходила изъ устъ въ уста; ротные командиры провѣряли свои роты, наводили справки о тѣхъ, кто отлучался вечеромъ изъ казармъ и кто когда вернулся. Всѣ работали съ похвальною энергіею, всѣхъ руководила мысль— открыть убійцъ во что-бы то ни стало... Къ восходу солнца уже были составлены списки всѣхъ отлучившихся наканунѣ, всѣхъ болѣе или менѣе подозрѣваемыхъ.

Наибольшее подозрѣніе падало на Ласкина и Растеряева, которые самовольно ушли изъ роты послѣ справки и пропадали гдѣ-то почти до полуночи. Общимъ совѣтомъ рѣшено было показать подозрѣваемыхъ Машѣ, чтобы она сама указала убійцъ; Растеряева и Ласкина помѣстили въ двѣ разныя группы.

Всѣ эти приготовленія произвели на перваго потрясающее дѣйствіе; достаточно было взглянуть на его страшно-осунувшееся лицо, на мутные, безжизненные глаза, чтобы убѣдиться, что онъ дѣйствительно одинъ изъ соучастниковъ преступленія. Ласкинъ находился въ неестественномъ, странномъ состояніи и невольно обращалъ на себя всеобщее вниманіе; онъ много и лихорадочно смѣялся, черезъ мѣру шутилъ, трунилъ надъ товарищами и чаще, чѣмъ слѣдовало, заговаривалъ о совершенномъ преступленіи, точно стараясь у всѣхъ вывѣдать, на кого падаетъ подозрѣніе въ убійствѣ...

* * *

Безпомощно раскинулась Маша на кровати доброй Настасьи Семеновны, съ тоскою и нетерпѣніемъ ожидая предстоящаго очнаго свода съ убійцами.,. Скрипнула дверь и въ комнату вошелъ на цыпочкахъ капитанъ Бѣлкинъ.

— Маша, въ силахъ ты сдѣлать осмотръ солдатамъ? спросилъ онъ дѣвушку тихо.

— Да, да, ведите ихъ скорѣй сюда, я укажу, лихорадочно заговорила Маша, ведите.

Бѣлкинъ вышелъ изъ комнаты; черезъ минуту въ передней застучали десятки ногъ и въ спальню вошли одинъ за другимъ двадцать солдатъ, среди которыхъ находился и Растеряевъ; вслѣдъ за ними вошли: батальонный командиръ, слѣдователь, врачъ, Бѣлкинъ и нѣсколько любопытныхъ. Не смотря на большое стеченіе народа, въ комнатѣ царствовала полнѣйшая тишина; никто не рѣшался нарушить спокойствіе больной; только изрѣдка слышались тяжелые вздохи солдатъ, внимательно оглядывавшихъ несчастную дѣвушку.

Растеряева трудно было узнать—такъ измѣнился онъ за послѣднюю ночь; онъ вошелъ въ комнату совершеннымъ старикомъ; осунувшееся, страшно исхудавшее лицо его, ввалившіеся, мутные глаза глядѣли какъ-то тупо, безнадежно. Войдя въ спальню, онъ все старался спрятаться за своихъ товарищей, избѣгая взоровъ несчастной жертвы, но въ то-же время самъ не могъ

отвести глазъ отъ Маши; какая-то непреодолимая сила приковывала ихъ къ ней; онъ смотрѣлъ на Машу, какъ очарованный, точно не сознавая, точно удивляясь, какъ она могла попасть сюда, когда онъ оставилъ ее тамъ, среди пылающей фанзы....

Маша пытливо, внимательно осматривала каждаго входящаго солдата; взоры ея пылали сильнымъ, лихорадочнымъ огнемъ... Вдругъ она съ неестественною силою приподнялась и сѣла на край кровати; лицо ея выразило необыкновенный ужасъ и страданіе; глаза ея широко раскрылись и уставились на Растеряева.... Маша, казалось, онѣмѣла при видѣ убійцы; всѣ были поражены ея неизъяснимымъ состояніемъ...

Растеряевъ не выдержалъ этого страшнаго взора и закачался, точно подломленный вѣтромъ дубъ....

— Вотъ онъ!!.. дико, пронзительно вскрикнула наконецъ Маша и упала безъ памяти на кровать.

Всѣ вздрогнули, точно пронизанные электрической искрой, и обратили взоры на Растеряева.

— Я... я... убійца... пробормоталъ тотъ хрипло, глухо и, какъ снопъ, повалился на полъ.

Его немедленно вынесли; спальню очистили отъ любопытныхъ, и докторъ сталъ приводить Машу въ чувство. Долго лежала она въ какомъ-то странномъ, полумертвомъ состояніи; наконецъ она начала всхлипывать и вдругъ разразилась тяжелыми рыданіями; Маша плакала, не открывая глазъ, плакала въ какомъ-то забытьѣ, безсознательно... Черезъ короткій промежутокъ она начала понемногу успокоиваться и наконецъ уснула; сонъ ея былъ тяжелый и изрѣдка прерывался глубокими всхлипываніями и стономъ.

Страдальческое, безпомощное положеніе Маши заставило отложить очную ставку до болѣе благопріятнаго случая....

Приведенный въ чувство, Растеряевъ вполнѣ сознался въ своемъ преступленіи и указалъ на Ласкина, какъ на соучастника; послѣдній былъ немедленно арестованъ, хотя положительно и категорически отрицалъ всякое свое участіе въ убійствѣ и поджогѣ.

* * *

На другой день Машѣ предложили очную ставку съ Ласкинымъ; при этомъ старались подготовить ее къ встрѣчѣ съ убійцей настолько, чтобы она не произвела на нее предыдущаго, потрясающаго дѣйствія.

Не смотря на всю подготовку, Маша не могла вынести тяжелаго впечатлѣнія и съ ней повторился, при входѣ Ласкина, нервный, сильный припадокъ, окончательно надорвавшій ея слабыя силы.

При дикомъ, страшномъ ея крикѣ: „это убійца!“ Ласкинъ вполнѣ сохранилъ свое напускное хладнокровіе.

— Вретъ, дѣвка! проговорилъ онъ нахально, съ цинизмомъ, дерзко осматривая распростертую на кровати жертву...

Главное было сдѣлано; немедленно приступили къ формальному слѣдствію, которое и выяснило всѣ страшныя подробности совершеннаго преступленія. Въ виду особой важности преступленія, убійцы были преданы военно-полевому суду, который приговорилъ ихъ „къ смертной казни черезъ растрѣляніе.“

Ласкинъ до послѣдней минуты не сознался въ своемъ преступленіи, несмотря на всѣ собранныя противъ него улики; приговоръ свой онъ выслушалъ хладнокровно и даже посмѣивался надъ своимъ осунувшимся, потерявшимся товарищемъ.

На казнь Ласкинъ шелъ сильно выпившій, плясалъ, пѣлъ пѣсни и вообще находился въ странномъ, возбужденномъ состояніи. Растеряева вели подъ руки; онъ едва передвигалъ ноги и находился въ полубезчувственномъ состояніи. Когда его привязывали къ столбу, онъ былъ уже мертвъ, страхъ предстоящей смерти предупредилъ человѣческую расправу.

На четвертый день Маши не стало; она умерла тихо, спокойно, окруженная заботливымъ вниманіемъ доброй Настасьи Семеновны и ея мужа.

Къ рисункамъ.

Юліева башня въ Шпандау.

Въ полутора миляхъ западнѣе Берлина, при сліяніи рѣкъ Шпрэ и Гавель, раскинулось грозное укрѣпленіе—старая бранденбургская крѣпость Шпандау, сѣверо восточную часть которой составляетъ Юліева башня или такъ называемый „денежный мѣшокъ Германскаго Военнаго Министерства.“

Какъ ни странно звучитъ послѣднее названіе, популярное въ Берлинѣ и его окрестностяхъ, но оно имѣетъ свои основанія. Въ башнѣ этой, входъ въ цитадель которой представляетъ нашъ рисунокъ, сохраняется весьма значительный по своему размѣру денежный фондъ, принадлежащій Германскому военному министерству и простирающійся до 120 милліоновъ золотомъ, предназначающихся для какого нибудь экстреннаго случая и могущій сослужить Германіи службу въ минуту необходимости.

Въ исторіи встрѣчается въ первый разъ свѣденіе объ этой крѣпости въ 1318 году и съ тѣхъ поръ имя этой крѣпости извѣстно всѣмъ пруссакамъ какъ грозное мѣсто. Такъ самъ Фридрихъ Великій на одной изъ челобитень надоѣдливаго вассала надписалъ собственноручно резолюцію: „Вѣроятно онъ не знакомъ еще съ Шпандау,—можно познакомить.“ Но тѣ времена миновали и теперь въ стратегическомъ отношеніи Шпандау представляетъ собою не болѣе какъ передовое укрѣпленіе Берлина и въ тоже время главный запасный арсеналъ Германской арміи съ значительными мастерскими оружейными и орудійными, пороховыми и патронными заводами и съ Юліевой башней, въ которой, какъ мы уже говорили выше, сохраняется тотъ денежный фондъ—та пружина, которая можетъ двинуть всѣ эти орудія, ружья, патроны и заряды.

На бахчѣ.

(Рисунокъ Далькевича).

Кто не бывалъ на нашемъ югѣ, того вниманіе, по проѣздѣ тамъ, непремѣнно займутъ эти обширныя поля страннаго вида, какъ бы довольно пустыя, не шумящія колосомъ, не подернутыя свѣжею зеленью озимей. Это наши степныя арбузныя „бахчи.“ Торговля арбузомъ, весьма обширная, образовала это довольно доходное занятіе и особый типъ бахчевиковъ-караульщиковъ. Ихъ мирное занятіе, уединенное житье темными, тихими ночами и ясными зорьками въ шалашѣ, среди молчаливой бахчи, кладетъ на нихъ, большею частью стариковъ, особый, мирный, спокойный, сосредоточенный какой-то отпечатокъ. Это типъ—въ родѣ типа стариковъ—пчелинцевъ. На нашемъ рисункѣ изображенъ старикъ-бахчевикъ, съ своимъ неизмѣннымъ, вѣрнымъ товарищемъ—Жучкой, котораго онъ учитъ разнымъ пріемамъ поноски и ѣды, не совсѣмъ свойственнымъ той сѣрой, добродушной породѣ, къ которой принадлежитъ Жучка.

У лѣснаго ручья.

(Картина Виктора Тиріона).

Звонко журчитъ холодный ручей, перебираясь по камнямъ подъ вѣковыми корнями деревьевъ, въ знойный полдень и звонко своимъ свѣжимъ голоскомъ напѣваетъ миловидная дѣвочка, направляясь по знакомой тропинкѣ за ключевой водой. Тихое, уединенное мѣсто оживится присутствіемъ этой юной жизни человѣческой, этаго свѣтлаго образа, который мелькнетъ среди густой зелени кустовъ и опять все станетъ пустынно. Какъ будто медленнѣе и раздумчивѣе побѣгутъ прозрачныя струи по каменистому пестрому руслу и недвижно, какъ очарованныя, вырѣжутся густыя вѣтви въ яркомъ полдневномъ небѣ.

Альбатросъ—птица бурь.

(Рисунокъ Шпехта).

Лишь только судно выходитъ изъ гавани и вступаетъ въ безконечную ширь океана, у него уже появляется цѣлая стая пернатыхъ спутниковъ, въ числѣ которыхъ одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ альбатросъ, очень недружелюбно встрѣчаемый моряками—они считаютъ его вѣрнымъ вѣстникомъ близкой бури.

Альбатросъ дѣйствительно принадлежитъ къ семейству такъ называемыхъ птицъ бурь (Sturmvögel) обыкновенно появляющихся во время сильнаго морскаго волненія и выжидающихъ, когда бурныя волны выкинутъ имъ добычу.

Въ такую бурную погоду, какъ разсказываютъ очевидцы, весело смотрѣть какъ исполинскій альбатросъ носится легко и

Альбатросъ. Ориг. рисунокъ Ф. Шпехта, грав. А. Клосъ.

Народы Россіи: Кульджинскія татарки. Рис. Ронжа, грав. Барбанъ.

красиво по воздуху, какъ бы рисуясь своими быстрыми и смѣлыми движеніями. То летитъ онъ тихо, не шевеля мускуломъ, то вдругъ взмахиваетъ своими крѣпкими крыльями и уносится въ высь въ одно мгновеніе ока. Часто онъ порхаетъ у самой кормы корабля и смотритъ такъ смѣло и свободно, какъ будто сознаетъ всю свою безопасность и величіе среди родной ему стихіи. Во время бури онъ обнаруживаетъ удивительную мускульную силу и летитъ также хорошо противъ вѣтра какъ и по вѣтру. Альбатросъ тотчасъ же примѣчаетъ плавающій предметъ; мало по малу опускается онъ, расширяя и выгнувъ крылья, садится на воду и хватаетъ добычу. Затѣмъ подымается, бѣжитъ, расширивъ крылья, по морской поверхности, начинаетъ кружиться и улетаетъ. Странствуя по морю, альбатросъ не знаетъ устали и можетъ слѣдовать за кораблемъ на огромное разстояніе какъ о томъ свидѣтельствуетъ Чуди, который одному пойманному имъ альбатросу зачернилъ дегтемъ голову, шею и грудь и отпустилъ на волю; этотъ альбатросъ слѣдовалъ за судномъ шесть дней и только на седьмой день исчезъ изъ виду. Тихій океанъ составляетъ любимое мѣстопребываніе этой птицы; Атлантическій онъ вообще посѣщаетъ рѣдко и то только южную его часть, которая представляетъ для него болѣе простора. Въ Средиземномъ морѣ онъ совсѣмъ не встрѣчается.

По жадности Альбатросъ можетъ быть названъ морскимъ коршуномъ; онъ накидывается на всякую падаль и остатки китовъ, выбрасываемыхъ въ море по извлеченіи изъ нихъ жира, для него самая лакомая пища. Прожорливый, онъ почти безотлучно слѣдуетъ за кораблемъ и подхватываетъ все, что падаетъ или бросается съ корабельной палубы. Въ желудкѣ убитыхъ альбатросовъ Чуди находилъ самые разнородные предметы, какъ-то: кости, горохъ, чечевицу, паклю, кожу, сало, капустныя листья, морскіе сухари и даже кусочки дерева. Главною пищей альбатросовъ служатъ слизняки, каракатицы и другія мягкотѣлыя и головоногія, легко добываемыя имъ на прибрежныхъ скалахъ. Рыбой онъ питается мало, такъ какъ не можетъ нырять за нею, а только плаваетъ по поверхности воды съ легкостью пробки. Голосъ альбатроса крикливъ, рѣзокъ и очень непріятенъ для слуха. Самка высиживаетъ яйца въ ноябрѣ и декабрѣ, уединяясь на самые пустынные острова какъ напр. на Ауклендскія, принца Эдуарда и другіе. Яйца кладутся въ гнѣзда, устроенныя изъ сухой травы, земли и листьевъ и изъ нихъ дѣтеныши въ январѣ уже выходятъ на свѣтъ Божій. Замѣчательно, что птенцы остаются на мѣстѣ своего рожденія, совершено безпомощными, по неспособности летать, въ продолженіи цѣлаго года. Чѣмъ они въ это время поддерживаютъ свое существованіе до сихъ поръ остается еще загадкой для натуралистовъ: есть предположеніе, что они остаются живы, благодаря обилію въ нихъ жира, который и замѣняетъ имъ въ этомъ случаѣ пищу.

Самый большой видъ альбатроса Diomedea exulans имѣетъ въ размахѣ крыльевъ до 4 аршинъ длины при туловищѣ не болѣе лебединаго. Ловля альбатроса производится съ кораблей очень удачно удочкой съ крѣпкимъ крюкомъ; приманить же птицу не трудно, такъ какъ она накидывается съ жадностью на первый попавшійся на глаза предметъ. Ловля идетъ успѣшнѣе при тихомъ ходѣ судна, когда можно выждать, чтобы птица бросилась на приманку; почувствовавъ въ своемъ горлѣ или клювѣ засѣвшій и впившійся въ мясо острый конецъ крючка, альбатросъ отдается въ руки людей безъ особеннаго сопротивленія.

Кульджа и Таранчи.

Мы стараемся знакомить нашихъ читателей съ малоизвѣстными уголками разныхъ частей свѣта, особенно если они такъ или иначе касаются русскихъ интересовъ или входятъ съ нами въ соприкосновеніе. Для ознакомленія съ жизнью Кульджинскаго округа, о которомъ недавно было столько толковъ и часть котораго передана китайцамъ, мы уже пользовались превосходными рисунками Ронжа (№№ 41 и 43). Здѣсь мы помѣщаемъ еще нѣсколько рисунковъ и не повторяя того, что уже было нами сказано въ указанныхъ №№, коснемся только содержанія помѣщенныхъ здѣсь.

Въ г. Кульджѣ есть нѣсколько очень красивыхъ китайскихъ пагодъ и мусульманскія мечети, которыя въ томъ же стилѣ, китайскомъ, какъ и Таранчанская мечеть, изображенная на нашемъ рисункѣ. Кромѣ русской церкви, изображеніе которой было уже въ 41 №, есть въ городѣ и католическая часовня. Въ глубинѣ длиннаго и узкаго двора, видите вы большую и массивную рѣзную дверь, драпированную тканями. Отворивъ ее, входишь во внутренность часовни, обитой бѣлою матеріей; посреди возвышается распятіе чернаго дерева и по стѣнамъ статуэтки и изображенія Богоматери. Часовня осталась въ такомъ видѣ какъ основана первыми миссіонерами. Человѣкъ 60 католиковъ-европейцевъ сходятся сюда молиться да нѣсколько человѣкъ католиковъ-китайцевъ. Между помянутыми изображеніями Богоматери есть два, издѣлія католиковъ-китайцевъ, находившіяся тутъ же; онѣ слишкомъ характерны, чтобы не узнать руку художника сразу. Онѣ обѣ находятся теперь въ этнографическомъ музеѣ въ Ташкентѣ. Изображеніе этихъ оригинальныхъ статуэтокъ (одна фарфоровая, другая бронзовая) читатели найдутъ въ этомъ же №.

Племенное разнообразіе въ округѣ велико, между прочимъ есть мусульмане — таранчи и татары. О таранчахъ мы говорили ранѣе. Это мусульмане-сарты, выселенные сюда китайцами за мятежъ 1765 года—мирное, земледѣльческое и осѣдлое населеніе. Что касается татаръ, то и здѣсь они сохраняютъ многія черты той же жизни и обычаевъ, которые намъ знакомы въ ихъ сородичахъ. Одеждой и типомъ они также мало отличаются отъ послѣднихъ. Только здѣсь женщины не такъ строго соблюдаютъ обычай закрывать лица, выходя изъ дому.

Маріанна.

(„Мѣра за мѣру“ Шекспира).

„Мѣра за мѣру“ одно изъ весьма извѣстныхъ произведеній великаго драматурга. Драма была поставлена въ первый разъ на сцену въ 1604 году; написана же была нѣсколько ранѣе. Поэтъ, заимствовавъ содержаніе изъ старой итальянской новеллы, смягчилъ слишкомъ грубыя и рѣзкія черты оригинала. Намъ, русскимъ, сюжетъ этотъ знакомъ по поэмѣ А. С. Пушкина „Анджело.“

„Мѣра за мѣру“ представляетъ нѣсколько геніально-намѣченныхъ характеровъ и кромѣ того въ ней видны тѣ пріемы, которые отличали произведенія Шекспира послѣдняго періода. Въ „Мѣрѣ за мѣру“, говоритъ А. Шлегель, Шекспиръ былъ поставленъ въ необходимость самою сущностью сюжета сблизить болѣе чѣмъ онъ дѣлалъ это прежде, свою поэзію съ уголовнымъ правомъ. Проходятъ передъ нами: и лицемѣрный намѣстникъ, и сострадательный профосъ, и жестокосердый палачъ, и молодой патрицій, который долженъ пострадать за то что сошелся съ своей возлюбленной до свадьбы, и распутные негодяи, которыхъ приводитъ полиція, и даже закоренѣлый преступникъ, въ которомъ даже видъ приготовленій къ казни не пробуждаетъ раскаянія. И не смотря на все это, какъ нѣженъ и мягокъ преобладающій тонъ картины! Піеса беретъ невѣрно свое названіе отъ наказанія; настоящее ея значеніе—торжество милосердія надъ строгимъ правосудіемъ. Самое лучшее украшеніе этаго произведенія—характеръ Изабеллы, которая накануне постриженія, еще рѣшается изъ привязанности къ брату вступить снова на скользкую стезю жизни, тогда какъ среди всеобщей испорченности небесная чистота ея души не запятнана ни одной грѣшной мыслью. Вторымъ въ высшей степени симпатичнымъ женскимъ лицемъ пьесы является Маріанна; все забывающая, все прощающая изъ любви къ человѣку ее бросившему и лишившему ее добраго имени. Этотъ типъ и изображенъ нашимъ художникомъ.

Мѣстомъ дѣйствія Шекспиръ избралъ страну, гдѣ „бурно кипитъ и клокочетъ крайняя испорченность нравовъ, противъ которой законы уже оказывались безсильными.“ Мѣстный владѣтель — герцогъ видѣлъ какъ зло росло, скорбѣлъ о всеобщей распущенности, но по свойственной ему добротѣ не считалъ себя способнымъ исправить общественную нравственность карательными мѣрами. Чтобы возстановить силу закона онъ назначаетъ вмѣсто себя довѣренное лицо „Анджело,“ котораго строгость и неуклонное правосудіе ему извѣстны и удаляясь временно отъ дѣлъ, вручаетъ ему управленіе и даетъ самыя широкія полномочія. Анджело тотчасъ же приступаетъ къ искорененію общественной безнравственности и узнавъ, что одинъ юный патрицій Клавдіо обольстилъ свою невѣсту, велитъ отрубить ему голову. Напрасно умоляютъ его о прощеніи; Анджело требуетъ казни. Какъ непоколебимый законникъ онъ не допускаетъ никакихъ послабленій. Несчастный Клавдіо для своего спасенія прибѣгаетъ къ крайнему средству и умоляетъ сестру свою Изабеллу, блестящую красавицу, идти къ намѣстнику и выпросить прощеніе. Изабелла исполняетъ просьбу брата, Анджело остается глухъ къ ея моленіямъ и слезамъ, но наконецъ красота и умъ Изабеллы производятъ на него чарующее впечатлѣніе и въ немъ возникаетъ преступное намѣреніе заставить ее искупить жизнь брата цѣною собственной чести. Гордая, высоко честная дѣвушка съ презрѣніемъ отвергаетъ гнусное предложеніе Анджело и идетъ въ тюрьму къ брату, чтобы приготовить его къ близкой смерти. Казнь уже назначена, но спасителемъ Анджело нежданно является самъ герцогъ. Дѣло въ томъ, что герцогъ оставивъ Анджело правителемъ, все таки считалъ своею обязанностью наблюдать за его дѣйствіями. Кромѣ того ему сталъ извѣстенъ одинъ поступокъ Анджело, за который онъ самъ долженъ былъ быть подвергнуть карѣ строгаго закона; Анджело былъ въ свою очередь обольстителемъ своей невѣсты, кроткой и доброй Маріанны и безжалостно бросилъ ее, когда узналъ что она лишилась своего состоянія. Бросивъ ее, онъ кромѣ того оклеветалъ ее и лишилъ добраго имени. Пробравшись въ одеждѣ монаха въ тюрьму къ Клавдіо и узнавъ какою цѣною Анджело предлагаетъ ему спасеніе, герцогъ рѣшается уличить и наказать жестокаго лицемѣра. По его убѣжденію Изабелла соглашается назначить Анджело свиданіе ночью и послать вмѣсто себя Маріанну. Анджело не подозрѣваетъ обмана и принявъ Маріанну за Изабеллу, даетъ ей слово, что жизнь Клавдіо будетъ пощажена. Но это обѣщаніе, вызванное въ минуту страсти, тотчасъ же имъ нарушается и онъ требуетъ немедленно прислать ему

голову Клавдіо. Герцогъ посылаетъ ему голову другаго важнаго преступника и въ то же время объявляетъ о скоромъ своемъ вступленіи въ столицу, чтобы всенародно уличить своего намѣстника. Во время этаго торжественнаго шествія въ городъ, когда Анжело принимаетъ своего государя, являются Изабелла и Маріанна и намѣстникъ поневолѣ долженъ покаяться. Герцогъ сначала велитъ выполнить вѣнчальный обрядъ надъ Анджело и Маріанной и потомъ изрекаетъ новобрачному смертный приговоръ; но тутъ, глубоко любящая, все прощающая Маріанна, вступается за мужа и вымаливая ему прощеніе, въ тоже время проситъ и Изабеллу помочь ей въ сохраненіи жизни хотя и виновнаго, но любимаго ею человѣка. Съ милыми словами, полными любви и чувства, она обращается къ Изабеллѣ:

О, милая подруга! только стань
Со мною на колѣна, только руки
Къ нему безмолвно подними, а я
Одна ужь буду говорить. Ошибки
Вѣдь дѣлаютъ же лучшими людей,
Онѣ дурныхъ нерѣдко исправляютъ,
Быть можетъ такъ и мужъ мой. Изабелла,
Проси со мной! склонися на колѣна!

Конечно эти горячія мольбы двухъ добродѣтельныхъ и прелестныхъ женщинъ за человѣка, причинившаго имъ столько зла, не могли не тронуть добраго и милостиваго герцога. Маріаннѣ сохраненъ Анджело; Джульетта соединилась съ Клавдіо, а Изабеллу—этотъ перлъ добродѣтели и красоты—герцогъ избираетъ для себя и предлагаетъ ей свою руку и сердце.

Охотникъ за аргали.

Мы помѣщаемъ прекрасный рисунокъ изъ интересной коллекціи фотографій г-жи Полторацкой, отважной путешественницы по Средней Азіи и Сибири, коллекціи, съ которою въ скоромъ времени познакомимъ нашихъ читателей, такъ какъ г-жа Полторацкая передала намъ многіе изъ своихъ снимковъ.

Рисунокъ изображаетъ удачливаго охотника-киргиза, сидящаго въ своемъ вооруженіи около убитаго имъ великолѣпнаго аргали (горнаго козла).

Аргали водится преимущественно въ Азіи, обширный районъ его распространенія захватываетъ собою пространство отъ Большой Татаріи до Индіи и Китая и весь Алтай. Въ Сибири онъ достигаетъ почти саженной длины при вышинѣ въ 4 фута, при чемъ рога его получаютъ громадное развитіе и вѣсятъ отъ 30 до 50 фунтовъ; Аргали избѣгаетъ сырыхъ, лѣсистыхъ мѣстностей и очень большихъ высотъ. Онъ любитъ преимущественно небольшія возвышенности съ отлогими скатами, покрытыми рѣдкимъ лѣсомъ и прорѣзанными широкими долинами. Марко-Поло передаетъ, что въ его время киргизы убивали этихъ животныхъ въ огромномъ количествѣ, такъ что изъ ихъ роговъ каждое кочевье могло устраивать себѣ ограду, подобно тому какъ во внутренней Африкѣ предводители дикихъ племенъ дѣлаютъ кругомъ своего лагеря изгородь изъ слоновыхъ клыковъ. Охота за аргали вообще представляетъ много трудностей при преслѣдованіи пугливаго и быстроногаго звѣря. Аргали бѣжитъ удивительно ловко и увѣренно по опаснѣйшимъ горнымъ уступамъ; съ неимовѣрною легкостью перепрыгиваетъ онъ черезъ пропасти и въ случаѣ необходимости взбирается на такія отвѣсныя крутизны, куда человѣческая нога не посмѣетъ ступить. Охотники вѣшаютъ на шестъ разное тряпье въ полной увѣренности, что въ то время какъ аргали будетъ съ любознательностью разсматривать эти новые для него предметы, они успѣютъ къ нему приблизиться окольными дорогами. Кромѣ того на его пути ставятъ ловушки и петли а также напускаютъ на него хорошихъ собакъ, которыя задерживаютъ его на бѣгу и даютъ охотникамъ возможность пустить въ него вѣрную пулю.

Во льдахъ*).

Послѣднее донесеніе Норденшильда.

(Окончаніе).

Прибывъ къ бухтѣ Св. Лаврентія, мы нашли ее такъ переполненною льдомъ, что не смотря на мое желаніе дольше тамъ остановиться, мы должны были отодвинуться къ деревнѣ Нумано, лежащей у входа въ бухту. Деревня эта, въ отличіе отъ другихъ деревень чукчей, расположена не у самаго морскаго берега, а на косѣ между моремъ и устьемъ рѣки. Шалаши въ ней также отличаются отъ видѣнныхъ нами до сихъ поръ. Такъ, на сѣверномъ берегу жерди для шалашей подпираются каменьями и укрѣпляются въ пескѣ, здѣсь—для скрѣпленія жердей берутъ кости кита. Большая часть домашней утвари также изготовляется изъ китовыхъ костей. Передъ шалашами лежали кучи ивовыхъ вѣтвей, листья которыхъ съ жадностью поѣдались женщинами и дѣтьми. Многіе на зиму заготовляютъ запасы разныхъ травъ, такъ что чукчей нельзя безусловно причислять къ народамъ, питающимся только животной пищей. Вглубь страны шла гора, покрытая частью снѣгомъ. Съ вершины ея ясно были видны льдины на азіатской сторонѣ Берингова пролива. Докторъ Стуксбергъ нашелъ на горѣ нѣсколько труповъ туземцевъ, вокругъ гробовъ которыхъ лежали луки, стрѣлы, оружіе, трубы и другіе предметы.

22-го іюля мы остановились у порта Клярансъ, находящагося на западномъ берегу Америки. Это первая удобная гавань, встрѣченная нами съ 18 августа 1878 г. Портъ Клярансъ защищенъ отъ моря длинной песчаной отмелью. Внутрь порта протекаетъ рѣка, образующая далѣе въ странѣ небольшое озеро. Горы здѣсь достигаютъ 2—3,000 футовъ вышины; въ нѣкоторыхъ долинахъ, защищенныхъ отъ солнца, лежалъ еще снѣгъ Я надѣялся найти здѣсь слѣды прежнихъ глетчеровъ, но ни ихъ, ни остатковъ первобытныхъ звѣрей и растеній не было и признака. Какъ только мы опустили якорь, къ намъ тотчасъ приплыли въ лодкахъ туземцы. Они принадлежатъ къ эскимоскому племени и не понимаютъ языка чукчей. На нихъ уже сказалось вліяніе общенія съ американцами. Многіе живутъ въ шатрахъ изъ бумажной матеріи и носятъ европейское платье.

У женщинъ татуированныя лица. Мужчины носятъ усы и бороду. У многихъ подъ углами рта находятся довольно большія углубленія, откуда торчатъ куски стекла, костей и камней. Одна молодая дѣвушка возбуждала общее вниманіе своимъ проткнутымъ носомъ, гдѣ была навѣшена голубая буса. Цвѣтъ кожи у туземцевъ темный, щеки слегка окрашены, волосы черные, глаза маленькіе, темные, лицо плоское, носъ приплюснутый.

На западѣ порта наткнулись мы на европейское или американское зданіе для вытапливанія ворвани. Не вдалекѣ находились двѣ эскимоскія могилы; покойники лежали прямо на землѣ, защищенные только крестообразно воткнутыми надъ ними жердями. Около покойниковъ также лежало разнаго рода оружіе, одежда, кружки и разныя изображенія звѣрей. Въ одномъ изъ шалашей, мы разъ видѣли грубо выточенную изъ дерева птицу съ распростертыми крыльями. Не смотря на предложенный мною большой кусокъ сѣраго войлока, очень цѣнимаго туземцами, въ замѣнъ этой птицы, мнѣ не хотѣли ее отдать, повидимому придавая ей особенное значеніе.

Благодаря теплому, береговому морскому теченію, климатъ здѣсь мягче, чѣмъ на азіатскомъ берегу. Въ то время какъ на полуостровѣ чукчей почти нѣтъ вовсе деревьевъ, на сѣверозападѣ Америки деревья попадаются даже сѣвернѣе Берингова пролива. Около порта Клярансъ, по берегу нѣтъ тоже растительности, только внутри страны встрѣчается кустарникъ, а за береговыми горами мѣстность покрыта богатою растительностію.

28-го іюля мы остановились въ Коніямской бухтѣ. Оттуда однако принуждены были вскорѣ сняться, такъ какъ вдругъ растаявшая масса льда, чуть было не разбила нашъ корабль, припёревъ его къ берегу. Затѣмъ мы направились къ острову Карагинску и Камчаткѣ, но противный вѣтеръ заставилъ насъ повернуть къ Берингову острову, куда мы прибыли 14 августа.

Беринговъ островъ замѣчателенъ тѣмъ, что тутъ былъ разбитъ корабль мореплавателя Беринга 19 декабря 1741 г.

19 августа направились мы къ порту Іокагама. Вначалѣ дороги дулъ попутный вѣтеръ и воздухъ былъ не слишкомъ теплъ, но войдя 25 августа въ Гольфштремъ воздухъ сразу сдѣлался удушливымъ. 28 августа подъ 48° широты и 147° долготы, было около 24 градусовъ тепла. Наконецъ 31 августа разразилась буря. Молнія ударила въ главную мачту „Веги,“ сшибла верхушку ея и прошла къ низу; всѣ бывшіе на коpаблѣ чувствовали сотрясеніе. Однако буря не причинила болѣе никакого вреда. 2 сентября при входѣ въ Іокагаму, всѣ были здоровы, не смотря на продолжительное путешествіе.

Въ заключеніе Норденшильдъ разбираетъ вопросъ о томъ, можетъ ли повторяться ежегодно путешествіе, какое совершила „Вега?“ Въ настоящее время, по мнѣнію знаменитаго путешественника, еще невозможно отвѣтить на это ни безусловнымъ „да,“ ни безусловнымъ „нѣтъ.“

„Первый отвѣтъ легко могъ бы вызвать много преждевременныхъ и недостаточно обдуманныхъ попытокъ; тогда какъ второй будетъ можетъ быть столь же безусловно опровергнутъ опытомъ, какъ извѣстныя заключительныя слова отчета о первомъ кругосвѣтномъ плаваніи. Мое мнѣніе—что путь, совершенный нами, можетъ и будетъ часто повторяться съ одинаковымъ успѣхомъ.“

Мнѣніе Норденшильда можетъ быть резюмировано вкратцѣ слѣдующимъ образомъ:

1) Морской путь изъ Атлантическаго въ Тихій океанъ, вдоль сѣверныхъ береговъ Сибири, можетъ быть пройденъ въ теченіе немногихъ недѣль на приспособленномъ для этого пароходѣ съ экипажемъ изъ опытныхъ моряковъ, но этотъ путь въ его цѣломъ, насколько до сихъ поръ изслѣдовано положеніе

*) См. №№ „Нивы“ 46 и 48.

льдовъ въ Ледовитомъ океанѣ Сибири, едва ли будетъ имѣть дѣйствительное значеніе для торговли.

2) Уже теперь можно утверждать, что не сопряжено ни съ какими трудностями пользованіе морскимъ путемъ между Обью, Енисеемъ и Европой съ цѣлью морской торговли.

3) По всей вѣроятности также и путь между Енисеемъ и Леной, и Леной и Европой можетъ служить для мореплаванія; однакожъ едва ли плаваніе изъ Европы къ Ленѣ и обратно можетъ быть совершено въ продолженіе одного лѣта.

4) Еще потребуются продолжительныя изслѣдованія для того, чтобы рѣшить, возможно или нѣтъ сообщеніе моремъ на корабляхъ между устьемъ Лены и Тихимъ океаномъ. Опытъ, пріобрѣтенный уже теперь нами, показываетъ, что во всякомъ случаѣ этимъ путемъ можно изъ Тихаго океана доставлять къ бассейну Лены пароходы, тяжелые снаряды и другіе товары, неудобные для доставки на саняхъ или телѣгахъ.

„Маріанна“ („Мѣра за мѣру“ Шекспира).

«Вотъ то лицо, которымъ—какъ клялся ты—
Налюбоваться вдоволь ты не могъ;
Вотъ та рука, которая съ твоею
Въ святой союзъ вступила. Посмотри!
Вотъ я, сама, которая въ аллею
Пришла въ ночи, назвавшись Изабеллой!»
(„Маріанна“ „Мѣра за мѣру.“ Дѣйств. V сц. I).

Рис. Энгбертса.

Политическое обозрѣніе.

Толки о реформахъ въ Турціи.—Малая Азія.—Албанія и Черногорія.—Князь Болгарскій и палаты

О настоящемъ положеніи дѣлъ въ Турціи изъ Константинополя пишутъ многое. Теперь только и слышно что о проектахъ обширныхъ реформъ и со всѣхъ сторонъ раздаются увѣренія въ благихъ намѣреніяхъ. Недавно въ турецкихъ газетахъ появилось заявленіе о томъ, что реформы имѣютъ цѣлью обезпечить полную личную безопасность для всѣхъ классовъ населенія, правильность и отсутствіе медленности въ теченіи административныхъ дѣлъ, уплату процентовъ по государственнымъ облигаціямъ, упраздненіе системы десятиннаго сбора и отдачи на откупъ податей, открытіе рѣкъ и каналовъ для навигаціи, сооруженіе мостовъ и дорогъ, развитіе отечественной промышленности, устраненіе препятствій стѣсняющихъ торговлю, учрежденіе жандармеріи на новыхъ началахъ и подъ руководствомъ иностранныхъ инспекторовъ, болѣе точное опредѣленіе сферы дѣятельности духовныхъ и гражданскихъ судовъ, введеніе болѣе широкой системы народнаго образованія и открытіе всѣмъ желающимъ доступа въ военныя школы. Словомъ—скоро мы увидимъ нѣчто въ родѣ новой мавританской Гренады. Прекрасно—если это возможно.

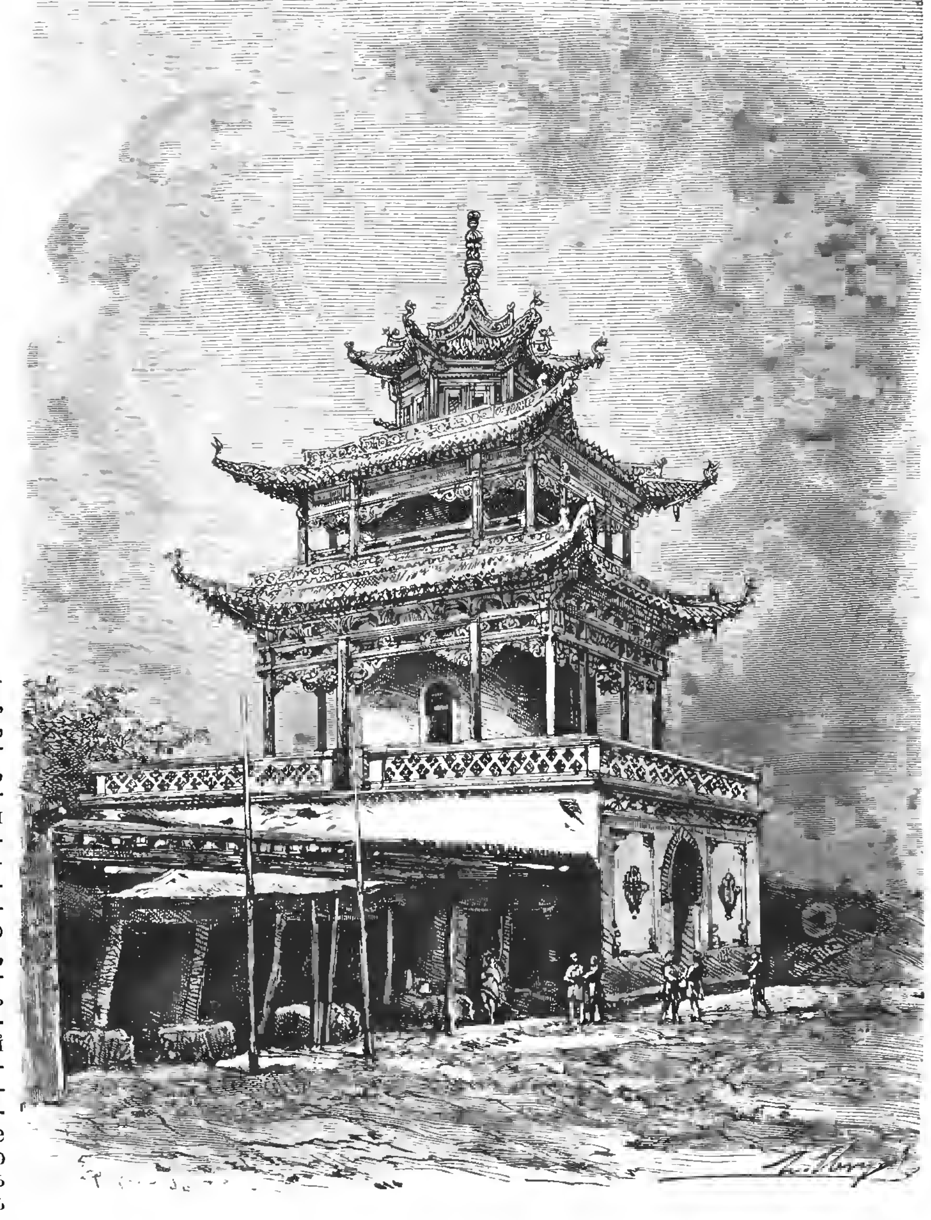
Что касается однаго изъ агентовъ такаго цивилизованія Турціи—Бекера-Паши, то, повидимому, онъ не будетъ пользоваться никакою дѣйствительною властью, а дѣло сводится, пока, просто къ назначенію его главнымъ инспекторомъ будущей жандармеріи, т. е. на тотъ самый постъ, который онъ, какъ думали до сихъ поръ, занимаетъ уже два года; теперь ему поручено объѣхать Малую Азію и составить докладъ о способахъ обезпеченія общественной безопасности тамъ. Изъ всего видно, что султанъ ни подъ какимъ видомъ не желаетъ облекать иностранцевъ дѣйствительными полномочіями. Говорятъ, онъ убѣжденъ, что Англія втайнѣ (кажется, вовсе ужь не втайнѣ!) стремится отнять у него значительную часть его азіатскихъ владѣній и твердо рѣшился не допускать англичанъ основаться въ Малой Азіи.

Много шума надѣлали возвѣщенія о преобразованіяхъ, готовящихся для этой провинціи, а между тѣмъ до сихъ поръ не только не сдѣлано и шагу, чтобы сколько нибудь улучшить невозможное положеніе вещей тамъ, но напротивъ, какъ увидимъ ниже,—малѣйшее поползновеніе мѣстныхъ властей къ такому улученію встрѣчаетъ препятствія со стороны центральнаго правительства. Однимъ изъ злѣйшихъ бичей области явля-

(Продолженіе на стр. 1009, 1010, 1011, 1012, 1013, 1014, 1015 и 1016.)

Кульджа. Киргизъ-охотникъ на аргали. Съ фотогр. Г-жи Полторацкой, рис. Фердинандъ, грав. Лаплантъ.

Кульджа. Китайская статуэтка въ католической часовнѣ.



Кульджа. Мечеть таранчей въ г. Кульджѣ. Рис. Клерже, грав. Бертранъ.

Кульджа. Китайская статуэтка въ католической часовнѣ.

ются разбойничьи наклонности курдовъ и, конечно, прежде всего, надо начать съ обузданія этихъ варваровъ, держащихъ въ постоянномъ страхѣ цѣлыя мѣстности. Посмотримъ, какъ поступаютъ въ этомъ отношеніи Константинопольскія власти. Недавно губернаторъ Сиваса, Абедзинъ-Паша, захватилъ нѣкоторыхъ изъ наиболѣе выдающихся предводителей курдовъ и это настолько содѣйствовало возстановленію безопасности, что въ теченіе цѣлой недѣли не было слышно ни объ одномъ убійствѣ. Между тѣмъ въ центральномъ управленіи, или вѣрнѣе, въ султанскомъ дворцѣ нашли, что съ бѣдными курдами поступлено очень жестоко и выразили неодобреніе энергичному вали! Извѣстный курдскій предводитель Абейдула, нѣсколько времени тому назадъ организовавшій столь грозное возстаніе, что султанскія войска не посмѣли выступить противъ него — не только не былъ наказанъ, но напротивъ, удостоился многихъ знаковъ султанской милости. Другой предводитель, Мусса-Ага, за всѣ свои разбойничьи подвиги, по-

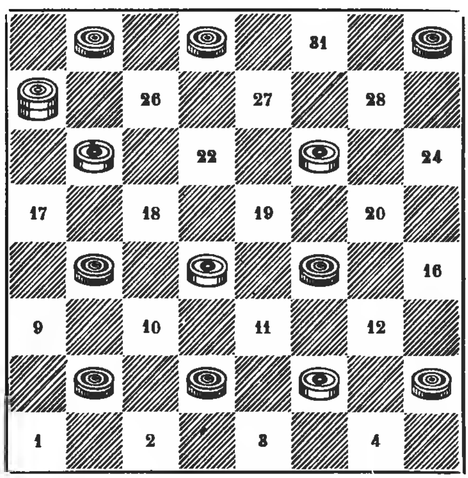
лучилъ почетную саблю и должность мудира. На заявленіе, съ которымъ по этому поводу, обратился англійскій консулъ къ турецкому дивизіонному генералу, этотъ послѣдній отвѣчалъ, что хотя Мусса-Ага и грабилъ селенія, но никого собственноручно не убивалъ. Любопытно было бы присутствовать при непосредственномъ осуществленіи въ Малой Азіи пресловутыхъ реформъ. Мы, по крайней мѣрѣ, думаемъ, что курды не потерпятъ подобной дерзости со стороны оттоманскаго правительства. Финансовое положеніе также отзывается на провинціи. Наилучшіе изъ губернаторовъ вынуждены подвергать населеніе почти такимъ же вымогательствамъ, какія оно испытываетъ отъ курдовъ. Доходовъ съ провинціи не хватаетъ, а между тѣмъ изъ Константинополя безпрестанно требуютъ присылки крупныхъ суммъ. Такъ напримѣръ, эрзерумскому губернатору приказано недавно доставить немедленно 40 тысячъ фунтовъ стерлинговъ, отъ другаго губернатора потребовали 10 тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Взять ихъ едва ли возможно, а если не доставитъ, то губернаторъ будетъ смѣщенъ. Съ богатыхъ людей, имѣющихъ отношенія въ Константинополѣ, вали не смѣетъ требовать, слѣдовательно—сборы падаютъ на бѣдный и безъ того, народъ. Спрашивается—чего же можно ожидать отъ всего этаго?..

Албанцы не слушаются предписаній Берлинскаго трактата, ни за что не хотятъ слушаться его. Для лучшаго ознакомленія читателей съ тѣмъ, что теперь происходитъ по поводу сдачи Гусиньи черногорцамъ, сообщимъ нѣсколько интересныхъ подробностей. Одинъ изъ популярнѣйшихъ албанскихъ вождей, Али-Бей, недавно созвалъ собраніе именитыхъ людей въ селеніи Боджѣ, и здѣсь было единогласно принято предложенное имъ рѣшеніе, въ которомъ сказано, между прочимъ, что султанъ и европейскія державы должны знать, что албанская нація, ни въ какомъ случаѣ и никому не уступитъ округовъ Плавскаго в Гусинскаго, составляющихъ стратегическій ключъ къ Верхней Албаніи. Албанцы просятъ державы вознаградить Черногорію какою-либо иною территоріею, или же албанцы сами готовы предложить Черногоріи денежное вознагражденіе. Если же просьба эта не будетъ уважена, то албанская нація будетъ защищать эти территоріи всѣми своими силами. Али-Бей обратился, затѣмъ, къ скутарійскому губернатору съ просьбой остановить войска, направленныя къ Плавѣ и Гусиньѣ, чтобы придать ходатайству болѣе значенія, собралъ 2 тысячи человѣкъ и двинулся съ ними частью къ Плавѣ, а часть направилъ внизъ по долинѣ Лима. Въ народѣ разгорѣлось сильное возбужденіе, усилившееся еще подъ вліяніемъ проповѣдей духовенства въ мечетяхъ и на улицахъ. Губернаторъ Али-Хайдаръ-Паша отдалъ приказанія войскамъ быть готовыми къ отпору и телеграфировалъ Мухтару-Пашѣ о присылкѣ 8 батальоновъ. Какъ только вѣсть объ этомъ распространилась—разъяренный народъ собрался, желая излить гнѣвъ свой на губернатора. Нашелся, однако, какой-то старый ходжа; успѣвшій успокоить толпу и уговорить ее разойтись. Прошелъ слухъ о скоропостижной кончинѣ Хайдара-Паши и хотя доктора приписали ее разрыву сердца, но до сихъ поръ упорно держится мнѣніе о томъ, что онъ былъ отравленъ. Старшій по чину генералъ, заступившій мѣсто Хайдара, получилъ депешу отъ Мухтара, что по приказанію сераскира, онъ выступилъ съ 15 батальонами для передачи Плавы и Гусиньи черногорскому комисару Божидару Петровичу. Между тѣмъ стычки между албанцами и черногорцами продолжаются и нынѣ телеграфъ принесъ свѣдѣніе о новомъ, болѣе серьезномъ столкновеніи, въ которомъ удача была на сторонѣ черногорцевъ.

Изъ Болгаріи получено весьма тревожное свѣдѣніе о совершенно неожиданномъ оборотѣ, который приняли тамъ отношенія между княземъ Александромъ и палатой. Національное собраніе выразило недовѣріе консервативному министерству, подало въ отставку. Составляется новое.

Шашечная задача № 18.

Бѣлыя.



Черныя.

Бѣлыя начинаютъ и выигрываютъ; какими ходами?

Задача буквъ.

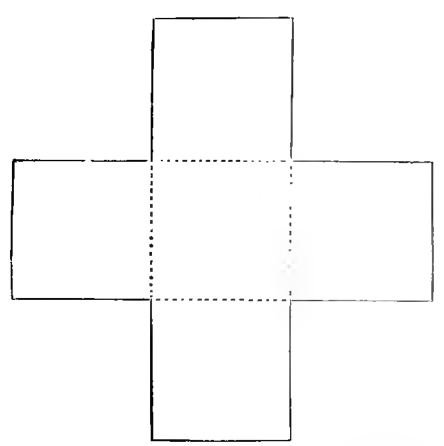
Изъ слѣдующихъ буквъ:
а, а, а, а, а, б, в, в, в, в, д, д, д, е, е, і, і, и, и, и, л, л, н, о, о, о, о, п, р, р, с, с, т, т, т, т, т, ц, ц, ц, ѣ, я, я, я, я.
составить 12 словъ:

1. Борющійся человѣкъ.
2. Королевство въ Европѣ.
3. Домашнее животное.
4. Принадлежность сапожнаго мастерства.
5. Время года.
6. Женское имя.
7. Весьма распространенный напитокъ.
8. Мужское имя.
9. Мужское имя (уменьшительное).
10. Мѣра бумаги.
11. Названіе украшенія на малороссійскомъ нарѣчіи.
12. Ребенокъ.

и затѣмъ буквы найденныхъ словъ, разставить въ нижеслѣдующей фигурѣ на мѣстахъ цифръ, соотвѣтствующихъ словамъ въ вышеуказанномъ порядкѣ, т. е.: буквы перваго слова—на мѣстѣ 1, буквы втораго слова—на мѣстѣ 2, и т. д., но такъ, чтобы получилось названіе приближающагося событія.

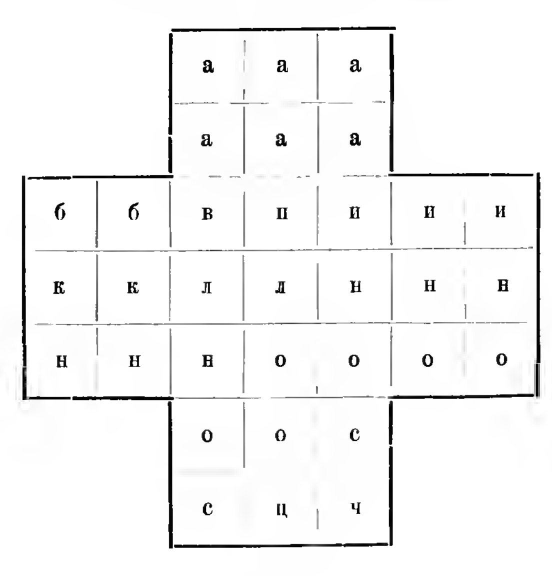
2	3	2	10	1	4	5	7	7	2	8	8	3	5	8	2	1
		11	11	1	9	10	4	3	7	9	2	6	6			
11	11	4	9	—	1	10	9	5	1	7	12	12	12	10	5	12

Геометрическая задача.



Дана площадь въ видѣ креста, состоящаго изъ **5-ти** равныхъ квадратовъ; требуется разрѣзать эту площадь по направленію **двухъ прямыхъ линій** на части, изъ которыхъ можно бы было, прикладывая одну къ другой, составить **квадратъ**. Число частей, на которыя разобьется крестъ, будетъ зависѣть отъ выбора направленія прямыхъ разрѣзовъ.

Магическій крестъ. Задача № 22.



КЪ НАШИМЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1880 Г. ЖУРНАЛА „НИВА“.

„Нива“ будетъ издаваться въ будущемъ 1880 году по той же программѣ и той же цѣнѣ, какъ и въ прошедшіе годы и, какъ уже и было втеченіи 10 лѣтъ, издатель будетъ постоянно расширять программу и улучшать достоинство премій и вообще помѣщаемаго матеріала.

Наши постоянные читатели знакомы съ нашимъ журналомъ, и знаютъ какую массу чтенія даемъ мы, какъ художественно исполняются гравюры и какія цѣнныя преміи „Нива“ въ этомъ наприм. году дала своимъ подписчикамъ; цѣна изданія при всѣхъ этихъ капитальныхъ улучшеніяхъ остается таже. Нашимъ постояннымъ читателямъ нечего повторять что „Нива“—соображая массу даваемаго матеріала—**самый дешевый журналъ въ Россіи.**

Что касается матеріала вообще и произведеній, имѣющихся въ нашихъ рукахъ **ДЛЯ ПОМѢЩЕНІЯ ВЪ „НИВѢ“ ВЪ БУДУЩЕМЪ 1880 Г.**, у насъ есть, **кромѣ массы художественно выполненныхъ гравюръ**, цѣлый рядъ **капитальныхъ литературныхъ** произведеній какъ: **большой романъ** изъ современной жизни въ 2-хъ частяхъ: **„Купленное счастье“ Н.** Морскаго (автора романа „Аристократія Гостиннаго двора“). **„Иванъ да Марья“**, большая повѣсть извѣстнаго **А. А. Потѣхина.—„Лѣсникъ“**, большая повѣсть въ 2 частяхъ **Б. Маркевича,—Кара-Джигитъ**, разсказъ **Н. Н. Каразина**, съ большими рисунками самаго автора;—**„Королевичъ Владиславъ“** и **„Зарница“** двѣ историческія повѣсти **В. Политковскаго;—„Ночь“** повѣсть **Н. Морскаго;—четыре разсказа Н. Боева: „Божья воля“, „Близь желѣзной дороги“, „Три тысячи“, „На крайнемъ востокѣ“;**—разсказы изъ исторіи русскаго искуства: **„Горькое горе“, „Лемтюжниковъ“** и **„Гашишъ“ П. П. Гнѣдича;**—рядъ очерковъ изъ исторіи русской литературы **А. П. Милюкова, В. С. Соловьева** и многія другія.

Какъ преміи на будущій 1880 годъ. мы дадимъ **двѣ превосходныя, исключительно для „Нивы“ исполненныя и составляющія нашу собственность, большія акварели знаменитаго М. Зичи,** придворнаго художника Е. И. Величества. Содержаніе картинъ взято изъ того же чуднаго, фантастическаго „Демона“ Лермонтова, къ которому уже не разъ обращалась мысль художника. Наши картины изображаютъ два момента поэмы: 1) **Пляска Тамары.** 2) **Умершая Тамара въ цвѣтахъ, окруженная родными.** Достоинства блестящаго таланта **М. Зичи** слишкомъ извѣстны. **Прелесть лицъ, блескъ красокъ живописныхъ восточныхъ костюмовъ, переданы художникомъ съ его обычнымъ мастерствомъ.** Такимъ образомъ „Нива“ и въ будущемъ 1880 г. будетъ стремиться дать своимъ подписчикамъ оригинальныя произведенія самыхъ талантливыхъ писателей и художниковъ.

Подробное объявленіе о подписныхъ цѣнахъ можно видѣть на 1-ой страницѣ номера подъ титуломъ.

Желающихъ **подписаться** на будущій 1880 г. „Нивы“ просятъ **заблаговременно** обращаться въ **Главную Контору редакціи журнала „Нива“, помѣщающуюся въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, д. № 9.**

Издатель „Нивы“ А. Ф. Марксъ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Астрахань, Н. Пл—кову. „Пропустить въ печать, какъ вы говорите, три стишка“ такіе какъ ваши, нельзя. Напр.:

Цвѣтъ жизни во мнѣ
Сохнетъ отъ мученія...

С. Небылое, А. Хл—кову. Стихи, находящіяся „на оборотѣ письма, припечатаны не будутъ. Мрачно и неправильно написано.

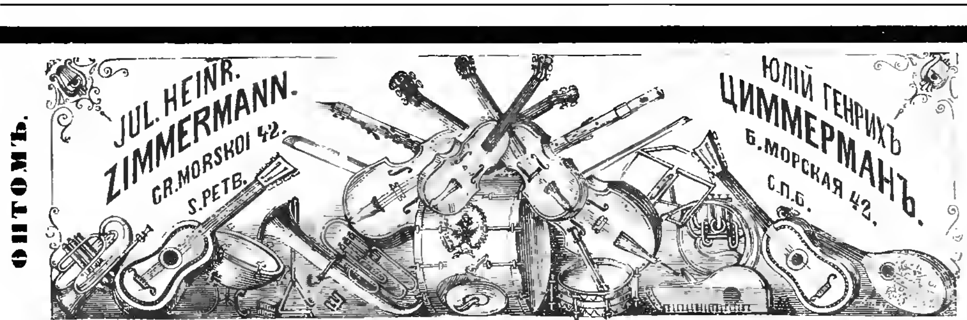
Прямо въ лобъ не робей
Револьверъ наводи поскорѣй.

Волог. губ., А М—ву. Вы пишите, что г. М. прислалъ ваши разсказы къ намъ безъ вашего согласія и желанія и опасаетесь, чтобы онѣ не были напечатаны. Они не были бы напечатаны, если бы были присланы и съ вашего согласія. Опасности не предстояло.

СОДЕРЖАНІЕ: **Новый, Малый театръ въ С.-Петербургѣ** (съ рис.)—**На далекомъ востокѣ. Разсказы А. Максимова. III. Корейка Маша.—Юліева башня въ Шпандау** (съ рис.) **На бахчѣ** (съ рис.)—**У лѣснаго ручья** (съ рис.)—**Альбатресъ—птица бурь** (съ рис.)—**Кульджа и таранчи** (съ 3 рис.)—**Маріанна** (съ рис.)—**Охотникъ за аргали** (съ рис.)—**Во льдахъ. Послѣднее донесеніе Норденшильда. (Окончан.)** —**Политическое обозрѣніе Шашечная задача.—Задача буквъ.—Геометрическая задача.—Магическій крестъ.—Къ нашимъ читателямъ.—Почтовый ящикъ.—Объявленія.**

Издатель **А. Ф. Марксъ.** Редакторъ **Ф. Бергъ.**

ОПТОМЪ



ВЪ РОЗНИЦУ

ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ

Юлія Генриха Циммермана. С.-Петербургъ Б. Морская № 42.

рекомендуетъ для подарковъ къ Рождеству въ Большомъ выборѣ по фабричнымъ цѣнамъ;

Скрипки по 2 р. 50 к., 5 р., 6 р., 8 р., 12 р., 20 р., 25 р. 35 р., 50 р., 100 р. и дороже.
Смычки по 50 к., 1 р. 25 к., 2 р., 3 р., 5 р., 8 р., и дор.
Футляры для скрипокъ по 2 р. 50 к. 5 р. 50 к., 7 р., 10 р. и дор.
Школы для скрипки по 2 р., 3 р., 4 р., 5 р.
Цитры по 14 р. 16 р., 20 р., 35 р., 50 р. и дор.
Школы для цитръ по 2 р. и 3 р. 50 к., ноты по 50 к. и 60 к.
Флейты по 3 р., 5 р., 7 р., 10 р., 12 р., 20 р., 35 р., и дор.
Школы для флейты по 1 р. 50 к. и 3 р.
Кларнеты по 6 р., 10 р., 15 р., 20 р., 30 р., 40 р. и дор.
Школы для кларнетовъ 4 р.
Корнеты-а-пистонъ по 18 р., 25 р., 30 р., 40 р., 50 р. и дор.
Школы для корнета по 1 р. 50 к., 4 р., 5 р.
Гитары по 3 р. 50 к., 5 р., 8 р., 10 р., 15 р., 20 р., 30 р. 40 р., 50 р., 75 р. и дороже.
Школы для гитаръ по 1 р. 50 к., 2 р. и 3 р.

Нѣмецкія концертино по 2 р. 75 к., 4 р., 5 р., 6 р., 8 р., 10 р., 12 р., 16 р. и дороже.
Школа для оныхъ по 75 к. ноты по 40 к. и 1 р.
Англійскія концертино по 30 р., 38 р., 45 р., 55 р., 70 р. 105 р., 125 р. и дороже.
Школа для оныхъ по 3 р., ноты 75 к., 1 р. и 1 р. 50 к.
Гармонифлюты по 45 р., 50 р., 65 р., 80 р. и 100 р.
Школы 75 к., 1 р. и 2 р. 50 к.
Гармонифлюты съ органомъ по 175 р. и 225 р.
Фисгармоніи по 90 р., 125 р., 175 р., 250 р. и дороже.
Музыкальные ящики по 2 р., 4 р., 6 р., 10 р., 25 р., 30 р. 35 р., 55 р., 65 р., 90 р. и дороже.
Шарманки по 10 р., 14 р., 20 р., 30 р., 40 р. и дороже.
Заграничныя гармоніи разные сорта по 3 р. 4 р. 50 к. 5 р. 50 к., 7 р. 50 к. 10 р., 15 р., 20 р., 24 р., 30 р. и дор.
Школы и разныя ноты для гармоній по 50 к. 75 к. 1 р. 1 р. 50 к.

Струны, сурдинки, канифоль, камертоны, метрономы, пюпитры, и всѣ принадлежности; также віолончели, контрабасы, альты, мандолины, тромбоны, альтгорны, барабаны, тарелки, треугольники, литавры, бубны, кастаньеты, металлофоны Флажолеты, чакины, окарины, бандонDіоны, органчики для канареевъ, губныя гармоніи и проч.

Заказы изъ провинціи исполняются немедленно по полученіи денегъ. За пересылку прошу присылать приблизительно. Подробный прейсъ-курантъ высылается безплатно. № 419 6—2

ОПТИКЪ И МЕХАНИКЪ

№ 44. Г. ШТРАУСЪ № 44.

Невскій просп., противъ Гостиннаго двора.

Рекомендуетъ къ предстоящимъ праздникамъ въ большомъ выборѣ

ПОЛЕЗНЫЕ ПОДАРКИ:

ДЛЯ ВЗРОСЛЫХЪ:

БИНОКЛИ лучшихъ фабрикъ, какъ Lemaire, Chevalier, Clermont etc., начиная отъ очень дешевыхъ и до самыхъ роскошныхъ такъ называемыхъ Article de Lux, какъ-то:

ИЗЪ АЛЛЮМИНІЯ, крытые кожею въ 25 р., 30 р. 40 р.
Тоже крытые черепахою или перламутромъ въ 40 р. 50 и 60 р.
Тоже крытые кожею, но съ 3-мя окулярами, въ 65 р., 75 р., 85 р. и дороже

ЕМАЛЬЕРОВАННЫЕ и изъ **ЦЕЛУЛОЙДА**, самые разнообразные, пейзаж., группы, цвѣты, подъ мраморъ и т. д., въ 20 р., 28 р., 35 р., 50 р. и дороже.

ИЗЪ ПЕРЛАМУТРА бѣлаго, желтаго, краснаго, чернаго, съ позолотою и никелированные въ 18, 20, 24 и 30 р.

ИЗЪ СЛОНОВОЙ и ПРОСТОЙ КОСТИ, гладкіе и рѣзные въ 10, 15, 20 р. и дороже. Металическіе, крытые кожею, сафьяновой шагреневой, англійской и т. д. въ 6, 8, 10, 12, 14 и 18 р. Простые лакированные въ четыре стекла въ 3, 4 и 5 р.

БАРОМЕТРЫ всѣхъ системъ, ртутные и металлическіе. Стѣнные, для письменныхъ столовъ и каминовъ съ часами, термометрами, а также и съ роскошнѣйшими подставками, отъ 5 до 75 р. Карманные барометры и для измѣренія высотъ, въ 18, 20, 30 р. и дороже.

ОЧКИ, ПЕН-СНЕ и МОНОКЛИ золотые 56 проб., въ 5, 7, 9, 11, 20 р. и дороже.

ЛОРНЕТЫ золотые 56 проб., новѣйшихъ французскихъ рисунковъ, а также и въ русскомъ стилѣ отъ 30 до 75 р. Кромѣ того имѣются въ громадномъ выборѣ лорнеты: роговые, черепаховые, серебряные, вызолоченные, бронзовые, перламутровые, слоновой кости и т. д., въ 2, 3, 5, 8, 10, 15 р. и дороже.

ГОТОВАЛЬНИ для архитекторовъ и инженеровъ въ 15, 20, 30, 40 р. и дороже.

СТЕРЕОСКОПЫ отъ 2 р. 50 к. до 20 р.; картины къ нимъ на бумагѣ и на стеклѣ.

КАЛЕЙДОСКОПЫ и АНТОСКОПЫ отъ 3 до 18 руб. и дороже.

БРИЛОКИ золотые отъ 4 до 50 руб.

МЕТРОНОМЫ со звонкомъ и безъ онаго, въ 9, 12 и 14 р.

ДЛЯ ДѢТЕЙ:

Самыя разнообразныя, весьма дешевыя дѣтскія магнитныя игры. Волшебные фонари съ 12 картинами въ деревянныхъ ящикахъ, отъ 2 р. 50 к. до 8 р., тоже только лучшіе, съ движущимися картинами и хромотропами, въ 8, 10, 12 и 15 рублей.

Тоже двойные въ 16, 18, 20, 30 р. и дороже.

КАМЕРЪ-ОБСКУРЫ.

Паровые локомотивы въ 8, 10 и 15 р.

Паровые локомобили съ принадлежащими къ нимъ станками, желѣзныя дороги, утки и лебеди съ механическимъ заводомъ, въ 2, 3, 5 р. и дороже.

Микроскопы отъ 75 к. до 28 р.

Водородныя огнива

ПЕСОЧНЫЕ ЧАСЫ НА 3 м. по 50 к.

Подзорныя трубки.

ДѢТСКІЕ ЭЛЕКТРИЧЕСКІЕ КАБИНЕТЫ по 10, 12 и 14 руб.

Дѣтскіе микрофоны.

Разные элементы.

Лупы, увеличительныя стекла по 60, 90 коп. и дороже.

ДѢТСКІЕ ЯЩИКИ СЪ ЦИРКУЛЯМИ, отъ 90 к. до 12 и 15 р.

Рейшины, угольники и лекалы

Ватерпасы и компасы.

Брилоки по 30, 40, 75 к. и дороже.

Колекціи кристаловъ.

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ВОЛЧКИ по 1 р.

Дѣтскія маленькія пушки по 20, 40 к. и дороже.

Дѣтскіе вѣсики по 15 и 25 к.

Wunder-Camera для перевода фотографическихъ и вообще непрозрачныхъ картинъ на стѣну.

Солнечные часы съ пушкою.

Дѣтскія рулетки.

Волшебныя палочки по 15 к.

Акробаты электрическіе.

Дѣтскіе магнитные

АКВАРІУМЫ, ТЕРРАРІУМЫ и ФОНТАНЫ и много другихъ тому подобныхъ полезныхъ дѣтскихъ игръ съ механическимъ, электрическимъ и магнитнымъ приспособленіемъ.

СТОЛОВЫЕ ТЕРМОМЕТРЫ.

ВРАЧЕБНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ для докторовъ и профессоровъ.

№ 456 **ЗРИТЕЛЬНЫЯ ТРУБЫ** и много другихъ тому подобныхъ вещей. 1—1

ПРІЕМНИКЪ И. Я. УРЛАУБЪ.

ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ ОБУВИ МЕХАНИЧЕСКОЙ ФАБРИКИ.

		Р.	К.
Муж. ботинки на 1 под.		5	50
„ „ „ 2 „		5	75
„ „ „ 3 „		6	50
„ сапоги „ 1 „		7	75
„ „ „ 2 „		8	25
Сапоги съ галошами. . .		13	—

ДАМСКАЯ и ДѢТСКАЯ

ОБУВЬ

на теплой подкладкѣ.

Теплыя стельки отъ 25 копѣекъ.

ТЕПЛЫЯ ПЕРЧАТКИ.

Резиновыя галоши 1-го сор.

Л. Ціолковскій и К°.

Невскій проспектъ, № 54, противъ Императорской Библіотеки, и Адмиралтейская площадь, № 10. № 449 1—1

ФОТОГРАФИЧЕСКОЕ

ателье, 16 лѣтъ существующее въ центрѣ города Москвы, прочно и долговременно гарантирующее вѣрный доходъ, роскошно устроенное, застрахованное въ 8000 р. с. продается по причинѣ внезапнаго отъѣзда, за полъ-цѣны стоимости. серебромъ 4000 р. наличными деньгами. Подробности отъ г. Поссе, Москва, Моховая, д. Куманина. № 451 1.

№ 7. ВЛАДИМІРСКАЯ № 7.

Депо С.-Петербургскихъ Химическихъ Лабораторій и заграничныхъ фабрикъ.

№ 7. ВЛАДИМІРСКАЯ № 7.

ДЛЯ ЕЛКИ

БОЛЬШОЙ выборъ новѣйшихъ и самыхъ разнообразныхъ бонбоньеровъ и картонажей отъ 3 коп.

Свѣчи парафиновыя и восковыя отъ 15 к. за пачку.

Подсвѣчники отъ 1 коп. фонарики, гирлянды, шары, украшенія.

Хлопушки съ костюмами и сюрпризами отъ 5 коп.

НОВОСТЬ: Хлопушки съ настоящими вѣерами и т. д.

Разноцвѣтные бенгальскіе огни безъ дыма и запаха коробка 25 коп.

Зажигательныя нитки для одновременнаго воспламененія свѣчей.

Свѣтъ магній для ярко-бѣлаго освѣщенія безъ всякаго запаха.

Волшебныя звѣзды 10 к. за пачку.

Искуственныя елки.

НОВОСТЬ: маленькіе букеты изъ свѣтящихъ цвѣтовъ.

Флаконы пудреницы, шкатулки, вазы, туалетныя гарнитуры

Судочки и корзинки съ духами отъ 75 к.

Изящныя коробки и шкатулки съ духами, мыломъ, помадою и т. д. отъ 50 к. до 40 р.

Духи французскіе и англійскіе, о-де-колонъ. Полный складъ товаровъ извѣстныхъ французскихъ и англійскихъ косметическихъ фабрикъ и Спб. Химическихъ Лабораторій по прейсъ-куранту.

шоколадъ, драже и мятныя лепешки.

ДЕПО КОСМЕТИЧЕСКИХЪ ЛАБОРАТОРІЙ

№ 7. ВЛАДИМІРСКАЯ № 7.

Гг. иногороднихъ покорнѣйше просятъ свои заказы выслать благовременно, чтобы при отправкѣ не было задержки. № 50 1—1

ГЛАВНАЯ ПРОДАЖА ПЕРВАГО СОРТА РЕЗИНОВЫХЪ КАЛОШЪ И САПОГОВЪ удостоенныя на Парижской выставкѣ

ЗОЛОТОЙ МЕДАЛИ

(высшая награда для резинов. фабрикат.) Продаются по фабричнымъ цѣнамъ

ВЪ СКЛАДѢ ТОВАРИЩЕСТВА

Русско-Американской резиновой мануфактуры.

КОНСТАНТИНА МАЛЬМЪ

БОЛЬШАЯ МОРСКАЯ Д. № 36, рядомъ съ магазиномъ Штанге. Постоянный выборъ новѣйшихъ резиновыхъ товаровъ, продаются по рѣшительнымъ цѣнамъ безъ запроса.

По Воскресеньямъ складъ закрытъ.
№ 325 10—6

К. УМБАХЪ.

Bietigheim a/E Вюртембергъ.

Рекомендуетъ свои извѣстные котелки изъ чугуна, мѣди и изъ желѣзной жести эмальированные или луженые съ герметической укупоркой для душенія говядины, рыбы и т. п. Вмѣстимостью котелки отъ 2 до 100 литр. Продаются по очень умѣреннымъ цѣнамъ. Выгоды доставляемыя герметическимъ котелкомъ: сбереженіе времени и топлива. Продавцамъ дѣлается соотвѣтствующая уступка. Иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается безплатно. № 390 3—3

Тончайшая пудра всѣхъ цвѣтовъ, всѣхъ сортовъ, румяна и бѣлила лучшей доброты для театра и домашняго употребленія. **К. Гербертъ въ Берлинѣ. Моуеръ-Штрассе № 70.** Поставщикъ Королевскихъ придворныхъ театровъ. Существуетъ съ 1874 г. **Нейманъ и Пардовъ. Продавцамъ уступка. Агентъ для Россіи К. Вагнеръ, Невск. пр. № 8, въ С.-Петербургѣ.** № 244 2—2

Американская мукомольная мельница съ коннымъ приводомъ въ 2 и 4 лошади мелетъ въ часъ 9 и 15 пудовъ. Американская ручная молотилка, улучшенный прессъ для прессованія сѣна, вѣялки, сортировки, конные приводы, дробилки для овса, желѣзные и дер., плуги, соломорѣзки, жатвенныя машины, разные насосы, пожарныя трубы и машины всякаго рода рекомендуетъ за умѣренныя цѣны

Главное русское депо машинъ

Вас. Вас. КРЮГЕРЪ.

С.-Петербургъ, Вознесенскій пр., д. № 25, на углу Екатер. канала.
№ 452 1—1

Aelteste deutsche Zeitung Russlands!

St. Petersburger Zeitung.

Probe-Nummern gratis und franco!

Verantwortlicher Redacteur und Herausgeber: P. v. Kügelgen.
Erscheint täglich in grossem Royal-Format. Bringt das Beste auf allen Gebieten. Abonnementspreis: für St. Petersburg mit Zustellung ins Haus 13 Rbl. (1 Jahr)—7 Rbl. (1/2 Jahr)—3³/4 Rbl (1/4 Jahr). — Für das übrige Russland 14 Rbl. (1 Jahr)—7¹/2 Rbl. (1/2 Jahr)—4 Rbl. (1/4 Jahr). — Für's Ausland: 56 Mark (1/2 Jahr)—28 Mark (1/2 Jahr)—14 Mark (1/4 Jahr).
Insertionen finden die weiteste und nützlichste Verbreitung.
328 Erscheint ohne Präventiv-Censur! 3—3

Только-что отпечатанъ и поступилъ въ продажу пятымъ изданіемъ романъ

Ѳ. М. ДОСТОЕВСКАГО:

„УНИЖЕННЫЕ И ОСКОРБЛЕННЫЕ"

одинъ томъ (30 лист.) Цѣна 2 р. 50 к. Складъ у автора: Спб., Кузнечный пер., д. № 5, кв. № 10. Тамъ же продаются слѣд. соч. Ѳ. М. Достоевскаго: романъ **«Бѣсы»** 3 тома, цѣна 3 р. 0 к.; ром. **«Идіотъ»**, 2 тома цѣна 5 руб.; **«Преступленіе и наказаніе»**, 2 тома, цѣна 3 р. 50 к.; ром. **«Записки изъ мертваго дома»**, 1 томъ, цѣна 2 руб.; **«Дневникъ писателя» за 1876** годъ, 1 сброшюр. т мъ, ц. 2 р. 50 к.; **«Дневникъ писателя»** на 1877, 1 сброш. томъ, цѣна 2 р. 50 к.; ром. **«Подростокъ»**, 3 тома, цѣна 3 р. 50 к. № 442 1—1

Гг. иногородные, выписывающіе отъ автора, за пересылку не платятъ.

Поступила въ продажу новая книга во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Петербурга, Москвы, Варшавы, Харькова, Казани и Кіева.

ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

„ПЛУТОВКА НАДЯ,"

въ стихахъ и 168 рисункахъ. Цѣна 1 р. и 1 р. 20 к. съ пересылкой. Складъ книгъ въ Москвѣ, Тверской бульваръ, въ Сытинскомъ переулкѣ, въ домѣ Мальдзиневича у Кондеяъ. Книжные магазины пользуются уступкой. № 458 1—1

Поступила въ продажу у извѣстныхъ книгопродавцевъ Москвы и С.-Петербурга:

НОВАЯ КНИГА:

РУКОВОДСТВО

КЪ ИЗУЧЕНІЮ

ШАХМАТНОЙ ИГРЫ

(СЪ 70-ю ДІАГРАММАМИ)

и

ИГРЫ ВЪ РУССКІЯ ШАШКИ.

Составилъ **И. И. Фоглеръ.**

Цѣна 1 р. 30 к., съ пересылкой иногороднымъ 1 р. 50 к.

СОДЕРЖАНІЕ КНИГИ. Отдѣлъ I: О шахматной игрѣ вообще (теорія). — **Отдѣлъ II:** Собраніе шахматныхъ партій, важнѣйшихъ заграничныхъ и здѣшнихъ игроковъ, какъ-то: А. Андерсенъ, I. Цукертортъ, П. Морфи, Наумъсонъ, Колишъ, Графъ Брюль, Филидоръ, И. С. Шумовъ, Кн. С. С. Урусовъ, К. А. Янишъ, Гарвицъ, Макъ-Доннель, Де-ла-Бурдонне, Стаунтонъ, Бланбургъ, В. Стейнецъ, Поттеръ, Кіезерицкій, С. Виневеръ, Кронебергъ, С. Алапинъ, Е. А. Шмидтъ, А. Б. Соловцовъ, М. И. Чигоринъ. Э. Шифферсъ, К. Морель, М. С. Безкровный, Уайтъ, Г. Тэйлоръ, Миншинъ, А. А. Ашаринъ, Н. Петровскій и проч. **Отдѣлъ III:** Курсъ дебютовъ — **Отдѣлъ IV:** Окончаніе игръ.— **Отдѣлъ V:** Шахматныя задачи и ихъ рѣшеніе.— **Отдѣлъ VI:** Игра въ русскія шашки. Правила, задачи, и ихъ рѣшеніе и проч. № 437 2—2

Складъ книги въ типографіи Э. Лисснеръ и Ю. Романъ, Москва, Арбатъ, д. Каринской.

1880 г. **X-й г. изданія.**

I) **Полное изданіе**, сост. изъ **22** книгъ и **40** №№ «Педагог. Хроники». Подписная цѣна съ перес. **12** руб. **Отдѣльно:**
II) **Семейное чтеніе въ Семьѣ и Школѣ** (отдѣлъ для дѣтскаго чтенія. **12 книгъ.** въ годъ. Подписная цѣна съ перес. **10** руб.
III) **Воспитаніе и обученіе въ Семьѣ и Школѣ съ педагог. хрон. 10 книгъ и 40 №№** педаг. хрон. въ год. Подписная цѣна съ перес. **5** руб.
Подписка адресуется: въ Спб., въ редакцію журнала **«Семья и Школа»** (Васильевскій Островъ, 15 лин. № 8). № 348 10—5

№ 453 2—1

Въ Книжномъ магазинѣ Я. А. Исакова въ Спб. Гост. дворъ № 24.

поступили въ продажу новыя книги:

АРГУСЪ

Юмористическій альбомъ

Д. Д. Минаева,

одинъ томъ, 214 стр. 1 руб. перес. за 2 ф.

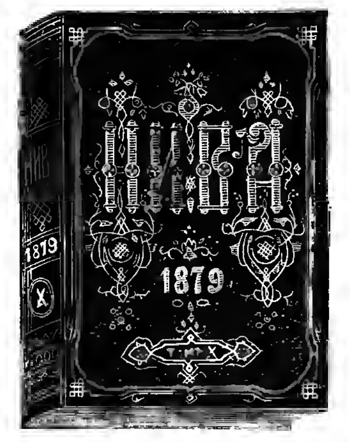
ДЕМОНЪ

Сатирическая поэма

Д. Д. Минаева,

Цѣна 1 руб. перес. за 2 ф.

Историческіе анекдоты изъ жизни Русскихъ Государей. Императоровъ: Павла 1, Александра 1 и Николая I, и Императрицъ: Елисаветы Петровны, Екатерины II и Маріи Ѳеодоровны. Спб. 1880. Ц. 80 к. съ перес. 1 руб. № 410 2—2



КРЫШКИ для переплета «Нивы» 1879 и также 1880 гг. по вышеуказанному образцу 1 р. съ пересылкою 1 р. 50 к. Каждый простой переплетчикъ въ губернскомъ городѣ легко можетъ переплесть «НИВУ» въ такую коленкоровую крышку.

КОНЕКЪ ГОРБУНОКЪ,

русск. сказка **П. ЕРШОВА**, съ 7 картин. Цѣна 1 р., въ изящн. переплетѣ 1 р. 30 к. № 432. 2—2

Только что вышедшій изъ печати

КАТАЛОГЪ

русскихъ и иностранныхъ журналовъ на 1880 годъ.

Желающіе могутъ получать **безплатно** въ книжномъ магазинѣ Я. А. Исакова (Спб., Гостинный дворъ, № 24); иногородные же къ требованію благоволятъ прилагать почтовую марку въ 2 коп. № 447. 1—1.

Курсъ кройки для дамъ съ чертеж. 1 р. съ пересылкой.
Сборникъ 500 моделей Парижск. модъ, 1 р.
Готов. къ нимъ патроны отъ 50 к. до 1 р. 50 к.
и
Альбомъ вышивокъ въ рус. стилѣ, 25 л. цвѣтн. узор. 4 р.
Адр. въ конт. **«МОДЫ и РУКОДѢЛІЯ»** на уг. Невск. и Б.-Морск., д. № 18, вадъ аптек. Спб.
№ 445 2—2

ПОЛЕЗНЫЙ ПОДАРОКЪ НА ЁЛКУ.

Буквы-картинки рисовалъ **В. Шпакъ** по мысли **Ф. Резенера**. Наклеен. на 36 картон. табличекъ въ 8 кв. верш. раскрашен. въ коробкѣ **1 р. 50 к.** нераскраш. **1 р.** (упак. 10 к. перес. за 4 ф.) въ листахъ **40 к.** перес. 1 ф.

Изданіе это не слѣдуетъ смѣшивать съ старинными азбуками въ картин.: это совершенно новое и оригинальное пособіе, облегчающее начало обученія, связующее печатное начертаніе буквы съ обознач. ею звукомъ посредствомъ рисунковъ, предметовъ, схожихъ по начертанію съ начальной буквой ихъ названія, такъ напр. рис. Обруча изображаетъ букву О, Серпа С, Жука—Ж и т. д.

Складъ въ **С.-Петербургской мастерской учебныхъ пособій и игръ.**
Уголъ Графскаго и Троицкаго переулка 18—3.
Справочный каталогъ (четвертой) мастерской высылается за почтовыя марки въ 14 коп. № 421 3—2

Подходящій подарокъ для дѣтей на ЁЛКУ есть:

ИГРА ИСТОРИЧЕСКО-ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ

подъ названіемъ:

„ПУТЕШЕСТВІЕ ПО ЕВРОПѢ СЪ НАУЧНОЮ ЦѢЛІЮ".

Цѣна игры въ коробкѣ со всѣми принадлежностями **1 руб. съ пересылкою**; выписывающимъ 10 экземпляровъ и болѣе—**15% уступки. Адресоваться къ издателю А. Е. Ковалевскому, въ губ. г. Владиміръ.**

Игра эта, появившись въ семействѣ, способна замѣнить съ полною разныя другія бесполезныя игры; она занятна даже для взрослыхъ, а дѣти, занимаясь ею въ часы досуга, пріобрѣтаютъ незамѣтно много географическихъ и другихъ свѣдѣній. Въ вѣрности сказаннаго убѣдили издателя частные одобрительные отзывы. № 411 2—2

Съ **Января 1880 года** будетъ издаваться

НОВЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

подъ названіемъ

„РУССКІЙ НАЧАЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ"

по слѣдующей программѣ:

Отдѣлъ I. Статьи педагогическаго содержанія.
Отдѣлъ II. Библіографическія извѣстія, разборы существующихъ и вновь выходящихъ книгъ, имѣющихъ отношеніе къ начальной школѣ, преимущественно учебниковъ.
Отдѣлъ III. Популярныя статьи по различнымъ отраслямъ наукъ и искусствъ, особенно такимъ, которыя имѣютъ большое значеніе въ народной жизни.
Отдѣлъ IV. Историческія и статистическія свѣдѣнія о русскихъ элементарныхъ школахъ, учительскихъ семинаріяхъ и институтахъ, мелкія замѣтки и т. п.

Программа журнала одобрена Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просвѣщенія.

Редакція имѣетъ въ виду постепенно дать полныя руководства къ преподаванію каждаго предмета обученія въ сельскихъ и городскихъ школахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ дать сборникъ статей, сообщающихъ полезныя практическія знанія.
Журналъ будетъ издаваться ежемѣсячно въ объемѣ 2-хъ листовъ и болѣе.
Подписная цѣна за годъ 2 рубля безъ доставки и 2 р. 50 к. съ доставк. и перес.
Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ книжномъ магазинѣ **ФЕНУ и Ком.** (Невскій проспектъ).

Редакторъ-издатель **В. ЛАТЫШЕВЪ.**
№ 443 2—1 (Преподаватель Учительскаго Института).

ГАЗЕТА

КОННОЗАВОДЧИКОВЪ И ЛЮБИТЕЛЕЙ ЛОШАДЕЙ

въ **1880** году

будетъ выходить по той же программѣ, какъ и въ предъидущіе шесть лѣтъ (съ 1874 года), 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца, неуклонно преслѣдуя свою задачу служить въ качествѣ независимаго органа интересамъ русскаго коннозаводства, спорта, кавалерійскаго и ремонтнаго дѣла въ Россіи. Цѣна годовому изданію газеты со всѣми къ ней приложеніями (опись рысистыхъ и верховыхъ заводовъ, портреты замѣчательныхъ лошадей и пр.) **СЕМЬ** руб. съ пересылкою и доставкою на домъ.

Подписка принимается въ Москвѣ, въ Редакціи Газеты, на углу Остоженки и Лопухинскаго переулка, д. Мясникова, и у извѣстнѣйшихъ книгопродавцевъ.

№ 446 1—1 Редакторъ-Издатель **Н. ЛОДЫГИНЪ.**

„НУВЕЛЛИСТЪ"
МУЗЫКАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ
ДЛЯ ФОРТЕПІАНО
СЪ МУЗЫКАЛЬНО-ТЕАТРАЛЬНОЮ ГАЗЕТОЮ.

Съ 1-го Января 1880 года «НУВЕЛИСТЪ» вступая въ 41-й годъ своего существованія, будетъ выходить какъ и прежде перваго числа каждаго мѣсяца, тетрадями отъ 30—35 страницъ избранной музыки. Каждая тетрадь будетъ содержать въ себѣ: 1) Четыре или пять салонныхъ пьесъ. 2) Одинъ или два новыхъ танца. 3) Русскій романсъ. Сверхъ того въ «НУВЕЛЛИСТѢ» будутъ помѣщены двѣ пьесы въ четыре руки.

«НУВЕЛЛИСТЪ» Музыкально-Театральная Газета, будетъ выходить ежемѣсячно въ продолженіи музыкальнаго сезона и состоять изъ слѣдующихъ отдѣловъ: 1) Руководящія статьи посвящены обзору всего примѣчательнаго въ области музыки и театра, какъ въ Россіи, такъ и за границей. 2) Музыкальная хроника: отчеты о новыхъ операхъ и концертахъ. 3) Возможно полный сводъ статей, касающихся музыки и сценическаго искусства. 4) Фельетонъ.

Кромѣ огромнаго количества музыкальныхъ пьесъ и Музыкально-Театральной Газеты, подписчики «НУВЕЛЛИСТА» получатъ въ концѣ года ПРЕМІИ—полную оперу въ двѣ руки, или другія сочиненія по ихъ выбору изъ 70-ти нумеровъ указанныхъ Редакціею.

Цѣна годовому изданію музыкальнаго журнала «НУВЕЛЛИСТЪ» съ Музыкально Театральною Газетою и преміею 5 рублей. Съ доставкою и пересылкою 6 руб.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ: въ главной конторѣ «НУВЕЛЛИСТА» при музыкальномъ магазинѣ *М. Бернарди* Поставщика Двора Его Величества, Невскій проспектъ, № 10.

Все изданіе „НУВЕЛЛИСТА" на текущій 1879 годъ разошлось окончательно по этому подписка на него прекращена. № 409 3—2

Die verbreitetste und grösste deutsche politische Zeitung Russlands ist der

ST. PETERSBURGER HEROLD

mit den Beilagen

Land-und Hauswirthschaftliche Zeitung; «Industrie-Zeitung,» Feuilleton-Beiblatt und «Handels-und Börsen-Zeitung».

Erscheint täglich ohne Präventiv-Censur.

in der Stärke von mindestens **zwei** Bogen, Beilagen nicht gerechnet.

Vom 1. Januar 1880 ab beginnt im täglichen Feuilleton der neueste von **Hans Wachenhusen** für das Feuilleton des «**Herold.**» verfasste Roman, «**Dame Orange**».

Abonnementspreis: für St. Petersburg mit Zustellung in's Haus 13 Rbl. (1 Jahr)—7 Rbl. (1/2 Jahr)—3 3/4 Rbl. (1/4 Jahr)

für das übrige Russland 14 Rbl. (1 Jahr)—7 1/2 Rbl. (1/2 Jahr)—4 Rbl. (1/4 Jahr).

Probennummern gratis! **Insertionen finden im «Herold», dem gelesensten deutschen Organe Russlands, die weiteste Verbreitung.**

Probennummer gratis!

„ПОДАРКИ ДѢТЯМЪ".

Новое—періодическое изданіе.

Цѣль изданія—дать возможность родителямъ, безъ всякихъ хлопотъ и за сравнительно дешевую цѣну, пріобрѣтать для подарка дѣтямъ новыя **игры и игрушки**, которыя, служа забавою, по существу, будутъ въ тоже время развивать въ дѣтяхъ охоту учиться искусствамъ, рукомесламъ и т. п., а также пріучать ихъ къ порядку, правильному взгляду на трудъ и проч. Первый выпускъ изданія будетъ состоять изъ четырехъ деревянныхъ **музыкальныхъ инструментовъ**, 4-хъ тетрадей нотъ, печатнаго подробнаго объясненія ихъ употребленія и самаго популярнаго изложенія первоначальныхъ понятій о музыкѣ съ присоединеніемъ различныхъ полезныхъ свѣдѣній и наставленій. Приложенныя къ инструментамъ, ноты такъ составлены, что участвующіе въ квартетѣ, **не зная вовсе музыки**, будутъ исполнять до 30 музыкальныхъ піесъ.

Въ теченіи года будетъ четыре выпуска **„ПОДАРКОВЪ ДѢТЯМЪ"**.

Подписная цѣна:	*На годъ.*	*На 1/2 года*	*На 1/4 года.*
Безъ доставки.	7 р.	4 р. — к.	2 р. 25 к.
Съ доставкою и пересылкою .	8 »	4 » 50 »	2 » 50 »

Съ требованіями просятъ адресоваться въ редакцію журнала «Подарки Дѣтямъ», въ С.-Петербургѣ, Ивановская улица, домъ № 15.

Гг. попавшіе въ число первой тысячи подписчиковъ получатъ первый выпускъ, то есть **квартетъ**, къ празднику Рождества Христова.

№ 417 2—2 Редакторъ-издатель **И. Горбуновъ**.

ПОДПИСКА
НА
„НИЖЕГОРОДСКІЙ БИРЖЕВОЙ ЛИСТОКЪ"
въ 1880 году.
(ШЕСТОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Съ 1-го іюля 1879 года «Нижегородскій Биржевой Листокъ по постановкѣ собственной типографіи **выходитъ ежедневно**, кромѣ послѣпраздничныхъ и табельныхъ дней въ размѣрѣ полулиста газетной бумаги убористымъ шрифтомъ. При этомъ программа газеты значительно расширена прибавленіемъ нѣкоторыхъ новыхъ отдѣловъ. Слѣдуя главнымъ образомъ торговому направленію своей газеты. для достиженія чего имѣются корреспонденты на главныхъ хлѣбныхъ пристаняхъ волжскаго бассейна, редакція въ то **же** время позаботилась и объ удовлетвореніи публики неторговаго класса, для которой, кромѣ дневника выдающихся происшествій по всей Россіи, судебнаго отдѣла, наиболѣе интересныхъ перепечатокъ изъ другихъ газетъ и иностранныхъ извѣстій, есть еще отдѣлъ, посвященный нижегородскому городскому и ярморочному театрамъ а также и вообще общественной жизни Нижняго-Новгорода.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ:	**На полгода:**
Въ Нижнемъ-Новгородѣ съ доставкою . .	5 р. 50 к.	3 р. 50 к.
Съ пересылкою во всѣ города	7 р. — «	4 р. 50 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ редакціи газеты въ **Н.-Новгородѣ**, на Нижнемъ базарѣ, въ д. кн. Абамелекъ-Лазаревой; въ **Москвѣ**, въ конторѣ страховаго общества «**Волга**» у г-на **Андруцкаго** и въ **Рыбинскѣ**, въ магазинѣ **А. Ѳ. Кондратьева**.

№ 439 1 Редакторъ-издатель **И. А. Жуковъ**.

ВЫШЛА ДЕКАБРСКАЯ КНИЖКА

«СОБРАНІЯ РОМАНОВЪ».

СОДЕРЖАНІЕ: Дѣло по убійству Ливенворта, **Анны-Катарины Гринъ** (окончаніе).—**Водолазъ, разсказъ о погибшихъ корабляхъ**, Менвилля Фенна.—Три картинки изъ женской жизни.—Тайна бѣлаго сундука.

Кромѣ статей, оконченныхъ въ этой книгѣ, въ «Собраніи» 1879 г. напечатаны: **ПЯТНАДЦАТИЛѢТНІЙ КАПИТАНЪ**, разсказъ Жюля Верна; **ТАЙНЫЙ БРАКЪ И ЕГО ПОСЛѢДСТВІЯ**, герцога де-Помара; **СЫНЪ КОРАЛИИ**, Альбера Дельпи; **ДВОЮРОДНАЯ ПЛЕМЯННИЦА, Ф.** Робинсона; **ЗАМОГИЛЬНАЯ МЕСТЬ**, Бернара Дерона. **РОЗАСЪ**, Густава Эмара; **ПОМЕРОЙСКОЕ АББАТСТВО.** мистрисъ Генри Удъ; **ДЯДЮШКА МОШЕННИКЪ,** Фредерика Тома; **ПЯТЬСОТЪ МИЛЛІОНОВЪ ИНДІЙСКОЙ ПРИНЦЕССЫ**, Жюля Верна. **СООБЩНИКЪ**, Рене де-Камора. **ВѢРООТСТУПНИКЪ**, признанія аббата Жака,—всего **тринадцать** большихъ статей и множество повѣстей и разсказовъ. Такимъ образомъ въ концѣ года «Собраніе Романовъ» составляетъ цѣлую библіотеку интереснѣйшихъ беллетристическихъ статей.

Цѣна за всѣ **двѣнадцать книгъ**, большаго формата, составляющихъ около **пяти тысячъ** страницъ, безъ доставки—**десять руб. пятьдесятъ коп.**; съ доставкою въ С.-Петербургѣ — **одиннадцать рублей**; для иногороднихъ подписчиковъ—**двѣнадцать**. руб.

Подписка принимается **исключительно** на имя издательницы Елисаветы Николаевны Ахматовой, въ домѣ Жербина, на Михайловской площади, въ С.-Петербургѣ.

Подписка продолжается. Выдаются всѣ вышедшія книги съ № 1.

При редакціи открыта книжная торговля. **Каталоги высылаются безплатно.** № 454

„ВОСПИТАНІЕ И ОБУЧЕНІЕ",
бывшій „ДѢТСКІЙ САДЪ"

Редакція будетъ продолжать свое изданіе въ **1880** г. въ направленіи принятомъ ею съ 1876 г.

Въ 1879 г. были помѣщены слѣдующія статьи. Въ педагогическомъ отдѣлѣ: Идеальная сторона воспитанія. Курсъ умственнаго притупленія. Лѣнь. Воспитаніе маленькихъ дѣтей. Мать воспитательница. Вѣжливость. Поучительная христоматія. Необыкновенное воспитаніе. Неспособные дѣти. Воспитаніе, какъ наука Бэна Идеи дѣтскихъ садовъ. Фребели. Элементарное преподаваніе географіи. Въ дѣтскомъ отдѣлѣ: На городскихъ окраинахъ, стихотвореніе А. Михайлова. Сказка про трехъ мужиковъ и бабу Вѣдунью М. Цебриковой. Точило, разсказъ. Буря и жажда въ пустынѣ. Роса. Марвца, разсказъ. Ласточка, стихотвореніе И. Сурикова. Жизнь рабочаго люда, изъ Зола. Великаны растительнаго царства и непроходимые лѣса.

Въ отдѣлѣ критики и библіографіи были даны отзывы о выходящихъ дѣтскихъ и педагогическихъ книгахъ и журналахъ.

Журналъ «**Воспитаніе и Обученіе**» выходитъ ежемѣсячно, съ приложеніями для дѣтскаго чтенія, въ объемѣ отъ **5—6** листовъ. Къ дѣтскому чтенію прилагаются рисунки. Въ концѣ 1880 года гг. подписчики получатъ премію книгу для дѣтскаго чтенія «Историческіе разсказы». Цѣна журнала **4** р. **50** к. съ пересылкой и доставкой **5** р, За пересылку прилагается 25 к.

Подписка принимается у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ и въ редакціи: **уголъ Греческаго проспекта и 5 ул. д. 23—3 кв. 10.** въ С.-Петербургѣ.

Въ редакціи продаются изданія:

Дѣтскій садъ за 1876 г. Цѣна 4 р. Воспитаніе и Обученіе за 1877, 1878 г., цѣна **4** р. **50** к.

Сборникъ журнала Дѣтскій Садъ. Т. I для дѣтей старшаго возраста. Ц. 1 р. 25 к. Томъ II для дѣтей младшаго возраста съ рисунками. Ц. 1 р. 20 к.

Сборникъ журнала Воспитаніе и Обученіе. Т. I для старшаго возраста. Ц. 1 р. 35 к, Т. II для дѣтей младшаго возраста съ рисунками. Ц. 1 р. 30 к. **Быль и Вымыселъ,** сборникъ М. Цебриковой Ц. 1 р. **Три первые года жизни ребенка.** Бернара Пере, переводъ М. Цебриковой Ц. 1 р. 50 к. **Дѣтскіе разсказы** М. Цебриковой съ рисунками, Ц. 85 к. **Сказка про трехъ мужиковъ и бабу Вѣдунью** М. Цебриковой. Ц. 40 к.

Гг. подписчики пользуются 20% уступки съ цѣны изданія, или, уплачивая сполна цѣну, не платятъ ничего за пересылку. За пересылку 1-го фунта съ упаковкой 25 к. За слѣдующіе, смотри по почтовой таксѣ. За пересылку журнала прилагается за 3 ф. Земскія управы и учебныя заведенія, выписывающія значительное количество экземпляровъ, пользуются большей уступкой по соглашенію. № 440 2—1

О ПОДПИСКѢ НА 1880 ГОДЪ.

БУДИЛЬНИКЪ

сатирическій журналъ съ каррикатурами.

будетъ выходить въ 1880 году (XVI-й годъ изданія), на прежнихъ основаніяхъ, **еженедѣльно** (50 нумеровъ въ годъ), тетрадями въ 4-ю долю листа большаго формата. **ПРОГРАММА:** политическая жизнь иностранныхъ государствъ, въ юмористическихъ очеркахъ, фельетонахъ, стихотвореніяхъ и каррикатурахъ; очередные вопросы и выдающіяся событія русской общественной жизни: столичная хроника, вѣсти и нравоописательныя корреспонденціи изъ провинціи; литературная лѣтопись: журнальные и газетные курьезы, обзоръ новыхъ книгъ, статьи полемическія; художественная хроника; музыка и театръ; беллетристика: повѣсти, разсказы, стихотворенія, бытовые очерки и картинки, драматическія сцены; смѣсь («звонки»): памфлеты, пародіи, шаржи, анекдоты, каламбуры и проч.; каррикатуры (гг. Лебедева, Виноградова, Малышева, Кланга, Любовникова, Чичагова, Богданова, Залѣсскаго и друг.); рекламы и объявленія, среди которыхъ постоянно печатаются мелкія каррикатуры, стихотворенія, анекдоты и т. п. Годовое изданіе состоитъ изъ двухъ томовъ, содержащихъ въ себѣ до 1,000 столбцовъ текста, 100 хромолитографій и болѣе 100 стр. мелкихъ рисунковъ и каррикатуръ. **Безплатныя художественныя преміи:** 12 большихъ, роскошно исполненныхъ рисунковъ В. Е. Маковскаго. Н. Е. Рачкова, С. И. Грибкова, Н. Е. Коренева, М. А. Виноградова, И. И. Кланга, К. Н. Чичагова, и гг. Залѣсскаго и друг. Преміи эти будутъ разсылаться гг. подписчикамъ **ежемѣсячно**, через каждые три нумера. Альманахъ «Будильника» на 1880 г. выйдетъ въ свѣтъ въ декабрѣ текущаго 1879 года; въ немъ помѣщенъ будетъ, между прочимъ, **ребусъ**, за разгадку котораго 1-го марта 1880 г. редакція «Будильника» платитъ **300 рублей. Цѣна** «Альманаха» въ отдѣльной продажѣ 1 р., съ перес. 1 р. 20 коп.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА „БУДИЛЬНИКЪ":

	На годъ.	На полгода.
Съ перес. и „Альманахомъ"	8 р. — к.	5 р. — к.
" " безъ „Альманаха".	7 „ 50 „	4 „ 50 „
Въ Москвѣ, съ дост. и „Альманахомъ". .	7 „ 50 „	4 „ 50 „
„ „ „ „ безъ „Альманаха" .	7 „ — „	4 „ — „
„ „ безъ доставки	6 „ — „	3 „ 50 „

На иные сроки подписка не принимается; деньги высылаются на имя издательницы, **Л. Н. Утиной** (Москва, Леонтьевскій пер., домъ Мичнера); контора покорнѣйше проситъ заявлять требованія **заблаговременно**

№ 400. 4 3

НА 1879—80 ГОДЪ
ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ
ЧАЯМЪ
ТОРГОВАГО ДОМА
ПОДЪ ФИРМОЮ
„ВАСИЛІЙ КЛИМУШИНЪ"
Главная контора ВЪ МОСКВѢ у Боровицкихъ воротъ.

Получаемые чрезъ КЯХТУ фучанскіе чаи:

ЧЕРНЫЕ.

		Цѣна серебр.	
Терпкій	За фун.	1	40
Терпкій высшій сортъ	» »	1	60
Букетно-терпкій	» »	1	80
Букетно-терпкій высшій сортъ	» »	2	—
Букетный фучанскій высшій	» »	2	20
Букетно-розанистый	» »	2	50
Высшій сортъ	» »	2	80

ЦВѢТОЧНЫЕ.

		Цѣна серебр.	
Терпко-букетный и вмѣстѣ колоритный	» »	2	30
Мягкій терпко-букетный 2-й сортъ	» »	2	60
» » » розанист. 2-й с.	» »	3	—
» » » » 1-й с.	» »	3	30
» терпко-букетно-затхлистый	» »	3	50

ЦВѢТОЧНЫЕ ЛЯНСИНЫ.

		Цѣна серебр.	
Остро-букетно-розанистый 4 р., 5 р. и	» »	6	—
Остро-букетно-затхлистый 5 р.	» »	6	—
И лучшій изъ всѣхъ остро-букетно-медвяный и вмѣстѣ затхло-розанистый.	» »	7	—
Зеленые 4 р., 6 р., 15 р. и	» »	20	—
Желтые 4 р., 6 р., 8 р. и	» »	10	—
Черно-желтый	» »	3	—

ШТУЧНЫЕ ЛЯНСИННЫЕ.

ВЪ БАНКАХЪ И ЯЩИКАХЪ.

		Цѣна серебр.	
Черные: ящикъ съ задвижною крышкою	чаю 1 ф.	2	—
» изъ лаковомъ ящикѣ	» 1 »	2	40
Цвѣточный въ банкѣ	» 1 »	3	50
» тоже	» 1/2 »	2	—
тоже съ внутренн. замкомъ.	» 7/8 »	4	50
Лянсинъ въ атласной банкѣ.	» 1 » 5 р.	6	—
» тоже.	» 1 »	8	—
» »	» 2 »	15	—
» »	» 1/4 » 1 р. 50 к.	2	—
Въ богато убран. ящикѣ, въ которомъ 10 фигурн. банокъ, во всѣхъ	» 1 1/4 »	30	—
Желтые чаи въ шелковой банкѣ	» 1 »	10	—
тоже	» 1/4 »	3	—
Зеленые въ шелковой банкѣ.	» 1 »	6	—
» тоже.	» 1/4 »	2	—

Примѣчаніе. Чаи въ банкахъ и ящикахъ только непосредственно изъ Москвы отпускаются безъ пломбы; изъ всѣхъ же другихъ мѣстъ, а равно и отъ лицъ, торгующихъ чаями нашей фирмы, всѣ такія банки и ящики отпускаются не иначе какъ за пломбою, безъ чего за достоинство чая не можемъ принять на себя никакой отвѣтственности.

ЧАИ ЧЕРНЫЕ И ЦВѢТОЧНЫЕ.

ВЪ ЦЫБИКАХЪ.

Вѣсу по 10 фунтовъ чистаго чая съ лянсинными верхами, коимъ цѣны слѣдующія:

		Цѣна серебр.	
Цыбинъ букетнаго съ лянсиннымъ верхомъ.		22	—
Цвѣточный: букетно-розанистаго.	»	25	—
Цвѣточный: терпко-букетнаго колоритн.	»	23	—
Цвѣточный: мягко-терпко-букетный 2-й сортъ	»	26	—
Цвѣточный: мягко-терпко-букетный-розанистый	»	30	—
Цвѣточный: » » » »	»	33	—
Цвѣточный: лянсинъ остро-букетн.-розанистый.	»	40	—

Примѣчаніе. На таковые цыбики 5% скидки не дѣлается, а только пересылка принимается на нашъ счетъ.

Продажа чаевъ въ большихъ цѣльныхъ цыбикахъ производится по цѣнамъ, существующимъ въ **оптовой торговлѣ.**

ЧАИ, ПОЛУЧАЕМЫЕ МОРЕМЪ

Кантонскіе: Цвѣточный 1 р. 80 к. и 2 р. Лянсинъ 2 р. 50 к. Черные 1 р. 20 к. и Ароматическій 2 р. 30 к. Зеленый 2 р. 50 к. Желтый 3 р.
Примѣчаніе. Чаи кантонскіе и шанхайскіе **отпускаются только по назначенію самихъ покупателей**; въ противномъ случаѣ будутъ отпущены кяхтинскіе.

АДРЕСЫ МАГАЗИНОВЪ: **ВЪ МОСКВѢ:** 1) Главный у Боровицкихъ воротъ; 2) на Тверской, въ домѣ Сазикова; и 3) на Варваркѣ, въ д. Знаменскаго монастыря.

Въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ: Михайловская улица, въ домѣ „ЕВРОПЕЙСКОЙ ГОСТИННИЦЫ".

А ТАКЖЕ: Въ Костромѣ, САРАТОВѢ, с. Бековѣ, Симбирскѣ, Бузулукѣ, с. Борскомъ, НИЖНЕ-УРАЛЬСКѢ, Оренбургѣ, Ташкентѣ, Царицынѣ, Сарептѣ, ст. Нижне-Чирской, Усть-Медвѣдицкой, Черномъ-Ярѣ. Енотаевскѣ, Астрахани, Дербентѣ, Шемахѣ, Кубѣ, Владикавказѣ, Темиръ-Ханъ-Шурѣ Баку, Керчи, Бердянскѣ, СИМФЕРОПОЛѢ, Таганрогѣ, РОСТОВѢ-НА-ДОНУ, Валуйкахъ, Тамбовѣ, Ефремовѣ, Орлѣ, КУРСКѢ, ХАРЬКОВѢ, ПОЛТАВѢ, КОНОТОПѢ, Кролевцѣ, Золотоношѣ, РОМНАХЪ, Нѣжинѣ, Батуринѣ, НОВГОРОДЪ-СѢВЕРСКѢ, ГЛУХОВѢ, Ямполѣ, Шостинскихъ заводахъ, ПЕРЕЯСЛАВЛѢ, Кременчугѣ, Елисаветградѣ, Каменецъ-Подольскѣ, Винницѣ, Проскуровѣ, Летичевѣ, Ярмолинцахъ, ИЗМАИЛѢ, Хотинѣ, Бѣльцахъ—Бессарабской области. Житомірѣ, Сквирѣ, БЕРДИЧЕВѢ, Бѣлой церкви, м. Смѣлѣ, Городищѣ, КІЕВѢ, НОВГОРОДѢ, Боровичахъ, Псковѣ, ВАРШАВѢ, Люблинѣ, Ломжѣ, Лодзи, Радзинѣ, Сувалкахъ, КОВНѢ, Россіенахъ, Шавляхъ, Поневежѣ, ГРОДНѢ, Бѣлостокѣ, Бѣльскѣ, Брестъ-Литовскѣ, Могилевѣ, Гомелѣ, МИНСКѢ, Слуцкѣ, Несвижѣ, Пинскѣ, Новогрудкѣ, Бобруйскѣ, ВИЛЬНѢ, у др. ВО ВСѢХЪ УКРАИНСКИХЪ, а также УРЮПИНСКОЙ, въ З. Д. В. (въ Сахарномъ Воронежскомъ корпусѣ, №№ 4 и 19) и НИЖЕГОРОДСКОЙ (лавки: Малая Овощная линія, №№ 2 и 3 и на шоссе №№ 49, 50, 51), Ростовѣ-Ярославскомъ и др. ярмаркахъ.

Во всѣ мѣста ЧАИ ОТПУСКАЮТСЯ изъ ГЛАВНАГО СКЛАДА, что у Боровицкихъ воротъ.

I ПЕРЕСЫЛКА во всѣ города Имперіи, на разстояніи отъ Москвы до двухъ тысячъ верстъ, производится на нашъ счетъ: далѣе же 100 верстъ по двѣ коп. за фунтъ чая на счетъ покупателя. Адресъ долженъ быть четко написанъ и требованія должны быть не менѣе 10 ф., которые въ прочныхъ укупоркахъ отсылаются всегда съ первою отходящею почтою.

II. КТО БУДЕТЪ ВЫПИСЫВАТЬ НА СУММУ 50 РУБ И БОЛѢЕ (въ одинъ ящикъ), тотъ получитъ уступки 5% съ рубля; но при отправкѣ чаевъ въ тѣ губерніи, для которыхъ почтовая пересылка съ фунта не дороже 10 к., также уступка дѣлается и съ 25 рублей.

III. КУПЦАМЪ, торгующимъ чаями подъ нашею фирмой, доставка можетъ быть и чрезъ подрядчиковъ, чрезъ что увеличиваются и скидочные проценты.

P. S. На всѣ пункты находящіеся по идущимъ отъ Москвы линіямъ желѣзныхъ дорогъ, чаи могутъ быть отправляемы чрезъ транспортныя конторы, а потому при требованіи, смотря по сортамъ чая, на сумму не менѣе какъ на 100 руб., съ нашею доставкою и ручательствомъ за вѣрность и скорость полученія, скидка процентовъ увеличивается. № 459 1—1

При этомъ № прилагаются семь объявленій: I. для гг. городскихъ и иногородныхъ подписчиковъ: 1) отъ часоваго магазина Альтшвагера въ СПБ. II для гг. иногородн. подписчиковъ: 2) отъ музык. магаз. Беркарда въ СПБ., 3) отъ Юлія Флорана въ СПБ., 4) отъ А. И. Манухина въ Москвѣ, 5) отъ Н. И. Мамонтова въ СПБ., 6) отъ Фейкъ и К° въ СПБ.. 7) отъ С. И. Леухина въ Москвѣ (послѣднія пять объявленій за исключеніемъ Московскихъ подписчиковъ).

Дозволено цензурою СПБ. 7 Декабря 1879 г. Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБургѣ. Тип. [illegible] № 10.

X годъ — № 51 — Годъ X — 1879

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ 8Ъ ДВА ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ «ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ» (отъ 20 до 40 моди. рис.) И ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40).

Выданъ 17 Декабря 1879 г. Цѣна этаго № „Нивы" 15 к. съ перес. 20 к.

Дѣятели Русской литературы:

И. Ф. Богдановичъ.

Ипполитъ Федоровичъ Богдановичъ родился въ мѣстечкѣ Переволочнѣ, Полтавской губерніи, въ 1743 году. Десятилѣтнимъ ребенкомъ былъ онъ привезенъ въ Москву, записанъ на службу и вмѣстѣ съ тѣмъ поступилъ въ сенатскую математическую школу. Но его занимала не математика, а словесность. Сдѣлавшись извѣстнымъ тогдашнему московскому меценату М. М. Хераскову, даровитый юноша поступилъ при его содѣйствіи въ университетъ и тамъ докончилъ образованіе. На вечерахъ у своего покровителя онъ обратилъ на себя вниманіе княгини Е. Р. Дашковой, которая выхлопотала ему мѣсто въ Петербургѣ, при Иностранной Коллегіи, и здѣсь-то свободное отъ службы время онъ посвящалъ литературнымъ занятіямъ.

И. Ф. Богдановичъ. Рис. и грав. А. Нейманъ.

Дѣятельность Богдановича относится къ той эпохѣ, когда подъ гнетомъ ложно-классической теоріи, во всѣхъ родахъ поэзіи искусственныя правила мѣшали самобытному проявленію таланта, не позволяя ему отступать отъ принятыхъ формъ. Для всякаго рода существовала нетолько извѣстная рамка, но даже опредѣленный тонъ. За немногими исключеніями, въ похвальныхъ одахъ поддѣльный восторгъ замѣнялъ истинное чувство, въ поэмахъ историческія событія искажались нелѣпыми вымыслами и преувеличеніями, въ драмѣ вмѣсто живыхъ людей выводились безличныя фигуры, не принадлежащія никакому времени и никакой націи. И все это сплеталось съ чуждой и даже совсѣмъ небывалой миѳологіей и выражалось напыщенными стихами.

Богдановичъ, учившійся *правиламъ поэзіи* подъ руководствомъ Хераскова, пошелъ по той же торной дорогѣ искусственнаго классицизма. Его оды, поэмы и театральныя пьесы ничѣмъ не отличались отъ издѣлій второстепенныхъ стихотворцевъ того времени; у него нѣтъ ни вдохновенныхъ порывовъ Державина, ни силы Княжнина,

ни комизма Фонвизина. И безъ сомнѣнія Богдановичъ не выдвинулся бы изъ ряда современныхъ ему посредственностей, и имя его было бы забыто, если бы не пришла ему счастливая мысль написать одно небольшое сочиненіе, благодаря которому онъ пріобрѣлъ громкую извѣстность и до сихъ поръ ею пользуется. Это была повѣсть въ стихахъ „Душенька“, напечатанная въ 1775 году.

Сюжетъ этаго сочиненія Богдановичъ заимствовалъ изъ сказки французскаго писателя Лафонтена „Les amours de Psyché“, который самъ взялъ его изъ латинскаго романа Апулея „Золотой Оселъ“. Сказка эта представляетъ любовныя приключенія Купидона и Психеи, въ связи съ другими греческими миѳами. Къ сожалѣнію Богдановичъ не ограничился простой передачей повѣсти Лафонтена, а согласно духу своего времени передѣлалъ ее на русскіе нравы. При этомъ вышло у него странное смѣшеніе греческой миѳологіи съ нашими народными сказками: тутъ Амуръ остался крылатымъ богомъ любви, а Психея превратилась въ красную дѣвицу Душеньку, одѣтую въ русскій сарафанъ; вмѣстѣ съ Юпитеромъ и Венерой явились Кощей и Змѣй Горынычъ; въ Гесперидскихъ садахъ съ золотыми яблоками оказались источники живой и мертвой воды. Такимъ образомъ граціозный классическій миѳъ обратился въ безличную сказку, одинаково лишенную характера какъ греческой, такъ и русской поэзіи.

Не смотря однако на такое противухудожественное соединеніе разнородныхъ и чуждыхъ другъ другу элементовъ, повѣсть Богдановича справедливо обратила на себя вниманіе всего образованнаго русскаго общества и вызвала автору восторженныя похвалы современниковъ. И причина этого понятна: „Душенька“ была въ ту пору небывалой, прекрасной новостью. Можно представить, какъ пріятно было удивлено общество, когда посреди надутыхъ одъ и тяжелыхъ поэмъ, которыя читались только записными любителями, явилась веселая повѣсть, игриваго и даже нѣсколько соблазнительнаго содержанія, съ непринужденнымъ остроуміемъ, написанная безъ всякихъ педантическихъ правилъ и притомъ довольно легкими для того времени стихами. Не имѣли ли права читатели привѣтствовать именемъ *русскаго Лафонтена* того писателя, который взялъ предметомъ своей небольшой поэмы „не Ахиллесовъ гнѣвъ и не осаду Трои, гдѣ въ шумѣ вѣчныхъ ссоръ кончали дни герои“, а любовныя похожденія граціозной Душеньки, и въ началѣ разсказа говорилъ:

Не для похвалъ себѣ пою,
Но чтобъ въ часы прохладъ, веселья и покоя
Пріятно разсмѣялась Хлоя.

И безъ сомнѣнія не только всѣ тогдашнія Хлои, не читавшія до того ничего по-русски, но и ихъ почтенные отцы и супруги, знакомые съ Сумароковымъ и Державинымъ, смѣялись при чтеніи забавныхъ сценъ этой живой и веселой поэмы.

Но „Душенька“ осталась единственнымъ даровитымъ произведеніемъ Богдановича. Все, что явилось впослѣдствіи подъ его именемъ—драма „Славяне“, хвалебные стихи въ честь императрицы Екатерины, лирическая комедія „Радость Душеньки“, написанная *по именному повелѣнію*, переложеніе на стихи русскихъ пословицъ—все это было нисколько не выше посредственности. Такимъ образомъ Богдановичъ, какъ впослѣдствіи Грибоѣдовъ, остался памятнымъ въ литературѣ только по одному сочиненію.

Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ службы въ Иностранной Коллегіи и въ Государственномъ Архивѣ, прославленный въ средѣ образованнаго общества и осыпанный милостями государыни, авторъ „Душеньки“ переселился въ свою любимую Малороссію, прожилъ нѣсколько времени въ городѣ Сумахъ и скончался въ Курскѣ, въ 1803 году.

Въ настоящее время поэма Богдановича устарѣла, не смотря на то, что еще въ сороковыхъ годахъ были отдѣльныя ея изданія. Не говоря уже о томъ, что теперь никого не можетъ привлекать содержаніе этой сказки, чуждой всякаго народнаго колорита, самое остроуміе автора утратило свою игривость, и даже стихи, которые въ свое время казались легкими и пріятными, для насъ уже тяжелы и грубы. **А. Милюковъ.**

На далекомъ востокѣ.

Разсказы А. Максимова

IV.

Лѣсное чудовище.

Уссурійскій край поражаетъ путешественника красотою и живописностью мѣстностей, необыкновеннымъ богатствомъ и разнообразіемъ животнаго и растительнаго царства. Непрерывныя цѣпи холмовъ, роскошныя, разнообразнѣйшія картины—то ласкающія взоры мягкостью, плавностью линій, то восторгающія ихъ величественными скалами и спусками, то поражающія страшными обрывами, мрачными, неизвѣданными пропастями и таинственными падями.

Подымешься-ли на ту или другую вершину холма, спустишься-ли въ ту или другую таинственную падь всюду новыя и новыя картины, одна прелестнѣе другой. Шумятъ безконечные, темные лѣса, поражающіе своимъ разнообразіемъ; съ вершины холма они словно бѣгутъ въ пади и овраги и опять подымаются на другую вершину, покрывая ее роскошной шапкой вѣчно зеленѣющихъ елей, кедровъ и сосенъ; негдѣ развернуться могучей растительности на гордыхъ вершинахъ и она опять сбѣгаетъ внизъ, заполняя пади широковѣтвистыми, гигантскими ильмами, стройными орѣшниками и пальмовидными диморфантами...

Чѣмъ дальше проникаетъ взоръ, тѣмъ большее и большее открывается разнообразіе: пальмовидный диморфантъ смѣняетъ пробковое дерево со своими перистыми листьями; стройный орѣшникъ и гигантская ильма уступаютъ мѣсто столѣтнему дубу и липѣ, поражающимъ взоръ своими размѣрами, своими дуплистыми, болѣе сажени въ обхватѣ, стволами; величественная пихта и крѣпкій тисъ вытѣсняютъ сосну и ель; ясень, черная береза, кленъ, кажется, хотятъ выжить тополь, граббъ, акацію и черешню.. Вся эта масса деревъ напрасно жмется одно къ другому, напрасно силится не дать дороги своей младшей братіи: изъ каждаго свободнаго клочка земли вздымаются къ небу бузина, жасминъ, колючая азалія, шиповникъ, калина, боярка, лещина и все это образуетъ непроходимую, таинственную заросль...

И кажется нѣтъ больше мѣста; но цѣпкій виноградъ прокладываетъ себѣ дорогу по всѣмъ направленіямъ и перекидывается съ одного дерева на другое, съ одного куста на другой; то стелется онъ по землѣ, покрывая ее сплошнымъ ковромъ роскошной зелени, то пробиваетъ себѣ путь среди непролазной заросли и обхватываетъ ель, кедръ, лиственницу, диморфантъ; раскидываетъ онъ свои цѣпкія объятья все шире и шире, свѣшиваясь къ землѣ роскошными гирляндами...

Нѣтъ возможности пробраться сквозь эту чащу кустарниковъ и винограда, образующихъ одну сплошную, непроходимую, цвѣтущую стѣну. Страшно ввѣриться этой таинственной, зеленой трущобѣ; войдешь въ нее, сдѣлаешь только нѣсколько шаговъ и уже теряешься, точно въ дивномъ, обширномъ лабиринтѣ; солнечные лучи не проникаютъ сквозь густую, роскошную листву и затериваются гдѣ-то высоко, надъ головой.... Темно, глухо въ этой цвѣтущей пещерѣ, и становится жутко и въ то-же время какъ-то хорошо... Чего-то боишься невѣдомаго, боишься этой зловѣщей тишины и въ то-же время съ наслажденіемъ вдыхаешь полною грудью упоительный ароматъ распустившейся листвы... Сыро на землѣ—солнце не въ силахъ пробиться сквозь эту таинственную, непроницаемую завѣсу зелени. Въ самый жаркій лѣтній день здѣсь—сырое убѣжище отъ палящихъ солнечныхъ лучей. Гдѣ-то въ чащѣ слышится гармоническое журчаніе ручья, среди стволовъ поваленныхъ деревьевъ.... Кажется, все вымерло въ этой непроходимой заросли, нѣтъ ни звука, ни проблеска человѣческой или животной жизни...

Не вѣрьте предательской тишинѣ; эту непроходимую для человѣка трущобу населяетъ разнообразное звѣрье и птица, и вы, войдя подъ эту таинственную сѣнь, находитесь уже среди многочисленныхъ представителей животнаго царства, которые притаились, приникли, услыша ваши тяжелые, непривычные шаги.... Кругомъ ки-

пить жизнь; притаились тысячи птицъ, начиная съ воробья и чернаго ворона и кончая кохинхинской иволгой и бенгальскимъ зимородкомъ. Въ высокой, сочной травѣ прячутся лоси, олени, изубры и кабаны; барсъ, дикая кошка и рысь таятся въ широковѣтвистыхъ, гигантскихъ деревьяхъ и готовы кинуться на пробирающихся внизу антилопу, кабаргу или косулю; гималайская куница и соболь рыщутъ по пнямъ и колодамъ, взбѣгаютъ на вершины кедра, орѣшника и ели и ловятъ сибирскую бѣлку; трусливый медвѣдь зарылся отъ жары въ сырую листву и чутко прислушивается къ каждому подозрительному хрусту, крику или шороху, готовый бѣжать...

Надъ всѣмъ этимъ животнымъ царствомъ господствуетъ бенгальскій тигръ *), бичь и гроза края; смѣлый, ловкій и сильный, онъ наноситъ крестьянамъ и казакамъ значительный вредъ, давя лошадей, быковъ, коровъ. Иногда тигры крадутъ скотину прямо со двора и даже изъ хлѣва; при этомъ прыгаютъ съ коровой или лошадью через тыны и загороди. Особенно не долюбливаютъ хищника охотники, у которыхъ онъ нерѣдко рѣжетъ собакъ, пущенныхъ за уходящимъ, раненнымъ звѣремъ. Собака для тигра—лакомое мясо.

Спеціальной охоты на тигровъ почти не существуетъ; каждому жизнь дорога—не рискуютъ ею жертвовать ради пріобрѣтенія шкуры; но во всякомъ случаѣ, охотники бьютъ тигра часто, мстя за задавленныхъ ранѣе собакъ, которыя здѣсь нерѣдко цѣнятся очень дорого.

Уссурійскій тигръ нападаетъ на человѣка въ исключительныхъ случаяхъ; на это его можетъ принудить только или сильный голодъ или рана; раненый хищникъ въ бѣшенствѣ рветъ все встрѣчное.

* * *

Солнце только что поднялось изъ за окружающихъ холмовъ и плавно вздымается въ глубокую синеву іюльскаго неба. Извилистой, узкой, проложенной дикимъ звѣремъ тропинкой пробираются два охотника-крестьянина: впереди идетъ едва вышедшій изъ дѣтства юноша, а позади, въ нѣсколькихъ шагахъ, высокій, здоровый дѣтина, открытое, энергичное лицо котораго дышетъ отвагой и мужествомъ; глаза его, небольшіе, но яркіе, зорко всматриваются въ окружающіе предметы и стараются проникнуть сквозь зеленыя стѣны чащи. Молодцоватая, смѣлая, увѣренная походка его показываетъ, что это человѣкъ уже бывалый и хорошо знакомый съ мѣстами. Все вооруженіе охотниковъ—плохія, казенныя, бракованныя ружья, съ легкими сошками, и небольшіе ножи, заткнутые въ кожаныя ножны, за спиной на поясѣ.

По поразительному сходству лицъ, легко угадать, что они родные братья; нерѣшительная, робкая походка младшаго заставляетъ думать, что онъ вышелъ на охоту въ первый, много во второй разъ. Охотники идутъ молча, съ трудомъ пробираясь къ небольшому, таинственно журчащему, ручью — любимому мѣстопребыванію косули; чѣмъ ближе подходятъ они къ намѣченному мѣсту, тѣмъ шаги ихъ становятся осторожнѣе. Еще нѣсколько минутъ, и они поползли, безъ шума раздвигая высокую, густую траву... Но вотъ и ручей; быстро прозрачныя воды подъ густымъ сводомъ разнообразной зелени съ таинственнымъ журчаніемъ омываютъ и полируютъ торчащіе со дна камни; ни одно существо, кажется, не оживляетъ эту глухую, благоуханную заросль.. Напрасно всматриваются охотники въ чащу—косуль не видно, и не слышно ихъ легкой осторожной поступи...

Нетерпѣливый, молодой охотникъ хотѣлъ уже встать, но съ силою былъ удержанъ братомъ, чуткое, привычное ухо котораго разслышало въ глуши знакомые звуки—шаги осторожно пробирающагося звѣря. Охотники притаили дыханіе и пригнулись къ самому корню травы, чтобы скрыть свое присутствіе... Вотъ раздался легкій трескъ раздвигаемой заросли, и на крутомъ, обрывистомъ берегу ручья ясно обрисовалась стройная, изящная фигура косули. Высоко поднявъ головку, она, втягивала воздухъ; приподнятыя, навостреныя уши ея шевелились нервно. точно стараясь уловить, раздавшійся въ чащѣ, едва замѣтный, подозрительный шелестъ; большіе, темные, прекрасные глаза косули зорко всматривались въ густую заросль. Вдругъ она вздрогнула и усиленно стала втягивать въ себя воздухъ; розовыя ноздри раздулись и слегка затрепетали. Еще моментъ, и она быстрымъ движеніемъ повернулась отъ ручья и была уже готова сдѣлать сильный скачекъ, какъ раздались одновременно два выстрѣла и замерли подъ густымъ сводомъ зелени... Косуля сдѣлала отчаянный прыжокъ, перевернулась въ воздухѣ и съ жалобнымъ стономъ упала съ крутаго берега въ ручей, окрашивая прозрачныя воды алою кровью. Охотники бросились къ раненому звѣрю; косуля силилась подняться на ноги и опять падала въ холодную воду; жалобно смотрѣла она на приближающихся враговъ ласковыми, кроткими глазами, точно моля о пощадѣ. Старшій охотникъ соскочилъ въ ручей, выхватилъ ножъ и всадилъ его по самую рукоять въ граціозную шею косули; та судорожно встрепенулась и вытянулась; изъ полузакрытыхъ, отуманенныхъ глазъ скатились двѣ крупныя слезы и смѣшались съ окровавленной водой ручья...

— Ну, Петя, славно поддѣли, проговорилъ старшій, отирая ножъ о бокъ косули, еще немного, и ушла бы... А звѣрь-то какой—безъ малаго пуда три будетъ!

— А попалъ я! съ нетерпѣніемъ спросилъ Петръ, оглядывая съ берега звѣря. Посмотри-ка, Митрій, куды я закатилъ: наровилъ-то я прямо подъ лопатку...

Дмитрій поднялъ косулю и внимательно осмотрѣлъ ее.

— Одна пуля, вишь, въ правый бокъ вошла, а въ лѣвый вышла, проговорилъ онъ, а другая въ задней ляжкѣ сидитъ.

— Въ боку-то это моя пуля, замѣтилъ Петръ съ самохвальствомъ молодаго охотника.

— Пускай будетъ твоя, а звѣря возьми, да надо распотрошить его...

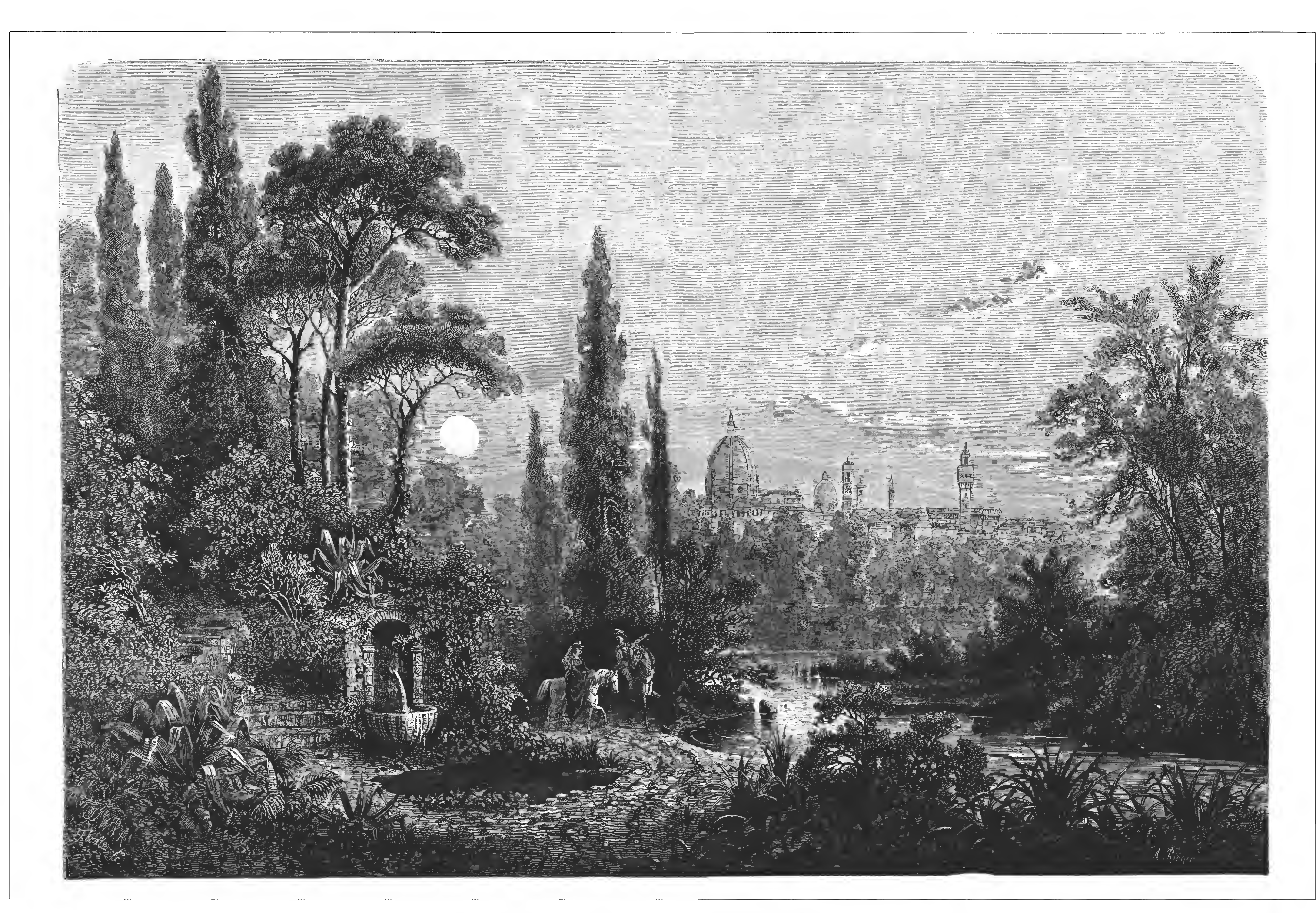
Дмитрій подалъ косулю на берегъ и вылѣзъ самъ; привычной рукой снялъ онъ окровавленную шкуру, выпотрошилъ и распластовалъ.

— Отдохнемъ, да и домой съ добычкой, проговорилъ Дмитрій, окончивъ свою работу.

Черезъ полчаса охотники двинулись тою же тропинкою въ обратный путь; впереди шелъ, по старому, Петръ, а позади его Дмитрій; послѣдній несъ на плечахъ убитую косулю.

На одномъ изъ поворотовъ Дмитрій остановился и сталъ закуривать трубку; Петръ отошелъ отъ брата шаговъ тридцать, прежде чѣмъ замѣтилъ его отсутствіе; ничего не подозрѣвая, онъ остановился и сталъ поджидать... Вотъ послышались за поворотомъ знакомые шаги; только что Петръ хотѣлъ окликнуть брата, какъ раздался вдругъ въ чащѣ сильный трескъ, и что-то тяжелое упало на тропинку; по заросли пронесся раздирающій душу крикъ и сразу оборвался на хриплымъ стонѣ, точно кричавшему кто-то сдавилъ горло... Петръ вздрогнулъ, поблѣднѣлъ какъ полотно и бросился назадъ; не успѣлъ онъ сдѣлать и десяти шаговъ, какъ глазамъ его представилась ужасная картина... Братъ его лежалъ ничкомъ на тропинкѣ, а на немъ, вцѣпившись зубами въ затылокъ, сидѣлъ большой тигръ и съ глухимъ клокотаніемъ пилъ горячую кровь... Петръ дико вскрикнулъ, выронилъ изъ рукъ винтовку и бросился къ брату, не сознавая вполнѣ своихъ дѣйствій; тигръ оторвался отъ своей жертвы, взглянулъ налившимися кровью глазами на быстро приближавшагося Петра и... отскочилъ въ сторону; онъ, казалось, былъ пораженъ безумною смѣлостью человѣка и побоялся вступить съ нимъ въ открытую борьбу...

*) Мѣстные русскіе зовутъ его „тигра" или просто „она."



Вечеръ въ окрестностяхъ Флоренціи. Картина. Рис. на деревѣ самъ авторъ, грав. И. Фиддеръ.

Петръ наклонился къ брату и приподнялъ его обезображенную голову; онъ впалъ въ какое-то тупое состоянiе; онъ не видѣлъ передъ собой ничего и никого кромѣ окровавленнаго трупа брата; съ какою-то лихорадочностью сорвалъ онъ съ своей шеи платокъ и безсознательно началъ обвязывать имъ голову брата, не обращая вниманiя на тигра, притаившагося всего въ пяти шагахъ отъ своей жертвы. Обезумѣвшiй Петръ перевязалъ голову Дмитрiя, поцѣловалъ его окровавленное лицо и шатаясь, въ какомъ-то помраченномъ состоянiи сталъ уходить; онъ шелъ по тропинкѣ не оглядываясь, спотыкался, падалъ, вставалъ и шелъ опять дальше и дальше, ничего не чувствуя, не сознавая, не понимая... Ему казалось, что онъ сдѣлалъ все, что было возможно.

Петръ пришелъ домой такимъ растеряннымъ, безумнымъ, что всѣ были поражены его видомъ и тотчасъ же явилось у всѣхъ тяжелое предчувствiе какого-то несчастья.

— Гдѣ Митрiй?.. Гдѣ братъ?.. спрашивали его съ тревогой отецъ, мать, жена Дмитрiя.

Петръ молчалъ и обводилъ всѣхъ тупымъ, дикимъ взглядомъ, точно не узнавая окружающихъ его родныхъ лицъ.

Напрасно забрасывали его вопросами собравшiеся въ избѣ любопытные; онъ точно одеревенѣлъ и сосредоточенно во что-то вдумывался; изрѣдка онъ проводилъ по лбу рукой, точно стараясь о чемъ-то вспомнить; все лицо его выражало какую-то неизъяснимую муку...

— Вишь, парень-то совсѣмъ одурѣлъ, проговорилъ кто-то въ толпѣ, видно—тигру повстрѣчалъ!?..

— Тигра, тигра!! вдругъ вскрикнулъ Петръ и безъ чувствъ повалился со скамьи на полъ...

Всѣмъ стало ясно; всѣ тотчасъ же догадались, что охотники встрѣтили тигра и Дмитрiй остался въ могучихъ лапахъ хищника.

— Добрые христiане, спасите сына! стоналъ отецъ, шестидесятилѣтнiй старикъ, и тяжело поклонился въ ноги односельчанамъ, собравшимся въ избѣ.

— Спасите кормильца нашего! судорожно проговорили сквозь неудержимыя слезы мать и жена Дмитрiя, повалившись въ ноги „мiру".

Поднялось все село; ополчились на хищника старъ и младъ: кто вооружился винтовкою, кто топоромъ, а кто и просто дубиной; для развѣдокъ захватили съ собой всѣхъ наличныхъ собакъ...

Уже солнце стало скрываться за окрестными холмами, когда рать подошла къ мѣсту, гдѣ оставилъ Петръ своего окровавленнаго брата; трава была примята и окроплена кровью; вокругъ ясно отпечатлѣлись круглые слѣды могучихъ тигровыхъ лапъ; тутъ же валялись двѣ винтовки и окровавленный платокъ Петра, которымъ послѣднiй повязалъ голову своего брата и... больше ничего... Дмитрiя точно не существовало; хищникъ успѣлъ затащить его въ невѣдомую, таинственную тайгу...

— Пойдемте братцы по слѣдамъ, предложилъ одинъ. Дмитрiя не найдемъ, такъ хоть тигру подлую изведемъ.

— Идемъ, идемъ! гудѣла толпа, охваченная чувствомъ злобы къ звѣрю.

Крестьяне двинулись въ густую зарость, съ трудомъ шагая черезъ поваленныя деревья и едва пробираясь сквозь чащу сплетшихся кустарниковъ и винограда; науськанныя собаки усиленно обнюхивали каждый кустъ и съ неутомимымъ рвенiемъ старались розыскать своего злѣйшаго врага...

Не прошло и получаса, какъ собаки вдругъ бросились разомъ подъ ноги охотникамъ и слабымъ визгомъ начали выражать сильный испугъ; онѣ почуяли тигра и ихъ воинственный пылъ сразу охладѣлъ...

— Тигра близко, прошептали переднiе заднимъ и остановились въ нерѣшительности.

Никто не хотѣлъ идти дальше; рисковать никому не хотѣлось; крестьяне сгруппировались на крутомъ берегу ручья; каждый чувствовалъ гдѣ-то здѣсь присутствiе могучаго, кровожаднаго врага, каждому дѣлалось страшно; у многихъ явилась мысль убраться по добру по здорову домой и оставить хищника спокойно доканчивать свою страшную трапезу...

— Валяй камнемъ въ зарость то: она и выпрыгнетъ, предложилъ одинъ изъ крестьянъ, вооруженный заржавѣлой винтовкой, а мы ее тутъ и прихлопнемъ... Смотри, братцы, держи ухо востро.

Нѣсколько человѣкъ начали бросать въ зарость каменьями; съ глухимъ шелестомъ прорѣзали камни листву и терялись въ таинственной чащѣ, гдѣ залегъ, по общему предположенiю, кровожадный звѣрь. Тигръ притаился и не подавалъ признака жизни; повидимому, собаки подняли фальшивую тревогу и страхъ крестьянъ былъ напрасный.

Охотники хотѣли уже перейти ручей, какъ одинъ изъ нихъ предложилъ сдѣлать по чащѣ выстрѣлъ... Послѣднiй произвелъ магическое дѣйствiе: въ зарости вдругъ что-то страшно затрещало и передъ глазами охотниковъ появился громадный тигръ, въ самой сильной степени ярости. Раздалось нѣсколько выстрѣловъ, направленныхъ оторопѣвшими крестьянами почти наугадъ... Тигръ яростно зарычалъ и однимъ гигантскимъ прыжкомъ очутился возлѣ охотниковъ; на секунду онъ остановился и присѣлъ, осматривая враговъ своими налитыми кровью глазами; казалось, онъ выбиралъ жертву... Вдругъ онъ сдѣлалъ отчаянный скачекъ, точно подъ нимъ развернулась внезапно могучая пружина и смялъ подъ собой одного изъ ратниковъ; раздался глухой стонъ, который тотчасъ же былъ заглушенъ дружнымъ залпомъ винтовокъ... Тигръ оторвался отъ своей жертвы, судорожно подскочилъ и растянулся среди торжествующихъ крестьянъ: пули поразили его наповалъ... Смятый охотникъ отдѣлался сильными царапинами и испугомъ...

Раздѣлавшись съ хищникомъ, крестьяне двинулись на розыски Дмитрiя... Черезъ четверть часа собаки привлекли вниманiе охотниковъ къ какой-то окровавленной массѣ, въ которой трудно было узнать сильнаго, красиваго охотника; голова была почти оторвана, кости объѣдены, руки и ноги изломаны и истерзаны.... Крестьяне сложили печальные останки на носилки изъ древесныхъ сучьевъ и двинулись въ обратный путь; процессiя прибыла въ село около полуночи... Отецъ, мать и жена Дмитрiя, казалось, обезумѣли, при видѣ своего истерзаннаго, обезображеннаго „кормильца".

А за толпой по улицѣ торжественно волокли огромный трупъ пестраго чудовища...

Пѣвица.

Разсказъ Скудо.

Въ августѣ 1826 года, въ ясный лѣтнiй день молодой человѣкъ задумчиво шелъ по улицѣ Парижа. Дѣвочка лѣтъ двѣнадцати играла на улицѣ и пѣла народную французскую пѣсенку. Привычное ухо молодаго человѣка насторожилось. Онъ услыхалъ великолѣпное сопрано и остановился. Онъ подозвалъ дѣвочку и спросилъ:

— Очень вы любите музыку?

— Очень.

— Хорошо дѣлаете, у васъ отличный голосъ.

— Неужели!

— Знаете вы музыку?

— Нѣтъ.

— Хотите учиться?

— Очень хочу, только я бѣдная, отца у меня нѣтъ.

— Если вы хотите, то есть школы, гдѣ учатъ даромъ.

— О да, да, я очень хочу учиться пѣть!

— Покажите мнѣ гдѣ вы живете, мы спросимъ согласна ли ваша матушка.

Дѣвочка весело побѣжала впередъ и скоро привела незнакомца въ полутемную, грязную и бѣдную комнатку. Въ углу у маленькаго окна шила ея мать. Молодой человѣкъ подошелъ къ ней и сталъ говорить о талантѣ ея дочери, и о томъ, что хорошо бы его развить, что можно изъ нея сдѣлать замѣчательную пѣвицу.

Но на все это мать только отвѣчала, что у нея еще четверо дѣтей и что она едва можетъ ихъ прокормить своей работой, такъ гдѣ же тутъ думать о такомъ воспитаніи. Тогда незнакомецъ предложилъ ей, что если она допуститъ его имѣть нѣкоторое попеченіе объ ея старшей дочери—онъ берется ее воспитать.

— Я только могу васъ благодарить и благословлять, отвѣчала та.

И такъ благодѣтель и дѣвочка, которую все это очень удивляло и занимало, отправились вмѣстѣ.

Одно изъ лучшихъ заведеній учрежденныхъ во время реставраціи—была, конечно, классическая музыкальная школа, директоромъ которой былъ Александръ Коронъ. Основанная въ 1816 году, она уже была закрыта въ 1830, вмѣстѣ съ реставраціей; но въ это короткое время все же она успѣла принести много пользы.

Въ началѣ нашего разсказа Корону было 50 лѣтъ. Это былъ маленькій, лысый, худенькій человѣчекъ, очень нервный и живой. Въ его маленькихъ глазахъ выражалось много жизни, доброты и ума. Всегда веселый, онъ не ходилъ, а бѣгалъ и почти прыгалъ; пѣлъ, свисталъ... потомъ вдругъ останавливался, словно хотѣлъ уловить какой нибудь звукъ или мысль, и тотчасъ продолжалъ путь такимъ же образомъ. Говорилъ онъ очень скоро, всѣ движенія его были нервны и рѣзки. Это былъ весьма умный и образованный человѣкъ.

Коронъ учился въ политехнической школѣ, но любовь къ музыкѣ заставила его покинуть начатую карьеру, къ большому неудовольствію его родителей и предаться всецѣло любимому искусству. Ему было уже лѣтъ 25, когда онъ началъ заниматься музыкой, такъ что онъ никогда не достигъ совершенства въ механизмѣ исполненія, но былъ однимъ изъ лучшихъ теоретиковъ своего времени. Сочинялъ онъ съ большимъ трудомъ, но глубокія познанія въ исторіи музыки, пониманіе своего дѣла и такъ сказать врожденное чувство, вкусъ ко всему прекрасному, отличали его. Дюпре (Duprez) былъ еще ребенкомъ, когда Коронъ уже предсказывалъ ему, что онъ будетъ первымъ пѣвцомъ Европы.

Коронъ чувствовалъ слабость къ итальянской музыкѣ, къ школамъ Скарлатти, Перголезе и Порпоры. Онъ заставлялъ своихъ учениковъ изучать эту прелестную музыку, пѣть эти милые, простые мотивы, которые однако не легки для исполненія, они требуютъ много чувства и души.

Три раза въ недѣлю сходились его ученики на общій урокъ; ихъ было около ста человѣкъ. И что за сцены на этихъ урокахъ происходили! Дюпре и Дюперронъ (впослѣдствіи мадамъ Дюпре) пѣли дуэтъ изъ Роланда Пиччини.

Medor vous avez lieu de croire
Que je m'interesse à vos jours!

Коронъ громко хлопалъ руками и кричалъ: „совсѣмъ не такъ вы произносите этотъ речитативъ. Вотъ какъ нужно“, и откашлявшись, онъ пѣлъ своимъ жидкимъ голоскомъ:

Medor vous avez lieu de croire
Que je m'intèresse à vos jours!

M-lle Дюперронъ начинала снова,

Medor vous avez lieu de croire..

— Нѣтъ, совсѣмъ не такъ, не то выраженіе, чортъ возьми! слушайте! и онъ поетъ:

Medor...

Его голосъ слабѣетъ,

vous avez lieu de croire...

Голосъ дрожитъ, онъ растроганъ....

Que je m'interesse à vos jours!

Онъ рыдаетъ, сначала тихо, потомъ громко, и весь классъ съ нимъ! Коронъ не умѣлъ хорошо владѣть собой и своимъ увлеченіемъ. Онъ предавался вполнѣ впечатлѣнію, пѣлъ, смѣялся, рыдалъ въ домѣ перваго министра, какъ у себя дома. Онъ очень любилъ своихъ учениковъ и помогалъ имъ всѣмъ чѣмъ могъ, а они его обожали. Нельзя было болѣе Корона увлекаться искусствомъ. Онъ отдавался ему вполнѣ, и душой и тѣломъ. Это послѣднее слово не покажется излишнимъ тѣмъ, кому извѣстно, что онъ умеръ отъ тоски, по своей милой школѣ, когда іюльское правительство закрыло ее.

Каждый годъ лѣтомъ Коронъ объѣзжалъ сельскія и городскія школы въ провинціяхъ, и привозилъ оттуда съ собою всегда двѣнадцать, пятнадцать мальчиковъ съ хорошими голосами. Онъ представлялъ ихъ своимъ ученикамъ говоря: „Вотъ надежда Франціи!“

Это слово напоминаетъ одинъ эпизодъ изъ его жизни. Между лучшими учениками Корона были четыре, которыми онъ особенно гордился и всюду выставлялъ. То были Дюпре, Буланжеръ, Вошонъ и Скудо. У каждаго изъ нихъ былъ свой особый жанръ и другіе ученики относились къ нимъ какъ къ артистамъ. Самъ Коронъ ходилъ вездѣ въ сопровожденіи своихъ любимцевъ, и по праздникамъ, когда бывали у него деньги, ѣздилъ съ ними за городъ и угощалъ ихъ какъ могъ.

Однажды вбѣгаетъ онъ въ классъ, совсѣмъ взволнованный.

— Господа! кричитъ онъ, ужасныя новости! Перемѣна министра, и новый министръ такъ дурно расположенъ къ намъ, онъ хочетъ уничтожить нашу школу. Я едва добился, чтобы онъ насъ послушалъ предъ рѣшеніемъ. Помните, наша участь зависитъ отъ васъ; сегодня вечеромъ мы идемъ къ нему, вы споете каждый свою лучшую арію, потомъ два дуэта. Онъ не можетъ выдержать, онъ придетъ въ восторгъ, если онъ человѣкъ, онъ оставитъ нашу школу и пусть наша консерваторія будетъ удивлена. И говоря это, Коронъ прыгалъ, пѣлъ, смѣялся.

— Все пойдетъ отлично, продолжалъ онъ, идите теперь пріодѣньтесь, не ѣшьте много, это портитъ голосъ. Передъ уходомъ я дамъ вамъ выпить немного краснаго вина, подкрѣпить силы.

Чудный, теплый былъ іюльскій вечеръ, луна освѣщала нашъ путь. Коронъ идетъ во главѣ, мы всѣ четверо за нимъ, съ потами направляемся къ дому министра. Шли мы въ молчаніи, каждый изъ насъ повторяя про себя труднѣйшія мѣста арій. Страхъ невольно овладѣваетъ нами, когда лакей докладываетъ о насъ министру:

— Г. Коронъ съ учениками.

Мы вошли. Громадная зала полна гостей.

— И это всѣ ваши ученики, спрашиваетъ министръ.

— О нѣтъ, ваше превосходительство, отвѣчаетъ Коронъ, это только лучшіе, это надежда Франціи. Вотъ jeune premier, вотъ комикъ, вотъ легкій жанръ, вотъ полуперсонажъ—говоритъ онъ представляя каждаго изъ насъ.

— Оказывается, что у васъ есть всевозможные таланты?

— Да, ваше превосходительство, все таланты; Дюпре, Скудо—спойте вашъ дуэтъ изъ „Belle Nice“!

Мы подходимъ къ роялю; въ залѣ—молчаніе, всѣ глаза устремлены на насъ: мы неувѣренно начинаемъ дуэтъ изъ Belle Nice, но послѣ нѣсколькихъ тактовъ ободрительный шопотъ придаетъ намъ храбрости. Въ концѣ засыпаютъ насъ похвалами и зала дрожитъ отъ рукоплесканій.

— Отлично, отлично, дѣти мои, говоритъ намъ въ полголоса Коронъ, со слезами на глазахъ, продолжайте, не робѣйте и Франція спасена.

Вечеръ счастливо окончился, школу нашу оставили въ покоѣ и мы вышли изъ дома министра безъ ума отъ радости. Съ тѣхъ поръ, когда насъ видѣли въ оперѣ, насмѣшники говорили: „Вотъ надежда Франціи!“

Такова была школа, въ которую должна была поступить эта дѣвочка—Роза Нево. Она была не хороша собой, слишкомъ большаго роста, худая и неловкая, но черные выразительные глаза сверкали умомъ, и прелестная улыбка украшала ея нѣсколько большой ротъ. Молодой человѣкъ, Рамьеръ, который такъ заинтересовался Нево, былъ въ то время уже однимъ изъ учителей школы Корона: онъ взялъ на себя трудную обязанность разработать голосъ и воспитать Нево. Она была очень умна и понятлива, но привычка къ свободѣ и праздности представляла большое затрудненіе.

И такъ молодая Нево поступила въ классъ Рамьера; классъ состоялъ изъ учениковъ обоего пола и взрослыхъ и дѣтей. Но приличіе и порядокъ соблюдались строго и Рамьеръ былъ наиболѣе взыскательнымъ учителемъ въ школѣ.

Первый урокъ былъ чрезвычайно оригиналенъ. Призвавъ Нево къ себѣ, Рамьеръ спросилъ.

— Вѣрно уже вамъ наговорили много дурнаго обо мнѣ, говорили, что я строгъ, сердитъ и взыскателенъ?

Дѣвочка разсмѣялась.

— Увидите, продолжалъ онъ, что это все клевета. Къ завтрашнему уроку прошу васъ на первый разъ только умыть лицо. А тамъ увидимъ.

Весь классъ смѣялся. Но на слѣдующій день Нево пришла умытая и чистенькая.

— Теперь, говоритъ ей Рамьеръ, займитесь вашими руками и приготовьте ихъ, на это я даю вамъ цѣлую недѣлю.

Черезъ недѣлю Нево явилась совсѣмъ неузнаваемою. Ея чудесные зубы блестѣли, волоса были причесаны, косыночка въ порядкѣ, и простое, но чистое платье обрисовывало красивую талію. Женскій инстинктъ сказался.

Послѣ этого Рамьеръ уже занялся ея музыкальнымъ образованіемъ, строго наблюдалъ за ея занятіями, назначалъ ей самъ часы и требовалъ отъ нея полнаго безотвѣтнаго послушанія и отчета въ каждой минутѣ занятій. Ни мать ея, ни Коронъ, не мѣшали ему въ этомъ.

Мало по малу, Нево привыкла къ труду и занятіямъ. Ея чудесный, звучный голосъ увеличивался въ объемѣ, манеры совсѣмъ измѣнились, благодаря вліянію и строгости Рамьера. Но это доставалось не безъ труда, не безъ слезъ и сопротивленій. Рамьеръ умѣлъ однако взять ее въ руки. Онъ посвящалъ ей

всѣ свободныя минуты свои, усердно занимался съ нею и помогалъ въ нуждѣ. Онъ сталъ ея покровителемъ, ея Провидѣніемъ.

Скоро нельзя было узнать Нево. Она держала себя прекрасно, премило говорила, и когда Рамьеръ слышалъ похвалы и восхищеніе ея умомъ и талантами, сердце его билось радостно и онъ съ гордостью говорилъ себѣ:

— Вѣдь это благодаря мнѣ она стала такая.

Во время уроковъ, когда раздавался ея свѣжій голосъ, онъ не спускалъ съ нея глазъ, боясь проронить малѣйшій звукъ. Вѣдь это было его созданіе, вѣнецъ трудовъ его, эхо его души. Три года жизни онъ посвятилъ ей; и теперь, когда сдѣлали изъ этой дикой дѣвочки прелестную молодую особу, когда онъ достигъ своей цѣли, это безотвѣтное послушаніе, эта полная покорность стали ему въ тягость. Онъ хотѣлъ бы слышать ея возраженія, видѣть ее женщиной и равной себѣ. Проще говоря, Рамьеръ влюбился въ Нево, этаго ребенка, котораго онъ нашелъ на улицѣ, воспиталъ, покорилъ его сердце. Какъ Пигмаліонъ онъ падалъ ницъ передъ своимъ твореньемъ, предъ дѣломъ рукъ своихъ. Его любовь къ Нево еще усиливалась тѣмъ, что онъ не смѣлъ высказаться? Какъ сдѣлать это? Какъ перемѣнить тонъ профессора, отца, на тонъ влюбленнаго? Нево его такъ боялась, уважала и слушалась и конечно ничего подобнаго не подозрѣвала. Какъ она приметъ такое странное признаніе? Нѣтъ, Рамьеръ слишкомъ хорошо понималъ священныя обязанности принятыя имъ на себя, чтобы дозволить себѣ малѣйшее лишнее слово и воспользоваться довѣрчивостью своей юной воспитанницы.

Тѣмъ не менѣе талантъ Нево все болѣе и болѣе развивался; каждый разъ, когда она пѣла въ классѣ, ученики приходили въ восторгъ. Въ свѣтѣ чудесный ея голосъ, ея выразительное лице имѣли еще больше успѣха. Ее встрѣчали восторженными апплодисментами, ей дѣлали подарки и тогда она со слезами на глазахъ приходила къ Рамьеру.

— Васъ не знаю я какъ благодарить за все это! Вамъ я всѣмъ обязана!

Въ эти три года Коронъ ни разу еще не слыхалъ пѣнія молодой артистки.

— Когда же я услышу твоего феномена? спрашивалъ онъ Рамьера.

Этотъ тонъ уже показывалъ, что вѣрно какимъ нибудь завистникомъ онъ былъ предубѣжденъ противъ Нево. Былъ назначенъ и день. Выбрали тотъ день, въ который всѣ ученики школы пѣли въ присутствіи начальника, и тотъ ихъ уже хвалилъ или журилъ. И ученики не такъ боялись мнѣнія Корона, какъ мнѣнія своихъ товарищей; каждый взглядъ, насмѣшливая улыбка, отнимали храбрость у самаго смѣлаго. Въ субботу 1827 года Нево въ первый разъ пѣла въ публичномъ собраніи всей школы. Присутствовали всѣ учителя и ученики и много посторонних, которые услышавъ романтическую исторію Нево, просили позволенія ее послушать. Общее любопытство было возбуждено.

Знакъ поданъ. Нево испуганная, дрожащая идетъ на эстраду, Рамьеръ садится за фортепiано и тихо ободряетъ ее. Послѣ нѣсколькихъ аккордовъ, Нево начинаетъ превосходную арію Николини, которую потомъ исполняла она съ такимъ совершенствомъ:

Or che non vicino...

Когда она дошла до мѣста

Tanto amore...

Громъ рукоплесканій заглушилъ ея голосъ. Коронъ, не говоря ни слова, рыдая какъ ребенокъ, вскочилъ на эстраду, бросился на шею Нево и началъ ее цѣловать. Рамьеръ, склонивъ голову, старался скрыть свое волненіе; но Нево, вырвавшись изъ объятій Корона, кинулась къ своему благодѣтелю съ изъявленіями горячей признательности. И этотъ день былъ лучшимъ днемъ въ жизни Рамьера.

— Браво, браво! кричала публика, потрясенная трогательной сценой.

Не задолго передъ этимъ поступилъ въ классъ Рамьера новый ученикъ, очень красивый юноша, Рифо. Съ перваго же взгляда Нево чрезвычайно понравилась ему и онъ не спускалъ съ нея глазъ, не пропускалъ случая поговорить съ нею и сдѣлать ей какую нибудь любезность. Рамьеръ скоро это замѣтилъ и старался мѣшать имъ. Но, какъ это всегда бываетъ, препятствіе только разжигало.

Въ одно воскресенье въ маѣ 1830 года какая то знатная особа, интересовавшаяся Нево, пригласила ее къ себѣ обѣдать вмѣстѣ съ Рамьеромъ. Она отказалась говоря, что нездорова и онъ поѣхалъ одинъ. Но встревоженный состояніемъ здоровья своей ученицы, Рамьеръ спѣшилъ уѣхать тотчасъ же послѣ обѣда и съ большимъ букетомъ въ рукахъ пошелъ къ ней. Шелъ онъ скоро и былъ въ такомъ безотчетно веселомъ настроеніи, какое рѣдко дается въ жизни. Было около восьми часовъ вечера, день былъ чудесный, онъ проходилъ садомъ, какъ вдругъ, увидѣвъ идущую ему навстрѣчу парочку, остановился. Въ глазахъ помутилось, ноги отказывались идти, и чтобы не упасть онъ долженъ былъ прислониться къ дереву. Онъ узналъ Нево и Рифо! Нельзя разсказать горя и отчаянія Рамьера. Черезъ нѣсколько минутъ онъ однако оправился и молча прошелъ мимо Нево, которая глядѣла на все это удивленная, ничего не понимая. Но для него все было кончено въ жизни, его счастье погибло навсегда. Онъ по прежнему усердно занимался Нево, но никогда не высказывалъ ей чувствъ, его волновавшихъ.

Черезъ мѣсяцъ настала іюльская революція, послѣ которой правительство уничтожило школу Корона, а черезъ двѣ недѣли Рамьера уже не было въ Парижѣ.

Прошло шесть мѣсяцевъ, онъ жилъ въ большомъ южномъ городѣ, когда пріѣхала туда молодая артистка. Ей разсыпали всюду похвалы, все лучшее общество спѣшило какъ на праздникъ, на ея концертъ, и конечно Рамьеръ былъ не изъ послѣднихъ. Его кресло приходилось какъ разъ предъ фортепiано. Послѣ увертюры, сыгранной однимъ изъ любителей, появилась примадонна. Увѣренная въ себѣ, безъ страха предъ многочисленной публикой, подходитъ она къ краю эстрады и начинаетъ арію Николини.

Or che non vicino a te...

Какъ вдругъ ея голосъ дрожитъ, она останавливается, блѣднѣетъ, хочетъ начать снова, но не можетъ, глаза ея полны слезъ. Рамьеръ, увидѣвъ это, подбѣгаетъ къ ней, сажаетъ ее на стулъ и взявши ноты изъ ея рукъ, самъ поетъ съ большимъ выраженіемъ и чувствомъ:

Or che non vicino a te...

Такъ окончился неудачно этотъ вечеръ. Нево (это была она) узнала Рамьера, но онъ послѣ спѣтой имъ аріи скрылся изъ залы, а на другой день и изъ города.

Десять лѣтъ спустя, въ академіи давали новую оперу, весь Парижъ былъ тамъ, любимая артистка имѣла громадный успѣхъ. Въ четвертомъ дѣйствіи, въ самомъ драматическомъ мѣстѣ, слышны были рыданія въ углу оркестра. Это былъ Рамьеръ, который плакалъ горькими слезами, узнавъ Нево въ этой модной пѣвицѣ, которую всѣ знали подъ именемъ Розины Штольцъ.

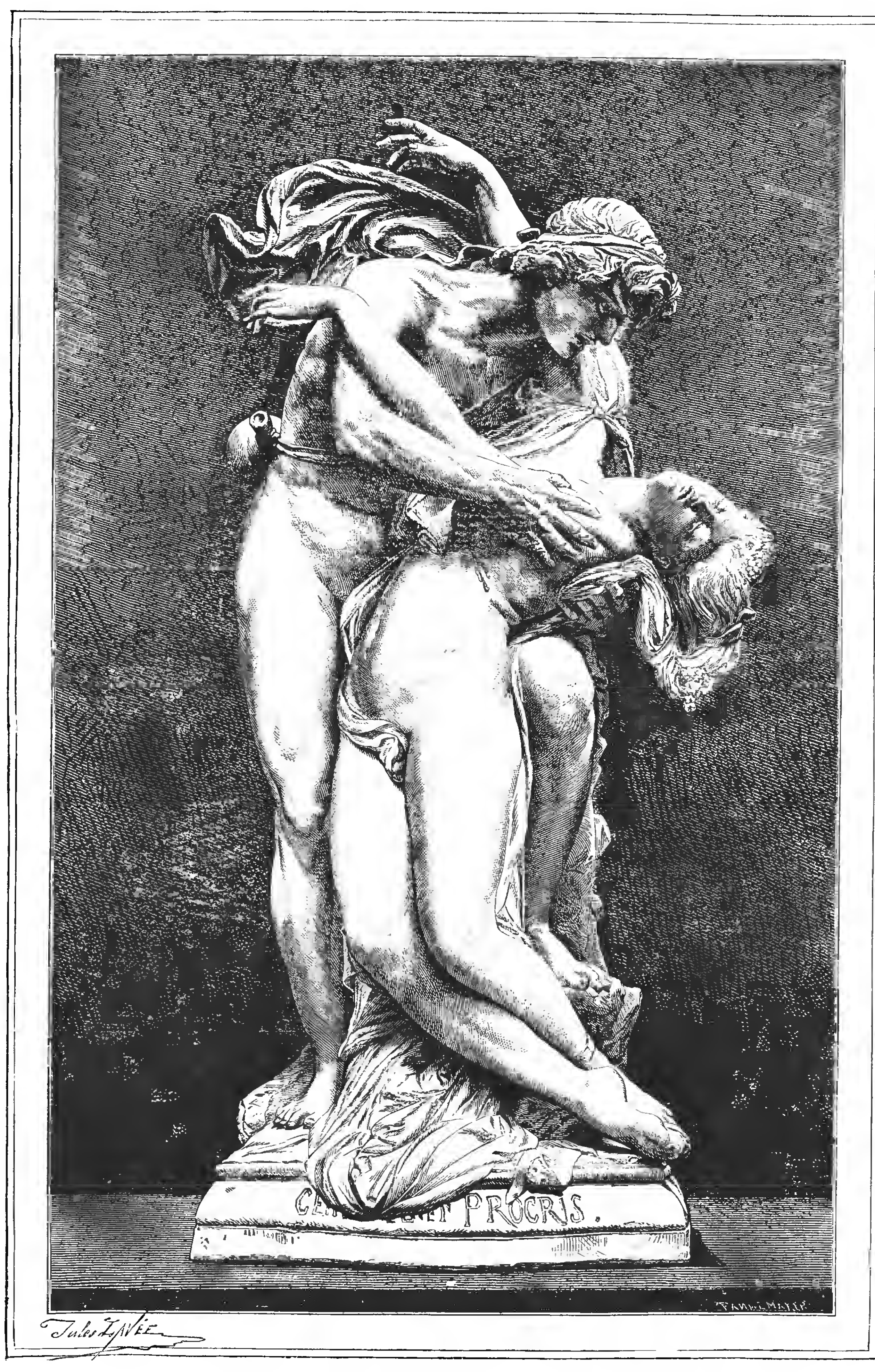
Періодическіе перевороты.

Очеркъ.

Пріидетъ день и Иліонъ падетъ!

Пророчество исполнилось; Троя низверглась въ нѣдра земли и въ наше время докторъ Шлиманъ, знаменитый изслѣдователь древностей, находитъ лишь остатки и обломки въ развалинахъ великаго города. Пріидетъ день, когда гордыя столицы цивилизованнаго міра тоже рушатся; древній Римъ и многогрѣшный Парижъ, громадный Лондонъ и красавица-Вѣна. Черезъ многія тысячелѣтія, мужи науки, стоя на развалинахъ этихъ городовъ быть можетъ, скажутъ ученикамъ своимъ: „Здѣсь погребенъ цѣлый міръ".—Эти люди прибудутъ съ юга, путями и способами, о возможности существованія которыхъ, самая пылкая фантазія не въ состояніи теперь составить себѣ представленія. Прибудутъ они быть можетъ изъ Патагоніи или Ванъ-Дименовой земли, гдѣ новая культура создастъ новые центры. Изъ непроходимыхъ топей, окруженныхъ ледяными горами, изъ глубины покрытыхъ пловучими льдами озеръ, невѣдомыми намъ подводными аппаратами будутъ добывать рѣдкости, предметы говорящіе о минувшемъ, и люди науки, съ удивленіемъ глядя на нихъ, быть можетъ скажутъ: „Какъ низокъ былъ уровень цивилизаціи народа, жившаго здѣсь 10,000 лѣтъ тому назадъ! Какія жалкія, несовершенныя орудія!" И это не фантастическій сонъ. Много вѣковъ тому назадъ предсказано это въ книгѣ Бытія. Европа станетъ еще разъ—или еще десять разъ тѣмъ, чѣмъ уже была—ледовитой страной, ледовитымъ архипелагомъ, омываемымъ необозримыми морями. Пока это совершится, будетъ еще, такъ какъ было раньше,—насъ можетъ радовать, что праправнуки наши будутъ еще разводить здѣсь виноградники, но ихъ потомки, тѣснимые, гонимые льдами, принуждены будутъ бѣжать, спасаться за экваторъ.

Такъ говорятъ люди науки. Такіе перевороты весьма правильны и постоянно совершаются. Безостановочно и неудержимо все перемѣняется и движется и неизбѣжно возвращается къ прежней исходной точкѣ, чтобы вновь слѣдовать по пройденному уже пути. Среди всего возможнаго, одно остается невозможнымъ: найти неподвижную точку опоры, такую, какой тщетно доискивался Архимедъ. Такая неподвижная точка не существуетъ во вселенной: направленіе путей небесныхъ тѣлъ мѣняется; точно также измѣняется направленіе ихъ осей. Поэтому то и на нашей маленькой землѣ разрушаются цѣлыя жизни, для подготовленія новыхъ вмѣстилищъ для новой жизни, при новыхъ ея условіяхъ.



Кеѳалъ и Прокрида. Группа Э. Дамэ, рис. Жюль Лавэ.

На берегахъ сибирскихъ рѣкъ когда то паслись стада мамонтовъ, густые лѣса гигантской тропической растительности покрывали необозримыя пространства восточной широты. Остатки всего этаго лежатъ теперь глубоко подъ землею, покрытые безчисленными породами минералловъ. Мы пользуемся этими остатками—что бы мы, напр. дѣлали теперь безъ каменнаго угля?! Затѣмъ наступила эпоха, когда всѣ низменности средней Европы были залиты морскими волнами; по нимъ носились громадныя льдины, стремившіяся на сѣверъ. На этихъ льдинахъ передвигались огромныя глыбы гранита, попадавшія далеко на материкъ. Съ удивленіемъ видишь эти одиноко лежащія каменныя глыбы, появленіе которыхъ такъ долго было загадкой для человѣчества. Есть еще одно доказательство постояннаго движенія и перемѣщенія: было время, когда Палестина, южныя прибрежья Средиземнаго моря, Южная Италія—были самыми плодородными странами, покрытыми богатой и могучей растительностью, благодаря умѣренному климату. Это было въ то время, когда, къ сѣверу отъ Альпійскихъ горъ, уже царила почти круглый годъ суровая зима. Въ наше время всѣ эти плодородныя нѣкогда страны сожжены солнцемъ, пустынны, а растительность и хлѣбопашество подвинулись далѣе на сѣверъ. Ледяныя пространства на Альпійскихъ горахъ таютъ и линія крайнихъ предѣловъ подымается все выше и выше.—На Скандинавскомъ полуостровѣ замѣчается значительное поднятіе материка и мореплаватели сѣверныхъ странъ подтверждаютъ фактъ постояннаго уменьшенія количества льда въ предѣлахъ сѣверной широты. Мы здѣсь коснулись только весьма немногихъ, всѣмъ извѣстныхъ, переворотовъ въ природѣ—сколько еще таинственнаго, необъяснимаго для насъ, неожиданнаго—творится въ природѣ, съ чѣмъ только теперь, и то весьма въ ограниченномъ объемѣ, знакомитъ насъ наука! Но и немногое приведенное нами достаточно объясняетъ намъ свойство періодическихъ переворотовъ на землѣ. Взгляните на глобусъ. Вы увидите, что сѣверная половина земнаго шара болѣе покрыта землею, между тѣмъ какъ южная имѣетъ болѣе водяныхъ пространствъ. Тамъ величайшія морскія пучины. Такое же отношеніе суши къ морю было въ невѣдомое давнее время, послѣ чего наступилъ періодъ совершенно противуположный. Сѣверное полушаріе имѣло болѣе водяныхъ пространствъ и климатъ его имѣлъ свойства климата южнаго полушарія нашего времени—(тамъ на широтѣ, соотвѣтствующей сѣверной Италіи—постоянная зима)—то былъ періодъ Ледяной Эпохи, когда только вершины нашихъ самыхъ высокихъ горъ, представляли собою отдѣльные морскіе острова, среди великихъ морей. Въ это-то время ледяныя горы, стремясь на сѣверъ, на себѣ переносили загадочныя каменныя глыбы, о которыхъ мы выше говорили. За этой эпохой наступилъ періодъ, когда материкъ сталъ подыматься, или, лучше сказать, воды стали сбывать. Въ этомъ періодѣ мы еще и теперь: воды сѣвернаго полушарія уходятъ все болѣе и болѣе на югъ; поэтому намъ и кажется что берега выступаютъ; сплошная ледяная вершина полярнаго полюса, ровно какъ и ледяныя горы, таютъ все болѣе и болѣе; климатъ становится все теплѣе. Уменьшеніе морскихъ и водяныхъ пространствъ, увеличеніе теплоты должно, по вычисленіямъ, еще продолжаться около пяти тысячъ лѣтъ; тогда Сибирь, Исландія, Гренландія и Лабрадоръ, совершенно освобожденныя ото льда, обратятся въ умѣренныя, плодородныя страны. Берега Средиземнаго моря будутъ имѣть тропическій климатъ, а Испанія станетъ пустыней какъ Сахара. Въ южномъ полушаріи останется весьма незначительная часть материка. Уже въ настоящее время африканскія, окруженныя горами, озера, принимаютъ все большіе размѣры; эта часть свѣта превратится въ группу отдѣльныхъ острововъ; Вестъ-Индія, и многіе острова океана будутъ частію поглощены водою. Затѣмъ послѣдуетъ великій переворотъ: море, стремясь все къ сѣверу, зальетъ Сахару. Египетъ и Китай превратятся въ окаймленныя горами моря; Европа будетъ представлять лишь рядъ острововъ и 10,000 лѣтъ спустя наступитъ новая Ледяная Эпоха! Въ южномъ полушаріи появятся новые материки; тамъ, гдѣ теперь группы небольшихъ острововъ, среди Тихаго океана—будетъ тогда простираться широкій материкъ, а острова станутъ вершинами высочайшихъ горъ. Какъ теперь на сѣверѣ открываютъ все новыя страны, такъ тогда на югѣ будутъ открываться никому неизвѣстныя земныя пространства. Родъ человѣческій станетъ уходить и спасаться отъ наводненій на югъ; только люди не окажутся конечно въ такомъ безвыходномъ положеніи, въ какомъ потопъ застигъ нашихъ прапраотцевъ.—Ковчеги будущаго, движимые силою пара, получатъ конечно болѣе совершенное устройство, чѣмъ ковчегъ нашего прапраотца, кораблестроителя—Ноя. Какія же причины вызовутъ этотъ переворотъ, который въ полномъ смыслѣ слова, будетъ *міровымъ*? Гдѣ же тому доказательства? Такіе вопросы совершенно естественны. Приливъ и отливъ моря, вызываемые притягательной силой солнца и луны, могутъ быть и теперь очень точно наблюдаемы. Также извѣстно, что путь земли эллиптическій и что положеніе оси ея не вертикальное, а подъ угломъ въ 23° 28, къ площади пути. Это обстоятельство и служитъ причиною перемѣнъ временъ года. Такъ какъ путь земли эллиптическій, то весьма естественно, что, если одну половину пути земля находится далѣе отъ солнца, то другую половину — наоборотъ. Самое движеніе земли на этой половинѣ пути будетъ ускоренное—кратчайшую половину пути земля пробѣгаетъ съ 23 сентября по 21 марта. Въ это время на нашемъ полушаріи,—осень и зима, на этотъ промежутокъ времени приходится 8 днями меньше, чѣмъ на другой, соотвѣтствующій веснѣ и лѣту. Такъ какъ на южномъ полушаріи времена года стоятъ въ противуположномъ отношеніи, то само собою разумѣется, что тамъ осень и зима продолжаются 8 днями долѣе. Это составитъ въ 5,000 лѣтъ 40,000 лишнихъ зимнихъ дней.

Далѣе притягательная сила солнца на 1/15 выше въ ближайшихъ къ нему пространствахъ чѣмъ въ болѣе отъ него отдаленныхъ. Въ наше время южная половина находится въ періодѣ ближайшаго къ солнцу склоненія—по этой-то причинѣ приливы моря покрываютъ водою болѣе южное полушаріе. Большій вѣсъ южнаго полушарія сравнительно съ сѣвернымъ, еще болѣе притягиваетъ воду изъ сѣвернаго полушарія въ южное и такимъ образомъ еще уменьшаетъ пространства сѣверныхъ морей. Эти явленія природы доказаны цѣлымъ рядомъ наблюденій, равно какъ и то, что въ южномъ полушаріи климатъ, въ общей сложности, холоднѣе сѣвернаго и что образованіе ледяныхъ массъ дѣлается все замѣтнѣе у южнаго полюса.

Основываясь на всемъ этомъ, наука неоспоримо доказываетъ, что южное полушаріе, въ настоящее время, находится въ ледяномъ періодѣ и періодѣ наводненія.

Астрономія учитъ насъ, что положеніе оси земнаго пути перемѣняется и что для полнаго ея оборота требуется 21,000 лѣтъ. Изъ этаго слѣдуетъ, что земля въ опредѣленный день, напр. 21 марта, не могла бы находиться на той же точкѣ пути, на которой она была бы, если бы не происходилъ упомянутый поворотъ: она всегда нѣсколько отстаетъ. Положимъ что 21-го марта настоящаго года земля находится на конечной точкѣ малой оси пути; черезъ 5,300 лѣтъ слѣдовательно она будегъ находиться на конечной точкѣ большой оси пути и почти въ ближайшемъ къ солнцу склоненіи. Черезъ 10,500 лѣтъ съ 21 марта по 21 сентября земля пройдетъ кратчайшее пространство. Поэтому же въ сѣверномъ полушаріи весна и лѣто короче на 8 дней чѣмъ въ южномъ.

И такъ черезъ 10,500 лѣтъ отношеніе сѣвернаго полушарія къ южному станетъ діаметрально противуположно этому отношенію въ наше время. Зима сѣвернаго полушарія будетъ на 8 дней короче по причинѣ болѣе близкаго разстоянія его отъ притягательной силы солнца. По этому-то воды станутъ болѣе подыматься, моря увеличиваться, тогда какъ на южномъ полушаріи пространства занятыя водою будутъ уменьшаться. Еще 10,500 лѣтъ и нынѣшнее отношеніе между полушаріями снова возстановится, потому что ось пути нашей планеты возвратится къ нынѣ существующему положенію.

Судя по настоящему положенію большой оси земли, постоянное повышеніе температуры и уменьшеніе количества водъ въ сѣверномъ полушаріи будетъ еще продолжаться около 5,000 лѣтъ; затѣмъ послѣдуетъ перемѣна вмѣстилищъ морей. Также точно можно полагать, что 8—16,000 лѣтъ тому назадъ въ Европѣ былъ Ледяной Періодъ; наша часть свѣта была залита водою и прошло лишь 5,000 лѣтъ какъ нашъ материкъ сталъ обитаемъ.

Много заключеній можно вывести изъ вышеизложеннаго. И такъ Австралія напр. вовсе не самая юная часть свѣта а напротивъ, самая старая, или вѣрнѣе часть самаго древняго материка, выдающаяся лишь какъ плоская возвышенность, между тѣмъ какъ долины ея глубоко погружены въ море. Колыбель человѣчества слѣдуетъ искать на югѣ; быть можетъ мѣстность эта покрыта теперь водою. Въ дѣйствительности всѣ данныя клонятъ къ тому предположенію, что Европа и сѣверная часть Азіи населены народами индійской плоской возвышенности. Можно привести тому много доказательствъ, но все это не можетъ войти въ настоящую краткую замѣтку, въ которой мы хотѣли представить только общій очеркъ теоріи, чтобы нагляднѣе объяснить и показать причины великихъ переворотовъ происходящихъ на земномъ шарѣ.

Денежные знаки.

Очеркъ.

Деньги—предметъ, который съ теченіемъ времени все болѣе дѣлается міровымъ двигателемъ и кумиромъ, предъ которымъ все преклоняется.

Различныя страны производятъ различные предметы и обладаютъ различными произведеніями; одна страна изобилуетъ тѣмъ, чего недостаетъ въ другой, и въ чемъ именно болѣе всего нуждается. Для устраненія этаго неудобства стали прибѣгать къ обмѣну. Такимъ образомъ пріобрѣтались вещи, въ ко-

торыхъ чувствовался недостатокъ, взамѣнъ такихъ, которыхъ было въ избыткѣ. Жители сѣвера напр. вымѣнивали у южанъ жиръ и кости китовъ на дрова, охотники Сибири обмѣнивали мѣха у жителей Урала на оружіе.

Такой обмѣнъ происходилъ, какъ между различными народами, такъ и между отдѣльными личностями. Это былъ первообразъ торговли и о деньгахъ, въ настоящемъ значеніи слова, никто не имѣлъ и представленія. Только въ послѣдствіи, когда мѣновая торговля значительно увеличилась, когда большія общества стали предпринимать путешествія и развозить произведенія своихъ странъ въ другія мѣстности, откуда брали мѣстные продукты,—отдѣльные предметы, пользующіеся повсемѣстнымъ обращеніемъ, обладающіе прочностью или особенно цѣнные, вошли въ употребленіе какъ мѣновое средство, и по ихъ уже оцѣнкѣ опредѣлялась стоимость пріобрѣтаемаго предмета. Подобные предметы, представляющіе начало настоящихъ денегъ были: кораллы, гвозди, раковины, жемчугъ, рѣдкіе камни, металлы, полотно, оружіе, соль, домашнія животныя, шкуры звѣрей и т. п.

Канпе говоритъ въ своемъ „путешествіи"—книгѣ теперь устарѣвшей — что проходившіе по береговымъ странамъ Африки, за нѣсколько гвоздей получали чуть не стада рогатаго скота. У лапландцевъ извѣстнаго вѣса сыры замѣняютъ деньги, у индійцевъ же сѣверной Америки кожаные ремни, съ нашитыми на нихъ коралообразными раковинами, составляютъ употребительную монету. Въ Аравіи для этой цѣли употребляютъ дурро. Это очень плодовитое растеніе, извѣстное подъ именемъ индійскаго проса, акклиматизированное также въ Германіи. Въ нѣкоторыхъ странахъ Африки табакъ и рогатый скотъ, составляютъ обычный способъ расплаты. Лихтенштейнъ разсказываетъ, что онъ хотѣлъ купить у бетуанца оригинальный расшитый плащъ, за который напрасно предлагалъ большое количество кораловъ, сукна и гвоздей, продающій же требовалъ непремѣнно двухъ живыхъ воловъ. Путешественникъ пріобрѣлъ прежде воловъ, за которыхъ отдалъ половину предложенныхъ имъ предметовъ, и только тогда получилъ плащъ. Метательныя копья и другое оружіе служатъ ходячей монетой у Кафровъ; въ Лоандѣ деньгами считаются маленькія плетеныя изъ бамбуковыхъ листьевъ маты. За одинъ такой матъ даютъ 25 фунтовъ риса.

На западномъ берегу Африки, въ Гвинеѣ, Дагвумбо, Утія, Акрѣ, Конго и другихъ мѣстностяхъ, очень употребительна, какъ платежная единица—раковина (Cypraea moneta), въ Германіи извѣстная подъ именемъ „змѣиной головки" и служащая для украшенія кошельковъ, сбруи и т. п. На Отаити и другихъ островахъ, раковина эта попадается въ такомъ громадномъ количествѣ, что ею грузятъ цѣлые корабли. Негры употребляютъ ее какъ мелкую монету; сто пятьдесятъ такихъ раковинъ равняются цѣнностью приблизительно одной нашей копѣйкѣ. Въ Остъ-Индіи раковина эта замѣняетъ счетную и игральную марку; 2500 раковинъ составляютъ одну рупію (1 р. 20 коп.) Таже раковина въ Китаѣ была первообразомъ денегъ. Впослѣдствіи она была замѣнена жемчугомъ, металломъ, тканями, и жестяными пластинками въ формѣ ножа. Въ Мексикѣ мелкую монету составляли бобы какао. 8000 бобовъ образовали одну „ксикипилли"—мексиканскую монету. 24,000 бобовъ т. е. три ксикипилли, складывались отдѣльно въ мѣшечки. Другой видъ монеты въ Мексикѣ, были бумажные платки различной величины. Затѣмъ третье видоизмѣненіе—стволъ пера, наполненный золотымъ пескомъ. Цѣнность опредѣлялась величиною пера. Золотой песокъ употреблялся какъ деньги также у ашантіевъ; для этой же цѣли во многихъ странахъ Африки служили куски соли и ситецъ.

Благородные металлы съ древнихъ временъ употреблялись какъ цѣнные знаки. Металлы, вслѣдствіе ихъ прочности и растяжимости, самый подходящій матеріалъ для монетъ.

Въ Египтѣ денежные знаки были въ обращеніи съ давнихъ поръ. Это были серебряныя или золотыя кольца, нанизываемыя на шнуры; цѣнность ихъ опредѣлялась по вѣсу. Такія кольцеобразныя монеты употребляли и Галлы. Они носили ряды такихъ колецъ вокругъ пояса, и теперь еще въ Сенаарѣ въ ходу кольцеобразныя монеты. Кафры, въ настоящее время, употребляютъ, какъ деньги, вмѣсто метательныхъ копій, мѣдныя кольца, изъ которыхъ состоятъ ихъ пояса. Четыре такихъ пояса, каждый изъ 200 до 400 колецъ, представляютъ стоимость лошади; два—стоимость короны.

Самыя древнія металлическія монеты въ Китаѣ, появились въ одиннадцатомъ столѣтіи до Р. Х. Большею частью древнія монеты были—золото кубической формы. По срединѣ было отверстіе, чрезъ которое продѣвалась проволока. Въ Китаѣ до сихъ поръ чеканеніе монеты весьма несовершенно. Китайскія монеты не чеканятся, а выливаются въ формахъ и новыя очень мало отличаются отъ древнихъ. На лицевой сторонѣ, между возвышеннымъ краемъ и срединнымъ отверстіемъ, выставлены четыре знака, изъ которыхъ два обозначаютъ цѣнность монеты и два—годъ, въ которой онѣ отлиты. Буквы и знаки замѣтны только на совершенно новыхъ монетахъ, такъ какъ каждый купецъ въ Китаѣ кладетъ свой штемпель на каждой монетѣ, которая такимъ образомъ со временемъ покрывается разными знаками. Безпорядокъ въ производствѣ и недостаточность количества выпускаемой монеты, были причиною неоднократныхъ денежныхъ затрудненій въ Китаѣ, во время которыхъ прибѣгали къ первобытнымъ знакамъ: жемчугу, камнямъ, тканямъ и т. п.

Въ древнія времена, въ Мексикѣ тоже появлялись монеты изъ цинка и мѣди въ формѣ маленькихъ молотковъ; на нихъ не было никакихъ знаковъ. У восточныхъ народовъ, съ давнихъ поръ существовали чеканенныя деньги. У евреевъ былъ знакъ назыв. „секелъ" который по преимуществу служилъ для опредѣленія вѣса драгоцѣнныхъ металловъ, и также употреблялся какъ деньги. На одной сторонѣ его была изображена дымящаяся кружка съ манной, и слова: „Секелъ Израиля," а на другой жезлъ Аарона и слова: „Священный Іерусалимъ."

У древнихъ грековъ чеканеніе монеты было наиболѣе совершенно. Самыя старыя монеты были вычеканы при Атисѣ, царѣ Лидійскомъ въ 650 г. до Р. Х. Первыя греческія монеты бывали обыкновенно серебряныя, бывали и золотыя. При Александрѣ Великомъ бронзовая монета вошла во всеобщее употребленіе и уже во время Римскаго владычества чеканилась исключительно. У Спартанцевъ, Аѳинянъ и Византійцевъ бывали также и желѣзныя деньги.

Въ началѣ римскаго господства деньги появились въ видѣ металлическихъ пластинокъ. При Нумѣ была выбита впервые мѣдная монета. Серебряныя монеты безъ знаковъ были введены сенатомъ передъ первой Пунической войной; на серебряныхъ монетахъ, сто лѣтъ и спустя, стали выбивать знаки. Первыя бронзовыя монеты появились при Сервіѣ Туліѣ. Діонисій Сиракузскій ввелъ также монету изъ цинка.

Греки и Римляне чеканили большое количество монетъ. Теперь насчитываютъ до 10,000 различныхъ образцовъ. На древнѣйшихъ монетахъ, обыкновенно представлены животныя и неодушевленные предметы. Позднѣе, на лицевой сторонѣ выбивали изображеніе бога или какого нибудь героя, а на другой—предметы имѣющіе къ нимъ отношеніе. При царѣ персидскомъ Даріѣ Истаспѣ и при царяхъ македонскихъ впервые вошло въ обычай помѣщать изображенія живущихъ властителей на монетахъ. Такъ Римляне удостоили Юлія Цезаря чести выбить его изображеніе.

Въ средніе вѣка готскіе и лонгобардскіе короли переняли отъ Римлянъ обычай чеканенія монеты, что производилось однако весьма неудовлетворительнымъ образомъ.

Во Франціи монета съ изображеніемъ креста появилась впервые при королѣ Хлодовикѣ. При расплатѣ ихъ считали или отвѣшивали, причемъ счетъ производился на фунты и на марки. Отсюда произошли употребляющіяся и доселѣ въ нѣкоторыхъ государствахъ названія: фунтъ, ливръ, лира, марка и т. п.

Въ Германіи первый „геллеръ" былъ отчеканенъ въ VII столѣтіи. Серебряныя монеты появились послѣ открытія первыхъ пріисковъ этаго металла въ 972 году.

Въ настоящее время металлическіе денежные знаки во всеобщемъ употребленіи. Народы, до которыхъ не коснулась „цивилизація," употребляютъ еще и донынѣ нѣкоторые изъ вышеуказанныхъ предметовъ вмѣсто денегъ, и лишь немногіе народы, напр. жители острововъ южнаго океана, не перестали вести мѣновую торговлю.

Что касается бумажныхъ денежныхъ знаковъ, китайцамъ принадлежитъ честь ихъ изобрѣтенія еще въ девятомъ столѣтіи по Р. Х. Продажу соли и желѣза производило правительство и въ 807 году вышло императорское повелѣніе, по которому купцы должны были внести въ казну наличныя деньги, взамѣнъ которыхъ получали родъ нашихъ банковыхъ билетовъ. Въ Японіи бумажныя деньги появились нѣсколько позже. Въ тринадцатомъ столѣтіи онѣ уже были и у Монголовъ. Ханъ Кей-Кату, чтобы положить конецъ денежнымъ затрудненіямъ, выпустилъ въ 1293 г. государственные билеты и воспретилъ употребленіе въ торговлѣ металлическихъ знаковъ. Билеты эти назывались „Тшау"—это были продолговатые, четыреугольныя бумажки; на одной сторонѣ была надпись на китайскомъ языкѣ а на другой были написаны изреченія Корана; затѣмъ на обѣихъ сторонахъ выставлена цѣнность представляемая бумагою и повелѣніе подданнымъ о ея принятіи. Эти деньги вызвали тогда неудовольствіе среди монголовъ, чѣмъ воспользовался персъ Байду-Ханъ и составилъ заговоръ, организовавъ возстаніе противъ Хана, который и былъ обезглавленъ въ 1294 году.

Въ Европѣ бумажныя деньги были впервые введены грандомъ Испаніи Теудилла, который въ 1484 г. ввелъ бумажные знаки въ крѣпости Альгама, во время ея осады. Въ половинѣ прошлаго столѣтія бумажныя деньги появились въ Австріи, а примѣру ея послѣдовали и прочія государства.

Бумажныя деньги очень удобны во многихъ отношеніяхъ. Чрезмѣрный однако выпускъ ихъ, (какъ это было напр. передъ французской революціей и въ Австріи съ 1800 до 1809 г.) можетъ вести къ большимъ затрудненіямъ и безпорядкамъ. Бумаги начинаютъ тогда терять общественное довѣріе и вдругъ падаютъ въ цѣнѣ. Во Франціи, въ концѣ прошлаго столѣтія, чрезмѣрный выпускъ ассигнацій былъ причиною государственнаго банкротства, страшная дороговизна дѣлала жизнь тяжелою; за луидоръ золотомъ давали тысячу бумажками.

Маленькая эмигрантка. Картина Брукъ-Лайора, грав. М. Валти.

Послушницы. Картина Корнилеліуса, грав. Бренд'Амуръ.

Къ рисункамъ.

Вечеръ въ окрестностяхъ Флоренціи.

(Картина А. Ригера.)

Альбертъ Ригеръ считается однимъ изъ талантливѣйшихъ и плодовитѣйшихъ пейзажистовъ среди Вѣнскихъ художниковъ. Его картины много уже лѣтъ служатъ украшеніемъ галлерей и германскихъ художественныхъ выставокъ и обращаютъ на себя общее вниманіе. Картина его, прекрасный рисунокъ которой, сдѣланный самимъ авторомъ, мы здѣсь помѣщаемъ, отличается счастливо выбраннымъ моментомъ вечера, чрезвычайно гармоническими сочетаніями красокъ и поэтичною нѣжностью колорита. Кто былъ въ Италіи, тому эта картина быть можетъ напомнитъ эти чудные вечера теплаго Юга, эту могучую и ясную природу. Какой-то тишиной и миромъ дышетъ этотъ вечеръ. Солнце уже зашло и полная, чистая луна поднимается изъ за роскошной зелени садовъ.

Изъ другихъ работъ Ригера болѣе извѣстны: „Водопады въ Пиринеяхъ" — нѣсколько большихъ и маленькихъ картинъ; „Лѣсная капелла" и „Лѣсная мельница"; обѣ эти прелестныя вещи пріобрѣтены Вѣнскимъ художественнымъ обществомъ; затѣмъ „Буря на Дунаѣ," пріобрѣтенная Кельнскимъ художественнымъ обществомъ; „На берегахъ Арно" и „Виды въ Апеннинахъ"—во владѣніи частныхъ лицъ въ Гамбургѣ и Дрезденѣ.

Теперь Ригеръ занятъ цѣлымъ рядомъ картинъ изъ жизни и природы Балканъ, по наброскамъ извѣстнаго путешественника по Востоку, Каницта.

Кеѳалъ и Прокрида.

(Группа Дамэ).

Въ своихъ миѳахъ, грекъ, такъ сказать, олицетворялъ духовную природу человѣка вообще и во всемъ ся цѣломъ, не обходя ни одного изъ качествъ, присущихъ ей; онъ снабжалъ своихъ боговъ и легендарныхъ людей, героевъ, не только хорошими, но и дурными свойствами. Въ миѳѣ о Кеѳалѣ и Прокридѣ изображена любовь, съ ея свѣтлыми сторонами, но тутъ же рядомъ не опущена ея сторона другая—ревность.

Разскажемъ здѣсь самое содержаніе легенды. Прокрида, дочь царя Аѳинскаго, Эректея, вышла замужъ за Кеѳала, сына царя Ѳессалійскаго, Діонея. Союзъ ихъ совмѣщалъ въ себѣ, повидимому, всѣ условія счастія — молодость, красоту, глубокую взаимную любовь. Но—то было только повидимому. Даже и эти условія не оградили ихъ отъ горя, посланнаго имъ чужою рукой.

Воздушная, прелестная Аврора, богиня утра, влюбилась въ Кеѳала и похитила его изъ его жилища. Но онъ не хочетъ ласкъ богини, онъ вѣренъ своей юной, царственной супругѣ и горитъ лишь однимъ нетерпѣливымъ желаніемъ—скорѣе, скорѣе возвратиться къ ней, въ ея объятія. Богиня утра отпускаетъ его, но—какъ женщина, она оскорблена и отмститъ дерзкому смертному и разрушитъ супружеское счастье его. Коварная Аврора убѣдила Кеѳала испытать вѣрность жены: онъ долженъ явиться къ ней подъ видомъ незнакомца и чтобы обманъ удался лучше и цѣль была достигнута вѣрнѣе, она превращаетъ его въ богатаго купца, снабдивъ ларцемъ, наполненнымъ золотомъ. Прокрида долгое время не уступала мольбамъ невѣдомаго купца, но—увы—золото оказало свое магическое дѣйствіе и—она не устояла...

Подавленная стыдомъ въ ту минуту, когда Кеѳалъ открылся ей, она не могла вынести униженія и скрылась на островъ Эвбею, гдѣ Діана оказала ей гостепріимство и подарила ей дротикъ, никогда не минующій цѣли, куда бы и какъ онъ ни былъ брошенъ. Однако, нѣсколько времени спустя, Прокрида начала тосковать о мужѣ. Она жаждала видѣть снова его, своего любимаго супруга, любимаго, не взирая на минутную слабость. Діана совѣтуетъ ей возвратиться, но и, въ свою очередь, изъвѣдать и вѣрность его. Это удается ей и оба, простивъ другъ другу взаимное прегрѣшеніе, начинаютъ новую жизнь, новую любовь.

Все идетъ хорошо. Кеѳалъ любитъ охоту и большую часть своего времени проводитъ въ погонѣ за дичью, поражая ее магическимъ дротикомъ Діаны, который Прокрида отдала ему. Но—Аврора не простила. Она нелѣла сказать Прокридѣ, что мужъ ея снова невѣренъ ей. Дочь Эректея, однажды, тайно послѣдовала за супругомъ и нашла его лежащимъ въ тѣни деревъ, заснувшимъ отъ усталости. Легкій вѣтерокъ парилъ надъ нимъ, сонъ его былъ сладокъ и невольно вздохъ нѣги сорвался съ его устъ. Ревнивая Прокрида приняла это за бредъ любовника, вздыхающаго по своей возлюбленной. Въ гнѣвѣ она поднялась; вѣтви дерева зашумѣли, разбудивъ спавшаго охотника. Кеѳалъ, думая, что вблизи него хищный звѣрь.—бросаетъ роковой дротикъ и—убиваетъ свою юную, прелестную, но несчастную супругу Онъ слишкомъ поздно узнаетъ ошибку, сжимая въ объятіяхъ уже бездыханное тѣло Прокриды.

Конецъ миѳа передается различно. Согласно одному варіанту, Кеѳалъ убилъ себя тѣмъ же самымъ дротикомъ, по другому же, онъ поступилъ на службу къ Амфитріону и былъ сдѣланъ правителемъ одного изъ Іоническихъ острововъ, названнаго въ честь его Кеѳалоніей.

На прилагаемомъ рисункѣ воспроизведена группа скульптора Дамэ, изображающая тотъ моментъ, когда Кеѳалъ, въ ужасѣ и отчаяніи, схватилъ убитую имъ Прокриду. Горе Кеѳала выражено живо какъ во всей фигурѣ, такъ и въ деталяхъ, какъ напримѣръ въ той силѣ, съ которой руки юноши конвульсивно впились въ тѣло Прокриды.

Маленькая эмигрантка.

Объявленія, развѣшиваемыя въ разныхъ городахъ, до сихъ поръ подстрекаютъ массу западно-европейскихъ рабочихъ (тамъ борьба съ капиталомъ не выдуманное дѣло, какъ у насъ, а дѣйствительное) ѣхать въ Новый Свѣтъ по приглашеніямъ разныхъ эмиграціонныхъ компаній. Съ неспокойнымъ сердцемъ и головой, подталкиваемые надеждой, старъ и младъ садятся на пароходъ и ѣдутъ въ невѣдомую страну... чтобы снова страдать, только среди новой обстановки... И вотъ, спустившись съ лѣстницы эмигрантскаго парохода, попадаете вы въ темный корридоръ, который ведетъ въ общую каюту, днемъ и ночью освѣщенную тусклыми фонарями. Тутъ ящики, кровати, бочки, мѣшки, поклажа, грустныя, блѣдныя лица и вообще картина непривлекательная...

Но вотъ освѣщаетъ картину это невинное дѣтское личико, эта дѣвочка, тоже эмигрирующая съ семьей своей въ Новый Свѣтъ. Вооруженная огромнымъ отцовскимъ зонтикомъ, она наивно и недоумѣло смотритъ на всю эту суетню и движеніе. Ей все равно—и Старый и Новый Свѣтъ—и маленькое сердечко ея спокойно и не бьется ни страхомъ, ни надеждой.

Послушницы.

(Картина Г. Корнпцеліуса.)

Глубоко обдуманная, превосходная картина эта разсказываетъ потрясающую сердечную драму живыми образами. На хорахъ католическаго монастыря, среди пѣвчихъ, стоятъ двѣ послушницы, лица которыхъ цвѣтутъ самою полною, прелестною, юною жизнью. Монахиня, приставленная для надзора за ними, задремала. Въ глубокомъ раздумьи опустила глаза самая юная послушница: она силится прервать свои думы, силится порвать послѣднія нити, связывающія ее съ грѣховною жизнью. Это—борьба за свое святое призваніе, борьба тяжелая, трудная и часто слезинки, какъ перлы, застываютъ на ея свѣжихъ щекахъ. Подруга ея держитъ требникъ, но мысль ея кажется не совсѣмъ оставила шумный свѣтъ; она еще не пострижена и можетъ быть и никогда не будетъ монахиней; передъ ней еще открыты врата монастыря.

Авторъ этой картины родился въ 1825 году. Закончивъ свое художественное образованіе въ Антверпенѣ, онъ затѣмъ долго занимался въ Дрезденѣ, среди сокровищъ галлерей столицы, но талантъ его вполнѣ окрѣпъ и сложился уже позднѣе въ Италіи, гдѣ онъ пробылъ довольно долго. Онъ уже имѣетъ значительное имя, какъ портретный, историческій и жанровый живописецъ. Его композиціи всегда очень характерны, краски блестящи, а въ жанрѣ онъ отличается часто очень милымъ и своеобразнымъ юморомъ.

Исполинское насѣкомое

въ Новой Гвинеѣ.

Лишь немногіе роды насѣкомыхъ собственно „прямокрылыхъ" (Ortophterus) относятся къ оригинальному семейству „гигантской саранчи." Короткая передняя часть тѣла (Prothorax) и чрезвычайное удлиненіе нижней части туловища (Mesothorax) отличительные признаки этаго семейства, которое водится въ тропическихъ странахъ и живетъ обыкновенно въ кустарникѣ и маисѣ. Это ночныя насѣкомыя; днемъ они сидятъ тихо притаившись и невидимые для глазъ своихъ враговъ, потому что цвѣтомъ тѣла ничѣмъ не отличаются отъ окружающей ихъ листвы и сучьевъ. Какъ бы желая дать имъ средство защиты въ этомъ сходствѣ съ окружающими ихъ формами растеній, природа дала этому семейству насѣкомыхъ самыя причудливыя, странныя наружныя очертанія. Одни изъ нихъ похожи на летящія по вѣтру листья, и тогда не только самое туловище, но и ноги имѣютъ какъ бы листовидную форму и сѣтчатки подкрылій обманываютъ глазъ сходствомъ съ жилками сухаго листка; другіе напротивъ, похожи на сухую вѣтку по суковатой, прутообразной формѣ нижней части туловища и длинныхъ сухихъ ногъ.

Здѣсь изображенное прямокрылое (Kereocrana Papuana) представляется истиннымъ гигантомъ между насѣкомыми. Оно достигаетъ длины болѣе 20 сантиметровъ и имѣетъ двѣ пары крыльевъ, изъ которыхъ первые два легки и прозрачны и—тѣмъ крѣпче и сильнѣе за то вторая пара крыльевъ. Три пары ногъ длинны,

тонки и снабжены зазубринами. Ноги нижней части тѣла обращены назадъ, а переднія впередъ и высоко поднимаются надъ туловищемъ насѣкомаго. Названіе „Kareocrana" получило насѣкомое вслѣдствіе длинныхъ рогообразныхъ головныхъ отростковъ. Къ сожалѣнію, объ образѣ жизни этаго насѣкомаго, водящагося въ Новой Гвинеѣ, какъ и вообще объ родѣ Phasmidus, мы имѣемъ весьма неполныя свѣденія. Ближайшее знакомство съ образомъ ихъ жизни конечно могло бы привести къ весьма любопытнымъ выводамъ о причинахъ образованія формъ тѣла, въ такой степени сходныхъ съ формами растеній, на которыхъ они обитаютъ. Брэмъ въ своемъ перечисленіи семействъ этаго рода не упоминаетъ объ гигантскомъ „Kareocrana" Новой Гвинеи.

Мѣдь и ея соли.

Всѣ мы совершенно освоились съ понятіемъ о мѣди, какъ о сильномъ ядѣ. Мѣдная посуда изгоняется изъ употребленія; нѣкоторыя раны считаются опасными уже по одному тому, что нанесены оружіемъ, приготовленнымъ изъ этого металла. Всѣ смотрятъ на мѣдь и ея соли, какъ на нѣчто опасное, отправляющее ad padres всякаго, вкусившаго ихъ.

Вотъ краткій историческій путь, которымъ это мнѣніе сложилось такъ твердо, говоритъ Парижскій „Revue Scientifique."

Первыя указанія на ядовитость мѣди проникли въ печать въ 1722 году: Шульце издалъ отдѣльное сочиненіе, въ которомъ объявилъ мѣдь — ядомъ. Затѣмъ въ 1752 году адвокатъ Ами опубликовалъ свою брошюру объ опасности употребленія мѣдной кухонной посуды. Далѣе слѣдовали брошюры, говорившіе въ томъ же смыслѣ и лишь слабо и изрѣдка появлялись возраженія.

Общественное мнѣніе встревожилось. Дѣло было вскорѣ еще раздуто знаменитымъ Жанъ-Жакомъ-Руссо. Въ 1753 году онъ написалъ аббату Рейналь, редактору „Mercure" длинное письмо, яркими красками изображавшее несчастія, будто-бы причиняемыя отравленіемъ мѣдью. Вотъ коротенькая выдержка изъ этаго письма: „европейскіе химики уже давно говорятъ намъ о *смертоносныхъ свойствахъ* мѣди и объ опасностяхъ употребленія этаго металла въ видѣ кухонной посуды. Г. Руэль, членъ академіи наукъ, осязательно доказалъ ея гибельныя дѣйствія; г. Тьерри докторъ медицины, представилъ въ 1740 году, множество доказательствъ, способныхъ *привести въ трепетъ*. Эти ученые доказывали, что ярь-мѣдянка—страшный ядъ, принятіе котораго всегда сопровождается *ужасными симптомами*; даже пары этого металла вредны, потому что обработывающіе его люди подвержены опаснымъ болѣзнямъ; всѣ растворяющія средства—жиры, соли и даже вода растворяютъ мѣдь, образуя ярьмѣдянку.

Они доказывали, сколько несчастій, происшедшихъ именно отъ мѣдной посуды, постоянно приписываются другимъ причинамъ; они доказали, что *множество людей погибаетъ*, что еще большее число заболѣваютъ, нимало не подозрѣвая настоящей причины употребленія этого металла въ нашихъ кухняхъ и фонтанахъ.

Картина была нарисована мрачная, но еще большее значеніе имѣла она въ то время, когда имя Жанъ-Жака-Руссо пользовалось громадной извѣстностью и авторитетомъ. Заявленіе пало на добрую почву и принесло плоды—декреты 1777, 1781, 1791 и 1816 годовъ воспрещали употребленіе мѣдной посуды во множествѣ случаевъ.

Мѣдь начала быстро терять свой кредитъ и въ настоящее время совершенно его потеряла. Посуду изъ мѣди лудятъ, для огражденія себя отъ ея гибельныхъ свойствъ; по всеобщему мнѣнію, ея солями можетъ пользоваться преступленіе для достиженія своихъ цѣлей.

Справедливо-ли это мнѣніе о такихъ качествахъ мѣди? Новѣйшія данныя отвѣчаютъ отрицательно

Во-первыхъ, что такое полуда, которою будто-бы устраняются вредныя дѣйствія мѣди? По закону, она должна представлять собою сплавъ олова и свинца, сплавъ, въ который свинецъ входитъ въ количествѣ отъ 10 до 15%. Но это по закону, а на практикѣ полуда содержитъ иногда, по словамъ г. Бобьера, издавшаго въ 1860 и 1861 годахъ свои изслѣдованія по этому предмету, мышьяковистый цинкъ, свинецъ въ количествѣ 50 или 55% и даже мѣдь—ту мѣдь, противъ которой она употребляется, какъ защита. Но извѣстно, что свинецъ—сильный ядъ, что всѣ соли его имѣютъ отравляющее дѣйствіе. Не является ли въ этомъ случаѣ полуда опаснѣе самой мѣди, если даже признать вѣрнымъ сложившееся мнѣніе о ядовитыхъ свойствахъ этаго металла? Очевидно, да. Но это станетъ еще очевиднѣе, если сказать, что мѣдь вовсе неопасна и что ею отравиться нельзя. Мы представимъ сейчасъ основанія такого неожиданнаго мнѣнія.

Въ 1857 и 1858 годахъ, извѣстный петербургскій профессоръ г, Пеликанъ вмѣстѣ со своими учениками гг. Далетскимъ и Шумовскимъ произвели интересные опыты. Г. Далетскій сварилъ кушанье въ мѣдной посудѣ и, охладивъ его въ ней-же, подвергъ его химическому анализу. Въ немъ оказались самые ничтожные слѣды мѣди, и г. Пеликанъ объявилъ, что *такое кушанье никогда не можетъ причинить отравленія*. Наконецъ, они сварили и охладили въ мѣдной посудѣ капусту, имѣющую на мѣдь наиболѣе растворяющее дѣйствіе и кормили цѣлыя недѣли этимъ собакъ, у которыхъ однако не обнаружилось никакихъ признаковъ отравленія.

Эти опыты были повторены двумя французскими докторами Дюкомбомъ и Буркъ, которые получили точно такіе же результаты Мало того, они варили и охлаждали пищу въ мѣдной посудѣ, предварительно смоченной уксусомъ. На стѣнкахъ ея оказывались значительные слои ярь-мѣдянки и однако у собакъ, которыхъ кормили такой пищей, впродолженіи двухъ мѣсяцевъ не обнаруживалось никакихъ явленій отравленія.

Но новѣйшія изслѣдованія г.г. Галиппа, Фетцъ и Риттеръ еще убѣдительнѣе.

Первый примѣшивалъ въ единственную пищу, дававшуюся имъ собакамъ, различныя соли мѣди, сѣрнокислыя, углекислыя, лимонокислыя и другія. Отъ большихъ дозъ, въ 5 или 6 граммовъ, съ животными бывали дѣйствительно рвоты, даже и отъ такихъ дозъ, которыя могутъ случайно образоваться въ кушаньяхъ и напиткахъ. Случая же отравленія не было замѣчено ни разу. Затѣмъ, Галиппъ произвелъ другой рядъ опытовъ. Онъ началъ давать собакамъ настолько слабыя дозы мѣдныхъ солей, что рвоты не происходило. Постепенно усиливая эти дозы онъ дошелъ наконецъ до 2 и даже 4 граммовъ въ день. Опыты продолжались нѣсколько мѣсяцевъ и животныя были здоровы. Галиппъ умертвилъ ихъ, съ цѣлью произвести химическій анализ органовъ. Въ печени оказались большія скопленія мѣди *).

Наконецъ, Бурневилль давалъ эпилептикамъ принимать цѣлый годъ сѣрнокислую амміачную мѣдь, находя ее для нихъ полезною. Ничего особеннаго не произошло ни съ однимъ изъ больныхъ. Одна женщина, принимавшая слишкомъ долгое время мѣдныя соли, умерла. Химическій анализъ ея печени показалъ что тамъ скопилось 228 миллиграммовъ мѣди.

Такимъ образомъ, новѣйшія изслѣдованія констатировали невозможность отравленія мѣдными солями.

Но какимъ-же образомъ, посредствомъ какихъ опытовъ доказывали свое мнѣніе первые заявившіе о смертоносномъ дѣйствіи мѣди?

Нѣкоторые изъ нихъ, вводя прямо какую нибудь соль въ желудокъ животнаго, перевязывали ему пищепроводное горло, отчего животное обыкновенно умирало. Смерть приписывалась ими отравляющему дѣйствію мѣди. На самомъ-же дѣлѣ она происходила отъ двухъ причинъ. Во-первыхъ, нѣкоторыя животныя не выдерживаютъ самой операціи перевязыванія пищепроводнаго горла; во-вторыхъ, при этомъ опытѣ мѣдная соль непосредственно дѣйствуетъ на слизистую оболочку желудка и производитъ разстройство пищеваренія, влекущее за собою смерть. Другіе вводили посредствомъ особаго зонда мѣдную соль прямо въ желудокъ животнаго. И этотъ опытъ обусловливалъ собою смерть отъ прижиганія трахеи. Къ этому присоединились изустные и печатные разсказы объ отравленіяхъ мѣдью, разсказы не опиравшіеся ни на химическій анализъ органовъ мнимо отравленныхъ мѣдью, ни на медицинскія вскрытія. Обыкновенно въ составленіи ихъ участвовала досужая фантазія репортеровъ. Статистика воспользовалась этимъ сомнительнымъ источникомъ и своими невѣрными данными подтвердила также невѣрныя ученыя изысканія.

Мы показали уже истинный путь, по которому были ведены новѣйшія изслѣдованія. Теперь скажемъ нѣсколько словъ вообще о свойствахъ мѣдныхъ солей и о невозможности произвести ими умышленное или неумышленное отравленіе.

Уже давно было извѣстно, что мѣдныя соли имѣютъ дѣйствіе рвотнаго средства, прямо пропорціональное той дозѣ, въ которой онѣ принимаются. Благодаря этому свойству онѣ употребляются въ медицинской практикѣ. Рвота начинается весьма скоро по принятіи, и съ нею выдѣляется и принятое лекарство. Были примѣры, что люди, принимавшіе мѣдныя соли съ цѣлью самоубійства, не достигали этой цѣли, потому что сильная рвота извлекала изъ желудка все содержимое. Уже одно это свойство дѣлаетъ мѣдь не ядомъ, а скорѣй противоядіемъ. Очевидно, что она не можетъ быть употребляема съ преступными цѣлями. Но есть еще другое свойство мѣдныхъ солей, исключающее возможность употребленія ихъ съ такими цѣлями. Это—отвратительный вкусъ, сообщаемый мѣдными солями пищѣ, твердой или жидкой, въ которую онѣ примѣшиваются случайно или съ намѣреніемъ. Уже малаго количества соли достаточно, чтобы вино, напримѣръ, пріобрѣло такой вкусъ, который послѣ перваго глотка удержалъ-бы всякаго отъ дальнѣйшаго употребленія. Отъ большаго количества соли вкусъ напитка становится еще отвратительнѣе. Сверхъ того, мѣдная соль, примѣшанная къ бульону, или пиву, или какой либо жидкой пищѣ, придаетъ имъ зеленый цвѣтъ, при видѣ котораго едва-ли кто рѣшится пробовать ихъ. Далѣе, примѣшанная къ твердой пищѣ, она тоже не остается незамѣченной. Подъ вліяніемъ слюны и раз-

*) Въ человѣческой печени также есть мѣдь.

жевыванія часть ея растворяется и дѣйствуетъ такъ-же, какъ и въ жидкостяхъ—пища пріобрѣтаетъ вкусъ, неспособный возбудить аппетита ни въ комъ. Кромѣ того, обладая свойствомъ окрашивать въ зеленый цвѣтъ жирныя вещества, мѣдная соль придаетъ такой-же цвѣтъ и пищѣ, содержащей всегда жиры. При этомъ окрашиваніе происходитъ чрезвычайно быстро. Такой пищей конечно нельзя ни отравить, ни отравиться, даже если бы были ядовитыя свойства въ мѣдныхъ соляхъ.

Такимъ образомъ мѣдныя соли, введенныя въ желудокъ случайно или намѣренно, дѣйствуютъ какъ прижигательныя средства и если причиняютъ смерть, то мѣстными поврежденіями. Отъ приниманія ихъ въ слабыхъ дозахъ, мѣдь собирается въ печени, даже въ большихъ количсствахъ, но не причиняетъ никакихъ замѣтныхъ разстройствъ. Примѣшанныя въ небольшихъ даже количествахъ къ напиткамъ или кушаньямъ, онѣ сообщаютъ имъ до того противный вкусъ, что совершенно невозможно пользоваться ими съ преступными цѣлями.

Въ виду новѣйшихъ научныхъ изслѣдованій о свойствахъ мѣдныхъ солей, можно сказать, что мѣдь была, такъ сказать, оклеветана и притомъ недавно. Нелуженая посуда изъ мѣди до сихъ поръ употребляется на востокѣ, гдѣ однако не слышно никакихъ жалобъ на ея ядовитыя свойства.

Политическое обозрѣніе.

Турецкіе армяне.—Происшествіе въ Константинополѣ.—Черногорія и Турція.—Новое болгарское министерство.—Оппозиція въ Сербской скупштинѣ.—Случай на княжеской охотѣ.—Признаніе Италіей независимости Румыніи.—Ирландское движеніе.—Восстаніе въ Афганистанѣ.—Новая побѣда чилійцевъ.

Едва ли не каждый день приходятъ изъ Турціи свѣдѣнія, указывающія на полнѣйшую неурядицу, существующую внутри оттоманской имперіи и на тѣ невозможныя условія, среди которыхъ вынуждены жить различные элементы столь смѣшаннаго населенія турецкаго государства. Изъ Константинополя сообщаютъ, что армянскій патріархъ Нарсесъ обратился къ посланникамъ европейскихъ державъ при турецкомъ дворѣ съ запиской, въ которой изложены насилія и ужасы, произведенные недавно, въ Ванскомъ округѣ, надъ армянами. Патріархъ проситъ посланниковъ убѣдить ихъ правительства немедленно отправить въ турецкую Арменію международную комисію (согласно одному изъ пунктовъ берлинскаго договора), для наблюденія за турецкими порядками. По увѣренію о. Нарсеса, въ Арменіи не только не дѣлается ровно ничего для улучшенія участи населенія, а напротивъ, повидимому, поставили себѣ задачей увеличить страданія его. Патріархъ, при этомъ, утверждаетъ, что возстаніе въ Курдистанѣ, о которомъ, будтобы, въ Арменіи ничего не знаютъ, служитъ, просто на просто, для турецкихъ войскъ поводомъ къ притѣсненію жителей, а для гражданскихъ властей—къ бездѣйствію. Мало того,—власти эти держатся весьма странной политики, заключающейся въ возбужденіи раздора между курдами и армянами, которые могли бы прекрасно уживаться вмѣстѣ, еслибы ихъ не ссорили.

Вслѣдствіе такого положенія дѣлъ, собравшіеся въ Ванѣ именитые армяне приняли, отъ имени своихъ соотечественниковъ, рѣшеніе не вступать ни въ какія сношенія съ турецкими комисарами, прибывшими въ Эрзерумъ для осуществленія реформъ, но еще не приступавшимъ къ своему дѣлу,—а требовать, въ силу берлинскаго договора, присылки международной комиссіи для наблюденія за проведеніемъ реформъ этихъ.—Недавно, въ Константинополѣ случилось происшествіе, нѣсколько напоминающее ту бойню, которую совершилъ черкесъ Османъ въ зданіи Порты. И на этотъ разъ, также, дѣйствующимъ лицомъ былъ черкесъ. Дѣло въ томъ, что во время войны онъ занималъ должность полкового проповѣдника; желая получить такую же должность и теперь, при одномъ изъ батальоновъ, онъ явился въ военное министерство; по обычномъ врачебномъ осмотрѣ, оказалось, что здоровье его не удовлетворительно и онъ не можетъ быть принятъ впредь до излеченія. Часъ спустя по выходѣ изъ министерства, онъ снова явился туда и вторично подалъ прошеніе одному изъ высшихъ чиновниковъ, который повторилъ ему отказъ. Взбѣшенный проситель выхватилъ кинжалъ, спрятанный подъ платьемъ и бросился сначала на Решида-пашу, а потомъ на отказавшаго ему чиновника, котораго тяжело ранилъ въ плечо. Затѣмъ, переранивъ еще четырехъ человѣкъ, черкесъ выбѣжалъ на площадь, гдѣ и былъ схваченъ. Говорятъ, что нѣкоторые изъ раненыхъ получили тяжелыя поврежденія.—Плава и Гусинье—еще не въ рукахъ Черногорцевъ и обстоятельство это, согласно новѣйшимъ свѣдѣніямъ, едва не довело до *столкновенія между Черногоріей и Турціей*. Вотъ ходъ дѣла за это послѣднее время. Мухтаръ-паша, по прибытіи въ Призренъ, издалъ прокламацію, въ которой обратился къ албанской лигѣ, убѣждая ее въ необходимости сдачи обоихъ округовъ Черногоріи; мѣстнымъ же властямъ муширъ разослалъ циркуляръ, возвѣщающій о скоромъ (9-го декабря) прибытіи его туда и о самой цѣли миссіи его. Турецкому начальству приказано выѣхать оттуда къ 11 декабря; казначейства вывезены. Англійскій консулъ Гринъ и Саабъ-Бей были приглашены явиться въ Гусинью ко времени прибытія туда Мухтара-паши. Муширъ, какъ извѣстно, уполномоченъ Портой подавить силой всякое сопротивленіе со стороны албанцевъ, о чемъ и сообщено черногорцамъ. Затѣмъ извѣстія принимаютъ весьма сбивчивый характеръ, и отчасти — противорѣчивый. Съ одной стороны, сообщается, что вліятельные члены албанской лиги обѣщали подчиниться приказаніямъ султана, хотя уступка тѣхъ мѣстностей очень тяжела для албанцевъ и что черногорцы, въ виду содѣйствія, оказываемаго Портой, рѣшили не принимать наступательнаго положенія. Съ другой же —что албанцы окончательно отказались выполнить требованіе турецкаго султана, что черногорцы объявили о своемъ намѣреніи занять округа вооруженной силой и, наконецъ, что Порта, вслѣдствіе этаго, обратилась къ своимъ посланникамъ при иностранныхъ дворахъ съ циркуляромъ, съ цѣлью разъяснить это обстоятельство и указать, что она сдѣлала все возможное, чтобы воспрепятствовать кровопролитію и чтобы, въ случаѣ столкновенія, ей нельзя было сдѣлать упрека.—Въ Родонскихъ горахъ снова возстаніе: изъ Филиппополя сообщаютъ, что возстали двадцать селеній въ округѣ Кирджали. 500 инсургентовъ вступили въ главный городъ округа и, забравъ въ плѣнъ жандармовъ, овладѣли суммами государственнаго казначейства, которыя и унесли съ собою въ горы. Мусульманскіе эмигранты сильно страдаютъ отъ холода и голода; средства, которыми правительство располагало для облегченія положенія ихъ, истощены. Провинціальное собраніе просило правительство пріостановить дальнѣйшій наплывъ эмигрантовъ въ Восточную Румелію.

Распустивъ скупштину, князь Александръ образовалъ министерство, подъ предсѣдательствомъ трновскаго епископа (который, вмѣстѣ съ тѣмъ, и министръ народнаго просвѣщенія), Начовича, въ качествѣ министра иностранныхъ дѣлъ и, временно, финансовъ—Крокова, получившаго портфель юстиціи и, временно, внутреннихъ дѣлъ; понятно, генералъ Паренсовъ остался военнымъ министромъ.

Въ сербской скупштинѣ значительно усилилась оппозиція нынѣшнему министерству. Недавно произошелъ весьма печальный случай на княжеской охотѣ: дядя князя Милана, полковникъ Катарджіу, нечаянно ранилъ — и довольно серьезно— лейбъ-медика его свѣтлости.

Австрійское правительство заявило въ палатѣ, что дѣло оккупаціи (оккупація!?) идетъ такъ прекрасно, что для обезпеченія спокойствія Босніи и Герцеговины совершенно будетъ достаточно оставить въ Новобазарскомъ санджакѣ только 10-ти тысячный отрядъ войскъ...

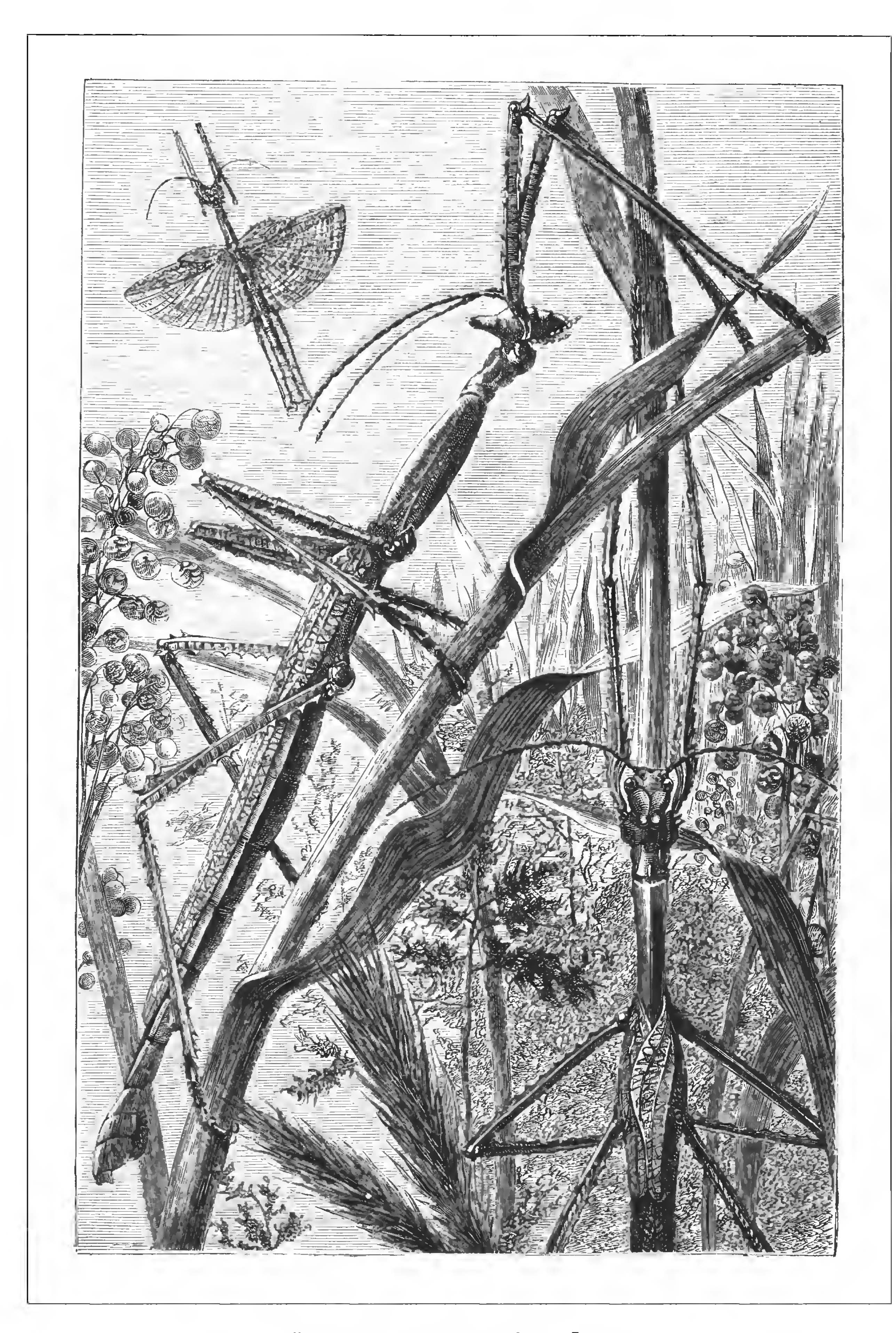
Италія признала независимость Румынскаго княжества. Примѣръ, достойный подражанія. Можетъ быть и, конечно, болѣе чѣмъ желательно—другія державы сочтутъ для себя необязательнымъ болѣе запретъ, объявленный Биконсфильдомъ по этому предмету!

Да и едва ли ему есть много времени, въ настоящую минуту, слишкомъ заниматься такимъ вопросомъ. У него теперь довольно дѣла посерьезнѣе. Волненіе въ Ирландіи разростается. Митинги, съ каждымъ днемъ, становятся многолюднѣе. Недавно арестованы Парнелль и секретарь національной лиги, Бреннанъ,—но, по примѣру предшествовавшихъ арестовъ,—мѣра это только усилила раздраженіе. Въ Америкѣ общественное мнѣніе настроено въ пользу ирландцевъ, что недавно выразилось въ большомъ митингѣ, происходившемъ въ Чикаго, и имѣвшемъ цѣлью выразить сочувствіе Ирландіи. Затѣмъ, въ палатѣ депутатовъ, одинъ изъ членовъ предложилъ выразить отъ имени палаты, сочувствіе усиліямъ ирландцевъ улучшить положеніе отечества ихъ и достигнуть автономіи, а также выразить желаніе, чтобы усилія эти оказались успѣшными. Другой членъ, поддержавъ этотъ билль, предложилъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, палатѣ пригласить президента Гейса высказать англійскому правительству надежду, что будутъ приняты мѣры къ надѣленію земельными участками сельскаго населенія Ирландіи.

И объ этой мѣрѣ надо хлопотать у „просвѣщенной“ Англіи чрезъ 20 лѣтъ послѣ того, что это уже выполнено „отсталой“ Россіей!

Въ Афганистанѣ положеніе англичанъ становится весьма серьезнымъ. Дѣло принимаетъ отчасти тотъ видъ который оно имѣло въ 1841—42 гг. Во многихъ мѣстностяхъ, если не во всѣхъ,—афганцы подымаются въ довольно значительныхъ силахъ. Скопище въ 10 тысячъ человѣкъ, подъ начальствомъ Магометъ-Хана, напало близь самаго Кабула на англійскій отрядъ, шедшій на соединеніе съ бригадой Макферсона. Послѣ упорнаго сраженія они овладѣли 4 пушками и хотя пушки эти были отбиты англичанами, очевидно — перевѣсъ оказался на сторонѣ первыхъ, потому что 12-го декабря (30-го ноября) они заняли высоты къ югу отъ Бала-Гиссара, а на другой день аттаковали правый флангъ главныхъ силъ генерала Робертса. Изъ оффиціальныхъ англійскихъ источниковъ сообщаютъ, что афганцы были отбиты. Но вмѣстѣ съ тѣмъ генералъ Робертсъ увѣдомилъ, что въ Афганистанѣ образовалась могущественная коалиція изъ туземныхъ племенъ противъ англичанъ. Посмотримъ, какъ выберутся побѣдоносныя войска королевы Викто-

(Продолженіе на стр. 1033, 1034, 1035, 1036, 1037, 1038, 1039 1040).



Исполинское насѣкомое въ Новой Гвинеѣ.
Въ натуральную величину.

ріи изъ дебрей, въ которыя ихъ загналъ лордъ Биконсфильдъ.

Изъ Калькутты сообщаютъ, что тамъ 30-го ноября сдѣлана была попытка убить лорда Литтона. Въ него выстрѣлилъ—по однимъ источникамъ, помѣшанный европеецъ, по другимъ—пьяный индіецъ; но, есть еще слухъ, что можетъ быть происшествіе это имѣетъ отношеніе къ возстанію въ Афганистанѣ.

Чилійцы снова разбили—и на этотъ разъ уже на голову, соединенныя войска Перу и Боливіи при Тарапасѣ.

Рѣшеніе ребуса помѣщеннаго въ № 46 „Нивы“.

Не мечи бисера передъ свиньями они попрутъ его ногами.

Рѣшеніе ребуса помѣщеннаго въ № 48 „Нивы“.

Счастливый пойдетъ на кладъ набредетъ, несчастный пойдетъ и гриба не найдетъ.

Рѣшеніе магическаго квадрата № 19.

и	с	т	о	к
с	м	у	т	а
т	у	м	а	н
о	т	а	в	а
к	а	н	а	л

Рѣшеніе магическаго квадрата № 20.

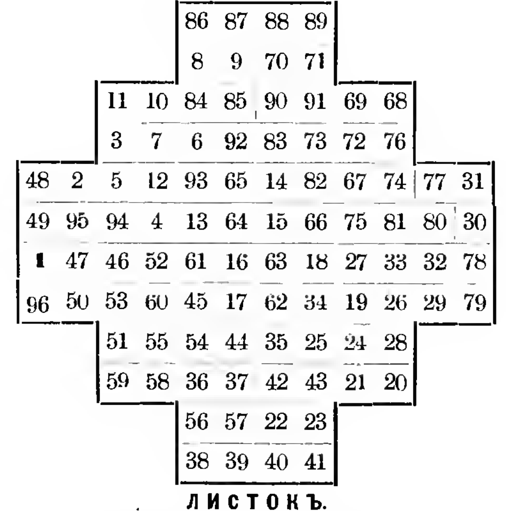
о	к	е	а	н
к	а	р	т	а
е	р	м	а	к
а	т	а	к	а
н	а	к	а	з

Рѣшеніе магическаго креста № 21.

		и	о	н		
		а	б	о		
п	а	р	о	в	и	к
о	б	о	р	о	н	а
п	о	в	о	р	о	т
		и	н	о		
		к	а	т		

Вѣрныя рѣшенія магическихъ квадратовъ и креста прислали, С.-Петербургъ: Титовъ, Панинъ.—Бобруйскъ: А. И. Ерицай.

Рѣшеніе Криптограмма въ № 48 „Нивы“.



				86	87	88	89				
				8	9	70	71				
		11	10	84	85	90	91	69	68		
		3	7	6	92	83	73	72	76		
48	2	5	12	93	65	14	82	67	74	77	31
49	95	94	4	13	64	15	66	75	81	80	30
1	47	46	52	61	16	63	18	27	33	32	78
96	50	53	60	45	17	62	34	19	26	29	79
		51	55	54	44	35	25	24	28		
		59	58	36	37	42	43	21	20		
				56	57	22	23				
				38	39	40	41				

ЛИСТОКЪ.

От дружной вѣтки отлученный,
Скажи листокъ уединенный
Куда летишь? не знаю самъ.
Гроза разбила дубъ родимый—
Съ тѣхъ поръ по доламъ, по горамъ,
По волѣ счастія носимый,
Лечу, куда велитъ мнѣ рокъ,
Куда на свѣтѣ все стремится,
Куда и листъ лавровый мчится,
И легкій розовый листокъ.

В. Жуковскій.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи прислали: **СПБ.** гг. С. Зелъ; П. Ц.; Н. Ивановъ. **Москва**: гг. П. Г. Голицынъ; Пунырниновъ; В. Звѣваниъ; В. Повненовъ; В Сидѣльинновъ.—**Кронштадтъ**: г. Даржавъ.—**Курскъ**: г. Н. Е. Дѣдовъ.—**Лодзь.** г. П. Худвинскій,—**Мозырь**: г. Ю. Лапичъ.—**Зѣньковъ**: г. П. Кривобонъ.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ „НИВЫ“.

Вынужденное объясненіе.

Мы поставлены, наконецъ, въ необходимость объясниться съ нашими подписчиками по поводу обстоятельства, подобнаго которому еще не бывало въ русской печати. Съ начала нынѣшняго года одинъ журналъ, уже три раза начинавшійся подъ разными названіями (Иллюстр. газета, Воскресный досугъ, Иллюстрир. недѣля,) выходитъ подъ новымъ, четвертымъ по счету, названіемъ «Нева». Это ничто иное, какъ точная наружная копія нашего журнала, копія всѣхъ названій нашихъ приложеній, повидимому, разсчитанная на сходство заголовка и возможную невнимательность подписчиковъ въ написаніи адресовъ. На заголовкѣ значится XXII годъ, тогда какъ «Нева» выходитъ только первый годъ; все это, конечно, съ явною цѣлью перемѣшать въ представленіи публики оба эти журнала и воспользоваться этимъ обстоятельствомъ.

Если бы это не вызывало путаницы и неудовольствій, мы бы не стали мѣшаться въ такое дѣло. Но въ редакціи нашей получаются иногда письма, адресованныя: „въ главную контору „Нева“ по Б. Морской, д. 9.“ и выходятъ жалобы и недоразумѣнія, въ которыхъ виновата исключительно помянутая спекуляція.

Вслѣдствіе этаго,

покорнѣйше просимъ гг. подписчиковъ быть **внимательнѣе при написаніи адресовъ и адресовать такимъ образомъ:** „въ главную контору журнала „**НИВА**“ А. Ф. Марксу въ С.-Петербургъ, Большая Морская, д. № 9.“

КЪ НАШИМЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1880 Г. ЖУРНАЛА „НИВА“.

„Нива“ будетъ издаваться въ будущемъ 1880 году по той же программѣ и той же цѣнѣ, какъ и въ прошедшіе годы и, какъ уже и было втеченіи 10 лѣтъ, издатель будетъ постоянно расширять программу и улучшать достоинство премій и вообще помѣщаемаго матеріала.

Наши постоянные читатели знакомы съ нашимъ журналомъ, и знаютъ какую массу чтенія даемъ мы, какъ художественно исполняются гравюры и какія цѣнныя преміи „Нива“ въ этомъ наприм. году дала своимъ подписчикамъ; цѣна изданія при всѣхъ этихъ капитальныхъ улучшеніяхъ остается таже. Нашимъ постояннымъ читателямъ нечего повторять что „Нива“—соображая массу даваемаго матеріала—**самый дешевый журналъ въ Россіи.**

Что касается матеріала вообще и произведеній, имѣющихся въ нашихъ рукахъ **для помѣщенія въ „Нивѣ“ въ будущемъ 1880 г.**, у насъ есть, **кромѣ массы художественно выполненныхъ гравюръ,** цѣлый рядъ капитальныхъ **литературныхъ** произведеній какъ: **большой романъ** изъ современной жизни въ 2-хъ частяхъ: **„Купленное счастье“ Н. Морскаго** (автора романа „Аристократія Гостиннаго двора“). **„Иванъ да Марья“**, большая повѣсть извѣстнаго **А. А. Потѣхина.—„Лѣсникъ“**, большая повѣсть въ 2 частяхъ **Б. Маркевича,—Кара-Джигитъ**, разсказъ **Н. Н. Каразина**, съ большими рисунками самаго автора;—**„Королевичъ Владиславъ“** и **„Зарница“** двѣ историческія повѣсти **В. Политковскаго;—„Ночь“** повѣсть **Н. Морскаго;**—четыре разсказа **Н. Боева: „Божья воля“, „Близь желѣзной дороги“, „Три тысячи“, „На крайнемъ востокѣ“;**—разсказы изъ исторіи русскаго искуства: **„Горькое горе“, „Лемтюжниковъ“** и **„Гашишъ“ П. П. Гнѣдича;**—рядъ очерковъ изъ исторіи русской литературы **А. П. Милюкова, В. С. Соловьева** и многія другія.

Какъ преміи на будущій 1880 годъ. мы дадимъ **двѣ превосходныя, исключительно для „Нивы“ исполненныя и составляющія нашу собственность, большія акварели знаменитаго М. Зичи,** придворнаго художника Е. И. Величества. Содержаніе картинъ взято изъ того же чуднаго, фантастическаго „Демона“ Лермонтова, къ которому уже не разъ обращалась мысль художника. Наши картины изображаютъ два момента поэмы: 1) **Пляска Тамары.** 2) **Умершая Тамара въ цвѣтахъ, окруженная родными.** Достоинства блестящаго таланта **М. Зичи** слишкомъ извѣстны. **Прелесть лицъ, блескъ красокъ живописныхъ восточныхъ костюмовъ, переданы художникомъ съ его обычнымъ мастерствомъ.** Такимъ образомъ „Нива“ и въ будущемъ 1880 г. будетъ стремиться дать своимъ подписчикамъ оригинальныя произведенія самыхъ талантливыхъ писателей и художниковъ.

Подробное объявленіе о подписныхъ цѣнахъ можно видѣть на 1-ой страницѣ номера подъ титуломъ.

Желающихъ **подписаться** на будущій 1880 г. „Нивы“ просятъ **заблаговременно** обращаться въ **Главную Контору редакціи журнала „Нива“, помѣщающуюся въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, д. № 9.**

Издатель „Нивы“ А. Ф. Марксъ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Ржевъ. М—му. Мы неоднократно заявляли, что не нуждаемся въ переводчикахъ со стороны.

Рязань. М—скому. Портреты и біографіи частныхъ лицъ не въ программѣ нашего журнала.

Стародубъ. О—вой. О Господи! Смири гордыню
Моей озлобленной души
Пошли забвенія *бальзаму*
На раны жгучія мои и т. д.

Все такое неудобное.

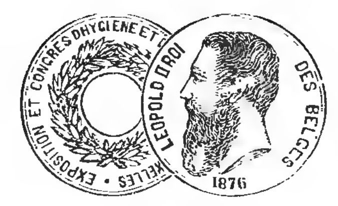
Дмитровскъ N. Портретъ Густава Доре былъ помѣщенъ въ „Нивѣ“ 1871 года стр. 201.

Спб. М. Р—ой. Всѣхъ портретовъ, которые есть въ редакціи въ запасѣ, вдругъ помѣстить нельзя.

СОДЕРЖАНІЕ: **Дѣятели Русской литературы: Богдановичъ** (съ портр.)—**На далекомъ востокѣ.** Разсказы **А. Максимова. IV. Лѣсное чудовище.—Пѣвица.** Разсказъ **Скудо.—Періодическіе перевороты.** Очеркъ.—**Денежные знаки.** Очеркъ. **Вечеръ въ окрестностяхъ Флоренціи** (съ рис.)—**Кефалъ и Прокрида** (съ рис.)—**Маленькая эмигрантка** (съ рис.)—**Послушницы** (съ рис.)—**Исполинское насѣкомое** (съ рис.)—**Мѣдь и ея соли.**—Политическое обозрѣніе.—Рѣшенія ребусовъ.—Рѣшенія магическихъ квадратовъ.—Рѣшеніе магическаго креста.—Рѣшеніе криптограмма.—Отъ издателя «Нивы».—Къ нашимъ читателямъ.—Почтовый ящикъ.—Объявленія.

Издатель А. Ф. Марксъ **Редакторъ Ф. Бергъ.**

Митава, 1875 г.


Брюссель, 1876 г.

Филадельфія, 1876 г.

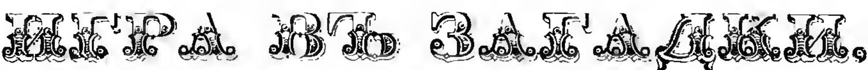
Парижъ, 1878 г.

МЕДАЛЬ на международной выставкѣ въ ПАРИЖѢ, 1879 г. (12-го іюля—13-го ноября).

„С.-Петербургская мастерская учебныхъ пособій и игръ“.

УГОЛЪ ТРОИЦКАГО и ГРАФСКАГО ПЕР., 11—3,

предлагаетъ НОВОЕ ИЗДАНІЕ подъ названіемъ:



Общественная игра для всѣхъ возрастовъ. Цѣна **2 руб. 40 к.** (за упаковку 20 коп., пересылка за 5 фунтовъ).

Въ красивой коробкѣ находится: **24** картинки разгадки, рисованныя **В. С. Шпакомъ**, художественно литографированныя въ краскахъ **Штадлеромъ и Паттинотомъ**, наклеенныя на картонъ; коробочка съ нумерами и брошюра съ 48 загадками, объясненіемъ способа игры и ея педагогическаго значенія, скороговорками и шутливыми вопросами для проигравшихъ.

„Игра въ загадки“ въ полномъ смыслѣ игра общественная (jeu de salon): въ нее могутъ играть отъ 3—7 человѣкъ. Игра заключается въ разгадываніи загадокъ по картинамъ. Это разгадываніе можетъ интересовать какъ дѣтей, такъ и взрослыхъ. Кромѣ занимательности; игра для дѣтей имѣетъ и педагогическое значеніе, такъ какъ лучшіе педагоги, начиная съ К. Д. Ушинскаго вводятъ разгадываніе загадокъ, какъ хорошее упражненіе для изощренія остроумія, на самыя же загадки смотрятъ, какъ на прекрасные образцы живой русской рѣчи.

Въ мастерской большой выборъ ИГРЪ и ЗАНЯТІЙ для дѣтей, а также избранныхъ дѣтскихъ книгъ.

Только что вышедшій изъ печати **„Справочный каталогъ“** (четвертый) высылается за почтов. марки на **14** коп. **Объясненіе установки волшебныхъ фонарей**, производства мастерской и каталогъ картинъ къ нимъ высылается за 7 коп. марку.

ПРОДАЖА
и
ПРОКАТЪ
Піанино и фисгармоніумы
лучшихъ фабрикантовъ,
большой выборъ дешевыхъ нотъ
у **Александра Вилькенъ.**
№ 462 Вас. Остр. 5 лин. № 2. 1—1

Курсъ кройки для дамъ
съ чертеж. 1 р. съ пересылкой.
Сборникъ 500 моделей
Парижск. модъ, 1 р.
Готов. къ нимъ патроны
отъ 50 к. до 1 р. 50 к.
и
Альбомъ вышивокъ
въ рус. стилѣ, 25 л. цвѣтн. увор. 4 р.
Адр. въ конт. **«МОДЫ и РУКОДѢЛІЯ»**
на уг. Невск. и Б.-Морск., д. № 18,
№ 445 надъ аптек. Спб. 2—2

J. CHANSON ST PETERSBOURG

НАБОРЪ 6 АЗБУКЪ 3 ЭКЗЕМП. ЦЫФРЪ

!! ПРАКТИЧЕСКАЯ НОВОСТЬ !!

Маленькая типографія (печатня) для дѣтей и взрослыхъ.

При легкомъ и удобномъ употребленіи хорошо и чисто печатаетъ.

ПРЕКРАСНЫЙ ПОДАРОКЪ

КЪ ПРЕДСТОЯЩИМЪ ПРАЗДНИКАМЪ.

Цѣна 8 руб. съ пересылкой во всѣ города Россіи 9 р. с. Ж. Шансонъ Невскій пр., подъ Думою, Серебряный № 463 **Рядъ № 14.** 1—1

Э. Ротбэкъ, депо часовъ, Литейный просп., на углу Бассейной, домъ Краевскаго, № 38.

ЧАСЫ!

Зол. дамск. глух. цилин., на 8 кам., отъ 28—75 р.

Зол. дамск. глух. анк., на 13 кам., отъ 38—90 р.

Зол. дамск. глухіе (remonteur) отъ 50—100 р.

Зол. мужск. глух. анк., на 18 кам., отъ 48—150 р.

Зол. мужск. глух. анк. (remonteur) отъ 60—200 р.

Серебр. мужск. глух. анк. на 15 к., отъ 14—40 р.

Серебр. мужск. глух. анк. (remonteur) отъ 30—50 р.

Серебр. дамск. глух. цил., на 8 камн., отъ 14—25 р.

Часы съ будильникомъ (столовые) отъ 5—12 р.

Часы стѣнные съ гирями отъ 2—10 р., съ письм. ручательствомъ на два года.

Золотыя цѣпочки отъ 25—75 р.

Серебряныя цѣпочки отъ 4—20 р.

По требованію гг. иногороднихъ полагается за пересылку: карманныхъ часовъ 1 р., за стѣнные 2 р., за столовые 3 р.

Подробный прейсъ-курантъ высылается по востребованію безплатно.

№ 476 1—1

ПЛИССЕ

на вновь усовершенствованной машинѣ принимаетъ красильня

М. Мюллеръ.

Гороховая ул. д. № 17.

№ 474 1—1

ПОЛЕЗНЫЙ ПОДАРОКЪ НА ЁЛКУ.

Буквы-картинки рисовалъ **В. Шпакъ** по мысли **Ф. Резенера.** Наклеен. на 36 картон. табличекъ въ 8 кв. верш. раскрашен. въ коробкѣ **1 р. 50 к.** нераскраш. **1 р.** (упак. 10 к. перес. за 4 ф.) въ листахъ **40 к.** перес. 1 ф.

Изданіе это не слѣдуетъ смѣшивать съ старинными азбуками въ картин.: это совершенно новое и оригинальное пособіе, облегчающее начало обученія, связующее печатное начертаніе буквы съ обознач. ею звукомъ посредствомъ рисунковъ, предметовъ, сходныхъ по начертанію съ начальной буквой ихъ названія, такъ напр. рис. Обруча изображаетъ букву О, Серпа С, Жука—Ж и т. д.

Складъ въ С.-Петербургской мастерской учебныхъ пособій и игръ.

Уголъ Графскаго и Троицкаго переулка 18—3.

Справочный каталогъ (четвертой) мастерской высылается за почтовыя марки на 14 коп. № 421 3—3

ПРОДАЕТСЯ изданіе **«Таблицы для умноженія цѣлыхъ чиселъ отъ 1 до 10,000»** и сочиненіе таковое же для умноженія цѣлыхъ съ дробями $1/4$, $1/2$, $3/4$, $1/3$ и $2/3$, отъ 1 до 1000. (Умножать числа съ дробями $1/4$, $1/2$ и $3/4$ скоро и просто, важно преимущественно для гг. инженеровъ и архитекторовъ, такъ какъ при составленіи смѣтъ стоимость единицы работъ принята въ «Расцѣночныхъ вѣдомостяхъ» до точности $1/4$, $1/2$, $3/4$ коп). Для ознакомленія таблицы высылаются за 20 к. деньгами или почтовыми марками. Условія письменно.

Адресоваться: въ г. Архангельскъ, въ управленіе уѣзднаго воинскаго начальника, подпоручику Фролову. № 465. 1

ТОЛЬКО 3 РУБ. 50 КОП

Полное сочиненіе **Мендельсона и Бертхольда** для фортепіано въ 2 руки въ 5 большихъ толстыхъ тетрадяхъ;—съ пересылкою 5 руб. сер.

Александръ Вильненъ въ С.-Петербургѣ. Васил. Остр. 5 линія, д № 2.

№ 460 1—1

Центральный складъ

„МАКИНТОШЪ“

Михайловская, № 4.

Имѣетъ честь рекомендовать почтеннѣйшей публикѣ къ наступающимъ праздникамъ свой обширный выборъ слѣдующихъ предметовъ:

ВЫСТАВКА РЕЗИНОВЫХЪ ИГРУШЕКЪ, состоящая изъ весьма разнообразныхъ, крашенныхъ и некрашенныхъ, большихъ и маленькихъ куколъ, животныхъ, оригинальныхъ фигуръ, мячиковъ, гремушекъ и своей искусственной конструкціи особенно отличающаго

ПЛАВАЮЩАГО МАЛЬЧИКА.

Вновь полученныя, довольно извѣстныя **РЕЗИНОВЫЯ СКАТЕРТИ,** всѣхъ величинъ и рисунковъ, тоже въ русскомъ вкусѣ.

ВАРШАВСКАЯ ДАМСКАЯ ОБУВЬ изъ кожи и прюнела, высокая и низкая, на пуговицахъ и на резинѣ, тоже на теплой подкладкѣ.

Войлочные башмаки и туфли для дамъ и мущинъ, передники для взрослыхъ и дѣтей, подвязки и пажи, теплые перчатки, мѣшки для нотъ, сумки ручныя изъ кожи и резины, гребенки всѣхъ сортовъ и т. д.

ШВЕДСКІЯ КОЖАНЫЯ КУРТКИ на теплой подкладкѣ, особенно практичныя для охоты и дороги.

ВЕЩИ ИЗЪ СОСНОВОЙ ШЕРСТИ фуфайки, кальсоны и носки.

ВЕЩИ ИЗЪ РОГОВОЙ РЕЗИНЫ портъ-сигары, спичечницы, трубки и мундштуки, цѣпочки для часовъ, запонки для манжетовъ и грудей, стѣнныя спичечницы, ручки для перьевъ, кольца для салфетокъ.

АМЕРИКАНСКІЯ И ФРАНЦУЗСКІЯ ПОДТЯЖКИ новоизобрѣтенные, особенно приспособленныя для дѣтей и взрослыхъ, имѣющихъ ненормальность въ сложеніи плечъ, спины и вообще туловища.

ГОЛОВНЫЯ ЩЕТКИ, съ металлической щетиной, уничтожаютъ перхоть и освѣжаютъ голову, ранцы для школьниковъ съ отдѣленіемъ для фриштика, половики и маты и проч.

Пріемъ всѣхъ заказовъ. Оптовая и розничная продажа.

По воскресеньямъ складъ открытъ отъ 10 до 4 час. № 470 1—1

МАГАЗИНЪ РУКОДѢЛІЙ

Перинная линія, № 20, въ С.-Петербургѣ,

А. А. БЕТЦЪ.

Новость. Шерсть съ шелкомъ.

ПОМПАДУРЪ.

во всѣхъ цвѣтахъ по 1 р. с. клубокъ. За пересылку просятъ прилагать марками № 469. (до 7 к.) по таксѣ за 1 ф. 2—1

Die verbreitetste und grösste deutsche politische Zeitung Russlands

ist der

ST. PETERSBURGER HEROLD

mit den Beilagen

Land-und Hauswirthschaftliche Zeitung; «Industrie-Zeitung,» Feuilleton-Beiblatt und «Handels-und Börsen-Zeitung».

Erscheint täglich ohne Präventiv-Censur.

in der Stärke von mindestens zwei Bogen, Beilagen nicht gerechnet.

Vom 1. Januar 1880 ab beginnt im täglichen Feuilleton der neueste von

Hans Wachenhusen für das Feuilleton des «Herold» verfasste Roman **«Dame Orange».**

Vom 1. Januar 1880 ab erscheinen auf Verfügen des Justizministeriums im «Herold» die **Gerichtlichen Bekanntmachungen.**

Abonnementspreis: für St. Petersburg mit Zustellung in's Haus 13 Rbl. (1 Jahr)—7 Rbl. ($1/2$ Jahr)—$3\,3/4$ Rbl. ($1/4$ Jahr) für das übrige Russland 14 Rbl. (1 Jahr)—$7\,1/2$ Rbl. ($1/2$ Jahr)—4 Rbl. ($1/4$ Jahr).

Probenummer gratis! Inserationen finden im «Herold», dem gelesensten deutschen Organe Russlands, die weiteste Verbreitung. **Probenummer gratis!**

ПОДАРОКЪ НА ЕЛКУ.

Изданіе А. Ф. Маркса въ С.П.Бургѣ. Б. Морская, д. № 9.

МИЛЬТОНЪ
ПОТЕРЯННЫЙ и ВОЗВРАЩЕННЫЙ
РАЙ.
Съ картинами ГУСТАВА ДОРЭ.

Переводъ А. Шульговской
ИЗДАНІЕ IN FOLIO.
Съ подстрочнымъ Англійск. текстомъ.

ЦѢНА:
въ прост. каленкор. перепл. 25 р.
съ перес, въ ящикѣ . . . 30 р.
въ красивомъ полпагр. п. съ зол. обр. въ футлярѣ . . 30 р.
съ перес. въ ящикѣ . . . 35 р.

Изданіе *классическихъ авторовъ* въ роскошномъ видѣ есть дань уваженія къ ихъ безсмертнымъ именамъ. Такая роскошно изданная книга, служа украшеніемъ салона, постоянно возобновляетъ въ памяти прекрасныя, не утратившія своей прелести въ теченіи вѣковъ, страницы.

Предпринимая это изданіе, Издатель не жалѣлъ ни труда ни времени, чтобы придать знаменитому творенію *Мильтона*, соединенному съ превосходными рисунками Густава Дорэ, то изящество и роскошь, какую имѣютъ подобныя изданія за границей.

Цѣна этого изданія, по сравненію съ подобными роскошными, заграничными изданіями, очень дешева.

Для подарковъ на елку это изданіе, по своему *красивому* и очень *богатому переплету*, исполненному по рис. *И. Панова*, будетъ весьма *удобно*.

„НУВЕЛЛИСТЪ"
МУЗЫКАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ
ДЛЯ ФОРТЕПІАНО
СЪ МУЗЫКАЛЬНО-ТЕАТРАЛЬНОЮ ГАЗЕТОЮ.

Съ 1-го Января 1880 года «НУВЕЛЛИСТЪ» вступая въ 41-й годъ своего существованія, будетъ выходить какъ и прежде перваго числа каждаго мѣсяца, тетрадями отъ 30—35 страницъ избранной музыки. Каждая тетрадь будетъ содержать въ себѣ: 1) Четыре или пять салонныхъ пьесъ. 2) Одинъ или два новыхъ танца. 3) Русскій романсъ. Сверхъ того въ «НУВЕЛЛИСТЪ» будутъ помѣщены двѣ пьесы въ четыре руки.

«НУВЕЛЛИСТЪ» Музыкально-Театральная Газета, будетъ выходить ежемѣсячно въ продолженіи музыкальнаго сезона и состоять изъ слѣдующихъ отдѣловъ: 1) Руководящія статьи посвященны обзору всего примѣчательнаго въ области музыки и театра, какъ въ Россіи, такъ и за границей. 2) Музыкальная хроника: отчеты о новыхъ операхъ и концертахъ. 3) Возможно полный сводъ статей, касающихся музыки и сценическаго искусства. 4) Фельетонъ.

Кромѣ огромнаго количества музыкальныхъ пьесъ и Музыкально-Театральной Газеты, подписчики «НУВЕЛЛИСТА» получатъ въ концѣ года ПРЕМІИ—полную оперу въ двѣ руки, или другія сочиненія по ихъ выбору изъ 70-ти нумеровъ указанныхъ Редакціею.

Цѣна годовому изданію музыкальнаго журнала «НУВЕЛЛИСТЪ» съ Музыкально Театральною Газетою и преміею 5 рублей. Съ доставкою и пересылкою 6 руб.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ: въ главной конторѣ «НУВЕЛЛИСТА» при музыкальномъ магазинѣ *М. Бернарди* Поставщика Двора Его Величества, Невскій проспектъ, № 10.

Все изданіе „НУВЕЛЛИСТА" за текущій 1879 годъ разошлось окончательно по этому подписка на него прекращена. № 409 3—3

„ВОСПИТАНІЕ И ОБУЧЕНІЕ",
бывшій „ДѢТСКІЙ САДЪ"

Редакція будетъ продолжать свое изданіе въ 1880 г. въ направленіи принятомъ ею съ 1876 г.

Въ 1879 г. были помѣщены слѣдующія статьи. Въ педагогическомъ отдѣлѣ: Идеальная сторона воспитанія. Курсъ умственнаго притупленія. Лѣнь. Воспитаніе маленькихъ дѣтей. Мать воспитательница. Вѣжливость. Поучительная хрестоматія. Необыкновенное воспитаніе. Неспособныя дѣти. Воспитаніе, какъ наука Бена. Идея дѣтскихъ садовъ. Фребели. Элементарное преподаваніе географіи. Въ дѣтскомъ отдѣлѣ: На городскихъ окраинахъ, стихотвореніе А. Михайлова. Сказка про трехъ мужиковъ и бабу Вѣдунью М. Цебриковой. Точило, разсказъ. Буря и жажда въ пустынѣ. Роса. Марица, разсказъ. Ласточка, стихотвореніе И. Сурикова. Жизнь рабочаго люда, изъ Зола. Великаны растительнаго царства и непроходимые лѣса.

Въ отдѣлѣ критики и библіографіи были даны отзывы о выходящихъ дѣтскихъ и педагогическихъ книгахъ и журналахъ.

Журналъ «Воспитаніе и Обученіе» выходитъ ежемѣсячно, съ приложеніями для дѣтскаго чтенія, въ объемѣ отъ 5—6 листовъ. Къ дѣтскому чтенію прилагаются рисунки. Въ концѣ 1880 года гг. подписчики получатъ премію книгу для дѣтскаго чтенія «Историческіе разсказы». Цѣна журнала 4 р. 50 к. съ пересылкой и доставкой 5 р, За пересылку прилагается 25 к.

Подписка принимается у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ и въ редакціи: **уголъ Греческаго проспекта и 5 ул. д. 23—3 кв. 10.** въ С.-Петербургѣ.

Въ редакціи продаются изданія:

Дѣтскій садъ за 1876 г. Цѣна 4 р. Воспитаніе и Обученіе за 1877, 1878 г., цѣна 4 р. 50 к.

Сборникъ журнала Дѣтскій Садъ. Т. I для дѣтей старшаго возраста. Ц. 1 р. 25 к Томъ II для дѣтей младшаго возраста съ рисунками. Ц. 1 р. 20 к.

Сборникъ журнала Воспитаніе и Обученіе. Т. I для старшаго возраста. Ц. 1 р. 35 к, Т II для дѣтей младшаго возраста съ рисунками. Ц. 1 р. 30 к. **Быль и Вымыселъ,** сборникъ М. Цебриковой. Ц. 1 р. **Три первые года жизни ребенка.** Бернара Переводъ М. Цебриковой Ц 1 р. 50 к. **Дѣтскіе разсказы** М. Цебриковой съ рисунками, Ц 85 к. **Сказка про трехъ мужиковъ и бабу Вѣдунью** М. Цебриковой. Ц, 40 к.

Гг. подписчики пользуются 20% уступки съ цѣны изданія, или, уплачивая сполна цѣну, не платятъ ничего за пересылку. За пересылку 1-го фунта съ упаковкой 25 к. За слѣдующіе, смотря по почтовой таксѣ. За пересылку журнала прилагается за 3 ф. Земскія управы и учебныя заведенія, выписывающія значительное количество экземпляровъ, пользуются большей уступкой по соглашенію. № 440 2—2

1880 г. **X-й г. изданія.**

1) Полное изданіе, сост. изъ 22 книгъ и 40 №№ «Педагог. Хроники». Подписная цѣна съ перес. 12 руб. Отдѣльно:

II) **Семейное чтеніе въ Семьѣ и Школѣ** (отдѣлъ для дѣтскаго чтенія. 12 книгъ. въ годъ. Подписная цѣна съ перес. **10** руб.

III) **Воспитаніе и обученіе въ Семьѣ и Школѣ съ педагог. хрон.** 10 книгъ и 40 №№ педаг. хрон. въ годъ. Подписная цѣна съ перес. 5 руб.

Подписка адресуется: въ Спб., въ редакцію журнала **«Семья и Школа»** (Васильевскій Островъ, 15 лин. № 8). № 348 10—6

Съ **Января 1880 года** будетъ издаваться

НОВЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ
подъ названіемъ
„РУССКІЙ НАЧАЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ"

по слѣдующей программѣ:

Отдѣлъ I. Статьи педагогическаго содержанія.

Отдѣлъ II. Библіографическія извѣстія, разборы существующихъ и вновь выходящихъ книгъ, имѣющихъ отношеніе къ начальной школѣ, преимущественно учебниковъ.

Отдѣлъ III. Популярныя статьи по различнымъ отраслямъ наукъ и искусствъ, особенно такимъ, которыя имѣютъ большое значеніе въ народной жизни.

Отдѣлъ IV Историческія и статистическія свѣдѣнія о русскихъ элементарныхъ школахъ, учительскихъ семинаріяхъ и институтахъ, мелкія замѣтки и т. п.

Программа журнала одобрена Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просвѣщенія.

Редакція имѣетъ въ виду постепенно дать полныя руководства къ преподаванію каждаго предмета обученія въ сельскихъ и городскихъ школахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ дать сборникъ статей, сообщающихъ полезныя практическія знанія.

Журналъ будетъ издаваться ежемѣсячно въ объемѣ 2-хъ листовъ и болѣе.

Подписная цѣна за годъ 2 рубля безъ доставки и 2 р. 50 к. съ доставк. и перес.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ книжномъ магазинѣ **ФЕНУ и Ком.** (Невскій проспектъ).

Редакторъ-издатель **В. ЛАТЫШЕВЪ.**
(Преподаватель Учительскаго Института).

№ 443 2—2

ВЫШЛИ ВТОРЫМЪ УДЕШЕВЛЕННЫМЪ ИЗДАНІЕМЪ

ОЧЕРКИ ПО РУССКОЙ ИСТОРІИ, ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ
съ рисунками въ текстѣ и отдѣльными 14 гравюрами.

Б. А. ПАВЛОВИЧА.

Ц. 1 р. 25 к., съ виньеткой на обертке для подарковъ 1 р. 75 к. Складъ изданія: по набережной Фонтанки, домъ № 7, кв. № 20. (Молва). № 466. 2—1

Годъ II. ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1880 ГОДЪ. **Годъ II.**

С.-Петерб. Невск. и Никол. ул., № 1.

„ШУТЪ".

Цѣна за полгода дост. и пер. 4 р. безъ дост. 3 р.

Цѣна на годъ: дост. и пер. 8 р. Безъ дост. 5 р.

Еженедѣльный Художественный и Юмористическій Журналъ Каррикатуръ, печатаемыхъ красками въ нѣсколько тоновъ (хромолитографія).

Въ годъ 52 нумера большаго формата in quarto. **которые содержатъ 156 большихъ рисунковъ, въ четыре краски, болѣе 350 рисунковъ въ одну краску. 260 стр.** текста. Стихотворенія, повѣсти, разсказы, очерки, сцены, анекдоты, шарады, загадки, и т. д. отдѣлы: театральный, библіографическій и художественный. **Время отъ времени на страницахъ журнала помѣщаются также ноты для пѣнія съ акомпанементомъ** № 471 1—1

№ 453 2—2

Дозволено цензурою СПБ. 14 Декабря 1879 г. Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБургѣ. Т[illegible] № 10.

X годъ | № 52 | годъ X | 1879

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6–10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ «ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ» (отъ 20 до 40 модн. рис.) И ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40).

Выданъ 24 Декабря 1879 г. Цѣна этаго № „Нивы" 20 к. съ перес. 25 к.

Открыта подписка на 1880 годъ.

Просимъ гг. ИНОГОРОДНЫХЪ подписчиковъ ПОСПѢШИТЬ возобновленіемъ подписки на будущій годъ, такъ какъ, при общемъ числѣ 45,000 подписчиковъ, приготовленіе печатныхъ адресовъ требуетъ МНОГО времени.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ „НИВЫ".

Безъ доставки въ Петербургѣ . .	4 р.	Безъ доставки въ Москвѣ чрезъ кн. маг. гг. Шапошникова, Соловьева и Лангъ.	5 р.
Съ доставкою »	5 р.	Съ пересылкою въ Москву и другіе города Россіи	6 р.

При этомъ № прилагается титулъ и оглавленіе Нивы за 1880 годъ.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА" ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ, ВЪ Д. № 9.

На елку. Наши Рождественскія сокровища. Ориг. рис. для «Нивы» профессора К. Е. Маковскаго, грав. М. Рашевскій.

Рождественскія сокровища.

(Рисунокъ К. Е. Маковскаго.)

Въ прелестномъ рисункѣ нашего талантливаго художника такъ и свѣтитъ любовь его къ дѣтямъ. Такія милыя личики, какія всегда на картинахъ Маковскаго, со всею ихъ наивною свѣжестью и прелестью, можетъ изображать только человѣкъ, сердцемъ чувствующій дѣтскую красоту.

Боже мой, сколько сокровищъ! Дѣвочки совершенно потерялись, въ виду такой необычайной елки, вдругъ представшей передъ ними—со всѣми этими огнями, блестящими шариками, конфектами и игрушками. Самая маленькая дѣвочка получила такую куклу, съ такими голубыми глазами и бѣлокурыми локонами, чудесную куклу, что кажется, ослабѣвъ отъ волненія и удовольствія, молча опускается на полъ, держа куклу на рукахъ и не можетъ опомниться. Другая, постарше, съ изумленіемъ и осторожно (кто его знаетъ—вдругъ бросится!) заглядываетъ въ смѣшное, красное, съ длиннымъ носомъ, лицо паяца верхомъ на большомъ, сѣромъ мулѣ. Ай, какой смѣшной! Что если его потрогать за носъ рукой? Но она еще съ нимъ слишкомъ мало знакома. А завтра, не дальше, она на столько съ нимъ сойдется, что свернетъ ему ноги и голову и мулъ паяца, мулъ, который теперь такъ прямо и красиво стоитъ, лишится своихъ прямыхъ ногъ и украшающаго его, пушистаго бѣлаго хвоста.

Кольцо.

Святочный разсказъ Н—ой

П. П. Гнѣдича.

...Я съ разбѣга кинулась на шею матери.

— Мама,—смотри, смотри! Дездемона, Дездемона!

Мама, собственноручно разглаживавшая какую-то ленту, чуть не выронила утюгъ.

— Сумасшедшая, ну чего-ты! Вѣдь видишь, что глажу,—какая Дездемона?

— Дездемона — „всамомдѣлишняя,“ Шекспировская Дездемона! Видишь? Кедрова больна, Алекина то-же,—Гарпановъ ѣдетъ сюда на гаст-роли, первый святочный спектакль идетъ „Отелло“, и я—Дездемона!..

Я махала предъ самымъ ея лицомъ чистенькой, только-что-только вошедшей изъ подъ писарскаго пера, ролью.—Мама смотрѣла на мое раскраснѣвшееся, пылавшее лицо, горящіе глаза, растрепанные волосы.

— Ты играешь Дездемону? переспросила она.—Ты?..

— Я, я...

— Да кто-же тебѣ роль далъ?

— Кто выдаетъ всегда,—Петръ Васильевичъ, нашъ режиссеръ... Нѣтъ, ты вообрази, мать! Я,—Татьяна Алексѣвна Рычкова—которой жалованья еле-еле хватаетъ, которую выпускаютъ только въ маленькихъ, второстепенныхъ ролькахъ,—я играю Дездемону съ знаменитымъ Гарпановымъ, да еще въ первый рождественскій спектакль! Каково?

Я сдѣлала пируэтъ по комнатѣ, захвативъ по дорогѣ дремавшаго на креслѣ котенка, отчего тотъ запищалъ съ перепугу.

— Танюшка,—остановила меня мама,—да ты и вправь съума сошла: ты взялась играть Дездемону?

— Взялась.

— Да знаешь-ли ты, что такое Дездемона? Вѣдь это, это... (она развела руками) это Шекспиръ...

— А мнѣ что,—пусть! я все таки съиграю, съиграю не хуже вашихъ Кедровыхъ и Алекиныхъ... Что это въ самомъ дѣлѣ (голосъ мой спалъ на нѣсколько нотокъ),—да неужто я только и способна играть *графиню-внучку*, да добродѣтельныхъ женъ въ водевиляхъ...

— Слушай, Таня,—сядь на минутку. Ты знаешь, я всегда была противъ твоего поступленія на сцену,—поступать, на мой взглядъ, было не тактично,—общественное положеніе актрисы, особенно актрисы провинціальной, далеко не завидно,—что-жь дѣлать: жизнь такъ сложилась, что у насъ на актрисъ такъ смотрятъ... Но съ тобой было не совладать—вѣдь ты мальчишка въ юбкѣ. Ну, добилась ты, поступила на сцену, играешь порядочно вторыя роли—ну и держись своего. У тебя репутація добросовѣстной актрисы—храни ее. Ну, какая ты Дездемона?.. Таня, опомнись,—зачѣмъ на срамъ выходить.

Я присмирѣла.—Да неужто я такъ таки совсѣмъ....

— Батюшки, да ты плакать собираешься... Эка печаль, что съ Гарпановымъ играть не будешь... Да наконецъ—посовѣтуйся съ кѣмъ нибудь. Ну спроси хоть своего Николая Николаевича... Нечего краснѣть и отворачиваться...

— Зачѣмъ-же ты говоришь... моего...

— Ну тамъ,.. Съ режиссеромъ поговори... а такъ вѣдь нельзя.... И тѣ сумасшедшіе—ребятамъ шекспировскія роли раздаютъ...

— Да говорю-же тебѣ,—всѣ „примадонны“ больны...

* * *

Однако я задумалась надъ словами мамы. Первая отвѣтственная роль,—страшно! Посовѣтоваться въ самомъ дѣлѣ съ Николаемъ Николаевичемъ, съ *моимъ* Николаемъ Николаевичемъ?...

Я прошла въ свою комнату, сѣла къ столу, макнула перо въ чернильницу, и начала: „Милый Никол....“ Дальше, впрочемъ, не пошло, а написанное было тщательно зачеркнуто и полетѣло подъ столъ. Черезъ минуту красовалось на новомъ листкѣ обращеніе: „Голубчикъ Николай Николаевичъ!“ но и голубчикъ послѣдовалъ за милымъ.—Э,—пусть Маша на словахъ скажетъ, очень, дескать, нужно, приходите,—а то еще руки въ чернилахъ пачкать!

Маша ушла. Я сѣла къ столу и развернула роль...

„Я знаю то, отецъ мой благородный,
Что на двое распался здѣсь мой долгъ...

Такъ начиналась она. Я перечла два, три раза эту фразу... и не могла понять... Что то странное творилось во мнѣ, мысли путались.... Вообще послѣдніе дни я была въ необыкновенномъ настроеніи. Со мной никогда ничего подобнаго не бывало...

Я чувствовала на душѣ какую-то боль, какую-т тяжесть. Жметъ, давитъ словно въ тискахъ мое сердце. И въ тоже время мнѣ кажется, что нѣтъ легче этой тяжести въ мірѣ. Слезы подступаютъ къ горлу, голова кружится, невольно слагается улыбка. Мысли радужной, вереницей несутся веселыя, легкія, милыя.... Словно не зима теперь, не морозъ расписалъ на стеклахъ узоры,—а будто благоуханная весна царитъ вокругъ. Отчего же такъ хорошо мнѣ, отчего неизъяснимое блаженство охватываетъ меня, отчего дыханье спирается и, что-то смѣется, ликуетъ въ груди?.. И куда ни пойду,—всюду *онъ* передо мной.... Любовь жжетъ, мучитъ, живитъ, согрѣваетъ меня... Любовь!..

“Я знаю то, отецъ мой благородный,
Что на двое распался здѣсь мой долгъ...

Я подошла къ зеркалу. Лицо словно немного усталое, но энергичное, ясное,—здоровье такъ и пышетъ,—а глаза, глаза,—горятъ какъ угли... Чѣмъ не Дездемона! Съиграю, съиграю всѣмъ на зло,—всѣмъ этимъ Кедровымъ, Гарпановымъ...

* * *

„Мой“ Николай Николаичъ одобрилъ: „Играйте, только серьезно подготовьтесь, явитесь на сцену настоящею дочерью венеціанской республики...“ Учила я роль ночи на пролетъ: днемъ что-то не ладилось... Возбужден-

ное, нервное состояніе не проходило. Мнѣ казалось (какъ это иногда бываетъ во время тяжкой болѣзни), что я и всѣ остальные люди,—два совершенно различные міра, а никакой связи между нами быть не можетъ. Какъ во время болѣзни слышишь чуткимъ, встревоженнымъ ухомъ, что вокругъ ходятъ, говорятъ, смѣются и плачутъ, и чувствуешь сама, что нѣтъ тебѣ до нихъ никакого дѣла, что мысль поднялась высоко-высоко куда-то, куда не долетаютъ мысли этихъ ходящихъ, говорящихъ людей,—такъ и теперь, я, какъ сквозь горячечный сонъ, ощущала жизнь вокругъ себя.... *Онъ!* все слилось въ немъ, въ немъ одномъ.

Подруги смѣялись, говорили: „вотъ дура, влюбилась!" Они и не знали, что у насъ все уже было кончено, и весною назначена свадьба. Да, этого никто не зналъ, даже мамаша не знала...

А роли я все-таки выучила. Трагинъ что-то запоздалъ, прислалъ цѣлую кучу телеграммъ, и пріѣхалъ въ самый сочельникъ. Къ общему неудовольствію, репетиція была назначена вечеромъ, въ первый день праздника. Почти передъ самой репетиціей пріѣхалъ Николай Николаевичъ.

Я вспахнула отъ радости, когда онъ пошелъ. Онъ всегда, здороваясь и прощаясь, цѣловалъ мою ладонь (если мамаши не было въ комнатѣ), и увѣрялъ, что это очень хорошо.

— Такъ,—сказалъ онъ,—я вамъ привезъ одну вещь, и попрошу васъ принять ее отъ меня, какъ свадебный подарокъ.

Онъ снялъ съ пальца узкій золотой обручъ кольца, на которомъ крупной горошенкой сверкалъ, словно державшійся на воздухѣ, алмазъ.

— Это нашъ фамильный перстень,—его носила до самой смерти моя мать... Надѣньте... Или позвольте, по праву жениха...

— Такъ весною свадьба, а? тихо спрашивалъ онъ меня, близко-близко наклонившись къ моему лицу. Такъ, Таня!

— Такъ, шепнула я.

Онъ подвинулся еще ближе, тихонько охватывая меня за талію. Моя голова очутилась на его плечѣ, онъ схватилъ ее обѣими руками и сталъ осыпать поцѣлуями лобъ, глаза, щеки..

— Дорогая, хорошая, шепталъ онъ...

— Мамаша идетъ! почти крикнула я.— Онъ отшатнулся...

— Смотрите, костюмъ-то какой,—говорила я, тихонько приподнимая складки бѣлаго атласнаго платья, верхъ котораго висѣлъ на вѣшалкѣ а громадный трэнъ стлался на подставленныхъ стульяхъ. Серебро-то какъ блеститъ, а?.

— Такъ послѣ святой,—да? твердилъ онъ свое.

— Ахъ, какъ вы мнѣ надоѣли, ну сказала—да! Не стойте такъ близко, мамаша въ самомъ дѣлѣ идетъ.

И мамаша въ самомъ дѣлѣ вошла: пора было идти на репетицію, безъ нея я никогда не ходила.

* * *

Мнѣ стыдно было ей сказать, что Николай Николаевичъ подарилъ мнѣ кольцо, да еще фамильное. А снять мнѣ было еще стыднѣе передъ собою. Ночь чудо была какая, морозило, ноги скользили по крѣпкому снѣгу, фонари такъ ярко горѣли.

— Мама, смотри какъ хорошо, сказала я, когда мы поднялись въ гору, и низовая часть города, словно декорація миріадами огоньковъ заблестѣла внизу.—Смотри: прелесть какая, точно иллюминація.

Мама пожала плечами.—Да вѣдь каждый день одно и тоже, что же сегодня у тебя за припадки восторга: каждый день ходимъ мимо.

— Хорошо, мама, ей богу хорошо, — весь городъ какъ игрушечка. Такъ бы вотъ обняла его и поцѣловала.

И за невозможностью обнять и поцѣловать весь городъ, я схватила ее и стала душить поцѣлуями.

— Пусти! отбивалась она,—ну тебя, измяла всю, еще на репетицію опоздаешь. Туда-же Дездемону играетъ... Вотъ ты провали ее...

— Мама,—не говори объ этомъ,—не хочу! Я даже ногой притопнула. Я не хочу сегодня слышать ни о чемъ непріятномъ. Смотри, какъ чудно! Въ окнахъ елки, музыка слышна, кудрявыя головки мелькаютъ. Слышишь польку: та-ра-та-та, та-ра-та-та!..

Мама украдкой на меня взглянула.

— Николай Николаевичъ на хуторъ къ дядѣ уѣхалъ? спросила она.—Когда назадъ будетъ?

— Таня, я тебя спрашиваю!

— Завтра утромъ, сквозь зубы отвѣтила я.

Мама помолчала.—Ну, а какъ дѣла ваши?

— Ахъ, мама!

— Ну, не бѣги, не бѣги, не буду... Только что за фантазія все скрывать отъ матери. Добро-бы я была тебѣ чужая.... Точно я тебѣ запрещаю видѣться съ нимъ.

— Мама, я ей Богу, убѣгу отъ тебя.

— А-а, глупая...

Слезы такъ и подступали къ горлу. Боже, какъ хорошо было! Еслибъ можно было, я бы сбросила шубку и такъ, въ одномъ платьѣ добѣжала бы до театра. Я чувствовала на щекахъ, на губахъ его поцѣлуи... Мнѣ стыдно было, что я его поцѣловала, такъ крѣпко-крѣпко, прямо въ губы... Теперь при одной мысли я краснѣла... Я тихонько сняла перчатку и украдкой глянула на палецъ. Ахъ, какъ сверкаетъ! Я тихонько поцѣловала кольцо и опять натянула перчатку, оттопырившуюся въ томъ мѣстѣ, гдѣ приходился камень...

* * *

— Замѣтитъ кто у меня обновку, или нѣтъ? думала я, всходя на крыльцо театра со стороны сцены.—Здравствуйте,—встрѣтилъ меня режиссеръ, протягивая руку,—съ праздникомъ, барышня. Ну что ролька?

— Приготовила,—отвѣтила я, а сама подумала: разбойникъ, ничего не замѣчаетъ.

— Вы съ Гарпановымъ незнакомы? Пойдемте, онъ на сценѣ.

Гарпановъ осклабился, стиснулъ мою руку, и сейчасъ-же скорчилъ серьезную мину.

— Намъ надо серьезно сговориться и срепетоваться, у насъ много мизансценъ (онъ прескверно выговорилъ это слово), завтра утромъ, коли вы свободны, мы еще пройдемъ.

— Извольте.

— Такъ начнемъ? Всѣ въ сборѣ? Петръ Васильевичъ, начнемъ?

Колокольчикъ брякнулъ. Помощникъ режиссера попросилъ мѣста. Я пошла за кулисы. И кулисы, и бревна, и веревки, и кое гдѣ мигавшія лампы,—все такъ мило, привѣтливо, празднично глядѣло. Въ безпорядкѣ разставленная мебель,—и та, казалось, говорила: сегодня елки горятъ, сегодня праздникъ...

Явилась наша настоящая примадонна Кедрова: у нея отъ флюса ужасно разнесло щеку, и она, не смотря на свое страстное желаніе, принуждена была отказаться отъ Дездемоны.

— Вы, милочка, вмѣсто меня играете? спросила она, опускаясь возлѣ меня на диванъ... Желаю вамъ успѣха. Только я васъ предупреждаю,—я въ этомъ городѣ нѣсколько разъ играла Дездемону.

— Э, Зинаида Ѳедоровна... Съиграю.

— Милочка, Дездемона это что-то неземное... Для созданія этого типа мало добросовѣстнаго отношенія къ дѣлу: тутъ нуженъ талантъ... Ахъ, какъ я играла последній разъ ее въ Одессѣ въ бенефисъ Кудесникова! Какъ принимали,—какую чудную корзинку мнѣ подали... Потомъ браслетъ—вотъ этотъ...

На елку. Кнехтъ Рупрехтъ и Младенецъ-Христосъ. Эпизодъ старинной рождественской легенды.
Рис. Клауди, грав. Бренд'Амуръ.

Въ ночь на Рождество. Къ разсказу „Полночная молитва“.
„Бѣдная, бѣдная моя Сюзи, прошепталъ Бертль...“ (стр. 1048).

Я вдругъ не выдержала и засмѣялась: мнѣ вспомнился разсказъ однаго актера, какъ Кедрова сама себѣ постоянно одинъ и тотъ же браслетъ подноситъ, словно отъ публики,—а въ Петербургѣ, играя два дня подърядъ на двухъ различныхъ загородныхъ театрахъ, всегда подносила полученные наканунѣ букеты во второй разъ.

— Что это, Таня, съ вами...

— Ничего, Зинаида Ѳедоровна, это я такъ...

— Впрочемъ, вы успѣхъ имѣть будете. У Николая Николаевича очень много хорошихъ знакомыхъ,—даже рецензенты его пріятели...

Я вспыхнула:—я не нуждаюсь ни въ рецензіяхъ, ни въ аплодисментахъ. Вызовы часто бываютъ незаслуженны.., Я не заискиваю поклоненія студентовъ и гимназистовъ...

— Ахъ, ma chère, я тоже не заискиваю, но что-жь мнѣ дѣлать, если молодежь меня любитъ, вызываетъ... Не могу же я не выходить.

— Совершенно справедливо.

Я поднялась съ мѣста.

— И я еще не знаю, какъ васъ завтра приметъ *верхъ*, — продолжала она, насмѣшливо-небрежно роняя слова. Вы знаете, какая нынче погода: насморки, кашель,—того и гляди, что во время вашихъ монологовъ ничего слышно не будетъ.

— Слушайте, обратилась я къ ней,—если вы... если это будетъ ваше дѣло, то помните... Это мой первый дебютъ не серьезной роли... Я вамъ не прощу! Такъ и знайте.

— О, Ристори! крикнула она вслѣдъ... Ma parole, вы на драматическія роли годитесь...

Я прислонилась къ боковой кулисѣ и стала смотрѣть на репетицію. Сердце усиленно билось... Неужели, неужели и тутъ интрига? Господи,—что я ей сдѣлала,—точно я отбиваю роли!.. Нѣтъ, тысячу разъ правъ Николай Николаевичъ,—здѣсь кромѣ грязи ничего нѣтъ. Размалеванныя тряпки, размазанныя физіономіи... бѣжать отсюда...

Трагикъ вылъ себѣ подъ носъ, растягивая окончанія стиховъ, съ паѳосомъ разводя руками. Сенаторы степенно сидѣли на буковыхъ стульяхъ. Верхомъ на будкѣ сидѣлъ нашъ милѣйшій суфлеръ Краюшкинъ, и низко наклонясь къ піесѣ отмѣчалъ выпуски, дѣлаемые Гарпановымъ, безжалостно обращавшимся съ Шекспиромъ. Сцена слабо освѣщалась двумя-тремя, зажженными кое-гдѣ въ нижней рампѣ, лампами. А завтра—завтра въ эту пору все будетъ горѣть огнями. Переступишь порогъ,—и эта же рампа такъ и рѣзнетъ глаза своимъ сверкающимъ рядомъ. А тамъ, за рампой въ туманной дымкѣ свѣта знакомое море головъ будетъ шумѣть и волноваться... Что-то будетъ..? Онъ будетъ въ первомъ ряду. Хлопать не будетъ,—онъ никогда не хлопаетъ... Гдѣ-то онъ теперь? Доѣхалъ ли до хутора? Нѣтъ, еще ѣдетъ; скачетъ степью, снѣжная пыль вьется; колокольчики, бубенчики заливаются... Думаетъ ли обо мнѣ? думаетъ, какъ не думать! Мы связаны съ нимъ, связаны какой-то длинной, длинной невидимой нитью, и нить эта никогда не оборвется, а только натягивается и тогда такъ больно, больно дѣлается на сердцѣ... Что я какія глупости думаю...

— Это что? раздался голосъ Зинаиды Ѳедоровны,—она держала въ своей рукѣ мою руку.—Откуда у васъ эта прелесть, я и не видѣла...

Окончилъ я—и цѣлымъ міромъ вздоховъ
Она меня за трудъ мой наградила!

донеслось съ авансцены.

— Вашъ выходъ, предупредилъ режиссеръ.

— Некогда, послѣ, отвѣтила я Кедровой.

— Отъ Николая Николаевича,—лукаво возразила она, ну-ка покажите, покажите...

— Потомъ, послѣ—я приду въ уборную... Мнѣ выходить.

И я, незамѣтно перекрестившись, чтобы не сробѣть передъ трагикомъ, шагнула черезъ порогъ.

* * *

Репетиція прошла. Трагикъ меня похвалилъ, сказалъ что со мной играть удобно. Зинаида Ѳедоровна обидѣлась. Замѣтивъ это, онъ ей предложилъ пройти на другой день со мной роль, показать „начинающей" нѣкоторыя мѣста, а мнѣ шепнулъ: не „слушайте этой дуры, ни на что она кромѣ сплетенъ не годится".

Радужное мое настроеніе опять воротилось. Я шла домой такая же веселая, какъ и до репетиціи.

— Мама, а вѣдь Гарпановъ хорошъ.

— Хорошъ.

— Какъ это у него чудно выходитъ: „прости покой, прости мое довольство, простите вы, пернатыя войска, и звукъ трубы, и грохотъ барабана... все, все прости— свершился путь Отелло!"...

— Не кричи!

— Да вѣдь нѣтъ никого вокругъ...

— Видѣла ты сегодня Лентовскую?

— Да, она меня звала чай пить.

— Что же ты не пошла?

— Не хочется,—я домой хочу, въ тѣ комнаты.

— Лентовская, бѣдная, безъ ангажемента...

— А! равнодушно сказала я... Мама,—поѣдемъ кататься...

— Матушка, да вѣдь ночь совсѣмъ, что за катанье.

— Милая, поѣдемъ. Я хотѣла кинуться къ ней на шею, она отклонилась. Хоть до дома доѣдемъ,—я прокатиться хочу... Вонъ извощикъ ѣдетъ. Извощикъ!.. Садись! Я ее подсадила, подправила ей платье, сама подобралась, хотѣла сѣсть, и вдругъ пошатнулась.

— Я не поѣду, мама.

— Фу, ты,—это ни на что не похоже, Таня...

— Я, мамочка, къ Лентовской пойду, — она звала, мнѣ неловко не быть, она такая милая... Я съ ней роль прочту...

— Дѣлай, какъ знаешь, сердито крикнула она,—мнѣ эти комедіи надоѣли... Ступай! обратилась она къ кучеру.

— Я проводила ее глазами, и когда она скрылась за поворотомъ бульвара, круто повернула назадъ.

— Гдѣ оно, гдѣ? задыхаясь шептала я, какъ оно соскочило, его нѣтъ, его...

Я встряхнула носовой платокъ, судорожно ошарила карманы... Кольца нѣтъ. Еслибъ оно упало, было бы слышно, видно... Фонарь горитъ ярко, снѣгъ свѣтлый... Я его показывала въ уборной Кедровой, потомъ не надѣла, а положила въ карманъ... Неужели мимо... Я потомъ его вынимала, любовалась. Скорѣй въ театръ, въ театръ...

Я быстро пошла по старой дорогѣ, почти побѣжала... Ногъ я словно подъ собой не чувствовала, такъ было жарко, воздуха было мало... Кольцо пропало, кольцо!.. Его первый подарокъ, залогъ... Какъ ему сказать?.. Мама даже не знаетъ, что оно у меня было... Гдѣ-жь оно, гдѣ?.. Театръ еще не запертъ вѣрно...

* * *

Вотъ я и у театра. Дверь не заперта. Колыхнулась, пропустила и захлопнулась на пружинѣ. Темно. Вѣрно на сценѣ свѣтъ. Нѣсколько шаговъ вправо по знакомому коридору; вотъ и дверь съ окошечкомъ. Взошла— но и тутъ темно. Никого нѣтъ, всѣ ушли, и театръ оставили отпертымъ.

Направо—женскія уборныя, налѣво—сцена. Въ моей уборной должна быть свѣча... Да гдѣ же сторожъ,—отчего нѣтъ его въ своей коморкѣ?.. Я на что-то наткнулась. Оказалось кресло. Я сбросила на него шубку, шляпку (жарко такъ!) и двинулась впередъ. Темно, ни отблеска, ни просвѣта, куда не повернешься—всюду

темнота... Остановилась, прислушалась, — тихо! Мыши должно быть скребутъ гдѣ-то, дерево хруститъ, трещитъ подъ ихъ зубами... Въ уборную... Которая моя?..

Вотъ дверь. Я толкнула ее; она заскрипѣла, затрещала. Звукъ рѣзко отдался на пустой сценѣ, протяжнымъ эхо отозвался въ зрительномъ залѣ. Я вошла, опять наткнулась на стулъ, подошла къ столу, стала его ощупывать. Огарокъ былъ въ углу, маленькій огарокъ, я его часъ назадъ здѣсь видѣла... Какая-то погнутая шпилька валяется... А, вотъ онъ! Теперь спички. Онѣ здѣсь, въ столѣ. Крошечный огарокъ зажженъ. Гдѣ я была, гдѣ стояла? Ахъ, куда же сторожъ дѣвался?..

Я стала тихонько обходить уборныя и кулисы, стараясь какъ можно лучше освѣщать грязный, сѣровато-желтый полъ. Неровный кружокъ тѣни шевелился въ томъ мѣстѣ, гдѣ надо было смотрѣть—онъ расползался какъ разъ подъ самой рукой. Стеаринъ оплывалъ, лился прямо на руки... Какъ мало свѣтъ,—только ближайшее пространство слабо освѣщено,—а подальше тотъ же мракъ нависъ кругомъ, казалось скопился еще гуще...

Я обошла всю сцену, взглянула во всѣ углы, прошла десять разъ каждую дверь, вспомнила всѣ мѣста, гдѣ когда стояла... Кольца нѣтъ и нѣтъ. .

Свѣча догораетъ, пламя обжигаетъ мнѣ пальцы:., Голова кружится, грудь порывисто дышетъ... Да вѣдь оно тутъ, тутъ,—закатилось куда нибудь въ щель, за кулису...

Свѣча догораетъ,—надо найти другой огарокъ,—этотъ невыносимо жжетъ руки... Опять надо пойти въ уборную.

Я иду. Въ углу стоитъ рамка снятаго павильона. Весь уголъ полонъ темноты. Я иду—и тѣни тамъ шевелятся, растутъ, вытягиваются... Вдругъ что-то шмыгнуло передо мной—черное, большое; шмыгнуло и пробѣжало, мягко топая ногами, скрываясь въ темнотѣ. Я вскрикнула, огарокъ выскользнулъ изъ моихъ рукъ, и потухъ...

Сердце судорожно бьется, по спинѣ пробѣгаютъ мурашки... Показалось! Тѣнь мелькнула, тѣнь и не больше... Все это вздоръ, пустяки... Кольцо! кольцо надо!..

Я сдѣлала нѣсколько шаговъ... Вдругъ что-то треснуло на другомъ концѣ сцены, треснуло, поѣхало и съ громомъ рухнуло объ полъ. Чей-то голосъ жалобно пискнулъ...

— Гдѣ моя шубка? гдѣ я ее оставила?.. На креслѣ?.. А кресло тамъ, на той сторонѣ... Прочь отсюда, скорѣе...

Я бросилась къ креслу... Кресла нѣтъ... Я натыкаюсь на кулисы, на веревки... Въ углу что-то копошится живое, большое, что-то дышетъ... Я кинулась прочь... Вотъ дверь, коррИдоръ...

* * *

На площади я опомнилась. На улицѣ никого. Звѣзды тускло горятъ, вѣтеръ сильнѣе; метелица какъ пескомъ мететъ сухимъ снѣгомъ, откосами набѣгаютъ къ подъѣзду сугробы; въ фонаряхъ жалобно мечется изъ стороны въ сторону пламя... Мелкая морозная пыль осыпаетъ меня, мою разгоряченную шею, растрепавшіеся, волнами упавшіе на плечи, волосы... Я пробѣжала нѣсколько шаговъ и остановилась... Домой?.. Далеко, а холодъ даетъ себя знать... Шубка и шляпа *тамъ*... А *тамъ* есть что-то...

Я въ изнеможеніи опустилась на приступокъ подъѣзда, отстегнула воротъ платья. Грудь горѣла, воздуху было мало.

И вдругъ все, что случилось въ этотъ день, въ этотъ вечеръ, показалось мнѣ такимъ далекимъ. Точно это давно-давно было... этотъ поцѣлуй, кольцо... давно когда то промелькнуло и не вернется...

Вьюга крѣпнетъ; дѣлается холоднѣе; вѣтеръ насквозь пронизываетъ меня, врывается въ рукава, далеко пробѣгаетъ по рукамъ. Вѣтеръ гонитъ вокругъ снѣгъ, бьетъ имъ сзади меня въ стѣну, крутитъ его, и ударяетъ мнѣ въ спину. Волосы блестятъ снѣгомъ, точно осыпаны алмазною пудрой. Холодно.

Я опомнилась. Неужели у меня была галлюцинація? Все это вздоръ,—надо идти домой, — надо вернуться, взять шубку.

И я опять иду темнымъ корридоромъ, опять отворяю двери съ окошечкомъ. Вотъ кресло, на немъ что-то мягкое; я отдергиваю руку. Кошка? Нѣтъ, это моя шубка, шляпка. Я одѣваюсь, кутаюсь... Брръ, какъ холодно, какая дрожь меня пронимаетъ...

* * *

Дома мнѣ отворила Маша. Который часъ? Ровно полночь!.. Я велѣла поставить самоваръ, и дрожа отъ холода прошла въ спальню мамы. Я наклонилась, поцѣловала ее. Она провела рукой по моимъ волосамъ.—Что они у тебя мокрые?—Вьюга на дворѣ, отвѣтила я, я немножко простудилась, хочу напиться чаю.—Смотри, еще насморкъ къ завтрему схватишь!

Я вышла, прошла въ гостиную, служившую въ тоже время столовой, сѣла къ столу и опустилась на руки головой. Спутанная вереница мыслей колесомъ крутилась въ мозгу, и только одно слово шептали губы: кольцо, кольцо!..

Часы стали бить рѣзко, звонко, двѣнадцать. Одновременно съ послѣднимъ ударомъ что-то звякнуло въ чайникѣ. Крышка приподнялась и упала. Я съ испугомъ взглянула на нее, а она опять стала приподниматься.

Приближеніе какаго-то безотчетнаго чувства страха охватило меня. Я чувствовала, что на меня надвигается что-то, изъ какого-то невѣдомаго міра видѣній... Тутъ нужна была сила воли, нужно было сорваться съ мѣста, встряхнуть свои нервы...: Но я была словно прикована къ стулу, не могла пошевелиться ни однимъ членомъ, и ужасное чувство росло, росло, обнимало меня со всѣхъ сторонъ...

Свѣча ярко горѣла на столѣ Узорная бѣлая скатерть была вся залита ея ровнымъ свѣтомъ. Чашки, ложечки, сахарница бѣлѣли на нихъ. И все это точно колыхалось, двигалось... Кольца нѣтъ, гдѣ кольцо!.. Ахъ какъ палецъ болитъ отъ обжога!..

Сахарница тихо отодвигается въ сторону, а вмѣсто ея что-то большое, круглое лежитъ на столѣ. Что это?.. А тамъ, сзади, въ трюмо, стоитъ кто-то длинный, темный. Листья пальмы, что стоитъ у дивана, безшумно качаются и киваютъ во всѣ стороны... Что это за комокъ лежитъ на столѣ? Вырисовываются глаза, носъ, ротъ,—чья-то голова. Мертвенная блѣдность покрываетъ ее; глаза оловянно, безсмысленно смотрятъ куда-то въ сторону,.. Одна щека судорожно подергивается, конвульсіи скручиваютъ ротъ, закрываютъ глазъ... Она выставилась изъ-за угла стола и смотритъ на меня...

Я вскрикнула и опрокинулась со стула.

Когда я пришла въ себя, солнце, зимнее негрѣющее солнце блестѣло на замерзшихъ стеклахъ... Въ сосѣдней комнатѣ слышался тихій разговоръ. Говорили мамаша и Николай Николаевичъ.

— А я никакъ не могла догадаться чье кольцо,—говорила мама.—Присылаетъ сегодня Кедрова его съ своей экономкой и велитъ сказать Танѣ: что, молъ, такія вещи забывать на столахъ въ уборной не годится... Да еще разсказывала она, что вчера сторожъ при театрѣ напился пьянъ, не заперъ театръ... стучалъ тамъ и падалъ...

— Татьяна Алексѣевна играть сегодня не будетъ? спросилъ Николай Николаевичъ.

— Конечно... да у Кедровой и флюсъ опалъ... Даромъ платье чудное сдѣлали... Не передѣлать ли его на подвѣнечное?.. Когда вы полагаете свадьбу?..

Да, я не играла, не играла въ этотъ день,—да и вообще оставила сцену и не играла больше,—но какъ памятенъ онъ для меня: я въ этотъ рождественскій день была объявлена невѣстой... Это былъ мой праздникъ... моя елка...

Полночная молитва.

Святочный разсказъ.

Ярко и весело свѣтило лѣтнее солнце, обдавая своими золотистыми лучами красивый горный лѣсистый уголокъ южной Баваріи и пріютившійся тутъ же на опушкѣ чистенькій, крестьянскій домикъ. швейцарскаго типа. Все тихо и спокойно въ этомъ свѣтломъ пейзажѣ. Такъ тихо, что особенно странно раздается, откуда-то вдругъ выстрѣлъ.

— Это что такое! Кто это тамъ стрѣляетъ внизу, въ моихъ коровъ!—раздался свѣжій, звонкій голосокъ и, спустя минуту, на крыльцѣ показалась женская фигура. Сильно и, вмѣстѣ, изящно сложенная, съ замѣчательно красивымъ, розовымъ личикомъ, обрамленнымъ густыми бѣлокурыми волосами, молодая дѣвушка казалась олицетвореніемъ силы и здоровья; въ прекрасныхъ голубыхъ и веселыхъ глазахъ была написана доброта.

Впродолженіи нѣсколькихъ минутъ дѣвушка смотрѣла вдаль и скоро улыбка заиграла на ея хорошенькихъ губкахъ.

— Да, да—это, кажется, онъ, это, кажется Бертль, сынъ лѣсника!—воскликнула она съ явнымъ выраженіемъ удовольствія и побѣжала навстрѣчу красивому молодому охотнику, шедшему, очевидно, къ дому.

— Бертль—это ты стрѣлялъ? крикнула Сюзи (такъ звали дѣвушку), подбѣжавъ къ охотнику. Да что же ты молчишь? и что это за лицо у тебя сегодня?

— Эта скверная собака только того и стоитъ, чтобы застрѣлить ее на мѣстѣ, угрюмо проговорилъ молодой человѣкъ, злобно глянувъ на собаку, которая, въ эту минуту, какъ бы чувствуя гнѣвъ господина и смиренно поджавъ хвостъ, отбѣжала на приличную дистанцію.

Бертль, съ злобой поднялъ ружье.

— Оставь ружье сію же минуту, не серди меня, снова крикнула Сюзи, оттолкнувъ винтовку, не смѣй трогать бѣднаго Кнасти, пожалуй ты и коровъ моихъ напугалъ бы!

— И то правда,—нечего изъ за него и пороху-то тратить, отвѣчалъ охотникъ, уже смѣясь и съ любовью глядя на молодую дѣвушку.

— Чѣмъ же Кнасти провинился?

— Всякій разъ, всякій разъ—сдѣлаетъ сперва, какъ слѣдуетъ стойку на дичь, и никогда не выдержитъ — почуетъ только, зайца, или что,—и бросится за нимъ. Эту спугнетъ, того путемъ не увидишь! И сегодня то же самое! Ну—я и разозлился. А вѣдь заплатилъ десять талеровъ за него!

Молодые люди продолжали свой разговоръ, подымаясь къ дому и Бертль закончилъ свою жалобу па Кнасти уже въ комнатѣ.

Елка для птицъ. Народный обычай въ Норвегіи.

— Ну, хорошо, хорошо,—вотъ на, охлади свою досаду, возразила Сюзи поставивъ передъ нимъ, на старомъ дубовомъ столѣ крынку молока.

— Больше не буду сердиться, сказалъ молодой красавецъ, опускаясь на широкую рѣзную скамью,—садись, Сюзи, рядомъ, мнѣ надо сказать тебѣ словечко, прибавилъ онъ, взявъ ее за руки. Послушай—мы знаемъ другъ друга уже съ самаго Иванова дня, хожу я къ тебѣ сюда часто, а все забываю спросить тебя объ одномъ: откуда ты, гдѣ родилась? Скажи! Онъ обнялъ и крѣпко прижалъ къ себѣ Сюзи.

Дѣвушка высвободилась изъ объятій охотника.

— Нѣтъ, нѣтъ, со смѣхомъ проговорила она, я не достойна чести быть слишкомъ близко къ такому знатному барину—шутка-ли? сынъ лѣсника! Откуда я, ты хочешь знать? Лучше не спрашивай—бѣдная работница-крестьянка не могла же родиться въ дворянскомъ замкѣ. О себѣ я могу только всего сказать, что я не злая дѣвушка и больше люблю смѣяться, чѣмъ плакать.

— И любишь меня. Главное-то и забыла.

— Любить-то, я тебя люблю, но разсудка все же не лишилась и хорошо понимаю, что если старикъ твой замѣтитъ, что ты такъ часто сюда ходишь—достанется тебѣ.

Дѣвушка произнесла эти слова полушутя, полусерьезно.

— Я сказалъ тебѣ, что никогда и ни за что не разстанусь съ тобой, возразилъ досадливо молодой человѣкъ. Если ты сомнѣваешься въ моемъ словѣ, значитъ не любишь меня. Кто не довѣряетъ, тотъ не умѣетъ любить.

— У—какой сердитый! только что нибудь скажешь ему, онъ сейчасъ и вспылитъ. Ты не знаешь, не можешь знать какъ сильно я люблю тебя, да и напрасно я говорю это тебѣ. Стараюсь, стараюсь—какъ бы голову совсѣмъ не потерять, да не помогаетъ! — Сюзи обняла его и продолжала: нельзя мнѣ выдти за тебя—вѣдь у меня нѣтъ ничего, даже и родины-то нѣтъ. За Мурбекерскимъ лѣсомъ, около Биркенвиля, есть заброшенный маленькій домишко. Въ немъ я и выросла. Всего имущества нашего была одна корова, пара козочекъ, да клочекъ земли. Отецъ работалъ въ каменоломнѣ, мать по дому и въ полѣ. Жили мы кое-какъ, да—вотъ наводненіе перепортило намъ совсѣмъ землю и пришла бѣда. Отецъ заложилъ домишко, не могъ заплатить процентовъ и жидъ взялъ у насъ корову. Какъ ни бился отецъ, — денегъ не могъ достать, а мать, съ каждымъ днемъ все блѣднѣла да худѣла, и, какъ родила мою младшую сестру, — такъ уже больше не вставала, скоро мы тутъ и похоронили ее. Этому уже будетъ, такъ, лѣтъ пять.

Сюзи разсказывала спокойно, какъ говорятъ о давно прошедшемъ, давно выстраданномъ горѣ. Но, видно, старое слишкомъ живо вспомнилось и дѣвушка не въ силахъ была овладѣть своимъ волненіемъ. Грудь стала быстро и часто подыматься, слезы набѣжали на глаза. Лучше бы и я тогда легла въ могилу... съ трудомъ проговорила она, закрывъ лицо руками и подавляя рыданія.

— Бѣдная, бѣдная моя Сюзи! прошепталъ тронутый Бертль.

— Потомъ, все шло хуже да хуже, продолжала Сюзи, нѣсколько успокоившись. Отецъ очень постарѣлъ, да и съ работой все была неудача; мнѣ минуло 14 лѣтъ, онъ мнѣ разъ и сказалъ: Сюзи, я не могу тебѣ ничего дать, иди куда нибудь, наймись. Хорошо бы, еслибы у меня хватило на маленькую-то. Я поцѣловала сестренку, взяла котомку и пошла въ работницы. Трудно бывало, такъ трудно, что иной разъ хотѣлось бы къ отцу назадъ, хоть и прежнюю нужду терпѣть. Его и сестру потеряла изъ виду. Начала было искать и узнала, что онъ продалъ свой домишко, выручилъ нѣсколько талеровъ, и ушелъ въ Тироль. Съ тѣхъ поръ ничего не слыхала о нихъ. Очень бы желала забыть обо всемъ прежнемъ и прошу—никогда не говори больше обо всемъ этомъ и не спрашивай меня. Больно вспоминать. Ну—видишь, какая бѣдная, безпріютная, брошенная—твоя Сюзи.

— Не изъ за богатства я искалъ тебя, сказалъ Робертъ. Мнѣ кажется, что я тебя люблю теперь еще больше. Онъ поцѣловалъ её. Прежде ты мнѣ казалась такой безпечной, я думалъ—ты только и умѣешь что пѣть, да смѣяться...

На елку. Чтеніе рождественскихъ книжекъ. Рисунокъ Е. К. Джонсона, грав. Э. Шмидтъ.

— Да если бы я только все плакала, такъ глазъ не хватило бы, отвѣчала дѣвушка, улыбаясь сквозь слезы... Посмотри, что это собака лаетъ? Ахъ, Господи! Хозяинъ! иди, иди, ради Бога, чтобы онъ не увидалъ!

Робертъ вскочилъ, поцѣловалъ Сюзи и быстро выйдя изъ дома, чрезъ минуту исчезъ за угломъ. Онъ пошелъ прямо домой, куда вела узкая лѣсная тропа. Ему было пути часа два отсюда. Красивый двухъ-этажный домикъ лѣсничаго, съ примыкавшимъ къ нему садомъ, стоялъ нѣсколько въ сторонѣ отъ тропинки, почти совсѣмъ исчезая въ тѣни обступившихъ его деревьевъ; лучи заходящаго солнца, проходя сквозь ихъ стволы, позолотили маленькія окна дома; вокругъ все было тихо и только легкій, лѣтній вѣтерокъ безшумно перебиралъ, отъ времени до времени, зеленую листву въ чащѣ. Изъ сада доносился веселый лай игравшихъ тамъ собакъ, но самая красивая изъ нихъ, англійскій породистый сеттеръ, примостился на лавочкѣ, подъ окномъ, гдѣ солнышко отлично ее пригрѣвало. Собака, впрочемъ, сибаритничала не долго. Вскочивъ, вдругъ, на ноги, она подняла умную голову къ окну и ласково замахала хвостомъ. Тамъ показался хозяинъ лѣсничій. Это былъ видный старикъ. Его высокій ростъ, широкія плечи, красивая, энергическая голова, съ сѣдыми длинными волосами, черными бровями, изъ подъ которыхъ прямо смотрѣли честные сѣрые глаза и съ свѣжимъ румянцемъ лицо, сразу останавливали на себя вниманіе.

Сегодня однако это обыкновенно доброе лицо носило явные признаки досады и раздраженія. Лѣсничій не обращалъ вниманія на прыжки и ласки Діаны. Какъ-то неохотно повернулъ онъ голову при шумѣ отворившейся двери, въ которую вошелъ сынъ, онъ не только не отвѣтилъ ему на привѣтствіе, но, отвернувшись, молча заходилъ изъ угла въ уголъ. Робертъ, повѣсивъ ружье, ягдташъ и шляпу на олеиій рогъ въ углу, остановился, съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ глядя на отца.

— Знаешь-ли, что ты надѣлалъ Андерль? сердито спросилъ лѣсничій, на минуту остановившись передъ сыномъ. Его присудили на 16 мѣсяцевъ въ тюрьму! Можешь поздравить себя съ блестящимъ подвигомъ: засадилъ бѣднягу старика изъ за пустяковъ, за охабку хворосту! Стыдился бы!

Онъ снова заходилъ по комнатѣ.

— Вотъ, небойсь, Рейнеръ-Лизля и Флицеръ-Зенна не ловишь, съ ними боишься встрѣтиться. Какъ же! вѣдь, пожалуй, чего добраго, угостятъ изъ ружья! Трусъ ты!

Молодой человѣкъ вспыхнулъ.

— Отецъ, произнесъ онъ съ волненіемъ,—ты обижаешь меня понапрасну. Изъ за хворосту не сталъ бы я преслѣдовать его. Когда я встрѣтилъ Андерля въ лѣсу съ его тачкой, на которой хворостъ этотъ былъ наваленъ, я заподозрилъ, что подъ нимъ спрятана дичь, потому что давно уже наблюдаю за старымъ браконьеромъ. Сверху, на тачкѣ, сидѣла маленькая дочь Андерля, я ссадилъ ее и только что сбросилъ нѣсколько хворостинъ, вижу подъ ними—ружье! Андерль, не долго думая, схватилъ ружье и выстрѣлилъ....

— Вздоръ! Это Вздоръ! Бѣдняга со слезами разсказалъ мнѣ, что ружье выстрѣлило нечаянно, когда его вынимали изъ подъ хвороста! И куда же этому разбитому, слабому бѣднягѣ стрѣлять! Онъ едва палку-то въ рукахъ держитъ. Ну—довольно объ этомъ. Ничего ужь не воротишь. Я взялъ дѣвочку къ намъ сюда, не допущу, чтобы несчастный ребенокъ пошелъ просить милостыню, или замерзъ бы зимой гдѣ нибудь.

Лѣсничій отворилъ дверь, выходившую въ кухню и прямо пошелъ къ темному углу, куда, въ эту минуту испуганно прижалась плохо одѣтая, но хорошенькая, черноволосая, съ большими карими глазами дѣвочка лѣтъ пяти. Она горько плакала, не обращая никакого вниманія на ласки доброй старой экономки Марты. Старикъ взялъ дитя за руку, чтобы показать сыну. Но, сдѣлавъ, противъ воли, нѣсколько шаговъ и узнавъ молодаго человѣка, напавшаго на нихъ въ лѣсу, дѣвочка съ крикомъ испуга и плачемъ, вырвалась и убѣжала опять въ свой уголокъ.

— Отецъ, повѣрь мнѣ, твое доброе сердце обмануло тебя на этотъ разъ. Повѣрь мнѣ, что этотъ Андерль—воръ, такой же какъ Флиннеръ и Рейнеръ. Они стрѣляютъ дичь, а этотъ распродаетъ ее и, увѣряю тебя,—имѣетъ порядочный доходъ. Знаю я ихъ хорошо—я слѣжу за ними. Увидишь—какъ попался этотъ и тѣ оба будутъ въ нашихъ рукахъ.

— Довольно, довольно Бертль, отвѣтилъ нѣсколько смягчившись отецъ,—когда поймаемъ, тогда, пожалуй и повѣрю, а теперь прошу тебя—будь ласковъ къ бѣдному ребенку, вѣдь дѣвочка то, во всякомъ случаѣ, ни въ чемъ не виновата.

Прошло шестнадцать мѣсяцевъ. Суровая зима давно уже сковала льдомъ ручьи и водопады и покрыла бѣлой пеленой горныя тропинки. Наступилъ канунъ Рождества. Ночь окутала своими тѣнями землю и мирное, въ обыкновенное время, мѣстечко оживилось чрезвычайнымъ движеніемъ. Отовсюду стали показываться отдѣльныя фигуры и группы богомольцевъ, спѣшившихъ, съ фонарями въ рукахъ, въ маленькую приходскую церковь. Въ сумракѣ люди на бѣломъ фонѣ снѣга казались какими-то неслышно-двигавшимися тѣнями. Въ темнотѣ ночи ярко и привѣтливо свѣтились окна полузанесеннаго снѣгомъ храма.

Въ домѣ старика лѣсничаго, гдѣ маленькая дѣвочка нашла пріютъ, тоже готовились идти на полунощное богослуженіе.

— У-у, какъ холодно на дворѣ! проговорила Марта, обращаясь къ своей воспитанницѣ и любимицѣ, которая лежала въ своей кроваткѣ, но еще не заснула. Будь довольна, милочка, что ты можешь въ тепломъ гнѣздышкѣ ждать, когда придетъ младенецъ Христосъ. Мы огонь здѣсь не потушимъ, Діанка будетъ въ передней, недалеко, и около тебя—твой ангелъ-хранитель. Закрой глазки, закутайся хорошенько въ одѣяльце, а какъ проснешься—смотри—знай, что Святой Младенецъ Іисусъ уже пришелъ въ свѣтъ. Ну—спи же, спи!

— Скорѣе же Марта, а то мы опоздаемъ! крикнулъ изъ сосѣдней комнаты лѣсничій. Добрая женщина перекрестила наскоро дѣвочку, набожно осѣнила себя крестомъ и, заперевъ дверь, поспѣшила за своимъ господиномъ, подъ нетерпѣливыми шагами котораго уже издали хрустѣлъ крѣпкій, намерзшій снѣгъ.

Едва успѣли они подняться на вершину холма, неподалеку отъ церкви, какъ въ тишинѣ этой ясной, морозной ночи раздались торжественные звуки органа, привѣтствовавшіе явленіе въ міръ Искупителя человѣчества...

Оба спѣшили присоединиться къ молящимся и, конечно, и старикъ лѣсничій и Марта только и видѣли предъ собой свѣтившіяся вдали окна храма; но если бы они могли видѣть то, что въ эту глухую пору происходило недалеко отъ дома, то едва ли продолжали свой путь. Изъ-за опушки внезапно вышелъ полуоборванный бродяга. Боязливо озираясь кругомъ, онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ и очутился подъ лучами мѣсяца, освѣтившими два глубоко сидѣвшихъ подъ густыми бровями злыхъ глаза и худое, изможденное, морщинистое лицо. Бродяга остановился и протянулъ костлявый кулакъ по направленію къ дому лѣсничаго и произнесъ дрожащимъ голосомъ: погоди ты, старый, я такъ отблагодарю тебя сегодня, что вы оба будете довольны!

Онъ съ трудомъ пошелъ дальше.—Да, Андерль, злобно проговорилъ онъ, тюрьма еще больше разслабила твое старое тѣло... А—вотъ, какъ я сожгу тебя мой злодѣй! испытаю хоть разъ въ жизни истинное наслажденіе!..

Старикъ добрелъ до дома и медленно обошелъ кругомъ.

— Всѣ ушли, никого нѣтъ, И все занесено снѣгомъ, мокро и сыро, прибавилъ онъ съ досадой. Но вдругъ глаза его сверкнули злой радостью—онъ замѣтилъ большую кучу хвороста, наваленнаго у одной изъ сторонъ зданія. Онъ торопливо вынулъ изъ кармана спички и клочекъ бумаги и принялся за дѣло.

Во дворѣ залаяла собака.

— Лай, лай, скоро запахнетъ жаренымъ! пробормоталъ Андерль, хлопотавшій со спичками. Руки ли тряслись у него, или духа не хватало, но онъ еще не успѣлъ зажечь хворостъ. Приподнявшись Андерль увидѣлъ тонкій лучъ свѣта, проходившій сквозь ставень. Онъ прильнулъ къ щели.

Тамъ, при слабомъ свѣтѣ лампы, приподнявшись на своей кроваткѣ, стояла на колѣняхъ маленькая Сабина. Ее разбудилъ лай дворовой собаки, подхваченный Діаной. И дѣвочка, помня слова Марты, встала чтобы помолиться. какъ ее научила старушка.

Сложивъ маленькія пухленькія ручки, дѣвочка произнесла: Младенецъ Іисусе, взойди сюда, не проходи мимо, я ужъ проснулась!

Андерль судорожно схватился заст авень, который уступивъ отчаянному, нечеловѣческому усилію и тотчасъ же открылся и до перепуганнаго ребенка донесся сквозь лай Діаны и другихъ собакъ, раздирающій крикъ, крикъ, вырвавшійся изъ глубины отцовскаго сердца:

— Господи—это мое дитя!

Бѣднякъ трясся всѣмъ тѣломъ, ему не вѣрилось, имъ овладѣлъ ужасъ, слѣпой, паническій ужасъ.

— Отецъ, отецъ—это я, послышался ему отвѣтный дѣтскій голосъ.

Несчастный, какъ подкошенный, упалъ на колѣни. Страшная мысль о томъ, что онъ могъ сжечь собственное дитя свое, обдавала его холодомъ.

— Вотъ до чего можетъ дойти человѣкъ, оставленный Богомъ, мелькнуло у него въ головѣ, сквозь какой-то хаосъ, поднявшійся въ его потрясенномъ мозгу. Чаша переполнилась и онъ лишился чувствъ. Долго ли пролежалъ Андерль, онъ не могъ отдать отчета себѣ, когда морозный воздухъ нѣсколько освѣжилъ его и онъ могъ встать. Шатаясь, побрелъ онъ въ лѣсъ. Бѣднякъ былъ слишкомъ слабъ, онъ шелъ останавливаясь отъ времени до времени. Ему было невыносимо тяжело, какъ будто какая-то ноша давила его и гнула подъ собой. Вотъ онъ вошелъ въ лѣсъ, прислонился къ одному изъ деревьевъ. Онъ одинъ среди этихъ гигантовъ, поднимавшихся черными тѣнями изъ высокаго, пухлаго сугроба. Взглядъ старика упалъ на изображеніе Христа, вдѣланное въ дупло большаго дуба и—наконецъ, сердце его нашло кому повѣдать переполнившую его боль и горе. Обративъ свои горѣвшіе лихорадочнымъ огнемъ глаза къ Святому Лику, онъ заговорилъ, сначала безпорядочно, но, чѣмъ дальше говорилъ онъ, тѣмъ теплѣе становилось на измученной душѣ и глухія рыданія прерывали этотъ разбитый голосъ, этотъ стонъ, полный отчаянія и мольбы...

Громко раздавались слова Андерля среди безмолвія и тишины лѣса. Онъ исповѣдалъ всѣ вины свои, излилъ все горе наболѣвшаго сердца. Всю жизнь свою разсказалъ онъ здѣсь, въ своей горячечной молитвѣ и просилъ Бога простить ему, страдавшему такъ много, отпустить ему тяжкій грѣхъ—онъ едва не сжегъ домъ, гдѣ была его дочь, его маленькая Бина!..

— Въ эту же ночь, сейчасъ же иду къ Сюзи, проговорилъ онъ, наконецъ, облегченный, разскажу ей все, а завтра пойду къ лѣсничему. Изъ-за сына его я былъ въ тюрьмѣ, но они сжалилися надъ моей дочкой. Онъ лучше меня, онъ добрый...

Андерль побрелъ дальше въ лѣсъ. Поглощенный несчастіемъ своимъ и мыслями, волновавшими теперь его, онъ не видѣлъ, что лѣсничій, вернувшійся изъ церкви раньше Марты и шедшій черезъ лѣсъ, услыхалъ рыданія и громкія слова молитвы Андерля. Онъ остановился и выслушалъ всю исповѣдь несчастнаго браконьера. Съ понятнымъ испугомъ, поспѣшилъ старикъ къ себѣ въ домъ, увидѣлъ оторванный ставень и нашелъ дѣвочку въ слезахъ. Она, во что бы то ни стало, хотѣла и просилась къ отцу. Лѣсничему едва удалось успокоить ее ласками и поцѣлуями.

Нѣсколько минутъ спустя пришла Марта и вбѣжалъ Робертъ, держа въ рукахъ пучекъ спичекъ и смятый кусочекъ бумаги.

— Отецъ, крикнулъ онъ, насъ хотѣли поджечь! И ты можешь видѣть—*кто* хотѣлъ сдѣлать это! Теперь ты вѣришь мнѣ, вѣришь?! Что я говорилъ тебѣ? Самъ видишь!

Онъ подалъ отцу расправленную бумагу, которая оказалась выпускнымъ листомъ, даннымъ тюремнымъ начальствомъ Андерлю Пюллеру.

— Онъ еще, вѣрно, не далеко ушелъ—я его найду! крикнулъ въ бѣшенствѣ молодой человѣкъ, бросившись къ своему ружью.

Но отецъ схватилъ его за руку.—Оставь, Робертъ. Я теперь знаю все, его нечего искать, онъ самъ придетъ сюда. Вотъ это дитя, отвѣчалъ онъ на вопросительный, удивленный взглядъ сына, это дитя спасло домъ нашъ, который Андерль, изъ мести—это правда—хотѣлъ сжечь. Ну, идите спать. Ты завтра, Марта, тоже все узнаешь.

На другой день около полудня, къ дому лѣсничаго, нерѣшительными, робкими шагами подходила хорошенькая Сюзи. На этотъ разъ, ея всегда веселое, улыбающееся личико было грустно и задумчиво. Она не приблизилась къ дому, а остановилась неподалеку, у бесѣдки, которую въ лѣтнее время такъ красиво обвивалъ дикій виноградъ. Дѣвушка опустила голову, она, какъ будто, ждала чего-то.

Вскорѣ дверь крыльца отворилось и на порогѣ показался Робертъ съ своимъ штуцеромъ на плечѣ. Молодой охотникъ сразу увидѣлъ Сусанну, которая махнула ему рукой. Онъ подбѣжалъ къ ней.

— Сюзерль! ты здѣсь и въ это время! что это значитъ, вѣрно хочешь сказать мнѣ что нибудь важное? Я тороплюсь, прибавилъ онъ раздраженнымъ голосомъ, мнѣ надо поймать негодяя, который чуть не поджогъ насъ сегодня ночью. Пойдемъ, пойдемъ со мной. И онъ взялъ ее за руку.

— Бертль, Бертль, возразила молодая дѣвушка дрожащимъ голосомъ—ты клялся мнѣ, что любишь меня больше всего на свѣтѣ, докажи мнѣ это сегодня, умоляю тебя—оставь стараго Пюллера, не трогай его, не дѣлай ему больше зла, ты и такъ много горя причинилъ ему.

— Да тебѣ то что за дѣло до него? досадливо спросилъ Робертъ.

Молодая дѣвушка зарыдала.—Это... мой отецъ!..

— Боже мой! Какъ это? вскрикнулъ молодой человѣкъ, пораженный неожиданностью. Еслибъ я это зналъ раньше! Но какъ же могъ я догадаться, что Андерль твой отецъ!

— Я сама не знала, что онъ такъ здѣсь назывался. Сегодня ночью онъ пришелъ ко мнѣ и разсказалъ все, что произошло. Не трогай его. Прежде онъ никогда ничего дурнаго не дѣлалъ и клянется всѣми святыми, что не хотѣлъ и не думалъ стрѣлять въ тебя.

— Ну успокойся успокойся, обѣщаю тебѣ, что все забылъ и не будемъ даже думать объ этомъ больше. Между нами это ничего не можетъ измѣнить. Ты будешь моей женой. А теперь перестань плакать—я не могу видѣть этаго, полно, полно милая.

— Я только зайду къ вамъ, чтобы взять дѣвочку, а потомъ мы навсегда уйдемъ отсюда и... и прощай... больше уже не увидимся...

Оно и лучше будетъ, если ты уйдешь отсюда! неожиданно раздался суровый голосъ сзади нихъ.

Молодые люди сразу повернулись. Около нихъ стоялъ старикъ лѣсничій, давно уже присутствовавшій, незамѣтно для обоихъ, при разговорѣ.

— Такъ вотъ какія дѣла ты затѣялъ, продолжалъ онъ тѣмъ же разсерженнымъ тономъ, такъ вотъ зачѣмъ ты шлялся въ ту сторону цѣлыхъ два лѣта! Я ужь давно подозрѣвалъ, что ты завелъ какую-то любовь, но думалъ, что у моего сына больше гордости и разсудительности. Ну, и конечно, я обязанъ сейчасъ же дать свое согласіе на твой бракъ съ ней.

— Нѣтъ, я васъ не прошу объ этомъ согласіи, я никогда на это не надѣялась, возразила смѣшавшаяся въ первую минуту, но теперь уже совершенно овладѣвшая собой Сюзи, а за то, что я люблю вашего сына, вамъ нечего сердиться на меня. Это не можетъ никого обидѣть. Какъ я люблю его, продолжала она взглянувъ на Роберта, стоявшаго рядомъ съ опущенными глазами—онъ знаетъ это. Упрекать отца моего не хорошо. Только одни бѣдные люди знаютъ, какъ тяжела нищета. Ну да теперь это уже прошло. У меня здоровыя руки и я не допущу, чтобы отецъ терпѣлъ нужду. Я на дорогѣ у васъ стоять не буду. Вы добрый человѣкъ и простили бѣдному отцу моему.

Старикъ не могъ устоять противъ простыхъ словъ молодой дѣвушки, а обращеніе къ его доброму сердцу окончательно растрогало его и онъ молча, но крѣпко пожалъ руку дѣвушки.

— Теперь, позвольте мнѣ взять дѣвочку, сказала та.

— Если вы уйдете, я ухожу съ вами вмѣстѣ, рѣшительнымъ голосомъ произнесъ молодой лѣсникъ.

Дѣвушка прямо пошла къ дому, не отвѣтивъ на слова Бертлю, который послѣдовалъ за ней.

— Экая горячая голова, задумчиво проговорилъ старикъ, медленно идя за молодыми людьми.

Горячо обняла Сюзи свою маленькую сестру, и быстро собрала ее въ путь.

Тяжело было старику разставаться съ дѣвочкой. Онъ слишкомъ привыкъ къ ней. Но онъ все еще крѣпился, не смотря на слезы, которыя навернулись у него на глазахъ, когда онъ поцѣловалъ ее на прощаньи.

Наконецъ дѣвочка уже на рукахъ у Сюзи. Они готовы уже уйдти. Старикъ не выдержалъ.

— Дитя, ты приносишь намъ счастіе, растроганнымъ голосомъ проговорилъ онъ, цѣлуя дѣвушку. Онъ преобразился въ эту минуту. Лицо его выражало сильное чувство.

— Скажи, Бертль, Гинсенская мельница свободна отъ аренды?

— Да, отецъ.

— Ну такъ мы пристроимъ туда Андерля. Думаешь ли ты, Сусанна, что твой отецъ станетъ снова прежнимъ человѣкомъ, если у него будетъ небольшое, но спокойное дѣло!

— О, я отвѣчаю за это! воскликнула дѣвушка. Боже мой, какъ мнѣ бы хотѣлось бѣжать ему на встрѣчу и сказать ему это, какъ онъ будетъ радъ!

— Ну, а вамъ, дѣти, произнесъ съ волненіемъ старикъ, обращаясь къ обоимъ, вамъ скажу, что „я согласенъ" на то, что давича я подслушалъ.

Сцены, какая послѣдовала затѣмъ, трудно передать словами...

Подъ Новый Годъ

(Е.—ву).

И Новый Годъ, онъ, этотъ темный годъ,
Передъ тобой таинственъ и невѣдомъ...
И день пришелъ и вечеръ настаетъ,
За нимъ идетъ и ночь, и утро слѣдомъ...

Пока ты юнъ, пока души твоей
Порока ядъ и злобы не коснулся,
Тревожныхъ дней и тягостныхъ ночей
На днѣ души мучитель не проснулся —

Иди впередъ открытѣй и прямѣй,
Иди впередъ намѣченной дорогой,
Да будетъ честь сопутницей твоей,
Да будетъ съ ней сознанье правды строгой.

О, вѣрь! Коль есть на совѣсти пятно—
Такою тьмой твой будетъ путь означенъ,
Такъ станетъ все печально и темно,
Такъ будетъ сонъ тревоженъ твой и мраченъ!

Иди прямѣй. Пошли Господь тебѣ
Не согрѣшить ни помысломъ, ни дѣломъ;
Да устоишь ты въ жизненной борьбѣ,
Да будешь чистъ и духомъ ты и тѣломъ.

За родину костьми готовый лечь,
Исполненъ будь смиренья и отваги,
Чтобъ никогда въ твоей рукѣ твой мечь
Не измѣнилъ ни чести, ни присягѣ...

И будетъ свѣтелъ онъ, твой Новый Годъ,
Спокоенъ ты его и ясенъ встрѣтишь
И никогда его нѣмой приходъ
Ни горечью, ни злобой не отмѣтишь.

Н. Боевъ.

На елку. Благословеніе Рождественской вѣтви. Народный обычай въ Тюрени (Франція).

На елку. Рождественская ночь въ пути (на Амурѣ) стр. 1054.
Рис. Гунъ, грав. Л. Праховъ.

Къ рисункамъ.

Кнехтъ Рупрехтъ.

(Средневѣковый германскій миѳъ).

Кнехтъ Рупрехтъ является однимъ изъ тѣхъ миѳическихъ существъ, которыхъ такъ обильно создавала средневѣковая народная фантазія, окружая человѣка цѣлой тьмой невидимыхъ Гномовъ, Кобольдовъ и другихъ духовъ добрыхъ и злыхъ то вредныхъ, то благодѣтельныхъ. У насъ эту роль, иногда злаго, иногда добраго духа, покровителя дома и семьи, играетъ, какъ извѣстно, Домовой дѣдушка; въ Германіи Кнехтъ Рупрехтъ, во Франціи — Гобененъ, въ Англіи — Робинъ Гудъ, или какъ его называетъ народъ — добрякъ Робинъ (Robin Good fellow) въ ДаніиНиссе. Всѣ эти миѳы имѣютъ между собою много общаго; они всѣ принадлежатъ къ духамъ услуживающимъ (отсюда ихъ названіе Esprits servants, Knechte) заботящимся о благосостояніи дома и охраняющимъ его отъ всего дурнаго; кромѣ того они по народному вѣрованію присматриваютъ за домашнимъ скотомъ и лошадьми и являются грознымъ пугаломъ для лѣнивыхъ, непослушныхъ дѣтей. Въ этомъ отношеніи эти созданія народной фантазіи оказываютъ большія услуги. Лишь только ребенокъ закапризничаетъ, то тотчасъ же его предупреждаютъ о появленіи буки и онъ по неволѣ утихаетъ; во Франціи дѣтей стращаютъ Гобененомъ; въ Германіи эту же роль играетъ Кнехтъ Рупрехтъ.

Кнехтъ Рупрехтъ изъ лица миѳическаго, священнаго, пользовавшагося въ древнее время домашнимъ, культомъ сдѣлался впослѣдствіи любимымъ героемъ народнаго театра, а нынѣ выполняетъ полукомическую, полусерьезную роль во время столь популярныхъ въ Германіи рождественскихъ праздниковъ. Въ эти дни кто нибудь изъ домашнихъ принимаетъ на себя традиціонный образъ Кнехта Рупрехта, надѣвая шубу или какую нибудь другую косматую одежду и вооружаясь розгой и огромнымъ мѣшкомъ. Въ этомъ страшномъ нарядѣ онъ является среди собравшейся семьи, предшествуемый обыкновенно какимъ нибудь мальчикомъ изображающимъ Младенца Іисуса или женщиной, извѣстной подъ именемъ благодѣтельной Берты. Эти лица раздаютъ разнаго рода подарки, награждая ими добрыхъ и послушныхъ дѣтей; Кнехтъ же Рупрехтъ не болѣе какъ ихъ слуга и по ихъ указанію онъ принимается за исправленіе лѣнивыхъ и непослушныхъ ребятъ, грозя имъ розгою и обѣщая въ случаѣ неисправленія положить ихъ въ свой мѣшокъ и бросить въ воду. Эта сцена появленія Кнехта Рупрехта, въ предшествіи Христа-Младенца и изображены на рисункѣ.

Рождественскіе праздники.

(Къ рисункамъ на стр. 1048 и 1052).

Какъ многіе другіе христіанскіе праздники, праздникъ Рождества беретъ свое начало въ языческихъ обрядахъ, совершившихся въ эти дни зимняго солнцестоянія. То были праздники Одина въ Скандинавіи, Митры въ Персіи, обоготвореніе и поклоненіе солнцу, источнику свѣта и жизни, идеѣ возрожденія и оплодотворенія на Востокѣ и на Сѣверѣ. Не только дни праздниковъ совпадаютъ, но остались даже главнѣйшіе обряды, нѣсколько измѣненные, начиная напр. съ благословенія огня и жертвенной вѣтви.

Въ Скандинавіи этотъ праздникъ зимняго солнцестоянія назывался праздникомъ Возрожденія и Одинъ былъ виновникъ Возрожденія. Праздникъ этотъ чествовался гомерическими пирами, играми и плясками, радостными пѣснопѣніями и привѣтственными воззваніями Новому Солнцу и новому году, колоссальными кострами изъ жертвенныхъ вѣтвей на семейныхъ очагахъ, подарками и пожеланіями счастья близкимъ и знакомымъ, что дѣлается и теперь повсемѣстно.

Въ Норвегіи въ употребленіи обычай весьма оригинальный. Подарокъ укладываютъ въ соломенный лапоть или въ мѣшокъ съ овсяной соломой и привѣшиваютъ это къ дверямъ лица, которому подарокъ назначенъ, такимъ образомъ, чтобы онъ непремѣнно зацѣпилъ головой за лапоть и чтобы лапоть упалъ ему на голову. Затѣмъ садятся по темнымъ угламъ и ждутъ тихо, когда подарокъ упадетъ, затѣмъ бросаются на мѣшокъ и ищутъ въ соломѣ иголку—кто найдетъ, будетъ счастливъ весь годъ. Этимъ открывается рядъ праздниковъ.

Дѣти въ это время, слѣдуя трогательному и наивному старинному обычаю, устраиваютъ „елку птицамъ.“ Утромъ 25 декабря, глава Норвежской семьи обыкновенно выходитъ, съ соблюденіемъ различныхъ церемоній, на крышу своего дома, таща съ собою большой необмолоченный ржаной снопъ и насаживаетъ его на длинный шестъ, чтобы и птички Божьи, голодающія и мерзнущія, тоже имѣли бы свою елку. Дѣти укрѣпляютъ шестъ у крыши и птички громко и весело щебеча, слетаются къ своему пиру. И грустное то Рождество въ семьѣ, гдѣ не могли или не успѣли отпраздновать его съ птичьей елкой. Это и изображено на нашемъ рисункѣ на стр. 1048.

У южныхъ славянъ Рождественская вѣтка бываетъ дубовая, срѣзанная непремѣнно главою семьи и называется „баднякъ.“ Ее зажигаютъ и бросаютъ на огонь зерна, призывая на свой домъ благословеніе Божіе.

Въ Испаніи, въ Провансѣ и во всей южной христіанской Европѣ окропляютъ рождественскую елку виномъ и призываютъ уже благословеніе не на одну свою семью но и на всѣхъ отсутствующихъ, путешествующихъ, несчастныхъ и бѣдныхъ. И эта елка, эта непремѣнная жертвенная вѣтвь—въ одномъ мѣстѣ, это дѣйствительно ель, въ другомъ—оливковое деревцо, тамъ—молодой дубокъ. Но вездѣ, гдѣ есть христіане на землѣ, празднуютъ этотъ день, имѣющій такое трогательное, высокое значеніе.

Другой нашъ рисунокъ (стр. 1052) представляетъ внутренность крестьянскаго дома въ окрестностяхъ Амбуаза въ Тореннѣ. Раздается въ деревенской церкви третій ударъ колокола рождественской заутрени; всю ночь провела семья въ пѣніи „Христовыхъ пѣсенъ“ о звѣздѣ, о волхвахъ—глава семейства идетъ въ лѣсъ и приноситъ большой сукъ, который долженъ служить жертвенною вѣтвью (трехпламенною, ибо она должна горѣть три дня) и кладетъ ее въ каминъ. Хозяйка дома тогда беретъ изъ подъ подушки постели буковую вѣтку, которая лежала тамъ съ Вербнаго Воскресенья, благословляетъ ею жертвенную вѣтвь, чтобы никогда не остывалъ домашній очагъ.

Въ это время дѣвушки заботливо раздуваютъ очагъ, согласно обычаю; когда Матерь Божія, явится во время заутрени, въ полночь, пеленать Младенца Христа, чтобы прахъ земли не коснулся бѣлоснѣжныхъ одеждъ ея.

Затѣмъ приходятъ сосѣди съ фонарями въ рукахъ и тѣни ихъ рисуются гигантскими силуэтами на цѣлинѣ снѣга, а веселый огонь „трехпламенника“ тепло и уютно озаряетъ окна свѣтлаго домика, какъ-бы приглашая сосѣдей войти.

Чтеніе Рождественскихъ книгъ.

(Рисунокъ Е. К. Джонсона).

Всѣ игрушки разсмотрѣны, все такъ поразившее сразу на елкѣ воображеніе дѣтей, уже приглядѣлось, а кое что уже и сломано и дѣтки просятъ свою старшую сестру почитать имъ изъ тѣхъ красивыхъ, въ золотообрѣзныхъ переплетахъ и съ раскрашенными картинками, книжекъ, которыя они получили на елку. Но какія удивительныя исторіи читаетъ имъ сестра! Какъ страшно, весело и какъ смѣшно! Это выражается на подвижныхъ дѣтскихъ личикахъ. Какіе разсказы! Тутъ и бѣдная Красная Шапочка, и смѣшные Бременскіе Музыканты, и Маленькій Утенокъ, и Жаръ Птица, и Баба Яга—проходятъ вереницею передъ широко-раскрытыми, свѣтлыми дѣтскими глазками.

Рождественская ночь на краю свѣта.

Въ то время какъ мы въ теплыхъ, уютныхъ комнатахъ, въ людныхъ городахъ встрѣчаемъ великій праздникъ, быть можетъ въ далекой, снѣжной пустынѣ, какъ изображено на рисункѣ Гуна, среди воющей, суровой мятели и рѣзкаго мороза тащится какой нибудь русскій человѣкъ, запоздалый, встрѣчая, быть можетъ Рождественскую ночь въ печальномъ одиночествѣ среди бушующей стихіи...

При взглядѣ на картинку эту невольно припоминается одно изъ лучшихъ произведеній нашего талантливаго писателя Н. С. Лѣскова „На краю свѣта“. Этотъ превосходный разсказъ заключаетъ въ себѣ мастерское описаніе путешествія русскаго подвижника-миссіонера въ печальной далекой пустынѣ, среди дикарей — кажется единственное описаніе въ этомъ родѣ во всей нашей литературѣ.

Рисунокъ примѣняется къ тому моменту разсказа, когда на третій день пути олени замѣнены собаками.

„Мы ни о чемъ не бесѣдовали. Снѣга стали рыхлѣе. Замѣнили нескладныхъ оленей собаками—такія сѣренькія, мохнатыя и востроухія, какъ волчки, и по волчьи почти и тявкаютъ... Салазки узенькія. Ѣзда эта была гораздо быстрѣе чѣмъ на оленяхъ, но за то сидѣть такъ худо, что у меня черезъ часъ же страшно спину разломило...

„Цѣлый день мы кружили какъ-то зря. Я это видѣлъ если не по безстрастному лицу моего возницы, то по безпокойнымъ, тревожнымъ и нервнымъ движеніямъ собакъ, которыя все какъ то прыгали, щетинились и метались изъ стороны въ сторону... Мятель выла“... (стр. 1053).

Затѣмъ разсказчикъ, задушенный ледяною пылью, падаетъ въ снѣгъ и дикарь приходитъ его отогрѣвать. Ихъ заноситъ снѣгомъ. Тутъ слѣдуетъ рядъ прекрасныхъ трогательныхъ сценъ, къ которымъ мы рекомендуемъ читателямъ обратиться въ самой книгѣ, такъ какъ по недостатку мѣста не можемъ, къ сожалѣнію, ими воспользоваться. (Русскіе богоносцы, Спб. 1880.)

Елка на южномъ морѣ.

(Къ рисунку стр. 1056).

На далекой чужбинѣ, вдали отъ родныхъ, невольно встрѣчаешь всѣ праздники, даже незначительные, съ какимъ-то особеннымъ чувствомъ, которое трудно объяснить, но которое испыталъ навѣрное каждый путешественникъ, оставлявшій на долгое время семью и родину. Къ Сочельнику мы, помню, готовились чуть ли не за двѣ недѣли, ожидали торжественнаго момента съ трудно скрываемымъ нетерпѣніемъ, точно этотъ великій день долженъ былъ слить насъ духовно съ родною семьею. встрѣчающею этотъ праздникъ въ другомъ полушаріи, во многихъ тысячахъ миляхъ отъ нашего одинокаго, подгоняемаго легкимъ вѣтеркомъ, корвета. Вокругъ царила глубокая тишина, изрѣдка нарушаемая только легкими всплесками набѣгающихъ на борта волнъ; но внутри корвета, на жилой палубѣ, кипѣла необыкновенная дѣятельность; всѣ готовились къ великому моменту; всѣ принарядились въ лучшія, праздничныя платья; всѣмъ хотѣлось достойно почтить наступающій родной торжественный праздникъ христіанскаго міра. Корветъ былъ ярко освѣщенъ; все выглядѣло какъ-то радостно, свѣтло, празднично. Наша скромная походная церковь была уже собрана; все населеніе корвета съ благоговѣніемъ ожидало начала богослуженія, столь-же скромнаго, какъ и церковь, но торжественнаго для насъ, добровольныхъ изгнанниковъ...

Богослуженіе началось; торжественное пѣніе доходило до сердца, и каждый, съ невольнымъ умиленіемъ, полный волнующихъ воспоминаній, возносилъ свою сердечную молитву...

Послѣ богослуженія, я вышелъ на палубу, желая отдаться всецѣло охватившимъ меня мыслямъ. Я взглянулъ на темное, глубокое, южное небо, взглянулъ на необъятный океанъ. Казалось, и небо, и море торжественно праздновали великій моментъ Рожденія Христа!.. Небо было засыпано миріадами блестящихъ звѣздъ, среди которыхъ торжественно сіялъ яркимъ, дрожащимъ огнемъ Южный Крестъ, это великолѣпное созвѣздіе южнаго полушарія. Не было силъ оторваться отъ дивнаго зрѣлища. Темный небосклонъ иногда прорѣзывался свѣтлою дугою, путемъ летящаго метеора, который или скрывался далеко на горизонтѣ, или какъ-бы врѣзывался въ самую средину того или другаго созвѣздія.

Нѣтъ у насъ елки, нѣтъ этаго роднаго, скромнаго, освященнаго обычаемъ, деревца; ель замѣнила намъ душистая магнолія, срѣзанная матросиками наканунѣ на ближайшемъ островкѣ.

Наступилъ первый день Рождества; въ воздухѣ стоитъ мертвая тишина; ни одна морщинка не рябитъ гладкую, зеркальную поверхность океана; корветъ тихо качается на одномъ мѣстѣ, похлопывая морщинистыми, обвислыми парусами. На самой вершинѣ мачты ловко умостился юнга и привязываетъ къ ней большую вѣтку магноліи—нашу елку—въ честь наступившаго торжественнаго праздника. Съ особеннымъ стараніемъ выполняетъ онъ свою небезопасную, трудную работу; весело смотритъ его загорѣлое, молодое лицо; за нимъ слѣдитъ съ любопытствомъ все населеніе судна и ждетъ. Скоро раздадутся и далеко разнесутся по южному океану пѣсни роднаго сѣвера, которыя такъ странно звучатъ здѣсь и переносятъ мысль на далекую родину; палуба застонетъ отъ бойкаго трепака и загудетъ подъ десятками сильныхъ выбивающихъ дробь ногъ—русская удаль развернется во всю.

А. Максимовъ.

Маленькій скупецъ.

(Рисунокъ Адріена Мoрé).

Крошка между прочими подарками получилъ блестящіе стеклянные шарики. Онъ ими такъ занялся и нахмуривъ бровки все ихъ перекладывалъ и каталъ, когда вдругъ, къ его негодованію, старшій братишка взялъ одинъ шарикъ. Какой отчаянный крикъ поднимаетъ маленькій скупецъ. Онъ ни за что не хочетъ уступить ни одного, никому!..

Все это прекрасно выражено здѣсь талантливымъ художникомъ.

Смѣсь.

Нѣчто объ изслѣдованіяхъ въ области мозга.

Ясное понятіе о дѣятельности мозга—вмѣстилища нашего разума—составляетъ до сихъ поръ одну изъ наиболѣе трудныхъ задачъ. Мозгъ состоитъ, какъ извѣстно, изъ двухъ полушарій, крѣпко сросшихся нижними краями; къ задней сторонѣ этихъ полушарій прилегаетъ еще третья часть, извѣстная подъ именемъ мозжечка. При нѣкоторомъ вниманіи легко разглядѣть нервы, соединяющіе органы нашихъ чувствъ съ полостью мозга. Посредствомъ произведенныхъ надъ многими животными опытовъ, наука открыла пути, которыми ощущенія наши передаются мозгу и разслѣдовала какимъ образомъ результаты дѣятельности мозга передаются движущимся частямъ нашего организма. Но ощущенія и вліянія возможны только тамъ, гдѣ существуетъ мыслительная способность, обладающая знаніемъ и волею; совершенная неуловимость этихъ первыхъ отправленій мозга представляетъ главную трудность для изслѣдованія.

Извѣстный Бернштейнъ, въ статьяхъ своихъ указываетъ на полное отсутствіе точныхъ свѣдѣній по этой части, но тѣмъ не менѣе самъ же находитъ и нѣкоторые отвѣты. Опытамъ различныхъ ученыхъ, по этой отрасли онъ придаетъ большое значеніе. Берлинскій профессоръ Мункъ опыты свои производилъ надъ собакой, мозгъ которой очень схожъ по формѣ съ человѣческимъ, какъ и вообще мозгъ всѣхъ млекопитающихъ. Если снять черепъ и обнажить мозгъ животнаго, безъ вреда для его жизни, то является возможность сдѣлать нѣкоторыя поврежденія или измѣненія въ мозгѣ. Производя опыты надъ цѣлымъ рядомъ собакъ, Мункъ дошелъ до поразительныхъ результатовъ, имѣвшихъ вліяніе на дальнѣйшія изслѣдованія этаго вопроса.

У одной собаки былъ вскрытъ черепъ съ двухъ сторонъ и съ обнаженнаго мозга отнято по куску мозговой коры внизу уха и за ухомъ. По устраненіи, (черезъ три—четыре дня) воспаленія, когда можно было уже производить опытъ, оказалось, что животное осталось въ совершенно нормальномъ состояніи. Собака видѣла все также, какъ и въ здоровомъ состояніи, двигалась свободно, не задѣвая ни за что; при встрѣчѣ препятствій на пути, обходила ихъ, или переступала черезъ нихъ, такъ что повидимому слѣдуетъ предполагать, что зрѣніе не пострадало. Но пострадало соображеніе. До операціи собака радостно встрѣчала знакомыхъ ей лицъ, послѣ же операціи она стала равнодушна къ нимъ; чувствуя голодъ и жажду, собака не искала, какъ прежде, ѣды и питья, и если даже ставили возлѣ нея кормъ и воду, то она не обращала на нихъ вниманія до тѣхъ поръ, пока ихъ не почувствуетъ обоняніемъ. Видъ палки и кнута ее болѣе не устрашалъ, тогда какъ прежде она съ боязнію отскакивала отъ нихъ въ уголъ. Та же собака была пріучена подавать лапу, если у ней передъ глазами держали руку,—теперь лапу она подавала только если ей крикнуть „лапу." Подобныя проявленія указываютъ, что собака видѣла предметы вовсе не такъ какъ до операціи и что она утратила способность узнавать, вслѣдствіе отнятія извѣстныхъ частей мозга. Такимъ образомъ въ вырѣзанной части мозговой коры, должно было находиться что нибудь, что вызывало бы способность запоминать предметы, способность которая должна лежать въ основаніи проявленій разсудка.

Интересно было также наблюдать животное послѣ операціи. Сначала оно лежитъ спокойно и пристально разглядываетъ окружающіе предметы, какъ бы удивляясь незнакомой обстановкѣ. По минованіи лихорадки, собака выказываетъ способность понемногу ознакомливаться съ предметами, подобно недавно родившемуся животному. Если начать помогать животному, то вскорѣ оно пріобрѣтаетъ различныя познанія. Такъ напримѣръ если раза два ткнуть оперируемую собаку мордой въ сосудъ съ водою, она догадывается гдѣ можно утолить жажду. Въ высшей степени поучительны опыты профессора Мунка, въ этомъ отношеніи. Если заниматься собакой въ продолженіи пяти или шести недѣль, то по истеченіи этаго времени ее нельзя уже почти отличить отъ собаки здоровой. Если операцію произвести только съ одной стороны мозга, то произойдетъ цѣлый рядъ соотвѣтственныхъ явленій. Всѣмъ извѣстный законъ, по которому правое полушаріе мозга управляетъ лѣвой половиной и на оборотъ, тутъ также находитъ проявленіе. Надрѣзъ мозга, сдѣланный на правой сторонѣ, повреждаетъ способность лѣваго глаза узнавать. Если завязать этотъ глазъ то правый дѣйствуетъ правильно; если же завязать правый глазъ, то лѣвый положительно ничего не видитъ. Значитъ глазъ совершенно зависимъ не отъ соотвѣтствующей ему стороны мозга.

Извѣстно, что для каждаго изъ нашихъ чувствъ существуетъ отдѣльный центръ, черезъ который сообщаются понятія о явленіяхъ внѣшняго міра. Центръ зрѣнія не тождественъ съ центромъ слуха и обонянія. Въ мозгу нѣтъ центральнаго мѣста, гдѣ бы, такъ сказать, находился разумъ и откуда бы онъ дѣйствовалъ, но есть опредѣленныя мѣста съ многоразличными и отдѣльными дѣйствіями. Со временемъ вѣроятно удастся найти вмѣстилища остальныхъ чувствъ, также какъ это уже опредѣлено относительно чувства зрѣнія.

Какъ умираютъ животныя.

Человѣкъ убиваетъ вообще домашнихъ животныхъ въ самую лучшую пору ихъ развитія. Такъ напримѣръ рогатый скотъ, овцы, свиньи, куры, гуси, голуби и др., чтобы годиться въ пищу, должны быть убиты ранѣе извѣстнаго возраста.

Много было разсужденій о менѣе жестокомъ способѣ убіенія животныхъ. Вообще животныя очень живучи, и каждое изъ нихъ защищаетъ съ отчаяніемъ свою жизнь до послѣдняго издыханія. Въ вопросѣ объ убіеніи этихъ животныхъ главную роль занимаетъ скорость въ совершеніи этаго процесса. Волъ, котораго убиваютъ при помощи новыхъ приспособленій, умираетъ почти моментально, не издавая ни единаго звука; боровъ же,

которому спокойно перерѣзываютъ горло, возвѣщаетъ страшнымъ крикомъ всѣмъ сосѣдямъ что къ вечеру готовятся свѣжія колбасы. Въ Вѣнѣ, по извѣстнымъ днямъ, на каждой почти улицѣ можно слышать эти своеобразныя извѣщенія. Многіе утверждаютъ, что зайцы, серны, лисицы и т. п. умираютъ тотчасъ послѣ мѣткаго выстрѣла. Дичь же бьется долгое время, если ее не прибьетъ охотникъ или не придушитъ собака. Большая часть подстрѣленныхъ животныхъ имѣютъ особыя движенія и вскрикиванія, хорошо извѣстныя охотникамъ. Заяцъ, застигнутый на бѣгу, опрокидывается всегда навзничь и при этомъ отчаянно кричитъ. Самый жалобный крикъ издаетъ серна, нерѣдко наполняющій сердце охотника раскаяніемъ.

Подстрѣленная лисица иногда очень кричитъ, иногда не издаетъ ни одного звука, и тяжело раненная старается уползти. Изъ разсказовъ старыхъ охотниковъ на лисицъ извѣстно, что онѣ почти всегда не могутъ подавить крика, когда пуля ее хотя задѣнетъ внезапно, но если лисица, прежде полученія раны, долго преслѣдовалась и тѣмъ самымъ какъ бы подготовлялась къ удару, тогда она умираетъ тихо. Со смертельно раненой лисой охотникъ бываетъ очень остороженъ, иначе, при оплошности, животное схватываетъ охотника зубами—разнять ея зубы составляетъ не малый трудъ. Вообще всѣ животныя, будучи ранены, подпрыгиваютъ, становятся на дыбы и переворачиваются навзничь. Лисица продѣлываетъ тоже самое, съ тою только разницею, что она тотчасъ прижимается къ землѣ и старается уйти; она теряетъ присутствіе духа только въ моментъ полученія удара. Никто не видѣлъ, чтобы лисица извивалась въ предсмертныхъ судорогахъ, какъ это бываетъ съ дикими и домашними кошками и собаками. Когда лисица не можетъ двигаться болѣе, она вытягивается, потухающій глазъ удерживаетъ высматривающее выраженіе, которое не имѣетъ ничего общаго съ жалобнымъ выраженіемъ глазъ серны или бекаса. Лисица не измѣняетъ себѣ до послѣдней минуты. Лошадь становится на дыбы, заяцъ падаетъ навзничь, кошка прыгаетъ къ верху. Получивъ ударъ, она дѣлаетъ такое движеніе, какаго никогда не дѣлаетъ вообще. Съ вытянутыми ногами, она отскакиваетъ, точно мячикъ, отъ земли, затѣмъ въ судорогахъ падаетъ внизъ, иногда съ крикомъ, иногда безъ звука. Бывали примѣры, что кошки одинъ и тотъ же прыжокъ повторяли по нѣскольку разъ. Всѣмъ извѣстна живучесть кошки. Она можетъ быть сравнена только съ живучестью лягушки или угря. Кошка, раненая пулей даже въ голову, не умираетъ тотчасъ, агонія продолжается у нея очень долго. Вообще всѣ животныя и птицы смертельно раненыя, или чувствующія близость смерти, избираютъ темное мѣсто. Такъ, напримѣръ, околѣвшихъ куръ находили всегда въ самыхъ темныхъ уголкахъ. Собака и кошка передъ смертью прячутся отъ людей за печку, или въ сарай. Иногда, напротивъ, собаки передъ смертью ищутъ общества своего хозяина. Лошадь, страдающая какою нибудь внутреннею болѣзнью, съ особеннымъ выраженіемъ глазъ обращаетъ голову къ людямъ. Всѣ животныя, получая удары кричатъ или пищатъ. Такъ напримѣръ, лягушка издаетъ легкое шипѣніе, голосъ жабы звучитъ въ то время очень непріятно. Мышь, вынутая изъ мышеловки, пищитъ очень сильно. Но зашибенная мышь или крыса, если она въ состояніи дотащиться до норы, умираетъ совершенно тихо. Дикія животныя становятся непомѣрно злы при приближеніи смерти; раненый орелъ, выбиваясь изъ послѣднихъ силъ, старается вцѣпиться когтями въ охотника. У всѣхъ почти животныхъ замѣчаютъ предчувствіе близкой смерти; рогатый скотъ, когда его ведутъ на убой, начинаетъ дрожать и сопротивляться; собаки инстинктивно боятся живодера. Животное выносливо болѣе всего, въ полномъ развитіи своихъ силъ; хотя бывали примѣры, что и старые звѣри не менѣе сильны. Старый волкъ, получившій 13 пуль былъ въ состояніи уйти въ чащу, гдѣ и истекъ кровью. Африканскіе охотники подтверждаютъ выносливо старыхъ тигровъ и львовъ. Живучесть змѣй поразительна. Одно общество, гуляя въ окрестностяхъ Вѣны встрѣтило змѣю, которую убили палкой. Затѣмъ кто-то изъ присутствовавшихъ намоталъ ее на свою палку и унесъ съ собою. Придя въ гостинницу, общество усѣлось обѣдать, а змѣя была оставлена въ углу.

Прошло нѣкоторое время, и къ удивленію всѣ замѣтили, что змѣя жива и ищетъ выхода. Опять бросились на нее и нѣсколькими ударами въ голову, повидимому окончательно убитую змѣю выбросили на траву. Спустя часъ, общество передъ уходомъ полюбопытствовало взглянуть на змѣю. Оказалось, что она еще не была совершенно мертва и при приближеніи людей старалась поднять свою окровавленную голову. Подобный случай былъ съ жабой, на которую наступилъ садовникъ, затѣмъ онъ положилъ ее на камень и поставилъ сверху тяжелый горшокъ. На другое утро жабы не оказалось, она уползла и совершен-

На елку. Въ Южномъ морѣ Укрѣпленіе елки на мачтѣ.
Рис. К. Д. грав. М. Рашевскій.

(Продолженіе на стр. 1057, 1058, 1059, 1060, 1061, 1062, 1063 и 1064).

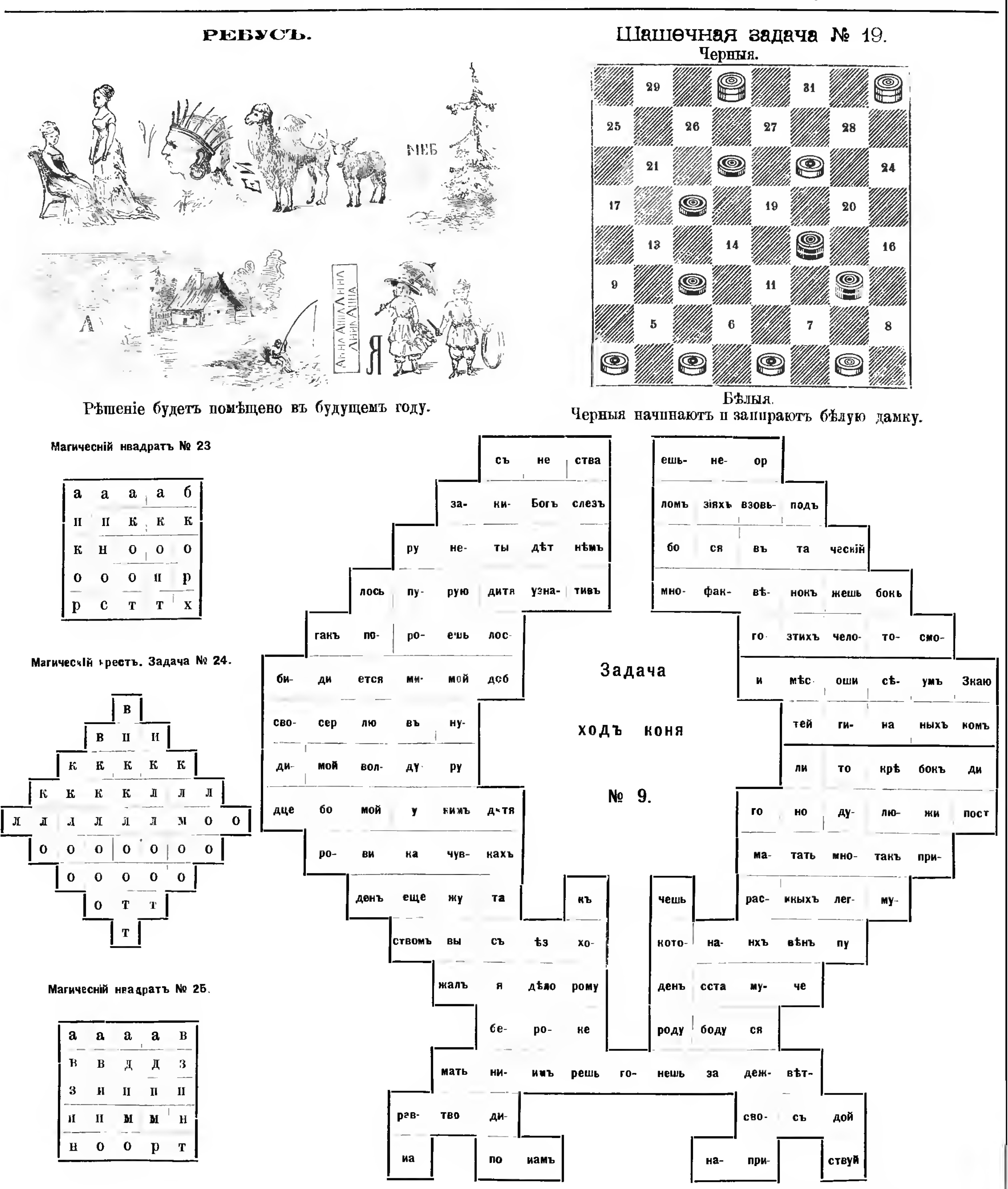
Послѣ Елки. Маленькій скупецъ. Картина Андріена Море́, грав. Леперъ.

но здоровая сидѣла между цвѣтами. Только ея движенія казались медленнѣе. Торговцы лягушками въ Италіи и Франціи обрываютъ у нихъ ножки, а потомъ бросаютъ ихъ въ воду, чтобы отросли ноги. Какъ извѣстно, при разныхъ изслѣдованіяхъ и сѣченіяхъ, лягушки играютъ не маловажную роль. Естествоиспытатели утверждаютъ, что тѣло лягушки менѣе прочихъ животныхъ ощущаетъ боль отъ ланцета. Чѣмъ ниже мы опускаемся по порядку разрядовъ, тѣмъ менѣе встрѣчаемъ чувствительности. Жуки и мотыльки, по наблюденіямъ ученыхъ, почти не выражаютъ ощущенія боли.

Живучесть эта должна побудить людей, убивая, стараться по возможности сократить муки животныхъ. Средствъ и приспособленій къ этому очень много, слѣдуетъ только умѣть обращаться съ ними.

Новыя книги.

Портретная галлерея русскихъ литераторовъ, ученыхъ и артистовъ. Изд. фотогр. К. Шапиро. Прекрасное изданіе г. Шапиро должно имѣть успѣхъ. Большой размѣръ портретовъ, окаймленныхъ изящнымъ бордюромъ, прекрасное ихъ исполненіе, самая умѣренная цѣна (за каждый, въ 5 портретовъ, выпускъ 5 рублей), все это обѣщаетъ этому изданію будущность. Самая слабая сторона такихъ изданій та, что выборъ лицъ, которыхъ портреты помѣщаются, бываетъ неудаченъ. О тѣхъ „дѣйствительныхъ писателяхъ“ которые помѣщены въ 1-мъ выпускѣ, разумѣется и говорить нечего. Но теперь, при развитіи такъ называемой *прессы*, явилось столько литераторовъ, что подъ вліяніемъ упорныхъ настояній или пріятельскихъ отношеній, иногда явится въ подобномъ изданіи портретъ такаго „писателя“ что возбуждаетъ только недоумѣніе. Увѣрены, что изданіе г. Шапиро будетъ чуждо такаго недостатка.



РЕБУСЪ.

Рѣшеніе будетъ помѣщено въ будущемъ году.

Шашечная задача № 19.

Черныя.

Бѣлыя.

Черныя начинаютъ и запираютъ бѣлую дамку.

Магическій квадратъ № 23

а	а	а	а	б
и	и	к	к	к
к	н	о	о	о
о	о	о	и	р
р	с	т	т	х

Магическій крестъ. Задача № 24.

в
в и и
к к к к к
к к к л л л
л л л л л м о о
о о о о о о о
о о о о о
о т т
т

Магическій квадратъ № 25.

а	а	а	а	в
в	в	д	д	з
з	и	и	и	и
и	и	м	м	н
н	о	о	р	т

Задача ходъ коня № 9.

съ не ства | ешь- не- ор
за- ки- Богъ слезъ | ломъ зіяхъ взовь- подъ
ру не- ты дѣт нѣмъ | бо ся въ та ческій
лось пу- рую дитя узна- тивъ | мно- фак- вѣ- нокъ жешь бокъ
ганъ по- ро- ешь лос- | го зтихъ чело- то- смо-
би- ди ется ми- мой доб | и мѣс оши сѣ- умъ Знаю
сво- сер лю въ ну- | тей ги- на ныхъ комъ
ди- мой вол- ду ру | ли то крѣ бокъ ди
дце бо мой у кижъ дьтя | го но ду- лю- жи пост
ро- ви на чув- кахъ | ма- тать мно- такъ при-
денъ еще жу та къ | чешь рас- иныхъ лег- му-
ствомъ вы съ ѣз хо- | кото- на- нхъ вѣнъ пу
жалъ я дѣю рому | день сста му- че
бе- ро- ке | роду боду ся
мать ни- имъ решь го- нешь за деж- вѣт-
рав- тво ди- | сво- съ дой
на по иамъ | на- при- ствуй

Объ издании журнала „Нива“ въ 1880 г.

Нашимъ читателямъ извѣстны художественныя и литературныя цѣли журнала, его направленіе и проч. Всего этаго повторять здѣсь не будемъ, такъ какъ „Нива“ распространена болѣе чѣмъ какой бы то ни было журналъ въ Россіи. Съ тѣмъ же, какъ прежде, вниманіемъ и заботливостью будетъ вестись дѣло и производиться всѣ возможныя въ немъ улучшенія. Въ будущемъ **1880** г. также тщательно и разборчиво будетъ дѣлаться выборъ всего помѣщаемаго и по прежнему главная забота редакціи—чтобы журналъ сохранилъ свой характеръ чтенія семейнаго, общезанимательнаго, полезнаго и способствующаго умственному и нравственному развитію. Позволимъ себѣ напомнить что сдѣлано нами напр. въ истекающемъ 1879 году. Мы помѣстили **большой историческій романъ** талантливаго **Вс. С. Соловьева, 5 большихъ повѣстей и болѣе 40 разсказовъ, повѣстей и очерковъ**, между прочимъ **В. В. Крестовскаго, Г. П. Данилевскаго, Н. Успенскаго, А. Максимова, Н. Каразина, В. Политковскаго, В. Соловьева, П. Гнѣдича, Н Боева, А. Гиллина** и друг Стихотворенія **А. Майкова, К. Случевскаго, Н. Боева, П. Гнѣдича, П. Быкова, В. Салтыкова** и друг., 60 біографій (съ художественно исполненными портретами) составленныхъ **А. Милюковымъ, В. Соловьевымъ, А. Григорьевымъ, Н. Боевымъ** и друг., 95 историческихъ и этнографическихъ очерковъ, болѣе 40 статей по естествознанію (между прочиив нѣсколько статей **А. Ф. Брандта**) 20 замѣтокъ и очерков новыхъ изобрѣтеній и т. д.. всего 2000 столбцовъ тексту. Кромѣ того множество рисунковъ, между прочимъ **К. Маковскаго, В. Якоби, Н. Каразина, И. Крамскаго, Богданова, Сверчкова, Васнецова, Максимова, Ковалевскаго, Корзухина, Чистякова, Гнѣдича** и друг. Сверхъ всего этаго **двѣ большія, печатанныя красками картины К. Маковскаго**, уже полученныя нашими подписчиками.

Мы неоднократно заявляли въ прошлыхъ номерахъ „Нивы“ какой богатый литературный матеріалъ имѣется у насъ для будущаго года. Теперь мы только напомнимъ, что съ первыхъ же №№ **1880** г. начнутся печатаніемъ, кромѣ массы другихъ произведеній, **большая повѣсть А. А. Потѣхина** „Иванъ да Марья“; **разсказъ В. Г. Авсѣенко**; „Губернская Перикола“; и большая повѣсть **Зах. Мазоха** „Пророчица“ и за тѣмъ будутъ помѣщены: **романъ Н. Морскаго** (изъ современной жизни) „Купленное счастье“; **повѣсть Б. Маркевича** „Лѣсникъ“; разсказъ **Н. Успенскаго** „Небывалый случай“ и проч. и проч. какъ было объявлено. Какъ преміи, будутъ выданы **двѣ большія, печатанныя красками, картины** съ превосходныхъ акварелей **знаменитаго М. Зичи** изъ **Демона** Лермонтова (**картины исключительно для „Нывы“ исполненныя**).

Что касается художественно исполненныхъ гравюръ и рисунковъ, мы можемъ ручаться, что они будутъ первоклассными. Для „Нивы“ работаютъ и гравируютъ только самые лучшіе художники-граверы въ С.-Петербургѣ, Варшавѣ, Парижѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ, Лондонѣ и Дюсельдорфѣ.

Аккуратность и всегда своевременный выходъ и пересылка номеровъ извѣстны всѣмъ нашимъ читателямъ—такъ точно будетъ и въ наступающемъ году. При первомъ номерѣ „**Нивы**“ 1880 г., который выйдетъ **5 Января**, будетъ приложенъ **безплатно большой Стѣнной Календарь на 1880 г.** съ обозначеніемъ праздниковъ, таксы гербовой бумаги, почтовой таксы для посылокъ и пр. и пр.

Прощаясь съ читателями „Нивы“ настоящаго года, надѣемся встрѣтить ихъ въ числѣ читателей наступающаго **1880** года; надѣемся и впредь на такія же выраженія съ ихъ стороны удовольствія, съ какими они дѣлали намъ честь обращаться къ намъ въ минувшемъ году.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

С.-Петербургъ, Паншину; Тагилъ, V. S. Присланныя вами задачи будутъ помѣщены въ началѣ будущвго года.

Москва, Кон—ской.

Грустно жилося
Темно и *мерзско* было.

Конечно это не годится. Но ето не причина высылать стихи обратно.

Спб. Фр—су. Ничего оригинальнаго и указывающаго на талантъ. Стихомъ вы владѣете.

С. Тоновка А. Пер—вой. Если вы непремѣнно интересуетесь знать наше мнѣніе о вашихъ стихахъ, то они нехороши. Не знаемъ зачѣмъ это вамъ. Непомѣщеніе—уже отвѣтъ.

Москва, С. Крещ—ну.

Текъ ручеекъ, какъ лань легка
На свиданіе дѣва шла
Забывъ и стыдъ и честь и т. д.

Вы эту бѣдную дѣву терзаете такими строчками! Это жестоко.

Кронштадтъ, А. Кр—ну. „Три стишка“ *соченённые* вами, не годятся.

Камышинъ, Бр—у.

Не все въ поэзію пускаться
Въ эфиръ заоблачный летать.

Если вы летаете, то кажется вамъ лучше оставить это занятіе.

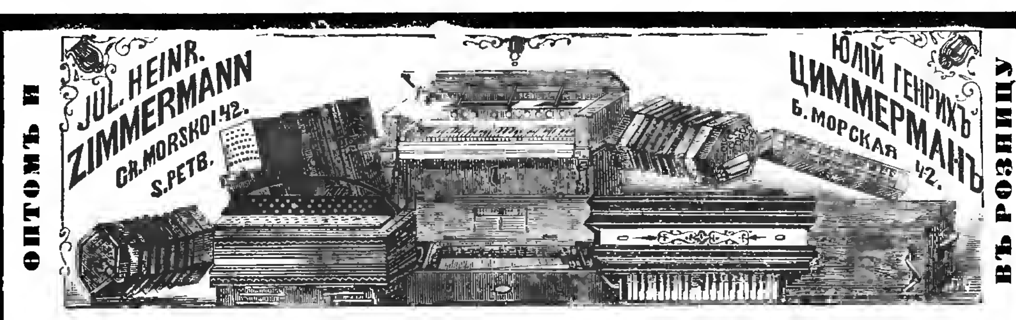
Москва В. А. Д. Вы прислали чужое и кромѣ того весьма извѣстное стихотвореніе „Прости мнѣ Боже прегрѣшенья“ и *ожидаете съ нетерпѣніемъ отвѣта*. Какой же отвѣтъ можно на это дать кромѣ того, что посылка чужихъ стиховъ, въ предположеніи что ихъ не знаютъ—есть прегрѣшеніе.

Рязань, Р—ву. Вы сѣтуете что выписали не тотъ журналъ, который хотѣли. Но зачѣмъ вы такъ невнимательны. Нашъ журналъ „Нива“ извѣстенъ всей Россіи уже 10 лѣтъ. Поддѣлка подъ другой журналъ, мы съ вами согласны, гнусный поступокъ, но это плутовство непредусмотрѣнное закономъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Рождественскія сокровища (съ рис.)—**Кольцо. Святочный разсказъ Н--ой. П. П. Гнѣдича.**—**Полночная молитва.** Святочный разсказъ (съ рис.) **Подъ Новый годъ.** Стихотвореніе **Н. Боева**—**Кнехтъ Рупрехтъ** (съ рис.)—**Рождественскіе праздники** (съ 2 рис.)—**Чтеніе Рождественскихъ книгъ** (съ рис.)—**Рождественская ночь на краю свѣта** (съ рис.)—**Елка на южномъ морѣ** (съ рис.)—**Маленькій скупецъ** (съ рис.)—Смѣсь.—Библіографія.—Ребусъ.—Шашечная задача. Магическіе квадраты.—Магическій крестъ.—Задача ходъ коня.—Объ изданіи журнала «Нива» въ 1880 г.—Почтовый ящикъ.—Объявленія.

Издатель **А. Ф. Марксъ** Редакторъ **Ф. Бергъ.**

ОПТОМЪ И



ВЪ РОЗНИЦУ

ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ

Юлія Генриха Циммермана. С.-Петербургъ Б. Морская № 42.

рекомендуетъ для подарковъ къ Рождеству въ Большомъ выборѣ по фабричнымъ цѣнамъ;

Скрипки по 2 р. 50 к., 5 р., 6 р., 8 р., 12 р., 20 р., 25 р. 35 р., 50 р., 100 р. и дороже.
Смычки по 50 к., 1 р. 25 к., 2 р., 3 р., 5 р., 8 р., и дор.
Футляры для скрипокъ по 2 р. 50 к., 5 р. 50 к., 7 р., 10 р. и дор.
Школы для скрипки по 2 р., 3 р., 4 р., 5 р.
Цитры по 14 р., 16 р., 20 р., 35 р., 50 р. и дор.
Школы для цитръ по 2 р. и 3 р. 50 к., ноты по 50 к. и 60 к.
Флейты по 3 р., 5 р., 7 р., 10 р., 12 р., 20 р., 35 р., и дор.
Школы для флейты по 1 р. 50 к. и 3 р.
Кларнеты по 6 р., 10 р., 15 р., 20 р., 30 р., 40 р. и дор.
Школы для кларнетовъ 4 р.
Корнеты-а-пистонъ по 18 р., 25 р., 30 р., 40 р., 50 р. и дор.
Школы для корнета по 1 р. 50 к., 4 р., 5 р.
Гитары по 3 р. 50 к., 5 р., 8 р., 10 р., 15 р., 20 р., 30 р. 40 р., 50 р., 75 р. и дороже.
Школы для гитаръ по 1 р. 50 к., 2 р. и 3 р.

Нѣмецкія концертино по 2 р. 75 к., 4 р., 5 р., 6 р., 8 р., 10 р., 12 р., 16 р. и дороже.
Школа для оныхъ по 75 к. ноты по 40 к. и 1 р.
Англійскія концертино по 30 р., 38 р., 45 р., 55 р., 70 р. 105 р., 125 р. и дороже.
Школа для оныхъ по 3 р., ноты 75 к., 1 р. и 1 р. 50 к.
Гармоніелюты по 45 р., 50 р., 65 р., 80 р. и 100 р.
Школы 75 к., 1 р. и 2 р. 50 к.
Гармоніелюты съ органомъ по 175 р. и 225 р.
Фисгармоніи по 90 р., 125 р., 175 р., 250 р. и дороже.
Музыкальные ящики по 2 р., 4 р., 6 р., 10 р., 25 р., 30 р. 35 р., 55 р., 65 р., 90 р. и дороже.
Шарманки по 10 р., 14 р., 20 р., 30 р., 40 р. и дороже.
Загранич. гармон. разн. сорта по 3 р. 4 р. 50 к. 5 р. 50 к., 7 р. 50 к. 10 р., 15 р., 20 р., 24 р., 30 р. и дор.
Школы и разныя ноты для гармоній по 50 к. 75 к. 1 р. 1 р. 50 к.

Струны, сурдинки, канифоль, камертоны, метрономы, пюпитры, и всѣ принадлежности; также віолончели, контрабасы, альты, мандолины, тромбоны, альтгорны, барабаны, тарелки, треугольники, литавры, бубны, кастаньеты, металлофоны Флажолеты, чаканы, окарины, бандондіоны, органчики для канареекъ, губныя гармоніи и проч.

Заказы изъ провинціи исполняются немедленно по полученіи денегъ. За пересылку прошу присылать приблизительно.
Подробный прейсъ-курантъ высылается безплатно. № 419 6—4

МАГАЗИНЪ РУКОДѢЛІЙ
Перинная линія, № 20, въ С.-Петербургѣ,
А. А. ВЕТЦЪ.
Новость. Шерсть съ шелкомъ.
ПОМПАДУРЪ.
во всѣхъ цвѣтахъ по 1 р. с. клубокъ.
За пересылку проектъ прилагать марками № 469. (до 7 л.) по таксѣ за 1 ф. 2—2

AU BON MARCHÉ

M-me FOUQUET COURBAYRE

№ 21, — Grande Morskaïa, maison Tour, — № 21.

Robes, Confections, Manteaux, Lingerie haute nouveauté. Modes modèles des premières Maisons de Paris, Tissus nouveautés soie et cachemire.
Dentelles, Bas soie et feutre, Trousseaux, Layettes.

№ 477. **La Maison se charge des robes à façon.** 3—1

ДЕПО ЧАСОВЪ ВИКТОРА

(Фирма существуетъ болѣе 30 лѣтъ)

Москва, на Никольской въ домѣ Шереметева, противъ Славянскаго Базара.

ИМѢЕТЪ ПОСТОЯННО ОГРОМНѢЙШІЙ ВЫБОРЪ ВСЕГО, ЧТО КАСАЕТСЯ ЧАСОВАГО МЕХАНИЗМА И ЕГО ПРИЛОЖЕНІЙ.

Часы карманные:

Никелевые, шпинделевые, мужскіе и дѣтскіе по 5 р. Цилиндрическіе 8, 9 до 13 р., дамскіе 10 и 12 р. Ремонтуары мужскіе 9, 10, 13 и 15 р.
Серебряные, анкерные на 13 камн. мужскіе: 15, 18, 20, 25 р. высшіе сорта 30, 35, 45, 50 р. и дамскіе цилиндр. на 8 камн. 15, 18 и 20 р,
Золотые, анкерные на 13 камн. кадетскіе 50 р., мужскіе 55, 60, 75, 100 р. высшіе сорта 125, 150, 175 и 200 р. Ремонтуары 75, 100, 150 до 250 р. Съ репетиціей 300, 400 до 800 р. Дамскіе цилиндр. на 8 камн. 30, 35, 40, 45, 50, 75 и 100 р Анкерные 50, 60, 75, 100 до 150 р.

На пересылку часовъ прилагается: золотыхъ 1 р и прочихъ 80 к.

Часы столовые, ночные и будильные:

Вызолоченные подъ колпаками 16, 18, 25, 30, 40, 50, 60, 75, 100, до 300 р., съ канделябрами 250, 300 и 350 р.
» » столовые регуляторы 75, 100 до 200 р съ календаремъ и фазами луны 250 р.
» дорожные (кабинетные) въ футлярахъ 12, 15, 30, 35, 40, 45, съ боемъ 55, 60, 75, 90 до 125 р.
Для кабинетнаго стола: разные 8, 10, 15 до 25 р., съ чернильницей 20 р.. съ боемъ 25 и 30 р.
Тоже съ барометромъ и термометромъ 45 р., вызолоченные 65, съ боемъ 75 р.
Столовые мраморные съ боемъ 28, 35, 40, 50, 60, 75 и 90 р , съ календаремъ и фазами луны 200 р.
тоже изъ дерева, чугуна или алебастра 10, 12, 15, 18 р., хрустальные 40 и 50 р.
Ночные съ лампочкой 12, 15, 18, 20, съ химически-свѣтящимися ночью циферблатами 15 и 20 р.
Будильники суточные 6, 8, 9, съ барометромъ или миніатюрные 15 р., съ календаремъ 17 р.
» 8-ми дневнаго завода, разныхъ формъ и величинъ отъ 10, 12, 15 до 25 р.

Часы стѣнные:

Круглые безъ боя 8, 10, 15, 20, 25 до 40 р., съ боемъ 15, 18, 20, 25, большіе и овальные 28, 30 и 35 р.
Кабинетные регуляторы отъ 25, 30, 40, 50 до 90 р. и овальные, рѣзные и вызолоченные отъ 40 до 75 р.
8-ми-дневные, въ красивыхъ весьма прочныхъ металлическихъ корпусахъ: безъ боя 8 р., корабельные 15 руб., съ боемъ 15 и 20 р., съ барометромъ и термометромъ 25, 28 и 30 р.
Шварцвальдскіе съ гирями: безъ боя 2 и 3 р., съ боемъ 4, 5, 6 и 8 р., съ кукушкой и недѣльные 11, 12 до 18 р.

Карильйоны, (ящики и предметы съ музыкой:)

Ящики въ 6 пьессъ 35, 40 и 50 р. въ 8 пьессъ 50 и 60 р. въ 12 пьессъ 75 и 85 р.
» съ цитрой въ 6 пьессъ 50 и 60 р. въ 8 пьессъ 60 и 70 р. въ 12 пьессъ 85 и 90 р.
» съ цитрой и мандолиной въ 6 пьессъ 80 и 85 р. въ 8 пьессъ 90 и 100 р.
» » колокольчиками въ 6 пьессъ 70 р. въ 8 пьессъ 85 р. въ 12 пьессъ 110 р.
» » » наружными въ 6 пьессъ 75 р. въ 8 пьесъ 90 р. въ 12 пьессъ 125 р.
» » » и барабанами въ 6 пьессъ 85 р. въ 8 пьессъ 100 р. въ 12 пьессъ 135 р.
» » » » наружн. въ 6 пьессъ 100 р. въ 8 пьессъ 125 р. въ 12 пьессъ 125 р.
» » » флейтой и цитрой въ 6 пьессъ 150 р.
» » поющей птичкой въ 8 пьессъ 225 р.

Столъ на ножкахъ съ 3 перемѣн. валами въ 30 пьесъ 300 р.
Стулья съ музыкой по величинѣ и отдѣлкѣ 30, 40 и 50 р.
Движущіяся куклы—автоматы съ часами и музыкой 30, 50 и 75 р.
Картины съ двигающимися предметами и музыкой 20, 30, 50 р.
Табакерки съ музыкой въ 2 пьессы 7 р. въ 4 п. 12 р. съ часами 75 р.
За пересылку карильйоновъ и часовъ стѣнныхъ и столовыхъ прилагается по разстоянію отъ 10 до 20% съ цѣны
Цѣпи золотыя и серебряныя по вѣсу и курсу на серебро и золото.
Вызолоченныя отъ 1 до 5 р и дамскіе по 3, 4 и 5 р.

Накладнаго золота никогда не линяющія, неизмѣняющія и неизмѣняющіяся, особо рекомендуемыя по 4, 5 . 6 р. съ медальонами по 8 и 10 р.

№ 492 За пересылку цѣпей при часахъ не платятъ. 1 1

---

58 Невскій просп. домъ, гдѣ гост. Бель-Вю 58.

ТОЛЬКО НА КОРОТКОЕ ВРЕМЯ

ЧУДО ПРОМЫШЛЕННОСТИ, единственныя въ своемъ родѣ

Часовыя цѣпочки изъ американскаго кристора,

могущія единственно по достоинству своему соперничать съ золотомъ, какъ по красотѣ работы, такъ и достоинству металла, никогда неизмѣняющагося.

ЭТИ КРАСИВЫЯ ЦѢПОЧКИ

которыя мы хотимъ распространить въ цѣломъ свѣтѣ и коихъ настоящая стоимость значительно выше, будутъ продаваться по нашему приказу нашими представителями по неизмѣримо низкой и баснословной цѣнѣ

75 КОП. СЕР.

дабы каждый могъ воспользоваться настоящимъ случаемъ.

Каждый покупатель получаетъ сверхъ того въ подарокъ коробочку, заключающую въ себѣ 7 предметовъ:

№ 1. Высеребряный наперстокъ. № 2. Пару запонокъ. № 3. Серьги. № 4. Кольцо. № 5. Шейную цѣпочку. № 6. Крестикъ или медальонъ. № 7. Игольникъ.

Вмѣняется въ обязанность представителямъ нашей фирмы выдавать по одной коробочкѣ за каждую покупаемую цѣпочку.

Фабрикантъ ЛЯМБЕРТЪ.

Въ Парижѣ, Boulevard du Temple, № 2 bis.
№ 499 1

СКРИПКИ!
Спеціальность образцовыхъ инструментовъ по собственной системѣ.

Самыя дешевыя и лучшія скрипки нашего времени, отличнаго тона отъ 6 до 12 марокъ, по конструкціямъ Страдиваріуса, Гварнеріи, Амата и проч. отъ 20 марокъ и дороже, концертныя скрипки отъ 30 марокъ.

Большой выборъ альтовъ, віолончелей и контръ-басовъ превосходной работы. Смычки отъ 2 до 30 марокъ; футляровъ отъ 6—10 марокъ; всѣхъ инструментальныхъ принадлежностей, итальянскихъ струнъ, гитаръ и цитръ.

Принимаютъ всякаго рода починки инструментовъ и высылаютъ инструменты подъ гарантіи. Имѣютъ рекомендаціи знаменитыхъ скрипачей: Аполлинарій Контскій, и солистъ Двора Его Императорскаго Величества Ауеръ, профессоръ Вильгельмъ Сарасате, Соретъ, Зингеръ, Жанъ Беккеръ, Сивори, Леонара и проч.

Изобрѣтатель патентованныхъ нѣмыхъ скрипокъ для экзерцицій.

Прейсъ-куранты безплатно и франкировано.

БРАТЬЯ ВОЛЬФЪ.

Струнно-инструментальная фабрика въ Крейцнахѣ (Рейнская. пров. Пруссіи.)
№ 800 3—2

Изданіе А. Ф. Маркса въ С.-Петербургѣ.

Большая Морская, д. № 9.

КНЯЖНА ОСТРОЖСКАЯ. Историческая повѣсть *Вс. Соловьева.* Сюжетъ заимствованъ изъ русской исторіи и въ развитіи своемъ представляетъ большой интересъ. Томъ этотъ украшенъ 20 рисунками художника *И. С. Панова,* и гравиров. лучшими мастерами. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к., для подп. „Нивы" 1 р. 80 к., съ перес. 2 р.

ГЛАВНАЯ ПРОДАЖА ПЕРВАГО СОРТА РЕЗИНОВЫХЪ КАЛОШЪ И САПОГОВЪ уд-стоенныя на Парижской выставкѣ

ЗОЛОТОЙ МЕДАЛИ

высшая награда для резинов. фабрикат.)

Продаются по фабричнымъ цѣнамъ

ВЪ СКЛАДѢ ТОВАРИЩЕСТВА

Русско-Американской резиновой мануфактуры.

КОНСТАНТИНА МАЛЬМЪ

БОЛЬШАЯ МОРСКАЯ Д. № 36, рядомъ съ магазиномъ Штанге. Постоянный выборъ новѣйшихъ резиновыхъ товаровъ, продаются по рѣшительнымъ цѣнамъ безъ запроса.

По Воскресеньямъ складъ закрытъ.

№ 325 10—7

Книга Столярное Искусство съ 151 рисункомъ, Составленное **Ленцингомъ** второе изд., СПБ. 1879 года Цѣна 1 р. 75 коп. съ пересылкою 2 руб.

Складъ книги находится на Апраксиномъ Дворѣ, по Инструментальной линіи въ книжной лавкѣ № 20, у Ивана Ивановича **Ильина.** № 496 1—1

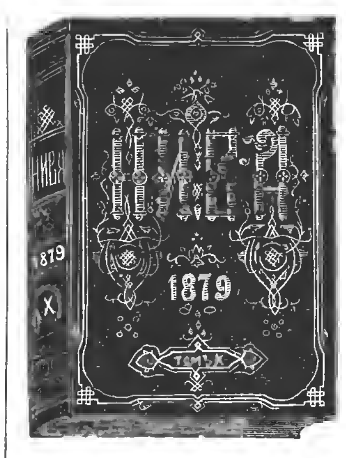
Во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Петербурга и Москвы продается:

ЭЛЕМЕНТАРНЫЯ

АНАТОМІЯ, ФИЗІОЛОГІЯ И ГИГІЕНА,

руководство для городскихъ училищъ, составленное **М. А. Герасимовымъ**; съ 28-ю рис. въ текстѣ. 1879. Ц. 50 к.

Допущено Уч. Ком. Мин. Н. Пр. въ качествѣ учебнаго руководства въ городскія училища и въ библіотеки народныхъ училищъ. № 491 1



КРЫШКИ

для переплета „НИВЫ“ 1879 и также 1880 гг. по вышепоказанному образцу 1 р., съ пересылкою 1 р. 50 к. Каждый простой переплетчикъ въ губернскомъ городѣ легко можетъ переплесть „Ниву“ въ такую коленкоровую крышку.

№ 21. Вознесенскій проспектъ **№ 21.**

СКЛАДЪ ШВЕЙНЫХЪ МАШИНЪ ВСѢХЪ СИСТЕМЪ.

американскихъ, англійскихъ и нѣмецкихъ конструкцій

А. ШТЕЙНЪ, бывш. Г. Френкель.

ПРОДАЖА ОПТОМЪ И ВЪ РОЗНИЦУ.

Ручныя машины, 20 разныхъ констр., отъ **12** до **45 р.**
Ножныя » 40 » » » **35** » **350** »

Системы: Зингеръ отъ **40**, Виллеръ и Вильсонъ отъ **35**, 'Гау отъ **45**, Гроверъ и Беккеръ отъ **40** р.

СПЕЦІАЛЬНОСТЬ МАШИНЪ для выметыванія петель, плиссе, вышиванія, шитья перчатокъ и для шитья варной дратвой

ЦѢНЫ ФАБРИЧНЫЯ.

БЕЗПЛАТНО высылка подробнаго иллюстрированнаго прейсъ-куранта и пробныхъ работъ, въ видѣ обрѣзковъ спеціальныхъ машинъ. № 341 10—3

БИЛЛІАРДНАЯ ФАБРИКА

А. ФРЕЙБЕРГЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Переведена: Троицкій проспектъ, близъ Египетскаго моста собств. домъ № 13.

Билліарды и всѣ въ билліардной игрѣ принадлежности.

№ 497 9—1

НОВАЯ ПАПИРОСНО-ТАБАЧНАЯ ФАБРИКА

ШПАКОВСКАГО И ГАВРИЛОВА.

Въ послѣднее время все болѣе и болѣе входитъ въ употребленіе красивая и даже роскошная упаковка для папиросъ. Насколько вредно отзывается на качествѣ папиросъ дороговизна ихъ упаковки, можно заключить изъ того, что напримѣръ, коробочка для укладки 10 шт. папиросъ обходится фабриканту иногда дороже стоимости папиросъ, въ той коробочкѣ уложенныхъ! Поэтому неудивительно, что папиросы становятся все хуже и хуже...

Мы ввели для папиросъ нашей новой фабрики и упаковку новую· крайне дешевую, простую и практичную. Употребляя получаемое отъ того сбереженіе (40%) исключительно на улучшеніе качества папиросъ, мы приготовляемъ ихъ изъ лучшаго табаку, а потому и даемъ потребителямъ очень вкусныя папиросы, за возможно дешевую цѣну.

Скажемъ здѣсь кстати, что упаковка папиросъ нашей фабрики непремѣнно вызоветъ цѣлый рядъ подражателей—въ добрый часъ, господа!

Табакъ отъ 60 к. за фунтъ и дороже, а папиросы отъ 50 коп. за 100 штукъ можно получать въ нашихъ фабричныхъ магазинахъ: 1) по Бол. Морской, близъ арки Гл. Штаба, д. № 3; 2) по Бол. Садовой, д. 58, на углу Вознесенскаго пр. а также въ оптовыхъ складахъ и табачныхъ магазинахъ. № 585 1

!! ОБЩЕДОСТУПНОЕ РОСКОШНОЕ ИЗДАНІЕ !!

ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЛЕРЕЯ РУССКИХЪ ЛИТЕРАТОРОВЪ, УЧЕНЫХЪ И АРТИСТОВЪ,

изданная **фотографомъ Шапиро** (Спб., Невскій, д. 30). Первый выпускъ «Галлереи» заключаетъ въ себѣ снятые съ натуры, въ размѣрѣ in-folio, портреты: **И. А. Гончарова, Ө. М. Достоевскаго, Н. А. Некрасова, М. Е. Салтыкова** и **И. С. Тургенева.** Каждый портретъ украшенъ орнаментомъ въ древне-русскомъ стилѣ и снабженъ біографіею на русскомъ и французскомъ языкахъ и снимкомъ съ почерка. Цѣна **за всѣ пять портретовъ съ біографіями** въ изящной обложкѣ **пять рублей,** въ роскошной папкѣ—**6** руб., вѣс. 10 ф. Гг. торговцамъ обычная уступка. Продается въ **фотографіи Шапиро, СПбургъ. Невскій, д. № 30, у Казанскаго моста** и у **всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.** № 489 2—1

ПАТЕНТОВАННАЯ ШАРООБРАЗНАЯ ЖАРОВНЯ ДЛЯ КОФЕ.

Желаемаго размѣра, новѣйшей конструкціи Сниманіе шара съ огня а также выниманіе пробы не прерываютъ работу.

Въ Москвѣ и Лодзи мои жаровни уже давно въ употребленіи и пользуются большимъ успѣхомъ.

ЭММЕРИХСКАЯ МАШИННАЯ И ЛИТЕЙНАЯ ФАБРИКА.

№ 389

Въ Эммерихѣ на Рейнѣ (Германія).

СКЛАДЪ ЧЕШСКАГО ХРУСТАЛЯ

ГРАФА ГАРРАХА,

С.-Петербургъ, Большая Морская № 36,

рекомендуетъ большой выборъ хрустальныхъ сервизовъ по умѣреннымъ цѣнамъ.

Вновь получены Станьки Ваньки съ интересными поговорками, и разные туалетные предметы.

№ 467 1—1

ПОДАРОКЪ НА ЕЛКУ.

Изданіе А. Ф. Маркса въ С.П.Бургѣ. Б. Морская. д. № 9.

МИЛЬТОНЪ

ПОТЕРЯННЫЙ и ВОЗВРАЩЕННЫЙ

РАЙ.

Съ картинами ГУСТАВА ДОРЭ.

Переводъ А. Шульговской

ИЗДАНІЕ IN FOLIO.

Съ подстрочнымъ англійск. текстомъ.

ЦѢНА:

въ прост. коленкор. перепл. 25 р.
съ перес, въ ящикѣ . . : 30 р.
въ красивомъ политипагр. п. съ зол. обр. въ футлярѣ . . . 30 р.
съ перес. въ ящикѣ . . . 35 р.

Изданіе *классическихъ авторовъ* въ роскошномъ видѣ есть дань уваженія къ ихъ безсмертнымъ именамъ. Такая роскошно изданная книга, служа украшеніемъ салона, постоянно возобновляетъ въ памяти прекрасныя, не утратившія своей прелести въ теченіи вѣковъ, страницы.

Предпринимая это изданіе, Издатель не жалѣлъ ни труда ни времени, чтобы придать знаменитому творенію *Мильтона*, соединенному съ превосходными рисунками Густава Дорэ, то изящество и роскошь, какую имѣютъ подобныя изданія за границей.

Цѣна этого **изданія**, по сравненію съ подобными роскошными, заграничными изданіями, очень дешева.

Для **подарковъ** на елку это изданіе, по своему *красивому* и очень *богатому переплету*, исполненному по рис. *И. Панова* будетъ весьма *удобно.*

ВЫШЛИ ВТОРЫМЪ УДЕШЕВЛЕННЫМЪ ИЗДАНІЕМЪ

ОЧЕРКИ ПО РУССКОЙ ИСТОРІИ, ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ

съ рисунками въ текстѣ и отдѣльными 14 гравюрами.

В. А. ПАВЛОВИЧА.

Ц. 1 р. 25 к., съ виньеткой на обертнѣ для подарковъ 1 р. 75 к. Складъ изданія: по набережной Фонтанки, домъ № 7, кв. № 20. (Молва).
№ 466. 2—2

ОБЪ ИЗДАНІИ „ТРУДОВЪ" ИМПЕРАТОРСКАГО ВОЛЬНАГО ЭКОНОМИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА въ 1880 году.

„**ТРУДЫ**" И. В. Э. Общества въ 1880 году будутъ издаваться по прежней программѣ, которая состоитъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ:

I. Сельское хозяйство, куда входятъ статьи, относящіяся къ сельскому хозяйству и главнѣйшимъ его отраслямъ, предметы естественно-историческаго содержанія, направленнаго къ разъясненію вопросовъ земледѣльческихъ, доклады и журналы засѣданій I Отдѣленія. Сюда же отнесенъ отдѣлъ «Пчеловодства,» статьи котораго будутъ помѣщаться въ видѣ особой рубрики, подъ заглавіемъ *«Пчеловодство.»* **II. Техническія производства**, тѣсно связанныя съ сельскимъ хозяйствомъ, какъ-то: обработка льна и другихъ волокнистыхъ растеній, маслобойное дѣло, сыровареніе, картофельно-паточное производство и т. п. земледѣльческая механика, доклады и журналы засѣданій II Отдѣленія. **III Политическая экономія и статистика**, гдѣ помѣщаются статьи политико-экономическаго и статистическаго содержанія по предметамъ, касающимся круга дѣятельности Общества, доклады и журналы засѣданій III Отдѣленія. **IV. Библіографическое обозрѣніе** посвящается оцѣнкѣ появляющихся въ свѣтъ сельскохозяйственныхъ и вообще экономическихъ отдѣльныхъ сочиненій и журнальныхъ статей на русскомъ языкѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаются указанія на болѣе замѣчательныя иностранныя сочиненія. **V Сельско хозяйственное обозрѣніе**, гдѣ дается ежемѣсячный обзоръ экономическихъ явленій русскаго народнаго хозяйства вообще и сельскаго по преимуществу, а также сообщаются свѣдѣнія о болѣе замѣчательныхъ явленіяхъ и открытіяхъ по сельскому хозяйству за границею. **VI. Корреспонденція Общества**, куда входятъ небольшія и отрывочныя сообщенія по предметамъ занятій Общества изъ провинцій, разнаго рода запросы землевладѣльцевъ и отвѣты на нихъ со стороны Общества или непосредственно отъ Редакціи.

Въ концѣ каждой книжки помѣщаются «**Объявленія**» о продажѣ сельскохозяйственныхъ орудій и машинъ, сѣмянъ, растеній, книгъ и т. п., о предстоящихъ сельскохозяйственныхъ выставкахъ, съѣздахъ и пр. «**ТРУДЫ**» будутъ выходить разъ въ мѣсяцъ книжками, каждая отъ семи до восьми печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое изданіе «**ТРУДОВЪ**» остается прежняя:
без пересылки . . . . 3 р. 50 к.
Съ пересылкою по почтѣ внутри имперіи, а равно и съ доставкою на домъ въ С.-Петербургѣ *) . . . . 4 » — »

*) При перемѣнѣ городскаго адреса на иногородный и наоборотъ приплачивается 50 к. которые и доставляются вмѣстѣ съ увѣдомленіемъ о перемѣнѣ.

Подписка на «**ТРУДЫ**» на 1880 годъ принимается въ *С.-Петербургѣ* (на углу 4-й роты Измайловскаго полка и Забалканскаго проспекта) въ домѣ В. Э. Общества и въ сѣменной торговлѣ *А. В. Запѣвалова* (за Казанскимъ соборомъ, въ домѣ Лѣсникова). Иногородные благоволятъ адресоваться въ С.-Петербургъ, въ домъ В. Э. Общества.
№ 487 1—1 Редакторъ **А. Совѣтовъ.**

№ 468 ПОДПИСКА НА 1—1

„БИРЖЕВОЙ УКАЗАТЕЛЬ"

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ КАПИТАЛИСТОВЪ И АКЦІОНЕРОВЪ.

ПЕРВЫЙ НУМЕРЪ ЖУРНАЛА ВЫЙДЕТЪ ПОДЪ НОВОЙ РЕДАКЦІЕЙ 2-го ДЕКАБРЯ т.г.

Всѣмъ извѣстно, что хотя въ Петербургѣ нѣсколько разъ уже были попытки изданія биржевыхъ органовъ, но таковыя до сихъ поръ не достигали успѣха по большей части вслѣдствіи непрактичныхъ пріемовъ прежнихъ редакцій.

Если мы, не смотря на всѣ прежніе неудачные примѣры изданія биржевыхъ органовъ, беремся за изданіе *„Биржеваго Указателя"* пріобрѣтеннаго нами отъ прежняго его издателя, то мы это дѣлаемъ въ виду того, что желаемъ принести существенную пользу *купечеству*, *биржевому и торговому міру*, равно какъ и всякому крупному и мелкому

КАПИТАЛИСТУ И АКЦІОНЕРУ,

пополнивъ нашимъ органомъ существующій до сего времени пробѣлъ, добросовѣстно отнесясь къ исполненію нашей обширной и практичной программы.

Всякій сознаетъ въ настоящее время болѣе чѣмъ когда либо необходимость изданія

СПЕЦІАЛЬНО БИРЖЕВАГО ОРГАНА.

и мы приступая къ таковому, не щадя ни трудовъ, ни издержекъ, постараемся быть вполнѣ спеціальнымъ органомъ для всѣхъ *русскихъ кредитныхъ учрежденій и русскаго биржеваго купечества.*

Въ *„Биржевомъ Указателѣ"* будутъ помѣщаться между прочимъ:

Еженедѣльные отчеты о положеніи, оборотахъ, дѣлахъ и цѣнахъ всѣхъ русскихъ и главныхъ иностранныхъ биржъ, равно какъ и *денежнаго* рынка.

Отчеты о положеніи банковаго, желѣзнодорожнаго, страховаго, пароходнаго и ипотечнаго *акціонернаго* дѣла въ Россіи и за границею.

Данныя, собранныя редакціей „Биржеваго Указателя» о сборахъ, доходахъ и операціяхъ всѣхъ акціонерныхъ *обществъ*, обществъ взаимнаго кредита, дворянскихъ, городскихъ и общественныхъ банковъ, ссудо-сберегательныхъ и сельскихъ кассъ и пр. и пр.

Отчеты правленій и ревизіонныхъ комиссій, докладныя записки и пр. предназначенныя для общихъ собраній, отчеты объ общихъ собраніяхъ.

Разборъ и критика упомянутыхъ *отчетовъ*, равно какъ и полугодовыхъ и мѣсячныхъ балансовъ всѣхъ названныхъ выше обществъ и кредитныхъ учрежденій.

Биржевые слухи и вѣсти.

Полнѣйшій биржевой календарь, одна изъ спеціальностей журнала

Полныя тиражныя таблицы всѣхъ русскихъ, финляндскихъ, польскихъ и остзейскихъ процентныхъ и дивидендныхъ бумагъ, сейчасъ послѣ производства тиража.

Отвѣты на запросы, касающіеся биржевыхъ дѣлъ, процентныхъ и дивидендныхъ бумагъ, тиражей и пр. и пр.

Редакція «Биржеваго Указателя» съ удовольствіемъ отвѣчаетъ своимъ подписчикамъ на всѣ запросы, касающіеся биржевыхъ дѣлъ и биржевыхъ бумагъ въ почтовомъ ящикѣ» журнала и предоставляетъ кромѣ того своимъ подписчикамъ право присылки нумеровъ своихъ бумагъ, которые будутъ при каждомъ тиражѣ, а именно въ теченіи всего срока подписки просматриваться въ редакціи. Въ случаѣ выхода въ тиражъ какого либо нумера, подписчикъ будетъ о томъ извѣщенъ въ журналѣ немедленно.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: для *городскихъ подписчиковъ* въ книжныхъ магазинахъ Мамонтова, въ С.-Петербургѣ (Невскій пр. № 46) и въ Москвѣ (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова); *для иногородныхъ подписчиковъ исключительно въ конторѣ редакціи*, С.-Петербургъ, Малая Морская, д. 19 кв. 9.

Подписная цѣна съ доставкою въ Петербургѣ и съ пересылкою въ другіе города.

За годъ 7 р. 50 к. Со 2-го декабря 1879 г. по 1-е января 1881 г. 8 р. — к.
За ½ года 4 » — к. Со 2-го декабря 1879 г. по 1-е іюля 1880 г. 4 » — к.

Объявленія принимаются въ редакціи по 10 к. за строку.

Первые нумера журнала будутъ разосланы въ количествѣ 20,000. экземпляровъ

Издатель журнала „Биржевой Указатель" **П. П. Проппер**ъ.

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1880 ГОДУ СОБРАНІЯ ИНОСТРАННЫХЪ РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ И РАЗСКАЗОВЪ ВЪ ПЕРЕВОДѢ НА РУССКІЙ ЯЗЫКЪ

Въ продолженіи двадцати-четырехлѣтняго существованія этаго журнала. Редакція поставила себѣ задачей, кромѣ авторовъ, уже извѣстныхъ нашей публикѣ, постоянно знакомить своихъ читателей съ наиболѣе интересными произведеніями писателей, еще неизвѣстныхъ у насъ, но заслуживающихъ вниманія. Имѣя въ рукахъ огромный выборъ иностранныхъ періодическихъ изданій и книгъ, преимущественно англійскихъ и французскихъ. Редакція выбираетъ изъ нихъ самое лучшее, интересное и талантливое въ той увѣренности, что читатели съ большимъ удовольствіемъ встрѣтятъ въ „Собраніи" произведеніе автора, хотя еще не достигшаго извѣстности, но интересное, и которое они могутъ найти только въ одномъ „Собраніи" чѣмъ романъ автора съ громкимъ именемъ, печатающійся одновременно въ нѣскольнихъ журналахъ. Къ печати приготовлены слѣдующіе романы:

СЛѢДЫ НА СНѢГУ, уголовный романъ *Доры Россель.* НАМѢРЕНІЯ МИСТЕРА СТЮАРТА, *Ф. Робинсона*, автора ДВОЮРОДНОЙ ПЛЕМЯННИЦЫ ГВАРАНИСЪ, *Густава Эмара.* ДѢТИ ГЕРЦОГА. *Энтони Троллопа.* ЧТО ВЪ ИМЕНИ ТЕБѢ МОЕМЪ? Какіе еще романы будутъ помѣщены въ теченіи 1880 года, читатели увидятъ въ объявленіяхъ, печатаемыхъ въ газетахъ.

Годовое изданіе „Собранія романовъ" состоитъ изъ двѣнадцати книгъ большаго формата, въ которыхъ помѣщается отъ десяти до двѣнадцати романовъ, и столько повѣстей и разсказовъ, сколько позволитъ объемъ книжекъ, составляющихъ въ годъ около *трехсотъ* печатныхъ листовъ, или около *пяти тысячъ* страницъ. Цѣна за всѣ 12-ть книгъ, выходящихъ всегда въ началѣ мѣсяца — *десять рублей пятьдесятъ копѣекъ.* Съ доставкою въ С.-Петербургѣ — *одиннадцать*, для иногородныхъ подписчиковъ — *двѣнадцать рублей.* Подписка принимается *исключительно* на имя издательницы, Елисаветы Николаевны Ахматовой, въ домѣ Жербина, на Михайловской Площади, въ С.-Петербургѣ.
№ 382 2—2

СЪ 1-го ФЕВРАЛЯ 1880 ГОДА БУДЕТЪ ИЗДАВАТЬСЯ ВЪ РАЗМѢРѢ ОТЪ ПОЛУТОРА ДО ДВУХЪ ПЕЧАТНЫХЪ ЛИСТОВЪ:

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ МЛАДШАГО ВОЗРАСТА «ИГРУШЕЧКА»

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

1. Естественныя науки.
2. Искусства, ремесла, промышленность.
3. Біографіи.
4. Исторія и географія.
5. Повѣсти, сокращенные разсказы, извлеченія изъ замѣчательныхъ произведеній литературы и фантастическія сказки.
6. Путешествія.
7. Стихотворенія.
8. Дѣтскія игры, загадки, шарады.
9. Отъ времени до времени, въ видѣ приложенія, — педагогическія статьи

Въ изданіи «ИГРУШЕЧКА» принимаютъ участіе: **Н. П. Вагнеръ, Ѳ. М. Достоевскій, проф. Н. И. Быстровъ, Н. Н. Каразинъ, А. Н. Плещеевъ, Я. П. Полонскій, Н. С. Лѣсковъ, А. Г. Сахорова** и друг.

Редакторъ-издательница **Татьяна Пассекъ.**

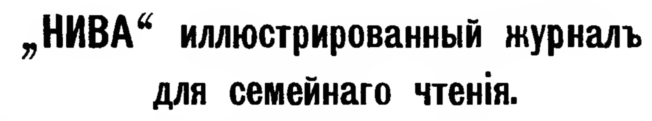
		Безъ перес. и дост.	Съ перес. и дост.
Подписная цѣна:	На годъ . .	5 р. — к	6 р. — к.
	На полгода . .	3 „ — „	8 „ 50 „
	На три мѣсяца .	1 „ 50 „	2 „ — „

Подписка принимается въ редакціи журнала „ИГРУШЕЧКА" Спб Малая Подъяческая улица, домъ № 4, кв. № 16, въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени" и у книгопродавцевъ: Мамонтова и Исакова. Въ Москвѣ, въ отдѣленіи книжнаго магазина „Новаго Времени".

Иногородныхъ просятъ обращаться исключительно въ редакцію журнала „ИГРУШЕЧКА".
№ 501 1

При этомъ № прилагается для гг. иногородн. подписчиковъ (за исключеніемъ московскихъ) объявленіе отъ книжнаго магазина С. И. Леухина въ Москвѣ.

Дозволено цензурою СПБ. 20 Декабря 1879 г. **Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБургѣ.** Т[illegible] № 10.



„НИВА" иллюстрированный журналъ для семейнаго чтенія.

ЦѢНА КАЖДАГО ТОМА «НИВЫ».				
Годъ.	Брошюрованнаго.	Въ простомъ переплетѣ.	Въ каленк. перепл. съ волот. тиснен.	За пересылку.
1870	6 руб.	6 р. 75 к.	7 р. 50 к.	1 руб.
1871	4 руб.	4 р. 75 к.	5 р. 50 к.	1 руб.
1872	4 руб.	4 р. 75 к.	5 р. 50 к.	1 руб.
1873	5 руб.	5 р. 75 к.	6 р. 50 к.	1 руб.
1874	5 руб.	5 р. 75 к.	6 р. 50 к.	1 руб.
1875	4 руб.	4 р. 75 к.	5 р. 50 к.	1 р. 50 к.
1876	4 руб.	4 р. 75 к.	5 р. 50 к.	1 р. 50 к.
1877	5 руб.	5 р. 75 к.	6 р. 50 к.	1 р. 50 к.
1878	4 руб.	4 р. 75 к.	5 р. 50 к.	1 р. 50 к.
1879	4 руб.	4 р. 75 к.	5 р. 50 к.	1 р. 50 к.

Каждый годъ „НИВЫ" заключаетъ въ себѣ 20 — 25 повѣстей, нѣсколько большихъ романовъ, до 200 статей по всѣмъ отраслямъ наукъ, исскуствъ, современной жизни и пр., и отъ **300** до **900** рисунковъ. Помѣщенныя въ каждомъ томѣ повѣсти въ отдѣльной продажѣ стоили бы болѣе **20** руб. Каждый покупатель тома „НИВЫ" за прошлые годы, имѣетъ право на полученіе всѣхъ къ нимъ приложенныхъ безплатныхъ премій. Такъ покупатель „НИВЫ" **1875 г.** получаетъ два большихъ эстампа; 1) **СМЕРТЬ ЮЛІЯ ЦЕЗАРЯ,** картина профес. **Пилоти;** 2) **МАДОНА СЕВИЛЬСКАЯ,** картина **Мурильо;** покупатель „НИВЫ" **1876** г.—большую олеографію **СПЯЩАЯ КРАСАВИЦА,** рис. **Е. Велз,** печат. красками въ 20 тоновъ. Картина эта по исполненію весьма близка къ оригиналу. Покупатель „НИВЫ" **1877** г. получаетъ: 1) **СЕМЬЯ РЫБАКА,** сцена изъ жизни у Неаполитанскаго залива, картина **Ф. Келлера** и 2) **ТАРАНТЕЛЛА,** картина его-же. Покупатель „НИВЫ" **1878** г. получаетъ 2 печат. красками картины 1) **БОЯРИНЪ БОРИСЪ ГОДУНОВЪ и КУДЕСНИКИ,** предсказывающіе ему царствованіе. 1) **ЦАРЬ БОРИСЪ и ЕГО ДѢТИ, ѲЕОДОРЪ и КСЕНІЯ,** картины **А. Кившенко.** Покупатель „НИВЫ" **1879 г.** получаетъ 2 печат. красками картины 1) **ВОСКРЕСНЫЙ ДЕНЬ въ МАЛОРОССІЙСКОЙ ДЕРЕВНѢ** и 2) **МИНИНЪ на КРЕМЛЕВСКОЙ ПЛОЩАДИ, въ НИЖНЕМЪ НОВГОРОДѢ,** призывающій народъ къ пожертвованіямъ на государственныя нужды, картины профес. **К. Е. Маковскаго.** Эти двѣ картины **К. Е. Маковскаго** по превосходному исполненію превосходятъ всѣ до сихъ поръ выданныя нами преміи Всѣ картины высылаются покупателямъ „НИВЫ" хорошо упакованныя, на деревянной скалкѣ **совершенно безплатно.**

Пріобрѣтающіе „НИВУ" за пять лѣтъ **1875, 1876, 1877, 1878** и **1879** разомъ получаютъ **25%** уступки (но только съ книги, а не съ переплета или пересылки), такъ что эти пять томовъ будутъ стоить съ перес. брошюров. **15** р. съ перес. **22 р. 50 к.** (вмѣсто **27 р. 50 к.**), а въ простомъ перепл. **18 р. 75** к. съ перес. **26 р. 25** к. (вмѣсто **31 р. 25 к.**) и въ коленк. перепл. **22 р. 50** к. съ перес. **30 р.** (вмѣсто **35 р.**). Эта коллекція (пять томовъ **1875, 1876, 1877, 1878** и **1879**) составляетъ весьма не дорогой и великолѣпный **подарокъ для елки.** Для библіотекъ, учебныхъ заведеній, институтовъ, пріютовъ и проч. желающихъ пріобрѣсти всѣ **десять томовъ „НИВЫ" 1870—1879 г.** дѣлается также значительная уступка, т. е. брошюров. **34** р. съ перес. **46 р. 50 к.** (вмѣсто **56 р. 50 к.**), въ простомъ перепл. **41 р. 50 к.** съ перес. **54 р.** (вмѣсто **64 р.**), въ каленк. перепл. **49** р. съ перес. **61 р. 50 к.** (вмѣсто **71 р. 50 к.**). — Для желающихъ пріобрѣсти отдѣльно томъ „НИВЫ", цѣна означена въ вышепомѣщенной таблицѣ.

Изданія А. Ф. Маркса въ С.-Петербургѣ.

Большая Морская, д. № 9.

ВЪ КАМЫШАХЪ, повѣсть **Н. Н. Каразина, съ 39 рисун. автора. Изданіе 2-е.** Повѣсть эта яркими красками рисуетъ жизнь Туркестанскаго края; достоинства ея достаточно доказываются уже тѣмъ, что первое изданіе было распродано, въ короткое время и что она переведена на нѣмецкій, французскій и англійскій языки. Цѣна 2 р. съ перес. 2 р. 30 к. подписчики „Нивы" за перес. не платятъ.

КНЯЖКА ОСТРОЖСКАЯ, историч. повѣсть **Вс. С. Соловьева.** Сюжетъ заимствованъ изъ русской исторіи и въ развитіи своемъ представляетъ большой интересъ. Томъ этотъ украшенъ **20 рисунками** художника **И. С. Панова.** Цѣна 2 р., съ пересылкой 2 руб. 30 коп., для подписчиковъ „Нивы" 1 р. 80 к. съ перес. 2 р.

ДВУНОГІЙ ВОЛКЪ, романъ въ двухъ част. **Н. Каразина съ 20 рисунками автора,** печатанъ на лучшей альбомной бумагѣ. Романъ этотъ знакомитъ читателя съ Туркестанскимъ краемъ и переведенъ на нѣм. и англійс. языки, что достаточно говоритъ въ его пользу. Ц. 2 руб. съ перес. 2 р. 30 к. Для подписч. „Нивы" 1 р. 80 к. съ пересылкой 2 руб.

МОСКВА И ТВЕРЬ, историч. повѣсть **В. И. Кельсіева,** съ рисуп. **Панова.** Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.; для подписч. „Нивы" 1 р. 30 к. съ перес. 1 р. 50 к.

ПРИ ПЕТРѢ, историч. повѣсть **В. И. Кельсіева** съ рисунками **Панова** и **Коверзнева.** Эта интересная повѣсть изображаетъ Петровское время на Руси. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к., для подписч. „Нивы" 75 к. съ перес. 1 руб.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ Всеволода Крестовскаго (автора „Петербургскихъ Трущобъ"), 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к. съ пер. 1 р. 50 к. для подписч. „Нивы" 75 к. съ перес. 1 руб.

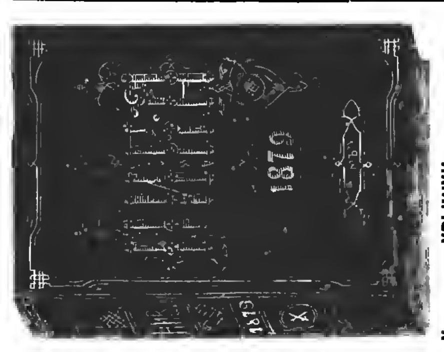
БОГЪ ВЪ ПОМОЩЬ!.. Романъ **Э. Вернера.** Перев. съ нѣм. Цѣна 1 р. съ пересылкой 1 руб. 25 коп., для подписчиковъ „Нивы" 75 к, съ пересылкой 1 руб.

ПРО ЧТО ЩЕБЕТАЛА ЛАСТОЧКА, Романъ **Шпильгагена,** Съ портретомъ и біографіею автора, Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р., для подписч. „Нивы" 80 к. съ перес. 1 р.

СЕМЬЯ ВОЛЬНОДУМЦЕВЪ. Историч. повѣсть временъ Екатерины II. **П. Петрова** и **В. Клюшникова.** Ц. 1 р. для подписч. „Нивы" 75 коп., съ перес. 1 руб.

ВТОРАЯ ЖЕНА. Романъ **Марлитта.** Перев. съ нѣмецкаго. Цѣна 1 руб. 50 коп., съ пересылкой 1 руб. 75 коп. для подписч. „Нивы" 1 руб. 25 коп. съ перес. 1 руб. 50 коп.

КУМЫСЪ, его физіологическое и терапевтическое дѣйствіе. Доктора **Штальберга.** Цѣна 60 коп., съ пересылкою 75 коп.



Каленкор. КРЫШКИ для переплета „НИВЫ". Съ золот. тисн. 1879 и также 1880 гг. по вышепоказанному образцу 1 руб., съ пересылкою 1 р. 50 к. Каждый простой переплетчикъ легко можетъ переплесть „НИВУ" въ такую каленкоровую крышку.

Также имѣются крышки для „**Нивы**" прежнихъ лѣтъ, т. е. отъ 1870 по 1878 годъ по той же цѣнѣ.

Дозволено цензурою 12 Декабря 1879 г. Изданіе **А. Ф. Маркса.** Въ СПБ. Больш. Морская, № 9. Тип. **В. Веллинга,** Англійскій пр., № 10.